Русский биографический словарь

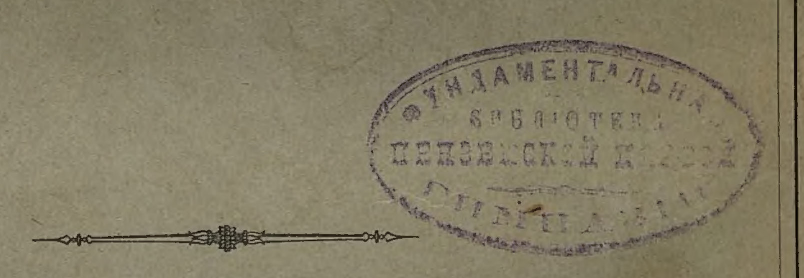
Алексинский - Бестужев-Рюмин

1900 г.

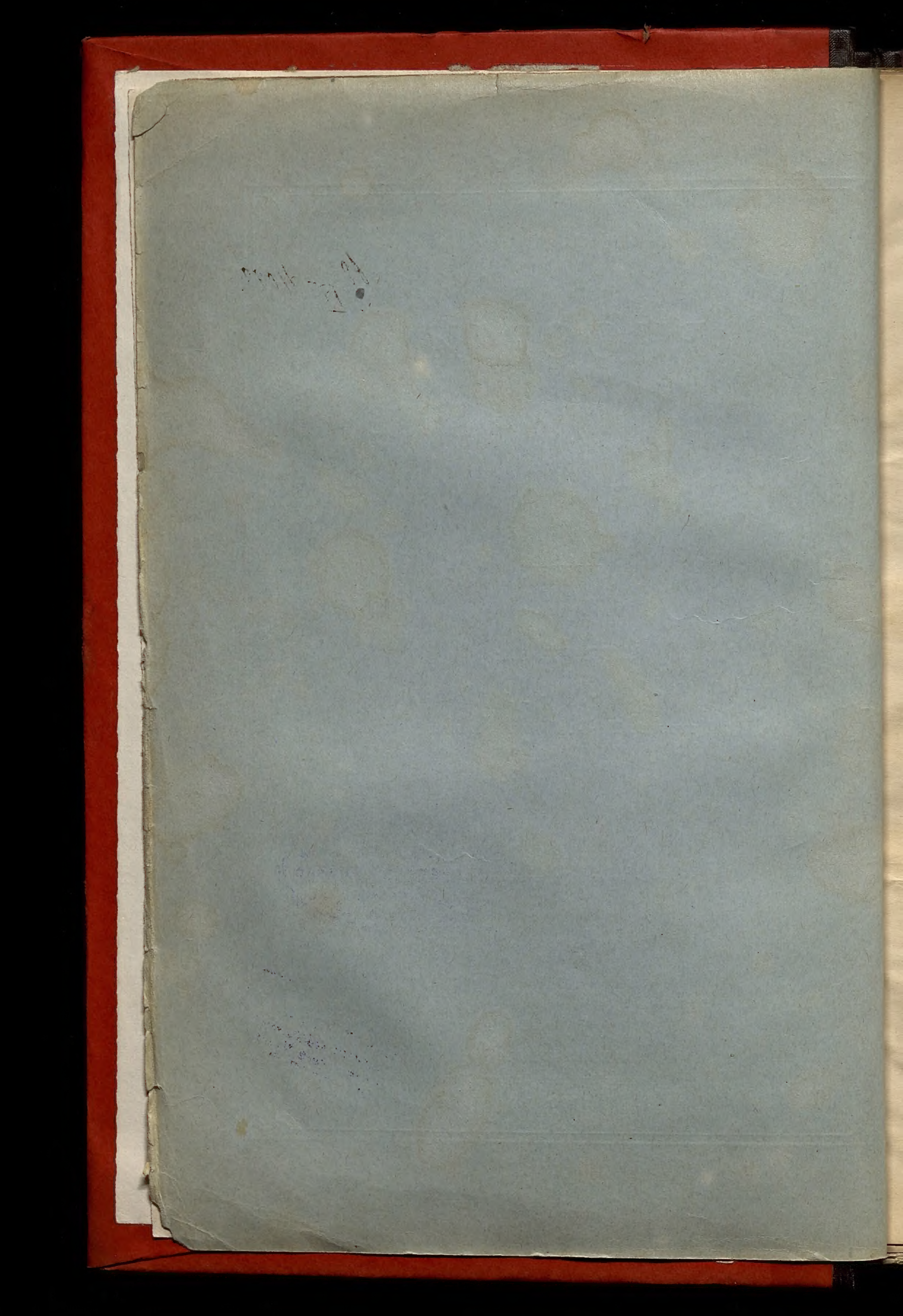
РУССКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ТОМЪ II.

Алексинскій—Бестужевъ-Рюминъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1900.

РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

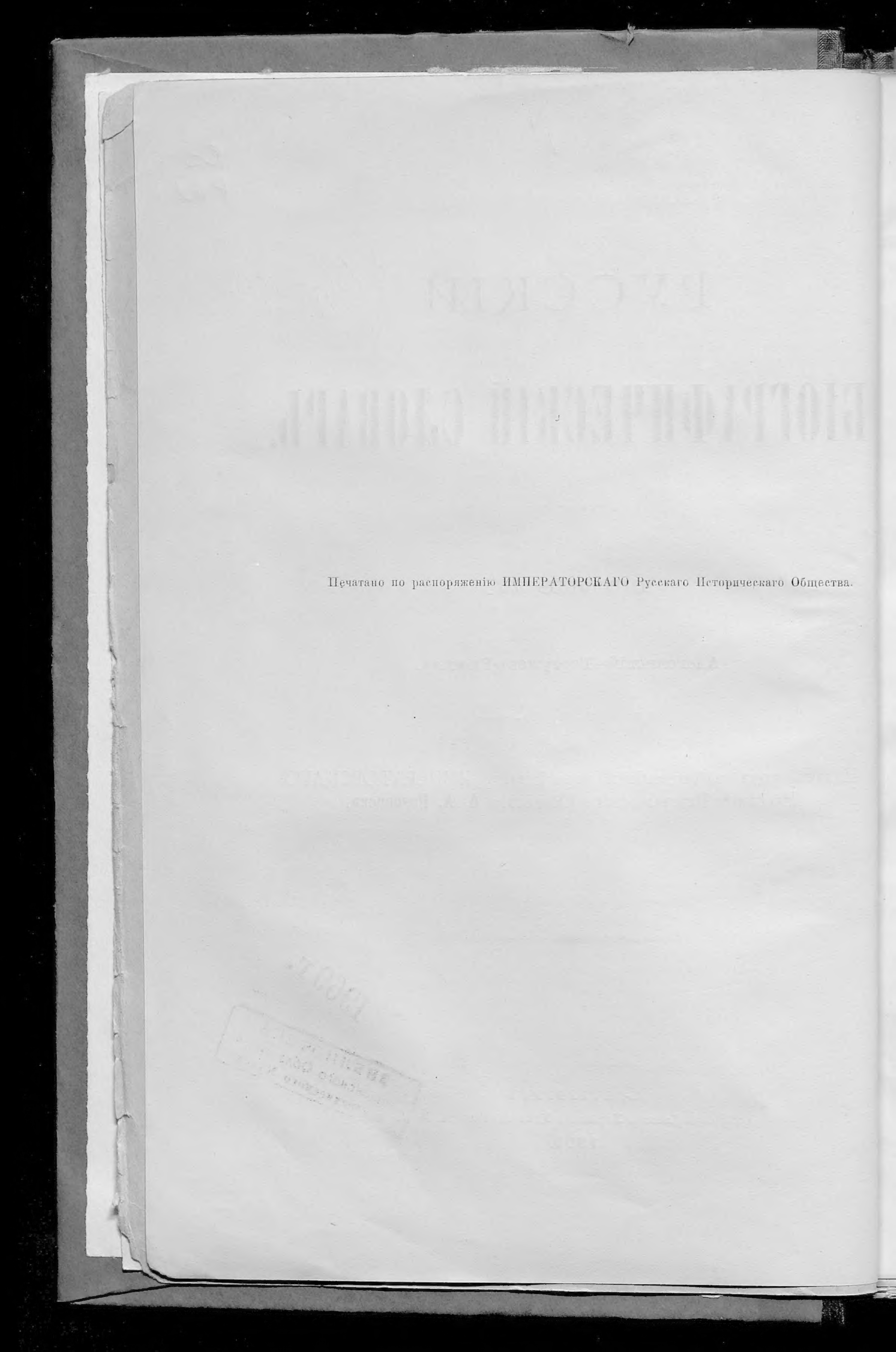
ТОМЪ II.

Алексинскій—Бестужевъ-Рюминъ.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1900.

Печатано по распоряженію ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества.

Алексинскій, *Евфимій Михайловичъ*, профессоръ московской духовной семинаріи, а затѣмъ протоіерей Воскресенской, что въ Гончарахъ, церкви, род. 18-го декабря 1813 г. въ с. Алексинѣ, Владимірской губ., ум. въ Москвѣ, 12-го іюля 1882 г. Сынъ протоіерея, Алексинскій образованіе получилъ во владимірской семинаріи и московской духовной академіи, въ которой, въ 1838 году, окончилъ курсъ магистромъ (магистерское сочиненіе его: „Амвросій, епископъ Медіоланскій", напечатано въ „Православномъ Обозрѣніи" 1861 г., кн. 4 и 5). Назначенный преподавателемъ философіи и словесности въ псковскую семинарію, онъ вскорѣ переведенъ былъ въ семинарію московскую, въ которой профессорствовалъ до 1868 года. Сначала онъ преподавалъ математику, физику, библейскую исторію и нѣмецкій языкъ, въ 1840 г.—тѣ же науки, что и во Псковѣ, съ присоединеніемъ латинскаго, а съ 1841 и еврейскаго языковъ. Рукоположенный 25-го декабря 1844 года во священника церкви св. Николая при московской семинаріи и назначенный, осенью 1845 г., на должность помощника ректора по учебной части, Алексинскій сталъ преподавать нравоучительное богословіе, ученіе о вѣроисповѣданіяхъ и ученіе объ обязанностяхъ пресвитеровъ. Съ этихъ поръ началось огромное вліяніе его на ту часть духовенства первопрестольной столицы и московской епархіи, которое получало образованіе въ московской семинаріи. Въ теченіе 23-хъ лѣтъ въ рукахъ Алексинскаго находилось спеціальное воспитаніе и первоначальное руководство лицъ, готовившихся занять священнослужительскія должности. Съ 1846 года онъ преподавалъ также гомилетику, а съ 1854—и ученіе о расколѣ. За отсутствіемъ ректора (1857 г.), Алексинскій временно читалъ догматическое богословіе, съ 1861 г. преподавалъ церковную археологію, а съ 1868—литургику и греческій языкъ. Такимъ образомъ, въ теченіе 30 лѣтъ своей профессорской дѣятельности, онъ преподавалъ въ разныхъ классахъ весьма много различныхъ предметовъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о даровитости и разносторонней образованности Алексинскаго. Оставивъ въ 1868 г. службу въ семинаріи, онъ до дня своей смерти священствовалъ въ санѣ протоіерея въ таганскомъ Воскресенскомъ приходѣ въ Москвѣ.

«Моск. Церк. Вѣд.» 1882 г., № 31, стр. 428—33. «Православное Обозрѣніе» 1882 г., кн. 8, стр. 780—788. Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 2, стр. 7. Смирновъ, «Исторія моск. дух. академіи». Кедровъ, «Исторія моск. дух. семинаріи».

Алексіано, *Антонъ Павловичъ*, вице-адмиралъ, родомъ грекъ, ум. 21-го декабря 1810 г. Морскую службу началъ въ 1770 году волонтеромъ на судахъ русскаго флота, находившагося, во время первой турецкой войны, въ Архипелагѣ, и участвовалъ въ чесменскомъ сраженіи. Пожалованный въ 1773 г. въ мичманы, Алексіано находился въ отрядѣ капитана Кожухова, плававшаго у сирійскихъ береговъ, и участвовалъ при взятіи Бейрута. По возвращеніи въ 1775 г. съ флотомъ изъ Архипелага въ балтійскіе порты, Алексіано въ слѣдующемъ же году поступилъ на отрядъ судовъ, отправлявшихся изъ Ревеля въ Архипелагъ съ коммерческою цѣлью. Въ этомъ плаваніи онъ пробылъ непрерывно три года, и въ 1786 году, будучи уже штабъ-офицеромъ, переведенъ изъ балтійскаго въ черноморскій флотъ, гдѣ и продолжалъ службу, командуя судами. Во время второй турецкой войны, Алексіано съ 1788 по 1790 годъ командовалъ фрегатомъ „Таганрогъ", участвуя въ боевой дѣятельности черноморскаго флота при островѣ Ѳидониси, при Керченскомъ проливѣ и у

Гаджибея. Въ эскадрѣ вице-адмирала Ушакова, отправившейся въ соединеніи съ турецкою, для освобожденія острововъ Іонической республики отъ французовъ (1798—1800 г.) Алексіано командовалъ кораблемъ „Богоявленіе Господне" и принималъ дѣятельное участіе при овладѣніи островами Церието, Занте и при взятіи крѣпости Корфу. Этою военною кампаніею заслужилъ онъ чинъ контръ-адмирала, а въ 1805 г. произведенъ въ вице-адмиралы, и находился все остальное время въ Севастополѣ.

«Общій морской списокъ», т. III.
С. Огородниковъ.

Алексіано, *Паніоти*, контръ-адмиралъ, родомъ грекъ, ум. 8-го іюля 1788 г. Поступилъ въ 1769 г. волонтеромъ на прибывшую изъ Балтійскаго въ Средиземное море эскадру адмирала Спиридова, и участвовалъ въ чесменскомъ сраженіи. Пожалованный въ лейтенанты, за успѣшный выводъ изъ чесменской бухты непріятельскаго судна и приводъ его къ флоту, Алексіано получилъ тогда же въ командованіе фрегатъ „Св. Павелъ", на которомъ въ продолженіе кампаніи и совершилъ рядъ слѣдующихъ боевыхъ подвиговъ, доставившихъ ему орденъ св. Георгія 4-го класса: въ 1771 году, крейсируя у анатолійскихъ береговъ, взялъ въ плѣнъ много призовыхъ судовъ; подъ островомъ Станчо сжегъ стоявшій на мели турецкій корабль; у острова Коссо овладѣлъ разбойническими полугалерами и съ помощью десанта, высаженнаго съ фрегата, овладѣлъ крѣпостью Цефало. Въ 1772 г., подъ крѣпостью Родосъ, Алексіано овладѣлъ тремя вооруженными турецкими судами, взялъ съ боя 6 французскихъ торговыхъ судовъ, нагруженныхъ турецкимъ провіантомъ; у береговъ Сиріи сжегъ два турецкихъ военныхъ судна, захватилъ въ призъ двѣ вооруженныя турецкія поляки (поляка—трехмачтовое ластовое судно) со всею командою, и съ боя взялъ крѣпость Яффу. Въ 1773 г. Алексіано участвовалъ во взятіи Бейрута. Въ 1774 г., у румелійскихъ береговъ, овладѣлъ крѣпостью на островѣ Карибода при помощи десанта и сооруженной имъ береговой батареи. По окончаніи турецкой войны, Алексіано находился въ балтійскомъ флотѣ, изъ котораго былъ переведенъ, въ 1783 г., въ черноморскій въ чинѣ капитана 1-го ранга, и тамъ командовалъ военными судами. Произведенный въ 1788 г. въ контръ-адмиралы, Алексіано, при начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ съ турками, имѣлъ свой флагъ на кораблѣ „Св. Владиміръ", находившемся въ составѣ лиманской эскадры.

«Общій морской списокъ» т. III.
С. Огородниковъ.

Алексѣевъ, *Александръ Алексѣевичъ*, живописецъ, род. въ 1811 г., ум. 8-го сентября 1878 г., въ Петербургѣ. Происходилъ изъ дворовыхъ мальчиковъ вдовы гвардіи прапорщика О. Г. Куминой, въ сельцѣ Лубеньки, Кашинскаго у., Тверской губ. Онъ былъ ученикомъ у Крылова, расписывавшаго иконостасъ въ имѣніи кн. А. П. Путятина, и у Венеціанова, обратившаго на него вниманіе въ апрѣлѣ 1825 г. Состоя, вмѣстѣ съ другими питомцами названнаго родоначальника русской бытовой живописи, пенсіонеромъ общества поощренія художниковъ, съ 1826 г., Алексѣевъ получилъ, по присужденію совѣта Академіи Художествъ: 21-го сентября 1827 г.—1-ю серебряную медаль, а 22-го января 1829 г.—2-ю золотую, отъ имени названнаго общества, за бывшую на академической выставкѣ 1827 г. и принадлежавшую впослѣдствіи П. П. Свиньину, очень интересную по сюжету картину съ натуры: „Перспективный видъ мастерской Венеціанова", и, наконецъ, 29-го декабря 1832 г., по утвержденіи данной ему еще въ мартѣ 1828 г. отпускной,—аттестатъ на званіе свободнаго художника. Немногимъ раньше онъ написалъ оригинальный образъ „Всѣхъ скорбящихъ радости" для Обуховской больницы (1829 г.); затѣмъ имъ были выставлены въ Академіи въ 1830 г.—пять портретовъ: 3 мужскихъ, 1 женскій и 1 „дѣвочки съ розою". По отзыву академика Мокрицкаго, Алексѣевъ хорошо писалъ съ натуры, но владѣлъ особымъ даромъ копировать съ различныхъ мастеровъ. Впослѣдствіи онъ былъ учителемъ рисованія въ Псковской, Архангельской и Олонецкой губ.

Архивъ И. А. Х. дѣла президъ. 1829, № 1, и правл. 1829, № 7; 1832, № 132, «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, П, и «Указатель къ нему» А. Е. Юндолова; «Отеч. Зап.» 1857, т. 115, отд. I, с. 94, въ «Воспом. о Венеціановѣ» А. Мокрицкаго, и «Русс. Стар.» 1878, т. 23, с, 464—5, въ ст. П. Н. Петрова: «А. Г. Венеціановъ». *Н. С.*

Алексѣевъ, *Александръ Матвѣевичъ*, директоръ землемѣрнаго училища при департаментѣ удѣловъ, род. въ 1804 г.,

ум. 22-го марта 1843 г., въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Воспитывался сначала въ горномъ корпусѣ, а затѣмъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ былъ учителемъ высшихъ классовъ въ Пажескомъ корпусѣ. Въ 1828 году Алексѣевъ назначенъ директоромъ основаннаго въ то время землемѣрнаго училища и занималъ эту должность въ продолженіе 14 лѣтъ до отставки, по болѣзни, въ началѣ 1842 г., незадолго до смерти. Не оставляя всю жизнь занятій математическими науками, Алексѣевъ въ 1831—1833 г. передѣлалъ и издалъ въ трехъ частяхъ трудъ К. Дюпена: „Геометрія и механика искусствъ, ремеслъ и изящныхъ художествъ".

«Моск. Вѣд.» 1843 г., № 41. — «Сѣверная Пчела» 1843 г., № 70. — Геннади, «Справочный Словарь», т. I, стр. 18.

Алексѣевъ, *Венедиктъ Ивановичъ*, артиллеріи генералъ-маіоръ, ум. 25-го іюля 1885 г. Въ службу вступилъ изъ 2-го кадетскаго корпуса въ 1849 г. прапорщикомъ въ полевую артиллерію; во время Крымской войны участвовалъ въ сильной перестрѣлкѣ 8-го апрѣля 1855 г. противъ англійскаго пароходо-фрегата, и по окончаніи военныхъ дѣйствій переведенъ л.-гв. во 2-ю артиллерійскую бригаду. Въ 1871 г. получилъ въ командованіе 37-ю артиллерійскую бригаду, въ 1875 произведенъ въ генералъ-маіоры, а по возвращеніи изъ похода въ Турцію 1877—1878 гг. назначенъ начальникомъ артиллеріи 1-го армейскаго корпуса.

«Рус. Инв.», 1885 г., № 165, «Новое Время» № 3385 и «Новь», т. V, № 20. *Д. С—въ.*

Алексѣевъ, *Владиміръ Ефремовичъ*, медальеръ, род. въ 1784, ум. въ 1832 г. Ученикъ Леберехта на с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ съ 1801 г., онъ вырѣзалъ свой портретъ въ профиль съ углубленною надписью, а въ 1805 г. произведенъ въ медальеры за искусство въ работѣ. Имъ исполнены медали съ монограммами: А—„Для раздачи заслуженнымъ солдатамъ 1806 г.", „На прибытіе короля прусскаго Фридриха-Вильгельма въ Спб. 1818 г.", „За спасеніе погибающихъ", около 1830 г., съ польскою надписью, „отъ Екатеринославской гимназіи", съ девизомъ „въ свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ"; В. А.—„Отъ мореходнаго училища", „За полезное" при Имп. Александрѣ I—оборотная сторона, „на прививаніе оспы въ Финляндіи при Имп. Николаѣ I", съ финскою надписью, и съ полнымъ именемъ: „На коронованіе Имп. Николая I въ 1826"—лицевая сторона съ портретомъ Государя, „На посѣщеніе персидскимъ принцемъ Абассъ-Мирзою спб. монетнаго двора въ 1829 г.", „На миръ съ Турціею въ 1829 г.", „За вѣрность", „За трудолюбіе и искусство" 1831 г., „За полезное" 1831 г. Имъ же, вѣроятно, выполнены медали въ память великихъ князей: Всеволода Ярославича 1178—1193 г. (съ моногр. А.) и Василія Іоанновича 1505—33 г. (съ моногр. W. А.), а также, копированы медали: въ честь фельдцейхмейстера гр. Шувалова 1758 г. (раб. Дассіе) и на побѣду надъ пруссаками 1759 г. (раб. Т. Иванова)—съ моногр. К. В. А.

Ю. Иверсенъ, «Словарь медальеровъ», 1874 г., и «Медали въ честь русск. дѣятелей», 1880 г., I, 2—3; Д. Прозоровскій, «Каталогъ Минцъ-Кабинета И. А. Х.», 1868 г., алфавитъ. *Н. С.*

Алексѣевъ, *Иванъ*, одинъ изъ видныхъ раскольничьихъ писателей XVIII столѣтія, основатель среди безпоповцевъ-ѳедосѣевцевъ секты „новоженовъ", государственный крестьянинъ, род. въ 1709 г., въ Великороссіи, ум. въ 1776 г., въ Стародубѣ, куда переселился еще въ молодости. Выучившись грамотѣ, „крюковому сладимому пѣнію", „чистописанію уставомъ" и „изографству святыхъ иконъ", Алексѣевъ вскорѣ выдвинулся изъ среды малограмотныхъ стародубскихъ слобожанъ-раскольниковъ, принадлежавшихъ, по большей части, къ поповщинской сектѣ. Природный критическій умъ Алексѣева, его начитанность, „рачительство о правости догматъ церковныхъ", изъ-за котораго онъ „родъ и отечество оставилъ и тѣхъ ради претерпѣвалъ многіе недостатки", позволяли раскольникамъ надѣяться, что Алексѣевъ много сдѣлаетъ на пользу „древляго благочестія". Однако, надежды ихъ не оправдались: хотя Алексѣевъ и писалъ противъ православія (разговоръ „О истинной церкви доказательство, кую и врата адова одолѣти не могутъ", „Разсужденіе о старовѣрческой церкви и старообрядцахъ", „Книга Питинъ, о двуперстномъ сложеніи и триперстіи Никона патріарха", и др.), но главнѣйшіе свои труды посвятилъ обличенію поповцевъ и безпоповцевъ. Будучи ѳедосѣевцемъ, Але-

ксѣевъ, изучивъ слабыя стороны поповцевъ, написалъ въ разное время (послѣднее относится къ 1762 г.) нѣсколько дѣльныхъ сочиненій, въ которыхъ опровергалъ „глупые и суевѣрные доводы поповщинскіе о ихъ бѣгствующемъ и беззаконномъ іерействѣ". Важнѣйшее изъ этихъ сочиненій относится къ 1755 году и называется „Исторія о бѣгствующемъ священствѣ". Въ историческомъ отношеніи это сочиненіе важно потому, что сообщаетъ свѣдѣнія объ основателяхъ раскола на югѣ и югозападѣ Россіи—іеромонахѣ Іовѣ, игуменѣ Досиѳеѣ, попахъ Козмѣ и Стефанѣ, іереяхъ Іоасафѣ и Ѳеодосіи; объ основаніи при попѣ Ѳеодосіи толка поповщины и церкви на Вѣткѣ; о первыхъ бѣглыхъ попахъ и исканіи архіереевъ и пр.; важно оно еще и потому, что знакомитъ съ состояніемъ современной Алексѣеву раскольничьей литературы, такъ какъ въ немъ упоминается о цѣломъ рядѣ раскольничьихъ сочиненій („Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ", „Отвѣты діаконовы", „Исторія стрѣлецкая", „Доношеніе старовѣровъ ясскому митрополиту Антонію" и пр.).

Родившись и выросши среди ѳедосѣевцевъ, Алексѣевъ при своемъ умѣ не могъ не обратить вниманія на ихъ „гнусное бракоборство" (по собственному его выраженію), на отсутствіе у нихъ семейной жизни, на всеобщее сиротство ѳедосѣевскихъ дѣтей. Конечно, ѳедосѣевцы не допускали и мысли, чтобы „славный творецъ разныхъ сочиненій въ защиту Христовой церкви" (т.-е. ѳедосѣевскаго толка) рѣшился когда-нибудь выступить противъ своихъ единомышленниковъ. Дѣйствительно, прежде, чѣмъ начать свою проповѣдь о необходимости брачной жизни, Алексѣевъ рѣшилъ узнать объ этомъ мнѣнія другихъ лицъ. Съ этою цѣлью онъ еще въ 1728 году посѣтилъ разныя раскольническія убѣжища въ Россіи и за предѣлами ея и бесѣдовалъ съ разными уважаемыми въ расколѣ лицами. Такъ, сначала Алексѣевъ отправился въ тогдашній главный притонъ безпоповщины—Поморье и здѣсь, въ числѣ 24 вопросовъ о разныхъ „церковныхъ" дѣлахъ, предложилъ Андрею Денисову вопросъ „о новыхъ бракахъ, кои по познаніи тако сопрягошася, какъ съ ними поступати". Денисовъ отвѣтилъ: „таковыхъ у насъ обще подъ цѣломудренное житіе и соединеніе братства церковнаго пріимати положено". Болѣе сочувственное отношеніе къ своей мысли о необходимости брака Алексѣевъ встрѣтилъ среди ѳедосѣевскихъ наставниковъ въ Москвѣ, а также въ „подольской странѣ окрестъ Бара", въ „Польшѣ—Кутахъ при Венгерской земли", и другихъ мѣстахъ. Убѣдившись, что многими изъ безпоповцевъ уже сознается крайность въ ученіи о всеобщемъ безбрачіи, Алексѣевъ смѣло и рѣшительно ополчился противъ безпоповщинскаго дѣвства. Ученіе Алексѣева, изложенное въ его обширномъ сочиненіи „О тайнѣ брака", написанномъ въ 1762 году, заключалось въ слѣдующемъ. Онъ признавалъ бракъ тайной, но не въ смыслѣ таинства, какъ это понимаетъ православная церковь, а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви, какъ образа любви Христа къ церкви. Основаніемъ браку служитъ благословеніе, преподанное Богомъ Адаму и Евѣ, и для заключенія его требуется только взаимная любовь брачущихся, согласіе ихъ на вступленіе въ бракъ, выраженное словами предъ свидѣтелями, и согласіе родителей. Хотя церковное вѣнчаніе необходимо, но оно не даетъ брачущимся особенной благодати и не имѣетъ прямого отношенія къ существу брака: оно только общенародный христіанскій обычай, для отличія законнаго сожитія отъ незаконнаго. При неимѣніи священства можно вѣнчаться и въ церкви еретической (т.-е. православной); повѣнчавшихся можно, по мнѣнію Алексѣева, не разводить въ ѳедосѣевской общинѣ. Ученіе Алексѣева особенное сочувствіе нашло среди поморовъ и молодыхъ ѳедосѣевцевъ, старые же ѳедосѣевцы отнеслись къ нему крайне враждебно и на сборищѣ въ Польшѣ, въ 1752 г., постановили не имѣть съ „новоженами" никакого общенія не только въ пищѣ и питіи, но даже въ молитвѣ, таинствахъ крещенія и покаянія. Напрасно увѣщевалъ ихъ Алексѣевъ: ѳедосѣевцы чуждались „новоженовъ", какъ отступниковъ отъ вѣры, и въ 1757 г., когда около Алексѣева сгруппировалось весьма значительное число послѣдователей, они и его отлучили отъ своего общества. Алексѣевъ отвѣтилъ имъ „Словомъ обличительнымъ на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ", въ которомъ доказывалъ неосновательность при-

чинъ своего отлученія и называлъ соборъ „богопротивнымъ, душепагубнымъ, раздорническимъ“. Но невѣжественные ѳеодосѣевскіе наставники упрямо стояли на своемъ. Только къ концу жизни Алексѣева ѳедосѣевцы нѣсколько смягчили свои суровыя отношенія къ „новоженамъ“. Написанное въ 1762 году сочиненіе „О тайнѣ бракѣ“ отчасти было также вызовомъ ѳедосѣевцамъ въ отвѣтъ на ихъ отлученіе основателя новой секты; въ этомъ трудѣ Алексѣевъ не только излагаетъ свое ученіе, но и обличаетъ темныя стороны жизни ѳедосѣевскаго общества, грубое невѣжество ѳедосѣевскихъ наставниковъ, ихъ жадность къ деньгамъ, невниманіе къ своимъ обязанностямъ, даже ихъ еретичество, происходившее отъ совершеннаго незнанія основныхъ началъ вѣры и нравственности христіанской. Послѣ труда „О тайнѣ бракѣ“ Алексѣевымъ было написано еще нѣсколько сочиненій, перечисленныхъ въ „Историческомъ словарѣ старовѣрческой церкви“ Павла Любопытнаго. Назвавъ всѣ 28 принадлежащихъ Алексѣеву сочиненій, Павелъ Любопытный говоритъ, что, кромѣ этихъ, были еще сочиненія въ прозѣ и стихахъ, но утрачены.

Александръ Б., «Описаніе нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочиненій», т. I, стр. 262—291. Нильскій, «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ», стр. 105—199. Макарій, «Исторія русскаго раскола», стр. 277—278. Ивановскій, «Критическій разборъ ученія старообрядцевъ», стр. 355—360, и «Руководство по исторіи и обличенію раскола», ч. I, стр. 99—100. «Словарь» Павла Любопытнаго помѣщенъ въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древ. рос.», т. I, за 1863 г. Журналъ «Истина», 1875 г., кн. 39 и 43 и «Лѣтописи рус. литер. и др.», изд. Тихонравова, т. IV (здѣсь помѣщена «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ»). Описанія рукописей библіотеки Хлудова и черниговской духовной семинаріи. «Труды кіевской духовной академіи» 1876 г., кн. I, стр. 116. Словари: Энциклопед., сост. русскими учен. и литер., т. III, и Критико-біографич. Венгерова, т. I, стр. 386—390. *С. Тр.*

Алексѣевъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, членъ Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. въ 1751 г., ум. 22-го іюня 1816 г. Начавъ службу въ 1762 г., онъ въ 1774 г. былъ оберъ-аудиторомъ, во время первой турецкой войны (1769—1771) находился при князѣ Н. В. Репнинѣ, а по заключеніи кучукъ-кайнарджійскаго мира ѣздилъ въ 1775 г. въ свитѣ князя, при чрезвычайномъ посольствѣ, въ Константинополь. Во время предводительства князя Репнина резервнымъ корпусомъ въ Польшѣ (1782—83 гг.), Алексѣевъ состоялъ при немъ адъютантомъ. Въ чинѣ полковника, съ 1787 г., въ теченіе пяти лѣтъ, Алексѣевъ занималъ должность „перваго директора“ въ Государственномъ заемномъ банкѣ, оставивъ службу въ этомъ учрежденіи въ январѣ 1792 г. О дѣятельности его въ банкѣ нѣкоторыя свѣдѣнія можно почерпнуть изъ переписки съ княземъ Н. В. Репнинымъ. Переименованный, затѣмъ, въ статскіе совѣтники, Алексѣевъ состоялъ (1793—1796 гг.) „поручикомъ-правителя“ (вице-губернаторомъ) С.-Петербургской губерніи, а 9-го іюня 1797 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ гражданскимъ губернаторомъ той же губерніи, но въ этой должности оставался только два мѣсяца, и 28-го августа уволенъ отъ службы съ производствомъ въ тайные совѣтники. Опала Алексѣева продолжалась, однако, недолго: 11-го октября 1798 г. ему повелѣно присутствовать во второмъ департаментѣ Сената. Пожалованный въ 1807 г. орденомъ св. Александра Невскаго, а въ слѣдующемъ произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, Алексѣевъ переведенъ во второе отдѣленіе 3-го апелляціоннаго департамента, а затѣмъ, съ 1810 г., присутствовалъ въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ Сената. 1-го января того же года онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Кромѣ того, Алексѣевъ состоялъ членомъ совѣта коммиссіи о составленіи законовъ и присутствовалъ въ комитетѣ еврейскихъ дѣлъ (1808 г.). Послѣдній былъ учрежденъ съ цѣлью изысканія средствъ, какимъ образомъ евреи, переселенные изъ селъ и деревень въ города и лишенные возможности промышлять продажею вина, будутъ снискивать себѣ пропитаніе работою. Алексѣевъ пользовался покровительствомъ и дружескимъ расположеніемъ князя Н. В. Репнина, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ переписка.

«Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества», т. XVI, стр. 150, 353, 363, 381, 401, 405, 459, 481, 490 и 505 (переписка съ кн. Репнинымъ).—Князь Н. Туркестановъ, «Губернскій служебникъ» стр. 71.—«Сенатскій Архивъ», т. I, стр. 210, 241, 246 и 273.—«Журналы Комитета Министровъ», т. I, стр. 466.—«Архивъ Государственнаго Совѣта», т. I, часть 2-я, стр. 380, 598, 616—623 и 625; т. IV, стр. 17, 300, 376 и 505.—«Справочный энцикл. словарь», изд. Крайя, т. I, стр. 180.—«Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 1516.

Сочиненія Державина, т. III, 635, VI, стр. 12, 13, 679—681, 791, VII, 738, VIII, 659, 660, VIII, 666, IX, 311, 312.—Дмитріевъ, «Взглядъ на мою жизнь», стр. 192 и 293.—«Русскій Архивъ», 1872 г., стр. 163 («Воспоминанія» Ѳ. И. Лубяновскаго).—Н. Варадиновъ, «Исторія Мин. Внутр. Дѣлъ», ч. I, стр. 174, 185 и 234. Въ Чертковской библіотекѣ, нынѣ московской городской, хранится собраніе писемъ (числомъ 71) генералъ-фельдмаршала князя Н. В. Репнина къ сенатору И. А. Алексѣеву, относящихся къ 1797—1801 годамъ. *С. Тр.*

Алексѣевъ, *Иванъ Петровичъ*, священникъ Спасскаго, что на Бору, собора въ Москвѣ, а затѣмъ законоучитель кадетскаго корпуса, ум. въ С.-Петербургѣ въ 1780 г. Изъ оригинальныхъ сочиненій Алексѣева наибольшее значеніе имѣетъ „Пространное поле, обработанное и плодоносное, или всеобщій историческій оригинальный словарь, изъ наилучшихъ авторовъ какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ выбранный, сочиненный и по азбучнымъ словамъ расположенный, въ 2-хъ частяхъ, 1793—94 гг.“. Это — первый въ русской литературѣ опытъ энциклопедическаго словаря, доведенный до буквы *В*. Россійская академія отозвалась о словарѣ Алексѣева весьма неблагопріятно, когда наслѣдники его, въ 1810-хъ годахъ, обратились въ Министерство Народнаго Просвѣщенія за одобреніемъ и допущеніемъ словаря въ учебныя заведенія. Отзывъ давали академики: Красовскій, Никольскій, Иноходцевъ, Севергинъ и Севастьяновъ. Кромѣ словаря, Алексѣеву принадлежатъ еще слѣдующія оригинальныя сочиненія: „Краткое руководство къ удобному познанію знаковъ, по греко-россійскому церковному исчисленію показующихъ времена лѣтъ, и какимъ образомъ Пасха христіанская, постъ св. Апостолъ и прочіе праздники перемѣняются, или переходятъ“ (1787); „Житіе и акаѳистъ Стефану Пермскому“ (1799—1801) и „Служба св. Димитрію митрополиту ростовскому чудотворцу“ (1801). — Частью вмѣстѣ съ своимъ братомъ, извѣстнымъ московскимъ протоіереемъ Архангельскаго собора Петромъ Алексѣевымъ, частью одинъ, Иванъ Алексѣевъ перевелъ шесть сочиненій съ латинскаго и греческаго языковъ, а именно: съ латинскаго—„Валерія Максима изреченій и дѣлъ достопамятныхъ девять книгъ“ (1772 г., въ двухъ частяхъ), „Варнавы Бриссонія, перваго въ Парижѣ сенатора, о персидскомъ царствѣ“ (1781 г., въ 3-хъ частяхъ) и „О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола“ Корнелія Агриппы (1784 г., издано княгиней Дашковой на счетъ Академіи Наукъ); съ греческаго — „Еліана“, различныя повѣсти (1773 г.), „Библіотека историческая Діодора Сицилійскаго“, въ шести частяхъ (1774—1776 г.) и „Плутарха Херонейскаго нравственныя и философическія сочиненія, съ пріобщеніемъ апоѳегматовъ разныхъ народовъ“ (1789 г.).

Сухомлиновъ, «Исторія Россійской академіи», т. I, стр. 289. — Backmeister, «Russische Bibliothek», т. VI, стр. 561.—«Сочиненія и переводы Россійской академіи», VI, 12. — Филаретъ, «Обзоръ духовной литературы», стр. 396. — Митр. Евгеній, «Словарь». — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 390 — 91. — «Энцикл. лекс.» Плюшара, т. III.

Алексѣевъ, *Иванъ Петровичъ*, докторъ медицины, род. въ Тверской губерніи 4-го января 1834 г., ум. 28-го сентября 1877 г. По окончаніи курса въ Тверской духовной семинаріи, Алексѣевъ поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, курсъ въ которой окончилъ въ 1860 г.; назначенный въ томъ же году лѣкаремъ въ Витебскій пѣхотный полкъ, онъ оставался въ этой должности до 1866 г., когда былъ прикомандированъ къ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи на одинъ годъ для усовершенствованія въ наукахъ. 3-го іюня 1867 г. Алексѣевъ защитилъ диссертацію „Къ патологіи потовыхъ желёзъ“, за которую удостоенъ степени доктора медицины; въ томъ же году назначенъ старшимъ врачемъ Полтавскаго пѣхотнаго полка, въ 1869 г. переведенъ въ Ивангородскую крѣпость на ту же должность, откуда въ 1870 г. назначенъ въ Брестъ-Литовскъ старшимъ ординаторомъ мѣстнаго военнаго госпиталя. Труды этого преждевременно умершаго врача (43-хъ лѣтъ отъ роду) немногочисленны, но свидѣтельствуютъ о широтѣ взгляда и основательномъ знакомствѣ съ затронутыми вопросами; заслуживаетъ вниманія, что у Алексѣева нѣтъ компилятивныхъ работъ: всѣ онѣ—плодъ его личныхъ наблюденій. Кромѣ упомянутой диссертаціи, извѣстны слѣдующіе труды Алексѣева: 1) „Наблюденія надъ огнестрѣльными ранами конечностей“ („Воен.-Мед. Журн.“ 1865 г., ч. 92, т. II, стр. 241—250); 2) „О лѣченіи сифилиса подкожными вспрыскиваніями сулемы“ (тамъ же,

одну—о подходящихъ дробяхъ, полученныхъ при извлеченіи квадратнаго корня изъ цѣлаго многочлена какой-либо степени, а другую—о весьма простомъ способѣ для нахожденія полныхъ интеграловъ уравненій перваго порядка съ постоянными коэфиціентами. Все, повидимому, давало право ожидать отъ Алексѣева еще многихъ цѣнныхъ трудовъ, но нервный ударъ неожиданно пресѣкъ его жизнь.

Формулярный списокъ о службѣ Алексѣева, составленный въ октябрѣ 1877 г. — «Записки Импер. Акад. Наукъ», т. 36, стр. 322 и т. 40, кн. 2, стр. 46—50 (некрологъ Алексѣева, читанный въ годичномъ собраніи Академіи непремѣннымъ секретаремъ К. С. Веселовскимъ). — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. слов.», т. I, стр. 392—393 и 940.—Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск. писат.», вып. I, стр. 5—6. — «Моск. Универс. Извѣстія» за 1870 г., № 3, стр. 103—104. — «Моск. Вѣд.» за 1881 г., № 81.—«Краткій отчетъ о состояніи Имп. Моск. унив. за 1846—47 акад. годъ».

Алексѣевъ, *Павелъ Николаевичъ*, горный инженеръ, тайный совѣтникъ, членъ горнаго ученаго комитета, ум. въ 1881 г. Происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, воспитывался въ Горномъ институтѣ, гдѣ кончилъ въ 1834 г. курсъ по второму разряду, съ чиномъ подпоручика. Службу началъ тогда же, на Камско-Воткинскомъ заводѣ, Вятской губерніи, а въ 1840 г. былъ переведенъ на Ижорскіе заводы, въ селѣ Колпинѣ, близь С.-Петербурга, для наблюденія за передѣлкою старой мѣдной монеты въ новую со счетомъ на серебро. Въ 1843 г. Алексѣевъ перешелъ на с.-петербургскій монетный дворъ, гдѣ служилъ до 1864 г., занимая въ концѣ должность начальника химическихъ производствъ. Съ конца 1855 по 1859 годъ Алексѣевъ пробылъ въ должности помощника управляющаго Императорскою Александровскою мануфактурою; тогда же онъ былъ назначенъ членомъ горнаго ученаго комитета, чѣмъ и оставался до 1879 г., когда вышелъ въ отставку, съ награжденіемъ чиномъ тайнаго совѣтника. Алексѣевъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, не отличаясь выдающимися дарованіями, дѣлаютъ въ жизни много, благодаря своимъ познаніямъ, любознательности и трудолюбію. Разнообразная дѣятельность Алексѣева болѣе или менѣе отразилась въ его статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Горномъ Журналѣ". Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ слѣдующія: „Описаніе Лондонскаго монетнаго двора" (1846 г., ч. I, стр. 17), „Производство пробъ золота и серебра въ Германіи" (1864 г., ч. IV, стр. 384), „Управленіе монетными дворами и расходы по монетной части" (1866 г., ч. III, стр. 125), нѣсколько статей о мѣсторожденіи каменнаго угля въ Новгородской губерніи (1867 г., ч. II, стр. 193 и 401; 1868 г., ч. II, стр. 423; 1869 г., ч. II, стр. 351 и 1870 г., ч. IV, стр. 10 и 33), „Исторія открытія каменнаго угля въ московскомъ бассейнѣ" (1867 г., ч. IV, стр. 275) и „Печи, топимыя свѣтильнымъ газомъ и маслами" (1866 г., ч. III, стр. 295). Въ 1873 г. Алексѣевъ, вмѣстѣ съ горнымъ инженеромъ Бѣлозеровымъ, издалъ къ юбилею Горнаго института книгу: „Минеральное топливо между Петербургомъ и Москвою". Развитіе техники, ознакомленіе общества съ ея успѣхами и сношенія техниковъ между собою занимали Алексѣева болѣе всего. Для этого въ 1864 г. онъ сталъ издавать журналъ „Строитель, механикъ и технологъ", преобразовавъ его изъ прекратившагося въ то время журнала „Сельскій строитель", но изданіе это также прекратилось на третьемъ годѣ; за то идея о сближеніи техниковъ между собою приняла серьезное развитіе: Алексѣевъ вмѣстѣ съ редакторомъ газеты „Народное Богатство", Н. П. Балабинымъ, при содѣйствіи Е. Н. Андреева, возъимѣли мысль основать общество техниковъ. Первыя собранія для составленія проекта устава происходили въ квартирѣ Алексѣева, и по проекту, составленному Алексѣевымъ и Балабинымъ, утвержденъ былъ, въ 1866 г., уставъ нынѣшняго Императорскаго русскаго техническаго общества.

«Записки русск. техн. общ.» 1867 г., вып. 1, стр. 33. *Н. Н. П.*

Алексѣевъ, *Петръ Алексѣевичъ*, протоіерей Архангельскаго собора въ Москвѣ, законоучитель Московскаго университета и ученый, род. въ 1727 году, въ Москвѣ, ум. тамъ же, 22-го іюля 1801 г. Отецъ его былъ причетникомъ при церкви Николая чудотворца, что въ Кузнецкой. Въ 1738 г. Алексѣевъ поступилъ въ славяно-греко-латинскую академію и при окончаніи курса въ ней, въ 1752 г., получилъ мѣсто діакона въ Архангельскій соборъ съ обязательствомъ жениться на дочери своего предмѣстника, содержать всю его осиротѣвшую семью и докончить курсъ въ ака-

деміи. Въ 1757 г., 9-го сентября, московская синодальная контора увѣдомила тамошнюю консисторію, что діаконъ Архангельскаго собора П. Алексѣевъ „въ разсужденіи его немалолѣтнихъ школьныхъ и при разобраніи и описи синодальной библіотеки (патріаршей ризницы) немалыхъ трудовъ, по указу Св. Синода произведенъ на мѣсто престарѣлаго и болѣзненнаго того же собора священника Стефанова во священника, но съ тѣмъ, чтобы больной священникъ своею подѣлью (т. е. принадлежащими на его часть крестьянами и доходами) владѣлъ до своей смерти, а онъ, Алексѣевъ, до того времени оставался бы на своей діаконской подѣли". Въ іюлѣ 1759 г. священникъ Алексѣевъ „усмотрѣнъ Московскимъ университетомъ быть способнымъ къ истолкованію катихизиса обучающимся въ университетѣ ученикамъ", вслѣдствіе чего Св. Синодомъ утвержденъ въ должности катихизатора съ сохраненіемъ доходовъ по собору и съ освобожденіемъ отъ очередной проповѣди и требоисправленій. Въ 1764 г., вслѣдствіе сокращенія доходовъ въ Архангельскомъ соборѣ, по причинѣ отобранія крестьянъ, Алексѣевъ перешелъ на службу ключаремъ въ Успенскій соборъ „въ виду лучшаго тамъ содержанія", а въ 1771 г. былъ назначенъ протоіереемъ въ Архангельскій соборъ и присутствующимъ въ консисторіи. Въ 1775 г. въ вѣдомости о соборянахъ Архангельскаго собора онъ показанъ: „отъ роду 55 л., ходилъ до богословія, вдовъ", а противъ этого рукою митрополита Платона написано: „За протопопомъ есть дѣла". Съ этого же времени онъ перестаетъ быть присутствующимъ въ консисторіи и возникаютъ его несогласія сперва съ прот. Успенскаго собора А. Левшинымъ, братомъ митрополита Платона, а чрезъ это вскорѣ и съ этимъ послѣднимъ. Благодаря тому, что Алексѣевъ былъ духовникомъ кн. Потемкина и вообще пользовался извѣстностью и уваженіемъ за свои ученые труды въ свѣтскомъ обществѣ, онъ находилъ себѣ сильную поддержку со стороны свѣтскихъ вліятельныхъ лицъ въ этой неравной для него борьбѣ. Дѣло доходило даже до Государыни, которая въ 1778 г. такъ писала московскому главнокомандующему кн. Волхонскому: „доходятъ ко мнѣ свѣдѣнія о неблагопристойныхъ поступкахъ успенскаго протоіерея А. Левшина во многихъ случаяхъ противу духовенства и другихъ оказанныхъ, а особливо, что онъ въ крестныхъ ходахъ дѣлаетъ самъ-собою учрежденія мимо первенствующаго тамъ архіерея; а 23-го іюня, при таковомъ ходѣ, архангельскаго протоіерея П. Алексѣева обругалъ, сторожамъ приказывалъ вытолкать, грозилъ ему не только словами, но и палкою. Да и когда упомянутый прот. Алексѣевъ приносилъ жалобу пр. архіерею Ростовскому (первоприсутствующему въ московской синодальной конторѣ), то онъ и по его увѣщанію не укротился". Въ 1787 г. Государыня пожаловала прот. Алексѣеву золотой крестъ на черной лентѣ, а въ 1797 г. Императоръ Павелъ I-й, во время коронаціи, по личному усмотрѣнію, наградилъ его орденомъ св. Анны 2-й ст. П. А. Алексѣевъ былъ однимъ изъ первыхъ и дѣятельныхъ членовъ вольнаго россійскаго собранія, учрежденнаго Мелиссино въ 1771 г. при Московскомъ университетѣ. Послѣ него остались многочисленные труды. Такъ, ему принадлежатъ: „Чинъ поставленія на царство Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича" („Опытъ труд. вольн. россійскаго собранія", ч. 1 — 11, 1774—75 гг.), „Церковный словарь", 3 части, 1773—76 гг., „Разсмотрѣніе славянской старопечатной книги „Апостолъ". Кромѣ того, онъ издалъ „Православное исповѣданіе Петра Могилы" въ 1769 г., „Описаніе Архангельскаго собора"; трудился надъ составленіемъ историческаго словаря всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ, составилъ „Начертаніе греко-рос. церкви" въ 5 ч. и два разсказа о патр. Никонѣ, приписанные Алексѣевымъ Петру I-му, написалъ проповѣди: „Надгробное слово надъ С. П. Муравьевою", Спб., 1768 г., „Благодарственное слово Императрицѣ Екатеринѣ", М., 1772 г., „Рѣчь о достоинствѣ и пользѣ катихизиса", М., 1759 г. Не изданы слѣдующія работы Алексѣева: „Способъ преподавать катихизисъ" и „Для чего въ канонахъ не полагается второй пѣсни". Переведены Алексѣевымъ съ иностраннаго и изданы сочиненія: Гуго Гроція—„Христіанское благочестіе", Корнелія Агриппы—„О превосходствѣ женскаго пола" и Варнавы Бриссонія—„О персидскомъ царствѣ", въ 3-хъ ч., М., 1781 г. Послѣ смерти Алексѣева появились: „Описаніе происшествій во время народнаго мятежа въ

Москвѣ въ 1771 г." („Рус. Арх." 1863 г.) и „Разсужденіе о возможности произведенія священника во епископа безъ принятія монашества" („Чт. въ общ. ист. и др.", 1867 г., кн. 3). За послѣднія десятилѣтія помѣщено въ „Рус. Арх." много писемъ Алексѣева къ разнымъ лицамъ. Алексѣевъ владѣлъ большимъ собраніемъ рукописей, что видно изъ одного письма его къ гр. Мусину-Пушкину: „Моихъ же рукописей количество, чрезъ 40 лѣтъ собираемыхъ, накопилося до многочисленности".

Митр. Евгеній, «Словарь». — Подробная біографія Алексѣева въ «Исторіи Рос. акад.», т. I и у А. Н. Корсакова («Рус. Арх.» 1880 г., 2). Въ біографіяхъ высказанъ совершенно противоположный взглядъ на характеръ дѣятельности Алексѣева. «Душеполезное Чтеніе» 1869 г., январь, статья Н. И. Розанова.—Его же, «Исторія Моск. епарх. управленія», ч. II, кн. 1, стр. 64—66.—Письма и донесенія: «Рус. Стар.» 1889 г., т. LXIV, «Рус. Арх.» 1889 г., 3.

Алексѣевъ, *Петръ Петровичъ*, докторъ химіи, ординарный профессоръ по каѳедрѣ органической химіи въ университетѣ св. Владиміра и учредитель кіевскаго отдѣла русскаго техническаго общества, род. 14-го апрѣля 1840 г., въ Лугѣ, ум. 6-го февраля 1891 г., въ Кіевѣ. Воспитывался въ Новгородской гимназіи, а затѣмъ, въ 1856 г., поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, на естественный факультетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1860 г. Въ слѣдующемъ году Алексѣевъ отправился за границу, гдѣ работалъ сперва въ лабораторіи Вюрца, въ Парижѣ, а затѣмъ у Эрленмейера въ Гейдельбергѣ и, наконецъ, въ тюбингенской лабораторіи Штрекера. Въ 1863 г. Алексѣевъ вторично побывалъ заграницею и занимался въ Геттингенѣ у знаменитаго Вёлера и закончилъ свои заграничныя занятія въ лабораторіи Вюрца, въ Парижѣ. Возвратившись въ С.-Петербургъ, Алексѣевъ занялъ мѣсто репетитора по химіи, физикѣ и минералогіи въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Въ 1865 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію: „О нѣкоторыхъ продуктахъ возстановленія нитросоединеній", обратившую на себя вниманіе ученыхъ новизною взгляда и богатствомъ собранныхъ фактовъ, послѣ чего утвержденъ въ званіи доцента химіи Кіевскаго университета. Въ 1868 г. Алексѣевъ выступилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ со своею докторскою диссертаціею: „Монографія азосоединеній", и вслѣдъ затѣмъ былъ избранъ экстраординарнымъ, а годъ спустя—ординарнымъ профессоромъ химіи. Въ этомъ званіи Алексѣевъ состоялъ до самой смерти, послѣдовавшей на 51 году его жизни. Область самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ Алексѣева ограничивается почти исключительно классомъ органическихъ соединеній, извѣстнымъ подъ названіемъ „азосоединеній". Весьма значительное число органическихъ тѣлъ этого типа обязано своимъ открытіемъ или, по крайней мѣрѣ, разъясненіемъ Алексѣеву. Помимо интереса нѣкоторыхъ добытыхъ отдѣльныхъ научныхъ фактовъ, среди которыхъ открытіе азоанисовой кислоты имѣетъ первенствующее значеніе, Алексѣевъ разработалъ самые способы полученія азосоединеній. Не одною лабораторіею ограничивалась ученая дѣятельность Алексѣева: не мало времени посвятилъ онъ критикѣ и библіографіи химіи. Въ продолженіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ, т.-е. съ 1876 г. и до своей кончины, Алексѣевъ составлялъ въ „Журн. русск. физ.-химич. общ." обзоръ русской химической литературы, а также наиболѣе выдающихся заграничныхъ сочиненій по химіи. Отдѣлъ этотъ велся имъ съ большою добросовѣстностью и безпристрастіемъ въ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ статей и книгъ. Не менѣе почтенна и разнообразна педагогическая дѣятельность Алексѣева. Лекціи этого даровитаго ученаго отличались занимательностью и удобопонятностью. Стремясь возможно болѣе расширить у насъ знаніе химіи, Алексѣевъ, поступивъ въ Кіевскій университетъ, вновь устроилъ на современныхъ началахъ химическую лабораторію и, объясняя характеръ какого-нибудь органическаго соединенія, никогда не упускалъ случая указать на его практическое примѣненіе. Этотъ прекрасный методъ преподаванія, гдѣ теорія шла рука-объ-руку съ практикою, въ связи съ заслугою составленія одного изъ лучшихъ руководствъ по органической химіи на русскомъ языкѣ, и создало Алексѣеву имя хорошаго педагога. Помимо научныхъ, онъ интересовался также общественными и экономическими вопросами. Алексѣевымъ написано нѣсколько статей, изданныхъ отдѣльными брошюрами, какъ, напримѣръ: „О солдатскихъ сухаряхъ одного изъ кіевскихъ заводовъ" (1877 г.), „О кавказскихъ минеральныхъ

водахъ" (1878 г.) и „О московской промышленно - художественной выставкѣ" (1879 г.), и нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ „Трудахъ Вольно-Эк. Общ." въ теченіе 1874—1882 гг., какъ, напр., о русскомъ сахарѣ на разныхъ всемірныхъ выставкахъ. Алексѣевъ не мало также потрудился для развитія фабрично - заводской промышленности нашего Юга. Его стараніями возникъ кіевскій отдѣлъ русскаго техническаго общества и въ мѣстномъ фабричномъ производствѣ сдѣлано весьма много нововведеній, опытовъ и улучшеній, какъ, напр., сахароваренiе изъ сорго, анилиновое ситцепечатаніе и проч. Учено-литературная дѣятельность Алексѣева началась еще на университетской скамьѣ въ 1859 г. переводомъ на русскій языкъ труда Жерара: „Введеніе къ изученію химіи". По выходѣ изъ университета, въ 1860 г., имъ переведены „Письма о химіи" Либиха и „Химія" Готлиба. Въ 1861 г. появилась первая самостоятельная капитальная статья его „Note sur l'acide benzamique", напечатанная въ бюллетеняхъ химическаго общества въ Парижѣ; въ томъ же году появилось его изслѣдованіе: „Wirkung von nascirendem Wasserstoff auf Zimmtsäure", помѣщенное въ 12-мъ томѣ „Анналовъ" Либиха. Въ 1862 г. Алексѣевъ открылъ азоанисовую кислоту и о своемъ открытіи помѣстилъ въ „Comptes Rendus" Парижской академіи наукъ статью подъ заглавіемъ: „Produits de la réduction de l'acide nitranisique". Эта работа открываетъ рядъ изслѣдованій надъ такъ называемыми азосоединеніями, продолжаемыхъ теперь многочисленными учениками Алексѣева. Изучивъ обстоятельно свое открытіе, Алексѣевъ помѣстилъ подробный рефератъ объ азоанисовой кислотѣ въ 129-мъ томѣ „Анналовъ" Либиха, подъ заглавіемъ: „Ueber die Reductionsproducte der Nitroanisylsäure" и „Ueber einen dem Benzil isomeren Körper". Въ 1863 г. напечатаны двѣ замѣчательныя работы Алексѣева въ LVIII томѣ „Comptes Rendus" Парижской академіи наукъ: „Preparation facile du zinc-éthyle" и „Synthèse du propylène". Эти два труда являются результатомъ изслѣдованій Алексѣева вмѣстѣ съ проф. Бейльштейномъ надъ металлорганическими соединеніями. Въ 1864 г. Алексѣевымъ напечатаны въ „Bulletin de la société chimique de Paris" два капитальныхъ изслѣдованія: „Sur la réduction de la nitrobenzine par l'amalgame de sodium" и „Sur l'acide hydrocinnamique". Въ бытность свою въ Парижѣ, Алексѣевъ въ 1864 г. перевелъ на русскій языкъ „Лекціи по нѣкоторымъ вопросамъ теоретической химіи" Вюрца, изданныя въ Россіи въ 1865 г. отдѣльною книгою. Будучи профессоромъ университета св. Владиміра, Алексѣевъ издалъ „Руководство по органической химіи", выдержавшее 4 изданія. Кромѣ того, для обучающагося юношества имъ изданы сочиненія по элементарному органическому анализу и незадолго до кончины—по анализу газовъ. Всего напечатано Алексѣевымъ 56 оригинальныхъ и 11 переводныхъ сочиненій, не считая множества мелкихъ статей.

В. Иконниковъ, «Словарь профессоровъ университета св. Владиміра».—Некрологи: въ «Кіевск. Словѣ» и «Кіевлянинѣ», въ № 39 за 1891 г.; автобіографія, помѣщенная въ «Критико-біографич. словарѣ русск. писателей и ученыхъ» Венгерова; тамъ же, дополненія къ біографіи, Н. Меншуткина, т. I, стр. 402; «Кіевск. унив. изв.», за мартъ 1891 г.; «Журн. русск. физ.-хим. общ.», т. III.—Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій словарь», т. I, стр. 415—416.

Л. Вейнбергъ.

Алексѣевъ, *Самуилъ Алексѣевичъ*, медальеръ, род. 13-го августа 1764 г., ум. 24-го февраля 1801 г., лучшій ученикъ перваго изъ талантливыхъ и искусныхъ медальеровъ русскихъ, Семена Васильевича Васильева. Воспитывался въ Императорской Академіи Художествъ съ 1770 по 1785 г., и здѣсь за вырѣзаніе фигуры „Мелеагры" на крѣпкомъ камнѣ получилъ первую серебряную медаль. Служа сначала на монетномъ дворѣ, а потомъ преподавая въ медальерномъ классѣ Академіи Художествъ, Алексѣевъ выполнилъ медали: въ память древнихъ событій (на смерть Святослава и на союзъ съ греками), съ портретомъ Императора Александра I и раздававшіяся въ награду воспитанницамъ женскихъ училищъ, съ надписью: „за отличность". Работа Алексѣева отличалась небывалою, для того времени, чистотою отдѣлки при правильномъ и красивомъ рисункѣ.

Дѣла архива Имп. Акад. Худ. XVIII в.— «Энциклопедич. слов.», 1861, т. III, стр. 215—216. — Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, в. 1, стр. 108.

Алексѣевъ, *Ѳедоръ*, граверъ пункти-

ромъ. Онъ работалъ въ Москвѣ въ 1815—39 гг., сперва подъ смотрѣніемъ А. А. Осипова, въ школѣ граверовъ, основанной П. П. Бекетовымъ при его типографіи и состоявшей по большей части изъ его крѣпостныхъ. Имъ исполнены были портреты: Имп. Александра I-го въ 4-хъ видахъ (съ рис. М. Дубровина 1815 г. и А. Орловскаго въ ростъ, въ профиль), Имп. Елисаветы Алексѣевны (1827 г.), Имп. Николая I-го (въ ростъ у трона), Имп. Александры Ѳеодоровны (1826 г.), гр. И. И. Дибича - Забалканскаго (послѣ 1829 г.), митроп. моск. Филарета Дроздова, въ 2-хъ видахъ (1826 и 1833 гг.), актера И. П. Сосницкаго (1839 г.) — для разныхъ изданій и затѣмъ, до 38 портретовъ русскихъ историческихъ личностей для сборниковъ Бекетова, вышедшихъ подъ заглавіями: „Собраніе портретовъ россіянъ, знаменитыхъ по своимъ дѣяніямъ, въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ кончины“ (1821—22 и 1843 гг.), „Изображенія людей знаменитыхъ, принадлежащихъ Малороссіи“, и „Портреты именитыхъ мужей росс. церкви“ (1844 г.). Кромѣ того, Алексѣевымъ гравирована была пунктиромъ 4-хъ-листовая народная картинка: „Послѣдній день разрушенія гор. Помпеи“ въ изд. Екатер. Бѣловой въ Москвѣ (1834 г.).

Д. Ровинскій, «Подробный словарь русс. гравиров. портретовъ», Спб. 1886—89 г., прилож., стр. 96—97, и алфав., и «Русс. народ. картинки», Спб. 1881 г., т. IV, стр. 364—6.

Алексѣевъ, *Ѳедоръ Яковлевичъ*, знаменитый перспективный живописецъ и декораторъ, род. въ 1753 г., ум. 11-го ноября 1824 г., въ С.-Петербургѣ. Сынъ отставного солдата, сторожа при Академіи Наукъ, Алексѣевъ обучался сперва въ гарнизонной школѣ, а въ 1764 г., поступилъ въ закрытое училище при Академіи Художествъ, и въ теченіе курса, продолжавшагося тогда 9 лѣтъ, выказалъ особенную наклонность къ перспективной живописи, такъ что его посылали брать уроки декоративнаго искусства у спеціалиста, внѣ Академіи. Замѣчена была въ Алексѣевѣ и наклонность къ живописи цвѣтовъ. Въ 1773 г. Алексѣевъ, получивъ за пейзажную живопись 2-ю золотую медаль, былъ посланъ, для усовершенствованія, на три года за границу, въ Венецію, славившуюся въ ту пору своими перспективными мастерами. Въ Венеціи, по рекомендаціи русскаго агента, Алексѣевъ поступилъ къ мастеру Моретти, ученику Каналетти, изучивъ въ совершенствѣ всѣ техническіе пріемы этихъ художниковъ. Но ни Моретти, ни Каналетти не знали основательно линейной перспективы и этотъ пробѣлъ впослѣдствіи въ трудахъ Алексѣева былъ очень замѣтенъ. Пробывъ въ Венеціи три года, Алексѣевъ просилъ въ 1776 г. о дозволеніи остаться ему еще на годъ, что было исполнено, вѣроятно, подъ вліяніемъ отзыва объ Алексѣевѣ архитектора Тишбейна, строителя въ Петербургѣ Большого театра,—отзыва, сообщеннаго Академіи Рейфенштейномъ, ея римскимъ корреспондентомъ. Тишбейнъ говорилъ, что Алексѣеву нужно пройти основательно курсъ теоріи перспективы и что Моретти руководить его въ этомъ не можетъ. Дѣйствительно, Алексѣевъ успѣлъ начать курсъ теоріи перспективы Поцци, подъ руководствомъ театральнаго декоратора Гаспари. Въ августѣ 1777 г. Алексѣевъ былъ вызванъ въ Петербургъ и, какъ искусный декораторъ, приглашенъ на службу въ Императорскіе театры. При дирекціи театровъ Алексѣевъ служилъ до 1785 г., а затѣмъ, вновь отправился путешествовать за границею, на свои средства, при пособіи отъ Великаго Князя Павла Петровича. Время возвращенія изъ этого второго путешествія Алексѣева совпадаетъ съ признаніемъ его академикомъ (1794 г.). Послѣ этого Алексѣевъ отправился, по Высочайшему повелѣнію, въ Крымъ, для снятія видовъ мѣстностей, посѣщенныхъ Императрицею въ 1787 г. По этюдамъ Алексѣевъ написалъ нѣсколько картинъ; нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ академическомъ собраніи,—а именно, виды городовъ: Николаева, Херсона и Бахчисарая. Судя по имѣющимся на лицо экземплярамъ, эти работы должны быть отнесены къ лучшей порѣ расцвѣта таланта художника. Въ нихъ много прозрачности воздуха и колоритности, безъ усиленія синевато-черныхъ тѣней, что замѣчается въ работахъ Алексѣева позднѣйшаго времени. Фигуры для оживленія архитектурныхъ пейзажей въ сценахъ „Путешествія Екатерины II-й въ Тавриду“ картинны и смѣлы. За два эскиза, съ разныхъ пунктовъ, Михайловскаго замка и за видъ спб. литейнаго двора Алексѣевъ получилъ отъ Импера-

тора Павла денежныя награды и чинъ 8-го класса. Талантливому перспективисту Государемъ были заказаны 4 картины для Михайловскаго дворца, по исполненіи которыхъ, кромѣ условленнаго вознагражденія, ему пожалованъ перстень. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Алексѣевъ отъ Павла I получилъ порученіе, выполнить которое, однако, не удалось. Это было отправленіе художника во главѣ экспедиціи, членами которой были археологи, этнографы, рисовальщики и ученики Алексѣева, — въ среднія губерніи Европейской Россіи, съ цѣлью снять съ натуры и передать въ картинахъ и рисункахъ всѣ мѣстности, замѣчательныя въ отношеніяхъ историческомъ и археологическомъ, равно какъ и вообще живописныя. Центромъ, откуда должны были отправляться участники экспедиціи, для выполненія возложенныхъ порученій, избрана была Москва, гдѣ Алексѣеву удалось сдѣлать не мало эскизовъ и написать двѣ картины—Красная площадь съ церковью Василія Блаженнаго и фасадъ новаго военнаго госпиталя—поднесенныя въ 1801 г. Александру I-му. Возвратившись въ Петербургъ, Алексѣевъ получилъ въ Академіи Художествъ мѣсто профессора перспективнаго пейзажнаго класса (въ мартѣ 1803 г.). Этимъ классомъ управлялъ профессоръ батальной и пейзажной живописи М. М. Ивановъ; Алексѣевъ же съ учениками своими Мошковымъ и Кунавинымъ все свѣтлое въ году время проводили въ писаніи видовъ по сдѣланнымъ въ Москвѣ эскизамъ, получая академическое содержаніе съ квартирою и 1.200 руб. изъ кабинета Его Величества, производившихся ему съ 1800 г., кромѣ платы за тѣ картины, которыя угодно было Государю оставлять для себя. Произведенія Алексѣева охотно раскупались. Это обстоятельство, выгодное для художника, можетъ быть, заставляло его не особенно заботиться о законченности исполненія, довольствуясь только эффектомъ издали, безъ соглашенія красокъ, при недостаткѣ полутоновъ и силы оттѣненія. Присутствуя (съ 22-го мая 1803 г.) въ совѣтѣ Академіи, Алексѣевъ получилъ заказъ написать 13 видовъ: 1) Московскаго Кремля, съ каменнымъ мостомъ; 2) С.-Петербургской биржи (за эти двѣ картины, поднесенныя Государю, художникъ былъ награжденъ перстнемъ); 3) Московскаго воспитательнаго дома, изъ-за Москвы-рѣки, съ видомъ Кремля вдали; 4) входа въ храмъ Спаса за золотою рѣшоткою; 5) Китая-города отъ Николаевскихъ воротъ; 6) вида отъ Троицкихъ воротъ, изъ Кремля; 7) Воскресенскихъ воротъ, отъ Тверской, съ Иверскою часовнею; 8) Ивана Великаго и Успенскаго собора; 9) вида на Николаевскія ворота, изъ Китая-города; 10) Спасской площади съ воротами и Василіемъ Блаженнымъ; 11) Спасскихъ воротъ, изъ Кремля; 12) другого вида на каменный мостъ, изъ-за Москвы-рѣки, и 13) внутренней части Кремля съ Грановитою палатою и соборами Успенскимъ и Архангельскимъ. Когда возникли толки о памятникѣ въ Полтавѣ, Алексѣевъ посланъ былъ туда и, попутно, снялъ много видовъ въ средней Россіи, выполнивъ два вида въ Полтавѣ, гдѣ бы могъ быть поставленъ памятникъ. Кромѣ вознагражденія за трудъ и расходовъ на поѣздку, художникъ получилъ изъ Кабинета перстень. До 1812 г. Алексѣевъ продолжалъ совершать лѣтнія экскурсіи внутрь Россіи, заѣзжая и въ Москву, гдѣ число покупателей его картинъ было довольно значительно среди любителей живописи, собиравшихъ коллекціи; поэтому, зная быстроту работы Алексѣева и его постоянное трудолюбіе, трудно опредѣлить количество имъ написаннаго. Алексѣевъ повторялъ по нѣскольку разъ свои удачныя по эффекту произведенія, кое въ чемъ варьируя детали. Картины по Высочайшимъ заказамъ, какъ предполагалось вначалѣ, должны были гравироваться въ академическомъ пейзажномъ гравировальномъ классѣ и составить такую же коллекцію, только несравненно болѣе обширную, чѣмъ виды Императорскихъ подстоличныхъ резиденцій съ картинъ С. Ѳ. Щедрина, но эта мысль осталась неисполненною. Любителей произведеній Алексѣева при Александрѣ I-мъ можно насчитать довольно много. Въ нѣсколькихъ экземплярахъ произведенія кисти Алексѣева были: у гр. Орлова-Чесменскаго и брата его гр. Владиміра, гр. А. С. Строганова, гр. Зубова, гр. Безбородко, кн. И. П. Барятинской, А. С. Кожухова, П. П. Свиньина и др. Академію Художествъ тоже пріобрѣтались картины Алексѣева, по разнымъ случаямъ, напр., при посѣщеніи прусскимъ королемъ

Академіи (1809 г.). Покупались картины Алексѣева также въ Англію и въ Сѣверную Америку.

Дѣла арх. Имп. Акад. Худож. и Кабин. Е. И. В.—«Энциклоп. лекс.» Плюшара.—«Энциклоп. слов.», т. III, 214—15.—«Сборникъ матер. для ист. Имп. Акад. Художествъ», т. I—II.—«Отеч. Зап.» 1824 г., ч. 20, стр. 52 (некрологъ Алексѣева)—Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, в. 1, стр. 112—119. *Н. П—въ.*

Алексѣевы, дьяки, упоминаемые въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей“:

1) *Леонтій* въ 1485 году посланъ былъ великимъ княземъ Іоанномъ III въ покоренную Тверь для приведенія къ присягѣ жителей ея, „да и отъ своей силы беречи, чтобъ не грабили“.

Т. IV, 156; VI, 36, 278.

2) *Михаилъ Ивановичъ,* дьякъ и приближенный новгородскаго архіепископа Геннадія, который въ 1504 году былъ лишенъ сана, потому что, „совѣтомъ единомышленнаго своего любовника и дьяка“ М. И. Алексѣева, началъ „мзду имати у священниковъ отъ давленья“.

Т. VI, 49,244; VIII, 244.

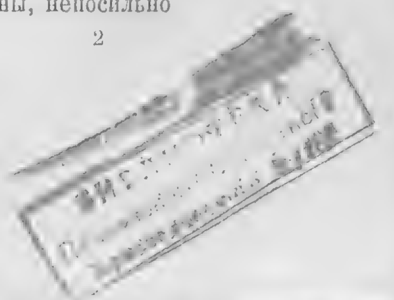
3) *Михаилъ Ивановичъ,* московскій дьякъ, былъ посланъ въ 1513 году въ Царьградъ къ турецкому султану съ грамотами о дружбѣ.

Т. VI, 253; VIII, 253.

4) *Романъ* вмѣстѣ съ Леонтіемъ Алексѣевымъ въ 1485 году посланъ былъ приводить тверитянъ къ присягѣ и защищать ихъ отъ обидъ московскихъ войскъ.

Т. IV, 156; VI, 22, 36, 278.

Алексѣй, святой, митрополитъ всероссійскій и чудотворецъ, род. въ 1292 или въ 1300 г., преставился 12-го февраля 1378 г. Во времена князя Даніила Александровича изъ разореннаго Черниговскаго княжества переселился въ Москву бояринъ Θеодоръ Бяконтъ, котораго въ Москвѣ, какъ и другихъ выходцевъ, приняли ласково. Родъ этого боярина разроссся и отъ него пошли вѣтви — Плещеевыхъ, Игнатьевыхъ и Жеребцовыхъ. Старшій сынъ боярина Θеодора, назывался Елевθерій и воспринятъ былъ отъ купели сыномъ князя Даніила, Іоанномъ. Въ свое время мальчикъ отданъ былъ учиться грамотѣ и при замѣтныхъ успѣхахъ въ ученіи началъ обнаруживать склонность къ уединенно-сосредоточенной жизни. На 20 году жизни Елевθерій поступилъ въ московскій Богоявленскій монастырь и принялъ иночество съ именемъ Алексѣя, которое, будто бы, было ему предсказано еще въ дѣтствѣ. Поступивъ здѣсь подъ руководство опытнаго въ духовной жизни старца Геронтія, молодой инокъ Алексѣй проводилъ все свое время, кромѣ молитвъ общественныхъ и келейныхъ, въ чтеніи и изученіи священнаго писанія и святоотеческихъ твореній. Чрезъ двадцать лѣтъ монастырскаго искуса и книжной подготовки, инокъ Алексѣй выступилъ на общественное поприще. Тогдашній митрополитъ Θеогностъ взялъ Алексѣя, вѣроятно, по указанію друга его Стефана, брата преп. Сергія и духовника князя, къ себѣ на святительскій дворъ и поручилъ ему завѣдывать судебными дѣлами церкви, что продолжалось 12 лѣтъ. Несомнѣнно, что если не до этого времени, то за это время, будучи въ близкихъ сношеніяхъ съ святителемъ-грекомъ, Алексѣй долженъ былъ изучить и греческій языкъ, что значительно способствовало обогащенію его знаніями. 6-го декабря 1352 г. Θеогностъ посвятилъ Алексѣя во епископа владимірскаго. Въ слѣдующемъ же 1353 г. скончались митрополитъ Θеогностъ и великій князь Симеонъ, которые предъ смертью заповѣдали, чтобы епископъ Алексѣй наслѣдовалъ и митрополичью каθедру. Но прежде чѣмъ утвердиться на митрополичьемъ престолѣ, святителю Алексѣю пришлось вынести немалую борьбу съ другими кандидатами на митрополію: Θеодоритомъ, рукоположеннымъ въ этотъ санъ болгарскимъ патріархомъ, и Романомъ, посвященнымъ въ Константинополѣ по проискамъ и интригамъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, не желавшихъ возвышенія Москвы. Вслѣдствіе этого митрополиту Алексѣю пришлось два раза ѣздить въ Константинополь, послѣдствіемъ чего было утвержденіе его патріархомъ Калластомъ „архіепископомъ Кіева и великой Россіи съ титломъ всечестнаго митрополита и экзарха“. Устроивъ въ Россіи церковныя дѣла, пришедшія, вслѣдствіе бывшей тогда моровой язвы и распрей удѣльныхъ князей, въ крайнее запущеніе, для чего понадобилось даже низложить сарскаго епископа Аθанасія, митрополитъ Алексѣй принялъ горячее участіе въ политическомъ благоустройствѣ своей родины, непосильно

страдавшей какъ отъ татарскаго ига, такъ и отъ усобицъ княжескихъ родовъ. Съ этою цѣлью онъ, подвергая опасности свою жизнь, дважды ѣздилъ въ Золотую орду, причемъ въ первый разъ въ августѣ 1357 г. излѣчилъ слѣпую Тайдулу—жену хана Чанибека, а во второй разъ—въ слѣдующемъ году, причемъ находился въ Ордѣ въ то время, когда прежній добрый ханъ Чанибекъ скончался, а его мѣсто занялъ свирѣпый Бердибекъ, убившій при воцареніи 12 своихъ братьевъ. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что „многу истому пріимъ святитель Алексѣй отъ татаръ въ это время" и только „съ Божіею помощію и пречистою его Матере молитвою цѣлъ и здоровъ отъ насилья поганыхъ возвратился на Русь". При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ печальнику земли русской—святителю Алексѣю удалось не только умилостивить свирѣпаго хана Бердибека, собиравшагося снова опустошить Россію, но и выхлопотать отъ него ярлыкъ для охраны и освобожденія русскаго духовенства отъ всякихъ сборовъ и налоговъ. Съ января 1358 по іюнь 1360 г. святитель Алексѣй прожилъ въ разоренномъ Кіевѣ, занимаясь возстановленіемъ церквей и монастырей. Съ 1359 г., со смертію великаго князя Іоанна, святитель сдѣлался опекуномъ несовершеннолѣтняго сына его Дмитрія, которому помогъ получить въ 1362 г. ярлыкъ на великое княженіе, вмѣсто суздальскаго князя Дмитрія Константиновича, три года величавшагося великимъ княземъ и вѣнчаннаго на это званіе митр. Алексѣемъ въ каѳедральномъ Владимірскомъ соборѣ. Трудами святителя росла и крѣпла власть великаго князя московскаго Димитрія, а строптивость удѣльныхъ князей смирялась рѣшительными мѣрами, доходившими иногда до закрытія церквей, какъ это сдѣлалъ пр. Сергій Радонежскій, согласно волѣ святителя Алексѣя, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, митрополитъ усердно занимался и построеніемъ монастырей. Такъ, въ 1361 г. онъ основалъ въ Москвѣ женскій Алексѣевскій монастырь; въ томъ же году, на берегу Яузы, обѣтный монастырь во имя нерукотвореннаго образа Спасителя, гдѣ первымъ настоятелемъ былъ ученикъ пр. Сергія—Андроникъ, почему и самый монастырь получилъ названіе „Спасоандроніевскаго"; въ 1362 г. основанъ святителемъ Владычній монастырь въ 3 верстахъ отъ гор. Серпухова; въ 1365 г. возстановлены имъ два древнихъ монастыря—Благовѣщенскій въ Нижнемъ и Константино-Еленскій во Владимірѣ. Въ томъ же году основана въ самомъ Кремлѣ обитель въ честь чуда архангела Михаила на мѣстѣ, подаренномъ царицею Тайдулою въ благодарность за исцѣленіе ея. Пробывъ на митрополичьей каѳедрѣ 24 года и посвятивъ свыше 20 епископовъ русской церкви, первосвятитель Алексѣй погребенъ былъ, согласно его завѣщанію, въ Чудовомъ монастырѣ. 20-го мая 1431 г. обрѣтены были его нетлѣнныя мощи, которыя и доселѣ почиваютъ тамъ же. Драгоцѣнными памятниками его пастырскаго ученія служатъ: а) Евангеліе, собственноручно имъ написанное и хранящееся въ Чудовомъ монастырѣ; оно въ 1892 г. издано было въ количествѣ 100 экз. фототипіей; б) окружное посланіе къ паствѣ; в) посланіе къ христіанамъ Нижегородской области (первое изд. въ „Приб. къ тв. св. отцовъ" 1849 г., второе, съ предисловіемъ Невоструева, въ „Душеполезномъ Чтеніи" 1861 г., кн. 1).

Житіе митр. Алексѣя написано Питиримомъ, епископомъ Пермскимъ († въ 1445 г.). Надъ обработкой житія трудился затѣмъ цѣлый рядъ писателей, оканчивающійся чудовскимъ инокомъ во второй половинѣ XVII столѣтія. Наиболѣе извѣстный изъ этого ряда писателей—Пахомій Логоѳетъ, составившій житіе въ 1459 г., по порученію митр. Іоны и собора святителей.—«Степ. кн.», 1, 444—450. — «Никон. лѣт.», 3, 30. 4, 55—8, 209.—«Четьи-Минеи».—«Приб. къ твор. св. отцовъ», 1848 г. кн. 1, 89. «Рус. св.». Филарета.—Макарій, «Ист. рус. церк.»—«Самар. епарх. вѣд.» 1878 г., № 19.—«Источники русской агіографіи», Н. П. Барсукова. — «Указатель Полнаго Собр. Рус. Лѣт.», стр. 14. — «Древнерусскія житія святыхъ», Ключевскаго, стр. 132.

Алексѣй, протопопъ Благовѣщенскаго московскаго собора и духовникъ великаго князя Василія III Іоанновича. Алексѣю великій князь прежде всѣхъ открылъ свое намѣреніе принять схиму передъ смертью; онъ же присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Василія, причащалъ его и напутствовалъ предъ кончиною (3-го декабря 1533 г.).

П. С. Л., VI, 270—273.

Алексѣй, архіепископъ литовскій и виленскій, до постриженія Александръ Ѳедоровичъ *Лавровъ*, род. около 1830 г., ум. 10-го ноября 1890 г., сынъ священ-

ника с. Семеновскаго, Пошехонскаго у., Ярославской губ. По окончаніи курса въ ярославской духовной семинаріи въ 1830 г., онъ поступилъ въ московскую духовную академію, откуда въ 1854 г. вышелъ первымъ по списку магистромъ, получивъ эту степень за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Обѣтованія и пророчества о Христѣ въ пятикнижіи Моисеевомъ". Какъ лучшій и даровитый студентъ, онъ сряду же былъ оставленъ баккалавромъ при академіи, преподавая въ разное время предметы: греческій языкъ, церковную словесность и церковное законодательство, причемъ до 1870 г. занималъ въ академіи должности помощника библіотекаря и библіотекаря, отечески руководя студентовъ, занимавшихся въ академической библіотекѣ. Въ періодъ времени съ 1870 по 1873 г. Лавровъ, какъ выдающійся канонистъ, участвовалъ въ извѣстной коммиссіи по преобразованію судебной части по духовному вѣдомству. Явившись отъ коммиссіи представителемъ и защитникомъ суда епископскаго, онъ тогда же напечаталъ по этому вопросу нѣсколько научныхъ изслѣдованій, изъ коихъ главное мѣсто занимаетъ: „Предполагаемая реформа церковнаго суда" 2 вып., Спб., 1873 г. Еще будучи въ академіи, профессоръ Лавровъ постоянно отличался особеннымъ смиреніемъ, кротостію и религіозностью, вслѣдствіе чего стремился принять священный санъ, но разныя обстоятельства все не позволяли привести въ исполненіе это намѣреніе. Когда же въ 1877 г. скончалась горячо любимая имъ супруга, онъ счелъ это за особенное для себя указаніе Промысла, и 9-го января 1878 г., на 49 году отъ роду, принялъ монашество съ именемъ Алексѣя. 17-го марта того же года онъ возведенъ въ санъ архимандрита и настоятеля Саввина Сторожевскаго монастыря, а 30-го апрѣля того же года хиротонисанъ во епископа можайскаго, второго викарія московской митрополіи. 22-го января 1883 г. епископъ Алексѣй назначенъ первымъ викаріемъ, а 9-го марта 1885 г.—епископомъ таврическимъ. Но не успѣлъ еще преосвященный Алексѣй выѣхать изъ Москвы на таврическую каѳедру, какъ получилъ 11-го мая 1885 г. новое назначеніе на литовскую каѳедру, гдѣ обстоятельства требовали истиннаго свѣтильника вѣры и благочестія, твердаго и опытнаго поборника и защитника православія и русской народности отъ польско-католическихъ интригъ. Неожиданная кончина пресѣкла его труды на пользу того края, гдѣ онъ начиналъ пріобрѣтать къ себѣ полное уваженіе всѣхъ жителей за свою кротость, ласковость, доступность и честное спокойное исполненіе своихъ архипастырскихъ обязанностей, не имѣвшихъ, правда, какихъ-либо громкихъ и блестящихъ обнаруженій, но зато отличавшихся строгою опредѣленностью въ смыслѣ церковности и національности. Изъ печатныхъ трудовъ епископа Алексѣя, всегда отличавшихся глубокою основательностью, богатою эрудиціею и строгостью взгляда съ точки зрѣнія православія и истиннаго патріотизма, извѣстны слѣдующіе, хотя подъ многими онъ изъ скромности и не подписывался: „Жизнь св. Іоанна Дамаскина" („Приб. къ твор. св. отцевъ", 1857 г.); „Архимандритъ Порфирій, настоятель прав. церкви въ Римѣ" („Душ. Чт." 1866 г., № 2); „Памяти Филарета, митр. московскаго" („Душ. Чт." 1868 г., № 1); „Новый вопросъ въ правосл. рус. церкви" („Приб. къ твор. св. от.", 1871 г.); „Вторая апологія по новому вопросу" (ib.); „Третья апологія по новому вопросу" („Моск. Еп. Вѣд." 1872 г., мар.); „Вдовые священнослужители" („Хр. Чт." 1870 г., № 12 и 1871 г., № 1); „Предполагаемая реформа церк. суда". 2 вып., 1873 г.; „Печатное письмо къ А. С. Павлову" („Чтен. общ. люб. дух. просв." 1876 г., № 8); „Слово въ день годичнаго поминовенія рек. моск. акад. прот. А. В. Горскаго" („Прав. Обозрѣн." 1876 г., № 12); „Слово предъ отпѣваніемъ проф. П. С. Казанскаго" (ib., 1878 г., № 3); „Рѣчь въ жен. классической гимназіи Фишеръ" (отд. брош.). Кромѣ того, подъ его редакціею Моск. общ. люб. дух. просв. начало въ 1875 г. и окончило въ 1884 г. капитальный трудъ подъ заглавіемъ: „Правила св. апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ съ толкованіями".

Архивъ Св. Синода.—С. Смирновъ, «Исторія моск. дух. акад.», стр. 143, 144, 242, 399, 401, 407 и 446.

Алексѣй, по прозванію „*Малый*", иконописецъ во Псковѣ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1521 годомъ по слѣдующему поводу: „Псковичи торговые люди, Василій и Ѳедоръ, совѣщавшись отъ своего праведнаго имѣнія написать образъ Пре-

чистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ житіи, изобраша иконописца Алексѣя Малаго, мужа благочестива житіемъ и богобоязлива. И егда написа образъ той, принесоша въ печерскій монастырь и поставиша въ церкви Пречистая Богородица, въ лѣто ҂ЗК҃Ѳ". Икона эта до сихъ поръ находится въ той же церкви.

«Русскій Временникъ», ч. II, 72.—Ровинскій, «Исторія русскихъ школъ иконописи», «Записки Имп. археол. общ.», т. VIII, стр. 127 — 8. — Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 121.

Алексѣй, епископъ екатеринославскій, уроженецъ Тверской губ., до постриженія Александръ Александровичъ *Новоселовъ*, ум. 26-го февраля 1880 г. Съ 1829 по 1837 г. обучался въ тверской семинаріи, а въ 1841 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи со степенью магистра богословія и сряду же назначенъ преподавателемъ полтавской духовной семинаріи, изъ которой въ 1846 г. переведенъ въ тверскую. 25-го апрѣля 1848 г. принялъ монашество и 4-го іюля того же года произведенъ во іеромонаха. Въ апрѣлѣ 1849 г. назначенъ инспекторомъ подольской семинаріи, а 9-го августа 1853 г. произведенъ въ санъ архимандрита. Въ октябрѣ 1856 г. назначенъ ректоромъ подольской же семинаріи и настоятелемъ каменецкаго святотроицкаго первокласснаго монастыря. 10-го мая 1860 г. переведенъ ректоромъ во владимірскую семинарію. 17-го января 1867 г. назначенъ, а 12-го марта хиротонисанъ во епископа томскаго. 21-го августа 1868 г. перемѣщенъ на екатеринославскую каѳедру, а 23-го іюня 1871 г. уволенъ по болѣзни отъ управленія епархіею съ назначеніемъ членомъ московской синодальной конторы. Скончался преосвященный Алексѣй въ Донскомъ монастырѣ и погребенъ на паперти теплой церкви во имя преп. Сергія, вблизи соборнаго храма Донскія Божіей Матери.

Архивъ Св. Синода.

Алексѣй, архіепископъ тверской, до постриженія Руфинъ Ивановичъ *Ржаницынъ*, сынъ протоіерея Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губ., род. въ 1812 г., ум. 9-го іюня 1877 г. Въ училищѣ и семинаріи Ржаницынъ отличался не столько своими способностями и основательностью свѣдѣній, сколько необыкновеннымъ прилежаніемъ и аккуратностью, почему окончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ учениковъ и поступилъ въ 1834 г. въ Московскую духовную академію. Въ 1837 г. Москву посѣтили нѣкоторыя Особы Императорской Фамиліи и, по слухамъ, пожелали видѣть обрядъ постриженія въ монашество молодого студента академіи. Митрополитъ Филаретъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ въ академію и готовымъ къ принятію монашества оказался Руфинъ Ржаницынъ, постриженный 12-го ноября въ Чудовомъ монастырѣ самимъ митрополитомъ съ именемъ Алексѣя. Съ этой минуты Филаретъ до конца своей жизни оказывалъ особенное покровительство и руководительство своему постриженнику, что̀ ясно видно изъ писемъ его къ послѣднему. На слѣдующій день по постриженіи инокъ Алексѣй рукоположенъ во іеродіакона, а 29-го іюня 1838 г.—во іеромонаха, и сряду же по окончаніи курса со степенью магистра богословія назначенъ инспекторомъ и преподавателемъ философскихъ предметовъ въ Московскую духовную семинарію, что̀ въ то время было величайшею рѣдкостью. Въ 1843 г. іеромонахъ Алексѣй опредѣленъ въ ту же семинарію ректоромъ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и настоятеля ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря. Московская семинарія была переведена при этомъ изъ тѣснаго и неудобнаго помѣщенія въ Заиконоспасскомъ монастырѣ въ нарочно купленный для нея домъ графа Остермана, гдѣ ректоръ устроилъ прекрасныя, по тому времени, помѣщенія для жизни какъ учениковъ, такъ и начальствующихъ. Въ 1847 г. открылось мѣсто ректора въ Московской духовной академіи. Вся академическая корпорація была занята вопросомъ о томъ, кто займетъ вакансію. Кандидатами называли: архимандрита Филоѳея, бывшаго тогда ректоромъ виѳанской семинаріи, впослѣдствіи митрополита кіевскаго; Евгенія, инспектора академіи, уважаемаго за свою богословскую ученость и, наконецъ, уже выдвигавшагося тогда своими богословскими трудами инспектора Петербургской академіи знаменитаго Макарія, впослѣдствіи митрополита московскаго. Но Филарету угодно было назначить юнѣйшаго и мало кѣмъ ожидаемаго—архимандрита Алексѣя. Въ теченіе шестилѣтняго своего ректорства въ академіи Алексѣй

болѣе всего заботился объ удобствахъ помѣщенія для студентовъ, объ улучшеніи ихъ стола и одежды, строго требуя отъ нихъ въ то же время исполнительности и аккуратности относительно хожденія на лекціи, подачи сочиненій, и пр. Въ „Историч. запискѣ“, читанной въ 1864 г. по случаю пятидесятилѣтняго юбилея академіи, встрѣчается слѣдующая характеристика: „Съ благодарностью вспоминаемъ имена ректоровъ: Евсевія, дѣятельнаго и опытнаго въ управленіи, писателя плодовитаго и популярнаго; Алексѣя привѣтливаго и милостиваго начальника, памятнаго для студентовъ улучшеніемъ ихъ быта; Евгенія, талантливаго и строгаго богослова“, и проч. 20-го сентября 1853 г. архимандритъ Алексѣй былъ хиротонисанъ въ Москвѣ во епископа дмитровскаго, викарія московской епархіи. 20-го іюля 1857 г. назначенъ на самостоятельную тульскую каѳедру; 29-го августа 1860 г. перемѣщенъ въ таврическую епархію; 28-го ноября 1867 г. назначенъ архіепископомъ рязанскимъ, а 9-го сентября 1876 г.—тверскимъ. Погребенъ онъ въ тверскомъ соборѣ. Обозрѣвая епархіальную дѣятельность епископа Алексѣя, нельзя не замѣтить, что онъ, какъ питомецъ Москвы и въ частности митрополита Филарета, пробывъ 20 лѣтъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ и руководствомъ, невольно усвоилъ его взгляды, характеръ и направленіе, и все это старался вездѣ примѣнять, нисколько не сообразуясь ни съ личными своими способностями, ни съ мѣстными нуждами, задачами и стремленіями. Вслѣдствіе этого онъ не пользовался ни любовію, ни симпатіями духовенства. Къ чести епископа Алексѣя, впрочемъ, нужно замѣтить, что онъ особенно заботился о сиротахъ духовнаго званія, хлопоталъ объ открытіи епархіальныхъ женскихъ училищъ и въ Твери ввелъ даже выборное начало для благочинныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ его надгробномъ словѣ было сказано: „Мы осуждали его за службу церковную, осуждали за его строптивый и нерѣшительный характеръ, осуждали за многое другое... страстію осуждать его были заражены многіе тверскіе жители, хотя онъ у насъ былъ менѣе года... Мы сняли его грѣхи нашимъ осужденіемъ“.

«Тул. еп. вѣд.» 1877 г., №№ 13 и 16.—Архивъ Св. Синода.—С. Смирновъ, «Исторія моск. дух. акад.», стр. 70—73. 123. 229. 315. 349. 362. 370, 380 и 430. — Въ «Прибавленіяхъ къ твор. св. отцовъ» №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 12 помѣщены, за время ректорства Алексѣева въ моск. дух. академіи, рядъ его богословскихъ статей и произнесенныхъ имъ словъ.

Алексѣй, волынскій „градорубь“, построившій много городовъ при Василькѣ Романовичѣ, князѣ волынскомъ. Въ 1276 г. князь Владиміръ Васильковичъ послалъ Алексѣя „съ тоземьци“ въ челнахъ вверхъ по рѣкѣ Лоснѣ, чтобы выбрать удобное мѣсто для крѣпости, которая оберегала бы волынскіе предѣлы отъ литовскихъ набѣговъ. Алексѣй выбралъ мѣсто и поставилъ городъ, названный Каменцомъ.

П. С. Л., II, 206—207.

Алексѣй, судья псковскій, въ 1478 г былъ посланъ къ ливонскому магистру съ требованіемъ освободить захваченныхъ ливонцами псковскихъ гостей, а въ 1501 г. опять по такому же дѣлу ѣздилъ онъ въ Юрьевъ. Ливонцы гостей отпустили, но Алексѣя задержали, требуя выдачи утвари, захваченной псковичами въ церкви Петра и Павла. Когда псковичи отправили другого посла, то ливонцы Алексѣя отпустили, а второго посла задержали.

П. С. Л., IV, 259. 273; VI, 24.

Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ, сынъ царя Алексѣя Михайловича отъ перваго брака его съ Маріею Милославскою, родился 5-го февраля 1654 г., ум. 17-го января 1670 г. По общему отзыву нашихъ лѣтописцевъ и иностранныхъ писателей, царевичъ отличался большими способностями, любознательностью и добрымъ сердцемъ. Алексѣю Алексѣевичу не было еще шести лѣтъ, когда его стали обучать грамотѣ по букварю, затѣмъ чтенію часовника, псалтыри и дѣяній св. апостолъ. Семи лѣтъ царевичъ началъ обучаться письму и церковному пѣнію. Десятилѣтняго Алексѣя Алексѣевича уже не привлекали нарочно выписанныя для него изъ-за границы „дѣтскія потѣхи“. Составивъ себѣ маленькую библіотеку частью изъ пріобрѣтенныхъ, частью изъ оказавшихся у отца книгъ, любознательный царевичъ проводилъ большую часть времени въ чтеніи. Въ числѣ книгъ его библіотеки упоминаются, между прочими, „Лексиконъ“ и „Грамматика“, изданные въ Литвѣ, а также „Космографія“. Для дальнѣйшаго образованія царевича былъ приглашенъ

извѣстный ученый, старецъ Симеонъ Полоцкій. Занятія пошли такъ успѣшно, что двѣнадцати лѣтъ Алексѣй Алексѣевичъ прекрасно владѣлъ латинскимъ языкомъ и упражнялся въ версификаціи. Кромѣ того, его обучали польскому языку и нѣкоторымъ иностраннымъ, а также математикѣ, философіи и чтенію классиковъ. Завершенію образованія царевича много содѣйствовалъ бояринъ А. С. Матвѣевъ, поклонникъ западно-европейскаго просвѣщенія. Онъ устраивалъ театральныя представленія, на которыя ходилъ не только царевичъ, но и самъ Алексѣй Михайловичъ съ царицею и царевнами. Черезъ посредство боярина Матвѣева, Алексѣй Алексѣевичъ знакомился съ образованными путешественниками и иностранцами, проживавшими въ Москвѣ. Такъ какъ старшій сынъ Алексѣя Михайловича, царевичъ Дмитрій, скончался въ 1651 г., то Алексѣй Алексѣевичъ считался наслѣдникомъ престола со дня рожденія своего. Слѣдуя древнему русскому обычаю, царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь въ дальній походъ, за предѣлы государства, долженъ былъ назначить временнымъ правителемъ своего наслѣдника. Между тѣмъ, Берхъ, въ своей книгѣ „Царствованіе Алексѣя Михайловича", а за нимъ и всѣ другіе историки повторяютъ, что Алексѣй Михаловичъ, желая лично предводительствовать войсками, въ войнѣ съ Польшею, поручилъ, 25-го октября 1654 г., управленіе Москвою боярину П. В. Морозову и князьямъ Куракину и Хилкову. Очевидно, это распоряженіе слѣдуетъ понимать только въ буквальномъ смыслѣ, т. е., что названнымъ лицамъ поручено было вѣдать одну только столицу. Временнымъ же правителемъ государства царь назначилъ малолѣтняго царевича, отъ имени котораго издавались грамоты. Послѣднее вполнѣ подтверждается недавно отысканными въ воронежскихъ архивахъ документами, изданными въ числѣ двѣнадцати. Грамоты начинаются словами: „Отъ Государя Царевича і Великого Князя Алексѣя Алексѣевича..." и относятся къ періоду времени съ 22-го апрѣля 1655 г. по 15-е сентября 1656 г. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что одновременно съ грамота мицаревича, въ Воронежѣ получались грамоты и отъ царя Алексѣя Михайловича, писанныя отъ его имени и съ помѣтками въ концѣ названія города, откуда онѣ посылались. Отличаясь душевною и тѣлесною красотою, царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ любимъ не только своимъ народомъ, но и за предѣлами Россіи. Помимо полныхъ уваженія отзывовъ знавшихъ его иностранцевъ, онъ былъ серьёзнымъ кандидатомъ польскаго престола. За его кандидатуру особенно хлопотала королева польская, супруга Яна Казимира, которая намѣревалась выдать за него свою любимую племянницу. Отъ ея имени польскій гетманъ Гонсѣвскій говорилъ боярину Матвѣеву въ Кейданахъ: „Изволилъ бы государь послать королевѣ подарокъ и слово ей далъ: какъ будетъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ въ совершеннихъ лѣтахъ, то женится на ея племянницѣ". Но Матвѣевъ, какъ извѣстно, былъ отправленъ хлопотать за кандидатуру самого Алексѣя Михайловича, поэтому онъ отклонилъ предложеніе польскаго уполномоченнаго, подъ предлогомъ, что „царевичъ малъ, а вѣра греческая далека отъ римской, и этому дѣлу отнюдь нельзя статься". Шестнадцати лѣтъ отъ роду, царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ скончался внезапно, безъ предшествовавшей болѣзни. Его преждевременною кончиною и любовью къ нему народа воспользовался Стенька Разинъ, распустившій слухъ, что царевичъ не умеръ, а бѣжалъ отъ жестокости отца и происковъ бояръ. Алексѣй Алексѣевичъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

«Древняя Россійская Вивліоѳика», т. XIV, стр. 65—67.—Берхъ, «Царств. Алексѣя Михайловича», стр. 84, 85, 244, 252 и примѣч. къ нимъ. — Соловьевъ, т. X, XI и XII, а также примѣч. къ т. XIII, стр. 369, № 181 (изд. IV).— Л. Б. Вейнбергъ, «Мат. по ист. Воронежской и сосѣднихъ губерній», вып. III, «Грамоты царевича Алексѣя Алексѣевича», LXV—LXXVI, и предисловіе собирателя къ этому выпуску.

Л. Вейнбергъ.

Алексѣй Ефремовичъ, бояринъ псковскій, посланъ былъ псковичами въ 1432 г. къ литовскому князю Свидригайлу и заключилъ съ нимъ миръ „по старинѣ, по крестному цѣлованію князя Витовта".

П. С. Л., V, 27.

Алексѣй Игнатьевичъ, воевода московскій; въ 1445 г., когда великій князь Василій Васильевичъ ожидалъ на рѣкѣ Каменкѣ нападенія казанскихъ татаръ, привелъ къ нему на помощь полкъ изъ Владиміра.

П. С. Л., VI, 171.

Алексѣй Михайловичъ, второй русскій царь изъ дома Романовыхъ, сынъ царя Михаила Ѳеодоровича отъ брака съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневой, род. 10-го марта 1629 г., вступилъ на престолъ 13-го іюля 1645 г., ум. 29-го января 1676 г. Въ 1634 г. назначенъ былъ къ царевичу дядькой Борисъ Ив. Морозовъ и въ помощники ему Василій Ивановичъ Стрѣшневъ; тогда же назначены къ царевичу 20 стольниковъ, изъ которыхъ иные надолго сохранили милость его даже когда онъ вступилъ на престолъ. Таковы Аѳанасій Матюшкинъ, любопытныя письма къ которому царя, касающіяся охоты, сохранились до нашего времени, и Василій Голохвастовъ. Ученіе царевича продолжалось съ 1634 по 1637 г. Учился онъ букварю, часослову, апостолу, письму и пѣнію церковному по октоиху, словомъ, прошелъ весь тогдашній курсъ. Остальное добавлялось тогда собственнымъ чтеніемъ, и царь Алексѣй былъ однимъ изъ самыхъ большихъ начетчиковъ своего времени. Замѣчательно, что Морозовъ, извѣстный приверженностью къ иноземнымъ обычаямъ, одѣлъ, какъ царевича, такъ и весь штатъ его, въ нѣмецкое платье. Въ 1642 г. царевичъ былъ объявленъ народу. Ему было только 16 лѣтъ, когда по кончинѣ отца своего онъ вступилъ на престолъ. Ясно, что въ первое время молодой царь не могъ быть самостоятельнымъ; дѣлами правилъ Морозовъ, человѣкъ умный, сознававшій необходимость преобразованій, но своекорыстный и честолюбивый. Первою мѣрою Морозова было введеніе новаго налога на соль, взамѣнъ нѣкоторыхъ мелкихъ налоговъ, и разрѣшеніе продажи табаку, который былъ сдѣланъ монополіей казны. Налогъ на соль вызвалъ ропотъ и былъ одною изъ причинъ послѣдовавшихъ смятеній. Въ 1647 г. царь задумалъ жениться; изъ 200 дѣвицъ, собранныхъ во дворецъ по тогдашнему обычаю, выбрана была дочь Рафа Всеволожскаго. Нашли случай обвинить ее въ томъ, будто она страдаетъ падучею болѣзнью и скрываетъ ее, за что Всеволожскіе были высланы изъ Москвы. Многіе современники обвиняли Морозова въ интригѣ, погубившей невѣсту; обвиненіе это какъ бы подтвердилось тѣмъ, что, когда въ 1648 г., января 16-го, царь вступилъ въ бракъ съ Маріей Ильинишной Милославской, Морозовъ черезъ 10 дней женился на сестрѣ ея Аннѣ. Благодаря этому двойному браку, Милославскій и родственники его, Трахоніотовъ и Плещеевъ, получили важныя назначенія и проявили свое корыстолюбіе; съ ними народная молва соединила имена дьяка Чистаго и гостя Шорина, обвиняемаго въ возвышеніи цѣны на соль.

Жалобы на нихъ не доходили до царя, и потому 25-го мая жалобщики, окруживъ толпою царя, выѣхавшаго на площадь, схватили его лошадь подъ уздцы и просили отставить Плещеева; царь обѣщался; но бояре начали бранить народъ; толпа разсвирѣпѣла; чтобы остановить ее, Плещеева отправили на казнь; но бунтовщики убили его сами; убили также и Чистаго, разграбили домъ Морозова. На другой день волненіе продолжалось; успокоилъ мятежъ дядя царя, бояринъ Романовъ, обѣщаніемъ выдать Трахоніотова и Морозова; первый и былъ выданъ, но Морозова отправили въ Кирилобѣлозерскій монастырь съ письмомъ царя, предписывавшаго беречь „своего пріятеля“. Скоро онъ былъ возвращенъ: Милославскій, чтобы смягчить народъ къ Морозову, угощалъ выборныхъ горожанъ; самъ царь во время одного крестнаго хода произнесъ рѣчь, въ которой, сознавая вину Морозова, выразилъ желаніе возвратить его. Морозовъ возвратился, и вліянія на дѣла не имѣлъ. Открывшіеся недостатки заставили подумать объ ихъ устраненіи: налогъ на соль уничтожили; табакъ, противъ котораго существовало предубѣжденіе, запрещенъ; а въ 1649 г. уничтожена монополія англичанъ, вызывавшая жалобы русскихъ купцовъ; англичанамъ позволено было пріѣзжать только въ Архангельскъ. Любопытно, что одною изъ причинъ этой мѣры выставлено было то, что англичане „государя своего Карлуса короля убили до смерти, за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ быть имъ не довелось“. 16-го іюня 1648 г., по совѣту съ патріархомъ и боярами, положено было составить Уложеніе. Работы по этому дѣлу поручены были боярамъ: князю Никитѣ Ив. Одоевскому, кн. Сем. Вас. Прозоровскому, окольничему кн. Ѳ. Ѳ. Волконскому и дьякамъ: Леонтьеву и Грибоѣдову. 3-го октября 1648 г. проектъ Уложенія представленъ былъ земскому собору. Такая

скорость первоначальной работы, состоявшей въ сведеніи судебниковъ съ послѣдующими указами, Литовскимъ статутомъ и Кормчею, объясняется (К. Д. Кавелинъ) тѣмъ, что главнымъ источникомъ Уложенія послужили записныя книги приказовъ. Соборъ, засѣдавшій до конца января 1649 г., внесъ много новаго въ Уложеніе, что доказывается (Н. П. Загоскинъ) указаніемъ на челобитныя выборныхъ людей. Любопытно, что статьи о Монастырскомъ приказѣ, столь возбудившія противъ себя Никона, относятся къ этому источнику. Составленное такимъ образомъ Уложеніе было подписано выборными и напечатано (точное время изданія Уложенія, по изслѣдованію Н. П. Загоскина, неизвѣстно). Московскія смуты отразились и на другихъ городахъ: взволновался Сольвычегодскъ противъ сборщика податей и Устюгъ Великій противъ своего воеводы. Бунтъ въ этихъ городахъ былъ усмиренъ легко; но труднѣе было усмирить старые вѣчевые города: Новгородъ и Псковъ, взволнованные тѣмъ, что правительство, не рѣшившись выдать Швеціи перебѣжчиковъ кореловъ, постановило заплатить за нихъ хлѣбомъ во Псковѣ. Псковичи, смущенные слухами о томъ, будто царь находится подъ вліяніемъ нѣмцевъ, не хотѣли допустить вывоза хлѣба (1650 г.). Воевода Собакинъ не оказалъ нужнаго такта, городъ взволновался; волненіе распространилось на Новгородъ, гдѣ митрополитъ Никонъ принялъ слишкомъ энергическую мѣру: проклялъ зачинщиковъ; за это бунтовщики ворвались въ соборъ Софійскій и избили митрополита. Въ Москву была послана челобитная. Пришло войско съ кн. Хованскимъ во главѣ; обѣщана смѣна воеводы. Новгородъ смирился; но во Псковѣ бунтъ еще не утихалъ; отсюда тоже послана была челобитная и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо къ боярину Романову съ просьбою о допущеніи къ суду воеводскому земскихъ старостъ и выборныхъ. Въ просьбѣ было отказано: „При предкахъ нашихъ", писали изъ Москвы, „никогда не бывало, чтобы мужики съ боярами, окольничими и воеводами у распросныхъ дѣлъ были и впредь того не будетъ". Подошелъ съ войскомъ Хованскій, присланъ увѣщевать коломенскій епископъ Рафаилъ; созванъ былъ даже соборъ, которому предложенъ вопросъ: что дѣлать, если увѣщанія не подѣйствуютъ? Однако, удалось смирить бунтъ увѣщаніями, и даже „лучшіе люди" перехватали зачинщиковъ и отправили ихъ въ Москву. Въ жизни царя Алексѣя Михайловича важное значеніе имѣетъ сначала сближеніе, а потомъ разладъ его съ знаменитымъ Никономъ. Никонъ, извѣстный своимъ умомъ и благочестіемъ еще патріарху Филарету, обратилъ на себя вниманіе царя, когда въ 1646 г. пріѣхалъ изъ Кожеозерской обители (бывшей въ Олонецкой губерніи) за милостыней въ Москву. Царь оставилъ его въ Москвѣ, и онъ былъ поставленъ архимандритомъ въ Новоспасскій монастырь, родовую усыпальницу Романовыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь приказалъ ему еженедѣльно пріѣзжать въ дворцовую церковь и завѣдывать раздачею милостыни. Въ 1648 г. Никонъ посвященъ былъ въ митрополита новгородскаго. Отдаленіе нѣсколько поколебало вліяніе Никона; быть можетъ, даже слишкомъ энергическій образъ его дѣйствій не особенно нравился; но въ 1651 г. Никонъ снова утвердилъ свое вліяніе. По его мысли, перенесены были въ Успенскій соборъ тѣла Іова и Гермогена и рѣшено было перевезти изъ Соловецкаго монастыря св. мощи Филиппа; это дѣло поручено было митрополиту Никону съ нѣсколькими высшими сановниками. Съ Никономъ послана была грамота къ святому, заключающая въ себѣ просьбу о прощеніи грѣха царя Іоанна. Въ этомъ случаѣ послѣдовали примѣру Ѳеодосія Младшаго, пославшаго такую же грамоту по случаю перенесенія мощей Іоанна Златоустаго. До насъ дошло нѣсколько писемъ царя къ Никону во время этой поѣздки; изъ этихъ писемъ видно, что Алексѣй Михайловичъ совѣтовался съ нимъ не въ однихъ духовныхъ дѣлахъ. Извѣщая о смерти патріарха Іосифа, царь сообщаетъ митрополиту о томъ, какъ онъ самъ переписывалъ имущество, оставшееся послѣ покойнаго, передавая ему боярскіе толки: „Никогда такого безчестія не было, что теперь государь выдалъ насъ митрополиту"; выражаетъ полную радость, что послѣ смѣны дворецкаго „слово его стало во дворцѣ страшно". Словомъ, открываетъ передъ Никономъ всѣ свои дѣла и помышленія. Намеками („обирать на патріаршество именемъ Ѳеогноста", т.-е. извѣстнаго Богу) царь давалъ ему знать, что желаетъ его на па-

тріаршество. Когда Никонъ возвратился, ему предложили патріаршество; онъ отрекался; царь въ слезахъ умолялъ его принять. Никонъ спросилъ, обратясь къ боярамъ и народу: „Будутъ-ли почитать его какъ архипастыря и отца и дадутъ-ли ему устроить церковь?“ Всѣ клялись исполнить его желаніе, и Никонъ согласился. 25-го іюля 1652 г. онъ поставленъ въ патріархи. Долго пользовался онъ полнымъ довѣріемъ царя, который далъ ему титулъ „великого государя“ и звалъ его своимъ „собиннымъ другомъ“; но обстоятельства, о которыхъ будетъ сказано ниже, довели ихъ до окончательнаго разрыва.

Между тѣмъ готовились событія, которыя должны были придать царствованію Алексѣя Михайловича особенное историческое значеніе и повести споръ между Россіею и Польшею къ разрѣшенію, послѣдовавшему при Екатеринѣ II: Малороссія возстала подъ предводительствомъ Хмельницкаго и готова была отдаться Московскому государству. Московское правительство издавна стремилось, между прочими своими цѣлями, къ возвращенію древнихъ русскихъ областей, отторгнутыхъ Польшею, и потому прочнаго мира между двумя государствами существовать не могло; споры порубежные, споры за титулъ всегда вели къ жалобамъ и въ случаѣ нужды могли послужить достаточнымъ предлогомъ къ войнѣ. Сверхъ того, въ Польшѣ находила пріютъ большая часть самозванцевъ, все еще продолжавшихъ появляться. Впрочемъ, въ началѣ царствованія Алексѣя велись съ Польшею переговоры о союзѣ противъ крымцевъ, для чего знаменитый Адамъ Кисель пріѣзжалъ въ Москву; но переговоры эти кончились только оборонительнымъ союзомъ. Подобнаго рода сношеніе было только случайностью, вообще же дипломатическія сношенія двухъ государствъ ограничивались взаимными жалобами. Въ Москвѣ внимательно слѣдили за событіями въ Польшѣ; но къ войнѣ приступали только въ крайнихъ случаяхъ. Принимая перебѣжчиковъ изъ Польши (Остраница), московское правительство не рѣшалось принять подъ свое покровительство казаковъ. Появленіе Хмельницкаго усилило сношенія между Украйною и Москвою; но московское правительство выжидало, опасаясь большой войны и стараясь убѣдиться въ серьезности казацкихъ предложеній. Хмельницкій писалъ: „Мы желаемъ, чтобы государь былъ и ляхамъ, и намъ государемъ и царемъ“; царскіе посланцы находили въ народѣ полную готовность къ соединенію съ Москвою. Послѣ пораженія подъ Берестечкомъ (въ 1651 г.) Хмельницкій грозилъ въ случаѣ невмѣшательства напасть на Москву съ татарами; посланцы московскіе слышали и въ народѣ толки о необходимости подчиниться туркамъ, если Москва не поддержитъ ихъ. Казаки начали переселяться въ московскіе предѣлы: на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска поселились казацкія слободы, впослѣдствіи образовавшія слободскіе полки (Слободская Украйна); самъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ предлагалъ переселиться на Литовскій рубежъ Московскаго государства; но это предложеніе было отклонено. Вмѣшательство пока ограничивалось заступленіемъ за казаковъ передъ польскимъ правительствомъ, конечно, безуспѣшнымъ, даже когда Хмельницкій указывалъ на то, что онъ получаетъ приглашеніе отъ другихъ государствъ, особенно отъ Швеціи, и когда вопросъ о соединеніи былъ рѣшенъ. Попробовали еще разъ послать въ Польшу пословъ; поѣхали кн. Б. А. Репнинъ и кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій; но поляки отвѣчали гордо и даже на требованіе наказанія тѣхъ, кто неправильно писалъ царскій титулъ, отвѣчали требованіемъ выдачи патріарха, поставлявшаго священниковъ въ областяхъ, уступленныхъ Польшѣ при Михаилѣ; о казакахъ же сказали, что ихъ слѣдуетъ обратить въ холоповъ. Эта мирная попытка была послѣднею; къ Хмельницкому послано было увѣдомленіе о пріемѣ его въ подданство, а въ Москвѣ собранъ соборъ для объявленія неправды польскаго короля (1-го октября 1653 г.). Соборъ приговорилъ начать войну съ Польшею. Въ декабрѣ посланъ Бутурлинъ въ Переяславль привести гетмана и все войско запорожское къ присягѣ. 8-го января 1654 г. собралась въ Переяславлѣ рада, на которой войску предложено было избрать въ покровители: короля, султана или царя. На рѣчь гетмана казаки отвѣчали крикомъ: „Волимъ подъ царя восточнаго православнаго! Лучше въ своей вѣрѣ умереть, чѣмъ ненавистнику Христову, поганому достаться“. Войско присягнуло; ка-

тѣли, чтобы Бутурлинъ присягнулъ за царя, но онъ твердо отказался. Въ Кіевѣ митрополитъ съ честію встрѣтилъ Бутурлина, но едва согласился на то, чтобы присягнула его шляхта, Колебанія его понятны: онъ боялся покушеній подчинить его московскому патріарху вмѣсто отдаленнаго константинопольскаго. Въ мартѣ казацкіе посланники Зарудный и Тетеря привезли въ Москву статьи, на которыхъ казаки соглашались на соединеніе. Приготовленія къ войнѣ дѣлались сильныя: въ Голландіи и Швеціи были закуплены мушкеты, въ Голландіи — порохъ; оттуда же были приглашены офицеры. Замѣчательно, что Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ извѣстить о войнѣ короля французскаго и цезаря. Еще лѣтомъ 1653 г. царь дѣлалъ смотръ войску на Дѣвичьемъ полѣ и здѣсь, въ общихъ выраженіяхъ, извѣстилъ о возможности войны. 25-го октября онъ прямо объявилъ въ Успенскомъ соборѣ, что война начинается. Въ началѣ 1654 г. началось движеніе войскъ: первымъ вышелъ кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой, который долженъ былъ идти черезъ Брянскъ въ Украйну и тамъ соединиться съ Хмельницкимъ; 18-го мая выступилъ самъ царь, съѣздивъ предварительно помолиться къ Троицѣ и въ Саввинъ монастырь. Это главное войско двинулось на Смоленскъ; бояринъ Вас. Бор. Шереметевъ отправился въ Бѣлгородъ охранять границу отъ крымцевъ; къ Полоцку шелъ Вас. Петр. Шереметевъ; Хмельницкій отрядилъ наказнаго гетмана Золотаренко въ Бѣлоруссію. Въ этой войнѣ московскимъ войскамъ много помогло то обстоятельство, что народъ вездѣ стоялъ за нихъ, а поляки ждали и въ Бѣлоруссіи казацкой войны. Къ тому же и государь многихъ привлекалъ своею милостью: кто покорялся изъ шляхты, тотъ получалъ жалованіе; кто не покорялся, того отпускали. Дорогобужъ, Бѣлой, Невель сдались въ нѣсколько дней. 28-го іюня государь сталъ подъ Смоленскомъ, на другой день его поздравили со взятіемъ Полоцка. Затѣмъ сдались Рославль и Мстиславль. Даже пораженіе, понесенное русскимъ войскомъ подъ Оршею, не остановило его успѣховъ, ибо вскорѣ послѣ того Радзивиллъ, тѣснимый войскомъ, вчетверо многочисленнѣйшимъ, отступилъ къ Нѣману и былъ разбитъ Трубецкимъ близь Борисова. Золотаренко, овладѣвъ Гомелемъ, Быховымъ, Пропойскомъ, соединился съ царемъ подъ Смоленскомъ. 23-го сентября сдался Смоленскъ. Послѣ этого царь возвратился въ Вязьму. Въ Москвѣ, между тѣмъ, свирѣпствовала язва, заставившая царицу и Никона удалиться изъ Москвы. Это бѣдствіе многіе приписывали нововведеніямъ Никона; началось волненіе въ народѣ, но, къ счастью, было непродолжительно; мѣры, принятыя для пресѣченія заразы: остановка сообщеній, устройство заставъ, засѣкъ, были неудовлетворительны по недостатку военной силы. Смертность въ Москвѣ и по городамъ была чрезвычайно велика; всего, какъ полагаютъ, умерло въ Россіи до 700.000 чел. Въ началѣ декабря моръ прекратился. Между тѣмъ, Шереметевъ взялъ Витебскъ; Хмельницкій же дѣйствовалъ чрезвычайно медленно, а Золотаренко ссорился съ царскими воеводами. Раннею весною 1655 г. царь снова выступилъ въ походъ. Велижъ и Минскъ сдались. Кн. Як. Куденетовичъ Черкасскій, соединясь съ Золотаренко, разбилъ Радзивилла и Гонсѣвскаго въ полмили отъ Вильны, послѣ чего городъ сдался (29-го іюля). Вскорѣ сдались Ковно и Гродно. 3-го іюля царь торжественно въѣхалъ въ Вильну и принялъ титулъ государя полоцкаго и мстиславскаго, а потомъ великаго князя литовскаго, Бѣлыя Россіи, волынскаго и подольскаго. Между тѣмъ, Хмельницкій и Бутурлинъ успѣшно дѣйствовали въ Червонной Руси и Польшѣ. Посреди успѣховъ русскихъ войскъ явилось новое неожиданное усложненіе: Карлъ X, преемникъ Христины, задумалъ воспользоваться затрудненіемъ Польши и утвердить на сѣверѣ господство Швеціи. Онъ вступилъ въ союзъ съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, желавшимъ прекратить свою ленную зависимость отъ Польши. Въ іюлѣ 1655 г. войска шведскія вступили въ Великую Польшу. Въ августѣ явился самъ король, занялъ лѣвый берегъ Вислы, потомъ взялъ Варшаву и Краковъ; Янъ Казиміръ удалился въ Силезію. Эти обстоятельства побудили Польшу искать мира или, по крайней мѣрѣ, возможности задержать одного врага. Начались переговоры о перемиріи. Посредничество къ заключенію мира принялъ на себя цезарь, для котораго важно было, чтобы католическая Польша не уступила мѣста протестантской

Швеціи: въ октябрѣ 1655 г. послы его, Аллегретти и Лорбахъ, явились въ Москвѣ. Въ ноябрѣ царь возвратился въ Москву. Тогда принято было посредничество цезаря и послѣ пріѣзда польскаго посланника назначенъ былъ съѣздъ для переговоровъ. Шведскими послами, жившими тогда въ Москвѣ, указаны были неправды ихъ короля: занялъ онъ города, уже прежде завоеванные русскими; съ Даніей завязались переговоры о союзѣ противъ Швеціи. Не смотря на заявленіе Карла X, будто непріязненныя столкновенія начались противъ его воли, 17-го мая война была объявлена; но еще 15-го посланъ былъ Потемкинъ къ Канцамъ (Ніеншанцъ, нынѣ Охта) и скоро взялъ крѣпость; 15-го іюля самъ царь вступилъ въ Ливонію, 31-го былъ взятъ Динабургъ и названъ Борисоглѣбскомъ; взятый вскорѣ затѣмъ Кокенгаузенъ переименовали Царевичевымъ Дмитріевымъ городомъ. 20-го августа царь осадилъ Ригу, но эта осада была снята, ибо разнесся слухъ, что Карлъ X идетъ на Ливонію. Взятіемъ Дерпта окончились удачи русскихъ въ этой войнѣ. Царь отступилъ къ Полоцку, гдѣ и ожидалъ извѣстій о ходѣ переговоровъ, начавшихся близъ Вильны. Съ русской стороны уполномоченными были: кн. Н. Ник. Одоевскій, кн. И. И. Лобановъ-Ростовскій и дьяки Дохтуровъ и Юрьевъ; съ польской: Красинскій, воевода полоцкій, и Завиша, маршалокъ великій. Въ то же время въ мѣста, занятыя русскими, разнесены были грамоты, извѣщавшія, что царь не отказывается отъ вел. кн. Литовскаго. 24-го октября заключено при посредствѣ цезарскихъ пословъ перемиріе, которымъ положено: прекратить военныя дѣйствія; до заключенія вѣчнаго мира Россіи владѣть завоеванными мѣстами; помогать другъ другу въ войнѣ со Швеціею; созвать для избранія Алексѣя Михайловича въ преемники Яну Казиміру особый сеймъ, на которомъ должны быть уполномоченные отъ царя; унію уничтожить, дозволить свободное исповѣданіе и православной, и католической вѣры. Царь былъ доволенъ этимъ договоромъ; недоволенъ былъ Хмельницкій, который писалъ царю, что если бы велѣлъ онъ ему, своему вѣрноподданному, идти на ляховъ, „то и безъ посольскихъ бы договоровъ будетъ онъ, великій государь, коруною Польшей и вел. кн. литовскому обладателемъ къ московскому государству вкупѣ". Нетерпѣливый и самовластный гетманъ подъ вліяніемъ неудовольствія вошелъ въ сношенія съ иностранными державами: со Швеціей, Венгріей и даже Польшей. Въ началѣ 1657 г. онъ заключилъ договоръ съ Карломъ, по которому Украйна признавалась совершенно независимою, а Польша дѣлилась между Карломъ и Рагоци. Между тѣмъ въ Польшѣ началось религіозное движеніе противъ шведовъ-протестантовъ, и положеніе Карла X становилось затруднительнымъ; Чарнецкій дѣйствовалъ противъ него съ успѣхомъ; Янъ Казиміръ ободрился. Въ Москвѣ охладѣли къ войнѣ со Швеціею; не охладѣлъ только воевода Царевичева Дмитріева города, Аѳ. Лавр. Ордынъ-Нащокинъ, этотъ просвѣщенный и умный дипломатъ, мечтавшій о пріобрѣтеніи морского берега. Дѣла малороссійскія становились все болѣе и болѣе запутанными, особенно по смерти Богдана (27-го іюля 1657 г.). Гетманомъ еще при жизни Богдана былъ избранъ шестнадцатилѣтній сынъ его Юрій; но хитрый польскій шляхтичъ Выговскій, бывшій писаремъ, успѣлъ устроить такъ, что, по смерти стараго гетмана, его избрали въ гетманы на то время, пока Юрій будетъ учиться. Въ Украйнѣ въ то время были двѣ партіи: большинство, простые казаки, искренно желавшіе соединенія съ единовѣрною Москвою, и меньшинство, *значные* казаки, желавшіе обратиться въ польскую шляхту и подчинить себѣ большинство. Выговскій былъ представителемъ этой партіи. Зная слабость Польши, Выговскій искалъ себѣ опоры въ союзѣ съ Крымомъ. Когда это узнали въ Москвѣ, послали денегъ и запасовъ донскимъ козакамъ и тѣмъ дали имъ возможность напасть на Крымъ. Между главными лицами казацкими нашлись противники Выговскаго; самымъ важнымъ изъ нихъ былъ полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь. Видя шаткость своего положенія, Выговскій долженъ былъ хитрить съ Москвою; но въ Москвѣ знали положеніе дѣлъ, знали, что ни черни, ни запорожцевъ не было на избирательной радѣ и требовали новой рады, которая собралась въ Переяславлѣ; на этой радѣ тоже не было запорожцевъ; здѣсь московскій посланецъ Хитровъ предложилъ послать въ городъ московскихъ

воеводъ; Выговскій оттянулъ переговоры объ этомъ. Когда на этой радѣ Выговскій былъ избранъ снова, онъ рѣшился покончить съ Пушкаремъ, который не шелъ на мирныя соглашенія; соединясь съ татарами, гетманъ разбилъ и убилъ Пушкаря. Въ Москвѣ все еще надѣялись удержать Выговскаго и не принимали рѣшительныхъ мѣръ, а между тѣмъ онъ заключилъ съ Польшею Гадячскій договоръ (въ сентябрѣ 1658 г.) которымъ Украйна присоединялась къ Польшѣ и Литвѣ на основаніи полнаго равенства. Выговскій продолжалъ притворяться даже тогда, когда его войска появились подъ Кіевомъ и были отбиты. Измѣна Выговскаго оживила Польшу. Сдѣланное на сеймѣ предложеніе объ избраніи царя въ наслѣдники Яна Казиміра было встрѣчено протестомъ епископовъ, требовавшихъ отъ него принятія католицизма; новый съѣздъ пословъ обоихъ государствъ кончился ничѣмъ: поляки требовали возвращенія Литвы; война возобновилась. Кн. Ю. А. Долгорукій разбилъ и взялъ въ плѣнъ Гонсѣвскаго при Вартѣ; но Выговскій, соединясь съ ханомъ, разбилъ Трубецкаго подъ Конотопомъ (27-го іюня 1659 г.); въ этомъ бою погибъ цвѣтъ московской конницы; въ плѣнъ взято 5.000 чел. Слухъ о пораженіи взволновалъ Москву: начали укрѣплять городъ. Ханъ ушелъ и тѣмъ ослабилъ Выговскаго; собралась новая рада; выбрали Юрія Хмельницкаго, который подчинился Москвѣ на условіяхъ, менѣе благопріятныхъ, чѣмъ условія Богдана. Неустойчивость малороссійскихъ дѣлъ побудила искать мира со Швеціею: еще въ 1657 г. заговаривали объ этомъ со стороны Швеціи, но коммиссары съѣхались на Наревѣ (у Веліасара) въ 1658 г. Съ русской стороны были кн. Прозоровскій и Ординъ-Нащокинъ. Заключено перемиріе на три года съ удержаніемъ за Россіею ея завоеваній въ Ливоніи (20-го декабря). Въ 1661 г. былъ заключенъ договоръ въ Кардиссѣ (21-го іюня) шведскимъ посломъ Бентгорномъ и русскимъ кн. И. С. Прозоровскимъ: Россія уступила всѣ свои завоеванія. Иначе поступить было невозможно: Польша вела войну счастливо, а финансы царскіе были чрезвычайно запутаны. Поляки, уже обезпеченные оливскимъ миромъ съ Швеціею (въ апрѣлѣ 1660 г.), надѣясь на постоянныя измѣны казаковъ, могли дѣйствовать энергично: на Волыни В. Б. Шереметевъ, встрѣтивъ Потоцкаго и Любомирскаго у Любара, принужденъ былъ отступить къ Чуднову, гдѣ нѣсколько дней держался въ укрѣпленномъ лагерѣ и мужественно бился; но измѣна Хмельницкаго заставила его согласиться на унизительный договоръ, по которому московскіе воеводы должны были очистить украинскіе города, а самъ Шереметевъ остался заложникомъ (23-го октября 1660 г.); но кн. Барятинскій, стоявшій подъ Кіевомъ, и Чаадаевъ въ самомъ Кіевѣ, отказались исполнить этотъ договоръ, и Шереметевъ остался плѣнникомъ въ Крыму. Въ Москвѣ встревожились этимъ извѣстіемъ; царь началъ готовиться къ отъѣзду въ Нижній. Тѣмъ не менѣе, дѣла въ Украйнѣ были не такъ плохи: оказалось, что за царя вся лѣвая сторона Днѣпра и Запорожье; правда, здѣсь появились три кандидата на гетманство: наказный гетманъ Самко, нѣжинскій полковникъ Золотаренко и запорожскій кошевой Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, которые другъ на друга жаловались въ Москву. Польское же войско требовало жалованья и, не получая его, разошлось. Это обстоятельство помогло русскимъ оправиться. Царское правительство поспѣшило выборомъ гетмана, ибо Юрій, оставленный поляками, началъ съ нимъ переговоры: къ тому же, предпочтеніе одного соперника другому непремѣнно повело бы къ измѣнѣ того, который былъ отстраненъ. Посреди постоянныхъ смутъ и взаимныхъ доносовъ московское правительство имѣло нужду въ преданномъ человѣкѣ, который имѣлъ бы вліяніе и стоялъ внѣ партій. Такимъ человѣкомъ преимущественно могло быть лицо духовное; но не митрополитъ, ибо съ вопросомъ о митрополитѣ соединялся вопросъ о подчиненіи его константинопольскому или московскому патріарху; поэтому, не признавая Діонисія, измѣнившаго съ Выговскимъ, въ Москвѣ не могли и думать о новомъ митрополитѣ. Выборъ остановился на нѣжинскомъ протопопѣ Максимѣ Филимоновѣ, извѣстномъ своею преданностью Москвѣ. Поставленный въ епископы мстиславскіе (5-го мая 1661 г.) подъ именемъ Меѳодія, онъ пріѣхалъ въ Малороссію, и когда собралась рада и былъ выбранъ Самко, Меѳодій протестовалъ противъ этой рады потому, что

на ней не было черни и запорожцевъ. Скоро заподозрѣли Самко на основаніи его родства съ Хмельницкимъ, который снова появился съ крымцами, даже имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но вслѣдствіе волненіи въ своемъ войскѣ отдалъ булаву Тетерѣ и постригся. Меѳодій стоялъ за Брюховецкаго, но окончательно споръ рѣшился уже въ 1663 г. на черной радѣ въ Нѣжинѣ (18-го іюня). Брюховецкій выбранъ гетманомъ, а враги его Самко и Золотаренко казнены. Пока въ Малороссіи шли смуты, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи войска московскія терпѣли пораженія. Осенью 1661 г. Хованскій былъ разбитъ поляками при Кушликахъ. Потеряны Гродно, Могилевъ, Вильна, гдѣ воевода кн. Мышецкій, оказавшій героическое сопротивленіе, былъ казненъ поляками. Повсюду русское войско терпѣло нужду отъ недостатка припасовъ и отъ финансоваго кризиса, выразившагося въ выпускѣ мѣдныхъ денегъ. Все это заставило желать мира: въ 1661 г. явились въ Москву цесарскіе послы Августинъ фонъ-Мейернъ (впослѣдствіи баронъ фонъ-Мейербергъ) и Орацію Кальвуччи съ предложеніемъ посредничества. Царь отправилъ гонца въ Варшаву съ изъявленіемъ готовности начать переговоры, но король, надѣясь возвратить Малороссію, отклонилъ предложеніе. Въ 1662 г. посланъ былъ Ордынъ-Нащокинъ, которому довѣрено было уступить Смоленскъ и сѣверскіе города, лишь бы только сохранять южную Ливонію. Но Янъ Казиміръ предпочелъ лично вступить въ Украйну, чтобы оружіемъ пріобрѣсти выгодный миръ. Въ октябрѣ 1663 г. онъ перешелъ Днѣпръ и прошелъ до Глухова, гдѣ потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ отступить, хотя полководцы его, Чарнецкій и Янъ Собѣскій, впослѣдствіи король, успѣшно дѣйствовали въ Малороссіи; между тѣмъ кошевой Сѣрко и стряпчій Косаговъ сдерживали татаръ. Брюховецкій и Ромодановскій, послѣ отступленія короля, снова заняли нѣкоторые города. Полоцкъ, Витебскъ и Динабургъ взяты были русскими воеводами. Всѣ эти событія, впрочемъ, мало подвигали дѣло къ концу: въ Украйнѣ, кромѣ присутствія поляковъ и раздѣленія войска на двѣ стороны по теченію Днѣпра, существовали еще иныя причины несогласій: казаки косо смотрѣли на горожанъ; духовенство не желало подчиненія Москвѣ, ибо власть отдаленнаго константинопольскаго патріарха пріучила главу его къ самостоятельности; къ тому же оно считало себя гораздо образованнѣе московскаго духовенства: затѣмъ царское правительство постоянно считало нужнымъ ввести своихъ воеводъ во всѣ малороссійскіе города, а Малороссія смотрѣла на это недовѣрчиво. Брюховецкій рѣшился отправиться въ Москву, гдѣ уступками надѣялся создать себѣ твердую опору. Это понятно: запорожецъ, бывшій слуга Хмельницкаго, былъ представителемъ *черни* и настолько же склонялся къ Москвѣ, насколько шляхтичъ Выговскій склонялся къ Польшѣ. Въ Москвѣ (въ сентябрѣ 1665 г.) Брюховецкій согласился на назначеніе воеводы и даже самъ потребовалъ назначенія митрополита изъ Москвы: съ мѣстнымъ, стоявшимъ за самостоятельность, онъ не ужился бы. Въ декабрѣ онъ вернулся, получивъ санъ боярина и женившись на дочери кн. Д. А. Долгорукова. Его призывали въ Малороссію совершившіяся тамъ событія: мѣсто Тетери занялъ энергическій, предпріимчивый Петръ Дорошенко, который, не надѣясь на Польшу, занятую тогда возстаніемъ Любомірскаго, и опасаясь московскихъ порядковъ, непріятныхъ для вождей Малороссіи, рѣшился поддаться туркамъ и съ ихъ помощью соединить подъ своей булавою всю Украйну. Меѳодій извѣстилъ царя и Брюховецкаго о новой опасности. Пріѣздъ Брюховецкаго былъ встрѣченъ въ Малороссіи нерадостно: города были недовольны его корыстолюбіемъ и притязаніями на уничтоженіе привилегій, казаки — назначеніемъ воеводы изъ Москвы, а также и тѣмъ, что доходы Малороссіи, которые по статьямъ Хмельницкаго, должны идти на содержаніе войска, попадали въ руки старшинъ, стремившихся обратиться въ высшее сословіе. Болѣе всего недовольны были предложеніемъ назначить митрополита изъ Москвы. На это жаловался и Меѳодій. Неудовольствіе еще болѣе возрасло послѣ заключенія Андрусовскаго перемирія. Миръ нуженъ былъ обѣимъ сторонамъ: пересылались о немъ съ обѣихъ сторонъ, и послы русскіе и польскіе съѣхались было въ Дуровичахъ (близъ Краснаго), но не сошлись въ условіяхъ (1664 г.). Любопытно, что одинъ изъ русскихъ пословъ, Ордынъ-Нащокинъ, по-

далъ царю записку, въ которой указывалъ на то, что миръ съ Польшею необходимъ для того, чтобы обратиться противъ Швеціи, для чего можно было, по его мнѣнію, пожертвовать Малороссіею, но царь на это не согласился. Послѣ новыхъ пересылокъ, къ которымъ Польшу побуждало возстаніе Любомирскаго, послы съѣхались, въ апрѣлѣ 1666 г., въ деревнѣ Андрусовѣ. Съ русской стороны главнымъ дѣятелемъ былъ Ординъ - Нащокинъ, съ польской— Юрій Глѣбовичъ, староста жмудскій. Переговоры затянулись до 13-го января 1667 г., когда заключено было перемиріе на 13 лѣтъ. Польша получила Витебскъ, Полоцкъ, Динабургъ и всю Ливонію, а также правобережную Украйну; Кіевъ на два года оставался за Россіею; Запорожье состояло подъ покровительствомъ обоихъ государствъ. Андрусовскій договоръ, несмотря на свой, повидимому, временный характеръ, заключилъ вѣковую борьбу съ Польшею, которая уже не подымалась болѣе въ этомъ видѣ, и окончательно утвердилъ преобладаніе Москвы; но Украйну онъ не удовлетворилъ: ее болѣе всего поразила уступка праваго берега Днѣпра, особенно Кіева. Дорошенкѣ оставалось или подчиниться Польшѣ, или вести съ нею войну. Онъ рѣшился на послѣднее, несмотря, на то, что изъ Москвы ему совѣтовали не соединяться съ „агарянами". Съ крымцами окружилъ онъ гетмана Собѣскаго, вступившаго въ Украйну, и только отступленіе хана, вызванное нападеніемъ Сѣрка на Крымъ, спасло поляковъ. Помирясь на время съ поляками, Дорошенко не покидалъ, однако, надежды на соединеніе обѣихъ половинъ Украйны. Недовольство андрусовскимъ договоромъ поддерживало его надежды. Ему удалось соблазнить самого Брюховецкаго обѣщаніемъ вручить ему булаву. Брюховецкій принялъ покровительство турокъ; на Украйнѣ начались возстанія; только въ немногихъ городахъ оставались царскіе воеводы. Дорошенко торжествовалъ и, переѣхавъ на лѣвый берегъ, приказалъ убить Брюховецкаго; но, вызванный своими семейными дѣлами въ Чигиринъ, поручилъ войско Многогрѣшному, который перешелъ на сторону Россіи и на радѣ въ Глуховѣ былъ избранъ гетманомъ (1669 г.). Дорошенко обратился къ султану Магомету IV, который объявилъ Польшѣ войну. Королю Михаилу Вишневецкому, выбранному послѣ отреченія Яна Казиміра, султанъ послалъ грозную грамоту съ требованіемъ очищенія Украйны. Вслѣдъ за грамотою турецкое войско вошло въ Украйну и взяло Каменецъ-Подольскій (1672 г.). Поляки спѣшили заключить буджановскій миръ, и хотя на слѣдующій годъ Янъ Собѣскій, избранный королемъ въ 1673 г., возобновилъ войну и разбилъ турокъ у Хотина, но очистить отъ нихъ польскую Украйну было трудно. Пользуясь тѣмъ, что поляки уступили Украйну туркамъ, въ Москвѣ совершенно измѣнили политику. Гетманъ Самойловичъ, занявшій мѣсто Многогрѣшнаго, свергнутаго по желанію старшинъ и отвезеннаго въ Сибирь, въ концѣ 1673 г. вступилъ въ Заднѣпровье. Города сдавались ему одинъ за другимъ, крымцы были разбиты, а Дорошенко заперся въ Чигиринѣ. Въ февралѣ 1674 г. старшины, отрекшись отъ него, присягнули царю; на радѣ, созванной кн. Ромодановскимъ, Самойловичъ былъ провозглашенъ гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра.

Тяжелая 30-ти-лѣтняя война требовала большихъ пожертвованій отъ народа, казна была истощена. Сверхъ того, ограниченіе иноземной торговли уменьшило ввозъ серебра. Средство облегчить положеніе найдено по совѣту Ѳ. М. Ртищева: выпущены мѣдныя деньги, которыя должны были ходить наравнѣ съ серебряными. Такъ продолжалось до 1658 г., когда, послѣ измѣны Выговскаго, въ Малороссіи, вслѣдствіе смутъ, поколебалось довѣріе къ правительству; тогда деньги эти начали падать: на рубль приходилось наддавать по 6 денегъ. Паденіе курса шло быстро, и въ 1665 г. на 1 р. сер. приходилось давать 12 мѣдью. Дороговизна настала страшная. Къ этому еще присоединилась выдѣлка фальшивыхъ денегъ, которую не остановили и строгія мѣры, ибо фальшивые монетчики давали взятки тестю царя Милославскому и въ поддѣлкѣ монетъ участвовали даже головы, которымъ порученъ былъ надзоръ за монетнымъ дѣломъ. Народъ началъ роптать; появились на улицахъ бумажки съ именемъ лицъ, участвовавшихъ въ денежномъ дѣлѣ. Нашлись люди, которые хотѣли снести бумажку къ Милославскому; у нихъ вырвали ее и торжественно прочли въ церкви св. Ѳеодосія на Лубянкѣ. Изъ церкви толпа отправи-

лась въ Коломенское, гдѣ тогда былъ царь, съ крикомъ: „Милославскаго, Ртищева!" Царь вышелъ къ народу. Ему показали письмо; онъ обѣщалъ разобрать дѣло, даже съ однимъ изъ толпы „ударилъ по рукамъ". Толпа стала расходиться. Въ то время изъ Москвы шла вторая толпа, захватившая сына гостя Шорина, тоже подозрѣваемаго по денежному дѣлу. На дорогѣ встрѣтила она царя крикомъ: „выдай измѣнниковъ". „Я—государь,—сказалъ царь, — мое дѣло сыскивать и наказаніе учинить, кому доведется, по своему; дѣла такъ не оставлю, въ томъ жена моя и дѣти порукою". Крики не унимались; стрѣльцы и придворные начали разгонять толпу; она разбѣжалась: кое-кто утонулъ, много было перебито и переловлено. Наказанія были строгія, но составителя записки не нашли. Въ 1665 г. вышелъ указъ оставить дѣлать мѣдныя деньги и ввести опять серебряныя.

Ко всѣмъ бѣдствіямъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, прибавилась ссора царя съ патріархомъ. Никонъ, любимый другъ царя, по своему характеру долженъ былъ имѣть много враговъ. Гордый, самовластный, полный вѣры въ свою власть, онъ не зналъ предѣла своей волѣ. Съ одной стороны, своими мѣрами для исправленія книгъ и церковныхъ обрядовъ онъ возбудилъ противъ себя приверженцевъ старины, а съ другой—личнымъ характеромъ нажилъ много враговъ. Враги Никона были и между людьми близкими къ царю: Стрѣшневъ назвалъ свою собаку Никономъ; раздраженъ былъ противъ него и Романовъ; при дворѣ царицы благосклонно слушали защитниковъ старины, видѣвшихъ въ Никонѣ нововводителя. Раздраженіе было обоюдное: Никонъ принималъ энергическія мѣры, а враги противоставляли ему свое ожесточеніе, рѣзко его осуждали, не останавливались и передъ клеветою, иногда и несознательной. Къ тому же, Никонъ являлся противникомъ Уложенія и осуждалъ его при всякомъ случаѣ. Продолжительное отсутствіе царя, по справедливому замѣчанію Соловьева, усилило самовластіе Никона, а съ другой стороны царь въ отдаленіи отвыкъ отъ его вліянія и многое въ образѣ дѣйствій патріарха должно было его поразить, тѣмъ болѣе, что жалобы и внушенія шли съ разныхъ сторонъ. Трудно опредѣлить, когда начался разрывъ; вѣроятно, это дѣлалось постепенно: царь просто началъ удаляться отъ Никона. Первымъ явнымъ поводомъ къ разрыву былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю пріѣзда грузинскаго царевича Таймураза (1654 г.). Никонъ не былъ приглашенъ, а окольничій Хитровъ ударилъ во дворцѣ палкою патріаршаго боярина, посланнаго разузнать, отчего это произошло. Никонъ написалъ къ царю, царь не отвѣтилъ, а между тѣмъ послалъ кн. Ю. Ромодановскаго сказать ему, чтобы онъ не назывался „великимъ государемъ". Раздосадованный Никонъ рѣшился сложить съ себя патріаршество. 10-го іюля 1658 г., прочитавъ въ Успенскомъ соборѣ поученіе Златоуста объ обязанностяхъ пастыря, онъ объявилъ, что онъ пастырь неискусный, а потому отказывается отъ сана. Написавъ письмо къ царю, онъ сѣлъ ожидать отвѣта; пришли бояре и стали упрекать его за титулъ „великаго государя". Три дня прожилъ Никонъ въ Москвѣ и, не дождавшись отвѣта, уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. Сюда явились къ нему кн. Трубецкой и Лопухинъ съ вопросомъ: почему уѣхалъ?— Уѣхалъ по болѣзни—отвѣчалъ онъ. Бояре намекнули, что можно выбрать другого патріарха. Царь все медлилъ, а взаимное раздраженіе росло: бояре сдѣлали обыскъ въ патріаршемъ домѣ; Никонъ былъ обиженъ, обиженъ былъ и тѣмъ, что крутицкій митрополитъ совершилъ „хожденіе на осляти". Оскорбленіе свое онъ выражалъ рѣзко и тѣмъ еще усиливалъ неудовольствіе. Въ февралѣ 1660 г. рѣшено было созвать соборъ для разсужденія о выборѣ новаго патріарха. Рѣшили поставить новаго патріарха, а Никона считать чуждымъ архіерейства, чести и священства. Эго послѣднее рѣшеніе основано на постановленіи собора, созваннаго въ IX в. по дѣлу Фотія („первовторой"). Епифаній Словенецкій, составлявшій актъ собора, призналъ вторую половину рѣшенія незаконною. Мнѣніе его восторжествовало: Никонъ признанъ отрекшимся. Самъ онъ требовалъ себѣ участія въ постановленіи; но и его желаніе, и постановленіе собора остались безъ послѣдствій. Въ началѣ 1661 г. Никонъ вернулся въ Воскресенскій монастырь изъ Крестоваго, куда былъ удаленъ въ ожиданіи нападенія Выговскаго на Москву. Здѣсь ждала его новая непріятность: монастырскій приказъ

управляемый его врагомъ, отдалъ землю, принадлежавшую монастырю, окольничему Боборыкину. Никонъ тщетно жаловался и потому рѣшился прибѣгнуть къ самоуправству: велѣлъ крестьянамъ сжать рожь на этой землѣ и свезти въ монастырь. Боборыкинъ подалъ челобитную; крестьянъ позвали въ судъ. Никонъ написалъ царю рѣзкое письмо. Въ это время пріѣхалъ въ Москву митрополитъ Газскій Паисій Лигаридъ, подвергшійся въ отечествѣ запрещенію и искавшій убѣжища въ Россіи. Умный, образованный, но хитрый грекъ понялъ выгоду стать на сторонѣ враговъ Никона. Стрѣшневъ написалъ ему вопросы по дѣлу Никона, на которые Паисій отвѣчалъ тонко и изворотливо. На эти вопросы и отвѣты Никонъ составилъ свои замѣчанія, любопытныя для опредѣленія и его характера, и его іерархическихъ стремленій. Скоро Паисію представился случай личнаго знакомства съ Никономъ: отчаясь въ полученіи земли, присужденной Боборыкину, Никонъ проклялъ его; Боборыкинъ донесъ, что онъ проклялъ царя; наряжена была коммиссія изъ членовъ духовныхъ, въ числѣ которыхъ былъ Паисій, и свѣтскихъ. Коммиссія вела себя неприлично: подъ благословеніе не подошли; говорили больше не о дѣлѣ, такъ какъ Никонъ утверждалъ, что царя не проклиналъ; тоже подтверждали служки. Впрочемъ, члены коммиссіи ѣздили едва ли не за тѣмъ, чтобы раздражить Никона, чего и достигли: онъ наговорилъ много вреднаго для себя: „за такія обиды,—говорилъ онъ,— и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли!". Паисій, теперь ставшій открытымъ врагомъ Никона, предложилъ послать къ восточнымъ патріархамъ. Царь отвѣчалъ: „да, но дай мнѣ немного подумать и посовѣтоваться съ боярами". Бояре рѣшили послать; письмо было составлено изъ вопросовъ о царской и патріаршей власти, но безъ упоминанія имени Никона. Съ письмомъ посланъ былъ грекъ Мелетій, пріятель Паисія. Патріархи осудили поступки Никона, одобрили дѣйствія царя и рѣшили, что мѣстные архіереи могутъ судить патріарха; впрочемъ, и въ отвѣтѣ имени Никона не упоминается. Рѣшено было пригласить патріарховъ пріѣхать; на вызовъ отозвались двое: Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій. Несмотря на эти переговоры, Никонъ не терялъ надежды на примиреніе; надежду поддерживалъ въ немъ самъ царь, сказавшій Воскресенскому архимандриту, что онъ смутѣ не вѣритъ и гнѣва на патріарха не имѣетъ. Вотъ почему Никонъ нисколько не удивился, когда постоянный благопріятель его, Зюзинъ, извѣстилъ его, что царь желаетъ, чтобы онъ воротился въ Москву и шелъ въ Успенскій соборъ. Но онъ все-таки не поѣхалъ, пока не получилъ второго письма. Такъ какъ Зюзинъ совѣтовалъ Никону не говорить, что онъ призванъ царемъ, то Никонъ, явясь въ соборъ, сказалъ, что имѣлъ видѣніе. Неожиданное прибытіе патріарха смутило всѣхъ, въ особенности же царя; онъ послалъ за боярами и духовенствомъ. Тогда Паисій возсталъ противъ пріѣзда патріарха и послалъ сказать ему, чтобы ѣхалъ обратно. Съ досады Никонъ выдалъ Зюзина. Потерявъ надежду на примиреніе, Никонъ просилъ не посылать къ патріархамъ, обѣщалъ не вступаться въ дѣла, когда будетъ выбранъ новый патріархъ, и указывалъ монастыри, которые желалъ удержать за собой. Началась переписка по этому вопросу, даже собирался соборъ, но все осталось безъ послѣдствій. Видя, что суда патріарховъ не миновать, Никонъ написалъ къ нимъ письмо, которое было перехвачено. Патріархи прибыли 2-го ноября 1666 г. Паисій составилъ записку, чтобы ознакомить патріарховъ съ дѣломъ. Судъ надъ Никономъ начался въ декабрѣ. Четыре засѣданія посвящены были обсужденію его дѣйствій, причемъ Никонъ велъ себя гордо и съ достоинствомъ. Въ вину ему было поставлено, что онъ мѣшался въ дѣла, неподобающія патріаршей власти и достоинству, предавалъ многихъ анаѳемѣ, погубилъ Павла Коломенскаго, и т. д. Постановлено было: лишивъ Никона сана, сослать его въ Бѣлозерскій Ферапонтовъ монастырь (упраздненъ въ 1798 г.). Царь нерѣдко посылалъ ему подарки и приказалъ смягчить суровость заточенія; передъ смертію онъ послалъ просить у него отпустительной грамоты и въ завѣщаніи испрашивалъ у него прощенія. Никонъ, разрѣшивъ на словахъ, не далъ грамоты, можетъ быть, и оттого, чтобы она не считалась вынужденною у заточеннаго. Въ то время, какъ рѣшалась участь Никона, поднятъ былъ вопросъ о расколѣ. Въ февралѣ 1666 г. 9 архіереевъ признали правильнымъ соборъ

1654 г. объ исправленіи книгъ и осудили всѣхъ отступниковъ. То же подтвердили и вселенскіе патріархи въ 1667 г. Первымъ важнымъ убѣжищемъ раскола былъ Соловецкій монастырь, въ которомъ еще въ 1658 г. возникла смута по поводу новоисправленныхъ книгъ. Сопротивленіе Соловецкаго монастыря было такъ сильно, что правительство отправило противъ него войско (1668 г.); нѣсколько разъ монастырь выдерживалъ осаду и только въ 1675 г. сдался воеводѣ Мещеринову. Болѣе важнымъ волненіемъ по тому объему, которое оно приняло, и по тому значенію, которое могло имѣть, былъ бунтъ донского казака Стеньки Разина. Первый слухъ объ его шайкѣ относится къ 1667 г. Онъ сталъ на буграхъ близъ Паншина городка и отсюда сторожилъ добычу. Сначала ограбилъ онъ на Волгѣ караванъ гостя Шорина; потомъ, перейдя съ Волги на Яикъ (Уралъ), овладѣлъ Яицкимъ городкомъ и, выйдя съ Яика въ Каспійское море, разграбилъ персидскіе города. На возвратномъ пути въ Астрахань (1669 г.) казаки принесли повинную и могли возвратиться на Донъ. Здѣсь Разинъ набралъ шайку изъ голутвенныхъ людей и съ ними въ 1670 г. распустилъ слухъ, что идетъ противъ бояръ, взялъ Царицынъ и Астрахань, перебилъ воеводъ, а жителямъ далъ казацкое устройство. Взялъ онъ также Саратовъ и Самару и повсюду разослалъ своихъ агентовъ, которые появлялись въ Москвѣ и доходили даже до Бѣлаго моря; особенно успѣшно дѣйствовалъ онъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Тамбовской, Пензенской, Нижегородской. Первое пораженіе нанесъ ему кн. Барятинскій у Симбирска, который вслѣдъ затѣмъ усмирилъ возстаніе въ сосѣднихъ мѣстахъ; затѣмъ другими воеводами усмирены и другія приволжскія мѣстности. Стенька снова пробовалъ поднять Донъ, но здѣсь атаманъ Корнило Яковлевъ, составивъ сильную партію въ пользу порядка, захватилъ Стеньку, который и былъ казненъ въ Москвѣ (1761 г.). Скоро покорилась и Астрахань, гдѣ еще держались бунтовщики. Такъ еще трудна была борьба государства съ анархическими элементами, которые находили себѣ просторъ въ степяхъ, населенныхъ по большей части кочевниками, гдѣ города были рѣдки, а ратныхъ силъ мало. Напряженіе всѣхъ силъ для осуществленія внѣшнихъ цѣлей, неизбѣжныхъ по самому положенію Московскаго государства, усиливало броженіе бѣглецами изъ разныхъ мѣстъ. Впрочемъ, безустанная удаль казаковъ вела не только къ разбоямъ; для нея находился и другой выходъ, полезный для государства: казаки съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе проникали въ Сибирь; искатели „новыхъ землицъ" доходили до Камчатки, промышляли рыбьимъ зубомъ на берегахъ Ледовитаго моря, проникали въ Манджурію. Изъ этихъ удальцевъ особенно извѣстны: боярскій сынъ Андрей Булыгинъ, якутскій казачій десятникъ Михайло Стадухинъ, служилый человѣкъ Семенъ Дежневъ, Ерофей Хабаровъ и приказный человѣкъ Онуфрій Степановъ. Правительство пользовалось подвигами этихъ смѣльчаковъ, немедленно строило города и старалось укрѣпить за собой пріобрѣтенныя земли. При Алексѣѣ Михайловичѣ возникли въ Сибири Нерчинскъ (1658 г.), Иркутскъ (1659 г.), Селенгинскъ (1666 г.) и нѣк. др. Въ эту же эпоху подчинились власти царской калмыки, кочевавшіе въ Астраханскихъ степяхъ (1655 г.). Грузинскіе цари признали покровительство Россіи, но, разумѣется, только по имени. Крымъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ; царь Алексѣй Михайловичъ усилилъ оборонительную линію отъ крымцевъ; защитѣ этой границы много помогло переселеніе малороссовъ отъ польскихъ притѣсненій въ слободы нынѣшней Харьковской губерніи. Отражая набѣги крымцевъ, правительство наступательно дѣйствовало черезъ казаковъ, разъ только царская рать подъ предводительствомъ кн. Каспулата Муциловича Черкасскаго проникла черезъ Гнилое море во внутренность полуострова. Дипломатическія сношенія при Алексѣѣ Михайловичѣ принимаютъ болѣе правильный видъ: въ Москвѣ появляются постоянные иностранные резиденты; иногда съѣзжалось нѣсколько посланниковъ, которые вели между собою переговоры; но вообще наша дипломатія занята была, главнымъ образомъ, своими вопросами; за дѣлами польскими и шведскими, о которыхъ мы уже говорили, слѣдовали сношенія торговыя. Съ этой стороны замѣчательны сношенія съ Англіей, прерванныя революціей и возобновившіяся послѣ возвращенія Стюартовъ. Въ 1663 г. кн. Прозоровскій и Ордынъ-Нащокинъ ѣздили поздравлять Карла II съ восшествіемъ на престолъ.

Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ Москву гр. Карлейль, старавшійся, но безуспѣшно, о возстановленіи торговыхъ привилегій. Кромѣ европейскихъ державъ, посылались послы въ Персію, Китай (Байковъ, Спафарій); была попытка завести сношенія съ Ауренгъ-Зебомъ (Великимъ Моголомъ). Во главѣ посольскаго приказа стояли Ордынъ-Нащокинъ (до его постриженія въ 1670 г.) и Матвѣевъ; замѣчателенъ дьякъ Алмазъ Ивановъ. Въ исторіи русскаго права царствованіе Алексѣя Михайловича замѣчательно преимущественно Уложеніемъ. Но этимъ законодательная дѣятельность не завершилась: вышли новоуказныя статьи по дѣламъ уголовнымъ, по суду надъ духовными, уставы: ратный, полицейскій, корабельный и т. д. Въ управленіи замѣтно усиленіе централизаціи: земскія думы собираются болѣе для формы; боярская дума часто обходится; получаетъ особое значеніе приказъ тайныхъ дѣлъ (родъ государевой канцеляріи, въ которой сосредоточены разнаго рода дѣла); число приказовъ увеличивается; въ областномъ управленіи усиливается власть воеводъ. Въ финансовой системѣ сошное „письмо" замѣнено подворнымъ, уничтожены нѣкоторыя внутреннія таможенныя пошлины, у англичанъ отняты монополіи. Въ 1667 г. изданъ Новоторговый Уставъ, которымъ обезпечены обороты русскихъ купцовъ; опредѣлены права и обязанности иностранцевъ; въ 1667 г. заключенъ договоръ съ армянскими купцами для торговли съ Персіей. Принимались мѣры для покровительства винодѣлію, горному дѣлу, даже шелководству въ Астрахани. Въ военномъ дѣлѣ также введены нѣкоторыя преобразованія: приглашены иностранные офицеры; заведены полки на европейскій ладъ: конные (рейтарскіе) состояли изъ копейщиковъ, рейтаровъ и драгуновъ, набирались изъ дѣтей боярскихъ и охочихъ людей всякаго рода; пѣшіе (солдатскіе) формировались изъ даточныхъ крестьянъ. Въ 1647 г. вышла книга: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей" (переводъ нѣмецкой тактики Фронсберга, вышедшей при Карлѣ V). Къ тому же царствованію относятся первыя попытки основанія флота: по мысли Ордынъ-Нащокина, построенъ въ Дѣдновѣ корабль „Орелъ" (1667 г.), сожженный Разинымъ.

Алексѣй Михайловичъ былъ полнымъ представителемъ идеала московскаго царя, какъ его рисовали себѣ наши предки. Прежде всего онъ былъ набоженъ и строго исполнялъ религіозные обряды: въ великій постъ онъ обѣдалъ только три раза въ недѣлю; не пропускалъ ни одного богослуженія, часто вставалъ ночью и молился до утра. По праздникамъ кормилъ нищихъ; иногда самъ отправлялся въ тюрьмы и богадѣльни и лично раздавалъ милостыню; любилъ юродивыхъ: такъ, особенно довѣрялъ онъ Василію Босому († въ 1652 г.); въ Вильну въѣзжалъ съ нимъ какой-то старичокъ: предполагаютъ, что это былъ тоже юродивый. Сердечность кроткаго царя сказывалась во всѣхъ его отношеніяхъ: сколько любви въ его утѣшеніяхъ кн. Одоевскому по случаю смерти его сына, или Ордыну-Нащокину по случаю бѣгства сына его Воина; сколько нѣжной заботливости о Морозовѣ, Никонѣ; иностранцы (Рейтенфельсъ, Коллинзъ) хвалятъ милосердіе царя: такъ, по разсказу перваго, онъ остановилъ жестокое обращеніе грузинскаго царевича съ его прислугою, а по разсказу второго—отвергъ предложеніе казнить бѣглецовъ съ поля битвы, сказавъ: „это было бы жестоко: Богъ не всѣмъ даровалъ равную храбрость". Съ милосердіемъ царя соединялось правосудіе: онъ выслушивалъ челобитчиковъ; говорятъ, что у его Коломенскаго дворца стоялъ ящикъ для опусканія просьбъ; есть преданіе, что онъ часто неузнанный вмѣшивался въ толпу. Чувство правды высказывается во всѣхъ его дѣйствіяхъ и доходитъ иногда до тонкой деликатности: такъ, онъ не хотѣлъ взять ничего изъ вещей умершаго патріарха потому, что былъ душеприказчикомъ. Во всемъ, даже въ мелочахъ, какъ, напр., въ соколиной охотѣ, царь любилъ порядокъ и строго взыскивалъ за его нарушеніе. Мягкость характера у Алексѣя Михайловича, какъ и у большинства людей мягкихъ, соединялась со вспыльчивостью, скоро утихавшею. Такъ, онъ прибилъ за хвастовство тестя своего въ засѣданіи думы; извѣстно его раздраженное письмо къ кн. Ромодановскому. Лично онъ былъ очень дѣятеленъ: до насъ дошло много бумагъ, имъ писанныхъ или исправленныхъ; сохранившіяся письма его напечатаны. Письма его по большей части очень простодушны и рѣдко замѣчается въ нихъ

витіеватость. Это отличаетъ его письма отъ писаній Грознаго, въ которыхъ постоянно виденъ книжникъ. Мягкій всегда, царь легко подчинялся чужому вліянію; вспомнимъ Морозова, Никона; но были вопросы, въ которыхъ онъ не уступалъ. Такъ онъ отвергъ предложеніе Нащокина, готоваго пожертвовать Малороссіей изъ-за Ливоніи. Въ частной жизни царя сказался его характеръ: онъ любилъ не оргіи, какъ Грозный, а соколиную охоту, для которой составилъ свой „Урядникъ", разсказы „верховыхъ богомольцевъ" (дворцовыхъ нищихъ), да въ послѣдніе годы театральныя представленія, которыми тѣшилъ его Матвѣевъ. Вообще въ эти годы, подъ вліяніемъ своей второй супруги Натальи Кирилловны и Матвѣева, царь допустилъ нѣкоторыя уклоненія отъ стараго быта, чему способствовали также его походы и появленіе при Дворѣ западно-русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ Симеона Полоцкаго выбралъ онъ наставникомъ царевичей. Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза: 1) на Маріи Ильиничнѣ кн. Милославской (р. 1625 г., вст. въ бракъ 1648 г. янв. 16, † 1669 г. марта 4); отъ нея дѣти: Дмитрій (р. 1649 г. окт.; † 1651 г. окт.), Евдокія (р. 1650 г. февр., † 1712 г. мартъ), Марѳа, въ монашествѣ Маргарита (р. 1652 г. авг., † 1707 г. іюль), Алексѣй (р. 1654 г. февр., † 1670 г. янв.), Анна (р. 1655 г. янв., † 1659 г. май), Софія, въ монашествѣ Сусанна (р. 1657 г. сентябрь, † 1704 г. іюль), Екатерина (р. 1658 г. ноябрь, † 1718 г. май), Марія (р. 1660 г. янв., † 1723 г. мартъ), Ѳеодоръ (р. 1661 г. май, † 1682 г. апр.), Ѳеодосія (р. 1662 г. май, † 1713 г. дек.), Симеонъ (р. 1665 г. апр., † 1669 г. іюль), Іоаннъ (р. 1666 г. авг., † 1696 г. янв.), Евдокія (р. 1669 г. февр., † 1669 г. февр.); 2) на Наталіи Кирилловнѣ Нарышкиной (р. 1651 г. авг. 22, вст. въ бракъ 1671 г. янв. 22, † 1694 г. янв. 26); ея дѣти: Петръ (р. 1672 г. мая 30, † 1725 г. янв. 25), Наталія (р. 1673 г. авг., † 1716 г. іюнь), Ѳеодора (р. 1674 г. сент., † 1678 г. ноябрь).

Изъ общихъ исторій Россіи царствованіе Алексѣя Михайловича описано: въ «Исторіи Россіи» Соловьева, т. X, XI, XII; «Повѣствованіе о Россіи» Арцыбашева, III, кн. VI; Германа, «Gesch. des russ. Staates», т. III. Отдѣльныя монографіи: Берха, «Царств. Алексѣя Михайловича», Спб. 1831 г. — Медовикова, «Истор. значеніе царств. Алексѣя Михайловича», М. 1854 г. — Хмырова, «Царь Алексѣй Михайловичъ» («Древн. и Нов. Россія» 1875 г., №№ 9—12).—Много свѣдѣній у Барсукова, «Родъ Шереметевыхъ», т. III, IV, V.—Характеристики: Забѣлина, «Опыты изученія русск. древн.», т. I, М. 1872 г. — Платонова, «Ист. Вѣстн.» 1886 г., № 5.—Зернина, «Москвитянинъ» 1854 г., № 14 и «Библ. для Чт.» 1860 г., № 12. Изъ первоначальныхъ источниковъ важнѣйшіе: Котошихина, «О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича», «Полн. собр. законовъ», т. I, «Собр. Гос. Грам.», т. IV, «Акты Арх. Эксп.», т. IV, «Акты зап. и юго-зап. Россіи», т. III—XII, XIV, «Акты Ист.», т. IV, «Доп. къ Акт. ист.», т. III — VI, «Акты Зап. Россіи», т. V, «Дворц. разр.», т. III, «Пам. дипл. снош.». т. III—V, «Пам. Кіевск. комм.», т. III, IV, «Древн. Росс. Вивліоѳика». — Тейнера, «Monum. Historiques», Rome, 1859, «Зап. слав.-русск. отд. Археол. Общ.», т. II, «Письма царя Алексѣя Михайловича», М. 1857 г.—Крыжанича, «Русск. госуд. въ XVII в.», М. 1860 г. и др. Изъ иностранцевъ: Олеарій (переводъ Барсова въ «Чт. общ. ист.» 1868 и 1870 г.), Павла Алеппскаго о пребываніи въ Москвѣ патріарха Макарія «Travels of Macarius», L. 1829 — 30; извлеченіе въ «Библ. для Чт.» 1836 г., № 3, 4, въ «Чт. общ. ист.», начатъ полный переводъ; Мейербергъ, русскій переводъ въ «Чт. общ. ист.» 1873 г.; Лизекъ, извлеченіе въ «От. Зап.» Свиньина, ч. XXXIII, XXXV; Рейтенфельсъ, извлеченіе въ «Ж. М. Н. Пр.» 1839 г., № 7; Карлейль, французскій переводъ въ «Bibl. Elzivirienne»; Коллинсъ, русскій переводъ въ «Чт. Общ. ист.», годъ I, кн. I; Потоцкій, извлеченіе въ «Сѣверн. Арх.» 1825 г., ч. XVII, XVIII Palmer, William. The Patriarch and the Tsar, 6 v. London. 1873—1875 (здѣсь—путешествіе Макарія, допросы Никона, Записки Паисія Лигарида) и др.

К. Б.—Р

Алексѣй Петровичъ, тысяцкій московскій, былъ убитъ 3-го февраля 1356 г., передъ заутреней. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что „убіеніе его дивно нѣкако и незнаемо, аки ни отъ кого же, никѣмъ же, токмо обрѣтеся на площади лежа, нѣцыи же глаголютъ, яко втаю съвѣтъ сътвориша и ковъ ковавша нань, и тако всѣхъ боаръ общею думою убіенъ бысть, да якоже Андрей Боголюбивый отъ своихъ рабъ отъ Кучковичь, тако и сій отъ своеа дружины пострада".

П. С. Л., VII, 220, 225; VIII, 1, 10.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, старшій сынъ Петра Великаго, отъ брака его съ Евдокіей Ѳеодоровной Лопухиной, род. 18-го февраля 1690 г., ум. 26-го іюня 1718 г. О первыхъ годахъ жизни царевича, которые онъ, какъ необходимо предположить, проводилъ, главнымъ образомъ, въ обществѣ горячо любившихъ его матери и бабушки, почти ничего не извѣстно. Вліяніе отца, который большую часть времени проводилъ внѣ дома (въ

1693 и 1694 гг. въ Архангельскѣ, въ 1695 и 1696 гг. въ Азовскихъ походахъ) и былъ отвлекаемъ отъ семьи безконечными и разнообразнѣйшими государственными заботами, не могло сильно сказываться на сынѣ. Въ письмахъ же матери и бабушки часто упоминается объ „Олешанькѣ“. Немногимъ больше извѣстно о первоначальномъ воспитаніи царевича. Уже въ 1692 г. Каріонъ Истоминъ составилъ для него букварь, который гравированъ былъ извѣстнымъ Бунинымъ. Какъ полагаетъ Пекарскій, для царевича же былъ напечатанъ букварь 1696 года. Въ немъ, кромѣ привѣтствій въ стихахъ и прозѣ, были помѣщены разныя душеспасительныя статьи, молитвы и заповѣди. Въ 1696 г. къ царевичу приглашенъ былъ учитель Никифоръ Вяземскій, съ которымъ Петръ, какъ видно изъ отвѣтныхъ писемъ Вяземскаго, переписывался по поводу ученія царевича. Въ велерѣчивыхъ письмахъ учитель сообщалъ Петру, что Алексѣй „въ немногожъ времени совершеное (узнавъ) литеръ и слоговъ по обычаю азъ-буки учитъ часословъ“. Въ томъ же 1696 году Каріонъ Истоминъ написалъ малую грамматику, въ которой изложилъ „ученіе естеству письменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ“. Въ посвященіи доказывалось, при помощи текстовъ изъ священнаго писанія, что цѣль ученія—достиженіе царствія небеснаго, а самое ученіе состоитъ въ знаніи книгъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Эти и подобныя имъ наставленія, говоритъ Пекарскій, только и слышанныя царевичемъ въ дѣтствѣ, почти до 12 лѣтъ, несомнѣнно имѣли вліяніе на послѣдующій образъ его мыслей: придя въ возрастъ, онъ любилъ бесѣдовать „отъ книгъ о старцахъ“, пѣвалъ стихи изъ церковныхъ службъ и т. д. „Моего къ отцу моему непослушанія,—говорилъ впослѣдствіи царевичъ,—та, что со младенчества моего нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ иному ничему не обучался, кромѣ избныхъ забавъ, а болѣе научился ханжить, къ чему я и отъ натуры склоненъ“. Разрывъ между отцомъ и матерью долженъ былъ повліять на симпатіи ребенка. Находясь подъ вліяніемъ матери, царевичъ не могъ полюбить отца и постепенно проникался нелюбовью и отвращеніемъ къ нему, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ Евдокіи и вмѣстѣ съ нею оскорбляемо было все старое московское, обычаи, нравы и церковь. Изъ данныхъ розыскного дѣла о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ извѣстно, что уже въ то время народъ какъ бы понималъ, что сила обстоятельствъ поставитъ сына во враждебныя отношенія къ отцу. Стрѣльцы, рѣшившіе перебить бояръ—приверженцевъ Петра и нѣмцевъ—думали, въ случаѣ отказа Софьи, взять на царство царевича; распускались слухи, что бояре хотѣли царевича удушить; уже въ то время онъ представлялся противникомъ нѣмцевъ и, слѣдовательно, нововведеній отца. Жены стрѣльцовъ говорили: „Не одни стрѣльцы пропадаютъ, плачутъ и царскія сѣмена. Царевна Татьяна Михайловна жаловалась государю-царевичу на боярина Стрѣшнева, что онъ ихъ поморилъ съ голоду: если-бъ де не монастыри насъ кормили, давно бы мы умерли. А царевичъ ей сказалъ: дайте мнѣ сроку, я де ихъ приберу. Государь нѣмцевъ любитъ, а царевичъ не любитъ“ и т. п.

По заточеніи въ 1698 г. царицы Евдокіи, Алексѣй взятъ былъ царевной Натальей Алексѣевной изъ Кремлевскихъ покоевъ въ село Преображенское. Въ слѣдующемъ году Петръ рѣшилъ послать его для образованія заграницу; возможно, что на рѣшеніе это повліяли именно упомянутые разговоры между стрѣльцами. Находившійся въ русской службѣ саксонскій дипломатъ, генералъ Карловичъ, долженъ былъ сопровождать Алексѣя въ Дрезденъ и руководить тамъ его занятіями; туда же долженъ былъ прибыть изъ Женевы, для совмѣстныхъ съ Алексѣемъ занятій, сынъ Лефорта; но Карловичъ былъ убитъ въ мартѣ 1700 г., при осадѣ Дюнамюнде. Почему Петръ, несмотря на усиленныя просьбы въ 1701 и 1702 гг. вѣнскаго Двора прислать царевича „для науки“ въ Вѣну, отказался отъ этого плана—неизвѣстно; но любопытно, что уже въ это время слухи объ этомъ планѣ Петра очень смущали такихъ ревнителей чистоты православія и враговъ зловреднаго Запада, какъ Іерусалимскій патріархъ Досиѳей; рѣшивъ замѣнить посылку сына заграницу приглашеніемъ къ нему въ воспитатели иностранца, царь выбралъ нѣмца Нейгебауера, который былъ раньше въ свитѣ Карловича и въ обществѣ котораго Алексѣй пробылъ около года; выборъ этотъ оказался, однако, неособенно удачнымъ: Нейгебауеръ былъ

человѣкъ образованный, но постоянныя его столкновенія, и притомъ самаго грубаго свойства, съ русскими приближенными царевича, въ особенности съ Вяземскимъ, не были, конечно, хорошимъ воспитательнымъ примѣромъ; кромѣ того, Нейгебауеръ не желалъ подчиняться Меншикову, которому въ это время былъ, какъ разсказываютъ, порученъ главный надзоръ надъ воспитаніемъ царевича. Въ маѣ 1702 г., въ Архангельскѣ, куда Алексѣй сопровождалъ отца, произошло крупное столкновеніе между Нейгебауеромъ и Вяземскимъ, во время котораго первый разразился бранью противъ всего русскаго. Удаленный отъ должности, онъ отвѣтилъ цѣлымъ рядомъ памфлетовъ, въ которыхъ, между прочимъ, разсказывалъ, что 11-тилѣтній царевичъ принуждаемъ былъ отцомъ унижаться передъ Меншиковымъ и т. п. Весною 1703 г. мѣсто Нейгебауера занялъ извѣстный баронъ Гюйссенъ, который составилъ широковѣщательный, состоящій изъ 9-ти главъ, раздѣленныхъ на §§, планъ воспитанія царевича. Послѣ подробнаго разсужденія о нравственномъ воспитаніи, Гюйссенъ рекомендуетъ прежде всего чтеніе Библіи и изученіе французскаго языка, какъ самаго распространеннаго; затѣмъ слѣдуетъ начать изученіе „Исторіи и географіи, яко истинныхъ основаній политики, главнымъ образомъ по соч. Пуффендорфа, геометріи и ариѳметики, слога, чистописанія и военныхъ экзерцицій“; по истеченіи же двухъ лѣтъ необходимо изложить царевичу: „1) о всѣхъ политическихъ дѣлахъ въ свѣтѣ; 2) объ истинной пользѣ государствъ, объ интересѣ всѣхъ государей Европы, въ особенности пограничныхъ, о всѣхъ военныхъ искусствахъ“ и т. д. Наученный опытомъ Нейгебауера, новый наставникъ отклонилъ отъ себя назначеніе на должность оберъ-гофмейстера при царевичѣ и предложилъ вмѣсто себя Меншикова, подъ начальствомъ котораго онъ, какъ говорилъ, охотно будетъ состоять. Ему, „яко верховному представителю“, Гюйссенъ подавалъ донесенія о воспитаніи царевича. О результатахъ этого воспитанія извѣстно мало. Гюйссенъ въ письмѣ къ Лейбницу самымъ лучшимъ образомъ отзывался о способностяхъ и прилежаніи царевича, отмѣчалъ его любовь къ математикѣ, иностраннымъ языкамъ и горячее желаніе посмотрѣть чужія страны; также отзывался о царевичѣ и графъ Вильчекъ, видѣвшій его въ 1710 г. Въ виду того, что царевичъ еще въ 1708 г. продолжалъ изучать нѣмецкія склоненія, высказывалось сомнѣніе въ томъ, чтобы дѣятельность Гюйссена была дѣйствительно такъ успѣшна, какъ онъ ее выставлялъ, но изъ доклада Вильчека извѣстно, что въ 1710 г. царевичъ дѣйствительно владѣлъ довольно удовлетворительно нѣмецкимъ и польскимъ языками. Французскаго языка, знанію котораго Гюйссенъ придавалъ особенное значеніе, царевичъ, какъ кажется, никогда не зналъ. Гюйссенъ сообщалъ, что царевичъ пять разъ прочиталъ Библію на славянскомъ и разъ на нѣмецкомъ языкѣ, что онъ прилежно перечитываетъ творенія греческихъ отцовъ церкви, а также книги, печатанныя въ Москвѣ, Кіевѣ или Молдавіи, или рукописи, для него переводимыя; Вильчекъ разсказываетъ, что Гюйссенъ переводилъ и объяснялъ царевичу очень распространенное въ то время сочиненіе Сааведры „Idea de un Principe politico christiano“, изъ котораго царевичъ, будто бы, зналъ наизусть первыя 24 главы и читалъ съ нимъ извѣстныя сочиненія римскихъ историковъ Квинта Курція (De rebus gestis Alexandri Magni) и Валерія Максима (Facta et dicta memorabilia). Впрочемъ, ожидать особенно блестящихъ успѣховъ отъ занятій съ Гюйссеномъ, хотя бы и при очень хорошихъ способностяхъ царевича, врядъ ли было возможно: Петръ безпрестанно отрывалъ сына отъ занятій, быть можетъ, потому, что желалъ пріучить его къ трудамъ и заботамъ военнаго времени и приблизить къ себѣ. По возвращеніи въ 1702 г. изъ Архангельска, царевичъ въ 1703 г., еще до начала ученія, участвовалъ, въ званіи солдата бомбардирской роты, въ походѣ къ Ніеншанцу, а въ мартѣ 1704 г. отправился съ Гюйссеномъ въ Петербургъ, и отсюда въ Нарву, при осадѣ которой и оставался все время. Въ началѣ 1705 года Петръ опять лишилъ его руководителя, пославъ Гюйссена заграницу. Предложеніе французскаго двора—прислать царевича для воспитанія въ Парижъ — было отклонено, и такимъ образомъ онъ на долгое время остался безъ должнаго руководства. Такое отношеніе Петра къ сыну многіе склонны были считать преднамѣреннымъ и приписывали его отчасти вліянію Меншикова. Какъ бы то ни было, обстоятель-

ство это является роковымъ для всей послѣдующей жизни Алексѣя Петровича: въ теченіе именно этого времени онъ сошелся и сблизился съ цѣлымъ кругомъ лицъ, вліяніе которыхъ окончательно опредѣлило направленіе его симпатій. Къ кружку этому принадлежали нѣсколько Нарышкиныхъ, поступившихъ къ царевичу, какъ предполагаетъ Погодинъ, по родству ихъ съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, Никифоръ Вяземскій, Колычевы, домоправитель царевича Еварлаковъ и цѣлый рядъ духовныхъ лицъ: Благовѣщенскій ключарь Иванъ Аѳанасьевъ, протопопъ Алексѣй Васильевъ, священникъ Леонтій Григорьевъ изъ Грязной Слободы въ Москвѣ, духовникъ царевича, протопопъ Верхоспасскаго собора Яковъ Игнатьевъ и др. Всѣ эти лица образовали около царевича тѣсный, дружескій кружокъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поддерживали съ нимъ сношенія, обставленныя всевозможными предосторожностями. Такая скрытность и таинственность указываетъ на то, что всѣ эти лица принадлежали къ партіи, симпатіи которой не лежали на сторонѣ Петра; большинство ихъ были представителями духовенства,—сословія, наиболѣе недовольнаго нововведеніями царя. Между тѣмъ именно къ духовнымъ лицамъ царевичъ питалъ особенное расположеніе. „Къ попамъ онъ имѣлъ,—по словамъ его камердинера Аѳанасьева,—великое горячество“. Вяземскаго и Нарышкиныхъ, первыхъ своихъ руководителей, царевичъ обвинялъ впослѣдствіи въ томъ, что они не препятствовали развитію въ немъ этихъ склонностей. Въ пагубномъ вліяніи духовенства на Алексѣя былъ убѣжденъ и Петръ; это вліяніе отмѣчали и иностранцы. „Когда бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ,—говорилъ царь,—Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло. О бородачи! многому злу корень старцы и попы“. Въ донесеніяхъ Вебера встрѣчается указаніе на то, что духовенство отвлекало царевича отъ всѣхъ другихъ интересовъ. Особеннымъ вліяніемъ между членами кружка пользовался духовникъ Алексѣя Петровича, Игнатьевъ, единственная энергичная личность между его московскими друзьями, отношенія котораго къ царевичу не разъ сравнивались съ отношеніемъ Никона къ Алексѣю Михайловичу и въ рѣчахъ котораго Погодину слышались рѣчи самого папы Григорія VII. Алексѣй былъ очень привязанъ къ духовнику. „Въ семъ житіи,—писалъ онъ ему изъ-за границы,—инаго такого друга не имѣю. Аще бѣ вамъ перенесеніе отъ здѣшнихъ къ будущему совершилось, то ужъ мнѣ весьма въ Россійское государство нежелательно возвращеніе“. Игнатьевъ старался поддерживать въ Алексѣѣ память о матери, какъ невинной жертвѣ отцовскаго беззаконія; говорилъ, какъ любятъ его въ народѣ и пьютъ за его здоровье, называя надеждою Россійской; при посредствѣ Игнатьева происходили, повидимому, сношенія царевича съ заточенной матерью. Эти лица и составляли постоянную „компанію“ царевича, каждый членъ которой имѣлъ особое прозвище „за домовую издѣвку“, какъ выражался Алексѣй Нарышкинъ; компанія любила попировать, „повеселиться духовно и тѣлесно“, какъ говорилъ Алексѣй Петровичъ, и возможно, что въ это время царевичъ пристрастился къ вину. Всѣ члены компаніи были связаны узами тѣснѣйшей дружбы, и изъ подъ вліянія нѣкоторыхъ изъ нихъ царевичъ не выходилъ въ теченіе всей послѣдующей своей жизни. Всѣ попытки Петра уничтожить вліяніе этихъ „большихъ бородъ“, этихъ „непотребныхъ людей, которые грубыя и замерзѣлыя обыкности имѣли“, оставались безуспѣшными. Историки, защитники царевича Алексѣя, объясняли эту безуспѣшность тѣмъ, что отецъ, не любя сына и относясь къ нему всегда деспотически-сурово, тѣмъ самымъ только усиливалъ чувства, зародившіяся въ царевичѣ съ дѣтства: вражду къ отцу и ко всѣмъ его стремленіямъ. Въ дѣйствительности имѣется весьма мало прямыхъ указаній на характеръ отношеній отца къ сыну за это время и на пагубное для Алексѣя вліяніе, которое оказывали, какъ говорятъ, на Петра Екатерина и Меншиковъ, и при сужденіяхъ обо всемъ этомъ должно довольствоваться различными предположеніями. Такъ у Гюйссена встрѣчаются указанія на то, что царь строго обходился съ сыномъ и приказывалъ Меншикову относиться къ нему безъ лести. Австрійскій посолъ Плейеръ разсказывалъ о слухахъ, что въ лагерѣ подъ Ніеншанцемъ Меншиковъ, схвативъ Алексѣя за волосы, повалилъ его на землю, и что царь не сдѣлалъ за это своему любимцу никакого замѣчанія. О томъ, что Меншиковъ бранилъ царе-

вича Алексѣя при людяхъ „поносными словами“,—разсказывалъ впослѣдствіи самъ царевичъ. Строгость отношеній проглядываетъ и въ переданной Гюйссеномъ рѣчи Петра къ Алексѣю въ Нарвѣ. „Я взялъ тебя въ походъ,—говорилъ Петръ сыну послѣ взятія Нарвы, — чтобы показать тебѣ, что не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть, но знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру... Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобы Онъ наказалъ тебя въ этой и будущей жизни“. Такъ рано предвидѣлъ Петръ, если вѣрить разсказу Гюссейна, возможность столкновенія съ сыномъ. Высказанная Соловьевымъ мысль, что Петръ ни въ комъ изъ окружающихъ не подозрѣвалъ вреднаго для сына вліянія и боялся лишь связи съ Суздалемъ и вліянія матери, какъ бы подтверждается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, лишь только узналъ отъ сестры своей, Натальи Алексѣевны, о посѣщеніи царевичемъ матери въ концѣ 1706 (или началѣ 1707) года, тотчасъ же вызвалъ Алексѣя къ себѣ въ Польшу (въ мѣстечко Жолкву) и, „выразивъ ему свой гнѣвъ“, сдѣлалъ первую серьезную попытку привлечь царевича къ государственной дѣятельности. Съ этого момента начинается новый періодъ въ жизни Алексѣя Петровича.

Прямо изъ Жолквы царевичъ отправился въ Смоленскъ съ разными порученіями, касавшимися поставки и осмотра рекрутъ и сбора провіанта, а въ октябрѣ 1707 г. возвратился въ Москву, гдѣ ему предназначена была роль правителя: въ виду предполагавшагося нападенія Карла XII на Москву, Алексѣю порученъ былъ надзоръ надъ работами по укрѣпленію города. По отзывамъ всѣхъ, царевичъ въ это время проявилъ довольно оживленную дѣятельность (это отмѣчали и иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ). Черезъ него передавались приказанія царя, онъ самъ принималъ строгія мѣры, какъ, напр., для сбора крѣпостныхъ офицеровъ и недорослей, наблюдалъ за ходомъ крѣпостныхъ работъ; подъ его наблюденіемъ находились плѣнные шведы, онъ пересылалъ Петру извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Булавина и т. п. Въ августѣ 1708 г. царевичъ ѣздилъ въ Вязьму для осмотра магазиновъ, въ началѣ 1709 г. повелъ въ Малороссію пять собранныхъ и устроенныхъ имъ же полковъ, которые и представилъ царю въ Сумахъ; Петръ остался, повидимому, доволенъ. Но, говоритъ Костомаровъ, „это были такого рода дѣла, гдѣ и нельзя видѣть: онъ ли самъ дѣйствовалъ, или другіе за него“. По дорогѣ въ Сумы Алексѣй простудился и заболѣлъ такъ, что Петръ нѣкоторое время не рѣшался выѣхать; только 30-го января онъ отправился въ Воронежъ, оставивъ при сынѣ своего доктора Донеля. Въ февралѣ, оправившись отъ болѣзни, царевичъ поѣхалъ по указу отца въ Богодуховъ и 16-го доносилъ о пріемѣ рекрутъ; вслѣдъ затѣмъ онъ пріѣхалъ къ отцу въ Воронежъ, гдѣ присутствовалъ при спускѣ кораблей „Ласка“ и „Орелъ“, а затѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ Натальей Алексѣевной, провожалъ отца до Таврова и отсюда на Страстной недѣлѣ возвратился въ Москву. Исполняя возложенныя на него порученія, царевичъ постоянно сообщалъ о ходѣ и результатахъ своей дѣятельности. На основаніи, между прочимъ, этихъ писемъ Погодинъ заключаетъ, что царевичъ былъ „не только не глупъ, но даже уменъ, съ примѣчательнымъ разсудкомъ“. Одновременно съ государственными занятіями царевичъ продолжалъ свое образованіе. Онъ изучалъ нѣмецкую грамматику, исторію, чертилъ атласъ, а въ октябрѣ 1708 г., по пріѣздѣ Гюйссена, занялся французскимъ языкомъ. По возвращеніи въ 1709 г. въ Москву, царевичъ извѣщалъ Петра, что началъ учиться фортификаціи у пріѣзжаго инженера, котораго отыскалъ для него Гюйссенъ. Петръ, какъ видно, интересовался занятіями сына. Проведя лѣто 1709 г. въ Москвѣ, царевичъ осенью отправился въ Кіевъ и долженъ былъ затѣмъ оставаться при той части арміи, которая предназначалась для дѣйствій противъ Станислава Лещинскаго. Въ октябрѣ 1709 г. послѣдовало приказаніе отца ѣхать въ Дрезденъ. „Между тѣмъ приказываемъ вамъ,—писалъ Петръ,—чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ (которые уже учишь, нѣмецкій и французскій), геометрію и фортификацію, также отчасти и политическихъ дѣлъ“. Спутниками и собесѣдниками царевича избраны были: князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой и одинъ изъ

сыновей канцлера, графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ. Поѣхалъ съ царевичемъ и Гюйссенъ. Въ инструкціи, данной Меншиковымъ Трубецкому и Головкину, предписывалось соблюдать въ Дрезденѣ incognito и чтобы царевичъ „сверхъ того, что ему обучаться велѣно, на флоретахъ забавляться и танцовать по французски учиться изволилъ". Ученіе не было, однако, единственной цѣлью отправленія царевича заграницу; возможно, что оно было только предлогомъ. Уже въ то время, когда царевичъ изучалъ въ Москвѣ нѣмецкія склоненія и занимался ариѳметикой, велись переговоры относительно брака его съ какой-либо иностранной принцессой,—переговоры, о которыхъ онъ, кажется, ничего не зналъ. Въ началѣ 1707 г. баронъ Урбихъ и Гюйссенъ были заняты въ Вѣнѣ выборомъ невѣсты царевичу, причемъ остановились первоначально на старшей дочери австрійскаго императора. „Если оправдаются слухи о посылкѣ царевича въ Вѣну для образованія,—отвѣчалъ вице-канцлеръ Кауницъ на сдѣланный ему запросъ,—и императорская фамилія познакомится ближе съ характеромъ царевича, то бракъ будетъ не невозможенъ". Послѣ такого уклончиваго отвѣта Урбихъ указалъ на принцессу Софію-Шарлотту Бланкенбургскую и предложилъ, для болѣе удачнаго хода переговоровъ, послать царевича на годъ или на два за границу, на что Петръ и согласился. Благодаря стараніямъ короля Августа, желавшаго услужить Петру, а также тому впечатлѣнію, которое произвела Полтавская битва, переговоры, несмотря на разныя интриги (между прочимъ, и со стороны вѣнскаго Двора, который не покидалъ мысли о бракѣ царевича съ эрцгерцогиней), приняли довольно благопріятный оборотъ, и въ Вольфенбюттелѣ былъ уже составленъ проектъ брачнаго договора.

Между тѣмъ царевичъ въ декабрѣ 1709 г. пріѣхалъ въ Краковъ и пробылъ здѣсь, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, до марта (или апрѣля) 1710 г. Ко времени пребыванія Алексѣя Петровича въ Краковѣ относится характеристика его, сдѣланная, по порученію вѣнскаго Двора, графомъ Вильчекомъ, видѣвшимъ царевича лично. Вильчекъ описываетъ Алексѣя юношей, роста выше средняго, но невысокаго, широкоплечимъ съ широко развитою грудью, тонкой таліей, маленькими ногами. Лицо царевича было продолговатое, лобъ высокій и широкій, правильные ротъ и носъ, каріе глаза, темно-каштановыя брови и такіе же волосы, которые царевичъ зачесывалъ назадъ, не нося парика; цвѣтъ лица его былъ смугло-желтый, голосъ грубый; походка же такая быстрая, что никто изъ окружавшихъ не могъ за нимъ поспѣвать. Дурнымъ воспитаніемъ Вильчекъ объясняетъ то, что царевичъ не умѣетъ держаться и, будучи хорошаго роста, кажется сутуловатымъ; послѣдняя примѣта, говоритъ онъ, является слѣдствіемъ того, что царевичъ до 12-тилѣтняго возраста жилъ исключительно въ обществѣ женщинъ, а затѣмъ попалъ къ попамъ, которые заставляли его читать, согласно ихъ обычаю, сидя на стулѣ и держа книгу на колѣняхъ, точно также и писать; кромѣ того, онъ никогда не учился ни фехтованію, ни танцамъ. Дурному же воспитанію Вильчекъ приписываетъ неразговорчивость царевича въ обществѣ незнакомыхъ людей; по его словамъ, Алексѣй Петровичъ часто сидѣлъ задумавшись, вращая глазами по сторонамъ и свѣшивая голову то въ одну, то въ другую сторону. Характеръ царевича скорѣе меланхоличный, чѣмъ веселый; онъ скрытенъ, боязливъ и подозрителенъ до мелочности, какъ будто кто-нибудь покушался на его жизнь. Онъ въ высшей степени любознателенъ, покупаетъ постоянно книги и проводитъ въ чтеніи отъ 6 до 7 часовъ ежедневно, причемъ изъ всего прочитаннаго дѣлаетъ выписки, которыхъ никому не показываетъ. Царевичъ посѣщалъ церкви и монастыри Кракова и присутствовалъ на диспутахъ въ университетѣ, интересуясь всѣмъ, разспрашивая обо всемъ и записывая узнанное по возвращеніи домой. Вильчекъ особенно указываетъ на его страстное желаніе видѣть чужія страны и научиться чему-нибудь, и полагаетъ, что царевичъ сдѣлаетъ во всемъ большіе успѣхи, если окружающіе не воспрепятствуютъ его благимъ начинаніямъ. Описывая образъ жизни царевича, Вильчекъ сообщаетъ, что Алексѣй Петровичъ встаетъ въ 4 ч. утра, молится и читаетъ. Въ 7 ч. приходитъ Гюйссенъ, а затѣмъ и другіе приближенные; въ 9½ царевичъ садится обѣдать, причемъ ѣлъ много, пилъ же очень умѣренно, затѣмъ онъ или читаетъ, или идетъ осматривать церкви. Въ 12 приходитъ пол-

ковникъ инженеръ Куанъ, присланный Петромъ съ цѣлью обучать Алексѣя фортификаціи, математикѣ, геометріи и географіи; за этими занятіями проходитъ 2 часа. Въ 3 часа опять приходитъ Гюйссенъ со свитой и время до 6 часовъ посвящается разговорамъ или прогулкамъ; въ 6 часовъ бываетъ ужинъ, въ 8—царевичъ идетъ спать. Говоря о приближенныхъ царевича, Вильчекъ отмѣчаетъ хорошее образованіе Трубецкого и Головкина; особеннымъ вліяніемъ на царевича пользуется Трубецкой и притомъ не всегда въ благопріятномъ смыслѣ, такъ какъ онъ слишкомъ рано началъ обращать вниманіе царевича на его высокое положеніе, какъ наслѣдника столь великаго государства. Гюйссенъ же, наоборотъ, не пользовался, по словамъ Вильчека, особеннымъ авторитетомъ. Прибывъ въ мартѣ въ Варшаву, царевичъ обмѣнялся визитомъ съ польскимъ королемъ и черезъ Дрезденъ направился въ Карлсбадъ. По дорогѣ онъ осматривалъ горныя копи Саксоніи, а въ Дрезденѣ достопримѣчательности города и присутствовалъ при открытіи саксонскаго ландтага. Неподалеку отъ Карлсбада, въ мѣстечкѣ Шлакенвертѣ, произошло первое свиданіе невѣсты съ женихомъ, причемъ царевичъ, произвелъ, какъ кажется, на принцессу пріятное впечатлѣніе. Когда Алексѣй узналъ о предстоящемъ ему бракѣ—неизвѣстно, но, кажется, въ этомъ важномъ событіи онъ игралъ вообще довольно пассивную роль. Шафировъ въ письмѣ къ Гордону сообщалъ, что Петръ рѣшилъ устроить этотъ бракъ только въ томъ случаѣ, если молодые понравятся другъ другу; согласно съ этимъ и графъ Фицтумъ сообщалъ изъ Петербурга, что царь предоставляетъ сыну свободный выборъ; но свобода эта была въ дѣйствительности только относительная: „... и на той княжнѣ—писалъ Алексѣй Игнатьеву (какъ предполагаетъ Соловьевъ, въ началѣ 1711 года),—давно уже меня сватали, однакожъ *мнѣ отъ батюшки не вполнѣ было открыто,* и я ее видѣлъ и сіе батюшкѣ извѣстно стало и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ оная мнѣ понравилась и есть-ли моя воля съ нею въ супружество, а я уже извѣстенъ, что *онъ меня не хочетъ женить на русской, но на здѣшней, на какой я хочу;* и я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ и лучше ея мнѣ здѣсь не сыскать". Между тѣмъ еще въ августѣ 1710 г. царевичъ, узнавъ, что въ газетахъ считаютъ вопросъ о бракѣ рѣшеннымъ, пришелъ въ сильный гнѣвъ, заявивъ, что отецъ предоставилъ ему свободный выборъ. Возвратившись изъ Шнакенверта въ Дрезденъ, царевичъ принялся за прерванныя занятія. Изъ переписки принцессы Шарлотты и ея приближенныхъ мы узнаемъ, что Алексѣй Петровичъ велъ уединенный образъ жизни, былъ очень прилеженъ и всѣмъ, за что ни принимался, занимался очень усердно. „Онъ беретъ теперь,—писала принцесса Шарлотта матери,—уроки танцевъ у Боти, и его французскій учитель тотъ же, который давалъ уроки мнѣ; онъ учится также географіи и, какъ говорятъ, очень прилеженъ". Изъ другого письма къ принцессѣ Шарлоттѣ видно, что для царевича два раза въ недѣлю давались французскія представленія, которыя, несмотря на незнаніе имъ языка, доставляли ему большое удовольствіе. „Государь царевичъ обрѣтается въ добромъ здравіи,—писали Трубецкой и Головкинъ Меншикову (въ декабрѣ 1710 г.) изъ Дрездена,—и въ показанныхъ наукахъ прилежно обращается, сверхъ тѣхъ геометрическихъ частей, о которыхъ 7-го сего декабря мы доносили, выучилъ еще профондиметрію и стереометрію, и такъ съ Божіею помощью геометрію всю окончилъ". Занятія не мѣшали, однако, царевичу съ слѣдовавшими за нимъ приближенными людьми (Вяземскій, Еварлаковъ, Иванъ Аѳанасьевъ) „веселиться духовно и тѣлесно, не по нѣмецки, но по-русски"; „мы по-московски пьемъ,—писалъ Алексѣй Игнатьеву изъ Вольфенбюттеля,—въ пожеланіе прежде большихъ съ вами благъ". Въ концѣ сентября царевичъ посѣтилъ принцессу Шарлотту въ Торгау; онъ казался довольнымъ, и въ обращеніи своемъ, какъ писала принцесса Шарлотта, измѣнился къ лучшему; возвратившись въ Дрезденъ, онъ рѣшился сдѣлать принцессѣ предложеніе. Въ январѣ 1711 года получено было оффиціальное согласіе Петра; къ этому времени относятся нѣсколько писемъ царевича къ родственникамъ невѣсты; письма—довольно безсодержательныя—писаны на нѣмецкомъ языкѣ, и, какъ предполагаетъ Герье, чужой рукой; нѣкоторыя изъ нихъ переписаны цареви-

чемъ кривыми, несвязными буквами на разлинованной карандашомъ бумагѣ. Въ маѣ царевичъ отправился въ Вольфенбюттель, чтобы познакомиться съ родителями невѣсты и принять согласно инструкціи отца, участіе въ составленіи брачнаго договора. Для выясненія нѣкоторыхъ пунктовъ этого договора къ Петру посланъ былъ, въ іюнѣ, тайный совѣтникъ Шлейницъ, который и явился къ нему въ Яворовѣ. „Я не хотѣлъ бы,—сказалъ ему Петръ въ разговорѣ,—отдалять счастіе моего сына, но не хотѣлъ бы и самъ отказаться отъ удовольствія: онъ мой единственный сынъ, и я хотѣлъ бы, по окончаніи похода, присутствовать на его свадьбѣ". Въ отвѣтъ на восхваленіе Шлейницемъ прекрасныхъ качествъ царевича, Петръ сказалъ, что слова эти ему очень пріятны, но что онъ считаетъ такія похвалы преувеличенными, и когда Шлейницъ продолжалъ настаивать, царь заговорилъ о другомъ. На вопросъ, что передать Алексѣю, Петръ отвѣчалъ: „Все, что отецъ можетъ сказать сыну". Очень любезна была съ Шлейницемъ, по его разсказамъ, и очень радовалась браку царевича Екатерина Алексѣевна. Въ октябрѣ 1711 года въ Торгау была отпразднована свадьба Алексѣя Петровича, на которой присутствовалъ и Петръ, только-что возвратившійся изъ Прутскаго похода. На четвертый день послѣ свадьбы царевичъ получилъ приказаніе отца отправиться въ Торнъ, гдѣ онъ долженъ былъ слѣдить за заготовкой провіанта для русской арміи, предназначавшейся къ походу въ Померанію. Оставшись, съ разрѣшенія Петра, нѣкоторое время въ Брауншвейгѣ, гдѣ происходили празднества по поводу бракосочетанія, Алексѣй 7-го ноября выѣхалъ въ Торнъ, гдѣ и занялся возложеннымъ на него порученіемъ. Въ маѣ слѣдующаго года онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій, а принцесса Шарлотта, по приказанію Петра, переселилась въ Эльбингъ. Отношенія царевича къ женѣ были въ теченіе этого перваго періода ихъ совмѣстной жизни, кажется, довольно хороши; большую радость доставили принцессѣ Шарлоттѣ дошедшіе до нея слухи о сильномъ столкновеніи, происшедшемъ, будто бы, изъ-за нея у Алексѣя Петровича съ Меншиковымъ. Таковы же были отношенія къ невѣсткѣ Петра и Екатерины, которые проѣздомъ побывали въ Эльбингѣ. Петръ говорилъ Екатеринѣ, что сынъ не заслуживаетъ такой жены; многое въ томъ же родѣ говорилъ онъ и принцессѣ Шарлоттѣ, которая писала матери, что все это радовало бы ее, если бы она не видѣла изъ всего, какъ мало отецъ любитъ сына.

Къ этому времени относится цѣлый рядъ дѣловыхъ писемъ царевича къ отцу, о различныхъ мѣропріятіяхъ по сбору провіанта и о затрудненіяхъ, съ которыми ему приходилось при этомъ бороться. Въ февралѣ 1713 г. Алексѣй вмѣстѣ съ Екатериной отправился въ Петербургъ, участвовалъ затѣмъ въ финляндскомъ походѣ Петра, ѣздилъ съ порученіями его въ Москву, а въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ наблюдалъ за рубкой лѣса для кораблестроенія въ Новгородской губерніи. 17-го августа 1713 г. онъ возвратился въ Петербургъ.

Таковъ былъ внѣшній ходъ событій жизни царевича до возвращенія его въ Петербургъ. Съ этого времени начинается новый періодъ. Вскорѣ по прибытіи Алексѣя Петровича въ Петербургъ, враждебныя отношенія между нимъ и отцомъ перестали быть тайной; необходимо поэтому прежде всего выяснить вопросъ, каковы были эти отношенія за предыдущее время. Объ этомъ самъ Алексѣй Петровичъ говорилъ впослѣдствіи, что пока отецъ возлагалъ на него порученія и передавалъ управленіе государствомъ, все шло хорошо; но заявленію этому врядъ ли можно придавать большое значеніе. Источникомъ для выясненія этого вопроса служитъ переписка царевича съ его московскими друзьями, сношенія съ которыми не были прерваны ни путешествіемъ его за границу, ни бракомъ. Сохранилось болѣе 40 писемъ царевича къ Игнатьеву, писанныхъ отовсюду, гдѣ онъ только бывалъ за это время. Эта переписка и уясняетъ отчасти характеръ отношеній между отцомъ и сыномъ. Таинственные, непонятные намеки, которыми переполнены всѣ письма Алексѣя, скрытность, которою онъ обставилъ свои сношенія съ друзьями, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что въ дѣйствительности отношенія между отцомъ и сыномъ были хороши только внѣшне. Скрытность доходила до того, что друзья употребляли „цифирную азбуку", а царевичъ, кромѣ того, просилъ Игнатьева: „что потайнѣе,— пересылать черезъ Попа или Строганова".

Единственнымъ чувствомъ Алексѣя къ отцу былъ, кажется, непреодолимый страхъ: еще будучи въ Россіи, онъ боялся всего, боялся даже писать отцу „безъ дѣла", а когда царь сдѣлалъ ему однажды выговоръ, обвиняя въ лѣни, Алексѣй не ограничился слезными увѣреніями, что его оклеветали, но умолялъ о заступничествѣ Екатерину, благодаря ее затѣмъ за явленную милость и прося „и впредь не оставить въ какихъ-либо прилучившихся случаяхъ": боязнью, подобострастіемъ проникнуты письма царевича не только къ Петру, но и къ Меншикову. Еще задолго до отъѣзда за границу, вскорѣ послѣ того, какъ царь выразилъ сыну въ Жолквѣ гнѣвъ за посѣщеніе матери, друзья царевича считали себя въ правѣ опасаться за него, опасались даже за его жизнь, какъ предполагаетъ Погодинъ. Сообщая, что онъ получилъ письмо отца съ приказаніемъ ѣхать въ Минскъ, царевичъ прибавляетъ: „оттуда пишутъ ко мнѣ друзья мои, чтобы мнѣ ѣхать *безъ всякаго опасенія*". Загадочность многихъ изъ писемъ подала поводъ къ предположеніямъ, что уже въ это время друзья царевича ожидали какой-то перемѣны обстоятельствъ въ его пользу и что-то замышляли противъ Петра; какъ на особенно загадочное въ этомъ смыслѣ указывали на одно не датированное письмо изъ Нарвы, которое Соловьевъ, безъ особеннаго, какъ кажется, на то основанія, относитъ ко времени бѣгства царевича за границу; въ письмѣ этомъ царевичъ проситъ, чтобы къ нему болѣе не писали, а чтобы Игнатьевъ помолился, дабы что-то „*поскорѣй совершилось, а чаю, что не умедлится*". Въ другихъ письмахъ видѣли указанія на то, что царевичъ уже въ бытность свою въ Варшавѣ думалъ не возвращаться въ Россію; это предположеніе вызвали нѣкоторыя, сдѣланныя царевичемъ изъ Варшавы, распоряженія своимъ московскимъ друзьмъ, какъ напр. о продажѣ вещей, (съ неизмѣннымъ прибавленіемъ „въ благополучное время", когда „вышнихъ" не будетъ въ Москвѣ), объ отпущеніи людей на волю и т. п. Поѣздка царевича за границу, не прекративъ его сношеній съ московскими друзьями, сдѣлала ихъ такимъ образомъ еще болѣе таинственными. Желая имѣть духовника, царевичъ не осмѣливался просить объ этомъ открыто, и долженъ былъ обратиться къ Игнатьеву съ просьбой достать священника въ Москвѣ, которому поручалось пріѣхать тайно, „сложа священническіе признаки", т.-е. переодѣвшись и сбривъ бороду и усы: „о бритіи бороды, пишетъ царевичъ, не сумнѣвался бы онъ: лучше малое переступити, нежели души наши погубити безъ покаянія"; онъ долженъ былъ „понесть верховную ѣзду" и „сказаться деньщикомъ, а кромѣ меня", прибавляетъ царевичъ, „и Никифора (Вяземскаго) сей тайны вѣдать никто не будетъ. А на Москвѣ, какъ возможно, сіе тайно держи". Особенно опасался царевичъ, чтобы отецъ не заподозрилъ сношеній его при посредствѣ московскихъ друзей съ царицей Евдокіей. Сохранилось нѣсколько писемъ, въ которыхъ Алексѣй умолялъ Игнатьева не ѣздить „въ отечествіе, во Владиміръ", избѣгать общенья съ Лопухиными, „понеже самъ ты извѣстенъ о семъ, что сіе намъ и вамъ не польза, а наипаче вредъ, того ради надобно сіе хранить весьма". Страхъ, который внушалъ ему отецъ, хорошо характеризуется разсказами самого царевича о томъ, какъ онъ, будучи по пріѣздѣ въ Петербургъ, спрошенъ Петромъ, не забылъ-ли, чему учился, и опасаясь, что отецъ заставитъ его чертить при себѣ, сдѣлалъ попытку прострѣлить себѣ руку. Страхъ этотъ доходилъ до того, что Алексѣй, какъ разсказывалось впослѣдствіи, сознавался духовнику въ желаніи отцу смерти, на что получилъ въ отвѣтъ: „Богъ тебя проститъ. Мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много". Съ этимъ послѣднимъ показаніемъ, которое, будучи, какъ и многія другія, добыто посредствомъ допросовъ, частью, быть можетъ, благодаря пыткамъ, и могло бы возбудить нѣкоторое сомнѣніе, необходимо сопоставить заявленія самого царя, который въ 1715 г. говорилъ, что не только бранилъ сына, но „даже бивалъ его и сколько лѣтъ, почитай, не говорилъ съ нимъ". Такимъ образомъ, несомнѣнно, что еще задолго до прибытія царевича въ Петербургъ отношенія его къ отцу были нехорошими; не измѣнились они къ лучшему и по возвращеніи.

Лишенный общества Игнатьева, отъ котораго получалъ еще изрѣдка письма и который бывалъ иногда въ Петербургѣ, царевичъ сблизился съ другой, не менѣе энергичною личностью, Александромъ Ки-

кинымъ (братъ его былъ раньше казначеемъ царевича). Будучи ранѣе близокъ къ Петру, Александръ Кикинъ попалъ въ опалу и сдѣлался злѣйшимъ его врагомъ. Вяземскій и Нарышкины остались при царевичѣ; вліяніе оказывала на него и тетка Марья Алексѣевна. По разсказу Плейера, царевичъ, на котораго нѣмецкіе нравы нисколько не подѣйствовали, пьянствовалъ и проводилъ все время въ дурномъ обществѣ (въ разгулѣ обвинялъ его позже и Петръ). Когда Алексѣю Петровичу приходилось бывать на парадныхъ обѣдахъ у Государя или князя Меншикова, онъ говорилъ: „лучше бы мнѣ на каторгѣ быть или въ лихорадкѣ лежать, чѣмъ туда идти". Отношенія царевича къ женѣ, которая не пользовалась ни малѣйшимъ на него вліяніемъ, весьма скоро сдѣлались очень дурными. Принцессѣ Шарлоттѣ приходилось выносить самыя грубыя сцены, доходившія до предложенія уѣхать заграницу. Въ нетрезвомъ видѣ царевичъ жаловался на Трубецкаго и Головкина, что они навязали ему жену-чертовку и грозилъ посадить ихъ впослѣдствіи на колъ; подъ вліяніемъ вина онъ позволялъ себѣ и болѣе опасныя откровенности. „Близкіе къ отцу люди,—говорилъ царевичъ,—будутъ сидѣть на кольяхъ. Петербургъ не долго будетъ за нами". Когда Алексѣя Петровича предостерегали и говорили, что къ нему при такихъ рѣчахъ перестанутъ ѣздить, онъ отвѣчалъ: „Я плюю на всѣхъ, здорова бы была мнѣ чернь". Вспоминая, очевидно, о рѣчи Яворскаго и чувствуя за собой недовольныхъ, главнымъ образомъ, среди духовенства, царевичъ говорилъ: „Какъ будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники горожанамъ, тогда они нехотя меня владѣтелемъ учинятъ". И между знатнѣйшими сановниками, приближенными Петра, царевичъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, видѣлъ сочувствіе къ себѣ: это были представители родовъ кн. Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, недовольныхъ возвышеніемъ Меншикова. „Пожалуй, ко мнѣ не ѣзди,—говорилъ князь Яковъ Долгоруковъ,—за мной смотрятъ другіе, кто ко мнѣ ѣздитъ".—„Ты умнѣе отца,—говорилъ Василій Владиміровичъ Долгорукій, отецъ твой хотя и уменъ, только людей не знаетъ, а ты умныхъ людей будешь знать лучше" (т.-е. устранишь Меншикова и возвысишь Долгоруковыхъ). Друзьями считалъ царевичъ и князя Димитрія Голицына, и Бориса Шереметева, совѣтовавшаго ему держать при Петрѣ „малаго такого, чтобы знался съ тѣми, которые при дворѣ отцевѣ", и Бориса Куракина, спрашивавшаго у него еще въ Помераніи, добра ли къ нему мачиха.

Въ 1714 г. Алексѣй Петровичъ, у котораго доктора предположили развивавшуюся чахотку, какъ слѣдствіе разгульной жизни, предпринялъ, съ разрѣшенія Петра, поѣздку въ Карлсбадъ, гдѣ пробылъ около полугода, до декабря мѣсяца.

Между выписками изъ Баронія, сдѣланными царевичемъ въ Карлсбадѣ, нѣкоторыя довольно любопытны, и указываютъ, насколько Алексѣй Петровичъ былъ занятъ своей скрытой борьбой съ отцомъ: „Не цесарское дѣло вольный языкъ унимать; не іерейское дѣло, что разумѣютъ, не глаголати. Аркадій цесарь повелѣлъ еретиками звать всѣхъ, которые хотя малымъ знакомъ отъ православія отлучаются. Валентинъ цесарь убитъ за повреждение уставовъ церковныхъ и прелюбодѣяніе. Максимъ цесарь убитъ отъ того, что повѣрилъ себя женѣ. Хильперикъ, французскій король, убитъ для отъему отъ церкви имѣнія". Уже передъ этой поѣздкой царевичъ, отчасти подъ вліяніемъ Кикина, серьезно думалъ о томъ, чтобы не возвращаться въ Россію. Не осуществивъ своего плана, онъ уже тогда выражалъ опасеніе, что его заставятъ постричься. Въ это время царевичъ былъ уже въ связи съ „чухонкой" Афросиньей. Въ отсутствіи мужа, принцесса Шарлотта, которой Алексѣй ни разу не писалъ, родила дочь; послѣднее обстоятельство очень обрадовало Екатерину, ненавидѣвшую невѣстку изъ опасеній, что у нея родится сынъ, которому ея собственный сынъ долженъ быть подданнымъ. Принцесса Шарлотта была очень оскорблена, что Петръ принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности, приказавъ Головиной, Брюсъ и Ржевской присутствовать при родахъ. Для характеристики того, какъ въ это время общество смотрѣло на отношенія царя къ сыну, любопытенъ, изданный Тепчегорскимъ въ томъ же 1714 году, акаѳистъ Алексѣю человѣку Божію, въ которомъ царевичъ изображенъ стоящимъ на колѣнахъ предъ Петромъ и слагающимъ къ ногамъ его корону, державу, шпагу и ключи.

По возвращеніи въ Петербургъ царевичъ

продолжалъ вести прежній образъ жизни и, по разсказу принцессы Шарлотты, почти, каждую ночь напивался до безчувствія. Екатерина и Шарлотта были беременны одновременно. 12-го октября 1715 г., Шарлотта родила сына Петра и умерла въ ночь на 22-ое число; 28-го октября Екатерина родила сына. Накапунѣ, 27-го числа, Петръ передалъ сыну письмо, подписанное 11-го октября. Упрекая его, главнымъ образомъ, въ нерадѣніи къ воинскому дѣлу, Петръ говорилъ, что Алексѣй не можетъ отговариваться умственною и тѣлесною слабостью, такъ какъ Богъ его разума не лишилъ, и требовалъ отъ царевича не трудовъ, но лишь охоты къ воинскому дѣлу, „которой никакая болѣзнь отлучить не можетъ". „Тебѣ же, — говорилъ Петръ, — только-бъ дома жить или веселиться". Ни брань, ни побои, ни то, что онъ „сколько лѣтъ почитай" не говорилъ съ сыномъ—не дѣйствовали, по словамъ Петра. Письмо заканчивалось угрозой лишить сына, если онъ не исправится, наслѣдства. „И не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ... Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный". То обстоятельство, что Петръ письмо, подписанное 11-мъ числомъ, т. е. еще до рожденія внука, отдалъ только 27-го, подало поводъ къ различнымъ предположеніямъ. Почему письмо пролежало 16 дней и писано-ли оно дѣйствительно до рожденія внука? И Погодинъ, и Костомаровъ обвиняютъ Петра въ подлогѣ. Когда у Алексѣя родился сынъ, что, по разсказу Плейера, причинило Екатеринѣ великую досаду, Петръ рѣшилъ привести въ исполненіе свое намѣреніе лишить сына наслѣдства. Только, соблюдая „анштатъ", онъ подписалъ письмо заднимъ числомъ; поступи онъ иначе, сразу показалось бы, что онъ разсердился на сына за рожденіе у него наслѣдника. Съ другой стороны, нужно было торопиться, такъ какъ родись у Екатерины сынъ, все дѣло имѣло бы такой видъ, что Петръ поражаетъ Алексѣя только потому, что у него самого родился сынъ отъ любимой жены и тогда онъ не могъ бы сказать: „лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой непотребный". „Если бы Петръ,—говоритъ Костомаровъ,—не имѣлъ намѣренія лишить внука престола, зачѣмъ же было давать сыну такое письмо, которое, будто бы, написано до рожденія внука". Соловьевъ объясняетъ дѣло проще. Петръ былъ, какъ извѣстно, во время родовъ принцессы Шарлотты и ея болѣзни самъ очень боленъ, а потому и не могъ отдать письма. Если же, говоритъ Соловьевъ, и не было этой причины, то вполнѣ естественно, что Петръ откладывалъ такой тяжелый, рѣшительный шагъ. Получивъ письмо, царевичъ былъ очень печаленъ и обратился за совѣтомъ къ друзьямъ. „Тебѣ покой будетъ, какъ ты отъ всего отстанешь,—совѣтовалъ Кикинъ, —я вѣдаю, что тебѣ не снести за слабостью своей, а напрасно ты не отъѣхалъ, да ужъ того взять негдѣ". „Воленъ Богъ, да корона,—говоритъ Вяземскій,—лишь бы покой былъ". Послѣ этого царевичъ просилъ Апраксина и Долгорукова уговорить Петра, чтобы онъ лишилъ его наслѣдства и отпустилъ. Оба обѣщали, а Долгоруковъ прибавилъ: „давай писемъ хоть тысячу, еще когда это будетъ... это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали". Черезъ три дня Алексѣй подалъ отцу письмо, въ которомъ просилъ лишить его наслѣдства. „Понеже вижу себя, — писалъ онъ, къ сему дѣлу неудобна и непотребна, также памяти весьма лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать) и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такого гнилого, какъ я. Того ради наслѣдія (дай Боже Вамъ многолѣтное здравіе!) Россійскаго по васъ (хотя бы и братца у меня не было, а нынѣ слава Богу братъ у меня есть, которому дай Боже здоровья) не претендую и впредь претендовать не буду". Такимъ образомъ Алексѣй отказывается неизвѣстно почему и за своего сына. Долгоруковъ сообщилъ Алексѣю, что Петръ, кажется, доволенъ его письмомъ и лишитъ его наслѣдства, но прибавилъ: „я тебя у отца съ плахи снялъ. Теперь ты радуйся, дѣла тебѣ ни до чего небудетъ". Петръ, между тѣмъ, опасно заболѣлъ и только 18-го января 1716 года послѣдовалъ отвѣтъ на письмо Алексѣя. Петръ выражаетъ неудовольствіе по поводу того, что царевичъ будто бы, не отвѣчаетъ на упреки въ неохотѣ что-либо дѣлать и отговаривается только неспособностью, „также, что я давно нѣсколько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ пренебрежено и не упомянуто; того ради разсуждаю, что не дѣло смотришь на отцово прощеніе". Отказу отъ наслѣдія Петръ уже

не находитъ возможнымъ вѣрить. „Такожъ,—пишетъ онъ,—хотя-бъ и истинно хотѣлъ хранить (т. е. клятву), то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя ради тунеядства своего нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло „и раньше“. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбой, ни мясомъ невозможно, но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что по полученіи сего дай немедленно отвѣтъ. А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ поступлю“. Друзья совѣтовали царевичу постричься, потому что клобукъ, какъ говорилъ Кикинъ, „не гвоздемъ, на головѣ прибитъ“; Вяземскій, кромѣ того, совѣтовалъ дать знать отцу духовному, что онъ идетъ въ монастырь по принужденію „ни за какую вину“, что и было въ дѣйствительности сдѣлано. 20-го января Алексѣй отвѣчалъ отцу, что „по болѣзни не можетъ много писать и желаетъ монашескаго чину“. Не удовлетворенный первымъ отвѣтомъ, Петръ не удовлетворился и этимъ. Отреченія ему было мало, ибо онъ чувствовалъ неискренность сына; также какъ и Кикинъ, онъ понималъ, что клобукъ не гвоздемъ прибитъ, но не зналъ, на что рѣшиться, и требовалъ отъ царевича невозможнаго—измѣнить свой нравъ. Этой нерѣшительностью Петра объясняется и непослѣдовательность въ его образѣ дѣйствій — измѣнять каждый разъ требованіе, послѣ того, какъ сынъ на все соглашается. Обѣ стороны откладывали окончательное рѣшеніе. Уѣзжая, въ концѣ января, заграницу, Петръ былъ у сына и сказалъ: „Это молодому человѣку не легко, одумайся, не спѣши. Подожди полгода“.— „И я отложилъ вдаль“, говорилъ позже царевичъ.

Датскій посолъ Вестфаленъ разсказываетъ, что Екатерина, собираясь слѣдовать за Петромъ заграницу, боялась оставить въ Россіи Алексѣя, который, въ случаѣ смерти Петра, овладѣлъ бы престоломъ во вредъ ей и ея дѣтямъ: поэтому она настаивала, чтобы царь до отъѣзда изъ Петербурга порѣшилъ дѣло царевича; онъ не успѣлъ этого сдѣлать, вынужденный уѣхать раньше.

Оставшись въ Петербургѣ, царевичъ былъ смущаемъ разными слухами. Кикинъ говорилъ ему, что кн. Вас. Долгоруковъ будто бы, совѣтовалъ Петру таскать его вездѣ съ собой, чтобы онъ умеръ отъ такой волокиты. Царевичу друзьями его передавались различныя откровенія: что Петру долго не жить, что Петербургъ разрушится, что Екатеринѣ жить только 5 лѣтъ, а сыну ея только 7 и т. п. Мысль о бѣгствѣ не была оставлена. Кикинъ, уѣзжая заграницу съ царевной Марьей Алексѣевной, говорилъ царевичу: „я тебѣ мѣсто какое-нибудь сыщу“. Во время данныхъ ему на размышленіе 6-ти мѣсяцевъ Алексѣй писалъ къ отцу, и Петръ съ укоризной замѣтилъ, что письма его переполнены только замѣчаніями о здоровьи. Въ концѣ сентября онъ получилъ письмо Петра, въ которомъ царь требовалъ окончательнаго рѣшенія, „дабы я покой имѣлъ въ моей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу“. „Буде первое возымешь (т. е. рѣшишься взяться за дѣло), писалъ Петръ, то болѣе недѣли ни мѣшкай, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возымешь (т. е. пойдешь въ монастырь), то отпиши куда и въ которое время и день. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы сіе конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи“. Получивъ письмо, царевичъ рѣшилъ привести въ исполненіе планъ бѣгства, о чемъ сообщилъ своему камердинеру Ивану Аѳанасьеву Большому и другому изъ своихъ домашнихъ Ѳедору Дубровскому, которому, по его просьбѣ, далъ 500 рублей для отсылки матери въ Суздаль. По совѣту Меншикова, онъ взялъ съ собой Афросинью. Это былъ предательскій совѣтъ, полагаютъ Погодинъ и Костомаровъ: Меншиковъ долженъ былъ знать, какъ такой поступокъ повредитъ Алексѣю въ глазахъ отца. Передъ отъѣздомъ царевичъ зашелъ въ Сенатъ проститься съ сенаторами и при этомъ сказалъ на ухо князю Якову Долгорукову: „Пожалуй, меня не оставь“ — „Всегда радъ“, отвѣчалъ Долгоруковъ, „только больше не говори: другіе смотрятъ на насъ“. Выѣхавъ 26-го сентября изъ Петербурга, царевичъ около Либавы встрѣтился съ возвращавшейся изъ-за границы царевной Марьей Алексѣевной, съ которой имѣлъ любопытный разговоръ. Сообщивъ теткѣ, что ѣдетъ къ отцу, Алексѣй Петровичъ съ плачемъ прибавилъ: „ужъ я себя не знаю отъ горести; я-бы радъ куда скрыться“.

Тетка разсказала ему объ откровеніи, что Петръ возьметъ Евдокію обратно и что „Петербургъ не устоитъ за нами; быть ему пусту“; она же сообщила, что архіереи Дмитрій да Ефремъ, да Рязанскій и князь Ромодановскій склонны къ нему, будучи недовольны провозглашеніемъ Екатерины царицей. Въ Либавѣ Алексѣй увидался съ Кикинымъ, который сообщилъ ему, что нашелъ для него убѣжище въ Вѣнѣ; русскій резидентъ въ этомъ городѣ Веселовскій, признавшійся Кикину въ намѣреніи не возвращаться въ Россію, получилъ отъ императора увѣреніе, что онъ приметъ Алексѣя, какъ сына. Въ Либавѣ рѣшено было принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, имѣвшія, главнымъ образомъ, цѣлью перенести и на другихъ лицъ (Меншикова, Долгорукова) подозрѣніе въ томъ, что они знали о бѣгствѣ царевича и способствовали ему. Когда прошло нѣсколько недѣль и о царевичѣ нигдѣ не было слышно, начались розыски. Оставшіеся въ Россіи приближенные царевича были въ ужасѣ, Игнатьевъ писалъ къ Алексѣю въ Петербургъ, умоляя сообщить что-либо о себѣ; безпокоилась и Екатерина въ письмахъ своихъ къ Петру. Возбуждены были и иностранцы, жившіе въ Россіи. Особенно интересно письмо Плейера, который сообщалъ о разныхъ слухахъ, какъ, напр., что гвардейскіе и другіе полки сговорились царя убить, а царицу и дѣтей ея заключить въ тотъ самый монастырь, гдѣ сидѣла прежняя царица, послѣднюю же освободить и правленіе отдать Алексѣю, какъ настоящему наслѣднику „Здѣсь все готово къ возмущенію“, писалъ Плейеръ. Петръ скоро понялъ, куда скрылся Алексѣй, далъ приказаніе генералу Вейде разыскивать его и вызвалъ къ себѣ въ Амстердамъ Веселовскаго, которому далъ такое же приказаніе и собственноручное письмо для врученія императору. Веселовскій прослѣдилъ путь царевича, который ѣхалъ подъ именемъ русскаго офицера Коханскаго, до Вѣны; здѣсь слѣдъ Коханскаго затерялся и вмѣсто него явился польскій кавалеръ Кременирскій, который спрашивалъ, какъ проѣхать въ Римъ. Отправленный Веселовскимъ въ Тироль гвардіи капитанъ Александръ Румянцевъ, котораго прислалъ для розысковъ Петръ, донесъ, что Алексѣй находится въ замкѣ Эренбергъ.

Между тѣмъ, царевичъ еще въ ноябрѣ явился въ Вѣнѣ къ вице-канцлеру Шёнборну и просилъ защиты у цесаря. Въ страшномъ возбужденіи жаловался онъ на отца, что его и дѣтей хотятъ лишить наслѣдства, что Меншиковъ нарочно воспиталъ его такъ, опаивая его и разстраивая его здоровье; Меншиковъ и царица, говорилъ царевичъ, постоянно раздражали противъ него отца, „они непремѣнно хотятъ моей смерти или постриженія“. Царевичъ признавался, что не имѣлъ охоты къ солдатчинѣ, но замѣчалъ, что, тѣмъ не менѣе, все шло хорошо, когда отецъ поручалъ ему управленіе, пока царица не родила сына. Затѣмъ царевичъ говорилъ, что у него достаточно ума для управленія и что онъ не хочетъ постригаться. Это значило бы губить душу и тѣло. Ѣхать къ отцу—значитъ ѣхать на муки. Собранный императоромъ совѣтъ рѣшилъ дать царевичу убѣжище и 12-го ноября Алексѣя Петровича перевезли въ ближайшее къ Вѣнѣ мѣстечко Вейербургъ, гдѣ онъ пробылъ до 7-го декабря. Здѣсь царевичъ повторилъ присланному къ нему императорскому министру то, что онъ разсказалъ въ Вѣнѣ и увѣрялъ, что ничего не замышлялъ противъ отца, хотя русскіе любятъ его, царевича, и ненавидятъ Петра за то, что онъ отмѣнилъ древніе обычаи. Умоляя цесаря именемъ своихъ дѣтей, царевичъ заплакалъ. 7-го декабря Алексѣй Петровичъ перевезенъ былъ въ Тирольскій замокъ Эренбергъ, гдѣ и долженъ былъ скрываться подъ видомъ государственнаго преступника. Царевичъ содержался довольно хорошо и жаловался лишь на отсутствіе греческаго священника. Онъ переписывался съ вице-канцлеромъ графомъ Шёнборномъ, который доставлялъ ему новыя свѣдѣнія и, между прочимъ, сообщилъ и вышеупомянутое письмо Плейера. Между тѣмъ, Веселовскій, узнавъ, благодаря Румянцову, о мѣстопребываніи царевича, передалъ императору, въ началѣ апрѣля, письмо Петра, въ которомъ онъ просилъ, если бы царевичъ оказался тайно или явно въ австрійскихъ областяхъ, прислать его къ отцу „для отеческаго исправленія“. Императоръ отвѣчалъ, что ему ничего неизвѣстно, обѣщалъ изслѣдовать дѣло и написать царю, а самъ тотчасъ обратился къ англійскому королю съ запросомъ, не захочетъ ли онъ принять участіе въ защитѣ царевича, причемъ выставлялось

на видъ „ясное и постоянное тиранство отца“. Петру императоръ написалъ очень уклончивый, оскорбившій его, отвѣтъ, въ которомъ, совершенно умалчивая о пребываніи Алексѣя въ австрійскихъ предѣлахъ, обѣщалъ ему, что будетъ стараться, чтобы Алексѣй не попалъ въ непріятельскія руки, но былъ „наставленъ сохранить отеческую милость и наслѣдовать стезямъ отцовскимъ по праву своего рожденія“. Отправленный въ Эренбергъ секретарь Кейль показалъ Алексѣю и письмо Петра къ императору, и письмо къ англійскому королю, сообщивъ при этомъ, что убѣжище его открыто и что необходимо, если онъ не хочетъ возвратиться къ отцу, уѣхать подальше, а именно въ Неаполь. Прочитавъ письмо отца, царевичъ пришелъ въ ужасъ: онъ бѣгалъ по комнатѣ, махалъ руками, плакалъ, рыдалъ, говорилъ самъ съ собой, наконецъ, упалъ на колѣни и, обливаясь слезами, умолялъ не выдавать его. На другой день, съ Кейлемъ и однимъ служителемъ отправился въ Неаполь, куда и прибылъ 6-го мая. Отсюда царевичъ написалъ благодарственныя письма императору и Шёнборну и передалъ Кейлю три письма къ своимъ друзьямъ, епископамъ ростовскому и крутицкому и къ сенаторамъ. Въ этихъ письмахъ, изъ которыхъ сохранилось два, Алексѣй Петровичъ сообщалъ, что убѣжалъ отъ озлобленій, такъ какъ его хотѣли насильно постричь, и что онъ находится подъ покровительствомъ нѣкоей высокой особы до времени, „когда сохранивый мя Господь повелитъ возвратиться въ отечество паки, при которомъ случаѣ прошу не оставите мя забвенна“. Письма эти хотя и не дошли по назначенію, но послужили для Петра, который узналъ о нихъ, однимъ изъ главныхъ поводовъ отнестись къ сыну особенно строго. Между тѣмъ, и послѣднее убѣжище царевича было открыто Румянцовымъ. Въ іюлѣ явился въ Вѣну Петръ Толстой, который вмѣстѣ съ Румянцовымъ долженъ былъ добиться возвращенія царевича въ Россію. Они должны были выразить неудовольствіе Петра по поводу уклончиваго отвѣта императора и вмѣшательства его въ семейную распрю. Въ инструкціи Петръ обѣщалъ Алексѣю помилованіе, приказывалъ Толстому увѣрить императора, что онъ не принуждалъ Алексѣя ѣхать къ нему въ Копенгагенъ, и настаивать на выдачѣ Алексѣя, въ крайнемъ же случаѣ на свиданіи съ нимъ, „объявляя, что они имѣютъ отъ насъ къ нему и на письмѣ, и на словахъ такія предложенія, что чаютъ, будутъ оному пріятны“. Царевичу они должны были поставить на видъ все безуміе его поступка и объяснить ему, что „онъ то учинилъ напрасно безо всякой причины, ибо ему отъ насъ никакого озлобленія и неволи ни къ чему не было, но все на его волю мы полагали... а ему мы этотъ поступокъ родительски простимъ и примемъ его паки въ милость нашу и обѣщаемъ содержать отечески во всякой свободѣ и милости и довольствѣ безъ всякаго гнѣва и принужденія“. Въ письмѣ къ сыну Петръ повторялъ еще настойчивѣе тѣ же обѣщанія и обнадеживалъ его Богомъ и судомъ, что никакого ему наказанія не будетъ. Въ случаѣ же отказа возвратиться, Толстой долженъ былъ грозить ужасными наказаніями. Созванная императоромъ конференція рѣшила, что необходимо допустить Толстого до царевича и стараться протянуть дѣло, пока не выяснится, какъ кончится послѣдній походъ царя; кромѣ того, нужно поспѣшить заключеніемъ союза съ англійскимъ королемъ. Но выдать царевича помимо его воли, во всякомъ случаѣ, невозможно. Вице-королю Дауну въ Неаполѣ дана была инструкція убѣдить царевича повидаться съ Толстымъ, но въ то же время увѣрить его въ заступничествѣ императора. Бывшая въ Вѣнѣ теща царевича, герцогиня Вольфенбюттельская также написала ему, послѣ того какъ Толстой уполномочилъ ее обѣщать царевичу разрѣшеніе жить, гдѣ угодно. „Я натуру царевичеву знаю,—говорила герцогиня,—отецъ напрасно трудится и принуждаетъ его къ великимъ дѣламъ: онъ лучше желаетъ имѣть въ рукахъ своихъ четки, чѣмъ пистолеты“. Въ самомъ концѣ сентября, послы прибыли въ Неаполь и имѣли свиданіе съ Алексѣемъ. Царевичъ, прочтя письмо отца, затрепеталъ отъ страха, опасаясь, что его убьютъ, причемъ особенно боялся Румянцова. Черезъ два дня, на второмъ свиданіи, онъ отказался ѣхать. „Мои дѣла—писалъ Толстой Веселовскому—находятся въ великомъ затрудненіи: ежели не отчаится наше дитя протекціи, подъ которою живетъ, никогда не помыслитъ ѣхать“. Чтобы переломить „замерзѣлое упрямство нашего звѣря“, какъ называлъ Толстой царевича, онъ принялъ слѣдующія мѣры: подкупилъ секретаря Дауна, Вейнгардта,

который внушилъ Алексѣю, что цесарь не будетъ защищать его оружіемъ, уговорилъ Дауна постращать его тѣмъ, что отнимутъ у него Афросинью, и сообщилъ ему, что Петръ самъ ѣдетъ въ Италію. Получивъ такимъ образомъ съ трехъ сторонъ „противныя вѣдомости“ и напуганный, главнымъ образомъ, извѣстіемъ о пріѣздѣ Петра, царевичъ рѣшился ѣхать, послѣ того, какъ Толстой обѣщалъ ему выхлопотать разрѣшеніе жениться и жить въ деревнѣ. По разсказу Вестфалена, Толстой, какъ только взялъ на себя порученіе Петра, порѣшилъ сблизиться съ Афросиньей и обѣщалъ женить на ней своего сына; она, будто бы, и повліяла на царевича. Сообщая Шафирову о неожиданно удачномъ исходѣ своей миссіи, Толстой совѣтовалъ согласиться на просьбу Алексѣя, ибо тогда всѣ увидятъ, „что онъ не отъ обиды какой ушелъ, токмо для той дѣвки“, этимъ онъ огорчитъ и цесаря, и „отклонитъ опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, иначе еще и здѣсь не безопасно...“, кромѣ того „и въ своемъ государствѣ покажется, какого онъ состоянія“. Передъ отъѣздомъ изъ Неаполя царевичъ ѣздилъ въ Бари поклониться мощамъ Св. Николая, а въ Римѣ осматривалъ достопримѣчательности города и Ватикана. Онъ замедлялъ путь, желая во что-бы то ни стало получить разрѣшеніе жениться на Афросиньѣ за границей. Боясь, какъ бы Алексѣй не измѣнилъ своего намѣренія, Толстой и Румянцевъ устроили такъ, что царевичъ не явился въ Вѣнѣ къ императору, хотя и выражалъ желаніе поблагодарить его. Императоръ, предположивъ, что Алексѣя увозятъ насильно, приказалъ Моравскому намѣстнику, графу Колоредо, задержать путешественниковъ въ Брюннѣ и повидаться, если возможно, наединѣ съ царевичемъ, но этому окончательно воспротивился Толстой. 23-го декабря царевичъ, въ присутствіи Толстого и Румянцева, объявилъ Колоредо, что не явился къ императору только по причинѣ „дорожныхъ обстоятельствъ“. Въ это время, какъ предполагаетъ Костомаровъ, царевичъ получилъ письмо Петра отъ 17-го ноября, въ которомъ царь подтверждалъ свое прощеніе словами: „въ чемъ будь весьма надеженъ“. 22-го ноября Петръ писалъ Толстому, что разрѣшаетъ и женитьбу Алексѣя, но только въ предѣлахъ Россіи, потому что „въ чужихъ краяхъ жениться, больше стыда принесетъ“, онъ просилъ обнадежить Алексѣя „накрѣпко моимъ словомъ“ и подтвердить ему разрѣшеніе жить въ своихъ деревняхъ. Совершенно увѣренный послѣ всѣхъ этихъ обѣщаній въ счастливомъ исходѣ дѣла, царевичъ писалъ полныя любви и заботливости письма къ Афросиньѣ, которая, по причинѣ беременности, ѣхала медленнѣе, другимъ путемъ — черезъ Нюренбергъ, Аугсбургъ и Берлинъ. Уже изъ Россіи, передъ самымъ пріѣздомъ въ Москву, онъ писалъ ей: „Все хорошо, чаю меня отъ всего уволятъ, что намъ жить съ тобою, будетъ, Богъ изволитъ, въ деревнѣ и ни до чего намъ дѣла не будетъ“. Афросинья самымъ подробнымъ образомъ сообщала о своемъ пути; изъ Новгорода царевичъ дѣлалъ распоряженія, чтобы къ ней отправленъ былъ священникъ и двѣ женщины для помощи, на случай родовъ. Плейеръ разсказываетъ, что народъ изъявлялъ царевичу свою любовь, во время его проѣзда. Если прежде многіе радовались, узнавъ, что царевичъ спасся у цесаря, то теперь всѣ были объяты ужасомъ. Въ прощеніе Петра мало вѣрили. „Слышалъ ты, — говорилъ Василій Долгоруковъ, — что дуракъ царевичъ сюда ѣдетъ, потому отецъ попустилъ женить его на Афросиньѣ? Жолвъ ему, не женитьба! Чертъ его несетъ, всѣ его обманываютъ нарочно“. Кикинъ съ Аѳанасьевымъ разсуждали о томъ, какъ-бы предупредить царевича, чтобы онъ не ѣхалъ въ Москву. Иванъ Нарышкинъ говорилъ: „Іуда Петръ Толстой обманулъ царевича, выманилъ“. 31-го января царевичъ прибылъ въ Москву, а 3-го февраля его ввели къ Петру, который окруженъ былъ сановниками; упавъ къ ногамъ отца, сынъ призналъ себя во всемъ виноватымъ и, заливаясь слезами, просилъ о помилованіи. Отецъ подтвердилъ обѣщаніе помиловать, но поставилъ два условія, о которыхъ въ письмахъ не было рѣчи: если онъ откажется отъ наслѣдства и откроетъ всѣхъ людей, которые присовѣтовали бѣгство. Въ тотъ же день послѣдовало торжественное отреченіе и обнародованіе заготовленнаго ранѣе манифеста о лишеніи царевича престола. Наслѣдникомъ былъ объявленъ царевичъ Петръ Петровичъ: „ибо иного возрастнаго наслѣдника не имѣемъ“. На другой день, 4-го февраля, начался процессъ. Алексѣй Петровичъ долженъ былъ выполнить второе условіе и открыть

единомышленниковъ. Петръ предложилъ Алексѣю „пункты", въ которыхъ требовалъ открыть ему, кто были совѣтники въ рѣшеніи идти въ монастырь, въ планѣ бѣгства, и кто принудилъ его написать письма въ Россію изъ Неаполя. „А ежели что укроешь, заканчивалъ Петръ той же угрозой, и потомъ явно будетъ, па меня не пеняй: также вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ". Царевичъ сознался 8-го февраля въ разговорахъ своихъ съ Кикинымъ, Вяземскимъ, Апраксинымъ и Долгоруковымъ; открылъ, что письма къ Сенату и къ архіереямъ писалъ по принужденію секретаря Кейля, который говорилъ: „понеже есть вѣдомости, что ты умеръ, иныя—будто пойманъ и сосланъ въ Сибирь; того ради пиши". Тотчасъ же послѣ этого показанія схвачены были въ Петербургѣ Кикинъ и Аѳанасьевъ, пытаны тамъ же и привезены въ Москву; здѣсь они подъ страшными пытками сознались. Сенатора князя Василія Долгорукова арестовали и отправили въ Москву; туда же привезли и всѣхъ, чѣмъ либо причастныхъ къ дѣлу. Съ каждой пыткой расширялся кругъ арестованныхъ; такъ, пытанъ былъ священникъ Либеріусъ, бывшій при царевичѣ еще въ Торнѣ и Карлсбадѣ, за то, что хотѣлъ пробраться къ нему въ Эренбергъ. До возвращенія Петра въ Петербургъ запрещенъ былъ выѣздъ изъ этого города въ Москву; западная граница была заперта въ предупрежденіе бѣгства кого-либо изъ причастныхъ къ дѣлу; тѣмъ не менѣе, въ одной изъ голландскихъ газетъ появилось извѣстіе о прибытіи въ Бреславль одного убѣжавшаго служителя Алексѣя, котораго приняли-было за его самого. Къ дѣлу царевича были сейчасъ же привлечены царица Евдокія съ ея приближенными; съ каждой новой пыткой передъ Петромъ раскрывалась ненависть, которую къ нему питали въ средѣ духовенства и въ народѣ. Глѣбовъ и Досифей были казнены; послѣдній, сознавшись, что желалъ смерти Петру и воцаренія Алексѣя Петровича, говорилъ: „посмотрите и у всѣхъ что на сердцахъ? Извольте пустить уши въ народъ, что въ народѣ говорятъ". При его казни долженъ былъ, по разсказу Вебера, присутствовать въ закрытомъ экипажѣ Алексѣй. Колесованъ былъ подъячій Докукинъ, отказавшійся присягнуть Петру Петровичу, хулившій Петра и Екатерину. Веберъ писалъ, что царь не можетъ довѣрять даже самымъ близкимъ своимъ приближеннымъ, что открытъ заговоръ, въ которомъ замѣшана чуть ли не половина Россіи, и который состоялъ въ томъ, что царевича хотѣли возвести на престолъ, заключить съ Швеціей миръ, и возвратить ей всѣ пріобрѣтенія. Эти разсказы о заговорахъ встрѣчаются у всѣхъ современныхъ иностранцевъ; они показываютъ, въ какомъ возбужденіи находилось общество, и даютъ возможность понять нравственное состояніе Петра въ это время. Царевичъ, выдавшій всѣхъ, считалъ себя въ совершенной безопасности. „Батюшка,—писалъ онъ Афросиньѣ,—взялъ меня къ себѣ ѣсть и поступаетъ ко мнѣ милостиво! Дай Боже, что и впредь также, и чтобъ мнѣ дождаться тебя въ радости. Слава Богу, что отъ наслѣдства отлучили, понеже останемся въ покоѣ съ тобою. Дай Богъ благополучно пожить съ тобою въ деревнѣ, понеже мы съ тобой ничего не желали, только, чтобы жить въ Рожественнѣ; сама ты знаешь, что мнѣ ничего не хочется, только бы съ тобой до смерти въ покоѣ жить". Но царевичъ жестоко ошибался: Петръ далеко не считалъ дѣла поконченнымъ, усиленно стараясь добыть изъ Вѣны письма Алексѣя къ сенаторамъ и узнать, дѣйствительно ли они писаны по наущенію Кейля. 18-го марта взявъ съ собою Алексѣя, царь возвратился въ Петербургъ. Въ половинѣ апрѣля пріѣхала Афросинья, но объ исполненіи Петромъ обѣщанія относительно женитьбы не было и рѣчи: Афросинья была заключена въ крѣпость. Къ этому времени относятся сообщенія Вебера, что царевичъ никуда не выходитъ и по временамъ, какъ разсказывали, терялъ разсудокъ. По разсказу Плейера, царевичъ въ Свѣтлый праздникъ, при обычномъ поздравленіи царицы, упалъ ей въ ноги и долго не вставалъ, умоляя выпросить у отца разрѣшеніе жениться.

Въ половинѣ мая Петръ отправился съ сыномъ въ Петергофъ, куда была привезена Афросинья и допрошена. Изъ донесеній голландскаго резидента Де-Би видно, что показанія Афросиньи имѣли значеніе въ томъ отношеніи, что если Петръ до сихъ поръ самъ его (т. е. Алексѣя) „болѣе за проведеннаго, какъ выражается Де-Би, нежели за проводителя и

главу того замысла почиталъ", то теперь послѣ показаній Афросиньи онъ могъ придти къ другому заключенію. Афросинья показала, что письма къ архіереямъ царевичъ писалъ безъ принужденія, „чтобы ихъ подметывали", что онъ часто писалъ къ цесарю жалобы на государя, говорилъ ей, что въ войскѣ русскомъ бунтъ, а около Москвы возстаніе, какъ онъ узналъ изъ газетъ и писемъ. Слышавъ о смутахъ, онъ радовался, и узнавъ о болѣзни младшаго брата говорилъ: „Вотъ видишь, что Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое". По словамъ Афросиньи, царевичъ ушелъ оттого, что государь искалъ всячески, чтобы ему живу не быть, и прибавлялъ, что „хотя батюшка и дѣлаетъ, что хочетъ, только, какъ еще сенаты похотятъ; чаю, сенаты и не сдѣлаютъ, что хочетъ батюшка". „Когда буду государемъ,—говорилъ Алексѣй Петровичъ,—я старыхъ всѣхъ переведу и изберу себѣ новыхъ, по своей волѣ буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ; кораблей держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу, буду довольствоваться старымъ владѣніемъ, зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ". Далѣе, по словамъ Афросиньи, царевичъ выражалъ надежду, что отецъ умретъ, или бунтъ будетъ. На очной ставкѣ съ Афросиньей царевичъ пытался отпираться, но, затѣмъ, началъ разсказывать не только о своихъ поступкахъ, но и о всѣхъ разговорахъ, которые когда-либо имѣлъ, о всѣхъ своихъ помыслахъ, и разсказалъ такія вещи, о которыхъ его даже не спрашивали. Онъ оговорилъ Якова Долгорукова, Бориса Шереметева, Дмитрія Голицына, Куракина, Головкина, Стрѣшнева, называя ихъ друзьями, готовыми, какъ онъ думалъ, въ случаѣ нужды стать на его сторону. Онъ разсказалъ о надеждахъ, которыми былъ преисполненъ передъ бѣгствомъ: что по смерти отца (которой ожидалъ скоро) сенаторы и министры признаютъ его если не государемъ, то во всякомъ случаѣ управителемъ; что ему помогутъ генералъ Боуръ, который стоялъ въ Польшѣ, архимандритъ печерскій, которому вѣритъ вся Украйна, и архіерей кіевскій. „И такъ вся отъ Европы граница моя бъ была", прибавилъ царевичъ. На странный вопросъ, присталъ ли бы онъ къ бунтовщикамъ при жизни отца, царевичъ отвѣчалъ: „А хотя бъ и при живомъ прислали по меня (т. е. бунтовщики), когда бы они сильны были, то бъ могъ и поѣхать". 13-го іюня Петръ далъ два объявленія: духовенству, въ которомъ, говоря, что не можетъ „самъ свою болѣзнь лѣчить", призываетъ его, чтобы оно дало ему наставленіе отъ Священнаго Писанія, и Сенату, прося разсмотрѣть дѣло и постановить рѣшеніе, „не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, чтобъ мнѣ противно было". 14-го іюня Алексѣй перевезенъ былъ въ Петропавловскую крѣпость и посаженъ въ Трубецкой раскатъ. Духовенство отвѣчало 18-го іюня Петру, что разрѣшать вопросъ о виновности царевича есть дѣло гражданскаго суда, но что въ волѣ царя покарать и помиловать, причемъ приводило на то и другое примѣры изъ Библіи и Евангелія. Но уже 17-го іюня царевичъ разсказалъ передъ Сенатомъ о всѣхъ своихъ надеждахъ на народъ. Эти показанія повлекли за собой допросы Дубровскаго, Вяземскаго, Лопухина и др., въ присутствіи царевича. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ допросахъ царевичъ (отчасти подъ пытками) объяснялъ своимъ воспитаніемъ и вліяніемъ окружавшихъ причины своего непослушанія и сдѣлалъ признаніе, котораго отъ него и не требовали, что онъ, ничего не жалѣя, „доступалъ бы наслѣдства даже и вооруженной рукой и при помощи цесаря". 24-го іюня пытка была повторена, какъ кажется, уже послѣ того, какъ членами верховнаго суда (127 человѣкъ) былъ подписанъ смертный приговоръ. Въ приговорѣ проводилась, между прочимъ, мысль, что обѣщаніе прощенія, данное царевичу, не имѣетъ силы, такъ какъ „царевичъ утаилъ бунтовый умыселъ свой противъ отца и государя своего, и намѣренный изъ давнихъ лѣтъ подыскъ, и произыскиваніе къ престолу отеческому и при животѣ его, чрезъ разные коварные вымыслы и притворы, и надежду на чернь и желаніе отца и государя своего скорой кончины". На другой день царевича спрашивали, съ какою цѣлью онъ дѣлалъ выписки изъ Баронія; 26-го іюня, въ 8 часовъ утра, какъ записано въ гарнизонной книгѣ, въ гарнизонъ прибыли: „Его Величество, Меншиковъ и другіе сановники и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гарнизонѣ до 11 часа, разъѣхались,

*

Того же числа, по полудни въ 6 часу, будучи подъ карауломъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился".

Если это извѣстіе о пыткѣ 26-го числа относится къ Алексѣю, то естественно предположеніе, что смерть его была послѣдствіемъ пытокъ. Объ этой ближайшей причинѣ кончины царевича существуетъ цѣлый рядъ разсказовъ. Такъ, говорили, что царевичъ былъ обезглавленъ (Плейеръ), что онъ умеръ отъ растворенія жилъ (Де-Би), говорили и о ядѣ; въ извѣстномъ, возбудившемъ много споровъ относительно его подлинности, письмѣ Румянцова къ Титову самымъ подробнымъ образомъ разсказывается, какъ авторъ письма съ тремя другими лицами, по порученію Петра, удушилъ Алексѣя подушками. Саксонскій резидентъ, разсказывалъ, что царь 26-го іюня три раза принимался собственноручно бить кнутомъ сына, который и умеръ во время истязаній. Въ народѣ ходили разсказы о томъ, что отецъ собственноручно казнилъ сына. Еще въ концѣ XVIII столѣтія появились разсказы, что Адамъ Вейде отрубилъ царевичу голову и Анна Крамеръ пришила ее къ тѣлу. Всѣ эти слухи, распространявшіеся въ народѣ, повлекли за собой цѣлый рядъ розысковъ (таково, напр., дѣло Королька); поплатились также Плейеръ и Де-Би за сообщенія, посылавшіяся ими за границу, и за разговоры. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ рескриптѣ Петръ писалъ, что онъ послѣ произнесенія приговора колебался „яко отецъ, между натуральнымъ милосердія подвигомъ и попеченіемъ должнымъ о цѣлости и впредь будущія безопасности государства нашего". Черезъ мѣсяцъ послѣ кончины Алексѣя царь писалъ Екатеринѣ: „Что приказывала съ Макаровымъ, что покойникъ нѣчто открылъ,—когда Богъ изволитъ васъ видѣть („т. е. поговоримъ объ этомъ, когда увидимся", дополняетъ Соловьевъ эту фразу) я здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось". Не о сношеніяхъ ли Алексѣя съ Швеціей, какъ предполагаетъ Соловьевъ, услыхалъ Петръ; есть извѣстіе, что царевичъ обращался за помощью къ Герцу. Тотчасъ послѣ смерти царевича Петръ издалъ „Объявленіе розыскнаго дѣла и суда, по указу его царскаго Величества на царевича Алексѣя Петровича въ Санктъ-Петербургъ отправленнаго". Объявленіе это было переведено на французскій, нѣмецкій, англійскій и голландскій языки. Кромѣ того, заграницей издано было нѣсколько брошюрокъ, въ которыхъ доказывалась справедливость дѣйствій противъ Алексѣя Петровича. Вскорѣ послѣ смерти царевича появились самозванцы: нищій Алексѣй Родіоновъ (въ Вологодской провинціи, въ 1723 г.), Александръ Семиковъ (въ гор. Почепѣ, въ концѣ царствованія Петра и началѣ царствованія Екатерины), нищій Тихонъ Труженикъ (среди донскихъ казаковъ, въ 1732 г.). Особенно опаснымъ оказался нѣкій Миницкій, который въ 1738 г. собралъ вокругъ себя около Кіева довольно много приверженцевъ и въ котораго вѣрилъ народъ.

Трагическая судьба царевича Алексѣя Петровича вызвала цѣлый рядъ попытокъ такъ или иначе объяснить печальный исходъ столкновенія его съ отцомъ, причемъ многія изъ этихъ попытокъ страдаютъ стремленіемъ подыскать для объясненія какую-либо одну опредѣленную причину—нелюбовь Петра къ сыну и жестокость его права, полнѣйшую неспособность сына, приверженность его къ московской старинѣ, вліяніе Екатерины и Меншикова и др. Изслѣдователь этого эпизода прежде всего обращается, конечно, къ личности самого царевича, отзывы о которомъ довольно разнорѣчивы. Не менѣе противорѣчивы отзывы о характерѣ царевича и его душевныхъ качествахъ. Нѣкоторыми отмѣчались, въ качествѣ характерныхъ, черты грубой жестокости въ характерѣ царевича, причемъ указывалось на то, что въ порывахъ гнѣва царевичъ дралъ за бороду своего любимаго духовника и увѣчилъ другихъ своихъ приближенныхъ, такъ что они „кричатъ кровью"; на жестокое обращеніе Алексѣя жаловался и Никифоръ Вяземскій. Другіе, въ его обращеніи съ друзьями, въ участіи, которое онъ постоянно принималъ въ ихъ судьбѣ, видѣли доброе сердце, и указывали, между прочимъ, на выразившуюся въ продолжавшейся годами перепискѣ любовь его къ своей старой кормилицѣ. Ни тѣ, ни другія черты въ характерѣ Алексѣя Петровича не даютъ, однако, права на какой-либо точный выводъ. Несомнѣннымъ представляется лишь то, что царевичъ не былъ, какъ его любили одно время представлять, ни безусловнымъ про-

тивникомъ образованія, ни человѣкомъ, лишеннымъ всякихъ умственныхъ интересовъ. Въ доказательство перваго приводится обыкновенно письмо его къ Игнатьеву, въ которомъ онъ велитъ ему „взять и отдать Петра Ивлю въ школу для ученія, чтобы онъ дней своихъ не терялъ всуе праздно“, велитъ учить его латинскому и нѣмецкому языкамъ, „а буде возможно и французскому“. О томъ же свидѣтельствуетъ разсказъ Вильчека объ удовольствіи, съ которымъ царевичъ ѣхалъ заграницу. Что царевичъ не вполнѣ былъ лишенъ умственныхъ интересовъ, видно изъ любви его къ книгамъ, которыя онъ постоянно собиралъ. Въ письмахъ изъ Германіи онъ заботился, чтобы не пропали книги, собранныя имъ еще въ бытность его въ Москвѣ; по пути за границу въ Краковѣ, онъ, какъ извѣстно изъ донесенія Вильчека, покупалъ книги, точно также и во время своего втораго путешествія въ 1714 г. въ Карлсбадъ; ему присылалъ книги, по его просьбѣ и „такъ отъ себя“, князь Дмитрій Голицынъ изъ Кіева, а также игуменъ кіевскаго Златоверхаго монастыря Іоанникій Степановичъ. Но составъ и характеръ пріобрѣтавшихся Алексѣемъ Петровичемъ книгъ показываетъ одностороннее направленіе его симпатій, которыя не могли, конечно, встрѣтить сочувствія со стороны Петра. Благодаря приходо-расходной книгѣ, которую царевичъ велъ во время своего путешествія въ 1714 г., извѣстны названія пріобрѣтенныхъ имъ книгъ: большинство ихъ богословскаго содержанія, хотя, впрочемъ, попадается нѣсколько сочиненій историческихъ и по литературѣ. Исключительно изъ богословскихъ книгъ составлена была библіотека царевича въ селѣ Рождественскомъ, которая была описана въ 1718 г., во время розыска. На пристрастіе царевича къ книгамъ богословскимъ указывали также иностранцы. Такъ, Веберъ сообщаетъ, что настольною книгою царевича была Ketzerhistorie Arnold'a. Интересъ царевича ко всему богословскому еще лучше характеризуется выписками, которыя онъ въ Карлсбадѣ дѣлалъ изъ Баронія: всѣ онѣ касались исключительно обрядовъ, вопросовъ церковной дисциплины, исторіи церкви, спорныхъ пунктовъ между восточной и западной церквами; царевичъ обращалъ особое вниманіе на все, касавшееся отношенія церкви къ государству, и очень интересовался чудесами: „грады въ Сиріи, записываетъ царевичъ, трясеніемъ земли на шесть миль перенеслись съ людьми и огражденіемъ: будетъ правда — чудо во истину“. Справедливо замѣчаніе, что „такія замѣтки, дѣлавшія бы честь дѣдушкѣ царевича Алексѣя, тишайшему Алексѣю Михайловичу, шли въ разрѣзъ съ тѣмъ, что̀ могло занимать отца Алексѣева“. Такимъ образомъ, царевичъ, кажется, не глупый и во всякомъ случаѣ любознательный, представляется образованнымъ, быть можетъ, даже въ извѣстномъ смыслѣ передовымъ человѣкомъ, но только не новаго поколѣнія, а стараго, эпохи Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, которая также не бѣдна была людьми для своего времени образованными. Этотъ контрастъ между личностью отца и сына можетъ быть прослѣженъ и дальше. Царевичъ не былъ человѣкомъ неспособнымъ ни къ какой дѣятельности: все, что извѣстно относительно исполненія имъ порученій, возлагавшихся на него Петромъ, не даетъ права на такое заключеніе; но онъ былъ лишь покорнымъ исполнителемъ и безусловно не симпатизировалъ той дѣятельности, которой требовалъ отъ него Петръ. Въ перепискѣ съ близкими Алексѣй представляется человѣкомъ распорядительнымъ: онъ былъ, очевидно, хорошій хозяинъ, любилъ заниматься отчетами по управленію собственными имѣніями, дѣлать замѣчанія, писать резолюціи и т. п. Но такая дѣятельность удовлетворить Петра, конечно, не могла, а вмѣсто любви къ той дѣятельности, которой онъ требовалъ отъ всѣхъ, любви къ воинскому дѣлу, онъ встрѣчалъ въ сынѣ, въ чемъ тотъ послѣ и самъ сознавался, одно только инстинктивное отвращеніе. Вообще цѣлый рядъ указаній даетъ право видѣть въ царевичѣ обыкновеннаго частнаго человѣка въ противоположность Петру—личности, всецѣло проникнутой государственными интересами. Такимъ представляется Алексѣй Петровичъ въ многочисленныхъ своихъ письмахъ, въ которыхъ имѣются самыя подробныя свѣдѣнія о его времяпрепровожденіи, въ которыхъ видна замѣчательная заботливость о друзьяхъ и въ то же время за цѣлый рядъ лѣтъ нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы онъ хотя сколько-нибудь интересовался дѣя-

тельностью и планами отца, а между тѣмъ, годы, къ которымъ относится вся эта переписка, были для Петра годами самой напряженной борьбы. Такимъ образомъ, Петръ, прекрасно понимая сына, имѣлъ основаніе считать его неспособнымъ продолжать отцовское дѣло. Эта противоположность двухъ натуръ и должна быть признана основной причиной катастрофы; при этомъ, однако, весьма большую роль играли семейныя отношенія и крутой нравъ царя. Петръ врядъ ли питалъ когда-либо нѣжныя чувства къ сыну, и холодное обращеніе вмѣстѣ съ небрежнымъ воспитаніемъ содѣйствовали, конечно, тому, что сынъ сталъ человѣкомъ, безусловно не понимавшимъ стремленій отца и несочувствовавшимъ имъ. Женитьба царя на Екатеринѣ, въ общемъ, отразилась, конечно, неблагопріятно на судьбѣ царевича, но какую роль съиграло въ печальномъ исходѣ столкновенія вліяніе Екатерины и Меншикова, рѣшить трудно; одни этимъ вліяніемъ объясняютъ все, другіе, какъ Соловьевъ, отрицаютъ его безусловно. Несомнѣнно, что если бы Алексѣй Петровичъ былъ по природѣ другимъ человѣкомъ и если бы существовали симпатіи между нимъ и отцомъ, то врядъ ли одни семейныя отношенія, врядъ ли одно вліяніе Екатерины могло повлечь за собой такую катастрофу; но при наличности всѣхъ другихъ данныхъ вліяніе Екатерины (о которомъ говорятъ всѣ иностранцы) и семейныхъ отношеній вообще несомнѣнно сказалось въ томъ, что Петръ безо всякаго повода вмѣстѣ съ царевичемъ лишилъ наслѣдства и все его потомство, предоставляя престолъ дѣтямъ Екатерины. Вліяніе это, однако, проявлено было, повидимому, очень осторожно; наружно отношенія Алексѣя Петровича къ мачихѣ были всегда самыя лучшія, хотя въ письмахъ его къ ней чувствуется подобострастіе и боязнь; онъ всегда былъ къ ней очень почтителенъ и обращался съ разными просьбами, которыя она исполняла. Незадолго передъ смертью онъ умолялъ ее о заступничествѣ. Что касается Меншикова, то извѣстно, что царевичъ его ненавидѣлъ. Пріемы, которыми сопровождались старанія вернуть царевича изъ за-границы, и самое розыскное дѣло поражаютъ своей жестокостью, но часть этой жестокости должна быть, конечно, отнесена къ правамъ времени и той картинѣ, которую раскрыло Петру розыскное дѣло. Алексѣй Петровичъ не могъ, правда, считаться духовнымъ представителемъ той массы, которая возмущена была нововведеніями, и самъ лично положительно не былъ способенъ къ борьбѣ съ Петромъ, но на него эта масса возлагала, тѣмъ не менѣе, всѣ свои надежды, глубоко сочувствуя ему и становясь всегда на его сторону, какъ на представителя, который могъ бы объединить всѣ группы недовольныхъ. Много позже вступленіе на престолъ отвергнутаго сына Алексѣя Петровича и возвращеніе въ Москву царицы Евдокіи вызвали движеніе среди сторонниковъ царевича и приверженцевъ московской старины. Уже въ 1712 г. Петръ несомнѣнно зналъ объ этомъ сочувствіи къ царевичу: въ этомъ году, въ день св. Алексѣя, Стефанъ Яворскій произнесъ проповѣдь, въ которой это сочувствіе нашло себѣ яркое выраженіе. Въ томъ же лежитъ и значеніе розыскного дѣла о царевичѣ Алексѣѣ; дѣло это, равно какъ и тѣсно связанное съ нимъ дѣло царицы Евдокіи, не дало никакихъ указаній на существованіе какого-либо заговора, но оно раскрыло Петру, насколько сильно было неудовольствіе противъ всѣхъ его стремленій, какъ распространено оно было во всѣхъ классахъ общества; оно показало ему также, что личность царевича съ любовью противополагалась личности царя.

Н. Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. VI, Спб. 1859 г. — М. Погодинъ, «Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ» («Русская Бесѣда» 1860 г., № 1).—М. Погодинъ, «Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельствамъ, вновь открытымъ» («Чтенія въ московск. обществѣ Исторіи и Древностей» 1861 г., кн. 3-я).—«Письма русскихъ государей», т. III. — П. Пекарскій въ «Энциклопед. Словарѣ», составленномъ русскими учеными и литераторами, т. Ш. 1861 г.—С. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XVII, гл. II.—Н. Костомаровъ, «Царевичъ Алексѣй Петровичъ» («Древняя и Новая Россія» 1875 г., т. I).—A. Brückner, «Der Zarewitsch Alexei (1690—1718). Heidelberg. 1880. E. Herrman, «Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexeï» (Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands, II). Leipzig. 1880 г. Донесеніе графа Вильчека, который, по порученію графа Шенборна, посѣтилъ царевича въ Краковѣ, подъ заглавіемъ: «Beschreibung der Leibs und gemiths gestallt dess Czarischen Cron-Prinsen» 5 Febr. 1710 (рукопись изъ Вѣнскаго государственнаго архива) и цѣлый рядъ мелкихъ статей: М. Семевскій, «Царевичъ Алексѣй Петровичъ» («Иллюстрація», т. Ш, 1859 г.).—М. Семевскій, «Сторонники царевича Алексѣя» («Библіотека для Чтенія», т. 165, 1861 г.).—М. Се-

мевскій, «Кормилица Алексѣя Петровича» («Разсвѣтъ», т. IX, 1861 г.).—Пекарскій, «Свѣдѣнія о жизни Алексѣя Петровича» («Современникъ» 1860 г., т. 79).

Алексѣй Полуектовичъ, дьякъ великаго князя Іоанна III. Въ 1463 г. способствовалъ переходу отчинъ князей ярославскихъ къ московскому князю, а въ 1467 г. подвергся опалѣ великаго князя, который заподозрилъ его жену въ отравленіи великой княгини Маріи Борисовны. Шесть лѣтъ Алексѣй Полуектовичъ не былъ на „очахъ" великаго князя.

П. С. Л., IV, 149; VI, 86, 277.

Алехинъ, *Николай Михайловичъ*, адъюнктъ-профессоръ законовѣдѣнія и секретарь Казанскаго цензурнаго комитета (1813 г.), род. въ 1794 г., ум. въ мартѣ 1819 г. На кончину его въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" было напечатано стихотвореніе Городчанинова.

Формулярный списокъ въ Спб. сенат. арх., дѣло 1813 г. № 58 (о чинахъ Казан. унив.). Соч. Городчанинова (1831 г.), стр. 538—9.

Алиманъ, *Петръ Петровичъ*, д. с. с., главный докторъ черноморскаго флота, род. 9-го ноября 1795 г., ум. 16-го августа 1847 г. Спеціальное образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ и, по окончаніи курса въ 1820 году, удостоенъ степени доктора медицины, а за сочиненія объ „ампутаціяхъ" и „воспаленіяхъ" награжденъ серебряною и золотою медалями. Послѣ того, около двухъ лѣтъ, Алиманъ находился при А. Л. Нарышкинѣ, сопровождая его въ чужіе края. Поступивъ, по возвращеніи, на службу въ морское вѣдомство, Алиманъ немедленно испросилъ себѣ назначеніе на фрегатъ „Крейсеръ", отправлявшійся въ кругосвѣтное плаваніе въ 1822 году, и возвратился на томъ же фрегатѣ въ Кронштадтъ въ 1825 г. За вояжъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ. и двойнымъ окладомъ жалованья, съ назначеніемъ главнымъ докторомъ свеаборгскаго морскаго госпиталя и медицинскимъ инспекторомъ порта, а въ слѣдующемъ году получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Затѣмъ Алиманъ исправлялъ должность медицинскаго инспектора сперва при архангельскомъ, а съ 1832 г. при кронштадтскомъ портахъ, состоя въ то же время и главнымъ докторомъ госпиталей въ этихъ портахъ. Прослуживъ въ Кронштадтѣ 6 лѣтъ, Алиманъ въ теченіе этого времени удостоенъ былъ званія почетнаго члена медицинскаго совѣта и чина коллежскаго совѣтника. Въ 1838 г. онъ назначенъ главнымъ докторомъ черноморскаго флота и портовъ, и въ этой должности находился по день смерти.

Главный морской архивъ.—«Одесскій Вѣстникъ» 1847 г. № 72.

С. Огородниковъ.

Алипановъ, *Егоръ Ипатьевичъ*, поэтъ-прасолъ, род. въ 1800 г., въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губ., ум. въ шестидесятыхъ годахъ. Отецъ его, крѣпостной крестьянинъ секундъ-маіора И. А. Мальцева, служилъ мастеровымъ при Людиновскомъ горномъ заводѣ, гдѣ и родился самоучка-поэтъ. Выучившись читать и писать у отставного сержанта, Алипановъ до 1824 г. постоянно находился при заводѣ въ качествѣ то плотника, то столяра, а въ 1824 г. отправленъ былъ на баркахъ съ заводскими издѣліями въ С.-Петербургъ, гдѣ ему представился случай ближе ознакомиться съ сочиненіями разныхъ авторовъ, изъ которыхъ многія Алипановъ любилъ заучивать наизусть. Сведя знакомство съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, онъ представилъ имъ на разсмотрѣніе первый свой опытъ и, получивъ одобреніе, напечаталъ вскорѣ нѣсколько своихъ произведеній въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Новой дѣтской литературѣ", издававшейся Б. М. Федоровымъ, болѣе всего принявшимъ участіе въ начинающемъ поэтѣ. Хотя въ первомъ опытѣ Алипанова большихъ погрѣшностей противъ стихосложенія и не оказалось, но зато нашлось много орфографическихъ ошибокъ, вслѣдствіе чего ему пришлось приняться за изученіе, въ свободное время, грамматики. На ряду съ изученіемъ грамматики, Алипановъ занимался сочиненіемъ басенъ, которыя и помѣщалъ: въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду". Это доставило ему случай познакомиться со многими любителями словесности и литераторами. Въ 1831 г. „Басни Егора Алипанова", разсмотрѣнныя комитетомъ Россійской академіи, были одобрены и изданы насчетъ академіи, причемъ „автору подарено 600 экземпляровъ и, сверхъ того, академія удостоила его награды—серебряной медали съ надписью: „за похвальныя въ россійской словесности упражненія". Тогдашній президентъ академіи

наукъ, А. С. Шишковъ, обратилъ вниманіе на способности баснописца и исходатайствовалъ Алипанову вольноотпускную. Приписавшись къ петербургскому обществу мѣщанъ, Алипановъ служилъ у графа Н. С. Мордвинова, управляя двумя его дачами, гдѣ въ свободное время написалъ народную сказку „О мельникѣ, колдунѣ и его батракѣ“ и сельскій водевиль, подъ заглавіемъ: „Ханскій чай“. О народной сказкѣ Алипанова Бѣлинскій далъ весьма нелестный отзывъ („Сочиненія“ изд. 1891 г., VII, 319—321). Пьеса же его „Ханскій чай“, хотя и шла на Императорскомъ Александринскомъ театрѣ, но всего одинъ разъ, и успѣха не имѣла. Кромѣ басень, академія издала въ пользу автора, 600 экземпляровъ народной сказки „О мельникѣ, колдунѣ и его батракѣ“. Стихотворенія и басни Алипанова, по одному экземпляру каждой книжки, были приняты Государемъ и Императрицею, авторъ же всемилостивѣйше награжденъ двумя золотыми часами. Познакомившись въ 1835 г. съ поэтомъ Слѣпушкинымъ, Алипановъ женился черезъ два года на его дочери и завелъ собственную типографію. Но предпріятіе не удалось, и Алипановъ, потерявъ всѣ свои сбереженія, остался безъ всякихъ средствъ. По открытіи работъ на С.-Петербургской (нынѣ Николаевской) желѣзной дорогѣ, онъ поступилъ туда казеннымъ десятникомъ и, подъучившись ариѳметикѣ и основаніямъ геометріи, въ теченіе восьми лѣтъ занималъ мѣсто приказчика, а затѣмъ перешелъ приказчикомъ на червинскій стеклянный заводъ Мальцева, расположенный въ Новгородской губерніи. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о жизни Алипанова не имѣется; можно предполагать, что онъ умеръ въ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ. Перечень сочиненій его приведенъ въ словаряхъ Геннади и Венгерова.

«Нов. Губ. Вѣд.» 1856 г. № 33.—«Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 41, № 1, 105—110.—Словари: Венгерова, I, 422—428 и Геннади, I, стр. 19.—«Сочин. Бѣлинскаго», 5-е изд. 1891 г. VII, 319—321.—«Моск. Телегр.». 1831 г., ч. 37, 107—108.—«Литер. Газ.» 1830 г., т. II, № 72, 294.

Алипій, преподобный, иконописецъ печерскій. Когда, въ княженіе Всеволода Ярославича, при игуменѣ Никонѣ, прибыли въ Кіевъ, около 1083 г., греческіе иконописцы для росписанія печерскихъ церквей, то имъ дали въ помощь и наученіе одного юношу. Быстро усвоивъ иконописные пріемы и чувствуя въ себѣ склонность къ монастырской жизни, юноша этотъ вскорѣ принялъ монашество съ именемъ Алипія и, кромѣ подвиговъ молитвенныхъ и крайняго воздержанія, усердно началъ заниматься иконописаніемъ, возобновляя даромъ всѣ ветхія иконы въ кіевскихъ храмахъ. Если ему приходилось исполнять частные заказы и получать за нихъ плату, то благочестивый иконописецъ никогда не стремился сдѣлать изъ этого выгоднаго для себя ремесла, и полученную плату дѣлилъ всегда на три части: одну тратилъ на покупку матеріаловъ иконописанія, другую отдавалъ въ монастырь и третью бралъ на свои личныя нужды. За свое безкорыстіе и благочестіе онъ рукоположенъ былъ во іеромонаха. Въ кіевскомъ патерикѣ разсказывается нѣсколько чудесныхъ случаевъ изъ его жизни и иконописной дѣятельности. По преданію, одну изъ написанныхъ имъ и чудесно прославленныхъ иконъ—Богоматери, Владиміръ Мономахъ послалъ отъ себя въ г. Ростовъ для храма, имъ построеннаго, гдѣ она, не смотря на бывшіе въ разное время пожары и разрушеніе церкви, осталась невредимою. Въ 1695 г. митрополитъ Іосифъ украсилъ Алипіеву икону драгоцѣнною серебряною ризою, по бокамъ которой семь черневыхъ изображеній съ надписями. Надъ шестымъ изображеніемъ слова: „князь Владиміръ Мономахъ сію св. икону посла во градъ Ростовъ въ построенную имъ каменную церковь“. Надъ седьмымъ изображеніемъ: „по времени же оная каменная церковь въ Ростовѣ падеся, святая же икона пребысть невредима, обрѣтена въ плинѳахъ“. Икона эта нынѣ помѣщается въ иконостасѣ каменнаго ростовскаго собора. Она очень потемнѣла отъ времени. Икону носятъ въ крестномъ ходѣ въ дальнія мѣста. Другая икона, принадлежавшая, по преданію, пр. Алипію, подъ именемъ: „Предста Царица одесную тебѣ“, помѣщается въ иконостасѣ Московскаго Успенскаго собора. Одѣяніе Царицы Небесной отдѣлано роскошно; раскраска похожа на мозаику. Скончался преподобный Алипій около 1114 г., 17-го августа, когда и празднуется церковію его память.

«Русскіе святые» Филарета. — Полное собр. Рус. Лѣт., VII, 314.—Никоновская лѣтопись, 2, 191.—«Яросл. Еп. Вѣд.» 1860 г., № 20.

Алланъ (Allan), *Александръ* и *Луиза*, мужъ и жена, французскіе артисты, игравшіе на сценѣ С.-Петербургскаго Михайловскаго театра. Луиза Алланъ, рожденная *Детрео*, умерла въ Парижѣ, въ февралѣ 1856 г.; мужъ ея умеръ нѣсколько позже. Еще ребенкомъ Луиза Алланъ восхищала своимъ дарованіемъ, въ особенности въ трагедіи Расина „Гоѳолія", гдѣ играла маленькаго Іоаса, вмѣстѣ съ Тальмою-Іодаемъ. Затѣмъ она пріобрѣла громкую извѣстность въ Парижѣ на сценѣ театра „Comédie française", исполняя роли ingénue. Пріобрѣтя массу завистниковъ, Луиза Алланъ должна была оставить сцену „Comédie française" и была тотчасъ ангажирована театромъ „Gymnase dramatique"; здѣсь она переиграла почти весь репертуаръ Скриба, и многія пьесы собственно для нея даже были написаны. На сцену того же театра перешелъ изъ „Комической оперы" артистъ Аелксандръ Алланъ на роли первыхъ любовниковъ. Вступивъ въ бракъ, супруги Алланъ продолжали играть вмѣстѣ въ небольшихъ драмахъ и водевиляхъ, а въ 1837 г., пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, поступили на сцену Михайловскаго театра и сразу сдѣлались любимцами публики. Для дебюта своего Александръ Алланъ избралъ водевиль „Le diplomate" Скриба, а жена его комедію: „La lectrice" и „Une position délicate". У супруговъ Алланъ было много сходства въ талантѣ: въ игрѣ ихъ соединялись простота, естественность и неподдѣльное чувство; Александръ Алланъ, кромѣ того, хорошо пѣлъ куплеты. Луиза Алланъ въ особенности нравилась въ пьесѣ: „M-lle de Belle-Isle", кромѣ того, она исполняла главныя роли въ пьесахъ: „Le proscrit" Сулье, „Les précieuses ridicules" Мольера, „Le mariage de Figaro" Бомарше, „La calomnie" Скриба и во мн. др. Александръ Алланъ былъ неподражаемъ въ „Les mémoires du diable", „La calomnie", „La camaraderie", въ драмахъ: „La closerie de genêts", „Elle est folle", „La savonette impériale", и др. Особенный успѣхъ имѣли пьесы, гдѣ они играли вмѣстѣ, какъ, напр., въ семейной драмѣ Скриба „Une faute". Съ начала сезона 1840—1841 годовъ Луиза Алланъ принуждена была по лѣтамъ своимъ отказаться отъ амплуа ingénue и постепенно перейти на другія роли въ драмѣ и комедіи, какъ напр.: Сезарины въ „Camaraderie", маркизы де-При въ „M-lle de Belle-Isle", Селимены въ „Misanthrope" и др. Въ мелодрамѣ и такъ называемой „высокой комедіи" она имѣла меньшій успѣхъ, такъ, напр., ей совсѣмъ не удалась роль Маріи въ „La nouvelle Fanchon" („Материнское благословеніе"). Съ пріѣздомъ въ 1845 г. въ С.-Петербургъ артистки театра „Comédie française", Плесси, Луиза Алланъ была совершенно забыта, и ей пришлось играть вторыя роли: благородныхъ матерей, субретокъ и пр. Въ 1847 г. она, огорченная внезапнымъ и незаслуженнымъ охлажденіемъ къ ней публики Михайловскаго театра, оставила Петербургъ (прощальный бенефисъ ея былъ въ іюлѣ 1847 г.) и была тотчасъ ангажирована на сцену парижскаго театра „Comédie française", гдѣ и заняла первое мѣсто въ драмѣ и комедіи. Александръ Алланъ остался на сценѣ Михайловскаго театра, гдѣ и прослужилъ до 1850 г.

Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», т. I, стр.: 64, 75, 84—85, 91—92, 103, 107—108, 111, 117, 123, 129—130, 134, 142 и 149.— «Энциклоп. Слов., составл. русск. уч. и литер.» т. III, стр. 319, статья Вл. Зотова.—«Историч. Вѣстн.» 1890 г., т. XXIX, мартъ, стр. 564—565, «Воспоминанія Зотова»; 1889 г., т. XXXV, январь. «Воспоминанія А. Я. Головачевой» стр. 65.—Энциклоп. словари: Толля, т. I, 74 и Клюшникова. стр. 70.

Аллартъ, фонъ, баронъ, *Людвигъ-Николай*, генералъ-аншефъ, сподвижникъ Петра I, ум. въ 1728 г. Саксонецъ родомъ, онъ долго служилъ въ Венгріи и въ 1700 г., рекомендованный государю польскимъ королемъ Августомъ II, вступилъ въ ряды русскихъ войскъ. Прибывъ въ сентябрѣ къ арміи, находившейся подъ Нарвою, Аллартъ былъ привѣтливо принятъ Петромъ и въ тотъ же день пожалованъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Какъ искусному инженеру, ему было поручено составить диспозицію и вѣдомость всего нужнаго для осады Нарвы, которыя онъ и представилъ на другой день. Въ періодъ осадныхъ дѣйствій подъ крѣпостью, Аллартъ, получивъ «верховную команду въ дѣланіи апрошъ, батарей, кетелей и линій», имѣлъ главный надзоръ за всѣми осадными работами; но въ самомъ сраженіи подъ крѣпостью, окончившемся для нашихъ войскъ полною неудачею, онъ, вмѣстѣ съ герцогомъ де-Кроа и многими другими начальниками изъ иностранцевъ, заподозрѣнныхъ русскими

солдатами въ измѣнѣ, вынужденъ былъ искать спасенія у шведовъ. До 1705 г. Аллартъ находился въ плѣну въ Швеціи, послѣ чего, съ придачею 4.000 ефимковъ, былъ размѣненъ на коменданта Нарвы, шведскаго генерала Арведа Горна, и, по освобожденіи, въ 1706 г. назначенъ чрезвычайнымъ посломъ короля Августа II при Петрѣ I. Въ томъ же году, послѣ отреченія Августа отъ польской короны, онъ снова вступилъ въ русскую службу; явившись къ арміи въ періодъ гродненской военной операціи, Аллартъ принялъ участіе во многихъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ и, между прочимъ, лично руководилъ работами по укрѣпленію важныхъ стратегическихъ пунктовъ Полоцка и Копыси. Получивъ въ 1708 г. въ командованіе 3-ю пѣхотную дивизію, Аллартъ участвовалъ съ нею въ знаменитомъ полтавскомъ сраженіи, гдѣ за отличія награжденъ „рындеръ - бантомъ" св. апостола Андрея. Въ 1711 г. участвовалъ въ прусскомъ походѣ, а въ слѣдующемъ—принялъ общее начальство надъ союзными русскими, польскими и датскими войсками, дѣйствовавшими въ Помераніи противъ крѣпости Стральзунда. Вскорѣ, однако, по проискамъ Меншикова, онъ былъ отрѣшенъ отъ командованія и, обиженный вышелъ въ отставку, получивъ, вмѣстѣ съ „абшидомъ" въ пожизненное арендное содержаніе помѣстье Вольмарсгофъ, въ Лифляндіи. Возвратившись въ 1721 г. снова на службу, Аллартъ принялъ командованіе надъ войсками, расположенными по Украйнѣ, но въ апрѣлѣ 1723 г. сдалъ ихъ генералу Голицыну и прибылъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь, 30-го августа 1725 г., Императрица Екатерина I пожаловала ему орденъ св. Александра Невскаго, а вскорѣ затѣмъ Аллартъ совершенно оставилъ службу и, поселившись въ имѣніи, скончался въ немъ. Выдѣляясь, въ ряду современниковъ, своимъ образованіемъ, Аллартъ отличался обширными знаніями по инженернымъ наукамъ; послѣ него осталась, между прочимъ, богатая коллекція до 800 плановъ различныхъ крѣпостей Европы. Онъ же извѣстенъ, какъ одинъ изъ историковъ Петра Великаго; переводъ перваго тома неоконченной исторіи Алларта хранится въ рукописи въ Эрмитажной библіотекѣ. Отрывокъ изъ нея напечатанъ П. М. Строевымъ въ „Сѣверномъ Архивѣ" 1822 г. (кн. 1-я, стр. 3—25, 117—143), подъ заглавіемъ: «Подробное описаніе осады г. Нарвы и сраженія подъ симъ городомъ въ 1700 г.».

«Сборн. Имп. Рус. Истор. Общества», т. 50, стр. 64—65, и т. 25, стр. 162.—«Исторія Петра Великаго» Устрялова, т. IV, ч. I, стр. 14, пр. 30.—«Журн. Петра Великаго», ч. 1, стр. 12. — «Артилл. Журн.» 1858 г. № 3, стр. 76—96.—«Опись Архива Прав. Сената» Баранова (см. указатель) и «Энциклопедія» Леера. *Д. С—въ.*

Аллеръ, *Самуилъ Ивановичъ*, д. с. с., род. въ 1788 г., ум. 5-го ноября 1860 г. Прослуживъ болѣе 35-ти лѣтъ на государственной службѣ, онъ, по выходѣ въ отставку, былъ депутатомъ по выборамъ дворянства С.-Петербургскаго уѣзда, а съ 1846 г. до конца жизни, состоялъ гласнымъ с.-петербургской городской думы, членомъ церковнаго совѣта евангелическо - лютеранской церкви св. Петра и болѣе 40 лѣтъ членомъ комитета попечительнаго общества о тюрьмахъ. Въ двадцатыхъ годахъ онъ издалъ: „Указатель жилищъ и зданій въ С.-Петербургѣ, или адресная книга на 1823 г.", „Руководство къ отысканію жилищъ по С.-Петербургу" и „Описаніе наводненія, бывшаго въ С.-Петербургѣ 7-го ноября 1824 г.".

«Мѣсяцесловъ» на 1862 годъ, стр. 101.—Геннади, «Справочный словарь», т. I, стр. 19.

Алмазовъ, *Борисъ Николаевичъ*, извѣстный поэтъ, род. 27-го октября 1827 г., въ гор. Вязьмѣ, Смоленской губ., ум. 3-го апрѣля 1876 г. въ Москвѣ. Отецъ его, Николай Петровичъ, по рожденію и состоянію принадлежалъ къ высшему кругу московскаго общества; мать, Евдокія Петровна Зубкова, была женщиной весьма образованной и религіозной. Родоначальникомъ дворянъ Алмазовыхъ является извѣстный думный дьякъ Ерофей Ивановъ, по прозванію Алмазъ, любимецъ царя Алексѣя Михайловича, два раза управлявшій посольскимъ приказомъ и въ 1661 году сдѣланный печатникомъ. Дѣтство Алмазовъ провелъ въ родовомъ имѣніи, селѣ Караваевѣ, Сычевскаго уѣзда, и на 12-мъ году поступилъ во второй классъ 1-ой московской гимназіи, причемъ въ качествѣ пенсіонера жилъ у директора ея, М. А. Окулова. Изъ 4-го класса гимназіи Алмазовъ перешелъ въ пансіонъ Эннеса, откуда въ 1848 году поступилъ по экзамену на юридическій факультетъ Московскаго университета. Увлекаясь здѣсь лекціями Грановскаго, Кудрявцева, Крылова и другихъ талантливыхъ

профессоровъ того времени, Алмазовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ постояннымъ посѣтителемъ Малаго театра и страстнымъ почитателемъ Мочалова и Щепкина; онъ мечталъ о славѣ актера, участвовалъ въ нѣсколькихъ любительскихъ спектакляхъ и обнаружилъ сценическія способности. Въ это время онъ сошелся и подружился съ Островскимъ, Писемскимъ, П. М. Садовскимъ и др. Къ сожалѣнію, университета Алмазову не удалось окончить: со второго курса онъ былъ уволенъ за невзносъ платы за слушаніе лекцій, не получая почти никакой поддержки отъ отца, состояніе котораго клонилось къ полному разоренію. По выходѣ изъ университета, начиная съ 1851 года, Алмазовъ почти всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности, если не считать кратковременной службы его (1854—1861) сначала въ канцеляріи попечителя московскаго учебнаго округа, а затѣмъ въ конторѣ московской синодальной типографіи, откуда онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ губернскаго секретаря. Первые литературные опыты Алмазова появились въ „Москвитянинѣ“ 1851 года, подъ псевдонимомъ *Эраста Благонравова*. Это были полемическіе фельетоны противъ петербургскихъ журналовъ и, главнымъ образомъ, противъ „Современника“; въ этихъ фельетонахъ впервые встрѣчаются стихотворныя пародіи Алмазова, нерѣдко довольно остроумныя, на Пушкина, Лермонтова, Панаева и Некрасова. Алмазовъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ такъ называемой „молодой редакціи“ „Москвитянина“ до его прекращенія въ 1856 году. Эту „молодую редакцію“, между прочимъ, составляли: А. Ѳ. Писемскій, А. А. Григорьевъ, А. Н. Островскій, Е. Н. Эдельсонъ, и др. Кромѣ фельетоновъ, Алмазовъ писалъ въ „Москвитянинѣ“ и небольшія обозрѣнія текущей журналистики. Послѣ „Москвитянина“ онъ помѣщалъ свои произведенія въ стихахъ и прозѣ: въ „Библіотекѣ для Чтенія“, сборникѣ „Утро“ (кромѣ стихотвореній, двѣ большія статьи „О поэзіи Пушкина“ и „Взглядъ на русскую литературу 1858 г.“), въ „Дѣтскомъ журналѣ“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ юмористическихъ журналахъ: „Развлеченіе“, „Зритель“, „Заноза“ и „Искра“, по большей части подъ псевдонимомъ *Б. Адамантова*; въ «Бесѣдѣ въ обществѣ любителей россійской словесности“, въ „Зарѣ“ и „Семейныхъ Вечерахъ“, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 г. (статья о Писемскомъ) и, наконецъ, въ „Газетѣ Гатцука“, гдѣ появилась (въ 1875 г.) повѣсть „Катенька“, нѣсколько небольшихъ критическихъ статей и стихотвореніе. Прекрасно владѣя стихомъ, всегда звучнымъ, легкимъ, богатымъ риѳмою, яснымъ и точнымъ, Алмазовъ составилъ себѣ извѣстность преимущественно юмористическими и сатирическими стихотвореніями, хотя заслуживали также вниманія его переводы и несатирическія произведенія. Не задаваясь мыслью о буквальной передачѣ всѣхъ подробностей и оттѣнковъ подлинника, Алмазовъ стремился лишь къ тому, чтобы ярко передать основную мысль. Такимъ образомъ онъ переводилъ лирическія и антологическія стихотворенія Шиллера, Гёте, А. Шенье, А. де-Мюссе; кромѣ того, онъ исполнилъ цѣлый рядъ переложеній поэтическихъ памятниковъ средневѣковой французской и испанской литературъ. Самымъ крупнымъ среди переводовъ является древне-французская поэма „Роландъ“ („La chanson de Roland“), написанная прекраснымъ бѣлымъ стихомъ. Для характеристики политическихъ воззрѣній Алмазова весьма важны стихотворенія „Русь и Западъ“, „Старая русская партія“, „Русскому Царю“ и „Нашимъ зарубежнымъ братьямъ“; въ которыхъ сказался человѣкъ, проникнутый любовью къ родинѣ, отстаивающій исконныя начала русской жизни. На возвышенныя темы написаны стихотворенія: „Покаяніе“, „Истина“. „Ничтожество“, „Проза“, обнаруживающія человѣка глубоко вѣрующаго также, какъ и стихотворныя переложенія для народа житій святыхъ — „Отшельникъ“, „Щедрый богачъ“, „Марія Египетская“. Въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ—поэма „Соціалисты“, „Безкорыстный реформаторъ“, „Ученый нашего времени“, „Ночная бесѣда“ и др. Алмазовъ по преимуществу осмѣиваетъ умственное броженіе шестидесятыхъ годовъ, а также шаткость убѣжденій нашего общества, склонность увлекаться всякими заносными идеями, совершенно чуждыми русской жизни. Въ шуточныхъ стихотвореніяхъ Алмазовъ то съ незлобивымъ юморомъ осмѣиваетъ комическія стороны русской жизни, то создаетъ остроумныя пародіи, то касается мелочей литературной и журнальной жизни шестидесятыхъ годовъ, причемъ дѣлаетъ рядъ

остроумныхъ и мѣткихъ характеристикъ тогдашнихъ журналистовъ. Таковы, напр., стихотворенія: „Учено-литературный маскарадъ“, „Споръ“, „Московскій поэтъ и петербургскій обыватель“, „Похороны „Русской Рѣчи“, имѣвшія большой успѣхъ при своемъ появленіи. Въ 1874 году появился объемистый томъ „Стихотвореній“ Алмазова, въ который вошло почти все, что онъ писалъ стихами. Въ 1892 году „Сочиненія Б. Н. Алмазова“ вышли въ Москвѣ въ 3-хъ томахъ, причемъ первые два заняты стихами, а послѣдній—прозою.

Краткій біографическій очеркъ Алмазова при первомъ томѣ послѣдняго собранія его сочиненій.—Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь», т. I, стр. 429—440. *С. Трубачевъ.*

Алопеусъ, графъ, *Давидъ Максимовичъ*, родился въ 1769 г., ум. 13-го іюня 1831 г., въ Берлинѣ. Воспитывался въ Штутгартской военной школѣ и, по возвращеніи въ Россію въ 1789 г., поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Назначенный секретаремъ русской миссіи въ Стокгольмѣ, онъ, по отозваніи посланника Будберга въ 1801 г., остался тамъ въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ, а въ 1803 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при шведскомъ Дворѣ. По вступленіи русскихъ войскъ въ Финляндію, въ февралѣ 1808 г., король Густавъ IV приказалъ арестовать Алопеуса и продержалъ его въ заключеніи три мѣсяца. Арестъ русскаго посланника въ Стокгольмѣ послужилъ Императору Александру I поводомъ провозгласить присоединеніе къ Россіи всей шведской Финляндіи. Въ половинѣ мая Алопеусъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и отвезенъ на шведскомъ фрегатѣ въ Либаву. Утрата Финляндіи вызвала, въ августѣ 1809 г., революцію въ Стокгольмѣ, низложеніе Густава IV и провозглашеніе регентомъ герцога зюдерманландскаго, вскорѣ возведеннаго сеймомъ королевства на престолъ, подъ именемъ Карла XIII. Первымъ дѣломъ новаго правителя было обратиться къ Императору Александру съ просьбою о мирѣ. Отвѣтъ свой Государь отправилъ въ Стокгольмъ съ Алопеусомъ. Послѣдствіемъ переговоровъ веденныхъ имъ въ шведской столицѣ, былъ съѣздъ въ Фридрихсгамѣ русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ для мирныхъ совѣщаній, на которомъ представителями России были—министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ и Алопеусъ, а Швеціи—бывшій посолъ въ С.-Петербургѣ, баронъ Стедингъ. 5-го сентября 1809 г. Алопеусъ подписалъ мирный договоръ, которымъ Швеція уступала Россіи Финляндію до Торнео и Аландскіе острова и приступила къ такъ-называемой континентальной системѣ, обязавшись закрыть англичанамъ всѣ свои гавани. Послѣ того Алопеусъ былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, ко Двору Мюрата, но, вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній съ Франціею, не доѣхалъ до мѣста назначенія, и въ 1811 году получилъ постъ посланника при виртембергскомъ Дворѣ. Тотчасъ по заключеніи въ Калишѣ, въ февралѣ 1813 года, союзнаго договора съ Пруссіею, послѣдствіемъ коего было возстановленіе съ берлинскимъ Дворомъ дипломатическихъ сношеній, прерванныхъ участіемъ Пруссіи въ нападеніи Наполеона на Россію, Алопеусъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ прусскомъ. Но такъ какъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, въ 1813 и 1814 годахъ, самъ находился при арміи, то и Алопеусъ состоялъ при главной квартирѣ союзныхъ монарховъ. По вступленіи союзниковъ во Францію въ 1814 году, ему поручено было управленіе Лотарингіею, въ званіи губернатора, а послѣ взятія Парижа предложенъ Государемъ постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго онъ, впрочемъ, отказался, предпочитая занимать дипломатическую должность за границею. По возобновленіи военныхъ дѣйствій противъ Наполеона въ 1815 году, Алопеусъ вошелъ въ составъ вновь образованнаго „министерства союзныхъ армій“, а по окончаніи войны и вторичномъ низложеніи Наполеона, вернулся на постъ посланника въ Берлинѣ. Должность эту онъ занималъ шестнадцать лѣтъ, до самой смерти, служа ревностнымъ проводникомъ политики, основанной на тѣсномъ единеніи Россіи съ Пруссіей, скрѣпленной личною дружбою Императора Александра I съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, а также брачнымъ союзомъ великаго князя Николая Павловича съ дочерью короля, принцессою Шарлоттою. Во время пребыванія Императора въ Ахенѣ, въ 1818 г., на конгрессѣ, Алопеусъ находился въ этомъ городѣ, не принимая, однако, участія въ

трудахъ конгресса. Въ 1820 г., Государь, удовлетворяя давнему желанію Алопеуса, выраженному еще за четыре года до того, возвелъ его въ графское достоинство Царства Польскаго. Въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, Алопеусъ велъ дѣятельные переговоры съ прусскимъ правительствомъ о дѣлахъ торговыхъ и пограничныхъ, и заключилъ нѣсколько, относящихся до нихъ, конвенцій, въ томъ числѣ и договоръ о торговлѣ, 27-го февраля 1825 г. По вступленіи своемъ на Престолъ, Императоръ Николай I возобновилъ полномочіе Алопеуса въ качествѣ представителя Россіи при прусскомъ Дворѣ, повелѣвъ ему тщательно оберегать и поддерживать дружественную связь, соединявшую Государей Россіи и Пруссіи и ихъ народы и скрѣпленную „священными узами, въ коихъ молодой Императоръ полагалъ счастіе своей жизни". Алопеусу пришлось доносить о несогласіи воззрѣній прусскаго правительства съ русскимъ на восточныя дѣла, но происшедшее въ 1829 г. низверженіе во Франціи старшей вѣтви дома Бурбоновъ и вспыхнувшее, вслѣдъ затѣмъ, возстаніе въ Бельгіи и въ Польшѣ, скоро возстановили согласіе между Дворами с.-петербургскимъ и берлинскимъ. Въ самый разгаръ дипломатическихъ переговоровъ, вызванныхъ этимъ событіемъ, графъ Алопеусъ умеръ.

Дѣла Московскаго и С.-Петербургскаго архивовъ М. И. Д.— Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе финляндской войны въ 1808 и въ 1809 годахъ». — Злобинъ, «Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія Императора Александра I», въ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества, II.—Ординъ, «Покореніе Финляндіи», I.—«Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской Имперіи», стр. 114, изд. департамента герольдіи Правит. Сената, Спб., 1892. Мартенсъ, «Собраніе трактатовъ и конвенцій», VII и VIII. *С. Татищевъ.*

Алопеусъ, *Максимъ Максимовичъ*, сынъ лютеранскаго пастора, старшій братъ предъидущаго, род. въ Выборгѣ, 21-го января 1748 г., ум. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 6-го іюня 1822 г. Готовясь къ духовному званію, онъ изучалъ богословіе сначала въ Абоскомъ, а потомъ въ Гёттингенскомъ университетахъ. Графъ Н. П. Панинъ, принявъ его въ русскую дипломатическую службу, приблизилъ къ себѣ въ качествѣ довѣреннаго чиновника и сдѣлалъ правителемъ своей канцеляріи. Послѣ смерти своего покровителя, въ 1783 г., Алопеусъ, пользовавшійся расположеніемъ Цесаревича Павла Петровича, назначенъ министромъ-резидентомъ при Дворѣ епископа Любскаго въ Эйтинъ. Тамъ, долгое время служилъ онъ Цесаревичу посредникомъ въ тайной перепискѣ съ королями прусскими, Фридрихомъ II и Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. Часто бывая въ Берлинѣ, Алопеусъ сблизился съ прусскими государственными людьми, графомъ Герцбергомъ и любимцемъ молодого короля, племянника-преемника Фридриха Великаго, генераломъ Бишофсвердеромъ. Во время второй турецкой войны берлинскій Дворъ, дѣйствуя въ согласіи съ Англіею, занялъ положеніе, враждебное Россіи, сталъ подстрекать Швецію къ объявленію войны и самъ заключилъ союзъ противъ нея съ Польшею и Турціею. Алопеусъ, проѣзжая лѣтомъ 1789 г. чрезъ Берлинъ, былъ принятъ королемъ и его министрами, бесѣдовалъ съ ними о причинахъ охлажденія между обоими Дворами и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, выразилъ убѣжденіе, что путемъ дружественныхъ объясненій возможно отвлечь Пруссію отъ союза съ враждебными Россіи державами и возстановить прежнія съ нею отношенія. Императрица Екатерина II, недовольная бездѣятельностью посланника своего при прусскомъ Дворѣ, графа Вильгельма Нессельроде, рѣшила отправить туда Алопеуса, съ цѣлью успокоить короля и его совѣтниковъ и расположить ихъ въ пользу Россіи. Алопеусъ прибылъ въ Берлинъ осенью 1789 года, въ качествѣ „простого путешественника", и оставался тамъ цѣлыя шесть лѣтъ. Мѣсто посланника продолжалъ занимать графъ Нессельроде, котораго смѣнилъ въ 1794 г. Колычевъ, но дипломатическія сношенія съ прусскимъ правительствомъ велъ исключительно Алопеусъ. Сначала усилія его примирить берлинскій Дворъ съ Россіею не увѣнчались успѣхомъ. По смерти императора Іосифа II, Пруссіи удалось заставить преемника его, Леопольда II, заключить отдѣльно отъ Россіи миръ съ Турціей. Разрывъ съ Пруссіей казался неминуемъ, и прусскія войска уже сосредоточивались вдоль прусской границы. Но когда, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, англійское правительство отказалось отъ мысли объявить Россіи войну, то и Пруссія измѣнила свой образъ дѣйствій, и графъ Герцбергъ вступилъ въ тайные переговоры съ

Алопеусомъ о примиренiи съ Россiей цѣною уступки Пруссiи польскихъ городовъ Данцига и Торна. Заключенiе ясскаго мира между Россiею и Турцiею ,война, объявленная революцiонною Францiею Германiи, смерть Герцберга, наконецъ, событiя въ Польшѣ—содѣйствовали сближенiю Россiи съ Пруссiею, заключившими въ iюлѣ 1792 г. союзный договоръ, послѣдствiемъ котораго былъ, состоявшiйся въ январѣ слѣдующаго 1793 г., второй раздѣлъ Польши только между договаривавшимися сторонами, съ исключенiемъ Австрiи. Во всѣхъ этихъ переговорахъ Алопеусъ принималъ дѣятельное участiе и въ 1792 г. сопровождалъ короля Фридриха-Вильгельма II въ походъ во Францiю, окончившiйся полною неудачею и поспѣшнымъ отступленiемъ союзниковъ обратно за Рейнъ. Нерѣшительный образъ дѣйствiй Пруссiи противъ Францiи и вскорѣ послѣдовавшее заключенiе между ними, весною 1795 г., отдѣльнаго мира въ Базелѣ, снова породили охлажденiе между Петербургомъ и Берлиномъ, и хотя въ октябрѣ 1795 г. состоялся третiй и окончательный раздѣлъ Польши въ пользу трехъ державъ: Россiи, Австрiи и Пруссiи, но Алопеусъ, какъ persona gratissima при прусскомъ Дворѣ и усердный сторонникъ тѣснаго единенiя съ Пруссiей, былъ отозванъ изъ Берлина. Влiятельные русскiе дипломаты того времени, Безбородко и братья Воронцовы, обвиняли Алопеуса въ пристрастiи и потворствѣ Пруссiи, подозрѣвая его даже въ забвенiи долга и принесенiи русскихъ интересовъ въ жертву выгодамъ берлинскаго Двора, но, покровительствовавшiй Алопеусу вице - канцлеръ графъ Остерманъ выхлопоталъ ему назначенiе на постъ министра-резидента при германскомъ союзномъ сеймѣ, въ Регенсбургѣ. Алопеусъ былъ отозванъ оттуда въ началѣ царствованiя Императора Павла, 30-го ноября 1796 г., и назначенъ членомъ коллегiи иностранныхъ дѣлъ. Тогда же ему было поручено Императоромъ веденiе переговоровъ съ шверинскимъ дворомъ о бракѣ наслѣднаго герцога Мекленбургскаго съ Великою Княжною Еленою Павловною, но по вступленiи въ должность первенствующаго члена иностранной коллегiи графа Ростопчина, крайне къ нему нерасположеннаго и считавшаго его „пруссакомъ тѣломъ и душою“, Алопеусъ былъ, въ 1800 г., вовсе уволенъ отъ службы. По воцаренiи Императора Александра I, въ 1801 г., его опять приняли на службу и назначили министромъ-резидентомъ при Дворѣ ландграфа Гессенскаго въ Касселѣ, но уже годъ спустя перевели въ Берлинъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при королѣ прусскомъ и при нижне-саксонскомъ имперскомъ округѣ. Въ первые годы александровскаго царствованiя, Алопеусъ, лично дружный съ обоими главными министрами короля Фридриха-Вильгельма III, графомъ Гаугвицемъ и барономъ Гарденбергомъ, содѣйствовалъ сближенiю Пруссiи съ Россiей, котораго желалъ Императоръ, но которому угрожали виды князя Адама Чарторижскаго. Послѣднiй замѣнилъ во главѣ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ канцлера Воронцова и стремился вызвать разрывъ между обоими Дворами, представлявшiйся ему единственнымъ способомъ осуществить завѣтную мечту о возстановленiи Польши. Осенью, 1805 г. дѣло едва не дошло до полнаго разрыва, вслѣдствiе отказа берлинскаго Двора въ свободномъ пропускѣ чрезъ прусскiя владѣнiя русскихъ войскъ, направленныхъ на помощь Австрiи, объявившей войну Наполеону, но Алопеусъ употребилъ всѣ усилiя, чтобы не допустить до этого. Онъ задержалъ ультиматумъ русскаго Двора, возвѣщавшiй о предстоявшемъ вступленiи русскихъ войскъ въ прусскiе предѣлы, вопреки ясно выраженному несогласiю короля, и предложилъ обоимъ монархамъ уладить недоразумѣнiе посредствомъ личнаго свиданiя. Между тѣмъ, нарушенiе Наполеономъ нейтралитета Пруссiи въ ея франконскихъ областяхъ побудило берлинскiй Дворъ измѣнить первоначальное рѣшенiе и дозволить русскимъ отрядамъ прослѣдовать въ Богемiю чрезъ Силезiю. Послѣдствiемъ было прибытiе Императора Александра въ Берлинъ, клятва въ вѣчной дружбѣ, принесенная имъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III на гробницѣ Фридриха Великаго, и заключенiе 29-го октября, въ Потсдамѣ, союзнаго договора, коимъ Пруссiя обязалась приступить къ коалицiи противъ Францiи. Договоръ этотъ, въ качествѣ второго уполномоченнаго Россiи—первымъ былъ князь Чарторижскiй и третьимъ князь Долгоруковъ—подписалъ Алопеусъ. Но неудачный исходъ аустер-

лицкаго сраженія снова измѣнилъ направленіе прусской политики. Король старался заручиться расположеніемъ побѣдителя и, принявъ изъ рукъ Наполеона принадлежавшій королю великобританскому Ганноверъ, заключилъ съ Франціею оборонительный и наступательный союзъ. Не желая, однако, прерывать связи своей съ Россіей, Фридрихъ-Вильгельмъ III старался обезпечить себя, на всякій случай, поддержкою Императора Александра. Дабы не возбуждать подозрительности Наполеона, Алопеусъ былъ формально отозванъ изъ Берлина и замѣненъ въ званіи посланника графомъ Стакельбергомъ, но продолжалъ вести тайные переговоры съ барономъ Гарденбергомъ, также уволеннымъ, въ угоду Франціи, отъ званія прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Переговоры эти велись въ глубочайшей тайнѣ, при дѣятельномъ участіи королевы Луизы, и привели, въ іюлѣ 1806 г., къ обмѣну союзной декларацін, въ силу которой король обязался не принимать участія въ войнѣ Франціи противъ Россіи, а Императоръ обѣщалъ „употреблять постоянно бо́льшую часть своихъ силъ на защиту Европы и всѣ силы Россійской Имперіи на поддержаніе независимости и неприкосновенности прусскихъ владѣній. Три мѣсяца спустя, вспыхнула война между Франціею и Пруссіею. Алопеусъ сопровождалъ короля Фридриха-Вильгельма III въ походъ, но послѣ разгрома прусской арміи подъ Іеною и Ауэрштедтомъ, отвезя въ Штеттинъ наслѣдную герцогиню Саксенъ-Веймарскую, Великую Княгиню Марію Павловну, самъ удалился въ Шлезвигъ, гдѣ и оставался до февраля 1807 г., когда Императоръ Александръ отправилъ его съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Лондонъ. Алопеусу удалось побудить великобританское правительство принять болѣе дѣятельное участіе въ войнѣ съ Франціею отправленіемъ сильной эскадры, къ балтійскимъ берегамъ. Тильзитскій миръ положилъ конецъ его дипломатической дѣятельности. Страстный противникъ Франціи, онъ, послѣ заключенія мира, желая содѣйствовать попыткѣ сентъ-джемскаго кабинета отвлечь Россію отъ союза съ Наполеономъ, рекомендовалъ русскому посланнику въ Штеттинѣ Лизакевичу отправленнаго съ этою цѣлью въ Петербургъ полковника англійской службы Вильсона и даже пригласилъ Лизакевича оказать содѣйствіе этому агенту въ переговорахъ съ датскимъ Дворомъ. Самовольный поступокъ этотъ навлекъ на Алопеуса неудовольствіе Государя, о которомъ извѣстилъ его министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцовъ, предписавъ Алопеусу, вслѣдствіе состоявшагося разрыва съ Англіей, немедленно оставить Лондонъ со всѣми чинами русскаго посольства. Въ первыхъ числахъ декабря 1807 г. Алопеусъ выѣхалъ изъ Лондона и, высадясь въ Гамбургѣ, самъ просилъ объ увольненіи отъ службы. Просьба его была уважена. Съ 1808-го по 1813-й годъ онъ прожилъ въ отставкѣ въ Германіи. Побѣдоносный исходъ отечественной войны и предпринятая Императоромъ Александромъ война за освобожденіе Германіи и Европы изъ подъ власти Наполеона вызвали возвращеніе Алопеуса въ третій разъ на службу. Онъ получилъ назначеніе состоять при баронѣ Штейнѣ, на котораго было возложено управленіе землями, занятыми союзными арміями. По взятіи Гамбурга союзниками, Алопеусъ былъ отправленъ туда для водворенія порядка, причемъ участвовалъ въ составленіи нѣмецкаго вспомогательнаго легіона. Въ 1815 г. Алопеусъ былъ, по собственному желанію, уволенъ отъ службы съ пенсіею. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ южной Германіи.

Дѣла С.-Петербургскаго и Московскаго архивовъ М. И. Д.—Мартенсъ, «Собраніе трактатовъ и конвенцій», II и VI.—Ranke, Denkwürdigkeiten der Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg, II.—«Архивъ князя Воронцова», VIII, IX, X и XIII.

С. Татищевъ.

Алопеусъ, *Самуилъ*, пасторъ въ Сердоболѣ, род. въ 1720 г., ум. въ 1794 г. Родоначальникомъ этой фамиліи былъ крестьянинъ дер. Керимяки, Ѳома Кеттунъ (т.-е. лисица), правнукъ котораго, пасторъ Магнусъ, получилъ въ концѣ XVII в. фамилію Алопеусъ (ἀλώπηξ—лисица). Самуилъ Алопеусъ учился въ академической гимназіи; съ 1751 по 1755 годъ состоялъ проповѣдникомъ у с.-петербургскихъ финскихъ прихожанъ, но затѣмъ былъ переведенъ въ г. Сердоболь, гдѣ впослѣдствіи сдѣланъ пробстомъ. Интересуясь естественными науками вообще и минералогіей въ особенности, онъ наблюдалъ природу и изучалъ геологическое строеніе Кареліи, дѣлая это не только въ предѣлахъ своего прихода, но и въ другихъ частяхъ края (напр., въ Петрозаводскѣ), куда

ѣздилъ какъ по должности члена Выборгской консисторіи, такъ и по собственному желанію. Алопеусу приписывается, между прочимъ, открытіе въ 1765 г. знаменитаго мѣсторожденія мрамора въ Рускіалѣ. Въ 1765—67 гг. изъ экспедиціи строенія Императорской академіи художествъ въ Выборгскую губ. посылался мастеръ Пилючинъ, который при отысканіи подходящихъ каменныхъ матеріаловъ и устройствѣ каменныхъ ломокъ пользовался указаніями и непосредственнымъ содѣйствіемъ Алопеуса; послѣднему за понесенные приэтомъ труды Бецкій приказалъ выдать 300 руб. Значительную помощь оказалъ Алопеусъ въ 1767 г. и капитану Кожину, которому онъ сопутствовалъ при осмотрѣ финляндскихъ мѣстонахожденій мрамора и возникавшихъ въ то время въ краѣ ломокъ этого камня, и доставилъ коллекцію образцовъ финляндскаго мрамора. Кожинъ при помощи итальянскихъ мастеровъ установилъ въ 1769 г. правильную и обширную добычу мрамора въ Рускіалѣ, Іоенсу (Сердобольскаго уѣзда) и Тивдіи (Петрозаводскаго уѣзда), откуда затѣмъ камень долгое время доставлялся для постройки Исаакіевскаго собора, Мраморнаго дворца и многихъ другихъ зданій Петербурга. Наблюденія Алопеуса надъ природой Кареліи составили предметъ книги: „Kurze Beschreibung der im Russisch-Kaiserlichen Carelien befindlichen Marmor- und anderen Steinbrüchen, Berg- und Steinarten, St.-Petersburg, 1787" и нѣсколькихъ статей въ «Трудахъ вольно-экономическаго общества (т. 45, 46 и 47), членомъ коего онъ былъ избранъ въ 1789 г. Вышеупомянутое сочиненіе о карельскихъ мраморныхъ ломкахъ, изданное въ томъ же году и на русскомъ языкѣ, имѣло въ свое время серьезное значеніе, коснувшись впервые этого предмета.

E. Berg, «Repertorium der Literatur über die Mineralogie, Geologie, Palaeontologie etc. Russlands», St.-Pbg., 1862. — С. Алопеусъ, «Краткое описаніе мраморныхъ и другихъ каменныхъ ломокъ, горъ и каменныхъ породъ, находящихся въ Россійской Кареліи», Спб., 1787.

С. Кулибинъ.

Алтуховъ, *Захарій Никифоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, сподвижникъ кавказскихъ героевъ, ум. 16-го августа 1886 г. Начавъ службу подпрапорщикомъ въ Тифлисскомъ егерскомъ полку, онъ съ 1836 г. въ теченіе 25 лѣтъ не покидалъ Кавказа, принимая ближайшее участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, а затѣмъ— въ дѣйствіяхъ противъ турецкихъ войскъ во время Восточной войны. Почти всѣ награды заслужены имъ отличіями на боевомъ поприщѣ, причемъ съ 1855 г. онъ уже состоялъ командиромъ Виленскаго пѣхотнаго полка, въ спискахъ котораго числился до своей кончины. Произведенный въ 1863 г. въ генералъ-маіоры, Алтуховъ въ 1872 г. получилъ въ командованіе 34-ю пѣхотную дивизію и годъ спустя пожалованъ чиномъ генералъ-лейтенанта, съ назначеніемъ сначала бобруйскимъ, а вслѣдъ затѣмъ выборгскимъ комендантомъ. Съ 1885 г. Алтуховъ числился членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ; въ іюлѣ 1886 г., ко дню 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

«Русс. Инв.» 1886 г. № 184.

Д. С—въ.

Алтышевъ, *Абдрейнъ Усейновъ*, переводчикъ съ татарскаго языка въ Астраханской губернской канцеляріи, при Елизаветѣ Петровнѣ, подалъ о своихъ дѣйствіяхъ любопытную сказку, 13-го ноября 1756 г. Изъ сказки этой видно, что онъ былъ принятъ въ русскую службу во время приготовленія къ персидскому походу Петра I, въ Казани, въ 1722 г. Алтышева опредѣлили въ корпусъ генерала Левашова въ Рештѣ и до 1727 г. онъ служилъ безъ жалованья. Затѣмъ, назначивъ окладъ 30 руб. въ годъ, его два раза посылали съ письмами къ шаху въ Мешхедъ и Испагань, поручая во время проѣзда развѣдывать положеніе дѣлъ. Опредѣленный въ 1733 г. въ астраханскую губернскую канцелярію, Алтышевъ въ слѣдующемъ году былъ отправленъ въ Персію сопутствовать князю Голицыну, который посылалъ его въ 1736 г. къ Колушкину и обратно, въ Москву. Здѣсь Алтышева назначили состоять при персидскомъ послѣ Хулефѣ, съ которымъ онъ ѣздилъ въ Персію. По возвращеніи въ Петербургъ, его опредѣлили къ турецкому плѣнному послу сераскиру Язья-пашѣ. Въ 1739 г. Алтышевъ еще разъ ѣздилъ изъ Астрахани въ Персію, привезъ персидское посольство въ столицу и возвратился съ нимъ въ Персію, къ резиденту Братищеву (1743 г.). Въ 1745 г. Алтышевъ посланъ былъ для перевода

писемъ въ Кизляръ, а въ 1746 взятъ въ Астрахань адмираломъ кн. М. М. Голицынымъ, везшимъ въ подарокъ персидскому шаху лошадей. Это заставило посольство зимовать въ Баку, а оттуда съ лошадьми Алтышевъ отправился въ Мешхедъ и воротился въ Астрахань въ 1747 году. Въ 1749 году посылали его въ Крымъ для опознанія и отдачи плѣнныхъ турокъ. Въ 1752 г. Алтышевъ былъ командированъ на Кубань, для развѣдокъ положенія дѣлъ на Кавказѣ, откуда ожидали нашествія турокъ. По возвращеніи въ Астрахань, съ донесеніемъ, въ маѣ 1754 г. отправили его въ С.-Петербургъ ко Двору для пріема лошадей и произвели въ 14 классъ (1755 г.). Въ годъ подачи сказки (1756 г.) Алтышевъ былъ посланъ для развѣдокъ въ Крымъ.

Моск. гл. арх. Мин. Юстиц., кн. 8123., л. 615—17.

Алферовъ, *Николай Өедоровичъ*, граверъ, архитекторъ и живописецъ, род. въ 1780-хъ, ум. въ 1840-хъ годахъ. Происходилъ изъ дворянъ Харьковской губерніи. Въ 1805 г. напечаталъ „Способъ гравировать крѣпкою водкою, съ присовокупленіемъ способа гравировать карандашемъ и составлять потребные для сего лаки“. Руководство это заключаетъ практическіе пріемы, дознанные на опытѣ самимъ Алферовымъ, выполнявшимъ гравюры aqua tinta и очеркомъ. Въ сентябрѣ 1805 г. онъ черезъ Черное море прибылъ въ Константинополь, снабженный средствами для путешествія воспитателемъ своимъ А. А. Палицынымъ и родственникомъ его по женѣ, В. Н. Каразинымъ, съ рекомендаціями ихъ нашему посланнику, А. Я. Италинскому. Любитель искусства, Алферовъ задумалъ совершить объѣздъ востока, Африки и запада Европы съ цѣлью изучить на мѣстѣ памятники зодчества. Средствъ его, однако, не хватило и для путешествія по Греціи. Въ 1817 году, по повелѣнію Императора Александра I, Алферовъ составилъ проектъ памятника (въ видѣ пирамиды) по убіеннымъ при покореніи Казани русскимъ воинамъ съ церковью внутри во имя Нерукотвореннаго Спаса. Памятникъ этотъ былъ освященъ 30-го августа 1823 г. Въ 1820-хъ годахъ Алферовъ жилъ на родинѣ, трудясь для искусства и состоя членомъ Харьковскаго университета. 30-го сентября 1838 г. за свои познанія по архитектурѣ удостоенъ отъ Академіи Художествъ званія почетнаго вольнаго общника.

«Рус. Вѣстн.», ч. X, октябрь 1808, стр. 95—112 (напечатано 3-е письмо Н. Ө. Алферова, изъ Аѳинъ, 1806); ч. IV, 1808, стр. 113—120 помѣщено воззваніе «отъ издателя» къ русской публикѣ, о пожертвованіяхъ въ пользу Алферова и «Вѣстникъ Европы»; ч. 42, стр. 246—258 о томъ же и ч. 738, стр. 206—222—первыя 2 письма его (1805 г.); также «Моск. Вѣдом.» 1808 г. № 23. Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», вып. I, 1893, стр. 128—130.

Алферьевъ, *Василій Петровичъ*, род. 13-го февраля 1823 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, ум. въ С.-Петербургѣ въ декабрѣ 1854 г. Образованіе получилъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1837 году. Служилъ сначала въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ, со средины 1840-хъ годовъ, занималъ мѣсто ревизора въ почтовомъ департаментѣ, въ Петербургѣ. Хотя Алферьевъ началъ писать стихи семи лѣтъ и имѣлъ нѣкоторое дарованіе, тѣмъ не менѣе, произведенія его, появлявшіяся въ печати—шутка въ 2-хъ частяхъ „Картина или похожденія двухъ человѣчковъ“ (1846), поэма „Плащъ“ (1848), и трагедія изъ древне-греческой жизни, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, „Діагоръ“ — никакого успѣха не имѣли и были встрѣчены критикою несочувственно. Исключеніе составляло стихотвореніе на „Нынѣшнюю войну“, напечатанное въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1854 г., № 37, перепечатанное въ „Сборникѣ свѣдѣній о Восточной войнѣ“ и облетѣвшее всю грамотную Россію. Авторъ получилъ за это стихотвореніе Высочайшую награду. Нѣкоторыя изъ рукописныхъ произведеній Алферьева, которыхъ осталось довольно много, поступили въ Императорскую публичную библіотеку въ числѣ бумагъ В. А. Жуковскаго.

«Сѣверная Пчела» 1855 года, № 6.—Геннади, «Словарь», ч. I, стр. 20.—«Историч. Вѣстникъ» 1886 г., № 6 (о родѣ Алферьевыхъ въ статьѣ Н. С. Лѣскова).—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 441—43.

Алферьевъ, *Василій Сергѣевичъ*, издалъ въ Москвѣ въ 1831 г.—„Загадки на святки“, собраніе различныхъ шарадъ, логогрифовъ, омонимовъ, а въ 1835 — „Для русскихъ святокъ“, сборникъ, въ которомъ, кромѣ описанія народныхъ святочныхъ игръ, обрядовъ и пѣсенъ, имѣется текстъ послѣднихъ съ нотами. Можно думать, что Алферьевымъ положена на музыку балла-

да Жуковскаго „Братоубійца", о чемъ упоминается въ каталогѣ Ольхина.

Геннади, «Словарь», т. I, стр. 20.—«Историч. Вѣстн.» 1886 г. № 1 (статья Н. С. Лѣскова, внучатнаго племянника Алферьева).—С. Венгеровъ, Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 443—44.

Алферьевъ, *Іеронимъ Васильевичъ*, журналистъ, род. въ Москвѣ 9-го сентября 1849 года, ум. въ Петербургѣ, 2-го февраля 1886 г. Окончивъ курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, служилъ до 1871 г. въ почтовомъ департаментѣ. Оставивъ службу, въ теченіе 15-ти лѣтъ сотрудничалъ въ разныхъ газетахъ—„Русской Правдѣ", „Русскомъ Курьерѣ", „Современныхъ Извѣстіяхъ", „Новомъ Времени", „Порядкѣ" и особенно въ „Новостяхъ". Отдѣльныя изданія, принадлежащія Алферьеву, слѣдующія: брошюра для народа „Великій преобразователь Россіи царь Петръ Алексѣевичъ" (1872), комедія „Съ волками жить — по волчьи выть" (1876), брошюра „Въ царствѣ мертвыхъ. Къ вопросу о сожиганіи труповъ" (1879) и брошюра „Художникъ І. Дитенбергъ и его картина".

Некрологи въ февральскихъ нумерахъ газетъ 1886 г. и С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 444—45.

Алферьевъ, *Сергѣй Петровичъ*, докторъ медицины, ординарный профессоръ Кіевскаго университета по каѳедрѣ частной терапіи, род. въ Орлѣ 4-го октября 1816 г., ум. въ Кіевѣ 31-го марта 1884 г. Учился Алферьевъ въ Москвѣ въ частномъ пансіонѣ, а въ 1833 г. поступилъ въ С.-Петербургскую, но вскорѣ перешелъ въ Московскую медико-хирургическую академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1838 г. съ серебряною медалью и съ званіемъ лѣкаря I отдѣленія; въ томъ же году онъ былъ зачисленъ сверхштатнымъ ординаторомъ Екатерининской больницы, а въ слѣдующемъ назначенъ репетиторомъ по каѳедрѣ спеціальной терапіи. Въ 1843 г., защитивъ докторскую диссертацію: „De hydrophobia contagiosa", Алферьевъ былъ посланъ для усовершенствованія на два года заграницу, гдѣ пробылъ до 1846 г.; изъ-за границы онъ прислалъ подробный отчетъ о своихъ занятіяхъ, напечатанный въ т. XLVIII „Журн. Мин. Нар. Просв.". По возвращеніи въ Россію, Алферьевъ былъ назначенъ сначала исправляющимъ должность ординарнаго профессора въ Московской медико-хирургической академіи, черезъ годъ—ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ частной терапіи въ Кіевскомъ университетѣ, а въ 1848 г.—ординаторомъ Кіевскаго военнаго госпиталя, гдѣ до 1855 г. завѣдывалъ терапевтическимъ отдѣленіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ состоялъ деканомъ медицинскаго факультета и числился консультантомъ кіевскихъ духовной академіи, семинаріи и второй гимназіи. Въ 1856 г., Алферьевъ, вмѣстѣ съ кіевскимъ проф. Мерингомъ, былъ, по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ мѣста расположенія южной арміи для изученія свирѣпствовавшей тамъ тифозной эпидеміи и въ томъ же году, съ тою же цѣлью, командированъ въ Константинополь. Результаты изслѣдованій Алферьева и Меринга были въ свое время напечатаны на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ 1857 г. Алферьевъ занялъ каѳедру терапевтической клиники, которую, за выслугой лѣтъ, оставилъ въ 1874 г. Отличаясь чрезвычайною наблюдательностью, Алферьевъ имѣлъ случай весьма основательно изучить характеръ заразныхъ болѣзней, преимущественно тифовъ, во время командировки, въ 1856 г. Онъ (вмѣстѣ съ Мерингомъ) впервые установилъ строгое разграниченіе между средствами обеззараживающими, т.-е. уничтожающими заразный ядъ, и дезодирующими — уничтожающими одно только зловоніе. Онъ же доказалъ вредъ абортивнаго лѣченія многихъ болѣзней и преимущества укрѣпляющихъ средствъ. Громадная эрудиція, строгій анализъ, широта взгляда и множество произведенныхъ вскрытій мертвыхъ тѣлъ (свыше 200) позволили Алферьеву выяснить не мало фактовъ, причемъ воззрѣнія этого ученаго, въ большинствѣ, теперь признаны безспорными. Алферьевъ состоялъ почетнымъ членомъ общества одесскихъ врачей, дѣйствительнымъ членомъ общества кіевскихъ врачей и членомъ-корреспондентомъ общества константинопольскихъ врачей. Изъ трудовъ его, кромѣ упомянутыхъ диссертаціи и отчета о занятіяхъ заграницею, наиболѣе извѣстны слѣдующіе: 1) «О тифозной горячкѣ въ южной арміи" („Воен.-Мед. Журн." 1856 г.); 2) „О поѣздкѣ въ Константинополь" (помѣщено тамъ же); 3) „Отчетъ проф. Алферьева и Меринга, командированныхъ въ южную армію въ

Крыму („Воен.-Мед. Журн." 1857 г. часть 69, 2; 1859 г. ч. 75, 1, 2; „Med. Zeit. Russlands" 1858 г., 241, 49, 57, 65, 273); 4) Рѣчь „Объ отношеніи патологической анатоміи къ лѣченію болѣзней", читанная 22-го декабря 1846 г. въ Кіевскомъ университетѣ; 4) „Разборъ диссертаціи О. Халецкаго" (въ „Кіев. Унив. Изв." 1872, IV); 5) „Аспираціонный и инфекціонный приборъ, замѣняющій всѣ до сихъ поръ существующіе аспираторы и всякіе шприцы" („Медиц. Вѣстн." 1876 г. № 29). Въ 1857—1858 гг. Алферьева редактировалъ сдѣланный кіевскими студентами переводъ книги Рихтера „Частная патологія и терапія".

Иконниковъ, «Біогр. слов. проф. унив. св. Влад.» 1884, стр. 14—17; «Кіевлянинъ», 1884 г. № 75 (некрологъ); «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1884 г., ч. 39, стр. 31; «Русск. Медиц.» 1884 г. № 14; Змѣевъ, «Русскіе врачи-писат.», т. I, 5; Н. Лѣсковъ, статья объ Алферьевѣ въ «Истор. Вѣстн.» 1886 г. № 6; С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 445—447; Брокгаузъ-Ефронъ: «Энцик. слов.» т. Ia, 486—487.

Л. Вейнбергъ.

Алфимовы, московскіе дворяне, выслужившіеся изъ дьячества; изъ нихъ замѣчательны слѣдующіе:

1) *Иванъ Михаиловичъ*, бывшій въ 1667 г. воеводой въ Самарѣ и убитый тамъ Стенькой Разинымъ.

2) *Михаилъ Ивановичъ* былъ сначала дьякомъ московско-суднаго приказа съ и въ этомъ званіи ѣздилъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Совинымъ, посломъ къ турецкому султану въ 1630 г. Въ 1632 г. онъ былъ переведенъ дьякомъ въ помѣстный приказъ, а съ 1636 г. записанъ въ московскіе дворяне.

3) *Назарій Михаиловичъ* два раза ѣздилъ посломъ отъ московскаго царя: въ 1656 г.—въ Швецію, а въ 1657 г.—въ Польшу.

Россійская родословная книга, изданная Петромъ Долгоруковымъ, часть IV, стр. 236—238.—Алфавитный перечень фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, Иванова, стр. 6—7.—Акты Археографической Экспедиціи, т. III, 308, 317, 493.—Воронежскіе акты, кн. I, стр. 81—84.

Алфимова, *Анна Ефимовна*, писательница, переводчица съ французскаго книги: „Бесѣды Массильона, епископа Клермонтскаго", собранныя и расположенныя въ систематическомъ порядкѣ", семь частей. Спб., 1824 — 1825 г. Эта книга издана Алфимовой въ пользу Кіево-Николаевскаго монастыря.

«Русск. Вѣстн.» 1875 г., кн. 8, см. Де-Пуле «Отецъ и сынъ» (стр. 580—596). Роспись рус. кн. Смирдина 606 (безъ имени переводчицы).

Алымовъ, *Александръ Александровичъ*, тифлисскій вице-губернаторъ, статскій совѣтникъ, род. въ 1842 году, ум. въ Боржомѣ 25-го августа 1892 года. Воспитанникъ Императорскаго Александровскаго лицея, награжденный при выпускѣ въ 1872 г. серебряною медалью, Алымовъ поступилъ на службу въ бывшій департаментъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго, гдѣ состоялъ последовательно дѣлопроизводителемъ VIII, VII и VI классовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣятельно работалъ въ комиссіяхъ: для пересмотра положенія и по обзору дѣлъ и оборотовъ закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія; по введенію на Сѣверномъ Кавказѣ частнаго соляного промысла и по устройству минеральныхъ водъ; по дѣлу о населенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Тифлисской губ., подлежавшихъ продажѣ за долги закавказскому приказу общественнаго призрѣнія, и пр. Назначенный въ 1883 г. дѣлопроизводителемъ канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, Алымовъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ вопроса о введеніи денежныхъ земскихъ повинностей въ Кубанской и Терской областяхъ и составленіи по этому предмету проекта. Особенно плодотворна была дѣятельность Алымова по введенію въ краѣ всеобщей воинской повинности, для чего онъ объѣздилъ Карскую и Дагестанскую области, Бакинскую, Елисаветпольскую и другія губерніи. 9-го мая 1891 г. Алымовъ былъ назначенъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, тифлисскимъ вице-губернаторомъ и, несмотря на сильно разстроенное здоровье, продолжалъ работать съ прежнею неослабѣвающею энергіею и необыкновенною добросовѣстностью. Такъ, за три недѣли до смерти, живя на дачѣ въ Цавкисахъ и узнавъ, что въ этомъ селеніи появилась холера, онъ всталъ съ постели и объѣзжалъ съ докторомъ селеніе, входя къ холернымъ больнымъ и утѣшая ихъ.

«Кавказъ» 1892 г., №№ 226, 227 и 228.—«Новое Обозрѣніе», 1892 г., № 2982. — «Новое Время» 1892 г., № 5935.

Алымовъ, *Илья Павловичъ*, генералъ-маіоръ, педагогъ и ученый морской писа-

гель, род. 21-го мая 1831 г. въ Смоленской губерніи, ум. 16-го мая 1884 г. въ Кіевѣ. По окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и состоявшихъ при немъ офицерскихъ классамъ, Алымовъ въ 1854 г. поступилъ въ военные преподаватели того же корпуса, въ 1862 году назначенъ членомъ учебнаго совѣта академическаго курса морскихъ наукъ, въ 1873 году переведенъ въ морское техническое училище помощникомъ инспектора классовъ, а въ 1878 г. назначенъ инспекторомъ. Въ это время морское техническое училище приготовляло для флота штурмановъ, артиллеристовъ, кораблестроителей и механиковъ, и Алымовъ, обладая глубокими математическими познаніями и страстно любя свой предметъ, съ званіемъ инспектора соединялъ обязанности преподавателя; все свободное время, остававшееся отъ этихъ занятій, онъ посвящалъ разработкѣ ученыхъ физико-математическихъ вопросовъ, въ приложеніи ихъ къ пароходству и судостроенію. Плодомъ этихъ трудовъ былъ рядъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ „Морской Сборникъ" съ 1861 по 1879 г., изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ „Очеркъ струйнаго образованія судовъ". Непосильные труды были причиною тяжкой болѣзни, заставившей Алымова въ 1883 году оставить службу. Горячая преданность Алымова своему дѣлу была такъ велика, что уже трудно больной, находясь въ постели, онъ оканчивалъ чтеніе преподаваемаго ученикамъ предмета, и до самой кончины продолжалъ свои ученые труды, изъ которыхъ многіе остались въ рукописи.

Формулярный списокъ въ архивѣ Морскаго Министерства.—«Кроншт. Вѣстн.» 1884 г., №59.—«Морской Сборникъ» 1861—1879 г.

Н. Коргуевъ.

Альбанусъ, *Августъ Адольфовичъ*, сынъ пастора, род. въ Динаминде, около Риги, 3-го мая 1837 г., ум. 12-го іюня 1887 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника. По окончаніи курса по медицинскому факультету въ Дерптѣ, со степенью доктора, отправился въ 1860 г. за границу, въ Берлинъ, Прагу и Вѣну. Въ началѣ 1862 г. Альбанусъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и былъ назначенъ ординаторомъ при Обуховскомъ госпиталѣ, а потомъ при госпиталѣ тюремнаго замка. Лѣтомъ 1871 г. онъ переселился въ Тифлисъ, лейбъ-медикомъ Великаго Князя Михаила Николаевича. По болѣзни вышелъ, въ августѣ 1886 г., въ отставку и умеръ въ Ригѣ.

Альбаумъ, *Франць-Ульрихъ*, профессоръ исторіи и права въ дворянской академіи въ Ревелѣ, уроженецъ гор. Гамбурга, опредѣленъ профессоромъ 26-го января 1771 г., раньше преподавая въ Петербургѣ въ школѣ при Петропавловской киркѣ. Альбауму принадлежитъ переводъ съ шведскаго на нѣмецкій сочиненія профессора Стокгольмской академіи Кербера, „Лѣченіе заразной эпидеміи" съ присоединеніемъ самостоятельнаго „Историческаго очерка эпидемій вообще и въ частности заразныхъ эпидемій въ Эстляндіи и Лифляндіи". Издана эта книга въ Ревелѣ, въ 1771 г. Альбаумъ былъ членомъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Въ 1774—5 появился сдѣланный имъ нѣмецкій переводъ книги Бокора „Introduction générale à l'étude de la politique, des finances et du commerce", съ прибавленіемъ относящихся по этому предмету свѣдѣній о Россіи.

Шлунъ (рукописный сборникъ), т. III.

Альбедиль, баронъ, *Петръ Романовичъ*, гофмаршалъ при Императорѣ Николаѣ I, род. 2-го мая 1764 г., ум. 15-го марта 1830 г. Въ 1770 г. онъ былъ принятъ въ малолѣтнее отдѣленіе шляхетскаго кадетскаго корпуса и, по окончаніи курса, выпущенъ въ мушкетерскій полкъ поручикомъ (18-го февраля 1785 г.). Въ шведскую войну Альбедиль заслужилъ чинъ капитана, за отличіе въ бою 5-го августа 1789 г., но въ маіоры произведенъ уже Павломъ I (10-го ноября 1798 г.). Назначенный затѣмъ бригадъ-маіоромъ (24-го октября 1799 г.) къ генералъ-маіору М. Я. Голенищеву-Кутузову, 19-го октября 1800 г. отставленъ за что-то отъ службы, но, съ воцареніемъ Александра I, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству (2-го мая 1801 г.). Въ бытность флигель адъютантомъ Альбедиль произвелъ дознаніе о дѣйствіяхъ казанскаго губернатора Азлатонова. Пожалованный 25-го декабря 1812 г. въ егермейстеры Альбедиль не оставлялъ уже придворной службы. Онъ пользовался высокимъ вниманіемъ Императрицы Маріи Θеодоровны, дававшей ему разнаго рода порученія и незабывшей упомянуть его въ своемъ духовномъ завѣщаніи, и оставивъ на память свой портретъ. Пожалованный въ день бракосочетанія Ве-

ликаго Князя Николая Павловича въ гофмаршалы, Альбедиль съ 2?-го іюля 1817 г. получилъ въ управленіе гофъ-интендантскую контору и завѣдывалъ ею до кончины.

Формулярный списокъ въ Спб. сенат. арх., дѣло 1820 г., № 127.

Альбединскій, *Петръ Павловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, изъ дворянъ Смоленской губерніи, род. въ 1826 г., ум. 19-го мая 1883 г. По окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ, въ 1843 г., выпущенъ корнетомъ л.-гв. въ конный полкъ, гдѣ, продолжая службу, назначенъ въ 1853 г. флигель-адъютантомъ. Съ наступленіемъ Крымской войны, онъ, уже въ чинѣ полковника, въ сентябрѣ 1854 г. былъ командированъ въ распоряженіе главнокомандующаго арміями и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; сраженіе 24-го октября подъ Инкерманомъ, гдѣ онъ былъ серьезно контуженъ въ голову, получивъ за отличное мужество золотой палашъ съ надписью „за храбрость", завершило его пребываніе въ арміи, послѣ чего онъ былъ дважды командируемъ въ Парижъ: для передачи чрезвычайныхъ депешъ русскому уполномоченному на конгрессѣ генералъ-адъютанту графу Орлову и затѣмъ для поднесенія Наполеону орденскихъ знаковъ св. Андрея Первозваннаго. Оставленный по выполненіи послѣдней миссіи въ Парижѣ, въ качествѣ корреспондента военнаго министерства при русскомъ посольствѣ, Альбединскій въ 1858 г. вернулся въ Россію, гдѣ получилъ въ командованіе л.-гв. конно-гренадерскій полкъ; въ 1860 г., съ назначеніемъ въ свиту, произведенъ въ чинъ генералъ-маіора, три года спустя принялъ команду надъ л.-гв. гусарскимъ полкомъ и въ 1865 г. назначенъ начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. 27-го марта слѣдующаго года Альбединскій былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и 9-го октября, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, назначенъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками рижскаго военнаго округа; уволенный вслѣдъ затѣмъ, въ 1870 г., по прошенію отъ занимаемыхъ должностей, Альбединскій, четыре года спустя, занялъ постъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками виленскаго военнаго округа, и, оставаясь въ этихъ должностяхъ до 1880 г., былъ произведенъ въ 1878 г. въ генералы-отъ-кавалеріи. Служба Альбединскаго въ округѣ отмѣчена особенною заботливостью о воспитаніи и боевой подготовкѣ войскъ, причемъ, будучи знатокомъ этого дѣла, онъ неоднократно являлся ближайшимъ руководителемъ занятій различныхъ комитетовъ по выработкѣ многихъ спеціальныхъ инструкцій и положеній. 18-го мая 1880 г. состоялось назначеніе Альбединскаго варшавскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа, а 1-го января слѣдующаго года онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. 15-го мая 1883 г. Альбединскій получивъ орденъ св. Владиміра 1 степ.

«Приложеніе къ отчету Государственнаго Совѣта за 1889 г., стр. 32—33; «Русскій Инв.» 1883 г., № 122; «Всем. Иллюстр.» 1880 г. № 604 и 1883 г. № 754.

Д. С—въ.

Альбертини, *Николай Викентьевичъ*, публицистъ, род. 12-го августа 1826 г., въ гор. Острѣ, Черниговской губ., ум. 31-го іюля 1890 г. въ окрестностяхъ С.-Петербурга (въ 3-емъ Парголовѣ). Дѣдъ его по отцу былъ итальянецъ, композиторъ Винченцо Альбертини, а бабушка—полька, вслѣдствіе чего и отецъ былъ католикомъ; но такъ какъ мать была русскою (рожденная Коркунова), то и сынъ исповѣдывалъ Православіе. Изъ Остерскаго уѣзднаго училища Альбертини поступилъ въ 1839 г. въ третью московскую гимназію, откуда, по окончаніи курса перешелъ (1846 г.) въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ. Получивъ въ 1851 г. степень кандидата правъ, Альбертини избралъ педагогическую дѣятельность и до 1859 г. преподавалъ законовѣдѣніе и исторію во второмъ кадетскомъ корпусѣ, давая въ то же время уроки и въ другихъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Знакомство съ извѣстнымъ педагогомъ П. Басистовымъ повліяло на его обращеніе къ занятіямъ литературнымъ. Альбертини съ 1857 года сталъ посылать въ „Отечественныя Записки" рецензіи на русскія и иностранныя книги историческаго и политическаго содержанія. Прекрасное знаніе политиче-

ской исторіи Европы, сказывавшееся въ этихъ рецензіяхъ, обратило на себя вниманіе А. А. Краевскаго, который въ 1859 г. предложилъ Альбертини составлять въ „Отеч. Запискахъ" ежемѣсячныя политическія обозрѣнія. Оставивъ службу и переѣхавъ въ Петербургъ, Альбертини всецѣло посвятилъ себя журналистикѣ, въ которой являлся представителемъ умѣреннаго либерализма, почему и полемизировалъ съ „Современникомъ" и „Русскимъ Словомъ". Кромѣ политическихъ обозрѣній, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ помѣстилъ въ „Отеч. Запискахъ" рядъ слѣдующихъ, крупныхъ по объему, статей: „Англійское государственное и общинное устройство и управленіе" (1860, № 1), „Сѣверная Америка и Англія" (1861, № 2), „Политическія идеи Токвиля и отзывы о немъ въ „Современникѣ" (1861, № 8), „О зависимости состоянія общества отъ характера государственныхъ учрежденій" (1861, № 12), „Система народнаго образованія въ Англіи" (1862, № 10, и 1863, № 3), и др. Съ мая 1863 года Альбертини велъ отдѣлъ иностранной политики также и въ „Голосѣ". Не поладивъ съ Краевскимъ, онъ перешелъ въ 1865 г. въ „С.-Петербургскія Вѣдомости" В. Ѳ. Корша, гдѣ работалъ, однако, недолго, такъ какъ въ 1866 г. былъ высланъ въ Архангельскъ, гдѣ прожилъ шесть лѣтъ и только въ октябрѣ 1872 г. получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Ревель; здѣсь онъ поступилъ совѣтникомъ въ эстляндское губернское правленіе. Возобновивъ сотрудничество въ „Голосѣ", Альбертини посылалъ въ эту газету корреспонденціи, фельетоны и передовыя статьи. Въ 1877 г., во время лѣтняго двухмѣсячнаго отпуска, писалъ въ новой газетѣ В. Ѳ. Корша „Сѣверный Вѣстникъ", а въ 1880 г. переѣхалъ въ Петербургъ и снова сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ „Голоса". Ежедневно въ этой газетѣ появлялись передовыя статьи Альбертини, подъ заглавіемъ: „Интересы дня", а иногда и фельетоны за подписью „Н. Старикъ". Послѣ запрещенія въ 1883 г. „Голоса", Альбертини сотрудничалъ въ „Новомъ Времени" и съ 1884 по 1888 годъ (включительно) состоялъ причисленнымъ къ Кабинету Его Величества.

С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 151 — 454 и 951. Энциклопедическіе словари: сост. русск. учен. и литер., т. III. Толля и Березина.—«Новое Время» 1890 г., № 5180. Адресъ-календари 1884—1888 гг.

Альбини, *Антонъ Антоновичъ*, придворный врачъ, род. около 1780 г.; ум. въ Москвѣ 22-го октября 1830 г.; образованіе получилъ заграницей. Въ началѣ текущаго столѣтія переселился въ Россію. Въ мартѣ 1804 г. признанъ русскимъ врачемъ и вскорѣ отправленъ въ Липецкъ, Тамбовской губ., для изслѣдованія химическаго состава и физіологическаго дѣйствія мѣстныхъ минеральныхъ водъ на организмъ человѣка. Весьма обстоятельнымъ изслѣдованіемъ липецкихъ водъ Альбини пріобрѣлъ себѣ извѣстность. Назначенный 7-го марта 1808 г. на должность придворнаго врача, онъ сохранилъ это званіе на всю жизнь, хотя въ должности оставался только до 1810 г., когда опредѣленъ на должность ординатора въ Голицынскую больницу въ Москвѣ. 25-го февраля 1820 г. Альбини былъ назначенъ главнымъ докторомъ Московскаго воспитательнаго дома и въ этой должности оставался до смерти своей, послѣдовавшей отъ холеры, во время бывшей въ Москвѣ эпидеміи.

Формулярный списокъ № 19, служ. при Высочайшемъ дворѣ въ 1811 г. (с.-петерб. сенат. арх.); Сейделеръ «Описаніе Голицынской больницы», Москва, т. I, стр. 260; «Русскій Архивъ» (записки Жихарева) 1890 г., кн. 10.

Альбиновскій, *Ксенофонтъ Осиповичъ*, писатель-беллетристъ, сотрудникъ газеты „Одесскій Вѣстникъ", род. въ 1838 г., ум. 4-го октября 1868 г. Болѣзнь легкихъ ослабила его энергію съ 1864 г., но все имъ написанное до и во время болѣзни носило признаки дарованія и читалось съ удовольствіемъ. Лучшія статьи его, помѣщенныя на страницахъ „Одесскаго Вѣстника" въ 1865 и 1866 годахъ, были: „Маскарадный сюрпризъ", разсказъ изъ мѣстной жизни, „Носъ", физіологическій очеркъ, и разборъ публичныхъ лекцій профессора новороссійскаго университета Максимова „О воспитательныхъ домахъ и пріютахъ".

«Одесскій Вѣстн.», 1868 г. 19 окт. № 229 (некрологъ). С. Венгеровъ, «Критико-біогр. слов.», ч. I, стр. 454.—Межовъ, II. 17057.

Альбицкій, *Иванъ Ивановичъ*, род. 4-го октября 1833 г., въ селѣ Заколпьѣ, Меленковскаго уѣзда, Владимірской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. въ февралѣ 1862 г. Въ 1854 г. окончилъ курсъ во владимірской семинаріи, 5 лѣтъ

былъ псаломщикомъ въ с. Плесцѣ, Меленковскаго уѣзда, въ 1859 г. рукоположенъ во священники храма въ селѣ Бутылицѣ, того же уѣзда. Писалъ много юмористическихъ стихотвореній, изъ которыхъ въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ было напечатано „Воздыханіе псаломщика“. Извѣстностью пользуется также застольная пѣсня „Настоечка двойная“.

С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 456—57.

Альбицкій, *Петръ Михайловичъ*, генералъ-маіоръ, военный писатель-артиллеристъ, род. въ 1836 г., ум. 19-го марта 1888 г. Окончивъ со степенью кандидата курсъ на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, въ 1857 г. поступилъ на службу фейерверкеромъ въ конно-артиллерійскую № 18 батарею, гдѣ въ слѣдующемъ году произведенъ въ чинъ прапорщика. Съ этимъ чиномъ Альбицкій навсегда оставилъ строй, поступивъ сначала въ Михайловскую артиллерійскую академію, а по окончаніи ея въ 1860 г., причисляясь къ составу преподавателей училища и академіи по каѳедрѣ балистики и математики. Въ 1865 г. получилъ извѣстность его трудъ: „Составленіе наивѣроятнѣйшихъ таблицъ стрѣльбы изъ данныхъ, полученныхъ при стрѣльбѣ съ разныхъ дистанцій“ («Артил. Журн.» 1865 г.), за который авторъ былъ награжденъ михайловскою преміею. Въ 1868 г. Альбицкій былъ утвержденъ въ званіи адъюнктъ-профессора артиллерійской академіи по предмету балистики и тогда же командированъ для усовершенствованія въ познаніяхъ заграницу. Здѣсь онъ слушалъ лекціи въ Парижѣ въ знаменитой Сорбоннѣ и въ Collège de France, въ берлинскомъ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1869 и 1874 гг. отмѣчены присужденіемъ Альбицкому двухъ новыхъ михайловскихъ премій за его сочиненія: „О горѣніи призматическаго пороха“, „О горѣніи заряда, составленнаго изъ сферическихъ пороховыхъ зеренъ, въ неизмѣнномъ пространствѣ“ („Арт. Журн.“ 1867 и 1869 гг.) и за литографированный курсъ внутренней балистики, одна глава котораго—„Современное положеніе вопроса о движеніи снарядовъ въ каналѣ орудій“—напечатана въ „Артиллерійскомъ Журналѣ“ за 1875 г. Произведенный въ 1874 г. въ полковники, Альбицкій въ томъ же году былъ вторично командированъ заграницу, гдѣ, ознакомившись съ устройствомъ артиллерійскихъ школъ въ Пруссіи, Австріи и Баваріи, составилъ обширный отчетъ по этому вопросу, извлеченіе изъ котораго: „О прусской соединенной артиллерійско-инженерной школѣ“ помѣщено въ „Артиллерійскомъ Журналѣ“ за 1878 г. По возвращеніи въ Россію, 26-го мая 1878 г. состоялось назначеніе Альбицкаго инспекторомъ классовъ 1-го военнаго Павловскаго училища, съ оставленіемъ адъюнктъ-профессоромъ артиллерійской академіи. Въ этихъ должностяхъ, произведенный въ 1884 г. въ генералъ-маіоры, Альбицкій оставался до своей кончины. Отличительною чертою его, какъ ученаго, была замѣчательная способность къ быстрымъ и точнымъ математическимъ вычисленіямъ. Кромѣ указанныхъ работъ, имъ напечатанъ въ „Артил. Журналѣ“ рядъ статей: „Взглядъ на стрѣльбу изъ нарѣзныхъ орудій при настоящемъ ихъ состояніи. Предложеніе новой системы снарядовъ и орудій графа С. Роберта“ (1862 г. „Paul de Saint-Robert. Mémoires scientifiques. Réunis et mis en ordre. Tome I. Balistique“ (1873 г.), „Разборъ курса внѣшней балистики генералъ-лейтенанта Н. В. Маіевскаго“ (1874 г.), „О прицѣливаніи при стрѣльбѣ по закрытымъ предметамъ въ томъ случаѣ, когда бываетъ недостаточно дѣленій, сдѣланныхъ на прицѣлѣ“ (1878 г.) и „Объ одномъ вопросѣ, относящемся къ теоріи скрѣпленія орудій“ (1879 г.). Кромѣ того, Альбицкій состоялъ сотрудникомъ „Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ“.

«Арт. Журналъ» 1888 г. № 5; «Русс. Инв.» 1888 г. № 63; «Новое Время» 1888 г. № 4332 и «Новости» 1888 г. № 81. *Д. С—въ.*

Альбрандтъ, *Левъ Львовичъ*, генералъ-маіоръ, извѣстный герой кавказскихъ войнъ, род. въ 1801 г., въ Херсонской губерніи, ум. 13-го декабря 1849 г. въ Эривани. Сынъ небогатаго помѣщика, Альбрандтъ выросъ среди привольныхъ степей Новороссіи, помогая отцу въ разведеніи табуновъ лошадей и продажѣ ихъ на ярмаркахъ, что еще съ дѣтства развило въ немъ тѣ рѣдкія качества отважной предпріимчивости и находчивости, которыми особенно отличался онъ въ продолженіе своей боевой службы. Получивъ очень скудное образованіе, Альбрандтъ долго пробивалъ себѣ дорогу. На первыхъ порахъ ему пришлось ограничить-

ся незначительнымъ мѣстомъ гражданскаго чиновника въ канцеляріи херсонскаго военнаго губернатора, куда онъ былъ опредѣленъ въ сентябрѣ 1819 г.; въ 1823 г. онъ перевелся въ канцелярію попечителя керченской и бугазской торговли съ черкесами и абазинцами; пять лѣтъ спустя перешелъ въ канцелярію управлявшаго комиссаріатомъ бывшей, въ турецкую войну 1820—29 гг., второй арміи; по возвращеніи изъ похода, въ 1830 г. Альбрандтъ перечислился въ штатъ канцеляріи главнокомандующаго первою арміею барона фонъ-деръ Остенъ-Сакена, и отсюда, въ ноябрѣ 1831 г., вышелъ, наконецъ, по разстроенному здоровью въ отставку. Служба по канцеляріямъ совершенно не соотвѣтствовала его призванію, почему при новомъ возвращеніи къ дѣятельности, въ 1832 г., Альбрандтъ избралъ боевое поприще, и, явившись на Кавказъ, вступилъ въ ряды дѣйствовавшихъ войскъ, прикомандировавшись, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, на правахъ охотника, ко 2-му закавказскому (мусульманскому) полку. Съ нимъ онъ тотчасъ же выступилъ въ экспедицію противъ горцевъ, предводительствуемыхъ Казы-Муллою, и не замедлилъ выказать свое мужество, явившись 23-го іюня храбрымъ участникомъ упорнаго многочасового боя въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ аула Герменчукъ, при штурмѣ его войсками барона Розена. Сопутствуя полку въ дальнѣйшихъ операціяхъ экспедиціи и въ томъ числѣ при движеніи къ населенію Беной, Альбрандтъ съ особеннымъ отличіемъ раздѣлилъ славу совершеннаго пораженія Казы-Муллы въ Гимрахъ осенью 1832 г.; здѣсь, при штурмѣ одного изъ заваловъ, Альбрандтъ первымъ вскочилъ на него, но пораженный тремя пулями: въ грудь, плечо и лѣвую ногу, почти замертво былъ вынесенъ съ поля сраженія. Подвигъ Альбрандта, по особому ходатайству, былъ награжденъ зачисленіемъ его на военную службу прямо чиномъ штабсъ-ротмистра (18-го ноября 1832 г.). Едва раны его зажили, какъ онъ снова явился въ рядахъ войскъ и въ періодъ 1834—36 гг. принялъ участіе во многихъ дѣлахъ экспедицій на правомъ флангѣ и, между прочимъ, при движеніи къ вершинамъ Лабы, при пораженіи закубанскихъ горцевъ у вершины Малаго Зеленчука, въ Касаутскомъ ущеліи и др. Экспедиція 1837 г., лично предпринятая барономъ Розеномъ съ цѣлью возведенія по Черноморскому побережью ряда укрѣпленій, дала Альбрандту возможность новыхъ отличій; состоя при Розенѣ въ качествѣ дежурнаго штабсъ-офицера, онъ, тѣмъ не менѣе, находилъ случаи не выходить изъ передовыхъ линій. Бой 30-го апрѣля съ цебельдинцами у подошвы горы Агишь, дѣло 5-го мая при спускѣ съ послѣдней, штурмъ заваловъ у д. Антопырь 11-го мая,—все это связано съ ближайшимъ и мужественнымъ участіемъ Альбрандта. Но особеннымъ подвигомъ его явилось дѣло при занятіи 7-го іюня мыса Адлера; командуя здѣсь передовою линіею охотниковъ, онъ, благодаря неосторожному увлеченію, ввязался въ неравный лѣсной бой съ горцами и, выдержавъ его въ теченіи 5 часовъ, вернулся въ лагерь только съ 80 человѣками; въ числѣ убитыхъ былъ, между прочимъ, извѣстный Бестужевъ-Марлинскій. Дѣйствіями 9—15 мая противъ горцевъ, Альбрандтъ закончилъ свое участіе въ экспедиціи 1837 г. и въ іюнѣ слѣдующаго года выѣхалъ въ Персію по важному порученію, относившемуся къ вопросу объ обратномъ возвращеніи въ Россію всѣхъ бѣглецовъ и дезертировъ, вмѣстѣ съ составленнымъ изъ нихъ особымъ батальономъ „богатырей“ персидской арміи. Выполненіе подобнаго порученія являлось дѣломъ не легкимъ, и только благодаря обычной своей находчивости Альбрандтъ поборолъ нежеланіе перебѣжчиковъ вернуться на родину, и 5-го марта 1839 г. привелъ ихъ въ Тифлисъ въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, за что 24-го марта, между другими отличіями, былъ награжденъ чиномъ подполковника. Вскорѣ затѣмъ, Альбрандтъ снова находился въ рядахъ дѣйствовавшихъ войскъ, оперировавшихъ по р. Самуру противъ Шамиля, причемъ новыя отличія при штурмѣ Аджіахурскихъ высотъ доставили ему чинъ полковника. Въ экспедиціи слѣдующаго, 1840 г., при заселеніи пространства между Кубанью и Лабою, Альбрандтъ состоялъ въ званіи походнаго начальника штаба въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Засса, а по отъѣздѣ послѣдняго въ Ставрополь, командовалъ всѣмъ отрядомъ. Разстроенное здоровье понудило его, однако, оставить Кавказъ и выѣхать заграницу; по возвращеніи оттуда въ Петербургъ, онъ сначала былъ прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку, а въ февралѣ 1841 г. назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ

корпусъ путей сообщенія, гдѣ два раза исправлялъ должность начальника штаба. Вскорѣ, однако, Альбрандтъ вернулся на Кавказъ и принялъ дѣятельное участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ Даргинскаго похода 1845 г., въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера при главномъ чеченскомъ отрядѣ. Взятіе съ боя позиціи Азалъ (14-го іюня) и штурмъ заваловъ крутой возвышенности у д. Урдали (14-го іюля) явились особеннымъ отличіемъ въ ряду другихъ подвиговъ Альбрандта, причемъ послѣднее дѣло обошлось герою очень дорого,—тяжело раненый пулею въ правую руку, онъ долженъ былъ совершенно лишиться ея. Тѣмъ не менѣе, уже лѣтомъ 1846 г. онъ участвовалъ, въ качествѣ отряднаго начальника штаба, въ экспедиціи, сопровождавшей возведеніе Ачхаевскаго укрѣпленія, за что 9-го февраля 1847 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, и вскорѣ затѣмъ (24-го февраля) назначенъ начальникомъ 2 отдѣленія Черноморской береговой линіи. Здѣсь Альбрандтъ прославился новыми подвигами на поприщѣ человѣколюбиваго мужества и самоотверженности въ борьбѣ съ охватившею край эпидеміею холеры, и ему же послѣдній былъ обязанъ упроченіемъ мирныхъ связей съ дикими племенами горцевъ. Но непосильная дѣятельность сильно отозвалась на слабомъ здоровьѣ Альбрандта. Предстоявшая операція вылущиванія кости изъ оставшейся части ампутированной руки понудила его осенью того же года выѣхать въ Петербургъ, гдѣ вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ новое назначеніе — комендантомъ въ Шлиссельбургъ. На Кавказъ вернулся Альбрандтъ только въ исходѣ 1849 г., получивъ предложеніе занять постъ Эриванскаго военнаго губернатора, но въ этой послѣдней должности онъ состоялъ лишь нѣсколько недѣль.

Ханыковъ «Очеркъ служебной дѣятельности генерала Альбрандта». Тифлисъ 1850 г.—«Русскій Художественный Листокъ» В. Тимма, 1851 г. № 12.
Д. С—въ.

Альбрандтъ, *Петръ Львовичъ*, инженеръ-генералъ-маіоръ, братъ предыдущаго, род. въ 1810 г., ум. въ 1864 г. Окончивъ курсъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, въ 1826 г. онъ поступилъ на службу подпрапорщикомъ въ I-е отдѣленіе IV округа, гдѣ, по полученіи черезъ два года чина прапорщика, оставался до 1833 г., выполнивъ рядъ порученій: по производству съемки и нивеллировки пространства отъ Ольвіополя до Одессы, намѣченнаго для проведенія канала изъ р. Буга; по разработкѣ проекта каменной береговой плотины у р. Днѣпра и др. Дѣятельность Альбрандта, съ переводомъ его въ 1833 г. въ распоряженіе новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, получила еще большее развитіе: имъ, между прочимъ, были составлены проекты по переустройству водопроводовъ Ѳеодосіи и улучшенію судоходства по Днѣпру; проектировано особаго типа судно для плаванія чрезъ Днѣпровскіе пороги; устроены наплавные мосты по р. Пруту для движенія войскъ и составлено геологическое описаніе различныхъ мѣстностей Херсонской губерніи. Получивъ въ 1855 г. въ управленіе VIII округъ путей сообщенія, капитанъ Альбрандтъ принялъ участіе въ дѣлахъ противъ непріятеля въ Азіатской Турціи; въ августѣ того же года произведенъ въ полковники и въ 1859 г.—въ генералъ-маіоры. Въ должности начальника Кавказскаго округа онъ много работалъ надъ изысканіями по переустройству военно-грузинской дороги. Въ библіотекѣ института хранятся двѣ его рукописи: „Историческое обозрѣніе работъ по военно-грузинской дорогѣ“ и „Пояснительная записка по проекту дороги между Квишетомъ и Каби чрезъ перевалъ Кавказскихъ горъ».

Формулярный списокъ, хран. въ гл. арх. Минист. Пут. Сообщ.; С. Житковъ «Біографіи инженеровъ путей сообщенія», Спб. 1889 г., стр. 7—9.

Альбрехтъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 3-го ноября 1788 г., въ Петербургѣ, ум. 15-го августа 1828 г., въ Варшавѣ, сынъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка полковника Ивана Львовича Альбрехта. Дѣдъ его, Людвигъ фонъ-Альбрехтъ, былъ вызванъ на русскую службу изъ Пруссіи Я. В. Брюсомъ въ царствованіе Петра Великаго и долго съ честью служилъ въ рядахъ Преображенскаго полка, съ которымъ принялъ участіе во многихъ походахъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ, будучи пожалованъ чиномъ генералъ-маіора, имѣлъ въ командованіи особый отрядъ, начальствуя которымъ много содѣйствовалъ фельдмаршалу Ласси въ пораженіи шведовъ при Вильманстрандѣ 23-го августа 1741 г., и въ этомъ сраженіи

лишился ноги, что ускорило его кончину. Внукъ его началъ службу колоновожатымъ квартирмейстерской части, откуда въ 1803 г. перешелъ въ Кавалергадскій полкъ и здѣсь въ слѣдующемъ году произведенъ въ корнеты. Выступивъ съ полкомъ въ кампанію 1805 г., Альбрехтъ явился ближайшимъ участникомъ Аустерлицкой битвы и едва не погибъ въ ней, получивъ золотое оружіе за храбрость цѣною многихъ тяжелыхъ ранъ; тѣмъ не менѣе, въ походѣ 1807 г. онъ снова является въ рядахъ Кавалергардскаго полка. Переведенный, въ декабрѣ 1809 г., л.-гв. въ драгунскій полкъ, Альбрехтъ два года спустя былъ уже въ чинѣ полковника, и съ началомъ Отечественной войны принялъ командованіе надъ сводпымъ гвардейскимъ кавалерійскимъ полкомъ, составившимся изъ запасныхъ эскадроновъ. Съ нимъ, въ отрядѣ князя Репнина, онъ находился при арміи графа Витгенштейна, расположенной за Двиною для прикрытія отъ непріятельскаго движенія дороги на Петербургъ, причемъ участвовалъ въ сраженіяхъ: подъ Клястицами (20-го іюля), при Свольнѣ (30-го іюля) и 6-го августа подъ Полоцкомъ. Отличившись вслѣдъ затѣмъ въ дѣлѣ 15-го сентября, когда, благодаря смѣлому поиску за Двину, захватилъ въ плѣнъ французскій отрядъ, засѣвшій въ с. Бельманъ, Альбрехтъ оказалъ особенную услугу въ новой битвѣ подъ Полоцкомъ 6-го октября. Здѣсь, въ одинъ изъ моментовъ боя, когда неосторожно увлекшійся графъ Витгенштейнъ едва не былъ захваченъ, вмѣстѣ съ охранявшимъ его небольшимъ конвоемъ, въ плѣнъ, Альбрехтъ явился его спасителемъ, опрокинувъ непріятельскій отрядъ лихою аттакою двухъ эскадроновъ своего полка; вслѣдъ затѣмъ онъ выручилъ захваченную непріятелемъ батарею и при концѣ боя способствовалъ пораженію войскъ Сенъ-Сира и прогнанію ихъ, по взятіи приступомъ Полоцка, за Двину. Въ этомъ дѣлѣ, доставившемъ Альбрехту георгіевскій крестъ 4-го класса, подъ нимъ были убиты двѣ лошади и самъ онъ получилъ рану въ лѣвую руку. Слѣдующую награду—орденъ св. Владиміра 3 степ.—заслужилъ онъ мужественнымъ отличіемъ въ авангардномъ дѣлѣ при д. Селици (13-го октября), захвативъ, между прочимъ, многочисленный обозъ отступавшаго непріятеля, послѣ чего дѣятельное участіе его въ отраженіи войскъ Виктора и Удино, аттаковавшихъ при д. Смолянцахъ (12-го ноября) нашъ аррьергардъ—доставило Альбрехту новую награду, алмазные знаки ордена св. Анны 2 степ. Раздѣливъ славу пораженія войсками Витгенштейна дивизіи Партуно у Стараго Быхова (15-го ноября) и кровопролитнаго сраженія на другой день при Студянкѣ съ дивизіею Жирара, доставившихъ ему вторично золотую шпагу съ надписью „за храбрость", Альбрехтъ находился при дальнѣйшемъ преслѣдованіи остатковъ французской арміи и закончилъ свое участіе въ войнѣ 1812 г. вступленіемъ въ г. Мемель вмѣстѣ съ отрядомъ генералъ-адъютанта маркиза Паулуччи. По расформированіи своднаго гвардейскаго кавалерійскаго полка, Альбрехтъ по прежнему вернулся эскадроннымъ командиромъ въ л.-гв. драгунскій полкъ и въ рядахъ его выступилъ въ походъ 1813 г., за освобожденіе Германіи. Находясь въ дѣлѣ подъ Люценомъ 20-го апрѣля и вслѣдъ затѣмъ 9-го мая въ Бауценскомъ сраженіи, онъ въ послѣднемъ получилъ серьезную рану осколкомъ гранаты въ бокъ, что понудило его покинуть на время армію; вернувшись же въ послѣднюю 20 го августа, онъ засталъ полкъ только-что вышедшимъ изъ Кульмской битвы и, семь недѣль спустя, раздѣлилъ съ нимъ участіе въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ (4-го—6-го октября) и въ дѣлѣ между Экартсбергою и Буттельштедтомъ (11-го октября), а потомъ находился при преслѣдованіи французской арміи до береговъ Рейна. Въ кампанію 1814 г., принимая дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, Альбрехтъ особенно отличился въ сраженіи 13-го марта при Ферѣ-Шампенуазѣ, за которое былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и иностранными орденами: прусскимъ—„за заслуги" и баварскимъ — Максимиліана Іосифа. Этимъ сраженіемъ окончилось боевое поприще Альбрехта; по возвращеніи въ Россію, онъ получилъ назначеніе состоять при Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, въ декабрѣ 1817 г. назначенъ командиромъ л.-гв. уланскаго полка и, не переставая командовать послѣднимъ, назначенъ въ сентябрѣ 1823 г. начальникомъ гвардейской кавалерійской дивизіи резервнаго корпуса. Произведенный 22-го августа 1826 г. въ генералъ-лейтенанты, Альбрехтъ послѣ долгой и мучительной болѣзни

(послѣдствіе раны) скончался въ Варшавѣ.

«Императоръ Александръ I и его сподвижники», Спб., 1848—49 г., т. VI. *Д. С—въ.*

Альбрехтъ, *Каролина*, рожденная *Горціанъ*, талантливѣйшая актриса нѣмецкаго театра въ Петербургѣ и авторъ „Мемуаровъ" род. въ Мемелѣ 1802 г., ум. въ С.-Петербургѣ 3-го февраля 1875 г. Она была дочерью антрепренера странствующей театральной труппы и еще въ дѣтствѣ освоилась со сценою, въ 19-ть лѣтъ прекрасно играя роли первыхъ любовницъ, въ Ревелѣ и Ригѣ (1821—1827 г.). Пріѣхавъ изъ Риги, въ Петербургъ, Каролина Горціанъ, въ 1830 г. вышла замужъ за молодого доктора Альбрехта и оставила сцену. Но въ холеру 1831 г. мужъ ея сдѣлался жертвою народной ярости, во-время извѣстныхъ безпорядковъ въ столицѣ. Овдовѣвъ, Каролина Альбрехтъ поступила на сцену, и не оставляла театральной службы до смерти. Она была неподражаема въ роляхъ „комическихъ старухъ". Одно́ю изъ послѣднихъ ролей обширнаго репертуара Каролины Альбрехтъ была роль старушки Барбель, въ пьесѣ „Dorf und Stadt". За недѣлю до смерти Альбрехтъ играла въ пьесѣ „Robert und Bertram".

«Иллюстриров. Недѣля» 1875 г., № 7.—«Всемірная Иллюстрація», т. XIII, 1875 г., стр. 235 и 239, гдѣ помѣщенъ портретъ ея.

Альбрехтъ, *Иванъ*, усерднѣйшій слуга Бирона и фискалъ его, продолжавшій оказывать подобныя же услуги послѣ ареста перваго своего покровителя, правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Въ интересахъ ея безопасности, Альбрехтъ — тогда уже генералъ-маіоръ—учредилъ наблюденіе за всѣми лицами, посѣщавшими домъ Цесаревны Елисаветы Петровны, въ томъ числѣ за Лестокомъ и Шетарди. Собранныя имъ и переданныя правительницѣ свѣдѣнія, вызвали ее на объясненіе съ Елизаветою Петровною, ускорившее, какъ извѣстно, развязку событія въ ночь на 25-е ноября 1741 го́да. При арестѣ принцессы Анны Леопольдовны былъ заключенъ подъ стражу и Иванъ Альбрехтъ и съ другими ея сторонниками сосланы. Годы рожденія его и смерти неизвѣстны.

П. Пекарскій, «Маркизъ де-ла-Шетарди», стр. 291) *Д. С—въ.*

Альбрехтъ, *Карлъ Францовичъ*, род. 27-го августа 1807 г., въ Познани, ум. 24-го февраля 1863 г., въ Гатчинѣ. Музыкальное образованіе свое завершилъ подъ руководствомъ Іосифа Шнабеля, у котораго прошелъ курсъ гармоніи и контрапункта; кромѣ того, въ Бреславлѣ обучался игрѣ на всѣхъ струнныхъ и духовыхъ инструментахъ. Въ 1825 г. поступилъ первымъ скрипачемъ въ бреславльскій театральный оркестръ, въ 1835—былъ приглашенъ репетиторомъ хора въ дюссельдорфскій театръ, затѣмъ нѣкоторое время состоялъ самостоятельнымъ дирижеромъ оперной труппы, путешествовавшей по Германіи, и, наконецъ, въ 1838 г. переселился съ семействомъ въ Петербургъ. Здѣсь былъ сначала капельмейстеромъ драматическаго театра, затѣмъ нѣмецкой оперы, а послѣ смерти Кавоса, въ 1840 г. назначенъ капельмейстеромъ русской оперы. Въ своихъ „Запискахъ" М. И. Глинка, между прочимъ, говоритъ: „10-го августа 1842 г. была первая квартетная проба новой моей оперы („Руслана и Людмилы") у матушки на квартирѣ. Участвовали: *1-я скрипка*—Месъ и *Альбрехтъ, замѣнившій старика Кавоса, который умеръ*, 2-я скрипка—Вейцманнъ, альтъ—*, віолончель—Шубертъ и контрбасъ—Мемель". На первомъ представленіи „Руслана и Людмилы", состоявшемся 27-го ноября 1842 г., дирижировалъ оркестромъ Альбрехтъ, о которомъ Глинка вообще отзывался съ большимъ уваженіемъ и не пренебрегалъ его совѣтами относительно инструментовки своей оперы. Пользуясь извѣстностью талантливаго капельмейстера, Альбрехтъ дирижировалъ въ сороковыхъ годахъ симфоническими концертами филармоническаго общества (1845 г.), придворной пѣвческой капеллы и другими. Оставивъ въ 1850 г. русскую оперу, онъ занималъ до самой смерти мѣсто преподавателя музыки и пѣнія въ Гатчинскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Композиторская дѣятельность Альбрехта не особенно плодовита и завершилась 1825 годомъ, когда имъ были написаны: три струнные квартета, месса и музыка къ балету „Горный духъ".

«Русская Старина» 1870 г., октябрь, стр. 386 и 389 («Записки М. И. Глинки»). — А. И. Рубецъ, «Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей», 1886 г., стр. 1—2. — П. Д. Перепелицынъ, «Исторія музыки въ Россіи», стр. 147.

Альбрехтъ, *Фридрихъ - Вильгельмъ*, род. 1-го января 1800 г. въ Ченсто-

ховѣ, ум. 31-го марта 1871 г. Воспитывался до 1820 г. въ горномъ училищѣ въ Кенигсгитте, въ верхней Силезіи, затѣмъ кончилъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ по медицинскому факультету и защитилъ въ 1825 г. докторскую диссертацію „De diagnosi esthonicae leprae cutaneae". Послѣ этого Альбрехтъ былъ назначенъ сперва уѣзднымъ врачемъ въ Юхновѣ, Смоленской губерніи, затѣмъ, въ 1827 г., — врачемъ при городскомъ госпиталѣ въ Одессѣ, и, наконецъ, въ 1838 г.—профессоромъ терапіи въ Харьковскомъ университетѣ.

Альмедингенъ, *Елизавета Николаевна*, род. 18-го сентября 1853 г., ум. 20-го января 1887 г., въ С.-Петербургѣ. По окончаніи курса въ Нижегородской женской гимназіи, занималась преподаваніемъ русскаго языка и исторіи, а также литературою, будучи постоянною сотрудницею дѣтскихъ журналовъ „Воспитаніе и Обученіе", „Задушевное Слово" и „Родникъ" и помѣщая въ 1883—1887 годахъ корреспонденціи изъ Нижняго-Новгорода въ газетѣ „Новости". Въ „Воспитаніи и обученіи" было напечатано въ 1882 г.: „Изъ воспоминаній дѣтства"; въ „Родникѣ" въ 1886 г. повѣсть: „Исторія маленькой швеи"; въ „Задушевномъ Словѣ" въ 1883 г.: стихотворенія „По Волгѣ" и „Проказы лѣшаго" и „Очеркъ изъ сибирской жизни"; отдѣльно появились: „И. П. Кулибинъ, русскій механикъ-самоучка", въ 1882 г., и „Ѳ. П. Слѣпушкинъ", разсказъ, въ 1885 г. Послѣ смерти Альмедингенъ были напечатаны въ 8—10 книжкахъ „Нови" за 1888 г. ея картинки семейной жизни: „Ошиблись".

«Истор. Вѣстникъ» 1887 г., кн. 3, стр. 722.— Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», в. VII, стр. 3—4.

Альтести, *Андрей Францевичъ (Ивановичъ)*, грекъ по происхожденію, род. въ гор. Рагузѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, ум. послѣ 1840 года, заграницею. Въ 80-хъ годахъ онъ былъ въ Константинополѣ, гдѣ служилъ въ купеческой конторѣ. Здѣсь онъ сталъ какимъ-то образомъ извѣстенъ русскому посланнику при турецкомъ дворѣ Булгакову, который, замѣтивъ способности Альтести, взялъ его для занятій въ своей канцеляріи. Умный и ловкій человѣкъ, хорошо знавшій много языковъ, прекрасно владѣвшій перомъ, Альтести скоро выдвинулся изъ толпы простыхъ канцеляристовъ и сталъ довѣреннымъ лицомъ Булгакова, который даже представилъ его Императрицѣ Екатеринѣ во время пребыванія ея въ Херсонѣ въ 1787 г. Въ слѣдующемъ году произошелъ разрывъ Россіи съ Турціей, Булгаковъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, а Альтести уѣхалъ въ Петербургъ. Есть извѣстія, что онъ былъ однимъ изъ лицъ, ускорившихъ этотъ разрывъ: его обвиняли въ продажѣ нѣкоторыхъ секретныхъ бумагъ Булгакова. Во всякомъ случаѣ, съ этихъ поръ всякія сношенія Альтести съ Булгаковымъ прекращаются. Заручившись еще въ Константинополѣ рекомендательнымъ письмомъ Шуазеля къ графу Сегюру, французскому посланнику при русскомъ Дворѣ, Альтести пріѣхалъ въ Петербургъ въ маѣ 1788 г., съумѣлъ очаровать Сегюра своимъ кажущимся простодушіемъ, почтительностью и лестными отзывами о поведеніи французской дипломатіи въ Константинополѣ. Благодаря поддержкѣ Сегюра и Маркова, Альтести былъ представленъ и рекомендованъ князю Безбородко, который для опыта приказалъ ему написать какую-нибудь записку, чтобы показать свои способности Императрицѣ. Еще раньше Альтести написалъ записку объ итальянскихъ портахъ, въ которыхъ могъ бы стоять русскій флотъ, а теперь, по совѣту Сегюра, онъ составилъ подробный разсказъ обо всемъ, что при немъ происходило въ Константинополѣ, и о всѣхъ средствахъ, которыя употреблены были иностранными дипломатами для побужденія Порты къ разрыву съ Россіей. Записка понравилась Императрицѣ, и Альтести почувствовалъ подъ ногами твердую почву. Замѣтивъ возраставшее вліяніе Платона Зубова, Альтести поспѣшилъ примкнуть къ его партіи, сдѣлался его секретаремъ, а черезъ него попалъ и въ секретари самой Императрицы. Черезъ его руки стали проходить самыя важныя дѣла, онъ узналъ много серьезныхъ секретовъ. Въ то же время Альтести написалъ французскую брошюру противъ польскаго короля и революціонеровъ. Этотъ ѣдкій памфлетъ понравился при Дворѣ и еще болѣе упрочилъ положеніе автора. Во время второго раздѣла Польши всѣ польскія дѣла находились въ рукахъ Альтести и ему поручено было

составлять списки осужденныхъ въ ссылку конфедератовъ. Императрица осыпала Альтести милостями: пожаловала въ Брацлавской губерніи староство Литинецкое съ 535 душами (2-го сентября 1793 г.), 800 рублей пожизненной пенсіи, великолѣпное помѣстье въ Таврической губерніи, чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-ой степени. Значеніе Альтести возрасло настолько, что самые выдающіеся люди того времени, въ томъ числѣ и Суворовъ, искали его расположенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и его кичливость: Альтести сталъ высокомѣрно обращаться со знатью, являлся на большіе балы въ небрежномъ костюмѣ и такимъ образомъ вооружилъ противъ себя очень многихъ. Великій князь Александръ Павловичъ отзывался о немъ очень неодобрительно, а Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ С. Р. Воронцову, что Альтести „человѣкъ, несомнѣнно заслуживающій висѣлицы". Наконецъ, какая-то крупная кража, совершенная Альтести, и оскорбленіе, нанесенное имъ графу Головину, заставили Екатерину выслать его изъ столицы въ его помѣстья (въ ноябрѣ 1793 г.). Но Альтести зналъ слишкомъ много и могъ своей нескромностью нанести много вреда, такъ что Зубовъ поспѣшилъ выхлопотать ему прощеніе, и за нѣсколько дней до кончины Императрицы онъ едва снова не былъ опредѣленъ на должность. Смерть Екатерины и паденіе Зубова положили конецъ карьерѣ Альтести: однимъ изъ первыхъ указовъ Павла было повелѣніе выслать Альтести въ 24 часа изъ Петербурга (10-го ноября 1796 г.) и заключить его въ Кіево-Печерскую крѣпость, откуда онъ былъ освобожденъ 15-го марта 1801 г. Александромъ I. Вслѣдъ затѣмъ Альтести уѣхалъ заграницу и жилъ въ Италіи еще въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

«Записки графа Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II», стр. 331—332.—«Платонъ Зубовъ» (статья въ «Русской Старинѣ» 1876 г.). т. XVII, стр. 51, 455—456, 710.—Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову (въ VIII т. Воронцовскаго Архива), стр. 53, 86 (переводъ этихъ писемъ помѣщенъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1876 г. т. I, стр. 91, 112).—Письма Екатерины II, въ «Русскомъ Архивѣ», 1873 г., стр. 2304.—Переписка Суворова и Рибаса, тамъ же, 1866, стр. 976 и 1025.—«Записки одного изъ русскихъ воспитателей Александра I», тамъ же, 1866, стр. 109.—Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», т. I, стр. 254.—Полное собраніе законовъ, томъ XXVI, стр. 586.

Альфонскій, *Аркадій Алексѣевичъ*, ректоръ Московскаго университета, заслуженный профессоръ, докторъ медицины и хирургіи, тайный совѣтникъ, род. въ Вологдѣ 8-го февраля 1796 г., ум. въ Москвѣ 4-го января 1869 г. Альфонскому не было еще и четырехъ лѣтъ, когда скончался его отецъ, въ свое время извѣстный врачъ. Привезенный вскорѣ послѣ смерти отца въ Москву Альфонскій былъ опредѣленъ матерью въ славившееся тогда училище при лютеранской церкви. 10-го августа 1810 г. онъ поступилъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ, гдѣ въ 1817 году окончилъ курсъ докторантомъ, въ томъ же году защитилъ диссертацію на степень доктора медицины „de Keratonyxide" и былъ оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ хирургіи. Въ 1819 г. Альфонскій назначенъ адъюнктомъ, въ 1823 — экстраординарнымъ, а въ 1829 году—ординарнымъ профессоромъ; 8 лѣтъ онъ состоялъ, по выбору, деканомъ медицинскаго факультета, 4 года проректоромъ и 6 лѣтъ (съ 1842 по 1848 г.) ректоромъ университета. Въ 1848 г. Альфонскій вышелъ въ отставку со званіемъ заслуженнаго профессора, причемъ былъ выбранъ совѣтомъ въ почетные члены университета. Съ отмѣною выборнаго ректорства, послѣдовавшею въ 1849 г., Альфонскій по назначенію отъ правительства, въ 1850 г., снова занялъ должность ректора и состоялъ въ ней до 1863 г. Ученые труды Альфонскаго немногочисленны. Изъ нихъ, кромѣ упомянутой диссертаціи, извѣстно еще научное сообщеніе, сдѣланное имъ 27-го іюня 1827 г. въ торжественномъ собраніи университета: „De localibus morborum causis, quae sic dictam constitutionem climaticam spectant, et de diverso morborum charactere exinde oriundo". Взгляды, высказанные въ этомъ сообщеніи, указываютъ на основательное знакомство Альфонскаго съ современною ему медицинскою литературою, а нѣкоторыя изъ его мнѣній о причинахъ мѣстнаго заболѣванія и теперь еще не потеряли своего научнаго значенія. Онъ былъ отличный хирургъ и пользовался огромною извѣстностью, какъ весьма искусный операторъ, въ особенности, въ хирургической области камнесѣченія. Врачебная дѣятельность Альфонскаго была направлена

на безкорыстное служеніе бѣднымъ, и началась тотчасъ по окончаніи курса въ университетѣ. Поступивъ на службу въ московскую больницу для бѣдныхъ (впослѣдствіи Маріинскую), онъ въ 1830 г. занялъ должность главнаго врача Императорскаго Воспитательнаго дома, въ которомъ продолжалъ служить и по выходѣ изъ университета. Альфонскій состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и въ отсутствіи попечителя Московскаго учебнаго округа нѣсколько разъ исполнялъ его обязанности.

«Біографическій словарь проф. и препод. Имп. моск. унив.» ч. I, стр. 1—3; Richter, Gesch. d. Medizin in Russland, т. III, стр. 415; А. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I; Геннади, «Справочный словарь», т. I, стр. 20; С. А. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь» т. I, стр. 472—474. Некрологи: въ «Моск. Вѣд.» 1869, №№ 5—6; «Моск. Унив. Изв.» 1869, № 1; «Ж. М. Н. Пр.» 1869, № 1; Григ. Панина въ «Чтеніяхъ», 1870, № 4.
Л. В.

Алябьевы, московскіе дворяне, выслужившіеся изъ дьячества; изъ нихъ замѣчательны слѣдующіе:

1) *Андрей Семеновичъ*, нижегородскій воевода. Несмотря на увѣщанія тушинскаго вора, крѣпко держался царя Василія Ивановича Шуйскаго. 2-го декабря 1608 г. воровскія шайки двинулись изъ Балахны подъ Нижній; Алябьевъ дважды разбилъ ихъ и заставилъ Балахну цѣловать крестъ Шуйскому, а вождя бунтовщиковъ, Тимоху Таскаева, повѣсилъ въ Нижнемъ. Черезъ три дня онъ уничтожилъ другую шайку, подступившую подъ Нижній, а затѣмъ пошелъ усмирять возмутившихся жителей Ворсмы и Павлова, разбилъ одну часть ихъ въ 5-ти верстахъ отъ Ворсмы, разграбилъ и сжегъ самое село, обратилъ въ бѣгство остальныхъ подъ Павловымъ и принудилъ всѣ окрестныя села отстать отъ воровства. Затѣмъ, когда суздальскій сынъ боярскій Степанъ Сурвоцкій возмутилъ противъ царя стародубскія села, Алябьевъ посадилъ его въ тюрьму, а стародубцамъ послалъ грамоту, въ которой увѣщевалъ ихъ смириться, угрожая въ противномъ случаѣ судьбой Балахны и Ворсмы. 7-го января 1609 г. Алябьевъ еще разъ разбилъ подступившихъ подъ Нижній тушинцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя Тимоѳея Лазарева, а остальныхъ, съ княземъ Семеномъ Вяземскимъ во главѣ, заставилъ бѣжать. Успокоивъ, такимъ образомъ, нижегородскій край, Алябьевъ двинулся противъ бунтовщиковъ, засѣвшихъ въ Муромѣ и Владимірѣ; Муромъ смирилъ лично, а во Владиміръ послалъ стрѣлецкихъ головъ, которые и взяли городъ. 27-го мая 1609 г. царь послалъ Алябьеву похвальную грамоту, въ которой благодарилъ за всѣ службы и велѣлъ ему самому двинуться во Владиміръ, а оттуда поспѣшить къ Троицкому монастырю, осажденному тушинцами. 30 го августа 1611 г. Алябьевъ послалъ грамоту казанцамъ, увѣщевая ихъ не признавать царемъ сына Марины Мнишекъ. Дальнѣйшая служба его неизвѣстна.

2) *Григорій Андреевичъ* въ 1622 году назначенъ воеводой въ Путивль, въ 1624 переведенъ въ Вязьму, въ 1627 — въ Пелымъ, въ 1631 былъ посломъ въ Нидерландахъ, а въ 1633 г., вмѣстѣ съ Бутурлинымъ, назначенъ воеводою для похода противъ поляковъ въ Сѣверную область.

3) *Иванъ Ивановичъ* въ 1649 г. назначенъ съ княземъ Андреемъ Щетининымъ воеводою на Терекъ, причемъ имъ было приказано о вѣстяхъ и о всякихъ дѣлахъ писать государю «почасту». Такъ какъ они этого распоряженія не исполнили, то въ іюнѣ 1650 г. приказано было Терскій городокъ и терскихъ воеводъ и служилыхъ людей вѣдать астраханскимъ воеводамъ. Въ маѣ 1651 года терскіе воеводы, по царскому указу, выбрали удобное мѣсто на рѣкѣ Сунжѣ и поставили тамъ острогъ, а въ іюнѣ того же года съ Терека былъ посланъ сильный военный отрядъ проводить до Болхаръ царскаго посланника Толочанова, ѣхавшаго въ Грузію. Въ то же время вышло недоразумѣніе съ Кумыцкими владѣтелями, которые давали въ аманаты дѣтей не отъ „прямыхъ“ женъ и плохо держали свои обѣщанія. Для разъясненія этого вопроса изъ Астрахани былъ посланъ Никифоръ Волковъ. При Алябьевѣ же былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ бы упорядочить кавказское винодѣліе, чтобы отъ него была прибыль царской казнѣ, но рѣшенія этого вопроса Алябьевъ не дождался, такъ какъ въ концѣ 1651 года уѣхалъ въ Москву и былъ назначенъ стольникомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

4) *Савва Михайловичъ* въ 1537 г. посланъ былъ гонцомъ въ Польшу, чтобы выхлопотать „опасную грамоту“ для проѣзда русскаго посольства къ императору Карлу V.

5) *Ѳедоръ Андреевичъ* въ 1633 г. былъ воеводой въ Галичѣ, въ 1644 ѣздилъ съ цар-

скою казною на Донъ, а съ 1648 по 1651 г. завѣдывалъ приказомъ каменныхъ дѣлъ.

«Россійская родословная книга», издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ, часть VI, стр. 239. — Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, Иванова, стр. 7.—«Акты историческіе», т. II, 137, 141, 155, 264—266; III, 319; IV, 136, 157, 159, 160, 178.—«Дополненія къ актамъ историческимъ», т. III, 250.—«Акты археографической экспедиціи», т. II, 204, 234, 333; III, 324—327.—«Воронежскіе акты», кн. III, стр. 106.

Алябьевъ, *Александръ Александровичъ*, род. въ Москвѣ, 30-го августа 1802 г., ум. тамъ же въ 1852 г. и похороненъ въ Симоновомъ монастырѣ. Послѣ хорошей домашней подготовки, Алябьевъ воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а затѣмъ поступилъ въ военную службу. Какія-то непріятности заставили его въ двадцатыхъ годахъ выйти въ отставку, а въ тридцатыхъ—провести нѣкоторое время въ ссылкѣ въ Тобольскѣ. Таковы скудныя біографическія свѣдѣнія объ Алябьевѣ, композиторская дѣятельность котораго въ исторіи русской музыки имѣетъ несомнѣнное значеніе, несмотря на дилетантскій характеръ. Хотя эта дѣятельность болѣе извѣстна, чѣмъ жизнь Алябьева, тѣмъ не менѣе, отдѣльные эпизоды ея разсказываются біографами неодинаково. Большинство изъ нихъ (Перепелицынъ въ своей „Исторіи музыки въ Россіи", Рубецъ въ „Біографическомъ лексиконѣ русскихъ композиторовъ", Энциклопедическіе словари Березина и Брокгауза-Ефрона) повторяютъ, перефразируя, біографію Алябьева, написанную А. Н. Сѣровымъ въ „Энцикл. Слов., состав. рус. учен. и литер.", тогда какъ имѣются свѣдѣнія, сообщаемыя въ „Лѣтописи, русскаго театра" П. Арапова, которому, какъ современнику Алябьева, можно больше довѣрять. Вслѣдъ за Сѣровымъ большинство ошибочно повторяетъ, что, „увлекшись громаднымъ успѣхомъ оперы А. Н. Верстовскаго „Аскольдова могила", Алябьевъ написалъ большую четырехактную оперу „Лунная ночь", которая упала съ перваго представленія и, по возобновленіи, также не имѣла успѣха". Въ этихъ словахъ, если признать достовѣрность свидѣтельства Арапова, нѣтъ ни іоты правды. „Аскольдова могила" была дана въ первый разъ въ Москвѣ, 15-го сентября 1835 г., а въ Петербургѣ—27-го августа 1841 года. Между тѣмъ, для *двухактной* комической оперы Алябьева „Лунная ночь или домовые" Араповъ съ П. А. Мухановымъ написали либретто и она была поставлена *съ большимъ успѣхомъ 19-го іюня 1822 года*, въ бенефисъ Сандуновой. По словамъ Арапова, это былъ *первый* дебютъ Алябьева на музыкальномъ поприщѣ. „Музыка этой оперы,—говоритъ лѣтописецъ нашего театра,—замѣчательна, въ особенности увертюра и дуэтъ: „Такъ поцѣлуй въ любви залогъ!", который пѣлъ Самойловъ съ Ивановой, также романсъ, арія и хоры. Капельмейстеръ Кавосъ отдавалъ справедливость мастерской оркестровкѣ молодого композитора". Въ 1824 г., въ бенефисъ танцовщицы Истоминой (8-го января) былъ поставленъ передѣланный Араповымъ французскій водевиль: „Путешествующая танцовщица актриса, или три сестры невѣсты", для котораго Алябьевъ написалъ увертюру и музыку. Въ слѣдующемъ году, онъ, вмѣстѣ съ Шольцомъ и Верстовскимъ, написалъ музыку къ трехактной оперѣ-водевилю Писарева: „Забавы Калифа, или шутки на однѣ сутки". Насколько достовѣрно утвержденіе Сѣрова, что Алябьевъ написалъ также музыку къ опереткѣ Загоскина „Деревенскій философъ", что онъ началъ, но не окончилъ оперу „Аммалатъ-Бекъ", что, наконецъ, сочинялъ музыку къ другимъ водевилямъ въ сотрудничествѣ съ Верстовскимъ, А. Мауреромъ и графомъ М. Ю. Віельгорскимъ,—неизвѣстно. Извѣстно только, что Алябьевъ много писалъ романсовъ и былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій духовной и полковой музыки. Романсы составили славу Алябьева и перешли въ потомство. Изъ романсовъ особенную популярность пріобрѣлъ „Соловей", неоднократно исполнявшійся Віардо Гарсіа и Патти въ сценѣ вокальнаго урока въ оперѣ „Севильскій Цирюльникъ" и въ концертахъ; эффектное переложеніе этого романса для фортепіано сдѣлано Листомъ. Въ свое время были очень любимы романсы: „Вечерній звонъ" и „Вечеркомъ румяну зорю". Собраніе романсовъ Алябьева, въ числѣ 70-ти, появилось въ Москвѣ, въ 1859 г., съ портретомъ автора, въ изданіи Грессера. Остальныя произведенія Алябьева не были напечатаны.

П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», стр. 320, 352 и 372.—В. Морковъ, «Историческій очеркъ русской оперы», стр. 66, 73 и 90.—«Энциклопед. Слов., сост. русс. учен. и литер.» т. III, (статья А. Н. Сѣрова).—А. И. Рубецъ, «Біогр.

лексиконъ русс. композ. и музык. дѣятелей». С.-Петербургъ 1886 г., стр. 3.—П. Д. Перепелицынъ, «Исторія музыки въ Россіи», стр. 160—161.—Н. М. Лисовскій, музыкальный календарь-альманахъ на 1890 г.», стр. 36 («Словарь композиторовъ»).—«Энц. Слов.» Брокгауза-Ефрона, т. II, стр. 597. *С. Тр.*

Алябьевъ, *Александръ Васильевичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, президентъ бергъ-коллегіи, впослѣдствіи главноуправляющій межевою канцеляріею, род. въ 1746 г., ум. въ октябрѣ 1822 г. Принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, который происходилъ отъ Александра Алябьева, выѣхавшаго въ XVI в. изъ Польши въ Россію и получившаго отъ великаго князя Василія Ивановича помѣстье въ Муромскомъ уѣздѣ. Вступивъ на службу въ январѣ 1761 г. кадетомъ въ Преображенскій полкъ и въ 1777 г., произведенный въ армін-полковники, Алябьевъ опредѣленъ былъ къ „статскимъ дѣламъ" въ мануфактуръ-Коллегію. Въ 1779 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ Вологодской казенной палаты; при этомъ ему было ввѣрено также правленіе таможнями и поручено учрежденіе пограничной таможенной цѣпи по всей Архангельской области. Заботясь о правильномъ поступленіи таможенныхъ доходовъ, Алябьевъ довелъ здѣсь таможенный сборъ со 150 до 250.000 рублей въ годъ. Назначенный въ 1783 г. пермскимъ вице-губернаторомъ (съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники), Алябьевъ привелъ въ порядокъ казенную палату и старался, по возможности, содѣйствовать развитію горной промышленности; ему же обязана Пермская губ. улучшеніемъ судоходства по р. Чусовой. Въ 1787 г. Алябьева назначили тобольскимъ губернаторомъ; дѣятельный, энергичный, живо относившійся ко всякому дѣлу, съ которымъ ему приходилось соприкасаться, онъ старался ввести улучшенія во ввѣренной ему губерніи: ему удалось, не обременяя жителей, собрать до 1 милліона рублей недоимокъ, улучшить средства приказа общественнаго призрѣнія, что даетъ возможность усилить благотворительную дѣятельность послѣдняго и построить для него нѣкоторыя каменныя зданія. Въ 1796 г. Алябьевъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Кавказскую губ.; при этомъ на него были возложены особыя порученія по губерніи Астраханской, которая находилась въ разстроенномъ состояніи; онъ привелъ ее, на сколько могъ, въ порядокъ, улучшивъ, между прочимъ, продовольственную часть, вслѣдствіе чего цѣна на муку въ Астрахани сильно понизилась. Заслуживаетъ упоминанія энергичная дѣятельность Алябьева по снабженію провіантомъ русскихъ войскъ, находившихся въ Персіи. Въ 1798 г. Алябьевъ назначенъ сенаторомъ и занялъ постъ президента бергъ-коллегіи, главнымъ директоромъ коей состоялъ М. Ѳ. Соймоновъ. Управляя (по именному Высочайшему указу 4-го января 1800 г.) также горнымъ училищемъ, Алябьевъ и въ немъ съумѣлъ ввести коренныя улучшенія; расширивъ помѣщеніе училища и испросивъ разрѣшеніе увеличить сумму на содержаніе его до 10.000 рублей и, кромѣ того, на каждаго воспитанника сверхъ комплекта отпускать по 300 рублей. Дѣти горныхъ чиновниковъ получили преимущество на опредѣленіе въ казенные воспитанники. Выхлопотавъ ежегодное пособіе въ 5.000 руб. на опыты и практическую повѣрку при училищѣ горными чиновниками ихъ изобрѣтеній и улучшеній по горному дѣлу, Алябьевъ, предполагалъ также устроить при училищѣ плавильныя горна, печи и различные механизмы для практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ заводскимъ дѣломъ. Предположеніе это было одобрено Государемъ, причемъ поручено было составить и смѣту, но однако исполненіе этого проекта потомъ почему-то было найдено неудобнымъ. 1-го января 1801 г. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, монетный департаментъ съ конторою раздѣленія золота отъ серебра былъ переданъ въ полное вѣдѣніе и распоряженіе Алябьева, который предложилъ также и банковскій монетный дворъ (дѣйствовалъ до 1805 г.) перевести въ вѣдѣніе названнаго департамента. Здѣсь, „за приращеніе казнѣ дохода", Высочайше повелѣно было производить Алябьеву отъ упомянутой конторы по 1.000 руб. въ годъ и пожизненно 300 руб. столовыхъ въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе недостатка въ оружіи, по мысли Алябьева Императоромъ Павломъ въ 1800 г. повелѣно было завести на Камѣ оружейный заводъ для приготовленія бѣлаго и огнестрѣльнаго оружія. Вопросъ о томъ, кому строить заводъ—вызвалъ борьбу между горнымъ вѣдомствомъ

и военнымъ. Алябьевъ, принимавшій дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, настаивалъ лишь на томъ, чтобы заводъ былъ выстроенъ, а кѣмъ—безразлично, но при этомъ находилъ, что по отстройкѣ заводъ долженъ поступить въ управленіе военной коллегіи. Такая постановка вопроса рѣшила дѣло и заводъ, выстроенный оберъ-берггауптманомъ Дерябинымъ и названный Ижевскимъ, 28-го октября 1808 г. былъ переданъ въ военное вѣдомство. Выработка положенія (изданнаго въ 1807 г.) о непремѣнныхъ работникахъ на горныхъ заводахъ, происходила также при дѣятельномъ участіи Алябьева. Въ 1803 году Алябьевъ оставилъ постъ президента бергъ-коллегіи и числился до 1818 г. только сенаторомъ; за это время онъ былъ командированъ въ Олонецкую губ., вслѣдствіе доносовъ, поданныхъ на чиновниковъ означенной губ.; затѣмъ (въ 1810 г.) производилъ ревизію московскихъ присутственныхъ мѣстъ, и наконецъ (въ 1815 г.) производилъ разслѣдованіе обнаруженныхъ въ Костромской гражданской палатѣ безпорядковъ и упущеній. Населеніе Костромы въ знакъ благодарности поднесло ему икону. Въ 1818 г. Алябьевъ назначенъ былъ главноуправляющимъ межевою канцеляріею и занималъ это мѣсто до самой смерти. Въ межевомъ корпусѣ, какъ, впрочемъ, и вездѣ, гдѣ служилъ Алябьевъ, онъ оставилъ по себѣ самое теплое воспоминаніе, выразившееся въ желаніи чиновъ этого корпуса поставить на свои средства памятникъ надъ его могилою. Одинъ изъ сыновей Алябьева, Александръ Александровичъ, былъ композиторомъ.

Соколовъ, «Историч. и статист. описаніе горн. кадетскаго корпуса», Спб., 1830, стр. 23.— «Научно-историч. сборникъ», изданный къ 100-лѣтнему юбилею Горнаго института, Спб., 1873, стр. 35.—Некрологъ Алябьева въ «Благонамѣренномъ» 1822 г., ч. 20 и нѣкоторыя свѣдѣнія въ письмѣ его сына къ издателю «Отеч. Зап.» (1822 г., ч. 12). Соловьевъ, «Вызовъ иностранныхъ мастеровъ на Ижевскій заводъ» («Горн. Журн.», 1893 г., № 1). *С. Кулибинъ.*

Алякринскій, *Митрофанъ Ивановичъ*, докторъ медицины, род. 28-го мая 1794 г., ум. 22-го сентября 1872 г. во Владимірѣ. Происходилъ изъ духовнаго званія, въ 1821 г. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, а затѣмъ назначенъ субъинспекторомъ существовавшаго въ то время медицинскаго института. Въ декабрѣ 1825 г. Алякринскій защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію „Dea sphicticis resuscitandis“ и получилъ степень доктора медицины. Получивъ въ 1830 г. званіе инспектора врачебной управы, Алякринскій въ томъ же году назначенъ инспекторомъ врачебной управы во Владимірѣ и въ этой должности состоялъ до смерти. Алякринскій, кромѣ упомянутой диссертаціи, написалъ двѣ статьи: 1) „О пособіи утопшимъ, замерзшимъ, угорѣвшимъ, задохшимся въ неспособномъ для дыханія воздухѣ и лишившимся чувствъ отъ ушиба“, напеч. во „Влад. Губ. Вѣд.“ за 1861 г., и 2) „Описаніе оподельдока Моренкова, составл. преемникомъ его, д-мъ Алякринскимъ“, напеч. въ „Другѣ Здравія“ за 1834 г. Алякринскій преподавалъ элементарную медицину во Владимірской духовной семинаріи.

Некрологи: во «Владим. Губ. Вѣд.» 1872 г., № 36, «Владим. Епарх. Вѣд.», 1872 г. № 18 и тамъ-же, 1873 г., №№ 8 и 12. — Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели, I. — С. А. Венгеровъ, «Крит.-біогр. сл.», т. I, 475.

Амбаровъ (Анбаровъ), *Яковъ*, медальеръ и скульпторъ. Сынъ мастера екатеринбургской гранильной фабрики, образованіе получилъ въ Академіи Художествъ, куда былъ зачисленъ академистомъ 2-ой степени 1-го сентября 1836 г. Занимаясь въ медальерномъ классѣ П. И. Уткина, Амбаровъ получилъ двѣ серебряныя медали за вырѣзанные на камнѣ бюстъ Аполлона и портретъ И. А. Крылова. Получивъ 19 сентября 1839 г. званіе художника 14 класса, Амбаровъ отправленъ на службу на екатеринбургскую фабрику, гдѣ, до поступленія въ Академію, былъ мастеровымъ. Въ 1844 г. командированъ на Кавказъ для наблюденія за постройкою памятниковъ: 1) на томъ мѣстѣ, гдѣ Императоръ Николай I въ 1837 г. подвергся опасности, и 2) князю Циціанову. Впослѣдствіи Амбаровъ служилъ въ Закавказскомъ краѣ и, между прочимъ, исполнялъ лѣпныя работы для Тифлисскаго театра.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 137.

Амбодикъ, извѣстный русскій врачъ XVIII вѣка (см. *Максимо́вичъ, Несторъ Максимовичъ*).

Амбразанцевъ, *Николай Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, инспекторъ всей артиллеріи въ царствованіе Императора Павла I, род. въ 1754 г., ум. въ

1814 г. Одинъ изъ предковъ его, грузинскихъ дворянъ Амбресадзіевъ, выѣхалъ, въ концѣ XVII вѣка, съ царемъ Грузіи Арчиломъ въ Россію, но, принявъ монашество, въ 1704 г. возвратился въ отечество. Въ Россіи остался сынъ его Петръ, стольникъ царя Арчила, женившійся впослѣдствіи на русской дворянкѣ, богатой вотчинами въ Костромской и Владимірской губерніяхъ. Николай Дмитріевичъ былъ его внукомъ. Службу началъ Амбразанцевъ въ 1770 г. въ артиллеріи, въ рядахъ которой находился до отставки, принимая участіе въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева (1773 и 1774 гг.), въ войнѣ съ Кавказскими горцами (1783—1785 и 1791—1792 гг.) и въ подавленіи польской революціи (1794 г.). Въ 1797 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ шефомъ артиллерійскаго батальона въ Казани, годъ спустя получилъ званіе инспектора артиллеріи Оренбургской дивизіи, расположенной по Волгѣ, и въ томъ же году произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 6-го октября 1799 г., смѣнивъ исключеннаго изъ службы барона Аракчеева, Амбразанцевъ занялъ постъ инспектора всей артиллеріи, на которомъ оставался до 7 марта 1800 г., когда былъ отставленъ отъ службы.

Послужной списокъ, хранящ. въ архивѣ Спб. арт. истор. музея. — Словарь Старчевскаго.— «Рус. Арх.» 1869 г., стр. 3, 4, 64, 66 и 67.
Д. С—въ.

Амвросій, архимандритъ Высотскаго Богородичнаго Серпуховскаго монастыря, великороссіянинъ, изъ казенныхъ войсковыхъ обитателей, род. около 1770 года, ум. 10-го іюня 1827 г. Съ 1795 г. проходилъ различныя послушанія въ Коренной пустыни, въ Валаамскомъ и Новоспасскомъ монастыряхъ. 24-го іюня 1799 года постригся въ монашество. 29-го октября 1803 г. перешелъ въ Златоустовъ монастырь и тамъ рукоположенъ въ іеродіакона и іеромонаха. Въ октябрѣ 1807 г. назначенъ правителемъ Угрѣшскаго монастыря, а 23-го марта 1815 г. перемѣщенъ въ число братіи Троице-Сергіевой лавры, гдѣ послѣдовательно былъ ризничимъ, соборнымъ іеромонахомъ и присутствующимъ въ лаврскомъ правленіи. 1-го августа 1819 г. возведенъ въ санъ игумена и вновь отправленъ для управленія Угрѣшскимъ монастыремъ. 5-го октября 1821 г. возведенъ въ санъ архимандрита Серпуховскаго Высотскаго монастыря, гдѣ и скончался.

Дѣла архива Св. Синода 1821 г. № 182; 1827 г. № 925.

Амвросій (*Андреевскій*), архимандритъ Иверскаго Богородичнаго монастыря, происходилъ изъ малороссіянъ, мѣщанскій сынъ, род. въ Кіевѣ около 1728 года, ум. послѣ 1791 года. По собственному признанію, съ малолѣтства обучался въ Кіевской академіи, а потомъ былъ учителемъ въ семинаріи города Черкасскаго, въ Московской академіи и въ Троицкой лаврѣ; въ 1757 году постригся въ монашество и назначенъ префектомъ Троицкой семинаріи, откуда перемѣщенъ на такую же должность во Владимірскую семинарію; въ 1759 г., какъ „показавшій не малые труды въ учительскомъ послушаніи въ многіе годы", Амвросій возведенъ въ санъ архимандрита арзамасскаго Спасскаго монастыря. Вскорѣ онъ былъ переведенъ въ Царевоконстантиновскій монастырь владимірской епархіи, назначенъ ректоромъ Владимірской семинаріи и *администраторомъ епархіи* при архіепископѣ Антоніи, который, будучи грузиномъ, не зналъ русскаго языка и не могъ завѣдывать епархіею. 16-го октября 1761 г. архимандритъ Амвросій перемѣщенъ въ Макаріевъ Унженскій монастырь, костромской епархіи, а 19-го августа 1770 г.—въ Пермскій пыскорскій Спасопреображенскій. Дальнѣйшимъ мѣстомъ служенія архимандрита Амвросія были: съ 18-го января 1772 г.—московскій Симоновъ и съ 4-го марта 1783 года—Иверскій Богородичный монастырь; отсюда 11-го августа 1791 года, престарѣлый и разслабленный, Амвросій уволенъ на покой въ Новгородскій Хутынскій монастырь, гдѣ и скончался.

Дѣла архива Св. Синода 1759 г. № 99 и 1791 г. № 107.—Херсонскій, «Лѣтопись Макар. Унжен. монастыря», вып. II, стр. 126—152.

Амвросій, архимандритъ Московскаго Даніилова монастыря, до постриженія Александръ *Виноградскій*, род. въ 1767 г., ум. 11-го ноября 1810 г. Образованіе получилъ въ Троицкой московской духовной семинаріи. Съ 1791 г. былъ учителемъ въ низшемъ грамматическомъ классѣ Перервинской духовной семинаріи, гдѣ обучалъ также и французскому языку. Въ 1792 г. перешелъ въ Троицкую семинарію и преподавалъ тамъ ариѳметику и гео-

графію, а съ 1795 г.—поэзію и риторику. Въ 1797 г. постригся въ монашество съ именемъ Амвросія и рукоположенъ во іеродіакона, а въ слѣдующемъ году причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ московскаго Донскаго монастыря и назначенъ проповѣдникомъ въ Московскую духовную академію. Въ 1802 г. іеромонахъ Амвросій занялъ должность ректора Пензенской духовной семинаріи и возведенъ въ санъ архимандрита пензенскаго Спасопреображенскаго монастыря; будучи ректоромъ, онъ преподавалъ въ семинаріи богословіе и присутствовалъ въ духовной консисторіи. 16-го мая 1806 г. архимандритъ Амвросій перемѣщенъ настоятелемъ въ Лужецкій Рождество-Богородичный монастырь и назначенъ присутствующимъ въ Московской консисторіи, а 29-го августа 1807 г. переведенъ архимандритомъ московскаго Даніилова монастыря и съ 15-го марта 1809 г. состоялъ членомъ Московскаго духовнаго цензурнаго комитета.

Дѣла архива Св. Синода 1806 г. № 401; 1807 г. № 607; 1809 г. № 811; 1810 г. № 278 и 1811 г. № 124; Смирновъ, «Исторія Троицкой семинаріи».

Амвросій, іеромонахъ, старецъ Козельской Введенской Оптиной пустыни, Калужской губ., до постриженія Александръ Михайловичъ *Гренковъ*, сынъ сельскаго причетника, род. 21-го ноября 1812 г., въ селѣ Большихъ Липовицахъ, Тамбовскаго уѣзда, ум. 10-го октября 1891 г. Образованіе получилъ въ тамбовскихъ духовныхъ училищѣ и семинаріи. Окончивъ 15-го іюля 1836 г. курсъ, Гренковъ опредѣленъ учителемъ въ Липецкое духовное училище, но пробылъ здѣсь только три года: осенью 1839 г. онъ поступилъ въ число послушниковъ Оптиной пустыни и сталъ прислуживать на скитской кухнѣ. Старчество и строгое подвижничество иноковъ Оптиной пустыни привлекало въ то время общее вниманіе. Старчество—это особый, нынѣ весьма рѣдкій родъ управленія обителями, когда изъ среды иноковъ выбирается для руководства и управленія одно лицо, называемое духовнымъ отцомъ или старцемъ, которому всѣ во всемъ должны безпрекословно повиноваться, довѣряться, исповѣдывать свои грѣхи и авторитетъ котораго считать выше всего. Прислуживая старцамъ въ пустыни около 20 лѣтъ, Гренковъ 29-го ноября 1842 г. постригся въ монашество съ именемъ Амвросія, 4-го февраля 1843 г. рукоположенъ во іеродіакона, 9-го декабря 1845 г.—въ іеромонаха, а въ сентябрѣ 1860 г. принялъ на себя тяжелый трудъ старчества, который несъ до конца дней своихъ. Амвросій пользовался такимъ авторитетомъ, что къ нему за духовною помощью приходили люди всѣхъ сословій, званій и положеній и получали совѣтъ и утѣшеніе. Сила Амвросія заключалась въ его всеобъемлющей любви, смиреніи и незлобіи. Прозорливыя предсказанія будущаго, нерѣдкія исцѣленія приходившихъ къ нему отъ болѣзней, строго подвижническая жизнь, сопровождавшаяся непрерывнымъ постомъ, постоянною молитвою и дѣлами благотворенія, — все это влекло къ Амвросію толпы народа. По его почину и его попеченіемъ устроены женскія общины: въ гор. Кромахъ, Орловской губ., Гусевская, Саратовской губ., Пятницкая, Воронежской губ., и Козельщанская, Полтавской губ. Казанская женская община въ селѣ Шамординѣ, въ 12 верстахъ отъ Оптиной пустыни,—своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ обязана исключительно Амвросію. Эта община даетъ пріютъ вдовамъ и сиротамъ, насчитываетъ у себя до 600 монахинь, имѣетъ больницу и дѣтскій пріютъ съ 50 сиротами. Амвросій скончался почти 80 лѣтъ отъ роду. Его многочисленныя письма къ разнымъ лицамъ, поученія, мудрыя изреченія, разсказы разныхъ лицъ о полученныхъ отъ Амвросія совѣтахъ, предсказаніяхъ и исцѣленіяхъ, начиная со времени его кончины до сихъ поръ, непрерывно печатаются въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“, и выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ.

П. Б., «Оптинскій старецъ о. Амвросій», М. 1892 г.—Е. В., «Краткое сказаніе о жизни Оптинскаго старца о. Амвросія». М. 1893 г.—Ѳ. П. Ч., «Тяжелая утрата (оптинскій старецъ о. Амвросій)». М. 1892 г. и др.

Амвросій (*Дубнѣвичъ*), епископъ черниговскій и нѣжинскій, ум. 23-го февраля 1750 г. Воспитывался въ Кіевской академіи; съ 1727 по 1731 г. былъ ея префектомъ, съ 1731 по 1737 г.—ректоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Амвросій былъ игуменомъ Кіевскаго Братскаго Богоявленскаго монастыря, а съ 1733 г.—архимандритомъ кіевскаго же Михайловскаго Златоверхаго. Съ декабря 1738 г. онъ былъ

настоятелемъ Троице-Сергіевой лавры, а въ сентябрѣ 1742 г. хиротонисанъ въ Москвѣ во епископа черниговскаго. Будучи ректоромъ академіи, Амвросій, въ своихъ запискахъ по богословію, первый ввелъ трактатъ о десятословіи и евангельскомъ законѣ, тогда какъ до него ни Ѳеофанъ Прокоповичъ, ни его преемники вовсе не касались нравственнаго богословія. Въ Черниговской семинаріи онъ ввелъ преподаваніе философіи. По волѣ Петра II онъ принималъ участіе въ сводѣ статута литовскаго и магдебургскаго права. Въ обзорѣ черниговской епархіи напечатана его пастырская грамота во время бездождія. Въ черниговской семинаріи хранится его „Tractatus theologicus de Deo uno in personis trino“, а въ Нѣжинскомъ монастырѣ другой трудъ: „Philosophia peripathetica“. Марковичъ въ своихъ „Запискахъ“, говоря о посѣщеніи Императрицею Елизаветою гор. Глухова 6-го августа 1744 г., пишетъ: „Епископъ черниговскій Ея Величество у воротъ поздравлялъ рѣчью; потомъ Государыня изволила пѣшно идти до монастыря дѣвичьяго, гдѣ слушала обѣдню и предику черниговскаго архіерея“.

Амвросій, «Исторія россійской іерархіи», ч. I, стр. 154 и ч. II, стр. 181.—Марковичъ, «Записки», ч. II, стр. 181.— Филаретъ, «Обзоръ дух. литер.», стр. 322—323; его же, «Описаніе черниг. епархіи», стр. 85—87.—Аскоченскій, «Кіевъ» ч. II, стр. 50.—Митр. Евгеній, «Описаніе Кіево-Софійскаго собора», стр. 299.

Амвросій, архіепископъ московскій, до постриженія Андрей Степановичъ *Зертисъ-Каменскій*, род. въ гор. Нѣжинѣ, 17-го октября 1708 г., ум. 16-го сентября 1771 г., въ Москвѣ. Отецъ его, по происхожденію валахъ, въ 1691 г. переселился въ Малороссію, служилъ у Мазепы переводчикомъ и былъ награжденъ помѣстьемъ въ Нѣжинскомъ полку за противодѣйствіе измѣнническимъ замысламъ гетмана. 14-ти лѣтъ Зертисъ, послѣ смерти отца, остался на попеченіи своего дяди по матери, соборнаго старца Кіево-печерской лавры Владиміра Каменскаго, фамилію котораго присоединилъ къ своей, когда, въ 1720 г., поступилъ въ школу Кіевскаго Богоявленскаго монастыря. Здѣсь Каменскій оставался до 1728 г., когда переѣхалъ для продолженія образованія въ Польшу, въ Львовскую духовную академію, въ которой пробылъ до 1733 г.; за все это время онъ обучался до риторики и философіи. Съ 1733 г. Каменскій началъ слушать богословіе въ Московской славяно-греко-латинской академіи у извѣстнаго сперва префекта, а потомъ ректора академіи Стефана Калиновскаго, который несомнѣнно и убѣдилъ своего ученика идти въ монахи, потому что, съ переходомъ Стефана изъ Москвы въ Петербургъ въ архимандриты Александро-Невскаго монастыря, переѣзжаетъ туда, въ 1736 г., и Андрей Каменскій, причемъ поселяется „для воспріятія монашескаго постриженія“ въ Невскомъ монастырѣ. Постриженіе это, впрочемъ, нѣсколько замедлилось, такъ какъ Каменскій получилъ разрѣшеніе Св. Синода принять монашество только въ концѣ 1738 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ состоялъ преподавателемъ Александро-Невской духовной семинаріи, а съ 1742 г.—и ея префектомъ. Въ 1743 г. Амвросій назначается, какъ опытный строитель и знатокъ церковной архитектуры, архимандритомъ Воскресенскаго, „Новый Іерусалимъ“ именуемаго, монастыря съ цѣлью возстановленія запущенныхъ зданій этого историческаго памятника. 17-го ноября 1753 г. состоялось назначеніе Амвросія епископомъ переяславскимъ и дмитровскимъ, при чемъ воскресенскій монастырь оставленъ до окончанія построекъ въ его же вѣдѣніи. Въ 1761 г. Амвросій переведенъ въ сарскую и подонскую епархію, въ 1764 г. возведенъ въ санъ архіепископа крутицкаго, а 18-го января 1768 г. назначенъ архіепископомъ московскимъ, при чемъ Императрица Екатерина поручила ему возобновленіе кремлевскихъ соборовъ. Во время московской чумы взбунтовавшаяся чернь варварски умертвила его въ Донскомъ монастырѣ. 6-го октября 1771 г. Императрица Екатерина II въ письмѣ къ Вольтеру такъ разсказывала о смерти архіепископа Амвросія: „...Фельдмаршалъ Салтыковъ писалъ мнѣ о слѣдующей катастрофѣ, происшедшей въ Москвѣ съ 15-го на 16-е сентября стараго стиля. Тамошній архіепископъ, по имени Амвросій, человѣкъ умный и заслуженный, узнавъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней чернь толпами стекается къ образу, которому приписывали силу исцѣленія больныхъ (они приходили умирать у ногъ Богородицы) и что туда приносится множество денегъ, приказалъ запечатать печатью эту кассу, чтобы употребить ее потомъ на богоугодныя дѣла: экономи-

ческое распоряженіе, которое каждый епископъ въ полномъ правѣ сдѣлать по своей епархіи. Можно полагать, что онъ имѣлъ намѣреніе снять этотъ образъ, какъ дѣлалось не разъ, и что это было только предварительною мѣрою. Въ самомъ дѣлѣ, такое скопленіе народа во время эпидеміи могло только усилить заразу. Но вотъ что случилось. Часть этой толпы стала кричать: „Архіерей хочетъ грабить казну Богоматери, надо его убить". Другая часть вступилась за архіепископа; отъ словъ дошло до драки; полиція хотѣла разнять ихъ; но обыкновенной полиціи было недостаточно. Москва—особый міръ, а не городъ. Самые ярые побѣжали въ Кремль, выломали ворота у монастыря, гдѣ живетъ архіепископъ, разграбили монастырь, перепились въ погребахъ, въ которыхъ многіе торговцы хранятъ свои вина, и не найдя того, кого они искали, одна половина отправилась къ монастырю, называемому Донскимъ, откуда они вывели этого почтеннаго старца и безчеловѣчно умертвили. Другая часть продолжала драку при раздѣлѣ добычи".—Какъ знатокъ языковъ латинскаго, греческаго и еврейскаго, архіепископъ Амвросій занимался, главнымъ образомъ, переводами, и среди переводныхъ его трудовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ „Псалтирь", изданная въ первый разъ Рѣшетниковымъ въ 1809 г. Съ греческаго переведены имъ: 12 посланій Игнатія Богоносца, изд. М. 1772 г.; Кирилла Іерусалимскаго—„Огласительныя и тайноводственныя поученія", М. 1772 г.; Іоанна Дамаскина — „Богословіе или изложеніе православной вѣры", М. 1765—1781 г. Съ латинскаго: Гуго Гроція—„Разсужденіе противъ атеистовъ и неутралистовъ", М. 1765 г. Кромѣ того, одно письмо его помѣщено у Бантыша-Каменскаго въ „Словарѣ достопамятныхъ людей" I, 36—37, а другое (о церковныхъ имуществахъ) въ „Днѣ" 1865 г. № 39. Изъ оригинальныхъ сочиненій архіепископа Амвросія извѣстна составленная имъ „Служба св. митрополиту Димитрію Ростовскому".

Дѣла архива Св. Синода.—«Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества», т. XIII, стр. 173—174 и 175—176.—Митр. Евгеній, «Словарь духов. писат.», стр. 21—25.—Д. Бантышъ-Каменскій, «Жизнь преосвященнаго Амвросія» и «Словарь достопамятныхъ людей», стр. 30—37. «Русскій Архивъ» 1863 г.—Филаретъ, «Обзоръ дух. литературы», стр. 343.

Амвросій *(Келембетъ)*, архіепископъ тобольскій, ум. 4-го іюля 1825 г. Въ 1791 г. былъ префектомъ Кіевской духовной академіи, въ 1793 г. назначенъ ректоромъ Воронежской семинаріи, а въ 1796 г.— Новгородской. Возведенный въ 1797 г. въ санъ архимандрита Юрьевскаго монастыря, Амвросій 13-го ноября 1799 г. получилъ епископскую каѳедру въ оренбургской епархіи и занималъ ее почти семь лѣтъ. 25-го мая 1806 г. послѣдовалъ переводъ Амвросія, въ санѣ архіепископа, въ тобольскую епархію, гдѣ онъ святительствовалъ до 21-го декабря 1822 г., когда былъ уволенъ на покой въ Лубенскій монастырь.

«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія Св. Правит. Синода» (1721—1895). Спб., 1896, стр. 19, № 183.

Амвросій, архимандритъ Успенскаго Трифонова вятскаго монастыря и ректоръ Вятской семинаріи, до постриженія Александръ *Красовскій*, сынъ священника, род. въ 1800 г., въ селѣ Верхней Межѣ, Макарьевскаго уѣзда, Костромской губ., ум. 28-го мая 1870 г. Образованіе началъ въ Макарьевскомъ духовномъ училищѣ, продолжалъ его въ Костромской духовной семинаріи и завершилъ въ С.-Петербургской духовной академіи, въ 1825 г., со степенью магистра. Въ октябрѣ того же года поступилъ учителемъ въ Макарьевское уѣздное училище, а въ мартѣ 1826 г. перешелъ въ Вятскую духовную семинарію учителемъ словесности и соединенныхъ съ нею предметовъ. Чрезъ годъ рукоположенъ въ священника сельской церкви Котельническаго уѣзда съ обязательствомъ служить и въ семинарской церкви. Въ октябрѣ 1829 г. былъ возведенъ въ санъ протоіерея и назначенъ настоятелемъ Вятскаго Воскресенскаго собора и членомъ духовной консисторіи. Принявъ, въ октябрѣ 1840 г., монашество, съ именемъ Амвросія, онъ опредѣленъ инспекторомъ Вятской семинаріи и черезъ два мѣсяца возведенъ въ санъ архимандрита Слободскаго Крестовоздвиженскаго монастыря. Въ іюнѣ 1841 г. Амвросій назначенъ ректоромъ семинаріи и настоятелемъ Успенскаго Трифонова монастыря, оставаясь въ этой должности почти до самой своей смерти. Посвятивъ воспитанію и просвѣщенію юношества всю свою жизнь, архимандритъ Амвросій, въ

концѣ 1869 г., по прошенію, былъ уволенъ на покой.

«Вят. Епарх. Вѣд.». 1870 г., №№ 12 и 13.

Амвросій, архимандритъ владиміроволынскаго монастыря, до постриженія Аѳанасій *Лотоцкій*, сынъ священника с. Маначина, Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губ., ум. 18-го января 1878 г. По окончаніи въ 1823 г. курса въ Кіевской духовной академіи со степенью магистра, онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Волынскую семинарію и въ ноябрѣ того же года рукоположенъ во священника Волынскаго каѳедральнаго собора, а въ ноябрѣ 1825 года возведенъ въ санъ протоіерея. Съ 1826—1828 гг. состоялъ инспекторомъ Волынской семинаріи, а затѣмъ поступилъ преподавателемъ русскаго языка и законоучителемъ Клевановскаго уѣзднаго училища и Луцкой гимназіи, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоятелемъ Ровенскаго собора, первоприсутствующимъ въ духовномъ правленіи, благочиннымъ и цензоромъ проповѣдей. Въ 1844 г., перейдя на службу въ варшавскую епархію, протоіерей Лотоцкій въ 1845 г. опредѣленъ законоучителемъ воспитательныхъ пансіоновъ дѣвицъ православнаго исповѣданія и ключаремъ Варшавскаго каѳедральнаго собора. Принявъ въ 1860 г. монашество съ именемъ Амвросія, онъ былъ назначенъ намѣстникомъ-архимандритомъ Почаевской лавры, въ 1865 г.—настоятелемъ Мѣлецкаго первокласснаго монастыря, а въ 1875 г.—Владиміроволынскаго.

«Волын. Епарх. Вѣд.». 1873 г., № 5.

Амвросій, епископъ пензенскій, до постриженія Алексѣй Ивановичъ *Моревъ*, сынъ сельскаго священника Бѣжецкаго у., Тверской губ., род. въ 1783 г., ум. 15-го октября 1854 г. Образованіе получилъ въ Тверской семинаріи и въ Александро-Невской (нынѣ С.-Петербургской) духовной академіи. За годъ до окончанія курса со степенью кандидата богословія, Моревъ постриженъ въ монашество (въ 1806 г.). Сначала онъ состоялъ репетиторомъ въ низшихъ классахъ академіи, затѣмъ переведенъ преподавателемъ въ Тверскую семинарію, а въ 1813 г. назначенъ префектомъ Новгородской семинаріи. Возведенный въ 1816 г. въ санъ архимандрита Новгородскаго Антоніева монастыря, Амвросій 17-го іюня 1823 г. хиротонисанъ во епископа оренбургскаго, 1-го декабря 1828 г. переведенъ въ волынскую епархію, 1-го февраля 1832 г. — въ нижегородскую и 19-го января 1835 г.—въ пензенскую, гдѣ оставался до смерти. Будучи еще студентомъ, онъ написалъ и издалъ прочитанное на академическомъ собраніи (14-го іюня 1806 г.) „Созерцаніе или изъяснительное описаніе литургіи“.

Чистовичъ, «Исторія Спб. духовной академіи», стр. 139.—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 464.—«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», Спб. 1896 г., стр. 26, № 245.—С. Венгеровъ. «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 485.

Амвросій, епископъ пензенскій и саратовскій, до постриженія Андрей Антоновичъ *Орнатскій*, сынъ діакона Новгородской губ., Череповскаго уѣзда, погоста Чуди, род. въ 1778 г., ум. 20-го декабря 1827 г. Въ ноябрѣ 1788 г. поступилъ въ Кириллобѣлозерское духовное училище, а чрезъ четыре года переведенъ въ Александро-Невскую семинарію, называвшуюся въ то время главною, и съ 1797 г. переименованную въ академію. По окончаніи, въ 1800 г., курса ученія, Андрей Орнатскій опредѣленъ сперва преподавателемъ разныхъ предметовъ въ Новгородскую семинарію, въ 1802 г. назначенъ тамъ инспекторомъ, а въ 1804 г.—префектомъ и учителемъ философіи. 16-го іюля 1805 г. Орнатскій постриженъ въ монашество, 20-го рукоположенъ во іеродіакона, 23-го во іеромонаха и 14-го августа причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-Невской лавры. Возведенный 9-го февраля 1808 г. въ санъ архимандрита, Амвросій назначенъ настоятелемъ Новгородскаго Антоніева монастыря и ректоромъ Новгородской семинаріи; въ сентябрѣ 1811 г. переведенъ настоятелемъ въ Юрьевъ монастырь съ оставленіемъ въ ректорскомъ званіи, а въ мартѣ 1812 г. назначенъ настоятелемъ ставропигіальнаго московскаго Новоспасскаго монастыря. Въ слѣдующемъ году архимандриту Амвросію поручено было возобновленіе нѣкоторыхъ московскихъ монастырей, пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія, причемъ, по словамъ всеподданнѣйшаго доклада Св. Синода, онъ „оказалъ особенное стараніе и попеченіе“, за что и сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й ст. 12-го марта 1816 г. Амвросій хиротонисанъ въ Петербургѣ во епископа старорусскаго, викарія новгородской митропо-

ліи, а 9-го ноября 1819 г. назначенъ епископомъ пензенскимъ и саратовскимъ. Въ январѣ 1825 г. онъ обратился въ Св. Синодъ со слѣдующимъ прошеніемъ: „Св. Синодомъ, согласно собственному желанію моему, возложена на меня священнѣйшая обязанность приготовить ко второму изданію „Исторію Россійской іерархіи" по собраннымъ дополнительнымъ свѣдѣніямъ. Сколь ни священна сія обязанность и для меня ни вожделѣнна, но при управленіи епархіею, мнѣ ввѣренною, не имѣю я ни времени, ни силъ къ благовременному и достодолжному исполненію святѣйшей воли Св. Синода. Посему, дабы за коснѣніе и оставленіе безъ дѣйствія дѣла, для церкви и отечества полезнаго и уважительнаго, не подвергнуть себя строгому и праведному суду и осужденію Божію и Св. Синода, признаю я за необходимое испросить у вашего святѣйшества увольненіе себѣ отъ управленія епархіею, мнѣ ввѣренною, до приведенія къ окончанію моего труда въ изданіи вторымъ полнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ „Исторіи россійской іерархіи", съ дозволеніемъ имѣть мнѣ пребываніе въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ". Просьба эта была удовлетворена 4-го сентября, съ назначеніемъ Амвросію пожизненной пенсіи въ 2.000 руб. Поселившись въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ и занявъ маленькое помѣщеніе, преосвященный Амвросій велъ совершенно уединенную жизнь. Онъ не показывался не только постороннимъ, но и братіи монастыря; нерѣдко даже келейникъ не видалъ его по цѣлымъ недѣлямъ, принося только разъ въ день въ условленное мѣсто скудную пищу. Онъ самъ исполнялъ всѣ черныя домашнія работы, вполнѣ отдаваясь аскетическимъ подвигамъ. Нуждающіеся оставляли свои прошенія вмѣстѣ съ приносимою ему пищею и потомъ находили ихъ съ надписью и деньгами. Отзывы о характерѣ Амвросія различны. Одни говорятъ, что онъ, особенно въ молодыхъ лѣтахъ, отличался живостью характера, добротою, общительностью и не чуждъ былъ нѣкоторыхъ слабостей и увлеченій. Другіе, наоборотъ, рисуютъ его, вспыльчивымъ, раздражительнымъ, требовательнымъ и неуживчивымъ, вслѣдствіе чего и было у него, будто бы, много столкновеній съ свѣтскими властями, особенно въ Пензѣ, что̂, главнымъ образомъ, и побудило его, будто бы, выйти въ отставку. Главный трудъ Амвросія — „Исторія Россійской іерархіи", М. 1807—1815 г., 6 частей. Изъ представленія митрополита Амвросія Подобѣдова въ Св. Синодъ о разрѣшеніи напечатать этотъ трудъ видно, что онъ не самостоятельное произведеніе, а „переводъ съ латинскаго книги подъ названіемъ: „Опытъ россійской іерархіи, сочиненной Никодимомъ Селліемъ, монахомъ и учителемъ „Александро-Невской школы", но переводъ „исправленный съ лѣтописями и другими рукописями, расположенный по современному порядку іерархіи россійской, во многомъ дополненный и доведенный до послѣдняго времени". Въ свое время, при неразработанности историческихъ матеріаловъ, трудъ Амвросія былъ весьма цѣннымъ пособіемъ по исторіи русской церкви. Въ настоящее время въ немъ обнаруживается слишкомъ много неточныхъ свѣдѣній. Извѣстную долю участія въ трудѣ Амвросія принялъ митрополитъ Евгеній, которому принадлежатъ: въ I томѣ—„Историческія свѣдѣнія о духовныхъ училищахъ въ Россіи", во II—введеніе въ описаніе монастырей и исторія Пекинскаго монастыря, въ дальнѣйшихъ томахъ—описаніе монастырей воронежской и вологодской епархій, не считая просмотра всего сочиненія и дополненій. Значительную помощь оказали Амвросію также портфели Н. Н. Бантыша-Каменскаго. Въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ хранятся корректурные листы неоконченнаго VII тома. Послѣдующія изданія I тома сдѣланы въ 1822 г. въ Москвѣ и въ 1827 г. въ Кіевѣ. Извѣстно слово епископа Амвросія въ день Донской Божіей Матери (Москва, 1816 г.).

Саввантовъ, «Пр. Амвросій Орнатскій», 1869 г. —«Русская Старина», 1872 г., т. V и 1883 г., т. XXXIX.—Д. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей», т. I, стр. 38.—Филаретъ, «Обзоръ дух. литер.».—«Сборникъ II отд. Имп. Академія Наукъ», V, вып. I, стр. 22—23.

Амвросій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, до постриженія Андрей Ивановичъ *Подобѣдовъ*, сынъ священника род. 20-го ноября 1742 г., въ с. Стоговѣ, Владимірской губ., Переяславскаго уѣзда, ум. 21-го мая 1818 г. Обучался съ 1757 г. въ Троицкой лаврской семинаріи, гдѣ, по окончаніи курса, въ 1764 г., занялъ должности учителя и библіотекаря. Принявъ 12-го февраля 1768 г. монашество, Амвросій переведенъ проповѣдникомъ и

учителемъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію, гдѣ съ 1771 г., занималъ мѣсто префекта, а съ 1774 г.—ректора. На этой должности, въ качествѣ проповѣдника, Амвросій сдѣлался извѣстенъ Императрицѣ Екатеринѣ II, которая, 6-го мая 1778 г., назначила его епископомъ сѣвскимъ. Хиротонія происходила 5-го іюля, въ день обрѣтенія мощей пр. Сергія, въ Троицко-Сергіевской пустыни, въ Высочайшемъ присутствіи, причемъ Государыня щедро одарила новопосвященнаго архіерея. 25-го апрѣля 1781 г. Амвросій былъ переведенъ въ крутицкую епархію, 27-го марта 1785 г., по волѣ Государыни, назначенъ архіепископомъ казанскимъ и симбирскимъ, 16-го октября 1799 г. ему повелѣно быть архіепископомъ с.-петербургскимъ, эстляндскимъ и финляндскимъ, на мѣсто уволеннаго въ Новгородъ митрополита Гавріила, а въ декабрѣ слѣдующаго года, за совершенною болѣзнію послѣдняго, Амвросію поручено управлять и новгородскою епархіею. 10-го марта 1801 г. Амвросій назначенъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ и пробылъ въ этомъ званіи до 24-го марта 1818 г., когда былъ уволенъ, по примѣру своего предшественника, въ Новгородъ, гдѣ скончался и погребенъ рядомъ съ митрополитомъ Гавріиломъ въ Софійскомъ соборѣ, въ придѣлѣ св. Іоанна Предтечи. Главною выдающеюся чертою дѣятельности митрополита Амвросія была его постоянная, энергичная и дѣятельная забота объ открытіи духовноучебныхъ заведеній, объ упорядоченіи духовно-учебнаго дѣла и о поднятіи умственнаго, нравственнаго и внѣшне-житейскаго уровня духовенства. Такъ, сдѣлавшись епископомъ сѣвскимъ, онъ въ томъ же году представилъ въ Св. Сиподъ докладъ объ устройствѣ сѣвской семинаріи, которая въ томъ же году была имъ организована и открыта; кромѣ того, онъ учредилъ въ гор. Орлѣ и Брянскѣ духовныя училища. Сдѣлавшись епископомъ крутицкимъ, Амвросій преобразовалъ во всѣхъ отношеніяхъ Крутицкую семинарію, убого существовавшую до того времени въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ, и открылъ въ Боровскомъ и Бѣлевскомъ монастыряхъ духовныя училища. Въ Казани, возстановивъ сгорѣвшія и обветшавшія зданія семинаріи, Амвросій преобразовалъ весь строй семинарскаго обученія, для чего вызвалъ, чрезъ бывшаго своего учителя и друга, митрополита Платона московскаго, изъ его лаврской семинаріи нѣсколькихъ лучшихъ учителей. Для просвѣщенія казанскихъ инородцевъ христіанствомъ, Амвросіемъ улучшена была школа для новокрещенныхъ татаръ. По переходѣ въ Петербургъ, сдѣлавшись первенствующимъ членомъ Св. Синода, митрополитъ Амвросій обратилъ особенное вниманіе на упорядоченіе преподаванія и хозяйства С.-Петербургской духовной академіи, на вызовъ въ нее лучшихъ преподавателей. Въ новгородской епархіи открыты имъ духовныя училища: въ Новгородѣ (бывшее лихудіево), въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ, въ Тихвинѣ, Боровичахъ, Валдаѣ, Устюжнѣ, Бѣлозерскѣ, Петрозаводскѣ и въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. Особенно дѣятельное участіе Амвросій принималъ въ Высочайше учрежденной коммиссіи по преобразованію всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній Россіи, результатомъ работы которой явился уставъ духовныхъ училищъ 1814 г. Будучи предсѣдателемъ коммиссіи духовныхъ училищъ, завѣдывавшей учебно-воспитательною и экономическою сторонами училищной жизни, Амвросій ревностно трудился по преобразованію, устройству и урегулированію духовно-учебнаго дѣла въ Россіи, причемъ ему приходилось выдерживать немалую борьбу съ невѣжествомъ и недоброжелательствомъ. Большое также участіе онъ принималъ и въ вопросѣ о единовѣріи, свидѣтельствомъ чему служатъ Высочайшіе рескрипты на его имя Императора Павла I. За труды по духовному образованію Амвросій первый удостоился званія почетнаго доктора богословія. Приблизившись къ 75-ти-лѣтнему возрасту, онъ видимо сталъ слабѣть. Обходившись всегда, не смотря на многочисленныя и сложныя занятія, безъ всякихъ помощниковъ, онъ въ 1817 г. попросилъ себѣ викарія, каковымъ и назначенъ былъ тогдашній ректоръ академіи, архимандритъ Филаретъ Дроздовъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), весьма дѣятельно помогавшій ему не только въ духовно-учебныхъ дѣлахъ, но и въ епархіальныхъ. Поводомъ къ увольненію Амвросія въ Новгородъ послужило, кромѣ старости и болѣзненности, то, что онъ, во время крещенской церемоніи, надѣлъ облаченіе, опушенное горностаемъ, взятымъ съ

покрововъ Великихъ Княгинь. Изъ трудовъ митрополита Амвросія извѣстны: „Собраніе поучительныхъ словъ, говоренныхъ въ разное время“, 3 части, Москва 1810, 1816, 1825 гг.; послѣднее изд. въ 4 частяхъ. Проповѣди Амвросія, по словамъ Филарета черниговскаго, „не отличаются ни блистательными картинами, ни свободнымъ теченіемъ рѣчи, но въ нихъ есть сила мысли и достаточная чистота русскаго языка“. — „Руководство къ чтенію св. писанія“, М. 1779 и 1803 г., по отличному отзыву митрополита Платона, было издано Св. Синодомъ на казенный счетъ. Въ 1813 г., по желанію Императрицы Маріи Θеодоровны, Амвросій составилъ: „Молитвы для чтенія въ больницахъ по утру и вечеромъ“. Онѣ напечатаны и введены въ употребленіе съ 1814 г. Кромѣ того, извѣстно много пастырскихъ посланій Амвросія, разныхъ инструкцій и громадная переписка со многими духовными лицами того времени. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ уже напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, другіе же находятся въ рукописяхъ.

Чистовичъ, «Амвросій, м. повгор.». («Странникъ» 1860 г., кн. 5 и 6).—Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. лит.».—Дѣла архива Св. Синода.—«Христіанское Чтеніе», 1857 г.. г. II, стр. 178—202.—Д. Бантышъ-Каменскій, «Словарь», т. I изд., 1847 г.

Амвросій, архіепископъ тверской и кашинскій, до постриженія Алексѣй Ивановичъ *Протасовъ*, род. около 1762 г., въ г. Боровскѣ, Московской губ., ум. 1-го іюля 1831 г. Первоначально учился въ Перервинской семинаріи, а курсъ окончилъ въ Сергіевской лаврской. Въ 1790 г. назначенъ учителемъ реторики и поэзіи въ Московской духовной академіи. По принятіи въ 1794 г. монашества, Амвросій былъ проповѣдникомъ и учителемъ философіи, а съ 1797 г. и префектомъ академіи. Въ 1799 г. возведенъ въ санъ архимандрита—настоятеля Троице-Сергіевой пустыни въ С.-Петербургѣ, занимая въ то же время должности очереднаго архимандрита, ректора Александро-Невской академіи, учителя богословія и присутствующаго въ консисторіи. Въ 1800 г. Амвросій назначенъ намѣстникомъ Александро-Невской лавры и настоятелемъ Иверскаго монастыря. 4-го іюня 1802 г. переведенъ настоятелемъ новгородскаго Юрьева монастыря съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. 10-го января 1804 г. Амвросій назначенъ епископомъ тульскимъ, а 7-го февраля 1816 г. возведенъ въ санъ архіепископа казанскаго. Въ октябрѣ 1826 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе Св. Синоду о назначеніи на казанскую каѳедру „другаго епископа, человѣка опытнаго и твердаго въ характерѣ“. Вслѣдствіе этого преосвященный Амвросій перемѣщенъ былъ на низшую по классу тверскую епархію съ оставленіемъ, впрочемъ, за нимъ той степени, въ какой онъ былъ въ Казани. Амвросій считался настолько знаменитымъ проповѣдникомъ, что митрополитъ Платонъ о немъ говорилъ такъ: „если бы я писалъ, какъ онъ, меня бы сходилась слушать вся Россія“. Съ глубокимъ природнымъ умомъ и образованіемъ онъ соединялъ и глубину чувства. Слова его изданы въ 1856 г. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., „На избраніе судей“ и „На Успеніе Богородицы“ помѣщены въ хрестоматіяхъ Галахова и Пенинскаго. По отзыву Филарета черниговскаго, изъ словъ Амвросія видно, что онъ хорошо знакомъ былъ съ французскими проповѣдниками и по ихъ примѣру особенно заботился о блескѣ картинъ, „но не столько о логической отчетливости и послѣдовательности мыслей; вмѣсто того, чтобы развить мысль логически, онъ достаточнымъ считалъ облечь ее въ картины, и оказывается, что одно не вполнѣ доказано, другое оставлено вовсе безъ поддержки, иное выражено слишкомъ рѣзко, другое—слабо“.

Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. лит.».—Дѣла архива Св. Синода.—Д. Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., т. I.—Чистовичъ, «Исторія С.-Петерб. дух. академіи», стр. 130. — Чередѣевъ. «Біографіи тверскихъ іерарховъ», стр. 169—172.—«Русское проповѣдничество», Спб. 1871 г., стр. 276—77. — «Русская Старина» 1883 г., № 11.—«Тульскія Губ. Вѣд.» 1863 г. №№ 12 и 13.

Амвросій, архіепископъ тобольскій и сибирскій, до постриженія Алексѣй *Рождественскій* или, по приходу отца, *Вещезеровъ*, род. около 1767 г. въ новгородской епархіи, ум. 25-го февраля 1825 г. Происходилъ изъ духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ бывшей Кирилловской семинаріи, а окончательное—въ Александро-Невской академіи, преобразованной послѣ въ семинарію. Здѣсь онъ изучалъ: риторику, поэзію, краснорѣчіе россійское и латинское, всѣ части философіи и богословія, математику, французскій и греческій языки. Съ 5-го марта

1794 г. Рождественскій обучалъ въ той же академіи въ высшемъ классѣ грамматикѣ и греческому языку, съ 9-го мая 1795 г.— поэзіи, а съ 18-го февраля 1799 г.—краснорѣчію русскому и латинскому. 25-го марта 1797 г. постриженъ въ монашество. Съ ноября 1798 г. зачисленъ въ число соборныхъ іеромонаховъ Александро-Невской лавры, а 26-го января 1800 г. опредѣленъ настоятелемъ - архимандритомъ Спасокаменскаго монастыря, вологодской епархіи, съ назначеніемъ ректоромъ Вологодской семинаріи. 27-го іюля 1804 г. Амвросій переведенъ настоятелемъ въ Вологодскій Спасоприлуцкій монастырь и въ то же время назначенъ цензоромъ проповѣдей, „сочиняемыхъ учеными людьми и подвергавшихся разсмотрѣнію прежде ихъ сказыванія". Въ декабрѣ 1810 г. Амвросій вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣдыванія слова Божія; 11-го сентября 1811 г. переведенъ настоятелемъ Валдайскаго Тверскаго монастыря и 25-го октября назначенъ членомъ консисторіи. 26-го марта 1812 г. опредѣленъ инспекторомъ С.-Петербургской духовной академіи, и должность эту занималъ около двухъ лѣтъ. 28-го января 1816 г. Амвросій переведенъ настоятелемъ въ Московскій Донской монастырь съ назначеніемъ предсѣдателемъ московской духовной цензуры. 15-го іюля 1817 г. архимандритъ Амвросій хиротонисанъ во епископа вятскаго, а 28-го октября 1822 г. возведенъ въ санъ архіепископа тобольскаго. Время управленія его тобольскою епархіею совпало съ введеніемъ въ Сибири новыхъ учрежденій (1823 г.) и съ особенными заботами правительства о распространеніи христіанства среди инородцевъ края. Съ этою цѣлью была учреждена миссія въ киргизскихъ степяхъ; киргизы раздѣлены на округа, въ которыхъ положено было основывать казачьи станицы съ церквами и молитвенными домами. Все это требовало отъ епархіальнаго архіерея усиленной дѣятельности и личнаго обзора необъятной епархіи, что̀ и дѣлалъ, по мѣрѣ возможности, преосвященный Амвросій. Какъ человѣкъ образованный, архіепископъ Амвросій хорошо понималъ, что для упроченія дѣла миссіи необходимо имѣть образованныхъ священнослужителей, для чего слѣдуетъ насколько возможно лучше устроить семинарію; поэтому на ея благосостояніе было обращено имъ особенное вниманіе.

Абрамовъ, «Амвросій II Рождественскій, архіеп. тобол. и сибир.», 1869 г. (отд. от.).—Чистовичъ, «Исторія Спб. дух. академіи», стр. 93 и 247. Нѣкоторыя біографич. свѣд. и даты, невѣрно помѣченныя въ помянутыхъ изданіяхъ, исправлены по подлиннымъ дѣламъ архива Св. Синода.

Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и Херсониса-Таврическаго, до постриженія Авраамъ *Серебренниковъ* или *Серебряковъ*, сынъ дьячка вятской епархіи, род. въ 1745 г., ум. 13-го октября 1792 г. Поступивъ въ 1758 г. въ Вятскую семинарію, онъ, по окончаніи курса въ ней, продолжалъ ученіе въ Московской духовной академіи. Въ 1768 г. Серебренниковъ назначенъ въ Вятскую семинарію учителемъ синтаксимы и піитики, а въ 1773 г. переведенъ въ Троицкую лаврскую семинарію преподавателемъ риторики, исторіи и французскаго языка. По принятіи въ концѣ 1775 г. монашества, Амвросій назначенъ префектомъ и учителемъ философіи; въ 1778 г. переведенъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію на тѣ же должности, а въ 1782 г. назначенъ ректоромъ Новгородской семинаріи и возведенъ въ санъ архимандрита Антоніева монастыря. 26-го декабря 1783 г. Амвросій хиротонисанъ во епископа олонецкаго, въ ноябрѣ 1786 г. возведенъ въ санъ архіепископа екатеринославскаго, а по занятіи русскими Молдавіи, назначенъ, согласно желанію князя Потемкина, мѣстоблюстителемъ молдаво-влахійской экзархіи. Преосвященный Амвросій извѣстенъ какъ ученый и проповѣдникъ. Онъ отличался необыкновенною любознательностью, энергіею и въ то же время кротостію характера. Амвросій пользовался большою любовію князя Потемкина - Таврическаго и расположеніемъ Императрицы Екатерины II, узнавшей его во время своего путешествія на югъ, гдѣ архипастырь - проповѣдникъ неоднократно встрѣчалъ ее и привѣтствовалъ рѣчами, за что̀ получилъ отъ Государыни алмазный крестъ на клобукъ. За свое участіе во II-мъ томѣ академическаго словаря избранъ былъ членомъ Россійской академіи. Изъ трудовъ Амвросія изданы: „Краткое руководство къ ораторіи россійской" М. 1779 и 1792 г. Послѣ реторики Ломоносова это первый опытъ руководства на русскомъ языкѣ. Авторъ проводитъ здѣсь мысль, что „русская

рѣчь не можетъ быть довольно обильна и возвышенна безъ славянскихъ словъ", хотя въ то же время находитъ, что нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ неумѣлое соединеніе славянскаго языка съ русскимъ. Изъ проповѣдей его изданы и извѣстны, главнымъ образомъ, три надгробныя слова надъ княземъ Потемкинымъ, изъ коихъ „Послѣднее цѣлованіе", кромѣ изданія въ Яссахъ въ 1791 г., было повторено въ „Сѣверной Пчелѣ" 1848 г., № 208. Это слово хвалили митрополитъ Евгеній, архіепископъ Филаретъ и др. Зная хорошо древніе и новые языки, преосвященный Амвросій перевелъ, между прочимъ, съ французскаго прозою „Потерянный рай" Мильтона (Москва, 1780 г.), гдѣ въ предисловіи указаны „излишества и погрѣшности" поэмы относительно ученія православной церкви. Кромѣ того, имѣются въ рукописяхъ, хранящихся, между прочимъ, въ библіотекѣ С.-Петербургской духовной академіи, многія его проповѣди, толкованіе на книгу пророка Іезекіиля, сравненіе христіанства съ Кораномъ и др.

Дѣла архива Св. Синода.—Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. лит.», стр. 361. — Д. Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г. — М. И. Сухомлиновъ, «Исторія росс. акад.», т. I, стр. 189—198.— Смирновъ, «Исторія Троицкой семинаріи», стр. 495.

Амвросій, архіепископъ велико-новгородскій и велико-луцкій, до постриженія Андрей *Юшкевичъ*, род. около 1690 г. въ Малороссіи, ум. 17-го мая 1745 г. Первоначальное образованіе получилъ въ польскихъ школахъ, а окончательное—въ Кіевской духовной академіи, гдѣ оставленъ былъ и учителемъ. По принятіи монашества, въ 1731 г., назначенъ настоятелемъ Виленскаго Свято-Духова монастыря, гдѣ ему за ревность къ православію пришлось перенести не мало оскорбленій и притѣсненій. Въ 1734 г. Амвросій возведенъ въ санъ архимандрита Московскаго Симонова монастыря, откуда въ томъ же году переведенъ настоятелемъ Ипатскаго. Въ февралѣ 1736 г. Амвросій нареченъ во епископа вологодскаго, но съ 1739 г. жилъ въ Петербургѣ, присутствуя въ засѣданіяхъ Св. Синода, и привлекалъ всеобщее вниманіе своими выдающимися проповѣдями. 29-го мая 1740 г. Амвросій назначенъ архіепископомъ новгородскимъ, гдѣ съ особенною любовію занялся устройствомъ духовной семинаріи въ Антоніевомъ монастырѣ, которую ему въ октябрѣ того же года удалось и открыть; при этомъ Амвросій составилъ особый регламентъ и штатъ семинаріи. Въ пользу созданной имъ Новгородской семинаріи Амвросій пожертвовалъ свою громадную библіотеку, сохраняющуюся и донынѣ въ особомъ зданіи, но, къ сожалѣнію, еще мало извѣстную и не описанную. Трудъ преосвященнаго Амвросія: „Основательное показаніе разностей между греческою и римскою папскою церковью" остался въ рукописи. Изъ проповѣдей его извѣстны: на бракосочетаніе принцессы Анны Леопольдовны, Спб. 1739 г., на русскомъ и латинскомъ языкахъ; на день рожденія Императрицы Елизаветы, М. 1742 г.; на вшествіе ея въ Москву; въ день коронаціи; въ день Архангела Михаила; на миръ съ Швеціею (всѣ изданы въ Москвѣ въ 1742 г.); въ день восшествія Императрицы Елизаветы на престолъ (М. 1743 г.); на 15-е іюля 1744 г. (М. 1744 г.). Многія проповѣди Амвросія остались въ рукописи. Въ историческомъ отношеніи замѣчательно слово въ день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, гдѣ обрисовываются всѣ бѣдствія, причиненныя Россіи иноземцами и иновѣрцами въ два предшествовавшія царствованія. Въ 1742 г. Амвросій съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ представили Государынѣ свои предположенія о реформѣ высшаго церковнаго управленія. Они болѣе сочувствовали единоличному управленію церковью въ лицѣ патріарха или митрополита, а не синодальной формѣ правленія. Если, писали они, „трудно покажется по регламенту духовному титлы синодальной оставить, то Синодъ хотя и оставить, однако; дабы былъ, хотя по малой формѣ, священнослуженію церкви соборной, апостольской, восточной сообразенъ, сирѣчь имѣющій въ себѣ президента и вице-президентовъ. А оберъ-прокурору и генералъ-прокурору и экономіи коллегіи нечего здѣсь дѣлать, понеже и то за нужду дѣлается, что въ Синодѣ мірскіе оберъ-секретари и секретари. По настоящему бы церковному порядку и тѣмъ надлежало быть духовнымъ лицамъ, іеромонахомъ и монахомъ. Понеже здѣсь темныя дѣла судятся и производятся, только поповстіи, причетничестіи, да монашестіи, судятся также браки законный и незаконный, падежи совѣсти. О таковыхъ, что тутъ разбирать или смотрѣть оберъ - про-

курору или иной свѣтской персонѣ, не имѣющей посвященія и власти вязать и рѣшать". Авторы записки находили также, что при вышеуказанныхъ условіяхъ возможно когда-нибудь посадить въ Синодъ и пасторовъ.

Филаретъ, «Обзоръ дух. литер.»—Архивъ Св. Синода.—Д. Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г.—Аскоченскій, «Кіевъ», т. I, стр. 314.—«Лѣтописи русской литературы», т. II. — С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII.—«Вологод. Епарх. Вѣд.» 1867 г., № 9, и 1870 г., № 14.

Амвросій (*Яковлевъ-Орлинъ*), архіепископъ рязанскій, род. около 1752 г., ум. 26-го января 1809 г. Происходилъ изъ духовнаго званія и обучался въ Крутицкой семинаріи и Московской духовной академіи. По окончаніи курса былъ учителемъ въ разныхъ семинаріяхъ. Въ 1781 г. принялъ монашество, а въ 1785 г. опредѣленъ въ Казанскій Кизичскій монастырь игуменомъ, съ порученіемъ главнаго надзора надъ татарскими новокрещеными школами. Въ 1790 г. Амвросій возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ въ Казанскій Спасскій монастырь; въ слѣдующемъ году вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣданія слова Божія, а по возвращеніи чрезъ годъ въ Казань, назначенъ ректоромъ мѣстной семинаріи и присутствующимъ въ консисторіи. Въ 1794 г. архимадритъ Амвросій переведенъ изъ Казани въ Москву настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря и назначенъ ректоромъ Московской духовной академіи. Переведенный въ 1795 г. настоятелемъ Новоспасскаго монастыря, Амвросій, 20-го іюля того же года, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ членомъ Св. Синода. 1-го іюня 1796 г. архимандритъ Амвросій хиротонисанъ во епископа вятскаго, въ январѣ 1804 г. переведенъ въ Рязань, а 11-го ноября того же года возведенъ въ санъ архіепископа. Находясь въ 1791—1792 гг. въ С.-Петербургѣ, Амвросій издалъ сборникъ своихъ проповѣдей.

Дѣла архива Св. Синода.—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 399.

Амилахоровъ, князь, *Евгеній Васильевичъ*, съ 1778 по 1780 г. президентъ вотчинной коллегіи, изъ совѣтниковъ Сыскнаго приказа, род. въ 1720 г., ум. въ чинѣ д. с. с. въ 1780-хъ годахъ. Началъ службу въ драгунахъ нижнимъ чиномъ въ 1739 г. Въ слѣдующемъ году фельдмаршаломъ Минихомъ опредѣленъ въ сержанты Ингерманландскаго пѣхотнаго полка и, черезъ полгода, произведенъ въ прапорщики. При Императрицѣ Елизаветѣ, въ 1742 г., князь Амилахоровъ былъ поручикомъ Вятскаго пѣхотнаго полка, а въ 1744 г., въ чинѣ капитана, состоялъ при особѣ Великаго Князя Петра Ѳедоровича. Въ 1750 г., будучи премьеръ-маіоромъ, онъ перешелъ изъ военной въ гражданскую службу, съ назначеніемъ въ С.-Петербургскую губернскую канцелярію товарищемъ губернатора. Въ августѣ 1753 г. Амилахоровъ переведенъ въ судьи Сыскнаго приказа. Въ сказкѣ, поданной въ 1754 г., князь Амилахоровъ показалъ, что ему пожаловано на Украйнѣ 16 дворовъ вольныхъ малороссіянъ („черкасъ").

Москов. главный архивъ Мин. Юстиціи, кн. 8122, л. 1026.

Аминовъ, графъ, *Адольфъ Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ, род. въ 1806 г., ум. 5-го ноября 1884 г. Начавъ службу въ 1823 г. сержантомъ въ бывшемъ Финскомъ егерскомъ полку, въ 1825 г. произведенъ въ прапорщики и переведенъ л.-гв. въ Финляндскій егерскій полкъ. Съ нимъ принималъ участіе въ турецкой кампаніи 1828 г. и въ усмиреніи польскаго мятежа 1830—1831 гг.; въ послѣдней войнѣ находился во многихъ дѣлахъ и, между прочимъ, въ сраженіяхъ: подъ Старымъ Якоцемъ, Тыкоциномъ и при штурмѣ Варшавы; былъ нѣсколько разъ раненъ и получилъ за отличіе золотое оружіе и польскій знакъ за военныя достоинства 4-й степ. По окончаніи войны, для лѣченія ранъ, уволенъ отъ службы и находился въ отставкѣ до 1854 г., когда опредѣленъ, въ чинѣ подполковника, командиромъ поселеннаго № 1-го Абосскаго Финскаго стрѣлковаго баталіона. Съ производствомъ въ 1858 г. въ генералъ-маіоры, графъ Аминовъ назначенъ помощникомъ инспектора поселенныхъ Финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, а годъ спустя — инспекторомъ финскихъ войскъ; 25-го мая 1863 г. зачисленъ въ свиту Его Величества; въ 1868 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Финляндскаго Сената. Генералъ-адъютантомъ графъ Аминовъ назначенъ 28-го іюля 1873 г., а въ генералы-отъ-инфантеріи произведенъ въ 1878 г.

«Рус. Инв. 1884 г., № 250. Гр. Милорадовичъ, «Списокъ лицъ свиты Ихъ Величествъ», стр. 49 и 73.

Д. С—въ.

Амманъ, *Іоганнъ*, докторъ медицины, профессоръ ботаники, сынъ извѣстнаго голландскаго врача-изслѣдователя о глухонѣмыхъ, род. въ Шафгаузенѣ въ 1707 г., ум. въ С.-Петербургѣ 4-го декабря 1741 г. Учился медицинѣ въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ съ званіемъ доктора медицины. Врожденная склонность къ естественнымъ наукамъ и, въ особенности, къ ботаникѣ заставила Аммана отказаться отъ своей спеціальности. Въ 1730 г., по рекомендаціи лейденскаго профессора Бургаве, онъ былъ приглашенъ лондонскимъ врачемъ Гансомъ Слоаномъ для надзора за его естественноисторическими коллекціями. Въ Лондонѣ Амманъ окончательно посвятилъ себя естественно-историческимъ изслѣдованіямъ, за которыя вскорѣ былъ избранъ членомъ королевскаго лондонскаго общества. Должность Аммана, какъ смотрителя музея, значительно расширила кругъ его знакомства: онъ велъ ученую переписку со многими знаменитыми естествоиспытателями того времени, и въ томъ числѣ съ нашимъ академикомъ Миллеромъ. Знакомству съ Миллеромъ Амманъ обязанъ приглашеніемъ въ Академію Наукъ. Когда открылась вакансія профессора ботаники, Миллеръ предложилъ президенту Блюментросту вызвать Аммана въ Россію и предоставить ему вакантную каѳедру. Въ 1733 г. Амманъ прибылъ въ Россію и вступилъ въ должность. Здѣсь открылось ему обширное поле для любимыхъ его занятій. За восемь лѣтъ, проведенныхъ Амманомъ въ Россіи, онъ успѣлъ оказать значительныя услуги русской ботаникѣ, какъ основаніемъ академическаго ботаническаго сада (въ 1736 г.) и составленіемъ превосходныхъ гербаріевъ, такъ и цѣлымъ рядомъ описаній вовсе неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ растеній. Между прочимъ, онъ описалъ растенія, собранныя извѣстнымъ предшественникомъ его, академикомъ Буксбаумомъ, привелъ въ систематическій порядокъ богатый гербарій натуральнаго кабинета и собралъ обширную и цѣнную библіотеку, состоявшую изъ рѣдкихъ книгъ. Послѣ смерти Аммана, послѣдовавшей на восьмомъ году его ученой дѣятельности въ Россіи, богатая библіотека его куплена Академіею. Амманъ оставилъ много сочиненій, преимущественно, по естественной исторіи; часть ихъ издана отдѣльно, а большая часть помѣщена въ „Commentariis Academiae Scientiarum Petropolitanae"—томы 8, 10, 11, 12 и 13. Изъ трудовъ этого ученаго наибольшаго вниманія заслуживаетъ изданное имъ въ С.-Петербургѣ въ 1739 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: „Stirpiorum rariorum in Imperio Ruthenico sponte provenientium icones et descriptiones". Оно содержитъ въ себѣ исчисленіе растеній, найденныхъ авторомъ по изданіи Буксбаумомъ „Центурій". При книгѣ приложены 35 рисунковъ и опись 285 сибирскихъ растеній, собранныхъ Гмелинымъ, Гейнцельманомъ и Мессершмидтомъ, во время ихъ путешествія по Сибири. Ботаникъ Гоустоунъ назвалъ въ честь Аммана одинъ изъ видовъ семейства дербенниковыхъ (Lythrariae)—*Ammania*.

Haller, «Bibliot. botan.», II, 291.—Adelung. «Fortsetz. zu Yöcher», I, 740.—Richter: «Gesch: d. Medic.», III, 266—270.—Ф. Брандтъ, «Recueil des actes de l'acad.» 1832 г., 110.—«Энц. сл. русск. уч. и лит.», т. IV.—Пекарскій, «Ист. Ак. Наукъ», I, 493—497.—Геннади, т. I.—Плюшаръ, т. II.—Венгеровъ, т. I, 504—505. *Л. В—ъ.*

Аммонъ, *Владиміръ Ѳедоровичъ*, живописецъ, род. 28-го декабря 1826 г., ум. 11-го апрѣля 1879 г., въ Москвѣ. Ученикъ московскаго строгоновскаго училища техническаго рисованія и училища живописи, ваянія и зодчества, онъ получилъ 25-го сентября 1850 г. званіе отъ Академіи Художествъ художника за программу „Видъ академіи наукъ и дворцовой набережной въ Петербургѣ". Званіе академика Аммонъ получилъ 16-го апрѣля 1859 г. за „Видъ въ окрестностяхъ Москвы". Послѣдніе годы жизни (1871—75) принималъ участіе въ передвижныхъ выставкахъ „Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ" сперва въ качествѣ экспонента, а затѣмъ и члена товарищества. Акварель Аммона „Мальчикъ кидаетъ щенку въ воду" (1854) была пріобрѣтена Великою Княгинею Маріею Николаевною, а картина „Аллея" (1871)—К. Т. Солдатенковымъ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. I, стр. 138—9.

Аммонъ, *Иванъ* (Германъ) *Ѳедоровичъ*, род. 24-го іюня 1822 г., въ Казани, ум. въ Москвѣ 14-го февраля 1874 г. Черезъ годъ по окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета поступилъ (въ 1845 г.) на службу въ Московскій главный архивъ Министер-

ства Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ оставался до самой смерти. Съ 1863 года Аммонъ служилъ еще въ московскомъ кредитномъ обществѣ. Онъ перевелъ въ четырехъ томахъ „Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца“, изданный въ Москвѣ, въ 1857—1863 годахъ, и „Записки о Россіи при Петрѣ Великомъ“, извлеченныя изъ бумагъ графа Бассевича и напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г. Въ рукописи остался переводъ тѣхъ главъ изъ автобіографіи Бюшинга, которыя относятся къ его пребыванію въ Россіи. Кромѣ этихъ, весьма цѣнныхъ для русской исторической науки переводовъ, Аммонъ написалъ нѣсколько оригинальныхъ статей, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія двѣ статьи о Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: одна—помѣщенная въ 5-мъ томѣ „Энцикл. Словаря“, составл. русск. учен. и литер., а другая—въ IV выпускѣ „Сборника“ архива, оставшаяся, впрочемъ, неоконченною.

«Сборникъ Моск. главн. арх. Мин. Иностр. Дѣлъ», вып. II (некрологъ Аммона).—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», томъ I, стр. 952—3.

Амосовъ, *Иванъ Аѳанасьевичъ*, инженеръ-генералъ, членъ Адмиралтействъ-Совѣта, одинъ изъ замѣчательныхъ судостроителей послѣдней эпохи парусного балтійскаго флота и начала пароваго судостроенія, род. 12-го ноября 1800 г. въ Архангельскѣ, ум. 1-го іюня 1878 г. Воспитаніе получилъ въ училищѣ корабельной архитектуры, преобразованномъ потомъ въ корпусъ корабельныхъ инженеровъ. Выпущенный на службу изъ училища въ 1817 г. съ званіемъ тиммермана, Амосовъ былъ нѣсколько разъ командированъ заграницу, для лучшаго изученія иностраннаго судостроенія. Первая посылка состоялась въ 1827 г. въ Англію; вторая въ 1829 г.—въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и третья въ 1846 г.—также въ Англію, для ознакомленія съ постройкою англійскихъ судовъ, снабженныхъ архимедовымъ винтомъ. Результатъ командировокъ сказался въ отличной постройкѣ разнаго ранга судовъ въ періодъ съ 1832 по 1853 г., не только парусныхъ, но и паровыхъ. Амосовымъ было построено: кораблей 3, фрегатовъ 8, пароходо-фрегатовъ 3 и мелкихъ судовъ до 14. Въ числѣ паровыхъ, былъ спущенный въ 1848 г. первый съ винтовымъ двигателемъ, въ 300 силъ, фрегатъ „Архимедъ“. Лучшимъ свидѣтельствомъ успѣшной судостроительной дѣятельности Амосова были корабли „Фершампенуазъ“, „Выборгъ“ и фрегатъ „Аврора“, прослужившіе безъ тимбировки болѣе 20 лѣтъ. За свои успѣшныя судостроительныя работы Амосовъ неоднократно награждался цѣнными подарками, и всѣ чины, до генералъ-лейтенанта включительно, постоянно получалъ „за отличіе“. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ кораблестроительныхъ работъ кронштадтскаго порта, и эту трудную и отвѣтственную должность занималъ въ теченіе 16 лѣтъ, принимая самое дѣятельное участіе въ постройкѣ нашихъ первыхъ броненосныхъ судовъ и вообще въ преобразованіи нашего флота изъ паруснаго въ паровой. Въ 1872 г. Амосовъ пожалованъ въ инженеръ-генералы, а затѣмъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Совѣта.

Архивъ Морскаго Министерства, формулярный списокъ.—Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 гг. *С. Огородниковъ.*

Амосовъ, *Николай Алексѣевичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1787 г., ум. въ 1868 г. Воспитанникъ 2-го кадетскаго корпуса, откуда выпущенъ офицеромъ въ 1805 г. по артиллеріи; участвовалъ въ турецкой кампаніи 1808 и войнахъ 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.; вслѣдъ затѣмъ долгое время состоялъ членомъ департамента военныхъ поселеній по искусственной части и, по производствѣ въ 1834 г. въ генералъ-маіоры, вышелъ въ отставку въ 1840 г. Особенною заслугою Амосова является изобрѣтеніе особыхъ „амосовскихъ“ печей, предназначавшихся для отапливанія зданій пневматическимъ способомъ; печи получили извѣстность съ 1835 г., причемъ за устройство ихъ въ Зимнемъ Дворцѣ изобрѣтатель былъ награжденъ 2.000 десятинами земли. На ряду съ практикою дѣла, Амосовымъ, въ періодъ 1840—1844 гг., были изданы двѣ руководящія брошюры: „Наставленіе, какъ обходиться съ пневматическимъ отопленіемъ“ и „Краткое понятіе о пневматическомъ отапливаніи и качествахъ воздуха, относительно здоровья“. Его же перу принадлежатъ труды: „Описаніе устройства громоотводовъ“ (Спб. 1850 г.), два перевода: Кондильяка—„О выгодахъ свободной торговли“ (Спб. 1817 г.) и „Фенелоновы избранныя творенія“ (Спб. 1820 г.), и

рядъ небольшихъ повѣстей, помѣщенныхъ въ разное время въ „Иллюстрированной Газетѣ“ и „Воскресномъ Досугѣ“.

«Иллюстр. Газета» 1868 г. № 7.—«Иллюстр. Календарь» 1869 г.—Словари: Старчевскаго, Венгерова и Брокгауза-Ефрона. *Д. С—въ*

Амосовъ, *Сергѣй Николаевичъ*, живописецъ, род. 24-го мая 1837 г., ум. 3-го ноября 1886 г., въ Москвѣ. По окончаніи курса въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, удостоенъ въ 1864 г. отъ Академіи Художествъ званія художника. За выставленныя на академическихъ выставкахъ картины, Амосовъ получилъ: въ 1869 г.—званіе класснаго художника 3-ей степени („Въѣздъ въ дер. Кутузово послѣ дождя“), въ 1870—2-ой степени („Опушка лѣса въ окрестностяхъ Москвы“) и, наконецъ, въ 1872 г.—1-ой степени („Полтавское поле“). Одинъ изъ членовъ-учредителей товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ, Амосовъ принималъ въ этихъ выставкахъ дѣятельное участіе: съ 1871 по 1886 годъ на нихъ появилось 17 амосовскихъ пейзажей и нѣсколько этюдовъ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. I, стр. 140—41.

Амосъ, протопопъ Новгородскаго Софійскаго собора, прославилъ себя геройскою смертью, защищая Новгородъ во время предательскаго захвата его шведскими войсками подъ начальствомъ Делагарди, въ юлѣ 1611 г.

П. С. Р. Л., т. III.

Амурсана, послѣдній ханъ чжунгаровъ (ойратовъ), главнѣйшій виновникъ паденія чжунгарскаго царства и покоренія чжунгаровъ китайцами въ XVIII вѣкѣ, род. въ началѣ прошлаго столѣтія, ум. 1757 г. въ предѣлахъ Россіи. Онъ былъ сыномъ Даньчжуна и внукомъ Лацзанъ-хана; родился отъ перваго брака матери своей Ботолоки, вышедшей незадолго до рожденія Амурсаны вторично замужъ за хойтскаго старшину, Вейчженъ-Хошоція. Въ 1745 г., послѣ смерти хана Галдапъ-Церене, дяди Амурсаны, начались въ Чжунгаріи безпорядки; Амурсана пытался хитростью занять ханскій престолъ, но когда потерялъ надежду, то рѣшилъ открыть себѣ путь къ нему силою и, вступивъ въ союзъ съ тестемъ своимъ, Тайчжи-Дами, переселился въ Яръ (Чугучакъ или Тарбагатай), на берегъ Иртыша и оттуда сталъ производить вторженія въ Или. Встрѣтившись съ войскомъ чжунгарскаго хана Давачи, Амурсана уклонился отъ сраженія и бѣжалъ съ братомъ своимъ Баньчжупомъ въ предѣлы Китая, гдѣ въ 1754 г. принялъ китайское подданство. Тогдашній императоръ китайскій, Цянь-лунь, воспользовался междоусобіями чжунгаровъ и выслалъ въ Чжунгарію, въ началѣ 1755 г., двѣ арміи съ цѣлью разрушить союзъ ойратовъ. Амурсана находился при сѣверной арміи въ качествѣ помощника полководца и, при вступленіи арміи въ предѣлы Чжунгаріи, поручился за мирное расположеніе къ ней китайцевъ. По покореніи китайцами Чжунгаріи, Амурсана разсчитывалъ, что его сдѣлаютъ правителемъ страны на мѣсто Давачи, но китайское правительство составило иной планъ: оно рѣшило разбить сплошную Чжунгарію на четыре независимыя ханства и, до окончательнаго приведенія всего края въ устройство, оставить въ Или часть войска, поручивъ негласный надзоръ за Амурсаной зятю китайскаго императора, корциньскому князю Балгфуру. Амурсана, склонивъ Балгфура на свою сторону, произвелъ возмущеніе, перебилъ китайскіе гарнизоны и объявилъ себя самовластнымъ правителемъ Чжунгаріи. Но владычество его продолжалось недолго. Императоръ Цянь-лунь въ началѣ 1756 г. выслалъ въ Чжунгарію новыя войска, узнавъ о приближеніи которыхъ Амурсана бѣжалъ въ степи средней казачьей орды, оставивъ отечество въ безначаліи. Чжунгарскіе князья, послѣ побѣга главы своего, были пойманы китайцами и умерщвлены, а затѣмъ произошло конечное истребленіе чжунгаровъ, и вся область присоединена къ Китайской имперіи (1756 г.). Амурсана, бѣжавшій къ киргизамъ, едва не былъ выданъ китайскому правительству ханомъ Аблаемъ, но, проскитавшись въ необитаемыхъ горахъ Сибири, бѣжалъ въ предѣлы Россіи. Китайское правительство потребовало отъ Россіи выдачи Амурсаны, но русское правительство затруднялось предать довѣрившагося ему хана, принадлежавшаго къ племени, независимому до того времени отъ Китая. Во время длившихся переговоровъ по этому поводу Амурсана умеръ. Послѣ смерти его, китайцы требовали выдачи тѣла, но русское правительство не рѣшилось отдать на поруганіе останковъ хана, а дозволило только

посланнымъ, сомнѣвавшимся еще въ смерти опаснаго врага ихъ, дважды освидѣтельствовать тѣло Амурсаны. Жена его Битей, прибывшая съ сыномъ Пунцукомъ въ Россію вслѣдъ за мужемъ, отправлена была въ калмыцкую орду при Волгѣ, откуда, по собственному ея желанію, переселилась въ С.-Петербургъ и здѣсь, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ, умерла (1761 г.). Сынъ ея, послѣ смерти матери, принялъ православіе.

Въ «Историческомъ обозрѣніи ойратовъ» отца Іакинѳа и «Энциклопедическомъ словарѣ» Плюшара сказано, что Амурсана умеръ отъ оспы, тогда какъ синологъ В. П. Васильевъ въ статьѣ своей, помѣщенной въ «Энциклопед. словарѣ, составленномъ русскими уч. и лит.», говоритъ, что Амурсана утонулъ, и, кромѣ того, прибавляетъ, что трупъ его высланъ былъ русскимъ правительствомъ китайцамъ на поруганье.—Іакинѳъ, «Историч. обозрѣніе ойратовъ», стр. 97—124.—Тимковскій, «Путешествіе въ Китай», т. I, 155.—Левшинъ. «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ степей», 2 ч., 84, 209 и 224.—Энциклопедическіе словари: составленный русск. уч. и лит., т. IV, 178—179, Плюшара, т. II, 160—161, Клюшникова, стр. 96 и «Настольный словарь» Толля, стр. 101.

Амфилохій, преподобный. Будучи уже инокомъ, онъ пришелъ къ преподобному Діонисію Глушицкому, когда послѣдній основалъ Глушицкую и Сосновецкую обители, и оставался здѣсь до конца жизни, ведя строго подвижническую жизнь. По рукописному житію святыхъ, Амфилохій скончался спустя 15 лѣтъ послѣ преподобнаго Діонисія, слѣдовательно, приблизительно около 12-го октября 1452 г., когда празднуется его память. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ, рядомъ съ мощами Діонисія въ храмѣ, посвященномъ ихъ имени. Рака надъ мощами устроена въ 1645 г., усердіемъ нѣкоего гостя Бахтеяра Булгакова.

Филаретъ, «Житія святыхъ».—«Истор. сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи», 1880 г., стр. 206—208.—«Святая Русь», арх. Леонида, 1891 г., стр. 78.—Амвросій, «Исторія Росс. Іерархіи», т. III, 701—2.

Амфилохій, гробовой іеромонахъ Ростовскаго Яковлевскаго ставропигіальнаго монастыря, до постриженія Андрей Яковлевичъ *Константиновичъ*, сынъ священника Ростовской Воскресенской церкви, род. 9-го октября 1748 г., ум. 26-го мая 1824 г. Получивъ домашнее образованіе, онъ былъ опредѣленъ 5-го іюля 1765 г. причетникомъ къ церкви Іоанна Милостиваго въ г. Ростовѣ, а затѣмъ, во вниманіе къ трудамъ „по иконописному и финифтяному художеству“, посвященъ во діаконы при церкви великомученицы Параскевы въ Ярославлѣ. Въ 1770 г. Императрица Екатерина II, находясь въ Москвѣ, повелѣла архіепископу московскому Амвросію возобновить Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій соборы съ тѣмъ, чтобы иконописныя работы были исполнены преимущественно духовными лицами. Въ числѣ прочихъ иконописцевъ вызванъ былъ въ Москву и діаконъ Андрей. По окончаніи работъ въ Москвѣ и возвращеніи въ Ярославль, онъ скоро овдовѣлъ. 6-го мая 1777 г. поступилъ въ число братіи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря, и 8-го декабря 1779 г. постригся въ монахи. 8-го іюля 1780 г. Амфилохій рукоположенъ во іеромонаха и въ томъ же году назначенъ смотрителемъ благочинія, гробовымъ іеромонахомъ и уставщикомъ. Подвиги воздержанія іеромонаха Амфилохія сдѣлались извѣстными во многихъ мѣстностяхъ Россіи и снискали ему уваженіе многихъ знатныхъ лицъ; не разъ отказывался онъ отъ настоятельскихъ мѣстъ въ монастыряхъ. 14-го января 1818 г. іеромонахъ Амфилохій всемилостивѣйше награжденъ былъ наперснымъ крестомъ съ драгоцѣнными украшеніями изъ Кабинета Его Величества. 10-го мая 1818 г. Императрица Марія Ѳеодоровна, въ бытность свою въ Ростовѣ, пригласила Амфилохія во дворецъ и провела въ бесѣдѣ съ нимъ продолжительное время. 23-го августа 1823 г. Императоръ Александръ I дважды посѣтилъ Яковлевскую обитель и старца Амфилохія въ собственной его кельѣ.

Нѣсколько писемъ іеромонаха Амфилохія помѣщены въ книгѣ: «Описаніе жизни почившаго въ Господѣ Ростовскаго ставропигіальнаго Яковлевскаго монастыря гробового іеромонаха Амфилохія», 1834 г.

Амфилохій (*Леонтовичъ*), епископъ переяславскій, род. около 1729 г., ум. 1-го іюля 1798 г. Происходилъ изъ малороссійскаго шляхетства и до постриженія въ монашество находился на службѣ въ бывшихъ полковой миргородской и войсковой генеральной малороссійскихъ канцеляріяхъ. Монашество принялъ въ 1750 г., въ Кіевскомъ Михайловскомъ

монастырѣ, откуда взятъ былъ въ Троице-Сергіеву лавру, изъ которой переведенъ въ тверской архіерейскій домъ ризничимъ и присутствующимъ въ вотчинной конторѣ. Въ 1761 г. Амфилохій возвратился въ Троице-Сергіеву лавру и вскорѣ назначенъ казначеемъ. Въ 1769 г. назначенъ игуменомъ Кіевскаго Кирилловскаго монастыря, а въ 1776 г. возведенъ въ санъ архимандрита Ростовскаго Іаковлевскаго монастыря. Въ томъ же санѣ Амфилохій былъ въ Кіевскомъ Межигорскомъ монастырѣ, а по упраздненіи его, въ 1787 г., назначенъ настоятелемъ Кіевскаго Николаевскаго монастыря и присутствующимъ въ духовной дикастеріи. Епископомъ переяславскимъ архимандритъ Амфилохій назначенъ 1-го іюля 1799 г.

Дѣла архива Св. Синода.

Амфилохій, архимандритъ Паисіина Галицкаго монастыря, въ мірѣ Александръ Іоакимовичъ *Тульскій*, сынъ священника Ризположенскаго женскаго монастыря, род. въ Суздалѣ, около 1793 г., ум. въ 1868 г. Съ октября 1802 г. началъ обучаться въ Суздальскомъ духовномъ училищѣ, въ сентябрѣ 1809 г. перешелъ во Владимірскую духовную семинарію и въ 1818 г. закончилъ свое образованіе въ Московской духовной академіи со степенью кандидата. По окончаніи курса оставленъ при академіи баккалавромъ еврейскаго и греческаго языковъ. 20-го октября того же 1818 г. постригся въ монашество съ именемъ Амфилохія, 12-го декабря рукоположенъ во іеродіакона, а 15-го декабря—въ іеромонаха. 19-го декабря 1821 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Московскаго Донского монастыря, а въ сентябрѣ 1822 г. занялъ должность инспектора и профессора церковной исторіи и греческаго языка въ Костромской духовной семинаріи, гдѣ и оставался до 1827 г., причемъ въ 1823 г., возведенный въ санъ игумена, получилъ въ управленіе Луховскій Николаевскій монастырь при Тихановой пустынѣ. Въ 1825 г. Амфилохій назначенъ благочиннымъ ближайшихъ монастырей, а 2-го августа 1826 г. перемѣщенъ въ Паисіинъ Галицкій монастырь и возведенъ въ санъ архимандрита, но менѣе, чѣмъ черезъ годъ, 18 мая 1827 г., за нѣкоторые неблаговидные поступки, ему запрещено было священнослуженіе, рукоблагословеніе, ношеніе архимандричьяго креста, клобука и рясы, и самъ онъ отправленъ въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, гдѣ и прожилъ безвыходно 40 лѣтъ.

Дѣла архива Св. Синода: 1818 г. № 759; 1821 г. № 1363; 1823 г. № 914; 1826 г. № 368; 1827 г. №№ 620 и 837.

Амфилохій, іеромонахъ, возстановитель Реконской пустыни, до постриженія Андрей Ивановичъ *Шапошниковъ*. Финнъ по происхожденію, сынъ лютеранина, служившаго при киркѣ, онъ род. въ 1741 г., въ Ригѣ, ум. 9-го августа 1865 г. Какое имя онъ носилъ въ лютеранствѣ — неизвѣстно. Образованіе онъ получилъ домашнее, по лютеранскимъ руководствамъ, но впослѣдствіи тайно отъ родителей присоединился чрезъ мѵропомазаніе къ православной церкви, съ именемъ Андрея Ивановича Шапошникова. Въ Реконское пустынное мѣсто, Новгородской губ., онъ пришелъ въ 1813 г. и много претерпѣлъ „волокитства", какъ не имѣвшій вида на жительство. Основанная въ глубокой древности Реконская пустынь, въ то время приписывалась то къ одному, то къ другому монастырю, или же къ какой-либо сельской церкви. Страшная запущенность строеній, очень рѣдкое богослуженіе, полное отсутствіе монаховъ и расхищеніе принадлежавшей пустыни сѣнокосной и пахотной земли, привели Шапошникова въ полное уныніе; но онъ твердо рѣшился возстановить монастырь и достигъ исполненія своего желанія. Въ 1816 г. онъ сдѣланъ былъ пономаремъ Реконской Троицкой церкви, а въ 1820 г. началъ дѣло о возвращеніи пустыни несправедливо отнятой земли. Дѣло тянулось до 1860 г., когда, наконецъ, за землю перешедшую въ частныя руки, пустыни были выданы деньги, сама же пустынь 13-го февраля 1860 г. обращена въ самостоятельную монашескую обитель съ наименованіемъ ея заштатнымъ общежительнымъ монастыремъ. Во время этого тяжебнаго дѣла, 26-го августа 1822 г., Шапошниковъ постригся въ монашество съ именемъ Адріана, а 23-го ноября 1832 г. принялъ и схиму съ именемъ Амфилохія, хотя многіе не знали объ этомъ. Въ свободное время Амфилохій велъ строго отшельническую жизнь, уходя въ пустынную мѣстность и питаясь чѣмъ попало. Скончался онъ на 125-мъ году отъ рожде-

нія, оставивъ по себѣ памятникъ—возстановленную имъ и при его жизни обстроившуюся и населенную иноками Свято-Троицкую Реконскую пустынь, Новгородской губ., въ 45 верстахъ отъ г. Тихвина.

Н. С. «Описаніе Свято-Троицкой Рекон. пуст. и очеркъ жизни А. Ив. Шапошникова». Спб. 1884 г.—Мѣстныя преданія о немъ.

Амфитеатровъ, *Егоръ Васильевичъ*, д. с. с., заслуженный ординарный профессоръ Московской духовной академіи, сынъ священника орловской епархіи. Род. 24-го апрѣля 1815 г., ум. 17-го мая 1888 г. По окончаніи въ 1835 г. курса въ мѣстной семинаріи, поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, изъ которой въ 1839 г. вышелъ магистромъ богословія и тотчасъ назначенъ баккалавромъ въ Московскую духовную академію, по каѳедрѣ словесности и литературы, каковую и занималъ въ теченіе всей своей службы, состоя въ тоже время сначала секретаремъ академическаго правленія, а съ 1870 г.—помощникомъ ректора по церковно-практическому отдѣленію. Съ 1844 г. экстраординарный, а съ 1848 г. ординарный профессоръ. Амфитеатровъ былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ преподавателей академіи и вліятельнѣйшимъ членомъ ея корпораціи. „Съ восторгомъ, чуть не съ поклоненіемъ отзывались объ Амфитеатровѣ", пишетъ Гиляровъ-Платоновъ въ своихъ воспоминаніяхъ. „Онъ имѣлъ огромное вліяніе на студентовъ", пишетъ другой его ученикъ, протоіерей Г. П. Смирновъ-Платоновъ. И дѣйствительно, Амфитеатровъ обладалъ счастливою способностью претворять въ свое собственное все, заимствованное имъ изъ богатыхъ иностранныхъ литературъ, примѣняясь въ то же время къ потребностямъ и характеру духовнаго заведенія. Студенты поражались и глубиною мыслей профессора, и правильностью ихъ логическаго сочетанія, и изяществомъ изложенія. Насколько академія дорожила своимъ даровитымъ и популярнымъ членомъ видно изъ того, что, когда въ 1874 г. истекъ возможный по тогдашнему академическому уставу 35-лѣтній срокъ его службы при академіи, послѣдняя, не желая лишиться профессора, исходатайствовала ему исключительное право читать лекціи по найму. Въ 1873 г. Амфитеатровъ былъ избранъ городскимъ головою Сергіева посада. Въ этой должности онъ заявилъ себя энергичнымъ дѣятелемъ по просвѣщенію, благотворенію и благоустройству, вслѣдствіе чего удостоился еще при жизни постановки своего портрета въ залѣ городской думы. Печатные труды Амфитеатрова немногочисленны, такъ какъ онъ, по свойственной многимъ ученымъ стараго времени скромности, удерживался отъ печатанія своихъ сочиненій. Въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ" напечатаны его сочиненія: „О священной поэзіи евреевъ" и „О существѣ и свойствахъ художественной дѣятельности".

Слова и рѣчи при погребеніи проф. Амфитеатрова.—Некрологи въ московскихъ газетахъ.—«Церк. Вѣд.». 1888 г., № 24.—Архивъ Св. Синода.

Амфитеатровъ, *Яковъ Космичъ*, профессоръ Кіевской духовной академіи, род. въ 1802 г., въ с. Высокомъ, Кромскаго уѣзда, Орловской губ., гдѣ отецъ его былъ сперва причетникомъ, а потомъ священникомъ, ум. 8-го іюля 1848 г. Образованіе свое онъ началъ въ Сѣвской семинаріи. Затѣмъ перешелъ въ Орловское духовное училище и семинарію, курсъ въ которой окончилъ въ 1825 г. и, по настоянію своего родственника, епископа калужскаго Филарета, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, поступилъ, противъ своего желанія, въ Кіевскую духовную академію, гдѣ, однако, какъ даровитый студентъ, окончилъ курсъ въ 1829 г. однимъ изъ лучшихъ магистровъ, почему и былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ русской словесности и гомилетики. По словамъ историка Кіевской академіи, Аскоченскаго, предшественники Амфитеатрова по гомилетикѣ трудились только надъ приготовленіемъ матеріаловъ для образованія этой науки; но самая наука все еще уклонялась отъ проторенной дороги, по которой шли иноземные проповѣдники. Мертвыя формулы старинной риторики парализовали проявленія мыслящаго ума и живаго чувства. Все это надобно было пересоздать, передѣлать и Амфитеатровъ не испугался этой трудной работы. Не успащая рѣчи своей пустыми, звонкими фразами, онъ заговорилъ просто, но сильно. Принимая за образецъ безсмертныя творенія Златоуста, Василія Великаго, Аѳанасія, Григорія и др. Какъ самобытный и талантливый профессоръ, Амфитеатровъ, имѣлъ немалое вліяніе не только на своихъ непосредственныхъ слу-

шателей, но и вообще на разработку и направленіе гомилетической науки, что сказалось и въ его литературныхъ трудахъ. Изъ послѣднихъ въ печати извѣстны слѣдующіе: „Чтенія о церковной словесности" въ 2 ч., Кіевъ, 1847 г.; по отзыву с.-петербургской академической конференціи, чтенія эти отличаются полнотою матеріаловъ, порядкомъ и живостію въ изложеніи ихъ; только въ 3-мъ отдѣлѣ много тонкихъ и малопримѣнимыхъ правилъ. „Бесѣды объ отношеніи церкви къ православнымъ христіанамъ". Спб. 1849, 1853 г. Три краткія статьи въ „Домашней Бесѣдѣ" 1859 г., стр. 69, 104 и 135. Въ „Воскресномъ Чтеніи" помѣщено болѣе 70 статей Амфитеатрова, изъ которыхъ большинство безъ подписей. Между ними наиболѣе выдающіяся: „Лилія", „Бесѣда священника съ прихожаниномъ, у котораго сынъ распутный", „Бесѣда о сиротствѣ". Въ журналѣ „Маякъ" ему же принадлежатъ: „Простоволосые", „Батыева дорога", „Падающія звѣзды" и повѣсть „Леви Долина".

Аскоченскій, «Исторія Кіев. акад.», стр. 244.—Филаретъ, «Обзоръ русс. дух. лит.».—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр, 516—18.

Ананія, преподобный, иконописецъ Антоніева Новгородскаго монастыря. По сказанію, онъ писалъ „дивныя иконы многихъ святыхъ чудотворцевъ" и такъ строго выполнялъ иноческіе обѣты, что въ теченіе 33 лѣтъ ни разу не выходилъ за ограду обители. Преставился въ лѣто 7089 (1581 г.) 17-го іюня, когда и празднуется его память. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ.

Филаретъ, архіеп. черниг., «Русскіе святые», іюнь.—Архимандритъ Леонидъ, «Святая Русь», стр. 46.—«Источники русской агіографіи», стр. 35.

Ананьевъ, *Аѳанасій*, составитель, вмѣстѣ съ Ясницкимъ и Лебединскимъ, «Полнаго латинскаго словаря», изданнаго въ 1862 г. П. М. Леонтьевымъ. Подготовительныя работы начаты были Ананьевымъ задолго до появленія словаря въ свѣтъ, что видно изъ книжки «Обозрѣніе латинскихъ словарей и планъ новаго латинско-русскаго словаря» (Москва, 1849). Одновременно съ полнымъ вышелъ и «Сокращенный латинскій словарь», отличающійся тѣми же достоинствами, какъ и первый: богатствомъ словъ и обиліемъ цитатъ изъ классическихъ латинскихъ авторовъ. Изданная Ананьевымъ въ 1867 г. «Латинская грамматика» стоитъ значительно ниже его лексикографическихъ трудовъ.

«Москвитянинъ» 1850 г., № 23, кн. 2, стр. 135—141.—«Журн. Мин. Народн. Просв.» 1867 г., № 11.—«Сборникъ мнѣній ученаго комитета Мин. Народн. Просв.», 1869 г., стр. 65—67.—С. А. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 521.

Ананьины, двѣ фамиліи въ московской Руси; одна — дьяческая, служилыхъ людей, а другая—новгородскаго происхожденія. Послѣдняя дала нѣсколько посадниковъ, изъ которыхъ въ „Лѣтописяхъ" упомянутъ родоначальникъ фамиліи, посадникъ *Ананія* и его сынъ Павелъ. Первый былъ посадникомъ въ Новгородѣ, когда граждане его посадили у себя въ князья брата Александра Невскаго, Ярослава Ярославича. Александръ Невскій требовалъ, чтобы новгородцы, желавшіе съ нимъ помириться, выдали ему навѣтниковъ. Новгородцы объ этомъ спорили другъ съ другомъ, и во время распри одинъ изъ бояръ новгородскихъ бѣжалъ, но былъ пойманъ и подвергся бы истязаніямъ, если бы посадникъ Ананія не уговорилъ пощадить его. Но, затѣмъ, великій князь Александръ, враждебно настроенный навѣтами, потребовалъ смѣны посадника Ананіи и отдачи посадничества Михаилу, на чемъ и настоялъ. Въ августѣ 1257 года Ананія умеръ, и въ ту же осень произошло возмущеніе изъ-за ввода татарской тамги, причемъ былъ убитъ посадникъ Михаилъ Степановичъ. Въ 1271 г., по смерти Ярослава Ярославича, новгородцы выбрали себѣ въ княженіе сына св. Александра Невскаго, князя Димитрія Александровича. Въ это время былъ посадникомъ сынъ Ананіи, *Павелъ Ананьевичъ*, умершій зимою 1273—1274 г. Въ 1309 г. выбрали въ посадники сына Павла Ананьевича, Михаила, убитаго въ бою съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ въ 1314 г. у Торжка.

П. С. Р. Л., т. III, IV и V. — «Рос. родосл. книга», ч. IV, стр. 240.

II. Дьяческая фамилія *Ананьиныхъ* въ боярскихъ книгахъ не показывается, но представители или родоначальники ея служили уже при Грозномъ. Изъ грамоты, данной въ Новгородѣ Юрьеву монастырю 29-го марта 1564 г., видно, что Леонтій *Ананьинъ* былъ вторымъ дьякомъ государевымъ въ Новгородѣ. Изъ грамотъ митрополитовъ Аѳонія (6-го февраля 1648 г.) и Макарія (17-го октября 1658 г.) видно,

что у митрополита былъ дьякъ Денисъ *Ананьинъ*, скрѣплявшій грамоты.

«Акты археографич. экспедиціи», т. I, 74, и т. IV, 37 и 138.

Ананьины, ярославскіе иконописцы XVII вѣка, *Василій* и *Константинъ*. Василій вытребованъ былъ въ 1660 г. изъ Ярославля въ Москву для расписыванія кремлевскаго Архангельскаго собора, а въ 1670—1671 г. работалъ въ селѣ Коломенскомъ и писалъ (съ Константиномъ Ананьинымъ и Ѳедоромъ Козловымъ) иконы: „Сошествіе Св. Духа", „Страшный судъ" и „Недѣля св. Отецъ". Въ 1676 году посланъ былъ въ Ростовъ къ митрополиту Іонѣ, для стѣннаго письма въ соборной церкви Успенія Пресв. Богородицы. Константинъ Ананьинъ, должно быть старшій братъ Василія, уже въ 1643 г. участвовалъ въ возобновленіи стѣнного письма въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ 1650 г. онъ расписывалъ придѣлы и алтари въ Звенигородскомъ монастырѣ св. Саввы Сторожевскаго, а въ 1660, 1670 и 1671 годахъ работалъ вмѣстѣ съ братомъ.

Забѣлинъ, «Матеріалы для ист. русской иконописи», стр. 9, 12, 118, 120, 128, 217, 231.—Ровинскій, «Исторія русск. школъ иконописи»,—«Записки Имп. Русск. Археолог. Общ.», т. VIII, стр. 128—129.—Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», томъ I, вып. I, стр. 143—144.

Ананьинъ, *Яковъ Ананьевичъ*, архитекторъ, ум. послѣ 1793 года. Былъ ученикомъ канцеляріи отъ строеній въ С.-Петербургѣ (въ 1744 г.), а затѣмъ въ ней же состоялъ архитекторскимъ помощникомъ (съ 1759 г.). Признанный гр. Растрелли и Кокориновымъ достойнымъ званія «за архитектора», съ рангомъ капитана, Ананьинъ произведенъ лишь (1763) въ поручики и въ мартѣ слѣдующаго года откомандированъ въ экспедицію строеній Императорской Академіи Художествъ, гдѣ прослужилъ до февраля 1771 г. Получивъ въ 1773 г. отъ конторы строеній увольнительный аттестатъ, Ананьинъ въ 1776—1777 гг. былъ бобриковскимъ и богородицкимъ архитекторомъ, причемъ строилъ дворецъ, церковь и другія зданія въ с. Бобрикахъ, а также соборъ въ Богородицкѣ. Въ 1779—1793 годахъ Ананьинъ служилъ нижегородскимъ губернскимъ архитекторомъ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 146.

Анастасевичъ, *Василій Григорьевичъ*, библіографъ и переводчикъ, род. 28-го февраля 1775 г., въ Кіевѣ, ум. 16-го февраля 1845 г., въ С.-Петербургѣ. Отецъ его, Григорій Анастази, выходецъ изъ Валахіи, былъ въ Кіевѣ членомъ магистрата, состоявшаго на магдебургскомъ правѣ. Съ 1786 г. воспитывался въ Кіевской духовной академіи, прошелъ пять классовъ и, перейдя въ шестой, оставилъ учебное заведеніе, приглашенный учителемъ дѣтей одного курскаго помѣщика. Въ 1795 г. Анастасевичъ поступилъ стражникомъ въ малороссійскій корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ и, пользуясь расположеніемъ одного изъ своихъ начальниковъ, командира Полоцкаго полка, князя П. М. Дашкова, значительно пополнилъ свое образованіе: гуманный начальникъ снабжалъ Анастасевича не только книгами и «тетрадями, по коимъ воспитывался въ Единбургскомъ университетѣ», но и училъ его англійскому и итальянскому языкамъ. Перейдя въ гражданскую службу, Анастасевичъ занимался, вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ и депутатомъ Виленскаго университета Іеронимомъ Стройновскимъ, дѣлами по преобразованію Виленской академіи и по устройству учебнаго вѣдомства вообще (это было при основаніи въ 1802 г. Министерства Народнаго Просвѣщенія). Поступивъ затѣмъ, по чьей-то рекомендаціи, старшимъ письмоводителемъ къ только-что назначенному попечителемъ виленскаго учебнаго округа князю А. А. Чарторижскому, Анастасевичъ вскорѣ пріобрѣлъ его довѣріе. Находясь при Чарторижскомъ до 1810 г., Анастасевичъ занимался дѣлами не только по виленскому учебному округу, но нерѣдко по Сенату и Государственному Совѣту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1809 г. Анастасевичъ занималъ должность помощника начальника отдѣленія польскихъ и малороссійскихъ правъ въ коммиссіи составленія законовъ. Служа здѣсь, Анастасевичъ, между прочимъ, перевелъ съ польскаго: соч. графа Валеріана Стройновскаго «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами»; сочиненіе Іеронима Стройновскаго въ 4-хъ частяхъ «Наука права природнаго, политическаго, государственнаго хозяйства и права народовъ» (оба изданы въ 1809 г., первое въ Вильнѣ, второе—въ Петербургѣ) и «Статутъ великаго княжества Литовскаго съ подведеніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ ссылки на конституціи, при-

личныя содержанію онаго" (2 части. Спб. 1811 г.). Если послѣдній трудъ, изданный на счетъ правительства, причемъ переводчикъ получилъ отъ Государя Императора бриллiантовый перстень, оказалъ немалую услугу при составленіи Свода Законовъ, то первый имѣлъ большое просвѣтительное значеніе. Книга, снабженная переводчикомъ предисловіемъ въ которомъ собраны изъ „Древней россійской вивліоѳики" историческія свидѣтельства о крестьянахъ въ Россіи, произвела впечатлѣніе какъ въ тогдашнемъ обществѣ, такъ и въ высшей администраціи, и едва не подвергла Анастасевича преслѣдованію и увольненію отъ службы. Авторъ надѣялся, что помѣщики, рано или поздно сознаютъ необходимость освобожденія крестьянъ „отъ крѣпостнаго и рабскаго состоянія" и заключенія съ ними добровольныхъ договоровъ о землѣ. Стройновскій предлагалъ личное безземельное освобожденіе и думалъ, что собственный разсчетъ заставитъ помѣщиковъ предложить крестьянамъ справедливыя условія. Въ 1811 — 1812 гг. Анастасевичъ издавалъ журналъ „Улей", не имѣвшій успѣха и поэтому прекратившійся. Въ появившихся четырехъ частяхъ „Улья" изъ общаго числа 383 статей, на долю издателя приходится около трехъ четвертей, въ прозѣ и стихахъ. Большая часть статей—переводы съ польскаго. Нѣкотораго вниманія въ „Ульѣ" заслуживалъ отдѣлъ біо-библіографическій, въ которомъ наряду со свѣдѣніями о польскихъ писателяхъ встрѣчаются статьи Анастасевича, посвященныя и русскимъ авторамъ—Богдановичу, Кантеміру, Княжнину, Сумарокову, Хераскову и др. Оставивъ въ 1818 г. службу по канцеляріи попечителя виленскаго учебнаго округа, Анастасевичъ продолжалъ служить въ коммиссіи составленія законовъ, гдѣ былъ уже редакторомъ, затѣмъ занимался секретарствомъ у графа Н. П. Румянцева и, наконецъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ состоялъ цензоромъ. За пропускъ „Конрада Валенрода" Мицкевича былъ отставленъ отъ службы безъ пенсіи, съ чиномъ статскаго совѣтника (въ 1830 г.). По собственному признанію Анастасевича, въ его автобіографіи, хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки, „упражненія въ словесности и вообще въ физико-математическихъ, духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ наукахъ, составляли для него отъ юности пріятнѣйшее занятіе". Къ сожалѣнію, усердію Анастасевича не соотвѣтствовало дарованіе и онъ принужденъ былъ ограничиваться переводами и библіографическими работами; послѣднія исполнены превосходно и до сихъ поръ могутъ служить образцомъ. Въ „Росписи россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова" (Спб. 1820 и пять прибавленій 1821—1824) Анастасевичъ описалъ въ систематическомъ порядкѣ 8.488 сочиненій, а въ „Росписи книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина" (Спб., 1828)—9.934 книги. Точность датъ послѣдней росписи, ея систематичность, превосходные азбучные и предметные указатели, раскрытіе множества псевдонимовъ, анонимовъ и буквенныхъ подписей,—все это дѣлаетъ трудъ Анастасевича необходимою книгою для всѣхъ занимающихся исторіею литературы и наукъ въ Россіи прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Анастасевича появилась въ свѣтъ пятая часть „Опыта" Сопикова и второе изданіе сочиненія бар. Розенкампфа „Обозрѣніе Кормчей книги". Первымъ печатнымъ произведеніемъ Анастасевича были стихи на смерть полковника Дѣева, убитаго при взятіи Вильны русскими войсками (Москва, 1793). Затѣмъ, послѣдовательно появлялись переводы трагедіи Расина „Федра" (1805), „Стихотвореній Сафы", съ примѣчаніями (1808), поэмы Легуве „Слава прекраснаго пола" (1808), „Прогулки дѣвицы М. Кр." (1808), ораторіи „Саулъ" (1811), 6-й части „философической и политической исторіи о заведеніяхъ и коммерціи европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ", соч. аббата Рейналя (1811), „Фридриханы или жизни Фридриха II" (1812), „Индіи и индѣйцевъ", соч. Берж іера (1819), „Всеобщей экономіи народовъ", соч. гр. Вал. Стройновскаго (1817), „Описанія предметовъ естеств. исторіи на россійскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ" (1821). Въ 1812 г. онъ написалъ оригинальное стихотвореніе на Бонапарта „Аттила XIX вѣка". Послѣ смерти драгоцѣнная библіотека Анастасевича и всѣ его рукописи двадцать лѣтъ пролежали въ какомъ-то сараѣ, пока не были проданы съ публичнаго торга.

Счастливая случайность часть проданнаго привела въ Императорскую публичную библіотеку. Въ числѣ спасеннаго отъ уничтоженія оказалось множество библіографическихъ карточекъ съ цѣнными замѣтками Анастасевича и обширная корреспонденція (однихъ писемъ митрополита Евгенія, съ которымъ Анастасевичъ былъ въ перепискѣ болѣе 20 лѣтъ, нашлось нѣсколько десятковъ). Два раза Анастасевичъ былъ предложенъ А. С. Шишковымъ въ члены Россійской академіи и оба раза (21-го сентября и 21-го декабря 1835 г.) забаллотированъ.

«Русскій Архивъ» 1873 г., № 6. стр. 955—956 и 970—974.—С. А. Венгеровъ, «Критико-біогр. Словарь», т. I, стр. 521—529 (здѣсь сдѣланы выдержки изъ рукописной автобіографіи Анастасевича).—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1865 г., № 10, стр. 27—30.—М. И. Сухомлиновъ, «Ист. Росс. академіи», т. VIII, и «Матеріалы по исторіи академіи наукъ», I, стр. 19—22 и 146.—В. И. Семевскій «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», т. I, стр. 295 и 300.—Примѣчанія В. И. Саитова къ «Сочиненіямъ К. Н. Батюшкова», т. II, стр. 382.—«Энциклопед. словарь», сост. русск. учеными и литераторами, т. IV, стр. 249—251.—«Литературная библіотека» 1867 г., т. 7 и 8.

С. Тр.

Анастасій, преподобный, іеродіаконъ печерскій. По свидѣтельству нѣкоторыхъ памятниковъ, современникъ и братъ во Христѣ св. Тита, печерскаго пресвитера, чудотворца; слѣдовательно, онъ жилъ и скончался въ концѣ XII в. Мощи его почиваютъ въ Антоніевыхъ пещерахъ. Память совершается 22-го января.

Арх. Леонидъ, «Святая Русь», стр. 18.—Филаретъ, «Русскіе святые», январь, стр. 102.—«Источники русской агіографіи», стр. 35.

Анастасій, архіепископъ астраханскій, до постриженія Андрей Семеновичъ *Братановскій*, род. 16-го октября 1762 г., въ м. Барышевкѣ, Переяславскаго у., Полтавской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. 7-го декабря 1806 года. Окончивъ курсъ въ Переяславской семинаріи, Братановскій въ 1782 г. поступилъ преподавателемъ словесности и латинскаго языка въ Сѣвскую семинарію, а чрезъ годъ перешелъ въ Вологду, гдѣ архіереемъ былъ его родной дядя, Ириней Братановскій, назначившій своего племянника учителемъ риторики, піитики, исторіи и географіи въ тамошней семинаріи. Отъ природы скромный, сосредоточенный и религіозный, Андрей Братановскій, живя у своего дяди-архіерея, обнаружилъ склонность къ монашеству, о чемъ и заявилъ своему покровителю-родственнику. Однако, послѣдній, зная по опыту трудности монашеской жизни и имѣя въ виду молодость своего племянника, отнесся къ его заявленію не особенно сочувственно, и чтобы отвлечь его отъ постриженія, перевелъ даже во вновь открытую тогда въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ семинарію. Однако, тамъ ему пришлось пробыть недолго: слухъ о его проповѣдническомъ талантѣ, который онъ обнаружилъ въ Вологдѣ, состоя одновременно преподавателемъ и катехизаторомъ, достигъ Петербурга, куда молодой учитель-проповѣдникъ и былъ вызванъ митрополитомъ Гавріиломъ въ 1790 году, въ качествѣ учителя краснорѣчія въ Александроневскую семинарію. Принявъ здѣсь монашество (26-го іюня 1790 г.) съ именемъ Анастасія, молодой инокъ, вмѣстѣ съ учительствомъ въ семинаріи, исполнялъ обязанности катехизатора, а затѣмъ законоучителя (съ 1792 г.) кадетскаго шляхетскаго корпуса, причемъ возведенъ былъ 8-го сентября въ санъ архимандрита Зеленецкаго монастыря. Когда о проповѣдническомъ талантѣ Анастасія узнала Императрица, то онъ былъ назначенъ (въ 1793 г.) придворнымъ проповѣдникомъ. Разсказываютъ, что Екатерина II, выслушавъ проповѣдь Анастасія въ придворной церкви, пригласила его иногда повторить ее въ своемъ кабинетѣ, причемъ отзывалась такъ: „Анастасію должно подражать или превзойти его; но ни то, ни другое невозможно". Въ 1794 г. россійская академія, во вниманіе къ проповѣдническимъ трудамъ Анастасія, избрала его своимъ членомъ. Въ 1795 г. Анастасій назначенъ былъ настоятелемъ Сергіевой пустыни, а съ 1796 г. архимандритомъ Московскаго Новоспасскаго монастыря, членомъ Св. Синода и вторично законоучителемъ кадетскаго корпуса. 20-го декабря 1797 г. Анастасій хиротонисанъ во епископа бѣлорусскаго; 15-го сентября 1801 г. возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1803 г. переведенъ въ Могилевъ, а въ декабрѣ 1805 г., вслѣдствіе болѣзни, назначенъ въ Астрахань, гдѣ въ декабрѣ слѣдующаго года и скончался отъ чахотки. Архіепископъ Анастасій занимаетъ очень видное мѣсто въ исторіи русскаго проповѣдничества, и если его проповѣди не со-

ставляютъ эпохи, то, во всякомъ случаѣ, имѣютъ многія своеобразныя достоинства, оказавшія не малое вліяніе на послѣдующее развитіе русскаго проповѣдничества. Анастасія, обыкновенно, сравниваютъ съ знаменитымъ французскимъ проповѣдникомъ Массильономъ, и это сравненіе имѣетъ свое основаніе: у обоихъ одинаково проглядываетъ знаніе сердца человѣческаго, тѣ же яркія картины нравовъ, сильное одушевленіе и тихое благочестіе даже въ патетическихъ мѣстахъ, то же отсутствіе отрывочныхъ фразъ и скачковъ, изысканныхъ противоположеній и монотонности, темныхъ и парадоксальныхъ метафоръ, то же ровное и естественное теченіе мыслей. По своему направленію, Анастасій можетъ быть причисленъ къ разряду проповѣдниковъ-публицистовъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ весьма вѣрно воспроизводитъ нравы современниковъ и съ силою обличаетъ тѣ крайности въ умственномъ и нравственномъ направленіяхъ, которыя господствовали въ то время и шли въ разрѣзъ съ евангельскимъ ученіемъ. Тогдашнее невѣріе, проявлявшееся подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, какъ въ теоретическомъ отрицаніи истинъ христіанской религіи и нравственности, такъ особенно въ практической жизни нарушеніемъ христіанскихъ обязанностей, обращало особенное вниманіе Анастасія. Таковы его проповѣди о подчиненіи разума вѣрѣ и обузданіи чувственности, о безсмертіи души, о промыслѣ Божіемъ и т. п. истинахъ, противъ которыхъ съ особенною силою возставала тогдашняя философія. Кромѣ проповѣдей, извѣстны слѣдующія сочиненія Анастасія: оригинальное: „Трактатъ о расположеніи проповѣдей", М. 1806 г., и переводныя: „Предохраненіе отъ невѣрія и нечестія", Спб. 1794 г., поэма Арнода „Плачъ Іереміи", Спб. 1797 г., „Истинный Мессія", М. 1801 и 1851 г., „Опытъ о совершенствѣ", изъ Формея, Спб. 1805 г. Не издано: „Толкованіе на евангеліе отъ Іоанна". Проповѣди Анастасія, подъ заглавіемъ „Поучительныя слова", вышли въ 2-хъ частяхъ въ 1796 г.; третья часть появилась въ 1806 г., а 4-я—въ 1807 г.; новѣйшее изданіе въ одномъ томѣ, съ біографіею и портретомъ, появилось въ 1850 г.

Дѣла архива Св. Синода.—Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. литер.», стр. 394—96.— Митр. Евгеній, «Словарь дух. писат.». — Д. Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г. — Сухомлиновъ, «Исторія росс. академіи», т. I, стр. 245—257.— Порфирьевъ, «Исторія русской словесности», т. II, стр. 400—405.

Анастасій, архимандритъ Московскаго Высокопетровскаго монастыря, до пострижeнія Аѳанасій Григорьевичъ *Воскресенскій*, сынъ священника, род. около 1790 г., въ селѣ Новомъ Воскресенскомъ, Юрьевецкой округи, Костромской губ., ум. въ февралѣ 1855 г. Образованіе получилъ въ Костромской и Троицкой семинаріяхъ; въ 1818 г. кончилъ курсъ Московской духовной академіи со степенью магистра богословія, и былъ опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и еврейскаго языка въ Вятскую духовную семинарію. 21-го ноября 1818 г. постригся въ монашество съ именемъ Анастасія, 24-го ноября рукоположенъ въ іеродіакона, а 6-го декабря — во іеромонаха. 19-го декабря 1821 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Московскаго Донскаго монастыря. Въ сентябрѣ 1823 г. назначенъ ректоромъ Вятской семинаріи и 23-го ноября 1824 г. возведенъ въ санъ архимандрита Слободскаго Крестовоздвиженскаго монастыря; въ началѣ 1826 г. перемѣщенъ на ту же должность въ Пензенскую семинарію, а 23-го августа 1828 г. назначенъ ректоромъ Виѳанской семинаріи и настоятелемъ Московскаго Высокопетровскаго монастыря. Въ 1830 г. за архимандритомъ Анастасіемъ стали замѣчать припадки умопомѣшательства; онъ былъ уволенъ отъ занимаемыхъ должностей и поселился въ Боголюбовомъ монастырѣ, гдѣ и скончался.

Дѣла архива Св. Синода 1818 г., № 759; 1821 г., № 1363; 1823 г., № 641; 1828 г., № 1130; 1830 г., № 165.—«Вятскія Епарх. Вѣд.» 1866 г. № 1, и 1869 г. №№ 6—7.

Анастасій, епископъ екатеринославскій и таганрогскій, до постриженія Алексѣй Ивановичъ *Ключаревъ*, сынъ священника с. Куростровскаго, Холмогорскаго у., Архангельской губ., род. 17-го марта 1777 г., ум. 22-го марта 1851 г. Въ теченіе 11 лѣтъ обучался въ Архангельской духовной семинаріи и, по окончаніи въ 1800 г. курса, назначенъ былъ въ ней, какъ лучшій ученикъ, преподавателемъ грамматики. Въ мартѣ 1801 г. Ключаревъ рукоположенъ во діакона къ Благовѣщенской церкви въ Архангельскѣ, съ оставленіемъ учителемъ, 18-го октября 1802 г.—во священника въ Ливленскій приходъ, а

4-го іюля 1805 г. переведенъ къ архангельской Благовѣщенской церкви. 31-го октября 1810 г. Ключаревъ постриженъ въ монашество и опредѣленъ настоятелемъ Красногорскаго монастыря. Въ ноябрѣ 1817 г. Анастасій возведенъ въ санъ игумена Николаевскаго Корельскаго монастыря, 4-го апрѣля 1820 г. — въ санъ архимандрита, а въ 1824 г. переведенъ настоятелемъ въ Сійскій монастырь. Всесторонняя дѣятельность Анастасія въ архангельской епархіи, точное исполненіе имъ многочисленныхъ и разнообразныхъ порученій и должностей образовали изъ него опытнаго дѣятеля въ епархіальномъ управленіи, почему онъ сдѣлался извѣстенъ Св. Синоду, который, въ декабрѣ 1828 г., перевелъ его настоятелемъ Трегуляева Предтечева монастыря, тамбовской епархіи, а въ слѣдующемъ году назначилъ исправляющимъ должность ректора Тамбовской семинаріи. Въ 1833 г. Анастасій вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду служенія и проповѣданія слова Божія, а 13-го мая 1834 г. хиротонисанъ во епископа старорусскаго, викарія новгородской епархіи. 22-го мая 1837 г. Анастасій переведенъ на самостоятельную екатеринославскую каѳедру. Сильная болѣзнь глазъ, доведшая Анастасія почти до совершенной слѣпоты, заставила его въ слѣдующемъ году просить объ увольненіи на покой, что и послѣдовало 16-го апрѣля 1838 г. До 1843 г. Анастасій проживалъ въ Москвѣ, въ Троице-Сергіевой лаврѣ, пользуясь совѣтами московскихъ врачей и совершая, по порученію московскаго митрополита Филарета, рукоположенія въ священный санъ лаврскихъ монаховъ и постриженія въ монашество студентовъ академіи. Въ 1843 г., вслѣдствіе просьбы Анастасія, ему назначенъ былъ въ управленіе прежній его Сійскій монастырь въ родной архангельской епархіи, внѣшнему и внутреннему благоустройству котораго онъ посвятилъ всѣ остальные годы своей жизни. Изъ трудовъ епископа Анастасія изданы: „Слова, въ воскресные и праздничные дни, въ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ“, Москва, 1842 г. Кромѣ того, имъ былъ веденъ дневникъ, который остался у родственниковъ ненапечатаннымъ.

«Странникъ» 1862 г., 5 кн., стр. 247.—Дѣла архива Св. Синода.—«Сѣверная Пчела» 1852 г., № 2.—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 471.

Анастасіи, княгини: 1) *Анастасія Васильевна*, дочь великаго князя Василія Дмитріевича, жена князя кіевскаго Владиміра Владиміровича (Олелько), внука Ольгерда; пріѣзжала къ отцу въ Москву въ 1421 г. и упоминается въ 1447 году. 2) *Анастасія Димитріевна*, дочь великаго князя Димитрія Донского, жена князя Ивана Всеволодовича Холмскаго съ 1397 г. Въ 1400 г. уѣхала съ мужемъ въ Тверь.

Анастасія (*Настаська*), любовница галицкаго князя Ярослава Владиміровича; въ 1173 г. сожжена галичанами, а сынъ ея посланъ въ заточеніе.

П. С. Р. Л., т. VI, 142 и 177; т. VIII, 91 и 120; т. VI, 16, 130—31; т. VIII, 70 и 74; т. II, 106, 313, 321.

Анастасія Гедиминовна, до крещенія Айгуста, дочь князя литовскаго Гедимина, первая жена великаго князя Симеона Ивановича (Гордаго). Изъ жизни ея, лѣтописи передаютъ только два факта: въ 1333 г. она вышла за 17-лѣтняго московскаго княжича Семена Ивановича, впослѣдствіи великаго князя; въ 1345 г. скончалась въ Москвѣ, въ схимѣ.

П. С. Р. Л., т. VII.

Анастасія Романовна, первая супруга царя Іоанна Васильевича Грознаго, изъ рода Захарьиныхъ-Юрьиныхъ, впослѣдствіи получившихъ прозваніе Романовыхъ. Родъ этотъ давно извѣстенъ былъ въ московскомъ государствѣ; предокъ ихъ, Андрей Кобыла, говорятъ, выѣхалъ изъ Пруссіи. Отецъ Анастасіи, Романъ Юрьевичъ, служилъ окольничимъ при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. По смерти отца, Анастасія жила съ матерью своею Іуліаніею Ѳеодоровною. Въ 1547 г. царь задумалъ вѣнчаться на царство, а потомъ вступить въ бракъ. Еще до царскаго вѣнчанія разосланы были грамоты по городамъ съ предписаніемъ свозить дѣвицъ на смотръ намѣстникамъ; выбранныя намѣстниками привозились въ Москву, гдѣ царь выбиралъ изъ нихъ себѣ невѣсту. Выборъ палъ на Анастасію, и 3-го февраля совершился обрядъ бракосочетанія. Говорятъ, что царица имѣла большое вліяніе на царя; въ лѣтописи значится: „предобрая Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели“. На этомъ слишкомъ общемъ свидѣтельствѣ нельзя было бы остановиться, точно также какъ и на показаніи, что нищіе и бѣдные оплакивали

ее не изъ-за милостыни, если бы не было извѣстно, что грозный царь, несмотря на свою необузданность, оставался Анастасіи вѣренъ до ея смерти. Въ 1559 году Анастасія захворала; вслѣдствіе пожара (въ іюлѣ 1560 г.) ее увезли въ Коломенское, гдѣ она скончалась. Во время этой болѣзни у царя случилось столкновеніе съ кѣмъ-то изъ совѣтниковъ, которыхъ онъ и такъ заподозривалъ въ нерасположеніи къ Захарьинымъ и которые, съ своей стороны, считали Захарьиныхъ главною причиною своего паденія. Тогда опала постигла Сильвестра и Адашева.

«Древняя Россійская Вивліоѳика», т. 13, стр. 29; «Русская лѣтопись по Никонову списку», «Царственная книга» и «Лѣтописецъ Руской», изд. Н. Л., Спб. 1792, части 4 и 5, а также исторіи Россіи — Карамзина, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Костомарова. *К. Б.-Р.*

Анатолій, преподобный, печерскій подвижникъ, жилъ въ затворѣ, мощи его почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ. Скончался въ XII в., память его празднуется 31-го октября.

Архимандритъ Леонидъ, «Святая Русь», стр. 18.—Филаретъ, «Русскіе святые», октябрь, стр. 292.—«Источники русской агіографіи», стр. 36.

Анатолій, игуменъ, старецъ Геѳсиманскаго скита, род. въ 1804 г., въ Молдавіи и принадлежалъ къ числу русскихъ раскольниковъ поповщинской секты, извѣстныхъ подъ именемъ липованъ, при крещеніи названъ Алексѣемъ, ум. 6-го мая 1881 г. Рано познакомившись съ книгами Священнаго Писанія и житіями св. отецъ, богобоязненный юноша оставилъ родительскій домъ и въ 1828 г. поселился въ „Дальнемъ“ Мануиловскомъ раскольничьемъ скиту. Въ 1840 г. онъ присоединился къ православной церкви и прибылъ въ Россію. Сначала жилъ на р. Иргизѣ, Саратовской губ., въ Воскресенскомъ монастырѣ, а въ 1841 г. перешелъ въ Спасопреображенскій монастырь, гдѣ рукопололоженъ 1-го января 1843 г. въ іеродіакона и 12-го декабря въ іеромонаха, а въ 1844 г. сдѣланъ казначеемъ. 28-го августа 1849 г. Анатолій перемѣщенъ въ Геѳсиманскій скитъ, близъ Троице-Сергіевой лавры, и 8-го ноября назначенъ строителемъ скита, коимъ и управлялъ 30 лѣтъ. Его заботами и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ выстроены 2 каменныя церкви, скитская часовня въ Москвѣ у Ильинскихъ воротъ, домъ близъ Сухаревой башни, жилыя и хозяйственныя зданія скита, пещерное отдѣленіе съ гостинницею и хозяйственная ферма. Въ 1874 г. Анатолій возведенъ въ санъ игумена, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ лаврскаго собора. Незадолго до смерти принялъ онъ схиму съ именемъ Алексія.

«Первоначальные старцы Геѳсиманскаго скита», М., 1887 г.

Анатолій, архимандритъ-настоятель Рыльскаго Николаевскаго монастыря, курской епархіи, до постриженія Андрей *Ключаревъ*, сынъ причетника курской епархіи, род. около 1827 г., ум. 10-го іюля 1887 г. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи, со званіемъ студента, рукоположенъ въ 1850 г. во священника с. Сулы, курской епархіи. По смерти жены и дѣтей, поступилъ въ 1859 г. въ Кіевскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1863 г. и сряду опредѣленъ въ свою родную семинарію преподавателемъ по Священному Писанію. Въ 1864 г. Ключаревъ принялъ монашество, а съ 1868 г. преподавалъ догматическое и нравственное богословіе и еврейскій языкъ. Въ 1873 г. былъ избранъ съѣздомъ духовенства смотрителемъ Рыльскаго духовнаго училища, въ 1876 г. возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ управляющимъ Рыльскимъ монастыремъ, причемъ уволенъ по прошенію отъ должности смотрителя; въ 1879 г. утвержденъ въ званіи настоятеля означеннаго монастыря и опредѣленъ благочиннымъ монастырей и пустыней курской епархіи. Въ своей дѣятельности Анатолій отличался всегда точностью и строгостью и былъ крайне требователенъ по отношенію къ другимъ. Болѣе всего онъ былъ занятъ собираніемъ и разработкою историческихъ матеріаловъ, относящихся до курской епархіи. Въ теченіе почти 20 лѣтъ онъ неустанно и съ любовію трудился надъ изыскапіемъ и изученіемъ памятниковъ мѣстной церковной жизни, и плодомъ его трудовъ было нѣсколько обширныхъ историческихъ описаній церквей и монастырей курской епархіи, помѣщенныхъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, каковы: „Бѣлгородъ и его святыня“; „Историческое описаніе монастыря Обоянскаго“, „Упраздненные монастыри“, „Рождество-

богородицкій Бѣлгородскій женскій монастырь" и „Рождествобогородицкая Глинская пустынь". Послѣ Анатолія осталось много неизданныхъ матеріаловъ и цѣнная историко-археологическая библіотека.

Дѣла архива Св. Синода. — «Курскія Епарх. Вѣд.» 1886 г., іюль.

Анатолій, архіепископъ симбирскій, до постриженія Андрей *Максимовичъ*, род. около 1767 г., изъ малороссовъ, сынъ священника, ум. 14-го февраля 1844 г. Обучался въ С.-Петербургской семинаріи и по окончаніи курса въ 1789 г. состоялъ въ ней учителемъ риторики и греческаго языка; въ 1792 г. рукоположенъ къ Спасосѣнновской церкви во священника и въ теченіе трехъ лѣтъ былъ катехизаторомъ. Въ 1809 г. назначенъ ректоромъ С.-Петербургской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, а также членомъ консисторіи и цензурнаго комитета. Въ томъ же году принялъ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита Сергіевой пустыни съ назначеніемъ благочиннымъ надъ законоучителями въ кадетскихъ корпусахъ. 31-го марта 1812 г. Анатолій назначенъ епископомъ полтавскимъ, 7-го февраля 1816 г. архіепископомъ минскимъ, а 10-го февраля 1832 г. — симбирскимъ; 7-го августа 1842 г., вслѣдствіе болѣзни, уволенъ на покой и скончался въ Сызранскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Въ печати извѣстны нѣкоторыя его слова и рѣчи: „На успеніе Богоматери", Спб. 1808 г., „При погребеніи протопресвитера С. Ѳ. Ливотова", Спб. 1808 г., „При приведеніи къ присягѣ чиновниковъ, избранныхъ въ должности", Спб. 1811 г., „Рѣчь въ собраніи библейскаго общества", Спб., 1822 г.

Дѣла архива Св. Синода.—Филаретъ, «Обзоръ дух. лит.», стр. 457.—Чистовичъ, «Исторія Спб. дух. академіи», стр. 89.

Анатолій, архіепископъ могилевскій, до постриженія Августинъ Васильевичъ *Мартыновскій*, сынъ уніатскаго священника мѣстечка Мясновки, Подольской губ., род. въ 1793 г., когда отецъ его перешелъ уже въ православіе, ум. 8-го августа 1872 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Шаргородскомъ духовномъ училищѣ, куда отданъ былъ 8 лѣтъ; въ 1801 г. переведенъ въ Каменецкую духовную семинарію, гдѣ прошелъ обычные курсы риторики, философіи и богословія, прочно усвоилъ латинскій, греческій и нѣмецкій языки. Своими способностями и трудолюбіемъ онъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго архіепископа подольскаго Іоанникія, который приблизилъ его къ себѣ и въ концѣ 1812 г. назначилъ учителемъ рисованія, а въ 1813 г., по окончаніи Мартыновскимъ курса,—учителемъ класса инфимы, уговаривая его при этомъ принять монашество. Но Мартыновскій, подъ вліяніемъ совѣтовъ своихъ родителей, въ 1817 г. женился и поступилъ священникомъ въ м. Граново, Гайсинскаго уѣзда. Чрезъ годъ онъ овдовѣлъ и, оставивъ приходъ, поселился въ Каменецъ-подольскомъ монастырѣ. Въ 1821 г. Мартыновскій былъ назначенъ преподавателемъ каменецкаго духовнаго училища, а затѣмъ и семинаріи, гдѣ преподавалъ польскій языкъ. Въ маѣ 1822 г. Мартыновскій принялъ монашество съ именемъ Анатолія, „рѣшившись,—какъ говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—искреннѣйше, насколько есть силы, посвятить себя Христу, предать себя Его волѣ, и съ благоговѣйнымъ цѣлованіемъ и любовію своего духа принять на себя иго Его благое". Съ цѣлью получить высшее богословское образованіе, Анатолій оставилъ училищную службу и поступилъ въ 1823 г. на старшій курсъ Кіевской духовной академіи, откуда чрезъ два года выпущенъ, какъ лучшій студентъ, баккалавромъ по Священному Писанію и польскому языку. 4-го мая 1829 г. Анатолій возведенъ въ санъ архимандрита, назначенъ ректоромъ Курской семинаріи и настоятелемъ Николаевскаго монастыря, а 14-го апрѣля 1832 г. переведенъ ректоромъ Новгородской семинаріи и настоятелемъ Антоніева монастыря. Здѣсь произошло его столкновеніе съ извѣстнымъ Никодимомъ Казанцевымъ, описанное послѣднимъ въ его воспоминаніяхъ о митрополитѣ московскомъ Филаретѣ („Чтенія въ общ. ист. и др. рос." 1877 г., апрѣль—іюнь). Хотя это обстоятельство и окончилось, повидимому, благополучно для Анатолія, тѣмъ не менѣе имѣло большое вліяніе на всю его послѣдующую служебную карьеру, такъ какъ о немъ въ высшихъ духовныхъ сферахъ сложилось убѣжденіе, что онъ человѣкъ неспокойный, неуживчивый. 29-го іюня 1840 г. Анатолій былъ назначенъ епископомъ екатеринбургскимъ, викаріемъ пермской епархіи, чрезъ

годъ—10-го іюня—переведенъ викаріемъ на Волынь, а 22-го ноября 1844 г. назначенъ самостоятельнымъ епископомъ могилевскимъ. Возведенный въ 1853 г. въ санъ архіепископа, Анатолій въ іюлѣ 1860 г., уволенъ по прошенію на покой въ Гербовецкій монастырь, кишиневской епархіи, гдѣ и скончался. Анатолій отличался большою любознательностью, всестороннею начитанностью и образованіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ художникомъ, не мало занимавшимся живописью. Памятникомъ его художественной дѣятельности остался иконостасъ въ его домовой церкви въ Гербовецкомъ монастырѣ, къ сожалѣнію, уничтоженный послѣ его смерти невѣжественными монахами-молдаванами. Изъ обширной переписки Анатолія видно, что онъ прекрасно понималъ задачи епископскаго служенія вообще и въ частности тѣ ближайшіе цѣли и запросы, которые предстояли ему въ западно-русскихъ епархіяхъ. Въ его дѣятельности много чертъ, достойныхъ подражанія со стороны его преемниковъ. Онъ всю жизнь трудился на литературномъ и общественномъ поприщахъ. Выйдя, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятно сложившихся для него обстоятельствъ, на покой, Анатолій переносилъ большія неудобства и скучалъ бездѣйствіемъ. Памятниками его литературной дѣятельности служатъ: 1) „Слова и бесѣды на праздничные воскресные дни и по разнымъ случаямъ“, 5 частей, 1853—66 г.; 2) „Вѣра, надежда и любовь“, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній, 2 части и два изд. 1848 и 1867 г.; 3) „Объ отношеніи римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“, подъ псевдонимомъ: „Записки Авдѣя Востокова“, 2 ч. 1-е изд. 1857 г., 2-е изд. 1864 г.; за это сочиненіе авторъ удостоенъ былъ въ 1860 г. степени доктора богословія; 4) „Досуги архіепископа Анатолія“, съ портретомъ автора, 1868 г.; 5) „Объ иконописаніи“, 1-е изд. 1845 г., 2 е—1867 г. Кромѣ того, весьма много статей Анатолія по разнымъ вопросамъ помѣщено было въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ, напр., „Странникѣ“, „Вѣстникѣ Юго-Западной Россіи“ и др.

М. Едлинскій, «Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій и его литературные труды», Кіевъ, 1889 г.—Кишин. Еп. Вѣд.», 1872 г. № 18.—Записки Никодима Казанцева въ «Чт. въ общ. ист. и др. рос.». 1877 г., кн. 2.—«Подол. Еп. Вѣд.» 1878 г., № 21.—«Кіевская Старина», 1882 г., май, и 1884 г. іюнь.—«Труды Кіевск. дух. акад.» 1883 г., ноябрь.

Анатолій, архимандритъ Борисоглѣбскаго монастыря, до постриженія Августинъ *Связевъ*, законоучитель морского кадетскаго корпуса, род. около 1771 г., ум. послѣ 1813 г. Обучался въ Александро-Невской академіи, въ 1794 г. поступилъ діакономъ къ с.-петербургской Владимірской церкви, что въ придворныхъ слободахъ. Въ 1795 г. овдовѣлъ и опредѣленъ учителемъ Закона Божія и россійской словесности въ морской кадетскій корпусъ. Въ 1798 г. постригся въ монашество съ именемъ Анатолія, а въ 1800 г. рукоположенъ въ іеромонаха и причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-Невской лавры. 15-го августа 1802 г. Анатолій возведенъ въ санъ архимандрита Казанскаго Успенскаго Зилантова монастыря, а 25-го сентября 1805 г. перемѣщенъ въ Можайскій Лужецкій монастырь, о нии въ одномъ изъ этихъ монастырей не бывалъ, состоя все время законоучителемъ корпуса и исполняя чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія въ Петербургѣ. Въ іюлѣ 1806 г. архимандритъ Анатолій назначенъ настоятелемъ Тверскаго Антоніева Краснохолмскаго монастыря и присутствующимъ въ тверской консисторіи, а въ 1807 г. поступилъ учителемъ герменевтики въ Тверскую семинарію. 3-го ноября 1808 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Борисоглѣбскій монастырь ярославской епархіи, присутствовалъ въ консисторіи и до 1810 г. исправлялъ должность ректора и учителя богословія въ Ярославской семинаріи. 6-го октября 1813 г., по болѣзни, уволенъ на покой въ Тверской Калязинъ монастырь и тамъ вскорѣ скончался.

Дѣла архива Св. Синода 1802 г. №№ 106, 579, 934; 1804 г., № 837; 1805 г., № 974; 1813 г., № 631.

Анатолій, архимандритъ Юрьева Новгородскаго монастыря, до постриженія Августинъ *Ставицкій*, род. около 1748 г. въ Черниговской губ., ум. 28-го февраля 1828 г. Обучался въ черниговскихъ училищахъ, потомъ въ Кіевской духовной академіи, Уманьскомъ базиліанскомъ училищѣ и за границею—въ Пресбургѣ. По возвраще-

ніи въ Россію, въ 1782 г., постригся въ монашество съ именемъ Анатолія, рукоположенъ въ іеромонаха и назначенъ учителемъ и префектомъ въ Кіевскую академію. Въ 1786 г. вызывался въ Смоленскую семинарію, но чрезъ годъ возвратился въ академію. Въ 1793 г. былъ въ Польшѣ при войскахъ въ должности главнаго полкового священника, но по возвращеніи оттуда продолжалъ службу въ академіи. Въ 1795 г. сдѣланъ начальникомъ кіевопечерской лаврской типографіи, въ 1798 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ лавры и въ 1800 г. назначенъ присутствующимъ въ кіевской дикастеріи. Въ 1801 г. Анатолій возведенъ въ санъ архимандрита Паисіина Галицкаго монастыря костромской епархіи, и назначенъ ректоромъ семинаріи, присутствующимъ въ консисторіи, благочиннымъ ближайшихъ монастырей и цензоромъ проповѣдей. Всѣ эти обязанности возложены были на него и въ ярославской епархіи, куда онъ переведенъ въ 1802 г. и гдѣ жилъ до 1820 г. сначала настоятелемъ Борисоглѣбскаго на Устьѣ монастыря,а съ 1-го ноября 1808 г.—Ростовскаго Богоявленскаго. Только при переходѣ 6-го февраля 1820 г. въ новгородскую епархію, когда Анатолій былъ назначенъ настоятелемъ Юрьева монастыря, онъ, по преклонности лѣтъ, оставилъ духовно-училищную службу и 21-го августа 1822 г. удалился на покой въ Хутынскій монастырь. 17-го декабря 1824 г. онъ переселился въ Воскресенскій (Новый Іерусалимъ) монастырь и тамъ скончался.

Дѣла архива Св. Синода 1820 г. № 49; 1822 г. № 793; 1828 г. № 508.

Ангальтъ - Бернбургъ - Шаумбургскій, принцъ, *Викторъ-Амадей*, генералъ екатерининскаго царствованія, сынъ принца Виктора-Амадея Адольфа, род. 9-го мая 1744 г., ум. въ апрѣлѣ 1790 г. Вступивъ въ 1772 г. въ русскую службу, онъ 10-го іюля 1775 года былъ уже генералъ-маіоромъ, 26-го ноября того же года награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, а 28-го іюня 1782 г. произведенъ въ генералъ-поручики. Съ началомъ турецкаго похода князя Потемкина, принцъ, въ 1788 г., поступилъ въ дѣйствующую армію и отличился въ сраженіи подъ Очаковымъ, гдѣ при штурмѣ командовалъ двумя колоннами и первыми ввелъ ихъ на стѣны крѣпости, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-го класса. Въ слѣдующемъ году принцъ принялъ ближайшее участіе въ дѣлахъ при взятіи Каушанъ, Аккермана и Бендеръ, и, получивъ за отличія новыя награды—ордена св. Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, въ 1790 году перешелъ съ арміей графа Салтыкова на театръ военныхъ дѣйствій съ Швеціей, въ Финляндію. Здѣсь, однако, принцу Ангальту пришлось пробыть не долго: при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, посланный главнокомандующимъ съ отдѣльнымъ отрядомъ для вытѣсненія непріятеля изъ Пардакоски и Керникоски, онъ, 18-го апрѣля, атакуя шведовъ, былъ смертельно раненъ въ правую ногу пушечнымъ ядромъ, и, вынесенный съ поля сраженія, черезъ нѣсколько часовъ скончался. Съ именемъ принца Ангальтъ-Бернбургскаго тѣсно связано имя знаменитаго русскаго полководца Барклая-де-Толли, начавшаго подъ его непосредственнымъ руководствомъ и начальствомъ свою боевую службу. Принцъ первый обратилъ вниманіе на военныя дарованія Барклая; умирая, онъ передалъ ему свою шпагу, съ которою послѣдній никогда не разставался.

«Военно-энцикл. лексиконъ» Зедделера, I. 390.—«Русская Старина», т. 54, стр. 303.

Ангальтъ, графъ, *Өеодоръ* (Friedrich) *Евстафьевичъ*, генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ Императрицы Екатерины II, род. 10-го (21-го) мая 1732 г., ум. 22-го мая 1794 г. Отецъ его, Вильгельмъ-Густавъ, наслѣдный принцъ Ангальтъ-Дессаускій и сынъ знаменитаго полководца князя Леопольда, женился на дочери купца Іоганнѣ-Софіи Герре, почему дѣти, родившіяся отъ этого брака, потеряли титулъ принцевъ. Службу графъ Ангальтъ началъ въ Пруссіи, и двадцати лѣтъ былъ уже флигель-адъютантомъ короля Фридриха II. Принимая участіе во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ Семилѣтней войны, онъ былъ тяжело раненъ при Лоосѣ и попалъ австрійцамъ въ плѣнъ; по возвращеніи изъ плѣна Ангальтъ опять поступилъ въ прусскую армію и за отличіе въ сраженіи при Цорндорфѣ награжденъ орденомъ „pour le mérite“. Произведенный, по заключеніи мира, въ 1763 г., въ полковники, онъ былъ назначенъ командиромъ Вильдаускаго пѣхотнаго полка. Выйдя въ 1776 г., съ чиномъ генералъ-маіора, въ отставку, Ан-

гальтъ два года спустя поступилъ на службу въ Саксонію генералъ-лейтенантомъ и въ войнѣ за баварское наслѣдство начальствовалъ всѣми войсками саксонскаго курфюрста, дѣйствовавшими въ союзѣ съ прусскимъ корпусомъ принца Генриха. Въ 1783 году Ангальтъ былъ приглашенъ Екатериною II на службу въ Россію, куда въ томъ же году и выѣхалъ, получивъ по прибытіи чинъ генералъ-поручика. Затѣмъ онъ былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта Ея Величества и назначенъ шефомъ финляндскаго егерскаго корпуса при дивизіи, находившейся въ сѣверныхъ губерніяхъ. Желая возможно ближе ознакомиться съ новымъ отечествомъ, графъ Ангальтъ просилъ позволенія на путешествіе по Россіи, что и было разрѣшено ему подъ видомъ командировки, въ качествѣ инспектора войскъ и для осмотра укрѣпленій. Проведя въ путешествіи почти 3 года, объѣхавъ Россію до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ, онъ запасся дѣйствительно драгоцѣнными свѣдѣніями, въ особенности по части состоянія заведеній для народнаго образованія, развитія торговли и промышленности, земледѣлія и мн. др. Въ 1786 г. Ангальтъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ, представивъ свои донесенія Императрицѣ, въ томъ же году былъ пожалованъ орденами св. Александра Невскаго и св. Андрея Первозваннаго и, вслѣдъ затѣмъ, назначенъ генералъ-инспекторомъ войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Петербурга, въ Эстляндіи и Финляндіи. 8-го ноября того же года онъ занялъ постъ генералъ-директора сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-й кадетскій). Не имѣя собственной семьи, графъ нашелъ ее въ кругу ввѣренныхъ ему питомцевъ и всецѣло отдался неусыпнымъ попеченіямъ о нихъ. Къ кадетскимъ шалостямъ, даже проступкамъ графъ относился съ большою снисходительностью; если случалась какая-нибудь шалость, онъ не розыскивалъ виновнаго, а созывалъ кадетъ, говорилъ имъ объ обязанностяхъ и правахъ человѣка, говорилъ, что не хочетъ даже знать того, кто сдѣлалъ дурно, кто пятнаетъ званіе кадета и свое доброе имя. Въ одной изъ своихъ рѣчей, сказанныхъ при выпускѣ кадетъ изъ корпуса, Ангальтъ сказалъ: „Благоговѣйте къ храму вашего воспитанія. Да будутъ первымъ побужденіемъ и первымъ началомъ всѣхъ вашихъ поступковъ: честность и доброе имя". Ученіе въ корпусѣ во время Ангальта стояло весьма высоко, лучшія умственныя силы были въ немъ преподавателями. Нельзя не отмѣтить любопытнаго пріема графа, съ цѣлью заставить кадетъ среди забавы запоминать заучиваемое въ классахъ: „Большая стѣна, окружавшая корпусный садъ, и стѣны рекреаціонной залы,—говоритъ исторіографъ корпуса А. В. Висковатовъ,—были исписаны сверху до низу поучительными изреченіями на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, хронологіею важнѣйшихъ открытій и происшествій, разными эмблематическими изображеніями и т. п.". Всѣ эти надписи напечатаны были въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ: „La Muraille Parlante"; въ 1791 издана была другая книжка, служащая продолженіемъ первой, подъ названіемъ: „La salle de recréation". Первая была снабжена предисловіемъ, написаннымъ графомъ и объясняющимъ значеніе и цѣль книжки. Каждый кадетъ, оканчивавшій курсъ въ корпусѣ, получалъ подобную книжку. Кромѣ того, графъ Ангальтъ придумалъ особыя тетради, для вписыванія того, что кадеты встрѣчали примѣчательнаго въ книгахъ, ими прочитанныхъ. Кому удавалось сдѣлать хорошія выборки, тетрадь того переплетали и графъ дѣлалъ приписки. По заламъ корпуса были размѣщены полезныя и поучительныя книги, бюсты великихъ людей и т. п. Кромѣ ученья, графъ обращалъ вниманіе и на физическое развитіе кадетъ, которые занимались фехтованіемъ, верховою ѣздою, гимнастикою, плаваніемъ, танцами. Ангальтъ увеличилъ корпусную библіотеку, физическій и натуральный кабинеты, тратя на это свои деньги. Кромѣ того, онъ исходатайствовалъ у Императрицы о пожертвованіи ею библіотеки генерала Еггерса въ 7.000 томовъ и предоставилъ ее въ пользованіе жителей Петербурга. Корпусный садъ въ праздничные дни былъ также открытъ для посѣтителей. Императрица нерѣдко удостоивала корпусъ своимъ посѣщеніемъ и присутствовала при каруселяхъ, которыя давались тогда въ корпусѣ при стеченіи многочисленной и блестящей публики. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Екатерина II назвала корпусъ „разсадни-

комъ великихъ людей". Память о графѣ жила вплоть до преобразованія корпуса. Легенды, преданія, анекдоты о немъ и самое имя его передавались съ величайшимъ уваженіемъ отъ одного поколѣнія къ другому. За два дня до своей кончины, гр. Ангальтъ уже больнымъ посѣтилъ корпусъ. Блѣдный, медленными шагами онъ обходилъ садъ, бесѣдовалъ съ кадетами и, между прочимъ, сказалъ: „слабѣетъ тѣло мое, но не душа. Вы, мои любезныя дѣти и друзья, всегда были въ ней, и она никогда не разстанется съ вами". Въ званіи президента вольнаго экономическаго общества (съ 28-го октября 1788 г.) гр. Ангальтъ принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ общества; не пропуская почти ни одного засѣданія, онъ посѣтилъ общество въ послѣдній разъ за два дня до смерти, т.-е. 20-го мая 1794 г. Общество, въ знакъ уваженія къ высокимъ душевнымъ качествамъ своего президента, тотчасъ послѣ его смерти поставило въ залѣ мраморный бюстъ графа. Тѣло его погребено на иновѣрческомъ Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Только послѣ смерти графа Ангальта открылось, что онъ всѣ средства свои тратилъ на вспомоществованіе нуждающимся. Поутру, до отъѣзда своего въ корпусъ, онъ каждый день приказывалъ камердинеру справляться о всѣхъ бѣдныхъ и больныхъ той части, гдѣ онъ жилъ, а вечеромъ посылалъ къ нимъ пособія отъ неизвѣстнаго.

«Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній» 1836 г., т. 2-й, стр. 35—40.—Висковатовъ, «Исторія 1-го кадетскаго корпуса».—«Русскій Вѣстникъ» 1809 г., ч. 7.—«Сѣверный Вѣстникъ» 1805 г., ч. 6.—«Вѣстникъ Европы» кн. XXI.—Словари: Плюшара, Зеддлера, Толя, Краевскаго, Андреевскаго.—«Новое Время» отъ 21-го мая 1894 г. (Прибавленіе), № 6.546 (статья К. Волховскаго «Графъ Ангальтъ»).—«Правит. Вѣстникъ» 1894 г., № 110 (фельетонъ: «Замѣчательный педагогъ прошлаго вѣка»).

Ангелина, монахиня, до постриженія Александра Филипповна *фонъ-Розе*, основательница и строительница Свято-Троицкой Творожковской женской общины, нынѣ монастыря, дочь потомственнаго дворянина Филиппа Семеновича Шмакова, род. 5-го апрѣля 1809 г. въ Петербургѣ, ум. 17-го марта 1880 г. Съ семи лѣтъ воспитывалась въ Смольномъ институтѣ, въ 1823 г. окончила въ немъ курсъ, а въ 1824 г. вышла замужъ за богатаго дворянина, лютеранскаго исповѣданія, Карла Андреевича фонъ-Розе. Необычайная религіозная настроенность не покидала ея во все время супружеской жизни: она обратила въ православіе своего мужа и склонила его купить землю для будущаго монастыря. Овдовѣвъ въ 1858 г., она принялась за устройство общины и 23-го іюня 1865 года получила разрѣшеніе на ея учрежденіе въ селѣ Творожковѣ, Гдовскаго уѣзда, съ пріютомъ для дѣвочекъ-сиротъ изъ духовнаго званія. Устроительницу назначили начальницею новой общины; 28-го декабря 1866 г. она постриглась въ монашество съ именемъ Ангелины. Пожертвовавъ общинѣ всю землю со всѣми постройками, монахиня Ангелина отказалась отъ всякаго имущества, жила въ простотѣ и смиреніи, проводя время въ постѣ, молитвѣ и въ трудахъ по устройству общины. 15-го августа 1875 года состоялась закладка новаго каменнаго храма общины, но при жизни устроительницы храмъ не былъ доконченъ. 24-го іюня 1887 г. община возведена въ монастырь съ наименованіемъ Свято-Троицкимъ Творожковскимъ общежительнымъ женскимъ монастыремъ.

«Монахиня Ангелина, основательница и строительница Св.-Троицкой Творожковской женской общины», Спб. 1888 г.

Ангеловы, греки въ службѣ Ивана III, прибывшіе въ свитѣ Софьи Ѳоминишны: 1) *Мануилъ*, посолъ Ивана III въ Италію для найма мастеровъ, въ 1493 г. Онъ былъ въ Венеціи и Миланѣ и въ 1494 г. прибылъ въ Москву съ разными техниками. 2) *Никита*, посолъ въ 1500 г. Ивана III во Псковъ. Сынъ послѣдняго, Андрей въ монашествѣ *Адріанъ*, поднесъ Грозному въ 1552 г., подъ Казанью, дары Троице-Сергіевой лавры, въ которой онъ иночествовалъ: крестъ съ мощами, икону „Видѣніе св. Сергія", просфору и св. воду отъ раки чудотворца.

П. С. Р. Л., т. VI, 312; т. IV, 162, 164; VI, 39 и 240; VIII, 226 и 228; IV, 272; VI, 24.

Андерсонъ, *Владиміръ Александровичъ*, писатель-беллетристъ и юмористъ, род. въ 1849 г., ум. 20-го сентября 1884 г., въ С.-Петербургѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Витебской гимназіи, затѣмъ былъ нѣкоторое время студентомъ С.-Петербургскаго университета, откуда вышелъ, не окончивъ курса.

Писалъ подъ псевдонимами: „Мельмотъ-Скиталецъ", „Сергѣй Угрюмовъ", „Альфа", „Вл. Носредна" и др. Помѣщалъ повѣсти, очерки, сценки и стихотворенія въ „Сіяніи", „Библіотекѣ" Окрейца, „Нивѣ", „Будильникѣ", „Стрекозѣ», „Осколкахъ", „Свѣточѣ" Ярмонкина и въ различныхъ провинціальныхъ и мелкихъ столичныхъ газетахъ. Обладая талантомъ художника, Андерсонъ рисовалъ каррикатуры для юмористическихъ журналовъ.

«Петербургскій Листокъ» 1884 г., № 259.—«Библіографъ» 1886 г. № 12, стр. 179. (Замѣтка Быкова).—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 537.

Андерсонъ, *Карлъ Карловичъ*, архитекторъ, род. въ 1827 г., сынъ купца, шведскаго подданнаго, ум. 28-го марта 1888 года, въ С.-Петербургѣ. Въ 1841—1842 гг. посѣщалъ рисовальную школу для вольноприходящихъ, а затѣмъ (1842—1846) обучался въ Императорской академіи художествъ, подъ руководствомъ профессора А. П. Брюллова. Поступивъ помощникомъ къ профессору Г. А. Боссе, Андерсонъ въ 1846—1849 гг. находился при постройкѣ и внутренней отдѣлкѣ нѣсколькихъ домовъ, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ составленіемъ проектовъ, по которымъ производились постройки, подъ руководствомъ Боссе. 20-го мая 1858 г. Андерсонъ получилъ званіе академика за «Проектъ большой станціи желѣзной дороги при віадукѣ». Служа архитекторомъ при попечительномъ комитетѣ заведеній общественнаго призрѣнія (1864—1874), при IV отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи и С.-Петербургскомъ градоначальствѣ (1874—1881), Андерсонъ составилъ нѣсколько проектовъ и произвелъ много частныхъ перестроекъ и особенно построекъ до 20; изъ послѣднихъ заслуживаютъ упоминанія: шведская лютеранская церковь св. Екатерины, на Малой Конюшенной, съ принадлежащими къ ея приходу домами, богадѣльня и пріютъ германскаго благотворительнаго общества на 120 чел., Александровское отдѣленіе при Калинкинской городской больницѣ на 300 кроватей, русская церковь въ Копенгагенѣ.

Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 148—150.

Андреевскій, *Ефимъ Ивановичъ*, докторъ медицины, гофъ-медикъ, почетный членъ медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, происходилъ изъ духовнаго званія, ум. въ 1840 году. По окончаніи курса въ семинаріи (1807 г.), поступилъ въ Медико-хирургическую академію; въ 1811 г. выпущенъ лѣкаремъ въ Преображенскій полкъ и въ томъ же году переведенъ лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ, съ которымъ, въ 1812 г., совершилъ кампанію: за образцовую службу былъ награжденъ чиномъ, орденомъ и двумя перстнями. Въ 1815 г. Андреевскій назначенъ старшимъ врачемъ Павловскаго полка, а въ 1819 г. уволенъ для опредѣленія ко Двору гофъ-медикомъ. Въ послѣдней должности прослужилъ 15 лѣтъ, будучи лѣкаремъ, и только въ 1834 г. признанъ Медико-хирургической академіей, безъ экзамена, докторомъ медицины, а въ февралѣ 1837 г.—докторомъ медицины и хирургіи, и въ томъ-же году зачисленъ членомъ Медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Андреевскій до смерти своей состоялъ въ званіи предсѣдателя имъ же учрежденнаго „Общества врачей въ С.-Петербургѣ". Изъ сочиненій его заслуживаютъ вниманія: 1) „О хронической накожной болѣзни impetigo называемой и о новомъ дѣйствительнѣйшемъ противъ оной средствѣ" (изд. въ Спб. въ 1834 г., съ рисунками); въ этой брошюрѣ авторъ настойчиво рекомендовалъ употребленіе травы песчаной золотистки (gnaphalium arenarium) противъ названной болѣзни; по мнѣнію Андреевскаго встрѣтило многочисленныхъ противниковъ и указанный имъ способъ лѣченія продержался весьма недолго. 2) „Два практическія наблюденія о нарывѣ въ легкомъ" („Труды Русскихъ Врачей", т. I, 1835 г.). 3) „Лѣкарства противу кровотеченія изъ задняго прохода" („Другъ Здравія" 1836 г., № 6, и въ „Медиц. протоколахъ" за 1836 г.). 4) „Лѣченіе икоты", тамъ же № 48. 5) „Воспаленіе брюшины" въ „Трудахъ Русскихъ Врачей", II, 149.

«Труды Русскихъ Врачей», III, стр. 338 (некрологъ); «Военно-Медиц. Журн.», 1841 г., ч. 37, стр. 151 (біогр. свѣд.); Л. Θ. Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели», вып. I; С. А. Венгеровъ «Крит.-біографич. словарь», т. I, стр. 538.

Андреевскій, *Иванъ Ефимовичъ*, сынъ предыдущаго, ректоръ и ординарный профессоръ с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ полицейскаго права, род. въ Петербургѣ 13-го марта 1831 г., ум. тамъ же 20-го мая 1891 г. По окончаніи въ

1848 г. курса въ первой с.-петербургской гимназіи, Андреевскій поступилъ на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета. Первыя студенческія работы, опредѣлившія направленіе дальнѣйшей ученой дѣятельности Андреевскаго, были исполнены подъ руководствомъ профессора Калмыкова, отличавшаго даровитаго юношу своимъ вниманіемъ еще въ годы гимназическаго ученія (Калмыковъ былъ также директоромъ 1-ой гимназіи). Не малое вліяніе на Андреевскаго при началѣ его историческихъ изысканій въ области русскаго права оказалъ и профессоръ Неволинъ, всѣ труды котораго, за исключеніемъ одного изслѣдованія „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XV вѣкѣ", благодарный ученикъ издалъ въ 1857—60 годахъ, въ шести томахъ, снабдивъ ихъ библіографическими примѣчаніями и предпославъ имъ прекрасно-составленную біографію талантливаго русскаго юриста. Получивъ въ 1852 г. степень кандидата, Андреевскій одновременно сталъ готовиться къ магистерскому экзамену и служить въ камерѣ петербургскаго губернскаго прокурора, что дало ему возможность познакомиться съ практикою всего нашего административнаго механизма. Защитивъ въ 1854 г. магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ „О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III на престолъ великаго княжества Московскаго", Андреевскій въ слѣдующемъ году напечаталъ pro venia legendi „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г.", и сталъ читать до 1860 г. въ университетѣ, въ качествѣ адъюнкта Калмыкова, лекціи государственнаго права. Къ сожалѣнію, свой курсъ онъ не окончилъ печатаніемъ: въ 1866 г. появился первый томъ („Введеніе" и „О правительствѣ"), въ которомъ впервые сдѣлана попытка разъяснить историческія основы нашего государственнаго права. Устарѣвшій въ своей догматической части, этотъ курсъ представляетъ интересъ по своимъ историческимъ даннымъ. Послѣ смерти Неволина (1855 г.), Андреевскій былъ приглашенъ для чтенія лекцій по каѳедрѣ исторіи русскаго права и энциклопедіи въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, а съ 1857 г. и въ университетѣ занялъ самостоятельную каѳедру полицейскаго права. Въ годъ защиты докторской диссертаціи („О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ", 1864), въ которой даровитый ученый обнаружилъ рѣдкую способность связывать вопросы науки съ насущными потребностями времени, Андреевскій только нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ экстраординарнымъ профессоромъ и 21-го сентября былъ избранъ ординарнымъ. Читая лекціи въ университетѣ до выхода въ отставку (28-го мая 1887 г.), а въ училищѣ правовѣдѣнія до самой кончины, Андреевскій всегда привлекалъ множество слушателей живостью, блескомъ и изяществомъ изложенія, умѣньемъ затронуть много незамѣченныхъ сторонъ вопроса, научною точностью и полнотою. Выдающіяся лекторскія способности Андреевскаго нашли достойную оцѣнку еще въ самомъ началѣ его ученой дѣятельности. Въ декабрѣ 1857 г. Императоръ Александръ II, при посѣщеніи училища правовѣдѣнія, зашелъ на лекцію молодого профессора, читавшаго о задачахъ государственной дѣятельности вообще, остался на ней до конца и затѣмъ пожаловалъ Андреевскому золотой перстень, украшенный брилліантами. Впослѣдствіи даровитый профессоръ былъ неоднократно приглашаемъ для преподаванія юридическихъ наукъ Августѣйшимъ дѣтямъ Императора. Такъ, Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу онъ читалъ въ 1861 г. курсъ энциклопедіи законовѣдѣнія, а въ 1863—полицейскаго права; великому князю Александру Александровичу въ 1864 г.—курсъ энциклопедіи, а въ 1866—государственнаго права. Хотя въ печатномъ видѣ лекціи Андреевскаго значительно утрачивали въ живости, но за то пріобрѣтали въ глубокой продуманности, строгой логичности и тщательной обработкѣ обширнаго матеріала, что особенно ярко сказалось въ обширнѣйшемъ и главнѣйшемъ трудѣ его, двухтомномъ „Полицейскомъ правѣ" (первое изданіе въ 1871—73 гг., второе—въ 1874—76), до сихъ поръ остающемся у насъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Задавшись цѣлью „представить, въ видѣ систематическаго цѣлаго, начала полицейской науки, какъ анализъ главнѣйшихъ положительныхъ полицейскихъ западно-европейскихъ законодательствъ, а особенно отечественнаго" авторъ далъ цѣлую энциклопедію политическихъ наукъ и впервые въ русской ли-

тературѣ установилъ общую теорію полицейской дѣятельности. Значеніе курса полицейскаго права Андреевскаго въ достаточной степени опредѣляется тѣмъ фактомъ, что въ 1888 г. проф. харьковскаго университета Гаттенбергъ издалъ составленный по этому курсу „Реперторіумъ" въ 2-хъ частяхъ. Много мѣста въ своемъ трудѣ отвелъ Андреевскій дѣятельности земствъ, за развитіемъ которой постоянно слѣдилъ съ любовью: онъ устроилъ въ университетѣ особый кабинетъ земскихъ изданій и былъ первымъ редакторомъ „Земскаго Ежегодника", издававшагося Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ по мысли и почину Андреевскаго. За время своего свыше тридцатилѣтняго профессорскаго служенія въ университетѣ, Андреевскій принималъ ревностное участіе въ общихъ университетскихъ дѣлахъ: онъ былъ секретаремъ юридическаго факультета (съ 1856 г.), членомъ и предсѣдателемъ университетскаго суда, временно исполнялъ обязанности декана (1875 г.), а съ 3-го октября 1883 по 28-е мая 1887 г. былъ ректоромъ. Рѣдкое безпристрастіе и уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ въ отношеніяхъ съ товарищами-профессорами, полная доступность и привѣтливое обращеніе со студентами, всегдашняя готовность помочь имъ словомъ и дѣломъ, совѣтомъ, вліяніемъ, рекомендаціею и деньгами—снискали Андреевскому горячую любовь всего университета. Надпись надгробнаго серебрянаго вѣнка отъ университетскихъ студентовъ—„идеальному ректору, любимому профессору и честному человѣку Ивану Ефимовичу Андреевскому"—не лицемѣрно свидѣтельствовала, насколько дорогъ былъ покойный учащейся молодежи. Въ бытность ректоромъ Андреевскій основалъ въ университетѣ изданіе „Юридической библіографіи", которую самъ и редактировалъ (1884—1887 г.). Кабинетныя занятія и педагогическая дѣятельность не удовлетворяли, однако, живой, отзывчивой натуры Андреевскаго. Онъ искалъ практическаго приложенія своимъ знаніямъ, и дѣйствительно былъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Интересуясь вопросомъ о медицинской полиціи, объ органической связи предупрежденія и изученія болѣзней, Андреевскій сблизился съ медицинскимъ міромъ и съумѣлъ сплотить вокругъ возникшаго въ 1877 г. русскаго общества охраненія народнаго здравія, вице-президентомъ котораго состоялъ, лучшія медицинскія силы столицы и при содѣйствіи ихъ выработать цѣлый рядъ мѣръ къ оздоровленію Петербурга и къ распространенію раціональныхъ кулинарныхъ свѣдѣній въ образованномъ классѣ. Городское управленіе столицы неоднократно обращалось къ Андреевскому по организаціи санитарной части и общественнаго призрѣнія; когда возникла городская коммиссія общественнаго здравія, Андреевскій составилъ для нея цѣлый сводъ узаконеній, послужившій основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ думскихъ постановленій по этому предмету. Организаторскій талантъ Андреевскаго блестяще сказался въ его дѣятельности по Археологическому институту, директоромъ котораго онъ былъ Высочайше назначенъ 18-го ноября 1885 г. и гдѣ занималъ еще раньше, при Калачовѣ, создателѣ этого полезнаго учрежденія, каѳедру „науки объ архивахъ". Энергичный продолжатель плановъ основателя института, Андреевскій поставилъ его на надлежащую высоту и сдѣлалъ руководителемъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, заботящихся объ изученіи и охраненіи отечественной старины. При Андреевскомъ устраивались экскурсіи слушателей и еженедѣльно читались рефераты, возбуждавшіе къ дѣятельности института повсемѣстный интересъ и вызвавшіе обращеніе къ нему многихъ лицъ по вопросамъ разработки и сохраненія архивовъ и памятниковъ старины. Въ послѣдніе годы жизни (1890—1891) Андреевскій взялъ на себя трудную обязанность редактора „Энциклопедическаго словаря" Брокгауза-Ефрона и помѣстилъ въ восьми вышедшихъ подъ его редакціей полутомахъ не мало статей („Археологическіе институты и археологическія школы", „Архивное право", „Архивныя ученыя коммиссіи", „Архивовѣдѣніе или наука объ архивахъ", „Архивы", „Благо", „Благополучіе", „Благосостояніе", „Благоустройство", „Благочиніе", „Блунчли" и др.). Отвѣтственная, усидчивая, кропотливая словарная работа подорвала крѣпкій организмъ Андреевскаго и безвременно пресѣкла его полезную дѣятельность. „Только близкіе ему люди знаютъ,—сказалъ въ надгробной рѣчи объ Андреевскомъ проф. В. И. Сергѣевичъ,—сколько проектовъ, сколько плановъ рои-

лось въ этомъ предпріимчивомъ и самоотверженномъ дѣятелѣ, какія широкія идеи оставилъ онъ неразработанными".

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Спб. университета за истекшую четверть вѣка его существованія. 1869—1894». Т. I, А—Л., Спб., 1896, стр. 16—30 (статья С. В. Ведрова).—«Энциклопед. словарь» Брокгауза-Ефрона, 7-ой полутомъ, біографич. очеркъ «И. Е. Андреевскій» въ предисловіи; здѣсь, между прочимъ, приведенъ списокъ наиболѣе крупныхъ по объему статей Андреевскаго, а также рѣчей, публичныхъ лекцій и докладовъ.—С. В. Венгеровъ, «Критико-біографич. словарь», т. I, стр. 539—543 и 954 (здѣсь также имѣется перечень статей Андреевскаго и, кромѣ того, приведены отзывы объ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ его, курсахъ и изданіяхъ. *С. Тр.*

Андреевскій, *Иванъ Самойловичъ*, докторъ медицины, профессоръ Московскаго университета, род. въ Черниговской губ., въ 1759 г., гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1809 г. Учился сначала въ Кіевской духовной семинаріи, затѣмъ поступилъ въ мѣстную духовную академію, но въ 1792 г. перешелъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ. По окончаніи здѣсь курса, въ 1796 г., Андреевскій опредѣленъ прозекторомъ при университетскомъ анатомическомъ театрѣ. Находясь въ этой должности, онъ въ теченіе 7 лѣтъ успѣлъ издать нѣсколько самостоятельныхъ и переводныхъ сочиненій и, кромѣ того, обнаружилъ выдающіяся способности, какъ анатомъ и терапевтъ. Въ 1803 г., будучи безъ экзамена удостоенъ степени доктора медицины, Андреевскій блестяще защитилъ диссертацію. Въ 1805 г. утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ, а два года спустя—экстраординарнымъ профессоромъ физіологіи, патологіи и терапіи домашнихъ животныхъ. Въ изложеніи этихъ наукъ онъ сначала держался Плениза и Вите, а потомъ читалъ по собственному скотолѣчебнику; кромѣ того, онъ нѣкоторое время читалъ эпизоотію и зоо-фармакологію. Долговременныя занятія при анатомическомъ театрѣ и обширная медицинская практика выработали изъ Андреевскаго превосходнаго, по своему времени, сифилидолога, пользовавшагося громкою извѣстностью, и ему поручено было преподаваніе „любострастныхъ болѣзней". О сифилисѣ Андреевскій читалъ придерживаясь Фрице, Пленка и Фалька — извѣстныхъ сифилидологовъ конца прошлаго столѣтія. Андреевскій славился также, какъ прекрасный знатокъ древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго. Основательнымъ знаніемъ этихъ языковъ, какъ и вообще своимъ образованіемъ, онъ во многомъ обязанъ былъ преосвященному Иларіону (Кондратковскому), епископу переяславскому, а потомъ—новгородъ-сѣверскому. Подъ вліяніемъ этого духовнаго ученаго, Андреевскій, будучи уже прозекторомъ, не переставалъ заниматься переводами съ греческаго и латинскаго сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія. Одно изъ нихъ посвящено епископу Иларіону; въ посвященіи, между прочимъ, говорится, что „чувствія благодарности со стороны трудившагося въ переводѣ оной имѣютъ своего перваго виновника въ особѣ его" (Иларіона). Андреевскому принадлежитъ также огромная—по своимъ результатамъ—заслуга въ скотоврачебномъ и сельскохозяйственномъ отношеніи: онъ первый началъ преподаваніе элементарной ветеринаріи. Для этого онъ бралъ отъ помѣщиковъ крѣпостныхъ крестьянъ „на выучку"; такимъ образомъ появились у насъ первые ученые коновалы. Труды Андреевскаго весьма разнообразны; они раздѣляются на переводные и самостоятельные, духовнаго и медицинскаго характера. Изъ тѣхъ и другихъ наиболѣе извѣстны: 1) „Надежное добро" 1786 г., переводъ съ латинскаго; 2) „Брань духовная или наука о совершенной побѣдѣ надъ самимъ собою", переводъ съ латинскаго. Москва, 1787.; въ 1794 г. книжка вышла вторымъ изданіемъ подъ новымъ заглавіемъ: „Подвигъ христіанина противъ искушеній"; 3) „Діэтетика или наука, представляющая правила весьма нужныя и полезныя къ сохраненію здравія", съ франц., Москва, 1791 г.; 4) „Новый полный методическій лѣчебникъ конскій, скотскій и другихъ домашнихъ животныхъ, какъ-то: овецъ, козъ и т. д."; Москва, 1793 г.; 5) „Waltheri Myologiae liber manualis", переводъ съ нѣмецкаго на латинскій, Москва, 1795 г.; 6) „Изображеніе правилъ къ сбереженію конскаго здравія и проч.", Москва, 1796 г.; 7) „Гигіена или предохранительная конская медицина Г. Лафосса", пер. съ франц. Москва, 1796 г.; 8) „Dissertatio inauguralis medica, sistens observationes anatomicas, susceptionem intestinorum verminosam illustrantes". Москва, 1803 г. (докторская диссертація); 9) „Краткое начертаніе анатоміи домашнихъ животныхъ" (съ рисунками), Москва.

1804 г.; 10) „Начальныя основанія медицины, ветеринаріи или скотолѣченія“, М. 1805; 11) „Наставленіе, руководящее къ предупрежденію армейскихъ и любострастныхъ болѣзней и сохраненію здравія военнослужащихъ, находящихся въ лагеряхъ и гарнизонахъ“, соч. Прингля, пер. съ франц. Москва, 1807 г. По общему отзыву біографовъ, Андреевскій былъ однимъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета начала XIX вѣка.

«Вѣстн. Евр.» 1809 г. (некрол.).—Снегиревъ, «Словарь Евгенія», т. I, 9; Рихтеръ, «Gesch. d. Medic. Russl.», т. III, 367. Плюшаръ, II, 274. Старчевскій, I, 29; «Слов. моск. проф.» I, 4; «Энц. слов., состав. русск. уч. и литер.» т, IV, стр. 345 (статья Чистовича).—Зміевъ: «Русск. врачи-писатели» т. I, 7; Геннади, т. I, 29.—Брокгаузъ-Ефронъ, т. I, стр. 757.—Венгеровъ, «Критико-біограф. словарь», т. I, стр.543—544.

Л. Вейнбергъ.

Андреевскій, *Михаилъ Аркадьевичъ*, ординарный профессоръ Варшавскаго университета, докторъ чистой математики, род. 27-го декабря 1847 г., въ с. Александровкѣ, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губ., ум. 10-го іюля 1879 г., въ Баденвейлерѣ, гдѣ и похороненъ. Выдержавъ, въ качествѣ посторонняго слушателя, въ маѣ мѣсяцѣ 1866 года, въ Харьковскомъ университетѣ, экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ, Андреевскій въ 1869 г. защитилъ въ Московскомъ университетѣ магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ: „Объ интегрирующемъ множителѣ дифференціальныхъ уравненій 2-го порядка вида $A + By' + Cy'^m + Dy'^{m-1} + Ey'^{m-1}y = 0$“. Диссертація эта была помѣщена въ „Моск. Мат. Сборникѣ“, а извлеченіе изъ нея напечатано въ отчетахъ Парижской академіи наукъ подъ заглавіемъ: „Sur l'intégration de quelques équations du second ordre par la méthode du facteur“. 10-го января 1870 года Андреевскій былъ назначенъ доцентомъ Варшавскаго университета и началъ читать о дифференціальныхъ уравненіяхъ, теорію чиселъ и варіаціонное исчисленіе; въ томъ же году онъ защитилъ въ Московскомъ университетѣ докторскую диссертацію, носившую заглавіе: „Объ интегрированіи однородныхъ дифференціальныхъ выраженій съ нѣкоторыми приложеніями“. Извлеченіе изъ этого труда помѣщено въ журналѣ „Mathematische Annalen“ Клебша и Неймана. Учено-литературная дѣятельность талантливаго профессора не остановилась на диссертаціяхъ, а энергично продолжалась почти до самой его смерти, безвременно похитившей у науки выдающагося работника. До 1876 года Андреевскій помѣстилъ въ „Моск. Матем. Сборникѣ“ статьи: „Объ интегрированіи однородныхъ дифференціальныхъ выраженій высшихъ порядковъ между нѣсколькими перемѣнными независимыми“ и „О числѣ всѣхъ дѣлителей нечетнаго числа, имѣющихъ одну изъ линейныхъ формъ: $4n \pm 1$, $8n \pm 1$, $8n \pm 3$“. Въ трудахъ 2-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей“—„Объ одной теоремѣ, доставляемой способомъ взаимныхъ поляръ“, въ „Варш. Унив. Извѣстіяхъ“—„О нѣкоторыхъ опредѣленныхъ интегралахъ“ (извлеченіе помѣщено въ журналѣ Клебша и Неймана „Mathematische Annalen“), „О выраженіи величинъ площадей линіями“, „Изслѣдованіе объ опредѣленныхъ интегралахъ“, „О способахъ Шаля и Бресса для построенія радіусовъ кривизны кривыхъ, описанныхъ движеніемъ неизмѣняемой плоской фигуры въ ея плоскости“. Кромѣ того, математическія статьи Андреевскаго появлялись заграницею въ „Nouvelles Annales de mathématique“. Командированный въ 1878 году за границу съ ученою цѣлью на 10 мѣсяцевъ, Андреевскій умеръ отъ воспаленія въ легкихъ. На баденвейлерскомъ кладбищѣ ему поставленъ неизвѣстными почитателями прекрасный памятникъ.

«Протоколы засѣданій совѣта Имп. Харьк. унив.» 1866 г., стр. 162.—Отчеты Москов. унив. за 1869 и 1870 годы. — «Варш. Унив. Изв.» 1870 г., № 1, стр. 114, и 1876 г., № 1, стр. 28.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 954—55. *С. Тр.*

Андреевскій, *Николай Аркадьевичъ*, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета по каѳедрѣ римской литературы, ум. въ концѣ 1880 года. По окончаніи курса на историко-филологическомъ факультетѣ Харьковскаго университета, преподавалъ древніе языки въ 3-ей харьковской гимназіи, съ 1879 года былъ приватъ-доцентомъ и комментировалъ Тацита, а въ слѣдующемъ году напечаталъ магистерскую диссертацію — культурно-біографическій очеркъ изъ эпохи Домиціана: „Валерій Марціалъ“ (стр. 134). Эта книжка имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ съ двумя цензурными помѣтками: „Москва,

27-го іюля 1880 г." и „Москва, 17-го декабря 1880 г.".

«Записки Имп. Харьк. унив.» 1881 г., т. I, стр. 57.—«С. Венгеровъ «Критико-біограф. словарь», т. I, стр. 955.

Андреевскій, *Николай Ефимовичъ*, сынъ гофъ-медика Ефима Ивановича, тайный совѣтникъ, род. въ С.-Петербургѣ, 8-го ноября 1822 г., ум. въ Казани 5-го февраля 1889 г. Первоначальное воспитаніе получилъ дома, затѣмъ поступилъ въ Императорскій Александровскій лицей въ Царскомъ Селѣ и въ 1844 г. окончилъ курсъ съ серебряною медалью. 23 августа того же года поступилъ на службу въ Военное Министерство, чиновникомъ канцеляріи министра. Перемѣщенный черезъ годъ на вакансію журналиста въ отдѣленіе свода военныхъ постановленій, Андреевскій, въ 1851 г., назначенъ младшимъ чиновникомъ того же отдѣленія. 17-го апрѣля 1855 г. ему, за образцовую службу и заслуги, объявлено „Высочайшее благоволеніе". Въ 1858 г. Андреевскій назначенъ производителемъ дѣлъ общаго присутствія управленія иррегулярными войсками. Находясь въ этой должности, онъ былъ привлеченъ къ участію въ законодательной работѣ — къ составленію второго изданія „Свода Военныхъ Постановленій". За эту дѣятельность онъ получилъ крупную денежную награду и назначеніе начальникомъ отдѣленія канцеляріи военнаго министра, а въ 1863 г.—членомъ хозяйственнаго комитета для завѣдыванія зданіемъ Военнаго Министерства. За весьма успѣшные труды по главной редакціи „Положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ и о мѣстныхъ войскахъ", Высочайше утвержденнаго 6-го августа 1864 г., Андреевскому было объявлено третье „Высочайшее благоволеніе", съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и съ назначеніемъ предсѣдателемъ хозяйственнаго комитета Военнаго Министерства. 1-го марта 1868 г. Андреевскій перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ началъ свою служебную дѣятельность участіемъ въ „составленіи, разсмотрѣніи и введеніи въ дѣйствія Положенія объ освобожденіи отъ обязательнаго труда и устройства быта поселянъ Охтенскаго пороховаго завода и оружейниковъ-мастеровыхъ и непремѣнныхъ работниковъ Тульскаго, Ижевскаго и Сестрорѣцкаго оружейныхъ и Райволовскаго желѣзо-ковательнаго заводовъ", за что пожалованъ, 20-го іюня 1869 г., серебряною медалью и знакомъ отличія, Высочайше учрежденнымъ 17-го апрѣля 1869 г. Въ сентябрѣ того же года, Андреевскій назначенъ харьковскимъ вице-губернаторъ. Отсюда 13-го ноября 1870 г. переведенъ губернаторомъ въ Пермь, гдѣ прослужилъ 18 лѣтъ; въ апрѣлѣ 1878 г. назначенъ костромскимъ губернаторомъ, а 24-го мая 1884 г. переведенъ губернаторомъ въ Казань, гдѣ и скончался 67 лѣтъ отъ роду. Выдающеюся заслугою въ служебной дѣятельности Андреевскаго являются заботы его объ улучшеніи состоянія сиротскихъ пріютовъ, благотворительныхъ и учебныхъ заведеній; особенно плодотворною была его дѣятельность въ отношеніи тюремнаго дѣла и развитія арестантскаго труда. Отличительною чертою дѣятельности Андреевскаго, какъ губернатора, было сознаніе необходимости личнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ въ разныхъ казенныхъ учрежденіяхъ; вслѣдствіе этого онъ предпринималъ частыя поѣздки по губерніи. Въ бытность пермскимъ губернаторомъ онъ сдѣлалъ, напр., 30.000 верстъ пути и 30 переваловъ черезъ Уральскій хребетъ, съ цѣлью личной ревизіи разныхъ учрежденій. Достойны также вниманія заботы Андреевскаго о сохраненіи историческихъ памятниковъ. Въ Казани онъ проявилъ особую заботливость о мѣстныхъ благотворительныхъ и кустарно-ремесленныхъ заведеніяхъ. При немъ основались и открыли свою дѣятельность казанскій воспитательно - исправительный, ремесленный пріютъ и училище для слѣпыхъ дѣтей. Благодаря почину Андреевскаго, въ 1886 г. устроилась первая казанская ремесленная и сельско-хозяйственная выставка.

«Казан. Губ. Вѣд.» №№ 15, 25 и 26 за 1889 г.—«Костром. Губ. Вѣд.» №№ 23 и 24 за 1889 г.—«Перм. Губ. Вѣд.» №№ 18 и 19 за 1889 г.

Л. В—ъ.

Андреевскій, *Павелъ Аркадіевичъ*, присяжный повѣренный и публицистъ, род. 29-го іюня 1849 года, въ Харьковѣ, ум. 20-го марта 1890 года, въ Кіевѣ. По окончаніи въ 1866 году курса въ Екатеринославской гимназіи, поступилъ въ Харьковскій университетъ, на юридическій факультетъ. Получивъ въ 1871 г. степень кан-

дидата правъ, Андреевскій, въ сентябрѣ того же года, назначенъ секретаремъ при прокурорѣ Самарскаго окружного суда, а въ 1873 — судебнымъ слѣдователемъ въ Самарѣ. Оставивъ въ 1875 году службу и переѣхавъ въ Кіевъ, онъ черезъ два года былъ принятъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты, а въ 1880 перешелъ въ присяжные повѣренные кіевскаго округа. Съ 1-го ноября того же года началъ издавать въ Кіевѣ газету „Заря", прекратившуюся въ концѣ 1886 года. Большой любитель театра и очень способный актеръ, одинъ изъ учредителей кіевскаго драматическаго общества, Андреевскій началъ свою литературную дѣятельность театральными рецензіями, которыя помѣщалъ: въ „Самарскомъ Справочномъ Листкѣ", „Кіевскомъ Листкѣ", „Кіевлянинѣ", „Зарѣ" и „Кіевскомъ Словѣ". Въ двухъ послѣднихъ газетахъ писалъ, подъ псевдонимомъ „*Иглы*", нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ бойкіе воскресные фельетоны („Мысли вслухъ"), имѣвшіе среди мѣстныхъ читателей большой успѣхъ. Часть этихъ фельетоновъ появилась въ отдѣльномъ изданіи, составивъ въ 1886 г.— „Дневникъ празднаго человѣка", а въ 1888—юмористическій сборникъ „Игла". Изъ четырехъ написанныхъ Андреевскимъ пьесъ, три —„Болѣзнь вѣка", драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, М. 1878 (лит.), „Призраки", комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ (лит.) и фарсъ „Мужественная женщина" (лит.) — были представлены, причемъ „Болѣзнь вѣка"— въ бенефисъ Струйской, въ 1878 г., на сценѣ Александринскаго театра; четвертая пьеса — „Преступники на свободѣ" — не появлялась въ свѣтъ. Незадолго до смерти Андреевскій началъ писать новую пьесу, отрывки которой найдены въ его бумагахъ. Юмористическія стихотворенія, пародіи и переводы Андреевскаго остались не напечатанными. Какъ судебный ораторъ, преимущественно криминалистъ, онъ отличался умомъ, находчивостью, остроуміемъ и необыкновеннымъ умѣньемъ улавливать жизненныя стороны дѣла.

«Кіевское Слово» №№ 916, 917, 918 и 920 (фельетонъ) за 1890 г.—«Кіевлянинъ» № 63, отъ 21-го марта 1890 г.—А. И. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», ч. 3, стр. 103 и XXII. *С. Тр.*

Андреевскій, *Степанъ Семеновичъ*, врачъ, первый директоръ С.-Петербургской медико-хирургической академіи и астраханскій губернаторъ, род. въ 1760 г., въ мѣстечкѣ «Салтыкова-Дѣвица», Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. 19-го декабря 1818 г. въ Астрахани. По окончаніи курса въ Кіевскомъ духовномъ училищѣ, онъ перешелъ въ мѣстную духовную академію, откуда, по вызову отъ правительства, въ 1778 г., поступилъ лѣкарскимъ ученикомъ въ Кронштадтскій военный госпиталь, а затѣмъ переведенъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. Въ 1781 г., по окончаніи курса, Андреевскій назначенъ подлѣкаремъ, а спустя два года—лѣкаремъ Черниговскаго легко-коннаго полка. Состоя въ этой должности, онъ занялся изслѣдованіемъ губерніи въ санитарномъ отношеніи, результатомъ чего явилось медико-топографическое описаніе съ указаніемъ причинъ антисанитарныхъ условій и способовъ ихъ устраненія. Этотъ замѣчательный по своему времени трудъ, подъ заглавіемъ „Обсервацій", Андреевскій представилъ въ медицинскую коллегію. Его произвели въ штабъ-лѣкари и въ 1786 г. перевели въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь; въ томъ же году онъ былъ командированъ въ Уфимскую губ для пресѣченія сильно свирѣпствовавшей тамъ сибирской язвы. Имѣя дѣло съ совершенно неизученною болѣзнью, Андреевскій занялся изслѣдованіемъ топографическимъ, произвелъ болѣе 200 вскрытій труповъ человѣческихъ и животныхъ, изучая патологическія измѣненія, и, наконецъ, для изученія дѣйствія яда сибирской язвы, самъ себѣ привилъ язвенную матерію, взятую отъ зараженнаго человѣка. Результатомъ изслѣдованій явился классическій трудъ его „О сибирской язвѣ", до сихъ поръ не потерявшій значенія. Въ 1792 г., новый президентъ медицинской коллегіи графъ Васильевъ, искавшій себѣ дѣятельныхъ и честныхъ помощниковъ для задуманныхъ имъ реформъ медицинскаго дѣла въ Россіи, выхлопоталъ назначеніе Андреевскаго членомъ медицинской коллегіи. Съ первыхъ же дней своей новой службы Андреевскій взялся за поднятіе научнаго уровня русскаго медицинскаго образованія и проектировалъ рядъ мѣръ, увеличивавшихъ строгость пріемныхъ и выпускныхъ экзаменовъ и значительно расширявшихъ клиническія занятія. По порученію главнаго директора

медицинской коллегіи, онъ въ 1794 г. посѣтилъ всѣ врачебные ботаническіе сады Россіи и довелъ ихъ до такого совершенства, что уже два года спустя многія медицинскія растенія, которыя прежде выписывались изъ-заграницы, пополнялись медицинскимъ вѣдомствомъ изъ собственныхъ врачебныхъ ботаническихъ садовъ. Андреевскому принадлежитъ также мысль объ учрежденіи медико-хирургической академіи; когда эта мысль была приведена въ исполненіе, ему порученъ надзоръ за постройкою академическихъ зданій, а въ 1804 г. онъ назначенъ директоромъ вновь открытой академіи. О времени директорства Андреевскаго—съ 1804 по 1808 г.—извѣстный историкъ русской медицины проф. Чистовичъ отзывается въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Со времени избранія членомъ медицинской коллегіи (1792 г.), Андреевскому удалось ввести много преобразованій и вообще оказать большія услуги правильной постановкѣ медицинскаго образованія въ Россіи. Андреевскій выхлопоталъ уничтоженіе подлѣкарскаго званія, составилъ карантинный уставъ и инструкцію врачебнымъ управамъ, управлялъ экспедиціею экономіи медицинской коллегіи, и по упраздненіи ея, собралъ разные остатки, увеличивъ ими инвентари разныхъ хирургическихъ учрежденій. Въ 1807 г. Андреевскій покинулъ академію и свою спеціальность и перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ; потомъ онъ былъ вице-губернаторомъ въ Гродно, а съ 1808 г.—астраханскимъ губернаторомъ и въ этой должности умеръ, 58 лѣтъ отъ роду.

Шлунъ (рукописный сборникъ), II, 253—254.—«Энциклопед. Словари»: Плюшара, т. II, и Старчевскаго, т. I, 311—312.—Чистовичъ, «Ист. медиц. школъ въ Россіи», стр. 181.—«Энцикл. Слов.», состав. русск. литер. и учен., т. IV (статья Чистовича).—Геннади, т. I.—Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», т. I.—Венгеровъ, «Критико-біогр. Словарь», т. I, 550—551.—Брокгаузъ-Ефронъ «Энцикл. Слов.», т. I, стр. 757.

Л. В—ъ.

Андреевскій, *Эрастъ Степановичъ*, докторъ медицины, гражданскій генералъ-штабъ-докторъ кавказскаго намѣстничества, род. въ южной Россіи, 15-го апрѣля 1809 г., ум. въ Одессѣ 21-го марта 1872 г. Обучался въ Берлинской гимназіи, потомъ въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ въ 1828 г. получилъ степень кандидата медицины. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ научныхъ путешествіяхъ вмѣстѣ съ дядею, знаменитымъ окулистомъ Грефе, Андреевскій возвратился въ Берлинъ, гдѣ въ 1830 г. получилъ степень доктора медицины, а въ 1831 г.—доктора медицины и хирургіи. 5-го февраля 1833 г. онъ былъ признанъ докторомъ медицины въ Харьковскомъ университетѣ. Въ томъ же году, назначенный дивизіоннымъ врачемъ, Андреевскій, въ теченіе 20 лѣтъ, состоялъ при генералъ-губернаторѣ Воронцовѣ сперва въ Одессѣ, а затѣмъ на Кавказѣ,—въ званіи гражданскаго генералъ-штабъ-доктора. Съ выходомъ князя Воронцова въ отставку, Андреевскій также оставилъ службу и, назначенный членомъ медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, поселился въ Одессѣ, гдѣ прожилъ до конца своей жизни. Учено-литературная дѣятельность Андреевскаго раздѣляется, по времени, на два неравные періода; первый—сравнительно болѣе обширный—періодъ дѣятельности Андреевскаго за границею. Труды того времени, создававшіеся подъ руководствомъ его знаменитаго дяди, профессора Грефе, касаются, главнымъ образомъ, изслѣдованій въ области хирургіи и бактеріологіи; они написаны на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Во второмъ періодѣ, обнимающемъ время дѣятельности Андреевскаго въ Россіи, всѣ статьи его написаны на родномъ языкѣ и касаются, главнымъ образомъ, эпидеміологіи и бальнеологіи. Въ бытность за границею Андреевскій напечаталъ: 1) „Излѣченіе amaurosis completa удаленіемъ больнаго зуба", статья С. Галензовскаго, переведенная Андреевскимъ съ польскаго и помѣщенная въ „Walther und Gräfe's Journal für Chirurgie", B. XIV, Heft 1, стр. 117, за 1829 г. 2) „Uber die Wurzel Euphorbia villosa gegen die Hundewuth (О корнѣ молочая, какъ средствѣ противъ водобоязни), тамъ же, B. XII, Heft 3, стр. 353, 1829 г. Эта статья—переводъ съ польскаго руководства Кучковскаго—появилась въ Берлинѣ въ томъ же году отдѣльною брошюрою съ 19-ю рисунками; брошюра обратила на себя вниманіе германскихъ медицинскихъ журналовъ, которые перепечатали изъ нея указанія способовъ примѣненія молочая. 3) Рядъ небольшихъ самостоятельныхъ статей въ „Berlin. encyclop. Wörterbuch der medicinischen Wissenschaften" за подписью

v. An—ki. 4) „Beschreibung zweier neuer Instrumente zur Unterbindung tiefliegender Gefässe“ въ „Walther und Gräfe's Journal für Chirurgie“ 1829, Heft 4, стр. 650, тоже въ „Summarium der Medicin“ 1829, Bd. II, стр. 373. 5) „Nachrichten Rigaer Aerzte über daselbst herrschende choleraepidemie“, тамъ же, 1831, B. XVI, стр 361. 6) „Reisebriefe“ (описана холера въ Галиціи), тамъ же, B. XVII, стр. 652. 7) „De thermis Aponensibus in agro Patavino“ (Описаніе Евганійскихъ минеральныхъ водъ близъ Падуи, въ Италіи)—докторская диссертація Андреевскаго, напечатанная въ 1831 г., въ Берлинѣ, въ видѣ брошюры и помѣщенная въ нѣмецкомъ переводѣ въ „Walther и Gräfe's Journal für Chirurgie“, Heft 4, стр. 556. 8) „Ueber den Einfluss des gasigen Körpers der Hundegrotte auf den thierischen Organismus“, тамъ же. За послѣднія два изслѣдованія Андреевскій былъ избранъ членомъ Неаполитанской медико-хирургической академіи. Вернувшись въ Россію, Андреевскій написалъ: 9) „Изъ письма къ Груму“ въ „Другѣ Здравія“, 1834 г., стр. 49. 10) „Письмо къ Груму о случаѣ операціи выпиливанія полъ-нижней челюсти съ наростомъ“, тамъ же 1835, стр. 18. 11) „О лѣченіи чумы“, „Одесскій Вѣстникъ“ 1837, № 97, 12) „Пятигорскъ“ (статья содержитъ также и некрологическія свѣдѣнія о поэтѣ М. Ю. Лермонтовѣ), въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, 1841 г., № 63. 13) Нѣсколько статей о холерѣ на Кавказѣ (въ которыхъ обсуждается, между прочимъ, значеніе воронежскаго элексира, какъ противохолернаго средства, и указывается составъ элексира) переведены съ русской рукописи на нѣмецкій и помѣщены г. Гейне въ „Med. Ztg. Russlands“ въ 1847 г. 14) „Абастуманъ (Верзейнъ), Боржомъ (Амировъ), Уравель, главнѣйшія изъ Карталинскихъ минеральныхъ водъ“, бальнеографическій очеркъ, Тифлисъ, 1852 и въ „Воен.-Мед. Журн.“ 1853 г.

Callisen, «Medicinisches-Schriftsteller-Lexicon», Копенгагенъ. 1836 г., т. I, стр. 328 и «Дополненія» къ этому тому. Соллогубъ: «Воспоминанія».— Разборъ диссертаціи: a) въ «Hecker's Literarische Annalen» 1831, т. I, стр. 127 и b) «Hufland's Bibliothek» 1832 г., т. I, стр. 61.— «Военно-Медиц. Журн.» 1853.—Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», т. I, стр. 6—7.—С. А. Венгеровъ, «Критико-біогр. сл.», т. I, стр. 551—552. — Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. слов.», т. I, стр. 757.

Л. В.

Андреевы, иконописцы, граверы и живописцы XVII и XVIII вѣковъ:

1) *Акимъ*, иконописецъ при московской оружейной палатѣ, писалъ въ сентябрѣ 1658 г., вмѣстѣ съ другими ярославскими и костромскими иконописцами, пять праздничныхъ иконъ. Упоминается въ документахъ 1660 г., какъ посланный изъ Костромы въ Москву.

2) *Андрей*, иконописецъ кормовой при московской оружейной палатѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Посылался, по царскому указу 1668 г., въ Саввино-Сторожевскій монастырь для стѣнного письма.

3) *Василій*, граверъ-серебренникъ при московской оружейной палатѣ въ концѣ XVII вѣка, ученикъ Аѳанасія Трухменскаго. Гравировалъ отчасти съ рисунковъ Симона Ушакова. Нѣкоторыя работы Василія отличаются необыкновеннымъ изяществомъ. Онъ исполнилъ слѣдующія гравюры: 1) св. Зосима и Савватій Соловецкіе; 2) Христосъ съ евангеліемъ въ рукѣ и съ большимъ шестиконечнымъ крестомъ сзади; 3) Дѣва Марія съ сыномъ Іисусомъ на рукахъ; 4) Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, играющимъ на гусляхъ, сдѣланныхъ изъ креста; 5) листъ сошнаго письма; 6—8) Успеніе, погребеніе и взятіе на небо Богоматери (трехлистовая картина); 9) великое зерцало грѣшнаго (изъ „Синодика“); 10) Адамова голова; 11—24) 14 рамокъ изъ красивыхъ колоннокъ для вписыванія святцевъ или поминаній, на которыхъ красиво награвированы рѣзцомъ по крѣпкой водкѣ: вверху—изображенія праздниковъ, окруженныя цвѣтами, завитками, звѣриными головами и птицами, внизу—такія же украшенія, а на правомъ полѣ—горшки съ цвѣтами и букеты цвѣтовъ; 25) Спаситель, распятый на шестиконечномъ крестѣ и окруженный ангелами съ разными орудіями и символами страстей и 26) Знаменіе Богородицы съ двумя архангелами по бокамъ и съ молитвою внизу. На нѣкоторыхъ гравюрахъ имѣется подпись: „Рѣзал ученiкъ афонасиа трухменского василеи андрѣевъ“.

4) *Василій*, граверъ морского вѣдомства при Аннѣ Іоанновнѣ, оставившій, кромѣ картъ, нѣсколько гравюръ съ разными сюжетами.

5) *Григорій*, иконописецъ въ Новгородѣ, въ XVII вѣкѣ; служилъ дьячкомъ при церкви, св. Анастасіи и вызывался въ

Москву лѣтомъ 1660 г. для „дописанья“ Архангельскаго собора стѣннымъ письмомъ.

6) *Григорій*, живописецъ на фарфорѣ, конца XVIII и начала XIX вѣка. Ученикомъ 5-го возраста Академіи Художествъ былъ отправленъ (15-го сентября 1796 г.) на Императорскій фарфоровый заводъ, для практики въ живописи, и работалъ здѣсь до 1-го апрѣля 1797 г.; въ томъ же году, 19-го декабря, получилъ аттестатъ 2-ой степени.

7) *Иванъ*, новгородскій иконописецъ, вызывался въ 1670 г. для работъ въ село Коломенское.

8) *Петръ Степановичъ*, живописецъ на фарфорѣ, род. 11-го іюля 1777 г., ум. послѣ 1797 г. Одновременно съ Григоріемъ (см. выше, № 6) былъ посланъ изъ Академіи Художествъ на фарфоровый заводъ и одновременно получилъ вторую серебряную медаль и аттестатъ 2-ой степени.

9) *Семенъ*, костромской иконописецъ XVII вѣка, былъ вызванъ съ товарищами въ 1666 г. для работъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 151—162.

Андреевы, архитекторы первой половины XIX вѣка:

1) *Александръ Яковлевичъ*, род. въ 1797 г., ум. послѣ 1851 г. Получивъ въ Академіи Художествъ двѣ серебряныя медали (въ 1813 и 1815 гг.) за архитектурныя композиціи, окончилъ курсъ съ аттестатомъ первой степени въ 1815 г. Вскорѣ послѣ этого опредѣленъ въ попечительство и строилъ зданія II отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи; 18-го марта 1829 г. назначенъ старшимъ архитекторомъ казарменной коммиссіи, а въ 1840 г.—департамента военныхъ поселеній. Въ 1851 г. избранъ въ почетные вольные общники Академіи Художествъ.

2) *Михаилъ Алексѣевичъ*, принятъ въ 1819 г. на казенное содержаніе въ Академію Художествъ, гдѣ въ 1827 и 1829 гг. получилъ три серебряныя медали за архитектурныя композиціи и перспективный видъ. Въ 1830 г. ему былъ выданъ аттестатъ 1-ой степени и онъ поступилъ рисовальщикомъ при чертежной комитета городскихъ строеній.

3 и 4). *Николай Васильевичъ* и *Павелъ*, оба изъ полоненныхъ турокъ. Одновременно поступили въ Академію Художествъ и одновременно выпущены изъ нея въ 1806 г. съ аттестатами 1-ой степ. на службу на Воткинскій заводъ. Первый въ Академіи получилъ двѣ серебряныя, а второй, кромѣ того, и вторую золотую за композиціи „Гостиный дворъ“ и „Монументъ натуральной исторіи“. Оба служили на Воткинскомъ заводѣ до 1809 года. Павелъ впослѣдствіи былъ „каменныхъ дѣлъ мастеромъ“ при гофъ-интендантской конторѣ (1824),

5) *Николай Прокофьевичъ*, ум. 19-го іюля 1882 г., въ чинѣ отставного капитана. Въ 1863 г. получилъ отъ Академіи Художествъ званіе неклассного художника, а въ 1864—класснаго 3-ей (за проектъ „Хутора“) и въ 1867 г.—класснаго 2-ой степени (за проектъ „Торговаго складочного мѣста на берегу судоходной рѣки“).

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 152, 160—61.

Андреевъ, *Александръ Николаевичъ*, вице-адмиралъ, главный командиръ С.-петербургскаго порта, род. въ 1821 г., въ Екатеринославской губ., ум. въ С.-Петербургѣ, 20-го ноября 1880 г. Воспитывался въ морскомъ корпусѣ; откуда выпущенъ мичманомъ въ 1839 г. Большую часть службы провелъ въ практической школѣ адмирала Лазарева на судахъ черноморскаго флота. и до начала Восточной войны 1853—1856 гг. уже командовалъ мелкими военными судами. Во время славной защиты Севастополя Андреевъ до конца осады командовалъ батареею, и за свою боевую дѣятельность получилъ нѣсколько наградъ, въ томъ числѣ орденъ св. Георгія 4-ой степ. Съ окончаніемъ войны, въ должности старшаго офицера, Андреевъ, на новопостроенномъ въ Николаевѣ кораблѣ „Цесаревичъ“, сдѣлалъ переходъ изъ Чернаго въ Балтійское море, и потомъ въ чинѣ капитана 1-го ранга командовалъ винтовымъ фрегатомъ „Александръ Невскій“ и корабельными экипажами въ Кронштадтѣ. Съ 1866 г., по производствѣ въ контръ-адмиралы, Андреевъ состоялъ младшимъ флагманомъ балтійскаго флота, а въ 1868 г. призванъ къ административной дѣятельности, назначенъ на должность капитана надъ С.-Петербургскимъ портомъ. Въ этой должности онъ пробылъ до 1873 г., послѣ чего назначенъ главнымъ командиромъ того же порта. Первымъ главнымъ командиромъ

С.-Петербургскаго порта былъ адмиралъ Г. И. Бутаковъ, а вторымъ и послѣднимъ Андреевъ; послѣ смерти его эта должность упразднена.

Архивъ Морскаго Министерства, формулярный списокъ.—«Кроншт. Вѣстн.», 1880 г., № 131.
С. О.

Андреевъ, *Александръ Николаевичъ*, драматургъ и поэтъ, род. 18-го февраля 1830 г., въ селѣ Погостинцахъ, Порховскаго уѣзда, Псковской губ., ум. въ Москвѣ, 3-го февраля 1891 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Воспитывался въ псковской гимназіи, откуда поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1847 г. Служилъ въ министерствахъ: Путей Сообщенія, Императорскаго Двора и Внутреннихъ Дѣлъ и до выхода въ 1877 году въ отставку былъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ. Наиболѣе цѣннымъ изъ всего написаннаго Андреевымъ являются его компилятивные труды по исторіи искусства, стоящіе значительно выше его театральныхъ пьесъ, стихотвореній-романсовъ, путевыхъ очерковъ, театральныхъ рецензій, повѣстей. Андреевъ рано началъ интересоваться искусствомъ, преимущественно живописью, неоднократно ѣздилъ за-границу, собирая тамъ рисунки и снимки съ художественныхъ памятниковъ. Первымъ трудомъ Андреева по исторіи живописи была книга: „Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ, за которую Академія Наукъ присудила автору почетный отзывъ. Въ 1857 г Академія Художествъ избрала Андреева въ почетные вольные общники, а въ 1860 онъ получилъ за литературные труды бриліантовый перстень отъ Императора Александра II. Несмотря на всѣ недостатки, ошибки и неточности въ разсказахъ о художественныхъ памятникахъ и художникахъ старыхъ школъ, невѣрные взгляды на ихъ дѣятельность—книга „Живопись и живописцы“ до сихъ поръ не утратила своего значенія. Дальнѣйшіе труды Андреева по исторіи искусства появлялись въ такой послѣдовательности: въ 1861 г.—„Памятники древняго Рима“, въ 1863—„Каталогъ картинъ и художественныхъ произведеній В. А. Кокорева“, въ 1864—„Венеція въ художественномъ отношеніи“. Кромѣ того, Андреевъ былъ редакторомъ и писалъ весь объяснительный текстъ въ двухъ періодическихъ художественныхъ изданіяхъ М. О. Вольфа—„Картинныя галлереи Европы“ (1862—1864) и „Картинныя галлереи Италіи“ (1877—1878). Всѣ эти работы, составлявшія плодъ многолѣтняго изученія искусства, не мало способствовали ознакомленію читающей публики съ художественными шедеврами и ихъ творцами. Драматическія произведенія Андреева начали появляться на Александринской сценѣ съ 1846 года; все это переводные водевили или переводныя легкія комедіи. Первымъ былъ водевиль: „Маскарадъ въ оперномъ театрѣ“. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались; „Старый математикъ“, „Женатые повѣсы“, „Притягательная сила“, „Боги Олимпа въ Парижѣ“, „Цыганскій таборъ“ и др. На провинціальныхъ сценахъ пьесы Андреева даются по настоящее время. Въ 1875 г. М. О. Вольфомъ былъ изданъ въ двухъ томахъ „Театръ А. Н. Андреева“ въ которомъ помѣщено 18 пьесъ. Послѣ этого изданія Андреевъ еще написалъ: „Цыганка Маша“ (1878) и „Іоганна Прекрасная“ (1884); обѣ эти пьесы имѣются только въ литографированномъ видѣ. Нѣкоторыя изъ весьма, въ общемъ, посредственныхъ стихотвореній Андреева, появлявшихся отдѣльнымъ изданіемъ дважды—въ 1860 и 1879 г. (съ рисунками Н. А. Богданова), были положены на музыку Рамазановымъ, Дерфельдомъ, Дюбюкомъ и др. и въ видѣ романсовъ, сдѣлавшихся „цыганскими“, имѣли успѣхъ. Таковы, напр.: „Зацѣлуй меня до смерти“. „Говорятъ, что я кокетка“, „Люблю тебя“, „Красавицы“, „Любовь цыганки“, „Тайна цыганки“ и др. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ Андреевъ напечаталъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ въ „Иллюстраціи“ и „Пантеонѣ“, каковы: „Сцены на пароходѣ“, „Юмористическія сцены“, „Гувернантка“, „Здѣсь предлагаются медицинскія пособія“, „Для пріисканія занятій“. Газетныя статьи, корреспонденціи и путевыя замѣтки Андреева печатались въ періодъ времени съ 1840 по 1883 годъ въ разныхъ изданіяхъ: „Вѣд. моск. город. полиціи“, „Искрѣ“, „Моск. Вѣд.“, „Нашемъ Времени“, „Голосѣ“, „Сѣв. Пчелѣ“, „Стрекозѣ“, „Бирж. Вѣд.“, „Искусствѣ“ и др. Въ теченіе 1846—1849 гг. Андреевъ писалъ теат-

ральныя рецензіи въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“.

«Новое Время» 7-го февраля 1891 г., № 5368.—«Новости» 14-го февраля 1891 г.—«Моск. Вѣд.» 1891 г., № 38, отъ 7-го февраля.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», стр. 552—4.—Отчетъ о 26-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, стр. 205—254.—Вольфъ,«Хроника петербургскихъ театровъ».—«Правит. Вѣстн.» 1891 г., № 42. *С. Тр.*

Андреевъ, *Александръ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ корпуса флотскихъ штурмановъ, гидрографъ, посвятившій всю свою жизнь отечественному землевѣдѣнію, род. въ Роченсальмѣ 28-го іюля 1820 г., ум. въ С.-Петербургѣ, 30-го мая 1882 г., Воспитаніе получилъ въ 1-мъ штурманскомъ полуэкипажѣ, преобразованномъ впослѣдствіи въ морское техническое училище. Со времени производства въ офицеры въ 1842 г. и до 1858 г. Андреевъ былъ въ числѣ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ извѣстныхъ нашихъ гидрографовъ—капитана 1-го ранга Рейнеке и генералъ-лейтенанта барона Врангеля, по описи и съемкѣ Балтійскаго моря и финляндскихъ шхеръ, а съ 1858 и по 1880 г. дѣйствовалъ уже самостоятельно, въ качествѣ начальника отдѣльной съемки сперва Ладожскаго, а потомъ Онежскаго озеръ. Только Восточная война 1853 — 1856 г. отвлекла Андреева отъ его спеціальныхъ гидрографическихъ занятій, и онъ былъ командированъ для устройства военно-телеграфной линіи по прибрежью Финскаго залива, и завѣдывалъ телеграфами по южному берегу, отъ Ораніенбаума до Нарвы. Кромѣ самостоятельныхъ капитальныхъ гидрографическихъ работъ на Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ, Андреевъ произвелъ опись Невы, отъ ея истока до устья, и много занимался по разнымъ отраслямъ науки морского дѣла, печатая свои труды преимущественно въ „Морскомъ Сборникѣ“ въ 1861—1867 годахъ. Самымъ капитальнымъ трудомъ Андреева была его книга: „Ладожское озеро“, изданная въ 2-хъ частяхъ въ 1875 г. Это сочиненіе, бывшее результатомъ 10-тилѣтнихъ гидрографическихъ работъ на Ладожскомъ озерѣ, своевременно достойно оцѣнено спеціалистами и за него Императорское Русское Географическое Общество наградило автора золотою медалью. Въ 1880 г. Андреевъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1881 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью съ чиномъ генералъ-лейтенанта.

Архивъ Морского Министерства, формулярный списокъ.—«Кроншт. Вѣстникъ», 1882 г. № 83.—Указатель статей «Морского Сборника» съ 1848—1872 г. *С. О.*

Андреевъ, *Алексѣй Анисимовичъ*, живописецъ, род, 4-го февраля 1762 г., ум. послѣ 1812 г. Выпущенъ изъ Академіи Художествъ въ 1782 г. съ аттестатомъ 3-ей степ., послѣ конкурса на золотую медаль по классу живописи цвѣтовъ и плодовъ, на которомъ задана была въ видѣ программы „часть пьедестала съ вазой живыхъ цвѣтовъ и корзиной винограда наверху и съ разсыпанными цвѣтами и группою плодовъ внизу, на фонѣ лѣса, при утреннемъ освѣщеніи, съ круглой галлереей вдали“. До 1812 г. служилъ учителемъ рисованія въ разныхъ институтахъ и во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 153.

Андреевъ, *Евстафій*, русскій дворянинъ, въ первые годы правленія Іоанна Грознаго исполнявшій дипломатическія порученія. Въ 1543 г. онъ былъ въ Крыму, когда князь Александръ Васильевичъ Кашинъ, уѣзжая въ Москву, поручилъ ему вести въ свое отсутствіе сношенія съ ханомъ. Возратясь въ Москву (не ранѣе 1545 г.), Андреевъ въ началѣ 1546 г. поѣхалъ въ Казань: по просьбѣ жителей дать въ цари Шигъ-Алея — привести на вѣрность народъ къ присягѣ, что̀ и выполнилъ 15-го марта 1546 г. Съ „шертью“ казанцевъ и двумя послами ихъ Евстафій воротился въ Москву.

Кн. Щербатовъ, «Исторія Россійская» 7, стр. 177 и 196. *П—въ.*

Андреевъ-Бурлакъ, *Василій Николаевичъ*, провинціальный актеръ, род. въ 1843 г., ум. въ Казани 10 мая 1888 г. Настоящая фамилія его была Андреевъ. Происходилъ онъ изъ дворянъ Симбирской губ. и первоначальное образованіе получилъ въ Симбирской гимназіи, а затѣмъ слушалъ лекціи въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ курса, однако, не окончилъ. Въ теченіе нѣсколькихъ навигацій служилъ помощникомъ капитана на одномъ изъ волжскихъ пароходовъ. До поступленія своего на сцену, Андреевъ-Бурлакъ подвизался не безъ успѣха въ любительскихъ спектакляхъ, а съ 1870 г.

окончательно посвятилъ себя артистической дѣятельности, начавъ службу актеромъ въ труппѣ Вальяно въ Ростовѣ-на-Дону. Въ качествѣ провинціальнаго актера Андрееву-Бурлаку пришлось объѣхать чуть не всю Россію. Въ 1879 г., по инициативѣ Бурлака, основанъ былъ первый въ Москвѣ частный русскій драматическій театръ, извѣстный подъ именемъ „Пушкинскаго театра" Бренко. Затѣмъ онъ принялся за постройку въ Москвѣ болѣе обширнаго театра, въ Газетномъ переулкѣ, который и былъ открытъ имъ въ 1883 г. подъ именемъ „Русскаго драматическаго театра". Лѣтомъ 1882 г. Андреевъ-Бурлакъ, вмѣстѣ съ актеромъ М. И. Писаревымъ, организовалъ первое „товарищество артистовъ" Пушкинскаго театра, которое и объѣхало поволжскіе города, давая въ каждомъ изъ нихъ представленія. Играя въ обѣихъ столицахъ и провинціи, Андреевъ-Бурлакъ пріобрѣлъ репутацію, главнымъ образомъ, хорошаго исполнителя Поприщина по „Запискамъ сумасшедшаго" Гоголя и чиновника Мармеладова по роману Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе". Эти типы онъ воспроизводилъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и постоянно совершенствовалъ свою игру въ нихъ. Фотографы снимали его въ этихъ роляхъ; такъ, напр., существуетъ цѣлый альбомъ, изданный фотографомъ Шапиро, различныхъ моментовъ передачи Бурлакомъ „Записокъ сумасшедшаго", читанныхъ имъ въ больничномъ халатѣ. Изъ прочихъ ролей ему особенно удавались: роль кулака Деругина въ „Свѣтитъ да не грѣетъ", Счастливцева въ „Лѣсѣ", Ладыжкина въ „Женихѣ изъ долгового отдѣленія" и городничаго въ „Ревизорѣ". Онъ славился передачей собственныхъ волжскихъ сценъ, печатавшихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и вышедшихъ въ 1881 г. отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: „На Волгѣ". Повѣсти и разсказы 1881 г. (Изд. редакціи журн. „Живоп. Обозр.") Сцены эти отличаются жизненностью и указываютъ на знаніе быта русскаго народа, пріобрѣтенное авторомъ ихъ еще за время службы на Волгѣ. Въ одно изъ пребываній своихъ въ Одессѣ, Андреевъ-Бурлакъ, 30-го ноября 1886 г. прочелъ публичную лекцію о драматическомъ искусствѣ, которая, кромѣ общаго интереса, имѣетъ важное практическое значеніе для актера. Въ 1886 г. она была напечатана отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Публичныя лекціи. I-ая. Сцена и жизнь. Артиста В. Н. Андреева-Бурлака". Одесса. 1886 г. Въ картинной галлереѣ Ѳ. А. Терещенко, въ Кіевѣ, находится портретъ Бурлака въ роли Поприщина, работы художника Рѣпина.

«Волжскій Вѣстникъ» 1888 г. № 119. «Новое Время» 1888 года, № 4381. «Новости» 1888 года, 11 мая. С. Венгеровъ «Критико-біограф. Слов. русск. писат. и ученыхъ», I, 554—555. Ровинскій, «Подробный слов. русск. гравиров. портретовъ», II, прилож. V, стр. 295.

Андреевъ, *Евгеній Николаевичъ*, тайный совѣтникъ, учредитель и почетный членъ Императорскаго русскаго техническаго общества, род. въ Таганрогѣ 4-го октября 1829 г., ум. 12-го іюля 1889 г. въ Парижѣ. Образованіе получилъ въ С.-петербургскомъ университетѣ, гдѣ, въ 1849 г., окончилъ курсъ по отдѣленію камеральныхъ наукъ юридическаго факультета со степенью кандидата. Съ 4-го марта 1851 г. состоялъ помощникомъ инспектора, а съ 1857 г. инспекторомъ классовъ въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ (въ то время еще не высшемъ учебномъ заведеніи), причемъ въ 1853 г. временно преподавалъ тамъ географію, а съ 1854 г. читалъ статистику. Командированный въ 1856 г. заграницу для осмотра техническихъ учебныхъ заведеній и для подготовки къ каѳедрѣ химической технологіи, Андреевъ, въ лабораторіи извѣстнаго химика Бунзена, въ Гейдельбергѣ, произвелъ изслѣдованіе объ удѣльномъ вѣсѣ и расширеніи сгущенныхъ газовъ сѣрной кислоты, амміака, углекислоты и закиси азота. Изслѣдованіе это напечатано въ „Annalen der Chimie und Pharmacie" (Bd. IX, I, 1859) и озаглавлено: „Ueber das specifische Gewicht und Ausdehnung einiger condensirter Gase". Въ 1857 г. Андреевъ вызванъ былъ въ Петербургъ, ранѣе окончанія срока командировки, для исполненія обязанностей инспектора классовъ технологическаго института. Плодомъ заграничной командировки Андреева явилась въ 1858 г. статья его: „Обзоръ преподаванія въ германскихъ политехническихъ школахъ", помѣщенная въ „Журналѣ мануфактуръ и торговли" за май мѣсяцъ, и планъ преобразованія С.-петербургскаго технологическаго института изъ средняго въ высшее учебное заведеніе; планъ этотъ, дополненный наблюденіями надъ ходомъ учебныхъ дѣлъ въ

техническихъ заведеніяхъ Франціи, Бельгіи и Англіи, получилъ впослѣдствіи практическое осуществленіе. Въ 1860 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Андреевъ оставивъ занятія свои въ технологическомъ институтѣ, былъ причисленъ къ департаменту мануфактуръ и внутренней торговли Министерства Финансовъ, съ порученіемъ отъ правительства разсмотрѣть вопросъ о взиманіи акциза съ приготовляемаго въ Россіи свеклосахарнаго песка. Андреевъ подробно изучилъ этотъ вопросъ, совершая, въ качествѣ технолога по акцизной части, въ 1860 и 1861 годахъ, поѣздки по заводамъ Россіи, результатомъ чего явился трудъ его: „О свеклосахарномъ производствѣ", помѣщенный въ издававшемся при департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли, „Обзорѣ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи" (Спб. 1862 г., т. I). Въ теченіе двухъ лѣтъ (1861 и 1862 гг.) изданъ былъ „Курсъ химической технологіи" профессора Ильенкова, въ 2-хъ частяхъ, переработанный и дополненный Андреевымъ настолько обстоятельно, что ему, по отзывамъ академиковъ Фрицше и Зинина, присуждена за этотъ трудъ малая демидовская премія. Съ 1862 по 1864 годъ Андреевъ редактировалъ техническій отдѣлъ журнала „Русскій Ремесленникъ", гдѣ помѣстилъ нѣсколько статей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: „Жидкое или растворимое стекло", „Аллюминій или глиній", „Дерево и его обработка", „Металлическіе сплавы", „Письма съ лондонской всемірной выставки" и др. Въ 1865—1866 гг. Андреевъ редактировалъ „Журналъ мануфактуръ и торговли", въ которомъ также напечаталъ цѣлый рядъ статей: о свеклосахарномъ производствѣ, анилинѣ и анилиновыхъ краскахъ, о разработкѣ торфяниковъ и торфа, объ обработкѣ хлопка, о парафинѣ, сплавахъ и множество мелкихъ статей. Съ 1863 г. по 1878 г., Андреевъ занималъ каѳедру сельскохозяйственной технологіи въ Земледѣльческомъ (нынѣ Лѣсномъ) институтѣ, гдѣ состоялъ также деканомъ, послѣ чего былъ назначенъ членомъ совѣта Министерства Финансовъ. Служба въ технологическомъ институтѣ и знакомство съ подобными институтами за границею содѣйствовали тому, что вся послѣдующая дѣятельность Андреева была посвящена вопросамъ техническимъ и, главнымъ образомъ, школьнымъ, въ теоретической и практической разработкѣ. Наше русское техническое общество обязано своимъ зарожденіемъ, главнымъ образомъ, Андрееву, въ сотрудничествѣ съ немногими товарищами. Мысль объ учрежденіи такого общества зародилась у него первоначально въ видѣ желанія установить живую связь между технологами, разбросанными по всей Россіи. По учрежденіи техническаго общества (1866 г.), въ программу его была включена и разработка вопросовъ по техническому образованію. Обративъ вниманіе прежде всего на учрежденіе школъ для дѣтей мастеровыхъ и воскресныхъ занятій для мастеровыхъ, общество открыло, 9-го марта 1869 г., первую свою школу при Варшавской желѣзной дорогѣ, при чемъ Андреевъ, составившій докладъ по распространенію техническаго образованія, былъ назначенъ членомъ коммиссіи для руководства школою. Находя, что техника нуждается не только въ инженерахъ, или лицахъ, стоящихъ во главѣ заводовъ и фабрикъ, но и въ исполнителяхъ, иначе среднихъ дѣятеляхъ, Андреевъ, въ концѣ апрѣля 1868 года, представилъ въ общество докладъ „Объ образованіи мастеровъ", въ которомъ сдѣлалъ обзоръ существующихъ для того учрежденій въ Западной Европѣ. Докладъ этотъ вызвалъ предложеніе учредить при техническомъ обществѣ постоянную коммиссію по техническому образованію, которая избрала Андреева своимъ докладчикомъ, соединивъ въ одномъ лицѣ обязанности и предсѣдателя, и секретаря. Составленный имъ планъ преподаванія въ низшихъ техническихъ школахъ былъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, одобренъ коммиссіей 12-го марта 1869 г. По его почину, въ маѣ 1874 г., были сдѣланы въ обществѣ: сообщеніе профессора Янсона—о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ въ связи съ вопросомъ объ образованіи этихъ рабочихъ, и докладъ по тому же предмету А. Г. Неболсина, послужившіе основаніемъ для занятій особой, подъ предсѣдательствомъ Андреева, коммиссіи, выработавшей проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ, принятый во вниманіе правительствомъ при изданіи закона 1-го іюня 1882 г. Всѣ фактическія данныя по разработкѣ вопросовъ объ образованіи малолѣтковъ и подростковъ, занимающихся на заводахъ и фабрикахъ, и о мѣрахъ къ огра-

ниченію работы заключаются въ объемистой книгѣ Андреева: „Трудъ малолѣтнихъ въ Россіи и Западной Европѣ" (Спб. 1884 г.). Ему же обязана коммиссія возбужденіемъ и разработкою вопроса объ увеличеніи пользы, приносимой промышленности воспитанниками нашихъ высшихъ техническихъ училищъ. Вопросъ этотъ, возбужденный Андреевымъ на бывшемъ въ 1875 году съѣздѣ машиностроителей, много послужилъ къ выясненію задачъ высшихъ техническихъ школъ. Желая представить техническому обществу и всѣмъ, интересующимся дѣятельностью коммиссіи, полное и цѣлостное обозрѣніе всей системы нашего школьнаго образованія, какъ общаго, такъ и спеціальнаго, Андреевъ предпринялъ рядъ чтеній о современномъ состояніи и дѣйствительныхъ задачахъ нашихъ учебныхъ заведеній,—чтеній, изданныхъ впослѣдствіи отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „Школьное дѣло въ Россіи" (Спб. 1882 г.). По смерти Андреева, въ бумагахъ его, между прочимъ, была найдена записка „О реальныхъ и профессіональныхъ школахъ", составленная въ 1887 г.; эта записка помѣщена въ журналѣ „Техническое Образованіе" (1892 г. № 1, октябрь). Многосторонняя теоретическая дѣятельность Андреева по техническому образованію не мѣшала ему, однако, руководить учрежденіемъ многихъ школъ: двухъ парвскихъ, двухъ василеостровскихъ, путиловской, школы Покровскаго Братства, и спеціально ремесленныхъ: школы десятниковъ, печатнаго дѣла и воскресной вечерней школы для рабочихъ. По иниціативѣ Андреева была также учреждена особая коммиссія, подъ его предсѣдательствомъ, которою былъ выработанъ, по примѣру Франціи, Бельгіи и Германіи, проектъ нормальнаго положенія о женскихъ профессіональныхъ школахъ, отчасти осуществившійся въ учрежденныхъ при содѣйствіи общества школахъ Коробовой, Мессингъ и другихъ. Въ 1878 г. была образована при совѣтѣ торговли и мануфактуръ коммиссія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Андреевъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ ея, будучи сначала представителемъ отъ Министерства Финансовъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ коммиссіи. Въ „Трудахъ коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности Россіи", помѣщены Андреевымъ „Обзоръ развитія кустарныхъ промысловъ" и „Краткій обзоръ дѣйствій коммиссіи по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ въ Россіи". Съ закрытіемъ этой коммиссіи (1886 г.) Андреевъ былъ выбранъ въ предсѣдатели кустарнаго отдѣла, спеціально образовавшагося при обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли. Какъ предсѣдатель этого отдѣла, онъ присутствовалъ на выставкахъ: Копенгагенской (1887 г.) и Парижской (1889 г.), въ качествѣ организатора преимущественно нашихъ кустарныхъ издѣлій. Въ 1879 году Андреевъ принималъ участіе въ разработкѣ, состоявшею подъ его предсѣдательствомъ коммиссіею при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ, проекта положенія о низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ, на основаніи котораго въ 1884 г. было издано и самое положеніе объ этихъ школахъ. Въ 1884 г. принялъ на себя предсѣдательство въ 1-мъ отдѣлѣ русскаго техническаго общества. Въ первый же годъ его предсѣдательства, технико-химическій отдѣлъ занялся разработкою самостоятельно возбужденныхъ вопросовъ о закавказскихъ нефтепроводахъ, объ организаціи и дѣятельности съѣзда крахмалозаводчиковъ, объ устройствѣ при обществѣ химико-технической лабораторіи и др. Умеръ онъ въ Парижѣ на всемірной выставкѣ, куда посланъ былъ въ качествѣ генеральнаго коммиссара русскаго отдѣла.

«50-ти-лѣтній юбилей С.-Петербургскаго технологич. института», стр. 144, 146, 151, 186, 187 и 400. «35-ти лѣтній юбилей Е. Н. Андреева». Особое засѣданіе постоянной коммиссіи по техническому образованію (доклады Столпянскаго и Абрамова) Спб. 1886 г. «Техническое Образованіе» 1892 г. № 1 и № 2 (октябрь и ноябрь).— Энцикл. словари: Березина, Гарбеля, Ефрона, Толля. русскихъ учен. и литер. (т. IV), Венгерова, т. I, стр. 555—559. Некрологи: «Новое Время» 1889 г. 15-го іюля и «Новости» 1889 г. 14-го іюля.

Андреевъ, *Николай Агапіевичъ*, ординарный профессоръ Варшавскаго университета, докторъ медицины, род. въ 1830 г. ум. 15-го февраля 1883 г. Среднее образованіе получилъ въ вологодской гимназіи, а высшее—въ медико-хирургической академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1854 году лѣкаремъ съ отличіемъ и золотою медалью. Поступивъ на службу въ военное вѣдомство, Андреевъ въ 1859 году былъ прикомандированъ ко второму военно-сухопутному госпиталю; по полу-

ченіи, 24-го декабря 1862 года, степени доктора медицины за диссертацію „О кровяномъ шарикѣ въ гистологическомъ отношеніи“ (вышла отдѣльно и была напечатана въ №№ 3—7 „Медицин. Вѣстн.“ за 1862 г.), назначенъ старшимъ докторомъ 7-й конно-артиллерійской бригады, а въ 1864 г. переведенъ на ту же должность въ Волынскій уланскій полкъ. Получивъ ученую командировку за границу для приготовленія къ профессорскому званію, Андреевъ, между прочимъ, слушалъ лекціи Вирхова и занимался въ Боннскомъ институтѣ. По возвращеніи изъ-за границы, въ 1865 г., онъ былъ назначенъ старшимъ ординаторомъ Уяздовскаго военнаго госпиталя въ Варшавѣ, черезъ годъ сдѣланъ помощникомъ главнаго врача, а въ 1867 году—членомъ медицинскаго совѣта Царства Польскаго. Вскорѣ послѣ основанія Варшавскаго университета, Андреевъ, успѣвшій зарекомендовать себя цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ медицинскихъ работъ, 30-го ноября 1869 года былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ частной паталогіи и терапіи, 8-го января 1870 г. прочиталъ первую лекцію („Объ основахъ современной патологіи и терапіи“), а 31-го октября того же года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ терапевтической госпитальной клиники; впослѣдствіи, съ 1875 года, Андреевъ снова вернулся къ преподаванію спеціальной паталогіи и терапіи. Какъ въ своей диссертаціи, такъ въ другихъ работахъ, Андреевъ впервые высказалъ много новыхъ мыслей, подтвердившихся позднѣйшими наблюденіями такихъ ученыхъ, какъ Вирховъ и Нимейеръ. Такъ, въ диссертаціи Андреевъ указалъ на возможность прижизненныхъ морфологическихъ измѣненій красныхъ кровяныхъ тѣлецъ въ сосудахъ, и въ 1865 г. Вирховъ въ своихъ лекціяхъ („Взглядъ Вирхова на собственное клѣточковое ученіе“ въ „Медицин. Вѣстн.“, 1865 г. № 16) призналъ эту возможность. Въ двухъ статьяхъ, появившихся въ свѣтъ въ 1862 г. („Клинико-патологическія наблюденія надъ развитіемъ бугорчатки легкихъ“ (въ „Военно-Мед. Журн.“, октябрь) и „О вторичныхъ бугорчатыхъ новообразованіяхъ“, (въ „Медиц. Вѣстн“, № 51), Андреевъ впервые съ клинической стороны показалъ, что большая часть случаевъ легочной чахотки развивается изъ хроническаго катарра дыхательныхъ трубокъ и катарральнаго воспаленія легкихъ и что такъ называемыя туберкулы, какъ новообразованія, развиваются извнутри кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ, въ стѣнкахъ послѣднихъ и при участіи морфологическихъ элементовъ ихъ. Эти взгляды были повторены проф. Нимейеромъ въ 1867 году, о чемъ и заявилъ Андреевъ въ статьѣ: „По поводу появленія новаго взгляда проф. Нимейера на бугорчатку“ („Мед. Вѣстн.“ 1868 г., № 1—3). Цѣнныя для науки наблюденія были сообщены Андреевымъ въ статьѣ, появившейся въ № 22 „Медиц. Вѣстн.“ 1865 г. — „Двѣ формы первичнаго мозговика въ печени“. Любопытенъ взглядъ Андреева на паталого-физіологическую сущность лихорадочнаго состоянія и на клиническое значеніе его для распознаванія, предсказанія и лѣченія, высказанный въ статьѣ: „Практическое значеніе лихорадочно-возвышенной температуры тѣла“ („Мед. Вѣстн.“ 1868 г. № 52). Изъ другихъ статей Андреева необходимо отмѣтить его „Замѣтку“ для исторіи русской медицинской литературы“, въ которой приведены тѣ мѣста его диссертаціи и статьи „Къ ученію о ткаияхъ“ („Воен.-Мед. журн.“ 1865 г., май—іюнь), гдѣ прямо говорится о развитіи гноя изъ бѣлыхъ и красныхъ шариковъ крови, что съ 1868 года, послѣ отчетливыхъ наблюденій Конгейма для бѣлыхъ шариковъ — признано всѣми. Нельзя также не упомянуть о рядѣ статей, подъ заглавіемъ: „Ангіоневрозы, какъ особый классъ болѣзней“, помѣщенныхъ въ „Журналѣ для гистологіи, фармакологіи и клинич. медицины“ за 1872 г. (февраль, апрѣль, май, іюль и августъ), равно какъ и о нѣсколькихъ работахъ Андреева относительно происхожденія и лѣченія колтуна. Послѣдній вопросъ, видимо, сильно интересовалъ даровитаго ученаго и онъ посвятилъ ему слѣдующія статьи: 1) „Секреторно-трофическій неврозъ волосовыхъ сосочковъ кожи съ послѣдовательнымъ склеиваніемъ волосъ“ (колтунъ), помѣщено въ „Протоколахъ засѣданій IV-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Казани“, въ 1873 г.; 2) „О связи волосъ съ кожею и организмомъ“ („Варш. Унив. Изв.“ 1874 г., № 2); 3) „Эндемическій сосудисто-трофическій неврозъ съ нарушеніемъ перспираціонной функціи кожи при участіи волосовыхъ аппаратовъ“ (кол-

тунъ)—ibidem 1875 г., №№ 2, 3, 4 и 5; 4) „Колтунъ съ точки зрѣнія гистологической и опытной“ — ibid. 1875, № 5; 5) „Идіопатическій и симптоматическій секреторно-потовой неврозъ волосовыхъ аппаратовъ кожи“, Варшава, 161 стр., 1875 г., и друг.

«Варш. Унив. Изв.» 1875 г., № 1, стр. 17—20 («Ученые труды проф. Н. Андреева съ 1862 по 1874 г.»).—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», выпуски III и IV.—Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 6.—«Новости» 1883 г., № 54.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. Словарь», т. I, стр. 560 (неполный списокъ трудовъ, безъ біографіи).

Андреевъ, *Николай Николаевичъ*, вице-адмиралъ, род. въ 1824 г., ум. 2-го іюля 1888 г. Происходя изъ дворянъ Екатеринославской губерніи, онъ, по окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и состоявшихъ при немъ офицерскихъ классахъ, поступилъ въ 1846 году лейтенантомъ въ черноморскій флотъ, и до начала Крымской войны безпрерывно плавалъ на разныхъ судахъ этого флота. Въ рядахъ славныхъ защитниковъ Севастополя Андреевъ пробылъ 11 мѣсяцевъ на бастіонахъ и полгода комендантомъ укрѣпленія, оборонявшаго сѣверную сторону города. За это время онъ удостоился получить чинъ капитанъ-лейтенанта и два ордена. По окончаніи Крымской войны, Андреевъ получилъ въ командованіе пароходъ „Андія“, а потомъ, построенную подъ его наблюденіемъ въ Англіи, шхуну „Пицунда“, которую привелъ въ Черное море и плавалъ на ней у Кавказскихъ береговъ. Командуя затѣмъ корветомъ „Рында“, Андреевъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе, послѣ чего плавалъ два года въ Средиземномъ морѣ, командуя фрегатомъ „Олегъ“; по возвращеніи онъ былъ назначенъ командиромъ винтоваго корабля „Цесаревичъ“. Съ 1871 года въ теченіе 10 лѣтъ, въ эпоху возрожденія черноморскаго флота и усиленной дѣятельности по случаю новой войны съ Турціею, Андреевъ занималъ должность капитана надъ портомъ въ Николаевѣ, а съ 1886 года до кончины, въ чинѣ вице-адмирала, состоялъ начальникомъ главнаго управленія кораблестроенія и снабженій и предсѣдателемъ комитета добровольнаго флота, причемъ нѣсколько разъ временно исправлялъ должность начальника главнаго морского штаба и управляющаго морскимъ министерствомъ. Служба Андреева какъ на флотѣ, такъ и въ администраціи доставила ему въ средѣ сослуживцевъ глубокое уваженіе и репутацію хорошаго моряка и безусловно честнаго человѣка, строго относившагося къ служебному долгу и ревностно заботившагося о пользахъ флота и интересахъ казны. Изучивъ до тонкости, во время 15-ти-лѣтняго командованія судами, всѣ потребности морской службы, онъ, потомъ, занимая важныя хозяйственныя должности, умѣлъ отличать дѣйствительныя надобности отъ прихотей, и, ограничивая послѣднія, никогда не отказывалъ въ первыхъ. Высшею наградою Андреева былъ орденъ св. Александра Невскаго, полученный имъ въ 1887 году.

Формулярный списокъ въ архивѣ Морскаго Министерства.—«Кроншт. Вѣстникъ», 1888 года, №№ 82 и 92. *Н. Корнуевъ.*

Андреевъ, *Тимофей*, каменнаго дѣла рѣзчикъ. Съ 1714 г. состоялъ въ командѣ архитектора Трезини, въ канцеляріи строеній, для исполненія архитектурныхъ украшеній изъ бѣлаго камня и мрамора; съ 1727 г. назывался „за подмастерья“, а съ 1730—подмастерьемъ. Въ 1742 г., получивъ предъ тѣмъ званіе „мастера“, долженъ былъ наблюдать за каменными работами какъ въ зимнемъ, такъ и въ лѣтнемъ вновь строившемся домѣ Ея Величества.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 163.

Андреевъ, *Ѳедоръ Алексѣевичъ*, флота лейтенантъ, сынъ полковника корпуса флотскихъ штурмановъ. По окончаніи курса морского кадетскаго корпуса и состоявшихъ при немъ офицерскихъ классовъ, произведенъ въ 1837 г. въ лейтенанты и въ 1842 г. погибъ въ Категатѣ, при крушеніи корабля „Ингерманландъ“, на переходѣ изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Энергическій, образованный и всей душою преданный морскому дѣлу, Андреевъ, не смотря на свою кратковременную службу, пользовался особеннымъ уваженіемъ своихъ сослуживцевъ. Извѣстный морской историкъ, А. П. Соколовъ, посвятилъ памяти Андреева одинъ изъ своихъ важнѣйшихъ трудовъ: „Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ русскаго флота“. Андреевъ былъ въ числѣ сотрудниковъ изданія „Записки Гидрографическаго Департамента“, составлявшихся изъ безвозмездныхъ трудовъ преимущественно молодыхъ моряковъ.

Андрееву русскій флотъ обязанъ составленіемъ вѣрной біографіи и сохраненіемъ весьма сходнаго портрета знаменитаго морского писателя-педагога, Гамалѣя, по превосходнымъ учебнымъ руководствамъ котораго училось нѣсколько поколѣній моряковъ болѣе полустолѣтія.

Біографія Гамалѣя, съ приложеніемъ портрета, напечатана въ VI части «Записокъ Гидр. Деп.», стр. 386, и дополненіе къ ней въ X части тѣхъ же «Записокъ», стр. 701. *Ѳ. Веселаго.*

Андрей, князь смоленскій, чудотворецъ переяславскій. Лѣтописи не оставили никакихъ извѣстій объ этомъ князѣ, можетъ быть, потому, что онъ большую часть жизни провелъ вдали отъ родины, въ Переяславлѣ, гдѣ никто его не зналъ. Извѣстно только изъ преданій, что онъ, наскучивъ усобицами князей-братьевъ своихъ, оставилъ княженіе и удалился въ Переяславль-Залѣсскій, гдѣ, никѣмъ незнаемый, жилъ при церкви святителя Николая и въ продолженіе 30 лѣтъ исправлялъ обязанности пономаря. Когда онъ умеръ—неизвѣстно. Тѣло его погребено при той же церкви св. Николая. Въ княженіе Іоанна IV мощи его обрѣтены нетлѣнными преп. Даніиломъ переяславскимъ 27-го октября 1540 г. Судя по тому, что церковь св. Николая обращена въ Никольскій Дерязинъ монастырь въ 1392 г., послѣ смерти князя Андрея, и что особенно замѣтныя междукняжескія смуты въ Смоленской землѣ происходили въ концѣ первой и во второй половинѣ XIII в., надо полагать, что князь Андрей жилъ именно во второй половинѣ XIII в. и, можетъ быть, былъ изъ одной семьи къ князьямъ Ѳедоромъ Ростиславичемъ смоленскимъ (собственно можайскимъ), а потомъ и ярославскимъ. При обрѣтеніи мощей князя Андрея найдены: золотая цѣпь, княжескій перстень и желѣзныя вериги. Послѣднія находятся при гробницѣ чудотворца, а цѣпь и перстень взялъ себѣ великій князь Іоаннъ IV для привлеченія на домъ свой благословенія Божія. Никольскій-Дерязинъ монастырь съ обрѣтеніемъ мощей князя Андрея переименованъ въ Князь-Андреевскій. Память чудотворца чтится 27-го октября.

«Степенная книга», II, стр. 230 и сл.—«Ист. Росс. Іер.», IV, 515 и сл.—Филаретъ, «Житія святыхъ», стр. 263.—Арх. Леонидъ, «Святая Русь», стр. 180.

Андрей, блаженный, тотемскій чудотворецъ, род. въ 1638 г., въ с. Усть-Толшемскомъ, Тотемскаго уѣзда, преставился 10-го октября 1673 г. Оставшись молодымъ по смерти родителей, проживалъ въ Галичскомъ Воскресенскомъ монастырѣ у одного инока-родственника. Въ это же время въ монастырѣ жилъ подвижникъ Стефанъ, сдѣлавшійся духовнымъ наставникомъ Андрея и посовѣтовавшій ему принять на себя иго юродства Христа ради. По смерти же своего наставника Стефана онъ оставилъ монастырь и перешелъ въ Тотьму, поселившись у церкви Воскресенія Христова. Послѣ 10-лѣтняго юродства Андрей скончался 35 лѣтъ отъ роду и былъ похороненъ подъ колокольнею. Мощи его почиваютъ нынѣ подъ спудомъ въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ Тотьмѣ, гдѣ мѣстно чтится и память его 10-го октября.

Сергій, «Мѣсяцесловъ Востока», т. 2, стр. 270.—«Слов. истор. о святыхъ», стр. 22.—«Житіе святыхъ», Муравьева, октябрь, 275 и слѣд.—«Волог. Еп. Вѣд.», 1864 г. стр. 16.—Верюжскій, «Волог. святые», стр. 680.

Андрей, епископъ тверской, сынъ литовскаго князя Герденя, ум. въ 1323 г. По принятіи православія и монашества, съ 1264 г. былъ игуменомъ Богородичнаго въ Твери монастыря. Въ 1289 г. посланъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ въ Кіевъ для рукоположенія во епископа тверскаго. Въ 1290 г. освятилъ въ Твери храмъ Спаса Преображенія. Въ 1293 г. ѣздилъ по порученію великаго князя Дмитрія Александровича въ Торжокъ договариваться о мирѣ съ братомъ князя—Андреемъ. Въ 1295 г. вѣнчалъ въ Твери великаго князя Михаила Ярославича. Въ 1300 г. участвовалъ въ рукоположеніи новгородскаго архимандрита Ѳеоктиста.

«Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. I, 208—209; III, 66—7, 181, 222; IV, 44—6; V, 201—3; VII, 165, 179—81, 183, 187, 253.

Андрей, бояринъ и дворецкій галицкаго князя Даніила Романовича, убитый татарами въ 1255 году. Въ 1225 году Андрей ѣздилъ въ Польшу въ качествѣ посла Даніилова; въ 1227 году, во время похода Романовичей на Ярослава Ингваревича, велъ передовой полкъ и осадилъ Луцкъ, который на слѣдующій день сдался. Въ 1241 году былъ посланъ подъ Перемышль противъ князя Константина, который вмѣстѣ съ епископомъ того го-

рода затѣвалъ крамолу на Даніила. Константинъ успѣлъ бѣжать изъ Перемышля, и Андрей, пограбивъ владыку и его слугъ и захвативъ въ плѣнъ „словутьного пѣвца Митусу", вернулся къ Даніилу. Въ 1245 году Андрей ходилъ въ польскую землю и разорилъ область по рѣкѣ Санѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ посланъ со Львомъ Даніиловичемъ, который по молодости не могъ самъ вести войну, на Ростислава Михаиловича къ Перемышлю. Въ происшедшей на рѣкѣ Сѣчницѣ битвѣ, Ростиславъ остался побѣдителемъ, потому что одинъ изъ бояръ, сопровождавшихъ Льва, „навороти конь свой на бѣгъ" въ самую рѣшительную минуту. Въ 1249 году Романовичи пошли спасать городъ Ярославль, осажденный тѣмъ же Ростиславомъ, а впередъ послали Андрея, чтобы поддержать духъ осажденныхъ. Вслѣдъ за Андреемъ подоспѣли и сами князья; Ростиславъ пошелъ на нихъ, но Андрей, желая самъ отомстить за прежнее пораженіе, поспѣшно перерѣзалъ Ростиславу путь, „сразился крѣпко" и взялъ въ плѣнъ начальника венгерскихъ вспомогательныхъ войскъ Филю. Въ 1251 г. Андрей участвовалъ въ польскомъ походѣ, но былъ боленъ, такъ что во время битвы „копіе упусти и замало не убіенъ бысть". Въ 1254 году онъ съ княземъ Львомъ воевалъ въ Силезіи, а въ слѣдующемъ—съ тѣмъ же Львомъ ходилъ отнимать Бакоту у захватившаго ее татарина Милея и, командуя передовымъ полкомъ, взялъ Милея въ плѣнъ. Подошедшія татарскія подкрѣпленія заставили Льва отступить, а Андрей попалъ въ руки татаръ и „убіенъ бысть и сердце его вырѣзаша".

«П. Собр. Р. Л.», II, 165, 167, 180, 181, 183, 184, 186, 189, 191, 192.

Андрей, новгородскій бояринъ. Въ 1342 году въ Заволочьи былъ убитъ начальникъ повольничьей рати Лука Варѳоломѣевъ. Новгородскіе черные люди обвинили въ этомъ Андрея и посадника Ѳеодора Данилова, пограбили ихъ дворы и села. Андрей и посадникъ бѣжали въ Копорье, гдѣ оставались всю зиму до великаго поста, когда Анцифоръ, сынъ Луки, вызвалъ ихъ въ Новгородъ на судъ. Часть новгородцевъ держали сторону Анцифора, а другая сторону обвиняемыхъ; собралось два вѣча—у Софіи и на Ярославовомъ дворѣ. Затѣмъ произошла свалка на Волховскомъ мосту, и только благодаря вмѣшательству владыки Василія, распря была прекращена.

«П. Собр. Р. Л.», III, 82; IV, 55.

Андрей, атаманъ донскихъ казаковъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Въ 1570-хъ годахъ грабилъ на Волгѣ, а затѣмъ, спасаясь отъ царской кары, вышелъ съ 300 удальцовъ изъ Волги въ Каспійское море, гдѣ потерялъ почти всю свою флотилію и принужденъ былъ укрыться въ кавказскихъ горахъ. Засѣвъ на Сунджѣ, въ одномъ укрѣпленномъ городкѣ, Андрей назвалъ его по своему имени—Андреевскимъ. Отражая нападенія кумыковъ и тавлинцевъ, онъ въ то же время стремился покорить Россіи горцевъ и татарскихъ мурзъ, блуждавшихъ въ Заволжьѣ и терскихъ степяхъ. Слава о подвигахъ Андрея дошла до царя, простившаго атамана и повелѣвшаго его товарищамъ называться гребенскими казаками (1582 г.). Подвинувшись, по царскому указу, ближе къ Тереку, Андрей при одномъ изъ протоковъ Аксая заложилъ гор. Койсу. Въ 1594 г. Андрей съ товарищами участвовалъ съ княземъ А. И. Хворостининымъ въ нападеніи на гор. Терки, а въ 1601 г. принужденъ былъ, вмѣстѣ съ окольничимъ И. М. Бутурлинымъ, отступить за Терекъ, потерявъ и Койсу, и Андреевское.

«Энциклопед. Словарь, сост. русс. учен. и литер.», т. IV, стр. 351 (статья М. Д. Хмырова).

Андрей (*Поспѣловъ*), епископъ муромскій, род. въ 1820 г., сынъ священника тульской епархіи, ум. 30-го мая 1868 г. По окончаніи курса въ тульской семинаріи, высшее богословское образованіе получилъ въ московской духовной академіи, гдѣ, еще во время академическаго курса, принялъ монашество 5-го апрѣля 1842 г., а по окончаніи магистромъ въ 1844 г. получилъ мѣсто преподавателя въ ярославской семинаріи. Въ 1846 г. назначенъ инспекторомъ той же семинаріи; въ 1853 г. возведенъ въ санъ архимандрита и переведенъ инспекторомъ тульской семинаріи; въ 1859 г. назначенъ ректоромъ тульской семинаріи, членомъ консисторіи, цензоромъ проповѣдей, настоятелемъ Бѣльскаго Спасопреображенскаго монастыря и редакторомъ епархіальныхъ вѣдомостей. 8-го апрѣля 1868 г. архимандриту Андрею повелѣно быть епископомъ муромскимъ.

Архивъ Св. Синода.

Андрей (*Рублевъ*), иконописецъ XV вѣка, ученикъ Ѳеофана Грека, Симеона Чернаго и Даніила Чернаго, ум. въ 1427—30 годахъ. Сперва онъ былъ послушникомъ у преподобнаго Никона Радонежскаго, а потомъ инокомъ въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ въ Москвѣ, гдѣ скончался и погребенъ, какъ полагаютъ, подъ алтаремъ соборнаго храма. Въ древнемъ житіи преподобнаго Сергія Радонежскаго, составленномъ ученикомъ его Епифаніемъ, украшенномъ многочисленными миніатюрами и изданномъ литографически Троице-Сергіевой лаврой въ 1853 г., Андрей изображенъ въ трехъ видахъ: сидящимъ на подмосткахъ и пишущимъ на стѣнѣ храма икону Нерукотвореннаго Спаса; приходящимъ къ ново-построенной въ лаврѣ каменной церкви и погребаемымъ лаврскою братіею. Наиболѣе крупныя работы Андрея Рублева—живописныя иконы и стѣнопись: въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ, въ церкви Благовѣщенія на великокняжескомъ дворѣ въ Москвѣ (1405 г.) и въ соборѣ Успенія во Владимірѣ (1408 г.). Деисусъ работы Андрея Рублева, равно какъ и вся златоверхая церковь Благовѣщенія на царскомъ дворѣ, у царской казны, сгорѣлъ во время большого пожара въ Москвѣ въ 1547 г. Иконы, писанныя этимъ инокомъ-живописцемъ настолько цѣнились, что въ „Стоглавѣ" (1551 г.) прямо было велѣно „писати живописцомъ иконы съ древнихъ образовъ, какъ греческіи живописцы писали, и какъ писалъ Андрей Рублевъ и протчіи пресловутыи живописцы". По стилю онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ византійской школы.

Д. А. Ровинскій, «Исторія русскихъ школъ иконописанія», стр. 177—178.—И. Сахаровъ, «Изслѣдованіе о русскихъ иконописцахъ», кн. 2, прилож., стр. 14.—«Полн. Собр. Р. Л.», V, 257; VI, 138.—«Никоновская Лѣтопись», V, 14; VI, 56.—«Львовская Лѣтопись», II, 224.—Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1. стр. 168—173.

Андрей (*Смолинъ*), архимандритъ Тверского Желтикова монастыря. Имѣющіяся біографическія свѣдѣнія о немъ застаютъ его уже въ числѣ іеромонаховъ Новгородскаго Юрьева монастыря, 46 лѣтъ отъ роду. Въ 1796 г. онъ, по собственному желанію, опредѣленъ былъ іеромонахомъ во флотъ, который отправлялся къ великобританскимъ берегамъ. Въ сентябрѣ 1797 г. Андрей возвратился изъ плаванія и поступилъ въ число братіи Александро-Невской лавры. 4-го мая 1798 г. онъ былъ вновь опредѣленъ на флагманскій корабль, причемъ ему было поручено наблюденіе за прочими іеромонахами флота, а 2-го іюня назначенъ во флотъ оберъ-іеромонахомъ. Кампанія продолжалась до 30-го сентября 1800 года. Возвратясь въ Александро-Невскую лавру, Андрей просилъ награды за свои труды, и 29-го апрѣля 1801 г. возведенъ въ санъ игумена Кириллова Новгородскаго монастыря, а 22-го іюля того же года въ санъ архимандрита Тверского Желтикова монастыря; по 7-го декабря 1804 г., за неповиновеніе Св. Синоду, уволенъ отъ должности съ запрещеніемъ священнослуженія. Въ сентябрѣ 1805 г. онъ жилъ въ Николаевскомъ Вяжицкомъ монастырѣ, потомъ въ Новгородскомъ Юрьевѣ, но въ 1828 г., по просьбѣ братіи, перемѣщенъ въ Нилову пустынь.

Дѣла арх. Св. Синода 1801 г. № 285, 523. 1804 г. № 655, 802; 1805 г. № 426; 1828 год № 1289.

Андрей, архимандритъ Слободскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, вятской епархіи, до постриженія Иванъ *Соколовъ*, происходилъ изъ духовнаго званія, род. около 1789 г. въ Тверской губ., ум. 13-го сентября 1827 г. Обучался съ 1803 г. въ тверской семинаріи, а съ 1815 г.—въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1819 г. со степенью старшаго кандидата. 9-го августа того же года назначенъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка въ с.-петербургскую семинарію, въ томъ же году постригся въ монашество съ именемъ Андрея и рукоположенъ въ іеродіакона. Въ 1820 г., въ санѣ іеромонаха, назначенъ ректоромъ александроневскаго духовнаго училища и за отличные успѣхи въ училищныхъ должностяхъ удостоенъ ученой степени магистра богословія. Въ 1821 г. переведенъ ректоромъ въ воронежскую семинарію и присутствовалъ тамъ въ консисторіи. Дѣятельность Андрея по семинаріи была очень благотворна: онъ устроилъ семинарскій корпусъ, а полезными и благоразумными распоряженіями обратилъ на себя особое вниманіе начальства и 18-го августа 1824 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ сентябрѣ 1825 г. Андрей былъ перемѣщенъ ректоромъ въ вятскую семинарію

и назначенъ настоятелемъ Вятскаго слободского Крестовоздвиженскаго монастыря, членомъ консисторіи и цензоромъ проповѣдей. Чрезъ два года уволенъ отъ училищной службы.

Дѣла архива Св. Синода 1823 г. № 1323; 1825 г. № 1437; 1827 г. № 1999; «Вятск. Епарх. Вѣд.» 1866 г. № 1; 1869 г. № 6—7.

Андрей Александровичъ, сынъ великаго князя Александра Невскаго, князь городецкій и два раза великій князь владимірскій (съ 1281 по 1283 и съ 1294 до кончины), ум. въ 1304 г. По смерти князя костромскаго и великаго князя владимірскаго Василія Ярославича (мизиннаго † 1276 г.), Андрей, въ придачу къ Городцу, получилъ еще Кострому. Общественно-политическая дѣятельность его началась съ 1277 года: съ этого и до 1279 г. онъ былъ, вмѣстѣ съ другими князьями Суздальской земли, въ походѣ хана Мангу-Тимура на Кавказъ противъ ясовъ (предковъ теперешнихъ осетинъ). Вскорѣ послѣ этого похода (въ 1281 г.), побуждаемый своимъ любимцемъ, бояриномъ Семеномъ Тонигліевичемъ, Андрей отправился въ орду, жаловался тамъ на брата своего, великаго князя Димитрія, выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе и, наконецъ, татарскую рать противъ брата. Подошедши съ татарами къ Мурому, Андрей началъ созывать сюда всѣхъ удѣльныхъ князей. Всегда большею частью недовольные существующимъ великимъ княземъ, удѣльные владѣтели немедленно явились къ Андрею, у котораго былъ ярлыкъ на великое княженіе и татарское войско. Соединенныя силы двинулись на Димитрія къ Переяславлю, но великій князь бѣжалъ. Переяславль взятъ былъ на щитъ 19 декабря. Татары безъ разбору пограбили и пожгли и другіе города, какъ Тверь, Юрьевъ, Ростовъ и пр. Роскошно угостивъ татаръ во Владимірѣ и отпустивъ ихъ домой, Андрей отправился въ Новгородъ, гдѣ принятъ былъ съ честью. Но услышавъ, что Димитрій, возвратясь изъ-за моря, укрѣпляетъ Переяславль и собираетъ войска, Андрей (1282 г.), захвативъ съ собой многихъ новгородцевъ и двухъ посадниковъ, Семена Михайловича и Якова Димитріевича, поспѣшно отправился во Владиміръ, а отсюда чрезъ Городецъ съ Семеномъ Тонигліевичемъ—опять въ орду; новгородцевъ же послалъ оберегать Торжокъ и Новгородъ. Въ ордѣ Андрей опять выпросилъ у хана татарскую рать на брата, который на этотъ разъ бѣжалъ къ хану Ногаю, кочевавшему въ степяхъ нынѣшней Новороссіи. Недавно еще только золотоордынскій военачальникъ, ханъ Ногай былъ польщенъ обращеніемъ къ нему Димитрія, которому и далъ великокняжескій ярлыкъ. Явившись въ Суздальскую землю, Димитрій примирился съ братомъ. Вскорѣ потомъ онъ приказалъ тайно убить Семена Тонигліевича, какъ виновника смутъ. Это заставило Андрея соединиться съ новгородцами противъ брата: въ Торжкѣ Андрей и новгородцы цѣловали другъ къ другу крестъ на томъ, чтобы стоять „за одинъ". Однако, сила была на сторонѣ Димитрія, и въ 1284 г., волей-неволей, Андрей принималъ участіе въ походѣ старшаго брата противъ своихъ союзниковъ новгородцевъ. Въ душѣ, однако, Андрей все еще питалъ злобу на брата: въ 1285 г. онъ привелъ на него изъ орды какого-то царевича, котораго, однако, Димитрій прогналъ, а Андреевыхъ бояръ перехваталъ. Андрей, хотя и притворно, смирился, а въ 1289 г. даже участвовалъ въ походѣ брата на Тверь, — но года чрезъ четыре, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими удѣльными князьями, онъ опять жаловался на брата хану Тохтѣ, который отпустилъ съ нимъ на Русь брата своего Дуденя съ татарскимъ войскомъ. Множество городовъ татары пограбили и опустошили и на этотъ разъ: „всю землю, по выраженію лѣтописца, пусту сотвориша". Великій князь еще до прихода татаръ бѣжалъ во Псковъ. Татары пошли на Тверь, но, кажется, потому, что въ этотъ городъ сбѣжалось множество народу изъ окрестностей и что къ городу приближался возвращавшійся изъ орды тверской князь, они обратились къ Новгороду. Новгородцы дарами отвратили бѣдствіе татарскаго опустошенія, а Андрея звали къ себѣ на княженіе. По уходѣ татаръ Андрей прибылъ въ Новгородъ. Отсюда воеводы его вмѣстѣ съ новгородцами совершили неудачный походъ на границу Кареліи къ новому шведскому городку (Выборгъ). Между тѣмъ Димитрій задумалъ перебраться изъ Пскова въ Тверь. Андрею не удалось, какъ хотѣлось, перехватить его въ Торжкѣ; однако, обозы его съ пожитками онъ захватилъ. Вскорѣ при посредствѣ сѣверскаго князя братья при-

*

мирились, и по миру Андрей долженъ былъ занять великое княженіе, а Димитрій—отчину свою Переяславль, который, по послѣднемъ уходѣ татаръ, Андрей отдалъ главному сподвижнику своему Өедору ярославскому. Но на пути въ Переяславль (который Өедоръ Ростиславичъ, при выѣздѣ изъ него, сжегъ) Димитрій скончался, и Андрей становился уже безспорнымъ обладателемъ великокняжескаго стола. Все это происходило въ 1294 г. Въ томъ же году Андрей женился на дочери умершаго князя ростовскаго Димитрія Борисовича, Василиссѣ, а въ слѣдующемъ—вмѣстѣ съ молодой женой, отправился въ орду увѣдомить хана о смерти брата и своемъ занятіи великокняжескаго стола. Теперь князья разбились на два лагеря: на сторонѣ Андрея стояли Өедоръ ярославскій и Константинъ Борисовичъ ростовскій, а на сторонѣ противной имъ—Михаилъ тверской, Даніилъ московскій и Иванъ Димитріевичъ переяславскій. Между князьями едва не возгорѣлась междоусобная война. Въ 1296 г. они собрались для рѣшенія споровъ во Владимірѣ, куда прибылъ и ханскій посолъ. Лицо Ивана переяславскаго, бывшаго тогда въ ордѣ, представляли его бояре. Споры до того были горячи, что князья взялись за оружіе, и только благодаря увѣщаніямъ владимірскаго епископа Симеона и сарскаго Измаила, крови не было пролито. Однако, такъ или иначе, князья уладили свои дѣла и разъѣхались. Андрей, впрочемъ, не былъ доволенъ рѣшеніемъ дѣлъ на съѣздѣ и въ томъ же году пошелъ на Переяславль. Но Даніилъ московскій и Михаилъ тверской, которымъ, на время своего отсутствія, Иванъ Димитріевичъ поручилъ блюсти свою отчину, выступили противъ Андрея и примирились съ нимъ близъ Юрьева. Съ 1299 г. нѣмцы начали безпокоить Псковъ и угрожать Новгороду. Храбрый Довмонтъ успѣшно защищалъ Псковъ: билъ и бралъ въ плѣнъ ливонцевъ; нѣсколькихъ изъ нихъ отправилъ даже къ Андрею во Владиміръ. Въ 1300 г. шведы поставили при устьѣ Охты г. Ландскрону. Андрей не могъ во-время подать помощь новгородцамъ, вѣроятно, потому, что въ Суздальской землѣ все еще происходили междукняжескіе раздоры. Въ 1301 г. Андрей, Михаилъ тверской, Даніилъ московскій и Иванъ переяславскій съѣхались у Дмитрова и вообще взяли миръ между собою,—и только Иванъ переяславскій и Михаилъ тверской почему-то не уладились между собой. Въ томъ-же году Андрей съ новгородцами разрушилъ Ландскрону и перебилъ тамъ нѣмцевъ. Въ 1302 г. умеръ Иванъ переяславскій, отказавъ удѣлъ свой Даніилу московскому, который выгналъ оттуда успѣвшихъ засѣсть тамъ Андреевыхъ намѣстниковъ и посадилъ своихъ. Въ 1303 году скончался и Даніилъ. Въ Переяславлѣ сидѣлъ тогда сынъ его Юрій, котораго переяславцы не хотѣли отпустить даже и „на погребеніе отчее", боясь, чтобы городъ не захватилъ Андрей. На состоявшемся вскорѣ съѣздѣ въ Переяславлѣ князья примирились, но Юрій не хотѣлъ и слышать объ уступкѣ Переяславля Андрею. Послѣ этого съѣзда Андрей уѣхалъ въ Городецъ, гдѣ въ слѣдующемъ 1304 г. скончался въ схимѣ и погребенъ въ церкви св. Михаила.

«П. С. Р. Л.» I, III, IV, V, VII, X; Татищевъ, IV; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IV, гл. 5 и 6; Щербатовъ, III, 158—235; Иловайскій «Ист. Россіи», т. I, ч. 2, гл. XXI.

Андрей Александровичъ, сынъ князя Александра Константиновича, намѣстникъ псковскій (см. князья *Ростовскіе*).

Андрей Аөанасьевичъ, сынъ князя Аөанасія Васильевича (см. князья *Вяземскіе*).

Андрей Борисовичъ, сынъ новгородскаго тысяцкаго, построилъ въ Новгородѣ, на Торгу, церковь св. Пятницы, которая, по его повелѣнію, заложена была въ 1345 году архіепископомъ Василіемъ.

«Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», т. III, стр. 82, 132, 215, 225; т. IV, стр. 57.

Андрей Васильевичъ, *младшій* сынъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго (см. князья *Вологодскіе*).

Андрей Васильевичъ Лугвица, сынъ князя Василія Георгіевича (см. князья *Суздальскіе*).

Андрей Васильевичъ, *старшій* (Горяй) сынъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго (см. князья *Углицкіе*).

Андрей Владиміровичъ, сынъ князя Владиміра Андреевича Храбраго (см. князья *Боровскіе*).

Андрей Владиміровичъ, по прозванію *Добрый*, сынъ великаго князя Вла-

диміра Всеволодовича Мономаха (см. князья *Владиміро-Волынскіе*).

Андрей Владиміровичъ (Володшичъ), сынъ князя Владиміра (Володши) Васильковича (см. князья *Полоцкіе*).

Андрей Владиміровичъ, сынъ князя Владиміра Константиновича (см. князья *Углицкіе*).

Андрей Вратиславичъ, намѣстникъ князя Ярослава Ярославича. Когда новгородское вѣче приказало этому князю уйти изъ Новгорода, Ярославъ послалъ Андрея Вратиславича склонить вѣче къ примиренію. Посольство не удалось и князь вмѣстѣ со своимъ намѣстникомъ долженъ былъ удалиться (1270 г.). Но въ томъ же году Ярославъ вернулся въ Новгородъ и, уѣзжая по дѣламъ во Владиміръ, а оттуда въ Орду, оставилъ намѣстникомъ въ Новгородѣ Андрея Вратиславича.

«П. С. Р.Л.», III, 61, 62, 220; IV, 42; V, 196, 197; VII, 169, 170.

Андрей Всеволодовичъ, сынъ князя Всеволода Святославича Чермнаго (см. князья *Черниговскіе*).

Андрей Димитріевичъ, сынъ великаго князя Димитрія Іоанновича Донского (см. князья *Можайскіе*).

Андрей Ивановичъ, новгородскій бояринъ. Въ 1401 г. онъ былъ въ Заволочьѣ и тамъ захваченъ въ плѣнъ московскимъ воеводой Алфаломъ, но новгородскія войска, разбивъ Алфала подъ Холмогорами, освободили Андрея Ивановича. Въ 1411 г. онъ былъ однимъ изъ воеводъ новгородскаго ополченія, посланнаго противъ шведовъ. Походъ былъ удаченъ, и новгородцы вернулись съ большимъ полономъ. Въ 1415 г. Андрей Ивановичъ занималъ уже должность посадника новгородскаго и вводилъ „въ домъ святѣй Софіи, на сѣни" вновь избраннаго владыку Самсона (11 августа). Въ 1421 году Клементій Артемьинъ возмутилъ противъ посадника два конца — Неревскій и Славенскій. Жители этихъ концовъ, вооруженные съ ногъ до головы, напали на дворъ посадника, ограбили его, затѣмъ пограбили дома еще нѣкоторыхъ бояръ, причемъ убили 20 человѣкъ сторонниковъ посадника. Тогда Андрей Ивановичъ принялъ энергическія мѣры, убилъ 2 неревлянъ и заставилъ мятежниковъ смириться.

«П. С. Р. Л.», III, 101, 104, 106, 135, 140; IV, 104, 113, 114, 120, 143; V, 258, 259.

Андрей Ивановичъ, псковскій посадникъ. Въ 1473 г. псковичи посылали его къ Ивану III просить защиты отъ ливонцевъ. Въ 1477 г. онъ опять ѣздилъ къ великому князю съ жалобою горожанъ на правителя, князя Ярослава Васильевича. Въ 1478 г. Андрей Ивановичъ предводительствовалъ псковскимъ войскомъ, которое послано было на помощь Іоанну въ его борьбѣ съ Новгородомъ. Въ 1485 и 1486 годахъ онъ снова ѣздилъ въ Москву для переговоровъ по дѣлу о смердахъ.

«П. С. Р. Л.», IV, 247, 254, 259, 266; V, 44, 45.

Андрей Іоанновичъ, сынъ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты (см. князья *Боровскіе*).

Андрей Іоанновичъ, сынъ великаго князя Іоанна III Васильевича (см. князья *Старицкіе*).

Андрей Климовичъ, бояринъ новгородскій, убитъ въ 1315 г. Въ 1286 г. онъ былъ выбранъ въ посадники, въ 1289— ходилъ во главѣ вспомогательнаго новгородскаго отряда на помощь великому князю Димитрію Александровичу противъ Твери. Въ 1290 г. онъ былъ лишенъ посадничества. Въ 1294 году Андрей Климовичъ ходилъ подъ Торжокъ съ великимъ княземъ Андреемъ Александровичемъ, чтобы перехватить тамъ брата его, князя Димитрія Александровича, а въ слѣдующемъ году, когда Андрей Александровичъ двинулся въ Низовскую землю, Андрей Климовичъ вернулся въ Новгородъ. Въ томъ же году онъ опять занялъ должность посадника и присутствовалъ при погребеніи архіепископа Климента, а затѣмъ участвовалъ въ совѣтѣ относительно избранія новаго владыки (1299 г.). Лишившись вторично посадничества, онъ въ 1303 году опять былъ избранъ на эту должность. Въ 1315 году Андрей Климовичъ палъ въ бою новгородцевъ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ близъ Торжка.

«П. С. Р. Л.», т. III, 65—68, 71, 130, 221, 222; IV, 44, 45, 48; V, 201, 202, 206; VII, 180.

Андрей Константиновичъ, сынъ князя Константина Васильевича (см. князья *Суздальскіе*).

Андрей Константиновичъ, бояринъ князя Константина Дмитріевича, былъ посланъ въ 1420 г. изъ Новгорода для переговоровъ съ ливонскимъ маги-

стромъ о мирѣ, встрѣтился съ магистромъ на Паровѣ и заключилъ вѣчный миръ.

«П. С. Р. Л.», IV, 119; VI, 141; VIII, 90.

Андрей Лаврентьевичъ, иконописецъ, сдѣлавшій въ 1509 г., по заказу архіепископа Серапіона, иконы для Софійскаго собора: Деисусъ и праздники.

«П. С. Р. Л.», IV, 136, 282.

Андрей Ларіоновичъ, псковскій бояринъ, дважды бывшій посломъ отъ Пскова: въ 1418 году—въ Новгородъ для заключенія мира и въ 1425 году—къ Витовту, котораго онъ, вмѣстѣ съ новгородскими послами, умолялъ не гнѣваться на Псковъ; первое посольство было удачно, а второе—осталось безъ результатовъ.

«П. С. Р. Л.», V, 22, 25.

Андрей Михайловичъ, московскій бояринъ. Іоаннъ III посылалъ его въ 1480 году къ своимъ братьямъ Андрею и Борису Васильевичамъ съ цѣлью уговорить ихъ не отступать отъ союза съ великимъ княземъ.

«П. С. Р. Л.», VIII, 204.

Андрей Мартыновичъ, гонецъ, котораго псковичи послали въ 1501 году къ Іоанну III съ просьбой, чтобы великій князь приказалъ своимъ воеводамъ идти изъ Пскова на ливонцевъ.

«П. С. Р. Л.», IV, 274; VI, 24.

Андрей Мстиславичъ, сынъ князя Мстислава Михайловича (см. князья *Козельскіе*).

Андрей Петровичъ, сынъ боярскій. Въ 1491 году онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ нѣмецкими рудознатцами на Печору, искать серебряной руды. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился въ Москву и объявилъ, что на рѣкѣ Цыльмѣ найдены серебряныя и мѣдныя руды.

«П. С. Р. Л.», VIII, 221, 223.

Андрей Путивличъ, воевода галицкій. Въ 1273 году князь Левъ Галицкій послалъ его на ятвяговъ. Взявъ городъ Злину, и обративъ въ бѣгство ятвяжскую рать, Андрей Путивличъ возвратился „съ побѣдою и честію великою“.

«П. С. Р. Л.», II, 205.

Андрей Ростиславовичъ, удѣльный князь (см. князья *Рязанскіе*).

Андрей Тимоѳеевичъ, московскій бояринъ, былъ посланъ великимъ княземъ Іоанномъ III въ 1472 году на съѣздъ съ магистромъ ливонскимъ по поводу псковскихъ дѣлъ.

«П. С. Р. Л.», IV, 244.

Андрей Тимоѳеевичъ, псковскій купеческій староста и староста церкви святой Троицы во Псковѣ. 18 іюня 1415 года мастеромъ Еремѣемъ была окончена постройка церкви св. Софіи за Довмонтовой стѣной во Псковѣ. Эта церковь была воздвигнута иждивеніемъ Андрея Тимоѳеевича и другихъ псковскихъ купеческихъ старостъ.

«П. С. Р. Л.», IV, 202; V, 22.

Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, великій князь суздальскій, сынъ Юрія Владиміровича Долгорукаго отъ брака его съ княжной Половецкой; дочерью Аэпы; род. около 1110 года, княжилъ въ Суздалѣ съ 1158 г., ум. въ 1174 г. Лѣтописи начинаютъ упоминать объ Андреѣ во время знаменитой борьбы отца его Юрія съ племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ, не по праву занявшимъ кіевскій столъ, минуя дядей — слабоумнаго Вячеслава и Юрія. Изяславъ, какъ извѣстно, свергъ съ великокняжескаго стола Игоря Ольговича; съ братомъ Игоря, Святославомъ, соединился Юрій, но когда онъ шелъ на помощь къ Святославу, рязанскій князь, Ростиславъ напалъ на его Суздальскую область и задержалъ его походъ. Чтобы отомстить Ростиславу, Юрій, въ 1147 г., послалъ на него сыновей своихъ, Ростислава и Андрея, которые изгнали рязанскаго князя изъ его волости. Въ 1149 г. удалось Юрію побѣдить Изяслава и сѣсть въ Кіевѣ на столѣ. Тогда посадилъ онъ сына своего Андрея въ Вышгородѣ (нынѣ село въ семи верстахъ отъ Кіева). Юрій, желая болѣе обезпечить за собою свое пріобрѣтеніе, предпринялъ походъ на Изяслава въ его Волынскую землю; вслѣдствіе этого, положивъ идти къ Луцку, онъ одной дорогой пошелъ самъ, а другой велѣлъ идти сыновьямъ своимъ, Ростиславу и Андрею. Несмотря на то, что у Муравицы (мѣстечко Дубенскаго уѣзда) Андрей былъ оставленъ половцами, онъ пошелъ, узнавъ о прибытіи отца къ Луцку, на соединеніе къ нему. Подъ Луцкомъ Андрей показалъ чудеса храбрости. Не давъ знать своимъ братьямъ, одинъ съ дружиною пошелъ онъ отражать вылазку, сдѣланную изъ города; прогнавъ враговъ, онъ въ запальчивости не замѣтилъ, что дружина отстала отъ него, и

что онъ одинъ очутился въ толпѣ обступившихъ непріятелей; только два «дѣтскихъ» (члены младшей дружины), и то позднѣе, послѣдовали за нимъ. Андрей былъ раненъ двумя копьями; какой-то нѣмчинъ напиралъ на него съ рогатиной „Хочетъ мнѣ быть смерть Ярославца (сынъ Святополка Михаила убитый подъ Владиміромъ въ 1223 году)", сказалъ себѣ Андрей, и, помолясь св. Ѳедору, память котораго празднуется въ тотъ день, вынулъ мечъ, оборонился отъ нападенія и ускакалъ изъ окружавшей его толпы. Когда онъ былъ внѣ опасности, раненый конь его палъ, и Андрей велѣлъ похоронить его надъ рѣкою Стыремъ, „жалуя комоньство его", прибавляетъ лѣтописецъ. Восторженно хвалила Андрея дружина отцовская, „зане мужьскы створи, паче бывшихъ всихъ ту". Послѣ этого подвига Андрей постарался примирить враговъ, но скоро Изяславъ снова изгналъ Юрія изъ Кіева и задумалъ выгнать сына его Ростислава изъ Переяславля. Андрей явился на помощь брату, и они отстояли городъ, а затѣмъ Юрій, соединившись съ Владимíркомъ Галицкимъ, снова изгналъ Изяслава. Андрей былъ посаженъ въ Пересопницѣ (мѣстечко Ровенскаго уѣзда), городѣ, отнятомъ отъ Волынской волости. Сюда Изяславъ присылалъ къ нему съ хитростью, чтобъ высмотрѣть, крѣпокъ-ли городъ; прикрывался же онъ намѣреніемъ снова помириться съ Юріемъ. Андрей и на этотъ разъ хлопоталъ за Изяслава, но неудачно. Отказомъ Юрія воспользовался Изяславъ, чтобы, соединившись съ королемъ угорскимъ, снова двинуться къ Кіеву. Андрею и Владимірку, преслѣдовавшимъ его, не удалось его догнать. Въ 1151 году Юрій возобновилъ войну; въ битвѣ подъ Кіевомъ, несчастной для Юрія, Андрей оказалъ чудеса храбрости. Переправясь съ половцами за Лыбедь, погналъ враговъ и снова въ увлеченіи одинъ вскакалъ въ ихъ ряды и былъ бы захваченъ, если бы одинъ половецъ не схватилъ его коня за узду и не вывелъ изъ боя. Когда Юрій отошелъ отъ Кіева, Изяславъ настигъ его близъ рѣки Рута (нынѣ Ротокъ); разставлялъ полки для битвы Андрей. Схвативъ копье, онъ понесся на непріятелей; копье его было изломано, щитъ оторванъ; шлемъ спалъ съ головы, конь раненъ въ поздрю. Изяславъ тоже былъ раненъ, но побѣда оказалась на его сторонѣ, благодаря тому, что половцы, бывшіе въ полку Андрея, побѣжали; за ними побѣжали союзники Юрія и самъ Юрій, который удалился сначала въ Переяславль, а потомъ въ свой городокъ Остерскій (Черниговской губ., въ верстѣ отъ гор. Остра); здѣсь онъ далъ слово возвратиться къ себѣ въ Суздаль, къ чему уговаривалъ его и Андрей, говоря: „теперь намъ нечего дѣлать въ русской землѣ, уйдемъ за тепло". Когда Юрій ушелъ, Изяславъ сжегъ его городокъ; снова началась война. Юрій осадилъ Черниговъ, гдѣ княжилъ союзникъ Изяслава, Изяславъ Давыдовичъ. Двадцать дней продолжались битвы подъ этимъ городомъ, въ которыхъ въ особенности отличался Андрей; приходъ Изяслава заставилъ снять осаду. Наконецъ, въ 1155 г. Юрію удалось окончательно утвердиться въ Кіевѣ; тогда онъ посадилъ Андрея близъ себя въ Вышгородѣ. Здѣсь Андрей не усидѣлъ и уѣхалъ въ Суздальскую землю; съ собой онъ увезъ изъ Вышгорода икону Божіей Матери, писанную по преданію евангелистомъ Лукой. Эта икона, впослѣдствіи названная Владимірской, сдѣлалась величайшею святынею сѣверо-восточной Руси и нынѣ стоитъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Преданіе говоритъ, что, не доѣзжая одиннадцати верстъ до Владиміра, конь, на которомъ везли икону, остановился, что было принято за предзнаменованіе, и здѣсь Андрей поставилъ городъ Боголюбовъ, свое любимое мѣстопребываніе. Въ 1158 г., по смерти Юрія, ростовцы, суздальцы и владимірцы выбрали Андрея своимъ княземъ, чѣмъ нарушалось завѣщаніе Юрія, отказывавшаго землю Суздальскую своимъ младшимъ дѣтямъ. Младшихъ своихъ братьевъ и племянниковъ — дѣтей Ростислава — Андрей изгналъ изъ Суздальской земли, а съ ними и „мужи отца своего переднія". Андрей поселился не въ Суздалѣ или Ростовѣ, а во Владимірѣ, вѣроятно, желая избѣгнуть вліянія бояръ старыхъ городовъ. Свой стольный городъ онъ старался украсить: въ 1158 году заложилъ церковь Успенія Божіей Матери и далъ ея духовенству село и десятину въ стадахъ своихъ и торговыхъ пошлинахъ; въ 1160 году церковь эта была достроена иноземными мастерами; расширилъ дѣтинецъ (кремль Владимірскій) и построилъ въ городѣ,

въ подражаніе Кіеву, двое хоромъ—золотыя и серебряныя. Андрей хотѣлъ быть „самовластнымъ" (по выраженію лѣтописи) въ землѣ Ростовской, самовластнымъ онъ хотѣлъ быть и въ дѣлахъ церковныхъ: онъ изгналъ епископа Леонтія, заспорившаго съ нимъ о числѣ постныхъ дней; хотѣлъ, говорятъ, учредить во Владимірѣ особую митрополію, но уступилъ мнѣнію патріарха, епископъ же Ѳедоръ, упорствовавшій въ этой мысли, былъ вызванъ въ Кіевъ и тамъ, подъ предлогомъ жестокаго обращенія съ паствой, казненъ. Въ первыя десять лѣтъ своего управленія Андрей почти не вмѣшивался въ дѣла другихъ русскихъ областей, хотя въ это время уже сложилось его преобладаніе надъ князьями рязанскими, смоленскими и полоцкими, впослѣдствіи участвовавшими въ его походахъ; но свѣдѣній о томъ, какъ онъ этого достигъ, не имѣется. Тогда же заявилъ онъ притязаніе на вліяніе надъ Новгородомъ. Въ 1160 году послалъ Андрей сказать новгородцамъ: „вѣдомо вамъ буди, что я хочу искать Новагорода добромъ и лихомъ; цѣлуйте мнѣ крестъ на томъ, чтобъ имѣть меня отцомъ себѣ, а мнѣ желать вамъ добра". Послѣ того новгородцы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принимали къ себѣ князей по его указанію. Въ 1164 г. вступилъ онъ въ борьбу съ волжскими болгарами, которые хотя и не были ближайшими сосѣдями Суздальской земли (между ними была земля Мордовская), но находились съ нею въ торговыхъ сношеніяхъ. Быть можетъ, какія-нибудь недоразумѣнія въ этомъ отношеніи вызвали походъ Андрея (походы русскихъ князей на болгаръ встрѣчаются и ранѣе, и, вѣроятно, по той же причинѣ). Андрей выступилъ самъ въ походъ, взявъ съ собой Владимірскую икону Божіей Матери въ знаменіе религіознаго значенія войны съ мусульманами. По переходѣ черезъ Волгу совершено было торжественное молебствіе; болгары были разбиты совершенно, взято было нѣсколько ихъ городовъ, въ томъ числѣ знаменитый Брахимовъ (по мнѣнію С. М. Шпилевскаго—Билярскъ). Въ память этой побѣды установленъ праздникъ 1-го августа. Въ 1172 г. Андрей снова посылалъ рать противъ болгаръ, но она потерпѣла неудачу. Въ 1167 г. новгородцы, прогнавъ поставленнаго у нихъ Андреемъ Святослава Ростиславича (сына Ростислава Смоленскаго), вмѣстѣ съ тѣмъ выбрали своимъ княземъ Романа Мстиславича, сына Мстислава Изяславовича, тогда княжившаго въ Кіевѣ и всегда нелюбимаго Андреемъ. Андрей рѣшился наказать своихъ враговъ и началъ съ Мстислава. Къ Кіеву послалъ онъ громадную рать подъ начальствомъ сына своего Мстислава, къ которому присоединилось одиннадцать другихъ князей; Кіевъ былъ взятъ въ мартѣ 1169 г. „на щитъ" и разграбленъ; въ Кіевѣ Андрей посадилъ брата своего Глѣба. Наступилъ чередъ и для Новгорода, который обидѣлъ Андрея еще тѣмъ, что новогородскіе даньщики избили въ Двинской землѣ Андреевыхъ людей, а на Двинскую землю Андрей имѣлъ какія-то притязанія. Къ Новгороду послана была сильная рать подъ начальствомъ Мстислава Андреевича; Новгородъ отстоялся (1170 г.); спасеніе свое граждане приписывали заступленію образа Знаменія Божіей Матери и учредили праздникъ этой иконѣ; но Андрей запретилъ подвозъ хлѣба къ Новгороду изъ Суздальской земли, и новгородцы стали принимать отъ него князей. Въ 1172 г. умеръ Глѣбъ; Андрей снова распорядился кіевскимъ столомъ и посадилъ туда Романа Ростиславича; но скоро онъ разсердился на Ростиславичей, ибо повѣрилъ клеветникамъ, увѣрявшимъ, что они дали убѣжище убійцамъ брата его Глѣба. Ростиславичи отказались выдать обвиняемыхъ и заняли Кіевъ. Андрей послалъ сказать имъ, чтобъ они вышли изъ Кіевской волости. Мстиславъ Ростиславичъ, обривъ голову и бороду послу, послалъ сказать Андрею: „до сихъ поръ мы любили тебя, какъ отца, но если ты прислалъ съ такими рѣчами не какъ къ князю, а какъ къ подручному и простому человѣку, то дѣлай, что задумалъ, и Богъ насъ разсудитъ". „Потускнѣло" лицо Андрея, и сталъ готовить онъ рать. Говорятъ, собралось до 50.000 человѣкъ. Войско это безуспѣшно осаждало Вышгородъ, гдѣ засѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ; осада продолжалась девять недѣль, когда къ городу подошелъ Ярославъ Мстиславичъ Луцкій и вступилъ въ переговоры съ Ростиславичами. Появленіе свѣжаго войска заставило бѣжать Андрееву рать. Князья скоро перессорились между собою, и Ростиславичи опять обратились къ Андрею. „Подождите немного", отвѣчалъ Андрей, „я послалъ

къ братіи своей въ Русь: какъ придетъ отъ нихъ вѣсть, то дамъ вамъ отвѣтъ". Но неожиданное событіе пресѣкло эти переговоры въ самомъ началѣ. 29-го іюня 1174 года Андрей былъ убитъ своими приближенными. Онъ велѣлъ казнить одного изъ братьевъ своей первой жены, Кучковича. Братъ казненнаго, Якимъ составилъ на жизнь великаго князя заговоръ, въ которомъ приняли участіе зять его Петръ Курковъ и ключникъ Андрея, Анбалъ Ясинъ. Всѣхъ заговорщиковъ было 20 чел. Ночью отправились заговорщики къ спальнѣ князя; но на пути, пораженные страхомъ, они забрались въ медушу (погребъ) и, напившись тамъ, вошли въ сѣни. Когда они подошли къ ложницѣ, одинъ изъ толпы постучался въ дверь со словами: „Господине, господине!" —„Кто тутъ?" спросилъ Андрей.—„Прокопій" (такъ звали любимца князя).— „Нѣтъ, это не Прокопій", сказалъ князь мальчику, спавшему въ ложницѣ. Убійцы сломали дверь и ворвались въ комнату. Князь вскочилъ, сталъ искать меча св. Бориса, который всегда висѣлъ надъ его ложемъ; но мечъ еще накапунѣ былъ снятъ Анбаломъ. Двое убійцъ схватили его. Андрей повалилъ одного изъ нихъ; другіе, не различая въ темнотѣ, напали-было на упавшаго, но потомъ, распознавъ князя, кинулись на него съ мечами, саблями и копьями. „Горе вамъ, нечестивые", говорилъ Андрей, — „зачѣмъ хотите походить на Горясѣра (убійца св. Глѣба)? Какое зло я вамъ сдѣлалъ? Если прольете мою кровь, то Богъ отомститъ вамъ на небеси". Считая его убитымъ, заговорщики начали выносить трупъ того изъ ихъ числа, который погибъ въ свалкѣ. Андрей въ это время успѣлъ уйти въ сѣни и сошелъ съ крыльца *). Убійцы, замѣтя, что онъ исчезъ, сказали: „Мы погибли, ищите его скорѣе". Зажегши свѣчу, пошли искать и нашли его истекавшимъ кровью. Андрей, слыша ихъ приближеніе, молился про себя. Когда убійцы подошли, Петръ отсѣкъ князю руку. „Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой", сказалъ Андрей и умеръ. Потомъ заговорщики убили Прокопія и стали грабить казну. Поутру послали сказать владимірцамъ: „Что вы замышляете на насъ? мы были не одни, съ нами были и изъ вашихъ".—„Кто былъ съ вами, тотъ пусть съ вами и останется", отвѣчали владимірцы, „а намъ его не надо". Пока шли эти переговоры, слуга Андрея, Кузьма кіевлянинъ, спрашивалъ у всѣхъ: „гдѣ князь?" Ему отвѣчали: „его выволокли въ огородъ; но не бери его; хотимъ бросить его псамъ; кто подниметъ тѣло, тотъ нашъ врагъ и того мы убьемъ". Подошедъ къ тѣлу, Кузьма началъ плакать. Въ это время проходилъ огородомъ Анбалъ: „Анбалъ ворогъ!"—сказалъ Кузьма,—„брось мнѣ коверъ или что-нибудь прикрыть его".—„Не трогай, хотимъ выбросить его псамъ".— „Еретикъ! хочешь и самъ выкинуть!"— отвѣчалъ Кузьма. „Помнишь-ли, жидъ, въ какомъ платьѣ ты пришелъ, а теперь ходишь въ оксамитѣ, а князь лежитъ нагъ. Кинь что-нибудь, прошу тебя". Анбалъ кинулъ коверъ и хорзно (плащъ). Обвертѣвъ этимъ тѣло, Кузьма принесъ его въ церковь, но не могъ достучаться—„Кинь его въ притворѣ", говорили ему. Всѣ были пьяны. Кузьма началъ причитывать надъ тѣломъ. Два дня пролежало тѣло на паперти; на третій пришелъ Арсеній, игуменъ отъ Кузьмы и Даміана, внесъ тѣло въ церковь, положилъ въ каменный гробъ и отпѣлъ надъ нимъ панихиду. Граждане же боголюбскіе все это время продолжали грабить дворецъ, а также дома тіуновъ, посадниковъ и иностранныхъ строителей храма; то же было и во Владимірѣ. Наконецъ волненіе унялось; владимірцы пошли съ носилками въ Боголюбовъ и перенесли тѣло. Народъ весь плакалъ. Андрей погребенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. Церковь признала его святымъ. Есть преданіе, будто Всеволодъ Большое Гнѣздо велѣлъ зашить убійцъ Андрея въ короба и бросить ихъ въ *Пловучее* озеро (въ 3-хъ верстахъ отъ Владиміра, Татищевъ называетъ его *поганымъ*), и будто до сихъ поръ эти короба, обросшіе мохомъ, показываются на поверхности озера и слышатся стоны. Есть извѣстіе, что въ убійствѣ участвовала и вторая жена Боголюбскаго, родомъ изъ Язъ (Осетинка). Изъ дѣтей Андрея пережилъ отца только одинъ Юрій, княжившій въ Новѣгородѣ. Послѣ смерти отца онъ былъ изгнанъ, какъ-то

*) Въ Боголюбовѣ до сихъ поръ показываютъ старое зданіе, которое, по преданію, считается остаткомъ Андреева терема. Сохранившаяся каменная лѣстница считается той самой, по которой сошелъ Андрей. Изображеніе этой лѣстницы находится во многихъ изданіяхъ и, между прочимъ, въ атласѣ при исторіи М. П. Погодина.

попалъ на Кавказъ, женился на знаменитой Тамарѣ и затѣмъ, изгнанный, умеръ неизвѣстно гдѣ. Андрей занималъ первое мѣсто въ рядахъ историческихъ дѣятелей своей эпохи. Онъ не былъ княземъ-дружинникомъ, искателемъ чести занимать кіевскій столъ; онъ пренебрегъ этою честью и понялъ, что только реальная сила можетъ дать перевѣсъ. Эту-то реальную силу онъ и создалъ на своемъ дикомъ сѣверѣ. Онъ былъ первымъ начинателемъ той политики, которая впослѣдствіи объединила Русь. Погодинъ очень мѣтко опредѣляетъ значеніе Андрея въ слѣдующихъ словахъ: „онъ оборотилъ средоточіе русской государственной тяжести въ другую сторону, онъ вывелъ на позорище исторіи другое племя, великорусское, самое младшее изъ всѣхъ племенъ нашихъ, изъ всѣхъ племенъ славянскихъ". Пылкость и страстность его молодыхъ годовъ обратились къ старости въ гордое властолюбіе: князья, бояре, духовенство, города—все должно было подчиняться ему. Никто изъ его преемниковъ, до самаго Іоанна III не поступалъ такъ прямо и рѣшительно; самъ Всеволодъ принужденъ былъ нерѣдко хитрить; но хитрость была противна гордой натурѣ Андрея.

Свѣдѣнія объ Андреѣ Боголюбскомъ можно найти въ лѣтописныхъ сводахъ: въ Суздальскомъ (Лаврентьевскій списокъ), южно-русскомъ (Ипатскій списокъ, гдѣ подробнѣе всѣхъ говорится о смерти Воскресенскомъ, Никоновскомъ и др.; всѣ обширныя исторіи русскія подробно говорятъ объ этомъ великомъ князѣ. Существуетъ монографія М. П. Погодина: «Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій»., М., 1850 г., замѣчательная обстоятельнымъ анализомъ лѣтописныхъ извѣстій. *К. Б.-Р.*

Андрей Ярославичъ, третій изъ восьми сыновей Ярослава II Всеволодовича, князь суздальскій и великій князь владимірскій (съ 1248 по 1252 г.), ум. въ 1264 г. Въ 1240 г., когда старшій братъ его Александръ (Невскій), вслѣдствіе какихъ-то неудовольствій, выѣхалъ изъ Новгорода, новгородцы просили себѣ князя у Ярослава, и послѣдній послалъ къ нимъ сына Андрея. Андрей, однако, почему-то не понравился новгородцамъ, которые чрезъ второе посольство выпросили къ себѣ въ князя опять Александра, а Андрей уѣхалъ къ отцу. Въ 1241 г. Ярославъ послалъ Андрея въ Новгородъ на помощь Александру противъ нѣмцевъ. На этотъ разъ Андрей участвовалъ, въ 1242 г., въ такъ называемомъ Ледовомъ побоищѣ, послѣ чего опять воротился къ отцу. Въ 1247 г., когда великокняжескій столъ занималъ Святославъ Всеволодовичъ, Андрей и Александръ Ярославичи отправились къ Батыю, который послалъ ихъ къ великому хану въ Монголію. Великій ханъ далъ Александру разоренный Кіевъ, а Андрею—Владиміръ. Между тѣмъ, въ отсутствіе ихъ, въ 1248 г., младшій братъ ихъ, Михаилъ Хоробритъ московскій согналъ дядю Святополка съ великокняжескаго стола, который занялъ самъ, но въ томъ же году палъ въ битвѣ съ литовцами. Въ 1249 г. старшіе братья возвратились изъ Монголіи, а въ слѣдующемъ 1250 г. Андрей женился на дочери Даніила Романовича галицкаго. Но у Андрея были соперники: дядя Святославъ ѣздилъ въ Орду, конечно, хлопотать о возвращеніи великокняжескаго стола, но безуспѣшно; успѣшнѣе дѣйствовалъ братъ Андрея, Александръ: въ 1252 г. онъ ѣздилъ къ сыну Батыя, Сартаку, которому жаловался на неправый захватъ Андреемъ великокняжескаго стола и говорилъ, что Андрей не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ Ордѣ. Разгнѣванный ханъ приказалъ доставить Андрея къ себѣ. На Русь пошли татары, во главѣ которыхъ были: Неврюй, Котья и храбрый Олабуга. Андрей съ семействомъ и приближенными своими бѣжалъ. Татары нагнали его подъ Переяславлемъ и едва не захватили въ плѣнъ: онъ успѣлъ ускользнуть отъ нихъ въ Новгородъ, гдѣ его не приняли; затѣмъ пошелъ въ Псковъ, а отсюда, дождавшись жены, въ Колывань (Ревель). Изъ Колывани Андрей уѣхалъ въ Швецію, куда потомъ прибыла и жена его. Въ 1256 г. Андрей возвратился въ Суздальскую землю и съ любовью принятъ былъ братомъ Александромъ, великимъ княземъ владимірскимъ, Александръ хотѣлъ дать Андрею Суздаль, но не рѣшился на это безъ воли хана. Андрей занялъ Городецъ и Нижній-Новгородъ. Вскорѣ потомъ Александру удалось примирить хана съ младшимъ братомъ своимъ. Въ 1257 г. Андрей и Александръ ѣздили въ орду съ дарами къ ханскому намѣстнику Руси Улавчію. Въ томъ же году на Русь явились татарскіе численники и изочли Суздальскую, Рязанскую и Муромскую земли, а въ 1258 г., когда Александръ и Андрей вмѣстѣ съ

другими князьями опять были въ Ордѣ, татары потребовали, чтобы и Новгородская земля была исчислена и платила дань. Андрей сопутствовалъ Александру въ Новгородъ, но дѣло „числа" подвигалось у нихъ туго вслѣдствіе упорнаго сопротивленія новгородцевъ. Только въ слѣдующемъ 1259 г., вслѣдствіе ложнаго слуха о томъ, что на Новгородъ собираются идти громадныя татарскія полчища, новгородцы „яшася по число". Изъ Новгорода Андрей отправился въ Суздаль. Затѣмъ лѣтописи отмѣчаютъ только годъ его смерти. Андрей Ярославичъ (а не Александровичъ), вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ историковъ, долженъ считаться родоначальникомъ князей суздальско-нижегородскихъ.

«П. С. Р. Л.» I, III, IV, V, VII, X, XV; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IV, гл. 1 и 2; Щербатовъ, т. III, стр. 27—94; Иловайскій «Исторія Россіи», т. I, ч. 2, гл. XXI.

Андрей Өедоровичъ, сынъ князя Өедора Васильевича (см. князья *Ростовскіе*).

Андрей Өедоровичъ, сынъ князя Өедора Іоанновича (см. князья *Стародубскіе*).

Андрезенъ, *Өедоръ Өедоровичъ*, сынъ живописца, ревельскаго мѣщанина, род. 4-го сентября 1806 г. въ Ревелѣ, ум. до 1880 г. Обучаясь въ Академіи художествъ, получилъ двѣ серебряныя медали за рисунки съ натуры (въ 1825 и 1826 гг.) и вторую золотую за исполненіе въ 1827 г. программы „Подвигъ молодого кіевлянина". По окончаніи курса въ томъ же году съ аттестатомъ 1-ой степ., былъ оставленъ при Академіи для усовершенствованія въ живописи. Уволенный черезъ 2 мѣсяца за дурное поведеніе, Андрезенъ въ 1836 г. просилъ о принятіи его въ число братіи новгородскаго Деревяницкаго монастыря.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 164.

Андреянова, *Елена Ивановна*, балетная артистка с.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ, род. въ 1820 г., ум. въ Парижѣ, въ октябрѣ 1857 г. Окончила курсъ въ с.-петербургскомъ театральномъ училищѣ и, будучи еще воспитанницей, выступила въ 1837 г. на сценѣ Большого театра, вмѣстѣ съ парижской балериной Тальони, посѣтившей тогда Петербургъ. Въ 1838 г. Андреянова танцовала рядомъ съ Тальони въ балетѣ „Гитана", имѣвшемъ громадный успѣхъ. Съ 1842 г., по отъѣздѣ Тальони, Андреянова стала выступать въ первыхъ роляхъ новыхъ балетовъ, какъ, напр., „Жизель", поставленномъ Титюсомъ. Въ 1846 г. Андреянова ѣздила за границу и танцовала на европейскихъ сценахъ, а въ слѣдующемъ возвратилась въ Петербургъ. Въ 1851 г. она имѣла большой успѣхъ въ балетѣ „Веръверъ". При наступленіи Крымской войны, Андреанова танцовала въ Одессѣ, а затѣмъ уѣхала въ Миланъ и Парижъ, гдѣ выступала на сценѣ „Большой оперы".

Д. А. Ровинскій. «Подробный слов. русск. гравиров. портретовъ», т. I, стр. 261.—А. И. Вольфъ. «Хроника петербургскихъ театровъ», ч. I, стр. 67, 74, 84, 91, 103, 112, 116, 128, 134, 148 и 155. — «Записки П. А. Каратыгина» (1805—1879 г.), стр. 283—287.—«Танцы, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящн. искусствъ», гл. VIII, стр. 206—221. «Историч. Вѣстн.» 1890 г., № 1, т. XXXIX («Петербургъ въ сороков. годахъ», воспом. Зотова стр 41, 42).

Андреяновы, иконописцы XVII вѣка.

1) *Иванъ* исполнялъ стѣнопись въ Успенскомъ соборѣ Троице-Сергіевой лавры (1684) и въ церкви св. Ильи пророка въ Ярославлѣ (1681 г.);

2) *Павелъ* работалъ въ Софійскомъ новгородскомъ соборѣ (около 1617 г.) и обучалъ своему искусству молодыхъ людей;

3) *Филиппъ* участвовалъ въ украшеніи стѣнною живописью церкви св. Ильи пророка въ Ярославлѣ (1681) и соборной церкви св. Троицы въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ (1685 г.).

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 166—7.

Андреянъ, раскольническій монахъ филиппова согласія, род. въ Ярославлѣ, въ 1701 г., ум. въ 1767 г., основатель секты „андреяновщина", главный догматъ которой—странствованіе Христа ради и уклоненіе отъ распоряженій власти, будто бы служащей олицетвореніемъ антихриста. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія мудрствованія Андреяна окончательно утвердилъ своими сочиненіями Евфимій, образовавшій значительную секту бѣгуновъ сопелковскаго согласія.

«Энциклопед. Словарь, состав. русс. учен. и литер.», т. IV, стр. 367 (статья Н. Я. Аристова).

Андржеіовскій, *Антонъ Лукьяновичъ*, естествоиспытатель, изслѣдователь

Юго-Западнаго края Россіи. род. въ 1785 г. въ Волынской губ., ум. 12-го декабря 1868 г., въ Кіевской губ. По окончаніи курса въ волынской гимназіи, опредѣленъ въ 1809 г. помощникомъ учителя рисованія и въ этой должности находился до 1815 г. Пристрастившись къ наблюденію природы, Андржеіовскій оставилъ службу и посвятилъ себя наукѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ пѣшкомъ исходилъ Кіевскую, Волынскую, Подольскую, части Екатеринославской и Херсонской губерній, собирая естественно-историческій матеріалъ, преимущественно растенія. Съ этого же времени началъ онъ помѣщать свои научные труды по ботаникѣ въ различныхъ польскихъ изданіяхъ. Въ 1818 г. Андржеіовскій получилъ въ волынской гимназіи мѣсто учителя ботаники, а при переименованіи гимназіи въ лицей, назначенъ тамъ же на каѳедру ботаники и зоологіи; на этомъ поприщѣ онъ неутомимо продолжалъ изслѣдованіе края и издалъ рядъ крупныхъ сочиненій по его описанію. Въ 1823 г. Андржеіовскій былъ избранъ въ члены Московскаго общества испытателей природы, сдѣлавшись однимъ изъ энергичнѣйшихъ дѣятелей и сотрудникомъ его изданій. Въ 1829 г. Андржеіовскій командированъ виленскимъ учебнымъ округомъ, вмѣстѣ съ проф. Эйхвальдомъ, для детальнаго естественно-историческаго изученія Юго-Западнаго края, послѣ чего дѣятельность его существенно измѣнилась: Андржеіовскій посвятилъ себя преимущественно геологіи, палеонтологіи и частью зоологіи этого края и напечаталъ рядъ основательныхъ работъ по этимъ предметамъ. Въ 1834 г. Андржеіовскій переведенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи въ университетъ св. Владиміра, а въ 1839 г., по случаю прекращенія лекцій въ этомъ университетѣ, назначенъ профессоромъ естественныхъ наукъ въ лицей князя Безбородко, гдѣ оставался до выхода въ отставку въ 1841 г., послѣ чего находился на частной службѣ у графа Браницкаго, продолжая свои научныя работы по геологическому и ботаническому описаній края, и принявъ еще разъ участіе въ назначенной въ то время правительственной коммиссіи по описанію губерній кіевскаго учебнаго округа. Сочиненія Андржеіовскаго важны обиліемъ фактическаго матеріала.

Біографическія и библіографическія данныя въ «Біографическомъ Словарѣ проф. универ. Св. Владиміра», 1884.—С. А. Венгеровъ, «Критико-біогр. Словарь», т. I, стр. 563—564.

Андріевскій, *Митрофанъ Александровичъ*, род. въ 1840-хъ годахъ, въ гор. Каневѣ, Кіевской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. 14-го мая 1887 г., въ Мелитополѣ. Образованіе получилъ во 2-ой кіевской гимназіи и въ университетѣ св. Владиміра, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1862 г. по историко-филологическому факультету. Пробывъ два года на педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ при университетѣ бывшимъ попечителемъ Н. И. Пироговымъ, Андріевскій былъ назначенъ учителемъ русскаго языка и словесности въ ровенскую гимназію, гдѣ служилъ до 1873 г. Перейдя въ коростышевскую семинарію, Андріевскій пробылъ въ ней недолго и въ 1875 г. вышелъ въ отставку, зачислившись своекоштнымъ стипендіатомъ при кіевскомъ университетѣ съ намѣреніемъ держать магистерскій экзаменъ. Однако, недостатокъ средствъ принудилъ Андріевскаго вновь искать службы и взять въ 1875 г. мѣсто учителя въ Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ, которое онъ занималъ до 1885 г., а затѣмъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Мелитополѣ. Свои научныя занятія Андріевскій началъ еще на университетской скамьѣ. Будучи студентомъ онъ напечаталъ въ 1861 г., въ „Основѣ", статью: „О подвижныхъ звукахъ въ малорусскомъ языкѣ". Интересуясь изслѣдованіемъ текста „Слова о полку Игоревѣ", онъ задумалъ въ этомъ направленіи большую работу, но напечаталъ только два выпуска, появившихся въ 1879—1880 гг. По южнорусской исторической топографіи Андріевскій напечаталъ три статьи въ „Кіевской Старинѣ". въ 1882 г., № 9, „Перметовское поле"; въ 1883 г., № 9—10—„Лѣтописный Юрьевъ на Роси" и въ 1885 г., № 6—„Давыдова Боженка". Кромѣ того, въ 1884 г. въ Одессѣ появилась „Казацкая дума о трехъ азовскихъ братьяхъ", въ пересказѣ съ объясненіями, разборомъ и картою. На одесскій археологическій съѣздъ Андріевскимъ былъ представленъ обширный рефератъ о Геродотовой Скиѳіи.

«Екатеринославскій юбилейный листокъ», 1887 г., № 21 (некрологъ Андріевскаго).—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 963—964.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VII, стр. 4. «Кіевская Старина», 1884 г., № 5.

Андроникъ, преподобный, уроженецъ гор. Ростова, любимый и близкій ученикъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, преставился въ 1395 или въ 1404 г. Святитель московскій Алексій выпросилъ Андроника къ себѣ и поручилъ ему построеніе въ Москвѣ на Яузѣ Спасскаго монастыря, основаннаго имъ по обѣту, при возвращеніи изъ Константинополя, когда путниковъ настигла страшная буря на Черномъ морѣ, отъ опасностей которой они избавились 16-го августа, въ день празднованія нерукотворнаго образа Спасителя. Построивъ монастырь, Андроникъ сдѣлался и его первымъ настоятелемъ. Отличаясь строгимъ подвижничествомъ, кротостью и глубокимъ смиреніемъ, онъ привлекалъ въ свой монастырь многочисленныхъ богомольцевъ и учениковъ. Изъ послѣднихъ особенно извѣстны: Савва, Александръ, Даніилъ и Андрей Рублевъ—наши знаменитые живописцы. Ихъ кистью были расписаны стѣны придворнаго Благовѣщенскаго собора, соборный храмъ во Владимірѣ, Спасскій храмъ въ Андроніевскомъ монастырѣ и др. Удалившись на покой, онъ передалъ настоятельство ученику своему Саввѣ. Мощи преп. Андроника подъ спудомъ почиваютъ въ монастырской церкви Спаса Нерукотвореннаго. Память празднуется 13-го іюня.

Филаретъ «Житія святыхъ», II, 77.—«Слов. истор. о святыхъ», стр. — Арх. Леонидъ «Святая Русь», стр. 134.

Андронниковъ, князь, *Иванъ Малхазовичъ*, генералъ-лейтенантъ, герой кавказскихъ войнъ, род. въ 1798 г., ум. въ январѣ 1869 г. Происходя по женской линіи изъ рода грузинскихъ царей (бабка его, царевна Елена, была дочерью царя Грузіи Ираклія II, а мать, царевна Марія, дочерью царевича Арчила и племянницею имеретинскаго царя Соломона I), князь Андронниковъ принадлежалъ къ древнѣйшей фамиліи кахетинскихъ князей. Службу онъ началъ въ 1817 г. юнкеромъ л.-гв. въ Конномъ полку, откуда, семь лѣтъ спустя, въ чинѣ маіора перевелся на Кавказъ, вступивъ въ ряды славныхъ Нижегородскихъ драгунъ. Здѣсь вскорѣ представился для него случай боевыхъ отличій: возгорѣвшаяся въ 1826 г. война съ Персіею поставила Андронникова ближайшимъ участникомъ военныхъ дѣйствій. Въ дѣлѣ подъ Елисаветполемъ онъ заслужилъ примѣрною храбростью орденъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ; подъ Абасъ-Абадомъ собственными руками захватилъ въ плѣнъ непріятельскаго военачальника Наджавъ-хана, будучи самъ раненъ пулею въ голову; вслѣдъ затѣмъ находился при взятіи Сардаръ-Абаза-Оривани и Ахалцыха, и, награжденный за послѣдній чиномъ полковника, получилъ въ 1829 г. въ командованіе Нижегородскій драгунскій полкъ. Съ нимъ Андронниковъ участвовалъ въ дальнѣйшихъ операціяхъ противъ турецкихъ войскъ и въ томъ числѣ въ дѣлѣ при Бинбуртѣ, за что получилъ Георгіевскій крестъ 4 степ. и орденъ св. Анны 2 степ. съ бриллiантами. Въ 1837 г. во главѣ полка онъ выступилъ въ экспедиціи противъ горцевъ на Лезгинской линіи, ведя съ ними почти непрерывный бой; въ 1840 г. успѣшно начальствовалъ экспедиціею противъ возмутившихся осетинъ, причемъ взялъ съ боя до 50 укрѣпленныхъ ауловъ и самые опасные изъ нихъ с. Таби и д. Бечьяпетъ-Кари; въ 1841 г., участвуя въ Дагестанскомъ походѣ генерала Головина, князь Андронниковъ покорилъ с. Зубутъ и отличился во многихъ другихъ дѣлахъ, за что въ 1842 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Награжденный вслѣдъ затѣмъ орденомъ св. Станислава 1 степ. за боевыя отличія при взятіи Салтовъ и Гергебиля (1847 г.), князь Андронниковъ два года спустя былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Тифлисъ и управляющимъ гражданскою частью въ губерніи; оставаясь здѣсь до 1856 г., онъ не покидалъ, однако, поприща военныхъ дѣйствій. Въ 1850 г. онъ успѣшно руководилъ новою экспедиціею для усмиренія горскихъ осетинъ, получивъ за отличіе чинъ генералъ-лейтенанта; въ 1853 г. временно командовалъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ противъ обложившихъ Ахалцыхъ турокъ, причемъ за пораженіе послѣднихъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степ. Послѣднимъ боевымъ подвигомъ князя Андронникова было участіе въ сраженіи на р. Чолокѣ, когда, нанеся рѣшительное пораженіе корпусу Селима-паши и тѣмъ давъ перевѣсъ нашему оружію на азіатскомъ театрѣ войны, былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1856 г. разстроенное здоровье понудило князя Андронникова оставить службу.

«Военный Сборн.», 1869 г., № 2.—«Сборникъ

извѣстій о войнѣ 1855 г.», кн. XI, отд. VI, стр. 371—375 и 376—377.—«Кавказъ», 1853 г., №№ 92 и 94.—«Иллюстр. Газета», 1869 г., № 7.—«Художеств. Листокъ» В. Тимма, 1854 г., № 13.—Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклоп. Словарь», полутомъ II. *Д. С—въ.*

Андроновъ, *Василій Андроновичъ*, атаманъ Середней станицы Войска Донского, род. въ 1729 г. въ Черкаскѣ, ум. въ 1804 г. Вступивъ въ службу въ 1746 г., рядовымъ казакомъ, участвовалъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ и черкесъ, причемъ за отличіе въ дѣлахъ пожалованъ въ 1757 г. чиномъ хорунжаго. Въ прусскомъ (1758 г.) походѣ казаковъ находился въ генеральномъ сраженіи подъ Кюстриномъ, а въ турецкую кампанію, во время одной изъ рекогносцировокъ, захваченъ татарами въ плѣнъ. Мучимый жестокими пытками, терпѣливо вынося, въ теченіе почти трехъ лѣтъ, страданія, Андроновъ имѣлъ мужество устоять противъ настойчивыхъ разспросовъ татаръ о состояніи нашихъ войскъ. Завоеваніе Крымскаго полуострова въ 1771 г. возвратило свободу истомленному плѣннику и, едва оправившись отъ ранъ, онъ снова вступилъ въ ряды войскъ, отличившись вскорѣ затѣмъ при штурмѣ кр. Еникале. Вернувшись на Донъ, Андроновъ въ 1774 г. былъ произведенъ въ войсковые старшины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избранъ атаманомъ Середней станицы. Съ 1781 по 1785 г. онъ командовалъ полкомъ въ походѣ противъ ногайцевъ и черкесъ, а затѣмъ въ теченіе 6 лѣтъ состоялъ въ должности начальника сыскныхъ дѣлъ въ Усть-Аксайской и Нижне-Хоперской станицахъ. Въ 1803 году Андроновъ оставилъ службу и черезъ годъ скончался.

«Донцы» Сепюткина, М., 1866 г., ч. II, стр. 11—14. *Д. С—въ.*

Андроновъ, *Өедоръ*, „гостинныя сотни торговый дѣтина", повѣшенъ въ Москвѣ въ октябрѣ 1612 г. Во время второго самозванца Андроновъ примкнулъ къ тушинцамъ, а затѣмъ бѣжалъ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, куда прибылъ 27-го января 1610 г. Примкнувъ къ партіи, которая хотѣла отдать московскій престолъ польскому королю, Андроновъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и виднѣйшихъ членовъ ея. Вмѣстѣ съ Салтыковымъ, Масальскимъ и дьякомъ Грамотинымъ, Андроновъ привезъ въ Москву королевскую грамоту, которая поручала этимъ лицамъ управленіе московскимъ государствомъ. Возведенный въ думные дворяне, получившій въ свое вѣдѣніе государеву казну и челобитныя дѣла, Андроновъ болѣе всего заботился о собственномъ обогащеніи и не останавливался въ своихъ стремленіяхъ ни передъ какими средствами: онъ постоянно выпрашивалъ у Сигизмунда и Сапѣги разрѣшенія завладѣть тѣмъ или другимъ помѣстьемъ и просилъ вознаградить за тѣ убытки, которые причинилъ ему Шуйскій, узнавъ о его бѣгствѣ къ полякамъ; кромѣ этого, онъ, пользуясь своей властью, грабилъ и вымогалъ, что только и у кого только могъ. Его сообщникъ Михаилъ Салтыковъ былъ возмущенъ всѣмъ этимъ и просилъ Сапѣгу удалить Андронова отъ дѣлъ, такъ какъ онъ только возбуждалъ у москвичей антипатію къ полякамъ: многіе люди оскорблены различными стѣсненіями со стороны Андронова и раззорены имъ; однихъ онъ ради взятки освобождалъ отъ суда, а другихъ понапрасну тянулъ въ судъ и штрафовалъ, но штрафовъ въ казну не отдавалъ; кромѣ того, онъ взялъ изъ казны сибирскихъ мѣховъ на 2.480 рублей и денегъ за нихъ не отдалъ. Зная, что поляки, его единственная опора, Андроновъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что могло бы имъ повредить, и доносилъ объ этомъ Сапѣгѣ. По его настоянію, посылались подъ Москву польскія подкрѣпленія, онъ же впустилъ поляковъ въ Кремль, заставлялъ москвичей присягать Сигизмунду, участвовалъ въ свержeніи и заточеніи Гермогена, преслѣдовалъ русскихъ патріотовъ и т. п. Всѣми подобными поступками онъ возбудилъ противъ себя такую ненависть русскихъ, что немедленно по взятіи Москвы Пожарскимъ былъ повѣшенъ „по многомъ истязаніи". Какъ въ сказаніяхъ современниковъ о смутѣ, такъ и въ русскихъ грамотахъ того времени имя Андронова всегда упоминается со злобной ненавистью.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, 608—611; II, 451—452; III, 25—27.—Акты историческіе, т. II, 355—357, 361, 372, 394; III, 28, 437, 439.—Дополненія къ актамъ историческимъ, т. II, 196.—Акты археографической экспедиціи, т. II, 292, 299, 306, 315, 321, 325, 328, 329, 341, 345.—Памятники древней русской письменности, относящіеся къ смутному времени, стр. 128, 187, 229, 231, 440, 607, 693.—Бутурлинъ, «Исторія смутнаго времени», ч. III, приложенія, 172—173.

Андроссовъ, *Василій Петровичъ*, статистикъ, род. въ Рославлѣ, Смоленской губерніи, въ 1803 г., ум. въ Москвѣ 20-го октября 1841 г. Получивъ первоначальное образованіе въ смоленской гимназіи, Андроссовъ въ 1820 г. поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Въ 1824 г., награжденный золотой медалью, онъ вышелъ изъ университета со степенью кандидата и поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. При открытіи въ Москвѣ земледѣльческой школы, Андроссову поручено было преподаваніе въ ней географіи и статистики; въ то же время, по желанію президента общества сельскаго хозяйства, Андроссовъ написалъ для учениковъ земледѣльческой школы „Хозяйственную статистику Россіи (Москва, 1827 г.), въ которой всѣ разбросанныя данныя тогдашняго отчизновѣдѣнія онъ систематически сгруппировалъ въ одно стройное цѣлое. Книга эта, отзывъ о которой давали академики Шторхъ и Германъ, удостоена была посвященія Императору Николаю I и напечатана на казенный счетъ, причемъ самъ авторъ былъ награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ. Въ 1827 г. Андроссовъ избранъ былъ обществомъ сельскаго хозяйства въ помощники директора земледѣльческой школы, а въ 1829 г., покинувъ школу, принялъ званіе секретаря комитета, образовавшагося тогда въ Москвѣ, для сортированія русской шерсти. Въ 1828 г. Андроссовъ участвовалъ, кромѣ того, въ журналѣ „Атеней“, издаваемомъ М. Павловымъ, помѣстивъ тамъ статью: „Замѣчанія на рѣчь „о невещественномъ капиталѣ, какъ одномъ изъ главнѣйшихъ основаній государственнаго благосостоянія и народнаго богатства“, читанную Николаемъ Полевымъ на актѣ практической коммерческой академіи“ („Атеней“ 1828 г. №14—15, стр. 206 — 222). Въ 1831 г. Андроссовъ вступилъ въ общество овцеводовъ членомъ, секретаремъ и издателемъ „Журнала для овцеводовъ“, причемъ 1831 г. по 1839 годъ помѣстилъ тамъ рядъ статей объ овцеводствѣ. Въ 1832 г., по порученію московскаго военнаго генералъ-губернатора, Андроссовымъ составлена была „Статистическая записка о Москвѣ“ (Москва, 1832 г.), въ которой, главнымъ образомъ, цѣнны были извлеченныя изъ оффиціальныхъ источниковъ статистическія данныя и параллели съ данными о другихъ европейскихъ городахъ. Эта „Статистическая записка“, равно какъ и „Хозяйственная статистика Россіи“ считались въ свое время лучшими сочиненіями по этому предмету. Съ 1835 г. Андроссовъ состоялъ редакторомъ журнала „Московскій Наблюдатель“, причемъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей, какъ, напр.: „Производимость и живыя силы“ (1835 г., ч. I, стр. 33 — 52); „Свеклосахарное производство въ Россіи» (1835 г. ч., I, стр. 551); „Статистическія записки о внѣшней торговлѣ Россіи, сост. Григоріемъ Небольсинымъ“ (1836 г., ч. 6, стр. 161); „Какъ пишутъ критику“ (1836 г., ч. VI, стр. 470); О „Ревизорѣ“ Гоголя (1836 г., ч. VII, стр. 120). Не смотря на опытность редактора и знаніе имъ дѣла, журналъ этотъ не имѣлъ успѣха. Причина его неуспѣха заключалась, главнымъ образомъ, въ отсутствіи опредѣленнаго направленія и въ скудости критическаго отдѣла. Около 1838 г. „Московскій Наблюдатель“ перешелъ въ руки кружка Станкевича и Бѣлинскаго, а затѣмъ Андроссовъ передалъ и редактированіе журнала Бѣлинскому. Андроссовъ сотрудничалъ также въ „Земледѣльческомъ журналѣ“ (1824 — 1829 г.). Погребенъ онъ въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, близъ учителя своего, А. Мерзлякова. М. Погодинъ въ некрологѣ („Москвитянинъ“ 1841 г., ч. 6, стр. 272—274) говоритъ, что по случаю конкурса, объявленнаго въ Москвѣ, Андроссовъ написалъ большое разсужденіе „О политической экономіи и народномъ правѣ“.

«Москвитянинъ» 1841 г., ч. 6, стр. 272—274.— «Отеч. Записки» 1841 г., ч. XIX, декабрь, Разн. извѣстія, стр. 96—98.—Словари: русскихъ ученыхъ и лит., т. IV, стр. 375; Геннади, стр. 31; Ефрона, I, стр. 771 - 772; Края I, 320; Березина, т. I, 54 стр.—С. А. Венгеровъ «Критико-біогр. слов. русск. писат. и ученыхъ», т. I, стр. 568—571. Отзывы о сочиненіяхъ Андроссова: «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1832 г., ч. VI, № 3, стр. 70—86.— «Сѣв. Пчела» 1832 г., № 217—219.—«Телескопъ» 1832 г., ч. 8, № 5, стр. 388 — 413. — «Москов. Телеграфъ» 1832 г., ч. 44, стр. 254—259.

Андрузскій, *Дмитрій Васильевичъ*, граверъ на мѣди, род. 5-го сентября 1814 г. Сначала занимался въ Академіи художествъ архитектурою, но въ 1831 г. былъ назначенъ въ классъ проф. Н. И. Уткина и вскорѣ получилъ три серебряныя медали:

вторую за рисунокъ съ натуры (1834), вторую и первую за гравюры на академическихъ выставкахъ „Портретъ испанца“ (1833) и „Скорбящая Божія Матерь“ (1835). Окончивъ курсъ съ аттестатомъ на званіе классного художника, Андрузскій былъ оставленъ при Академіи (1836), съ прикомандированіемъ къ проф. Уткину. Съ 1840 г. онъ служилъ граверомъ въ теченіе полуторыхъ лѣтъ въ художественномъ заведеніи корпуса инженеровъ путей сообщенія, а съ 1843—въ коммиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора. Въ 1837 г. Андрузскій награвировалъ 20 досокъ дворянскаго гербовника въ Сенатъ, по 2 герба на каждой; на выставкѣ 1839 г. появилась его гравюра портрета Петра Великаго съ оригинала Матвѣева (что̀ въ Эрмитажѣ), а затѣмъ Андрузскій гравировалъ очеркомъ рисунки для изданій: „Musée de Monferrand“ (1844), „Керченскія древности“ (1845, 10 гравюръ въ большой листъ), „L'artiste russe“ (1847—1849), „Камеръ-фурьерскій журналъ“ (1854) и др.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 174—176.

Анжу, *Петръ Ѳедоровичъ*, адмиралъ, членъ совѣта Министра Государственныхъ Имуществъ, род. 15-го февраля 1796 г. въ Вышнемъ-Волочкѣ, Тверской губ., ум. 12-го октября 1869 г. въ С.-Петербургѣ. Дѣдъ Анжу былъ выходцемъ изъ Франціи, поселившимся въ Москвѣ во второй половинѣ XVIII в., а отецъ, принявшій подданство Россіи, служилъ по медицинской части. Получивъ спеціальное образованіе въ морскомъ корпусѣ, Анжу до лейтенантскаго чина ежегодно плавалъ на военныхъ судахъ въ Финскомъ заливѣ, и только въ 1817 г. сдѣлалъ переходъ отъ Кронштадта до Кадикса, въ эскадрѣ кап. Моллера на фрегатѣ „Автроилъ“, проданномъ тогда же, въ числѣ прочихъ судовъ эскадры, испанскому правительству. Произведенный въ лейтенанты, Анжу въ качествѣ начальника „Устьянской“ (полярной) экспедиціи, участвовалъ въ 1820—1824 гг. при описи части сѣвернаго берега Сибири, съ прилежащими къ ней островами: Ляховскимъ, Котельнымъ, Ѳаддѣевымъ, Новою Сибирью и др. Записки, веденныя имъ объ этой экспедиціи, и всѣ относящіяся до нея бумаги погибли въ 1837 г. при пожарѣ дома Анжу на Васильевскомъ островѣ. За понесенные въ Сибирской экспедиціи труды Анжу былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ., прибавочнымъ жалованьемъ по чину лейтенанта, и время пребыванія въ экспедиціи положено считать двойною службою къ полученію ордена св. Георгія за морскія кампаніи. Съ 1825—1826 гг. Анжу участвовалъ въ военно-ученой экспедиціи, при описаніи сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго и западнаго берега Аральскаго морей, подъ начальствомъ полковника Ѳ. Ѳ. Берга (впослѣдствіи фельдмаршала), при чемъ вмѣстѣ съ Загоскинымъ и Дюгамелемъ произвелъ барометрическую нивеллировку по направленію отъ Мертваго Култука (нынѣ залива Наслѣдника Цесаревича), до залива Дуаны Кулама, на западномъ берегу Аральскаго моря. Въ 1827 г., на кораблѣ „Гангутъ“, командуя корабельною артиллеріею, Анжу участвовалъ въ наваринскомъ сраженіи, за что̀ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса, годовымъ окладомъ жалованья и греческимъ орденомъ Спасителя золотого креста. Въ этомъ сраженіи онъ былъ сильно раненъ въ голову, но не оставлялъ своего мѣста до конца сраженія. Въ послѣдующее затѣмъ время, до производства въ контръ-адмиралы, Анжу ежегодно командовалъ въ Балтійскомъ морѣ кораблями, и одно лѣто (1837 г.) отдѣльнымъ отрядомъ судовъ, назначенныхъ для практическаго обученія гардемариновъ. Въ 1844 г. онъ былъ призванъ на административное поприще, на которомъ и окончилъ свою разнообразную дѣятельность въ чинѣ адмирала. Со времени производства въ контръ-адмиралы, съ 1844 г., Анжу послѣдовательно занималъ должности: капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ, непремѣннаго члена морскаго ученаго комитета, предсѣдателя временнаго комитета для составленія новаго портоваго регламента и въ учрежденномъ при Морскомъ Министерствѣ комитетѣ по составленію положенія о призахъ; директора департамента корабельныхъ лѣсовъ и члена совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ. Анжу состоялъ, кромѣ того, почетнымъ членомъ морскаго ученаго комитета.

Архивъ Морск. Мин., форм. списокъ.—«Морской Сбор.», 1869 г., № 12.—«Путешествіе по сѣверному берегу Сибири и по Ледов. морю въ

1820—1824 г. Ф.-Врангеля. «Записки Гидр. Д-а», часть VII, гдѣ помѣщенъ оффиціальный отчетъ о сибирской экспедиціи Анжу, составл. А. П. Соколовымъ, съ картою.

С. Огородниковъ.

Анжу, *Ѳедоръ Андреевичъ,* докторъ медицины, род. 15-го августа 1758 г., въ Москвѣ, въ семьѣ часового мастера, ум. 2-го ноября 1824 г. Первоначальное образованіе получилъ въ московской госпитальной школѣ, куда поступилъ „волонтеромъ" 1-го мая 1775 г. По окончаніи курса, 17-го іюля 1779 г., онъ былъ признанъ лѣкаремъ и вскорѣ отправился заграницу для усовершенствованія въ своей спеціальности; занимался сперва въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Геттингенѣ, гдѣ 8-го іюля 1783 г. получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Россію, Анжу выдержалъ повѣрочный экзаменъ въ бывшей медицинской коллегіи и 23-го мая 1784 г. ему была разрѣшена медицинская практика. 17-го декабря того же года Анжу поступилъ на службу въ Клинскій уѣздъ, Московской губ.; но въ 1788 г. долженъ былъ выйти въ отставку по разстроенному здоровью. Вторично поступивъ на службу въ Вышній-Волочокъ, 6-го мая 1790 г., онъ прослужилъ до 17-го августа 1797 г. При Александрѣ I Анжу служилъ ординаторомъ въ С.-Петербургскомъ морскомъ госпиталѣ и умеръ, состоя въ 6-мъ классѣ.

«Спб. Вѣд.», 1784 г., стр. 782 (объявленіе отъ Госуд. Медиц. Коллегіи о разрѣшеніи медицинской практики въ Россіи медицины доктору Ѳедору Анжу).—Чистовичъ, «Истор. медиц. школъ», стр. 782.

Анертъ, *Эдуардъ Христіановичъ,* архитекторъ, род. 26-го ноября 1790 г., въ Дерптѣ, ум. 24-го іюля 1848 г. въ С.-Петербургѣ. Принятый въ Академію Художествъ въ 1801 г., онъ по полученіи (въ 1812 и 1814 гг.) двухъ серебряныхъ медалей за архитектурныя композиціи, выпущенъ 1-го сентября 1815 г. съ аттестатомъ 1-ой степени, но продолжалъ заниматься въ Академіи до 30-го іюня 1817 г. Послѣ того Анертъ служилъ чертежникомъ при строительномъ комитетѣ, 1-го мая 1822 г. былъ опредѣленъ помощникомъ архитектора Росси по строительной коммиссіи при Кабинетѣ Его Величества, принималъ участіе въ сооруженіи зданія Главнаго Штаба и Елагинскаго дворца, состоялъ (до 20-го мая 1827 г.) въ казарменной коммиссіи, съ іюля 1827 г. служилъ архитекторомъ въ строительномъ департаментѣ по морской части, а съ 25-го февраля 1830—въ горномъ и былъ членомъ коммиссіи построенія зданій технологическаго института (1830). Званіе академика Анертъ получилъ 21-го сентября 1827 г. за проектъ „княжескаго дворца на пространствѣ 75 саж". По проекту Анерта, Высочайше утвержденному въ 1827 г., построено зданіе Новаго адмиралтейства въ С.-Петербургѣ. Изъ построекъ этого архитектора, кромѣ вышеупомянутыхъ, извѣстны еще: зданіе для финляндскаго кадетскаго корпуса въ Фридрихсгамѣ и лѣвая сторона Главнаго адмиралтейства для помѣщенія морского рабочаго экипажа.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 176—179.

Аникинъ, *Ѳедоръ,* московскій купецъ, послѣдователь поморскаго толка, род. въ 1721 г., ум. въ 1796 г. Въ Москвѣ онъ былъ противникомъ Ковылина, главы столичныхъ ѳедосѣевцевъ, а въ концѣ жизни не только помирился съ ними, но даже сдѣлался истолкователемъ ихъ мнѣній. Между прочимъ, для прославленія своего бывшаго врага и соперника, онъ написалъ „Занимательная, дива и любопытства достойная повѣсть о восхищеніи въ рай Ильи Алексѣева Ковылина, главы ѳеодосіанской церкви, и о видѣніи его въономъ единовѣрцевъ и любимыхъ его въ чудной славѣ". Раньше этого Аникинъ писалъ посланія о заблужденіяхъ ѳедосѣевцевъ, выставляя правильность моленія въ церкви „о благоденствіи владыкъ міра и побѣдѣ на враговъ". Затѣмъ писалъ онъ о мирѣ поморянъ съ ѳедосѣевцами, выставляя причину разногласій въ обычаяхъ и мнѣніяхъ. Ему принадлежатъ, между прочимъ: 5 разсужденій „о бракѣ", и о томъ что „оный въ Христовой церкви долженъ быть вѣчно". О мирѣ съ ѳедосѣевцами и о заблужденіяхъ ихъ писалъ Аникинъ и отдѣльно къ главарямъ ѳедосѣевскимъ, въ Москвѣ: Петру Ѳедорову, Ильѣ Ковылину, Ивану Петрову Коржавину и Пимену Алексѣеву—пространныя посланія. Сверхъ того, для Ковылина онъ составилъ выборки изъ твореній отцовъ церкви, 100 тетрадей въ обличеніе соблазнительныхъ послѣдствій ихъ мнимаго догмата—безбрачія. Занимало Аникина и сказаніе о бытѣ первыхъ христіанъ. Такъ написано имъ „Изслѣдованіе", раскрывающее сбивчивость поня-

тій поморскихъ начетчиковъ объ эпохѣ Константина Великаго и сына его Констанція. Писалъ Аникинъ и обличеніе старообрядцевъ въ заблужденіяхъ насчетъ крещенія и хиротоніи. Послѣ него осталось 50 разныхъ сочиненій, въ тетрадяхъ, гдѣ доказательства приведены подлинными словами отцовъ церкви въ славянскомъ переводѣ. Одно изъ посланій Аникина къ ѳедосѣевскимъ главарямъ посвящено разбору мнѣній „о соблюденіи даннаго слова".

Каталогъ Павла Любопытнаго, стр. 191—4.

Аникита, іеромонахъ, въ мірѣ князь Сергѣй Александровичъ *Ширинскій-Шихматовъ*, род. въ 1783 г., въ Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, въ помѣщичьей семьѣ, отличавшейся особенно благочестивою жизнью, ум. 7-го іюня 1837 г. При хорошей домашней подготовкѣ и прекрасныхъ способностяхъ, онъ, поступивъ въ морской кадетскій корпусъ, въ три года окончилъ курсъ и произведенъ въ офицеры въ 1800 году. Прослуживъ недолгое время во флотѣ, князь Ширинскій-Шихматовъ всю остальную службу провелъ въ морскомъ корпусѣ, и въ 1827 году вышелъ въ отставку чиномъ капитана 2-го ранга. Исполняя съ трогательною заботливостью обязанности воспитателя, онъ былъ нѣжнѣйшимъ отцомъ ввѣренныхъ его попеченію воспитанниковъ. По своей святой, строго монашеской жизни, онъ напоминалъ христіанъ первыхъ вѣковъ. Немногіе свободные часы, остававшіеся отъ его разнообразныхъ занятій, князь посвящалъ на дѣла тайной благотворительности и почти все получаемое содержаніе раздавалъ бѣднымъ. Оставивъ службу, князь въ 1829 г. поступилъ въ число братіи новгородскаго Юрьева монастыря, гдѣ 18-го марта 1830 г., безъ прохожденія трехлѣтняго искуса, за ученость и добрую нравственность постриженъ въ монашество съ именемъ Аникиты, и вскорѣ рукоположенъ во іеромонаха. Начало своей иноческой жизни онъ провелъ подъ руководствомъ извѣстнаго юрьевскаго архимандрита Фотія. Въ сентябрѣ 1834 г. іеромонахъ Аникита отправился путешествовать по Св. Мѣстамъ. Въ 1836 г., въ Іерусалимѣ, застало его назначеніе начальникомъ миссіи нашей въ Аѳинахъ; въ этой должности прослужилъ онъ недолго, подавъ въ 1837 году прошеніе объ увольненіи и дозволеніи пробыть около года на Аѳонской горѣ, для окончанія предпринятой тамъ на свои средства постройки новаго храма во имя св. Митрофана. Просьба его была уважена; но, выѣхавъ изъ Аѳинъ, онъ въ ближайшемъ Архангельскомъ монастырѣ скончался и погребенъ на Аѳонѣ, въ устроенномъ имъ скиту св. Митрофана. При отличномъ образованіи, Аникита свободно владѣлъ тремя новыми и обоими классическими языками, а по глубокому знанію славянскаго считался въ числѣ лучшихъ современныхъ филологовъ. Обладая поэтическимъ талантомъ, онъ за свои литературные труды удостоился исключительныхъ наградъ и пользовался большимъ уваженіемъ современныхъ ему ученыхъ цѣнителей. Всѣ произведенія его имѣли религіозно-нравственное направленіе и отличались глубиною мысли и образностью. Тотчасъ по производствѣ въ офицеры онъ назначенъ въ число сотрудниковъ морского ученаго комитета; при учрежденіи Императорскаго Царскосельскаго лицея ему предлагали мѣсто инспектора; молодымъ лейтенантомъ онъ избранъ въ члены Россійской Академіи, членомъ Бесѣды любителей русскаго слова, при самомъ ея учрежденіи, и въ чинѣ капитанъ-лейтенанта назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ. За литературные труды свои князь отъ Россійской Академіи получилъ большую золотую медаль, а отъ Императора Александра Павловича, будучи въ чинѣ лейтенанта,—пенсію въ 1.500 руб. Кромѣ того, оставаясь на службѣ въ морскомъ корпусѣ, причисленъ былъ къ гвардейскому экипажу „за полезныя его въ словесности упражненія"—примѣръ небывалый. Изданные труды его: „Опытъ о критикѣ", соч. Попе, перев. съ англ., 1806 г.; „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенная Россія", поэма, 1807; „Пѣснь Россійскому слову", 1809; „Петръ Великій", поэма, въ 8 пѣсняхъ, 1810; „Возвращеніе въ отечество любезнаго брата", 1810; „Ночь на гробахъ" и „Пѣснь Россу", 1812; „Ночь на размышленія", 1814; „Совѣщаніе съ друзьями", 1815; „Пѣснь сотворившему вся", 1817; „Переложеніе стихиръ въ честь Божіей Матери", 1821; „Іисусъ въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтахъ", 1824. Остались ненапечатанными: „Зерцало царскихъ должностей", „Псалтирь десятиструнный" и журналъ, веденный имъ во время путешествія въ Св. Землю.

Архивъ Морскаго Министерства, формулярный списокъ.—«Краткое извѣстіе о жизни и смерти іеромонаха Аникиты». («Одесскій Вѣстникъ» 1837 г., № 65) и «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты», брошюра, напечатанная въ С.-Петербургѣ въ 1853 г.—Воспоминанія П. Митурича» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1888 года.—Филаретъ, «Обзоръ русской дух. литер.», стр. 445.—«Душеполезное Чтеніе», 1869 г., № 4.—Дѣло архива Св. Синода 1830 г., № 906.

Ѳ. Веселаго.

Анисимова, *Домна*, род. 6-го января 1812 года, въ с. Дегтяномъ, Спасскаго уѣзда, Рязанской губ., дочь пономаря, ум. послѣ 1868 года. На пятомъ году отъ рожденія она лишилась зрѣнія. „Когда я стала выходить изъ дѣтства,—разсказываетъ она въ своей автобіографіи,—мои занятія не были похожи на другихъ. Я любила слушать разсказы стариковъ или удаляться въ уединенное мѣсто и прислушиваться къ шуму вѣтра, который съ этого времени я очень полюбила, такъ какъ онъ наводилъ на меня особенное вдохновеніе. Любила слушать чтеніе книгъ. Бывало, принесетъ родитель мой изъ церкви Четьи-Минеи или синодскія проповѣди, съ какимъ наслажденіемъ я слушала эти книги! Все производило на меня глубокое впечатлѣніе. Въ это время мнѣ было лѣтъ 12. Мнѣ прочли балладу Жуковскаго: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“. Мнѣ такъ было жаль Громобоя, что я совсѣмъ-было лишилась пищи. Съ этихъ поръ породилось у меня желаніе слагать стихи. Оставаясь лѣтомъ, во время рабочей поры, одна съ малыми дѣтьми, я сложила первые стихи къ колыбельному дитяти, вторые: „Ночью, при шумѣ вѣтра“. Чрезъ губернатора нѣсколько стихотвореній Анисимовой были представлены въ Академію Наукъ, которая прислала ей „восемь частей сочиненій Жуковскаго, четыре—Державина, четыре—часовъ благоговѣнія и 12 книгъ Карамзина, и денегъ 100 р.“. „Стихи мои,—разсказываетъ Анисимова въ автобіографіи, писанной въ 1868 г.,—отпечатали въ четырехъ стахъ экземплярахъ и сдали книгопродавцу Лисенкову продавать, въ мою пользу, по одному рублю за каждый экземпляръ. Но до сихъ поръ этихъ денегъ я не получала“. Живое участіе въ Анисимовой принимала мѣстная администрація; мѣстное церковно-приходское попечительство, по распоряженію архіерея, выдавало ей ежемѣсячное пособіе. Общественное вниманіе на Анисимову впервые было обращено, благодаря замѣткѣ „Сѣверной Пчелы“ (1838 г., № 58, „Необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ“). Вслѣдъ затѣмъ большую біографическую статью объ Анисимовой и одно ея стихотвореніе напечатала „Галатея“ Раича (1839 г., т. 5). Нѣсколько стихотвореній Анисимовой помѣщены въ прибавленіяхъ къ „Рязан. Епарх. Вѣд.“, за 1839, 1840 и 1868 гг.

Автобіографія Анисимовой помѣщена въ прибавленіи къ «Рязан. Епарх. Вѣд.». 1868 г., № 16.—«Сѣверная Пчела», 1838 г., № 58.—«Галатея», 1839 г., т. 5 (статья Перевлѣсскаго).—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 572—75.

Анисимовъ, *Артемій Анисимовичъ*, скульпторъ, род. въ 1783 г., ум. 11-го февраля 1823 г. Будучи въ Академіи художествъ, получилъ двѣ серебряныя (въ 1801 и 1802 гг.) и двѣ золотыя медали (въ 1802 и 1803 гг.), причемъ послѣднія за программы: „Юпитеръ и Меркурій посѣщаютъ, въ видѣ странниковъ, Филемона и Бавкиду“ и „Жрецы и воины закалываютъ кинжалами двухъ христіанъ-варяговъ—отца съ сыномъ, отказавшихся поклониться Перуну, по требованію верховнаго жреца Пламида, въ присутствіи князя Владиміра“. По окончаніи 1-го сентября 1803 года курса съ аттестатомъ 1-ой степени, Анисимовъ опредѣленъ въ 1805 г. въ Академіи, для надзора за скульптурными произведеніями. Званія академика удостоенъ (въ 1813 г.) за фигуры „Европы“, „Африки“ и другихъ частей свѣта, украшающихъ фасадъ стараго адмиралтейства въ С.-Петербургѣ; для того же фасада Анисимовъ дѣлалъ украшенія вмѣстѣ съ Ѳ. Щедринымъ (аллегорическія изображенія Волги и Дона). Кромѣ того, имъ исполнены: эскизъ барельефа „Обрѣтеніе образа Богоматери“, фигуры для с.-петербургскаго биржевого зала и двѣ статуи музъ для минералогическаго зала Горнаго корпуса (1820 г.).

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 181—82.

Анисимовъ, *Иванъ Анисимовичъ*, живописецъ. Обучаясь съ 1809 г. въ Академіи художествъ, въ 1811 г. заслужилъ за свои рисунки съ натуры особую похвалу, а въ 1812 и 1814 гг. получилъ вторую и первую серебряныя медали. Окончивъ курсъ (1815 г.) съ аттестатомъ 1-ой

степени, поступилъ учителемъ рисованія въ псковскую гимназію (1821 г.).

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I. вып. 1, стр. 182—3.

Анисимовъ, *Николай Яковлевичъ,* род. въ 1794 г. Въ Академіи художествъ получилъ двѣ серебряныя медали за свои архитектурныя композиціи (1813 и 1815 гг.) и выпущенъ съ аттестатомъ 1-й степ. (1815 г.). Служилъ архитекторскимъ помощникомъ при гофъ-интендантской конторѣ (1815—1817), въ чертежной комитета для строеній и гидравлическихъ работъ (до 1822 г.), состоя въ то же время при постройкѣ церкви въ Θеоѳилактовой пустынѣ Александро-Невской лавры, и архитекторомъ при Кабинетѣ Его Величества, при чемъ составлялъ инвентари съ планами и фасадами подвѣдомственныхъ Кабинету зданій. 30-го апрѣля 1835 г. вышелъ въ отставку.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 183—4.

Аничковъ, *Викторъ Михайловичъ,* генеральнаго штаба генералъ-маіоръ, писатель, род. въ 1830 г., ум. 18-го февраля 1877 г. Происходя изъ дворянъ Оренбургской губерніи, онъ закончилъ образованіе, по выходѣ изъ оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса, въ военной академіи (нынѣ академія генеральнаго штаба), гдѣ впослѣдствіи (1857—1873 гг.) занималъ каѳедру по военной администраціи, съ званіемъ профессора. Кромѣ того, непродолжительное время состоялъ вице-директоромъ бывшаго комиссаріатскаго департамента, и вслѣдъ затѣмъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора (1866 г.)—членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба. Послѣднее время, страдая душевною болѣзнью, Аничковъ находился въ отставкѣ. Какъ военный писатель, Аничковъ получилъ извѣстность еще въ молодыхъ годахъ. Въ „Военномъ Журналѣ" 1851 г. уже былъ напечатанъ его переводъ „Война Даніи въ 1849 и 50 гг." и въ 1852 г. оригинальная статья „Разборъ сраженія при Ваграмѣ"; въ 1856 г. вышли въ 2-хъ томахъ его „Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи". Командированный въ это время заграницу, Аничковъ съ успѣхомъ воспользовался своимъ пребываніемъ тамъ, глубоко изучивъ постановку вопросовъ военнаго хозяйства и администраціи въ иностранныхъ государствахъ, и, по возвращеніи, впервые придалъ научное развитіе этому предмету съ каѳедры военной академіи, напечатавъ впослѣдствіи свои лекціи отдѣльнымъ обширнымъ изданіемъ „Военное хозяйство. Сравнительное изслѣдованіе положительнаго законодательства Россіи, Австріи, Франціи, Пруссіи, Сардиніи, Бельгіи и Баваріи" (1860 г.). Изъ прочихъ трудовъ Аничкова, помѣщенныхъ имъ въ журналахъ, извѣстны: „Очерки Алжиріи. Изъ записокъ русскаго офицера" („Современникъ", 1857 г., №№ 11 и 12), „Военно-административные очерки. О способахъ снабженія войскъ обмундированіемъ" („Воен. Сборн." 1858 г., т. III), „Система производства въ чины и замѣщенія должностей во Франціи" („Воен. Сборн." 1858 г., т. II), „По поводу толковъ о предполагаемомъ введеніи у насъ системы мѣстнаго военнаго управленія" („Совр. Лѣтопись" 1862 г., №№ 42 и 45), „Виновато-ли Военное Министерство въ застоѣ нашей кожевенной промышленности" („Рус. Инв." 1863 г., №№ 125 и 126), „Объ увеличеніи правъ, мѣстъ и лицъ Военнаго Министерства" („Рус. Инв." 1863 г. № 31), „Военно-окружныя учрежденія" („Рус. Инв." 1864 г., №№ 205 и 212). Кромѣ того, онъ состоялъ сотрудникомъ „Военно-энциклопедическаго лексикона", редактировалъ военный отдѣлъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ", изд. обществомъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, и былъ первымъ редакторомъ журнала „Военный Сборникъ", основаннаго въ 1858 г. Имъ же издана „Справочная книжка для нижнихъ чиновъ, завѣдующихъ въ частяхъ войскъ продовольственною частью" (1871 г.).

«Русс. Инв.» 1877 г. № 40. — Глиноецкій. «Истор. очеркъ Николаевской акад. ген. штаба», стр. 166—167 и приложеніе, стр. 24, 73.—Словари: Венгерова, Брокгауза-Ефрона и Березина.

Д. С—въ.

Аничковъ, *Дмитрій Сергѣевичъ,* профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ логики, метафизики и чистой математики, род. въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, ум. въ Москвѣ 1 мая 1788 г. Сынъ троицко-лаврскаго подъячаго, образованіе получилъ онъ въ лаврской семинаріи. Въ 1755 г., будучи ученикомъ реторики, поступилъ студентомъ въ только-что основанный тогда Московскій университетъ, во время пребыванія въ которомъ былъ награжденъ отъ профессоровъ университета 5-ю золотыми медалями. Особенные успѣхи

оказалъ онъ по философіи, которую слушалъ у Фромана, и по математикѣ у Роста. Окончивъ курсъ наукъ со степенью магистра философіи, Аничковъ съ 1762 г. сталъ заниматься преподаваніемъ математики въ университетѣ (геометріи и тригонометріи) и въ обѣихъ гимназіяхъ при университетѣ (тригонометріи и алгебры); лекціи онъ читалъ по Вейдлеру. Съ 1765 г. Аничковъ началъ читать въ университетѣ на латинскомъ языкѣ логику и метафизику, сначала по Винклеру, потомъ по Баумейстеру, придерживаясь господствовавшей тогда системы Вольфа; математику же, съ 1780 г., сталъ читать по своимъ запискамъ. Кромѣ чтенія лекцій, Аничковъ занималъ должность инспектора въ обѣихъ гимназіяхъ при университетѣ. Въ 1769 г. онъ написалъ диссертацію на богословскую тему для полученія званія ординарнаго профессора. Диссертація эта, изданная, по требованію куратора В. Е. Ададурова, на двухъ языкахъ, латинскомъ и русскомъ, была озаглавлена такъ: „Dissertatio philosophica de ortu et progressu religionis apud diversas maximeque rudes gentes“,—„Философское разсужденіе о началѣ и происшествіи богопочитанія у разныхъ, а особливо невѣжественныхъ народовъ“. Въ этомъ разсужденіи Аничковъ высказалъ нѣсколько мыслей, противныхъ истинамъ религіи. По какому-то недосмотру факультетской цензуры диссертація была напечатана. Профессора университета, въ засѣданіи конференціи, торжественно объявили, что они протестуютъ противъ мнѣній, изложенныхъ въ этомъ разсужденіи. По донесенію протоіерея Петра Алексѣева, экземпляры этого сочиненія были отобраны и, по распоряженію начальства, публично сожжены палачомъ на лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ, а диссертація, съ исправленіями автора, вновь отпечатана. Въ исправленномъ экземплярѣ авторъ дѣлаетъ оговорку, что слова его относятся исключительно къ языческимъ религіямъ и не имѣютъ никакого отношенія къ дѣйствительно-божественному происхожденію христіанства. Но каѳедры ординарнаго профессора Аничковъ не получилъ до 1771 г., несмотря на неоднократныя представленія конференціи. Изъ математическихъ трудевъ Аничкова можно указать на курсъ чистой математики, изданный имъ сперва въ 1764 г. и заключающій въ себѣ (въ переводѣ съ латинскихъ учебниковъ Вейдлера) „алгебру или аналитику специозу“, „геометрію“, „теоретическую и практическую ариѳметику“ и „плоскую тригонометрію“. Впослѣдствіи, съ 1780 по 1787 г., Аничковъ, постоянно исправляя и дополняя этотъ курсъ, издалъ свой собственный въ четырехъ частяхъ. Его руководство, при совершенномъ почти отсутствіи другихъ на русскомъ языкѣ, имѣло въ свое время большое значеніе, что̀ доказывается появленіемъ многихъ изданій его книгъ и въ особенности ариѳметики. Въ дополненіе къ курсу математики, въ 1787 г. Аничковъ издалъ „Начальныя основанія фортификаціи или военной архитектуры“. По философіи Аничковъ въ 1782 г. напечаталъ сочиненіе „Annotationes in logicam, metaphisicam et cosmologiam“, служащее толкованіемъ и вмѣстѣ дополненіемъ къ трудамъ Ф. Баумейстера по этому предмету. Сверхъ того, есть нѣсколько напечатанныхъ ученыхъ разсужденій и торжественныхъ рѣчей Аничкова, читанныхъ имъ въ собраніяхъ московскаго университета, а также сочиненія и переводы, помѣщенные въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Перечень трудовъ Аничкова, за исключеніемъ статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, находятся въ словаряхъ: Геннади (32 стр.); митрополита Евгенія, изд. 1838 г. Снегирева (стр. 12—15, и Венгерова (т. I, стр. 577—579). Современные отзывы о сочиненіяхъ Аничкова по математикѣ помѣщены: объ ариѳмеликѣ—въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ», изд. Академіи Наукъ (декабрь 1764 г., стр. 550) и библіографическое свѣдѣніе о геометріи—въ «Russische Bibliothek» von Bacmeister (т. V, стр. 394). Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Акад.», I, 200—202.—Шевыревъ, «Исторія Моск. унив.», 135 и 142 стр.—Смирновъ, «Исторія Троицкой-лавр. семинар,» 1867 г., стр. 522.—Словари: Геннади, 32 стр.,—Ефрона, II, 786 стр.,—Березина, 61. — Толля, 119, — Клюшникова 111, — русск. уч. и лит., т. IV, стр. 404—405, статья В. Буняковскаго,—Венгерова, т. I, стр. 577—579, — Московскихъ професс. и преподав., ч. I, 5—9, Бантышъ-Каменскаго, изд. 1836 г., ч. I, 44—45, и митр. Евгенія изд. 1838 г. Снегирева, стр. 12—15.—Матеріалы для исторіи русской литер., изд. Ефремова 1867 г. — Новиковъ, «Опытъ историч. слов.», стр. 12.—Межовъ, «Историч. библіографія», II, 14.334 и III, 34.969.

Аничковъ, *Николай Адріановичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1809 г., ум. 3-го марта 1892 года. Происходилъ изъ московскихъ дворянъ и, по окончаніи въ 1827 г. курса въ Московскомъ университетѣ, служилъ нѣкоторое время по выборамъ московскаго дворянства. Въ 1828 г.

Аничковъ поступилъ на службу въ департаментъ внѣшней торговли (нынѣ таможенныхъ сборовъ) Министерства Финансовъ, но вскорѣ перешелъ въ департаментъ удѣловъ, а въ 1832 году назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ по морской части. Только въ 1834 году Аничковъ, послѣ непродолжительной отставки, нашелъ свое дѣйствительное призваніе, поступивъ въ азіятскій департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1838 году онъ уѣхалъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризъ и съ тѣхъ поръ дѣятельность его до отставки сосредоточилась въ Персіи. Произведенный въ 1852 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Аничковъ черезъ два года послѣ этого сталъ управлять русскою миссею въ Тегеранѣ, а черезъ четыре—назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Дворѣ шаха персидскаго. Аничковъ принадлежалъ къ числу опытныхъ и искусныхъ русскихъ дипломатовъ. Во время войны 1853—56 годовъ онъ съ большимъ умѣньемъ парализовалъ агитаторскую дѣятельность въ Персіи англичанъ, уговаривавшихъ шаха примкнуть къ туркамъ и дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ русскихъ. Благодаря твердому и рѣшительному характеру Аничкова, персы удержали разныя мелкія племена отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ и помогли сосредоточить русскія войска въ Малой Азіи. Взятіе Карса явилось отчасти результатомъ нашихъ дипломатическихъ отношеній съ Персіею. Въ 1861 году Аничковъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1863 г., по болѣзни, уволенъ въ отставку.

Некрологи: «Новое Время», отъ 5-го марта 1892 г., № 5753 и «Новости» отъ того же числа.

Аничковъ-Платоновъ, *Иванъ Николаевичъ*, ум. въ 1864 г., въ санѣ священника при церкви Космы и Даміана, въ Шубинѣ. По окончаніи курса въ Московской семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной академіи (1838—1842) первымъ магистромъ, въ теченіе 12 лѣтъ занималъ въ ней каѳедру церковнаго краснорѣчія и церковнаго права (съ 1842 г. въ качествѣ баккалавра, а съ 1848—экстраординарнаго профессора). Въ 1849 г. Аничковъ-Платоновъ рукоположенъ во священника, съ причисленіемъ къ московскому Архангельскому собору, а въ 1854—оставилъ академію. По словамъ ея историка, С. К. Смирнова, Аничковъ „обладалъ отличнымъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, былъ весьма начитанъ и, надѣленный обширною памятью, сообщалъ интересъ своимъ лекціямъ разнообразными эпизодическими разсказами, соприкосновенными съ предметомъ его чтеній". Не мало труда потрачено Аничковымъ на созданіе самостоятельнаго курса церковнаго права —науки, въ то время совсѣмъ не разработанной. При обширныхъ познаніяхъ, трудолюбіи и энергіи, онъ удачно справился со своей задачей и составилъ курсъ по обширной программѣ. Печатные труды Аничкова: „Разсужденіе о крестныхъ ходахъ православной церкви" (1842), «О благословеніяхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ» (1848), „О смерти и состояніи душъ по разлученіи отъ тѣлъ", „Chrestomathia latina" (1861 г., 3 части, составлена вмѣстѣ съ А. Ѳ. Кирьяковымъ) „О подражаніи пресвятой Дѣвѣ Маріи" (1849, пер. съ французскаго).

С. Смирновъ, «Исторія московской духовной академіи», стр. 34, 35, 44, 45, 240, 399—400 и 550. — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 580, и «Русскія книги», Спб., 1896 г. вып. VII, стр. 306.

Анке, *Николай Богдановичъ*, профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ фармакологіи, общей терапіи и токсикологіи, тайный совѣтникъ, род. въ Москвѣ, въ купеческой семьѣ, 6-го декабря 1803 г., ум. въ томъ же городѣ 17-го декабря 1872 г. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ своихъ родителей, а затѣмъ, подъ руководствомъ дяди, пастора Гейдеке, въ московскомъ училищѣ св. Михаила, находившемся при лютеранской церкви. Въ 1818 г. Анке поступилъ въ дерптскую (нынѣ юрьевскую) гимназію, а въ 1821 г. былъ зачисленъ студентомъ медицинскаго факультета Московскаго университета, но черезъ два года перешелъ на тотъ же факультетъ Дерптскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1827 г. Въ продолженіе университетскаго курса Анке много занимался также и предметами филологическаго факультета. Въ 1832 г. онъ блестяще защитилъ диссертацію, подъ заглавіемъ: „De vitiis nonnullis rarioribus cordis observationes quaedam", за которую получилъ степень доктора медицины. Обширныя медицинскія познанія, выдающіяся

способности и самоотверженіе молодого врача обратили вниманіе графа С. Гр. Строганова въ 1831 г., въ Ригѣ, гдѣ Анке находился въ числѣ врачей, приглашенныхъ для борьбы съ холерою, свирѣпствовавшей съ ужасною силою. Внимательно слѣдя за ходомъ эпидеміи, онъ въ то же время изучалъ надъ выздоравливавшими и послѣдствія холерныхъ заболѣваній; результатомъ его изслѣдованій явилось весьма любопытное сообщеніе, сдѣланное имъ въ обществѣ рижскихъ врачей, „Ueber die Nachkrankheiten der Cholera", помѣщенное въ протоколахъ общества за 1831 г. Въ январѣ 1833 г. Анке переселился въ Москву, гдѣ поступилъ на службу палатнымъ ординаторомъ Голицынской больницы. Въ 1835 г. графъ С. Гр. Строгановъ, бывшій въ это время попечителемъ московскаго учебнаго округа, случайно узнавъ, что Анке въ Москвѣ, пригласилъ его занять каѳедру фармакологіи и общей терапіи. Опредѣленный 31-го декабря того же года въ Московскій университетъ адъюнктомъ, Анке въ 1838 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1845—ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ лекцій въ университетѣ, онъ преподавалъ (съ 1-го августа 1840 по 27-е сентября 1843 г.) фармакологію и токсикологію въ бывшей Московской медико-хирургической академіи, а съ 24-го января 1848 г. занималъ должность инспектора надъ всѣми московскими частными учебными заведеніями. Лекціи Анке посѣщались студентами весьма охотно, благодаря живому, увлекательному изложенію, сопровождавшемуся наглядными опытами лекціи по токсикологіи, читанныя имъ для врачей въ 1848 г., также заключались, главнымъ образомъ, въ опытахъ, производившихся въ присутствіи многочисленнаго собранія врачей и студентовъ; большинство изъ этихъ лекцій напечатаны въ извлеченіи въ томъ же году въ „Московскомъ врачебномъ журналѣ". Съ 1850 по 1858 г. Анке состоялъ деканомъ медицинскаго факультета. По своимъ обширнымъ и разностороннимъ познаніямъ, онъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ русскихъ врачей своего времени. Получивъ основательное классическое образованіе и вполнѣ владѣя латинскимъ языкомъ, Анке первое время читалъ лекціи по формакологіи и терапіи на этомъ языкѣ; имъ же составленъ для врачей и студентовъ греко-латинскій медицинскій словарь; не менѣе любопытны въ филологическомъ отношеніи его ученыя записки, подъ заглавіемъ: „Philologisch-medicinische Bemerkungen", появившіяся въ Москвѣ въ 1846 г. Его основательное знакомство съ химіею наглядно видно изъ обширнаго изслѣдованія о ціанистой кислотѣ и ея соединеніяхъ, напечатаннаго въ С.-Петербургѣ, въ „Pharm. Centralblatt" за 1844 г. подъ заглавіемъ „Ueber Blausäure und ihre Verbindungen". Изъ медицинскихъ трудовъ Анке наиболѣе замѣчательны: „Beiträge zur Lehre von der Blutbewegung in den Venen, dem Venenpulse und der Abdominal-pulsation" (Москва, 1835); „De Cornelio Celso quaestiones quaedam" (Москва, 1840); „De Hippocratis praeceptis nostra aetate valentibus" (Москва, 1847). Съ 1845 г. Анке вмѣстѣ съ двумя другими врачами, Блюменталемъ и Левестамомъ, издавалъ заграницею (въ Лейпцигѣ) журналъ: „Mittheilungen aus dem Gebiete der Heilkunde", въ которомъ, между прочимъ, помѣщена превосходная статья его: „Ueber den Antagonismus zwischen den Lungen und den weiblichen Sexualorganen". Съ 1850 г., всѣ его труды, издававшіеся въ Россіи, печатались почти исключительно на русскомъ языкѣ; изъ нихъ наиболѣе цѣнны въ научномъ отношеніи два: 1) „О различіи между ломотной лихорадкой и острымъ ревматизмомъ, со вступительнымъ обзоромъ ломоты и ревматизмовъ вообще" (Москва, 1850 г.) и 2) „Замѣчанія объ эпидемической дифтеритической жабѣ" (напеч. въ „Москов. врачебн. журн." за 1853 г.). Въ 1856 г. въ „Моск. врачебн. журн." была помѣщена его рѣчь, подъ заглавіемъ „Dii festi atque solennis, quo Alexander II Augustissimus omnium rossiarum Imperator ac Dominus noster clementissimus diadema Caesareum induit, gtatulatio, quam in maximo universitatis mosquensis auditorio, die 31, mens. augusto anni 1856 oratione". Огромная услуга, оказанная Анке русской медицинѣ, заключается въ слѣдующемъ. До его деканства Московскій университетъ относился чрезвычайно строго къ врачамъ, искавшимъ степени доктора медицины, между тѣмъ какъ бывшій Дерптскій университетъ давалъ эту ученую степень своимъ воспитанникамъ довольно легко, выдвигая ихъ, такимъ образомъ, на высшія

медицинскія должности въ Имперіи и тѣмъ способствуя значительному преобладанію среди врачей нѣмецкаго элемента надъ русскимъ. Анке неоднократно указывалъ ненормальность подобныхъ условій и принялъ мѣры къ ихъ устраненію. Благодаря ему, многіе русскіе врачи достигли такихъ должностей, о которыхъ при прежнихъ условіяхъ и думать не могли. Продолжительныя и усидчивыя занятія расшатали здоровье Анке, и въ 1863 г. онъ принужденъ былъ оставить университетъ; вскорѣ его назначили медицинскимъ инспекторомъ всѣхъ учрежденій Императрицы Маріи и въ этой должности онъ пробылъ до весны 1872 г., когда серьезная болѣзнь заставила его окончательно отказаться отъ всякихъ занятій и унесла его въ могилу къ концу того же года. Анке состоялъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ; послѣдній годъ жизни онъ провелъ въ крайней бѣдности и похороненъ на средства своихъ друзей. По общему отзыву біографовъ, Анке всю жизнь трудился для другихъ, ничего не оставивъ для себя.

«Медицин. Вѣстникъ», № 23, 1872 г.. 3-го іюня («Прощальный обѣдъ въ честь Анке»).—«Энциклоп. Слов., сост. русск. уч. и лит.», Спб., 1862, т. IV.—«Моск. Медиц. Газ.», № 2, 1873 г., (некрологъ).—«Спб. Вѣд.», № 352, 1872 г. (некрологъ).—«Моск. Вѣд.», № 323, 1872 г. (некрологъ).—«Русск. Арх.», № 12, 1874 г., стр. 1098.—«Слов. проф. моск. унив.», ч. I, стр. 9—12.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. Слов.», т. I, стр. 580—581.

Л. В.

Анкидиновы, иконописцы XVII в.:

1) *Иванъ*, дьячекъ Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря, посылался въ 1664 г., вмѣстѣ съ другими иконописцами оружейной палаты, на дворъ боярина Н. И. Романова для писанія иконъ, и

2) *Өедоръ*, состоявшій знаменщикомъ при Серебряной палатѣ въ 1676—1682 гг.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр 185.

Анкидиновъ, *Иванъ*, раскольникъ поморскаго согласія, славившійся у поморцевъ начитанностью, краснорѣчіемъ и строгостью жизни. Родомъ былъ изъ Ростова, долгое время жилъ въ выгорѣцкомъ скиту при Андреѣ Денисовѣ, а затѣмъ (послѣ 1723 г.) на Печорѣ и Мезени у поморянъ. 7-го декабря 1744 г. онъ, вмѣстѣ съ 86-ю другими раскольниками и раскольницами, сгорѣлъ на Мезени въ скиту, имъ самимъ подожженномъ, вслѣдствіе нежеланія сдаваться солдатамъ, посланнымъ по требованію холмогорскаго епископа Варсонофія. Въ концѣ сказанія о пострадавшихъ на Мезени приложена исповѣдь Анкидинова, которую онъ писалъ „близь сущій вратъ смертныхъ“.

«Энциклоп. словарь, составл. русск. учен. и литер.», т. IV, стр. 409—10 (статья Н. Я. Аристова).

Анкудиновъ, *Герасимъ*, сибирскій казачій десятникъ, въ 1647—1649 г. съ купцомъ промышленникомъ Өедотомъ Алексѣевымъ и Семеномъ Ивановичемъ *Дежневымъ* (см. это слово) казакомъ, какъ и онъ, на нѣсколькихъ *кочахъ* (сѣверносибирскихъ судахъ) проплылъ изъ р. Анадыра въ Ледовитое море. Слѣдуя вдоль берега, Анкудиновъ доплылъ къ востоку до Чукотскаго мыса. Волненіемъ разбило *кочу*, такъ что ему и Алексѣеву пришлось искать убѣжища въ юртахъ коряковъ. Живя здѣсь, Анкудиновъ и его спутники погибли отъ скорбута.

«Sammlung Russischer Geschichte» Band. III. 8—10 и 17.

Анкудиновъ, *Тимошка*, одиннадцатый самозванецъ, называвшій себя то сыномъ, то внукомъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, княземъ Иваномъ Шуйскимъ, род. въ Вологдѣ въ 1617 г., четвертованъ въ Москвѣ, въ 1653 г. Сынъ богатаго стрѣльца, торговавшаго холстами, Анкудиновъ получилъ по своему состоянію довольно тщательное воспитаніе и женился на внучкѣ вологодскаго архіерея Варлаама. Ведя безпорядочную и разгульную жизнь и промотавъ все женино приданое, Анкудиновъ отправился искать счастья въ Москву. Получивъ здѣсь мѣсто подъячаго въ Новой Чети, онъ подружился съ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ, тоже подъячимъ Константиномъ Конюховымъ и продолжалъ прежній образъ жизни. Надѣлавъ неоплатныхъ долговъ и предвидя неизбѣжное тюремное заключеніе съ мучительнымъ правежомъ, друзья, ограбивъ царскую казну на двѣсти рублей, рѣшили (въ 1643 г.) искать спасенія отъ суда и смертной казни въ бѣгствѣ. Въ ночь предъ этимъ Анкудиновъ поджегъ свой собственный домъ, изъ котораго предварительно „отвезъ на дворъ къ Ивану Пескову“ малолѣтнихъ сына и дочь, но въ которомъ оставилъ въ жертву пламени свою жену. Задумавъ бѣжать въ Литву, Анкудиновъ и Конюховъ

черезъ Тулу направились въ порубежные города. Достигнувъ проселочными дорогами Новгородъ-Сѣверска, бѣглецы отсюда проникли въ Краковъ, гдѣ Анкудиновъ былъ представленъ польскому королю Владиславу подъ именемъ Ивана Каразейскаго, воеводы вологодскаго и намѣстника великопермскаго; Конюховъ назвался его слугою, передѣлавъ свою фамилію на „Конюховскій". Изъ Литвы самозванецъ со своимъ слугою отправились черезъ Галицію, Молдавію и Валахію въ Константинополь, гдѣ Анкудиновъ сталъ выдавать себя за „государскаго сына Шуйскаго" (1646 г.). Въ судьбѣ его на первыхъ порахъ принялъ участіе великій визирь, повѣрившій грамотѣ „вора Тимошки", въ которой значилось, что онъ, будто бы, сынъ царя Василія, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ ему въ удѣлъ Пермь Великую съ пригородами, но что жить тамъ ему наскучило и онъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ посаженъ подъ стражу и освобожденъ только благодаря приверженцамъ царя Василія Шуйскаго; что молдавскій воевода Василій ограбилъ его и хотѣлъ убить, и пр. Самозванецъ просилъ визиря, чтобы султанъ далъ ему ратныхъ людей и велѣлъ идти „на московскія украйны",увѣрялъ при этомъ, что „русскіе люди противъ него стоять не будутъ" и что султанъ пріобрѣтетъ Астрахань съ пригородами. Визирь помѣстилъ Анкудинова въ своемъ дворцѣ, назначилъ приличное содержаніе и обѣщалъ доложить султану, но вскорѣ охладѣлъ къ нему, лишилъ таима, выгналъ со двора и сталъ водить одними обѣщаніями. Этому способствовали находившіеся въ Константинополѣ московскіе послы, стольникъ Телепневъ и дьякъ Кузовлевъ, обнаружившіе самозванство Анкудинова явными уликами. Соскучившись жить въ Царьградѣ, самозванецъ два раза неудачно пытался бѣжать—сначала въ Молдавію, а затѣмъ на Аѳонскую гору, и послѣ второго побѣга долженъ былъ согласиться на обрѣзаніе и посаженъ подъ стражу. Третья попытка оказалась удачнѣе: Анкудиновъ и Конюховъ бѣжали въ Римъ, гдѣ самозванецъ „сакраментъ принималъ"; изъ Рима они отправились, какъ объяснялъ впослѣдствіи у пытки Конюховъ, „на Венецію и на Седмиградскую Землю и на иныя государства, и пришли въ Запороги къ гетману Богдану Хмельницкому" (1649 г.). Проживъ нѣсколько времени въ Чигиринѣ, Анкудиновъ узналъ планы Хмельницкаго и упросилъ гетмана отправить его въ Трансильванію, къ воеводѣ Георгію Рагоцци, чрезъ котораго Хмельницкій намѣревался вступить въ союзъ съ Швеціею для рѣшительной борьбы съ Польшей. Получивъ повелѣніе польскаго короля немедленно выдать московскимъ посламъ самозванца съ его слугою, Хмельницкій рѣшилъ дѣйствовать хитростью, и то говорилъ, что Анкудинова на Украйнѣ нѣтъ, а между тѣмъ переводилъ его изъ Лубенъ въ Кіевъ, а изъ Кіева въ Черкасы; то замѣчалъ: „У насъ здѣсь то же, что на Дону: кто откуда ни пріѣдетъ—выдачи нѣтъ. Только я, уповая на Бога и помня царскую милость, вора Тимошку къ государю пришлю съ своими посланцами; созову всѣхъ полковниковъ и старшихъ и, договорясь съ ними, пришлю подлинно". Давъ присланному отъ царя дворянину Петру Протасьеву поимочный листъ, Хмельницкій снабдилъ и самозванца грамотою и особымъ рекомендательнымъ письмомъ къ воеводѣ Рагоцци. Явившись въ Трансильванію, Анкудиновъ вскорѣ былъ отправленъ въ Стокгольмъ посланникомъ отъ Рагоцци по гетманскимъ дѣламъ. Снискавъ въ Швеціи (1651 г.) покровительство государственнаго канцлера Оксенстіерна и дружбу секретаря иностранныхъ дѣлъ Розенлиндта, самозванецъ получилъ аудіенцію у королевы, представилъ ей вѣрительную грамоту, удачно объяснилъ порученіе Хмельницкаго и растрогалъ кор. Христину разсказомъ о всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ, перенесенныхъ въ незаслуженномъ изгнаніи изъ отечества. Въ продолженіе трехмѣсячнаго открытаго пребыванія Анкудинова въ Стокгольмѣ и почти двухлѣтняго укрывательства въ разныхъ городахъ Эстляндіи, Оксенстіернъ и Розенлиндтъ усердно защищали самозванца отъ настойчивыхъ требованій о выдачѣ его русскому правительству. Гонецъ за гонцомъ отправлялись изъ Москвы ко Двору шведскому съ грамотами, въ которыхъ подробно описывались всѣ воровскія дѣла Тимошки и сообщника его Конюховскаго, но ничто не помогало. Наконецъ, въ 1652 г. русскому посланцу дворянину Челищеву въ Ревелѣ былъ выданъ Конюховъ, привезенъ въ маѣ въ Москву и подвергнутъ пыткѣ. Анкудиновъ же убѣжалъ изъ Ревеля въ Голштинію. Гер-

цогъ Фридрихъ согласился выдать его въ обмѣнъ на несостоявшійся договоръ о позволеніи Голштиніи торговать съ Персіей и Индіей черезъ Русскія владѣнія, заключенный въ 1634 г. Крузіусомъ и Брюгеманомъ помимо герцогскаго наказа и повлекшій за собою казнь Брюгемана, а также на всѣ подлинныя письма, касавшіяся „до персидскаго дѣла". По дорогѣ въ Москву Анкудиновъ хотѣлъ лишить себя жизни. Послѣ застѣнка (28-го декабря 1653 г.) и очной ставки съ матерью, монахинею Степанидою, самозванецъ былъ четвертованъ.

«Дополненія къ Актамъ Историческимъ», III, стр. 261—263 и 263 — 264; VI, стр. 419—427 (№ 138).—«Финскій Вѣстникъ», т. 13 и 14 (январь и февраль 1847), статья гельсингфорскаго профессора С. В. Соловьева «Тимошка Анкидиновъ (XI самозванецъ)». — С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. товарищества «Общественная польза», II, стр. 1497—1500, 1601—1608, 1644—1648; пытка и казнь—1648,1649. С.М. Соловьевъ пишетъ *Акундиновъ*. Здѣсь принято правописаніе «Дополненій къ актамъ», въ которыхъ повсюду самозванецъ называется *Анкудиновымъ*. *С. Тр.*

Анкудовичъ, *Викентій Александровичъ*, экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ математики и преподаватель въ артиллерійскомъ училищѣ, род. въ 1792 г., въ Кіевской губерніи, ум. въ 1855 или 1856 г. Происходилъ отъ польскихъ шляхтичей. Въ 1811 г. поступилъ студентомъ въ главный педагогическій институтъ и, по окончаніи курса наукъ въ 1816 г., оставленъ въ немъ преподавателемъ математики. Съ открытіемъ С.-петербургскаго университета, Анкудовичъ (съ 1819 г.) преподавалъ тамъ математику, сначала въ званіи лектора, а съ 1831 г. въ званіи экстраординарнаго профессора. Анкудовичъ оставался въ университетѣ до 1847 г. и читалъ постоянно: дифференціальное, интегральное, варіаціонное исчисленія и исчисленіе конечныхъ разностей, руководствуясь сочиненіями Коши, а потомъ Лакруа и Дюгамеля. Сверхъ того, съ 1837—38 акад. года сталъ читать новый для университета предметъ — теорію вѣроятностей по Лапласу и Пуассону; а въ 1846 — 1847 акад. году, за выходомъ изъ университета профессора Д. С. Чижова, читалъ еще статику или начала механики. Въ 1847 г., по выслугѣ лѣтъ, оставилъ университетъ, передавъ каѳедру математики академику Чебышеву. Съ основаніемъ артиллерійскаго училища, Анкудовичъ былъ приглашенъ туда преподавать высшую математику и механику, а впослѣдствіи и баллистику. Дифференціальное и интегральное исчисленія Анкудовичъ читалъ въ училищѣ лишь до 1837 г.; въ 1847 г. М. В. Остроградскій замѣнилъ его по каѳедрѣ аналитической механики, и съ 1847 г. по 1855 г. Анкудовичъ преподавалъ одну баллистику. Въ 1855 г. онъ покинулъ по болѣзни артиллерійское училище. Кромѣ того, онъ читалъ различныя отрасли высшей математики въ главномъ инженерномъ училищѣ и горномъ институтѣ, а съ 1843 г. по 1855 г. состоялъ членомъ артиллерійскаго отдѣленія военно-учебнаго комитета. Посвятивъ себя артиллеріи, Анкудовичъ занялся приложеніями къ ней высшей математики и написалъ первое систематическое и полное для того времени сочиненіе подъ заглавіемъ „Теорія баллистики". Спб., 1836 г. Эта книга была единственнымъ трудомъ, изданнымъ имъ отдѣльно. Нѣсколько статей, написанныхъ имъ о баллистикѣ, помѣщены въ „Артиллерійскомъ журналѣ". Изъ этихъ статей особеннаго вниманія заслуживаетъ обстоятельный разборъ любопытной метательной машины мюнхенскаго профессора Штейнгеля („Артил. журн.", 1850, № 11). Въ годъ выхода изъ университета Анкудовичъ производилъ опыты надъ баллистическимъ маятникомъ, для вычисленія начальныхъ скоростей ядеръ; сверхъ того, занимался вычисленіемъ разрушительнаго дѣйствія выстрѣловъ изъ огнестрѣльныхъ орудій на лафеты различныхъ конструкцій.

Лоранскій, «Ист. очеркъ Горнаго инст.», стр. 129.—А.Платовъ и Л. Кирпичевъ, «Ист. очеркъ образованія и развитія артилл. училища», гл. II, стр. 14—46.—Григорьевъ, «С.-Петерб. университетъ» стр. 178—179.—Межовъ. «Истор. библіогр.», т. II, 15.521 и т. III, 34.635.—Словари: Ефрона стр. 791, Геннади, стр. 33, Толля, I, 120, русск. учен. и литер., IV. 413, ст. В. Буняковскаго Края, подъ ред. Старчевскаго, I, 329. Березина II, 61, Клюшникова, ч. I, 112.

Анна, сестра византійскихъ императоровъ Василія II и Константина IX, супруга великаго князя Владиміра Святославича, ум. въ 1011 году. Послѣ взятія Корсуня, Владиміръ потребовалъ (987 г.) у греческихъ императоровъ руки ихъ сестры, грозя, въ случаѣ отказа, взять приступомъ Царьградъ. Испуганные этимъ требованіемъ, Василій и Константинъ согласились на бракъ, но подъ условіемъ, чтобы Вла-

димiръ предварительно крестился. „Пусть тѣ священники,—отвѣтилъ великiй князь,—которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня“. Съ большою неохотою отправилась моремъ царевна Анна въ Корсунь, гдѣ торжественно встрѣчена жителями. Великiй князь въ это время сильно разболѣлся глазами. Царевна посовѣтовала ему креститься, чтобы исцѣлиться отъ болѣзни. Владимiръ исполнилъ желанiе своей невѣсты и внезапно прозрѣлъ, какъ гласитъ преданiе. Послѣ этого былъ совершенъ бракъ великаго князя съ царевною Анною, и новобрачные отправились въ Кiевъ крестить народъ русскiй. Корсунь была отдана Владимiромъ назадъ грекамъ въ вѣно за жену свою. Въ лѣтописи говорится, что царевна Анна была шестою женою великаго князя Владимiра и что отъ нея родилась дочь Марiя, вышедшая замужъ за польскаго короля Казимира.

«Полное Собр. Русс. Лѣтописей» (по указателю).—Карамзинъ,« Исторiя Государства Россiйскаго», т. I, стр. 145—146, изд. 1892 г., подъ ред. П. Н. Полеваго. -- С. Соловьевъ, «Исторiя Россiи», I, стр. 167 и 192, изд. товарищества «Общественная польза».

Анна, великая княгиня, святая, до постриженiя *Ирина*, въ язычествѣ *Ингигерда*, супруга великаго князя Ярослава I Мудраго, дочь шведскаго короля Олафа, преставилась 10-го февраля 1051 г. Она была первою на Руси инокинею изъ княжескаго рода. Постриглась предъ кончиною, въ Новгородѣ, куда переселилась изъ Кiева и гдѣ провела послѣднее время своей жизни. Мощи ея открыто почиваютъ въ Новгородскомъ Софiйскомъ соборѣ; память ея совершается 10-го февраля и 4-го октября. Послѣднее празднованiе памяти св. Анны установилъ, въ 1439 г., новгородскiй архiепископъ Евѳимiй, украсившiй гробъ ея. Макарiй, митрополитъ новгородскiй (въ 1663 г.), перенесъ мощи св. Анны изъ Корсунской паперти въ соборную церковь св. Софiи и положилъ на лѣвой сторонѣ, у сѣверныхъ дверей, въ новой ракѣ.

«Полное Собр. Рус. Лѣт.», I, 67; III, 113, 183, 192 и 239; IV, 222.—Филаретъ, «Русскiе святые», отд. 3-е, стр. 193—194, подъ 4-мъ октября.—Кн. Эристовъ, «Словарь историческiй о святыхъ», изд. 2-е, стр. 22—23.—Н. П. Барсуковъ, «Источники русской агiографiи», стр, 41.

Анна Алексѣевна, царица изъ рода дворянъ *Колтовскихъ*, четвертая жена царя Iоанна Грознаго. Въ „Соборномъ опредѣленiи“ (29-го апрѣля 1572 г.), которымъ этотъ бракъ разрѣшенъ, послѣ его совершенiя, говорилось, что архiепископы и епископы проливали слезы, болѣзнуя о винѣ и виновномъ, читали уставъ вселенскихъ соборовъ, разсуждали и положили утвердить бракъ, ради теплаго, умильнаго покаянiя Государева, съ заповѣдью: не входить въ храмъ до Пасхи и только въ этотъ день причаститься Св. Таинъ, годъ стоять въ церкви съ „припадающими“, годъ съ „вѣрными“ и вкушать антидоръ только въ праздники. Въ случаѣ войны, царь освобождался отъ эпитимiи: архiереи и весь соборъ принимали ее на себя. Чтобы беззаконiе царя не было соблазномъ для народа, соборъ грозилъ проклятiемъ всякому, кто дерзнетъ вступить въ четвертый бракъ. Царица Анна вскорѣ, однако, утратила расположенiе супруга: въ 1575 г. она должна была отказаться отъ свѣта и постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, съ именемъ Дарьи. Она скончалась 5-го апрѣля 1626 или 1627 г., принявъ предъ кончиною схиму. Въ единственномъ духовномъ завѣщанiи Iоанна Грознаго, относящемся къ 1572 г., Аннѣ Алексѣевнѣ назначался въ удѣлъ городъ Ростовъ „съ волостми и съ пустми, и съ селы и со всѣми пошлинами“ и 14 разныхъ селъ „съ деревнями и со всѣми угодьями“. Сохранились жалованныя грамоты „старицѣ царицѣ и великой княгинѣ Дарьѣ“, отъ 1586, 1604, 1614, 1616 и 1626 годовъ на разныя села съ деревнями, пашнями, пустошами и покосами.

Акты археогр. экспедицiи, т. I, стр. 329—333. —Дополненiя къ актамъ историческимъ, I, стр. 383.—Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. III, стр. 165, 170, 171 и 174.—Карамзинъ, «Исторiя Государства Россiйскаго», т. IX, стр. 123, изд. 1892 г., подъ ред. П. Н. Полеваго.—Соловьевъ, «Исторiя Россiи», т. VII, гл. 7, стр. 322, изд. товарищества «Обществ. Польза». *С. Тр.*

Анна *Васильчикова*, пятая жена царя Iоанна Грознаго съ 1575 г. Карамзинъ пишетъ: „Не знаемъ, далъ-ли онъ ей имя царицы, торжественно-ли вѣнчался съ нею: ибо въ описанiи его бракосочетанiй нѣтъ сего *пятаго*; не видимъ также никого изъ ея родственниковъ при Дворѣ, въ чинахъ, между царскими людьми ближними. Она схоронена въ Суздальской Дѣвичьей обители тамъ, гдѣ лежитъ и Соломонiя“. На этотъ пятый бракъ, равно

какъ и на послѣдующіе, Іоаннъ Грозный не испрашивалъ уже благословенія епископовъ и церковнаго разрѣшенія.

Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», т. IX, стр. 172.

Анна Васильевна, великая княгиня рязанская, младшая дочь великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго, род въ Москвѣ въ 1451 г., ум. въ Рязани въ апрѣлѣ, на Пасхѣ 1501 г. Въ дѣтствѣ Аннѣ Васильевнѣ пришлось испытать много горя, вслѣдствіе суроваго, жестокаго и крайне властолюбиваго характера ея отца, ослѣпленнаго лѣтъ за пять до ея рожденія. Ея мать, рожденная княжна Боровская, Марія Ярославовна питала къ ней больше любви, чѣмъ къ другимъ своимъ дѣтямъ. Въ 1462 г. скончался великій князь Василій Темный, и московскій престолъ по завѣщанію, перешелъ къ сыну его, Іоанну III. Въ силу этого же завѣщанія Іоанну поручалось заботиться о матери-вдовѣ и младшей сестрѣ, почему Марія Ярославовна съ Анною Васильевною, послѣ кончины Василія Темнаго, остались жить въ московскихъ великокняжескихъ палатахъ. Унаслѣдовавъ отъ отца обширный умъ, властолюбіе и настойчивость, Анна Васильевна рано научилась скрывать свои намѣренія и подчинять своему вліянію другихъ. Когда въ 1456 г., скончался послѣдній изъ самостоятельныхъ великихъ князей Рязанскихъ—Иванъ Ѳедоровичъ, то онъ завѣщалъ другу своему Василію Темному временное управленіе его удѣломъ и воспитаніе своихъ дѣтей, восьмилѣтняго сына Василія и дочери Ѳеодосіи, до ихъ совершеннолѣтія. Но лишь только скончался князь Иванъ Рязанскій, какъ его мнимый другъ, властолюбивый великій князь московскій Василій перевезъ его дѣтей къ себѣ въ Москву, а въ Рязань отправилъ своихъ воеводъ, твердо рѣшивъ навсегда подчинить Рязанское удѣльное княжество. Это рѣшеніе свое, Москвѣ вмѣстѣ съ московскимъ престоломъ и дѣтьми Ивана Ѳедоровича Рязанскаго, Василій Темный, умирая, передалъ своему наслѣднику Іоанну III. Такимъ образомъ Анна Васильевна воспитывалась у брата вмѣстѣ съ наслѣдникомъ рязанскаго престола, малолѣтнимъ княземъ Василіемъ. Слѣдствіемъ совмѣстнаго воспитанія была сильная привязанность дѣтей другъ къ другу. Поэтому, когда дѣти подросли у вдовствовавшей великой княгини Маріи Ярославовны явилась мысль выдать замужъ любимую дочь за князя Василія. Для этого она употребила все свое вліяніе на сына, чтобы уговорить его на время отсрочить присоединеніе Рязанскаго княжества къ Москвѣ ради сестры его. Убѣжденный доводами, что ему, великому князю московскому, не подобаетъ родниться съ служилымъ бояриномъ-княземъ, когда есть возможность выдать сестру за князя удѣльнаго, Іоаннъ III согласился и—неожиданно для всѣхъ—отпустилъ, лѣтомъ 1464 г., 16-ти-лѣтняго князя Василія въ Рязань, на самостоятельное княженіе. Но уже зимою того же года князь Василій вернулся въ Москву, чтобы жениться на княжнѣ Аннѣ Васильевнѣ. Обвѣнчавшись, новобрачные вернулись въ Рязань. Пока былъ живъ ея мужъ, Анна Васильевна, какъ казалось, никакого участія въ дѣлахъ княженія не принимала. Въ 1467 г. она родила сына, Ивана, и съ тѣхъ поръ она, повидимому, всецѣло посвятила себя его воспитанію. Она ничѣмъ не высказала своего огорченія, когда Москва, пользуясь чрезмѣрною уступчивостью ея мужа, дважды при жизни послѣдняго присоединяла къ себѣ части Рязанскаго княжества. Но еще задолго до кончины мужа, Анна подготовила себѣ людей и средства, чтобы вернуть рязанскому престолу его прежній блескъ и независимость и заботилась только о томъ, чтобы раньше времени не обнаружить свои замыслы и не возбудить къ себѣ недовѣріе въ своемъ братѣ. Между тѣмъ, въ январѣ 1483 г., во время обѣдни, скончался въ церкви мужъ ея—Василій Ивановичъ, 35-ти лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ двухъ сыновей: Ивана, 16-ти лѣтъ, и Ѳедора. Подъ предлогомъ несовершеннолѣтія своего сына Ивана, великая княгиня Анна приняла на себя управленіе княжествомъ и повела дѣло такъ искусно, что въ скоромъ времени оно значительно расширило свои предѣлы и достигло весьма цвѣтущаго состоянія. Частыми поѣздками въ Москву Анна Васильевна такъ расположила къ себѣ брата, что тотъ согласился на присоединеніе Пронскаго удѣла къ Рязани. Но этимъ княгиня Анна не ограничилась. Къ югу отъ этого княжества тянулась незаселенная, безбрежная „Рязанская украйна“, изстари служившая поводомъ къ спорамъ между Москвою и Ря-

занью, хотя въ дѣйствительности громадныя придонскія степи, занятыя кочевниками, не принадлежали ни той, ни другой. Будучи отрѣзана отъ этихъ степей Рязанскимъ княжествомъ, Москва не могла ихъ заселять, но въ своихъ договорахъ обязала Рязань не заселять, т.-е. не расширять своихъ границъ къ югу, и строго слѣдила за исполненіемъ этого обязательства. Между тѣмъ, втайнѣ отъ Москвы, въ теченіе многихъ лѣтъ, эти степи заселялись и притомъ такъ энергично и съ такимъ успѣхомъ, что если бы смерть Анны Васильевны не прекратила колонизаціи, — дальнѣйшая судьба Рязанскаго княжества могла быть совсѣмъ иною. Изъ недавно отысканныхъ документовъ видно, что Анна Васильевна отдавала въ вотчинное владѣніе весьма значительные участки придонскихъ степей, а на самомъ Дону, южнѣе Донкова, испомѣщала помѣстьями „рязанскихъ казаковъ“, т.-е. одновременно пріобрѣтала себѣ и землевладѣльцевъ-дворянъ, и сторожевое войско. Послѣдняя жалованная грамота, подписанная ею почти накануне смерти, показываетъ, какъ далеко въ глубь степей успѣла проникнуть ея колонизаторская дѣятельность. Это—грамота на вотчину, данная дворянину Ермолу Стерлегову, на рѣкѣ Усмани, у Попиковца. Рядомъ съ нимъ уже существовали вотчинники: Язвецовъ, Челюсткинъ, Боевъ, Щуровъ, Васильевъ, Модзалевскій и др. Послѣдніе два были поляки. Анна Васильевна принимала выходцевъ изъ всѣхъ странъ. Наиболѣе дѣятельныхъ бояръ своихъ Якова Назарьевича, Θеодора Васильевича Верхъ-деревнихъ (впослѣдствіи родъ Вердеревскихъ) и князя Волъ-Коньскаго (Волконскій) великая княгиня одарила значительными вотчинами подъ Тешевымъ (теперь г. Задонскъ) и близъ Червленнаго Яра (недалеко отъ устья Воронежа). Переселявшіеся въ степь дворяне получали право освобождать именемъ княгини отъ налоговъ на 3—7 лѣтъ тѣхъ изъ простолюдиновъ, которые соглашались оставаться въ степи навсегда. Недруги не упустили донести въ Москву о тайныхъ замыслахъ великой княгини Анны въ этомъ направленіи, но въ Москвѣ не хотѣли вѣрить извѣтамъ или, вѣрнѣе, не рѣшались дѣлать ей замѣчанія. Однако, въ августѣ 1497 г., когда неоднократные доносы усилили подозрительность Іоанна III, Анна Васильевна рѣшила лично отправиться въ Москву, чтобы разсѣять опасенія брата. По словамъ лѣтописцевъ, встрѣча ея въ Москвѣ сопровождалась съ „небывалою честью“. Самъ великій князь съ дѣтьми и боярами встрѣтилъ ее на „всполье за Болвановьемъ“, на встрѣчу выѣхала также и великая княгиня Софья (Зоя Палеологъ) съ невѣсткою Еленою. Не менѣе плодотворна была дѣятельность Анны Васильевны и по внутреннему управленію княжествомъ. Съ запада степями, а съ юга Дономъ шли въ древности черезъ Рязань въ Москву пути изъ Европы и Византіи. Проѣзжавшихъ ученыхъ и ремесленниковъ Анна Васильевна приглашала селиться въ княжествѣ. Такимъ образомъ, въ ея правленіе частью развились, частью вновь возникли разныя искусства и ремесла: иконописное, горододѣльное, пищальное, ткацкое и др. Она строила храмы, украшала существовавшіе ранѣе и заводила богадѣльни. При ней воздвигнуты храмы: во имя Іоанна Златоуста въ Переяславлѣ; во имя муч. Бориса и Глѣба въ с. Дѣдновѣ, на Окѣ и др.; пожалованы вотчины и разныя угодья Солотчинскому монастырю и пожертвована въ рязанскую соборную церковь замѣчательная по художественной отдѣлкѣ тафтяная пелена, вышитая шелкомъ, сребромъ и золотомъ съ изображеніемъ Тайной вечери. Эта пелена длиною 2 и шириною $1^1/_2$ аршина. Анна Васильевна скончалась 51 года отъ роду и похоронена въ соборной церкви Успенской (нынѣ теплой Рождественской) на лѣвой сторонѣ, рядомъ съ великою княгинею Софьею Дмитріевною, дочерью Димитрія Донского. Труды Анны Васильевны не принесли пользы ея потомству и вмѣстѣ съ нею навсегда исчезла самостоятельность Рязанскаго княжества.

Архивъ воронежскаго губернскаго статистическаго комитета.—«Ист. Росс.» В. Н. Татищева, 1784 г., ч. IV.—«Акты Зап. Росс.» I, № 50.—«Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс.», I, Макаровъ, «Замѣтки о ряз. землѣ».—«Ист. ряз. кн.» Иловайскаго.—«Историч. обозр. іерарх. Ряз. губ.» Воздвиженскаго.—«Ист. свѣд. о монаст. и церкв.» Ратшина и «Ряз. достоприм.» архим. Іеронима.

Л. Вейнбергъ.

Анна Всеволодовна, преподобная, великая княгиня, инокиня, дочь великаго князя Всеволода Ярославича, называемая въ лѣтописяхъ *Янкою*, сестра Владиміра Мономаха, род. во второй половинѣ XI

вѣка, преставилась 3-го ноября 1112 г. Княжна Анна родилась и воспиталась въ благочестивой и образованной семьѣ. Отецъ ея, великій князь Всеволодъ, по словамъ лѣтописи, „съ дѣтства любилъ Бога и правду, одѣлялъ бѣдныхъ, чтилъ епископовъ и священниковъ, особенно же черноризцевъ"; великій князь, говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ; мать была греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха, способствовавшая перенесенію въ Россіи мощей великомученицы Варвары; братъ Анны, Владиміръ Мономахъ, извѣстенъ своимъ благочестіемъ и любовью къ монашеству. Великая княжна постриглась въ 1086 г., въ монастырѣ при церкви св. Андрея въ Кіевѣ, построенной великимъ княземъ Всеволодомъ. Принявъ обитель въ свое вѣдѣніе, она употребила всѣ мѣры къ ея внѣшнему и внутреннему благоустройству. Желая познакомиться съ монастырскою жизнью на Востокѣ, она ѣздила въ 1089 г. въ тогдашнюю столицу православія—Константинополь, откуда возвратилась въ 1090 г. съ новымъ митрополитомъ, Іоанномъ-скопцомъ. Живя въ монастырѣ по всѣмъ иноческимъ правиламъ, княжна Анна привлекла къ себѣ множество монахинь. Въ 1106 г. ея примѣру послѣдовала сестра—княжна Евпраксія, тоже принявшая иночество Въ монастырѣ княжна Анна устроила первое въ Европѣ, по времени, женское училище, въ которомъ, „собравше дѣвицъ, обучала ихъ писанію, такожъ ремесламъ, пѣнію и швенію". Монастырь, гдѣ 26 лѣтъ подвизалась княжна Анна и гдѣ была погребена, долго назывался Янчинымъ. Онъ былъ разрушенъ Батыемъ.

«Полн. Собр. Русск. Лѣт.», т. I, стр. 88, 89 и 127; II, 3, 277, 289; III, 3; V, 149; VII, 4.—Филаретъ, «Русскіе святые». от. 3, стр. 301—305, подъ 3-мъ ноября.—Кн. Эристовъ, «Слов. историческій о святыхъ», изд. 2-е, стр. 23.—М. П. Барсуковъ, «Источники русской агіографіи», стр. 41.—М. Д. Хмыровъ, «Алфавитно-справочный перечень Государей русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови», Спб., 1870, стр. 11.

С. Тр.

Анна Іоанновна, всероссійская Императрица, царствовавшая съ 25-го января 1730 г. по 17-е октября 1740 г. Анна Іоанновна не принадлежитъ къ разряду тѣхъ государей, сильная личность которыхъ является иниціаторомъ въ важнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятіяхъ ихъ царствованія и направляетъ событія, неразрывно связывая съ ними свое имя. Тѣмъ не менѣе, десятилѣтнее ея царствованіе съ внѣшней стороны представлялось современникамъ какъ бы продолженіемъ славнаго царствованія Петра Великаго, какъ по внѣшней, такъ и по внутренней политикѣ. Дѣйствительно, среди западно-европейскихъ державъ Россія въ ея царствованіе не только удержала положеніе, занятое ею при первомъ Императорѣ, но еще болѣе закрѣпила его. Рѣшающее участіе въ судьбахъ Польши, укрѣпленіе своего положенія на Балтійскомъ морѣ, побѣды надъ Турціей—все это такія явленія, которыя въ глазахъ европейскихъ державъ тридцатыхъ годовъ XVIII в. ставили Россію на подобающую ей высоту и заставляли признавать ея силу. Во внутреннихъ дѣлахъ также развивалась правительственная дѣятельность, повидимому, по преобразовательной программѣ Петра Великаго. Правительство Анны Іоанновны возстановляло его учрежденія и регламенты, поколебленные при Екатеринѣ I и Петрѣ II, настаивало на исполненіи ихъ указовъ и стремилось развивать ихъ дальнѣйшими распоряженіями въ духѣ Петровской реформы. Но программа реформы понималась правителями Россіи тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка крайне односторонне и формально. Видно, что духъ реформы отлетѣлъ отъ нея вмѣстѣ съ ея творцомъ, и проводники начинаній перваго русскаго Императора не были въ состояніи понять его должнымъ образомъ: соблюдая внѣшнюю, такъ сказать, обрядовую сторону реформы, они отступали весьма часто отъ ея сущности, въ ущербъ основнымъ ея принципамъ. Это происходило оттого, что послѣдователями преобразовательной программы Петра Великаго были при Аннѣ Іоанновнѣ его ученики изъ нѣмцевъ, какъ Остерманъ и Минихъ, игравшіе при немъ лишь роль исполнителей, а теперь ставшіе распорядителями и господами. Къ нимъ присоединились разные случайные люди изъ ихъ земляковъ, не имѣвшіе ничего общаго съ Петромъ Великимъ и не знавшіе даже его лично, въ родѣ Бирона, братьевъ Лёвенвольде и др. Вліянію нѣмцевъ этихъ двухъ наслоеній поддала Анна Іоанновна и они-то составили ея правительство. Русскіе государственные люди эпохи Петра Великаго, пе-

решедшіе въ царствованіе Анны Іоанновны, распадались также на двѣ группы: 1) людей школы Петра Великаго, полныхъ сторонниковъ его реформы, представителями которыхъ являются Татищевъ, кн. Кантемиръ и Ѳеофанъ Прокоповичъ и 2) противниковъ ея излишествъ, желавшихъ сближенія съ Западной Европой нѣсколько на иныхъ началахъ, чѣмъ то сдѣлалъ Петръ Великій. Эта послѣдняя группа не порвала связей съ Московской Русью, традиціи которой были еще живучи у насъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, и состояла изъ старинной Московской знати; типическимъ ея представителемъ былъ князь Д. М. Голицынъ. При такомъ положеніи правительственныхъ слоевъ въ царствованіе Анны Іоанновны во всѣхъ русскихъ людяхъ вообще, и въ среднихъ и низшихъ слояхъ ихъ въ особенности, весьма естественно вызывалось тяжелое сознаніе зависимости отъ иноземцевъ, переходившее мало-по-малу въ озлобленіе и ненависть къ нѣмцамъ-правителямъ. Такое настроеніе русскихъ людей замѣчали современники иностранцы, и одинъ изъ нихъ, итальянецъ Локателли, предвидѣлъ даже возможность возстанія русскихъ противъ нѣмецкаго правительства, что дѣйствительно и произошло съ небольшимъ черезъ годъ по кончинѣ Анны Іоанновны, при возведеніи на престолъ Елизаветы Петровны. Борьба между всѣми этими направленіями среди правящихъ классовъ и отношеніе нѣмцевъ къ русскому народу въ теченіе десятилѣтняго царствованія Анны Іоанновны и составляетъ глубокій историческій интересъ этого царствованія. Но лично Императрица только отчасти принимала участіе въ исторической борьбѣ своего времени, и это участіе отразилось лишь въ нѣкоторыхъ явленіяхъ ея царствованія. Главнѣйшими изъ нихъ могутъ быть почтены слѣдующія: 1) правительственныя мѣропріятія, находящіяся въ связи съ событіями ея воцаренія; 2) придворный ея бытъ, отличавшійся роскошью и празднымъ препровожденіемъ времени; 3) династическія и фамильныя ея заботы: старанія объ укрѣпленіи на русскомъ императорскомъ престолѣ поколѣнія ея отца, старшаго сына царя Алексѣя Михайловича, Іоанна, въ ущербъ поколѣнію младшаго сына—Петра Великаго, и участіе въ судьбѣ ея ближайшихъ родственниковъ. Что же касается до важнѣйшихъ событій ея царствованія, какъ въ области внутренней и внѣшней политики, такъ и въ сферѣ культурной жизни русскаго народа, то событія эти, являясь результатомъ предшествовавшей исторической жизни русскаго народа, направлялись помимо личной воли Анны Іоанновны. Дѣлами внѣшней политики во все ея царствованіе завѣдывалъ А. И. Остерманъ; побѣды ея войскъ опредѣлялись военными талантами Б. Х. Миниха; распоряженія по внутреннему управленію зависѣли сначала отъ Остермана, а затѣмъ, главнымъ образомъ, отъ Бирона, дѣлами церковными руководилъ почти до конца царствованія Ѳеофанъ Прокоповичъ, ставшій самымъ покорнымъ орудіемъ нѣмецкой правительственной партіи; а прогрессъ образованности, весьма замѣтный въ царствованіе Анны Іоанновны, — неизбѣжный результатъ развитія идей, внесенныхъ къ намъ реформою Петра Великаго. Руководимая Остерманомъ, русская дипломатія поддерживала, прежде всего, наше вліятельное положеніе въ Турціи и союзъ съ нѣмецкимъ императоромъ, вслѣдствіе чего отношенія Россіи къ Франціи при Аннѣ Іоанновнѣ были весьма натянуты и улучшились лишь въ самый послѣдній годъ ея царствованія. Причины тому кроются въ противодѣйствіи тогдашней Франціи руководящей роли Россіи на Востокѣ и въ давнишнемъ недружелюбіи между дворами Версальскимъ и Вѣнскимъ. Тогдашнія польскія отношенія Россіи шли также въ разрѣзъ съ интересами Франціи, поддерживавшей по смерти Августа II (въ 1733 г.) кандидатуру на польскій престолъ тестя Людовика XV, Станислава Лещинскаго. Благодаря стараніямъ Россіи и нѣмецкаго императора, королемъ польскимъ выбранъ былъ сынъ умершаго короля, Августъ III. Турецкая война (1735—1739 г.), начатая вопреки желанію Остермана и стоившая Россіи большой потери людьми и громадныхъ матеріальныхъ издержекъ, имѣла успѣхъ, благодаря побѣдамъ Миниха и Ласси, и хотя Бѣлградскій миръ, окончившій ее, былъ заключенъ въ интересахъ не Россіи, а Вѣнскаго Двора, тѣмъ не менѣе эта война навсегда сохранитъ за собой громадное значеніе въ исторіи нашихъ отношеній къ Турціи: она смыла пятно Прутскаго пораженія Петра Великаго и послужила прологомъ къ побѣ-

доноснымъ войнамъ съ Турціей при Екатеринѣ II. Царствованіе Анны Іоанновны имѣетъ безусловно важное значеніе въ исторіи развитія русской науки и литературы. Въ это царствованіе окрѣпла Петербургская Академія Наукъ и въ лицѣ нѣмца Миллера явился въ Россіи первый ученый русскій историкъ; этотъ нѣмецъ былъ иного „умоначертанія", чѣмъ нѣмцы-правители времени Анны Іоанновны и его съ признательностью вспомнитъ каждый образованный русскій. Къ тридцатымъ же годамъ XVIII в. относятся подвиги на пользу русскаго просвѣщенія русскихъ людей: историка В. Н. Татищева и филолога В. К. Тредьяковскаго, а также обрусѣлаго румына, перваго русскаго сатирика князя А. Д. Кантемира; въ эти же года учился въ Германіи и впервые выступилъ на литературное поприще сынъ архангельскаго рыбака Ломоносовъ.

Анна Іоанновна, средняя дочь царя Іоанна Алексѣевича и Прасковьи Θеодоровны, рожденной Салтыковой, род. въ Москвѣ 28-го января 1693 г., ум. 17-го октября 1740 г. По отзывамъ всѣхъ современниковъ, лично ее знавшихъ, она была одарена отъ природы здравымъ умомъ, а по словамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сердце ея не было лишено чувствительности, но обстоятельства ея жизни сложились столь неудачно, что эти природныя качества не только не получили должнаго развитія, но были извращены, изуродованы. Дѣтство и молодость Анны Іоанновны прошли въ такихъ условіяхъ, при которыхъ нельзя было окрѣпнуть волѣ, невозможно было выработаться характеру; ея умъ и сердце не были облагорожены воспитаніемъ и образованіемъ и съ молодыхъ лѣтъ не получили должнаго направленія.

Отецъ Анны Іоанновны умеръ, когда ей было три года отъ роду, 29-го января 1696 г., оставивъ послѣ себя 32-хъ-лѣтнюю вдову и трехъ дочерей, почти погодковъ; семья царя Іоанна была принята Петромъ Великимъ подъ непосредственное покровительство, и при крутомъ нравѣ царя-преобразователя явилась въ деспотической отъ него зависимости. Царица Прасковья Θеодоровна, возросшая въ патріархальныхъ московско-боярскихъ порядкахъ жизни, должна была прилаживаться ко вкусамъ и требованіямъ своего деверя, а три ея дочери росли подъ двумя противоположными вліяніями: традиціями московскихъ порядковъ и новыми условіями жизни, заводимыми Петромъ Великимъ. Набожная и суевѣрная, своеобычная и суровая царица боярыня, мать Анны Іоанновны, принуждена была дѣлить время между церковными службами и ассамблеями, между юродивыми и театральными зрѣлищами и мѣнять свою покойную домашнюю старо-московскую одежду на фижмы и роброны. Любя жить съ дочерьми въ подмосковной царя Алексѣя Михайловича, с. Измайловѣ, царица Прасковья, изъ угожденія Петру Великому, должна была переселиться въ чуждый ей Петербургъ, а дочери ея, по волѣ царя Петра, получили „заморское" воспитаніе и къ нимъ были приставлены иностранцы-учителя: Іоаннъ-Христофоръ-Дидрихъ Остерманъ, братъ вице-канцлера, но отличавшійся совершенно противоположными ему качествами — безхарактерностью и бездарностью; баронъ Гюйссенъ, просвѣщенный нѣмецъ, извѣстный литературный агентъ Петра Великаго заграницей, и французъ Рамбурхъ, обучавшій молодыхъ принцессъ французскому языку и танцамъ. Рядомъ съ учителями вліяли на Анну Іоанновну юродивые, святоши и разныя приживалки, которыми былъ наполненъ Дворъ царицы Прасковьи.

Анна Іоанновна еще въ молодости отличалась набожностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строптивостью нрава, а впослѣдствіи у нея стали развиваться наслѣдственныя черты ея дѣда, царя Алексѣя Михайловича, и матери Прасковьи Θеодоровны. Она такъ же, какъ и „тишайшій" царь и ея мать, любила церемоніалы и торжественные выходы, парчу, золото и драгоцѣнныя украшенія и отличалась внѣшнимъ обрядовымъ благочестіемъ; также, какъ и они, она любила слушать душеспасительныя бесѣды монаховъ и благочестивыхъ людей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно своему дѣду, до страсти увлекалась охотой, псарнями и звѣринцами. Но склонность къ забавамъ у Анны Іоанновны выражалась сильнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ у царя Алексѣя, приближаясь по характеру своему къ потѣхамъ и затѣямъ Петра Великаго: иронія и юморъ, хотя въ грубой, необдѣланной формѣ, часто съ большимъ оттѣнкомъ цинизма, проявлялись у Анны Іоанновны въ ея шут-

кахъ и шутовскихъ процессіяхъ. Она питала страсть къ разнымъ курьезамъ: ученымъ скворцамъ, бѣлымъ павамъ и обезьянамъ, карликамъ и великанамъ, а въ особенности къ сказочницамъ, шутихамъ, приживалкамъ, которыя ей разсказывали на ночь сказки. При Дворѣ ея были оффиціальные шуты, составлявшіе особый разрядъ придворныхъ чиновъ, и русскіе, и иностранцы, и иногда Анна Іоанновна придумывала съ ними необыкновенныя потѣхи. „Курьезныя" свадьбы играли въ этихъ потѣхахъ видную роль; самой замѣчательной изъ такихъ свадебъ является пресловутая свадьба шута князя Голицына съ шутихой, калмычкой Бужениновой въ знаменитомъ Ледяномъ Домѣ.

По воцареніи Анны Іоанновны ея Дворъ отличался небывалою до того роскошью и весельемъ, поражавшими даже привычный глазъ англичанъ и французовъ. Балы, маскарады, куртаги, рауты, итальянская опера, парадные обѣды, торжественные пріемы пословъ, военные парады, свадьбы „высокихъ персонъ", иллюминаціи и фейерверки пестрымъ калейдоскопомъ смѣняли другъ друга. Во всей этой роскоши не было изящества, вкуса, а было много старомосковскаго на европейскій ладъ, напоминавшаго переходный обиходъ жизни матери Анны Іоанновны, царицы Прасковьи Θеодоровны.

Отъ матери Анна Іоанновна наслѣдовала строптивость характера, и проявленіемъ этого качества еще въ молодости поражала окружающихъ ее: одинъ изъ юродивыхъ, бывавшихъ запросто въ домѣ ея матери, называлъ ее, шутя, царемъ Иваномъ Грознымъ. Это свойство проявила она, ставши Императрицей, и суровость ея правительства должна быть объяснена какъ жестокостью русскихъ нравовъ первой половины XVIII в. вообще, такъ и личными свойствами Императрицы и только до нѣкоторой степени вліяніемъ на нее Бирона. Одинъ изъ ея современниковъ, близко знакомый съ ея личнымъ характеромъ (Эрнестъ Минихъ, сынъ фельдмаршала), утверждаетъ въ своихъ запискахъ, что „ничто не помрачило бы сіянія сей Императрицы кромѣ, что она больше собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости послѣдовала". Воля Анны Іоанновны, особенно въ послѣдніе годы ея жизни, была всецѣло подчинена Эрнесту Іоганну Бирону. Тотъ же Минихъ говоритъ: „Государыня сія была умна, судила о вещахъ здраво и сообразно съ тѣмъ поступала во всѣхъ случаяхъ, когда предубѣжденіе и пагубная страсть къ наперснику не препятствовала дѣйствіямъ ея". „Невозможно болѣе участія принимать въ радости и скорби друга,—продолжаетъ Минихъ,—сколько Императрица принимала въ Биронѣ. На лицѣ ея можно было видѣть, въ какомъ расположеніи духа находился наперсникъ. Являлся-ли герцогъ съ пасмурнымъ видомъ—мгновенно и чело государыни покрывалось печалью; когда первый казался довольнымъ, веселье блистало во взорѣ; неугодившій же любимцу тотчасъ примѣчалъ явное неудовольствіе монархини". Это-то нравственное подчиненіе Бирону заставляло невольно современниковъ все суровое и несправедливое, совершенное Анной Іоанновной, приписывать ея фавориту и дало поводъ русскому народу бо́льшую часть царствованія Анны Іоанновны назвать *Бироновщиной*.

Семнадцати съ небольшимъ лѣтъ (31-го октября 1710 года) Анна Іоанновна была обвѣнчана съ весьма юнымъ, однихъ лѣтъ съ нею, герцогомъ курляндскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Бракъ этотъ былъ устроенъ Петромъ Великимъ помимо ея воли, изъ политическихъ соображеній: Курляндія, находившаяся въ то время въ ленной зависимости отъ Польши, была театромъ военныхъ дѣйствій между Россіей и Швеціей, и Петру Великому было весьма сподручно вступить въ союзъ съ этимъ маленькимъ государствомъ. Бракъ, совершенный въ Петербургѣ, сопровождался двухмѣсячными пирами и торжествами, которые, по обычаю Петра Великаго, не обходились безъ неумѣренной ѣды и еще болѣе неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Новобрачный курляндскій герцогъ не вынесъ этого, и вдобавокъ еще простудился. 3-го января 1711 г. онъ занемогъ; 9-го, больной, онъ все-таки отправился съ Анной Іоанновной въ Митаву, но едва отъѣхавъ 40 верстъ отъ Петербурга, умеръ въ Дудергофѣ. Молоденькая вдова, послѣ двухмѣсячнаго супружества, вернулась въ Петербургъ и снова стала жить съ матерью и сестрами въ Измайловѣ и въ Петербургѣ. Но Петръ Великій потребовалъ, чтобы она жила въ Курляндіи, имѣя для того свои

политическіе разсчеты: онъ надѣялся образовать вокругъ своей племянницы партію среди курляндцевъ для противодѣйствія польскому вліянію, представителемъ котораго являлся дядя умершаго мужа Анны Іоанновны, герцогъ Фердинандъ. Разладъ Фердинанда съ курляндскимъ рыцарствомъ заставилъ его покинуть Митаву и жить въ Данцигѣ. Въ 1717 году Анна Іоанновна переѣхала въ Митаву, гдѣ прожила тринадцать лѣтъ, изрѣдка лишь наѣзжая въ Петербургъ и Москву. До нѣкоторой степени Петръ Великій достигъ своей цѣли: Анна Іоанновна съумѣла привлечь къ себѣ часть курляндскаго рыцарства. Въ первое время ея жизни въ Митавѣ ея расположеніемъ пользовался гофмейстеръ ея Двора Петръ Мих. Бестужевъ-Рюминъ, котораго вскорѣ сталъ оттѣснять камеръ-юнкеръ I. Э. Биронъ. Матеріальныя средства Анны Іоанновны были невелики и для улаженія своихъ дѣлъ она должна была постоянно заискивать въ расположеніи не только своего дяди царя Петра, его жены Екатерины Алексѣевны и цесаревны Елизаветы Петровны, но и сильныхъ царедворцевъ, въ особенности князя Меншикова и вице-канцлера Остермана. Этими заискиваніями и жалобами на свою судьбу наполнены письма Анны Іоанновны изъ Курляндіи за все время ея пребыванія тамъ, какъ при жизни Петра Великаго, такъ и въ послѣдующія царствованія Екатерины I и Петра II. Въ 1726 году курляндскіе чины рѣшили выбрать въ герцоги Морица, графа Саксонскаго, сына польскаго короля Августа II и извѣстнаго въ то время храбраго полководца и блестящаго свѣтскаго волокиту, женивъ его на Аннѣ Іоанновнѣ. Такимъ компромиссомъ удовлетворялись обѣ стороны: и польская, и русская. Анна Іоанновна, повидимому, дѣйствительно влюбилась въ Морица, но мечтамъ ея не суждено было исполниться: ихъ разрушило честолюбіе князя Меншикова, который самъ желалъ сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ; хотя онъ и не достигъ своей цѣли, но и избраніе Морица также не состоялось. Молодость Анны Іоанновны уходила (ей шелъ уже 34-й годъ), и послѣ этой неудачи она еще болѣе стала сближаться съ Бирономъ, который пріобрѣталъ на нее все болѣе и болѣе вліянія.

Въ ночь съ 18-го на 19-е января 1730 г. скончался Петръ II и съ нимъ пресѣклось мужское потомство Михаила Θеодоровича Романова. По первой статьѣ секретныхъ артикуловъ брачнаго договора голштинскаго герцога Фридриха-Карла со старшей дочерью Петра Великаго Анной Петровной и по „тестаменту" Екатерины I, наслѣдниками отрока-Императора могли явиться двухъ-лѣтній сынъ голштинской герцогини Анны Петровны († въ 1728 г.) Петръ-Ульрихъ и вторая дочь Петра Великаго, цесаревна Елизавета Петровна. Но Верховный Тайный Совѣтъ, ставшій во главѣ управленія Россійскою Имперіею, разсудилъ иначе. Противъ обѣихъ этихъ кандидатуръ были вліятельные члены Верховнаго Тайнаго Совѣта—князья Голицыны и Долгорукіе, опасавшіеся вмѣшательства въ дѣла Россіи голштинскаго герцога Фридриха-Карла и не сочувствовавшіе легкомысленному образу жизни цесаревны Елизаветы. Тѣхъ же воззрѣній, вслѣдствіе давнишней распри между Даніей и Голштиніей изъ-за Шлезвига, былъ и датскій посланникъ при русскомъ дворѣ Вестфаленъ, поддерживавшій князей Голицыныхъ и Долгорукихъ. При обсужденіи вопроса о наслѣдованіи русскаго престола, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было заявленіе даже въ пользу несчастной бабки Петра II, первой супруги Петра Великаго, Евдокіи Θеодоровны Лопухиной,—но это предложеніе не имѣло успѣха. Изъ трехъ дочерей царя Іоанна Алексѣевича выборъ палъ именно на Анну Іоанновну, потому что она была вдовой. Мужъ старшей ея сестры, Екатерины Іоанновны, герцогъ мекленбургскій Карлъ-Леопольдъ, отличался грубостью нрава и взбалмошнымъ характеромъ, и вмѣшательство его во внутреннія дѣла Россіи могло представить въ будущемъ немалыя затрудненія; меньшая сестра, Прасковья Іоанновна, находилась въ морганатическомъ бракѣ съ сенаторомъ И. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, и это обстоятельство окончательно устраняло ея кандидатуру.

Верховный Тайный Совѣтъ, при самомъ своемъ возникновеніи (1726 г.), явился учрежденіемъ, напоминавшимъ до нѣкоторой степени московскую Боярскую Думу начала XVII в., и иностранцы не безъ основанія предполагали въ немъ возобновленіе боярскихъ политическихъ стремленій. Поэтому весьма естественно, что въ безгосударное время Верховный Тайный Совѣтъ, будучи представителемъ высшеи

правительственной власти, почелъ себя въ правѣ поступить такъ, какъ поступила московская Боярская Дума въ 1610 г., при избраніи въ цари польскаго королевича Владислава. Замѣтимъ при этомъ, что при избраніи Анны Іоанновны „тестаментъ" Екатерины I почитался многими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта за актъ подложный, составленный княземъ Меншиковымъ. Главнымъ и самымъ вліятельнымъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ 1730 г. былъ князь Дм. Мих. Голицынъ, лично не любившій Екатерину I и ея дочерей — голштинскую герцогиню Анну Петровну и цесаревну Елизавету. Ему принадлежитъ инниціатива предложенія объ избраніи въ россійскія Императрицы Анны Іоанновны, съ ограниченіемъ ея самодержавной власти нѣкоторыми кондиціями. Его поддержалъ князь Вас. Лук. Долгорукой, лично знавшій Анну Іоанновну въ Курляндіи и сочувствовавшій политическимъ порядкамъ Польши и Швеціи, въ которыхъ онъ живалъ подолгу въ качествѣ дипломатическаго агента. Остальными членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, приставшими къ мнѣнію князей Д. М. Голицына и В. Л. Долгорукаго, были: братъ перваго, фельдмаршалъ князь Голицынъ, трое князей Долгорукихъ — фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ, его братъ Михаилъ Владиміровичъ, и гофмейстеръ Петра II Алексѣй Григорьевичъ. Невольно должны были согласиться съ большинствомъ канцлеръ графъ Головкинъ и вице-канцлеръ А. И. Остерманъ.

Кондиціи, предложенныя Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ Аннѣ Іоанновнѣ, состояли изъ 8-ми пунктовъ и опредѣляли ея власть въ такомъ видѣ: Императрица должна была прежде всего заботиться о сохраненіи и распространеніи въ русскомъ государствѣ православной христіанской вѣры; затѣмъ обѣщала не вступать въ супружество, не назначать по своему усмотрѣнію наслѣдника престола и сохранить Верховный Тайный Совѣтъ въ составѣ 8 членовъ. Безъ согласія Верховнаго Тайнаго Совѣта Императрица не имѣла права: объявлять войну и заключать миръ, облагать своихъ подданныхъ новыми налогами, повышать въ чины служащихъ какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ, выше полковника и 6-го класса, раздавать придворныя должности и производить государственные расходы. Кромѣ того, дворяне только по суду могли быть подвергаемы за важныя преступленія смертной казни и лишенію чести и имущества. Эти кондиціи были лишь черновымъ наброскомъ цѣлаго политическаго плана, надъ которымъ работалъ князь Д. М. Голицынъ, надѣявшійся осуществить его постепенно въ царствованіе Анны Іоанновны. Сущность плана заключалась въ установленіи въ Россіи формы правленія по образцу польскому или шведскому. Параллельно съ политической программой „верховниковъ" (такъ назывались въ то время въ просторѣчіи члены Верховнаго Тайнаго Совѣта), создавался въ разныхъ кружкахъ генералитета и шляхетства, собравшихся въ большомъ числѣ въ Москву къ предстоявшему 19-го января 1730 г. бракосочетанію Императора Петра II съ княжной Екатериной Алексѣевной Долгорукой, цѣлый рядъ другихъ политическихъ плановъ и проектовъ, которые, не затрогивая вопроса о самодержавной власти Императрицы Анны Іоанновны, были направлены противъ верховниковъ. До насъ дошло 12 такихъ проектовъ, изъ которыхъ 8 были поданы въ Верховный Тайный Совѣтъ. Всѣ эти проекты стремятся дать участіе въ государственномъ управленіи „шляхетству" съ преобладаніемъ старшиной московской знати, введя въ Верховный Тайный Совѣтъ представителей всѣхъ старѣйшихъ, родовитыхъ русскихъ фамилій. Затѣмъ они ходатайствуютъ о цѣломъ рядѣ льготъ для шляхетства, а въ особенности о бо́льшемъ распространеніи образованія въ этомъ сословіи, о сокращеніи срока обязательной военной службы, объ уничтоженіи закона Петра Великаго 1714 г. о единонаслѣдіи и объ избраніи кандидатовъ на главнѣйшія должности въ государственныхъ учрежденіяхъ, центральныхъ и областныхъ, а также и въ полкахъ — посредствомъ баллотировки въ шляхетскихъ собраніяхъ. Но не всѣ лица изъ генералитета и шляхетства раздѣляли мысли такихъ проектовъ. Нѣкоторые стояли за безусловное самодержавіе избранной Императрицы и дали ей знать въ Митаву, что „кондиціи" верховниковъ составляютъ измышленіе лишь 8 лицъ. Въ числѣ этихъ сторонниковъ самодержавія однимъ изъ первыхъ былъ человѣкъ, весьма близкій къ Петру Великому, обязанный ему всей своей карьерой, П. И. Ягужинской. Высшее духовенство съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ

во главѣ также высказывалось за полное самодержавіе Анны Іоанновны.

Подписавъ 25-го января 1730 года посланныя ей въ Митаву „кондиціи", Анна Іоанновна 10-го февраля была уже подъ Москвой, въ селѣ Всесвятскомъ, и выждавъ тамъ погребеніе Петра II, 15-го февраля имѣла торжественный въѣздъ въ Москву. 20-го и 21-го февраля приносилась Императрицѣ присяга высшими сановниками, шляхетствомъ и всѣми жителями Москвы на основаніи „кондицій". Такіе же присяжные листы были отправлены по провинціямъ. Но сторонники самодержавной власти Анны Іоанновны не дремали; ряды ихъ все увеличивались; къ нимъ присоединились многіе изъ подписавшихъ разные шляхетскіе планы и проекты, и 25-го февраля была подана Аннѣ Іоанновнѣ фельдмаршаломъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ челобитная „о воспріятіи самодержавія", подписанная 166-ю лицами. Въ этой челобитной, послѣ прошенія о возстановленіи самодержавной власти, излагались слѣдующія желанія: 1) уничтожить В. Т. Совѣтъ и возстановить Сенатъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ; 2) предоставить шляхетству право баллотировать на вакантныя должности сенаторовъ, губернаторовъ и президентовъ коллегій; 3) установить съ утвержденія Императрицы теперь же общія начала всего государственнаго управленія Россіи. Выслушавъ эту челобитную, Анна Іоанновна надорвала „кондиціи" и объявила себя самодержавною Императрицею. 28-го февраля была взята со всѣхъ новая присяга на вѣрность Аннѣ Іоанновнѣ, какъ самодержавной Императрицѣ, и съ этого-то дня начинается собственно ея царствованіе.

Анна Іоанновна, принявъ челобитную о возстановленіи ея самодержавія, поспѣшила исполнить желанія, заявленныя не только въ этой челобитной, но и во многихъ шляхетскихъ проектахъ. Еще до коронаціи, 4-го марта 1730 г., былъ уничтоженъ Верховный Тайный Совѣтъ и возстановленъ *Правительствующій* Сенатъ, а нѣсколько лѣтъ спустя возобновлена и должность генералъ-прокурора. Сенатъ, по плану Миниха, былъ раздѣленъ на 5 департаментовъ: 1) дѣлъ, касающихся духовенства, 2) военныхъ, 3) финансовъ, 4) юстиціи, 5) промышленности и торговли. Въ томъ же 1730 году послѣдовалъ манифестъ, обращавшій вниманіе Синода на исполненіе имъ главнѣйшей его обязанности: наблюденія за чистотой православной христіанской вѣры и искорененія ересей, расколовъ и суевѣрій. Въ томъ же году предписано снова приступить къ сочиненію „Новаго Уложенія", но вмѣсто разъѣхавшихся депутатовъ изъ коммиссіи, собранной для этой цѣли при Петрѣ II, велѣно не выбирать вновь, а опредѣлить изъ шляхетства по назначенію. Но эта новая коммиссія ничего не сдѣлала, а потому ограничились лишь переизданіемъ стараго Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. Затѣмъ послѣ коронаціи Императрицы, отпразднованной въ Москвѣ съ большой торжественностью 28-го апрѣля 1730 года, возникъ цѣлый рядъ мѣропріятій относительно улучшенія арміи и флота и дарованія разныхъ льготъ дворянству.

Въ 1730 г. сформированы два новыхъ гвардейскихъ полка—Измайловскій и Конный и начала свои работы учрежденная при Петрѣ II коммиссія подъ предсѣдательствомъ Миниха для упорядоченія арміи, артиллеріи и военно-инженернаго дѣла, а вслѣдъ затѣмъ организована другая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Остермана, для изслѣдованія состоянія и улучшенія флота. Остановимся подробнѣе на важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ по **военному вѣдомству**, инціатива и разработка которыхъ принадлежала Миниху, назначенному въ 1732 г. президентомъ военной коллегіи. Упомянутая выше коммиссія, находившаяся подъ его же предсѣдательствомъ, въ 1731 г. составила новые штаты сухопутныхъ войскъ, по коимъ боевая сила русской арміи, сравнительно съ штатами Петра Великаго (1720 г.) увеличена: по этимъ новымъ штатамъ въ мирное время армія должна была состоять изъ 157.500 человѣкъ, а въ военное—изъ 167.000. Для увеличенія арміи нужно было прибѣгать къ усиленнымъ рекрутскимъ наборамъ, кои еще болѣе возрасли впослѣдствіи, вслѣдствіе продолжительныхъ военныхъ дѣйствій въ царствованіе Анны Іоанновны, сперва противъ Польши, а затѣмъ противъ Крыма и Турціи (1733—1739). Рекрутскіе наборы съ 1731 по 1739 г. бывали почти ежегодно: за все это время наборовъ не было только въ 1734 и 1735 гг.

Отмѣчая фактъ столь частыхъ рекрутскихъ наборовъ, не слѣдуетъ забывать, что исполнялись они въ то время по иной системѣ, чѣмъ впослѣдствіи, во второй половинѣ XVIII в. и въ нашъ вѣкъ, до введенія всеобщей воинской повинности. При Аннѣ Іоанновнѣ рекрутская повинность не была для податныхъ классовъ повинностью натуральною и притомъ личною, а денежною: нанимался въ рекруты охочій человѣкъ на собранныя деньги съ того числа ревизскихъ душъ, съ какого по разверсткѣ слѣдовалъ рекрутъ. Вслѣдствіе этого шли по найму въ военную службу, въ то время весьма тяжелую, главнымъ образомъ, бобыли, пропойцы, бѣглые, больные да увѣчные. Военная коммиссія Миниха въ 1731 г. выработала еще слѣдующія мѣры: 1) возстановленіе баллотировки офицеровъ въ полкахъ; 2) уравненіе жалованья природныхъ русскихъ офицеровъ съ офицерами изъ иностранцевъ, получавшихъ его прежде въ большемъ размѣрѣ; 3) возобновленіе указа Петра Великаго о первенствѣ военныхъ чиновъ (первыхъ трехъ классовъ) передъ гражданскими; 4) обнародованіе генеральной инструкціи кригсъ-коммиссару; 5) основаніе въ Петербургѣ учебнаго заведенія для подготовленія дворянъ къ военной службѣ, такъ называемаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, сослужившаго въ теченіе XVIII в. весьма почтенную службу русскому просвѣщенію. — Въ 1732 г. изданъ новый воинскій уставъ; указомъ 17-го апрѣля того же года повелѣвалось производить солдатъ въ офицеры, за военныя заслуги, не только изъ шляхетства, но и изъ податныхъ сословій, въ томъ числѣ и изъ крестьянъ (мѣра новая и очень важная) и обучать солдатскихъ дѣтей въ особыхъ школахъ, на казенный счетъ. Въ 1736 г. освобождены отъ рекрутства дѣти церковно-служителей. Въ 1738 г. изъ проживающихъ въ русскихъ предѣлахъ грузинскихъ князей и дворянъ сформированъ гусарскій полкъ. Обращено серьезное вниманіе на снабженіе кавалерійскихъ полковъ „добрыми“ лошадьми; съ этой цѣлію, съ 1-го марта 1734 г. введена всеобщая конская повинность, причемъ предоставлялось вносить деньгами по 20 рублей за лошадь; а указомъ 13-го іюля 1740 г. учреждены конскіе заводы при кирасирскихъ, драгунскихъ и гарнизонныхъ полкахъ. Возобновлены двѣ мѣры, первоначально возникшія при Петрѣ Великомъ, но затѣмъ оставленныя: 1) опыты *поселенныхъ войскъ* и 2) расквартированія армейскихъ полковъ въ обѣихъ столицахъ и въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ въ „вѣчныхъ“ квартирахъ, т.-е. постоянныхъ казармахъ. Пѣхотные полки были поселены подъ именемъ „пѣхотныхъ солдатъ“, преимущественно въ губерніи Казанской, на тогдашней окраинѣ съ юго-восточной степью; кавалерійскіе полки, такъ называемая „ландмилиція“—между Днѣпромъ и верхними притоками Дона на новой сторожевой линіи въ рядѣ „фортецій“ для защиты отъ набѣговъ крымцевъ. Эта линія, раздѣлявшаяся на двѣ части — Царицынскую и Украинскую, составляла сравнительно съ сторожевой линіей XVII в. дальнѣйшее распространеніе на югъ русской крѣпостной защиты. Что касается до расквартированія войскъ въ казармахъ, то мѣра эта не могла быть приведена къ окончанію, потому что опытъ постройки казармъ въ Петербургѣ, для гвардейскихъ полковъ, обошелся казнѣ очень дорого, и солдаты по прежнему размѣщались въ провинціяхъ по обывательскимъ домамъ. Нижнимъ воинскимъ чинамъ вмѣнялось въ обязанность, въ мирное время, ловить разбойниковъ, тушить пожары и производить казенныя работы.

Но многія изъ указанныхъ мѣропріятій были лишь палліативами, потому что нравственное и дисциплинарное состояніе русской арміи въ царствованіе Анны Іоанновны, по отзывамъ спеціалистовъ, военныхъ ученыхъ, было ужасное „Ряды войскъ того времени,—читаемъ въ „Русской военной силѣ“, изданной И. Н. Кушнеревымъ,—въ большемъ числѣ заключали въ себѣ худшую, безнравственную и нерѣдко преступную часть населенія“ (см. вып. VII, с. 191). Причинами такого печальнаго состоянія тогдашней русской арміи были: суровая дисциплина, съ побоями, палочными ударами, розгами и шпицрутенами, примѣнявшаяся съ жестокостью къ русскому солдату офицерами нѣмцами, составлявшими въ то время большинство офицерства нашей арміи, 2) система рекрутскихъ наборовъ, о чемъ было говорено выше и 3) безсрочность солдатской службы. Поэтому, весьма естественнымъ явленіемъ среди солдатъ было дезертирство, а вслѣдствіе плохой организаціи частей интен-

дантской и военно-медицинской, въ войскахъ развивались эпидемическія болѣзни и смертность. Въ 1732 г. бѣглыхъ солдатъ считалось 20.000, что составляло безъ малаго 8% всей арміи, а въ 1733 г. правительству приходилось принимать энергическія мѣры для сбора „рекрутской доимки", т.-е. недостатка въ солдатахъ съ 1719 по 1726 г.

1730—1731 годы ознаменованы весьма важными имущественными льготами въ пользу дворянства. 25-го октября 1730 года послѣдовало два указа: 1) запрещалось покупать населенныя имѣнія боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ и дозволялось покупать ихъ только дворянству; 2) уничтожался законъ 1714 г. о единонаслѣдіи. Указомъ 17-го марта 1731 г. совершенно сглажено различіе между вотчинами и помѣстьями, а указомъ 18-го ноября того же года учреждена особая книга для записыванія грамотъ на пожалованныя вотчины. Хотя льготами дворянству само собой прибавлялись тягости крестьянамъ, которые отдавались въ бо́льшую ихъ зависимость (такъ, напр., дворяне получили право переселять своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязаны были вносить за нихъ подушную подать) и на крестьянъ правительство Анны Іоанновны смотрѣло исключительно съ фискальной точки зрѣнія, какъ на главный податной контингентъ, — тѣмъ не менѣе, въ 1730 г. правительство гласно заявило указомъ о томъ, чтобы крестьянству излишнихъ тягостей въ поборахъ, сверхъ подушныхъ, не было, о чемъ также ходатайствовало шляхетство въ своихъ проектахъ. Одно изъ самыхъ главныхъ желаній шляхетства о сокращеніи срока военной службы было исполнено лишь во вторую половину царствованія, а именно 31-го декабря 1736 года вышелъ указъ о назначеніи для желающихъ дворянъ 25-тилѣтняго срока службы въ войскахъ; но такъ какъ охотниковъ воспользоваться этимъ указомъ явилось очень много, то въ августѣ 1740 года послѣдовала отмѣна этой льготы.

Такимъ образомъ, Анна Іоанновна, повидимому, стремилась исполнить всѣ главнѣйшія желанія шляхетства, заявленныя какъ въ его проектахъ, такъ и въ челобитной „о воспріятіи самодержавія". На самомъ же дѣлѣ около Анны Іоанновны уже группировался тотъ кружокъ, который вскорѣ вполнѣ завладѣлъ ея умомъ и волей; то былъ кружокъ нѣмцевъ-правителей съ І. Э. Бирономъ во главѣ, который ловко скрывался за другими лицами. Въ концѣ 1731 года Императрица переѣхала изъ Москвы въ Петербургъ, и съ этого-то времени и начался собственно иноземный складъ ея правительства. Въ этомъ правительствѣ не было строго выдержанной системы, хотя съ внѣшней стороны, какъ выше указано, нѣмцы-правители и шли по стопамъ Петра Великаго. Въ дѣлахъ внутренняго центральнаго управленія былъ нарушенъ коллегіальный принципъ, столь опредѣленно выраженный и логически проведенный во всѣхъ учрежденіяхъ Петра Великаго. Этотъ принципъ постепенно вытѣсняется принципомъ бюрократическаго и единоличнаго управленія, зиждителемъ и проводникомъ котораго былъ Остерманъ. Такъ, по его мысли, въ 1731 г. учрежденъ Кабинетъ *министровъ*, который сосредоточилъ въ себѣ все внутреннее управленіе и поставленъ выше Сената. Кабинетъ былъ раздѣленъ на экспедиціи лишь въ 1739 г., а въ теченіе восьми лѣтъ онъ не имѣлъ никакой организаціи, и безпорядочное веденіе въ немъ дѣлъ побудило Императрицу Елизавету къ немедленному его уничтоженію по ея восшествіи на престолъ. Параллельно коллегіямъ возникъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ канцелярій, конторъ и экспедицій и возобновлены приказы; во главѣ всѣхъ такихъ учрежденій ставились начальники и директоры, а не президенты, какъ въ коллегіяхъ. Главнѣйшими изъ канцелярій являлись: Дворцовая, Строительная, Конюшенная, Конфискаціи (завѣдывавшая отписанными на государыню имѣніями опальныхъ лицъ), Тайная розыскныхъ дѣлъ съ конторою въ Москвѣ, Монетная, Оберъбергъ - директоріумъ, замѣнившій Бергъколлегію. Въ 1730 г. учреждены въ Москвѣ два приказа для окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ: *Судный*—по дѣламъ гражданскимъ и *Розыскной*—по дѣламъ уголовнымъ. Въ томъ же году возникъ *Сибирскій* приказъ, а въ 1733 году расширена дѣятельность *Доимочнаго приказа*, первоначально учрежденнаго еще Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ въ 1727 году.

Въ управленіи областномъ, срав-

нительно съ двумя предъидущими царствованіями Екатерины I и Петра II, замѣтно вообще болѣе строгости, въ особенности возвышеніе власти губернаторовъ, которые могли штрафовать провинціальныхъ воеводъ за нерадивое исполненіе ими должностей, а затѣмъ получили даже право опредѣлять такихъ воеводъ своею властію, чтобы не было задержки въ дѣлахъ (1737 г.). Губерніи не измѣнялись въ своемъ составѣ, за исключеніемъ восточной окраины Россіи. Здѣсь, въ Пріуральи, въ башкирскихъ улусахъ, входившихъ до того времени въ предѣлы Казанской губерніи, былъ основанъ городъ Оренбургъ, ставшій центромъ особаго областнаго управленія, подъ именемъ Оренбургской экспедиціи, ввѣренной начальству извѣстнаго дѣятеля эпохи В. Н. Татищева. Въ областяхъ, управлявшихся на основаніи особыхъ мѣстныхъ правъ—Малороссіи и Балтійскихъ провинціяхъ (Лифляндіи и Эстляндіи) — отмѣчены слѣдующія распоряженія: по смерти малороссійскаго гетмана Даніила Апостола въ 1734 г., не была возобновлена Петровская малороссійская коллегія, а былъ назначенъ особый главный правитель; Лифляндія и Эстляндія получили подтвержденіе прежнихъ своихъ привиллегій, но съ нѣкоторыми ограниченіями: мѣстные дворянскіе сеймы и съѣзды не дозволялись безъ разрѣшенія Сената. Въ 1737 году Э. I. Биронъ сдѣлался герцомъ курляндскимъ, что не мало способствовало къ упроченію впослѣдствіи вліянія русскаго правительства въ Курляндіи и постепенно привело къ присоединенію этого герцогства къ Россійской имперіи.

Историкъ и публицистъ эпохи Екатерины II, князь М. М. Щербатовъ, замѣчаетъ, что Дворъ, при Аннѣ Іоанновнѣ явился „источникомъ всякихъ милостей“, вслѣдствіе чего къ нему невольно стремились вельможи, что весьма способствовало къ „поврежденью нравовъ“ въ Россіи. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ въ это царствованіе преобладаніе Двора надъ государственнымъ управленіемъ и рѣшительное вліяніе придворныхъ сферъ на нравы и вкусы тогдашняго русскаго общества. Отдѣльныя отрасли придворнаго управленія, организованныя согласно съ личными вкусами Анны Іоанновны, считались самыми высокими учрежденіями въ государствѣ (напримѣръ, придворная конюшенная контора, контора егермейстерская, завѣдывавшая придворною охотою, и т. п.). Придворныя должности значительно умножились сравнительно со временемъ Петра Великаго, Екатерины I и Петра II и становились самыми почетными въ государствѣ, между тѣмъ какъ при „первомъ Императорѣ“ и его преемницѣ онѣ были совершенно незамѣтны, получивъ только нѣкоторое значеніе при малолѣтнемъ Петрѣ II. Роскошь Двора вызывала подражаніе въ высшихъ и даже среднихъ общественныхъ слояхъ обѣихъ столицъ и мало-помалу переходила оттуда къ провинціальному дворянству, разоряя и его, и вельможъ. Придворное вѣдомство поглощало весьма значительныя для того времени суммы государственнаго казначейства, что ясно видно изъ сравненія съ другими статьями государственныхъ расходовъ. Вотъ, напримѣръ, цифры за 1734 годъ. Весь бюджетъ государственныхъ расходовъ за этотъ годъ состоялъ почти изъ 8 милліоновъ рублей (мы беремъ круглыя цифры). Изъ этого количества на армію и флотъ шло до 6 съ половиной милліоновъ, а остальная сумма въ 1.285.000 руб. распредѣлялась на всѣ другія государственныя потребности слѣдующимъ образомъ: содержаніе Двора 260.000; строенія 256.000; центральное управленіе 180.000; коллегія иностранныхъ дѣлъ 102.000; придворное конюшенное вѣдомство 100.000; жалованье высшимъ государственнымъ сановникамъ 96.000; пенсіи родственникамъ Анны Іоанновны и содержаніе мекленбургскаго корпуса 61.000; областное управленіе 51.000; содержаніе двухъ академій (наукъ и морской) 47.000; жалованье учителямъ среднихъ школъ вмѣстѣ съ геодезистами 4.500. Къ концу царствованія Анны Іоанновны государственное управленіе все болѣе и болѣе расшатывалось. Всѣ отрасли его были въ страшномъ запущеніи. Экономическое состояніе Россіи было бѣдственно. Государственный бюджетъ къ концу царствованія былъ тѣхъ же размѣровъ, какъ и приведенный выше за 1734 годъ. При всемъ своемъ, сравнительно, скромномъ размѣрѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ весьма отяготителенъ для населенія. Припомнимъ, что тогдашняя Европейская Россія была почти на цѣлую треть меньше теперешней. Финляндія, Курляндія, Царство Польское, весь Западный край, Новороссія и Кавказъ не

входили еще въ ея составъ; населеніе ея въ то время едва достигало 12-ти милліоновъ душъ обоего пола. Двадцатилѣтняя сѣверная война Петра Великаго, его же войны турецкая и персидская, турецкія войны въ царствованіе Анны Іоанновны, вызывавшія частые рекрутскіе наборы, естественнымъ результатомъ своимъ имѣли уменьшеніе населенія, оскудѣніе производительности страны и увеличеніе податнаго обложенія съ платящихъ классовъ и съ государственныхъ доходныхъ статей.

При такомъ положеніи дѣлъ, весьма естественно, недоимки по поступленіямъ въ государственное казначейство увеличивались съ каждымъ годомъ и падали своею тяжестью, главнымъ образомъ, на бѣднѣйшіе классы — крестьянъ и мѣщанъ. Къ 1732 году недоимокъ было 15.500.000 р.,— сумма, равняющаяся почти двухгодичному государственному доходу. Въ теченіе всего царствованія Анны Іоанновны встрѣчаемъ цѣлый рядъ сенатскихъ указовъ о тщательномъ взысканіи недоимокъ; но это не поправляло дѣла и недоимки все возрастали. Доимочный приказъ имѣлъ много работы. О томъ, съ какой жестокостью взыскивались недоимки и текущія подати, говоритъ свидѣтель подобныхъ взысканій, историкъ второй половины XVIII в. И. Н. Болтинъ. По его словамъ, военныя команды, посылаемыя изъ доимочнаго приказа, держали воеводъ и ихъ товарищей скованными до тѣхъ поръ, пока не взыскивалась полностію вся недоимка; той же участи подвергались помѣщики, ихъ старосты и дворецкіе и управляющіе монастырскими и архіерейскими вотчинами. Съ мѣщанъ и крестьянъ вымогали платежи посредствомъ „правежа". „По деревнямъ повсюду слышанъ былъ стукъ ударепій палочныхъ по ногамъ, — говоритъ онъ,— крикъ сихъ мучимыхъ, вопль и плачъ женъ ихъ и дѣтей, гладомъ томимыхъ; въ городахъ бряцаніе кандаловъ, жалобные гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ, воздухъ наполняли". Побѣги, грабежи, разбои, пьянство, повальныя болѣзни—были страшными, но совершенно естественными послѣдствіями такого печальнаго общественно-экономическаго положенія дѣлъ.

Впрочемъ, правительство Анны Іоанновны, далеко не безучастно относилось къ этимъ явленіямъ. Оно стремилось постоянно къ улучшенію государственныхъ финансовъ и производительности страны, но стремленія эти выражались въ одностороннихъ и притомъ нерѣдко палліативныхъ мѣрахъ.

По государственнымъ финансамъ прежде всего заботились объ упорядоченіи монетнаго обращенія, что составляло дѣло, уже начатое при Петрѣ II Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ; на эти улучшенія положилъ не мало трудовъ президентъ монетной конторы, графъ М. Г. Головкинъ. Измѣнены размѣръ и стоимость золотой монеты: указомъ 30-го декабря 1730 г. повелѣвалось чеканить червонцы, равные голландскимъ, цѣною въ 2 р. 20 к. а рядомъ указовъ 1731 и 1732 г. изъяты изъ обращенія мелкія серебряныя копѣйки и пятикопѣечники, алтыны и гривенники и велѣно чеканить серебряную монету рублевую и полтинную болѣе низкой пробы, чѣмъ прежде (77-й пробы); это дѣло отдавалось частнымъ лицамъ „компанейщикамъ" изъ купцовъ; а затѣмъ послѣдовали мѣры объ улучшеніи мѣдной размѣнной монеты, имѣвшей наибольшее распространеніе среди низшихъ классовъ населенія. Велѣно чеканить новаго образца денежки и полушки, а прежде дозволено переплавлять на издѣлія. Мѣдные пятикопѣечники вывозились за границу, какъ металлъ; въ 1736 и 1737 гг. этотъ вывозъ запрещенъ. Для облегченія кредита, главнымъ образомъ, дворянству, въ 1733 г. изъ монетной конторы разрѣшено выдавать ссуды подъ залогъ золота и серебра, срокомъ на 3 года, изъ 8% годовыхъ.

Относительно развитія промышленности и торговли послѣдовалъ также цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій. Во главѣ этихъ отраслей государственнаго управленія съ 1730 по 1740 г. хотя и не имѣли возможности дѣйствовать совершенно самостоятельно, были слѣдующія лица: опальный вельможа царствованія Петра II, Александръ Львовичъ Нарышкинъ (1731 — 1733 г.), знаменитый дипломатъ и дѣлецъ эпохи Петра Великаго, баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ (1733—1736 г.), кабинетъ-министръ А. П. Волынской и одинъ изъ его главнѣйшихъ „конфидентовъ", графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (1736—1740). На первомъ планѣ стояло покровительство крупнымъ заводчикамъ, фабрикантамъ и

купцамъ. Заводчики и фабриканты получали крѣпостное право надъ обучавшимися у нихъ, а также и надъ непомнящими родства бродягами, которыхъ велѣно было приписывать на жительство къ фабрикамъ и заводамъ. Купцы, пользуясь сословнымъ самоуправленіемъ, были, однако, связаны мелочными, но невыгодными для нихъ, правилами, регламентировавшими торговлю. Такъ, напр., они могли вести розничную торговлю исключительно въ гостиныхъ дворахъ своихъ городовъ, а въ другихъ городахъ имъ дозволялось производить только оптовую торговлю. Иноземцы могли торговать вездѣ только оптомъ; тому же ограниченію подвергались евреи въ Малороссіи и въ Смоленскѣ, въ остальныхъ же городахъ Россіи торговля была имъ запрещена. Правительство, какъ и при Петрѣ Великомъ, имѣло свои казенные заводы и фабрики, старалось поддерживать тѣ изъ частныхъ, которые производили самые необходимые для него продукты, и монополизировало въ своихъ рукахъ цѣлыя отрасли промышленности. Поэтому горное дѣло, благодаря заботамъ спеціалиста-голландца генерала де-Генина и ученика Петра Великаго—Татищева, было поставлено на прочную почву, несмотря на злоупотребленія частныхъ заводчиковъ. Въ 1739 г. обнародованъ новый горный уставъ; а горнозаводскіе рабочіе получили многія льготы и привилегіи. Главнѣйшими изъ правительственныхъ монополій были: торговля ревенемъ, закупъ пеньки, продажа вина, рыбный промыселъ (главнымъ образомъ, Бѣломорскій и Каспійскій) и производства селитряное и поташное; эти три производства отдавались на откупъ торговымъ компаніямъ. Производства кожевенное, шерстяное и шелковое субсидировались правительствомъ, въ видѣ привилегій на поставку въ казну для арміи и двора кожевенныхъ издѣлій и суконъ, выдаваемыхъ также „компаніямъ" и отдѣльнымъ фабрикантамъ, причемъ тѣ и другіе пользовались очень значительными льготами (таковы возникшія при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ компанія Новоманерной кожевенной фабрики и шерстяныя, суконныя и шелковыя фабрики Полуярославцева и Евреинова). Обращено вниманіе на лучшее производство суконъ, столь необходимыхъ для обмундированія арміи; изъ Венеціи вызывались фабриканты шерстяныхъ и шелковыхъ тканей для устройства фабрикъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Основная отрасль русской промышленности—земледѣліе мало обращало вниманія правительства. Преобладающая масса русскаго народа—крестьяне-земледѣльцы коснѣли въ невѣжествѣ и отдавались на эксплуатацію помѣщиковъ русскихъ и иноземцевъ (дворянъ, монаховъ, заводчиковъ и купцовъ). Правительство даже было убѣждено въ томъ, что простой народъ незачѣмъ учить грамотѣ, потому что это отвлекаетъ его отъ черныхъ работъ (указъ 12-го декабря 1735 г.). Правительство было лишь озабочено торговыми оборотами съ земледѣльческими продуктами, главнымъ образомъ, рожью въ зернѣ и въ мукѣ. Торговля хлѣбомъ была то стѣсняема, то расширяема, смотря по урожаямъ. Въ 1734 г. постигъ Россію голодъ: тогда у всѣхъ хлѣботорговцевъ велѣно было отбирать товаръ и продавать безъ взысканія казенныхъ пошлинъ; помѣщикамъ дозволено продавать только лишній хлѣбъ, остатокъ отъ продовольствія ихъ самихъ, крестьянъ и дворовыхъ людей; изъ провинцій, пострадавшихъ отъ неурожая, запрещалось ввозить хлѣбъ въ столицы для продажи, а Петербургъ долженъ былъ снабжаться хлѣбомъ изъ мѣстъ, не потерпѣвшихъ отъ неурожая. Въ 1737 г., послѣ страшныхъ пожаровъ, опустошавшихъ разныя русскія провинціи, вздорожали строительные матеріалы, а вслѣдъ за ними поднялись цѣны на другія жизненныя потребности и, разумѣется, прежде всего на хлѣбъ: былъ изданъ указъ, запрещавшій дальнѣйшее повышеніе цѣнъ. Сохраненіе лѣсовъ не мало озабочивало тогдашнее правительство. Лѣса сильно истреблялись послѣ смерти Петра Великаго, когда перестали дѣйствовать суровыя его взысканія. Въ 1730 г. составлена была опись всѣмъ заповѣднымъ лѣсамъ въ государствѣ для казенныхъ надобностей, а затѣмъ было сдѣлано росписаніе даже заповѣдныхъ лѣсныхъ породъ, къ числу которыхъ относились: дубъ, ясень, кленъ, вязъ, ильма, лиственница и сосна, послѣдняя въ отрубѣ не менѣе 12 вершковъ; за ихъ рубку положены были строгія наказанія: денежные штрафы и даже битье кнутомъ и ссылка въ Сибирь; учреждены вновь вальдмейстеры и лѣсные надсмотрщики; въ безлѣсныхъ, степныхъ мѣстахъ предписывалось

лѣсонасажденіе и засѣвъ лѣсными сѣменами.

Изъ мѣропріятій по внутренней торговлѣ слѣдуетъ отмѣтить открытіе въ 1731 г. судоходства по Ладожскому каналу, что составило полнѣйшій тріумфъ для его строителя, графа Миниха,—и торговыя и промышленныя привилегіи для вновь строившагося гор. Оренбурга (1734—1735 гг.). Во внѣшней торговлѣ, ввозной и вывозной, правительство стояло на почвѣ протекціонизма, зорко слѣдя за тѣми товарами, которые были необходимы для государственныхъ надобностей. Въ концѣ 1730 г. запрещенъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества и смертной казни, вывозъ за границу пороха и свинца и продажа того и другого пріѣзжавшимъ въ Россію иностраннымъ купцамъ; въ 1735 г. то же наказаніе опредѣлено для русскихъ торговцевъ за частную продажу ревеня, въ 1738 г. запрещенъ вывозъ табаку изъ Польши. Принимались мѣры и для упорядоченія внѣшней торговли, которая производилась, главнымъ образомъ, торговыми компаніями, субсидируемыми правительствомъ. Главнѣйшими изъ такихъ компаній были: испанская, англійская, голландская, армянская, китайская (основана въ Сибири въ 1739 г.), индѣйская (въ Астрахани); уставами этихъ компаній регламентировались и улучшались торговые распорядки, въ особенности по торговлѣ съ Китаемъ (указъ 1731 г.), Средней Азіей (ук. 1739 г.) и Персіей. Персидскіе купцы, закупавшіе товары для шаха, освобождены отъ таможенныхъ пошлинъ (указъ 1739 г.). Заключены торговые договоры вновь и подтверждены прежніе, съ западноевропейскими и восточными государствами: съ Испаніей (1732 г.), съ Англіей (1734 г.), съ Швеціей (1735 г.), съ Китаемъ (1732 г.), съ Персіей (1732 г.). Улучшены средства передвиженія торговыхъ судовъ и karавановъ (въ 1732 г. устроена купеческая гавань въ Кронштадтѣ и прорытъ близъ нея морской каналъ); регулирована караванная торговля съ Китаемъ въ 1731 г. и съ Средней Азіей въ 1739 г.; изданы регламенты и „положенія“ для морской торговли и таможенныхъ сборовъ (1731, 1732 и 1737 гг.). Но все это не уничтожило контрабанды и правительство было вынуждено принимать противъ контрабандистовъ строгія мѣры. Такъ, съ 1737 г. „доказчики“ контрабанды стали получать въ награду половину всѣхъ обнаруженныхъ ими запрещенныхъ товаровъ.

Кромѣ заботъ относительно промышленности и торговли при Аннѣ Іоанновнѣ, правительство приняло рядъ мѣръ по внѣшнему народному благосостоянію вообще. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) Учрежденіе правильной почтовой гоньбы между Москвой и Тобольскомъ (1733 г.) и болѣе удобнаго почтоваго сообщенія между Петербургомъ и Кронштадтомъ черезъ Ораніенбаумъ (1735 г.); въ 1740 г. велѣно учредить правильныя почтовыя сообщенія между губернскими, провинціальными и уѣздными городами; 2) въ 1733 г. организована въ этихъ городахъ полиція, при Петрѣ Великомъ бывшая только въ двухъ столицахъ; 3) въ 1736 г. запрещено публичное нищенство; 4) заселеніе степныхъ пространствъ, преимущественно на юговостокѣ и югѣ; въ первой мѣстности выдается въ этомъ отношеніи дѣятельность В. Н. Татищева и Кириллова, въ основаніи Оренбурга и въ цѣломъ рядѣ колонизаціонныхъ мѣръ въ такъ называемой „Оренбургской экспедиціи“; во второй—генералъ-маіора Тараканова, завѣдывавшаго поселеніями ландмилицкихъ полковъ на Украинской и Царицынской линіяхъ.

Что касается до духовной жизни русскаго народа, его религіознаго, нравственнаго и умственнаго развитія, то въ этомъ отношеніи правительственныя мѣропріятія въ царствованіе Анны Іоанновны незначительны. Они распадаются на двѣ категоріи: а) по вопросамъ религіознымъ и б) по учрежденію училищъ. Къ первой категоріи относятся: преслѣдованіе суевѣрій и расколовъ, охраненіе православной религіи и распространеніе ея среди восточныхъ и преимущественно поволжскихъ инородцевъ. По всѣмъ этимъ рубрикамъ замѣчательны слѣдующія распоряженія: строгое преслѣдованіе колдуновъ и преданіе ихъ смертной казни посредствомъ сжиганія (1731 г.); переселеніе малороссійскихъ порубежныхъ раскольниковъ въ дальнія внутреннія провинціи и подчиненіе ихъ монастырей надзору; относительно раскола старообрядства принимались еще слѣдующія мѣры: во-1-хъ, полемическія сочиненія противъ нихъ; во-2-хъ, увѣщанія духовными лицами, учени-

ками извѣстнаго „собесѣдника" со старообрядцами петровскаго времени нижегородскаго епископа Питирима (Авраамій у польской границы и Андроникъ въ Костромѣ); въ-3-хъ, „ревизіи" и иногда просто разореніе ихъ скитовъ: въ 1735 г. былъ разоренъ извѣстный Вѣтковскій скитъ на сѣверѣ Россіи, а въ 1736 г. подверглись „ревизіи" порубежныя къ Польшѣ Стародубскія слободы. Всѣ эти мѣры, конечно, вели къ совершенно противоположнымъ результатамъ: расколъ старообрядства усиливался и распространялся все болѣе и болѣе. Кромѣ раскола въ царствованіе Анны Іоанновны укоренилась одна изъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи религіозно-мистическихъ сектъ — такъ называемой хлыстовщины или „людей Божіихъ", являющаяся какъ бы родоначальницей послѣдующихъ таковыхъ же лжеученій — скопцовъ, духоборцевъ и молоканъ. Среди высшихъ слоевъ тогдашняго петербургскаго общества стала развиваться пропаганда лютеранская и римско-католическая, вслѣдствіе чего указомъ 1735 г. всѣмъ инославнымъ христіанамъ предоставлялась полная свобода исповѣданія, съ непремѣннымъ, однако, условіемъ не распространять этихъ исповѣданій среди православныхъ. Въ 1730 году былъ подтвержденъ законъ о принятіи православія въ извѣстный срокъ татарскими мурзами въ Казанской губ. и законъ этотъ распространенъ на персіянъ проживающихъ въ предѣлахъ Русскаго государства; тѣхъ изъ нихъ, которые не приняли православія, велѣно высылать изъ предѣловъ Россіи. Впрочемъ, запрещено, какъ персіянъ, такъ и плѣнныхъ турокъ, обращать силой въ православіе (указы 1734 и 1739 гг.). Измѣна православію сурово наказывалась: въ 1738 г. назначена смертная казнь за богохульство, и въ томъ же году казненъ смертію флота капитанъ-лейтенантъ Возницынъ за переходъ въ іудейство. Въ дѣлѣ распространенія православія среди татаръ и финскихъ инородцевъ Поволжья особенно выдается дѣятельность двухъ казанскихъ архіепископовъ изъ южноруссовъ: Илларіона Рогалевскаго (1732—1735) и Луки Канашевича (1738—1755), а также архимандрита Богородицкаго Свіяжскаго монастыря Димитрія Сѣченова, впослѣдствіи извѣстнаго митрополита новгородскаго (1757—1767). Среди калмыковъ въ астраханской епархіи успѣшно проповѣдывалъ православіе Никодимъ Ленкевичъ.

Выше приведены были мѣры для образованія шляхетства и солдатскихъ дѣтей; но это образованіе было исключительно профессіональнымъ. Религіозно-нравственное образованіе (и то на бумагѣ, а не на дѣлѣ) предполагалось только для духовенства. По иниціативѣ Ѳеофана Прокоповича и благодаря заботамъ епархіальныхъ архіереевъ изъ южноруссовъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, въ добавленіе къ школамъ, основаннымъ при Петрѣ Великомъ при архіерейскихъ домахъ, заведены славяно-латинскія школы, по типу южнорусскихъ духовныхъ школъ, названныхъ семинаріями. Но въ нихъ учителя преподавали плохо, а учениковъ было мало, да и тѣхъ приходилось насильно загонять въ школы. Вотъ перечень 16 городовъ, въ которыхъ открыты духовныя семинаріи въ царствованіе Анны Іоанновны, съ обозначеніемъ годовъ, въ которые они были открыты: 1730 — Холмогоры; 1731 — Воронежъ, Коломна; 1732—Невскій монастырь въ С.-Петербургѣ; 1735—Казань, Псковъ; 1735—Вятка; 1738 — Нижній-Новгородъ, Рязань, Тобольскъ, Устюгъ; 1739 — Вязьма, Тверь, Ростовъ; 1740—Суздаль, Новгородъ. Въ Казанской губерніи было открыто 4 школы для обученія русскому языку и православному вѣроученію поволжскихъ инородцевъ.

Отъ школъ для духовенства естественъ переходъ къ матеріальному и нравственному положенію самого духовенства въ царствованіе Анны Іоанновны. Монахи, въ особенности въ глухихъ провинціальныхъ монастыряхъ, заподозривались въ суевѣріи и ересяхъ и строго за это преслѣдовались. Монастырскія и архіерейскія вотчины терпѣли взысканія по недоимкамъ въ государственныхъ податяхъ и сборахъ и были почти совершенно разорены. Положеніе бѣлаго духовенства было еще плачевнѣе. Священно—и церковослужители преслѣдовались за „небытіе у присяги" при воцареніи Анны Іоанновны, или за позднее ея принесеніе: ихъ привлекали въ Тайную канцелярію, били плетьми, брали въ рекруты; а всѣхъ церковниковъ (т.-е. дѣтей священно-и церковнослужителей, не имѣвшихъ духовнаго сана), кромѣ обучавшихся въ духовныхъ школахъ, записывали въ подушный окладъ. Отъ это-

го ряды бѣлаго духовенства рѣдѣли: къ 1740 г. оказалось 600 церквей безъ причтовъ.

Возобновленная въ 1731 году Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія ввѣрена А. И. Ушакову, жестокость котораго при допросахъ снискала ему среди современниковъ репутацію безжалостнаго „заплечныхъ дѣлъ мастера". Отдѣленіе этой канцеляріи подъ именемъ конторы было открыто въ Москвѣ, подъ главнымъ начальствомъ родственника Императрицы, С. А. Салтыкова. Въ Тайной канцеляріи и ея конторѣ были сосредоточены политическіе процессы, имѣвшіе въ то время весьма растяжимое опредѣленіе. Подъ „государево слово и дѣло" подводились не только въ дѣйствительности неосторожно-сказанныя слова, но и вымышленныя доносчиками и не только про личность Императрицы и особъ царской фамиліи, но и противъ близкихъ ко Двору лицъ, въ особенности иноземцевъ, и проступки чисто служебнаго характера, которые должны бы быть наказуемы мѣрами дисциплинарными (какъ, напр., неаккуратное служеніе священниками молебновъ въ царскіе дни). Въ Тайную канцелярію и ея контору привлекались въ громадномъ числѣ не только лица высокопоставленныя, какъ князья Долгорукіе и Голицыны, Волынской съ товарищами и множество архіереевъ, но масса монаховъ, бѣлаго духовенства, раскольниковъ, офицеровъ, чиновниковъ, солдатъ, мѣщанъ, крестьянъ. Пытками вымучивали у нихъ сознаніе иногда въ небывалой винѣ и послѣ нещаднаго тѣлеснаго наказанія ссылали ихъ въ крѣпостныя работы, на казенные заводы и въ Сибирь.

Политическіе процессы, наполняющіе все царствованіе Анны Іоанновны, открываются съ преслѣдованія вліятельныхъ лицъ, стремившихся къ ограниченію самодержавія при избраніи Императрицы, или медлившихъ признать ея самодержавіе и, наконецъ, не признававшихъ ея правъ быть русскою Императрицею.

Опала постигла прежде всего князей Долгорукихъ, сторонниковъ ограниченія самодержавной власти Анны Іоанновны и игравшихъ наиболѣе вліятельную роль при Петрѣ II: его воспитателя князя Алексѣя Григорьевича, отца невѣсты юнаго Императора Петра II княжны Екатерины, и фаворита его, князя Ивана Алексѣевича. Въ апрѣлѣ 1730 г. князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой со всей своей многочисленной семьей сосланъ въ Березовъ. Его братья — князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи Долгорукіе и сестра Александра Григорьевна Салтыкова пострадали также. Князь Сергѣй со всей семьей былъ сосланъ въ свою Касимовскую вотчину; князь Иванъ—также въ отдаленную свою деревню, а сестра ихъ заключена въ Нижегородскій Рождественскій женскій монастырь. Князь Василій Лукичъ Долгорукой, ѣздившій къ Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву, въ числѣ трехъ „депутатовъ", съ „кондиціями" В. Т. Совѣта, былъ сосланъ сначала въ одну изъ дальнихъ своихъ деревень, а затѣмъ заключенъ въ Соловецкій монастырь. Черезъ девять лѣтъ большинство изъ названныхъ князей Долгорукихъ трагически окончили свою жизнь. Когда сдѣлалось извѣстнымъ составленіе многими изъ нихъ подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени умиравшаго Петра II о назначеніи ему преемницей его невѣсты княжны Екатерины, то всѣ участники въ составленіи этой духовной подверглись лютой карѣ: въ исходѣ 1739 г. казнены смертью въ Новгородѣ князья Долгорукіе Иванъ Алексѣевичъ, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ; (отецъ фаворита, князь Алексѣй Григорьевичъ, умеръ въ Березовѣ вскорѣ послѣ ссылки туда). Фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукаго и его брата Михаила Владиміровича опала коснулась нѣсколько позже. Михаилъ Владиміровичъ въ 1730 г. былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань, но не успѣлъ онъ еще отправиться къ мѣсту назначенія, какъ былъ сосланъ на житье въ свою Боровскую деревню. Старшаго его брата, фельдмаршала, какъ человѣка очень популярнаго среди войска, боялись тронуть и лишь въ исходѣ 1731 г. придрались къ нѣкоторымъ неосторожнымъ его разговорамъ, которые онъ велъ въ интимномъ кружкѣ объ Императрицѣ и начинавшемъ входить въ силу ея нѣмецкомъ правительствѣ. Онъ былъ заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, а черезъ 6 лѣтъ переведенъ въ Ивангородъ (близъ Нарвы); въ 1739 г. при казни князей Долгорукихъ въ Новгородѣ, онъ подвергся болѣе тяжкому заключенію въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ пробылъ до воцаренія Императрицы Елизаветы Петровны.

Князья Голицыны въ теченіе царствованія Петра II не выдвигались впередъ, какъ князья Долгорукіе, и хотя старшій изъ нихъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, и былъ иниціаторомъ ограниченія власти Анны Іоанновны, но онъ игралъ слишкомъ видную роль среди тогдашней московской знати, чтобы люди, окружавшіе Императрицу, рѣшились скоро наложить на него руку. Удобный предлогъ для этого подвернулся только въ 1736 г. въ видѣ гражданскаго процесса зятя князя Дмитрія Михаиловича Голицына—князя К. Д. Кантемира. Князь Д. М. Голицынъ былъ замѣшанъ въ этотъ процессъ, обвиненъ не только въ служебныхъ злоупотребленіяхъ, но и въ намѣреніи „ниспровергнуть“ государственный и божескій „законъ“, и заключенъ въ 1737 г. въ Шлюссельбургскую крѣпость, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. По этому дѣлу пострадали также: его братъ, князь Михаилъ Михаиловичъ меньшой Голицынъ, одинъ изъ трехъ депутатовъ, посланныхъ къ Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву съ „кондиціями“ В. Т. Совѣта,—сынъ князя Д. М. Голицына, князь Алексѣй Дмитріевичъ, и племянникъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ. Первый изъ нихъ опредѣленъ на службу прапорщикомъ въ Кизлярскій гарнизонъ, второй—сосланъ въ Тавровъ, къ строенію судовъ, а послѣдній назначенъ „управителемъ“ въ отдаленный сибирскій городокъ Нарымъ.

Но самымъ крупнымъ изъ политическихъ процессовъ царствованія Анны Іоанновны былъ процессъ оберъ-егермейстера и кабинетъ-министра А. П. Волынскаго, казненнаго въ 1740 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Императрицы, вмѣстѣ съ двумя своими „конфидентами“—Еропкинымъ и Хрущовымъ. Два другихъ сторонника Волынскаго—Соймоновъ и графъ П. И. Мусинъ-Пушкинъ, были наказаны тѣлесно и сосланы въ Сибирь и въ Соловецкій монастырь. Волынской и лица его кружка не были виновны въ стремленіи ограничить власть Анны Іоанновны при ея воцареніи, а осуждены за систематическое „охуленіе“ ея иноземнаго правительства, за рѣзкіе отзывы о самой Императрицѣ и за составленіе политическихъ проектовъ, направленныхъ къ измѣненію государственнаго управленія въ Россіи. Процессъ Волынскаго надѣлалъ много шуму и среди современниковъ, и въ потомствѣ, во-первыхъ, потому что жертвами его были образованные и высокопоставленные русскіе люди, политическія мечтанія которыхъ были основаны на ненависти къ правителямъ-нѣмцамъ; во-вторыхъ, потому, что казнь этихъ русскихъ людей произошла почти неожиданно, на глазахъ у всѣхъ, въ Петербургѣ, а не была подготовлена предварительной ихъ ссылкой, какъ князей Долгорукихъ, казненныхъ вдали отъ столицы.

За русскими сановниками подвергся опалѣ цѣлый рядъ архіереевъ, состоявшихъ въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Оффиціальными обвиненіями ихъ являлись: непризнаніе самодержавія Анны Іоанновны, симпатіи къ верховникамъ, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, ея племяннику голштинскому принцу Петру-Ульриху, къ первой супругѣ Петра Великаго Евдокіи Лопухиной, еще находившейся въ живыхъ въ 1730 г., въ полемикѣ противъ протестантовъ, наконецъ, просто въ ереси. Такъ, съ 1730 по 1736 годъ были привлечены къ розыску, разстрижены и сосланы въ заточеніе слѣдующіе архіереи: воронежскій—Левъ Юрловъ, ростовскій — Георгій Дашковъ, коломенскій — Игнатій Смола, кіевскій—Варлаамъ Вонатовичъ, казанскій—Сильвестръ Холмскій, тверской — Ѳеофилактъ Лопатинскій. Послѣ 1736 г. потеряли каѳедры еще трое архіереевъ: Досиѳей—курскій, Илларіонъ—черниговскій, Варлаамъ—псковскій.

Въ 1734 г. Тайная канцелярія разсматривала дѣло смоленскаго губернатора, князя Черкасскаго, симпатизировавшаго голштинскому принцу Петру-Ульриху, котораго онъ считалъ законнымъ наслѣдникомъ русскаго престола, и желавшаго передать Смоленскую губернію подъ его протекторатъ. Князь Черкасскій былъ сосланъ въ Сибирь. Въ 1738 г. правительство Анны Іоанновны было очень встревожено явленіемъ, перешедшимъ въ новую Русь съ XVII в. и волновавшимъ русскую землю въ теченіе всего XVIII в. Мы разумѣемъ самозванство. Въ 1738 г. проявился въ Малороссіи самозванецъ, нѣкто Иванъ Миницкій, выдававшій себя за царевича Алексѣя Петровича. Ему оказывали царскія почести въ деревняхъ нѣсколько казаковъ, мѣщанъ и солдатъ, а въ особенности свя-

щенникъ Гаврила Могило. Миницкій и Могило были посажены на колъ.

Сочувствіе къ дому Петра Великаго выражалось не только въ единичныхъ симпатіяхъ къ его внуку, голштинскому принцу, и къ памяти о его сынѣ, царевичѣ Алексѣѣ, но и въ широкой популярности, которой пользовалась среди духовенства, низшихъ классовъ и солдатъ—дочь Петра Великаго, цесаревна Елизавета Петровна, жившая вдали отъ Двора и любившая весело проводить время въ кругу близкихъ ей людей, въ особенности въ своемъ подмосковномъ селѣ Покровскомъ. Преслѣдовать оффиціально Елизавету Петровну было опасно, а потому надъ ней былъ учрежденъ тайный, но очень дѣятельный надзоръ. Забота объ укрѣпленіи на русскомъ престолѣ своей линіи, потомства царя Іоанна Алексѣевича, представляла для Анны Іоанновны не мало затрудненій. Кромѣ указанныхъ выше симпатій въ разныхъ классахъ общества къ „первому Императору" и его родственникамъ, Аннѣ Іоанновнѣ въ данномъ вопросѣ приходилось бороться, такъ сказать, съ фактическими препятствіями. Уже вслѣдъ за объявленіемъ себя самодержавной Императрицей, ее весьма естественно сталъ озабочивать вопросъ о престолонаслѣдіи. Лично она отказалась отъ замужества, и новое искательство ея руки со стороны Морица Саксонскаго, а затѣмъ предложеніе португальскаго инфанта Эммануила—отклонены Анною Іоанновною. Императрица, по совѣту Остермана и Рейнгольда Лёвенвольде, рѣшила упрочить наслѣдіе русскаго престола въ потомствѣ своей племянницы, дочери мекленбургской герцогини Екатерины Іоанновны, Анны Леопольдовны, имѣвшей при воцареніи Анны Іоанновны съ небольшимъ 11 лѣтъ отъ роду. Храня въ тайнѣ это намѣреніе, она 17-го декабря 1731 г. обнародовала манифестъ объ учиненіи всенародной присяги въ вѣрности Наслѣднику россійскаго престола, котораго она назначитъ, безъ обозначенія имени, и вмѣстѣ съ тѣмъ стала хлопотать о подысканіи подходящаго жениха для своей племянницы. Два года шли эти поиски, и, наконецъ, выборъ Императрицы остановился на принцѣ браушвейгъ-люнебургскомъ Антонѣ-Ульрихѣ, племянникѣ (по женѣ) нѣмецкаго императора Карла VI. Въ началѣ 1733 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, но былъ обвѣнчанъ съ своей невѣстой лишь черезъ шесть лѣтъ. Анну Леопольдовну все это время приготовляли къ ожидавшей ея судьбѣ: наставляли въ истинахъ православной религіи, обучали французскому языку и придворному ритуалу. Женихъ не понравился ни Императрицѣ, ни невѣстѣ, тѣмъ не менѣе, по политическимъ соображеніямъ, бракъ былъ утвержденъ въ принципѣ и свадьба совершилась въ Петербургѣ 3-го іюля 1739 года. 12-го августа 1740 года родился у Анны Леопольдовны сынъ—Іоаннъ Антоновичъ, объявленный наслѣдникомъ россійскаго престола.

Внѣшняя политика Императрицы Анны Іоанновны, обусловливаясь союзомъ Петербургскаго кабинета съ нѣмецкимъ императоромъ Карломъ VI (по трактату 1726 г.), выдвинула, главнымъ образомъ *четыре вопроса*, изъ которыхъ *два* были существенно важны въ общемъ историческомъ развитіи Россіи, а другіе *два*—въ настоящее время неимѣющіе никакого значенія,—въ то время, особенно съ точки зрѣнія правителей-нѣмцевъ, быть можетъ представлялись имъ гораздо важнѣе двухъ первыхъ. Первые два вопроса—это *польскій* и *восточный*; вторые два—*голштинскій* и *курляндскій*.

Франція со времени еще Петра Великаго недружелюбно относилась къ Россіи по причинамъ, указаннымъ выше. „Для союза съ Россіей,—говоритъ Вандаль, одинъ изъ современныхъ французскихъ историковъ,—намъ предстояло отречься отъ нашихъ старѣйшихъ традицій. Существуютъ преданія дипломатическія, какъ и преданія военныя, которыя бываютъ одинаково непригодны; союзъ Франціи въ теченіе почти всего XVIII в. съ Турціею, Швеціею и Польшей можетъ по справедливости считаться въ числѣ такихъ дипломатическихъ преданій. Территоріальный ростъ Россіи естественно могъ совершаться только въ ущербъ территоріи этихъ трехъ государствъ, и только отреченіемъ отъ покровительства имъ, допущеніемъ ихъ мало-помалу снизойти до вассальныхъ отношеній къ Царю,—могла Франція надѣяться пріобрѣсти симпатіи Россіи, заслужить ея благодарность, создать между нею и нами традиціи сближенія, противопоставить въ нашихъ союзныхъ комбинаціяхъ юную, но мощную монархію, старымъ европейскимъ

государствамъ". Но такой точки зрѣнія не могли понять ни въ первую, ни во вторую половину XVIII в. ни французскіе Бурбоны, ни тогдашніе русскіе дипломаты.

1-го февраля 1733 г. умеръ польскій король Августъ II, и въ „шляхетской республикѣ" наступало оффиціальное междуцарствіе, для избранія ему преемника. Какъ и прежде, съ самаго начала въ Польшѣ королевско-избирательнаго режима, сильныя континентальныя государства, наиболѣе заинтересованныя въ вопросѣ о томъ, кому занять престолъ Пяста, стали предъявлять сейму своихъ кандидатовъ въ короли; такихъ государствъ было три: Россія, Нѣмецкая имперія и Франція; кромѣ того, образовалась и національная партія, съ Теодоромъ Потоцкимъ во главѣ, вотировавшая за короля изъ поляковъ. Россія, соединившись съ Вѣнскимъ Дворомъ, стояла за общаго имъ кандидата, сына умершаго короля, курфюрста саксонскаго Августа, Франція—за Станислава Лещинскаго, котораго поддерживалъ и примасъ королевства Польскаго. Лещинскій прибылъ самъ въ Варшаву и былъ избранъ въ короли польскіе огромнымъ большинствомъ сейма 9-го сентября 1733 г. Саксонія и русскія войска вытѣснили Лещинскаго въ Данцигъ и подъ ихъ защитой Августъ Саксонскій былъ избранъ въ короли польскіе 5-го октября и короновался, принявъ имя Августа III. Данцигъ былъ осажденъ и бомбардированъ русскими войсками сперва подъ начальствомъ Ласси, затѣмъ Миниха, и, несмотря на мужественную четырехмѣсячную защиту, долженъ былъ отворить ворота побѣдителю (30-го іюня 1734 г.). Французскій отрядъ, присланный Людовикомъ XV въ помощь тестю, былъ взятъ въ плѣнъ, городъ Данцигъ заплатилъ намъ контрибуцію въ одинъ милліонъ червонцевъ и долженъ былъ отправить къ Аннѣ Іоанновнѣ депутацію, для исходатайствованія прощенія въ „мятежѣ". Къ ней же отправлены были плѣнные французскіе офицеры, которымъ она великодушно возвратила свободу, а Станиславу Лещинскому удалось бѣжать изъ Данцига, во время его осады, переодѣвшись въ крестьянское платье. Неудачи Станислава Лещинскаго втянули нѣмецкаго императора въ войну съ Людовикомъ XV, вступившимся за своего тестя. Война эта, продолжавшаяся съ 11-го октября 1733 по іюль 1735 г., дорого стоила Карлу VI, войска котораго всюду разбивались французами и ихъ союзниками, несмотря на то, что главнокомандующимъ имперскими войсками былъ извѣстный въ XVIII вѣкѣ полководецъ принцъ Евгеній Савойскій. Императрица Анна Іоанновна отправила Карлу VI вспомогательный корпусъ подъ главнымъ начальствомъ генерала Ласси (въ іюнѣ 1735 г.), но помощь эта пришла слишкомъ поздно. Русскія войска достигли Рейна въ то время, когда Версальскій дворъ изъявилъ желаніе примириться. Людовикъ XV призналъ Августа III польскимъ королемъ, а Карлъ VI уступилъ Станиславу Лещинскому Лотарингію въ пожизненное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы область эта послѣ его смерти была присоединена къ Франціи. Окончательный миръ между Нѣмецкой имперіей и французами былъ заключенъ въ Вѣнѣ въ 1738 г.

Курляндскій вопросъ, столь близкій сердцу Анны Іоанновны по ея судьбѣ до воцаренія, находился въ непосредственной связи съ разрѣшеніемъ вопроса польскаго. Саксонскій курфюрстъ Станиславъ Августъ, съ цѣлью болѣе расположить къ себѣ Россійскую императрицу, „секретнымъ артикуломъ" 30-го сентября 1733 г. обязался по прекращеніи Кетлеровой династіи въ Курляндіи, герцогскую курляндскую корону вручить оберъ-камергеру Э. І. Бирону. Въ 1737 г. умеръ послѣдній Кетлеръ, курляндскій герцогъ Фердинандъ; Биронъ, при помощи русскихъ войскъ, былъ избранъ герцогомъ Курляндскимъ и Семигальскимъ и признанъ въ этомъ достоинствѣ королемъ польскимъ и императоромъ нѣмецкимъ.

Голштинскій вопросъ былъ оконченъ еще раньше. Рѣшившись утвердить на русскомъ императорскомъ престолѣ потомство своей племянницы, Анны Леопольдовны, принцессы Мекленбургской, Анна Іоанновна поторопилась принять мѣры, для отстраненія отъ престолонаслѣдія внука Петра Великаго, принца Петра Ульриха Голштинскаго (впослѣдствіи занявшаго русскій императорскій престолъ съ именемъ Петра III). Въ 1732 г., 26 го мая, при посредничествѣ нѣмецкаго императора Карла VI, была заключена конвенція съ Даніей, по которой эта держава обязывалась уплатить герцогу Голштинскому за отнятую у него Даніей часть владѣній еще въ Сѣверную войну — милліонъ рейхсталеровъ, съ тѣмъ, что если въ теченіе двухъ лѣтъ онъ

не приметъ этой суммы, считать спорное дѣло за Шлезвигъ конченнымъ въ пользу Даніи; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ датскимъ королемъ Анна Іоанновна и Карлъ VI заключили оборонительный договоръ, которымъ обезпечивали цѣлость и неприкосновенность датскихъ владѣній,

Восточный вопросъ былъ при Аннѣ Іоанновнѣ разрѣшенъ весьма неудачно. Онъ обусловливался въ то время нашими отношеніями къ укрѣпленію русской власти надъ двумя южными морями: Каспійскимъ и Чернымъ, при чемъ естественно мы сталкивались съ двумя сильными тогдашними восточными державами — Персіей и Турціей. Потерпѣвъ неудачи относительно Чернаго моря, въ началѣ своего царствованія, въ походахъ Азовскихъ, и въ Прутскомъ походѣ 1711 г., Петръ Великій подъ конецъ царствованія устремилъ все свое вниманіе на море Каспійское, и въ исходѣ 1723 г., хотя и съ большими затрудненіями, занялъ персидскія провинціи на южномъ и западномъ Каспійскомъ побережьи. Сохранять въ этихъ провинціяхъ русскую власть послѣ Петра Великаго было очень убыточно: потеря большого числа людей и денегъ удручали правительства Екатерины I и Верховнаго Тайнаго Совѣта при Петрѣ II. Правительство Анны Іоанновны не имѣло силы бороться съ грознымъ Надиромъ, ставшимъ первымъ полководцемъ слабаго шаха Тамасипа. Съ Персіей былъ заключенъ въ 1732 г. въ Рящѣ миръ, по которому Россія отказалась отъ всѣхъ завоеваній Петра Великаго.

Непріязненныя отношенія къ Турціи начались въ 1735 г. неудачной осенней экспедиціей генерала Леонтьева въ Крымъ, вслѣдствіе набѣговъ крымцевъ на южную русскую окраину. Недостатокъ провіанта и развившіяся отъ того болѣзни въ арміи заставили его отступить въ Малороссію на зимнія квартиры. Въ 1736 г. открылись было военныя дѣйствія противъ Турціи. Въ іюнѣ 1736 г. двѣ русскія арміи, подъ начальствомъ графа Миниха и Ласси, направились къ Черноморью. Первый взялъ Перекопъ, проникъ въ Крымъ и опустошилъ западную его часть до самой столицы ханской—Бахчисарая; второй овладѣлъ Азовомъ; генералу Леонтьеву сдался Кинбурнъ; но русскія войска не могли зазимовать въ занятыхъ ими мѣстностяхъ, за отсутствіемъ продовольствія для войскъ, и принуждены были возвратиться въ предѣлы Россіи. Между тѣмъ, крымскій ханъ оправился отъ нанесенныхъ ему пораженій, а султанъ турецкій успѣлъ заключить миръ съ Персіей, съ которой Турція воевала съ 1730 г. Лѣтніе походы Миниха и Ласси въ слѣдующемъ 1737 г. совершились при помощи имперскихъ войскъ. Дѣйствія русскихъ были по прежнему удачны. Ласси, проникнувъ въ Крымъ, опустошилъ восточную его половину, а Минихъ взялъ приступомъ Очаковъ. Генералы Карла VI, наоборотъ терпѣли пораженіе отъ турокъ въ Сербіи Босніи и Валахіи; турки осадили Бѣлградъ принадлежавшій въ то время нѣмецкому императору. По инціативѣ Карла VI открылись мирные переговоры съ турками при участіи и русскихъ уполномоченныхъ въ Немировѣ, но не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; въ 1738 г. Карлъ VI снова просилъ мира, обратившись къ посредничеству своего недавняго врага—французскаго короля Людовика XV, несмотря на новыя побѣды русскихъ: 17-го августа 1739 г. Минихъ одержалъ блестящую побѣду надъ турецкимъ визиремъ при Ставучанахъ, близъ Хотина, который безъ выстрѣла былъ занятъ русскими войсками. Визирь бѣжалъ къ Дунаю, а Молдавія признала надъ собою русскую власть. Мирный договоръ въ Бѣлградѣ былъ подписанъ черезъ нѣсколько дней послѣ Ставучанской побѣды—1-го сентября 1739 г. Нѣмецкій императоръ отдалъ Турціи принадлежавшія ему части Валахіи и Сербіи, съ Бѣлградомъ и Орсовой; Россія возвратила Турціи Очаковъ и Хотинъ, обязалась не угрожать крымскому хану, получила право отправлять свои товары въ Константинополь, но не иначе, какъ на турецкихъ судахъ; султанъ уступилъ Россіи степь между Бугомъ и Донцомъ и обязался срыть укрѣпленія Азова, признаннаго непринадлежащимъ ни Россіи, ни Турціи. Такъ была вознаграждена Россія за войну, стоившую ей 100.000 солдатъ и милліоны денегъ, что̀ не помѣшало, однако, Аннѣ Іоанновнѣ отпраздновать бѣлградскій миръ въ Петербургѣ 14-го февраля 1740 г. цѣлымъ рядомъ торжествъ и служебныхъ наградъ Миниху, Ласси и другимъ генераламъ и „гг. министрамъ“.

Со времени мирныхъ переговоровъ съ Турціей, при посредничествѣ Франціи, стали улучшаться и къ послѣдней отношенія

Россіи. Вслѣдъ за бѣлградскимъ миромъ назначенъ былъ французскій посланникъ при Петербургскомъ Дворѣ. То былъ маркизъ де-ла-Шетарди, принявшій въ скоромъ времени столь дѣятельное участіе въ воцареніи Елизаветы Петровны; къ Версальскому Двору отправился русскій посланникъ, извѣстный сатирикъ князь Антіохъ Кантемиръ.

17-го октября 1740 г. Анна Іоанновна скончалась, оставивъ русскій императорскій престолъ двухмѣсячному младенцу Іоанну Антоновичу, подъ регентствомъ курляндскаго герцога Э. І. Бирона.

Главнѣйшіе изъ изданныхъ источниковъ: 1) Письма русскихъ государей и друг. особъ царскаго семейства, изд. Коммиссіи печат. Госуд. грам. и догов., кн. IV, М. 1862. Переписка герцогини курляндской Анны Іоанновны. — 2) Переписка Импер. Анны Іоанновны съ С. А. Салтыковымъ (1732—1740 гг.). въ Чт. Моск. общ. ист. и др. рос. 1878 г., кн. I.—3) Полн. Собр. Зак., т. VII—XI.—4) Описаніе Высоч. повел., хранящ. въ архивѣ Правит. Сената, сост. П. И. Барановымъ, т. II, Спб., 1875 г.—5) Управленіе Всерос. имперіи во время бывшаго В. Т. С., сводъ изъ его протоколовъ, печатн. указовъ и др. источн., составл. А. Ѳ. Малиновскимъ, напеч. въ Чт. Моск общ. ист. и др. рос., 1858, кн. II.—6) Сказаніе Ѳеофана Прокоповича «о кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны». Напеч. по неисправному списку А. В. Терещенкой, С. Отеч. 1837 г., ч. CLXXXIV и отд., въ томъ же году; лучшее изд. Д. И. Языкова, въ прилож. къ «Запискамъ дюка Лирійскаго и Бервикскаго», Спб. 1845 г.—7) Записки Х. Г. Манштейна. Писаны по французски послѣ 1745 г. Изданія на франц. яз., съ передѣлками. Лучшіе переводы: англійскій, Лондонъ 1770 г.; нѣмецкій, Лейпцигъ 1771 г., русскій, редакціи «Русск. Стар.», Спб. 1875 г.—8) Графа Б. Х. Миниха (фельдмаршала): «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie», Copen. 1774 г.; русскій переводъ Е. П. Карповича: «Записки Б. Х. Миниха», Спб. 1874 г.; другой переводъ въ «Рус. Стар.» 1874 г., т. IX.—9—10) Записки графа Эрн. Миниха (сына фельдмаршала), изд. въ русскомъ переводѣ. Спб. 1817 г.—Лучшее изд. М. И. Семевскаго. Спб. 1890 г. Его-же: «Примѣчанія на Записки Манштейна», лучшее изданіе «Рус. Стар.» 1879 г., т. XXVI (Историко-критическое изслѣдованіе о нихъ А. Я. Юргенсона, ibid. 1887 года, т. LIV).—11) «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», записки кн. М. М. Щербатова (напис. въ исходѣ XVIII в.); лучшее изд. «Рус. Ст.», 1871 г., т. II и III.—12) Записки кн. А. И. Шаховскаго, лучшее изд. «Рус. Стар.», Спб. 1872 г.—13) Письма леди Рондо, супруги англ. посла, изд. подъ редакц. С. Н. Шубинскаго, Спб. 1874 г. Другой переводъ, «Рус. Стар.» 1873 г., т. VIII. Поясненія къ нимъ Г. Фр. Миллера, ibid, 1878 г., т. XXI.—14) Lettres Moscovites, приписс. итальянцу Локателли. Изд. анонимное, Paris 1736. (Много интересныхъ свѣдѣній о положеніи иностранцевъ въ царств. Анны Іоанновны и о состояніи разныхъ отраслей госуд. управл.). Донесенія иностранныхъ пословъ своимъ Дворамъ помѣщены: 15) англ. и франц., въ извлеченіи въ сборникѣ Раумера «Beiträge zur neuern Geschichte». Leipzig. 1836—1839 (5 томовъ), а оттуда въ сборникѣ «La cour de Russie il y a cent ans (1725—1783), Leipzig, 1-е изд. 1858 г., 3-е изд. 1860 г.—10) въ «Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.». саксонскихъ пословъ Лефорта, гр. Линара, Пецольда и Зума (т. III, V, VI и XX) и прусскаго Мардефельда (т. XV).—17) Характеристики разн. важн. русск. санов. ц—нія Анны Іоанновны англійскаго резидента Кл. Рондо, въ «Чт. Моск. Общ. ист. и др. рос.» 1861 г., кн. II.—18) Донесенія французскихъ резидентовъ: Маньяна и де-Бюсси, въ приложеніи къ книгѣ Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes», éd. de Bruxelles, 1847, v. III и въ русскомъ переводѣ въ I т. Пам. нов. русск. ист., изд. Кашпиревымъ, т. I.—Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи, акад. П. П. Пекарскаго, Спб. 1862 г.—«Сборникъ Имп. Русск. Истор., Общ.», т. 86, 91 и 96.—Инструкціи французскимъ посламъ при русскомъ Дворѣ съ 1726 по 1742 г., въ оффиц. сборникѣ, изд. французскимъ министерствомъ иностр. дѣлъ «Recueils des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France etc», t. VIII, Paris. 1890. (Сношенія съ Россіей редактировалъ проф. Рамбо).—19) Донесенія, дневникъ и характеристики важн. лицъ ц—нія Петра II и Анны Іоанновны испанскаго посла герцога де-Лиріа, въ сборникѣ Бартенева, XVIII-й вѣкъ, кн. II и III (перев. съ испанскаго священника К. Л. Кустодіева) и въ изданіи Записокъ дюка де-Лиріа, въ «С. От.» 1839 г. и отд. изд. Д. И. Языкова, Спб., 1845 г. Послѣднее изданіе представляетъ неправильный переводъ, съ произвольнымъ заглавіемъ, дневника де-Лиріа. Извлеченія изъ дневника и характеристикъ съ поправками ошибокъ перевода Языкова въ «Рус. Стар.» 1873 г. т. VIII.—20) Датскаго посла Вестфалена (1730 г.) въ прилож. къ монографіи Д. А. Корсакова «Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны.—21) B. v. Wichmann, Chronologische Uebersicht der Russischen Geschichte von der Geburt Peters des Grossen, Leipz., 1821, I-er Bd., 2-er Fh. (Указаны всѣ источники, откуда заимств. свѣдѣнія, какъ русскія, такъ и иностранныя).

Кромѣ того помѣщено не мало частныхъ источниковъ по отдѣльнымъ эпизодамъ изъ жизни Анны Іоанновны въ слѣдующихъ историческихъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ: 1) Büsching'a, «Magazin für die neue Historie und Geographie», Hamb. и Halle, 1767—1788, 22 тома; 2) Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и др. рос., начиная съ 1861 г.; 3) Русскомъ Архивѣ, изд. П. И. Бартенева; 4) «Русской Старинѣ», изд. М. И. Семевскаго; 5) Древней и Новой Россіи, изд. В. И. Граціанскаго (1875—1880 г.); 6) Истор. Вѣстн., ред. С. Н. Шубинскаго (1880—1890 г.); 7) Утрѣ, сборн. М. П. Погодина, на 1859 г.; 8) Памятн. нов. рус. ист., изд. Кашпиревымъ, 1870—1872 г., 3 т. (часть статей этого сборника издана подъ именемъ «Русск. Ист. Сборника» Михайловымъ, Спб.); 9) Сборн. отд. русск. языка и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, Спб. 1872 г. (Бумаги К. И. Арсеньева, изд. академ. Пекарскимъ).

Монографіи и изслѣдованія.

I. *Обзоръ царствованія Анны Іоанновны вообще По-русски:* 1) Вейдемейеръ. Обзоръ главн. проис-

шествій съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны. Спб., 1-е изд. 1834 г.; 4-е изд. 1848 г. (Компиляція, главн. обр. на основаніи иностр. источниковъ, и вслѣдствіе малодоступности ихъ, для своего времени имѣвшая значеніе). 2) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйш. временъ, т.т. XIX—XX (много новаго архивнаго матеріала). 3) Н. И. Костомаровъ, Импер. Анна Іоанновна и ея ц—віе (съ множ. рисунковъ), «Новь», журн. изд. Вольфомъ, 1885 г., т. III и IV (компилятивнаго характера, но живо написан.). Эта монографія напечатана также въ послѣднемъ томѣ нов. изданія «Русск. Ист. въ жизнеоп. главнѣйш. ея дѣятелей» Костомарова, изд. 1888 г. Спб. *На иностранныхъ языкахъ:* 4) Geschichte und Thaaten der jüngstverstorbenen Kais. Anna, I. Petersb. 1741 года (имѣетъ значеніе, какъ выраженіе взгляда современниковъ нѣмцевъ на Анну Іоанновну: это панегирикъ ей и Бирону). 5) Schmidt-Fiseldeck. Materialien zu der Russischen Gesch. seit dem Tode Kais. Peter des Grossen, Riga, 1777 — 1784, 2 тома. (Встрѣчаются данныя, не наход. въ указанныхъ выше источникахъ и много изъ русск. архив. матеріаловъ). 6) J. B. Bartold, «Anna Ioannowna», моногр., составл. на осн. иностр. источниковъ и монографій, въ I т. сборника Ромера «Historisch. Taschenbuch», 1836, Bd. I.— 7) Hermann, Geschichte des Russischen Staates, Bd. IV, Hamburg. 1849. (Лучшее изъ писаннаго по нѣмецки объ Аннѣ Іоанновнѣ). Русскій переводъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г.—8) Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow, Genève, 1867, t. I. (Это не записки князя П. В. Долгорукаго, русскаго эмигранта, публициста и истор. писателя, а собраніе свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ и монографій, русскихъ и иностранныхъ, а также и изъ устныхъ преданій, о событіяхъ изъ жизни знатнѣйшихъ русскихъ фамилій за перв. полов. XVIII в. Времени Анны Іоанновны отведено здѣсь много мѣста). II. *Жизнь Анны Іоанновны до ея восшествія на престолъ.* 9) М. И. Семевскій. Царица Прасковья, отд. изд. Спб. 1883 г.—10) П. К. Щебальскій. Морицъ Саксонскій и кн. Меншиковъ, «Рус. Вѣст.» 1860 г. т. XXI.—11) Е. П. Карповичъ. Вмѣшательство русской политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ. Др. и Нов. Россія 1875 г. III.—12) Saint René Tallandier «Maurice de Saxe». 2-e édit., Paris. 1870.— 13) П. И. Барановъ «Государыня Анна Ив. до восшествія ея на престолъ въ ея письмахъ», «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLIV.—III. *Воцареніе Анны Іоанновны:* 14) П. К. Щебальскій. «Восшествіе на престолъ Импер. Анны Іоанновны», «Рус. Вѣст.» 1858 г., т. XIX.—15) С. М. Соловьевъ. «Птенцы Петра В.», «Рус. Вѣст.» 1861 года, т. XXXIII.—16) Н. А. Поповъ, «Татищевъ и его время», М. 1861 г. (2-я глава).—17) І. Н. Шишкинъ. «Восшествіе на престолъ Анны Іоанновны», «Сѣверное Сіяніе» 1862 г. № 8.—18) Анонимъ «Русскіе верховники прошлаго вѣка», «Вѣстн. Евр.» 1870 г., № 2.—19) Е. П. Карповичъ «Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 г.», «Отеч. Зап.» 1872 г., т. CXIX, кн. 1 и 2.—20) Д. А. Корсаковъ «Воцареніе Импер. Анны Іоанновны», Учен. Зап. Каз. Унив. 1880 г. (прилож.) и отд. изд. Казань, 1880 г. (провѣрка прежнихъ изслѣдованій по архивнымъ матеріаламъ).—IV. *Личный характеръ Анны Іоанновны, ея домашній бытъ и направленіе правительства ея времени:* 21) С. Н. Шубинскій «Импер. Анна Іоанновна, придворный бытъ и забавы», «Рус. Ст.» 1873 г., т. VII; тоже въ его «Историч. очеркахъ и разсказахъ». Спб. 1869 г.—22) «Новыя подлинныя черты изъ частной жизни Импер. Анны», Р. Арх. 1873 г.—23) «Дворцовое хозяйство Анны Іоанновны», «Р. Ст» 1882 г., т. XXXVI.—24) Е. П. Карновичъ, «Значеніе бироновщины въ русской исторіи», «От. Зап.» 1873 г., №№ 10 и 11.— 25) «Петербургъ въ 1740 году», «От. Зап.» 1858 года, № 5.—V. *Вопросы польскій и восточный:* 26) В. И. Герье, Борьба за Польскій престолъ М. 1862.—27) Энциклопедія военныхъ наукъ, изд. подъ ред. генер. Леера (статьи, относ. до воен. дѣйствій войнъ Польской и Турецкой и біографіи фельдм. Миниха, Ласси и друг. генераловъ ц—нія Анны Іоан.) — 28) И. Н. Кушнеревъ, «Русская военная сила», сост. группою офицеровъ ген. штаба въ Москвѣ, вып. VII, М. 1890.—29) Н. И. Костомаровъ, біографія Б. X. Миниха, въ «Вѣстн. Евр.» 1884 г., авг. и сент.—30) Ген. Масловскій, «Атака Гданска Минихомъ», отд. изд.—VI. *Дѣла церковныя:* 31) Чистовичъ, «Өеофанъ Прокоповичъ и его время», Спб. 1868.—32) П. В. Знаменскій, «Русское приходское духовенство со времени реформы Петра Великаго», Казань, 1873.— 33) Его-же, «Духовныя школы въ Россіи». Казань, 1878 г.

Кромѣ того, объ упоминаемыхъ отдѣльныхъ дѣятеляхъ ц—нія Анны Іоанновны см. указанія на источники и пособія въ ихъ біографіяхъ настоящаго словаря.

Д. Корсаковъ.

Анна Леопольдовна, съ 9-го ноября 1740 по 25-е ноября 1741 года правительница Россійской Имперіи, до муропомазанія, 12-го мая 1733 года, *Елисавета-Екатерина-Христина*, дочь герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Карла-Леопольда и супруги его Екатерины Іоанновны, внучка царя Іоанна Алексѣевича,— род. въ Ростокѣ, 7-го декабря 1718 г., ум. въ Холмогорахъ 7-го марта 1746 г.; съ 3-го іюля 1739 года была въ замужествѣ за Антономъ Ульрихомъ, принцемъ брауншвейгъ-бевернъ-люнебургскимъ. Бракъ родной племянницы Петра Великаго, царевны Екатерины, былъ очень несчастливъ: въ маѣ 1722 года, послѣ шестилѣтняго замужества, она вынуждена была оставить взбалмошнаго, деспотичнаго супруга и переселиться съ трехлѣтнею дочерью, принцессою Елисаветою, въ Россію. До вступленія на престолъ Анны Іоанновны, герцогиня вмѣстѣ съ дочерью тихо и скромно жила то въ Измайловѣ, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, не покидая своей матери, царицы Прасковьи Өеодоровны. Неожиданное восшествіе на престолъ Анны Іоанновны столь же неожиданно выдвинуло принцессу Елизавету, которая вдругъ получила важ-

ное значеніе и обратила на себя общее вниманіе. Уступая, съ одной стороны, просьбамъ герцогини Екатерины, которую поддерживалъ духовникъ Императрицы, архимандритъ Варлаамъ,—не покидать единственной племянницы, принять ее ко Двору, позаботиться о ея образованіи и воспитать ее въ православной вѣрѣ, а съ другой—настояніямъ вице-канцлера графа Остермана, оберъ-гофмаршала графа Левенвольде и Ѳеофана Прокоповича, совѣтовавшихъ, для разрѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи, найти племянницѣ жениха между иностранными принцами и затѣмъ выбрать наслѣдника россійскаго престола изъ дѣтей, которыя родятся отъ этого брака,—Анна Іоанновна взяла принцессу Елисавету ко Двору, устроила для нея отдѣльный штатъ и помѣстила ее въ домѣ рядомъ съ дворцомъ. Воспитательницею 12-ти-лѣтней принцессы мекленбургской была назначена вдова французскаго генерала г-жа Адеркасъ (см. это слово), а наставленіе въ истинахъ православной вѣры было поручено Ѳеофану Прокоповичу. Между тѣмъ, братъ оберъ-гофмаршала, генералъ-адъютантъ Левенвольде, по порученію Императрицы, отправился за границу для выбора принцессѣ жениха, достойнаго сдѣлаться отцомъ будущаго русскаго императора. Сначала вниманіе посланнаго остановилось на маркграфѣ бранденбургскомъ Карлѣ, родственникѣ прусскаго короля, и начались уже переговоры по этому поводу, вскорѣ, впрочемъ, прекратившіеся, такъ какъ перевѣсъ оказался на сторонѣ принца браунщвейгъ-беверн-люнебургскаго Антона-Ульриха, племянника австрійскаго императора Карла VI. Благодаря представленіямъ вѣнскаго Двора и стараніямъ Левенвольде и Остермана, надѣявшимся заключеніемъ родственнаго союза съ Австріею упрочить положеніе въ Россіи нѣмецкой партіи, Императрица согласилась на пріѣздъ принца въ Петербургъ, который и прибылъ въ столицу въ день рожденія Анны Іоанновны, 28-го января 1733 года. Несмотря на то, что девятнадцатилѣтній Антонъ-Ульрихъ своей внѣшностью, худобой и малымъ ростомъ, а также неловкостью и застѣнчивостью, произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе и на Императрицу, и на будущую свою супругу, Анна Іоанновна, не желая огорчить австрійскаго императора, оставила принца жить при русскомъ Дворѣ и приняла въ русскую службу. 12-го мая 1733 года принцесса Елисавета приняла православіе, въ честь Императрицы была наречена Анною и получила орденъ св. Екатерины. Бракъ ея былъ отложенъ до совершеннолѣтія. Оставшись послѣ смерти матери (14 іюня 1733 г.) въ полномъ распоряженіи тетки, принцесса Анна долго не могла, однако, примириться съ мыслью о супружествѣ съ Антономъ-Ульрихомъ; несмотря на всѣ старанія сблизиться со своей невѣстой, принцъ постоянно встрѣчалъ съ ея стороны только холодность и явное нерасположеніе. Это объяснялось, между прочимъ, тѣмъ, что принцесса была увлечена молодымъ и красивымъ саксонскимъ посланникомъ Линаромъ. Когда открылось, что воспитательница, рекомендованная прусскимъ посланникомъ барономъ Мардефельдомъ, содѣйствуетъ развитію въ принцессѣ этой страсти, Императрица распорядилась 28-го іюня 1735 г. немедленно выслать г-жу Адеркасъ за границу, а Линаръ, по просьбѣ Государыни, былъ отозванъ своимъ Дворомъ. Послѣ Адеркасъ воспитательницею принцессы Анны была назначена, 11-го ноября 1735 г., г-жа Рекъ, состоявшая старшею гувернанткою Анны Іоанновны, когда Императрица была еще герцогинею курляндскою. За принцессою былъ установленъ строгій присмотръ: кромѣ торжественныхъ дней, никто изъ постороннихъ входить къ ней не смѣлъ. Это такъ пріучило принцессу къ уединенію, что во время регентства она всегда съ неудовольствіемъ появлялась на всѣхъ оффиціальныхъ выходахъ и пріемахъ, предпочитая сообщество своей фаворитки, фрейлины Юліаны Менгденъ, и тѣсный кружокъ еще нѣсколькихъ лицъ. Свободно владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языками, Анна Леопольдовна, по словамъ Миниха-сына, состоявшаго при ней оберъ-гофмейстеромъ, очень любила чтеніе и много читала на двухъ этихъ языкахъ. По свидѣтельству другихъ современниковъ (леди Рондо, Манштейна, англійскаго посланника Финча, фельдмаршала графа Миниха), принцесса воспитывалась очень небрежно, не любила никакого дѣла, была безпечна и лѣнива. Будучи уже правительницею, Анна Леопольдовна „была очень невнимательна,—по словамъ фельдмаршала Миниха,—къ своему наряду: голову повязывала бѣ-

*

лымъ платкомъ и часто въ спальномъ платьѣ ходила къ обѣднѣ, иногда оставалась даже въ такомъ костюмѣ въ обществѣ, за обѣдомъ и по вечерамъ, проводя ихъ въ карточной игрѣ съ избранными ею особами".

Убѣдившись въ полномъ равнодушіи принцессы къ Антону-Ульриху, Биронъ задумалъ женить на ней своего старшаго сына Петра и, такимъ образомъ, проложить своему потомству путь къ россійскому престолу. Биронъ старался дѣйствовать осторожно, боясь раздражить австрійскій императорскій домъ. Онъ оказывалъ любезное вниманіе принцессѣ и старался, какъ будто нечаянно, сводить съ нею своего сына. Императрица, ничего не зная о намѣреніяхъ своего фаворита, поручила ему вывѣдать отъ принцесы—расположена ли она выходить замужъ за Антона-Ульриха. Услыхавъ отрицательный отвѣтъ, Биронъ поручилъ придворной дамѣ и любимицѣ Императрицы Чернышевой расположить принцессу къ браку съ его сыномъ. Но Анна Леопольдовна съ негодованіемъ отвергла это предложеніе и категорически объявила Чернышевой: „Я много думала и испытывала себя. Во всемъ готова слушаться Императрицу и соглашаюсь выходить за брауншвейгскаго принца, если ей такъ угодно". Этотъ отвѣтъ, переданный Чернышевой Императрицѣ, обрадовалъ Государыню: наступала, наконецъ, развязка такъ долго тянувшагося дѣла. По словамъ Бирона, Императрица при этомъ говорила: „Конечно, принцъ не нравится ни мнѣ, ни принцессѣ; но особы нашего состоянія не всегда вступаютъ въ бракъ по склонности. Къ тому же, принцъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ участія въ правленіи, и принцессѣ все равно, за кого бы ни выйти. Лишь бы мнѣ имѣть отъ нея наслѣдниковъ и не огорчать императора отсылкою къ нему принца. Да и самъ принцъ кажется мнѣ человѣкъ скромный и сговорчивый". 1-го іюля 1739 года состоялось обрученіе, а черезъ день, 3-го іюля, совершено съ необыкновенной пышностью бракосочетаніе Анны Леопольдовны съ Антономъ-Ульрихомъ. Биронъ возненавидѣлъ новобрачную чету и при всякомъ удобномъ случаѣ старался дѣлать ей непріятности. Онъ, между прочимъ, убѣдилъ принца брауншвейгскаго отказаться отъ намѣренія имѣть свой особый Дворъ (о чемъ просила Государыню принцесса) говоря, что тогда принцъ будетъ зависѣть отъ жены, которая его не любитъ. 12-го августа 1740 года Анна Леопольдовна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который при крещеніи былъ нареченъ Іоанномъ. Императрица была его воспріемницею и помѣстила новорожденнаго во дворцѣ, возлѣ своей опочивальни. Манифестомъ 5-го октября 1740 года принцу Іоанну пожалованъ былъ титулъ великаго князя и онъ объявленъ наслѣдникомъ всероссійскаго престола. „А ежели Божескимъ соизволеніемъ,—говорилось въ манифестѣ,—оный любезный нашъ внукъ, благовѣрный великій князь Іоаннъ, прежде возраста своего и не оставя по себѣ законнорожденныхъ наслѣдниковъ, преставится, то въ такомъ случаѣ опредѣляемъ и назначиваемъ въ наслѣдники перваго по немъ принца, брата его отъ вышеозначенной нашей любезнѣйшей племянницы, ея высочества благовѣрной государыни принцессы Анны, и отъ свѣтлѣйшаго принца Антона-Ульриха, герцога брауншвейгъ-люнебургскаго, рождаемаго; а въ случаѣ и его преставленія, другихъ законныхъ изъ того же супружества рождаемыхъ принцевъ, всегда перваго, такимъ порядкомъ, какъ выше сего установлено". Черезъ одиннадцать дней послѣ этого манифеста, 16-го октября, Императрица, за день до смерти, подписала составленный Остерманомъ актъ о назначеніи Бирона полновластнымъ регентомъ Россійской Имперіи, до совершеннолѣтія великаго князя Іоанна, т.-е. пока ему не исполнится 17 лѣтъ. Вечеромъ 17-го октября 1740 года Императрица Анна Іоанновна скончалась. На другой день, утромъ, всѣ присягали Императору Іоанну III и регенту герцогу курляндскому, лифляндскому и семигальскому, Эрнесту-Іоанну Бирону. Все обошлось благополучно. Принцъ и принцесса переѣхали въ Зимній Дворецъ, куда перевезли и малолѣтняго Императора. Герцогъ оставался въ лѣтнемъ дворцѣ, намѣреваясь не покидать его до погребенія тѣла усопшей Государыни. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Бирона, какъ регента, было назначеніе ежегоднаго содержанія принцессѣ брауншвейгской и ея супругу по 200.000 руб. На первыхъ порахъ Биронъ не скупился на милости, амнистіи и награды, что, однако, нисколько не ослабило къ нему ненависти и непріязни, таившихся подъ на-

ружнымъ уваженіемъ. Одни говорили, что если регентомъ непремѣнно долженъ быть иноземецъ, то болѣе правъ на это имѣлъ отецъ Императора, принцъ брауншвейгскій; другіе указывали на несправедливость по отношенію къ цесаревнѣ Елисаветѣ; третьи называли молодого герцога голштинскаго, сына герцогини Анны Петровны, который по лѣтамъ своимъ могъ бы гораздо скорѣе освободить Россію отъ регентства, чѣмъ Іоаннъ Антоновичъ. Гвардія была противъ Бирона и гвардейцы громко говорили: „Теперь нечего дѣлать, пока матушка Государыня не предана землѣ; а тамъ, какъ вся гвардія соберется, то ужъ"... Нѣкоторые изъ гвардейцевъ, какъ, напримѣръ, подполковникъ Пустошкинъ, Петръ Ханыковъ, Михайло Аргамаковъ, князь Путятинъ, сержантъ Алфимовъ и др., не хотѣли, однако, долго ждать и уговаривали своихъ товарищей свергнуть Бирона, причемъ одни, какъ на регента, указывали на мать, а другіе—на отца Императора. Всѣ эти гвардейцы были арестованы и биты кнутомъ въ тайной канцеляріи. Самъ принцъ Антонъ-Ульрихъ, сочувствовавшій движенію среди гвардейцевъ противъ Бирона и желавшій измѣнить постановленіе о регентствѣ, былъ исключенъ за это регентомъ изъ русской службы. Не избавились отъ доносовъ секретарь конторы принцессы Анны, Михайло Семеновъ, заподозрившій, что указъ о регентствѣ не подписанъ Императрицею собственноручно, и адъютантъ принца Антона, П. Граматинъ. Раздраженный всѣмъ этимъ, Биронъ грозилъ Аннѣ Леопольдовнѣ, что вышлетъ ее съ мужемъ въ Германію, вызоветъ въ Петербургъ герцога Гольштейнъ-Готторпскаго, преобразуетъ гвардію, рядовыхъ изъ дворянъ отошлетъ въ армейскіе полки офицерами и вмѣсто нихъ наберетъ людей простого происхожденія. Грубое и оскорбительное обращеніе регента вывело, наконецъ, изъ терпѣнія кроткую принцессу. Она жаловалась на Бирона фельдмаршалу Миниху, который понималъ, что регентъ давно хочетъ отдѣлаться отъ него, какъ отъ соперника, опаснаго по смѣлости, энергіи, талантамъ и честолюбію. Видя, что содѣйствіе Бирону въ полученіи регентства не увеличило его вліянія на дѣла, не осуществило его давняго желанія получить званіе генералиссимуса, Минихъ рѣшился стать во главѣ недовольныхъ и, дѣйствуя именемъ принцессы Анны, матери Императора, лишить Бирона регентства. 8-го ноября Минихъ обѣдалъ у герцога, былъ у него вечеромъ до одиннадцати часовъ, а въ три часа ночи вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Манштейномъ и 80-ю преображенскими солдатами (по другимъ извѣстіямъ съ тридцатью) арестовалъ Бирона съ женой, его ближайшихъ родственниковъ и приверженцевъ. Къ 6-ти часамъ утра все было кончено. 9-го ноября появился манифестъ „объ отрѣшеніи отъ регентства Имперіи герцога курляндскаго Бирона", объявлявшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, до совершеннолѣтія Императора Іоанна III, правительницею Анну Леопольдовну, съ титулами *великой княгини* и императорскаго высочества. Въ тотъ же день Биронъ съ семействомъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Для изслѣдованія его преступленій правительница учредила особую коммиссію, которая, окончивъ черезъ пять мѣсяцевъ свои занятія, единогласно приговорила Бирона къ смертной казни; но правительница, манифестомъ отъ 17-го апрѣля 1741 года, замѣнила этотъ приговоръ вѣчнымъ заточеніемъ, съ конфискаціей всего движимаго и недвижимаго имущества. Мѣстомъ ссылки былъ назначенъ городокъ Пелымъ, нынѣ слобода Туринскаго уѣзда, Тобольской губ. А. П. Бестужевъ, приговоренный комиссіею къ четвертованію, также помилованъ по указу 22-го мая и сосланъ въ отцовскую пошехонскую деревню на безвыѣздное житье.

Указомъ 11-го ноября принцъ брауншвейгскій былъ пожалованъ въ званіе генералиссимуса, а 19-го ноября получилъ титулъ императорскаго высочества; фельдмаршалъ Минихъ былъ назначенъ „первымъ министромъ въ его императорскаго величества канцеляріяхъ" и, кромѣ того, получилъ богатый серебряный сервизъ, 170.000 рублей деньгами и имѣніе Вартенбергъ, въ Силезіи, принадлежавшее Бирону; супругѣ Миниха, „перваго въ имперіи по генералиссимусѣ", всемилостивѣйше повелѣно имѣть первенство „предъ всѣми знатнѣйшими дамами"; вице-канцлеръ графъ Остерманъ былъ назначенъ генералъ-адмираломъ, съ оставленіемъ кабинетъ-министромъ; кабинетъ-министръ князь Черкасскій—великимъ канцлеромъ, графъ Головкинъ—вице-канцлеромъ и ка-

бинетъ-министромъ, вмѣсто Бестужева. Много было роздано и другихъ наградъ. Народу также объявлены были милости, подтверждены всѣ прежніе указы о прощеніи „винъ, штрафовъ и недоимокъ“, возвращены тысячи ссыльныхъ изъ Сибири и другихъ мѣстъ, объявлено о нелицемѣрномъ и истинномъ отправленіи правосудія по всей имперіи. Если народъ благословлялъ новую правительницу, избавившись отъ гнета ненавистнаго герцога курляндскаго, то далеко не всѣ высшіе сановники были довольны указомъ 11-го ноября. Минихъ, мечтавшій о званіи генералиссимуса, принужденъ былъ уступить его Антону-Ульриху, сѣтовавшему на то, что первый министръ пишетъ къ нему не такъ, какъ подчиненные должны писать начальникамъ; Остерманъ и Головкинъ недовольны были своимъ подчиненіемъ Миниху, первый — въ дѣлахъ дипломатическихъ, второй—въ дѣлахъ внутреннихъ. Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ правленія Анны Леопольдовны обнаружилось отсутствіе въ высшей администраціи единства дѣйствій, столь необходимаго для благополучнаго теченія государственныхъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ назначенія первымъ министромъ, Минихъ заболѣлъ, и этимъ воспользовались враги его, особенно Остерманъ, имѣя на своей сторонѣ принца Антона, обижавшагося на то, что фельдмаршалъ докладываетъ ему только о ничтожныхъ дѣлахъ. По настоянію Остермана, принцъ жаловался на Миниха правительницѣ и добился весьма непріятнаго для перваго министра указа—сноситься съ генералиссимусомъ обо всѣхъ дѣлахъ и писать къ нему по установленной формѣ. Остерманъ внушалъ правительницѣ, что Минихъ несвѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ, что по своей неопытности можетъ вовлечь Россію въ большія непріятности; что одинаково несвѣдущъ онъ и во внутреннихъ дѣлахъ, занимаясь всегда только военными. Интрига Остермана возъимѣла успѣхъ: кабинетъ, по указу 28-го января 1741 года, былъ раздѣленъ на три департамента— военный (Минихъ), внѣшнихъ дѣлъ вмѣстѣ съ морскимъ (Остерманъ) и внутреннихъ дѣлъ (Черкасскій и Головкинъ). „Первому министру, генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху, — говорилось въ указѣ, — вѣдать все, что касается до всей нашей сухопутной полевой арміи, всѣхъ иррегулярныхъ войскъ, артиллеріи, фортификаціи, кадетскаго корпуса и Ладожскаго канала, рапортуя обо всемъ томъ герцогу браунштейгъ-люнебургскому“. Этимъ уменьшеніемъ власти униженіе Миниха не ограничилось: вскорѣ при докладахъ правительница, отговариваясь неимѣніемъ времени, начала призывать на помощь принца Антона. Этого Минихъ не могъ перенести и потребовалъ отставки. Правительница сначала колебалась, но затѣмъ, подчиняясь внушеніямъ Остермана, которыя передавались мужемъ, согласилась, и 3-го марта 1741 года указъ объ отставкѣ былъ подписанъ. Принцъ Антонъ на радостяхъ распорядился читать его на улицахъ съ барабаннымъ боемъ. Анна Леопольдовна была очень недовольна безтактнымъ распоряженіемъ супруга по отношенію къ человѣку, спасшему ее отъ Бирона и сдѣлавшему правительницей, и распорядилась, чтобы сенатъ отправилъ къ Миниху троихъ сенаторовъ съ извиненіями. Причины отставки перваго министра правительница объясняла саксонскому посланнику Линару слѣдующимъ образомъ: „Фельдмаршалъ неисправимъ въ своемъ доброжелательствѣ къ Пруссіи, хотя я много разъ объявляла ему свою рѣшительную волю помочь императрицѣ Терезіи; также мало обратилъ онъ вниманія на внушенія, чтобъ исполнять приказанія моего мужа, какъ мои собственныя; мало того, онъ поступаетъ вопреки и собственнымъ моимъ приказаніямъ, выдаетъ свои приказы, которые противорѣчатъ моимъ. Долѣе имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ значитъ рисковать всѣмъ“. Особенно злорадствовали паденію Миниха австрійскій посланникъ и его приверженцы, такъ какъ первый министръ былъ сторонникомъ союза съ Пруссіей: онъ не могъ простить Австріи бѣлградскаго мира, вообще поселившаго охлажденіе къ ней со стороны Россіи. Союзъ, правда, не былъ нарушенъ, и петербургскій кабинетъ принялъ на себя гарантію прагматической санкціи—знаменитаго узаконенія австрійскаго (римскаго) императора Карла VI, изданнаго въ 1713 году и состоявшаго въ томъ, что императоръ, у котораго не было сыновей, объявлялъ наслѣдницею австрійскихъ владѣній свою старшую дочь Марію-Терезію. Но еще при жизни императрицы Анны Іоанновны австрійскій посланникъ маркизъ де-Ботта былъ отозванъ

изъ Петербурга и постъ его никѣмъ не замѣщался. При такихъ обстоятельствахъ Миниху было очень удобно дѣйствовать въ пользу Пруссіи. Фридрихъ II, король прусскій, имѣвшій намѣреніе отнять у Австріи Силезію, не щадилъ обѣщаній и подарковъ, чтобы побудить Миниха и вліятельныхъ русскихъ людей къ заключенію договора, въ силу котораго оба правительства, русское и австрійское, должны были посылать другъ другу, во всякой войнѣ, кромѣ турецкой и персидской, 12.000 человѣкъ. Однако, все устроенное Минихомъ вскорѣ было разрушено. Въ Петербургъ опять пріѣхали австрійскій посланникъ Ботта и саксонскій графъ Линаръ. Императоръ Карлъ VI тогда уже скончался, и вступившая на престолъ Марія-Терезія нуждалась въ союзѣ съ Россіею для огражденія своихъ правъ отъ державъ, не одобрившихъ прагматической санкціи, и, главнымъ образомъ, отъ прусскаго короля. Ботта и Линаръ, конечно, легко успѣли устроить дѣло, непонравившееся Миниху, тѣмъ болѣе, что Линаръ по прежнему пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ правительницы, въ скоромъ времени сдѣлавшей его оберъ-камергеромъ, пожаловавшей ему ордена Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго и задумавшей женить его на своей фавориткѣ Юліанѣ Менгденъ. Остерманъ, на сторонѣ котораго стояли Черкасскій и Головкинъ, заключилъ договоръ съ Австріею, которой было обѣщано отъ 30 до 40 тысячъ войска. Покровительство Австріи поставило, однако, Россію во враждебныя отношенія къ Франціи, политика которой клонилась къ раздробленію австрійскихъ владѣній. Французскій посланникъ въ Петербургѣ, маркизъ де-ля-Шетарди, имѣлъ инструкцію помѣшать нашимъ намѣреніямъ относительно помощи Австріи, а французскій посолъ въ Стокгольмѣ дѣйствовалъ на шведовъ, чтобы втянуть Россію въ войну съ Швеціей, что ему и удалось при помощи французскихъ денегъ, на которыя были вооружены шведскія войска. Своевременно получая отъ нашего посланника въ Швеціи М. А. Бестужева свѣдѣнія о воинственныхъ замыслахъ и приготовленіяхъ шведовъ, Россія успѣла приготовиться къ войнѣ, о которой Бестужевъ черезъ надворнаго канцлера получилъ отъ короля извѣщеніе 28-го іюня. Русскій манифестъ отъ имени Императора Іоанна III былъ обнародованъ 13-го августа 1741 года. Главное начальство надъ финляндскимъ корпусомъ, въ числѣ 9.900 чел., было поручено фельдмаршалу Ласси; другой корпусъ, менѣе значительный, былъ расположенъ у Красной Горки подъ начальствомъ принца гессенъ-гомбургскаго Людовика-Вильгельма, съ цѣлью защищать Петербургъ; кромѣ того, небольшіе корпуса, подъ начальствомъ генерала Левендаля, находились въ Лифляндіи и Эстляндіи. Со стороны шведовъ главнокомандующимъ былъ Левенгауптъ. Въ кампанію 1741 года единственнымъ крупнымъ дѣломъ было взятіе 23-го августа русскими войсками гор. Вильманстранда, причемъ попали въ плѣнъ командовавшій шведскимъ корпусомъ генералъ Врангель, нѣсколько офицеровъ и 1.250 рядовыхъ; кромѣ того, русскимъ достались 13 пушекъ, 2.000 лошадей и много провіанта. Послѣ этого шведы ничего рѣшительнаго не предпринимали, и 8-го ноября русскія войска расположились на зимнія квартиры. Эта война была окончена въ пользу Россіи уже при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ Абоскимъ миромъ.

Послѣ паденія Миниха, Остерманъ, казалось, никогда еще не былъ такъ могущественъ. Шетарди писалъ: „Можно безъ преувеличенія сказать, что Остерманъ теперь настоящій царь всероссійскій; онъ имѣетъ дѣло съ принцемъ и принцессою, которые по своимъ лѣтамъ и по тому положенію, въ какомъ ихъ держали, не могутъ имѣть никакой опытности, никакихъ свѣдѣній“. Такъ казалось издали, но на самомъ дѣлѣ люди приближенные къ правительницѣ, не любившіе Остермана, фрейлина Менгденъ и графъ М. Г. Головкинъ, поддерживали въ ней желаніе управлять. Вскорѣ между Остерманомъ и Головкинымъ началась ожесточенная вражда. Головкинъ не хотѣлъ, чтобы Остерманъ вмѣшивался во внутреннія дѣла. Орудіемъ Остермана являлся Антонъ-Ульрихъ, вполнѣ подчинявшійся вліянію умнаго дипломата; Головкинъ же дѣйствовалъ на правительницу и часто устраивалъ такъ, что Анна Леопольдовна рѣшала дѣла, не сказавъ ни слова ни мужу, ни Остерману. Происходило это вслѣдствіе постоянныхъ несогласій между супругами изъ-за Линара, въ которомъ русскіе ожидали съ теченіемъ времени новаго Бирона. Такой разладъ

въ правительствѣ вскорѣ привелъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ и не могъ не отразиться на положеніи внутреннихъ дѣлъ въ правленіе Анны Леопольдовны, искренно желавшей, но не умѣвшей дѣлать добро для своихъ подданныхъ. Внутреннія правительственныя мѣропріятія за кратковременное управленіе Анны Леопольдовны немногочисленны и не особенно значительны, хотя были проникнуты гуманностью и касались юстиціи, администраціи, финансовъ и промышленности.

Одною изъ первыхъ мѣръ Анны Леопольдовны, менѣе, чѣмъ черезъ четыре мѣсяца, однако, отмѣненною, было учрежденіе 12-го ноября 1740 г. должности придворнаго рекетмейстера, въ виду необходимости облегчить для челобитчиковъ волокиту и измѣнить существовавшій неудобный порядокъ разсмотрѣнія множества челобитныхъ на Высочайшее имя, нерѣдко пустыхъ и докучливыхъ. Въ указѣ 27-го ноября говорилось: „...тѣмъ челобитчикамъ, которые по своимъ прошеніямъ во учрежденныхъ мѣстахъ во опредѣленные указами и регламентами сроки справедливаго рѣшенія не получать, не по другимъ какимъ законнымъ препятствіямъ, но токмо за единою напраснюю волокитою, челобитныя свои, со обстоятельнымъ изъясненіемъ...подавали бы прямо намъ и опредѣленному для того нарочно при Дворѣ нашемъ рекетмейстеру Фенину“. Не подлежавшія Высочайшему разсмотрѣнію челобитныя рекетмейстеръ Фенинъ отсылалъ на рѣшеніе не только въ Сенатъ, но и въ другія учрежденія; кромѣ того, онъ объявлялъ иногда Сенату Высочайшія резолюціи на всеподданнѣйшіе доклады, а Синоду—именныя повелѣнія по церковнымъ дѣламъ. Дѣятельность Фенина продолжалась только до 4-го марта 1741 года, когда должность придворнаго рекетмейстера была упразднена и разсмотрѣніе челобитныхъ на Высочайшее имя снова перешло къ кабинету. Вслѣдъ за указомъ 27-го ноября при Сенатѣ была учреждена особая коммиссія для рѣшенія неоконченныхъ дѣлъ. Въ кабинетъ велѣно было подавать ежедневные рапорты о рѣшенныхъ дѣлахъ не только въ Сенатѣ, какъ дѣлалось прежде, но во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, „дабы мы могли видѣть, съ какою ревностію и попеченіемъ данные нами указы и высочайшая воля исполняются“. Въ заботахъ объ улучшеніи финансовъ правительство Анны Леопольдовны, 12-го января 1741 года, издало указъ, въ которомъ говорилось, чтобы „въ каждомъ департаментѣ знатная сумма изъ года въ годъ была въ остаткѣ и на лицо“ и чтобы ежемѣсячно присылались въ кабинетъ „изъ всѣхъ мѣстъ“ краткіе рапорты о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денегъ, а по третямъ года рапорты обстоятельные. Рѣшено было также пересмотрѣть всѣ окладные и неокладные государственные доходы и расходы, съ цѣлью, если возможно, сокращенія послѣднихъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1741 года была учреждена „коммиссія для разсмотрѣнія государственныхъ доходовъ“, работавшая подъ наблюденіемъ кабинета. Сознавая необходимость пополнить существовавшій въ законодательствѣ пробѣлъ по вопросу о торговой несостоятельности, — пробѣлъ, вредно отзывавшійся не только на торговомъ людѣ, но и „на общемъ народѣ“, еще при Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1736 году, коммерцъ-коллегія приступила къ составленію устава о банкротахъ, который 15-го декабря 1740 г. былъ подписанъ правительницею Анною Леопольдовною. Въ ряду заботъ о промышленности замѣчателенъ „регламентъ или работныя регулы на суконныя и каразейныя фабрики“, который былъ разработанъ, по настоянію Миниха, особою коммиссіею, въ виду жалобъ войскового начальства на дурное качество суконъ. Регламентъ, появившійся въ видѣ указа 2-го сентября 1741 г., предписывалъ, чтобы фабричныя машины и всѣ приспособленія находились въ порядкѣ, чтобы сукна выдѣлывались опредѣленныхъ размѣровъ и качества, чтобы фабриканты не заставляли рабочихъ работать болѣе 15-ти часовъ въ день и выдавали имъ извѣстное жалованье (отъ 15-ти до 18 руб. въ годъ), чтобы содержали при фабрикахъ госпитали для рабочихъ, и пр.

Передъ отъѣздомъ изъ Франціи въ Россію маркизъ Шетарди получилъ инструкцію и въ ней, между прочимъ, на цесаревну Елисавету указывалось, какъ на единственное лицо, въ пользу котораго нужно было дѣйствовать для сверженія нѣмецкаго правительства, непріятнаго Франціи по своимъ симпатіямъ къ австрійскому дому. Маркизъ дѣйствительно сблизился съ дочерью Петра Великаго, и вмѣстѣ съ шведскимъ посланникомъ при русскомъ Дворѣ, Нолькеномъ

убѣждалъ ее уступить шведамъ, въ случаѣ успѣха домогательствъ ея на русскій престолъ, тѣ изъ прежнихъ шведскихъ областей, которыя присоединены къ Россіи при Петрѣ Великомъ. Не отвергая помощи, которую Швеція оказывала ея видамъ, цесаревна Елисавета уклонялась, однако, отъ всякихъ обязательствъ передъ шведами. Тогда Шетарди затѣялъ устроить правительственный переворотъ, чтобы помочь Швеціи одержать верхъ въ борьбѣ съ Россіей. Интрига Шетарди открылась, и Остерманъ, въ октябрѣ 1741 г., писалъ въ Парижъ нашему послу Кантемиру: „Поступки Шетарди такъ явно недоброжелательны, что мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда... Потому онъ для французскихъ интересовъ здѣсь болѣе уже не можетъ быть полезенъ и вслѣдствіе его поведенія никто не желаетъ съ нимъ знакомства, всѣ избѣгаютъ его какъ только можно, безъ явнаго озлобленія". Не избѣгала Шетарди только цесаревна Елисавета, любимая гвардіей и народомъ за свою привѣтливость, за свое происхожденіе и вѣрность русскимъ обычаямъ. Наоборотъ, существующимъ правительствомъ были недовольны и не любили его, вслѣдствіе слабости, иноземнаго происхожденія и постоянныхъ раздоровъ между его членами. До правительницы доходили слухи объ интригахъ Шетарди, о тѣсной дружбѣ его съ Лестокомъ, о сходкахъ преображенцевъ, бывавшихъ въ смольномъ домѣ цесаревны. Маркизъ де-Ботта предостерегалъ правительницу, что она стоитъ на краю пропасти, но Анна Леопольдовна, по своей безпечности, довѣрчивости и нерѣшительности, не принимала никакихъ мѣръ. Она не слушала и Антона-Ульриха, который, узнавъ о проискахъ Лестока и Шетарди, не разъ настаивалъ на принятіи рѣшительныхъ мѣръ. Напрасно вице-канцлеръ Головкинъ и нѣкоторыя другія приближенныя лица совѣтовали Аннѣ Леопольдовнѣ принять титулъ Императрицы; она отложила это до дня своего рожденія, 7-го декабря. Не обратила должнаго вниманія правительница и на манифестъ, изданный шведскимъ главнокомандующимъ Левенгауптомъ и объявлявшій, что шведская армія вступила въ русскіе предѣлы съ цѣлью требовать удовлетворенія за обиды, нанесенныя шведской коронѣ иностранными правительственными лицами, господствующими съ нѣкотораго времени въ Россіи и, въ то же время, чтобы избавить русскій народъ отъ несноснаго ига и жестокости этихъ иностранцевъ. 24-го ноября отданъ былъ въ Петербургѣ приказъ гвардіи—идти, въ числѣ 4.000, на другой день въ походъ къ Выборгу. Наканунѣ, 23-го ноября, на куртагѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, правительница наконецъ, объяснилась съ цесаревной Елисаветой, и по однимъ извѣстіямъ, говорила, что будетъ просить короля объ отзывѣ Шетарди изъ Петербурга, а по другимъ— прибавила при этомъ: „Что это, матушка, слышала я, будто ваше высочество имѣете корреспонденцію съ арміею непріятельскою и будто вашъ докторъ (Лестокъ) ѣздитъ къ французскому посланнику и съ нимъ факціи въ той же силѣ дѣлаетъ; въ письмѣ изъ Бреславля совѣтуютъ мнѣ немедленно арестовать лѣкаря Лестока; я всѣмъ этимъ слухамъ о васъ не вѣрю; но надѣюсь, что если Лестокъ окажется виноватымъ, то вы не разсердитесь, когда его задержатъ". Елисавета, притворившись обиженною, заплакала и, разумѣется, отрицала всѣ эти слухи, но втайнѣ рѣшилась дѣйствовать и приказъ о выступленіи гвардіи еще болѣе укрѣпилъ ее въ этомъ. Больше всѣхъ торопилъ Лестокъ, каждую минуту ждавшій, что его придутъ арестовать. Антонъ-Ульрихъ, получивъ извѣстіе о замыслахъ Елисаветы, наканунѣ переворота, 24-го ноября, говорилъ правительницѣ, что хочетъ арестовать Лестока и разставить по улицамъ пикеты, но она запретила ему это дѣлать, говоря, что убѣждена въ невинности цесаревны. События показали, насколько близорука была Анна Леопольдовна.

Былъ второй часъ пополуночи 25-го ноября, когда Елисавета, въ сопровожденіи Воронцова, Лестока и Шварца, своего стараго учителя музыки, въ саняхъ отправилась въ казармы Преображенскаго полка, откуда, окруженная гренадерами, поѣхала въ Зимній Дворецъ. По дорогѣ отдѣльные отряды были отправлены для арестованія Миниха, Остермана, Левенвольде, Головкина, барона Менгдена и генералъ-коммиссара Лопухина. Прибывъ во дворецъ, цесаревна сама разбудила правительницу, которая не сопротивлялась, но только умоляла не дѣлать зла ни дѣтямъ, ни фрейлинѣ Менгденъ. Елизавета обѣщала все это, посадила ее въ свои

сани и отвезла въ свой дворецъ; за ними въ двухъ другихъ саняхъ отвезли туда же Іоанна Антоновича и его новорожденную сестру Екатерину (род. 26-го іюля 1741 г.). Скоро во дворецъ цесаревны привезли Антона-Ульриха и другихъ арестованныхъ. Къ 8 часамъ утра былъ готовъ манифестъ о восшествіи на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны. Въ слѣдующемъ, затѣмъ манифестѣ, 28-го ноября 1741 г., Елизавета объявила, что собирается браупшвейгскую фамилію, „не хотя никакихъ имъ причинить огорченій", отправить за границу, „въ ихъ отечество". Дѣйствительно, 12-го декабря 1741 г., Анна Леопольдовна съ семействомъ, сопровождаемая генералъ-лейтенантомъ В. Ѳ. Салтыковымъ, выѣхала изъ Петербурга въ Ригу. Но пробывъ здѣсь подъ арестомъ до 13-го декабря 1742 г., браунщвейгская фамилія была отправлена въ крѣпость Дюнамюнде, гдѣ у Анны Леопольдовны родилась дочь Елизавета. На измѣненіе первоначальнаго рѣшенія Императрицы Елизаветы подѣйствовали: совѣты Шетарди и Лестока, предпринятая въ пользу Іоанна Антоновича попытка каммеръ-лакея А. Турчанинова убить Императрицу и герцога гольштинскаго, интриги въ пользу брауншвейгской фамиліи маркиза Ботты, подполковника Лопухина и другихъ. Убѣжденная въ опасности для будущности Россіи, если Іоаннъ Антоновичъ и его родители будутъ на свободѣ, Елизавета рѣшила арестовать ихъ и отправить въ ссылку. Поэтому, въ январѣ 1744 г. послѣдовалъ указъ о перемѣщеніи брауншвейгской фамиліи въ гор. Раненбургъ, Рязанской губ., а 27-го іюля того же года—о перевозѣ въ Архангельскъ, а оттуда для заточенія въ Соловецкій монастырь. Перевезти семейство было поручено камергеру барону Н. А. Корфу. Осенью, несмотря на беременность Анны Леопольдовны, семья двинулась въ тяжелый, далекій путь. При отъѣздѣ изъ Раненбурга, бывшая правительница была разлучена со своею любимою фрейлиною, Юліаною Менгденъ, которая была оставлена въ этомъ городѣ подъ строгимъ карауломъ вмѣстѣ съ бывшимъ адъютантомъ Антона-Ульриха, полковникомъ Геймбургомъ. Четырехлѣтняго Іоанна Антоновича везли въ особомъ экипажѣ, подъ надзоромъ маіора Миллера, которому инструкціею повелѣвалось называть его Григоріемъ. Не имѣя возможности проѣхать по льду въ Соловки, Корфъ остановился въ Холмогорахъ, въ 72 верстахъ отъ Архангельска. Здѣсь семейство было помѣщено въ бывшемъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ должна была находиться и одна команда солдатъ, назначенныхъ для стражи; другой командѣ указано было жить въ находившихся близъ дома казармахъ. Всѣ лица, приставленныя для службы и стражи, составляли „секретную или извѣстную Ея Императорскому Величеству коммиссію", численностью до 137 чел. Всякое общеніе заключенныхъ съ посторонними людьми было строго запрещено. Домъ былъ обнесенъ высокимъ тыномъ. Развлеченіемъ заключенныхъ являлись только прогулки по прилегавшему къ дому запущенному саду, съ прудомъ посрединѣ, катанье въ ветхой каретѣ на старыхъ лошадяхъ, на пространствѣ двухсотъ саженъ отъ дома, причемъ форейторомъ и лакеями были солдаты. Брауншвейгское семейство нерѣдко нуждалось въ самомъ необходимомъ, такъ какъ изъ архангельскаго казначейства отпускалось отъ 10 до 15 тысячъ и на содержаніе заключенныхъ, и на жалованье приставленнымъ къ нимъ людямъ (прислуга была изъ простаго званія), и на ремонтъ дома. Архангельскій губернаторъ по временамъ навѣщалъ, по приказанію Императрицы, сосланныхъ, чтобы освѣдомляться объ ихъ положеніи. По водвореніи въ Холмогорахъ, Корфу указомъ 29-го марта 1745 г., предписывалось: „Ежели, по волѣ Божіей, случится иногда изъ *извѣстныхъ персонъ* кому смерть, особливо же принцессѣ Аннѣ, или принцу Іоанну, то учиня надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положа въ спиртъ, тотчасъ то мертвое тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ, а съ прочими чинить потоможъ, токмо сюда не присылать, а доносить намъ и ожидать указу". Возвращаясь ко Двору, Корфъ передалъ это повелѣніе назначенному наблюдать за брауншвейгской семьей маіору лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Гурьеву. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда въ Холмогоры у Анны Леопольдовны родился сынъ Петръ (19-го марта 1745 г.), а затѣмъ 27-го февраля 1746 г.—сынъ Алексѣй; послѣ этого бывшая правительница занемогла родильною горячкою и вскорѣ скончалась на 28-мъ году своей жизни 7-го марта 1746 г. Гурьевъ отправилъ

ея тѣло въ Петербургъ, съ подпоручикомъ Измайловскаго полка Писаревымъ, которому предписывалось отъ послѣдней передъ столицею станціи ѣхать съ тѣломъ прямо въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ была погребена мать принцессы, герцогиня Екатерина Іоанновна. Въ распоряженіяхъ похоронами принимала участіе сама Императрица, приказавшая отпустить на расходы по погребенію около 3.000 р. Всѣмъ позволено было прощаться съ принцессою. Въ объявленіяхъ о смерти Анны Леопольдовны говорилось, что она скончалась отъ „огневицы", съ цѣлью скрыть рожденіе принцевъ Петра и Алексѣя. Погребеніе бывшей правительницы совершено въ Александро-Невской лаврѣ съ большою церемоніею 21-го марта, въ Благовѣщенской церкви, противъ царскихъ вратъ.

Послѣ кончины супруги, Антонъ-Ульрихъ жилъ въ Холмогорахъ болѣе 29 лѣтъ; Іоаннъ Антоновичъ въ началѣ 1756 года былъ переведенъ изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургъ; остальныя дѣти—двѣ дочери и два сына—прожили въ заключеніи 36 лѣтъ. Сохранилось слѣдующее извѣстіе о холмогорскихъ ссыльныхъ: „Изъ дочерей... старшая, Екатерина, сложенія больного и почти чахоточнаго, притомъ нѣсколько глуха, говоритъ нѣмо, невнятно и одержима всегда разными болѣзненными припадками, нрава очень тихаго; другая—Елизавета роста немалаго, сложенія плотнаго, нрава нѣсколько горячаго, подвержена разнымъ и нерѣдкимъ болѣзненнымъ припадкамъ, особенно впадаетъ въ меланхолію и не мало времени ею страдаетъ. Сыновья: старшій, Петръ, сложенія больного и чахоточнаго, нѣсколько кривоплечъ и кривоногъ; меньшой—Алексѣй сложенія плотнаго и здороваго и хотя имѣетъ припадки, но еще дѣтскіе". Въ 1779 году, послѣ поѣздки въ Холмогоры А. П. Мельгунова, Императрица Екатерина II вступила относительно братьевъ и сестеръ принца Іоанна, убитаго въ Шлиссельбургѣ 5-го іюля 1764 года, въ переговоры съ датскимъ дворомъ, а въ 1780 г., по ходатайству датской королевы Юліаны-Маріи, сестры Антона-Ульриха, повелѣла отправить ихъ въ гор. Горсензъ (въ Югландіи). При отправленіи заграницу было израсходовано, по повелѣнію Императрицы, около 200.000 руб. для снабженія дѣтей бывшей правительницы одеждою, сервизами и вещами. Съ ними былъ отправленъ лѣкарь съ ученикомъ и походная церковь со всею утварью, священникъ и два церковника. Въ ночь на 27-е іюня 1780 г. принцы и принцессы были перевезены въ Новодвинскую крѣпость, а въ ночь на 30-е іюля отправлены на фрегатѣ „Полярная Звѣзда" въ Данію. Въ Бергенѣ они пересѣли на датскій корабль, который доставилъ ихъ въ Горсензъ 13-го октября, послѣ 3½-мѣсячнаго путешествія. Для содержанія въ Горсензѣ, Екатерина II назначила каждому принцу и принцессѣ по 8.000 руб. въ годъ до ихъ смерти, а всѣмъ вмѣстѣ 32.000 руб., которые отъ русскаго Двора полностью выдавались до 1807 г., т.-е. до кончины послѣдней представительницы брауншвейгской фамиліи. Съ теченіемъ времени, русскіе служители, состоявшіе при принцахъ и принцессахъ, были уволены въ Россію. Оставленъ только священникъ и церковники, да небольшой штатъ придворныхъ изъ датчанъ. 20-го октября 1782 г. скончалась принцесса Елизавета; спустя пять лѣтъ умеръ принцъ Алексѣй (22-го октября 1787 г.). а 30-го января 1798 г. скончался братъ его Петръ. Принцесса Екатерина доживала свои дни въ грустномъ одиночествѣ, лишенная возможности свободно обращаться съ окружавшими по совершенной глухотѣ своей и незнанію иностранныхъ языковъ. Она хотѣла возвратиться въ Россію и поступить въ монастырь. Съ этою цѣлью она препроводила Императору Александру I 16 (28) августа 1803 г. письмо, въ которомъ, между прочимъ, просила разрѣшенія постричься въ монахини, но разрѣшенія этого не послѣдовало. Принцесса Екатерина скончалась 9-го апрѣля 1807 г. и погребена въ Горсензѣ, вмѣстѣ съ сестрой и братьями. На ихъ могильной плитѣ изъ чернаго мрамора вырѣзана на латинскомъ языкѣ слѣдующая надпись: „Сей памятникъ посвященъ двумъ принцамъ и двумъ принцессамъ высокаго Брауншвейгъ-Люнебургскаго дома; щедротою Екатерины II и попеченіемъ Христіана VII и Юліаны-Маріи, они спокойно провели жизнь въ семъ городѣ".

«Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года», 2 части, Москва, 1880 и 1886 г.—«Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», тт. 76, 80, 85, 86 и 96.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. 21.—Пекарскій, «Маркизъ

де-ла Шетарди въ Россіи», С.-Петербургъ, 1862.—A. Brückner, «Die Familie Braunschweig in Russland», S.-Petersbourg, 1876 г.—«Письма леди Рондо», Спб., 1874 г.—«Записки фельдмаршала графа Миниха», Спб.,1874 г.—«Сенатскій Архивъ», томы II и III.—«Полное собраніе законовъ», т. XI, №№ 8287—8472.—«Русскій Архивъ», 1867 г., № 2 («Царствованіе Іоанна VI Антоновича»—изъ сочиненія Германа, «Исторія русскаго государства»).—М. Д. Хмыровъ,«Историческія статьи»—«Обстоятельства, приготовившія опалу Эрнеста-Іоанна Бирона».—Яковлевъ, «Жизнь правительницы Анны», Москва, 1814 г.—«Описи секретнымъ бумагамъ брауншвейгской фамиліи». («Чтенія въ Имп. общ. исторіи и древн. росс.», 1861 г., кн. 2).—Костомаровъ, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», вып. 7-ой, Спб., 1888.—«Русская Старина»: 1870 г., т. I.—«Погребеніе принцессы Анны Леопольдовны и мужа ея, герцога Антона-Ульриха», сообщ. баронъ М. А. Корфъ; 1873 г., т. 7—«Правительница Анна Леопольдовна: судьба ея семейства». 1740—1780 гг., сообщ. акад. А. А. Куникъ; 1875 г., т. 12—«Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсензѣ», разсказъ по датскимъ извѣстіямъ, сообщ. акад. Я. К. Гротъ. Русскій Вѣстникъ»: 1867 г.—Поваляевъ, «Судьба брауншвейгской фамиліи въ Россіи»; 1874 г., №№ 10 и 11—Брикнеръ, «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники» (здѣсь перечислены всѣ напечатанные до 1874 г. матеріалы о брауншвейгской фамиліи).—«Отеч. Записки», 1866 г., т. CLXV—М. И. Семевскій, «Иванъ VI Антоновичъ».—«Ученыя Записки Имп. Акад. Наукъ», 1859 г., ч. I, вып. 4—А. Куникъ, «О портретахъ Анны Леопольдовны»; 1840—Полѣновъ, «Отправленіе брауншвейгской фамиліи въ Данію».—Энциклопедическіе Словари—сост.русс. учен. и литераторами, т. IV, и Брокгауза-Ефрона, т. I. *С. Тр.*

Анна Михаиловна, въ монашествѣ *Анфиса*, дочь царя Михаила Ѳедоровича и царицы Евдокіи Лукьяновны Стрешневой, род. въ Москвѣ, 14-го іюля 1630 г., постриглась 18-го октября 1692 и скончалась 27-го октября того же года.

«Полное Собр. Русск. Лѣтописей», т. III, стр. 189 и 195, т. VI, стр. 54.

Анна Павловна, королева нидерландская, шестая дочь Императора Павла I и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, род. 7-го января 1795 года, ум. 17-го февраля (1-го марта) 1865 г., въ Гаагѣ. Великой Княжнѣ шелъ всего 15-й годъ, когда Наполеонъ, рѣшившись развестись съ императрицею Жозефиною, поручилъ своему послу при русскомъ Дворѣ Коленкуру, просить руки Анны Павловны. Это было 10-го (22-го) ноября 1809 года. Императоръ Александръ далъ отвѣтъ уклончивый и неопредѣленный, сославшись на завѣщаніе Императора Павла, въ силу котораго распоряжаться судьбою дочерей всецѣло предоставлено Императрицѣ-Матери. Коленкуръ подробно и обстоятельно доносилъ Шампаньи, французскому министру внѣшнихъ сношеній, о всѣхъ перипетіяхъ переговоровъ о бракѣ и въ одномъ изъ писемъ слѣдующимъ образомъ отзывался о Великой Княжнѣ: „Она высока ростомъ для своего возраста и болѣе развита, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ этой странѣ, такъ какъ по словамъ лицъ, посѣщающихъ Дворъ ея матери, она вполнѣ сформирована физически вотъ уже цѣлые пять мѣсяцевъ. Ростъ ея, станъ, все указываетъ на это. Она высока для своихъ лѣтъ, у нея прекрасные глаза, нѣжное выраженіе лица, любезная и пріятная наружность, и хотя она не красавица, но взоръ ея полонъ доброты. Нравъ ея тихъ и, говорятъ, очень скроменъ. Добротѣ ея отдаютъ предпочтеніе предъ умомъ... Какъ всѣ Великія Княжны, она прекрасно воспитана и образована. Она уже умѣетъ держать себя, какъ подобаетъ принцессѣ, и обладаетъ тактомъ и увѣренностью, необходимыми при Дворѣ... Подобно братьямъ, она походитъ на мать. Все обѣщаетъ, что она унаслѣдуетъ ея поступь и формы“. Переговоры не привели ни къ какому положительному результату: 23-го января (4-го февраля) 1810 года Императоръ Александръ сообщилъ Коленкуру, что, въ виду молодости Великой Княжны, Императрица Марія Ѳеодоровна не можетъ согласиться на бракъ ранѣе, какъ черезъ два года. Такой отвѣтъ былъ, конечно, равносиленъ отказу въ вѣжливой формѣ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого неудавшагося сватовства Великая Княжна Анна Павловна была обручена, 28-го января 1816 года, съ наслѣднымъ принцемъ Оранскимъ Вильгельмомъ; 9-го февраля того же года въ церкви Зимняго дворца совершено бракосочетаніе. До 10-го іюня новобрачная чета прожила частью въ Петербургѣ, частью въ Павловскѣ, гдѣ обѣды, балы, гулянья и всевозможныя увеселенія смѣняли одно другое. Особенно замѣчателенъ былъ праздникъ, устроенный въ Павловскѣ 6-го іюня 1816 г., когда въ одинъ день состоялись: спектакль, балетъ, народный праздникъ, роскошная иллюминація и балъ. Въ сентябрѣ того же года царственная чета имѣла въѣздъ въ Гаагу и Амстердамъ, а въ октябрѣ — въ Брюссель. Молодая принцесса ревностно прини-

лась за изученіе голландскаго языка, а также мѣстной исторіи, нравовъ и учрежденій. Уваженіе къ нимъ снискало ей любовь и преданность всѣхъ ея подданныхъ. Благородство души принцессы особенно ярко проявилось въ событіяхъ 1830 года и позднѣйшихъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ отложеніе Бельгіи. Для всѣхъ воиновъ, раненыхъ въ борьбѣ за старинныя права Нидерландовъ, она основала на свой собственный счетъ госпиталь и инвалидный домъ, который часто посѣщала. Сдѣлавшись съ 25-го сент. (7-го октября) 1840 года королевою, Анна Павловна была украшеніемъ и опорою престола. Она основала въ своемъ королевствѣ до 50 пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей и поддерживала ихъ образцовое состояніе изъ собственныхъ суммъ. Потерявъ, въ мартѣ 1848 года, даровитаго и подававшаго блестящія надежды сына-первенца, принца Александра, и (17-го) марта 1849 — горячо любимаго супруга, короля Вильгельма II, Анна Павловна сначала переселилась изъ Амстердама въ Гельдернъ, а затѣмъ переѣхала въ Гаагу, гдѣ обыкновенно жила половину года, въ Бейтенрустѣ, а лѣто проводила въ Сестдикѣ, вблизи памятника, воздвигнутаго ея покойному супругу, въ увѣковѣченіе храбрости, оказанной имъ при Ватерлоо. Внимательно слѣдя за литературой, искусствомъ и наукой, королева воздерживалась, однако, отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла Нидерландовъ. Не прерывая духовной связи съ своею родиною, Анна Павловна въ 1857 г. исполнила свое давнишнее желаніе еще разъ увидѣть Россію и съ почетомъ была встрѣчена Императорскою Фамиліею и русскимъ народомъ. За годъ до смерти она принимала у себя въ Сестдикѣ своего племянника, Императора Александра II, и Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Скорбь о кончинѣ Анны Павловны была въ Нидерландахъ глубока и повсемѣстна, во многихъ городахъ жители добровольно носили трауръ; усопшая была истинною матерью всѣхъ бѣдныхъ дѣтей въ нидерландскомъ королевствѣ, а благодѣянія ея были неисчислимы. Король нидерландскій Вильгельмъ III (второй сынъ Анны Павловны, третій сынъ, принцъ Вильгельмъ-Фридрихъ-Генрихъ и дочь Вильгельмина-Марія-Софія-Луиза, вышедшая замужъ за наслѣднаго принца Саксенъ-Веймарскаго (Карла-Александра) возвѣстили о кончинѣ своей матери трогательнымъ посланіемъ. Погребеніе Анны Павловны состоялось не въ фамильномъ склепѣ оранской династіи, въ Дельфтѣ, а въ православной церкви св. Екатерины въ Амстердамѣ, сооруженной Императоромъ Николаемъ I.

«Русскій Архивъ 1890 г., кн. 9, статья С. С. Татищева: «Тайная переписка о предполагавшемся бракѣ Наполеона Перваго съ Великою Княжною Анною Павловною».—«Сѣверная Почта» 1865 г., №№ 40, 41 и 45.—«Павловскъ, очеркъ исторіи и описаніе», стр. 190—193.—«Сенатскія Вѣдомости» 1816 года.—F. W. Smits, «Leerrede bij Gelegenheit van hed overlijden van Hare Keizerlijke en Koninglijke Majestat Anna Paulowna», Amsterdam, 1865 г.—«Europa» 1865 г., № 13.—Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированыхъ портретовъ», стр. 287—291.—М. Д. Хмыровъ, «Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ», С.-Петербургъ, 1871, стр. 35—36. *С. Тр.*

Анна Петровна, цесаревна, герцогиня голштинская, вторая дочь Петра I и Екатерины Алексѣевны, род. 27-го января 1708 г. въ Москвѣ, скончалась 4-го (15-го) мая 1728 г., въ Килѣ. Первое упоминаніе о любимой дочери Петра Великаго встрѣчается въ „Юрналѣ“ 1711 г., подъ 3-мъ февраля, гдѣ говорится: „У его царскаго величества господа министры всѣ обѣдали и довольно веселились, понеже въ тотъ день была именинница маленькая царевна Анна Петровна“. Сначала Екатерина Алексѣевна держала дочерей своихъ очень просто и не совсѣмъ открыто, послѣ же объявленія о бракѣ, царевны Анна и Елизавета получили отдѣльное помѣщеніе, отдѣльный столъ и особую прислугу. Родители озаботились дать своимъ дочерямъ наилучшее по тогдашнему времени воспитаніе. Восьми лѣтъ царевна Анна Петровна уже сама писала письма матери. Въ 1716 году къ царскимъ дѣтямъ въ Петербургъ была вызвана „дохтурица“ гречанка Лавра Паликала; въ томъ же году прибыла въ столицу итальянка графиня Маріанна Маніяни, занявшая мѣсто воспитательницы при царевнахъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ; еще раньше при нихъ состояли: виконтесса Латуръ-Лануа, сопровождавшая Анну Петровну и въ Голштинію, и „мастеръ нѣмецкаго языка“ Гликъ. Такимъ образомъ, царевны изучали французскій, нѣмецкій и итальянскій языки, на которыхъ потомъ свободно говорили; съ дѣтства окруженныя уроженками Ингріи, знавшими шведскій языкъ,

онѣ исподволь научились говорить и по-шведски. Въ кабинетѣ Петра Великаго хранится нѣсколько поздравительныхъ писемъ царевны Анны къ отцу, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Кромѣ языковъ, царевны обучались танцмейстеромъ Стефаномъ Рамбургомъ различнымъ танцамъ, которые, по свидѣтельству Берхгольца, исполняли превосходно. Когда царевнѣ Аннѣ минуло тринадцать лѣтъ (17-го марта 1721 г.), пріѣхалъ въ Ригу искатель руки ея, племянникъ шведскаго короля Карла XII, герцогъ Карлъ-Фридрихъ Голштейнъ-Готторпскій. Въ свитѣ его находился тайный совѣтникъ графъ Бассевичъ, бывшій уже раньше въ Россіи, въ качествѣ посланника отъ голштинскаго Двора, а вскорѣ былъ вытребованъ изъ Парижа камеръ - юнкеръ Берхгольцъ, оставившій о пребываніи герцога въ Россіи драгоцѣнный дневникъ (1721 — 1726). Желая ближе ознакомиться съ женихомъ, Государь и Государыня отправились въ Ригу и провели тамъ всю весну. Первое свиданіе Царя съ будущимъ зятемъ происходило 20-го марта. Петръ Великій нашелъ герцога пригоднымъ для своихъ политическихъ видовъ и пригласилъ его пріѣхать въ Ревель, а затѣмъ и въ Петербургъ. Сватовство Карла-Фридриха устроилось послѣ нѣсколькихъ отказовъ. Сближеніе голштинскаго Двора съ русскимъ было задумано барономъ Герцемъ, извѣстнымъ министромъ, сперва голштинскимъ, а потомъ шведскимъ. При помощи этого сближенія должно было совершиться, по его плану, возвышеніе Голштиніи, разоренной Даніею и лишившейся въ 1714 г. герцогства Шлезвигъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, Петръ Великій, наконецъ, согласился на покровительство Фридриху-Карлу. Въ 1718 году скончался бездѣтный Карлъ XII, шведскій престолъ долженъ былъ достаться сыну старшей сестры короля, герцогу голштинскому, но онъ былъ отвергнутъ шведами и корону, съ ограниченіемъ власти, шведскіе государственные чины предложили Ульрикѣ-Элеонорѣ, младшей сестрѣ Карла XII. Петръ Великій полагалъ, что, имѣя въ своихъ рукахъ законнаго наслѣдника шведскаго престола, онъ скорѣе добьется выгоднаго для Россіи мира. Разсчеты эти вполнѣ оправдались; не сбылись только надежды герцога, хотя Петръ I и далъ повелѣніе Брюсу и Остерману заключить миръ со Швеціею только подъ условіемъ, чтобы шведы признали Карла-Фридриха наслѣдникомъ королевскаго престола и обѣщали возстановить его, при помощи Россіи, во владѣніи герцогствомъ Шлезвигъ. Шведы не хотѣли и слышать объ этомъ и только по усиленному настоянію Петра Великаго предоставили герцогу титулъ королевскаго высочества; впослѣдствіи, въ 1724 году, они, впрочемъ, обѣщали стараться, вмѣстѣ съ Россіею, о возвращеніи ему Шлезвига (трактатъ между Россіею и Швеціею 22-го февраля (4-го марта) 1724 года), но изъ этихъ обѣщаній ничего не вышло.

Торжественный въѣздъ герцога голштинскаго въ Петербургъ состоялся 27-го іюня 1721 г. Раньше его прибылъ Берхгольцъ, имѣвшій случай за два дня передъ тѣмъ, въ день коронаціи Петра Великаго, видѣть все царское семейство на праздникѣ въ Лѣтнемъ саду. „Взоры наши“, пишетъ Берхгольцъ, „тотчасъ обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную какъ ангелъ. Цвѣтъ лица, руки и станъ у нея чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростомъ“. Впослѣдствіи, въ 1724 году, передъ обрученіемъ цесаревны Анны съ герцогомъ, Берхгольцъ замѣчалъ въ своемъ дневникѣ: „Вообще можно сказать, что нельзя написать лица болѣе прелестнаго и найти сложеніе болѣе совершенное, чѣмъ у этой принцессы. Ко всему этому присоединяются еще врожденная привѣтливость и обходительность, которыми она обладаетъ въ высшей степени“. Отзывъ другого голштинца, графа Бассевича, столь же восторженъ. Въ своихъ „Запискахъ“ („Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 253—254) онъ говоритъ: „Анна Петровна походила лицомъ и характеромъ на своего августѣйшаго родителя, но природа и воспитаніе все смягчило въ ней. Ростъ ея, болѣе пяти футовъ, не казался слишкомъ высокимъ при необыкновенно развитыхъ формахъ и при пропорціональности во всѣхъ частяхъ тѣла, доходившей до совершенства. Ничто не могло быть величественнѣе ея осанки и физіономіи, ничто правильнѣе очертаній ея лица, и при этомъ взглядъ и улыбка ея были граціозны и нѣжны. Она имѣла черные волосы и брови, цвѣтъ лица ослѣпительной бѣлизны и румянецъ свѣжій и нѣжный, какого

никогда не можетъ достигнуть никакая искусственность; глаза ея неопредѣленнаго цвѣта и отличались необыкновеннымъ блескомъ. Однимъ словомъ, самая строгая взыскательность ни въ чемъ не могла бы открыть въ ней какого-либо недостатка. Ко всему этому присоединялись проницательный умъ, неподдѣльная простота и добродушіе, щедрость, снисходительность, отличное образованіе и превосходное знаніе языковъ отечественнаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и шведскаго. Съ дѣтства отличалась она неустрашимостью, предвѣщавшею въ ней героиню, и находчивостью". Въ противоположность своей невѣстѣ, герцогъ голштинскій не отличался ни умомъ, ни красотой. Онъ былъ не высокъ ростомъ и не имѣлъ особенной привлекательности въ чертахъ лица. Равнодушный къ умственнымъ интересамъ, ничего не читавшій, беззаботный и склонный къ мелочному формализму, Карлъ-Фридрихъ любилъ проводить время въ тостъ-коллегіи. Жизнь въ Петербургѣ и Москвѣ, въ первые три года пребыванія герцога въ Россіи, полная томительной неизвѣстности, усилила наклонность его къ вину. Карлъ-Фридрихъ не чувствовалъ особенной любви къ своей невѣстѣ и, не скрывая отъ нея, высказывалъ при ней симпатіи Елизаветѣ Петровнѣ. Хотя цесаревна Анна „при всякомъ случаѣ,—по словамъ Берхгольца,—была необыкновенно любезна съ герцогомъ", но едва-ли вѣрно утвержденіе автора дневника, что невѣста чувствовала къ Карлу-Фридриху искреннюю и нѣжную привязанность. Послѣ трехлѣтняго пребыванія герцога въ Россіи, Петръ Великій, наконецъ, рѣшилъ заключить съ нимъ брачный контрактъ. 22-го ноября, послѣ продолжительныхъ совѣщаній Остермана съ Карломъ-Фридрихомъ и голштинскими тайными совѣтниками Штамке и Бассевичемъ, обоюдныя брачныя условія были окончательно формулированы, и въ день именинъ Императрицы, 24-го ноября, подписаны, при торжественномъ обрученіи герцога съ цесаревной Анной. Контрактъ состоялъ изъ 21-ой статьи, которыми обезпечивалось будущее хозяйство цесаревны и ея дѣтей, назначался для нея штатъ, опредѣлялось приданое (300.000 руб. единовременно, кромѣ драгоцѣнныхъ вещей и уборовъ) и права потомства будущей герцогини и пр. Въ силу контракта, цесаревна Анна сохраняла вѣру своихъ предковъ и должна была воспитывать въ ея правилахъ дочерей; сыновья должны были исповѣдывать лютеранство. Цесаревна и герцогъ отказывались за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ „отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону Россійской Имперіи". По обоюдному соглашенію Императора и герцога, къ тогда же опубликованному контракту были присоединены три „секретныхъ артикула", въ которыхъ Петръ Великій предоставлялъ себѣ „власть и мочь", по своему усмотрѣнію, „призвать къ сукцессіи короны и имперіи всероссійской одного изъ урожденныхъ изъ сего супружества принцевъ", и въ такомъ случаѣ герцогъ обязывался немедленно исполнить волю Императора, „безъ всякихъ кондицій". Въ случаѣ кончины царствовавшаго тогда короля шведскаго, Петръ обѣщалъ помогать герцогу всѣми способами къ достиженію престола шведскаго. На основаніи этихъ двухъ статей, сынъ Карла-Фридриха былъ призванъ Императрицею Елизаветою къ наслѣдованію всероссійскимъ престоломъ и почти одновременно приглашенъ государственными чинами шведскими для занятія шведскаго престола, Въ третьемъ изъ „секретныхъ артикуловъ" Петръ предлагалъ герцогу свои „добрыя оффиціи" для возвращенія законнаго владѣнія его предковъ, герцогства Шлезвигъ, которымъ уже много лѣтъ незаконно владѣлъ датскій король. Послѣ обрученія, Императоръ, по словамъ Бассевича, часто бесѣдовалъ съ цесаревной и герцогомъ о дѣлахъ правительственныхъ и старался посвятить ихъ въ свои планы и намѣренія. Вскорѣ предполагалось совершить и бракосочетаніе, но произошло замедленіе, вслѣдствіе приготовленія приданаго (изъ Франціи ожидали привоза брилліантовыхъ вещей для свадебнаго подарка). Въ это время Монарха постигла болѣзнь и для всѣхъ неожиданная кончина. Послѣ соборованія, 26-го января, чувствуя кратковременное облегченіе и, вѣроятно, думая о наслѣдованіи престола, Петръ потребовалъ аспидную доску и написалъ на ней: „Отдайте все"... Далѣе рука не повиновалась. Умирающій Императоръ велѣлъ позвать Анну Петровну и хотѣлъ диктовать ей; но когда она приблизилась къ постели, Петръ уже не

могъ говорить. Никто не сомнѣвался, что послѣднія, написанныя Петромъ слова относились къ старшей любимой дочери, но въ силу брачнаго контракта ее не могли считать наслѣдницей престола. Императрица Екатерина I ни въ чемъ не измѣнила контракта и послѣ Пасхи приказала приступить къ сооруженію, на берегу Невы, въ Лѣтнемъ саду, обширной залы для торжества бракосочетанія. 19-го апрѣля, при Дворѣ въ первый разъ праздновался день рожденія герцога голштинскаго. Вскорѣ послѣ того Карлъ-Фридрихъ нанялъ за 3.000 руб., для житья съ супругою, трехъ-этажный каменный домъ у генералъ-адмирала Апраксина. Домъ этотъ находился на мѣстѣ Салтыковскаго подъѣзда нынѣшняго Зимняго дворца. 21-го мая, въ церкви св. Троицы (на Петербургской Сторонѣ) совершено бракосочетаніе. Вскорѣ послѣ свадьбы между новобрачными начали происходить размолвки; пристрастіе герцога къ вину и вспышки его неосновательной ревности были причинами охлажденія супруговъ. Императрица Екатерина, наоборотъ, выказывала зятю съ каждымъ днемъ все большую благосклонность: такъ, 17-го февраля 1726 года она назначила его засѣдать въ только-что учрежденномъ Верховномъ тайномъ совѣтѣ, а въ день Пасхи пожаловала подполковникомъ Преображенскаго полка; кромѣ того, Императрица хотѣла принять вооруженное посредничество въ дѣлѣ Голштиніи съ Даніей, но этому помѣшало неожиданное появленіе, весною 1726 года, въ Финскомъ заливѣ англійской эскадры. Возвышеніе герцога очень не нравилось Меншикову, который, послѣ кончины Екатерины I, не преминулъ воспользоваться своимъ положеніемъ и своею властью, чтобы дать почувствовать герцогу свое первенство. Около трехъ мѣсяцевъ герцогъ терпѣлъ гоненія временщика. По своей робости и слабохарактерности, Карлъ-Фридрихъ не могъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами и, опираясь на многихъ ревностныхъ приверженцевъ Анны Петровны, достичь власти. Вмѣсто того, онъ рѣшилъ удалиться съ супругою изъ Россіи, о чемъ и поданъ былъ Штамке и Бассевичемъ, 28-го іюня, меморіалъ въ тайный совѣтъ. Въ четырнадцати пунктахъ этого меморіала заключались, между прочимъ, требованія о возобновленіи трактатовъ Петра I съ Швеціей, о выдачѣ копіи съ завѣщанія Императрицы, о немедленномъ отпускѣ 100.000 руб. назначеннаго годового содержанія, о выдачѣ 200.000 руб. на путевыя издержки въ счетъ завѣщаннаго Екатериной I милліона, съ разсрочкою остальныхъ на восемь лѣтъ поровну, и пр. Копія съ духовнаго завѣщанія не была выдана; относительно наслѣдованія шведскаго престола совѣтъ отвѣтилъ, что „сіе состоитъ въ волѣ Его Императорскаго Величества всероссійскаго, и никто посторонній въ сіе дѣло вмѣшаться не можетъ“, а денежныя требованія принялъ. Для доставленія герцога съ герцогиней и ихъ Двора въ Голштинію совѣтъ назначилъ фрегатъ и шесть настовыхъ судовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина. Передъ отъѣздомъ, голштинскіе министры еще разъ сообщили совѣту „прискорбіе цесаревны, что за несдѣланіемъ раздѣла съ сестрою она взять съ собою не можетъ ничего для памяти матери своей“ и просили, по крайней мѣрѣ, росписи вещамъ; но совѣтъ отвѣчалъ, что для раздѣла будетъ своевременно назначена особая коммиссія и герцогиня получитъ все, что ей слѣдуетъ. 25-го іюля 1727 года Анна Петровна съ мужемъ оставила Россію. Пребываніе ея на чужбинѣ было весьма печально, главной причиной чего были холодныя отношенія между супругами, жившими на разныхъ половинахъ и даже не вмѣстѣ обѣдавшими. Въ своихъ запискахъ Екатерина II сообщаетъ, что герцогиня скончалась отъ чахотки. „Ее сокрушила, — пишетъ Екатерина, — тамошняя (т.-е. въ Килѣ) жизнь и несчастное супружество“. 10-го (21-го) февраля 1728 года Анна Петровна „счастливо родила принца Карла-Петра-Ульриха“ (впослѣдствіи Императора Петра III), для котораго кильскій магистратъ изготовилъ серебряную колыбель, обитую внутри синимъ бархатомъ, а 4-го (15-го) мая „въ ночи, въ 21 году отъ рожденія своего, горячкою преставилась“, какъ гласило оффиціальное донесеніе. Умирая, Анна Петровна просила, чтобы ее похоронили подлѣ отца. По полученіи объ этомъ извѣстія, верховный тайный совѣтъ распорядился послать въ Голштинію за тѣломъ цесаревны генералъ-маіора Ивана Бибикова, президента ревизіонъ-коллегіи, съ однимъ архимандритомъ и двумя священ-

никами, на кораблѣ „Рафаилъ", въ сопровожденіи одного фрегата. Эскадрой командовалъ контръ-адмиралъ Бредаль. 12-го октября совѣтъ, получивъ донесеніе о прибытіи тѣла герцогини въ Кронштадтъ, предписалъ Миниху „встрѣтить тѣло съ подобающею честію и предать оное землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ". Приготовленія заняли около мѣсяца, и погребеніе состоялось только 12-го ноября, у сѣверной стѣны собора, во второмъ отъ иконостаса ряду. Дворъ въ это время находился въ Москвѣ.

«Дневникъ каммеръ-юнкера Берхгольца», пер. съ нѣмецкаго И. Аммонъ, Москва, 1857—1860 гг.—«Русскій Архивъ» 1864 г. («Записки графа Бассевича»).—К. Арсеньевъ, «Царствованіе Екатерины I», Спбургъ, 1856.—К. Арсеньевъ, «Царствованіе Петра II», Спб., 1839.—«Заря» 1870 г., № 11 («Цесаревна Анна Петровна», біографическій очеркъ П. Петрова). «Иллюстрація» 1861 г., №№ 199 и 200. Hermann, «Geschichte des russischen Staates», IV.—«Чтенія въ Имп. моск. обществѣ исторіи и древн. россійскихъ» 1858 г., т. III. Энциклоп. словари: сост. русс. учен. и литер., т. 4, и Брокгауза-Ефрона, полутомъ II. «Сборникъ», т. 91 и 6. «Сенатскій Архивъ», т. III, IV и VII. *С. Тр.*

Анна Петровна, великая княжна, дочь Петра III и Екатерины II, род. 9-го декабря 1757 года, ум. 8-го марта 1759 года. Въ „Спб. Вѣд." 1759 года (Приб. къ 23 №) описанъ церемоніалъ ея погребенія, происходившаго 15-го марта, въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Благовѣщенія, у алтаря.

Анна Ярославна, дочь великаго князя Ярослава I Владиміровича, вторая супруга французскаго короля Генриха I, род. въ Кіевѣ, около 1025 года, ум. въ концѣ 1070-хъ годовъ, во Франціи. Въ 1048 г. Генрихъ отправилъ въ Россію посольство, состоявшее изъ Готье Савейра, епископа Мо и рыцаря-сеньёра Госсленъ де-Шалиньяка съ отрядомъ воиновъ. Епископъ съ успѣхомъ выполнилъ порученіе и въ слѣдующемъ году возвратился во Францію съ княжною. Вѣнчаніе было совершено 14-го мая 1049 года, въ Реймсѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ королева Анна сдѣлалась матерью. Желая имѣть наслѣдника, она дала даже обѣтъ построить и обезпечить капиталомъ цѣлый монастырь. Когда у нея родился сынъ-первенецъ, Филиппъ, будущій король французскій, Анна дѣйствительно построила въ честь св. Викентія монастырь въ Санлисѣ (St. Vincent à Senlis). Кромѣ Филиппа, у королевы Анны было еще два сына: Робертъ, умершій ребенкомъ, и Гюгъ великій, родоначальникъ королевской вѣтви рода Вермандуа. Королевская чета жила, повидимому, очень дружно: на многихъ государственныхъ актахъ, особенно грамотахъ, дарующихъ льготы или жалующихъ вотчины монастырямъ и церквамъ, можно прочитать: „съ согласія супруги моей Анны", „въ присутствіи королевы Анны". 1-го августа 1060 года Генрихъ I скончался, и на тронъ вступилъ Филиппъ I, подъ опекою матери и Бодуэна, графа Фландрскаго. Вдовствующая королева удалилась съ дѣтьми изъ Парижа въ Санлисъ; ей было въ то время 35—36 лѣтъ и черезъ два года она снова вышла замужъ за графа Рауля III Валуа, самаго могущественнаго тогда сеньёра Франціи, который женился отъ живой жены и приходился, притомъ, близкимъ родственникомъ покойному Генриху I. Папа Александръ II отлучилъ Рауля отъ церкви и объявилъ его бракъ съ Анною Ярославною недѣйствительнымъ. Гордый феодалъ не обратилъ на это вниманія и счастливо прожилъ съ нею 12 лѣтъ, скончавшись въ Мондидье въ 1074 году. Извѣстія о возвращеніи Анны Ярославны послѣ смерти второго мужа въ Россію—мало вѣроятны. Вѣроятнѣе, что она пріѣхала ко Двору своего сына Филиппа, такъ какъ по словамъ Карамзина, „честолюбіе, узы семейственныя, привычка и вѣра католическая, ею принятая, удерживали сію королеву во Франціи". Въ 1075 году Анна Ярославна подписала еще одну грамоту вмѣстѣ со своимъ сыномъ Филиппомъ.

«Revue hebdomadaire», № 76 (Vicomte de Caix de Saint-Aymour, «Une princesse russe, reine de France»).—«Nouvelle revue», t. LXXXV, 2-me livraison (Henri Buteau, «La princesse Anne»).—Mezeray, «Histoire de la France», Paris, 1643—51.—Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», т. II, стр. 24, изд. 1892 г., подъ редакціею Полевого. «Маякъ» 1844 г., т. XIV, кн. XXVIII, гл. III (С. Руссовъ, «Розысканія о дочеряхъ Ярослава»). *С. Тр.*

Анна Ѳеодоровна, Цесаре́вна и Великая Княгиня, первая супруга Великаго Князя Константина Павловича, дочь наслѣднаго принца (впослѣдствіи герцога) саксенъ-заальфельдъ-кобургскаго Франца-Фридриха-Антона, до мѵропомазанія *Юліана-Генріетта-Ульрика*, род. 11-го (22-го) сентября 1781 года, въ Готѣ, ум. 12-го авг.

1860 г. въ Эльфенау, близъ Берна, погребена въ Готѣ. По вызову Императрицы Екатерины, въ концѣ 1795 года, герцогиня саксенъ-кобургская пріѣхала въ Петербургъ съ тремя дочерьми, изъ которыхъ четырнадцатилѣтняя принцесса Юліана, небольшого роста брюнетка, умная и находчивая, болѣе другихъ понравилась Великому Князю Константину Павловичу и вскорѣ сдѣлалась его невѣстою. Помолвка послѣдовала 25-го октября 1795 года, а 6-го ноября герцогиня съ двумя дочерьми уѣхала за границу. По отъѣздѣ матери, принцесса Юліана жила, вмѣстѣ съ Великими Княжнами, подъ попеченіемъ баронессы Ливенъ. Она обучалась Закону Божьему православнаго исповѣданія и русскому языку, преподавалъ который маіоръ Муравьевъ, состоявшій при Константинѣ Павловичѣ. До свадьбы Константинъ Павловичъ писалъ, между прочимъ, Лагарпу: „Я нахожусь въ пріятнѣйшемъ жизни положеніи; я женихъ принцессы Юліаны саксенъ-кобургской. Очень сожалѣю, что вы ее не видѣли, она прекрасная молодая особа, и я люблю ее всѣмъ сердцемъ. Мать ея, добрѣйшая женщина, какую можно себѣ вообразить, также какъ и сестры ея, принцессы Софія и Антуанетта". 2-го февраля 1796 года принцесса Юліана приняла православіе и наречена при св. мүропомазаніи Анною Өеодоровною, а на другой день обручена въ церкви Зимняго дворца съ Константиномъ Павловичемъ. Одновременно съ манифестомъ объ обрученіи послѣдовалъ именной указъ генералъ-прокурору объ отпускѣ Великой Княжнѣ на ея расходы ежегодно по 30.000 рублей, начиная съ 1-го февраля 1796 года; въ томъ же мѣсяцѣ, 15-го числа, совершилось бракосочетаніе; свадебныя празднества продолжались при Дворѣ съ промежутками до 27-го февраля. Несходство характеровъ, сказавшееся съ первыхъ же дней супружества, не обѣщало счастья юной Великой Княгинѣ. Константинъ Павловичъ, не достигшій въ то время 17-ти-лѣтняго возраста, не понималъ важности сдѣланнаго имъ шага, и при своей рѣзкости, несдержанности и упрямствѣ не могъ внушить прочной сердечной привязанности кроткой Аннѣ Өеодоровнѣ. Хотя вскорѣ послѣ свадьбы Константинъ Павловичъ и писалъ Лагарпу, что онъ „женатъ на прелестнѣйшей изъ женщинъ", но, очевидно, это было только скоропреходящее увлеченіе, быстро смѣнившееся холодностью. Весьма характерны для пониманія отношеній между юными супругами слѣдующія строки изъ письма Великаго Князя Александра Павловича къ Лагарпу, отъ 21-го февраля 1796 года: „Я очень счастливъ съ женой и съ невѣсткой, но что касается до мужа сей послѣдней, то онъ меня часто огорчаетъ; онъ горячъ болѣе, чѣмъ когда-либо, весьма своеволенъ и часто прихоти его не согласуются съ разумомъ. Военное искусство ему вскружило голову, и онъ иногда грубъ съ солдатами своей роты". Въ 1801 году Анна Өеодоровна принуждена была уѣхать изъ Россіи, въ которой она не знала счастья. Послѣ того Великая Княгиня жила большею частью въ Парижѣ и Швейцаріи, пока, въ 1820 году, 20-го марта, по настоянію Константина Павловича, не послѣдовалъ формальный разводъ, несмотря на старанія Анны Өеодоровны и Императрицы Маріи Өеодоровны предотвратить его. Въ манифестѣ о разводѣ говорилось: „Нашъ любезный братъ, Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, принесенною Любезнѣйшей Родительницѣ Нашей, Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ и Намъ просьбою, обратилъ вниманіе наше на его домашнее положеніе въ долговременномъ отсутствіи супруги его, Великой Княгини Анны Өеодоровны, которая еще въ 1801 году, удалясь въ чужіе края, по крайне разстроенному состоянію ея здоровья, какъ донынѣ къ нему не возвращалась, такъ и впредь, по личному ея объявленію, возвратиться въ Россію не можетъ и вслѣдствіе сего изъявилъ желаніе, чтобы бракъ его съ нею былъ расторженъ. Внявъ сей просьбѣ съ соизволенія любезнѣйшей родительницы нашей, мы предавали дѣло сіе въ разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода, который, по сличеніи обстоятельствъ онаго съ церковными узаконеніями, на точномъ основаніи 35 правила Василія Великаго, положилъ: бракъ Цесаревича съ Великою Княгинею Анною Павловною расторгнуть съ дозволеніемъ ему вступить въ новый, если онъ пожелаетъ. Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ усмотрѣли мы, что безплодно было бы усиліе удерживать въ составѣ Императорской нашей фамиліи брачный союзъ четыре девятнадцатый годъ уже разлученной, безъ всякой надежды быть соединенною; и по-

тому, изъявивъ соизволеніе наше, по точной силѣ церковныхъ узаконеній на приведеніе вышеизъясненнаго положенія Святѣйшаго Синода въ дѣйствіе, повелѣваемъ повсюду признавать оное въ свойственной ему силѣ». Въ концѣ манифеста было слѣдующее дополнительное постановленіе, несомнѣнно вызванное предстоявшимъ вторымъ бракомъ (12-го мая 1820 г.) Константина Павловича на графинѣ Іоаннѣ Грудзинской, которой манифестомъ 8-го іюля пожалованъ въ удѣлъ городъ Ловичъ и титулъ княгини Ловичъ: „Если какое лицо изъ Императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, т.-е. не принадлежащимъ ни къ какому царствующему и владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо Императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской фамиліи, и рождаемые отъ таковаго союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе Престола“. Послѣ развода Анна Ѳеодоровна поселилась въ Швейцаріи и чаще всего жила въ виллѣ Буассьеръ, около Женевы.

«Полное собраніе законовъ», т. XXIII, №№ 17.436 и 17.437.—«Сенатскія Вѣдомости» 1820 г. (манифестъ о разводѣ).—«Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества», т. V, стр. 19, 23, 60, 61 и 62.—Masson, «Mémoires secrètes», I, 275; II, 160.—«Русская Старина» 1877 г., іюнь и ноябрь (Историко-біогр. очеркъ Е. П. Карновича: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ»).—«Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс.» 1871, № 3, стр. 138—141 (Письмо Великой Княгини Анны Павловны къ Великому Князю Константину Павловичу о разводѣ); тоже, № 4 (замѣтка О. М. Бодянскаго, который сдѣлалъ весьма вѣроятную догадку, что письмо «едва-ли не принадлежитъ перу матери Цесаревича, покойной Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ»). — Энцикл. словарь, сост. рус. учеными и литераторами, т. IV, стр. 467.—М. Д. Хмыровъ, «Алфавитно-справочный перечень Государей Русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови», Спб., 1870, стр. 13.—«Souvenirs de madame Vigée Le Brun», tome premier, p. 334—335.—«Древняя и Новая Россія» 1876 г., т. 3, № 11 (выдержки изъ записокъ Виже-Лебрень).—Е. С. Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳеодоровна, т. I, стр. 436—437.—Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравир. портретовъ», стр. 294—295.—«Русская Старина» 1873 г., т. VII («Воспоминанія Колзакова»).

С. Тр.

Анны, великія княжны и княгини, упоминаемыя въ „Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей“: 1) Дочь великаго князя Василія Дмитріевича, жена византійскаго императора Іоанна VIII Палеолога; въ 1411 г. выдана замужъ, въ 1417 г. умерла отъ моровой язвы, въ 1473 г. упоминается при исчисленіи родства великой княгини Софіи Ѳоминишны; 2) жена великаго князя Суздальскаго Константина Васильевича, дочь греческаго князя Василія; 3) жена великаго князя Кіевскаго Рюрика Ростиславича, дочь князя Туровскаго Георгія Ярославича; княземъ Романомъ Галицкимъ пострижена въ 1203 г. въ монашество и черезъ два года приняла схиму; 4) дочь великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, род. въ 1387 г.; 5) дочь великаго князя Ивана Ивановича, сестра Дмитрія Донскаго, была замужемъ за Дмитріемъ Волынскимъ-Баброкомъ, воеводою на Куликовомъ полѣ: 6) жена великаго князя Всеволода Ярославича; въ 1097 году, вмѣстѣ съ митрополитомъ приходитъ отъ кіевлянъ къ сыну, князю Владиміру Всеволодовичу, чтобы склонить его къ миру съ великимъ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ; въ 1111 г. умираетъ; тѣло ея погребаютъ въ Андреевскомъ монастырѣ въ Кіевѣ.

«Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей» (см. стр. 34 и 35 указателя).

Анненкова, *Варвара Николаевна*, писательница, род. въ 1795 г., ум. послѣ 1866 г. Въ Москвѣ, въ 1844 г. появился сборникъ ея стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Для избранныхъ“; значительная часть этихъ стихотвореній—посланія къ Лермонтову или подражанія ему. Нѣкоторыя стихотворенія не лишены поэтическаго одушевленія и образности, какъ, напр., „Пантеизмъ Гердера“. Въ Петербургѣ, въ 1856 г., Анненкова напечатала „Стихотворенія 1854, 1855 и 1856 гг.“, съ посвященіемъ защитникамъ Севастополя. Наконецъ, въ 1866 г. вышли въ свѣтъ: 1) „Чудо-юдо“, сказка и другія стихотворенія и 2) „Шарлотта Кордэ“, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, и разныя стихотворенія. Князь Голицынъ въ своемъ „Библіогр. словарѣ русскихъ писательницъ“ предполагаетъ, что Анненковой принадлежатъ двѣ статьи съ подписью „В. А—ва“. 1) „Педагогическія замѣтки изъ Веймара“ („Библ. для Чтенія“ 1859 г., № 5), вызвавшія возраженія Шлейдена въ „Журн. для воспит.“, 1859, № 10, и 2) „Новые опыты воспитанія дѣтей заграницею“ („Библ. для Чтенія“ 1860 г., № 5). С. Венгеровъ, въ своемъ „Критико-біогр. сло-

варѣ», замѣчаетъ, что предположеніе это основано на внѣшнихъ признакахъ и что „очень содержательныя статьи г-жи В. А—вой несомнѣнно принадлежатъ молодой матери".

Князь Голицынъ, «Библіогр. словарь русскихъ писательницъ».—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 583—85.—Отзывы о сборникѣ «Для избранныхъ» появились: въ «Отеч. Зап.», 1844 г., т. 34, «Литер. Газетѣ» 1844 г., № 20 и въ «Сѣвер. Пчелѣ» 1844 г., № 45.

Анненкова, *Прасковья Егоровна*, рожденная *Гебль*, жена декабриста И. А. Анненкова, род. въ Лотарингіи, въ замкѣ Шампиньи, 9-го іюня 1800 г., ум. въ Нижнемъ-Новгородѣ, 14-го сентября 1876 г. Послѣ смерти отца, полковника наполеоновскихъ войскъ, убитаго въ Испаніи, Гебль поступила продавщицей въ одинъ изъ парижскихъ магазиновъ и въ 1824 г. переселилась въ Москву, гдѣ познакомилась съ кавалергардомъ Анненковымъ, желавшимъ жениться на ней. Гебль хотѣла имѣть согласіе матери жениха, на которое, впрочемъ, трудно было разсчитывать: причудливая, богатая старуха, державшая дворню въ 150 человѣкъ, разсчитывала на лучшую партію для своего сына. 14-е декабря 1825 года измѣнило всѣ эти желанія и предположенія. Въ то время, какъ Анненковъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, у Гебль родилась дочка. Едва оправившись отъ болѣзни, она старалась доставить любимому человѣку возможныя удобства и нравственно поддержать его. Преодолѣвая всѣ препятствія, она умудрялась имѣть съ женихомъ въ крѣпости свиданія, что строжайше воспрещалось. Когда Анненковъ былъ отправленъ въ Сибирь, она съумѣла добиться разрѣшенія послѣдовать за нимъ туда и тамъ обвѣнчаться. Ни обѣщанія матери Анненкова, успѣвшей привязаться къ своей будущей невѣсткѣ и подарить ей домъ въ Москвѣ, ни трудности зимней дороги и жизни въ сибирской глуши не могли удержать самоотверженную женщину. Осенью 1827 г., во время большихъ маневровъ въ Вязьмѣ, Гебль лично подала Императору Николаю прошеніе—и онъ, тронутый любовью и преданностью молодой француженки, не только разрѣшилъ ей ѣхать въ Читу, но и повелѣлъ выдать на дорогу 3.000 рублей. 4-го апрѣля 1828 года въ церкви Читинскаго острога происходило вѣнчаніе; женихъ былъ приведенъ въ церковь въ кандалахъ, которыя сняли на паперти. По окончаніи обряда, оковы снова были надѣты, и молодой отведенъ въ острогъ. Въ годъ свадьбы Анненковы были обрадованы Высочайшею милостію: дочери ихъ была дарована фамилія Анненковой, однако, безъ „другихъ правъ по роду и наслѣдію, законами опредѣленныхъ", и „найденные въ имуществѣ Анненкова 60.000 рублей истребованы были обратно отъ наслѣдниковъ его и отданы женѣ его". Невзгоды и лишенія жизни въ ссылкѣ не измѣнили веселаго и подвижного характера молодой женщины, благотворно вліявшей на меланхолическій, отчасти мрачный характеръ ея мужа. Ко времени возвращенія въ 1857 г. изъ ссылки изъ 18-ти родившихся въ Сибири дѣтей Анненковыхъ остались въ живыхъ шестеро. Въ 1860 г. Анненкова продиктовала по-французски своей дочери записки, доведенныя до 1830 года и появившіяся въ „Русской Старинѣ" 1888 года (томы 57 и 58, книжки 1—5, съ предисловіемъ и послѣсловіемъ М. И. Семевскаго). Записки эти полны интереса и сообщаютъ любопытныя черты изъ жизни декабристовъ въ Сибири. Александръ Дюма сдѣлалъ Анненкову героинею романа „Mémoires d'un maître d'armes".

«Русская Старина» 1888 г., т. 57 и 58, кн. 1—5.—Князь Н. Н. Голицынъ. «Библіогр. слов. русс. писательницъ», стр. 11. — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 586 — 88.— «Записки Н. И. Греча», стр. 430. — «Историч. Вѣстникъ» 1888 г., № 5 («Воспоминанія М. Д. Францевой»).

Анненковъ, *Иванъ Александровичъ*, род. въ 1802 г., ум. 27-го января 1878 года, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Послѣ домашней подготовки, былъ студентомъ Московскаго университета, въ которомъ, однако, курса не кончилъ, и поступилъ въ военную службу, юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ чинѣ поручика принималъ участіе въ заговорѣ декабристовъ, какъ членъ сѣвернаго общества („Союза благоденствія") и, по приговору верховнаго уголовнаго суда, сосланъ въ каторжныя работы въ Восточную Сибирь. Въ спискѣ, представленномъ суду „отъ коммиссіи, избранной для основанія разрядовъ", Анненковъ отнесенъ ко второму разряду и значился подъ № 40. Судъ приговорилъ его къ политической смерти; приговоръ этотъ былъ смягченъ Императоромъ Николаемъ I. Находясь

въ Читинскомъ острогѣ, Анненковъ женился, 4-го апрѣля 1828 г., на Гебль (см. П. Е. Анненкова), которая послѣдовала за нимъ въ ссылку. Переведенный въ 1830 г. въ Петровскій заводъ, въ особо-устроенную для декабристовъ тюрьму, Анненковъ въ 1836 г. былъ освобожденъ отъ каторги и водворенъ на поселеніе въ с. Бѣльскъ, Иркутскаго уѣзда. Въ слѣдующемъ году Анненковъ былъ переведенъ въ гор. Туринскъ, Тобольской губ., „съ употребленіемъ“ на службу въ земскомъ судѣ, на правахъ лица изъ податного сословія. Затѣмъ, въ 1841 г. Анненковъ былъ переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ состоялъ при губернаторѣ для порученій, занималъ мѣсто начальника отдѣленія въ приказѣ о ссыльныхъ и въ приказѣ общественнаго призрѣнія, а съ 1845 г. былъ засѣдателемъ. Воспользовавшись амнистіею, дарованною манифестомъ Императора Александра II въ августѣ 1856 г., Анненковъ пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ сначала состоялъ по особымъ порученіямъ при нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ, также бывшемъ декабристѣ, а затѣмъ нѣсколько трехлѣтій былъ предводителемъ дворянства Нижегородскаго уѣзда, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ, къ которымъ привлекалось дворянство и земство по подготовкѣ и введенію въ дѣйствіе реформъ 60-хъ годовъ.

«Русская Старина», т. 57 и 58 («Разсказы Пр. Ег. Анненковой»).—Брокгаузъ-Ефронъ, т. 23, стр. 117—121 (статья Н. К. Шильдера, «Заговоръ декабристовъ»).

Анненковъ, *Иванъ Васильевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, род. въ 1814 г., ум. 4-го іюня 1887 г. Окончивъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище) въ 1833 г., вышелъ прапорщикомъ въ л.-гв. Конный полкъ, гдѣ оставался до 1852 г., получивъ за это время: въ 1846 г.—званіе флигель-адъютанта, а въ 1848 г.—чинъ полковника. Состоя въ 1852 г. при особѣ Государя, Анненковъ выполнилъ рядъ высочайшихъ порученій, послѣ чего, въ апрѣлѣ 1853 г., назначенъ исправляющимъ должность вице-директора инспекторскаго департамента военнаго министерства; два года спустя произведенъ, съ зачисленіемъ въ свиту, въ генералъ-маіоры и въ августѣ 1855 г. отчисленъ отъ должности вице-директора. Въ январѣ 1860 г. Анненковъ принялъ начальство надъ 1-мъ округомъ корпуса жандармовъ; въ 1861 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, въ мартѣ 1862 г. вступилъ въ должность с.-петербургскаго полиціймейстера и пять лѣтъ спустя былъ назначенъ с.-петербургскимъ комендантомъ. Пожалованный 20-го мая 1868 г. званіемъ генералъ-адъютанта, Анненковъ въ 1878 г. произведенъ въ генералы отъ кавалеріи и вслѣдъ затѣмъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. За время пребыванія въ Конномъ полку, въ 1849 г., Анненковымъ составлена обширная „Исторія л.-гв. Коннаго полка, отъ 1731 до 1848 г.“, въ 4 частяхъ, съ атласомъ на 25 листахъ.

«Русс. Инв.» 1887 г., № 123; формул. списокъ.

Д. С—въ.

Анненковъ, *Николай Ивановичъ*, ботаникъ, изъ дворянъ Псковской губерніи; род. 21-го апрѣля 1819 г., ум. въ С.-Петербургѣ 9-го августа 1889 г. Первоначальное воспитаніе получилъ въ частномъ пансіонѣ, въ Москвѣ. По окончаніи курса въ 1-й Московской гимназіи, поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ Московскій университетъ на 2-е отдѣленіе философскаго факультета (нынѣ физико-математическій). Въ 1843 г. Анненковъ окончилъ въ немъ курсъ и выпущенъ первымъ кандидатомъ по отдѣленію естественныхъ наукъ. Будучи еще студентомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстныхъ въ свое время профессоровъ: зоолога — Рулье и ботаника Фишера, изъ которыхъ первый руководилъ его практическими занятіями гео- и зоологіей, а также и палеонтологіей въ окрестностяхъ Москвы, а второй рекомендовалъ московскому обществу сельскихъ хозяевъ для ботаническихъ работъ. Въ годъ окончанія университета Анненковъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ географіи въ московскую 3-ю гимназію, въ 1844 г. — преподавателемъ ботаники въ московскую земледѣльческую школу, въ слѣдующемъ году—преподавателемъ географіи въ московскую 2-ю гимназію, а два года спустя — преподавателемъ географіи въ Александринскій сиротскій институтъ. Въ 1851 г. Анненковъ поступилъ на службу московскаго общества сельскаго хозяйства инспекторомъ при-

надлежащей обществу земледѣльческой школы; въ 1853 г. назначенъ директоромъ и въ этой должности состоялъ до марта 1863 г. Находясь на службѣ общества, Анненковъ, въ 1851 г., путешествовалъ за-границею съ цѣлью обозрѣнія бывшей тогда лондонской всемірной выставки и сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній Франціи, Германіи, Италіи и др. Кромѣ занятій по школѣ, онъ состоялъ также директоромъ учрежденныхъ при обществѣ комитетовъ акклиматизаціи и лѣсоводства. Назначенный, въ 1863 г., директоромъ Уманскаго училища садоводства и Царицына сада въ Софіевкѣ, Анненковъ оставался въ этой должности до 1875 г., когда, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, вышелъ въ отставку. Изъ ученыхъ трудовъ Анненкова наиболѣе замѣчательны: 1) „Flora Mosquensis exsiccata", издано всего 8 сотенъ. Это было первое въ Россіи изданіе сухихъ экземпляровъ растеній, какъ явнобрачныхъ, такъ и тайнобрачныхъ, выходившее выпусками, по 100 экземпляровъ въ каждомъ. Изданіе встрѣтило общее сочувствіе и послужило примѣромъ для цѣлаго ряда трудовъ подобнаго же рода; въ губерніяхъ Воронежской, Могилевской, Орловской и въ Одесскомъ градоначальствѣ были собраны и изданы высушенные образцы мѣстной растительности, съ объяснительнымъ къ нимъ указателемъ. За это изданіе Анненковъ былъ награжденъ Императорскимъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства большою серебряною медалью. 2) «Observations sur les plantes indigènes des environs de Moscou faites pendant les années 1844, 1845, 1846, 1848 et 1849" напечатанъ въ „Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou" съ 1849 по 1851 г. Трудъ этотъ представляетъ результаты наблюденій надъ дикорастущими и садовыми растеніями. 3) „Observations sur la floraison de quelques plantes cultivées, faites à Moscou pendant les années 1844—1848", изд. въ Москвѣ, въ 1849 г. отдѣльными брошюрами. Помѣщенныя въ нихъ наблюденія, сдѣланныя надъ 400 растеніями, перепечатывались за-границею и доставили Анненкову громкую извѣстность. 4) „Простонародныя названія русскихъ растеній", изд. въ Москвѣ въ 1858 г. Книжка обратила на себя всеобщее вниманіе и все изданіе было вскорѣ раскуплено. Вслѣдъ за выходомъ ея въ свѣтъ, Анненковъ сталъ получать со всѣхъ концовъ Россіи новые матеріалы, что побудило его заняться пересоставленіемъ книги за-ново, съ многочисленными дополненіями и съ прибавленіемъ названій растеній на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, а также польскомъ и другихъ славянскихъ, на языкахъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, и т. д., причемъ для каждаго растенія ученый задумалъ указать: его мѣсто въ системѣ науки, его родину, примѣненіе въ медицинѣ, фармаціи, техникѣ и домашнемъ быту, а также библейскія и знахарскія названія многихъ растеній. Такимъ образомъ, составился наиболѣе значительный трудъ Анненкова. 5) „Ботаническій словарь", изданный въ Москвѣ въ 1859 г. Трудъ этотъ былъ встрѣченъ какъ учеными, такъ и обществомъ чрезвычайно благосклонно. Академія Наукъ, при XXIX присужденіи Демидовскихъ премій, удостоила трудъ Анненкова почетнымъ отзывомъ, за недостаткомъ премій. Кромѣ того, Анненковъ получилъ отъ Императора Александра II брилліантовый перстень съ рубиномъ. Академія Наукъ передала автору „Словаря" всѣ матеріалы, относящіеся до названій растеній и ихъ народнаго, медицинскаго и техническаго примѣненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Академія въ отзывѣ своемъ выразила мнѣніе, что „было бы желательно видѣть въ новомъ изданіи „Словаря" филологическое объясненіе происхожденія разныхъ названій на русскомъ языкѣ". Поощренный успѣхомъ, Анненковъ задумалъ переработать свою книгу по новому, болѣе обширному плану, удовлетворяющему нетолько спеціалистовъ, но и простыхъ любителей сочиненій о растеніяхъ. Переработанный и въ нѣсколько разъ увеличенный, трудъ Анненкова появился, въ третій разъ, подъ названіемъ: 6) „Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, лѣсоводовъ, фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и др.", изд. въ С.-Петербургѣ, въ 1878 г. Словарь распадается на двѣ главныя части: въ одной приводятся въ алфавитномъ порядкѣ всѣ латинскія названія растеній и при каждомъ изъ нихъ всѣ его простонародныя и научныя названія, а въ другой, наоборотъ, помѣщены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ простона-

родныя и научныя названія, съ указаніемъ ихъ систематическихъ латинскихъ названій. Словарь этотъ, по общему отзыву специалистовъ, по настоящее время представляется единственнымъ въ своемъ родѣ. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Анненковымъ изданы: 7) „Лѣсоводство", Москва, 1851 г.,—руководство, составленное для учениковъ земледѣльческихъ школъ; 8) „Поѣздка въ село Моховое", Тульской губ., гдѣ находится образцовое имѣніе Шатилова; сюда въ 1850 г. Анненковъ ѣздилъ, по порученію Московскаго общества сельскаго хозяйства, для изученія способовъ культуры лѣса и обозрѣнія лѣсныхъ питомниковъ. Рядъ мелкихъ замѣтокъ Анненкова былъ помѣщенъ въ трехъ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ съ 1860 по 1862 г. подъ его редакціею: „Журналѣ сельскаго хозяйства", „Газетѣ для сельскихъ хозяевъ" и „Запискахъ комитетовъ акклиматизаціи и лѣсоводства". Кромѣ перечисленныхъ выше наградъ за свои ученые труды Анненковъ получилъ: большую золотую медаль отъ парижскаго общества акклиматизаціи, большую золотую медаль отъ московскаго общества акклиматизаціи; среднюю золотую медаль отъ московскаго общества любителей садоводства и большую серебряную медаль отъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества.

Энциклопедическіе словари: сост. русск. учен. и литерат., т. IV (статья Я. Калиновскаго), Березина, т. I, Толя, т. I, Брокгауза-Ефрона, т. Iа, стр. 809—810 и «Новое Время», № 4839, отъ 14-го августа 1889 г. (некрологъ); С. А. Венгеровъ, «Крит.-біогр. слов.», т. I, стр. 591—595 и 966.

Л. В.

Анненковъ, *Николай Николаевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта, изъ дворянъ Нижегородской губерніи, род. въ 1799 г., ум. 26-го ноября 1865 г. Образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, но, не окончивъ курса, вступилъ въ ряды арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона, и въ 1815 г. былъ подпрапорщикомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Произведенный два года спустя въ чинъ прапорщика, Анненковъ, по переводѣ въ 1821 г. въ л.-гв. Преображенскій полкъ, въ февралѣ 1824 года былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, и въ 1828 году произведенъ въ полковники. Сопровождая Великаго Князя, онъ въ томъ же году участвовалъ во время турецкой кампаніи въ военныхъ дѣйствіяхъ при осадахъ крѣпостей Браилова, Шумлы и Варны, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степ. съ алмазами. Въ войну 1831 г. въ Польшѣ Анненковъ состоялъ въ должности начальника штаба при отрядѣ генерала барона Остенъ-Сакена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принималъ ближайшее участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ для разсѣянія отрядовъ мятежниковъ. 4-го апрѣля онъ явился даже начальникомъ отдѣльнаго отряда, образованнаго съ этою цѣлью, дѣйствуя съ которымъ въ предѣлахъ Августовскаго воеводства, 10-го апрѣля истребилъ подъ г. Маріамполемъ значительныя шайки мятежниковъ Пушеты и Шопа и взялъ въ плѣнъ до 1.200 человѣкъ, за что былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ 4 класса. 23-го апрѣля Анненковъ уничтожилъ шайку Винницкаго, и, преслѣдуя затѣмъ шагъ за шагомъ мятежниковъ, присоединился у г. Сувалки къ отряду Остенъ-Сакена. Подъ начальствомъ послѣдняго, Анненковъ находился въ сраженіяхъ у Вильны съ Гельгутомъ и при штурмѣ Варшавы, вскорѣ послѣ чего военныя дѣйствія прекратились. Произведенный въ 1835 г. въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту, Анненковъ въ 1836 г. былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Измайловскаго полка, черезъ два года—начальникомъ штаба 6-го армейскаго корпуса, а въ 1842 г.—директоромъ канцеляріи военнаго министра. На ряду съ этимъ на него возлагались многія другія обязанности. Такъ, онъ состоялъ членомъ эмеритальнаго комитета, завѣдывающимъ медико-хирургической академіею и затѣмъ попечителемъ ея, предсѣдателемъ комитета для пересмотра устава о службѣ гражданской и пр. 6-го декабря 1844 г., произведенный въ генералъ-лейтенанты, Анненковъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта и четыре года спустя, 3-го ноября 1848 г., назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Служба Анненкова въ послѣднемъ званіи отмѣчена особенными, возлагавшимися на него, порученіями: въ 1850 г. ему было поручено обозрѣніе Западной Сибири по военно-сухопутномъ и гражданскому управленіямъ, причемъ за успѣшное окончаніе ревизіи онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Нев

скаго; въ 1852 г., вмѣстѣ съ сенаторомъ И. Х. Капгеромъ, онъ дѣятельно занимался переработкою военно-уголовнаго устава, а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Игнатьевымъ, руководилъ слѣдствіемъ надъ Политковскимъ, по дѣлу о покражѣ послѣднимъ значительныхъ суммъ изъ комитета о раненыхъ. 20-го марта 1854 г. Анненкову поручено было временное исполненіе должности новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, за отсутствіемъ генерала Өедорова, причемъ съ его управленіемъ совпало событіе 10-го апрѣля 1855 г.—бомбардированіе англо-французскимъ флотомъ Одессы. Въ томъ же году Анненковъ занялъ постъ государственнаго контролера, въ 1856 г. получилъ чинъ полнаго генерала, а въ 1861 г.—орденъ св. Владиміра 1 степ. и годъ спустя былъ назначенъ кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ. Усилившаяся болѣзнь вскорѣ, однако, заставила Анненкова взять продолжительный отпускъ заграницу. Живя въ Ниццѣ, онъ, между прочимъ, былъ свидѣтелемъ кончины Цесаревича Николая Александровича и ему же было поручено перевезти тѣло почившаго въ Россію. Едва оправившись, Анненковъ вернулся къ занятіямъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но дни его были уже сочтены. Въ молодости Анненковъ выступалъ на литературномъ поприщѣ и свои стихотворные опыты помѣщалъ на страницахъ Измайловскаго „Благонамѣреннаго". За 1820 г. въ этомъ журналѣ напечатаны: въ № 16—отрывокъ изъ комедіи Анненкова „Нерѣшительный" и въ № 18—небольшая эпиграмма.

«Георгіевскіе кавалеры» Мамышева, Спб. 1862 г.—«Портретная Галлерея» Мюнстера, т. I. стр. 87.—«Воен. Сборн.» 1865 г., № 12.—«Всем. Иллюстр.». 1872 г., № 203.—«Иллюстр. Газета» 1865 г., № 47.—«Моск. Вѣд.», 1865 г., № 263.—«Рус. Арх.» 1883 г., III, стр. 203.—Словари: Геннади, Старчевскаго, Брокгауза-Ефрона, Венгерова и Леера.

Анненковъ, *Николай Петровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ совѣта и инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, впослѣдствіи членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, род. въ 1790 г., ум. въ 1865 г. Выпущенный 19-го декабря 1809 года изъ камеръ-пажей, поручикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, онъ участвовалъ въ походахъ 1812, 13 и 14 годовъ и находился въ дѣлахъ: при Тарутинѣ, Мало-Ярославцѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и др. Въ 1817 году Анненковъ получилъ въ командованіе Мингрельскій пѣхотный полкъ; въ 1821—перемѣщенъ на ту же должность въ Могилевскій; 1-го января 1826—произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-ой бригады 16-ой пѣхотной дивизіи и въ томъ же году назначенъ командиромъ л.-гв. Измайловскаго полка. Участвуя въ войнѣ съ Турціею 1828 и польской кампаніи 1831 годовъ, Анненковъ находился въ дѣлахъ: при веденіи осадныхъ работъ подъ крѣпостью Варною, штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій, преслѣдованіи поляковъ къ мѣстечку Блопье и блокадѣ Модлина. 6-го декабря 1833 года Анненковъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, четыре года спустя назначенъ директоромъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, послѣ чего въ 1843 г. причисленъ къ главному управленію военно-учебными заведеніями и здѣсь оставался до опредѣленія членомъ комитета о раненыхъ. Произведенный 23-го апрѣля 1850 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, Анненковъ въ 1854 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-ой степени.

«Списки старшинства генераловъ за 1864 г.».—«Справочный словарь», изд. Крайя, I, 334.

Д. С—въ.

Анненковъ, *Павелъ Васильевичъ*, литературный критикъ, род. 19-го іюня 1813 г., въ Москвѣ, ум. 8-го марта 1887 г. въ Дрезденѣ. Сынъ богатаго симбирскаго помѣщика, Анненковъ первоначальное образованіе получилъ въ общихъ классахъ Горнаго корпуса, а затѣмъ состоялъ вольнослушателемъ на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Въ 1833 году поступилъ на службу въ канцелярію Министерства Финансовъ, но прослужилъ недолго и въ 1840 г. уѣхалъ заграницу. Познакомившись еще до отъѣзда съ Бѣлинскимъ, Анненковъ началъ присылать ему заграничныя письма, которыя время-отъ-времени появлялись въ „Отеч. Запискахъ" 1841—43 г.; всѣхъ писемъ тринадцать, причемъ первое имѣетъ дату: „Гамбургъ. 12-го ноября 1840 года", а послѣднее—„Парижъ. 9-го марта 1843 года". Помимо своего біографическаго значенія, эти журнальныя корреспонденціи имѣютъ цѣнность интересныхъ разсказовъ о тогдаш-

ней бытовой, художественной и литературной жизни на Западѣ. Въ Римѣ, въ 1841 г., Анненковъ близко сошелся съ Гоголемъ, съ которымъ былъ знакомъ еще съ 1832 года и о которомъ оставилъ лучшія воспоминанія. Живя въ Римѣ вмѣстѣ съ Гоголемъ, Анненковъ подъ его диктовку переписывалъ первый томъ „Мертвыхъ душъ". Вернувшись изъ-за границы, Анненковъ еще болѣе сблизился съ кружкомъ Бѣлинскаго, что дало ему возможность впослѣдствіи написать замѣчательные очерки литературной жизни сороковыхъ годовъ и сдѣлать характеристики ея главнѣйшихъ представителей. Вторая поѣздка за границу (1846—1848), во время которой въ 1847 г. на попеченіи Анненкова находился больной Бѣлинскій, питавшій къ нему самыя дружескія чувства,—вызвала 11 „Писемъ изъ Парижа", столь же интересныхъ, какъ и первыя заграничныя письма, и помѣщавшихся въ „Современникѣ" 1847—48 г. Въ октябрѣ 1848 года Анненковъ вернулся изъ-за границы и въ первой книжкѣ 1849 года „Современника" помѣстилъ свою первую критическую статью „Замѣтки о русской литературѣ 1848 г."; этой статьей начался рядъ его критическихъ статей о произведеніяхъ главнѣйшихъ представителей русской литературы за двадцать лѣтъ (1848—1868); помѣщались онѣ въ „Современникѣ", „Русскомъ Вѣстникѣ", „Атенеѣ", „Библіотекѣ для Чтенія", „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и „Вѣстникѣ Европы". Какъ критикъ, Анненковъ придерживался по преимуществу эстетическаго направленія, хотя по временамъ разбиралъ литературныя произведенія и съ точки зрѣнія ихъ общественнаго значенія. Хорошій вкусъ, обширная начитанность и безпристрастіе являются главными достоинствами критическихъ работъ Анненкова, собранныхъ во второмъ томѣ его „Воспоминаній и критическихъ очерковъ", вышедшихъ въ 1879 г. въ трехъ томахъ. Беллетристическіе опыты Анненкова—повѣсть „Кирюша" и разсказы: „Она погибнетъ" и „Странный человѣкъ", помѣщавшіеся въ „Современникѣ" (1847 г., № 3, 1848 г., т. 10 и 1851 г., т. 27),—неудачны; значительно удачнѣе были печатавшіяся въ томъ же журналѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ (1849—1851) письма изъ провинціи подъ заглавіемъ „Наканунѣ пятидесятыхъ годовъ". Написанныя въ беллетристической формѣ, эти письма, касающіяся быта Казанской и Симбирской губерній, свидѣтельствуютъ о несомнѣнной наблюдательности автора, о его умѣньи подмѣтить новые типы и обрисовать ихъ въ общихъ чертахъ. Купивъ у вдовы А. С. Пушкина право на изданіе его сочиненій (за 5.000 руб. съ разрѣшеніемъ напечатать 5.000 экземпляровъ), Анненковъ провѣрилъ текстъ посмертнаго изданія (1838—1842 г.) по рукописямъ. Хотя провѣрка эта не всегда правильна, хотя издатель пропустилъ много стихотвореній, находившихся въ черновыхъ тетрадяхъ поэта, вполнѣ цензурныхъ и заслуживавшихъ обнародованія (см. „Русск. Стар." 1884 г., № 2, стр. 416), все-таки анненковское изданіе Пушкина было первымъ, достойнымъ его имени, изданіемъ произведеній великаго поэта и для своего времени должно быть признано выдающимся общественнымъ явленіемъ. Изъ статьи „Литературная тяжба" („Вѣстн. Европы" 1881 г., № 1, и въ книгѣ „П. В. Анненковъ и его друзья", Спб. 1892) можно видѣть, съ какими цензурными затрудненіями приходилось бороться издателю, какіе урѣзки заставляла дѣлать цензура въ произведеніяхъ поэта и сколько нужно было ловкости и настойчивости, чтобы отстоять нѣкоторыя пушкинскія произведенія. „Собраніе сочиненій А. С. Пушкина", въ 6-ти томахъ, появилось въ 1855 г.; седьмой, дополнительный томъ вышелъ въ 1857 г. Въ первомъ томѣ были помѣщены: „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній", которые въ 1873 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ и въ которыхъ Анненковъ, на основаніи выписокъ изъ бумагъ Пушкина и устныхъ разсказовъ лицъ, знавшихъ поэта, прослѣдилъ его творчество изо-дня въ-день. Въ 1857 г. появилась интересно написанная Анненковымъ біографія Н. В. Станкевича, съ приложеніемъ его переписки, а затѣмъ, время-отъ-времени, въ журналахъ до конца шестидесятыхъ годовъ печатались критическія статьи, о чемъ уже упоминалось. Живя съ конца 60-хъ годовъ за границею—въ Парижѣ, Баденъ-Баденѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, и только изрѣдка пріѣзжая въ Россію для устройства своихъ дѣлъ, Анненковъ, сотрудничая въ одномъ только „Вѣстникѣ Европы", обратился почти исключительно къ литературнымъ воспоминаніямъ, если

не считать нѣсколькихъ весьма важныхъ и интересныхъ статей о Пушкинѣ („А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху", „Литературные проекты А. С. Пушкина", „Общественные идеалы А. С. Пушкина"). Изъ литературныхъ воспоминаній Анненкова, написанныхъ въ послѣдній періодъ его дѣятельности, первое мѣсто по значенію занимаютъ воспоминанія (см. 3-ій томъ „Воспоминаній и критическихъ очерковъ"), озаглавленныя „Замѣчательное десятилѣтіе" (1838—1848) и являющіяся наиболѣе полнымъ біографическимъ свидѣтельствомъ о Бѣлинскомъ, въ связи съ характеристикою литературнаго и умственнаго движенія сороковыхъ годовъ. Заслуживаютъ вниманія воспоминанія о Герценѣ и Огаревѣ („Идеалисты 30-хъ годовъ"), а также о Писемскомъ („Художникъ и простой человѣкъ" въ „Вѣстникѣ Европы" 1882 г., № 4), Тургеневѣ („Молодость И. С. Тургенева", „Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ", „Изъ переписки съ И. С. Тургеневымъ", въ „Вѣстникѣ Европы" 1884, № 2, 1885, № 3 и 1887 гг.), съ которымъ Анненковъ былъ настолько друженъ, что послѣ смерти знаменитаго романиста занимался разборомъ его бумагъ. Всѣ свои послѣднія произведенія Тургеневъ отдавалъ на судъ Анненкова, мнѣніямъ котораго безусловно подчинялся. Въ 1880 году при открытіи Пушкину памятника въ Москвѣ, Московскій университетъ избралъ Анненкова (одновременно съ Тургеневымъ) своимъ почетнымъ членомъ, цѣня его литературныя заслуги. Почти все написанное Анненковымъ вошло въ появившіяся въ 1877—1881 гг. три тома „Воспоминаній и критическихъ очерковъ" и въ книгу „П. В. Анненковъ и его друзья", изданную А. С. Суворинымъ въ 1892 году; въ этой же книгѣ помѣщены письма къ Анненкову, относящіяся преимущественно къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ,—Каткова, Гоголя, В. П. Боткина, Бѣлинскаго, Кудрявцева, Бакунина, Герцена и его жены, Некрасова и Огарева.

С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, 596—612. — Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», в. 7-й, стр. 5—9.—«Вѣстникъ Европы» 1887 г., № 4.—«Историч. Вѣстникъ» 1887 г., № 4.—«Русская Старина» 1890 г., № 3, стр. 643—44 («Дневникъ А. В. Никитенко») и 1884 г., № 2 (статья В. Якушкина).—Въ словарѣ Венгерова указаны отзывы о разныхъ произведеніяхъ Анненкова, а въ «Обзорѣ» Языкова имѣется наиболѣе полный хронологическій перечень всѣхъ его работъ.

С. Тр.

Анненковъ, *Юрій Семеновичъ*, род. 1-го декабря 1849 г., ум. 8-го февраля 1885 г. Поступивъ въ 1867 году на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, Анненковъ посвятилъ себя изученію славяновѣдѣнія и на 4-мъ курсѣ получилъ золотую медаль за сочиненіе: „Іоаннъ Гуссъ. Обзоръ его чешскихъ сочиненій". Значительная часть этого труда была впослѣдствіи напечатана въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія", подъ заглавіемъ: „Чешскія сочиненія Гуса и время ихъ написанія. Библіографическія розысканія". По окончаніи въ 1871 г. курса со степенью кандидата, Анненковъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, но недостатокъ средствъ заставилъ его принять учительскую должность и позволялъ удѣлять наукѣ только немногіе досуги. Онъ преподавалъ русскій языкъ и словесность въ Смольномъ институтѣ, училищѣ правовѣдѣнія и педагогическомъ классѣ Павловскаго института. Въ 1877 и 1878 годахъ Анненковъ напечаталъ въ „Страпникѣ" двѣ статьи: „Сказаніе о чешскомъ святомъ Іоаннѣ Непомукѣ" и „Гусситы въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ"; много рецензій его было помѣщено въ „Журн. Мин. Нар. Просв.", „Славянскомъ Сборникѣ" и въ „Извѣстіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества". Занимаясь педагогическою дѣятельностью, Анненковъ вмѣстѣ съ тѣмъ неустанно работалъ надъ изученіемъ сочиненій Петра Хельчицкаго, знаменитаго чешскаго писателя XV вѣка, для чего неоднократно ѣздилъ въ Прагу. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе, за смертью Анненкова, осталось неоконченнымъ; смерть помѣшала ему также довести до конца готовившееся къ изданію главное сочиненіе Хельчицкаго „Сѣти вѣры" съ подробнымъ изложеніемъ по главамъ на русскомъ языкѣ.

«Извѣстія Славян. Благотвор. Общества» 1885 г., стр. 93.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V. — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 612—13.

Анненскій, *Николай Ильичъ*, д. с. с., род. въ 1773 г., ум. въ Москвѣ, въ первой половинѣ 1845 г. Происходилъ изъ

духовнаго званія. Образованіе получилъ сначала въ Рязанской духовной семинаріи, затѣмъ переведенъ былъ въ Александро-Невскую семинарію, окончивъ курсъ въ которой, вмѣстѣ съ М. М. Сперанскимъ, посвятилъ себя свѣтской дѣятельности. Въ 1802 г. Анненскій былъ правителемъ канцеляріи во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1806 г. служилъ въ 3-й экспедиціи коммиссіи составленія законовъ, а впослѣдствіи былъ назначенъ юрисконсультомъ при департаментѣ Министерства Юстиціи. Напечатаны два его перевода съ французскаго языка: „О уединеніи относительно къ разуму и сердцу". соч. Циммермана, Спб. 1796, 1801 и М. 1822 г., и „Лодоикъ, или нравственныя наставленія для пользы и увеселенія юношества", Спб. 1799 г.

И. Чистовичъ, «Исторія Спб. дух. акад. (изд. 1857 г.), стр. 99 (ошибка въ годѣ изданія перваго перевода).—«Моск. Вѣд.» 1845 г. № 55, отъ 8 мая, стр. 352.—С. Венгеровъ. «Критико-біограф. словарь русск. писат. и уч.», т. I, стр. 616.—Межовъ «Русск. историч. библіогр. за 1865—76 г. включ.», I, 4027.—Геннади «Справочн. слов. о русск. писат. и учен.», I, 33 (ошибка въ годѣ изданія второго перевода).—Записки И. И. Мартынова («Заря» 1871 г., № 6, стр. 78).

Аносовъ, *Николай Павловичъ*, горный инженеръ, основатель золотого промысла въ Амурской области, род. въ 1835 г., ум. 17 сентября 1890 г. Окончивъ курсъ въ Горномъ институтѣ въ 1853 г., Аносовъ поступилъ на службу на Нерчинскіе заводы. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, избралъ Аносова для изслѣдованія р. Амура въ горномъ отношеніи. Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, Аносовъ принималъ участіе въ военныхъ экспедиціяхъ, предпринимавшихся для присоединенія р. Амура къ Россіи. Это дало поводъ Аносову заняться поисками золота въ Амурской области. Первая золотая розсыпь была открыта въ 1859 г. по р. Ольдою, въ отрогахъ Яблоноваго хребта, у горы Сольkокона, въ системѣ верхняго теченія Амура. За свои открытія Аносовъ получилъ въ 1858 г. орденъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1862 г. онъ перешелъ на частную службу и производилъ поиски золота по порученію золотопромышленника Д. Бенардаки. Въ 1868 г. Аносовъ и Бенардаки учредили Верхне-Амурскую компанію для разработки золотыхъ пріисковъ въ системѣ верхняго теченія Амура. Вторая компанія—Средне-Амурская—была основана въ 1873 г. тѣми же лицами для разработки пріисковъ по притокамъ р. Силинджи, въ отрогахъ Удскаго хребта. За Аносовымъ послѣдовали, конечно, и другіе искатели золота, но не могли съ нимъ соперничать. Когда, въ 1875 г., послѣ неудачъ нѣкоторыхъ развѣдочныхъ партій, явилось охлажденіе къ поискамъ золота и многіе искатели стали возвращаться изъ тайги, Аносовъ составилъ планъ для новыхъ поисковъ, и партія горнаго инженера В. И. Набокова открыла богатыя розсыпи по р. Ниману, притоку р. Буреи. Въ „Горномъ Журналѣ" помѣщены слѣдующія статьи Аносова: 1) „Геогностическое описаніе береговъ рѣки Амура" (1861 г., ч. II, стр. 1); эта статья напечатана также и въ I томѣ „Извѣстій Сибирскаго отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества"; при статьѣ приложены собственные рисунки Аносова съ натуры; 2) „Китайская разработка золотыхъ песковъ" (1863 г., ч. II, стр. 353); 3) „Морскія золотыя розсыпи" (1864 г., ч. II, стр. 520); 4) „Ущелье Хингана" (1865 г., ч. II, стр. 60) и 5) „Амурскія золотыя розсыпи" (1866 г., ч. IV, стр. 161). Особо издана въ 1875 г. „Карта маршрутовъ" Аносова и его партіи. Кромѣ того, нѣсколько его статей помѣщены въ „Запискахъ" Геогр. Общ. 1864 г.; въ „Извѣстіяхъ" того же Общ., т. I и II; въ „Запискахъ" Сибир. Отд. Геогр. Общ., кн. 5 и 6 и въ „Extraits des publications de la Société Géogr. de Russie en 1856 et 1857". Одна изъ станицъ въ верхнемъ теченіи р. Амура, въ 200 верстахъ отъ Благовѣщенска, носитъ названіе *Аносовой*.

Статьи П. Михайлова въ «Горномъ Журналѣ»: «О дѣятельности Аносова на Амурѣ» (1875 г., ч. IV, стр. 191) и «Разработка золотыхъ промысловъ Ниманской компаніи» (1879 г., т. III, стр. 12). О развитіи дѣлъ Верхне-Амурской компаніи см. статью г. Янчуковскаго («Горн. Журн.» 1890 г., ч. II, стр. 358). Некрологъ въ «Горн. Журн.», 1890 г. № 12. *Н. Н. П.*

Аносовъ, *Павелъ Петровичъ*, горный инженеръ, род. въ 1798 г., ум. 13-го мая 1851 г., въ Омскѣ. Воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, окончилъ курсъ въ 1817 г. первымъ, съ большою золотою медалью, и поступилъ на службу на Уральскіе горные заводы, въ Златоустовскій заводъ съ чиномъ шихтмейстера. Свою тридцатилѣтнюю (1817—1847) служебную дѣя-

тельность Аносовъ посвятилъ Златоустовскимъ заводамъ и въ особенности оружейному. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ горнымъ начальникомъ Златоустовскихъ заводовъ и въ этой должности произведенъ въ 1840 г. въ генералъ-маіоры. Аносовъ ввелъ много усовершенствованій въ приготовленіе литой стали и положилъ основаніе выдѣлкѣ булата въ Россіи; какъ этому предмету вообще, такъ и своимъ опытамъ, онъ посвятилъ нѣсколько статей въ „Горномъ Журналѣ“ (1827, 1837, 1841 гг.). Златоустовскіе булатные клинки, впервые поднесенные Аносовымъ въ 1836 году Императору Николаю I и найденные Государемъ „прекрасными“. пріобрѣли извѣстность особенно на Кавказѣ. Въ 1838 г. московское общество сельскаго хозяйства, интересовавшееся вопросомъ о производствѣ косъ въ Россіи, присудило Аносову золотую медаль за усовершенствованіе выдѣлки косъ на Артинскомъ заводѣ. Аносовъ изобрѣлъ особую золотопромывальную машину, устроенную имъ на Міасскихъ золотыхъ промыслахъ (принадлежавшихъ въ то время къ казенному Златоустовскому округу), а впослѣдствіи введенную и въ Екатеринбургскомъ округѣ. Эта машина описана имъ въ „Горномъ Журналѣ“ (1841 и 1846); еще ранѣе (1836 г.) Аносовъ, производя, по порученію горнаго вѣдомства, испытанія надъ обработкою золотоносныхъ песковъ различными до того времени извѣстными способами, напалъ на мысль, провѣренную имъ на опытѣ, извлекать золото изъ песковъ посредствомъ плавки ихъ. Онъ предполагалъ, что окисленное желѣзо, находящееся въ пескахъ, будетъ переходить въ чугунъ, который въ свою очередь, долженъ собрать въ себѣ золото; послѣднее предполагалось получать обработкою чугуна сѣрною кислотою или присаживая къ расплавленному чугуну въ горнѣ печи свинецъ. Опыты эти заинтересовали горное вѣдомство; описаніе ихъ можно найти въ „Горномъ Журналѣ“ (1838 г.); практическихъ послѣдствій изобрѣтеніе Аносова, однако, не имѣло. Заботясь объ улучшеніи въ Златоустѣ техники, Аносовъ производилъ также и геогностическія изслѣдованія округа; въ статьѣ своей „Геогностическія наблюденія надъ Уральскими горами“ („Горн. Журн.“ 1862 г.) онъ первый далъ сколько-нибудь обстоятельный очеркъ строенія этой части Урала и первый составилъ геологическій разрѣзъ Урала отъ Златоуста до Міаса. Съ 1847 года служебная дѣятельность Аносова переносится съ Урала на Алтай: онъ былъ назначенъ на должности главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ и томскаго гражданскаго губернатора. Совмѣщая обязанности горнаго спеціалиста съ обязанностями администратора по управленію громадною территоріею Томской губерніи въ періодъ съ 1847 по 1851 годъ, Аносовъ, по прежнему, являлъ повсюду отличное знаніе и усердіе къ дѣлу, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ Высочайшихъ наградъ и благоволеній. Кромѣ вышеупомянутыхъ научныхъ трудовъ Аносова, имъ было помѣщено въ „Горномъ Журналѣ“ описаніе впервые найденнаго на Уралѣ мѣсторожденія корунда и свойствъ этого минерала (1829 г.) и „Геогностическія наблюденія въ округѣ Златоустовскихъ заводовъ“ (1834), а въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“ — замѣтка объ артинскихъ косахъ (1847).

Некрологъ Аносова напечатанъ въ «С.-Петерб. Вѣд.» 1851 г., № 169.—С. Венгеровъ, «Критик.-біогр. словарь», т. I, стр. 619 (замѣтка проф. Мушкетова).

Анофріевъ, *Михаилъ Онуфріевичъ*, портретный живописецъ, ученикъ Д. Гр. Левицкаго, воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ (1767 — 1782 г.), род. въ Спб. 5-го ноября 1761 г., ум. при Александрѣ I. Къ выпуску изъ академіи выполнилъ, по программѣ на золотую медаль, поясныя 2 фигуры съ руками—„Учительница съ воспитанницею“. Картина эта, извѣстная подъ названіемъ „Молодыхъ швей“, много разъ копировалась по заказамъ. Судя по характеру колорита и силѣ письма, Анофріевъ могъ имѣть въ свое время не мало портретныхъ заказовъ.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ», I, 161. — Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1. стр. 225.

Анохинъ, *Филиппъ Ивановичъ*, переводчикъ съ французскаго языка при Петрѣ I и въ слѣдующія царствованія, род. въ концѣ XVII в. и ум. при Елизаветѣ Петровнѣ. Изъ латинской московской школы, онъ, въ 1717 г., посланъ въ Амстердамъ къ Государю и самимъ Петромъ I на возвратномъ пути его въ Россію отправленъ въ Прагу для усовершенствоввнія въ латинскомъ языкѣ. Изъ Праги, съ одобрительнымъ аттестатомъ, Анохинъ возвра-

тился въ Петербургъ въ 1721 г. и изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отосланъ въ Св. Синодъ. По опредѣленіи къ преосвященному Ѳеофану, въ 1725 году зачисленъ въ синодскіе канцеляристы и, затѣмъ, въ переводчики. Онъ перевелъ съ французскаго грамматику, а съ латинскаго—четыре книги „Исторіи Юлія Цезаря".

«Опис. Синод. Архива», т. I, 213—15.—П. Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», I, 111 и 238.—«Кабинетъ Петра Великаго», кн. 33, л. 199 и 202.

Анрепъ-Эльмптъ, графъ, Камеке фонъ-деръ-Геэ-Генантъ-Вольфеншильдъ, *Іосифъ Романовичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, потомокъ древней остзейской дворянской фамиліи, род. въ 1798 г., ум. въ октябрѣ 1860 г. Изъ камеръ-пажей Пажескаго Его Величества корпуса, Анрепъ 28-го февраля 1815 г. поступилъ на дѣйствительную службу корнетомъ въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ и оставался въ рядахъ его до назначенія въ 1818 г. адъютантомъ къ генералъ-адъютанту графу Дибичу. 6-го января 1826 г. Анрепъ произведенъ въ полковники и переведенъ въ Харьковскій уланскій полкъ, съ назначеніемъ командующимъ, а съ 11-го сентября того же года—командиромъ его. Съ началомъ турецкой войны 1828—1829 гг. Анрепъ, во главѣ полка, выступилъ въ походъ и съ отличіемъ участвовалъ 25-го апрѣля при занятіи г. Яссъ, 16-го іюня въ переправѣ черезъ Дунай и съ 9-го іюля по 16-е августа въ дѣлахъ подъ Силистріею, гдѣ при вылазкѣ турокъ изъ крѣпости былъ раненъ пулями въ грудь и лѣвую руку. За дѣйствія подъ Силистріею Анрепъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степ. съ алмазными украшеніями. По излѣченіи ранъ, онъ снова вернулся къ дѣйствующей арміи, а 5-го мая 1829 г. участвовалъ при вторичномъ обложеніи Силистріи, 15-го—въ перестрѣлкѣ у Подешвы, 17-го—при занятіи Разграда, а 29-го—въ сраженіи съ анатолійскою кавалеріею при Янибазарѣ, гдѣ двухтысячный отрядъ турокъ былъ совершенно уничтоженъ Харьковскимъ и С.-Петербургскимъ полками. Переправившись въ тотъ же день, съ авангардомъ барона Крейца, черезъ Буланлыкъ, Анрепъ находился въ дѣлѣ 30-го мая подъ Шумлою, съ 11-го по 18-е іюня—при блокадѣ Силистріи и 4-го іюля перешелъ съ полкомъ черезъ Балканскія горы. 7-го іюля онъ содѣйствовалъ войскамъ генерала Рота въ пораженіи непріятельской кавалеріи и взятіи приступомъ укрѣпленнаго лагеря Ибрагима-паши при Дервишъ-Джеванѣ, 10-го—въ разбитіи на голову у р. Инжакіой турецкаго корпуса сераскира Абдурахманапаши и находился въ сраженіяхъ двухъ послѣдующихъ дней при Мисемвріи, Ахіолѣ и Бургасѣ. 28-го іюля, вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ, Анрепъ захватилъ турецкій лагерь Османа-паши въ дер. Балахоръ и, три дня спустя, съ особеннымъ отличіемъ содѣйствовалъ пораженію сераскира Гамиль-паши у Сливно и овладѣнію городомъ. Въ послѣднемъ сраженіи онъ съ двумя эскадронами Харьковскаго уланскаго полка взялъ приступомъ два редута съ 4 орудіями, за что̀ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Анрепъ, получивъ за турецкую кампанію, кромѣ перечисленныхъ знаковъ отличія, золотую саблю съ надписью „за отличіе" и орденъ св. Владиміра 3 степ., возвратился съ полкомъ въ Россію. Въ 1831 г. Анрепъ снова выступилъ на боевомъ поприщѣ, принявъ участіе въ усмиреніи польскихъ мятежниковъ. Командуя отдѣльнымъ отрядомъ, онъ находился 13-го февраля въ генеральномъ сраженіи на Гроховскихъ поляхъ, а съ 24-го февраля самостоятельно оперировалъ въ окрестностяхъ крѣпости Старо-Замостье, когда за отличіе, 11-го марта, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й драгунской дивизіи. Съ 4-го по 7-е апрѣля, въ отрядѣ барона Крейца, Анрепъ участвовалъ въ дѣлахъ при Бабино и Вроновѣ противъ польскихъ войскъ Сѣраковскаго, 27-го и 28-го апрѣля—въ сраженіи въ Фирлейскомъ лѣсу и разбитіи при Любартовѣ корпуса Хржановскаго, а 11-го іюля—въ дѣлѣ при Раціонжѣ, закончившемся отбитіемъ всѣхъ нападеній кавалерійской дивизіи Турно на русскій отрядъ Герштенцвейга. Получивъ за послѣднее дѣло золотую саблю, украшенную алмазами и съ надписью „за храбрость", Анрепъ, 18-го іюля, переправился черезъ Вислу при Осекѣ и 22-го—нанесъ сильное пораженіе непріятелю при г. Коло. Въ августѣ онъ присоединился къ главной арміи и съ нею участвовалъ 25-го числа въ сраженіи и взятіи приступомъ

Воли и передовыхъ варшавскихъ укрѣпленій, а на другой день въ штурмѣ Варшавы, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ. Командуя, вслѣдъ затѣмъ, авангардомъ отряда графа Палена, Анрепъ преслѣдовалъ остатки польскихъ войскъ вплоть до прусской границы. По разстроенному здоровью и для излѣченія ранъ, Анрепъ былъ уволенъ въ отставку, но черезъ четыре года, 14-го іюля 1839 г., снова опредѣленъ на службу, съ назначеніемъ состоять при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года Анрепъ на должности управляющаго Джаробѣлоканскою областью и командующаго лезгинскою кордонною линіею, а 6-го февраля 1841 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника черноморской береговой линіи и годъ спустя утвержденъ въ послѣдней должности. Не довольствуясь охраненіемъ Грузіи отъ вторженія лезгинъ, Анрепъ предпринялъ покореніе враждебныхъ горцевъ. 1-го іюля 1842 г. онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, съ оставленіемъ въ должности, а 14-го ноября того же года удостоился получить Всемилостивѣйшій рескриптъ, съ изъявленіемъ Высочайшаго „благоволенія и признательности за благоразумное и вполнѣ успѣшное приведеніе къ окончанію устройства двухъ новыхъ укрѣпленій на лѣвомъ берегу Кубани и за усмотрѣнное изъ дѣйствій собраннаго для сихъ предпріятій отряда, что, достигая съ твердостью предназначенной цѣли, преимущественно употреблены были въ семъ случаѣ мѣры кротости и миролюбивыхъ сношеній съ горскими племенами и тѣмъ самымъ положено доброе начало къ совершенному ихъ покоренію". Въ 1849 г. Анрепъ былъ назначенъ начальствовать выступившими къ границѣ Венгріи союзными войсками и закончилъ свое участіе въ кампаніи принятіемъ сложившихъ оружіе венгерскихъ корпусовъ и надзоръ за ними до передачи австрійскому правительству. 21-го апрѣля 1848 г. Анрепу былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла, а 31-го августа 1849 г.—орденъ св. Александра Невскаго; 22-го февраля 1850 г. послѣдовало назначеніе его на должность командующаго 1-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею. 25-го мая 1853 г. Анрепъ принялъ, съ Высочайшаго соизволенія, титулъ и гербъ графа Эльмпта, отца жены его. Съ началомъ крымской кампаніи графъ Анрепъ-Эльмптъ, вступилъ въ командованіе Мало-Валахскимъ отрядомъ, но вскорѣ сдалъ его и былъ отчисленъ въ свиту. Продолжая въ послѣдней службу, онъ 17-го августа 1858 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями и 17-го апрѣля 1860 г. произведенъ въ генералы отъ-кавалеріи.

Послужной списокъ, хранящійся въ Главномъ Штабѣ.—«Русскій Архивъ», 1884 г., кн. I, стр. 200--202.—«Русская Старина», т. XIX, стр. 284, и т. XX, стр. 106—119. *Д. С—въ.*

Анрикезъ, *Бенуа - Луи*, граверъ на мѣди, род. въ 1732 г., ум. въ 1806 г. По контракту 1-го марта 1771 г., обязался пріѣхать въ Россію на $3^1/_2$ года, для исполненія разныхъ работъ, преимущественно по заказу Кабинета Ея Величества, и для обученія учениковъ въ Академіи Художествъ. Пробывъ въ Россіи только до 13-го декабря 1774 г., онъ получилъ 2-го сентября 1773 г. званіе академика за гравюру „Фламандская дама, читающая письмо въ присутствіи слуги, ожидающаго отвѣта" и, между прочимъ, исполнилъ портретъ Петра I съ оригинала, приписываемаго кисти Матвѣева, и голову того же Государя съ памятника Фальконета.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XII—XIX вѣковъ», Спб., 1895 (посмертное изданіе), стр. 724—25.—Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 187.

Ансеровъ, *Павелъ Александровичъ*, священникъ и законоучитель при мѣщанскихъ училищахъ въ Москвѣ, ум. 12-го іюля 1883 года. Окончивъ курсъ въ московской духовной семинаріи въ 1846 г., Ансеровъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, предназначался для продолженія богословскаго образованія въ Московской духовной академіи, но, по просьбѣ отца, бѣднаго сельскаго священника, оставилъ это намѣреніе. Рукоположенный во священники, Ансеровъ 35 лѣтъ своей остальной жизни посвятилъ на проповѣдываніе Слова Божія и воспитаніе молодого поколѣнія. Его проповѣди проникнутыя глубокою силою христіанскаго чувства и убѣжденія, обратили вниманіе митрополита Филарета, который, на просьбу старшинъ купеческаго общества—указать имъ достойнаго пастыря для служенія при

церкви основанныхъ этимъ обществомъ мѣщанскихъ училищахъ, сказалъ про Ансерова, что онъ „достойнѣйшій" для этой должности. Въ мѣщанскихъ училищахъ Ансеровъ преподавалъ и былъ настоятелемъ церкви при нихъ болѣе 20 лѣтъ. Устроенныя имъ въ Александро-Маріинскомъ училищѣ духовныя бесѣды привлекали множество слушателей. Кромѣ того, онъ законоучительствовалъ въ Маріинскомъ Ризположенскомъ училищѣ. Ансерову принадлежатъ слѣдующіе труды: „Объясненіе божественной литургіи" (Москва, 1876 и 1887); „Объясненіе воскреснаго всенощнаго бдѣнія съ указаніемъ особенностей бдѣнія праздничнаго" (Москва, 1887); „Ученіе о Богослуженіи православной церкви въ вопросахъ и отвѣтахъ", четыре выпуска (М. 1874—75); первый выпускъ въ 1886 г. вышелъ третьимъ изданіемъ.

«Моск. Церк. Вѣд.», 1883 г., №№ 30 и 42.— Д. Д. Языковъ, «Обзоръ», вып. III, стр. 12.— Карточный каталогъ Императорской Публичной библіотеки.

Анстетъ, баронъ, *Иванъ Осиповичъ*, дипломатъ, род. въ 1770 г., ум. 1-го (13-го) мая 1835 г., въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и въ должности чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра во Франкфуртѣ-на-Майнѣ при Германскомъ союзѣ и Гессенъ-Кассельскомъ Дворѣ. Принятый по особому Высочайшему повелѣнію, въ 1789 г., изъ французской службы въ русскую въ чинѣ поручика кавалеріи, Анстетъ былъ назначенъ въ гребную флотилію, расположенную въ финляндскихъ шхерахъ и съ отличіемъ участвовалъ во всѣхъ сшибкахъ и сраженіяхъ противъ шведовъ, причемъ за храбрость въ сраженіи 13-го августа 1789 г. награжденъ чиномъ капитана и орденомъ св. Владиміра 4-ой степ. съ бантомъ. Зачисленный 11-го апрѣля 1791 г. въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ коллежскаго ассесора, Анстетъ назначенъ былъ состоять при адмиралѣ принцѣ Нассау-Зигенѣ. Въ 1794 г. онъ участвовалъ въ составленіи негоціаціи для привлеченія прусскаго короля къ дѣйствіямъ противъ французовъ, а затѣмъ, во время польской кампаніи, находился въ свитѣ прусскаго короля, былъ очевидцемъ Тыкочинскаго сраженія, взятія Воли и штурма Павонскихъ батарей. Находясь при королѣ и во время отступленія прусской арміи, Анстетъ велъ военную и политическую переписку съ княземъ Репнинымъ и графомъ Безбородко. Послѣ отреченія Станислава-Августа Понятовскаго отъ польскаго престола, Анстетъ посланъ былъ въ составѣ уполномоченныхъ для обсужденія 3-го раздѣла Польши и въ 1797 г. занимался въ Варшавѣ въ коммиссіи трехъ державъ для опредѣленія долговъ короля и польской республики. Въ 1801 г. Анстетъ посланъ въ Вѣну совѣтникомъ посольства, а въ 1803—1804 г. былъ тамъ же повѣреннымъ въ дѣлахъ. Вторично эту должность Анстетъ занялъ въ 1809 г., а 15-го апрѣля 1810 г. назначенъ полномочнымъ коммиссаромъ для опредѣленія границъ между Россіею и Австріею и затѣмъ произведенъ въ д. с. с. Выполнивъ въ 1811 г. особое Государево порученіе, Анстетъ въ 1812 г. былъ директоромъ дипломатической канцеляріи при генералъ-фельдмаршалѣ, князѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ и 18-го (30-го) января 1813 г. заключилъ съ княземъ Шварценбергомъ, главнокомандующимъ австрійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ, конвенцію о перемиріи. Въ томъ же году Анстетъ велъ, въ качествѣ русскаго уполномоченнаго, предварительные переговоры въ Бреславлѣ съ барономъ Гарденбергомъ, послѣдствіемъ которыхъ было подписаніе 15-го (27-го) и 16-го (28-го) февраля союзнаго трактата съ Пруссіею въ Калишѣ; 26-го марта (7-го апрѣля) подписалъ вмѣстѣ съ графомъ Лоттумъ конвенцію между Россіею и Пруссіею относительно пребыванія русскихъ войскъ въ предѣлахъ прусскихъ владѣній, а 12-го (24-го) ноября, въ числѣ уполномоченныхъ трехъ великихъ союзныхъ державъ (Россіи, Пруссіи и Австріи) и мелкихъ князей—членовъ Рейнскаго союза, подписалъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ 21 актъ, на основаніи которыхъ послѣдніе торжественно обязались выйти изъ Рейнскаго Союза, участвовать въ уплатѣ военныхъ издержекъ и въ продовольствіи союзныхъ армій. Въ томъ же 1813 году Анстетъ былъ русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Прагѣ, предшествовавшемъ подписанному въ Теплицѣ, 28-го августа (9-го сентября), союзному трактату и заключилъ съ Австріею въ томъ же Теплицѣ, 22-го сентября (2-го октября) конвенцію о поставкѣ продовольствія для русскихъ войскъ. Сопровождая въ свитѣ Императора Александра I въ Парижъ, Ан-

стетъ, при заключеніи парижскаго мира, получилъ алмазные знаки ордена св. Анны 1-ой степени (1814), въ 1815 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и 5-го мая, по окончаніи вѣнскаго конгресса, награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Къ 1815 г. относится заключеніе Анстетомъ двухъ конвенцій: съ Пруссіей, 18 го (30-го) марта — о денежныхъ обязательствахъ герцогства Варшавскаго и съ Австріею, 5-го (17-го) іюня— о взаимной выдачѣ дезертировъ. Пожалованный въ 1813 г. въ тайные совѣтники, въ 1825 г. акредитованный въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Дворѣ Штутгартскомъ, съ оставленіемъ при Германскомъ союзѣ и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ 1828 г. награжденный чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Анстетъ съ 1829 г. былъ, кромѣ того, чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Гессенъ-Кассельскомъ Дворѣ.

Формуляръ въ с.-петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.—Ф. Ф. Мартенсъ, «Собраніе трактатовъ и конвенцій», т. III и VII.— «Энцикл. словарь» Брокгауза-Ефрона, полутомъ II, стр. 825.

Антингъ, *Фридрихъ*, историкъ Суворова, род. въ Готѣ, ум. въ С.-Петербургѣ въ 1805 г. Въ чинѣ полковника, въ должности адъютанта фельдмаршала, состоялъ на русской службѣ до воцаренія Императора Павла I-го, когда былъ отставленъ и нѣкоторое время находился подъ строгимъ присмотромъ. По избранію и при содѣйствіи Суворова, Антингъ описалъ жизнь знаменитаго полководца отъ первыхъ лѣтъ юности до взятія Варшавы; довѣріе Суворова доставило ему возможность собрать весьма важныя свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, собравъ драгоцѣнные матеріалы, Антингъ не съумѣлъ справиться съ ними, недостаточно освѣтилъ дѣйствія своего героя, о многомъ умолчалъ и ввелъ даже нѣкоторыя явныя ошибки въ описаніи фактовъ. Изданное имъ въ 1799 г., на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Versuch einer Kriegsgeschichte Suworoffs“ (въ 3-хъ частяхъ, съ картами и планами), явилось только сухимъ, безцвѣтнымъ и несвязнымъ разсказомъ всѣхъ битвъ и стычекъ, въ которыхъ участвовалъ самъ авторъ. Тѣмъ не менѣе, какъ произведеніе очевидца, оно вызвало значительный интересъ и вскорѣ было переведено на французскій, англійскій и русскій языки; на послѣдній подъ заглавіемъ: „Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго“ (Спб., 1804 г.). Изъ этого источника безъ всякаго разбора черпали сочинители тѣхъ біографическихъ очерковъ о Суворовѣ, которые наводнили Италію, Англію и Германію въ періодъ кампаніи 1799 г., обратившей на великаго полководца взоры всей Европы. Впослѣдствіи, по порученію Суворова, состоявшій при немъ П. И. Ивашевъ (ум. въ 1840 г., отставнымъ генералъ-маіоромъ), занимался исправленіемъ сочиненія Антинга; часть этихъ рукописей хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Кромѣ труда о Суворовѣ, Антингъ издалъ въ 1791 г.: „Ueber Russlands Landesart, Sitten, Luxus, Moden und Ergötzlichkeiten“ и „Collection de 100 silhouettes des personnes illustres et célèbres, dess. d'après les originaux“ (второе изданіе въ 1793 г.).

Д. А. Милютинъ «Исторія войны 1799 г.», т. III, стр. 30 и Словари: Геннади, Плюшара, Старчевскаго, Зедделера, Краевскаго, Толя и Березина. Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 188—89.

Антипинъ, сибирскій дворянинъ, въ 1773 г., по порученію Академіи Наукъ, выѣхалъ изъ Большерѣцкаго округа (въ Камчаткѣ) на Курильскіе острова, которые ему велѣно было объѣхать на большой байдарѣ и собрать на нихъ „достопримѣчательности для натуральнаго кабинета“ Академіи. Порученіе было исполнено успѣшно и уже въ началѣ 1775 г. Академія получила „знатное число курильскихъ военныхъ и иныхъ орудій, которыя кажутся японской работы быть, и множество звѣрей, птицъ, рыбъ и морскихъ растеній“. Коллекціи Антипина составили одно изъ первыхъ и лучшихъ пріобрѣтеній академическаго музея.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1775 г., № 17 (отъ 27-го февр.).

Антиповъ, *Александръ Ивановичъ*, горный инженеръ, род. въ 1824 г., ум. 25-го іюля 1887 г. Окончивъ въ 1846 г. курсъ въ Горномъ корпусѣ, съ чиномъ поручика, Антиповъ поступилъ на службу въ Луганскій горный округъ. Въ 1850 г. былъ посланъ въ Киргизскую степь, для разработки тамъ каменноугольныхъ копей. Съ 1853 по 1862 г. находился въ распо-

ряженіи оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора для горныхъ изысканій, а въ 1863—1864 г.г. состоялъ членомъ отъ горнаго вѣдомства въ пермскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, причемъ принималъ участіе по введенію на Уралѣ въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ. Съ 1865 по 1870 г. Антиповъ числился чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ Финансовъ, въ 1866 г. былъ командированъ въ Привислянскій край для изслѣдованія на мѣстѣ вопроса о правѣ крестьянъ на нѣдра земли, а съ 1867 г. завѣдывалъ горнымъ департаментомъ Царства Польскаго съ цѣлью закрытія дѣйствій этого департамента, что и послѣдовало въ 1870 г. Близкое знакомство Антипова съ горнымъ дѣломъ въ этомъ краѣ убѣдило его, что густота населенія, мелкая дробность крестьянскихъ владѣній и характеръ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ дѣлаютъ общій законъ Имперіи о правахъ на нѣдра земли непримѣнимымъ въ Царствѣ Польскомъ. Обративъ при этомъ вниманіе на одинаковость геогностическаго строенія Царства Польскаго съ сосѣдней Пруссіей и крайне неудовлетворительное положеніе горнаго дѣла въ Царствѣ сравнительно съ послѣдней, Антиповъ пришелъ къ заключенію, что, для успѣшнаго развитія горнаго промысла въ этомъ краѣ, необходимо примѣнить въ немъ правила прусскаго горнаго законодательства, гдѣ нѣдра не составляютъ собственности землевладѣльца. Представленная по этому поводу подробная записка Антипова была доведена намѣстникомъ Царства до Высочайшаго свѣдѣнія, и Императоръ Александръ II, 19-го января 1868 г., положилъ слѣдующую резолюцію: „Прошу обратить на дѣло это особое вниманіе и представить мнѣ соображенія, чтобы не отставать намъ отъ того, что дѣлается по горному вѣдомству въ сосѣдствѣ нашемъ въ Пруссіи“. Слѣдствіемъ этого было введеніе въ Царствѣ Польскомъ Высочайше утвержденнаго, 16-го іюня 1870 г., положенія о развѣдкахъ и отводахъ для горной добычи полезныхъ ископаемыхъ. Законъ этотъ, существенно ограничивая права землевладѣльцевъ на нѣдра ихъ земель по отношенію къ каменному углю, цинковой и свинцовой рудѣ, имѣлъ огромное вліяніе на развитіе въ Привислинскомъ краѣ горной промышленности. При Антиповѣ началась передача нѣкоторыхъ казенныхъ польскихъ заводовъ въ частныя руки. По почину Антипова особою коммиссіею былъ выработанъ проектъ осушенія Олькушскихъ цинковыхъ рудниковъ, замѣнившій прежній, составленный при предшественникахъ Антипова (Г. А. Іосса). Основой этого проекта служилъ фактъ, что очищенныя древнія штольни могутъ съ выгодою служить для осушенія нѣкоторыхъ рудничныхъ полей. 25 го сентября 1870 г. Антиповъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ. Въ чинѣ тайнаго совѣтника онъ состоялъ съ 1-го января 1883 г. Двѣ статьи его: „О тквибульскомъ каменномъ углѣ“ (1847) и „О правахъ на нѣдра земель Царства Польскаго“ (1869), помѣщены въ „Горномъ Журналѣ“.

С. Кулибинъ.

Антиповъ, *Платонъ Ермолаевичъ*, архитекторъ, ум. въ 1861 г. Обучался съ 1840 г. въ Академіи Художествъ, сначала у проф. Мейера, а затѣмъ у К. А. Тона. Въ 1846 г. удостоенъ званія некласснаго художника, а въ 1855—признанъ академикомъ за бывшій на академической выставкѣ „проектъ Академіи Художествъ“. Состоя помощникомъ профессора архитектуры А. И. Штакеншнейдера, Антиповъ въ 1855—60 годахъ участвовалъ въ перестройкѣ стараго Эрмитажа, въ постройкѣ дворца для Великаго Князя Николая Николаевича и бельведера на Бабьемъ Гонѣ въ Петергофѣ. Въ 1859 г, Антиповъ получилъ половину 2-ой преміи въ 500 руб. за проектъ, по конкурсу, памятника тысячелѣтію Россіи, а въ 1860 г. совѣтомъ Академіи Художествъ Антипову поручена была ему постройка храма св. Владиміра на развалинахъ Херсонеса. Въ 1859—60 г. Антиповъ былъ преподавателемъ въ орнаментномъ классѣ С.-Петербургской рисовальной школы для вольноприходящихъ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 190—91.

Антипьевъ, *Никитка*, иконописецъ кормовой Московской Оружейной палаты. Въ январѣ 1668 г. посылался въ Савино-Сторожевскій монастырь для стѣннаго письма, а въ 1685 г. участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ комнатномъ, стѣнномъ и подволочномъ живописномъ письмѣ въ хо-

ромахъ царицы Натальи Кирилловны и царевенъ.

Д. А. Ровинскій, «Исторія русскихъ школъ иконописанія», стр. 130.—И. Забѣлинъ, «Матеріалы для исторіи русск. иконоп.», стр. 91.—Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I. стр. 191.

Антипьевы, граверы рѣзцомъ: 1) *Петръ Антипьевичъ*, род. около 1744 г. въ Екатерингофѣ, ум. до 1785 г. въ С.-Петербургѣ. Будучи гравировальнымъ подмастерьемъ морского корпуса, Антипьевъ, благодаря покровительству начальника его, И. Л. Голенищева-Кутузова, поступилъ въ 1762 г. въ Академію Художествъ. Подъ руководствомъ Е. П. Чемесова изъ Антипьева выработался талантливый мастеръ портретнаго гравированія. Къ числу оригинальныхъ работъ Антипьева относятся, между прочимъ, портреты: директора морского корпуса И. Л. Голенищева-Кутузова и его супруги, свой собственный, Петра Великаго, гр. Б. П. Шереметева и его супруги, сенатора С. Ѳ. Ушакова и др. 2) *Ѳедоръ Антипьевичъ*, род. въ 1729 или 1730 гг., ум. около 1790 г.; служилъ гравировальнымъ подмастерьемъ при морской типографіи и гравировалъ карты для спеціальныхъ изданій.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 191—93.—Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ», Спб., 1895 (посмертное изданіе), стр. 18—19.

Антонелли, *Дмитрій Ивановичъ*, живописецъ, род. въ 1791 г., ум. 29-го марта, 1842 г. въ С.-Петербургѣ. Въ 1812 г. окончилъ курсъ въ Академіи Художествъ съ аттестатомъ 1-ой степени на званіе художника 14-.о класса. Во время академическаго курса получилъ медали: вторую и первую серебряныя за рисунки съ натуры (въ 1809 и 1810 гг.) и вторую и первую золотыя за исполненіе программъ—„Великодушный поступокъ царя Іоанна Васильевича“ (1811) и „Нижегородскій гражданинъ Козьма Мининъ, склоняющій сердца согражданъ къ пожертвованію всего имущества на спасеніе отечества“ (1812). Возведенный въ 1820 г. въ званіе академика за написанный по программѣ портретъ ректора Академіи Художествъ И. П. Мартоса, Антонелли занялся писаніемъ образовъ для церквей и портретовъ. Такъ, между прочимъ, онъ исполнилъ образа въ иконостасѣ церкви во имя сошествія св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ — „Распятіе“ или „Спаситель, умершій на крестѣ“ и „Ecce homo“ (съ Гвидо Рени), а также образа четырехъ евангелистовъ въ парусахъ церкви Александровской мануфактуры (лучшее произведеніе Антонелли). Для присутственнато зала с.-петербургскаго опекунскаго совѣта Антонелли написалъ четыре портрета: Императора Николая I и Императрицъ Александры Ѳеодоровны, Маріи Ѳеодоровны и Екатерины II.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 210—12.

Антонелли, *Францъ Ивановичъ*, живописецъ, род. около 1786 г., ум. въ 1838 г. Былъ принятъ въ академію 10-ти лѣтъ и въ 1807 г. окончилъ курсъ съ званіемъ художника перспективной живописи и с чиномъ 14-го класса. Поступивъ на службу учителемъ въ С.-Петербургское Матвѣевское народное училище, Антонелли въ 1812 г. назначенъ переводчикомъ и помощникомъ библіотекаря въ Академіи Художествъ и пробылъ въ этихъ должностяхъ до ноября 1817 г.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 212.

Антоній, преподобный, *Дымскій*, род. въ Новгородѣ, въ концѣ XII вѣка, преставился 24-го іюня 1224 г. Воспитанный въ благочестивой семьѣ, Антоній рано почувствовалъ влеченіе къ уединенно-аскетической жизни и обратился съ просьбою къ преподобному Варлааму, основателю новгородскаго Хутынскаго монастыря принять его въ число своихъ учениковъ. Благочестивый старецъ, видя въ Антоніи добрые задатки, исполнилъ его желаніе, и молодой инокъ скоро превзошелъ въ монашескихъ подвигахъ остальную монастырскую братію. Его поразительное смиреніе и строгое воздержаніе пріобрѣли ему общее довѣріе и любовь. По нуждамъ церковнымъ, братія общимъ совѣтомъ посылала его въ Царьградъ къ вселенскому патріарху Аѳанасію. Пять лѣтъ потребовалось Антонію для выполненія этого труднаго послушанія. Благополучно возвратившись изъ Царьграда, Антоній вскорѣ занялъ мѣсто настоятеля Хутынскаго монастыря, вмѣсто скончавшагося преподобнаго Варлаама, успѣвшаго предъ своею смертью благословить на настоятельство любимаго своего ученика. Но недолго оставался Антоній въ Хутыни. Избѣгая людской славы, онъ оставилъ тайно обитель и на берегу Дым-

скаго озера (въ 15 вер. отъ гор. Тихвина) поселился въ пещерѣ. Однако, слава о подвигахъ новаго пустынножителя скоро распространилась, къ нему стало собираться много народа и здѣсь, съ разрѣшенія великаго князя Александра Невскаго, основана была обитель, гдѣ Антоній и скончался. Въ 1330 г. обрѣтены его мощи, которыя стояли въ храмѣ открыто до нашествія на этотъ край татаръ въ 1409 г., когда братія, оберегая ихъ отъ поруганія, скрыла въ землѣ. Съ тѣхъ поръ мощи Антонія находятся подъ спудомъ. Дымскій монастырь подвергался опустошенію и разоренію еще въ 1613 г. отъ шведовъ. Память Антонія мѣстно чтится 17-го января.

Филаретъ, «Русскіе святые», январь, стр. 80—82.—«Словарь истор. о святыхъ», 27—28.—«Источники русской агіографіи», стр. 43—44. «Святая Русь», стр. 48.—А. Н. Муравьевъ, «Житія святыхъ», январь, стр. 381—387.

Антоній, преподобный, *Краснохолмскій*, преставился въ 1481 г. Пришелъ изъ Бѣлозерской стороны въ 1461 г. въ необитаемое мѣсто, на лѣвый берегъ р. Мологи, и поселился здѣсь недалеко отъ Краснаго Холма, въ 30 верстахъ отъ г. Бѣжецка. Онъ имѣлъ уже санъ іеромонаха и, не найдя въ окрестности ни одного монастыря, основалъ свой, построивъ въ немъ деревянный храмъ во имя святителя Николая. Благочестивая жизнь настоятеля скоро привлекла къ нему много братіи. Владѣлецъ этой мѣстности, благочестивый бояринъ Иванъ Нелединскій, доставлялъ въ обитель все необходимое для жизни и построилъ, вмѣсто деревяннаго, каменный храмъ. Мощи Антонія почиваютъ подъ спудомъ. Память его празднуется 17 января.

Филаретъ. «Русскіе святые», январь, стр. 83.—«Источники русской агіографіи», стр. 45.—«Словарь историч. о святыхъ», стр. 30. — «Святая Русь», стр. 120.

Антоній, преподобный, основатель Антоніевой пустыни на Черныхъ Озерахъ (Череповскаго уѣзда). Не оставилъ по себѣ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ ни о своемъ происхожденіи, ни о построеніи пустыни. Послѣдняя нынѣ упразднена. Мощи Антонія почиваютъ теперь въ часовнѣ, гдѣ была пустынь, подъ спудомъ. Полагаютъ, что онъ подвизался въ XVI в. Мѣстно память его чтится 17-го января.

Филаретъ, «Русскіе святые», январь, стр. 83—84. «Словарь истор. о святыхъ», стр. 32.—«Источники русской агіографіи», стр. 55.—«Святая Русь», стр. 58.

Антоній преподобный, *Леохновскій*, преставился 17-го октября 1611 г. Происходилъ изъ тверскихъ бояръ Веніаминовыхъ, рано полюбилъ отшельничество и почему-то поселился сперва, въ 12 верстахъ отъ Новгорода, на р. Переходѣ, въ Рублевой пустоши, а затѣмъ направился къ пустынно-иноку Тарасію, жившему около Рублевой пустыни, на Леохновѣ и, принявъ отъ него монашество, построилъ вмѣстѣ съ нимъ храмъ въ честь Преображенія Господня. Это было около 1556 г. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный по просьбѣ Антонія далъ Леохновской пустыни землю и рыбную ловлю на Ильменѣ. Антоній собралъ около себя много иноковъ и служилъ для нихъ образцомъ строгаго подвижничества. Когда, въ 1611 г., шведы опустошали окрестности Новгорода, то старца Антонія уговорили перейти для безопасности въ Новгородъ, гдѣ онъ и преставился. Погребенный первоначально въ Новгородѣ, въ церкви св. Луки, онъ былъ перенесенъ учениками, по освобожденіи земли новгородской отъ шведовъ, 12-го іюля 1620 г., въ разоренную Леохновскую пустынь, гдѣ мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Преображенской церкви. Память его мѣстно чтится 12-го іюля. Леохновская пустынь упразднена въ 1764 году, а церковь обращена въ приходскую.

«Исторія Росс. іерархіи», V, стр. 11—12.—Филаретъ «Русскіе святые», т. III, стр. 241—243. «Источники русской агіографіи», стр. 45.—«Святая Русь», стр. 52.—«Словарь историческій о святыхъ», стр. 32—33.

Антоній, одинъ изъ трехъ *литовскихъ* мучениковъ, пострадавшій въ 1342 г. въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ Іоанномъ и Евстафіемъ. Будучи на службѣ у князя литовскаго Ольгерда, они приняли святое крещеніе отъ нѣкоего пресвитера Нестора. Когда князь-язычникъ узналъ объ этомъ, заключилъ ихъ въ темницу, гдѣ они претерпѣли отъ язычниковъ-тюремщиковъ много страданій. Самоотверженіе и твердость духа св. мучениковъ привлекали въ темницу не только христіанъ, но и язычниковъ, охотно слушавшихъ поученія страдальцевъ и принимавшихъ затѣмъ св. крещеніе. Тогда языческая партія со жрецами во главѣ уговорила князя покончить съ тремя непокорными его любимцами. По приказанію Ольгерда, Антонія повѣсили на ду-

бѣ 14-го апрѣля 1347 г., Іоанна задушили 23-го апрѣля, а Евстафія замучили 13-го декабря. Мощи трехъ виленскихъ мучениковъ почиваютъ нынѣ въ виленскомъ Святодуховомъ монастырѣ. Празднованіе ихъ памяти (14-го апрѣля 1364 г.) установлено св. Алексіемъ, митрополитомъ московскимъ, когда и мощи перенесены въ церковь Св. Духа. Въ 1852 г. св. мощи переложены въ серебряную раку и поставлены въ церкви, посвященной ихъ имени.

«Словарь истор. о святыхъ, стр. 29—30.—Филаретъ, «Русскіе святые», апрѣль, стр. 49—56.—«Источники русской агіографіи», стр. 45—46.—Архимандритъ Леонидъ, «Святая Русь», стр. 204 Арх. Сергій, «Полный Мѣсяцесловъ Востока». т. II, стр. 96. — А. Н. Муравьевъ, «Житія Святыхъ», апрѣль. стр. 53—58.

Антоній, преподобный, *Печерскій*, основатель русскаго монашества, род. въ 983 г. въ м. Любичѣ, недалеко отъ Чернигова; въ мірѣ назывался Антипой, преставился 7-го мая 1073 г. Воспитанный въ набожно-благочестивой семьѣ и ознакомившись по разсказамъ съ подвигами иноковъ и пустынножителей Востока, впечатлительный юноша и самъ сталъ стремиться къ созерцательно-подвижнической жизни, для чего и вырылъ себѣ пещеру, думая въ ней отдаться подвигамъ аскетизма. Но скоро онъ убѣдился, что безъ опытнаго руководства ему не справиться съ своею задачею и въ немъ созрѣло намѣреніе проникнуть въ далекія и славныя обители Востока, чтобы видѣть ея обитателей и подражаніемъ имъ достигнуть предположенной высокой цѣли. Путешествуя по Греціи, Антипа скоро достигъ св. Аѳонской горы, ознакомившись съ подвижниками которой, рѣшился принять монашество и навсегда тамъ поселиться. Ведя строго отшельническій образъ жизни въ пещерѣ близъ монастыря Есфигмена подъ руководствомъ игумена Ѳеоктиста, Антоній оказалъ такіе быстрые успѣхи въ духовной жизни, что возбудилъ удивленіе даже среди старыхъ аѳонскихъ монаховъ, и его руководитель сказалъ ему: „Господь укрѣпилъ тебя въ святыхъ подвигахъ; пора тебѣ и другихъ руководить въ святой жизни; возвратись же въ свою русскую землю и да будетъ тамъ благословеніе св. Аѳонской горы: отъ тебя произойдетъ множество черноризцевъ“. Антоній повиновался и отправился въ Кіевъ, гдѣ уже были монастыри. Но, обойдя ихъ, онъ нигдѣ не нашелъ того строя жизни, къ какому привыкъ на Аѳонѣ, и потому рѣшился жить одиноко. Съ этою цѣлью онъ отыскалъ близъ Кіева на одномъ днѣпровскомъ холмѣ, покрытомъ дремучимъ лѣсомъ, пещеру, вырытую, по преданію, священникомъ ближайшей къ этому мѣсту Берестовской церкви Иларіономъ, сдѣлавшимся въ 1051 году кіевскимъ митрополитомъ. Поселившись въ этой пещерѣ, Антоній проводилъ, по аѳонскому примѣру, все время въ молитвѣ, постѣ, трудахъ и бдѣніи. Скоро вѣсть о небываломъ подвижникѣ разнеслась по окрестностямъ и стала привлекать къ нему сперва изъ ближайшихъ, а потомъ и изъ дальнихъ селеній благочестивыхъ людей. Кто приходилъ за благословеніемъ, кто за совѣтомъ, кто приносилъ ему отъ своихъ избытковъ, а преподобный раздавалъ это неимущимъ. Нѣкоторые изъ приходившихъ рѣшались и совсѣмъ остаться со строгимъ подвижникомъ. Первымъ поселился іеромонахъ Никонъ; въ 1032 г. пришелъ Ѳеодосій. Приходившихъ Никонъ постригалъ по порученію Антонія въ монашество. Иноки соединенными силами вывели подъ землею общій для всѣхъ длинный ходъ, а по сторонамъ его выкопали каждый для себя небольшую келью, въ которой можно было только стать, да сѣсть. Изъ пещеры же была устроена церковь и трапеза. Жизнь была здѣсь строгая. Питались отшельники однимъ хлѣбомъ и только въ субботу и воскресенье, да по большимъ праздникамъ давался вареный горохъ. Каждый долженъ былъ заработать свой хлѣбъ. Въ подземныхъ пещерахъ, при скудномъ освѣщеніи возносилась къ небесамъ неустанная молитва за полуязыческую тогда еще Русь, для христіанскаго просвѣщенія и возрожденія которой требовались именно такіе доблестные въ духовно-нравственномъ отношеніи витязи. Многолюдство скоро сдѣлалось тягостнымъ для Антонія и онъ, поставивъ игуменомъ для братіи Варлаама, самъ удалился въ другую пещеру, на разстояніи 100 саженей отъ первой и извѣстной нынѣ подъ названіемъ ближней. Но вскорѣ и здѣсь стали селиться люди, стремившіеся за благословеніемъ и наставленіемъ Антонія. Когда число приходящихъ увеличилось настолько, что пещерная церковь не могла

ихъ вмѣщать, рѣшено было выстроить на горѣ монастырь и деревянную церковь во имя Успенія Богородицы. Князь Изяславъ пожертвовалъ инокамъ поверхность горы, въ пещерахъ которой они жили, и тамъ возникъ Печерскій монастырь. По его примѣру, стали устраивать монастыри князья, бояре и богатые люди. „Много монастырей,—пишетъ преп. Несторъ,—отъ князей, отъ бояръ и отъ богатства, но не таковы они, каковы поставленные слезами, пощеніемъ и молитвою. Антоній не имѣлъ ни золота, ни серебра, а все стяжалъ слезами и постомъ". И дѣйствительно, бѣднѣйшій тогда Печерскій монастырь сіяетъ теперь на всю Россію, а отъ многихъ тогдашнихъ богатыхъ монастырей не осталось и слѣда. Вслѣдствіе удѣльныхъ княжескихъ междоусобицъ преп. Антонію пришлось оставить Кіевъ и поселиться около Чернигова, гдѣ тоже скоро возникъ монастырь. Но князь кіевскій Изяславъ упросилъ преподобнаго переселиться въ Печерскій монастырь, гдѣ онъ и скончался на 90 году отъ рожденія. Память его празднуется 10-го іюля.

Патерикъ печерскій.—Казанскій «Исторія русскаго монашества».—Макарій «Исторія русской церкви», II, стр. 31—41.—Филаретъ, «Русскіе святые» т. II, стр. 66.—«Полн. Собр. Рус. Лѣт.», томы I, II, III, IV и V (по указателю).—«Словарь историч. о святыхъ», стр. 24—26.—«Источникъ русской агіографіи», стр. 47—48.—«Святая Русь», стр. 8.

Антоній, преподобный, *римлянинъ*, род., какъ самъ разсказывалъ ученику своему Андрею, въ Римѣ, около 1067 г., отъ богатыхъ православныхъ родителей, преставился 3-го августа 1147 г. По смерти послѣднихъ, видя въ мірѣ только волненія и раздоры, Антоній роздалъ свое имущество бѣднымъ и принялъ монашество, поселившись сперва въ пустыни, а потомъ на камнѣ, на берегу моря. По преданію, камень оторвало бурею, и Божіимъ изволеніемъ отшельникъ приплылъ на немъ въ Новгородъ въ 1106 г. Ознакомившись нѣсколько съ людьми и языкомъ, Антоній явился къ епископу новгородскому Никитѣ и, разсказавъ ему, подъ условіемъ соблюденія тайны, о своемъ чудесномъ прибытіи, испросилъ разрѣшеніе построить монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился его камень. Первоначально была заложена деревянная церковь въ честь Рождества Богородицы, обнесенная деревянными же стѣнами. На другой годъ, купивъ землю у новгородскихъ посадничьихъ дѣтей—Симеона и Прокопія за 100 руб., Антоній началъ строить соборную каменную церковь въ честь Рождества Богородицы. Кромѣ того, онъ заложилъ другую церковь въ честь Срѣтенія Господня съ трапезою. Въ 1119 г., по свидѣтельству новгородскихъ лѣтописей, первый храмъ былъ освященъ въ 1125 году росписанъ. Въ 1128 году при освященіи Срѣтенской церкви, Антоній былъ поставленъ во игумена. Мощи его открыты въ 1597 году, 1-го іюля; почиваютъ онѣ до-нынѣ открыто въ Антоніевомъ монастырѣ, въ соборномъ храмѣ. Въ первую пятницу послѣ Петрова дня ихъ обносятъ кругомъ собора. Изъ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ вещей, принадлежавшихъ нѣкогда Антонію, видно, что онѣ западнаго происхожденія. Такъ, напр., на мисикійныхъ мѣдныхъ иконахъ, гдѣ изображенъ Господь Вседержитель и Распятіе, есть слѣдующіе латинскіе иниціалы: JHS XPS (т.-е. Jesus hominum salvator, Xristus Patronus sanctissimus). Вмѣстѣ съ иконами при ракѣ Антонія находится каменный крестъ его, на верхней перекладинѣ котораго наведены мозаикою слова: Іс. Хр. Двѣ драгоцѣнныя чаши преподобнаго съ изображеніемъ на нихъ четвероконечныхъ крестовъ, находятся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, куда онѣ были переданы царемъ Іоанномъ Грознымъ. Изъ трехъ служебниковъ Антонія, показанныхъ въ описи 1636 г. одинъ хранится теперь въ синодальной библіотекѣ. Память Антонія чтится 3-го августа, 17-го января и въ первую пятницу послѣ Петрова дня.

Арх. Макарій, «Археолог. описаніе Новгородскихъ древностей».—Филаретъ, «Русскіе святые», т. II, подъ 3-мъ августа, стр. 10—20.—«Словарь истор. о святыхъ», 26—27.—«Святая Русь», стр. 41.—«Источники русской агіографіи», стр. 48—51.

Антоній преподобный, *Сійскій*, въ мірѣ Андрей, родомъ изъ Двинской области, деревни Кехты, куда родители его, богатые и благочестивые земледѣльцы, переселились изъ Новгорода, преставился 7-го декабря 1556 или 1557 г. Въ юномъ Андреѣ рано сказались художественныя способности, которыя могли проявиться въ то время только въ иконописаніи. Онъ обучился грамотѣ, иконописанію и воспиталъ въ себѣ благочестивыя наклонности,

что было, по представленіямъ тогдашнихъ иконописцевъ, нераздѣльно съ ихъ занятіемъ. Рано потерявъ родителей и жену, Андрей роздалъ все свое имущество бѣднымъ и отправился въ Пахоміеву пустынь на р. Кену. Въ 1508 г., будучи 30 лѣтъ, Андрей принялъ монашество съ именемъ Антонія и былъ скоро посвященъ во іеромонаха. Чрезъ пять лѣтъ онъ, вслѣдствіе непреодолимой любви къ пустынножительству, отправился съ благословенія Пахомія на р. Шелексну, гдѣ, выбравъ пустынное мѣсто для жизни, построилъ церковь и нѣсколько келлій; здѣсь прожилъ онъ только семь лѣтъ, такъ какъ сосѣдніе жители стали почему-то тѣснить пустынниковъ. Поселившись затѣмъ на пустынной р. Сіи, на Михайловомъ островѣ, окруженномъ глубокими озерами, въ мѣстности совершенно дикой (это было въ 1520 г.), Антоній на первыхъ порахъ ограничился постройкою одной деревянной часовни и хижины, въ которой жили пришедшіе съ нимъ пустынники. Цѣлыхъ три года они приспособляли эту мѣстность для жилья, перенося большія лишенія. Когда число пришельцевъ и средства для жизни увеличились, Антоній испросилъ у великаго князя Василія позволеніе устроить монастырь и, написавъ икону св. Троицы, основалъ въ честь ея храмъ. Чрезъ нѣкоторое время онъ, поставивъ вмѣсто себя игуменомъ ученика своего Ѳеоктиста, удалился для подвиговъ въ новое пустынное мѣсто, около озера Падунь, но, вслѣдствіе отказа Ѳеоктиста отъ игуменства, долженъ былъ возвратиться въ монастырь, гдѣ игуменствовалъ до самой смерти. Память его установлено праздновать въ 1579 г. Предъ смертью, по просьбѣ братіи, Антоній написалъ руководственное завѣщаніе. Въ Сійскомъ монастырѣ сохранилось нѣсколько иконъ, писанныхъ основателемъ его, и въ томъ числѣ образъ св. Троицы, прославившійся чудесами и оставшійся невредимымъ послѣ пожара въ деревянной церкви. Мощи Антонія почиваютъ подъ спудомъ въ Троицкомъ соборѣ. Въ 1601 г. сюда сосланъ былъ бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ и здѣсь долженъ былъ принять монашество подъ именемъ Филарета.

Филаретъ. «Русскіе святые», декабрь, стр. 529—537.—«Словарь историч. о святыхъ», стр. 30—32.—«Источники русской агіографіи», стр. 51—55.—«Святая Русь», стр. 100.—Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 213.

Антоній, архіепископъ новгородскій и псковскій, изъ мѣстныхъ именитыхъ людей, въ мірѣ назывался *Добрыня Андрейковичъ*, преставился 8-го октября 1231 г. Путешествовалъ въ 1201 г. въ Константинополь и, возвратясь съ Востока, постригся въ Хутынскомъ монастырѣ въ монахи съ именемъ Антонія. Онъ отличался благочестіемъ и образованностью. Свидѣтельствомъ послѣдняго служитъ замѣчательное по обилію исторически-археологическаго матеріала описаніе его путешествія въ Константинополь. Особенно важно сдѣланное Антоніемъ описаніе Софійскаго собора и его сокровищъ, расхищенныхъ потомъ крестоносцами. Въ 1212 г. новгородцы, будучи недовольны своимъ архіепископомъ Митрофаномъ, самовольно и безъ суда отправили его на житье въ Торопецъ, а на его мѣсто избрали Антонія и отправили въ Кіевъ для посвященія. По пріѣздѣ въ Новгородъ, первымъ дѣломъ Антонія было превращеніе палатъ своего предшественника въ храмъ преподобнаго Антонія. Въ 1218 г. изъ Новгорода удалился князь Мстиславъ, принимавшій особенное участіе въ избраніи Антонія и вслѣдъ за тѣмъ обнаружились несогласія среди новгородцевъ относительно архіепископа. Приверженцы Митрофана, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ Антонія изъ Новгорода, вызвали перваго изъ Торопца, а послѣднему послали сказать, чтобы онъ шелъ, куда знаетъ. Но Антоній потребовалъ Митрофана на судъ къ митрополиту въ Кіевъ и митрополитъ Матвѣй, посвящавшій того и другого, рѣшилъ, вѣроятно, подъ давленіемъ господствовавшей тогда въ Новгородѣ партіи, Митрофану быть въ этомъ городѣ, а Антонія назначилъ на свободную перемышльскую каѳедру. Чрезъ три года Митрофанъ скончался, а на его мѣсто новгородцы возвели хутынскаго инока Арсенія. Въ 1225 г. Антоній опять былъ на новгородской каѳедрѣ, которую въ 1228 году добровольно оставилъ и за болѣзнью удалился въ Хутынскій монастырь; его мѣсто занялъ опять Арсеній. Однако, возникшія въ Новгородѣ волненія снова повлекли смѣщеніе Арсенія и появленіе на новгородской каѳедрѣ нѣмаго параличнаго Антонія. Въ 1229 г., по настоянію князя Михаила, былъ избравъ

новый архіепископъ—Спиридонъ, которому и поручено было завѣдывать духовными дѣлами, а Антоній отпущенъ на покой. Черезъ два года онъ преставился и погребенъ въ притворѣ Софійскаго собора. Память его чтится 10-го февраля.

Существуетъ два списка путевыхъ записокъ Антонія: одинъ найденъ въ 1834 г. П. И. Строевымъ въ одномъ сборникѣ XV—XVI вѣка и изданъ П. И. Савваитовымъ, второй находится въ сборникѣ XVII вѣка и изданъ И. И. Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». «Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. I III, IV, V, VII (по указателю, стр. 36).—«Филаретъ, «Обзоръ», стр. 40.—Строевъ, «Библіог. Словарь», стр. 34. — Порфирьевъ, «Исторія рус. лит.», т. I, стр. 391—92.

Антоній, іеромонахъ Спасскаго ярославскаго монастыря, написалъ, по благословенію митрополита Филиппа и по желанію великаго князя Іоанна III Васильевича, житіе ярославскихъ князей Ѳеодора (ум. въ 1299 г.) и сыновей его Константина и Давида, мощи которыхъ обрѣтены въ 1463 г. Съ нѣкоторыми сокращеніями житіе это вошло въ „Степенную книгу" и „Никоновскую Лѣтопись", а въ полномъ видѣ — въ макарьевскія „Четьи-Минеи" (подъ 19-е сентября).

Филаретъ, «Обзоръ», стр. 116.—Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ».—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 639—40.

Антоній, архимандритъ Муромскаго Спасскаго монастыря, расколоучитель XVII вѣка. Былъ привлеченъ къ суду на соборѣ 1666 года, принесъ раскаяніе и посланъ „ради совершеннаго исправленія" въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Въ синодальной библіотекѣ хранится свитокъ, содержащій сочиненіе Антонія о сложеніи перстовъ. Въ челобитной его царю Алексѣю Михайловичу перечисляются, между прочимъ, неточности въ никоновскихъ исправленіяхъ книгъ и говорится, что, для устраненія шатанія въ вѣрѣ, царь самъ долженъ подать примѣръ возвращенія къ старинѣ. Антоній находился въ близкихъ отношеніяхъ къ другимъ расколоучителямъ и боярынѣ Морозовой.

«Матеріалы для исторіи раскола», т. I, стр. 451—57; т. II, стр. 117 и т. VIII, стр. 113—130.—Филаретъ, «Обзоръ», I, стр. 243.—С. Венгеровъ. «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 635—36.

Антоній, инокъ, пришедшій въ десятыхъ годахъ XVII столѣтія изъ Подолья въ Москву и принимавшій дѣятельное участіе въ спорѣ о словѣ „и огнемъ" въ молитвѣ на Богоявленіе, которое вычеркнули справщики Требника преп. Діонисій, Арсеній Глухой и ихъ товарищи. Свои мысли о важности этого слова Антоній изложилъ въ сочиненіи „Объ огни просвѣтительномъ", которое извѣстно только по пространнымъ опроверженіямъ Насѣдки. Изъ сохранившихся сочиненій Антонія слѣдуетъ упомянуть: 1) „Слово о многопотопномъ и прелестномъ пьянствѣ" (напечатано въ „Правосл. Собесѣдникѣ" 1862 г., № 4—5); 2) „Слово о царствѣ небеснѣмъ, Богомъ дарованнѣмъ и вѣчнѣмъ и о славѣ святыхъ" (ibid., 1864 г.); 3) „Посланіе къ нѣкоему" и 4, 5, 6 и 7) „Слова: о прелестнѣмъ семъ и видѣмомъ нами свѣтѣ, и о живущихъ насъ всѣхъ человѣковъ; о человѣчестей плоти, о чести родителей своихъ и о піянствѣ и блудѣ". Кромѣ того, имѣется предисловіе Антонія къ одному изъ русскихъ списковъ хронографа. „Посланіе" и „Слова" (4—7) имѣются только въ одномъ спискѣ въ собраніи Ундольскаго.

«Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго», стр. 379—80.—Митр Макарій, «Исторія русской церкви», т. X, стр. 194—200.—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 219.—А. Поповъ, «Обзоръ хронографовъ», вып. II, стр. 244.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 641—44.

Антоній, царевичъ Карталинскій, архіепископъ владимірскій, сынъ царя Іессея Карталинскаго и царицы Елены, рожденной царевны Кахетинской, ум. въ 1790 г. Въ Грузіи „считался патріархомъ", выѣхалъ въ Россію въ 1757 г. и вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ отношеній къ Грузіи назначенъ 23-го ноября архіепископомъ владимірскимъ. Въ декабрѣ 1762 г. отпущенъ опять въ Грузію, гдѣ и скончался. Онъ былъ ученый іерархъ, перевелъ на грузинскій языкъ много весьма полезныхъ книгъ, и между прочимъ, составилъ „Исповѣданіе вѣры".

Іоасафъ, «Описаніе владимірскихъ достопримѣчательностей», 1857 г.—Геннади, «Словарь», стр. 35.

Антоній, епископъ олонецкій, викарій новгородскій, родомъ былъ, по всей вѣроятности, изъ новгородской епархіи, ум. 7-го іюня 1774 г. Неизвѣстно гдѣ учился и когда постригся въ монашество, но въ апрѣлѣ 1764 г. митрополитъ новгородскій Дмитрій представилъ его кандидатомъ на мѣсто епископа олонецкаго,

викарія новгородскаго, и рекомендовалъ, какъ человѣка „ученаго состоянія и житія честнаго". Антоній въ то время былъ келаремъ Троицкой лавры, въ которой жилъ уже шесть лѣтъ и исправлялъ ранѣе должность казначея, но Государыня повелѣла быть тогда епископомъ олонецкимъ хутынскому архимандриту Іоанну, а на его мѣсто въ Хутынь былъ переведенъ Антоній. 12-го августа 1767 г. Антоній былъ хиратонисанъ во епископа олонецкаго. Изъ описи его имущества видно, что у него была довольно обширная по тому времени и разнообразная библіотека.

Дѣло архива Св. Синода 1767 г. № 80.

Антоній, архіепископъ казанскій и свіяжскій, до постриженія Яковъ Гавриловичъ *Амфитеатровъ*, род. 15-го октября 1815 г. въ Оренбургской губ., на Міасскомъ Заводѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. 8-го ноября 1879 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Калужскомъ училищѣ и семинаріи, а въ 1835 г. поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ чрезъ четыре года окончилъ курсъ первымъ магистромъ и тотчасъ назначенъ баккалавромъ академіи по греческому языку. 12-го сентября 1840 года Амфитеатровъ принялъ монашество, 18-го сентября рукоположенъ во іеромонаха, 16-го декабря того же года назначенъ ректоромъ кіево-софійскихъ духовныхъ училищъ, а въ 1841 г., кромѣ того, инспекторомъ Кіевской семинаріи. Въ 1845 г. Антоній занялъ мѣсто ректора той же семинаріи и возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 1848 года онъ совмѣщалъ съ ректорствомъ должность настоятеля кіевскаго Николаевскаго монастыря. 22-го ноября 1848 г. за свой учебникъ по догматическому богословію Антоній получилъ степень доктора богословія. Въ 1848—1849 г. вызывался въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди и состоялъ членомъ С.-Петербургской консисторіи, комитета для сооруженія Воскресенскаго женскаго монастыря и командированъ Св. Синодомъ въ Петрозаводскъ съ особымъ порученіемъ къ архіепископу олонецкому. Въ январѣ 1851 г. Антоній назначенъ ректоромъ Кіевской академіи и настоятелемъ Кіево-Братскаго Богоявленскаго монастыря. 30-го марта 1858 г. хиротонисанъ во епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, въ октябрѣ 1859 г. переведенъ на смоленскую каѳедру, 9-го ноября 1866 г. назначенъ епископомъ казанскимъ и свіяжскимъ, а 16-го апрѣля 1867 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Антоній былъ однимъ изъ выдающихся русскихъ архипастырей, какъ по своимъ личнымъ качествамъ и административной дѣятельности, такъ и по литературнымъ трудамъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался характеромъ ровнымъ, мягкимъ, привѣтливымъ. Какъ администраторъ, онъ обладалъ способностью быстро оріентироваться въ главныхъ нуждахъ управляемыхъ имъ епархій. Такъ, въ Смоленскѣ онъ тотчасъ по прибытіи обратилъ особенное вниманіе на крайне бѣдственное матеріальное положеніе учителей духовно-учебныхъ заведеній и изыскалъ средства къ улучшенію ихъ содержанія, что послужило примѣромъ для многихъ другихъ епархій и за что ему объявлена была Высочайшая благодарность. Въ Казани Антоній особенное вниманіе обратилъ на миссіонерскую дѣятельность среди тамошнихъ инородцевъ и раскольниковъ, основавъ съ этою цѣлью въ епархіи нѣсколько миссіонерскихъ мужскихъ и женскихъ монастырей, настаивая всѣми зависящими отъ него мѣрами на усиленіи преподаванія миссіонерскихъ наукъ въ мѣстной академіи и семинаріи и особенно покровительствуя благосостоянію и развитію Казанской крещенотатарской центральной школы. Наконецъ, онъ старался находить и привлекать въ казанскій край нужныхъ и способныхъ для этой цѣли людей. Имъ же учреждено и братство св. Гурія, имѣющее главною своею задачею просвѣщеніе инородцевъ. Для оживленія дѣятельности духовенства, выясненія задачъ и цѣлей ея, опредѣленія обстоятельствъ, положенія, нуждъ и потребностей его и, наконецъ, просто для обмѣна мыслей, Антоній основалъ епархіальный органъ: „Извѣстія по казанской епархіи". Съ особенною ревностію и вниманіемъ слѣдилъ онъ за образованіемъ въ каждомъ приходѣ церковно-приходскихъ попечительствъ, надѣясь при помощи ихъ достигнуть развитія церковно-приходской жизни и улучшенія матеріальнаго положенія духовенства. Кромѣ того, онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ и щедрымъ благотворителемъ мѣстныхъ богадѣленъ, больницъ, тюремъ, дешевыхъ столовыхъ и т. п. общественныхъ учреж-

деній. Изъ ученыхъ трудовъ Антонія извѣстны: „Догматическое богословіе", выдержавшее много изданій; три тома образцовыхъ проповѣдей и рѣчей; „Послѣдніе часы жизни митрополита Филарета кіевскаго". За свои богословскіе труды Антоній избранъ былъ въ разное время почетнымъ членомъ Кіевской и Московской духовныхъ академій и Императорской Академіи Наукъ.

«Прав. Собесѣдникъ» 1879 г., декабрь.—Архимандритъ Сергій, «Архіепископъ Антоній Казанскій, біографическій очеркъ, 3 части. — Дѣла архива Св. Синода.

Антоній (*Добротинъ*), архимандритъ Нижнеломовскаго пензенскаго монастыря, сынъ причетника, ум. 2-го марта 1829 г. Обучался въ 1795—1803 гг. въ Ярославской, а въ 1803—1807 гг.—въ Троицкой лаврской семинаріяхъ. Съ сентября 1807 г. началъ свою педагогическую дѣятельность, проходя по порядку учительскую, библіотекарскую и префектскую должности въ Ярославской семинаріи. 6-го февраля 1814 года постригся въ монашество съ именемъ Антонія, рукоположенъ въ іеродіакона и іеромонаха и 7-го февраля назначенъ ректоромъ той же Ярославской семинаріи, но не надолго. Въ томъ же году 14-го сентября онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита вологодскаго Спасо-Каменнаго монастыря и назначенъ сначала инспекторомъ Вологодской семинаріи, а въ декабрѣ того же года—ректоромъ Вологодскаго уѣзднаго училища и съ 13-го іюля 1815 г. присутствовалъ въ духовной консисторіи. 22-го августа 1819 года Антоній былъ перемѣщенъ въ иркутскій Вознесенскій монастырь и назначенъ ректоромъ Иркутской семинаріи, наконецъ въ 1822 г. перешелъ въ Нижнеломовскій пензенскій монастырь и тамъ чрезъ семь лѣтъ скончался.

«Вологод. Епарх. Вѣд.» 1869 г. № 21.—Дѣла архива Св. Синода 1819 г., № 752; 1829 г., № 235.

Антоній, архіепископъ ярославскій, до постриженія Николай Ивановичъ *Знаменскій*, род. 1765 г., въ Новгородѣ, ум. 10-го августа 1824 г. Отецъ его былъ протоіереемъ въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ. Въ 1788 г., по случаю закрытія и перевода изъ Новгородской семинаріи высшихъ классовъ въ С.-Петербургъ и соединенія съ классами Петербургской семинаріи подъ названіемъ главной Александро-Невской семинаріи, а потомъ академіи, Знаменскій, какъ лучшій ученикъ, переведенъ былъ въ послѣднюю, въ которой около 1790 г. и окончилъ курсъ настолько хорошо, что былъ оставленъ учителемъ синтаксическаго класса, а потомъ вскорѣ переведенъ въ философскій и, наконецъ, богословскій классы. 3-го марта 1792 г. онъ принялъ, по предложенію митрополита Гавріила, монашество и 18-го апрѣля возведенъ въ санъ іеромонаха и префекта Александро-Невской главной семинаріи, а 26-го мая 1794 г.—въ санъ архимандрита новгородскаго Вяжищскаго монастыря съ назначеніемъ ректоромъ Новгородской семинаріи. 7-го апрѣля 1795 г. Антоній былъ перемѣщенъ настоятелемъ Иверскаго монастыря и ректоромъ С.-Петербургской главной семинаріи, которая при немъ въ 1797 г. переименована въ академію. Въ то же время Антоній преподавалъ Законъ Божій великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. 9-го октября 1799 году Антоній, на 34 г. отъ роду, хиротонисанъ во епископа старорусскаго, викарія новгородскаго, 5-го іюля 1802 г. назначенъ на самостоятельную каѳедру въ Вологду, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ—13-го февраля 1803 г.—перемѣщенъ архіепископомъ въ Тобольскъ, гдѣ оставался до назначенія, 25-го мая 1806 года, въ Ярославль. 12-го іюля 1820 года Антоній уволенъ по прошенію на покой, для житья въ новгородскомъ Деревяницкомъ монастырѣ, гдѣ и скончался; погребенъ онъ, по завѣщанію, въ Хутынскомъ монастырѣ, въ Покровскомъ придѣлѣ. Какъ человѣкъ всесторонне образованный, Антоній во ввѣренныхъ ему епархіяхъ особенно заботился объ улучшеніи духовныхъ училищъ и семинаріи, надѣясь чрезъ поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня духовенства благотворно вліять и на остальную паству. Съ этою цѣлью онъ, напр., въ Тобольскѣ собиралъ у себя по праздникамъ учителей семинарій и бесѣдовалъ съ ними какъ о преподаваемыхъ ими предметахъ, такъ и объ улучшеніи семинаріи вообще. Устраивалъ Антоній у себя и публичные диспуты по богословскимъ вопросамъ, на которые приглашалъ свѣтское общество. Какъ человѣкъ по своему времени ученый и не мало потрудившійся на литературномъ поприщѣ, Антоній состоялъ почетнымъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ—любителей россійской словесности, исторіи и древностей россійскихъ, вольнаго экономиче-

каго, а также Московскаго университета. Изъ трудовъ Антонія извѣстны: 1) Слова на выборы судей—въ Петербургѣ (1795 г.) и въ Ярославлѣ (1812 г.); 2) „Compendium hermenevticae Sacrae, 1806 г.; 3) переводы: „Истина благочестія, доказанная воскресеніемъ Іисуса Христа" 3 части, Тобольскъ, 1804—5 гг.: „Благоговѣйное занятіе мыслящихъ христіанъ", соч. Цолликофера, Спб. 1799 г.; „Опытъ о воспитаніи въ первыхъ его понятіяхъ и правилахъ", Спб. 1821 г.; Cicero de officiis съ русскими примѣчаніями. Спб. 1808—11 гг. „Записки" его о себѣ и митрополитѣ Гавріилѣ находятся въ рукописи въ Новгородской семинаріи. Извѣстна ода архіепископа Антонія Императору Павлу по случаю переименованія Александро-Невской семинаріи въ академію (1797 г.).

А. Сулицкій, «Антоній Знаменскій. арх. тобольскій». Отдѣльная брошюра.—Филаретъ, арх. черн., «Обз. рус. дух. лит.», стр. 429—30.—Чистовичъ, «Исторія Спб. духовной академіи», стр. 83 и 129. — Дѣла архива Св. Синода.—«Странникъ», 1868 г., № 10; 1869, № 12, и 1871, № 2.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 638—39.

Антоній (*Зубко*), архіепископъ минскій, род. 2-го іюля 1797 г., въ с. Бѣломъ, Лепельскаго уѣзда, Витебской губ., ум. 15-го февраля 1884 г. Отецъ его былъ уніатскимъ священникомъ. Лишившись его въ шестилѣтнемъ возрастѣ, Антоній учился первоначально у мѣстнаго органиста, а въ 1809 г. поступилъ въ Полоцкую семинарію. Дойдя до риторики, онъ въ 1816 г. перешелъ въ Полоцкую іезуитскую академію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1818 г. со степенью кандидата философіи. Поступивъ затѣмъ въ главную Виленскую семинарію, бывшую при Виленскомъ университетѣ, Антоній вышелъ изъ нея въ 1822 г. со степенью магистра богословія и былъ сряду назначенъ въ Полоцкую семинарію преподавателемъ логики, риторики, церковной и всеобщей исторіи, а также нравственнаго богословія. Въ мартѣ 1824 г. Антоній рукоположенъ неженатый во священника полоцкаго уніатскаго каѳедральнаго собора и назначенъ членомъ полоцкой уніатской консисторіи. Въ 1825 г., возведенный уже въ санъ протоіерея, онъ посланъ былъ въ С.-Петербургъ для засѣданія въ римско-католической коллегіи по уніатскому отдѣленію. Чрезъ два года Антоній былъ командированъ въ Жировицы для открытія тамъ Литовской уніатской семинаріи, въ которую и былъ назначенъ первымъ ея ректоромъ. Въ 1833 г. Антоній нареченъ во епископа брестскаго, викарія уніатской литовской епархіи, съ оставленіемъ въ должности ректора. Будучи и по своимъ личнымъ способностямъ, и по своему внѣшнему положенію однимъ изъ выдающихся представителей уніатскаго духовенства, Антоній съ самаго начала своей дѣятельности сталъ въ близкія, дружескія отношенія къ Іосифу Сѣмашко и сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его сотрудниковъ по возсоединенію уніатовъ съ православіемъ. Самъ Іосифъ, въ своихъ „Запискахъ", говоритъ, что „никто ему въ этомъ дѣлѣ столько не помогалъ, какъ Зубко". По возсоединеніи уніатовъ, Антоній былъ назначенъ, 28-го января 1840 года, на минскую каѳедру. Сдѣлавшись православнымъ минскимъ епископомъ, Антоній проявилъ себя, какъ выражался профессоръ Кояловичъ, „необыкновеннымъ стоятелемъ за православіе и русскую народность въ Западной Россіи" и въ 1841 году былъ возведенъ въ санъ архіепископа. Впрочемъ, онъ недолго управлялъ епархіею, такъ какъ страшный ревматизмъ заставлялъ его, начиная съ 1841 г., просить Св. Синодъ объ увольненіи на покой, что было исполнено только въ 1848 г., причемъ мѣстопребываніемъ Антонія былъ назначенъ, по собственному его желанію, небольшой фольваркъ минскаго архіерейскаго дома. Но Антоній скоро самъ переселился въ Жировицкій монастырь, а съ 1864 г. въ Пожайскій, Ковенской губ., гдѣ и оставался до самой своей кончины. За 11 дней до смерти онъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своего архіерейства. Въ этотъ день вся Западная Россія горячо привѣтствовала его славные прошлые труды, а Св. Синодъ благословилъ юбиляра особою грамотою. Антоній любилъ естествознаніе, много занимался имъ и писалъ въ этой области, но его труды остались неизданными. Выдающійся печатный трудъ его— „О грекоуніатской церкви въ Россіи"—изданъ въ 1864 г.

Рункевичъ «Минскіе епископы», въ «Минскихъ Епарх. Вѣд.» 1893 г.—«Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ» за 1868 годъ (здѣсь напечатана статья Антонія «Сходство и разница ученія православной и римской церквей»).

Антоній, архіепископъ казанскій, до постриженія Алексѣй Герасимовичъ *Зыбелинъ*, род. около 1730 г. въ Москвѣ,

ум. 27-го сентября 1797 г. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Семеномъ, бывшимъ впослѣдствіи ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, Зыбелинъ обучался въ Московской славяно-греко-латинской академіи, по окончаніи курса которой былъ нѣкоторое время въ Москвѣ діакономъ, но, овдовѣвъ, въ 1760 г. принялъ монашество. Постепенно занимая въ академіи должности учителя грамматики и инфимы, синтаксимы, піитики, проповѣдничества, онъ былъ назначенъ въ 1763 г. префектомъ и учителемъ философіи, а чрезъ 5 лѣтъ учителемъ богословія и ректоромъ академіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита Заиконоспасскаго монастыря. 10-го октября 1770 г. Антоній былъ хиротонисанъ въ Москвѣ во епископа архангелогородскаго и холмогорскаго. По прибытіи на епархію, онъ обратилъ особенное вниманіе на устройство мѣстной семинаріи перевелъ ее въ 1771 г. изъ Спасскаго монастыря въ Архангельскій и устроилъ для нея пять корпусовъ. Въ іюлѣ 1773 г. Антоній переведенъ былъ на епископскую каѳедру въ Нижній, гдѣ обнаружилъ особенную дѣятельность по успокоенію своей возмутившейся паствы во время пугачевскаго движенія, а въ 1779 г. принималъ дѣятельное участіе въ открытіи и устройствѣ нижегородскаго намѣстничества, для чего нашелъ до 200 человѣкъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, годныхъ къ занятію канцелярскихъ должностей во вновь открытыхъ учрежденіяхъ. Въ день самаго открытія онъ сказалъ такую рѣчь о пользѣ и важности намѣстничества, что ему поручено было Государынею открытіе намѣстничествъ въ Симбирскѣ и Казани; за это онъ удостоился получить отъ Государыни драгоцѣнную панагію въ 15.000 руб., нынѣ хранящуюся въ нижегородскомъ каѳедральномъ соборѣ. Кромѣ того, въ Нижнемъ Антоній обратилъ особенное вниманіе на проповѣдь и первый ввелъ произнесеніе проповѣдей по росписанію во всей епархіи. Для большаго развитія духовенства, введены были въ кругъ семинарскихъ предметовъ: богословіе, философія и математика, а въ городахъ Алатырѣ, Саранскѣ, Курмышѣ, Лысковѣ и др. Антоніемъ открыты духовныя училища. Въ апрѣлѣ 1782 г. Антоній переведенъ былъ въ Казань съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, но по разстроенному здоровью оставался здѣсь недолго и въ 1785 г. уволился на покой въ избранный имъ по обѣщанію Макарьевскій Желтоводскій монастырь, съ пенсіею по 1.000 р. въ годъ, гдѣ скончался и погребенъ на паперти соборной троицкой церкви. Слова Антонія при открытіи намѣстничествъ напечатаны въ С.-Петербургѣ: нижегородскаго — въ 1780 г., симбирскаго—въ 1781 г. и казанскаго—въ 1782 г. „Двинскій лѣтописецъ", помѣщенный въ XVIII томѣ „Древней Рос. Вивліоѳики", сообщенъ имъ же, равно какъ и краткія свѣдѣнія о Нижнемъ-Новгородѣ, тамъ же напечатанныя.

Макарій, «Исторія Нижегор. іерархіи», стр. 147—154.—Дѣла архива Св. Синода.—«Нижегор. Губ. Вѣд.», 1846 г., №№ 70 и 72.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 639.

Антоній (*Иллящевичъ*), епископъ вятскій, родомъ изъ Польши, ум. 16-го ноября 1755 г. Обучался въ Кіевской духовной академіи, былъ наставникомъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и по принятіи монашества возведенъ въ санъ архимандрита Московскаго Новоспасскаго монастыря, 25-го мая 1748 г. хиротонисанъ во епископа вятскаго, гдѣ и скончался. Будучи въ Вяткѣ, онъ особенно заботился о развитіи проповѣдничества среди вятскаго духовенства, а равно объ украшеніи церквей и благопристойномъ совершеніи таинствъ въ приходскихъ церквахъ. Онъ требовалъ, чтобы сосуды церковные обязательно были серебряные или въ крайнемъ случаѣ оловянные, но никакъ не мѣдные или жестяные. Не мало также заботился Антоній объ обращеніи въ православіе вогуловъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, и для новообращенныхъ строилъ особыя церкви. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ игуменъ Іовъ Тукмачевъ.

Плат. Любарскій, «Іерархія вятская и астраханская», въ «Чтеніяхъ», годъ III, № 7.—Поповъ, «Великопермская епархія», стр. 38.—Никитенковъ, «Іерархи вятской епархіи».

Антоній, нареченный, но не хиротонисованный епископъ рязанскій, сынъ купца, до постриженія Андрей *Іероѳеичъ*, род. въ 1674 г., въ г. Великихъ Лукахъ, ум. 19-го апрѣля 1726 г. „въ школахъ не учился" и 11-го октября 1694 г. постригся въ монашество съ именемъ Антонія въ Ниловой пустыни; 7-го октября 1696 г. рукоположенъ въ іеродіакона и перемѣщенъ въ Московскій Спасскій монастырь; затѣмъ назначенъ былъ ризничимъ Высоко-

петровскаго монастыря и „выѣзжимъ діакономъ". 30-го октября 1703 г. Антоній опредѣленъ игуменомъ Златоустовскаго монастыря и 15-го августа 1705 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 16-го марта 1718 г. Антоній состоялъ судьею тіунской палаты, переименованной при немъ въ приказъ церковныхъ дѣлъ, и вѣдалъ дѣла церковнаго благочинія и раскольническія, имѣя при себѣ до 25 человѣкъ канцеляристовъ и двухъ помощниковъ. Въ Москвѣ и Казани Антоній предлагалъ для подписи духовный регламентъ и слѣдилъ за его исполненіемъ. 25-го іюня 1721 года, за вызовомъ въ Петербургъ на судъ митрополита Игнатія, Антонію вмѣстѣ съ другими поручено было завѣдываніе патріаршею областью и крутицкою епархіею. Извѣстна противораскольническая дѣятельность Антонія: въ Москвѣ на Спасскомъ мосту онъ отбиралъ у продавцовъ старопечатныя и харатейныя книги, письменные листы и иконы, не дозволенныя цензурой, но на расхватъ покупаемыя раскольниками; открылъ сильно развившійся въ калужскихъ монастыряхъ и среди духовенства расколъ; предлагалъ мѣры къ искорененію его, увѣщевалъ, разсматривалъ и писалъ отвѣты на „проектъ способовъ познанія и изслѣдованія раскольнической прелести". Онъ же разбиралъ много дѣлъ о вступленіи въ бракъ русскихъ съ армянами, о крещеніи ими по армянскому закону дѣтей и объ уклоненіи православныхъ женъ въ армянскую вѣру. 13-го марта 1724 г. дѣла церковнаго приказа были распредѣлены между различными учрежденіями, самый же приказъ, по представленію Антонія, 20-го мая закрытъ и онъ назначенъ членомъ духовной дикастеріи; ему же было поручено описаніе московскихъ церквей и составленіе списковъ дѣтей духовенства, подлежащихъ ученію въ школахъ. Не разъ онъ представлялся кандидатомъ на архіерейскія каѳедры, но только 26-го августа 1725 г. послѣдовало назначеніе его на рязанскую епископскую каѳедру, 29-го сентября было совершено и нареченіе во епископа, но послѣ нареченія Антоній заболѣлъ и, не дождавшись хиротоніи, скончался.

«Описаніе дѣлъ и документовъ архива Св. Синода»; томы I—IV.

Антоній, архимандритъ, намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры, до постриженія Андрей Гаврииловичъ *Медвѣдевъ*, сынъ крестьянина, род. 6-го октября 1792 года, въ селѣ Лысковѣ, Макарьевскаго у., Нижегородской губ., ум. 12-го мая 1877 года. Научившись дома грамотѣ, Медвѣдевъ поступилъ въ ученики къ аптекарю и въ то же время былъ пѣвчимъ. Затѣмъ онъ сталъ завѣдывать больницею и въ 1812 году получилъ формальное дозволеніе на врачебную практику. Но не къ этому роду занятій лежала душа впечатлительнаго Медвѣдева, узнавшаго о подвигахъ иноковъ и посѣтившаго нѣкоторыя мѣста, гдѣ почиваютъ мощи св. угодниковъ Божіихъ Бесѣды съ иноками имѣли въ жизни Медвѣдева рѣшающее значеніе и дали ей новое направленіе. Медвѣдевъ рѣшилъ быть монахомъ и въ 1817 г. отправился въ Саровскую пустынь, но принятъ былъ туда только 27-го іюля 1818 г., когда пришелъ уже второй разъ. Чрезъ 1½ года Медвѣдевъ перешелъ въ Высогорскую Вознесенскую пустынь, гдѣ сначала былъ пономаремъ, затѣмъ, 27-го іюня 1822 г., постригся въ монашество съ именемъ Антонія и 20-го іюля рукоположенъ въ іеродіакона, а 22-го іюля—въ іеромонаха. Въ 1824 г. Антоній путешествовалъ на богомолье въ Кіевъ. Путешествіе это, встрѣча съ разными лицами, опытными въ духовной жизни, знакомство съ разными порядками монастырской жизни для наблюдательнаго инока имѣли большое значеніе, расширивъ кругъ его воззрѣній и обогативъ его многими свѣдѣніями. 9-го іюля 1826 года Антоній назначенъ строителемъ Высокогорской пустыни и присутствующимъ духовнаго правленія въ Арзамасѣ. Подъ управленіемъ новаго строителя Высокогорская пустынь стала быстро улучшаться. Церкви обновились, установилось благолѣпное служеніе, число братіи увеличилось и воздвиглись новые корпуса для помѣщенія иноковъ; настоятель своимъ служеніемъ и даромъ слова привлекалъ въ обитель изъ окрестностей многихъ посѣтителей. 10-го марта 1831 г. Антоній избранъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ въ намѣстники Троице-Сергіевой лавры и 15-го марта возведенъ въ санъ архимандрита Виѳанскаго монастыря при той же лаврѣ. Выборъ митрополита былъ весьма счастливый: архимандритъ Антоній пробылъ намѣстникомъ 46 лѣтъ, принесъ лаврѣ много пользы и вполнѣ оправдалъ

довѣріе къ нему архипастыря, сдѣлавшись его духовнымъ отцомъ, другомъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ. Архим. Антоній сряду такъ умѣло повелъ дѣло, что чрезъ три года прежней лавры нельзя было узнать. 12 лѣтъ онъ только исправлялъ и обновлялъ обветшавшее и возстановлялъ обрушившееся, а болѣе 30 лѣтъ вновь строилъ, расширялъ и улучшалъ. Всѣ скитскія обители въ окрестностяхъ лавры (Геѳсиманская, Пещерная, Параклитъ, Боголюбивая киновія) единственно Антонію обязаны своимъ существованіемъ. Лаврскія церкви украсились внутри и снаружи, огласились стройнымъ и чиннымъ служеніемъ и стали привлекать множество богомольцевъ. Около церквей появились сады и мостовыя; выстроены гостинницы и больницы для призрѣнія заболѣвающихъ странниковъ; устроенъ домъ призрѣнія съ домовою церковью, больницею и училищемъ для дѣвочекъ. Въ 1840 г. въ лаврѣ было открыто училище для мальчиковъ, которые и содержались на лаврскій счетъ; для иноковъ была устроена иконописная мастерская и дѣло въ ней шло прекрасно. Антоній зорко слѣдилъ за поведеніемъ и жизнью иноковъ, много издалъ къ ихъ назиданію аскетическихъ и духовно-нравственныхъ сочиненій и особенно почиталъ и поощрялъ старцевъ подвижниковъ. Въ 12 лѣтъ капиталъ лавры, не смотря на чрезмѣрные расходы, удвоился, а дальнѣйшее его увеличеніе дало возможность расширить и благотворительную дѣятельность. Лавра кормила бѣдныхъ, выдавала въ неурожайные годы муку и хлѣбъ нуждающимся и призрѣвала переселенцевъ; посадская тюрьма получила церковь и лучшія помѣщенія. Антоніемъ былъ составленъ проектъ устава „Евангельскаго общества Приснодѣвы Маріи на радость всѣмъ скорбящимъ изъ дѣвицъ и вдовъ всякаго званія“, но почему-то не приведенъ въ исполненіе. При такой широкой, плодотворной и общественно-благотворительной дѣятельности, Антоній очень любилъ уединеніе, въ 1840 г. просился на покой и въ 1843 г. выстроилъ себѣ даже домъ въ Махрищкомъ монастырѣ, но уволенъ не былъ. 26-го августа 1856 года Антоній, не въ примѣръ прочимъ архимандритамъ, награжденъ былъ панагіею и до конца жизни состоялъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры. Въ теченіе слишкомъ 35 лѣтъ Антоній былъ въ перепискѣ съ своимъ наставникомъ и другомъ, митрополитомъ московскимъ Филаретомъ. Письма архипастыря, въ числѣ 1681, изданы въ четырехъ частяхъ, въ 1878—1885 годахъ, подъ заглавіемъ: „Письма митрополита московскаго Филарета къ намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевы лавры архимандриту Антонію“ (съ 1831 по 1867 г.).

«Правосл. Обозрѣніе» 1878 г., №№ 2, 3, 5 и 6.— Гр. Дм. Н. Толстаго «О. архим. Антоній»; Душеполезное Чтеніе» 1877 г. № 7.— «Моск. Епарх. Вѣд.» 1877 г., № 21.

Антоній *(Нарожницкій)*, митрополитъ сибирскій и тобольскій, род. въ Малороссіи, ум. 9-го октября 1748 г. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи и въ 1739 г. былъ намѣстникомъ Троицкой лавры, а съ 1742 г. митрополитомъ сибирскимъ и тобольскимъ. Антоній потребовалъ, чтобы всѣ дѣти тобольскаго духовенства обязательно были представлены въ Тобольскую славяно-латинскую школу, а въ 1744 г. открылъ Тобольскую семинарію, для чего выстроилъ каменное зданіе и выписалъ изъ Кіевской академіи четырехъ опытныхъ преподавателей; Антоній положилъ также основаніе семинарской библіотекѣ, пожертвовавъ для этого свою собственную библіотеку, по тогдашнему времени весьма цѣнную. Изъ литературныхъ трудовъ Антонія извѣстны: „Слово“, изд. въ Москвѣ въ 1741 г. и другое, говоренное 4-го августа 1742 г.

Филаретъ, «Обзоръ», стр. 318.—«Странникъ», 1867 г., № 12, стр. 74—79.—«Списки архіереевъ», Спб., 1896 г., стр. 9 и 109.

Антоній, епископъ пензенскій и саранскій, до постриженія Веніаминъ *Николаевскій*, род. въ 1818 г., въ с. Добрицахъ, Костромской губ., гдѣ отецъ его былъ діакономъ, ум. 31-го марта 1889 г. По окончаніи курса въ Костромской семинаріи, поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ въ 1841 г. получилъ степень старшаго кандидата богословія и сряду же былъ назначенъ преподавателемъ физико-математическихъ наукъ, естественной исторіи и сельскаго хозяйства въ Нижегородской духовной семинаріи. 5-го сентября 1851 г. онъ принялъ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона и іеромонаха съ назначеніемъ въ слѣдующемъ году преподавателемъ богословскихъ наукъ и помощникомъ ректора. Въ 1855 г. Антоній переведенъ въ Тамбовскую семинарію инспекторомъ и преподавателемъ священнаго писанія; въ мартѣ 1857 г.

возведенъ въ санъ архимандрита, а въ маѣ 1859 г. назначенъ ректоромъ Екатеринославской семинаріи и преподавателемъ богословскихъ предметовъ. Въ 1866 г. Антоній нареченъ во епископа старицкаго, викарія тверской епархіи; въ мартѣ 1873 г. перемѣщенъ на самостоятельную каѳедру епископа енисейскаго и красноярскаго, а въ маѣ 1881 г. переведенъ въ Пензу, гдѣ и скончался. Будучи въ Енисейскѣ, Антоній постоянно и съ большими трудностями ѣздилъ въ самые отдаленные концы своей огромной по пространству епархіи, причемъ особенно заботился о развитіи среди духовенства миссіонерской дѣятельности для обращенія инородцевъ въ христіанство и однажды, въ с. Асказѣ, Минусинскаго округа ему, лично пришлось окрестить въ рѣкѣ Аскизѣ до 3.000 инородцевъ. Заботился онъ и о поднятіи духовнаго образованія въ подвѣдомыхъ ему епархіяхъ, почему часто посѣщалъ семинаріи и училища, награждая и поощряя болѣе исправныхъ. Въ личной жизни Антоній былъ строгимъ аскетомъ.

«Церк. Вѣд.». 1889 г. № 17-й.—«Енис. Еп. Вѣд.» и дѣла архива Св. Синода.

Антоній, архіепископъ владимірскій и суздальскій, до постриженія Александръ Ивановичъ *Павлинскій*, род. въ 1801 г. въ с. Притыкахъ, Костромской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. 29 марта 1878 г. Изъ Костромской семинаріи поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ въ 1831 г. окончилъ курсъ со степенью магистра. Будучи еще студентомъ, Павлинскій 14-го сентября 1829 г. принялъ монашество, а 6-го іюля 1831 г. рукоположенъ во іеромонаха. Сряду по окончаніи курса Антоній былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Калужскую духовную семинарію, а чрезъ годъ переведенъ на такую же должность въ Петербургѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенъ ректоромъ Александроневскаго духовнаго училища. Въ 1838 г. Антоній возведенъ въ санъ архимандрита, а въ 1840 г. назначенъ ректоромъ Новгородской семинаріи и настоятелемъ Антоніева монастыря. Въ 1852 г. Антоній хиротонисанъ во епископа острогожскаго, викарія воронежской епархіи, а чрезъ годъ переведенъ викаріемъ въ Новгородъ. 28-го декабря 1854 г. онъ назначенъ самостоятельнымъ епископомъ архангельскимъ и холмогорскимъ, откуда 20-го іюля 1857 г. переведенъ въ Нижній-Новгородъ. Съ 1860 г. епископъ волынскій, Антоній въ 1862 г. возведенъ въ санъ архіепископа, а въ 1868 г. получилъ владимірскую каѳедру, гдѣ и скончался. Преосвященный Антоній отличался особенною заботливостью о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній во ввѣренныхъ ему епархіямъ, при чемъ жертвовалъ часто и свои собственныя средства на постройку школьныхъ зданій. Онъ учредилъ двѣ стипендіи въ Костромской семинаріи и Макарьевскомъ духовномъ училищѣ, устроилъ на собственныя средства зданіе Суздальскаго училища и не мало жертвовалъ на благоустройство Владимірскаго духовнаго женскаго училища.

Дѣла архива Св. Синода.

Антоній (*Платковскій*), архимандритъ Переславскаго Данилова монастыря, ум. 15-го іюля 1746 г. По происхожденію малороссіянинъ. Онъ былъ монахомъ въ Кіевѣ и въ 1719 г. взятъ тобольскимъ митрополитомъ въ архидіаконы. Вскорѣ Антоній былъ возведенъ въ санъ архимандрита Иркутскаго Вознесенскаго монастыря. Въ 1721 г. имъ была открыта при монастырѣ школа, въ которой онъ самъ училъ дѣтей монгольскому языку, а въ 1727 г. назначенъ начальникомъ нашей пекинской миссіи. Отправившись туда съ своими учениками, Антоній вернулся вмѣстѣ съ ними изъ Селенгинска назадъ вслѣдствіе возникшихъ раздоровъ. Въ 1729 г. состоялась вторая поѣздка Антонія въ Пекинъ и на этотъ разъ онъ прожилъ тамъ пять лѣтъ. 6-го ноября 1734 г. онъ былъ возвращенъ въ Россію по доносамъ въ разореніи иркутскихъ монастырей и растратѣ денегъ, отпущенныхъ на постройку церкви въ Пекинѣ. Долго тянулся судъ, окончившійся 9-го января 1741 г. такимъ опредѣленіемъ: Антонія слѣдовало бы лишить архимандритскаго, іеромонашескаго и монашескаго сана, имѣніе его конфисковать и сослать на неисходное жительство въ монастырь, но, по милостивому манифесту 23-го октября 1740 г., вины его отпустить, за воровскіе же проступки архимандричества и іеромонашества лишить и быть ему простымъ монахомъ, съ дозволеніемъ жить въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Въ 1742 г. Антоній былъ назначенъ казначеемъ лавры и представленъ Императрицѣ,

а въ 1744 г. снова возведенъ въ санъ архимандрита Переславскаго Данилова монастыря, гдѣ и жилъ до самой кончины. Антоній первый ознакомилъ Восточную Сибирь съ методическимъ образованіемъ юношества, открывъ въ Иркутскомъ монастырѣ монгольскую школу; составилъ уставъ школы, собралъ учениковъ, нашелъ учителя и устроилъ помѣщеніе. Онъ изгналъ питейныя заведенія съ монастырскихъ земель. Въ Пекинѣ онъ продолжалъ дѣло обученія дѣтей и хлопоталъ о печатаніи лексикона на русскомъ, латинскомъ, китайскомъ и манджурскомъ языкахъ; заботился о благоустройствѣ церкви на посольскомъ дворѣ, расширилъ помѣщенія для русскихъ и устроилъ новый дворъ для новокрещенныхъ.

«Иркут. Епарх. Вѣд.» 1866 г., №№ 26 и 30.— Дѣла архива Св. Синода, 1733 г., № 298; 1741 г., №№ 517 и 519.

Антоній, игуменъ Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря, до постриженія Александръ Ивановичъ *Путиловъ*, род. 9-го марта 1795 г. въ гор. Романовѣ, Ярославской губ., ум. 7-го августа 1865 г. Послѣ домашняго воспитанія и образованія, Путиловъ въ 1809 г. поступилъ на должность коммиссіонера къ одному откупщику въ Москвѣ и въ двѣнадцатомъ году 10 дней пробылъ въ плѣну у французовъ; бѣгство изъ плѣна привело его въ Ростовъ, гдѣ онъ занялъ такое же мѣсто, какъ и въ Москвѣ. Только въ 1816 г. удалось Путилову исполнить завѣтное желаніе—оставить міръ и начать иноческую жизнь. 15-го января 1816 г. онъ одѣлся въ послушническое платье и поселился на житье въ Рославльскихъ лѣсахъ, Смоленской губ., тамъ онъ 2-го февраля 1820 г. принялъ монашество съ именемъ Антонія и прожилъ пять лѣтъ. Въ іюнѣ 1821 г. онъ переселился въ скитъ Оптиной пустыни, въ устройствѣ котораго принималъ дѣятельное участіе. 24-го августа 1823 г. Антоній рукоположенъ въ іеродіакона, въ 1825 г. опредѣленъ начальникомъ скита и въ 1827 г. посвященъ въ іеромонахи. Четырнадцатилѣтнее начальствованіе его было для Оптинскаго скита временемъ устроенія и прочнаго основанія, какъ во внѣшнемъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, и началомъ его процвѣтанія. 18 лѣтъ трудился онъ въ скиту, подавая всѣмъ примѣръ своимъ трудолюбіемъ и неутомимостью. 3-го декабря 1839 г. Антоній былъ назначенъ игуменомъ Малоярославецкаго Черноостровскаго Николаевскаго монастыря. Здѣсь на его долю выпало водвореніе и утвержденіе внутренняго устройства обители по духу вѣры и благочестія, по правиламъ опытныхъ подвижниковъ и по образцу лучшихъ обителей русскихъ. Болѣзни заставляли Антонія неоднократно просить объ увольненіи отъ должности, но только въ 1853 г. онъ получилъ желаемое. 9-го февраля 1853 г. онъ сдалъ монастырь своему преемнику и удалился на покой въ Оптину пустынь. Совѣтами, наставленіями и силою своей молитвы Антоній привлекалъ къ себѣ весьма многихъ. Только 9-го марта 1865 г. онъ принялъ схиму и прекратилъ пріемъ мірскихъ лицъ. Послѣ смерти Антонія напечатаны его „келейная записка", письма и отрывки изъ дневника.

«Жизнеописаніе настоятеля Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря игумена Антонія», М., 1870 г.

Антоній (*Радонежскій*), епископъ оренбургскій и уральскій, род. въ 1809 г., въ с. Тепелевѣ, Нижегородской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. 23-го декабря 1872 г. По окончаніи курса въ Нижегородской семинаріи поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1834 г. со степенью магистра и сряду былъ назначенъ инспекторомъ Нижегородской семинаріи и профессоромъ философіи. Овдовѣвъ, онъ принялъ въ 1841 г. монашество и 25-го марта рукоположенъ во іеромонаха, а въ апрѣлѣ уволенъ отъ должности инспектора. Въ 1842 г. Антоній перевелся преподавателемъ въ Ярославскую семинарію по классу богословія, а въ 1844 г. назначенъ баккалавромъ въ Казанскую духовную академію по каѳедрѣ Священнаго Писанія, гдѣ получилъ постепенно званія экстраординарнаго и ординарнаго профессора и въ маѣ 1848 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1851 г. Антоній назначенъ ректоромъ Пермской семинаріи, а чрезъ три года перемѣщенъ на такую же должность въ Ярославскую семинарію съ назначеніемъ настоятелемъ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря. Въ 1856—1857 гг. Антоній вызывался въ С.-Петербургъ на среду священнослуженія и проповѣди. 26-го апрѣля 1858 г. онъ былъ назначенъ епископомъ прямо на самостоятельную оренбургскую и уфимскую

каѳедру, при чемъ въ 1859 г., по случаю образованія новой оренбургской епархіи, переименованъ во епископа оренбургскаго и уральскаго. Въ мартѣ 1862 г. Антоній назначенъ членомъ московской синодальной конторы; въ маѣ 1866 г. уволенъ на покой въ Тамбовскій Трегуляевъ монастырь, при чемъ получалъ пенсію по 1,000 р. въ годъ. Въ 1868 г. Антоній перемѣщенъ въ Темниковскій Санаксарскій монастырь, а въ 1870 г. апрѣля 24—въ смоленскій архіерейскій домъ къ своему другу и сослуживцу по Казанской академіи тогдашнему смоленскому епископу Серафиму Протопопову, у котораго оставался до своей кончины. По поводу профессорской дѣятельности Антонія, историкъ Казанской духовной академіи проф. Знаменскій говоритъ: „Лекціи онъ писалъ и отдѣлывалъ тщательно, даже щеголевато, въ нѣсколько сентиментальномъ и благочестиво-мистическомъ духѣ, по особенною талантливостью не отличался, хотя академическое начальство цѣнило его высоко“. Изъ печатныхъ его трудовъ извѣстны: „Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ, или семь словъ на крестѣ“ (1-е изд. въ 1848 г., десятое—въ 1890 г.) и „Іисусъ Христосъ въ послѣдніе дни предъ страданіями Своими въ Іерусалимѣ“, Тамбовъ, 1869 г.

Дѣла архива Св. Синода и Знаменскій, «Исторія Казанской духовной академіи», т. 2, стр. 172—182 и др.

Антоній, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, до постриженія Григорій Антоновичъ *Рафальскій*, род. 19-го февраля 1789 г. въ с. Нуйнѣ, Волынской губ., гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ, ум. 16-го марта 1848 г. Первоначальное образованіе получилъ въ сосѣднемъ съ мѣстомъ родины Верховскомъ базиліанскомъ монастырѣ, гдѣ научился польскому и латинскому языкамъ. Въ 1800 г., по требованію епархіальнаго начальства, поступилъ въ Волынскую духовную семинарію, которая помѣщалась тогда въ г. Острогѣ. Окончивъ въ 1807 г. курсъ въ классѣ философіи, Рафальскій, какъ лучшій ученикъ, предназначенъ былъ для полученія высшаго богословскаго образованія въ Кіевской духовной академіи, но по болѣзни не поступилъ и потому образованіе его окончилось въ 1809 г. семинаріею, гдѣ онъ былъ оставленъ учителемъ въ низшихъ классахъ. Женившись сряду по окончаніи курса на племянницѣ волынскаго епископа Даніила, Рафальскій въ томъ же году рукоположенъ во священника. Въ 1812 г., по случаю нашествія въ предѣлы Россіи непріятеля, онъ отправленъ съ архіерейскою ризницею, консисторскимъ архивомъ и семинарскою библіотекою внутрь Россіи, и трудное порученіе это исполнилъ весьма удачно, сохранивъ все ввѣренное ему въ цѣлости и порядкѣ, за что въ 1813 г. возведенъ въ санъ протоіерея къ соборной острожской церкви. Въ 1815 г. при преобразованіи семинаріи по новому уставу, Рафальскій уволился отъ преподавательства, оставивъ за собою должность эконома семинаріи и архіерейскаго дома. Въ 1818 г. онъ назначенъ каѳедральнымъ протоіереемъ, членомъ консисторіи и благочиннымъ, а въ 1831 г., когда въ Кременцѣ, при тамошнемъ лицеѣ, открылась должность православнаго законоучителя, занялъ ее съ званіемъ первоприсутствующаго въ духовномъ правленіи. Въ концѣ 1831 г. образована была, по Высочайшему повелѣнію, особая коммиссія для принятія отъ базиліанъ Почаевскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Въ число членовъ попалъ, какъ знатокъ мѣстныхъ условій, и Рафальскій, не мало облегчившій своими совѣтами успѣшность довольно труднаго и щекотливаго порученія. Это сдѣлало его извѣстнымъ въ Петербургѣ. Чрезъ годъ онъ получилъ предложеніе принять по вдовству монашество и занять постъ намѣстника Почаевской лавры. Постригшись 20-го ноября 1832 г., онъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита и утвержденъ намѣстникомъ. Въ 1834 г., по открытіи православнаго викаріатства въ Варшавѣ, Антоній, по волѣ Государя, назначенъ былъ 17-го мая епископомъ варшавскимъ. Въ 1840 г. варшавское викаріатство преобразовано въ самостоятельную епархію, и Антоній возведенъ въ званіе архіепископа. 17-го января 1843 г. онъ назначенъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ. Хотя митрополитъ Антоній и не получилъ высшаго богословскаго образованія, но, будучи долгое время учителемъ и обладая отъ природы любознательностью и вообще хорошими способностями, значительно расширилъ свои познанія и дополнилъ недостатокъ школьнаго образованія чтеніемъ книгъ изъ семинарской и архіерейской библіотекъ, что въ связи съ близостью съ преосвященными волынскими

расширило его умственный кругозоръ, а точное выполненіе имъ разнородныхъ епархіальныхъ должностей выработало изъ него опытнаго практическаго дѣятеля, умѣвшаго примѣняться къ даннымъ обстоятельствамъ.

Надгробное слово митрополиту Антонію, говоренное Иннокентіемъ, епископомъ херсонскимъ и напечатанное въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1849 года, № 1.—Біограф. очеркъ Антонія, сост. А. Громачевскимъ, и статья архимандрита Амвросія въ «Странникѣ» 1861 г., августъ и октябрь.

Антоній, архіепископъ астраханскій, до постриженія Александръ Ивановичъ *Румовскій* или *Борисовъ*, сынъ священника, род. въ 1738 г., ум. 9-го ноября 1786 г. Образованіе получилъ въ Александро-Невской семинаріи, по окончаніи курса въ которой, принявъ монашество, опредѣленъ былъ въ 1762 г. учителемъ физики, а въ слѣдующемъ году переведенъ законоучителемъ въ сухопутный кадетскій корпусъ. Въ 1770 г., будучи уже въ санѣ архимандрита Новгородскаго Вяжищскаго монастыря, Антоній опредѣленъ былъ проповѣдникомъ въ Московскую духовную академію. Въ февралѣ 1774 г. Антоній назначенъ епископомъ Переславскимъ, въ сентябрѣ 1776 г. переведенъ въ Астрахань, а въ 1785 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Памятникомъ дѣятельности Антонія въ Астрахани осталась основанная имъ духовная семинарія. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны: „Слово при торжествѣ перваго пріема благородныхъ воспитанниковъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ“ (Спб., 1767 г.). „Слово при погребеніи тѣла гр. Ал. Гр. Разумовскаго“ (М., 1771 г.). „Слово въ торжественный день восшествія на престолъ Екатерины Алексѣевны“ (Спб., 1771 г.). Ему же приписываются слова: въ день коронованія Императрицы Екатерины II (Спб., 1767) и въ день «благополучно совершеннаго Императрицею Екатериною II подвига» (т. е. прививки оспы), 1769 г.

Платонъ Любарскій, «Іерархія Вятская и Астраханская», въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древ. рос.» 1848 г., № 7, стр. 81.—Чистовичъ, «Исторія Петербургской духовной академіи», стр. 41.—Геннади, «Словарь», стр. 34.—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 357.

Антоній, архіепископъ воронежскій, до постриженія Авраамій Гавриловичъ *Смирницкій*, род. 29-го октября 1773 г. въ с. Рутки, Полтавской губ., гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ, ум. 20-го декабря 1846 г. Высшее богословское образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи курса, онъ хотѣлъ принять мѣсто полковаго священника, но, не получивъ на это благословенія кіевскаго митрополита Самуила, сказавшаго на смертномъ одрѣ, что „Смирницкому другіе пути назначены“, юный богословъ, 27-го февраля 1797 г., принялъ монашество и поселился въ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ ему поручили завѣдывать сперва лаврскою библіотекою, а потомъ и лаврскою типографіею. Съ первыхъ дней иночества Антоній отдался подвигамъ воздержанія, молитвы и смиренія; имущества никакого не имѣлъ, носилъ грубую власяницу, все получаемое раздавалъ нищимъ. Все это снискало ему глубокое уваженіе и обширную извѣстность. Въ 1799 г. Антоній возведенъ былъ въ санъ іеромонаха, а въ 1817—архимандрита и намѣстника лавры. 31-го января 1826 года онъ хиротонисанъ во епископа воронежскаго, гдѣ тоже вскорѣ пріобрѣлъ необычайную любовь и уваженіе. Воронежская паства благоговѣла предъ своимъ архіереемъ, предъ его святою, истинно-подвижническою жизнью. Въ Воронежъ приходили издалека, чтобы принять благословеніе Антонія и выслушать его совѣтъ. Кто не могъ сдѣлать этого лично, обращался письменно и никто не оставался безъ отвѣта и назиданія. Его смиреніе было необычайно: „много лѣтъ я прожилъ,—обыкновенно говаривалъ онъ,—а добрыхъ дѣлъ нѣтъ“. Если кто его хвалилъ, то Антоній всегда замѣчалъ только: „онъ еще не все знаетъ мои слабости и недостатки“. 6-го августа 1832 г. онъ сподобился открыть мощи святителя Митрофана Воронежскаго и затѣмъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа (6 декабря). На смертномъ одрѣ Антоній продиктовалъ замѣчательное по своему характеру духовное завѣщаніе. Нѣсколько словъ его напечатаны въ „Христ. Чтеніи“ (1837 г., IV, 1847 г., IV и 1848 г., I). Кромѣ того, восемь словъ Антонія помѣщены въ біографіи его, составленной Н. М. Савостьяновымъ 1852 г. Существуетъ еще другая его біографія, подъ заглавіемъ: „Преосвященный Антоній, архіепископъ воронежскій“, составленная протоіереемъ Некрасовымъ (Воронежъ, 1890 г.).

Антоній, архіепископъ пермскій и верхотурскій, до постриженія Петръ *Смолинъ*, изъ духовнаго званія Саратовской губ., род. въ 1806 г., ум. 21-го декабря 1876 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Пен-

зенской духовной семинаріи, изъ которой поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ во время академическаго курса принялъ въ 1832 г. монашество, и въ іюлѣ того же года посвященъ во іеромонахи. Окончивъ курсъ магистромъ въ 1832 году, Антоній былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философскихъ наукъ въ Ярославскую семинарію. Чрезъ два года перемѣщенъ на ту же должность въ Виѳанскую семинарію; въ іюлѣ 1839 г. возведенъ въ санъ архимандрита; въ ноябрѣ 1840 г. назначенъ ректоромъ Рязанской духовной семинаріи, профессоромъ богословскихъ наукъ и настоятелемъ Рязанскаго Спасскаго монастыря. Въ 1845—1846 г. и въ 1857 г. Антоній вызывался въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди. Въ 1858 г. Антоній перемѣщенъ ректоромъ въ Орловскую семинарію и чрезъ полгода хиротонисанъ во епископа одесскаго, викарія херсонской епархіи. Въ 1859 г. онъ переименованъ во епископа новомиргородскаго; въ ноябрѣ 1862 г. назначенъ самостоятельнымъ епископомъ пензенскимъ и саранскимъ, а въ августѣ 1868 г. переведенъ на пермскую каѳедру, гдѣ 16 апрѣля 1872 возведенъ въ санъ архіепископа; 9 сентября 1876 г. уволенъ, по болѣзни, на покой въ Московскій Даниловъ монастырь. Памятникомъ его дѣятельности въ Пензѣ служитъ устроенный имъ домъ съ церковью для училища дѣвицъ духовнаго званія.

Дѣла архива Св. Синода. — «Ист. Моск. дух. акад.», стр. 428.

Антоній, архіепископъ подольскій, до постриженія Алексѣй Ѳедоровичъ *Соколовъ*, сынъ священника Казанской губ., род. около 1767 г., ум. 28 марта 1827 г. По окончаніи курса въ бывшей Казанской семинаріи въ 1793 г. опредѣленъ былъ въ Казани учителемъ информаторіи, а съ слѣдующаго года учителемъ низшаго греческаго класса и катехизаторомъ. Въ 1795 г. обучалъ синтаксимѣ; въ 1797 г. опредѣленъ былъ префектомъ и поэзіи учителемъ, а въ ноябрѣ того же года рукоположенъ во священника. Въ 1798 г., овдовѣвъ, принялъ монашество и въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ архимандрита Казанскаго Преображенскаго монастыря, а въ 1800 г. назначенъ ректоромъ Казанской духовной академіи. Въ 1808 г. митрополитъ новгородскій Амвросій, постригавшій Антонія въ Казани въ монашество, взялъ его къ себѣ въ Новгородъ викаріемъ. 24-го сентября 1810 г. Антоній назначенъ былъ епископомъ воронежскимъ, въ 1816 г. переведенъ въ Калугу, а въ 1819 г. перемѣщенъ на подольскую архіерейскую каѳедру и возведенъ въ санъ архіепископа. 3-го апрѣля 1821 г. Антоній уволенъ по прошенію на покой въ Задонскій монастырь, съ пенсіей въ 2.400 руб. Антонію принадлежатъ слова: по случаю выборовъ изъ дворянскаго сословія въ Новгородъ чиновниковъ на судебныя и общественныя должности (Спб. 1810 г.), по прибытіи въ Воронежъ (М. 1811 г.), на погребеніе воронежскаго губернатора Солнцева (М., 1811 г.). По указанію архіепископа Филарета, существуютъ „Слова и рѣчи архіепископа Антонія“, изданныя въ 2 частяхъ (М. 1825 г.)

Дѣла архива Св. Синода. — Филаретъ, «Обзоръ», стр. 433.

Антоній (*Стаховскій*), митрополитъ сибирскій и тобольскій, родомъ малороссъ, ум. 27-го марта 1740 г. Образованіе получилъ въ Кіевской академіи, по окончаніи курса въ которой былъ первымъ профессоромъ Черниговскаго коллегіума и съ 1701 г. проповѣдникомъ черниговской каѳедры. Въ 1709 г. Антоній возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ настоятелемъ въ Новгородъ-Сѣверскъ въ Спасопреображенскій монастырь. По избраніи духовныхъ и мірскихъ чиновъ и всего посполитства черниговскаго, Антоній сталъ черниговскимъ архіепископомъ и по именному указу Петра въ 1713 г. хиротонисанъ 20-го сентября въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ 1721 г. онъ переведенъ въ Сибирь съ возведеніемъ въ санъ митрополита сибирскаго и тобольскаго. Здѣсь Антоній не мало потрудился надъ обращеніемъ инородцевъ въ христіанство. Положеніе инородцевъ было въ то время самое печальное. Представителю духовной власти приходилось бороться со многими злоупотребленіями, часто не встрѣчая со стороны свѣтскихъ властей ни содѣйствія, ни сочувствія. Кромѣ миссіонерской дѣятельности, Антоній особенно заботился о постройкѣ православныхъ храмовъ, преимущественно каменныхъ. Въ Черниговѣ написано имъ: „Зерцало отъ божественнаго писанія“ (1705 г.) и „Сказаніе о с. писаніи“ (1705 г.). Подъ его смотрѣніемъ

переведена съ латинскаго „Исторія Тита Ливія“ (1716 г.). Грамоты и письма Антонія встрѣчаются въ „Описаніи черниговской епархіи (стр. 62—67) и каѳедральнаго Черниговскаго монастыря“ (Черниговъ 1861 г.).

Абрамовъ, «Антоній Стаховскій», брошюра, 1862 г. (а также «Странникъ», 1863 г., № 1).—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 213.—Дѣла архива Св. Синода. — П. Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ I», т. II, стр. 115—118.

Антоній (*Черновскій*), митрополитъ бѣлгородскій, ум. 1-го января 1748 г. Пріѣхалъ въ Россію изъ Молдавіи уже въ санѣ митрополита, и указомъ 20-го мая 1740 г. опредѣленъ въ томъ же званіи на каѳедру черниговскую. Прибывъ туда, онъ заказалъ въ кіевской типографіи 400 антиминсовъ (200 на атласѣ и 200 на швабскомъ полотнѣ), которые и сталъ раздавать во всѣ церкви епархіи, взимая по 4 р. за каждый антиминсъ. Это возбудило крайній ропотъ въ духовенствѣ и жалобы въ Св. Синодъ. Антоній оправдывался тѣмъ, что „онъ человѣкъ иностранный и не знающій великороссійскихъ обычаевъ. Въ молдавской же землѣ есть обыкновеніе, что когда опредѣленъ бываетъ въ какую епархію новый архіерей, то отъ него новые антиминсы раздаются во всѣ церкви“. Въ 1742 г. онъ просилъ дозволенія участвовать въ коронаціи Елизаветы Петровны, что̀ ему и было разрѣшено. Изъ Москвы онъ не возвратился въ Черниговъ, такъ какъ былъ назначенъ затѣмъ въ Бѣлгородъ, гдѣ и скончался.

«Историко-статист. описаніе черниг. епархіи», стр. 83—84.—Дѣла архива Св. Синода.

Антоній, архіепископъ кишиневскій и хотинскій, до постриженія Алексѣй Андреевичъ *Шокотовъ*, сынъ діакона гор. Изюма, род. въ 1799 г., ум. 13-го марта 1871 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ, а высшее богословское—въ Кіевской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1823 г. со степенью магистра и тотчасъ былъ назначенъ профессоромъ математики и нѣмецкаго языка въ Полтавскую духовную семинарію. Въ декабрѣ 1825 г. переведенъ баккалавромъ философскихъ наукъ въ Кіевскую духовную академію. 30-го ноября 1829 г. онъ рукоположенъ во священника къ Кіево-Подольской Константиновской церкви. Въ апрѣлѣ 1831 г. Шокотовъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ академіи, въ апрѣлѣ 1834 г. постриженъ, какъ вдовый, въ монашество, перемѣщенъ профессоромъ на каѳедру богословскихъ наукъ и назначенъ инспекторомъ академіи и членомъ цензурнаго комитета. Въ іюлѣ 1836 г. Антоній возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ Полтавской семинаріи. Въ 1841 г. онъ перемѣщенъ ректоромъ въ Псковскую семинарію и назначенъ настоятелемъ Спасо-Еліазара монастыря, а въ 1845—настоятелемъ Псково-Печерскаго. Въ 1850 г. Антоній хиротонисанъ во епископа волгскаго, викарія саратовской епархіи, а въ декабрѣ того же года переведенъ викаріемъ въ Новгородъ. Въ 1853 г. назначенъ на самостоятельную оренбургскую каѳедру, а въ 1858 г. переведенъ на кишиневскую; въ 1860 г. Антоній вызывался для присутствованія въ Св. Синодѣ, а въ слѣдующемъ возведенъ въ санъ архіепископа. Какъ епархіальный дѣятель, Антоній особенно выдался въ Бессарабіи, гдѣ въ теченіе 13 лѣтъ своего управленія сдѣлалъ весьма много полезнаго для этого разноплеменнаго края. При немъ выстроено и возобновлено въ епархіи до 300 церквей; заведено до 400 сельскихъ школъ; основано изданіе епархіальнаго органа съ переводомъ на молдавскій языкъ для тѣхъ священно-церковно-служителей, которые не знали русскаго языка; для нихъ же изданъ на молдавскомъ языкѣ и „Сборникъ статей духовно-догматическаго содержанія“. При церквахъ Антоній заводилъ церковныя библіотеки. По его почину открыто также въ Кишиневѣ женское епархіальное училище, на устройство котораго Антоній и лично жертвовалъ средства, и привлекалъ стороннихъ жертвователей. Наконецъ, Антоніемъ введены были выборные благочинные и учреждены благочинническіе совѣты. Много Антоній заботился также о поднятіи духовнаго и матеріальнаго благосостоянія учебныхъ заведеній кишиневской епархіи, надѣясь этимъ путемъ достигнуть лучшей подготовки пастырей. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны „Слова и рѣчи“, изданныя въ С.-Петербургѣ, въ 1862 г.

«Кишин. Еп. Вѣд.» 1871 г., №№ 6, 7, 8 и 9.—Геннади, «Словарь», стр. 36.—Дѣла архива Св. Синода.—«Странникъ» 1871 г., т. 2, стр. 170—71.

Антоновичъ, *Павелъ Даниловичъ*, учитель греческаго и латинскаго языковъ

въ гимназіяхъ Московскаго университета, а затѣмъ чиновникъ почтамта, ум. въ 1831 году. Составилъ „Азбуку греческую или начальное познаніе греческаго языка, съ грамматическими правилами, разговорами, Езоповыми баснями“, въ трехъ частяхъ (Москва, 1794) и перевелъ Фенелоновскія „Забавы въ уединеніи для всякаго возраста и состоянія людей, съ пріобщеніемъ похожденій Аристоноевыхъ“, въ двухъ частяхъ (Москва 1797).

Словарь митр. Евгенія, изд. Снегирева.—Геннади, «Словарь». — С. Венгеровъ, «Крит. біогр. Словарь», т. I, стр. 682—83.

Антоновичъ, *Платонъ Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, бывшій попечитель Кіевскаго учебнаго округа, род. въ 1812 г., ум. 8-го декабря 1883 г. Заканчивая образованіе въ Московскомъ университетѣ, въ февралѣ 1833 г., по обвиненію въ соучастіи въ извѣстномъ Сунгуровскомъ тайномъ обществѣ, Антоновичъ былъ высланъ на Кавказъ рядовымъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Здѣсь, за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, въ маѣ 1839 г. онъ произведенъ въ прапорщики и опредѣленъ правителемъ канцеляріи начальника Черноморской береговой линіи; въ этой должности онъ оставался до назначенія въ 1853 г., уже въ чинѣ полковника, керчь-еникальскимъ градоначальникомъ. По окончаніи восточной войны, Антоновичъ состоялъ для порученій при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ; въ 1861 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ градоначальникомъ въ Одессу, а два года спустя—бессарабскимъ губернаторомъ. Въ 1868 г., по предложенію бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, Антоновичъ занялъ постъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа и оставался на немъ около 12 лѣтъ. Умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ г. Керчи.

«Русс. Стар.» 1889 г., т. 61, стр. 315—318.—«Новое Время» 1884 г. № 2822.—Словарь Брокгауза-Ефрона. *Д. С—въ.*

Антоновскій, *Михаилъ Ивановичъ*, род. 30-го сентября 1759 г., въ Борзнѣ, Черниговской губ., ум. въ 1816 г. въ Петербургѣ. Происходилъ по отцу отъ французскихъ дворянъ, носившихъ титулъ графовъ Ланжеронъ. Одинъ изъ нихъ, Жофруа Андрольтъ, въ 1649 г. переселился въ Польшу, на службу къ королю Іоанну-Казимиру V, и за воинскіе подвиги получилъ званіе гражданина польской республики, фамилію Антоновича и выморочное имѣніе. Послѣ отказа короля Казимира отъ короны, Андрольтъ, вслѣдствіе притѣсненій польскихъ вельможъ, принужденъ былъ переѣхать въ Малороссію, принялъ православіе, перемѣнилъ свою фамилію на „Антоновскій“, получилъ въ командованіе „отборнѣйшую пѣхоту и артиллерію малороссійскихъ казаковъ“, женился на вдовѣ сына Богдана Хмельницкаго — Тимофея, рожденной княжнѣ валахской Иринѣ, и сталъ владѣть гор. Зиньковымъ „со всею округою онаго“. Потомки его „служили отечеству своему знатныя службы рыцарскія и въ званіяхъ старѣйшинъ малороссійскихъ шляхетныхъ“. Правнукъ, Михаилъ Антоновскій, шести лѣтъ былъ записанъ въ службу юнкеромъ и, послѣ домашней подготовки, поступилъ въ Кіевскую духовную академію, откуда въ 1779 г., въ числѣ четырехъ лучшихъ студентовъ отправленъ для завершенія образованія въ Московскій университетъ. По собственному признанію въ своей автобіографіи, Антоновскій обнаружилъ въ университетѣ—„прилежаніе къ наукамъ, успѣхи въ оныхъ необыковенные, рѣдкія способности къ высокимъ понятіямъ и созерцаніямъ, тонкое остроуміе и быструю проницательность“, и за рѣшеніе „задаваемыхъ въ университетскихъ факультетахъ трудныхъ предложеній“ неоднократно былъ награждаемъ золотыми медалями (одна изъ нихъ была получена за сочиненіе на тему: „Больше-ли вреда или пользы принесли Европѣ крестовые походы?“). Будучи студентомъ, Антоновскій основалъ въ университетѣ ученое общество „для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ, а послѣ для изданія трудовъ своихъ въ печать“. По окончаніи въ 1783 г. курса, Антоновскій, по предложенію графа И. Г. Чернышева, поступилъ на службу въ адмиралтейскую коллегію, гдѣ, между прочимъ, составилъ инструкцію для секретной экспедиціи, снаряженной по Высочайшему повелѣнію „для дальнѣйшихъ открытій и взятій въ вѣчное владѣніе россійскому престолу въ Сѣверной Америкѣ земель“, за что получилъ маіорскій чинъ и должность секретаря коллегіи. Затѣмъ Антоновскій сопровождалъ за границу графа И. Г. Чернышева, ѣздившаго лѣчиться на „теплыя воды“.

былъ нѣкоторое время правителемъ походной канцеляріи адмирала В. Я. Чичагова, а съ 1791 года библіотекаремъ Императорской публичной библіотеки, образованной изъ книгъ Варшавской публичной библіотеки гр. Залусскихъ, перевезенной въ Петербургъ послѣ взятія Варшавы. По словамъ Антоновскаго, онъ расклассифицировалъ на разныхъ языкахъ болѣе 150.000 книгъ. Служба его въ библіотекѣ продолжалась недолго. По вступленіи на престолъ Павла I, директоромъ ея былъ назначенъ французскій эмигрантъ, графъ Шоазель-Гуффье. При немъ началось систематическое расхищеніе библіотеки однимъ изъ служившихъ въ ней, польскимъ выходцемъ графомъ Чацкимъ, знавшимъ еще по Варшавѣ всѣ рѣдкія книги. Антоновскій донесъ объ этомъ директору, который, вмѣсто наказанія виновнаго, отрѣшилъ отъ должности доносившаго. Послѣ такой вынужденной отставки, Антоновскому не удалось найти другого мѣста и онъ былъ „оставленъ презрительно считаться токмо при оной библіотекѣ на шести стахъ рубляхъ, безъ всякаго узаконеннаго производства въ чины и съ отнятіемъ даже казенной квартиры". Въ 1782 г. Антоновскій былъ главнымъ издателемъ журнала „Вечерняя Заря", служившаго продолженіемъ Новиковскаго „Утренняго Свѣта", а въ 1785 г. напечаталъ переводъ съ французскаго: „Опытъ историческаго доказательства о происхожденіи россіянъ отъ араратцевъ". Въ 1789 г. онъ издавалъ журналъ „Бесѣдующій гражданинъ" (вышло три части или 12 книжекъ), который своимъ нравоучительнымъ содержаніемъ вызвалъ насмѣшки Крылова, называвшаго его въ „Почтѣ Духовъ" — „бредящимъ мѣщаниномъ". Изъ позднѣйшихъ работъ Антоновскаго заслуживаетъ вниманія „Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ", переводъ съ французскаго, въ 2 частяхъ (Спб., 1803). Историческіе труды Антоновскаго весьма слабы. Принадлежащее ему „Рѣшеніе публичной задачи Московскаго университета о томъ, когда славяне переселились въ Россію и кого лѣтописецъ Несторъ называетъ волохами" можетъ служить образцомъ полнаго отсутствія у автора понятія объ исторической критикѣ и собраніемъ невѣроятныхъ догадокъ на мнимо-филологической основѣ.

Перечень всѣхъ сочиненій Антоновскаго имѣется у Сопикова, т. 4, стр. 369 и 356 и у Венгерова, «Критико-біогр. словарь», т. 1, стр. 683—86.—«Русскій Архивъ» 1885 г., № 2 (автобіографія).—Неустроевъ, «Историч. розысканіе о рус. повремен. изд.», стр. 534—541.—Митр. Евгеній, «Словарь», т. I.—Сочиненія Г. Р. Державина, т. V, стр. 439 и въ перепискѣ.—Геннади, «Словарь», т. I.—«Сынъ Отечества» 1838 г., ч. III, стр. 4 (смѣсь).—«Исторія Московскаго университета», стр. 259.—«Путеводитель по Имп. публ. библіотекѣ», стр. 11. *С. Тр.*

Антоновскій, *Степанъ Ивановичъ*, протоіерей, настоятель собора въ Харьковѣ, сынъ дьячка, род. въ 1787 г. въ селѣ Гороховаткѣ, Харьковской губ., ум. 26-го августа 1855 г. Учился съ 1797 по 1803 г. въ Харьковскомъ коллегіумѣ, а съ 1803 по 1809 г.—въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи курса, поступилъ учителемъ Харьковскаго коллегіума и въ то же время былъ суперъ-интендентомъ сиропитательнаго при коллегіумѣ дома, катехизаторомъ, казначеемъ и библіотекаремъ. По отзывамъ начальства, былъ „весьма способенъ, отмѣнно трудолюбивъ и примѣрно честенъ". 14-го февраля 1811 г. Антоновскій рукоположенъ въ священника къ Успенской соборной церкви въ Харьковѣ, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ при коллегіумѣ, и 1-го октября 1814 г. за ученые труды возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1817 г. онъ былъ назначенъ смотрителемъ уѣзднаго и приходскаго Харьковскихъ училищъ, а 8-го февраля 1826 г. — настоятелемъ собора. Неоднократно исполнялъ онъ должность ректора харьковской семинаріи и за ревностные и полезные труды пользовался большимъ вниманіемъ начальства. Изъ сочиненій его извѣстны: „Ариѳметика", „Вопросы съ отвѣтами изъ риторики г. Рижскаго", „Дополненіе примѣровъ къ риторикѣ Бургія на латинскомъ яз.", и два надгробныхъ слова".

«Вѣра и Разумъ» 1895 г., № 12.

Антонолини, композиторъ, придворный капельмейстеръ и учитель пѣнія воспитанниковъ С.-Петербургской театральной школы въ царствованіе Александра I. Преподавалъ пѣніе Великимъ Княжнамъ: Маріи, Екатеринѣ и Аннѣ Павловнамъ. Написалъ нѣсколько оперъ, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ. Таковы, напримѣръ: „Желтый карло", „Карачунъ или старыя диковинки", „Криспинъ въ сералѣ", „Ломоносовъ, или рекрутъ стихотворецъ" (опера-водевиль, соч. князя Шаховскаго). Въ сотрудни-

чествѣ съ Кавосомъ Антонолини написалъ музыку къ операмъ: „Жаръ-птица“ и „Мирослава, или костеръ смерти“. 29-го апрѣля 1824 года, артисты Императорскихъ театровъ давали концертъ въ пользу вдовы Антонолини и ея малолѣтнихъ дѣтей.

П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», стр. 232, 233, 235 и 355.—В. Марковъ, «Историческій очеркъ русской оперы», стр. 61, 65, 68, 90.—«Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества», т. 62, стр. 546.

Антоновъ, *Николай*, граверъ пунктиромъ и рѣзцомъ Бекетовской школы, ученикъ Осипова, ум. около 1840 г. Награвировалъ: десять портретовъ царской фамиліи до 1827 г., шестнадцать портретовъ въ медальонахъ, съ подписью: „1834 г. Россійскій Императорскій Домъ“; рядъ народныхъ картинокъ, какъ, напр., „Кончина Императора Александра I въ Таганрогѣ“, „Миръ съ Турціею въ Адріанополѣ 1829 г. 2-го сентября“, „Выставка россійскихъ произведеній и промышленности въ Москвѣ, въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ“ (въ 1832 г.), „Тріумфъ Императора Николая I“ и др., а также портреты гр. И. И. Дибича-Забалканскаго, Императора Николая I и Императрицы Александры Θеодоровны, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Гавріила, св. Митрофана воронежскаго и баснописца И. И. Хемницера, къ изданію его „Басенъ и сказокъ“ 1838 г.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ» (посмертное изданіе), 1895 г., стр. 19—20. — Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 217—218.

Антоновъ, *Тарасъ*, открылъ Воицкій золотой рудникъ. Красивый видъ жилы, выходящей на поверхность на мысу, вдающемся въ Выгъ-озеро (Архангельской губ.), по всей вѣроятности, привлекъ къ себѣ вниманіе крестьянина с. Воицкаго Антонова. Онъ представилъ образцы найденныхъ имъ камней въ петрозаводскую канцелярію въ 1737 г.; однако, нѣкоторое время никакой разработки тутъ не было, и только въ 1742 г. начала производиться добыча мѣдныхъ рудъ, которыя отправлялись для плавки на Петровскій заводъ. Говорятъ, что и тогда попадались въ рудномъ кварцѣ кусочки золота, на которое никто не обращалъ надлежащаго вниманія, принимая его за мѣдь. Только въ исходѣ 1744 г. присутствіе золота стало положительно извѣстнымъ, а съ 1745 г. началась и добыча. Разработка Воицкаго рудника велась съ перерывами до 1794 г., причемъ за все это время добыто 4 п. 25 ф. золота. 27-го мая 1794 г. послѣдовала резолюція Екатерины II: „Дальнѣйшую разработку сего рудника, яко безполезную и въ явный убытокъ казнѣ обращающуюся, оставить“.

Рожковъ, «Бергъ - Компанія на горѣ Благодати и въ Лапландіи», «Горн. Журналъ», 1885 г., № 5. *С. Кулибинъ.*

Антонъ-Ульрихъ, принцъ брауншвейгъ-невернъ-люнебургскій, второй сынъ герцога Фердинанда-Альбрехта и герцогини Амаліи-Антуанеты брауншвейгъ-вольфенбюттельскихъ, съ 11-го ноября 1740 по 25-е ноября 1741 г. — генералиссимусъ русскихъ войскъ, род. 28-го августа 1714 г., въ Бевернѣ, ум. 4-го мая 1774 г., въ Холмогорахъ. На девятнадцатомъ году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ (2-го февраля 1733 года), въ качествѣ жениха принцессы Анны Леопольдовны, племянницы Императрицы Анны Іоанновны, которая, однако, отсрочила бракъ, въ виду несовершеннолѣтія невѣсты. Женихъ не понравился принцессѣ Аннѣ, и всѣ старанія установить между молодыми людьми прочную привязанность—ихъ нѣкоторое время даже воспитывали вмѣстѣ — не увѣнчались успѣхомъ. Зачисленный въ русскую службу, принцъ Антонъ въ годъ своего пріѣзда въ Россію былъ назначенъ полковникомъ третьяго кирасирскаго полка, названнаго въ честь его сначала бевернскимъ (нынѣ кирасирскій Его Величества), а затѣмъ брауншвейгскимъ. Служа въ 1737 году волонтеромъ въ арміи Миниха, принцъ Антонъ отличился при взятіи Очакова и былъ произведенъ въ генералъ-маіоры; участвуя въ походѣ къ Днѣстру въ 1738 году, онъ былъ пожалованъ премьеръ-маіоромъ Семеновскаго полка и орденами св. Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. 3-го іюля 1739 года, въ церкви Казанской Божіей Матери, совершилось торжественное бракосочетаніе принца Антона съ принцессою Анною Леопольдовною. Въ февралѣ слѣдующаго года принцъ былъ произведенъ, по случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою, въ подполковники Семеновскаго полка, съ чиномъ генералъ-лейтенанта, затѣмъ назначенъ шефомъ кирасирскаго полка, а 12-го августа обрадованъ рожденіемъ сына, который, послѣ кончины 17-го октября Анны Іоан-

новны, провозглашенъ Императоромъ, подъ регентствомъ, до 17 лѣтъ, Бирона. Недовольный завѣщаніемъ Анны Іоанновны, принцъ Антонъ хотѣлъ перемѣнить постановленіе о регентствѣ и обращался за совѣтомъ къ Остерману и къ брауншвейгскому посланнику Кейзерлингу, которые не порицали его поведенія, но совѣтовали выждать время и составить партію; послѣднее легко было сдѣлать, такъ какъ гвардія была очень недовольна регентомъ. Однако, замыслы принца не удались: заговоръ былъ открытъ, и 23-го октября, въ тотъ день, когда состоялся указъ о ежегодной выдачѣ родителямъ Императора 200.000 руб., принцъ Антонъ былъ призванъ въ чрезвычайное собраніе кабинетъ-министровъ, сенаторовъ и генералитета. Начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ пригрозилъ принцу, что обошелся бы съ нимъ „такъ же строго, какъ и съ послѣднимъ подданнымъ Его Величества", если бы ему удалось исполнить свое намѣреніе. Биронъ потребовалъ, чтобы принцъ и всѣ присутствовавшіе въ собраніи подписали распоряженіе покойной Императрицы о регентствѣ и приложили свои печати, подтвердивъ такимъ образомъ его подлинность. Этимъ Биронъ не удовольствовался; онъ заставилъ принца подписать просьбу объ увольненіи его отъ всѣхъ военныхъ должностей. Просьба эта была составлена по распоряженію Миниха его братомъ. 1-го ноября былъ данъ указъ военной коллегіи, въ которомъ говорилось: „Понеже его высочество любезнѣйшій нашъ родитель желаніе свое объявилъ имѣвшіеся у него военные чины низложить, а ему въ томъ отказать не могли, того ради чрезъ сіе военной коллегіи объявили для извѣстія". Но это полное устраненіе принца отъ дѣлъ правленія продолжалось недолго; оскорбленія и угрозы регента выслать родителей Императора изъ Россіи, наконецъ, переполнили чашу ихъ терпѣнія. Въ ночь съ 8-го на 9-е ноября Биронъ былъ арестованъ Минихомъ, и правительницею провозглашена Анна Леопольдовна. Указомъ 11-го ноября принцъ Антонъ былъ пожалованъ званіемъ генералиссимуса россійскихъ войскъ и чиномъ подполковника конной гвардіи; по манифесту же 12-го января 1741 года онъ получилъ титулъ „Императорскаго Высочества". Довольно ограниченный отъ природы, малосвѣдущій, мягкій и нерѣшительный, принцъ не могъ имѣть и не имѣлъ значенія въ государственныхъ дѣлахъ въ правленіе Анны Леопольдовны. Не любя Миниха, онъ стоялъ на сторонѣ Остермана, который раздѣлялъ его неприязнь къ властолюбивому фельдмаршалу; оскорбленный пренебреженіемъ перваго министра, принцъ способствовалъ его паденію. Послѣ отставки Миниха, принцъ, однако, не пріобрѣлъ вліянія на дѣла правленія: правительница не терпѣла ни мужа, ни Остермана; совѣтниками ея были вице-канцлеръ Головкинъ и фаворитъ Линаръ, саксонскій посланникъ. Остерманъ хлопоталъ о томъ, чтобы отстранить Анну Леопольдовну и передать правленіе принцу Антону, который долженъ былъ предварительно принять православіе. Взаимныя несогласія и нерѣшительность обѣихъ партій, на которыя дѣлилось правительство, позволили безпрепятственно произойти перевороту 25-го ноября 1741 года, когда правительница и принцъ со всѣмъ семействомъ были арестованы цесаревной Елизаветой и затѣмъ отправлены въ Ригу, гдѣ подверглись заключенію въ крѣпости. Отсюда брауншвейгское семейство было перевезено сначала въ Динаминдъ, затѣмъ въ Раненбургъ и, наконецъ, 9-го ноября 1744 года отправлено въ Холмогоры. Здѣсь принцъ Антонъ прожилъ почти тридцать лѣтъ, здѣсь въ 1746 году потерялъ жену, здѣсь же услышалъ въ 1764 году печальную вѣсть о кончинѣ въ Шлиссельбургѣ своего сына, бывшаго Императора Іоанна Антоновича. Послѣ смерти жены, „Антонъ-Ульрихъ, оставшись,—по словамъ Бантыша-Каменскаго,—въ силѣ мужества съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, въ странѣ отдаленной, и не имѣя съ кѣмъ дѣлить горе, избралъ себѣ подругу, увеличившую семью его и домашнія заботы". По вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ Холмогоры былъ посланъ генералъ-маіоръ Бибиковъ, чтобы объявить принцу Антону, что ему предоставляется свобода выѣзда изъ Россіи, но безъ семейства. Принцъ не пожелалъ разлучиться съ дѣтьми и еще двѣнадцать лѣтъ прожилъ въ заключеніи, потерявъ незадолго до кончины зрѣніе. Погребеніе его состоялось въ Холмогорахъ. Въ ночь съ 5-го на 6-е мая 1776 года тѣло Антона-Урлиха, въ гробѣ, обитомъ чернымъ сукномъ съ

серебрянымъ позументомъ, было вынесено караульными солдатами и тихо похоронено на ближайшемъ кладбищѣ, подлѣ церкви, внутри ограды того дома, въ которомъ принцъ прожилъ 30 лѣтъ. Присутствовавшимъ на похоронахъ солдатамъ было строжайше запрещено разсказывать кому бы то ни было о мѣстѣ погребенія, которое совершено безъ всякаго церковнаго обряда, такъ какъ въ Холмогорахъ не было пастора лютеранскаго исповѣданія.

Бантышъ-Каменскій, «Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ», т. I, стр. 216—232. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. 21. — «Русская Старина», 1873 г., т. VII, № 1 и 1874 г., т. IX, № 4.- «Русскій Вѣстникъ», 1874 г., №№ 10 и 11 (статья Брикнера «Императоръ Иванъ Антоновичъ и его родственники»).—Брикнеръ, «Die Familie Braunschweig in Russland im XVIII Jahrh.» — М. Д. Хмыровъ, «Историческія статьи», стр. 361—362. *С. Тр.*

Антроповъ, *Алексѣй Петровичъ*, живописецъ и иконописецъ, род. 14-го марта 1716, ум. 12-го іюня 1795 г. въ С.-Петербургѣ. Сынъ солдата л.-гв. Семеновскаго полка, по профессіи слесарнаго и инструментальнаго мастера, онъ съ 16-тилѣтняго возраста сталъ учиться у разныхъ русскихъ и иностранныхъ живописныхъ мастеровъ, какъ-то: Андрея Матвѣева (Кобылина), М. А. Захарова (1734), И. Я. Вишнякова (1739), Л. Каравака, но подражалъ, главнымъ образомъ, приглашенному сюда въ 1747 г. гр. Ротари, который, въ свою очередь, признавалъ его работы лучшими изъ произведеній русскихъ художниковъ того времени. Состоя въ званіи подмастерья, Антроповъ участвовалъ въ 1750 г. въ украшеніи домовъ: Аничковскаго и новостроившагося опернаго; въ 1752 г. былъ посланъ въ Кіевъ для исправленія св. иконъ въ куполѣ и прочихъ мѣстахъ во вновь построенной церкви св. Андрея Первозваннаго, а въ 1756—въ Москву для поновленія, съ порученной ему „командой", плафона въ построенномъ гр. Растрелли Головинскомъ дворцѣ, равно какъ и другихъ живописныхъ работъ, послѣ чего былъ взятъ обратно въ Петербургъ въ команду Вишнякова. Возведенный въ 1759 г. Правительствующимъ Сенатомъ въ рангъ подпоручика—„за оказанное въ живописномъ мастерствѣ и засвидѣтельствованное аттестатами искусство", Антроповъ, не находя себѣ другихъ занятій, просилъ въ 1760 г. Императрицу Елизавету Петровну объ опредѣленіи его въ Св. Синодъ на остававшееся свободнымъ послѣ суперъ-интендаита Заруднева мѣсто надзирателя за живописцами и иконописцами. Синодъ требовалъ отъ Антропова иконъ его работы, но, по ходатайству И. И. Шувалова, для котораго онъ написалъ портреты: гр. Лобковича (съ Ротари), архіепископа Сильвестра Кулябки и свой собственный, онъ былъ опредѣленъ въ 1761 г. на желаемое мѣсто. Къ этому же времени относится и написанный имъ для гр. М. И. Воронцова портретъ умершаго въ 1762 г. грузинскаго царя Теймураза II Николаевича, гравированный потомъ Е. Виноградовымъ и А. Грековымъ. Хотя Антроповъ все время продолжалъ усердно работать, исполняя то иконы, то чертежъ иконостаса, то портретъ Императора Петра III въ ростъ для Синода, то портреты Императрицы Екатерины II въ Москвѣ ко дню ея коронованія, равно какъ и для Синода (1765 г.), то, наконецъ, портретъ Петра I для Синода же (1769 г.),—онъ получалъ содержаніе крайне неаккуратно и ему все приходилось обращаться съ просьбами объ уплатѣ слѣдующихъ ему денегъ. Послѣ того слѣдовали его работы — портреты: купца И. С. Чиркина (гравированный Г. Сребреницкимъ въ 1770 г.), Ѳ. А. Талызина, патріарха Филарета (для Москов. Оруж. Палаты), Царицы Натальи Кирилловны, Цесаревны Анны Петровны и Цесаревича Павла Петровича въ младенчествѣ (наход. въ Имп. Эрмитажѣ), наконецъ, рисунокъ антиминса (1775 г.) и разные образа для Императрицы и церквей (1775—1788 г.). Въ 1789 г. онъ имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника. Изъ учениковъ Антропова особенно извѣстенъ Д. Г. Левицкій, а также П. Дрожжинъ, написавшій въ 1776 г. его портретъ на званіе назначеннаго въ академики (наход. въ Имп. Академіи Художествъ).

Н. П. Собко «Словарь русс. художниковъ», гдѣ указаны всѣ, до нынѣ найденные рукописные источники и печатныя пособія для біографіи Антропова. *Н. С.*

Антроповъ, *Василій Іоничъ*, д. ст. с., помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, род. въ С.-Петербургѣ 27-го февраля 1800 г., гдѣ отецъ его служилъ въ провіантской экспедиціи, ум. въ Самарѣ, 7-го августа 1856 г. Въ 1804 г. Антроповъ былъ привезенъ въ Вятку, куда перевели на службу его отца, а въ 1806 г. отданъ

въ Вятское главное народное училище. Въ 1811 г. была открыта Вятская губернская гимназія, въ которую и перешелъ Антроповъ изъ училища. По окончаніи четырехлѣтняго гимназическаго курса, въ 1815 г., онъ поступилъ въ Казанскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ. Прослушавъ полный курсъ наукъ по физико-математическому отдѣленію и получивъ въ 1819 г. степень кандидата, Антроповъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ математики въ Нижегородскую гимназію. Сверхъ преподаванія математики, онъ исправлялъ въ теченіе трехъ лѣтъ должность учителя французскаго языка. 15-го мая 1827 г. Антроповъ перемѣщенъ па должность учителя естественной исторіи при той же гимназіи и, почти въ то же время, по опредѣленію училищнаго комитета Казанскаго университета, ему поручено временное исправленіе должности директора училищъ Нижегородской губ. Въ 1827 г., 26-го іюля, Антроповъ былъ назначенъ директоромъ училищъ Иркутской губерніи. Состоя въ этой должности, онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ, отчасти по обязанностямъ службы, отчасти по влеченію любознательности, а именно: въ 1828 г.—въ Кяхту, въ 1829 г.—въ Якутскъ, въ 1830 г.—снова въ Кяхту и Нерчинскъ. 10-го іюля 1831 г. Антроповъ былъ перемѣщенъ въ Пермь, на должность директора училищъ Пермской губерніи, гдѣ и служилъ до 13-го марта 1837 г. Во время шестилѣтней пермской службы, Антроповъ также совершилъ нѣсколько служебныхъ поѣздокъ: въ 1832 г.—въ Соликамскъ и Чердынь, въ 1833 г.—въ Кунгуръ, Екатеринбургъ, Шадринскъ, Ирбитъ и Верхотурье, въ 1834 г.—снова въ Соликамскъ и Чердынь, а въ 1835 г.—въ зауральскіе города. Сверхъ своихъ обязанностей директора, онъ несъ званіе попечителя пермской публичной библіотеки и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Пермскаго училища дѣтей канцелярскихъ служителей. 13-го марта 1837 г. Антроповъ былъ назначенъ инспекторомъ казенныхъ училищъ Казанскаго округа и въ этой должности пробылъ 18 лѣтъ. Вскорѣ послѣ того гимназіи и училища были изъяты изъ вѣдѣнія университета и ввѣрены непосредственному надзору попечителя. Антроповъ ежегодно осматривалъ по нѣскольку учебныхъ заведеній въ разныхъ губерніяхъ. Отчеты по этимъ обозрѣніямъ, имъ составленные, заключаютъ въ себѣ самыя подробныя свѣдѣнія какъ о порядкѣ управленія, такъ и о состояніи всѣхъ частей: учебной, нравственной и хозяйственной, и предположенія о мѣрахъ къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ. По порученію управлявшаго округомъ, Антроповъ составилъ „краткое наставленіе для содержанія въ порядкѣ дѣлопроизводства", которое и было принято съ 1847 г. въ руководство по всѣмъ заведеніямъ Казанскаго учебнаго округа, и напечатано въ „Начальственныхъ распоряженіяхъ по Казанскому округу" (1846 г., кн. VI). Составленіе ежегодныхъ отчетовъ о состояніи учебнаго округа входило также въ кругъ занятій его. Отчеты эти печатались въ „Начальственныхъ распоряженіяхъ", редакція которыхъ принадлежала ему же. По порученію начальства, Антроповымъ былъ составленъ, напечатанный въ 1844 г., отчетъ Казанскаго учебнаго округа за 17 лѣтъ, съ 1827 г. по 1-е января 1844 г., по управленію бывшаго попечителя этого округа—Мусина-Пушкина. Сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, Антроповъ получалъ и другія назначенія и порученія. Такъ, въ 1839 г. онъ былъ назначенъ членомъ утвержденнаго въ то время при университетѣ, комитета для испытанія кандидатовъ учительства; въ 1842 г.—членомъ учрежденнаго при университетѣ строительнаго комитета, и исправлялъ эту должность до 1848 г., а съ 27-го апрѣля по 1-е августа 1849 г., по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, находился въ командировкѣ для завѣдыванія Нижегородскимъ дворянскимъ институтомъ. 12-го ноября 1855 г. Антроповъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, обязанности котораго собственно исполнялъ за всѣ 18 лѣтъ службы инспекторомъ училищъ. Хорошо знакомый съ потребностями заведеній округа, Антроповъ съ новымъ одушевленіемъ къ дѣлу просвѣщенія вступилъ въ непосредственное отношеніе къ университету и старался вполнѣ ознакомиться съ ходомъ и духомъ преподаванія въ немъ наукъ, посѣщая для этого профессорскія лекціи.

«Каз. Губ. Вѣд.» за 1857 г., № 41, 8 октября. Упоминается въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгауза-Ефрона, полутомъ 2, стр. 867.

Антроповъ, *Лука Николаевичъ*, драматическій писатель, род. въ С.-Петербургѣ 16-го октября 1843 года, ум. 14-го сентября 1881 г., въ Москвѣ. По окончаніи въ 1863 г. курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ первымъ кандидатомъ юридическаго факультета (по административному разряду), онъ сталъ сотрудничать въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (подъ редакціей П. Д. Боборыкина), гдѣ помѣстилъ въ 1865 г. нѣсколько критическихъ и театральныхъ замѣтокъ („Госпожа Брошель“, „Повѣсти Н. Дмитріева“, „Спектакль любителей съ участіемъ г. Васильева“, „Современная русская сатирическая журналистика“, №№ 1—3). Затѣмъ, Антроповъ получилъ мѣсто въ канцеляріи виленскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана, причемъ исправлялъ должность дѣлопроизводителя въ комитетѣ по дѣламъ римско-католической церкви. Со вступленіемъ въ должность генералъ-губернатора А. Л. Потапова, онъ покинулъ службу въ Вильнѣ. Дальнѣйшія біографическія свѣдѣнія объ Антроповѣ очень скудны: извѣстно только, что въ послѣдніе годы своей жизни, женатый и имѣвшій дѣтей, онъ служилъ смотрителемъ желѣзнодорожнаго училища въ Либавѣ. Въ 1869 г., въ „Зарѣ“ появлялись „Театральныя замѣтки“ Антропова (№№ 1, 2 и 5) и напечатанъ разборъ романа Гончарова „Обрывъ“ (№ 11); въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ 1872 г., № 9, помѣщенъ разборъ повѣсти Тургенева „Вешнія воды“; затѣмъ въ „Русской Рѣчи“ 1881 г. № 4, напечатана статья Антропова „Русскіе раскольники и англійскіе диссиденты“. Извѣстность Антропова, какъ драматическаго писателя, основывается, главнымъ образомъ, на 5-ти-актной комедіи „Блуждающіе огни“, литературно-написанной и не лишенной сценическихъ эффектовъ. Эта пьеса представлена была въ первый разъ въ Москвѣ, на сценѣ Императорскаго Малаго театра, 6-го декабря 1873 г., въ бенефисъ Г. Н. Өедотовой. Въ Петербургѣ, весною 1874 г., въ ней съ большимъ успѣхомъ дебютировала передъ столичною публикою, на сценѣ Благороднаго собранія, М. Г. Савина, получившая затѣмъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ и принятая послѣ того на Императорскую сцену. Второе и послѣднее изъ появившихся въ Александринскомъ театрѣ (въ 1878 г.) произведеній Антропова — „Ванька-Ключникъ“, драматическій эскизъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ, особеннаго успѣха не имѣло. Кромѣ этихъ двухъ пьесъ, Антроповъ написалъ двѣ комедіи въ 3-хъ дѣйствіяхъ каждая: „Гордое сердце“ и „Очаровательный сонъ“. Комедіи эти ставились только на провинціальныхъ клубныхъ и любительскихъ сценахъ. Всѣ драматическія произведенія Антропова имѣются только въ литографированномъ видѣ, съ цензурными помѣтами 1877 и 1878 гг.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ писателей, умершихъ въ 1881 г.», стр. 6. — «Историч. Вѣстникъ» 1884 г., № 3, стр. 516—518 («Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи» П. Н. Захарьина). — «Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія», стр. CXVI (приложенія). — «Голосъ Москвы» 1885 г., № 50 («Памяти Н. Н. Воскобойникова», статья г. Шолковича). — А. И. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1855 до начала 1881 года», стр. 53, 55, 58, 66 и 78 (гдѣ говорится, что съ 1874 по 1881 годъ обѣ пьесы Антропова — «Блуждающіе огни» и «Ванька-Ключникъ» выдержали 22 представленія). — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. Словарь», т. I, стр. 689 (невѣрно указаны годъ смерти и родъ занятій въ желѣзнодорожномъ училищѣ). — Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. Словарь», полут. II, стр. 867 (невѣрно указанъ годъ смерти; невѣрно заглавіе «Блуждающіе *огоньки*» и годъ въ скобкахъ - *1878*; невѣрно, что всѣ пьесы игрались только на любительскихъ сценахъ).

Ануфрій, монахъ-раскольникъ, принадлежавшій къ поморской сектѣ, род. въ 1738 г., ум. послѣ 1829 г., происходилъ изъ дворянъ. Постояннымъ мѣстопребываніемъ его былъ гор. Холмогоры, Архангельской губ. За распространеніе раскола Ануфрій сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ прожилъ въ заточеніи 12 лѣтъ. Въ „Каталогѣ“ Павла Любопытнаго упоминается о нѣсколькихъ сочиненіяхъ Ануфрія, направленныхъ противъ православной церкви. Таково сочиненіе „О таинствѣ брака у никоніанцевъ, и непремѣнномъ расторженіи его въ случаѣ обращенія христіанина-никоніанца къ истинной церкви Христовой“. По поводу посланій монаха Даніила Битюговскаго къ мѣстнымъ пастырямъ и, между прочимъ, Ануфрію, холмогорскому монаху, „страданіемъ за благочестіе увѣнчанному“, послѣднимъ написано 22 отвѣта автору этихъ посланій, озаглавленныхъ: „Двадцать два отвѣта по предметамъ вѣры старовѣрческихъ церквей, на вопросы Даніила монаха свято-Троицкой Сергіевой лавры, бывшаго отличнаго өедосіанца, потомъ горестнаго апоста-

Кромѣ того, Апуфрію принадлежатъ „Двадцать разныхъ посланій о церкви и ея благоустройствѣ къ мѣстнымъ пастырямъ и благочестивымъ мужамъ". Полный списокъ его сочиненій приведенъ у Павла Любопытнаго.

Павелъ Любопытный, «Раскольнич. библіографія. Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви», М. 1861.

Анчутинъ, *Петръ Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1838 г., ум. 22-го марта 1891 г. Получивъ образованіе въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, Анчутинъ съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя военно-педагогической дѣятельности, занявъ въ 1856 г. должность воспитателя во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1875 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Ростовскаго гренадерскаго полка, командуя которымъ принималъ участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг., причемъ въ одномъ изъ сраженій былъ раненъ. Съ окончаніемъ войны Анчутинъ состоялъ для порученій при Московскомъ военномъ округѣ, послѣ чего въ 1879 г. командовалъ гренадерскимъ Несвижскимъ, а въ 1880 г.—1-мъ л.-гв. гренадерскимъ полками. Въ 1881 г., въ чинѣ генералъ-маіора, Анчутинъ возвратился на педагогическое поприще и занялъ должность начальника 2-го Константиновскаго военнаго училища. Съ 1886 г. онъ былъ начальникомъ 3-го Александровскаго и въ 1890 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

«Русс Инв.» 1891 г., № 70.—«Новое Время» 1891 г., № 5412. *Д. С—въ.*

Апарина, *Марѳа Петровна*, ум. 1-го сентября 1800 г. въ Тамбовѣ. Происходила изъ тамбовскихъ дворянъ и большую часть своей жизни провела въ гор. Кирсановѣ. Еще въ дѣтствѣ она обнаруживала склонность къ духовному подвижничеству и въ ранней юности просила мать отпустить ее въ монастырь. Родные воспротивились этому желанію, и Апарина осталась жить дома, но наложила на себя строгій вѣчный постъ, ходила по различнымъ сосѣднимъ обителямъ, занималась дѣлами благотворенія, работала для различныхъ церквей облаченія, и т. п. Послѣ смерти матери Апарина завѣдывала своимъ домомъ и, склонивъ сестру свою къ тому же образу жизни, какой вела сама, стала собирать вокругъ себя женщинъ и дѣвушекъ, желавшихъ проводить жизнь въ постѣ и молитвѣ. Такимъ образомъ, составилась небольшая община, завѣдываніе дѣлами которой Апарина поручила своей сестрѣ, а сама всецѣло отдалась благочестивымъ занятіямъ и хожденіямъ по знаменитымъ обителямъ. Не разъ бывала она въ Тихвинѣ, и Кіевѣ, и въ одно изъ посѣщеній послѣдняго города тайно постриглась въ монахини подъ именемъ Маргариты. Эта тайна раскрылась только тогда, когда послѣ смерти Апариной инокини сосѣдняго монастыря явились для облаченія ея въ монашескія одежды. Не переставая заботиться о кирсановской общинѣ, Апарина ввела въ ней уставъ Саровской пустыни и затѣмъ назначила начальницей умную и распорядительную Татьяну Пахомову (Апарина, по болѣзненности, не могла долго завѣдывать дѣлами общины). Остальную часть жизни Апарина провела отчасти въ Кирсановѣ, отчасти въ Тамбовѣ у брата своего, въ домѣ котораго и скончалась послѣ продолжительной болѣзни. Когда инокини Тамбовскаго Вознесенскаго монастыря, ходившія все время болѣзни за Апариной, стали обмывать покойную, на тѣлѣ ея оказались тяжелыя желѣзныя вериги, которыя она носила уже давно, и желѣзный крестъ, оставленный на память въ кирсановской общинѣ. Кирсановская община въ 1849 г. преобразована въ женскій монастырь, подъ именемъ Тихвино-Богородицкаго, и въ такомъ видѣ существуетъ до сихъ поръ.

И. Сладкопѣвцевъ, «Марѳа Петровна Апарина» («Странникъ», 1861 г., декабрь, стр. 199—209).— Н. Григоровичъ, «Обзоръ учрежденія въ Россіи православныхъ монастырей, со времени введенія штатовъ по духовному вѣдомству», стр. 81—84.

Аполлинарій, епископъ чигиринскій, викарій кіевской епархіи, до постриженія Алексѣй Ѳеодоровичъ *Вигилянскій*, род. около 1795 г. въ селѣ Михайловой Сторонѣ, Суздальскаго уѣзда, Владимірской губ., сынъ священника, ум. 10-го января 1858 г. По окончаніи курса въ 1818 г. во Владимірской семинаріи, поступилъ въ Московскую духовную академію, изъ которой вышелъ въ 1822 г. со степенью кандидата богословія и назначенъ преподавателемъ Оренбургской семинаріи, находившейся въ то время въ г. Уфѣ. 23-го октября 1824 г. Вигилянскій постригся въ монашество, 26-го октября рукоположенъ во іеродіакона, а 27-го декабря

того же года во іеромонаха. Въ 1827 г. онъ назначенъ въ Уфимскій Успенскій монастырь настоятелемъ и 6-го декабря возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1828 г. Аполлинарій назначенъ на должность ректора Оренбургской (въ Уфѣ) семинаріи, въ сентябрѣ того же года переведенъ ректоромъ въ Рязанскую семинарію съ назначеніемъ настоятелемъ Рязанскаго Спасскаго монастыря, а въ іюлѣ 1829 г.—на должность ректора въ новооткрытую Олонецкую семинарію. Въ 1830 г. Аполлинарій переведенъ настоятелемъ въ Перемышльскій Троицкій монастырь, калужской епархіи, въ 1834 г. назначенъ на должность ректора Астраханской семинаріи и настоятеля Астраханскаго Спасопреображенскаго монастыря. Въ 1843 г., по прошенію, Аполлинарій уволенъ Св. Синодомъ отъ должности наставника богословія съ оставленіемъ ректорскихъ обязанностей. Въ маѣ 1844 г. онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія. 7-го іюня 1845 г. назначенный епископомъ чигиринскимъ, Аполлинарій, по случаю частой и тяжкой болѣзни тогдашняго кіевскаго митрополита Филарета (Амфитеатрова), перѣдко управлялъ всѣми епархіальными дѣлами.

Дѣла архива Св. Синода.

Аполлосъ (*Алексѣевскій* или *Алексѣевъ*), архимандритъ Московскаго Новоспасскаго монастыря, сынъ священника, род. въ Малороссіи въ 1778 г., ум. въ 1859 г. Образованіе получилъ въ Новгородъ-сѣверской, Черниговской и Александро-Невской семинаріяхъ. 21-го марта 1803 г. постригся въ монашество съ именемъ Аполлоса и состоялъ въ Тихвинскомъ училищѣ инспекторомъ и учителемъ по разнымъ предметамъ. 6-го апрѣля 1803 г. рукоположенъ во іеродіакона, 13-го января 1804 г. — въ іеромонаха, а 17-го мая 1805 г. возведенъ въ санъ архимандрита Пекинскаго Срѣтенскаго монастыря и отправленъ въ китайскую миссію, но не доѣхавъ до Пекина, остался въ Иркутскѣ. Съ 1807 г. онъ былъ учителемъ богословія въ Иркутской семинаріи, съ 1808 г. настоятелемъ Иркутскаго Вознесенскаго монастыря, и присутствующимъ въ консисторіи а съ 11-го августа 1811 г. — ректоромъ семинаріи. Дѣятельность архимандрита Аполлоса, какъ обновителя Иркутскаго монастыря, украсившаго его церквами, келіями и гостинницами, скоро обратила вниманіе духовнаго начальства, и 29-го сентября 1813 г. Аполлосъ былъ перемѣщенъ въ Ярославскій Толгскій монастырь и назначенъ ректоромъ ярославскихъ училищъ, цензоромъ проповѣдей и присутствующимъ въ консисторіи. Съ 18-го декабря 1816 г. Аполлосъ былъ настоятелемъ Московскаго Знаменскаго, и ректоромъ Заиконоспасскаго духовнаго училища, съ 20-го декабря 1817 г.—Богоявленскаго, съ 9-го февраля 1821 г.—Воскресенскаго Новоіерусалимскаго и съ 19-го февраля 1837 г.—Новоспасскаго монастырей. Въ то же время Аполлосъ присутствовалъ въ консисторіи, былъ благочиннымъ монастырей и ректоромъ московскихъ училищъ. Въ мартѣ 1851 г. онъ по старости уволенъ на покой въ Ростовскій Спасо-Яковлевскій монастырь, гдѣ и скончался. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: „Начертаніе житія и дѣяній патріарха Никона", М. 1836, 1839 и 1852 г.; „Софійскій Новгородскій соборъ", М. 1847 г.; „Всероссійскіе патріархи", М. 1848 г.; „Собраніе поучительныхъ словъ", М. 1850 г.

Чистовичъ, «Ист. Спб. дух. акад.», стр. 150.— Филаретъ, «Обзоръ дух. литер.», стр. 470.—Дѣла архива Св. Синода 1811 г. № 428; 1813 г. №№ 289 и 620; 1814 г. № 131; 1816 г. №№ 636, 788 и 1045; 1818 г. № 487; 1819 г. №№ 929 и 1006; 1821 г. №№ 182, 184 и 865; 1825 г. №№ 17, 5[illegible] и 1348.

Аполлосъ, епископъ архангелогородскій, до постриженія Андрей *Байбаковъ*, род. въ 1745 г. въ Малороссіи, ум. 14-го мая 1801 г. Съ 1759 до 1767 г. учился въ Московской славяно-греко-латинской академіи, а затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ на философскій факультетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1770 г. и поступилъ на должность корректора при университетской типографіи. Въ 1772 г. опредѣленъ учителемъ поэзіи въ Московскую славяно-греко-латинскую академію, въ 1774 г., принявъ монашество, переведенъ на классъ реторики и назначенъ катехизаторомъ. Въ апрѣлѣ 1775 г. Аполлосъ опредѣленъ ректоромъ Троицкой семинаріи и въ 1782—1783 г. исправлялъ должность намѣстника Троицкой лавры. 17-го декабря 1783 г. Аполлосъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ Московской академіи. Въ декабрѣ 1785 г. онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣдыванія слова Божія, а въ 1786 г. переведенъ настоятелемъ Воскресенскаго мона-

стыря, называемаго Новымъ Іерусалимомъ. Съ 1788 г. епископъ орловскій и сѣвскій, Аполлосъ въ 1798 г. переведенъ на архангелогородскую каѳедру, гдѣ и скончался. Аполлосъ принадлежалъ къ славной плеядѣ выдающихся учениковъ знаменитаго митрополита московскаго Платона и былъ извѣстенъ въ свое время, какъ хорошій проповѣдникъ. Изъ его многочисленныхъ трудовъ — переводныхъ, проповѣдническихъ, богословскихъ, экзегетическихъ, „піитическихъ", по теоріи словесности и русскаго языка, педагогики, статистики и проч., наиболѣе извѣстны были: „Правила піитическія россійскаго и латинскаго стихотворенія, собранныя изъ разныхъ мѣстъ" (первое изданіе въ 1774 г., десятое — въ 1826 г.), служившія болѣе полувѣка учебникомъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ 4-му и послѣдующимъ изданіямъ этой книги приложенъ „Словарь піитикоисторическихъ примѣчаній" вмѣстѣ съ „Овидіянскими превращеніями и при концѣ отборными Публія Виргилія Марона стихами". „Піитическія" произведенія Аполлоса, кромѣ трагедіи въ прозѣ „Іеѳѳай", имѣютъ по существу научный характеръ, и только по формѣ—беллетристическій или стихотворный. Среди богословскихъ произведеній Аполлоса можно отмѣтить сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Натура и благодать, или нѣкоторыя существенныя разнствія между чувствованіями натуральнаго человѣка и духовнаго въ разсужденіи вѣчнаго спасенія" (Москва, 1785 г.), равно какъ „Христіанскій календарь на лѣто отъ Р. Хр. 1784 съ присовокупленіемъ нужныхъ разсужденій для чтенія на каждый день, наставленія, какъ читать Св. Писаніе и многихъ весьма любопытныхъ извѣстій". Въ 1786 г. Россійская Академія Наукъ единогласно избрала Аполлоса своимъ членомъ.

Митр. Евгеній, «Словарь писателей духовнаго чина», стр. 43—47 (здѣсь полный перечень трудовъ Аполлоса).—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 382.—М. И. Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Академіи», т. I, стр. 198—220. — С. А. Венгеровъ, «Крит.-біогр. словарь», т. I, стр. 699—703.—Дѣла архива Св. Синода.

Аполлосъ, архіепископъ вятскій, до постриженія Іоаннъ *Бѣляевъ*, род. около 1812 г., въ селѣ Волоховѣ, Александровскаго у., Владимірской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ, ум. 27-го ноября 1885 г. Поступивъ въ 1835 г. изъ Владимірской семинаріи въ Кіевскую духовную академію, онъ, во время прохожденія академическаго курса, 25 сентября 1838 г., постригся въ монашество; по окончаніи курса, въ 1839 г. со степенью магистра богословія, рукоположенъ во іеромонаха, въ сентябрѣ назначенъ преподавателемъ въ Орловскую семинарію, а въ октябрѣ переведенъ въ Тверскую и въ сентябрѣ 1841 г. во Владимірскую, гдѣ преподавалъ богословскія науки. Въ 1845 г. Аполлосъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Кіевопечерской лавры; въ 1847 г. переведенъ на должность инспектора и преподавателя въ Астраханскую семинарію; въ 1849 г. назначенъ настоятелемъ Астраханскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря; 9 ноября 1851 г. возведенъ въ санъ архимандрита; 21 февраля 1854 г. получилъ должность ректора Астраханской семинаріи съ назначеніемъ настоятелемъ Астраханскаго Спасопреображенскаго монастыря, а въ іюнѣ 1856 г. перемѣщенъ на должность ректора Псковской семинаріи и настоятеля Псково-Печерскаго Успенскаго монастыря. Въ 1859 г. Аполлосъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣдыванія слова Божія. 16 февраля 1864 г. хиротонисанъ во епископа старорусскаго, викарія новгородскаго; 22 февраля 1866 г. переименованъ во епископа ладожскаго, викарія с.-петербургской епархіи, а 13 декабря 1866 г. назначенъ епископомъ вятскимъ и слободскимъ. Здѣсь въ 1877 г. его заботами открыта при каѳедральномъ Вятскомъ соборѣ епархіальная библіотека. Съ 15 іюня 1879 г. по 11 мая 1880 г. Аполлосъ присутствовалъ въ Св. Синодѣ и возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1885 г. вслѣдствіе болѣзни уволенъ по прошенію на покой въ Слободскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ скончался и погребенъ. Изъ печатныхъ трудовъ Аполлоса извѣстны: „Слова на церковные праздники", Псковъ, 1857 г., „Псково-Печерскій монастырь и Псково-Печерскаго монастыря іеромонахъ Лазарь", Новгородъ, 1864 г.; „Пастырскія наставленія", Спб., 1867 г. Кромѣ того, имъ же составлены описанія астраханскихъ Іоанно-Предтечевскаго, Покрово Болдинскаго и Благовѣщенскаго монастырей.

Дѣла архива Св. Синода.

Аполлосъ (*Терешкевичъ*), епископъ слободско-украинскій, родомъ изъ Мало-

россіи, ум. 20 января 1817 г. Обучался въ Кіевской духовной академіи и службу началъ учителемъ въ Новгородской семинаріи. Въ 1786 г. постригся въ монахи, а въ 1786 г. опредѣленъ игуменомъ Александро-Ошевенскаго монастыря, олонецкой епархіи. Въ 1787 и 1788 годахъ былъ іеромонахомъ россійскаго флота въ иностранныхъ государствахъ, имѣя подъ начальствомъ флотскихъ священнослужителей. Въ 1790 г. Аполлосъ назначенъ ректоромъ Архангельской семинаріи и архимандритомъ Сійскаго Антоніева монастыря; 9 марта 1803 г. перемѣщенъ настоятелемъ Курскаго Знаменскаго монастыря; 14 октября 1813 г. хиротонисанъ во епископа слободско-украинскаго. Послѣ его смерти довольно богатая библіотека его поступила въ Ростовскую семинарію.

Дѣла архива Св. Синода. — «Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», Спб., 1896 г., стр. 22. — «Душ. Чт.» 1888 г., XII. — С. Венгеровъ, «Крит. біогр. словарь», т. I, стр. 704.

Апостолъ, *Даніилъ Павловичъ* гетманъ малороссійскій, род. 4 дек. 1654 г., ум. 17-го января 1734 г. Оставшись послѣ смерти отца, миргородскаго полковника, десятилѣтнимъ мальчикомъ, Апостолъ былъ выбранъ въ преемники ему, а за малолѣтствомъ его полкомъ управлялъ Дубяга. Въ 1683 г. Апостолъ самъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и былъ приверженцемъ Самойловича, за что́ Мазепа сталъ преслѣдовать его. Но вскорѣ Апостолъ сблизился съ Мазепой и пользовался у него большимъ значеніемъ. Въ 1693 г. Апостолъ посланъ былъ противъ Петрика, грабившаго съ крымцами Украйну, разбилъ его на Ингулѣ и затѣмъ еще 3 года успѣшно боролся съ татарами, а въ 1696 г., вмѣстѣ съ гадячскимъ полковникомъ Боруховичемъ, разбилъ крымскаго хана при Соколкѣ на Ворсклѣ. Въ слѣдующемъ году Мазепа, отправляясь въ новозавоеванныя татарскія крѣпости, оставилъ Апостола наказнымъ гетманомъ. Въ 1700 г. Апостолъ отправленъ былъ на шведскую границу, гдѣ, по смерти наказнаго гетмана Обидовскаго принялъ его званіе, въ слѣдующемъ году ходилъ съ Шереметевымъ въ Лифляндію и участвовалъ въ побѣдѣ при Эремаферѣ, затѣмъ вернулся въ Малороссію. Въ 1704 г. Апостолъ съ 3.000 казаковъ посланъ былъ въ Польшу на помощь Августу и не разъ разбивалъ тамъ шведскіе отряды. Такъ, онъ разсѣялъ отрядъ въ 760 человѣкъ, причемъ взялъ 300 шведовъ въ плѣнъ, а затѣмъ, способствовалъ изгнанію изъ Варшавы генерала Горна. Вскорѣ, недовольный строгимъ обращеніемъ Паткуля, Апостолъ самовольно ушелъ въ Малороссію. Въ 1706 г. онъ былъ посланъ на выручку Мировича, осажденнаго шведами въ Ляховичахъ, но не поспѣлъ во время и былъ разбитъ подъ Клецкомъ. Узнавъ про намѣренія Мазепы передаться Карлу XII и недовольный реформами Петра въ Малороссіи, Апостолъ присоединился къ планамъ гетмана. Въ виду этого Мазепа еще тѣснѣе сблизился съ нимъ, и, когда Апостолъ былъ запутанъ въ дѣло Кочубея и Искры, гетманъ постарался выгородить его и такъ писалъ о немъ Петру: „Апостолъ человѣкъ отъ отца заслуженный въ войнѣ, воинъ добрый, изъ всѣхъ полковниковъ старѣйшій, давнѣйшій, знатный, заслужившій честь и любовь отъ всѣхъ полковъ“. Сильно замѣшанный впослѣдствіи въ измѣнѣ Мазепы, Апостолъ написалъ поздравленіе новому гетману Скоропадскому и просилъ ходатайствовать за него передъ царемъ. Изворотливость и ловкость помогли Апостолу: съ него не только было снято всякое подозрѣніе, но Петръ далъ еще ему и грамоту (въ мартѣ 1710 г.), по которой за нимъ закрѣплялись всѣ пустоши въ миргородскомъ и черниговскомъ полкахъ, заселенныя имъ. Въ 1722 г. Апостолъ посланъ былъ съ 10.000 казаковъ въ Персію и участвовалъ въ заложеніи крѣпости св. Креста при рѣкѣ Сулакѣ. Черезъ годъ его смѣнилъ кубенскій полковникъ Марковичъ, а самъ Апостолъ посланъ былъ на Коломаку охранять границу отъ татаръ и запорожцевъ. Затѣмъ онъ былъ замѣшанъ въ дѣло Полуботкова и всей украинской старшины, которая протестовала противъ новыхъ порядковъ, вводимыхъ въ Малороссіи Петромъ. Ихъ обвиняли въ притѣсненіи народа и въ томъ, что они останавливали подаваемыя на нихъ жалобы, Апостолъ обвинялся въ томъ, что, будучи въ полкахъ на Коломакѣ, въ челобитной, присланной ему отъ старшины, многое переправилъ и нѣкоторые пункты прибавилъ и, приложа самъ руки, другихъ полковниковъ и полкового старшину прикладывать также заставлялъ. Но и отъ этого обвиненія Апостолъ отдѣлался легко—только на нѣко-

торое время ему велѣно было безвыѣздно жить въ Петербургѣ, куда онъ былъ вызванъ для судебнаго разбирательства. Вскорѣ, впрочемъ, его отпустили въ Миргородъ. 1-го октября 1727 г., на радѣ въ Глуховѣ, въ присутствіи русскаго уполномоченнаго Наумова, Апостолъ былъ выбранъ въ гетманы, а Наумовъ остался при немъ для совѣтовъ, а младшій сынъ Апостола посланъ былъ въ Петербургъ заложникомъ. Къ Петру II послана была благодарственная депутація, да и самъ гетманъ поѣхалъ на коронацію въ Москву, былъ тамъ милостиво принятъ Петромъ и получилъ статьи, которыми возстановлялось прежнее выборное управленіе, свой судъ и войсковой скарбъ и уничтожались подачи, наложенныя малороссійской коллегіей. Въ 1730 г. Апостолъ снова ѣздилъ въ Москву, присутствовалъ при кончинѣ Петра II и выхлопоталъ новыя милости у Анны Іоанновны: число русскихъ полковъ, стоявшихъ въ Малороссіи, сокращено до 6, прощены казаки, измѣнившіе съ Мазепою, а самому гетману, пожалованъ былъ орденъ св. Александра Невскаго и 1.460 крестьянскихъ дворовъ. Во время гетманства Апостола казаки ходили въ Польшу, на помощь Ласси.

«Дневникъ Марковича».—Лазаревскій, «Очерки малороссійскихъ фамилій» («Русскій Архивъ», 1875 г., № 1, стр. 91—94).—Словари: Плюшара, русскихъ ученыхъ и литераторовъ, Брокгауза-Ефрона.

Апочининъ, *Михаилъ Степановичъ*, артиллеріи генералъ-маіоръ, президентъ государственной бергъ-коллегіи, род. въ 1700 г., ум. послѣ 1754 г. Въ службу опредѣленъ въ 1716 г. въ инженерную школу; въ 1723 г. произведенъ въ кондукторы; въ 1726—въ инженерные прапорщики; въ 1728 г. пожалованъ въ квартирмейстеры при инженерномъ корпусѣ и въ томъ же году переведенъ въ инженерную роту капитаномъ-поручикомъ. Въ 1731 году Апочининъ пожалованъ, при артиллеріи, въ оберъ-цейхвалтеры, а съ 1733 года переведенъ въ шталмейстеры. 1737 года, 6-го іюня, по именному указу Императрицы Анны Іоанновны, пожалованъ въ артиллерійскую контору ассесоромъ, въ чинѣ армейскаго подполковника; въ томъ же году, 22-го декабря назначенъ совѣтникомъ, въ чинѣ артиллерійскаго дѣйствительнаго полковника. Съ 22-го ноября 1740 г. Апочининъ въ канцеляріи главной артиллеріи занималъ должность военнаго совѣтника, въ чинѣ дѣйствительнаго бригадира, а въ 1752 г. произведенъ въ артиллеріи генералъ-маіоры. Въ мартѣ 1753 г. Апочининъ назначенъ президентомъ бергъ-коллегіи.

Дѣла Прав. Сената (въ Москвѣ), № $\frac{\text{част. 21}}{\text{общ. 8.122}}$, стр. 385—386, пром. 1754 г., 7-го сентября.

Апраксины (Опраксины) дьячій служилый родъ. Первымъ лицомъ, дѣятельность котораго по документальнымъ свидѣтельствамъ относится къ 1610—1634 гг., былъ дьякъ *Ѳедоръ Апраксинъ*; въ боярскихъ книгахъ онъ значится безъ отчества. Въ грамотѣ польскаго короля Сигизмунда Ш, посланной московской боярской думѣ изъ лагеря подъ Смоленскомъ 21-го сентября 1610 г., дьякъ Ѳедоръ Апраксинъ стоитъ предпослѣднимъ изъ семи дьяковъ, которыми заключенъ списокъ лицъ, подлежавшихъ наградѣ, за вѣрную службу, дворами и окладами. Это не помѣшало Ѳедору Апраксину, по возвращеніи изъ-подъ Смоленска, оставаясь въ Москвѣ, въ 1613 году подписаться, въ спискѣ выборщиковъ на русскій престолъ царя Михаила Ѳедоровича. При немъ Апраксинъ не только не потерялъ мѣсто дьяка, съ пріѣздомъ Филарета Никитича, но, до глубокой старости продолжалъ дьячествовать, скрѣпляя царскія грамоты. Въ 1617 г. Ѳедоръ Апраксинъ былъ первымъ дьякомъ приказа казанскаго дворца, а въ 1634 г. первымъ дьякомъ у боярина Бориса Михайловича Лыкова, царскаго зятя. Потомство Ѳедора Апраксина, умершаго въ 1636 г., неизвѣстно, но онъ, по всей вѣроятности, былъ роднымъ братомъ *Петра Никитича* Апраксина, прародителя существующаго рода графовъ Апраксиныхъ, дворянина московскаго, умершаго въ 1635 г. въ монашествѣ съ именемъ Пимена. Сынъ Петра Никитича, *Василій Петровичъ*, стряпчій при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Съ 1640 г. дворянинъ московскій (ум. въ 1654 г.), отъ брака съ Марѳой Игнатьевной Татищевой (ум. въ 1644 г.) имѣлъ одного только сына, *Матвѣя Васильевича*, бывшаго въ 1658 г. стряпчимъ, а затѣмъ вторымъ воеводою въ Астрахани и умершаго 6-го ноября 1668 г. Его убили въ дорогѣ, въ степи, калмыки и татары, при возвращеніи съ воеводства. Матвѣй Васильевичъ отъ брака съ Домною

Богдановною Ловчиковою, сестрою думныхъ дворянъ, братьевъ Ивана и Степана Ловчиковыхъ, оставилъ четверыхъ дѣтей: сыновей — Петра, Ѳедора и Андрея и дочь Марѳу Матвѣевну (род. въ 1664 г., ум. 31-го декабря 1715 г.), супругу царя Ѳедора Алексѣевича, женившагося уже больнымъ, въ февралѣ 1682 г. и 27-го апрѣля того же года скончавшагося. Вдова его, сохранивъ титулъ царицы и мѣсто въ семьѣ царской, была уважаема Петромъ I, при которомъ братья ея (съ 1686 г.) состояли комнатными стольниками и участвовали во всѣхъ затѣяхъ юнаго Царя-Преобразователя. Старшій изъ Апраксиныхъ, *Петръ Матвѣевичъ* (род. въ 1659 г., ум. 29-го мая 1728 г.) въ 1689 г. возведенъ въ окольничіе. Затѣмъ былъ бояриномъ, а со смерти царицы-сестры — графомъ, имѣя чинъ дѣйств. тайн. сов., званіе сенатора и занимая должность президента юстицъ-коллегіи. *Ѳедоръ Матвѣевичъ* (род. 27-го ноября 1661 г., ум. 10-го ноября 1728 г.), былъ третьимъ въ Россіи генералъ-адмираломъ. Продолжателемъ фамиліи Апраксиныхъ былъ младшій братъ ихъ, *Андрей Матвѣевичъ*, оберъ-шенкъ Петра I и Екатерины I (род. въ 1663 г., съ 1724 г.— графъ, ум. въ 1731 г.). Сынъ его, графъ *Ѳедоръ Андреевичъ* (род. 26-го іюня 1703 г., ум. 2-го ноября 1754 г.), былъ женатъ на внучкѣ перваго русскаго фельдмаршала, графинѣ Александрѣ Михайловнѣ Шереметевой (род. въ 1710 г., ум. въ 1750 г.); при Аннѣ Іоанновнѣ онъ пожалованъ въ камергеры (1733 г.), при Елизаветѣ Петровнѣ (1744 г.) произведенъ въ генералъ-поручики. Старшій сынъ его, *Петръ Ѳедоровичъ*, былъ тоже генералъ-поручикомъ (род. въ 1728 г., ум. въ 1813 г.); онъ отличался въ бояхъ въ семилѣтнюю войну и въ 1765 г. былъ въ Помераніи. Его двоюродные внуки, графы *Александръ* и *Петръ Ивановичи* (отъ второго брата, Александра Ѳедоровича) были сенаторами. Отецъ ихъ генералъ-лейтенантъ, графъ *Иванъ Александровичъ* (род. въ 1756 г., ум. въ 1818 г.), участвовалъ въ турецкой войнѣ при Екатеринѣ II и привезъ Ея Величеству ключи крѣпости Аккерманъ; въ 1796 г. онъ состоялъ генералъ-контролеромъ военной коллегіи. Графъ Александръ Ивановичъ род. 7-го декабря 1782 г., ум. въ іюлѣ 1848 г., а графъ Петръ Ивановичъ, кавалеръ ордена Бѣлаго Орла, род. въ 1784 г., ум. 21-го декабря 1852 г.

«Росс. родосл. книга», 72, стр. 114—21.—«Исторія родовъ русскаго дворянства», стр. 280—2?. «Спр. Энц. Слов.» Края, т. I, стр. 378—381. «Энц. Слов.» т. 5, стр. 167—171.—«Акты Археограф. Экс.», т. Ш, 120, 218, 220, 233, 493. «Собр. Гос. Грамотъ» I, 639; П, 451; Ш, 155, 222 и 486.

Апраксинъ, *Степанъ Степановичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, единственный сынъ фельмаршала Степана Ѳедоровича, род. въ гор. Ригѣ, 13-го іюня 1747 г., ум. въ Москвѣ 8-го февраля 1827 г. 10-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ уже записанъ прапорщикомъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ и, при поступленіи на дѣйствительную службу, въ 1772 г., произведенъ въ капитаны, а пять лѣтъ спустя переведенъ полковникомъ въ Кіевскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ въ крымскихъ походахъ генераловъ, графа Де-Бальмена, Игельстрома и Потемкина. Въ 1783 г., въ чинѣ бригадира, Апраксинъ опредѣленъ въ Астраханскій 20 драгунскій полкъ на Кавказѣ, гдѣ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, особенно отличился въ битвѣ съ чеченцами на Сунжѣ (7-го и 8-го іюля 1785 г.) и при пораженіи закубанскихъ горцевъ (2-го декабря 1785 г.), за что пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. 12-го февраля 1786 г. Апраксинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Астраханскаго драгунскаго полка. Въ 1788 г. онъ находился при осадѣ Очакова и неоднократно участвовалъ въ отраженіи непріятельскихъ вылазокъ; въ 1793 г. произведенъ въ генералъ-поручики; въ 1794 г. участвовалъ въ походѣ противъ польскихъ конфедератовъ и въ 1796 г. командовалъ корпусомъ войскъ, расположенныхъ на турецкой и австрійской границахъ. Произведенный 12-го марта 1798 г., въ генералы-отъ-кавалеріи, Апраксинъ, въ декабрѣ того же года, былъ уволенъ за болѣзнію, въ отставку, но при вступленіи на престолъ Александра I-го снова поступилъ на службу и былъ назначенъ сначала инспекторомъ кавалеріи московской и смоленской инспекціи, а затѣмъ, въ 1803 г., на должность военнаго губернатора города Смоленска. Въ 1807 г., по Высочайшему повелѣнію, на Апраксина было возложено сформированіе 16-ой дивизіи, съ которою онъ находился въ походѣ на Дунай до апрѣля 1808 г. Въ 1809 г.

Апраксинъ вторично вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ, доживая дни, славился широкимъ гостепріимствомъ и пышностью, поддерживая въ полномъ смыслѣ достоинство русскаго вельможи. Жена его, Екатерина Владиміровна, рожденная княжна Голицына, числилась кавалерственною дамою ордена св. Екатерины меньшаго креста и въ званіи статсъ-дамы состояла гофмейстериною Великой Княгини Елены Павловны. Апраксинъ имѣлъ двухъ дочерей и сына Владиміра (род. въ 1796 г., ум. въ 1833 г.), который Высочайшимъ указомъ 25-го марта 1817 г. назначенъ флигель-адъютантомъ въ „признательность за отличную службу" дядей его генерала-отъ-кавалеріи князя Голицына и генералъ-адъютанта графа Строганова.

Послужной списокъ, хранящ. въ общемъ архивѣ Главн. Штаба.—К. Бороздинъ. «Опытъ историческаго родословія Апраксиныхъ», Спб., 1841 г. «Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ завед.» 1843 г. № 159, стр. 411.—«Дамскій журналъ» 1827 г. № 5, стр. 230.—«Душеполезное Чтеніе», 1867 г., ч. I, № 4. стр. 169—170.—«Справочный энциклоп. словарь» А. Старчевскаго.

Д. С—въ.

Апраксинъ, *Степанъ Ѳедоровичъ*, генералъ-фельдмаршалъ, род. 30-го іюля 1702 г., ум. 6-го августа 1758 г. Происходилъ изъ стариннаго рода дворянъ Апраксиныхъ, родоначальникъ коихъ, Матвѣй Андреевичъ *Опраксинъ* поступилъ на службу къ великому князю Іоанну III Васильевичу въ XV столѣтіи. Праправнукъ Матвѣя Андреевича, Никита Ивановичъ Апраксинъ имѣлъ трехъ сыновей: Василія, Ивана и Ѳедора; внукъ же старшаго изъ нихъ Василія, *Ѳедоръ Карповичъ*, стольникъ, женился на Еленѣ Леонтьевнѣ Кокошкиной и отъ этого брака родился сынъ *Степанъ*. Лишившись въ младенчествѣ отца, онъ воспитывался у своего родственника, Петра Апраксина, а по обычаю дворянъ того времени началъ службу рядовымъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку. Въ царствованіе Императора Петра II состоялъ въ чинѣ капитана, а въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны въ 1734 году произведенъ въ секундъ-маіоры, съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, съ которымъ въ 1737 году участвовалъ въ турецкой кампаніи, подъ начальствомъ Миниха. За отличіе при штурмѣ Очакова получилъ чинъ премьеръ-маіора и помѣстья. Въ 1739 году произведенъ въ генералъ-маіоры съ повелѣніемъ оставаться дежурнымъ при фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ. 10-го сентября того же года привезъ въ С.-Петербургъ извѣстіе о взятіи Хотина. Получилъ тогда же орденъ св. Александра Невскаго. По прекращеніи войны противъ турокъ Апраксинъ былъ назначенъ начальникомъ войскъ (5 пѣхотныхъ и 6 драгунскихъ полковъ), расположенныхъ въ Астраханской губерніи, близъ тогдашней границы Россіи съ Персіею, а въ 1741 году встрѣтилъ на границѣ посольство Токмасъ-Кули-Хана. Въ томъ же году, послѣ переворота, совершоннаго Минихомъ въ пользу правительницы Анны Леопольдовны, Апраксину были пожалованы богатыя помѣстья. Въ 1742 году онъ былъ отправленъ посланникомъ въ Персію, а по возвращеніи оттуда продолжалъ службу генералъ-кригсъ-коммисаромъ и вице-президентомъ военной коллегіи, при чемъ 25-го іюля того же года пожалованъ подполковникомъ гвардіи (Семеновскаго полка) и генералъ-лейтенантомъ арміи, въ 1746 году генералъ-аншефомъ, въ 1751 году кавалеромъ ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго, а 5-го сентября 1756 года произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Возвышенію его содѣйствовало не столько отдаленное родство съ графами Апраксиными, Петромъ и Ѳедоромъ Матвѣевичами и ихъ покровительство, сколько женитьба на дочери канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина, Настасьѣ Гавріиловнѣ Головкиной, а затѣмъ дружескія связи съ графомъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ и особенно съ графами А. Гр. Разумовскимъ и братьями Шуваловыми. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію, что Апраксинъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ Императрицы Елизаветы Петровны. Это благоволеніе распространилось и на вторую супругу фельдмаршала Агриппину Леонтьевну, дочь генералъ-поручика Леонтія Яковлевича Соймонова, пожалованную въ статсъ-дамы 26-го октября 1756 года, при отправленіи Апраксина въ Ригу для принятія начальства надъ арміею, назначаемою для операцій противъ Пруссіи; самому же Апраксину были пожалованы тогда драгоцѣнный соболій мѣхъ съ богатою парчею и серебряный сервизъ въ 18 пудовъ.

Извѣстный исторіографъ прошлаго столѣтія князь М. М. Щербатовъ характеризуетъ его въ слѣдующихъ словахъ: „Степанъ

Θедоровичъ Апраксинъ, человѣкъ благодѣтельный и добраго расположенія сердца, по малознающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ и честолюбивъ, а къ тому хотя и не былъ пьяница, но не отрекался иногда въ излишность сію впадать...“; „всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоялъ въ походѣ, когда онъ командовалъ россійскою арміею противу прусскаго короля, всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія возможно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошью, при звукѣ оружій и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богатоубранныхъ лошадей...“ „Человѣкъ пышный и роскошный, помнится мнѣ, до конца жизни своей на фаянсѣ ѣдалъ, довольствуяся имѣть чаши серебряныя, и я слыхалъ... что онъ первый изъ собственныхъ своихъ денегъ сдѣлалъ себѣ сервизъ серебряный“.

Сопоставляя эту характеристику съ отзывами князя Щербатова о другихъ дѣятеляхъ того времени, не трудно видѣть, что Апраксинъ, конечно, имѣлъ недостатки, но эти недостатки встрѣчались, и притомъ весьма часто, у многихъ его современниковъ и, къ тому же, проявлялись въ гораздо болѣе острой формѣ и въ гораздо большихъ размѣрахъ; въ то же время у Апраксина оказываются достоинства, которыхъ не было у большинства его современниковъ, характеризуемыхъ княземъ Щербатовымъ. Въ общемъ, принимая во вниманіе всю предъидущую безукоризненную службу Апраксина, должно признать, что выборъ, сдѣланный Императрицею Елизаветою, назначившею его главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, не былъ неудаченъ. Чтобы это доказать, необходимо выяснить, прежде всего, условія обстановки, при которой приходилось дѣйствовать злополучному фельдмаршалу, т.-е. въ какія условія стратегія въ его лицѣ была поставлена политикою, а равно и администраціею.

Положеніе русскихъ полководцевъ было стѣснено образованной въ январѣ 1756 г. при Высочайшемъ дворѣ *конференціей*, членами коей, кромѣ канцлера А. П. Бестужева, были назначены: князь Трубецкой, Бутурлинъ, Воронцовъ и графы П. и А. Шуваловы. Основанія къ образованію этой конференціи были выработаны канцлеромъ, который находилъ, что „съ потребною скоростью и силою управлять и двигать такую махину, каковъ есть корпусъ въ 55.000 человѣкъ, удовольствительное онаго содержаніе, предпріемлемыя имъ (войскомъ) операціи и множество сопряженныхъ съ тѣмъ околичностей“ съ полнымъ удобствомъ могутъ быть разрѣшены только „коммиссіею“ подъ личнымъ руководствомъ Императрицы.

Канцлеръ Бестужевъ получилъ въ 1755 году отъ своихъ заграничныхъ агентовъ новѣйшія свѣдѣнія о составѣ и реорганизаціи вооруженныхъ силъ важнѣйшихъ европейскихъ державъ; эти данныя сводились къ тому, что по численности войскъ первое мѣсто принадлежало Россіи. Такъ какъ онъ считался фельдмаршаломъ, т[о] долженъ былъ понимать, что это превосходство недостаточно и что обстановка настоятельно требовала скорѣйшаго развертыванія на предполагаемомъ театрѣ военныхъ дѣйствій достаточно сильной арміи, само собою разумѣется, правильно организованной и снабженной всѣмъ необходимымъ. Между тѣмъ, реформы п[о] военному вѣдомству были предприняты лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до захвата Фридрихомъ Саксоніи, т.-е. весьма несвоевременно; отвѣтственность за это, конечно, ложится, главнымъ образомъ, на самого Бестужева. Такимъ образомъ Апраксинъ былъ стѣсненъ вмѣшательствомъ въ сферу его дѣятельности конференціи. Организація арміи представляла также не мало трудностей для успѣшнаго ея дѣйствія.

Принятый у насъ порядокъ комплектованія арміи (посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, тогда какъ въ Западной Европѣ примѣнялись въ большей или меньшей степени вербовки) составлялъ, конечно, сильную ея сторону, сообщая ей національный характеръ. Однако, армія Апраксина выступила въ походъ, имѣя некомплектъ въ 12.000 человѣкъ, пополненный лишь къ августу 1757 года. Ремонтированіе лошадьми къ 1756 году производилось по распоряженію командировъ частей, а обозный сортъ для всей арміи поставлялся населеніемъ (с[ъ] уплатою за взятыхъ лошадей небольшой суммы). Вслѣдствіе реформъ, предпринятыхъ въ конницѣ въ началѣ 1756 года, потребовался отъ населенія великороссій-

скихъ губерній значительный запасъ верховыхъ лошадей, но подобнаго запаса не оказалось. Сверхъ того, неблагопріятное время года, недостатокъ путей сообщенія, несовершенство законовъ, опредѣлявшихъ сборъ лошадей съ населенія,—все это губительно повліяло на перемѣну конскаго состава нашихъ драгунъ, конно-гренадеръ и кирасиръ, вошедшихъ въ составъ арміи Апраксина. При этихъ условіяхъ лошади, все-таки собранныя отъ населенія и доставленныя въ армію къ іюлю 1757 г., не только не принесли нашей конницѣ большой пользы, но, требуя значительнаго количества фуража, были тяжелою обузою въ походъ Апраксина въ Пруссію.

Послѣ Петра I въ организаціи нашей пѣхоты установилась крайне нецѣлесообразная особенность, сводившаяся къ тому, что „при начатіи кампаніи всегда гренадерскія роты, отбираясь отъ полковъ, бывали въ особливые полки совокупляемы и тогда къ нимъ опредѣлялись временные же полковые командиры и другіе штабъ-офицеры“. Въ 1756 г. невыгоды формированія новыхъ частей передъ войною были сознаны; тѣмъ не менѣе, въ началѣ того же года, приступили къ формированію четырехъ новыхъ гренадерскихъ полковъ изъ третьихъ гренадерскихъ ротъ всѣхъ полковъ арміи, при чемъ, въ видахъ „скорѣйшаго тѣхъ полковъ учрежденія“, было признано необходимымъ взять гренадеръ изъ полковъ дивизіи гр. П. И. Шувалова (изъ Лифляндіи и Эстляндіи). Вслѣдствіе этого полки будущей дѣйствующей арміи, за нѣсколько лишь мѣсяцевъ до похода, должны были выдѣлить отъ себя по 200—300 человѣкъ, выбирая „лучшихъ“, а третьи гренадерскія роты полковъ, расположенныхъ внутри Россіи, были назначены для укомплектованія мушкетерскихъ полковъ, находившихся въ Остзейскомъ краѣ. Эти переформированія повлекли за собою перетасовку во всѣхъ пѣхотныхъ полкахъ. Кромѣ того, въ виду формированія запаснаго или обсерваціоннаго корпуса графа Шувалова, было взято по 420 человѣкъ отъ каждаго полка, расположеннаго внутри Россіи, а недостающее число людей изъ гарнизоновъ, ландмилиціи и даже изъ драгунъ. Все это очень ослабило составъ войскъ, и безъ того имѣвшихъ значительный некомплектъ. Въ арміи Апраксина этотъ некомплектъ доходилъ, по меньшей мѣрѣ, до 9.000 однихъ только строевыхъ. Это обстоятельство крайне безпокоило фельдмаршала, который неоднократно и опредѣленно доносилъ объ этомъ конференціи; но послѣдняя, предписывала ему лишь принятіе самыхъ несоотвѣтственныхъ мѣръ, какъ, напримѣръ, постановку въ строй деньщиковъ и т. д. Рѣшительныя мѣры къ ускоренію привода рекрутъ не принимались, и новобранцы (сотенными, а иногда даже тысячными командами) прибывали къ арміи до и послѣ перехода ея черезъ Нѣманъ въ 1757 году. Соотвѣтствующее подобной организаціи войскъ рѣшеніе получилъ и вопросъ о вооруженіи ихъ: хотя и было рѣшено перевооружить ихъ ружьемъ новаго образца и часть заказа (для обсерваціоннаго корпуса) была выполнена по распоряженію графа П. И. Шувалова, но остальныя пѣхотныя части выступили въ походъ, имѣя ружья прежнихъ образцовъ. За то при войскахъ Апраксина состояли рогатки, не имѣвшія вовсе боевого назначенія. Фельдмаршалъ оставилъ часть ихъ уже въ Ковнѣ, а осенью 1757 года были брошены и сожжены остальныя.

Въ конницѣ коммиссія при военной коллегіи въ 1755 году отмѣтила разстройство, выразившееся въ неудовлетворительности конскаго состава драгунскихъ полковъ и порядка ремонтированія вообще, въ недостаточности отпуска на фуражъ, въ отвлеченіи многихъ конныхъ полковъ на „форпостную“ (пограничную) службу, въ несоразмѣрности и тяжеловѣсности эскадрона изъ 61 ряда 3-шереножнаго строя и въ недостаткѣ рубящаго оружія. Фельдмаршалъ въ своихъ донесеніяхъ подтвердилъ заключенія коммиссіи. 20-го апрѣля 1756 года были объявлены новыя основанія устройства нашей конницы, для осуществленія которыхъ, однако, требовалось много времени. Въ ожиданіи войны съ Пруссіею, весною 1756 года 5 кирасирскихъ, 5 конно-гренадерскихъ и 4 драгунскихъ полка были назначены въ составъ дѣйствующей арміи и до выступленія въ походъ должны были переформироваться на новыхъ началахъ (кромѣ двухъ кирасирскихъ полковъ). Изъ этихъ четырнадцати полковъ шесть находились „на форпостахъ“, а это имѣло слѣдствіемъ первую задержку, весьма вредно отозвавшуюся на успѣхѣ сосредоточенія; послѣ-

довавшее въ іюлѣ общее распоряженіе о пріостановкѣ подготовки къ операціямъ совершенно погубило успѣхъ переформированія конницы. Послѣ указа 28-го августа 1756 года о возобновленіи приготовленій къ войнѣ, конные полки начали стягиваться къ границѣ, куда прибыли въ октябрѣ.

Фельдмаршалъ, убѣдившись окончательно въ разстройствѣ кавалеріи, доносилъ объ этомъ въ декабрѣ изъ Риги и самымъ рѣшительнымъ образомъ требовалъ, чтобы походъ былъ отложенъ до мая; но конференція, руководясь, главнымъ образомъ, политическими соображеніями, въ свою очередь, настойчиво требовала открытія кампаніи, не обращая должнаго вниманія на вопросъ о готовности арміи и особенно кавалеріи къ операціямъ.

Нерегулярная конница предназначалась къ походу въ числѣ около 23.000 человѣкъ, изъ коихъ половина по природнымъ свойствамъ была неизмѣримо выше искусственно воспитанной кавалеріи; но даже и эта лучшая часть имѣла выдающіеся недостатки, къ числу коихъ слѣдуетъ отнести „отсутствіе правильныхъ началъ организаціи", что губительно вліяло на дисциплину. При совершенной неподготовленности къ дѣйствію „разнонародныхъ командъ" (кромѣ калмыковъ) и слабости слободскихъ казаковъ можно считать, что изъ числа нерегулярныхъ войскъ арміи Апраксина 5.000 человѣкъ и, главное, 10.000 лошадей (вслѣдствіе обычая служить о двуконь) представляли совершенно излишнее бремя для арміи, требуя въ то же время дорогого довольствія; если же къ этому добавить до 8.000 кирасиръ, конно-гренадеръ и драгунъ, служившихъ въ пѣшемъ строѣ, то всего чуть-ли не 18.000 лошадей можно было отправить изъ арміи безъ малѣйшаго ущерба для дѣла. Апраксинъ не могъ исправить и не можетъ считаться отвѣтственнымъ за эту крупную погрѣшность въ организаціи его арміи, а равно и за многія другія погрѣшности, ибо армія его была организована и руководима на всякомъ шагу конференціею. Въ дѣйствующей арміи существовала рѣзкая разница въ составѣ артиллеріи собственно арміи Апраксина, съ одной стороны, и такъ называемаго обсерваціоннаго корпуса—съ другой; послѣдняя, получившая новыя орудія, отличалась меньшимъ числомъ калибровъ, большею подвижностью, большею дальнострѣльностью и большею дѣйствительностью стрѣльбы, обладала большимъ запасомъ разрывныхъ снарядовъ и могла придать большее развитіе картечному огню. Такимъ образомъ, лучшею была артиллерія той части арміи, которая находилась въ слабѣйшемъ подчиненіи главнокомандующему. По отношенію къ остальнымъ родамъ службы точно также существовали болѣе или менѣе крупные недостатки: такъ, напримѣръ, инженерный полкъ не могъ выдѣлить ни одного офицера въ число назначенныхъ въ армію Апраксина, такъ какъ всѣ они были „при гражданскихъ исправленіяхъ", къ воинскому дѣлу не относящихся.

При формированіи дѣйствующей арміи полки, по два или по три, были соединены въ бригады, а двѣ или три пѣхотныя и кавалерійскія бригады въ дивизіи; послѣднія назывались иногда корпусами. Однако, это соединеніе было совершенно случайное и измѣнялось иногда нѣсколько разъ въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе этого въ военное, какъ и въ мирное время, не было надлежащей (тѣсной) связи между войсками и ихъ старшими начальниками; ни войска не знали своихъ генераловъ, ни генералы—полковъ; управленіе войсками затруднялось, а это не оставалось безъ вредныхъ послѣдствій и на дѣйствія войскъ въ бою. При такихъ условіяхъ не могло быть и постоянныхъ управленій (штабовъ) высшихъ тактическихъ единицъ, а каждый изъ генераловъ имѣлъ свой личный штабъ, остававшійся при немъ и при его перемѣщеніи и сдававшій переписку въ ближайшее правительственное учрежденіе. Графъ П. И. Шуваловъ, бывшій и фельдцейхмейстеромъ, и однимъ изъ главныхъ членовъ конференціи, не удовлетворился всѣмъ этимъ и выпросилъ себѣ позволеніе набрать изъ всѣхъ полковъ особый корпусъ, получившій наименованіе запаснаго или обсерваціоннаго и называвшійся также Шуваловскимъ, въ составѣ одного гренадерскаго и пяти мушкатерскихъ полковъ съ полковою артиллеріею. 7-го октября 1757 года въ корпусѣ этомъ состояло 15.846 старослужащихъ и ожидалось 13.193 рекрута, а некомплектъ превосходилъ 4.000 человѣкъ; въ виду разстройства всей конницы, корпусу этому было придано только 6 конныхъ регулярныхъ ротъ и 2.400 гусаръ, башкиръ и казаковъ; вмѣсто же предполо-

женной первоначально артиллеріи изъ 120 полковыхъ и 24 полевыхъ орудій, гр. Шуваловъ рѣшилъ оставить таковую изъ 92 орудій разнообразныхъ калибровъ. Графъ Шуваловъ командовалъ этимъ корпусомъ, оставаясь въ Петербургѣ, а главнокомандующій, не только не имѣлъ никакой возможности разсчитывать на усиленіе имъ арміи, но даже не могъ оградить интересы арміи отъ ущерба въ пользу интересовъ Шуваловскаго корпуса и въ ущербъ дѣлу вообще, и такимъ образомъ одно уже существованіе подобнаго привиллегированнаго корпуса не усиливало, но ослабляло армію. Наконецъ, полевой штабъ самого фельдмаршала былъ образованъ съ существенными отступленіями отъ основныхъ началъ, установленныхъ уставомъ воинскимъ. Апраксинъ, не имѣя помощника по должности главнокомандующаго, съ самаго начала былъ лишенъ содѣйствія начальника штаба арміи; при немъ не было старшихъ авторитетныхъ чиновъ артиллерійскаго и интендантскаго вѣдомствъ, а были лишь второстепенные чины, зависѣвшіе отъ своихъ генераловъ въ Петербургѣ.

Итакъ, орудіе, съ которымъ главнокомандующій долженъ былъ приводить въ исполненіе повелѣнія конференціи, хотя и превосходило таковое же орудіе противника въ отношеніи національнаго характера, а слѣдовательно и большей надежности и стойкости войскъ, но за то обладало цѣлымъ рядомъ такихъ недостатковъ, какіе рѣдко встрѣчаются въ исторіи. Однако, и эти неудобства не имѣли бы столь выдающагося отрицательнаго значенія, если бы фельдмаршалъ былъ полновластнымъ хозяиномъ въ арміи: но главное несчастіе какъ для Апраксина, такъ и для успѣха операціи заключалось именно въ томъ, что главнокомандующій былъ всецѣло подчиненъ конференціи.

Подобное положеніе дѣлъ отражалось соотвѣтствующимъ образомъ и на хозяйственной сторонѣ операцій. Планъ довольствія арміи проектировался почти безъ всякихъ опытныхъ данныхъ, безъ выработанныхъ основныхъ законоположеній о довольствіи войскъ въ военное время и при неимѣніи военно статистическихъ свѣдѣній о Пруссіи, Бѣлоруссіи, Литвѣ и Польшѣ. Устройство магазиновъ на главной базѣ (Двина и верхнее теченіе Днѣпра до впаденія р. Сожи) было почти окончено до вступленія Апраксина въ командованіе арміею. Мѣры для устройства магазиновъ въ Лифляндіи и Эстляндіи были приняты еще въ 1755 году, когда между нашимъ правительствомъ и Англіею шли переговоры о заключеніи „субсиднаго" трактата и готовился экспедиціонный корпусъ въ 40.000 человѣкъ. Признавая эти запасы недостаточными для обезпеченія довольствіемъ самостоятельной арміи, конференція (до августа 1756 года) воспретила вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ изъ Лифляндіи и Эстляндіи моремъ заграницу, увѣдомила губернаторовъ пограничныхъ губерній, что, въ случаѣ крайности, запасы довольствія будутъ взяты отъ населенія натурою, и выбрала отставного генералъ-маіора Даревскаго главнымъ подрядчикомъ для заготовки довольствія въ Литвѣ и Польшѣ, въ случаѣ похода въ Пруссію. Такъ какъ конференція не обратила своевременно вниманія на средства Курляндіи и Литвы, то этимъ воспользовались агенты прусскаго интендантства и заблаговременно закупили эти запасы. Распоряженія на случай обязательнаго сбора запасовъ отъ населенія пограничныхъ губерній отличались неопредѣленностью; впрочемъ, это не имѣло особеннаго значенія, такъ какъ запасы Лифляндіи и Эстляндіи дали возможность чинамъ провіантмейстерской части обезпечить текущее довольствіе арміи Апраксина въ зимній періодъ 1756—1757 гг.

Фельдмаршалъ, принявъ начальство, былъ связанъ инструкціею конференціи отъ 5-го октября 1756 года, въ силу которой нельзя было разсчитывать на Вѣнскій и Дрезденскій Дворы, обязавшіеся снабжать наши войска продовольствіемъ, а потому надлежало выслать въ Польшу офицеровъ съ деньгами для заготовки по пути продовольствія и фуража; при этомъ мѣры по заготовкѣ запасовъ должны были соотвѣтствовать основной идеѣ, указанной для сосредоточенія войскъ къ прусской границѣ, заключавшейся въ томъ, чтобы „королю прусскому сугубая (съ Двины и Днѣпра) диверсія сдѣлана была бы, и тѣмъ невозможно узнать, на которое прямо мѣсто сія туча собирается". Фельдмаршалъ долженъ былъ такъ маневрировать, чтобы для него было „все равно прямо или на Пруссію, или влѣво черезъ всю Польшу въ Силезію маршировать" и

соотвѣтственно принять мѣры для обезпеченія довольствія войскъ. Подводы разрѣшалось собирать въ Лифляндіи, Курляндіи и Польшѣ, но съ „обѣщаніемъ за все платы и съ объявленіемъ, что, въ противномъ случаѣ, вы съ сожалѣніемъ принуждены брать оныхъ силою". Войска должны были имѣть съ собою 2-хъ-недѣльный запасъ провіанта. Платою за все Апраксинъ долженъ былъ „приласкать и пріохотить поляковъ къ добровольной поставкѣ". Исполненіе послѣдняго требованія было бы возможно въ случаѣ, если бы въ распоряженіе фельдмаршала были предоставлены значительныя денежныя суммы, а между тѣмъ въ деньгахъ ощущался недостатокъ. Фельдмаршалъ могъ обратиться даже къ реквизиціи, но если бы вслѣдствіе этого произошли политическія усложненія съ Польшею, то отвѣтственность падала на него. Обратно, если бы недостатокъ купленныхъ запасовъ повліялъ на ходъ операцій, то единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ являлся бы опять-таки тотъ же главнокомандующій. При такихъ условіяхъ послѣдній былъ вынужденъ дѣйствовать крайне осторожно. До вступленія въ предѣлы Пруссіи онъ рѣшилъ заготовлять продовольствіе на наличныя деньги. Рѣшено было устроить магазины на главныхъ операціонныхъ путяхъ съ Западной Двины и Днѣпра къ Нѣману, а для этихъ магазиновъ стали заподряжать запасы вскорѣ по прибытіи Апраксина въ Ригу (еще зимою 1756 года).

На основаніи указа Правительствующаго Сената отъ 16-го мая 1757 года, въ распоряженіе фельдмаршала было ассигновано 2.000.000 рублей; но до мая была отпущена только половина этой суммы; о высылкѣ второго милліона шла еще переписка. При составѣ арміи въ 128.000 человѣкъ и 92.000 лошадей провіантъ и фуражъ не могли обойтись менѣе 500.000 руб. въ мѣсяцъ и, даже за исключеніемъ прибывшихъ позднѣе 15.000 нерегулярныхъ о двуконь, не менѣе 300.000 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, при наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, армія могла довольствоваться правильно лишь не болѣе $3^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ. Такъ какъ часть войскъ съ Днѣпра выступила въ февралѣ, а вся армія въ маѣ, то къ началу іюля отпущеннаго милліона не могло быть достаточно, въ особенности, если имѣть въ виду необходимость платы за подводы и другіе расходы, а равно и курсъ рубля. Въ іюлѣ обозначилось крайне затруднительное положеніе главнокомандующаго въ отношеніи денежныхъ средствъ, почему онъ и требовалъ отъ конференціи настоятельно отпуска таковыхъ золотомъ.

Между тѣмъ, онъ принялъ мѣры къ заготовленію въ предѣлахъ Литвы запасовъ провіанта и фуража и къ пополненію магазиновъ не только „проходныхъ" (съ запасомъ на 2—3 дня для соотвѣтствующей колонны), но и „основныхъ" (на вспомогательной базѣ по Нѣману—на 3 мѣсяца для всей арміи), въ видахъ обезпеченія войскъ довольствіемъ при наступленіи къ Кенигсбергу. Предполагалось обезпечить довольствіе арміи до занятія Кенигсберга или удобнаго пункта на берегу Куришъ-гафа. Однако, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій изъ Петербурга скорѣйшаго открытія операцій, Апраксинъ не могъ останавливаться для выжиданія какихъ-либо результатовъ сдѣланныхъ имъ распоряженій (по устройству магазиновъ на Нѣманѣ) и 16-го іюня былъ вынужденъ выступить съ арміею изъ Ковно къ прусской границѣ.

Хотя фельдмаршалъ и долженъ былъ маневрировать такъ, чтобы для него было „все равно прямо на Пруссію, или влѣво черезъ всю Польшу въ Силезію маршировать", хотя споры между конференціею и главнокомандующимъ продолжались до марта и хотя даже въ іюнѣ онъ не былъ еще вполнѣ увѣренъ, что часть его арміи не будетъ направлена въ Силезію, тѣмъ не менѣе, главною цѣлью похода было завоеваніе Восточной Пруссіи, а главнымъ предметомъ дѣйствій Кенигсбергъ. Въ то же время Фридрихъ II обратилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, противъ Австріи и отчасти противъ Франціи, поручивъ оборону Восточной Пруссіи фельдмаршалу Левальду съ 30.500 чел. при 64 орудіяхъ. Благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ, кои были приняты Левальдомъ въ видахъ привлеченія къ оборонѣ мѣстнаго населенія, силы пруссаковъ увеличивались на 10.000 чел. (включая и неорганизованную милицію). Въ концѣ апрѣля Левальдъ сосредоточилъ свои войска у Кенигсберга, а затѣмъ, оставивъ тамъ 2 баталіона съ частью милиціи, расположилъ свои главныя силы въ треугольникѣ Тильзитъ-Инстербургъ-Норденбургъ, имѣя главную массу у Инстер-

бурга, выдвинувъ два авангарда къ Тильзиту и Рагниту и, сверхъ того, 28 эскадроновъ на линію Ангербургъ—Гольдапъ—Олецко и возложивъ оборону восточной границы на милицію. Его планъ дѣйствій сводился къ пассивной оборонѣ, при чемъ онъ предполагалъ, при наступленіи русскихъ, отступать внутрь страны (съ цѣлью прикрытія Кенигсберга), уничтожать запасы и принять бой при возможно выгоднѣйшихъ для себя условіяхъ. Между тѣмъ въ составъ арміи Апраксина (въ тѣсномъ смыслѣ) было назначено около 90.000 — 100.000 человѣкъ; войска эти начали сосредоточиваться къ Нѣману: передовыя части въ февралѣ, а главныя силы въ апрѣлѣ 1757 года. Сосредоточеніе пришлось считать оконченнымъ около середины іюня. Особенности театра военныхъ дѣйствій вызывали необходимость раздѣленія нашихъ силъ: развитіе наступательныхъ операцій главными силами по кратчайшимъ путямъ изъ Риги на Кенигсбергъ (черезъ Тильзитъ) было бы крайне невыгодно, такъ какъ представляло бы обороняющемуся значительныя удобства малыми силами оказать значительное сопротивленіе; въ виду этого главныя силы арміи должны были наступать къ Кенигсбергу по наиболѣе доступному направленію, т.-е. отъ линіи Ковно—Гродно; въ то же время приходилось выдѣлить часть силъ для операцій въ направленіи Либава—Мемель (для связи дѣйствій арміи и флота). 18-го іюня получившій послѣднее назначеніе корпусъ генерала Фермора (16.000 человѣкъ) подошелъ къ Мемелю, занятому 800 чел. милиціи при 80 орудіяхъ, 20-го—началъ бомбардировку, 21-го — осаду, а 25-го—овладѣлъ этою крѣпостцою. Взятіе ея удлинило базу русской арміи и придало ей охватывающее направленіе, но отвлекало также и часть силъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ съ главными силами выжидалъ на среднемъ Нѣманѣ окончанія дѣйствій подъ Мемелемъ. На собранномъ имъ военномъ совѣтѣ 10-го (21-го) іюля было рѣшено двинуться отъ Ковно къ Вержболову, но Апраксинъ рѣшилъ дѣйствовать пока медленно и перейти къ рѣшительному наступленію только въ томъ случаѣ, если бы Левальдъ бросился на Фермора. Къ 25-му іюня армія перешла въ Бальвержишки, гдѣ оставалась до 5-го (16-го) іюля; 30-го же іюля главнокомандующій приказалъ Фермору, оставивъ одинъ полкъ въ Мемелѣ и, сверхъ того, небольшой дессантный отрядъ (для занятія Лабіау), съ остальными силами идти къ Тильзиту. Левальдъ, узнавъ о капитуляціи Мемеля, оставилъ для наблюденія за восточною границею полкъ гусаръ и отступилъ къ Велау, гдѣ и сосредоточилъ свою армію къ 13-му (24-му) іюля, а между тѣмъ собранный фельдмаршаломъ военный совѣтъ 2-го (13-го) іюля постановилъ двинуться черезъ Вержболово къ Гумбиннену. Маршъ этотъ былъ начатъ нашею арміею 5-го (16-го) іюля, при чемъ впереди двигался Ливенъ съ 9.000 кавалеріи, прикрывая маршъ и собирая провіантъ, фуражъ и контрибуціи, а генералъ Сибильскій получилъ приказаніе двинуться съ 6.000 конницы на Гольдапъ и Гердауенъ къ Фридланду и далѣе съ цѣлью дѣйствій противъ тыла пруссаковъ. 14-го (25-го) іюля Апраксинъ занялъ Вержболово и, вслѣдствіе медленности дѣйствій Фермора и Сибильскаго, задержалъ тамъ армію до 23-го іюля. 21-го—передовыя части арміи вступили въ Пруссію, при чемъ произошла при Куммельнъ Катенау съ прусскими гусарами и мѣстными жителями схватка.

Съ 25-го до 29-го армія находилась въ Гумбинненѣ, гдѣ было рѣшено двинуться къ Инстербургу, соединиться тамъ съ Ферморомъ и атаковать непріятеля. Въ свою очередь, и Левальдъ рѣшилъ воспользоваться разъединеннымъ положеніемъ главныхъ силъ русской арміи Апраксина и корпусовъ Фермора и Сибильскаго и разбить первыя двѣ массы по частямъ, начиная съ Апраксина. Съ этою цѣлью онъ двинулъ свои войска по частямъ къ Инстербургу, что повело къ кавалерійскимъ схваткамъ близъ этого города, который былъ занятъ русскими 31 іюля.

2-го августа отрядъ Сибильскаго, не оправдавшаго возлагаемыхъ на него надеждъ, былъ притянутъ къ арміи, а 6-го (17-го) августа Апраксинъ занялъ Старкенигенъ и 8-го (19-го) соединился съ Ферморомъ, послѣ чего численность арміи дошла до 89.000 чел.; однако, въ томъ числѣ годныхъ къ бою было не болѣе 50.000—55.000 человѣкъ. 9-го (20 го)—русскіе продолжали движеніе на Заалау, въ направленіи на Тапіау, а между тѣмъ высланная впередъ конница производила рекогносцировки и образовала завѣсу впереди фронта арміи, скрывъ ее отъ противника. Изъ произве-

денныхъ рекогносцировокъ выяснилось, что пруссаки подготовили цѣлый рядъ оборонительныхъ позицій между рр. Нехне и Дейме и что берега Куришъ-гафа сильно заняты непріятелемъ; то и другое, въ связи съ неспокойнымъ состояніемъ края и съ боязливымъ пользованіемъ нерегулярными войсками, побудило фельдмаршала къ принятію рѣшенія о перемѣнѣ операціонной линіи. Созванный имъ военный совѣтъ 12-го (23-го) августа постановилъ, отказавшись отъ линіи Ковно—Тапіау, избрать линію Гродно—Кенигсбергъ, на Алленбургъ, во избѣжаніе форсированія съ фронта сильныхъ позицій пруссаковъ и въ видахъ уничтоженія подготовки Левальда къ оборонѣ, что и было исполнено, но маршъ-маневръ не былъ надлежащимъ образомъ обезпеченъ. Между тѣмъ Левальдъ, находившійся у Таплакена, 14-го (25-го) сосредоточилъ свои силы къ Вилькенсдорфу (къ своему лѣвому флангу). а 17-го (28-го), убѣдившись, что русская армія уже перешла на лѣвый берегъ Прегеля, рѣшилъ перейти туда же и внезапно атаковать русскихъ, что и привело къ сраженію при Гроссъ-Егерсдорфѣ 19-го (30-го) августа.

Въ видахъ маскированія своего движенія, Левальдъ 17-го произвелъ демонстративное наступленіе частью своихъ войскъ на Заалау, а главныя его силы перешли черезъ рѣку у Піатена; къ вечеру пруссаки расположились по обѣимъ сторонамъ д. Пушдорфъ, за Норкиттенскимъ лѣсомъ. Затѣмъ, Левальдъ рѣшилъ произвести усиленную рекогносцировку почти всею своею конницею, съ цѣлью выяснить расположеніе нашихъ войскъ у Норкиттена, для чего съ разсвѣтомъ 18-го было двинуто 40 эскадроновъ Шерлемера, поддержанныхъ гренадерами и 8-ю полками пѣхоты гр. Дона, а остальныя части прусской арміи стояли въ боевой готовности за лѣсомъ. Между тѣмъ, регулярныя войска арміи Апраксина были расположены лагеремъ до 19-го августа на площади между р. Ауксинъ, и небольшимъ болотистымъ „серпообразнымъ“ лѣсомъ, тянувшимся къ Прегелю; нерегулярныя же войска бивакировали на правомъ берегу р. Ааууксинъ. Выбранное лагерно-бивачное мѣсто считалось „авантажнымъ“, но доступъ на позицію былъ возможенъ лишь по двумъ дорогамъ, что затрудняло выстраиваніе по тревогѣ; сверхъ того, болотистый лѣсъ въ тылу позиціи лишалъ возможности отступать въ порядкѣ. Однако, генеральное сраженіе на этой мѣстности считалось невѣроятнымъ, а потому, не было и никакой подготовки поля сраженія въ инженерномъ отношеніи; равнымъ образомъ, не было принято никакихъ мѣръ къ обезпеченію построенія боевого порядка. Русская главная квартира осталась при рѣшеніи продолжать маршъ на Алленбургъ, полагая, что непріятель „ниже атаковать, но изъ лѣсовъ на чистое поле (выйти) не отважился, но иначе паки къ Велавѣ возвращался...“

Маршъ на Алленбургъ долженъ былъ быть исполненъ въ два перехода: на Эшенбургъ, мызу Морицъ-Лаукенъ (ночлегъ) и Алленбергъ. Авангардъ Сибильскаго, въ составѣ 5-ти пѣхотныхъ полковъ и 4.000 конницы, съ одною бригадою артиллеріи, долженъ былъ собраться у Зиттерфельде, имѣя са собою генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта Штофельна, съ квартирмейстерами всѣхъ полковъ и 300 піонеръ (подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ гусаръ), а затѣмъ, двѣ колонны главныхъ силъ: *правую* (1-я дивизія Фермора и часть 3-й дивизіи Броуна) и *лѣвую* (2-я дивизія Лопухина и остальная часть 3-й дивизіи); далѣе позади, дивизіонные аріергарды и общій аріергардъ; обозы главныхъ силъ „прикрывались съ той стороны, съ которой непріятель находится“, а армейскій, долженъ былъ слѣдовать въ хвостѣ лѣвой колонны, имѣя за собою обозъ нерегулярныхъ войскъ, подъ прикрытіемъ казаковъ Капниста. Распоряженія на случай наступленія непріятеля были таковы, что „вся армія формировать будетъ продолговатое каре“. Дефиле по дорогѣ на Гроссъ-Егерсдорфъ было занято бригадою Леонтьева, а выходъ близъ Зиттерфельде 2-мъ Московскимъ полкомъ.

Прусская армія, выступивъ изъ лагеря при Пушдорфѣ въ часъ пополуночи съ 18-го на 19-е, двинулась тремя колоннами, изъ конхъ правая и средняя вышли къ д. Гроссъ-Егерсдорфъ, а лѣвая (кавалерійская) сѣвернѣе, на д. Мечулинъ. Боевой порядокъ былъ выстроенъ около 4-хъ часовъ утра и первоначально имѣлъ фронтъ въ направленіи, параллельномъ дорогѣ изъ Гроссъ-Егерсдорфа въ Алленбургъ. Между тѣмъ, въ русскомъ лагерѣ былъ данъ „генеральный маршъ“, по которому войска начали готовиться къ походу. Вслѣдъ за-

тѣмъ, „получено отъ форпостовъ извѣстіе, что непріятель паки изъ лѣсовъ показывается". Фельдмаршалъ приказалъ ударить тревогу, и самъ „поѣхалъ тотчасъ съ нѣкоторыми генералами, непріятеля рекогносцировать".

Переходъ Левальда въ наступленіе былъ для русской главной квартиры совершенною неожиданностью, а наступленіе прусской кавалеріи, сбившей безъ затрудненія противопоставленную ей нашу слабую конницу, вызвало по тревогѣ всю нашу армію на позицію, которая при такихъ условіяхъ вполнѣ и обнаружилась (или, вѣрнѣе, могла обнаружиться). Однако, Шорлемеръ, довольствуясь данными, добытыми крайне поверхностно, отступилъ обратно къ Пушдорфу, послѣ чего и русская армія отошла за лѣсъ, измѣнивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое расположеніе. Въ прусской главной квартирѣ полагали, что наша армія занимаетъ позицію отъ окрестностей д. Удербаллена, до Прегеля, что высота у д. Зиттерфельде занята нашими войсками, и что главный маневръ русскихъ войскъ на полѣ сраженія состоитъ въ построеніи громаднаго каре въ нѣсколько линій. Въ виду этого, и согласно съ указаніями самого Фридриха, прусская главная квартира рѣшила нанести первый ударъ на лѣвый флангъ нашей арміи своимъ правымъ флангомъ, 10-ю эскадронами съ 18-ю конными орудіями принца Гольштейнскаго, который долженъ былъ, дѣйствіемъ во флангъ 2-й линіи, облегчить главный ударъ войскамъ центра, 12-ти баталіонамъ 1-й линіи, графа Дона; на лѣвомъ флангѣ 20-ть эскадроновъ Шорлемера должны были вступить въ дѣло послѣдними и довершить ударъ атакою на нашъ правый флангъ. Для поддержки атакующихъ назначались войска 2-й линіи: въ центрѣ 10-ти баталіоновъ, на правомъ флангѣ 5 и на лѣвомъ флангѣ 15 эскадроновъ. Всего въ прусской арміи состояло: 22 баталіона и 50 эскадроновъ, при 64 орудіяхъ или 23.000—24.000 человѣкъ.

Положеніе нашей арміи было опасно: пѣхота, имѣя возможность выйти изъ лѣса только по двумъ дорогамъ, при малѣйшей задержкѣ могла подвергнуться дружному удару всей 1-й прусской линіи; задержка же была неизбѣжна, такъ какъ обозы, бывшіе при войскахъ, загромоздили дороги изъ Норкиттена въ Гр.-Егерсдорфъ и Зиттерфельде. Главнокомандующій, при помощи своихъ совѣтниковъ, понялъ, что главная опасность угрожала нашему правому флангу, а потому и отдалъ рядъ приказаній съ цѣлью его усиленія. Эти приказанія еще не были приведены въ исполненіе, какъ послѣдовала рѣшительная атака пруссаковъ. Около 5 часовъ утра кавалерія принца Гольштейнскаго, сбивъ гусаръ и казаковъ и двигаясь на Удербаленъ къ южному выходу, атаковала 2-й Московскій полкъ, отбившій эту атаку, при поддержкѣ Выборгскаго полка. Полки дивизіи Лопухина не выждали приказанія фельдмаршала и начали „по одиночкѣ пробираться сквозь обозы" по дорогѣ на Зиттерфельде и выстраиваться правѣе и лѣвѣе 2-го Московскаго полка, а такъ какъ дивизія Фермора еще не трогалась, то прорывъ боевого порядка нашей арміи былъ неминуемъ. Левальдъ, замѣтивъ торопливое выстраиваніе частей 2-й дивизіи и интервалъ между полками Лопухина и Фермора, приказалъ 12-ти баталіонамъ 1-й линіи гр. Дона, завязавшимъ уже перестрѣлку съ дивизіею Лопухина, взять „полъ оборота направо", съ цѣлью прорвать центръ нашихъ войскъ. Эту атаку пришлось выдержать 11-ти слабымъ баталіонамъ 2-го Московскаго, Кіевскаго, Нарвскаго и 2-го гренадерскаго полковъ, при чемъ правый флангъ послѣдняго былъ охваченъ пруссаками. Охватъ этотъ не могъ не отразиться и, притомъ, критически па ходѣ боя растянутой въ одну линію 2-й дивизіи, которая, вслѣдствіе выбытія изъ строя генераловъ Лопухина и Зыбина и большихъ потерь (до 50% во 2-мъ гренадерскомъ и Нарвскомъ полкахъ), пришла въ разстройство, а правый ея флангъ въ безпорядкѣ началъ отступать въ лѣсъ. Въ это „самонужнѣйшее время" четыре полка резерва, находившагося подъ начальствомъ Румянцева и успѣвшаго занять свое мѣсто впереди обоза, перешли въ наступленіе и безповоротно вырвали побѣду у пруссаковъ, ударивъ, въ свою очередь, во флангъ прусскимъ гренадерамъ Манштейна и Поленца, обошедшимъ нашъ 2-й гренадерскій полкъ, при чемъ пруссаки „тотчасъ помѣшались и по жестокомъ кровавомъ сраженіи съ достаточнымъ числомъ своихъ войскъ, въ наивящемъ безпорядкѣ свое спасеніе бѣгствомъ искать стали". Къ этому времени успѣхъ боя былъ обезпеченъ и на нашемъ

правомъ флангѣ. По тревогѣ бригада Салтыкова дивизіи Фермора должна была податься влѣво для связи съ Лопухинымъ, а обезпеченіе праваго фланга возлагалось на часть 3-й дивизіи; остальныя поступили на усиленіе Фермора, располагавшаго только 5-ю полками, которые уже и двинулись къ лѣвому флангу 2-го гренадерскаго полка, но по причинамъ, не вполнѣ точно выясненнымъ, были пріостановлены. Нашъ правый флангъ обезпечивался батареею, построенною на весьма важной командующей высотѣ; лѣвѣе ея находился 1-й гренадерскій полкъ, а правѣе—3—4 полка дивизіи Броуна; конница развернулась по обѣимъ сторонамъ батареи (отчасти впереди войскъ Броуна). Между тѣмъ кавалерія лѣваго прусскаго крыла (Шорлемера) повела частью силъ атаку правѣе батареи, но, столкнувшись съ тремя полками дивизіи Броуна (кромѣ слабой части нашей конницы) была отбита съ урономъ; другая же часть прусской кавалеріи, атаковавшая лѣвѣе батареи, сбивъ и преслѣдуя нашихъ кирасиръ и конно-гренадеръ, прорвалась вслѣдъ за ними въ незанятый никѣмъ промежутокъ между бригадою Салтыкова и гренадерами; весьма возможно, что нѣкоторыя ея части доскакали до обоза и даже до Норкиттена. Но 1-й гренадерскій полкъ, быстро перемѣнивъ фронтъ налѣво, огнемъ во флангъ и въ тылъ разстроилъ прусскихъ драгунъ и вынудилъ ихъ отступить въ безпорядкѣ. Полки дивизіи Фермора приблизились къ расположенію 2-й дивизіи въ то время, когда пруссаки уже ворвались въ лѣсъ. Такъ какъ дальнѣйшее ихъ наступленіе угрожало тылу 1-й прусской линіи, то Левальдъ направилъ противъ нихъ свой послѣдній резервъ, 10 батальоновъ 2-й линіи, которые вошли въ связь съ отброшенною кавалеріею лѣваго прусскаго крыла и двинулись также на лѣсъ, но были также отброшены частями 1-й и 3-й дивизій. На лѣвомъ нашемъ флангѣ казаки, выждавъ окончанія выстраиванія пѣхоты съ артиллеріею авангарда, навели на нихъ прусскую конницу, которая затѣмъ была также отброшена, послѣ чего авангардъ соединился со 2-ю дивизіею. Ко времени соединенія всѣхъ нашихъ силъ пруссаки успѣли скрыться въ лѣсу.

Армія Апраксина одержала полную побѣду. Пруссаки потеряли не болѣе 2.337 чел., а русскіе 4.494 человѣка; но за то у пруссаковъ было отбито 11 орудій. По поводу потерь фельдмаршалъ, между прочимъ, донесъ Императрицѣ: „Ваше Императорское Величество примѣтить изволите, колико они (офицеры) исполняли свою должность. Словомъ сказать: никто не пренебрегъ иной, а буде кто презиралъ что-либо, то только жизнь свою, ибо ни одинъ изъ раненыхъ съ мѣста не сошелъ, и раны перевязать не далъ, пока побѣда не одержана и дѣло совсѣмъ не окончено. Буде кто изъ генераловъ самъ не получилъ, то, конечно, подъ тѣмъ лошадь, а подъ инымъ двѣ ранены".

На другой же день Апраксинъ выслалъ „для рекогносцированія непріятеля" конный отрядъ Демолина (1.500 казаковъ и 100 гусаръ), а Штофельна „съ піонерами для исправленія дорогъ къ Кл. Куру"; главныя же силы арміи оставались въ окрестностяхъ Гроссъ-Егерсдорфа 20-го и 21-го, занимаясь перепеченіемъ муки въ хлѣбъ, отправленіемъ плѣнныхъ и раненыхъ въ Тильзитъ и погребеніемъ убитыхъ, празднуя побѣду и выжидая свѣдѣній о противникѣ. Между тѣмъ Левальдъ отступилъ на укрѣпленную позицію у Вилькенсдорфа и такимъ образомъ совершенно очистилъ путь на Кенигсбергъ, уступивъ безъ боя линію р. Алле, но 21-го исправилъ эту ошибку и занялъ позицію за названною рѣкою, у Велау. Апраксинъ не воспользовался случаемъ захватить Велау и обезпечить переходъ черезъ р. Алле на прямомъ пути къ Кенигсбергу и выслалъ новый казачій отрядъ, который не былъ допущенъ непріятелемъ къ Велау и соединился съ отрядомъ Демолина. Тогда Апраксинъ, не имѣя положительныхъ данныхъ, не рѣшился форсировать переправу у Велау, но остановился на рѣшеніи переправиться выше этого пункта и обойти прусскую армію справа. 23-го русская армія сосредоточилась къ К. Нуру, а 25-го заняла окрестности Алленбурга, который и былъ конечнымъ пунктомъ ея наступательныхъ дѣйствій. Съ занятіемъ Алленбурга фельдмаршалъ отказывался совершенно отъ прямаго сообщенія съ Россіею на Ковно и могъ овладѣть Кенигсбергомъ не иначе, какъ разбивъ у Велау Левальда, который 27-го августа отступилъ на подготовленную имъ позицію у Таніау, откуда могъ угрожать сообщеніямъ нашей арміи. Между тѣмъ, Апраксинъ въ виду крайне затруд-

нительнаго положенія арміи, приказалъ военному совѣту разсмотрѣть вопросъ о способѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Отъ штаба главнокомандующаго было сообщено военному совѣту прежде всего о „всѣмъ довольно вѣдомомъ" недостаткѣ продовольствія, а затѣмъ, что непріятель „на мѣсто потерянной артиллеріи, приведенной вновь изъ Кенигсберга съ излишествомъ себя снабдилъ, всю ландмилицію и старослужащихъ къ себѣ собралъ... наша же армія умалена и умаляется". Было обращено вниманіе: также на возможность для пруссаковъ воспользоваться знаніемъ мѣстности и выгодами, ею представляемыми, на подготовку Левальдомъ театра военныхъ дѣйствій, на удобство веденія оборонительной войны и на полное обезпеченіе довольствія прусскихъ войскъ. Наконецъ, допуская неполный разгромъ Левальда во „второй выигранной баталіи", Апраксинъ не скрывалъ, что неизбѣжная въ подобномъ случаѣ проволочка погубитъ армію по недостатку продовольствія, ослабленію воинскаго состава и по безвыходному положенію при эвакуаціи больныхъ и раненыхъ, при неустройствѣ тыла въ предѣлахъ Восточной Пруссіи.

Военный совѣтъ рѣшилъ возстановить сообщенія съ Россіею, пополнить запасы у Тильзита и стремиться къ цѣлямъ прежде принятаго плана (занять Лабіау и обезпечить довольствіе подвозомъ посредствомъ флота). Фельдмаршалъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе совѣта, но и самъ нисколько не уклонялся отъ отвѣтственности, какъ это видно изъ его донесенія отъ 3-го сентября, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „не я ретировался, но его (непріятеля) изъ крѣпкаго мѣста выживъ оное Вашему Величеству въ подданство подвергнулъ; и тако со всякою честью и славою, къ Тильзиту поворотить *для того*, чтобы утомленное толикими маршами войско въ голодной землѣ какому-либо несчастью не подвергнуть". Далѣе, разъясняя конференціи, что волею-неволею нужно помириться съ отступленіемъ, фельдмаршалъ говоритъ: „воинское искусство не *въ томъ одномъ* состоитъ, чтобы баталію дать и, выигравъ, далѣе за непріятелемъ *гнаться*, но наставливаетъ о слѣдствіяхъ часто *перемѣняющихся обстоятельствъ* болѣе разсуждать всякую предвидимую гибель благовременно отвращать и о цѣлости войска неусыпное попеченіе имѣть". Впослѣдствіи фельдмаршалъ подвергся обвиненіямъ и суду, а молва обвиняла его даже въ измѣнѣ. Конечно, это обвиненіе должно быть отвергнуто прежде всего по своей вопіющей нелѣпости, ибо, допуская измѣну со стороны фельдмаршала, пришлось бы признать его сообщниками всѣхъ старшихъ начальниковъ арміи. 28-го Апраксинъ началъ отступательный маршъ. Черезъ нѣсколько дней выяснилось, что разсчитывать на переходъ въ наступленіе въ теченіе осени того же года невозможно, въ виду военно-административнаго неустройства, а потому было рѣшено отступать къ Либавѣ. Въ виду этого фельдмаршалъ 3-го же сентября просилъ конференцію приказать заготовлять тамъ запасы. 4-го (15-го) сентября русская армія отошла къ Инстербургу, а пруссаки, поздно узнавъ объ отступленіи Апраксина, только въ этотъ день перешли въ наступленіе и начали преслѣдовать русскихъ, при чемъ преслѣдованіе само собою обратилось въ параллельное. 12-го (23-го) фельдмаршалъ занялъ Тильзитъ, а на другой день къ окрестностямъ Тильзита подошелъ авангардъ Левальда, который могъ захватить операціонную линію русскихъ и вынудить Апраксина къ рѣшительному бою при невыгодныхъ для русской арміи условіяхъ. Въ виду этого, единственно правильнымъ рѣшеніемъ было уклониться отъ боя, дать арміи оправиться, что и принято фельдмаршаломъ безъ колебанія. Исполненіе отступательной переправы было трудно, такъ какъ русская главная квартира не предвидѣла подобнаго случая, вслѣдствіе чего не было принято никакихъ мѣръ ни для подготовки Тильзита къ упорной оборонѣ, ни для обезпеченія самой переправы. 13-го, по имѣвшемуся единственному мосту на сваяхъ, перешла за Нѣманъ конница; 14-го начала переправу пѣхота; 15-го были окончены два вновь устроенные моста и это дало возможность окончить переправу главныхъ силъ съ обозами 16-го (27-го). На другой день отошелъ за Нѣманъ аріергардъ, и мосты были разобраны. Пруссаки заняли Тильзитъ 18-го (29-го). Фельдмаршалъ сначала замедлилъ отступленіе и оставался еще въ опасномъ положеніи (въ отношеніи захвата противникомъ сообщеній съ Мемелемъ) до 20-го сентября, что можетъ быть объяснено полнымъ разстройствомъ матеріальной ча-

сти арміи. Затѣмъ онъ продолжалъ отступленіе и въ началѣ ноября расположилъ армію на зимнія квартиры въ Курляндіи и Литвѣ.

Между тѣмъ конференція, указомъ отъ 13-го сентября, предписала иностранной коллегіи объявить союзнымъ Дворамъ, что причина отступленія Апраксина отъ Алленбурга заключается въ недостаткѣ провіанта и фуража и трудности подвоза завасовъ, но что Апраксину предписано непремѣнно перейти въ наступленіе и что главнокомандующій отъ Нѣмана „вновь съ лучшимъ успѣхомъ (будетъ) продолжать свои операціи, *какъ то самымъ дѣломъ вскорѣ доказано* будетъ". Послѣ этого Бестужеву не оставалось ничего болѣе, какъ требовать во что бы то ни стало перехода нашей арміи въ наступленіе, ибо никакія „перемѣняющіяся обстоятельства" и „положенія дѣлъ" не могли быть приняты въ уваженіе политикою, которая давала столь опредѣленныя обѣщанія союзникамъ, не принимая въ соображеніе интересы стратегіи. Вотъ почему конференція и требовала и притомъ настоятельно немедленнаго перехода въ наступленіе на Лабіау (какъ то было рѣшено военнымъ совѣтомъ 27-го августа). Между тѣмъ, фельдмаршалъ донесъ 14-го сентября, что именно въ виду „перемѣняющихся обстоятельствъ" онъ долженъ отступить въ Курляндію, а 22-го, что о переходѣ въ наступленіе осенью этого же года и рѣчи быть не можетъ. 25-го сентября былъ данъ иностранной коллегіи указъ, коимъ было повелѣно сообщить союзнымъ Дворамъ „состояніе дѣлъ", при которомъ „*справедливо* могъ нашъ фельдмаршалъ разсудить, что не только для насъ, но и для самыхъ союзниковъ нашихъ несравненно полезнѣе сохранить къ будущей кампаніи изрядную армію, нежели напрасно подвергать оную такимъ опасностямъ, которыя ни храбростью, ни мужествомъ, ни человѣческими силами отвращены быть не могутъ". Подобному началу противорѣчитъ окончаніе этого знаменитаго указа: „Но великодушіе наше и прямое союзническое о интересахъ ихъ попеченіе превышаетъ всѣ вышеизображенныя уваженія, почему мы сколь скоро сіе послѣднее намъ непріятное извѣстіе получили, что нашъ фельдмаршалъ и Нѣманъ рѣку переходить намѣренъ, то еще повелѣли ему всевозможное въ дѣйство употреблять, дабы удержать себя въ Пруссіи, и, буде случай будетъ, непріятеля атаковать".

Въ этомъ смыслѣ и былъ данъ указъ за № 134, полученный въ главной квартирѣ Апраксина 28-го сентября въ д. Лапиненѣ, когда русская армія, въ самое невыгодное время года подходила къ Мемелю, бросивъ множество повозокъ и часть имущества, а конница была уже распущена. Фельдмаршалъ созвалъ тотчасъ военный совѣтъ, который категорически отвѣтилъ: „что невозможное возможнымъ учинить нельзя, слѣдовательно и армію въ Тильзитѣ и въ прочія предписанныя мѣста никакъ расположить не можно". Апраксинъ утвердилъ это постановленіе и въ своемъ донесеніи дополнилъ въ томъ смыслѣ, что, „какъ противъ *натуры* ничего сдѣлать не можно, такъ и арміи, которая толикою гибелью отъ того угрожаема, въ здѣшней землѣ зимовать не мѣсто".

Однако конференція, смотрѣвшая на армію, какъ на „*великую махину*", которою будто бы можно управлять по произволу политики, признала эти доводы фельдмаршала и военнаго совѣта неуважительными, слѣдствіемъ чего и явился рескриптъ за № 135 „за подписаніемъ собственной руки" Императрицы, коимъ было предписано: а) „Непремѣнное исполненіе учинить по... указамъ за № 130"; б) „Сохранить Мемель"; в) Левальду въ случаѣ перехода Нѣмана... „не только подать къ баталіи поводъ, но сыскавъ его, атаковать, для чего буде успѣть возможно, чтобъ поворотить конницу"; г) высадить десантъ въ Лабіау и по меньшей мѣрѣ видъ показать къ намѣренію на Кенигсбергъ".

Указъ этотъ былъ полученъ фельдмаршаломъ въ ночь съ 5-го на 6-е октября, когда уже большая часть арміи стянулась къ Мемелю. Апраксинъ снова созвалъ военный совѣтъ, который по 1-му пункту постановилъ, что на это не видитъ „никакихъ возможностей" и безъ подверженія къ истребленію всѣхъ людей и лошадей голодомъ, а потомъ ихъ совершенному и безоборонному отъ непріятеля всей арміи разбитію; прежде полученія точнаго высочайшаго повелѣнія о невзираніи ни на какую видимую всей арміи безплодную погибель въ то не вдаваться". По остальнымъ пунктамъ постановлено: по 2-му Мемель будетъ

сохраненъ и удержанъ во что бы то ни стало; но 3-му въ случаѣ перехода черезъ Нѣманъ, будетъ данъ отпоръ, чѣмъ можно; но 4-му высадиться въ Лабіау невозможно, такъ какъ нѣтъ годныхъ судовъ. Участвовавшіе въ совѣтѣ генералы, представивъ глубокую и тяжкую ихъ скорбь отъ недовѣрія къ нимъ Государыни, просили: „для достовѣрности же, что армія всеконечно въ такомъ изнеможенномъ состояніи симъ всеподданнѣйше весь генералитетъ проситъ, дабы повелѣно было къ освидѣтельству прислать какихъ повѣренныхъ персонъ, но не замедля, чтобы могли они все увидѣть прежде нежели черезъ отдохновеніе поправиться можетъ“. Наконецъ совѣтъ заключилъ, что „всѣ резоны приносятся (по ихъ должности) дабы усматривая, черезъ собственное испытаніе подверженіе арміи *очевидному, естественному сначала истребленію*, а потомъ неминуемому безславному отъ непріятеля разбитію... буде же не взирая на всѣ тѣ резоны соизволенія Е. В. будетъ, чтобы мы токмо ниже подписавшіеся положеніемъ своего живота доказали тѣ невозможности, то каждый изъ насъ жизнь свою, на то готовую, всеподданнѣйше приноситъ и къ пользѣ Ея Императорскаго Величества съ радостію оную посвятить желаетъ“.

Такимъ образомъ обѣщанія, данныя руководителями политики союзнымъ Дворамъ, не могли быть выполнены. Между тѣмъ жалобы французскаго и австрійскаго пословъ на фельдмаршала, и ранѣе побуждавшія конференцію посылать въ армію грозные указы, не уменьшались, и Бестужеву приходилось такъ или иначе выйти изъ этого затруднительнаго положенія. Дѣло осложнялось еще возникшими нелѣпыми толками объ измѣнѣ Апраксина, будто бы подкупленнаго прусскимъ королемъ. Желая прекратить толки о своемъ участіи въ отступленіи арміи, Бестужевъ не только не выступалъ въ защиту фельдмаршала, но даже нападалъ на него чуть-ли не сильнѣе всѣхъ; послѣднее объясняется еще и тѣмъ, что Апраксинъ нашелъ себѣ защитника при Дворѣ и въ конференціи, въ лицѣ графа П. И. Шувалова, котораго Бестужевъ, въ свою очередь, обвинялъ въ томъ, что онъ защищаетъ фельдмаршала предъ Императрицею и придаетъ ему смѣлость дѣлать то, что онъ хочетъ. При такихъ условіяхъ были потребованы мнѣнія по этому вопросу отъ всѣхъ членовъ конференціи, засѣданіе которой состоялось 7-го октября. Самъ Бестужевъ высказался въ пользу смѣны Апраксина и отправленія его въ Ригу впредь до разслѣдованія дѣла; въ томъ же смыслѣ подали мнѣнія фельдмаршалы А. Бутурлинъ и князь Трубецкой и генералъ-адмиралъ князь Голицынъ; оба Шувалова категорически потребовали преданія Апраксина суду.

16-го октября былъ данъ иностранной коллегіи, для сообщенія министрамъ союзныхъ Дворовъ, указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее: „Предпріятая единожды безъ указу нашимъ генераломъ-фельдмаршаломъ Апраксинымъ ретирада тѣмъ больше непріятныя произвела по себѣ слѣдствія, что мы оной предвидѣть и потому предупредить не могли, наступившее же нынѣ паче всѣхъ лѣтъ рано суровое и почти самое уже зимнее время дѣлаютъ безплодными всѣ наши усиленія поправить ихъ въ скорости“... „Мы чувствуемъ отъ того еще большее огорченіе, что 1) операція нашей арміи генерально не соотвѣтствовала нашему желанію ниже тѣмъ деклараціямъ и обнадеживаніямъ, кои мы учинили нашимъ союзникамъ“... „Какъ бы ни было, наше намѣреніе тѣмъ не менѣе твердо и непоколебимо отъ соглашенныхъ мѣръ ни мало не отступать, и какъ къ сему *наиглавнѣйше принадлежитъ испытать прямыя причины, отъ чего походъ нашей арміи сперва медлителенъ былъ*, а потомъ оная и *весьма ретироваться принуждена была*, дабы потому толь надежнѣе потребныя мѣры взять можно было, то мы за нужно разсудили команду надъ арміею у фельдмаршала Апраксина взявъ, поручить оную генералу Фермору, а *его* (Апраксина) *сюда къ отвѣту позвать*“.

18-го октября фельдмаршалъ получилъ указъ ѣхать въ Петербургъ и писалъ Императрицѣ, что указъ этотъ „совершенно отчаянную жизнь вновь ему возвратилъ“. По пути онъ заболѣлъ и въ началѣ ноября пріѣхалъ въ Нарву, гдѣ получилъ чрезъ ординарца лейбъ-кампаніи вице-капрала Суворова Высочайшее „обнадеживаніе монаршею милостію“, при чемъ, однако, было приказано ему отдать всѣ находящіяся у него письма. Благодаря поддержкѣ Шуваловыхъ, стремившихся во что бы то ни стало къ сверженію Бесту-

жева, соединенныя усилія французскаго и австрійскаго пословъ, привели къ подписанію указа объ окончательномъ отрѣшеніи Апраксина отъ должности; затѣмъ онъ былъ преданъ суду. Слѣдствіе тянулось долго, а фельдмаршалъ, повидимому, не понималъ сущности дѣла, т.-е. центра тяжести тѣхъ интригъ, въ которыя онъ былъ вовлеченъ, какъ это видно изъ того „умилостивительнаго“ письма, которое онъ написалъ Императрицѣ 14-го декабря и въ которомъ онъ, съ полнымъ къ тому основаніемъ, ссылался на Фермора. Невинность Апраксина въ отношеніи веденія операцій не могла не обнаружиться; оставался еще, однако, вопросъ о перепискѣ его съ Великою Княгинею Екатериною Алексѣевною при посредничествѣ Бестужева; отъ рѣшенія этого вопроса и зависѣлъ исходъ суда, которому подвергся фельдмаршалъ. Въ январѣ 1758 года начальникъ тайной канцеляріи или такъ-называемый „великій или государственный инквизиторъ“ (графъ А. И. Шуваловъ) отправился въ Нарву, съ цѣлью „переговорить съ Апраксинымъ на счетъ упомянутой переписки“, т.-е. для снятія допроса. Апраксинъ, еще раньше отдавшій письма Великой Княгини, теперь категорически показалъ, что „молодому двору (онъ) никакихъ обѣщаній не дѣлалъ и отъ него никакихъ замѣчаній въ пользу прусскаго короля не получалъ“. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ арестованъ и перевезенъ въ урочище *Три-Руки*, близъ Петербурга, что было слѣдствіемъ обвиненія его въ государственной измѣнѣ. Въ томъ же былъ заподозрѣнъ и канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, враги котораго добились, наконецъ, своей цѣли: 14-го февраля и онъ былъ арестованъ, а по дѣлу его наряжена слѣдственная коммиссія изъ трехъ членовъ: князя Трубецкаго, Бутурлина и гр. А. Шувалова, при секретарѣ Волковѣ. Слѣдователи старались всячески запутать и окончательно погубить Бестужева, требовали отъ него, даже именемъ Императрицы и съ угрозами, искреннихъ (и желательныхъ съ ихъ точки зрѣнія) признаній, но безуспѣшно, жаловались Государынѣ на отсутствіе искренности въ его показаніяхъ, а перечисляя „вины“ канцлера, между прочимъ, выразили: „Государственный преступникъ онъ потому, что зналъ или видѣлъ, что *Апраксинъ не имѣетъ охоты изъ Риги выступить и противъ непріятеля идти*, и что *казна и государство напрасно истощеваются, монаршая слава страдаетъ*, не доносилъ о томъ Ея Императорскому Величеству“. Это несправедливое обвиненіе Апраксина (вполнѣ) и даже Бестужева (отчасти, ибо эти „вины“ должны были съ нимъ раздѣлить и другіе члены конференціи) было бы непонятно, если бы слѣдователи не прибавили: „Оскорбитель онъ Величества, что вмѣсто должнаго о томъ донесенія, вздумалъ, что можетъ то лучше исправить собственно собою и вплетеніемъ въ непозволенную переписку такой персоны, которой въ дѣлахъ такого участія имѣть не надлежало, и черезъ то нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался». Въ послѣднемъ и лежалъ центръ тяжести дѣла по отношенію къ Апраксину, который, такимъ образомъ, отвѣчалъ за чужіе грѣхи и которому, тѣмъ не менѣе, продолжали дѣлать допросы по отношенію къ перепискѣ его съ Бестужевымъ и съ Великою Княгинею.

Въ апрѣлѣ 1758 года дѣло Бестужева окончилось ссылкою его въ одну изъ его деревень; изъ этого же дѣла, изъ объясненій Императрицы съ Великою Княгинею и изъ всего слѣдственнаго дѣлопроизводства, собственно, по отношенію къ Апраксину выяснилась полная невинность фельдмаршала не только по отношенію къ веденію имъ операцій вообще, но и въ особенности по отношенію къ тому, что онъ будто бы *не имѣлъ охоты выступить изъ Риги*“. Тѣмъ не менѣе, слѣдователи и судьи не рѣшались ни отказаться отъ обвиненія, ни признать его невиновнымъ. въ такомъ случаѣ нельзя было бы оправдать отнятіе у него начальства надъ арміею, ибо и по другому, важнѣйшему обвиненію, въ веденіи недозволенной *переписки съ Великою Княгинею*, оказалось, что эта переписка совсѣмъ не имѣла преступнаго характера и что, напротивъ того, какъ Великая Княгиня, такъ и канцлеръ Бестужевъ убѣждали фельдмаршала идти скорѣе въ походъ. Неизвѣстно, чѣмъ окончился бы этотъ судъ, если бы не послѣдовала внезапная смерть фельдмаршала 6-го августа 1758 года. Онъ былъ похороненъ довольно таинственно, въ Невской лаврѣ, безъ всякой церемоніи, а досужая молва не замедлила

обставить его смерть разными фантастическими подробностями.

Фельдмаршалъ Апраксинъ долженъ быть причисленъ къ разряду лучшихъ военныхъ людей второго поколѣнія петровской Россіи, если считать первымъ извѣстныхъ „птенцовъ гнѣзда Петрова". Дѣтство и юность его протекли въ царствованіе Державнаго преобразователя, а потому и преподанныя имъ начала были усвоены Апраксинымъ съ неуклонною твердостью. Онъ ясно сознавалъ то, чего не могли понять его руководители, члены конференціи, что „воинское искусство не въ томъ одномъ состоитъ, чтобы баталію дать и, выигравъ, далѣе за непріятелемъ гнаться, но наставливаетъ о слѣдствіяхъ часто перемѣняющихся обстоятельствъ болѣе разсуждать всякую предвидимую гибель благовременно отвращать и о цѣлости войска неусыпное попеченіе имѣть". Трудно выразить болѣе мыслей въ столь немногихъ словахъ, доказывающихъ полное пониманіе Апраксинымъ сущности военнаго дѣла. Удаченъ-ли выборъ его въ главнокомандующіе? Конечно, если вѣрить Болотову и писателямъ, не могущимъ отнестись къ нему критически, пришлось бы дать отвѣтъ отрицательный. Но имѣются показанія прямо противоположныя Болотовскимъ. Вотъ одно изъ нихъ: „Отбытіе генералъ-фельдмаршала Степана Өедоровича между солдатами къ разнымъ гаданіямъ поводъ подало. Они себѣ за крайнее несчастіе поставляютъ, что такого главнаго командира, котораго весьма любятъ и почитаютъ, лишились; они другъ къ другу сими экспрессіями прямо отзываются: „Въ кои-то вѣки Богъ насъ было помиловалъ, одаривъ благочестивымъ фельдмаршаломъ, да за наши грѣхи опять его отъ насъ взялъ. А отъ нечестивыхъ нѣмцевъ какого добра ждать?.."

Какова же однако дѣятельность Апраксина, какъ главнокомандующаго? Въ отношеніи подготовительныхъ и дополнительныхъ операцій онъ дѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобы навести конференцію на путь правильныхъ рѣшеній и дѣйствій, а самъ, насколько возможно, пополняетъ допущенные ею пробѣлы и исправляетъ ея ошибки. То же самое замѣчается и въ отношеніи главныхъ операцій, при чемъ фельдмаршалъ обращается въ соотвѣтствующихъ случаяхъ къ военному совѣту. Разсматривая его дѣятельность по отношенію къ общему ходу военныхъ событій, должно помнить, что онъ былъ на всякомъ шагу руководимъ конференціею, заставлявшею его дѣйствовать вопреки собственной его логикѣ и „противъ натуры"; если же ввести надлежащія поправки и освободить его отъ отвѣтственности за погрѣшности конференціи, то за нимъ останется лишь небольшое число ошибокъ и притомъ такихъ, какія встрѣчаются у громаднаго большинства полководцевъ, не исключая и высокоталантливыхъ. Конечно, онъ не можетъ быть отнесенъ къ числу послѣднихъ, но, въ то же время, не должно считать его ни бездарнымъ, ни даже малоспособнымъ.

Какъ человѣкъ, Апраксинъ былъ „благодѣтеленъ" и добръ, любилъ благотворить неимущимъ, раненымъ и дряхлымъ воинамъ, былъ вѣренъ въ дружбѣ, неизмѣнно ревнителенъ въ служеніи царю и отечеству.

Различныя энциклопедическія изданія.—Бантышъ-Каменскій. «Словарь достопамятныхъ людей русской земли». 5 томовъ. Москва. 1836 г.— «Гербовникъ общій дворянскихъ родовъ Всероссійскія имперіи». — Бобринскій, гр. «Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи».—П. Петровъ. «Исторія родовъ русскаго дворянства».—Руммель и Голубцовъ. «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій».—Бороздинъ. «Опытъ исторіи родословія дворянъ и графовъ Апраксиныхъ—С. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».— «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».—«Русская Старина», ежемѣсячное историческое изданіе. Особенно помѣщенныя въ ней: а) «Записки А. Т. Болотова. Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ; «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Записки князя М. М. Щербатова; «Записки о Россіи генерала Манштейна». — Пекарскій. «Походъ русскихъ въ Пруссію подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина въ 1757 году. «Военный Сборникъ», 1858 г., т. III, стр. 289—350. — М. Семевскій. «Противники Фридриха Великаго. Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ». — «Военный Сборникъ». 1862 г., 1862 г., №№ 5, 6 и 11. — Глиноецкій. «Исторія русскаго генеральнаго штаба».—Д. Ө. Масловскій. «Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи». Выпускъ I-й. Спб. 1891 г.; «Русская армія въ семилѣтнюю войну». Выпускъ I-й. Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію (1756—1757 г.г.) — Lehwaldt und Apraxin in Ostpreussen». Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine. Band LXVII, № 200, Heft 2, Mai. 1888. Авторъ этой статьи пользовался трудомъ предъидущаго писателя, указаннымъ въ п. б 14. — «Politische Correspondez», Friedrich's des Grossen. — В. Бильбасовъ. «Исторія Екатерины II», т. I. — П. А. Г. «Семилѣтняя (или 3-я силезская) война». См. «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ». Составлена подъ главною

редакціею генералъ-лейтенанта Леера. Томъ VII. Выпуски 1-й и 2-й. Спб. 1894 г. — П. А. Гейсманъ. «Параллель между вторженіемъ пруссаковъ въ Богемію въ 1757 г. и въ 1866 г. причины неуспѣховъ австрійцевъ на Богемскомъ театрѣ войны въ 1866 году». Изслѣдованіе, написанное по предложенію конференціи Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Спб. 1892 г.

П. Гейсманъ.

Апраксинъ, графъ *Ѳедоръ Матвѣевичъ*, генералъ-адмиралъ русскаго флота, род. въ 1661 г., ум. 10-го ноября 1728 г. Отецъ его былъ стольникомъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, а младшая сестра Марѳа Матвѣевна была замужемъ за царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Служебная дѣятельность Ѳ. М. была посвящена преимущественно устройству и развитію русскаго флота. Въ 1682 году онъ пожалованъ въ стольники къ царю Петру Алексѣевичу и, записанный въ его потѣшныя войска, раздѣлялъ съ государемъ военныя игры на сухомъ пути и на морѣ, сопровождалъ его въ поѣздкѣ въ Архангельскъ и въ плаваніи по Бѣлому морю, а въ 1693 г. назначенъ двинскимъ воеводою и губернаторомъ Архангельска. Въ четырехлѣтнее управленіе этимъ единственнымъ тогда русскимъ портомъ, Апраксинъ положилъ въ немъ начала коммерческаго и военнаго судостроенія и сдѣлалъ опытъ отправки за границу русскаго судна съ русскими товарами. Въ 1700 г. Апраксинъ пожалованъ званіемъ адмиралтейца и азовскаго губернатора; по первому изъ этихъ званій онъ сдѣлался главнымъ распорядителемъ всѣми дѣлами по устройству и снабженію адмиралтействъ и судовъ, заводимыхъ на Азовскомъ и Балтійскомъ моряхъ, а по званію азовскаго губернатора на него возложено было устройство этого вновь пріобрѣтеннаго Россіею края и управленіе имъ. Въ теченіе 6 лѣтъ дѣятельность Апраксина была сосредоточена преимущественно въ Воронежѣ, гдѣ спѣшно сооружался флотъ для Азовскаго моря. Кромѣ постройки судовъ и снабженія ихъ всѣми потребностями, на немъ лежала забота о проводкѣ ихъ въ Азовъ, объ устройствѣ верфи на устьѣ рѣки Воронежа, пушечнаго завода въ селѣ Липцахъ, заведенія адмиралтейства и доковъ въ Тавровѣ, о постройкѣ гавани и укрѣпленій въ Таганрогѣ, объ углубленіи мелководныхъ устьевъ Дона и о производствѣ гидрографическихъ работъ для изслѣдованія вновь пріобрѣтеннаго моря. Въ 1707 г. Апраксинъ пожалованъ въ адмиралы и президенты адмиралтействъ, вслѣдствіе чего принялъ личное командованіе надъ флотомъ и перенесъ свою дѣятельность въ Балтійское море. Съ этого времени, кромѣ главнаго начальства надъ флотомъ, ему неоднократно поручалось командованіе и надъ сухопутными войсками, и какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути онъ много разъ оказалъ большія услуги на военномъ поприщѣ. Такъ, въ 1708 году, назначенный главнокомандующимъ нашихъ войскъ въ Ингріи, Апраксинъ отразилъ нападеніе шведовъ, поставившихъ себѣ цѣлью овладѣть Кроншлотомъ и Котлиномъ и разорить Петербургъ. Шведы имѣли намѣреніе произвести нападеніе съ двухъ сторонъ. Первый корпусъ, подъ предводительствомъ Либекера, долженъ былъ двинуться отъ рѣки Сестры, перейти Неву и идти по южному берегу Финскаго залива на соединеніе съ корпусомъ Штромберга, который придя изъ Ревеля въ Нарву, долженъ былъ идти отсюда на встрѣчу Либекеру. Разбитіемъ на голову корпуса Штромберга у Ракобора (Везенберга) 28-го сентября и корпуса Либекера въ Капорскомъ заливѣ 16-го октября, Апраксинъ разстроилъ планы непріятеля и спасъ нашъ молодой флотъ, Кроншлотъ и Петербургъ отъ грозившей имъ опасности. Въ награду за это дѣло Апраксинъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи; въ память побѣды была выбита медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ Апраксина, а съ другой—флота, построеннаго въ линію, съ надписью: „Храняй сіе не спитъ; лучше смерть, а не невѣрность". 25-го декабря 1708 года, по Высочайшему повелѣнію положено производить Апраксину жалованье наравнѣ съ генералъ-фельдмаршаломъ, который по табели о рангахъ равнялся съ генералъ-адмираломъ. Въ 1710 году, начальствуя 10-тысячною арміею, графъ Апраксинъ предпринялъ походъ къ Выборгу, обложилъ крѣпость и, при помощи подкрѣпленія доставленнаго моремъ самимъ Государемъ, принудилъ крѣпость сдаться на капитуляцію. За взятіе Выборга Апраксинъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и золотою шпагою, украшенною алмазами. 1711 годъ и начало 1712-го Апраксинъ провелъ въ

Азовѣ; на этотъ разъ ему пришлось уничтожать то, что, пять лѣтъ назадъ, съ такими усиліями и трудами было имъ создано, такъ какъ, въ силу Прутскаго договора, Азовъ былъ возвращенъ туркамъ, а вслѣдствіе этого и азовскій флотъ прекратилъ свое существованіе. Окончивъ переговоры по сдачѣ туркамъ Азова и по продажѣ имъ нѣкоторыхъ судовъ азовскаго флота, Апраксинъ возвратился въ Петербургъ и принялъ начальство надъ сухопутными войсками, назначенными для дѣйствій въ Финляндіи. Походъ 1712 года ограничился движеніемъ нашей арміи отъ Выборга до сильно укрѣпленной позиціи непріятеля у Ярви-Коски, обойти которую оказалось невозможнымъ. Въ 1713 году предводительствуемые графомъ Апраксинымъ сухопутная армія и галерный флотъ совершили вторичный походъ въ Финляндію, слѣдствіемъ котораго были занятіе Гельсингфорса и совершенное пораженіе шведской арміи при Пелкинѣ (6-го октября). Въ 1714 году галерный флотъ подъ начальствомъ графа Апраксина одержалъ первую морскую побѣду надъ шведами у Гангута. Задуманный Государемъ смѣлый планъ обхода галернымъ флотомъ Гангутскаго мыса, въ виду сильнаго непріятельскаго корабельнаго флота, былъ блистательно исполненъ графомъ Апраксинымъ, и имѣлъ слѣдствіемъ взятіе въ плѣнъ девяти непріятельскихъ судовъ и начальствовавшаго ими шведскаго контръ-адмирала. Побѣда при Гангутѣ открыла нашему галерному флоту дорогу къ дальнѣйшему плаванію по шхерамъ и слѣдствіемъ ея было занятіе русскими Або, Аландскихъ острововъ и появленіе нашихъ отрядовъ въ Ботническомъ заливѣ. Въ 1715 и 1717 годахъ графъ Апраксинъ командовалъ корабельнымъ флотомъ, плававшимъ въ Балтійскомъ морѣ, при чемъ въ послѣднемъ плаваніи произведена была удачная высадка на островъ Готландъ; а въ 1716, 1718 и особенно въ 1719 годахъ, начальствуя галернымъ флотомъ, онъ ходилъ въ Аландскія и Стокгольмскія шхеры, нанеся при этомъ Швеціи чувствительное пораженіе разореніемъ береговъ и истребленіемъ судовъ, заводовъ и деревень. Опустошенія, произведенныя галернымъ флотомъ подъ начальствомъ Апраксина въ окрестностяхъ Стокгольма, навели страхъ на самую столицу Швеціи и много повліяли на заключеніе со Швеціею выгоднаго для Россіи Ништадтскаго мира. Признательный флоту, много способствовавшему утвержденію Россіи на водахъ Балтійскаго моря, Государь при заключеніи мира щедро наградилъ моряковъ, при чемъ графъ Апраксинъ, какъ главный представитель флота, получилъ высшую морскую награду—кейзеръ-флагъ. Въ 1722 году Апраксинъ участвовалъ въ предпринятомъ Государемъ походѣ въ Персію, и начальствовалъ флотиліею при переходѣ по Каспійскому морю отъ Астрахани до Дербента. Въ 1723, 1725 и 1726 годахъ графъ Апраксинъ лично командовалъ флотомъ, на Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ.

Административная дѣятельность графа Апраксина была, главнымъ образомъ, сосредоточена на управленіи флотомъ и морскимъ вѣдомствомъ, до 1717 года по званію адмирала и президента адмиралтействъ, а послѣ того—по званію президента учрежденной въ 1717 году Адмиралтействъ-коллегіи. Кромѣ того съ 1707 по 1711 годъ онъ завѣдывалъ монетнымъ дворомъ, а въ 1710 году вѣдѣнію его былъ подчиненъ весь Азовскій край. Въ 1717—1718 годахъ графъ Апраксинъ состоялъ членомъ коммиссіи суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, а въ 1726 году назначенъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, на который возложено было главное распоряженіе всѣми государственными дѣлами. Не смотря на высокое общественное и служебное положеніе и на весьма значительное состояніе графа Апраксина, имя его три раза встрѣчается въ судебныхъ процессахъ того времени по обвиненію въ злоупотребленіяхъ, „наносившихъ вредъ государственнымъ интересамъ и увеличивавшихъ бѣдствія народа“. Обвиненія каждый разъ оказывались справедливыми, и только важныя государственныя заслуги избавляли графа Апраксина отъ слѣдуемыхъ по закону тяжкихъ взысканій, замѣненныхъ большими денежными штрафами. Въ началѣ 1728 года графъ Апраксинъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ въ томъ же году и скончался. Состоя въ числѣ главныхъ сотрудниковъ Петра Великаго въ его преобразовательной дѣятельности, графъ Апраксинъ, по свидѣтельству современниковъ, не отличался выдающимися способностями, но былъ добрымъ и правдивымъ человѣкомъ, веселымъ, гостепріимнымъ и радушнымъ хозяиномъ - хлѣбосо-

ломъ. Въ своей многосторонней служебной дѣятельности онъ былъ усерднымъ и точнымъ исполнителемъ предначертаній геніальнаго Царя - преобразователя, хотя иногда имъ и не сочувствовалъ. По собственному выраженію Апраксина, онъ исполнялъ службу „по силѣ ума своего радостнымъ сердцемъ и чистой совѣстью“. Изъ обширной переписки Апраксина можно видѣть, что онъ обладалъ добрымъ сердцемъ, мягкимъ и миролюбивымъ характеромъ. Эти качества онъ проявлялъ въ сношеніяхъ какъ съ равными себѣ, такъ и съ низшими; а въ тонѣ его писемъ къ высокостоящимъ особамъ проглядываетъ иногда излишнее даже для того времени униженіе и раболѣпство. Письма его къ Государю и Государынѣ наполнены выраженіями: „по всепокорнѣйшей нашей рабской должности“, „рабски прошу повелѣть мнѣ рабу своему“, „рабски доношу“, „униженный рабъ“, „умилосердися ко мнѣ, рабу твоему“, и т. п., тогда какъ, въ то же время, письма къ Государю лицъ стоявшихъ гораздо ниже графа Апраксина, отличаются простотою и фамильярностью, нравившимися Петру, который по поводу излишней оффиціальности писемъ Апраксина, иногда выражалъ свое неудовольствіе. „Сомнѣваюсь, ко мнѣ ли ты писалъ съ такими зельными чинами, чего не люблю,—писалъ Государь въ 1693 году къ Апраксину,—а тебѣ надо знать, какъ ко мнѣ писать, потому что ты нашей компаніи“. Для примѣра, въ какой деликатной формѣ графъ Апраксинъ изъявлялъ свое неудовольствіе своимъ подчиненнымъ приведемъ письмо его къ Кикину 12-го августа 1710 года: „О неприсылкѣ бѣлыхъ флаговъ я спрашивалъ г.г. капитановъ и сказали: когда они пошли въ кампанію, не отдали, а надлежало было о семъ помнить служителямъ адмиралтейскимъ, однакожъ и они въ томъ не гораздо правы, для чего не спрашивали. И, для Бога, о семъ не изволь мыслить, чтобъ я то писалъ къ вамъ по наущеніямъ, но только для меморіи; пожалуй, не изволь имѣть мнѣнія, дабы я на васъ принялъ отъ кого какой навѣтъ“. Но ни мягкость характера, ни миролюбіе не избавили Апраксина отъ недоброжелателей и враговъ, старавшихся всѣми силами вредить ему. Апраксинъ, принадлежавшій къ партіи Меншикова, въ письмахъ къ братьямъ своимъ называетъ своими непріятелями Толстого, Кикина, Мусина-Пушкина и говоритъ, что даже въ Сенатѣ „мало не всѣ намъ злодѣи“. Главнымъ же врагомъ графа Апраксина былъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. По письмамъ Апраксина къ князю Меншикову, первая злоба на него князя Долгорукова „родилась, что я своимъ исканіемъ привязался къ вамъ“. Въ письмѣ къ брату Петру Матвѣевичу Апраксинъ пишетъ про Долгорукова: „такую являетъ къ намъ злобу, какъ злѣе того ни дьяволу враждовать человѣку не можно“. И дѣйствительно, присутствуя въ Сенатѣ, Долгоруковъ употреблялъ всевозможные способы, чтобы обличить Апраксина въ незаконныхъ поступкахъ, и весьма вѣроятно, что старанія эти были не безплодны.

Графъ Апраксинъ скончался бездѣтнымъ. Духовное завѣщаніе, составленное имъ въ годъ его кончины, свидѣтельствуетъ о значительности его движимаго и недвижимаго имущества. Кромѣ дворцовъ, домовъ, земель и вотчинъ, послѣ него осталось въ разныхъ вещахъ множество золота и серебра, драгоцѣнностей, богатыхъ одеждъ и большого количества денегъ. Подробно распредѣливъ свои богатства между родными, „благодѣтелями“ и лицами, служившими ему, Апраксинъ не забылъ неимущихъ, плѣнныхъ и впавшихъ въ казенные долги. Изъ духовной графа Апраксина узнаемъ, что въ походной его канцеляріи были деньги, которыя, по словамъ завѣщателя, собраны были его трудами и изъ разныхъ партикулярныхъ контрибуцій, также часть есть и отъ взятыхъ прейсовъ, и содержаны были ради всякихъ нужнѣйшихъ дѣлъ и военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ походовъ и посылокъ разныхъ, и въ собственные расходы его „никогда не употреблялись“. На эти деньги Апраксинъ завѣщалъ построить въ Петербургѣ церковь во имя св. апостола Андрея. С.-Петербургскій большой домъ, что на Невѣ, „со всѣми въ немъ уборы“ и съ помѣщающимися при немъ двумя дворами, графъ Апраксинъ просилъ Петра II повелѣть принять въ память его ко Двору Его Величества.

Архивъ Морского Министерства, дѣла графа Апраксина, поименованныя въ «Описаніи дѣлъ этого архива, томы I и II.—«Матеріалы для исторіи русскаго флота», ч. I—IV.—«Бумаги Петра Великаго», изданныя А. Ѳ. Бычковымъ.—«Русскій Вѣстн.» 1841 г. Книга III, стр. 214.

Н. Коргуевъ.

Апрѣлевъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, артиллеріи генералъ-лейтенантъ, род. въ 1764 г., ум. въ 1837 г. 18-го августа 1776 г. онъ былъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ, откуда 21-го апрѣля 1780 г. выпущенъ съ чиномъ штыкъ-юнкера въ бомбардирскій полкъ. Переименованный въ слѣдующемъ году въ унтеръ-цейхвартеры С.-Петербургскаго арсенала, Апрѣлевъ въ 1785 г. былъ снова переведенъ подпоручикомъ во 2-й канонерскій полкъ, а 16-го февраля 1789 г. назначенъ поручикомъ надъ мастеровыми въ Дерптскій арсеналъ. 26-го января 1792 г., въ чинѣ капитана, переведенъ на ту же должность въ С.-Петербургскій арсеналъ и, оставаясь здѣсь, въ 1793 г. зачисленъ во 2-й канонирскій полкъ, а вскорѣ затѣмъ въ фузелерный. 29-го января 1800 г. Апрѣлевъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ членомъ артиллерійской экспедиціи. Среди излюбленныхъ имъ занятій въ С.-Петербургскомъ арсеналѣ, Апрѣлеву удалось изобрѣсти важный для того времени снарядъ для задѣлыванія въ орудіяхъ раковинъ. Это обстоятельство познакомило Цесаревича съ дѣятельностью Апрѣлева. Въ 1792 г. Великій Князь Павелъ Петровичъ пожелалъ ввести для своихъ гатчинскихъ артиллеристовъ практическія упражненія въ стрѣльбѣ въ цѣль, но при осмотрѣ орудій, послѣднія оказались непригодными по причинѣ имѣвшихся въ нихъ въ значительномъ количествѣ раковинъ. По требованію Цесаревича, генералъ Меллисино отправилъ для задѣлки ихъ изъ С.-Петербургскаго арсенала Апрѣлева съ его „секретною машинкою". Прибытіе Апрѣлева въ Гатчину ознаменовалось новымъ направленіемъ дѣятельности артиллеріи войскъ Цесаревича. Павелъ Петровичъ поручилъ ему, по окончаніи исправленія орудій, устроить практическую стрѣльбу и обучить его артиллеристовъ. Была сформирована артиллерійская рота, раздѣленная на 4 капральства: три пѣшихъ и одно конное, по 3 орудія въ каждомъ. Апрѣлевъ, образованный артиллерійскій офицеръ, во время строевыхъ и практическихъ ученій, такъ умѣлъ выполнить всѣ желанія Великаго Князя, что Павелъ Петровичъ непремѣнно желалъ оставить его начальникомъ своей артиллеріи; но Апрѣлевъ былъ почти незамѣнимъ въ артиллеріи. Говорятъ, что ему первому, будто бы, Аракчеевъ обязанъ началомъ своей выдающейся карьеры: покидая Гатчину, Апрѣлевъ замѣстителемъ указалъ Цесаревичу своего тверского земляка и пріятеля. Апрѣлевъ и по восшествіи на престолъ Павла Петровича не переставалъ пользоваться его особеннымъ расположеніемъ. 4-го октября 1809 года Апрѣлевъ по прошенію, за болѣзнью, былъ уволенъ въ отставку, но черезъ нѣсколько лѣтъ снова вступилъ на службу въ артиллерійскую экспедицію. Къ концу своей жизни, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, Апрѣлевъ состоялъ помощникомъ генералъ-фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Павловича по управленію артиллеріею.

Архивъ Спб. Историч. Артилл. Музея Д. Ген. Пов. св. 1.005, №№ дѣлъ 86 и 40—Ратчъ. «Свѣд. о графѣ А. А. Аракчеевѣ». Спб. 1864г., стр. 83—85.

Д. С—въ.

Апухтинъ, *Акимъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, ум. въ 1804 г. Начавъ службу въ 1737 г. по коммиссаріатской части, онъ въ 1764 году состоялъ въ должности оберстеръ-кригскоммиссара, а въ 1768 г. генералъ-маіоромъ при Главномъ Коммиссаріатѣ. Въ 1773 г., Апухтинъ назначенъ членомъ Военной Коллегіи, три года спустя произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1782 г. ему было поручено править должность симбирскаго и уфимскаго генералъ-губернатора. Около 1784 г. онъ вышелъ въ отставку.

Кн. Туркестановъ, «Губернскій служебникъ». Спб. 1869 г., стр. 93; —«Справочн. Энциклоп. Словарь» А. Старчевскаго.

Д. С—въ.

Араія, *Франческо* (Araja), композиторъ и капельмейстеръ придворнаго театра въ С.-Петербургѣ, род. въ 1700 г., въ Неаполѣ, ум. въ 1767 году, въ Болоньѣ. До пріѣзда своего въ Петербургъ Араія уже былъ извѣстенъ въ Италіи, какъ даровитый оперный композиторъ, двѣ оперы котораго—„Berenica" и „Amore per regnante"—были поставлены: первая—въ 1730 г., на сценѣ придворнаго тосканскаго театра, а вторая—въ слѣдующемъ году, въ Римѣ. По словамъ Штелина, въ 1734 г., въ Италію былъ посланъ скрипачъ придворнаго оркестра, Пьетро Мира, впослѣдствіи извѣстный шутъ Императрицы Анны Іоанновны Педрилло, съ цѣлью отыскать и пригласить на службу въ Россію, для пополненія итальянской оперной труппы и оркестра, новыхъ пѣвцовъ, пѣвицъ и му-

зыкантовъ. Лѣтомъ 1735 г. Педрилло возвратился изъ Италіи, прекрасно исполнивъ порученіе: вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали, во главѣ съ капельмейстеромъ Араія, нѣсколько превосходныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, виртуозовъ-скрипачей и віолончелистовъ, балетныхъ танцоровъ, декоративный живописецъ, машинистъ и другіе спеціалисты театральнаго дѣла; всѣ они были договорены по контракту на пять лѣтъ и въ старомъ Зимнемъ дворцѣ (построенномъ Петромъ Великимъ на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ 1-го батальона Преображенскаго полка) получили безплатныя казенныя квартиры. Сначала оперная итальянская труппа и оркестръ, подъ управленіемъ Араія, помимо участія въ придворныхъ празднествахъ, еженедѣльно, по четвергамъ и воскресеньямъ, должны были участвовать въ придворныхъ концертахъ, а по вторникамъ и пятницамъ, лѣтомъ — въ театрѣ, находившемся въ Лѣтнемъ саду, а зимою— въ театрѣ Зимняго дворца давать комедіи и итальянскія интермедіи; спектакли эти разнообразились балетомъ, который ставилъ танцмейстеръ сухопутнаго шляхетскаго корпуса Линде. Обязавшись управлять придворнымъ опернымъ театромъ и оркестромъ, а также ставить старыя и сочинять для придворной сцены новыя оперы, Араія въ 1737 году написалъ и поставилъ *первую въ Петербургѣ итальянскую оперу* „Abiazare", имѣвшую большой успѣхъ и неоднократно повторявшуюся. Въ исполненіи ея участвовали, кромѣ оперной труппы, огромный придворный пѣвческій хоръ, оперный оркестръ въ 40 человѣкъ и четыре военныхъ оркестра. Въ слѣдующемъ году, поощренный успѣхомъ, Араія написалъ новую оперу „Semiramide ol fento Nino", которая всѣмъ понравилась еще больше первой и ставилась каждую недѣлю въ теченіе двухъ лѣтъ. Послѣ смерти Императрицы Анны, во время годичнаго траура, Араія ѣздилъ въ Италію ангажировать новыхъ артистовъ и уже въ царствованіе Елизаветы Петровны, осенью 1742 года, вернулся въ Петербургъ; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали: пѣвецъ кастратъ Салетти, гобоистъ Стацци, нѣсколько скрипачей, стихотворецъ изъ Флоренціи Бонеки, спеціально для сочиненія оперныхъ либретто, и декоративный живописецъ Валеріани, который на афишахъ елизаветинскаго времени назывался „Ея Императорскаго Величества первымъ театральнымъ живописцемъ и Санктъ-Петербургскія Академіи художествъ профессоромъ перспективы". Съ новыми музыкальными силами 18-го декабря 1743 года была поставлена третья опера Араіи — „Александръ въ Индіи". Хотя либретто почти всѣхъ оперъ плодовитаго композитора сочинялись по-итальянски, но къ тексту обыкновенно прилагался переводъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Изъ многочисленныхъ оперъ Араіи, написанныхъ имъ за время пребыванія въ Россіи для придворнаго театра, только двѣ на русскомъ языкѣ—„Цефалъ и Прокрисъ" и „Селевкъ". Текстъ обѣихъ оперъ принадлежалъ А. П. Сумарокову. Первая изъ нихъ—„Цефалъ и Прокрисъ", представленная 27-го февраля 1755 г., была, вмѣстѣ съ тѣмъ, *первой оперой, написанной на русскій текстъ*. Исполнителями въ ней явились: дочь музыканта дѣвица Елизавета Бѣлоградская, придворный пѣвчій Сѣчкаревъ и пять человѣкъ пѣвчихъ графа Разумовскаго. Какъ новинка, опера эта имѣла большой успѣхъ; композитору была пожалована Императрицею соболья шуба и 100 полуимперіаловъ, а пѣвицѣ и всѣмъ пѣвцамъ—дорогія матеріи на платье. Въ слѣдующемъ, 1756 г., появилась на придворной сценѣ вторая опера Араіи на русскій текстъ—„Селевкъ". Разумѣется, въ этихъ операхъ не было ни малѣйшаго намека на мѣстный, народный колоритъ музыки, которая, по тогдашнимъ понятіямъ, имѣла въ оперѣ второстепенное значеніе: успѣхъ или паденіе пьесы зависѣло отъ сочинителя текста. Араія написалъ эти оперы подъ вліяніемъ моды на русскіе и малороссійскіе мотивы, когда, благодаря главнымъ образомъ А. К. Разумовскому, въ придворную жизнь сталъ проникать русскій національный элементъ. За неимѣніемъ русскихъ оперъ, репертуаръ нашихъ пѣвцовъ елизаветинскаго времени, по необходимости, состоялъ изъ переводныхъ съ итальянскаго, въ числѣ которыхъ, написанныхъ Араіей, было семь: „Сципіонъ" (1745 г.), „Беллерофонтъ" (1750 г.), „Евдокія вѣнчанная или Ѳеодосій II" (1751 г.), „Антигонъ", „Митридатъ", „Царь-пастухъ" и „Александръ въ Индіи", о которой уже упоминалось. На одномъ итальянскомъ языкѣ давались слѣдующія оперы Араіи: „Ложный трудъ или, не поя и не кормя, врага не наживешь"—„слез-

ная драма въ трехъ дѣйствіяхъ на музыкѣ", какъ значилось на афишѣ 1744 года, когда эта опера была въ первый разъ представлена „сентября 5-го во всерадостный день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Елисафетъ Петровны, Італьянскими придворными комедьянтами"; „Арзакъ" (1757 г.), „Оставленная Дидона" (1758 г.) и „Ифигенія"—въ томъ же году, въ Москвѣ. Такимъ образомъ, за 24 года своей службы въ должности русскаго придворнаго капельмейстера Араія написалъ пятнадцать оперъ. При такой плодовитости нельзя, конечно, ожидать отъ нихъ особенныхъ музыкальныхъ достоинствъ: оперный стиль Араіи не выходилъ изъ тѣсныхъ предѣловъ итальянской рутины, угождавшей только концертной виртуозности пѣвцовъ. О характерѣ музыкальнаго дарованія Араіи можно судить по увертюрѣ къ „Цефалу и Прокрису", напечатанной въ приложеніи къ сочиненію В. Моркова: „Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1862 годъ". Наживъ значительное состояніе, Араія въ 1759 году уѣхалъ въ Италію и поселился въ Болоньѣ, гдѣ жилъ до смерти. Въ послѣдніе годы жизни онъ написалъ ораторію „La nativita de Gesù" и оперу „La Cimotea".

Johann-Joseph Haigold, «Beilagen zum neuveränderten Russland» («Stählins Nachrichten von der Musik in Russland»), zweiter Theil, Riga und Leipzig, 1770.—Вл. Михневичъ, «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи», Спб. 1879, стр. 164—169.—В. Морковъ, «Историческій очеркъ русской оперы», Спб., 1862, стр. 2—4 и приложенія. — П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», Спб., 1861, стр. 36—47.—Н. М. Лисовскій, «Музыкальный календарь-альманахъ и справочная книжка на 1890 г.», стр. 1—36 («Музыкальный календарь»).—П. Д. Перепелицынъ, «Исторія музыки въ Россіи», Спб., 1888, стр. 92—93.—«Энциклопедическій лексиконъ» 1835 г., т. II, стр. 476 и «Энцикл. словарь» Брокгауза-Ефрона, полутомъ III, стр. 5—6. *С. Тр.*

Аракинъ, *Александръ Тихоновичъ*, тайный совѣтникъ, товарищъ министра юстиціи, род. 23-го октября 1845 года, въ Царскомъ Селѣ, ум. 14-го іюня 1891 года, въ С.-Петербургѣ. Въ 1865 г. окончилъ курсъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія по первому разряду, съ медалью, и первыя тринадцать лѣтъ своей служебной дѣятельности провелъ въ Сенатѣ, преимущественно въ 1-мъ департаментѣ, гдѣ былъ оберъ-секретаремъ. Въ 1878 г. Аракинъ перешелъ въ Государственную канцелярію, на должность помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Блестящія способности и необыкновенное трудолюбіе Аракина обусловили его дальнѣйшіе быстрые служебные успѣхи. Съ образованіемъ, въ 1883 г., въ кабинетѣ Его Величества отдѣленія для завѣдыванія поземельными вопросами и устройствомъ крестьянъ въ Алтайскомъ округѣ, Аракинъ былъ назначенъ помощникомъ управляющаго кабинетомъ, причемъ получилъ въ завѣдываніе новое дѣло. Въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ снова переведенъ въ Государственную канцелярію, на должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, и произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Назначенный въ 1886 г. директоромъ департамента министерства юстиціи, Аракинъ черезъ четыре года былъ призванъ на постъ товарища министра юстиціи и въ отсутствіе министра нѣсколько разъ управлялъ министерствомъ.

«Всемірная Иллюстрація» 1891 г., № 1171 (некрологъ съ портретомъ).—«Правит. Вѣстникъ» 1891 г., № 130.

Аракчеевъ, графъ, *Алексѣй Андреевичъ*, генералъ отъ артиллеріи, род. 23-го сентября 1769 г., ум. 21-го апрѣля 1834 г. Родъ Аракчеевыхъ, старинныхъ дворянъ Новгородской губерніи, ведетъ свое начало отъ новгородца Ивана Степанова Аракчеева, получившаго въ 1584 г. „за службу предковъ и отца его, и его которыя службы, и ратоборство, и храбрость" вотчины въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Никольскомъ погостѣ. Прадѣдъ Алексѣя Андреевича, Степанъ Аракчеевъ умеръ капитаномъ, состоя на службѣ въ армейскихъ полкахъ; дѣдъ, Андрей въ чинѣ поручика убитъ въ турецкомъ походѣ Миниха. Отецъ графа Аракчеева, Андрей Андреевичъ, служилъ л.-гв. въ Преображенскомъ полку и въ чинѣ поручика вышелъ въ отставку, поселившись въ доставшемся ему по раздѣлу небольшомъ родовомъ помѣстьѣ въ 20 душъ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Здѣсь протекли первые годы дѣтства Алексѣя Андреевича и отсюда имъ вынесены первыя впечатлѣнія и первый взглядъ на жизнь. Порученный всецѣло попеченіямъ матери, Елизаветы Андреевны, рожденной Витлицкой, онъ прочно усвоилъ кодексъ ея педантичныхъ

требованій, основанныхъ, главнымъ образомъ, на стремленіи къ постоянному труду, строгому порядку и необыкновенной аккуратности и бережливости; многое, унаслѣдованное имъ изъ воспитанія въ родительскомъ домѣ, навсегда запечатлѣлось въ его характерѣ. Первымъ наставникомъ его былъ сельскій дьячекъ, ознакомившій своего ученика за скромную годовую плату „трехъ четвертей ржи и овса", съ грамотою, письмомъ и четырьмя правилами ариѳметики; съ этими знаніями, послѣ многихъ испытаній, Аракчеевъ 20-го іюля 1783 г. поступилъ кадетомъ въ шляхетный артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ. Быстрыми успѣхами въ наукахъ, въ особенности по математикѣ и артиллеріи, и отличнымъ поведеніемъ, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе всего корпуснаго начальства; семь мѣсяцевъ спустя, онъ уже перебрался въ верхніе классы и затѣмъ, награждаемый по аттестаціи примѣрнаго кадета, 9-го февраля 1775 г. былъ произведенъ въ капралы, черезъ два мѣсяца (21-го апрѣля) — въ фурьеры и 27-го сентября—въ сержанты а въ августѣ 1786 г. былъ пожалованъ вызолоченною медалью, установленною за отличіе. Не менѣе рвенія оказалъ онъ и къ фронтовымъ занятіямъ. Съ пятнадцатилѣтняго возраста Аракчеевъ сдѣлался помощникомъ корпусныхъ офицеровъ, которые поручали ему слабыхъ по фронту и по наукамъ кадетовъ, надзоръ за порядкомъ и даже производство строевыхъ ученій. Начальники осыпали его громкими и общими похвалами и высказывали ему полное довѣріе. „Съ сегодняшняго дня,— писалъ отъ 4-го апрѣля 1787 г., директоръ корпуса еще неокончившему курса Аракчееву,—вы властны посѣщать классы или заниматься у себя; вы сами себѣ составите планъ наукъ и будете одной совѣсти вашей отдавать въ ономъ отчетъ... вашъ вѣрный другъ П. Мелиссино". Не любили только кадеты поставленнаго надъ ними сержанта, за его строгости и крутое обращеніе. 27-го сентября 1787 г. Аракчеевъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ поручика арміи и по совѣту Мелиссино остался при корпусѣ репетиторомъ и преподавателемъ математики и артиллеріи. Дѣятельное участіе Аракчеева въ сформированіи при кадетскомъ корпусѣ, во время шведской войны, новой артиллеріи и въ составленіи „краткихъ артиллерійскихъ записокъ въ вопросахъ и отвѣтахъ" доставило ему въ 1789 г. переводъ въ артиллерію съ переименованіемъ въ подпоручики и назначеніе командиромъ особой гренадерской команды, составленной изъ лучшихъ фронтовиковъ трехъ ротъ корпуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще болѣе возрасло къ нему расположеніе генерала Мелиссино; пользуясь своими связями съ обществомъ, онъ доставилъ выгодные уроки бѣдному офицеру въ домѣ вельможи, графа Н. И. Салтыкова, а 24-го іюля 1791 года, при содѣйствіи послѣдняго, выхлопоталъ опредѣленіе Аракчеева въ свой штабъ въ старшіе адъютанты съ чиномъ капитана арміи, о чемъ и извѣщалъ его „съ великимъ удовольствіемъ" въ письмѣ отъ 29-го числа. Вскорѣ, однако, случай перемѣнилъ положеніе Аракчеева и поставилъ его на новый, неожиданный путь.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, устраивая свои гатчинскія войска, пожелалъ имѣть свѣдущаго офицера для артиллеріи. Онъ обратился къ Мелиссино и тотъ указалъ на Аракчеева. 4-го сентября 1792 года, въ мундирѣ и прическѣ гатчинскихъ войскъ, Аракчеевъ уже прибылъ въ Гатчину и тотчасъ получилъ приказаніе Наслѣдника „явиться къ ротѣ". На первомъ же разводѣ онъ представился какъ бы вѣкъ служившій въ Гатчинѣ и своимъ усердіемъ, знаніемъ дѣла и точною исполнительностью вызвалъ къ себѣ полное благоволеніе Великаго Князя. Мѣсяцъ спустя, 8-го октября, присутствуя при стрѣльбѣ Аракчеева изъ мортиры и убѣдившись въ искусствѣ и знаніяхъ по артиллерійской части своего новаго офицера, Павелъ Петровичъ назначилъ его въ тотъ же день командиромъ артиллерійской роты, пожаловалъ чиномъ капитана артиллеріи и далъ ему право находиться постоянно при своемъ обѣденномъ столѣ. Съ этого дня началась новая эпоха жизни двадцати-четырехлѣтняго капитана. Ставъ отвѣтственнымъ начальникомъ отдѣльной части, Аракчеевъ энергично и всецѣло отдался своимъ новымъ обязанностямъ. Въ короткое время онъ съумѣлъ Гатчинскую артиллерію, преобразованную въ 1795 г. въ полкъ, привести въ образцовый порядокъ. Ни съ кѣмъ не сближаясь, не заискивая ни въ какой партіи, онъ однимъ лишь строгимъ отношеніемъ къ службѣ, ревностнымъ усердіемъ и бы-

стротою выполненія повелѣній Цесаревича достигъ тѣхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ отличій и назначеній, которыя поставили его первымъ лицомъ въ гатчинскихъ войскахъ. 5-го августа 1793 г. Наслѣдникъ пожаловалъ его артиллеріи маіоромъ; кромѣ завѣдыванія артиллеріею, Аракчееву было поручено устройство классовъ для младшихъ офицеровъ, подпрапорщиковъ и юнкеровъ; въ концѣ 1794 г. ему было поручено устройство хозяйственной части гатчинскихъ войскъ; онъ же состоялъ въ должности инспектора, сначала одной артиллеріи, а съ начала 1796 г. и пѣхоты, и въ должности гатчинскаго губернатора. Строгій къ самому себѣ, не допуская ни малѣйшихъ отклоненій отъ порядка службы, Аракчеевъ являлся столь же требовательнымъ и въ отношеніи подчиненныхъ. Суровость его къ послѣднимъ, получившая съ теченіемъ времени еще болѣе легендарную извѣстность, принесла, однако, значительную пользу войскамъ гатчинскаго гарнизона, доставившимъ впослѣдствіи отличныхъ инструкторовъ для всей русской арміи. Главнѣйшая заслуга въ этомъ безспорно принадлежала Аракчееву, что хорошо понималъ и цѣнилъ Цесаревичъ. „Совѣтую пріѣхать сюда на нѣкоторое время вывесть сей духъ", писалъ, напримѣръ, Великій Князь своему энергичному помощнику, вызывая его въ Павловскъ для водворенія строевого порядка въ начавшихъ распускаться батальонахъ Недоброва и Федорова. 28-го іюня 1796 г., по особому ходатайству Павла Петровича, послѣдовало производство Аракчеева въ подполковники артиллеріи и полковники войскъ Наслѣдника. Въ этихъ чинахъ онъ закончилъ свою службу въ Гатчинѣ. 6-го ноября скончалась Императрица Екатерина II-я и на престолъ вступилъ ея сынъ.

Аракчеевъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ. „Смотри, Алексѣй Андреевичъ, служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде"—встрѣтилъ его Императоръ Павелъ и тутъ же, соединяя его руку съ рукою Великаго Князя Александра Павловича, добавилъ: „будьте навсегда друзьями". Въ приказѣ 7-го ноября, вслѣдъ за лицами Императорской Фамиліи, было объявлено назначеніе Аракчеева петербургскимъ городскимъ комендантомъ и „штабомъ" (штабъ-офицеромъ по хозяйственной части) л.-гв. Преображенскаго полка; на другой день онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, на третій назначенъ командиромъ сводпаго гренадерскаго батальона Преображенскаго полка; 13-го ноября Государь пожаловалъ ему анненскую ленту. 12-го декабря Аракчеевъ получилъ богатую Грузинскую волость въ Новгородской губерніи, единственный цѣнный даръ, принятый имъ въ теченіе всей службы. Этимъ, однако, не ограничились дальнѣйшія пожалованія и назначенія Аракчеева. Въ концѣ января слѣдующаго года, сдавъ должность коменданта, на время своего отсутствія, генералъ-лейтенанту Буксгевдену, онъ отправился въ Москву въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Государя для торжества коронаціи; въ день послѣдней, 5-го апрѣля 1797 г., онъ былъ пожалованъ александровскимъ кавалеромъ и барономъ; 19-го апрѣля послѣдовало назначеніе его генералъ-квартирмейстеромъ по всей арміи и 10-го августа ему же было ввѣрено командованіе л.-гв. Преображенскимъ полкомъ. Столь обширное поле дѣятельности открылось для Аракчеева съ воцареніемъ Императора Павла; онъ явился главнѣйшимъ участникомъ въ предпринятыхъ имъ громадныхъ преобразованіяхъ по военной части. Бывшія войска Наслѣдника были распредѣлены по войскамъ гвардіи и внесли съ собою въ послѣднія новые порядки службы, новыя требованія и суровую гатчинскую дисциплину. Послѣдніе годы блестящаго царствованія Екатерины омрачились безпорядками въ арміи и упадкомъ дисциплины. Во внутренней ея жизни таилось множество уклоненій отъ правильнаго теченія дѣлъ. Въ издержкахъ на содержаніе войскъ не было надлежащей отчетности; не имѣлось вѣрнаго счета наличному числу людей подъ ружьемъ; тысячи солдатъ, въ особенности знавшихъ ремесло, прямо съ поступленія на службу, опредѣлялись по помѣстьямъ своихъ начальниковъ; полки не имѣли однообразнаго устройства, обученіе, содержаніе и даже обмундированіе людей зависѣли отъ произвола полковыхъ командировъ. Съ подобнымъ состояніемъ арміи не могъ примириться Императоръ Павелъ, привыкшій уже къ строгой школѣ своихъ гатчинцевъ; съ энергіею и безъ проволочекъ, онъ принялся безпощадно водворять порядокъ. Начались суровыя преслѣдованія, настойчивыя попытки къ коренной реорганизаціи всей военной части и, какъ

неразрывный спутникъ съ ними, появились легендарные приказы о повальныхъ исключеніяхъ изъ службы и отставкахъ. Въ арміи, въ особенности же въ гвардейскихъ войскахъ, духъ новыхъ требованій, отнимавшихъ отъ нихъ духъ прежней свободы, вызвалъ естественный ропотъ и недовольство, обрушившіеся, главнымъ образомъ, на ближайшаго участника вводимыхъ преобразованій, барона Аракчеева. Послѣдній, дѣйствительно, явился грозою войскъ. Неумолимо строгимъ, по безпристрастнымъ, стоялъ онъ на стражѣ точнаго выполненія указаній Государя и соблюденія всего законнаго. Многаго полезнаго для дѣла службы успѣлъ достигнуть Аракчеевъ своимъ усердіемъ. При немъ были введены во всей арміи уставы и различныя положенія, выработанныя гатчинскою школою, возстановлены и ограждены отъ нарушеній дисциплина и порядокъ въ войскахъ, установленъ строгій надзоръ за правильнымъ веденіемъ хозяйства въ частяхъ войскъ, и главнымъ образомъ за довольствіемъ и опрятнымъ содержаніемъ нижнихъ чиновъ. „Чистыя казармы—здоровыя казармы"—было его любимою приговоркою, и строгими требованіями онъ, дѣйствительно, достигъ опрятности въ помѣщеніяхъ Однако, суровая строгость его, явилась для Аракчеева роковою. 1-го февраля 1798 г. баронъ былъ уволенъ въ отпускъ до излѣченія болѣзни съ сохраненіемъ только званія генералъ-квартирмейстера, на другой день лишился и этого званія, а 18-го марта, безъ прошенія, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, уволенъ въ чистую отставку.

Государева немилость, при этомъ первомъ паденіи Аракчеева, длилась не долго. Черезъ полгода, 11-го августа, онъ былъ снова принятъ на службу, съ зачисленіемъ въ свиту Государя; 22-го декабря снова занялъ должность генералъ-квартирмейстера, и 4-го января 1799 г. былъ назначенъ командиромъ л.-гв. артиллерійскаго батальона и инспекторомъ всей артиллеріи. 8-го января 1799 г. ему былъ пожалованъ командорственный крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, а 5-го мая графскій титулъ, причемъ къ поднесенному для утвержденія графскому гербу Государь собственноручно прибавилъ надпись: „безъ лести преданъ". Вскорѣ, однако, благоволеніе Государя снова поколебалось къ Аракчееву, и графъ былъ вторично отставленъ отъ службы (1-го октября 1799 г.) „за ложное донесеніе", которое заключалось въ слѣдующемъ: Родной братъ Аракчеева, Андрей, командовалъ артиллерійскимъ батальономъ, отъ котораго стоялъ караулъ во время покражи изъ арсенала золотыхъ кистей и галуна со старинной артиллерійской колесницы. Между тѣмъ, графъ донесъ Императору Павлу, что караулъ содержался отъ полка генерала Вильде. Государь не замедлилъ исключить Вильде изъ службы; но невинно пострадавшій генералъ, рѣшился обратиться къ Кутайсову и объяснить ему поступокъ Аракчеева. Вслѣдъ за этимъ и появился Высочайшій приказъ объ увольненіи отъ службы графа, который немедленно выѣхалъ въ Грузино.

Первые годы царствованія Императора Александра не измѣнили положенія опальнаго грузинскаго помѣщика; о немъ какъ бы забыли. Только 27-го апрѣля 1803 г. графъ Аракчеевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ 14-го мая снова принятъ на службу и назначенъ на прежнюю должность инспектора всей артиллеріи и командира л.-гв. артиллерійскаго батальона. Время главнаго управленія Аракчеевымъ русскою артиллеріею составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ ея исторіи. При немъ совершились важныя преобразованія, благодаря которымъ наша артиллерія, стяжала себѣ въ послѣдовавшихъ войнахъ заслуженныя похвалы всей Европы. Дѣятельность неутомимаго инспектора почти не оставила пробѣловъ и не упустила ничего, что могло бы въ то время послужить на пользу артиллеріи. Главнѣйшими изъ преобразованій, послѣдовавшихъ за вступленіемъ Аракчеева въ управленіе артиллеріею, являются: выдѣленіе артиллерійскихъ частей въ самостоятельныя отдѣльныя единицы, какъ въ боевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, сформированіе артиллерійскихъ бригадъ, новое изданіе штатовъ артиллеріи, развитіе ея боевыхъ средствъ, поднятіе образовательнаго ценза личнаго состава, учрежденіе, сначала (1804 г.) временнаго артиллерійскаго, а затѣмъ (1808 г.) Ученаго Комитета, основаніе изданія „Артиллерійскаго Журнала" (1808 г.), учрежденіе разныхъ школъ и классовъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. установленіе нормальныхъ образцовъ и раз-

мѣровъ для орудій, лафетовъ и вообще матеріальной части артиллеріи, улучшеніе всѣхъ техническихъ заготовленій и порядка пріема ихъ на службу и мн. др. Имъ же были изданы и многія инструкціи для руководства артиллеристовъ на службѣ, какъ мирнаго, такъ и военнаго времени. Находясь въ свитѣ Государя въ Аустерлицкомъ сраженіи 1805 г., Аракчеевъ былъ личнымъ свидѣтелемъ боевыхъ дѣйствій реорганизованной имъ артиллеріи, 27-го іюля 1807 г. онъ былъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи; въ томъ же году, 12-го декабря, назначенъ, при сохраненіи носимыхъ имъ званій, состоящимъ при Государѣ Императорѣ по артиллерійской части и 21-го декабря опредѣленъ присутствовать въ артиллерійской экспедиціи Военной Коллегіи.

Только-что минувшая война съ Франціею, закончившаяся тильзитскимъ миромъ, обнаружила громадныя злоупотребленія и непорядки въ дѣлахъ военнаго вѣдомства, въ особенности по провіантской части; по Высочайшему повелѣнію было назначено строгое слѣдствіе надъ виновниками; именнымъ указомъ провіантскимъ чиновникамъ было запрещено временно даже носить мундиры. Императоръ Александръ зналъ, что энергія Аракчеева одна лишь могла возстановить дисциплину въ войскѣ и обуздать хищничество провіантскихъ чиновниковъ. 13-го января 1808 г. онъ поставилъ его во главѣ военнаго министерства, а 17-го числа, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначилъ генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты и артиллеріи. Генералъ-инспекторомъ послѣдней, Аракчеевъ оставался до вступленія въ 1819 г. Великаго Князя Михаила Павловича въ дѣйствительное отправленіе обязанностей генералъ-фельдцейхмейстера. 26-го января 1808 г. Аракчееву были поручены также въ командованіе военно-походная канцелярія Государя и фельдъегерскій корпусъ; 30-го августа повелѣно Ростовскому мушкетерскому полку носить его имя. Съ дѣятельностью графа Алексѣя Андреевича, какъ военнаго министра, связана исторія многихъ коренныхъ и полезныхъ преобразованій, особенно по части внутренняго устройства арміи и ея управленія. При немъ введены новыя правила и изданы положенія по различнымъ частямъ военнаго управленія, сокращена и упрощена переписка, учреждены для свода рекрутъ, въ 27 разныхъ мѣстахъ Имперіи, запасныя рекрутскія депо и мн. др. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершились коренныя переформированія по устройству хозяйственной части въ войскахъ. Кругъ дѣятельности Аракчеева увеличивался съ каждымъ днемъ, особенно въ ожиданіи похода въ Швецію, въ такое время, когда Россія уже вела три войны: съ Англіею, Турціею и Персіею. Въ февралѣ 1808 г. послѣдовалъ разрывъ съ Швеціею и военныя дѣйствія затянулись до зимы. Императоръ Александръ I, желая положить конецъ имъ и воспользоваться чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ покрытія всего Ботническаго залива льдомъ, повелѣлъ главнокомандующему, генералу Кноррингу, перейти съ войсками изъ Финляндіи на шведскій берегъ по льду залива. Напрасно главнокомандующій, ссылаясь на донесенія своихъ отрядныхъ начальниковъ, представлялъ препятствія къ исполненію этого плана, требованія Государя были настоятельны и для скорѣйшаго выполненія ихъ, въ февралѣ 1809 г., къ арміи былъ посланъ Аракчеевъ. Въ арміи его встрѣтили почти враждебно; всѣ, на кого былъ возложенъ переходъ черезъ Ботнику, старались подъ разными предлогами отклонить отъ себя исполненіе этого отважнаго подвига; каждый отчаявался въ успѣхѣ, донося о неодолимыхъ препятствіяхъ; Кноррингъ просилъ объ отставкѣ.

Но Аракчеевъ зналъ, что особенныхъ препятствій нѣтъ и разными мѣрами съумѣлъ приготовить все нужное къ открытію зимней кампаніи. Войскамъ было предписано готовиться къ переходу, а начальникамъ ихъ немедленно же вести свои отряды изъ указанныхъ пунктовъ на шведскій берегъ. „Государь Императоръ,—писалъ онъ 28-го февраля одному изъ такихъ начальниковъ, Барклаю де-Толли,—къ 16-му марту прибудетъ въ Борго, то я увѣренъ, что вы постараетесь доставить къ нему шведскіе трофеи. На сей разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ—много, а переходъ черезъ Кваркенъ Провидѣніе предоставляетъ одному Барклаю де-Толли". 10-го марта послѣдній былъ уже въ Умео... Такова сила энергіи графа Аракчеева и ему одному принадлежитъ слава приведенія въ дѣйствіе великой мысли Александра о перенесеніи русскихъ знаменъ на шведскій берегъ. 5-го сентября

1809 г. былъ заключенъ съ Швеціею миръ въ Фридрихсгамѣ; на другой день Государь препроводилъ Аракчееву собственный орденъ св. Андрея Первозваннаго, при милостивомъ рескриптѣ, но графъ упросилъ его взять орденъ обратно. 7-го сентября послѣдовалъ Высочайшій указъ; „Въ воздаяніе ревностной и усердной службы военнаго министра графа Аракчеева, войскамъ отдавать слѣдующія ему почести и въ мѣстахъ пребыванія Его Императорскаго Величества". 1-го января 1810 г., съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, Аракчеевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента военныхъ дѣлъ, сохранивъ присвоенныя ему, въ бытность военнымъ министромъ, званія члена комитета министровъ и сенатора. Вскорѣ, однако, послѣдовало временное охлажденіе къ нему Императора Александра. Усилившейся при Дворѣ разными случаями партіи графа Салтыкова, князя Голицына, Гурьева и др., удалось на время оттѣснить отъ Государя суроваго совѣтника. Самъ Аракчеевъ, въ письмѣ къ брату Петру, отъ 3-го апрѣля 1812 г., такъ описываетъ свое положеніе: „Сіе все меня бы не безпокоило, ибо я уже ничего не хочу, кромѣ уединенія и спокойствія, и предоставляю всѣмъ вышеписаннымъ вертѣть и дѣлать все то, что къ ихъ пользамъ; но безпокоитъ меня то, что, при всемъ ономъ положеніи, велятъ еще мнѣ ѣхать и быть въ арміи безъ пользы, а какъ кажется, только пугаломъ мірскимъ; и я увѣренъ, что пріятели мои употребятъ меня въ первомъ возможномъ случаѣ тамъ, гдѣ имѣть я буду вѣрный способъ потерять жизнь, къ чему я и долженъ быть готовъ; вотъ вамъ мое положеніе въ ясности". Но ему не пришлось участвовать ни въ одномъ сраженіи. Въ маѣ 1812 г. онъ сопровождалъ Государя изъ Петербурга въ Вильну, а съ началомъ военныхъ дѣйствій— въ укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, гдѣ представилъ, подписанное имъ, Балашевымъ и Шишковымъ, прошеніе, убѣдившее Императора Александра оставить армію. По возвращеніи въ Петербургъ, Аракчеевъ, въ званіи члена состоявшаго при Императорѣ особаго комитета, былъ занятъ организаціею окружныхъ ополченій, въ первыхъ числахъ августа засѣдалъ въ другомъ комитетѣ графа Н. И. Салтыкова, избравшемъ Кутузова верховнымъ вождемъ надъ всѣми арміями, и въ томъ же мѣсяцѣ сопровождалъ Государя въ Або на свиданіе съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ. Еще за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, 17-го іюня, Александръ Павловичъ снова поручилъ ему управленіе при себѣ военныхъ дѣлъ, „и съ онаго числа,—пишетъ Аракчеевъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ,—вся французская война шла черезъ мои руки, всѣ тайныя донесенія и собственноручныя повелѣнія Государя Императора". Ему же поручено было отъ имени Государя объявлять высочайшія повелѣнія. Вернувъ къ себѣ, такимъ образомъ, полное довѣріе Государя, Аракчеевъ сталъ его неразлучнымъ спутникомъ. 6-го декабря 1812 г., Александръ Павловичъ собственноручно утвердилъ духовную графа и вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Вильну, для заграничнаго похода. Въ Парижѣ, 31-го марта 1814 г., Государь собственноручно написалъ уже приказъ о производствѣ его въ генералъ-фельдмаршалы, но Аракчеевъ упросилъ Монарха отмѣнить приказъ и 30-го августа того же года принялъ портретъ его, для ношенія на шеѣ. Вторичное путешествіе Государя за границу въ 1815 г. и въ южную Россію въ 1818 г., еще болѣе приблизило къ нему графа Аракчеева. Ему первому Государь сообщилъ свои планы объ устройствѣ военныхъ поселеній, ему же было поручено образованіе ихъ. Идея поселеній имѣла существеннѣйшимъ своимъ основаніемъ стремленіе правительства уменьшить расходъ по содержанію войскъ, путемъ передачи части арміи на содержаніе жителей; поселенныя среди нихъ войска должны были слиться съ ними, помогать имъ въ сельскихъ работахъ, въ домашнихъ занятіяхъ и на ряду съ этимъ, съ своей стороны, пріучать ихъ къ военной жизни, дисциплинѣ и строевымъ порядкамъ. Первый опытъ подобному поселенію войскъ въ Россіи былъ сдѣланъ еще въ 1809 г. поселеніемъ части Елецкаго пѣхотнаго полка въ Могилевской губерніи, въ Климовецкомъ повѣтѣ; но наступившая затѣмъ отечественная война остановила его развитіе. Съ возвращеніемъ арміи изъ похода 1815 г., Императоръ Александръ съ новою энергіею приступилъ къ осуществленію своей завѣтной идеи. Аракчеевъ былъ избранъ ближайшимъ исполнителемъ ея и къ 1824 г. сорокъ полковъ были разселены среди жи-

телей губерній: Новгородской, Херсонской, Могилевской и Харьковской. Соединеніе всѣхъ поселеній одного полка было наименовано округомъ, всѣмъ же поселеннымъ войскамъ, 3-го февраля 1821 г., было присвоено наименованіе отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, въ званіи главнаго начальника которыхъ состоялъ графъ Аракчеевъ. Поселяемыя войска получили подробныя инструкціи для руководства при новыхъ условіяхъ службы въ поселеніяхъ; начальникамъ было предписано: „стараться добрымъ поведеніемъ всѣхъ вообще чиновъ, не только предупредить всякія жалобы и неудовольствія своихъ хозяевъ, но пріобрѣсти ихъ любовь и довѣренность"; крестьянамъ поселеній были дарованы многія льготы. Въ числѣ послѣднихъ имъ объявлено сложеніе многихъ казенныхъ недоимокъ, облегченіе и даже уничтоженіе нѣкоторыхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, безплатное пользованіе медикаментами и мн. др. Заботами графа Аракчеева въ поселеніяхъ были заведены общественные хлѣбные магазины, положено основаніе конскихъ заводовъ, образованы особыя команды мастеровыхъ разныхъ ремеслъ и спеціалистовъ по сельскому хозяйству, учреждены для дѣтей отдѣльныя школы кантонистовъ, заведены вспомогательные капиталы для офицеровъ и поселянъ, устроены лѣсопильные и др. заводы и различныя промышленныя производства, наконецъ, образованъ спеціальный капиталъ военныхъ поселеній, достигшій въ 1826 г. 32 милліоновъ рублей. Корпусъ военныхъ поселеній, при всемъ томъ, имѣлъ собственную типографію и даже предпринялъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ: „Семидневный листокъ военнаго поселенія, учебнаго батальона поселеннаго гренадерскаго графа Аракчеева полка".

Изслѣдованіе причинъ происходившихъ въ разныхъ округахъ безпорядковъ указываетъ, что ближайшая отвѣтственность за нихъ падаетъ не на Аракчеева, а прежде всего на непосредственныхъ командировъ поселеній; производство дознанія каждый разъ обнаруживало цѣлую систему злоупотребленій частныхъ начальниковъ, руководствовавшихся при управленіи поселянами произволомъ и преслѣдованіемъ корыстныхъ разсчетовъ. Другихъ результатовъ, впрочемъ, и не могло быть въ дѣлѣ, въ которомъ такъ много предоставлено было личному произволу; по новизнѣ вопроса не могло быть выработано вполнѣ правильной и опредѣленной организаціи военныхъ поселеній, будущее же повело къ ихъ уничтоженію. Въ 1826 г. Аракчеевъ сдалъ управленіе корпусомъ, и пять лѣтъ спустя въ поселеніяхъ возникли повальные бунты, далеко оставившіе за собою значеніе всѣхъ волненій среди поселянъ его времени. Особенная заботливость графа Аракчеева проглядываетъ въ устройствѣ новгородскихъ поселеній, служившихъ образцомъ для прочихъ округовъ; въ перепискѣ съ главнымъ командиромъ ихъ, генераломъ Маевскимъ, встрѣчается много указаній, проливающихъ свѣтъ на дѣйствительное отношеніе графа къ развитію идеи Императора Александра I. Характерно письмо его отъ 12-го мая 1824 г., въ которомъ, между прочимъ, сказался Аракчеевъ всѣхъ періодовъ своей многолѣтней службы: „Прошу васъ покорно не спускать и строгость нужна болѣе для штабъ и оберъ-офицеровъ, нежели для военныхъ поселянъ, и оное требую, ибо мои правила не сходятся съ правилами, въ арміи употребляемыми; я полагаю, что когда строгость, разумѣется, справедливая, безъ интригъ (коихъ я не терплю и всякій тотъ у меня все потеряетъ, кто начнетъ интриговать) употребляется на начальниковъ, то все пойдетъ хорошо и солдаты будутъ хороши. А у васъ въ обыкновенной службѣ съ командирами обхожденіе бываетъ пріятельское, церемонное, что никогда по службѣ не годится, ибо у васъ всегда считается за стыдъ обнаружить какое-нибудь преступленіе или злоупотребленіе, сдѣланное батальоннымъ или ротнымъ; а я, напротивъ того, думаю, что безъ подобныхъ случаевъ не можетъ въ свѣтѣ существовать, а должно только строго взыскивать, а стыда въ ономъ не должно полагать, ибо какъ можно онаго требовать, чтобы у васъ всѣ люди ваши, то-есть, штабъ и оберъ-офицеры были святые? Онаго чуда не было на свѣтѣ, слѣдовательно, есть хорошіе, а есть и худые. У васъ еще есть правило и хвастовство, чтобы подчиненные любили командира; мое же правило, дабы подчиненные дѣлали свое дѣло и боялись бы начальника, а любовницъ такъ много имѣть невозможно. Нынѣ и одну любовницу мудрено сыскать, кольми паче много".

Послѣдніе годы царствованія Императора Александра ознаменовались для Аракчеева особеннымъ расположеніемъ къ нему Монарха. Съ безграничнымъ, дружескимъ довѣріемъ Государь дѣлился съ графомъ своими мыслями и предположеніями по вопросамъ государственнаго управленія; многія изъ нихъ поручалъ даже его обсужденію и развитію. Наиболѣе интереснымъ въ ряду проектовъ, составленныхъ Аракчеевымъ по желанію Государя, является проектъ 1818 г. объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. По его мнѣнію, мѣры къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ Россіи должны были заключаться въ пріобрѣтеніи покупкою помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ казну, въ главныхъ чертахъ, на тѣхъ основаніяхъ, чтобы, при продажѣ крестьянъ, владѣющій ими помѣщикъ уступалъ по 2 десятины на каждую ревизскую душу, оставляя излишнее затѣмъ количество земли и угодій въ свою пользу; вознагражденіемъ для помѣщиковъ должны были служить или денежныя выдачи изъ особаго капитала, или же выпускъ спеціальныхъ на этотъ предметъ государственныхъ бумагъ, въ родѣ извѣстныхъ впослѣдствіи выкупныхъ свидѣтельствъ. На выработанныхъ же Аракчеевымъ въ 1816 г. основаніяхъ былъ образованъ капиталъ для оказанія помощи увѣчнымъ и раненымъ воинамъ.

Неутомимая дѣятельность стоила, однако, дорого здоровью Аракчеева. Онъ страдалъ разстройствомъ всей нервной системы, застоемъ печени и болѣзнью сердца. 1825 годъ былъ особенно тяжелымъ для него. 10-го сентября въ Грузинѣ совершилось убійство домоправительницы графа, извѣстной Настасьи Минкиной. „Твое здоровье, любезный другъ, — писалъ къ нему Императоръ Александръ, по полученіи донесенія о происшествіи въ Грузинѣ,—крайне меня безпокоитъ... Признаюсь тебѣ, мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ ни одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьѣ. Неужели тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебѣ въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ забыть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно!“ Это письмо было послѣднимъ; 19-го ноября Александра Благословеннаго не стало. Съ глубокимъ отчаяніемъ и слезами графъ Аракчеевъ встрѣтилъ останки своего царственнаго друга на границѣ Новгородской губерніи и проводилъ ихъ до Петербурга, гдѣ при погребеніи, выполняя свою послѣднюю службу покойному Государю, несъ корону Казанскаго царства.

Вступленіе на престолъ новаго Императора выдвинуло новыхъ государственныхъ дѣятелей, но графъ Аракчеевъ, милостивымъ рескриптомъ 19-го декабря, былъ оставленъ главнымъ начальникомъ военныхъ поселеній, съ освобожденіемъ только отъ занятій по Собственной Е. И. В. канцеляріи и по канцеляріи Комитета Министровъ. Однако, сильно разстроенное здоровье не позволило ему продолжать свою службу 30-го апрѣля 1826 г. Аракчеевъ получилъ разрѣшеніе отправиться, по совѣту врачей, въ Карлсбадъ для излѣченія болѣзни и навсегда сдалъ управленіе созданныхъ имъ поселеній. Вмѣстѣ съ отпускомъ, Государь пожаловалъ ему на путевыя издержки 50,000 рублей, которые графъ немедленно препроводилъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на учрежденіе пяти стипендій имени Императора Алексанлра Благословеннаго при Павловскомъ институтѣ, для воспитанія дочерей дворянъ Новгородской губерніи. Заграницею онъ издалъ сборникъ многихъ писемъ къ нему Александра Павловича. Возвратясь на родину, графъ Аракчеевъ поселился въ своемъ Грузинѣ, занимался хозяйствомъ и устройствомъ своего великолѣпнаго помѣстья. Какъ святыню берегъ онъ всѣ вещи, напоминавшія ему дни царствованія Александра, сохранилъ навсегда устройство комнатъ, въ которыхъ останавливался Государь, во время своихъ неоднократныхъ посѣщеній Грузина, внесъ 50.000 рублей въ Государственный Банкъ на сложные проценты, съ тѣмъ, чтобы въ 1925 г. сумма эта была обращена въ награду автору лучшей исторіи Александра и на ея изданіе, пожертвовалъ 300.000 рублей для воспитанія изъ процентовъ бѣдныхъ дворянъ Новгородской и Тверской губерній въ Новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ и соорудилъ своему Вѣнценосному благодѣтелю передъ грузинскимъ соборомъ бронзовый памятникъ. „Теперь я все сдѣлалъ,— писалъ графъ по открытіи послѣдняго,— и могу явиться къ Императору Алексан-

дру съ рапортомъ". Смерть не заставила долго ожидать себя; въ пятницу, 13-го апрѣля 1834 года, Аракчеевъ почувствовалъ первый приступъ ея. Государь, узнавъ о его болѣзни, тотчасъ отправилъ въ Грузино своего лейбъ-медика Вилье, но было поздно. Въ субботу, 21-го числа, графъ Алексѣй Андреевичъ, не спуская глазъ съ портрета Императора Александра, скончался. Въ среду на Святой недѣлѣ состоялось его погребеніе въ Грузинѣ, у подножья воздвигнутаго имъ памятника Императору Павлу, причемъ на тѣло его, согласно съ завѣщаніемъ, была надѣта рубашка, подаренная ему еще Цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ. Вскорѣ по кончинѣ Аракчеева послѣдовало вскрытіе его духовнаго завѣщанія, по которому графъ, не назначивъ по себѣ наслѣдника, предоставлялъ выборъ его Государю. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ все имущество покойнаго Новгородскому кадетскому корпусу, который съ того времени принялъ фамильный гербъ графа и названіе Новгородскаго (нынѣ Нижегородскаго) графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

Съ 1806 г. графъ Аракчеевъ состоялъ въ супружествѣ съ дочерью отставного генералъ-маіора, Натальей Васильевной Хомутовой, но съ женою не жилъ и дѣтей не имѣлъ. Онъ носилъ званіе почетнаго члена и попечителя Филотехническаго общества и почетнаго любителя Императорской Академіи Художествъ. Извѣстный мореплаватель Коцебу назвалъ именемъ Аракчеева открытые имъ въ 1817 г. острова въ Тихомъ океанѣ.

Личность Аракчеева въ свое время сильно волновала воображеніе его современниковъ, но едва-ли она будетъ долговѣчна въ памяти потомства. Онъ былъ строгимъ исполнителемъ служебнаго долга, такъ, какъ онъ понималъ его, но при этомъ его дѣятельность была чужда тѣхъ возвышенныхъ стремленій, которыя не утрачиваютъ своего обаянія даже тогда, когда бываютъ соединены съ заблужденіями и неудачами. Онъ олицетворялъ жизнь со службою и, подчиняясь всѣмъ ея суровымъ требованіямъ того же, съ неумолимою и неразборчивою взыскательностью, требовалъ и отъ другихъ. Противодѣйствіе недоступнымъ его пониманію и чувству вѣяніямъ XVIII вѣка сдѣлалось его лозунгомъ, боевымъ конемъ, вознесшимъ его на высоту тщеславной власти. Военный, онъ достигъ этой власти, никогда не подвергая себя опасностямъ военнаго ремесла. Заслуги его по организаціи и улучшенію русской артиллеріи несомнѣнны, но онѣ совершенно блѣднѣютъ передъ мрачными годами его полновластья. Въ послѣднее время своего царствованія Императоръ Александръ I, утомясь безпрерывною борьбою съ людьми, увѣнчанный славою, но угнетенный нравственно всевозможными разочарованіями, хотя и не измѣнивъ своей природной душевной добротѣ, рѣшилъ вкусить заслуженнаго имъ успокоенія отъ своихъ царственныхъ трудовъ. Тогда-то, для осуществленія своего намѣренія, онъ прибѣгъ къ содѣйствію Аракчеева и облекъ его почти безпредѣльною властью. Но и въ этомъ случаѣ, несмотря на все величіе возложеннаго на него бремени, этотъ преданный слуга Александра остался вѣренъ прежде всего отличавшему его грубому презрѣнію къ человѣческому достоинству, къ тѣмъ струнамъ души, безъ которыхъ немыслимы вѣрные слуги Царю и Отечеству.

«Свѣдѣнія о графѣ А. А. Аракчеевѣ, собранныя Василіемъ Ратчемъ», 1864 г. Арх. Спб. Артил. Истор. Музея; «Воен. гал. Зимн. Дворца». Спб. 1845 г., т. VI; Д. Бант.-Каменскій. «Словарь достоп. людей рус. земли» Мск. 1836 г. и Спб. 1847 г.; «Матеріалы для пов. отеч. исторіи. Графъ Аракчеевъ и воен. посел.», Спб. 1871 г.; «Шумскій. Листокъ изъ памятн. книжки священ.», Спб. 1861 г.; «Барановъ. Опись арх. Прав. Сената», т. II, стр. 135; «Военн. Сб.», 1861 г., № 2, стр. 363—386, № 5, стр. 101—142, № 6, стр. 455—466, № 12, стр. 401—456, 1864 г., № 1, стр. 23—107, 1866 г., № 9, стр. 20: «Вѣстн. Европы» 1870 г., № 8, стр. 467, № 9, стр. 87, 1872 г., № 9, стр. 239; «Голосъ» 1871 г., № 238; «Девятн. вѣкъ» 1872 г., кн. 2, стр. 145; «Древн. и нов. Россія», 1875 г., № 1. стр. 95—102, № 3, стр. 293—101, № 4, стр. 376—393, № 6, стр. 165—182, 1876 г., № 5, стр 92; «Иллюстр. газета» 1865 г., № 48; «Инжен. журн.», 1862 г., № 2, стр. 111—112; «Заря» 1871 г., № 2, стр. 164—190; «Моск. Вѣд.» 1862 г., № 11; «Отеч. Зап.» 1861 г., № 10, стр. 93—116, 1875 г., № 8, стр. 324—361;—«Памятн. нов. рус. ист.» 1872 г., т. 2, стр. 313—317; «Рус. Архивъ» 1863 г., стр. 930—937, 1864 г., стр. 1186—1188, 1866 г., № 6, стр. 922—927, № 7, стр. 1031—1049, № 8, 1301—1331, 1868 г., № 2, стр. 283—289, № 6, стр. 951—958, № 10, стр. 1656, 1869 г., № 10, стр., 1649, № 11, стр. 1869, 1871 г., № 1, стр. 149, № 6, стр. 289, 1872 г., № 10, стр. 2037, 1873 г., № 4, стр. 646, № 8, стр. 1529, 1875 г., № 1, стр. 44, № 3, стр. 257, № 11, стр. 314; «Рус. Инвал.» 1861 г. №№ 139, 140, 143, 1866 г., № 5, 1868 г., № 209, 1870 г., № 29; «Рус. Рѣчь» 1861 г., № 90; «Рус. Слово» 1861 г., № 7, стр.

16—20, 1864 г. № 8, стр. 59—92; «Рус. Стар.» 1870 г., № 1, стр. 63, № 2, стр. 148—150, № 3, стр. 272—276, № 4, стр. 345, 1871 г., № 2, стр. 241—244, № 11, стр. 549, 1872 г., № 8, стр. 222—242, № 11, стр. 589, 1873 г., № 2, стр., 269, № 12, стр. 974—980. 1874 г., № 1, стр. 200—201, № 5, стр. 190—192, 1875 г., № 1, стр. 84—123, 1878 г., т. 21, стр. 180, 1881 г., т. 32, стр. 201, 887, 1882 г., т. 34, стр. 280, т. 35, стр. 624, т. 36, стр. 181—196, 1884 г., т. 41, стр. 479, 519. т. 42, стр. 111—406, 1886 г., т. 50 стр. 459, 1887 г., т. 55, стр. 419—422; «Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ.» т. 1, стр. 362; «Спб. Вѣд.» 1854 г., № 190, 1861 г., № 271, 1862 г., № 47; «Сынъ Отеч.» 1816 г., № 43: «Сѣв. Пчела» 1860 г., № 81, 1861 г., №№ 258, 269, 1862 г., № 20; «Церк. Вѣстн.» 1875 г., №№ 7 и 47; «Чтен. Имп. Общ. истр. и древн. рос.» 1858 г., кн. 4, стр. 113—114, 1862 г., кн. 3, стр. 134—151, кн. 4, стр. 216—220, 1864 г., кн. 4, стр. 188—192, 1865 г., кн. 4, стр. 242, 1871 г., кн. 3, стр. 184. *Д. С—въ.*

Арапетовъ, *Иванъ Павловичъ*, род. въ 1811 году, ум. въ чинѣ тайнаго совѣтника 29-го мая 1887 года, сынъ генералъ-маiора И. П. Арапетова. По окончанiи въ 1834 году курса въ Московскомъ университетѣ по нравственно-политическому отдѣленiю со степенью дѣйствительнаго студента, Арапетовъ въ слѣдующемъ году получилъ степень кандидата, а 25-го февраля 1836 года поступилъ на службу. Занимая съ 1856 года должность директора канцелярiи министерства удѣловъ, Арапетовъ былъ назначенъ въ 1859 году членомъ редакцiонныхъ коммиссiй по крестьянскому дѣлу отъ комитета по устройству крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и, главнымъ образомъ, удѣльныхъ; зачѣмъ онъ состоялъ при министерствѣ Императорскаго Двора по удѣльному вѣдомству, былъ членомъ строительной придворной конторы по хозяйственной части и горнаго совѣта министерства финансовъ. Послѣдней наградой Арапетова былъ орденъ св. Владимiра 2-й степени, полученный въ 1868 году. Перу Арапетова принадлежитъ статья: „Состоянiе земледѣльческаго класса въ Ирландiи", помѣщенная въ „Отеч. Зап." 1841 г., кн. 5. Кромѣ того, подъ его редакцiею издана 10-я книга „Записокъ Имп. Рус. Геогр. Общества" (С.-Петербургъ 1855 г.).

«Русская Старина» 1888 г., т. 57, стр. 825—26 (мартъ).—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. 7-ой, стр. 7—8.—«Отчеты Моск. унив. за 1831 и 1835 годы». — Адресъ-календари разныхъ годовъ. — Н. П. Семеновъ, «Освобожденiе крестьянъ въ царствованiе Императора Александра II», во всѣхъ трехъ томахъ (см. по «Указателю»).—С. Венгеровъ, «Крит.-бiогр. словарь», т I, стр. 722—723. *С. Тр.*

Араповъ, *Николай Устиновичъ*, генералъ-маiоръ, бывшiй московскiй оберъ-полицiймейстеръ, род. въ 1825 г., ум. 1-го апрѣля 1884 г. Получивъ домашнее образованiе, онъ поступилъ на службу юнкеромъ въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, гдѣ въ 1844 г. произведенъ въ офицеры; въ 1860 г., въ чинѣ полковника, пожалованъ званiемъ флигель-адъютанта, а въ 1865 г. съ производствомъ въ генералъ-маiоры, зачисленъ въ свиту Его Величества. Назначенный въ слѣдующемъ году московскимъ полицiймейстеромъ, Араповъ оставался въ этой должности до 1876 г., когда, съ производствомъ въ чинъ генералъ-лейтенанта, былъ зачисленъ, по разстроенному здоровью, въ запасныя войска.

«Рус. Инв.» 1884 г., № 79 и «Новое Время» 1884 г., апрѣль. *Д. С—въ.*

Араповъ, *Пименъ Николаевичъ*, драматическiй писатель и историкъ русскаго театра, д. с. с., род. въ 1796 г., въ Пензенской губ., ум. 23-го марта 1861 г., въ С.-Петербургѣ. Свою литературную дѣятельность Араповъ началъ еще въ благородномъ пансiонѣ при Московскомъ университетѣ (куда перешелъ изъ пансiона В. В. Измайлова), переведя въ 1810 г. повѣсть съ нѣмецкаго „Тильзитскiй миръ". Черезъ три года послѣ этого появилась другая переводная, также съ нѣмецкаго, повѣсть „Смерть Карла перваго, короля англiйскаго", а въ 1814 г.—оригинальная стихотворная шутка: „Моя жертва Наполеону: Кривой коршунъ и Кузнецкiй мостъ". Въ томъ же году Араповъ поступилъ въ Московскiй университетъ по словесному отдѣленiю, а въ 1817 г. опредѣлился юнкеромъ въ Преображенскiй полкъ, гдѣ близко сошелся съ поручикомъ Катенинымъ, такъ же любившимъ театръ, какъ и Араповъ. Знакомства и сближенiе съ другими писателями начались у Арапова со времени его перехода въ кавалергардскiй полкъ: служа здѣсь, онъ игралъ на домашнихъ театрахъ: въ Москвѣ—у князя И. М. Долгорукова, въ С.-Петербургѣ—у князя А. А. Шаховскаго и Загоскина. Въ журналахъ „Благонамѣренный" Измайлова и „Сынъ Отечества" Араповъ писалъ въ то же время небольшiя статьи и былъ избранъ въ члены

петербургскаго „общества любителей российской словесности и соревнователей просвѣщенія и благотворенія“. Оставивъ, по совѣту Сперанскаго, военную службу, Араповъ служилъ при немъ, нѣкоторое время въ канцеляріи сибирскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ перешелъ въ канцелярію генералъ-губернатора московскаго, при чемъ состоялъ секретаремъ его по управленію мѣстными театрами. Это было въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда Араповъ началъ писать и переводить водевили и легкія комедіи, которые игрались съ успѣхомъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Всѣхъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ Арапова, появившихся въ періодъ времени съ 1822 по 1858 годъ, болѣе 20-ти; значительная часть ихъ относится къ двадцатымъ годамъ. Изъ оригинальныхъ пьесъ напечатаны только четыре: водевиль въ одномъ дѣйствіи „Статья изъ газетъ“ (1822): комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, „Господинъ Блажнинъ, или старый другъ лучше новыхъ двухъ» (1826); водевиль „Репетиція на станціи“ (1845) и комедія „Лизанька“ съ портретомъ Сандуновой (1858); остальныя оригинальныя пьесы Арапова, какъ напримѣръ: „Чортовъ колпачекъ“ (написанъ для В. Н. Асенковой), „Демьянова уха“, „Вертепъ“, „Волшебное стекло“, „Пикасьетъ“,—съ успѣхомъ игрались на сценѣ, но напечатаны не были. Изъ переводныхъ пьесъ Арапова (всѣ съ французскаго—Скриба, Лафонтена, и др.) напечатаны: четыре водевиля—„Прихотникъ безъ денегъ или искатель обѣдовъ“, „Медвѣдь и Паша“, „Секретарь и поваръ“, „Ватель или потомокъ великаго человѣка“; двѣ комедіи—„Г-жи Сельмины или мужъ, жена и вдова“ и „Одушевленные цвѣты и мечтатель“ и одна романтическая мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ—„Польдеръ, амстердамскій палачъ“. Много потрудившись для театра, Араповъ не мало писалъ о немъ и еще больше издалъ цѣнныхъ матеріаловъ по его исторіи въ Россіи. Такъ, въ 1830 г. онъ издалъ литературно-музыкальный альбомъ „Радуга“; въ 1850—„Драматическій альбомъ“, съ 20-ю біографіями и портретами русскихъ артистовъ, снимками со старинныхъ афишъ и рѣдкихъ рукописей, относящихся къ театру, со своимъ очеркомъ постепеннаго развитія русскаго театра и своей пьесой—„Квартира въ московской гостинницѣ“; во время заграничнаго путе-

денъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ Отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1813—1814 гг. За отличія, оказанныя въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Люценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ, имѣлъ ордена: св. Анны 4 степ. съ надписью за храбрость, св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ, св. Анны 2 степ., алмазныя украшенія къ послѣднему ордену, прусскій желѣзный крестъ и орденъ „За отличіе" (Pour le mérite). Въ 1825 г., въ чинѣ полковника, Арбузовъ получилъ въ командованіе л. гв. Павловскій полкъ; 15-го декабря того же года назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-маіоры. Командуя полкомъ почти 11 лѣтъ, Арбузовъ участвовалъ съ нимъ въ турецкомъ походѣ 1828 г., гдѣ за отличіе при осадѣ крѣпости Варны былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степ., и при усмиреніи польскаго мятежа 1831 г., получивъ за участіе въ штурмѣ Варшавы орденъ св. Анны 1 степ. съ Императорскою короною. 1-го января 1834 г. состоялось назначеніе Арбузова командиромъ 4-й л.-гв. пѣхотной бригады съ оставленіемъ командиромъ полка; годъ спустя онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, перемѣщенъ на ту же должность въ 3-ю пѣхотную гвардейскую бригаду. Въ 1837 г. Арбузовъ получилъ въ командованіе 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію; въ 1841 г. перемѣщенъ на ту же должность въ 1-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, а въ 1842 назначенъ командующимъ всею пѣхотою отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. 1-го января 1844 г. Арбузовъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и опредѣленъ состоять при Особѣ Цесаревича Александра Николаевича. Въ 1849 г. Арбузовъ назначенъ командующимъ запасными батальонами гвардейскаго корпуса, а въ 1851 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и назначенъ инспекторомъ запасныхъ гвардейскихъ, резервныхъ и запасныхъ гренадерскихъ батальоновъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ 1854 г. Арбузовъ назначенъ командующимъ войсками, оставшимися отъ похода въ Петербургѣ и окрестностяхъ. Въ 1858 году уволенъ въ безсрочный отпускъ, съ оставленіемъ по гвардейской пѣхотѣ.

Послужной списокъ.—«Исторія л.-гв. Павловскаго полка», Спб., 1890 г., стр. 151—152, 17?, 182, 183, 186, 188. *Д. С—въ.*

Арвидсонъ, *Адольфъ*, род. въ приходѣ Подасіоки, въ Финляндіи, 7-го августа 1791 года, ум. 21-го іюня 1858 г., кончилъ курсъ въ 1815 г. въ Абоскомъ университетѣ и былъ въ 1817 г. доцентомъ всеобщей исторіи въ томъ же университетѣ. Въ 1821 г. онъ редактировалъ газету „Åbo Morgonblad", которая, однако, скоро была запрещена правительствомъ. За свою статью „Betraktelser", помѣщенную въ абоскомъ журналѣ „Mnemosyne" онъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 8-го (20-го) мая 1822 г. былъ удаленъ изъ университета и переселился въ Швецію. Онъ умеръ библіотекаремъ королевской Стокгольмской библіотеки. Арвидсонъ писалъ объ эстонскомъ и финскомъ языкахъ и занимался грамотами и актами, относящимися до Лифляндіи.

I. Recke und K. Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon», т. I, стр. 52. Энцикл. словарь, т. V, стр. 256.

Аргамаковы, древній дворянскій родъ, ведущій свое начало отъ дьяка Василія Аргамакова, участника походовъ: смоленскаго 1513 г., казанскаго 1544 г. и шведскаго 1549 г. Иванъ и Василій Алексѣевичи Аргамаковы въ царствованіе Михаила Ѳедоровича занимали мѣста воеводъ, первый въ Торѣ, съ 1625 по 1627 г. и второй—въ Енисейскѣ, съ 1627 по 1629 гг. Сначала стряпчій, а затѣмъ стольникъ Борисъ Лаврентьевичъ Аргамаковъ присланъ былъ къ царю Алексѣю Михаиловичу въ 1655 г. „сеунчемъ" (т. е. хорошимъ вѣстникомъ) съ извѣстіемъ отъ боярина князя А. Н. Трубецкаго о взятіи города Горы въ Литвѣ. Наиболѣе же дѣятельною была служба стольника Михаила Михаиловича Аргамакова, ближайшаго сподвижника Петра Великаго въ реформахъ его по устройству военно-хозяйственной части. Назначенный въ 1714 г. на должность оберъ-провіантмейстера и вскорѣ затѣмъ оберъ-коммиссара, Михаилъ Аргамаковъ къ концу царствованія Петра I состоялъ уже въ званіяхъ оберъ-квартирмейстера и оберъ-кригсъ-коммиссара.

«Гербовникъ», II, 115; «Родосл. кн.» кн. Долгорукова, IV, 244; «Боярскія книги». Москва, 1853 г., стр. 149, 152, 160, 209, 228, 232, 234, 353, 374, 455, 492, 798; «Сборн. выписокъ изъ архивн. бумагъ о Петрѣ Вел.» Москва, 1872 г., I, 55; «Письма и бум. Петра Вел.», II, 166, 551, 565, 628; «Докл. и пригов. Правит. Сената», т. IV, 40. *Д. С—въ.*

Аргамаковъ, *Иванъ Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, род. 15-го декабря 1775 г., ум. 9-го марта 1820 г. По окончаніи курса въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, 25-го іюня 1793 г. выпущенъ на службу поручикомъ въ Ингерманландскій карабинерный полкъ, въ рядахъ котораго въ слѣдующемъ же году принялъ участіе въ польской кампаніи. Кровавый бой 31-го іюля 1794 г. подъ Вильною доставилъ Аргамакову рѣдкую для его возраста награду—чинъ ротмистра; въ 1798 г. уже въ чинѣ маіора онъ былъ переведенъ во вновь формировавшійся кирасирскій Цорна полкъ, впослѣдствіи Тверской драгунскій, оставаясь въ которомъ, въ іюнѣ 1800 г. произведенъ въ подполковники. Первая французская кампанія 1805 г. вызвала Аргамакова снова на боевое поприще. Находясь съ полкомъ въ составѣ арміи Кутузова, направленной, для соединенія съ австрійскою, въ Баварію, онъ съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ: 8-го ноября подъ Позоржицемъ, 16-го числа того же мѣсяца—у Вишау и четыре дня спустя въ знаменитомъ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ слѣдующемъ году Аргамаковъ принялъ въ командованіе Тверской драгунскій полкъ и вошелъ съ нимъ въ составъ дѣйствовавшей противъ турокъ днѣстровской арміи. Главныя дѣйствія полка, въ періодъ войны 1806—1809 гг. сосредоточились на участіи его въ операціяхъ подъ Браиловымъ: 23-го мая 1807 г.—при разбитіи 8-ми-тысячнаго турецкаго корпуса Чапанъ-Оглупаши и въ апрѣлѣ 1809 г.—при блокадѣ и осадѣ упомянутой крѣпости. Въ апрѣлѣ 1810 г. Аргамаковъ былъ назначенъ шефомъ Житомирскаго драгунскаго полка, причисленнаго съ началомъ отечественной войны 1812 г. къ составу кавалерійскаго корпуса графа Ламберта. Подъ общимъ начальствомъ послѣдняго Аргамаковъ съ полкомъ вначалѣ дѣйствовалъ въ раіонѣ Владимірскаго, Луцкаго и Дубенскаго уѣздовъ въ тылъ непріятелю, преслѣдовавшему 2-ю западную армію, князя Багратіона, а затѣмъ съ отрядомъ генералъ-маіора Хрущова былъ оставленъ на границахъ Варшавскаго герцогства. 12-го сентября, Житомирскій полкъ выступилъ, съ арміею Тормасова, къ мѣстечку Торчину и, перейдя за рѣку Турію, 17-го участвовалъ въ преслѣдованіи австрійско-саксонскихъ войскъ отъ Любомля до Буга, послѣ

чего поступилъ въ составъ 4-го корпуса генерала Эссена. По отступленіи послѣдняго отъ Бялы, когда Аргамакову удалось аттакою двухъ эскадроновъ полка отнять у непріятеля захваченное имъ русское орудіе, Житомирскій полкъ былъ причисленъ къ авангарду арміи Чичагова, двинутой къ Березинѣ. Блистательное участіе Аргамакова въ разбитіи на голову пятитысячнаго корпуса польскаго генерала Косецкаго, 3-го ноября у Кайданова, доставило ему орденъ св. Георгія 4-го класса. На другой день Аргамаковъ находился при занятіи Минска, 11-го ноября сражался опять съ поляками у Борисова, а 16-го и 17-го, при переправѣ Наполеона черезъ Березину, былъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ между деревнями Стаховымъ и Брилями. 28-го ноября Аргамаковъ прибылъ подъ Вильну и здѣсь, въ составѣ войскъ графа Платова, участвовалъ въ окончательномъ пораженіи у деревни Понары остатковъ французской арміи, послѣ чего находился при покореніи 3-го декабря Ковно и 15-го числа двинулся съ полкомъ къ Данцигу. Въ кампаніи 1813 г. Аргамакову пришлось принять не менѣе дѣятельное участіе. Продолжая состоять шефомъ Житомирскаго полка, переименованнаго 27-го декабря 1812 г. изъ драгунскаго въ уланскій, онъ находился въ дѣлѣ 7-го мая при Кенигсвартѣ, 8-го и 9-го — въ сраженіи при Бауценѣ и 14-го — у Гайнау, за что былъ награжденъ орденами св. Анны 2-й степ. и св. Владиміра 3-й степ. и 15-го сентября произведенъ въ генералъ-маіоры. По окончаніи перемирія, въ теченіе котораго Житомирскій уланскій полкъ состоялъ въ арміи Беннигсена, Аргамаковъ 1-го октября выступилъ къ Лейпцигу и здѣсь 6-го октября принялъ участіе въ разсѣяніи непріятельскихъ отрядовъ корпусовъ Макдональда и Ренье, а на другой день находился въ третьей битвѣ подъ Лейпцигомъ, закончившейся штурмомъ и занятіемъ города союзными войсками. Награжденный за Лейпцигъ орденомъ св. Анны 1-й степени, Аргамаковъ закончилъ свое участіе въ дѣлахъ кампаніи блокадою Гамбурга. Въ февралѣ 1815 г. Аргамаковъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 3-й уланской дивизіи, съ которою былъ снова во Франціи и участвовалъ на блестящемъ смотру русской арміи подъ Вертю и послѣ вторичнаго возвращенія въ Россію, въ 1817 году руководилъ первымъ опытомъ устройства военнаго поселенія водвореніемъ обоихъ полковъ его бригады: Житомирскаго и Серпуховскаго, въ Зміевскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Въ августѣ 1818 г. онъ получилъ въ командованіе 1-ю бригаду той же дивизіи, въ декабрѣ 1819 г. былъ назначенъ состоять при начальникѣ 2-й конно-егерской дивизіи и въ февралѣ слѣдующаго года вступилъ въ командованіе 1-ю бригадою 3-й драгунской дивизіи, въ каковой должности и оставался до своей кончины.

«Импер. Александръ І-й и его сподвижники». Спб. 1848—1849 гг., т. V. *Д. С—въ.*

Аргентовъ, *А. А.*, священникъ-миссіонеръ, членъ-сотрудникъ сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Помѣстилъ въ изданіяхъ общества рядъ изслѣдованій, относившихся къ крайнему сѣверу Восточной Сибири. Такъ, въ 1857 г. въ „Запискахъ Сибирскаго Отдѣла“ (книжки III и IV) были напечатаны двѣ весьма интересныя статьи: „Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода въ Колымскомъ округѣ“ (28 стр.) и „Путевыя записки въ приполярной мѣстности“ (57 стр.). Въ „Запискахъ“ самого общества появились: въ 1861 г. — „Сѣверная земля“ (34 стр.), а въ „Извѣстіяхъ“ 1879 г. (т. XV)—статья „Нижнеколымскій край“ (18 стр.). Въ томъ же 1879 г. Аргентову общество присудило серебряную медаль за представленные въ рукописи „Чукотскій словарь“ и статьи „Въ приполярной полосѣ Якутской области“.

«Исторія полувѣковой дѣятельности Импер. русск. геогр. общества» (1845—1895). Спб. 1896 (по указателю).—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 729.

Аргуновъ, *Иванъ Петровичъ*, живописецъ, род. въ 1727 г., ум. послѣ 1797 г. Былъ крѣпостнымъ графа П. Б. Шереметева и ученикомъ живописца Г. І. Грота. Въ 1750 г. написалъ „Умирающую Клеопатру», нынѣ находящуюся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, а въ 1753 — нѣсколько хорошихъ портретовъ. По приказанію Императрицы Елисаветы Петровны, обучилъ живописи четырехъ бывшихъ придворныхъ пѣвчихъ, которые затѣмъ были приняты во вновь учрежденную Академію Художествъ, по

представленнымъ отъ Аргунова ихъ работамъ (3-го января 1759 г.). Въ Кусковѣ (шереметевское имѣніе подъ Москвой) находятся написанные Аргуновымъ портреты: гр. Шереметева, гр. Анны Петровны и кн. А. М. Черкасскаго, а въ Останкинѣ (тоже подъ Москвой)—портретъ Императора Павла I въ ростъ. Портреты работы Аргунова есть также въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 228.

Аргуновъ, *Николай Ивановичъ*, живописецъ, род. въ 1771 г., ум. послѣ 1829 г. Сынъ предъидущаго, онъ былъ крѣпостнымъ графа Н. П. Шереметева, съ которымъ ѣздилъ за границу и тамъ довершилъ художественное образованіе. Лучшее произведеніе—портретъ сенатора П. С. Рунича — написано Аргуновымъ по программѣ на званіе академика, въ которое онъ былъ возведенъ 19 декабря 1818 г. (за три года передъ тѣмъ Аргуновъ былъ отпущенъ на волю). Этотъ портретъ находится въ залѣ засѣданій академическаго совѣта.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 229.

Аргуновъ, *Яковъ Ивановичъ*, рисовальщикъ, род. въ 1784 году, ум. послѣ 1830 г. Младшій сынъ И. П. Аргунова, онъ былъ отпущенъ на волю графомъ Д. Н. Шереметевымъ. Со 2-го января 1817 г. служилъ учителемъ рисованія въ московскомъ Якиманскомъ уѣздномъ училищѣ, а съ 15-го марта 1818 г.—въ 1-й Московской гимназіи. Аргуновъ рисовалъ портреты достопримѣчательныхъ лицъ, преимущественно для моск. изд. Н. Н. Бантыша-Каменскаго „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе Государя Императора Петра Великаго“ (22 портрета) и для „Исторіи Малороссіи“.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, вып. 1, стр. 229—30.

Аргутинскій-Долгорукій, князь, см. *Іосифъ*, патріахъ всей Арменіи.

Аргутинскій-Долгоруковъ, князь *Моисей Захаровичъ*, внукъ патріарха Іосифа, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1797 г., ум. 20-го февраля 1855 г. Окончивъ образованіе въ Тифлисскомъ дворянскомъ училищѣ (нынѣ гимназія), началъ службу въ 1817 г. юнкеромъ л.-гв. въ Конномъ полку, гдѣ въ 1818 г. произведенъ въ корнеты. Въ 1827 г. Аргутинскій, въ чинѣ маіора, былъ переведенъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ, на Кавказъ и, оставаясь здѣсь до конца дней своихъ, почти не выходилъ изъ подъ огня боевыхъ дѣйствій. Однимъ изъ первыхъ его подвиговъ было заложеніе батареи противъ осажденной Эривани и участіе въ сраженіи (5-го іюля 1827 г.) съ персіянами, предводимыми Аббасомъ-Мирзою, и закончившемся полнымъ пораженіемъ послѣдняго. За отличіе при взятіи Эривани, князь Аргутинскій произведенъ въ подполковники. Во время кампаніи въ Азіатской Турціи, въ 1829 г. онъ участвовалъ въ разбитіи лазовъ при Хартѣ и взялъ кр. Олты, начальствуя отдѣльнымъ отрядомъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ. Съ горцами Аргутинскій велъ борьбу 23 года, съ 1830 г. Командуя баталіономъ, онъ разбилъ 5-го ноября (1830 г.) лезгинъ близъ селенія Закаталы, разрушеннаго 14-го ноября; 22—23-го декабря того же года окончательно добилъ лезгинъ, собравшихся напасть на русское укрѣпленіе Бѣлоканы, и въ 1831 г. участвовалъ въ экспедиціи (съ 21-го ноября по 2-е декабря) противъ мятежныхъ горцевъ въ ущельѣ Каписъ-Дара. Въ 1832 г. Аргутинскому было ввѣрено командованіе Тифлисскимъ полкомъ, съ которымъ, начальствуя отдѣльнымъ отрядомъ, въ 1833 г. онъ, движеніемъ отъ Эривани, усмирилъ возстаніе Джалалинскихъ куртинцевъ. Во время экспедиціи барона Розена, для покоренія Цебельды, въ 1837 г. Тифлисскій полкъ былъ въ числѣ дессанта, высаженнаго на мысѣ Адлеръ, для постройки Константиновскаго укрѣпленія. Аргутинскій участвовалъ въ отбитіи горцевъ отъ лагеря и занялъ аулъ Ліешъ, за что произведенъ въ полковники. Въ 1838 г. ему было поручено преслѣдованіе и разбитіе лезгинъ, скрывавшихся въ Хачъ-Мазскомъ ущельѣ. Въ 1839 г. онъ получилъ управленіе Ахалцыхскою провинціею и главное начальство въ коммиссіи для прекращенія чумной заразы, а въ 1841 г. успѣшно закончилъ усмиреніе возмущенной Гурійской области, освободивъ осажденную кр. Озургеты. Назначенный вслѣдъ затѣмъ начальникомъ вновь сформированнаго Самурскаго

отряда, цѣлью дѣйствій котораго было возвращеніе Казыкумухскаго округа, передавшагося Шамилю, князь Аргутинскій настигъ скопища послѣдняго у селенія Кормоли, разбилъ ихъ и однимъ ударомъ усмирилъ ханство Казыкумухское; за свой подвигъ онъ былъ пожалованъ въ 1843 г. чиномъ генералъ-маіора и орденомъ св. Георгія 3 степ. Въ 1844 г. на Аргутинскаго возложено командованіе войсками въ Сѣверномъ и Южномъ Дагестанѣ. Съ цѣлью защиты отъ вторженій Шамиля, онъ возобновилъ, укрѣпилъ и вооружилъ замки въ Кумухѣ и Чирахѣ и съ весны до глубокой осени не переставалъ разсѣевать появлявшіяся шайки горцевъ, причемъ, за отличія въ Акутѣ и при Цудахарѣ, былъ награжденъ золотою шпагою и назначенъ, 28-го августа того же года, командующимъ войсками въ Южномъ Дагестанѣ. Несмотря на рядъ послѣдовательныхъ пораженій, горцы продолжали набѣги со стороны Казы-Кумуха. Въ 1845 г. 12-го апрѣля Самурскій отрядъ былъ двинутъ въ Казы-Кумухъ, въ іюлѣ занялъ Турчидагъ и оттуда направился къ укрѣпленнымъ ауламъ Кегеръ и Гачадъ, резиденціямъ Аслалъ-Кадія и Даніель-Бека, перешедшихъ къ Шамилю изъ русской службы. Истребивъ эти аулы, отрядъ Аргутинскаго два раза ходилъ къ высотамъ Тилитля и здѣсь нанесъ окончательное пораженіе горцамъ. Тогда же, за отличія, Аргутинскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1846 г. онъ снова дѣйствовалъ противъ Даніель-бека, отъ Турчидага двинувшись къ аулу Салты, по взятіи же его, разбилъ лезгинъ у высотъ Чократль и движеніемъ въ тылъ Шамиля, вторгшагося въ Акуму, заставилъ его удалиться. Награжденный орденомъ св. Владиміра 2 степ., Аргутинскій въ январѣ 1847 г. былъ назначенъ дербентскимъ военнымъ губернаторомъ, а 8-го ноября—командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ. Самурскій отрядъ въ соединеніи съ Дагестанскимъ въ 1847 г. бралъ штурмомъ аулы Гергебиль и Салты, за взятіе котораго Аргутинскій получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Въ 1848 г. за вторичное взятіе Гергебиля онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а за пораженіе Шамиля близъ Мискинджи—орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1849 г. Аргутинскій разорилъ укрѣпленіе Чохъ; въ 1850 г. истребилъ аулы Арчи и Шали; въ 1851 г. отбилъ вторженіе Хаджи-Мурата въ Табасарань и въ 1853 г. экспедиціею въ тылъ Шамиля кончилъ свою боевую карьеру. Пораженный вторымъ ударомъ паралича, князь Аргутинскій скончался въ Тифлисѣ, гдѣ и погребенъ въ Санаинскомъ монастырѣ. Успѣхи русскихъ войскъ на Кавказѣ многимъ обязаны князю Аргутинскому; онъ являлся истинною грозою для горцевъ, давшихъ ему прозваніе „Самурскаго вепря". Въ 1877 г. Аргутинскому въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ воздвигнутъ памятникъ.

Кавказскій календарь на 1856 г. (съ портретомъ), стр. 565—581.—Мѣсяцесловъ на 1856 г., стр. 245.—«Новости» 1876 г. № 9.—«Кавказъ» 1855 г. № 19; «Русск. Инвал.» 1879 г. № 6. «Русск. Стар.» 1874 г., XI, стр. 747; т. LVIII. ст. 698, и Словари: Краевскаго, Березина, Андреевскаго и Клюшникова.

Арди (псевдонимъ), *Николай Ивановичъ*, драматическій артистъ с.-петербургскихъ императорскихъ театровъ, род. въ 1834 г., ум. въ С.-Петербургѣ 10-го апрѣля 1890 г. Настоящая фамилія его была Нечаевъ. На театральныхъ подмосткахъ сталъ выступать съ 1855 г. и въ теченіе 16 лѣтъ игралъ на лучшихъ провинціальныхъ сценахъ: Харькова, Одессы, Казани и др., преимущественно опереточныя и водевильныя роли съ пѣніемъ. Составивъ себѣ имя, Арди пріѣхалъ въ С.-Петербургъ; здѣсь онъ игралъ сначала на сценѣ „Благороднаго собранія", а затѣмъ, 22-го ноября 1871 г., дебютировалъ на Александринской сценѣ въ опереткѣ „Птички пѣвчія", въ роли Пикилло. Недурной теноръ его, развязность и умѣнье держать себя на сценѣ, сразу расположили къ нему публику, и дебютантъ былъ принятъ на императорскую сцену на первыя роли въ оперетках и водевиляхъ: Парисъ въ „Прекрасной Еленѣ", Пулярдо въ „Зеленомъ Островѣ", Шикаръ въ „Парижской жизни", Пигмальонъ въ „Прекрасной Галатеѣ", Шварцъ въ опереткѣ „Дядя Беккеръ подшутилъ" и мн. др. Изъ водевилей съ пѣніемъ и небольшихъ комедій особенно удавались ему: „Простушка и воспитанная" (Емеля), „Званый вечеръ съ итальянцами" (Грибковъ), „Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ" (Губкинъ), „Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу" (Вострушкинъ), „Левъ Гурычъ Синичкинъ" (Борзиковъ), „Черезъ край" (Мухинъ) и др. Не ограничиваясь опереткой и легкой комедіей, Арди, съ первыхъ-же шаговъ своихъ на император-

ской сценѣ, сталъ выступать и въ серьезной комедіи, обнаруживъ недюжинный комическій талантъ. Первыя роли онъ съигралъ: Бородкина („Не въ свои сани не садись") и Разлюляева („Бѣдность не порокъ"). Съ прекращеніемъ же оперетки Арди окончательно перешелъ на бытовыя комическія роли, преимущественно репертуара Островскаго, и вскорѣ сдѣлался незамѣнимымъ актеромъ для изображенія разбитныхъ военныхъ писарей, подкутившихъ купчиковъ, пьяненькихъ мужичковъ и проч. За время служенія своего на сценѣ, Арди переигралъ до 120-ти ролей; изъ нихъ наиболѣе удачныя въ слѣдующихъ пьесахъ: „Свои люди сочтемся" (Подхалюзинъ), „Богатыя невѣсты" (Пирамидаловъ), „Свадьба Кречинскаго" (Щебневъ), „Горькая Судьбина" (Никонъ), „Женитьба Бѣлугина" (Сыромятовъ), „Лѣсъ" (Петръ, затѣмъ Счастливцевъ), „На бойкомъ мѣстѣ" (Непутевый), „На порогѣ къ дѣлу" (Тесовъ), „Ревизоръ" (Бобчинскій), „Недоросль" (Кутейкинъ), „Нищіе духомъ" (Сиводушинъ), „Завтракъ у предводители" (Мирволинъ), „Сидоркино дѣло" (Сидорка), „Женихъ изъ ножовой линіи" (Мордоплюевъ) и др. Кромѣ того, Арди выступалъ вмѣстѣ съ куплетистомъ И. И. Монаховымъ въ концертахъ, въ качествѣ пѣвца русскихъ пѣсенъ, и имѣлъ большой успѣхъ. Въ 1877 г. Арди, не поладивъ съ театральной дирекціей, покинулъ императорскую сцену и уѣхалъ гастролировать въ провинцію, но въ 1878 г., по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ снова принятъ въ труппу Александринскаго театра, гдѣ и оставался до самой кончины. Въ декабрѣ 1880 г. Арди скромно праздновалъ свой 25-ти-лѣтній юбилей служенія искусству.

А. Соколовъ. «Театральный альманахъ на 1875 годъ». Спб. 1875, стр. 132, 133, 135.— Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ» ч. III, стр. 49, 51, 59 и 73. — «Нива» 1890 г. № 20, 19-го мая.—«Новое Время» 1890 г. № 5069, 11-го апр.—«Пет. Газета» 1890 г. № 97, 11-го апрѣля, стр. 3.

Арендтъ, *Николай Ѳедоровичъ*, лейбъ-медикъ Императора Николая Павловича, докторъ медицины и хирургіи, тайный совѣтникъ, род. въ Казани, въ 1785 г., ум. въ Петербургѣ, 14-го октября 1859 г. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца, состоявшаго сперва въ должности лѣкаря при Казанскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ и переведеннаго затѣмъ въ Ревель, а потомъ въ Москву врачемъ при полиціи. При открытіи московскаго отдѣленія Императорской медико-хирургической академіи (22-го февр. 1801 г.) молодой Арендтъ былъ опредѣленъ однимъ изъ первыхъ учениковъ; спустя четыре года, когда московское отдѣленіе академіи было закрыто, то Арендтъ, бывшій уже студентомъ 4-го курса, вмѣстѣ съ другими товарищами былъ переведенъ, въ сентябрѣ 1804 г., въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, гдѣ и окончилъ въ 1805 г. курсъ, кандидатомъ хирургіи 1-го отдѣленія, съ награжденіемъ серебрянымъ карманнымъ наборомъ хирургическихъ инструментовъ. Награда эта соотвѣтствовала учрежденной позднѣе золотой медали, и потому имя Арендта красуется въ числѣ первыхъ на мраморной доскѣ въ конференцъ-залѣ академіи. Въ то время при академіяхъ еще не имѣлось собственныхъ клиникъ и потому лица, окончившія академическій курсъ, не сразу получали право медицинской практики; кандидаты академіи обязаны были оставаться нѣкоторое время при большихъ госпиталяхъ для практическихъ занятій и для знакомства съ служебными порядками. Арендтъ былъ причисленъ къ С.-Петербургскому генеральному (нынѣ 2-му военно-сухопутному) госпиталю, гдѣ тотчасъ былъ произведенъ въ лѣкари. Здѣсь онъ прослужилъ всего 7½ мѣсяцевъ; причиною тому было участіе, принятое Россіею въ войнѣ Пруссіи съ Наполеономъ I. При комплектованіи арміи, Арендтъ былъ назначенъ, въ апрѣлѣ 1806 г., лѣкаремъ въ Навагинскій мушкетерскій полкъ, съ которымъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ до заключенія тильзитскаго мира, а затѣмъ и въ шведской войнѣ, до 1809 г., когда былъ заключенъ фридрихсгамскій миръ. Длинный рядъ кровопролитныхъ сраженій, въ которыхъ, въ качествѣ врача, участвовалъ Арендтъ, доставилъ ему обширнѣйшую хирургическую практику, благодаря которой, изъ него выработался необычайно искусный операторъ. Имя его вскорѣ прославилось до того, что онъ, будучи младшимъ лѣкаремъ, не имѣя еще никакого чина, удостоился Высочайшаго подарка— былъ награжденъ, въ декабрѣ 1809 г., брилліантовымъ перстнемъ. Когда возгорѣлась отечественная война, Арендтъ въ качествѣ врача, имѣвшаго уже огромный запасъ

опытности и знаній, участвовалъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ: при Клястицахъ, Полоцкѣ, Чашникахъ, Бауценѣ, Лейпцигѣ и др. до взятія Парижа включительно. За неутомимую энергію, заботливость о судьбѣ раненыхъ и необычайно успѣшную врачебную дѣятельность, онъ былъ утвержденъ послѣдовательно: лѣкаремъ 1-го класса, дивизіоннымъ врачемъ 13-й пѣх. дивизіи и и. д. штабъ-доктора 1-го пѣх. корпуса. Послѣ взятія Парижа онъ пробылъ въ немъ до 10-го марта 1815 г. въ должности главнаго врача остававшихся во Франціи русскихъ войскъ. Возвратившись въ Россію, былъ назначенъ дивизіоннымъ врачемъ 12-й дивизіи и состоялъ въ этой должности до 9-го сентября 1819 г., когда его перевели изъ арміи въ гвардію, сперва исправляющимъ должность старшаго доктора гвардейской кавалеріи, а вслѣдъ затѣмъ, 20-го января 1820 г.—главнымъ докторомъ бывшаго артиллерійскаго госпиталя въ С.-Петербургѣ. Осложненія и безпорядки, возникшіе въ это время въ Италіи, впослѣдствіи улаженные троппаускимъ конгрессомъ, вынудили Россію снова поставить армію на военное положеніе; въ войска, двинутыя на помощь Австріи, Арендтъ былъ командированъ въ качествѣ полевого генералъ-штабъ-доктора арміи, и хотя походъ не состоялся и Арендтъ, спустя три мѣсяца, возвратился въ Петербургъ, но онъ успѣлъ обнаружить огромную организаторскую дѣятельность. Въ Петербургѣ его ожидала награда, ранѣе небывалая въ русской медицинской исторіи: „за усердную и долговременную службу, равно какъ и за совершенное его познаніе медицины и хирургіи, доказанное многократнымъ производствомъ всѣхъ операцій“, онъ, по положенію Комитета Министровъ, Высочайше былъ утвержденъ, безъ экзамена, 11-го октября 1821 г., въ званіи доктора медицины и хирургіи. Въ декабрѣ того же года послѣдовало назначеніе его членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и, кромѣ того, не въ примѣръ прочимъ, за сдѣланныя имъ хирургическія операціи, „послѣ которыхъ бо́льшая часть неспособныхъ инвалидовъ поступили на дѣйствительную службу“, получилъ прибавку жалованья по 800 руб. въ годъ. Артиллерійскимъ с.-петербургскимъ госпиталемъ Арендтъ управлялъ съ 30-го января 1820 г. по 11-е марта 1826 г. и въ теченіе этихъ шести лѣтъ его хирургическая техника достигла полнаго своего развитія. Слава о немъ, какъ объ операторѣ-виртуозѣ распространилась далеко за предѣлы Россіи. Онъ смѣло брался за такія трудныя для того времени хирургическія операціи, какъ перевязки arteriae iliacae externae, carotidis subclaviae и выполнялъ ихъ съ удивительнымъ успѣхомъ; его экзартикуляціи цѣлыхъ конечностей, его искусныя перевязки большихъ артерій, коихъ было не мало въ числѣ 800 трудныхъ операцій, произведенныхъ Арендтомъ за время его ученой дѣятельности, почитались выдающимися медиками настоящимъ тріумфомъ медицинской науки и выдвинули его имя въ рядъ съ знаменитыми именами Грефе, Купера, Ларрея и Лисфранка. Послѣдній открыто высказывалъ свое изумленіе по поводу необычайно счастливо исполненныхъ операцій съ ничтожнымъ процентомъ смертности среди оперированныхъ Арендтомъ, сравнительно съ результатами оперативной дѣятельности другихъ выдававшихся хирурговъ того времени. Пытались объяснить это исключительно тѣмъ, что онъ былъ удивительнымъ діагностомъ и „баснословно счастливымъ операторомъ“, но главная причина, остававшаяся долгое время незамѣченною, крылась въ томъ, что Арендтъ, помимо огромной опытности, одинъ изъ первыхъ примѣнялъ антисептическое лѣченіе и придавалъ ему самое серьезное значеніе. Въ этомъ сочетаніи хирургіи съ терапіею и лежало основаніе его огромныхъ успѣховъ, проявлявшихся преимущественно на войнѣ: въ 1806—1807 г. въ Пруссіи, въ 1808—1809 г.—въ Швеціи, въ 1812 г.—въ Россіи, въ 1813 г.—въ Германіи и въ 1814 г.—во Франціи. Дѣятельность Арендта, въ качествѣ старшаго врача артиллерійскаго госпиталя, обнаружила въ немъ недюжинный организаторскій талантъ и весьма опытнаго администратора медицинскихъ учрежденій. Бывшій въ то время главный медицинскій инспекторъ по арміи, желая воспользоваться совѣтами его къ улучшенію подвѣдомственныхъ ему медицинскихъ учрежденій, испросилъ Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи Арендта къ нему для особыхъ порученій. Ходатайство инспектора арміи было уважено, но разросшаяся до огромныхъ размѣровъ медицинская практика Арендта не давала

ему возможности одновременно занимать и новую должность. Поэтому онъ принужденъ былъ просить объ увольненіи его отъ военной службы. 20-го марта 1827 г. Арендтъ получилъ отставку, но въ то же время былъ опредѣленъ главнымъ докторомъ заведеній с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въ январѣ 1829 г. захворалъ Императоръ Николай Павловичъ; обратились за помощью къ Арендту. Лѣченіе шло столь быстро и успѣшно, что послѣдній 22-го апрѣля того же года былъ назначенъ лейбъ-медикомъ, получивъ предварительно увольненіе отъ всѣхъ другихъ служебныхъ обязанностей, кромѣ консультацій въ гражданскихъ с.-петербургскихъ больницахъ и присутствованія въ медицинскомъ Совѣтѣ. Съ тѣхъ поръ Арендтъ сопутствовалъ Императору Николаю Павловичу во всѣхъ его путешествіяхъ, наблюдалъ за его здоровьемъ и неоднократно спасалъ его отъ опасности при тяжкихъ болѣзняхъ. Въ его формулярѣ записаны три случая особенной монаршей благодарности за излѣченіе отъ болѣзней: двухъ внутреннихъ—въ 1829 и 1839 гг. и одной хирургической—перелома ключицы, случившейся во время пребыванія государя въ г. Чембарѣ, Пензенской губ., въ 1836 г. Десять лѣтъ состоялъ Арендтъ при особѣ Императора, до поступленія на его мѣсто лейбъ-медика Мандта. Въ іюлѣ 1831 г. онъ былъ причисленъ къ главному штабу, въ 1844 г. назначенъ помощникомъ медицинскаго инспектора и въ январѣ 1847 г.—инспекторомъ учрежденій Императрицы Маріи; всѣ эти должности онъ сохранилъ почти до самой кончины. 29-го августа 1855 г. исполнилось 50 лѣтъ со дня окончанія Арендтомъ академическаго курса и вступленія его на дѣйствительную службу; полувѣковой юбилей его блестящей медицинской дѣятельности былъ праздновaнъ обширнымъ кругомъ ученыхъ и почитателей съ необыкновенною торжественностью. По выходѣ изъ военной службы, Арендтъ посвятилъ себя исключительно медицинской практикѣ, безъ различія спеціальностей, но съ одинаковымъ и постояннымъ успѣхомъ во всѣхъ отрасляхъ практической медицины. Онъ работалъ неутомимо, съ утра до вечера, посѣщая больныхъ, въ огромномъ большинствѣ настолько бѣдныхъ, что ему приходилось на свой счетъ пріобрѣтать необходимыя лѣкарства. Такъ оно продолжалось до весны 1859 г., когда онъ заболѣлъ разстройствомъ сердечныхъ заслонокъ—результатъ простуды, случившейся года за два предъ тѣмъ и низведшей его въ могилу. Онъ не оставилъ по себѣ теоретическихъ трудовъ; но его превосходныя и обстоятельныя описанія главнѣйшихъ изъ произведенныхъ имъ хирургическихъ операцій составляютъ сами по себѣ весьма цѣнный вкладъ въ медицинскую науку; они вошли во всѣ спеціальныя руководства по хирургіи.

Callisen: «Medicin. Schriftstell.-Lexicon», т. I; «Военно-Медиц. Журналъ» 1823 г.; «Graefe's und Walther's Archiv»; «Medic. Zeitung Russland's», 1855, № 37, стр. 293 и № 42, стр. 336 (содержатъ статьи Арендта о произведенныхъ имъ операціяхъ); «Русская Старина» (въ ст. «Зап. Каратыгина» упоминается вкратцѣ объ Арендтѣ); т. XXIV, стр. 468; т. XIV, стр. 92—96 (въ ст. «Послѣдніе дни жизни А. С. Пушкина» говорится о запискѣ, привезенной поэту отъ государя); въ томъ же журналѣ за 1876 годъ (ст. Чистовича; авторъ, сравнивая Арендта съ Буяльскимъ, отдаетъ послѣднему, какъ искусному хирургу, пальму первенства), кн. 2-я, стр. 300—309 и кн. 3-я, стр. 311—315; «Русскій Архивъ» за 1874 г., № 2, стр. 273, и № 5, стр. 1,347; Hirsch, August: «Biograph. Lexicon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten u. Völker», т. I, стр. 185; А. Никитинъ: ст. «Обз. гл. операцій Арендта» (въ «Сѣв. Пчелѣ» за 1851 г., № 139); его же: «Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царств. Имп. Екатерины II», 1885 (вся книга посвящена Н. Ѳ. Арендту на память о его 50-лѣтней дѣятельности); «Inland», 1860, №№ 44 и 45. Въ остальныхъ источникахъ повторенія или извлеченія изъ перечисленныхъ статей. «Протоколы засѣданій общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ» (1859—1860), стр. 136 и 143—150 (некрологъ, напис. Я. Чистовичемъ).

Л. Вейнбергъ.

Арендтъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, врачъ, отецъ Николая Ѳедоровича, род. въ Москвѣ, въ 1755 г., въ семьѣ нѣмецкаго ремесленника; ум. тамъ же въ 1797 г.; медицинское образованіе получилъ въ Московской хирургической школѣ, гдѣ окончилъ лѣкарскимъ ученикомъ и съ августа 1774 г. слушалъ лекціи при Московскомъ генеральномъ госпиталѣ; затѣмъ, въ званіи подлѣкаря, сперва участвовалъ съ войсками въ оренбургскомъ походѣ, а потомъ былъ переведенъ въ Казань, въ морской госпиталь; изъ Казани онъ былъ командированъ лѣкаремъ, на короткое время, въ Ревель, а оттуда переведенъ полицейскимъ врачемъ въ Москву.

Гр. Геннади: «Справочный Слов.», стр. 41; А. Никитинъ: «Краткій обзоръ состоянія меди-

цины въ Россіи въ царств. Имп. Екатерины II», 1855, стр. 37; «Medicinische Zeitung Russland's», 1855, № 37, стр. 293.

Арескинъ (Robert Areskine), *Робертъ Карловичъ*, докторъ медицины и философіи, тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ Петра Великаго, архіятръ и президентъ всего медицинскаго факультета въ Россіи, род. въ Шотландіи въ срединѣ XVII столѣтія, умеръ въ Олонцѣ въ декабрѣ 1718 года. Въ домѣ своего отца, принадлежавшаго къ древней и знатной шотландской фамиліи, Арескинъ получилъ образцовое, по тому времени, воспитаніе и помимо родного, свободно изъяснялся на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ. Окончивъ затѣмъ курсъ наукъ въ Оксфордскомъ университетѣ со степенью доктора медицины и философіи, онъ посвятилъ себя врачебнымъ наукамъ, доставившимъ ему въ короткое время громкую славу весьма искуснаго врача и званіе члена королевско-британскаго общества. Въ 1704 г. Арескинъ, въ числѣ прочихъ извѣстныхъ англійскихъ врачей, получилъ приглашеніе въ Россію; онъ согласился и, прибывъ въ началѣ 1706 г., поступилъ сперва домашнимъ врачемъ къ кн. А. Д. Меншикову, но вскорѣ, по рекомендаціи послѣдняго, Петръ I назначилъ его на должность президента Аптекарскаго приказа. Разностороннее образованіе и душевныя качества, какими онъ отличался, вскорѣ обратили на Арескина вниманіе царя. Петръ I высоко цѣнилъ въ немъ неподкупно честнаго ученаго и искренно преданнаго ему сотрудника и свое неизмѣнное расположеніе показывалъ Арескину до смерти послѣдняго. Въ 1713 г., когда умеръ докторъ Донель, царь назначилъ на открывшуюся вакансію лейбъ-медика своего любимца Арескина, несмотря на то, что на эту должность Лейбницъ горячо рекомендовалъ ему двухъ цюрихскихъ врачей, братьевъ Шехцеровъ. Въ 1716 г., онъ, въ чинѣ дѣйств. ст. сов., былъ утвержденъ въ должности архіятера—должность, впервые оффиціально замѣщенная, такъ какъ до того самъ Арескинъ, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, подписывался архіатромъ, не имѣя на то Высочайшаго разрѣшенія. Въ новой своей должности онъ развилъ огромную дѣятельность, послѣдствіемъ которой явилось коренное преобразованіе врачебнаго дѣла въ Россіи. Въ короткое время его управленія значительно усовершенствовались устройство аптекъ, внутреннее состояніе учебно-медицинскихъ заведеній и введенъ строгій выборъ иностранныхъ медиковъ, пріѣзжавшихъ въ Россію искать службы и счастья. Время дѣятельности Арескина въ Россіи вполнѣ справедливо можетъ быть названо первымъ періодомъ преобразованій и улучшеній въ исторіи русской медицины. Изъ писемъ иностранныхъ ученыхъ, хранящихся въ архивѣ С.-Петербургской академіи наукъ и начинающихся со временъ, предшествовавшихъ учрежденію академіи, съ 1715 года, видно, что Арескинъ завѣдывалъ также кунсткамерою и Императорскою библіотекою. Сначала Арескинъ долженъ былъ вступить въ переписку съ европейскими учеными, вслѣдствіе пріобрѣтенія царемъ разныхъ коллекцій для названныхъ учрежденій. Затѣмъ, въ званіи лейбъ-медика, онъ въ 1717 г. сопровождалъ Петра I въ путешествіи его по Германіи, Голландіи и Франціи. Посѣщеніе Парижа дало царю возможность лично узнать многихъ изъ французскихъ ученыхъ, и на Арескина была возложена обязанность поддерживать сношенія съ ними. Между прочимъ, Арескинъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ столицѣ Франціи, чтобы ознакомиться съ успѣхами хирургіи подъ руководствомъ проф. Дювернуа. Осыпанный милостями русскаго царя, Арескинъ не могъ не сдѣлаться предметомъ зависти для разныхъ проходимцевъ изъ иностранцевъ. Воспользовавшись тѣмъ, что онъ происхожденіемъ изъ Шотландіи, которая была враждебно настроена противъ англійскаго короля Георга, они впутали Арескина въ совершенно чуждую ему политическую интригу: будто онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ, черезъ посредство своего родственника, съ шведскимъ посломъ въ Лондонѣ Гилленборгомъ и, какъ врагъ царствовавшаго въ Англіи Брауншвейгскаго дома, старался склонить русскаго Императора въ пользу Стюартовъ. Въ Англіи всполошились, но завистникамъ Арескина не удалось однако уронить его въ глазахъ великаго Преобразователя Россіи: Петръ I слишкомъ хорошо зналъ людей, чтобы повѣрить хитросплетеннымъ выдумкамъ. Онъ заставилъ своего лейбъ-медика написать своему королю оправдательное письмо и, кромѣ того, черезъ нашего резидента Веселовскаго былъ посланъ оправдательный меморандумъ. Въ этой

дипломатической нотѣ царь писалъ о своемъ лейбъ-медикѣ: „Арескинъ уже 13 лѣтъ находится въ службѣ и всегда велъ себя такъ, что нельзя повѣрить, чтобы онъ до такой степени забылся и вступилъ въ непристойную переписку безъ всякаго указа. Притомъ, онъ только лѣчитъ и ни къ какимъ совѣтамъ и государственнымъ дѣламъ не употребляется“. Обвиненіе, какъ голословное и недоказанное, было опровергнуто. Какъ врачъ, Арескинъ не былъ спеціалистомъ той или другой области медицинской науки, но свободное время предпочтительно посвящалъ бальнеологіи. Изучая минеральные источники въ окрестностяхъ С.-Петербурга, онъ открылъ и изслѣдовалъ полюстровскія воды (на Охтѣ) и горячо рекомендовалъ ихъ тѣмъ изъ своихъ больныхъ, которые страдали разстройствомъ нервовъ. Многосложныя служебныя занятія поглощали не только все его время, но и здоровье, чѣмъ и объясняется причина, почему Арескинъ не оставилъ послѣ себя теоретическихъ трудовъ. Въ 1718 г. онъ вынужденъ былъ, по разстроенному здоровью, отправиться въ Олонецъ на желѣзныя воды, гдѣ и скончался. Предчувствуя близость кончины, онъ, 29-го ноября, пригласилъ къ себѣ олонецкаго коменданта и въ его присутствіи составилъ свое духовное завѣщаніе. Послѣднее вмѣстѣ съ латинскою грамотою, подписанною Петромъ Великимъ, 30-го апр. 1716 г., въ Данцигѣ, о возведеніи Арескина въ званіе архіятера, сохранились до настоящаго времени. Духовное завѣщаніе весьма любопытно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ близко стоялъ этотъ врачъ къ царю и супругѣ его, Екатеринѣ I. Богатая библіотека его, состоявшая изъ 2.400 томовъ, и огромныя коллекціи минераловъ и раковинъ еще при жизни Арескина куплены были, по Высочайшему повелѣнію, для академіи наукъ. Узнавъ о кончинѣ своего любимца, Петръ I приказалъ перевезти тѣло его въ Петербургъ. Царь желалъ почтить память Арескина торжественнымъ похороннымъ обрядомъ. За гробомъ шелъ самъ государь съ знатнѣйшими сановниками, до самаго мѣста погребенія. Петръ держалъ въ рукѣ зажженную восковую свѣчу, а по всему пути шпалерами стояли войска. Тѣло Арескина предано землѣ 4-го января 1719 г.; онъ похороненъ, по волѣ Петра Великаго, пожелавшаго воздать величайшія почести памяти любимаго человѣка,—рядомъ съ могилою принцессы Натальи. Сопровождавшія гробъ лица получили на память золотыя кольца, на которыхъ были вырѣзаны имя и день смерти Арескина.

«Сборникъ Имп. Ист. Общ.», т. XI, стр. 72; т. XXXIV, стр. 164, 168, 171, 214, 261, 268, 303, 344—345, 380; т. XXXIX, стр. 432, 471; т. XL, стр. 3, 4 (письмо Лави къ абб. Дюбуа, въ которомъ передано завѣщаніе Арескина), 368; т. L, стр. 85, 452.—Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго» (по указателю).—А. Ѳ. Бычковъ, «Матеріалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба», т. I, стр. 233.—«Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ», т. II, М. 1872 (о денежныхъ выдачахъ Арескину):—«Зап. Вебера о Петрѣ Великомъ» (въ «Русск. Арх.», 1872, стр. 1641); С. М. Соловьевъ: «Ист. Рос. съ др. временъ», изд. «Общ. Пользы», т. IV, стр. 355—357; 1457—58; «Энцикл. словарь» Плюшара, т. III, стр. 36—38 (статья В. Сахарова); Richter: «Gesch. d. Medicin», т. III, стр. 115—124; Max. Heine: «Fragmente aus d. Gesch. der Medicin in Russl.», 1848, стр. 100—104; Купріяновъ: «Ист. мед. въ Россіи въ царств. Петра Великаго», стр. 7—10; П. Пекарскій: «Ист. Имп. Ак. Наукъ», т. I, стр. IV, 3, 4, 17, 18 и 649; Чистовичъ: «Ист. перв. медиц. школъ въ Россіи», стр. CCCLXI—CCCLXIII (подъ именемъ *Эрскинъ* (которое, согласно англ. произношенію точнѣе, но самъ Арескинъ не держался этого правила и въ оффиц. докум. писался *Арескинъ*). Въ прилож. помѣщены духовн. завѣщаніе и грамоты Петра I.

Л. Вейнбергъ

Арзановы, *Яковъ* и *Давидъ*, братья, армяне, оба кандидаты Московскаго университета, изъ воспитанниковъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Составили „Опытъ начертанія исторіи армянскаго государства“, напечат. въ 1827 г., въ Москвѣ.

Смирдинъ, «Роспись», № 3.235.

Арзубьевы (Арбузьевы), новгородскіе бояре:

1) *Кипріанъ*, посадникъ въ 1471 г., казненъ въ Русѣ, по повелѣнію великаго князя Ивана III Васильевича, за намѣреніе предаться королю польскому Казиміру.

2) Сынъ предъидущаго, *Григорій Кипріановичъ*, староста новгородской Никитиной улицы. Въ 1476 г. поднесъ пріѣхавшему въ Новгородъ Ивану III, вмѣстѣ съ товарищами, старостами Славковой улицы, бочку краснаго вина. Затѣмъ, въ 1478 г., пріѣзжалъ въ станъ Ивана III, въ Сытино, какъ выборный житьихъ людей, бить челомъ о помилованіи. Но ему въ государевомъ станѣ припомнили, что онъ самъ былъ истцомъ на бояръ, по порученію жителей Никитиной улицы. Затѣмъ, Григорій Кип-

ріановичъ явился въ станъ великаго князя въ Поозерье уполномоченнымъ житьихъ людей. По взятіи Новгорода, по государеву велѣнію, сосланъ въ заточеніе въ Московское княжество и имѣніе его отписано на великаго князя.

«Полное Собр. Рус. Лѣтоп.», т. VI, 33, 201, 209, 212, 220; VIII, 187, 190—2, 199.

Аристархъ, архимандритъ Макаріева Желтоводскаго монастыря, сынъ священника; род. въ 1771 г., ум. въ 1843 году. По происхожденію великороссіянинъ. Образованіе получилъ въ Нижегородской семинаріи и въ ней же съ сентября 1791 г. состоялъ „репетентомъ“ и учителемъ, а съ 1795 г.—катехизаторомъ. Въ маѣ 1798 г. опредѣленъ въ священники къ церкви села Высокаго, Нижегородской губерніи и уѣзда, а въ сентябрѣ 1801 г. перешелъ въ Нижній-Новгородъ къ Предтеченской церкви. 9-го сентября 1802 г. онъ былъ опредѣленъ въ духовную семинарію учителемъ и съ 1803 г. священникомъ семинарской церкви. Овдовѣвъ, онъ 22-го декабря 1804 г. постригся въ монашество съ именемъ Аристарха, послѣ чего назначенъ префектомъ семинаріи. Не оставляя педагогическихъ занятій, Аристархъ въ 1805 г. занялъ должность эконома архіерейскаго дома, съ 1808 г.—присутствующаго въ консисторіи и 20-го іюня 1809 г. возведенъ въ санъ архимандрита нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря. 10-го августа 1818 г. онъ былъ перемѣщенъ въ московскій Знаменскій монастырь и 22-го августа 1821 г. въ Макаріевъ Желтоводскій той же нижегородской епархіи, гдѣ онъ трудился всю свою жизнь.

Дѣла архива Св. Синода 1808 г. № 931; 1818 г. № 136; 1821 г. №№ 87, 182, 184 и 875.

Здр.

Аристовъ, *Евгеній Филипповичъ*, анатомъ, ординарный профессоръ Казанскаго университета, род. въ 1806 году въ Ярославской губ., въ семьѣ сельскаго дьячка; ум. 26-го октября 1875 года въ Казани. По окончаніи курса въ Ярославской духовной семинаріи, онъ въ 1826 г. вступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ Московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи, откуда былъ выпущенъ въ 1830 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія по медицинской и ветеринарной частямъ и при выпускѣ награжденъ золотой медалью. Въ томъ же 1830 году, по случаю появленія холерной эпидеміи въ низовьяхъ Волги, въ Саратовѣ была организована центральная коммиссія для борьбы съ нею; въ составъ этой коммиссіи былъ назначенъ и Аристовъ. Въ 1831 г., когда вспыхнулъ польскій мятежъ, онъ былъ назначенъ сперва ординаторомъ Брестъ-литовскаго военнаго госпиталя, затѣмъ военно-медицинскимъ чиновникомъ для особыхъ порученій при главномъ докторѣ военно-временныхъ госпиталей дѣйствующей арміи, а въ началѣ 1832 г.—ординаторомъ Калишскаго госпиталя. Въ послѣдней должности оставался недолго, потому что вскорѣ былъ переведенъ въ Москву исправляющимъ должность адъюнкта зоотоміи, сравнительной физіологіи и эпизоотическихъ болѣзней, а въ 1833 г. перемѣщенъ на описательную анатомію въ качествѣ прозектора; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора студентовъ и исправлялъ должность адъюнкта при профессорѣ анатоміи. Въ 1834 г. онъ, защитивъ диссертацію: „De somno et vigilio“, удостоился степени доктора медицины и въ 1835 г., былъ утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи. Два года спустя открылась вакансія профессора анатоміи въ Казанскомъ университетѣ и Аристовъ былъ назначенъ въ Казань экстраординарнымъ профессоромъ, съ предварительнымъ откомандированіемъ на два года заграницу для усовершенствованія въ своей спеціальности. Посѣтивъ наиболѣе извѣстные университеты Западной Европы, онъ пользовался руководствомъ и лекціями знаменитѣйшихъ анатомовъ того времени и съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ устройство анатомическихъ театровъ и кабинетовъ. Прибывъ въ Казань въ 1839 году, онъ началъ читать лекціи по анатоміи общей, патологической и описательной. Закончивъ въ 1866 г. свою 29-ти-лѣтнюю университетскую дѣятельность, онъ вышелъ, по болѣзни, въ отставку и, проживъ еще семь лѣтъ безвыѣздно въ Казани, скончался 69-ти лѣтъ отъ роду. Какъ ученый, Аристовъ принадлежитъ къ той эпохѣ, когда естествознаніе только-что начинало освобождаться отъ отвлеченныхъ философскихъ воззрѣній. Это видно, между прочимъ, изъ его воззрѣній на задачи общей анатоміи. Послѣднюю онъ понималъ не какъ одно только ученіе о типѣ микроскопическаго строенія тканевыхъ элементовъ, поэтому-то Аристовъ и стремился

еще къ установленію анатомическихъ типовъ индивидовъ. Въ своихъ научныхъ доводахъ онъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что въ каждомъ индивидѣ ткань претерпѣваетъ извѣстныя качественныя видоизмѣненія, и послѣднія кладутъ свой отпечатокъ на общій анатомическій складъ организма: на его тѣлосложеніе, ростъ, формы цѣлаго и отдѣльныхъ частей и т. п. Готоваго ученія въ этомъ смыслѣ до Аристова не имѣлось, и онъ поставилъ себѣ задачею положить основаніе ему. Съ этой цѣлью онъ старался, путемъ ежедневныхъ наблюденій надъ людьми, найти гармонію въ составѣ и дѣятельности каждаго организма, т.-е. отыскать критерій, который дозволялъ бы установить опредѣленные анатомическіе типы индивидовъ. Результатомъ изслѣдованій, предпринятыхъ имъ въ этомъ направленіи, явились: статья „О тѣлосложеніяхъ" („Уч. Зап. Каз. Ун.", 1853 г., кн. II, стр. 3—45) и актовая рѣчь его „О значеніи внѣшности человѣка" (въ приложеніяхъ къ „Обозрѣнію преподаванія въ Имп. Каз. У-тѣ за 1844—1845 гг.", Казань, 1846). На основаніи того же принципа гармоніи въ сложеніи и дѣятельности организмовъ, Аристовъ пытался выводить изъ общихъ анатомическихъ свойствъ индивида и наклонность къ заболѣваніямъ разными патологическими процессами, и самый ходъ этихъ процессовъ. Какъ убѣжденный послѣдователь гуморальнаго направленія, онъ обращалъ преимущественное вниманіе на кровь и въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ наблюденія надъ быстротою свертыванія и разными химическими, физическими и физіо-патологическими процессами, коимъ подвергается кровь при извѣстныхъ условіяхъ. Воззрѣнія Аристова, хотя и нѣсколько устарѣли, и во многихъ случаяхъ уже не согласуются съ современными отраслями медицинской науки, но они обнаруживаютъ въ немъ огромную наблюдательность и широту взгляда. Онъ написалъ и, частью, перевелъ 16 статей и книгъ, изъ коихъ важнѣйшія упомянуты выше.

Л. Ѳ. Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 8—9; Н. О. Ковалевскій: Біогр. очеркъ Аристова въ «Годичн. отчетѣ Общ. естествозн. при Каз. у-тѣ» за 1875—1876 г., въ «Протоколахъ» того же года, стр. 95—97, и въ «Крит.-біогр. сл. русск. пис. и уч.» С. А. Венгерова, вып. XVI, стр. 730—739; некрологи: въ «Каз. Бирж. Листкѣ» 1875 г., № 87; «Здоровье», 1875, № 35; «Моск. Мед. Газ.», 1876, № 10; «Ж. М. Н. Пр.», 1840, ч. 40-я, стр. 69—70, и «Зап. Каз. у-та», 1876, № 1, стр. 196—205. *Л. В.*

Аристовъ, *Николай Яковлевичъ*, профессоръ русской исторіи, род. въ Тамбовской губ., въ 1834 году, ум. въ Нѣжинѣ, Черниговской губ. 26-го августа 1882 г. Сынъ сельскаго священника, Аристовъ началъ свое образованіе въ духовномъ училищѣ, откуда затѣмъ, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, попалъ на казенный счетъ въ Тамбовскую семинарію, которую кончилъ однимъ изъ первыхъ въ 1854 году. Успѣшно проходя курсъ семинаріи, Аристовъ въ то же время пополнялъ пробѣлы въ своемъ образованіи разнообразнымъ чтеніемъ, благодаря которому расширялся его умственный кругозоръ и зарождалось въ немъ влеченіе къ литературной дѣятельности. Сочиненіе, написанное имъ на послѣднемъ курсѣ семинаріи: „Взглядъ христіанина на сновидѣнія"— предназначалось авторомъ для печати, но въ 1854 году напечатать этотъ трудъ не удалось, и онъ появился только въ 1867 году въ „Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" (стр. 412—456). Подъ вліяніемъ того же чтенія въ Аристовѣ зародилось стремленіе поступить по окончаніи семинаріи въ университетъ, но стеченіе обстоятельствъ воспрепятствовало этому, и 15-го августа 1854 года онъ пріѣхалъ въ Казань, въ духовную академію. Здѣсь онъ сразу примкнулъ къ кружку студентовъ, занимавшихся изученіемъ русской литературы и интересовавшихся общественнымъ движеніемъ, начинавшимся тогда въ Россіи. Въ 1856 году направленіе занятій Аристова измѣнилось: подъ вліяніемъ лекцій В. И. Григоровича (по славяновѣдѣнію) и, главнымъ образомъ, А. П. Щапова, читавшаго русскую исторію, Аристовъ заинтересовался изученіемъ русской старины. Сближеніе со Щаповымъ произошло по слѣдующему поводу: въ 1856 году Аристовъ ѣздилъ на каникулы въ Вятку, гдѣ собралъ много народныхъ пѣсенъ и другого этнографическаго матеріала. Щаповъ заинтересовался этимъ сборникомъ и короче сошелся съ Аристовымъ, который былъ его товарищемъ по академіи и шелъ только на 2 года позже его. Это сближеніе было важнымъ фактомъ въ жизни Аристова. Между Аристовымъ и Щаповымъ было много сходства, какъ по ихъ судьбѣ до

поступленія въ академію, такъ и по характеру: оба испытали въ дѣтствѣ горькую долю низшаго духовенства, оба одинаково удивляли всѣхъ своими способностями, благодаря которымъ добились до высшаго образованія; оба были одинаково восторженными идеалистическими натурами, у обоихъ были однѣ и тѣ же симпатіи и антипатіи. Но Щаповъ къ тому времени успѣлъ уже опредѣлить характеръ своей будущей дѣятельности и выработать болѣе или менѣе прочное міросозерцаніе, а Аристовъ былъ еще совершенно неустановившимся юношей. Понятно, какое огромное вліяніе долженъ былъ оказать молодой доцентъ на своего друга: Аристовъ не только избралъ спеціальностью русскую исторію, но и научныя воззрѣнія свои почерпнулъ почти цѣликомъ у Щапова. И кандидатское сочиненіе свое Аристовъ написалъ на тему, данную Щаповымъ: „Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра“ (напечатано въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1859 года, книги 5 и 12). Кончивъ въ 1858 году академію кандидатомъ богословія, Аристовъ, несмотря на хорошее сочиненіе, не былъ оставленъ при академіи, а долженъ былъ ѣхать въ Симбирскую семинарію преподавателемъ математики, и лишь въ 1860 году ему поручено было въ той же семинаріи преподаваніе русской словесности. Семинарская служба тяготила Аристова, который лелѣялъ мечту объ ученой карьерѣ и о профессурѣ въ университетѣ, да кромѣ того, его правдивость и рѣзкая откровенность въ мнѣніяхъ нажили ему въ Симбирскѣ много враговъ, распускавшихъ про него нехорошіе слухи и добившихся въ концѣ концовъ того, что Аристовъ попалъ подъ надзоръ полиціи. Въ виду всего этого, Аристовъ, въ 1861 году кинулъ службу, уволился изъ духовнаго званія и уѣхалъ въ Петербургъ добиваться исполненія своихъ завѣтныхъ грезъ. Въ Симбирскѣ Аристовымъ были написаны слѣдующія статьи: „Повѣсть о бражникѣ“ („Русская Бесѣда“ 1859 г., книга 18), „Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ преимущественно церковно-историческомъ“ („Православный Собесѣдникъ“, 1860 годъ, №№ 4—6), „О недостаткѣ вѣры въ русскомъ народѣ“ („Духъ Христіанина“, 1861, №№ 10—11) и „Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей“ („Духъ Христіанина“, 1861, №№ 2—3). Кромѣ того, 2-го февраля 1860 года имъ было сказано въ семинарской церкви слово, которое появилось въ „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (1870 г., № 5). Въ Петербургъ Аристовъ пріѣхалъ въ іюлѣ 1861 года, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ къ существованію. Однако, вскорѣ послѣ пріѣзда, онъ отыскалъ своего стараго знакомаго Кривицкаго, а въ августѣ встрѣтился и со Щаповымъ, жившимъ тогда уже въ столицѣ. Благодаря этимъ знакомствамъ, Аристовъ устроился довольно хорошо, доставъ уроки въ частныхъ пансіонахъ и домахъ. Щаповъ ввелъ Аристова въ литературные кружки, и онъ вскорѣ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ статей въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. Къ этому времени относятся слѣдующіе труды Аристова: „По поводу новыхъ изданій о расколѣ“ („Время“, 1862, № 1), „Очеркъ крестьянской свадьбы“ („Волга“, 1862, №№ 13, 14 и 16), „Отживающія воззрѣнія“ („Библіотека для Чтенія“, 1862, 5, подъ псевдонимомъ Н. Я. Вѣтвицкаго), „Слѣдствія паденія общиннаго и выборнаго начала“ (ibidem, № 6, подъ тѣмъ же псевдонимомъ), „Что нужно для русской исторіи въ настоящее время?“ (ibidem, № 8, тотъ же псевдонимъ), „Внутреннее обозрѣніе“ (ibidem, № 10), „Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи“ (ibidem, № 12, тотъ же псевдонимъ), „Русскіе города и ихъ администрація“ („Библіотека для Чтенія“, 1863, № 6), „Устройство раскольничьихъ общинъ“ (ibidem, № 7), „Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія“ (ibidem, № 4), „Посошковъ и Абрамовъ“ („Библіотека для Чтенія“, 1864, № 2), „Преданія о разбойникахъ“ („Сѣверное Сіяніе“, 1864, № 6), „Замѣтки о сельскомъ управленіи въ Россіи“ („Библіотека для Чтенія“, 1864, № 8), „Разбойники и бѣглые временъ Петра Великаго“ (ibidem, №№ 10 и 11), „Н. М. Карамзинъ, какъ русскій историкъ“ („Литературная Библіотека“, 1866, № 4), „О преніяхъ въ обществѣ исторіи“ („Отечественныя Записки“, 1866, книга 23), „Записки по отдѣленію этнографіи въ Императорскомъ географическомъ обществѣ“ (ibidem, № 8), „Старина русской земли“ („Отечественныя Записки“, 1867), „По поводу памятной книжки Таврической губерніи“ (ibidem, № 19). Въ то же время Аристовымъ напечатано и большинство его рецензій. Кро-

мѣ того, Аристовъ напечаталъ цѣлый рядъ замѣтокъ и полубеллетристическихъ статей въ „Якорѣ“ и „Зарѣ“, но всѣ онѣ были безъ подписи и теперь нѣтъ возможности опредѣлить, что именно въ этихъ журналахъ принадлежитъ перу Аристова; да и самъ онъ впослѣдствіи забылъ, что̀ тамъ писалъ. Уже изъ простого перечня трудовъ Аристова видно, что всѣ они написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Щапова, съ которымъ онъ сошелся въ Петербургѣ еще ближе и идеями котораго онъ совершенно проникся. По поводу біографіи Щапова, написанной Аристовымъ, супруга послѣдняго въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „Читая эту статью, я вижу такое разительное сходство между этими обоими товарищами, начиная съ самаго ихъ дѣтства и воспитанія и оканчивая трудами, наукой и отчасти характерами: два нераздѣльныя существа“. Близкія отношенія между обоими учеными продолжались до весны 1864 года, когда Щаповъ былъ высланъ въ Сибирь. Благодаря обилію частныхъ занятій и литературной дѣятельности, благосостояніе Аристова упрочилось вскорѣ настолько, что къ 1864 году у него оказались даже нѣкоторыя сбереженія. Но эта масса работы не заставила Аристова забыть о той цѣли, изъ-за которой онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Уже осенью 1863 года онъ взялъ у Щапова рекомендательное письмо къ Костомарову и черезъ этого профессора снесся съ историко-филологическимъ факультетомъ Петербургскаго университета касательно магистерскаго экзамена и диссертаціи. Экзаменъ былъ сданъ въ 1864 г. и открылъ Аристову доступъ въ ученую среду, гдѣ вскорѣ своими усердными трудами и большими познаніями онъ обратилъ на себя вниманіе. Аристовъ принялъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ археографической коммиссіи и этнографическаго отдѣленія Императорскаго русскаго географическаго общества, ѣздилъ въ Москву для занятій въ архивахъ, изучалъ археологію и вмѣстѣ съ Л. Майковымъ составилъ статью „Преданія о кладахъ“, за которую получилъ серебряную медаль отъ географическаго общества (эта статья напечатана въ „Запискахъ Императорскаго географическаго Общества“, 1867, I). Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, узнавъ объ его успѣшныхъ занятіяхъ по русской исторіи, предложилъ ему, черезъ академика Н. Г. Устрялова, поступить въ число стипендіатовъ Министерства. 1-го апрѣля 1869 года Аристовъ былъ причисленъ къ Министерству съ содержаніемъ въ теченіе двухъ лѣтъ по 1.000 рублей. Благодаря этому обстоятельству, онъ могъ оставить на время журнальную работу и отдаться всецѣло своей диссертаціи, которая вскорѣ и была готова. Это было изслѣдованіе: „Промышленность древней Руси“ (Спб. 1866; начало диссертаціи появилось въ „Библіотекѣ для Чтенія“, 1865, № 3). 31-го октября 1866 года состоялся диспутъ. Аристовъ получилъ степень магистра русской исторіи и такимъ образомъ открылъ себѣ дорогу къ профессурѣ. Въ 1867 году онъ былъ приглашенъ вторымъ доцентомъ по каѳедрѣ русской исторіи въ Казанскій университетъ и 25-го января 1868 года открылъ свой курсъ вступительной лекціей: „О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи“ (напечатана въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета“ 1868 года). Въ Казани Аристовъ преподавалъ: 1) пропедевтику русской исторіи, знакомя студентовъ съ важнѣйшими источниками до-петровской исторіи и съ развитіемъ русской исторіографіи, и 2) прагматическій обзоръ событій древнѣйшей и древней русской исторіи до Петра Великаго, преимущественно останавливаясь на исторіи народнаго быта, нравовъ и экономическаго положенія населенія удѣльно-вѣчевого и московско-царскаго періодовъ. Въ началѣ 1869 года Аристовъ былъ командированъ отъ Казанскаго университета въ Москву депутатомъ на I-й Археологическій съѣздъ и, познакомившись тутъ съ графомъ А. С. Уваровымъ, былъ избранъ въ члены Московскаго археологическаго общества, въ періодическомъ изданіи котораго „Древности“ онъ сталъ дѣятельнымъ участникомъ, и, кромѣ того, дѣятельно помогалъ графу Уварову въ составленіи „Русскаго археологическаго словаря“. Къ тому же времени относится и статья Аристова: „Описаніе города Тамбова и Верхоценскихъ областей“ („Лѣтопись занятій археографической коммиссіи“, 1868, выпускъ IV). Въ концѣ 1869 года Аристовъ занялъ каѳедру экстраординарнаго профессора русской исторіи въ Варшавскомъ университетѣ и открылъ курсъ вступительной лекціей „Объ

отличительныхъ чертахъ древне-русской исторической жизни" (напечатана въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ", 1870, книга 1). Лекціи онъ читалъ въ Варшавѣ по той же программѣ, какъ и въ Казани, только внѣшняя политическая исторія отодвигалась все болѣе и болѣе на задній планъ и, наконецъ, исторія культуры, права и экономическаго быта исключительно заняла весь его курсъ, а внѣшніе факты онъ предоставлялъ своимъ слушателямъ самимъ почерпать изъ рекомендуемыхъ имъ пособій. Въ Варшавѣ Аристовъ окончилъ свою докторскую диссертацію: „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны", которая сначала печаталась въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ" (1871 г., №№ 1—4), а затѣмъ появилась отдѣльнымъ изданіемъ (Варшава, 1871). Защищать диссертацію Аристовъ поѣхалъ въ Казань и немедленно по возвращеніи въ Варшаву былъ повышенъ въ ординарные профессора. Еще раньше диссертаціи, въ 1870 году, Аристовымъ была выпущена въ свѣтъ „Хрестоматія по русской исторіи для изученія древне-русской жизни, письменности, литературы отъ начала письменности до XVII вѣка". Въ Варшавѣ же Аристовымъ написаны слѣдующія статьи и замѣтки: „По поводу диспута г. Нильскаго" („Заря", 1870, № 11), рецензія на книгу Иловайскаго: „Гродненскій сеймъ" („Заря", 1871, № 5), „Судьба женщины въ до-петровское время" (ibidem, № 1). Кромѣ того, изъ Варшавы Аристовъ ѣздилъ на II-й археологическій съѣздъ и отчетъ объ этой командировкѣ напечаталъ въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ" (1872, № 3). Въ 1873 году Аристовъ перешелъ въ Харьковскій университетъ также ординарнымъ профессоромъ русской исторіи. Здѣсь имъ составлены статьи: „Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ" („Филологическія Записки", 1874 и 1875 гг.; потомъ отдѣльной книжкой — Воронежъ, 1875) и „Преданія о мѣстныхъ святыхъ" („Древняя и Новая Россія", 1875, № 6). Изъ рецензій отмѣтимъ: о книгѣ Владимірскаго-Буданова: „Государство и народное образованіе въ Россіи" (ibidem, № 9) и о книгѣ Загоровскаго: „Историческій очеркъ займа по русскому праву" (ibidem, № 5). Въ 1875 году онъ былъ избранъ въ деканы историко-филологическаго факультета въ томъ же университетѣ, но тогда же получилъ приглашеніе во вновь учрежденный Нѣжинскій историко-филологическій институтъ князя Безбородко и занялъ здѣсь должность инспектора и каѳедру ординарнаго профессора русской исторіи. Въ Нѣжинѣ Аристовъ оставался до самой смерти. Этотъ періодъ жизни Николая Яковлевича можно было бы назвать самымъ счастливымъ: пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, онъ составлялъ центръ кружка молодыхъ профессоровъ, заброшенныхъ въ маленькій грязный провинціальный городокъ Малороссіи; съ другой стороны, и студенты любили и уважали его больше, чѣмъ всѣхъ другихъ своихъ наставниковъ. Но въ то же время семья Аристова (онъ женился въ 1868 году) разрослась къ этому времени до значительныхъ размѣровъ (онъ оставилъ 8 человѣкъ дѣтей) и требовала большихъ денежныхъ средствъ. Жалованья не хватало, и Аристову пришлось опять взяться за журнальную работу. Въ Нѣжинѣ имъ написаны слѣдующіе труды: „Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ" („Древняя и Новая Россія", 1876, № 3), „О симбирскихъ раскольникахъ" („Православный Собесѣдникъ", 1877, № 1), „О землѣ Половецкой" („Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко", 1877, № 1), „Состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I" (ibidem, III), „Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ" („Труды третьяго археологическаго съѣзда", 1878, т. I), „Замѣтки о поученіяхъ епископа Серапіона" (ibidem, томъ II), „Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ" („Древняя и Новая Россія", 1878, №№ 5—6), „Александръ Григорьевичъ Ильинскій" (ibidem, № 5), „Названіе и гербъ города Ряжска" (ibidem, 1879, № 6), „Разработка русской исторіи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ" („Историческій Вѣстникъ", 1880, № 4), „Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ" (ibidem, № 9), „Симбирскіе юродивые" (ibidem, № 11), „Къ характеристикѣ Іоанна, бывшаго епископа смоленскаго (ibidem), „О церковной живописи" („Церковно-Общественный Вѣстникъ", 1881, №№ 43—45), „Гоголь, какъ націоналистъ" („Вѣкъ", 1882, №№ 2—4), „Историческое значеніе сочиненій Гоголя" („Историческій Вѣстникъ", 1883, № 9; объ

эти статьи о Гоголѣ вышли въ 1883 году отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: „Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки"), „Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ" („Историческій Вѣстникъ", 1882, т. X. Есть и отдѣльное изданіе: Спб. 1882, къ которому приложены ненапечатанные въ журналѣ письма Щапова и отрывки изъ его неизданныхъ трудовъ). Кромѣ того, Аристовъ помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ въ „Еженедѣльномъ Новомъ Времени" за 1879 годъ и цѣлый рядъ корреспонденцій въ газетѣ „Новое Время" за 1879—1881 года и замѣтку „О славянскихъ минеральныхъ водахъ" въ „Недѣлѣ" за 1881 годъ, № 22. Участіе въ періодической печати мѣшало Аристову заняться болѣе серьезными работами. Такъ, онъ предполагалъ сдѣлать нѣчто цѣльное изъ своихъ отдѣльныхъ однородныхъ статей и собралъ много матеріаловъ для русскаго историко-географическаго словаря, но обѣ работы не были окончены: Аристовъ заболѣлъ въ 1881 году чахоткой, отъ которой и умеръ въ слѣдующемъ году. Погребенъ онъ былъ 28-го августа въ Нѣжинѣ. На слѣдующій годъ его товарищи и ученики поставили надъ его прахомъ памятникъ. Аристовъ не принадлежалъ къ числу ученыхъ, пролагающихъ новые пути въ наукѣ, но онъ былъ усерднымъ собирателемъ матеріала и тщательнымъ изслѣдователемъ. Въ виду этого наибольшое значеніе изъ всѣхъ его трудовъ имѣетъ магистерская диссертація, представляющая весьма полный сводъ данныхъ изъ лѣтописей и другихъ источниковъ по исторіи русской промышленности до XV вѣка. Цѣннымъ пособіемъ при изученіи древней русской исторіи (въ юридическомъ и бытовомъ значеніи) является и его „Хрестоматія", заключающая въ себѣ отрывки какъ изъ древнихъ источниковъ, такъ и изъ новѣйшихъ изслѣдованій. Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ своихъ статей Аристовъ трудился надъ разработкой внутренней, бытовой исторіи и надъ развитіемъ народной культуры въ сферѣ религіозной, юридической, экономической и литературной. Особенно важны его изслѣдованія о разбойничьихъ пѣсняхъ и вообще по народной литературѣ. Но въ общемъ у Аристова нѣтъ цѣльнаго, строго выдержаннаго воззрѣнія на русскую исторію—оно замѣняется у него симпатіями и антипатіями, воспитанными окружающей средой и обстоятельствами его жизни и опредѣлившимися подъ вліяніемъ Щапова. Симпатіи Аристова сосредоточены на низшемъ духовенствѣ и, главнымъ образомъ, на народной массѣ,—антипатичны ему всѣ факторы, мѣшающіе свободному развитію и матеріальному благосостоянію этихъ двухъ классовъ народонаселенія. Наиболѣе ненавистно Аристову иноземное вліяніе, какъ явленіе, оторвавшее на долгое время высшіе классы отъ низшихъ, поселившее между ними обоюдное непониманіе и вражду. У русскаго народа есть свои собственные идеалы, которые онъ и стремится осуществить въ своей исторіи, а подражаніе заморскимъ порядкамъ сбиваетъ русскихъ съ правильнаго историческаго пути и приводитъ къ страшнымъ бѣдствіямъ. Поэтому и на петровскую реформу Аристовъ смотритъ совершенно отрицательно. Вся его докторская диссертація посвящена именно доказательству той мысли, что Софья хотѣла удержать Россію на надлежащей дорогѣ, а дѣятельность Петра вышибла русскую жизнь изъ правильной колеи. Для проведенія этой односторонней мысли Аристову пришлось прибѣгать къ натяжкамъ и грѣшить противъ правилъ исторической критики: всѣхъ писателей и изслѣдователей, сочувствовавшихъ Петру, Аристовъ объявляетъ недостовѣрными и приписываетъ безпристрастіе только сторонникамъ Софіи. Сочувственно относится Аристовъ и къ расколу старообрядчества, видя въ немъ, вслѣдъ за Щаповымъ, движеніе не столько религіозное, сколько политическое, и опять-таки направленное къ тому, чтобы отстоять свое, исконное русское отъ всякихъ покушеній на реформу, которыя могутъ привести къ уничтоженію національныхъ особенностей русскаго народа. Яснѣе всего высказаны воззрѣнія Аристова на иноземное вліяніе въ его статьяхъ о Гоголѣ, котораго онъ причисляетъ къ своему лагерю, а никакъ не къ лагерю западниковъ. Послѣдній по времени трудъ Аристова — біографія Щапова, надо считать однимъ изъ удачнѣйшихъ. Въ немъ, помимо прекрасной біографіи и характеристики оригинальнаго и талантливаго историка, находится много матеріала для исторіи Казанской духовной академіи и Казанскаго университета, хорошо очерченъ бытъ тогдашнихъ студентовъ, и есть много данныхъ для болѣе близкаго знакомства съ жизнью самого

Аристова и постепеннаго роста его міросозерцанія.

Некрологи Аристова помѣщены: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1882, № 245 (И. М. Бѣлоруссова), въ «Историческомъ Вѣстникѣ», № 10, въ «Вѣкѣ», №№ 11 и 12 (М. Филиппова), въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», № 115, въ «Новомъ Времени», № 2.333, въ «Кіевлянинѣ», № 196, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», № 10 и въ «Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко», 1883, томъ VII. Затѣмъ укажемъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ II, Д. Д. Языкова, «Библіографію сочиненій профессора Н. Я. Аристова» В. К. Симанскаго. «Опытъ исторіографіи» Иконникова. О трудахъ Аристова есть слѣдующія рецензіи: О «Промышленности древней Руси»: въ «Вѣстникѣ Европы», 1866, № 4, въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1869, № 1; о «Хрестоматіи»: въ «Русской Старинѣ», 1870, № 12, въ «Голосѣ», 1871, № 213, въ «Педагогическомъ Сборникѣ», 1871, № 8, въ «Филологическихъ Запискахъ», 1870, выпускъ 6; О «московскихъ смутахъ»: въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1871, № 7, въ «Вѣстникѣ Европы», 1871, № 7 и 8, въ «Дѣлѣ», 1871, № 8, въ «Сынѣ Отечества», 1871, № 130. Затѣмъ см. «Словарь» Венгерова. О памятникѣ Аристову: «Московскія Вѣдомости», 1883, № 257 (И. М. Бѣлоруссова). Портретъ его помѣщенъ въ «Вѣкѣ», 1882, № 11. Кромѣ того, мы пользовались свѣдѣніями, полученными отъ вдовы Николая Яковлевича, Ольги Петровны, затѣмъ его письмами и письмами О. А. Аристовой.

С. Адріановъ.

Аркадій, преподобный новоторжскій, ученикъ и келейникъ преподобнаго Ефрема Новоторжскаго, преставился послѣ 1053 года. Мощи его перенесены въ 1690 году въ Новоторжскій Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ понынѣ почиваютъ подъ спудомъ. Память его чествуется 28-го января.

«Источники русск. агіографіи», LXXXI, стр. 57 (монастырь, въ которомъ покоятся мощи Аркадія, ошибочно названъ *Новгородскимъ*); Арх. Леонидъ: «Св. Русь», № 497; В. Звѣринскій. «Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Росс. Имп.», т. II, № 673, стр. 79.

Аркадій, преподобный, затворникъ и пустынникъ вяземскій, ученикъ преподобнаго Герасима Болдинскаго, ум. въ 1592 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ и подвизался въ Вязьмѣ впослѣдствіи основана церковь, а съ 1832 года—Аркадіевъ женскій монастырь, мощи же его, обрѣтенныя въ XVII ст. при патріархѣ Іоакимѣ (11-го іюля), почиваютъ подъ спудомъ въ Герасимовомъ Болдиномъ монастырѣ въ Дорогобужѣ. Въ „Четьи-Минеяхъ" митрополита Макарія подъ 31 іюля помѣщенъ полемическій трактатъ преп. Аркадія, писанный въ 1538 году и направленный, главнымъ образомъ, противъ Флорентинскаго Собора 1438 года и противъ подписавшаго на этомъ Соборѣ актъ соединенія обѣихъ церквей, митрополита Исидора. Преподобный Аркадій не канонизованъ.

Филаретъ: «Обзоръ», стр. 139; Строевъ: «Опис. рукоп. Царскаго», № 425; архим. Леонидъ: «Св. Русь», № 776; С. А. Венгеровъ: «Крит.-Біогр. Словарь», вып. 16-й, стр. 746; «Источники русск. агіографіи», LXXXI, стр. 55 (препод. Аркадій ошибочно названъ *Вязниковскимъ*); П. П. Семеновъ: «Геогр.-Статист. Словарь Рос. Имп.», т. I, стр. 589—590 (ст. Вязьма).

Аркадій, епископъ новгородскій, ум. 19-го сентября 1165 г., въ Новгородѣ. Въ апрѣлѣ 1156 г. скончался новгородскій епископъ Нифонтъ и на его мѣсто единогласно былъ избранъ Аркадій; по древнему обычаю новгородцевъ, онъ, по избраніи во владыки, былъ торжественно введенъ на житье въ епископскій домъ, въ которомъ провелъ два года до своего посвященія. Года за три предъ тѣмъ, въ 1153 г., Аркадій построилъ въ Новгородѣ Успенскій монастырь, называвшійся по его имени „Аркажскимъ" (Аркадіевымъ). Игуменомъ этого монастыря онъ состоялъ до 1158 г., когда былъ хиротонисанъ въ санъ епископа. Новгородскою епархіею онъ управлялъ всего семь лѣтъ; мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Софійскомъ соборѣ, въ Корсунской паперти, а память его празднуется въ этомъ соборѣ 19-го октября и 10-го февраля. Аркадій оставилъ по себѣ память въ народѣ не только какъ образцовый пастырь, но и мудрый дѣятель. Пользуясь своимъ огромнымъ вліяніемъ, онъ неоднократно, силою своего пастырскаго авторитета, устранялъ народныя волненія и примирялъ удѣльныхъ князей, не допуская ихъ до кровопролитій.

«Исторія Росс. Іерархіи», т. IV; «Словарь истор. о святыхъ, прославленныхъ въ росс. церкви», изд. 2-е, Спб., 1862, стр. 33—34; «Энц. Лексиконъ», т. III, стр. 117; «Справоч. Энц. Словарь», т. I, стр. 420—421; «Святая Русь» арх. Леонида, 1891 г., стр. 42; «Источники русс агіографіи», LXXXI, 1882, стр. 56—57.

Аркадій, архіепископъ олонецкій, до постриженія Григорій *Ѳедоровъ*, сынъ дьячка; род. въ 1784 г. въ с. Дмитровскомъ, Покровскаго уѣзда, Владимірской губ., ум. въ схимѣ 8-го мая 1870 г. Поступивъ въ 1796 г. въ училище, а въ 1800 г. во Владимірскую семинарію, онъ окончилъ въ ней курсъ въ 1807 г.; какъ лучшій ученикъ,

онъ былъ оставленъ въ семинаріи учителемъ и преподавалъ разные предметы. 18-го мая 1814 г. онъ принялъ монашество и 21-го мая рукоположенъ во іеродіакона, а 24-го во іеромонаха. Въ декабрѣ того же года Аркадій назначенъ смотрителемъ Владимірскихъ духовныхъ училищъ, а въ 1818 г. возведенъ въ санъ архимандрита и настоятеля Боголюбова монастыря. Въ іюнѣ 1823 г. онъ назначенъ ректоромъ Могилевской духовной семинаріи и настоятелемъ Оршанскаго Богоявленскаго монастыря; въ слѣдующемъ году перемѣщенъ ректоромъ Минской духовной семинаріи и настоятелемъ Гразовско-Іоанно-Богословскаго монастыря; въ 1825 г. назначенъ настоятелемъ Пинскаго монастыря; въ 1827 г. переведенъ на должность ректора въ Ярославскую семинарію, а 3-го февраля 1829 г. хиротонисанъ въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ во епископа оренбургской епархіи. 8-го августа 1831 г. преосвященный Аркадій перемѣщенъ на пермскую каѳедру. 25-го декабря 1833 г. онъ возведенъ въ санъ архіепископа, а 29-го марта 1851 г. повелѣно ему быть архіепископомъ олонецкимъ и петрозаводскимъ. Въ 1854 и 1855 г. преосвященнаго Аркадія вызывали для присутствованія въ Св. Синодѣ. 7-го іюля 1869 г. онъ былъ уволенъ на покой въ Александро-Свирскій монастырь, гдѣ и скончался. Преосвященный Аркадій въ пермской и олонецкой епархіяхъ велъ ревностнѣйшую и неутомимѣйшую борьбу съ раскольниками и потому вся его литературная дѣятельность выразилась главнымъ образомъ въ безчисленныхъ письмахъ, наставленіяхъ и увѣщаніяхъ, которыя напечатаны и еще печатаются въ разныхъ духовныхъ изданіяхъ, и носятъ полемическій характеръ противъ раскола. Изъ отдѣльныхъ его изданій извѣстно: „Голосъ книги о вѣрѣ, зовущій раскольниковъ обратиться ко святой россійской церкви". Описаніе жизни его, трудовъ и многія письма помѣщены въ сочиненіи протоіерея Е. Попова: „Великопермская епархія". Пермь, 1879 г.

Дѣла архива Св. Синода. «Аркадій, архіеп. пермскій и петрозаводскій и нѣкоторыя его сочиненія противъ раскола», изд. проф. Н. Суботинъ, М., 1890 г. «Перм. губ. вѣд.», № 26, 1864 г., «Хр. Чт.», 1882 г., «Странникъ», 1883 г., май, «Братское Слово», 1891—1894 гг. «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. московскаго» (см. по указателю) и «Письма Филарета, митрополита московскаго къ Высоч. особамъ и разнымъ лицамъ». «Объ іерархахъ пермской епархіи съ 1800 до 1861 г.», Спб. 1861, стр. 60—79.

Аркасъ, *Захарій Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, историкъ-археологъ, сынъ греческаго выходца, род. въ городѣ Литохоро, у подножія горы Олимпа, въ Ѳессаліи, въ 1793 г., ум. въ Николаевѣ 23-го марта 1866 г. Отецъ его—преподаватель древнихъ языковъ и исторіи—далъ ему дома основательное классическое образованіе и въ 1811 г. опредѣлилъ въ Николаевское штурманское училище. Въ 1815 г. Аркасъ произведенъ въ гардемарины, а въ слѣдующемъ въ мичмана. За образцовую службу и участіе въ нѣсколькихъ морскихъ сраженіяхъ онъ былъ неоднократно награжденъ знаками отличія. Поселившись въ Севастополѣ, Аркасъ одновременно принялъ на себя обязанности: смотрителя штурманской роты, предсѣдателя Севастопольскаго статистическаго комитета и попечителя мѣстной Петропавловской церкви, а затѣмъ последовательно состоялъ: предсѣдателемъ коммиссіи по построенію храма св. Владиміра, инспекторомъ дѣвичьяго училища дочерей нижнихъ чиновъ черноморскаго вѣдомства, инспекторомъ севастопольскаго карантина и, наконецъ, директоромъ и строителемъ севастопольской морской офицерской библіотеки. Послѣдняя обязана ему своимъ образцовымъ устройствомъ. Передъ осадою Севастополя онъ перевезъ ее въ Николаевъ, гдѣ поселился и самъ, проживъ почти безвыѣздно до своей кончины. Въ 1851 г. Аркасъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1860—въ генералъ-лейтенанты. Его сочиненія немногочисленны, относятся исключительно къ исторіи и археологіи Новороссійскаго края и черноморскаго флота и всѣ напечатаны въ „Запискахъ Имп. Одесск. общ. ист. и древностей". Изъ нихъ самое важное — „Описаніе Ираклійскаго полуострова и древностей его. Исторія Херсонеса" („Записки", т. II, стр. 245—271 и отдѣльною брошюрою въ 1879 г. въ Николаевѣ) съ приложеніемъ плановъ. Это—прекрасное и основательное изслѣдованіе, не потерявшее до сихъ поръ своего научнаго значенія. Кромѣ того, имъ напечатаны: „Сравнительная таблица эллинскихъ поселеній по Евксинскому понту" (тамъ же, т. III, стр. 144—150) и „Начало учрежденія россійскаго флота на Черномъ морѣ и дѣйствія черноморскаго флота съ 1788—1866

гг.“ (тамъ же, т. IV—V). Кромѣ того, остаются до сихъ поръ неизданными слѣдующіе историческіе матеріалы, сообщенные имъ: 1) Журналъ, веденный во время турецкой кампаніи 1828—1829 гг. на корабляхъ „Императрица Марія“ и „Іоаннъ Златоустъ“. 2) Первоначальное заведеніе россійскаго флота на Азовскомъ морѣ, существовавшаго съ 1695—1778 гг. 3) Предположенія кн. Потемкина относительно черноморскаго флота, представленныя Фалеевымъ графу Зубову. 4) Выписка изъ журнала, веденнаго на кораблѣ „Рождество Христово“ во время сраженія между Хаджибеемъ и Тендрою въ 1790 г. и 5) Копія рапорта контръ-адмирала Ушакова князю Потемкину о сраженіи у мыса Каліакріи 5-го августа 1791 года.

«Зап. Од. Общ. ист. и древностей», т. VI, стр. 492—494 (некр., Н. Мурзакевича); «Справ. Словарь о русск. пис. и учен.» Гр. Геннади, т. I, стр. 42; «Русскій Архивъ», 1868 г., № 12, стр. 2001—2026; С. А. Венгеровъ, «Крит.-біогр. Словарь рус. пис. и уч.», вып. 16, стр. 746—749.— Общій морской списокъ, т. 6, стр. 314. *Л. В.*

Аркасъ, *Николай Андреевичъ*, адмиралъ, генералъ-адъютантъ, главный командиръ черноморскаго флота, род. 8-го мая 1816 г., ум. 8-го іюня 1881 г. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, Аркасъ въ 1829 году поступилъ въ черноморскій флотъ волонтеромъ и, произведенный въ 1833 году въ офицеры, остался на службѣ въ томъ же флотѣ. Продолжительныя плаванія по Черному морю и Архипелагу, подъ командою лучшихъ капитановъ Путятина и Корнилова, образовали изъ Аркаса хорошаго моряка, а крейсерства у кавказскихъ береговъ доставили ему случай неоднократно участвовать въ дессантныхъ высадкахъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Образцомъ наблюдательности молодого моряка, при довольно частыхъ посѣщеніяхъ имъ иностранныхъ портовъ, могутъ служить веденныя Аркасомъ записки, извлеченія изъ которыхъ были напечатаны въ журналѣ „Морской Сборникъ“, 1853 г. Въ нихъ заключаются довольно подробныя и обстоятельныя описанія тогдашняго состоянія флотовъ турецкаго, греческаго и неаполитанскаго. Въ томъ же журналѣ за 1854 г. находится статья Аркаса: „Размышленія о приготовленіяхъ къ дальнему плаванію“. Въ 1844 г., будучи въ чинѣ лейтенанта, Аркасъ удостоенъ весьма серьезнаго порученія по усиленію каспійской флотиліи и заведенію пароходства на Каспійскомъ морѣ, для исполненія котораго, начальствуя отрядомъ изъ 12-ти судовъ, онъ отправился изъ Петербурга рѣками до Астрахани и, по сборкѣ тамъ привезенныхъ имъ трехъ пароходовъ, въ слѣдующемъ году открылъ пароходство по Каспійскому морю. По возвращеніи изъ Астрахани въ Черное море, Аркасъ, въ 1848 году, былъ командированъ въ Англію для постройки тамъ парохода-фрегата „Владиміръ“, командуя которымъ, онъ возвратился въ Севастополь. Въ 1852 году, за отличное состояніе этого парохода Аркасъ пожалованъ въ флигель-адъютанты и переведенъ въ Балтійскій флотъ, а въ слѣдующемъ году назначенъ эскадръ-маіоромъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1856 году, при образованіи акціонерной компаніи подъ именемъ „Русскаго Общества пароходства и торговли“, Аркасъ состоялъ въ числѣ ея учредителей и избранъ въ директоры, по званію котораго принималъ дѣятельное участіе въ образованіи всѣхъ частей первоначальной организаціи Общества и его дальнѣйшемъ развитіи. Въ 1857 году Аркасъ получилъ въ командованіе гвардейскій экипажъ, а въ 1871 году, въ чинѣ вице-адмирала, назначенъ командиромъ Николаевскаго порта и военнымъ губернаторомъ гор. Николаева, и черезъ полгода, съ переименованіемъ черноморской флотиліи флотомъ, получилъ званіе главнаго командира черноморскаго флота и портовъ. Въ этой послѣдней должности онъ послѣдовательно получилъ: званіе генералъ-адъютанта, чинъ адмирала и орденъ св. Александра Невскаго. Въ началѣ 1881 года Аркасъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ должности главнаго командира и до самой кончины жилъ въ Николаевѣ.

Формулярный списокъ въ архивѣ Морскаго Министерства».—«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1881 г., № 67.—«Морской Сборникъ», 1853 г., №№ 1, 2, 3; 1854 г., № 1. *Н. Корчуевъ.*

Армстронгъ, *Адамъ Васильевичъ*, оберъ-берггауптманъ 4-го класса, начальникъ олонецкихъ заводовъ, род. 13-го января 1762 г., въ гор. Гавишѣ, недалеко отъ Іедбурга, въ Шотландіи, ум. 8-го ноября 1818 г. въ Петрозаводскѣ. Происходилъ изъ стариннаго шотландскаго рода и, готовясь вступить въ духовное званіе, воспитывался въ Эдинбургскомъ

университетѣ, причемъ наставникомъ его былъ знаменитый въ то время проповѣдникъ пасторъ Рикольтонъ. Но судьба рѣшила иначе: молодой Армстронгъ не достигъ еще возраста, требуемаго для занятія должности проповѣдника и, въ ожиданіи этого времени, поступилъ домашнимъ учителемъ въ семейство Самуила Грейга. Русское правительство, желая улучшить свой флотъ, пригласило вскорѣ Грейга на службу въ Россію, а вмѣстѣ съ нимъ попалъ туда и Армстронгъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, по мысли того же Грейга, рѣшено было, для усовершенствованія отливки пушекъ на олонецкихъ заводахъ, пригласить въ Россію директора знаменитой карронской фабрики, Гаскойна. Порученіе это возложено было на Армстронга, который, будучи уже зачисленъ 17-го января 1785 г. въ Олонецкую казенную палату (завѣдывавшую тогда и горными заводами) губернскимъ регистраторомъ, отправился въ Англію и въ сентябрѣ 1786 г. вернулся оттуда вмѣстѣ съ Гаскойномъ, а затѣмъ поѣхалъ съ послѣднимъ въ Петрозаводскъ. Въ 1790 г. Армстронгъ былъ записанъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ каптенармусомъ, но въ слѣдующемъ же году уволенъ изъ полка съ чиномъ поручика и вновь опредѣленъ на Александровскій зав. (въ Петрозаводскѣ) къ заготовленію для онаго припасовъ и матеріаловъ. Въ 1797 г. произведенъ въ коллежскіе асессоры и въ 1798 г., по возстановленіи бергъ-коллегіи и переходѣ горныхъ заводовъ снова въ вѣдѣніе послѣдней, назначенъ членомъ олонецкаго заводскаго правленія. Въ 1806 г. умеръ Гаскойнъ. Хотя онъ и привезъ съ собою изъ Англіи весьма дѣятельныхъ и способныхъ сотрудниковъ, но Армстронгъ, переименованный къ этому времени въ оберъ-бергмейстеры, настолько хорошо освоился съ заводскимъ дѣломъ и мѣстными условіями, что въ 1807 г., послѣ кратковременнаго управленія заводомъ Полторацкимъ, былъ назначенъ начальникомъ олонецкихъ и с.-петербургскихъ заводовъ и занималъ эту должность до самой своей смерти. Въ чинъ оберъ-берггауптмана 4-го класса произведенъ въ 1818 г. Кромѣ олонецкихъ заводовъ, Армстронгъ служилъ по выборамъ и съ 1805 по 1808 г. состоялъ предводителемъ дворянства Олонецкаго и Повѣнецкаго уѣздовъ, а съ 1811 по 1814 г.— олонецкимъ губернскимъ предводителемъ. Умеръ Армстронгъ отъ простуды, полученной при возвращеніи съ петербургскаго литейнаго завода въ Петрозаводскъ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, Романа и Ивана. Въ теченіе своего почти двѣнадцатилѣтняго управленія Армстронгъ не только умѣлъ сохранить заводы въ томъ прекрасномъ положеніи, въ какомъ ихъ оставилъ Гаскойнъ, но еще многое усовершенствовалъ и улучшилъ. Ему обязаны олонецкіе заводы открытіемъ въ 13 верстахъ отъ г. Вытегры, близъ дер. Патровой, мѣсторожденія огнеупорной глины, которая до тѣхъ поръ выписывалась по дорогой цѣнѣ изъ Англіи. Армстронгомъ были введены въ употребленіе въ самодувныхъ печахъ для переплавки чугуна, взамѣнъ дорогого англійскаго каменнаго угля, сосновыя дрова, вслѣдствіе чего при переплавкѣ каждыхъ 100 п. чугуна сберегалось около 32 р. сер.; за все же время управленія Армстронга сбереженія эти составили сумму въ 335.000 р. сер. Отливка орудій, снарядовъ и другихъ чугунныхъ издѣлій отличалась при немъ прежнимъ совершенствомъ. Изъ особенно крупныхъ отливокъ, по тщательности и искусству въ исполненіи, заслуживаютъ упоминанія: чугунное крыльцо въ Аничковскій дворецъ (1813 г.), перила и всѣ наружныя части къ Красному, Обуховскому и Поцѣлуеву мостамъ и мосту у московской заставы (1814 и 1816 гг.) и т. д. Остановленный Гаскойномъ Кончезерскій заводъ (Олонецк. окр.) былъ вновь пущенъ въ дѣйствіе при Армстронгѣ (1809 г.), причемъ перестроена доменная печь и сдѣланы необходимыя поправки; съ тѣхъ поръ заводъ этотъ дѣйствовалъ почти непрерывно. Въ заслугу Армстронгу слѣдуетъ также поставить его искреннія заботы о благосостояніи приписанныхъ къ олонецкимъ заводамъ крестьянъ, благодаря чему жизнь ихъ была обставлена сравнительнымъ довольствомъ, а работы не изнуряли ихъ. Нерѣдко въ неурожай снабжалъ онъ ихъ всѣмъ нужнымъ и оказывалъ всякія пособія. К. И. Арсеньевъ, какъ очевидецъ, свидѣтельствуетъ о той любви и довѣрчивости, съ какими относилось къ Армстронгу населеніе. Спустя много лѣтъ послѣ смерти Армстронга, жена его сына Ивана, скончавшаяся въ 1882 г. въ Дрезденѣ, отказала по духовному завѣщанію въ пользу

бѣднѣйшихъ мастеровыхъ Александровскаго зав., Олонецкаго окр., 3.000 р. въ память ея свекра Адама Васильевича. Завѣщаніе это явилось какъ бы отголоскомъ теплой заботы Армстронга о заводахъ и ихъ населеніи.

«Журналъ Импер. Человѣколюбиваго Общ.» 1819 г., ч. 7 (январь); «Сынъ Отечества», 1818, ч. 50, № 47; К. И. Арсеньевъ: «Описаніе Олонецкихъ зав. съ самаго ихъ основанія» («Труды Спб. Минералогич. Общ.», 1830 г., ч. I); біографія Армстронга: «Мануфакт. и Горнозаводскія Изв.», 1843, № 12; архивъ Горн. Департ. «Дѣла бергъ-коллегіи 1806—1807 г.», кн. № 2.701.

С. Кулибинъ.

Армстронгъ, *Романъ Адамовичъ,* горный инженеръ, генералъ-лейтенантъ, сынъ предыдущаго, род. въ 1791 г., ум. въ 1864 г. Образованіе получилъ въ Шотландіи, причемъ былъ товарищемъ Вальтеръ-Скотта по Эдинбургскому университету. Вернулся въ Россію и вступилъ на службу по горному вѣдомству въ 1811 г. Съ 1833 по 1843 г. былъ горнымъ начальникомъ олонецкихъ заводовъ; во время его управленія послѣдними было учреждено горное правленіе и штатъ его Высочайше утвержденъ въ 1839 году. Съ 1843 по 1858 г. Армстронгъ занималъ мѣсто начальника С.-Петербургскаго монетнаго двора. При немъ окончательно утверждены (1-го марта 1850 г.) штатъ и положеніе этого двора, которые въ 1845 г. были временно, въ видѣ опыта, утверждены на 4 года. Положеніе это дѣйствовало до 17-го декабря 1885 г. Армстронгъ вообще поддержалъ монетный дворъ, нѣсколько упавшій въ концѣ сорокалѣтняго управленія его предшественника Эллерса, имѣвшаго въ свое время большія заслуги. Въ 1843 г., введеніемъ автоматическихъ взвѣшивательныхъ и строгательныхъ машинъ сист. Вурма, значительно сокращена ручная работа и браковка монетныхъ кружковъ. Въ 1845 г. введены были, вмѣсто воздушныхъ прессовъ Больтона, рычажные прессы. Армстронгомъ же устроены на монетномъ дворѣ и волочильные станы. Наконецъ, въ 1850 г., на монетномъ дворѣ дорого стоющая платиновая посуда, употреблявшаяся для растворенія серебра, замѣнена несравненно болѣе дешевою чугунною. Въ 1858 г. Армстронгъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ членомъ совѣта и ученаго комитета корпуса горныхъ инженеровъ.

С. Кулибинъ.

Армфельтъ, *Александръ Густавовичъ,* графъ, членъ Государственнаго Совѣта, министръ, статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 17-го апрѣля 1794 г. въ Ригѣ, ум. въ С.-Петербургѣ 27-го декабря 1875 г. Получивъ основательное домашнее воспитаніе, онъ, 14-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ число студентовъ Упсальской академіи, гдѣ слушалъ лекціи въ продолженіи 1808 и 1809 гг., затѣмъ пробылъ годъ въ Эдинбургскомъ университетѣ. Въ 1811 г., вслѣдствіе назначенія отца его предсѣдателемъ комитета по финляндскимъ дѣламъ, онъ возвратился въ Россію. Окончивъ курсъ наукъ въ Александровскомъ университетѣ и успѣшно выдержавъ экзаменъ по юридическому факультету, Армфельтъ, 16-го іюня 1814 г. былъ опредѣленъ на службу въ абосскій надворный судъ; здѣсь онъ оставался недолго, поступилъ на военную службу, изъ которой вышелъ въ отставку въ 1827 г. съ чиномъ капитана гвардіи. Въ 1831 г. былъ назначенъ директоромъ финляндскаго банка, а годъ спустя—чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ статсъ-секретарѣ Финляндіи, графѣ Ребиндерѣ. Въ этой должности оставался не долго, такъ какъ вскорѣ былъ назначенъ товарищемъ статсъ-секретаря, а 17-го марта 1841 г., по смерти графа Ребиндера, статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ докладчикомъ по дѣламъ Александровскаго университета при Августѣйшемъ канцлерѣ его, Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, и исполнялъ во время несовершеннолѣтія Цесаревича должность канцлера. Въ 1856 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Долговременная и полезная административная дѣятельность снискала ему множество служебныхъ отличій. Онъ былъ кавалеромъ россійскихъ орденовъ до знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго съ брилліантами включительно.

«Всемірная Иллюстрація», 1876 г. № 351, стр. 313—314; «Иллюстрированная Газета», 1876, № 4, стр. 32; «Handlingar rörande Sveriges historia» (автобіографія отца, Карла Густава, изд. въ Стокгольмѣ въ 1830 г.); Tegner: «Gustaw Mauritz Armfeldt», Стокгольмъ, 1830; «Zeitgenossen», 1830; «С.-Петерб. Вѣд.» 1866 г., № 80; «С.-Петерб. Вѣд.» 1876 г., № 6; «Голосъ» 1875 г. № 358; «Финляндія въ XIX в., 60—108.

Армфельдтъ, *Александръ Осиповичъ*, д. с. с., заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, род. въ Москвѣ 18-го февраля 1806 г., ум. тамъ же, 12-го марта 1868 г. Послѣ прекрасной домашней подготовки, обучался въ Дерптской гимназіи, а въ 1821 г. поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ 11-го сентября 1826 г. по медицинскому отдѣленію со степенью лѣкаря въ числѣ отличныхъ. Затѣмъ, состоя съ 12-го октября 1826 г. при директорѣ хирургическаго института и одновременно будучи ординаторомъ при университетской больницѣ, Армфельдтъ посвятилъ себя всецѣло на пользу страждущихъ, и не щадилъ ни здоровья, ни силъ во время обнаружившейся въ 1830 году холерной эпидеміи. Удостоенный, 20-го сентября 1833 г., степени доктора медицины, Армфельдтъ поѣхалъ въ маѣ слѣдующаго 1834 г. заграницу (въ Германію, Англію, Францію и Италію) для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ, въ Берлинѣ онъ слушалъ Самсона, Каспера, Вагнера и Геккера. Возвратясь въ Москву, Армфельдтъ примкнулъ къ ученому персоналу университета, питомцамъ котораго преподавалъ съ 15-го сентября 1837 г., въ теченіе двадцати шести лѣтъ, судебную медицину, врачебную энциклопедію, медицинскую полицію, методологію, а также исторію и литературу медицины; а съ 13-го декабря 1838 года по самый день кончины занималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и должность инспектора классовъ въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ Московскаго воспитательнаго дома. Лекціи Александра Осиповича, при его громадныхъ свѣдѣніяхъ, не только по медицинѣ, но и по всѣмъ предметамъ классическаго образованія, отличались систематическимъ, мастерски краснорѣчивымъ изложеніемъ, производившимъ самое благотворное вліяніе на слушателей какъ медицинскаго, такъ и прочихъ факультетовъ. Рыцарская же его честность, добродушіе и всегдашняя готовность помогать всѣмъ и каждому снискали искреннее къ нему уваженіе и сослуживцевъ, и двадцати пяти выпусковъ окончившей при немъ курсъ университетской молодежи. Такимъ же расположеніемъ Армфельдтъ пользовался и въ Николаевскомъ институтѣ. Дѣятельность свою по университету Александръ Осиповичъ прекратилъ въ 1863 году, а черезъ шесть лѣтъ смерть похитила его неожиданно у семейства и друзей. Прахъ его преданъ землѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

«Біографическій словарь Императорскаго Московскаго университета», 1855 г., часть I, стр. 38. — «Московскія Университетскія Извѣстія», 1869 г., № 1, стр. 63—64. — «Рѣчи и отчетъ Московскаго университета» 12 января 1869 г.— «Архивъ Судебной Медицины», 1868 г., стр. 83—84.—Газета «Москва», 1868 г., № 30.—«Московскія Вѣдомости», 1868 г., № 58. — «Московская Медицинская Газета», 1868 г., № 15.

Армфельтъ, *Густавъ Маврикій* (Armfelt, Gustaf-Mauritz), оберъ-камеръ-юнкеръ Густава III, шведскій баронъ, впослѣдствіи графъ, членъ Государственнаго Совѣта, сынъ шведскаго генерала, род. 1-го апрѣля 1757 г. въ г. Ювѣ, Абосской г., ум. въ Царскомъ Селѣ 7-го августа 1814 г.; воспитывался въ военномъ училищѣ въ Карлскронѣ, откуда вышелъ подпрапорщикомъ въ королевскую гвардію. Обладая многими привлекательными качествами, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ крайне честолюбивый и пронырливый, Армфельтъ, въ 1780 г., во время пребыванія на водахъ въ Спа, обратилъ на себя вниманіе короля Густава III и вскорѣ сдѣлался его любимцемъ. Вліяніе его на короля было очень значительное и не безвредное для многихъ; оно въ особенности увеличилось со времени сейма 1786 г. Во время русско-шведской войны онъ дважды спасъ своему монарху жизнь, подвергавшуюся опасности со стороны предателей. Когда западной границѣ Швеціи стали угрожать датчане, Армфельтъ, по порученію короля, отправился въ Далекарлію, собралъ тамъ 18.000 войска и разбилъ датчанъ, а затѣмъ сосредоточилъ преданныя войска подъ Стокгольмомъ для того, чтобы Густавъ III могъ ими воспользоваться во время сейма, происходившаго въ 1789 г. Въ 1788 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, Армфельтъ, всегдашній сторонникъ союза съ Россіею, обратился, по повелѣнію Густава III, къ князю А. И. Лобанову-Ростовскому, командовавшему Псковскимъ полкомъ, съ письмомъ, въ которомъ, говоря о размѣнѣ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ о желаніи шведскаго короля начать переговоры о мирѣ. Въ томъ же году, состоя въ должности главнокомандующаго финскими войсками, Армфельтъ сдѣлалъ еще шагъ къ сближенію Финляндіи съ Россіею. Въ ноябрѣ этого года онъ отправилъ въ Петер-

бургъ депутатомъ отъ дворянъ и начальниковъ финскихъ войскъ маіора Егергорна съ просьбою „устроить судьбу финновъ" на слѣдующихъ условіяхъ: 1) заключить съ ними „запасное постановленіе" о независимости Финляндіи и обнадежить ихъ гарантіею и пособіемъ; 2) обнадежить гарантіею на капиталы ихъ, хранившіеся въ Стокгольмскомъ банкѣ; 3) составить съ ними „субсидный трактатъ", въ силу котораго Россія въ продолженіи 4 лѣтъ давала бы имъ по 100.000 руб. и проч. Взамѣнъ этого, финляндцы, по совѣту Армфельта, предлагали держать въ помощь Россіи шесть кораблей и 6.000 войска, но съ тѣмъ, чтобы и флотъ, и войско не были отправляемы для военныхъ дѣйствій дальше Балтійскаго моря. Наконецъ, финны готовы были, подъ вліяніемъ Армфельта, по первому требованію Россіи выставить вспомогательное войско для военныхъ дѣйствій противъ шведской арміи, зимовавшей въ Финляндіи. Произведенный, 14-го августа 1790 г., въ генералъ-маіоры, онъ былъ командированъ въ Вереле, гдѣ заключилъ миръ, а затѣмъ союзъ съ Россіею противъ французской республики. Верельскій миръ обнаружилъ въ немъ не только широкій государственный умъ, но и безусловно честнаго государственнаго дѣятеля. Неизмѣнно преданный своему королю, онъ съумѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ заслужить признательность Екатерины II, которая, по заключеніи верельскаго мира, выразила Армфельту въ особомъ письмѣ свое благоволеніе, пожаловавъ ему 8-го сентября 1790 г. ордена св. Александра Невскаго и св. Андрея Первозваннаго, а также 10.000 червонцевъ. Въ 1792 г., Густавъ III, находясь на смертномъ одрѣ, назначилъ Армфельта оберъ-штатгальтеромъ Стокгольма и членомъ регентства; но со смертью короля начались преслѣдованія его любимца со стороны ненавидѣвшаго Армфельта брата покойнаго короля, герцога Карла Зюдерманландскаго (впослѣдствіи Карла XIII). Непримиримая вражда эта возникла изъ-за фрейлины Руденшольдъ, оказывавшей вниманіе Армфельту и отвергшей искательства герцога. Фрейлина была оклеветана, заключена въ рабочій домъ, а Армфельтъ, удаленный изъ Швеціи подъ предлогомъ назначенія его посломъ въ Неаполь, едва спасся оттуда сперва изъ рукъ наемныхъ убійцъ, а затѣмъ и отъ опасности быть выданнымъ шведскому правительству. Подъ предлогомъ тайныхъ сношеній съ Россіею, онъ былъ заочно лишенъ дворянства и приговоренъ къ смертной казни; имѣнія его были конфискованы. Армфельтъ обратился въ С.-Петербургъ; но такъ какъ его намѣренія не согласовались въ то время съ видами русскаго правительства, то онъ былъ удаленъ въ Калугу. Онъ выѣхалъ изъ Россіи и пробылъ въ Германіи до 1799 г., когда Густавъ IV возвратилъ ему прежнія права, осыпалъ его милостями и назначилъ посломъ въ Вѣну. Съ 1806 по 1807 г. онъ въ качествѣ главнокомандующаго шведскими войсками совершилъ нѣсколько весьма удачныхъ походовъ въ Померанію, но его походъ въ 1808 г. въ Норвегію оказался безуспѣшнымъ. Послѣ низверженія Густава IV съ престола въ 1809 г., Армфельтъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи и членомъ государственнаго совѣта, но вскорѣ вышелъ въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Стокгольмѣ; вскорѣ, однако, вслѣдствіе сношеній съ извѣстною графинею Пиперъ, навлекъ на себя новыя жестокія гоненія; это заставило его искать защиты у россійскаго посланника и перейти въ 1811 году въ русскую службу. Въ С.-Петербургѣ онъ былъ принятъ радушно, какъ преданный Россіи человѣкъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ въ Финляндіи, которая за два года предъ тѣмъ была уступлена Россіи. Въ апрѣлѣ 1812 г. онъ былъ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ сентябрѣ того же года возведенъ въ графское достоинство великаго княжества Финляндскаго и назначенъ предсѣдательствующимъ въ коммиссіи финляндскихъ дѣлъ. Армфельтъ много сдѣлалъ для ввѣреннаго его управленію края. Финляндія обязана ему сохраненіемъ своихъ привилегій и соединеніемъ, съ такъ-называемою, Старою Финляндіею, гдѣ крестьяне, противозаконно обращенные въ крѣпостныхъ, снова были раскрѣпощены; онъ положилъ не мало труда на развитіе народнаго образованія и промышленности. Облагодѣльствованный Россіею, онъ оказался вѣрнымъ слугою ея царямъ; сопровождалъ Императора Александра I во время пребыванія его въ арміи, въ 1812 г.; существенно содѣйствовалъ заключенію мира съ Турціею и пр. На смертномъ одрѣ неоднократно удостоивался посѣще-

ній Александра I. Армфельтъ умеръ скоропостижно.

«Сб. Имп. Русск. Ист. Общества», томы: I, стр. 207; II, стр 16. 56, 78—81 (статья К. К. Злобина: «Дипломат. снош. между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія Имп. Александра I»); IX, стр. 205—210, 246, 289; XV, стр. 152; XXXIII, стр. 492, 501, 506 и 629; XXVI, стр. 302, 306 и 423; XXVII, 482, 506; XXIX, стр. 45, 73—85, 465—6; XXXIII, стр. 279, 285 и томъ XLII, стр. 86, 91—95, 99.—Нѣмецкіе энцикл. словари Пирера, Мейера и Брокгауза, первые томы, статьи «Armfelt».—«Энцикл. лексиконъ» Плюшара, т. III, стр. 156—157.—«Энцикл. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. II, стр. 129—130.—Автобіографія Армфельта, помѣщенная въ «Handlingar rörande Sveriges historia» (Стокг. 1830); тоже автобіографія въ нѣмецкомъ переводѣ въ «Zeitgenossen», изд. Тегнеромъ въ Стокгольмѣ въ 3-хъ частяхъ въ 1883—1887 гг., «Финляндія въ XIX в.», стр. 60—108.—К. Ординъ: «Покореніе Финляндіи», въ 2-хъ томахъ, Спб., 1889 г. — «Дневникъ А. В. Храповицкаго (подъ редакціею Н. П. Барсукова, по указателю).—«Архивъ Государственнаго Совѣта», т. I (по указателю). *Л. В.*

Арнгеймъ, *Карлъ Карловичъ*, род. въ С.-Петербургѣ 17-го сентября 1840 года, ум. 3-го іюля 1888 г. Потерявъ 8-ми лѣтъ отца, онъ черезъ годъ былъ отданъ въ сиротскій домъ при лютеранскомъ училищѣ св. Петра, затѣмъ окончилъ курсъ въ реальномъ отдѣленіи этого учебнаго заведенія и поступилъ въ контору, но пробылъ въ ней около 4-хъ мѣсяцевъ и началъ готовиться къ университетскому экзамену. Въ 1861 г. Арнгеймъ окончилъ курсъ въ университетѣ дѣйствительнымъ студентомъ физико-математическаго факультета и поступилъ сначала учителемъ физики и математики въ пансіонъ Мая, а затѣмъ, 25-го сентября 1862 г. во вторую гимназію преподавателемъ космографіи. Обративъ на себя вниманіе образцовымъ веденіемъ дѣла, Арнгеймъ былъ приглашенъ преподавателемъ также въ училище св. Петра и въ Маріинскій институтъ (1-го сентября 1868 г.), а затѣмъ, по порученію Великой Княгини Елены Павловны, завѣдывалъ училищемъ св. Елены, которое вскорѣ поставилъ наравнѣ съ другими заведеніями этого типа. Оцѣнивъ выдающіяся педагогическія способности Арнгейма, Великая Княгиня Елена Павловна предложила ему занять мѣсто инспектора Маріинскаго института, въ которомъ онъ продолжалъ работать съ неизмѣнною добросовѣстностью, энергіею и любовью къ дѣлу воспитанія и образованія юныхъ поколѣній. Назначенный 12-го ноября 1880 года помощникомъ начальника с.-петербургскихъ и Царскосельской женскихъ гимназій, Арнгеймъ, въ 1885 г., послѣ назначенія И. Т. Осинина почетнымъ попечителемъ всѣхъ этихъ гимназій и предсѣдателемъ совѣта учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи, занялъ его мѣсто начальника. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ Арнгеймомъ на актахъ всѣхъ женскихъ гимназій, 28-го мая 1886 г. и 30-го мая 1887 г., ярко обрисовался свѣтлый обликъ гуманнаго, благороднаго педагога, умѣвшаго внушить къ себѣ искреннія симпатіи учащихся. Составленный Арнгеймомъ въ 1867 г. „Краткій очеркъ математической географіи", во второмъ изданіи былъ значительно исправленъ и дополненъ. Въ 1893 г. онъ появился 5-мъ изданіемъ.

«Русская Старина», 1888 г., № 12, и некрологи въ іюльскихъ нумерахъ петербургскихъ газетъ.—В. В. Григорьевъ: «Имп. С.-Пет. унив. въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія».—С. Венгеровъ: «Критико-біогр. словарь, т. I, стр. 750.

Арндтъ, *Іоганнъ Готфридъ*, родился въ Галле 12-го января 1713 г., переселился въ Россію въ 1738 г., былъ сперва директоромъ училища въ Аренсбургѣ, и въ 1747 г. конректоромъ лицея въ Ригѣ, гдѣ онъ ум. 1-го сентября 1767 г. Его главный трудъ — изданіе на нѣмецкомъ языкѣ въ Галле хроники Грубера „Origines Livoniae sacrae et civilis", которую онъ перевелъ, значительно дополнилъ и комментировалъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1753 г., онъ напечаталъ вторую, имъ составленную, часть лифляндской хроники. Третья часть, оконченная въ рукописи, пропала и, не смотря на премію, назначенную суперинтендентомъ Тиле, до сихъ поръ не найдена.

J. Recke und K. Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon», т. I, стр. 41—42.

Арнольди, *Иванъ Карловичъ*, генералъ отъ артиллеріи; изъ дворянъ Курляндской губерніи, род. въ 1783 г., ум. 11-го октября 1860 года. По окончаніи курса въ кадетскомъ корпусѣ, 8-го декабря 1799 года выпущенъ подпоручикомъ въ полевой артиллерійскій баталіонъ, квартировавшій въ С.-Петербургѣ, и съ нимъ выступилъ участникомъ въ войнѣ съ французами 1806 — 1807 г.г. Состоя въ званіи адъютанта при генералъ-маіорѣ графѣ Кутайсовѣ, 26-го и 27-го января 1807 года особенно отличился въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, за что награжденъ золотымъ

знакомъ отличія на георгіевской лентѣ, установленнымъ въ память этого дня; въ томъ же году былъ въ сраженіяхъ: 24-го и 26-го мая при д. Ломитенѣ (за которое получилъ орденъ св. Анны 4-й степени), 29-го мая при г. Гейльсбергѣ и 2-го іюня при г. Фридландѣ (награжденъ золотою шпагою съ надписью „за храбрость"). Въ 1809 г. участвовалъ въ походѣ въ Австрію, а въ 1811 году, за отличную службу при графѣ Кутайсовѣ, ему Высочайше повелѣно было носить на воротникѣ золотыя петлицы, подобныя тѣмъ, которыя пожалованы были за отличія нѣкоторымъ артиллерійскимъ бригадамъ. Въ 1812 году Арнольди былъ переведенъ въ 1-ю артиллерійскую бригаду, съ назначеніемъ командиромъ 13-й конной роты, состоявшей въ арміи Чичагова; съ этою ротою онъ оказалъ особыя отличія въ бояхъ на Березинѣ (14-го и 16-го ноября) и при дальнѣйшемъ преслѣдованіи непріятеля, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. 1813 года января 29-го, находясь съ ротою въ авангардѣ, подъ начальствомъ графа Воронцова, одними картечными выстрѣлами выбилъ непріятеля изъ мѣст. Рогожнаго, а затѣмъ преслѣдовалъ на разстояніи 15 верстъ, до мѣст. Оберникъ, за что награжденъ чиномъ подполковника; во время 6-ти-недѣльнаго перемирія находился въ блокадномъ корпусѣ подъ Магдебургомъ; 25-го августа участвовалъ въ сраженіи при Денневицѣ, гдѣ атакою своихъ конныхъ артиллеристовъ, взялъ два непріятельскихъ орудія, послѣ чего съ легкой кавалеріей преслѣдовалъ противника и, 27-го числа, нагналъ его уже подъ самою крѣпостью Торгау. Здѣсь, имѣя подъ своимъ начальствомъ 24 орудія, ихъ огнемъ онъ принудилъ сдаться гарнизонъ одного изъ передовыхъ укрѣпленій и за свой подвигъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а отъ прусскаго короля получилъ орденъ „Pour le mérite". Затѣмъ, находясь въ арміи наслѣднаго принца шведскаго, Арнольди принималъ участіе въ битвѣ подъ Лейпцигомъ (6-го октября), гдѣ сначала былъ раненъ въ лѣвую ногу, но оставался въ строю, пока ту же ногу не оторвало непріятельскимъ ядромъ. За отличіе въ этой битвѣ награжденъ чиномъ полковника, а кронъ-принцъ шведскій возложилъ на него, на мѣстѣ сраженія, военный орденъ Меча. По выздоровленіи, Арнольди вступилъ въ командованіе прежнею ротою и, въ 1815 году, находился въ составѣ арміи, двинутой для дѣйствій противъ Наполеона, за границу. Въ 1817 году онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, а въ 1820 г.—командиромъ л.-гв. конной артиллеріи. Въ декабрѣ 1821 года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять по порученіямъ при графѣ Аракчеевѣ. Въ 1822 году назначенъ начальникомъ артиллеріи военныхъ поселеній Херсонской и Екатеринославской губерній, а приказомъ 11-го мая 1826 года ему повелѣно было состоять при генералъ-фельдцейхмейстерѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, по особымъ порученіямъ. Въ 1829 году Арнольди отправленъ къ арміи, дѣйствовавшей въ Европейской Турціи, въ званіи начальника осадной артиллеріи, и, при осадѣ Силистріи, постоянно находился въ траншеяхъ, подъ жестокимъ огнемъ. Вызванный затѣмъ главнокомандующимъ къ главной квартирѣ, онъ своею распорядительностью и отвагою много содѣйствовалъ побѣдѣ надъ турками при Кулевчи (30-го мая), за которую награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени; перейдя съ арміей за Балканы, участвовалъ въ дѣлѣ подъ Сливно, за которое, какъ и вообще за отличія, оказанныя имъ въ эту войну, получилъ тотъ же орденъ съ Императорскою короною. По окончаніи турецкой войны, снова назначенъ состоять при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ; въ 1834 году наименованъ начальникомъ конно-артиллерійскаго резерва; въ 1835 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1841 году, за упраздненіемъ конно-артиллерійскаго резерва, назначенъ начальникомъ артиллеріи по части инспектора резервной кавалеріи, и въ 1849 году, въ день 50-тилѣтія службы, ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. Произведенный въ 1851 году въ генералы отъ артиллеріи, Арнольди въ слѣдующемъ году, 21-го сентября, былъ опредѣленъ сенаторомъ. Отъ перваго брака на дочери французскаго купца Погибель, Софіи Карловнѣ, Иванъ Карловичъ оставилъ двухъ сыновей: Александра и Льва; родившаяся отъ второго брака дочь Софія вышла впослѣдствіи замужъ за князя Ухтомскаго. Иваномъ Карловичемъ оставлены интересные мемуары, сохраняющіеся до сихъ поръ у старшаго

сына, генерала отъ кавалеріи А. И. Арнольди.

Послужной списокъ, хранящ. въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба и въ С.-Петерб. архивѣ Сената; «Русскій Архивъ», 1864 г., стр. 1033; «Справочн. энциклоп. словарь» А. Старчевскаго.

Д. С—въ.

Арнольдъ, *Иванъ,* лекторъ французскаго языка и словесности въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Должность эту онъ занималъ два года, съ 1814 по 1816 годъ. Онъ читалъ французскую литературу и упражнялъ своихъ слушателей въ переводахъ русскихъ сочиненій на французскій языкъ.

«Словарь проф. и препод. Имп. Моск. университета», ч. I, стр. 39.

Арнольдъ, *Иванъ (Эдуардъ) Карловичъ,* род. въ Москвѣ, 25-го сентября 1805 г., ум. въ Петербургѣ, 27-го апрѣля 1891 г. Въ раннемъ дѣтствѣ, при неосторожномъ паденіи, онъ получилъ сотрясеніе мозга съ пораженіемъ слуховыхъ органовъ. Это обстоятельство заставило родителей Арнольда отдать его, въ 1811 г., въ С.-Петербургское училище глухонѣмыхъ. Въ 1816 г. онъ былъ отправленъ въ берлинскую академію художествъ, причемъ одновременно посѣщалъ въ Берлинѣ училище глухонѣмыхъ. Для дальнѣйшаго воспитанія, въ 1819 г., Арнольдъ перешелъ въ пансіонъ доктора К. Ланга (близъ Дрездена), гдѣ и закончилъ свое общее образованіе. Поступивъ въ 1822 г. въ дрезденскую академію художествъ, Арнольдъ черезъ два года окончилъ въ ней курсъ съ серебряною медалью и дипломомъ на званіе художника. Но художническая карьера не привлекала его и, вернувшись въ Россію, онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь глухонѣмымъ. Для ознакомленія съ методами обученія ихъ, Арнольдъ снова отправился за границу и два года провелъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Штутгартѣ, Гейдельбергѣ и другихъ городахъ. Опредѣлившись въ 1826 г. на службу въ департаментъ государственныхъ имуществъ и получивъ мѣсто въ Императорскомъ эрмитажѣ, Арнольдъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гувернеромъ глухонѣмого сына одного петербургскаго богача. Убѣдившись на практикѣ въ цѣлесообразности изученныхъ за границею методовъ, Арнольдъ задумалъ открыть небольшой пансіонъ для глухонѣмыхъ, но эту мысль ему удалось привести въ исполненіе только въ 1852 г. Оставивъ службу, онъ взялъ къ себѣ пятерыхъ дѣтей бѣдныхъ родителей, безплатно обучалъ и содержалъ ихъ, несмотря на свои скудныя средства. Въ это время Арнольду много помогъ П. А. Веймарнъ, тоже глухонѣмой, безъ участія котораго училище могло бы погибнуть. Переѣхавъ въ Москву, гдѣ еще не было ни одного заведенія для глухонѣмыхъ, Арнольдъ, 24-го апрѣля 1860 г., открылъ тамъ пансіонъ, который встрѣтилъ поддержку тогдашняго московскаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова. Благодаря пожертвованіямъ нѣсколькихъ капиталистовъ, будущность арнольдовскаго училища была обезпечена, и въ 1866 г. основатель его могъ спокойно передать свои директорскія обязанности новому директору. Съ 1879 по 1882 г. Арнольдъ, проживая въ Петербургѣ, былъ преподавателемъ въ пріютѣ при училищѣ глухонѣмыхъ. Окончательно разстроивъ свое здоровье, онъ поселился въ 1882 г. въ Сестрорѣцкѣ, откуда незадолго до смерти переѣхалъ въ Петербургъ.

«Всемірная Иллюстрація», 1891 г., № 1.165 (некрологъ съ портретомъ).—«Правит. Вѣстникъ», 1891 г., № 94.

Арнольдъ, *Карлъ Ивановичъ,* род. 7-го (19-го) февраля 1775 г., въ прусскомъ гор. Ландекѣ, ум. 23-го ноября 1845 г., въ Финляндіи, на мызѣ Бракела, близъ Фридрихсгама. По окончаніи курса въ Берлинскомъ университетѣ, поступилъ бухгалтеромъ въ контору Клейна въ Ригѣ, гдѣ пробылъ до 1804 г., а затѣмъ переселился въ Москву. Познакомившись здѣсь съ нѣсколькими купцами, онъ рѣшился при ихъ матеріальномъ содѣйствіи основать (въ 1804 г.) коммерческій пансіонъ съ цѣлью „образовать юношей, желающихъ вступить въ купеческое званіе". Въ 1806 г., по ходатайству московскихъ купцовъ, арнольдовскій пансіонъ переименованъ съ Высочайшаго соизволенія въ „практическую коммерческую академію". 24-го апрѣля 1807 года Арнольдъ былъ назначенъ „директоромъ и установителемъ академіи" и пожалованъ прямо чиномъ титулярнаго совѣтника. Получивъ 13-го октября 1809 г. мѣсто ревизора Московскаго ассигнаціоннаго банка и Московской учетной конторы и продолжая, вмѣстѣ съ тѣмъ, службу въ академіи, Арнольдъ за ревизію банка былъ

награжденъ въ 1810 г., съ Высочайшаго соизволенія, 10.000 руб. асс. Въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, онъ былъ приглашенъ на службу въ Петербургъ, гдѣ служилъ до 1840 г., сначала—въ департаментѣ Министерства Финансовъ, затѣмъ старшимъ бухгалтеромъ въ департаментѣ внѣшней торговли, начальникомъ счетнаго отдѣленія и начальникомъ коммиссаріатскаго департамента Военнаго Министерства и, наконецъ, начальникомъ архива департамента государственныхъ имуществъ. Въ 1840 г., по болѣзни, Арнольдъ вышелъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, въ отставку съ пенсіею въ 1.500 руб. асс., имѣя орденъ св. Владиміра 3-й степени. Поселившись со всѣмъ семействомъ въ Финляндіи, на своей мызѣ Бракела, близъ Фридрихсгама, Арнольдъ въ три послѣдніе года своей жизни сильно нуждался, просилъ академію оказать ему пособіе, но получилъ отказъ. Тѣло его погребено на фридрихсгамскомъ городскомъ кладбищѣ. Арнольду принадлежатъ 9 сочиненій коммерческаго и финансоваго содержанія, изъ которыхъ только одно—„Kaufmännische Arithmetik"—осталось въ рукописи, всѣ другія напечатаны въ періодъ времени отъ 1804 до 1829 г., а именно: въ 1804 г., въ Митавѣ—„Taschenbuch für Banquiers und Kaufleute", въ 1809 г., въ Москвѣ — „Самоучитель бухгалтеріи", въ 2-хъ частяхъ, въ С.-Петербургѣ: въ 1811 г.—„Разчисленіе о достоинствѣ и вѣсѣ иностранныхъ ходячихъ денегъ и сравненіе оныхъ съ россійскою серебряною монетою", въ 1814 г.—„Опытъ гражданской бухгалтеріи", въ 1816 г.— „Мнѣніе о системѣ тарифа въ Россіи", въ 1823 г.—„О системѣ государственнаго счетоводства", въ 1829 г.—„Разныя свѣдѣнія о россійской внѣшней торговлѣ" и „Перечень письма о состояніи внѣшней торговли государства россійскаго въ послѣднія 18 лѣтъ". Кромѣ того, Арнольду принадлежатъ двѣ рѣчи, сказанныя въ 1808 г. воспитанникамъ практической академіи: 1) „О любви къ отечеству" и 2) „На случай отбытія изъ академіи учениковъ 1-го класса", указанныя у Сопикова.

«Исторія Московской практической академіи коммерческихъ наукъ», составили къ пятидесятилѣтнему ея юбилею (1810—1860) преподаватели академіи: Иванъ Глѣбовъ и Дмитрій Иванъ, Москва, 1860 г., стр. 5—7; Геннади, «Словарь», т. I и С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 750—751.

Арпсгофенъ, баронъ, *Карлъ-Владиміръ Генриховичъ*, генералъ-лейтенантъ, дворянинъ Эстляндской губ., род. въ 1832 г., ум. въ февралѣ 1890 г. Окончивъ курсъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1851 г. вступилъ на службу прапорщикомъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ и съ нимъ въ 1864 г. принялъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа, причемъ за отличіе въ дѣлѣ 25-го октября получилъ золотое оружіе съ надписью „за храбрость". Произведенный въ 1867 г. въ полковники, баронъ Арпсгофенъ, въ декабрѣ 1868 г., назначенъ командиромъ л.-гв. Стрѣлковаго Е. И. В. баталіона, 17-го апрѣля 1870 г.—пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта и въ 1874 г. опредѣленъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка. Какъ только началась русско-турецкая война 1877—1878 гг., онъ выступилъ съ полкомъ изъ Варшавы и, командуя имъ, съ отличіемъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ непріятеля, чѣмъ заслужилъ рядъ наградъ: за Телишъ—производство въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества (18-го декабря 1877 г.), за Плевну—орденъ св. Анны 1-й степ. съ мечами, за Ташкисенъ — мечи на орденъ св. Владиміра 3-й степ. и за Филиппополь — орденъ св. Станислава 1-й степ. съ мечами. По окончаніи войны числился по болѣзни въ продолжительномъ отпуску до іюля 1880 г., когда получилъ назначеніе состоять при одесскомъ генералъ-губернаторѣ и въ періодъ своего пребыванія при послѣднемъ временно исполнялъ должность одесскаго градоначальника, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1884 г., назначенъ начальникомъ 4-й стрѣлковой бригады и въ 1886 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

«Русск. Инв.», 1890 г., № 52.

Арресто, *Генрихъ*, на сценѣ, а собственно Карлъ-Эдуардъ *Бурхарди*, актеръ и драматургъ, род. въ Шверингѣ въ 1769 г., ум. въ Доберангѣ, 22-го іюля 1817 г. Онъ дѣйствовалъ на нѣмецкой сценѣ, въ Петербургѣ, при директорствѣ Мире. Съ 1804 г. взялъ дирекцію самъ, а послѣ пожара нѣмецкаго театра директорствовалъ въ 1811 г. въ Митавѣ, управляя тамъ и въ Либавѣ странствующею труппою, откуда уже удалился заграницу и въ Веймарѣ снова сдѣлался директоромъ придворной труппы. До Петербурга въ 1798 г. Арресто игралъ въ труппѣ Грозмана, въ

Бременѣ и Ганноверѣ. Съ 1801 по 1804 г. Арресто былъ директоромъ труппы въ Гамбургѣ. Игралъ и писалъ Арресто только на нѣмецкомъ языкѣ. Въ печати появились слѣдующіе его труды: 1) „Die Landesfreude"—эпилогъ къ театральному представленію „Ахмедъ и Зенида", данному въ день рожденія герцогини, въ Шверинѣ, 1801 г.; 2) „Vergehn und Grösse", трагедія въ 5 дѣйств. Штутгардтъ, 1803 г.; 3) „Die Soldaten", комедія въ 5 дѣйств. 1804 г. Гамбургъ; 4) „Die Feindliche Sohn" (продолженіе предъидущей пьесы), комедія въ 5 дѣйств. 1805 г. Гамбургъ; 5) „Der Indienfahrer", комедія же 1805 г.; обѣ пьесы эти пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ и на петербургской нѣмецкой сценѣ. Въ нѣмецкомъ изд. „Monatschrift", издававшемся въ С.-Петербургѣ въ 1804 г. Шредеромъ, напечатаны слѣдующія сочиненія Арресто: „Письмо къ издателю" (стр. 135—143, 2 ч., 1804 г.) и сцены изъ драмы „Пожарскій, или освобожденная Москва", перев. съ русскаго языка. Оригинальная нѣмецкая пьеса Арресто „Poscharscki und Minin, oder die Befreung Moskwa", 31 стр., 8°, напечатано въ Ревелѣ, въ 1809 г.

Въ «Allegemeine Theater-Lexikon Zoluhm», «Herlossfohn und Marggraff», т. I, стр. 125—126—невѣрно названа пьеса «Die friedliche Sohn» и перечислены не всѣ труды Арресто.

Арриги, *Людовикъ*, итальянскій поэтъ, жившій въ Россіи при Александрѣ I и Николаѣ I (1822—1832 гг.), писалъ и издавалъ въ Петербургѣ свои произведенія на французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Сочиненія его появлялись въ слѣдующей послѣдовательности: 1) Poema P—rgo, 1822, 4°, „Il cielo russo, elevato nel giorno nomastico di S. M. I. Alessandro I"; 2) то же привѣтствіе въ стихахъ (на итальянск. яз.) въ день тезоименитства Александра I, 1823 г.; 3) „Печальная элегія на кончину Императрицы Елизаветы Алексѣевны (1826)" — „Canto elegiaco in morte di Elisabetta Alexiewna Imperatrice"; 4) 1827 г. „Поэтическая дума, по случаю рожденія Великаго Князя Константина Николаевича", на итальянскомъ яз.—„Nella fausta circonstanza della nascità del Granduca Constantino Nicolaevitsch" Pensiero poetice; 5) „Anagramma", на латинскомъ и итальянскомъ яз., по случаю заключенія мира съ Персіею,—„La Sacra Aleanzá della Russia con la Persia", Petropoli, 1829, 4°; 6) поэма на итальянскомъ яз., съ французскимъ переводомъ прозою, 1829, 8°—„La bataille de Koulewtsha donné par les Russes a l'armée Ottomane le 30 Mai 1829"; 7) аллегорическіе куплеты на французскомъ и итальянскомъ яз., на заключеніе мира съ Турціею—„La paix à la gloire éternelle de la nation russe avec la Sublime Porte. Chant allégorique", и 8) эпическая поэма, на франц. и итал. яз., 8°, 1832, St.-Pétersbourg, на празднованіе столѣтія основанія 1-го кадетскаго корпуса—„Pour la solennité des cent ans de la fondation du premier Corps des Cadets. Poème épique".

Каталогъ отдѣленія «Rossica» Имп. Публичной Библіотеки.

Арсеній, преподобный печерскій, преставился въ Кіевѣ въ XIV в. Мощи его почиваютъ въ пещерѣ Ѳеодосія, а память празднуется 28-го августа.

«Источники русской агіографіи», стр. 60; «Русскіе святые» Филарета, августъ, стр. 126—127.

Арсеній, святой, епископъ тверской, род. въ Твери въ дворянской семьѣ, преставился 2-го марта 1409 года въ урочищѣ Желтиковѣ, въ сооруженной имъ обители. Рано лишившись родителей, которые дали ему приличное воспитаніе, онъ роздалъ доставшееся ему по наслѣдству богатое имѣніе и отправился въ Кіевъ, гдѣ былъ принятъ въ Печерскую обитель и облеченъ въ иночество. Въ это время (1381—1388 гг.) въ Кіевѣ жилъ митрополитъ Кипріанъ, который, узнавъ ближе Арсенія, полюбилъ его и посвятилъ въ іеродіакона. Въ 1390 г. Кипріанъ возвратился изъ Царьграда съ саномъ и правами митрополита всея Россіи. Отправляясь изъ Кіева въ Москву, онъ взялъ съ собою Арсенія и поручилъ ему завѣдывать письменными дѣлами митрополіи, какъ человѣку весьма свѣдущему. Когда великій князь тверской Михаилъ Александровичъ пригласилъ Кипріана въ Тверь для разсмотрѣнія дѣлъ тверского епископа Евфимія и, по разслѣдованіи, у послѣдняго многія дѣла оказались не въ порядкѣ, то Кипріанъ запретилъ Евфимію священнослуженіе и, по настоятельной просьбѣ великаго князя, 19-го августа 1390 г., поставилъ Арсенія епископомъ въ Тверь, не взирая на убѣдительныя просьбы преподобнаго освободить его отъ высокаго сана. Причина нежеланія занять

епископскую каѳедру крылась не столько въ личной скромности Арсенія, сколько въ раздорахъ княжескихъ и боярскихъ, отъ которыхъ положеніе тверского архипастыря дѣйствительно бывало невыносимо тяжелымъ. Живымъ примѣромъ тому служилъ Евфимій, лишившійся каѳедры вслѣдствіе столкновенія не совсѣмъ опредѣленныхъ правъ князя и епископа по церковно-гражданскимъ дѣламъ. Арсеній считалъ Евфимія правымъ и изъ-за этого не желалъ его замѣстить, но вынужденъ былъ уступить велѣнію митрополита. Пока былъ живъ энергичный великій князь Михаилъ Александровичъ, Арсеній могъ проявлять свою пастырскую дѣятельность въ мирѣ, но когда Михаилъ скончался, между князьями тверского княжества возникли раздоры, бѣдственные для народа. Послѣ долгихъ усилій, Арсенію удалось, въ 1403 г., примирить кашинскаго князя Василія съ тверскимъ Иваномъ Михайловичемъ и вслѣдъ затѣмъ, для скрѣпленія мира, самъ вѣнчалъ сына князя Ивана съ дочерью князя Василія. Это, однако, не помѣшало князьямъ снова затѣять кровавые раздоры, окончательно улаженные святителемъ лишь въ день св. Троицы 1406 г. Тяготясь княжескими раздорами и мірской суетой, Арсеній задумалъ искать душевнаго отдыха въ пустынѣ. Въ 4-хъ верстахъ отъ г. Твери, на рѣчкѣ Тмакѣ построилъ онъ храмъ въ честь преп. Антонія и Ѳеодосія, поставилъ кельи, пригласилъ иноковъ и избралъ для нихъ игумена. Это было въ 1394 г. Десять лѣтъ спустя онъ основалъ каменный храмъ въ честь Успенія Богоматери. Затѣмъ онъ началъ готовиться къ смерти. Собственными руками тесалъ онъ себѣ гробъ изъ камня, выдалбливая ложе изъ одного и покрышку изъ другого камня. Онъ кончилъ свои дни въ непрестанной духовной дѣятельности; мощи его открыты въ 1463 году: они почиваютъ открыто въ соборной церкви Желтикова монастыря. Празднованіе его памяти, 2-го марта, установлено на Московскомъ Соборѣ 1547 г. Житіе и канонъ написаны въ 1483 г. іеромонахомъ Желтикова монастыря Ѳеодосіемъ. Вторично они написаны въ 1764 г. архимандритомъ того же монастыря Макаріемъ. Полная служба составлена въ XVI вѣкѣ.

«Словарь истор. о святыхъ», изд. 2-е, стр. 34; «Святая Русь», XCVII, № 473, стр. 118—119; «Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно», Филарета, т. I, мартъ, стр. 13—23; «Источники русской агіографіи», LXXXI, столбцы 60—62. Житія святыхъ рос. церкви. Мѣс. мартъ, Спб. 1853 г., стр. 5.—«Полн. Собр. Рус. Лѣт.» (по указателю).

Арсеній, преподобный коневскій, основатель Коневской, на Ладожскомъ озерѣ, обители, род. въ Новгородѣ, преставился 12-го іюня 1444 г. на Коневскомъ островѣ. Въ юности обучался у мѣдныхъ дѣлъ мастера, но, почувствовавъ влеченіе къ духовной жизни, отправился въ 1373 г. въ Лисичью обитель, близъ Хутыня, и тамъ постригся въ монашество съ именемъ Арсенія. Пробывъ въ обители 11 лѣтъ, онъ въ 1384 г. отправился на Аѳонскую гору, гдѣ пробылъ три года. Здѣсь онъ безмездно дѣлалъ для святогорскихъ старцевъ разную мѣдную посуду и тѣмъ расположилъ ихъ къ себѣ. Отпуская его обратно на родину, святогорскій игуменъ благословилъ его двойною иконою, на которой, съ одной стороны, было изображеніе Божіей Матери, съ другой—Нерукотвореннаго Спаса. Возвратившись въ Новгородъ съ чудотворною иконою, Арсеній испросилъ у архіепископа Іоанна благословеніе на устройство обители во имя Рождества Богородицы и отплылъ внизъ по Волхову въ Ладожское озеро. Приставъ къ пустынному Коневскому острову, онъ на горѣ водрузилъ крестъ и поставилъ хижину. Вскорѣ къ нему начали собираться странники и ученики, при помощи которыхъ онъ воздвигъ деревянную церковь во имя Рождества Богородицы, построилъ кельи и ограду. Обитель начали посѣщать новгородскіе граждане; однажды былъ въ ней и архіепископъ Евфимій, подарившій Арсенію, въ знакъ особаго благоволенія, свой бѣлый клобукъ. Въ память посѣщенія святителя, преподобный назвалъ заливъ, при которомъ обитель находилась, „Владычнею Лахтою",—названіе, сохранившееся по нынѣ. Обитель при Владычней Лахтѣ просуществовала 25 лѣтъ, но сильный подъемъ воды въ Ладожскомъ озерѣ въ 1521 г., обусловившій необычайное наводненіе, заставилъ Арсенія перевесть ее на новое, болѣе возвышенное мѣсто, на которомъ обитель существуетъ и теперь; здѣсь онъ построилъ каменную церковь, также во имя Рождества Богородицы. Преподобный Арсеній преставился въ преклонныхъ лѣтахъ; мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Срѣтенской церкви Коневской обители, а память его чтится 12-го іюня. Дѣятельность преподобнаго, какъ просвѣ-

тителя чудской страны, была весьма обширна; о ней сохранилось много преданій, изъ коихъ особенно любопытно одно — о „Чертовой Лахтѣ“. Согласно этому преданію, въ старину, прибрежные жители, по суевѣрію, каждое лѣто оставляли на пустынномъ Коневскомъ островѣ коня предъ однимъ большимъ камнемъ, въ жертву невидимымъ духамъ, которые, по вѣрованію язычниковъ, обитали около камня и охраняли скотъ, привозимый съ берега для пастьбы и на цѣлое лѣто оставляемый жителями безъ всякаго надзора. Отсюда произошли названія: камня—*конемъ*, а острова—*Коневцемъ*. Оставленный на островѣ конь обыкновенно погибалъ зимою и жители вѣрили въ то, что коня поѣдаютъ нечистые духи, обитающіе подъ камнемъ. Съ цѣлью искорененія суевѣрія вмѣстѣ съ языческими вѣрованіями, преподобный Арсеній приступилъ къ камню съ молитвою, окропилъ его святою водою и увѣрилъ собравшійся вокругъ него народъ, что духи съ тѣхъ поръ жить тамъ не могутъ, что они, въ видѣ вороновъ, перелетѣли оттуда на Выборгскій берегъ въ Большую губу. Губа эта нынѣ называется въ народѣ *Чертовой Лахтой*.

«Словарь ист. о святыхъ», изд. 2-е, стр. 34—36; «Святая Русь», XCVII, стр. 58; «Источники русской агіографіи», стр. 58—59; «Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно», т. II, іюнь, стр. 65—70 (годъ кончины показанъ 1547).

Арсеній, преподобный, новгородскій затворникъ, основатель новгородскаго Арсеніева Богородицкаго мужского монастыря, въ мірѣ Амвросій, род. около 1500 г. въ Ржевѣ-Владиміровѣ, преставился въ Новгородѣ 12-го іюля 1570 г. Сынъ кожевенника, Амвросій съ юныхъ лѣтъ былъ пріученъ къ ремеслу, въ которомъ онъ помогалъ отцу до смерти послѣдняго. Женившись, затѣмъ, по настойчивому убѣжденію своей матери, онъ, отъ природы благочестивый, не проживъ и полгода съ супругою, тайно ушелъ въ Великій Новгородъ, откуда написалъ матери и женѣ письмо, въ которомъ изложилъ причины, побудившія его уйти изъ міра. Въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Новгородѣ, онъ занимался кожевенною работою и тайно постился и молился. О благочестивой жизни Амвросія узналъ извѣстный въ свое время строитель храмовъ и обителей, новгородецъ Ѳедоръ Дмитріевичъ Сырковъ, который выразилъ ему готовность доставлять средства для построенія новой обители. Амвросій принялъ иночество съ именемъ Арсенія и въ 1562 г. построилъ обитель и храмъ въ честь Рождества Богородицы, на торговой сторонѣ въ Ярославовомъ дворищѣ, на правомъ берегу рѣки Волхова. Съ основаніемъ обители препод. Арсеній продолжалъ вести жизнь строго религіозную, постоянно носилъ вериги. Въ 1570 г., царь Іоаннъ Васильевичъ, по совершеніи казни новгородцевъ, задумалъ построить себѣ дворецъ на Ярославовомъ дворищѣ, но, узнавъ о пребываніи здѣсь препод. Арсенія, явился къ нему предварительно съ дарами и наружнымъ смиреніемъ. Преподобный инокъ не устрашился обличить Іоанна Грознаго за его жестокость и не принялъ даровъ его. Іоаннъ смолчалъ. 11-го іюля того же года, Іоаннъ Васильевичъ, собираясь идти на Псковъ, опять посѣтилъ Арсенія и просилъ его благословенія на предстоявшій путь. „Завтра, государь, — отвѣчалъ ему затворникъ,—готовъ я въ путь за тобою“. Іоаннъ обрадовался, предполагая, что Арсеній рѣшился сопутствовать ему во Псковъ; но преподобный на слѣдующее утро преставился. Онъ былъ положенъ въ томъ же затворѣ, гдѣ жилъ. По обрѣтеніи мощей Арсенія, надъ ними была устроена сперва каменная часовня, а затѣмъ церковь Рождества Христова съ придѣломъ во имя св. Леонтія, епископа Ростовскаго. 8-го мая 1785 года, мощи преподобнаго перенесены изъ нынѣ упраздненнаго новгородскаго Арсеніева монастыря въ Кирилловъ-новгородскій монастырь, гдѣ онѣ почиваютъ подъ спудомъ, въ придѣлѣ, по правую сторону главной церкви. Мѣстная память его чтится 8-го мая, а общая—12-го іюля.

«Словарь ист. о святыхъ», изд. 2-е, стр. 37—38; «Святая Русь», XCVII, стр. 54; «Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно», ч. II, іюль, стр. 81—84; «Источники русск. агіографіи», LXXXI, стр. 59.

Арсеній, преподобный комельскій, вологодскій чудотворецъ род. въ Москвѣ, преставился 24-го августа 1550 г. въ построенномъ имъ Арсеньевомъ монастырѣ, въ Комельскомъ лѣсу, въ 36 верстахъ отъ г. Вологды. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода Сухарусавыхъ и еще въ юныхъ лѣтахъ постригся въ обители преп. Сергія Радонежскаго. Здѣсь онъ въ 1506 г. спи-

салъ Евангеліе съ печенгскаго списка, добытаго княземъ Юріемъ. Евангеліе это, хранящееся въ Арсеніевой комельской обители, драгоцѣнно для нашего времени какъ трудъ великаго подвижника, а также и потому, что оно написано безъ разстановки словъ, съ точкою и двоеточіемъ, и такимъ образомъ представляетъ собою точный списокъ съ очень древняго подлинника. Въ 1525 г., Арсеній, за строго иноческую жизнь, былъ удостоенъ сана священства и поставленъ въ игумена Сергіевой обители. Не смотря на богатство монастыря и просьбы великаго князя Василія не покидать обители, которую онъ содержалъ въ образцовомъ порядкѣ, Арсеній оставилъ игуменство и въ концѣ 1527 года удалился въ Комельскій лѣсъ. На пустынныхъ берегахъ рѣчекъ Кахтыжа и Лежи онъ водрузилъ крестъ и поставилъ себѣ хижину. Мѣсто это, нынѣ окруженное болотами и трясинами, посѣщалось вологодскими дровосѣками и звѣроловами. Крестьянамъ не по душѣ пришлась келія Арсенія и они убили его келейнаго старца; тогда преподобный перешелъ въ смежный Шилеговскій лѣсъ, на рѣчку Ингирь или Маслянку и здѣсь сталъ подвизаться; сюда вскорѣ къ нему начали приходить за наставленіями ревнители благочестія. Въ это время татары сдѣлали набѣгъ на Вологодскую землю; жители толпами бѣжали изъ селеній въ Шилеговскій лѣсъ, вслѣдствіе чего пустынное безмолвіе, которое такъ любилъ Арсеній, было нарушено, и онъ, поручивъ устроенную имъ пустынь одному изъ своихъ учениковъ, снова переселился въ Комельскій лѣсъ, на избранномъ ранѣе мѣстѣ. Въ 1530 г. онъ получилъ отъ великаго князя Іоанна Васильевича грамоту и построилъ своимъ иждивеніемъ названный по имени его монастырь, въ 36 верстахъ отъ Вологды, въ которомъ онъ поселился вмѣстѣ съ любимымъ ученикомъ своимъ Герасимомъ. Въ 1539 г. великій князь Василій выдалъ Арсенію несудимую грамоту, въ силу которой сама обитель и всѣ крестьяне, селившіеся не далѣе 5 верстъ отъ нея, освобождались отъ обязанностей по отношенію къ свѣтской власти; въ 1543 г. была выдана новая грамота, по которой права обители были еще болѣе расширены. Послѣ долгихъ дней подвижничества въ Комельскомъ лѣсу преподобный кончилъ дни свои въ глубокой старости. Мощи преп. Арсенія почиваютъ подъ спудомъ въ каменной монастырской церкви во имя Положенія Ризъ Божіей Матери въ придѣлѣ, устроенномъ во имя преп. Арсенія; память его чтится 24-го августа.

«Словарь ист. о святыхъ», изд. 2-е, стр. 36—37; «Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно», т. II, августъ, стр. 87—92; «Источники русской агіографіи», LXXXI, стр. 55.

Арсеній Глухой—одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ монаховъ XVII вѣка—былъ также извѣстенъ подъ названіемъ А. „Селижаровецъ", на томъ основаніи, что сначала жилъ въ Ниловой пустыни, которая называлась Селижаровскою, по озеру Селигеру, потомъ онъ перешелъ въ Троицко-Сергіеву лавру. Достигнувъ конечной цѣли своихъ странствованій—лавры, Арсеній занялся своимъ самообразованіемъ подъ руководствомъ монастырскаго библіотекаря Антонія Крылова, съ которымъ сошелся близко. Молодой монахъ часто обращался къ своему образованному руководителю, который, „любяй истинное богомудрое и душеполезное", нерѣдко самъ предупреждалъ просьбы любознательнаго Арсенія: однѣ книги давалъ ему въ келью для исправленія, другія сличалъ съ нимъ вмѣстѣ въ книгохранилищѣ. Затѣмъ Арсеній сталъ брать изъ библіотеки различные списки книгъ и по сличеніи ихъ между собою, переписывалъ правильный текстъ. До того Арсеній, по его собственнымъ словамъ, скитаясь въ иноческомъ одѣяніи по обителямъ, успѣлъ изучить грамматику и „священную ѳилосоѳію", т.-е. діалектику. Въ монастырѣ онъ основательно изучилъ риторику и языки латинскій и греческій. Эти занятія скоро обратили вниманіе на него, и когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, 24-го октября 1615 г., впервые вызвалъ въ Москву лицъ, способныхъ заняться исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ, то въ числѣ приглашенныхъ справщиковъ—лаврскаго библіотекаря Антонія Крылова и священника подмонастырскаго села Клементьева, Ивана Насѣдкина, оказался также и Арсеній, бывшій въ то время монастырскимъ кононархомъ. Они неохотно шли на это дѣло, зная, что сколько-нибудь добросовѣстное исправленіе богослужебныхъ книгъ отъ „тьмочисленныхъ неисправностей" возстановитъ противъ нихъ множество лицъ, прикосновенныхъ къ печатанію прежнихъ

книгъ. Антоній Крыловъ, какъ болѣе опытный, тотчасъ отказался ѣхать въ Москву за болѣзнью. Тогда Арсенію и Насѣдкину поручено было исправить книгу „Потребникъ“, но они, выражаясь ихъ словами, сознавали, что всякое исправленіе „простымъ людемъ будетъ смутно“. Чтобы отдѣлаться отъ отвѣтственной работы, Арсеній подалъ въ царскій приказъ отзывъ, что „у тое книги Потребника быти имъ не мочно безъ настоятеля отъ власти“, а безъ сличенія различныхъ списковъ нельзя приступить къ дѣлу. Кромѣ того, представлялъ онъ, въ Потребникѣ всѣ чиноположенія священническія, а онъ не имѣетъ сана священства. Чтобы окончательно уклониться отъ сдѣланнаго ему предложенія, онъ привелъ въ своей челобитной такой аргументъ, что онъ „ни попъ, ни дьяконъ“, а исправлялись все „потребы поповскія“. Насѣдкинъ билъ челомъ о своемъ желаніи быть поближе къ дому, гдѣ остались жена и дѣти. Поэтому они просили, чтобы книгу отослали архимандриту Сергіевской лавры Діонисію. По ходатайству Бориса Михайловича Салтыкова, покровительствовавшаго Арсенію, царь такъ и распорядился. 8-го ноября 1616 г. исправленіе „Потребника“ поручено было преподобному Діонисію, а Арсеній, Антоній Крыловъ, іеродіаконъ Закхей и священникъ Насѣдкинъ были назначены ему въ помощники. Приступивъ къ разсмотрѣнію Потребника изданія 1602 г., они, какъ пишетъ Арсеній въ своемъ посланіи къ боярину Б. М. Салтыкову, надъ этой работой „безо всякія хитрости сидѣли полтора года, день и ночь“. При отправленіи изъ Москвы справщиковъ, царь распорядился дать имъ три списка и наказывалъ исправлять книги согласно съ свидѣтельствами священныхъ книгъ, какъ вразумитъ и научитъ св. Духъ. „Я нищій чернецъ,— писалъ Арсеній боярину Салтыкову, — говорилъ архимандриту Діонисію на всякъ день: откажи дѣло государю, не сдѣлати вамъ того дѣла въ монастырѣ безъ митрополичьяго совѣта, а привеземъ книгу изчерня къ Москвѣ“. Но Діонисій, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ честолюбиваго Ивана Насѣдкина, настоялъ на своемъ и принялся за дѣло. Цѣлые 20 списковъ сличали они и слѣдили не только за буквой текста, но и за смысломъ. При повѣркахъ справщики открыли измѣненія, прибавленія и неправильности въ Цвѣтной Тріоди, Октоихѣ, въ Псалтири, Каноникѣ, въ общей и мѣсячной Минеяхъ, и по исчисленіи ихъ добавляютъ, что они открыли въ печатныхъ книгахъ „многи тмочисленныя описи въ точкахъ и въ запятыхъ и въ накончаніяхъ“. Наиболѣе ошибокъ и погрѣшностей найдено было въ церковномъ уставѣ 1610 г., напечатанномъ подъ наблюденіемъ надменнаго головщика Сергіевой лавры, Логгина. Предчувствія Арсенія относительно предстоящаго имъ мщенія со стороны лицъ, виновныхъ въ неисправномъ печатаніи книгъ, не замедлили осуществиться. Когда, лѣтомъ 1618 г., Діонисій отвезъ въ Москву исправленный текстъ Потребника, то патріархъ Іона, завѣдывавшій патріаршимъ престоломъ вмѣсто томившагося въ плѣну у поляковъ Филарета, первый ополчился на злополучныхъ справщиковъ. Онъ созвалъ соборъ подъ предлогомъ обсужденія исправленій, въ дѣйствительности же для того, чтобы осудить справщиковъ. Самолюбивый патріархъ имѣлъ много причинъ питать враждебное чувство къ справщикамъ: во-первыхъ, исправленіе книгъ велось ими не подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, а въ Троицкой лаврѣ. Іона, кромѣ того, былъ очень оскорбленъ тѣмъ, что справщики нашли ошибки въ книгахъ, изданныхъ при немъ. Главными обвинителями справщиковъ на соборѣ явились старый уставщикъ Филаретъ, ризничій дьяконъ Маркеллъ и упомянутый выше головщикъ Логгинъ, бывшій въ 1610 году справщикомъ при типографіи. Особенное негодованіе обвинителей вызвало то, что въ молитвѣ на день Богоявленія Господня, которая въ прежнемъ Потребникѣ кончалась словами „самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ *и огнемъ*“, справщики опустили слова „*и огнемъ*“. Напрасно Діонисій и его товарищи доказывали, что они „марали концы“ правильно, что слова „*и огнемъ*“ произвольно внесены прежними справщиками, что, кромѣ двухъ русскихъ списковъ, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ греческихъ и славянскихъ списковъ Потребника, которымъ они пользовались для сличенія, этой прибавки нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, ихъ осудили и подвергли цѣлому ряду мученій. Арсенія истязали въ Вознесенскомъ монастырѣ, а затѣмъ цѣлый годъ

держали въ тяжкомъ заключеніи на кирилловскомъ подворьѣ. Изъ послѣдняго мѣста заключенія онъ написалъ два посланія, одно боярину Салтыкову, другое Лукьяновичу, въ которыхъ яркими красками изобразилъ невѣжество современнаго ему духовенства. „Не знаютъ-де они,— писалъ онъ Салтыкову, — ни православія, ни кривославія, точію на едину строку зрятъ, божественныя писанія по черпилу проходятъ, разума же сихъ не пудятся свѣдѣти". Сидя на кирилловскомъ подворьѣ, Арсеній писалъ челобитныя, въ которыхъ пытался оправдать себя и товарищей. „Наше дѣло въ міръ не пошло,— писалъ онъ,—ни царской казнѣ какой проторъ сдѣлало; если что не добро, ино дѣло на сторону; довольно наказанія для трудившихся по принужденію, а не по разуму и того, что ихъ лишаютъ награды за трудъ". Но всѣ эти челобитныя не доходили по назначенію: ихъ не читали. Арсеній высидѣлъ на кирилловскомъ подворьѣ 9 мѣсяцевъ въ оковахъ, содержался въ одной свиткѣ и часто подолгу оставался безъ куска хлѣба. Страданіямъ Арсенія и его сотоварищей положилъ конецъ своимъ энергичнымъ заступничествомъ прибывшій въ началѣ іюля 1619 г. въ Москву іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. По его ходатайству, справщиковъ освободили. Арсеній окончательно восторжествовалъ съ возвращеніемъ изъ польскаго плѣна Филарета. Этотъ просвѣщенный патріархъ, убѣдившись по древнимъ греческимъ книгамъ въ правотѣ дѣла справщиковъ, приказалъ исключить изъ Требника 1625 г. слова *„и огнемъ"*, которыя уже успѣли ввести, благодаря, главнымъ образомъ, Антонію Подольскому, находившему глубокій смыслъ въ этомъ словѣ. Послѣ своего освобожденія Арсеній много лѣтъ работалъ на Печатномъ дворѣ, гдѣ былъ приставленъ къ книжному дѣлу.

Митроп. Евгеній: «Слов. ист. о бывш. въ Рос. пис. дух. чина» ч. I, 1818, стр. 39.—Филаретъ: «Обзоръ рус. дух. литер.», книга первая, стр. 219. — Н. Аристовъ: статья въ «Энц. сл., изд. рус. уч. и лит.», т. V, стр. 455—457. (Настойчиво, по ошибочно считаетъ Арс. гл. основателемъ греко-латинской школы, вмѣсто Арсенія Грека).—Макарій: «Ист. русск. церкви», т X, стр. 75 — 94 и т. XI, стр. 10—14.— Смирновъ: «Ист. моск. греко-славянской академіи», стр. 4 и 5.—Казанскій: «Исправленіе книгъ при Филаретѣ» (въ «Чтеніяхъ въ общ. древн.», т. VIII.— В. Вишневскій: статья въ «Правосл. Собес.» 1882 г., февраль и мартъ.—С. Венгеровъ: «Крит. біогр. словарь», т. I. стр. 754—756. — С. Бѣлокуровъ, статья въ «Чтеніяхъ люб. общ. дух. просвѣщенія», апрѣль, 1888 г. —И. Е. Андреевскій, «Энц. словарь», т. II, стр. 170—171.

Арсеній Грекъ, іеромонахъ, переводчикъ греческихъ и латинскихъ книгъ и учитель греко-латинской школы, род. около 1610 г. по однимъ источникамъ въ Солуни, а по его собственнымъ словамъ въ турецкомъ городѣ Трикалѣ. Когда ему минуло 14 лѣтъ, старшій его братъ, архимандритъ Аѳанасій, по обычаю грековъ того времени, отвезъ его въ Венецію, для обученія грамматикѣ, а оттуда въ Римъ. Здѣсь Арсеній, по его собственнымъ показаніямъ, даннымъ впослѣдствіи кн. Н. И. Одоевскому въ Москвѣ, учился „Омирову и аристотелеву ученію и седьми соборамъ". Когда дѣло дошло до 8 и 9 собора, и отъ него, по римскому обычаю, потребовали клятву, что онъ приметъ римскую вѣру, такъ какъ иначе „того ученія никому не открываютъ и учить не велятъ", то онъ, во избѣжаніе непріятностей со стороны католическаго духовенства, прикинулся больнымъ и уѣхалъ изъ Рима. Впослѣдствіи, однако, находясь въ ссылкѣ въ Соловкахъ, Арсеній сознался, что во время пребыванія въ столицѣ папы онъ въ дѣйствительности перемѣнялъ вѣру, потому что иначе его бы не приняли въ римское училище. Позднѣе онъ три года обучался въ Падуанскомъ университетѣ философскимъ и врачебнымъ наукамъ. Вернувшись на родину и замѣтивъ, что братья заподозрили его въ отступничествѣ отъ православія во время пребыванія въ Римѣ, онъ торжественно проклялъ папскую вѣру и затѣмъ, 23 лѣтъ отъ роду, принялъ монашество. Пробывъ нѣкоторое время игуменомъ въ монастырѣ на островѣ Кяфѣ, онъ жилъ затѣмъ у воеводъ валахскаго Матвѣя и молдавскаго Василія. Пробывъ у послѣдняго два года, онъ рѣшилъ отправиться въ Кіевскую академію, пользовавшуюся въ то время громкою славою, какъ разсадникъ славянскаго образованія; но въ Львовѣ онъ узналъ, что въ академію не принимаютъ безъ разрѣшенія польскаго короля. Отправившись въ Варшаву, онъ былъ допущенъ къ королю, котораго вылѣчилъ отъ каменной болѣзни, за что получилъ грамоту къ кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову. Въ Кіевѣ Арсеній встрѣтился съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, которому

очень понравился своимъ умомъ и весьма разностороннимъ образованіемъ. Патріархъ взялъ его съ собою въ Москву, куда они прибыли 26-го января 1649 г. Въ Москвѣ Паисій расхвалилъ его предъ всѣми и на все время своего пребыванія въ столицѣ зачислилъ въ штатъ своей патріаршей свиты, такъ что молодой грекъ, какъ „патріаршій уставщикъ“, наравнѣ съ прочими членами, получилъ на прощальной аудіенціи, данной царемъ патріарху, „царское жалованье“. Съ отъѣздомъ Паисія, Арсеній, „яко многимъ языкомъ искусный“, по приглашенію царя Алексѣя Михайловича, занялся было учительствомъ, но вскорѣ одно обстоятельство неожиданно прервало его педагогическую дѣятельность. На обратномъ пути черезъ Кіевъ и Валахію патріархъ Паисій узналъ отъ тамошняго населенія такіе нелестные для репутаціи рекомендованнаго имъ русскому правительству грека отзывы, что счелъ своимъ долгомъ съ дороги сообщить объ этомъ въ Москву. „Еще да будетъ вѣдомо тебѣ, благочестивый царь, про Арсенія,—доносилъ патріархъ со словъ малороссовъ и валаховъ,—что онъ... прежде былъ инокомъ и священникомъ и сдѣлался бусурманомъ; потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и у нихъ обратился въ униата,—способенъ на всякое злое бездѣлие: испытайте его добрѣ и все это найдете...“ Въ свое оправданіе Паисій писалъ: „Я нашелъ его въ Кіевѣ и взялъ съ собою, а онъ не мой старецъ. Я того про него не вѣдалъ...“ Донесеніе патріарха обратило на себя вниманіе царя. Князю Н. И. Одоевскому и думному дьяку М. Волошенинову велѣно было учинить допросъ Арсенію. Но онъ во всемъ запирался. „Католическаго сакрамента въ Римѣ не принималъ и не только въ басурманствѣ, но и въ уніатствѣ не былъ“. Энергически отрицая всѣ обвиненія, Арсеній, торжественно заявилъ, что „буде кто уличитъ его въ такомъ двойномъ отступничествѣ, тогда пусть царское величество велитъ снять съ него шкуру: милости въ томъ онъ, Арсеній, у государя не проситъ“. Однако, когда предубѣжденный противъ подсудимаго письмомъ патріарха князь Одоевскій пригрозилъ тѣлеснымъ осмотромъ, то Арсеній сознался, что онъ дѣйствительно былъ обасурманенъ, неволею, по впослѣдствіи принесъ покаяніе янинскому митрополиту и былъ имъ помазанъ мѵромъ. Сосланный по суду въ Соловки, онъ, впродолженіи трехъ лѣтъ, проведенныхъ тамъ, всячески старался расположить въ свою пользу монаховъ, которые отозвались о немъ весьма одобрительно. Помилованный царемъ, Арсеній вернулся въ Москву, гдѣ былъ обласканъ патріархомъ Никономъ, который отвелъ ему келію въ собственномъ домѣ, поручилъ ему завѣдываніе патріаршею библіотекою и назначилъ справщикомъ и переводчикомъ богослужебныхъ книгъ. Съ именемъ Арсенія Грека въ русской исторической литературѣ тѣсно связанъ вопросъ о томъ, кто былъ основателемъ первой греко-латинской школы въ Москвѣ. Существовали предположенія, что такая школа возникла еще до воцаренія Романовыхъ, затѣмъ, на основаніи свидѣтельства извѣстнаго путешественника Олеарія, по которому школа была учреждена подъ надзоромъ грека Арсенія, митрополитъ Евгеній и вслѣдъ за нимъ авторъ „Исторіи Московской славяно-греко-латинской академіи“, Смирновъ приписали заслугу основанія училища Арсенію Греку. Но Филаретъ, архіепископъ черниговскій, не ознакомившись достаточно внимательно съ книгою Олеарія и основываясь на томъ, что послѣдній посѣтилъ Россію въ 1634 г., а Арсеній Грекъ—въ 1649 г., вывелъ неудачное заключеніе, что Олеарій подразумѣвалъ Арсенія Глухого. Упуская вовсе изъ виду, что Олеарій ясно говоритъ о грекѣ Арсеніи, тогда какъ Арсеній Глухой былъ русскій, Аристовъ, а за нимъ митрополитъ Макарій въ своей „Исторіи русской церкви“ присоединились къ мнѣнію Филарета. А. В. Горскій считалъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Евгеніемъ, Арсенія Грека Олеарія и Арсенія Грека временъ Никона за одно и то же лицо; С. М. Соловьевъ повторяетъ грубую ошибку Филарета; Мирковичъ допускаетъ существованіе двухъ Арсеніевъ грековъ. Свѣточемъ въ этомъ лабиринтѣ догадокъ служитъ недавнее изслѣдованіе С. А. Бѣлокурова, доказавшаго, что свѣдѣнія о греко-латинской школѣ являются въ книгѣ Олеарія позднѣйшимъ третьимъ дополненіемъ, что школа открыта около 1653 г. и, наконецъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя Олеаріемъ, относятся именно къ Арсенію Греку, который былъ „дидаскаломъ“ первой греко-латинской школы, заведенной при Никонѣ. Не менѣе загадочнымъ, чѣмъ заслуги и значеніе Арсенія

Грека въ исторіи русскаго просвѣщенія въ патріаршемъ періодѣ является сама личность его, которая при ближайшемъ знакомствѣ представляется мало привлекательною. Арсеній несомнѣнно былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ представителей греческой народности своего времени, но это былъ человѣкъ съ крайне гибкими убѣжденіями и совѣстью. Помимо легкости, съ какою онъ мѣнялъ свои религіозныя убѣжденія, рабской угодливости предъ власть имущими и предъ соловецкими монахами, помимо склонности ко лживымъ показаніямъ въ пользу себя и во вредъ ближнимъ, онъ не задумался перейти на сторону враговъ патріарха Никона, когда тотъ потерялъ власть и не могъ уже болѣе съ прежнею щедростью оказывать ему милости. Въ народѣ и преимущественно среди старообрядцевъ и раскольниковъ недаромъ сложилось про него мнѣніе, что онъ „волхвъ, еретикъ, звѣздочетецъ, исполненъ скверны и смрада езувитскихъ ересей“. Дѣятельность его въ исправленіи книгъ и занятія переводами, какъ и довѣріе, оказываемое Никономъ, возбудили ненависть къ нему въ московскомъ духовенствѣ. Въ 1654 г. протопопъ Нероповъ писалъ изъ заточенія царю о немъ: „отнюдь не дерзати св. книгъ таковымъ переводити, ниже вручити, яко же оный лукавый чернецъ Арсеній грекъ, о немъ же патріархъ іерусалимскій Паисій писалъ къ тебѣ изъ Путивля; а нынѣ онъ, Арсеній, взятъ къ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ келіи, да и его свидѣтеля врага поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. чудотворцевъ свидѣтельствъ отметаетъ. Охъ! увы! благочестивый царю! стани добръ, вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ,—иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай“. Настоящее прозвище Арсенія осталось неизвѣстнымъ. По мнѣнію Бѣлокурова, онъ былъ прозванъ Грекомъ изъ желанія отличить его отъ другихъ дѣятелей Арсеніевъ, бывшихъ въ то время въ Москвѣ,—кіевлянина Арсенія Сатановскаго и Арсенія Суханова. Онъ былъ оставленъ въ Москвѣ, главнымъ образомъ, „для риторскаго ученія“ и хотя занимался этимъ дѣломъ еще до ссылки въ Соловки, но развилъ вполнѣ свою педагогическую дѣятельность по возвращеніи оттуда. Судя по сохранившимся документамъ, Арсеній съ 1662 по 1666 г., находился вторично въ ссылкѣ въ Соловкахъ. Помимо „риторскаго ученія“, на него было возложено книжное дѣло. Онъ перевелъ слѣдующія три греческихъ сочиненія: 1) „Скрыжаль“, соч. инока Іоанна Наѳанаила, заключающее толкованіе литургіи и другихъ церковныхъ обрядовъ. Знаменитый подлинникъ былъ присланъ патріархомъ Паисіемъ въ 1653 г., а переводъ съ предисловіемъ Епифанія Славинецкаго напечатанъ въ 1655 году. 2) „Анѳологіонъ, сі есть цвѣтословіе: страдальчества и мученія великомученицы Екатерины и святого великомученика Ѳеодора Стратилата, и житіе святаго и преподобнаго Алексіа человѣка Божіа“. Эта книга издана была въ Москвѣ въ 1660 г. Въ ней, кромѣ того, имѣются „Четверостройчія Григоріа Богослова“ съ „главизнами Максіма Исповѣдника о любви“. Митрополитъ Евгеній ошибочно приписалъ переводъ „Анѳологіона“ Арсенію Сатановскому. 3) „Книга историчная или хронографъ, сирѣчь лѣтописецъ. Собрана убо древле отъ различныхъ опасныхъ исторій вкратцѣ и отъ еллинскаго языка на общій, сіи рѣчь на греческій, преведеся отъ преосвященнѣйшаго митрополита монемвасійскаго киръ Дорофея“. Переводъ „Хронографа“ законченъ и приготовленъ къ изданію въ 1665 г.; онъ остался, однако, ненапечатаннымъ, несмотря на то, что былъ данъ отъ царя приказъ о напечатаніи его для распространенія въ духовенствѣ истинныхъ понятій о происшествіяхъ міра и въ опровержение апокрифическихъ сказаній. Подлинникъ хранится въ рукописи въ Московской синодальной библіотекѣ. Вмѣстѣ съ Славинецкимъ Арсеній составилъ также славено-латинскій лексиконъ. Онъ же изобрѣлъ особый почеркъ или азбуку, которая нынѣ хранится въ Московской типографической библіотекѣ и называется „арсеніевской азбукой“. Вообще, какъ ученый, Арсеній не мало сдѣлалъ для русской литературы, хотя труды его до сихъ поръ не нашли себѣ безпристрастной критической оцѣнки, вслѣдствіе крайней сбивчивости свѣдѣній, имѣвшихся о нихъ до послѣдняго времени.

Митроп. Евгеній: «Слов. ист. о бывш. въ Росс. писат. дух. чина», ч. I, 1818 г., стр. 41—42.—Филаретъ: «Обзоръ русской дух. лит.», кн. I, стр. 239—240. — Его же: «Ист. русской церкви», изд. 1862 г., т. IV, стр. 104.—А. В. Горскій: «Творенія св. отцевъ (статья «О духов-

ныхъ училищахъ» въ «Прибавленіяхъ»), т. III, стр. 154—156.—С. К. Смирновъ: «Ист. моск. славяно-греко-латинской академіи», 1855 г., стр. 145—147.—С. М. Соловьевъ: «Ист. Росс. съ древн. временъ», т. IX, стр. 457, Моск. 1859 г. — П. Знаменскій: «Руков. къ русск. церк. исторіи», Казань, 1870 г., стр. 252—296.—Гр. Мирковичъ: «О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ» въ «Ж. М. Н. Пр.» за 1878 г., іюнь, стр. 1—62.—Макарій: «Ист. рус. церк.», т. XII, стр. 155—165.—Н. Аристовъ: ст. въ «Энц. сл., сост. русск. уч. и литер.» т. V, стр. 457 — 459. — Н. Каптеревъ: «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку» (Москва, 1885 г., стр. 207 — 217) и «Слѣдственное дѣло объ Арсеніи Грекѣ» въ «Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. просв.», 1881 г., іюль, стр. 70—96.—В. Колосовъ: статья объ Арсеніи Грекѣ въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1881 г., сентябрь, стр. 77—93.—И. Е. Забѣлинъ «Первое водвореніе въ Москвѣ греко-латинской и общей европейской науки» въ «Чтеніяхъ въ общ. исторіи и древн. россійскихъ», 1886 г., кн. IV, стр. 1—24.—Н. И. Субботинъ: «Матеріалы для исторіи раскола», т. I, стр. 150—151, т. III, стр. 273 — 274, т. VI, стр. 16—36.—Н. С. Тихонравовъ: «Лѣтописи русск. литер.», т. III, стр. 162; т. V, вып. 1, стр. 127.—«Прав. Соб.» 1858 г., ноябрь, стр. 328—353.—С. А. Венгеровъ: «Крит.-біогр. слов. рус. пис. и уч.», т. I, стр. 757—762. С. А. Бѣлокуровъ: «Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ XVII столѣтіи», въ «Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. просвѣщенія», 1888 г., апрѣль, стр. 357—397.—А. Ѳ. Бычковъ: «Древняя и Новая Россія», 1878 г. № 1. — Румянцевъ, В. Е. «Древнія зданія Москов. печатн. двора» (Труды Моск. Археолог. Общ.), стр. 33, прим. 69.

Л. Вейнбергъ.

Арсеній (*Сатановскій*), кіевскій ученый монахъ, вызванный въ 1649 (по Соловьеву — въ 1650 г.) въ Москву вмѣстѣ съ Епифаніемъ Славинецкимъ для перевода Библіи греческой на славянскую рѣчь и для риторскаго ученія. Онъ воспитывался въ Кіевской академіи и впослѣдствіи былъ іеромонахомъ кіево-братскаго монастыря. Вызванный въ Москву, онъ поселился въ Спасо-Преображенской пустыни, устроенной бояриномъ Ртищевымъ въ окрестностяхъ города, а потомъ жилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ. Участіе Арсенія Сатановскаго въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и въ переводѣ Библіи греческой представляется нѣсколько загадочнымъ. Съ этою дѣятельностью тѣсно связаны имена четырехъ Арсеніевъ: Глухого, Грека, Суханова и Сатановскаго. Между тѣмъ, въ дѣлахъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Н. Каптеревымъ найдена челобитная Сатановскаго, изъ которой видно, что послѣдній греческимъ языкомъ не владѣлъ: „здѣ азъ,— пишетъ о себѣ Сатановскій, — уже мало потребный къ исправленію библіи, понеже азъ призванъ по сугубой твоего царскаго пресвѣтлаго величества грамотѣ, уже нині старцы разсмотряютъ и труждаются, *азъ бо по гречески не умѣю*". Вслѣдствіе незнанія о незнакомствѣ Сатановскаго съ греческимъ языкомъ, митрополитъ Евгеній, а за нимъ и другіе историки, приписали ему переводные труды, въ дѣйствительности принадлежавшіе Арсенію Греку и другимъ, какъ, напримѣръ, изданную въ 1660 г. книгу „Анѳологіонъ", „О чинахъ Царства Греческаго и Великія Церкви Константинопольскія" Кодина и другія. Ему, повидимому, можно приписать относящееся къ 1652 году и хранящееся въ Синодальной библіотекѣ сочиненіе „Зерцало духовное", представляющее собою передѣлку труда Іоанна Насѣдки подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изъ рукописныхъ переводовъ, хранящихся въ Синодальной библіотекѣ, Сатановскому, несомнѣнно, принадлежитъ переводъ съ латинскаго сочиненія Мафрета — большой сборникъ, подъ заглавіемъ „О градѣ Царскомъ", такъ какъ изъ приказныхъ дѣлъ Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ за 1652 г. видно, что Сатановскому за переводъ этой книги велѣно было давать по гривнѣ на день, вмѣсто прежнихъ четырехъ алтынъ. Вообще литературныя заслуги Сатановскаго не особенно значительны и не могутъ идти въ сравненіе съ заслугами остальныхъ трехъ Арсеніевъ.

Митр. Евгеній «Словарь духовн. писат.» стр. 55;—Арх. Филаретъ «Обзоръ» стр. 239;—Горскій и Новоструевъ «Опис. рукоп. синод. библіот.» отд. II, стр. 714—729;—Строевъ «Библіогр. общ. ист. и древн.» стр. 43;—Каптеревъ «Противники патріарха Никона». Москва, 1887 г., стр. 21;—С. А. Венгеровъ «Критико-біограф. словарь русск. писат. и ученыхъ» т. I, вып. 17, стр. 770—771;—Соловьевъ «Ист. Россіи съ древн. временъ», изд. Товарищ. «Общ. Польза», кн. 3-я, стр. 771—772.

Арсеній (*Сухановъ*), іеромонахъ, строитель московскаго Богоявленскаго монастыря, принадлежавшаго Сергіевой лаврѣ, и келарь Троицко-Сергіева монастыря, род., какъ полагаютъ, около 1600 года въ с. Брусницынѣ, въ семьѣ мелкопомѣстнаго дворянина, испомѣщеннаго по городу Соловѣ, въ нынѣшней Тульской губ., Путилина Суханова; ум. въ Москвѣ 14-го августа 1668 года и погребенъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ. Молодой Антонъ Сухановъ, какъ звали въ мірѣ старца Арсенія, первона-

чальное образованіе получилъ дома, но затѣмъ, какъ полагаютъ, продолжалъ свое образованіе въ одной изъ школъ западнорусскихъ братствъ. На это предположеніе наводитъ тотъ фактъ, что Арсеній прекрасно владѣлъ языками греческимъ, польскимъ и латинскимъ, зналъ грамматику, реторику, діалектику, что̀ уже было совсѣмъ рѣдкимъ явленіемъ среди тогдашняго русскаго общества. Своему образованію онъ обязанъ тою выдающеюся ролью, которую игралъ въ исторіи русской церкви. Въ 1649 г., въ Москву прибылъ іерусалимскій патріархъ Паисій для сбора пожертвованій на украшеніе Гроба Господня. Замѣтивъ въ богослуженіи русскихъ нѣкоторыя отступленія отъ обрядовъ и чиновъ восточной церкви, онъ обратилъ на это вниманіе царя Алексѣя Михайловича и патріарха Іосифа. Было рѣшено для изученія вопроса на мѣстѣ послать на Востокъ вѣрнаго человѣка. Выборъ палъ на старца Арсенія, бывшаго тогда келаремъ Троицко-Сергіева монастыря. 10 іюня 1649 г., онъ вмѣстѣ съ Паисіемъ и іеродіакономъ Іоною отправился въ Константинополь, но, не доѣхавъ туда, дважды возвращался въ Москву, сперва изъ Яссъ, а затѣмъ, 8 декабря 1650 г., съ Аѳона, и подалъ въ Посольскій Приказъ свой статейный списокъ. Въ немъ онъ подробно изложилъ свѣдѣнія о своемъ путешествіи и пространныя пренія о вѣрѣ, какія онъ имѣлъ съ аѳонскими греками. Въ февралѣ 1651 года, Арсеній въ третій разъ отправился въ путешествіе на Востокъ; на этотъ разъ онъ ѣхалъ черезъ Греческій архипелагъ и Средиземное море, побывалъ на островахъ Хіосѣ и Родосѣ, посѣтилъ Египетъ, довольно долго побылъ въ Александріи, гдѣ предлагалъ многіе вопросы Іоаникію, патріарху александрійскому, касательно воззрѣній и обычаевъ церковныхъ; потомъ жилъ нѣкоторое время въ Іерусалимѣ, гдѣ горячо спорилъ съ патріархомъ Паисіемъ, и, побывавъ затѣмъ въ Константинополѣ, возвратился, въ іюнѣ 1653 г., въ Москву чрезъ Малую Азію и Кавказъ. Представленный имъ царю и патріарху отчетъ онъ назвалъ „Проскинитаріемъ“ или „Поклонникомъ“. Послѣдній состоитъ изъ трехъ частей: росписи о посольствѣ, статьи о градѣ Іерусалимѣ и чиновника или тактикона: „Како греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ“. Въ это время въ Москвѣ началось исправленіе церковныхъ книгъ; явилась необходимость въ возможно большемъ количествѣ древне-греческихъ рукописей и книгъ, такъ какъ число имѣвшихся въ Россіи оказалось слишкомъ недостаточнымъ для подобныхъ работъ. По совѣту Епифанія Славинецкаго и Арсенія Грека, патріархъ Никонъ послалъ въ 1654 г. Арсенія на Аѳонъ и Востокъ. Его снабдили „щедрою милостынею“, для раздачи кому слѣдовало, благодаря чему, Арсеній вывезъ съ Аѳона и изъ другихъ мѣстъ свыше 700 очень цѣнныхъ и рѣдкихъ рукописей (505 съ Аѳона и 200 изъ другихъ мѣстъ), составляющихъ нынѣ украшеніе московской синодальной библіотеки. Во время послѣдняго путешествія Арсеній вывезъ изъ Іерусалима, заказанную имъ по порученію Никона, модель большого іерусалимскаго храма Воскресенія Христова; по образцу этой модели, хранящейся нынѣ въ патріаршей палатѣ, Никонъ построилъ церковь Воскресенія Христова въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ. Возвратившись изъ этого путешествія въ Троицко-Сергіеву лавру въ январѣ 1665 г., Арсеній прожилъ еще около 2½ лѣтъ, принимая за это время близкое участіе въ дѣятельности московскаго Печатнаго Двора. Убѣжденный сторонникъ старомосковскаго богослуженія и противникъ Паисія и его приверженцевъ, онъ всегда и повсюду спорилъ съ греческимъ духовенствомъ и рѣзко обличалъ его. Взгляды Арсенія не всегда отличаются широтою и безпристрастностью, притомъ, для него второстепенная богослужебная обрядность имѣла такое же важное значеніе, какъ и основные догматы христіанства. Припоминая всѣ „отступленія“ грековъ, именно, что они въ крещеніи не погружаются, но обливаются и покропляются, съ еретиками вмѣстѣ молятся и святыни причащаются, не имѣютъ православныхъ книгъ, но принимаютъ еретическія и по нимъ „правятъ свое благочестіе“, авторъ „Преній“, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему-то считаетъ себя въ правѣ обвинять современныхъ ему грековъ въ такомъ подневольномъ грѣхѣ, какъ: „женъ и дѣтей ихъ емлютъ турки и неволею бусурманятъ“. Тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сочиненіяхъ Суханова находятся данныя по вопросу, имѣвшему столь важное значеніе въ XVII вѣкѣ, вопросу о томъ—сохранили-ли греки благочестіе или нѣтъ, объясняется причина, почему сочиненія Арсенія въ свое время и позднѣе пользова-

лись особымъ вниманіемъ, сперва со стороны противниковъ церковныхъ преобразованій Никона, а впослѣдствіи и со стороны старообрядцевъ. Среди послѣднихъ сочиненія Суханова вращаются доселѣ. „Пренія о вѣрѣ", какъ и „Проскинитарій", такъ ярко изображавшія глубокій упадокъ той самой греческой церкви, на примѣръ которой опирался патріархъ Никонъ, послужили надежною опорою сторонникамъ „старой вѣры". Впрочемъ, Никонъ не допустилъ ихъ распространенія въ народѣ въ первоначальномъ видѣ, и сочиненія Суханова подверглись значительному сокращенію; тѣмъ не менѣе, „Пренія" и „Проскинитарій" разошлись въ огромномъ количествѣ, первыя исключительно между раскольниками, а „Проскинитарій", кромѣ того, и среди православныхъ. Въ первый разъ „Проскинитарій" появился въ печати, въ извлеченіи, во II томѣ „Сказаній русскаго народа" Сахарова, а въ полномъ видѣ изданъ въ 1870 г. проф. Ивановскимъ въ Казани. Въ 1866 г., появились въ „Православномъ Обозрѣніи", въ полномъ видѣ „Вопросы", предложенные Арсеніемъ александрійскому патріарху, а „Пренія" его напечатаны въ №№ 11—12 „Христ. Чтенія" за 1883 г.; наконецъ въ 1891 году появилась весьма обстоятельная біографія Арсенія, изданная С. Бѣлокуровымъ, а въ 1894 г., часть вторая того же труда, заключающая сочиненія Суханова.

Макарій, «Ист. рус. церкви», т. XI, стр. 141—162; Филаретъ, «Обзоръ», стр. 229; Евгеній, «Словарь ист. о бывш. въ Россіи пис. дух. чина», ч. I, стр. 50; В. Верещагинъ, «Древніе русск. путешественники (въ «Лучахъ»), 1850, № 12, стр. 827; Березинъ, «Русск. энц. словарь», т. II, стр. 242; Венгеровъ: «Критико-біогр. словарь», вып. 17, стр. 771—774; «Энц. словарь, изд. русск. уч. и литераторами», статья Н. Аристова; «Правосл. Обозрѣніе», 1867, №№ 9-12; «Временникъ», изд. Общ. ист. и древн., ч. XVI, стр. 117—131; Ивановскій, предисловіе къ изд. имъ «Проскинитарію»; Соловьевъ: «Ист. Россіи съ др. временъ (изд. «Общ. Пользы»), т. III, стр. 203, 211; т. II, 1725—1726; «Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи», 1868, вып. IV, стр. 62; С. Бѣлокуровъ: «Арсеній Сухановъ», ч. I, 1891 (Біографія А. С.) и ч. II, 1894 (Сочиненія А. С.).—Строевъ, «Библіологическій словарь».

Л. Вейнбергъ.

Арсеній, первый архіепископъ ярославскій, до постриженія Василій Ивановичъ *Верещагинъ*, сынъ священника, род. 27-го января 1736 г., въ г. Кашинѣ, Тверской губ., ум. 23-го декабря 1799 г. въ С.-Петербургѣ и погребенъ, согласно завѣщанію, въ Троицкомъ калязинскомъ монастырѣ. Получивъ образованіе сначала въ Тверской и Троицкой семинаріяхъ, а затѣмъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, Василій Верещагинъ, въ 1761 г., былъ опредѣленъ учителемъ реторики въ Тверскую семинарію, а въ декабрѣ 1766 г. здѣсь же назначенъ префектомъ. 19-го февраля 1767 г. онъ принялъ монашество, съ именемъ Арсенія, на другой день рукоположенъ во іеродіакона, а 21-го апрѣля—во іеромонаха и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ настоятелемъ Николомалицкаго монастыря. Въ слѣдующемъ году, 15-го октября, онъ утвержденъ былъ въ званіи ректора и учителя богословія и посвященъ въ санъ архимандрита тверского Отроча монастыря, откуда (10-го августа 1771 г.) переведенъ въ Троицкій Калязинъ монастырь, съ оставленіемъ въ должности ректора. Во все время управленія семинаріей архим. Арсеній отличался любовью къ ученикамъ и заботливостью объ ихъ матеріальномъ благосостояніи и умственномъ развитіи, что ясно выразилось въ сохранившейся въ семинаріи инструкціи, которую онъ составилъ для воспитанниковъ, и сущность которой заключается въ стремленіи развить въ ученикахъ сознаніе своего человѣческаго достоинства и этимъ остановить ихъ отъ дурныхъ поступковъ, не прибѣгая къ суровымъ мѣрамъ наказанія, существовавшимъ въ прежнее время. 22-го декабря 1773 г. архим. Арсеній былъ рукоположенъ во епископа архангелогородскаго; чинъ посвященія былъ совершенъ въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ присутствіи Императрицы Екатерины II. Архангелогородскую каѳедру Арсеній занималъ всего съ небольшимъ годъ. 1-го апрѣля 1775 г. онъ былъ переведенъ въ тверскую епархію, которою и управлялъ восемь лѣтъ. Его назначеніе на тверскую каѳедру было встрѣчено въ Твери съ глубокою радостью, въ особенности въ средѣ учащихъ и учащихся Тверской семинаріи, гдѣ еще свѣжо было въ памяти время его ректорства. Онъ вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды и сдѣлалъ для семинаріи больше, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. При немъ былъ, между прочимъ, выстроенъ и открытъ новый домъ для семинаріи, на избранномъ имъ мѣстѣ, въ центрѣ стараго тверского кремля. Среди хлопотъ о построеніи дома для семинаріи, преосвященный не менѣе

заботился и о внутреннемъ ея благоустройствѣ. Такъ какъ число учащихся въ это время значительно возрасло, а денежныя средства остались тѣ же, то епископъ Арсеній, насколько могъ, восполнялъ недостатокъ изъ своихъ личныхъ средствъ. Къ этому же времени относится введеніе преподаванія въ семинаріи, вмѣсто латинскаго, на русскомъ языкѣ; есть основанія предполагать, что имъ же введены въ кругъ семинарскаго преподаванія физика и гражданская исторія. Любовь семинаристовъ къ своему архипастырю выразилась въ массѣ одъ, рѣчей и стихотвореній, написанныхъ въ честь его и хранящихся въ рукописяхъ семинарской библіотеки. Нѣсколько портретовъ его сохранились въ семинаріи и до настоящаго времени. 22-го сентября 1783 г. преосвященный Арсеній перемѣщенъ былъ въ Ростовъ и здѣсь (22-го марта 1785 г.) возведенъ въ санъ архіепископа. Съ открытіемъ, въ 1788 г., архіерейской каѳедры въ Ярославлѣ архіепископъ Арсеній и его преемники стали именоваться архіепископами ярославскими и ростовскими. 8-го ноября 1797 г. онъ былъ назначенъ членомъ Св. Синода. Будучи знатокомъ греческаго языка, преосвященный Арсеній исправилъ и издалъ въ 1772 г., въ 2-хъ частяхъ, славянскій переводъ бесѣдъ Златоустовыхъ о покаяніи и на нѣкоторые господскіе праздники, сдѣланный игуменомъ Софроніемъ Младеновичемъ. Изъ рѣчей его, часто имъ произносимыхъ, напечатаны: „Слово о истинной славѣ въ день тезоименитства Императрицы Екатерины II", М., 1779 г.; „Слово при начатіи выборовъ въ новыя должности, на основаніи высочайшихъ учрежденій", Тверь, 1781 г. Въ 1791 г. на его средства изданы „Оды, разговоры, надписи, канты, сочиненныя и говоренныя въ разныя времена въ Ярославлѣ". Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится часть автобіографическихъ записокъ его. Архіепископъ тверской Савва издалъ въ 1893 г. „Сборникъ писемъ духовныхъ лицъ XVIII вѣка къ преосвященному Арсенію Верещагину".

В. Колосовъ, «Исторія Тверской дух. семин.» стр. 145—146, Тверь, 1889 г.—«Столѣтіе яросл. архіер. каѳедры и первый яросл. архіеп. Арсеній», М., 1887 г.—А. А. Титовъ, «Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ» (XCIV вып. изд. Общ. любит. древн. письмен., 1890 г., стр. 24 и примѣч. 61).—Іером. Владиміръ, «Ярослав. Спасопреображенскій монастырь», М., 1881.—Чередѣевъ, «Біогр. тверскихъ іерарховъ», 135—138.—Филаретъ, «Обзоръ», II, 141.—Чистовичъ, «Исторія Спб. дух. акад.», 38.—«Іерархи ростовско-яросл. паствы», 1864 г., 261—267.—Геннади, «Словарь», 14.—Митр. Евгеній, «Списокъ дух. писателей», I, 57.—Въ «Русскомъ Архивѣ» (1864 г., стр. 613—620) помѣщены «Письма дух. особъ прошлаго вѣка къ преосв. Арсенію».

Арсеній (*Берло*), епископъ переяславльскій и бориспольскій, ум. 6-го іюня 1744 г. Первоначально былъ въ Кіевѣ архидіакономъ; 1-го іюня 1722 г. назначенъ архимандритомъ кіево-межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; 30-го января 1730 г. хиротонисанъ во епископа могилевскаго. 28-го января 1733 г. переведенъ на переяславльскую каѳедру съ порученіемъ быть коадъюторомъ кіевской епархіи, отъ каковой обязанности, впрочемъ, былъ освобожденъ въ августѣ того же года. 30-го сентября 1735 г. назначенъ на каѳедру бѣлгородскую, но не поѣхалъ туда и остался въ Переяславлѣ до самой кончины. Польскіе короли Августы II и III не согласились выдать ему привиллегію на могилевскую епархію, такъ какъ онъ „происходилъ изъ незнатнаго дворянства".

Дѣла архива Св. Синода.

Арсеній (*Костюринъ*), архіепископъ воронежскій, изъ великороссійскихъ дворянъ, род. около 1637 г., ум. 18-го іюля 1712 г. Съ 1684 г. архимандритъ ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; въ 1687 г. переведенъ въ московскій Спасо-Андроніевъ монастырь, а отсюда, 12-го февраля 1692 г., въ Чудовъ. 2-го іюля 1704 г. хиротонисанъ въ архіепископа воронежскаго. Погребенъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ Митрофаніевскаго монастыря, близъ свят. Митрофанія. Онъ былъ любимъ Императоромъ Петромъ и сопутствовалъ ему въ нѣкоторыхъ его походахъ.

П. Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 837.

Арсеній, митрополитъ ростовскій, до постриженія Александръ *Мацѣевичъ*, сынъ священника Спасской церкви въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, род. въ 1697 г., ум. въ Ревелѣ 28-го февраля 1772 г. Первоначальное образованіе получилъ заграницей и только въ 1715 г. вступилъ въ число студентовъ Кіевской академіи, но въ слѣдующемъ году ушелъ въ новгородъ-сѣверскій Спасо-Преображенскій монастырь, гдѣ принялъ монашество и рукоположенъ во іеродіакона.

въ 1718 г. Арсеній возвратился въ академію и, по окончаніи курса въ ней, въ 1723 г., оставленъ здѣсь проповѣдникомъ и посвященъ во іеромонаха. Въ 1728—1729 гг. Арсеній проживалъ на послушаніи въ Кіево-Печерской лаврѣ и черниговскомъ Ильинскомъ монастырѣ, а въ 1730 г. отправленъ въ Тобольскъ для проповѣданія слова Божія. По возвращеніи изъ Сибири, въ 1733 г., Арсеній посѣтилъ Соловецкую обитель, а въ 1734 г. назначенъ въ экспедицію для открытія морского пути въ Камчатку. Въ 1736 г., по секретному дѣлу, привезенъ изъ Пустозерска въ адмиралтействъ-коллегію, но признанъ невиновнымъ. Въ 1737 г., за болѣзнію, уволенъ отъ флотской службы и опредѣлено ему состоять при епископѣ вологодскомъ Амвросіи Юшкевичѣ. Въ 1738 г. Арсеній опредѣленъ соборнымъ іеромонахомъ синодальнаго дома для обученія ставленниковъ при членахъ Св. Синода и законоучителемъ гимназіи при Академіи Наукъ. 26-го марта 1741 г. состоялось назначеніе Арсенія митрополитомъ сибирскимъ; 28-го мая 1742 г. онъ переведенъ въ Ростовъ и назначенъ членомъ Синода; но присягу на это званіе не захотѣлъ принимать и, представившись въ Москвѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, отправился прямо въ Ростовъ. Новый митрополитъ ростовскій не могъ не обратить вниманія на сильное распространеніе въ его паствѣ раскола, къ искорененію котораго мѣстное духовенство не принимало должныхъ мѣръ. Прежде всего слѣдовало позаботиться о распространеніи образованія среди духовенства. Такъ какъ въ Ростовѣ существовала всего одна славяно-латинская школа, то Арсеній рѣшилъ самъ руководить священниками, чтобы подготовить ихъ для борьбы съ раскольниками. Понимая значеніе проповѣди въ дѣлѣ просвѣщенія заблудшихъ, удалившихся отъ единства православной церкви, Арсеній неустанно поучалъ паству въ храмѣ, привлекая множество слушателей. Въ 1747 г. Арсенію было повелѣно въ ярославскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ открыть славяно-латинскую семинарію. Въ 1752 г. Арсеній былъ обрадованъ открытіемъ мощей святителя Димитрія ростовскаго. При отобраніи церковныхъ имуществъ Арсеній подалъ рѣзкій протестъ, почему, 14-го марта 1763 г., былъ привезенъ на судъ Св. Синода, чрезъ мѣсяцъ лишенъ сана и отвезенъ сперва въ бѣлозерскій Ѳерапонтовъ, а потомъ въ Николо-Крельскій монастырь и, наконецъ, въ Анзерскій скитъ Соловецкаго монастыря. 4-го октября 1767 г. Арсеній лишенъ монашества и подъ именемъ Андрея Враля сосланъ въ „Камчадалы", въ Верхнеудинскій острогъ, но, доѣхавъ до Вологды, выслушалъ новый приговоръ, по которому долженъ былъ отправиться въ Ревельскую крѣпость, гдѣ и скончался. Погребенъ Арсеній на погостѣ церкви св. Николая въ Ревелѣ. Изъ сочиненій его, кромѣ проповѣдей, извѣстны: „Увѣщаніе" раскольнику, игумену Іоасафу, предложенное въ 1734 г., напечатано въ „Прав. Соб." 1861 г.; исправленное имъ „Ѳеофилактово обличеніе поморскимъ отвѣтамъ", М., 1745 г.; „Дополненіе обличенія отвѣтовъ раскольническихъ, пустосвятами выгорѣцкими 1723 г. предложенныхъ" („Прав. Соб.", 1861 г.); „Возраженіе на пасквиль лютеранскій, называемый молотокъ". Въ библіотекѣ ярославской семинаріи сохраняются 12 томовъ поученій Арсенія, которыхъ насчитывается до 217. Они были говорены въ періодъ времени отъ 1746—1761 г.

«Автобіографич. записка» (XVIII в., изд. Бартеневымъ, II, 361.—«Яросл. и Кіев. Епарх. Вѣд.», 1869 г.—Матеріалы для біографіи, перен. Арсенія, указы о немъ, дѣла его («День», 1862 г., №№ 15, 16, 19, 25, 1864 г., №№ 39—40); «Русск. Арх.», 1863 и 1866 гг.; «Чтен. въ Моск. общ. ист. и древн.», 1862 г., II, III, 1864 г., IV; «Сборн. русск. ист. общ.», т. VII.—Иконниковъ, «Арсеній Мацѣевичъ», «Русск. Стар.», 1879 г., тт. XXIV—XXVI.—П. Морошкинъ, «Арсеній Мацѣевичъ, митр. рост., въ ссылкѣ», «Русск. Стар.», 1885 г.—«Обзоръ литературы объ Арсеніи Мацѣевичѣ», его же, въ «Библіографѣ», 1886 г., №№ 2, 3 и 4.— Кромѣ того, были помѣщены небольшія статьи и замѣтки объ Арсеніи въ «Зрителѣ», 1862 г., № 23; «Совр. Лѣт.», 1862 г., №№ 32 и 49—50; «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1862 г.; «Русск. достопамятн.», 1862 г., вып. IV; «Русск. Библ.», т. XIX; «Русск. Стар.», 1876 г.; «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864 г., №№ 35—52, и 1868 г.: «Христ. Чт.», 1874 г.; «Чт. Моск. общ. ист.», 1862, 1864 и 1875 гг.; «Арханг. Губ. Вѣд.», 1875 г., №№ 24—26; «Русск. Стар.», 1878 г.; «Энциклоп. сл.» т. I, стр. 459 (ст. Пекарскаго).—Титовъ, «Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ».

Арсеній, іеромонахъ русскаго на Аѳонѣ Пантелеймонова монастыря, до постриженія *Александръ Ивановичъ Мининъ*, сынъ купца, род. въ августѣ 1823 г. въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губ., ум. 17-го ноября 1879 г. Образованіе получилъ въ

Мамадышскомъ уѣздномъ училищѣ и началъ службу съ управляющаго по откупамъ у Базилевскаго въ Петербургѣ, свободное же отъ занятій время употреблялъ преимущественно на усовершенствованіе своего образованія. Въ сороковыхъ годахъ онъ перешелъ бухгалтеромъ на золотые пріиски въ Енисейскъ, а въ концѣ августа 1857 года отправился на Аѳонъ и поступилъ въ число послушниковъ Пантелеймонова монастыря. Пройдя различныя послушанія, Мининъ 6-го марта 1859 года постригся въ монашество съ именемъ Арсенія, 8-го іюня 1861 г. рукоположенъ въ іеродіакона и 11-го іюня—въ іеромонаха, а 28-го августа 1862 г. онъ отправился для сбора пожертвованій на монастырь въ долгое путешествіе по Россіи съ св. частицами Животворящаго Древа, камня Гроба Господня, мощей св. Пантелеймона и др. угодниковъ и съ чудотворною иконою Тихвинской Божіей Матери. Съ 1867 г. привезенная съ Аѳона святыня пребывала въ Москвѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ, а въ 1870 г. построена тамъ часовня отъ Аѳонскаго монастыря; въ томъ же году о. Арсеній путешествовалъ въ Іерусалимъ. Отправляя въ Москвѣ службу при часовнѣ, о. Арсеній былъ въ то же время выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, апостоломъ безкорыстной, чистой любви, проповѣдующимъ ее и устнымъ словомъ, и чрезъ печать, и при помощи разнообразныхъ дѣлъ благотворенія. Сколько прошло чрезъ его руки пожертвованій на Аѳонъ, въ различныя благотворительныя общества, членомъ которыхъ онъ состоялъ, въ Японію, на Алтай, на постройку отдѣльныхъ церквей и проч.; сколько онъ издалъ назидательныхъ книжекъ для удовлетворенія духовныхъ нуждъ своихъ близкихъ. Въ 1873 г. Арсеній просилъ дозволенія возвратиться на Аѳонъ, но ему было поручено пріискать на Кавказѣ мѣсто для устройства иноческой обители. Плодомъ его поисковъ служитъ Ново-Аѳонская Симоно-Кананитская обитель въ Абхазіи, близъ Сухума. Въ 1875 г. онъ получилъ разрѣшеніе на устройство тамъ обители, а чрезъ годъ, при помощи благотворителей, устроилъ тамъ церковь, келіи и училище для мальчиковъ, съ цѣлью просвѣщенія свѣтомъ Христовымъ язычниковъ и магометанъ. Въ заботахъ объ устройствѣ новой обители, о. Арсеній не забывалъ и московской часовни. Постоянно разъѣзжая по Россіи, онъ былъ неутомимъ въ своей дѣятельности, но болѣзнь чрезъ годъ привела его къ могилѣ. Перечислимъ нѣкоторыя изданія, отчасти или и всецѣло принадлежащія перу о. Арсенія: 1) „Вѣра". М. 1868 г. „Описаніе знаменій и исцѣленій, благодатію Божіею бывшихъ въ разныхъ мѣстахъ въ 1863—1866 гг. отъ святыхъ мощей и части Животворящаго Древа Господня, принесенныхъ со св. Аѳонской горы изъ русскаго Пантелеймонова монастыря"; 2) „Единое на потребу". М. 1868 г.; 3) „Бесѣда о молитвѣ". М. 1866 г.; 4) „Маргаритъ, или избранныя душеспасительныя изреченія, руководящія къ вѣчному блаженству, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ бесѣдъ, относящихся исключительно къ женскимъ обителямъ". М. 1876 г.; 5) „Цвѣтникъ духовный, въ двухъ книгахъ"; 6) „Напоминаніе православнымъ христіанамъ о повиновеніи властямъ, выписанное изъ свящ. писанія"; 7) „Путеводитель въ святый градъ Іерусалимъ, къ Гробу Господню и прочимъ святымъ мѣстамъ Востока и на Синай, съ воспоминаніемъ страстей Христовыхъ и прочихъ знаменательныхъ событій, совершившихся на св. мѣстахъ". Кіевъ, 1872 г. 8) „Описаніе Аѳонской часовни и находящихся въ ней св. иконъ". М. 1878 г. Кромѣ того, Арсеній издалъ 7 выпусковъ „Душеполезныхъ Размышленій"; изданіе это, имъ основанное, продолжается и до настоящаго времени. Послѣ смерти о. Арсенія, напечатаны его письма къ разнымъ лицамъ.

«Русскаго на Аѳонѣ Пантелеймонова монастыря іеромонахъ Арсеній», брошюра, 3-е изд. М. 1890 г.

Арсеній, архимандритъ Успенскаго Святогорскаго монастыря, Харьковской губ., до постриженія Алексѣй *Митрофановъ*, сынъ купца, род. въ г. Ливнахъ, Орловской губ., ум. 12-го октября 1859 г. Рано почувствовавъ влеченіе къ иноческой жизни, онъ, однако, по требованію матери, до 1832 года, для поддержки семьи, занимался торговлею. Въ іюлѣ 1832 г. онъ отправился въ первое свое путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ и посѣтилъ Саровскую пустынь, Троице-Сергіеву лавру и Соловецкій монастырь, гдѣ прожилъ съ сентября 1832 г. до апрѣля 1833 г., исполняя различныя послушанія. Вернувшись домой, онъ снова долженъ былъ заняться торговлей. Осенью 1834 г. Митрофановъ поступилъ въ число послушниковъ Глин-

ской пустыни. Въ 1835 г. предпринялъ второе путешествіе на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Возвратившись въ Глинскую пустынь, Митрофановъ, 29-го іюня 1839 г., постригся въ монашество съ именемъ Арсенія, въ томъ же году рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1841 г.—въ іеромонаха. 21-го апрѣля 1844 г. Арсеній, съ 12-ю братіями Глинской пустыни, вызванъ былъ на настоятельство въ возобновляемый Святогорскій монастырь, съ званіемъ игумена. Въ 1850 г. возведенъ въ санъ архимандрита, и неусыпными заботами своими привелъ ввѣренную ему обитель въ цвѣтущее состояніе, какъ со стороны внѣшней—красотою зданій и хозяйственными заведеніями, такъ и со стороны внутренней, духовной—введеніемъ въ ней строгаго устава и всѣхъ чиноположеній Глинской пустыни. Послѣ него осталось въ рукописи „Подробное описаніе путешествій по св. мѣстамъ Россіи, Аѳона, Синая и Палестины, совершенныхъ въ 1832—1836 гг. Глинской Богородицкой пустыни послушникомъ Алексіемъ Митрофановымъ“.

«Душеполезное Чтеніе», 1869 г., № 4. — «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митроп. московскаго» (по указателю).

Арсеній, митрополитъ кіевскій, до постриженія Алексѣй *Могилянскій*, род. въ 1704 г., въ мѣстечкѣ Рѣшетиловкѣ, Полтавской губ., ум. 8-го іюня 1770 г. До 17-ти-лѣтняго возраста воспитывался дома, а затѣмъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, изъ которой перешелъ въ Харьковскій коллегіумъ. По окончаніи здѣсь курса, его взялъ къ себѣ въ 1739 г. бывшій его учитель и ректоръ коллегіума—Митрофанъ Слотвинскій, назначенный епископомъ въ Тверь, въ качествѣ учителя въ новооткрытую Тверскую семинарію, изъ которой Могилянскій, въ ноябрѣ 1741 г., переведенъ учителемъ въ Московскую академію. Въ слѣдующемъ году онъ принялъ монашество и въ октябрѣ 1742 г. назначенъ учителемъ и катихизаторомъ Троицкой лаврской семинаріи. Въ 1743 г., какъ выдающійся проповѣдникъ-ораторъ, Арсеній назначенъ въ придворные проповѣдники и заслужилъ вниманіе и уваженіе Императрицы Елизаветы Петровны и всего двора. 29-го января 1744 г. ему повелѣно быть архимандритомъ Троице-Сергіевой лавры и начальникомъ тамошней семинаріи. 25-го іюля 1744 г. онъ возведенъ прямо въ санъ архіепископа переславскаго, съ оставленіемъ настоятелемъ лавры и съ назначеніемъ членомъ Св. Синода. Въ это же время Императрица Елизавета пожаловала ему, въ знакъ особаго монаршаго благоволенія, брилліантовую панагію въ 60.000 руб. и брилліантовый съ рубинами крестъ, составленный изъ вензелевыхъ буквъ ея имени. 30-го мая 1752 г., по разстроенному здоровью, Арсеній уволенъ на покой въ новгородсѣверскій Спасо-преображенскій монастырь; 22-го октября 1757 г. назначенъ былъ митрополитомъ кіевскимъ, въ каковомъ санѣ скончался и погребенъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Будучи митрополитомъ, онъ особенно много заботился объ устройствѣ академіи и въ 1763 г. построилъ большой каменный корпусъ для бѣдныхъ учениковъ. Изъ печатныхъ его трудовъ извѣстны разныя проповѣди, говоренныя имъ въ Москвѣ и отдѣльно изданныя тамъ же въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Письмо его о дѣлахъ уніи напеч. въ „Архивѣ юго-зап. Россіи, т. 3, № 40, а предписаніе о томъ, чтобы наставники семинарій говорили проповѣди—въ „Приб. къ Твор. св. отцовъ“, 1861 г., стр. 557—566.

Филаретъ, «Обзоръ», стр. 341.—Аскоченскій, «Кіевъ», т. II, стр. 18—69.—Моск. мѣсяцесловъ на 1776 г., стр. 105—107. — «Списки архіереевъ іерархіи всероссійской» (1721—1895), стр. 9.

Арсеній, епископъ воронежскій, до постриженія Василій *Москвинъ*, сынъ священника, родомъ изъ с. Петровскаго, Кашинскаго уѣзда, Тверской губ., ум. 6-го мая 1810 г. Первоначальное образованіе съ 1760 г. получилъ въ Тверской, а потомъ съ 1768 г. въ Троицкой лаврской семинаріяхъ. По окончаніи курса въ 1774 г., опредѣленъ учителемъ въ Тверскую семинарію, а затѣмъ, принявъ 15-го января 1777 г. монашество, назначенъ въ 1778 г. экономомъ архіерейскаго дома и строителемъ Малицкаго монастыря; въ 1783 г. занялъ мѣсто префекта Тверской семинаріи и настоятеля Успенскаго Старицкаго монастыря. Съ 1786 г. Арсеній былъ ректоромъ той же семинаріи и игуменомъ Желтикова монастыря. 11-го февраля 1789 г. возведенъ въ санъ архимандрита Калязина Троицко-Макаріева монастыря. Въ 1798 г., 31-го января, назначенъ членомъ Св. Синода, а 7-го ноября хиротонисанъ во епископа старорусскаго, вика-

рія новгородскаго, съ предоставленіемъ въ управленіе новгородскаго Хутынскаго монастыря. 1-го октября 1799 г. Арсеній перемѣщенъ въ Воронежъ, 16-го октября того же года—въ Пермь, а 26-го ноября 1799 г.—снова въ Воронежъ, гдѣ и скончался. Въ 1793 г. напечатаны его „Слова", произнесенныя имъ въ присутствіи Императрицы Екатерины II, въ бытность Арсенія въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія.

Дѣла архива Св. Синода.—«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 18. — Филаретъ, «Обзоръ», стр. 339.

Арсеній, митрополитъ кіевскій и галицкій, до постриженія Ѳеодоръ Павловичъ *Москвинъ*, род. около 1795 г., въ с. Вороньи, Костромскаго уѣзда, сынъ діакона, ум. 28-го апрѣля 1876 г. Изъ Костромской семинаріи онъ поступилъ въ С.-Петербургскую академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1823 г. со степенью магистра и былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по богословскимъ наукамъ. Еще 11-го сентября 1821 г., во время академическаго курса, онъ былъ постриженъ въ монашество, а 5-го сентября 1823 г. рукоположенъ во іеромонаха. 25-го августа 1825 г. Арсеній назначенъ ректоромъ Могилевской духовной семинаріи и 4-го декабря 1826 г. настоятелемъ Могилево-Братскаго-Богоявленскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ 1827 г. онъ переведенъ ректоромъ въ Орловскую семинарію и настоятелемъ мценскаго Петропавловскаго монастыря, въ 1829 г. переведенъ на должность ректора Рязанской семинаріи и настоятеля рязанскаго Троицкаго монастыря, въ 1830 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ рязанскій Спасскій монастырь, въ 1831 г. переведенъ ректоромъ въ Тверскую семинарію, причемъ назначенъ настоятелемъ тверскаго Калязинскаго монастыря. 12-го марта 1832 г. Арсеній хиротонисанъ въ Петербургѣ во епископа тамбовскаго. 5-го апрѣля 1841 г. ему повелѣно быть архіепископомъ подольской епархіи. 6-го ноября 1848 г. онъ перемѣщенъ архіепископомъ въ Варшаву съ назначеніемъ управлять и волынской епархіею и быть священноархимандритомъ Почаевскія лавры. 1-го іюля 1860 г. Арсенію Высочайше повелѣно быть митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и Кіево-Печерскія Успенскія лавры священноархимандритомъ и членомъ Св. Синода. Изъ сочиненій Арсенія напечатаны: „Собраніе бесѣдъ и рѣчей", въ 5 ч., Спб. 1874 г.; „Толкованіе на первые 26 псалмовъ", К., 1873 г.; „Изъясненіе божественной литургіи", К., 1874 г.; „Введеніе въ книги Ветхаго Завѣта", въ „Трудахъ Кіевск. дух. акад." 1873 г.; „Замѣчанія на книгу варшавскаго ксендза Путятицкаго „Pismo o religii naturalneyi obiawioney", 1875 г.; „О молоканской и другихъ сектахъ въ тамбовской епархіи", 1875 г.; „Три слова къ священноцерковнослужителямъ", въ „Странникѣ" 1873 г., т. III.

Дѣла архива Св. Синода.—«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 30.—«Слова и рѣчи, произнесенныя при гробѣ въ Бозѣ почившаго высокопр. Арсенія, митр. кіевскаго», въ «Трудахъ Кіевск. дух. акад.», 1876 г., іюнь.—В. Пѣвницкій, «Воспоминанія о покойномъ митр. кіевскомъ Арсеніи», ibid., 1876 г., авг., сент.; 1877 г., янв., іюль. Г. Булашевъ — «Очеркъ дѣятельности по народному образованію митр. Арсенія» въ «Народномъ образованіи», апр.—окт., 1896 г.—Въ «Рус. Архивѣ» 1892 г. (февр.) напечатаны его весьма любопытныя письма къ архіеп. костромскому Платону.—«Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митр. московскаго» (по указателю).

Арсеній, епископъ вологодскій, до постриженія Дмитрій *Тодорскій*, род. въ 1743 г., въ г. Коломнѣ, Московской губ., ум. 15-го іюня 1802 г. Первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной семинаріи, а затѣмъ въ Рязанской и, наконецъ, въ Московской духовной академіи, окончивъ курсъ въ которой въ 1769 г., назначенъ былъ учителемъ Коломенской семинаріи. Въ 1771 г. принялъ монашество съ именемъ Дороѳея, но, при рукоположеніи чрезъ 8 дней во іеродіакона, переименованъ былъ въ Арсенія и въ томъ же году, 5-го сентября, назначенъ префектомъ Коломенской семинаріи. 17-го марта 1773 г. назначенъ игуменомъ коломенскаго Спасскаго монастыря, а 6-го апрѣля слѣдующаго года возведенъ въ санъ архимандрита Голутвеннаго Богоявленскаго монастыря. Въ сентябрѣ 1775 г. Арсеній утвержденъ въ должности ректора Коломенской семинаріи. Въ 1784 г. переведенъ на должность ректора Суздальской семинаріи и архимандрита владимірскаго Царево-Константиновскаго монастыря. 30-го іюня 1788 г. Арсеній назначенъ настоятелемъ Ростово-Борисоглѣбскаго монастыря и ректоромъ Ярославской семинаріи. Въ

1790 г. вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія; 22-го мая 1792 г. получилъ въ управленіе Троице-Сергіеву пустынь около Петергофа, но 16-го декабря того же года переведенъ настоятелемъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, гдѣ оставался до 21-го іюня 1796 г., когда былъ переведенъ въ новгородскій Юрьевъ монастырь. 15-го августа того же года Арсеній хиротонисанъ во епископа вологодскаго. Напечатаны: „Поучительныя слова, проповѣданныя въ придворной церкви, во время бытности въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія", Спб. 1790 г.

Дѣла архива Св. Синода. — «Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 18.—Макарій, «Описаніе новгор. Юрьева монастыря», стр. 112 (въ «Чтеніяхъ» 1858 г.).

Арсеньева, *Варвара Михайловна*, оберъ-гофмейстерина, дочь стольника и якутскаго воеводы Мих. Аѳ. Арсеньева, родная сестра Д. М. Меншиковой, умерла около 1730 года. Была фрейлиною при Императрицѣ Екатеринѣ I; 22-го мая 1727 г., при обрученіи своей племянницы, свѣтлѣйшей княжны М. А. Меншиковой, съ Императоромъ Петромъ II, пожалована въ гофмейстерины съ ежегоднымъ окладомъ въ 2.000 руб. и съ предоставленіемъ права „брать шагъ послѣ женъ генералъ-фельдмаршаловъ"; кромѣ того, ей было подарено нѣсколько деревень. Въ томъ же 1727 году, 29-го іюня, Арсеньева получила орденъ св. Екатерины, котораго лишилась одновременно съ должностью при паденіи Меншикова. Отвезенная въ Александровскій Успенскій женскій монастырь (въ гор. Александровѣ, Владимірской губ.), она была тамъ пострижена. Арсеньева пользовалась большимъ вліяніемъ на свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меншикова.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей», т. I, стр. 66—67.—«Русская Старина», 1870 г., т. II, стр. 469 («Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст.»).—«Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.», т. LXIII, LXIX.

Арсеньева, *Надежда Акимовна*, рожденная Камынина, ум. въ 1855 г. Помѣстила нѣсколько стихотвореній въ литературномъ сборникѣ „Раутъ" 1851 года. Во время севастопольской кампаніи сочиняла патріотическія стихотворенія. Изъ нихъ одно, неизданное,—„Стыдись, о сынъ неблагодарный", написано по адресу А. С. Хомякова. Въ 1844 году было издано въ Петербургѣ переведенное ею съ англійскаго сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Поучительныя слова для дѣтей, съ прибавленіемъ приличныхъ стихотвореній".

«Словарь русскихъ писательницъ», кн. Н. Голицына; «Справочный словарь о русск. писат. и ученыхъ» Гр. Геннади; С. А. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», вып. 17, стр. 774—775.

Арсеньевъ, *Александръ Александровичъ*, сенаторъ, тайный сов., род. въ 1756 г., ум. въ Москвѣ 17-го ноября 1844 года. Вступивъ въ военную службу въ 1771 г. унтеръ-офицеромъ, онъ въ слѣдующемъ году былъ зачисленъ сержантомъ. Произведенный 15-го марта 1774 года прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, онъ продолжалъ службу въ этомъ полку до 1783 г., когда за болѣзнію уволенъ въ отставку съ чиномъ бригадира. Поступивъ на службу въ Департаментъ удѣловъ, оставался въ этомъ вѣдомствѣ до 1811 г., когда по выборамъ дворянства былъ избранъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и въ этомъ званіи пробылъ три выбора сряду. Въ 1817 г. Арсеньевъ былъ назначенъ членомъ въ коммиссію для построеній въ Москвѣ. Произведенный въ 1812 г. въ дѣйствительные статскіе, а 21-го ноября 1821 г.—въ тайные совѣтники, онъ Высочайшимъ указомъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ. Въ 1834 г. опредѣленъ въ число сенаторовъ неприсутствующихъ, а десять лѣтъ спустя скончался, 89 лѣтъ отъ роду.

«Арх. дѣла Мин. Юстиціи» формулярный списокъ № 1195 за 1844 г.—«Московск. Вѣд.», 1844 г., № 147, стр. 905.

Арсеньевъ, *Александръ Ивановичъ*, д. с. с., членъ департамента удѣловъ, род. въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, ум. послѣ 1817 г. Въ 1769 г. поступилъ на службу переводчикомъ въ иностранную коллегію. Изъ иностранной коллегіи Арсеньевъ перешелъ въ военную службу, участвовалъ въ турецкой войнѣ 1771—1774 г., дослужился до чина подполковника и въ 1784 г. вышелъ въ отставку. Въ 1798 г. Арсеньевъ снова поступилъ на службу и былъ назначенъ директоромъ училищъ Курской губерніи. Затѣмъ, перемѣнивъ нѣсколько мѣстъ, былъ назначенъ, около 1803 г., товарищемъ Министра Удѣловъ, какъ называли членовъ общаго присутствія департамента удѣловъ; на этой должности получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго

совѣтника. Около этого же времени Арсеньевъ былъ командированъ изъ С.-Петербурга въ Ригу, въ качествѣ предсѣдателя русской ревизіонной коммиссіи, принималъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ Сиверсомъ, тоже членомъ департамента удѣловъ, самое дѣятельное и ревностное участіе во введеніи крестьянскаго положенія въ Лифляндіи (1804 г.) и, пробывъ тамъ три года, въ 1806 г. отозванъ былъ въ Петербургъ. Въ томъ же году Арсеньевъ былъ посланъ во Владимірскую и Тамбовскую губерніи для изслѣдованія порубокъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ. Затѣмъ о немъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Чешихинъ, «Сборникъ матер. и статей по исторіи Прибалтійск. края», т. I, отд. VII—полузабытыя имена, стр. 469.

Арсеньевъ, *Илья Александровичъ*, журналистъ, род. въ 1820 г., въ Москвѣ, ум. 16-го февраля 1887 г., въ С.-Петербургѣ. Онъ происходилъ изъ стариннаго и богатаго дворянскаго рода. Бабушка его была фрейлиной при регентшѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, отецъ служилъ въ Преображенскомъ полку, въ чинѣ бригадира вышелъ въ отставку и жилъ въ подмосковномъ имѣніи, гдѣ составилъ большую библіотеку. Будучи нѣкоторое время московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, онъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ, въ который входили не только представители московской аристократіи, но и тогдашніе извѣстные литераторы. Въ домѣ Арсеньева бывали: И. И. Дмитріевъ, А. С. Пушкинъ, Чаадаевъ, Н. И. Надеждинъ, Лермонтовъ, бабушка котораго приходилась ему сродни, а также М. И. Глинка, и др. Надеждинъ, котораго ввелъ въ домъ къ Арсеньевымъ Чаадаевъ, однажды принесъ разсказы Гофмана и предложилъ перевести мальчику повѣсть „Выборъ невѣсты", которая въ 1836 г. была напечатана въ изданномъ Надеждинымъ сборникѣ: „Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей". По окончаніи въ 1840 г. курса въ Московскомъ университетѣ, Арсеньевъ служилъ въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, состоя при немъ чиновникомъ особыхъ порученій и будучи въ то же время членомъ коммиссіи для изслѣдованія скопческой ереси, о которой впослѣдствіи, въ 70-хъ годахъ, издалъ въ Берлинѣ брошюру. Въ 1848 г. Арсеньевъ перевелся на службу въ Петербургъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ (съ 1859 г.) началъ сотрудничать въ разныхъ изданіяхъ („С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", „Нашемъ Времени", „Сѣверной Пчелѣ"), помѣщая статьи по экономическимъ вопросамъ (о банкахъ), а въ маѣ 1861 года былъ приглашенъ намѣстникомъ Царства Польскаго, княземъ М. Д. Горчаковымъ, для составленія въ русскія и иностранныя газеты статей, относящихся до Польши, по свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ или почерпнутымъ изъ источниковъ, которые укажетъ намѣстникъ. Горчакова Арсеньевъ не засталъ въ живыхъ; исправляющимъ должность намѣстника былъ назначенъ бывшій въ то время военнымъ министромъ Н. О. Сухозанетъ, котораго вскорѣ смѣнилъ К. К. Ламбертъ. Для газетныхъ статей Арсеньевъ получалъ свѣдѣнія отъ управлявшаго дипломатическою канцеляріею намѣстника и завѣдывавшаго тайною полиціею. Русскія корреспонденціи, по предварительному соглашенію съ Краевскимъ, Арсеньевъ намѣревался посылать въ „С.-Петербургскія Вѣдомости", которыя Краевскій издавалъ въ то время вмѣстѣ съ Очкинымъ. Первую корреспонденцію цензура не пропустила, несмотря на то, что она была предварительно прочитана и одобрена Сухозанетомъ. Та же судьба постигла и послѣдующія корреспонденціи, что заставило Арсеньева прекратить всякія политическія сообщенія о Польшѣ въ русскія газеты и печатать ихъ въ „Indépendance Belge" и въ газетѣ „Nord". Служа въ Варшавѣ, Арсеньевъ каждое утро знакомился съ тѣмъ, что совершалось за границею по свѣдѣніямъ, получавшимся дипломатическою канцеляріею, а также и съ тѣмъ, что происходило въ подпольномъ мірѣ Варшавы—по запискамъ, которыя представлялись намѣстнику завѣдывавшимъ тайною полиціею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ежедневно Арсеньевъ прочитывалъ разныя иностранныя и русскія газеты, изъ которыхъ извлекалъ наиболѣе интересныя статьи для прочтенія намѣстнику. Оставивъ службу въ Варшавѣ, Арсеньевъ, въ 1864 г., былъ нѣкоторое время редакторомъ политическаго отдѣла въ „Сѣверной Почтѣ", а затѣмъ принялся за издательскую газетную дѣятельность, которая была, однако, не особенно удачна. Подъ 15 № (отъ 19-го апрѣля 1864 года) сатирическаго журнала „Заноза", основаннаго извѣстнымъ поэтомъ М. П. Розенгеймомъ,

появилась подпись: „Редакторы-издатели— М. Розенгеймъ. И. Арсеньевъ". Въ 1865 г. Арсеньевъ началъ издавать „Занозу" одинъ, но уже въ мартѣ (28-го числа) принужденъ былъ прекратить изданіе, предложивъ подписчикамъ, взамѣнъ этого журнала, получать „Петербургскій Листокъ", редакторомъ-издателемъ котораго Арсеньевъ сдѣлался съ № 28 за 1865 г. Оставивъ изданіе „Петербургскаго Листка", Арсеньевъ основалъ „Петербургскую Газету", которая начала выходить съ 1-го января 1867 года и въ первые годы своего существованія составлялась крайне неинтересно. Журналистика не была призваніемъ Арсеньева; это заключеніе можно было вывести даже изъ поверхностнаго знакомства съ изданіями, въ которыхъ онъ являлся руководителемъ. Оставивъ въ февралѣ 1869 года редактированіе „Петербургской Газеты", которая имѣла въ то время всего 600 подписчиковъ, Арсеньевъ, въ іюлѣ 1871 г., продалъ Худекову и самое право на ея изданіе. На этомъ и прекратились попытки Арсеньева на поприщѣ журналистики. Онъ уѣхалъ въ Москву и вернулся въ Петербургъ только въ 80-хъ годахъ, когда въ нѣкоторыхъ журналахъ стало появляться его имя подъ отрывками изъ воспоминаній. Такъ, въ „Колосьяхъ" (1885 г., кн. 4, 5 и 6) были напечатаны воспоминанія о Листѣ, гр. І. К. и К. К. Ламбертахъ, И. П. Липранди и Н. Ф. Павловѣ; въ „Нивѣ" (1885 г., № 27) помѣщена замѣтка: „По поводу воспоминаній Раевскаго о Лермонтовѣ", а въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1886 г., кн. 7, 9, 12 и 1887 г., кн. 1—4)—„Варшавскій архіепископъ Фелинскій", снова „Воспоминанія о Листѣ", „Варшава въ 1861 году" и „Слово живое о неживыхъ". Въ послѣднихъ воспоминаніяхъ, доведенныхъ только до 1861 года,—цѣлая любопытная портретная галлерея живо и типично написанныхъ лицъ, замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

«Историч. Вѣстникъ», кн. 4, стр. 68—69 и 237.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ 7-й, стр. 8—9. — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 777—779.—«Петербургскій Листокъ», 1887 г., №№ 46 и 48 и 1889 г., № 1 (юбилейный).—«Петербургская Газета», 1887 г., №№ 46 и 47 и 1892 г., № 1 (юбилейный).

Арсеньевъ, *Константинъ Ивановичъ*, географъ и статистикъ, родился 12-го октября 1789 года въ селѣ Мирохановѣ, Костромской губ., въ 15 верстахъ отъ города Чухломы; ум. 29-го ноября 1865 года въ Петрозаводскѣ. Сынъ сельскаго священника, Арсеньевъ получилъ первоначальное образованіе въ Костромской семинаріи, куда поступилъ въ концѣ 1799 года. Отсюда онъ въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ былъ посланъ въ 1806 году въ Петербургъ, въ педагогическій институтъ. Тутъ онъ особенно усердно занимался исторіей, географіей, статистикой и политической экономіей и скоро обратилъ на себя самое лестное вниманіе профессоровъ. Въ 1810 году Арсеньевъ блестяще сдалъ выпускные экзамены, и его предполагали отправить для усовершенствованія въ наукахъ за границу, но стеченіе разныхъ обстоятельствъ помѣшало этому. Зато Арсеньевъ былъ оставленъ при институтѣ и преподавалъ тамъ латинскій языкъ и географію, а въ концѣ 1811 года утвержденъ былъ преподавателемъ географіи, въ помощь профессору Зябловскому, который сначала покровительствовалъ Арсеньеву, но потомъ сдѣлался его заклятымъ врагомъ, когда Арсеньевъ отказался жениться на родственницѣ этого профессора. Въ то же время онъ сблизился съ профессоромъ статистики Германомъ, который предложилъ ему заниматься статистическими работами въ министерствѣ полиціи. Въ 1812 году, во время нашествія Наполеона, Арсеньевъ, вмѣстѣ съ педагогическимъ институтомъ отправился въ Петрозаводскъ. Здѣсь онъ составилъ Статистическій очеркъ Олонецкой губерніи и, подъ руководствомъ начальника Олонецкихъ горныхъ заводовъ Армстронга, „Описаніе Олонецкихъ заводовъ съ самаго ихъ основанія до послѣднихъ временъ, съ краткимъ обозрѣніемъ Олонецкой губерніи". Эта работа появилась лишь въ 1830 году въ „Трудахъ минералогическаго общества", томъ I, стр. 281 — 333, и представляетъ сводъ историческихъ извѣстій, которыя могутъ быть интересны и теперь по нѣкоторымъ любопытнымъ подробностямъ, почерпнутымъ изъ рукописныхъ источниковъ. Вернувшись, 3-го января 1813 года, въ Петербургъ, Арсеньевъ, по совѣту директора Педагогическаго института Энгельгардта, написалъ диссертацію на полученіе званія адъюнкта. Диссертація была признана удовлетворительной, но, по проискамъ Зябловскаго, повышеніе Арсеньева

въ адъюнкты нашли преждевременнымъ. Въ 1815 г. Арсеньевъ былъ гувернеромъ и учителемъ въ пансіонѣ пастора Муральта, гдѣ въ слѣдующемъ году съ нимъ познакомился гр. Егоръ Карловичъ Сиверсъ и предложилъ ему мѣсто преподавателя въ инженерномъ училищѣ. Здѣсь Арсеньевъ обратилъ на себя милостивое вниманіе Великаго Князя Николая Павловича, бывшаго тогда генералъ-инспекторомъ по инженерной части. 4-го сентября 1817 года Арсеньевъ былъ утвержденъ адъюнктомъ по части географіи и статистики и вслѣдъ затѣмъ выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько крупныхъ работъ. Такъ, въ 1818 году явилась „Краткая всеобщая географія" и первая часть „Начертанія статистики россійскаго государства"; въ 1819 году вышла вторая часть „статистики". Учебникъ географіи Арсеньева, выдержавшій въ 30 лѣтъ 20 изданій, былъ для того времени вполнѣ удовлетворителенъ и стоялъ гораздо выше всѣхъ бывшихъ до него руководствъ, но въ „Духѣ Журналовъ" появилась рецензія, принадлежащая по всей вѣроятности Зябловскому и наполненная рѣзкими и придирчивыми выходками. Отвѣчая на нее, Арсеньевъ оправдался въ большинствѣ обвиненій, взводимыхъ на него рецензентомъ, но сознался, что въ его работѣ, дѣйствительно, есть промахи, которые объясняются тѣмъ, что книга его составлена въ 3 мѣсяца по порученію начальства. Столь же неблагосклонно былъ принятъ „Духомъ Журналовъ" и второй трудъ Арсеньева, который, по словамъ рецензента, списанъ со „Статистическаго описанія" Зябловскаго. Дѣйствительно, въ работѣ Арсеньева фактическая сторона не отличается самостоятельностью разработки, но зато онъ привелъ въ систематическое цѣлое весь матеріалъ, собранный до него. Еще важнѣе то, что въ трудѣ Арсеньева отразились взгляды и убѣжденія передовыхъ людей первой половины царствованія Императора Александра I, и съ этой стороны „Начертаніе статистики" чрезвычайно любопытно для изученія умственнаго развитія тогдашняго общества. По этой книгѣ Арсеньевъ читалъ лекціи въ Педагогическомъ институтѣ, который въ 1819 году преобразованъ былъ въ университетъ, и, слѣдовательно, либеральныя идеи, которыхъ держался молодой адъюнктъ, провозглашались имъ съ университетской каѳедры. Это обстоятельство послужило поводомъ къ исторіи, чуть не погубившей Арсеньева. Въ сентябрѣ 1821 года управляющій Петербургскимъ учебнымъ округомъ Дмитрій Руничъ собралъ профессорскія лекціи и студенческія записки, извлекъ изъ нихъ вредныя, по его мнѣнію, мѣста и донесъ объ этомъ министру народнаго просвѣщенія князю Голицыну. 4 заподозрѣннымъ въ неблагонадежности профессорамъ, въ томъ числѣ и Арсеньеву, запрещено было читать лекціи, и надъ ними былъ наряженъ университетскій судъ, съ Руничемъ во главѣ. Арсеньевъ былъ обвиненъ въ томъ, что многія мѣста изъ его курса клонятся къ ниспроверженію православной вѣры и рекомендуютъ революцію. Онъ оправдывался, указывая, что курсъ его напечатанъ и пропущенъ цензурой, на что Руничъ возразилъ: „Это не послужитъ вамъ оправданіемъ, что книга напечатана и одобрена отъ правительства,—то было время, а теперь другое!". Вообще, по словамъ самого Арсеньева, „озлобленіе Рунича во время суда доходило иногда до неистовства. Онъ позволялъ себѣ самые язвительные насмѣшки и сарказмы, хотѣлъ подавить въ насъ чувство человѣческаго достоинства. Такія выходки и такой безумно горделивый тонъ его и такая очевидная незаконность суда возбудили противъ него открытое негодованіе нѣкоторыхъ благородномыслящихъ членовъ конференціи". Но ихъ протестъ не помогъ: неблагонамѣренность обвиняемыхъ была признана доказанной, и дѣло пошло на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, а оттуда въ комитетъ министровъ. Тѣмъ не менѣе, Арсеньевъ не только продолжалъ преподавать въ главномъ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ, но даже получилъ новое доказательство расположенія Великаго Князя Николая Павловича, который однажды сказалъ ему: „что съ тобой, Арсеньевъ? За что на тебя такое гоненіе? Мы тебя знали чистымъ и честнымъ. Будь спокоенъ, ты у насъ останешься и ничего не потеряешь". А. Гречъ сообщаетъ еще, что Николай Павловичъ благодарилъ Рунича „за изгнаніе Арсеньева, который могъ теперь посвятить все свое время инженерному училищу, и просилъ выгнать изъ университета еще нѣсколько человѣкъ подобныхъ, чтобъ у себя съ пользою употребить ихъ на службу". Благодаря этому высокому покровительству, Арсеньевъ, состоявшій еще,

въ сущности, подъ судомъ, получилъ разрѣшеніе посвятить имени Государя Императора свой трудъ, написанный въ 1822 году, а напечатанный въ 1825: „Исторія народовъ и республикъ древней Греціи". Мало того: въ августѣ 1823 года учреждена была школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и главный начальникъ ея, Великій Князь, назначилъ туда Арсеньева профессоромъ исторіи съ жалованьемъ по 3 тысячи рублей въ годъ. Затѣмъ 25-го февраля 1824 года Арсеньевъ получилъ должность редактора въ коммиссіи составленія законовъ. Пристроилъ его туда А. И. Тургеневъ. Въ этой коммиссіи, преобразованной въ 1826 году во II Отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи и перешедшей въ вѣдѣніе Сперанскаго, Арсеньевъ оставался до 1828 года и за этотъ короткій промежутокъ времени былъ „троекратно удостоенъ высочайшихъ наградъ". Еще въ февралѣ 1828 года Императоръ Николай собиралъ комитетъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ для обсужденія вопроса: кому поручить преподаваніе наукъ Наслѣднику престола? При этомъ случаѣ Его Величество выразился: „для исторіи у меня есть надежный человѣкъ, съ которымъ я служилъ въ инженерномъ училищѣ— Арсеньевъ. Онъ знаетъ дѣло, отлично говоритъ и сыну будетъ полезенъ". Кромѣ того Арсеньеву было поручено и преподаваніе статистики. Но такъ какъ печатныхъ матеріаловъ по статистикѣ Россіи тогда почти не было, то 19-го апрѣля 1828 года былъ данъ слѣдующій указъ министру внутреннихъ дѣлъ: „по требованію коллежскаго совѣтника Арсеньева повелѣваемъ доставлять ему всѣ изъ всѣхъ министерствъ свѣдѣнія, нужныя къ составленію статистики Россійской имперіи для преподаванія Его Императорскому Высочеству Великому Князю Наслѣднику престола". „По собраніи сихъ свѣдѣній,—пишетъ Арсеньевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—Государю угодно было отправить меня по важнѣйшимъ губерніямъ Россіи, чтобъ я все видѣлъ собственными глазами, и потомъ послать меня въ чужіе края для сравненія отечественнаго съ иностраннымъ". Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, какое вліяніе Арсеньевъ оказалъ на своего высокаго питомца, но несомнѣнно, что и въ придворныхъ сферахъ Арсеньевъ оставался все тѣмъ же глубокогуманнымъ человѣкомъ, поборникомъ свободы и свѣта, и, конечно, онъ старался всѣми силами подготовить почву, на которой зародились планы великихъ реформъ Царя-Освободителя. Личныя отношенія Наслѣдника къ Арсеньеву, какъ видно изъ писемъ перваго, были самыя сердечныя и близкія. Со 2-го мая по 14-е ноября 1837 года Наслѣдникъ путешествовалъ по Россіи, и Арсеньевъ находился въ свитѣ, сопровождавшей Великаго Князя. По этому поводу Арсеньевымъ былъ составленъ указатель, въ которомъ изложены были историческія и промышленныя достопримѣчательности каждаго встрѣчавшагося на пути города или селенія, съ поименованіемъ частныхъ лицъ, жившихъ тамъ и сдѣлавшихся извѣстными какими-либо полезными предпріятіями. Этимъ путешествіемъ воспитаніе Наслѣдника закончилось, и Арсеньевъ всецѣло отдался своимъ служебнымъ и научнымъ занятіямъ. Еще 11-го апрѣля 1832 года Арсеньевъ, по представленію Блудова, былъ назначенъ членомъ совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а 24-го января 1835 года онъ былъ сдѣланъ членомъ статистическаго отдѣленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено управленіе дѣлами и работами его. На этой должности Арсеньевъ состоялъ до 1853 года, и его дѣятельность тутъ была столь важна, что онъ по справедливости можетъ быть названъ однимъ изъ отцовъ нашей оффиціальной статистики. Въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" имъ было опубликовано нѣсколько важныхъ статистическихъ работъ. Такъ, въ 1832 году появилось: „Гидрографическо-статистическое описаніе городовъ Россійской имперіи, съ показаніемъ всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ составѣ и числѣ оныхъ въ теченіе двухъ вѣковъ, отъ начала XVII столѣтія и донынѣ". Во времена Арсеньева этотъ трудъ требовалъ большихъ усилій и дѣлаетъ честь его автору, но теперь, послѣ того какъ издано много памятниковъ для изученія старинной русской жизни, изслѣдованіе Арсеньева особеннаго значенія не имѣетъ. Въ 1833 году Арсеньевымъ напечатаны „Отрывки изъ путевыхъ записокъ", гдѣ помѣщены бѣглыя замѣтки, историческія и промышленныя, о городахъ и селеніяхъ, лежащихъ на пути изъ Петербурга въ Казань. Въ другомъ подобномъ отрывкѣ, напечатанномъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" въ 1834 году, описаны Арсеньевымъ пре-

имущественно въ историческомъ отношеніи губерніи: Петербургская, Псковская и Лифляндская. Въ I томѣ „Энциклопедическаго лексикона“ Плюшара (1835 года), въ предисловіи было объявлено, что помѣщаемыя тамъ статьи по части русской географіи и статистики будутъ редактироваться Арсеньевымъ и А. Л. Крыловымъ, но во II томѣ имени Арсеньева уже нѣтъ. Въ изданныхъ въ 1839 году „Матеріалахъ для статистики Россійской имперіи“ помѣщены двѣ статьи Арсеньева: „Объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до исхода XVIII столѣтія“ и „Мысль объ усовершенствованіи полотеннаго производства въ Россіи“. Въ 1844 году Арсеньевъ помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“—„Изслѣдованія о численномъ отношеніи половъ въ народонаселеніи Россіи“ и въ томъ же году объѣхалъ значительную часть Россіи, имѣя въ виду собираніе свѣдѣній для статистическаго комитета. Нѣкоторыя выдержки изъ путевыхъ его замѣтокъ тогда же были напечатаны въ томъ же журналѣ. Въ 1848 году Арсеньевъ напечаталъ „Статистическіе очерки Россіи“. Это одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ его трудовъ. Въ первомъ очеркѣ опредѣляются выгоды и невыгоды границъ Россіи въ отношеніяхъ: физическомъ, коммерческомъ, политическомъ и военномъ. Во второмъ—„постепенное приращеніе Россіи въ пространствѣ“ — объясняется, въ чье царствованіе и на сколько квадратныхъ миль увеличивалась русская территорія. Въ третьемъ очеркѣ на основаніи различныхъ актовъ, указовъ и инструкцій излагается „Постепенное устройство губерній“. Въ четвертомъ—„топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы“—авторъ исчисляетъ всѣ видоизмѣненія условій климата и мѣстности по пространствамъ и губерніямъ. Этотъ очеркъ, по богатству собранныхъ въ немъ статистическихъ матеріаловъ, превосходитъ всѣ прочіе. Главный научный интересъ очерковъ заключается въ томъ, что авторъ пользовался неизданными свѣдѣніями горнаго департамента, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и другихъ вѣдомствъ, документы которыхъ сообщались ему, какъ наставнику Наслѣдника. Благодаря этой же обязанности Арсеньева, ему разрѣшено было еще въ 1835 году заниматься въ архивахъ—государственномъ и иностранныхъ дѣлъ. Арсеньевъ знакомился тутъ съ матеріалами XVIII столѣтія до царствованія Императора Павла, преимущественно относящимися до исторіи двора и управленія Россіи въ означенное время. Результатомъ этихъ работъ былъ трудъ Арсеньева: „Царствованіе Петра II“, напечатанный въ 1839 году въ „Трудахъ Россійской Академіи“, членомъ которой Арсеньевъ былъ выбранъ 14-го марта 1836 года. Нося строго фактическій характеръ, „Царствованіе Петра II“ заключаетъ въ себѣ необыкновенное богатство данныхъ, дотолѣ рѣшительно никому неизвѣстныхъ; потому трудъ Арсеньева произвелъ необыкновенно сильное впечатлѣніе на его современниковъ, да и до сихъ поръ онъ остается необходимымъ пособіемъ при всякой работѣ по первой половинѣ XVIII вѣка. Въ томъ же году приготовленъ былъ Арсеньевымъ къ печати другой трудъ одинаковаго характера и одинаковой важности: „Царствованіе Екатерины I“, но, по цензурнымъ соображеніямъ, этотъ трудъ былъ напечатанъ лишь въ 1856 году. Подобныя преграды и затрудненія охладили въ Арсеньевѣ охоту заниматься долѣе новѣйшей русской исторіей. Въ виду этого много очень важныхъ матеріаловъ, выписанныхъ имъ изъ государственнаго архива, остались въ его портфеляхъ необработанными и изданы въ 1872 году въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ“ (томъ IX). Въ 1841 году изъ россійской академіи образовано было отдѣленіе русскаго языка и словесности при Академіи наукъ, и въ число ординарныхъ академиковъ его назначенъ былъ тогда же и Арсеньевъ. Въ 1845 году онъ вмѣстѣ съ графомъ Ѳ. П. Литке и нѣкоторыми другими лицами положилъ основаніе Географическому обществу, въ которомъ съ 1850 по 1854 годъ занималъ мѣсто помощника предсѣдателя. Въ I томѣ записокъ этого общества помѣщена статья Арсеньева: „Историко-статистическое обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи“. Въ „Ученыхъ Запискахъ“ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ Арсеньевъ помѣстилъ въ 1854 году „Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи“, а въ 1858— статью: „Высшія правительственныя лица временъ царя Михаила Ѳеодоровича“. Это былъ послѣдній его печатный трудъ: въ 1861 году его разбилъ параличъ, послѣ

котораго онъ не могъ уже оправиться. Въ 1864 году Арсеньевъ перевезенъ былъ въ Петрозаводскъ къ старшему своему сыну Юлію Константиновичу, гдѣ и скончался. Онъ похороненъ въ кладбищенской церкви въ Петрозаводскѣ. Кромѣ званій, о которыхъ упомянуто выше, Арсеньевъ состоялъ: членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ съ 29-го декабря 1826 года, дѣйствительнымъ членомъ общества исторіи и древностей въ Москвѣ съ 25-го февраля 1833 года, почетнымъ членомъ Петербургскаго и Казанскаго университетовъ съ 20-го декабря 1837 года. По службѣ онъ достигъ чина тайнаго совѣтника.

Всѣ отзывы о трудахъ Арсеньева указаны въ «Словарѣ» Венгерова; тамъ же указаны и источники для его біографіи. Самой важной въ послѣднемъ отношеніи является статья П. Пекарскаго: «О жизни и ученыхъ трудахъ академика Константина Ивановича Арсеньева», напечатанная въ девятомъ томѣ «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ». Пекарскій пользовался ненапечатанными записками Арсеньева и его перепиской. Кромѣ того, о статистической дѣятельности Арсеньева много данныхъ есть въ трудѣ Варадинова: «Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», часть III.

С. Адріановъ.

Арсеньевъ, *Михаилъ Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, изъ дворянъ Тульской губерніи, род. въ 1780 году, ум. 6-го ноября 1838 года. Еще въ 1791 году записанный вахмистромъ л.-гв. въ Конный полкъ, на дѣйствительную службу явился въ іюнѣ 1796 г., когда былъ переведенъ въ кавалергардскій корпусъ въ званіи рядового, соотвѣтствовавшемъ рангу армейскаго поручика; по упраздненіи кавалергардовъ въ 1797 г., вернулся въ Конный полкъ и здѣсь къ 1807 г. дослужился до чина полковника. Съ началомъ отечественной войны Арсеньевъ, въ званіи командующаго л.-гв. Коннымъ полкомъ, выступилъ съ нимъ въ походъ и, состоя въ 1-й кирасирской дивизіи Депрерадовича и въ 1-й западной арміи, предводительствуемой Барклаемъ-де-Толли, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и Бородинымъ; отличія въ послѣдней битвѣ доставили ему крестъ св. Георгія 4-й степ. и чинъ генералъ-маіора. При преслѣдованіи непріятеля находился съ полкомъ въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, Малоярославцемъ и Краснымъ; вслѣдъ затѣмъ, съ началомъ войны 1813 г., перешелъ р. Нѣманъ у Мерича и, участвуя во многихъ дѣлахъ кампаніи, особенно отличился въ сраженіяхъ подъ Кульмомъ и Фершампенуазомъ. Награжденный орденами: св. Анны 1-й степ., австрійскимъ—Леопольда 2-й ст., прусскимъ—Краснаго Орла 2-й ст. и баварскимъ — Максимиліана, Арсеньевъ въ 1814 г. вернулся въ Россію; въ январѣ 1819 г. принялъ въ командованіе 1-ю драгунскую дивизію, девять мѣсяцевъ спустя былъ зачисленъ по кавалеріи, безъ должности, и въ декабрѣ 1833 г.—уволенъ въ отставку. Въ періодъ командованія Арсеньева л.-гв. Коннымъ полкомъ, послѣдній получилъ свои первые георгіевскіе штандарты.

«Александръ I и его сподвижники», Спб., 1846 г., т. III.—Энциклоп. словари: сост. русск. учен. и литер. и Старчевскаго.

Арсеньевъ, *Михаилъ Михаиловичъ*, генералъ-поручикъ; род. въ 1730 годахъ, ум. въ 1791 г. Успѣшно окончивъ курсъ наукъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенъ 1-го января 1755 г. мичманомъ на службу во флотъ, оставаясь въ которомъ до 1775 г., съ отличіемъ участвовалъ въ морскихъ кампаніяхъ: Семилѣтней войны и Архипелажской экспедиціи 1769—1774 гг. Въ послѣдней экспедиціи Арсеньевъ командовалъ фрегатомъ „Надежда" и за отличіе въ 1773 г. произведенъ въ чинъ капитана 1-го ранга. Въ 1775 г., по возвращеніи флота въ Россію, Арсеньевъ былъ опредѣленъ предсѣдателемъ ярославской палаты гражданскаго суда и оставался въ этой должности до 1780 г., когда былъ снова призванъ къ обязанностямъ морской службы. Въ 1780 г. Императрица Екатерина возложила на ярославскаго генералъ-губернатора А. П. Мельгунова порученіе, подготовить обстоятельно мѣры къ освобожденію пребывавшей въ заключеніи въ Холмогорахъ семьи бывшей Правительницы Анны Леопольдовны и къ отправленію принцевъ Петра и Алексѣя и принцессъ Екатерины и Елизаветы Брауншвейгскихъ въ Данію, подъ покровительство родной тетки ихъ, вдовствующей датской королевы Юліаны - Маріи. Дѣятельными распоряженіями Мельгунова вскорѣ же была организована небольшая экспедиція и начальникомъ ея былъ избранъ Арсеньевъ, какъ достойный и опытный морякъ, хорошо знавшій вмѣстѣ съ тѣмъ морской путь, по которому предположено было отвезти Брауншвейгскую фамилію. Принявъ

командованіе надъ фрегатомъ архангельской флотиліи „Полярная Звѣзда“, Арсеньевъ вышелъ съ нимъ къ Новодвинской крѣпости, гдѣ ожидалъ прибытія на рѣчномъ суднѣ изъ Холмогоръ принцевъ и принцессъ. 29-го іюня послѣдніе, вмѣстѣ съ опредѣленною къ нимъ свитою, взошли на фрегатъ и въ ту же ночь „Полярная Звѣзда“, поднявъ паруса и подъ купеческимъ флагомъ и названіемъ вышла въ море. Плаваніе фрегата по причинѣ сильныхъ бурь и неблагопріятной погоды было продолжительно, и только 30-го августа Арсеньеву удалось придти въ Бергенъ, гдѣ Браунштейгская фамилія для дальнѣйшаго слѣдованія до г. Гарсена была перевезена на датскій корабль „Марсъ“. Перезимовавъ въ Бергенѣ, Арсеньевъ возвратился лѣтомъ 1781 г. въ Россію и здѣсь щедро былъ награжденъ Императрицею. Арсеньевъ получилъ чинъ бригадира, 3.000 руб. серебромъ и 28-го іюля назначенъ поручикомъ-правителя (вице-губернаторомъ) тверскаго намѣстничества. 28-го іюня 1783 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1785 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. и въ слѣдующемъ году опредѣленъ правителемъ иркутскаго намѣстничества. Оставаясь въ послѣдней должности до своей кончины, Арсеньевъ 5-го февраля 1790 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Рукописи сенатора А. В. Казадаева.—«Опис. арх. Морск. Министерства», т. V, стр. 268, 351, 394, 480. 502. 505; т. IV, стр. 621, 679.—Энцикл. словарь, сост. русск. учеными и литераторами. Спб. 1862 г., т. V, 466.

Арсеньевъ, *Николай Дмитріевичъ*, генералъ-маіоръ; ум. въ 1796 г. Получивъ домашнее образованіе, въ 1760 г. вступилъ на службу л.-гв. въ Преображенскій полкъ, откуда съ началомъ турецкой войны 1769—1774 гг. перешелъ въ дѣйствующую армію волонтеромъ и съ отличіемъ участвовалъ въ битвѣ подъ Кафою 29-го іюня 1771 г. и въ дѣлѣ 1773 г. у дер. Обашту. Въ 1780 г. Арсеньевъ былъ произведенъ въ полковники, въ 1787 г.—въ бригадиры и 5-го февраля 1790 г. — въ генералъ-маіоры. Участвуя въ слѣдующей турецкой войнѣ 1787—1791 гг., онъ явился ближайшимъ дѣятелемъ операцій русскихъ войскъ въ 1790 г. у Измаила. 18-го ноября, занявъ островъ между послѣднимъ и Тульчею и выбивъ выстрѣлами непріятеля изъ наиболѣе укрѣпленнаго бастіона, Арсеньевъ тѣмъ не мало способствовалъ успѣху приступа крѣпости и взятію ея Суворовымъ 11-го декабря. Въ день приступа Измаила, несмотря на слабое состояніе здоровья, Арсеньевъ, переправившись подъ градомъ непріятельскихъ пуль черезъ Дунай, однимъ изъ первыхъ высадился со своею колонною на берегъ; здѣсь стремительнымъ натискомъ онъ опрокинулъ турокъ, овладѣлъ береговыми батареями, успѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать прочія части дессанта. За оказанное мужество Арсеньевъ 25-го марта 1791 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Въ слѣдующемъ же году по окончаніи турецкой войны, Арсеньевъ выступилъ участникомъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Польшѣ, направленныхъ для защиты такъ-называемой „Тарговицкой конфедераціи“. Поступивъ въ корпусъ Ферзена, онъ находился въ дѣлахъ при покореніи Несвижскаго замка, у Слуцка, 31-го мая и при Брестъ-Литовскѣ, 14-го іюля, причемъ за оказанныя отличія былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. Въ 1794 г. Арсеньевъ состоялъ начальникомъ русскаго гарнизона въ Вильнѣ, когда въ ночь на 9-е апрѣля, день Св. Пасхи, поляки совершили вѣроломное нападеніе на русскихъ и перерѣзали большую часть гарнизона. Арсеньевъ и съ нимъ около 60 офицеровъ и 600 рядовыхъ были захвачены въ плѣнъ, въ которомъ оставались до занятія 1-го сентября того же года Вильны войсками Кноррнига.

Рукописи сенатора А. В. Казадаева.

Арсеньевъ, *Юлій Константиновичъ*, тульскій губернаторъ, почетный гражданинъ г. Петрозаводска, тайн. сов.; род. въ 1818 г., ум. въ Тулѣ 4-го марта 1873 г., сынъ извѣстнаго академика К. И. Арсеньева, онъ воспитывался въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1838 г. и въ августѣ того же года поступилъ на государственную службу. Назначенный, 23-го іюня 1861 г., губернаторомъ въ Смоленскъ онъ пробылъ тамъ всего годъ и затѣмъ былъ переведенъ въ Петрозаводскъ, гдѣ въ теченіе восьми лѣтъ, проведенныхъ имъ тамъ въ должности губернатора, много сдѣлалъ для экономическаго преуспѣянія Олонецкой гу-

берніи. Въ званіи почетнаго гражданина г. Петрозаводска и почетнаго мирового судьи Петрозаводскаго уѣзда, онъ 23-го мая 1870 г. прибылъ въ г. Тулу, куда былъ переведенъ въ должность губернатора и здѣсь скончался 55 лѣтъ отъ роду.

«Олонецкія губ. вѣд.» 1873 г., № 21, стр. 235—236. — «Тульскія губ. вѣд.» 1873 г., № 17, стр. 279.

Арсеньевъ, *Яковъ Арсеньевичъ*, протоіерей каѳедральнаго Успенскаго собора въ Костромѣ, род. въ 1768 г., въ селѣ Бѣдаревѣ, Любимскаго уѣзда (прежде Костромской, а нынѣ Ярославской губерніи), ум. въ Костромѣ 29-го іюня 1848 г. Сынъ священника. По окончаніи Костромской духовной семинаріи, былъ опредѣленъ туда учителемъ и въ теченіе 12-ти лѣтъ преподавалъ въ семинаріи латинскій синтаксисъ, поэзію, риторику и философію. Кромѣ того, обучалъ воспитанниковъ высшихъ классовъ семинаріи еврейскому языку и занималъ другія должности въ семинаріи: въ продолженіе двухъ лѣтъ—библіотекарскую и четыре года состоялъ префектомъ семинаріи. 8-го февраля 1795 г. Арсеньевъ былъ рукоположенъ преосвященнымъ Павломъ Зерновымъ, епископомъ костромскимъ, во священника (младшаго) въ Успенскій соборъ, а черезъ два года, въ 1797 г., оставивъ службу въ семинаріи, былъ назначенъ ключаремъ собора. 14-го марта 1804 года, Арсеньевъ возведенъ въ санъ протоіерея собора и съ этого дня управлялъ соборною церковью 44 года. Пользуясь расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ мѣстныхъ архипастырей, Арсеньевъ занималъ также различныя должности по епархіальному управленію: такъ, въ продолженіе 36-ти лѣтъ состоялъ цензоромъ проповѣдей всѣхъ костромскихъ городскихъ и многихъ уѣздныхъ священниковъ, 26 лѣтъ—членомъ духовной консисторіи, 11 лѣтъ (съ 1812 по 1823 г.) — законоучителемъ въ Смоленскомъ кадетскомъ корпусѣ, бывшемъ тогда въ Костромѣ, и, кромѣ того, исполнялъ многія порученія начальства: въ качествѣ депутата, увѣщателя, члена различныхъ комитетовъ, учреждаемыхъ правительствомъ, назидательнаго пастыря въ присоединеніи иновѣрцевъ къ православной церкви, за выполненіе которыхъ получалъ всегда похвалы и благодарности. Въ 1835 г., при упраздненіи каѳедральнаго Троицкаго собора, Арсеньевъ долженъ былъ мѣсто свое уступить протоіерею упраздненнаго собора, Даніилу Груздеву; но, за слабостью силъ и преклонностью лѣтъ послѣдняго, Арсеньевъ, въ званіи ключаря собора, продолжалъ нести обязанности протоіерея въ теченіе пяти лѣтъ. Эти пять лѣтъ, впрочемъ, были причислены къ протоіерейской службѣ Арсеньева. Въ 1840 г., по смерти Груздева, Арсеньевъ вновь назначенъ былъ протоіереемъ Успенскаго, но уже каѳедральнаго собора, обязанности котораго и несъ до самой кончины. Еще въ 1788 году Арсеньевъ былъ причисленъ къ дворянству Костромской губерніи. Досуги свои Арсеньевъ посвящалъ составленію проповѣдей и переводу съ латинскаго языка на русскій нравственнаго богословія. Два тома проповѣдей его были одобрены духовной цензурой и напечатаны подъ заглавіемъ: „Поучительныя слова, говоренныя въ костромскомъ Успенскомъ соборѣ и въ другихъ мѣстахъ, костромскаго Успенскаго собора протоіереемъ и кавалеромъ Іаковомъ Арсеньевымъ, бывшимъ въ Смоленскомъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1813 г. по 1-е іюля 1824 г., учителемъ закона, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ рѣчей“, М., 1828 г., и „Продолженіе поучительныхъ словъ и рѣчей“ его же, М. 1837 г. Сочиненіе же его „Богословія нравственная или христіанскія наставленія, въ которыхъ ясно и твердо доказаны должности христіанина, въ общественномъ или гражданскомъ, въ домашнемъ или церковномъ состояніи находящагося“ (переведено съ латинскаго, М. 1804 г.), было одобрено Св. Синодомъ и напечатано, по его распоряженію вторымъ изданіемъ, причемъ переводчику было дано въ награду 50 экземпляровъ его сочиненія. Арсеньевымъ также было составлено „Описаніе костромскаго Успенскаго собора, учрежденнаго по Высочайшему повелѣнію въ 1835 г. каѳедральнымъ, составленное въ 1829 г. протоіереемъ онаго собора и кавалеромъ Іаковомъ Арсеньевымъ“. М. 1837 г. („Описаніе“ это напечатано было сперва въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1819 г.). Ему же принадлежатъ, отдѣльно изданныя и составляющія библіографическую рѣдкость, два слова: 1) „Слово на торжественный день славнаго мира Россіи съ Оттоманскою Портою, празднованнаго во вторый день сентября 1793 г., говоренное въ костромскомъ Успенскомъ

соборѣ, реторики учителемъ, а нынѣшнимъ префектомъ семинаріи и философіи учителемъ, Яковомъ Арсеньевымъ", Кострома, 1794 г. (у Сопикова № 10.821); 2) „Слово при погребеніи преосвященнаго Евгенія, епископа костромскаго и галичскаго и ордена св. Анны 1-го класса кавалера, говоренное костромскаго Успенскаго собора протоіереемъ Іаковомъ Арсеньевымъ въ каѳедральномъ Ѵпатскомъ соборѣ 1811 года, декабря 15-го дня". М. 1812 г. („Библіографъ", 1885 г., № 1, стр. 30).

«Костромск. Губ. Вѣд.», 1855 г., №№ 13 и 14; 1856 г., №№ 41—43 и 45—48; 1857 г., №№ 4—7.—П. Островскій, «Историческое описаніе костромскаго Успенскаго каѳедральн. собора». М. 1855, стр. 172—182.—Н. Андрониковъ, «Историч. записки о Костромск. дух. семинаріи и Костр. губ. гимназіи», Кострома, 1874 г., стр. 57—58.—«Чтенія въ Импер. Общ. исторіи и древн. росс. при Московск. унив.». 1880 г., кн. 4, окт.—дек., ст. Н. В. Губерти, стр. 539—540.—«Библіографъ». 1885, № 1, янв., стр. 30.—Геннади, «Справочный словарь о русск. писат. и уч.», т. I, стр. 47, «Слово на торж. день мира Россіи съ Портою» приведено тамъ съ ошибочнымъ заголовкомъ, мѣстомъ и годомъ изданія. — Межовъ, «Русск. историч. библіогр. за 1865—1876 гг. включ.», III, 34.896.—«Энциклопед. слов., сост. русск. уч. и литер.», т. V, стр. 471—472.—Толль, «Наст. слов.», I, 160.

Артамоновъ, *Гавріилъ*, московскій купецъ, раскольникъ-ѳедосѣевецъ, род. въ 1676 г., ум. въ 1756 г., основатель въ Москвѣ особаго толка „гавриловщины". Отдѣлиться отъ своего ѳедосѣевскаго толка заставило его больше всего самомнѣніе. Сперва распространитель ѳедосѣевскихъ заблужденій, Артамоновъ потомъ оказался ярымъ преслѣдователемъ прежнихъ друзей, платившихъ ему тоже непримиримою враждою. Павелъ Любопытный не жалѣетъ черныхъ красокъ въ изображеніи дурныхъ сторонъ Артамонова, по его словамъ, человѣка вспыльчиваго, непокорнаго, строптиваго, „порабощеннаго страстями міра". Рядомъ съ этимъ, порицатель указываетъ на ревностныя усилія о вводѣ въ употребленіе при богослуженіи „нарѣчнаго пѣнія", явившагося въ Москвѣ въ исходѣ XVII вѣка. Но это стремленіе, какъ и подыскиваніе текстовъ Св. Писанія въ защиту своихъ мнѣній, говорятъ въ пользу разсудительности Артамонова.

«Каталогъ Павла Любопытнаго», стр. 89—90.

Артемій Веркольскій, праведный отрокъ, род. въ Двинскомъ округѣ, на р. Пинегѣ, въ селеніи Верколѣ, въ 1532 г., скончался въ 1545 г. Память его совершается 23-го іюня и 20-го октября. Черезъ 28 лѣтъ послѣ смерти его, послѣдовавшей въ полѣ, во время грозы, причемъ тѣло умершаго было положено въ сосновомъ лѣсу непогребеннымъ, мощи Артемія обрѣтены нетлѣнными и положены въ приходской Веркольской церкви св. Николая. Въ разные годы мощи были освидѣтельствованы по распоряженію митрополитовъ новгородскихъ. Въ 1639 г. веркольская церковь сгорѣла и надъ мощами Артемія была сооружена часовня. Царь Алексѣй Михайловичъ разрѣшилъ построить на мѣстѣ обрѣтенія мощей, на берегу рѣки Пинеги, въ 151 верстѣ отъ города того же имени, монастырь, въ который въ 1649 г. мощи и были перенесены, предварительно переложенныя въ новую раку. Житіе Артемія и служба ему имѣются въ спискахъ XVII и XVIII вѣковъ. Веркольскій монастырь былъ упраздненъ въ 1764 г. Мощи св. Артемія нынѣ почиваютъ подъ спудомъ въ каменной церкви, построенной на добровольныя пожертвованія въ 1793 г., во имя преподобнаго отрока.

«Исторія Росс. Іерархіи», ч. III, стр. 520—528.—Филаретъ, «Русскіе Святые», ч. II, стр. 110—112.—А. Н. Муравьевъ, «Житія святыхъ Росс. Церкви», мѣсяцъ октябрь, стр. 367—371.—«Источники русской агіографіи», стр. 62—64.—В. В. Звѣринскій, «Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 годовъ», Спб., 1892 г., т. II, № 709, гдѣ и указана вся литература предмета.—В. Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ» стр. 323.—А. Ѳ. Бычковъ, «Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публичной библіотеки» (по указателю).—Арх. Леонидъ, «Святая Русь», стр. 102.—«Словарь историч. о святыхъ», изд. 2, Спб., 1862 г., стр. 38—39.

Артемовскій-Гулакъ, *Петръ Петровичъ*, ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи, талантливый украинскій поэтъ; род. 16-го января 1790 года, въ мѣстечкѣ Городищѣ (Смѣлѣ), Черкасскаго уѣзда, Кіевской губ., ум. 1-го октября 1865 г. Отецъ его былъ бѣдный сельскій священникъ, хотя и принадлежавшій къ дворянскому роду. Желая дать сыну богословское образованіе, Артемовскій-отецъ помѣстилъ его, на 12 году, въ Кіевскую духовную академію, которая при тогдашнемъ своемъ устройствѣ, обнимала, вмѣстѣ съ высшимъ образованіемъ, и низшее. Въ 1813 году Артемовскій-Гулакъ вышелъ изъ академіи, окон-

чивъ въ ней только семинарскій курсъ. Поселившись въ Бердичевѣ, онъ занялся преподаваніемъ въ частныхъ пансіонахъ, а потомъ поступилъ учителемъ въ домъ одного богатаго помѣщика. Кромѣ преподаванія, Артемовскій ревностно принялся за самообразованіе. Изучивъ превосходно латинскій языкъ и владѣя въ совершенствѣ французскимъ и польскимъ языками, онъ пріобрѣлъ весьма основательныя познанія по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ наукъ, въ особенности историческихъ и словесныхъ. Въ 1817 году Артемовскій прибылъ въ Харьковъ, куда привлекалъ его Императорскій университетъ. Здѣсь онъ поступилъ вольнослушателемъ на словесное отдѣленіе философскаго факультета и, вмѣстѣ съ посѣщеніемъ лекцій, благодаря особому вниманію начальства, преподавалъ студентамъ польскій языкъ. Почти одновременно съ посвященіемъ себя ученой дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ, Артемовскій началъ свою педагогическую дѣятельность въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, опредѣлившись здѣсь въ 1818 г. учителемъ французскаго языка. Съ сентября 1820 года Артемовскій сталъ преподавать въ Харьковскомъ университетѣ русскую исторію, географію и статистику, по особому ходатайству Совѣта университета, послѣ смерти заслуженнаго профессора Успенскаго. Въ теченіе одного мѣсяца октября 1820 года, онъ выдержалъ кандидатскій и магистерскій экзамены, а въ 1821 году, былъ удостоенъ степени магистра словесныхъ наукъ, защитивъ диссертацію: „О пользѣ исторіи вообще и преимущественно отечественной и о способѣ преподаванія послѣдней“. Въ январѣ 1823 года, Артемовскій получилъ каѳедру русской исторіи, которую занималъ по 1849 годъ, первоначально въ званіи адъюнкта. Въ 1826 году онъ былъ утвержденъ въ должности экстраординарнаго профессора. Въ началѣ 1827 г., онъ былъ назначенъ инспекторомъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ. 1-го сентября того же года, на университетскомъ актѣ, Артемовскій-Гулакъ произнесъ рѣчь: „De experiendis quibusdam antiquitatis slavonicae modis“, которая обратила вниманіе Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, избравшаго его, 12-го января 1828 года, въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ. Съ 31-го января по 27-е іюня 1828 года Артемовскій, кромѣ основного предмета—русской исторіи, читалъ лекціи по эстетикѣ, исторіи русской словесности и славянскому языку. 19-го сентября того же года онъ былъ утвержденъ въ должности ординарнаго профессора Харьковскаго университета. Въ 1829 году, а также въ 1833 и 1837 годахъ Артемовскій-Гулакъ былъ избираемъ въ деканы. Въ апрѣлѣ 1831 г. на Артемовскаго было возложено управленіе учебною частью въ Полтавскомъ и Харьковскомъ институтахъ, въ качествѣ члена совѣта этихъ учрежденій. Будучи инспекторомъ и членомъ совѣта въ обоихъ институтахъ, Артемовскій продолжалъ въ старшихъ классахъ преподавать французскій языкъ. 8-го декабря 1841 года онъ былъ избранъ ректоромъ Харьковскаго университета и занималъ эту должность два четырехлѣтія, послѣ чего вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтн., полученномъ 13-го января 1843 г. 17-го января 1855 года Харьковскій университетъ, въ день 50-лѣтія своего существованія, избралъ Артемовскаго-Гулака въ число своихъ почетныхъ членовъ. Послѣдніе годы своей жизни Артемовскій-Гулакъ провелъ въ кругу своего многочисленнаго семейства, слѣдя съ живѣйшимъ участіемъ за современными ему политическими событіями. Незадолго передъ смертью, онъ говорилъ о своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, оставшихся въ рукахъ у нѣкоторыхъ изъ его литературныхъ почитателей. Еще наканунѣ дня смерти онъ читалъ наизусть цѣлыя тирады изъ любимой имъ „Энеиды“ Виргилія. Печать несомнѣннаго таланта носятъ на себѣ поэтическія произведенія Артемовскаго-Гулака на малороссійскомъ языкѣ, которыми онъ такъ же извѣстенъ, какъ и своей учено-педагогическо-административной дѣятельностью. За Артемовскимъ-Гулакомъ должна быть безспорно признана заслуга развитія малорусскаго слова, послѣ Котляревскаго. Къ сожалѣнію, онъ писалъ мало и притомъ въ молодости, когда талантъ его еще не окрѣпъ. Первое произведеніе Артемовскаго-Гулака появилось въ 1819 году, въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“. Это былъ юмористическій разсказъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ: „Панъ та Собака“. Въ 1827 году была помѣщена въ журналѣ

„Славянинъ“ переведенная изъ Мицкевича баллада „Панъ Твардовскій“. Нѣкоторыя изъ стихотвореній были напечатаны въ „Утренней Звѣздѣ“, альманахѣ 1834 г. Многія ходили въ рукописяхъ. Его „казка“ „Солопій та Хівря“ („або горохъ при дорозі“) составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Разсказъ въ стихахъ „Тютхій та Чванько“ появился въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, съ французскимъ эпиграфомъ собственнаго авторскаго сочиненія. Кромѣ того, перу Артемовскаго-Гулака принадлежатъ: баллада „Рыбалка“, басня „Батько та синъ“, басня „Рибка“, подражаніе Горацію „до Пархима“ и нѣсколько одъ, переложенныхъ изъ него же. Извѣстность, какъ украинскій поэтъ, Артемовскій-Гулакъ пріобрѣлъ первыми тремя пьесами, весьма неравными по достоинству. Объ его переводѣ съ польскаго баллады „Панъ Твардовскій“ самъ Мицкевичъ отзывался съ величайшею похвалою и, не щадя своего авторскаго самолюбія, говорилъ, что малороссійскій переводъ выше подлинника. Артемовскій-Гулакъ былъ рѣдкимъ знатокомъ народнаго быта и нравовъ, и народной рѣчью владѣлъ въ совершенствѣ. Его произведенія были чрезвычайно популярны, ходили въ рукописяхъ и заучивались на память, а юмористическій разсказъ о „Панѣ и Собакѣ“, каждый грамотный малороссъ знаетъ наизусть. Талантъ Артемовскаго-Гулака, ярко вспыхнувъ при созданіи „Пана та Собаки“, въ послѣдующихъ произведеніяхъ сталъ ослабѣвать. Поэзія Артемовскаго-Гулака есть одна изъ ступеней развитія малороссійскаго юмора, который достигъ своего полнаго проявленія въ высокой поэзіи Гоголя.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Императорскаго Харьковскаго университета за 1865 годъ. Приложенія: П. П. Артемовскій-Гулакъ (некрологъ) А. Рославскаго-Петровскаго. — Поэзія славянъ, Гербеля. 1871 г., стр. 168—170.—Журналъ М. Н. П. 1855 г. Часть LXXXVII. Отд. V, стр. 1—36. Объ ученой дѣятельности Императорскаго Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія— ординарнаго профессора Харьковскаго университета А. Рославскаго-Петровскаго. — Отчетъ о состояніи Императорскаго Харьковскаго университета за 1845—46 академическій годъ, стр. 11—12. — Отчетъ о состояніи Императорскаго Харьковскаго университета за 1844—45 академическій годъ, стр. 4.—Отчетъ о состояніи Императорскаго Харьковскаго университета за 1847—48 академическій годъ, стр. 7. — Обзоръ украинской поэзіи «Артемовскій-Гулакъ». Статья Кулиша. «Основа» 1861 г. III, 78 — 113 стр.— Прибавленіе къ «Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», № 124, 1865 г. Объ изданіи сочиненій Артемовскаго-Гулака. Гр. Залюбовскій. 21-го октября 1865 года. —Прибавленіе къ «Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» № 112. 1865 года. Замѣтка И. Сливицкаго. — Исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича. Т. I, 1879 года. 359—360 стр.—Нѣсколько словъ сказанныхъ у гроба заслуженнаго профессора и почетнаго члена Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, П. П. Артемовскаго-Гулака. 3-го октября 1865 г. А. Станиславскій. «Духовный Вѣстникъ», 1865 г. Т. XII. Харьковъ.

Артемьевъ, *Алексѣй Артемьевичъ*, надв. с., ум. въ 1820 г. Прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ впослѣдствіи служилъ экзекуторомъ. Вмѣстѣ со студентомъ Борзовымъ перевелъ съ латинскаго лекціи профессора Ф. Г. Дилтея: „Начальныя основанія вексельнаго права, а особливо россійскаго, купно и шведскаго, съ прибавленіемъ разныхъ россійскихъ узаконеній, къ тому принадлежащихъ, для употребленія въ Моск. юридическомъ факультетѣ, по удобнѣйшему способу расположенныя“ (М. 1768, 1772 и 1787 гг.). Переработалъ самостоятельно лекціи римскаго и отечественнаго права профессоровъ Ф. Г. Дилтея и С. Е. Десницкаго и издалъ ихъ подъ заглавіемъ: „Краткое начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ съ показаніемъ купно обоихъ, равномѣрно какъ и чиноположенія оныхъ“ (М. 1777 г.). Кромѣ того, перевелъ съ французскаго языка книгу: „Душа добродѣтели или правила правоученія, въ пользу и наученіе юношества изъ древнихъ и новѣйшихъ мудрецовъ выбранныя“, Спб. 1778 г. и М. 1782 г.

Митр. Евгеній, «Слов. русск. свѣтскихъ писат., соотечеств. и чужестр., писавшихъ въ Россіи», 1838 г., изд. Снегирева, т. I, стр. 15—16.—Тоже. изд. 1845 г., т. I, стр. 6.—Геннади, «Справ. слов. о русск. писат. и уч., умершихъ въ XVIII и XIX стол.», т. I, стр. 48.—Венгеровъ, «Критико-біогр. слов. русск. писат. и учен.», т. I, стр. 810.—Ефронъ, «Энциклопед. слов.», стр. 196.

Артемьевъ, *Александръ Ивановичъ*, д. с. с., старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета, членъ статистическаго совѣта при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, дѣятель на поприщѣ археологіи, этнографіи, географіи и статистики, род. 24-го октября 1820 года, въ г. Хвалынскѣ, Саратовской губ., ум. въ С.-Петербургѣ, 29-го сентября 1874 г. Сынъ виннаго пристава, первоначальное

образованіе онъ получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ учил.; затѣмъ перешелъ въ Саратовскую гимназію, окончивъ курсъ въ которой въ 1837 г., поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ Казанскій университетъ на восточное отдѣленіе историко-филологическаго факультета, по разряду китайской словесности. По тогдашнему распредѣленію предметовъ преподаванія, ему приходилось слушать почти полный курсъ отдѣленія словеснаго; такимъ образомъ, Артемьевъ, изучая китайскій языкъ подъ руководствомъ архимандрита Даніила, слушалъ вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщую и русскую исторію у даровитаго профессора Н. А. Иванова, подъ руководствомъ котораго онъ пристрастился къ изученію русской исторіи и древностей. Окончивъ университетскій курсъ со степенью кандидата и съ золотой медалью за сочиненіе, написанное имъ на тему: „Критически опредѣлить достоинство трудовъ, подъятыхъ касательно отечественной исторіи, съ появленіемъ творенія Карамзина по настоящее время“, Артемьевъ былъ оставленъ при университетѣ въ должности помощника библіотекаря (съ 10-го января 1842 г.). Съ первыми мѣсяцами службы Артемьева при университетской библіотекѣ совпало печальное событіе—страшный пожаръ 24-го августа 1842 г., разрушившій большую часть Казани и захватившій библіотеку. Описанію этого событія Артемьевъ посвятилъ статью, помѣщенную въ „Прибавленіи“ (неоффиціальная часть) „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ (1850 г., „Прогулки по Казани. VI. Университетская Библіотека“, стр. 140—142). 15-го февраля 1846 г., по выдержаніи экзамена на степень магистра историческихъ наукъ, онъ публично защитилъ диссертацію, написанную на тему: „Имѣли-ли варяги вліяніе на славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?“ (Казань, 1845 г.). Рѣшивъ вопросъ отрицательно и доказавъ, что славяне стояли выше варяговъ (если считать ихъ норманами), диссертантъ обсуждалъ, не имѣющую связи съ вопросомъ о варягахъ, причину неуясненія смутнаго времени и коллегіальное устройство администраціи до-петровской Руси. Занимаясь по службѣ библіографіей, онъ написалъ исторію библіотеки Казанскаго университета (напечатана въ „Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.“ за 1851 г., чч. LXX и LXXII, отд. III), издалъ въ 1851 г., въ Казани, каталогъ русскихъ и иностранныхъ книгъ той части библіотеки, которая носитъ названіе студентской (въ 1850 г. въ ней было 2.220 названій, 6.394 экземпляра въ 9.839 волюмахъ, на сумму 20.619 р. 90 к.), и, наконецъ, составилъ весьма замѣчательное подробное палео-библіографическое „Описаніе рукописей библіотеки Казанскаго университета“, изданное уже послѣ смерти Артемьева проф. Е. Е. Замысловскимъ въ VII вып. „Лѣтописей занятій археогр. коммис.“ (Спб., 1882 г.). При жизни Артемьева изданъ былъ только одинъ отдѣлъ—рукописи историческія, описаніе которыхъ, въ числѣ 70-ти, появилось въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (1852—1857 гг., чч. LXXV, LXXXIII, XC и XCIV), и еще нѣсколько отрывковъ, разсѣянныхъ въ другихъ журналахъ. Въ описаніи своемъ Артемьевъ, по возможности, не только опредѣлялъ вѣкъ рукописи и мѣсто ея написанія, но дѣлалъ иногда извлеченія и излагалъ, смотря по надобности, и содержаніе рукописи. Сверхъ того, присовокупилъ алфавитный указатель всѣхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ рукописяхъ или въ описаніи ихъ. Одновременно съ описаніемъ библіотеки, Артемьевъ занялся пересмотромъ архива мѣстныхъ гимназій, выбирая все то, что годилось для изложенія исторіи этихъ учрежденій въ прошломъ вѣкѣ. Изъ этихъ выборокъ имъ была составлена монографія: „Казанскія гимназіи въ XVIII в.“, печатавшаяся въ 1874 г. (съ майской книжки) въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“ и оконченная уже послѣ его смерти въ ноябрьской книжкѣ журнала, гдѣ помѣщенъ и некрологъ его. Назначенный, въ 1844 г., редакторомъ неоффиціальныхъ прибавленій къ „Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“, Артемьевъ помѣстилъ здѣсь много статей и замѣтокъ по исторіи, этнографіи и статистикѣ Казанскаго края. Изъ нихъ особенно замѣчательны: „Моровое повѣтріе въ Казани въ 1654—1656 годахъ“ (№№ 27, 28, 1844 г.; перепечатана въ „Маякѣ“ за 1844 г., ч. XVIII) и „Прогулки по Казани“ — рядъ очерковъ, печатанныхъ въ „Прибавленіяхъ къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“ съ 1849 г. до 1852 г., представляющихъ занимательное и богатое свѣдѣніями описаніе и исторію казанскихъ достопримѣчательностей, преимуще-

ственно разныхъ коллекцій и ученыхъ учрежденій при университетѣ. Статьи Артемьева, оживившія мѣстную газету, были замѣчены столичными журналистами, которые стали перепечатывать ихъ въ своихъ изданіяхъ. Наконецъ, и самъ онъ началъ посылать свои статьи, также по мѣстной исторіи, для печатанія въ Петербургѣ и Москвѣ: въ „Сѣверномъ Обозрѣніи" (за 1848 г., № 1) появилась довольно большая рецензія его о сочиненіи Н. Баженова—„Казанская исторія" (Казань, 1847 г.); въ „Жур. Мин. Вн. Дѣлъ" (1851 г., ч. 33, кн. 1, стр. 56—74)—статья: „Древній болгарскій городъ Жукотинъ". Въ послѣдней статьѣ, служащей цѣннымъ вкладомъ въ область русской исторической географіи, точно опредѣлено мѣстоположеніе этого города въ Чистопольскомъ уѣздѣ, гдѣ на его мѣстѣ и понынѣ существуетъ село того же имени. Печатались его статьи и въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.", о чемъ упомянуто выше. Около этого же времени, Артемьевъ сталъ сообщать въ „Москвитянинѣ" корреспонденціи объ ученыхъ новостяхъ казанскихъ и вступилъ въ сношенія съ нѣкоторыми учеными обществами обѣихъ столицъ. Въ XI-й книгѣ „Временника Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ" (1851 г.) напечатана статья Артемьева: „Каталоги библіотеки Московской сѵнодальной типографіи", составленная на основаніи копій съ нихъ, принадлежащихъ Казанской университетской библіотекѣ, а въ „Запискахъ С.-Петербургскаго археологическаго общества" (1851 г., т. III) появилась статья его: „Медальные комитеты, учрежденные Императрицею Екатериною II", съ любопытными свѣдѣніями о медаляхъ, выбитыхъ по повелѣнію Екатерины на разныя событія изъ царствованія Петра Великаго. И эта статья составлена на основаніи документовъ, также хранящихся въ Казанской библіотекѣ. Сверхъ того, въ „Перечнѣ засѣданій того же общества", за 1850 г. (изд. 1851 г.), помѣщены: „Минцъ-кабинетъ Императорскаго Казанскаго университета" и „Разгадка старинной анаграммы, помѣщенной въ послѣсловіи къ житію св. Александра Невскаго". Еще ранѣе присылки этихъ статей, Артемьевъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ русскаго географическаго общества (8-го февраля 1850 г.) и членомъ-корреспондентомъ археологическаго общества (14-го февраля того же года). Около этого же времени онъ задумалъ составить, на основаніи собственныхъ наблюденій и изслѣдованій и другихъ матеріаловъ, общее описаніе Казанской губерніи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ; хотя онъ и послалъ первую часть труда въ географическое общество, но здѣсь она осталась почему-то ненапечатанной и находится въ архивѣ общества. Въ апрѣлѣ 1850 г. Артемьевъ получилъ приглашеніе изъ Петербурга перечислиться на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Годъ спустя по полученіи этого приглашенія, 9-го апрѣля 1852 г., онъ былъ причисленъ къ Министерству и покинулъ Казань. Послѣдній нумеръ „Прибавленій", за подписью Артемьева, вышелъ 3-го марта (№ 10). По пріѣздѣ въ Петербургъ, Артемьевъ былъ назначенъ въ составъ одной изъ статистическихъ экспедицій, снаряженной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Ярославскую губернію, подъ начальствомъ И. М. Синицына, въ качествѣ члена-редактора ея. Здѣсь Артемьевъ, занимаясь изслѣдованіемъ о народонаселеніи губерніи, встрѣтился, между прочимъ, съ обширнымъ распространеніемъ раскола, наблюдалъ вліяніе раскольничьихъ понятій безпоповщины на разныя стороны народнаго быта и изучалъ особенности различныхъ сектъ. Результатомъ этой поѣздки явилась статья Артемьева: „О числѣ паспортовъ, выдаваемыхъ въ Ярославской губерніи" („Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ", 1858 г., отд. III, апрѣль, стр. 9—44). Масса свѣдѣній, собранныхъ этою экспедиціею и другою, снаряженною въ Нижегородскую губернію, не могла быть издана вполнѣ, но главнѣйшіе выводы ея напечатаны въ особой книгѣ: „О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской" (Спб., 1861 г., изд. Мин. Внутр. Дѣлъ). Изданіе это сдѣлалось теперь библіографическою рѣдкостью, ибо большая часть экземпляровъ его погибла во время пожара толкучаго рынка и смежнаго съ нимъ зданія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 28-го мая 1862 г. Послѣ объѣзда Ярославской губерніи, Артемьевъ былъ командированъ въ Саратовскую экспедицію (гр. Ю. И. Штенбока), по возвращеніи откуда былъ назначенъ, 28-го іюня 1853 г., старшимъ производителемъ (впослѣдствіи

редакторомъ) статистическихъ работъ въ „статистическій комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“, получившій позже названіе „центральнаго статистическаго комитета“. До назначенія своего, въ 1871 г., членомъ статистическаго совѣта, Артемьевъ оставался въ этой должности и былъ постояннымъ участникомъ всѣхъ ученыхъ работъ комитета. При его непосредственномъ участіи выработанъ планъ изданія „Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи“, выходившихъ послѣдовательно съ 1861 г.; подъ его редакціей и съ его обширными введеніями, составлены описанія 9-ти губерній: Астраханской, Бессарабской, Казанской, Курской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Ярославской, между которыми первое мѣсто занимаютъ посѣщенныя авторомъ и имъ изслѣдованныя губерніи Казанская и Ярославская. Въ изданіи хозяйственнаго департамента Мин. Внутр. Дѣлъ „Городскія поселенія Россійской Имперіи“ (1860—1868 гг., 7 томовъ), перу Артемьева принадлежитъ историческій очеркъ 26-ти губерній, перечень которыхъ находится въ предисловіи къ I-му тому. Въ обоихъ этихъ работахъ, благодаря всегдашнему пріему Артемьева — соединенія исторіи съ топографіей и статистикой,—каждая губернія, каждый городъ представляетъ какъ бы руководящую статью по части исторіи, топографіи и статистики мѣстности. Имъ же обработаны нѣкоторые важные отдѣлы въ другихъ изданіяхъ комитета, вышедшихъ подъ заглавіями: „Статистическія таблицы“ (изд. 1856 г.), „Статистическій временникъ“ (VIII-й выпускъ второй серіи этого изданія заключаетъ въ себѣ сводъ свѣдѣній о движеніи населенія по Имперіи за 1867 г., съ обширнымъ предисловіемъ объ устройствѣ у насъ статистической регистраціи по этому предмету) и „Санктпетербургъ по переписи 1869 г.“. Въ первомъ выпускѣ этого изданія Артемьеву принадлежитъ предисловіе, излагающее ходъ всей операціи переписи, и обработка отдѣла о вѣроисповѣданіи, родномъ языкѣ и грамотности жителей столицы. Сверхъ того, онъ принималъ участіе въ подготовительныхъ работахъ къ съѣзду секретарей губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ 1870 г. и, еще ранѣе того, по устройству поземельной регистраціи (нынѣ, впрочемъ, не осуществленному). Кромѣ занятій собственно по статистическому комитету, Артемьевъ, подъ руководствомъ Н. А. Милютина, съ первыхъ же дней дѣйствія редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, работалъ по этому вопросу. Подъ его наблюденіемъ и редакціей напечатаны были: „Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій“ (6 томовъ, 1859—1860 гг.) и „Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія въ Россіи“ (3 части, 1860—1861 гг.). Съ объявленіемъ манифеста 19-го февраля 1861 г., по иниціативѣ Н. А. Милютина, было предпринято ежемѣсячное изданіе „Лѣтописи сельскаго благоустройства“, редактированіе котораго было поручено Артемьеву. Онъ участвовалъ также въ редакціи „Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ“ и, съ 1857 г. по 1862 г., почти въ каждой книжкѣ его помѣщалъ библіографическіе разборы статистическихъ изданій и многія другія статьи. По прекращеніи „Журнала Мин. Внутр. Дѣлъ“ (1-го января 1862 г.), въ „Сѣверной Почтѣ“ и „Правительственномъ Вѣстникѣ“ помѣстилъ довольно обширныя статьи: „Подворная перепись населенія г. Перми“, „Фабрично-заводская промышленность, ремесленность и ярмарки Варшавской губерніи“ и „Обозрѣніе смѣты доходовъ и расходовъ г. Варшавы за 1868 годъ“. Изъ частныхъ изданій, по переселеніи на службу въ Петербургъ, Артемьевъ принималъ участіе въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ помѣщена обширная статья его „О народныхъ переписяхъ“ (1857 г., X), написанная по поводу предполагавшейся въ 1858 г. десятой ревизіи; затѣмъ, въ газетѣ „Русскій Дневникъ“ (газета П. И. Мельникова), 1859 г., и въ энциклопедическихъ словаряхъ Березина и общества ученыхъ и литераторовъ, подъ ред. Краевскаго и Лаврова; въ томъ и другомъ онъ взялъ на себя отдѣлъ географіи, статистики и исторіи губерній, уѣздовъ и т. п. Имперіи. Постоянно участвовалъ въ коммиссіяхъ по присужденію премій за археологическіе труды, изданные въ свѣтъ, и по устройству археологическихъ съѣздовъ; въ „Извѣстіяхъ“ этого общества помѣщено нѣсколько рецензій, написанныхъ Артемьевымъ. Выбранный депутатомъ отъ центральнаго статистическаго комитета на первый археологическій съѣздъ въ Москвѣ (1869 г.) и на второй — въ Петербургѣ (1871 г.), Артемьевъ принималъ участіе

въ предварительномъ обсужденіи программъ этихъ съѣздовъ и принадлежалъ къ составу той ученой коммиссіи, которая была избрана Петербургскимъ археологическимъ обществомъ для изданія трудовъ второго съѣзда. Въ коммиссіи по устройству архивовъ, возникшей по инціативѣ второго съѣзда, Артемьевъ также явился членомъ, въ качествѣ представителя отъ Министерства. По географическому обществу онъ занимался редакціею нѣкоторыхъ томовъ „Записокъ“ по отдѣламъ статистики и этнографіи. Въ I-мъ томѣ „Записокъ“ помѣщенъ трудъ священника Ѳ. В. Гиляровскаго „О рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи“. По отзыву секретаря отдѣленія статистики въ 1867 г. (отчетъ географич. общества за этотъ годъ, стр. 80—81), въ трудѣ этомъ, благодаря лишь коренной переработкѣ Артемьева, все приведено въ стройное цѣлое въ чисто-научномъ смыслѣ. Во II-мъ томѣ помѣщена составленная имъ дополнительная статья къ изслѣдованію В. А. Попова „О движеніи населенія въ Вологодской губерніи“ и некрологъ А. Ѳ. Попова. Постоянный членъ коммиссій, ежегодно избираемыхъ отдѣленіями общества для присужденія медалей, онъ написалъ между прочимъ, рецензіи на сочиненія: Лаптева—„Матеріалы для географіи и статистики Казанской губерніи“, Кривошапкина—„Енисейскій округъ и его жизнь“ и общій обзоръ ученыхъ трудовъ нашего знаменитаго синолога—В. П. Васильева, при присужденіи ему Константиновской медали. Къ 25-ти-лѣтію ученой дѣятельности общества Артемьевъ подарилъ сочленовъ книгою: „Обозрѣніе трудовъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по исторической географіи“ (Спб., 1873 г.). Всѣ эти разнообразныя заслуги Артемьева передъ географическимъ обществомъ были почтены присужденіемъ ему малой золотой медали и указали ему мѣсто въ совѣтѣ общества; въ этомъ званіи онъ пробылъ одно четырехлѣтіе, а черезъ годъ, вторично призванный къ исполненію тѣхъ же обязанностей, несъ ихъ до самой кончины. Въ 1867 и 1868 гг. сопровождалъ Е. И. В. Великаго Князя Алексѣя Александровича въ путешествіе по Европейской Россіи и Кавказскому краю и въ плаваніе по Черному и Средиземному морямъ. Въ первую поѣздку, на пути съ Аѳона, путешественникамъ пришлось выдержать страшную бурю, во время которой Артемьевъ, подымаясь изъ каюты на палубу, разбился грудью. Хотя крѣпкое сложеніе и вынесло этотъ ударъ безъ видимаго поврежденія въ организмѣ, тѣмъ не менѣе, въ груди его началъ развиваться ракъ, приведшій его къ преждевременной могилѣ. При изданіи сборника „Древняя и Новая Россія“, къ которому онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ, Артемьевъ обѣщалъ написать для первыхъ его книжекъ двѣ статьи: „Историческій очеркъ г. Твери“ и „Историко-этнографическій очеркъ Мордвы“. Онъ собралъ всѣ необходимые для этого матеріалы, но усилившіяся страданія и смерть лишили его возможности приступить къ работѣ. Перечень статей и изслѣдованій Артемьева, подписанныхъ его именемъ, приведенъ въ словарѣ Венгерова (ст. проф. Д. Корсакова). Списокъ этотъ далеко не полонъ, такъ какъ Артемьевъ очень много помѣщалъ статей, этнографическихъ и историческихъ матеріаловъ безъ подписи.

Біографич. свѣдѣнія: «Древняя и Новая Россія», 1875, т. I, стр. 86—91 (некрологъ, съ портретомъ его, П. Н. Петрова) и 1875 г., т. IV (410—413), Воспоминанія Тихонравова.—«Журн. Мин. Нар. Просв.», 1874 г., ноябрь, стр. 94—109 (некр. Л. Н. Майкова).—«Голосъ», 1874 г., № 271 (некрологъ).—«Отчетъ Имп. Рус. Географ. Общ.» за 1874 г., сост. И. Вильсонъ.—«Ярославск. Губ. Вѣд.», 1874 г., № 80 (ст. Бернацкаго).—Словари: Ефрона и Гарбеля.

Артлебенъ, *Николай Андреевичъ*, архитекторъ и археологъ, род. 13-го марта 1827 г., ум. 14-го марта 1882 г., во Владимірѣ. Сынъ православнаго священника во Владимірской губ., онъ получилъ образованіе въ Московскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ и, будучи членомъ обществъ: Имп. русскаго и Моск. археологическихъ, любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, древней письменности, древне-русскаго искусства, и проч., помѣщалъ свои статьи въ издаваемыхъ первыми двумя „Извѣстіяхъ“ (1863, т. IV, вып. 4: „Кафельная печь въ архіер. домѣ въ Суздалѣ“) и „Древностяхъ“ (1865, т. I: „Евангеліе 1544 г. Боголюбова мон.“; 1874, т. IV: „О рукоп. синодикѣ 1672 г.“; 1880, т. VIII: „Казна Моск. Успенскаго собора, устроенная Аристот. Фіоравенти въ 1478 г.“), а также въ „Трудахъ“:

Моск. археолог. съѣзда (I, 252—259) и Владим. губ. статистич. комитета, гдѣ состоялъ секретаремъ (1863, вып. I: „Древ. фрески, откр. въ Спасо-Преображ. соборѣ"); въ редактированныхъ имъ съ 1879 г, (№ 43), послѣ Тихонравова, „Владимірскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" (1863, № 29: „Кафельная печь въ Суздалѣ"; 1864, № 28: „Археолог. извѣстіе о переясл. Спасскомъ соборѣ"; 1873, № 39: „Храмозданная грамота 1684 г. на построеніе дерев. церкви въ с. Иговѣ, Меленковскаго у."; 1874, № 1: „Археолог. поправка"; 1876, №№ 1 и 20, 1877, №№ 5 и 10, 1879, № 48 и 1880, №№ 11—12, 45—46 и 51: „Старинные акты"; 1877, №№ 1—3 и 6—7: „Описная книга Владим. Кремля-города 1626 г." и „Владим. Кремль-городъ по описной книгѣ 1625 г."; № 13: „Сказка бывшей игуменьи владим. Успенскаго дѣв. монастыря Неонилы о происхожденіи своемъ и занятіяхъ"; 1879, № 45: „Древняя церковь XVII в. въ с. Драчевѣ, Меленковскаго у."; 1880, № 2: „Казанскій соборъ въ гор. Вязникахъ", № 6: „О писчей оберточно-бумажныхъ фабрикахъ и картонныхъ заведеніяхъ", № 28: „Старинная деревянная церковь въ с. Глотовѣ, Юрьевскаго у.", № 32: „Церкви въ с. Станкахъ, Вязниковскаго у.", № 43: „Замѣтка о переясл. Горицкомъ мон.", № 44: „Указы Петра I Ефрему, митроп. суздальскому и юрьевскому, 1706—1709 гг.", №№ 47—49, 51—52, и 1881, №№ 2, 4—7: „Каталогъ стар. рукописей, печ. книгъ, грамотъ и актовъ, хран. въ библіотекѣ Флорищевой пуст., состоящей въ Гороховецкомъ у."); наконецъ, въ „Древней и Новой Россіи" (1878, кн. I: „Къ вопросу о такъ называемой Халдейской печи"). За самый капитальный трудъ свой: „Общій обзоръ памятниковъ зодчества древней Суздальской области", напеч. въ „Ежегодникѣ Владим. статист. комитета" за 1880 г., онъ получилъ большую серебряную медаль отъ археолог. общества; за реставрацію владим. Успенскаго собора и монографію о немъ, а также за модель Рождествина монастыря—большую золотую, отъ общества любителей естествознанія; накопецъ, за реставрацію церкви Рождества Пресв. Богородицы (бывшаго Рождествина монастыря, нынѣ архіерейскаго дома)—орденъ св. Станислава, з древняго книгопечатнаго двора въ Москвѣ—орденъ св. Анны. Кромѣ того, имъ были построены почти всѣ церкви и часовни во Владимірской губ. за періодъ времени съ 1850—1880 г.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ пок. русск. писателей». Спб., 1885. 1888, 1889. I, 10; IV, 5; V, 5.—С. А. Венгеровъ, «Словарь писателей».—«Памятники древн. письменности», 1889, LXXX, стр. 89.—А. М. Павлиновъ, «Древнерусск. искусство».—Некрологи въ «Владим. Вѣдомостяхъ» 1882 г.: епарх.—№ 8 и губерн.—№ 13.

Н. Собко.

Артюковъ, *Өедоръ Герасимовичъ*, вице-адмиралъ, ум. 14-го октября 1851 г. Воспитывался въ морскомъ корпусѣ, откуда, въ 1798 г., былъ выпущенъ въ мичманы. Большую часть службы провелъ въ плаваніи на судахъ Балтійскаго флота, и притомъ въ заграничныхъ водахъ, сперва у береговъ Англіи и Голландіи, а потомъ въ Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ, въ эскадрѣ вице-адмирала Сенявина, подъ флагомъ котораго участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Дарданеллахъ и у Аөонской горы, такъ что уже въ 1811 г., въ чинѣ лейтенанта, Артюковъ былъ награжденъ за 18 морскихъ кампаній орденомъ св. Георгія 4-го класса, а съ 1817 г. сталъ командовать судами, дѣлая переходы изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Съ 1826—1830 г. состоялъ помощникомъ капитана надъ Архангельскимъ портомъ и потомъ начальникомъ тамошняго морского госпиталя. Въ чинѣ капитана 1-го ранга командовалъ кораблями въ Балтійскомъ морѣ, пока, въ 1836 г., не былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ переводомъ въ черноморскій флотъ, гдѣ имѣлъ свой флагъ въ качествѣ эскадреннаго начальника, что продолжалось по 1845 годъ, когда Артюковъ получилъ назначеніе сперва членомъ общаго присутствія черноморскаго интендантства, а потомъ, съ 1849 года, со времени производства въ вице-адмиралы, состоялъ предсѣдателемъ комитета по устройству въ Севастополѣ сухихъ доковъ, и въ этой послѣдней должности находился до дня своей смерти.

«Общій морской списокъ», т. VI, стр. 10.

Арунгази, *Аб-уль-Азизъ*, сынъ Абульгази, султана, внукъ султана Каипа, выборнаго хана Малой Киргизской орды, соперника Нура-ли, ум. 24-го августа 1833 г. Онъ волновалъ киргизовъ подъ правленіемъ Ширгази, хана Большой Киргизской орды, поддерживаемаго русскими силами. Взятый въ плѣнъ, Арунгази привезенъ (31-го

мая 1823 г.) въ Калугу на житье. Ему производили въ годъ 18.000 р. сер. содержанія. Въ 1829 г. женился на дочери московскаго купца, татарина Хассана Мангушева, Мединѣ. Будучи на охотѣ, Арунгази простудился и умеръ отъ горячки, имѣя около 40 лѣтъ.

«Калужскія Губ. Вѣд.», 1859 г., № 40 (стр. 588).—«History of Mongols» by H. Howorth, II, 672.

П—въ.

Арфъ (Harf), *Иванъ Николаевичъ*, датчанинъ. Начавшіяся при Императрицѣ Екатеринѣ II военныя дѣйствія нашего флота съ Турціею въ водахъ Архипелага вызвали потребность усилить личный составъ флота пріемомъ на службу многихъ иностранныхъ морскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Арфъ, принятый въ 1770 г. въ чинѣ контръ-адмирала и назначенный командовать эскадрою, отправленною изъ Балтики въ Архипелагъ, на усиленіе нашего флота. Арфъ, имѣя флагъ на кораблѣ „Св. Георгій Побѣдоносецъ", прибылъ въ Архипелагъ съ 3-мя кораблями и 13-ю транспортными судами, и навлекъ на себя неудовольствіе главнокомандующаго флотомъ, графа А. Г. Орлова, донесшаго Императрицѣ, что „к.-а. Арфъ легошенько пришелъ, какъ корабли наши и въ Балтійскомъ морѣ не ходятъ; нужныя вещи въ Ревелѣ оставилъ и провіантовъ только на три мѣсяца взялъ". Продолжая командовать эскадрою въ составѣ флота, Арфъ не только не разсѣялъ этого неудовольствія, но еще болѣе усугубилъ его своимъ непомѣрнымъ самолюбіемъ, такъ что на другой же годъ былъ отпущенъ изъ Архипелага въ С.-Петербургъ, потому что, по донесенію главнокомандующаго, „не предвидѣлось нужды въ продолженіи его службы въ Архипелагѣ". Въ 1772 г. Арфъ, получившій въ единовременное награжденіе пять тысячъ рублей, былъ вовсе уволенъ отъ службы.

«Общій морской списокъ», т. III.

Архангельскій, *Василій Михайловичъ*, адъюнктъ-профессоръ физико-математическихъ наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ; род. въ 1792 г., въ селѣ Кобылинѣ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губ., ум. въ Царскомъ Селѣ 27-го января 1828 г. По окончаніи курса въ Нижегородской духовной семинаріи, онъ въ 1810 г. поступилъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ, гдѣ посвятилъ себя изученію преимущественно физико-математическихъ наукъ. Въ 1815 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ институтѣ и былъ опредѣленъ преподавателемъ физики и математики въ Имп. Царскосельскій лицей и въ благородный при лицеѣ пансіонъ, а два года спустя удостоенъ званія адъюнктъ-профессора. Труды Архангельскаго, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, рано низведшаго его въ могилу, весьма немногочисленны. Имъ издана: „Карманная книжка для барометрическаго нивеллированія" въ 1824 г. и переведены нѣсколько статей по оптикѣ и механикѣ, по руководствамъ Макайля, Буржа и Франкера.

«Историч. очеркъ Имп. Александр. лицея» 1861 г., стр. 132.—Геннади, т. I, стр. 48.—«Изсл. и статьи по русск. лит. и просвѣщенію» М. Н. Сухомлинова, т. I, стр. 236.—«Сѣверная Пчела», 1828 г., № 18.—С. Венгеровъ «Крит.-біогр. сл.», т. I, стр. 812.

Архангельскій, *Иванъ Ивановичъ*, д. с. с., докторъ медицины, род. въ 1832 г., ум. въ Динабургѣ, въ половинѣ марта 1888 года. Происходилъ изъ духовнаго званія Смоленской губ., первоначальное образованіе получилъ въ Смоленской семинаріи, окончивъ курсъ въ которой, въ 1854 г., поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, откуда выпущенъ былъ въ 1859 г. лѣкаремъ, съ золотой медалью, и прикомандированъ ко 2-му С.-Петербургскому военно-сухопутному госпиталю. 27-го октября 1862 г., за диссертацію: „О каустическихъ средствахъ при болѣзняхъ матки" (Спб., 1862 г.), Архангельскій получилъ степень доктора медицины и, въ 1863 г., съ званіемъ акушера, назначенъ въ Варшавскій уяздовскій военный госпиталь младшимъ ординаторомъ. Въ томъ же году переведенъ младшимъ ординаторомъ въ Кіевскій военный госпиталь, а въ 1864 г. назначенъ старшимъ лѣкаремъ 32-й артиллерійской бригады. Въ 1865 г. Архангельскій уволенъ былъ отъ службы для поступленія въ гражданское вѣдомство и назначенъ старшимъ врачемъ виленской больницы; но въ 1866 г. снова перешелъ въ военное вѣдомство и поступилъ главнымъ лѣкаремъ Минскаго военнаго госпиталя. Служа въ Минскѣ, Архангельскій состоялъ также съ 1868 г. врачемъ Минской духовной семинаріи и, до выхода въ отставку въ 1881 г., прочелъ въ Минскѣ шесть публичныхъ лекцій по общественной гигіенѣ и діэтетикѣ, изданныхъ отдѣльною

книгою. Уволенный въ 1881 г. отъ службы, Архангельскій состоялъ врачемъ въ Минской семинаріи, а въ 1885 г. назначенъ главнымъ врачемъ Динабургскаго военнаго госпиталя. Участвовалъ въ различныхъ медицинскихъ журналахъ, помѣщая статьи спеціальнаго характера.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, тетр. I, стр. 9: вып. II, т. IV, стр. 14.

Архангельскій, *Николай Михеевичъ*, публичный ординарный профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ прикладной математики; род. въ 1787 г., ум. въ 1857 г. въ Харьковѣ. Происходилъ изъ духовныхъ курской епархіи. Первоначальное образованіе получилъ въ Курской семинаріи, въ которую отданъ былъ 10-ти лѣтъ отъ роду и, окончивъ полный курсъ, наукъ, поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ Харьковскій университетъ, вмѣстѣ съ открытіемъ его, и въ 1808 г. выпущенъ оттуда со степенью кандидата. По окончаніи курса Архангельскій былъ оставленъ при университетѣ для преподаванія студентамъ алгебры и геометріи; состоялъ въ то же время субъ-инспекторомъ и нѣкоторое время заступалъ въ Харьковской гимназіи мѣсто учителя философіи и изящныхъ наукъ. 1809—1810 академическій годъ Архангельскій находился въ командировкѣ для преподаванія математики и физики въ Черниговской гимназіи и въ томъ же, 1810 году, возвратясь въ Харьковъ, снова читалъ математику студентамъ перваго курса университета. Съ 31-го іюля того же года возложили на него еще чтеніе физики для гражданскихъ чиновниковъ, желавшихъ сдавать экзаменъ въ наукахъ на чинъ VIII класса. Послѣднее порученіе было только временное, и, освободившись отъ него, Архангельскій, въ 1811 г., защитилъ диссертацію на степень магистра: „О единообразномъ теченіи воды въ рѣкахъ и открытыхъ каналахъ“. По утвержденіи въ ученой степени, Архангельскій отправленъ былъ въ С.-Петербургъ для усовершенствованія познаній въ математикѣ при Императорской академіи наукъ подъ руководствомъ членовъ ея. Находясь въ С.-Петербургѣ (съ 14-го января 1812 г. по 10-е декабря 1813 г.), Архангельскій занятъ былъ переводами математическихъ сочиненій съ французскаго языка, порученными ему профессорами академіи и перевелъ въ это время: „Статику“ Пуассона, соч. Боссю и Віолета—„Изслѣдованіе о наивыгоднѣйшемъ построеніи плотинъ“, изданное главнымъ правленіемъ училищъ, Спб. 1815 г., и соч. Прони—„Физико-математическія изслѣдованія теченія воды“. Въ то же время переведены имъ съ латинскаго языка нѣсколько математическихъ диссертацій Эйлера, напечатанныхъ въ книгѣ „Умозрительное изслѣдованіе академическихъ наукъ“. По возвращеніи въ Харьковъ къ началу 1814 г., Архангельскій опредѣленъ былъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ математики и зачисленъ въ дѣйствительные члены учрежденнаго при Харьковскомъ университетѣ „Общества наукъ“, а затѣмъ, избранъ былъ начальствомъ экзаменаторомъ выпускныхъ воспитанниковъ Харьковской гимназіи. Назначенный адъюнктомъ, Архангельскій перевелъ съ французскаго, начатый имъ еще въ Петербургѣ, учебникъ Франкера „Основанія механики“ въ 2-хъ частяхъ, съ дополненіями переводчика, который напечатанъ былъ въ Харьковѣ въ 1815 г. Съ 1-го января 1816 г. по 13-е августа 1821 г. занималъ должность секретаря физико-математическаго факультета, 21-го сентября 1818 г. утвержденъ экстраординарнымъ, а 7-го февраля 1826 г. ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ прикладной математики. Каѳедру эту Архангельскій занималъ до 1837 г., когда, вслѣдствіе преобразованій университета, согласно новому уставу, уволенъ съ полной пенсіею и правомъ сохранять ее на всякаго рода службѣ, подобно заслуженнымъ профессорамъ. Въ бытность профессоромъ, онъ два раза избираемъ былъ деканомъ физико-математическаго факультета, состоялъ членомъ комитета для испытанія домашнихъ учителей и учительницъ и членомъ училищнаго комитета. Нѣсколько разъ ему поручаемо было ревизовать гимназіи, а иногда, послѣ возникавшихъ въ нихъ безпорядковъ, и управлять ими нѣкоторое время. Сверхъ того, онъ три года преподавалъ естественную исторію и физику въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Съ 1837 г. Архангельскій все время провелъ въ Харьковѣ и умеръ 70-ти лѣтъ отъ роду. Учено-литературные труды Архангельскаго какъ оригинальные, такъ и переводные, перечислены профессоромъ Коссовымъ въ „Отчетѣ о состояніи и дѣятельности

Императорскаго Харьковскаго университета за 1857—1858 академич. гг.", приложенномъ къ „Годичному акту университета" 8-го сентября 1858 г. (стр. 14—15).

«Отчетъ харьк. унив. за 1857—1858 гг.». Приложеніе къ годичному акту 1858 г., стр. 13—14. — Форм. спис. въ Спб. сенатскомъ архивѣ; 1821 г., № 57 и 1829 г., № 27.

Архангельскій, *Павелъ Васильевичъ*, кандидатъ Московскаго университета, профессоръ Ришельевскаго лицея. Съ 13-го іюля 1825 г. въ этомъ учебномъ заведеніи исправлялъ должность профессора правовѣдѣнія и политической экономіи, съ 12-го октября 1831 г. былъ профессоромъ россійскаго законовѣдѣнія. При назначеніи Архангельскаго 11-го марта 1836 г. на должность инспектора казенныхъ училищъ и члена совѣта управленія одесскимъ учебнымъ округомъ, ему было разрѣшено и чтеніе лекцій въ лицеѣ. 24-го февраля 1838 г. Архангельскій былъ уволенъ отъ должности инспектора и снова утвержденъ профессоромъ законовѣдѣнія, энциклопедіи и исторіи правовѣдѣнія, но въ томъ же году оставилъ каѳедру. Въ 1837 г. Архангельскій съ 5-го марта по 5-е августа исправлялъ должность инспектора лицея, а съ 5-го августа по 1-е сентября—директора.

«Ришельевскій лицей и Импер. Новорос. университетъ», сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета, ч. I, Одесса, 1898, стр. 9 (отдѣлъ II).—Іос. Михневичъ, «Историч. обзоръ сороколѣтія Ришельевскаго лицея съ 1818 по 1857 годъ», стр. 76.

Архаровъ, *Иванъ Петровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, младшій братъ Николая Петровича; род. въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, ум. 16-го февраля 1815 года. Записанный въ 1760 г. на службу л.-гв. въ Преображенскій полкъ, Архаровъ дослужился въ рядахъ его до чина капитанъ-поручика и, вскорѣ затѣмъ, 15-го марта 1774 г., переведенъ подполковникомъ въ армію. Съ восшествіемъ на престолъ Павла I, онъ успѣлъ обратить на себя особое вниманіе Императора и тогда же былъ пожалованъ въ генералы-отъ-инфантеріи; 1-го декабря 1796 г. получилъ орденъ св. Александра Невскаго; вскорѣ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Москву, а въ день коронаціи получилъ въ командованіе Московскій 8-ми-баталіонный гарнизонъ, извѣстный подъ именемъ „архаровскаго" полка, и въ награду—тысячу душъ крестьянъ. Въ 1797 г., вмѣстѣ съ братомъ, онъ неожиданно былъ отставленъ отъ должностей и получилъ повелѣніе выѣхать изъ столицы въ его тамбовскія помѣстья. Здѣсь оставался онъ до 1801 года, когда при новомъ Государѣ ему былъ разрѣшенъ въѣздъ въ Москву и Петербургъ; доживая свои дни внѣ службы, онъ скончался въ Петербургѣ. Память объ Архаровѣ еще до нынѣ связывается съ батальонами его суровыхъ „архаровцевъ".

«Русскій Архивъ», 1891 г., № 8, стр. 418.—Словарь учен. и литер. Красвскаго. — «Русск. Старина», 1875 г., XII, 245, 246, 247, 282.

Архаровъ, *Николай Петровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, извѣстный дѣятель царствованій Екатерины II и Павла I, сынъ бригадира, род. 7-го мая 1740 г., ум. въ январѣ 1814 г. На 16-мъ году началъ службу рядовымъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, черезъ четыре года, въ 1761 г., произведенъ въ офицеры. Отличаясь ревностью къ службѣ, обладая смѣтливымъ умомъ, Архаровъ быстро поднимался по іерархической лѣстницѣ, чему особенно благопріятнымъ случаемъ явилась командировка его въ 1771 г. въ помощь князю Орлову въ Москву для борьбы съ свирѣпствовавшею тамъ чумою; прославившись, на ряду съ этимъ, искуснымъ веденіемъ слѣдствія по дѣлу о Пугачевскомъ бунтѣ, онъ, въ 1775 г., былъ назначенъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, въ 1777 г. іюня 28 произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1779 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ., а въ 1782 г. состоялъ уже въ должности московскаго губернатора. Вслѣдъ затѣмъ, произведенный въ 1783 г. въ генералъ-поручики, Архаровъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ на постъ генералъ-губернатора тверского и новгородскаго намѣстничествъ, въ 1785 г. пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1790 г.—св. Владиміра 1-й степ., и тогда же, съ сохраненіемъ званія генералъ-губернатора, былъ облеченъ властью директора водяныхъ коммуникацій. Въ послѣдней должности Архаровъ принесъ значительную пользу, способствуя улучшенію путей сообщенія, проведенію каналовъ, устройству переправъ и т. п.; еще большую пользу управляемому краю принесла его рѣдкая способность къ пресѣченію и искорененію преступленій и поимкѣ преступниковъ. Эта способность, являвшаяся отличительнымъ качествомъ въ теченіе

всей службы Архарова, связала съ его именемъ обширную серію анекдотовъ и доставила ему извѣстность за-границею; знаменитый сыщикъ его времени, парижскій полиціймейстеръ Сартинъ, неоднократно изъявлялъ свое полное удивленіе искусству Архарова въ этомъ отношеніи. Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, тотчасъ вызвалъ Архарова въ Петербургъ, произвелъ его въ генералы-отъ-инфантеріи, 9-го ноября 1796 г. пожаловалъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и назначилъ, при оставленіи въ прежнихъ должностяхъ, с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ; но въ то время легки были переходы отъ милостиваго благоволенія къ грозной опалѣ, и уже въ слѣдующемъ году іюня 15-го послѣдняя постигла Архарова: онъ былъ неожиданно отставленъ отъ всѣхъ должностей и, съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы, высланъ въ его тамбовскія помѣстья. Съ этимъ закончилась служба Архарова. Получивъ съ новымъ царствованіемъ право жить въ Москвѣ, Архаровъ, то здѣсь, то въ деревняхъ проводя время на покоѣ, скончался въ с. Разсказовѣ.

«Словарь достопамятн. людей» Д. Бантышъ-Каменскаго, М., 1836 г., ч. I, стр. 69—73.—«Русск. Архивъ», 1890 г. № 8, стр. 417—419.—«Губернскій служебникъ» кн. Н. Туркестанова, Спб. 1869 г., стр. 93.—Словари: Плюшара, Старчевскаго, сост. русск. учен. и литер., Толля и Березина.

Архиповъ, *Александръ Николаевичъ*, горный инженеръ, берггауптманъ 6-го класса, род. въ 1788 г., ум. 20-го сентября 1836 г. Окончивъ въ 1807 году курсъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ на Колывановоскресенскіе (Алтайскіе) заводы, гдѣ и находился приставомъ по заводской части сперва на Сузунскомъ, а затѣмъ на Локтевскомъ заводахъ. Въ 1812 году Архиповъ назначенъ былъ помощникомъ оберъ-бергъ-пробирера при департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, а въ 1820 г. командированъ на Уралъ, на заводы наслѣдниковъ Яковлева, и затѣмъ, въ 1823 г., причисленъ къ пермскому горному правленію. Черезъ два года онъ перешелъ на Гороблагодатскіе заводы и здѣсь ему было поручено производство опытовъ по этимъ заводамъ, послужившихъ матеріаломъ для составленія новыхъ штатовъ и положеній. По окончаніи подготовительныхъ работъ, Архиповъ принималъ участіе и въ занятіяхъ комитета, учрежденнаго при департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ для устройства казенныхъ горныхъ заводовъ. Этотъ комитетъ окончательно выработалъ штаты и положенія для всѣхъ казенныхъ заводовъ, введенные въ дѣйствіе по Высочайшему повелѣнію въ 1829 году. Назначенный (въ чинѣ берггауптмана 6-го класса) пробиреромъ и горнымъ механикомъ Гороблагодатскихъ заводовъ, Архиповъ, въ 1830 г., занялъ мѣсто помощника горнаго начальника послѣднихъ. Съ 1835 г. находился въ отставкѣ. Въ 1824 г., какъ извѣстно, было окончательно подтверждено существованіе на Уралѣ мѣсторожденій платины открытіемъ первыхъ богатыхъ розсыпей ея въ Гороблагодатскомъ округѣ. Честь этого открытія принадлежитъ маркшейдеру Волкову и горному инженеру Галяховскому; Архипову же нельзя не поставить въ заслугу первое изслѣдованіе русской платины въ отношеніи практическаго примѣненія ея. Въ лабораторіи Кушвинскаго завода (Гороблагодатскаго округа) онъ произвелъ анализъ металла изъ вновь открытыхъ мѣсторожденій, доказавшій, что русская платина ни въ чемъ не уступаетъ американской. Занявшись очисткою и сплавленіемъ уральской платины по способу Жанетти и техническою обработкою послѣдней, Архиповъ, при помощи мастеровыхъ названнаго завода, приготовилъ изъ нея различные предметы, какъ, напр., кольцо, чайную ложку, чернильницу, поднесенные Императору Александру I-му, дарохранительницу, переданную въ Горный кадетскій корпусъ, и др. Онъ дѣлалъ, кромѣ того, опыты надъ производствомъ сплава изъ платины и мѣди ($^4/_5$ на $^1/_5$) и издѣлій изъ накладной платины, а также надъ покрываніемъ платиною фарфора и стекла (что и было затѣмъ примѣнено на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ); Архипову принадлежитъ также первый опытъ (впослѣдствіи повторенный и развитый Аѳанасовымъ) приготовленія въ Россіи *платинистой стали*, изъ которой имъ были сдѣланы ножикъ и зубило, весьма большой твердости и вязкости; послѣдніе предметы были также представлены Императору Александру Павловичу, который обратилъ на нихъ вниманіе и замѣтилъ, что эта сталь очень походитъ на индійскую (вутцъ).

Формуляръ въ архивѣ горнаго департамента.—Малышевъ, «Краткое описаніе обрѣтенія платины въ Сибири» («Горн. Журн.», 1827 г., № 1).

С. Кулибинъ.

Арцеуловъ, *Николай Алексѣевичъ*, подполковникъ корпуса корабельныхъ инженеровъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей переходной эпохи преобразованія нашего флота изъ паруснаго въ винтовой, ум. 27-го ноября 1863 г. Получивъ спеціальное образованіе въ кондукторскихъ ротахъ учебнаго морского рабочаго экипажа, преобразованныхъ впослѣдствіи въ инженерное и артиллерійское училище морскаго вѣдомства, Арцеуловъ, со времени производства своего въ офицеры, съ 1836 г., находился ежегодно въ Кронштадтѣ при постройкахъ и тимбировкахъ парусныхъ судовъ, пока быстрое введеніе винтового двигателя, послѣ крымской войны, не вызвало энергическую и усиленную дѣятельность нашихъ адмиралтействъ и не указало нашимъ корабельнымъ инженерамъ на новыя требованія въ системѣ кораблестроенія. Послѣ вполнѣ успѣшной перестройки парусныхъ кораблей „Выборгъ" и „Гангутъ" въ винтовые, Арцеуловъ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду своихъ товарищей по профессіи, и ему, съ 1856 г., было поручено наблюденіе за постройкою на частныхъ верфяхъ Финляндіи клиперовъ „Абрекъ" и „Всадникъ", корветовъ „Варягъ" и „Витязь" и канонерскихъ лодокъ „Горностай" и „Соболь". Затѣмъ, въ 1862 г., Арцеуловъ былъ командированъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты для изученія постройки мониторовъ системы Эриксона, и, по возвращеніи въ Россію, назначенный старшимъ судостроителемъ Петербургскаго порта, приступилъ къ постройкѣ двухъ броненосныхъ лодокъ, но скоропостижно скончался.

Арх. Морск. Мин., форм. спис.—«Морск. Сборникъ», 1863 г., № 12.

Арцруни, *Григорій Еремѣевичъ*, армянскій публицистъ, род. въ Москвѣ, 27-го февраля 1845 г., ум. въ Тифлисѣ, 19-го декабря 1892 г., потомокъ старшинаго армянскаго владѣтельнаго рода. Первоначальное образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ гувернера и домашнихъ учителей. Въ 1855 г. былъ съ родителями за границею и, живя въ Крейцнахѣ, бралъ уроки латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Французскій онъ зналъ съ дѣтства, а армянскій сталъ изучать на 12-мъ году. Поступивъ въ Тифлисскую классическую гимназію, Арцруни въ 1863 году окончилъ въ ней курсъ и въ слѣдующемъ году былъ принятъ въ число студентовъ физико-математическаго факультета Императорскаго Московскаго университета, откуда перевелся въ С.-Петербургскій университетъ. Оставивъ въ 1865 г., по болѣзни, Россію, Арцруни нѣкоторое время жилъ на югѣ. Въ 1866 г., въ Цюрихскомъ и Женевскомъ университетахъ слушалъ лекціи, преимущественно по политической экономіи, а въ 1867 г. поступилъ на философскій факультетъ Гейдельбергскаго университета, въ которомъ получилъ въ 1869 г. степень доктора философіи. Послѣ этого Арцруни совершилъ путешествіе въ Парижъ, Вѣну (гдѣ слушалъ лекціи Лоренца фонъ-Штейна и Шефле) и Венецію. Въ двухъ послѣднихъ городахъ онъ занимался, между прочимъ, армянскимъ языкомъ и исторіею армянскаго народа у мхитаристовъ. Прослушавъ еще одно полугодіе лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ, Арцруни, въ 1871 г., возвратился въ Тифлисъ, гдѣ нѣкоторое время безплатно преподавалъ въ армянскихъ женскихъ училищахъ и даже состоялъ инспекторомъ, но уже въ 1872 г. началъ издавать, подъ своею редакціею, на армянскомъ языкѣ, газету „Мшакъ" (Работникъ). Склонность къ публицистической дѣятельности обнаружилась въ Арцруни еще въ раннемъ дѣтствѣ изданіемъ на французскомъ языкѣ газеты, читателями которой были его братья и сестры. Появленіе „Мшака" составило эпоху въ исторіи умственной жизни армянъ. Попытки издавать на этомъ языкѣ газету были дѣлаемы и ранѣе, но онѣ не имѣли успѣха, съ одной стороны, потому, что издатели не обладали необходимыми дарованіями и среди народа не было достаточнаго числа грамотныхъ, а съ другой, главнымъ образомъ, потому, что большинство этихъ газетъ выходило на языкѣ книжномъ-древнемъ (*грабаръ*), недоступномъ для массы. Въ 1872 г., когда возникла газета „Мшакъ", на Кавказѣ издавалась единственная газета „Кавказъ". Изданіе газеты на языкѣ немногочисленнаго народа было дѣломъ труднымъ и неблагодарнымъ. О сочувствіи со стороны общества не было и рѣчи. Патріархальный строй жизни русскихъ армянъ, носившій въ себѣ слѣды продолжительнаго владычества мусульманскихъ народовъ, дѣлалъ этотъ народъ обособлен-

нымъ, чуждающимся внѣшнихъ вліяній. Появленіе газеты, въ которой ежедневно стали подвергаться гласному обсужденію, нерѣдко и осужденію, различныя стороны внутренней и общественной жизни армянъ, показалось посягательствомъ на вѣковой строй семейныхъ, религіозныхъ и общественныхъ началъ. Почти всѣ классы армянскаго общества встрѣтили этотъ органъ враждебно. Первою выдающеюся заслугою Арцруни было окончательное введеніе имъ въ литературу разговорной формы языка (*ашхарабаръ*) и усовершенствованіе этого языка до степени, когда стало возможнымъ передавать самые сложные и тонкіе обороты европейской мысли. Противники введенія разговорнаго языка утверждали, что древній армянскій языкъ, на который переведены священныя книги и всѣ классическія сочиненія античнаго міра и который господствовалъ въ вѣкъ расцвѣта армянской письменности, по богатству своему, настолько выше *ашхарабаръ*, что они считаютъ недостойнымъ излагать свои мысли на этомъ языкѣ. Но энергія, убѣжденность и упорство Арцруни одержали верхъ. Древній языкъ сдѣлался достояніемъ спеціалистовъ-лингвистовъ. Вся же современная литература армянъ приняла новый разговорный языкъ. Излюбленными темами передовыхъ статей Арцруни служили любовь и единеніе армянъ съ сосѣдними имъ народностями и въ особенности уваженіе къ русскому народу, который, какъ христіанскій, ближе къ сердцу и уму армянъ, чѣмъ магометанскіе народы—турки и персіяне, подъ владычествомъ которыхъ продолжаетъ жить значительная часть армянъ въ крайне стѣсненныхъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ. Въ теченіе 27-лѣтней публицистической дѣятельности, Арцруни, благодаря своей задушевности, откровенности и прямотѣ характера, при необычайной энергіи и любви къ дѣлу, занялъ выдающееся мѣсто въ рядахъ передовыхъ дѣятелей Кавказа. Ни одно крупное общественное явленіе, въ сферѣ ли общей государственной жизни Россіи или мѣстной, не проходило безъ отклика въ „Мшакѣ". Большинство правительственныхъ мѣропріятій, какъ, напр., введеніе на Кавказѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, всеобщей воинской повинности и пр., для недостаточно культурной массы армянскаго народа дѣлались понятными послѣ того, какъ „Мшакъ" являлся истолкователемъ на понятномъ для народа языкѣ цѣли и причинъ подобныхъ реформъ. Результатомъ всей этой работы явилось то, что „Мшакъ", въ началѣ перваго года своего существованія, едва насчитывавшій 50 подписчиковъ, въ концѣ того же года имѣлъ ихъ уже 500, а въ 1892 году—1.700, число, котораго не имѣла ни одна армянская газета. Мѣстная публика, не одна только армянская, съ особеннымъ интересомъ слѣдила и ожидала статей Арцруни по различнымъ вопросамъ. Особенный интересъ возбуждали статьи по женскому образованію, поднятію уровня образованія духовенства, о бракѣ и разводѣ, по благоустройству края. Популярность Арцруни достигла такихъ размѣровъ, что когда, въ 1890 г., праздновалось 25-ти-лѣтіе его публицистической дѣятельности, армяне со всѣхъ концовъ міра привѣтствовали своего талантливаго писателя. Въ русскихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ, а также и въ иностранныхъ, были помѣщены біографіи Арцруни. Когда же, черезъ два года, его хоронили на общественный счетъ, то, по словамъ кавказскихъ газетъ, въ похоронной процессіи участвовало до 50.000 человѣкъ. Кромѣ изданія „Мшака", Арцруни помѣщалъ свои статьи въ разное время въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", „Русскомъ Мірѣ", „Русскомъ Курьерѣ", „Journal d'Orient", въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ". Первая статья его была напечатана въ газетѣ „Мегу Гаястани" (Пчела Арменіи) въ 1865 г. Изъ подъ пера Арцруни вышли на армянскомъ языкѣ повѣсти: „Эвелина" (психологическій этюдъ), „Тамъ и здѣсь" и др. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Арцруни прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій, которыя имѣли большой успѣхъ и были переведены на русскій и нѣмецкій языки. Эти лекціи въ переводѣ носили названіе: „Экономическое положеніе турецкихъ армянъ", „Die Oekonomische Lage der Armenier in der Türkei", „Die Hungersnoth in Türkisch-Armenien".

Свѣдѣнія о происхожденіи рода Арцруни имѣются въ «Актахъ кавк. арх. коммиссіи», т. V, а біографическія помѣщены въ книжкѣ Х. Малумьяна, изданной въ 1890 г. въ Тифлисѣ, по случаю 25-ти-лѣтія публицистической дѣятельности Арцруни. Послѣ смерти его наиболѣе крупныя статьи о немъ появились: въ «Новомъ Обозрѣніи», 1892 г., №№ 3.094 (некрологъ), 3.097 и

3.098 (фельетонъ) и 3.099 (похороны); во «Всемірной Иллюстраціи», 1893 г., № 1.251, стр. 58, въ «Кавказѣ», 1892 г., №№ 337, 337 и 343; въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», 1893 г., № 14 (фельетонъ — «Памяти Григорія Арцруни).

Арцыбашевъ, *Андрей Гавриловичъ*, по происхожденію своему принадлежалъ къ членамъ московскаго дворянскаго служилаго рода. Андрей Гавриловичъ писался Арцыбашевымъ по прозвищу „Арцыбашъ", данному одному изъ его предковъ. Потомки Арцыбаша писались разно: Арцыбашевыми, Арцыбушевыми и Арцыбышевыми, но несомнѣнно принадлежали къ одному роду. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ самая рѣдкость прозвища „Арцыбашъ". Въ концѣ XVII столѣтія Арцыбашевы, подавшіе двѣ родословныхъ росписи въ Разрядъ, уже путались въ показаніяхъ относительно происхожденія своего рода и въ числѣ многихъ пропущенныхъ родичей не отмѣтили и Андрея Гавриловича. Только въ одну изъ росписей записанъ бездѣтнымъ едвали не отецъ его, внукъ родоначальника, Гавріилъ Григорьевичъ. По происхожденію своему Арцыбашевы не принадлежали къ высшему слою служилаго класса и числились большею частью среди городовыхъ дѣтей боярскихъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка было нѣсколько Арцыбашевыхъ среди помѣщиковъ Деревской и Бѣжецкой пятинъ. Такъ, Аѳоня Давыдовъ, сынъ Арцыбашевъ, по писцовой книгѣ 1545 года, владѣлъ въ Бѣжецкой пятинѣ отцовскимъ помѣстьемъ, а двое помѣщиковъ Деревской пятины, Невзоръ и Торопъ Григорьевичи Арцыбашевы, въ 1550 году, попали въ извѣстную „тысячную" книгу и получили помѣстья подъ Москвою. Отецъ Невзора и Торопа, сынъ боярскій и помѣщикъ Бѣжецкой пятины, Григорій Петровичъ Арцыбашевъ, убитъ подъ Казанью 2-го октября 1552 года и вписанъ на вѣчное поминовеніе въ синодикъ московскаго Успенскаго собора. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1543 г. Григорью Петровичу была дана грамота на кормленіе, которою пожалована ему половина ямского (сбора) въ Великомъ Новѣгородѣ: „а вѣдати ему ямское и пошлина своя имати о всем по тому как было преж сего". Выше этого Арцыбашевы не подымались до дьяка Андрея Гавриловича. Гдѣ и какъ началъ службу Андрей Гавриловичъ—неизвѣстно, никакихъ свѣдѣній объ этомъ не сохранилось. Тотъ фактъ, что около 1573—1574 гг. Посникъ Гавриловъ, сынъ Арцыбашева, котораго не безъ основанія можно считать братомъ Андрея, владѣлъ помѣстьемъ подъ Москвою, въ Шеренскомъ стану, позволяетъ думать, что семья Арцыбашевыхъ въ это время уже не входила въ составъ московскаго дворянства. Скрѣпа на жалованной грамотѣ, отъ 12-го февраля 1575 года, указываетъ, что въ этомъ году Андрей Арцыбашевъ былъ дьякомъ въ одномъ изъ московскихъ приказовъ. Въ самомъ началѣ 1576 года, когда, по поводу незанятаго польскаго престола, въ Москвѣ были послы императора священной римской имперіи, Іоаннъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ, состоялось назначеніе Арцыбашева въ посольство. Къ императору Максимиліану II отправлены были, въ качествѣ „легкихъ" пословъ, князь Захарія Ивановичъ Сугорской, съ титуломъ намѣстника бѣлозерскаго, и дьякъ Андрей Арцыбашевъ. Цѣлью посольства было уясненіе отношеній Германіи и Россіи въ польскомъ вопросѣ. Послы должны были выразить готовность русскаго государя содѣйствовать всѣми мѣрами избранію на польскій престолъ австрійскаго принца Эрнеста, при условіи, что, если поляки и литовцы не изберутъ себѣ одного государя, то „литовское бы великое княжество и съ Кіевомъ и что къ нему городы" отошли бы къ государству Московскому. Послѣднее условіе основывалось на томъ, что самъ царь и еще болѣе сынъ его были претендентами на польскую корону. Относительно Ливоніи заявлена была рѣшительная просьба, чтобы императоръ въ нее не вступался, такъ какъ она прародительская изстаринная отчина царя и великаго князя. Русскіе послы изъ Москвы выѣхали 5-го марта 1576 года. Съ ними ѣхалъ и Даніилъ Принцъ. 3-го мая пошли изъ Юрьева къ рубежу, 13-го мая прибыли въ Ригу, 27-го іюня добрались до Праги, гдѣ и пробыли шесть дней. Въ статейномъ спискѣ описана торжественная встрѣча пословъ въ Прагѣ. „И послы на королевѣ почтивости челомъ били и за встрѣчники ѣхали въ городъ, а какъ въѣхали въ городъ и по улицѣ стояли по обѣ стороны стрѣльцы съ пищалями и съ рогатинами, человѣкъ съ тысячю..." Самого императора въ Прагѣ не было; поэтому, 2-го іюля послы выѣхали по дорогѣ въ „Рейншпоркъ" (Регенсбургъ), гдѣ находился въ это время Максимиліанъ, и съ

еще большею торжественностью въѣхали въ этотъ городъ 7-го іюля. Послѣ нѣсколькихъ парадныхъ обѣдовъ и угощеній, 16-го іюля состоялось представленіе пословъ императору. Арцыбашевъ, несомнѣнный авторъ статейнаго списка, подробно описываетъ пріемъ; даже мелочи не ускользнули отъ вниманія пословъ. Костюмъ императора, напримѣръ, записанъ съ необыкновенною тщательностью. Максимиліанъ II и его „думники“ отнеслись къ посольству чрезвычайно внимательно, письменный отвѣтъ отъ императора исправлялся нѣсколько разъ по указаніямъ пословъ, которые имѣли нѣсколько аудіенцій у цесаря и нѣсколько разъ говорили съ императорскими „думниками о государевомъ царскомъ имени да о Лифляндской землѣ“. Пріемы у императора были 1-го, 7-го, 27-го и 28-го августа. Переговоры шли къ концу, какъ вдругъ послѣ послѣдней аудіенціи, въ тотъ же день, Максимиліанъ захворалъ: „изымала его немочь великая“, сказывалъ посламъ приставъ, „и лежитъ конечно боленъ“. Отъ этой хвори Максимиліанъ и скончался 12-го октября 1576 г. Русское посольство рѣшено было отпустить какъ можно скорѣе, чтобы оно успѣло вернуться въ Москву до зимы. Отпускъ состоялся 15-го сентября. Цесарь принялъ пословъ въ постели: „А цесарь лежитъ въ постелѣ на кровати; а на немъ юпа, сукно бархатно, теплая, да колпакъ пуховъ бурнатенъ, подложенъ бархатомъ чернымъ, а одѣяло камка золотная; а при немъ стоялъ панъ Ласской да два коморника“. Послы отпущены были съ великою честью, эпизодъ съ пропискою въ царскомъ титулѣ былъ, по возможности, улаженъ и посольство выѣхало 17-го сентября, осыпанное дарами. Андрей Арцыбашевъ получилъ отъ цесаря цѣпь золотую, кубокъ и двѣсти золотыхъ бѣлыхъ польскихъ. Возвращались послы изъ Штетина моремъ. Въ Штетинъ пришли 4-го октября, изъ Штетина поѣхали на суднѣ 13-го октября, плыли по морю шесть дней, но поднялись вѣтры, начались сильные морозы, пришлось повернуть назадъ. Чуть-чуть не зазимовавъ въ Помераніи, послы только 15-го декабря добрались до Пернова и 3-го января 1577 года возвратились въ Москву. Посольство это произвело впечатлѣніе и въ Европѣ, и въ Москвѣ. Въ Германіи было выгравировано знаменитое изображеніе всѣхъ членовъ посольства съ краткимъ описаніемъ ихъ одѣянія. Изъ этихъ подписей узнаемъ отчество дьяка Арцыбашева („Andre *Gawrilowitz* ErtzyBuschuf“), которое не отмѣчено въ посольскихъ дѣлахъ. Неизвѣстно, почему князь П. В. Долгоруковъ назвалъ посла Арцыбашева Андреемъ Петровичемъ. Въ Москвѣ же былъ сочиненъ и сталъ ходить по рукамъ весьма любопытный вымышленный статейный списокъ этого посольства. Удачное участіе въ посольствѣ вообще выдвинуло талантливаго дьяка. Тотчасъ по возвращеніи въ Москву, Андрей Арцыбашевъ былъ назначенъ дьякомъ въ Разрядъ. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что 14-го марта 1577 года изъ Помѣстнаго приказа была посылана „память и выпись“ „въ Разрядъ къ діакомъ къ Василью Щелкалову да къ Ондрѣю къ Арцыбашеву“. Послѣ весьма недолгаго пребыванія въ Разрядномъ приказѣ, Арцыбашевъ перешелъ старшимъ дьякомъ въ приказъ Большаго Прихода, гдѣ и прослужилъ лѣтъ шесть. Годы 1586—1589 Андрей Арцыбашевъ пробылъ въ Великомъ Новгородѣ старшимъ новгородскимъ дьякомъ. Такъ, указныя грамоты въ 1588 г. и въ началѣ 1589 г. писались въ Новгородъ воеводамъ: окольничему князю Ѳедору Ивановичу Хворостинину да Григорію Ивановичу Мѣщанинову-Морозову да дьякамъ Андрею Арцыбашеву да Семейкѣ Емельянову. На этой службѣ Арцыбашевъ провинился. Въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ, хранится подлинное дѣло объ отписаніи помѣстій дьяковъ Андрея Арцыбашева и Семейки Емельянова за самовольное завладѣніе. По указу отъ 23-го декабря 7102 (1593) года „Ондрѣевское помѣстье Арцыбашова, что имъ владѣлъ безъ государева царева и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи указу самоволствомъ“ велѣно отписать за государемъ царемъ и великимъ княземъ. Въ дѣлѣ есть и описаніе помѣстья Андрея Арцыбашева, извлеченное изъ описныхъ книгъ подъячего Домашнего Луговскаго 7100 (1592) году. Какая кара постигла самовольнаго дьяка—неизвѣстно, но онъ, повидимому, на нѣсколько лѣтъ исчезаетъ изъ Приказовъ. Только время отъ времени даются ему порученія; такъ, въ 1592 году онъ описывалъ нѣкоторыя волости и, между прочимъ, село Ромодановское; извѣстно также, что онъ сохра-

*

пилъ за собою и часть помѣстій своихъ въ Новгородѣ. Около 1599 года Андрей Арцыбашевъ вновь поступилъ на службу старшимъ дьякомъ Большаго Прихода. Подпись его находится въ числѣ скрѣпъ приказныхъ дьяковъ на грамотѣ избранія на царство Бориса Годунова. До конца 1602 г. Арцыбашевъ пробылъ въ приказѣ Большаго Прихода, въ 1603 году онъ въ послѣдній разъ упоминается въ разрядахъ; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Указаніе 1603 года свидѣтельствуетъ, что въ это время Арцыбашевъ былъ на службѣ: „а указалъ царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичь, всеа Росіи которымъ бояромъ и дворяномъ и дьякомъ быть на Москвѣ въ осадное время: въ большомъ старомъ въ каменномъ городѣ быть боярину князю Ѳедору Михаиловичю Трубецкому да дьякомъ Андрею Арцыбашеву да Василью Нелюбову...“ Можно съ большою вѣроятностью предположить, что онъ скончался именно около этого времени. Нѣмецкое изображеніе Арцыбашева 1576 года показываетъ человѣка уже очень пожилого, скорѣе старика, далекаго отъ времени разцвѣта физическихъ силъ. Необыкновенно типичное, прорѣзанное морщинами, умное лицо дьяка Арцыбашева, само по себѣ говоритъ, что онъ прошелъ суровую школу, не мало поработалъ до того времени, какъ былъ отличенъ честью участія въ посольствѣ къ цесарю римскому.

Архивъ Министерств. Иностр. Дѣлъ, по Новгороду, писцовая книга Бѣжецкой пят. 7053 г.—«Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.», кн. XX, и «Древняя Рос. Вивл.», ч. VII. — Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, писц. кн. по Новгороду, № 10 (7059 года).—«Описаніе Казанскаго Памят.» (К. 1833).—Архивъ Мин. Юстиціи въ Москвѣ, подлинная грамота.—Писцов. книги XVI вѣка, ч. I (1872 г.), стр. 13.—«Акты историческіе», т. I, стр. 359.—«Памятники дипломат. сношеній», т. I, ст. 625.—Ibid., ст. 669.—Ibid., ст. 701.—Ib., ст. 660.—«Россійская родословная книга», ч. IV, стр. 255.—«Памятники Имп. Общ. Люб. Древ. Письм.» (Спб. 1883 г.). — Архивъ Мин. Юстиціи въ Москвѣ, «Книга Московскаго стола», № 1, л. 233.—А. А. Э., т. I, стр. 365 (1578 г.).—Д. А. И., т. I, стр. 392 (15-го янв. 1581 г.).—А. А. Э., т. I, стр. 375 (7-го февр. 1582 г.). — А. А. Э., т. I, стр. 380 (4-го марта 1583 г.).—А. И., т. I, стр. 166, 186, 368 (1584 г.).—Д. А. И., т. I, стр. 26 (1584 г.).—Арх. Досифей, «Описаніе Соловецкаго монастыря», т. III, стр. 30 (7092 г.) и т. д.—А. И., т. I, стр. 422 (1588 г.). — А. Ю. Б., т. I, ст. 73, 74 (1588 г.). — «Русск. Ист. Библ.», т. II, ст. 486 (1589 г.).—А. Ѳ. Ч., т. II, № 117, ст. 142 (7097 г.).—Имп. Публ. Библ. Q. IV, № 263, л. 176 (25-го мая 7096 г.).—Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ, приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, св. 2, №№ 2 и 3 (указныя гр. отъ 30-го окт. и 9-го янв. 7097 года). — А. М. И. Д. въ Москвѣ, приказн. дѣла, св. 2, № 2 (7102 г.).—Д. А. И., т. IX, ст. 87.—А. Ю. Б., т. II, ст. 179 (7103 г.).—А. А. Э., т. II, стр. 43 (№ 7). — Сохранилось не мало подлинныхъ грамотъ за приписью дьяка Андрея Арцыбашева; таковы, наприм., въ собраніи грам. коллегіи экономіи: Бѣлозерскаго уѣзда, № 849 (7085 г.)—подписи 5-го іюля 7092 г. и 8-го марта 7107 г. и Бѣжецк. уѣзда, № 1.149 (7032 г.)—подпись 15-го іюня 7092 г. и т. д.—А. Ю., стр. 226 (29-го дек. 7109 г.) —А. А. Э., т. I, стр. 424 и 448 (1599 г.); стр. 394 и 412 (1601 г.).—А. И., т. I, стр. 409 (1598 г.), 415 (1599 г.), 429 (1598 г.). — А. Ѳ. Ч., т. I, стр. 300 (15-го окт. 1601 г.). — «Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. XXXVIII, стр. 309—301 (8-го іюля 7108 г.), 426—427 (22 го іюля 7110 г.).—«Ежегодникъ Владим. губ. стат. ком.», т. III (1880 г.). стр. 428—429 7107 г.), т. II (1878 г.), стр. 48 (7108 г.) и т. д.—Разр. кн. П. Ѳ. Лихачева, стр. 504 (7111 г.).

Н. Лихачевъ.

Арцыбашевъ, *Леонтій*, сынъ боярскій, помѣщикъ Обонежской пятины. Въ 1613 году Тихвинъ былъ занятъ шведами. Арцыбашевъ подбивалъ горожанъ изгнать шведовъ, а потомъ о томъ же поговорилъ съ воеводою Андреемъ Трусовымъ и съ настоятелемъ тихвинскаго Успенскаго монастыря Онуфріемъ. Тѣ согласились съ нимъ и послали его позвать на помощь государевыхъ людей. Уходя изъ Тихвина съ этимъ порученіемъ, Арцыбашевъ уговорился съ воеводой и игуменомъ, чтобы они подняли народъ на шведовъ въ извѣстный день, хотя бы царскихъ войскъ еще и не было видно; это было условлено въ виду того, чтобы застичь шведовъ врасплохъ. Дѣйствительно, горожане поднялись въ указанный день и въ то же время подоспѣлъ Арцыбашевъ съ 400 царскаго войска. Городъ былъ освобожденъ.

«П. С. Л.», т. III, 267—268 и 286—287.

Арцыбашевъ, *Николай Сергѣевичъ*, русскій историкъ, род. 1-го декабря 1773 г. въ сельцѣ Маминѣ, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи, ум. 27-го августа 1841 г. отъ апоплексическаго удара и погребенъ въ селѣ Рындинѣ, Цивильскаго уѣзда, при церкви Св. Духа. Оставшись послѣ смерти родителей 11-ти лѣтъ, онъ былъ взятъ на воспитаніе своимъ дядей по матери, Петромъ Яковлевичемъ Чернявскимъ, который отдалъ его въ одинъ изъ петербургскихъ нѣмецкихъ пансіоновъ. Окончивъ здѣсь свое образованіе въ 1793 или 1794 году, Арцы-

башевъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, а вскорѣ послѣ воцаренія Павла I былъ переведенъ прапорщикомъ въ Казанскій гарнизонъ. Впрочемъ, Арцыбашевъ скоро оставилъ военную службу. Затѣмъ онъ занималъ должность почетнаго смотрителя Ядринскаго уѣзднаго училища и дослужился на ней до чина коллежскаго ассессора. Такъ какъ помѣстье Арцыбашева — Мамино — находилось въ Цивильскомъ уѣздѣ, то онъ по большей части жилъ въ Цивильскѣ, но иногда наѣзжалъ и въ Казань, гдѣ искалъ общества образованныхъ людей. Въ молодости Арцыбашевъ принадлежалъ къ кружку масоновъ; потомъ онъ примкнулъ къ „Обществу любителей отечественной словесности“ и сблизился съ профессорами Казанскаго университета. Кромѣ того, Арцыбашевъ былъ членомъ Петербургскаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ и Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Еще въ 1802 г. Арцыбашевъ задумалъ составить сводъ извѣстій о Россіи, на основаніи лѣтописныхъ и другихъ источниковъ, и въ теченіе 30-ти лѣтъ безустаннаго труда успѣлъ довести его до конца царствованія Іоанна Грознаго. Въ то же время онъ напечаталъ цѣлый рядъ статей и изслѣдованій по русской исторіи, большая часть которыхъ появилась въ періодическихъ изданіяхъ: „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго и въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Погодина. Историческія статьи Арцыбашева дѣлятся на двѣ группы: статьи критическія и изслѣдованія. Критическія статьи всѣ направлены противъ Карамзина и въ свое время надѣлали много шума. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ за 1828—1829 года были помѣщены Арцыбашевымъ „Замѣчанія на «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина“. Въ этихъ замѣчаніяхъ Арцыбашевъ нападаетъ сначала на слогъ Карамзина, который онъ называетъ болѣе провозглашательнымъ, нежели историческимъ, находитъ, что у исторіографа встрѣчается много иностранныхъ словъ (напр., хронологическій вмѣсто лѣтосчислительный), много словъ напыщенныхъ и язвительныхъ (злодѣй, извергъ, вертепъ разбойниковъ), лишнія проименованія (мужественный Олегъ, гнусный любимецъ). Примѣчанія Карамзина вызываютъ ѣдкія строки у критика: онъ находитъ, что многія изъ нихъ „показываютъ только желаніе блистать умомъ или казаться глубокомысленнымъ, иныя даже совсѣмъ не нужны“. Затѣмъ Арцыбашеву не нравится, что Карамзинымъ „болѣе всего пренебреженъ порядокъ лѣтосчислительный“, и что у него „поставлены годовыя числа иногда на удачу“. Переходя къ фактическому содержанію исторіи Карамзина, Арцыбашевъ отмѣчаетъ и исправляетъ массу ошибокъ у исторіографа. Въ этомъ случаѣ, среди мелочной придирчивости, часто попадаются довольно цѣнныя указанія. Любопытно также замѣчаніе критика о подражаніи Карамзинымъ Юму въ формѣ изложенія и во внѣшнемъ распредѣленіи отдѣльныхъ частей его труда. Общій тонъ критическихъ статей Арцыбашева насмѣшливый. Постоянно встрѣчаются такія выраженія: „довольно красиво, да только несправедливо“, „намъ осталось дивиться г. исторіографу, что онъ не упустилъ и здѣсь прибавить отъ себя“, „такъ великолѣпно испортилъ г. исторіографъ слова харатейныхъ списковъ“ и т. п. Поклонники Карамзина были возмущены статьями Арцыбашева, и возгорѣлась рѣзкая полемика, которая сводилась къ обвиненію критика въ неуваженіи къ Карамзину. Дѣлались даже намеки на личности, но Арцыбашевъ опровергъ ихъ. Князь П. А. Вяземскій напечаталъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ ѣдкую сатиру на хулителей исторіографа. Однако, лучшіе историки того времени стали на сторону Арцыбашева. Такъ, П. М. Строевъ принялъ горячее участіе въ полемикѣ и всѣми силами стоялъ за Арцыбашева. М. П. Погодинъ уже однимъ тѣмъ, что помѣстилъ критику въ своемъ журналѣ, заявилъ свою солидарность съ нимъ. Канцлеръ Румянцевъ смотрѣлъ на Арцыбашева, какъ на „мужа, по нравственнымъ качествамъ и по просвѣщенію отличнаго достоинства“. Каченовскій тоже съ удовольствіемъ помѣщалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ его статьи. Что касается до второй группы статей, то почти всѣ онѣ представляютъ отрывки изъ большого труда Арцыбашева: „Повѣствованіе о Россіи“. Въ 1832 году этотъ трудъ былъ доведенъ до царствованія Іоанна IV, и Казанское общество уже предполагало издать его, но дѣло почему-то затормозилось. Въ 1836 году изданіе этого важнаго труда, по настояніямъ Черткова, Муханова, Шевырева и Пого-

дина, приняло на себя Московское общество исторіи и древностей. Въ теченіе 1838—1843 гг. было отпечатано три тома „Повѣствованія“, подъ главнымъ наблюденіемъ Погодина. Такъ какъ Арцыбашевъ и послѣ 1832 года продолжалъ работать надъ своимъ трудомъ, то ко времени его смерти „Повѣствованіе“ оказалось доведеннымъ почти до середины XVIII вѣка. Впрочемъ, въ напечатанные томы вошла исторія Россіи только до 1698 года, а четвертый томъ (недоконченный) остается неизданнымъ до сихъ поръ. Требованія, которымъ Арцыбашевъ старался удовлетворить въ своемъ трудѣ, формулированы имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ: „Писатель XIX столѣтія даетъ отчетъ въ каждой своей рѣчи; вооруженная безпрестанными сомнѣніями, критика требуетъ на все очевидныхъ доказательствъ; не удовлетворяютъ пустыни сновидѣній и невѣрное стало непріятнымъ. Важно было прежде сдѣлать народъ свой старѣе другихъ, какими бы то ни было средствами; лестно теперь доставить истинное о немъ понятіе“. Изъ этого видно, что Арцыбашевъ придерживался скептическаго направленія и принадлежалъ къ школѣ Шлецера и Каченовскаго. Характеръ „Повѣствованія“ легче всего выяснить опять-таки словами самого автора, который въ предисловіи къ своему труду описываетъ процессъ его составленія слѣдующимъ образомъ: „Я сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть, соединялъ ихъ, дополняя одну другою, и такимъ образомъ составлялъ изложеніе (textus); послѣ вычищалъ то отъ всего именно лѣтописнаго или занимательнаго только для современниковъ, но совсѣмъ ненужнаго для потомства, и отъ лишесловія, свойственнаго тогдашнему образу сочиненій; а наконецъ, переводилъ оставшееся на нынѣшній русскій языкъ, какъ возможно буквальнѣе, соображалъ мой переводъ съ древними чужеземными и архивными памятниками, дополнялъ ими лѣтописи и помѣщалъ иногда слова тѣхъ источниковъ (смотря по разбору) въ изложеніе; подлинныя же лѣтописныя рѣчи—въ приложенія“. Такимъ образомъ въ трудѣ Арцыбашева все вниманіе сосредоточено на критикѣ факта и на возможно точной передачѣ источниковъ. Современное значеніе „Повѣствованія“ опредѣляется слѣдующими словами профессора В. С. Иконникова: „Въ сомнительныхъ вопросахъ изслѣдователь всегда надѣется найти разъясненіе въ тщательно собранныхъ и свѣренныхъ цитатахъ свода Арцыбашева, а его географическія опредѣленія историческихъ мѣстъ и до сихъ поръ не потеряли своей цѣны въ наукѣ“. Кромѣ ученыхъ трудовъ, Арцыбашеву принадлежатъ: повѣсть „Рогнѣда или раззореніе Полоцка“ и замѣчательная по отдѣлкѣ и содержанію ода „Слѣпой случай“; она была напечатана въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1841 годъ, безъ имени автора, и ее сочли тогда за произведеніе Державина — настолько она хорошо написана. Арцыбашевъ былъ женатъ на дворянкѣ Владимірской губерніи *Аннѣ Никитичнѣ* Незвановой, которая извѣстна въ литературѣ переводомъ нѣмецкой книги „О торговлѣ и мореплаваніи у древнихъ“. Казань, 1831 г. Дочь ихъ, *Анна Николаевна*, род. въ 1814 г., ум. 1853 г. Она была замужемъ за П. П. Верцеліусомъ. Перевела съ французскаго нѣсколько книгъ религіознаго содержанія и помѣстила переводъ статьи Робертсона „Колумбъ“ въ „Сынѣ Отечества“ 1835 г. (томы 169 и 170).

Полный перечень всѣхъ статей Н. С. Арцыбашева помѣщенъ въ «Словарѣ» Венгерова; тамъ же обстоятельная біографія его, составленная профессоромъ Иконниковымъ, а также сообщенія Д. А. Корсакова о женѣ и дочери историка. Изъ другихъ трудовъ, въ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о Н. С. Арцыбашевѣ укажемъ статьи: К. Н. Бестужева-Рюмина (въ «Энциклопедическомъ словарѣ», составленномъ русскими учеными и литераторами, т. V) и Иконникова, «Арцыбашевъ и Устряловъ» («Русскій Архивъ», 1886, III) и книги: Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Строева» (стр. 132, 147—149, 239, 240, 261, 262); С. Весина, «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ» (стр. 29—43) и Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. II

Арцыбашевъ, *Петръ Николаевичъ*, сынъ историка, род. 23-го іюня 1817 г., ум. въ Казани, 15-го апрѣля 1885 г. Кончивъ въ 1834 году курсъ Казанскаго университета кандидатомъ математическаго факультета, онъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ венгерской и крымской кампаніяхъ, а въ 1857 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора и пошелъ по гражданской службѣ: въ 1858—1859 годахъ былъ дѣятельнымъ членомъ казанскаго комитета по освобожденію крестьянъ, 1859—1865 гг. былъ управляю-

щимъ Нижегородской палатой государственныхъ имуществъ, причемъ нѣкоторое время исполнялъ должность губернатора. Въ 1865—1866 гг. Арцыбашевъ предсѣдательствовалъ въ казанской губернской земской управѣ, а въ послѣдніе годы своей жизни былъ предсѣдателемъ въ правленіи казанскаго общества взаимнаго кредита. Это былъ человѣкъ, стойко, искренно и безкорыстно работавшій на общую пользу. Въ 1848—1849 гг. Арцыбашевъ составилъ военно-статистическое описаніе Владимірской губерніи, а въ 1869 г. издалъ переведенную имъ съ французскаго книгу: „Изложеніе ученія православной каѳолической церкви" Владиміра Гетте, съ которымъ онъ былъ очень близокъ. Глубоко интересуясь религіозными вопросами, Арцыбашевъ, 60-ти лѣтъ отъ роду, изучилъ еврейскій языкъ и перевелъ съ него книгу Бытія, но цензурныя условія не позволили напечатать этого перевода.

Единственныя свѣдѣнія о П. Н. Арцыбашевѣ сообщены Д. А. Корсаковымъ въ словарь Венгерова, стр. 981.

Аршеневскій, *Василій Кондратьевичъ*, магистръ философіи и свободныхъ наукъ, публичный ординарный профессоръ чистой математики при Московскомъ университетѣ, род. въ 1758 г., въ Кіевѣ, ум. въ Москвѣ, 27-го января 1808 г. Начальное образованіе получилъ въ Кіевѣ, затѣмъ пріѣхалъ въ Москву и въ 1774 г. и поступилъ въ гимназію, бывшую при Московскомъ университетѣ. Въ 1777 г. получилъ званіе студента, а въ 1779 г. избранъ въ число семинаристовъ педагогической семинаріи (званіе, соотвѣтствующее нынѣшнему кандидату), на счетъ суммы, пожертвованной П. А. Демидовымъ на содержаніе студентовъ, назначавшихъ себя въ профессора или учители. Въ томъ же году университетъ поручилъ ему обученіе высшаго класса университетской гимназіи ариѳметикѣ, и съ того же почти времени Аршеневскій исправлялъ должность переводчика съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ при конференціи университета. Въ 1785 году получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ, а съ 1788 г. началъ читать университетскія лекціи, сперва о геометріи, плоской тригонометріи и алгебрѣ, потомъ о коническихъ сѣченіяхъ. Въ 1789 г. былъ назначенъ адъюнктомъ, въ 1795 г.—экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1805 г.—ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ чистой математики. Профессорская дѣятельность не препятствовала ему занимать должность эфора, соотвѣтствующую нынѣшней должности инспектора студентовъ. Должность эфора Аршеневскій занималъ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ; по введеніи же новаго устава въ 1804 г., онъ былъ избранъ совѣтомъ университета въ инспекторы гимназіи и казеннокоштныхъ студентовъ. Участвовалъ въ открытіи Ярославской гимназіи и устройствѣ училища колонновожатыхъ въ Москвѣ, существовавшаго до 20-хъ годовъ, за что удостоился получить золотыя табакерки. Кромѣ того, осматривалъ училища въ губерніяхъ Смоленской и Тверской, въ качествѣ визитатора отъ училищнаго комитета. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, возлѣ М. М. Хераскова и князей Трубецкихъ. Математическихъ трудовъ онъ никакихъ не оставилъ; напечатаны только двѣ рѣчи его, произнесенныя имъ въ публичныхъ собраніяхъ Московскаго университета: 1) „О началѣ, связи и взаимномъ пособіи математическихъ наукъ и пользѣ оныхъ" (30-го іюня 1794 г.), 2) „О связи чистой математики съ физикою" (30-го августа 1802 г.). Его библіотека и бумаги сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 г.

Словари: Энциклопед. русск. уч. и лит., т. V, 572, ст. В. Буняковскаго. — Венгеровъ, I, 826—827. — Евгеній, митр., 1838 г., 6—7. — Московск. проф., т. I, 39—42. Рѣчи моск. унив., (1821) ч. III, стр. 96—98.

Аршеневскій, *Илья Яковлевичъ*, сенаторъ; род. въ 1755 г. въ родовомъ имѣніи въ Смоленской губерніи, умеръ въ 1820 г. Зачисленный въ военную службу 12-го января 1760 г., онъ въ 1772 г. участвовалъ въ походѣ въ Польшѣ противъ конфедератовъ и неоднократно командовалъ военными отрядами, кои командировались для уничтоженія шаекъ, собиравшихся подъ начальствомъ маршала Воврецкаго. Впослѣдствіи состоялъ при генералѣ Кречетниковѣ во время занятія русскими войсками Бѣлоруссіи. Въ 1774 г. находился при разграниченіи Польши съ Россійскою Имперіею, а въ 1778 г., состоя капитаномъ въ Астраханскомъ драгунскомъ полку, участвовалъ въ походѣ на Кубань. Назначенный въ 1781 г. въ главный кригсъ-коммиссаріатъ, онъ былъ произведенъ по-

слѣдовательно въ полковники, а потомъ въ бригадиры. Переименованный въ 1797 г. въ статскіе совѣтники, онъ былъ опредѣленъ въ мануфактуръ-контору. Состоя въ коммиссаріатѣ въ должности оберъ-кригсъ-коммиссара, Аршеневскій одновременно завѣдывалъ суконными фабриками князя Хованскаго, вошедшими въ вѣдомство главнаго коммиссаріата; на немъ же лежало заготовленіе на армію всѣхъ тѣхъ вещей, на которыя не было подрядовъ. Состоя старшимъ членомъ мануфактуръ-конторы Аршеневскій былъ произведенъ 13-го октября 1798 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 5-го марта 1800 г. онъ былъ назначенъ президентомъ мануфактуръ-коллегіи, а 23-го іюля того же года къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 4-мъ департаментѣ, съ оставленіемъ президентомъ мануфактуръ-коллегіи и съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ сентябрѣ того же года перемѣщенъ къ присутсвованію во 2-мъ департаментѣ Сената и назначенъ казначеемъ капитула россійскихъ орденовъ и почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта. Въ 1801 г. онъ былъ уволенъ для излѣченія болѣзни на годъ отъ должности, съ сохраненіемъ содержанія. Въ апрѣлѣ 1811 г. Высочайшимъ указомъ было ему поручено освидѣтельствовать на мѣстѣ наиболѣе значительныя фабрики и заводы въ Имперіи съ цѣлью изысканія мѣръ къ усовершенствованію и развитію мѣръ русской мануфактурной промышленности. Въ 1817 г. Аршеневскій былъ переведенъ въ Москву для присутствованія въ тамошнихъ департаментахъ Сената, гдѣ и скончался 65 лѣтъ отъ роду.

«Дѣла Министерства Юстиціи», формулярный списокъ о службѣ сенатора Аршеневскаго, №№ 1285, 2552, за 1820 г. — «Покореніе Финляндіи» К. Ордина, С.-Петербургъ, 1889 г., т. II, примѣч. на стр. 71 и 411. — «Справочн. энцикл. словарь», К. Крайя, т. I, стр. 487.—«Родословная книга» изд. журналомъ «Русск. Старина», стр. 413.—«Моск. Вѣд., 1853 г., №№ 145 и 146.—«Энцикл. Словарь» Брокгауза и Ефрона, т. II, стр. 285.—«Русскій Архивъ» 1869 г. стр. 1.911 («Изъ записокъ Саблукова»).

Аршеневскій, *Николай Яковлевичъ*, тайный сов., астраханскій губернаторъ, сынъ генералъ-лейтенанта Якова Степановича Аршеневскаго; ум. въ 1802 г.; въ военную службу (въ Ярославскій пѣхотный полкъ) вступилъ въ 1744 г., и въ 1786 г., въ чинѣ генералъ-маіора, опредѣленъ Екатериною II гражданскимъ губернаторомъ въ Смоленскъ, но вскорѣ уволенъ отъ должности. Въ 1797 г., 6-го янв. Императоръ Павелъ Петровичъ пожаловалъ его въ тайные совѣтники и назначилъ гражданскимъ губернаторомъ въ Астрахань, но уже въ слѣдующемъ году, 22-го апрѣля, Аршеневскій былъ уволенъ отъ службы.

Соловьевъ «Ист. Россіи съ древн. временъ», изд. товарищ. «Обществ. Польза», кн. 5-я, стр. 1462. — «Справочн. энцикл. словарь» К. Крайя, т. I, стр. 487.—«Родословная книга», изд. «Русскою Стариною», стр. 413.—»Энциклоп. Словарь» Брокгауза и Ефрона, т. II, стр. 413. — «Акты Кавказ. археогр. коммиссіи», т. VI, ч. 2-я, стр. 706.

Аршеневскій, *Петръ Исаевичъ*, генералъ-поручикъ, правитель Смоленскаго намѣстничества; ум. въ 1803 г. Отецъ его, Исай Захарьевичъ Аршеневскій, съ 25-го декабря 1750 г. состоялъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; 16-го августа 1760 г. былъ назначенъ на должность смоленскаго губернатора, но три года спустя, по обвиненію въ лихоимствѣ, отставленъ отъ службы. Аршеневскій, Петръ Исаевичъ, образованіе получилъ въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1750 г. опредѣленъ на службу подпоручикомъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Къ началу первой турецкой войны 1769—1774 гг., онъ состоялъ уже въ чинѣ капитана Архангелогородскаго пѣхотнаго полка и въ рядахъ послѣдняго съ отличіемъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. За участіе въ сраженіи 7-го іюля 1770 г. при Цыганкѣ на р. Ларгѣ и при покореніи 26-го іюля кр. Измаила, Аршеневскій былъ лично пожалованъ главнокомандующимъ въ секундъ-маіоры и получилъ начальство надъ егерскимъ батальономъ полка. Во главѣ батальона онъ участвовалъ вслѣдъ затѣмъ въ штурмѣ 24-го октября крѣп. Браилова и 14-го ноября при взятіи Бухареста войсками Гудовича, за что былъ произведенъ въ чинъ премьеръ-маіора. Въ ночь съ 20-го на 21-е февраля 1771 г., Аршеневскій, при штурмѣ Журжи, ворвался однимъ изъ первыхъ въ ея укрѣпленія, 14-го мая находился въ дѣлѣ при Цимбрѣ, 27-го — при Турно и особеннымъ отличіемъ ознаменовалъ свое участіе въ битвѣ 20-го октября при Бухарестѣ. Въ разгарѣ боя корпуса Эссена съ турецкими войсками сераскиръ-эмира Махмета, Аршеневскій, во главѣ

охотниковъ, стремительнымъ натискомъ штурмовалъ одну изъ непріятельскихъ батарей, опрокинулъ турокъ и занялъ главный ретраншаментъ укрѣпленій Бухареста. За оказанный подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, за участіе же въ кампаніи 1773 г. произведенъ въ подполковники. Въ 1774 г. Аршеневскій въ числѣ отличнѣйшихъ офицеровъ былъ отправленъ въ Оренбургскій корпусъ, дѣйствовавшій противъ скопищъ Пугачева. Здѣсь, получивъ въ командованіе небольшой отрядъ легкихъ войскъ изъ состоявшихъ подъ общимъ начальствомъ князя П. М. Голицына, онъ съ отличіемъ участвовалъ при пораженіи бунтовщиковъ въ крѣп. Татищевой и при покореніи Берды. Въ сраженіи подъ Каргалою, Аршеневскій атаковалъ и сбилъ съ батареи пугачевцевъ, отнялъ пушки и, преслѣдуя бунтовщиковъ, содѣйствовалъ разбитію ихъ на голову. Вслѣдъ затѣмъ, онъ былъ отряженъ для очищенія и охраненія московской дороги. За участіе въ усмиреніи пугачевскаго бунта Аршеневскій былъ пожалованъ оберъ-кригсъ-коммиссаромъ и получилъ пожизненно пенсію по чину и единовременно 500 червонцевъ; въ 1778 г. переименованъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, въ 1783 г. произведенъ въ бригадиры и 22-го сентября 1786 г.—въ генералъ-маіоры. Назначенный въ 1790 г. къ управленію Смоленскимъ намѣстничествомъ, онъ 2-го сентября 1793 г. былъ произведенъ въ генералъ-поручики, 7-го января 1797 г. переименованъ въ чинъ тайнаго совѣтника и въ томъ же году 10-го ноября уволенъ по прошенію отъ службы.

Рукописи сенатора А. В. Казадаева.—«Рус. родосл. книга» кн. Лобанова-Ростовскаго. Спб. 1895 г. т. I, стр. 23. —«Исторія Пугач. бунта», А. С. Пушкина. Спб. 1834 г. ч. I, стр. 94, 95.—«Пугачевъ и его сообщники». Н. Дубровина. Спб. 1884 г., т. II, стр. 93, 300, 302, 386; т. III, стр. 12, 14. — «Матеріалы для исторіи Пугачев. бунта» Я. К. Грота (Зап. Имп. Акад. Наукъ, тт. I, III и XXV.

Д. С—въ.

Аршеневскій, *Петръ Яковлевичъ*, сенаторъ, тайн. сов., московскій гражданскій губернаторъ; род. въ Ригѣ 21-го ноября 1748 г., ум. въ родовомъ имѣніи, селѣ Поповѣ, Смоленской губ., 7-го октября 1811 г. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца своего, рижскаго губернатора, генералъ-маіора Якова Степановича. Въ 1759 г. 11-лѣтній Аршеневскій былъ зачисленъ капраломъ артиллеріи и отпущенъ въ домовой отпускъ до окончанія наукъ, на 3 года; годъ спустя, пожалованъ въ сержанты и выпущенъ въ штатъ генералъ-аншефа кн. Голицына переводчикомъ. Въ 1764 г. переведенъ изъ Риги подпоручикомъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ. Съ этимъ полкомъ, онъ съ 1769 по 1771 г. участвовалъ въ турецкой войнѣ, при взятіи Хотина и при разбитіи 120-тысячной турецкой арміи подъ командою великаго визиря Али. Въ 1772 г. Аршеневскій, съ согласія генералъ-фельдмаршала гр. Румянцева-Задунайскаго, былъ вызванъ чрезвычайнымъ посломъ Обрезковымъ въ Букарестъ и состоялъ при немъ на время конгресса дежуръ-майоромъ. Внезапная смерть отца, бывшаго въ то время нижегородскимъ губернаторомъ, заставила его въ августѣ 1773 г. выйти въ отставку и поселиться въ своемъ имѣніи, въ с. Поповѣ, гдѣ онъ провелъ 6 лѣтъ. За это время, онъ былъ избранъ дворянами Бѣльскаго у., гдѣ находилось его имѣніе, сперва засѣдателемъ второго департамента Смоленскаго верхняго земскаго суда, а потомъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; но, не вступивъ въ должность, Аршеневскій опредѣлился въ 1779 г. на службу губернскимъ прокуроромъ во Владиміръ, откуда спустя 2 года переведенъ тѣмъ же званіемъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе правительства, и ему Всемилостивѣйше повелѣно было, 28-го іюня 1782 г., ходить еженедѣльно по субботамъ съ докладами къ Императрицѣ Екатеринѣ II. За время служенія его петербургскимъ прокуроромъ, имъ сочиненъ „Проектъ дворянскихъ выборовъ", Высочайше утвержденный Императрицею и, кромѣ того, дано до 500 заключеній и ордеровъ для разъясненія законовъ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, провинціальнымъ прокурорамъ и стряпчимъ. Въ февралѣ 1784 г. Аршеневскій вышелъ въ отставку и въ продолженіе 12 лѣтъ занимался въ своемъ имѣніи сельскимъ хозяйствомъ. По вступленіи на престолъ Императора Павла Петровича, 11-го февраля 1797 г., онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ вице-губернаторомъ въ Москву. Здѣсь, онъ отличился своею распорядительностью, результатомъ которой явилась экономія для казны въ нѣ-

сколько милліоновъ руб. по однимъ только казеннымъ подрядамъ. Подобная дѣятельность Аршеневскаго обратила на себя вниманіе Императора Павла I, который, въ маѣ того же 1797 г., послѣ совершившагося св. коронованія, позвалъ его въ кабинетъ и удостоилъ его милостиваго разговора, продолжавшагося полчаса времени; при отпускѣ государь собственноручно возложилъ на него орденъ св. Анны 2-й ст. и удостоилъ принять поднесенную имъ книжку „О доходахъ Московской губерніи". Въ маѣ слѣдующаго года, при проѣздѣ Павла Петровича чрезъ Москву въ Казань, Императоръ пожаловалъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначилъ сперва губернаторомъ въ Иркутскъ, а затѣмъ, когда Аршеневскій отказался по слабости здоровья,—гражданскимъ губернаторомъ въ Москву. Годъ спустя, онъ за образцовое управленіе губерніею награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. и произведенъ въ тайные совѣтники. При восшествіи на престолъ Императора Александра I онъ былъ удостоенъ Высочайшаго рескрипта, въ коемъ, между прочимъ, сказано: „ревностное ваше служеніе и способности всегда привлекали особенное Мое вниманіе. Свидѣтельство, дошедшее ко Мнѣ о порядкѣ, правомъ судѣ и спокойствіи, доставленномъ вами жителямъ Московской губерніи, дѣлаютъ вамъ честь и Мнѣ удовольствіе..." Послѣ состоявшагося въ Москвѣ чина св. коронованія, Аршеневскій получилъ нѣсколько Высочайшихъ наградъ за поднесенную Ихъ Величествамъ книжку: „Описаніе Московской губерніи" и за увеличеніе казенныхъ доходовъ на 2.400.000 руб. Въ декабрѣ 1803 г., онъ былъ пожалованъ сенаторомъ, но уже въ іюнѣ слѣдующаго года уволенъ въ отставку изъ-за доноса недоброжелателей, впослѣдствіи не оправдавшагося.

«Московскія Вѣдомости», за 1853 г.. №№ 145 и 146. — «Справочный энц. словарь», т. I, изд. Крайя, стр. 487.—«Родосл. книга», изд. «Русск. Старины», стр. 413. — «Энцикл. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. II, стр. 285. — «Дѣла Мин. Юстиціи», формул. списокъ о службѣ сен. П. Я. Аршеневскаго, за 1803 г. Сборникъ (рукописный) Шлуна, т. III, стр. 374 (по словамъ Шлуна, Аршеневскій переводилъ Лессинга).

Аршеневскій, *Яковъ Степановичъ*, генералъ-лейтенантъ, нижегородскій губернаторъ; род. въ началѣ XVIII в. въ родовомъ имѣніи, Смоленской губ., ум. въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1771 г.; въ 1730 г. поступилъ на государственную службу въ званіи дворянина посольства, затѣмъ продолжалъ ее въ пѣхотѣ и съ 1755 г. состоялъ оберъ-кригсъ-коммиссаромъ, а затѣмъ губернаторомъ въ Ригѣ. При Императорѣ Петрѣ III Аршеневскій находился въ отставкѣ, но вскорѣ по восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ 1764 г., онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и скончался.

«Родословн. книга», изд. «Русскою Стариною», стр. 413.—«Моск. Вѣдомости» за 1853 г., №№ 145 и 146.—«Справочный энциклопед. словарь», изд. Крайя, т. I, стр. 487.—«Энцикл. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. II, стр. 285.

Аршинскій, *Даніилъ Даниловичъ*, сынъ выходца изъ Литвы, нерчинскій воевода и начальникъ Даурской области; род. въ г. Тарѣ, Тобольской губ., ум. 19-го октября 1676 года въ г. Тобольскѣ. Службу началъ сыномъ боярскимъ по городу Тарѣ, и въ 1641 г., при возмущеніи Сибирскихъ царевичей, онъ, въ должности стрѣлецкаго головы, былъ посланъ усмирять ихъ во главѣ отряда изъ служилыхъ татаръ. Въ 1668 г. онъ числился ротмистромъ по литовскому списку въ городѣ Тобольскѣ. Здѣсь, выдѣляясь умомъ, храбростью и распорядительностью, онъ обратилъ на себя вниманіе правительства, которое въ 1669 г. назначило его воеводою въ г. Нерчинскъ и начальникомъ всей Дауріи — постъ, по тогдашнему времени, весьма важный, такъ какъ незадолго предъ тѣмъ русскими были заведены тамъ первыя поселенія вдоль китайской границы. Въ Нерчинскѣ Аршинскій годовалъ воеводою по 1673 г., причемъ обнаружилъ большія дипломатическія способности. По случаю бѣгства изъ китайскихъ владѣній въ Нерчинскъ одного изъ вассальныхъ тунгузскихъ князьковъ вмѣстѣ съ его родственниками и служилыми улусными людьми, между Россіею и Китаемъ возникли недоразумѣнія и китайскій правитель Зайсанъ Мунгачея, провѣдавъ о бѣгствѣ князька, прислалъ въ Нерчинскъ грамату Аршинскому, съ просьбою снарядить въ Китай посланцевъ, для улаженія спорныхъ вопросовъ. Эта дипломатическая миссія была выполнена настолько удачно для интересовъ Россіи, что Аршинскій былъ вызванъ, 3-го октября 1673 г., въ Москву, гдѣ „за усердную его даурскую службу" награжденъ царемъ сере-

брянымъ ковшомъ съ надписью и сорока соболями. Отправленный затѣмъ первымъ воеводою въ г. Тобольскъ, онъ много содѣйствовалъ подчиненію калмыцкаго тайши Дундуки, прикочевавшаго при немъ къ р. Ишиму.

Справочн. энцикл. словари: Плюшара, т. III, стр. 294—295, Березина, т. II, стр. 310, Крайя, т. I, стр. 487, Брокгауза и Ефрона, т. II, стр. 285.—Соловьевъ: «Ист. Россіи съ др. временъ», изд. «Обществ. Пользы», т. III, стр. 582, 595 и 597.

Аршинскій, *Иванъ Даниловичъ*, тюменскій воевода, сынъ нерчинскаго воеводы Даніила Даниловича. Въ 1674 г. служилъ стрѣлецкимъ головою въ г. Тобольскѣ и въ этомъ году былъ посланъ въ степь отцомъ своимъ, годовавшимъ въ то время воеводою въ Тобольскѣ, для переговоровъ съ калмыцкимъ тайшею Дундукомъ. Не обладая дипломатическими способностями и опытностью отца, онъ былъ обманутъ и ограбленъ калмыками и, не успѣвъ исполнить возложеннаго на него порученія, едва вернулся живымъ въ Тобольскъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ воеводою въ городъ Тюмень, гдѣ и умеръ.

Справочн. энцикл. словари: Плюшара, т. III, стр. 294—295, Березина, т. II, стр. 310, Крайя, т. I, стр. 487, Брокгаузъ и Ефронъ, т. II, стр. 285. — Соловьевъ: «Ист. Россіи съ древн. временъ», изд. «Общ. Пользы», т. III, стр. 582.

Асенкова, *Александра Егоровна*, род. въ 1796 г., умерла въ концѣ 1850-хъ годовъ. Воспитанница театральнаго училища, ученица князя Шаховскаго, она дебютировала въ комедіи „Марѳа и Угаръ", 29-го ноября 1814 года. Въ двадцатыхъ годахъ пользовалась особеннымъ успѣхомъ въ роляхъ субретокъ преимущественно мольеровскихъ комедій и переводныхъ пьесъ французскаго репертуара. Лучшими ролями ея были роли Дорины въ „Тартюфѣ", Сусанны въ „Свадьбѣ Фигаро", а также роли бойкихъ барынь въ комедіи и водевилѣ, какъ, напр.: Троепольской—въ „Актеры между собой", Лельской—въ „Ворожеѣ", Эльмиры—въ „Сплетнѣ". Впослѣдствіи Асенкова перешла на роли старыхъ дѣвъ и сварливыхъ старухъ. Около 1834 г. она оставила сцену.

А. И. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», ч. I, стр. 61. — П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», «Русская Старина» 1876 г., т. 15, стр. 323 и т. 19, стр. 266 — 269, 290 и 303.

Асенкова, *Варвара Николаевна*, талантливая драматическая актриса, дочь предъидущей, род. 1-го апрѣля 1817 г., въ Петербургѣ, умерла тамъ же, 19-го апрѣля 1841 г. Сценическій талантъ сказался въ ней не сразу: отданная своею матерью въ театральное училище, она черезъ годъ была исключена за неспособностью. Пробывъ послѣ исключенія изъ училища три года въ одномъ частномъ пансіонѣ, Асенкова (ей было тогда 15 лѣтъ) рѣшила оставить его и поступить на сцену, чтобы помогать матери и ея многочисленному семейству. Руководителемъ юной артистки, въ ея подготовкѣ къ сценѣ, былъ И. И. Сосницкій, занятія съ которымъ шли на первыхъ порахъ настолько неуспѣшно, что знаменитый артистъ потерялъ всякую надежду на возможность вызвать хотя бы искру таланта въ своей ученицѣ. Сосницкій хотѣлъ уже отказаться отъ безполезнаго труда, какъ вдругъ, однажды, репетируя съ Асенковою роль Фанни въ драмѣ „Мать и дочь—соперницы", онъ былъ пораженъ глубиною и силою чувства, съ которымъ его ученица прочла одинъ изъ монологовъ пьесы. Съ новымъ рвеніемъ принялся Сосницкій за уроки съ Асенковой, дарованіе которой быстро развивалось. 21-го января 1835 года она дебютировала въ бенефисъ своего наставника, въ роли Роксоланы въ комедіи Фавара „Три султанши или Солиманъ II" и въ роли Мины въ водевилѣ „Лорнетъ или правда глаза колетъ". Успѣхъ Асенковой былъ блестящій; красота и молодость дебютантки, ея граціозная стройная фигура, изящныя манеры, прекрасная мимика, внятная дикція, мелодическій голосъ— все это очаровало зрителей, и молодая артистка сдѣлалась любимицею публики. По словамъ П. А. Каратыгина, „Государь Николай Павловичъ, по окончаніи спектакля, удостоилъ ее милостивымъ своимъ вниманіемъ и сказалъ ей, что такой удачный дебютъ ручается за будущіе ея успѣхи на сценѣ". Черезъ три дня Асенкова во второй разъ появилась въ тѣхъ же пьесахъ и съ тѣмъ же успѣхомъ. Послѣ этого она поступила на сцену, но безъ контракта, и въ первые мѣсяцы появлялась передъ публикой довольно рѣдко; весь ея репертуаръ ограничивался пятью пьесами: „Три султанши", „Лорнетъ", „Школа женщинъ", „Адольфъ и Клара" и „Малъ да удалъ". Постоянный успѣхъ молодой артистки заставилъ,

наконецъ, дирекцію принять ее въ февралѣ 1836 года въ штатъ. За свою съ небольшимъ шестилѣтнюю службу она переиграла множество ролей и въ водевилѣ не имѣла себѣ соперницъ. По единодушнымъ отзывамъ современниковъ, Асенкова была превосходна въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ являлась въ мужскомъ костюмѣ, умѣя соединять ловкость и развязность съ граціей и стыдливостью. „Свадьба Фигаро" (пажъ Серафимъ), „Гусарская стоянка" (юнкеръ Лелевъ), „Полковникъ старыхъ временъ" (де-Креки), „Пятнадцатилѣтній король" (Карлъ II) и другіе водевили, въ которыхъ она исполняла роли мальчиковъ, приводили публику тридцатыхъ годовъ въ восторгъ. Съ неменьшимъ талантомъ Асенкова играла роли барышень, молодыхъ свѣтскихъ женщинъ и кокетокъ въ такихъ водевиляхъ и комедіяхъ, какъ, напр.: „Мечты" (Дженни), „Отецъ, какихъ мало" (Катенька), „Ложа 1-го яруса" (Сопичка), „Новички въ любви" (Пашенька), „Полюбовная сдѣлка" (Карпинская), „Сиротка Сусанна" (Сусанна), „Добрый геній" (Софья), „Капризы влюбленныхъ" (Надежда Павловна), „Дѣловой человѣкъ" (Марья Петровна), „Домашная комедія" (Аверина), „Дѣдушка русскаго флота" (Корнелія), „Ревизоръ" (Марья Антоновна) „Горе отъ ума" (Наталья Дмитріевна Горичева) и др. Неподдѣльный комизмъ даровитой артистки никогда не переходилъ въ каррикатуру. О гибкости и разносторонности таланта Асенковой свидѣтельствуетъ успѣшное выполненіе ролей сильно драматическихъ. Въ 1837 г. она имѣла шумный успѣхъ въ роли Эсмеральды въ драмѣ Виктора Гюго подъ тѣмъ же названіемъ, а вскорѣ затѣмъ играла Офелію въ шекспировомъ „Гамлетѣ" и въ этой роли, по словамъ современника, „была поэтически хороша, особенно въ сценѣ безумія". Большой успѣхъ имѣла Асенкова въ 1839 г. въ драмѣ Полевого „Параша-Сибирячка", которая шла въ ея бенефисъ. Императоръ Николай Павловичъ присутствовалъ въ театрѣ и наградилъ бенефиціантку прекраснымъ подаркомъ. Изъ ролей шекспировскаго репертуара Асенкова играла также Корделію въ „Королѣ Лирѣ". Напряженная дѣятельность артистки, усердіемъ которой злоупотребляли и дирекція, и бенефиціанты, заставляя играть чуть не каждый день и разучивать еженедѣльно по двѣ, по три новыхъ роли, надломила ея слабое здоровье и ускорила развитіе чахотки, первые признаки которой появились весной 1838 г. Несмотря на совѣты докторовъ, Асенкова не покидала сцены и на масляницѣ 1841 г. играла 17 разъ, исполняя не менѣе двухъ ролей въ день. Въ послѣдній разъ она показалась на сценѣ въ прощенное воскресенье 16-го февраля, въ пьесахъ „Пятнадцатилѣтній король" и „Новички въ любви". 14-го апрѣля имя Асенковой въ послѣдній разъ прочитали на афишѣ, извѣщавшей о ея бенефисѣ; но даровитая артистка въ немъ уже не могла участвовать: она была при смерти. Погребеніе ея происходило 22-го апрѣля на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ на ея могилѣ сооруженъ на средства, собранныя почитателями ея таланта, прекрасный памятникъ съ бронзовымъ бюстомъ Асенковой.

«Репертуаръ русскаго театра», издаваемый И. Песоцкимъ, на 1841 годъ, т. I, книга 5, стр. 16—23 (Матеріалы для исторіи русскаго театра: «В. Н. Асенкова», біографическій очеркъ Д. Сушкова).—«Сѣверная Пчела» 1841 г., № 90 (некрологъ, составленный Межевичемъ).—«Русская Старина» 1873 г., т. 8, кн. 9, стр. 320, 322, 324—28 («Воспоминанія П. А. Каратыгина»); ibidem, 1880 г., т. 29, кн. 10, стр. 302—8 и 795—6 (поправка къ статьѣ П. Каратыгина).—«Всемірная Иллюстрація» 1892 г., стр. 445.—«Энциклопедическій словарь» Брокгауза-Ефрона, полут. 3, стр. 289. (Здѣсь совершенно невѣрно говорится, что «играя очень часто, любя веселье, праздники, удовольствія всякаго рода, молодая актриса не берегла себя» и что будто бы ея слабое здоровье «*не выдержало поклонниковъ*». В. Н. Асенкова была скромною дѣвушкою, отвергавшею всѣ исканія поклонниковъ, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ ея современники).—А. И. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», ч. I, стр. 39, 47, 69, 93 и часть II, стр. 73—74 (перечень ролей).

Аскоченскій, *Викторъ Ипатьевичъ*, журналистъ, род. 1-го октября 1813 г., въ Воронежѣ, ум. 18-го мая 1879 г., въ С.-Петербургѣ. Сынъ священника, бывшаго наставникомъ въ нотномъ пѣніи всѣхъ церковнослужителей Воронежской губ., Аскоченскій, послѣ домашней подготовки, поступилъ въ Воронежскую семинарію, по окончаніи курса въ которой, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, перешелъ въ Кіевскую духовную академію. Усердно занимаясь здѣсь богословскими и историческими науками, Аскоченскій, по окончаніи въ 1839 г. академическаго курса со степенью магистра, былъ назначенъ баккалавромъ академіи (адъюнктъ-профессоромъ) и сначала

преподавалъ языки польскій и нѣмецкій, а затѣмъ патрологію, причемъ изучилъ Св. Писаніе и творенія св. отцовъ, какъ немногіе спеціалисты. Оставивъ по собственному желанію профессуру, Аскоченскій въ 1846 г. получилъ мѣсто совѣтника волынскаго губернскаго правленія и жилъ въ домѣ генералъ-губернатора Юго-западнаго края Д. Г. Бибикова, въ качествѣ воспитателя одного его родственника. Въ 1849 г. Аскоченскій былъ переведенъ въ Каменецъ-Подольскъ совѣстнымъ судьею съ исправленіемъ должности предсѣдателя гражданской палаты, но прослужилъ здѣсь всего два года и принужденъ былъ выйти въ отставку въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Съ этого времени Аскоченскій, переселившись въ Кіевъ, а затѣмъ, въ 1857 г., въ Петербургъ, отдается исключительно литературной дѣятельности, которая становится на долгіе годы, до конца жизни, единственнымъ источникомъ средствъ его существованія. Дѣятельность эта началась еще въ 1839 году замѣтками и стихами въ „Воскресномъ Чтеніи", „Маякѣ" и „Москвитянинѣ" и отличалась большимъ разнообразіемъ: Аскоченскій писалъ стихи, басни, повѣсти, драмы, ученыя изслѣдованія, сатирическіе очерки, религіозно-нравственные разсказы и пр. Не имѣя художественнаго беллетристическаго таланта, Аскоченскій былъ по призванію публицистомъ и пріобрѣлъ на поприщѣ журналистики громкую, но печальную извѣстность, не принеся, вслѣдствіе своихъ крайнихъ охранительныхъ воззрѣній, той пользы, которой можно было бы ожидать при его дарованіи, остроуміи и знаніяхъ. „Собраніе стихотвореній" (1846 г.), „Пансіонерка", трагедія нашего времени, въ четырехъ отдѣленіяхъ съ эпилогомъ (1847 г.), романъ „Асмодей нашего времени" (1858 г.), изданный подъ псевдонимомъ В. Кочки-Сохрана, „Мароа посадница или паденіе Новгорода", драматическое представленіе въ 4-хъ картинахъ (1870 г.)—таковы литературныя произведенія Аскоченскаго, въ которыхъ онъ безуспѣшно пытался разрѣшить тѣ или другія художественныя задачи. Нѣкоторый успѣхъ (разошлось все первое изданіе) имѣлъ только романъ „Асмодей нашего времени", въ которомъ Аскоченскій впервые выступилъ въ роли обличителя безнравственности и атеизма русскаго общества. Гораздо важнѣе научные труды Аскоченскаго: не говоря о „Краткомъ начертаніи исторіи русской литературы (1846 г.), составленномъ изъ уроковъ, которые авторъ преподавалъ въ одномъ изъ кіевскихъ женскихъ пансіоновъ, и не имѣющемъ научной цѣнности, слѣдуетъ назвать большое двухтомное сочиненіе „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіею" (1856 г.) и книжку: „Исторія Кіевской духовной академіи по преобразованіи ея въ 1819 г." (1863 г.); второй трудъ является продолженіемъ перваго и составленъ также, главнымъ образомъ, по архивнымъ матеріаламъ; значительную часть перваго сочиненія занимаютъ біографіи бывшихъ питомцевъ Кіевской духовной академіи. Въ іюлѣ 1858 года появился первый нумеръ „Домашней Бесѣды", которая выходила затѣмъ еженедѣльно и сначала предназначалась для народа (№ стоилъ 5 коп.). Съ 1859 года форматъ газеты былъ увеличенъ, а программа расширена; съ 20-го № 1860 г. появился отдѣлъ „Блестки и изгарь", который въ продолженіе 18-ти лѣтъ читался самыми ожесточенными врагами Аскоченскаго. Съ ѣдкимъ сарказмомъ и подчасъ не безъ остроумія, подъ предлогомъ защиты идей православія противъ распространившагося въ обществѣ невѣрія, и консервативныхъ началъ противъ увлеченій либерализмомъ, Аскоченскій высмѣивалъ все западно-европейское и новое въ наукѣ, литературѣ, общественной и государственной жизни. Въ своемъ обскурантизмѣ и фанатической набожности онъ дошелъ, наконецъ, до того, что заставилъ охладѣть къ себѣ прежнихъ своихъ приверженцевъ и поклонниковъ и подготовилъ свое литературное паденіе. Въ началѣ имѣвшая успѣхъ, „Домашняя Бесѣда" въ послѣднее время едва влачила существованіе и на № 45 за 1877 годъ (5-го ноября) неожиданно прекратилась. Въ этомъ № появилось слѣдующее „Грустное, но необходимое объявленіе подписчикамъ, читателямъ и почитателямъ „Домашней Бесѣды": „Редакторъ-издатель журнала „Домашняя Бесѣда" *Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій*, 19 лѣтъ послужившій вѣрой и правдой общественно-литературному дѣлу въ изданіи „Бесѣды", которая всегда была врагомъ *духа вѣка сего* и стояла крѣпко на твердой почвѣ св. православія и народности русской, вслѣдствіе усилен-

ныхъ занятій, 23-го октября пораженъ нервнымъ ударомъ (воспаленіемъ въ мозгу) и наняхъ отправленъ въ больницу. Надежда на скорое его выздоровленіе довольно сомнительна. И потому какъ выпускъ дальнѣйшихъ нумеровъ „Домашней Бесѣды“ за текущій годъ, такъ и подписка на „Домашнюю Бесѣду“ въ будущемъ 1878 году, впредь до поправленія здоровья редактора, прекращаются. Жена редактора, Татьяна Владиміровна Аскоченская, въ глубокой горести о серьезной болѣзни ея мужа, который жилъ единственно трудами изданія журнала и теперь, кромѣ значительныхъ долговъ, не оставилъ ей съ четверыми дѣтьми никакихъ средствъ даже и къ дневному пропитанію, покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ извинить ея больного мужа за недоимку нумеровъ „Домашней Бесѣды“ въ текущемъ году и по христіанскому братолюбію помолиться о его выздоровленіи, для поддержки его бѣднаго семейства и убитой горестью жены его“. Во время редактированія „Домашней Бесѣды“ Аскоченскій, между прочимъ, напечаталъ отдѣльными изданіями: „Чтеніе для православнаго русскаго народа“ (первое изданіе—въ 1860 г., второе—въ 1862 г.), „Записки звонаря“, „Басни Незамая“, „Письма съ того свѣта“, „Панорама или очерки современной жизни“, въ 3-хъ частяхъ, гдѣ онъ перепечаталъ „Асмодея нашего времени“, дополнивъ его нѣсколькими новыми главами, и, наконецъ, переводную съ польскаго трагедію І. Корженіовскаго—„Карпатскіе горцы“. Послѣ смерти Аскоченскаго (онъ умеръ, пострадавъ болѣе полутора лѣтъ, въ отдѣленіи душевно-больныхъ Петропавловской больницы). Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1882 г., №№ 1—9) напечатано, съ предисловіемъ Ѳ. И. Булгакова, извлеченіе изъ его обширнаго „Дневника“, веденнаго съ 1835 по 1857 г. Изъ этого любопытнаго „Дневника“ можно видѣть, что обскурантизмъ Аскоченскаго объясняется личными житейскими неудачами: до отставки и особенно во время профессорства онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Помимо автобіографическаго значенія, „Дневникъ“ важенъ для характеристики духовнаго образованія провинціи того времени, важенъ для историка театра и композитора церковнаго пѣнія (Аскоченскій самъ написалъ не мало духовныхъ пьесъ), для ученаго богослова и педагога, которые найдутъ въ немъ цѣнныя свѣдѣнія каждый по своей спеціальности. По словамъ Булгакова, „Дневникъ“ представляетъ цѣлую энциклопедію, какая только доступна силамъ одного человѣка“.

Некрологи: въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1879 г. № 21 (А. Павловича) и въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» 1879 г., № 60.—«Истор. Вѣстн.» 1882 г., январь—сентябрь, «Дневникъ В. И. Аскоченскаго», съ предисловіемъ и объясненіями Ѳ. И. Булгакова. — Краткая біографія Аскоченскаго на отдѣльномъ листѣ, дозволенномъ цензурою 24-го декабря 1864 г. и напечатанномъ въ типографіи А. Мюнстера.—В. Аскоченскій, «Исторія Кіевской духовной академіи по преобразованіи ея въ 1819 г.». — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 827—836.

Ассаки, *Георгій*, молдаванскій писатель, бывшій при Николаѣ I въ русской службѣ; род. 1788 г., въ Яссахъ ум. въ 1860-хъ годахъ. Учился въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, а окончилъ свое образованіе, живя въ Италіи; состоялъ съ 1811 г. членомъ Римской академіи наукъ. Съ 1812 года Ассаки управлялъ въ Молдавіи отдѣленіемъ иностранныхъ дѣлъ, съ 1822 по 1827 г. состоялъ молдавскимъ посломъ въ Вѣнѣ. Посланный въ Петербургъ, въ качествѣ члена комитета (по составленію устава для княжествъ Молдавіи и Валахіи), Ассаки былъ назначенъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ начальникомъ государственнаго архива княжествъ съ награжденіемъ орденомъ св. Владиміра. Въ 1856 г. Ассаки былъ въ Молдавіи директоромъ департамента народнаго просвѣщенія и исповѣданій. Въ разное время Ассаки издавалъ на молдавскомъ нарѣчіи газеты: „Молдаванская Пчела“, „Подбиратель колосьевъ“ и „Образъ Свѣта“ и пріобрѣлъ въ собственность правительственный органъ „Газета Молдаванская“. Имъ написана на молдаванскомъ языкѣ „Русская исторія“ въ двухъ томахъ (1817 года). Кромѣ того, онъ перевелъ съ нѣмецкаго и французскаго нѣсколько пьесъ, составившихъ сборникъ „Театръ“ и издалъ томъ стихотвореній на разныхъ языкахъ, въ 8°, 1854 г.

Vapereau «Dictionnaire universel des contemporains». I, 69. Par. 1858.

Ассебургъ, баронъ, *Ахацъ Фердинандъ*, род. 20-го іюля нов. ст. 1721 г. въ Мейсдорфѣ, имѣніи, принадлежащемъ Ассебургскому роду, въ Гальберштадтскомъ княже-

ствѣ, ум. 13-го марта 1797 г. въ Брауншвейгѣ. Окончивъ курсъ въ Іенскомъ университетѣ, онъ поступилъ, въ 1744 г., на службу у Гессенъ-Кассельскаго ландграфа Фридриха. Въ качествѣ совѣтника, онъ состоялъ при посольствѣ въ Мюнхенѣ и жилъ одну зиму 1749—1750 гг. въ Парижѣ, гдѣ познакомился съ датскимъ посломъ при французскомъ дворѣ барономъ Бернсторфомъ. По предложенію послѣдняго, онъ перешелъ на датскую службу и былъ назначенъ въ 1754 г. посломъ при шведскомъ дворѣ, гдѣ оставался до 1760 г. Два года онъ былъ въ отставкѣ, потомъ, въ 1762 г., посломъ въ Берлинѣ, чтобы вести переговоры относительно голштинскихъ дѣлъ съ русскимъ посланникомъ барономъ Корфомъ и голштинскимъ тайнымъ совѣтникомъ Сальдерномъ. Смерть Петра III прекратила эти переговоры. Въ 1764 г. онъ былъ назначенъ посломъ въ Штутгартѣ, а въ 1765 г. посланникомъ въ Петербургѣ. Главная цѣль его посольства былъ голштинскій вопросъ. Наконецъ, былъ заключенъ, въ 1768 г., предварительный трактатъ съ Даніею, по которому Россія, уступая Даніи Шлезвигъ и Голштинію, пріобрѣтала взамѣнъ того графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ; окончательный же трактатъ былъ подписанъ только въ 1773 г. Разслабленное здоровье заставило его, по заключеніи трактата, просить объ увольненіи отъ занимаемой имъ должности. Одинъ годъ онъ жилъ въ отставкѣ, потомъ онъ былъ назначенъ вновь посланникомъ въ Штутгартѣ. Въ 1771 г. онъ оставилъ датскую службу, чтобы вступить, въ томъ же году, по предложенію графа Панина, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, на русскую службу. Уже въ Стокгольмѣ онъ познакомился съ графомъ Панинымъ, а въ Петербургѣ такъ понравился Екатеринѣ II, что она поручила ему, при его отъѣздѣ изъ Россіи, пріискать великому князю Павлу Петровичу невѣсту. Выборъ Ассебурга остановился на принцессѣ Вильгельминѣ Гессенъ-Дармштадтской, впослѣдствіи великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Послѣ обрученія великаго князя, Екатерина пожаловала Ассебургу (въ 1773 г.) орденъ св. Александра Невскаго и назначила его уполномоченнымъ министромъ при сеймѣ въ Регенсбургѣ. Въ этой должности онъ оставался до 1792 г. Его записки изданы Варнгагеномъ фонъ-Энзе въ Берлинѣ въ 1842 г. (Denkwürdigkeiten etc).

«Сбор. Им. Р. Ист. Общ.», I, 27. «Briefwechsel der Grossen Landgräfin» Caroline v. Hessen, v. Ph. A. F. Walther. Wien, 1887, I. «Русск. Архивъ» 1879 г. кн. I, стр. 362.

К. Феттерлейнъ.

Астафьевъ, *Александръ Ивановичъ*, отставной генералъ-маіоръ, военный писатель; род. въ 1816 г., ум. послѣ 1863 г. Уроженецъ Калужской губерніи, Астафьевъ окончилъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ корпусѣ, откуда въ 1835 г. вышелъ прапорщикомъ въ 8-ю артиллерійскую бригаду, а въ 1844 г., по выпускѣ изъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, былъ зачисленъ въ послѣдній. Въ 1854 г., въ чинѣ полковника, опредѣленъ на должность штабъ-офицера помянутой академіи и оставался въ ней до 1863 г., когда, по болѣзни, былъ уволенъ генералъ-маіоромъ въ отставку. Литературные труды Астафьева довольно разнообразны. Первымъ было издано имъ, въ 1850 г.: „Военно-статистическое обозрѣніе Варшавской губерніи“; затѣмъ, въ 1856—1861 гг. изслѣдованіе „О современномъ военномъ искусствѣ“, 2 т.; въ 1856 г. напечатаны въ „Военномъ Сборникѣ“ и отдѣльно: „Воспоминанія о Суворовѣ“. Большую сенсацію вызвалъ, появившійся въ 1862 и 1863 гг. трудъ Астафьева: „Источники политической экономіи и государственнаго хозяйства“, 2 т., гдѣ, въ главѣ „О народѣ и его назначеніи“, онъ, съ особенною отчетливостью, развивалъ типъ идеальнаго государства, разсматривая его, какъ живое органическое тѣло, въ которомъ человѣкъ — отдѣльная самобытная клѣточка, народъ—совокупность, составляющее тѣло, а правительственная власть—душа и разумъ. Изъ послѣдующихъ трудовъ Астафьева извѣстны: „Полевая служба войскъ“, составленная имъ вмѣстѣ съ капитаномъ Кёнигомъ, „Что такое военное хозяйство“ и „Критическое изслѣдованіе современной системы финансовъ въ западныхъ государствахъ“ (1863).

Глиноецкій, «Историч. очеркъ Никол. акад. Генер. Штаба». — С. Венгеровъ, Критико-біогр. словарь, т. I, стр. 837—840 (ст. А. Петрова).— С. А. Венгеровъ, «Русск. Книги», Спб. 1897 г., стр. 435.

Астафьевъ, *Николай Алексѣевичъ*, генералъ-маіоръ; род. въ 1814 г., ум. 14 января 1889 г. Получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, службу началъ въ 1859 г.

въ рядахъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка, откуда, по окончаніи въ 1864 г. курса Николаевской академіи генеральнаго штаба, переведенъ въ послѣдній. Выступивъ участникомъ турецкой войны 1877—1878 гг. въ азіатской Турціи, получилъ за отличія золотое оружіе и ордена св. Владиміра 4 степ. съ мечами и бантомъ и 3 степ. съ мечами; вслѣдъ затѣмъ, по производствѣ въ 1883 г. въ генералъ-маіоры, назначенъ состоящимъ для особыхъ порученій при командующемъ войсками Кавказскаго военнаго округа и въ этой должности скончался въ Тифлисѣ. Въ числѣ порученій, на Астафьева была возложена разработка военно-историческихъ матеріаловъ, относящихся до послѣдней войны въ Азіатской Турціи.

«Новое Время», 1879 г., № 4633.— «Рус. Инв.», 1889 г. № 19.

Астафьевъ, *Николай Матвѣевичъ*, род. въ 1762 г., ум. 27-го ноября 1805 г.; состоялъ на службѣ переводчикомъ при артиллерійской экспедиціи. Изъ трудовъ его извѣстны: 1) напечатанное по смерти, перев. 1808 г. „Отдохновеніе чувствительнаго человѣка, или разныя достопамятныя происшествія, собранныя г. Арно“, съ французскаго, ч. I, 8° (часть II не выходила), 2) съ французскаго же—„Разсужденіе объ устройствѣ легкихъ войскъ и употребленіе ихъ въ военное время, съ присовокупленіемъ прибавленія о полевыхъ укрѣпленіяхъ“, 1803 г., 4°. Спб. За послѣдній переводъ Астафьевъ получилъ отъ Государя 5.000 рублей. Онъ же изобрѣлъ „пушки лить въ песокъ“, сообщаетъ Д. Шлунъ (V т., 127 стр.), слышавшій о томъ отъ пушечнаго мастера Петербургскаго арсенала, Аникѣева.

«Росп. Смирдина», № 4342.—Шлунъ, Д. Рукописные матеріалы.

Асцентини, *Франческо*, ювелиръ изъ Венеціи въ началѣ XVII в. Встрѣтивъ, по пріѣздѣ въ Москву, въ іюнѣ 1601 г., своего земляка и друга, Марка Чилони, призваннаго еще царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ для тканья парчи, штофовъ и бархатовъ, и имѣвшаго фабрику близь новой колокольни Ивана Великаго, былъ представленъ имъ, черезъ окольничаго Дм. Аѳанасьева, царю Борису Годунову, во время осмотра послѣднимъ названной постройки. Полюбившись царю, онъ, за граненіе большого изумруда для его перстня и рѣзаніе на агатѣ Распятія, получилъ отъ Годунова соболью шубу, горлатную шапку, муфту и 100 червонцевъ, а потомъ дважды обѣдалъ у него за „большимъ“ столомъ и не разъ—за „кривымъ“. Но, услышавъ объ ужасной болѣзни cholera morbus, происшедшей отъ голода, и о появленіи Лжедмитрія, Асцентини выѣхалъ изъ Москвы 13 мая 1604 г., съ путевою грамотою, скрѣпленною дьякомъ Ильею Муромцовымъ; встрѣтивъ же въ Чернпговѣ Самозванца, цѣловалъ у него руку и взялъ новый охранный листъ для путешествія изъ Кіева въ Астрахань, хотя оставилъ у себя, на всякій случай, и видъ Бориса Годунова для мѣстностей, не передавшихся еще Лжедмитрію. Послѣ разныхъ неудобствъ въ пути отъ худыхъ дорогъ и испытанныхъ обидъ, напр., со стороны калужскаго воеводы кн. Аѳанасія Кудашева, Асцентини останавливался въ Астрахани у флорентійскаго уроженца Ант. Ферата, а затѣмъ, черезъ Турцію, вернулся въ отечество, гдѣ и издалъ, въ 1617 г., свои записки, переведенныя впослѣдствіи на французскій языкъ аббатомъ Бурьеромъ. Книга эта сдѣлалась настолько рѣдка, что еще Карамзинъ, нигдѣ не доставъ ея, пользовался только выписками изъ нея, сообщенными ему историкомъ русскаго флота Бестужевымъ.

Карамзинъ «Ист. Госуд. Росс.» (въ изд. Эйнерлинга), т. X, стр. 79, откуда заимствовали всѣ послѣдующіе историки литературы и искусства.
Н. С.

Атаришковъ, *Георгій Семеновичъ*, генералъ-маіоръ, сподвижникъ кавказскихъ героевъ, род. въ 1816 г., ум. 9-го февраля 1885 г. Службу началъ въ 1831 г. рядовымъ казакомъ въ Моздокскомъ казачьемъ полку, откуда, въ 1840 г., переведенъ въ Кубанскій казачій полкъ. Участвуя въ безпрерывныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ, всѣ награды получилъ за боевыя отличія, и, какъ выдающійся офицеръ, въ 1848 г. зачисленъ въ составъ команды линейныхъ казаковъ Государева конвоя. Въ іюлѣ 1859 г., назначенный командиромъ 4 бригады бывшаго Кавказскаго линейнаго войска, принялъ участіе въ экспедиціи того же года по покоренію абадзеховъ; въ 1860 г. содѣйствовалъ операціямъ главнаго Шапсугскаго отряда; въ 1863 г. до исхода 1864 г. находился при покореніи Бшехскимъ отрядомъ горцевъ праваго фланга Кавказской линіи и въ мартѣ 1865 г. ко-

мандированъ въ Петербургъ депутатомъ отъ войска, для принесенія Государю благодарности за пожалованіе кубанскимъ казакамъ Всемилостивѣйшей грамоты. Произведенный, въ маѣ того же года, въ генералъ-маіоры, Атаришковъ въ 1871 г. зачисленъ по Кубанскому казачьему войску, а съ 1876 г. до кончины своей состоялъ при Кавказской арміи.

«Новое Время», 1885 г., № 3222.—Календари Суворина и Гоппе на 1885 г.

Аткинсонъ, *Джонъ-Аугустинъ*, живописецъ и граверъ на мѣди. Род. въ 1775 г., ум. послѣ 1831 г., въ Лондонѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1784 г., вмѣстѣ съ принятымъ на русскую службу граверомъ Джемсомъ Валькеромъ, его тестемъ, и находясь подъ покровительствомъ Императрицы Екатерины II, а затѣмъ Императора Павла I, онъ писалъ здѣсь большія картины изъ русской исторіи для Императорскихъ галлерей, въ томъ числѣ „Крещеніе Руси“ и „Мамаево побоище“ въ одну изъ залъ Михайловскаго замка, а также портреты Павла I верхомъ и гр. А. В. Суворова—въ ростъ и по поясъ (гравированы черной манерой Дж. Валькеромъ въ 1797 г.); профиль послѣдняго онъ нарисовалъ еще съ медали, чеканенной въ Берлинѣ въ 1799 г. (гравированъ пунктиромъ Шлейхомъ), когда имъ исполненъ былъ и портретъ Д. В. Сольтау (гравированный пунктиромъ І. К. Майромъ для его перевода „Hudibras von Sam. Butler“, изданнаго въ Кенигсбергѣ въ 1799 г.). Вернувшись въ Лондонъ въ 1801 г., Аткинсонъ занялся рисованіемъ и гравировкой сценъ изъ русской жизни и петербургскихъ видовъ, которые и издалъ тамъ въ двухъ серіяхъ, въ листъ, подъ заглавіями: «A picturesque representation of the manners, customs and amusements of the Russians, in 108 coloured plates», въ 3-хъ томахъ, въ 1803—1804 и 1812 гг., и «Panoramic views of St.-Petersburg, drawn from the observatory of Academy of Sciences», въ 5-ти очеркахъ, въ 1805—1807 гг. Ему же принадлежатъ: «Смерть ген. Моро» (гравированная акватинтой М. Дюбургомъ въ 1813 г.) и портреты Императора Александра I—въ видѣ овальнаго медальона, поддерживаемаго воиномъ и ратникомъ (гравированъ рѣзцомъ Е. Скривеномъ въ 1813 г.) и въ ростъ (гравированъ Валькеромъ въ 1814 г.). Съѣздивъ, въ 1815 г., изъ Англіи въ Ватерлоо, вмѣстѣ съ живописцемъ А. В. Девисомъ, Аткинсонъ написалъ, при его содѣйствіи, картину, съ изображеніемъ бывшаго тамъ сраженія; она была выставлена въ 1819 г. и гравирована очеркомъ Дж. Бёрнетомъ; написанныя же имъ баталіи подъ Лейпцигомъ и Витторіей гравированы акватинтой Дж. Валькеромъ. Насчетъ качества его работъ, еще Авг. Коцебу замѣтилъ въ своемъ сочиненіи «Das merkwürdige Jahr meines Lebens» въ 1797 г., что если на его историческія картины можно нападать мѣстами за рисунокъ, то, во всякомъ случаѣ, имъ нельзя отказать въ привлеченіи вниманія зрителя; относительно досокъ съ русскими сценами и видами, гравированныхъ имъ въ легкихъ очеркахъ и тронутыхъ немного акватинтой, Отлей въ своихъ «Notices» свидѣтельствовалъ, что онѣ обнаруживаютъ руку опытнаго рисовальщика и очень интересны по изображеннымъ на нихъ предметамъ, но, къ сожалѣнію, недостаточно обработаны въ подробностяхъ и раскрашены не довольно хорошо, или, лучше сказать, въ угоду массы; наконецъ, про его „Ватерлооскую битву“ говорили, что композиція эта, представляя полную фантазію художника, грѣшила противъ истины и была нѣсколько тенденціозна въ политическомъ смыслѣ, какъ англійское произведеніе.

«Allgem. Küustler-Lex.», herausgeg. von Dr Jul. Meyer, Leipz. 1878, II, 360. — «Dictionary of national biography», ed. by Leslie Stephen, Lond. 1885, II, 224.—Д. Ровинскій «Подробный словарь русск. гравиров. портретовъ», Спб., 1886 — 88, алфав. *Н. Собко.*

Атласовъ, *Владиміръ Васильевичъ*, мѣсто и годъ рожденія его неизвѣстны, убитъ въ 1711 году въ Нижнекамчатскомъ острогѣ. Онъ происходилъ изъ устюжской крестьянской семьи, которую нужда заставила переселиться за Уралъ. Выросшій на дальнемъ востокѣ, проведшій молодые годы въ скитаніяхъ по дикимъ сибирскимъ тундрамъ въ обществѣ казаковъ-землепроходцевъ, Атласовъ былъ типичнѣйшимъ представителемъ тѣхъ людей, которые всю жизнь проводили въ борьбѣ съ сибирской природой и дикими инородцами. Желѣзная энергія, предпріимчивость, беззавѣтная удаль, необыкновенная выносливость съ одной стороны, страсть къ наживѣ, жестокость и отсутствіе какихъ бы то ни было нравственныхъ принциповъ съ другой—вотъ черты, изъ которыхъ складывался характеръ Атласова. Кромѣ того, онъ об-

ладалъ недюжиннымъ природнымъ умомъ и былъ грамотенъ, что въ тѣ времена, да еще на сибирской окраинѣ, было рѣдкостью. Въ 1672 году онъ былъ поверстанъ на государеву службу въ Якутскѣ и затѣмъ болѣе 20 лѣтъ провелъ „въ дальнихъ заморскихъ службахъ“, которыя исполнялъ, по его собственнымъ словамъ, „со всякимъ чистосердечіемъ“. Вѣроятно, во время этихъ дальнихъ службъ онъ и ознакомился съ краемъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Камчатки и бывшемъ тогда уже въ русскихъ рукахъ; тогда же узналъ онъ про существованіе самого полуострова, и у него зародилась мысль завладѣть этой землей. Въ 1695 году Атласовъ былъ уже казачьимъ пятидесятникомъ, и якутскій воевода Мих. Аѳ. Арсеньевъ назначилъ его приказчикомъ въ Анадырскій острогъ, какъ человѣка бывалаго и знающаго край. Атласовъ, еще не выѣзжая изъ Якутска, сталъ готовиться къ камчатскому походу. Онъ занялъ у подъячаго Ивана Харитонова 160 рублей, купилъ на эти деньги порохъ, свинецъ и другіе необходимые запасы и роздалъ ихъ своимъ людямъ безденежно. Затѣмъ онъ занялъ еще пороху и свинцу у торговаго человѣка Михаила Остафьева „въ кабалу на 120 лисицъ красныхъ“, и это тоже роздалъ служилымъ людямъ, которые впослѣдствіи платили ему за эти запасы „собольми своего промыслу“. Такимъ образомъ въ камчатскомъ походѣ Атласову принадлежала не только самая идея, но и затраты по предпріятію и весь рискъ. Пріѣхавъ въ Анадырскъ, въ послѣднихъ числахъ августа, Атласовъ немедленно приступилъ къ выполненію своего плана: въ 1696 году онъ послалъ казака Морозка съ 16 товарищами собрать ясакъ съ коряковъ, живущихъ по р. Апукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать про пути въ Камчатку. Морозко проникъ далеко на югъ, погромилъ одинъ камчадальскій острогъ на рѣкѣ Тигилѣ, собралъ достовѣрныя свѣдѣнія о Камчаткѣ и узналъ, что за ней есть еще цѣлая гряда острововъ. Тогда Атласовъ, собравъ въ 1696 году ясакъ съ Анадырскихъ юкагировъ и отославъ его въ Якутскъ, двинулся осенью на Камчатку „на службу великого государя для пріиску новыхъ землицъ и для призыву подъ самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачныхъ людей, которые подъ царскою высокосамодержавною рукою въ ясачномъ платежѣ не бывали“. Атласовъ взялъ съ собой 60 служилыхъ и промышленныхъ людей, да 60 анадырскихъ ясачныхъ юкагировъ для собольнаго промыслу. Черезъ $2^1/_2$ недѣли отрядъ дошелъ до Пенжинской губы и „ласково и привѣтомъ“ взялъ ясакъ съ жившихъ тутъ коряковъ, затѣмъ двинулся „въ камчатцкой носъ“ и, обложивъ ясакомъ встрѣтившіяся на пути олюторскія юрты, раздѣлилилъ свой отрядъ на двѣ равныя части: самъ Атласовъ пошелъ по западному берегу Камчатки, а Лукѣ Морозку приказалъ идти по восточному. Въ это время произошло возмущеніе юкагировъ, которые осадили Анадырскій острогъ, но неудачно. Шедшіе съ Атласовымъ юкагиры тоже взбунтовались на рѣкѣ Паланѣ, 3 казаковъ убили и 15 ранили, въ томъ числѣ и самого Атласова („во три мѣстѣхъ“). Тогда Атласовъ велѣлъ Морозку вернуться къ себѣ, и общими силами они усмирили юкагировъ. Обложивъ ясакомъ, отчасти ласкою, отчасти насиліемъ, всѣ встрѣчные коряцкіе и камчадальскіе острожки, Атласовъ, по челобитью своихъ подчиненныхъ, двинулся на рѣку Камчатку и нашелъ тутъ большія инородческія поселенія. Здѣшніе камчадалы распадались на нѣсколько враждебныхъ другъ другу родовъ, и Атласовъ умѣло воспользовался этимъ: обѣщаніемъ помощи привлекъ на свою сторону нѣкоторыя поселенія и при ихъ поддержкѣ завладѣлъ и остальными. Двинувшись съ рѣки Камчатки далѣе на югъ, Атласовъ былъ опять задержанъ: оленные коряки хотѣли украсть его оленей, „для того, чтобъ имъ, Володимеру съ товарищи, великому государю служить было не на чемъ“. Атласовъ погнался за ними и настигъ ихъ у Пенжинскаго моря. „Бились день и ночь, и Божіею милостію и государевымъ счастіемъ ихъ корякъ человѣкъ ста съ полтора избили и олени отбили“. Двинувшись далѣе, Атласовъ нашелъ у камчадаловъ на Нанѣ узакинскаго (т.-е. японскаго) плѣнника, собралъ у него нѣкоторыя свѣдѣнія объ Японіи и взялъ его съ собой. Налагая ясакъ на коряковъ, камчадаловъ и курильцевъ, Атласовъ достигъ рѣки Каланской (теперь Голыгина), т.-е. не дошелъ до Лопатки всего дней на 5 пути. Оттуда онъ вернулся назадъ. На рѣкѣ Игѣ пали у него всѣ олени, ѣхать въ Анадырскъ было не на чемъ, и Атласовъ принужденъ былъ тутъ перезимовать. Тогда

же на рѣкѣ Камчаткѣ былъ поставленъ Верхнекамчатскій острогъ, въ который Атласовъ отрядилъ Потапа Серюкова съ 15 казаками и 13 юкагирами. Повинуясь челобитью остальныхъ своихъ подчиненныхъ, Атласовъ повелъ ихъ въ Анадырскій острогъ, поставивъ передъ уходомъ при впаденіи Канучи (Крестовая) въ Камчатку крестъ съ надписью: „205 году, іюля 13 дня, поставилъ сей крестъ пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ съ товарищи, 55 человѣкъ". Этотъ крестъ видѣлъ еще Крашенинниковъ. Изъ Анадырска Атласовъ съ ясачною казною, служилыми людьми и узакинскимъ полоненникомъ пошелъ на лыжахъ въ Якутскъ. Но полоненникъ по дорогѣ „ногами заскорбѣлъ" и вернулся въ Анадырскъ, а Атласовъ съ ясакомъ благополучно прибылъ въ Якутскъ въ серединѣ 1700 года и подалъ тамъ „скаску" о камчатскомъ походѣ и о собранномъ ясакѣ, который былъ не особенно великъ, такъ какъ инородцы „въ ясакѣ упрашиваютца до осени", говоря, что у нихъ лишнихъ мѣховъ не запасено. Якутскій воевода Дороѳей Аѳан. Траурнихтъ послалъ покорителя Камчатки съ собраннымъ ясакомъ въ Москву, куда Атласовъ поспѣлъ къ началу февраля 1701 года; 10 числа того же мѣсяца онъ подалъ въ Сибирскій Приказъ „скаску" о своихъ подвигахъ, а 15—собственноручно челобитную Петру I съ просьбой, назначить его „въ Якуцкомъ у казаковъ казачьимъ головою". 19 февраля Атласовъ послалъ вторую челобитную. Въ ней онъ просилъ возвратить ему 11 сороковъ соболей, которые собраны были имъ со своихъ подчиненныхъ за припасы, а въ Москвѣ взяты въ казну, такъ какъ въ 1697 году вышло запрещеніе частнымъ лицамъ пріобрѣтать въ Сибири рухлядь для продажи. Обѣ просьбы были уважены: Атласовъ назначенъ казацкимъ головою съ жалованьемъ по 10 рублей въ годъ деньгами, да по 7 четвертей ржи и овса и по 3 пуда соли, а за соболей велѣно дать ему 100 рублей да товаровъ на столько же, такъ какъ запретительный указъ вышелъ уже послѣ выступленія Атласова на Камчатку. 22 февраля онъ подаетъ третью челобитную, въ которой проситъ государя пожаловать его за службы и за новопріисканныя земли, „какъ тебѣ обо мнѣ Богъ извѣститъ". Петръ приказываетъ дать ему еще 100 рублей и на столько же товаровъ за то, что пріискалъ вновь многихъ неясачныхъ людей и собралъ съ нихъ ясакъ, да и для того, чтобы онъ и впредь въ той камчадальской землѣ о пріиску вновь иныхъ иноземцовъ наипаче прежняго постарался. Въ отвѣтъ на это увѣщаніе, Атласовъ предложилъ свой планъ второго камчатскаго похода съ цѣлью окончательнаго покоренія страны. По его мнѣнію, надо было дать ему 100 казачьихъ дѣтей: 50 изъ Тобольска, да 50 изъ Енисейска и Якутска; если не хватитъ казачьихъ дѣтей, то брать и промышленныхъ людей—охотниковъ и въ неволю; затѣмъ надо дать 100 пищалей, 4 малыя пушки, пороху 10 пудовъ и свинцу на пули столько же, 500 желѣзныхъ ядеръ, 5 пудовъ фитиля, знамя полковое, барабанщика и сиповщика, да на подарки инородцамъ пудъ бисеру лазореваго да 100 ножей. Со всѣми этими предложеніями Атласова въ Москвѣ согласились и послали въ Сибирь воеводамъ соотвѣтствующіе приказы. Атласовъ поѣхалъ въ Якутскъ, но по дорогѣ, на рѣкѣ Тунгускѣ, ограбилъ досчаникъ съ китайскими товарами, принадлежавшими гостю Логину Добрынину. Приказчикъ этого гостя въ Якутскѣ билъ челомъ на Атласова, и его съ 10 главными сообщниками посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ до 1706 года. Между тѣмъ, на Камчаткѣ и возлѣ Анадырскаго острога происходили постоянные бунты инородцевъ и, повидимому, начиналось волненіе среди казаковъ. Тогда вспомнили про Атласова и отправили его на Камчатку приказчикомъ, предоставивъ ему полную власть надъ служилыми людьми, и виновныхъ, смотря по дѣлу, батогами и кнутомъ наказывать; а велѣно ему прежнюю свою вину, что учинилъ разбой, заслужить и въ пріискиваніи вновь земель и неясашныхъ людей оказать крайнюю ревность, обидъ и налоговъ никому не чинить и противъ иноземцовъ не употреблять строгости, когда можно будетъ обойтись лаского; въ противномъ случаѣ ему грозили смертной казнью. Атласовъ злоупотребилъ своей властью: еще не доѣхавъ до Анадырска, онъ своей жестокостью вооружилъ противъ себя всѣхъ казаковъ, и тѣ послали на него въ Якутскъ челобитныя. Однако онъ благополучно доѣхалъ до Камчатки въ 1707 году и въ августѣ того же года отправилъ на восточ-

ный берегъ полуострова Ивана Таратина съ 70 казаками для усмиренія инородцевъ, избившихъ ясачныхъ сборщиковъ. Таратинъ успѣшно исполнилъ порученіе и 27 ноября вернулся въ Верхнекамчатскій острогъ. Между тѣмъ, недовольство казаковъ на Атласова все росло. Раздражаемые его жестокостью и поджигаемые Анцыферовымъ и Козыревскимъ, которые замыслили устроить на Камчаткѣ вольную казачью шайку, служилые люди, въ декабрѣ 1707 года, лишили Атласова команды и посадили его въ тюрьму, а въ Якутскъ дали знать, что къ такому поступку они вынуждены были жестокостью Атласова, его грабежами, тѣмъ, что онъ камчадаловъ къ бунту подговаривалъ и государевъ ясакъ себѣ бралъ. Изъ Якутска прислали тогда приказчикомъ Чирикова и велѣли ему разобрать дѣло Атласова, который тѣмъ временемъ успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы въ Нижнекамчатскій острогъ. Чириковъ не успѣлъ еще справиться со всѣми предстоявшими ему на Камчаткѣ дѣлами, какъ уже на смѣну ему посланъ былъ Мироновъ, такъ что въ краю очутилось сразу 3 приказчика (Атласовъ формально не былъ лишенъ власти). Смутное броженіе среди казаковъ скоро прорвалось въ видѣ бунта противъ приказчиковъ: Миронова зарѣзали, Чирикова утопили, а 31 человѣкъ поѣхали въ Нижнекамчатскій острогъ покончить съ Атласовымъ. Не доѣзжая $^1/_2$ версты до острога, они остановились и въ острогъ послали трехъ человѣкъ съ письмомъ къ Атласову, приказавъ имъ убить его, когда онъ станетъ читать это письмо; но посланные застали его спящаго и зарѣзали 1 февраля 1711 года. Слѣдствіе, произведенное по поводу этихъ убійствъ, обнаружило, что причиной ихъ было желаніе служилыхъ стать вольными казаками съ одной стороны и поживиться на счетъ своихъ приказчиковъ—съ другой. Въ бунтѣ оказались замѣшанными и духовныя лица: такъ, архимандритъ Мартіанъ при дѣлежѣ добычи получилъ шубу изъ собольихъ лапокъ, да дворовую дѣвку Атласова — Настасью.

Strahlenberg, Ph. Ioh. «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia». Stokh. 1730, p. 431—438.—Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки, т. I, стр. 17; т. IV, стр. 192—207.—Словцовъ, Историческое обозрѣніе Сибири. 2-е изд. (Спб., 1887 г.), кн. I, 135—137, 193, 203, 204, 243, 244.—Миллеръ, «Ежемѣсячныя сочиненія на 1758 г.», т. I, 299—304.—Спасскій. Владиміръ Атласовъ, покоритель Камчатки (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1857 г.).—Сгибневъ. Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ съ 1650 по 1856 г., стр. 6—17.—Оглоблинъ. Новыя данныя о Владимірѣ Атласовѣ (Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1888 г., кн. 1).—Оглоблинъ. Двѣ «скаски» Вл. Атласова объ открытіи Камчатки (тамъ же, 1891 г.).—Пушкинъ, А. С. Камчатскія дѣла (VII томъ полнаго собранія сочиненій, 2-е изданіе Суворина). — Садовниковъ. Наши землепроходцы, стр. 129—139.—Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири, стр. 137—157.—Андріевичъ. Исторія Сибири, т. II, 35, 106, 107, 343, 364, 368.—Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка, книга I, документы подъ №№ 104 и 111.

Атрыганьевъ, *Николай Алексѣевичъ*, живописецъ, род. въ 1823, ум. въ 1891 г. Пробывъ нѣкоторое время въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ воспитывались его братья, онъ дослужился въ вольномъ казачьемъ полку на Кавказѣ до должности адъютанта при наказномъ атаманѣ (1845—1848 гг.), по выходѣ же въ отставку, изъ-за слабости здоровья, вполнѣ отдался живописи, которою занимался съ юныхъ лѣтъ. Обучаясь подъ руководствомъ проф. Н. Е. Сверчкова и акад. Е. Е. Мейера (до 1855 г.), а по возвращеніи изъ своего черниговскаго имѣнія, гдѣ онъ долженъ былъ провести нѣсколько лѣтъ для поправленія разстроеннаго здоровья, у проф. А. П. Мещерскаго (съ 1872 г.), и дѣлая хорошіе успѣхи, Атрыганьевъ сталъ выставлять свои зимніе, вечерніе, осенніе и иные виды, часто изъ Могилевской губ. или окрестностей Петербурга, въ Академіи Художествъ съ 1882 г., и получилъ за нѣкоторые изъ нихъ званіе почетнаго вольнаго общника въ 1886 г.

«Указатели выставокъ», 1882—1890 гг. *Н. С.*

Аттенгоферъ, *Генрихъ Людвиговичъ*, докторъ медицины, род. въ Швейцаріи около 1765 г., ум. въ С.-Петербургѣ около 1839 г. По окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ въ Цюрихскомъ университетѣ, онъ отправился въ Австрію, гдѣ занялъ должность врача при Вѣнскомъ главномъ госпиталѣ. Въ 1816 г. онъ переселился въ Россію, гдѣ въ томъ же году былъ назначенъ врачемъ при мужскомъ сифилитическомъ отдѣленіи Калинкинской больницы. Въ 1838 г. онъ вышелъ въ отставку и вскорѣ умеръ. Ученые труды Аттенгофера довольно многочисленны; изъ нихъ наиболѣе извѣстны: «Lymphatologie;

oder Abhandlung über das lymphatische System und dessen Leiden»; изд. въ Вѣнѣ въ 1808 г.: «Medicinische Topographie der Haupt-und Residenzstadt St.-Petersburg», 322 стр., лучшее изъ его сочиненій, изд. въ Цюрихѣ въ 1817 г.; до того имъ написано въ С.-Петербургѣ «Natur und Heilung der Syphilis» (1816). Впослѣдствіи онъ много занимался метеорологическими наблюденіями и опытами лѣченія сифилитическихъ болѣзней прививкою патологическихъ ядовъ. Результатомъ этихъ опытовъ явились сочиненія: «Wirkung des Schankergiftes auf Thiere», «Heilung frischer Schanker mittelst Kuhpockenlymphe», «Inoculation von Trippergift gegen Trippermetastasen» и др.

August Hirsch: «Biographisches Lexicon der Hervorragenden Aertzte Aller Zeiten und Völker», т. I, 1884 г., стр. 218.—Ad. Karl Callisen: «Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Aerzte», т. I, стр. 271, 1830 г.—П. Петровъ: «Исторія С-Петербурга», примѣчаніе 24-е, стр. 11—12.

Ауэрбахъ, *Иванъ Богдановичъ*, геологъ, сынъ аптекаря, родился въ 1815 г. въ Москвѣ, окончилъ курсъ со степенью доктора въ Берлинскомъ университетѣ, ум. въ 1867 г. Совершивъ продолжительное путешествіе по западной Европѣ, для изученія геологіи и минералогіи на мѣстѣ, Ауэрбахъ возвратился въ Москву. Отсюда онъ вмѣстѣ съ другомъ и сотоварищемъ своимъ, извѣстнымъ московскимъ минералогомъ Германомъ, объѣздилъ значительную часть Россіи, Уралъ и Финляндію. Въ 1851 году избранъ секретаремъ Московскаго Общества испытателей природы, учрежденія, стоявшаго тогда на ряду съ Академіей Наукъ во главѣ естествоисторическаго изученія Россіи. Главныя заботы Ауэрбаха касались геологическаго изслѣдованія подмосковнаго края. Командированный въ 1854 году Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія горы Богдо въ Каспійской степи, Ауэрбахъ далъ прекрасное описаніе этой въ научномъ отношеніи крайне любопытной мѣстности, открывъ на ней единственное мѣсто выхода въ Россіи морскихъ осадковъ тріасоваго періода, и изучивъ находящіяся на Богдо отложенія сѣры. Ауэрбахъ былъ долгое время хранителемъ минералогическихъ коллекцій Московскаго университета и Румянцовскаго публичнаго музея, былъ преподавателемъ Московскаго Константиновскаго межевого института и при основаніи въ Москвѣ Петровской земледѣльческой академіи былъ назначенъ профессоромъ минералогіи и геологіи, на каковой должности и оставался до смерти.

Біографическія и библіографическія свѣдѣнія о немъ см. Bull. de la Soc. des Nat. à Moscou 1867. № 2.—«Изв. Моск. Общ. Любит. Естеств.», т. LV. 1888.

Ауэръ, *Иванъ Ивановичъ*, докторъ медицины и хирургіи, род. въ Гаттнау, въ королевствѣ Виртембергскомъ, 22 декабря 1792 г., ум. въ С.-Петербургѣ въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Съ 1814 по 1819 г. изучалъ врачебныя науки на медицинскомъ факультетѣ Тюбингенскаго университета, и по окончаніи курса со званіемъ лѣкаря, отправился въ Вюрцбургъ, гдѣ въ апрѣлѣ 1820 г. защитилъ докторскую диссертацію; по выдержаніи испытанія на степень доктора медицины, хирурга и акушера, переселившись въ Россію, онъ занялъ должность уѣзднаго врача въ г. Тихвинѣ съ правами лѣкаря 3 отдѣленія. Въ этой должности онъ оставался до 1826 г., когда отправился въ Юрьевъ (бывшій Дерптъ), гдѣ, послѣ вторичной защиты докторской диссертаціи, утвержденъ въ званіи доктора медицины. 2-го апрѣля 1827 г. Ауэръ поступилъ въ вѣдомство путей сообщенія и годъ спустя былъ назначенъ помощникомъ главнаго доктора этого вѣдомства. Въ 1829 г. онъ сопутствовалъ герцогу Александру Виртембергскому, въ должности врача въ турецкой кампаніи и по возвращеніи въ С.-Петербургъ, въ ноябрѣ того же года, былъ назначенъ главнымъ докторомъ главнаго управленія путей сообщенія. Ауэръ былъ извѣстенъ какъ опытный врачъ и искусный хирургъ, но теоретическіе труды его весьма немногочисленны и почти ограничиваются слѣдующими двумя его докторскими диссертаціями: «Genius epidemicus morborum Stationarius» (вюрцбургская диссертація, напечатанная въ 1820 г.) и «Diss. inaug. de typho contagioso, cum appendice, quae historiam epidemiae Tichwinensis atque nonnulla alia ad prax. medicam pertinentia exhibet» (юрьевская дисс., напеч. въ 1826 г.).

Послужной списокъ Ауэра въ Спб. сенат. арх. 1830 г. за № 50.—«Russlands naturhistorische und medicinische Literatur» von Dr. R. Krebel, 1847, стр. 173. — «Allg. Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon» von I. E. Recke und Napiersky, 1859 г., т. I, стр. 58, и «Nachträge», т. I, стр. 19.—C. P. Callisen: «Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Aerzte», 1830 г., стр. 288.

Афанасьевъ, *Иванъ*, строитель первыхъ судовъ черноморскаго флота. Поступивъ на службу въ 1745 году и изучивъ науку судостроенія, подъ руководствомъ англійскихъ мастеровъ, строившихъ наши корабли въ С.-Петербургѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія, Афанасьевъ съ 1762 года началъ самостоятельную дѣятельность достройкою 80-ти-пушечнаго корабля, начатаго его учителемъ Сютерландомъ. Затѣмъ, онъ завѣдывалъ постройкою въ Тавровѣ судовъ для вновь заводимой Азовской флотиліи. Главнѣйшая же судостроительная дѣятельность Афанасьева началась постройкою въ Херсонѣ первыхъ кораблей и фрегатовъ для черноморскаго флота, которыхъ въ теченіе 14 лѣтъ имъ было спущено болѣе 30: 10 кораблей, 6 фрегатовъ и до 15 мелкихъ судовъ. Въ 1793 году Афанасьевъ уволенъ отъ службы въ рангѣ бригадира.

Общ. морской списокъ, ч. III, .—Списокъ русскихъ военныхъ судовъ, Спб., 1872 г.

Афонинъ, *Матвѣй Ивановичъ*, публичный ординарный профессоръ натуральной исторіи и земледѣлія въ Московскомъ университетѣ, родился въ 1739 г., ум. въ Николаевѣ въ 1810 г. Происходя изъ дворянской семьи, Афонинъ первое образованіе получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ дворянскую гимназію Московскаго университета и впродолженіи всего курса обнаруживалъ замѣчательныя способности и большое прилежаніе. Сверстникомъ его и другомъ въ гимназіи былъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, въ то время еще бѣдный и нуждавшійся въ самомъ необходимомъ, и Афонинъ дѣлился съ нимъ своими карманными деньгами. Такъ, замѣтивъ однажды сильное желаніе Потемкина имѣть сочиненіе Бюффона, Афонинъ купилъ эту книгу и подарилъ ее другу. Въ 1758 г. Афонинъ съ отличіемъ кончилъ курсъ университета и посланъ былъ заграницу для дальнѣйшаго образованія. Сначала Афонинъ и съ нимъ еще два товарища поселились въ Кенигсбергѣ, гдѣ цѣлый годъ упражнялись въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ подъ руководствомъ ректора Надровскаго и только послѣ испытанія въ означенныхъ языкахъ въ 1759 г. приняты были въ число студентовъ. Подъ руководствомъ профессора Іоанна Бука они въ теченіе года и 4 мѣсяцевъ кончили курсъ математики, логику, опытную физику и части метафизики: онтологію, космологію и психологію. Объ успѣхахъ и поведеніи Афонина съ товарищами Клингштедтъ, которому порученъ былъ надзоръ за ними, постоянно доносилъ куратору университета Шувалову. Послѣ этого, по распоряженію Шувалова, Афонинъ и съ нимъ Александръ Карамышевъ отправлены были въ Упсальскій университетъ для изученія земледѣлія и горныхъ наукъ. Прибывъ въ Стокгольмъ, Афонинъ и Карамышевъ явились къ нашему посланнику, графу Остерману, который далъ имъ рекомендательное письмо къ упсальскому профессору древностей Іоанну Ире. Въ домѣ этого профессора они и жили во все время пребыванія своего въ Швеціи. Въ Упсалѣ Афонинъ слушалъ зоологію и ботанику у знаменитаго Линнея, минералогію у Андрея Тидстрёма, химію и металлургію у столь же извѣстнаго въ свое время, какъ и Линней, Іоанна Готшалка Валлерія. Въ то же время Афонинъ изучалъ шведскій и датскій языки. По земледѣлію и луговодству Афонинъ не имѣлъ особаго руководителя, а самъ старался ознакомиться съ этими предметами чтеніемъ, практически изслѣдовалъ почвы, ихъ свойства, способъ обработки и удобренія. Такимъ образомъ Афонинъ пріобрѣлъ весьма хорошія свѣдѣнія по этимъ наукамъ, доказательствомъ чего служитъ написанная имъ диссертація: «De usu historiae naturalis in vita communi», изд. въ Упсалѣ въ 1766 г. Этотъ трудъ, посвященный Шувалову и Ададурову, заслужилъ самыя лестныя одобренія со стороны Линнея, Валлерія, Ире и Экмана. По возвращеніи въ Москву, Афонинъ былъ подвергнутъ строгому экзамену по натуральной исторіи, земледѣлію и экспериментальной физикѣ, а также во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Послѣ экзамена Афонинъ былъ назначенъ на каѳедру зоологіи и ботаники экстраординарнымъ профессоромъ, съ жалованіемъ по 400 рублей въ годъ (такое же жалованье онъ получалъ заграницей). Читать лекціи Афонинъ началъ съ 1 января 1770 года. Въ томъ же году поручено ему было преподаваніе минералогіи. Такимъ образомъ появилась новая каѳедра естественной исторіи, и первымъ профессоромъ по этой каѳедрѣ былъ Афонинъ. На него же возложено было преподаваніе земледѣлія—предмета, также совершенно новаго. Естественную исторію

онъ читалъ на латинскомъ языкѣ, а земледѣліе на русскомъ, но большей частью по наблюденіямъ шведскихъ ученыхъ, вслѣдствіе чего его совѣты не всегда согласовались съ условіями русской промышленности. Въ своихъ курсахъ естественной исторіи Афонинъ бо́льшее вниманіе обращалъ на ботанику и зоологію, а минералогія оставалась на заднемъ планѣ. Въ 1774 г. Афонинъ произведенъ былъ въ ординарные профессоры и въ томъ же году въ публичномъ собраніи университета говорилъ „похвальное слово Екатеринѣ II". Спустя два года, въ такомъ же собраніи говорено имъ другое слово па ту же тему. Оба эти сочиненія, равно какъ и составленная имъ въ 1771 г. рѣчь: „О пользѣ, знаніи, собираніи и расположеніи чернозему, особливо въ хлѣбопашествѣ", написаны довольно тяжелымъ языкомъ, но обнаруживаютъ громадную эрудицію автора. Постоянное умственное напряженіе и неусыпные труды, съ какими были сопряжены занятія Афонина за границею и въ Москвѣ, сильно истощили его здоровье, такъ что онъ не долго могъ продолжать лекціи и въ 1777 г. принужденъ былъ оставить университетъ, къ которому всегда былъ сильно привязанъ. Благодаря дружбѣ съ Потемкинымъ, Афонинъ получилъ землю въ Крыму и поѣхалъ туда лѣчить свою больную грудь. Подружившись съ Палласомъ, онъ производилъ вмѣстѣ съ нимъ агрономическіе опыты, и о результатахъ ихъ сообщалъ въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества", членомъ котораго онъ состоялъ. Матвѣй Ивановичъ до конца жизни не уѣзжалъ уже съ юга.

Лучшая біографія Афонина, составленная Щуровскимъ по неизданнымъ матеріаламъ, помѣщена въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университ.», т. I, стр. 42—49.—Остальныя статьи объ Афонинѣ, не имѣющія самостоятельнаго значенія, указаны въ словарѣ Венгерова.

Афоницкій, *Михаилъ*, ученикъ академической рисовальной и фигурной палаты, потомъ подмастерье гравировальнаго дѣла (1802 г.), род. въ 1762, ум. въ 1820-хъ годахъ, при Александрѣ I. Это былъ граверъ картъ, выполнявшій ихъ для изданій, печатаемыхъ въ типографіи Имп. Академіи Наукъ, при которой и значились ландкартные и другіе граверы, въ началѣ XIX в. Въ 1788 г. онъ уже имѣлъ сына Никиту, впослѣдствіи тоже гравера.

Н. П. Собко, «Словарь», вып. I, стр. 257.

Афросимовъ, *Павелъ Афанасьевичъ*, генералъ-маіоръ, сынъ подполковника, состоявшаго въ должности прокурора: съ 29-го марта 1753 г.—въ Смоленской губерніи и съ 13-го мая 1754 г.—въ Ревизіонъ-коллегіи, род. въ 1755 г., ум. послѣ 1798 г. На десятомъ году жизни былъ записанъ сержантомъ во 2-й Фузелерный полкъ, продолжая службу въ которомъ, послѣдовательно получалъ чины: въ 1767 г.—штыкъюнкера, въ 1769 г. — подпоручика, въ 1778 г.—капитана и 24-го ноября 1784 г.—маіора. Числясь при артиллеріи Кубанскаго корпуса, Афросимовъ принялъ участіе въ извѣстномъ своею неудачею зимнемъ походѣ 1790 г. генерала-поручика Ю. Б. Бибикова къ Анапѣ. Съ 7-ю орудіями, въ составѣ отряда, Афросимовъ въ январѣ выступилъ въ походъ за Кубань изъ Прочнаго-Окопа, съ отличіемъ участвовалъ 24-го марта въ штурмѣ Анапы и былъ свидѣтелемъ послѣдовавшаго затѣмъ гибельнаго отступленія къ Георгіевску русскихъ войскъ. Этому отряду, подъ неотступнымъ преслѣдованіемъ черкесовъ, предстояло перейти пространство, залитое водою; Бибиковъ намѣревался совершить обходное движеніе, но встрѣтилъ общее несочувствіе отряда къ слѣдованію по пути, который еще болѣе долженъ былъ изнурить войска и подвергнуть ихъ большой опасности. Афросимовъ, съ своей стороны, объявилъ, что зарядовъ осталось только на пять орудій. Въ пылу гнѣва, Бибиковъ приказалъ приковать Афросимова къ пушкѣ, но тотчасъ же освободилъ его, когда убѣдился въ дѣйствительной опасности обходнаго движенія; первыя же засады черкесовъ, встрѣченныя по пути въ горахъ, понудили Бибикова отказаться отъ своей мысли и вести отрядъ черезъ воду. При обратной переправѣ черезъ Кубань, Афросимовъ, забывъ оскорбленіе, явился однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ помощниковъ Бибикова, но переправа, за отсутствіемъ мостовъ и лодокъ, была столь же неудачна, какъ и весь походъ. Артиллерійская команда потеряла два орудія, почти всю аммуницію; изъ 201 упряжной лошади вернулось только 3. Принявъ вслѣдъ затѣмъ начальство надъ артиллеріею въ отрядѣ войскъ ген.-маіора Германа, Афросимовъ съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіи 30 сентября на р. Тохтамышѣ, гдѣ огнемъ орудій ему удалось сбить батареи Баталь-

паши на правомъ флангѣ. За оказанныя въ кампанію 1790 г. боевыя отличія, Афросимовъ былъ награжденъ орденами: св. Владиміра 4-й ст. и 25-го марта 1791 г.— св. Георгія 4-й ст.; въ тотъ же день состоялось производство его въ подполковники и назначеніе къ командованію Московскою гарнизонною артиллерійскою ротою. Съ оставленіемъ въ послѣдней должности, онъ былъ опредѣленъ оберъ-кригсъ-коммиссаромъ и 3-го сентября 1791 г. присутствующимъ въ Московской артиллерійской конторѣ. Получивъ за служебныя отличія 28-го іюня 1794 г. чинъ полковника, Афросимовъ, въ 1798 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и вскорѣ затѣмъ уволенъ отъ службы.

Формул. списокъ 1790 г. Арх. Спб. Истор. Артил. Музея. Д. Ск. старш., св. 3339.—Д. Инсп. св. 272, д. № 1; Д. Ист. г.-ф. св. 820, д. № 82.—Рукописи сенатора А. В. Казадаева; «Опись Сенат. арх.», Спб. 1878 г., т. III, стр. 10242 и 10426. *Д. С—въ.*

Ахвердовы, грузинскіе дворяне, вступившіе на русскую службу въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, въ 1739 г. Первый изъ Ахвердовыхъ въ Россіи былъ Исаія Васильевичъ, дослужившійся до чина капитана и уволенный въ 1753 г. въ отставку маіоромъ. Старшій изъ двухъ сыновей его, *Николай Исаевичъ Ахвердовъ*, генералъ-лейтенантъ; род. въ 1755 г., ум. въ 1817 г. Благодаря назначенію отца его, находившагося уже въ отставкѣ, приставомъ къ бывшимъ при русскомъ Дворѣ кабардинскимъ владѣльцамъ, былъ въ 1764 г. принятъ въ шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ оставался до 1776 г. Выпущенный на службу съ золотою медалью, Ахвердовъ въ чинѣ поручика, послѣ объѣзда по Россіи, былъ командированъ на три года заграницу въ числѣ трехъ, избранныхъ изъ корпусныхъ питомцевъ, сопутствовавшихъ графу Бобринскому. Побывавъ въ Германіи, Англіи, Франціи и Италіи, Ахвердовъ усердно занимался изученіемъ памятниковъ искусства. Встрѣтивъ за границей цесаревича Павла Петровича, который замѣтилъ Ахвердова, какъ человѣка даровитаго, еще въ корпусѣ, онъ, какъ любитель и знатокъ изящныхъ искусствъ, давалъ великому князю объясненія художественныхъ рѣдкостей въ Парижѣ и въ Италіи. По возвращеніи изъ-за границы, Ахвердовъ, въ 1779 г., пожалованъ секундъ-маіорскимъ чиномъ и опредѣленъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ „капитаномъ“ (воспитателемъ). Здѣсь Ахвердовъ заслужилъ два слѣдующихъ чина и въ 1782 г. перешелъ на службу въ экспедицію о государственныхъ доходахъ, съ чиномъ VII класса. Въ 1788 г. Ахвердовъ былъ назначенъ колыванскимъ поручикомъ правителя (вице-губернаторомъ). Въ составъ колыванскаго намѣстничества входили уѣзды: Колыванскій, Кузнецкій, Бійскій, Семипалатинскій и Красноярскій. Правителемъ (губернаторомъ) былъ Б. И. Меллеръ, на дочери котораго, Екатеринѣ Борисовнѣ, Ахвердовъ былъ женатъ. Пробывъ на этой должности около 10 лѣтъ. Ахвердовъ содѣйствовалъ устройству колыванскихъ рудниковъ. 31-го декабря 1797 г. Ахвердовъ получилъ назначеніе на должность архангельскаго гражданскаго губернатора. Въ послѣдней должности онъ оказалъ, между прочимъ, историческую услугу, выхлопотавъ, оставшимся еще въ крестьянствѣ родственникамъ извѣстнаго М. В. Ломоносова, семьѣ сестры его, Головиной, освобожденіе отъ рекрутской повинности и отъ уплаты податей. Уволенный 1-го сентября 1798 г. отъ службы, Ахвердовъ, 15-го сентября того же года, былъ снова принятъ на службу по провіантмейстерской части, а 28-го октября 1799 г., по рекомендаціи адмирала де-Рибаса, съ которымъ одновременно служилъ въ шляхетномъ корпусѣ,—опредѣленъ въ чинѣ генералъ-маіора кавалеромъ при воспитаніи Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей; именнымъ указомъ 14-го января 1802 г. ему же было поручено преподавать Великимъ Князьямъ: русскую словесность, исторію, географію и статистику. При первомъ экзаменѣ 22-го мая 1806 г., Императоръ Александръ I, довольный успѣхами своихъ августѣйшихъ братьевъ, выразилъ наставнику ихъ „Свою признательность и особенное благоволеніе“ и пожаловалъ Ахвердову при милостивомъ рескриптѣ орденъ св. Анны 1 ст., а 12-го октября 1807 г. произвелъ его въ чинъ генералъ-лейтенанта. Ахвердовъ былъ не чуждъ, какъ утверждаетъ сенаторъ Казадаевъ въ своемъ рукописномъ сборникѣ, литературѣ: онъ писалъ стихи, которые печатались въ повременныхъ изданіяхъ и перевелъ „Письмо Рафаэля Мэнгсы къ дону Антонію Понги“ (1786 г.), „О воспитаніи“ (1787 г.) и „Описаніе Константинополя“ (1789 г.).

Дѣло объ Ахвердовыхъ изъ Архива Департамента Герольдіи.—«Вѣстникъ Европы», 1804 г., ч. 14, № 8, стр. 312—317.—«Моск. Вѣд.», 1806 г., стр. 1052.—«Русскій Архивъ», 1870 г., стр. 579.—«Русская Старина», 1879 г., № 1, стр. 51—52.—«Историческій Вѣстникъ», 1879 г., № 11, стр. 450—452.—Рукописи сенатора А. В. Казадаева.

Ахвердовъ, *Николай Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1800 г. въ станицѣ Наурѣ на Кавказѣ, ум. послѣ 1859 г. Оставшись, по смерти отца, Александра Исаевича Ахвердова, бывшаго командира Кабардинскаго полка, 8-ми лѣтъ отъ роду, опредѣленъ въ 1809 г. въ пажескій корпусъ, откуда черезъ 9 лѣтъ выпущенъ прапорщикомъ въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. Принявъ участіе въ персидскомъ походѣ 1826—1828 гг., находился во многихъ дѣлахъ противъ непріятеля, причемъ получилъ за отличія въ сраженіяхъ: подъ Елисаветполемъ—орденъ св. Анны 4-й ст. съ бантомъ, при Джаванъ-Булахѣ—золотую шпагу съ надписью „за храбрость“ и за взятіе Тавриза—орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. 17-го декабря 1828 г. поступилъ адъютантомъ къ начальнику 20 пѣхотной дивизіи, генералу Красовскому, и, оставаясь при немъ, совершилъ два похода: турецкій 1829 г. и польскій 1831 г. За участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ числѣ наградъ, былъ переведенъ л.-гв. въ Павловскій полкъ (1829 г.), и вслѣдъ затѣмъ л.-гв. въ Московскій (1830 г.). 6-го декабря 1832 г., съ производствомъ въ полковники, зачисленъ въ Селенгинскій пѣхотный полкъ; мѣсяцъ спустя прикомандированъ къ Образцовому полку и въ 1834 г. получилъ въ командованіе л.-гв. Московскій полкъ, послѣ чего съ ноября 1836 г. по февраль 1839 г. находился въ отпуску. По возвращеніи на службу, Ахвердовъ измѣнилъ родъ дѣятельности: прикомандировавшись къ штабу отдѣльнаго корпуса жандармовъ, онъ въ 1840 г. перевелся въ послѣдній и принялъ должность жандармскаго штабъ-офицера Смоленской губерніи. Съ декабря 1844 г., по производствѣ въ генералъ-маіоры, состоялъ при шефѣ жандармовъ для особыхъ порученій и въ числѣ послѣднихъ руководилъ многими слѣдствіями по важнымъ преступленіямъ. Въ 1848 г. вступилъ во временное завѣдываніе 7-мъ округомъ корпуса жандармовъ; 2-го іюня 1852 г. былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Смоленска, а 24-го февраля 1859 г.—сенаторомъ, получивъ за это время награды: въ 1855 г.—орденъ св. Анны 1-й ст., 30-го августа того же года—чинъ генералъ-лейтенанта и въ 1858 г. орденъ св. Владиміра 2-й ст. съ мечами. Въ числѣ орденовъ Ахвердовъ имѣлъ крестъ св. Георгія 4-й ст., полученный имъ за выслугу 25 лѣтъ.

«Георгіевскіе кавалеры», Спб., 1864 г., вып. 13—14.—Формул. списокъ изъ Сенатск. архива.—«Русск. Арх.», 1889 г., III, стр. 64.

Ахвердовъ, *Өедоръ Исаевичъ*, генералъ-маіоръ, изъ дворянъ, сынъ секундъ-маіора, род. въ 1773 г., ум. въ 1820 г. Въ 1788 г. онъ поступилъ въ артиллерійскій кадетскій корпусъ, въ 1791 г. былъ штыкъ-юнкеромъ; въ 1793 г. — аудиторомъ и зачисленъ въ 1-й канонирскій полкъ. Въ 1793 г. Ахвердовъ переименованъ флигель-адъютантомъ въ штабъ генер.-фельдцейхмейстера князя Зубова; въ 1796 г. произведенъ въ капитаны въ 1-й канонирскій полкъ, въ 1797 г. назначенъ въ артиллерійскій баталіонъ (5-й арт. полкъ); въ 1798 г. произведенъ въ подполковники; въ 1799 г.—въ полковники, въ 1800 г. опредѣленъ командиромъ понтонныхъ ротъ; въ 1803 г.—переведенъ въ 9-й артиллерійскій баталіонъ; въ 1806 г.—въ 4-й артиллерійскій полкъ, а по расформированіи его въ 1806 г. вступилъ въ 9-ю артиллерійскую бригаду командиромъ. Въ 1807 г. Ахвердовъ назначенъ правителемъ Грузіи; въ 1808 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1811 г. уволенъ отъ этой должности съ зачисленіемъ по артиллеріи; въ 1812 г. назначенъ командиромъ 19-й дивизіею; потомъ былъ командированъ въ Турцію для заключенія мирнаго трактата; въ 1816 г. главнымъ командиромъ артиллеріи отдѣльнаго Грузинскаго корпуса. Ахвердовъ участвовалъ: въ 1796 г. при занятіи Шемахи и Ганджи (Елисаветполя); въ 1798—1799 гг. находился въ сибирскихъ губерніяхъ для отысканія селитры; въ 1800 г. при усмиреніи Кабарды (ему пожалованъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго); въ 1804 г. при штурмѣ и занятіи Ганджи; въ 1807 г. при разбитіи Юсуфъ-паши, за что получилъ св. Георгія IV-го класса. Ахвердовъ былъ женатъ на дочери генералъ-маіора Арсеньева, у которой воспитывалась княжна Нина Чавчавадзе, впослѣдствіи супруга Грибоѣдова.

Акты, собранные Кавказской Археологическою Коммиссіею. Изд. предсѣд. Ком. Ад. Берже, т. IX, стр. XVI. Тифлисъ, 1884 г.

Ахлестышевъ, *Дмитрій Дмитріевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ. род. 26 іюля 1796 г., ум. 8 февраля 1875 г. Въ службу вступилъ въ 1812 г. юнкеромъ въ 39-й егерскій полкъ, въ томъ же году, за отличіе въ сраженіи, произведенъ въ прапорщики и въ 1814 г. переведенъ л.-гв. въ Финляндскій полкъ. Произведенный въ 1824 г. въ чинъ полковника, Ахлестышевъ въ слѣдующемъ году получилъ въ командованіе Ревельскій пѣхотный полкъ, но вскорѣ, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ въ отставку. По возвращеніи въ 1827 г. вновь на службу, онъ былъ назначенъ командиромъ Софійскаго пѣхотнаго полка, въ 1831 г.—командиромъ 2-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи, и въ этой должности, въ 1833 г., произведенъ въ генералъ-маіоры. Затѣмъ, послѣдовательно, состоялъ въ должностяхъ: въ 1834 г. управляющаго Имеретіею, Мингреліею, Гуріею и Абхазіею, въ 1837 г.—командира 2-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, въ 1838 г.—исправляющимъ должность грузинскаго губернатора, а съ 1840 г.—одесскаго военнаго губернатора, въ каковой должности, въ 1845 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 6-го декабря 1848 г. Ахлестышевъ опредѣленъ сенаторомъ и въ этомъ званіи оставался до конца жизни, выполняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, должности почетнаго опекуна присутствія въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и члена главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Формуляръ его боевой дѣятельности отмѣченъ участіемъ во многихъ сраженіяхъ съ французами, турками, поляками и кавказскими горцами. Высшимъ знакомъ отличія Ахлестышевъ имѣлъ, полученный имъ въ 1871 г., орденъ св. Владиміра 1-й степ., въ чинѣ же полнаго генерала онъ состоялъ съ 1863 г.

Послужной списокъ, хранящійся въ архивѣ Правит. Сената.

Ахматовъ, *Алексѣй Петровичъ*, генералъ-адъютантъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода; изъ дворянъ Симбирской губерніи; род. въ 1818 г., ум. въ декабрѣ 1870 г. Окончивъ, со степенью кандидата, курсъ въ Казанскомъ университетѣ, на службу вступилъ въ 1836 г. л.-гв. въ Кавалергардскій полкъ, унтеръ-офицеромъ; два года спустя произведенъ въ корнеты и, оставаясь въ полку, 3-го апрѣля 1849 г., въ чинѣ штабсъ-ротмистра, пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта, а 7-го августа того же года произведенъ въ полковники. Во время Венгерской кампаніи, въ 1849 г., участвовалъ съ отличіемъ во многихъ дѣлахъ противъ непріятеля и, въ томъ числѣ, въ сраженіяхъ: при селеніи Ачъ (20-го іюня), при кр. Коморнъ (29-го іюня), при Темесварѣ (28-го іюля) и при сдачѣ 5 августа русскимъ войскамъ кр. Арада. Съ началомъ Крымской войны, Ахматовъ въ 1853 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, въ 1854 г. переведенъ на ту же должность въ 3-й пѣхотный корпусъ, въ 1855 г.—во 2-й резервный кавалерійскій корпусъ и 6-го апрѣля 1856 г., приказомъ главнокомандующаго крымскою и южною арміями, опредѣленъ начальникомъ штаба всѣхъ военныхъ силъ въ Крыму. За время кампаніи въ 1855 г. ему пришлось принять непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: у с. Чеботари, Саки, Курулу-Кипчакъ и др. По очищеніи непріятельскими войсками Крымскаго полуострова, Ахматовъ 5-го іюля былъ отчисленъ отъ послѣдней должности, съ опредѣленіемъ въ свиту Государя; 26-го августа произведенъ въ генералъ-маіоры и 26-го октября назначенъ членомъ особой комиссіи, учрежденной для изслѣдованія злоупотребленій по снабженію крымской и южной арміи продовольствіемъ. 20-го ноября 1860 г. состоялось назначеніе Ахматова харьковскимъ военнымъ губернаторомъ и черезъ два года 28-го февраля на постъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Въ послѣдней должности Алексѣй Петровичъ оставался не долго; пожалованный въ 1864 г. званіемъ генералъ-адъютанта, онъ, по причинѣ крайне разстроеннаго здоровья, 3 іюня слѣдующаго года былъ уволенъ отъ службы и выѣхалъ заграницу, гдѣ и скончался во Флоренціи.

Послужной списокъ.—«Русск. Инв.», 1870 г., № 275.—«Русск. Стар.», X, 627—628; XX, 107 и 403; XXX, 320.

Ахматовъ, *Ѳедоръ Антоновичъ*, капитанъ генералъ-маіорскаго ранга, служилъ первоначально (съ 1776—1787 гг.) въ балтійскомъ флотѣ, потомъ, въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, плавалъ на судахъ черноморской гребной флотиліи, и принималъ дѣятельное участіе во время второй турецкой войны. Въ 1788 г., командуя на днѣпровскомъ лиманѣ отрядомъ флотиліи

подъ главнымъ начальствомъ контръ-адмирала принца Нассау-Зигена, былъ въ сраженіи 17-го іюня съ турецкимъ флотомъ, напавшимъ на флотилію въ числѣ 57 судовъ, и за отличіе въ сраженіи награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Въ 1790 г., онъ, въ чинѣ капитана 1-го ранга, командовалъ частью лиманской флотиліи подъ главнымъ начальствомъ бригадира де-Рибаса, при прорывѣ этой флотиліи въ Дунай, и участвовалъ ноября 20-го—27-го, въ овладѣніи турецкими батареями, защищавшими входъ въ рѣку, а также находился при осадѣ крѣпости Тульчи. Впослѣдствіи начальствовалъ каспійскою флотиліею и оставилъ службу въ 1797 г.

Общій морской списокъ, т. III.

Ахметьевъ, *Илья Яковлевичъ*, владѣлецъ большой „фигурной" фабрики въ Москвѣ у Спаса, въ XVIII ст., перешедшей потомъ къ Ив. Лонгинову. Тамъ, въ теченіе болѣе 30 лѣтъ, въ 1750—1780 гг., печатались на 20-ти фигурныхъ станкахъ народныя картины, часто съ помѣтою: „Делано вмосквѣ на фаб. Т. Ах.", какъ съ новыхъ мѣдныхъ досокъ, рѣзанныхъ жившими въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ серебрениками—П. И. Чуваевымъ и др., такъ и со многихъ старыхъ, напр.: календари Фосбейна (1706 г.) и Брюсса (1711 г.), глобусы и иныя гравюры Петровскаго времени, а равно работы Зубовыхъ, Нехорошевскаго.

Д. Ровинскій. «Русск. нар. карт.», Спб., 1881 г., т. V и IV.—«Отеч. Зап.», 1822 г., XII, 85—98 (ст. И. Снегирева). *Н. С.*

Ахмылъ, *Ѳеодоръ Даниловичъ*, посадникъ новгородскій, 1327 г., посланъ былъ отъ всего Новагорода съ архіепископомъ Моисеемъ во Псковъ, уговаривать тверского великаго князя Александра Михаиловича ѣхать въ Орду. Въ 1332 г. лишенъ посадничества во время волненій.

П. С. Р. Л., т. III, 76 и IV, 53, 185.

Ахшарумовъ, *Дмитрій Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, первый историкъ отечественной войны 1812 г., род. въ 1792 г., ум. 13-го января 1837 г. По окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, вступилъ на службу, въ 1803 г., прапорщикомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ въ походахъ 1806—1807 гг. и въ войнѣ съ Турціей въ 1809—1811 гг.; въ послѣдней, за отличіе въ сраженіи при Базарджикѣ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Передъ началомъ отечественной войны, Ахшарумовъ былъ переведенъ сначала въ 20-й егерскій полкъ, а затѣмъ л.-гв. въ егерскій, съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій, участвовалъ съ отличіемъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, подъ Бородинымъ, при Тарутинѣ и въ особенности въ битвѣ подъ Малоярославцемъ, доставившей ему георгіевскій крестъ 4-го класса. Произведенный за Люценскій бой въ полковники, сопровождалъ союзныя арміи до Парижа и, по окончаніи военныхъ дѣйствій, остался заграницею, въ должности дежурнаго штабъ-офицера при корпусѣ русскихъ войскъ, оккупировавшихъ Францію. По возвращеніи въ Россію, Ахшарумовъ 19-го февраля 1820 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, но въ томъ же году, 8-го декабря, былъ уволенъ отъ военной службы, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, и черезъ годъ, 8-го ноября 1821 г., зачисленъ вице-директоромъ коммиссаріатскаго департамента. Занятый редакціею Свода военныхъ постановленій, онъ оставался въ этой должности до своей кончины. Какъ очевидецъ и участникъ событій отечественной войны, Ахшарумовъ составилъ первое систематическое „Описаніе войны 1812 г.", изданное имъ въ 1819 г. Въ свое время, являясь единственнымъ источникомъ, этотъ трудъ имѣлъ большое значеніе.

Формул. списокъ, хранящійся въ арх. Правит. Сената.—Роспись Смирдина. № 2536.—Словари: Венгерова, Геннади и Зедлера.—Мѣсяцесловъ на 1838 г., стр. 141.

Ашикъ, *Антонъ Балтазаровичъ*, писатель, археологъ, род. въ Рагузѣ (въ Далмаціи), въ 1802 г., ум. въ г. Одессѣ 26-го мая 1854 г. Сынъ купца, родомъ изъ далматинскихъ сербовъ. По переселеніи отца своего въ 1812 г. въ Одессу, нѣкоторое время занимался въ купеческой конторѣ, а затѣмъ, въ 1817 г., поступилъ на службу въ канцелярію херсонскаго военнаго губернатора, графа Ланжерона. Въ 1822 г. Ашикъ перешелъ, въ числѣ прочихъ молодыхъ иностранцевъ, въ управленіе, организованное въ г. Керчи генуэзцемъ Рафаиломъ Скасси для производства мѣновой торговли между полудикими племенами Кавказа. Обязанность его состояла въ веденіи письмоводства по части сно-

шеній съ черкесами и абазинцами, а въ 1829 г., по удаленіи отъ дѣлъ попечителя торговли—Скасси, Ашикъ въ теченіе полугодія завѣдывалъ его дѣлами. Въ 1829 г. предпріятіе это было прекращено, и Ашикъ, въ началѣ 1830 года, былъ назначенъ для особыхъ порученій къ начальнику Кавказской области, откуда вскорѣ переведенъ въ г. Керчь къ командовавшему войсками на кавказской линіи. Здѣсь онъ сблизился съ бывшимъ въ то время керченскимъ градоначальникомъ, извѣстнымъ археологомъ И. А. Стемпковскимъ, подъ руководствомъ котораго сталъ заниматься раскопкою мѣстныхъ кургановъ. По смерти Бларамберга, Ашикъ получилъ мѣсто директора Керченскаго музея древностей, предложенное ему княземъ Воронцовымъ, которое и занималъ съ 28-го мая 1833 г. по 2-е августа 1852 г.; 24-го октября 1839 г. онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Въ 1841, 1842 и 1845 годахъ, командированный правительствомъ, Ашикъ совершилъ поѣздки въ Италію и Австрію съ научной цѣлью, для пополненія содержанія археологическихъ трудовъ своихъ. Археологическое поприще Ашика въ Керчи кончилось въ 1852 г., когда возникли недоразумѣнія по поводу найденныхъ двухъ мраморныхъ статуй, повлекшія за собой увольненіе Ашика отъ службы въ Керченскомъ музеѣ по распоряженію министра удѣловъ Л. А. Перовскаго. Остальное время Ашикъ провелъ въ Одессѣ, состоя въ штатѣ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора и занимая, кромѣ того, съ 1853 г. должность библіотекаря Одесской городской публичной библіотеки. Рѣдкія находки его предметовъ древностей, изъ которыхъ многія обогатили С.-Петербургскій Императорскій эрмитажъ, доставляли Ашику почетныя и денежныя награды правительства. Кромѣ того, имѣя постоянныя сношенія съ нѣкоторыми изъ европейскихъ ученыхъ и, чрезъ посредство ихъ, съ иностранными дворами, онъ получалъ иностранные ордена и подарки. Не имѣя, впрочемъ, ни плана, ни инструкціи отъ начальника, завѣдывавшаго тогда I-мъ отдѣленіемъ эрмитажа, куда поступали почти всѣ его находки, Ашикъ производилъ раскопки свои безъ всякой системы, безъ веденія журнала и даже безъ необходимаго тщательнаго присмотра, отчего многія вещи попадали иногда въ заграничные музеи. Трудами Ашика до сихъ поръ пользуются ученые археологи, а одно изъ сочиненій его: „Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами“ (Одесса, 1848 г.) было удостоено даже малой демидовской преміи. Перечень трудовъ Ашика, какъ журнальныхъ, такъ и отдѣльно изданныхъ, находится: 1) въ „Справочномъ словарѣ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 18 и 19 вв.“, Геннади (т. I, стр. 51) и 2) въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“, Венгерова (т. I, стр. 889—892), въ которомъ, кромѣ того, указаны журнальные отзывы о сочиненіяхъ Ашика.

Межовъ, «Русская историч. библіографія за 1865—1876 гг. включ.», I, 3613, 3802; II, 17352.—«Записки Одесскаго общества исторіи и древностей», 1863 г., т. V, стр. 915—916, ст. Н. Мурзакевича.—«Одесскій Вѣстн.», 1854 г. № 58, 29-го мая, стр. 1—2.—«Сѣв. Пчела», 1854 г., № 134, 16-го іюня, стр. 618, перепечатка съ «Одесск. Вѣстника».—Геннади, «Справ. слов. о русскихъ писат. и учен.», т. I, 51.—Ефронъ, «Энциклопед. слов.», стр. 554.—Венгеровъ, «Критико-біограф. слов.», т. I, 889—892.

Ашъ, *Егоръ Ѳедоровичъ*, баронъ, докторъ медицины, генералъ-штабъ-докторъ, членъ медицинской коллегіи и коммиссіи объ училищахъ, род. въ С.-Петербургѣ, въ 1727 г., ум. въ Геттингенѣ 23-го іюля 1807 г. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца своего, с.-петербургскаго почтъ-директора Ѳедора Юрьевича Аша, затѣмъ былъ отправленъ отцомъ заграницу, гдѣ онъ посвятилъ себя изученію врачебныхъ наукъ, и въ Геттингенскомъ университетѣ былъ удостоенъ степени доктора медицины послѣ защиты диссертаціи: «De primo pare nervorum medulae spinalis», написанной имъ въ 1750 г. подъ руководствомъ знаменитаго геттингенскаго профессора физіологіи Галлера. Диссертація эта, представляющая весьма обстоятельное описаніе спинныхъ нервовъ человѣческаго организма и ихъ функцій, въ свое время обратила на себя вниманіе спеціалистовъ. Посѣтивъ Бельгію, Англію, Францію, Германію и Голландію, онъ возвратился въ Россію и былъ принятъ на государственную службу съ обязательствомъ „разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ нѣмецкой имперіи, гдѣ открываются цѣлительные колодцы минеральныхъ водъ“. Воды

эти Ашъ обязанъ былъ пріобрѣтать и пересылать въ С.-Петербургъ въ медицинскую канцелярію, которой было предоставлено исключительное право продажи иностранныхъ минеральныхъ водъ. По возвращеніи въ Россію въ 1752 г., онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность штадтъфизика, затѣмъ, послѣдовательно состоялъ съ 1753 по 1759 г. дивизіоннымъ врачемъ расположенной въ Финляндіи дивизіи гр. А. Шувалова, старшимъ врачемъ морского кадетскаго корпуса; въ 1760 г. онъ былъ назначенъ штабъ-докторомъ находившейся по случаю семилѣтней войны въ Пруссіи арміи Бутурлина, а три года спустя, при учрежденіи медицинской коллегіи, онъ былъ избранъ „первымъ членомъ“ ея и въ качествѣ депутата этого учрежденія участвовалъ въ 1767 г. въ работахъ коммиссіи новаго Уложенія. Въ ноябрѣ 1768 г. былъ командированъ врачемъ въ 1-ю армію противъ турокъ, а изъ Турціи былъ вызванъ гр. Орловымъ въ Москву для принятія мѣръ противъ чумы, какъ опытный врачъ въ дѣлѣ борьбы съ ужасною эпидеміею. Впослѣдствіи, въ 1773 г., онъ, находясь въ Молдавіи и за Дунаемъ въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ, обнаружилъ большую опытность въ борьбѣ съ чумною заразою, свирѣпствовавшею въ арміи. По заключеніи мира съ турками, Ашъ, въ іюнѣ 1775 г., вновь вступилъ въ отправленіе должности при с.-петербургской дивизіи и въ медицинской коллегіи. Въ 1779 г. Императорская Академія наукъ избрала его въ свои почетные члены, а Императоръ Павелъ Петровичъ, при коронаціи своей, пожаловалъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Болѣзненно тщеславный Ашъ имѣлъ неосторожность уговорить директора С.-Петербургскаго монетнаго двора выбить медаль въ память своихъ заслугъ. На этой медали былъ вырѣзанъ на одной сторонѣ его портретъ съ надписью: „Георгъ Ашъ“ а на другой — Эскулапъ въ виду города Епидавра, изображеніе змѣя, привезеннаго въ Римъ для отвращенія мороваго повѣтрія, и крупная, хвастливая надпись: «liberator a peste» 1770 г. Эта медаль была имъ отправлена въ Геттингенскій университетъ и въ С.-Петербургскій мюнцъ-кабинетъ. За границею пришли къ заключенію, что медаль выбита въ честь Аша по приказанію правительства въ признательность за безпримѣрныя заслуги. Самовольный поступокъ этотъ навлекъ на виновника неудовольствіе правительства и Ашъ вынужденъ былъ выѣхать заграницу, гдѣ скончался въ Геттингенѣ.

«Сборникъ Им. Р. Историческаго общества», т. VII и XXXVI.—«СправочныйСловарь» Геннади.—«Краткій обзоръ медицины въ Россіи въ царств. Императрицы Екатерины II», Никитина, 1855 г., стр. 37. — Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь», т. I, стр. 894—896.—Плюшаръ: «Энциклопедическій лексиконъ», т. II, стр. 316—317.—Чистовичъ, «Очерки изъ исторіи русской медицины», стр. 100 и 233.—A. Hirsch, «Biograf. Lexicon», стр. 208. — В. Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, стр. 502.—«Словарь, изд. общ. уч. и литераторовъ», т. V, стр. 732. — Шлунъ, т. V и VI.

Ашъ (фонъ), *Иванъ Ѳедоровичъ*, баронъ, россійскій резидентъ въ Польшѣ, извѣстный въ свое время дипломатъ, сынъ с.-петербургскаго почтъ-директора Ѳедора Юрьевича, род. въ С.-Петербургѣ въ 1726 г., ум. въ Царствѣ Польскомъ въ 1807 г. Въ 1749 г. поступилъ на государственную службу и былъ опредѣленъ въ должность коллегіи юнкера при бывшей Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; затѣмъ, въ 1754 г., командированъ при россійскомъ посольствѣ въ Вѣну, гдѣ состоялъ при римскомъ императорскомъ дворѣ. Въ 1783 г. императоръ Іосифъ II выдалъ ему дипломъ и утвердилъ гербъ на баронское достоинство, пожалованное отцу Аша родителемъ императора, Францемъ I. Изъ Вѣны Ашъ былъ переведенъ въ Польшу, гдѣ до 1807 г. состоялъ въ должности полномочнаго министра россійскаго правительства. Одно время онъ вмѣстѣ съ Билеромъ былъ захваченъ поляками и томился въ неволѣ, за энергичные дипломатическіе дѣйствія противъ нихъ.

«Родословная книга» кн. Долгорукова, ч. III, ст. 400.—«Дворянскіе роды» гр. А. Бобринскаго, ч. II, стр. 400.—«Дѣла Правит. Сената» (въ Москвѣ) № $\frac{\text{частный } 21}{\text{общій } 8122}$, стр. 723.—Н. Григоровичъ, «Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ его временемъ», т. II, стр. 284.

Ашъ (von-Asch, Friedrich Georg), *Ѳедоръ Юрьевичъ*, баронъ, с.-петербургскій почтъ-директоръ, род. въ Прусской Силезіи въ 1683 г., ум. въ С.-Петербургѣ въ 1783 г. Въ 1707 г. поступилъ секретаремъ къ генералъ-поручику Рейну, стоявшему съ русскою арміею въ Польшѣ, на Силезской гра-

ницѣ. Принятый въ россійскую военную службу, онъ, состоя при генералѣ Рейнѣ, находился въ разныхъ походахъ и сраженіяхъ, какъ-то: въ 1709 г. во время побѣды подъ Полтавою и въ 1711 г. въ турецкомъ походѣ и при взятіи Браилова. На Аша возложено было завѣдываніе всею корреспонденціею арміи. Послѣ смерти Рейна, онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ при командовавшемъ на Украинѣ кавалеріею генералѣ Бауерѣ, но вслѣдъ затѣмъ откомандированъ въ Митаву, гдѣ до 1719 г. состоялъ при дворѣ вдовствовавшей герцогини курляндской. Въ 1719 г. въ Вѣну былъ командированъ съ секретнымъ назначеніемъ генералъ-поручикъ фонъ-Вейсбахъ, и баронъ Шафировъ, знавшій способности Аша вести секретную корреспонденцію, рекомендовалъ его генералу и оберъ-гофмейстеру П. М. Бестужеву-Рюмину какъ прекраснаго чиновника для подобнаго рода корреспонденціи при генералѣ Вейсбахѣ. Въ Вѣнѣ послѣдній успѣлъ возобновить добрыя отношенія между обоими дворами и, кромѣ того, склонить гостившаго въ столицѣ Австріи герцога Шлезвигъ-Голштинскаго къ болѣе тѣсному союзу съ Россіею. Вся шифрованная переписка по этимъ дипломатическимъ дѣламъ велась Ашемъ лично. Петръ I въ воздаяніе заслугъ его, кромѣ денежной награды въ 1.000 руб., назначилъ Аша сперва секретаремъ, а затѣмъ, въ 1716 г., когда открылась вакансія — почтъ-директоромъ с.-петербургскаго почтамта. Въ іюлѣ 1744 г. по случаю заключенія мира со Швеціею, Ашу, принимавшему, повидимому, участіе въ этомъ дѣлѣ, были Высочайше пожалованы полковничій рангъ и въ пожизненное владѣніе мыза Хотинецъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Въ 1762 г. онъ вмѣстѣ съ потомствомъ былъ возведенъ австрійскимъ императоромъ Францемъ I въ баронское Римской имперіи достоинство, съ согласія императрицы Екатерины II, и дипломъ на это званіе былъ выданъ по смерти его, его сыновьямъ императоромъ Іосифомъ II, въ 1783 г.

«Родословная книга» кн. Долгорукова, ч. III, стр. 303.—«Дворянскіе роды», внесенные въ общій гербовникъ всеросс. имперіи» гр. А. Бобринскаго, ч. II, стр. 396—400.—«Дѣла Правит. Сената (въ Москвѣ) № $\frac{\text{частный } 21}{\text{общ. } 8122}$, стр. 1524—1530.—П. Пекарскій, «Ист. Имп. Акад. Наукъ», т. II, стр. 400.

Аюка, ханъ астраханскихъ калмыковъ, род. въ 1642 г. принялъ власть послѣ смерти дѣда своего, Шукуръ-Дайчина, въ 1672 г., ум. 19-го февраля 1724 года. Аюка занимаетъ видное мѣсто въ исторіи калмыцкаго народа и принадлежитъ къ числу энергичныхъ и дѣятельныхъ правителей. Онъ окончательно объединилъ подъ своимъ главенствомъ калмыковъ, обезсиливъ мелкихъ отдѣльныхъ владѣтелей интригами и войнами. Своего двоюроднаго дядю Дугара онъ захватилъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ его сыномъ Цереномъ и, оклеветавъ передъ русскимъ правительствомъ, отправилъ въ Москву, гдѣ Церенъ принялъ крещеніе и получилъ титулъ князя Дугарова. По отношенію къ Россіи, подъ властью которой находились тогда калмыки, онъ велъ двуличную политику и держалъ себя вообще независимо. Воюя съ сосѣдними народцами и подчиняя ихъ своей власти, какъ независимый правитель, онъ не упускалъ случая безнаказанно пограбить и русскія селенія. Аюка считался на службѣ у русскаго правительства, обязывался договорами „ходить войною на недруговъ великаго государя“ и „дурна никакого и задоровъ не чинить“ (1673 г.); по договору 24-го января 1683 г. онъ обязался „быть въ вѣчномъ подданствѣ и послушаніи, съ людьми великихъ государей быть въ мирѣ и согласіи“. За свою службу Россіи онъ получалъ жалованье изъ денегъ, муки, пороха, свинца, желѣза, стали, сѣры, селитры, вина и проч. Послѣ удачнаго его похода противъ горцевъ въ 1710 г. жалованье ему было увеличено на 1.000 руб. и 30 пуд. пороха, а въ 1719 г. прибавлено еще муки 2.000 четвертей. По требованію русской верховной власти, Аюка въ 1672 г. ходилъ съ 10.000 войска подъ Азовъ и Крымъ, взялъ въ плѣнъ брата азовскаго паши и разбилъ крымцевъ подъ Перекопомъ. Въ іюнѣ 1674 года ему велѣно было идти подъ Азовъ на крымскіе юрты, но на этотъ разъ онъ послалъ своего брата Большаго Замсу, который, однако, съ Дона повернулъ назадъ. Послѣ 1684 года онъ уже изъ своихъ видовъ направилъ свои походы за Уралъ и на Кавказъ. Онъ воевалъ сначала съ киргизъ-кайсаками, потомъ покорилъ туркменовъ, жившихъ на Мангышлакѣ, по берегамъ Каспійскаго моря и обязалъ ихъ платить себѣ дань, началъ непріятельскія дѣйствія противъ хивинцевъ и каракал-

паковъ; надъ послѣдними онъ одержалъ побѣду; успѣшно воевалъ съ дагестанцами, кумыками, кабардинцами и кубанцами. Надъ горцами, собравшимися въ значительномъ числѣ противъ него, онъ одержалъ рѣшительную побѣду въ 35 верстахъ выше устья р. Калауса. Къ этому времени слава о немъ далеко распространилась по Востоку. Около 1690 г. далайлама прислалъ ему ханскій титулъ и печать, которыя были приняты имъ помимо санкціи русской власти. Когда, въ 1697 г., Петръ Великій отправлялся за границу, онъ послалъ къ Аюкѣ кн. Бориса Голицына съ наказомъ охранять русскія границы при этомъ особымъ договоромъ русскіе обязались дать ему пушки и ежегодно выдавать по 20 пуд. пороху и по 10 пуд. свинцу, если онъ пожелаетъ воевать бухаръ, каракалпаковъ или хасаковъ. Въ 1706 г. Аюка вызвался помогать фельдмаршалу Шереметеву въ усмиреніи астраханскаго бунта, но при этомъ не упустилъ случая ограбить астраханскія слободы. Въ 1707 г. онъ отправилъ 3.000 калмыковъ на помощь русскимъ въ войнѣ со шведами; этотъ отрядъ, однако, не оказалъ никакой помощи, и, дойдя до Москвы, самовольно возвратился. Въ 1709 г. калмыки помогали князю Хованскому усмирять бунтовавшихъ тогда донскихъ казаковъ (Булавинскій бунтъ), за что Хованскій отдалъ въ полную ихъ собственность имущество, женъ и дѣтей бунтовщиковъ. Въ 1715 г. кубанскій султанъ Бакта-Гирей напалъ на калмыковъ, разграбилъ нѣсколько ихъ улусовъ и даже захватилъ кибитку самого Аюки. Послѣдній бѣжалъ подъ защиту русскихъ полковъ, сосредоточенныхъ въ Астрахани для похода на Хиву подъ начальствомъ Бековича-Черкасскаго. Хотя русскіе выступили противъ татаръ, но рѣшительныхъ дѣйствій не предпринимали. Это сильно озлобило Аюку противъ русскихъ; чтобы отомстить имъ, онъ далъ знать хивинцамъ и бухарцамъ объ угрожавшей имъ опасности и такимъ образомъ явился виновникомъ гибели русскаго отряда въ 1717 г. Въ томъ же году онъ отомстилъ и татарамъ. Бакта-Гирей, не безъ тайнаго подстрекательства съ его стороны, напалъ на города Саратовской и Пензенской губерній. На требованіе русской властью помощи онъ сначала отвѣтилъ отказомъ, но потомъ, очевидно изъ собственной выгоды, послалъ на Кубань своего сына Чакдоръ-Джаба, который и полонилъ болѣе 30.000 дымовъ татарскихъ. Когда между Россіей и Персіей завязалась война, Аюка отправилъ въ 1722 г. противъ лезгинъ до 40.000 калмыковъ, но такъ какъ въ это время начались непріязненныя дѣйствія противъ Россіи крымцевъ и кубанскаго хана Бакта-Гирея, то Аюкѣ поручено было охранять южныя русскія поселенія. Въ слѣдующемъ 1723 г. Петръ Великій, двинувшій войска на Украйну, приказалъ и Аюкѣ „дѣйствовать". Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка и затѣмъ войны Петра Великаго служили очень выгоднымъ условіемъ для своевольства Аюки, не чувствовавшаго надъ собой русской власти. Еще въ 1671 г. калмыки избили стрѣлецкій полкъ, посланный къ нимъ для усмиренія двухъ поссорившихся братьевъ Аюки. Въ 1681—1683 гг., когда башкиры начали противъ русскихъ военныя дѣйствія, Аюка вмѣстѣ съ другими калмыцкими владѣтелями соединился съ башкирами, грабилъ Казанскую и Уфимскую губерніи и поселенія по пути въ Астрахань. Возвращаясь съ Дона послѣ усмиренія Булавинскаго бунта, калмыки по пути пограбили и русскія селенія. Русскіе, захваченные калмыками во время набѣговъ, держались въ плѣну, продавались въ Турцію, Персію, въ Крымъ и на Кавказъ. Съ Турціей Аюка былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ и съ Константинополемъ сносился безпрепятственно. Джалла, старшая жена Чакдаръ-Джаба, сына Аюки, отправляясь въ Тибетъ, послала въ Константинополь одного хивинца увѣдомить объ этомъ и справиться, не надо-ли чего купить. Послѣ смерти Аюки турецкій султанъ въ 1731 г. прислалъ къ его сыну Церенъ-Дондуку посольство изъ 11 человѣкъ и просилъ жить въ мирѣ. Аюка сносился съ Персіей и съ Китаемъ, отъ котораго въ 1714 г. принималъ посольство. Петръ Великій видѣлъ своеволіе калмыковъ и то положеніе независимаго правителя, какое занялъ Аюка. Но, ведя войны на сѣверѣ и югѣ, занятый реформами, онъ нуждался въ безопасности восточныхъ и кавказскихъ границъ Имперіи и потому относился покровительственно къ этому хану. Во время Дербентскаго похода въ 1722 г. Петръ Великій заѣхалъ въ калмыцкія степи и преемникомъ Аюки (тогда ему было уже около 80 лѣтъ) намѣтилъ племянника его, Дорчжи Назарова.

«Калмыки» Новолѣтова, стр. 8—16. — Жур. Мин. Нар. Просв., ч. CCXLIV, от. 2, статья А. Позднѣева.

Аѳанасій *(Филиппович)*, преподобный брестскій, преставился въ 1648 г. Былъ игуменомъ православнаго загороднаго Симеоновскаго Брестскаго монастыря и пострадалъ за вѣру отъ уніатовъ. Мощи его почивали открыто въ соборномъ монастырскомъ храмѣ. Въ 1816 г. монастырь сгорѣлъ, и послѣ этого частицы мощей хранятся въ серебряномъ ковчегѣ въ Брестской Симеоновской церкви, такъ какъ въ 1824 г. монастырь упраздненъ. Онъ составилъ (въ 1646 г.) „Діаріумъ албо списокъ дѣлъ правдивыхъ". Въ немъ помѣщено нѣсколько грамотъ королевскихъ, писемъ Аѳанасія и другихъ лицъ. Память его чествуется 5-го сентября и 20-го апрѣля.

«Исторія росс. іерархіи», часть III, стр. 456—457.—Филаретъ, «Русскіе святые», сентябрь, стр. 7—13.—«Источники русской агіографіи», стр. 64.—Филаретъ, «Обзоръ русск. дух. литер.», стр. 194.—«Словарь историч. о святыхъ», стр. 39.—Арх. Леонидъ, «Святая Русь», стр. 204.—В. Звѣринскій, «Преобразованіе старыхъ и учрежденіе новыхъ монастырей», I, Спб., 1890 г., № 429, гдѣ и литература предмета.

Аѳанасій, преподобный, затворникъ печерскій, преставился около 1176 г. Провелъ въ пещерѣ, въ затворѣ, 12 лѣтъ. Мощи его почиваютъ открыто въ Антоніевыхъ пещерахъ. Память чествуется 2-го декабря, причемъ служба совершается съ славословіемъ.

«Источники русской агіографіи», стр. 65.—Филаретъ, «Русскіе святые», декабрь, стр. 481—484. — Арх. Леонидъ, «Святая Русь», стр. 14.—«Словарь историч. о святыхъ», стр. 39.

Аѳанасій, преподобный, основатель, вмѣстѣ со святымъ Ѳеодосіемъ, Череповскаго Воскресенскаго монастыря. Полагаютъ, что оба святыхъ были иноками Троице-Сергіевой лавры и учениками преподобнаго Сергія Радонежскаго. Преставился Аѳанасій 26-го ноября 1388 г. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ церкви бывшаго Череповскаго монастыря, упраздненнаго въ 1764 г., нынѣ соборной г. Череповца. Память Аѳанасія совершается 25-го сентября и 26-го ноября.

«Исторія Росс. іерархіи», VI, 656.—В. Звѣринскій, «Монастыри по штатамъ», II, № 738.—«Источники русск. агіографіи», стр. 69.—Арх. Леонидъ, «Святая Русь», стр. 56. — «Словарь историч. о святыхъ», стр. 250—251.

Аѳанасій, преподобный, былъ игуменомъ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, преставился около 1401 г. Былъ ученикомъ св. Сергія и, по благословенію его, основалъ Высоцкій монастырь въ 1374 г., по просьбѣ серпуховскаго князя Владиміра Андреевича. Въ 1387 г. Аѳанасій отправился вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ въ Константинополь, гдѣ въ бывшей Предтеченской обители купилъ себѣ келлію и жилъ съ нѣсколькими учениками. Въ 1401 году въ царской обители Иперивлето онъ списалъ, а можетъ быть, и перевелъ церковный уставъ („Око церковное"), съ котораго списывали потомъ списки въ Россіи. Память его совершается 12-го сентября. Житіе его написано въ 1697 г. Каріономъ Истоминымъ.

Аѳанасій, игуменъ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, ученикъ и преемникъ предъидущаго, преставился въ 1395 г.; мощи почиваютъ подъ спудомъ въ Высоцкомъ монастырѣ. Память совершается 12-го сентября.

«Истор. Росс. іерархіи», т. III.—Филаретъ, «Русскіе святые», сентябрь, стр. 47—55.—Н. Звѣринскій, «Монастыри по штатамъ», II, № 753.—Архм. Леонидъ, «Святая Русь», стр. 152.—«Источники русск. агіографіи», стр. 65—67.—«Полное собр. русск. лѣт.» (по указателю).—С. Смирновъ, «Преподобный Аѳанасій Высоцкій», Москва, 1874 г.

Аѳанасій, митрополитъ всероссійскій, до постриженія *Андрей*, протопопъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, родомъ изъ Переяславля. Будучи духовникомъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, протопопъ Андрей сопровождалъ его въ 1552 г. въ походѣ подъ Казань и 6-го октября того же года освящалъ построенную тамъ церковь Благовѣщенія; въ 1554 г. онъ священнодѣйствовалъ при крещеніи въ Чудовомъ монастырѣ царевича Іоанна; въ 1555 г. онъ помогалъ митрополиту Макарію обновлять чудотворную икону св. Николы Великорѣцкаго, равно какъ писать съ нея не мало образовъ. Постриженный въ 1562 г. въ монахи, Аѳанасій два года пробылъ инокомъ Чудова монастыря, а затѣмъ, по смерти митрополита Макарія, избранъ 24-го февраля 1564 г. на его мѣсто и 5-го марта хиротонисанъ. При избраніи Аѳанасій получилъ отъ царя грамоту (она подтверждена царемъ Борисомъ патріарху Іову въ 1599 г.), въ которой сказано, что духовенство патріаршихъ монастырей и всѣ люди, служащіе ему и живущіе на его земляхъ

и земляхъ его монастырей, подлежатъ только патріаршему суду, исключая душегубства; кромѣ того, крестьяне патріаршіе и его монастырей освобождены отъ разныхъ повинностей. 16-го марта 1564 г. Аѳанасій утвердилъ уставную грамоту митрополита Макарія, данную Вологодскому Спасо-Прилуцкому монастырю. Въ 1565 и 1566 (въ концѣ апрѣля) годахъ онъ ручался царю, вмѣстѣ съ прочими духовными особами, за боярина И. П. Яковлева и за князя М. И. Воротынскаго. Аѳанасій дополнялъ Степенную книгу, какъ это дѣлали и послѣ него. 16-го мая 1566 г. Аѳанасій добровольно оставилъ, за немощью, митрополію и возвратился въ Чудовъ монастырь. Живя на покоѣ, онъ возобновилъ, въ 1567 г., образъ Владимірской Божіей Матери. Въ 1568 г. Аѳанасій былъ еще живъ.

«Собр. государ. грамотъ и договоровъ», тт. I и II (по указателю).—«Сборникъ князя Хилкова», Спб., 1879 г., стр. 2—3.—Н. М. Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», т. VIII и IX (изд. Эйнерлинга). — Филаретъ, «Обзоръ», стр. 162.—«Полное собр. лѣтописей» (по указателю).—«Степенная книга» (по указателю). — Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 5.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи». книга II, 6—10, стр. 165, 166 и 170, изд. товар. «Общ. Пользы».—«Allgemeines Künstler-Lexicon», Leipzig, 1872, стр. 109.—Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 167—168. — Митр. Макарій, «Исторія русской церкви», т. VI, стр. 290 и слѣд.

Аѳанасій *(Волховскій)*, епископъ ростовскій, уроженецъ Полтавской губ., ум. 15-го февраля 1776 г. Обучался въ Харьковскомъ коллегіумѣ и Кіевской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ сперва преподавателемъ въ Харьковскій коллегіумъ, а затѣмъ вызванъ былъ въ Московскую академію въ качествѣ проповѣдника и, принявъ въ маѣ 1745 г. монашество, былъ назначенъ префектомъ лаврской семинаріи, а въ 1748 г. и ректоромъ ея. Въ декабрѣ 1749 г. Аѳанасій избранъ келаремъ лавры съ оставленіемъ въ должности ректора и профессора богословія; въ 1753 г. возведенъ въ санъ архимандрита Троицкой лавры, а въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ Св. Синода. 23-го апрѣля 1758 г. Аѳанасій хиротонисанъ во епископа тверской епархіи, а 26-го мая 1763 г. переведенъ на ростовскую каѳедру, гдѣ скончался и погребенъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. Изъ трудовъ Аѳанасія извѣстны, въ рукописи: „Богословскіе уроки“ (Systema theologiae coepta anno 1751 г.), въ которыхъ онъ явился подражателемъ Ѳеофана Прокоповича; 2) Инструкція поповскому старостѣ, относящаяся къ 1760, и 3) нѣсколько „Словъ“, отличающихся чрезвычайною длиннотой (одно есть въ 36 печатныхъ страницъ). Два изъ этихъ словъ напечатаны въ „Приб. къ твор. св. отцевъ“, 1861 г. При жизни Аѳанасія напечатано его „Слово въ пособіи во всякомъ пребываніи нашемъ и силѣ молитвъ угодниковъ Божіихъ, говоренное въ окончаніи путешествія Императрицы Елизаветы Петровны въ Троицкой лаврѣ, ректоромъ оныя, іеромонахомъ Аѳанасіемъ Волховскимъ“, М. 1749 г.

Списки архіереевъ іерархіи всероссійской (1721—1895), стр. 11.—Амвросій, «Исторія росс. іерархіи», гл. I и II.—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 352.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 852—853.

Аѳанасій *(Волховскій)*, епископъ могилевскій, сынъ полтавскаго протоіерея и племянникъ Аѳанасія Волховскаго, епископа ростовскаго, у котораго и воспитывался; ум. 1-го января 1801 года. Первоначальное образованіе получилъ во время епископства дяди своего въ Твери—въ Тверской семинаріи, а окончательное—въ Кіевской академіи, окончивъ курсъ въ которой, въ 1765 г., рукоположенъ во священника къ полтавской Николаевской церкви, но, овдовѣвъ, принялъ 1 октября 1769 г. монашество въ Черниговскомъ Ильинскомъ монастырѣ, и съ 1770 г. проходилъ разныя послушанія и должности при каѳедральномъ черниговскомъ соборѣ. Съ 1770 г. Аѳанасій состоялъ игуменомъ Новгородскаго Кириллова монастыря; въ 1783 г. переведенъ въ Новгородскій Отенскій монастырь и въ томъ же году возведенъ въ санъ архимандрита Вяжицкаго монастыря. 13-го ноября 1773 г. Аѳанасій назначенъ архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря, 30-го іюля 1788 г. хиротонисанъ во епископа старорусскаго, викарія новгородской епархіи. 5-го марта 1795 г. переведенъ на самостоятельную могилевскую каѳедру, а 27-го августа 1797 г. уволенъ на покой въ Лубенскій Мгарскій монастырь. Изъ трудовъ его извѣстна „Окружная грамота къ паствѣ“, изд. М. 1795 г.

«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 16—Филаретъ, «Обзоръ», стр. 387.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 853.

Аѳанасій, архіепископъ астраханскій, до постриженія Александръ Васильевичъ *Дроздовъ*, сынъ священника села Умриненкова, Бѣлевскаго у., Тульской губ., род. въ 1800 г., ум. 7-го декабря 1876 г. Первоначально учился въ Тульской семинаріи, а затѣмъ въ Московской академіи, гдѣ, принявъ 16-го декабря 1823 г. монашество, окончилъ курсъ магистромъ въ 1824 г.; 21-го ноября посвященъ во іеромонаха и оставленъ при академіи баккалавромъ. 23-го августа 1828 г. Аѳанасій назначенъ ректоромъ Пензенской семинаріи, 16-го сентября архимандритомъ слободскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, 17-го іюля 1829 г. — ректоромъ Костромской семинаріи и архимандритомъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря, въ декабрѣ 1837 г.—ректоромъ Рязанской семинаріи и настоятелемъ Рязанскаго Спасскаго монастыря, 4-го апрѣля 1840 г.—ректоромъ херсонской семинаріи, а въ декабрѣ и настоятелемъ Одесскаго Успенскаго монастыря; 14-го апрѣля 1841 г.—ректоромъ Петербургской академіи и управляющимъ Ростовскимъ Богоявленскимъ монастыремъ, 8-го августа 1842 года Аѳанасій назначенъ епископомъ винницкимъ, викаріемъ подольской епархіи; 13-го января 1847 г. переведенъ на самостоятельную саратовскую каѳедру, а въ апрѣлѣ 1856 г.—въ Астрахань; въ 1858 г. Аѳанасій былъ возведенъ въ санъ архіепископа, а 6-го апрѣля 1870 г. уволенъ на покой въ Астраханскій Болдинъ монастырь, изъ котораго былъ переведенъ въ Московскій Даниловъ. По отзывамъ современниковъ, это былъ іерархъ, „если не чудо по учености, по громадности смысла, то смѣло можно сказать явленіе феноменальное“. Онъ въ совершенствѣ зналъ языки еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій и изучилъ всѣ памятники и сочиненія на этихъ языкахъ, относящіеся до Библіи и христіанства. Занимался Аѳанасій и достигъ, говорятъ, больпшхъ результатовъ въ области естествовѣдѣнія, математики, физики, геологіи, астрономіи и проч., а также изучилъ по первоисточникамъ и святоотеческую литературу. У него была громаднѣйшая библіотека, гербарій, минералогическій кабинетъ, телескопы и пр. Все это перешло въ казанскую академію и Астраханскую семинарію. Извѣстно, что Аѳанасій во время своего ректорства Петербургской академіей, вслѣдствіе дряхлости митрополита Серафима, былъ правою рукою тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода графа Н. А. Протасова, который при помощи Аѳанасія провелъ духовно-учебную реформу въ академіяхъ и семинаріяхъ (ей не сочувствовали высшія духовныя лица). Современники не любили Аѳанасія и во всѣхъ его дѣйствіяхъ видѣли стремленіе удовлетворить личному самолюбію и честолюбію. Не смотря на свою ученость и постоянныя занятія, Аѳанасій печатныхъ трудовъ почти не оставилъ: извѣстны только его двѣ студенческія работы, помѣщенныя въ „Опытахъ сочиненій воспитанниковъ Моск. дух. академіи“. М. 1824 г. и „Историческія извѣстія о Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ съ XV по XIX вѣкъ“. Спб. 1837 г.

«Астрах. Еп. Вѣд.» 1887 г. Письма Филарета къ Выс. Особ., ч. II, стр. 242.—«Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ». Воспоминанія бывшаго альта-солиста (Никанора Бровковича) и «Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія въ Россіи», И. А. Чистовича.—«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», Спб. 1896, стр. 36.—С. Венгеровъ «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 833—834.

Аѳанасій, архіепископъ екатеринославскій, до постриженія *Алексѣй Ивановъ*, род. въ Москвѣ въ 1746 г., ум. 18-го августа 1805 г. Обучался въ Московской академіи, гдѣ, по окончаніи въ 1774 г. курса, оставленъ былъ учителемъ. Въ 1771 г. 13-го мая принялъ монашество и въ 1781 г. назначенъ проповѣдникомъ при академіи. Въ слѣдующемъ году Аѳанасій возведенъ въ санъ игумена Московскаго Покровскаго монастыря и исполнялъ должность префекта бывшей при монастырѣ Крутицкой семинаріи. Въ 1784 г. онъ переведенъ префектомъ и профессоромъ философіи въ Славяно-греко-латинскую академію (нынѣ Московскую духовную), и въ 1786 г. назначенъ въ ней ректоромъ и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря. 12-го ноября 1788 г. Аѳанасій хиротонисанъ во епископа коломенскаго, 10-го апрѣля 1799 г. получилъ въ управленіе воронежскую епархію, но 1-го октября того же года назначенъ епископомъ новороссійскимъ, и 15-го сентября 1801 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Наконецъ, 18-го августа 1805 г. Аѳанасію повелѣно быть архіепископомъ астраханскимъ, но въ этотъ самый день онъ скончался. Печатные его труды: „Слова на торжественные дни и праздники“. М. 1787 г.; переводы: „Аѳин-

скія ночи" Авла Геллія, изд. съ прим. въ 2-хъ частяхъ, М. 1787 г.; „Апологія Тертулліана", М. 1802 г. Записки Аѳанасія по Св. Писанію, гдѣ славянскій переводъ повѣрялся съ греческимъ текстомъ и еврейскимъ подлинникомъ, находятся въ рукописи.

«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 16.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 854—855; его же «Русскія книги» Спб. 1897, стр. 468.

Аѳанасій *(Кальнофойскій)*, инокъ Кіево-Печерскаго монастыря, написавшій на польскомъ языкѣ книги „Тератургима, или чудеса, какъ въ самомъ печерскомъ монастырѣ, такъ и въ обѣихъ св. пещерахъ", съ историческими замѣчаніями о монастырѣ. Книга эта вышла въ Кіевѣ въ 1638 г. и написана съ цѣлью опровергнуть клеветы уніатовъ и іезуитовъ, будто бы въ православной церкви нѣтъ болѣе чудесъ. Аѳанасій называетъ до 64 современныхъ ему чудесъ (1594—1638 гг.).

Митр. Евгеній, «Словарь», т. I, стр. 53.—Филаретъ, «Обзоръ русской дух. лит.», стр. 195.—С. В. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 855.—Строевъ, «Библіологическій словарь».

Аѳанасій, епископъ суздальскій, до постриженія *Анастасій Кондоиди*, родомъ грекъ съ острова Кандіи, ум. 10-го октября 1737 г. Получивъ отличное образованіе въ Италіи, возвратился на родину, принялъ священство и поступилъ законоучителемъ князя Антіоха Кантемира, сына молдавскаго господаря Дмитрія, съ которымъ въ 1711 г. и прибылъ въ Россію. Здѣсь Кондоиди былъ первоначально преподавателемъ въ Московской духовной академіи, а затѣмъ опредѣленъ протоіереемъ Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ. Съ открытіемъ въ 1721 г. Св. Синода Кондоиди назначенъ былъ въ немъ ассесоромъ, 12-го февраля 1722 г. принялъ монашество, 2-го марта назначенъ игуменомъ Ярославскаго Толгскаго монастыря; 8-го іюля 1723 года возведенъ въ санъ архимандрита Ярославскаго Спасскаго монастыря; 26-го декабря 1725 г. назначенъ совѣтникомъ Св. Синода, а 15-го іюля 1726 г.—членомъ его; 9-го октября того же года Аѳанасій хиротонисанъ во епископа вологодскаго; 13-го іюня 1727 г. уволенъ изъ Св. Синода; 17-го сентября 1735 г. переведенъ въ Суздаль. Изъ сочиненій его напечатаны: нѣкоторыя поученія и похвальное слово въ честь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Свою библіотеку Аѳанасій завѣщалъ частью въ Московскую духовную академію, а частью въ Петропавловскій соборъ, гдѣ она находится понынѣ.

«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской» стр. 6.—С. Венгеровъ «Критико-біогр. словарь» т. I, стр. 853—854. «Энциклопед. Словарь», V, стр. 740 (статья Хмырова).

Аѳанасій *(Карчановъ)*, епископъ пензенскій, ум. 14-го декабря 1825 г. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, постриженъ въ 1778 г. въ монашество и затѣмъ занималъ разныя должности въ семинаріяхъ Черниговской и Переяславской. Въ 1792 г. онъ назначенъ префектомъ кіевской академіи, въ 1793 г. опредѣленъ игуменомъ Козелецкаго монастыря; въ 1794 году—назначенъ вице-ректоромъ Кіевской академіи, въ 1797 г.—игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, въ 1798 г. возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1799 г. назначенъ ректоромъ Черниговской семинаріи и настоятелемъ Елецкаго монастыря. 15-го сентября 1811 г. Аѳанасій хиротонисанъ во епископа пензенскаго, а 8-го февраля 1819 г. уволенъ на покой.

«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 22.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 856.

Аѳанасій, первый архіепископъ холмогорскій и важескій, съ именемъ котораго тѣсно связана вся исторія церковнаго благоустройства холмогорской епархіи, до постриженія *Алексѣй Артемьевичъ Любимовъ*, род. въ Сибири, въ 1641 г., ум. 5-го сент., 1702 г. Въ юные годы Любимовъ былъ самъ раскольникомъ, но скоро оставилъ заблужденія и, ища духовнаго просвѣщенія, поступилъ въ патріаршую школу, находившуюся въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ. Принявъ затѣмъ постриженіе, съ именемъ Аѳанасія, онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, потомъ въ іеромонаха, а въ 1675 году возведенъ въ санъ игумена Тобольскаго Успенскаго монастыря. Игуменство Аѳанасія было кратковременно. Отличныя дарованія и ученость, соединенныя съ добродѣтельною жизнью, обратили на себя вниманіе московскаго патріарха Іоакима, который вызвалъ Аѳанасія въ Москву и опредѣлилъ въ число крестовыхъ монаховъ при патріаршемъ домѣ, поручивъ ему просмотръ и приготовленіе къ печати переводовъ отеческихъ писаній съ греческаго на славянскій языкъ. Въ бытность свою въ Москвѣ Аѳанасій въ 1682 г. присутствовалъ

на словопреніи съ раскольниками и спорилъ о вѣрѣ съ Никитою Пустосвятомъ. Между тѣмъ, внутреннія событія нашего отечества, во второй половинѣ XVII вѣка, готовили Аѳанасію болѣе обширное духовное поприще. Въ самой Москвѣ расколъ дерзко поднялъ голову и сталъ открыто враждовать съ правительствомъ церковнымъ и гражданскимъ. Это-то печальное состояніе тогдашней Россіи и вызвало настоятельную необходимость въ учрежденіяхъ ближайшаго пастырскаго надзора, и въ числѣ этихъ учрежденій заняла видное мѣсто новая епархія холмогорская и важеская, съ званіемъ архіепископіи. Чтобы управлять такою обширною епархіею, требовался дѣятель энергичный, ревностный и твердый въ православіи, и искусный борецъ съ расколомъ. Выборъ палъ на іеромонаха Аѳанасія, который 18-го марта 1682 г. былъ рукоположенъ въ архіепископа холмогорскаго и важескаго. Исполненный ревности къ возложенному на него дѣлу, преосвященный и словомъ и примѣромъ началъ побуждать свою паству „подвигомъ добрымъ подвизаться о Господѣ", для чего составлялъ и разсылалъ по епархіи пастырскія посланія и увѣщательныя грамоты. Помимо заботъ о нравственномъ состояніи пасомыхъ, вникая и въ хозяйственное распоряженіе церквей и церковныхъ имѣній, онъ установилъ новые источники доходовъ, чрезъ особо назначенныхъ священниковъ, или, по нынѣшнему, благочинныхъ, раздѣливъ для сего всю епархію на участки, чтобы въ то же время зорко слѣдить и за распространителями раскола. Не остались безъ вниманія ревностнаго архипастыря и храмы Божіи. Онъ устроялъ новые, каменные, возстановлялъ изъ развалинъ древніе, и открывалъ вновь церковные приходы. Ему же обязаны постройкою Холмогорскій Преображенскій соборъ и Успенскій женскій монастырь въ томъ же городѣ. Современники оставили такую характеристику Аѳанасія: „Пастырь бѣ изящный, божественнаго писанія до вольный сказатель, громогласный, рѣчевистъ по премногу, остро разсудителенъ, чина церковнаго опасно хранитель, въ вѣрѣ на расколы разрушитель, трудолюбивъ, многа зданія созда". Какъ святитель Митрофанъ воронежскій, такъ и Аѳанасій холмогорскій много содѣйствовали юному царю Петру въ дѣлахъ государственныхъ. Постройка Новодвинской крѣпости, начатая въ 1701 году, не обошлась безъ дѣятельнаго участія преосвященнаго, который, въ силу состоявшагося царскаго указа, повелѣвавшаго архіепископу, совмѣстно съ архангельскимъ воеводою, строить крѣпость на Малой Двинкѣ, немедленно пожертвовалъ для этого много строительнаго каменнаго матеріала и помогалъ воеводѣ, князю Прозоровскому, совѣтами для принятія охранительныхъ мѣръ, чтобы спасти Архангельскъ отъ прихода съ моря шведовъ, грозившихъ разорить его. Успѣхъ увѣнчалъ дѣло. Побѣда была явная. Царь Петръ торжествовалъ, и пожаловалъ Аѳанасію побѣдные трофеи: три пушки и шведскій флагъ, хранящійся донынѣ въ Архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ. Вызванный ложною тревогою касательно намѣренія шведовъ придти опять къ городу, царь снова въ 1702 г. въ третій разъ посѣтилъ Архангельскъ, и 29-го іюня присутствовалъ при освященіи храма въ Новодвинской крѣпости, для котораго пожертвовалъ всю церковную утварь и самыя иконы. Аѳанасій управлялъ епархіей 20½ лѣтъ, и по смерти оставилъ не малую библіотеку своихъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, изъ которыхъ извѣстны: разныя грамоты, „Шестидневецъ", толкованіе на Псалтирь, „Домашній лѣчебникъ" и др.

«Арх. Губ. Вѣд.» 1893 г., № 60. «Рук. сборн. Моск. Патр. Библ.», № 55, стр. 120. — «Холмогорско-Арханг. іерархія», въ «Христ. Чт.», 1879 г., т. I, стр. 132—134.—Н. Д., «Іерархи всероссійской церкви», Москва, 1898 г., III, стр. 545. В. Звѣринскій, «Монастыри по штатамъ», Спб. 1892 г. т. II, № 776.

Аѳанасій, до постриженія *Алексѣй Петріевъ*, архимандритъ Московскаго Донскаго монастыря, ум. 17-го октября 1832 г. По происхожденію грузинецъ, онъ былъ сначала протоіереемъ въ Кизлярѣ, потомъ директоромъ Тифлисскаго благороднаго училища. Послѣ постриженія въ монашество съ именемъ Аѳанасія, онъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита Макаріева Желтоводскаго монастыря нижегородской епархіи. Въ 1814 г., по указанію телавскаго архіепископа Досиѳея, Аѳанасій былъ назначенъ настоятелемъ Квабтахевскаго монастыря въ Грузіи и членомъ грузино-имеретинской синодальной конторы. По прибытіи 15-го апрѣля 1815 г. въ Тифлисъ, Аѳанасій говорилъ на русскомъ языкѣ рѣчь при открытіи, 8-го мая, синодальной конторы (рѣчь эта напечатана въ „Сѣв.

Пчелѣ" за 1815 г.). При реформѣ грузино-имеретинскаго духовнаго управленія, Аѳанасій былъ дѣятельнымъ помощникомъ экзарха Грузіи и весьма успѣшно дѣйствовалъ въ Мингреліи. Правительство очень цѣнило его услуги Россіи. Въ 1821 г. онъ возвратился въ Россію настоятелемъ Московскаго Богоявленскаго монастыря, 23-го іюня 1823 г. былъ перемѣщенъ въ Московскій Донской Богородичный монастырь и тамъ скончался.

Чистовичъ, «Руководящіе дѣятели дух. просв. въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія».— Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1832 г., № $\frac{1629}{876}$.

Аѳанасій, архіепископъ тобольскій, до постриженія *Александръ Ѳеодоровичъ Протопоповъ*, сынъ протоіерея въ г. Любимѣ, Ярославской губ., бывшаго потомъ архимандритомъ Ярославскаго Толгскаго монастыря и называвшагося Ѳеофилактомъ, род. около 1783 г., ум. 21-го сентября 1841 г. Первоначально обучался въ Ярославской семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1805 г. былъ тамъ же учителемъ. Затѣмъ, въ 1809 г. поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ составъ 1-го курса новоучрежденной С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ, окончивъ курсъ въ 1814 г. со степенью магистра и принявъ сряду монашество, назначенъ былъ инспекторомъ. Въ 1816 г. Аѳанасій получилъ назначеніе на должность ректора Казанской духовной академіи и архимандрита Казанскаго Спасопреображенскаго монастыря, а въ слѣдующемъ году переведенъ на должность ректора тверской семинаріи и настоятеля Калязина монастыря. 29-го іюля 1823 г. Аѳанасій хиротонисанъ во епископа чигиринскаго, викарія кіевской епархіи, а 13-го октября 1826 г. получилъ самостоятельную каѳедру въ Нижнемъ-Новгородѣ, откуда перемѣщенъ 24-го января 1832 г. архіепископомъ г. Тобольска, гдѣ и скончался. При Аѳанасіи, въ 1836 г. разрѣшено Тобольскій Кандинскій монастырь обратить въ миссіонерскій съ учрежденіемъ при немъ училища для инородческихъ дѣтей. Преосвященный Аѳанасій заложилъ и построилъ Нижегородскій Спасопреображенскій соборъ, а въ Тобольскѣ перестроилъ архіерейскій домъ и крестовую церковь. У него была большая библіотека, стоившая до 30.000 руб., и богатая коллекція минераловъ, собранная съ большими усиліями. Обѣ эти драгоцѣнности онъ хотѣлъ оставить Тобольской семинаріи, но такъ какъ скончался, не оставивъ завѣщанія, то все перешло въ руки родственниковъ. Изъ сочиненій его извѣстны: два слова („Христ. Чтеніе" 1829 г.) и двѣ проповѣди (въ „Собр. сочиненій студентовъ. С.-Петербург. дух. акад.". М. 1819 г.). Въ рукописи остались „Каноническое право" и „Матеріалы для церковныхъ древностей".

«Москвитянинъ», 1843 г., № 11.—«Странникъ» 1867, №№ 1 и 2 (съ портретомъ).—Архивъ Св. Синода.—«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 26.—С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 857—859.

Аѳанасій (*Савинскій*), архимандритъ Алексѣевскаго Акатова монастыря и ректоръ Воронежской семинаріи, род. въ 1765 г., ум. 22-го декабря 1811 года. По происхожденію малороссіянинъ; образованіе получилъ въ Переяславской семинаріи и Кіевской академіи. Въ 1787 — 1799 г.г. былъ учителемъ въ Переяславской семинаріи; 1-го марта 1799 г. постригся въ монашество съ именемъ Аѳанасія, въ томъ же году рукоположенъ въ іеродіакона и іеромонаха, состоялъ членомъ семинарскаго правленія и библіотекаремъ. 24-го іюня назначенъ соборнымъ іеромонахомъ Кіевопечерской лавры, а въ 1800 г. учителемъ въ Александро-Невскую семинарію, катехизаторомъ и соборнымъ іеромонахомъ Александро-Невской лавры. 23-го іюля 1801 г. Аѳанасій перемѣщенъ въ Новгородскую семинарію префектомъ и игуменомъ Кириллова Новгородскаго монастыря, а въ началѣ 1804 г. возведенъ въ санъ архимандрита Новгородскаго Антоніева монастыря и назначенъ ректоромъ семинаріи. Въ этомъ же году онъ заболѣлъ и уволенъ на покой въ полтавскій архіерейскій домъ. По выздоровленіи, съ 1806 г., Аѳанасій толковалъ Священное Писаніе въ Полтавской семинаріи, а съ 17-го января 1807 г. былъ настоятелемъ Алексѣевскаго Акатова монастыря и ректоромъ Воронежской семинаріи. Аѳанасій славился, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ; изъ проповѣдей его извѣстны двѣ: „Слово по случаю пожалованія грамоты дворянамъ" и „Слово предъ выборомъ судей", М. 1810 г.

Дѣла архива Св. Синода: 1801 г. № 590; 1804 г. №№ 22 и 444; 1807 г, № 925; 1810 г. № 468; 1812 г. №№ 71 и 648.

Аѳанасій, архіепископъ Казанскій, до постриженія *Андрей Григорьевичъ Соколовъ*, род. около 1802 г. въ г. Буѣ, Костромской губерніи, сынъ дьячка соборной церкви, ум. 1-го января 1868 г. Сперва студентъ Костромской семинаріи, а затѣмъ магистръ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1825 г., онъ въ августѣ того же года принялъ монашество и былъ оставленъ баккалавромъ, съ посвященіемъ 8-го сентября во іеромонаха. 30-го января 1826 г. Аѳанасій былъ назначенъ инспекторомъ Псковской семинаріи, 3-го апрѣля 1827 г. возведенъ въ санъ архимандрита Спасомирожскаго монастыря, 28-го авг. 1828 г. назнач. ректоромъ и профессоромъ Харьковскаго коллегіума, въ апрѣлѣ 1830 г.—ректоромъ Черниговской семинаріи и настоятелемъ Успенскаго Елецкаго монастыря, 29-го апрѣля 1832 г. ректоромъ Тверской семинаріи и настоятелемъ Калязина монастыря. 7-го марта 1838 г. — ректоромъ С.-Петербургской семинаріи, 5-го августа — членомъ духовно-цензурнаго комитета. 14-го іюня 1841 г. Аѳанасій получилъ каѳедру епископа томскаго, 24-го декабря 1853 г. назначенъ архіепископомъ иркутскимъ, а 23-го ноября 1856 г. казанскимъ. 9-го нояб. 1866 г. Аѳанасій уволенъ на покой въ Кизическій Введенскій монастырь, гдѣ и скончался. Профессоръ Знаменскій въ своей „Исторіи Казанской академіи" даетъ о преосвященномъ Аѳанасіи такой отзывъ: „Онъ былъ истинно-праведный человѣкъ, замѣчательно начитанный, ученый, но, по своему благочестію, выказывалъ мало уваженія къ наукѣ и даже ко многимъ богословскимъ научнымъ изслѣдованіямъ, особенно составленнымъ подъ руководствомъ иностранныхъ ученыхъ. На богословскихъ экзаменахъ онъ нерѣдко грубо обрывалъ студента: „Чего ты тамъ плетешь? Скажи намъ, какъ сказано объ этомъ въ священномъ писаніи; мы всѣ и повѣримъ тебѣ". Или: „Что ты привязался къ какому-то нѣмцу? И пусть его вретъ; намъ-то что до него за дѣло? Это все равно, какъ если бы въ Капскомъ уѣздѣ медвѣдь явился, а мы бы здѣсь въ Казани колья да рогатины на него похватали".

«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 35.—«Высокопреосв. Аѳанасій, архіеп. казан. и свіяжескій», Казань, 1888 г. — Полная біографія, написанная архимандритомъ Сергіемъ. «Странникъ» 1880 г., мартъ («Случай изъ жизни высокопр. Аѳанасія, бывшаго еп. томскаго»).—Въ «Прав. Соб.» 1867 и 1868 г. (Слова и рѣчи при увольненіи Аѳанасія отъ епархіи и погребеніи.—Рукописные труды Аѳанасія, главнымъ образомъ по агіографіи, хранятся въ библіотекѣ Казанской духовной семинаріи.

Аѳанасій, епископъ Донской, до постриженія *Александръ Ивановичъ Телятевъ*, род. около 1772 г., ум. 7-го мая 1847 г. Сынъ священника изъ с. Телятинскаго, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губ. По окончаніи курса въ Тамбовской семинаріи въ 1792 г., былъ отправленъ для подготовленія къ учительской должности въ Александроневскую академію. Чрезъ два года онъ возвратился въ Тамбовскую семинарію учителемъ и въ 1799 г. рукоположенъ во священника къ Покровской церкви, а въ 1801 г. переведенъ протоіереемъ въ Борисоглѣбскъ. 26-го января 1810 г. онъ принялъ монашество въ Александроневской лаврѣ и 10-го апрѣля назначенъ архимандритомъ Псковскаго Спасоелiазарова монастыря и ректоромъ семинаріи. Въ 1819 г. Аѳанасій вызванъ на чреду священнослуженія и въ концѣ того же года переведенъ въ Московскій Воскресенскій, Новый Іерусалимъ именуемый, монастырь. 21-го января 1821 г. Аѳанасій былъ назначенъ епископомъ дмитровскимъ, викаріемъ московской епархіи, и посвященъ 10-го марта. 5-го авг. 1824 г. переведенъ на тамбовскую каѳедру, 5-го апр. 1829 г. — на каѳедру новочеркасскую, 11-го янв. 1830 г. возведенъ въ архіепископа, 17-го іюля 1842 г. переведенъ въ донскую епархію, и 17-го октября, за потерею зрѣнія, уволенъ на покой въ Трегуляевъ Предтеченскій монастырь, гдѣ и скончался. Напечатана его „Рѣчь, произнесенная въ генеральномъ собраніи Московскаго отдѣленія россійскаго общества 1822 г.".

Архивъ Св. Синода.—«Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», стр. 25. Розановъ, Н. «Исторія московскаго епархіальнаго управленія». Москва, 1871 г., ч. III, кн. II, стр. 203.

Аѳанасій *(Топольскій)*, архимандритъ, ректоръ Харьковскаго коллегіума, ум. въ мартѣ 1744 года. Обучался онъ въ Кіевской академіи, затѣмъ постригся въ монашество и былъ учителемъ и префектомъ съ 1736 г. въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Въ 1740 г. Аѳанасій возведенъ въ санъ архимандрита Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря; въ 1742 г. онъ былъ

перемѣщенъ въ Сѣвскій Спасскій монастырь, но 22-го сентября назначенъ ректоромъ Харьковскаго коллегіума и архимандритомъ Харьковскаго Покровскаго монастыря. Извѣстны два его слова: „Въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ“, М. 1742 г., и „На перенесеніе мощей св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго“, М. 1742 г. Въ послѣднемъ говорится о заслугахъ Петра Великаго и о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ съ воцареніемъ Елизаветы, удалившей отъ престола „чуждыхъ доилищъ, которыя самую Россію съ кровію выцѣдили“.

Филаретъ «Обзоръ русск. дух. литер.»; «Вѣра и Разумъ» 1895 г. № 12; Дѣла арх. Св. Синода 1742 г. №№ 241 и 244; 1744 г. № 233.

Аѳанасьевъ, *Александръ Гавриловичъ*, граверъ на мѣди. Работалъ въ Москвѣ въ періодъ времени съ 1816 по 1856 годъ; въ 1827 году былъ избранъ въ соревнователи Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Изъ работъ его слѣдуетъ отмѣтить портреты: члена Государственнаго Совѣта и командующаго въ Москвѣ, генер.-отъ-кавал. А. П. Тормасова († 1819), съ посвященіемъ ему отъ гравера; А. А. Писарева въ бытность его попечителемъ Московскаго университета (около 1823); М. В. Сипягиной, вмѣстѣ съ изображеніемъ памятника ей въ г. Елизаветинѣ (1824); около 200 модныхъ картинокъ и болѣе 30 разныхъ видовъ и снимковъ съ произведеній иностранныхъ художниковъ для журнала „Московскій Телеграфъ“ (въ 1825 — 1828 и 1830 — 1834 гг.); 24 картины въ малый листъ для „Святцевъ“, продававшихся въ московской синодальной лавкѣ въ 1830 — 1840 гг.; не мало портретовъ и видовъ для различныхъ изданій, напр., для „Трудовъ и лѣтописей Общества исторіи и древностей росс.“ (1830), „Миръ съ Турціей“ (1830), „Ратникъ на московскихъ развалинахъ“ (1842), „Очерки жизни кн. Д. В. Голицына“ (1845); для „Житій святыхъ“, въ томъ числѣ: Димитрія Ростовскаго и Митрофанія (1830), Тихона Воронежскаго (1836), іером. Серафима (1841) и др.; для „Описаній монастырей и пустынь“, какъ-то: св. Николая, что на Пѣшношѣ (1837), Козельской Введенской (1847), Саровской (1853) и проч. Въ Москвѣ Аѳанасьевъ содержалъ металлографію, гдѣ печатались, между прочимъ, гравированныя имъ изображенія „66-ти россійскихъ государей отъ Рюрика до Николая I“ (1847) и др. листы.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ» т. I, стр. 262—263. *Н. С.*

Аѳанасьевъ, *Александръ Николаевичъ*, извѣстный изслѣдователь русской народной поэзіи и миѳологіи, род. 11-го іюля 1826 г., въ гор. Богучарѣ, Воронежской губ., ум. 23-го сентября 1871 г. Сынъ уѣзднаго стряпчаго, онъ провелъ большую часть дѣтскихъ лѣтъ въ гор. Бобровѣ, куда семейство Аѳанасьевыхъ переселилось черезъ три года послѣ рожденія сына. Въ 1837 году Аѳанасьевъ поступилъ въ первый классъ Воронежской гимназіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1844 г. и любопытную характеристику преподаванія въ которой сдѣлалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, появившихся послѣ его смерти въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г. Въ гимназіи Аѳанасьевъ обнаружилъ литературныя способности, начавъ писать стихи, которые, впрочемъ, не были его призваніемъ. Поступивъ въ 1844 г. на юридическій факультетъ Московскаго университета, онъ слушалъ, какъ и всѣ тогдашніе студенты-юристы, лекціи словесности и всеобщей исторіи вмѣстѣ со студентами 1-го отдѣленія философскаго факультета, и былъ, такимъ образомъ, ученикомъ Шевырева и Грановскаго. Еще будучи студентомъ, Аѳанасьевъ началъ сотрудничать въ журналахъ, помѣстивъ въ „Современникѣ“ 1847 г. (№№ 6 и 7) большую статью о „Государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ Великомъ“ а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г. (№№ 6 и 7) свою монографію „О вотчинахъ и помѣстьяхъ“. Окончивъ въ 1848 г. курсъ со степенью кандидата, Аѳанасьевъ въ концѣ слѣдующаго года поступилъ на службу въ московскій главный архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ въ 1855 г. былъ уже начальникомъ отдѣленія, а вскорѣ затѣмъ и правителемъ дѣлъ состоящей при этомъ учрежденіи коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Служба Аѳанасьева въ архивѣ продолжалась до 1862 г.; этотъ періодъ времени (1849—1862 гг.) былъ самымъ плодотворнымъ въ его учено-литературной дѣятельности. Въ это время онъ началъ печатать свои миѳологическія изслѣдованія, которыя завершились въ концѣ шестидесятыхъ годовъ капитальнымъ трудомъ „Поэтическія воззрѣнія славянъ на

природу“; въ это время онъ предпринялъ изданіе и изслѣдованіе русскихъ народныхъ сказокъ и легендъ; изучалъ русскую литературу XVIII вѣка и особенно тогдашніе сатирическіе журналы; издавалъ въ 1858—1859 гг. прекрасный журналъ „Библіографическія записки“, гдѣ помѣстилъ рядъ своихъ статей („Адская газета“, „О царѣ Горохѣ“, „Литературная полемика прошлаго столѣтія“, „Сатиры Кантемира“ и др.) и много ученыхъ матеріаловъ для исторіи русской литературы; занимался библіографическими работами, составивъ два указателя — къ „Отечественнымъ Запискамъ“ Свиньина и „Сѣверному Архиву“ (по русской географіи, статистикѣ и русскому праву); помѣстилъ преимущественно въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“, а также „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ множество рецензій на труды по русской исторіи и отчасти исторіи литературы (Подробный перечень трудовъ Аѳанасьева помѣщенъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г., кн. 11, стр. 1948—1955, съ примѣчаніемъ, что онъ найденъ въ бумагахъ Аѳанасьева, составленъ самимъ авторомъ и имѣлъ надпись: „Мои статьи“; кромѣ того перечень работъ Аѳанасьева имѣется въ его біографіи, составленной проф. А. Кирпичниковымъ и помѣщенной въ „Словарѣ“ Венгерова). Свои статьи по славянской миѳологіи Аѳанасьевъ началъ въ 1850 году, въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“, издававшемся Калачевымъ; здѣсь были помѣщены: „Дѣдушка домовой“, „О значеніи рода и рожаницъ“, „Миѳическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металла, оружія и желчи“; затѣмъ, въ „Современникѣ“ (1851 в., № 4) появилось: „Колдовство на Руси встарину“; въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1851 г., № 6, 1852 г., №№ 1—3)—„Религіозно-языческое значеніе избы славянина“ и „Зооморфическія божества у славянъ“; въ альманахѣ „Комета“ 1851 г. — „Вѣдунъ и вѣдьма“; во „Временникѣ Общества исторіи и древностей“ (1851 г., № 9)—„Языческія преданія объ островѣ Буянѣ“; въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи наукъ“ (1853 г.)—„Нѣсколько словъ о соотношеніи языка съ народными повѣрьями“. Изслѣдованіе о сатирическихъ журналахъ 1769—1774 годовъ, до сихъ поръ не утратившее своего историко-литературнаго значенія, сначала было напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1855 г., №№ 3, 4 и 6), а затѣмъ вышло въ 1859 г. отдѣльнымъ изданіемъ. „Народныя русскія сказки“ появлялись выпусками, въ числѣ восьми, съ 1855 по 1863 годъ, а затѣмъ были изданы Солдатенковымъ въ 4-хъ томахъ. Аѳанасьевъ воспользовался матеріаломъ, находившимся въ этнографическомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго географическаго общества, присоединивъ къ нему сказки, собранныя В. И. Далемъ. Изданіе свое онъ снабдилъ цѣнными примѣчаніями, съ указаніемъ сходныхъ сказокъ у другихъ народовъ. Весьма цѣннымъ предисловіемъ сопровождалось также изданіе „Русскихъ народныхъ легендъ“ (1860 г.), которыя вскорѣ послѣ своего появленія, по требованію митрополита Филарета, были изъяты изъ продажи. Значительно слабѣетъ, хотя и не прекращается ученолитературная дѣятельность Аѳанасьева съ 1862 года, когда онъ, замѣшанный по недоразумѣнію въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ, долженъ былъ оставить службу въ архивѣ и распродать за безцѣнокъ свою обширную библіотеку. Только послѣ долгихъ стараній удалось ему занять, ради нѣкотораго обезпеченія семьи, совершенно неподходящее его призванію мѣсто секретаря сначала въ московской городской думѣ, а затѣмъ въ мировомъ съѣздѣ. Усиленныя служебныя занятія надломили здоровье Аѳанасьева и способствовали развитію чахотки, которая 45-ти лѣтъ свела его въ могилу. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни Аѳанасьевъ написалъ нѣсколько статей, замѣтокъ и рецензій (статьи: „Разборъ исторіи литературы Галахова“, „Разборъ „Живописца“, „М. С. Щепкинъ и его записки“, „Поэтическія преданія о свѣтилахъ небесныхъ“, „О юридическихъ обычаяхъ“, „О радугѣ“, „Сказка и миѳъ“ и др. Помѣщались онѣ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Библіотекѣ для Чтенія“, „Книжномъ Вѣстникѣ“, „Филологическихъ Запискахъ» и „Древн. археолог. общ.“. Но главное вниманіе Аѳанасьевъ сосредоточилъ на окончаніи своихъ семнадцатилѣтнихъ изысканій въ области славянскихъ древностей. Собравъ всѣ свои многочисленныя статьи по славянской миѳологіи, переработавъ и дополнивъ ихъ, Аѳанасьевъ выпустилъ въ 1856 г. первый томъ, въ 1868 г.—второй и въ 1869 г.—третій томъ

„Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу“. Этотъ трудъ былъ увѣнчанъ двумя малыми уваровскими преміями въ 500 р. (въ 1867 г.—десятое и въ 1870 г.—тринадцатое присужденіе уваровскихъ наградъ). Рецензентъ, проф. А. А. Котляревскій, справедливо замѣтилъ, что „Поэтическія воззрѣнія“—первый систематическій трудъ въ русской литературѣ по сравнительной славянской миѳологіи, для котораго Аѳанасьеву приходилось и подготовлять матеріалъ, и обработывать его при помощи новыхъ пріемовъ науки. Аѳанасьевъ сдѣлалъ крупный шагъ въ наукѣ отъ случайныхъ и отрывочныхъ изслѣдованій въ области народныхъ преданій, отъ неопредѣленныхъ сближеній ихъ и нетвердыхъ заключеній къ систематическому разсмотрѣнію всего запаса собранныхъ имъ фактовъ миѳологическаго и религіознаго быта славянъ, по сравненію этихъ фактовъ съ преданіями родственныхъ славянскихъ племенъ, съ цѣлью объясненія ихъ затеряннаго древнѣйшаго смысла и значенія. Не смотря на нѣкоторые недостатки (неточность основной мысли о происхожденіи миѳовъ, ея несогласіе со многими частями изслѣдованія, слабость самостоятельныхъ лингвистическихъ разысканій, отсутствіе объясненій историческаго значенія миѳическихъ представленій, вѣрованій и обычаевъ), „Поэтическія воззрѣнія“ являются богатымъ сборникомъ свѣдѣній о древностяхъ народнаго быта, необходимымъ для всякаго, занимающагося славянскою археологіею. Послѣднимъ трудомъ Аѳанасьева были „Русскія дѣтскія сказки“, появившіяся въ двухъ частяхъ, въ 1870 г.

«Русскій Архивъ», 1871 г., № 11 и 1872 г., № 3.—«Русская Старина», 1872 г., № 5.—«С.-Петербургскія Вѣдом.», 1871 г., №№ 276 и 298.—«Иллюстр. Газ.», 1872 г., т. 29, № 21.—«Журн. Мин. Нар. Просв.», 1871 г., № 10.—10-е и 13-е присужденія уваровскихъ наградъ. — С. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 860—870; здѣсь приведены отзывы о главнѣйшихъ трудахъ Аѳанасьева.—«Энциклопедич. словарь», Брокгауза-Ефрона, кн. 4, стр. 488.

Аѳанасьевъ, *Александръ Степановичъ*, беллетристъ и этнографъ, писавшій подъ псевдонимомъ *Чужбинскаго*, род. въ 1817 г., въ имѣніи своего отца, въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., ум. въ С.-Петербургѣ 6-го сентября 1875 года. Проживъ въ деревнѣ до 12-ти лѣтъ, Аѳанасьевъ на тринадцатомъ году поступилъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Здѣсь онъ жилъ, вмѣстѣ съ Е. П. Гребенкой, съ которымъ очень подружился, у молодого профессора Н. Ѳ. Соловьева, преподававшаго естественныя науки. Вскорѣ послѣ поступленія Аѳанасьева, гимназія была преобразована въ лицей, въ которомъ будущій писатель пробылъ шесть лѣтъ и окончилъ курсъ въ 1835 г., въ числѣ воспитанниковъ десятаго выпуска, съ правомъ на чинъ XIV класса. Почти годъ послѣ этого Аѳанасьевъ провелъ въ имѣніи отца, а затѣмъ поступилъ юнкеромъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ, увлеченный разсказами товарищей и внѣшнимъ блескомъ военнаго быта. Хотя военная служба совершенно не отвѣчала наклонностямъ Аѳанасьева, и въ 1843 г., въ чинѣ поручика, онъ вышелъ въ отставку, но она познакомила его съ тогдашними своеобразными военными нравами и обычаями, съ разными типами тогдашнихъ служакъ, а также и съ бытомъ мирныхъ обывателей тѣхъ мѣстъ, гдѣ стоялъ полкъ; это знакомство дало ему разнообразный запасъ наблюденій, изъ котораго онъ черпалъ, много лѣтъ спустя, для своихъ извѣстныхъ „Очерковъ прошлаго“. Служа въ уланахъ, Аѳанасьевъ въ 1838 г. впервые напечаталъ въ „Современникѣ“ (т. XI, отд. VIII, стр. 187—191), подъ псевдонимомъ *Чужбинскаго*, свое стихотвореніе „Кольцо“. Подъ тѣмъ же псевдонимомъ онъ продолжалъ помѣщать стихотворенія и мелкіе разсказы въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“ (1838—1839 гг.), „Галатеѣ“ (1839 — 1840 гг.), „Маякѣ“ (1840 и 1842 гг.), „Москвитянинѣ“ (1841 и 1842 гг.), въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ (1842, 1844 и 1846 гг.), въ „Сѣверной Пчелѣ“ (начиная съ 1847 г.), „Иллюстраціи“ (А. П. Башуцкаго) и другихъ изданіяхъ. Съ начала пятидесятыхъ годовъ (1851 г.) онъ началъ подписываться своей настоящей фамиліей, а впослѣдствіи соединялъ ее съ псевдонимомъ. Проведя четыре года въ отставкѣ, Аѳанасьевъ, 14-го августа 1847 года, опредѣлился на службу въ канцелярію воронежскаго губернатора и вскорѣ былъ назначенъ редакторомъ неоффиціальной части „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, а спустя годъ, сдѣлался членомъ-корреспондентомъ спе-

ціальной коммиссіи коннозаводства. Стремясь оживить газету, онъ, между прочимъ, ввелъ новый отдѣлъ „Народное чтеніе", въ которомъ писалъ по-малороссійски (на томъ же нарѣчіи Аѳанасьевъ писалъ и стихотворенія, печатавшіяся въ 1841 и 1843 гг. въ „Ластовкѣ" и „Молодикѣ", а въ 1861—1862 гг.—въ „Основѣ"); кромѣ того, редакторомъ было написано много замѣтокъ о воронежскомъ театрѣ, общественныхъ и народныхъ увеселеніяхъ Воронежа, рядъ городскихъ извѣстій и пр. На 31 № 1849 г. редактированіе Аѳанасьевымъ „Ворон. Губ. Вѣд." прекратилось: онъ снова вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературѣ, путешествуя вмѣстѣ съ тѣмъ по югу Россіи, Волгѣ, Кавказу. Въ это время (до 1856 г.) Аѳанасьевъ помѣщалъ въ разныхъ изданіяхъ корреспонденціи, провинціальныя и дорожныя замѣтки, небольшіе беллетристическіе очерки (въ „Сѣверной Пчелѣ", „Сынѣ Отечества", „Одесскомъ Вѣстн.", „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", „Газетѣ лѣсоводства и охоты" (1855 г.)—„Очерки охоты въ Малороссіи", „Вѣстникѣ Императорскаго Русск. Геогр. Общ." (1855 г.)—„Бытъ малорусскаго крестьянина" и др.). Отлично владѣя польскимъ языкомъ, Аѳанасьевъ предпринялъ изданіе переводовъ беллетристическихъ произведеній польскихъ писателей, подъ названіемъ „Галлереи польскихъ писателей", которая вышла въ 1851—1852 гг., въ Кіевѣ, въ пяти частяхъ и заключала нѣсколько повѣстей Корженевскаго и Крашевскаго. Затѣмъ онъ работалъ надъ словаремъ малороссійскаго нарѣчія, но, къ сожалѣнію, не окончилъ его, доведя только до буквы „З" (напечатанъ въ „Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ", 1855 г., приб. къ т. IV, стр. 1—176 и затѣмъ изданъ отдѣльно). Объ этомъ словарѣ академикъ И. И. Срезневскій говорилъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, до появленія трудовъ болѣе совершенныхъ, драгоцѣннѣйшее достояніе русской филологической литературы и достоинъ занять мѣсто рядомъ съ сербскимъ словаремъ Караджича. Въ 1851—1855 годахъ Аѳанасьевъ выпустилъ въ свѣтъ три части разсказовъ въ стихахъ и прозѣ „Русскій солдатъ", а въ 1855 г.—небольшую книжечку малороссійскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Що було на серці", встрѣченныхъ критикой весьма сочувственно („Москвитянинъ", 1855 г., № 4). Благодаря задушевности и теплотѣ чувства, стихотворенія Аѳанасьева сдѣлались любимыми въ нѣкоторыхъ кружкахъ украинскаго общества. Особенно популярно положеное на музыку „Скажи мини правду, мій добрый казаче". Любопытно, что нѣкоторыя стихотворенія Аѳанасьева приписывались Т. Г. Шевченко и считались юношескими опытами послѣдняго (Н. И. Петровъ, „Очерки украинской литературы XIX столѣтія", стр. 169). Къ 1855 году относится также появленіе „Краткой русской исторіи для простолюдиновъ", составленной „Дядей Аѳанасіемъ". Извѣстность Аѳанасьева значительно возросла, когда въ 1856 г., по почину Великаго Князя Константина Николаевича, онъ былъ посланъ, въ числѣ другихъ литераторовъ, на казенный счетъ, для изученія и описанія нравовъ, обычаевъ и занятій приморскихъ и прирѣчныхъ жителей въ Россіи. Прежде всего были выбраны: А. А. Потѣхинъ, А. Ѳ. Писемскій, М. Л. Михайловъ, затѣмъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій, С. В. Максимовъ, Г. П. Данилевскій, послѣ всѣхъ А. Н. Островскій и др. Аѳанасьевъ предложилъ изслѣдованіе быта прибрежныхъ жителей Днѣпра и Днѣстра и добросовѣстнѣе многихъ участниковъ „литературной экспедиціи" исполнилъ свою задачу, приславъ ранѣе другихъ въ „Морской Сборникъ" первыя двѣ статьи: „Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина", которыя и были помѣщены въ 1856 г., №№ 10 и 12. За первыми двумя послѣдовалъ рядъ другихъ статей Аѳанасьева въ томъ же журналѣ („Поѣздка на Днѣпровскіе пороги и на Запорожье", „Поѣздка по низовьямъ Днѣпра", „Поѣздка по Днѣстру"), изъ которыхъ составилась большая книга въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Поѣздка въ Южную Россію". выдержавшая въ короткое время два изданія (первое—въ 1861, второе — въ 1863 г.). Воспользовавшись разрѣшеніемъ Морского Министерства печатать свои изслѣдованія и въ частныхъ изданіяхъ, Аѳанасьевъ помѣстилъ любопытныя „Дорожныя записки" въ „Русскомъ Словѣ" 1860 г. (№№ 1, 4 и 8) и цѣлый рядъ „Писемъ къ редактору" въ „Указателѣ политико-экономическомъ" 1859—1861 годовъ, въ которыхъ касался разнообразныхъ вопросовъ. Съ появленіемъ, послѣ „Поѣздки въ Южную Россію", въ раз-

ныхъ повременныхъ изданіяхъ („Время“, 1861—1862 г., „Военный Сборникъ“, 1862 и „Вѣкъ“, 1862 г.), талантливыхъ „Очерковъ прошлаго“ — „Ремонтеры прежняго времени“, „Моншеры“, „Самодуры“, „Прапорщикъ Сафьянчиковъ“, „Стоянка въ Дымогарѣ“, „Бурбонъ“—окончательно упрочилась литературная репутація Аѳанасьева. Общее вниманіе читателей обратили на себя также и деревенскія сцены „Бабушка“, напечатанныя въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1861 г. Эти сцены, по простотѣ, безъискусственности и драматичности разсказа, одно изъ наиболѣе удачныхъ произведеній Аѳанасьева. Беллетристическая дѣятельность автора „Бабушки“ въ шестидесятыхъ годахъ была не особенно плодовита, такъ какъ онъ, ради насущнаго хлѣба, принужденъ былъ отдавать почти все время журнальному поденному труду. Въ 1864 году Аѳанасьевъ задумалъ основать въ Петербургѣ дешевую газету, которая преслѣдовала бы мѣстные городскіе интересы. Получивъ разрѣшеніе, онъ 15-го марта выпустилъ первый № „Петербургскаго Листка“, который выходилъ сначала четыре раза въ недѣлю. Въ немъ самъ редакторъ писалъ иногда подъ псевдонимомъ „А. Недолина“. Однако, на 145 № Аѳанасьевъ принужденъ былъ оставить свое дѣтище, изъ-за недоразумѣній съ однимъ изъ главныхъ издателей, А. Зарубнымъ. Послѣ этой неудачи, Аѳанасьевъ редактировалъ издававшійся М. Вольфомъ „Заграничный Вѣстникъ“ (съ 1864 г. по мартъ 1867 г.); велъ подъ псевдонимомъ „А. Лубенецъ“ отдѣлъ „Журналистики“ въ газетѣ „Недѣля“ (1866—1867 гг.) и здѣсь же помѣстилъ разсказъ „Забытая исторія“ (1866 г., №№ 1, 2 и 8); нѣкоторое время былъ редакторомъ моднаго, съ литературнымъ отдѣломъ, журнала „Новый Русскій Базаръ“ (1867 г.), гдѣ, между прочимъ, писалъ фельетонъ, подъ псевдонимомъ „А. Чайный“. Въ началѣ 70-хъ годовъ Аѳанасьевъ возобновилъ прерванные „Очерки прошлаго“ и помѣстилъ во „Всемірномъ Трудѣ“ два очерка: „Фаня“ (1870 г., №№ 9—12) и „Дуэлисты“ (1871 г., №№ 1—4), а въ „Зарѣ“—„Городъ Смуровъ“ (1871 г. №№ 6 и 7). Въ томъ же году и въ томъ же журналѣ появились двѣ первыя части романа Аѳанасьева „Петербургскіе игроки“ а въ 1872 г.—и двѣ послѣднія. Вскорѣ романъ этотъ появился отдѣльнымъ изданіемъ и быстро разошелся. Въ 1873 году Аѳанасьевъ основалъ журналъ переводовъ беллетристическихъ произведеній—„Магазинъ Иностранной Литературы“, не имѣвшій успѣха и переданный въ другія руки; въ 1873 г. Аѳанасьевъ былъ также отвѣтственнымъ редакторомъ „Искры“, а въ 1875 г.—ежедневной газеты „Новости“ (съ № 59 по 171). Въ 1870—1874 годахъ подъ редакціею Аѳанасьева были изданы Вольфомъ слѣдующіе переводы: „Исторія Наполеона I“, въ четырехъ томахъ, Ланфре, историческій романъ графа А. Ржевусскаго „Листопадъ“ и романъ Поньера „Пушечное мясо“; въ 1865 г. Аѳанасьевъ обработалъ для юношества, по французскому переводу Галланда, арабскія сказки „Тысяча и одна ночь“. „Собраніе сочиненій“ Аѳанасьева издано подъ редакціею П. В. Быкова, въ девяти томахъ, въ 1890—1892 годахъ, книгоиздательствомъ Германа Гоппе. Редактору изданія принадлежатъ приложенные къ первому тому: біографическій очеркъ и подробная библіографія сочиненій Аѳанасьева.

П. В. Быковъ, Біографія А. С. Аѳанасьева, приложенная къ первому тому Собранія его сочиненій.—«Лицей князя Безбородко» (біографія Аѳанасьева, написанная В. Толбинымъ).—Н. В. Гербель, «Поэзія славянъ», стр. 193—194.—С. Венгеровъ, «Критико-біографич. словарь», т. I, стр. 870—874.—Юбилейный нумеръ «Петербургскаго Листка», 15-го марта 1889 г.—«Голосъ», 1875 г., № 248.—«Кроншт. Вѣстн.», № 105.—«Недѣля», № 37.—«Новости», № 246.—«Петерб. Листокъ», № 153.—Н. И. Петровъ, «Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія», Кіевъ, 1884 г., стр. 165—169.

Аѳанасьевъ, *Аѳанасій Аѳанасьевичъ*, граверъ на мѣди, род. 16-го февраля 1758 г., ум. около 1800 года. Принятый 27-го апрѣля 1764 г. въ училище при Академіи Художествъ, онъ учился гравированію сначала у Энрикеза, а затѣмъ подъ руководствомъ С. Ѳ. Иванова. Первой работой Аѳанасьева былъ эстампъ съ картины Грёза „Дѣвочка съ куклой“ (1774 г.). Получивъ же 28-го сентября 1775 г. серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, онъ гравировалъ затѣмъ съ рѣдчайшей гравюры Л. Тарасевича 1685 г. портретъ царевны Софьи Алексѣевны въ царскомъ одѣяніи и вѣнцѣ со скипетромъ и державой въ рукахъ (1777 г.). Въ видѣ програмы на золотую медаль Аѳанасьевъ награвировалъ съ пастели Грёза „Женщину“ и съ картины — „Сидящаго старика»(1778). Выпущенный изъ Академіи

въ 1779 г., Аѳанасьевъ одно время служилъ копіистомъ въ III-ей сенатской экспедиціи для свидѣтельства счетовъ (1783—1784 гг.) и придворнымъ лакеемъ (1786—1791 гг.).

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 267—268.

Аѳанасьевъ, *Аѳанасій*, граверъ на мѣди, 1809—26 гг., въ Москвѣ. Онъ принадлежалъ къ школѣ „крѣпостныхъ граверовъ" извѣстнаго московскаго типографа и собирателя П. П. Бекетова, гравировавшихъ пунктиромъ подъ руководствомъ П. Розанова, Н. И. Соколова и ученика послѣдняго—А. П. Осипова, доски для предпринятаго ихъ хозяиномъ изданія портретовъ (числомъ болѣе 300) „знаменитыхъ россіянъ", вышедшаго въ 3-хъ разныхъ собраніяхъ (въ 1821—24 и 1844 гг.). Но, кромѣ того, имъ исполнены были портреты и для другихъ изданій, какъ напр.: для жизни учредителя старообрядческаго Преображенскаго богадѣльнаго дома въ Москвѣ И. А. Ковылина († 1809), „Дѣяній полководцевъ и министровъ Петра В.", Бантыша-Каменскаго (1812), „Россійской исторіи" Д. Похорскаго (1819), „Русскихъ сказаній" А. Семена (1820), „Біограф. черты изъ жизни преосвящ. Августина Виноградскаго", Снегирева (1824), митроп. Серафима, Имп. Александра I и Елизаветы Алексѣевны (въ нѣсколькихъ видахъ), Маріи Ѳеодоровны, Николая I, Петра I, (1814—29).

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», I, 268—271. *Н. С.*

Аѳанасьевъ, *Василій*, иконописецъ кормовой XVII в. при московской оружейной палатѣ. Онъ посылался, вмѣстѣ съ другими кормовыми, жалованными и напрудными иконописцами и учеными для стѣннаго письма: въ 1668 г.—въ Саввинъ монастырь и въ 1669 г—въ с. Коломенское; позднѣе же участвовалъ въ поволочномъ дѣлѣ и иныхъ работахъ въ государевыхъ и царицыныхъ хоромахъ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ» I, 272. *Н. С.*

Аѳанасьевъ, *Константинъ Семеновичъ*, архитекторъ, род. въ 1821 г., ум. въ С.-Петербургѣ 5-го февраля 1871 г. Будучи вольнослушающимъ ученикомъ Академіи художествъ, онъ получилъ вторую и первую серебряныя медали (1841—1842 гг.) и вторую золотую за „Проектъ зданія минеральныхъ водъ" (1843 г.). Одновременно Аѳанасьевъ обучался въ Строительномъ училищѣ вѣдомства путей сообщенія, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1843 г. со званіемъ архитекторскаго помощника и съ назначеніемъ въ полтавскую строительную и дорожную коммисію. Прослуживъ въ Полтавѣ 6 лѣтъ и исполнивъ цѣлый рядъ работъ по перестройкѣ мѣстныхъ казенныхъ зданій, а также составивъ нѣсколько проектовъ новыхъ сооруженій, Аѳанасьевъ перешелъ на службу въ Петербургъ архитекторомъ 2-го кадетскаго корпуса (1850 г.); съ этою должностью онъ съ 1854 г. совмѣщалъ службу по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи въ качествѣ архитектора больницъ и богадѣленъ. За разные проекты и постройки Аѳанасьевъ былъ удостоенъ, 14-го марта 1857 г., званія академика. Занявъ, въ 1860 г., мѣсто архитектора при Министерствѣ Юстиціи, онъ до 1862 г. продолжалъ исполнять и прежнія обязанности. произведя цѣлый рядъ работъ по перестройкѣ различныхъ зданій. Въ 1863 г. Аѳанасьевъ былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію за границу съ порученіемъ осмотрѣть зданія судебныхъ мѣстъ въ европейскихъ государствахъ. Побывавъ въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Франціи и Англіи, онъ представилъ подробный отчетъ въ трехъ частяхъ, съ приложеніемъ болѣе 200 рисунковъ и соображеній по устройству зданій и размѣщенію въ нихъ новыхъ судебныхъ установленій въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ 1864 г. Аѳанасьевъ былъ признанъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Академіи художествъ. Занимаясь различными передѣлками въ Сенатскомъ и другихъ зданіяхъ Министерства Юстиціи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ нормальные проекты вообще для устройства новыхъ судебныхъ мѣстъ въ Россіи, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 20-го ноября 1864 г. судебныхъ уставовъ. Будучи членомъ общаго присутствія хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ, Аѳанасьевъ занимался какъ исправленіями и передѣлками во всѣхъ принадлежащихъ Синоду зданіяхъ, такъ и составленіемъ проектовъ для постройки новыхъ, одобренныхъ ревизіею разныхъ строительныхъ работъ и разсмотрѣніемъ проектовъ и смѣтъ на вновь предполагавшіяся постройки въ

епархіяхъ. Кромѣ обязанностей по Св. Синоду, Аѳанасьевъ 1867—1869 гг. исполнялъ еще обязанности по званію члена техническо-строительнаго комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 275—278.

Аѳанасьевъ, *Константинъ Яковлевичъ*, граверъ на мѣди, род. 31-го мая 1793 г., ум. 3-го октября 1857 г. Рано потерявъ отца, минцъ-мейстера при С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ, онъ былъ отданъ матерью, 1-го марта 1801 г., на воспитаніе въ Академію Художествъ. Обучался Аѳанасьевъ сначала у Клаубера, а затѣмъ у Н. И. Уткина. За рисунки съ натуры онъ получилъ вторую и первую серебряныя медали (1810 и 1814), а въ 1815 г. окончилъ курсъ съ аттестатомъ 1-й степени и былъ оставленъ при Академіи, причемъ въ 1818 г., подъ руководствомъ Уткина, выполнилъ гравюры: „Св. Іеронимъ“ (съ карт. Егорова), за что получилъ званіе художника, и „Смерть Юнга Штиллинга“ (съ эстампа Кригера). Семь лѣтъ послѣ этого Аѳанасьевъ прожилъ въ Павловскѣ (С.-Петербургской губ.), гдѣ, въ альбомъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, нарисовалъ акварелью много видовъ этого города. Весьма трудолюбивый и талантливый граверъ, Аѳанасьевъ почти за сорокъ лѣтъ своей художественной дѣятельности исполнилъ 448 досокъ, занимался литографіей и первый въ Россіи началъ гравировать на стали. Гравюръ Аѳанасьева встрѣчается не мало въ изданіяхъ Плавильщикова, Свиньина („Отеч. Зап.“), Оленина, Смирдина, В. И. Григоровича (скульптурныя произведенія Мартоса), Фишера („Памятникъ искусствъ“), Сапожникова и Прянишникова („Ветхій Завѣтъ“), Археологической коммиссіи („Древности Босфора Киммерійскаго“), Академіи наукъ (портреты для „Мѣсяцеслововъ“), въ „Сынѣ Отечества“ (модныя картинки). 30-го сентября 1838 г. Аѳанасьевъ получилъ званіе академика за „Видъ сооружаемаго въ Симбирскѣ памятника Н. М. Карамзину“. Въ числѣ лучшихъ работъ Аѳанасьева слѣдуетъ упомянуть портреты Кёлера и Уткина и виньетки для Главнаго Штаба.

Подробный перечень всѣхъ работъ Аѳанасьева въ хронологическомъ порядкѣ въ «Словарѣ русскихъ художниковъ» Н. П. Собко, т. I, стр. 279—285, и Д. Шлунъ, рукопись, т. VII, стр. 394.

Аѳанасьевъ, *Ларка*, московскій сканщикъ XVII вѣка, иноземецъ Свейской земли, взятый въ плѣнъ подъ Ригою въ 1654 г. Въ августѣ 1662 г. онъ былъ отданъ въ ученики къ сканщику Василію Иванову, въ 1664 году былъ мастеромъ 2-й статьи, а въ 1678 г. — сканщикомъ 1-й степени. Свѣдѣнія о работахъ Ларки Аѳанасьева имѣются до 1686 г. Въ девятилѣтіе (1678—1686 гг.) онъ, вмѣстѣ съ другими мастерами Серебряной палаты, дѣлалъ: серебряные рукомойники для царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей, сканные вѣнцы и чеканныя ризы съ финифтью на Спасовъ образъ для Государя, сканные оклады для разныхъ иконъ.

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. I, стр. 286.

Аѳанасьевъ, *Пафнутій Алексѣевичъ*. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, получилъ въ 1814 г. степень магистра физико-математическихъ наукъ, а въ 1815—1816 академическомъ году преподавалъ въ томъ же университетѣ алгебру, геометрію и тригонометрію. Свѣдѣнія объ Аѳанасьевѣ прекращаются въ 1821 году, что можно видѣть изъ перечня его сочиненій, появлявшихся въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: 1814 г.—„Ариѳметика, или начальныя основанія науки исчисленія, для начинающихъ“ (Москва), 1816—„Алгебра, по руководству Франкера, Лакруа и другихъ новѣйшихъ математиковъ“ (Москва, въ двухъ частяхъ), 1818—„Таблицы логариѳмовъ простыхъ чиселъ и тригонометрическихъ линій“ (С.-Петербургъ) и 1821—«Хронологическое обозрѣніе Россійской исторіи“ (Москва). Скончался Аѳанасьевъ въ молодыхъ годахъ.

«Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Моск. университета», ч. I, стр. 49—50. — «Роспись» Смирдина. — С. В. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь». т. I, стр. 878.

Аѳанасьевъ, *Петръ*, иконописецъ нижегородскій, XVII в. Вызванный въ Москву, онъ былъ, вмѣстѣ со многими другими мастерами, у „стѣннаго письма“ въ церкви Нерукотвореннаго Спаса, что на Верху (1666), по возвращеніи же на родину, въ качествѣ живописца 2-й статьи, помогалъ двумъ Марковымъ въ теченіе 6 недѣль писать, по государеву повелѣнію, мѣстные образа для патріарха антіохійскаго Макарія (1668).

Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», I, 288. *Н. С.*

Аѳинскій, *Платонъ Ивановичъ*, протоіерей московской Іаннуаріевской въ Запасномъ дворцѣ церкви, род. 26-го октября 1816 г., ум. 28-го января 1874 г. Сынъ діакона изъ гор. Дмитрова, Аѳинскій обучался сперва въ Дмитровскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ окончилъ курсъ со званіемъ студента (1838 г.) въ Виѳанской семинаріи и выдержалъ экзаменъ въ Московскую духовную академію. Въ силу обстоятельствъ онъ долженъ былъ отказаться отъ продолженія академическаго курса и заняться преподаваніемъ греческой, русской и славянской грамматики, ариѳметики и нотнаго пѣнія сначала въ Звенигородскомъ, а затѣмъ, въ Дмитровскомъ духовныхъ училищахъ. 20-го сентября 1843 г. Аѳинскій опредѣленъ священникомъ къ Іаннуаріевской, при Запасномъ дворцѣ, церкви и въ первые же годы священства получилъ мѣсто законоучителя въ нѣсколькихъ низшихъ училищахъ. Въ 1857 г. появилась составленная Аѳинскимъ „Книга для духовно-православнаго чтенія въ начальныхъ училищахъ“, которая въ 1897 г. вышла 35-мъ изданіемъ, съ измѣненіями и дополненіями. Въ 14-мъ изданіи были сдѣланы дополненія для духовныхъ и уѣздныхъ училищъ. Въ 1860 г., появилось того же составителя „Краткое понятіе о храмѣ, священныхъ вещахъ и лицахъ. съ изображеніемъ храма и утвари церковной“ (въ 1876 г. — 4-е изд.). Изложеніе всѣхъ составленныхъ Аѳинскимъ книжекъ отличается безъискусственною простотою. Въ 1866 г. вышла въ свѣтъ составленная Аѳинскимъ „Азбука для православнаго русскаго народа въ 14 урокахъ, съ приложеніемъ церковной азбуки и титла, съ объясненіемъ Символа Вѣры и 10 заповѣдей“, (въ 1886 г. — исправленное изданіе, въ 15 урокахъ).

«Московскія Епарх. Вѣд.» 1874 г., № 19 (гдѣ помѣщено и слово, сказанное при погребеніи Аѳинскаго).—Карточный каталогъ Русскаго отдѣленія Имп. Публич. Библіотеки.—У Венгерова и въ «Словарѣ» (т. I, стр. 878), и въ «Русскихъ книгахъ» (вып. X, стр. 458) невѣрно указанъ годъ смерти Аѳинскаго.

Баахан-тайша, калмыцкій владѣтель, въ концѣ XVII в. со своимъ улусомъ пришелъ изъ земли зюнгарскихъ калмыковъ въ улусы извѣстнаго хана Аюки. Здѣсь онъ терпѣлъ притѣсненія, изъ-за которыхъ въ 1699 г. испросилъ у царя Петра I, находившагося тогда въ Таганрогской крѣпости, позволеніе перенести кочевья свои на Донъ, къ городу Черкаску и отправлять службу наравнѣ съ донскими казаками. Три раза тайши хана Аюки забирали его улусъ силою, или подговаривали къ уходу. Лишь въ 1733 г. *Будучанъ*, младшій сынъ Баахана, привелъ улусъ окончательно на Донъ, гдѣ эти зюнгарскіе калмыки окончательно и остались. Въ царствованіе имп. Александра I потомки Баахана, Джальцамъ и Габунъ-Шерешъ, находились въ составѣ Дербетовой орды.

А. К. Ку—.., «Историческія свѣдѣнія о калмыкахъ, кочующихъ на землѣ войска Донскаго» («Сѣверный Архивъ» 1824. № 6).—«Энциклопедическій лексиконъ» Плюшара, т. IV (1385), стр. 3–4.

Баба-Друцкой, (*Дрютскій-Баба*), *князь Иванъ Семеновичъ*, рюриковичъ въ XVIII колѣнѣ, родоначальникъ князей Бабичевыхъ, старшій изъ четырехъ сыновей Семена Дмитріевича, князя Друцкаго, потомка Мономахова. Названъ лѣтописью, какъ подручникъ литовскій, по слѣдующему поводу: посланный Витовтомъ, великимъ княземъ литовскимъ, онъ приходилъ на помощь къ Одоеву, тѣснимому Куйдадатомъ или Кундакомъ, царькомъ ордынскимъ, и участвовалъ въ пораженіи Куйдадата, въ 1423 г. Послѣ смерти Витовта, Баба въ смутахъ принялъ сторону Свидригайла, послѣ его пораженія въ 1434 г. бѣжалъ къ ливонскимъ рыцарямъ, а отсюда, находясь „въ безвременьи", обратился во Псковъ, куда и явился изъ Риги въ 1435 г. Затѣмъ, весною 1436 г., онъ съ полкомъ литовскихъ копейщиковъ пришелъ въ Москву на службу къ великому князю Василію Васильевичу, который въ то время боролся за московскій престолъ съ кн. Василіемъ Косымъ. Князь Баба принялъ участіе въ битвѣ у с. Скорятина, способствовалъ окончательной побѣдѣ вел. князя и вмѣстѣ съ Борисомъ Таболинымъ взялъ въ плѣнъ кн. Василія Косого. Дальнѣйшая судьба кн. Бабы неизвѣстна. Какъ видно изъ родословныхъ, сыновья его: Өедоръ, Константинъ, Василій и Семенъ, остались въ Россіи, надѣлены помѣстьями и писались князьями Бабичами, а потомки ихъ Бабичевыми.

М. Д. Хмыровъ, «Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ» (Спб. 1871, № 877).—«Encyclop. powszechna» II (1860), стр. 632.—«Полн. Собр. Рус. Лѣт.» (по указателю).

Бабарыкины см. **Боборыкины**.

Бабиковъ, *Константинъ Ивановичъ*, род. въ 1841 г., ум. въ августѣ 1873 г., писатель-беллетристъ 60-хъ годовъ, жилъ въ Москвѣ, гдѣ умеръ въ крайней бѣдности отъ чахотки. Оригинальныя произведенія Бабикова напоминаютъ Левитова. Первое изъ нихъ, повѣсть „Дѣтскіе годы въ деревнѣ", помѣщена была въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (1861, № 5) и возбудила большія надежды; изъ послѣдующихъ сочиненій Бабикова лучшее—романъ „Глухая улица" („Эпоха" 1864 г., № 10—12 и отдѣльно Москва 1869), вѣрная картина московскихъ захолустныхъ угловъ. Всѣ позднѣйшіе разсказы, очерки и сцены Бабикова представляютъ повтореніе тѣхъ же мотивовъ, что и въ первыхъ его произведеніяхъ; напечатанное имъ въ „Будильникѣ", „Развлеченіи", „Бесѣдѣ" и т. д. было собрано въ одну книгу подъ заглавіемъ: „Тишь да гладь" (М. 1872). Книга „Продажныя женщины" (М. 1870), составленная имъ по Паранъ-дю-Шателе и др., относится къ области спекуляціи на счетъ дурныхъ вкусовъ полуобразованной публики.

«Иллюстрированная Недѣля» 1873, № 35.—«Критико-біографическій словарь» Венгерова.—«Энциклопедическій Словарь» Брокгауза-Ефрона.—С. Венгеровъ, «Русскія книги», вып. XI.

Бабиновъ, *Артемій* (*Ортюшко*) *Софоновъ*, соликамскій посадскій человѣкъ. Въ 1597 году провѣдалъ сухой путь отъ Соликамска на рѣку Туру, въ замѣну прежняго

воднаго черезъ Вишеру, Лозву, Тавду, Тоболъ и Туру. Новый путь (Бабиновская дорога) по указу царя Θедора Ивановича былъ прочищенъ, подъ руководствомъ Бабинова и подъ присмотромъ присланнаго изъ Верхотурья боярскаго сына, пермскими посошными людьми; какъ видно изъ атласа Ремезова, этотъ путь велъ черезъ верховья Яйвы къ рѣкѣ Косвѣ, потомъ къ Павдинскому камню, пересѣкалъ Лялю и доходилъ до устья рѣчки Калачика; длина пути равнялась 250 верстамъ (считая каждую въ 1000 саженъ). По указу царя Θедора Ивановича, Бабинову дана была жалованная грамота, что съ его недвижимаго имущества у Соликамска не будетъ браться оброковъ; кромѣ того, ему велѣно было жить „на Ейвѣ рѣкѣ на льготѣ" и здѣсь „слободу устроить". Бабиновъ, дѣйствительно, построилъ здѣсь нѣсколько дворовъ и въ 1616 г. даже воздвигъ церковь Введенія Пресв. Богородицы. Грамоты царя Бориса и царя Василія прибавили Бабинову еще большія владѣнія на 20 верстъ вверхъ и на 15 верстъ внизъ по Ейвѣ отъ сибирской дороги. Всѣ эти дачи были подтверждены грамотою царя Михаила Θеодоровича отъ 6 января 7125 (1617) г. Исторіографъ Миллеръ приписываетъ Бабинову постройку въ 1619 году Невьянской слободы; это, однако, несправедливо. Въ этомъ году Бабиновъ лишь просилъ о пожалованіи ему земли ниже устья рѣки Рѣжъ и по рѣкѣ Ницѣ, что и было сдѣлано по его просьбѣ; но въ 1620 г., по жалобамъ инородцевъ на захватъ, пришлось вновь разсмотрѣть это пожалованіе, и Бабиновъ, вѣроятно, былъ лишенъ его, такъ какъ по дозорной книгѣ здѣсь деревни Бабинова не упоминается. Во времена Миллера потомки Бабинова жили „въ деревнѣ Чикманѣ между верхотурскими горами при большой дорогѣ".

Г. Ф. Миллеръ, «Описаніе сибирскаго царства» (Спб., 1750, стр. 330—333, гдѣ въ прим. перепечатаны и двѣ царскія грамоты: отъ 22-го апрѣля 7107 г. и отъ 6-го января 7125 г.). П. Буцинскій, «Заселеніе Сибири» (Харьковъ, 1889, стр. 16—17, 37—38). — Берхъ, «Путеш. въ городъ Чердынь и Соликамскъ» (Спб. 1821, стр. 206—207). — «Древн. Росс. Вивл.» (III, М., 1788, стр. 115).

Бабинъ, *Василій*, крестьянинъ села Горношитскаго, потомокъ усердныхъ рудоискателей при Петрѣ I, указавшихъ съ 1702—1720 гг. мѣдные рудники: Гутешевскій, Полевскій, Шиловскій и Половинный. Бабинъ, съ молодости имѣвшій страсть къ отысканію руды, въ 1803 г. нашелъ на правой сторонѣ рѣки Чусовой золотой рудникъ, названный въ честь его Бабинскимъ. Императоръ Александръ I наградилъ его пенсіономъ по 50 рублей въ годъ.

«Горный Журналъ» 1878 г., т. III, стр. 290.

Бабинъ, *Иванъ Александровичъ*, извѣстный скотоводъ, помѣщикъ Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда, умеръ 18-го ноября 1869 г. Въ 1867 г. Рязанское общество сельскаго хозяйства избрало его своимъ вторымъ вице-президентомъ и поручило ему покупку и привозъ изъ-за границы альгаузскаго расоваго стада, что и послужило основаніемъ къ правильному улучшенію рязанскаго скотоводства. Человѣкъ энергичный, онъ всю жизнь свою посвятилъ любимому имъ дѣлу; образцовое стадо Бабина было извѣстно во всей Россіи. Ежегодно, 1-го сентября, онъ устраивалъ въ своемъ имѣніи, Бабинкѣ, съѣзды скотоводовъ и выставки телятъ. Съѣзды эти подали Бабину мысль организовать особое общество, впослѣдствіи Высочайше утвержденное, подъ названіемъ „Данковское общество любителей скотоводства". Труды Бабина удостоены множествомъ медалей за животныхъ выведенной имъ породы, а 15-го октября 1869 г., на первой всероссійской выставкѣ рогатаго скота, Бабинъ получилъ высшую награду — золотую медаль за раціональную и успѣшную дѣятельность по улучшенію крупнаго скота. Имъ было написано нѣсколько статей и брошюръ; отдѣльнымъ изданіемъ вышли: 1) „Правила о содержаніи рогатой скотины Рязанск. губерн., Данковск. уѣзда въ сельцѣ Бабинкѣ". М. 1858; 2) „Мнѣніе дѣйствительнаго члена И. А. Бабина объ улучшеніи скотоводства въ Россіи" М. 1864; 3) „О мѣрахъ къ улучшенію скотоводства въ Россіи". М. 1865; 4) „Руководство къ правильному содержанію рогатаго скота". М. 1866. 5) „Мнѣніе объ улучшеніи скотоводства въ Россіи и разнообразные способы его достиженія", М. 1867. 6) „О положеніи скотоводства и о мѣрахъ, принимаемыхъ въ настоящее время къ его улучшенію". Спб. 1867; 7) „Сборникъ статей по скотоводству И. А. Бабина". Спб. 1869.

«Биржевыя Вѣдомости» 1869 г., № 335. — Словари: Клюшникова, Березина, Геннади, Венгерова, Андреевскаго. — «Иллюстрированная газета» 1869 г., № 50. — И. Педе и Н—въ: «Роспись отдѣльныхъ книгъ по сельскому хозяйству».

Бабичевы и **Бабичи**, князья, потомки князя Бабы-Друцкаго. Изъ ближайшаго потомства Ивана Бабы извѣстны: *Семенъ Ивановичъ*, младшій изъ сыновей Бабы-Друцкого, убитый татарами при Василіѣ Темномъ, на Окѣ въ 1454 г., подъ Перевитскомъ, гдѣ палъ и племянникъ его, *Семенъ Васильевичъ;* племянница предыдущаго, дочь старшаго изъ сыновей Бабы, *Агриппина Θеодоровна Бабичева*, бывшая замужемъ, съ 1485 г., за княземъ рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ, мать князя рязанскаго Ивана Ивановича; кн. *Юрій Васильевичъ*, внукъ Ивана Бабы, при Иванѣ III бывшій намѣстникомъ Пскова въ 1496 г.: въ 1499 г. Юрій Бабичевъ упоминается какъ намѣстникъ Ивангорода, бѣжавшій при наступленіи шведовъ подъ начальствомъ Сванта Стуре. Изъ позднѣйшихъ кн. Бабичевыхъ извѣстны: кн. *Василій Семеновичъ*, правнукъ Бабы, получившій отъ Ивана III помѣстья въ новгородскихъ пятинахъ; онъ родоначальникъ новгородской вѣтви Бабичевыхъ. Кн. *Андрей Семеновичъ* при Грозномъ былъ воеводою въ Полоцкѣ. Въ XVII в. мы встрѣчаемъ Бабичевыхъ въ званіи стольниковъ и стряпчихъ. Въ XVIII вѣкѣ жилъ писатель кн. *Дмитрій Григорьевичъ* (см. отдѣльно). Изъ польской отрасли рода Бабичевыхъ извѣстенъ князь *Θома Ивановичъ* Бабичъ, одинъ изъ основателей православнаго львовскаго братства въ 1586 г. Въ лѣтописи упоминается еще князь *Иванъ Владиміровичъ* Бабичъ, неизвѣстно въ какомъ родствѣ состоящій съ Иваномъ Бабою; его псковитяне нѣсколько разъ (въ 1472, 1476, 1477 годахъ) тщетно просили назначить себѣ намѣстникомъ.

П. Н. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства» (Спб. 1885, стр. 45—46).—А. Бобринскій, «Дворянскіе роды» (Спб. 1890, I, стр. 72—74).—Полное собраніе русскихъ лѣтописей.—«Памятн. изд. врем. коммис. для разбора актовъ», Кіевъ 1852, III, 1, 90.

Бабичевъ, *Андрей Кондратьевичъ*, юристъ, изъ дворянъ Тульской губерніи, род. 19-го августа 1797 г., ум. 6-го іюня 1859 г. Окончивъ курсъ харьковскаго университета со званіемъ дѣйствительнаго студента, въ 1818 году поступилъ на службу въ слободско - украинское губернское правленіе, а въ 1820 г. выдержалъ экзаменъ на кандидата, къ которому приготовился, состоя на службѣ. Служба по администраціи мало интересовала Бабичева, и онъ избралъ себѣ другой родъ занятій; въ 1821 г. онъ былъ назначенъ надзирателемъ за воспитанниками Ришельевскаго лицея и адъюнктомъ философскихъ наукъ, затѣмъ въ разное время онъ занималъ мѣста учителя словесности и историческихъ наукъ въ земледѣльческомъ училищѣ при департаментѣ удѣловъ, адъюнкта по каѳедрѣ уголовнаго права въ харьковскомъ университетѣ, директора таганрогской гимназіи и, наконецъ, учителя латинскаго языка въ псковской гимназіи. Въ 1847 г. онъ оставилъ педагогическое поприще и перешелъ на службу въ с.-петербургское губернское правленіе, гдѣ, начавъ съ должности старшаго секретаря, дослужился до совѣтника и занималъ это мѣсто до самой своей смерти. Служба по администраціи заставляла Бабичева знакомиться съ законами, и онъ, какъ человѣкъ усидчивый, замѣчательно добросовѣстно и серьезно относящійся къ дѣлу, принялся за основательное ихъ изученіе. Прекрасное знаніе языковъ, какъ новыхъ, такъ и древнихъ, дали ему возможность познакомиться съ иностранными законодательствами, послѣ чего онъ перешелъ къ изученію русскихъ законовъ; результатомъ этой работы было огромное количество замѣчаній, по его словамъ, доходившее до 4 милліоновъ. Этотъ громадный трудъ въ печати не появлялся, а лишь въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московскомъ университетѣ", 1865 г., кн. 4, Бабичевъ помѣстилъ свою статью „О редакціонномъ исправленіи Свода Законовъ", служащую какъ бы предисловіемъ къ его многолѣтнему труду. Здѣсь онъ доказываетъ, что законодательству нашему недостаетъ редакціоннаго изложенія, что Сводъ Законовъ требуетъ сокращеній какъ въ самыхъ статьяхъ закона, такъ и въ заголовкахъ, оглавленіяхъ и указателяхъ, что изъ всего Свода Законовъ можно сдѣлать до $2^1/_2$ милліоновъ выкидокъ, и отъ этого законодательство наше „не потеряетъ ни одного законоположенія, ни одной мысли, ни единаго понятія, а сдѣлается только короче, яснѣе, точнѣе, вмѣстительнѣе и удобнѣе къ пріобрѣтенію, храненію и употребленію". Заканчивается статья той мыслью, что за устраненіемъ всего излишняго, всѣ настоящія законоположенія могутъ быть сведены и изданы въ XII томахъ умѣренной величины: „это число 12 апостоловъ, 12 мѣсяцевъ, 12 категорій въ философіи, 12 таб-

лицъ перваго законодательства римскаго и 12 книгъ кодекса Юстиніанова".

Словарь Геннади I, 56.—«Русская Старина» 1887 года, т. 55, стр. 497.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1859 г., № 212.—«Журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія» 1859 г., ч. 104, № 11.—Словари Венгерова и Андреевскаго.

Бабичевъ, *князь Григорій Ивановичъ*, поручикъ, 1-го мая 1768 года принялъ въ коммиссіи новаго уложенія депутатское званіе отъ своего брата, кн. Ивана Бабичева, 29-го мая 1768 г. баллотированъ въ коммиссію о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ, 23-го октября 1768 г. избранъ въ число 9 членовъ коммиссіи о размноженіи народа, земледѣліи, домостроительствѣ и т. д., 30-го октября—въ число 5 членовъ духовно-гражданской коммиссіи, 8-го января 1769 г., по собственному желанію, зачисленъ въ коммиссію о почтахъ и гостиницахъ. Бабичевъ присоединился къ особому мнѣнію о необходимости систематизировать дворянскія права, общія и особенныя, поданному 21-го августа 1768 г. депутатомъ старицкаго дворянства Алексѣемъ Нарышкинымъ. На предыдущихъ засѣданіяхъ постоянно поддерживалъ поправки А. Нарышкина къ проекту дирекціонной коммиссіи о правахъ благородныхъ.

«Сборн. Имп. Р. Ист. Общ.», XXXII, 51, 107; XXXVI, стр. 91, 99, 157, 343.

Бабичевъ, *Дмитрій Григорьевичъ*, князь, писатель временъ Екатерины II, прокуроръ въ Симбирскѣ, членъ Вольнаго Экономическаго Общества, принимавшій участіе въ его трудахъ; написалъ комедію въ 5 дѣйствіяхъ: „Училище дружества", Спб. 1776 г. Это довольно тяжелый, даже и для тогдашняго времени, переводъ французской комедіи въ стихахъ Нивеля де-ла Шоссе „L'école des amis". Переводъ этотъ былъ помѣщенъ также въ XXV т. „Россійскаго Ѳеатра".

Словари: Березина, Плюшара, Геннади, Венгерова, Андреевскаго.

Бабичевъ, *князь Иванъ Ивановичъ*, подполковникъ, былъ избранъ отъ алатырскаго дворянства въ коммиссію новаго уложенія. Бабичевъ поддерживалъ мнѣніе Ѳ. Радилова о необходимости, чтобы банки отвѣчали за сохранность денегъ и отдавали ихъ и до срока вклада. 1-го мая 1768 г. Бабичевъ передалъ званіе свое брату, кн. Григорію Бабичеву. Въ наказѣ на имя Ив. Ив. Бабичева, выданномъ 7-го марта 1767 г. значились, помимо общихъ просьбъ объ улучшеніи участи дворянства, ходатайства объ облегченіи судопроизводства для бѣдныхъ, отмѣнѣ наказаній за даваніе взятокъ, кои даются „отъ крайняго принужденія", и замѣнѣ каторги для разбойниковъ смертною казнью „по всей строгости прежнихъ законовъ".

«Сборн. Имп. Ист. Общ.», IV, 13, 21; XXXII. 51; LXVIII, 112.

Бабичъ, *Яковъ*, не княжескаго рода, старшій бургомистръ города Вильны, устроилъ здѣсь славянскую типографію для печатанія книгъ кириллицею; между прочимъ, здѣсь напечатанъ въ 1625 г. „Апостолъ" Франциска Скорины, на заглавномъ листѣ коего отмѣчены и заслуги Бабича.

«Encycl. powszechna» III (1860), стр. 632.

Бабкинъ, *Ѳеанасій Михайловичъ*, дворцовый дьякъ новгородскій. 19-го февраля 1545 г., по случаю казанскаго похода, посланъ былъ для опредѣленія количества дворовъ, съ коихъ слѣдовалъ сборъ пороха и людей въ Деревскую и Бѣжецкую пятины. Результаты его описи приведены въ разрядномъ и разметномъ спискахъ 1545 г. По переписной книгѣ Шелонской пятины 1552—1553 гг. онъ былъ житничнымъ ключникомъ и имѣлъ помѣстье въ Струпинскомъ погостѣ. По царской грамотѣ отъ 20-го января 1556 г. Бабкинъ вмѣстѣ съ дьякомъ Ѳедоромъ Еремѣевымъ и Казариномъ Дубровскимъ вѣдалъ сборъ податей съ новгородскихъ пятинъ и держалъ досмотръ помѣстныхъ земель, показанныхъ въ прежнихъ обыскахъ непашенными. Какъ видно изъ книги Бѣжецкой пятины 7076 г., Бабкинъ въ 1557—1558 гг. вмѣстѣ съ дьякомъ Борисомъ Щекинымъ вѣдалъ въ этой пятинѣ распредѣленіемъ помѣстій.

Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.» Спб. 1888.—Акты Археогр. Эксп. т. I.—Доп. Акт. Ист. т. I.—«Новг. писц. книги», изд. Археогр. Комм. т. IV, ст. 560.

Бабкинъ, *Григорій Даниловичъ*, генералъ отъ инфантеріи, родился въ 1804 г., умеръ 12 марта 1888 г. Въ іюнѣ 1821 г. поступилъ юнкеромъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, гдѣ черезъ два года былъ произведенъ въ прапорщики. Выступивъ съ полкомъ въ турецкій походъ 1828 г., онъ переправился черезъ Дунай и участвовалъ въ осадѣ Варны, а затѣмъ, въ сентябрѣ того-же года, находился въ рядахъ войскъ, аттаковавшихъ турецкій укрѣпленный лагерь и овладѣвшихъ имъ. Въ 1831 г. при-

нялъ участіе въ польской войнѣ, и здѣсь за отличіе въ сраженіи, при переправѣ черезъ р. Наревъ, награжденъ орденомъ св. Анны 3 степ. съ бантомъ, а за штурмъ Варшавы—орденомъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ же. Въ 1840 г. Бабкинъ прикомандированъ къ л.-гв. Преображенскому полку и произведенъ въ полковники; въ 1848 г. назначенъ командиромъ пѣхотнаго, принца прусскаго, полка (нынѣ 5 Калужскій), и въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 1-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи. Въ восточную войну 1853—1856 гг. Бабкинъ находился въ Крыму, гдѣ, командуя 4 пѣхотною дивизіею, участвовалъ въ сраженіи 4-го августа на р. Черной; на другой день перешелъ съ дивизіею на южную сторону Севастополя и остался тамъ до выступленія гарнизона. Въ 1856 г. Бабкинъ командовалъ запасною дивизіею гренадерскаго корпуса, затѣмъ резервною дивизіею 9-го армейскаго корпуса, а въ 1858 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ резервной дивизіи 2-го армейскаго корпуса. Въ 1867 г. Бабкинъ командовалъ 25-ою пѣхотною дивизіею, въ 1864 г. зачисленъ въ запасъ, въ іюлѣ 1869 г. назначенъ бобруйскимъ комендантомъ, а четыре года спустя зачисленъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ; въ этомъ званіи Бабкинъ оставался до смерти.

«Рус. Инвал.» 1888 г., № 61.

Бабстъ, *Иванъ Кондратьевичъ*, профессоръ Московскаго университета, родился въ 1823 г., умеръ 6-го іюня 1881 г. По окончаніи курса рижской гимназіи поступилъ въ 1842 г. на „словесный" факультетъ Московскаго университета; въ 1846 г., сдавъ окончательный экзаменъ, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Съ 1845 г. былъ учителемъ исторіи въ Московскомъ сиротскомъ домѣ; въ 1851 г. защищалъ диссертацію на степень магистра: „Государственные мужи Греціи въ эпоху ея распаденія" и былъ избранъ Казанскимъ университетомъ преподавателемъ политической экономіи и статистики. Въ 1852 г. защищалъ диссертацію на степень доктора: „Джонъ Ло или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регентства", а въ 1857 г. перешелъ профессоромъ въ Московскій университетъ. 1862 г. былъ приглашенъ преподавать статистику въ Бозѣ почившему Государю Наслѣднику Николаю Александровичу. Съ 1864—1868 гг. былъ директоромъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, съ 1867 г. управлялъ московскимъ купеческимъ банкомъ. Въ 1866 и 1869 г. сопровождалъ Государя Наслѣдника въ путешествіи по Россіи. Кромѣ вышеприведенныхъ диссертацій Бабстъ напечаталъ много статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ сочиненій: „Рѣчная область Волги" („Магазинъ землевѣдѣнія", 1852). „О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала" (актовая рѣчь, 1856, второе изданіе, Москва 1857). „Историческій методъ политической экономіи" („Русскій Вѣстникъ", 1856). „Статистика и географія Россіи и смежныхъ странъ Азіи" („Русскій Вѣстникъ" 1857). „Историческій ходъ торговаго движенія по Дунаю и его притокамъ" (Сборникъ ученыхъ статей профессоровъ Казанскаго унив., 1857, т. II). „Мысли о современныхъ нуждахъ нашего народнаго хозяйства" (актовая рѣчь, Москва, 1860). Издалъ публичныя лекціи по политической экономіи, читанныя имъ въ Практической академіи коммерческихъ наукъ (1860). Перевелъ и издалъ сочиненіе Рошера: „Начало народнаго хозяйства", т. I, ч. I, Москва 1860. Издавалъ вмѣстѣ съ Чижевымъ журналъ „Вѣстникъ промышленности" (1860—1861) и газету „Акціонеръ" (1860—1862).

Статья Чупрова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1881, № 201.—«Русь», 1881, № 38.—Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 1. Спб. 1885.—Словари: Брокг.-Эфрона, Березина и Венгерова (статья Слонимскаго).—«Журн. М. Н. П.», часть LXXVII, VII, стр. 30.

Бабстъ, *Конрадъ-Христофоръ*, род. въ 1790 г. Уроженецъ Риги, Бабстъ образованіе получилъ въ Гёттингенѣ (около 1810 г.), затѣмъ поступилъ въ военную службу; въ 1817 г. былъ штабсъ-ротмистромъ гвардейскихъ конныхъ егерей; въ 1827 г. переименованъ въ полковники и зачисленъ въ Казанскій драгунскій полкъ, а затѣмъ перешелъ на службу въ Оренбургскій пограничный корпусъ; 16-го іюня 1844 г. назначенъ комендантомъ крѣпости Илецкой защиты. Человѣкъ просвѣщенный, полковникъ Бабстъ далъ прекрасное начальное воспитаніе своему сыну и тщательно подготовилъ его къ поступленію въ гимназію. Бабстъ отъ юности занимался литературою,

не дѣлая, впрочемъ, изъ этого спеціальности. Списокъ его сочиненій нижеслѣдующій: 1) Albert v. Appeldern, Bischof v. Liefland u. Peter der Grosse, Czaar von Russland, eine historische Skizze. durch die Säkulärfeier d. hundertjährigen russischen Herrschaft veranlasst u. niedergeschrieben. Göttingen, 1810. 2) Lacedämon u. Attica im peloponesischen Kriege nach Thucydides. Рига 1812. 3) Attila, le fléau du cinquième siècle. Спб. 1812. То же въ русскомъ переводѣ „Аттила—Бичъ пятаго вѣка". 1812 г. 4) Quelques idées sur le service des chasseurs à cheval. Рига 1817.

Recke u. Napiersky, Schriftsteller u. Gelehrten-Lexikon I B., 1-er Nachtrag, 20. — Merkel's Zeitschr. für Litter. u. Kunst. 1811, S. 51.—Его же, Zuschauer за 1812 г. № 719, S. 342.—Rigasch. Stadtbl. 1844. S. 213.—Геннади, «Справочный словарь о русск. писателяхъ и ученыхъ». 1876 г., т. I, стр. 56.

Бабухинъ, *Александръ Ивановичъ*, гистологъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета, род. въ 1835 г., ум. 26-го мая 1891 г., родомъ изъ Орловской губерніи, учился въ орловской гимназіи, потомъ на математическомъ и медицинскомъ факультетахъ московскаго университета, кончилъ курсъ въ 1859 г. и немедленно же получилъ мѣсто прозектора сначала по каѳедрѣ сравнительной анатоміи, потомъ—физіологіи. По защитѣ диссертаціи на степень доктора медицины „Объ отношеніи блуждающаго нерва къ сердцу" (М. 1862), Бабухинъ посланъ былъ на два года за границу, а въ 1865 г. занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру гистологіи и эмбріологіи, на которой оставался до смерти. Нѣсколько разъ онъ ѣздилъ за границу съ научными цѣлями (между прочимъ въ 1876 г. въ Египетъ для изслѣдованія электрическихъ рыбъ). Бабухинъ съ первыхъ же лекцій завоевалъ себѣ популярность; особенно его вступительныя лекціи къ каждому курсу, имѣвшія философскій характеръ, привлекали не только всѣхъ студентовъ медиковъ, но и много слушателей съ другихъ факультетовъ. Впечатлѣніе лекціи Бабухина производили огромное, несмотря на простой, „разговорный" характеръ ихъ. Лица, слышавшіе Бабухина, отмѣчали въ его лекціяхъ оригинальное сочетаніе безпощаднаго скептицизма въ наукѣ и безмѣрной вѣры въ ея могущество, рѣдкую способность рисовать живыми образами самыя отвлеченныя вещи, живой, задорный юморъ, неподражаемый талантъ разсказчика. Одной изъ любимѣйшихъ темъ Бабухина на лекціяхъ было преимущество природы передъ книгою; онъ настаивалъ на необходимости непосредственнаго наблюденія природы, которая шире нашихъ умозрѣній и не обманываетъ адепта, какъ учебникъ, старающійся „свести концы съ концами". Лабораторія Бабухина была однимъ изъ первыхъ разсадниковъ молодыхъ русскихъ ученыхъ въ Москвѣ. Статьи Бабухина печатались въ «Моск. Мед. Газетѣ» (1860 и 1861), въ «Würzburger natur. Zeitschrift» (1863—1864), въ «Трудахъ II съѣзда рус. ест.» (1869), въ «Reichert's und du-Bois-Reymond's Archiv» (1876—1877), «Прот. Физ. Мед. Общ. въ Москвѣ» (1882); онѣ немногочисленны и не даютъ понятія о заслугахъ Бабухина передъ русскою университетскою наукою. Въ русскомъ переводѣ учебника гистологіи Штрикера (Спб., 1872) Бабухину принадлежитъ глава о хрусталикѣ и объ органахъ обонянія.

Н. П. Викторовъ въ «Московскомъ Календарѣ» на 1887 г. А. С. Пругавина.—Hirsch, Biographisches Lexicon hervorragender Aerzte.—«Критбіогр. словарь» С. А. Венгерова (II).—«Русскія книги» С. А. Венгерова (вып. XI).

Бабушкинъ, *Ѳедоръ Петровъ*, расколоучитель поморскаго толка, петербургскій мѣщанинъ, много лѣтъ дѣйствовалъ въ «Выгорецкой киновіи» и въ 1816 г. ходатайствовалъ ей полное владѣніе землею, на которой она построена. По словамъ Павла Любопытнаго, Бабушкинъ составилъ уставъ богослуженія, житія святыхъ по мѣсяцамъ и числамъ, нѣсколько «трогательныхъ, благочестіемъ и убѣжденіемъ дышащихъ» посланій и проповѣдей.

Словарь Павла Любопытнаго.

Бавери, *Эдуардъ Францевичъ*, капельмейстеръ и учитель пѣнія, род. въ Миланѣ въ 1815 г., умеръ въ Миланѣ же 14-го ноября 1878 г. Получивъ въ Италіи музыкальное образованіе, Бавери началъ свою дѣятельность въ Москвѣ, гдѣ, впрочемъ, пробылъ всего одинъ годъ, а затѣмъ съ 1845 г. по 1866 г. состоялъ капельмейстеромъ итальянской оперы въ С.-Петербургѣ въ теченіе 20 лѣтъ. Какъ капельмейстеръ, Бавери считался въ свое время однимъ изъ лучшихъ, а также славился, какъ учитель пѣнія. Наша русская опера обязана Бавери приготовленіемъ многихъ пѣвцовъ

и пѣвицъ; у него учились: Булаховъ, Лаврова, Булахова, Латышева и др.

Некрологъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» 1878 г., № 227.

Баганцъ, *Фридрихъ-Генрихъ* (Bagantz), русскій художникъ-акварелистъ, писавшій преимущественно пейзажи, ученикъ проф. Воробьева и Боголюбова, сынъ часовыхъ дѣлъ мастера Фридриха-Готтарда Баганцъ, переселившагося изъ Курляндіи въ С.-Петербургъ при Александрѣ I, род. въ Спб. 17-го января 1834 г., ум. 21-го февраля 1873 г. Помогалъ М. А. Зичи въ его работахъ; совершилъ кругосвѣтное путешествіе, давшее ему обильный матеріалъ для его этюдовъ. Его пейзажи частью хранятся въ Императорской академіи художествъ. *А. У.*

Баганцъ, *Александръ-Христіанъ* (Bagantz), по-русски *Александръ Өедоровичъ*, артистъ оркестра Императорской русской оперы, скрипачъ, младшій братъ Фридриха-Генриха Баганцъ, род. 6-го іюня 1838 г., ум. 25-го мая 1893 г. Образованіе, какъ и старшій братъ, получилъ въ Спб. Петропавловскомъ училищѣ. Много лѣтъ состоялъ преподавателемъ музыки во 2-й спб. военной гимназіи (нынѣ 2-й кадетскій корпусъ). Баганцъ написалъ нѣсколько школъ для разныхъ инструментовъ, издалъ нотные сборники, напечаталъ много музыкальныхъ сочиненій, преимущественно педагогическаго характера: «Сборникъ легкихъ дуэтовъ для двухъ скрипокъ», «Школа корнета съ пистонами» (для самообученія, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ), выдержавшая 8 изданій, «Школа для скрипки» (на русскомъ и нѣм. языкахъ), выдержавшая 6 изданій, «Tägliche Studien für Violine» (для школъ), «Оркестръ для воспитанниковъ военныхъ гимназій» (шесть пьесъ для 12 инструментовъ), «Маршъ 2-го кадетскаго корпуса», «Der Vortschritt im Violin-Spiel», маршъ «Въ походъ» (для фортепіано, скрипки и віолончели), «Полонезъ» (для тѣхъ же инструментовъ»), маршъ «Юная армія», польки—«Миньонъ», «Кадетъ», «Гитара-полька» и др.

Составлено по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ Екатерины Баганцъ, вдовы А. Ө. Баганцъ. *А. Уманскій.*

Багговутъ, *Александръ Өеодоровичъ*, генералъ отъ кавалеріи, родился въ Кронштадтѣ 27-го декабря 1806 г., умеръ 2-го мая 1883 г. Воспитаніе онъ получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда 19-го марта 1825 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Московскій полкъ. Замѣшанный въ событіяхъ 14-го декабря, отправился въ рядахъ л.-гв. своднаго полка въ Грузію на войну съ Персіею, гдѣ участвовалъ во многихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ въ походахъ генерала Ермолова на р. Гассансу и въ Шекинское и Ширванское ханства для усмиренія бунтовавшаго населенія. Въ 1827 г. былъ при обложеніи и взятіи крѣпости Аббасъ-Абада, въ сраженіи у Джеванъ-Булаха, при осадѣ и взятіи Сардаръ-Абада и Эривани; за отличіе и мужество онъ получилъ, рѣдкую въ чинѣ подпоручика, награду—орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. По окончаніи боевыхъ дѣйствій, до заключенія мира состоялъ въ должности ординарца при наслѣдникѣ персидскаго престола Аббасъ-Мирзѣ; по возвращеніи же въ Россію, былъ въ 1830 г. зачисленъ въ отдѣльный литовскій корпусъ, съ прикомандированіемъ къ самогитскому полку. По недостатку артиллерійскихъ офицеровъ, Багговутъ въ январѣ 1831 г. былъ назначенъ командиромъ дивизіона гренадерской батарейной № 4 роты литовской артиллерійской бригады, съ которою выступилъ въ кампанію противъ польскихъ мятежниковъ. Дѣятельно участвуя въ сраженіяхъ этой войны, Багговутъ особенно отличился въ кровопролитной битвѣ 7-го февраля у корчмы Вавръ, вызвавшей отступленіе польскихъ войскъ къ Варшавѣ, и въ сраженіи подъ Гроховымъ, 13-го февраля, выполняя нелегкое порученіе—поддержать выстрѣлами своихъ орудій полки, атаковавшіе Ольховую рощу. Въ послѣднемъ дѣлѣ Багговутъ выказалъ истинное мужество; контуженный ядромъ въ локоть лѣвой руки и раненый картечью въ лѣвую ногу, онъ, не оставляя своего мѣста, принялся самъ себѣ дѣлать перевязку, но едва успѣлъ окончить ее, какъ пуля ударила ему въ голову и свалила замертво. Только благодаря личному вниманію главнокомандующаго, графа Дибича, и начальника штаба арміи, графа Толля, онъ остался живъ, порученный заботамъ лучшихъ медиковъ. За отличіе подъ Гроховомъ Багговутъ, по особому представленію графа Дибича, былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ л.-гв. во 2-ю артиллерійскую бригаду и получилъ орденъ св. Анны 2 степ. 31-го декабря того же года переведенъ въ

гвардейскую конную артиллерію, съ прикомандированіемъ къ образцовой батареѣ; въ 1833 г. 1-го іюля произведенъ въ полковники и 23-го мая 1834 года прикомандированъ къ штабу генерала-фельдцейхмейстера, закончивъ послѣднимъ назначеніемъ свою службу въ артиллеріи. 7-го марта 1838 г. Багговутъ былъ переведенъ въ гусарскій Е. И. В. Вел. Князя Михаила Павловича полкъ, оттуда 13-го февраля 1841 г. назначенъ командиромъ Украинскаго уланскаго полка, а 8-го сентября 1843 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Уволенный вслѣдъ затѣмъ въ годовой отпускъ, Багговутъ, по возвращеніи, 14-го мая 1845 г. былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 2-й легкой кавалерійской дивизіи, во главѣ которой выступилъ въ кампанію противъ венгерскихъ инсургентовъ. Участвуя во многихъ авангардныхъ дѣлахъ, онъ особенно отличился при движеніи къ Вайцену и въ сраженіи между селеніями Туръ и Самбокъ, гдѣ, выдержавъ стремительную атаку многочисленной непріятельской конницы, перешелъ, въ свою очередь, въ наступленіе и, лично поведя бригаду, окончательно смялъ непріятеля. Въ награду за это дѣло Багговутъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степ.; болѣзнь, однако, помѣшала ему довершить кампанію. Въ 1852 г. онъ получилъ назначеніе состоять при отдѣльномъ корпусѣ на Кавказѣ, и здѣсь, командуя 20-ю пѣхотною дивизіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ лѣвымъ флангомъ кавказской линіи, принялъ участіе въ дѣлахъ по усмиренію горцевъ; за отличія въ дѣйствіяхъ при Мичикѣ, въ Большой Чечнѣ, ему было пожаловано золотое оружіе съ алмазами и надписью „за храбрость". Въ 1853 г. Багговутъ командовалъ уже всею кавалеріею корпуса, принимая самое дѣятельное участіе въ военныхъ дѣлахъ съ Турціею. Сраженіе при Башъ-Кадыкларѣ было выиграно лишь благодаря молодецкимъ дѣйствіямъ Багговута; наступавшая пѣхота отряда князя Бебутова, осыпаемая градомъ снарядовъ съ турецкой баттареи, уже готова была отказаться отъ своего намѣренія—выбить непріятеля изъ занятой имъ позиціи, когда, предводительствуемая Багговутомъ, кавалерія бросилась въ атаку на громившую батарею. Трофеемъ этого блестящаго дѣла остались 19 турецкихъ орудій, а Багговутъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта и получилъ орденъ св. Георгія 3 класса. Послѣднимъ отличіемъ Багговута на боевомъ поприщѣ было сраженіе въ 1858 г. при Кюрюкъ-Дара. Зачисленный въ списки Нижегородскаго драгунскаго полка, онъ былъ назначенъ затѣмъ членомъ капитула орденовъ и въ 1871 г. произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Александръ Θедоровичъ былъ женатъ два раза: на княжнѣ М. С. Хованской и на Е. Д. Ермолаевой.

Біографія А. Θ. Багговута, Спб. 1854 г. (перепечат. въ «Сборникѣ извѣстій о войнѣ 1855 г.», кн. VI).—«Русскій Инвалидъ» 1875 г., №№ 62 и 64 и 1883 г., № 102.—«Русская Старина» 1883 г., № 10, стр. 111—136 и 1889 г., № 8, стр. 241—264.

Багговутъ, *Николай Густавовичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ дворянской семьѣ Эстляндской губ. 7-го января 1808 г., умеръ 1-го февраля 1890 г. Закончивъ образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, вышелъ 25-го іюня 1827 г. прапорщикомъ въ конно-артиллерійскую № 4 роту и въ слѣдующемъ году выступилъ съ нею въ походъ противъ турокъ. За отличіе въ сраженіи у крѣпости Журжи и при взятіи съ боя позиціи у крѣпости Шумлы награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость" и того же ордена 3 степ. съ бантомъ. Едва возвратившись въ Россію, Багговутъ снова выступаетъ на боевомъ поприщѣ, дѣйствуя въ усмиреніи польскаго мятежа 1831 г. Здѣсь, незадолго до штурма Варшавы, онъ успѣлъ выказать рѣдкое мужество; находясь въ строю 4-й конной роты, выѣхавшей впередъ къ непріятельскому укрѣпленію № 21, для подготовки огнемъ предположенной вслѣдъ затѣмъ атаки, Багговутъ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ картечныхъ выстрѣловъ, вызвался броситься на штурмъ укрѣпленія. Съ 7—8 храбрецами-охотниками изъ людей своего взвода, стремительно врывается онъ въ укрѣпленіе, обращаетъ смущенныхъ поляковъ въ бѣгство и успѣваетъ даже заклепать нѣсколько непріятельскихъ орудій. За свой блистательный подвигъ, прапорщикъ Багговутъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ. Въ 1849 г., уже въ чинѣ капитана, онъ командированъ за покупкою лошадей для гвардейскихъ войскъ, при чемъ за успѣшное выполненіе этого порученія, переведенъ въ гвардейскую конную артиллерію, съ оставленіемъ членомъ коммиссіи для ремонтированія лошадьми гвардейской кавалеріи. 6-го де-

кабря 1852 г. произведенъ въ полковники; въ ноябрѣ 1858 г. получилъ въ командованіе конно-легкую № 10 батарею, а черезъ пять лѣтъ назначенъ командиромъ 5-й конно-артиллерійской бригады и въ августѣ того же года произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ сентябрѣ 1865 г. Багговутъ былъ назначенъ помощникомъ начальника артиллеріи Харьковскаго военнаго округа; въ мартѣ 1876 г.—начальникомъ артиллеріи того же округа; въ августѣ того же года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и въ ноябрѣ 1879 г. опредѣленъ комендантомъ въ Свеаборгъ. Багговутъ былъ 9-го іюля 1887 г. зачисленъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ, и въ этомъ званіи оставался до смерти.

«Рус. Инвал.» 1890 г., № 33.

Багговутъ, *Карлъ Өедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ Эстляндіи 16-го сентября 1761 г., убитъ подъ Тарутинымъ 6-го октября 1812 г. На 18-мъ году отъ рожденія вступилъ въ войска маркграфа Аншпахскаго, купивъ себѣ чинъ капитана; но вскорѣ перешелъ на русскую службу и былъ 4-го марта 1779 г. зачисленъ подпоручикомъ въ Тобольскій пѣхотный полкъ. Въ январѣ 1781 г. переведенъ въ Днѣпровскій полкъ, находившійся на югѣ Россіи; съ нимъ въ слѣдующемъ году принялъ дѣятельное участіе въ усмиреніи крымскихъ татаръ, возмутившихся противъ покровительствуемаго Россіею хана Шагинъ-Гирея и, награжденный за отличія капитанскимъ чиномъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Крыму, былъ переведенъ въ Сибирскій гренадерскій полкъ, а въ 1787 г. явился въ рядахъ дѣйствующей арміи во 2-й турецкой войнѣ. Здѣсь, оперируя съ начала кампаніи въ Польшѣ и Молдавіи, онъ въ 1789 г. поступилъ съ полкомъ въ составъ арміи князя Потемкина и принялъ участіе въ дѣйствіяхъ отряда князя Н. В. Репнина, 7-го сентября въ сраженіи на р. Сальчѣ и 4-го ноября при покореніи Бендеръ. 10-го февраля 1791 г., Багговутъ, по разстроенному здоровью, вынужденъ былъ оставить службу, награжденный при отставкѣ чиномъ премьеръ-маіора; но польская война вернула его въ ряды дѣйствующей арміи и въ началѣ 1792 г., съ разрѣшенія начальствовавшаго войсками въ Польшѣ, графа Каховскаго, Багговутъ былъ причисленъ къ нимъ въ качествѣ волонтера. Выказанныя Багговутомъ отличія въ дѣлѣ 6-го іюня при переправѣ черезъ р. Бугъ и на другой день въ дѣлѣ подъ Дубенками, обратили на него особое вниманіе графа Каховскаго, по ходатайству котораго, 23-го декабря того же года, онъ былъ снова принятъ на службу, съ чиномъ, даннымъ ему при отставкѣ, и зачисленъ опять въ Сибирскій полкъ. Въ день св. Пасхи 1794 г., когда поляки врасплохъ напали на обезоруженныхъ русскихъ въ Варшавѣ, Багговутъ съ небольшою горстью храбрецовъ, мужественно бросился противъ возмутившагося народа и, пробившись, успѣлъ присоединиться къ прочимъ русскимъ войскамъ. Получивъ, послѣ того, небольшой отрядъ въ самостоятельное командованіе, онъ дѣятельно преслѣдовалъ мятежниковъ. 21-го апрѣля разогналъ 6 эскадроновъ ихъ конницы и двѣ роты пѣхоты, шедшихъ къ м. Котоммо; 15-го мая—имѣлъ подобный же успѣхъ въ стычкѣ съ отрядомъ кондефератовъ у м. Бѣлаго; 21-го іюля—смялъ сильный польскій отрядъ у м. Лишанова; 29-го—опрокинулъ поляковъ у м. Галково и гналъ ихъ до Варшавы. Здѣсь, онъ принялъ участіе въ дѣйствіяхъ русскихъ, со 2-го по 26-е августа и 29-го сентября блистательно отличился въ отрядѣ генерала Ферзена, одержавшаго рѣшительную побѣду надъ войсками Костюшки при м. Мацеіовицахъ; въ награду ему былъ пожалованъ чинъ подполковника. По соединеніи Ферзена съ Суворовымъ, Багговутъ находился во всѣхъ сраженіяхъ арміи послѣдняго, завершившихся достопамятнымъ штурмомъ Праги и занятіемъ Варшавы. По окончаніи войны, въ іюлѣ 1795 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 1-го батальона Бѣлорусскаго егерскаго полка; два года спустя—командиромъ 14 Егерскаго полка; въ февралѣ 1798 г. произведенъ въ полковники; въ октябрѣ зачисленъ шефомъ того же полка; 29-го января 1799 г. получилъ чинъ генералъ-маіора, и 27-го іюля 1800 г. былъ уволенъ вторично отъ службы. Съ новымъ царствованіемъ, Багговутъ, 5-го ноября 1801 г., былъ снова принятъ на службу и назначенъ шефомъ 4-го Егерскаго полка; это званіе онъ сохранилъ до конца своей жизни. Съ объявленіемъ войны между Россіею и Франціею, Багговутъ поступилъ въ составъ корпуса Беннигсена, но, по ходу боевыхъ операцій, могъ принять участіе въ дѣлахъ только въ кампанію 1806 г. Ко-

мандуя однимъ изъ авангардовъ отряда Беннигсена, онъ съ 11-го декабря, по переходѣ Наполеона къ наступательнымъ дѣйствіямъ, отступалъ отъ Зегрже къ Пултуску; узнавъ въ это время о движеніи маршала Ланна, посланнаго Наполеономъ захватить мосты у Пултуска, быстро бросился къ послѣднему и оттѣснилъ французовъ. Кровопролитный бой на другой день подъ Пултускомъ начался дѣйствіями превосходныхъ силъ непріятеля противъ Багговута, защищавшаго переправу черезъ Наревъ; но мужество и распорядительность храбраго генерала, отражавшаго въ теченіе дня самыя упорныя нападенія, сохранили переправу за русскою арміею. Наградою за свой подвигъ Багговутъ получилъ орденъ св. Георгія 3 класса и прусскій орденъ Краснаго Орла 1 степени. Въ январѣ 1807 г. Багговутъ явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ генераловъ при отступательныхъ маршахъ арміи Багратіона къ Прейсишъ-Эйлау, особенно отличившись въ сраженіяхъ 23-го, 24-го и 25-го чиселъ. 27-го января произошла знаменитая битва Эйлауская („битва исполиновъ“); на Багговута выпала самая тяжелая задача: удерживать наступленіе непріятеля къ г. Эйлау, и тѣмъ дать арміи время прочно укрѣпиться на позиціи, занятой ею по другую сторону города. Дорого обошлось это арріергардное дѣло: самъ Багговутъ заплатилъ за него сильною контузіею въ грудь, но имъ онъ обратилъ на себя особенное вниманіе Государя и всей арміи, и, въ числѣ прочихъ отличій, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени. Поступивъ, съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, снова въ авангардъ князя Багратіона, онъ участвовалъ 24-го мая въ дѣлѣ подъ Гутштатомъ и 25-го въ преслѣдованіи войскъ маршала Нея къ р. Пассаргѣ. Затѣмъ, когда Наполеонъ двинулся къ Гейльсбергскимъ высотамъ, которыя Беннигсенъ избралъ позиціею, то Багговутъ явился дѣятельнымъ помощникомъ Багратіона по выполненію тяжелаго порученія—удерживать натискъ Наполеона, пока русская армія не расположится на высотахъ. Въ Гейльсбергской битвѣ 29-го мая и Фридландскомъ бою 2-го іюня Багговутъ также принималъ дѣятельнѣйшее участіе; въ послѣднемъ сраженіи, оперируя на лѣвомъ флангѣ арміи, онъ получилъ новую, болѣе серьезную контузію и былъ вынужденъ покинуть бой, передавъ команду генералу Раевскому; въ награду за боевые подвиги, Багговутъ въ декабрѣ 1807 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ маѣ слѣдующаго 1808 г. онъ снова выступилъ на боевомъ поприщѣ, на этотъ разъ въ Финляндіи, въ войнѣ со Швеціею, гдѣ принялъ, за отъѣздомъ князя Багратіона, общее начальство надъ арміею. На другой же день по принятіи команды ему пришлось вступить въ дѣло и, благодаря его энергичнымъ дѣйствіямъ, преданный Россіи г. Ништадтъ былъ спасенъ отъ мстительности подступившихъ къ нему шведовъ. 7-го іюня Багговутъ одержалъ блистательную побѣду при деревнѣ Иверисмо (возлѣ города Або) надъ генераломъ Фегезакомъ; здѣсь, между прочимъ, онъ выказалъ рѣдкое мужество: въ теченіе горячаго боя, длившагося восемнадцать часовъ онъ не разъ выступалъ на передовыя линіи, лично ведя батальоны въ атаку, становясь въ стрѣлковую цѣпь и т. п. Важнымъ послѣдствіемъ этой побѣды, явилось спасеніе г. Або, гдѣ размѣщалась, почти безъ всякой защиты, главная квартира арміи. Съ возвращеніемъ князя Багратіона, Багговутъ получилъ въ командованіе 5-ю дивизію; послѣдними дѣйствіями его въ Финляндіи было участіе въ дѣлѣ 15-го сентября подъ Гельзингомъ. Въ Отечественную войну, Багговутъ получилъ начальство надъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, входившимъ въ составъ 1-й Западной арміи Барклая-де-Толли, но столкнулся съ непріятелемъ впервые лишь въ жаркой битвѣ 7-го августа, подъ Смоленскомъ. Въ Бородинскомъ сраженіи, Багговутъ былъ поставленъ Кутузовымъ въ началѣ боя на правомъ крылѣ позиціи, а при второй атакѣ Даву, Нея и Жюно на Багратіона, былъ двинутъ, для поддержки послѣдняго, на лѣвое крыло, гдѣ смѣнилъ убитаго Тучкова и завязалъ упорный бой съ Понятовскимъ. Никакіе натиски не заставили Багговута уступить ни шагу земли, и только, когда Дохтуровъ отвелъ лѣвое крыло за Семеновскій оврагъ, то опасность быть отрѣзаннымъ принудила его отступить къ вершинамъ Семеновскаго ручья, гдѣ онъ и былъ до окончанія боя съ остатками корпусовъ своего и Тучкова. За Бородино Багговутъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, но знаковъ этого ордена ему не пришлось возложить на себя; 6-го октября, въ Тарутинскомъ бою, онъ палъ первою жертвою: непріятельское ядро смертельно

поразило Багговута при обходномъ движеніи противъ лѣваго фланга непріятельскаго авангарда. Смерть Багговута глубоко опечалила армію; Государь осчастливилъ вдову его милостивымъ рескриптомъ, который заканчивался слѣдующими словами: „Я потерялъ въ немъ храбраго военачальника, полезнаго отечеству; онъ умеръ на полѣ чести и оставилъ вамъ славу имени своего“. Прахъ Багговута покоится въ Калужской губерніи въ Лаврентьевскомъ монастырѣ. Умеръ онъ, не оставивъ по себѣ ни потомства, ни состоянія.

«Русскій Инвал.» 1836 г., №№ 20—21.—«Императоръ Александръ I и его сподвижники», т. I.—«Дѣянія россійскихъ полководцевъ и генераловъ», 1822 г. т. 3-й.—«Калужскія Вѣдомости», 1867 г., № 24 (статья «Двѣ могилы»).—«Рус. Старина», 1874 г., IX, 656 и 1875 г. XII, 771—775.

Д. С—въ.

Багговутъ, *Θедоръ Θедоровичъ* отецъ Александра Θедоровича, ум. въ 1811 г. Началъ службу въ ранней молодости въ л.-гв. Преображенскомъ полку, съ ротою котораго принялъ участіе въ сраженіяхъ флота графа Орлова-Чесменскаго съ турецкимъ въ Архипелагѣ; затѣмъ перевелся въ Елизаветградскій конно-егерскій полкъ, гдѣ, будучи уже въ чинѣ ротмистра, въ 1788 г. шелъ на штурмъ Очакова въ колоннѣ генералъ-маіора барона Палена; первымъ взошелъ на стѣны Гассанъ-Пашинскаго замка и, раненный, не покидалъ боя до послѣдней минуты. Въ шведской кампаніи 1790 г. снова оперировалъ на судахъ, состоя въ Финляндской арміи на гребномъ флотѣ принца Нассау-Зигена; въ 1794 г. принялъ дѣятельное участіе въ усмиреніи польскихъ конфедератовъ, послѣ чего въ чинѣ маіора оставилъ военную службу. Скончался надворнымъ совѣтникомъ, состоя директоромъ Либавской таможни.

«Сборникъ извѣстій о войнѣ 1855 г.» Н. Путилова, кн. VI.

Багратіонъ, княгиня *Екатерина Павловна*, фрейлина имп. Екатерины II, до замужества графиня Скавронская, дочь тайн. совѣтника графа Павла Мартыновича Скавронскаго, съ 2-го сентября 1800 г. супруга князя П. И. Багратіона; умерла въ 50-хъ годахъ въ глубокой старости. Овдовѣвъ въ 1812 г., она жила большею частью за границею и играла большую роль въ обществѣ въ Парижѣ, гдѣ имѣла свой домъ. За границею же княгиня Багратіонъ вышла замужъ за лорда Гоудена (Howden), но вскорѣ съ нимъ разошлась и снова приняла фамилію Багратіонъ.

П. Θ. Карабановъ, «Фрейлины русскаго двора («Рус. Ст.», 1871 г. № 10, стр. 402).

Багратіонъ, князь *Иванъ Вахуштовичъ*, внукъ царя Вахтанга VI, съ 1749 г. находился на русской службѣ, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и въ первой турецкой; былъ во многихъ сраженіяхъ. Позже командовалъ сибирскимъ корпусомъ и ум. въ чинѣ генералъ-поручика 25-го декабря 1781 г.

Словари: Плюшара и Андреевскаго.—Долгоруковъ, Родословный сборникъ.

Багратіонъ, князь *Іоаннъ Константиновичъ*, дѣдъ Г. К. Багратіона-Мухранскаго, генералъ грузинскихъ войскъ, въ 1783 г. игралъ видную роль при присоединеніи Грузіи къ Россіи, за что актомъ отъ 27-го іюля 1784 г. отъ предпослѣдняго царя карталинскаго и кахетинскаго Ираклія II получилъ званіе сахлтъ-ухуцеса и правителя области. Онъ былъ женатъ на дочери Ираклія II Кетевани. Сынъ его, князь *Константинъ Іоанновичъ*, ум. въ 1842 г. въ чинѣ генералъ-маіора русской службы; онъ былъ первымъ губернскимъ предводителемъ дворянства Тифлисской губерніи.

Словари: Плюшара и Андреевскаго.—Долгоруковъ, Родословный сборникъ.

Багратіонъ, князь *Кириллъ Александровичъ*, сенаторъ, род. въ 1750 г., ум. 19-го апрѣля 1828 г., сынъ грузинскаго царевича Александра Іессеевича. Въ 1767 году вступилъ въ псковскій карабинерный полкъ вахмистромъ, въ 1770 г. былъ подъ Бендерами, въ слѣдующемъ году произведенъ адъютантомъ и сопровождалъ плѣнныхъ турокъ отъ Перекопа до Козлова, въ 1772 г. былъ квартирмейстеромъ 2-го гренадерскаго полка, въ 1773 г. находился въ походѣ за Дунаемъ, гдѣ въ 1774 г. защищалъ дороги между Силистріею и Шумлою. По окончаніи войны произведенъ въ капитаны, съ 1776 по 1777 гг. участвовалъ въ усмиреніи бунтовавшихъ татаръ, послѣ чего представлялъ императрицѣ покорившихся князей и мурзъ. Произведенный въ 1786 году въ подполковники, Багратіонъ, въ кампанію 1789 г., участвовалъ въ взятіи Аджибейской крѣпости и города Бендеръ. Во время польскаго возстанія Багратіонъ находился въ передо-

вомъ корпусѣ Дерфельдена; въ 1793 году онъ произведенъ въ полковники, а въ 1795 году командированъ былъ съ Чугуевскимъ регулярнымъ казачьимъ полкомъ въ Персію. Въ 1797 г. Багратіонъ пожалованъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ полка его имени. Въ 1800 г. Багратіонъ съ переименованіемъ въ тайные совѣтники назначенъ былъ присутствовать въ московскихъ департаментахъ сената, потомъ переведенъ въ 6-й департаментъ и получилъ порученіе ревизовать Бѣлорусскую губернію; въ 1805 г. переведенъ въ 7-й департаментъ сената, въ которомъ съ нѣкоторыми перерывами присутствовалъ до самой своей смерти.

Формулярный списокъ о службѣ (Дѣла м—ства юстиціи 1828 г., № 3969, 4804).

Багратіонъ, князь *Петръ Ивановичъ*, генералъ отъ-инфантеріи, потомокъ рода князей грузинскихъ; родился въ 1765 г. въ Кизлярѣ, скончался 12-го сентября 1812 г. Ближайшая родственница Петра Ивановича, княгиня А. А. Голицына (урожд. княжна Грузинская) вызвала его въ 1782 г. въ Россію и представила, для опредѣленія на службу, Потемкину, который зачислилъ его въ Кавказскій мушкетерскій полкъ, дѣйствовавшій на Кавказѣ. Здѣсь для Багратіона впервые открылось боевое поприще, съ котораго, въ продолженіе всей дальнѣйшей жизни, онъ почти уже не сходилъ. Въ 1783 г. Багратіонъ выступилъ въ первый походъ противъ чеченцевъ и затѣмъ нѣсколько лѣтъ участвовалъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ кавказской арміи, а въ 1788 г., находясь въ рядахъ войскъ, сражавшихся съ турками, принялъ участіе въ кровопролитномъ штурмѣ Очакова. Въ 1790 г. Багратіонъ былъ опять на Кавказѣ. Здѣсь, участвуя въ одной изъ стычекъ съ чеченцами, онъ, тяжело раненный, остался на полѣ сраженія и былъ захваченъ горцами, но, къ счастью для него, чеченцы были за что-то благодарны его отцу и потому возвратили плѣннику свободу. Отличная храбрость и мужество, проявленныя Багратіономъ въ бояхъ съ горцами и турками, доставили ему рядъ наградъ: въ 1793 г. онъ былъ уже въ чинѣ премьеръ-маіора. Годъ спустя, онъ снова выступилъ на полѣ битвъ, на этотъ разъ, подъ начальствомъ Суворова, въ Польшѣ. Командуя однимъ эскадрономъ Софійскаго карабинернаго полка, Багратіонъ блистательнымъ образомъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, рѣшившихъ судьбу кампаніи. 25-го іюня подъ Брестомъ, онъ разсѣялъ, собравшуюся тамъ значительную партію конфедератовъ; 7-го іюля участвовалъ въ побѣдѣ надъ поляками при Сѣдлецѣ, 26-го числа, фуражируя съ 50 карабинерами въ окрестностяхъ Дерячина, уничтожилъ втрое сильнѣйшій отрядъ польской кавалеріи; 21-го сентября атаковалъ своимъ эскадрономъ и разбилъ цѣлый польскій отрядъ, состоявшій изъ батальона пѣхоты и 70 человѣкъ конницы; два дня спустя опрокинулъ 6 эскадроновъ кавалеріи конфедератовъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Въ дѣлѣ 13-го октября при мѣстечкѣ Бродахъ Багратіонъ особенно отличился. Натолкнувшись на толпу поляковъ въ 1000 человѣкъ, засѣвшихъ съ одною пушкою въ лѣсу, Багратіонъ, не смотря на значительное превосходство непріятельсилъ силъ, стремительно бросился со своими карабинерами на враговъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и захватилъ, вмѣстѣ съ предводителемъ, болѣе 250 плѣнныхъ и орудіе. Въ награду за это дѣло Багратіонъ получилъ чинъ подполковника (15-го октября). Послѣдними дѣйствіями его въ польской кампаніи, было участіе въ бою подъ Прагою 24-го октября, гдѣ, во время штурма, онъ опрокинулъ стремительнымъ натискомъ непріятельскую кавалерію, обратилъ ее въ бѣгство и гналъ до самой Вислы. Отличенный личною благодарностью Суворова, Багратіонъ 29-го октября, въ рядахъ побѣдоносной арміи, вступилъ въ капитулировавшую Варшаву. Участіе въ кампаніи 1794 г., веденной подъ руководствомъ опытнаго полководца, имѣло для Багратіона важное значеніе, явившись школою для выработки въ немъ тѣхъ боевыхъ пріемовъ, которыми впослѣдствіи онъ всегда старался подражать своему великому учителю Суворову; вмѣстѣ съ тѣмъ, это дало послѣднему возможность подмѣтить въ Багратіонѣ талантъ военачальника-партизана и дать способностямъ его надлежащее примѣненіе, къ чему вскорѣ же представился случай. Произведенный въ 1798 г. въ полковники, Багратіонъ 4-го февраля слѣдующаго года былъ уже въ чинѣ генералъ-маіора; открывшаяся въ 1799 г. кампанія въ Италіи снова поставила его въ ряды арміи, предводительствуемой Суворовымъ, который поручилъ его командованію авангардъ. 10-го апрѣля Багратіонъ первымъ

открылъ боевыя дѣйствія, взявъ, совмѣстно съ отрядомъ австрійскихъ войскъ, крѣпость Брешію. Два дня спустя, преслѣдуя дивизію французскаго генерала Серрюрье, отступавшую за р. Олію, онъ у м. Палацалло натолкнулся на сильный непріятельскій арріергардъ, разбилъ его и, овладѣвъ мѣстечкомъ, бросился далѣе. Исправя испорченный непріятелемъ мостъ, въ тотъ же день переправился Багратіонъ черезъ рѣку Олію, 13-го апрѣля овладѣлъ городомъ Бергамо и 15-го числа настигъ Серрюрье у г. Лекко, гдѣ, послѣ упорнаго 12-ти-часоваго боя, на голову разбилъ французовъ и занялъ городъ. Раненный въ этомъ сраженіи пулею въ ногу, Багратіонъ недолго оставался въ бездѣйствіи: 28-го апрѣля онъ уже участвуетъ во взятіи союзными войсками города Торнтоны, 4-го мая овладѣваетъ Нови, гдѣ захватываетъ значительное количество военныхъ припасовъ; 5-го мая, вмѣстѣ съ австрійскимъ генераломъ Лузиньяномъ, одерживаетъ при Маренго побѣду надъ французскими войсками Моро, и съ 6-го по 9-е іюня является дѣятельнѣйшимъ сподвижникомъ Суворова въ сраженіяхъ на рр. Тидонѣ, Требіи и Нурѣ. Участвуя, вслѣдъ затѣмъ, въ блокадѣ и взятіи Александрійской цитадели, Багратіонъ 23-го іюля съ отдѣльнымъ отрядомъ подступилъ къ стѣнамъ замка Серавалле и на пятый день принудилъ гарнизонъ къ капитуляціи. Присоединившись снова къ арміи, онъ 4-го августа участвовалъ въ сраженіи при Нови, начавъ бой храброю аттакою своего авангарда противъ непріятельскаго центра. 6-го сентября Багратіонъ вступилъ въ Швейцарію. Встрѣтивъ здѣсь 13-го числа, при м. Айроло, непріятельскій отрядъ, Багратіонъ отбросилъ его на большую Сенъ-Готардскую дорогу; на другой день перешелъ черезъ знаменитый Чертовъ мостъ и преслѣдовалъ французовъ до Люцернскаго озера. 16-го сентября захватилъ сильный французскій постъ, болѣе 150 человѣкъ, при деревнѣ Муттенъ; 19-го и 20-го принялъ горячее участіе въ упорномъ сраженіи въ долинѣ Клёнталь, близъ Глариса, гдѣ былъ вторично раненъ. Боевые подвиги Багратіона въ этой войнѣ закончились битвою 24-го сентября у Швандена, гдѣ онъ прикрывалъ движеніе Суворова отъ Глариса къ Эльму. Суворовъ, по справедливости, приписывалъ Багратіону важную роль въ Итальянскомъ походѣ и обращалъ на него вниманіе Императора Павла, „какъ на отличнѣйшаго генерала, достойнаго высшихъ степеней“. По возвращеніи въ Россію, Багратіонъ былъ назначенъ шефомъ лейбъ-егерскаго батальона, переформированнаго впослѣдствіи въ полкъ, шефомъ котораго онъ оставался до конца жизни. Въ 1805 г. Багратіону былъ порученъ авангардъ арміи Голенищева-Кутузова, назначенной для вспоможенія Австріи; но едва войска вступили въ Баварію, какъ Ульмская побѣда Наполеона совершенно измѣнила планъ кампаніи; русская армія, лишенная значительныхъ силъ союзника, принуждена была поспѣшно отступать къ своимъ границамъ, преслѣдуемая 7 французскими корпусами. На Багратіона была возложена отвѣтственная задача — отступая послѣднимъ, сдерживать натискъ преслѣдующаго непріятеля и тѣмъ дать возможность всей арміи перебраться черезъ рѣку Дунай. Это и было достигнуто, благодаря стойкому сопротивленію нашего арріергарда, въ сраженіяхъ при Ламбахѣ и Энцѣ въ особенности же у Амштетена 24-го октября, гдѣ Багратіонъ нѣсколько разъ былъ атакованъ значительными войсками Мюрата, но послѣ ожесточеннаго боя отбилъ ихъ и заставилъ отступить въ безпорядкѣ. Въ это время русская армія уже переправилась у Маутерна, но Вѣна сдалась, и Наполеонъ, перейдя въ свою очередь Дунай, бросился къ Цнайму на перерѣзъ пути отступленія Кутузова; арміи грозила серьезная опасность. Спасителемъ ея снова явился Багратіонъ. Съ 6.000 гренадеръ, обрекая себя на неизбѣжную гибель, онъ вступилъ въ бой съ непріятелемъ, давая тѣмъ возможность главнымъ силамъ выиграть время для отступленія. 4-го ноября произошла кровопролитная восьмичасовая битва при Шенграбенѣ; Багратіонъ устоялъ противъ 30.000 французскихъ войскъ, и, потерявъ до 2.000 человѣкъ, отступилъ и присоединился къ арміи. За этотъ подвигъ, Багратіонъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта и австрійскимъ командорскимъ орденомъ Маріи Терезіи. Разбивъ, вслѣдъ затѣмъ, французскій отрядъ при Витау и Раусницѣ, Багратіонъ 20-го ноября принялъ участіе въ Аустерлицкомъ сраженіи, гдѣ командовалъ правымъ крыломъ арміи, а затѣмъ прикрывалъ отступленіе русскихъ войскъ. Въ кампаніи 1807 г. Багратіонъ снова является

однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и участникомъ почти всѣхъ дѣйствій русской арміи, въ томъ числѣ кровопролитнаго сраженія 27-го января подъ Прейсишъ-Эйлау. Прикрывая, вслѣдъ затѣмъ, отступленіе къ Кенигсбергу арміи Бенигсена, арріергардъ которой составлялъ его корпусъ, онъ принялъ участіе въ дѣлѣ подъ Гутштатомъ; 29-го мая у Гейльсбергскихъ высотъ упорно задерживалъ натискъ Наполеона, и тѣмъ далъ возможность войскамъ Бенигсена укрѣпиться на этихъ высотахъ; 2-го іюня не выходилъ изъ жестокаго огня 16-ти часового боя подъ Фридландомъ, и, наконецъ, снова прикрывалъ отступленіе арміи къ Тильзиту. Когда открылись военныя дѣйствія противъ Швеціи, Багратіонъ принялъ участіе въ нихъ, начальствуя 21-ою дивизіею, которая составляла одну изъ колоннъ арміи графа Буксгевдена. Разбивъ въ ночь съ 15-го на 16-е февраля у Артчіо бригаду шведскаго генерала Адлеркрейца, Багратіонъ 28-го числа занялъ городъ Тамерфорсъ, 4-го марта атаковалъ генерала Клингспорра у Біернеборга, овладѣлъ городомъ и въ теченіе одной недѣли очистилъ отъ непріятеля всю часть Финляндіи, по Ботническому заливу отъ Або до Гамле-Карлеби. По болѣзни, Багратіонъ вынужденъ былъ на время оставить армію, сдавъ командованіе генералу К. Ѳ. Багговуту. Вернувшись осенью, онъ одержалъ новую побѣду, разбивъ 15-го сентября у Гельзинга, на глазахъ шведскаго короля, его армію, предводительствуемую генералами Бойе и Лантисгаузеномъ. Въ мартѣ 1809 г. Багратіону было предписано двинуться къ Стокгольму, перейдя Ботническій заливъ по льду изъ Або черезъ Аландскіе острова. Здѣсь, между прочимъ, сказался въ немъ старый суворовскій солдатъ; будучи рѣшительно противъ подобнаго похода, онъ на всѣ доводы военнаго министра гр. Аракчеева, отвѣтилъ только: „прикажете—пойдемъ", и уже приступилъ къ выполненію операціи, но внезапная перемѣна правленія въ Швеціи остановила войну, завершивъ ее Фридрихсгамскимъ миромъ 5-го сентября. Подвиги Багратіона въ эту кампанію были награждены чиномъ генерала-отъ-инфантеріи. Въ томъ же году его ожидало новое дѣло, болѣе отвѣтственное и серьезное. 9-го августа 1809 г. умеръ главнокомандующій арміею, дѣйствовавшею противъ Турціи, князь Прозоровскій, и его обязанности были возложены на Багратіона. Съ обычною быстротою, онъ открылъ наступательныя дѣйствія по правому берегу Дуная: 18-го августа занялъ Мачинъ; четыре дня спустя принудилъ къ сдачѣ крѣпость Гирсово; 30-го числа, благодаря побѣдѣ графа Ланжерона и Эссена занялъ крѣпость Кюстенджи; наконецъ, 4-го сентября Багратіонъ нанесъ рѣшительное пораженіе при Рассеватѣ арміи Хозрева-Мегмедъ-паши, и обложилъ крѣпость Силистрію. Въ то же время, посланный имъ отрядъ, подъ предводительствомъ генерала Эссена, занялъ 14-го сентября Измаилъ, а недѣлю спустя принудилъ къ капитуляціи гарнизонъ Браилова. Но осада Силистріи затянулась, такъ какъ къ ней поспѣшилъ на помощь великій визирь. Половина его арміи, численностью почти равная арміи Багратіона, явилась уже на помощь осажденнымъ. 10-го октября подъ Татарицею завязался горячій бой. Багратіонъ геройски отражалъ всѣ атаки непріятеля, не уступилъ ни пяди земли и удержался на занятой имъ позиціи; но къ Силистріи подходила уже другая половина арміи великаго визиря, русскія же войска ни откуда не могли ожидать себѣ подкрѣпленія. Завязывать новый бой при подобныхъ условіяхъ представлялось Багратіону безразсуднымъ; онъ рѣшилъ отступить за Дунай и пріостановить военныя дѣйствія, разсчитывая возобновить ихъ весною, съ новыми, болѣе значительными средствами и по вновь составленному имъ плану. Объ этомъ онъ донесъ въ Петербургъ, но тамъ его заподозрѣли въ нерѣшительности и робости, и въ мартѣ 1810 г. былъ назначенъ новый главнокомандующій, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Н. М. Каменскій. Здѣсь Багратіонъ еще разъ доказалъ свое умѣніе жертвовать личными чувствами общимъ интересамъ; подчинившись безропотно, онъ только скорбѣлъ объ утраченномъ къ нему довѣріи Государя; однако, въ этомъ онъ вскорѣ долженъ былъ разубѣдиться. Насталъ тяжелый 1812 г., и Багратіону, въ числѣ немногихъ, было поручено изложить свои соображенія о дѣйствіяхъ для борьбы съ Наполеономъ. Обширный „планъ будущей кампаніи", представленный Багратіономъ Государю, былъ построенъ на наступленіи. Хотя онъ и не былъ принятъ вполнѣ, но многія мысли Багратіона оказали замѣтное вліяніе на ходъ

войны, что, напримѣръ, видно изъ раздѣленія войскъ на арміи, изъ устройства магазиновъ въ пограничномъ пространствѣ и во мн. др. Передъ началомъ военныхъ дѣйствій, Багратіону было поручено начальство надъ 48-ми тысячною второю западною арміей, прикрывавшей границы Россіи со стороны Польши. Когда выяснилось движеніе Наполеона на Вильно и Витебскъ, Багратіонъ предпринялъ отступательный маршъ, спѣша на соединеніе съ арміею Барклай-де-Толли. Преслѣдуемый по пятамъ, Багратіонъ съ рѣдкимъ искусствомъ совершилъ свое отступленіе, отражая самые упорные натиски непріятеля. 28-го іюня онъ подвергся нападенію французскаго авангарда вестфальскаго короля Іеронима, но блестяще разбилъ его у м. Мира; 2-го іюля съ такимъ же успѣхомъ разсѣялъ при м. Романовѣ непріятельскую кавалерію, 11-го іюля атаковалъ при Салтановкѣ корпусъ Даву, заградившій ему путь къ Могилеву, но, не успѣвъ пробиться, переправился черезъ Днѣпръ у Новаго Быхова. 17-го августа Багратіонъ соединился въ Смоленскѣ съ 1-го арміею, подчинился, не смотря на свое старшинство въ чинѣ, общему начальству Барклая-де-Толли и продолжалъ совмѣстныя дѣйствія противъ непріятеля во время отступленія къ Москвѣ. Подъ Бородинымъ онъ получилъ назначеніе руководить дѣйствіями лѣваго фланга арміи, самою слабою частью позиціи; противъ него перваго направилъ Наполеонъ свои атаки. Въ сраженіи у Шевардинскаго редута, 24-го августа, русскіе должны были отступить; бой 26-го числа начался новыми атаками на лѣвый флангъ. Отбивая ихъ, Багратіонъ перешелъ даже самъ въ частное наступленіе на французовъ, атаковавшихъ Семеновскія укрѣпленія, но въ это время, въ самый горячій моментъ боя, онъ былъ раненъ въ переднюю часть правой берцовой кости осколкомъ гранаты. Рана на первый взглядъ казалась мало опасною, князя вынесли съ поля сраженія и доставили въ Москву, гдѣ взялись за лѣченіе, и не безъ успѣха, профессоръ хирургіи Гильдебрантъ и докторъ Говоровъ; но событія послѣдующихъ дней придали болѣзни смертельный исходъ. Убитый вѣстью о сдачѣ Москвы, Багратіонъ оставилъ столицу и направился въ село Симы, Владимірской губерніи; тяжелый переѣздъ по худой проселочной дорогѣ и моральное безпокойство вызвали въ больномъ горячку, а вслѣдъ затѣмъ на ранѣ появилась гангрена. Въ страшныхъ мученіяхъ, не приходя въ сознаніе, князь Петръ Ивановичъ скончался въ с. Симахъ, имѣніи лучшаго своего друга кн. Б. А. Голицына, гдѣ и былъ погребенъ.—Историки войнъ и походовъ, связанныхъ съ участіемъ Багратіона, единогласно признаютъ за нимъ славу мужественнаго героя, и, если не всѣ считаютъ его способнымъ предводительствовать большими арміями, то нѣтъ несогласія въ характеристикѣ его, какъ выдающагося, образцоваго военачальника-партизана. Извѣстіе о его кончинѣ вызвало искреннія сожалѣнія арміи, потерявшей въ Багратіонѣ достойнѣйшаго и мужественнаго начальника. Память о немъ еще долго оставалась живою, и 27 лѣтъ спустя, Императоръ Николай, воздвигая на Бородинскомъ полѣ памятникъ павшимъ въ бою воинамъ, приказалъ перенести сюда же останки князя Петра Ивановича и похоронить въ оградѣ памятника, что и было выполнено, при торжественномъ участіи войскъ, 5-го іюля 1839 г.—Петръ Ивановичъ состоялъ въ супружествѣ съ графинею Екатериною Павловною Скавронскою, но дѣтей не имѣлъ.—Кромѣ упомянутыхъ уже наградъ, кн. П. И. Багратіонъ имѣлъ слѣдующія знаки отличія: орденъ св. Анны 1 степ. и командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго за итальянскую кампанію; орденъ св. Георгія 2 класса за кампанію 1805 г., орденъ св. Александра Невскаго и золотое съ алмазами оружіе—за дѣйствія въ 1807 г.; орденъ св. Владиміра 1 степ.—за финляндскій походъ; орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго—за войну противъ турокъ 1809 г. Изъ иностранныхъ орденовъ упомянемъ: Сардинскіе — св. Маврикія и Лазаря 1 класса и прусскіе — Чернаго и Краснаго Орла 1 степ.

Михайловскій - Данилевскій: «Описаніе войнъ 1805, 1806 — 1807, финляндской 1808 — 1809 и 1812 гг.».—Богдановичъ: «Исторія царствованія Александра I», «Исторія Отечественной войны».—Дубровинъ: «Матеріалъ для исторіи царствованія Александра I» («Воен. Сб.» 1864 г., т. 40 и 1865 года т. 41).—«Дѣянія рос. полководцевъ и генераловъ», Спб. 1822 г., ч. I.—«Рус. Инв.» 1838 г., №№ 202, 208, 235; 1839 г. № 182.—«Перенесеніе тѣла кн. Багратіона на Бородинское поле». М. 1839 г.—«Послѣдніе дни жизни Багратіона» Я. Говорова, Спб. 1815 г.—«Сынъ Отечества», 1813 г., № 11, стр. 227—228.—«Вѣсть» 1865 г., № 6.—«Рус. Инвал.» 1858 г., № 1.—«Истор. Вѣстн.», 1884 г., тт. XV, стр. 447 и XVII, стр. 705.—«Рус. Стар.» 1874 г., тт. IX, стр. 767—770, X, 646, 648, 651—

653, XI, 613, 617, 623, 629, 631, 633, 635; 1875, т. XII, 28, 30, 35, 37, 38 и XIV, 201.—«Рус. Архивъ» 1864 г., стр. 914—915; 1865 г., стр. 397.—Словари: Плюшара, Зедлера, Старчевскаго, Толя, Березина, Клюшникова, Андреевскаго и Леера, *Д. С—въ.*

Багратіонъ, *князь Петръ Романовичъ*, генералъ-лейтенантъ, лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ, племянникъ героя Отечественной войны, род. 24-го сентября 1818 г., ум. 17-го января 1876 г. Получивъ всестороннее домашнее образованіе, Багратіонъ поступилъ 26-го ноября 1831 г. въ бывшую школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; 11-го декабря 1835 г. опредѣлился юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конно-піонерный эскадронъ, 6-го сентября 1837 г. произведенъ въ прапорщики, а 16-го іюня 1840 г.—въ чинъ подпоручика; 30-го декабря того же года назначенъ адъютантомъ къ исправляющему должность начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса, и 11-го октября 1842 г. получилъ слѣдующій чинъ. Обративъ на себя вниманіе изученіемъ артиллерійскихъ и инженерныхъ наукъ и трудами по гальванической части, князь Петръ Романовичъ удостоился 3-го ноября 1843 г. за свои труды ордена св. Станислава 3 степени, а 9-го мая 1844 г.—Высочайшаго благоволенія за очистку кронштадтской гавани отъ льда гальваническимъ способомъ; затѣмъ въ октябрѣ того же года командированъ на шесть мѣсяцевъ къ инженеръ-генералу Витовтову въ Германію, Францію и Англію изучать подъ его руководствомъ примѣненіе гальванизма къ инженерному дѣлу. Состоя съ 19-го іюня 1845 г. адъютантомъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, князь Багратіонъ сопровождалъ его за границу и, находясь при немъ, награжденъ чинами штабсъ-капитана, капитана и полковника, а также орденами высшихъ степеней: шведскимъ—св. Олафа, португальскимъ—Христа, неаполитанскимъ—св. Франциска, гессенскимъ—Филиппа Великодушнаго, баварскимъ—св. Михаила и баденскимъ — Церингенскаго льва. Удостоенный 23-го октября 1852 г. званія флигель-адъютанта и прикомандированный къ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскому полку для испытанія фронтовой службы, Багратіонъ окончилъ съ большимъ успѣхомъ возложенныя на него въ 1853 и 1854 гг. порученія по пріему рекрутъ въ Тульской и Харьковской губерніяхъ; отличное же состояніе дивизіона конно-гренадеръ, ввѣреннаго его командованію на маневрахъ и ученіяхъ въ присутствіи Императора Николая I, доставило князю неоднократныя Его Величества благоволенія.—9-го сентября 1854 г. князь Багратіонъ назначенъ исправляющимъ должность коменданта Императорской главной квартиры, при чемъ принялъ и начальство надъ отправленнымъ въ Варшаву собственнымъ Его Императорскаго Величества конвоемъ, а въ слѣдующемъ 1855 г., временно командированъ въ Воронежскую губернію для усмиренія волненій среди мѣстныхъ крестьянъ. Порученіе это князь Багратіонъ выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ. За благоустройство командуемыхъ имъ частей, князь Багратіонъ удостоился въ 1856 г. Высочайшихъ благоволеній въ бытность Императора Александра II въ Варшавѣ, а также и въ Москвѣ. во время Коронованія Ихъ Величествъ; 15-го августа того же года награжденъ орденомъ св. Станислава второй степени, а 26-го числа того же мѣсяца назначенъ командиромъ собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя. Зачисленный въ 1857 г. въ лейбъ-гвардіи Кавказскій эскадронъ, князь Петръ Романовичъ снова удостоился неоднократныхъ Высочайшихъ благоволеній за смотры и ученія въ присутствіи Государя. 30-го августа 1858 года князь Багратіонъ получилъ орденъ св. Анны второй степени и произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Въ 1859 и 1861 гг. на князя возложены оконченныя имъ съ большимъ успѣхомъ порученія: въ Курскую губернію по призыву отпускныхъ нижнихъ чиновъ на укомплектованіе войскъ, приводимыхъ въ военное положеніе, и въ Пермскую—по примѣненію крестьянской реформы. 30-го августа 1861 г. князь получилъ орденъ св. Владиміра третьей степени, 29-го октября—Высочайшую признательность за успѣхъ послѣдняго порученія, 30-го августа 1862 г.—орденъ св. Станислава первой степени и знакъ отличія за введеніе въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. 14-го сентября того же 1862 г. Багратіонъ былъ назначенъ тверскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. На этомъ посту онъ дѣйствовалъ весьма энергично и въ то же

время успѣлъ расположить къ себѣ всѣхъ, такъ какъ, обладая большимъ тактомъ и выдержкой, совершенно устранилъ столкновенія администраціи съ новыми земскими и судебными учрежденіями. Къ числу весьма полезныхъ мѣропріятій князя Багратіона въ Твери относятся: устройство землянаго вала для огражденія затмацкихъ жителей отъ наводненій во время весенняго разлитія рѣкъ и проведеніе желѣзнодорожной вѣтви отъ Тверской станціи къ р. Волгѣ, и телеграфныхъ линій отъ той же станціи къ губернскому городу, а оттуда въ Старицу и Ржевъ. Кромѣ того, во время его управленія значительно улучшена тверская публичная библіотека; для желающихъ ближе ознакомиться съ состояніемъ губерніи во всѣхъ отношеніяхъ, основанъ музей, а при участіи земства и содѣйствіи минералогическаго общества, произведены мѣстныя геологическія изслѣдованія. При отбытіи уважаемаго всѣми губернатора въ мартѣ 1868 г. къ новому мѣсту служенія, тверскіе земскіе дѣятели выразили ему письменно чувства искренней признательности за постоянное содѣйствіе ихъ трудамъ; тверское же городское общество положило основать въ мѣстной губернской женской гимназіи и дѣтскомъ пріютѣ стипендіи его имени, а также имени его супруги и собрать въ память князя капиталъ, проценты съ котораго обратить на обученіе ремесламъ бѣдныхъ дѣтей. 4-го апрѣля 1865 г. князь Багратіонъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени съ императорской короной и мечами; 30-го августа того же года — чиномъ генералъ-лейтенанта, а Высочайшимъ указомъ 25-го марта 1868 г. назначенъ помощникомъ по гражданской части Виленскаго генералъ-губернатора А. Л. Потапова. Князь Багратіонъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды Потапова на обрусѣніе Сѣверо-Западнаго края посредствомъ примирительнаго образа дѣйствій, и потому былъ весьма полезнымъ сотрудникомъ его. Въ 1870 г., во время нахожденія генералъ-губернатора въ отпуску, Багратіонъ весьма успѣшно исправлялъ его должность, за что и удостоенъ, 14-го сентября того же года, Монаршей признательности. 22-го сентября того же года князь Багратіонъ занялъ должность Лифляндскаго, Курляндскаго и Эстляндскаго генералъ-губернатора. Содѣйствуя на этомъ посту примѣненію къ прибалтійскимъ губерніямъ реформъ, дарованныхъ Императоромъ Александромъ II, князь Багратіонъ употреблялъ всѣ мѣры къ объединенію Остзейскаго края съ прочими областями Имперіи и къ преобладанію въ этомъ краѣ русскаго элемента, при чемъ всегда былъ готовъ на упорную борьбу съ всѣмъ, что противодѣйствовало русскимъ принципамъ. По собственному его выбору въ подвѣдомственныя ему губерніи были назначены такіе высшіе дѣятели, которые могли бы водворить съ желаемымъ успѣхомъ русскія начала. Князь Багратіонъ строго охранялъ неприкосновенность въ краѣ городового положенія 1870 г. и судебныхъ уставовъ 1864 года, заботился о благоустройствѣ православныхъ сельскихъ приходовъ, народныхъ школъ, старался ввести обязательное преподаваніе русскаго языка въ училищахъ. Пріѣхавъ въ январѣ 1876 г. по дѣламъ службы въ Петербургъ, князь Багратіонъ скончался внезапно отъ астмы. Тѣло предано землѣ 20-го января 1876 г., въ петербургскомъ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ особо воздвигнутой часовнѣ.

Послужной списокъ князя П. Р. Багратіона, хранящійся въ архивѣ Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—«Русскій Инвалидъ» 1876 г. № 15.—«Голосъ» 1876 г. № 18.—«Биржевыя Вѣдомости» 1868 г. № 17.—«Гражданинъ» 1876 г. № 3.—«Домашняя Бесѣда» 1876 г. № 5.—«Тверскія Вѣдомости» 1868 г. № 27.— «Рижскій Вѣстникъ» 1876 г. № 14.—Словари: Березина, Клюшникова, Брокгауза-Эфрона.

Багратіонъ-Имеретинскій, *князь Дмитрій Георгіевичъ,* генералъ-маіоръ, потомокъ прежнихъ правителей Имеретіи, родился въ 1800 г., ум. 6-го ноября 1845 г. Въ 1811 г. прибылъ изъ Закавказскаго края въ Петербургъ, для опредѣленія въ Пажескій корпусъ, откуда, по окончаніи курса, въ 1816 г. былъ выпущенъ, въ чинѣ корнета, въ литовскій уланскій полкъ, а въ Январѣ слѣдующаго года переведенъ л.-гв. въ уланскій полкъ. Въ рядахъ послѣдняго, дослужившись уже до чина ротмистра и командуя эскадрономъ, Багратіонъ принялъ участіе въ походѣ противъ Турціи 1828—1829 гг. Находясь во многихъ дѣлахъ кампаніи, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе личною храбростью и распорядительностью, въ особенности же въ самостоятельно произведен-

ной имъ усиленной рекогносцировкѣ расположенія 30-ти тысячной арміи паши Омера-Вріоне, и въ сраженіи при р. Камчикѣ. Съ орденомъ св. Анны 2-й степ. и чиномъ полковника, полученными имъ за боевыя отличія, Багратіонъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, возвратился съ полкомъ въ Петербургъ. Здѣсь, въ 1830 г., по выступленіи гвардіи въ Польшу, на него было возложено формированіе полковыхъ резервовъ; въ 1833 г. онъ получилъ въ командованіе Курляндскій уланскій полкъ и 1-го августа 1836 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи и при бывшемъ инспекторѣ всей поселенной кавалеріи, графѣ Витте. 6-го декабря того же года Багратіонъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи, за отличное состояніе которой награжденъ въ 1837 г. орденомъ св. Станислава 1-й степени; 6-го декабря 1837 г. получилъ въ командованіе л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ и ровно годъ спустя, назначенъ командиромъ 2-й бригады 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Формуляръ дальнѣйшей службы князя Дмитрія Георгіевича отмѣченъ пожалованіемъ ему ряда наградъ: 6-го декабря 1839 г.—ордена св. Анны 1-й степени, 1-го іюля 1842 г.—прусскаго ордена Краснаго Орла 2-й степени со звѣздою, а 6-го декабря 1843 г.—ордена св. Владиміра 2-й степени. 22-го сентября 1845 г. Багратіонъ былъ назначенъ командующимъ 2-ю легкою кавалерійскою дивизіею, но тяжелая болѣзнь привела его къ кончинѣ и помѣшала ему явиться къ новому мѣсту служенія.

«Русскій Инвалидъ», 1846 г., № 86. — Справочный энциклопедическій словарь А. Старчевскаго.

Багратіонъ - Мухранскій, *князь Георгій Константиновичъ*, род. въ 1822 г., ум. 13-го января 1877 г. Кончивъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія съ чиномъ титулярнаго совѣтника, въ 1842 г. онъ былъ опредѣленъ въ штатъ канцеляріи I отд. 3 департ. Сената, въ 1845 г. сталъ секретаремъ въ 1 департ., въ 1846 г. прикомандированъ къ экспедиціи для производства дѣлъ по торгамъ на питейные откупа, въ 1848 г. исправлялъ должность оберъ-секретаря, а въ 1849 г. назначенъ предсѣдателемъ эриванскаго губернскаго суда. Въ 1852 г. онъ былъ откомандированъ къ намѣстнику кавказскому для занятій по судебной части, въ 1854 г. назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія Закавказскаго края, а въ 1859 г.—членомъ совѣта кавказскаго намѣстника и директоромъ департамента судебныхъ дѣлъ на Кавказѣ. Въ 1866 г. Багратіонъ производилъ ревизію судебныхъ учрежденій по всему Закавказскому краю и крестьянскихъ учрежденій въ Кутаисской губерніи; въ томъ же году онъ пожалованъ въ званіе сенатора. Въ 1867 г. Багратіонъ ревизовалъ административныя учрежденія Тифлисской губерніи. Въ томъ же году, и за тѣмъ въ 1870, и съ 1874 по 1876 гг. временно исправлялъ должность начальника главнаго управленія намѣстника кавказскаго; въ 1871 г. назначенъ статсъ-секретаремъ. Въ 1872 г. Багратіонъ производилъ обозрѣніе Елизаветпольской губерніи. Умеръ онъ скоропостижно, во время заграничнаго отпуска, въ Парижѣ. По сенату Багратіонъ значится неприсутствующимъ сенаторомъ съ 1866 по 1876 гг.

Формулярный списокъ о службѣ кн. Багратіонъ-Мухранскаго въ Сенатскомъ Архивѣ.

Багратъ *Георгіевичъ*, царевичъ Грузинскій, сынъ послѣдняго царя Грузіи Георгія XIII, отъ брака съ княжною Кетевани Андрониковой, род. 8-го мая 1776 г., ум. 8-го мая 1841 г. Во время царствованія отца своего управлялъ Кахетинскою провинціею; въ 1800 г., послѣ похода противъ аварскаго хана, за храбрость награжденъ малымъ мальтійскимъ крестомъ. 15-го мая 1802 г. ему назначенъ ежегодный пенсіонъ въ 10 тысячъ рублей, а 25-го августа 1804 г. ему дано было пособіе въ 150 тысячъ рублей на покупку недвижимаго имѣнія бывшаго царскаго грузинскаго дома. Въ 1818 г. Багратъ пожалованъ въ камергеры, въ 1828 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ къ присутствованію въ сенатѣ, сначала въ 3-мъ отдѣленіи 5-го департамента, а съ 1832 г. по 1841—во временномъ общемъ собраніи сената.

Дѣла М — ства Юстиціи 1811 г., № 1373 и 1841 г., № 6822.

Багрецовъ, *Иванъ*, черносошный крестьянинъ г. Архангельска; 31-го іюля 1768 г., принялъ званіе депутата Коммиссіи Новаго Уложенія отъ представителя

ясашныхъ крестьянъ Казанской провинціи, Ивана Ковалева. Во время засѣданій поддерживалъ мнѣнія: о разрѣшеніи дворянамъ устраивать лишь нѣкоторые роды фабрикъ, и то безъ права пользованія на нихъ крестьянскимъ трудомъ; чтобы не только дворяне, но и всякіе земледѣльцы имѣли въ своихъ дачахъ рыбныя ловли, звѣриныя и птичьи охоты; чтобы дворяне не судились особыми судьями; чтобы доносы крѣпостныхъ на благородныхъ имѣли силу и др.

«Сборн. Им. Р. И. Общ.» XXXII, 231, 255, 270.

Багрецовъ, *Ѳедоръ Алексѣевичъ*, композиторъ церковной музыки, род. 1811 г., ум. 26-го мая 1874 г.; былъ въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ регентомъ Чудовскаго хора въ Москвѣ, славившагося въ его время художественнымъ и вмѣстѣ строго соотвѣтствующимъ духу православія исполненіемъ церковныхъ пѣснопѣній. Изъ его сочиненій слѣдуетъ упомянуть переложеніе Херувимской пѣсни, „Господи спаси благочестивыя" B-mineur; Вѣрую—G-dur, Тебе поемъ — G-mol, Утоли моя печали—A-mol и мн. др. Онъ оставилъ много учениковъ, въ ихъ числѣ П. А. Скворцова, П. І. Сахарова и др.

Некрологъ Г. У. въ «Соврем. Изв.» 1874, № 127.

Багрѣева-Фролова или *Багрѣева-Сперанская, Елизавета Михайловна*, дочь графа Сперанскаго, род. въ 1798 г., ум. 23-го марта 1857 г. Была съ 1822 г. замужемъ за сенаторомъ Александромъ Алексѣевичемъ Фроловымъ-Багрѣевымъ, умершимъ въ 1846 г. Подъ вліяніемъ смерти сына, убитаго на дуэли, Багрѣева впала въ религіозный мистицизмъ и написала „Méditations Chrétiennes" (изд. въ Брюсселѣ), книгу, полную мистически-нравоучительныхъ размышленій. Послѣ паломничества въ Палестину Багрѣева издала „Les pélérins russes à Jerusalem" (Лейпцигъ, 1854—1857). Позже она написала нѣсколько романовъ на французскомъ языкѣ, сюжеты которыхъ взяты изъ русской жизни, въ родѣ: „Le Starovèr et sa fille", „Une famille Thoungouse", „Les îles de la Néva à St.-Petersbourg" (1857 и 1858 гг.). На нѣм. языкѣ ею написана драма „Ein Kosacken-Zar" (Прага, 1855). Послѣ смерти мужа Багрѣева все время жила за границею и умерла въ Вѣнѣ.

Полная библіографія въ словарѣ Голицына.— Некрологъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., 381, и въ «Русск. Архивѣ» 1868 г.— Мордовцевъ, «Русскія женщины новаго времени».—«Сѣверн. Пчела», 1857, № 96.

Багрянскій, *Михаилъ Ивановичъ*, врачъ-писатель, род. 29-го окт. 1762 г., въ семьѣ священника, ум. 6-го іюня 1813 г. въ Москвѣ; образованіе получилъ въ московской университетской гимназіи, затѣмъ перешелъ въ московскій университетъ. Будучи студентомъ, онъ близко сошелся съ Новиковымъ, Шварцемъ и другими московскими мартинистами и розенкрейцерами. Послѣдніе помогли ему отправиться въ 1786 г. за границу для усовершенствованія въ медицинѣ. Въ Лейденѣ Багрянскій въ 1787 г. получилъ степень доктора (его „Theses medicae inaugurales". 1788). Вернувшись въ Москву, онъ занялся практикой и въ то же время интересовался дѣлами масонства. Когда произошелъ разгромъ московскаго масонства, Багрянскій, изъ преданности къ Новикову, послѣдовалъ за нимъ въ Шлиссельбургъ и оставался тамъ до освобожденія его. Съ 1797—1800 г. Багрянскій былъ губернскимъ врачемъ въ Ярославлѣ; съ 1800 по 1802 г.—инспекторомъ врачебной управы тамъ же; съ 1802 по 1806 г.—инспекторомъ московской медико-хирургической академіи; съ 1806 по 1808 г.—членомъ медицинской конторы петербургской медико-хирургической академіи; въ 1808 г. опять перешелъ въ Москву, сначала инспекторомъ, а потомъ ученымъ секретаремъ академіи. Еще студентомъ Багрянскій занимался переводомъ мистическихъ книгъ, печатавшихся въ типографіи Лопухина и „Дружескаго общества". Вмѣстѣ съ Кутузовымъ онъ перевелъ „Таинство Креста". (Съ фр. М. 1784), а самостоятельно — „Древнюю и Новую Исторію" аббата Милота (9 ч. М. 1785. Изд. 2-е подъ заглавіемъ „Основанія Всеобщей Исторіи", М. 1804—1806). Ему же принадлежитъ рядъ статей въ „Московскомъ ежемѣсячномъ изданіи" и „Утренней (Вечерней) Зарѣ". Его переводъ повѣсти „Инеса де Кастро" помѣщенъ въ „Городской и деревенской Библіотекѣ" (ч. I).

«Показанія доктора Багрянскаго» («Сборн. Имп. Р. Ист. Общ.». II, 130—133). — «Всеобщій

журналъ врачебной науки» 1813 (№ IV).—С. А. Венгеровъ, «Критико-біограф. словарь» (II, 22—23).—Неустроевъ «Истор. Разыск.».—Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты».

Бадмаевъ, въ язычествѣ Сильтимъ, по принятіи православія *Александръ Александровичъ*, лекторъ монгольскаго языка при С.-Петербургскомъ университетѣ, бурятъ изъ восточной Сибири, бывшій старшій лама Ачинской степной думы, ум. 27-го сентября 1873 г. Съ 1853 г. сталъ извѣстенъ своими познаніями въ тибетской медицинѣ и необыкновенно счастливой медицинской практикой между нерчинскими бурятами. Въ 1860 г., избранный въ члены сотрудники по Сибирскому Отдѣлу Импер. Русск. Географ. Общества, Бадмаевъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и былъ прикомандированъ, по Высочайшему повелѣнію, къ 1-му Военно-Сухопутному Госпиталю, гдѣ онъ слѣдилъ за способами лѣченія госпитальныхъ врачей и самъ съ большимъ успѣхомъ пользовалъ отъ разныхъ болѣзней, преимущественно отъ чахотки и рака. Въ 1861 г. выдержалъ экзаменъ на званіе лѣкарскаго помощника и получилъ назначеніе состоять „медицинскимъ практикомъ" при бурятахъ. Въ 1864 г. ему было Высочайше разрѣшено прикомандироваться на два года къ Медико-Хирургической академіи для изученія хирургіи. Пріобрѣтя въ Петербургѣ громадную практику, онъ не захотѣлъ покидать столицу и предложилъ свои услуги университету въ качествѣ лектора монгольскаго языка безплатно, лишь съ правомъ службы; университетъ воспользовался его предложеніемъ, и съ 1866 г. онъ занялъ каѳедру монгольскаго языка, вмѣсто уволеннаго по болѣзни Кутузова.

Дополненіе къ словарю Толя. — Словари Клюшникова и Андреевскаго. — «Импер. С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія» В. В. Григорьева. Спб. 1870. — Н. И. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи», въ «Трудахъ 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1876 г.».

Бажановъ, *Алексѣй Михайловичъ*, профессоръ агрономіи въ Горыгорецкомъ институтѣ и зоотехніи въ Лѣсномъ институтѣ, нѣкоторое время директоръ Ново-Александрійскаго института, род. въ 1820 г., ум. 6-го авг. 1889 г. Происходя изъ духовнаго званія, учился въ Калужской семинаріи, а затѣмъ въ Горыгорецкомъ институтѣ, который окончилъ въ 1851 г. За диссертацію „О воздѣлываніи пшеницы, съ описаніемъ породъ, разводимыхъ въ Россіи" удостоенъ въ 1856 г. степени магистра сельскаго хозяйства. Другіе труды Бажанова: „Начальныя основанія ботаники" (М. 1853), „Популярное наставленіе объ уходѣ за рогатымъ скотомъ со времени рожденія до совершеннаго возраста" (М. 1852), „Опыты земледѣлія вольно-наемнымъ трудомъ" (2 изд. 1861), „Что можно заимствовать у иностранцевъ по части земледѣлія" (Спб. 1863), переводъ руководства В. Баумейстера: „О разведеніи, содержаніи и употребленіи домашнихъ животныхъ" (1865—1867 гг.), „Руководство къ разведенію крупнаго рогатаго скота, примѣнительно къ климатическимъ и сельскохозяйственнымъ условіямъ Россіи" (Спб. 1867).

Словари: Березина, Андреевскаго, Богданова («Сельск. хоз.»).

Бажановъ, *Василій Борисовичъ*, протопресвитеръ и членъ Св. Синода, род. 7-го марта 1800 г., въ селѣ Миротинахъ (Тульской губ., Алексинскаго уѣзда), умеръ 31-го іюля 1883 г. Сынъ сельскаго діакона, Бажановъ обучался сначала у дѣда — дьячка, потомъ, въ 1810 г, поступилъ въ Тульскую семинарію, гдѣ сильно бѣдствовалъ, но учился хорошо, а въ 1819 г. былъ отправленъ въ С.-Петербургскую духовную академію. Окончивъ въ 1823 г. курсъ со степенью магистра, Бажановъ въ 1826 г. преподавалъ Законъ Божій во II кадетскомъ корпусѣ. Въ 1827 г. онъ занялъ въ университетѣ каѳедру богословія послѣ Павскаго и занималъ эту каѳедру до 1836 г.; Бажановъ преподавалъ также въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ 1835 г. Бажановъ былъ приглашенъ преподавателемъ Закона Божія къ Наслѣднику престола и съ тѣхъ поръ вступилъ въ тѣсныя отношенія къ Императорскому дому, не прекращавшіяся до его смерти. Какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, императоръ Николай Павловичъ зашелъ къ нему разъ на урокъ Закона Божія въ 1-ю гимназію, прослушалъ его съ четверть часа и, по возвращеніи во дворецъ, заявилъ, что нашелъ, наконецъ, законоучителя для Наслѣдника. Преподаваніе Наслѣднику Бажановъ повелъ совершенно

независимо отъ шаблона, не придавая ему узкаго, школьнаго характера; основаніемъ онъ положилъ свою же книгу: „Обязанности христіанина". Помимо Наслѣдника, Бажановъ преподавалъ Законъ Божій и другимъ членамъ Августѣйшей семьи: всѣмъ остальнымъ дѣтямъ Императора Николая Павловича, а также супругѣ Александра II и Александрѣ Іосифовнѣ, когда онѣ переходили въ православіе. Въ 1878 г., когда умеръ духовникъ ихъ Величествъ, протопресвитеръ Музовскій, его мѣсто занялъ Бажановъ. Послѣ воцаренія Императора Александра II, Бажановъ преподавалъ Законъ Божій Цесаревичу Николаю Александровичу и великимъ князьямъ Александру Александровичу (Имп. Александру III) и Владиміру Александровичу. Въ 1873 г. съ большою торжественностью былъ отпразднованъ юбилей Бажанова. Изъ сочиненій Бажанова, кромѣ замѣчательной книги „Объ обязанностяхъ христіанина" (Спб., 1843; 3-е изд. 1862) и схожей съ нею по темѣ книги „О вѣрѣ и жизни христіанской" (6-е изд. 1884), за которую Синодъ поднесъ ему званіе доктора богословія, Бажановъ написалъ еще большое количество словъ и рѣчей, отличающихся задушевностью и простотою, издалъ нравоучительныя повѣсти для дѣтей, перевелъ избранныя притчи Круммахера и т. д.; большинство сочиненій его выдержало нѣсколько изданій. Въ 20-хъ годахъ Бажановъ принималъ участіе въ редактированіи „Христіанскаго Чтенія", а позже въ переводѣ Библіи на русскій языкъ.

Автобіографія въ «Истор. Вѣстн.» за 1883 г. (№ 12).—Перечисленіе отдѣльно изданныхъ трудовъ Бажанова (ихъ насчитывается 21 №) см. въ изданіи Г. В. Юдина «Русскія книги» (вып. XI).—Словари Андреевскаго и С. А. Венгерова.

Баженины, *Осипъ* и *Ѳедоръ Андреевичи*, основатели коммерческаго судостроенія въ Россіи, двинскіе посадскіе люди, лично извѣстные Петру Великому. Предокъ Бажениныхъ, новгородскій выходецъ, поселился въ Холмогорахъ еще въ XVI в., а отецъ ихъ владѣлъ родовою деревнею Вавчугою, при рѣкѣ того же имени, впадающей въ С. Двину въ 13-ти верстахъ выше Холмогоръ, гдѣ съ давнихъ поръ существовала пильная мельница, приспособленная Бажениными дѣйствовать водою. Царь Петръ I, въ первый свой пріѣздъ въ Архангельскъ, въ 1693 г. посѣтилъ Вавчугу и, похваливъ усердіе Осипа и Ѳедора Бажениныхъ, далъ имъ жалованную грамоту на безпрепятственное владѣніе мельницею, и на отпускную лѣсную торговлю. Въ 1700 г. Баженины, согласно ихъ просьбѣ, получили новую жалованную грамоту, предоставлявшую имъ право не только строить въ Вавчугѣ торговые корабли, но и отпускать ихъ за море съ русскими товарами, держать на корабляхъ пушки и порохъ, вывозить безпошлинно изъ-за моря всѣ предметы, необходимые для судостроенія, нанимать шкиперовъ и рабочихъ людей, не испрашивая на то согласія воеводъ и бургомистровъ, чтобы „на то смотря—сказано въ грамотѣ—иные всякихъ чиновъ люди въ такомъ же усердіи намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, служили и радѣніе свое объявляли". При Вавчужской верфи тогда же были ими устроены прядильный и парусный заводы. Царь Петръ, троекратно посѣщая Архангельскъ, всякій разъ не забывалъ и Вавчуги, гдѣ въ 1702 г. присутствовалъ при спускѣ двухъ военныхъ фрегатовъ, и за хорошую ихъ постройку пожаловалъ Осипа Баженина званіемъ корабельнаго мастера. Первый торговый корабль съ русскими товарами былъ отправленъ Бажениными въ 1703 г. въ Англію и Голландію, и съ того времени непрерывно отправляли они суда и въ заграничное плаваніе, и для нуждъ мѣстныхъ морскихъ промысловъ. Осипъ Андреевичъ скончался въ 1723 г. Его братъ, Ѳедоръ, дѣятельно продолжалъ начатое дѣло, исполняя въ тоже время, по личному выбору Петра, съ 1711 г. немаловажную должность экипажмейстера на военной Соломбальской верфи.—Онъ же въ 1725 г. построилъ на своей верфи и три казенные китоловные корабля, предназначенные для морскихъ промысловъ у Шпицбергена. Скончался въ 1726 г., оставя потомство, продолжавшее съ честью судостроеніе и коммерцію у Архангельска въ теченіе всего XVIII-го, и въ первую половину текущаго столѣтія. Суда Баженинской постройки были всегда предпочтительно принимаемы казною и частными лицами

«Древняя и Новая Россія», 1877 г №№ 9 и 10.—Полн. Соб. Зак. 1693 г. февр. 10-го, 1700 г. февр. 2-го и 1702 г. февр. 2-го.—Морск. Сборн. 1889 г. № 11.—Дѣла Главн. Морск. архива.

С. Огородниковъ.

Баженовъ, *Александръ Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1818 г., ум.

22-го ноября 1878 г. По окончаніи въ 1835 г. курса наукъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, вышелъ съ чиномъ прапорщика въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, въ рядахъ котораго оставался почти непрерывно въ теченіе 25 лѣтъ, принимая участіе во всѣхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Всѣ чины, до чина генералъ-маіора включительно, Баженовъ получилъ за отличія въ сраженіяхъ. Получивъ 28-го сентября 1858 г. полкъ въ командованіе, Баженовъ въ 1865 г. былъ назначенъ командующимъ 20-ю пѣхотною дивизіею и въ слѣдующемъ 1866 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты; съ 12-го января 1868 г. и до смерти онъ числился состоящимъ въ запасныхъ войскахъ.

«Русск. Инвал.», 1878 г., № 285.

Баженовъ, *Александръ Николаевичъ*, театральный рецензентъ, родился въ уѣздномъ городкѣ Пензенской губерніи, Городищахъ, 23-го августа 1835 г., ум. 30-го сентября 1867 г., отъ брайтовой болѣзни. Первоначальное образованіе Баженовъ получилъ въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ, потомъ, по переѣздѣ семейства въ Москву, въ 1-й Московской гимназіи, и, наконецъ, въ Московскомъ университетѣ, по словесному факультету. По окончаніи курса университета, въ 1859 г. Баженовъ поступилъ учителемъ русской словесности во 2-й Московскій кадетскій корпусъ. Еще въ дѣтствѣ горячо полюбивъ театръ, Баженовъ не охладѣвалъ къ нему во всю жизнь. Будучи студентомъ, онъ написалъ нѣсколько водевилей, которые съ успѣхомъ игрались на Петербургской, Московской и провинціальныхъ сценахъ („Бѣдовая бабушка", „Любовный напитокъ"). Изъ напечатанныхъ пьесъ Баженова существуетъ: „Моліеръ-дитя" ком. въ 2-хъ дѣйств. Спб. 1860 г., (передѣлка съ французскаго), и въ рукописи есть еще водевили въ одномъ дѣйствіи: „Старое поколѣніе", „Еще три сердца" и „Игра Случая". Съ 1859 г. Баженовъ началъ помѣщать свои статьи о театрѣ въ „Театральномъ и Музыкальномъ вѣстникѣ", затѣмъ сотрудничалъ въ журналѣ „Искусство", въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Развлеченіи", въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и, наконецъ, съ 1-го января 1864 г. основалъ въ Москвѣ свой театральный журналъ, „Антрактъ", который издавался только всего четыре года и вскорѣ послѣ смерти Баженова прекратилъ свое существованіе. Въ 1861 году въ Москвѣ, при театрѣ Секретарева образовался кружокъ любителей драматическаго искусства, однимъ изъ главныхъ учредителей котораго былъ Баженовъ. О цѣли и необходимости существованія такихъ кружковъ онъ не разъ высказывался въ своихъ статьяхъ. Баженовъ весьма серьезно относился къ своей дѣятельности театральнаго рецензента, постоянно слѣдилъ за развитіемъ театральнаго искусства и изучилъ все, что было написано по этому предмету на нѣмецкомъ языкѣ; но, не обладая особеннымъ критическимъ талантомъ, онъ не могъ вліять на развитіе русской драмы и неутомимыми трудами достигъ только того, что на нашей сценѣ начали ставить классическій репертуаръ: Шекспира, Мольера, Кальдерона, вмѣсто царившей въ то время французской мелодрамы. Тѣмъ не менѣе Баженовъ въ свое время былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ по эрудиціи театральныхъ рецензентовъ; къ его мнѣнію прислушивались; онъ давалъ дѣльныя замѣчанія относительно техники игры, декламаціи, грима и ратовалъ за необходимость болѣе вѣрной въ историческомъ отношеніи постановки русскихъ пьесъ, какъ напр. „Горе отъ ума" и др. Замѣчательной чертой Баженова, какъ рецензента, было его полнѣйшее безпристрастіе; онъ отзывался объ игрѣ актеровъ по своему внутреннему убѣжденію, не увлекаясь никогда ни пріязнію, ни злопамятствомъ; за эту черту его особенно уважали актеры и судъ его считали правильнымъ. Кромѣ театральныхъ статей Баженовъ занимался переводами съ иностранныхъ языковъ. Имъ переведены нѣсколько стихотвореній изъ Лессинга, Шиллера и др. Зная довольно хорошо греческій языкъ, онъ перевелъ Анакреона. Переводъ этотъ, снабженный примѣчаніями, уступаетъ по формѣ стиха переводамъ Мея и Михайлова, но за то ближе къ подлиннику; изъ Аристофана переведены Баженовымъ отрывки комедій „Осы" и „Лягушки". Подъ псевдонимомъ „Не поэтъ" Баженовъ помѣщалъ въ своемъ „Антрактѣ" юмористическія стихотворенія, касающіяся театральной жизни и порядковъ; эти стихотворенія составляли какъ бы дополненіе къ его статьямъ о Московскомъ театрѣ. Всѣ его статьи, переводы и стихотворенія, печа-

тавшіеся съ 1859 по 1867 г. въ разныхъ журналахъ, собраны Радиславскимъ и изданы въ двухъ томахъ подъ общимъ названіемъ „Сочиненія и переводы А. Н. Баженова", М. 1869 г.

Ал. Баженовъ, «Сочиненія и переводы», М. 1869 г.—«Голосъ», 1867 г. № 282.—«Вѣстникъ Европы», 1869 г. № 4.—«Иллюстриров. Газета», 1867 г. № 41. — Словари: Геннади, Березина, Клюшникова, Венгерова, Андреевскаго.

Баженовъ, *Василій Ивановичъ*, академикъ архитектуры и первый вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ, род. 1-го марта 1737 г. въ Малоярославскомъ у., Калужской губ., ум. 2-го августа 1799 г. въ Петербургѣ, отъ паралича. Сынъ дьячка дворцовой церкви, онъ получилъ первоначальное образованіе въ Славяно-греко-латинской Академіи въ Москвѣ, и рано проявилъ наклонность къ архитектурѣ, срисовывая самоучкою разныя зданія, церкви, надгробные памятники и проч. По своей страсти къ художествамъ, онъ сталъ въ 1751 г. ходить въ архитектурную школу кн. Дм. Ухтомскаго, числившуюся при Сенатѣ, въ видѣ экспедиціи, своими дарованіями вскорѣ обратилъ на себя вниманіе, и Ухтомскій записалъ его въ 1755 г. во вновь учреждавшійся Университетъ, откуда, вмѣстѣ съ другими лучшими воспитанниками, онъ былъ присланъ въ январѣ 1758 г. въ Петербургъ, по повелѣнію Императрицы Елизаветы Петровны, для обученія свободнымъ искусствамъ въ только что основанной тогда Академіи Художествъ. Здѣсь Баженовъ занимался сперва подъ наблюденіемъ С. И. Чевакинскаго, сдѣлавшаго его своимъ помощникомъ при постройкѣ Николаевскаго Морского собора; потомъ, по открытіи академическихъ классовъ, Баженовъ былъ назначенъ по экзамену 1759 г. въ архитектурный классъ, и сталъ работать у Де-ла-Мотта и Кокоринова и тутъ своими успѣхами онъ скоро превзошелъ всякія ожиданія. Поэтому, 12-го января 1760 г., Кокориновъ представилъ президенту Академіи И. И. Шувалову, что „Спб. Академіи Художествъ студентъ В. Баженовъ, по особливой своей склонности къ архитектурной наукѣ, прилежнымъ своимъ ученіемъ столько пріобрѣлъ знанія какъ въ начальныхъ препорціяхъ, такъ и въ рисункахъ архитектурныхъ, — чѣмъ впредь хорошую надежду въ себѣ обѣщаетъ, —что онъ осмѣливается, за его прилежность и особливый успѣхъ, всепокорнѣйше представить къ произвожденію въ архитектурные второго класса кондукторы, съ жалованіемъ по 120 р.". По докладѣ объ этомъ Сенату, 14-го марта, послѣдовалъ 1-го мая указъ объ объявленіи Баженову, что „быть ему архитектуріи помощникомъ въ рангѣ прапорщика", при чемъ онъ состоялъ при гр. Растрелли, указаніями котораго и пользовался, а 9-го сентября, опять по представленію Кокоринова о новыхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ короткое время, былъ отправленъ, одновременно съ Лосенко, въ Парижъ, съ содержаніемъ по 350 р. въ годъ, что дало ему возможность учиться съ годъ времени у королевскаго архитектора Ш. де Вальи (de Wailly). Выдержавъ экзаменъ въ Парижской академіи и получивъ отъ нея архитекторскій дипломъ, Баженовъ прислалъ свои проекты (въ томъ числѣ проектъ для парижскаго дома инвалидовъ, съ фасадомъ вродѣ римскаго собора св. Петра и Павла, послужившій образцомъ для плана Казанскаго собора въ Петербургѣ, проектированнаго его ученикомъ Воронихинымъ) — въ Петербургскую Академію, которая, извѣстясь объ отличіи, впервые оказанномъ за границей русскому художнику, произвела его 19-го августа 1762 г., въ адъюнкты, съ увеличеніемъ оклада до 400 р. и съ назначеніемъ ѣхать для усовершенствованія въ Римъ. Тамъ онъ сильно нуждался въ деньгахъ по нераспорядительности Академіи и, по его просьбѣ, ему переслалъ изъ Парижа 500 ливровъ нашъ посланникъ во Франціи, кн. Д. А. Голицынъ; Кокориновъ же, сообщая Баженову 5-го іюля 1763 г., объ отправкѣ векселя въ 1.000 руб. на имя банкира Беллонія, писалъ ему, что „Академія никакого отъ васъ по нынѣ извѣстія не имѣетъ, того для вамъ подтверждается, чтобъ изволили при оказіяхъ о себѣ увѣдомлять, а особливо по прибытіи въ Петербургъ, вы непремѣнно должны будете представить журналъ всего вашего вояжа и что, примѣчанія достойнаго, будете видѣть и въ какихъ мѣстахъ; вы можете остаться въ Римѣ годъ или полтора, а послѣ изволите объѣздить и осмотрѣть знатнѣйшіе города и академіи въ Италіи съ тою же суммою, и объ отъѣздѣ въ С.-Петербургъ ожидать ордера; наиболѣе всего рекомендую употребить время вашего вояжированія къ славѣ своего отечества и къ

собственному благополучію". Затѣмъ, на основаніи предложенія новаго президента Академіи И. И. Бецкаго, отъ 31-го марта 1764 г., о пребываніи Баженова въ Римѣ до 1-го іюля того года, объ осмотрѣ имъ разныхъ городовъ Италіи и о возвращеніи въ Россію къ 1-му января, Кокориновъ писалъ своему бывшему ученику 6-го апрѣля, что послѣднюю половину года предоставляютъ въ его распоряженіе—„или пробыть въ ученіи у того учителя, у котораго вы нынѣ находитесь, или, для осмотрѣнія въ Италіи городовъ и достопамятныхъ, для вашего свѣдѣнія нужныхъ, вещей въ примѣчаніи, въ разныхъ мѣстностяхъ время проводить, при семъ отъ Академіи рекомендуется стараться вамъ, для вашего удовольствія, имѣть, для лучшаго свѣдѣнія въ вашемъ искусствѣ, отъ профессоровъ, у которыхъ вы были и нынѣ находитесь,—аттестаты".

Но Баженовъ былъ отличенъ за границей болѣе, нежели аттестатами своихъ профессоровъ,—онъ былъ сдѣланъ профессоромъ архитектуры отъ академій: римской св. Луки, флорентинской и членомъ болонской. Не даромъ онъ дѣлалъ изъ дерева и пробки модели знаменитыхъ въ Европѣ зданій, въ томъ числѣ — Луврской галлереи въ Парижѣ и храма св. Петра въ Римѣ. Объѣздивъ Италію, побывавъ во Флоренціи, Тосканѣ, Пармѣ, Венеціи и др. мѣстахъ, и вынужденный дѣлать долги изъ-за неаккуратной присылки денегъ нашей Академіей, онъ, по возвращеніи въ Парижъ, опять жаловался на послѣднюю въ своемъ представленіи отъ 31-го октября (11-го ноября 1764 г.). Послѣдствіемъ этого было отношеніе академическаго конференцъ-секретаря Салтыкова къ русскому посланнику въ Парижѣ, кн. Д. А. Голицыну, отъ марта 1765 г., съ просьбой „взять на себя трудъ, исправя нужды его (Баженова) необходимыя, отправить сюда на первыхъ корабляхъ, давъ ему на дорогу до С.-Петербурга, сколько, заблагоразсудите, ему надобно, а Имп. Академія Художествъ не приминетъ заплатить тотъ вексель въ тое время, который изволите на имя оной выслать"; 20-го же іюня состоялось опредѣленіе Академическаго Совѣта въ томъ смыслѣ, что „бывшіе прежде, Академіей произведенные, адъюнкты... удостоены нынѣ быть академиками, произведенными въ сіе достоинство не тѣмъ образомъ, какъ конфирмованный Е. И. В. регламентъ повелѣваетъ,—по той причинѣ, что они уже прежде были адъюнктами и хорошее поведеніе ихъ и прилежность къ трудамъ Академіи извѣстны... возвратившемуся же изъ чужихъ краевъ, бывшему адъюнкту Баженову, хотя на академическое достоинство дипломъ и утверждается, по опредѣлено задать ему программъ, по которому онъ долженъ доказать знаніе свое, въ чемъ онъ въ отсутствіе свое изъ Россіи упражнялся, которую заданную работу окончивши, обязанъ онъ представить въ Академическое Собраніе для разсмотрѣнія", а именно: „сочинить (по указанію Кокоринова) проектъ увеселительному дому величины посредственной, не болѣе какъ 15-ть длины къ 7-ми или 9-ти саженямъ ширины, а вышины—по пропорціи, въ два съ половиною этажа, съ отдѣльными двумя пропорціональными флигелями, 7-ми или 9-ти—длины, 5-ть сажень широты". Почему Академія отнеслась къ Баженову строже, чѣмъ ко всѣмъ другимъ адъюнктамъ, и подвергла его еще разъ испытанію—неизвѣстно, но Баженовъ съ честью вышелъ и изъ этого искуса и въ скоромъ времени представилъ „проектъ увеселительному Императорскому на Екатерингофскомъ мѣстѣ дому", съ подробнымъ объясненіемъ всего устройства и расположенія зданія. Проектъ этотъ, вмѣстѣ съ представленными при немъ рисунками (въ общемъ 7 чертежей) и изъясненіемъ, былъ „апробованъ" 3-го января 1766 г. и отданъ на храненіе въ академическій архивъ; стѣсненный же въ средствахъ или недовольный академическими порядками художникъ перешелъ на службу архитекторомъ при артиллерійской цалмейстерской конторѣ, съ чиномъ капитана, и, по повелѣнію генералъ-фельдцейхмейстера и надъ фортификаціями генералъ-директора, гр. Г. Г. Орлова, былъ командированъ въ февралѣ 1767 г. въ Москву „для казенныхъ артиллерійскихъ надобностей". Между тѣмъ, Академія стала взыскивать съ него данные ему заимообразно въ августѣ 1765 г.—200 р., и израсходованные на его одежду къ инавгураціи—95 р. 47½ к., тогда какъ Баженовъ, представленными по начальству документами, письмами президента и директора Академіи и своими счетами, доказывалъ, что, за вычетомъ даже этихъ суммъ, Академія должна ему заслуженнаго имъ жалованья и за

прочее со времени его пребыванія въ Италіи еще 1.567 р. 82½ к. По этому поводу затѣялась цѣлая переписка между Академіей Художествъ и канцеляріей главной артиллеріи и фортификаціи, длившаяся почти два года и кончившаяся вычетами изъ жалованья Баженова — 248 р. 47 к., по одной трети отъ третного содержанія. Особенную настойчивость во взысканіи Академіей этихъ денегъ можно отчасти объяснить начавшеюся уже тогда запутанностью ея матеріальныхъ средствъ, когда назначенныхъ на нее суммъ не хватало на ея содержаніе и она входила все въ бо̀льшіе и бо̀льшіе долги.

Въ Москвѣ Баженовъ оставался около 2-хъ лѣтъ и въ январѣ 1769 г. жилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ строилъ зданіе арсенала на Литейной. Къ этому времени относится составленный имъ (1-го февраля 1770 г.), по Высочайшему повелѣнію, проектъ огромнаго дворца на мѣстѣ кремлевскихъ стѣнъ, стоившаго бы до 30.000.000 р. Уже сдѣлана была торжественная закладка этого колоссальнаго сооруженія 9-го августа 1773 г., при чемъ Баженовъ говорилъ рѣчь, попавшую, однако, въ изданныя Новиковымъ сочиненія Сумарокова, его пріятеля (т. II, стр. 267—275), и перепечатанную оттуда въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1831 г. (ч. 41, № 17, стр. 115—127), а затѣмъ, въ „Моск. Губ. Вѣдомостяхъ“ 1844 г. (прибавл. къ № 47, при біографіи Баженова); но дальше одной части, обращенной впослѣдствіи въ зданіе московскаго отдѣленія архива инспекторскаго департамента военнаго министерства, да общаго чертежа и модели, стоившей 60.000 р., дѣло не пошло, такъ какъ Императрица раздумала затрачивать требовавшуюся на осуществленіе ея мысли громадную сумму (модель была вытребована въ 1800 г. изъ Москвы въ Академію Художествъ, но теперь находится въ московской Оружейной палатѣ). Какія вообще затрудненія встрѣчалъ Баженовъ при выполненіи означенной постройки, мы узнаемъ изъ его писемъ 1773г., къ Екатеринѣ II и Бецкому, въ Государственномъ архивѣ: „Ввѣренное мнѣ В. И. В. производство столь огромнаго въ Москвѣ зданія,—писалъ онъ Императрицѣ, — долженствовало, по званію моему, упражнять всѣ мои мысли и тщаніе. Я обязанъ, однакожъ, по несчастію, употребить, вмѣсто того, бо̀льшую, по моей непривычкѣ, часть времени на чтеніе указовъ и писаніе моихъ представленій. Едва строеніе началось, а уже у меня стопы дѣлъ накопилось. Такое начало заставляетъ меня опасаться, чтобъ сія переписка не сдѣлалась со временемъ единственною моею работою и чтобъ я, отставъ потому совсѣмъ отъ своей должности, не былъ причиною какого-либо нещастливаго приключенія. Сіе опасеніе побудило меня прибѣгнуть къ Монаршему В. И. В. престолу и всеподданнѣйше испрашивать, для освобожденія меня отъ всякихъ переписокъ, Высочайшаго Вашего соизволенія, чтобъ все отъ экспедицій поручено мнѣ было впредь на словахъ и словесныя жъ могъ я чинить ей требованія и представленія“... Въ томъ же духѣ, но еще свободнѣе, Баженовъ писалъ и Бецкому, послѣдствіемъ чего былъ указъ, освобождавшій его отъ лишней переписки съ экспедиціями, во главѣ которыхъ стоялъ генералъ-поручикъ Измайловъ, главный распорядитель предпріятія, не отличавшійся, однако, большою опытностью для такого дѣла. На сколько всегда нуждался, при этомъ, Баженовъ въ деньгахъ, показываетъ продажа въ 1776 г. его дома, на берегу р. Москвы, въ среднихъ Садовникахъ, въ приходѣ церкви св. Софіи, премудрости Божіей, со всѣми картинами и рисунками въ немъ, и имѣнія его жены с. Покровское, Березовка тожъ, по обѣ стороны р. Хопра, въ Завальномъ станѣ, въ Пензенскомъ уѣздѣ.

Послѣ того, Екатерина II поручила Баженову постройку загороднаго дворца (въ готическомъ вкусѣ) въ с. Царицынѣ; но Императрица нашла это зданіе слишкомъ мрачнымъ и скучнымъ, и оно было сломано, кромѣ нѣкоторыхъ малыхъ отдѣленій (лѣтомъ 1785 г.). Затѣмъ еще принадлежали ему въ Москвѣ: зданія арсенала и сената на Знаменкѣ, домъ Пашкова (нынѣ Румянцевскій и Публичный музеи), колокольня при церкви Преображенія или Всѣхъ Скорбящихъ Радости (1787 г.) и новый иконостасъ въ церкви св. Іоанна Воинственника (1791 г.). Въ послѣднее время своего вторичнаго пребыванія въ Москвѣ, Баженовъ задумалъ открыть художественный классъ, какъ видно изъ рапорта московской управы благочинія, московскому главнокомандующему П. Д. Еропкину отъ 18-го февраля 1790 г., напечатаннаго въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ 1843 г. (№ 43, стр. 573—8).

Будучи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ франкмасонскаго общества въ Москвѣ, Баженовъ занимался вербованіемъ въ него новыхъ адептовъ и, между прочимъ, привлекъ на свою сторону В. К. Павла Петровича, который и вызвалъ его въ Петербургъ въ 1792 г. Посредничество между московскими масонами и наслѣдникомъ престола могло только усилить неудовольствіе Императрицы на Баженова, расположеніе къ которому было уже поколеблено постройкою Царицынскаго дворца, признаннаго ею неудачнымъ. Въ Петербургѣ Баженовъ, кромѣ разныхъ сооруженій, занялся еще изданіемъ сдѣланнаго съ помощью Ѳ. В. Каржавина, „при модельномъ домѣ", „въ пользу обучающагося юношества", русскаго перевода сочиненія Марка Витрувія Полліона „Объ архитектурѣ", по французскому изданію, вышедшему съ примѣчаніями Перо, — съ прибавленіемъ новыхъ примѣчаній и многихъ чертежей, въ 10 ч. (1790—1797 гг., въ 4—ку). Назначенный въ 1794 г. преемникомъ президента Имп. Академіи Художествъ гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ предлагалъ Баженову поступить въ Академію съ званіемъ адъюнктъ-профессора, но тотъ, какъ видно изъ письма его къ конференцъ-секретарю Чекалевскому, изъяснилъ графу, что не можетъ вступить въ Академію „въ предлагаемомъ ему отъ нея достоинствѣ, ибо былъ давно адъюнктомъ". 8-го ноября 1796 г., тотчасъ по вступленіи Павла Петровича на престолъ, Баженовъ былъ произведенъ изъ коллежскихъ совѣтниковъ прямо въ дѣйствительные статскіе и получилъ отъ Государя орденъ св. Анны 2-й ст. и 1.000 душъ крестьянъ. Изъ построекъ, произведенныхъ имъ для Павла Петровича или по его порученіямъ, съ самаго переѣзда въ Петербургъ, можно упомянуть: мясные, провіантскіе и сухарные магазины въ Кронштадтѣ, съ печами собственнаго изобрѣтенія, и нѣсколько казармъ для морскихъ служителей; инвалидный домъ на Каменномъ островѣ съ церковью Іоанна Предтечи, первый экзерциргаузъ близъ Зимняго дворца и каменный корабельный сарай съ двухъэтажными мастерскими внутри Главнаго адмиралтейства въ Петербургѣ, а также нѣсколько училищъ и, наконецъ, крѣпостцы и дворцы въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Михайловскій, нынѣ Инженерный замокъ, строившійся подъ надзоромъ архитекторовъ Соколова (1796 г.) и Бренны (1797 г.), и Казанскій соборъ, сооруженный по плану архитектора Воронихина, были тоже первоначально проектированы Баженовымъ.

Подъ конецъ жизни, указомъ 26-го февраля 1799 г., онъ былъ назначенъ *первымъ* по времени вице-президентомъ Имп. Академіи Художествъ, пришедшей за продолжительное президенство устарѣвшаго Бецкаго въ значительное разстройство, какъ въ денежномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи, а вслѣдъ затѣмъ адмираломъ гр. Кушелевымъ объявлено Академіи слѣдующее Высочайшее повелѣніе, 19-го марта того же года: „Подъ особеннымъ смотрѣніемъ вице-президента оной, д. ст. сов. Баженова, приступить немедленно къ собранію всѣхъ большихъ зданій, въ обѣихъ столицахъ состоящихъ, какъ-то: дворцовъ, академій, корпусовъ и всякаго рода казенныхъ строеній, равно загородныхъ домовъ и таковыхъ же партикулярныхъ, кои, по хорошему вкусу своему и архитектурѣ, то заслуживать будутъ, присовокупляя къ тому и всѣ прожекты, каковые сдѣланы были для предполагаемыхъ къ дѣйствительному построенію каковыхъ либо зданій, но почему-либо и не были построены, буде они, по важности предметовъ своихъ и архитектурѣ, заслуживаютъ быть изданными въ свѣтъ. Въ книгахъ оныхъ должны быть каждому зданію или прожекту— планъ, фасадъ, профиль и подробное къ онымъ описаніе съ показаніями: какъ преимуществъ, такъ и недостатковъ оныхъ, когда и кѣмъ таковыя зданія произведены, а прожекты сочинены. Таковымъ образомъ все сіе образовавъ, издавать подъ названіемъ *Россійской Архитектуры*—по частямъ, раздѣля оныя на соразмѣрное обширности изданія сего число томовъ, по примѣру изданныхъ Блонделемъ въ увражѣ въ листъ парижскихъ строеній. Для сего Академія Художествъ можетъ требовать планы и другія свѣдѣнія отъ всѣхъ мѣстъ". „Впрочемъ,—какъ прибавлялось въ увѣдомленіи гр. Кушелева,—Его Императорское Величество надѣется, что Академія потщится симъ полезнымъ изданіемъ поспѣшить, сколько возможно, о чемъ, для надлежащаго исполненія, чрезъ сіе И. А. Х. сообщается". Одновременно съ этимъ, извѣщаяся о томъ же и новый вице-пре-

зидентъ. Вслѣдствіе этого, 21-го числа того же мѣсяца, состоялось опредѣленіе И. А. Х.—послать требованія въ экспедицію Кремлевскаго строенія и къ архитектору Казакову о присылкѣ въ Академію: первою—конфирмованныхъ Императрицею Екатериною плановъ Кремлевскаго дворца, вторымъ — всѣхъ имѣющихся у него чертежей разнымъ зданіямъ д. с. с. В. И. Баженова. Отвѣтами были присылки: Казаковымъ—34-хъ чертежей, плановъ и фасадовъ по строенію въ с. Царицынѣ дворца, которые и были отданы на храненіе въ Академическій архивъ (въ апрѣлѣ т. г.), экспедиціей же — сперва планы, потомъ 4 фасада съ профилями для Кремлевскаго дворца, по снятіи съ нихъ копій (въ декабрѣ 1800 г.). Но задуманное изданіе, къ сожалѣнію, такъ и не было приведено въ исполненіе. Та же участь постигла и „Примѣчанія о Имп. Академіи Художествъ“, представленныя въ апрѣлѣ 1799 г. самому Императору Павлу I новымъ вице-президентомъ и удостоившіяся собственноручныхъ замѣчаній Его Величества въ Павловскѣ въ 27-й день мая того же года, почему они и попали въ „Полное Собраніе Законовъ“ (№ 18.981). Представля свой докладъ непосредственно Государю, помимо президента Академіи, гр. Г. А. Шуазеля-Гуфье, Баженовъ писалъ въ началѣ: „Съ того времени, какъ, по Высочайшему Вашему повелѣнію, я дѣйствительно вступилъ въ должность вице-президента И. А. Х., имѣлъ я случай сдѣлать разныя примѣчанія на сіе, толико важное въ Россійской Имперіи, учрежденіе,—каковыя всеподданнѣйше осмѣливаюсь положить къ подножію Монаршаго престола, въ той надеждѣ, что, промежъ другихъ, отечеству полезныхъ упражненій Вашего Императорскаго Величества, удостоются и сіи примѣчанія высокомонаршаго воззрѣнія“. Испытавъ на самомъ себѣ всѣ академическія неурядицы, оказавшіяся съ самаго начала основанія новаго учрежденія, Баженовъ могъ съ полнымъ знаніемъ дѣла излагать Императору Павлу въ 1799 г. слѣдующія соображенія: „болѣе 30-ти лѣтъ уже (значитъ почти со времени дарованія Екатериною II-й Академіи—„регламента“ въ 1764 г.) примѣтно стало, что отъ Академіи Художествъ желаемаго успѣха не видать... а причина сему та, что мы взялись неосторожно за *воспитаніе, не сходственное съ нравами національными*“. Онъ совѣтовалъ далѣе: „впредь не принимать малолѣтнихъ въ Академію Художествъ, но отворять сіе училище *для всякаго, желающаго спознать художества*“; затѣмъ, по его мнѣнію,—„учителя и мастера художествъ, пользующіеся академическимъ жалованьемъ, должны работу свою, какая бы она ни была, т. е. собственная или заказная, партикулярная или казенная,—дѣлать въ академическомъ классѣ, съ такою же свободою, какъ въ своей комнатѣ,—сіе будетъ тѣмъ полезнѣе для воспитанниковъ, прибавлялъ онъ, что будетъ тогда кому поправлять ихъ въ рисункѣ и давать имъ мысли“. Коснувшись также и матеріальной стороны дѣла, при чемъ онъ прямо указывалъ на возможные источники дохода и на нѣкоторыя мѣры къ поднятію академическаго благостоянія, Баженовъ замѣчалъ относительно недостатка въ художественныхъ пособіяхъ, что „Академія съ благодарною радостью пріиметъ даръ Монаршій, есть ли благоугодно будетъ В. И. В. повелѣть: отбракованные картины съ эстампами, которыхъ есть великое число во дворцовыхъ кладовыхъ, не стоющее того, чтобъ украшать Царскіе чертоги, да отдадутся Академіи Художествъ, гдѣ они могутъ служить еще съ величайшею пользою для воспитанниковъ“. Однако, Императоръ Павелъ Петровичъ, выражая соизволеніе и одобреніе на тѣ или другія предложенія вице-президента, постѣднее изъ нихъ—„за нужное не находилъ“, а Высочайше дозволялъ: „для обученія воспитанниковъ, въ пользу ихъ, снимать копіи съ оригинальныхъ картинъ и эстамповъ, въ галлереяхъ Императорскихъ находящихся“. Возвращая Баженову его „примѣчанія“, Государь объявилъ ему въ своемъ рескриптѣ, нижеслѣдующее: „Съ большимъ удовольствіемъ вижу употребленіе, которое дѣлаете вы изъ извѣстныхъ мнѣ талантовъ и способностей вашихъ по части художествъ, всякаго одобренія достойное. Продолжайте таковыя упражненія, вамъ отличную похвалу приносящія, увѣряясь въ томъ, что усердіе и труды ваши мнѣ всегда будутъ пріятны и пріобрѣтутъ вамъ мое благоволеніе“. Но, за скорою смертью Баженова, все осталось въ Академіи по старому.

Послѣ него осталось много чертежей,

плановъ и записокъ, которые почитатели его таланта хотѣли собрать вмѣстѣ и издать въ свѣтъ, но какія-то обстоятельства помѣшали имъ въ этомъ. Кромѣ архитектуры, Баженовъ занимался и живописью.

«Архивныя дѣла И. А. Х.»: 1770 г. № 3; 1799 г., №№ 43 и 46, и президентскія—1824 г., № 49 б. (формул.); Мин. Имп. Двора 1756—1799 гг.: оп. 190, № 44; оп. 521, №№ 55, 113, 196; оп. 25, № 30; оп. 50, № 58; оп. 47, № 107—278; оп. 511, № 66, (долги Б.); оп. 43, № 161 (1805 г., дочь его); оп. 1417, № 12, и оп. 1422, № 9—19; Госуд. Архива, св. № 8.—Печатные источники до 1876 г. указаны въ I т. «Справ. Словаря о русс. писат. и ученыхъ» Геннади, кромѣ: «Сборника матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I, и «Указателя къ нему», А. Е. Юндолова, «Друга Просвѣщ.», 1805 г., II, 139—145 («Продолж. новаго опыта истор. словаря о русс. писат.»), и «Спб. Вѣд.», 1835 г., № 42, с. 167; «Русс. Инвал.», 1835 г., № 48 стр. 191 (ст. для «Энциклоп. Словаря» Плюшара); «Москвитян.», 1842 г., ч. V, с. 162—165; 1844 г., ч. V, с. 181—183; 1851 г., ч. Ш, отд. I, с. 43; «Русс. Инвал.», 1860 г., № 179, с. 683 (фельет.); «Историко-статист. свѣд. о Спб. епарх.», 1869 г., с. 129; «Голосъ», 1877 г., № 62.

Н. Собко.

Баженовъ, *Василій Яковлевичъ*, ордин. профессоръ всеобщей исторіи, географіи и статистики казанскаго университета, родился 1787 г., ум., судя по „Отчету казанскаго университета за 17 лѣтъ", въ 1830 г., а по другимъ источникамъ—25-го января 1831 г. Получивъ среднее образованіе въ ярославской семинаріи (1798—1806), поступилъ въ главный педагогическій институтъ. Окончивъ здѣсь курсъ, былъ въ 1810 году оставленъ при институтѣ преподавателемъ географіи, а въ 1811 г. назначенъ учителемъ исторіи и географіи въ вятскую гимназію. 1818 г. избранъ членомъ Казанскаго общества любителей отечественной словесности, въ 1819 г. назначенъ директоромъ вятскихъ училищъ. 1-го октября 1820 г. опредѣленъ адъюнктомъ, а 24-го мая 1822 г. экстраорд. профессоромъ исторіи, географіи и статистики въ казанскій университетъ. Общую географію онъ читалъ по руководству Гейма и Зябловскаго. Въ томъ же году на него возложены должности инспектора студентовъ и директора педагогическаго института при университетѣ; 29-го мая 1823 г. назначенъ директоромъ казанской гимназіи, а 11-го августа того же года утвержденъ ординарнымъ проф. по своей каѳедрѣ. 24-го іюля 1824 года уволенъ отъ должности директора гимназіи; 3-го августа 1826 г. вторично назначенъ инспекторомъ студентовъ и директоромъ педагогическаго института. Баженовымъ напечатаны были: „Статистическія и топографическія записки по Вятской губерніи" (1818) и „Опытъ историческаго разсужденія о дѣйствіяхъ Промысла въ устроеніи царствъ земныхъ и народовъ" (актовая рѣчь, сказанная 17-го янв. 1823 г.); въ этой рѣчи проведена мысль, что всемірная исторія представляетъ осуществленіе пророчествъ Священнаго Писанія; напечатана была въ „Казанскомъ Вѣстникѣ" за 1823 г.

Формулярный списокъ. — «Отчетъ Имп. казанск. ун. и округа за 17 лѣтъ» (1827—1844).—Справочн. словарь Геннади.—Критико-біограф. словарь Венгерова, томъ II. — Энциклопедич. словарь Брокгауза-Эфрона.

Баженовъ, *Иванъ Николаевичъ*, литейщикъ и скульпторъ. Род. въ 1761 г., ум. 1830 г. Принятый 5-ти лѣтъ въ Имп. Академію Художествъ въ 1767 г., онъ обучался въ классѣ мѣднаго, литейнаго и чеканнаго мастерства и выполнилъ, по программѣ 1781 г., на золотую медаль: „Каминную вазу о трехъ свѣчахъ". Выпущенный подмастерьемъ въ 1782 г., онъ служилъ на кабинетской бронзовой фабрикѣ и за хорошіе успѣхи и знанія въ отливкѣ и чеканкѣ разныхъ мѣдныхъ фигуръ, получилъ аттестатъ на званіе мастера со шпагою (21-го окт. 1794), а по заключенному съ нимъ условію на отливку изъ мѣди и чеканку новопривезенныхъ бюстовъ для Е. И. В. Цесаревича въ Павловскѣ исполнялъ эти работы въ 1797—98 гг. Въ 1820 гг. онъ владѣлъ домомъ въ Благовѣщенскомъ приходѣ на Вас. Островѣ. Изъ его сыновей, старшій, по имени *Павелъ* (род. 9-го декабря 1794), воспитывался тоже въ Академіи (съ 1798 по 1806) и выпущенъ былъ съ аттестатомъ 1-й ст. по скульптурѣ.

Въ общ. архивѣ М. И. Д., дѣла гофъ-интенд. конт. 1770, оп. 73 (187), кн. 116, л. 344—359; оп. 40, № 173. — «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петровъ, т. I и «Указат. къ нему» А. Е. Юндолова. *Н. С.*

Баженовъ, *Николай Кирилловичъ*, врачъ-писатель, родился въ Тульской губ. въ 1804 г., ум. 25-го іюня 1848 г. Происходилъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, воспитывался въ тульской губернской гимназіи, потомъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1825 г., выдержавъ экзаменъ на лѣкаря, поступилъ

на службу въ Московскій военный госпиталь, затѣмъ занималъ разныя мѣста по врачебной администраціи въ Одоевѣ, Тульской губ., Лодейномъ полѣ, Олонецкой губ., въ Новгородѣ, въ Омскѣ, на Нерчинскихъ горныхъ заводахъ. Плодомъ его сибирскихъ впечатлѣній была книжка, изданная въ Казани въ 1846 г., подъ названіемъ: „Двѣ поѣздки Николая Баженова". Въ 1844 г. онъ вернулся въ Казань, гдѣ занялъ должность военнаго врача на пороховыхъ заводахъ. Постоянныя неудачи по службѣ, нужда въ деньгахъ и долги заставили Баженова поступить писцомъ въ Казанское губернское правленіе. Умеръ онъ скоропостижно въ одинъ день съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ. Баженовъ извѣстенъ какъ историкъ и отчасти какъ беллетристъ. Изъ историческихъ сочиненій его достойны вниманія: „Казанская исторія", изданная въ 1847 г. и „Плаваніе къ Зилантову монастырю и Казанскому памятнику"; вышедшее въ Москвѣ въ 1846 г. При составленіи „Казанской Исторіи" Баженовъ пользовался многими рукописными источниками и преданіями, неизвѣстными прежнимъ историкамъ Казанскаго края, Рыбушкину и Чернову, вслѣдствіе чего трудъ его не утратилъ до сихъ поръ значенія справочной книги при изученіи мѣстной Казанской исторіи. „Плаваніе къ Зилантову монастырю" даетъ понятіе о малоизвѣстномъ, но важномъ въ историческомъ отношеніи Зилантовомъ монастырѣ, который былъ построенъ Іоанномъ Грознымъ, неподалеку отъ Казани, именно въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда Грозный велъ извѣстный подкопъ. Кромѣ этого Баженовымъ написаны: 1) Поѣздка въ Раиѳскую пустынь. 2) Торжественное примиреніе или единственный мужъ и чудное посредничество. Шутка водевиль. К. 1846 г. 3) Медико - топографическій взглядъ на Сергіевскіе воды. 4) Записка о Раиѳской пустынѣ, о крестѣ въ Акахѣ и о Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. 5) Прекрасный молодой человѣкъ. Повѣсть. Каз. 1848 г. 6) Поѣздка на золотые пріиски. К. 1846 г. Послѣднее описаніе вошло въ книжку: „Двѣ поѣздки Баженова".

«Волжскій Вѣстникъ», 1887 г., № 46.—Словари: Березина, Андреевскаго и Венгерова.—Змѣевъ. Врачи-писатели.

Баженовъ, *Павелъ Васильевичъ*, инженеръ - полковникъ, писатель; родился въ Москвѣ въ 1778 г., ум. отъ чахотки 24-го февраля 1819 г. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, въ 1797 г., поступилъ кондукторомъ въ Инженерный корпусъ, и, почти съ первыхъ дней службы, принялъ участіе въ крупныхъ сооруженіяхъ того времени. Въ періодъ 1800—1806 гг. онъ является дѣятелемъ при завершеніи постройки кронверка Петропавловской крѣпости, при сооруженіи въ Ригѣ на Двинѣ дамбы и устройствѣ пристани въ Динамюнде. Въ 1808 и 1809 гг., во время войны со Швеціею, онъ находился при арміи и участвовалъ въ блокадѣ Швартгольма и осадѣ Свеаборга, а также при работахъ по улучшенію оборонительнаго состоянія Тверемюнде и Гангёуда. Послѣ войны на Баженова было возложено преподаваніе инженернаго искусства въ кондукторской школѣ въ Петербургѣ, гдѣ онъ и оставался до послѣднихъ дней жизни. За время своего пребыванія въ школѣ Баженовъ издалъ рядъ полезныхъ руководствъ, какъ собственнаго сочиненія, такъ и переводныхъ: „Искусство дефирмированія, или краткое руководство, какъ располагать укрѣпленія въ гористыхъ мѣстахъ". Спб. 1811 г., съ рисунками. — Полный курсъ фортификаціи, или науки укрѣпленія городовъ", часть 1-я: „О строеніи крѣпостей и укрѣпленіи городовъ", соч. Сентъ-Поля, перев. Карбоніеръ, исправл. Баженовымъ. Спб. 1813 г., съ чертежами. — „Полевая фортификація, для употребленія въ школахъ инженернаго корпуса, по образцу французскаго автора Ге-де-Вернона", Спб. 1815 г. — „Общій опытъ фортификаціи, или науки военнаго укрѣпленія съ атакою и обороною крѣпостей, въ которой обѣ сіи науки объяснены одна другою, для употребленія всѣхъ военныхъ людей", соч. Бусмара, пер. Христіани и Баженовъ. 2 ч. Спб. 1818—1820 гг., съ 35 чертежами.— „ О блиндажахъ", съ франц. Спб. 1818 г., съ 4 чертежами.

В. Соцъ, «Опытъ библіотеки для военныхъ людей». Спб. 1826 г., стр. 316.—Словарь Края, т. II, стр. 32.—Геннади, т. I, 58. *Д. С—въ.*

Баженовъ, *Пармень Кирилловичъ*, врачъ - писатель, ум. въ 1840 г. Послѣ окончанія тульской гимназіи поступилъ въ московскій университетъ, и по окончаніи курса служилъ врачемъ въ госпиталяхъ при войсковыхъ отрядахъ на Кавказѣ. Ему принадлежитъ: „Медико - топографическій

взглядъ на мѣста русскими войсками занятыя въ Абхазіи" („Военно-Мед. Журналъ", 1838 г., XXXI, 1) и рядъ замѣтокъ въ „Другѣ Здравія" (1838 г., № 12) и др.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».

Базановъ, оберъ-штейгеръ, извѣстенъ изслѣдованіями рудныхъ мѣсторожденій въ Нерчинскомъ округѣ, произведенными въ царствованіе имп. Елизаветы Петровны. Въ 1757 г. онъ нашелъ Кадаинскій-Огиновскій серебряный рудникъ, въ 1744 г. рудникъ Новодерентуйскій, въ 1747 г. Нововоскресенскую горную работу, въ 1749 г. Цагайскій рудникъ — всѣ очень богатыя серебромъ.

«Древняя Россійская Вивліоѳика», т. XVIII, 378, 380, 382.

Базбалъ, *Христіанъ Михайловичъ*, контръ-адмиралъ балтійскаго флота. Принятъ изъ капитановъ датской службы въ 1770 г. капитаномъ бригадирскаго ранга, и въ томъ же году, командуя кораблемъ „Всеволодъ", вышелъ изъ Кронштадта, въ эскадрѣ контръ-адмирала Арфа, въ Архипелагъ на соединеніе съ эскадрою адмирала Спиридова. Но въ виду возникшаго несогласія между начальниками эскадръ, датчанинъ Арфъ, по сдачѣ эскадры, отпущенъ былъ въ С.-Петербургъ, а съ нимъ вмѣстѣ возвратились и принятые изъ датской службы офицеры, въ числѣ которыхъ былъ и Базбалъ. Оставленный въ русской службѣ, онъ въ 1772 г., послѣ командованія практическою эскадрою въ Балтикѣ, былъ назначенъ главнымъ командиромъ Ревельскаго порта и произведенъ въ контръ-адмиралы. Въ этомъ чинѣ Базбалъ посланъ съ эскадрою въ Архипелагъ для усиленія находившихся тамъ нашихъ морскихъ силъ, и пробылъ въ плаваніи до 1775 г., послѣ чего возвратился съ порученною ему эскадрою въ Кронштадтъ, и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ. Но въ слѣдующемъ, 1776 г., Базбалъ оставилъ русскую службу, получивъ при увольненіи награду въ 4.000 рублей. Такая кратковременная его служба объясняется потребностью того времени, когда правительство Екатерины II, снаряжая суда балтійскаго флота въ первое еще заграничное плаваніе, весьма нуждалось въ опытныхъ иностранныхъ морякахъ, которыхъ потомъ и не удерживало, если они изъявляли желаніе оставить русскую службу.

«Общій морской списокъ», т. III.

С. Огородниковъ.

Базенъ, *Петръ Петровичъ*, (Pierre Dominique Bazaine), генералъ-лейтенантъ, директоръ корпуса Путей Сообщенія, математикъ, писатель. Французъ по происхожденію, Базенъ родился 13-го января 1786 г. въ городѣ Сэ (Sey) въ Мозельскомъ департементѣ, ум. въ 1838 г. Образованіе получилъ въ Парижѣ, окончивъ курсъ политехнической школы и инженернаго училища. Дѣятельность свою, какъ инженеръ, началъ въ Италіи и южной Франціи, гдѣ обратилъ на свои выдающіяся способности вниманіе Наполеона I-го. Впослѣдствіи Наполеонъ рекомендовалъ его Императору Александру I, вмѣстѣ съ инженерами Фабромъ, Дестремомъ и Потье, для организаціи и учрежденія въ Россіи корпуса инженеровъ Путей Сообщенія. Вступивъ въ 1810 г. въ русскую службу съ чиномъ подполковника, Базенъ, однако, не сразу приступилъ къ возложенной на него дѣятельности; возгорѣвшаяся война Россіи съ Франціей вызвала высылку его изъ Петербурга, и онъ былъ командированъ въ распоряженіе одесскаго генер.-губернатора герцога де-Ришелье, гдѣ первымъ трудомъ его для Россіи былъ проектъ Евпаторійскаго порта. Посылаемый затѣмъ въ Ярославль, Пошехонье и даже въ Восточную Сибирь, гдѣ онъ провелъ болѣе двухъ лѣтъ, Базенъ посвятилъ себя всецѣло ученымъ трудамъ и изысканіямъ; въ Сибири же онъ написалъ свой замѣчательный трактатъ о дифференціальномъ исчисленіи и нѣсколько мемуаровъ о приложеніи плоской геометріи и различныхъ свойствахъ протяженія трехъ измѣреній. Въ 1815 г., съ прекращеніемъ войны, онъ былъ возвращенъ въ С.-Петербургъ и здѣсь, въ чинѣ полковника, занялъ въ институтѣ Путей Сообщенія кафедру профессора высшаго анализа и механики. Въ 1820 г. произведенъ въ ген.-маіоры; въ 1823 г. назначенъ членомъ Совѣта Путей Сообщенія и былъ генералъ-инспекторомъ; въ январѣ 1824 г. — директоромъ института, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ комитета для строеній и гидравлическихъ работъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1828 г., Базенъ былъ командированъ во Францію, и по возвращеніи произведенъ, 1-го апрѣля

1830 г., въ генералъ-лейтенанты. Обширная практическая дѣятельность Базена, какъ инженера-строителя, оставила богатые слѣды въ исторіи сооруженій въ Россіи. Его главнѣйшія работы: устройство Обводнаго канала въ С.-Петербургѣ; снабженіе водою Ямской Слободы и Таврическаго Сада; постройка шлиссельбургскихъ гранитныхъ шлюзъ (за нихъ онъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла). По поводу послѣдняго сооруженія имъ написанъ замѣчательный трактатъ, которымъ онъ доказывалъ возможность огромнаго сбереженія водъ Ладожскаго канала, пропускомъ судовъ черезъ его шлюзы: „Mémoire sur les bassins d'épargne“ (напеч. въ Запискахъ Акад. Наукъ). Въ дальнѣйшемъ перечнѣ работъ Базена въ періодъ 1820—1832 гг. видное мѣсто занимаютъ: проектъ перестройки Исаакіевскаго собора и напечатанное тогда же превосходное разсужденіе о постройкѣ храмовъ вообще; устройство перваго въ Россіи цѣпного моста въ Екатерингофскомъ паркѣ; перестройка, подъ личнымъ его наблюденіемъ, Охтенскаго порохового завода; углубленіе устьевъ р. Невы и ея каналовъ; возведеніе зданій Сената и Синода; переустройство зданія университета; сооруженіе замѣчательнаго купола надъ соборомъ св. Троицы (что на Петерб. стор.), діаметромъ въ 87 фут. и мн. др. Дѣятельность Базена доставила ему рядъ наградъ: кромѣ перечисленныхъ выше, онъ имѣлъ ордена св. Владиміра 2-й ст. большого креста, св. Александра Невскаго; французскій—командорскаго креста Почетнаго Легіона и прусскій—Краснаго Орла 2-й степ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Спб. Академіи Наукъ, академій: туринской, стокгольмской и мюнхенской, Спб. минералогическаго общества и Спб. университета (съ 1834 г.). Разстроенное здоровье побудило Базена подать въ отставку, и въ 1834 г. онъ былъ переведенъ въ корпусъ военныхъ инженеровъ, съ назначеніемъ состоять при Вел. Кн. Михаилѣ Павловичѣ; однако, болѣзнь сердца заставила Базена уѣхать за границу, откуда онъ болѣе не возвращался. Умеръ онъ въ Парижѣ и похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.—Базенъ оставилъ много сочиненій, написанныхъ на французскомъ языкѣ: „Mémoire sur l'état actuel du système de Vychni-Volotchok, ou de la principale communication artificielle établie entre la mer Caspienne et la Baltique“. — „Mémoire sur l'impossibilité de ramener par un simple approfondissement le niveau du canal de Ladoga, à la même hauteur, que celui du lac du même nom“. — „Notice sur un nouvel artifice propre à diminuer la dépense d'eau des canaux en général et sur un nouveau système de petite navigation“. — „Mémoires sur les méthodes de raccordement à employer pour les alignements des routes“. — „Notice sur la construction des paratonnerres“. — „Notice sur un nouvel appareil gazogène“.—„Mémoire sur la construction des Chaussées, et sur la détermination des distances moyennes pour le transport des materiaux“.— „Introduction à l'étude de la statique synthétique, à l'usage des élèves de l'institut des voies de communications“. — „Démonstration du principe des vitesses virtuelles, considéré comme base de la mecanique“.— „Notices sur la composition des reliefs“.— „Memoire sur un nouveau système relatif à l'établissement d'un chantier général destiné à la construction, au radoub et à la conservation des vaisseaux“.—„Mémoire sur les machines à vapeurs en général“.—„Mémoire sur la détermination de la force expansive de la vapeur, et des avantages qu'on en peut retirer sous le rapport industriel“. — „Mémoire sur les moyens de preserver les machines à vapeur des explosions auxquelles elles sont exposées“. — „Mémoire sur la fabrication, et en particulier sur le séchage de la poudre à canon“.

«Журн. Главн. Управл. Путей Сообщ. и Публичн. зданій», 1858 г., т. XXVIII.

Д. С—въ.

Базилевичъ, *Григорій Ивановичъ*, сынъ священника, врачъ, род. въ 1759 г., ум. 26-го февраля 1802 г. Обучался въ кіевской духовной академіи; въ 1783 г. перешелъ въ хирургическое училище при спб. сухопутномъ госпиталѣ, гдѣ произведенъ лѣкаремъ въ 1785 г. Прослуживъ 2 года при госпиталѣ, въ 1787 г. для усовершенствованія въ наукахъ былъ отправленъ въ страсбургскій университетъ. Получивъ тамъ дипломъ на степень доктора, съ научною цѣлью путешествовалъ по Германіи и Франціи, два года оставался въ геттингенскомъ университетѣ. Въ 1795 г., по приглашенію барона Васильева, главнаго

директора медицинской коллегіи, вернулся въ Россію для занятія каѳедры и выдержавъ блистательно экзаменъ, 29-го октября того же года назначенъ профессоромъ патологіи и терапіи при спб. медико-хирург. училищѣ. Въ 1799 г., избранный въ ученые секретари медицинской коллегіи, долженъ былъ оставить профессуру, а въ 1801 г. по болѣзни уволенъ совсѣмъ отъ службы. Базилевичъ былъ первымъ клиническимъ профессоромъ изъ русскихъ и первымъ ученымъ секретаремъ по выбору коллегіи, а не по назначенію правительства; онъ участвовалъ въ составленіи всѣхъ плановъ по медицинской части, и по его представленію были устроены первыя клиническія палаты. Его заграничная диссертація на степень доктора медицины: „Dissertatio de systemate resorbente. Argentorati. 1791".

Чистовичъ, «Исторія перв. медицинск. школъ въ Россіи», Спб. 1883 г.—Змѣевъ, «Русск. врачи-писатели», вып. 1-й.—Бантышъ-Каменскій. I, 77—79.—Энциклоп. лексиконъ.—Словари: Старчевскаго, Снегирева, митроп. Евгенія, Геннади, Венгерова.

Базилевъ, *Иванъ Васильевичъ*, род. въ 1800 г. въ Пензѣ, ум. 3-го декабря 1873 г. По окончаніи курса четырехклассной пензенской гимназіи, поступилъ въ казанскій университетъ, въ 1819 г. кончилъ курсъ кандидатомъ филологическихъ наукъ и черезъ годъ поступилъ въ Симбирскъ, на мѣсто старшаго учителя исторіи, географіи и статистики въ тамошней гимназіи. Здѣсь онъ, вмѣстѣ съ М. М. Корніолинымъ-Пинскимъ, организовалъ чтеніе публичныхъ лекцій, сдѣлавшихъ его извѣстнымъ въ Симбирскомъ обществѣ. 25-го октября 1831 г. Базилевъ назначенъ былъ директоромъ училищъ въ Оренбургскій край. Здѣсь онъ, прежде всего, ввелъ въ дѣйствіе уставъ 1828 г., такъ что въ 1838 г., подвѣдомственная ему гимназія въ Уфѣ, изъ четырехклассной сдѣлана была семиклассной. Въ 40-хъ годахъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ устроеніи благороднаго пансіона при оренбургской гимназіи. Въ уѣздныхъ городахъ Базилевъ устроилъ помѣщенія для училищъ (въ Бугурусланѣ, Бирскѣ и др.). Несмотря на упорное противодѣйствіе старовѣровъ, ему удалось устроить училище и въ Уральскѣ. Въ 1858 г. Базилевъ вышелъ въ отставку, въ 1859 г. былъ избранъ депутатомъ отъ стерлитамакскаго дворянства; въ 1860 г. сталъ почетнымъ попечителемъ оренбургской гимназіи. Онъ много трудился для комитета о бѣдныхъ и выступилъ съ проектомъ ремесленнаго училища. Послѣдніе годы жизни Базилевъ былъ гласнымъ г. Уфы. Развитой и глубоко гуманный Базилевъ, за свою полувѣковую дѣятельность въ Уфѣ, много способствовалъ умственному подъему мѣстнаго общества.

Некрологъ въ «Уфимскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», 1873 г., № 51.

Базили, *Константинъ Михайловичъ*, дипломатъ и литераторъ, род. въ греческой семьѣ въ Константинополѣ въ 1809 г., ум. 10-го февраля 1884 г. Первые годы своей жизни Базили провелъ въ Константинополѣ. Вскорѣ, однако, отецъ Базили, горячій греческій патріотъ, навелъ на себя гнѣвъ турецкаго правительства, и былъ приговоренъ, въ 1821 г., къ смертной казни; лишь благодаря содѣйствію барона Строгонова, русскаго посланника при турецкомъ дворѣ, Базили успѣлъ бѣжать сначала въ Тріестъ, а оттуда въ Одессу. Семейство его послѣдовало за нимъ. Базили-сынъ первоначальное обученіе получилъ дома, затѣмъ, въ 1822 г. былъ принятъ въ гимназію высшихъ наукъ кн. Безбородко, въ Нѣжинѣ, гдѣ весьма успѣшно занимался пять лѣтъ. Въ 1827 г. онъ перешелъ въ Ришельевскій лицей, и здѣсь, въ 1830 г., окончилъ курсъ, хотя и не былъ подвергнутъ окончательному испытанію. По семейнымъ дѣламъ онъ отправился въ Турцію и Грецію, надѣясь найти тамъ остатки отцовскаго состоянія. Вскорѣ затѣмъ Базили поступилъ на службу секретаремъ по дипломатической части при адмиралѣ Рикордѣ, начальникѣ русской эскадры въ греческихъ водахъ. Въ 1833 г. онъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, въ 1837 г. былъ отправленъ на Кавказъ секретаремъ комиссіи для составленія положенія объ управленіи Закавказскимъ краемъ. Въ 1838 г. Императоръ Николай I посѣтилъ Закавказье, послѣ чего, по его повелѣнію, образована была коммиссія для разбора поданныхъ на Высочайшее имя прошеній; дѣлопроизводителемъ этой коммиссіи назначенъ былъ Базили, черезъ годъ послѣ этого получившій назначеніе консуломъ въ Сирію и Палестину; въ 1844 г. онъ былъ переименованъ въ генеральнаго

консула и оставался въ этомъ званіи до 1853 г., т. е., до начала турецкой войны. Въ 1855 г. Базили состоялъ при русскомъ посланникѣ на конференціи въ Вѣнѣ; въ 1856 г. былъ на Парижскомъ конгрессѣ при князѣ Орловѣ. Съ 1860 г. онъ, оставивъ службу въ Петербургѣ, жилъ въ Одессѣ, будучи членомъ Херсонскаго земельнаго банка и гласнымъ Одесской думы; три года онъ состоялъ также предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей одесскаго уѣзда. Первые литературные опыты Базили начались рано. Еще будучи ученикомъ нѣжинской гимназіи, онъ состоялъ редакторомъ рукописнаго ученическаго альманаха, въ которомъ, между прочимъ, сотрудничалъ и Гоголь. Но серьезно онъ принялся за перо въ Петербургѣ. Здѣсь онъ былъ сотрудникомъ перваго русскаго энциклопедическаго лексикона Плюшара, гдѣ написалъ много статей, большею частію посвященныхъ Востоку, основательно изученному имъ во время его поѣздокъ. Отдѣльно изданные труды его: „Архипелагъ и Греція въ 1830—1831 гг.“ (Спб., 1834 г.). „Очерки Константинополя“ (Спб. 1835 г.). „Босфоръ и новые очерки Константинополя“ (Спб., 1836 г.). „Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ“ (Одесса, 1861—1862 г.; 2-е изд. 1875 г.). „Письма въ Парижъ о нынѣшнемъ состояніи Турціи“ (Спб., 1854). „О чумной заразительности“ (Одесса, 1879). „Бесѣда о конституціи“ (Одесса, 1881). „Записка по еврейскому вопросу“ (Одесса, 1881). Отзывчивый на-всѣ современные политическіе вопросы, Базили издалъ въ Парижѣ въ эпоху Берлинскаго конгресса рядъ политическихъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ: „Questions du jour“. Изъ журнальныхъ статей Базили слѣдуетъ отмѣтить: „Стамбульскіе оригиналы“ („Библіотека для чтенія“, 1835, X), „Константинопольскія библіотеки“ (Журналъ Мин. Нар. Пр.“, 1836, ч. CLXXV), „Коринѳъ“ (ibid., 1836, кн. XI). Его описанія Востока отличаются правдивостью и отсутствіемъ прикрасъ.

Некрологъ В. Яковлева въ «Зап. Имп. Одес. общества исторіи и древностей» (т. XIV. 786—788).—«Критико-біографическій словарь» С. Венгерова, т. II (52—54).—«Лицей князя Безбородко» (Спб. 1859; статья Хилчинскаго).—Свѣдѣнія о дѣятельности Базили какъ консула находятся въ «Книгѣ бытія моего» Порфирія Успенскаго. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ П. Успенскаго, есть письма Базили (см. П. Сырку, «Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, Спб. 1891).

Базинеръ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, собственно Теодоръ Фридрихъ Юлій Basiner—ботаникъ-садоводъ, родился 3-го янв. 1817 г. въ Лифляндіи, ум. 2-го окт. 1862 г. Въ 1840 г. кончилъ со степенью кандидата Дерптскій университетъ, послѣ чего былъ прикомандированъ къ Петербургскому Императ. Ботаническому саду. Избранный участникомъ миссіи, отправлявшейся въ Среднюю Азію для изслѣдованія достопримѣчательныхъ мѣстностей, онъ въ 1842 г. оставилъ Петербургъ, побывалъ въ Азіи, на Южномъ Уралѣ и возвратился въ 1843 г. Назначенный консерваторомъ Ботаническаго сада, онъ оставался въ этой должности до мая 1845 г., когда занялъ мѣсто библіотекаря и секретаря иностранной кореспонденціи при томъ же садѣ. Въ 1848 г. онъ получилъ степень доктора философіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ, а въ іюлѣ 1849 г. былъ перемѣщенъ на должность помощника инспектора сельскаго хозяйства въ южныхъ губерніяхъ. Когда вскорѣ послѣ того въ Кіевѣ былъ основанъ древесный питомникъ, Базинеръ былъ назначенъ завѣдывающимъ его и должность эту сохранилъ до своей смерти. Онъ всецѣло отдался своему дѣлу: для изученія садовыхъ плантацій ѣздилъ въ 1860 г. заграницу, а въ 1861 г. выхлопоталъ позволеніе устроить при питомникѣ помологическую плантацію. Осенью 1862 г. Базинеръ, для поправленія здоровья, отправился заграницу, но смерть настигла его еще по дорогѣ, въ Вѣнѣ. Базинеръ отличался неутомимой энергіей въ своихъ работахъ. Большая часть его научныхъ трудовъ писаны на нѣмецкомъ языкѣ; важнѣйшій изъ нихъ: „Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiva“ (y Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, XV, Спб., 1848 г.), цѣнное вѣрнымъ описаніемъ естественно-историческихъ условій страны. Базинеръ первый описалъ осеннюю флору Киргизской степи, и Хивы. За это сочиненіе Академія Наукъ присудила Базинеру въ 1848 г. половинную демидовскую премію. Изъ другихъ многочисленныхъ трудовъ Базинера слѣдуетъ назвать: „О растительности и климатѣ Кіевской губ.“. („Журн. М. Г. Имущ.“ XLVIII, 1853 г. 2, XLIX, 2“). „Главнѣйшіе результаты малороссійскаго табаководства“, (Кіевъ, 1855 г.) и мн. статьи въ „Bulletins“ Акаде-

міи Наукъ, „Землед. газетѣ“ за 1854—1856 гг., „Вѣстн. Рос. Общ. Садоводства“ и др. журналахъ.

Trautfetter въ «Bulletin des Naturalistes de Moscou» (1863 г., № 4).—Критико-біографическій словарь С. Венгерова, (т. II, 1891 г. стр. 56—58).

Базинъ, *Алексѣй Осиповичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1743 г., умеръ въ 1816 г. Въ 1757 г. онъ вступилъ съ чиномъ капрала въ ряды артиллеріи и, два года спустя, находился уже въ военныхъ дѣйствіяхъ, участвуя съ австрійскими войсками при пораженіи прусскаго генерала Финта при Максенѣ. Въ дальнѣйшихъ операціяхъ Семилѣтней войны, Базинъ находился въ 1761 г. при взятіи Кольберга, гдѣ получилъ сильную контузію, послѣ чего возвратился въ Россію и былъ въ 1763 г., произведенъ въ офицеры. Въ 1766 г. въ отрядѣ, вступившемъ въ Польшу, онъ былъ поставленъ во главѣ артиллерійской команды и, руководя ея дѣйствіями, особенно отличился въ 1768 г., при штурмѣ Кракова. Базинъ получилъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ, и только крѣпкое сложеніе и молодость спасли его. Въ 1769 г. онъ участвовалъ во всѣхъ полевыхъ сраженіяхъ съ турками и при взятіи Хотина. Въ 1770 г., въ Кагульскомъ сраженіи, явился истиннымъ виновникомъ вырванной изъ непріятельскихъ рукъ побѣды; въ слѣдующемъ году, дѣйствовалъ подъ Тульчею и Бабадагомъ, и за отличія награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса, при чемъ графъ Орловъ назначилъ его изъ Петербурга прямо къ себѣ въ адъютанты, предоставивъ ему оставаться въ дѣйствующей арміи волонтеромъ. Въ 1773 г. Базинъ находился въ осадномъ корпусѣ подъ Силистріею, а въ слѣдующемъ году закончилъ свою славную боевую службу участіемъ, подъ начальствомъ Суворова, въ дѣлахъ подъ Козлуджи и Шумлою. Въ 1779 г. Базинъ былъ произведенъ въ маіоры и въ званіи оберъ-фейерверкера назначенъ командиромъ С.-Петербургской лабораторіи. Близко знакомый съ причинами дурного состоянія современной ему русской артиллеріи и отдавшись всецѣло ея переустройству, онъ открыто возсталъ противъ закоснѣлости артиллеристовъ въ предразсудкахъ старой школы, въ особенности же по части боевой стрѣльбы. Имъ былъ представленъ въ Главную Канцелярію артиллеріи и фортификаціи рядъ обстоятельныхъ записокъ, въ томъ числѣ „правила цѣльнаго стрѣлянія“ и подробно составленное урочное положеніе для всѣхъ лабораторныхъ работъ. Но Базинъ имѣлъ слишкомъ слабое вліяніе и не могъ сломить упорства многочисленныхъ противниковъ. Прозванный въ насмѣшку Христофоромъ Колумбомъ, онъ, какъ человѣкъ, безпокоющій артиллерію, былъ удаленъ изъ нея, получивъ въ 1785 г. назначеніе въ чинѣ бригадира, оберъ-комендантомъ и областнымъ начальникомъ въ Астрахань. Но Базинъ оказался настойчивымъ до упрямства: и въ Астрахани онъ нашелъ способъ продолжать свои изслѣдованія и оттуда присылалъ новыя записки; въ 1794 г., прибывъ въ Петербургъ для лѣченія больной лѣвой ноги, онъ представилъ князю П. А. Зубову двѣ тетради: „Военная лабораторія“ и „Пушкарь и Бомбардиръ“. Однако эти представленія остались безъ разсмотрѣнія. Только личный интересъ Императора Павла къ преобразованію артиллеріи снова выдвинулъ Базина: тотчасъ же по вступленіи на престолъ, Павелъ, по представленію Аракчеева, вернулъ Базина въ Петербургъ, приказомъ 19-го ноября 1796 г. произвелъ, со старшинствомъ семи лѣтъ, въ чинъ генералъ-маіора, а въ 1798 г. въ генералъ-лейтенанты и опредѣлилъ его командиромъ л. гв. артиллерійскаго батальона. Глубоко преданный дѣлу, съ свѣтлымъ умомъ и необыкновенною энергіею, Базинъ ревностно принялся за выполненіе намѣченныхъ имъ преобразованій. Многимъ русская артиллерія осталась обязанною ему: строевое образованіе, упорядоченіе матеріальной части, развитіе научныхъ свѣдѣній между артиллеристами и мн. др. было исключительно дѣломъ его реформъ. Памятникомъ послѣднихъ онъ оставилъ артиллеристамъ обширное „Наставленіе г.г. штабъ и оберъ-офицерамъ л. гв. артиллерійскаго батальона“, многія изъ положеній котораго перешли затѣмъ въ оффиціальные уставы. Будучи основательно образованнымъ, Базинъ, по словамъ современниковъ, уподобилъ свой домъ настоящей артиллерійской академіи; множество артиллеристовъ собирались къ нему на бесѣды: сюда же за совѣтами шли изобрѣтатели. Самъ Базинъ въ 1801 г., выступилъ съ проэктомъ особаго ружейнаго патрона съ

поддономъ. Съ началомъ 1799 г., преслѣдуемый инспекторомъ всей артиллеріи генераломъ Чемицевымъ, Базинъ былъ уволенъ въ отставку; вступивъ снова на службу передъ Отечественной войной, онъ, вскорѣ затѣмъ, скончался. По свидѣтельству генерала Ратча, Базинымъ оставлены весьма интересныя „Записки", а также сочиненіе: „О прочномъ выгодномъ замащиваніи болотныхъ и непросыхаемыхъ глубокихъ, грязныхъ дорогъ, къ проѣзду неспособныхъ" (Рукопись съ 16-ю чертежами, хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ). Кромѣ того, въ архивѣ Спб. Артиллерійскаго Историческаго Музея хранится любопытная рукопись сочиненія Базина „О чрезвычайныхъ сильныхъ горизонтальныхъ выстрѣлахъ изъ пушекъ и единороговъ и о дальнемъ бомбардированіи изъ мортиръ, не повреждая орудія, ни ихъ лафета".

Архивъ Спб. Артиллерійскаго Музея; Дѣла инспекторскія. — «Артиллерійскій Журналъ», 1860 г. №№ 4 и 5 (статья генерала Ратча: «Публичн. лекціи при гвардейской артиллеріи»); 1836 г. № XII стр. 729—759.—«Справочн. энциклоп. Словарь», А. Старчевскаго.

Д. С—въ.

Базинъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, генералъ отъ инфантеріи, родился въ 1800 г., умеръ 25-го февраля 1887 г. Окончивъ образованіе въ частномъ учебномъ заведеніи, въ службу вступилъ въ 1817 г. подпрапорщикомъ въ Муромскій пѣхотный полкъ; два года спустя, произведенъ въ чинъ прапорщика, а въ 1820 г. переведенъ въ л. гв. Финляндскій полкъ. Въ рядахъ послѣдняго Базинъ принялъ участіе въ Турецкой войнѣ 1828—1829 г.г. и, за отличіе при осадѣ крѣпости Варны, награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Затѣмъ, въ польской кампаніи 1831 г., за участіе въ разныхъ дѣлахъ, получилъ рядъ боевыхъ отличій и въ томъ числѣ, за личное мужество при штурмѣ Варшавы, золотое оружіе съ надписью „за храбрость". Произведенный въ 1838 г. въ полковники, Базинъ въ слѣдующемъ году переведенъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, черезъ три года—назначенъ командиромъ 2-го батальона образцоваго пѣхотнаго полка; въ 1847 г. получилъ 1-й учебный Карабинерный полкъ и въ томъ же году, 6-го декабря, произведенъ въ чинъ генералъ-маіора. Въ февралѣ 1855 г. онъ является уже командующимъ резервною дивизіею на Кавказѣ, гдѣ во время Восточной войны принялъ участіе въ боевыхъ операціяхъ, предводительствуя особымъ Ахалцыхскимъ отрядомъ. Съ нимъ онъ занялъ Ардаганъ и участвовалъ въ штурмѣ Карса, получивъ за послѣдній, чинъ генералъ-лейтенанта. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Базинъ, въ 1858 г. назначенъ начальникомъ резервной дивизіи 5-го армейскаго корпуса; съ расформированіемъ же ея, получилъ въ командованіе 32-ю пѣхотную дивизію. Въ маѣ 1865 г. онъ, по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку. Вступивъ черезъ девять лѣтъ снова на службу, Базинъ былъ зачисленъ членомъ Александровскаго Комитета о раненыхъ и, оставаясь въ этомъ званіи до своей кончины, награжденъ въ 1879 г., въ день 50-тилѣтняго юбилея своей службы, орденомъ св. Александра Невскаго и 15-го мая 1883 г. чиномъ генерала отъ инфантеріи. Указомъ Капитула орденовъ 26-го ноября 1871 г. Базину „въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ" (въ періодъ Восточной войны) пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени.

«Русскій Инвалидъ», 1887 г. № 52.—«Журналъ для чт. восп. воен. учебн. завед.» № 623, стр. 241—243.—«Новости», 1878 г. № 299 (приб.).

Д. С—въ.

Байбаковъ, *Иванъ*, дьякъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1646 г. отправленъ былъ посломъ въ Голландію вмѣстѣ со стольникомъ Ильей Даниловичемъ Милославскимъ, для того, чтобы предложить Штатамъ утвердить продолжающуюся между ними и Россіею дружбу и любовь, пріискать въ россійскую службу офицеровъ и разныхъ мастеровыхъ людей и изъяснить жалобу на тульскихъ заводчиковъ Акема и Марселиса. 10-го сент. они отправились, изъ Архангельска въ Гагу, куда прибыли 19-го ноября и вскорѣ были допущены къ Штатамъ и къ князю Оранскому. Пробывъ въ Гагѣ около полугода, Байбаковъ съ товарищами вернулся обратно и 9-го окт. подалъ царю грамоты Штатовъ съ просьбами о привиллегіяхъ для голландцевъ и извиненіями за Акема и Марселиса. Байбаковъ позже, съ 1651 г., былъ судьею Московскаго суднаго приказа; въ 1654 г. находился въ приказѣ денеж-

наго сбора; въ дек. 1661 г. посланъ собирать ратныхъ людей, а въ 1662 г. находился въ Новгородѣ въ комиссіи по размежеванію Россіи съ Швеціею.

Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшн. сношеній (I, 181—2). — Акт. Ист., т. IV, № 94.— Scheltema Rusland en Nederland (Амстердамъ, 1814), т. I.

Байернъ, *Фридрихъ Самойловичъ*, естествовѣдъ и археологъ, родился въ 1817 г., 8-го октября въ Трансильванскомъ Кронштадтѣ, умеръ 20-го февраля 1886 г. въ Тифлисѣ. Прибывъ еще въ молодости въ Одессу, Байернъ началъ изученіе естественныхъ наукъ и древностей побережья Чернаго моря сначала подъ руководствомъ знаменитаго зоолога Нордмана, потомъ гр. Мнишека и бар. Шодуара. Послѣдній рекомендовалъ его кн. М. С. Воронцову, который въ 1849 г. привезъ Байерна на Кавкавъ, гдѣ онъ и оставался до смерти, изучая преимущественно природу и древности Кавказа. Первую половину своей долголѣтней дѣятельности на Кавказѣ Байернъ посвятилъ собиранію минераловъ, растеній и насѣкомыхъ, и его богатыя коллекціи послужили основаніемъ Кавказскаго музея. Послѣдніе же 20 лѣтъ Байернъ собиралъ и изучалъ преимущественно кавказскія древности. Онъ первый на Кавказѣ напалъ на слѣдъ содержимыхъ въ древнихъ кавказскихъ гробницахъ сокровищъ и раскопками на Самтаврскомъ могильникѣ добылъ богатый матеріалъ для характеристики жизни кавказскихъ народовъ за два и болѣе тысячелѣтія до нашего времени. Его коллекціи вызвали всеобщій интересъ на пятомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Тифлисѣ и, увеличиваемыя впослѣдствіи новыми раскопками, обогатили отдѣлъ древностей Кавказскаго музея, котораго онъ былъ долгое время хранителемъ. Его же находкамъ и иниціативѣ обязаны своимъ возникновеніемъ музеи въ Пятигорскѣ и Екатеринодарѣ. Такъ какъ Байернъ былъ самоучкою, то его опредѣленія не всегда были удачны и не имѣли строго-научнаго характера; тѣмъ не менѣе благодаря открытію богатыхъ мцхетскихъ могильниковъ и другимъ многочисленнымъ и удачнымъ раскопкамъ—въ общемъ онъ раскопалъ до 600 гробницъ — его справедливо считаютъ однимъ изъ выдающихся кавказскихъ археологовъ. Результаты своихъ раскопокъ и изслѣдованій Байернъ печаталъ въ органѣ Берлинскаго Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи — „Zeitschrift für Ethnologie“ (гдѣ за 1872 г. помѣщена его статья о раскопкахъ, сдѣланныхъ близъ Мцхета въ 1871—1872 гг., за 1885 г.—изслѣдованіе о древнихъ могильникахъ и кладахъ на Кавказѣ съ 16 таблицами, и др.); въ „Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft im Wien“; въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи („О новыхъ раскопкахъ Самтаврскаго могильника“ въ сообщеніи г. Зейдлица; т. XLIX, вып. 4); въ „Вѣстникѣ Общества Древн. Русск. Искусства“, за 1874—1876 гг.“., отд. III („Доисторическій Кавказъ на Самтаврскомъ кладбищѣ“); въ „Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества („О результатахъ своихъ раскопокъ“, въ т. VIII, и „О мраморномъ камнѣ близъ Келоссуръ“, въ томъ же томѣ); въ „Трудахъ пятаго Археологическаго Съѣзда“ („Перечень и описаніе предметовъ, найденныхъ около г. Петровска“), и др. Кромѣ того о результатахъ его раскопокъ сообщалось своевременно и въ газетѣ „Кавказъ“.

Весьма краткіе некрологи: въ газетѣ «Кавказъ», 1886 г., № 52 и въ «Zeitschrift für Ethnologie» (Berlin, 1886 г.). *В. Р—въ.*

Байеръ, *Готлибъ-Зигфридъ*, филологъ, оріенталистъ и историкъ. Род. 6-го января 1694 г. въ Кенисбергѣ. Съ 3-го декабря 1725 г. занималъ каѳедру древностей и восточныхъ языковъ въ петербургской академіи наукъ и завѣдывалъ одно время академической гимназіей. Ум. 10-го февр. 1738 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, бѣдный живописецъ, поселился въ Кенигсбергѣ, послѣ того какъ бѣжалъ изъ Венгріи, спасаясь отъ преслѣдованія за религіозные взгляды. Первоначальное воспитаніе Готлибъ-Зигфридъ Байеръ получилъ въ одной изъ кенигсбергскихъ школъ, гдѣ, между прочимъ, понуждаемый бѣдностью, писалъ за своихъ болѣе богатыхъ товарищей латинскія упражненія и для этого измѣнялъ выраженія, употребляемыя имъ въ своихъ собственныхъ работахъ. Это было для него, какъ онъ самъ говоритъ, полезнымъ упражненіемъ „ad copiam verborum acquirendam“. Дальнѣйшее его ученіе въ кенигсбергской фридриховой коллегіи (collegium Frideri-

cianum) подъ руководствомъ способнаго и широко образованнаго для того времени преподавателя возбудило въ немъ интересъ къ чтенію латинскихъ классиковъ, такъ что скоро Байеръ сталъ выдѣляться своимъ искусствомъ писать по-латыни подъ нѣмецкую диктовку. „Чрезъ это, говоритъ онъ, я отвыкъ мало-по-малу мыслить по-нѣмецки и началъ думать по-латыни, когда писалъ". Эти познанія въ латинскомъ языкѣ пригодились Байеру, когда онъ поступилъ въ кенигсбергскій университетъ (1710 г.). Съ этого времени въ немъ развивается любовь къ исторіи, литературѣ; онъ посѣщаетъ усердно различныя библіотеки, и мало-по-малу изъ него вырабатывается типичный нѣмецкій ученый-спеціалистъ начала XVIII в., отличающійся огромною начитанностью, не придающій большаго значенія методу, интересующійся вопросомъ тѣмъ больше, чѣмъ къ болѣе древнимъ временамъ этотъ вопросъ относится. Любовь къ научнымъ занятіямъ не уменьшается въ Байерѣ и тогда, когда ему пришлось тяжелымъ трудомъ самому зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба: онъ получилъ мѣсто учителя въ низшемъ классѣ фридриховой коллегіи, гдѣ ему приходилось заниматься по семи часовъ въ день болѣе, чѣмъ съ 150-ю учениками. Въ это время онъ начинаетъ изученіе еврейской библіи, и такимъ образомъ вступаетъ въ новую сферу науки—въ восточныя древности. Знаніе еврейскаго языка помогло ему въ изученіи другихъ семитическихъ языковъ, а изученіе этихъ языковъ привело его къ знатомству съ исторіей Востока; чтеніе Сансонова описанія Азіи впервые обратило его вниманіе на Китай, языку котораго онъ также посвящалъ не мало времени. Усиленныя научныя занятія разстроили здоровье Байера, и въ 1714 г. онъ предпринялъ небольшое путешествіе въ Данцигъ; однако и здѣсь ученая ревность взяла свое. Въ Данцигѣ онъ изучилъ Corpus Byzantinum, знаніе котораго ему было впослѣдствіи такъ полезно при его занятіяхъ древнѣйшей русской исторіей, и съ которымъ онъ былъ знакомъ лучше всѣхъ другихъ русскихъ историковъ XVIII вѣка, исключая развѣ Стриттера. По возвращеніи въ Кенигсбергъ, Байеръ получилъ отъ кенигсбергскаго магистрата стипендію для ученаго путешествія по Германіи; это путешествіе продолжалось до 1717 г., и во время его Байеръ посѣтилъ Берлинъ, Галле, Лейпцигъ, Виттенбергъ и Іену. Это путешествіе, опять-таки, помогло Байеру расширить свои познанія по восточнымъ древностямъ. Въ Берлинѣ онъ сошелся съ ученымъ оріенталистомъ Лакрозомъ, начавшимъ также заниматься китайскимъ языкомъ и устроившимъ ему доступъ въ берлинскую библіотеку, въ которой Байеръ познакомился съ неизвѣстными еще ему рукописями о Китаѣ. Въ Галле онъ изучалъ арабскій языкъ подъ руководствомъ Соломона Ассади, родомъ изъ Дамаска; эѳіопскій—у Михаэлиса, греческую церковную исторію—у Гейнекезія. Въ Лейпцигѣ Байеръ получилъ степень магистра, и приготовилъ каталогъ восточныхъ рукописей мѣстной городской библіотеки, что помогло ему въ занятіяхъ сирійскимъ языкомъ. Кенигсберскій магистратъ обѣщалъ ему устроить путешествіе въ Голландію и Англію, но разстроенное здоровье не позволило ему воспользоваться этимъ предложеніемъ. Вернувшись въ Кенигсбергъ, онъ открылъ курсъ о Гомерѣ, Платонѣ и Ѳеокритѣ. Одновременно съ этимъ онъ занималъ административныя должности въ кенигсбергской каѳедральной школѣ и былъ сдѣланъ библіотекаремъ альдштатской школы. Въ это время онъ началъ изученіе средневѣковыхъ и, главнымъ образомъ, сѣверныхъ писателей. Чтеніе этихъ писателей, на ряду съ изученнымъ ранѣе Corpus Byzantinum, должно было навести его на мысль, что въ русскихъ древностяхъ онъ можетъ найти много для него интереснаго. И обстоятельства слагались такъ, что должны были обратить его вниманіе на Россію. Во время своего путешествія онъ познакомился съ нѣкоимъ Родде, который много разсказывалъ ему о Россіи и сообщилъ ему тунгузскую и монгольскую азбуки. Какъ кажется, въ Россію влекли Байера не одни научные, но и религіозные интересы. Еще ранѣе, защищая въ въ Кенигсбергѣ въ 1715 г. диссертацію о словахъ Христа на крестѣ: „Eli, Eli Lama Asabthani" противъ Олигура Паули, толковавшаго ихъ несогласно съ христіанскимъ ученіемъ, Байеръ познакомился съ Христіаномъ Гольдбахомъ, бывшимъ впослѣдствіи также академикомъ въ Петербургѣ. Гольдбахъ первый подалъ ему мысль ѣхать въ Петербургъ. Въ 1725 г. акаде-

микомъ Блументростомъ, хлопотавшимъ тогда о приглашеніи въ Россію ученыхъ, Байеру была предложена на выборъ каѳедра или древностей, или восточныхъ языковъ, или исторіи, или же званіе исторіографа ея императорскаго величества. Согласно своимъ вкусамъ Байеръ избралъ двѣ первыя каѳедры, за что и долженъ былъ получать по контракту отъ 3-го декабря 1725 г. 600 рублей въ годъ съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ. 6-го февраля 1726 года Байеръ прибылъ въ Петербургъ.

Научная дѣятельность Байера въ его бытность русскимъ академикомъ является по существу продолженіемъ его болѣе раннихъ трудовъ. Его изслѣдованія по русской исторіи за это время касаются тѣхъ темъ, которыя стоятъ въ связи съ его изысканіями въ области восточныхъ древностей, и русская исторія интересуетъ его лишь постольку, поскольку она необходима для уясненія этихъ послѣднихъ. Отъ исторіи киммерійцевъ онъ переходитъ къ изысканіямъ въ области скиѳской исторіи въ эпоху Геродота, Александра Великаго и Митридата. Въ болѣе тѣсной связи съ русской исторіей стоитъ другой рядъ его изслѣдованій: о варягахъ, руссахъ и русской географіи въ IX в. Но это, главнымъ образомъ, результатъ его занятій надъ византійскими и скандинавскими источниками; русскія лѣтописи онъ зналъ только въ латинскомъ переводѣ. Въ то же время Байеръ не покидалъ и своихъ любимыхъ изысканій въ области восточныхъ языковъ и, главнымъ образомъ, китайскаго. Въ этихъ занятіяхъ онъ нашелъ поддержку въ лицѣ вице-канцлера гр. Остермана, библіотека котораго заключала въ себѣ многіе китайскіе лексиконы. Въ это же время Байеръ вступаетъ въ переписку со многими іезуитскими миссіонерами. Почти съ дѣтскою радостью извѣщаетъ онъ Геснера, что имѣлъ случай лично видѣть и разговаривать съ нѣкоторыми лицами изъ китайскаго посольства. Въ Петербургѣ же изучилъ Байеръ, подъ руководствомъ жившаго здѣсь индѣйца Зонбара, санскритъ. Къ этому времени относится изданіе его, Museum Sinicum, которое онъ посвятилъ Ѳеофану Прокоповичу. Извѣстно близкое отношеніе этого просвѣщеннаго іерарха къ Академіи Наукъ. Байеръ съ большимъ уваженіемъ относился къ Прокоповичу, при чемъ, какъ кажется, не только уважалъ его за его образованность, но и интересовался его богословскими взлядами.

Любопытно, что всѣ свои восточныя изслѣдованія Байеръ производилъ, имѣя оффиціальную обязанность, возложенную на него академіей, дѣлать открытія въ области греческихъ и римскихъ древностей. Обстоятельства и внѣшняя обстановка не благопріятствовали научной дѣятельности Байера въ Петербургѣ. Ему приходилось выносить много непріятностей отъ библіотекаря академіи Шумахера, который не допускалъ его даже къ описанію монетъ въ академической библіотекѣ и кунсткамерѣ; лишь нѣкоторыя изъ нихъ были сообщены ему Делилемъ. Часть времени отымалась у него различными официальными работами, какъ, напримѣръ, написанное имъ на нѣмецкомъ языкѣ введеніе въ древнюю исторію для Императора Петра II. Наконецъ, съ 1727 года, послѣ отъѣзда академика Коля, онъ завѣдывалъ академической гимназіей. Байеръ, очевидно, тяготился всѣмъ этимъ и, наконецъ, рѣшился просить въ 1737 г. объ увольненіи; есть извѣстіе, что еще въ 1731 г. его приглашали на каѳедру краснорѣчія въ Галле. Отставка была имъ получена, но покинуть Россію ему не удалось. Онъ отправилъ уже въ Кенигсбергъ свою богатую библіотеку, но заболѣлъ горячкой и умеръ.

Сочиненія Байера печатались, главнымъ образомъ, въ Commentariae Academiae scientiarum Petropolitanae, или издавались отдѣльно академіею. Значительная часть ихъ относится къ восточнымъ древностямъ. Всѣ онп обнаруживаютъ огромную начитанность Байера; по его собственнымъ словамъ, онъ ссылался только на тѣхъ авторовъ, которые имъ были изучены въ совершенствѣ. Байеръ обладалъ большимъ критическимъ чутьемъ, но въ его трудахъ замѣтно отсутствіе методичности. Значеніе его трудовъ для русской исторіи ослаблялось тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не могъ пользоваться русскими источниками по незнанію имъ русскаго языка; русская исторія и не входила прямо въ кругъ его научныхъ интересовъ, направленныхъ цѣликомъ на самую глубокую древность. Въ опредѣленіи названій днѣпровскихъ поро-

говъ ему пришлось пользоваться словопроизводствомъ Тредьяковскаго. Однако и при такихъ условіяхъ ему удалось установить нѣкоторые доводы въ пользу норманизма, которые остаются въ силѣ и до настоящаго времени. Татищевъ включилъ въ свою исторію работы Байера объ извѣстіяхъ Константина Порфирогенета о варягахъ и о киммерійцахъ, а также его сѣверную географію. Послѣдняя внесена также въ Allgemeine Nordische Geschichte Шлецера. Изъ сочиненій Байера отмѣтимъ слѣдующія: 1) Museum Sinicum, in quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur. Petrop. 1730; 2) Auszug der ältern Staatsgeschichte zum Gebrauch Petri II. 1728; въ Commentarii Academiae; 3) De origine et priscis sedibus Scytharum; 4) De Scythiae situ; 5) De Cimmeriis; 6) De Varagis; 7) De russorum prima expeditione constantinopolitana; 8) Geographia Russiae ex Constantino Parphyrogeneto; 9) Geographia Russiae ex scriptoribus septentrionalibus; 10) Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae; 11) De litteratura mangiurica; 11) Elementa calmucica; 13) De Confucii libro Ch'im Gieu; 14) De Venere Cnidia in Crypta conchyliata horti imperatorii ad aulam aestivam. №№ 3, 4, 6, 7 и 8 переведены на русскій языкъ Киріакомъ Кондратовичемъ, первые два въ 1728 г., остальные въ 1747 г. Накопецъ, въ 1783 г. было издано въ русскомъ переводѣ сочиненіе Байера подъ заглавіемъ „Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря Константина Кантемира... съ приложеніемъ родословія князей Кантемировъ".

Главный источникъ для біографіи Байера заключается въ трехъ автобіографическихъ рукописяхъ его, хранящихся въ архивѣ академической конференціи въ мюллеровскомъ портфелѣ «Біографіи академиковъ № 11».—Кромѣ того, см. Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», т. I, стр. 180—196 (здѣсь же полный перечень трудовъ Байера). — Милюковъ, «Главныя теченія русской исторической мысли», т. I, стр. 55—57.—«Allgemeine Enciclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber», VIII, стр. 234-236.—Словари: Геннади, Устрялова, Снегирева, митр. Евгенія, Плюшара, Старчевскаго, Березина, Брокгауза-Ефрона, Венгерова.—Тридцать четвертое присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1866 г., стр. 139—140.—Arnoldt's, «Historia der Königsbergischen Universität», II, 440 sqq.

Байковъ, *Василій Сергѣевичъ*, бригадиръ л.-гв. Преображенскаго полка, секундъ-маіоръ, кавалеръ св. Георгія 3-го кл., родомъ изъ старинныхъ дворянъ, сынъ полковника. Обучался въ артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ и по окончаніи курса въ 1768 г., произведенъ въ штыкъ-юнкеры. За отличіе въ кампаніи 1769—1772 гг., произведенъ въ подпоручики и потомъ въ поручики. Въ экспедиціи на Цимбру Байковъ быстро и искусно дѣйствовалъ артиллеріею, а при деревнѣ Излясѣ сильными пушечными ударами оградилъ нашу кавалерію, отбилъ непріятеля и содѣйствовалъ пораженію его. За эти дѣла награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го кл. По прекращеніи военныхъ дѣйствій, Байковъ былъ опредѣленъ генералъ-адъютантомъ къ князю Орлову, въ 1779 г. произведенъ въ подполковники, 1785 г.—въ полковники Иркутскаго драгунскаго полка. Въ день приступа къ Очакову, въ 1788 г., Байковъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ споспѣшествовалъ пораженію непріятеля и участвовалъ въ совершенномъ истребленіи турокъ, засѣвшихъ въ Новой Слободѣ. За Очаковскій приступъ Байковъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го кл. Въ 1789 г. пожалованъ въ бригадиры и секундъ-маіоры л.-гв. Преображенскаго полка, и отправленъ въ финляндскую армію. Въ сраженіи при Пардакаскѣ, 18-го апрѣля 1790 г., начальствуя колонною, велъ наступленіе противъ острова Лапенсали, вытѣснилъ оттуда непріятеля и потомъ устремился на баттарею при Пардакаскѣ. Сражаясь болѣе пяти часовъ, Байковъ неустрашимо шелъ между двухъ непріятельскихъ огней и уже достигалъ батареи и ретраншментовъ, какъ вдругъ внезапно появившіяся шведскія подкрѣпленія превосходными силами налегли на колонну его, и тутъ, среди кровопролитнаго боя, Байковъ получилъ жестокую рану, отъ которой вскорѣ умеръ. Женатъ былъ Байковъ на Аннѣ Ивановнѣ, воспитанницѣ оберъ-гофмейстера Елагина.

Рукописный словарь Казадаева.

Байковъ, *Дмитрій Александровичъ*, профессоръ новороссійскаго университета, родился въ 1820 г. Окончивъ курсъ по естественному факультету въ московскомъ университетѣ, въ 1841 г. былъ назначенъ преподавателемъ естественной исторіи въ Демидовскомъ лицеѣ. Въ 1844 г. защищалъ въ московскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра ботаники и зоологіи и былъ утвержденъ профессоромъ въ томъ же университетѣ. Въ 1850 г.

перешелъ профессоромъ въ Ришельевскій лицей, и когда послѣдній въ 1865 г. былъ преобразованъ въ университетъ, Байковъ былъ назначенъ въ немъ экстраодинарнымъ профессоромъ зоологіи. Въ 1866 г., по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ вышелъ въ отставку и умеръ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ спустя. Его сочиненія: „О строеніи растительной кожицы" (магистерская диссертація, Москва, 1843 г.). — „Ботаническая географія" (Спб., 1844 г.).—„О главнѣйшихъ направленіяхъ развитія ботаники" (актовая рѣчь, произнесенная въ Ришельевскомъ лицеѣ, 1852 г.).

«Двадцатипятилѣтіе Имп. Новорійскаго унив.», 1890 г., стр. 443.—Энциклопедич. словарь Березина. — Критико-біографич. словарь Венгерова, т. II-й.

Байковъ, *Матвѣй Андреевичъ*, основатель удѣльнаго земледѣльческаго училища въ С.-Петербургѣ; родился въ 1800 г. 7-го августа, ум. 20-го февраля 1849 г. Въ 1819 г. онъ окончилъ курсъ харьковскаго университета со степенью кандидата по физико-математическому факультету, въ 1820 г. былъ опредѣленъ преподавателемъ математическихъ наукъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ 1822 г. получилъ степень магистра и назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ чистой математики, въ 1826 г.—экстраординарнымъ, а съ 19-го сентября 1829 г. — ординарнымъ профессоромъ сельскаго хозяйствѣ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1832 г. былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для устройства по выборгской дорогѣ образцовой фермы сельскаго хозяйства для удѣльныхъ крестьянъ; при этой фермѣ было основано Удѣльное земледѣльческое училище, директоромъ коего и состоялъ Байковъ до самаго конца своей жизни. Училище это, благодаря энергіи и трудамъ его основателя, славилось образцовымъ порядкомъ и обращало вниманіе даже иностранцевъ. Описаніе этого училища и его фермъ за время управленія Байкова помѣщено въ „Preussische Illustrirte Zeitung", 1848 г.

«Вѣдомости С.-Петербургской Гор. Полиціи», 1849 г., № 43.—Некрологъ, написанный Баймаковымъ. — «Сѣверная Пчела», 1849 г., № 42.— Словари: Геннади, Березина, Клюшникова, Венгерова, Андреевскаго.

Байковъ, *Ѳеодоръ Исаковичъ*, посолъ-путешественникъ XVII столѣтія. Сынъ Тарскаго воеводы, служившій въ 1645 г. головою, а съ 1647 г. воеводою въ Валуйкахъ, Байковъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1654 г. былъ отправленъ въ Китай для того, чтобы познакомиться съ торговлей страны и вручить богдыхану грамоту отъ царя. Въ 1656 г. 3-го марта посольство достигло Канбалыка, т. е. Пекина. Между Байковымъ и китайскими чиновниками возникъ цѣлый рядъ недоразумѣній изъ-за обоюднаго упорства: кончились они тѣмъ, что Байкова не допустили къ богдыхану и не дали передать „любительную грамоту". Пекина посольству также не пришлось осмотрѣть, такъ какъ Байкова и всѣхъ его товарищей держали взаперти цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ — все время ихъ пребыванія въ китайской столицѣ. Въ концѣ-концовъ, Байкову вернули подарки, и онъ оставилъ Китай, не завязавъ никакихъ сношеній. Байковъ возвратился въ Тобольскъ, а оттуда 19 іюля прибылъ въ Москву, гдѣ подалъ статейный списокъ, цѣнное произведеніе въ нашей литературѣ путешествій. Трудъ Байкова скоро сталъ извѣстенъ и за границею. Въ XVII в. еще появилось отдѣльное изданіе его на голландскомъ языкѣ, а амстердамскій бургомистръ Витсенъ напечаталъ его сокращенно въ своемъ трудѣ: „Nord en Ost Tartarey". Впослѣдствіи описаніе путешествія Байкова было переведено на французскій яз. и помѣщено въ IV томѣ „Voyages au Nord" (Амстердамъ, 1732 г.). Исправленное извлеченіе изъ обоихъ переводовъ съ примѣчаніями вошло въ „Ежемѣсячныя Сочиненія" (1755 г., іюль, 19—57). Въ подлинномъ видѣ путешествіе Байкова напечатано два раза: въ IV т. Новиковской „Древней Россійской Вивліоѳики", и въ II т. „Сказаній русскаго народа" Сахарова.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достоп. людей», изд. 1836 г. (ч. I). — Словари: Плюшара, Старчевскаго, Андреевскаго, Венгерова.

Байтугановъ, *Бекчентай*, депутатъ Казанской провинціи, отъ вотяковъ некрещенныхъ, въ Коммисіи Новаго Уложенія; подавалъ мнѣніе противъ дворянскихъ привиллегій и за необходимость внесенія въ одинъ списокъ благородныхъ по происхожденію и по выслугѣ.

«Сборн. Имп. Ист. Общ.» (XXXII, 589).

Бакаревъ, *Владиміръ Алексѣевичъ*, академикъ архитектуры, род. 1800 г. Уча-

ствовалъ въ построеніи Московскаго Кремлевскаго дворца и, находясь въ 9 классѣ, получилъ 27 сентября 1849 г. званіе почетнаго вольнаго общника отъ Имп. Академіи Художествъ. Сынъ его, Владиміръ (род. 1835), былъ также архитекторомъ и состоялъ архитекторскимъ помощникомъ при Московскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ (до 1684).

«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», Н. П. Петрова, III, 108.—Снегиревъ, «Памятники Моск. древн.», 330.—Воейковъ «Достопамятности Моск. Кремля». 35.—Архивъ Мин. Имп. Двора, д. 1864, оп. 1128, № 20. *Н. С.*

Бакаръ *Вахтанговичъ*, грузинскій царевичъ, генералъ-лейтенантъ русской службы, родоначальникъ фамиліи князей Грузинскихъ; родился 7-го апрѣля 1700 г., умеръ 1-го февраля 1750 г. Старшій сынъ царя Карталиніи Вахтанга VI-го и жены его, царицы Русуданы, Бакаръ первые годы жизни провелъ въ отечествѣ, помогая отцу въ борьбѣ его за престолъ. По взятіи Вахтанга въ плѣнъ персіанами, Бакаръ, вмѣстѣ со своимъ братомъ Іесселемъ, управлялъ Карталиніею и въ 1717 г. былъ провозглашенъ царемъ ея, подъ именемъ Шахъ-Наваза III. Въ 1719 г. возвратился изъ Персіи Вахтангъ и управлялъ Грузіею вмѣстѣ съ Бакаромъ до 1722 г., когда персидскій шахъ отдалъ Карталинію кахетинскому царю Константину, а Вахтангъ и Бакаръ, послѣ безплодной борьбы за престолъ, около 1724 г. оставили Грузію и выѣхали въ Россію. Здѣсь, принявъ русское подданство, Бакаръ, 30-го ноября 1729 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ зачисленъ на службу въ артиллерію и назначенъ начальникомъ Артиллерійской конторы въ Москвѣ и расположенныхъ въ округѣ послѣдней артиллерійскихъ командъ. Два раза, въ 1736 и 1742 гг., онъ находился въ командировкахъ въ Астрахани и Кизлярѣ, съ секретными порученіями русскаго правительства по политическимъ сношеніямъ съ горцами и кабардинцами, а съ 1743 г. оставался почти безвыѣздно въ Москвѣ. Въ 1749 г., Бакаръ, по собственному ходатайству, оставилъ службу и вмѣстѣ съ семействомъ собрался возвратиться въ Грузію, но заболѣвъ, скончался въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ. Наслѣдниками пожалованныхъ ему обширныхъ помѣстій въ Россіи остались жена его, княгиня Анна Георгіевна (урожд. княжна Эристова) и два сына, князья Грузинскіе, Александръ и Леонъ; одна изъ дочерей Бакара вышла замужъ за князя Н. И. Одоевскаго.—Царевичъ Бакаръ, около 1740 г., завелъ при своемъ домѣ, въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, типографію грузинскихъ церковныхъ книгъ, изъ которой въ 1743 г. вышла полная грузинская библія и потомъ разныя церковныя книги.

П. Бутковъ. «Матеріалы для новой исторіи Кавказа» (см. указатель).—«Histoire de la Géorgie» par M. Brosset, 2-e partie, 1-er livraison. Спб. 1856 г.—«Дѣло существ. въ Тифлисѣ комиссіи для разсмотрѣнія грузинскихъ и имеретинскихъ документовъ, 1830—1845 гг.» (хран. въ библ. Г. Θ. Штендмана), стр. 96 и 118.—Архивъ Спб. артилл. истор. музея.—П. Барановъ. «Опись архива Правит. Сената» (см. указ.).—Словари: Плюшара и Андреевскаго. *Д. С—въ.*

Бакихановъ, *Джафаръ-Кули-ханъ*, потомокъ послѣдняго бакинскаго хана Гусейна-Кули. Состоялъ на русской службѣ въ кавказскихъ войскахъ, получивъ первый офицерскій чинъ въ 1830 г.; въ 1848 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, и въ 1866 г.—въ генералъ-лейтенанты. Высшимъ знакомъ отличія имѣлъ орденъ св. Анны 1-й степ. Въ 1867 г. скончался на островѣ Куба, откуда останки его, при торжественной, ознаменованной особенными почестями встрѣчѣ, были доставлены въ Баку, для погребенія въ Шихивой деревнѣ, самомъ священномъ мѣстѣ края.

«Иллюстр. Газета», 1867 г., № 50.—Списки старшинства генераловъ 1866 г. *Д. С—въ.*

Баккаревичъ, *Михаилъ Никитичъ*, преподаватель русской словесности, изъ духовнаго званія; род. въ 1775 г., ум. 30-го іюля 1819 г. Въ 1790-хъ годахъ блистательно окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и до 1804 г. состоялъ главнымъ инспекторомъ благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ, гдѣ съ большимъ талантомъ преподавалъ русскую словесность; грамматику русскаго языка онъ проходилъ сравнительно съ грамматиками другихъ языковъ и, не ограничиваясь узкими рамками своего предмета, касался всѣхъ областей знанія. 30-ти-лѣтъ отъ роду онъ, увлекаясь честолюбіемъ, измѣнилъ своему призванію и поступилъ чиновникомъ сначала по морскому министерству, затѣмъ по министерству полиціи и, наконецъ, въ государственномъ совѣтѣ занялъ мѣсто помощника статсъ-секретаря. Какъ чело-

вѣкъ способный, онъ на административномъ поприщѣ обратилъ на себя вниманіе и занималъ довольно высокое положеніе. Изъ его сочиненій болѣе извѣстно „Статистическое обозрѣніе Сибири", составленное имъ по оффиціальнымъ источникамъ и напечатанное въ 1810 г. по Высочайшему повелѣнію, безъ имени автора. Въ 1793 г. изданъ его переводъ съ французскаго „Торжество Розы, праздникъ въ Саланси". Въ 1798 г. вышла его „Русская просодія, или правила, какъ писать русскіе стихи"; руководство это выдержало три изданія. Въ 1799 г. напечатанъ „Надгробный памятникъ". Въ этомъ же году Бакаревичъ составилъ уставъ для учрежденнаго при благородномъ пансіонѣ Литературнаго Общества. Въ 1813 г. напечатаны его „Мысли россіянина при гробѣ фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова", а въ 1816 г. переводъ Жана Баптиста Сея—„О торговомъ балансѣ".

Словари: Толля, Березина, Плюшара, Геннади, Венгерова, Андреевскаго.—Сушковъ, «Московскій университетскій благородный пансіонъ». — Сантовъ, «Замѣтки и разъясненія къ опыту россійской библіографіи Сопикова».

Баклановскій, *Иванъ Ивановичъ*, дворянинъ, засѣдалъ въ приказѣ Большого Прихода съ 1634 по 1638 г., съ 1638 по 1640 г. значится стряпчимъ въ 1649 г. былъ воеводою въ Твери въ 1654 г. посланъ вмѣстѣ съ дьякомъ Иваномъ Михайловымъ къ цесарю, просить дружбы и помощи и домогаться того, чтобы ни цесарь, ни его курфюрсты не помогали Польшѣ. Предложенное цесаремъ посредничество, за неимѣніемъ инструкціи, Баклановскій не могъ принять и вернулся въ іюлѣ 1655 г. въ Москву. Съ 1665 по 1668 г. Баклановскій былъ первымъ судьею въ приказѣ Большой Казны. Баклановскій значится еще думнымъ дворяниномъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обз. внѣшн. снош. Россіи» I, 20.—«Древн. Росс. Вввл.», XX (1791), стр. 111, 128, 287, 283.—Записн. книги Московскаго стола («Рус. истор. библіот.», т. X по указателю при т. XI, ст. 10).

Баклановъ, *Яковъ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ Донского казачьяго войска, родился 15-го марта 1809 г. въ Гугнинской станицѣ, умеръ 18-го января 1873 г. Отецъ его былъ родомъ изъ простыхъ казаковъ той же станицы, но дослужился до полковничьяго чина. Почти неграмотный, Баклановъ-сынъ въ 1825 г. поступилъ на службу урядникомъ въ полкъ Попова, гдѣ отецъ его командовалъ сотней, и, состоя въ полку, прошелъ курсъ уѣзднаго училища въ Ѳеодосіи. Въ 1826 г. онъ былъ обвѣнчанъ съ дочерью Гугнинскаго священника, Серафимой Ивановной Анисимовой, а въ 1828 г., за выслугу лѣтъ, произведенъ въ хорунжіе. Въ это время началась турецкая война, и полкъ, въ которомъ служилъ Баклановъ, выступилъ къ границѣ. Передъ началомъ похода бывшій генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края, графъ Воронцовъ, потребовалъ отъ полка офицера для доставленія депешъ великому князю Михаилу Павловичу въ Браиловъ. Отецъ Якова Петровича, вступившій за смертью Попова въ командованіе полкомъ, назначилъ сына. Баклановъ прибылъ въ Браиловъ въ день штурма и, по собственной просьбѣ, назначенъ былъ въ команду охотниковъ, шедшихъ впереди штурмовыхъ колоннъ. Въ турецкой кампаніи 1829 г. онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, но особенно отличился при переправѣ черезъ рѣку Камчикъ, первымъ бросившись въ воду подъ огнемъ двѣнадцати турецкихъ орудій. За отличія въ дѣлахъ съ непріятелемъ Баклановъ получилъ ордена св. Анны 4 степ. съ надписью „за храбрость" и 3 степ.—съ бантомъ; по окончаніи же войны, до августа 1831 г. стоялъ съ полкомъ на пограничной сторожевой чертѣ по Пруту. Въ 1834 г., послѣ отдыха на льготѣ, былъ снова назначенъ на службу въ Донской казачій Жирова полкъ, расположенный въ то время по Кубани въ станицахъ Кубанскаго, Хоперскаго и Ставропольскаго линейныхъ казачьихъ полковъ. Эти четыре полка вмѣстѣ съ 2-мя батальонами пѣхоты составляли отдѣльный прочноокопскій отрядъ, наблюдавшій весьма значительный кордонный участокъ на протяженіи отъ Николаевской станицы до земли Черноморскаго казачьяго войска. Первой серьезной экспедиціей, положившей начало кавказской извѣстности Бакланова, была экспедиція 1836 г., предпринятая для истребленія закубанскихъ ауловъ между рѣками Псефиромъ, Лабою и Бѣлой. Здѣсь онъ отличился при штурмѣ одного изъ ауловъ, когда получилъ опасную рану въ голову. Вскорѣ послѣ того отличился еще блистательнѣе 4-го іюля 1836 г., слѣдуя

по пятамъ вчетверо сильнѣйшихъ горцевъ, на пространствѣ 10 верстъ (между рѣками Чамлыкъ и Лаба); здѣсь онъ выдержалъ 12 атакъ, израсходовалъ всѣ патроны и въ заключеніе, выбравъ удобный моментъ, въ свою очередь ударилъ въ пики, опрокинулъ непріятеля и преслѣдовалъ болѣе 15 верстъ, истребивъ его почти совершенно. Награжденный за это дѣло орденомъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ, Баклановъ въ 1837 г. былъ переведенъ въ Донской казачій № 41 полкъ и произведенъ въ есаулы; весною 1839 г. назначенъ на службу въ Донской учебный полкъ, а въ 1841 г. переведенъ въ Донской казачій № 36 Родіонова полкъ, съ которымъ въ Польшѣ содержалъ кордонную линію на границѣ съ Пруссіею. Пребываніемъ въ Польшѣ онъ воспользовался для своего самообразованія, ознакомившись за это время съ многими военно-историческими сочиненіями и вообще серьезно занявшись толковымъ чтеніемъ. По возвращеніи изъ западнаго края, осенью 1844 г. онъ былъ произведенъ въ войсковые старшины, а весною 1845 г. командированъ снова на Кавказъ въ Донской казачій № 20 полкъ, расположенный на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи въ Куринскомъ укрѣпленіи, которое составляло передовой оплотъ нашихъ Кумыкскихъ владѣній. Съ этихъ поръ начинается быстрое служебное возвышеніе Бакланова. Необыкновенныя партизанскія способности его нашли здѣсь блестящее примѣненіе. Онъ скоро сдѣлался грозою горцевъ, названіе „боклю" и „даджалъ"—дьяволъ—утвердились за нимъ и перешли съ его именемъ въ народныя чеченскія преданія, гдѣ живутъ до сихъ поръ въ пѣсняхъ и присказкахъ. До 1853 г., командуя Донскимъ казачьимъ № 20 полкомъ, Баклановъ отбилъ у горцевъ до 12 тысячъ головъ рогатаго скота и до 40 тысячъ овецъ; ни одна партія, спускавшаяся для набѣговъ съ горъ на Кумыкскую плоскость не возвращалась безнаказанно, такъ что горцы вскорѣ совсѣмъ прекратили свои набѣги въ наши предѣлы. Вскорѣ № 20-й полкъ ушелъ на льготу, но князь Воронцовъ, желая сохранить на Кавказѣ славнаго партизана, исходатайствовалъ ему команду надъ пришедшимъ на смѣну полкомъ № 17.— Участвуя съ отличіемъ въ рядѣ экспедицій 1848—1851 г.г., Баклановъ въ одной изъ нихъ былъ тяжело раненъ пулею въ бедро съ поврежденіемъ кости. Рана его возбудила надежды у чеченцевъ, что они надолго избавились отъ своего врага, но богатырская натура Бакланова взяла верхъ надъ болѣзнью. Въ февралѣ 1852 г. онъ, по приказанію начальника лѣваго фланга кавказской линіи, князя Барятинскаго, съ отрядомъ изъ трехъ батальоновъ, четырехъ орудій и своего казачьяго полка, окончилъ просѣку отъ Куринскаго укрѣпленія къ р. Мичикъ. Въ это время князь Барятинскій выступилъ изъ Грозной къ Автурамъ, для дальнѣйшаго слѣдованія черезъ Большую Чечню и Маіоръ-Тупъ въ Куринское. 17-го февраля, Баклановъ, распустивъ передъ тѣмъ свой отрядъ на отдыхъ, только съ двумя сотнями полка № 17 выѣхалъ на Кочкалыковскій хребетъ. Лазутчики принесли извѣстіе, что Шамиль, съ 25-ю тысячнымъ отрядомъ, расположился за рѣкою Мичикомъ, противъ просѣки, чтобы отрѣзать Бакланову обратный путь. Сосредоточивъ къ ночи 5 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ и 2 орудія, Яковъ Петровичъ искуснымъ движеніемъ сумѣлъ обмануть бдительность Шамиля, пробрался съ отрядомъ сквозь его линію, безъ дорогъ, по самой дикой и затруднительной мѣстности и присоединился къ князю Барятинскому въ тотъ самый моментъ, когда послѣдній болѣе всего имѣлъ необходимость въ поддержкѣ при проходѣ черезъ лѣса. Командуя вслѣдъ затѣмъ арьергардомъ князя, онъ совершилъ рядъ новыхъ подвиговъ, за что и получилъ орденъ св. Георгія 4 степ., а въ октябрѣ 1852 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ февралѣ 1853 г. князю Барятинскому необходимо было переправиться черезъ р. Мичикъ въ виду Шамиля, расположеннаго съ 40 тысячами человѣкъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Форсированіе переправы, помимо сомнительности успѣха, стоило бы огромныхъ потерь, а потому рѣшено было попытаться скрытно обойти непріятеля. Это движеніе было довѣрено Бакланову, и онъ съ отрядомъ изъ 3 батальоновъ Донскаго № 17 полка, дивизіона драгунъ и 8 орудій, пользуясь густымъ туманомъ, лѣсистой и сильно пересѣченной мѣстностью, неожиданно появился на правомъ флангѣ непріятеля и заставилъ его отступить, что дало возможность князю Барятинскому совершить переправу съ самой ничтожною потерею. Въ 1853 г. генералъ Баклановъ назна-

ченъ былъ начальникомъ кавалеріи лѣваго фланга кавказской линіи, а съ мая 1855 г., по распоряженію генералъ-адъютанта Муравьева, командовалъ иррегулярною конницей въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Бриммера, перешедшаго турецкую границу и сосредоточившагося у селенія Аджанъ-Кале (нѣсколько сѣвернѣе Карса). Казаки Бакланова неотступно находились на сторожѣ, рыскали вокругъ крѣпости—и ни одинъ табунъ, выгоняемый на пастьбу, ни одна фуражировка, высланная изъ крѣпости, не ускользали отъ нихъ. Самъ Баклановъ не зналъ въ это время покоя, дни проводя въ полѣ, а по ночамъ нерѣдко уходя изъ лагеря и пробираясь самъ-другъ или самъ-третей къ турецкимъ укрѣпленіямъ, провѣряя показанія лазутчиковъ и изучая мѣстность. Турки знали страшнаго для нихъ генерала и, называя его „Бакланъ-пашею“ и „Батманъ-Клычъ“ (богатырь съ полупудовымъ мечомъ), разсказывали чудеса о его сверхъестественной силѣ. Накануне штурма Карса онъ поступилъ въ распоряженіе генерала Базина, колонна котораго должна была овладѣть Чакмакскими высотами. При штурмѣ на долю колонны Базина выпалъ наибольшій успѣхъ, чему энергично содѣйствовалъ Баклановъ; колонна эта овладѣла послѣдовательно тремя редутами со всею ихъ артиллеріею (15 орудій), и только недостатокъ свѣжихъ войскъ остановилъ ея дальнѣйшіе успѣхи. При общемъ отступленіи, Яковъ Петровичъ вышелъ изъ редутовъ послѣднимъ; по его приказанію, казаки подняли на лошадей непріятельскія орудія, а остальныя заклепали и захватили съ собою 2 турецкихъ знамени и 12 значковъ. Потеря въ колоннѣ Базина, сравнительно съ общею потерею, была ничтожна (около 475 человѣкъ при общемъ уронѣ болѣе чѣмъ въ 7 тысячъ); самъ же Баклановъ былъ контуженъ ядромъ въ голову, но остался въ строю. Во время отступленія штурмовыхъ колоннъ, онъ еще разъ доказалъ свое безстрашіе и находчивость: поднявшись на пригорокъ, Яковъ Петровичъ замѣтилъ, что одинъ батальонъ, подъ командою подполковника Кауфмана пробившійся черезъ всю непріятельскую линію, идетъ на соединеніе съ Базинымъ, но по дорогѣ долженъ пройти мимо Башибузуцкой горы, гдѣ находилась турецкая засада. Съ Донской баттареей Баклановъ помчался на выручку Кауфману и открылъ такой убійственный огонь по засадѣ, что турки бѣжали, а Кауфманъ благополучно вышелъ изъ подъ выстрѣловъ турецкихъ укрѣпленій, вынеся съ собою до 150 раненыхъ. За эти отличія Баклановъ получилъ орденъ св. Анны 1 степ. Вскорѣ послѣ сдачи Карса, поселившись въ Новочеркаскѣ, онъ жилъ нѣкоторое время вдали отъ дѣлъ, но 2-го февраля 1857 г. онъ былъ снова назначенъ походнымъ атаманомъ Донскихъ казачьихъ полковъ, находившихся на Кавказѣ. Должность походнаго атамана была исключительно административною и приходилась не по душѣ Бакланову, однако онъ и тутъ продолжалъ служить съ полнымъ усердіемъ, такъ что князь Барятинскій исходатайствовалъ ему въ февралѣ 1859 г. орденъ св. Анны съ короною, въ февралѣ 1860 г.—аренду на 12 лѣтъ по 1.500 рублей въ годъ, а въ апрѣлѣ того же года чинъ генералъ-лейтенанта. Послѣднія награды не застали Бакланова на Кавказѣ: онъ былъ уже на Дону, гдѣ съ 1-го мая 1861 г. состоялъ окружнымъ генераломъ II округа Донского казачьяго войска. Въ 1863 г., во время польскаго возстанія, онъ былъ поставленъ въ главѣ расположенныхъ въ Виленскомъ округѣ Донскихъ казачьихъ полковъ. Непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ ему не пришлось принять, но какъ начальникъ Августовскаго отдѣла, онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Муравьева по усмиренію мятежа. Появленіе Бакланова въ Польшѣ навело ужасъ на обывателей: ходили преувеличенные разсказы объ его жестокости, а онъ, между тѣмъ, втайнѣ принималъ горячее участіе въ судьбѣ несчастныхъ семействъ послѣ ссылки отцовъ, и помогалъ имъ чѣмъ могъ. Въ 1867 г. должность завѣдывающаго Донскими казачьими полками была упразднена, и Баклановъ былъ зачисленъ по Донскому войску. Съ этого времени онъ почти безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался въ бѣдности и былъ похороненъ на счетъ Донского войска, ассигновавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ 1500 рублей на сооруженіе ему памятника.

Имя Бакланова до сихъ поръ живетъ въ пѣсняхъ донскихъ казаковъ. Это былъ богатырь ростомъ, силой и храбростью; талантливый, неутомимый партизанъ, искусный генералъ и необыкновенно честный и

безкорыстный человѣкъ, любившій родную землю, на служеніе которой онъ положилъ всю свою жизнь. Его свирѣпая наружность скрывала доброе и благородное сердце, оставившее по себѣ хорошую память во всѣхъ знавшихъ его близко.

Баклановымъ оставлены любопытныя записки, помѣщенныя въ „Рус. Старинѣ" 1870 и 1871 г.г.

В. Потто, «Яковъ Петровичъ Баклановъ», (біографическій очеркъ). Съ портретомъ. Спб. 1887 г.—«Русская Старина», 1883 г. т. XXXVII—мартъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ, и 1887 г., т. XX, стр. 677—687.—«Иллюстрированная Недѣля», 1873 г. № 45. — «Голосъ», 1873 г., № 90.—«Домашняя Бесѣда», 1873 г. № 42.—«Донская Газета», 1873 г. №№ 43—44 и 1876 г. №№ 39 и 41.—«Донскія Губернскія Вѣдомости», 1873 г. № 43.—«Азовскій Вѣстникъ», 1873 г. № 89.—«Донскія Областныя Вѣдомости», 1874 г. №№ 99—100 и 1875 г. №№ 3, 15, 18, 20, 21.—«Русскій Инвалидъ», 1873 г. № 243 и 1863 г. № 155.—«Русскій Міръ», 1878 г. № 96.—Словари: Березина, Андреевскаго и Леера.

Д. С—въ.

Бакмейстеръ, *Гартвигъ - Людвигъ - Христіанъ* (alias Логинъ Ивановичъ), род. 15-го марта 1730 г., ум. 22-го мая 1806 г. Родившись въ с. Герренбургѣ въ княжествѣ Ратцебургѣ (въ Мекленбургѣ), Гартвигъ Бакмейстеръ былъ сыномъ умершаго въ 1739 г. ученаго богослова и пастора Іоганна-Христофора Бакмейстера воспитаніе получилъ въ церковной школѣ въ Ратцебургѣ и въ гимназіи въ Любекѣ, два года слушалъ въ іенскомъ университетѣ лекціи по юриспруденціи, а затѣмъ занималъ должность домашняго наставника послѣдовательно въ трехъ семействахъ; съ однимъ изъ своихъ питомцевъ Бакмейстеръ совершилъ путешествіе по Голландіи, а въ 1760 г. онъ передалъ свое мѣсто знаменитому, впослѣдствіи историку Авг. Людв. Шлёцеру, съ которымъ сблизился случайно въ Гёттингенѣ, самъ же переселился въ Лифляндію, гдѣ прожилъ около двухъ лѣтъ въ помѣстьи Ратсгофъ, близъ Дерпта. Тѣмъ временемъ академикъ Миллеръ возобновилъ свое изданіе „Sammlung Russischer Geschichte" (въ 1758 г.) и, нуждаясь въ ученомъ сотрудникѣ, выписалъ въ Петербургъ Шлёцера. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, убѣдилъ Бакмейстера, въ 1762 г., перебраться въ Петербургъ. Миллеръ тотчасъ предложилъ ему столъ и квартиру; Бюшингъ, хорошо знавшій Бакмейстера еще въ Гёттингенѣ, также принялъ въ немъ участіе. Для него уже имѣли въ виду мѣсто домашняго учителя на 300 рублей, въ десяти верстахъ отъ Петербурга и должность секретаря у Корфа, а такъ какъ Бакмейстеръ зналъ математику и рисованіе, то Миллеръ предполагалъ дать ему занятія и въ академіи при географической и картографической конторѣ. Между тѣмъ, Миллеръ заставилъ его обработать „исторію университетовъ дерптскаго и пернаускаго" (Samml. russ. Gesch. IX, стр. 95—262). Самъ Шлёцеръ, между тѣмъ, выселился изъ дома Миллера, а Бакмейстеръ у послѣдняго остался. Вскорѣ онъ занялъ должность воспитателя при обоихъ сыновьяхъ богача, умершаго архіатера Кондоиди, опекунъ которыхъ, обергофмейстеръ графъ Панинъ помѣстилъ юношей, для общаго руководства ихъ воспитаніемъ, у Миллера. Бакмейстеръ при молодыхъ Кондоиди провелъ три года и въ 1765 г. сопровождалъ ихъ за-границу, въ Стокгольмъ. По возвращеніи въ Россію Бакмейстеръ, по связямъ своимъ съ Миллеромъ и Шлёцеромъ, получилъ назначеніе въ инспектора гимназіи при Академіи Наукъ и поселился вмѣстѣ съ Шлёцеромъ. „Этому человѣку, признается Шлёцеръ, я вполнѣ обязанъ, что существую: съ 1766 г. до 1767 г. мы жили большею частью вмѣстѣ—этого періода, въ теченіе котораго я снова перетерпѣлъ неслыханныя непріятности и все-таки съ неразумнымъ напряженіемъ работалъ надъ лѣтописями, я по человѣческимъ понятіямъ, безъ него даже и не перенесъ бы. Будучи пятью годами старше, и поэтому уже благоразумнѣе меня, Бакмейстеръ въ это время былъ по преимуществу моимъ другомъ, совѣтникомъ, опекуномъ и заботился обо мнѣ столько, сколько я позволялъ ему о себѣ заботиться. Въ то же время онъ велъ за насъ обоихъ хозяйство". О дѣятельности Бакмейстера по академической гимназіи, организованной окончательно графомъ Разумовскимъ въ 1747—1750 гг. и ввѣренной въ 1758 г. смотрѣнію Ломоносова, извѣстно слѣдующее. По ознакомленіи съ гимназіею Бакмейстеръ представилъ въ августѣ 1766 г. записку о печальномъ положеніи, въ какомъ находилось это заведеніе. Новый инспекторъ просилъ умножить число учителей и увеличить имъ жалованье, давъ квартиры при гимназіи, но ходатайство это уважено не было.

Тѣмъ не менѣе, Бакмейстеръ старался, сколько могъ, улучшить преподавательскій персоналъ гимназіи, по крайней мѣрѣ по главнымъ предметамъ и, послѣ смерти конректора Герасимова, представилъ о необходимости „для ученія юношества словеснымъ наукамъ и языкамъ выписать изъ чужихъ краевъ конректора, съ жалованіемъ по 360 р. въ годъ и съ выдачею на проѣздъ 100 руб.“. По рекомендаціи Шлёцера въ 1776 г. на эту должность и былъ опредѣленъ извѣстный Стриттеръ. Едва прошелъ годъ съ назначенія Бакмейстера инспекторомъ гимназіи, какъ академическая канцелярія по неизвѣстной причинѣ отрѣшила его отъ должности 6-го февраля 1767 г., а 10-го февраля объявила распоряженіе: „для лучшаго распорядка ученія, въ академической гимназіи быть главнымъ инспекторомъ г. профессору Фишеру“; вслѣдъ затѣмъ, 14-го марта, уволенъ былъ и Стриттеръ отъ „надзиранія за учениками“ подъ предлогомъ его занятій византійскою исторіею. Мѣры, принятыя новымъ инспекторомъ Фишеромъ, не только не упорядочили гимназіи, но еще болѣе ее разстроили. Фишеръ былъ отставленъ отъ должности, и въ академическую гимназію опять стали приглашать Бакмейстера. Не желая зависѣть отъ произвола академической канцеляріи, Бакмейстеръ должность инспектора согласился принять лишь на основаніи особаго письменнаго условія. По этому контракту всѣ учителя и ученики подчинялись исключительно инспектору, который зависѣлъ только отъ академіи; Бакмейстеру же предоставлено было и самое устройство гимназіи. Особое вниманіе онъ обратилъ на старшій классъ гимназіи. Въ 1768 г., по его почину, 16-ть лучшихъ учениковъ были отправлены въ ученыя экспедиціи, въ помощь академикамъ. Въ 1770 г. Бакмейстеръ ввелъ для лучшихъ учениковъ старшаго класса университетское преподаваніе математики, прикладныхъ ея частей и естественныхъ наукъ. По академическому протоколу отъ 17-го февраля, на самаго Бакмейстера было возложено обученіе гимназистовъ старшаго класса логикѣ, а въ 1771 г. (протоколомъ отъ 22-го іюня особой академической коммиссіи)—и французскому языку. Обратилъ Бакмейстеръ вниманіе и на учителей, которые согласно академическому протоколу отъ 28-го октября 1769 г. были подчинены его надзору, а въ 1771 г. и Стриттеръ, стараніями Бакмейстера, былъ востановленъ въ должности конректора. За всѣмъ тѣмъ, гимназія и при Бакмейстерѣ далеко не пришла въ цвѣтущее состояніе — представленіе инспектора объ увеличеніи числа учителей и усиленіи имъ оклада содержанія оставлялись безъ вниманія; самъ Бакмейстеръ занимался почти исключительно высшимъ классомъ—по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе, чѣмъ остальною гимназіею, перенесеніе же университетскаго преподаванія въ старшій классъ гимназіи едва ли могло быть и полезно, потому что свѣдѣнія энциклопедическаго характера воспитанникамъ сообщались наскоро и не полно (такъ анатомія читалась безъ анатомическихъ препаратовъ). Взрослые гимназисты, въ концѣ концовъ, такъ мало оправдали возлагавшіяся на нихъ ожиданія академіи, что въ сентябрѣ 1777 г. произвели безобразный скандалъ и избили конректора Стриттера. Для изслѣдованія случившагося была наряжена особая комиссія, при участіи въ ней, на правахъ члена, Бакмейстера; на нее возложено было „разсмотрѣть расположеніе ученій въ гимназіи, изыскать причину худого успѣха всѣхъ учениковъ и представить мнѣніе о возможномъ исправленіи“. Послѣдствіемъ изысканій комиссіи было увольненіе отъ должности въ декабрѣ 1777 г. какъ Стриттера, такъ и Бакмейстера. Затѣмъ, Бакмейстеръ занялъ постъ совѣтника при экспедиціи государственныхъ доходовъ, въ 1786 г. удостоенъ награжденія орденомъ св. Владиміра IV-й степени, а въ 1801 г., по причинѣ разстроеннаго здоровья, въ чинѣ статскаго совѣтника, уволенъ въ отставку съ сохраненіемъ полнаго оклада содержанія. Бакмейстеръ состоялъ членомъ Нѣмецкаго ученаго общества въ Гёттингенѣ, Вольнаго русскаго общества въ Москвѣ (съ 1772 г.) и Вольно-экономическаго въ С.-Петербургѣ.

Списокъ сочиненій Бакмейстера весьма обширенъ. Имъ напечатано въ Россіи: I. По исторіи: 1) „Nachrichten von den ehemaligen Uniwersitäten zu Dorpat und Pernau“; отд. изданіемъ: Спб. 1764 г., in—8°. 2) „A. Botins, Geschichte der Schwedischen Nation im Grundriss aus dem Schwedischen in's deutsche übersetzt“. Рига и Лейпцигъ. 1767 г., въ 2-хъ частяхъ. 3) „M. Lomonossows, alte

Russiche Geschichte von dem Ursprunge d. Russischen Nation bis auf den Tod d. Grossfürsten Iaroslaw des Ersten oder bis auf d. J. 1054. Aus d. russischen in's deutsche übersetzt". Рига и Лейпцигъ. 1768 г. (Съ перевода Бакмейстера *Eidous*, сдѣлалъ переводъ „Россійской исторіи Ломоносова" на французскій языкъ). 4) „Kurze Geographie d. russischen. Reichs", помѣщенная въ Спб. географическомъ календарѣ за 1768 г., въ русскомъ переводѣ, а въ 1773 г. выпущенная 2-мъ исправленнымъ изданіемъ въ Ревелѣ. 5) Далѣе, Бакмейстеру принадлежитъ редактированіе „Топографическихъ извѣстій, служащихъ для географическаго описанія Россійской имперіи", издававшихся Имп. академіею наукъ въ 1771—1774 гг. и заключающихъ въ себѣ сводъ данныхъ, поступившихъ отъ мѣстныхъ властей по запросу, разосланному отъ академіи относительно географическихъ условій отдѣльныхъ провинцій. 6) „Beyträge zur Geschichte Peters d. Grossen"—заключающіе въ себѣ переводъ Щербатовскихъ „Поденныхъ записокъ Петра I", съ объяснительными къ нимъ примѣчаніями. Рига. 3 т., 1774 г., 1776 г.-1784 г., 8-vo. 7) „Lebensbeschreibung d. Generalfeldmarschalls Grafen Boris Petrowitsch Scheremetew, mit eingesträuten Erläuterungen über die Geschichte Peters d. Grossen—переводъ на нѣмецкій языкъ съ русскаго труда исторіографа Миллера. Спб., Рига и Лейпцигъ. 1789 г. 8-vo.—II. По лингвистикѣ: 1) „Nachricht u. Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben" (на латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ). Спб. 1773 г., in 8-vo. 2) Матеріалъ, собранный Бакмейстеромъ для глоссарія всѣхъ языковъ и нарѣчій, задуманнаго Палласомъ, по почину Императрицы Екатерины II-й, отчасти разработанъ у Аделунга въ его „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde" и у Sjögren'а въ статьѣ „Zur Ethnographie Livlands" (Bull. de la Cl. hist.-phil. de l'Acad. Imp. d. Sc., T. VIII (1850) и въ Mélanges russes, I, 510—586). Эти труды, по преимуществу переводные, направлены, главнымъ образомъ, къ ознакомленію Европы съ исторіею Россіи; ту же цѣль преслѣдовалъ Бакмейстеръ въ предпринятомъ имъ обширномъ сборникѣ „Russische Bibliothek zur Kentniss d. gegenwärtigen Zustandes der Litteratur in Russland". Въ теченіе 1772 — 1789 гг. было напечатано 11-ть томовъ этого изданія. Каждый томъ, состоя изъ шести отдѣльныхъ статей, заключаетъ въ себѣ обстоятельнѣйшую лѣтопись русской литературной и ученой жизни съ 1770 г., какъ-то: некрологи, извѣстія объ ученыхъ путешествіяхъ, академическія и университетскія новости и обозрѣніе новыхъ книгъ, дающее ясное и точное представленіе о разбираемыхъ сочиненіяхъ. Это было тогда тѣмъ болѣе возможно, что русскія литературныя новости были не особенно многочисленны. Въ „Russische Bibliothek" помѣщались также свѣдѣнія о Московской духовной академіи (Заиконоспасскомъ монастырѣ), о Московскомъ воспитательномъ домѣ и даже о второстепенныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, вродѣ греческой гимназіи въ С.-Петербургѣ, семинарій: тверской, рязанской, архангельской и т. д. Мало того, во время войны и общественныхъ народныхъ бѣдствій, въ журналъ включались сочиненія, которыя могли интересовать публику по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ; такъ въ первую турецкую войну приводились сочиненія, касавшіяся до военныхъ дѣйствій, или описывавшія страны, гдѣ оии происходили; во время чумы—книги, въ которыхъ описывалась эпидемія и т. д. Однимъ словомъ, не было политическаго или литературнаго явленія въ Россіи, сколько-нибудь примѣчательнаго, которое не нашло бы себѣ мѣста въ этомъ изданіи, и выраженная Бакмейстеромъ въ предисловіи надежда на успѣхъ изданія осуществилась въ томъ смыслѣ, что никто изъ занимающихся исторіею просвѣщенія въ Россіи за этотъ періодъ времени не обойдется безъ этого капитальнаго труда. Въ „Russische Bibliothek", кромѣ Бакмейстера, участвовали Арндтъ (который помогалъ Бакмейстеру въ переводѣ „Поденныхъ записокъ Петра"), академики Георги и Гюльденштедтъ, пасторы Гротъ и Гупель, академикъ Крафтъ, астрономъ Лексель, исторіографъ Миллеръ, знаменитый Палласъ, академики Штеллинъ, Стриттеръ, Вольфъ и др. Тѣмъ не менѣе, „Russische Bibliothek" остается произведеніемъ личной энергіи и эрудиціи Бакмейстера; чужого въ ней не больше одной пятой части. Императрица поощрила этотъ трудъ Бакмейстера, пожаловавъ ему зо

лотую табакерку съ 250 червонцами. Въ теченіе 16-ти лѣтъ существованія „Russische Bibliothek“, въ ней разобрано до 1.100 сочиненій вполнѣ безпристрастно и Бакмейстеръ съ гордостью могъ писать: „Ни единый правдивый читатель не станетъ отрицать... пользы библіотеки... Въ этой библіотекѣ собраны данныя, которыя впослѣдствіи трудно будетъ отыскать; даже теперь нѣкоторыя довольно замѣчательныя литературныя произведенія ужъ всѣ разошлись и едва ли не въ одной „Библіотекѣ“ останется ихъ слѣдъ“. Однако, въ 1789 г. Бакмейстеру пришлось прекратить свое изданіе за недостаткомъ денежныхъ средствъ—ему нужно было нѣсколько сотъ рублей въ годъ для покупки рецензируемыхъ книгъ, но никто не пришелъ издателю на помощь. Даже академическія изданія добывалъ Бакмейстеръ съ величайшимъ трудомъ. Дохода же журналъ не давалъ никакого, потому что въ Россіи имъ интересовались весьма немногіе; зато заграницею, какъ можно видѣть изъ IV т. „Reisen“ Бернулли, предпріятіе Бакмейстера цѣнилось по достоинству, и это, пожалуй, и поддерживало Бакмейстера въ его неустанномъ стремленіи давать свѣдѣнія о Россіи на такомъ языкѣ, который дѣлалъ ихъ доступными всему ученому міру.

Gadebusch, «Abhandlungen von livländischen Geschichtsschreibern». Riga. 1777, стр. 242.—Онъ же, «Livländische Bibliothek». Riga. 1777. Ч. I, 24. — Bernoulli, «Reisen». B. IV. 39.—Leidenfrost, «Historisch-biographisches Handwörterbuch». B. I, 293. — Meusel, «Gelehrtes Deutschland». B. I, 115, в. XI, 38, в. XIII, 52.—Rotermund: «Gelehrt. Hannover». B. I, XII -- XIV.—«Neue Biographie d. Zeitgenossen». B. II.—Recke u. Napiersky, «Schriftsteller u. Gelehrten Lexikon». B. I, 61 — 63; Nachtrag I, стр. 21. — Авг. Людв. Шлёцеръ, «Автобіографія», пер. В. Кеневича въ «Сб. Отдѣленія рус. языка и словесности. Имп. Ак. Наукъ», Т. XIII. — Гр. Д. А. Толстой, «Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи», въ «Запискахъ Имп. Ак. Наукъ», Т. LI, 1885 г., Приложеніе № 2. — Словари: Митр. Евгенія, Геннади, Березина, Венгерова, Эфрона-Брокгауза.—«St.-Petersburger Deutsche Zeitung», 1852, Beilage zur № 110. — D-r. Cl. Fr. Meyer, «Magazin f. d. Kunde d. geistigen und sittlichen Lebens in Russland», Спб., 1858 г., стр. 1—6.

Вл. Штейнъ.

Бакмейстеръ, *Іоганнъ Фолльратъ* (alias Иванъ Григорьевичъ), род. въ первой четверти XVIII в., ум. въ С.-Петербургѣ 18-го сентября 1788 г. (по митр. Евгенію въ 1794 г.). По свидѣтельству Бернулли, онъ доводился далекимъ родственникомъ Логгину Ивановичу Бакмейстеру. Годъ рожденія и раннія обстоятельства жизни I. Ф. Бакмейстера неизвѣстны. Въ Россію онъ прибылъ около 1756 г. и, вѣроятно, тогда же занялъ въ Императорской Академіи Наукъ должность помощника библіотекаря и хранителя кунсткамеры Петра Великаго. Обладая въ то же время свѣдѣніями въ арабскомъ языкѣ, Бакмейстеръ, по порученію Академіи, неоднократно разбиралъ арабскія монеты, поступавшія въ Академію отъ путешественниковъ, предпринимавшихъ, по ея почину, экспедиціи въ Сибирь. Въ 1780 г. Бакмейстеръ учредилъ въ С.-Петербургѣ особый кружокъ или общество для чтенія литературныхъ новостей на французскомъ языкѣ, но затѣя эта не привилась и кружокъ просуществовалъ всего годъ. Съ 1785 г. Бакмейстеръ состоялъ членомъ Вольнаго Экономическаго общества. Скончался онъ въ чинѣ коллежскаго ассессора (произведенъ въ 1778 г.)

Списокъ сочиненій I. Ф. Бакмейстера нижеслѣдующій: 1) „Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Academie des Sciences de St.-Petersbourg. Спб. 1766, 8-vo. (Въ нѣмецкомъ изложеніи издано въ Спб. въ 1777 г., подъ заглавіемъ: „Versuch über die Bibliothek d. k. Ak. d. Wis.“, а въ извлеченіи напечатано и въ „St.-Petersburger Journal“ за 1777 г. кн. III. Русскій переводъ этого сочиненія, изготовленный В. Костычовымъ, появился лишь въ 1799 г.). Этотъ трудъ является первымъ библіографическимъ трудомъ по части тогдашней ученой русской литературы. Сообщая обширный запасъ свѣдѣній о старопечатныхъ русскихъ книгахъ и давая изъ нихъ порою даже выдержки, а равно впервые сопоставляя любопытныя данныя объ академической библіотекѣ и кунсткамерѣ, Бакмейстеръ обнаруживаетъ отчетливое знакомство какъ съ лѣтописями и русскою исторіею вообще, такъ и съ учеными коллекціями, сосредоточившимися въ Императорской Академіи Наукъ въ первыя же десятилѣтія ея существованія. 2) „Nachricht von der metallenen Bildsäule Peters d. Grossen“ Спб. 1783 г. 8-vo. (Русскій переводъ Николая Карандашева, подъ заглавіемъ: „Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра Ве-

лицаго", напечатано въ Спб., въ 1786 г.). 3) Съ нѣмецкаго рукописнаго оригинала Бакмейстера переведена на русскій языкъ М. Костинымъ статья: „О первомъ въ Россію прибытии англичанъ и о заведеніи ими въ оной торговли (напечатана въ журн. „С.-Петербургскій Вѣстникъ", 1780 г., ч. V, №№ 5 и 6). 4) Въ „St.-Petersburger Journal", за 1778—1780 г.г. Бакмейстеромъ помѣщенъ рядъ статей компилятивнаго содержанія, напр.: о происхожденіи цыганъ по Гризелинусу (1778), о судебныхъ поединкахъ и выбрасываніи новорожденныхъ дѣтей (1779), русскіе анекдоты съ примѣчаніями (1780) и т. д.; тамъ же печатались и переводы его на нѣмецкій языкъ изслѣдованія кн. Щербатова о старо-русскихъ монетахъ, Петра Родіонова о г. Торопцѣ, греческаго архіепископа Арсенія объ учрежденіи патріаршей власти въ Россіи и т. д. 5) Особо Бакмейстеромъ напечатано, въ нѣмецкомъ его переводѣ, сочиненіе Козодавлева „Житіе святѣйшаго патріарха Никона", подъ заглавіемъ „Beiträge zur Lebensgeschichte des Patriarchen Nikon", Рига, 1788.

Словари: митр. Евгенія, Геннадн, Березина, Плюшара (статья Языкова), Брокгауза-Ефрона, Венгерова. *Вл. Штейнъ.*

Баковскій, *Станиславъ Антоновичъ*, надворный совѣтникъ, докторъ философіи, род. въ 1770 г. Онъ происходилъ изъ шляхтичей Литовской губерніи; обучался въ Гроднѣ и въ Виленскомъ университетѣ, по окончаніи котораго состоялъ преподавателемъ въ повѣтовыхъ школахъ, и въ 1796 г. назначенъ вице-профессоромъ (адъюнктомъ) въ Виленскій университетъ по каѳедрѣ краснорѣчія и исторіи литературы. Въ этой должности онъ оставался до 1814 г. Кромѣ того съ 1805 г. по 1814 г. онъ былъ помощникомъ библіотекаря въ Виленскомъ университетѣ.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія», т. I (Спб., 1893), т. II (Спб., 1897).

Бакрадзе, *Дмитрій Захаровичъ*, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ и предсѣдатель „Церковнаго древнехранилища" при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ—извѣстный грузинскій историкъ-археологъ и писатель; родился въ 1826 г. на Кавказѣ, ум. въ Тифлисѣ въ 1890 г. Бакрадзе происходилъ изъ духовнаго званія, образованіе получилъ въ тифлисской духовной семинаріи, а затѣмъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ московской духовной академіи. Дѣятельность его была вся посвящена изученію Кавказа. Своимъ классическимъ сочиненіемъ „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства" Бакрадзе пріобрѣлъ громкую извѣстность. Въ этомъ трудѣ помѣщено обстоятельное описаніе 321-го христіанскаго памятника Кавказа, при чемъ исторія каждаго памятника приводится отдѣльно, описываются всѣ достопримѣчательности и вездѣ указана литература предмета. Книга Бакрадзе появилась въ 1875 г.; съ тѣхъ поръ онъ съ неутомимою энергіею занимался собираніемъ матеріаловъ для дополненія своего труда, но сначала недостатокъ средствъ, а затѣмъ болѣзнь и смерть не позволили издать богатый запасъ собранныхъ имъ свѣдѣній. По тѣмъ же причинамъ не изданъ и другой весьма важный трудъ Бакрадзе: „Исторія Грузіи", оставшійся непереведеннымъ на русскій языкъ. Сверхъ того, Бакрадзе редактировалъ грузинскій „Сборникъ законовъ царя Вахтанга", изданный А. Френкелемъ; при дѣятельномъ участіи его изданы пять томовъ актовъ кавказской археографической комиссіи, въ которыхъ ему принадлежатъ всѣ переводы грузинскихъ актовъ на русскій языкъ. Бакрадзе принималъ также весьма дѣятельное участіе въ трудахъ V археологическаго съѣзда, на которомъ сдѣлалъ нѣсколько весьма любопытныхъ докладовъ. Ему же принадлежитъ честь и заслуга учрежденія Кавказскаго общества любителей археологіи, душою котораго Бакрадзе былъ до самой кончины. По его мысли, открылся также въ Тифлисѣ церковно-историческій музей при Сіонскомъ соборѣ. Избранный завѣдующимъ этого музея, Бакрадзе собралъ для него, во время своихъ ученыхъ путешествій по Кавказу, много драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. Эти путешествія, по Кавказу и Турціи предпринимались Бакрадзе по порученію Академіи Наукъ, которая, цѣня его заслуги, избрала Бакрадзе своимъ членомъ корреспондентомъ. Послѣднимъ трудомъ Бакрадзе была обстоятельная записка (болѣе 100 писч. листовъ) „О сохраненіи древнихъ памятниковъ на Кавказѣ". Эту записку онъ представилъ въ Императорскую археологическую комиссію. Бакрадзе былъ секрета-

ремъ Таврической судебной палаты, а затѣмъ состоялъ въ должности предсѣдателя комиссіи для окончанія сословно-поземельнаго вопроса въ частяхъ Кавказскаго края съ военно-народнымъ управленіемъ. На этомъ посту онъ оказалъ правительству важную услугу. Послѣ присоединенія Карской и Батумской областей къ Россіи, возникъ вопросъ о частныхъ правахъ владѣнія землею въ этихъ областяхъ. Документы находились въ турецкихъ рукахъ и, несмотря на долгіе дипломатическіе переговоры, турки ихъ не возвращали. Тогда въ Константинополь былъ посланъ Бакрадзе, прекрасно знавшій обычаи и нравы турокъ, благодаря многократнымъ путешествіямъ своимъ по Турціи. Пробывъ здѣсь всего три съ половиною мѣсяца, Бакрадзе возвратился съ 67.000 документовъ. Расходъ русскаго правительства по этому дѣлу ограничился однимъ только вознагражденіемъ переписчиковъ за трудъ. Работы Бакрадзе на русскомъ и грузинскомъ языкахъ по археологіи, исторіи, географіи и этнографіи помѣщались во всѣхъ кавказскихъ газетахъ и журналахъ, въ Запискахъ Академіи Наукъ и др. Академикъ Броссе считалъ Бакрадзе первымъ изъ ученыхъ археологовъ, посвятившихъ себя изслѣдованію Гуріи и отзывается съ большимъ уваженіемъ объ его заслугахъ. Съ другой стороны, критика находитъ нѣкоторыя, хотя и нечастыя, неточности въ его переводахъ и толкованіяхъ письменныхъ памятниковъ Грузіи. Во всякомъ случаѣ Бакрадзе былъ самымъ даровитымъ изслѣдователемъ въ области кавказской лингвистики, исторіи, археологіи, географіи и этнографіи.

Словари: Брокгауза-Ефрона и Венгерова.—«Пастырь», іюль 1879 г., статья А. Селиванова.—Письма академика Броссе, ibidem.—Критич. замѣтка на переводъ Бакрадзе надписи на плитѣ въ Арзами, «Кавказъ» № 122 за 1892 г.

Бакунина, *Варвара Ивановна*, рожденная Голенищева-Кутузова, писательница. Родилась 15 октября 1773 г.; умерла въ апрѣлѣ 1840 г. Бакунина въ 1796 г. сопровождала мужа своего, Михаила Михаиловича Бакунина, въ Персидскомъ походѣ и впослѣдствіи записала все видѣнное и слышанное ею во время этого похода, подъ заглавіемъ: „Персидскій походъ въ 1796 г." („Русской Старинѣ" 1887 г., № 2, стр. 343—374). Точно также какъ очевидица она описала „Двѣнадцатый годъ" (тоже въ „Русской Старинѣ", за 1885 г., № 9, стр. 391—410). Эти послѣднія записки представляютъ чисто домашній личный дневникъ и любопытны, какъ отголосокъ того, что дѣлалось, что думалось и говорилось въ петербургскомъ обществѣ во время тревожныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ событій двѣнадцатаго года. Составительница ихъ большая патріотка, неудовлетворявшаяся, какъ и большинство изъ ея общества, русской политикой того времени.

Князь Н. Н. Голицынъ, «Біографическій словарь русскихъ писательницъ» (Спб., 1889 г.).—А. Н. Пыпинъ, «Новые мемуары объ Александровской эпохѣ» (въ «Вѣстникѣ Европы», 1887 г. № 12).

Бакунина, *Евдокія Михайловна*, живописица. Заслуживъ 22 декабря 1834 г. 1-ю серебряную медаль за живопись отъ Имп. Академіи Художествъ, она, благодаря стараніямъ предсѣдателя Общества Поощренія Художниковъ, гр. В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, получила возможность отправиться въ Италію для усовершенствованія (1835—36) и исполнила тамъ копію съ картины Корреджіо „Обрученіе св. Екатерины", выставленную въ Римѣ и въ Петербургѣ въ 1839 г. Проведя, при содѣйствіи членовъ названнаго Общества, 4 года во Франціи и Италіи, она должна была вернуться въ Россію (1839—43). Въ свое время она пользовалась большою извѣстностью.

«Сборникъ Матер. для исторіи И. А. Х.» П. Н. Петрова, II, 324.—«Отчеты О. П. Х.» 1835—36; с. 22—24, и 1839—40, с. 14.—«Библіот. для чтенія» 1839, т. 37, отд. III, с. 55.

Бакунинъ, *Александръ Павловичъ*, д. ст. с., родился 1-го августа 1797 г., умеръ въ 1860 г., былъ тверскимъ губернаторомъ съ 1842 по 1853 г. Напечаталъ книгу подъ заглавіемъ: „Управленіе общее для всѣхъ губерній Россійской имперіи, несостоящихъ на особыхъ положеніяхъ". (М. 1858 г.).

Венгеровъ «Русскія книги».

Бакунинъ, *Василій Михайловичъ*, переводчикъ и членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, умеръ въ чинѣ д. ст. с. въ 1766 г., авторъ оставшагося въ рукописи сочиненія „Описаніе калмыцкихъ народовъ, особливо торгаутскаго". Трудъ этотъ есть результатъ посылки Бакунина при Петрѣ В. къ Аюкѣ-хану. Какъ показаніе оче-

видца сочиненіе это имѣетъ историческій интересъ.

Словари: Митр. Евгенія, Березина, Андреевскаго.

Бакунинъ, *Михаилъ Александровичъ,* род. въ 1814 г., ум. 19-го іюня (2-го іюля) 1876 г. Сынъ губернскаго предводителя дворянства Тверской губерніи, Александра Михайловича Бакунина отъ брака его съ Варварою Александровною Муравьевою, М. А. Бакунинъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, владѣвшему обширными вотчинами въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Проведя дѣтство въ родительскомъ домѣ, откуда онъ мальчикомъ нерѣдко исчезалъ въ поискахъ за романтическими подвигами, Бакунинъ поступилъ въ артиллерійское училище, въ 1832 г. былъ оттуда выпущенъ въ гвардейскую артиллерію прапорщикомъ, тѣмъ же чиномъ вскорѣ за шалости переведенъ въ полевую артиллерію и, проведя въ баттареѣ около двухъ лѣтъ въ глухомъ захолустьѣ Западнаго края, въ 1834 г. вышелъ въ отставку, и зачислился вольнымъ слушателемъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Любознательный и въ часы досуга отъ военной службы изучившій теоріи французскихъ идеологовъ, Бакунинъ въ Москвѣ сошелся съ Н. В. Станкевичемъ, имѣвшимъ къ семейству Бакуниныхъ близкія отношенія, и подъ вліяніемъ Станкевича отдался изученію Гегеля. Врожденная способность къ ясному истолкованію самыхъ сухихъ отвлеченностей обезпечила Бакунину видное положеніе въ станкевичевскомъ кружкѣ, особенно послѣ отъѣзда самого Станкевича заграницу. Ближе всего сошелся Бакунинъ съ В. Г. Бѣлинскимъ, плохо владѣвшимъ иностранными языками и нуждавшимся въ помощи Бакунина при изученіи Гегелевой философіи. Бѣлинскій въ 1836—1838 гг. настолько сблизился съ Бакунинымъ, что одно время даже жилъ съ нимъ въ Москвѣ и дважды проводилъ лѣто въ Новоторжскомъ имѣніи Бакуниныхъ. Однако, съ другой стороны, даръ перерабатывать все вычитанное и узнанное въ собственную мысль настолько развилъ въ Бакунинѣ нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, что близость съ нимъ оказалась Бѣлинскому въ тягость и между друзьями послѣдовало охлажденіе. „Дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе вдаль, безъ удовлетворенія настоящимъ... порываніе къ общему отъ частныхъ явленій“—такъ характеризовалъ Бѣлинскій Бакунина за московскій еще періодъ жизни этого послѣдняго, и цѣнилъ въ бывшемъ своемъ „философскомъ другѣ“ особенно высоко „вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа“. Живя въ Москвѣ открыто и давая тамъ вечера, на которые собирались представители московскихъ интеллигентныхъ кружковъ того времени, Бакунинъ поддерживалъ близкія сношенія съ Хомяковымъ и другими славянофилами, по преслѣдовалъ идеалы, несовмѣстимые съ стремленіями къ русской самобытности, такъ какъ тяготѣлъ весьма рѣшительно къ западничеству, хотя въ то время и былъ еще ультраконсервативенъ въ отношеніи политическихъ убѣжденій (по свидѣтельству Панаева). Изъ Москвы Бакунинъ, по вызову Бѣлинскаго, прислалъ свою статью о германской философіи для напечатанія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (см. IV книжку за 1840 г.), а вскорѣ и самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ тогда передъ отъѣздомъ заграницу жили и другіе москвичи: Кудрявцевъ и Катковъ; часто встрѣчаясь съ послѣднимъ у Бѣлинскаго и Панаева, Бакунинъ изъ-за личныхъ отношеній затѣялъ съ Катковымъ крупное столкновеніе, которое чуть не окончилось дуэлью.

Въ томъ же еще 1840 г. Бакунинъ отправился заграницу и, поселившись въ Берлинѣ — тогдашнемъ центрѣ „германскаго любомудрія“,—страстно отдался изученію гегельянства; переселившись вслѣдъ за Арнольдомъ Руге въ Дрезденъ, онъ, однако-же, спустя два года, въ статьѣ, напечатанной подъ псевдонимомъ „Jules Elysard“, выступилъ съ рѣзкими обвиненіями противъ присущей нѣмцамъ вообще способности политическія и общественныя злобы дня переводить на почву схоластики и успокоиваться на отвлеченныхъ философскихъ формулахъ. Безпокойное „вѣчно движущееся начало, лежавшее въ глубинѣ духа“, натолкнуло Бакунина на сближеніе съ нѣмецкими радикалами и соціалистическими кружками, что и заставило саксонское правительство выслать Бакунина, въ 1843 г., изъ Дрездена. Послѣ пребыванія въ Швейцаріи, гдѣ тогда же ютились сторонники соціализма, Бакунинъ въ 1845 г.

переселился въ Парижъ и близко сошелся съ Ж.-Зандъ, Прудономъ и представителями „Горы", ведшими тогда дѣятельную агитацію противъ правительства Людовика-Филиппа. Бакунинъ въ то время, по свидѣтельству П. В. Анненкова, поражалъ образованнѣйшихъ даже французовъ необычайнымъ діалектическимъ талантомъ и глубокимъ разумѣніемъ отвлеченнѣйшихъ философскихъ вопросовъ; въ свою очередь, тѣсное сближеніе съ радикальными журналами, мастерскими рабочихъ и ознакомленіе съ модными тогда соціалистическими и коммунистическими ученіями, привили Бакунину чуждое ему дотолѣ радикально свободное пониманіе условій и требованій жизни и отрицаніе первооснов европейской государственности. Сближеніе въ Парижѣ съ польскимъ эмиграціоннымъ комитетомъ, заправлявшимъ революціоннымъ движеніемъ въ Царствѣ Польскомъ, Познани и Галиціи, превратило Бакунина изъ революціонера-теоретика въ практика „революціонныхъ дѣлъ", такъ какъ комитетъ этотъ далъ истокъ его энергіи, научилъ его конспиративной практикѣ и доказалъ ему возможность дѣйствовать въ этомъ направленіи. Извѣстная рѣчь, произнесенная Бакунинымъ въ годовщину польскаго возстанія 1830 г., 29-го ноября 1847 г., въ которой онъ призывалъ поляковъ къ совмѣстному „съ русскими патріотами" дѣйствію въ интересахъ освобожденія Польши и образованія обще-славянской федераціи, повлекла за собою высылку Бакунина изъ Парижа, по распоряженію Гизо, признавшаго, что подобная „необузданная" личность даже и во Франціи нетерпима. На требованіе русскаго правительства вернуться немедленно въ Россію, Бакунинъ отвѣчалъ отказомъ и послѣ кратковременнаго пребыванія въ Брюсселѣ, вмѣстѣ съ Арн. Руге и Карломъ Марксомъ, вернулся передъ началомъ революціи 1848 г. назадъ въ Парижъ. Поселившись здѣсь въ казармѣ рабочихъ, составлявшихъ охрану революціоннаго префекта полиціи Коссидьера, Бакунинъ безтолковымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Франціи возстановилъ противъ себя Коссидьера, который не безъ остроумія замѣтилъ, что Бакунинъ въ первый день революціи—просто кладъ, но на слѣдующій уже день его нужно бы повѣсить, такъ какъ онъ способенъ нарушить всякій порядокъ, кѣмъ бы тотъ ни былъ заведенъ. Чтобы положить конецъ зажигательнымъ рѣчамъ и безтактнымъ выходкамъ Бакунина, французское революціонное правительство ловко его удалило изъ Франціи подъ предлогомъ политической миссіи въ славянскія земли. Съ обычнымъ жаромъ и безтолковостью Бакунинъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ чешскомъ революціонномъ движеніи—лѣтомъ 1848 г., и затѣмъ, въ Дрезденѣ—весною 1849 г., сражался на баррикадахъ, обучалъ военному дѣлу оборонявшихся мятежниковъ и съ многословнымъ паѳосомъ навязывалъ повсюду, куда ни являлся, радикальнѣйшія политическія программы. Вся жизнь его и дѣятельность опредѣлялась „невольными изгибами, независимо отъ собственныхъ предположеній". Его уносило въ „неопредѣленный мистическій горизонтъ" вѣра въ какую-то „провиденціальную миссію" и въ „мистическія силы жизни" (Письмо къ Анненкову отъ 28-го декабря 1847 г.). Въ концѣ-концовъ, мистическій экстазъ и погоня за фантастическимъ преобразованіемъ европейскаго общества по велѣніямъ собственнаго воображенія привели Бакунина къ аресту въ Хемницѣ, послѣ подавленія дрезденскаго мятежа, въ маѣ 1849 г. Саксонскія власти приговорили Бакунина къ смертной казни, которая была замѣнена для него, по вступленіи на саксонскій престолъ короля Іоганна I, пожизненнымъ заключеніемъ, а когда въ Австріи открылось слѣдствіе о пражскомъ мятежѣ, Бакунинъ въ 1850 г. былъ выданъ австрійскому правительству. Послѣ продолжительнаго подслѣдственнаго заточенія въ Градчинской и Ольмюцкой крѣпостяхъ Бакунинъ, какъ русскій подданный, былъ переданъ русскимъ властямъ и, такъ какъ онъ оставался глухъ ко всѣмъ вразумленіямъ и не проявлялъ никакого раскаянія, то въ 1855 г. и былъ сосланъ на поселеніе въ Восточную Сибирь.

Государю Александру Николаевичу было благоугодно открыть Бакунину доступъ къ государственной службѣ какъ разъ въ ту эпоху, когда ожидались разнообразнѣйшія общественныя преобразованія. Войти, однако же въ кругъ опредѣленныхъ и нормальныхъ отношеній и преслѣдовать скромныя, дѣйствительно направленныя на пользу общую задачи, на взглядъ Бакунина, оказывалось дѣломъ слишкомъ мелкимъ и

не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми мистическими фантазіями, которыми онъ освящалъ для себя право отвергать какіе-либо регуляторы и нравственный законъ, обуздывающій произволъ личныхъ хотѣній. Мечтатель, выродившійся въ отвлеченнаго космополита, не понятнаго съ точки зрѣнія реальныхъ условій человѣческаго существованія и отрицавшій всѣ историческія и бытовыя условія для опредѣленія судьбы и дѣятельности народовъ, Бакунинъ воспользовался удобнымъ случаемъ и въ 1861 г. бѣжалъ изъ Сибири. Съ разрѣшенія ген.-губ. Муравьева, отправившись въ путешествіе съ научною или торговою цѣлью на Амуръ, Бакунинъ изъ Николаевска перебрался въ Хако-Дате, а оттуда въ Санъ-Франциско.

1-го января 1862 г. Бакунинъ былъ уже въ Лондонѣ и, радушно принятый Герценомъ и Огаревымъ, знавшими его еще по Москвѣ, не мало повредилъ популярности „Колокола", помѣщеніемъ статей въ духѣ крайняго полонофильства и „Голосовъ изъ Россіи", обличавшихъ полнѣйшее непониманіе сущности тѣхъ общественныхъ интересовъ, которыми жила Россія въ 60-хъ годахъ. „Личность Бакунина была странна и замѣчательна, вспоминаетъ о немъ Т. П. Пассекъ. Умный, начитанный, обладающій даромъ слова, проникнутый нѣмецкою философіею, онъ иногда былъ малодушенъ какъ ребенокъ, которому хочется какого-нибудь дѣла: если печатать, то прокламаціи; если дѣйствовать, то все вездѣ поставить вверхъ дномъ; ничего не щадить, никогда не задаваться мыслью, что изъ этого можетъ выйти—идти напроломъ"... Этими увлеченіями, очертя голову, плодившимися подъ вліяніемъ смѣнявшихся безшабашныхъ велѣній разнузданнаго воображенія и объясняются дальнѣйшіе моменты въ агитаторской дѣятельности Бакунина 60-хъ и начала 70-хъ годовъ. Дѣянія этого отца анархіи въ концѣ-концовъ, возстановили противъ Бакунина даже и въ средѣ европейскихъ демагоговъ всѣ болѣе умѣренные кружки. Во время польскаго возстанія Бакунинъ пытался побудить шведское правительство на объявленіе войны Россіи, но среди сборовъ къ отправленію на Литву для революціонной агитаціи былъ задержанъ въ Мальмё и оставался подъ надзоромъ шведскихъ властей въ теченіе всего польскаго возстанія. Также безпочвенна оказалась публицистическая дѣятельность Бакунина, когда въ 60-хъ годахъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о давнишнемъ общеніи съ московскими славянофилами, онъ, извративъ ихъ стремленія, набросился на мысль объ единеніи всего славянства на федеративномъ началѣ и о борьбѣ съ „тевтонами", въ чемъ усматривалъ благое для славянскаго дѣла предпріятіе.

Бо̀льшій успѣхъ имѣла пропаганда соціализма, которой Бакунинъ посвятилъ себя послѣ 1865 г. въ Италіи и Испаніи. Еще чреватѣе послѣдствіями оказалась борьба, затѣянная имъ съ Карломъ Марксомъ изъ за обладанія властью въ дѣлахъ международнаго союза рабочихъ (съ 1869 г. по 1872 г.). Политическіе идеалы Бакунина вполнѣ вылились въ созданномъ имъ въ 1869 г. „Всемірномъ союзѣ соціалистической демократіи". Этотъ союзъ, исповѣдуя атеизмъ, долженъ былъ упразднить существующія политическія государства и общественные классы; онъ же стремился уравнять оба пола въ правахъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ и добиться перехода земли, капиталовъ и всѣхъ орудій производства въ коллективную собственность сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ ассоціацій, къ федераціи коихъ и предстояло свести человѣческія общества (аморфизмъ). Ради болѣе успѣшнаго проведенія въ жизнь этой утопіи Бакунинъ предписывалъ совершеніе всевозможныхъ насилій въ интересахъ всеистребленія (pandestruction) буржуазнаго строя, восхвалялъ невѣжество, превозносилъ разбойничество, какъ протестъ противъ государственности, а въ „Революціонномъ Катихизисѣ" далъ законченную программу подпольнымъ дѣятелямъ соціальной реформы. Согласно началамъ этого „Катихизиса", какъ извѣстно, дѣйствовалъ Нечаевъ, который, кстати сказать, получилъ на свое печальное предпріятіе отъ Бакунина же и 10.000 фр. Такимъ образомъ, Бакунинъ, по справедливости, можетъ быть названъ теоретическимъ обоснователемъ и насадителемъ тѣхъ анархическихъ попытокъ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, которыя вѣчно останутся памятны Россіи, какъ тяжкій кошмаръ. Привлекательная наивность, добродушіе, довѣрчивость и услужливость Бакунина въ частномъ быту, а равно положительныя

стороны его личности какъ-то: отважность, упорная энергія, діалектическій талантъ — сказывавшійся, впрочемъ, въ устныхъ бесѣдахъ, главнымъ образомъ, — самоотверженное преслѣдованіе идеаловъ и т. д. — все это могло лишь усугублять пагубное вліяніе, какое прославленный не по заслугамъ агитаторъ оказывалъ на несозрѣлыхъ своихъ почитателей. Продолжительное сидѣніе въ 50-хъ годахъ въ австрійскихъ казематахъ, бурная жизнь и вѣчныя тревоги предъ преслѣдованіями чуть ли не со стороны всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ державъ, въ разное время заочно приговаривавшихъ его къ смертной казни, разстроили въ конецъ богатырское здоровье неисправимаго агитатора: въ 1873 г. Бакунинъ почти покинулъ активную дѣятельность „апостола анархизма“ и поселился на покой въ Локарно. Усилившаяся болѣзнь побудила его пріѣхать лѣтомъ 1876 г. въ Бернъ и тутъ, помѣщенный въ госпиталь, онъ добровольно уморилъ себя голодомъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ невыносимыхъ физическихъ страданій.

Многочисленные манифесты, воззванія, рѣчи и программы Бакунина, печатавшіеся сначала въ „Колоколѣ“, затѣмъ въ Женевскомъ соціалистическомъ органѣ „Egalité“, въ локльской газетѣ „Progrès“, а отчасти появлявшіеся въ видѣ летучихъ листковъ „подпольнаго“ издѣлія, далеко не обличаютъ въ авторѣ серьезности, какой можно было бы ожидать отъ славившагося въ 40-хъ годахъ знатока философскихъ и общественныхъ ученій. Эти писанія столь же односторонни по полемическимъ пріемамъ, сколько превратны по существу преслѣдуемой ими анти-государственной цѣли.

Некрологъ Бакунина (по біографическимъ даннымъ, разсѣяннымъ въ «Быломъ и Думахъ» Герцена) въ газетѣ «Русскій Міръ», за 1876 г., № 297 и перепечатанный въ сокращеніи въ газетѣ «Кіевлянинъ».—Em. de Laveleye, «Le socialisme moderne», Paris, 1883.—Larousse, «Grand dictionnaire encyclopédique» и «Revue encyclopédique» за 1892 г.—Meyer's Conversations-Lexikon. — П. В. Анненковъ, «Н. В. Станкевичъ и его переписка».—А. Н. Пыпинъ, «В. Г. Бѣлинскій». — Н. П. Панаевъ, «Воспоминанія». — Анненковъ, «Воспоминанія и критическіе очерки».—«П. В. Анненковъ и его друзья».—Т. П. Пассекъ, «Изъ дальнихъ лѣтъ». — «Die Reaction in Deutschland» въ «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst», 1842, октябрь.

В. Штейнъ.

Бакунинъ, *Михаилъ Михайловичъ*, сенаторъ, род. въ 1764 г., ум. въ 1837 г. Въ 1775 г. Бакунинъ былъ зачисленъ на службу лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ, въ 1776 г. произведенъ въ сержанты, въ 1777 г. переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, въ 1784 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1785 г.—въ подпоручики, въ 1787 г.—въ поручики, въ 1788 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ и участвовалъ во время войны со Швеціей въ походѣ въ Финляндію. Въ 1790 г. произведенъ въ капитанъ-поручики и участвовалъ въ сраженіи 28-го іюня съ шведскимъ флотомъ. Въ ноябрѣ 1790 г. перешелъ изъ гвардіи съ чиномъ подполковника въ кирасирскій полкъ князя Потемкина. Съ послѣднимъ Бакунинъ участвовалъ въ турецкомъ походѣ, исполняя разныя порученія Потемкина по секретнымъ дѣламъ. По кончинѣ кн. Потемкина Бакунинъ перешелъ къ кн. Безбородко на ту же должность. Въ 1732 г. Бакунинъ произведенъ въ полковники и назначенъ во Владимірскій драгунскій полкъ. По повелѣнію императрицы Екатерины II командированъ въ Польшу къ гр. Потоцкому, гдѣ и пробылъ во все время существованія конфедераціи. Въ 1796 г. Бакунинъ находился въ Персіи при гр. Валеріанѣ Зубовѣ и участвовалъ 10-го мая при осадѣ Дербента. По вступленіи на престолъ Имп. Павла, Бакунинъ въ 1797 г. отозванъ въ Россію; 23-го сент. 1797 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и опредѣленъ шефомъ Оренбургскаго драгунскаго полка. 20-го октября 1797 г. Императоромъ повелѣно было ревизовать Владимірскій драгунскій полкъ, при чемъ обнаружились безпорядки, и надъ Бакунинымъ назначено было слѣдствіе, вскорѣ однако прекращенное. Послѣ этого Бакунинъ былъ опредѣленъ въ иркутскій драгунскій полкъ, а въ 1798 г. былъ отставленъ отъ службы; въ 1801 г. опять принятъ на службу ген.-маіоромъ, для опредѣленія къ гражд. дѣламъ. 8-го окт. 1801 г. онъ наименованъ дѣйств. ст. сов. и опредѣленъ могилевскимъ губернаторомъ. Въ 1807 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1808 г. опредѣленъ спб. гражданскимъ губернаторомъ. 14-го іюля 1808 г. назначенъ сенаторомъ, а черезъ 8 лѣтъ послѣ этого уволенъ отъ должности спб. губернатора. Въ 1818 г. возникло дѣло о безпорядкахъ по Спб. про-

базу общ. призрѣнія за время бытности Бакунина губернаторомъ; его обвиняли въ томъ, что онъ употребилъ казенныя деньги на починку губернаторскаго дома и на дрова. Дѣло разбиралось въ сенатѣ въ 1821 г. и кончилось подведеніемъ поступковъ Бакунина подъ манифесты 1814 и 1826 годовъ. Въ 1827 г. Бакунинъ былъ уволенъ отъ службы; неоднократныя просьбы его объ опредѣленіи на службу остались безъ послѣдствій. Бакунинъ былъ женатъ на Варв. Ив. Голенищевой-Кутузовой.

Дѣло Министерства Юстиціи, 1826 г. № 2522.

Бакунинъ, *Модестъ Петровичъ*, тайный совѣтникъ и директоръ школы практическаго земледѣлія въ С.-Петербургѣ, одинъ изъ немногихъ писателей по сельскому хозяйству при Екатеринѣ Второй, родился въ С.-Петербургѣ, въ 1765 г., годъ кончины его неизвѣстенъ. Благодаря заботамъ отца своего, Петра Васильевича Меньшого, и дяди, Петра Васильевича Большого, онъ получилъ прекрасное, по тому времени, воспитаніе и посвятилъ себя, главнымъ образомъ, сельскому хозяйству, а также метеорологіи и ботаникѣ. Изъ самостоятельныхъ его трудовъ лучшимъ признается: „Правила, руководствующія къ новому раздѣлу и обрабатыванію полей; съ показаніемъ нужныхъ сельскихъ заведеній“, съ планами и чертежами. (Спб. 1800 г., 2 т.т.). Въ этомъ сочиненіи разсматриваются разныя системы полеводства. Кромѣ того извѣстны два переводныхъ труда Бакунина: 1) „Разсужденіе о томъ, для чего вредно знать о будущей судьбинѣ“, Геллерта, переведено съ нѣмецкаго и издано въ Москвѣ въ 1787 г. и 2) „Руководство къ надежному воспитанію и насажденію иностранныхъ и домашнихъ деревъ, которыя въ Германіи, равномѣрно въ средней и южной части Россіи на свободѣ произростать могутъ“ Бургсдорфа, переведено съ нѣмецкаго подъ руководствомъ М. Бакунина и издано съ рисунками, въ двухъ частяхъ, въ 1801—1803 гг. въ С.-Петербургѣ.

Словари: Геннади, Березина, Андреевскаго.— Сухомлинова, «Исторія Росс. Ак.», вып. VII, стр. 118—119.

Бакунинъ, *Павелъ Петровичъ*, директоръ Императорской Академіи Наукъ, родился 24-го мая 1776 г., ум. 24-го декабря 1805 г. Получивъ прекрасное образованіе, Бакунинъ, двадцати лѣтъ отъ роду былъ избранъ директоромъ Академіи Наукъ. Вслѣдствіе кратковременности жизни, Бакунинъ не успѣлъ издать ни одного труда. Сообщаемыя разными біографическими источниками свѣдѣнія о томъ, будто онъ состоялъ директоромъ и членомъ бывшей россійской академіи, оказывается невѣрнымъ. Въ этомъ званіи состоялъ не онъ, а отецъ его, Петръ Васильевичъ Бакунинъ—членъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

«Исторія Россійской Академіи» Сухомлинова; вып. VII, № 6, стр. 118—119. — Энцикл. Словарь Андреевскаго, т. II, стр. 775.

Бакунинъ, *Петръ Васильевичъ* (старшій), т. с., членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, родился въ 1725 г.; ум. въ 1782 г. По окончаніи въ 1743 г. Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, Бакунинъ опредѣленъ былъ въ камеръ-контору лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ; чрезъ пять лѣтъ переведенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ ассесоромъ къ калмыцкимъ, кабардинскимъ, киргизъ-кайсацкимъ и др. подобнымъ дѣламъ, гдѣ и оставался до конца своей службы. Въ 1749—1754 г.г. „для лучшей практики въ дѣлахъ“ имѣлъ нѣсколько командировокъ въ Астраханскій и Оренбургскій край. Впослѣдствіи онъ дослужился до званія члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ, по выдающейся роли не игралъ.

Дѣло Правительствующаго Сената (въ Москвѣ), № частн. 21—общ. 8122, стр. 647 и слѣд., 1754 г.

Бакунинъ, *Петръ Васильевичъ* (меньшой), т. с., членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, родился въ 1732 г., ум. 16-го мая 1786 г. Воспитывался Бакунинъ въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, который окончилъ въ 1752 г., и въ томъ же году поступилъ переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь онъ довольно быстро возвышался, благодаря своимъ способностямъ и неутомимой дѣятельности, и достигъ званія перваго члена коллегіи. Онъ сталъ лично извѣстенъ императрицѣ и пользовался ея довѣріемъ; былъ любимцемъ и правою рукою Н. И. Панина, другомъ Завадовскаго и А. А. Безбородко. Очень многія важнѣйшія дѣла въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ совершались при непосредственномъ его участіи; такъ, „подъ его вліяніемъ“ была составлена знаменитая декларація вооруженнаго нейтралитета 1780 г.; значительная часть проек-

та объ изысканіи лучшихъ мѣръ къ переселенію въ Россіи ногайскихъ ордъ, въ 1783 г., была составлена имъ; имъ же было „сочинено“ наставленіе Потемкину о присоединеніи Крыма (1777 г.); вмѣстѣ съ А. А. Безбородко, по порученію императрицы, онъ составлялъ записку „о событіяхъ въ царствованіе Екатерины II“, рукопись которой нѣсколько лѣтъ назадъ найдена г. Розановымъ въ домашнемъ архивѣ Сухтелена и напечатана въ „Извѣстіяхъ“ Тамбовской ученой архивной комиссіи (1886 г.); въ ней перу Бакунина, по опредѣленію издателя, принадлежатъ листы 22—25 о „внутреннихъ дѣлахъ“ 1770—1773 г.г. (простой перечень). Наконецъ, въ 1785 г. Бакунинъ былъ назначенъ уполномоченнымъ для возобновленія торговаго договора съ Англіей. Сардинскій посолъ де-Палерлло такъ отзывается о Бакунинѣ: „Этотъ членъ коллегіи обязанъ почетнымъ положеніемъ, которымъ пользуется въ Петербургѣ, единственно своему искусству въ письменномъ изложеніи дѣлъ и своему здравомыслію. Съ самаго начала службы обнаруживъ свои дарованія, онъ не замедлилъ сдѣлаться правою рукою графа Панина, который нашелъ въ Бакунинѣ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, не останавливаясь на ничтожныхъ подробностяхъ и мелочныхъ затрудненіяхъ, способны обнять общее состояніе дѣлъ съ надлежащей точки зрѣнія и притомъ излагать на бумагѣ самыя сложныя соображенія съ всевозможною точностью и ясностью... Онъ имѣетъ такое вліяніе на дѣла, что никто его не обходитъ: министры въ немъ заискиваютъ, а въ виду той пользы, которую онъ приноситъ, такъ близокъ къ графу Безбородко, что слыветъ за посвященнаго во всѣ важнѣйшія государственныя дѣла“. Но, полезный чиновникъ, Бакунинъ въ то же время вызывалъ серьезныя обвиненія, какъ человѣкъ. По словамъ Сегюра, Бакунинъ былъ „безсовѣстный; онъ радъ бы завладѣть достояніемъ каждаго; ему не нужно ничьего уваженія, такъ какъ онъ придерживается философскаго принципа—не гнаться за тѣмъ, чего не можешь получить. Онъ какъ-то продалъ и предалъ графа Панина, своего благодѣтеля, и этимъ навлекъ на себя всеобщее презрѣніе. Онъ не боится, что будетъ смѣщенъ: онъ обладаетъ образованіемъ, коварствомъ и неутомимостью прокурора“. Указавъ на то, что Бакунинъ, „поддавшись общему теченію“, былъ въ числѣ лицъ содѣйствовавшихъ паденію его покровителя графа Панина, и де-Палерлло говоритъ: „Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, нельзя не признать въ немъ (Бакунинѣ) ловкости и ума, то съ другой добросовѣстность его болѣе чѣмъ сомнительна“. Поводомъ къ подобному сужденію служили весьма правдоподобные слухи, что онъ въ 1774 г. передалъ императрицѣ списокъ членовъ извѣстнаго заговора, составившагося въ пользу Павла Петровича и имѣвшаго во главѣ Н. И. Панина. Кобеко, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ, что изъ-за этого именно Павелъ Петровичъ„ не взлюбилъ Бакунина, и послѣдній никогда не могъ добиться позволенія явиться во дворецъ великаго князя“. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Бакунинъ далеко не былъ чуждъ своекорыстныхъ цѣлей.

Дѣло Правительствующаго Сената (въ Москвѣ), № частн. 21—общ. 8122, 1754 г.—Письма Н. И. Панина и А. А. Безбородко къ Бакунину въ 24 томѣ Архива Воронцовыхъ.—Переписка съ Г. Р. Державинымъ и М. А. Львовымъ въ V томѣ «сочиненій Державина», изд. Грота.—Письма Бакунина къ Безбородко въ «Русскомъ Архивѣ», 1890 г., III т.—«Отзывы итальянца о главныхъ правительственныхъ лицахъ во второй половинѣ царствованія Екатерины II» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1875 г., II т. и въ соч. Григоровича).—German, «Geschichte der russischen Staats».—Григоровичъ, «Канцлеръ князь А. А. Безбородко», I и II т. (Спб., 1879—1881 г.).—Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», (Спб., 1887 г.).

В. Р—въ.

Бакуринскій, *Яковъ Леонтьевичъ*, „поручикъ правителя“ Черниговскаго намѣстничества, тайный совѣтникъ, родился въ 1740 г., годъ смерти неизвѣстенъ. Сынъ ройскаго сотника Леонтія Яковлевича Бакуринскаго, онъ двадцати лѣтъ поступилъ на службу въ генеральную канцелярію; въ 1768 г. былъ произведенъ писаремъ Черниговскаго полка, а въ 1772 г. судьею того же полка. Черезъ семь лѣтъ пожалованъ чиномъ коллежскаго ассесора „въ рангѣ сухопутнаго маіора“, а въ 1786 г. назначенъ предсѣдателемъ палаты уголовнаго суда Черниговскаго намѣстничества и въ слѣдующемъ году—„поручикомъ правителя“ или вицегубернаторомъ того же намѣстничества. Въ послѣдней должности Бакуринскій пробылъ приблизительно до 1796 г., затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Церковищахъ.

На его служебную карьеру, несомнѣнно, вліяло родство съ княземъ А. А. Безбородко: онъ былъ женатъ на сестрѣ послѣдняго—Татьянѣ Андреевнѣ.

«Записки Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета», кн. 2-я (Черниговъ, 1868 г.).

Бакѣевъ, *Степанъ Васильевичъ*, капитанъ-командоръ. Годы рожденія и смерти неизвѣстны. По окончаніи въ 1773 г. Морского кадетскаго корпуса, Бакѣевъ ежегодно до 1778 г. плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Во время войны Россіи со шведами участвовалъ въ сраженіяхъ: гогландскомъ (1788), эландскомъ (1789) и роченсальмскомъ (1790); во время послѣдняго былъ взятъ шведами въ плѣнъ и освобожденъ въ 1791 г. Въ 1804 г. вышелъ въ отставку, съ чиномъ капитанъ-командора.

«Общій морской списокъ», т. III.

Балабина (рож. **Пари**), *Паулина-Варвара Осиповна*, рисовальщица, род. въ 1780-хъ г.г., ум. въ1845. Родомъ француженка, съ 31-го января 1808 г. жена подполковника, потомъ генералъ-лейтенанта П. И. Балабина (см. ниже); она писала портреты, между прочимъ секретаря саксонскаго посольства К. Ф. фонъ-Розенцвейга, гравированные по рисунку Рейнера съ ея работы Н. И. Уткинымъ въ 1855 г.

«Nekrolog» 1845, I, 95.—Д. Ровинскій, «Н. И. Уткинъ, его жизнь и произвед.», Спб. 1884, с. 137. *Н. С.*

Балабинъ, *Патрикій*, граверъ на мѣди. Род. 1734, ум. послѣ 1765. Солдатскій сынъ, онъ поступилъ въ 1749 г. въ Рисовальную палату и въ 1755 въ Гравировальную и учился у Шмидта, при чемъ въ 1754 г. получалъ 15 р. жалованья, а въ 1766 г.—80 р. Имъ гравированы: „Видъ Кремля въ Москвѣ“ и „Новый Императорскій дворецъ въ Кремлѣ съ галереями Стараго дворца“, по рис. М. Макаева; „Баталія при Пальцигѣ“ (вмѣстѣ съ Саблинымъ въ 1761 г.) и „Передній планъ въ бѣгломъ огнѣ“ съ изображеніемъ фейерверка 14-го февраля 1762 г. Его работа „Видъ Полтавы“ съ русскимъ и шведскимъ лагерями, русскими укрѣпленіями и самимъ сраженіемъ, былъ вдѣланъ въ каменный столбъ сооруженный въ память Полтавской битвы въ 1778 г., впослѣдствіи въ церкви Воскресенія.

«Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ».—Д. Ровинскій, «Подроб. словарь рус. граверовъ»; «Allgem. Künstler-Lex.» von I. Meyer, II, 568.—Глаголевъ, «Записки рус. путеш.», I, 66—67.—«Иллюстр.», 1846, № 20, с. 309.—Н. Бодянскій, «Памят. книжка Полтав. губ. за 1865 г.», с. 97. *Н. С.*

Балабинъ, *Петръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, старшій сынъ генералъ-маіора Ивана Тимофеевича Балабина, управлявшаго Полтавскою провіантскою коммиссіею, родился 21-го апрѣля 1776 г., ум. 9-го октября 1855 г. Еще съ дѣтства зачисленный въ списки гвардіи, онъ довершалъ свое образованіе въ Англіи, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ, послѣ чего, съ началомъ 1794 года, былъ опредѣленъ въ армію съ чиномъ капитана. Вскорѣ, однако, Балабинъ перешелъ на морскую службу и, состоя подъ начальствомъ Ушакова, принялъ участіе въ морскихъ походахъ черноморскаго флота 1798, 1799 и 1800 г.г. на Средиземномъ морѣ. Награжденный за отличія въ дѣлахъ орденомъ св. Анны 3-й степени на шпагу, онъ вернулся въ Россію и въ 1801 г. былъ переведенъ въ Балтійскій гребной флотъ, съ опредѣленіемъ въ существовавшій тогда Морской комитетъ для составленія, подъ руководствомъ вице-адмирала Шишкова, морскихъ журналовъ. Въ сентябрѣ 1802 г. Балабинъ снова становится въ ряды сухопутной арміи, переименованный въ поручики кавалергардскаго полка, вмѣстѣ съ которымъ, три года спустя, 19-го ноября прибылъ подъ Аустерлицъ; отличіе его въ битвѣ на другой день было награждено орденомъ св. Владиміра 4-й степени, а 18-го сентября 1806 г. онъ уже былъ полковникомъ. Принявъ участіе въ кампаніи слѣдующаго года, Балабинъ находился въ авангардныхъ дѣлахъ противъ корпуса маршала Нея 24-го, 25-го и 26-го мая между Гутштатомъ и р. Пассаргою, въ сраженіи 29-го мая подъ Гейльсбергомъ и въ Фридландской битвѣ 2-го іюня; въ награду за проявленное при этомъ „отличное мужество“ онъ получилъ: золотое оружіе, орденъ св. Георгія 4-го класса и прусскій орденъ „за заслуги“. Въ 1808 г. Балабинъ явился на арену войны съ Швеціею въ Финляндіи и успѣлъ принять участіе въ занятіи города Тавастгуса и крѣпости Свартгольма. Въ томъ же году онъ сопровождалъ Государя въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ, вслѣдъ затѣмъ 1-го октября былъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта. Въ кампаніяхъ 1812—

1815 г.г. на долю Балабина выпала обширная дѣятельность по выполненію самыхъ разнообразныхъ порученій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ, въ томъ числѣ въ сраженіяхъ при Экау, Бауценѣ, Дрезденѣ, Теплицѣ и др.; 15-го сентября 1813 г. состоялось производство его за отличіе въ генералъ-маіоры. Вернувшись по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Россію однимъ изъ послѣднихъ, Балабинъ по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку 7-го января 1818 г., но съ началомъ царствованія Николая Павловича вернулся на службу, получивъ 16-го ноября 1826 г. назначеніе состоять начальникомъ 1-го округа особаго корпуса жандармовъ. Пробывъ въ этой должности около шести лѣтъ и награжденный въ 1827 г. орденомъ св. Анны 1-й степени, Балабинъ былъ снова уволенъ, по болѣзни, отъ службы, получивъ при отставкѣ, 10-го февраля 1832 г., чинъ генералъ-лейтенанта. Окруженный многочисленною семьею, Петръ Ивановичъ, доживалъ свои дни въ Петербургѣ. Прахъ его покоится на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ въ Невской Лаврѣ.

«Александръ I-й и его сподвижники».—Мѣсяцесловъ на 1858 г., стр. 244. *Д. С—въ.*

Балакиревъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, род. въ 1699 г., ум. въ 1763 г.; принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, который въ XVI в. „осѣлъ“ въ Рязанскомъ княжествѣ, а въ XVII в. имѣлъ представителя въ лицѣ „стольника у крюка“, служившаго во внутреннихъ покояхъ при особѣ царя Алексѣя Михайловича. Иванъ Алексѣевичъ Балакиревъ принадлежалъ къ костромской отрасли этого рода. Представленный на смотръ Государю въ 1715 г. въ С.-Петербургѣ, Балакиревъ былъ тогда же опредѣленъ въ Преображенскій полкъ, и велѣно было ему обучаться инженерному искусству, а послѣдствіи взятъ для домашнихъ послугъ во дворецъ (около 1719 г.). Назначенный въ ѣздовые къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Балакиревъ сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами и сдѣлался полезнымъ разнымъ придворнымъ, а своею расторопностью и даромъ остроумія вообще рѣзко выдѣлился изъ толпы заурядныхъ придворныхъ служителей. Занесенныя въ „Анекдоты“ высокія добродѣтели Балакирева и возвышенное значеніе шутовскихъ выходокъ, направленныхъ то къ разсѣянію черныхъ думъ великаго Императора, то къ спасенію невинныхъ,—совершенно апокрифичны. Достовѣрно одно—Балакиревъ, какъ человѣкъ умный и весьма дальновидный, скоро постигъ значеніе, какимъ пользовалась у Императора его супруга, а у этой послѣдней—камергеръ Виллимъ Монсъ; Балакиревъ сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ, служилъ разсыльнымъ между нимъ и Екатериною, высматривалъ и выслушивалъ для патрона о разныхъ дворцовыхъ дѣлахъ, но оказался невоздержнымъ на языкъ. Въ с. Покровскомъ, гдѣ проживалъ Монсъ, 26-го апрѣля 1724 г. Балакиревъ проболтался обойнаго дѣла ученику Суворову о запискахъ, которыя доставлялъ къ камергеру изъ Преображенскаго, резиденціи Екатерины—„изъ тѣхъ писемъ одно сильненькое, что и рта разинуть боятся“. Суворовъ, въ свою очередь, перенесъ объ этомъ Ершову, а 5-го ноября 1724 г. отъ Ершова объявился Государю—въ тайномъ, безыменномъ письмѣ—доносъ, чрезъ Ширяева. Розыскъ дѣла порученъ былъ А. И. Ушакову. Балакиревъ по началу во всемъ запирался. Тогда Петръ I велѣлъ вздернуть его на дыбу, и Балакиревъ повинился, „токмо силы письма“, привезеннаго въ апрѣлѣ 1724 г. изъ Преображенскаго въ Покровское къ Монсу, не сказалъ, а началъ перечислять лицъ, съ кого и за что бралъ Монсъ взятки. Монсъ былъ казненъ, а Балакиревъ, за сообщничество, получилъ шестьдесятъ ударовъ батогами и былъ сосланъ въ Рогервикъ на три года.

По воцареніи Екатерины I-й, въ 1725 г., Балакиревъ былъ возвращенъ въ столицу, пожалованъ чиномъ прапорщика Преображенскаго полка и опредѣленъ ко двору Императрицы — безъ всякаго, впрочемъ, опредѣленнаго назначенія. Въ этой скромной роли Балакиревъ, благодаря умѣнію ладить съ людьми, удержался при дворѣ и въ царствованіе Петра II. Императрица Анна зачислила Балакирева, отличавшагося остроуміемъ, окончательно въ штатъ „дураковъ“, на обязанности которыхъ лежало тѣшить скучавшую Государыню. Шутамъ давались порою изрядныя подачки, но съ другой стороны, они подвергались нерѣдко и жестокимъ поруганіямъ. Такъ, однажды Балакиревъ не пожелалъ по болѣзни принять участія въ общей потасовкѣ между шутами, затѣянной для развлеченія Анны,

и за это былъ, по приказанію Бирона, избитъ нещадно, такъ что два дня не могъ ни подняться, ни повернуться на постели.

По оговору въ произнесеніи словъ, оскорбительныхъ для Императрицы, Балакиревъ снова попалъ въ тайную канцелярію, но такъ какъ исчезновеніе шута изъ дворца возбудило говоръ, а въ канцеляріи онъ сумѣлъ оправдаться, то Императрица Анна повелѣла вернуть Балакирева на прежнее мѣсто, съ внушеніемъ „лишняго не говорить". Балакиревъ оказался у Государыни даже въ особой милости и былъ жалованъ: 16-го апрѣля 1732 г., не въ зачетъ опредѣленнаго ему жалованія, 200 рублями; 24-го апрѣля того же года—жалованіемъ за минувшій 1731 г., въ такой же суммѣ 200 р., а 11-го сентября того же 1732 г. семьюдесятью рублями на строевое платье. Кромѣ того въ дѣлахъ придворной конторы сохранилось нѣсколько указовъ Анны Іоанновны отъ 19-го августа 1732 г., 7-го сентября 1733 г. и 25-го декабря 1733 г., опредѣлявшихъ дачу „прапорщику Ивану Балакиреву, да людемъ ево, двумъ человѣкамъ" питей и припасовъ отъ Дворцовой конторы. Весною 1740 г. Балакиревъ отпросился у императрицы Анны въ свои костромскія деревни до осени, а послѣ кончины Государыни ко Двору ужъ не возвращался, и остался жить въ деревнѣ, хотя владѣлъ домомъ въ нынѣшней Литейной части, въ приходѣ Воскресенія Христова—за Литейнымъ дворомъ. Балакиревъ дожилъ до дней Екатерины II.

Послѣ смерти Балакирева въ придворномъ штатѣ оказывается нѣкій *Балакиревъ*, кажется сынъ И. А., служившій въ придворной конторѣ, подъ начальствомъ оберъгофмейстера графа Сем. Андр. Салтыкова. Далѣе изъ Балакиревыхъ — помѣщиковъ же Костромской губерніи—былъ извѣстенъ секундъ-маіоръ *И. И. Балакиревъ*, а затѣмъ фамилія эта совершенно, повидимому, исчезаетъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ анекдотахъ, приписываемыхъ Балакиреву, сказываются безпрестанно и анахронизмы, и полное отсутствіе типичной рѣчи того времени; объясняется же это тѣмъ, что свыше 70 изданій „Собранія анекдотовъ Балакирева", впервые выпущеннаго въ свѣтъ К. А. Полевымъ въ 1830 г., не представляютъ ничего самобытнаго, но позаимствованы изъ сборника шутовскихъ остротъ разныхъ странъ, переведеннаго съ нѣмецкаго языка Васильевымъ еще въ 1780 году.

Pr. P. Dolgoroukow, «Mémoires», T. I. Génève. 1867 г.—«Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Іоанновны», въ «Общезанимат. Вѣстникѣ», 1857 г. № 16.—П. Н. Петровъ, «И. А. Балакиревъ» въ «Русской Старинѣ», 1882 г., № X, стр. 165—169.—М. И. Семевскій, «Семейство Монсовъ». Спб. 1861.—Эфронъ и Брокгаузъ, «Энциклопедическій словарь».

Вл. Штейнъ.

Баландинъ, *Илья Θедосіевичъ*, извѣстный гинекологъ и акушеръ, писатель, родился въ 1834 г., ум. 4-го августа 1893 г. Баландинъ происходилъ изъ богатой купеческой семьи, воспитывался въ Спб. медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ 1859 г., а степень доктора медицины получилъ въ 1871 г. Первоначально былъ опредѣленъ сверхштатнымъ ординаторомъ родовспомогательнаго заведенія Императорскаго воспитательнаго дома (нынѣ С.-Петербургское родовспомогательное заведеніе) и въ то же время (съ 1860 г. по 1862 г.) сверхштатнымъ же ординаторомъ Елизаветинской дѣтской больницы. Въ 1865 г. онъ былъ утвержденъ директоромъ и главнымъ врачемъ принадлежащихъ ему частной женской лѣчебницы и родильнаго дома, впрочемъ ненадолго, такъ какъ въ 1868 г. онъ долженъ былъ закрыть свое заведеніе, на которое потратилъ не мало собственныхъ средствъ. Въ 1873 г. Баландинъ былъ опредѣленъ вторымъ профессоромъ и акушеромъ С.-Петербургскаго повивальнаго института; въ слѣдующемъ году назначенъ исправляющимъ должность директора этого же института, а черезъ три года и директоромъ, въ каковой должности и пробылъ до самой смерти. Повивальный институтъ былъ любимымъ дѣтищемъ Баландина. Принявъ его въ свое завѣдываніе, онъ немедленно же принялся за переустройство его и, пользуясь сочувствіемъ Августѣйшей Покровительницы института, Вел. Кн. Екатерины Михайловны, довольно быстро довелъ до конца свои начинанія. Были отстроены новыя помѣщенія для родильнаго отдѣленія, для гинекологическаго и оперативнаго и для лазарета; образованъ штатъ ассистентовъ и введены нѣкоторыя другія улучшенія. Въ своей практикѣ и лекціяхъ (онъ читалъ акушерство на женскихъ врачебныхъ кур-

сахъ и на курсахъ для врачей, учрежденныхъ въ 1886 г., по повелѣнію Вел. Кн. Екатерины Михайловны) — Баландинъ придерживался идей и взглядовъ Semmelweis'а и создалъ новую школу, въ основу которой положилъ принципъ: „все для больной". Онъ былъ членомъ Общества русскихъ врачей и членомъ-учредителемъ Акушерско-гинекологическаго общества.

Изъ научныхъ трудовъ Баландина важнѣйшіе: 1) „Женская лѣчебница и родильный домъ" (въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ", 1864 г., № 1); 2) „Физіологическая причина развитія кривизнъ позвоночника у человѣка" (въ „Протоколахъ Общ. Русскихъ Врачей", 1870—1871 гг., и то же въ „Virchow's Archiw", Band 27, Heft 3 и 4); 3) „О происхожденіи нормальныхъ кривизнъ позвоночника у человѣка" (Спб., 1871 г., докторская диссертація); 4) „Объ измѣреніи мертваго таза вообще и женскаго въ особенности и объ опредѣленіи границъ костяного родового канала" (въ „Протоколахъ Общ. Рус. Врач.", 1870—1871 гг.); 5) „О внѣшнихъ чувствахъ", перев. съ нѣм. (Спб., 1877 г.); 6) „Klinische Beiträge aus dem Gebiete der Geburtshielfe und Gynäkologie", I вып. (Спб. 1883 г.); 7) „Замѣчанія на отчетъ родовспомогательнаго заведенія И. М. Тарновскаго" (въ „Протоколахъ съѣзда акуш. и гинекол." 1886 г., № 1); 8) „Объ операціи искусственныхъ преждевременныхъ родовъ" (въ „Дневникѣ І-го съѣзда Моск.-Петерб. Общ. врачей въ память Пирогова", 1886 г., секція акушерства, № 1). — Наибольшее значеніе имѣетъ диссертація Баландина („О происхожденіи нормальныхъ кривизнъ позвоночника у человѣка"); въ ней онъ старался путемъ многочисленныхъ тщательныхъ измѣреній и наблюденій надъ вырѣзанными позвоночными столбиками зародышей, новорожденныхъ дѣтей и взрослыхъ изыскать физіологическія причины происхожденія нормальныхъ кривизнъ, такъ какъ существовавшія до того объясненія не только не обнимали многихъ фактовъ, но и были построены на невѣрныхъ анатомическихъ данныхъ. Изъ существующихъ трехъ кривизнъ раньше всего, по Баландину, является грудная, затѣмъ шейная, наконецъ, поясничная, изъ которыхъ двѣ послѣднія вызываются и поддерживаются мышечною дѣятельностью. На основаніи своей работы Баландинъ пришелъ къ выводу о вредѣ пеленанія, которое считалъ „безсмысленнымъ и вреднымъ" обычаемъ. Далѣе, большой интересъ для спеціалистовъ представляетъ сборникъ: „Klinische Beiträge", въ который вошло шесть лекцій. И на лекціяхъ, и въ печатныхъ трудахъ Баландинъ обнаруживалъ полную независимость во взглядахъ, чѣмъ и привлекалъ къ себѣ слушателей.

Змѣевъ, «Русскіе врачи - писатели» (Спб., 1889 г.).—С. А. Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь», т. I. — Некрологъ С. Т. Варшарскаго въ «Журналѣ Акушерства и женскихъ болѣзней» за 1893 г., № 11. *В. Р—въ.*

Балашевъ, *Александръ Дмитріевичъ*, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, потомокъ старинной дворянской фамиліи, родился въ Москвѣ 13-го іюля 1770 г., ум. 8-го мая 1837 г. Прадѣдъ его, по сохранившемуся преданію, носилъ княжескій титулъ и владѣлъ обширными помѣстьями въ нынѣшней Саратовской губерніи, на р. Хопрѣ, но за что-то подвергся опалѣ: имѣніе было отобрано въ казну и возведено на степень города, извѣстнаго и донынѣ подъ названіемъ Балашева. Отецъ Александра Дмитріевича дослужился до чина тайнаго совѣтника и былъ однимъ изъ любимыхъ сановниковъ Екатерины II, пожаловавшей его впослѣдствіи званіемъ сенатора. Александръ Дмитріевичъ былъ на 6-мъ году отъ роду записанъ на службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ, хотя продолжалъ до 1781 г. воспитываться дома, а вслѣдъ затѣмъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года былъ опредѣленъ въ пажескій корпусъ, гдѣ въ 1787 г., за отличные успѣхи, пожалованъ въ камеръ-пажи. 9-го января 1791 г. Балашевъ явился на дѣйствительную службу поручикомъ л.-гв. Измайловскаго полка, откуда, однако, за недостаткомъ средствъ, ровно черезъ четыре года перевелся въ армію съ переименованіемъ въ подполковники и, по распоряженію фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, былъ зачисленъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ, въ которомъ оставался до его преобразованія въ 1797 г., послѣ чего Балашеву было поручено сформированіе новаго гарнизоннаго полка въ Казани, отданнаго въ томъ же году подъ его начальство. Въ апрѣлѣ 1798 г. онъ былъ уже въ чинѣ полковника, а въ слѣдующемъ—пожалованъ въ генералъ-маіоры и назначенъ ко-

мендантомъ Омской крѣпости и шефомъ тамошняго гарнизоннаго полка; но по недоразумѣніямъ, возникшимъ при служебныхъ сношеніяхъ съ генералъ-прокуроромъ, подвергся гнѣву Императора и былъ 21-го января 1800 г. исключенъ изъ службы. Опала продолжалась, впрочемъ, недолго: въ ноябрѣ того же года, Балашевъ былъ вызванъ въ Петербургъ и оттуда, въ званіи военнаго губернатора и шефа гарнизоннаго полка, отправленъ въ Ревель, получивъ порученіе озаботиться вооруженіемъ балтійскаго побережья, прилегающаго къ Ревелю, на случай обороны противъ англійскаго флота. Въ 1804 г. Балашевъ былъ назначенъ шефомъ Троицкаго мушкатерскаго полка, предназначавшагося для перевода изъ Крыма на кавказскую линію, но по домашнимъ обстоятельствамъ снова оставилъ службу и съ 23-го сентября 1804 г. числился въ отставкѣ. Однако, всего три мѣсяца спустя состоялось назначеніе его оберъ-полицеймейстеромъ въ Москву. Въ ноябрѣ 1807 г. онъ былъ опредѣленъ на должность генералъ-кригсъ-комиссара, а въ мартѣ 1808 г. заступилъ мѣсто бывшаго с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера Эртеля. Отсюда началось быстрое повышеніе Балашева. Сдѣлавшись ближе извѣстнымъ Государю и пріобрѣтя его довѣріе и расположеніе, онъ въ февралѣ 1809 г. былъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; черезъ мѣсяцъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта; 1-го января 1810 г. зачисленъ въ число членовъ вновь учрежденнаго тогда Государственнаго Совѣта, и въ іюлѣ того же года опредѣленъ на постъ министра полиціи, съ оставленіемъ въ званіи военнаго генералъ-губернатора. Въ 1812 г. Балашевъ, вмѣстѣ съ Государемъ, прибылъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ къ арміи въ Вильну и здѣсь находился до 12-го іюня, когда было получено извѣстіе о переходѣ Наполеономъ русской границы. На другой же день Императоръ Александръ отправилъ собственноручное письмо къ Наполеону, и миссія эта была возложена на Балашева, вмѣстѣ съ порученіемъ словесно объясниться съ Императоромъ французовъ. Здѣсь Балашевъ явилъ себя достойнымъ представителемъ Александра, энергично опровергая мнимыя причины, которыми Наполеонъ оправдывалъ начало непріязненныхъ дѣйствій. Замѣчателенъ, между прочимъ, былъ отвѣтъ его на вопросъ Наполеона, какимъ путемъ удобнѣе идти къ Москвѣ: „Il y a plusieurs chemins, sire, il y en a un, qui passe par Poltava“ (Есть нѣсколько дорогъ, государь; есть одна, которая ведетъ черезъ Полтаву).—По возвращеніи Балашевъ получилъ назначеніе оставаться при особѣ Государя для порученій; 30-го іюня онъ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ и Шишковымъ подписалъ прошеніе, чтобы Государь оставилъ армію и ѣхалъ внутрь Россіи, вслѣдъ затѣмъ сопровождалъ Александра въ Москву и Петербургъ и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по призыву народнаго ополченія; 5-го августа участвовалъ въ совѣтѣ, выбравшемъ графа Кутузова главнокомандующимъ арміями; во второй половинѣ ноября ему было поручено заняться проектомъ преобразованія полиціи въ государствѣ и нѣкоторыми дѣлами, относящимися до финансовой части и, наконецъ, 10-го декабря Балашевъ былъ посланъ въ разрушенную Москву для осмотра мѣстъ, разоренныхъ непріятелемъ. 1-го января 1813 г. Балашевъ снова явился къ арміи вмѣстѣ съ Императоромъ, участвовалъ въ переправѣ черезъ Нѣманъ при Меречѣ, а 20-го апрѣля—въ сраженіи подъ Люценомъ, находясь при Государѣ подъ пушечными выстрѣлами; 15-го августа сопутствовалъ ему же въ сраженіи подъ Дрезденомъ, и три дня спустя явился свидѣтелемъ пораженія французскаго корпуса Вандама; послѣ чего, въ началѣ сентября былъ посланъ въ Лондонъ для врученія принцу-регенту россійскихъ орденовъ, взамѣнъ полученнаго Александромъ ордена Подвязки. По возвращеніи изъ Англіи, Балашевъ 15-го декабря нагналъ армію въ Фрейбургѣ, въ новый 1814 годъ, перешелъ съ нею Рейнъ и, послѣ Бріенскаго сраженія, 20-го и 21-го января, приближался къ Парижу, готовясь принять, предназначавшійся ему, постъ парижскаго военнаго генералъ-губернатора, но обстоятельства измѣнились. Изъ воспоминаній нѣкоторыхъ современниковъ видно, что несостоявшееся назначеніе это совпало съ послѣдовавшимъ будто бы охлажденіемъ Александра къ Балашеву, чѣмъ, между прочимъ, объясняются ими и дальнѣйшія разсылки послѣдняго по порученіямъ. Конечно, пристрастныя показанія кн. И. М. Долгорукаго („Капище моего сердца“), лишеннаго служебной карьеры Ба-

лашевымъ, не могутъ дать для настоящаго случая надлежащихъ поясненій. 28-го февраля Балашевъ былъ посланъ Государемъ въ Италію къ неаполитанскому королю Мюрату. Послѣдній, готовился пристать къ союзникамъ, и Балашеву было поручено, лично убѣдившись въ искренности Мюрата, заключить съ нимъ союзный договоръ. Въ началѣ 1817 г. на Балашева было возложено новое важное порученіе къ Виртембергскому двору, относившееся до семейныхъ политическихъ дѣлъ того времени; отсюда онъ долженъ былъ отправиться въ Карлсруэ для содѣйствія великому герцогу баденскому въ спорномъ дѣлѣ объ опредѣленіи границъ его владѣній. Вернулся въ Россію Балашевъ только къ началу 1818 г., и принялъ участіе въ обсужденіи проекта объ учрежденіи генералъ-губернаторскихъ округовъ. На первый разъ, въ видѣ опыта, былъ составленъ округъ изъ губерній: Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской. Въ одинъ день съ упраздненіемъ министерства полиціи, 4-го ноября 1819 г., Балашевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ этого округа, и всецѣло отдался дѣятельности по благоустройству ввѣреннаго ему края. Особенное вниманіе Балашевъ обратилъ на вопросъ о централизаціи управленія въ губерніяхъ, что и было достигнуто съ учрежденіемъ особаго Губернскаго Совѣта. Стараніями же Балашева были основаны: домъ трудолюбія въ Рязани, школа канцелярскихъ служителей, военное училище землемѣрія и архитектуры и, наконецъ, исключительно по его иниціативѣ, воздвигнутъ на Куликовомъ полѣ памятникъ Димитрію Донскому. Смерть жены и разстроенное здоровье принудили Балашева оставить службу, и 10-го марта 1828 г. онъ былъ уволенъ отъ генералъ-губернаторской должности съ оставленіемъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта, а въ 1832 г. назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Военнаго Совѣта.—Отличаясь глубокимъ знакомствомъ съ Россіею и ея нуждами, Балашевъ явился полезнымъ дѣятелемъ въ Совѣтѣ; въ 1833 г. имъ было представлено, между прочимъ, важное мнѣніе о мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія. Это было послѣднимъ его трудомъ. 23-го сентября 1834 г., по окончательно разстроенному здоровью, Балашевъ былъ уволенъ въ отставку, но и болѣзнь не помѣшала ему продолжать изученіе Россіи; любимымъ предметомъ его занятій была статистика, и собранныя имъ обширныя свѣдѣнія явились цѣннымъ вкладомъ въ эту науку. По совѣту врачей, Балашевъ предпринялъ поѣздки въ цѣлебныя мѣстности: въ 1835 г. на Уралъ и въ 1836 г. въ Карлсбадъ, но безъ особенной пользы; собираясь снова весною 1837 г. за границу, Балашевъ, по дорогѣ въ Кронштадтъ, скончался. Прахъ его погребенъ въ церкви, принадлежавшаго ему села Покровскаго, Шлиссельбургскаго уѣзда.—Будучи женатъ два раза, на Натали Антипатровнѣ Коновницыной и Еленѣ Петровнѣ Бекетовой, онъ оставилъ четырехъ сыновей.

Высшимъ знакомъ отличія Балашевъ имѣлъ орденъ св. Владиміра 1-й степ.; изъ иностранныхъ: прусскаго Краснаго Орла 1-й степ., баденскихъ — Вѣрности и Церингенскаго Льва и баварскаго — командорскій орденъ Максимиліана-Іосифа. Чинъ генерала-отъ-инфантеріи былъ пожалованъ ему 12-го декабря 1823 г.

«Александръ I-й и его сподвижники», вып. 146. — «Сѣверная Пчела», 1847 г., №№ 154 и 155.—«Мелочи изъ запаса моей памяти», М. А. Дмитріева, 1869 г., стр. 141—145.—Долгоруковъ, кн. И. М., «Капище моего сердца» въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1872 г., мартъ. № 4.—«Историч. Вѣстн.», 1883 г., XII, стр. 424; ibid., 1888 г., XXXIII, стр. 364.—«Русс. Стар.», 1881 г., XXX, стр. 187. — Словари: Березина и Андреевскаго. *Д. С—въ.*

Балашевъ, *Василій Михайловичъ*— извѣстный танцовщикъ и танцмейстеръ, родился въ 1761 г.; изъ „спротскихъ воспитанниковъ". На службу дирекціи Императорскихъ театровъ принятъ 1-го сентября 1783 г., съ годовымъ окладомъ 320 руб. Обязанности танцовщика Балашевъ, повидимому, исполнялъ нерадиво, такъ какъ состоялось опредѣленіе объ его увольненіи, въ какомъ смыслѣ имъ и было подано прошеніе, но, вѣроятно, увольненіе не состоялось, такъ какъ Балашевъ въ 1799 г. вновь значился на службѣ. Балашевъ пользовался большимъ успѣхомъ въ модныхъ балетахъ Канціани и Леника, отличаясь, вмѣстѣ съ Катериной Ѳеодоровной Барановой, въ русской пляскѣ. Въ началѣ царствованія императора Александра I Балашевъ былъ очень любимъ столичной знатью, которую обучалъ плясать по-русски. С. Жихаревъ передаетъ, что Балашевъ иногда на балахъ плясалъ рус-

скую вмѣстѣ съ знатными особами, въ богатѣйшихъ русскихъ костюмахъ.

«Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ» (Спб., 1892 г.; вып. I, отд. III, стр. 73).—С. Жихаревъ, «Записки» (изданіе «Русскаго Архива», Москва, 1891 г., стр. 146).

Балашевъ, *Дмитрій Ивановичъ*, т. с., сенаторъ, родился около 1716 г., ум. въ 1790 г. Начавъ службу съ 1734 г., Балашевъ въ 1762 г. дослужился до званія ассесора монетнаго двора; въ 1777 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ гражданской палаты въ Смоленскѣ; въ 1778—1780 гг. исправлялъ должность вице-губернатора или, какъ тогда называли, поручика правителя, тамъ же, а въ 1786 г. сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Сената и сенаторомъ.

Руммель и Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій». (Спб., 1886 г., т. I).

Балашовъ, *Петръ Ивановичъ*, живописецъ-пейзажистъ и граверъ, ученикъ Воробьева. Выставлялъ свои произведенія на академическихъ выставкахъ въ 50-хъ и 60-хъ гг. Въ 1858 г. удостоенъ отъ академіи серебряной медали за выставленный пейзажъ, и въ томъ же году отъ Совѣта академіи ему была объявлена благодарность за его успѣхи. Въ 1859 г. удостоенъ званія некласснаго художника, а въ 1867 г.—художника 1-й степени за портретъ протоіерея Денисова. Рисовалъ и акварелью. Въ 1863 г. исполнилъ изданіе „Собраніе видовъ мѣстностей Валаама“ (26 литографированныхъ видовъ въ листъ).

Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.»—П. Н. Петровъ, «Матеріалы по исторіи Академіи художествъ» и указатель къ нимъ Юндолова.

Балдани (*Бальдани*), *Георгій*, одописецъ конца XVIII в., „ученикъ греческой гимназіи“, учрежденной въ 1775 г. въ Спб. Сочинилъ на греческомъ языкѣ 4 оды, имъ же переведенныя стихами на русскій: 1) „Ода Ея И. В. Государынѣ Екатеринѣ, истинной покровительницѣ грековъ“, (Спб., 1779 г.); 2) „Ода на рожденіе В. Кн. Константина Павловича“, (Спб., 1779 г.); 3) „Ода на день тезоименитства В. Кн. Константина Павловича“, (Спб., 1781 г.) и 4) „Ода на день рожденія Ея И. В. Екатерины II, Самодержицы Всероссійской, апрѣля 21-го дня 1782 г.“; кромѣ того перевелъ на греческій языкъ „Оду“ В. Петрова князю Потемкину (1780 г.). Оды эти служатъ отголоскомъ тѣхъ восторженныхъ мечтаній о возстановленіи Греческаго царства, которыя зародились у грековъ въ 1770-хъ годахъ, благодаря политикѣ Потемкина и Чесменской битвѣ. Основная тема одъ—мольба освободить Грецію.

Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи», (Спб., 1813—1821 г.).—С. Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь», т. II.

Балинскій, *Михаилъ Игнатьевичъ*, (псевдонимъ Аутлависъ), родился 14-го августа 1794 г., ум. 4-го января 1864 г. надворный совѣтникъ, магистръ философіи, польскій литераторъ и историкъ и предсѣдатель Виленской археологической комиссіи. Балинскій происходитъ изъ дворянъ, родился въ Тересполѣ въ Литвѣ, учился въ виленской гимназіи и виленскомъ университетѣ, а въ 1815 г. окончилъ курсъ наукъ со степенью магистра философіи. Балинскій изучалъ не только физико-математическія, но и историко-юридическія науки. Съ 1815 г. сталъ сотрудничать въ польскихъ журналахъ: „Dziennik Wileń.“, „Tygodnik“, „Wiadomosci brukowe“. Въ 1818 г. путешествовалъ за границей для усовершенствованія въ наукахъ. Въ Дрезденѣ избранъ въ члены минеральнаго общества. Съ 1820 по 1833 г. былъ членомъ судебной и эдукаціонной комиссіи. Въ 1836 г. переѣхалъ въ Варшаву, а въ 1837 г. назначенъ на должность комисара для надзора за типографіями и книжной торговлей, а также членомъ экзаменаціоннаго комитета. Въ 1848 г., получивъ эмеритуру, возвратился въ Вильну, въ 1857 и 1858 г. былъ избираемъ почетнымъ попечителемъ виленскаго дворянскаго института и губернской гимназіи, а въ 1861—1862 г. былъ избранъ предсѣдателемъ Виленской археологической комиссіи. Его сочиненія: 1) „Opisanie statystyczne miasta Wilna“, Wilno, 1835; 2) „Historya miasta Wilna“, Wilno, 1836—1837. 8°. 3) „Pamiętniki o królowei Barbarze“, Warszawa, 1837; 4) „Wspomnienia o Janie Sniadeckim“. Wilno, 1831; 5) „Żywot uczony i publiczny T. Sniadeckiego“, Warsz., 1839; 6) „Zycie Jędrzeja Sniadeckiego“. Gniezno. 1840; 7) „Starożytna polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym“, Warszawa, 1843. 3 тома; 8) „Pisma hystoryczne“, Warszawa, 1843; 9) Pielgrzymka

do Jasnej góry". Warszawa, 1846; 10) „Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce w XVII wieku", Wilno, 1859; 11) „Dawna akademia wileńska", 1862. 8°.

«Tyg. Illustr», 1864. № 227.—«Bibl. Polska».

Балкашинъ, *Николай Никаноровичъ*, писатель, родился въ 1840 г., ум. 12-го октября 1887 г. По окончаніи московскаго университета въ 1858 г., Балкашинъ поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора; затѣмъ исправлялъ обязанность библіотекаря и помощника директора Демидовскаго юридическаго лицея. Съ 1875 по 1882 г. состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи западной Сибири и, наконецъ, съ 1882 г. до смерти—русскимъ консуломъ въ Чугучакѣ. Балкашину принадлежатъ слѣдующіе труды: „Изъ народныхъ страстей", драма въ 4 д. (въ „Бесѣдѣ", 1872 г., кн. 6); „О пароходствѣ въ Обской губѣ и морской торговлѣ западной Сибири съ Европою въ 1877—1879 гг." (въ „Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Географическаго Общества", 1879 г., кн. I и 1880 г., кн. II); „Былъ ли Ермакъ пожалованъ въ князья" (ib., кн. II); „Торговое движеніе между западною Сибирью, Средней Азіею и Китайскими владѣніями" (ib., 1881 г., кн. III); „Объ изслѣдованіяхъ Киргизской орды" (въ „Извѣстіяхъ Имп. Русс. Географическаго Общества", 1886 г., т. XVIII); „О киргизахъ и вообще о подвластныхъ Россіи мусульманахъ", (Спб., 1887 г.). Кромѣ того, онъ участвовалъ въ составленіи „Хронологическаго указателя событій, относящихся къ исторіи Западной Сибири" Ѳ. И. Усова.

«Московскія Вѣдомости», 1888 г., № 7.—«Библіографическія записки», 1892 г., № 1.

Балкъ, старинная дворянская фамилія, родоначальники которой, фонъ-Балкены, переселились изъ Вестфаліи въ Ливонію. Потомокъ этого рода *фонъ-Балкенъ, Николай Ивановичъ* (род. въ 1630 г. ум. въ 1695 г.), маіоръ шведской службы, въ 1653 г. перешелъ въ русскую армію и чиномъ капитана былъ зачисленъ въ новоформируемые регулярные полки. Почти всю многолѣтнюю свою службу Россіи, онъ провелъ въ военныхъ походахъ, участвуя въ 1654 г. во взятіи Смоленска и затѣмъ въ другихъ дѣлахъ противъ поляковъ, при чемъ въ 1658 г. былъ раненъ; въ 1663 г. сражался противъ поляковъ въ Малороссіи и въ періодъ времени съ 1687 г. по 1689 г.—въ походахъ противъ Стеньки Разина и крымскихъ татаръ; кромѣ того, въ 1661 г. онъ, по повелѣнію царя, укрѣпилъ Путивль. Въ 1664 г. фонъ-Балкенъ былъ произведенъ въ полковники. Сынъ его, генералъ-поручикъ *Ѳеодоръ Николаевичъ Балкъ* (род. въ 1670 г., ум. въ 1739 г.), извѣстенъ по своей женѣ, *Матренѣ Ивановнѣ*, рожденной Монсъ (см. отдѣльно). У Ѳеодора Николаевича была дочь и два сына: 1) *Наталья Ѳеодоровна* (род. въ 1699 г., умерла въ 1763 г.), по мужу *Лопухина*, въ 1743 г. пострадала по дѣлу, такъ-называемаго „Лопухинскаго заговора" и была сослана въ Сибирь, вмѣстѣ съ мужемъ, генераломъ С. В. Лопухинымъ и старшимъ сыномъ. При совершеніи надъ Лопухиною публичнаго наказанія кнутомъ, палачъ вырвалъ ей языкъ, за непочтительность къ Елизаветѣ Петровнѣ, выразившуюся въ хвастовствѣ Натальи Ѳеодоровны, что она красивѣе императрицы. Помилованная Петромъ III, Лопухина по возвращеніи изъ ссылки вскорѣ скончалась. — 2) *Павелъ Ѳеодоровичъ Балкъ-Полевъ*, старшій сынъ Ѳеодора Николаевича, тайный совѣтникъ, родился въ 1690 г., умеръ въ 1743 г. Началъ службу въ 1706 г. солдатомъ въ Воронежскомъ пѣхотномъ полку, два года спустя былъ произведенъ въ прапорщики, а за участіе въ сраженіи при Лѣсномъ (1708 г.)—въ поручики. Въ 1710 г. за отличіе при взятіи Эльбинга пожалованъ въ капитаны арміи, въ 1715 г., съ переименованіемъ въ поручики, переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ и въ рядахъ его участвовалъ въ походѣ слѣдующаго года, на галерномъ флотѣ, до Копенгагена. Съ 1717 г. находился на службѣ при Дворѣ, гдѣ 11-го мая 1724 г. былъ пожалованъ въ камергеры, но въ томъ же году, при преслѣдованіи фамиліи Балкъ, переведенъ прежнимъ чиномъ капитана въ армію и отправленъ въ Персію къ войскамъ генерала Матюшкина. Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины I, Павлу Ѳеодоровичу были возвращены отнятыя званія; Петръ II пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго (1727 г.), а императрица Анна Іоанновна произвела его въ чинъ тайнаго совѣтника (1740 г.). Къ этому періоду относятся слѣдующія слова Щер-

батова (въ книгѣ „О повреждении нравовъ въ Россіи“): „Шутками своими веселилъ императрицу Анну и льстилъ Бирону, но ни къ какимъ дѣламъ не былъ допускаемъ“. Фамилію Полевъ онъ присоединилъ при первомъ своемъ бракѣ съ Маріею Өеодоровною Полевой; второю женою его была Анна Дмитріевна Порѣцкая. Послѣ него остались: сынъ Өеодоръ и двѣ дочери: Марія, по мужу Нарышкина и Матрена—Салтыкова.—3) *Петръ Өеодоровичъ Балкъ*, братъ Павла Өеодоровича, генералъ-поручикъ, камергеръ Двора императрицы Елизаветы, родился въ 1712 г., ум. въ 1762 г. Вмѣстѣ съ братомъ, пострадалъ въ исторіи 1724 г. когда изъ пажей императрицы былъ отправленъ сержантомъ въ персидскую армію. Впослѣдствіи, онъ былъ возвращенъ ко Двору, гдѣ дослужился до высшихъ чиновъ и имѣлъ ордена св. Александра Невскаго и св. Анны. Въ 1744 г. онъ вступилъ въ бракъ съ фрейлиною Марфою Васильевною Шереметевою, при чемъ на свадьбѣ его присутствовала, вмѣстѣ съ императрицею, великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Это обстоятельство оказало значительную пользу службѣ внука его по брату (самъ же Петръ Өеодоровичъ имѣлъ только дочь Софію, вышедшую замужъ за князя А. Н. Голицына), *Петру Өеодоровичу Балкъ-Полеву*. Послѣдній былъ пожалованъ въ прапорщики л.-гв. Преображенскаго полка и вскорѣ опредѣленъ ко Двору. Дослужившись здѣсь до званія камергера и чина тайнаго совѣтника, онъ, въ началѣ царствованія Павла I, за ссору съ полицеймейстеромъ Москвы, Эртелемъ и за ослушаніе приказа, запрещавшаго носить фракъ и круглую шляпу, былъ лишенъ своихъ званій и высланъ изъ Москвы. Прощенный императоромъ Александромъ I, онъ снова вступилъ на службу и въ 1804 г. былъ опредѣленъ посланникомъ въ Бразилію. 23-го мая 1849 г., Петръ Өеодоровичъ скончался, оставивъ четырехъ дочерей и съ его смертью пресѣклась фамилія Балкъ-Полевыхъ.

«Чтенія Имп. Общ. исторіи и древн. россійскихъ», 1782 г. т. IV, стр. 1—5.—Бант. Каменскій: «Словарь достоприм. людей земли русской», ч. I, стр. 197—201.—Словари: Плюшара, Березина, Андреевскаго. *Д. С—въ.*

Балкъ, *Василій Захарьевичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 12-й кавалерійской дивизіи, родился около 1839 г., ум. 2-го мая 1882 г. отъ удара лошади. Находясь въ офицерскихъ чинахъ съ 1857 г. Балкъ въ 1870-хъ гг. командовалъ уланскимъ с.-петербургскимъ, короля баварскаго полкомъ, и во время русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) отличился при взятіи Шипки и Адріанополя. Въ чинѣ генералъ-маіора съ 1881 г.

Некрологъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1882 г. № 124.

Балкъ, *Даніилъ-Георгій*, профессоръ дерптскаго ун., род. въ Кенигсбергѣ 23-го іюня 1764 г., ум. въ Тулѣ въ началѣ 1826 г. Съ 1780 г. изучалъ медицину въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ. Получивъ степень доктора, въ 1787 г. переселился въ Курляндію, гдѣ сперва занимался частною практикой, а въ 1796 г. поступилъ на коронную службу уѣзднымъ врачомъ въ Якобштатѣ. Въ 1802 г. утвержденъ ордин. профессоромъ патологіи семіотики и терапіи въ дерптскомъ унив., въ 1803 г. былъ ректоромъ, въ 1817 г. вышелъ въ отставку и до смерти проживалъ внутри Россіи. Важнѣйшія изъ его сочиненій: „Dissertatio inauguralis de derivantibus“. Regiomonti 1787.—Auszüge aus dem Tagebuch eines ausübenden Arztes über verschiedene Gegenstände der Arzneiwissenschaft“. Berlin. 1791. Libau 1796.—„Einige Worte über die Krankh eiten der hiesigen Bauern, für Gutsbesitzer und Prediger bestimmt“. Mitau 1793.—„Beiträge zur deutlichen Erkenntniss und grundlichen Heilung einiger an häufigsten herrschenden Krankheiten“. Libau 1794.—„Was war einst Kurland und was kann es jetzt unter Katharina's Zepter werden? Eine medicinisch politische Abhandlung für Gesetzgeber und Richter in höheren Tribunälen“. Mitau 1795.—„Wie können Frauenzimmer gesunde und gluckliche Gattinnen und Mütter werden“. Berlin und Libau 1796.—„Was ist wahrer Ruhm? Eine Rede am Eröffnungstage des Dorptschen Universität am 22 Apr. 1802“.—Вмѣстѣ съ проф. Еше (Jäsche) и Германомъ редактировалъ правила для студентовъ дерптскаго университета 1803 г.

Allgem. Schriftsteller - und Gelehrten - Lexicon von Recke und Napiersky, I, 69—71 и Nachträge I, 33 и 34.—Энциклопед. лексиконъ, томъ IV, статья Ө. Деппа.

Балкъ, *Захаръ Захаровичъ*, адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта, род. 1796 г., ум. 27-го апрѣля 1870 г. Происходя изъ

дворянъ Владимірской губерніи, Балкъ получилъ воспитаніе въ морскомъ корпусѣ, и въ 1812 г. былъ выпущенъ мичманомъ въ балтійскій флотъ, на судахъ котораго въ 1812—1813 г.г. плавалъ у береговъ Англіи и участвовалъ въ блокадѣ французскаго флота у Флиссингена. Послѣдующія плаванія Балка ограничивались Балтійскимъ моремъ. Съ 1830—1837 г., въ чинѣ капитана 2 ранга, Балкъ командовалъ Охотскимъ портомъ. Въ 1839 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы; въ 1851 г.—въ вице-адмиралы, и въ 1861 г.—въ адмиралы. Еще со времени командованія Охотскимъ портомъ, онъ заслужилъ въ средѣ подчиненныхъ репутацію строгаго и справедливаго начальника; эти же качества сохранилъ онъ и во время командованія сперва отдѣльными судами, потомъ эскадрами и дивизіями. Въ 1855 г. Балкъ былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта. За постоянный успѣхъ и точность, съ которыми онъ исполнялъ различныя порученія, возлагавшіяся на него высшимъ морскимъ начальствомъ, неоднократно удостоивался личнаго Монаршаго благоволенія, а за участіе при составленіи новаго морского устава въ 1853 г. былъ награжденъ табакеркою, алмазами украшенною, съ портретомъ Государя Императора. Когда, въ 1862 г., исполнилось 50 лѣтъ службы адмирала въ офицерскихъ чинахъ, Императоръ Александръ II пожаловалъ ему бриллiантовую табакерку, съ своимъ портретомъ. Въ 1867 г. ему была пожалована аренда въ 3.000 руб. на 12 лѣтъ. Балкъ имѣлъ ордена: Бѣлаго Орла, св. Владиміра 2 степ., св. Анны и св. Станислава первыхъ степеней. и датскаго Данеброга. Въ 1869 г. адмиралъ управлялъ, временно, морскимъ министерствомъ.

Глав. Морск. арх., формуляръ.—Морс. Сборн. 1870 г. № 7. *С. Огородниковъ.*

Балкъ, *Матрена Ивановна,* статсъ-дама Екатерины Алексѣевны, старшая дочь, по однимъ извѣстіямъ, виноторговца, а по другимъ—золотыхъ дѣлъ мастера Іоанна Монса, происходившаго изъ г. Миндена на Везерѣ. Проживая вмѣстѣ съ родными въ Московской нѣмецкой слободѣ, она рано сдѣлалась извѣстною царю Петру и „если не стала, какъ говоритъ Гельбигъ, его возлюбленной", то была пособницей въ извѣстныхъ отношеніяхъ его къ ея младшей сестрѣ, Аннѣ. Петръ часто бывалъ въ семьѣ Монсовъ и онъ же, вѣроятно, устроилъ бракъ Матрены Ивановны съ любимымъ своимъ полковымъ командиромъ Өедоромъ Николаевичемъ Балкомъ въ 1699 г. Покровительствуя связи Петра съ своей сестрой, Матрена Ивановна не отказывала въ помощи послѣдней и въ ея отношеніяхъ къ нѣкоему Кенигсену, за что и поплатилась трехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Освобожденная въ 1706 г., она должна была ѣхать въ Эльбингъ къ мужу, назначенному комендантомъ этого города, и прожила тамъ до 1714 г. Скучное положеніе ея здѣсь было вознаграждено въ 1711 г. сближеніемъ съ Екатериною Алексѣевною, присланною Петромъ на время въ Эльбингъ. Балкъ быстро сумѣла расположить въ свою пользу Екатерину, а чрезъ нее снискала вниманіе и милость Петра, который даже спѣшилъ къ ея родамъ: „Отпиши намъ, писалъ онъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ 1712 г., къ которому времени родитъ Матрена, чтобъ могъ поспѣть". Благодаря заступничеству Екатерины, „Балкша", какъ ее обыкновенно звали, добилась возвращенія въ Петербургъ. Вскорѣ сталъ возвышаться ея братъ Вилимъ Монсъ, и Балкъ дѣлается повѣренной и пособницей его въ сношеніяхъ съ Екатериною. Въ 1718 г. она была назначена статсъ-дамою Екатерины (до того она „полтретья" года 1717—1718 г. служила гофмейстериною при дворѣ Екатерины Іоанновны, герцогини Мекленбургской). Съ этого времени братъ и сестра являются могущественнѣйшими лицами при дворѣ. Пользуясь вліяніемъ на императрицу Вилима, они были не только главными повѣренными Екатерины и завѣдующими ея личнымъ хозяйствомъ, но и единственными посредниками между нею и всѣми, обращавшимися съ ней. Какъ выяснилось впослѣдствіи, просители обязательно вручали посредникамъ въ видѣ подарковъ деньги, платье, лошадей, матеріи, возки, кофе и т. п. Болѣе шести лѣтъ продолжалось злоупотребленіе довѣріемъ Императрицы со стороны Вилима Монса и Матрены Балкъ и безцеремонное обкрадываніе ея. До Императора Петра какъ-то дошелъ подозрительный слухъ о сношеніяхъ Вилима Монса съ Екатериной, и онъ поручилъ наблюденіе за ними Матренѣ

Балкъ, которая охотно взялась за эту роль, но, конечно, ничего Петру не сообщала. Наконецъ, въ 1724 г. Петръ получилъ „сильненькое" письмо отъ неизвѣстнаго доносителя и на другой же день, 8-го ноября, арестовалъ Вилима Монса. Узнавъ объ этомъ, Матрена Балкъ захворала и больною была заключена въ крѣпость 13-го ноября. Самъ Петръ подвергалъ ее допросу, но большая часть ея показаній осталась неизвѣстною; то же, что было записано съ ея словъ, отличается необычайнымъ лаконизмомъ. Назвавъ имена нѣсколькихъ просителей и количество ихъ приношеній, Балкъ заключила свое „покаяніе" слѣдующими словами: „да нынѣ въ Москвѣ изъ многихъ господскихъ домовъ присылывали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запаса домоваго, а сколько и когда, не упомню". Прибѣгли къ публикаціямъ, вызывавшимъ „сказаться" всѣмъ, дававшимъ взятки брату и сестрѣ, и уликъ явилось такое множество, что Петръ немедленно предалъ ихъ „вышнему суду". Рѣшеніе послѣдняго по отношенію къ Балкъ было таково: „понеже ты вступала въ дѣла, которыя дѣлала чрезъ брата своего Вилима Монса при дворѣ Его Императорскаго Величества, дѣла непристойныя ему, и за то брала великія взятки, и за оныя твои вины указомъ Его Императорскаго Величества велѣно тебя бить кнутомъ и сослать на вѣчное житье въ Тобольскъ". Попробовавшая вступиться за нее Екатерина Алексѣевна могла только склонить Петра уменьшить число ударовъ съ 11 до 5. Вмѣстѣ съ нею пострадали и ея сыновья (камергеръ и пажъ), которые были разжалованы и отосланы въ армію, находившуюся въ Персіи. Но вскорѣ умеръ Петръ Великій, а его преемница, немедленно по вступленіи на престолъ, повелѣла „ради поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества и для своего многолѣтняго здравія", вернуть съ дороги Балкъ и „быть ей въ Москвѣ", гдѣ она вскорѣ и скончалась.

Карабановъ, «Статсъ-дамы и фрейлины Русскаго двора въ XVIII столѣтіи» (въ «Русской Старинѣ», 1870 г., II т.).—«Записки» Басевича (въ «Русскомъ Архивѣ», 1865 г., стр. 618—619).— Гельбигъ, «Русскіе избранники и случайные люди» (въ «Русской Старинѣ», 1886. г., № 4) — Д. Л. Мордовцевъ, «Русскія женщины новѣйшаго времени первой половины XVIII в.» (Спб. 1874 г.).—М. И. Семевскій, «Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в. Царствованіе Екатерины Алексѣевны. Анна и Вилимъ Монсъ» (Спб., 1884 г.). *В. Р—въ.*

Балкъ, *Михаилъ Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1764 г., ум. 7-го декабря 1818 г. 1-го января 1776 г. вступилъ унтеръ-офицеромъ въ Курскій пѣхотный полкъ, черезъ восемь лѣтъ былъ произведенъ въ прапорщики, въ 1787 г. выступилъ съ полкомъ въ войну съ Турціею, но въ дѣлахъ не участвовалъ, такъ же какъ и въ войнѣ 1790 г. со Швеціею, служа въ послѣдней на одномъ изъ отрядовъ флотиліи принца Нассау-Зигена, не введенномъ въ боевыя дѣйствія. По окончаніи войны, уже въ чинѣ капитана, Балкъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ, съ которымъ въ 1794 г. принялъ участіе въ усмиреніи польскихъ конфедератовъ, находясь въ дѣлахъ: 6-го іюня у Боруна, 7-го близъ с. Новоселокъ, 24-го у м. Лиды, 8-го іюля при атакѣ польскихъ укрѣпленій подъ Вильною и 31-го въ сраженіи при Погулянкѣ. Въ періодъ царствованія Императора Павла находился въ отставкѣ, уволенный 19-го декабря 1796 г. отъ службы съ чиномъ маіора, и вновь вступилъ на послѣднюю только 11-го апрѣля 1802 г. Произведенный въ полковники, Балкъ въ 1805 г. въ рядахъ петербургскихъ драгунъ выступилъ съ арміею Кутузова въ Баварію и, по приходѣ послѣдняго 15-го ноября въ Ольмюцъ, участвовалъ на другой день въ авангардномъ дѣлѣ подъ Вишау; 20-го ноября, въ Аустерлицкомъ бою, Балкъ, командуя двумя эскадронами, отважно дѣйствовалъ у Праценскихъ высотъ, и здѣсь былъ контуженъ картечью въ шею. Въ кампанію 1807 г. особенно отличился въ Эйлауской битвѣ, за которую получилъ георгіевскій крестъ, затѣмъ сражался съ французами подъ Гутштадтомъ, на берегахъ Пассарги, подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ. Въ послѣднемъ дѣлѣ Балкъ едва не погибъ: картечью ему сорвало часть черепа. Путемъ трудной и опасной операціи, удалось замѣнить оторванный осколокъ серебрянымъ; Балкъ остался живъ, нестерпимо, впрочемъ, страдая головною болью, и снова явился на службу. Здѣсь его ожидалъ рядъ наградъ: чинъ генералъ-маіора, аренда и командованіе Рижскимъ драгунскимъ полкомъ. Двѣнадцатый годъ застаетъ Балка уже бригад-

нымъ командиромъ Рижскаго и С.-Петербургскаго драгунскихъ полковъ, въ отрядѣ графа Витгенштейна; командуя вслѣдъ затѣмъ небольшимъ самостоятельнымъ отрядомъ пѣхоты и конницы, составлявшимъ авангардъ войскъ графа Витгенштейна, онъ является дѣятельнымъ помощникомъ послѣдняго, въ особенности въ дѣлахъ при Клястицахъ и Полоцкѣ, за которыя былъ награжденъ орденами св. Анны 1-й степени и св. Георгія 3-го класса. При переходѣ русской арміи въ наступленіе, на долю Балка выпалъ горячій бой 6-го октября съ французской кавалеріею у с. Громы, во время котораго онъ вторично былъ раненъ пулею въ голову и оставилъ армію. Возвратившись въ послѣднюю только въ 1814 г., онъ поступилъ въ корпусъ барона Винценгероде, бывшій уже за Рейномъ; съ нимъ находился въ сраженіяхъ подъ Лаономъ и Сенъ-Дизье и за отличія произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 10-го сентября 1815 г. былъ назначенъ начальникомъ 1-й конно-егерской дивизіи; съ 17-го января по 23-е февраля 1816 г. находился въ отставкѣ, послѣ чего снова получилъ помянутую дивизію, но комадовалъ ею уже недолго.

«Императоръ Алекс. I и его сподвижники», А. И. Михайловскаго, т. 2-й.

Балкъ, *Наталья Сергѣевна*, женщина-врачъ, ум. 12-го ноября 1875 г. въ г. Иркутскѣ. Окончивъ курсъ наукъ въ Маріинскомъ институтѣ, она изучала въ медико-хирургической академіи анатомію, въ Калинкинской больницѣ—дѣтскія и женскія болѣзни, при чемъ, кромѣ того, прошла полный курсъ практическихъ упражненій въ родо-вспомогательномъ заведеніи и воспитательномъ домѣ. Дѣятельность ея связана съ Иркутскимъ воспитательнымъ домомъ, въ которомъ она была начальницей и сразу же сумѣла поставить дѣло такъ, что смертность дѣтей при ней съ 1-го марта 1874 г. по 1-е марта 1875 г. съ 78% спустилась на 57%. Балкъ проводила часто цѣлыя ночи у кроватей родильницъ и бѣдныхъ больныхъ. У кровати бѣдной родильницы Балкъ и умерла.

Некрологъ въ газетѣ «Петербургскій Листокъ» (1875 г. № 249).

Балла, *Адамъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1764 г., ум. 5-го августа 1812 г. Родомъ грекъ изъ Мореи, онъ десяти лѣтъ отъ роду былъ вывезенъ въ 1774 г. въ Россію въ числѣ другихъ грековъ, спасавшихся отъ гоненія турокъ, и былъ опредѣленъ для обученія во вновь открывшуюся тогда при Артиллерійскомъ и Инженерномъ корпусѣ гимназію чужестранныхъ иновѣрцевъ, болѣе извѣстную подъ названіемъ Греческаго корпуса. Окончивъ здѣсь курсъ, Балла въ 1782 г. поступилъ подпоручикомъ въ Алексопольскій пѣхотный полкъ и тотчасъ же отправился въ огонь противъ бунтовавшихъ въ Крыму татаръ; въ 1786 г. онъ былъ перечисленъ въ Лифляндскій егерскій полкъ, и съ 1787 по 1791 г., уже въ чинѣ капитана, участвовалъ въ войнѣ съ турками, особенно отличаясь на кровопролитныхъ штурмахъ Очакова и Измаила, доставившихъ ему чинъ маіора и похвальный листъ отъ Суворова. Въ кампаніи 1792 и 1793 гг. противъ польскихъ конфедератовъ, онъ также находился въ дѣлахъ, командуя 4-мъ баталіономъ лифляндскихъ егерей. Пожалованный 30-го октября 1798 г. въ полковники, Балла вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ шефомъ 5-го егерскаго полка, и 2-го марта слѣдующаго года произведенъ, внѣ правилъ, въ чинъ генералъ-маіора. Въ 1806 г. Балла снова выступилъ въ походъ въ возгорѣвшейся войнѣ съ Турціею, гдѣ находился по 1810 г. во многихъ дѣлахъ и въ томъ числѣ при занятіи крѣпости Бендеръ, покореніи Измаила и въ битвѣ у Базарджика. Послѣдняя доставила ему орденъ св. Анны 1-й степени. Передъ нашествіемъ французовъ въ Россію, Балла уже командовалъ бригадою егерскихъ полковъ, и, состоя въ 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ Дохтурова, принялъ участіе въ отступательномъ движеніи послѣдняго къ Смоленску, подъ стѣнами котораго и палъ.

«Александръ I-й и его сподвижники», вып. 153.—«Письма русскаго офицера» Ѳ. Н. Глинки.

Д. С—въ.

Балларини, *Паоло*, знаменитый декораторъ, род. въ 1712 г. въ Болоньи и принадлежалъ къ семьѣ, изъ которой вышло нѣсколько художниковъ, главнымъ образомъ архитекторовъ, и въ домѣ которой помѣщалась Академія Карраччи. Работалъ въ Венеціи, Вѣнѣ и Петербургѣ (съ 1753 по 1759 г.). Послѣ этого вернулся на родину. Кромѣ декоративныхъ работъ писалъ также ландшафты. Былъ еще живъ въ 1769 г.

G. K. Nagler, «Neues allgemeines Künstler-Lexicon». Mün. 1835.

Баллей (Балле), *Иванъ Петровичъ* (*Янъ*), генералъ-интендантъ флота, позже адмиралъ и сенаторъ, ум. въ 1811 г. Выпущенный изъ морского корпуса мичманомъ въ 1760 г., началъ службу свою въ галерномъ флотѣ. Въ чинѣ лейтенанта, командуя галерою „Нижній Новгородъ", сопровождалъ Государыню Императрицу въ плаваніи по р. Волгѣ (1767 г.) отъ Твери до Симбирска, послѣ чего сдѣлалъ нѣсколько кампаній на судахъ корабельнаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Дарованія свои Баллей обнаружилъ на административномъ поприщѣ, будучи сначала капитаномъ надъ Астраханскимъ портомъ, потомъ оберъ-экипажмейстеромъ въ Петербургѣ и, наконецъ, въ 1786 г., оберъ-интендантомъ флота. Шведская война 1788—1790 г., потребовавшая напряженной дѣятельности отъ лицъ, стоявшихъ во главѣ портовой администраціи, при одновременномъ вооруженіи флотовъ корабельнаго и галернаго, выдвинула Баллея не только какъ расторопнаго и неутомимаго оберъ-интенданта, но и какъ начальника вспомогательной эскадры, непосредственнаго участника роченсальмскаго сраженія 1789 г., гдѣ Баллей имѣлъ свой брейдъ-вымпелъ на фрегатѣ Симеонъ, и геройски выдерживалъ непріятельскій натискъ въ теченіе 8 часовъ. Орденъ св. Анны былъ ему наградою за храбрость, выказанную въ этомъ сраженіи. Какого высокаго мнѣнія объ оберъ-интендантѣ флота была Императрица и Великій Князь Павелъ Петровичъ, служитъ примѣромъ слѣдующее обстоятельство: понадобилось въ военное время послать знающаго и надежнаго офицера, чтобы осмотрѣть балтійскіе порты, и Великій Князь собственноручно написалъ Государынѣ: „Получа отъ васъ записку и указъ, размышлялъ: кого назначить въ сію посылку? и не нашелъ, какъ и вы, способнѣе Баллея". Въ 1796—1801 г. Баллей состоялъ въ должности генералъ-интенданта, послѣ чего изъ генералъ-лейтенантовъ былъ переименованъ въ адмиралы, съ назначеніемъ присутствовать въ комитетѣ по составленію лѣсного устава. Потомъ онъ былъ въ должности главнаго директора училища корабельной архитектуры, а въ 1805 г. пожалованъ сенаторомъ.

Общій морской списокъ, томъ II.—Головачева, «Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ съ Швеціей 1788—1790 г.» *С. Огородниковъ.*

Баллюзекъ, *Левъ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1822 г. въ Карлсруэ, ум. въ началѣ 1879 г. По окончаніи курса въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, въ 1843 г. выпущенъ въ конную артиллерію и, числясь по послѣдней, вскорѣ былъ причисленъ къ штабу генералъ-фельдцейхмейстера, откуда въ 1849 г. назначенъ состоять при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ. По смерти Великаго Князя, былъ командированъ для производства опытовъ надъ конгреговыми ракетами, на Кавказъ, гдѣ, оставаясь два года, участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ. Съ началомъ Крымской войны, Баллюзекъ состоялъ при штабѣ артиллеріи Дунайской арміи, а при оборонѣ Севастополя былъ однимъ изъ помощниковъ начальника артиллеріи крѣпости. Вслѣдъ затѣмъ, Баллюзекъ имѣлъ случай два раза посѣтить Китай и Японію, сопровождая туда миссію графа Путятина и генерала Игнатьева, и вскорѣ былъ назначенъ посломъ въ Китай. Въ 1865 г. онъ состоялъ военнымъ губернаторомъ Тургайской области, въ каковой должности оставался 12 лѣтъ, послѣ чего причисленъ къ С.-Петербургскому попечительному совѣту и назначенъ попечителемъ Обуховской больницы.

«Рус. Инв.» 1879 г. № 82.

Балугьянскій, *Михаилъ Андреевичъ*, статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ, родился 26-го сентября (7-го октября) 1769 г. въ венгерскомъ мѣстечкѣ Фельсё-Ольсва (Felsö-Olsva), въ Цемплинскомъ комитатѣ, въ уніатской семьѣ славянскаго происхожденія, но омадьяренной; ум. 3-го апрѣля 1847 г. въ С.-Петербургѣ. Первоначальное образованіе Балугьянскій получилъ въ гимназіи города Уйгели, руководимой монахами-паулинами, о которыхъ впослѣдствіи всегда вспоминалъ съ признательностію и удовольствіемъ (особенно патеровъ Сухани и Зауера). Затѣмъ Балугьянскій учился въ Королевской академіи въ Кашау (1780—87) и вѣнскомъ университетѣ, который кончилъ по юридическому факультету въ 1789 г., и тотчасъ же былъ приглашенъ на профессорское мѣсто во вновь учрежденной академіи въ Гроссъ-Вардейнѣ. Сначала Балугьянскій читалъ политическія науки и куріальный стиль, а вскорѣ выступилъ и на каѳедрахъ правъ полицейскаго, финансоваго и коммерціи. Начало педагогической карье-

ры Балугьянскаго совпало со взрывомъ французской революціи. Внимательно слѣдя за идеями и событіями своего времени, Балугьянскій однако, остался приверженцемъ строгаго консерватизма. Въ своей вступительной лекціи (30-го августа 1789 г.) въ Гроссъ-Вардейнѣ онъ изложилъ свои личныя воззрѣнія на жизнь, общество и государство; горячо возставая противъ политическихъ ученій французскихъ философовъ, Балугьянскій въ основу своего построенія полагалъ стремленіе къ благоустройству внутреннему, созидающемуся на почвѣ уваженія къ традиціи. Въ 1796 г. онъ получилъ степень доктора правъ и вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ въ пештскій университетъ, въ которомъ до 1803 г. послѣдовательно занималъ каѳедры исторіи, статистики и правъ публичнаго и народнаго, пользуясь неизмѣннымъ успѣхомъ и обнаруживая необыкновенное разнообразіе и глубину знаній. Выдающемуся положенію, которое занялъ Балугьянскій среди венгерскихъ профессоровъ, онъ былъ обязанъ и приглашеніемъ его въ Россію.

Для вновь учрежденной въ Петербургѣ „учительской гимназіи" (1803 г.), преобразованной въ слѣдующемъ году въ „педагогическій институтъ", потребовались преподаватели съ такой подготовкой, какой не обладали тогдашніе русскіе педагоги, и попечитель С.-Петербургскаго округа, Н. Н. Новосильцевъ, рѣшилъ пригласить заграничныхъ ученыхъ изъ среды славянскихъ народностей. Въ числѣ ученыхъ, приглашенныхъ въ Россію и принявшихъ предложеніе, находился и М. А. Балугьянскій. Его пугали слухи, ходившіе въ то время за границей о Россіи, и потому онъ принялъ предложеніе только на три года, по истеченіи которыхъ разсчитывалъ возвратиться обратно. 1-го августа 1803 г., состоялся Высочайшій приказъ о принятіи Балугьянскаго на службу, съ назначеніемъ его ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи въ „учительской гимназіи". Балугьянскій прибылъ въ С.-Петербургъ 4-го февраля 1804 г. И въ Россіи выдающіяся качества Балугьянскаго расположили къ нему ближайшихъ сотрудниковъ Императора: П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева и Адама Чарторыйскаго. Уже черезъ четыре мѣсяца по прибытіи въ Россію (12-го іюня), Балугьянскій, по представленію князя П. В. Лопухина, управлявшаго комиссіею составленія законовъ, былъ приглашенъ къ участію въ занятіяхъ этой комиссіи, съ оставленіемъ въ профессорскомъ званіи. Здѣсь Балугьянскій сталъ сотрудникомъ барона Г. А. Розенкампфа и М. М. Сперанскаго. Съ послѣднимъ Балугьянскому пришлось работать и впослѣдствіи. Въ Россіи Балугьянскій на первыхъ порахъ встрѣтилъ обширное поле дѣятельности; его труды доставили ему уваженіе общества и Монаршее вниманіе, и это склонило Балугьянскаго остаться въ Россіи еще на новые сроки, пока, наконецъ, сжившись съ новою обстановкою и людьми, онъ окончательно не отказался вернуться на родину. Въ 1809 г. Балугьянскій былъ назначенъ начальникомъ IV отдѣленія при комиссіи составленія законовъ; въ 1810 г. опредѣленъ присутствующимъ въ комиссію для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ; съ того же времени услугами Балугьянскаго пользуется канцелярія министра финансовъ, въ которой онъ былъ затѣмъ опредѣленъ членомъ V отдѣленія (1812 г.). Вообще, министръ финансовъ Д. А. Гурьевъ весьма цѣнилъ знанія Балугьянскаго и предложилъ ему вскорѣ постъ директора комиссіи погашенія государственныхъ долговъ (7-го іюля 1817 г.). При содѣйствіи Балугьянскаго разработаны главныя начала, давшія основы для организаціи нашихъ кредитныхъ учрежденій, и внесены улучшенія въ порядокъ составленія росписи государственныхъ приходовъ и расходовъ. Многочисленные записки и проекты Балугьянскаго всегда касались весьма важныхъ вопросовъ государствовѣдѣнія и многое, у него почерпнутое, давало направленіе нашей финансовой и административной политикѣ. Есть указанія, что изъ четырехтомной записки Балугьянскаго объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, составленной имъ по личной просьбѣ Императора и переданной Д. А. Гурьеву, черпались полезныя указанія графомъ П. Д. Киселевымъ при организаціи Министерства Государственныхъ Имуществъ (1837 г.). Объ этомъ говоритъ самъ Балугьянскій въ своемъ благодарственномъ письмѣ Императору, которое написалъ въ 1846 г. Между прочимъ, Балугьянскій пишетъ, что имъ „составленъ проектъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ", но историки крестьянскаго

вопроса (В. И. Семевскій и Заблоцкій-Десятовскій въ біографіи П. Д. Киселева) о Балугьянскомъ не упоминаютъ. Чтобы дать понятіе о томъ, что сдѣлано Балугьянскимъ въ періодъ его пребыванія въ Россіи, приводимъ выдержки изъ его записки (помѣчена: 22-го ноября 1816 г.), которую онъ собирался представить Д. А. Гурьеву. Балугьянскимъ разработаны: 1) планъ и проектъ свода положеній публичнаго права; 2) проектъ реорганизаціи министерствъ; 3) проектъ законовъ сельскихъ; 4) планъ законоположеній полицейскихъ; 5) обширный теоретическій трудъ (8 томовъ) по политической экономіи и финансамъ; 6) проектъ разныхъ финансовыхъ мѣропріятій, принятыхъ въ 1810 г.; 7) значительное число записокъ о монетной системѣ, о банкахъ, о финансовомъ управленіи перворазрядныхъ государствъ Европы, о поземельномъ налогѣ; 8) три историческія записки о финансовой администраціи въ Россіи съ Петра Великаго до 1812 г.; 9) записка, поднесенная Императору въ 1814 г., съ изложеніемъ новаго финансоваго плана, удостоеннаго Высочайшаго одобренія; 10) проекты по предмету обращенія бумажныхъ денегъ въ пограничныхъ мѣстахъ Имперіи, по отношенію залоговъ, займовъ и пр., а также много другихъ записокъ по различнымъ вопросамъ, которые занимали тогда нашу администрацію и требовали законодательнаго разсмотрѣнія. Вся эта дѣятельность не отвлекла Балугьянскаго отъ его педагогическихъ занятій. Въ 1817 г. Балугьянскій былъ избранъ деканомъ философско-юридическаго факультета Главнаго педагогическаго института, и сохранилъ это званіе въ 1819 г., при преобразованіи института въ университетъ. Въ первомъ собраніи новаго университета, при выборѣ ректора, голоса раздѣлились поровну между Балугьянскимъ и Раупахомъ. Жребій, которымъ былъ рѣшенъ выборъ, палъ на Раупаха. Такой способъ избранія министерство признало несообразнымъ съ существующими обычаями, и ректоромъ, по представленію министра народнаго просвѣщенія (князя А. Н. Голицына), утвержденъ былъ Балугьянскій, принявшій затѣмъ дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ Магницкимъ и Уваровымъ, въ разработкѣ университетскаго устава. Во время разгрома университета Руничемъ Балугьянскій на засѣданіяхъ 3, 5 и 7 ноября 1821 г., доказывалъ, что редакція протоколовъ невѣрна, что голоса условные причислены къ безусловнымъ, иное вставлено, а иное перетолковано составителями протоколовъ. Балугьянскій такъ горячо защищалъ обвиненныхъ профессоровъ, что въ засѣданіи 3-го ноября даже впалъ въ обморочное состояніе: такъ онъ былъ измученъ умышленно продолжительными засѣданіями и возбужденною рѣчью. Когда, несмотря на доводы Балугьянскаго, Галичъ, Раупахъ, Арсеньевъ и Германъ должны были оставить университетъ, то Балугьянскій не счелъ возможнымъ долѣе занимать постъ ректора, и 31-го октября 1821 г. отказался отъ него, сохранивъ за собою лишь профессуру. Но такъ какъ ему приходилось бороться противъ преслѣдованій Рунича и сплоченной вокругъ него партіи, то 12-го апрѣля 1824 г. Балугьянскій оставилъ и профессуру. Извѣстность Балугьянскаго на педагогическомъ поприщѣ доставила ему лестное порученіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны быть наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, которымъ онъ преподавалъ (20-го апрѣля 1813 г.—1-е іюля 1817 г.) предметы права естественнаго, публичнаго и народнаго. Балугьянскій сумѣлъ заслужить расположеніе своихъ учениковъ, и это играло немаловажную роль въ его дальнѣйшей служебной карьерѣ. Императоръ Александръ Павловичъ лично зналъ Балугьянскаго и нерѣдко выслушивалъ мнѣнія и совѣты его. Раньше уже было упомянуто, что, по порученію Императора Александра I, Балугьянскій составилъ проектъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ; по желанію же Императора Балугьянскій участвовалъ въ комитетѣ (1822 г.) по разрѣшенію споровъ между Англіею и Соединенными Штатами Сѣв. Америки; ему поручена была редакція всѣхъ спорныхъ пунктовъ и вопросовъ о способѣ разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній. И Николай Павловичъ оказывалъ не меньшее вниманіе Балугьянскому: наканунѣ 14-го декабря онъ долго бесѣдовалъ съ нимъ относительно способовъ наилучшаго утвержденія порядка и основъ народнаго благосостоянія; на этомъ же свиданіи было рѣшено, что Балугьянскій сдѣлается ближайшимъ сотрудникомъ Сперанскаго по комиссіи составленія зако-

новъ, въ которую онъ былъ опредѣленъ старшимъ членомъ совѣта еще 21-го апрѣля 1822 г. По упраздненіи комиссіи составленія законовъ Балугьянскій былъ назначенъ начальникомъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (4-го апрѣля 1826 г.). Съ этого времени начинается совмѣстная работа Балугьянскаго со Сперанскимъ надъ составленіемъ Полнаго Собранія и Свода Законовъ. Точно разграничить степень участія каждаго изъ нихъ въ этой работѣ— трудно. Для Сперанскаго сотрудничество Балугьянскаго было особенно важно: въ тиши своего кабинета, нисколько не гонясь за придворной и общественною жизнью, Балугьянскій неустанно работалъ сначала надъ собираніемъ матеріаловъ и составленіемъ проектовъ и плановъ законовъ, а затѣмъ—надъ ихъ печатаніемъ. Когда при II Отдѣленіи канцеляріи былъ образованъ комитетъ для собиранія матеріаловъ и типографія, то начальникомъ ихъ былъ назначенъ Балугьянскій (6-го октября 1827 г.). Важная образовательная роль II Отдѣленія—всецѣло заслуга Балугьянскаго. Когда сталъ ощущаться сильный недостатокъ въ русскихъ правовѣдахъ, когда оказалось некѣмъ замѣщать каѳедры нашихъ юридическихъ факультетовъ, на II Отдѣленіе было возложено практическое подготовленіе русскихъ юристовъ (изъ студентовъ), которые, подъ руководствомъ Балугьянскаго, должны были заниматься чтеніемъ лучшихъ юридическхъ книгъ, съ письменными отчетами, и читать составляемые Своды Законовъ, „съ цѣлью практическаго упражненія въ россійскихъ законахъ". Трудами Балугьянскаго въ теченіе ряда лѣтъ при II Отдѣленіи приготовлена группа студентовъ, которая по его настоянію была отправлена въ берлинскій университетъ. Возвратившіеся изъ-за границы 15 студентовъ были подвергнуты испытанію въ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Балугьянскаго, при участіи профессоровъ университета и членовъ II Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Эти 15 молодыхъ юристовъ были признаны профессорами; они составили то ядро, вокругъ котораго образовались наши наставники на юридическихъ каѳедрахъ, сословіе адвокатовъ и много государственныхъ дѣятелей послѣдующей эпохи. Начальникомъ II Отдѣленія Балугьянскій пробылъ до конца жизни. Съ 1845 г. здоровье Балугьянскаго стало ослабѣвать: онъ началъ терять зрѣніе и слухъ, а съ 1846 г. заболѣлъ рожистымъ воспаленіемъ на ногахъ, отъ котораго и скончался, оставивъ двухъ сыновей и 7 дочерей. Погребенъ въ Троицко-Сергіевой пустыни, близъ С.-Петербурга. За двѣ недѣли до кончины Балугьянскій впервые причастился Св. Таинъ у православнаго священника.

Значеніе Балугьянскаго далеко не исчерпывается тѣми трудами, отъ которыхъ остались оффиціальные слѣды. Обладая колоссальными и разнообразными познаніями, онъ охотно дѣлился своею опытностью съ всѣми, кто къ нему обращался. Оставшаяся послѣ него огромная корреспонденція показываетъ, что онъ былъ въ перепискѣ со всѣми выдающимися русскими дѣятелями своего времени, которые постоянно искали его совѣтовъ, и такимъ образомъ, онъ косвенно вліялъ на всѣ государственныя мѣропріятія. Неподверженный честолюбію, онъ охотно отдавалъ результаты своихъ трудовъ въ распоряженіе другого и никогда не стремился подчеркнуть свою роль въ дѣлахъ, непорученныхъ ему прямо. Матеріалы для выясненія этой стороны дѣятельности Балугьянскаго остаются до сихъ поръ въ рукописяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣня по достоинству чужіе труды, Балугьянскій всегда выдвигалъ талантливыхъ людей изъ своихъ подчиненныхъ и не стѣснялся испрашивать имъ щедрыя Высочайшія награды. По убѣжденіямъ Балугьянскій былъ опредѣленнымъ консерваторомъ, враждебно относился къ общественной самодѣятельности и къ свободолюбивымъ идеаламъ, придавалъ важное значеніе въ государственномъ строѣ религіи и полагалъ идеаломъ такой государственный организмъ, въ коемъ церковь и свѣтская власть были бы связаны неразрывно.

На невниманіе къ своимъ трудамъ Балугьянскій едва ли могъ жаловаться: его формуляръ наполненъ отмѣтками цѣлаго ряда знаковъ отличія, чиновъ, Высочайшихъ подарковъ, единовременныхъ денежныхъ выдачъ, иногда довольно крупныхъ (въ 1827 г.—10 тыс. руб., въ 1833 г.— 25 тыс. руб. на уплату долговъ), арендъ долголѣтнихъ и пр. Вотъ списокъ главныхъ наградъ Балугьянскаго: по прибытіи въ Россію Балугьянскій пожалованъ, 18-го

апрѣля 1804 г., чиномъ 7-го класса; чиномъ д. с. с.—8-го марта 1819 г., т. с.—6-го декабря 1828 г., званіемъ статсъ-секретаря—1-го іюля 1827 г., сенатора (во временномъ общемъ собраніи)—1-го января 1840 г., кавалеромъ орденовъ: св. Владиміра II степени—4-го февраля 1826 г., Анны I степени—1-го января 1828 г., Бѣлаго орла—29-го января 1833 г., св. Александра Невскаго—16-го апрѣля 1841 г. (алмазные знаки къ этому ордену—25-го января 1845 г.). 16-го іюля 1837 г. родъ Балугьянскаго причисленъ къ благородному россійскому дворянству, со включеніемъ въ гербъ его цифры XV—въ воспоминаніе о понесенныхъ трудахъ по изданію XV томовъ Свода Законовъ.

Формулярный списокъ.—Словари: Старчевскаго, Толя, Березина, Геннади, С. Венгерова, Андреевскаго.—Алединскій, «М. А. Балугьянскій». Некрологъ въ «Сѣв. Пчелѣ» (1847 г., № 99; есть и отдѣльный оттискъ).—«Отчетъ с.-петербургскаго университета за 1847—48 г.» и извлеченіе изъ него въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1848 г., кн. III).—«Историческая записка II Отдѣленія Собственной Его И. В. Канцеляріи о развитіи юридическихъ наукъ въ Россіи» (изд. 1876 г., въ день 50-лѣтія этого учрежденія).—В. Григорьевъ, «Императорскій спб. университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія» (Спб., 1870).—П. Барановъ, «М. А. Балугьянскій. Біографическій очеркъ» (Спб., 1882).—М. А. Корфъ, «Жизнь графа Сперанскаго» (Спб. 1861).—М. И. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію (т. I, Спб., 1889).—Н. И. Гречъ, «Записки о моей жизни» (Спб., 1886).—М. А. Балугьянскій. Записка о немъ его дочери, баронессы М. М. Медемъ» («Русскій Архивъ», 1885 г., III).—I. v. Grünewaldt, «Erzählungen aus der Geshichte der Codification des Provincialrechts» («Baltische Monatschrift», Bd. 29, 1882 г.).—Извлеченіе изъ послѣдней статьи, подъ заглавіемъ: «Сперанскій и Балугьянскій. Участіе ихъ въ составленіи Свода узаконеній для Прибалтійскихъ губерній», въ «Русской Старинѣ» (1882 г., т. 35, стр. 41—58).—Северинъ Шаховичъ, въ «Семейной Библіотекѣ» (Львовъ, 1855). Wurzbach, «Biographisches Lexicon des Kaiserthums Oesterreich» (Вѣна, 1856; здѣсь Балугьянскій названъ Baludjanski).

Баль, *Левъ Максимовичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1820 г., ум. 14-го ноября 1883 г. въ Кронштадтѣ. Выпущенный въ 1834 г. гардемариномъ Черноморскаго флота, Баль въ теченіе 4-хъ лѣтъ плавалъ въ Черномъ морѣ и нѣсколько разъ участвовалъ въ стычкахъ съ кавказскими горцами. Въ 1838 г. онъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ. Во время войны 1854—1855 гг., командуя отрядомъ канонерскихъ лодокъ, защищалъ Кронштадтъ, а по окончаніи ея назначенъ экипажмейстеромъ кронштадтскихъ экипажскихъ магазиновъ, съ состояніемъ по флоту. Все время пребыванія Баля въ этой должности съ 1856 г. до 1875 г. было временемъ самой кипучей и плодотворной его дѣятельности: ему пришлось не только приводить въ порядокъ всю экипажную часть, состоявшую до него изъ рухляди прежняго паруснаго флота, но и многое вновь устраивать и создавать. Въ 1875 г., отказавшись по разстроенному здоровью отъ этой дѣятельности, онъ былъ назначенъ состоять въ распоряженіи главнаго командира Кронштадтскаго порта, числился въ 7-мъ флотскомъ экипажѣ и исполнялъ различныя порученія по портовымъ комиссіямъ; наконецъ, въ 1883 г. вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты.

«Общій морской списокъ», т. IX (Спб., 1897 г.).—Некрологъ въ «Кронштадскомъ Вѣстникѣ», 1883 г., № 136.

Бальдани, см. **Больдани.**

Бальдауфъ, *Θедоръ Ивановичъ*, горный инженеръ, поэтъ, родился около 1800 г., ум. въ 1842 году. Сынъ горнаго чиновника нерчинскихъ заводовъ, воспитанникъ Горнаго института, Бальдауфъ съ 1823 г. началъ службу въ нерчинскихъ заводахъ, гдѣ и пробылъ до 1842 г. Вытребованный въ этомъ году въ С.-Петербургъ вслѣдствіе его стихотворной просьбы къ директору Горнаго департамента, Е. П. Ковалевскому объ опредѣленіи въ департаментъ, онъ дорогою умеръ. По словамъ его біографа, Бальдауфъ былъ „поэтъ по призванію и при другихъ обстоятельствахъ и при другой обстановкѣ, проживъ долѣе, пріобрѣлъ бы, несомнѣнно, извѣстность“. Онъ много писалъ, еще будучи въ корпусѣ, но изъ юношескихъ его стихотвореній напечатанъ былъ только „Вечеръ на берегу Байкала“ (въ „Благонамѣренномъ“); большинство же позднѣйшихъ стихотвореній Бальдауфа (числомъ 28) напечатаны въ юбилейномъ сборникѣ Горнаго института: „Воспоминанія бывшихъ питомцевъ Горнаго института“. Хотя въ этихъ стихотвореніяхъ техника стиха доведена до совершенства, встрѣчаются красивыя картины природы и есть удачныя сравненія, но въ общемъ отсутствіе глубокаго чувства и смѣлой мысли, а мѣстами замѣтно проглядывающая

дѣлапность заставляютъ думать, что поэтическое дарованіе Бальдауфа было очень невелико, и могло удовлетворять только вкусу читателей 1820-хъ годовъ. Большинство стихотвореній—поздравленія съ праздникомъ, малосодержательныя письма, записки по разнымъ случаямъ, иногда весьма маловажнымъ; но есть и болѣе серьезныя, какъ напр. „Идеалъ подруги", „Кузнецъ" (баллада), „Бурятка", „Самуйя", „Аввапъ и Гайро"; въ послѣднихъ трехъ не мало мѣстъ прекрасныхъ по картинности и реальности.

«Воспоминанія бывшихъ воспитанниковъ Горнаго института» (Спб., 1873 г., статья А. Н. Таскина).—Статья W. въ «Сибири», 1886 г., № 35. *В. Р—въ.*

Бальзаминовъ, *Аѳанасій Николаевичъ*, врачъ, писатель, родился въ 1831 г. въ семьѣ священника, ум. въ 1860 г. отъ чахотки, лѣкаремъ I-го гренадерскаго строевого батальона. По окончаніи въ 1854 г. Спб. медико-хирургической академіи, Бальзаминовъ опредѣлился военнымъ лѣкаремъ, а въ 1856 г. получилъ степень доктора медицины. Напечаталъ: „Краткій анатомическій атласъ" (Спб. 1853 г.); „Staphylographia, произведенная простою иглою" (въ „Военно-Медицинскомъ журналѣ", 1857 г., ч. LXX) и „Огнестрѣльная рана съ раздробленіемъ нижней челюсти" (въ „Протоколахъ Общ. Рус. Врачей", 1857 г.).

Л. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1886 г.).

Бальмены-де, графы, ведутъ родъ свой отъ древней шотландской фамиліи Рамзай-де Бальменъ (Ramsay of Balmain), встрѣчающейся уже въ XII столѣтіи. Одинъ изъ членовъ этой фамиліи, въ началѣ XVIII вѣка, выѣхалъ, по политическимъ обстоятельствамъ, во Францію, откуда, по совѣту графа Бонневаль, вскорѣ перешелъ на службу въ Турцію, а вслѣдъ затѣмъ перебрался, по вызову, въ Россію, и въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны былъ принятъ здѣсь въ подданство подъ именемъ *графа Богдана Адріановича де-Бальменъ.* Зачисленный маіоромъ въ Троицкій пѣхотный полкъ, графъ де-Бальменъ въ очень короткое время дослужился до чина полковника и получилъ въ командованіе 2-й Московскій пѣхотный полкъ, участвуя съ которымъ въ операціяхъ шведской войны 1741 г., былъ убитъ въ сраженіи подъ Вильманстрандомъ 23-го августа. Сынъ его *графъ Антонъ Богдановичъ де-Бальменъ*, извѣстный дѣятель царствованія Екатерины II, родился лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти отца. Въ 1751 г., десяти лѣтъ отъ роду, онъ уже числился на службѣ, будучи записанъ сержантомъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ, гдѣ въ 1758 г. ему былъ пожалованъ чинъ прапорщика. Три года спустя, въ рангѣ подполковника арміи, онъ опредѣленъ адъютантомъ къ фельдмаршалу графу Разумовскому, а 30-го декабря 1768 г. произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Ростовскаго карабинернаго полка. Выступивъ съ полкомъ въ турецкій походъ, графъ де-Бальменъ явился участникомъ многихъ дѣлъ, въ томъ числѣ осады и штурма Бендеръ (1770 г.) и взятія приступомъ перекопскихъ линій и г. Кафы (1771 г.); 17-го марта 1774 г. за отличіе онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора съ переводомъ въ Украинскую армію, въ составѣ которой въ слѣдующемъ 1775 г. онъ участвовалъ въ усмиреніи запорожцевъ и уничтоженіи ихъ Сѣчи. Въ 1776 г. графъ де-Бальменъ былъ снова посланъ въ Крымъ для подавленія возникшихъ тамъ возмущеній между жителями и здѣсь находился до окончательнаго присоединенія Крымскаго полуострова къ Россіи, заслуживъ рядъ наградъ: 28-го іюня 1777 г. орденъ св. Анны 1-й степени, въ 1780 г. чинъ генерала-поручика и 26-го іюня 1783 г. орденъ св. Александра Невскаго. По возвращеніи изъ похода, графъ де-Бальменъ въ іюнѣ 1784 г. былъ назначенъ генералъ-директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-й кадетскій), но въ этомъ званіи онъ оставался только до 1786 г., когда, сдавъ управленіе корпусомъ графу Ангальту, принялъ должность генералъ-губернатора Орловскаго и Курскаго намѣстничествъ. Турецкая война снова вызвала его на боевое поприще; въ 1789 г. онъ прибылъ къ арміи, дѣйствовавшей въ устьяхъ Днѣстра, а въ маѣ слѣдующаго года былъ опредѣленъ Потемкинымъ къ командованію войсками на Кавказѣ, вмѣсто генерала Бибикова. Наши дѣла на Кавказѣ, послѣ неудачной экспедиціи подъ крѣпостью Анапою (1790 г.), были въ худомъ положеніи; поправить ихъ и былъ вызванъ графъ де-Бальменъ; но прибывъ

сюда совершенно больнымъ, онъ вскорѣ вынужденъ былъ сдать командованіе войсками генераламъ Булгакову и Герману, и затѣмъ скончался 1-го октября въ Георгіевскѣ. Отъ брака его съ графинею Делiеръ, остались двѣ дочери, изъ которыхъ старшая была назначена фрейлиной къ Большому Двору, и три сына: Александръ, Петръ и Карлъ.—*Карлъ Антоновичъ*, въ періодъ войнъ съ Наполеономъ, прославился своею необыкновенною храбростью, свидѣтельствомъ чего служили множество ранъ и контузій, и рядъ рѣдкихъ наградъ за боевыя отличія; 24 лѣтъ отъ роду онъ уже былъ генералъ-маіоромъ, въ какомъ чинѣ и скончался два года спустя. О дѣятельности *Петра Антоновича* не сохранилось свѣдѣній; сынъ же его, *графъ Александръ Петровичъ де-Бальменъ* (род. въ 1819 г., ум. 19-го сентября 1879 г.) былъ извѣстнымъ кавалерійскимъ генераломъ. Получивъ образованіе въ частномъ учебномъ заведеніи, онъ началъ службу въ 1838 г. юнкеромъ въ 12-мъ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, два года спустя былъ произведенъ въ корнеты и вскорѣ отправился на Кавказъ, гдѣ съ отличіемъ участвовалъ въ стычкахъ съ горцами. Переведенный въ 1853 г. въ л.-гв. конно-гренадерскій полкъ, онъ черезъ 13 лѣтъ послѣ того получилъ въ командованіе Ахтырскій полкъ; въ 1872 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ командиромъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка, а два года спустя былъ зачисленъ въ свиту Государя. Послѣдняя турецкая война застала его уже начальникомъ 7-ой кавалерійской дивизіи, командуя которою во многихъ дѣлахъ противъ турокъ, онъ заслужилъ рядъ наградъ: чинъ генералъ-лейтенанта, золотое оружіе съ надписью „за храбрость" и орденъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами. Въ 1873 г. онъ помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 145) статью: „Женева въ 1873 г.". Старшій сынъ Антона Богдановича, *графъ Александръ Антоновичъ де Бальменъ* состоялъ комиссаромъ отъ Россіи при Наполеонѣ. За заслуги отца, десяти лѣтъ отъ роду произведенный въ чинъ корнета въ *л.*-гв. конный полкъ, графъ Александръ Антоновичъ въ царствованіе Императора Павла, былъ уже въ чинѣ штабъ-ротмистра, когда, за побои, нанесенные имъ частному приставу, былъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, разжалованъ въ рядовые одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Но солдатскую шинель пришлось носить ему не болѣе трехъ дней: по вступленіи на престолъ Александра Павловича, онъ былъ тотчасъ же возвращенъ съ прежнимъ чиномъ въ конный полкъ; однако указанный случай вызвалъ въ немъ внезапное рѣшеніе оставить военную службу. Причисленный къ иностранной коллегіи, онъ 20-го августа 1801 г. былъ командированъ къ сардинской миссіи, отсюда въ 1803 г. переведенъ въ неапольскую и, семь лѣтъ спустя, назначенъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ. Выполняя вслѣдъ затѣмъ рядъ отдѣльныхъ дипломатическихъ порученій, графъ де-Бальменъ въ концѣ 1812 г. былъ опредѣленъ секретаремъ посольства въ Лондонъ, откуда, принятый 23-го марта 1813 г. снова на военную службу въ чинѣ подполковника, былъ отправленъ съ депешами къ Государю въ Дрезденъ. Съ этого времени начинается рядъ его боевыхъ подвиговъ. 11-го августа онъ сражался при Гроссъ-Беренѣ, а 25-го—при Денневицѣ и за боевыя отличія получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ; за сраженіе подъ Касселемъ 16-го и 18-го сентября награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени; затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи подъ г. Ганнау 18-го и 19-го октября и во многихъ авангардныхъ дѣлахъ при дальнѣйшемъ преслѣдованіи французской арміи. Вмѣстѣ съ этимъ на него неоднократно возлагались различныя порученія. Такъ, 21-го іюня 1815 г. онъ былъ отправленъ къ Александру Павловичу съ донесеніемъ о покореніи Парижа. 1-го сентября того же года, по заключеніи Наполеона на островѣ св. Елены, графъ де-Бальменъ былъ приставленъ къ нему, по личному назначенію Государя, комиссаромъ отъ русскаго правительства. Съ рѣдкимъ тактомъ держалъ онъ себя въ этой трудной обязанности; приходя въ постоянныя столкновенія съ губернаторомъ острова, сиромъ Гудсонъ-Лоу и съ комиссарами другихъ державъ, онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ заслужить общее расположеніе и даже вызвать довѣріе самого Наполеона. Однако разстроенное непривычнымъ климатомъ здоровье заставило графа де-Бальмена покинуть островъ; 8-го февраля 1820 г. онъ былъ пожалованъ за отличное выполненіе своей должности зва-

ніемъ флигель-адъютанта, а въ маѣ мѣсяцѣ выѣхалъ въ Россію. Памятникомъ своего пребыванія возлѣ знаменитаго узника графъ де-Бальменъ оставилъ рядъ интересныхъ донесеній разнымъ лицамъ, въ формѣ дневника; они напечатаны сыномъ его въ „Русскомъ Архивѣ" 1868 и 1869 гг. Изъ формуляра дальнѣйшей службы графа видно, что съ декабря 1822 г. до исхода 1826 г., онъ состоялъ причисленнымъ къ составу лондонской миссіи; 1-го мая 1828 г. былъ отправленъ въ дѣйствующую армію въ Турцію, гдѣ находился во многихъ сраженіяхъ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени съ алмазами и чиномъ генералъ-маіора; съ апрѣля 1831 г. онъ явился участникомъ похода въ Литву противъ польскихъ мятежниковъ и, наконецъ, по совершенно разстроенному здоровью, въ 1837 г. вышелъ въ отставку. 17-го апрѣля 1848 г. графъ Александръ Антоновичъ скончался въ Петербургѣ, оставивъ по себѣ память, какъ о рѣдкомъ дѣятелѣ по разносторонности способностей и неутомимости энергіи. Кромѣ указанныхъ знаковъ отличій и двухъ иностранныхъ орденовъ: шведскаго „Золотого меча" и прусскаго „за достоинство", онъ Высочайшимъ указомъ 18-го февраля 1823 г., за услуги, оказанныя на островѣ св. Елены, былъ награжденъ ежегоднымъ пенсіономъ въ три тысячи рублей, часть котораго, по смерти графа, перешла къ его вдовѣ.

«Русскій Архивъ» 1868 г. № 3, стр. 462—474.—«Губернскій служебникъ», кн. Туркестанова, стр. 94.—«Столѣтній юбилей ордена св. Георгія», Спб. 1869 г. стр. XXIII.—Бантышъ-Каменскій, «Списки кавалеровъ четырехъ орденовъ», Моск. 1814 г. стр. 231 и 318.—«Исторія л.-гв. Павловскаго полка», Спб. 1875 г. стр. 49.—«Русскій Инвалидъ», 1879 г., № 215 (некрологъ Александра Петровича де-Бальмена).—Словари: Плюшара, Старчевскаго, Зеддслера, Березина, Леера и Андреевскаго. *Д. С—въ.*

Бальчевичъ, *Францъ Венцель*, граверъ въ Вильнѣ середины XVIII в. Гравировалъ, главнымъ образомъ, изображенія духовнаго характера. Ему, между прочимъ, принадлежатъ гравюры: S. Iohannes Nepomucenus; R. P. Scarga Soc. Jesu Stephani ac Sigismundi III Regum Pol. concionator Apostol.; Effigies S. Casimiri Regii Poloniae et M. D. L. principis.

I. Meyer, «Allgemeine Künstler-Lexicon».

Бальчужный, *Алексѣй Яковлевичъ*, московскій мѣщанинъ, раскольникъ, род. въ 1751 г., ум. въ 1815 году. По словамъ Павла Любопытнаго, Бальчужный былъ „чтитель галилейской ереси, лютый врагъ законныхъ браковъ и дерзко писавшій въ защиту своихъ зломудрій разныя апологіи, постановитель нѣкоторыхъ благоустройствъ въ церковныхъ тайнахъ и въ своей церкви, не разъ обращавшій симъ на себя вниманіе Ѳедосіянскихъ пастырей и главу ихъ И. Ковылина". Далѣе тотъ же его біографъ говоритъ, что онъ отлично зналъ церковное писаніе, велъ строгую жизнь и имѣлъ много сторонниковъ въ Москвѣ, Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ, но въ тоже время былъ „строгій блюститель буквализма, даже до изувѣрства"... „прекословецъ, высокомѣренъ и презрителенъ ближнихъ", особенно въ послѣдніе годы жизни, когда онъ страдалъ помраченіемъ разсудка.

«Историческій словарь старовѣрческой церкви Павла Онуфріева Любопытнаго» (М. 1866 г.).

Балясный, *Николай Осиповичъ*, педагогъ, писатель, род. въ 1829 г., ум. (повѣсился) въ 1876 г. Первоначально Балясный служилъ библіотекаремъ харьковскаго университета, а затѣмъ преподавателемъ среднеучебныхъ заведеній въ Варшавѣ. Ему принадлежатъ: „Самоучитель русскаго языка для умѣющихъ читать по-русски"; „Руководство къ изученію русскаго языка безъ пособія учителя, на русскомъ и польскомъ языкахъ "(Варшава, 1870 г.); „Переводы съ русскаго языка на польскій и съ польскаго на русскій, выбранные изъ лучшихъ писателей. Пособіе къ изученію русскаго языка" (Варшава, 1870 г.); „Самоучитель польскаго языка для русскихъ, умѣющихъ читать по польски", на русскомъ и польскомъ языкѣ (Варшава, 1870 г.).

Некрологъ въ «Иллюстриров. газетѣ», 1876 г., № 40.

Бандке, *Янъ Викентій*, профессоръ варшавскаго унив., род. въ Люблинѣ въ 1783 г., ум. въ 1846 г. въ Варшавѣ. Получивъ первое образованіе въ Бреславлѣ, изучалъ право въ Галле, гдѣ по окончаніи курса оставался два года учителемъ польскаго языка. Съ 1806 г., вернувшись въ Россію, занималъ въ Варшавѣ различныя судебныя должности, наконецъ, до 1843 г. былъ членомъ государственной комиссіи юстиціи, читая въ то же время лекціи по римскому праву въ новооснованной школѣ правовѣдѣнія. По открытіи варшавскаго

университета въ 1816 г., онъ занялъ тутъ профессорскую каѳедру и сперва читалъ римское, а затѣмъ польское право и его исторію; много лѣтъ былъ деканомъ юридическаго факультета. Важнѣйшія сочиненія его: „De studio juris Polonici, dissertatio" 1807.—„Vindiciae juris Romani Justinianei", 1808.—„Obrona Jana Zamojskiego", 1811.—„Lineamenta iuris Romani ad ordinem institutionum Justiniani imperatoris digesta", 1816.—„Jus Polonicum codicibus veteribus manuscriptis et editionibus quibuscunque collatis", 1831.—„Martini Galli chronica Polonorum", 1829.—„Historya prawa polskiego", 1850.-„Prawo priwatne polskie".

«Encyklopedyja powszechna S. Orgelbranda», Warszawa 1877.—Словарь Старчевскаго.

Банзаровъ, *Дорджи*, по мнѣнію академика В. П. Васильева, *Дордже*, оріенталистъ, сынъ полудикаго забайкальскаго бурята Банзара, принадлежалъ къ древнему роду Урянхай, буддистъ по вѣроисповѣданію, ум. 2-го марта 1855 г. Въ 1835 г., по ходатайству тайши селенгинскихъ бурятскихъ родовъ, Банзаровъ въ числѣ пяти малолѣтнихъ бурятъ, былъ принятъ въ 1-ю казанскую гимназію, гдѣ въ то время было усилено преподаваніе восточныхъ языковъ съ цѣлью дать образованіе и дѣтямъ инородцевъ. Изъ всѣхъ своихъ товарищей, Банзаровъ только одинъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ гимназіи и въ 1842 г. поступилъ въ казанскій университетъ, о чемъ, какъ о первомъ случаѣ поступленія монгола-буддиста въ высшее учебное заведеніе, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ было доведено до свѣдѣнія Государя, и отецъ Банзарова, неожиданно для него, за успѣхи сына, былъ удостоенъ Высочайшаго вниманія. Банзаровъ ревностно занимался въ университетѣ восточными языками и въ 1846 г. окончилъ курсъ кандидатомъ, представивъ диссертацію „О черной вѣрѣ или шаманствѣ у монголовъ". Шаманство, по мнѣнію Банзарова, не слѣдуетъ выводить изъ религіозныхъ системъ, вовсе ему чуждыхъ; такъ называемая шаманская религія могла возникнуть у монголовъ сама собою, подъ вліяніемъ двухъ источниковъ: внѣшняго міра—природы, и внутренняго міра—духа человѣка. Изъ этихъ двухъ явленій природа сильнѣе дѣйствуетъ на младенчествующаго человѣка, а потому небо, какъ высшій представитель силъ природы пріобрѣло величайшее могущество надъ прочими божествами и подчинило себѣ боговъ, представителей духа; необходимымъ слѣдствіемъ обоготворенія неба и земли было почитаніе низшихъ силъ природы. Сочиненіе это обнаружило замѣчательную ученую зрѣлость и большую эрудицію молодого оріенталиста, а по сравненію съ взглядами другихъ тогдашнихъ ученыхъ на тотъ же предметъ, оно является весьма выдающимся. Въ 1847 г. Банзаровъ пріѣхалъ изъ Казани въ Петербургъ, близко сошелся съ здѣшними оріенталистами и былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Археологическаго общества. Главнымъ занятіемъ его было изученіе монгольскихъ и манчжурскихъ книгъ и рукописей, хранящихся въ Публичной библіотекѣ и въ Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ. Результатомъ его занятій было нѣсколько изслѣдованій изъ области монгольской письменности, а также каталогъ и списокъ буддійскихъ статуй и изображеній, хранящихся въ Азіатскомъ и Этнографическомъ музеяхъ академіи. Банзаровъ пробылъ въ Петербургѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ и за это короткое время успѣлъ разъяснить не мало вопросовъ, касающихся до исторіи Средней Азіи и живо интересовавшихъ нашихъ ученыхъ. Въ 1848 г. Дорджи уѣхалъ изъ Петербурга; онъ былъ уволенъ изъ сословія казаковъ, къ которымъ причислены нѣкоторые бурятскіе роды, и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевѣ. Въ Казани, проѣздомъ въ Иркутскъ, Банзаровъ занимался вопросами о происхожденіи названія монголовъ, имени Чингисъ и пр. Въ Иркутскъ онъ прибылъ въ 1849 г. и принятъ тамъ былъ отлично: общество искало сближенія съ нимъ, высокопреосвященный Нилъ, знатокъ монгольскаго языка, приглашалъ его помочь своими совѣтами при переводѣ литургіи на монгольскій языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень желалъ обратить его въ христіанство, но Дорджи сердился за эти попытки и пересталъ посѣщать преосвященнаго. Сибирскій отдѣлъ Русскаго географическаго общества, въ первое же свое засѣданіе избралъ Банзарова въ члены-сотрудники (1-го декабря 1851 г.), но онъ рѣдко посѣщалъ засѣданія отдѣла. Чувствуя мало поддержки въ своихъ занятіяхъ, отдаленный отъ научнаго центра и постоянно вращаясь, по должности своей, среди бу-

рять, онъ мало-по-малу совсѣмъ отвыкъ отъ научной работы; здоровье его пошатнулось, врачамъ онъ не довѣрялъ, а лѣчился самъ, приготовляя лѣкарства по бурятскимъ рецептамъ, и вскорѣ умеръ. Похороненъ Дордже былъ весьма торжественно, по буддійскому обряду. Ученый міръ возлагалъ на Банзарова большія надежды, но академикъ Васильевъ не признаетъ за нимъ оригинальности и даже достаточныхъ знаній; по малочисленности и малосодержательности монгольскихъ источниковъ, онъ не могъ дать особенно важныхъ изслѣдованій, и всѣ его работы изобличаютъ въ немъ не болѣе какъ смышленаго, образованнаго человѣка. Изъ сочиненій Банзарова извѣстны: 1) „Черная вѣра или шаманство у монголовъ („Учен. Зап. Импр. Каз. Унив.“, 1846, кн. III). 2) Разборъ сочиненія: „Грамматика калмыцкаго языка А. Попова“ („Сѣверн. Обозр.“, 1848 г. мартъ). 3) „Ueber zwei mittelasiatische Alphabete“ („Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie des sciences“, t. V, № 4). 4) „Каталогъ книгъ на манчжурскомъ языкѣ, находящихся въ Азіатск. музеѣ Импр. Акад. Наукъ“. 5) „Списокъ статуямъ и живописнымъ изображеніямъ буддійскихъ божествъ и обоготворяемыхъ буддистами лицъ, также буддійскимъ вещамъ, находящимся въ Этнограф. музеѣ Импр. Акад. Наукъ“. 6) „Erclärung einer mongolichen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouvernement, auf den Gütern des Herrn Barons A. Stieglitz, ausgegrobenen Silberplatte“. 7) „Пайза или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ“. („Зап. Арх. Общ.“, т. II). 8) „О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій“ („Зап. Арх. Общ.“, т. II). 9) „О происхожденіи имени монголъ“. („Библ. Вост. истор., изд. Березина“, т. I). 10) „О происхожденіи слова Чингисъ“ (тамъ же). 11) „О названіи Эргенè-хонъ“ (Ibidem). 12) „Объ ойратахъ и уйгурахъ“ (ibidem). 13) „Объясненіе монгольской надписи на памятникѣ князя Исцикè, племянника Чингисъ-хана“ („Зап. Арх. Об.“, т. III). 14) „Путешествіе Заз-Хамбы въ Тибетъ“. Переводъ съ монгольскаго.

Савельевъ, «О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова». Спб. 1855.—Словари: Венгерова (статья Васильева) и Андреевскаго.—Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. IV.

Баннеръ, *Петръ Петровичъ*, генералъ-поручикъ, род. въ 1715 г., въ Финляндіи, ум. въ 1785 г. Родъ свой ведетъ изъ Даніи, откуда въ 1704 г. выѣхалъ на русскую службу его отецъ. Образованіе по инженерному искусству и артиллеріи Баннеръ получилъ дома и, по экзамену въ с.-петербургской артиллерійской чертежной школѣ, въ 1731 г. принятъ на службу въ инженерный корпусъ кондукторомъ, а три года спустя, по собственному желанію, былъ переведенъ съ чиномъ сержанта въ артиллерію. Командированный въ 1735 г. съ артиллерійскими припасами въ дѣйствующую противъ турокъ армію, участвовалъ въ слѣдующемъ году во взятіи крѣпости Азова, а въ 1737 г. въ дѣйствіяхъ флота и за отличія произведенъ въ штыкъ-юнкера; въ 1738 г. находился при вторичномъ взятіи крѣпости Перекопа, за что получилъ чинъ подпоручика, и оставался въ Крыму до окончанія кампаніи. Въ 1742 г. Баннеръ былъ отправленъ съ секретной экспедиціей генералъ-лейтенанта царевича грузинскаго Бакара въ Астрахань, для „сочиненія оной крѣпости прожекта“; въ слѣдующемъ году представилъ проектъ въ военную коллегію, а въ 1747 г. зачисленъ въ полевую артиллерію въ Ригу. Здѣсь оставался онъ до начала семилѣтней войны, и въ 1757 г., произведенный въ подполковники, былъ посланъ съ припасами для осадной артиллеріи въ Пиллау, оттуда въ Кенигсбергъ. Награжденный за отличное выполненіе порученія чиномъ полковника, въ 1759 г. присоединился къ арміи, при которой и находился до возвращенія ея въ Россію, принимая участіе въ разныхъ сраженіяхъ. Въ 1763 г. Баннеръ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1773 г. въ генералъ-поручики, 28-го іюня 1778 г. получилъ орденъ св. Анны 1 степ., а въ 1780 г. назначенъ на должность начальника артиллеріи въ Казани. Указомъ 24-го ноября 1783 г. Баннеръ „по старости его“, былъ уволенъ отъ службы, съ производствомъ по смерть полнаго содержанія.

Архивъ Спб. Артил. музея: «Послужные списки», св. 3.348; «Дѣла Шт. ген. фельдц.», св. 933, № дѣла 245; «Дѣла сборныя», св. 1.136. № 266. *Д. С—въ.*

Бантышъ-Каменскій, *Дмитрій Николаевичъ*, род. 5-го ноября 1788 г. ум. 25-го января 1850 г. Принадлежа къ

аристократическому роду молдаванскихъ выходцевъ, внукъ дипломата-сатирика князя Антіоха Кантеміра и архіепископа Амвросія Зертиса-Каменскаго. Дмитрій Николаевичъ былъ сыномъ историка Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Записанный съ 1795 г. въ списки л.-гв. Семеновскаго полка, а съ 1800 г. въ юнкера московскаго архива, Дмитрій Николаевичъ потерялъ мать въ малолѣтствѣ и воспитывался сначала въ домѣ друга своего отца, сенатора А. Г. Теплова, при чемъ въ числѣ преподавателей имѣлъ извѣстнаго профессора и поэта Мерзлякова. Соскучившись одиночествомъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій взялъ сына къ себѣ и, несмотря на ограниченность средствъ, не пожалѣлъ денегъ на воспитаніе его, приглашая къ нему наилучшихъ преподавателей и давъ ему возможность основательно усвоить себѣ французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій языки; вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ старался развить въ сынѣ любовь къ изученію отечественной исторіи и, подъ собственнымъ руководствомъ, заставлялъ его изучать дипломатію, готовить экстракты изъ реляцій, писанныхъ его же дѣдомъ, княземъ Кантеміромъ, изъ Парижа и Лондона, изъ переписки Остермана съ кардиналомъ Флёри и изъ „портфелей" исторіографа Миллера. Въ 1801 г. Дмитрій Николаевичъ былъ зачисленъ въ переводчики московскаго архива, въ 1804 г. произведенъ въ коллежскіе ассесоры, а въ 1807 г., вступивъ въ общее ополченіе, получилъ званіе „пятисотника", а затѣмъ занялъ должность адъютанта при начальникѣ VII ополченской области, князѣ Ю. В. Долгорукомъ, и награжденъ золотою медалью на владимірской лентѣ и брильянтовымъ перстнемъ. Первый опытъ Бантышъ-Каменскаго въ словесности относится къ 1805 г., когда, онъ перевелъ прославленный тогда романъ „Матильда или исторія Крестовыхъ походовъ" г-жи Коттэнь. Переводчикъ работалъ съ такою быстротою, что въ устраненіе конкурренціи объявленіе о переводѣ „Матильды" было сдѣлано въ Вѣдомостяхъ до начала самаго перевода, а чрезъ недѣлю первая часть романа была уже представлена въ цензуру. Въ тоже время изученіе древнихъ московскихъ памятниковъ дало Бантышъ-Каменскому мысль написать самостоятельное сочиненіе: „Россіянинъ при гробѣ патріарха Гермогена" (М. 1804 и 1806 гг.); поднесенное чрезъ князя А. Н. Голицына императору Александру I, оно доставило юному автору Высочайшій подарокъ—золотую табакерку съ ландшафтомъ. Въ 1808 г., по Высочайшему повелѣнію, государственный канцлеръ поручилъ Н. Н. Бантышъ-Каменскому снарядить чиновника для отвозки св. мура для сербскихъ церквей. Порученіе это возложено было на Дмитрія Николаевича, и онъ такимъ образомъ получилъ возможность обозрѣть Кіевъ, южную Россію, родину своихъ предковъ—Молдавію и Сербію. Путешественникъ вездѣ обращалъ вниманіе на достопамятности: описалъ мозаику въ алтарѣ Кіево-Печерскаго монастыря, снялъ рисунокъ съ древней мраморной гробницы Ярослава; въ Яссахъ онъ представился фельдмаршалу князю Прозоровскому; оттуда въ сопровожденіи трехъ вооруженныхъ пандуровъ поѣхалъ въ Сербію, на о. Поричѣ посѣтилъ Миленка Стойковича, храбрѣйшаго предводителя сербовъ послѣ Георгія Чернаго; прибывъ въ Бѣлградъ, Бантышъ-Каменскій остановился у д. ст. сов. Родофиникина, былъ имъ представленъ сенату и вручилъ коменданту Бѣлграда, предсѣдательствовавшему въ сенатѣ, Младену Миловановичу святое муро. За исполненіе этого порученія Миловановичъ поднесъ Бантышъ-Каменскому драгоцѣнную саблю, стоимостью въ 200 червонныхъ, а, по возвращеніи въ Россію, Дмитрію Николаевичу, которому тогда только что минуло совершеннолѣтіе, былъ пожалованъ чинъ надворнаго совѣтника. Эта поѣздка дала Бантышъ-Каменскому матеріалъ для изобилующаго любопытными подробностями „Путешествія въ Молдавію, Валахію и Сербію" (М. 1810 г.). Возобновивъ занятія въ архивѣ при отцѣ и въ то же время посѣщая лекціи въ университетѣ, Дмитрій Николаевичъ воспользовался архивнымъ матеріаломъ и подготовилъ къ печати „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе Петра I" (напечатаны въ Москвѣ, въ 2-хъ частяхъ, съ приложеніемъ 22 портретовъ и снимковъ съ 2-хъ медалей; I изд. 1813 г., II-е 1821 г.; французскій переводъ напеч. въ Москвѣ въ 1822 и 1828 гг., а затѣмъ появился и въ Парижѣ—съ перепечаткою только титульнаго листа въ 1826 и 1829 гг.).

Весною 1812 г. молодой Бантышъ-Каменскій предпринялъ, совмѣстно со своимъ

другомъ, графомъ А. А. Мусинымъ-Пушкинымъ, поѣздку на Кавказъ, но первыя же вѣсти о вторженіи французовъ заставили друзей вернуться назадъ. Однако, повинуясь волѣ отца, Бантышъ-Каменскій отказался отъ воинскаго поприща, къ которому его влекло патріотическое чувство, и занялся, вмѣстѣ съ отцомъ, вывозкою въ Нижній-Новгородъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. По очищеніи Москвы непріятелемъ, Дмитрій Николаевичъ, по приказанію отца, вернулся въ Москву для осмотра уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданій архива и для выдачи пособія чиновникамъ, остававшимся при архивѣ. По окончательномъ водвореніи въ Москвѣ, Дмитрій Николаевичъ возобновилъ слушаніе лекцій въ университетѣ, издалъ жизнеописаніе друга своего графа А. А. Мусина-Пушкина, павшаго тѣмъ временемъ на полѣ битвы, и своего дѣда, преосвященнаго Амвросія (обѣ эти біографіи, напечатанныя въ 1813 г. отдѣльно въ Москвѣ, впослѣдствіи вошли въ „Словарь достопамятныхъ людей"). Въ 1814 г., на счетъ канцлера россійскихъ орденовъ князя А. Б. Куракина, онъ напечаталъ тщательно составленное „Собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ императорскихъ россійскихъ орденовъ св. апостола Андрея, св. Екатерины, св. Александра Невскаго и св. Анны, съ приложеніемъ старыхъ статутовъ и алфавита кавалеровъ". По смерти отца, въ 1814 г., Д. Н. Бантышъ-Каменскій перечислился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и, по ходатайству князя П. М. Волконскаго, отправленъ въ Парижъ, съ ратификаціею мирнаго договора. Проведя въ Парижѣ нѣсколько дней и любезно принятый графомъ Поццо-ди-Борго, который ежедневно приглашалъ его къ завтраку, Бантышъ-Каменскій получилъ приказаніе выѣхать въ Вѣну и назначенъ состоять при статсъ-секретарѣ графѣ Нессельроде, на время конгресса. Вращаясь среди избраннѣйшаго общества и принимая участіе въ пышныхъ празднествахъ, Бантышъ-Каменскій въ то же время усердно занимался въ канцеляріи графа Нессельроде, подъ руководствомъ К. Я. Булгакова, который исходатайствовалъ ему Мальтійскій крестъ, орденъ св. Владиміра IV степени и прусскій Краснаго Орла III класса, званіе камеръ-юнкера и чинъ коллежскаго совѣтника. Въ началѣ 1815 г., воспользовавшись отпускомъ, Бантышъ-Каменскій поѣхалъ въ Москву и женился здѣсь на дочери князя Ив. Серг. Барятинскаго. Тогда же, вѣроятно, принялся онъ и за біографію своего отца, которая была напечатана въ Москвѣ, въ 1818 г., въ 1830 г. была выпущена тамъ же въ французскомъ изложеніи, а впослѣдствіи была включена въ „Словарь". Переѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ и состоя при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Бантышъ-Каменскій въ 1816 г. былъ причисленъ къ россійской миссіи въ Неаполѣ, но въ Италію не поѣхалъ, такъ какъ князь Н. Г. Репнинъ, назначенный военнымъ губернаторомъ въ Малороссію, убѣдилъ Бантышъ-Каменскаго сопутствовать ему на Украйну. По Высочайшему повелѣнію, онъ былъ прикомандированъ въ распоряженіе князя Репнина, съ оставленіемъ на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а князь Репнинъ далъ ему возможность заняться изученіемъ исторіи Малороссіи. Бантышъ-Каменскій нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ историческимъ изысканіямъ, обозрѣлъ многія мѣстности, примѣчательныя по совершившимся въ нихъ событіямъ, побывалъ въ Чигиринѣ, въ Субботовѣ, посѣтилъ развалины дома Хмельницкаго, изучилъ мѣстные архивы въ Полтавѣ и Черниговѣ, да и отъ тамошнихъ помѣщиковъ, Алексѣева, Чепы, Шафонскаго, Ригельмана и Ставицкаго получилъ не мало любопытныхъ лѣтописей и грамотъ. Кромѣ того, онъ воспользовался трудомъ своего отца по исторіи Малороссіи, документами московскаго архива, портфелями Миллера, архивами малороссійской коллегіи и личнымъ князя Репнина. На основаніи собранныхъ матеріаловъ и при непосредственномъ участіи Репнина, Бантышъ-Каменскимъ были изданы: „Исторія Малороссіи" со времени возвращенія края подъ державу царя Алексѣя Михайловича (въ 4-хъ частяхъ съ портретами, М. I изд. 1822 г.; II изд., значительно переработанное и исправленное 1830 г.; III изд. 1842 г.) и „Жизнеописаніе Мазепы" М. 1834 г. (впослѣдствіи введено въ „Словарь"). Далѣе Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ въ 1827 г. напечатаны въ „Трудахъ Московскаго общества исторіи и древности" его мнѣнія о лѣтописцѣ малороссійскомъ 1340—1734 гг. (стр. 63—65) и о рукописи „Замѣчанія, до Малой Россіи при-

надлежащія" (стр. 73—76, кн. 2, томъ III), а впослѣдствіи, въ 1858 г., уже профессоромъ Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи" напечатана часть собранныхъ Бантышъ-Каменскимъ источниковъ по малороссійской исторіи за 1649—1722 гг. (въ книгѣ I за 1858 г. и въ книгѣ I за 1859 г.). Оставшіеся неисчерпанными многочисленные матеріалы переданы были Бантышъ-Каменскимъ въ родовой архивъ князя Репнина и только въ недавнее время отчасти опубликованы на страницахъ „Кіевской Старины". Что касается собственно систематическаго труда Бантышъ-Каменскаго, посвященнаго Малороссіи, то, по своему времени, онъ является произведеніемъ выдающимся. Правда, Бантышъ-Каменскій далеко не исчерпалъ всего обилія архивнаго матеріала и не воспользовался данными, какія могъ бы извлечь для исторіи Малороссіи изъ „Польскихъ дѣлъ" московскаго архива; порою авторъ впадаетъ даже въ промахи: ставитъ, напр., показанія лѣтописца на одну доску съ подлинными документами, отмѣчаетъ, что приводимые имъ документы списаны съ оригиналовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ списки дѣлались съ черновыхъ исходящихъ въ архивѣ; порою у него попадаются даже ошибки. За всѣмъ тѣмъ Бантышъ-Каменскій даетъ вѣрный перечень историческихъ фактовъ, и его трудъ по настоящее время является единственною цѣльною исторіею этого края. Занимаясь „Исторіею Малороссіи" въ часы досуга, Бантышъ-Каменскій при князѣ Репнинѣ несъ должность правителя канцеляріи, въ которой былъ утвержденъ въ 1821 г., а пребываніе его въ Полтавѣ, между прочимъ, ознаменовалось тѣмъ, что онъ открылъ въ М. С. Щепкинѣ талантъ и не мало посодѣйствовалъ къ освобожденію будущей знаменитости московской сцены изъ крѣпостной зависимости. Въ 1823 г. Бантышъ-Каменскій пріѣхалъ въ Петербургъ, по представленію князя Репнина, 21-го апрѣля пожалованъ за „Исторію Малороссіи" чиномъ статскаго совѣтника, а вслѣдъ затѣмъ, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія, помѣщенъ въ списокъ кандидатовъ, избираемыхъ на должность начальниковъ губерній.

13-го марта 1825 г. онъ былъ уже назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Тобольскъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и съ выдачею ему 5.000 р. на путевые расходы. Выѣхавъ немедля къ мѣсту новаго служенія, Бантышъ-Каменскій, 27-го мая 1825 г., проѣздомъ чрезъ Екатеринбургъ, нашелъ предписаніе генералъ-губернатора Западной Сибири, ген. отъ инф. Капцевича, произвести по Высочайшему повелѣнію слѣдствіе въ Ялуторовскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи, гдѣ три обширныхъ волости со временъ царя Алексѣя Михайловича вели нескончаемую тяжбу изъ-за ничтожнаго клочка земли. Удостовѣрившись, что главные зачинщики тяжбы—повѣренные крестьянъ, новый губернаторъ пригрозилъ имъ, строгою карою, и добился того, что тяжба въ недѣлю закончена была навсегда мировою сдѣлкою. При личномъ свиданіи въ Омскѣ, Капцевичъ поручилъ Бантышъ-Каменскому произвести по Высочайшему же повелѣнію слѣдствіе о татарскихъ земляхъ въ Тарскомъ уѣздѣ и удостовѣриться, насколько онѣ недостаточны для прокорма населенія и уплаты податей. Убѣдившись, что жалобы татаръ на недостаточность надѣловъ вызываются собственно ихъ лѣностью, губернаторъ усилилъ надзоръ за ними со стороны ближайшаго мѣстнаго начальства и тѣмъ достигъ безнедоимочнаго отъ нихъ взноса въ казну государственныхъ податей и повинностей. Водворившись въ Тобольскѣ, Бантышъ-Каменскій привелъ въ образцовый порядокъ тюремный замокъ и больницы, устроилъ отдѣльныя палаты по разрядамъ болѣзней, улучшилъ пожарную команду, завелъ освѣщеніе городскихъ улицъ фонарями, размѣстилъ арестантовъ по казармамъ, отдѣливъ подсудимыхъ отъ приговоренныхъ и каторжниковъ; во избѣжаніе гнилостныхъ испареній, перевелъ бойни въ мясные ряды на берегъ рѣки и т. д. Въ виду предстоявшаго пріѣзда Государя изъ Перми и Екатеринбурга въ Западную Сибирь, губернаторомъ въ полгода сооружены дороги, на протяженіи 2.000 верстъ, по двумъ направленіямъ: отъ Тугулыма, чрезъ Тобольскъ и Тару, до Томской границы и отъ предѣловъ Шадринскаго уѣзда, чрезъ Ялуторовскъ, Ишимъ и Тюкалинскъ, до Омской области. Далѣе Бантышъ-Каменскій привелъ въ благоустройство русскій и татарскій полки, состоявшіе въ непосредственномъ вѣдѣніи тобольскаго губернатора; ввелъ во многихъ мѣстностяхъ разведеніе картофеля и выдѣлку холста изъ крапивы; завелъ

сборъ пошлинъ съ судовъ, лодокъ и купеческихъ кладей въ пользу Тобольска, а чрезъ это увеличилъ городскіе доходы свыше чѣмъ на 12.000 р. Принявъ на себя заготовку провіанта для войскъ, энергичный губернаторъ достигъ возвышенія на мѣстныхъ рынкахъ цѣнъ на хлѣбъ, который прежде крестьяне за безцѣнокъ продавали скупщикамъ, и такимъ образомъ облегчилъ производителямъ сельскихъ продуктовъ способы къ уплатѣ податей. Наконецъ, въ значительной степени просвѣщенному содѣйствію Бантышъ-Каменскаго былъ обязанъ штурманъ Ивановъ успѣшнымъ исполненіемъ возложеннаго на него порученія по описанію о. Бѣлаго. Равнымъ образомъ съ большою сострадательностью относился губернаторъ и къ декабристамъ, которые чрезъ Тобольскъ были пересылаемы къ мѣсту назначенія, и среди коихъ одинъ, М. А. фонъ-Визинъ— доводился ему родственникомъ. Заступивъ по отбытіи генералъ - губернатора Капцевича въ Москву (въ 1826 г. на коронацію), его мѣсто въ совѣтѣ Главнаго управленія, Бантышъ-Каменскій въ теченіе двухъ лѣтъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ и провелъ здѣсь не безъ труда мысль о предоставленіи мѣстнымъ поселянамъ исправленія дорогъ и мостовъ, съ отмѣною дорожныхъ командъ. Въ декабрѣ 1826 г., когда между обдорскими остяками и самоѣдами возникли волненія изъ-за обременительности податей и раздоры изъ-за кочевій въ тундрахъ, гдѣ паслись ихъ многочисленныя оленьи стада, Бантышъ-Каменскій лично отправился за 1500 верстъ къ сѣверу отъ Тобольска и мѣрами кротости и убѣжденія возстановилъ доброе согласіе между кочевниками, а усиленными ходатайствами добился отмѣны обременительныхъ сборовъ. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на сифилисъ, который среди сѣверныхъ инородцевъ распропился почти повально. Бантышъ-Каменскій командировалъ въ тотъ край опытныхъ врачей съ необходимыми медикаментами и тѣмъ нѣсколько ослабилъ болѣзнь. Тогда же онъ добился отмѣны у вогуловъ обычая давать за невѣстъ „калымъ", который ставилъ бѣдныхъ вогуловъ въ невозможность заключать самые браки. Такимъ образомъ, за трехлѣтнее пребываніе на губернаторскомъ посту Бантышъ-Каменскій проявилъ себя энергичнымъ администраторомъ. Не говоря о лестныхъ письменныхъ похвалахъ, какими его неоднократно поощрялъ генералъ-губернаторъ Капцевичъ, Бантышъ - Каменскій 22-го августа 1826 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Анны I степени; въ 1827 г. получилъ отъ министра финансовъ изъявленіе признательности за успѣшное взысканіе податей и недоимокъ; въ декабрѣ 1827 г. удостоенъ изъявленія Высочайшаго благоволенія за то, что изъ суммъ, ассигнованныхъ на продовольствованіе войскъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, успѣлъ сберечь въ пользу казны до 400.000 р., а исчисленную тобольскою провіантскою коммиссіею потребность въ расходахъ уменьшилъ на 464.000 р. Наконецъ, въ аттестатѣ, выданномъ Бантышъ-Каменскому въ 1828 г. генералъ-губернаторомъ Вельяминовымъ, засвидѣтельствовано, что кромѣ указанныхъ выгодъ, тобольскій губернаторъ нашелъ еще способы понизить цѣны провіанта противъ установленной покупной смѣты на 109.000 р.; по почтовой гоньбѣ за три года съэкономилъ 120.000 р. и, наконецъ, при строгомъ соблюденіи справедливости и заботливости объ интересахъ населенія, съ іюня 1825 г. по 3-е апрѣля 1828 г., по его стараніямъ внесено въ казначейство податей 9.822.000 р. и, сверхъ уплаты полностью податныхъ окладовъ за этотъ періодъ времени, поступило еще свыше 1.000.000 рублей недоимокъ за прежніе годы.

Разносторонняя и плодотворная дѣятельность не спасла однако же Бантышъ-Каменскаго отъ навѣтовъ и недоброжелательства. Въ Тобольскѣ оказалась цѣлая партія чиновниковъ старо-сибирскаго закала; сперва они вознамѣрились новаго губернатора прибрать къ рукамъ, затѣмъ принялись такъ же безуспѣшно ссорить Бантышъ-Каменскаго съ генералъ-губернаторомъ Капцевичемъ; наконецъ, говоритъ Бантышъ-Каменскій, „...сіи господа, не успѣвъ поссорить меня съ начальникомъ, прибѣгли къ другому средству для водворенія раздора въ Тобольскѣ: начали вооружать противъ губернатора подчиненныхъ". Когда же Капцевичъ въ 1826 г. выѣхалъ въ Москву и разнесся слухъ, что генералъ-губернаторъ болѣе въ Сибирь и не вернется, партія недруговъ Бантышъ-Каменскаго стала ему оказывать явное уже неповиновеніе: губернскій судъ и казенная палата противились его распоряженіямъ, и дѣло до-

шло до личныхъ столкновеній между губернаторомъ и губернскими властями. Между тѣмъ, въ мартѣ 1827 г., генералъ-губернаторъ Капцевичъ оффиціально увѣдомилъ Бантышъ-Каменскаго о назначеніи въ Западную Сибирь сенаторской ревизіи. Поводомъ къ ревизіи былъ пересмотръ сибирскаго учрежденія и провѣрка на мѣстѣ его примѣнимости. Такъ какъ недостатки сибирскаго учрежденія выяснились благодаря Капцевичу, то М. М. Сперанскій—творецъ самого учрежденія—подобралъ такой составъ ревизующихъ сенаторовъ, что они заранѣе были настроены противъ Капцевича, а значитъ, и противъ Бантышъ-Каменскаго, бывшаго въ лучшихъ отношеніяхъ съ Капцевичемъ. Въ результатѣ Бантышъ-Каменскій угодилъ подъ слѣдствіе, которое протянулось вплоть до 1833 г. Эти злоключенія самимъ Бантышъ-Каменскимъ въ тридцатыхъ годахъ подробно изложены въ особой запискѣ на 239 полулистахъ, озаглавленной «Шемякинъ судъ въ XIX столѣтіи" (въ извлеченіи напечатана въ „Русской Старинѣ", томъ VII, стр. 735—784). Въ этой автобіографической запискѣ Бантышъ-Каменскій, безъ особеннаго пристрастія, подробно и доказательно обрисовываетъ всю непривлекательность прибывшихъ въ Сибирь ревизоровъ: князя Бориса Алексѣевича Куракина и т. с. В. К. Безроднаго. Въ губернскомъ совѣтѣ ревизоры усматривали упущенія въ томъ, что являлось лишь точнымъ соблюденіемъ закона и особенностей, установленныхъ по сибирскому дѣлопроизводству. Губернскій оспенный комитетъ, возстановленный въ Тобольскѣ лишь стараніями Бантышъ-Каменскаго, получилъ отъ ревизоровъ выговоръ за прежнее бездѣйствіе. По случаю сифилиса, свирѣпствовавшаго на сѣверѣ Тобольской губерніи, губернаторъ настаивалъ въ Главномъ Совѣтѣ на устройствѣ особыхъ больницъ, но въ Совѣтѣ взяло верхъ невѣжественное мнѣніе лѣчить болѣзнь „мѣстными средствами", а ревизоры обвиняли губернатора въ нерадѣніи къ пресѣченію заразы. Такъ какъ отъ горожанъ не поступало жалобъ, то Безродный самъ, переодѣтый, бродилъ по Тобольску, подговаривая мѣстныхъ жителей жаловаться на начальство. Когда же отъ крестьянъ Тобольской губерніи, оповѣщенныхъ самимъ Бантышъ-Каменскимъ о подачѣ жалобъ ревизующимъ сенаторамъ, буде населеніе терпитъ притѣсненія отъ чиновниковъ, стали поступать заявленія на обременительность податей и разныхъ сборовъ, о чемъ Бантышъ-Каменскій и самъ неоднократно дѣлалъ представленія, то Безродный назначилъ особую комисію изъ завѣдомо неблагонадежныхъ чиновниковъ и доносчиковъ на Капцевича. При этомъ сенаторы не обратили никакого вниманія на то, что Бантышъ-Каменскій неустанно хлопоталъ объ искорененіи взяточничества въ низшихъ административныхъ учрежденіяхъ—этой исконной сибирской язвѣ, съ которою не справился и М. М. Сперанскій. Наконецъ, обвиненіе чуть не въ святотатствѣ вызвало открытіе въ Березовѣ въ 1827 г. могилы А. Д. Меньшикова мѣстнымъ городничимъ и осмотръ ея любознательнымъ губернаторомъ, при чемъ онъ распорядился снять съ покойника натѣльный крестъ, бантикъ изъ ленточки, оказавшійся у него на груди, частицу волосъ съ брови, нѣсколько лоскутковъ тканей и кусочекъ кедроваго дерева отъ гроба и переслалъ ихъ къ правнуку Петрова сподвижника. Хотя новый генералъ-губернаторъ Западной Сибири И. А. Вельяминовъ и отнесся безъ всякаго предубѣжденія къ Бантышъ-Каменскому, этотъ послѣдній испросилъ себѣ трехмѣсячный отпускъ, 10-го мая 1828 г. пріѣхалъ въ Москву, а послѣ непродолжительнаго отдыха отправился въ Петербургъ. Здѣсь, однако же, его предупредили неблагосклонные отзывы о немъ сенаторовъ, уже закончившихъ ревизію и возвратившихся въ столицу. Мало обнадеженный княземъ А. Н. Голицынымъ и А. А. Закревскимъ, холодно принятый М. М. Сперанскимъ, Бантышъ-Каменскій подалъ на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ оправдывался отъ взведенныхъ на него небылицъ и указывалъ на неблаговидность ревизорскихъ пріемовъ князя Куракина и т. с. Безроднаго. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1828 г. прошеніе было отправлено Бантышъ-Каменскимъ, по возвращеніи изъ столицы въ Москву, а въ іюлѣ передано Государемъ въ Комитетъ министровъ на разсмотрѣніе. Между тѣмъ, 30-го іюля того же 1828 г. состоялся указъ объ увольненіи Бантышъ-Каменскаго отъ должности тобольскаго губернатора, съ причисленіемъ къ Герольдіи, а 28-го сентября онъ „подвергнутъ

отвѣтственности", вслѣдствіе донесенія ревизовавшихъ Западную Сибирь сенаторовъ, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ губернскаго суда Кукураковскимъ, за существовавшія между ними „личности, распри, раздоръ и разные безпорядки". Дѣло это разсматривалось въ Московскомъ Сенатѣ, который въ своемъ рѣшеніи (отъ 10-го іюля 1829 г.) положилъ Бантышъ-Каменскому сдѣлать замѣчаніе, дабы онъ впредь „при самыхъ порывахъ усердія не отклонялся отъ установленнаго порядка". Три раза подавалъ Бантышъ-Каменскій прошенія на Высочайшее имя, но этимъ только повредилъ себѣ, такъ какъ писалъ ихъ весьма рѣзко. М. М. Сперанскій, князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій и Д. В. Дашковъ, къ которымъ онъ обращался, ходатайствуя о правосудіи, отнеслись къ нему очень холодно; лишь послѣ продолжительныхъ мытарствъ дѣло его попало къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на предварительное заключеніе и Н. П. Новосильцовъ призналъ Бантышъ-Каменскаго ни въ чемъ неповиннымъ; такое же мнѣніе высказалъ и министерскій совѣтъ, да и Правительствующій Сенатъ, въ сущности, выразилъ почти то же въ своемъ рѣшеніи, на которое 6-го марта 1833 г. воспослѣдсвала Высочайшая резолюція: „Бантышъ-Каменскаго избавить отъ всякаго взысканія; обратить на службу, при чемъ зачесть ему все время невиннаго нахожденія подъ судомъ—въ годы службы. Гг-мъ же сенаторамъ (т. е. ревизорамъ) поставить на видъ неосновательность ихъ донесенія". Несмотря на полное и блистательное оправданіе, просьба, поданная Бантышъ-Каменскимъ 25-го января 1834 г. объ оказаніи ему денежнаго пособія, во уваженіе значительныхъ выгодъ, принесенныхъ казнѣ, и совершенно разстроенныхъ домашнихъ дѣлъ, оставлена безъ вниманія, а 16-го апрѣля 1834 г., по Высочайшему повелѣнію, онъ и вовсе былъ уволенъ отъ службы.

По возвращеніи изъ Сибири Д. Н. Бантышъ-Каменскій вынужденные досуги посвятилъ литературѣ; съ 1828 по 1830 гг. онъ пополнилъ „Исторію Малороссіи", которую и выпустилъ вторымъ изданіемъ, посвятивъ его имени Августѣйшаго Покровителя отечественной исторіи, за что удостоенъ отъ Государя Императора бриллiантоваго перстня. Далѣе послѣдовалъ написанный въ одну недѣлю небольшой романъ „Княжна Марія Меньшикова". Всего же болѣе въ 30-хъ годахъ Бантышъ-Каменскій трудился надъ „Словаремъ достопамятныхъ людей земли русской"; для этого труда, при тогдашнемъ отсутствіи справочныхъ пособій и скудости печатнаго матеріала, потребовалась масса историческихъ справокъ и розысканій, а нѣкоторыя біографіи авторомъ писались непосредственно по устнымъ и письменнымъ показаніямъ очевидцевъ. Этотъ капитальнѣйшій трудъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, составилъ къ 1836 г. пять томовъ и являлся въ то время незамѣнимымъ пособіемъ для ознакомленія преимущественно съ новѣйшимъ періодомъ русской исторіи, по которому не существовало вовсе сочиненій, систематически обработанныхъ. А. С. Пушкинъ, около этого времени познакомившійся съ Бантышъ-Каменскимъ и получавшій отъ него матеріалы для своей „Исторіи Пугачевскаго бунта", вызывался устроить продажу „Словаря достопамятныхъ людей", находившагося тогда еще въ рукописи, Плюшару для включенія въ „Энциклопедическій Словарь", но Бантышъ-Каменскій, опасаясь, что многолѣтній его трудъ, при раздробленіи, незамѣтно затеряется въ чужомъ обширномъ предпріятіи, предпочелъ издать его особо.

Въ 1834 г. Дмитрій Николаевичъ лишился первой своей жены (рожд. княжны Барятинской), отъ которой имѣлъ уже взрослаго сына и трехъ дочерей. По окончаніи слѣдствія, опредѣлившись на службу, въ 1835 г., по министерству финансовъ, Бантышъ-Каменскій принялъ мѣсто присутствующаго въ московскомъ комитетѣ по снабженію войскъ сукнами и принялся съ заботливостью слѣдить за воспитаніемъ сына, сопровождая его въ московскій университетъ и присутствуя тамъ даже на лекціяхъ. Въ маѣ слѣдующаго 1836 г. Бантышъ-Каменскій былъ назначенъ губернаторомъ въ Виленскую губернію. Здѣсь онъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе богоугодныхъ заведеній, а главнымъ образомъ воспитательнаго дома „Младенца Іисуса" и значительно понизилъ смертность питомцевъ въ немъ; равнымъ образомъ улучшилъ онъ содержаніе еврейскаго госпиталя, „гдѣ неизлѣчимо больные, покрытые язвами, при самомъ не-

выгодномъ помѣщеніи позади грязныхъ ямъ, нуждались въ пищѣ и свѣжемъ воздухѣ". Съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ губернаторъ за ускореніемъ слѣдственнаго производства по уголовнымъ дѣламъ; не мало положилъ онъ труда и на исправленіе въ Вильнѣ мостовыхъ, осушеніе болотистыхъ окрестностей города и благоустройство уѣздныхъ городовъ Ковны, Вилькомира и Ново-Александрова. Годъ и девять мѣсяцевъ Бантышъ-Каменскій управлялъ Виленскою губерніею. За это время онъ способствовалъ безнедоимочному взысканію всѣхъ казенныхъ окладовъ податей и, сверхъ того, недоимокъ за прошлые годы. Капиталы общественнаго призрѣнія за его управленіе увеличились на 246.000 р.; пониженіемъ цѣнъ на торгахъ въ казенной палатѣ онъ, по разнымъ статьямъ, достигъ сбереженія на 225.824 р. 59 к., открытіемъ же стачки евреевъ по поставкѣ провіанта для войскъ I-го пѣхотнаго корпуса содѣйствовалъ сбавкѣ болѣе, чѣмъ на 100.000 р. въ пользу казны. Добивался ли Д. Н. Бантышъ-Каменскій назначенія на губернаторскій постъ вновь лишь затѣмъ, чтобы имѣть торжественное доказательство своего оправданія, и, переживъ „Шемякинъ судъ", разочаровался въ административной дѣятельности настолько, что тяготился ею, или же и въ Сѣверо-Западномъ краѣ обличеніе и преслѣдованіе разныхъ безпорядковъ ополчили противъ него новыхъ недоброжелателей и вызвали новыя козни, — неизвѣстно, но уже въ 1838 г. Бантышъ-Каменскій причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ жалованія, по 6.000 р. въ годъ, и съ выдачею ему пособія на путевыя издержки до столицы. Въ началѣ же 1839 г. Д. Н. Блудовъ опредѣлилъ его присутствующимъ въ совѣтѣ того же министерства. Въ августѣ 1840 г. Бантышъ-Каменскій перешелъ на службу въ департаментъ удѣловъ членомъ и, неособенно обремененный службою, въ 1840—1841 гг., приготовилъ къ изданію „Собраніе біографій Россійскихъ генералиссимусовъ и фельдмаршаловъ", при чемъ Государь Императоръ пожаловалъ автору 2.000 р. на напечатаніе этого сочиненія и выразилъ ему Высочайшее благоволеніе. 15-го апрѣля 1841 г. Бантышъ-Каменскій пожалованъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника, въ 1846 г. орденомъ св. Владиміра II степени, а въ 1849 г. знакомъ отличія за XL лѣтъ безпорочной службы. Вскорѣ по переѣздѣ изъ Вильны въ Петербургъ, Бантышъ-Каменскій потерялъ нѣжно любимую 16-ти-лѣтнюю дочь Анастасію, а затѣмъ и вторую жену Елизавету Осиповну (урожденную Пузыревскую; умерла она на 23 году жизни, оставивъ мужу двухъ малолѣтнихъ дочерей). Эти утраты тяжело отразились на немъ, и онъ почти пересталъ писать. Возмущенный однако же напечатанною въ „Русской Бесѣдѣ" (т. III за 1842 г.) критикою Полевого на Карамзина, по поводу мнѣнія, высказаннаго этимъ послѣднимъ о Ляпуновѣ, Д. Н. Бантышъ-Каменскій выступилъ въ защиту исторіи Карамзина съ горячею и обширною статьею (напечатана въ № 10 „Отечественныхъ Записокъ" за 1842 г.). Перенесенныя за предшествовавшіе годы душевныя потрясенія и неоднократные припадки разлитія желчи разстроили здоровье Дмитрія Николаевича и, въ 1844 г., едва оправившись отъ тягостной болѣзни, онъ уѣхалъ за границу въ сопровожденіи старшаго сына. По возвращеніи, въ сентябрѣ 1844 г., въ Петербургъ, Бантышъ-Каменскій съ обычною энергіею принялся за работу и подготовилъ три новыхъ тома продолженій къ „Словарю", который и былъ законченъ въ 1847 г. Въ него вошло 631 біографія лицъ, отличившихся на всевозможныхъ поприщахъ служенія отечеству. Усиленные повседневные литературные и служебные труды снова расшатали здоровье Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Вступивъ въ 1846 г. въ третій бракъ съ Софіею Александровною Перренъ, онъ въ 1847 г. принужденъ былъ, въ сопровожденіи жены, ѣхать для лѣченія въ Маріенбадъ, гдѣ получилъ замѣтное улучшеніе; но небольшой неосторожности оказалось достаточно, чтобы послѣ трехъ недѣль мучительныхъ страданій, упорный недугъ свелъ его въ могилу, несмотря на усилія опытныхъ врачей и тщательный уходъ за больнымъ со стороны семьи.

Похороненъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій возлѣ первой своей супруги въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ, куда тѣло его было перевезено, согласно его волѣ, и гдѣ покоятся останки его отца и его дѣда Амвросія Зертисъ-Каменскаго. Д. Н. Бантышъ-Каменскій оставилъ по себѣ двухъ сыновей—старшаго *Николая Дмитріевича*, при смерти отца состоявшаго уже камеръ-

юнкеромъ при Высочайшемъ Дворѣ и младшаго *Александра*, родившагося въ 1847 г., и трехъ дочерей. Состоянія послѣ него не осталось никакого, и только 10.000 руб., пожалованные его семьѣ Императоромъ Николаемъ I помогли наслѣдникамъ его расквитаться съ оставшимися послѣ него долгами.

Съ 1823 г. Бантышъ-Каменскій состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ; Московское Общество испытателей природы зачислило его также въ списокъ своихъ почетныхъ членовъ, а въ 1843 г. онъ былъ избранъ въ общники (associé) Королевскимъ Копенгагенскимъ Обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ.

Портретъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго помѣщенъ при ноябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1888 г.

«Сѣверная Пчела», 1850 г., №№ 179, 181—183—статья Б. Θедорова (вышла и отдѣльными оттисками, Спб., 1850 г.). — Словари: Старчевскаго, Березина (статья К. Б. Р.—Бестужева-Рюмина?) и Венгерова (статья Иконникова).—Семевскій, «Дм. Ник. Бантышъ-Каменскій» (переработка біографическаго очерка Θедорова), въ «Русской Старинѣ», 1888 г., ноябрь.—П. Б. (Быковъ), «Дм. Ник. Бантышъ-Каменскій», во «Всемірной Иллюстраціи», 1889 г., № 4.—«Русская Старина», 1889 г., май, октябрь, ноябрь.—«Русскій Архивъ», 1880 г., т. III, стр. 447, sqq. (письма его Пушкину; письма Пушкина къ нему были напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1871 г.).—Басаргинъ, «Записки» въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» Бартенева, т. I.—Г. Карповъ, «Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся», М. 1870.

В. Штейнъ.

Бантышъ - Каменскій, *Николай Николаевичъ*, замѣчательный археографъ, управляющій московскимъ архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, род. 16-го декабря 1737 года въ гор. Нѣжинѣ, Черниговской губ., ум. 20-го января 1814 г. Родина предковъ его (Бантышей)—Молдавія, съ господарями которой (Дабизою, Дукомъ, Кантемирами) Бантыши связаны были близкимъ родствомъ. Отецъ Николая Николаевича, *Николай Константиновичъ*, на восьмомъ году отъ роду былъ привезенъ матерью изъ Яссъ въ Россію, куда послѣдняя пріѣхала въ 1717 г. по приглашенію ея двоюроднаго брата, князя Дмитрія Кантемира, оставившаго княжество и нашедшаго покровительство послѣ Прутскаго похода (1711 г.) у Петра Великаго. Николай Константиновичъ былъ женатъ на дочери молдавскаго дворянина Зертиса-Каменскаго, Аннѣ Степановнѣ, родной сестрѣ архіепископа московскаго Амвросія, и присоединилъ къ своей фамиліи фамилію жены; скончался онъ въ 1739 г., а жена его въ 1770 г. Первоначальное образованіе Н. Н. Бантышъ-Каменскій получилъ въ нѣжинской греческой школѣ; въ 1745 г. отправленъ въ кіевскую академію, въ которой оставался до 1754 г., когда по предложенію дяди Амвросія, тогда епископа переяславскаго, перешелъ въ московскую духовную академію. Изучая науки богословскія, онъ свободное время посвящалъ чтенію латинскихъ авторовъ съ товарищемъ по академіи, Петромъ Левшинымъ (впослѣдствіи митр. Платономъ), а съ открытіемъ московскаго университета слушалъ въ немъ лекціи по физикѣ, математикѣ, исторіи и французскому языку настолько успѣшно, что произведенъ въ званіе университетскаго студента. Кромѣ того Бантышъ-Каменскій изучалъ языки: еврейскій, греческій, нѣмецкій и итальянскій (послѣднему языку, по свидѣтельству сына, онъ выучился въ три мѣсяца, по особой страсти къ итальянской оперѣ которую онъ слушалъ въ 1760 г. въ Петербургѣ, отлучившись сюда, среди учебныхъ занятій, для перевода первой части „Исторіи Петра Великаго“ Вольтера). По окончаніи въ 1762 г. курса, онъ поступилъ 31-го декабря того же года актуаріусомъ въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, хотя канцлеръ гр. М. И. Воронцовъ, обратившій вниманіе на лингвистическія познанія молодого человѣка, предлагалъ ему избрать дипломатическую карьеру. Бантышъ-Каменскій рѣшилъ посвятить себя тяжелой археографической работѣ—разборкѣ и описанію драгоцѣнныхъ древнихъ актовъ, лежавшихъ безъ присмотра въ сырыхъ подвалахъ. Вскорѣ онъ нашелъ себѣ опытнаго руководителя въ лицѣ историка Г. Ф. Миллера, назначеннаго въ 1765 г. помощникомъ управляющаго архивомъ. Первыми трудами Бантыша связанными съ его архивными занятіями, явились въ 1766 г.: 1) „Историческое описаніе о времени соцарствованія и о формѣ титуловъ Царевны Софіи Алексѣевны“; 2) Отвѣты на заданные проф. Таубертомъ два вопроса: а) „Кто изъ великихъ князей началъ писаться Государемъ всея Россіи и съ котораго года?“; б) „Великій Князь Василій Іоанновичъ писался ли царемъ

въ публичныхъ документахъ и съ котораго года"? Затѣмъ, Бантышъ описалъ и привелъ въ порядокъ, въ 1767 г., старинныя грамоты новгородскихъ и великихъ князей, а въ 1769 г. занимался разборомъ дѣлъ Кіево-Печерской лавры, съ приписными къ ней монастырями; кромѣ того, въ 1769—1770 гг., онъ составилъ „Историческое извѣстіе о бывшихъ во время царя Алексѣя Михайловича, съ 1642 по 1652 г., съ имеретинскимъ владѣльцемъ Александромъ перепискахъ о принятіи его съ Имеретинскою землею въ Россійское подданство", „О братскихъ въ Сибири калмыкахъ" и, наконецъ, по порученію Миллера, для Императрицы Екатерины II, „Историческую выписку изъ всѣхъ дѣлъ, происходившихъ между Россійскою и Турецкою имперіями, съ 1512 по 1700 годъ". Моровая язва, посѣтившая Москву въ 1771 г., пріостановила на нѣкоторое время архивныя занятія Бантыша; вмѣстѣ съ архіепископомъ Амвросіемъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Донской монастырь, гдѣ ему суждено было видѣть мученическую смерть святителя, умерщвленнаго разъяренною чернью. Самому Бантышу тоже угрожала смерть, если бы онъ не откупился деньгами и бывшими при немъ драгоцѣнными вещами. Послѣ смерти дяди онъ проживалъ, пока не прекратилась въ Москвѣ язва, въ московскомъ селѣ Царицынѣ, принадлежавшемъ князю Мат. Дм. Кантемиру, который купилъ для Бантыша каменный домъ и подарилъ 150 крестьянъ, что дало ему возможность въ 1775 г. жениться на дочери владимірскаго помѣщика М. И. Купріяновой. Послѣ женитьбы онъ столь же ревностно продолжалъ свои любимыя занятія. Такъ, онъ составилъ „Реестръ историческимъ и церемоніальнымъ дѣламъ", хранящимся въ архивѣ и содержащимъ въ себѣ извѣстія объ избраніи, короновапіи и бракахъ россійскихъ государей, извѣстія объ обрядахъ, сопровождавшихъ другіе случаи въ жизни царской фамиліи, описаніе титуловъ и гербовъ, извѣстія о намѣстничествахъ, древнихъ и новыхъ чинахъ, о самозванцахъ, измѣнникахъ и проч.; далѣе Бантышъ-Каменскій разобралъ дѣла князя Меньшикова, сдѣлалъ выписку о караванахъ въ Китай и „Выписку обстоятельную о выборѣ на польскій престолъ кандидата въ случаѣ смерти Августа II и объ избраніи потомъ въ короли сына его Августа III"; послѣдняя напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1841 г., т. IV, и занимаетъ 200 стр. мелкаго шрифта. Составивъ въ 1777 г. „Реестръ, по алфавиту дворовъ, бывшимъ въ Россіи европейскимъ и азіатскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, отъ древнихъ временъ до восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны", Бантышъ-Каменскій затѣмъ, около четырехъ лѣтъ (1780—1784), посвятилъ на пятитомный трудъ, носящій заглавіе: „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Польскимъ дворами, съ самаго оныхъ начала по 1700 годъ". Этотъ трудъ, которымъ впослѣдствіи руководствовался Карамзинъ, потребовалъ прочтенія 255 книгъ и множества столбцовъ на польскомъ языкѣ. Часть этого труда была напечатана въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей", 1860 г., кн. IV, 1861, кн. II и 1862, кн. IV. Несмотря на неутомимую дѣятельность, Бантыша-Каменскаго награждали очень медленно. Только благодаря лестному отзыву Миллера, незадолго до кончины своей указавшему на него какъ на своего преемника тогдашнему управляющему коллегіею иностранныхъ дѣлъ, гр. Н. И. Панину, Бантыша-Каменскаго 7-го ноября 1783 г. назначили вторымъ управляющимъ архива, съ жалованіемъ по 900 руб. въ годъ. Впрочемъ, по своей скромности, онъ не искалъ карьеры, доказательствомъ чему можетъ служить его отказъ отъ мѣста оберъ-секретаря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которое предлагалъ ему вице-канцлеръ графъ Остерманъ еще въ 1781 г.: привычка къ архивнымъ трудамъ была въ немъ сильнѣе честолюбія. Продолжая свои занятія, онъ составилъ въ 13-ти томахъ „Дневную записку всѣмъ дѣламъ входящимъ и исходящимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ 1727 по 1738 г." и „Извѣстіе о хранящихся въ архивѣ бумагахъ". Приводя въ порядокъ дѣла архива, Бантышъ-Каменскій въ тоже время занимался двухтомнымъ „Дипломатическимъ собраніемъ дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами, съ 1619 по 1792 годъ", которое издано, въ 1882 г., въ Казани, въ память 300-лѣтняго юбилея Сибири. Возникшій въ концѣ царствованія Екатерины II вопросъ о возсоединеніи уніатовъ въ западно-русскихъ областяхъ, живо интересовавшій Императрицу, вызвалъ по-

явленіе въ 1794 г. труда, исполненнаго Бантышемъ-Каменскимъ по порученію Мусина-Пушкина, тогдашняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, всего въ три мѣсяца и носящаго заглавіе: „Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, съ показаніемъ начала и важнѣйшихъ, въ продолженіе оной, чрезъ два вѣка, приключеній". Впервые этотъ трудъ появился въ печати въ 1805 г., по повелѣнію Императора Александра I, который, получивъ печатный экземпляръ, пожаловалъ сочинителю бриллiантовый перстень; второе изданіе вышло въ 1864 г. въ Вильнѣ. 24-го сентября 1799 г. Бантышъ-Каменскій былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 9-го мая 1800 г. назначенъ управляющимъ московскимъ архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. За три года передъ этимъ онъ окончилъ „Описаніе дѣлъ греческихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, бывшихъ въ Россіи, китайскаго двора, Молдавіи и Валахіи", въ 1798 г. описалъ „Дѣла о выѣздахъ въ Россію иностранцевъ", а въ слѣдующемъ составилъ „Реестръ и описаніе малороссійскихъ и татарскихъ дѣлъ". Въ день своего назначенія управляющимъ архивомъ Бантышъ-Каменскій пожалованъ почетнымъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго за два портрета Императора Петра III, препровожденные имъ для Государя черезъ гр. Ростопчина. Въ то время онъ приводилъ въ порядокъ сдѣланныя имъ въ теченіе 37-ми лѣтъ выписки изъ дипломатическихъ бумагъ и составилъ изъ нихъ въ 4-хъ томахъ: „Сокращенное дипломатическое извѣстіе о взаимныхъ между россійскими монархами и европейскими державами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ московскомъ архивѣ, съ 1481 по 1800 г., расположенное по алфавиту дворовъ. За представленіе перваго тома этого труда Государю Бантышъ-Каменскій удостоился Высочайшаго рескрипта, по которому, между прочимъ, все получаемое имъ содержаніе жаловалось ему въ пенсію. Вскорѣ послѣ этого Бантышъ-Каменскій получилъ отъ Императора Павла I бриллiантовый перстень за присылку креста, сдѣланнаго по велѣнію царя Алексѣя Михайловича и хранившагося въ архивѣ. Въ 1802 г. Императоръ Александръ I пожаловалъ Бантышу-Каменскому орденъ св. Владиміра 3-й степени, а вслѣдъ затѣмъ, канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ поручилъ ему составить: „Актъ о россійско-императорскомъ титулѣ" и „Выписку изъ всѣхъ конференцій бывшихъ въ Россіи иностранныхъ дворовъ". Посылая первый изъ этихъ трудовъ, Бантышъ-Каменскій препроводилъ графу Воронцову и раньше составленное „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами", посвятивъ рукопись Императору Александру I, который пожаловалъ Бантышу-Каменскому бриллiантовый перстень. Въ 1804 г. сослуживцы поднесли ему портретъ его, прося помѣстить въ комнатахъ архива. Несмотря на то, что здоровье его стало замѣтно ослабѣвать, онъ продолжалъ свои архивные труды съ прежнею энергіею, заканчивая предпринятое имъ систематическое извлеченіе дипломатическихъ документовъ. Такъ въ періодъ времени съ 1805 по 1810 г., Бантышъ-Каменскій составилъ: „Описаніе дѣлъ турецкаго двора пограничныхъ съ Польшею, сербскихъ и другихъ славянскихъ, грузинскихъ и имеретинскихъ, а также азіатскихъ", „Реестръ дѣламъ бывшей между Россіею и Пруссіею войны съ 1756 по 1763 г.". „Описаніе дѣлъ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны" и „Алфавитъ всѣмъ входящимъ и исходящимъ дѣламъ архива съ 1720 по 1811 г.". Послѣдній трудъ, составленный на основаніи 94 книгъ архива, является важнымъ вспомогательнымъ пособіемъ для служащихъ и занимающихся въ архивѣ. Еще 1-го января 1808 г. Бантышъ-Каменскій получилъ орденъ св. Анны 1-ой степени—послѣднюю награду за свои неутомимые труды. Въ 1810 г. Бантышъ-Каменскій принялъ на себя изданіе „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ", предпринятое графомъ Н. П. Румянцевымъ. Этотъ трудъ былъ прерванъ вторженіемъ въ Москву Наполеона, когда пришлось спасать архивъ, отправивъ его, 23-го августа 1812 г. въ 105 сундукахъ на подводахъ сначала во Владиміръ, а затѣмъ въ Нижній-Новгородъ. Архивныя зданія уцѣлѣли, но домъ Бантыша и подмосковное имѣніе были уничтожены непріятелемъ. 25-го января 1813 г. Бантышъ-Каменскій вернулся въ Москву и въ томъ же году закончилъ изданіе первой части „Государственныхъ грамотъ и договоровъ". Это былъ его послѣдній трудъ.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій похороненъ въ церкви Донского монастыря, въ которой похороненъ и дядя его, архіепископъ Амвросій.

Бантышъ-Каменскій охотно сообщалъ собранные и извлеченные имъ матеріалы другимъ изслѣдователямъ, какъ, напр., Голикову, Рубану, кн. Щербатову, Новикову, митрополиту Евгенію и др., велъ записки и обширную переписку съ разными лицами, напр., съ кн. А. Б. Куракинымъ, которая, къ сожалѣнію въ большей своей части сдѣлалась жертвою пожара 1812 г., издалъ множество сочиненій, переводовъ и книгъ по части богословія, философіи, исторіи, словесности, а также элементарныхъ учебниковъ въ которыхъ особенно нуждались тогда духовныя семинаріи. Такъ, онъ издавалъ латинскіе букварн, латино-французско-русскія прописи, латинскую грамматику, имъ составленную, греческую грамматику, краткую еврейскую грамматику, риторику Бургія, философію Баумейстера, богословіе Ѳеофана Прокоповича, Ѳеофилакта Горскаго, Іакинфа Карпинскаго, и проч. (полный перечень, съ точными указаніями года и мѣста изданія, можно найти въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли", т. I, 1847 г.). Въ 1783 г. былъ изданъ сдѣланный имъ переводъ „Исторіи о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира", соч. Байера. Въ библіотекѣ Бантыша-Каменскаго находилось весьма цѣнное собраніе (до 30-ти) историческихъ рукописей („Лѣтописецъ Ростовскій", „Степенная книга", „Псковскій лѣтописецъ", „Іерархія россійская" Адама Селлія и др.), принесенное имъ въ даръ московскому архиву. Бантышъ-Каменскій состоялъ почетнымъ членомъ россійской академіи, московскаго университета и разныхъ ученыхъ обществъ, а также вице-президентомъ библейскаго общества, для котораго успѣлъ собрать до 40.000 рублей. Въ 1821 г. Императоръ Александръ I пожелалъ, чтобы были изданы на казенный счетъ слѣдующіе труды Бантыша-Каменскаго: „Собраніе дѣлъ польскаго двора" въ 5-ти томахъ, „Китайскаго" въ 2-хъ и „Сокращенное извѣстіе о сношеніи нашего двора съ европейскими" въ 4-хъ частяхъ; однако предположеніе это тогда не было исполнено, и лишь съ 1894 г. стало печататься послѣднее сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, по 1800 г. (до сихъ поръ вышло 3 тома). По отзывамъ позднѣйшихъ изслѣдователей архивныхъ матеріаловъ — Калачова, Мартенса и Карпова — дипломатическое собраніе Бантыша-Каменскаго, равно какъ и его описи архива принадлежатъ къ образцовымъ трудамъ въ этомъ родѣ.

«Словарь достопамятныхъ людей русской земли» т. I, изд. 1847 г.—Словари: митр. Евгенія, Снегирева, Плюшара, Старчевскаго, Геннади, Андреевскаго и Венгерова, въ которомъ біографія Н. Н. принадлежитъ проф. В. С. Иконникову.—«Русскій Архивъ» 1876, III (письма Н. Н. Бантышъ-Каменскаго къ кн. А. Б. Куракину 1791--1795 г.г.) и 1875, III (переписка Н. Н. съ гр. Ростопчинымъ и московскимъ губернаторомъ Обрѣзковымъ въ 1812 г. объ архивѣ)—А. А. Кочубинскій, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Румянцевъ» (переписка Румянцева съ Б.-К. объ изданіи государственыхъ грамотъ).—Воспоминанія Вигеля, I.—«Русская Старина» 1889, № 10, стр. 191—194.—Архивъ князя Воронцова, т. XXX. стр. 405—416. *С. Т—въ.*

Барабанщиковъ, *Михаилъ Афанасьевичъ*, старшина Донского войска, род. въ 1695 г. въ Черкаскѣ. Записанный въ казаки въ 1714 г. онъ почти уже не сходилъ съ боевого поприща, участвуя во многихъ походахъ донцовъ этого періода. Въ 1717 г. Барабанщиковъ участвовалъ въ пораженіи кубанскаго салтана Бахты-Гирея на рѣчкѣ Бердахъ, а въ 1724 г. въ преслѣдованіи Дундукъ-Омбо (впослѣдствіи калмыцкаго хана), задумавшаго бѣжать изъ Россіи въ Турцію; два года спустя, ловилъ разбойничавшихъ по Волгѣ запорожцевъ, и послѣ ряда другихъ мелкихъ дѣлъ, явился въ 1735 г. участникомъ похода въ Крымъ, гдѣ за мужество при истребленіи, такъ-называемыхъ, Салтанъ-Макбетевскихъ татарскихъ ауловъ, былъ пожалованъ чиномъ походнаго есаула. Въ турецкую войну 30 хъ годовъ, Барабанщиковъ находился во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ: подъ Азовомъ (1736 г.), Очаковомъ (1737 г.), Бендерами (1738 г.) и Хотиномъ (1739 г.); въ 1741 г. явился въ Финляндію къ арміи фельдмаршала Ласси и участвовалъ въ побѣдѣ при Вильманстрандѣ. Въ періодъ 1747—1753 гг. онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ въ секретныхъ развѣдываніяхъ о непріятельскихъ движеніяхъ въ Крыму и на Кубани; въ концѣ 1755 г. съ отрядомъ казаковъ защищалъ отъ непріятельскихъ нападеній г. Черкаскъ; въ 1757 г., избранный войсковымъ кругомъ старшиною, ходилъ съ своимъ полкомъ на поиски противъ крымскихъ татаръ, и, дѣйствуя въ теченіи слѣдующихъ лѣтъ противъ татаръ и калмыкъ, онъ выступилъ,

наконецъ, участникомъ въ турецкой войнѣ 1770 г. Послѣднимъ выходомъ Барабащикова на боевое поприще были дѣйствія его противъ Пугачева.

«Донцы» М. Сенюткина, М. 1866 г. Ч. 2-я стр. 14—16.

Барабашъ, *Иванъ*, наказной гетманъ малороссійскихъ казаковъ, убитъ 3-го мая 1648 г. Выбранный черкасскимъ полковникомъ изъ полковыхъ есауловъ еще въ 1630-хъ гг., Барабашъ рано сталъ обнаруживать свои симпатіи къ Польшѣ, хотя и былъ участникомъ въ разнаго рода переговорахъ съ поляками по поводу притѣсненій казаковъ, напр., веденныхъ въ 1636 г. при посредствѣ Адама Киселя. Въ началѣ 1647 г. польское правительство назначило его наказнымъ гетманомъ. Давно уже недовольные имъ Линчаевцы избрали себѣ особаго гетмана и даже укрѣпились въ Никитской сѣчи. Къ нимъ стали присоединяться и другіе казаки; не смотря на всѣ противодѣйствія Богдана Хмѣльницкаго, бывшаго ранѣе войсковымъ писаремъ у Барабаша, возникла борьба между гетманомъ, ставленникомъ Польши, и недовольными казаками. Перевѣсъ остался на сторонѣ перваго, и онъ, не скрывая своего неудовольствія противъ казаковъ, сталъ притѣснять ихъ разными поборами и строгими взысканіями. Снова поднявшимся Линчаевцамъ удалось заставить Барабаша поклясться дѣйствовать въ пользу казаковъ, и онъ даже поѣхалъ, по предложенію Хмѣльницкаго, къ польскому королю съ представленіемъ о притѣсненіяхъ малороссійскаго народа поляками, но скрылъ королевскую грамоту (письмо), бывшую единственнымъ результатомъ его безуспѣшной поѣздки, и еще съ большею строгостью сталъ относиться къ казакамъ. Тогда рѣшился дѣйствовать противъ него и поляковъ Богданъ Хмѣльницкій; онъ поднялъ всѣхъ запорожцевъ, показывая имъ между прочимъ и похищенную имъ у Барабаша королевскую грамоту. Польское правительство поручило Барабашу усмирить возставшихъ казаковъ; но размѣры возстанія, какъ извѣстно, все болѣе увеличивались. Противъ Хмѣльницкаго къ Желтымъ Водамъ выступилъ не одинъ Барабашъ со своими реестровыми казаками, но громадное польское войско, подъ начальствомъ Потоцкаго. Накапунѣ этой знаменитой битвы реестровыя казаки, которыхъ Хмѣльницкій уговорилъ перейти на свою сторону, убили своего вождя. Малороссійская лѣтопись даетъ слѣдующій неблагосклонный отзывъ о Барабашѣ: „къ ляхамъ приличенъ былъ и, своей користи только ищущи, изволилъ самъ въ счастіи жити, а о войскѣ не радѣлъ, ниже о обидѣ людской". Важность письма короля Владислава Барабашу доказывается еще и тѣмъ, что послѣ Желтоводской битвы, когда къ Хмѣльницкому былъ посланъ для переговоровъ Адамъ Кисель, послѣднему поручалось требовать между прочимъ и возвращенія этого письма.

«Энциклопедическій лексиконъ» Плюшара, т. IV.—И. Срезневскій, «Иванъ Барабашъ, малороссійскій гетманъ» (въ «Московскомъ Наблюдателѣ», 1835 г., ч. I, стр. 597—611).—Н. И. Костомаровъ, «Богданъ Хмѣльницкій», т. I (Спб., 1884 г.).—Эварницкій. «Исторія запорожскихъ казаковъ», т. II (Спб., 1895 г.).—Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. II, стр. 1561.—«Кіевская Старина», 1888, № 7.

Барабашъ или **Барабашенокъ**, *Яковъ Ѳедоровичъ*, кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ. Всѣ свѣдѣнія о Барабашѣ относятся къ 1658 г., когда онъ выступилъ сторонникомъ Московскаго государства, принявъ участіе въ возстаніи Мартына Пушкаря противъ Выговскаго. Первыя его враждебныя дѣйствія противъ Выговскаго открылись 25-го января 1658 г., когда онъ нанесъ рѣшительное пораженіе его сторонникамъ-сербамъ; затѣмъ онъ извѣщалъ воеводъ московскихъ и даже послалъ Михайла Стрынджу въ Москву съ объявленіемъ объ измѣнѣ Выговскаго, но Московское правительство не только не повѣрило его извѣщеніямъ, но даже грозило расправиться съ нимъ силою. Тогда Барабашъ открыто съ войскомъ примкнулъ къ Мартыну Пушкарю и помогъ ему 1-го іюля одолѣть Выговскаго близъ Полтавы; но когда новое сраженіе окончилось пораженіемъ Пушкаря, онъ отсталъ отъ него и ушелъ въ Сѣчь. Однако, въ Сѣчи Барабашъ оставался недолго и въ концѣ іюля явился съ своимъ отрядомъ къ князю Ромодановскому въ Бѣлгородъ и остался у него въ полку, распустивъ большую часть своего отряда. И здѣсь онъ не переставалъ бороться съ Выговскимъ, разсылая по украинскимъ городамъ универсалы, въ которыхъ предупреждалъ объ измѣнѣ Выговскаго и приглашалъ держаться стороны кн. Ромодановскаго. Вы-

говскій неоднократно требовалъ у послѣдняго выдачи Барабаша, но, получивъ отказъ, обратился прямо съ своей просьбой къ царю Алексѣю Михайловичу, который велѣлъ отправить Барабаша въ Кіевъ къ боярину В. Б. Шереметеву „для отдачи виновнаго на войсковой судъ". Дорогой, несмотря на охрану, Барабашъ былъ отнятъ посланными Выговскаго и доставленъ въ его станъ. Тамъ онъ подвергалъ прикованнаго къ пушкѣ Барабаша пыткамъ и разспросамъ и затѣмъ отправилъ его въ Чигиринъ, гдѣ тотъ и сидѣлъ „за приставомъ у капитана". Дальнѣйшая судьба Барабаша въ точности неизвѣстна; но уже 4-го іюня 1659 г. онъ называется „небощикомъ", т. е. покойнымъ кошевымъ, а въ 1662 г. Брюховецкій упоминаетъ, что Барабашъ былъ убитъ Выговскимъ.

«Акты южной и западной Россіи», XV, 386.—Эварницкій, «Исторія запорожскихъ казаковъ». т. II (Спб., 1895 г.).—Соловьевъ, «Исторія Россіи». т. XI.

Баракъ, царь Ордынскій. Въ 1422 г., во время смутъ и частой смѣны хановъ въ Большой Ордѣ, онъ вступилъ въ борьбу съ ханомъ Куйдадатомъ, нанесъ ему сильное пораженіе и завладѣлъ престоломъ. Послѣ этого онъ двинулся на русскую украйну, врасплохъ напалъ на Одоевскія мѣста, безпрепятствтно ихъ разграбилъ и повелъ въ Поле большой полонъ, но былъ настигнутъ московскими воеводами, кн. Юріемъ Романовичемъ Одоевскимъ и Григоріемъ Протасьевымъ; захваченный врасплохъ, Баракъ поспѣшно отступилъ, оставивъ большую часть добычи въ рукахъ воеводъ. Въ слѣдующемъ году на ордынскомъ престолѣ сидѣлъ опять Куйдадатъ, очевидно успѣвшій сломить своего противника.—Абульгази называетъ Барака сыномъ Койрычака или Коверчика.

«Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей» (по указателю).—Словарь Плюшара.

Баракъ, султанъ киргизъ-кайсацкой средней орды, одинъ изъ сильнѣйшихъ султановъ, сынъ Турсунъ-Хана, ум. въ 1750 г., по мнѣнію большинства, отъ отравы. Въ 1742 г., по требованію Неплюева, онъ принялъ русское подданство. При своемъ честолюбіи и властолюбіи Баракъ постоянно находился во враждѣ съ сосѣдними ханами и не былъ вѣрнымъ союзникомъ Россіи, стремясь къ расширенію своихъ владѣній за р. Сыръ-Дарьей и даже до предѣловъ Зюнгарскаго ханства. Въ 1748 г. онъ убилъ хана своей же орды Абулъ-Хайра, котораго онъ ненавидѣлъ, между прочимъ, и за покровительство ему со стороны русскаго правительства. Хотя посланнымъ отъ Неплюева и удалось отклонить жену Абулъ-Хайра и его сына и преемника Нурали отъ попытокъ открытой мести Бараку, но противъ него возстали многіе изъ его же киргизовъ, которыхъ онъ только черезъ нѣкоторое время и хитростью успѣлъ вернуть къ себѣ. Владѣя, послѣ побѣды надъ верхними каракалпаками въ томъ же 1748 г., Инакомъ, Ташанакомъ, Траромъ, Угустакомъ и Сазакомъ и выбранный ханомъ другими киргизами въ числѣ болѣе 10.000 чел., о чемъ онъ доносилъ и Неплюеву, Баракъ сталъ простирать свои властолюбивыя стремленія и на Джунгарію; съ этою цѣлью онъ завелъ мирныя сношенія съ ея владѣльцемъ Цеванъ Дорчжомъ; но послѣдній, покровительствовавшій Нурали, не довѣрялъ Бараку, который тогда сталъ готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ и среди нихъ, по общимъ сказаніямъ современниковъ, былъ отравленъ въ г. Канакѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Съ его смертію для Неплюева открылась полная возможность болѣе прочно распространить русское вліяніе въ Средней Азіи.

«Энциклопедическій лексиконъ», Плюшара, т. IV.—Вельяминовъ-Зерновъ, «Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Средней Азіей со времени кончины Абулъ-Хайра до 1765 г.», т. I (Уфа, 1853 г.).—Витевскій, «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край» (вып. IV, Казань, 1895 г.). *В. Р—въ.*

Баранецкій, *Ѳома Осиповичъ*, врачъ, писатель, род. въ 1801 г.; ум. въ 1859 году. Уроженецъ Галиціи, Баранецкій воспитывался въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ „двухлѣтній курсъ философіи», и Виленскомъ, въ которомъ получилъ степень доктора медицины за соч. „De morbis sacci lacrimalis" (Вильно, 1825 г.). По окончаніи университета до самой смерти практиковалъ въ Ярмолинцахъ, Подольской губерніи, пользуясь большимъ уваженіемъ обывателей. Кромѣ упомянутой диссертаціи Баранецкій написалъ еще „Объ ампутаціяхъ вообще" по Брюнингаузену (Вильно, 1824 г.), и перевелъ на польскій языкъ съ франц. соч. Белля,

„Болѣзни мочеваго пузыря и канала, простаты и прямой кишки“ (Вильно, 1825 г.).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».—«Wielka Encyclopedya powszechna ilustrowana, т. V (Варшава. 1891 г.).

Баранкевичъ, *Матвѣй*, врачъ, писатель, ум. въ 1829 г. Обучался въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины въ 1802 г., и по окончаніи курса состоялъ врачемъ виленскаго городского госпиталя. Ему принадлежатъ: „O własnościach głownicy żytniej (secale cornutum)“, напечат. въ „Pam. tow. lek. Wileńsk.“; «Considerations sur l'incertitude des signes de lasaburre gastrique dans les fièvres“, напечат. въ „Bullet. de Sc. Medic.“ Graperona, 1809 г.; „O krwotoku przy rwaniu zęba“; „O womicie czarnym i macicy w guzy poroslej“; „O wakcynie“ (Вильно, 1815 г.); „Odpowiedź na pismo A. Becu o łączeniu medycyny z chirurgią (Варшава, 1817 г.), и нѣсколько болѣе мелкихъ статей въ „Pam. tow. lek. Wilensk“, „Варшавскомъ дневникѣ“ и др.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1886 г.).—«Wielka Encyclopedya powszechna ilustrowana», т. V.

Баранова, *Аграфена Ѳедоровна*, артистка Императорскихъ театровъ, ученица основателя русскаго театра Волкова, начала сценическую дѣятельность при Императрицѣ Елизаветѣ; на казенную службу принята 1-го мая 1779 г. на жалованье въ 350 руб. въ годъ при готовой квартирѣ (съ 1800 г. она получала уже 550 руб.). Она исполняла преимущественно роли служанокъ или субретокъ, которыя въ пьесахъ тогдашняго репертуара, подражавшаго французской школѣ, являются почти всегда центральными лицами пьесы, развивающими дѣйствіе и разъясняющими мнѣнія автора. Лучшія роли Барановой — Анисьи въ „Истинномъ другѣ“, Устиньи въ „Поскорѣе, пока не провѣдали“, заглавная роль въ „Евгеніи“ Бомарше и др. Не обладая талантомъ своей сестры, Екатерины (см. ниже), Аграфена Баранова исполняла свои роли всегда отчетливо и прилично. Состояла въ замужествѣ за знаменитымъ актеромъ Шумскимъ; была жива еще въ 1809 г., но уже считалась пенсіонеркою.

«Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ», вып. I, Спб., 1892. — Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», 1861.—Реймерсъ, «Адресная книга», ч. II.

Баранова, *Екатерина Ѳедоровна*—артистка Императорскихъ театровъ, сестра предыдущей; годъ рожденія неизвѣстенъ, ум. 21-го мая 1792 г., поступила на сцену около 1774 г. на амплуа молодыхъ любовницъ, въ 1783 г. была уволена, затѣмъ 1-го января 1784 г. по прошенію снова принята въ труппу съ годовымъ окладомъ 900 руб. при казенной квартирѣ, съ 1-го января 1788 г. содержаніе ея увеличено до 1.100 р. и, кромѣ того, „за употребленіе при спектакляхъ своихъ уборовъ“ назначено добавочное вознагражденіе по 300 р. ежегодно. Пользовалась репутаціей весьма талантливой драматической артистки, исполняя первыя роли въ комедіяхъ и роли принцессъ въ трагедіяхъ. Кромѣ того, она славилась также, какъ лучшая въ труппѣ исполнительница русской пляски (съ танцовщикомъ Балашевымъ) въ балетахъ Канцони.

«Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ» вып. I, Спб., 1892.—Араповъ, «Лѣтопись русск. театра», 1861. — Араповъ и Роопольдъ, «Драматическій альбомъ», 1850 г.

Баранова, графиня, *Юлія Ѳедоровна*, гофмейстерина, рожденная Адлербергъ, жена Трофима-Іоанна Баранова и родная сестра министра двора Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, род. 18-го августа 1789 г., ум. 12-го іюля 1864 г. Пожалована въ фрейлины 14-го апрѣля 1806 г., потомъ находилась гофмейстериною при великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ и, наканунѣ ея бракосочетанія, 1-го іюля 1839 г., пожалована въ статсъ-дамы. Въ день бракосочетанія великой княжны Ольги Николаевны, 1-го іюля 1846 г. возведена въ графское Россійской Имперіи достоинство, со всѣмъ своимъ нисходящимъ потомствомъ, „за отличное попеченіе при воспитаніи великихъ княженъ“, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ. Въ 1855 г. она назначена гофмейстериною при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и въ этой должности состояла до 20-го октября 1860 г. 26-го августа 1856 г. она получила орденъ св. Екатерины 1-го класса. Графиня Баранова была почетнымъ членомъ при Управленіи женскими учебными заведеніями и главною начальницею Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

«Русская Старина», 1871 г., т. III, стр. 458.—Словарь Брокгауза-Эфрона.

Барановичъ, *Максимъ Павловичъ*, врачъ, сынъ священника Путивльскаго уѣз-

да, воспитанникъ кіевской духовной академіи; въ 1755 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ посланъ пѣвчимъ въ Киль, гдѣ изучилъ нѣмецкій языкъ, а затѣмъ, началъ посѣщать лекціи въ кильскомъ университетѣ, занявшись спеціально медициною, и въ 1767 г. выдержалъ экзаменъ на степень доктора. Названіе диссертаціи его не сохранилось. По возвращеніи въ Россію, онъ въ 1770 г. получилъ мѣсто въ арміи Румянцева. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

С. А. Венгеровъ, «Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. II, (Спб. 1891).

Барановская, *Текля (Ѳекла)*, рожденная *Бондаржевская*, композиторъ для фортеніано, род. въ 1834 г. въ Варшавѣ, ум. тамъ же въ 1861 г. Извѣстная болѣе подъ дѣвичьею фамиліею. Не получивъ серьезнаго музыкальнаго образованія, она была любительницею музыки и писала салонныя бездѣлушки, не имѣвшія самостоятельнаго интереса. Одной изъ ея пьесъ, „La prière d'une vièrge“ выпалъ неожиданный успѣхъ не только въ Россіи, но и за границей, хотя и эта пьеса, написанная, какъ и вся музыка Барановской, въ сентиментально-мечтательномъ тонѣ, не обладаетъ сколько-нибудь выдающимися достоинствами. Послѣ этого успѣха Барановская издала въ Варшавѣ и въ Парижѣ еще нѣсколько своихъ сочиненій („La prière exaucée“, „Madelaine“, „Wiara, Nadzeja i Miłość“), но они прошли совершенно незамѣченными.

Wielka Encyklopedya Powszechna ilustrowana.— Словарь Брокгауза-Эфрона.

Барановскій, *Антонъ Адамовичъ*, врачъ, писатель. Родился въ Москвѣ, обучался въ виленскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ въ 1828 г. степень доктора медицины, практиковалъ въ Вильнѣ и затѣмъ былъ профессоромъ въ гельсингфорскомъ университетѣ. Ему принадлежатъ: „De moxa japonica ac sinensi“ (диссертація, Вильна, 1828 г.), „Бадяга отъ ушиба“ (въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ за 1853 г.) и „Гигіена или руководство къ сохраненію здоровья“. (Спб., 1860 г.).

Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели».

Барановскій, *Владиміръ Степановичъ*, талантливый изобрѣтатель, сынъ профессора гельсингфорскаго университета, родился 1-го сентября 1846 г., ум. 7-го марта 1879 г. Само воспитаніе способствовало развитію въ немъ призванія къ механикѣ и математикѣ; изучая послѣднюю подъ руководствомъ лучшаго профессора, онъ уже съ 11-ти-лѣтняго возраста практически знакомился съ механикою, сопровождая отца въ его заграничныхъ поѣздкахъ для ознакомленія съ тогдашнимъ состояніемъ вопроса о сжатомъ воздухѣ, какъ механическомъ двигателѣ. Въ 1861 г. Барановскій на 15 году жизни явился дѣятельнымъ пособникомъ въ работахъ отца по устройству духового самоката, съ нимъ въ 1862 г. участвовалъ въ выполненіи правительственнаго порученія постройки пневматической подводной лодки, и здѣсь, проектировавъ особую конструкцію смычекъ между трубами духовика, далъ возможность уменьшить, затребованную заводомъ Росселей въ Веднесбре, заказную сумму на 1000 фунтовъ стерлинговъ. Не получая никакихъ дипломовъ, Барановскій тѣмъ не менѣе запасся прекраснымъ научнымъ образованіемъ, слушая публичныя лекціи въ одномъ изъ институтовъ Парижа и посѣщая въ качествѣ вольнослушателя петербургскій университетъ. Отсюда Барановскій поступилъ сначала на заводъ А. И. Шпаковскаго, затѣмъ перешелъ къ Людвигу Нобель, разставшись съ которымъ, незадолго до своей смерти, приступилъ къ устройству собственнаго механическаго и судостроительнаго завода. Способствуя общему развитію техники, Барановскій обогатилъ послѣднюю цѣлымъ рядомъ своихъ изобрѣтеній; главнѣйшія изъ нихъ: водоотливная машина для работъ на золотыхъ пріискахъ, особаго типа пожарная труба и гидропультъ. Имъ же внесено не мало полезныхъ усовершенствованій въ дѣло артиллерійской техники; на сравнительномъ испытаніи митральезъ, произведенномъ хедивомъ въ Египтѣ, лучшею была признана усовершенствованная шестиствольная „скорострѣлка“ Барановскаго; оригинальными достоинствами выдѣлился на опытахъ изобрѣтенный имъ зарядный ящикъ. Но важнѣйшимъ изобрѣтеніемъ Барановскаго въ этой области явилась его $2^1/_2$ дюймовая скорострѣльная пушка; съ пятиверстною дальностью боя и прекрасною мѣткостью, она не имѣла при выстрѣлахъ отката. Орудія системы Барановскаго въ составѣ цѣлой батареи приняли участіе въ послѣднемъ

турецкомъ походѣ и блестяще выдержали опредѣленное для нихъ испытаніе; смотровая стрѣльба 7-го марта 1879 г., произведенная на Волковомъ полѣ въ Петербургѣ, дала выгодные для орудій Барановскаго результаты, но явилась роковою для изобрѣтателя. Преждевременный взрывъ снаряда, при заряжаніи орудія самимъ Барановскимъ, смертельно ранилъ его, и часъ спустя, въ страшныхъ мученіяхъ онъ скончался.

«Родина» 1879 г., № 11, стр. 46—52.—Календарь Г. Гоппе на 1880 г. Некрологъ.—Словари: Андреевскаго и Леера.

Барановскій, *Иванъ (Янъ) Осиповичъ*, астрономъ. Родился въ 1800 г., въ мѣстечкѣ Славковѣ, Радомской губ., умеръ въ 1879 г. въ Люблинѣ. Барановскій обучался въ краковской гимназіи и варшавскомъ университетѣ; въ 1825 г. получилъ степень магистра философіи и въ томъ же году былъ сдѣланъ адъюнктомъ при варшавской астрономической обсерваторіи. Въ 1837 г. приглашенъ преподавать астрономію на дополнительныхъ курсахъ въ Варшавѣ и исполнять эту обязанность до 1842 г., когда курсы были закрыты. Въ 1848 г. былъ назначенъ директоромъ варшавской обсерваторіи, послѣ смерти Арминскаго, и на этой должности пробылъ до 1870 г.; остальное время до смерти прожилъ въ Люблинѣ у своего брата, который былъ тамошнимъ епископомъ. Барановскому принадлежитъ цѣлый рядъ научныхъ статей по астрономіи, метеорологіи и пр., помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ, и отдѣльныхъ трудовъ. Изъ первыхъ, какъ болѣе крупные и важнѣйшіе, назовемъ: „Bestimmung der Bahn des Biela'schen Kometen“ (въ „Astronomische Nachrichten“, т. XIII, 1836 г.); „Neuste Elemente des Biela'schen Kometen“ (ib., т. XIV, 1837 г.); „Historya magnetyzmu, przez Bequerela“ (въ „Pamiętniku naukowym“, 1847 г.); „Wzniesienie miasta Lublina nad poziom morza Baltyckiego, wyznaczone z dostrzeżeń barometrycznych“ (въ „Bibl. Warszaw.“, 1843 г.); „Rzecz o magnetyźmie ziemi, według Bessla“ (ib. 1844 г.); „Zaćmenia słońka, uważane w Warszawie“ (ib., 1844 г.); „Porównanie stanu powietrza na róznych punktach Europy, dostrzezeń meteorologicznych, jednocześnie czynionych i telegrafami elektrycznemi przesylanych“ (ib., 1858 г.). Затѣмъ онъ перевелъ въ 1849 г. на польскій языкъ „Космосъ“ Гумбольдта и въ 1858 г. „Метеорологію“ Фуассака, но главную заслугу Барановскаго составляетъ изданіе въ 1854 году польскаго перевода сочиненія Коперника съ латинскимъ текстомъ и примѣчаніями.

«Wielka Encyklopedya Powszechna ilustrowana», томъ V. — Некрологъ въ «Новомъ Времени», 1879 г., № 1324. — Словари: Березина, Клюшникова, Брокгауза-Эфрона. — Дополненіе къ словарю Толя, в. I, 77.

Барановскій, *Иванъ (Янъ) - Іосифъ*, инженеръ-изобрѣтатель, экономистъ и писатель, род. въ 1805 г. въ Смиловицахъ, Минской губ., ум. 30-го марта 1888 г. въ Лондонѣ. Среднее образованіе Барановскій получилъ въ минской гимназіи, затѣмъ въ 1821 г. переѣхалъ въ Вильну, гдѣ сначала слушалъ лекціи по медицинѣ, но вскорѣ, не чувствуя склонности къ ней, перешелъ къ занятіямъ правомъ и въ 1825 г. кончилъ университетскій курсъ со званіемъ кандидата. Поступивъ на службу въ Польскій банкъ въ Варшавѣ, онъ, какъ усердный работникъ и крупный финансовый умъ, сталъ дѣлать быструю карьеру, но возстаніе въ 1830 года произвело переломъ въ его судьбѣ, и въ 1832 г. мы находимъ Барановскаго уже во Франціи, служащимъ въ различныхъ промышленныхъ и финансовыхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ онъ перешелъ на желѣзныя дороги и занялся изобрѣтеніями по технической части. Наиболѣе удачнымъ изъ его изобрѣтеній былъ особый контрольный аппаратъ (taxe-machine), премированный на Парижской выставкѣ 1849 г. Черезъ два года Барановскій получаетъ на Лондонской всемірной выставкѣ большую медаль (высшую награду) за приспособленіе для печатанія въ нѣсколько красокъ. Въ 1871 г. онъ снова выступаетъ какъ финансистъ и представляетъ французскому правительству проектъ касательно уплаты контрибуціи Германіи, но проектъ этотъ не былъ принятъ, и авторъ не получилъ вознагражденія, коего ожидалъ. Обиженный этимъ и стѣсненный матеріально, Барановскій въ 1872 г. переселился въ Лондонъ и занялъ мѣсто помощника секретаря при „Польскомъ литературномъ обществѣ“. Тогда же онъ, для заработка, занялся лексикографическими трудами, встрѣченными очень сочувственно и среди публики, и среди спеціалистовъ. Сочиненія

Барановскаго разнообразны и многочисленны. Изъ нихъ важнѣйшія: „Taxe-machine pour obtenir les résultats des calculs les plus compliqués, même ceux des changes et arbitrages des Banques" (Парижъ, 1848); „Application de la taxe-machine" (Парижъ, 1849); „Projet de statuts pour la formation d'une société anonyme sous le titre de Caisse générale de France" (Парижъ, 1854); „Taxe-machine applicable à toutes les opérations de calcul inventée" (Парижъ, 1855); „Signaux Baranovski d'après les appareils modèles fonctionnant au passage de tous les trains" (Парижъ, 1871); Notice sur un noveau plan financier propre" (Парижъ, 1871); „Vade-mecum de la banque française" (Парижъ и Лондонъ, 1879; Варшава, 1883); „Anglo-polish lexicon" (Варшава, 1883); „Słownik polsko-angelski" (Варшава, 1884).

Wielka encyklopedya powszechna ilustrowana.—Словарь Брокгауза-Эфрона.

Барановскій, *Иларіонъ Кирилловичъ*, врачъ, писатель. Род. въ 1808 г., ум. въ 1853 г. Барановскій происходилъ изъ духовнаго званія и первоначально обучался въ духовной семинаріи; потомъ перешелъ въ московскую медико-хирургическую академію, по окончаніи которой переѣхалъ въ С.-Петербургъ и здѣсь состоялъ врачемъ до 1846 г. въ разныхъ учрежденіяхъ. Ему принадлежатъ: „Хроническое кровяное воспаленіе подреберной плевы" (въ „Трудахъ Общ. русск. врачей, 1843 г., т. III); „Наблюденія о воздуховодяной грудной болѣзни" (ib); „Замѣчательный случай органической болѣзни сердца" (ib. 1845 г., т. IV); „Наблюденіе надъ больнымъ, одержимымъ изліяніемъ водянистой жидкости въ грудной полости" (ib., 1852 г, т. I).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».

Барановскій, *Николай Ивановичъ*, т. с., сенаторъ. Род. въ 1829 г., ум. 29-го мая 1878 г. Барановскій происходилъ изъ дворянъ Могилевской губерніи, воспитывался въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и по окончаніи въ 1848 г. курса въ послѣднемъ, служилъ сначала въ Сенатѣ въ III-мъ департаментѣ, потомъ въ 1856 г. былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя тифлисской палаты уголовнаго и гражданскаго суда. Продолжая службу до 1876 г. въ Тифлисѣ, Барановскій исправлялъ должность предсѣдателя коммерческаго суда (1857); состоялъ помощникомъ Дюкруаси, командированнаго для разслѣдованія безпорядковъ въ Мингреліи (1857), и Старицкаго—по составленію проекта межеванія въ Закавказскомъ краѣ (1860); съ 1860 по 1863 г. былъ тифлисскимъ вице-губернаторомъ; съ 1863—директоромъ департамента общихъ дѣлъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго и съ 1868 г.—директоромъ департамента главнаго управленія, и наконецъ былъ назначаемъ членомъ и предсѣдателемъ почти во всѣ коммиссіи и комитеты, возникавшіе тогда при управленіи намѣстника кавказскаго по многоразличнымъ нуждамъ и потребностямъ вновь присоединеннаго края. Но особенное значеніе имѣло его многостороннее участіе въ устройствѣ межевой части, въ управленіи государственными имуществами, въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, во введеніи судебной реформы, въ преобразованіи городскаго управленія, въ учрежденіи тифлисскаго банка, въ реорганизаціи гражданскаго управленія всего Закавказская края и проч. Въ 1876 г. Барановскій былъ сдѣланъ сенаторомъ и вскорѣ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, скончался. Старшій орденъ, полученный Барановскимъ, былъ—св. Анны 1-й степени.

Формулярный списокъ. — Некрологи: въ «Голосѣ» 1878 г,, № 56 и «Новомъ Времени», 1878, № 820.

Барановы, дворянскій родъ, родоначальникъ коего мурза Жданъ, прозвищемъ Баранъ, въ крещеніи *Даніилъ*, выѣхалъ въ Россію изъ Крымской орды при великомъ князѣ Василіи Темномъ (въ 1460 г.). При Іоаннѣ III (ок. 1488 г.) семья Барановыхъ (Борановыхъ) значится въ спискахъ московскихъ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ Новгородскихъ волостяхъ, взамѣнъ высланныхъ въ московскія земли новгородцевъ, при чемъ они названы „послужильцами" Ивана Борисовича Тучкова. 2-го октября 1552 г., при взятіи Казани, убитъ *Ѳедоръ Яковлевичъ* Барановъ, и имя его записано въ синодикъ московскаго Успенскаго собора на вѣчное поминовеніе. Въ 1571 г. четырехъ Барановыхъ: *Ивана Ивановича*, *Абросима Яковлевича*, *Захара Никитича* и *Ѳаддея Семеновича* встрѣчаемъ въ поручной записи по бояринѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Мстиславскомъ. Иванъ Ивановичъ, въ послѣдней четверти XVI в. выселился въ Эстлян-

дію, тогда принадлежавшую Швеціи, получилъ тамъ помѣстья и сталъ родоначальникомъ остзейской вѣтви Барановыхъ. Ѳаддей Семеновичъ, вмѣстѣ съ братьями своими, *Ѳедоромъ* и *Яковомъ*, получилъ въ 1582 г. отъ царя Іоанна Грознаго вотчины въ Вотской пятинѣ, въ погостѣ Климецкомъ; тамъ же испомѣщенъ *Василій Ивановичъ*, а въ Лускомъ погостѣ—*Григорій Ивановичъ* Барановъ. Въ XVII в. *Иванъ Ивановичъ* Барановъ былъ патріаршимъ стольникомъ, а въ концѣ того же вѣка десять Барановыхъ числились среди служилаго сословія и владѣли населенными землями. Вѣроятно, къ этой же Новгородской вѣтви принадлежалъ и коммисаръ Новгородской провинціи, *Григорій* Барановъ, который служилъ въ Обонежской пятинѣ у сбора денежной казны, но въ 1726 г., уличенный въ казнокрадствѣ и лихоимніи, былъ повѣшенъ. Къ русской вѣтви Барановыхъ принадлежатъ сенаторы: Дмитрій Іосифовичъ, Николай Ивановичъ и Платонъ Ивановичъ (ихъ біографіи см. ниже), а также бывшій Таврическимъ губернаторомъ *Александръ Николаевичъ* (род. въ 1793 г., ум. въ 1861 г.). Одинъ изъ представителей Эстляндской линіи, *Трофимъ-Іоаннъ*, д. с. с., директоръ одного изъ коммерческихъ банковъ, женился на Юліи Ѳедоровнѣ Адлербергъ (см. выше) и сталъ родоначальникомъ графовъ Барановыхъ.

Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», т. VI.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XVIII.—Словарь Брокгауза-Ефрона.

Барановъ, *Александръ Андреевичъ*, коллежскій совѣтникъ, первый главный правитель россійскихъ колоній на сѣверо-западномъ берегу Америки, род. около 1746 г., ум. 16 апрѣля 1819 г. Происходя изъ купеческаго званія, родомъ изъ Каргополя, Барановъ первоначально велъ торговыя дѣла въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ перенесъ ихъ въ Иркутскъ, гдѣ занялся подрядами и откупами, завелъ стеклянный и водочный заводы, и свои торговыя предпріятія распространилъ не только по городамъ Сибири, но и въ землѣ чукчей. При своей новой торговой дѣятельности онъ обогатился многими разносторонними познаніями, и нѣкоторыя хозяйственныя замѣтки и опыты сообщилъ въ Вольно-Экономическое общество, за что, въ 1787 г., былъ избранъ въ почетные члены сего общества. Вынужденный разстройствомъ дѣлъ, въ 1790 г. Барановъ изъявилъ согласіе на предложеніе извѣстнаго Шелихова занять мѣсто правителя колоній какъ разъ въ то время, когда дѣла Россійско-Американской торговой компаніи замѣтно приходили въ упадокъ отъ неимѣнія на мѣстѣ дѣйствія человѣка энергичнаго, умнаго, честнаго, способнаго не только къ самой разносторонней дѣятельности, но и умѣющаго свыкнуться со всѣми трудностями и лишеніями колоніальной жизни. Онъ вышелъ изъ Охотска къ островку Кадьяку на гальотѣ „Трехъ Святителей“, но на пути потерпѣлъ крушеніе и только на слѣдующій 1791 г. прибылъ къ мѣсту назначенія. Предѣлы россійскихъ владѣній были слишкомъ тѣсны для дѣятельнаго ума Баранова, и первою его заботою было не только удержать и упрочить поселенія, основанныя Шелиховымъ, но и занять новыя мѣста на материкѣ Америки—въ Кенайскомъ и Чугатскомъ заливахъ. Затѣмъ, въ 1796 г. основано поселеніе въ Беринговомъ заливѣ или Якутатѣ, а въ 1799 г. удалось утвердиться на обширномъ островѣ Ситхѣ. За это же время были построены первые русскіе суда въ Америкѣ: трехмачтовое судно „Фениксъ“ въ 180 тоннъ и два судна меньшаго размѣра—„Дельфинъ“ и „Ольга“. По мѣрѣ распространенія русскихъ владѣній принимались дѣятельнѣйшія мѣры къ улучшенію во всѣхъ отношеніяхъ состоянія тамошнихъ колоній, къ расширенію и упорядоченію промысла пушныхъ звѣрей, къ усмиренію и возможному просвѣщенію дикихъ туземцевъ. Помимо учрежденія школы и пріюта для призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ, Барановъ посылалъ молодыхъ туземцевъ въ Петербургъ, откуда они возвращались штурманами и обученными мастерами. Въ дѣлѣ усмиренія туземцевъ не малою помѣхою были иностранцы, снабжавшіе ихъ оружіемъ и порохомъ, и этимъ самымъ подстрекавшіе ихъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ. Такъ, въ 1804 г., одновременно съ полученіемъ Барановымъ Высочайшей награды (пожалованъ въ коллежскіе совѣтники), пришло извѣстіе объ истребленіи русской крѣпостцы на Ситхѣ. Только при помощи прибывшаго изъ Кронштадта къ Ситхѣ на шлюпѣ „Нева“ капитана Лисянскаго, удалось вновь утвердиться на этомъ островѣ, и построить крѣ-

жалованный въ 1529 г. въ бояре, въ слѣдующемъ году участвовалъ, предводительствуя сторожевымъ полкомъ, въ казанскомъ походѣ: затѣмъ онъ «ходилъ воевать» Литву. въ 1536 г. основалъ крѣпость Великъ въ торопецкомъ уѣздѣ на старомъ городищѣ. выжегъ предмѣстье Витебска и вернулся оттуда съ большой добычей и множествомъ плѣнныхъ. Въ малолѣтство Іоанна IV Иванъ Ивановичъ былъ въ числѣ членовъ боярскаго правительства. Сынъ его, *Василій Ивановичъ* становится извѣстнымъ съ похода на Астрахань. когда онъ въ 1554 г. былъ посланъ къ Іоанну IV съ извѣстіемъ о покореніи Астрахани. Въ 1558—60 гг. участвовалъ въ ливонской войнѣ, во время которой въ 1560 г. истребилъ большой отрядъ непріятелей въ 5 верстахъ отъ Эрмиса (въ Ливоніи) и взялъ въ плѣнъ 11 командоровъ, 120 рыцарей и главнаго предводителя, ландмаршала Филиппа Беля. Впослѣдствіи онъ служилъ въ опричинѣ. Со смертію его внуковъ родъ князей Барбашиныхъ прекратился въ самомъ концѣ XVI в.

Полное собраніе лѣтописей, IV, 312; VIII, 237, 273.—«Бархатная книга», I, 71 и 72.—Словари: Плюшара, Березина, Толя, Брокгауза и Ефрона. — Карамзинъ, «И. Г. Р.» — Соловьевъ, «Исторія Россіи».

Барботъ де-Марни, *Егоръ Егоровичъ*, командиръ нерчинскихъ заводовъ. Годы рожденія, и смерти его неизвѣстны. Родомъ французъ, Барботъ де-Марни въ 1788 г. принялъ участіе въ горной нерчинской экспедиціи; потомъ, при командирѣ нерчинскихъ заводовъ Суворовѣ находился въ заводскомъ баталіонѣ; слѣдующимъ командиромъ, Нарышкинымъ. былъ произведенъ въ полковники и затѣмъ, на его мѣсто —главнымъ командиромъ нерчинскихъ заводовъ. Несмотря на самоуправство, царившее тогда на заводахъ въ Сибири, Барботъ де-Марни былъ безусловно гуманнымъ и честнымъ начальникомъ, очень много сдѣлавшимъ для заводовъ. Отличаясь кроткимъ характеромъ, свѣтлымъ умомъ и образованностью (послѣ него осталась большая библіотека изъ лучшихъ спеціальныхъ сочиненій). онъ, кромѣ многочисленныхъ мелкихъ построекъ, успѣлъ выстроить большой нерчинскій заводъ и много заботился о заведенныхъ имъ-же школахъ. Умеръ онъ на заводѣ.

Максимовъ, «Сибирь и Каторга» (Спб., 1871 г.).

Барботъ де-Марни, *Николай Павловичъ*, извѣстный геологъ. Род. въ 1831 г.; ум. 4 апрѣля 1877 г., въ Вѣнѣ. Сынъ французскаго выходца, бѣднаго горнаго офицера, уроженецъ пермской губ., воспитанникъ спб. горнаго института, Барботъ де-Марни тотчасъ по окончаніи послѣдняго въ 1852 г., съ званіемъ инженеръ-поручика и съ малою золотою медалью, былъ командированъ въ тульскую губ., для практическаго изученія каменно-угольныхъ формацій, и здѣсь впервые началъ геологическія розысканія, подъ руководствомъ извѣстнаго геолога Пандера. Въ 1853 г. онъ былъ переведенъ на Уралъ, гдѣ и принялъ участіе въ обширной геологической экспедиціи Гофмана и Гривальда, имѣвшей цѣлію геологическую съемку казенныхъ горныхъ округовъ. По окончаніи этихъ работъ онъ перешелъ къ геогностическимъ изслѣдованіямъ въ частныхъ заводскихъ округахъ и изслѣдовалъ въ 1854 г. округа уфалейскаго, сергинскаго и катавскаго заводовъ, сообщивъ результаты своихъ работъ въ «Горномъ Журналѣ» за 1861 и 1862 гг. Въ 1860—1862 гг. Барботъ де-Марни былъ руководителемъ большой манычской экспедиціи и получилъ золотую медаль за геологическо-географическое изслѣдованіе калмыцкой степи отъ Императорскаго Географическаго общества, въ «Запискахъ» котораго и была напечатана его работа. Командированный въ 1862 г. за-границу, онъ изучалъ выдающіяся геологическія явленія въ Германіи. Бельгіи и Франціи и собиралъ свѣдѣнія о геологическихъ музеяхъ. По возвращеніи изъ заграницы, Барботъ де-Марни былъ приглашенъ въ горный институтъ преподавателемъ геологіи и геогнозіи, а въ 1866 г. сдѣланъ былъ профессоромъ. Съ года назначенія въ горный институтъ онъ каждое лѣто совершалъ свои экскурсіи по Россіи и изслѣдовалъ Галицію, Волынь, Подолію, губерніи херсонскую, курскую, харьковскую, екатеринославскую, кіевскую, рязанскую, воронежскую, симбирскую, саратовскую, тамбовскую, астраханскую, пермскую и часть вологодской и архангельской. Наиболѣе важныя по результатамъ экскурсіи въ 1864 г. въ сѣверныя губерніи, въ 1874 г. въ арало-каспійскую низменность, въ составѣ аму-дарьинской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго общества, и въ 1876 г. на линіи оренбургской желѣзной дороги. «Геогностическое путешествіе въ сѣверныя губерніи Европейской Россіи» (напечатано въ «Запи-

скахъ С.-Петербургскаго Минералогическаго общества», за 1868 г. и отд.) внесло крупныя поправки въ тогдашнія свѣдѣнія о строеніи пермской формаціи и ея фаунѣ въ Россіи. Въ немъ Барботъ де-Марни доказалъ тріасовый возрастъ мѣстныхъ отложеній, относимыхъ до него, согласно Мурчисону, къ пермской формаціи, вслѣдствіе чего явились существенныя измѣненія и поправки въ прежней геологической картѣ Россіи на огромномъ протяженіи ея сѣверныхъ и восточныхъ предѣловъ. Точно также и геологическія изслѣдованія его въ аму-дарьинской области, показавшія, что изъ осадочныхъ формацій главное мѣсто здѣсь принадлежитъ мѣловой системѣ пластовъ, произвели переворотъ въ господствовавшемъ до тѣхъ поръ взглядѣ на геологію странъ по Аму-Дарьѣ, такъ какъ стало очевиднымъ, что въ новѣйшія третичныя времена страны эти не были покрыты моремъ, а представляли сушу. При жизни Барботъ де-Марни успѣлъ напечатать только краткіе отчеты объ этой экспедиціи и своихъ работахъ въ «Трудахъ Спб. общества естествоиспытателей», въ «Извѣстіяхъ Имп. Рус. Географическаго общества» и въ «Neues Jahrbuch der Mineralogie» (1878); подробный-же дневникъ его путешествія былъ изданъ Спб. обществомъ естествоиспытателей въ 1889 г., подъ редакціей проф. А. А. Иностранцева и Н. А. Андрусова, подъ заглавіемъ: «Труды арало-каспійской экспедиціи, вып. VI. Черезъ Мангышлакъ и Усть-Уртъ въ Туркестанъ. Дневникъ геологическаго путешествія». Немаловажны были результаты его изслѣдованій и на югѣ: они выяснили наши неогеновыя формаціи и ихъ отношенія къ осадкамъ вѣнскаго третичнаго бассейна. Въ общемъ всѣ результаты произведенныхъ Барботомъ изслѣдованій сводятся къ слѣдующимъ тремъ выводамъ: 1) кремнистые брекчіевидные известняки, являющіеся въ основаніи обнаженій лѣваго берега Волги выше г. Самары, относятся къ каменноугольной, а не къ пермской формаціи, какъ предполагали до сего; 2) къ востоку отъ Самары, особенно въ Алексѣевской горѣ, является неизвѣстная до того мощная группа прѣсноводныхъ отложеній, и 3) красноцвѣтная группа породъ, слагающая Общій Сыртъ и заключающая каргалинскія мѣдныя руды, принадлежитъ не къ пермской системѣ, а къ тріасовой.

Учено-литературная дѣятельность Барботъ де-Марни началась очень рано. Еще студентомъ горнаго института онъ печаталъ въ «Горномъ Журналѣ» и «Сѣверной Пчелѣ» статьи объ успѣхахъ геологическихъ знаній. По окончаніи-же института онъ постоянно печатался въ «Запискахъ Спб. Минералогическаго общества», въ «Трудахъ Спб. общества естествоиспытателей» (куда вошли и «Геологическія изслѣдованія, произведенныя въ 1870 г.» въ рязанской и тульской губерніяхъ и имѣющія большой палеонтологическій интересъ), въ изданіяхъ Русскаго Географическаго общества, въ нѣмецкихъ геологическихъ изданіяхъ; но болѣе всего онъ помѣстилъ статей и замѣтокъ въ «Горномъ Журналѣ». Барботъ де-Марни былъ почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, почетнымъ докторомъ геологіи отъ с.-петербургскаго университета, и предсѣдателемъ отдѣленія минералогіи и геологіи общества естествоиспытателей при с.-петербургскомъ университетѣ. Всѣ его труды пользовались и пользуются большою извѣстностью какъ въ Россіи, такъ и заграницей.

Некрологи: въ «Горномъ Журналѣ» (1877 г.), въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи» (т. LXX), въ «Голосѣ» (за 1877 г., № 98), и въ «Извѣстіяхъ Географическаго Общества» (1877 г., отд. II, стр. 120).—Словарь Брокгауза и Ефрона.—П. П. Семеновъ, «Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», т. I и II (Спб., 1896 г.).—С. А. Венгеровъ, «Русскія книги», вып. XII (Спб., 1897 г.).—Замѣтка К. Скальковскаго въ «Новомъ Времени», 1898 г., № 8054, подъ заглавіемъ: «Памяти Н. П. Барбота де-Марни».

Барбье (*Jean Barbier*), граверъ, работавшій въ Петербургѣ въ 1807—8 г. Изъ его работъ, вообще весьма цѣнившихся въ свое время, особенно извѣстна гравюра съ портрета Екатерины II работы худ. Mailly, а также портретъ П. С. Валуева. Гравировалъ, между прочимъ, пунктиромъ.

Д. А. Ровинскій, «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ».

Бардака, *Иванъ Григорьевичъ*, генералъ-маіоръ, директоръ черноморскаго штурманскаго училища, ум. 26-го ноября 1821 г. Уроженецъ Греціи, начальное образованіе получилъ въ тосканскомъ училищѣ, учрежденномъ въ 1774 г. графомъ А. Г. Орловымъ, откуда переведенъ былъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ. Выпущенный въ 1780 г. прапорщикомъ арміи, и награжденный за успѣшное изученіе морскихъ наукъ ме-

далью, Бардака командированъ въ Херсонъ въ распоряженіе генералъ-поручика Ганнибала, и опредѣленъ въ черноморскій флотъ «за мичмана». Морякъ въ душѣ, онъ вскорѣ же обратилъ на себя вниманіе тамошняго начальства, такъ что въ 1787 г. былъ произведенъ въ лейтенанты, и принялъ въ командованіе шхуну Измаилъ. На этой шхунѣ, посланный въ Константинополь, Бардака подвергся заарестованію со всѣмъ судовымъ экипажемъ по случаю открывшейся войны Россіи съ Турціей, но «гонимъ будучи Портою, тайнымъ образомъ уѣхалъ на купеческомъ суднѣ въ Ливорно», откуда берегомъ возвратился въ Севастополь. Въ 1788 г., состоя флагъ-офицеромъ при контръ-адмиралѣ Войновичѣ, Бардака участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ при островѣ Ѳедониси, а въ слѣдующемъ году сопровождалъ отъ Севастополя къ Очакову девять корсарскихъ транспортныхъ судовъ, командуя при этомъ 13-ю таковыми же вооруженными судами, для поиска непріятеля. На пути сжегъ 5 непріятельскихъ судовъ, и, высадивъ десантъ на румелійскій берегъ, сжегъ городъ Констанцію, защищаемый непріятельскою конницею и находившійся тамъ въ запасныхъ магазинахъ провіантъ. За эти подвиги Бардака былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Военная кампанія 1790 г. доставила ему новые случаи для отличія: онъ участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ у Гаджибея; командуя лансономъ, былъ въ военныхъ дѣйствіяхъ гребной флотиліи на р. Дунаѣ, при овладѣніи сулинскими укрѣпленіями, причемъ взялъ въ плѣнъ 4 канонерскія лодки, а при занятіи Тульчи сжегъ 2 лансона и взялъ въ плѣнъ канонерскую лодку; при штурмѣ Измаила пустилъ ко дну 3 непріятельскія судна и прогналъ непріятеля съ одного изъ бастіоновъ означенной крѣпости. За всѣ эти подвиги награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса и чиномъ капитанъ-лейтенанта. Въ 1791 г., находясь въ должности флагъ-капитана при вице-адмиралѣ де-Рибасѣ, Бардака участвовалъ при атакѣ и взятіи укрѣпленія противъ Браилова и въ наведеніи чрезъ Дунай моста для перехода всей дѣйствующей арміи на непріятельскій берегъ, за что былъ награжденъ золотою шпагою «за храбрость». Послѣ сихъ подвиговъ, Бардака участвовалъ въ экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей, города и порта Одессы, и завѣдывалъ постройкою въ Кіевскомъ намѣстничествѣ канонерскихъ лодокъ. Въ 1800 г., въ чинѣ капитана 1 ранга, онъ, командуя новопостроеннымъ кораблемъ Марія Магдалина, провелъ его чрезъ днѣпровскія гирла изъ Херсона въ Николаевъ, вооруживъ при Глубокой пристани, и получилъ письменное благоволеніе Государя Императора. Въ 1801—1804 г., въ чинѣ уже генералъ-маіора, Бардака находился капитаномъ надъ севастопольскимъ портомъ, а съ сего времени и по день кончины,—директоромъ черноморскаго штурманскаго училища.

Общій Морской списокъ, т. III, стр. 117—119.

Барданесъ, *Христофоръ*, лекарь, путешественникъ. Сынъ греческаго купца въ Молдавіи, Барданесъ въ юности былъ посланъ учиться въ Кіевъ; возвращаясь оттуда, чрезъ нѣсколько лѣтъ, на родину, онъ былъ пойманъ ногайцами и отвезенъ плѣнникомъ въ Константинополь. Здѣсь его продали какому-то иностранцу, съ которымъ онъ объѣхалъ всю Польшу, Германію и часть Италіи. Прослуживъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ у другого господина и побродивъ «въ плачевномъ видѣ» по Венгріи и Польшѣ, Барданесъ добрался наконецъ до Петербурга и здѣсь 35-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ медико-хирургическое училище. Свободно выдержалъ онъ экзаменъ на званіе подлекаря и немедленно же былъ принятъ въ госпиталь, но оставался тамъ очень недолго. Въ началѣ 1768 г. готовилась къ выступленію въ путь экспедиція Фалька. Барданесъ, какъ страстный путешественникъ, не замедлилъ примкнуть къ ней и, за неимѣніемъ другихъ назначеній, принялъ на себя обязанности чучельника. Но благодаря особенной его наблюдательности, страсти къ коллекціонерству, умѣнью сходиться съ людьми и знанію многихъ языковъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ участниковъ и помощниковъ Фалька, который высоко цѣнилъ его познанія и усердіе. Въ 1771 г. онъ самостоятельно совершилъ двѣ поѣздки въ киргизскую и зюнгарскую степи, одну по порученію Фалька, а другую—генералъ-маіора Траубенберга; эти поѣздки онъ описалъ въ особой запискѣ, которая напечатана въ VII томѣ «Полнаго собранія ученыхъ путешествій по Россіи», изданнаго Академіею наукъ (1825 г.). Сотоварищъ Фалька, Георги перевелъ ее съ нѣкоторыми сокращеніями на нѣмецкій языкъ въ описаніи путешествій Фалька. По смерти Фалька въ 1774 г., Барданесъ собралъ и

привезъ въ С.-Петербургъ его коллекціи. Тогда же онъ былъ назначенъ лаборантомъ въ химической лабораторіи при Академіи наукъ; но вскорѣ перешелъ на должность лекаря во флотѣ сперва въ Кронштадтѣ, а потомъ въ Таганрогѣ, гдѣ и скончался.

Словарь Плюшара.—«Справочный энциклопедическій словарь».—Біографія въ VII т. «Полнаго Собранія ученыхъ путешествій по Россіи», изд. Имп. Академіи Наукъ (1825 г.).

Бардовскій, *Василій Степановичъ*, педагогъ, писатель, род. въ 1804 г., ум. въ 1874 г. Уроженецъ черниговской губерніи, воспитанникъ с.-петербургскаго университета, Бардовскій съ 1830 г. началъ педагогическую карьеру преподавателемъ географіи въ Спб. третьей гимназіи, черезъ годъ перешелъ въ Спб. первую гимназію, гдѣ и состоялъ до выхода въ отставку, все время будучи преподавателемъ географіи и русскаго языка, инспекторомъ (съ 1840 г.) и наконецъ директоромъ (съ 1860 по 1872 г.). При этомъ Бардовскій состоялъ еще предсѣдателемъ особой коммиссіи по выработкѣ учебныхъ плановъ по географіи и по разсмотрѣнію географическихъ учебниковъ (1864—65 гг.). Кромѣ цѣлаго ряда отзывовъ объ учебникахъ по географіи, Бардовскому принадлежатъ: «Всеобщая географія для начальнаго преподаванія, составленная по Гольтье, Бальби и Мальтъ-Бруну», въ 3 частяхъ (СПб., 1837 г.), и «Историческая, физическая и математическая географія», для слѣпыхъ (М., 1838 г.). Оба учебника пользовались долгое время популярностью.

Некрологъ въ «Голосѣ» (1874 г., № 81).—Д. Н. Соловьевъ, «Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Первой гимназіи» (СПб., 1880 г.).

Бардовскій, *Николай Ѳеодоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 9 декабря 1832 г., ум. 27 августа 1890 г., скоропостижно на маневрахъ подъ Луцкомъ. По окончаніи курса въ Дворянскомъ полку (нынѣ 2-е Константиновское военное училище), въ 1852 г. поступилъ прапорщикомъ въ ряды с.-петербургскаго гренадерскаго полка, откуда въ слѣдующемъ году былъ переведенъ л.-гв. въ московскій полкъ, а въ 1856 г., какъ отличный стрѣлокъ, во 2-й царскосельскій стрѣлковый баталіонъ (нынѣ л.-гв. 2-й стрѣлковый). Участвуя въ кампаніяхъ 1857, 1863 и 1864 гг., Бардовскій за боевыя отличія въ дѣлахъ послѣдней кампаніи былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ мечами и въ томъ же году назначенъ въ чинѣ полковника командиромъ 41 резервнаго пѣхотнаго (кадроваго) баталіона; въ 1866 г. получилъ начальство надъ 66 пѣхотнымъ Бутырскимъ полкомъ, въ 1871 г. назначенъ командиромъ туркестанской стрѣлковой бригады и въ 1872 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ хивинскомъ походѣ слѣдующаго год. онъ является дѣятельнымъ участникомъ въ покореніи Хивы и за отличія въ дѣлахъ, между прочимъ, при движеніи изъ ур. Алты-Кудукъ въ ур. Адамъ-Крылганъ, былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. съ мечами и золотою саблею съ надписью «за храбрость». Съ 1879 г. Бардовскій состоялъ начальникомъ 7-й пѣхотной дивизіи; въ 1881 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; два года спустя назначенъ начальникомъ 1-й пѣхотной дивизіи, а въ 1887 г. получилъ въ командованіе 3-ю гвардейскую. Какъ близко знакомый съ стрѣлковою частью въ войскахъ, онъ неоднократно принималъ дѣятельное участіе въ комиссіяхъ по разработкѣ этого вопроса, а также и въ комитетѣ по устройству и образованію войскъ.

«Русскій Инвалидъ» 1890 г., № 194 (статья «Памяти Н. Ѳ. Бардовскаго» и некрологъ).—«Развѣдчикъ» № 34 (портретъ и некрологъ).

Бардовскій, *Яковъ Іовлевичъ*, переводчикъ и писатель, род. въ 1779 г., ум. послѣ 1851 г. Бардовскій происходилъ изъ духовнаго званія, обучался въ семинаріи, по окончаніи которой, благодаря переводамъ религіозныхъ книжекъ, сблизился съ Шишковымъ и его кружкомъ, а чрезъ него сталъ извѣстенъ и министру народнаго просвѣщенія, А. Н. Голицыну. Въ 1813 г. Шишковъ выхлопоталъ Бардовскому Высочайшее порученіе описать «происшествія», бывшія въ Москвѣ и окрестностяхъ во время французскаго нашествія, съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 1500 р. Но о результатахъ его занятій, какъ видно изъ отвѣта министра народнаго просвѣщенія на запросъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не было «никакихъ свѣдѣній» даже въ началѣ 1827 г., и вѣроятно, тогда-же была прекращена выдача ему жалованья. Впослѣдствіи Бардовскій служилъ въ государственной экспедиціи для ревизіи счетовъ. — Бардовскому принадлежитъ рядъ стихотвореній на религіозно-нравственныя и патріотическія темы. Нѣсколько пьесъ посвящено восхваленію Шереметевыхъ, одно время покровитель-

твовавшихъ автору. Эти произведенія Бардовскаго обнаруживаютъ полное отсутствіе въ авторѣ поэтическаго таланта. Кромѣ того Бардовскому принадлежитъ рядъ переводовъ сочиненій духовно-нравственныхъ: 1) «Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII в., противъ христіанскаго благочестія», Лагарпа; съ франц. (М., 1810 г.). 2) «Краткое изложеніе главныхъ доводовъ, неоспоримо утверждающихъ истину и божественное происхожденіе откровенія христіанскаго». Соч. Бильбея Портіуса, пер. съ франц. (М., 1811 г.; 2-е изд. 1834 г. и 3-е 1842 г. въ Спб. сдѣланы съ англійскаго языка.). 3) «Прославленная любовь, или разсужденіе объ истинной мудрости и истинномъ счастіи, по тройственному свѣту Божественному: благодати, Святаго Писанія и здраваго смысла». Пер. съ франц. (М., 1818 г.). 4) «Іогана Месона разсужденіе о познаніи самого себя». Пер. съ нѣм. яз., исправленный по англійскому подлиннику. (М., 1820 г.). 5) «О чувственной любви и пагубныхъ послѣдствіяхъ ея», Остервальда; пер. съ франц. (Спб., 1842 г.).—Сверхъ того въ 1807 г. Бардовскій издалъ въ Москвѣ переводъ «Начальныхъ основаній статистики европейскихъ державъ, по методѣ Плайфера».

Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣла подъ №№ 14323 (1827 г.), 46645 (1835 г.) и 127900 (1831 г.).—А. Галактіоновъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» (1849 г., № 149).—Филаретъ, «Обзоръ сочиненій». — «Письма Карамзина къ Дмитріеву» (Спб, 1866 г., стр., 175—177).—Словари: Геннади и Венгерова. — С. Венгеровъ, «Русскія книги», вып. XII (Спб., 1897 г.).

Барду (*Iohann Bardau* или *Bardou*), художникъ портретистъ, работавшій пастелью, XVIII в. Изъ его работъ извѣстны портреты императрицы Екатерины II, кн. А. М. Голицына и Ланской, писанные имъ въ 1775 г. въ Варшавѣ.

Д. А. Ровинскій, «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ».

Баризьенъ, художникъ портретистъ; въ 1786 г. за портретъ старушки Христины Линкъ 102 л. академія художествъ избрала его въ академики. Изъ его работъ извѣстенъ портретъ гр. П. А. Палена, гравированный имъ въ 1794 г. въ Ригѣ.

Д. А. Ровинскій «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ».

Барклай де-Толли, князь *Михаилъ Богдановичъ*, генералъ - фельдмаршалъ и военный министръ, род. въ 1761 г., ум. 14 мая 1818 г. Онъ происходилъ изъ древняго шотландскаго рода Barclay of Tolly, многіе изъ представителей котораго пріобрѣли себѣ извѣстность въ исторіи, какъ ученые и поэты. Одинъ изъ Барклаевъ былъ офицеромъ британской арміи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., отличался своими военными достоинствами и участвовалъ, между прочимъ, въ 1808 и 1809 гг. въ войнѣ шведовъ съ Россіей, въ то самое время, какъ противъ шведовъ съ русской стороны дѣйствовалъ его однофамилецъ. Въ XVII и началѣ XVIII столѣтій нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи, по политическимъ обстоятельствамъ, главнымъ образомъ за преданность дому Стюартовъ, принуждены были удалиться изъ отечества и переселиться частью въ Мекленбургъ, частью въ Лифляндію. Дѣдъ Михаила Богдановича былъ бургомистромъ въ Ригѣ, а отецъ служилъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку армейскимъ поручикомъ и умеръ въ 1775 г. Михаилъ Богдановичъ, по обычаю своего времени, еще въ 1767 г. былъ записанъ въ военную службу, гефрейтъ-капраломъ въ новотроицкій кирасирскій полкъ. Воспитывался онъ въ домѣ дяди своего по матери, бригадира Вермелена, вплоть до 1776 г., причемъ еще въ 1769 г. былъ произведенъ въ вахмистры; образованіе, полученное имъ въ домѣ дяди, было отличнымъ. Въ 1776 г., вскорѣ по прибытіи своемъ на дѣйствительную службу, Михаилъ Богдановичъ былъ переведенъ въ псковскій карабинерный полкъ и черезъ 2 года произведенъ въ корнеты; въ 1783 г. способности его и педантически-точная исполнительность обратили на него вниманіе начальствовавшаго въ то время войсками лифляндской дивизіи, генералъ-маіора фонъ-Паткуля, взявшаго Барклая къ себѣ въ адъютанты, съ повышеніемъ его въ чинъ подпоручика. Черезъ три года, Паткуль, оставляя службу, рекомендовалъ его съ самой выгодной стороны графу Ангальту, бывшему тогда шефомъ финляндскаго егерскаго корпуса, и 1-го января 1786 г. Барклай де-Толли былъ переведенъ графомъ Ангальтомъ въ 1-й баталіонъ финляндскаго егерскаго корпуса поручикомъ, а черезъ два года получилъ мѣсто генеральсъ-адъютанта капитанскаго чина при родственникѣ Императрицы Екатерины II, генералъ-поручикѣ русской службы, принцѣ Ангальтъ-Бернбургскомъ, уѣзжавшемъ въ то время въ армію князя Потемкина, дѣйствующую

противъ турокъ. Здѣсь Барклай де-Толли принялъ участіе въ осадѣ и штурмѣ крѣпости Очакова, павшей 6-го декабря 1788 г. Принцъ Ангальтъ Бернбургскій, начальствовавшій въ этотъ день одною изъ штурмовыхъ колоннъ, назначалъ Барклая де-Толли въ опаснѣйшія мѣста, и за отличія молодой офицеръ былъ награжденъ Владимірскимъ крестомъ 4 ст. и чиномъ секундъ-маіора, съ переводомъ въ изюмскій легко-конный полкъ и съ оставленіемъ въ тоже время при принцѣ въ званіи дежурнаго маіора. Въ этой должности Барклай де-Толли находился вмѣстѣ съ принцемъ въ авангардѣ князя Потемкина, разбившаго 13-го сентября 1789 г. сильный турецкій корпусъ подъ Каушанами, а затѣмъ участвовалъ во взятіи крѣпости Акермана (30 сентября 1789 г.) и занятіи Бендеръ (3 ноября). Вскорѣ послѣ того принцъ Ангальтъ-Бернбургскій отправился вмѣстѣ съ Барклаемъ де-Толли въ Финляндію и здѣсь, 20 апрѣля 1790 г., при неудачномъ нападеніи на шведскія укрѣпленія у Пардакоски и Керникоски былъ смертельно раненъ; чувствуя приближеніе смерти, принцъ подозвалъ къ себѣ Барклая и, вручая ему свою шпагу, завѣщалъ употребить ее на пользу и славу Россіи. По донесенію смѣнившаго принца генерала Игельстрома, Барклай де-Толли велъ себя въ этомъ дѣлѣ съ необыкновеннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, за что и получилъ чинъ премьеръ-маіора. До окончанія войны Михаилъ Богдановичъ находился при генералѣ Игельстромѣ, числясь съ 3 мая въ тобольскомъ пѣхотномъ полку, а затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, былъ переведенъ баталіоннымъ командиромъ въ с.-петербургскій гренадерскій полкъ. Съ этимъ полкомъ Барклай де-Толли участвовалъ въ польской войнѣ 1794 г., отличившись при взятіи приступомъ укрѣпленій г. Вильны и истребленіи близь Гродна отряда полковника Грабовскаго. Эти дѣла доставили ему орденъ св. Георгія 4 ст. и чинъ подполковника съ переводомъ въ эстляндскій егерскій корпусъ командиромъ 1-го баталіона, переименованнаго Императоромъ Павломъ (1797 г.) въ 4 егерскій полкъ. Въ 1798 г. Михаилъ Богдановичъ былъ назначенъ шефомъ этого полка и произведенъ въ полковники, а въ 1799 г., за отличное состояніе своего полка, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Замѣчательныя способности Барклая де-Толли не остались не замѣченными, и фельдмаршалъ князь Репнинъ отозвался о немъ однажды въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «меня уже не будетъ на свѣтѣ, но пусть вспомянутъ мои слова: этотъ генералъ много обѣщаетъ и далеко пойдетъ».

Послѣ девятилѣтняго мирнаго командованія полкомъ, онъ выступилъ въ походъ противъ Наполеона осенью 1805 г. Но еще на походѣ пришла вѣсть объ Аустерлицкомъ сраженіи, и полкъ, не побывавъ въ огнѣ, вернулся въ Россію. Въ кампаніи 1806 - 7 гг. Михаилъ Богдановичъ принялъ живѣйшее участіе, отличаясь по прежнему своимъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, распорядительностію въ бою и вѣрнымъ военнымъ взглядомъ. На долю его часто приходились почетныя назначенія авангарднаго или арріергарднаго начальника и, благодаря своимъ талантамъ, онъ умѣлъ съ честью выходить изъ самыхъ критическихъ положеній. Отличіе въ сраженіи подъ Пултускомъ, гдѣ онъ командовалъ выставленнымъ впередъ нашимъ правымъ флангомъ, доставило ему орденъ св. Георгія 3-й ст. При Прейсишъ-Эйлау, Барклай де-Толли былъ раненъ въ правую руку съ переломомъ кости и, въ безпамятствѣ, вывезенъ изъ боя унтеръ-офицеромъ изюмскаго гусарскаго полка Дудниковымъ.

Война 1806 — 1807 гг. упрочила славу Михаила Богдановича, какъ искуснаго и безстрашнаго генерала, а арьергардныя дѣла его передъ Прейсишъ-Эйлаусскимъ сраженіемъ заслужили одобреніе самого Наполеона. Раненый Барклай де-Толли былъ перевезенъ въ Мемель; здѣсь его посѣтилъ Императоръ Александръ и, послѣ продолжительнаго съ нимъ разговора о тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, проникся полнымъ довѣріемъ къ его воинскимъ способностямъ. Этотъ случай послужилъ основаніемъ къ необыкновенно быстрому повышенію молодого генерала; награжденный за Прейсишъ-Эйлау орденомъ св. Владиміра 2-й ст., чиномъ генералъ-лейтенанта и прусскимъ орденомъ Краснаго Орла за дѣйствія въ 1806—7 гг., онъ въ апрѣлѣ 1807 г. былъ назначенъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи и почтенъ рескриптомъ Императора Александра, заключавшимся слѣдующими словами: «Я увѣренъ, что сіе назначеніе примете вы новымъ знакомъ Моей къ вамъ довѣренности». Но рана помѣшала Михаилу Богдановичу принять участіе въ окончаніи войны; вмѣстѣ

съ тѣмъ, въ 1808 г. дивизія его получила приказаніе идти на усиленіе войскъ, дѣйствовавшихъ противъ шведовъ въ Финляндіи. Война въ Финляндіи, начатая нами весьма успѣшно, приняла другой оборотъ, и войска шведскаго главнокомандующаго Клингспора перешли въ наступленіе. Барклаю де-Толли было ввѣрено начальство надъ «подвижнымъ» корпусомъ силою около $7^1/_2$ тысячъ человѣкъ и поставлена задача: двинуться на Куопіо, занять этотъ городъ, очистить отъ непріятеля Саволакскую область и дѣйствовать во флангъ и тылъ Клингспора, въ случаѣ еслибы онъ обратился противъ Раевскаго, расположившагося у Гамле-Карлебю. По донесеніямъ Государю главнокомандующаго войсками въ Финляндіи, графа Буксгевдена, «отъ успѣшныхъ дѣйствій Барклая де-Толли все зависѣло». Въ началѣ іюня Куопіо былъ занятъ нашими войсками; отсюда по приказанію Буксгевдена, Барклай де-Толли долженъ былъ двинуться на соединеніе съ Раевскимъ, оставивъ небольшой отрядъ Рахманова для охраненія г. Куопіо и сообщеній нашихъ войскъ съ Нейшлотомъ. Эта задача была непосильною для ничтожнаго отряда Рахманова, къ тому-же имѣвшаго противъ себя значительно превосходящія силы шведскаго генерала Сандельса. Послѣдній, узнавъ о выступленіи Барклая де-Толли и не желая допустить соединеніе его съ Раевскимъ, и сильнымъ Клингспоромъ, предпринялъ рядъ нападеній на Куопіо съ цѣлью отвлечь Барклая де-Толли и овладѣть его сообщеніями. Слабый отрядъ Рахманова не могъ бы долго держаться, и потому Михаилъ Богдановичъ рѣшилъ нарушить повелѣніе главнокамандующаго, отказавшись отъ соединенія съ Раевскимъ, и сохранить имѣвшіе громадную важность Куопіо и сообщенія съ Нейшлотомъ, отбивъ Сандельса, что ему и удалось. Эти дѣйствія навлекли на Барклая де-Толли гнѣвъ графа Буксгевдена, обвинявшаго его въ своевольномъ нарушеніи общаго плана дѣйствій и замедленіи тѣмъ окончанія войны, что послужило причиною удаленія Барклая, по его-же, Барклая, просьбѣ, изъ арміи, подъ предлогомъ болѣзни. Впрочемъ, дѣйствія Михаила Богдановича были вполнѣ одобрены Государемъ. Къ декабрю того-же года покореніе Финляндіи было окончено, но война со шведами не прекращалась, и Императоръ рѣшилъ, пользуясь зимнимъ временемъ, перенести театръ военныхъ дѣйствій на шведскій берегъ. 1-го февраля 1809 г. Михаилъ Богдановичъ получилъ лестный рескриптъ отъ Государя съ назначеніемъ въ дѣйствующую армію (Буксгевденъ былъ удаленъ). Ему поручалось командованіе войсками, предназначенными для перехода черезъ проливъ Кваркенъ. Ширина этого пролива простирается до 100 верстъ; зимою онъ замерзаетъ, но сообщеніе по льду бываетъ чрезвычайно опаснымъ, вслѣдствіе широкихъ полыней и трещинъ; къ тому же бури часто взламываютъ ледъ и уносятъ его въ море. Въ декабрѣ 1808 г. ледъ дважды ломался отъ вихрей и морского теченія и замерзалъ снова неровными глыбами. Рекогносцировки показали, что шведы не догадываются о планѣ русскихъ, и что переходъ возможенъ, хотя и будетъ сопряженъ съ величайшими трудностями. Тѣмъ не менѣе, черезъ три дня переходъ былъ совершенъ, и наши войска достигли г. Умео, при чемъ, по донесенію Барклая, «понесены были труды, единственно русскому преодолѣть возможные». Захваченный врасплохъ непріятель не могъ оказать серьезнаго сопротивленія, и плодомъ этого подвига явился желанный миръ со Швеціей. За этотъ походъ Барклай де Толли былъ награжденъ чиномъ генерала отъ инфантеріи, а вслѣдъ затѣмъ, по присоединеніи въ мартѣ 1809 г. Финляндіи къ Россіи, назначенъ главнокомандующимъ финляндскою арміею и финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Такое быстрое возвышеніе дотолѣ мало извѣстнаго генерала вызвало сильное неудовольствіе въ обойденныхъ имъ сверстникахъ, многіе изъ которыхъ подали даже въ отставку. Пробывъ въ Финляндіи менѣе года, съ апрѣля 1809 г. по январь 1810 г., Барклай де-Толли правосудіемъ, строгою дисциплиною въ войскахъ и заботами о благѣ жителей, пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ финновъ. Въ январѣ 1810 г., съ назначеніемъ графа Аракчеева предсѣдателемъ департамента дѣлъ военныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Барклай де-Толли занялъ постъ военнаго министра. Въ бытность его на этой должности всѣ части военной администраціи были имъ значительно улучшены. Съ величайшею дѣятельностію, готовя новыя вооруженія къ предстоящей войнѣ, онъ въ тоже время лично трудился надъ составленіемъ проектовъ учрежденія военнаго министерства, замѣнившаго собою существовавшую со времень Петра Великаго

военную коллегію, и надъ «Учрежденіемъ для управленія большою дѣйствующею арміею», которыя были Высочайше утверждены 12-го января 1812 г. Кромѣ того имъ введены значительныя улучшенія въ организаціи фуражировки, въ пріемѣ и обученіи рекрутъ; организованы пѣхотныя и кавалерійскія дивизіи, взамѣнъ прежнихъ дивизій, въ которыя входили войска трехъ родовъ оружія, сформированъ л.-гв. московскій полкъ и т. д. За свою дѣятельность Барклай де-Толли былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст.

19 марта 1812 г., въ виду готовящейся войны съ Наполеономъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о составленіи изъ всѣхъ войскъ, собранныхъ въ западныхъ губерніяхъ, двухъ армій; одна изъ нихъ, получившая названіе 1-й западной, была ввѣрена Барклаю де-Толли, а другая, названная 2-ю западною,—князю Багратіону. Оба главнокомандующіе были облечены равною властью; князь Багратіонъ былъ старшимъ въ чинѣ, но Барклай, какъ военный министръ, могъ передавать Багратіону приказанія именемъ Императора. Съ самаго начала войны въ расположеніи нашихъ армій была сдѣлана ошибка; обѣ арміи были разъединены, и Наполеонъ искусно воспользовался этимъ обстоятельствомъ, двинувшись въ разрѣзъ между ними. Съ этихъ поръ для обоихъ главнокомандующихъ возникла опасность быть разбитыми отдѣльно другъ отъ друга. Необходимо было соединиться во чтобы-то то ни стало. Отступленіе на соединеніе съ Багратіономъ и сраженія подъ Витебскомъ и Смоленскомъ ставятъ Барклая на ряду съ искуснѣйшими полководцами. Послѣ сильнѣйшихъ затрудненій. 22-го іюля совершилось желаемое соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ, но вскорѣ-же оно сдѣлалось источникомъ въ высшей степени тяжелаго положенія для Барклая де-Толли. Какъ онъ доносилъ Императору Александру, «никогда главнокомандующій какой-либо арміи не находился въ столь затруднительномъ положеніи, какъ я въ сіе время». Несогласіе между обоими главнокомандующими, духъ происковъ и интригъ, царствовавшій въ главной квартирѣ, дѣлали это положеніе несноснымъ, и Михаилъ Богдановичъ долженъ былъ удалить изъ арміи многихъ вліятельныхъ лицъ. Послѣ кровопролитнаго боя подъ Смоленскомъ, Барклай, не желая рисковать арміей и судьбой Россіи, рѣшилъ, вопреки всеобщему ожиданію и настояніямъ Багратіона, продолжать отступленіе. Осторожный полководецъ хорошо обдумалъ свой планъ: иначе Наполеонъ могъ-бы отрѣзать наши войска отъ плодородныхъ южныхъ губерній и отбросить ихъ на сѣверъ. Но войска настоятельно желали рѣшительнаго боя; всѣ порицали отступленіе, бывшее, между тѣмъ, чрезвычайно мудрою мѣрою въ виду того. что наши войска двигались на свои подкрѣпленія и усиливались, тогда какъ Наполеонъ, съ удаленіемъ отъ границы, ослаблялся; самъ Барклай писалъ Императору, что «отдача Смоленска дала пищу къ обвиненію меня моимъ непріятелямъ. Слухи неблагопріятнѣйшіе, сочиненія, исполненныя ненависти противъ меня, распространялись, и въ особенности людьми, находящимися въ отдаленіи и не бывшими свидѣтелями сего событія».

Общественное мнѣніе и патріотическое чувство требовало объединенія власти надъ всѣми русскими арміями и облеченія ею человѣка съ русскимъ именемъ. Государь, уступая необходимости, избралъ для этой роли Кутузова. Барклай де-Толли, получивъ отправленный къ нему рескриптъ Императора съ извѣщеніемъ о назначеніи Кутузова, тогда-же отвѣчалъ Государю въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ, рыцарски изъявляя свою готовность подчиниться новому главнокомандующему, долженствовавшему прекратить всѣ недоразумѣнія. Между тѣмъ арміи отступали къ Цареву-Займищу, гдѣ Михаилъ Богдановичъ рѣшился принять бой. Но, вслѣдъ затѣмъ, прибылъ Кутузовъ (вечеромъ 17 августа) и послѣдовало дальнѣйшее отступленіе нашихъ войскъ къ Бородину. Судя по донесеніямъ Барклая Государю, положеніе его въ арміи оставалось по прежнему въ высшей степени непріятнымъ, но Бородинское сраженіе, въ которомъ Барклаю де-Толли были поручены войска праваго фланга и центра, примирило съ нимъ все войско и князя Багратіона, который, оставляя поле битвы, вслѣдствіе полученной имъ смертельной раны, велѣлъ сказать своему товарищу, что питаетъ къ нему глубокое уваженіе. «Врядъ-ли оставалось въ центрѣ опасное мѣсто»,— говоритъ о Барклаѣ одинъ изъ его біографовъ,—«гдѣ-бы онъ не распоряжался и гдѣ-бы былъ полкъ не ободренный словами и примѣромъ его. Подъ нимъ убито пять лошадей; изъ адъютантовъ и ординарцевъ его весьма немногіе

удѣли. Велико было прежде негодованіе противъ Барклая де-Толли, но въ Бородинѣ общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его сторону. Уже нѣсколько недѣль не привѣтствовали его войска обычнымъ восклицаніемъ, но въ Бородинѣ отъ каждаго полка гремѣло ему ура»!.. Дѣйствительно, Михаилъ Богдановичъ видимо искалъ смерти въ этомъ бою. Не даромъ писалъ онъ Государю послѣ Бородинскаго боя, что «26 августа не сбылось мое пламеннѣйшее желаніе; Провидѣніе пощадило жизнь, которая меня тяготитъ». Наградою за Бородинскую битву ему былъ орденъ св. Георгія 2 степ. При отступленіи къ Москвѣ Барклай участвовалъ въ совѣщаніи въ Филяхъ, гдѣ доказалъ невыгоды позиціи передъ Москвой и предложилъ отойти безъ боя. Вскорѣ послѣ того болѣзнь и другія причины принудили Михаила Богдановича испросить себѣ у Кутузова увольненіе изъ арміи, чѣмъ закончилось участіе его въ Отечественной войнѣ. Судьба опредѣлила на долю Барклая самую трудную и неблагопріятную половину войны 1812 г. Искусное уклоненіе отъ несвоевременныхъ и необѣщавшихъ вѣрнаго успѣха боевъ; умѣнье совершать, борясь съ общимъ убѣжденіемъ, отступленіе, въ виду сильнѣйшаго непріятеля, всегда въ примѣрномъ порядкѣ и, по большей части, безъ урона; сохраненіе арміи, отъ существованія которой зависѣло спасеніе государства — вотъ великія, въ свое время непонятыя заслуги Барклая де-Толли въ войнѣ 1812 г.—«Настоящее противъ меня,—и я принужденъ покориться»,—сказалъ онъ въ ночь передъ отъѣздомъ изъ арміи одному изъ близко стоявшихъ къ нему лицъ, — «настанетъ время хладнокровнаго обсужденія всего случившагося—и это время отдастъ мнѣ должное. Я ввелъ колесницу на гору, а съ горы она скатится сама при маломъ руководствѣ... Мой трудъ, мой памятникъ на лицо: сохраненная, снабженная всѣмъ необходимымъ армія, а передъ ней—разстроенный, упавшій духомъ противникъ»... Оставивъ армію, Михаилъ Богдановичъ провелъ нѣкоторое время въ Калугѣ. При проѣздѣ черезъ этотъ городъ, чернь выбила стекла въ его каретѣ и ревѣла на всю улицу: «смотрите, вотъ измѣнникъ!» Потребовалось даже вмѣшательство полиціи. Послѣ того онъ прожилъ нѣсколько дней во Владимірѣ и, минуя Петербургъ, удалился въ небольшое имѣніе Бекгофъ, купленное имъ въ 1810 г., въ феллинскомъ уѣздѣ, лифляндской губерніи. Въ Бекгофѣ заключалось все состояніе Барклая, помышлявшаго уже о выходѣ въ отставку, но недолго продолжалось его уединеніе: черезъ нѣсколько дней Барклай получилъ письмо Императора Александра, возвратившее ему спокойствіе духа и призывавшее вновь къ дѣятельности. Императоръ отдавалъ полную справедливость заслугамъ Барклая и твердости его духа, увѣрялъ въ дружбѣ и приглашалъ снова примѣнить на дѣлѣ свои дарованія. Воспрянувшій духомъ, Михаилъ Богдановичъ, несмотря на разстроенное здоровье, поспѣшилъ въ Петербургъ, но не засталъ Государя, отъѣхавшаго къ арміи. 12 декабря, въ день рожденія Императора, Барклай явился къ выходу въ Зимній Дворецъ и здѣсь убѣдился во всеобщей къ нему холодности; ни одинъ изъ присутствовавшихъ не приблизился къ нему, и только послѣ того какъ Императрица осчастливила его особенною благосклонностью, Михаилъ Богдановичъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Подобное незаслуженное оскорбленіе такъ повліяло на него, что, не смотря на свое необыкновенное хладнокровіе, онъ, пріѣхавъ домой, заболѣлъ и слегъ въ постель. Оправившись, онъ поѣхалъ къ Государю, находившемуся при войскахъ заграницею, и 4 февраля 1813 г. принялъ командованіе 3-ею арміею. На послѣднюю было возложено взятіе крѣпости Торнъ, осадою которой и занялся Барклай де-Толли. 27 марта крѣпость была уже тѣсно обложена, а 4 апрѣля была взята, доставивъ Михаилу Богдановичу бриллiантовые знаки ордена св. Александра Невскаго и единовременно пятьдесятъ тысячъ рублей. Вскорѣ послѣ того, 5 мая, 3-я армія была присоединена къ главной, расположенной у Бауцена, и стала на правомъ флангѣ. Въ ночь съ 6 на 7 мая получено было извѣстіе объ обходномъ движеніи сильной непріятельской колонны противъ нашего праваго фланга, съ цѣлью дѣйствія на наши сообщенія. Противъ нея были отправлены всѣ войска Барклая, къ которымъ присоединили прусскій корпусъ Іорка и гренадерскій Раевскаго. Барклай разбилъ и уничтожилъ цѣлую непріятельскую дивизію при Кенигсвартѣ и выяснилъ въ то-же время, что направленныя въ обходъ нашего праваго фланга силы французовъ—гораздо болѣе, чѣмъ думали сначала. Сообразно этому послѣдовали соотвѣтственныя перемѣщенія въ расположеніи войскъ.

8 и 9 мая въ сраженіи при Бауценѣ Барклай командовалъ правымъ флангомъ, куда была направлена главная атака Наполеона. Бауценское сраженіе поставило Барклая де-Толли снова во главѣ арміи: 19 мая послѣдовалъ приказъ о назначеніи его главнокомандующимъ русско-прусской арміи. Почти одновременно съ этимъ Императоръ Александръ наградилъ его орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а король прусскій пожаловалъ ему орденъ Чернаго орла. Въ періодъ наступившаго перемирія Барклай де-Толли энергически принялся за устройство войскъ. Оружіе было исправлено; запасы пополнены; люди и лошади отдохнули; полки усилены прибывшими къ нимъ резервами и выздоровѣвшими, такъ что на смотрахъ, произведенныхъ Государемъ въ концѣ іюля, войска оказались въ самомъ удовлетворительномъ, а частью и въ блистательномъ состояніи. Это устройство обѣихъ союзныхъ армій было одной изъ главнѣйшихъ причинъ, убѣдившихъ австрійское правительство вступить съ Россіей и Пруссіей въ тѣсный союзъ. Барклай сохранилъ прежнюю должность, а австрійскій генералъ князь Шварценбергъ былъ назначенъ общимъ главнокомандующимъ всѣми арміями. Послѣ пораженія союзныхъ армій при Дрезденѣ, Барклаю со всѣми бывшими у него войсками предписано было отступить къ Теплицу, черезъ Дону, Гиспобель и Петерсвальде, по гористымъ, совершенно испорченнымъ отъ дождя дорогамъ. Барклай со свойственною ему проницательностью и вѣрностью военнаго взгляда, сравнивая данную диспозицію съ расположеніемъ непріятеля, предугадывалъ, что если ее исполнить, то корпусъ генерала Вандама успѣетъ его предупредить занятіемъ тѣснинъ при Гиспобелѣ и Петерсвальде: пришлось-бы пробиваться, а тѣмъ временемъ Наполеонъ получилъ бы возможность атаковать насъ и пруссаковъ съ тыла. Для избѣжанія этого Барклай нарушилъ диспозицію, двинулся правѣе на Диппольдисвальде и Максенъ и вечеромъ 17 августа подошелъ къ Кульму, гдѣ принявъ личное начальство надъ войсками, на другой день довершилъ пораженіе корпуса Вандама. До 12-ти тысячъ человѣкъ было взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ пять генераловъ и самъ Вандамъ, и съ ними 84 орудія, нѣсколько знаменъ, 200 зарядныхъ ящиковъ и весь обозъ. Кульмская побѣда имѣла громадное нравственное значеніе, поднявъ упавшій было духъ союзныхъ войскъ. Императоръ Александръ наградилъ Барклая орденомъ св. Георгія перваго класса, а императоръ австрійскій пожаловалъ ему командорскій крестъ Маріи Терезіи. Въ Лейпцигскомъ бою Барклай командовалъ войсками нашего центра и, подвергаясь лично величайшей опасности, распоряжался съ обычнымъ хладнокровіемъ и искусствомъ и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ побѣды. Эти новыя заслуги были награждены возведеніемъ его въ графское достоинство Россійской Имперіи. Въ 1814 г. графъ Барклай де-Толли носилъ званіе главнокомандующаго русской арміи, но непосредственно завѣдывалъ только русско-прусскимъ резервомъ, при которомъ находился, передавая ему повелѣнія Императора Александра и распоряженія князя Шварценберга. Его вліяніе на наши боевые корпуса ограничивалось только общимъ надзоромъ за административною и хозяйственною частями. Снабженіе русскихъ войскъ всѣми видами довольствія представляло огромный и важный трудъ, вслѣдствіе удаленія ихъ отъ Россіи и размѣщенія въ разныхъ арміяхъ, гдѣ они состояли въ вѣдѣніи иностранцевъ начальниковъ, не имѣвшихъ прямой обязанности заботиться объ ихъ внутреннемъ благосостояніи. По вступленіи нашихъ войскъ во Францію, Барклай участвовалъ въ сраженіяхъ при Бріеннѣ, Арсисъ-сюръ-Обѣ и Феръ-Шампенуазѣ, распоряжаясь русскими войсками, и за Бріеннъ былъ награжденъ золотою, украшенною лаврами и брилліантами, шпагою. При взятіи Парижа Михаилъ Богдановичъ проявилъ необыкновенную распорядительность, рѣшительно и своевременно атаковавъ высоты между Роменвилемъ и Пантеномъ, и затѣмъ Бельвиль. Императоръ Александръ тутъ-же, на полѣ битвы, поздравилъ его генералъ-фельдмаршаломъ. Черезъ день по вступленіи союзниковъ въ Парижъ, Блюхеръ, заболѣвъ, сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго силезскою арміею и таковое, по желанію прусскаго короля, возложено было на Барклая. Начальство-же надъ русско-прусскими резервами перешло къ Цесаревичу Константину Павловичу.

Съ возстановленіемъ Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, новый король, Людовикъ XVIII возложилъ на Барклая де-Толли звѣзду и ленту Почетнаго Легіона, а король шведскій Карлъ XIII прислалъ ему орденъ Меча 1-й степ.

Послѣ заключенія мира Барклай сопутствовалъ императору въ Лондонъ, а по возвращеніи оттуда удостоился чрезвычайно лестнаго рескрипта отъ прусскаго короля. Къ осени войска наши вступили въ Россію, и главною квартирою Барклая де-Толли сдѣлалась Варшава. Въ октябрѣ этого-же года графу Барклаю присвоено было званіе главнокомандующаго первою арміею, въ составъ которой вошли шесть армейскихъ корпусовъ, два гренадерскихъ и нѣсколько кавалерійскихъ дивизій. Понесенные труды, раны и огорченія, испытанныя въ Отечественную войну, сказались ослабленіемъ силъ графа, вслѣдствіе чего онъ просилъ позволенія удалиться на нѣкоторое время отъ всѣхъ дѣлъ, и просьба его была уважена Государемъ, написавшемъ ему, впрочемъ, что ввѣренная ему армія «никогда и ни въ какое время не должна выходить изъ подъ его начальства». Отпуску Михаила Богдановича воспрепятствовало бѣгство Наполеона съ острова Эльбы, вслѣдствіе чего онъ, въ началѣ апрѣля 1815 г., повелъ къ Рейну армію, состоявшую изъ 225 тысячъ человѣкъ, съ которою и вступилъ въ предѣлы Франціи. Но принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ нашимъ войскамъ не пришлось, въ виду окончанія войны Ватерлооскою побѣдой. Во время похода черезъ Францію, Михаилъ Богдановичъ попрежнему неусыпно заботился о сохраненіи порядка и дисциплины въ войскахъ и особенно о томъ, чтобы жителямъ не дѣлалось никакихъ притѣсненій и обидъ, чѣмъ дѣйствительно особенно отличались русскія войска сравнительно съ союзниками. Въ это-же время Барклай, съ Высочайшаго соизволенія, учредилъ особую военную полицію подъ названіемъ жандармовъ. На смотрѣ близъ Вертю, въ Шампаніи, на которомъ были всѣ союзные государи и множество иностранцевъ, русскія войска представились въ блистательнѣйшемъ порядкѣ, произведшемъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. 30 августа, въ день тезоименитства Государя, былъ церковный парадъ, на которомъ было въ строю 150 тысячъ человѣкъ и 540 орудій. Объявивъ Барклаю де-Толли за превосходное устройство порученныхъ ему войскъ особенное свое благоволеніе, Императоръ Александръ возвелъ его, вмѣстѣ съ нисходящимъ потомствомъ, въ княжеское достоинство. Короли французскій, нидерландскій и саксонскій пожаловали ему высшія степени своихъ орденовъ: св. Людовика, Вильгельма и св. Генриха; принцъ-регентъ Великобританіи прислалъ ему орденъ Бани 1-й степ., а городъ Лондонъ—драгоцѣнную шпагу, украшенную брилліантами.

По возвращеніи въ отечество, Барклай де-Толли перевелъ главную свою квартиру въ Могилевъ на Днѣпрѣ. Здѣсь провелъ онъ два года, неустанно продолжая заботиться о благоустройствѣ ввѣренныхъ ему войскъ. Между тѣмъ здоровье князя все болѣе и болѣе ослабѣвало. Въ началѣ 1818 г., пробывъ короткое время въ Петербургѣ, фельдмаршалъ испросилъ себѣ отпускъ въ Германію, надѣясь возстановить свои силы на тамошнихъ минеральныхъ водахъ, но на пути, въ Инстербургѣ, близь Кенигсберга, скончался на 57 году отъ рожденія. Тѣло его было перевезено въ Лифляндію и погребено въ Бекгофѣ, гдѣ надъ прахомъ умершаго полководца воздвигнутъ былъ великолѣпный мавзолей. Императоръ Александръ назначилъ вдовѣ покойнаго ежегодную пенсію въ 85 тысячъ рублей и предназначилъ соорудить въ честь его памятникъ, воздвигнутый уже въ слѣдующее царствованіе. Императоръ Николай I повелѣлъ въ 1826 г. бывшему 2-му карабинерному полку именоваться карабинернымъ генералъ-фельдмаршала князя Барклая де-Толли полкомъ, а 29-го декабря 1837 г. на Казанской площади, противъ Казанскаго собора, состоялось торжественное открытіе памятниковъ князю Кутузову-Смоленскому и князю Барклаю де-Толли, въ присутствіи Императора Николая Павловича и войскъ петербургскаго гарнизона. Оба памятника проэктированы извѣстнымъ русскимъ художникомъ Орловскимъ, а вылиты литейнымъ мастеромъ Якимовымъ въ 1836 г. Другой памятникъ воздвигнутъ ему въ помѣстьѣ его близъ Дерпта, на сумму, пожертвованную войсками русской арміи, служившими подъ его начальствомъ въ 1812—15 гг.

По описанію современниковъ, князь Барклай де-Толли «былъ высокаго роста, имѣлъ продолговатое, блѣдное лицо, верхнюю часть головы безъ волосъ, и носилъ бакенбарды. Поступь его и всѣ пріемы выражали важность и необыкновенное хладнокровіе, и вся наружность его, съ перваго взгляда внушавшая къ нему довѣріе и уваженіе, являла въ немъ человѣка, созданнаго предводить войсками... Спокойствіе духа никогда ему не измѣняло, и въ пылу битвы

онъ распоряжался точно такъ, какъ бы это было въ мирное время, въ безопасномъ мѣстѣ, не обращая никакого вниманія на непріятельскіе выстрѣлы. Безстрашіе его не знало предѣловъ. Въ обращеніи съ равными онъ былъ всегда вѣжливъ и обходителенъ, но ни съ кѣмъ близко не дружился; съ подчиненными, отъ высшихъ до низшихъ чиновъ, былъ кротокъ и ласковъ; никогда, ни въ какомъ случаѣ, не употреблялъ оскорбительныхъ и бранныхъ выраженій и всегда настоятельно требовалъ, чтобы до солдата доходило все ему слѣдуемое. Отличительную черту его характера составляла признательность къ лицамъ, способствовавшимъ его возвышенію. Глубоко уважая память своего бывшаго начальника, принца Ангальтъ-Бернбургскаго, онъ всегда, во всѣхъ походахъ, имѣлъ съ собою полученную отъ него шпагу и миніатюрный его портретъ, который обыкновенно вѣшалъ надъ своею постелью. Обладая обширными познаніями въ военномъ дѣлѣ, онъ любилъ заниматься и обогащать себя новыми свѣдѣніями: велъ жизнь весьма строгую и умѣренную; не дозволялъ себѣ ни въ чемъ излишества, убѣгалъ большихъ обществъ, не любилъ карточной игры и, взыскательный къ себѣ, снисходилъ къ слабостямъ другихъ, если онѣ не выходили изъ границъ приличія и законовъ»... Солдаты уважали Барклая за его необыкновенную храбрость, правоту и заботливость объ ихъ нуждахъ, но, при всѣхъ этихъ достоинствахъ, а можетъ быть именно вслѣдствіе такихъ достоинствъ и чрезвычайной возвышенности духа, онъ не могъ быть популярнымъ начальникомъ.

Барклай-де-Толли былъ женатъ на дочери эстляндскаго дворянина ***Еленѣ Ивановнѣ*** Смиттенъ изъ дома Бекгофъ. 26 марта 1809 г. она была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста; 30 августа 1814 г. получила званіе статсъ-дамы; скончалась въ 1828 г.

Таковъ краткій очеркъ жизни Барклая де-Толли, при всей краткости своей выставляющій исключительное значеніе душевныхъ свойствъ этого замѣчательнаго человѣка, который въ минуту тяжелаго для Россіи бѣдствія выдвинулся на широкое вліятельное поприще, благодаря твердой, мощной поддержкѣ императора Александра, на перекоръ невѣжественнымъ и перемѣнчивымъ сужденіямъ легкомысленной, легковѣрной толпы. Лучшею оцѣнкою Барклая служатъ обращенные къ нему стихи Пушкина:

«О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!»

«Галлерея гравированныхъ портретовъ генераловъ, офицеровъ и проч., которые мужествомъ своимъ, воинскими дарованіями или любовію къ отечеству споспѣшествовали успѣхамъ русскаго оружія въ теченіе войны въ 1812 году» (Русскій и французскій текстъ. Тетрадь 2-я, Спб. 1813 г.).— Дѣянія россійскихъ полководцевъ и генераловъ», Спб. 1822 г. ч. 1-я.— Бантышъ-Каменскій, «Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ», ч. III, Спб., 1840 г.—«Русскіе полководцы и министры». Н. Полеваго. Спб. 1849 г.—«Императоръ Александръ I и его сподвижники 1812 г.» Спб. вып. 105. — Глѣбовъ, «Слово о Барклай де-Толли».—«Современникъ» 1858 г. — Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе второй войны... 1806—1807 гг.», Спб., 1846 г.—Его-же, «Описаніе Отечественной войны въ 1812 г.», Спб., 1839 г. — Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны 1812 г. «Спб., 1859 г.—«Изображеніе военныхъ дѣйствій первой арміи въ 1812 г. Донесеніе Государю Императору главнокомандующаго первою арміею, военнаго министра Барклая де-Толли». Москва, 1859 г.—Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I».—«Портретная галлерея русскихъ дѣятелей». Изданіе А. Мюнстера, т. I, Спб., 1865 г. — «Изъ записокъ лифляндца 1790—1815 гг.» Левенштрема. («Военный Сборникъ» 1865 г. №№ 5—12).—Б. Иверсенъ, «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ», т. 9.—«Историческій Вѣстникъ», Февраль 1888 г. «О памятникѣ Барклаю де-Толли». — «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Д. Ровинскаго, т. II, стр. 481.—Словари: Плюшара, Старчевскаго, Зедделера, Толля, Березина, Леера и Андреевскаго.

Д. С—въ.

Барковъ, *Гавріилъ Михайловичъ*, генералъ - маіоръ, смоленскій вице-губернаторъ. Годы рожденія и смерти неизвѣстны. Черезъ 10 лѣтъ по окончаніи курса въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ принялъ участіе въ первой войнѣ съ турками при Екатеринѣ II и сразу пріобрѣлъ славу отважнаго офицера. Графъ Ѳ. Г. Орловъ, въ командованіи котораго находился Барковъ, поручилъ ему набрать отрядъ изъ греческихъ племенъ для борьбы съ турками въ Мореѣ. 21 февраля 1770 г. Барковъ съ отрядомъ въ 14 человѣкъ высадился въ Мореѣ, и вскорѣ возлѣ него сплотилось свыше 1000 грековъ. Съ ними-то онъ направился къ Мизитрѣ (др. Спарта). Несмотря на то, что здѣсь засѣлъ турецкій отрядъ въ 3500 человѣкъ, Барковъ послѣ семидневной осады взялъ крѣпость. Оставивъ въ ней отрядъ въ 500 человѣкъ, онъ

съ остальными 26 марта пошелъ къ мѣстечку Леонтари, гдѣ его ожидало посланное графомъ Орловымъ подкрѣпленіе въ 27 человѣкъ съ двумя пушками. Сюда стали приходить къ Баркову и греки, полагавшіе, что съ паденіемъ Мизитры наступитъ конецъ турецкому владычеству, и у него вскорѣ образовался отрядъ въ 8000 человѣкъ. Подступивъ съ ними къ Триполицѣ, охраняемой 6000 турецкимъ гарнизономъ, Барковъ потребовалъ немедленной сдачи крѣпости, но вмѣсто этого встрѣтилъ упорное сопротивленіе турокъ. Осажденные сдѣлали вылазку и быстрымъ натискомъ совершенно смяли и обратили въ бѣгство грековъ. Барковъ же, не будучи въ силахъ съ горстью своихъ бороться съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, сталъ отступать къ Леонтари, удачно отражая вражескія натиски, и во время этого отступленія былъ раненъ въ плечо и въ грудь. Однако отрядъ его счастливо добрался до Мизитры, а самъ Барковъ вернулся во флотъ. По возвращеніи флота въ Россію Барковъ былъ пожалованъ чиномъ подполковника и денежною наградою въ 400 червонцевъ. Въ 1780 г., произведенный въ полковники, онъ вышелъ въ отставку, а черезъ два года опредѣленъ смоленскимъ вице-губернаторомъ.

Казадаевъ, Рукописный словарь. — Рапортъ Баркова и данная ему инструкція гр. Ѳ. Г. Орлова (напечатаны въ «Сѣверномъ Архивѣ», за 1823 г., ч. VIII, стр. 247—257).—«Первый походъ россійскаго флота въ Архипелагъ, описанный адмираломъ Грейгомъ» (въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1823 г., ч. XIV и XV.)

Барковъ, *Иванъ*, писатель, род. въ 1732 г., ум. въ 1768 г. (Отчество его указывается различно: Бекетовъ называетъ его «Степановичемъ», митрополитъ Евгеній и Геннади «Ивановичемъ», а Гречъ, Губерти, и лексиконы Плюшара и Березина «Семеновичемъ»). Происходя изъ духовнаго званія, Барковъ сначала обучался въ семинаріи при Александро-Невской лаврѣ, а 26 Апрѣля 1748 г. явился къ Ломоносову и заявилъ о своемъ желаніи быть студентомъ при Академіи наукъ. Въ виду этого Ломоносовъ «говорилъ съ нимъ по латинѣ и задавалъ переводить съ латинскаго на россійской языкъ, изъ чего усмотрѣлъ, что онъ имѣетъ острое понятіе и латинской языкъ столько знаетъ, что въ профессорскія лекціи разумѣть можетъ». На основаніи этого экзамена Ломоносовъ доложилъ Академіи, что «ежели канцелярія Академіи наукъ заблагоразсудитъ его съ протчими семинаристами въ Академію потребовать, то я уповаю, что онъ въ наукахъ отъ другихъ отмѣнить себя можетъ». Въ виду похвальной аттестаціи Ломоносова, Барковъ былъ тогда же принятъ въ академическій университетъ, гдѣ слушалъ философію, математику, физику, исторію, а также литературу, преимущественно классическую. Экзаменъ, произведенный студентамъ въ началѣ 1750 г. обнаружилъ, что Барковъ «нѣсколько показалъ успѣховъ въ ариометикѣ, а въ другихъ математическихъ наукахъ не столько, также и въ философіи немного учился. Онъ объявляетъ, что онъ большей части трудился въ чтеніи латинскихъ авторовъ и между оными Саллюстія, котораго перевелъ по русски войну Катилинову. Понятія не худово; но долго лежалъ болѣнъ и кажется, что острота его отъ оной болѣзни еще нѣчто претерпѣваетъ». Какъ оказалось, всѣ студенты могли читать французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, а Барковъ представилъ сверхъ того на экзаменѣ и сочиненіе свое на латинскомъ языкѣ. Поведеніе Баркова однако-же не одобрялось: Фишеръ писалъ о немъ: «среднихъ обычаевъ, но больше склоненъ къ худымъ дѣламъ». Впрочемъ, въ то время общій уровень нравственности среди студентовъ былъ необыкновенно низокъ. Но скоро Барковъ и въ этой средѣ выдѣлился своимъ буйствомъ и невоздержной жизнью. Въ 1751 г. завѣдующій студентами проф. Крашенинниковъ доносилъ, что посаженный въ карцеръ за то, что отпускомъ въ церковь воспользовался для кутежа, Барковъ «ушелъ изъ университета безъ позволенія, пришелъ къ Крашенинникову въ домъ, съ крайнею наглостью и невѣжествомъ учинилъ ему пregрубые и предосадные выговоры съ угрозами», а затѣмъ сталъ чернить Крашенинникова въ глазахъ другихъ профессоровъ. По настоянію Крашенинникова, Барковъ былъ, въ присутствіи всѣхъ студентовъ, подвергнутъ тѣлесному наказанію. Озлобленный экзекуціею, Барковъ загулялъ опять, и ему грозило новое наказаніе. Тогда онъ сказалъ за собою «слово и дѣло» и, взятый «подъ караулъ», отправленъ былъ въ тайную канцелярію розыскныхъ дѣлъ, откуда, впрочемъ, былъ скоро возвращенъ и снова принятъ въ университетъ, но съ приказаніемъ впредь вести себя скромнѣе, подъ страхомъ жестокаго наказанія и отдачи въ матросскую службу. Несмотря на то, чрезъ мѣсяцъ послѣ всѣхъ этихъ зло-

ключеній—25 мая 1751 г., за новыя продѣлки Барковъ оказался уже исключеннымъ изъ числа студентовъ, и, въ видѣ наказанія, посланъ въ академическую типографію «ученикомъ наборнаго дѣла,—съ содержаніемъ по 2 р. въ мѣсяцъ»; впрочемъ канцелярія, «усмотря его молодыя лѣта и ожидая, не будетъ ли отъ него впредь какого плода», назначила ему обучаться россійскому штилю. у проф. Крашенинникова, и языкамъ французскому и нѣмецкому, а по окончаніи учебныхъ часовъ приходить въ типографію. Сначала Барковъ, повидимому, усердно принялся за дѣло, но, годъ спустя, снова набуянилъ и вторично былъ наказанъ розгами. Къ началу слѣдующаго года Барковъ, однако-же, вернулъ къ себѣ милость начальства и 2 марта 1753 г. былъ «впредь до усмотрѣнія» перемѣщенъ изъ типографіи въ академическую канцелярію — для переписки на бѣло, съ обѣщаніемъ прибавки жалованія, «ежели онъ свои худые поступки оставитъ». Несмотря на неправильную жизнь, Барковъ, за три года пребыванія въ университетѣ, успѣлъ пріобрѣсти хорошее, по тому времени образованіе. Онъ изучилъ теорію и исторію словесности и многіе иностранные языки. Этимъ и объясняется, что академическое начальство относилось къ Баркову снисходительно, а Ломоносовъ даже приблизилъ его къ себѣ. По крайней мѣрѣ, конференцъ-секретарь Миллеръ въ январѣ 1756 г. жаловался на то, что Барковъ «находится безпрестанно у Ломоносова», ибо «переписываетъ сочиненную Ломоносовымъ россійскую грамматику». Посѣщенія Ломоносова на дому, впрочемъ, Баркова особенно не прельщали, такъ какъ Ломоносовъ, по отзывамъ современниковъ, былъ «съ низшими и въ семействѣ суровъ». По этой причинѣ, а, быть можетъ, изъ опасенія утратить въ Академіи должность, Барковъ 24 мая 1756 г. просилъ, чтобы ему приказано было «данныя отъ Ломоносова дѣла переписывать въ канцеляріи, и отъ Академіи бы его никуда не отлучать». Академическая канцелярія удовлетворила его желаніе.

По мѣрѣ того, какъ становилось сноснѣе существованіе Баркова, онъ все дѣятельнѣе выступалъ на литературномъ поприщѣ частью самостоятельными, частью переводными трудами. По показаніи Штеллина, впервые Барковъ въ литературѣ объявился около 1753 г., издавъ въ Москвѣ остроумныя и колкія сатиры, написанныя прекрасными стихами, и направленными противъ ограниченности тогдашнихъ русскихъ стихотворцевъ. Въ 1762 г. послѣдовала «Ода на день рожденія Императора Петра III (напечатанная in 4°, безъ подписи имени); за это произведеніе Барковъ удостоенъ былъ званія переводчика Академіи. Въ томъ же 1762 г. Барковъ написалъ «Житіе князя Антіоха Дмитріевича Кантемира»—или, вѣрнѣе, сократилъ и перевелъ біографію русскаго сатирика, сочиненную аббатомъ де Гуаско; помѣщена эта біографія, какъ введеніе къ «Сатирамъ и другимъ стихотворческимъ сочиненіямъ Кн. А. К.», снабженнымъ объяснительными примѣчаніями Баркова. Кромѣ того Барковымъ сочинена была, но осталась не напечатана, «Краткая россійская исторія отъ Рюрика до временъ Петра Великаго». Еще болѣе многочисленны переводы Баркова. Первымъ его опытомъ въ этомъ направленіи надо считать вышедшіе лишь въ 1786 г., но изготовленные въ 1758 г. «Переводы съ латинскаго и шведскаго языка, случившіеся во времена Императора Марка Аврелія Римскаго и Каролуса XII Шведскаго». Вообще, главнѣйшимъ и полезнѣйшимъ занятіемъ Баркова при Академіи было исправленіе русскаго стиля въ переводахъ и другихъ сочиненіяхъ, предназначавшіеся академіею для печати. Такъ, онъ почти заново передѣлалъ и издалъ въ 1761 г. переводъ Телемака, напечатанный Хрущовымъ въ царствованіе Анны Іоановны.— Въ 1762 г. появился переводъ Баркова съ итальянскаго: «Миръ героевъ драмма на музыкѣ» Людовика Лазароніи Венеціанина; переводъ этотъ былъ напечатанъ en regard съ подлинникомъ, написаннымъ и представленнымъ по случаю торжествъ при заключеніи мира между Россіею и Пруссіею. Въ 1763 г. послѣдовали «Квинта Горація Флакка сатиры или бесѣды, переводъ съ латинскаго стихами и съ примѣчаніями переводчика». Сверхъ посвященія въ стихахъ гр. Гр. Гр. Орлову, гдѣ объясняется польза и удовольствіе, доставляемое чтеніемъ сатиръ, и подчеркиваются права, даруемыя сатирику самими музами, Барковъ въ предисловіи распространяется о цѣли сатиры вообще и о преимуществѣ ея предъ нравоучительною философіею; послѣдняя не въ состояніи оказать такого вліянія на страсти человѣческія и привести къ исправленію, какъ сатира, живо изображающая пороки и могущая скорѣе возбудить въ сердцахъ

вращеніе къ злоправію. Въ томъ же 1763 г. Барковымъ переведены басни Федра (2-е изданіе—1787 г.). Барковъ пытается шестистопными стихами передать въ точности сжатость подлинника, и, за исключеніемъ отдѣльныхъ выраженій, обветшавшихъ и жесткихъ, переводъ Федра понынѣ читается безъ особаго напряженія. Къ сочиненіямъ Федра переводчикъ присоединилъ предисловіе о пользѣ басенъ, замѣтку о жизни самого баснописца, а въ концѣ книги помѣстилъ «Діонисія Катона двустрочные стихи о благонравіи къ сыну». Весьма солидный переводъ выполненъ Барковымъ по исторіи въ 1766 г.: «Сокращенная универсальная исторія Голберга»; скоро пріобрѣтшій популярность переводъ этотъ выдержалъ 3 изданія. Въ началѣ 70-хъ годовъ Таубертъ задумалъ изданіе «Лѣтописи Нестора по Кенигсбергскому списку» и поручилъ печатаніе, корректуру и вообще все дѣло Баркову. Это изданіе было выпущено въ 1767 г. и вызвало у Шлецера весьма отрицательное отношеніе. Но винить Баркова въ недостаткахъ изданія нельзя, такъ какъ Таубертъ приказывалъ Баркову подновлять старую ороографію, пропускать цѣлые отрывки не историческаго содержанія, непонятныя мѣста измѣнять по догадкамъ и дѣлать ихъ понятными, старыя, обветшалыя слова замѣнять новыми по соображенію и т. п. Такая система въ корень противорѣчитъ принципамъ археографіи. Однако позднѣйшіе ученые отнеслись къ труду Баркова снисходительнѣе Миллера и находятъ, что текстъ Кенигсбергской лѣтописи переданъ довольно вѣрно, исключая пропусковъ. Если же и найдутся противъ ея ошибки или несходства то онѣ, въ сущности, маловажны и по количеству незначительны.

Помимо серьезныхъ переводовъ Барковъ, веселый нравомъ и безпечный, охотно грѣшилъ фривольными стихотвореніями, благодаря коимъ имя его живетъ въ публикѣ до сихъ поръ. Среди ихъ заслуживаютъ вниманія развѣ только «Трагическія безделки»; здѣсь Барковъ, потѣшаясь надъ ходульною торжественностью Сумароковскихъ трагедій, не безъ юмора влагаетъ въ уста своимъ героямъ возвышенныя рѣчи на совершенно непристойныя и тривіальныя темы. За то «Вакханальныя и эротико-пріапейскія стихотворенія» представляютъ не болѣе какъ грубое «сквернословіе, сплетенное въ стихи». Необходимо замѣтить, однако, что рукописныя тетради часто приписываютъ Баркову вещи, вовсе непринадлежащія ему. Полный списокъ «непечатныхъ» сочиненій Баркова принесенъ библіотекаремъ Поповымъ въ даръ Императорской публичной библіотекѣ и носитъ заглавіе «Дѣвическая игрушка, или собраніе сочиненій Баркова».

Продуктъ низкой культурности эпохи, Барковъ до конца недолгой своей жизни былъ безпорядочнымъ «пьяницею» и, какъ гласитъ преданіе, 36 лѣтъ отъ роду; онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ, оставивъ шутливую и лаконическую записку. А между тѣмъ литературные труды Баркова отличаются чистымъ и пріятнымъ слогомъ, а въ сатирическихъ произведеніяхъ проявляется несомнѣнное остроуміе. Стихомъ Барковъ владѣлъ, какъ немногіе изъ его современниковъ, а превосходные переводы даютъ ему полное право на почтенное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія прошлаго вѣка. Барковъ самъ хорошо зналъ себѣ цѣну и недаромъ онъ, поддразнивая Сумарокова, увѣрялъ, что онъ, Барковъ, — первый въ Россіи стихотворецъ, Ломоносовъ—второй, а на третьемъ только мѣстѣ стоитъ Сумароковъ; этимъ то самосознаніемъ, на ряду съ неудачничествомъ, и объясняется жалкое существованіе и печальная смерть Баркова.

Бекетова «Пантеонъ русскихъ авторовъ». — Словари: митр. Евгенія, Геннади, Плюшара, Березина, Венгерова.—Билярскій, «Матеріалы для біографіи Ломоносова». — Пекарскій, «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг.» (Приложеніе къ XII т. «Записокъ И. А. Н.»).—Толстой, гр. Д. А., «Академическій университетъ въ XVIII в.» (Приложеніе къ LI т. «Записокъ И. А. Н.»).—А. А. Куникъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. А. Н.» — Штеллинъ, Записка въ «Москвитянинѣ» 1851 г., № 2. — Губерти, «Матеріалы для русской библіографіи». — Шлецеръ, «Автобіографія» (пер. Кеневича въ «Сборникѣ Отдѣленія Русскаго яз. и Словесности», т. XXX).—Полѣновъ, «Библіографическое обозрѣніе лѣтописей».—Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ». — Пушкинъ, А. С., «Историческіе анекдоты».—«Собраніе сочиненій и переводовъ И. С. Баркова», Спб., 1872 г.

Барма, зодчій XVI в., принимавшій, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Постникомъ, дѣятельное участіе въ постройкѣ храма Василія Блаженнаго въ Москвѣ. «Русскій мастеръ премудрый и таковому чудному дѣлу удобный», какъ характеризуетъ его лѣтопись. Барма и Постникъ, по словамъ того же источника, возвели на мѣсто семи деревянныхъ церквей, окружавшихъ главный придѣлъ этого храма, восемь каменныхъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что архитектурныя формы этого замѣчательнаго памятника нашего національнаго искусства - русскаго происхожденія.

И. Кузнецовъ, «Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора». (Чтенія въ общ. ист. и древ. рос., 1896 г. кн. II).

Барминскій, *Николай Васильевичъ*, врачъ, писатель, род. въ 1818 г., ум. 30 октября 1877 г. По окончаніи курса въ нижегородской гимназіи въ 1835 г., поступилъ въ медико-хирургическую академію и въ 1840 г. выпущенъ оттуда лекаремъ въ 14-й флотскій сводный экипажъ балтійскаго флота. Съ 1843 до 1855 г. состоялъ прозекторомъ анатоміи въ казанскомъ университетѣ. По полученіи степени доктора медицины въ московскомъ университетѣ (1854 г.), Барминскій оставилъ прозекторство, нѣкоторое время былъ инспекторомъ фельдшерской школы при казанскомъ военномъ госпиталѣ и съ 1861 г. до смерти состоялъ военнымъ врачемъ при различныхъ войсковыхъ частяхъ. Ему принадлежатъ: 1) «Нѣсколько замѣчательныхъ анатомическихъ уклоненій» въ «Запискахъ», изд. П. А. Дубовицкимъ, 1848 г., № 3; 2) «Замѣчательный случай патологическаго измѣненія женскихъ половыхъ и мочевыхъ органовъ» (въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», 1853 г., ч. LXI); 3) «De varicocele» (диссертація; М., 1854 г.); «Опытъ медико-топографическаго описанія. Саратовскій уѣздъ, саратовской губерніи. Съ раскрашенною картою». (Саратовъ, 1868 г.; большую часть книги занимаетъ приложеніе, подъ заглавіемъ: «Медико-статистическій списокъ населенныхъ мѣстъ по мировымъ участкамъ»). Кромѣ того, Барминскій извѣстенъ своими анатомическими препаратами, подаренными имъ вышеупомянутой фельдшерской школѣ.

«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1861 г., т. II.—Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», Спб., 1886 г.). — Словарь Венгерова. — Его-же, (Русскія книги», вып. XII (Спб., 1897 г.).

Барнешлевъ (Барнышлевъ), *Андрей Афанасьевичъ*, якутскій воевода, по происхожденію иностранецъ (до принятія православія—Вилимъ Ивановичъ). Записанный въ боярскія дѣти по г. Енисейску, онъ первое время занимался развѣдываніемъ горныхъ рудъ въ енисейской и смежныхъ съ ней областяхъ, и въ 1660 г. нашелъ на р. Кіѣ двѣ слюдяныя горы. Въ 1668 г. онъ завѣдывалъ Баргузинскимъ острогомъ, и въ этомъ же году построилъ Яровненскій острогъ, который, впрочемъ, скоро былъ уничтоженъ нерчинскими служилыми людьми. Въ 1681 г., по порученію главнаго командира, закупалъ на выданныя ему изъ Енисейска 150 р. хлѣбъ для Нерчинска острога. Съ 1675 по 1678 г. Барнешлевъ былъ якутскимъ воеводой, и эта-то эпоха его дѣятельности намъ наиболѣе извѣстна, частію по его собственнымъ отпискамъ и памятямъ, а частію по челобитной на него ясачныхъ якутовъ. Одна изъ первыхъ его отписокъ доносила, что за его предшественникомъ, княземъ Яковомъ Волконскимъ, оказалось недочету болѣе чѣмъ на 13000 рублей. Изъ другихъ его отписокъ узнаемъ что онъ занимался собираніемъ лекарственныхъ травъ и кореньевъ и отсылалъ ихъ въ Москву. Заботясь о благосостояніи своей области, онъ выпрашивалъ для Якутска разнаго рода припасы, судовыя принадлежности, денежное жалованье служилымъ людямъ и т. п.; содѣйствовалъ крещенію нѣсколькихъ якутъ; въ видахъ охраненія спокойствія въ краѣ, онъ, согласно Царскому указу, строго воспрещалъ русскимъ продавать или промѣнивать оружіе инородцамъ и т. д. Въ числѣ отписокъ Барнешлева особенно интересна та, въ которой онъ дѣлаетъ довольно подробное описаніе состоянія всѣхъ подвѣдомственныхъ ему острожковъ и зимовьевъ. Но, согласно духу времени, Барнешлевъ былъ жестокъ и нерѣдко прибѣгалъ къ насилію. Въ концѣ 1676 г. противъ него составился заговоръ, но результатомъ его была казнь главныхъ виновниковъ. Въ челобитной 1679 г. ясачные якуты обвиняютъ его въ томъ, что онъ «чинилъ налоги и обиды и тѣсноты великіе, имałъ насильствомъ и соболи и скотъ и кони добрые и дочерей дѣвокъ и отъ живыхъ мужей женъималъ себѣ въ холопство и крестилъ, и ималъ себѣ въ дворъ казачьихъ дѣтей въ холопство-жъ». Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ.

Акты историческіе, т. IV, стр. 481. — Дополненія къ актамъ историческимъ (по указателю)

В. Р—въ.

Бароцци, *Иванъ Степановичъ*, д. ст. сов., генеральный консулъ. Въ 1789 г. опредѣленъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ и отправленъ въ армію къ кн. Потемкину, для дипломатическихъ переговоровъ съ турками. Въ 1791 г. состоялъ въ Яссахъ при уполномоченномъ по заклю-

ченію мира съ Турціей кн. А. А. Безбородко, который высоко цѣнилъ его способности. Безбородко поручилъ ему передать письменныя представленія визиря и при этомъ «учинить внушенія на словахъ». Бароцци исполнилъ это порученіе весьма успѣшно, повліялъ на визиря смѣлостью своихъ рѣчей и воспользовавшись своимъ знакомствомъ съ вліятельными лицами при дворѣ султана. За такое содѣйствіе успѣху мирной негоціаціи съ Оттоманскою портою» онъ награжденъ былъ пожизненною пенсіей и чиномъ полковника. Затѣмъ онъ былъ причисленъ къ посольству въ Константинополѣ. Въ 1795 г. отправленъ пограничнымъ комисаромъ въ Каменецъ-Подольскъ. Въ 1800 г. назначенъ генер. консуломъ въ Рагузу, затѣмъ въ Венецію, гдѣ пробылъ до 1805 г.

Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ: Послужной списокъ (Бараци).—Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. т. 26, 29 (Канцлеръ Безбородко).

Н. П.—С.

Барскій, *Авраамъ Андреевичъ,* журналистъ, внукъ, по матери, еврейскаго ученаго Давида Ландсберга, окончилъ курсъ въ новороссійскомъ университетѣ по математическому факультету и, затѣмъ, поступилъ въ цюрихскую политехническую школу, гдѣ получилъ званіе инженера. Барскій принималъ участіе въ прорытіи С.-Готардскаго туннеля. Въ 1881 г. онъ вернулся въ Россію и занялся журналистикой, сдѣлавшись сотрудникомъ «Разсвѣта», въ которомъ помѣстилъ рядъ статей по еврейскому вопросу, но въ слѣдующемъ году окончилъ жизнь самоубійствомъ въ Петербургѣ.

Словарь Венгерова, II т., 155.

Барсовъ, *Александръ Дмитріевичъ,* магистръ философіи и свободныхъ наукъ, преподаватель математики, род. въ Ярославлѣ, ум. около 1800 г. Воспитывался Барсовъ сначала въ московскомъ коммерческомъ училищѣ, а потомъ въ московскомъ университетѣ. Приходился племянникомъ Антону Алексѣевичу Барсову. Ему принадлежатъ слѣдующіе переводы, по большей части съ нѣмецкаго языка: 1) «Геометрія для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ, Якоби», М., 1790 г.—2) «Представленіе всеобщей исторіи А. Шлецера», 2 изд., М., 1791 г. и Спб., 1809 г.—3) «Ариөметика Ф. Вейтлера, пер. съ лат. Д. Аничковъ исправленное и дополненное Барсовымъ» 2 изданія: М., 1787 и 1795 г. 4) «Школа деревенской архитектуры, Ф. Коаптеро» М., 1794 г. 5) «Новая алгебра, содержащая не только простую аналитику, но также дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленія» М., 1798 г. 6) «Новѣйшая ариөметика, И. Шмита». М. 1797 г. 7) Переводъ изъ энциклопедіи о комерціи (безъ года); переводъ сдѣланъ вмѣстѣ съ другими лицами.

Словари: митр. Евгенія, Березина, Геннади, Толя, Андреевскаго и Венгерова.

Барсовъ, *Алексѣй Кирилловичъ,* директоръ московской синодальной типографіи, родомъ изъ Ярославля, а по свидѣтельству Филарета - сынъ московскаго священника, род. около 1673 г., ум. 22 мая 1736 г. Обучался Барсовъ въ славяно-греко-латинской академіи у грека Софронія Лихуды. По окончаніи курса наукъ, какъ лучшій изъ учениковъ, былъ избранъ въ званіе справщика духовной типографіи, что считалось тогда очень важною должностью. Какъ прекрасный знатокъ греческаго языка, онъ занимался переводами разныхъ грамотъ, присылавшихся отъ восточныхъ патріарховъ къ Государю и въ Синодъ. Съ 1712 г. по 1721 г. онъ участвовалъ вмѣстѣ со своимъ учителемъ Софроніемъ Лихудою и архимандритомъ Өеофилактомъ Лопатинскимъ въ исправленіи славянскаго перевода Библіи. Въ 1725 г. Барсовъ назначенъ учителемъ въ греческія школы (послѣ того какъ онѣ были соединены съ славяно-греко-латинскою академіей) и занимался тамъ до 1731 г., исправляя въ то же время и должность типографскаго справщика. Въ 1725 г. въ Москвѣ изданъ Барсовымъ переводъ, лично Петромъ ему порученный, книги «Аполлодора—грамматика аөинейскаго библіотека или о богахъ», напечатанный гражданскимъ шрифтомъ. Переводчику въ этой книгѣ принадлежитъ «увѣщаніе читателю», а предисловіе сдѣлано, также по повелѣнію Государя, Өеофаномъ Прокоповичемъ. Переводъ этотъ вѣренъ, но, сообразно тогдашней манерѣ, слишкомъ буквальный. Барсовъ ходатайствовалъ о награжденіи его за эту книгу, а также и за другіе труды, и Синодъ положилъ выдать ему, сверхъ жалованья 100 р. Въ 1731 г. Барсовъ оставилъ учительство и былъ назначенъ директоромъ типографіи, но въ 1732 г. онъ былъ взятъ въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію; обвиненіе его состояло въ томъ, что онъ читалъ рукописную біографію Өеофана, весьма для него нелестную, имѣлъ у себя повѣсть, въ ко-

горой описывался гнѣвъ Божій, постигшій царя Мануила за присвоеніе имъ права судить и казнить духовныхъ и, наконецъ, въ томъ, что онъ выдалъ изъ типографіи шрифтъ для напечатанія книги Рибейры противъ Буддея, протестантскаго богослова, и въ защиту Стефана Яворскаго, врага Ѳеофана Прокоповича. Протомившись въ тайной канцеляріи 4 года Барсовъ въ ней и умеръ.

Словари: митроп. Евгенія, Геннади, Плюшара, Венгерова, Андреевскаго. — Филаретъ, «Обзоръ русск. духов. литер.», т. II.—Сухомлиновъ, «Ист. Рос. Акад.», т. IV. — Смирновъ, «Исторія греко-латинской академіи». — Пекарскій, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ».

Барсовъ, *Антонъ Алексѣевичъ*, профессоръ краснорѣчія въ московскомъ университетѣ, сынъ Алексѣя Кирилловича Барсова, род. въ 1730 г., въ Москвѣ, ум. 21 декабря 1791 г. Восьми лѣтъ онъ отданъ былъ въ славяно-греко-латинскую академію и пробылъ тамъ до 1748 г., когда, по волѣ Императрицы Елисаветы Петровны, были потребованы изъ разныхъ школъ въ Академію наукъ 30 юношей, наиболѣе способныхъ и знающихъ латинскій языкъ; въ числѣ выбранныхъ изъ славяно-греко-латинской академіи находился и Барсовъ, учившійся тогда уже въ школѣ философіи и аттестованный передъ академикомъ Тредіаковскимъ, нарочно пріѣзжавшимъ въ Москву для выбора юношей, самымъ лучшимъ образомъ. Съ 1748 г. Барсовъ былъ студентомъ академическаго университета; замѣчательныя способности его, основательная домашняя подготовка подъ руководствомъ отца и познанія, пріобрѣтенныя имъ въ славяно-греко-латинской академіи, выдвинули его очень скоро, и на него было возложено обученіе учениковъ гимназіи. Всѣ профессора, каждый по своей спеціальности, считали Барсова наилучшимъ изъ своихъ учениковъ. Тредіаковскій называлъ его первымъ изъ первыхъ между своими слушателями, составлявшими «образцовую роту мирныхъ воиновъ на научномъ поприщѣ». Проф. Рихманъ находилъ въ немъ геніальныя математическія способности. Ломоносовъ и другіе академики, признавъ, что Барсовъ, преуспѣвая во всемъ, всего болѣе интересуется словесными и философскими науками, совѣтовали ему избрать спеціальностью философію и заниматься ею у академика Брауна, а словесныя науки слушать у академика Фишера. Въ 1753 г. Барсовъ получилъ степень магистра съ обязанностью читать лекціи по математикѣ въ академическомъ университетѣ, заниматься переводами ученыхъ сочиненій и кромѣ того не оставлять занятій по избраннымъ имъ предметамъ. Въ 1755 г. Академія наукъ съ сожалѣніемъ отпустила лучшаго своего магистра Барсова вмѣстѣ съ двумя его товарищами, въ только что основанный московскій университетъ, для занятія въ немъ каѳедры математики. Съ этого времени дальнѣйшая судьба Барсова связана съ исторіей московскаго университета, торжественное открытіе котораго 26 апрѣля 1755 г., Барсовъ привѣтствовалъ рѣчью «О пользѣ учрежденія московскаго университета». Конференція ходатайствовала о назначеніи его ординарнымъ профессоромъ математики, но ходатайство это не было уважено, и въ званіе профессора онъ возведенъ лишь при переходѣ на новую каѳедру: въ 1761 г. Барсовъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ краснорѣчія и занималъ эту кафедру въ теченіи 30 лѣтъ, до самой своей смерти. Въ лекціяхъ своихъ Барсовъ не ограничивался сухимъ изложеніемъ теоріи словесности, но, считая истинною цѣлью научнаго образованія «соединеніе умственнаго развитія съ нравственнымъ», онъ давалъ всестороннее объясненіе разбираемыхъ имъ писателей и обращалъ вниманіе на взаимную связь литературныхъ произведеній. Одною изъ его служебныхъ обязанностей, какъ профессора краснорѣчія, было произнесеніе рѣчей въ публичныхъ собраніяхъ университета и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Рѣчи его составлены всѣ по одному образцу, по строжайшимъ правиламъ риторики, заключаютъ въ себѣ массу славянизмовъ и заимствованій изъ церковныхъ книгъ, которыя онъ, подобно Ломоносову, считалъ неисчерпаемымъ источникомъ для обогащенія русскаго языка и слога, но не смотря на шаблонное построеніе рѣчей, онѣ не искажаютъ истины въ томъ, что касается самой сущности дѣла, имѣютъ свое значеніе въ исторіи русской литературы XVIII столѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ матеріаломъ для исторіи русскаго языка.

Кромѣ должности профессора, на Барсова было возлагаемо много постороннихъ обязанностей и порученій: онъ былъ инспекторомъ студентовъ, издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей», цензоромъ книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи. И

ніи И. И. Бецкаго онъ сочинилъ «генеральный планъ» московскаго воспитательнаго дома, утвержденный въ 1763 г.; по порученію комиссіи 1767 г., собранной для сочиненія новаго уложенія, Барсовъ написалъ проектъ «о дворянствѣ»; для занятій Екатерины II русскою исторіею, онъ, по порученію Шувалова (вмѣстѣ съ Чеботаревымъ) доставлялъ матеріалы, составленные частью изъ дословныхъ выписокъ изъ лѣтописей, а частью изъ пересказа ихъ. Разныя литературныя общества избирали Барсова своимъ членомъ, и въ трудахъ каждаго изъ нихъ онъ принималъ дѣятельное участіе; при учрежденіи въ 1771 г. при московскомъ университетѣ «Вольнаго Россійскаго Собранія», онъ былъ избранъ бессмѣннымъ его секретаремъ и подъ его редакціей въ теченіе 9 лѣтъ (1774—1783) издавался органъ этого общества «Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императ. Московскомъ Университетѣ». Въ 1783 г. Барсовъ избранъ въ члены Россійской академіи, какъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей русской литературы и науки. Въ 1789 г. основалось въ Москвѣ «Общество любителей учености», и Барсовъ избранъ его предсѣдателемъ. Наконецъ, латинское общество въ Іенѣ избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Несмотря на огромное количество занятій по службѣ и по различнымъ ученымъ порученіямъ, Барсовъ, благодаря своей неутомимой дѣятельности и энергіи, находилъ время заниматься самымъ любимымъ своимъ предметомъ — русской грамматикой, надъ которой онъ работалъ съ увлеченіемъ: его «Краткія правила россійской грамматики» съ 1771 по 1802 г. выдержали 9 изданій. Самымъ главнымъ и замѣчательнымъ трудомъ Барсова была «Обстоятельная россійская грамматика», составленная имъ для народныхъ училищъ по порученію особой комиссіи. Трудъ этотъ остался неизданнымъ, не сохранилось даже рукописи, представленной авторомъ въ Академію, а извѣстенъ онъ лишь только по спискамъ, да и то не совсѣмъ полнымъ, хранящимся въ архивѣ московскаго университета и въ публичной библіотекѣ. Барсовъ потратилъ на это сочиненіе много труда, онъ писалъ его съ 1783 по 1785 г., но комиссія о народныхъ училищахъ не признала удобнымъ ввести эту грамматику въ народныхъ училищахъ, вѣроятно, вслѣдствіе массы подробностей, непригодныхъ для низшей школы, а также за нѣкоторыя нововведенія въ ореографіи. Тѣмъ не менѣе, въ грамматикѣ своей Барсовъ является достойнымъ послѣдователемъ и продолжателемъ Ломоносова и кромѣ основательнаго знакомства съ европейскою филологическою литературою, обнаружилъ глубокое пониманіе родного языка.

Похороненъ Барсовъ на кладбищѣ Андроніева монастыря въ Москвѣ. По отзывамъ современниковъ, Барсовъ, какъ человѣкъ ученый, дѣятельный и энергичный, пользовался всеобщей любовью и глубокимъ уваженіемъ. Карамзинъ говорилъ, что онъ возвращался отъ Барсова всегда съ «обиліемъ мыслей», а по словамъ кн. В. М. Долгорукова, «такихъ мужей, каковъ былъ Барсовъ, во всякомъ царствѣ и вѣкѣ немного, и онъ въ сословіи ученыхъ былъ отлично уважаемъ».

Рѣчи Барсова были изданы имъ въ Москвѣ 1788 г. особой книгой подъ названіемъ: «Собраніе рѣчей, говоренныхъ въ Имп. москов. универ., при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, краснорѣчія публичнымъ и ординарнымъ профессоромъ Антономъ Барсовымъ». Сюда вошли 9 рѣчей, произнесенныхъ имъ съ 1755 по 1786 г., но не помѣщена «рѣчь говоренная въ московскомъ университетѣ 6 сентября 1760 г.»: она напечатана у Сухомлинова въ Исторіи Россійск. акад., т. IV. Изъ другихъ сочиненій Барсова извѣстны: 1) Краткая латинская грамматика, сочиненная Целларіемъ, исправл. Гесснеромъ, перев. съ нѣм. 1762, 1771 и 1789. 2) De brachygraphia, рукопись. 3) Азбука церковная и гражданская, съ краткими примѣчаніями о правописаніи М., 1768. 4) Собраніе 4291 древнихъ русскихъ пословицъ М., 1770. Положительныхъ извѣстій о принадлежности этой книги Барсову нигдѣ нѣтъ. 5) Отвѣтъ на письмо англоманово (Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія, ч. II, 1775). 6) Политическія наставленія барона Бильфельда. Переводъ съ франц., М., 1775. 7) Сводъ бытій россійскихъ (Московскій Журн., 1792, ч. VII). 8) Рѣчи на латинскомъ языкѣ. Рукопись. 9) Собственноручныя записки шесть томовъ—рукопись. Въ «Опытѣ трудовъ вольнаго россійск. собранія», Барсовъ сообщилъ три историческихъ памятника: а) Описаніе свадьбы вел. князя Василія Ивановича, b) Отпускъ великой княжны Елены Ивановны въ супружество за великаго князя Александра Литовскаго,

c) Разрядъ свадьбы князя Ивана Дмитр. Бѣльскаго.

Словари: Толя, Березина, Плюшара, Геннади, Старчевскаго, Клюшникова, митр. Евгенія, Бантыша-Каменскаго (изд. 1836 г.), Андреевскаго, Венгерова.—«Біографическій Словарь Московск. профес.», I, 50.—«Рѣчи Московскаго Университета», т. I, (1819 г.).—Долгоруковъ, «Капище моего сердца» («Чт. Общества Ист. и Др. Рос.», 1873 г., № 2).—«Русская Старина», 1874 г., т. XI.—Губерти, «Матер. для рус. библіографіи». вып. I, 1878.—Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», т. IV.

Барсовъ, *Михаилъ Петровичъ*, врачъ, писатель. Происходя изъ духовнаго званія, обучался въ московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1839 г., а затѣмъ поступилъ сверхштатнымъ полицейскимъ врачемъ въ Москвѣ. Въ слѣдующемъ году Барсовъ былъ назначенъ уѣзднымъ врачемъ въ Клинъ, московской губерніи, гдѣ и умеръ. Ему принадлежитъ диссертація, на степень доктора медицины: «О чахоткѣ легкаго» (М., 1844 г.).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».

Барсовъ, *Николай Павловичъ*, ординарный профессоръ варшавскаго университета, историкъ, род. 27 апрѣля 1839 г., ум. 23 ноября 1889 г. Уроженецъ г. Волхова, орловской губ., воспитанникъ с.-петербургскаго университета, Барсовъ, по окончаніи послѣдняго, въ началѣ 1862 г. принялъ предложеніе отъ А. А. Краевскаго, бывшаго въ то время редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», отправиться въ качествѣ корреспондента газеты въ Австрію для изученія преимущественно въ славянскихъ земляхъ постановки учебнаго дѣла. Результаты своихъ наблюденій Барсовъ сообщилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» («Гимназіи въ Богеміи», 1862 г.) и въ «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія» («Университетъ въ Бреславлѣ», 1863 г., ч. CXIV). Въ 1862—1863 гг. онъ съ подобною-же цѣлію, но уже по порученію министерства нар. просвѣщенія и на казенныя средства, Барсовъ ѣздилъ по юго-западной Россіи, и за тѣмъ напечаталъ: «Школы на Волыни и Подоліи» (Спб., 1863 г.), «Народныя училища въ Юго-западномъ краѣ» (Спб., 1864 г.), и «Народныя школы въ Средней Россіи» (въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1863 г., № 11 и 12). Съ 1864 по 1869 г. онъ состоялъ преподавателемъ исторіи и географіи въ различныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа; а съ 1869 г. до 1871 г. былъ кандидатомъ-стипендіатомъ по каѳедрѣ русской исторіи (отъ ист.-филол. факультета спб. унив.). Назначенный въ августѣ 1871 г. библіотекаремъ варшавскаго университета, Барсовъ съ слѣдующаго года началъ чтеніе лекцій по русской исторіи въ томъ-же университетѣ, и въ 1888 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ указанныхъ трудовъ ему принадлежатъ еще: 1) «Вступительная статья къ переводу Гизо, Исторія цивилизаціи въ Европѣ» (Спб., 1861 г.). 2) Переводъ статьи Гервинуса «Основныя черты исторической науки» (въ журналѣ «Время», изд. Достоевскими). 3) Библіографическія статьи по русской исторіи въ газетѣ «Голосъ», въ «Варшавскомъ дневникѣ» и др. 4) «Матеріалы для историко-географическаго словаря древней Руси» (Вильно, 1865 г., удост. сер. медали отъ Имп. Р. Географическаго общества»). 5) «Славянскій вопросъ и его отношенія къ религіи» (Вильно, 1867 г.). 6) «О дневникѣ люблинскаго сейма» (въ «Варшавскихъ унив. извѣстіяхъ», 1872 г. № 6). 7) «Очерки русской исторической географіи» (Варшава, 1873 г., 2-е изд. 1885 г. Удостоено Академіей наукъ Уваровской преміи). 8) «Хожденіе посадскаго человѣка Нечаева въ Іерусалимъ» (въ «Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ», 1875 г.). 9) Двѣ написанныя по предложенію Академіи наукъ рецензіи на сочиненія: Горбачевскаго («Словарь древняго актоваго языка», 1874 г.) и Огородникова («Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большаго Чертежа», 1869 г. и «Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей по книгѣ Большого Чертежа», 1879 г.), и 10) «Къ пятидесятилѣтію Куликовской битвы». (Варшава, 1880 г.).—Главнѣйшія сочиненія Барсова, доставившія ему извѣстность знатока древней русской исторіи и географіи,— «Матеріалы для ист. геогр. словаря» и «Очерки русской исторической географіи». Первые составлены по плану, предложенному И. И. Срезневскимъ, и представляютъ указатель древнихъ географическихъ названій, съ приведеніемъ всѣхъ лѣтописныхъ и древне-актовыхъ извѣстій о нихъ и съ піурочeніемъ ихъ къ современнымъ географическимъ пунктамъ. «Очерки» же представляютъ изслѣдованіе обобщающаго характера. Въ нихъ авторъ при помощи древнихъ извѣстій и новѣйшихъ указаній даетъ обстоятельную географію Россіи IX — XIV вв., опредѣляетъ составъ и объемъ отдѣльныхъ областей и княжествъ, устанавливаетъ па-

...иды древне-русскихъ племенъ, указываетъ дальнѣйшую судьбу упоминаемыхъ въ лѣтописи мѣстностей и. т. д. Наиболѣе обстоятельныя рецензіи на это сочиненіе принадлежатъ: Л. Н. Майкову, указавшему, между прочимъ на то, что авторъ обратилъ исключительно вниманіе на формальную сторону дѣла, далъ землеописаніе, а не землевѣдѣніе, Е. Е. Замысловскому и В. Иконникову.—Всѣ знавшіе Барсова отзывались о немъ, какъ о добромъ и сердечномъ человѣкѣ.

Некрологи: въ «Варшавскомъ Дневникѣ» (тамъ же и надгробныя рѣчи), и «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» и др. газ. и жур. конца 1889 г. и начала 1890 г.—Словари: С. А. Венгерова, Брокгауза и Ефрона (Ш, 104—105).—С. А. Венгерова, «Русскія книги», вып. XII (Спб., 1897 г.).

Барсовъ, *Павелъ Петровичъ*, субъ-инспекторъ московскаго университета, переводчикъ, род. въ 1820-хъ г.г. ум. 5 марта 1881 г. Воспитывался Барсовъ въ московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, который окончилъ въ 1844 г.; субъ-инспекторомъ состоялъ съ 1864 г. по 1879 г. Барсовъ главнымъ образомъ переводилъ сказанія иностранцевъ о Россіи: 1) «Подробное описаніе путешествія, голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ» (въ «Чтеніяхъ Москов. общ. ист. и др. росс.», за 1868 г. кн. 1—4 и 1870 г., кн. 2, и отдѣльно -М., 1870 г.). Переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго языка; 2) «Путешествіе черезъ Московію Корнилія де-Бруина», перевод. съ франц. яз. (ib., 1872 г., кн. 1—4, и отд. 1873 г.); 3) «Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ»; перев. съ нѣм. яз. (въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 г., кн. 6—9): и 4) «Изъ послѣднихъ дней русской Императрицы Елизаветы Петровны». (Изъ донесенія гр. Мерси-Аржанто). Переводъ съ франц. яз. (М., 1877 г.). Кромѣ того Барсовъ перевелъ статью Гиппо «О воспитаніи женщинъ и освобожденныхъ негровъ въ Америкѣ» (въ «Московскихъ университетскихъ извѣстіяхъ», 1870 г.), и Геттнера «Исторію всеобщей литературы XVIII в. т. III. Нѣмецкая литература. Кн. III. Классическій вѣкъ нѣм. литературы». М., 1875 г., и сообщилъ «Заговоръ отъ укушеній змѣи» въ «Лѣтописи русс. литературы и древн.» Тихонравова (1863 г.).

Д. Языковъ, «Обзоръ писателей, умершихъ въ 1881 г.» («Историческій Вѣстникъ», 1884 г., № 11).

Барсукъ-Моисеевъ или **Мойза**, *Ѳома Ивановичъ*, экстраординарный профессоръ физіологіи и діэтетики въ московскомъ унив., докторъ медицины, род. въ Малороссіи въ 1768 г., ум. въ іюлѣ 1811 г. Первоначально обучался въ кіевской духовной академіи, гдѣ составилъ свою фамилію изъ анаграммы слова: «Бурсакъ»; затѣмъ, въ 1788 г. вступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ московскаго университета по медицинскому факультету и первый изъ нихъ удостоенъ съ 1794 г. степени доктора медицины, по защищеніи диссертаціи: «De respiratione». Произведенный въ 1795 г. въ экстраординарные профессоры, Барсукъ-Моисеевъ преподавалъ физіологію, патологію, терапію, семіотику и діэтетику, придерживаясь руководствъ Блуменбаха и Лудвига. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: 1) «О превосходномъ блаженствѣ человѣческомъ; философическое разсужденіе, подкрѣпленное св. Писаніемъ». (Спб., 1785 г., съ подписью Ѳ. М.; въ этой еще студенческой работѣ нѣтъ ничего оригинальнаго, но она свидѣтельствуетъ о значительныхъ познаніяхъ ея автора въ области философіи); 2) Г. Гамбергеръ, «Способъ лечить болѣзни», (переводъ, М., 1789 г.); 3) Іоанна Рубелія, «Медицинская практика или наставленіе лѣчить болѣзни, по большей части случающіяся въ общежитіи»; переводъ съ лат. яз. (М., 1789 г.); 4) «Новый безопасный и весьма удобный способъ лѣчить каменную болѣзнь, скорбутъ или цинготную болѣзнь, подагру, глисты, сухотку, чахотку и проч.; соч. Наѳанаила Гулме, съ прибавленіемъ способа леченія отъ ядовъ всякаго рода, взятаго изъ соч. Соломона де-Мецы»; переводъ (М., 1789 г.); 5) Максимиліана Лохера «Практическія наблюденія, которыя производилъ онъ въ больницѣ св. Марка надъ любострастною болѣзнію»: переводъ съ лат. яз. (М., 1790 г.); 6) «Надежныя и удобныя средства познавать и лечить кровавую харкотину, харканіе кровью, кровавую рвоту и икоту»; изъ соч. Рудольфа Фогеля; перев. съ лат. (М., 1790 г.): 7) «Путь къ здоровью или наука сохранять свое здоровье»; перев. съ франц. яз. 2 части (М., 1791 г.); 8) «Полный и всеобщій лѣчебникъ» переводъ съ латин. яз. соч. Фридрикса Рибеля, 7 частей, съ 24 анатомическими фигурами (М., 1791 г.): 9) «Описаніе цѣлительнаго декокта Рихарда Ловера», перев. съ лат. (М., 1792 г., 2-е изд. въ 1800 г.); 10) «Дѣтскій лечеб-

никъ, соч. славнаго монтпельскаго врача, въ пользу дѣтей написанное», перев. съ лат., 2 части (М., 1793 г.); 11) «Слово о причинахъ и дѣйствіяхъ страстей душевныхъ, также о способѣ умѣрять и укрощать оныя для благополучной и спокойной жизни»; перев. съ лат. соч. Михаила Окидіана (М., 1794 г.); 12) «Аптека или наука составлять разныя лекарства», перев. съ лат. соч. Франциска Шлетера, 3 части (М., 1795 г.; 2-е изд. въ 1812 г.); 13) «Физіологія или наука о естествѣ человѣческомъ», перев. съ лат. соч. Фридриха Блуменбаха (М., 1796 г.); 14) «Дары природы каждому мѣсяцу года въ особенности свойственные», перев. съ лат. (М., 1797 г.); 15) «О единствѣ рода человѣческаго и разнообразностяхъ», перев. съ франц. соч. Блуменбаха (М., 1804 г.); 16) «Туртелева гигіена», перев. съ франц. (М., 1809 г.).

«Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», т. I (М., 1855 г.). — Змѣевъ, «Русскіе врачи - писатели» (Спб., 1886 г.).—С. А. Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь русскихъ ученыхъ и писателей», т. II.—Его-же, «Русскія книги», вып. XIII (Спб., 1897).

Бартельсъ, *Іоганнъ Мартинъ Христіанъ*, профессоръ казанскаго и дерптскаго университетовъ, род. въ Брауншвейгѣ 12 августа 1769 г., ум. въ Дерптѣ въ ночь съ 6 на 7 декабря 1837 г.; изучалъ право и особенно математику въ гельмштадтскомъ и геттингенскомъ университетахъ, былъ доцентомъ математики въ Геттингенѣ, затѣмъ учителемъ въ Арау (въ Швейцаріи) и въ Брауншвейгѣ. Въ 1805 г. получилъ приглашеніе въ новооткрытый казанскій унив., но явился туда только 15 февр. 1808 г. Во время своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ Казани Бартельсъ успѣлъ положить прочное основаніе математическому преподаванію въ этомъ университетѣ. Въ 1821 г. онъ перешелъ въ дерптскій университетъ ординарнымъ профессоромъ чистой и прикладной математики. Бартельсъ былъ корреспондентомъ Имп. акад. наукъ. Перевелъ исторію новѣйшей астрономіи Baily, прибавивъ отъ себя примѣчанія (2 части, Лейпцигъ 1796 и 1797). Написалъ: Disquisitiones quattuor ad theoriam functionum analyticarum pertinentes, Dorpati 1822. Aperçu abrégé des formules fondamentales de la géometrie à trois dimensions 1825 въ Mémoirs présentés par divers savants à l'Académie de sciences de St.-Pétersbourg, tom. I, livr. 1.—Vorlesungen über mathematische Analysis mit Anwendung auf Geometrie, Mechanik und Wahrscheinlichkeitslehre. Dorpat. I-stes Band 1833. II-stes Band 1837 (трудъ остался неоконченнымъ; второй томъ печатался уже послѣ смерти автора).

Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго унив.» I, 226 — 256. — Recke und Napiersky I, 73 и 74, также Nachträge I, 35. — Справочный словарь Геннади.

Бартеневъ, *Юрій Никитичъ*, д. с. с., авторъ воспоминаній, род. 16 февраля 1792 г., ум. 27 ноября 1866 г. Бартеневъ, уроженецъ костромской губерніи, сначала обучался въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, а потомъ въ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго вступилъ въ военную службу. Пробывъ въ ней около 8 лѣтъ, онъ въ 1819 г. былъ сдѣланъ директоромъ училищъ костромской губерніи и въ этой должности пробылъ до 1833 г. Съ 1836 по 1844 г. служилъ въ почтовомъ департаментѣ при главно-начальствующемъ князѣ А. Н. Голицынѣ и былъ однимъ изъ его наперсниковъ, широко интересовавшихся философскою мистической литературою. Бартеневу принадлежатъ: «Разсказы князя А. Н. Голицына. Изъ записокъ Ю. Н. Бартенева» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1886 г., т. I, II и III); «Черты изъ жизни М. М. Хераскова (въ «Москвитянинѣ», 1850, т. IV, стр. 72—77; перепечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», 1879 г., т. III.). Не безынтересна также переписка его съ Ѳ. А. Голубинскимъ, для котораго онъ былъ ходатаемъ предъ княземъ А. Н. Голицынымъ, помѣщенная въ «Русскомъ Архивѣ», 1880 г., т. III, стр. 405—430. Извѣстный сонетъ Пушкина «Мадонна» былъ впервые написанъ имъ въ альбомъ Бартенева съ припиской поэта: «въ память любезному Юрію Никитичу Бартеневу».

Статья З—ва въ «Современной Лѣтописи», 1866 г., № 43.

Бартеневъ, *Ѳеодосій Дмитріевичъ*, контръ-адмиралъ черноморскаго флота, севастопольскій комендантъ, ум. 1 марта 1865 г. Воспитанникъ морского кадетскаго корпуса, Бартеневъ въ 1827 г. участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи, въ эскадрѣ контръ-адмирала графа Гейдена; въ 1829 г. переведенъ изъ балтійскаго флота въ черноморскій и затѣмъ отличился про бомбардированіи Севастополя въ 1854—55 гг. Въ 1855 г. произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады

[-] флотской дивизіи, а въ слѣдующемъ году назначенъ севастопольскимъ комендантомъ и исправляющимъ должность военнаго губернатора; на этой послѣдней должности онъ оставался только до мая 1858 г.

«Общій Морской Списокъ», т. VI, стр. 372 и слѣд. (Спб., 1892 г.).

Бартоломей, извѣстный въ свое время Любскій типографъ, владѣвшій русскимъ языкомъ. О времени рожденія и смерти Бартоломея не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Русскіе послы, отправленные, въ 1492 г. Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ къ Императору Максимиліану, проѣзжая черезъ Любекъ, приняли Бартоломея въ государеву службу, въ качествѣ переводчика нѣмецкихъ грамотъ. Бартоломей далъ клятву посламъ таить содержаніе бумагъ. Въ іюлѣ 1493 г. онъ прибылъ вмѣстѣ съ послами въ Москву, гдѣ и служилъ подъ именемъ Вароололея.

Карамзинъ, «Ист. Госуд. Росс.», т. VI, и т. IX.—Энцикл. сл. Плюшара т. V., стр. 23.

Бартоломей, *Иванъ Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, извѣстный ученый нумизматъ и археологъ, писатель, род. 28-го ноября 1813 г. въ С.-Петербургѣ, ум. 5-го октября 1870 г. въ Тифлисѣ. Происходилъ изъ древняго нѣмецкаго рода, одинъ изъ представителей котораго, поэтъ Іоганнъ Бартоломей еще въ 1585 г. получилъ дворянство; въ серединѣ XVIII столѣтія родъ Бартоломеевъ переселился на островъ Эзель; отецъ Ивана Алексѣевича, состоя на русской службѣ, ум. въ 1829 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Принадлежа къ высшему петербургскому обществу, Бартоломей воспитывался первое время въ домѣ своей бабки, графини Девьеръ, а затѣмъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), откуда въ 1833 г. поступилъ на службу л.-гв. въ егерскій полкъ. Еще въ школѣ онъ интересовался собраніемъ древнихъ монетъ, успѣвъ въ нѣсколько лѣтъ составить обширную и уже извѣстную коллекцію монетъ греческихъ, римскихъ, китайскихъ, восточныхъ, русскихъ и др. Съ любовью къ дѣлу, Бартоломей приступилъ, по выходѣ на службу, къ научному изслѣдованію собранныхъ имъ коллекцій, и здѣсь оказалъ на него рѣшительное вліяніе извѣстный нумизматъ своего времени, профессоръ Рейхель, посовѣтывавшій юному коллекціонеру специализироваться на одной какой-либо эпохѣ. Остановившись на нумизматикѣ бактрійской, арзакидской и сассанидской, Бартоломей всецѣло предался изслѣдованію намѣченной имъ эпохи и на ряду съ этимъ—изученію восточныхъ языковъ, въ особенности древнихъ пехлевійскихъ письменъ. Не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, дѣля свое время между службою и научными занятіями, онъ успѣлъ собрать первую въ мірѣ по полнотѣ и богатству коллекцію монетъ и медалей древней Персіи и Грузіи. На сколько была велика цѣнность послѣдней можно судить по тому, что за одну только монету Хозроя I онъ заплатилъ 1200 рублей. Въ 1843 г. онъ издалъ первое свое сочиненіе о медаляхъ Бактріанскихъ царей (Notice sur les médailles Diodotes, rois de la Bactriane», par I. de Bartholomaei. Berlin) и вскорѣ затѣмъ цѣлую серію «Lettres à M. F. Soret sur des monnaies koufiques inédites.» Въ 1850 г. Бартоломей перевелся на службу на Кавказъ и здѣсь, не покидая своихъ занятій нумизматикой, выступилъ участникомъ походовъ и экспедицій кавказскихъ войскъ. Въ томъ-же году, раненый въ одномъ изъ сраженій съ горцами, при походѣ въ большую Чечню, былъ произведенъ за отличіе въ полковники и въ 1853 г. отправленъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ тогда еще вольную Сванетію. Проникнувъ въ такія мѣста этой замкнутой котловины, гдѣ не была до него нога европейца, онъ успѣлъ искусными дѣйствіями подчинить ее русскому правительству и въ тоже время собралъ рядъ наблюденій, цѣнныхъ какъ для археологіи и исторіи, такъ и для географіи края; въ III книжкѣ «Записокъ» Кавказскаго отдѣла географическаго общества, имъ напечатана интересная статья: «Поѣздка въ вольную Сванетію» и приложена достовѣрная и полная карта края, съ 3-мя таблицами. Въ періодъ Восточной войны, Бартоломей сначала командовалъ особымъ отрядомъ на границѣ Абхазіи и по берегу Чернаго моря, а затѣмъ былъ отправленъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Тегеранъ и послѣ того къ р. Араксу, для усмиренія курдскихъ племенъ. Въ 1856 г. онъ командовалъ авангардомъ лѣваго крыла кавказской арміи, въ слѣдующемъ году, за взятіе крѣпости Цандагъ, произведенъ въ генералъ-маіоры и съ 1860 г. былъ причисленъ къ штабу кавказскихъ войскъ, въ Тифлисѣ, гдѣ и умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Въ послѣднее время Бартоломей предпринялъ изданіе описанія 500 важнѣйшихъ

сассанидскихъ монетъ собранной имъ коллекціи, но смерть помѣшала ему окончить этотъ трудъ. Онъ былъ напечатанъ Академіею наукъ, подъ редакціею Дорна, въ двухъ изданіяхъ 1873 и 1875 г. подъ заглавіемъ: «Collection de monnaies sassanides de feu le lieutenant géneral I. de Bartholomaei, representée d'après les pièces les plus remarquables». Коллекція эта была куплена за 20,000 рублей княземъ Александромъ Шаховскимъ и впослѣдствіи уступлена имъ Эрмитажу. Кромѣ уже упомянутыхъ трудовъ, Бартоломею принадлежитъ рядъ сочиненій и небольшихъ статей въ различныхъ ученыхъ изданіяхъ и въ газетѣ «Кавказъ». Главнѣйшія изъ нихъ: «Notice sur les médailles de Timarque roi de la Babylonie». Berlin. 1847; — «Conjectures sur quelques médailles sassanides, postérieurs au roi Firoux». Pét. 1847.—«Classement des médailles géorgiennes au type sassanide, au point de vue de l'art». Pét. 1847.—«Discours prononsé à la 10-me séance de la société d'Archéologie et de Numismatique de St.-Pétersb.» 1847. — «Reponse à M-r Droysen sur ses conjectures concernant les premiers rois de la Bactriane». Pét. 1847. — «Recherches sur la numismatique des rois Arsacides». Pét. 1849. — «Lettres sur la numismatique géorgienne». Pét. 1857. — «Déscription d'une trouvaille de 200 dirhems koufiques, faite aux environs de Tiflis». Pét. 1858.—«Lettres numismatiques es archéologiques, relatives à la Transcaucasie». Pét. 1859. Avec 4 tables—«Письмо къ А. Кунику о Ярославлѣ сребрѣ». С.-Пет. 1860 г.—«О сельджукидскихъ монетахъ». С.-Пет. 1860 г. — «Розысканія о славяно-Византійскихъ монетахъ. О древности монетъ съ именемъ Владиміра» (изъ извѣстій Арх. Общ.) 1861 г.

Своими трудами Бартоломей пріобрѣлъ европейскую извѣстность; избравъ самую трудную и необработанную отрасль нумизматики, онъ сдѣлалъ рядъ открытій, устанавливающихъ, главнымъ образомъ, болѣе точную хронологію историческихъ событій. Въ связи съ археологическими и историческими изысканіями онъ былъ занятъ и изученіемъ языка и этнографической особенности кавказскихъ народовъ, ставъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ-учредителей Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Какъ членъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, Бартоломей руководилъ работами комиссіи, организованной для перевода священныхъ и другихъ книгъ на абхазскій языкъ, и самъ издалъ «Христоматію и Библейскую исторію» на абхазскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій, и букварь: абхазскій и чеченскій. Въ 1856 г. Академія наукъ избрала его въ число своихъ членовъ корреспондентовъ.

«Русскій Инвалидъ» 1870 г. № 235. — Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1870 г. стр. 10. — «Кавказъ», 1870 г. № 118.—«Всемірная Иллюстрація», 1870 г. т. IV стр. 96. — Словари: Венгерова и Геннади. — Автобіографія Ивана Алексѣевича напечатана академикомъ Дорномъ при описаніи его коллекціи.

Бартоломей, *Фридрихъ* (*Θедоръ Ивановичъ*), придворный хирургъ, род. въ Саксенъ-Кобургѣ въ 1770 г., ум. 11 октября 1839 г.; пріѣхалъ въ Россію при Екатеринѣ II и поступилъ на службу по морскому вѣдомству, а Павломъ I взятъ былъ къ Двору. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ (отцемъ Ивана Алексѣевича, нумизмата) Бартоломей перевелъ съ французскаго «Введеніе къ познанію военнаго искусства» гр. Рошеймона (1820 г.) и съ нѣмецкаго: «Четырехлѣтняя война союзныхъ державъ противъ Наполеона Бонапарте» Брейтшнейдера (1820—21 гг.).

Метрич. кн. лютеранской церкви св. Анны.— Роспись Смирдина.—Словарь Венгерова.

Бартошевичъ, *Осипъ Егоровичъ*, докторъ медицины, писатель, ум. 27 апрѣля 1870 г., въ Вильнѣ. По окончаніи с.-петербургской медико-хирургической академіи, онъ служилъ сначала при виленскомъ губернаторѣ и виленскомъ губернскомъ правленіи, затѣмъ въ витебской врачебной управѣ и наконецъ, инспекторомъ врачебныхъ управъ: псковской (1857 — 1859) и волынской (1859 — 1869). Ему принадлежитъ диссертація: «De laryngitide pseudomembranacea» (Спб., 1817 г.).

Змѣевъ, «Русскіе врачи - писатели» (Спб., 1886 г.).

Бартошевичъ, *Юліанъ*, историкъ, род. въ 1821 г., ум. въ 1870 г. Сынъ Адама Бартошевича—педагога и математика, Юліанъ родился въ Бялей - Радзивилловской; по окончаніи курса въ варшавской гимназіи, онъ въ 1838 г. поступилъ въ с.-петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, который и окончилъ въ 1842 г., со званіемъ дѣйствительнаго студента. Уже въ Петербургѣ Бартошевичъ сталъ заниматься въ библі-

тей Залусскихъ и старался добросовѣстно ознакомиться съ русскими источниками по исторіи Польши. Поступивъ затѣмъ на службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія, Бартошевичъ нѣкоторое время провелъ въ провинціи въ званіи преподавателя, но вскорѣ перебрался въ Варшаву, гдѣ занялъ должность учителя исторіи при II гимназіи, а затѣмъ библіотекаря при варшавской публичной библіотекѣ. Въ 1851 г. когда гр. Ржевусскій затѣялъ Dziennik warszawski. Бартошевичъ принялъ дѣятельное участіе въ этомъ изданіи сначала въ качествѣ сотрудника, а потомъ и редактора, а въ 1856 г. преобразовалъ эту газету въ Kronik wiadomosci krajowych и zagranicznych и оставался во главѣ ея до 1858 г. Въ 1855 г., согласно посмертному завѣщанію учредителя, Бартошевичъ назначенъ кураторомъ музея имени Свидзинскихъ.

Съ 1853 г. Бартошевичъ состоялъ членомъ Императорскаго географическаго общества, съ 1857 г.—Виленской археологической коммиссіи, а съ 1858 г.—Краковскаго «Towarżystwa naukowego». Замѣчательный труженикъ, Бартошевичъ всю жизнь посвятилъ архивнымъ изысканіямъ и собралъ массу матеріаловъ по исторіи Польши и отчасти Малороссіи. Благодаря продолжительному и кропотливому изученію по католическимъ монастырямъ источниковъ, относящихся къ исторіи западной церкви, самое міросозерцаніе Бартошевича приняло клерикальную окраску и робкую узкость; какъ это, такъ и пристрастное, восторженное отношеніе къ историческому прошлому Польши отнимало у Бартошевича спокойствіе и объективность, необходимыя для истинной науки. Изъ крупныхъ произведеній Бартошевича отмѣтимъ: 1) Królewicze biscupi (Варшава 1851), 2) Panowie niemieccy na dworze Stanisława Augusta (Варшава 1852), 3) Bezkrólewie po Janie III Sobieskim—переводъ извѣстнаго сочиненія Бизардьера съ значительными дополненіями и примѣчаніями Бартошевича (Вильно 1853), 4) Znakomici mężowie Polscy w XVIII wieku (Спб. 1853), 5) Królowie Polscy (Варшава 1857—1860), Wizerunki zebr. i rys. p. Al. Lessera, objasnione... Les portraits des rois de Pologne. Zesz. 1—15. Здѣсь описаны сорокъ четыре портрета польскихъ королей и даны историческія ихъ характеристики, 6) Hetmani Polscy Koronni i Wielkiego Xięstwa Litewskiego. Wizerunki zebrane i rys. przez W. Gersona, objasnione tekstem histor. p. Iul. B.... Zeszyt. 1—4. W. 1860, 4°. 7) Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami (Варшава 1859).—Кромѣ того Бартошевичемъ изданы: а) Codex diplomaticus poloniae, tomus III, и б) Album malownicze Kijowa (1861—1863), въ которомъ исторія Кіева доведена до 1319 г. Но наиболѣе важными изъ трудовъ Бартошевича признаются «Historya pierwotna Polski» Krakow, 1878—9, въ 4 т., и весьма полезная, прекрасно написанная 2-хъ-томная Historya literatury polskiej, Варшава, 1861 (II изд. въ Краковѣ 1877). Простота и удобопонятность, на ряду съ серьезностью изложенія предмета, прямота и нѣкоторая суровость сужденій, удачное расположеніе матеріаловъ и обобщеніе ихъ съ исторической точки зрѣнія—таковы достоинства трудовъ польскаго историка, котораго можно упрекнуть лишь въ томъ, что связному изложенію нѣсколько мѣшаетъ излишній просторъ, отводимый Бартошевичемъ для характеристикъ второ-и третьестепенныхъ дѣятелей, чрезъ что описаніе главныхъ фактовъ и личностей утрачиваетъ рельефность.—Бартошевичъ дѣятельно участвовалъ и въ варшавскихъ журналахъ, помѣщая въ нихъ многочисленные фельетоны и замѣтки историческаго содержанія подъ псевдонимами Леминцкаго, Виспіовіецкаго и др. Также дѣятельно было его сотрудничество въ обширной энциклопедіи Оргельбрандта, гдѣ имъ помѣщено 1291 статья, занимающая 3,650 страницъ, въ форматѣ большой осьмушки, самой мелкой печати.—Послѣ смерти Ю. А. Бартошевича напечатаны еще: «Aleksander Iagelończyk», «Anna Iagellońska», «Adam Kisiel», «Rys dziejów Kościoła ruskiego w Polsce» и «Tablice historyczne». Полное посмертное собраніе сочиненій Юл. Бартошевича издано сыномъ его въ Краковѣ въ 1877—1882 гг. подъ заглавіемъ «Dzieła Iul. Bartoszewicza» въ 11 томахъ.

Энциклопедія Оргельбрандта (статья Этрейхера).—Wielka Encykłopedya Powczechna, VII (статья Глогера).—А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ, «Исторія славянскихъ литературъ», Т. II.—Словарь Эфрона-Брокгауза, Т. III.—«Библіотека для чтенія» 1861 г. Т. 165 (отзывъ объ исторіи польской литературы).

Баршевъ, *Сергѣй Ивановичъ*, криминалистъ, докторъ правъ, ректоръ московскаго университета, почетный опекунъ московскаго присутствія опекунскаго совѣта, тайный совѣтникъ, сынъ священника, род. въ Москвѣ 17-го сентября 1808 г., ум. въ Москвѣ же, 7 марта 1882 г. Первона-

чальное образованіе получилъ въ московскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи; затѣмъ, въ 1826 г. поступилъ въ московскую духовную академію. Съ четвертаго курса академіи, 22 сентября 1829 г., по Высочайшему повелѣнію, Баршевъ былъ отправленъ, въ числѣ трехъ лучшихъ студентовъ академіи, въ Петербургъ, для обученія правовѣдѣнію при II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Сперанскаго, изучалъ русскіе законы у чиновниковъ означенной канцеляріи, бывшихъ профессоровъ: Куницына, Плисова, Клокова; затѣмъ, въ петербургскомъ университетѣ слушалъ лекціи римскаго права и древнихъ и новыхъ языковъ. Послѣ двухъ-лѣтнихъ занятій при канцеляріи, Баршевъ, выдержавъ испытаніе 1 октября 1831 г. былъ отправленъ на три года, для дальнѣйшаго образованія, въ Германію, и съ этого же дня зачисленъ на государственную службу. Въ берлинскомъ университетѣ Баршевъ слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ по юридическому и философскому факультетамъ, а въ каникулярное время посѣщалъ и другіе германскіе университеты. По возвращеніи изъ-за границы, по Высочайшему повелѣнію, Баршевъ былъ причисленъ, 29 іюня 1834 г., ко II отдѣленію Собств. Его Величества канцеляріи и вскорѣ, въ особо назначенной, подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго, коммисіи выдержалъ испытаніе въ знаніи юридическихъ наукъ, прямо на доктора правъ, и защитилъ диссертацію: «О мѣрахъ наказаній», которая удостоена почетнаго отзыва Академіи наукъ. 7 сентября 1834 г. Баршевъ былъ назначенъ преподавателемъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ въ московскій университетъ; въ 1835 г. получилъ званіе экстраординарнаго профессора, а въ 1837 г. — ординарнаго по той же каѳедрѣ, которую занималъ въ теченіе 12 лѣтъ — до 11 февраля 1876 г. Кромѣ того, Баршевъ читалъ: въ $183^{7}/_{8}$ и $183^{8}/_{9}$ академическихъ годахъ общенародное правовѣдѣніе и въ 1852 — 56 гг. — латинскій языкъ на первомъ курсѣ юридическаго факультета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Баршевъ занималъ въ университетѣ административныя должности: съ 10 января 1836 г. по 10 ноября 1837 г. — секретаря юридическаго факультета; съ 1847 г. — декана того-же факультета, а съ 1863 — ректора московскаго университета. Въ послѣдней должности Баршевъ состоялъ до 1870 г. и за это время неразъ исполнялъ обязанности попечителя московскаго округа и неоднократно былъ вызываемъ въ Петербургъ, для обсужденія вопросовъ, касающихся университета. Съ 1842 по 1815 г. Баршевъ исполнялъ обязанности цензора; съ 1845 по 1850 г. — директора московскаго техническаго училища, и въ 1849 г. — инспекторъ классовъ Александринскаго сиротскаго института. Съ выходомъ изъ университета въ 1876 г., Баршевъ, состоя уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго и назначенъ почетнымъ опекуномъ московскаго присутствія опекунскаго совѣта; по званію опекуна, онъ завѣдывалъ техническимъ училищемъ, дѣтскою больницею и страннопріимнымъ домомъ гр. Шереметева. Ранѣе этого, въ 1871 г. Высочайше назначено производить Баршеву изъ государственнаго казначейства, вмѣсто аренды, по 1500 руб. ежегодно, въ теченіе 12 лѣтъ. Въ исторіи русской юридической литературы Баршевъ извѣстенъ, какъ авторъ перваго русскаго курса уголовнаго права, который былъ напечатанъ въ 1841 г., подъ заглавіемъ: «Общія начала теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ». Руководство это быстро распространилось по всѣмъ университетамъ и положило основаніе изученію науки уголовнаго права въ томъ видѣ, какъ оно было разработано нѣмецкими криминалистами. Экземпляръ «Общихъ началъ» въ 1841 г. былъ поднесенъ Императору Александру Николаевичу (тогда Наслѣднику), и авторъ удостоился Высочайшей благодарности. Затѣмъ, литературная дѣятельность Баршева выразилась въ рядѣ (около 50) небольшихъ статей по разнымъ юридическимъ вопросамъ, печатавшихся въ: «Юридич. Запискахъ» (1841 г.), «Москвитянинѣ» (1842, 44, 54 г.г.) и въ «Русск. Вѣст.» (1856—9, 1863, 64, 68 и 71 г.г.). Перечень ихъ приведенъ у Языкова и Венгерова. Кромѣ того, по порученію В. К. Константина Николаевича, Баршевымъ представлена критическая оцѣнка проекта морскаго судоустройства. По мысли Баршева, возникло въ Москвѣ юридическое общество, въ которомъ онъ былъ первымъ предсѣдателемъ. Кромѣ того, онъ былъ почетнымъ членомъ московскаго университета и многихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій. За полгода до его кончины многочисленные почитатели Баршева отпраздновали 50-ти-лѣтній юбилей его служебн.

Словарь профессоровъ московскаго университета, стр. 63 — 66. — «Москов. Вѣдом.» 1882 г., № 72—«Нов. Время» 1882 г., № 2165.—«Русская Старина» 1886 г., № 8, стр. 387—8—«Сѣверъ» 1889 г., № 15—Д. Д. Языковъ, вып. II, стр. 11.—Словари: Венгерова, Березина, Андреевскаго, Клюшникова.—Въ словарѣ профессоровъ московскаго университета Баршевъ показанъ родившимся въ 1807-мъ году, что невѣрно, такъ какъ въ томъ же году, 23 апрѣля, родился его братъ, Як. Ив. Баршевъ.

Баршъ, *Иванъ Яковлевичъ*, адмиралъ, уроженецъ вологодской губерніи, началъ службу съ 1736 г., въ качествѣ недоросля, волонтеромъ въ балтійскомъ флотѣ, и чрезъ 10 лѣтъ получилъ первый чинъ унтеръ-лейтенанта. Какъ отличный морской офицеръ, Баршъ быстро достигъ капитанскаго ранга и командовалъ кораблями въ практическомъ плаваніи флота въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1769 г., при отправленіи эскадры адмирала Спиридова въ Средиземное море, Баршъ командовалъ кораблемъ «Святославъ», съ которымъ, по причинѣ поврежденій, возвратился изъ Копенгагена въ Ревель, и поступилъ въ составъ эскадры к.-адм. Эльфинстона, отправившейся въ томъ же 1769 г. изъ Балтики въ Средиземное море. Перезимовавъ въ Портсмутѣ, Баршъ принялъ въ командованіе корабль «Саратовъ», и съ тою-же эскадрою достигъ Архипелага, гдѣ при Наполи-ди-Романія въ 1770 г. участвовалъ въ неравномъ бою съ турецкимъ флотомъ, окончившемся отступленіемъ турокъ. За это сраженіе Баршъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Но въ силу какихъ-то недоразумѣній съ Эльфинстономъ, онъ, по распоряженію послѣдняго, исполнялъ на томъ же кораблѣ съ 26 мая по 27 іюля должность младшаго лейтенанта, и въ этой должности былъ участникомъ Чесменскаго сраженія, послѣ котораго возвратился изъ Архипелага въ Петербургъ. Съ 1773 г. Баршъ, будучи произведенъ въ контръ-адмиралы, плавалъ съ флотомъ ежегодно въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1788 г., произведенный въ вице-адмиралы, былъ назначенъ главнымъ командиромъ Архангельскаго порта. По случаю начавшейся войны съ Швеціею, онъ привелъ портъ въ оборонительное положеніе, выслалъ въ Бѣлое море военные крейсеры и построилъ канонерскія лодки для защиты двинскихъ устьевъ. Въ 1790 г. Баршъ былъ произведенъ въ адмиралы, а 30 сентября 1797 г. уволенъ отъ службы.

Общій морской списокъ, т. II.

Баршъ, *Николай Ивановичъ*, вологодскій гражданскій губернаторъ, ум. въ 1816 г. Въ 1767 г. Баршъ поступилъ на службу въ «морскіе солдатскіе батальоны въ подпрапорщики»; черезъ 12 лѣтъ былъ капитаномъ 2-го ранга и въ 1790 г. участвовалъ въ ревельскомъ и выборгскомъ сраженіяхъ. Съ 1792 г. состоялъ командиромъ ревельскаго порта, въ 1797—98 г. находился при петербургскомъ портѣ и въ концѣ 1798 г. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ капитанъ-командора. Съ слѣдующаго года, принятый вновь на службу, Баршъ состоялъ нѣсколько лѣтъ въ должности генералъ-интенданта и наконецъ въ 1810 г. опредѣленъ, съ переименованіемъ въ дѣйств. ст. сов., гражданскимъ губернаторомъ въ вологодскую губ.

Общій морской списокъ, т. III.

Баршъ, *Яковъ Савичъ*, вице-адмиралъ, современникъ Петра Великаго, ум. въ ноябрѣ 1755 г. Специальное образованіе получилъ заграницей, въ качествѣ волонтера, и по возвращеніи въ Россію въ 1713 г. былъ пожалованъ въ поручики. Затѣмъ, до конца своей продолжительной службы, Баршъ постоянно командовалъ судами въ Балтикѣ, и пользовался особымъ довѣріемъ какъ Петра Великаго, такъ и его преемниковъ. Въ 1720 г., командуя фрегатомъ Самсонъ, Баршъ посланъ былъ въ крейсерство къ Ревелю, для наблюденія за движеніемъ англо-шведскаго флота, и доставилъ письмо отъ ревельскаго оберъ-коменданта Фандельдина къ англійскому адмиралу Норису. Въ 1723 г. былъ командированъ берегомъ въ Архангельскъ «для исправленія нѣкоторыхъ Е. В. нужнѣйшихъ дѣлъ». Въ 1732 г. состоялъ въ портовой коммисіи при петербургскомъ адмиралтействѣ, для приведенія въ должный порядокъ матеріальнаго имущества, и принималъ участіе какъ при составленіи судовыхъ штатовъ, такъ и при обсужденіи положенія о чинахъ морскихъ офицеровъ. Въ 1734 г. въ чинѣ капитана 1 ранга, командуя кораблемъ Леферъ, участвовалъ съ флотомъ при осадѣ Данцига. Съ 1739 г. по 1741 г., въ чинѣ контръ-адмирала, командовалъ днѣпровскою флотиліею, послѣ чего по 1751 г. ежегодно командовалъ въ Балтійскомъ морѣ практическими эскадрами, а затѣмъ и всѣмъ балтійскимъ флотомъ. Въ 1747 г. Баршъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы съ назначеніемъ присутствовать въ адмиралтействъ-коллегіи.

Общій морской списокъ, т. I.

Барщевскій, *Янъ*, бѣлорусскій писатель, род. въ 1791 г., ум. въ 1851 г. Витебскій бѣлоруссъ, онъ родился въ полоцкомъ уѣздѣ, на границѣ невельскаго и себежскаго уѣздовъ, въ селеніи Морахахъ, и по происхожденію принадлежалъ къ многочисленной бѣдной шляхтѣ этого края, которая имѣетъ столь близкія связи съ классомъ сельчанъ, что почти съ ними сливается. Этой-то мелкой, «застѣнковой» шляхтѣ и народу Барщевскій и посвятилъ свою дѣятельность. Барщевскій воспитывался въ Полоцкѣ у іезуитовъ и еще въ коллегіи между сверстниками прослылъ за стихотворца, такъ какъ на торжественные случаи слагалъ «вирши» и «ораціи». Возвращаясь на лѣтнія вакаціи домой, Барщевскій вооружался посохомъ и пускался въ странствія по окрестнымъ деревнямъ, гдѣ, изучая бѣлорусскій народный бытъ, записывалъ преданія, пѣсни, сказки. Шуточные стихи и каррикатуры дѣлали Барщевскаго желаннымъ гостемъ среди «застѣнковой» шляхты, которая и вознаграждала зачастую странствующаго барда мѣркою гороха, пшеницы и т. п., а нѣкоторые стихотворенія Барщевскаго въ ту уже пору пріобрѣли такую популярность, что расходились по всей Бѣлоруссіи и дали ему славу истинно народнаго бѣлорусскаго писателя. По окончаніи курса въ полоцкой коллегіи, Барщевскій отправился пѣшкомъ въ Вильну, чтобы поступить въ тамошній университетъ, но случайный знакомецъ убѣдилъ юношу, не имѣвшаго никакихъ средствъ существованія, покинуть самую мысль объ университетѣ и пригласилъ его поступить къ нему въ домъ гувернеромъ. То-же положеніе занялъ Барщевскій впослѣдствіи въ семьѣ князя Р(адзивилла?), но жажда повидать свѣтъ и людей толкнула его въ Петербургъ, гдѣ Барщевскій и встрѣтилъ поддержку со стороны единственной знакомой ему въ столицѣ личности—его же земляка Гауденція Шепилевича. Въ Петербургѣ Барщевскій познакомился съ Адамомъ Мицкевичемъ, сошелся коротко съ Юліаномъ Бартошевичемъ и совмѣстно съ послѣднимъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, устроилъ польскую студенческую библіотеку и читальню. Барщевскій и въ Петербургѣ гувернерствовалъ, побывалъ за границею, во Франціи и Англіи, а затѣмъ занималъ должность преподавателя латинскаго и греческаго языка въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Лѣтомъ, однако-же, Барщевскаго непреоборимо тянуло на родину: онъ уходилъ пѣшкомъ въ Бѣлоруссію и проводилъ досужное время среди шляхты и народа, нося въ шапкѣ свои тетрадки, исписанныя старинною орѳографіею и старинным его почеркомъ. Въ печати Барщевскій впервые выступилъ съ стихотворнымъ сборникомъ «Niazabudka», (Спб. 1840—1844 г.г., въ четырехъ выпускахъ). Этотъ сборникъ былъ составленъ имъ въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими другими польскими писателями (Юл. Бартошевичемъ, Гауденціемъ Шепилевичемъ, Подберезскимъ, Людвикомъ Штырмеромъ и др.). Своими балладами изъ бѣлорусскаго народнаго быта и преданіями, помѣщенными въ «Незабудкѣ», Барщевскій пробудилъ интересъ къ литературѣ въ кругу, который дотолѣ исключительно удовлетворялся мѣстными календарями. Позднѣе Барщевскій перешелъ къ прозаическимъ разсказамъ и въ нихъ весьма удачно передавалъ народный духъ и языкъ. Эти разсказы, въ четырехъ маленькихъ книжечкахъ, въ 16 д. л. изданные въ Спб. Эйнерлингомъ, въ 1844—46 г.г., озаглавлены «Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach» и упрочили за Барщевскимъ литературную репутацію. Изображеніе быта народнаго тутъ особенной глубиною не отличается, отношеніе къ народу—покровительственное, непосредственнаго интереса къ нему нѣтъ. Однако въ тогдашнихъ условіяхъ разсказы Барщевскаго были пріятною новинкою и для мѣстныхъ патріотовъ, и для тѣхъ, кто тогда уже думалъ, что должны установиться иныя, болѣе человѣчныя отношенія къ холопству. Разсказы построены очень незатѣйливо: авторъ попадаетъ на родину и поселяется у своего дяди, шляхтича Завальни, мѣстнаго старожила, знающаго весь околодокъ, и здѣсь встрѣчаетъ разнообразные типы, которые и проходятъ передъ читателемъ съ цѣлымъ рядомъ исторій, рисующихъ мѣстную жизнь, народные нравы, суевѣрія и т. п. Тонъ разсказа—добродушно-юмористическій. Приводятся образчики народной рѣчи и пѣсенъ, но, не будучи ученымъ этнографомъ, Барщевскій не гонялся за подлинными текстами народныхъ преданій и свободно развивалъ свои произведенія, кладя народный элементъ только въ основу. Въ 1849 г. Барщевскій предпринялъ полное собраніе своихъ сочиненій подъ заглавіемъ «Proza i wirsze», но успѣлъ при жизни напечатать всего лишь I часть (въ Кіевѣ). Въ русской литературѣ Барщевскій выступилъ всего един-

ственный разъ, напечатавъ въ «Иллюстраціи» за 1846 г. «Очерки сѣверной Бѣлоруссіи».

Ромуальдъ Подберезскій, «Очеркъ бѣлорусскихъ произведеній и личности Барщевскаго» (въ приложеніи къ «Szlachcic Zawalnia» изданія Эйнерлинга).—Zdanowicz-Sowiński, «Rys dziejów literatury polskiej».—Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. IV, стр. 61—62.—Словари: Березина и Эфрона-Брокгауза.—Wielka Encyklopedia Powszechna. T. V.

Барщевскій, *Өедоръ Даниловичъ*, врачъ, писатель, род. въ 1810 г., ум. (зарѣзался) 21 апрѣля 1840 г., близъ Кіева. Происходилъ Барщевскій изъ купеческаго званія, воспитывался въ с.-петербургской медико-хирургической академіи, курсъ которой кончилъ въ 1833 г., и состоялъ на службѣ въ тульчинскомъ военномъ госпиталѣ и въ 18-й артиллерійской бригадѣ. Ему принадлежатъ: 1) «О пользѣ плотно сваренного яичнаго бѣлка въ воспаленіи глазъ» (въ «Другѣ здравія», 1837 г., № 12); 2) «О пользѣ вспрыскиванія холодной воды въ хроническомъ перелоѣ» (ib., 1839 г., № 43).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».

Барръ (Barre, Jean Jaques), французскій медальеръ, род. въ 1793 г., ум. въ 1855 г. Изъ его работъ извѣстны: портретъ имп. Николая I въ профиль, и медали: на бракосочетаніе короля греческаго съ вел. кн. Ольгою Константиновною, въ честь Поццо-ди-Борго и въ честь кн. А. Чарторижскаго.

Иверсенъ, «Словарь медальеровъ».

Барышевъ, Ефремъ Ефремовичъ, писатель, ум. 6 октября 1881 г. въ Петербургѣ. Окончивъ въ 30-хъ годахъ курсъ въ московскомъ университетѣ по словесному факультету, онъ занялся педагогической дѣятельностью, но, страстно стремясь къ славѣ, онъ не удовольствовался преподаваніемъ, а попробовалъ свои силы на поприщѣ поэзіи, которая въ то время въ интеллигентныхъ нашихъ кругахъ считалась вѣнцомъ человѣческаго генія. Въ 1837 г. Барышевъ напечаталъ въ Москвѣ обширную оригинальную поэму «Еврей», которая, однако, оказалась совсѣмъ плохой и прошла совершенно незамѣченною ни въ публикѣ, ни въ печати. Та же участь постигла и нѣсколько романсовъ Барышева, написанныхъ имъ въ это время. Убѣдившись въ полномъ отсутствіи у себя художественнаго дарованія, Барышевъ сталъ искать славы въ противоположномъ направленіи. Съ необыкновенной энергіей и постоянствомъ принялся онъ за изученіе механики, успѣлъ превосходно овладѣть литературою предмета на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ и занялся собственными изобрѣтеніями. Но отсутствіе творческаго элемента у Барышева сказалось и тутъ: всѣ его проекты, съ которыми онъ перебрался изъ Москвы въ Петербургъ, потерпѣли неудачу среди спеціалистовъ. Тогда, отказавшись отъ широкихъ замысловъ, Барышевъ сталъ эксплуатировать свои обширныя и разностороннія знанія скромно, какъ средство существованія. Благодаря знакомству съ иностранными языками, онъ получилъ мѣсто переводчика въ одномъ изъ департаментовъ министерства финансовъ и въ то же время занялся черной журнальной работой - переводами, компиляціями и рецензіями для «Отечественныхъ Записокъ». Подъ конецъ жизни Барышевъ еще разъ серьезно выступилъ на литературное поприще, напечатавъ въ 1881 г. стихотворные переводы «Каина» Байрона и «Сида» и «Родогонды» Корнеля. Сверхъ того, въ его бумагахъ остался еще полный переводъ обѣихъ частей «Фауста». Эти переводы встрѣтили суровый, но справедливый приговоръ критики, которая признала ихъ языкъ безвкуснымъ и мало понятнымъ.

Некрологъ въ «Порядкѣ», 1881 г., № 284.—Словарь Венгерова.

Барятинскіе и **Борятинскіе** (въ старину) князья, Рюриковичи (въ XV колѣнѣ), потомки св. князя Михаила Черниговскаго. Родоначальникомъ рода Барятинскихъ былъ жившій въ концѣ XIV в. и въ началѣ XV в. кн. *Александръ Андреевичъ Мезецкій*, по прозванію *Борятинскій*, отъ волости Борятины на р. Клетомѣ въ мещовскомъ уѣздѣ калужской губ. Родъ князей Барятинскихъ выдвигается начиная со Смутнаго времени, когда кн. *Яковъ Петровичъ*, получилъ чинъ боярина. Въ XVI же в. этотъ родъ стоялъ по службѣ довольно невысоко. Въ тысячную книгу избраннаго дворянства въ 1550 г. записаны были, съ надѣленіемъ помѣстьями въ московскомъ уѣздѣ по 3-й статьѣ, семь князей Борятинскихъ: коломенскій помѣщикъ Өедоръ Михайловичъ и тарусскіе помѣщики Андрей Григорьевичъ, Дмитрій и Өедоръ (Борят.-Боровитинскій), Иванъ и Василій Васильевичи, и калужскій— Юрій Өедоровичъ. Изъ нихъ: *Андрей Григорьевичъ*, по прозванію *Булгакъ*, былъ началь-

никомъ сторожеваго полка въ походѣ на Астрахань (1553 г.), а по завоеваніи города, его первымъ воеводой; впослѣдствіи былъ воеводою на Угрѣ, въ Дѣдиловѣ, Болховѣ, на Дону, въ Тулѣ и Одоевѣ (1564).—*Юрій Өедоровичъ* въ 1565 г. посланъ воеводой въ Новосиль съ порученіемъ охранять р. Сосну; въ 1567 г. начальствовалъ отрядомъ служилыхъ татаръ. Ранѣе того, въ 1564 г. поручился предъ царемъ въ 200 р. за И. В. Шереметева. За это же время имѣются свѣдѣнія о незанесенномъ въ тысячную книгу, *Михаилѣ Өедоровичѣ*; на его имя написана царская грамота 1569 г. въ Бѣлоозеро. Въ 1571 г. онъ былъ головою въ царскомъ полку; въ 1573 г. стоялъ въ томъ же полку «у знамени»; въ 1576 г. посланъ былъ изъ Полоцка на развѣдки.

Въ послѣдней четверти XVI в. Барятинскіе нерѣдко назначались на должность полкового головы, въ придворныхъ церемоніяхъ участвовали въ качествѣ рындъ и въ лучшемъ случаѣ назначались воеводами въ отдаленные пограничные городки или въ войско вторыми воеводами полковъ. Наиболѣе свѣдѣній за это время имѣется о слѣдующихъ представителяхъ рода: *Петрѣ Ивановичѣ* (см. отдѣльно), *Иванѣ Михайловичѣ* (см. отдѣльно) и *Дмитріи Михайловичѣ*, который въ 1588 г. былъ вторымъ воеводою въ сторожевомъ полку; въ 1589 г. назначенъ головою въ полку кн. В. Ө. Скопина-Шуйскаго, отправленномъ въ Псковъ. Въ 1603 г. былъ воеводой въ г. Осколѣ; въ 1604 г.—вторымъ воеводой въ сторожевомъ полку. Въ началѣ XVII в. кн. Барятинскіе занимаютъ болѣе видныя мѣста на поприщѣ гражданской и военной службы, при чемъ наиболѣе замѣчательными представителями рода являются сыновья князя Петра Ивановича: *Өедоръ*, *Яковъ*, *Михаилъ* и *Никита*. Ихъ біографіи, а равно и біографіи другихъ Барятинскихъ XVII-го в. и позже—см. отдѣльно.

Свѣдѣнія о родѣ Барятинскихъ и о различныхъ его представителяхъ находятся въ слѣдующихъ изданіяхъ: Акты Историческіе (по указателю).—Дополненія къ Актамъ Историческимъ (по указателю).—Древн. россійск. вивліоѳика.—Опис. докум. и бумагъ моск. архива мин. юстиціи, кн. VIII, с. 148, 152, 211.—Разрядныя книги, т. I, II.—П. Долгорукій. «Россійская родословная книга», т. I, стр. 72—76.—П. Н. Петровъ. «Исторія родовъ россійскаго дворянства», т. I, стр. 26—28. (Спб., 1885 г.).—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. VIII—XII.—Словари: Плюшара (т. VI), Старчевскаго (II), Березина (III), Толля, Брокгауза и Ефрона (III).—В. С., «О родѣ Барятинскихъ» (въ «Ставропольскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1860 г., №№ 13—17).—К. Газенвинкель, «Систематическій перечень воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подъячихъ въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ съ ихъ основанія до начала XVIII в.» (Тобольскъ, 1892 г.). — Андріевичъ, «Исторія Сибири», ч. 1 и 2. (Спб., 1889 г.)—«Вятскій Календарь на 1880 г.» (стр. 110).—Н. И. Костомаровъ, «Историческія монографіи и изслѣдованія», т. 5.—Е. В. Богдановичъ, «Родъ князей Барятинскихъ».—Изданія, въ коихъ упоминается лишь о какомъ либо одномъ изъ Барятинскихъ, приведены подъ отдѣльными біографіями.

Барятинская, *Марья Өедоровна*, княгиня, извѣстная благотворительница, род. 17 сентября 1793 г., ум. 11 февраля 1858 г. Дочь гр. Людвига-Христофора Келлера, она получила прекрасное домашнее образованіе. Въ 1813 г. она вышла замужъ за князя И. И. Барятинскаго; первымъ сыномъ ея былъ кн. Александръ Ивановичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ. До смерти мужа она вела обычную свѣтскую жизнь, но овдовѣвъ, поселилась въ родовомъ имѣніи Ивановскомъ и серьезно занялась воспитаніемъ сына и самою широкою благотворительностью. Въ 1843 г. скончалась ея дочь, Марія Ивановна Кочубей. Тогда княгиня Барятинская окончательно обратилась, какъ бы въ память ея, къ благотворительной дѣятельности. Въ томъ же 1843 г. она устроила заведеніе для воспитанія бѣдныхъ дѣтей, подъ названіемъ Маріинскаго пріюта (Marien-Asyl), по Шлиссельбургской дорогѣ, переданное впослѣдствіе въ завѣдываніе лютеранской церкви св. Анны, къ приходу которой сама принадлежала. Въ 1846 г. она основала въ своемъ домѣ (на Сергіевской) пріютъ для дневнаго пребыванія малолѣтнихъ дѣтей, потомъ пріютъ для вдовъ, послужившій началомъ маріинской богадѣльни, женскую общину сестеръ милосердія, для попеченія о больныхъ и бѣдныхъ и, наконецъ, — вдовій домъ въ особо купленномъ ею зданіи. Въ началѣ она сама принимала участіе въ вѣдѣніи названныхъ заведеній, но потомъ, за болѣзнію и частыми заграничными леченіями, должна была отказаться отъ этого, хотя не переставала до конца жизни помогать имъ деньгами.

Прибавленіе къ словарю Толя. — Некрологи: въ «Ставропольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» за 1859 г., № 40, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1858 г., № 48 и въ «Мѣсяцесловѣ» на 1859 г., стр. 336.

Барятинскій, кн. *Александръ Ивановичъ*, генералъ-фельдмаршалъ, членъ гос

дарственнаго совѣта, род. 2 мая 1815 г., отъ втораго брака князя Ивана Ивановича Барятинскаго съ графинею Маріею Ѳедоровною Келлеръ, ум. въ 1879 г. Вскорѣ послѣ рожденія ребенка неизвѣстный человѣкъ оставилъ на лѣстницѣ дома рисунокъ-гороскопъ, какъ полагаютъ, произведеніе одного изъ членовъ существовавшихъ тогда въ Россіи масонскихъ ложъ. Предсказанія гороскопа не вполнѣ сбылись, но всетаки замѣчательно, что оправдалось главное пророчество о побѣдахъ на Востокѣ, о призрѣніи плѣнника; а совѣтъ быть великодушнымъ къ побѣжденнымъ сдѣлался девизомъ будущаго фельдмаршала. На князѣ Александрѣ, какъ на старшемъ представителѣ рода, было сосредоточено все вниманіе отца, ревностнаго англомана, и для воспитанія его была составлена особая инструкція, которая однако впослѣдствіи не могла быть выполнена со всею точностью. Согласно ей, князь Александръ Ивановичъ до пятилѣтняго возраста оставался подъ женскимъ присмотромъ, а затѣмъ долженъ былъ перейти на попеченіе гувернеровъ. Этотъ первоначальный періодъ жизни посвящался развитію физическихъ силъ и ловкости: холодныя купанья, гимнастическія упражненія, ѣзда на неосѣдланныхъ лошадяхъ — вотъ средства къ достиженію этой цѣли. Съ семилѣтняго возраста отрокъ долженъ былъ уже приступить къ изученію языковъ—русскаго, славянскаго, латинскаго и греческаго, причемъ главнѣйше слѣдовало обращать вниманіе на родное слово. Одновременно съ этимъ начиналось обученіе рисованію и ариѳметикѣ. Съ 12 лѣтъ надлежало приступить къ изученію механики и прикладной математики, а эти науки должны были пріохотить юношу къ занятіямъ земледѣліемъ, что и составляло конечную цѣль и завѣтное желаніе составителя инструкціи. Князю Александру предполагалось отвести участокъ земли для агрономическихъ опытовъ и предоставить земледѣльческія орудія. Онъ долженъ былъ основательно изучить многопольное хозяйство и устройство машинъ, равнымъ образомъ и искусство межеванія, а также научиться свободно обращаться съ столярными инструментами. Такое практическое воспитаніе имѣло назначеніемъ выработать въ князѣ самостоятельность, дѣловитость и сознательное отношеніе къ окружающей жизни. Въ программу воспитанія входило также развитіе памяти изученіемъ поэтическихъ произведеній и выработка краснорѣчія произнесеніемъ вслухъ сочиненныхъ самимъ ученикомъ рѣчей. Путешествіямъ по чужимъ краямъ отводилось въ инструкціи 6 лѣтъ, въ теченіе которыхъ юноша долженъ былъ знакомиться съ исторіей и статистикой посѣщаемыхъ странъ. Въ видахъ наискорѣйшаго и основательнаго изученія этихъ отраслей знанія, князя Александра должны были, во время его путешествій, сопровождать врачъ, химикъ, ботаникъ, механикъ (изъ голландцевъ, англичанъ или швейцарцевъ), нѣмецъ, знакомый съ латинскимъ и греческимъ языками, главный педагогъ, на обязанности котораго лежало руководство всѣмъ воспитаніемъ вообще, и русскій наставникъ, хорошо знающій Россію, ея исторію и законы. Четыре года предназначалось на путешествіе по Европейской, и два года по Азіатской Россіи. По окончаніи этихъ путешествій князь Александръ долженъ былъ поступить на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ или финансовъ, но никоимъ образомъ не въ военную службу, и не въ придворную или дипломатическую. На старости лѣтъ, по выходѣ въ отставку, должно поселиться въ деревнѣ, чтобы «позаботиться о просвѣщеніи и благополучіи своихъ крестьянъ и пріучить ихъ къ занятію искусствами и ремеслами, которыя увеличатъ его доходы и дадутъ вмѣстѣ съ тѣмъ занятіе толпѣ праздной челяди». Въ этихъ наставленіяхъ, кромѣ нѣкотораго вліянія педагогическихъ идей Руссо, ярко отразился англійскій идеалъ богатаго, родовитаго образованнаго землевладѣльца, **landlord'a**, осѣвшаго въ своемъ родовомъ помѣстіи, заботящагося о культурѣ хозяйства и просвѣщеніи темнаго народа, который находится отъ него въ зависимости. Тѣ же англійскіе взгляды князя Ивана Ивановича сказались и въ его духовномъ завѣщаніи, по которому для князя Александра опредѣлялось образованіе маіората въ 8000 душъ, остальное же имущество распредѣлялось княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ, тремъ сыновьямъ и тремъ дочерямъ, рожденнымъ отъ втораго брака; о дочери отъ перваго брака въ завѣщаніи ничего не упоминалось. Образованіемъ обширнаго маіората въ пользу князя Александра имѣлось въ виду поддержаніе рода, почему на представителѣ этого рода и сосредоточивались весь блескъ и роскошь княжескаго дома Барятинскихъ. Надежды отца относительно будущей дѣятельности первенца далеко не осуществились, и князь

Александръ Ивановичъ воплотилъ идеи своего отца только въ своихъ отношеніяхъ къ остальнымъ членамъ семьи, являясь ихъ дѣйствительнымъ главою, покровителемъ и представителемъ княжескаго дома. Попеченія о матеріальномъ благосостояніи членовъ семьи составляли особенный предметъ вниманія кн. Александра Ивановича, и братья находили въ его лицѣ всегда великодушнаго и щедраго покровителя. Рано и искусственно развитая фамильная гордость легла отпечаткомъ на отношенія молодаго князя и къ окружавшимъ его лицамъ. Онъ былъ со всѣми вѣжливъ, простъ и любезенъ, но не терпѣлъ фамильярности и развязности въ обращеніи съ собою и, даря своего собесѣдника вниманіемъ, тѣмъ не менѣе никогда не переходилъ въ своемъ сближеніи съ нимъ извѣстной черты. И это дѣлалось какъ-то само собой безъ обиднаго высокомѣрія или унизительнаго презрѣнія. Княгиня Марія Ѳедоровна дала сыну прекрасное домашнее образованіе, особенно по части знанія языковъ, и, когда юношѣ минуло 16 лѣтъ, собиралась опредѣлить его въ московскій университетъ, но это не удалось, такъ какъ молодой князь, подъ вліяніемъ гвардейца Свистунова, заявилъ рѣшительное желаніе посвятить себя военной службѣ. Мать и родные употребляли всѣ силы, чтобы отговорить его, но тщетно. Князь Александръ выказалъ здѣсь тѣ упорство и самостоятельность, которыя составляли его отличительныя качества и въ послѣдующей жизни. Семейный споръ дошелъ до дворца, сама императрица поддержала молодаго человѣка, предложивъ его зачислить въ кавалергардскій полкъ, шефомъ котораго она состояла, а въ августѣ, 1831 г. кн. Барятинскій поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.

Въ этомъ учебномъ заведеніи кн. Барятинскій, кавалергардскій юнкеръ, всецѣло окунулся въ веселую, шумную жизнь столичной молодежи того времени. Высокій, статный обаятельно красивый съ прелестными голубыми глазами и вьющимися бѣлокурыми кудрями, онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на женщинъ, и его романическія приключенія отодвинули на задній планъ интересъ къ учебнымъ занятіямъ. Слѣдствіемъ слабыхъ успѣховъ въ наукахъ было то, что кн. Барятинскій не могъ окончить курса школы по первому разряду и выйти въ любимый кавалергардскій полкъ, а вынужденъ былъ въ 1833 г. поступить корнетомъ въ гатчинскій кирасирскій полкъ (тогда армейскій). Но не здѣсь лежали его интересы и симпатіи; его настоящей семьей былъ кавалергардскій полкъ, въ жизни котораго онъ и принималъ самое живое участіе. Такъ, между прочимъ, онъ участвовалъ въ крупной шалости кавалергардскихъ офицеровъ, направленной противъ новаго командира полка, надѣлавшей много шуму въ городѣ: послѣдствіемъ ея былъ арестъ князя Барятинскаго на гауптвахтѣ воспитательнаго дома. Его шалости, кутежи, веселыя похожденія и романическія приключенія получили въ Петербургѣ широкую извѣстность. Своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ онъ навлекъ наконецъ на себя неудовольствіе императора Николая Павловича, и ему пришлось серіозно задуматься надъ поправленіемъ своей пошатнувшейся репутаціи. Князь Александръ Ивановичъ не долго колебался въ выборѣ средствъ и заявилъ категорическое желаніе ѣхать на Кавказъ, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Такое рѣшеніе, обнаружившее самостоятельность характера и незаурядное пониманіе службы, вызвало большіе толки въ семьѣ и среди знакомыхъ. Князя молили не рисковать собой, но тщетно; онъ что рѣшилъ, то и должно было осуществиться. «Скажите Государю, просилъ кн. Барятинскій передать императору Николаю Павловичу, что если я умѣю дѣлать шалости, то умѣю и служить». Вслѣдствіе его настояній въ мартѣ 1835 г., т. е. когда ему еще не минуло 20 лѣтъ, онъ былъ по Высочайшему повелѣнію командированъ въ войска Кавказскаго корпуса на все время предстоявшихъ въ томъ году военныхъ дѣйствій. Въ апрѣлѣ онъ простился съ Петербургомъ и поѣхалъ къ мѣсту командировки, гдѣ и поступилъ въ отрядъ генерала Вельяминова, подъ ближайшее начальство кн. Орбеліани, командира коннаго полка Черноморскихъ казаковъ.

Дѣйствія наши противъ западныхъ горцевъ въ періодъ 30-хъ годовъ не отличались значительными успѣхами и имѣли главною цѣлью утвержденіе въ чертѣ треугольника между крѣпостью Анапою, моремъ и устьемъ Кубани. Въ одной изъ экспедицій осенью 1835 г. противъ племени натухайцевъ, жившихъ въ верховьяхъ рѣки Абинь, участвовалъ и кн. Барятинскій. Командуя 21 сентября сотней спѣшенныхъ казаковъ, въ пылу рукопашнаго боя, окончившагося нашей побѣдой надъ горцами, князь былъ тяжело

раненъ ружейной пулей въ бокъ и былъ вынесенъ на плечахъ Н. П. Колюбакинымъ, участвовавшимъ въ сраженіи въ качествѣ разжалованнаго рядоваго. Рана кн. Барятинскаго была очень серьезная (пуля засѣла глубоко и до конца его жизни не была извлечена), и онъ въ теченіе 2 сутокъ находился между жизнью и смертью, все время въ безпамятствѣ. Въ одинъ изъ моментовъ сознанія больной продиктовалъ командиру черноморскихъ казаковъ, Безобразову, свое духовное завѣщаніе, въ которомъ распредѣлилъ все свое имущество между родными и друзьями и просилъ ходатайствовать о возвращеніи Колюбакину офицерскаго званія. Послѣдняя просьба была исполнена, а отношенія между кн. Барятинскимъ и Колюбакинымъ сохранились на всегда самыя сердечныя. Въ этомъ случаѣ ярко сказалось благородное отношеніе князя къ несчастнымъ и рыцарскій долгъ платить добро услугой за услугу. Богатырскій организмъ больного поборолъ недугъ, и ему разрѣшено было для поправленія здоровья ѣхать сначала въ Петербургъ, а потомъ, за границу. Колюбакинъ, по порученію генерала Вельяминова, описалъ въ подробностяхъ геройское поведеніе молодаго кн. Барятинскаго его матери, которая, пораженная горемъ, показала письмо императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а отъ нея подвигъ кн. Барятинскаго сталъ извѣстенъ самому Государю и всему петербургскому обществу. Наградой за экспедицію было производство князя въ поручики и пожалованіе золотой сабли. По прибытіи въ Петербургъ, у кн. Барятинскаго съ визитами, соболѣзнованіями и поздравленіями перебывалъ весь аристократическій міръ, но высшею наградою было посѣщеніе его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, который при входѣ привѣтствовалъ его словами: «Государь Императоръ повелѣваетъ вамъ состоять при Наслѣдникѣ». Со слезами на глазахъ припалъ кн. Барятинскій къ груди Цесаревича, и это сердечное свиданіе, по его собственному сознанію, было торжественнымъ моментомъ очищенія отъ прежней грѣховной жизни. Все прежнее было забыто, и передъ молодымъ героемъ открывалась новая жизнь.

Отдохнувъ въ Петербургѣ, кн. Александръ Ивановичъ получилъ продолжительный отпускъ за границу. Путешествуя по разнымъ европейскимъ землямъ, онъ старался пополнить пробѣлы своего образованія: слушалъ лекціи въ университетахъ, знакомился съ писателями, учеными, выдающимися политическими и общественными дѣятелями, преимущественно изъ высшаго общества Франціи и Англіи. Въ 1838—39 г.г. онъ сопровождалъ Цесаревича въ его путешествіи по Европѣ, и въ это время кн. Барятинскій сблизился въ особенности съ рано умершимъ граф. Іосифомъ Віельгорскимъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ задался цѣлью собрать библіотеку иностранныхъ сочиненій о Россіи и музей предметовъ, относящихся къ Россіи. Впослѣдствіи эта обширная библіотека, со включеніемъ въ нее библіотеки оріенталиста Гульянова, пріобрѣтенной кн. Барятинскимъ въ 1840 г., поступила въ распоряженіе московскаго Румянцевскаго музея.

По возвращеніи изъ-за границы, кн. Барятинскій проживалъ въ Петербургѣ, состоя на службѣ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, страстно увлекаясь царскосельскими скачками, для которыхъ онъ содержалъ дорогихъ лошадей, и занимаясь приведеніемъ въ порядокъ своихъ денежныхъ дѣлъ и устройствомъ маіората. Служебное движеніе шло очень быстро, и уже къ 1845 г. мы видимъ кн. Барятинскаго въ чинѣ полковника. Однако князя Александра Ивановича манилъ къ себѣ Кавказъ, чтобы принять участіе въ предполагавшейся большой экспедиціи кн. Воронцова противъ резиденціи Шамиля, аула Дарго. Послѣ сношенія по этому предмету съ кн. Воронцовымъ, кн. Барятинскій былъ прикомандированъ къ кабардинскому егерскому кн. Чернышова полку и 30 мая 1845 г. назначенъ командиромъ 3-го батальона этого полка.

Экспедиція противъ Дарго была неудачной по своимъ послѣдствіямъ. Самымъ блестящимъ дѣломъ во время нея было занятіе Андійскихъ высотъ, выпавшее на долю кн. Барятинскаго и сразу поставившее его имя на ряду съ выдающимися и испытанными кавказскими героями. Выбивая горцевъ изъ занятыхъ ими укрѣпленныхъ позицій, кн. Барятинскій блестяще выполнилъ порученіе кн. Воронцова и вызвалъ восторженныя одобренія, какъ главнокомандующаго, такъ и его свиты, наблюдавшихъ издали за дѣйствіями батальоннаго командира, «шедшаго, по словамъ кн. Воронцова, впереди храбрѣйшихъ и подававшаго собою примѣръ мужества и неустрашимости». Тяжело раненный пулею въ ногу и награжденный орденомъ св. Георгія 4 степени, кн. Барятинскій снова вынужденъ былъ разстаться

съ Кавказомъ, вернуться въ Петербургъ, а оттуда для поправленія здоровья предпринять продолжительное путешествіе за границу. По дорогѣ однако, при посѣщеніи Варшавы, получивъ отъ кн. Паскевича предложеніе принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ, онъ еще отличился, разбивъ 21 февраля 1846 г. кавалерійскій отрядъ повстанцевъ подъ командою Мазараки и отбросивъ сформированное въ Краковскомъ округѣ войско враговъ за границу. За этотъ подвигъ князь былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Вскорѣ по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, кн. Барятинскій получилъ отъ кн. Воронцова предложеніе принять командованіе кабардинскимъ полкомъ. Какъ ни лестно было это предложеніе, князь Барятинскій колебался, подозрѣвая, что оно вызвано давленіемъ изъ Петербурга, не вполнѣ увѣренный въ искренности расположенія кн. Воронцова, тонкій характеръ котораго онъ со свойственной ему проницательностью успѣлъ достаточно изучить, а потому опасался, что его независимость и гордость могутъ пострадать отъ столкновенія съ высшимъ начальникомъ, отличавшимся, какъ и онъ, непреклонною волею. Однако послѣдующее показало, что эти опасенія были напрасны. 28 февраля 1847 г. послѣдовалъ приказъ о назначеніи кн. Барятинскаго флигель-адъютантомъ и командиромъ кабардинскаго полка. Рѣшеніе кн. Александра Ивановича разстаться съ придворной жизнью вызвало сильныя сожалѣнія въ Петербургскомъ обществѣ. Сборы его на Кавказъ были продолжительны и сложны. Онъ рѣшилъ перенести въ свою полковую квартиру всю свою блестящую обстановку столичной жизни, полагая, что полковой командиръ, въ его положеніи, помимо своихъ служебныхъ отношеній къ подчиненнымъ, долженъ былъ явиться виднымъ представителемъ ввѣренной ему части войска. Отъѣздъ изъ столицы сопровождался задушевнымъ прощаніемъ съ товарищами, а большой свой багажъ князь отправилъ по Волгѣ въ видѣ цѣлой флотиліи.

Въ полку съ нетерпѣніемъ ждали прибытія новаго командира. Въ немъ видѣли друга Наслѣдника, богатаго вельможу, лихаго товарища, обаятельнаго собесѣдника, и при томъ стараго знакомаго, героя Андійскихъ высотъ. Князь Барятинскій явился съ сознаніемъ важности возложеннаго на него командованія однимъ изъ храбрѣйшихъ полковъ, за послѣднее время находившимся не въ особой милости. Онъ былъ серьезенъ, педантически требователенъ и безпощадно строгъ въ соблюденіи дисциплины; его начали бояться, передъ его нахмуренными бровями трепетали старые кавказцы, о его личности распространялись легенды. Входя во все, подчасъ мелкія, подробности полковаго хозяйства и жизни подчиненныхъ, работая безъ устали, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣлъ сдѣлать свой домъ центромъ полковой жизни. Всѣ, имѣющіе къ нему дѣло, пользовались совершенно свободнымъ къ нему доступомъ, офицеры аккуратно собирались у него каждый день на обѣдъ и ужинъ, не было недостатка и въ развлеченіяхъ. Князь не жалѣлъ денегъ на нужды полка и, между прочимъ, на свой счетъ вооружилъ полкъ штуцерами.

Но рядомъ съ этими ближайшими служебными дѣлами кн. Барятинскій непрестанно слѣдилъ за общимъ ходомъ дѣлъ на Кавказѣ, изучалъ страну и взвѣшивалъ наши шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ горцами. Онъ знакомился съ литературой, посвященной Кавказу: сочиненіе Дюбуа де Монпере «Voyage autour du Caucase» дѣлается его настольной книгою, а въ библіотекѣ его можно было найти записки Пассека, Бюрна, Невѣровскаго о нашемъ положеніи на Кавказѣ. Вникая въ установленную кн. Воронцовымъ систему военныхъ дѣйствій, кн. Барятинскій находитъ ее единственно разумной и плодотворной, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ сдѣлать въ ней существенныя поправки и дополненія. Такъ, онъ удивлялся тому предпочтенію, которое мы отдавали Дагестану предъ Чечней для покоренія Восточнаго Кавказа, и уже тогда высказалъ взглядъ, что крайность и истощеніе средствъ горцевъ должны наступить съ потерей Чечни,—взглядъ, впослѣдствіи блистательно подтвердившійся и послужившій исходной точкой отправленія при окончательномъ замиреніи Кавказа. Эта подготовка къ будущей работѣ, занятія въ тиши кабинета дѣлаются все упорнѣе и продолжительнѣе, и не разъ утренняя заря застаетъ кн. Александра Ивановича погруженнымъ въ изученіе интересующихъ его вопросовъ, не разъ онъ подаетъ въ серьезныхъ случаяхъ и свое мнѣніе, не ограничиваясь однимъ исполненіемъ распоряженій начальства. Такъ, по его указанію, штабъ-квартира полка переносится

изъ кр. Внезапной въ Хасавъ-Юртъ, что имѣло важное стратегическое преимущество и обезпечивало наши войска удобнымъ мѣстопребываніемъ и сообщеніемъ съ главными дѣйствующими силами; по его представленію измѣняется дизлокація войскъ на Кумыкской плоскости, въ видахъ защиты покорныхъ намъ племенъ и съ цѣлью обезпеченія нашихъ сношеній съ Дагестаномъ и съ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи; по его же мнѣнію выбрано новое, болѣе удобное мѣсто для постройки моста черезъ Терекъ. Все это значительно возвышало кн. Барятинскаго въ глазахъ кн. Воронцова, и изъ ихъ обширной переписки видно, насколько цѣнилъ главнокомандующій стратегическія способности молодаго полковаго командира.

Изъ чисто боевыхъ подвиговъ кн. Барятинскаго за это время слѣдуетъ прежде всего упомянуть о дѣлѣ при аулѣ Зандакъ, гдѣ онъ, исполнивъ существенную сторону порученія- отвлечь непріятеля отъ нашихъ главныхъ силъ, съумѣлъ воздержаться отъ пылкаго желанія овладѣть цѣною гибели множества солдатъ непріятельскою пушкою, и этимъ обнаружилъ свой вѣрный военный взглядъ и распорядительность. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1847 г. онъ предпринялъ рядъ удачныхъ набѣговъ на Шамилевскіе аулы, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени. Лѣтомъ 1848 г., дѣйствуя со своими кабардинцами въ отрядѣ кн. Аргутинскаго-Долгорукаго, кн. Барятинскій при взятіи аула Гергебиля своей стойкостью и распорядительностью болѣе всего содѣйствовалъ успѣху дѣла, и за это былъ произведенъ въ генералъ-маіоры свиты Его Величества.

Неумѣренная жизнь годовъ юности начинала однако сказываться сперва легкими, а потомъ все усиливающимися приступами подагры, которые вызывали жестокія страданія, производили удручающее вліяніе на душевное настроеніе кн. Александра Ивановича и вынудили его снова ходатайствовать объ отпускѣ, разрѣшенномъ ему осенью 1848 г. Придворныя сферы съ нетерпѣніемъ ждали прибытія въ Петербургъ кн. Барятинскаго, задумавъ его сватать; но эти планы не входили въ разсчеты князя, и потому, получивъ о нихъ свѣдѣнія, онъ, подъ видомъ болѣзни, остановился въ Тулѣ, протянулъ здѣсь время своего отпуска и, считая его оконченнымъ, поспѣшилъ на Кавказъ. Фельдъ-егерю, посланному ему вслѣдъ, князь указалъ на свою болѣзнь глазъ, усталость и необходимость пребыванія въ полку. Этимъ онъ отсрочилъ свой пріѣздъ въ Петербургъ еще на годъ. Эпизодъ этотъ не остался безъ вліянія на отношенія къ кн. Барятинскому кн. Воронцова, который понялъ, что Царская Семья уже нѣсколько иначе смотритъ на князя Александра Ивановича, а вмѣстѣ съ тѣмъ сплетни объ отзывахъ кн. Барятинскаго о дѣятельности намѣстника не могли не вызвать въ немъ охлажденія. Въ то же время друзья и родственники изъ Петербурга давали понять, что кн. Барятинскому необходимо появиться при дворѣ для возстановленія своего прежняго положенія. Вслѣдствіе всего этого въ 1850 г., распростившись съ полкомъ, кн. Барятинскій явился въ Петербургъ.

Встрѣченъ онъ былъ въ петербургскихъ салонахъ, гдѣ видѣли охлажденіе къ нему Государя и Государыни, не смотря на ежедневныя свиданія съ Цесаревичемъ, далеко не такъ привѣтливо, какъ раньше. Самъ кн. Барятинскій подчеркивалъ своимъ поведеніемъ, что не ищетъ милости Двора и расположенія общества. Чтобы показать свое равнодушіе къ свѣту, онъ измѣнилъ даже наружность: остригъ свои кудри, отпустилъ тупыя подстриженныя бакенбарды, ходилъ немного сгорбившись и опираясь на палку. Это придавало ему, при его загорѣвшемъ, обвѣтрившемся лицѣ, видъ браваго служаки и уничтожало прежнее представленіе объ изящномъ царедворцѣ. Онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы лишить себя заманчиваго качества богатаго жениха, повѣсивъ на елку у матери въ видѣ сюрприза передачу маіората второму своему брату, князю Владиміру Ивановичу. Князь Александръ Ивановичъ перестал появляться въ свѣтѣ, пребывая въ тѣсномъ кругу близкихъ людей и за занятіями по изученію разныхъ государственныхъ вопросовъ, главнымъ образомъ касающихся дѣлъ дорогаго ему Кавказа, уясняя себѣ, какъ государственныя потребности и значеніе этого края, такъ и средства къ окончательному въ немъ водворенію русской власти. Анализируя систему дѣйствій Ермолова и кн. Воронцова, онъ отдавалъ предпочтеніе послѣднему, причемъ указывалъ и здѣсь существенные недостатки: отсутствіе непрерывности въ военныхъ дѣйствіяхъ и ошибочность нѣкоторыхъ административныхъ мѣропріятій. Признавая правильнымъ мнѣніе генерала Велья-

минова, что «Кавказъ есть крѣпость, чрезвычайно твердая по мѣстоположенію, искусно огражденная укрѣпленіями и обороняемая многочисленнымъ гарнизономъ», кн. Барятинскій считалъ необходимымъ тѣснить гарнизонъ крѣпости непрерывно, наносить ему одинъ ударъ за другимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблять его жизненность и энергію путемъ лишеній и разобщенія съ могущими явиться подкрѣпленіями со стороны. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что могущество Шамиля недолговѣчно и что, при неослабной энергіи русской власти, умиротвореніе горцевъ не представляется недосягаемымъ. Не нужно только давать противнику времени набраться силъ и показывать ему, что его считаютъ опаснымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо привлекать къ себѣ расположеніе той среды, въ которой дѣйствуетъ врагъ, и ни на минуту не упускать изъ виду тѣ мѣста, гдѣ уже достигнуты успокоеніе и покорность.

Пребываніе въ полномъ служебномъ бездѣйствіи, неизвѣстность, что его ожидаетъ въ будущемъ, тяготили кн. Барятинскаго, и когда наконецъ въ 1850 г. военный министръ запросилъ его, по Высочайшему повелѣнію, при которомъ изъ корпусовъ онъ желаетъ состоять, Новгородскомъ или Кавказскомъ, кн. Александръ Ивановичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилъ вернуться на Кавказъ, несмотря на свои пошатнувшіяся отношенія къ кн. Воронцову. 23 мая 1850 г. кн. Барятинскій былъ назначенъ состоять при Кавказской арміи, и на него возложено было сопровождать Цесаревича въ путешествіи по Кавказу. Свиданіе съ кн. Воронцовымъ въ Кисловодскѣ не отличалось особенною сердечностью, но съ прибытіемъ осенью на Кавказъ Цесаревича, положеніе кн. Барятинскаго сразу измѣнилось. Во-первыхъ, всѣ убѣдились въ дружескомъ къ нему отношеніи представителя Царской Семьи, во вторыхъ, кн. Воронцовъ увидѣлъ, что кн. Александръ Ивановичъ всѣми силами старается выставить рельефно заслуги его въ глазахъ Наслѣдника, и что интриги, породившія его охлажденіе къ кн. Барятинскому, не заслуживаютъ довѣрія. Добрыя отношенія возстановились, и 17 октября 1850 г. состоялось назначеніе кн. Барятинскаго командиромъ кавказской гренадерской бригады съ правами начальника дивизіи.

Въ теченіе зимы 1851 г. усилія нашихъ войскъ были направлены на уничтоженіе устроеннаго Шамилемъ въ Чечнѣ Шалинскаго окопа, что и сдѣлано было удачнымъ обходнымъ движеніемъ безъ пролитія крови. Кромѣ того кн. Барятинскому удалось нанести горцамъ жестокое пораженіе при рѣчкѣ Басъ и захватить много оружія и лошадей. Рядъ лѣтнихъ и зимнихъ экспедицій въ 1851—52 г.г. на площади Большой Чечни далъ намъ возможность въ первый разъ послѣ возмущенія горцевъ пройти ее вдоль отъ крѣпости Воздвиженской до укрѣпленія Куринскаго. Съ тѣхъ поръ главный оплотъ владычества Шамиля сталъ для нашихъ войскъ доступнымъ во всякое время года. Особенно удачнымъ былъ разгромъ имама близъ Чертугаевской переправы. Наступательное движеніе кн. Барятинскаго всегда отличалось самой незначительной потерей людей при стычкахъ съ непріятелемъ, благодаря тактическому пріему постоянныхъ обходныхъ движеній, укрывавшихся отъ наблюденій враговъ до извѣстнаго момента искусными фальшивыми маневрами противъ непріятельскаго фронта. Отлично организованная система собиранія свѣдѣній о планахъ Шамиля черезъ лазутчиковъ давала возможность кн. Барятинскому предупреждать намѣренія непріятеля и строить свои разсчеты почти съ безошибочной точностью. Не меньшаго успѣха удалось кн. Барятинскому достигнуть и въ южныхъ округахъ Чечни и со стороны Кумыкской плоскости, гдѣ крутые берега Мичика дѣлали движеніе войскъ особенно труднымъ. Въ зиму 1852—53 г.г. наши войска прочно заняли Хоби-Шавдонскія высоты, черезъ Каякальскій хребетъ проложили удобную дорогу, а черезъ Мичикъ устроили постоянную переправу. Годы дѣятельной энергіи кн. Барятинскаго въ качествѣ бригаднаго командира и начальника дивизіи, а лѣтомъ — командующаго лѣвымъ флангомъ войскъ (эту должность кн. Воронцовъ предоставилъ ему послѣ генерала Нестерова) подготовили окончательное паденіе вліянія Шамиля и открыли русскимъ войскамъ прежде неприступные аулы, благодаря цѣлому ряду новыхъ просѣкъ и дорогъ. Просѣчныя работы обращали на себя особенное серьезное вниманіе кн. Барятинскаго.

Рядомъ съ военными дѣйствіями кн. Барятинскій обнаруживаетъ замѣчательныя административныя соображенія. При немъ въ Чечнѣ устраиваются многочисленные новые аулы, а въ старыхъ населеніе удваивается, такъ какъ чеченцы, лишенные

средствъ пропитанія и истомленные войной, бросаютъ массами знамя Шамиля и изъявляютъ покорность русской власти. Этому движенію значительно способствовало устройство кн. Барятинскимъ въ крѣпости Грозной чеченскаго народнаго суда (мехкеме), по образцу судовъ для кумыковъ и кабардинцевъ, устроенныхъ еще Ермоловымъ. Въ этомъ судѣ, согласованномъ съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ, члены суда и предсѣдатель имѣли рѣшающій голосъ, а мулла, истолкователь шаріата, сохранялъ лишь голосъ совѣщательный, чѣмъ вліяніе его на населеніе, по большей части враждебное русской власти, сильно ослаблялось. Князь Барятинскій выказалъ самое внимательное отношеніе къ устройству мехкеме, и назначивъ его предсѣдателемъ оріенталиста полковника П. А. Бартоломея, скоро превратилъ этотъ судъ въ любимое и уважаемое учрежденіе чеченцевъ.

Кн. Воронцовъ, поддерживавшій съ начальникомъ лѣваго фланга, котораго вскорѣ назначилъ начальникомъ своего штаба, обширную переписку, постоянно высказывалъ ему полное свое удовольствіе по предмету дѣйствій и начинаній въ Чеченской области и объявлялъ ему согласіе на дѣлаемыя представленія. Въ январѣ 1853 г. кн. Барятинскій былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а осенью того же года утвержденъ въ должности начальника штаба, чѣмъ ему открывался широкій просторъ къ проведенію своихъ стратегическихъ плановъ покоренія горцевъ. Но вспыхнувшая въ это время Крымская война временно создала особое положеніе въ ходѣ нашихъ дѣйствій на Кавказѣ, и наша роль тутъ въ періодъ 1853—56 г.г. ограничилась сохраненіемъ того, чего мы достигли въ предшествующіе годы. И эти результаты были чрезвычайно важны, такъ какъ горцы, особенно на Западномъ Кавказѣ, подстрекаемые турками, англичанами и французами, проявили особенно воинственное настроеніе и причинили намъ не мало безпокойствъ. На долю кн. Барятинскаго выпало въ войнѣ съ турками еще разъ проявить свой стратегическій талантъ, въ сраженіи съ 60-тысячной Анатолійской арміей Муширъ-Зарифъ-Мустафы паши. За пораженіе этой арміи при Кюрюкъ-Дара, преимущественно благодаря распорядительности и находчивости кн. Барятинскаго, ему былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3 степени.

Послѣ ухода кн. Воронцова и назначенія Н. Н. Муравьева, державшагося иныхъ воззрѣній на нашу борьбу съ горцами, кн. Барятинскій не счелъ для себя удобнымъ сохранить должность начальника штаба и отпросился въ отпускъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ назначенъ состоять при особѣ только что вступившаго на престолъ Императора Александра Николаевича и въ этой должности сопровождалъ Государя въ его поѣздкѣ въ Москву и въ Крымъ, гдѣ ему было поручено съ 27 сентября по 28 октября 1855 г. командованіе всѣми войсками, собранными въ Николаевѣ и его окрестностяхъ. По возвращеніи въ Петербургъ кн. Александръ Ивановичъ былъ назначенъ командиромъ резервнаго гвардейскаго корпуса. Недоброжелатели князя Барятинскаго были увѣрены, что онъ, въ качествѣ начальника этой части войска, окажется слабымъ передъ знаніями и выправкой своихъ подчиненныхъ, считавшихся великими знатоками строя, постоянно отличавшимися на смотрахъ, но онъ съумѣлъ съ честью выйти изъ испытанія, оказался на высотѣ истиннаго знанія военной службы и сдѣлалъ своимъ подчиненнымъ много наставленій относительно того, что должно требовать отъ солдата и въ чемъ заключается сила духа арміи. За командованіе этимъ корпусомъ кн. Барятинскому былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла.

За это время кн. Барятинскій представилъ нѣсколько записокъ по вопросу объ окончательномъ замиреніи Кавказа, настаивая на необходимости съ этою цѣлью удержать на Кавказѣ до окончанія войны съ горцами 13-ю и 18-ю пѣхотныя дивизіи, переведенныя туда во время Крымской войны, такъ какъ такое усиленіе Кавказской арміи дастъ возможность приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Этотъ взглядъ, въ пользу котораго высказался и Д. А. Милютинъ, былъ одобренъ Государемъ, и двѣ упомянутыя дивизіи оставлены на Кавказѣ. 22 іюля 1856 г. состоялось назначеніе кн. Барятинскаго командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и исправляющимъ должность намѣстника Кавказскаго со всѣми правами, которыя были предоставлены его предшественнику. Нѣкоторые петербургскіе кружки находили, что кн. Барятинскій слишкомъ молодъ для такой отвѣтственной должности, вспоминали разныя его прегрѣшенія молодыхъ лѣтъ; но люди, серьезно смотрѣвшіе на дѣло, понимали всю важность этого назначенія. На

Кавказѣ вѣсть объ этомъ вызвала рѣдкое ликованіе. Кавказъ, отъ мала до велика, отъ рядоваго до генерала, былъ счастливъ и гордился тѣмъ, что новый начальникъ *свой* человѣкъ, крещенный кавказскимъ огнемъ, дважды пронзенный горской пулей и знающій страну и ея населеніе вдоль и поперекъ. Эта общая радость ярко выражалась въ статьяхъ газеты «Кавказъ».

На торжествахъ коронаціи Императора Александра II кн. Барятинскій привлекалъ общее вниманіе и своей личностью и той блестящей обстановкой, которой онъ себя умѣлъ окружить; но при этомъ онъ не упустилъ возможности въ бесѣдахъ съ А. П. Ермоловымъ почерпнуть для себя важныя указанія военнаго опыта. Въ сентябрѣ 1856 г. новый намѣстникъ Кавказа Волгой, черезъ Астрахань на Петровское отправился во ввѣренный ему край. Путешествіе водою и тѣмъ путемъ, которымъ онъ 10 лѣтъ тому назадъ отправилъ свой багажъ, было имъ избрано не даромъ. Тогда онъ имѣлъ въ виду указать на наиболѣе для насъ удобный путь торговыхъ сношеній съ Кавказомъ, а въ настоящее время его вниманіе было занято соображеніями относительно упроченія русской власти въ Закаспійскомъ краѣ, какъ для развитія торговли съ Востокомъ, такъ и для расширенія нашего политическаго вліянія въ Азіи. По этому предмету онъ изъ Шемахи представилъ генералъ-адмиралу записку о необходимости проведенія закаспійской желѣзной дороги, но эта мысль не встрѣтила поддержки въ бюрократическихъ сферахъ Петербурга.

Кн. Барятинскій отдалъ слѣдующій приказъ по арміи: «Воины Кавказа! Смотря на васъ и дивясь вамъ, я выросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ быть вождемъ вашимъ, и трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастіе и великую для меня честь. Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя». Населеніе всюду встрѣчало князя Барятинскаго изъявленіями неподдѣльной радости, а встрѣча въ Тифлисѣ была особенно торжественна и сопровождалась поднесеніемъ хлѣба-соли и шумными празднествами.

Обширныя задачи предстояли новому начальнику края; среди нихъ на первомъ планѣ стояло окончаніе войны, которая истомила край, отвлекла населеніе отъ мирныхъ занятій и поглощала громадныя средства государственной казны. Всякое промедленіе грозило усиленіемъ на Кавказѣ вліянія англійскихъ агентовъ, употреблявшихъ всѣ силы, чтобы возстановить противъ насъ горскія племена и разрушить достигнутые уже нами успѣхи. Кавказъ въ глазахъ кн. Барятинскаго служилъ тѣмъ базисомъ, на которыя должно было опираться русское вліяніе въ восточномъ вопросѣ. Только стоя въ этомъ краѣ твердою ногой, Россія пріобрѣтала безопасность со стороны Европы въ стремленіяхъ на Востокъ. Помимо своей политической и стратегической роли, Кавказъ, по мнѣнію кн. Барятинскаго, долженъ былъ служить и неизсякаемымъ источникомъ прилива средствъ въ государственную казну, для чего надлежало только поднять его культуру и вести здѣсь разумное гражданское управленіе, которое, не обезличивая мѣстныя народности, связало бы ихъ неразрывными узами съ Россіей.

Кн. Барятинскій явился на Кавказъ съ самыми широкими полномочіями. И въ военномъ, и въ гражданскомъ управленіи края имъ были намѣчены важныя мѣропріятія, изъ которыхъ одну часть удалось выполнить вполнѣ, къ осуществленію другой приступить лишь отчасти, а третью только намѣтить вчернѣ. Тотчасъ по назначеніи приступилъ онъ къ реорганизаціи военнаго управленія, главнымъ недостаткомъ котораго было отсутствіе необходимой самостоятельности отдѣльныхъ начальниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ необходимымъ привести дислокацію войскъ въ соотвѣтствіе съ военно-административнымъ дѣленіемъ края. Съ этими цѣлями главнокомандующій раздѣлилъ войска на пять главныхъ отдѣловъ: 1) Правое крыло Кавказской линіи, подчиненное начальнику 19-й пѣхот. дивизіи, 2) Лѣвое крыло, подчиненное начальнику 20 пѣхот. дивизіи, 3) Прикаспійскій край и Дербентская губернія подъ управленіемъ начальника 21 пѣхот. дивизіи, 4) Лезгинская кордонная линія съ Джаро-Бѣлоканскимъ округомъ, подчиненная начальнику Кавказской гренадерской дивизіи, 5) Кутаисское генералъ-губернаторство съ включеніемъ 3 отдѣленія бывшей Черноморской береговой линіи. Званіе командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи упразднено, а начальникамъ отдѣловъ присвоена власть командировъ и линіи. Соотвѣтственно этому новому порядку были распредѣлены и войска, при чемъ дивизіи 13 и 18 были расформированы по 4 первымъ отдѣламъ.

Изъ ближайшихъ сотрудниковъ кн. Б-

рятинскаго, за время его управленія Кавказомъ, по военной части особенно выдѣляются Д. А. Милютинъ, въ качествѣ начальника штаба много содѣйствовавшій разработкѣ военно-административныхъ и стратегическихъ вопросовъ, и Н. И. Евдокимовъ, начальникъ лѣваго крыла, съумѣвшій въ теченіе 3 лѣтъ довести войну до благополучнаго конца.

Въ общихъ чертахъ программа военныхъ дѣйствій, составленная Барятинскимъ, была слѣдующая: Евдокимовъ долженъ былъ нанести Шамилю окончательный ударъ въ Чечнѣ и съ этой стороны проникнуть въ Дагестанъ; со стороны Прикаспійскаго края надлежало утвердиться въ Салатавіи, чтобы стратегически связать Дагестанскія и Чеченскія войска и занять твердое положеніе въ горахъ; со стороны Лезгинской линіи поставлено было задачей ежегодно систематически раззорять непокорныя общества и довести ихъ до полнаго ослабленія. Утвержденіе на плоскости Чечни и оккупація Салатавіи имѣли цѣлью лишить Шамиля богатыхъ областей его территоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ сокращало длину блокадной линіи. Такимъ образомъ отвлекаемые отъ обычныхъ своихъ занятій и безпрерывно тревожимые нашими наступающими отрядами, горцы по неизбѣжности должны были рано или поздно смириться, причемъ кн. Барятинскій былъ увѣренъ въ очень скоромъ наступленіи этого момента, тогда какъ его сотрудники, даже такіе, какъ Д. А. Милютинъ и Н. И. Евдокимовъ, почти до самаго конца борьбы съ Шамилемъ, ошибочно полагали, что она должна еще продлиться, и вслѣдствіе этого не проявляли той рѣшительности, которою отличались всѣ дѣйствія намѣстника. Что касается нѣкоторыхъ горскихъ племенъ Западнаго Кавказа, то на первое время по отношенію къ нимъ предполагалось возобновленіе Анапы, устройство Адагумской линіи и продолженіе линіи Бѣлорѣчинской. Адагумская линія и основаніе Майкопскаго укрѣпленія на рѣкѣ Бѣлой отрѣзывали у непріятеля часть плоскости и обезпечивали русскія поселенія на Кубани, а также переносили наши боевыя средства ближе къ горамъ. Въ Западномъ Кавказѣ, со стороны Закавказья, было намѣчено возобновленіе крѣпости Гагры, запирающей путь вдоль Черноморскаго побережья отъ черкесскихъ племенъ, и кромѣ того предположена была экспедиція въ Сванетію.

Особенно успѣшны были наши дѣйствія на Восточномъ Кавказѣ, гдѣ ген. Евдокимовъ привелъ къ концу то, что кн. Барятинскій началъ еще въ 1851—53 г.г., занимая должность начальника лѣваго фланга. Одновременно съ этими дѣйствіями въ Чечнѣ было съ другой стороны выполнено занятіе Салатавіи. Въ періодъ экспедицій на Западномъ Кавказѣ кн. Барятинскій лишился на первыхъ же порахъ одного изъ своихъ вновь избранныхъ помощниковъ, кн. А. И. Гагарина, Кутаисскаго генералъ-губернатора, павшаго отъ руки владѣтеля автономной Сванетіи, кн. Константина Дадешкеліани. Этотъ фактъ, а также вспыхнувшее въ Мингрельскомъ княжествѣ возстаніе крестьянъ, были поводомъ къ упраздненію двухъ автономій, Мингрельской и Сванетской, что было дѣломъ государственной необходимости, такъ какъ эти двѣ самоуправляющіяся области являлись вреднымъ анахронизмомъ въ общемъ строѣ управленія, создаваемомъ новымъ намѣстникомъ.

Одновременно съ этими военно-административными и стратегическими преобразованіями, кн. Барятинскій проводитъ на Кавказѣ рядъ мѣропріятій, долженствующихъ поднять благосостояніе края, ввести въ немъ порядокъ, законность и усилить значеніе органовъ русской власти; для этихъ преобразованій онъ имѣлъ широкій просторъ, пользуясь Высочайше дарованнымъ ему правомъ реформировать старыя и вводить новыя учрежденія, безъ утвержденія ихъ законодательнымъ порядкомъ, «въ видѣ опыта, на три года». Уже въ 1856 г., расформировавъ главное управленіе намѣстничества, онъ учреждаетъ особый комитетъ для обсужденія основъ, на которыхъ должна быть произведена реформа управленія. Комитетъ этотъ, исходя изъ ряда соображеній, предположилъ: 1) Взамѣнъ должности начальника гражданскаго управленія учредить должность начальника главнаго управленія, который, будучи ближайшимъ въ дѣлахъ гражданскихъ помощникомъ намѣстника, долженъ, подъ главнымъ его руководствомъ, завѣдывать всѣми частями управленія и вести переписку, не требующую распоряженій въ высшемъ отношеніи, и такимъ образомъ имѣть по гражданскимъ дѣламъ то же значеніе, которое по дѣламъ военнымъ принадлежитъ начальнику штаба. 2) Главное управленіе дѣлами Кавказскаго и Закаспійскаго края, назвавъ

его главнымъ управленіемъ намѣстника Кавказскаго, образовать изъ отдѣльныхъ частей, которыя, завѣдуя спеціальными отраслями администраціи, по своему составу и кругу дѣйствій замѣняли бы посредствующія между министрами и подчиненными имъ мѣстами учрежденія, существующія во всѣхъ министерствахъ. Поэтому подъ ближайшимъ завѣдываніемъ начальника главнаго управленія рѣшено учредить слѣдующіе департаменты: а) общихъ дѣлъ; б) судебныхъ дѣлъ; в) финансовый, для сосредоточенія въ немъ высшаго счетоводства по мѣстнымъ доходамъ и расходамъ и по денежнымъ земскимъ повинностямъ въ Закавказскомъ краѣ, а также для завѣдыванія дѣлами по питейнымъ сборамъ, горной и соляной частямъ таможенному управленію и по мѣрамъ, относящимся къ оживленію торговли внутренней и внѣшней, поощренію заводской и мануфактурной промышленности; г) государственныхъ имуществъ, для завѣдыванія казенными землями и вообще государственными крестьянами всѣхъ наименованій; д) въ нераздѣленный съ департаментами составъ главнаго управленія ввести особое управленіе сельскаго хозяйства и колоній иностранныхъ поселенцевъ на Кавказѣ. 3) Оставивъ при главномъ управленіи въ видѣ особаго установленія существующее особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, для дѣлъ, къ земскимъ повинностямъ по Закавказскому краю относящихся, измѣнить его личный составъ и принятый въономъ порядокъ производства дѣлъ, сообразно новому устройству главнаго управленія. По прочимъ же дѣламъ, въ случаяхъ особенной важности, въ кругу административномъ возникающихъ, когда предстоитъ принять какое либо общее распоряженіе по разнымъ частямъ управленія, предоставить начальнику главнаго управленія составлять изъ директоровъ совѣщательныя собранія. 4) При такомъ устройствѣ главнаго управленія, когда всѣ части его будутъ подчинены особымъ спеціальнымъ лицамъ, обязаннымъ ближайшею отвѣтственностью за ихъ благоустройство, измѣнить организацію бывшаго совѣта главнаго управленія Закавказскаго края и именовать его совѣтомъ намѣстника, съ направленіемъ дѣятельности его не столько на текущія дѣла администраціи (которыя будутъ разрѣшаемы совѣщаніями административныхъ лицъ, т. е. начальниковъ частей съ начальникомъ главнаго управленія) сколько на важнѣйшіе вопросы, которые будутъ передаваемы на его обсужденіе намѣстникомъ. 5) Затѣмъ, подъ ближайшимъ и непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ намѣстника, учреждалось временное отдѣленіе по дѣламъ гражданскаго устройства края, для производства дѣлъ и переписки по особымъ предначертаніямъ и приказаніямъ намѣстника, а также для приготовленія и обработки проектовъ, положеній, новыхъ правилъ и инструкцій по вопросамъ общимъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ устройству разныхъ частей управленія и къ развитію народнаго благосостоянія въ краѣ. При этомъ признано удобнымъ въ лицѣ управляющаго симъ отдѣленіемъ соединить званіе и обязанности директора походной канцеляріи намѣстника.

Мѣропріятія кн. Барятинскаго по улучшенію Кавказскаго управленія обнимали собою всѣ области общественной жизни. Такъ, въ вопросѣ объ учебной части кн. Барятинскій настоялъ на упраздненіи учебнаго округа, передавъ всѣ права и обязанности попечителя начальникамъ отдѣльныхъ мѣстностей края, а дѣлопроизводство по наблюденію за учебной частью сосредоточилъ въ главномъ управленіи намѣстника. Въ 1858 г. кн. Барятинскій учредилъ управленіе сельскаго хозяйства и колоній иностранныхъ поселенцевъ (впрочемъ черезъ 2 года расформированное), имѣвшее назначеніемъ усиленіе природной производительности края. Не мало было положено труда на улучшеніе строительной и дорожной части, благодаря чему проложены были въ нѣкоторыхъ прежде глухихъ и неудобныхъ для сообщенія мѣстахъ прекрасныя дороги и шоссе, вѣнцомъ же работы въ этомъ отношеніи является сооруженіе Военно-Грузинской дороги. Великое значеніе намѣстникъ придавалъ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и организаціи пароходныхъ сообщеній, но въ этомъ отношеніи ему не удалось достигнуть какихъ либо существенныхъ результатовъ, хотя и было заведено пароходство по Кубани и Ріону, а партія иностранныхъ инженеровъ составила проектъ желѣзной дороги отъ Поти до Баку (приведенный въ исполненіе гораздо позднѣе) и выработала планъ орошенія, экономическое значеніе котораго для Кавказскаго края очень высоко ставилъ намѣстникъ. Предполагая распространить крестьянскую реформу на Закавказскій край, кн. Баря-

нскій учредилъ въ Тифлисѣ центральный комитетъ по устройству быта Закавказскихъ крестьянъ, но это дѣло было завершено уже при его преемникѣ. Запутанность и даже полное отсутствіе межеванія също служило предметомъ заботъ намѣстника, хотя важныхъ улучшеній въ этомъ дѣлѣ не послѣдовало. Серіозное значеніе имѣло преобразованіе судопроизводства, замѣна сборника царя Вахтанга общими русскими гражданскими законами. Но особенное вниманіе кн. Барятинскаго привлекли дѣла церковныя, такъ какъ въ проповѣди христіанства среди горцевъ онъ видѣлъ наилучшее средство скрѣпленія Кавказскаго края съ остальной Россіей. По этому предмету намѣстникомъ была представлена Государю обширная записка о необходимости возстановленія среди горцевъ христіанства, когда-то среди нихъ существовавшаго, какъ то показываютъ остатки христіанскихъ святынь, находимые въ горахъ, а для этого предполагалось учредить Братство Воздвиженія Креста, имѣющее цѣлью сооруженіе и содержаніе церквей и духовенства въ горскихъ областяхъ, подготовку проповѣдниковъ христіанскаго ученія, заведеніе школъ при церквахъ, въ которыхъ инородческія дѣти воспитывались бы въ духѣ православія, а также переводъ на всевозможныя кавказскія нарѣчія св. Писанія и катихизиса. Записка кн. Барятинскаго, переданная въ Кавказскій комитетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями была препровождена Св. Синоду, и послѣ возраженій, представленныхъ митр. Филаретомъ и графомъ Блудовымъ, было учреждено Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, подъ высшимъ покровительствомъ Императрицы Маріи Александровны. Цѣль и организація общества близко подходили къ тому, что намѣчено было въ запискѣ кн. Барятинскаго.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ 1858—59 г. г. замѣчается выполненіе основныхъ требованій программы главнокомандующаго: наше движеніе отличается упорной непрерывностью и рѣзко выраженнымъ наступательнымъ характеромъ, послѣ занятія Салатавіи и Ауха. Утвердившись на Черныхъ горахъ, лѣвое крыло получило возможность перейти въ безлѣсную полосу, пролегающую между Черными горами и Андійскимъ хребтомъ, откуда уже открывался доступъ къ обществамъ внутренняго Дагестана, не отличающимся тою воинственностью, какую мы привыкли встрѣчать въ горцахъ Чечни. Одна экспедиція за другой изнурили и ослабили окончательно аулы Чечни, и здѣшніе жители выцуждены были отдать себя великодушію побѣдителей. Вслѣдствіе этого оказалось возможнымъ размѣстить по заранѣе намѣченнымъ, вполнѣ доступнымъ мѣстамъ рядъ мирныхъ ауловъ. Шамиль спѣшилъ сосредоточить свои оставшіяся немногочисленныя силы въ неприступномъ Веденѣ.

Между тѣмъ наши отряды наступали со всѣхъ сторонъ. Горскія племена одно за другимъ изъявляли покорность. Главнокомандующій въ этомъ году занятъ былъ объѣздомъ Сѣвернаго Кавказа, а изъ Коби, гдѣ его съ донесеніями о военныхъ дѣйствіяхъ встрѣтилъ Евдокимовъ, кн. Барятинскій послѣдовалъ къ лѣвому крылу до Хасовъ-Юрта. Эти поѣздки имѣли чрезвычайно важное значеніе. Появленіе его въ центрѣ нашего войска, давно его не видавшаго, должно было придать одушевленіе солдатамъ къ предстоявшимъ въ 1859 г. военнымъ дѣйствіямъ. Кромѣ того ему нужно было провѣрить, на сколько намѣченный имъ планъ дѣйствій и наступательная безпрерывная система выполняются начальниками отдѣловъ и оправдываютъ его ожиданія. Все видѣнное и слышанное имъ на театрѣ военныхъ дѣйствій оставило въ немъ чувство полнаго удовлетворенія, но, осыпая ген. Евдокимова отличіями, онъ тѣмъ не менѣе находилъ въ его распоряженіяхъ нѣкоторую медленность и нерѣшительность и считалъ нужнымъ торопить его съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій противъ Шамиля. По свойству своего характера кн. Барятинскій считалъ однажды задуманное подлежащимъ возможно быстрому и рѣшительному исполненію, причемъ препятствія падали сами собой. Умѣя вѣрно разсчитать шансы успѣха, намѣстникъ дѣйствовалъ рѣшительно и безошибочно.

Въ апрѣлѣ кн. Барятинскій отправился по Тереку въ Ставрополь, Черноморію, Керчь, на Лабу, въ Майкопъ, Кисловодскъ и Пятигорскъ, а изъ Владикавказа совершилъ поѣздку по правому берегу Терека. Появленіе его повсюду вызывало восторгъ, и не только со стороны русскихъ людей и войска, но и со стороны только что замиренныхъ горцевъ. Главнокомандующій умѣлъ придать своему путешествію особенный блескъ и пышность, причемъ на изъявившихъ покорность туземцевъ сыпались по-

царки, правда, не Богъ вѣсть какіе дорогіе, но тѣмъ не менѣе производившіе необыкновенное впечатлѣніе. Ѣхавшій при немъ казначей всегда держалъ на-готовѣ мѣшокъ съ золотой и серебряной монетой, которую князь разсыпалъ на своемъ пути. Эти денежныя подачки вселяли жаднымъ до добычи горцамъ особенное почтеніе къ роскоши представителя царской власти, въ сравненіи съ которымъ, конечно, Шамиль совершенно стушевывался, такъ какъ конкурировать въ этомъ съ русскимъ главнокомандующимъ онъ не былъ въ состояніи.

1 апрѣля 1859 г. Евдокимовъ овладѣлъ Веденемъ. Шамиль бѣжалъ въ Дагестанъ, а непокорныя общества Черныхъ горъ и промежуточной мѣстности къ Андійскому хребту изъявили свою покорность. Донося о паденіи Веденя Государю, кн. Барятинскій такъ оцѣнилъ это событіе: «Успѣхъ этотъ особенно славенъ для русскаго оружія, потому что *съ этого дня* будетъ считаться покореніе народонаселенія, обитающаго между Каспійскимъ моремъ и Военно-Грузинской дорогой. Рѣшаюсь это говорить съ увѣренностью». Теперь на долю русскихъ войскъ, согласно плану, выработанному кн. Барятинскимъ, предстояло произвести лѣтомъ 1859 г. наступленіе въ горы восточнаго Дагестана съ трехъ сторонъ съ цѣлью занятіемъ этой области завершить покореніе Восточнаго Кавказа. Планъ свой главнокомандующій пожелалъ доложить Государю въ личной бесѣдѣ, для чего въ іюнѣ онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ всѣ его представленія удостоились Высочайшаго одобренія. Увѣренность кн. Барятинскаго, что дни независимости Шамиля сочтены, была такъ велика, что въ бесѣдѣ съ Государемъ онъ испросилъ даже обѣщаніе пожаловать полковнику Трамповскому чинъ генералъ-маіора за доставленіе Шамиля въ самомъ ближайшемъ будущемъ въ Петербургъ, а самому Шамилю, согласно древнему обычаю, шубу съ царскаго плеча; проѣздомъ же черезъ Москву кн. Барятинскій заказалъ даже дорожную коляску, въ которой долженъ былъ пріѣхать глава мюридизма. Такой увѣренности не было ни у Д. А. Милютина, ни у гр. Евдокимова, который готовился еще долго воевать съ Шамилемъ.

Въ іюлѣ кн. Барятинскій стянулъ къ мѣсту пребыванія Шамиля войско въ 40,000 человѣкъ при 48 орудіяхъ, самъ сталъ во главѣ этихъ обширныхъ военныхъ силъ и лично распоряжался наступленіемъ. Шамиль засѣлъ въ укрѣпленной позиціи у средины теченія Койсу, занимая оба берега рѣки. Искусными стратегическими движеніями Барятинскій стѣснилъ войска Шамиля и раздѣлилъ ихъ съ остальной массой непокорнаго населенія. Вслѣдствіе этого по всей странѣ поднялись возстанія противъ Шамиля, и горскія племена одно за другимъ спѣшили изъявить намъ покорность. Видя свое критическое положеніе, Шамиль заперся въ Гунибѣ, мѣстѣ, по своимъ природнымъ условіямъ почти совершенно недоступномъ для нападенія; но уже черезъ 2½ недѣли гора Гунибъ-Дагъ была плотно окружена русскими войсками, а близъ лежащія горскія племена приведены въ покорность. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ удачныхъ дѣйствій было покореніе Аваріи, Койсубу и другихъ мѣстностей Дагестана, а за такіе успѣхи, достигнутые съ сравнительно незначительными тратами средствъ и убылью людей, кн. Барятинскому былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3 степени.

10 августа началась правильная блокада Шамиля, а глава мюридовъ приступилъ къ переговорамъ объ условіяхъ сдачи, желая затянуть время и имѣя въ виду, что съ наступленіемъ осени всякія военныя дѣйствія здѣсь должны быть прекращены. Кн. Барятинскій понялъ цѣли противника, прекратилъ съ нимъ переговоры и 25 августа занялъ охотниками апшеронскаго полка сѣверо-западный уголъ Гуниба въ 8 верстахъ отъ аула. Когда же непріятель, замѣтивъ наступленіе нашего войска съ этой стороны, рѣшилъ опрокинуться на него со всею стремительностью, онъ увидалъ, что и съ тыла настигаютъ его грузинскій и самурскій полки. Горцы раздѣлились: часть ихъ бросилась на штыки солдатъ и погибла, а другая часть вмѣстѣ съ Шамилемъ засѣла по скаламъ Гуниба. Кн. Барятинскій, убѣдившись, что Шамилю нѣтъ спасенія, и не желая проливать лишней крови, предложилъ ему сдаться, обѣщая ему и его семьѣ полную безопасность. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ Шамиль, наконецъ, отдалъ себя великодушію побѣдителя, и этимъ завершилась многолѣтняя война на Восточномъ Кавказѣ. О побѣдѣ русскихъ войскъ кн. Барятинскій объявилъ слѣдующимъ краткимъ приказомъ: «Гунибъ взятъ. Шамиль въ плѣну. Поздравляю Кавказскую армію». Немедлено была послана депеша Государю, извѣщавшая ко дню те-

пчеиигства его о радостномъ событіи, давно предсказанномъ. Шамиль подъ наблюденіемъ Тромповскаго былъ отправленъ въ Петербургъ, а самъ главнокомандующій возвратился въ Тифлисъ. За покореніе Восточнаго Кавказа кн. Барятинскому былъ пожалованъ орденъ св. Андрея Первозванnаго. Въѣздъ въ Тифлисъ сопровождался невиданнымъ торжествомъ. въ парадномъ спектаклѣ была представлена слава въ видѣ женщины съ огненнымъ вѣнкомъ на головѣ и съ вензелемъ кн. Барятинскаго по бокамъ. грузинское дворянство постановило соорудить тріумфальную арку съ надписью: «Покорителю Кавказа благодарная Грузія». Но послѣднему постановленію не суждено было осуществиться.

Что касается нашихъ дѣйствій на Западномъ Кавказѣ, то и здѣсь. благодаря энергіи кн. Барятинскаго, мы пользовались значительными успѣхами, хотя и не столь блестящими, какъ на Восточномъ Кавказѣ. Въ теченіе 1858—59 г.г. многія горскія племена рѣшили подчиниться русской власти, — это были: бжедухи, темиргоевцы, хагашевцы, егерукаевцы, беселынѣевцы, загубанскіе и кабардинскіе и шахгиреевцы, а также большія народности абадзеховъ и шапсуховъ, всего отъ 150 до 200 тысячъ человѣкъ. За дѣйствія на Западномъ Кавказѣ кн. Барятинскій назначенъ шефомъ кабардинскаго полка и произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Фельдмаршальскій жезлъ былъ встрѣченъ въ Тифлисѣ съ энтузіазмомъ, какъ награда *всему Кавказу*, по выраженію кн. Орбеліани.

Во внутренней Россіи все образованное общество на перерывъ спѣшило выразить кн. Барятинскому чувство восторга и преклоненіе предъ его военнымъ геніемъ, что особенно хорошо выражено въ статьяхъ М. П. Погодина. Императоръ Александръ Николаевичъ изъявилъ трогательное благоволеніе при свиданіи съ фельдмаршаломъ и щедро наградилъ его сподвижниковъ, Д. А. Милютина и гр. Евдокимова. Не забытъ былъ и Шамиль, за котораго кн. Барятинскій предстательствовалъ предъ Государемъ. прося, чтобы его жизнь была матеріально вполнѣ обезпечена соотвѣтственно тому положенію, которое онъ нѣкогда занималъ.

На Кавказѣ 1860 годъ былъ временемъ усиленнаго военно-административнаго устроенія. Въ восточной части края нужно было спѣшить упроченіемъ занятаго нами положенія во вновь присоединенныхъ областяхъ, гдѣ въ силу исторической инерціи волненія не могли сразу затихнуть и принимали на столько острый характеръ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, что ихъ пришлось смирять оружіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, требовались такія административныя мѣры, которыя могли служить нѣкоторымъ удовлетвореніемъ справедливыхъ желаній горцевъ. какъ напр. сокращеніе числа станицъ, стѣснявшихъ земельное пользованіе горцевъ. Въ западной части Кавказа мы должны были продолжать прежнюю наступательную политику. Здѣсь приходилось имѣть въ виду возможный вредъ, какъ со стороны туземцевъ, такъ и со стороны европейскихъ враговъ Россіи. Въ виду именно обезпеченія западной границы Кавказа отъ вторженія европейскаго войска и для скорѣйшей готовности Россіи принять необходимыя въ этомъ случаѣ мѣры, кн. Барятинскій дѣлалъ энергичныя распоряженія по разработкѣ вьючной дороги изъ Абхазіи въ общество Псху. а равно по проложенію Кутаисско-Сухумской дороги. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ были сформированы два новыхъ отряда войскъ. Не мало заботъ причинило фельдмаршалу водвореніе порядка въ Сванетіи. въ обществѣ Псху, примиреніе враждующихъ между собою родовъ въ Цебельдѣ и возстановленіе тутъ народнаго суда. Важнымъ и труднымъ дѣломъ было выселеніе на плоскость нѣкоторыхъ особенно безпокойныхъ черкесскихъ обществъ и устройство по обѣимъ склонамъ Кавказскаго хребта ряда укрѣпленныхъ казачьихъ станицъ. Для скорѣйшаго приведенія въ порядокъ закубанскихъ дѣлъ. фельдмаршалъ поручилъ гр. Евдокимову командованіе правымъ крыломъ, сохранивъ за нимъ начальство и надъ лѣвымъ крыломъ; дѣла же штаба арміи, за отъѣздомъ Д. А. Милютина въ Петербургъ на постъ товарища министра, онъ передалъ генералу Филипсону, предшественнику Евдокимова на правомъ крылѣ. Самъ кн. Барятинскій по разстроенному здоровью вынужденъ былъ для лѣченья поселиться въ Боржомѣ, откуда и слѣдилъ за исполненіемъ своихъ распоряженій.

Въ этотъ періодъ состоялось упраздненіе особаго Черноморскаго казачьяго войска, а казаки, его составлявшіе, были присоединены къ войскамъ Терскому и Кубанскому. Эта мѣра представлялась кн. Барятинскому необходимой для искорененія заносчивости

и своеволія этихъ потомковъ запорожцевъ. Въ этихъ видахъ гр. Евдокимовъ безпрерывно оттѣснялъ горцевъ къ морю, а на покинутыя ими мѣста передвигалъ казаковъ. Переселенія было рѣшено производить цѣлыми станицами, начиная съ полковъ херсонской и кубанской бригадъ и изъ ейскаго округа, черноморскаго округа. Но казаки не пожелали двигаться на новыя мѣста, между ними возникли сильныя волненія, для усмиренія которыхъ пришлось прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ.

Эти недоразумѣнія крайне огорчали кн. Барятинскаго, здоровье котораго было уже сильно разстроено. Уже послѣднюю экспедицію въ Дагестанъ онъ совершилъ съ большимъ трудомъ, и ему приходилось употреблять неимовѣрныя усилія своей крѣпкой воли, чтобы не показывать окружающимъ, какъ велики его страданія. Сильные приступы болѣзни заставили его злоупотреблять прописаннымъ ему лѣкарствомъ, а это вызвало страшныя боли въ костяхъ ногъ и рукъ, боли желудка и обмороки, и наконецъ довело намѣстника до полной потери силъ. Такое состояніе здоровья побудило фельдмаршала, по представленіи Государю отчета объ управленіи краемъ за 1857—1859 г.г., отправиться въ продолжительный заграничный отпускъ и въ апрѣлѣ 1860 г. проститься съ Кавказомъ. И въ отсутствіи фельдмаршала наши дѣйствія по замиренію и заселенію Западнаго Кавказа продолжались, согласно его инструкціямъ и программѣ, такъ что къ концу 1862 г. весь Закубанскій край до хребта былъ очищенъ отъ горцевъ и подготовленъ къ занятію казачьими станицами.

Въ отчетѣ, представленномъ кн. Барятинскимъ передъ отъѣздомъ за границу, въ особенности обращаютъ на себя вниманіе его взгляды на управленіе горцами. На первомъ планѣ онъ отмѣчалъ необходимость основанія народнаго управленія, при которомъ суду шаріата будутъ подвѣдомственны исключительно дѣла духовныя; словесное же судопроизводство, основанное на обычномъ правѣ (адатѣ), и установленіе дворянскаго сословія дадутъ возможность ввести въ судѣ начала гражданскія, сближающія горцевъ съ русскими порядками. Письменное изложеніе адата для каждаго племени, съ разъясненіями понятій о собственности и въ связи со взглядами русской власти, является, по мнѣнію кн. Барятинскаго, вѣрнѣйшимъ шагомъ къ ослабленію зловредной власти мюридовъ. Одновременно съ этимъ фельдмаршалъ отмѣчалъ необходимость позаботиться о развитіи торговли, промышленности и народнаго образованія, въ особенности женщинъ, черезъ которыхъ русское вліяніе прочнѣе всего установится въ семьяхъ горцевъ. Необходимо также разобраться въ той путаницѣ земельныхъ отношеній, которая была создана непрерывными войнами, и для этого фельдмаршалъ учредилъ въ округахъ, на которые были раздѣлены области Кавказа, особые комитеты, поручивъ имъ разслѣдовать и опредѣлить личныя права сословій и преимущества, долженствующія быть предоставленными высшимъ сословіямъ. Во всемъ видно стремленіе намѣстника тѣсно связать край съ государствомъ, не обезличивая разныя мелкія народности, искони живущія въ странѣ. Не мало заботъ выпало на долю кн. Барятинскаго въ дѣлѣ примиренія интересовъ государственнаго бюджета съ громадными расходами, требовавшимися для умиротворенія и управленія Кавказа. Кн. Барятинскій указывалъ, что, когда дѣло идетъ о пріобрѣтеніи цѣлаго края, какъ источника будущихъ государственныхъ богатствъ, вопросы времени и экономіи, основанные часто на теоретическихъ соображеніяхъ, должны отступать на второй планъ.

По возвращеніи изъ-за границы, отправляясь на Кавказъ, проѣздомъ черезъ Вильну, кн. Барятинскій почувствовалъ себя на столько плохо, что вынужденъ былъ здѣсь остановиться. Серьезныя обстоятельства внутренней жизни Россіи за то время заставили его много передумать объ историческихъ условіяхъ нашей жизни, о нуждахъ государства и о томъ состояніи, въ которомъ находилось наше общество подъ давленіемъ различныхъ событій. Свои размышленія кн. Барятинскій изложилъ въ письмѣ къ Государю. Онъ рисуетъ Россію, какъ представительницу славянскаго міра, первенствующею на европейскомъ материкѣ и между прочимъ высказываетъ оригинальную мысль (впослѣдствіи поддерживавшуюся Катковымъ) о перенесеніи русской столицы въ Кіевъ. Въ этомъ онъ видѣлъ средство парализовать слишкомъ широкія притязанія поляковъ, а съ другой стороны такимъ путемъ «Государь Россійскій сдѣлается опять ближайшимъ сосѣдомъ всѣхъ Славянскихъ племенъ и легко можетъ возстановить угасающую нынѣ надежду славянъ на Россію. Отдавая Кіеву долгъ, Вы явите тѣмъ при-

мѣръ исторической справедливости; самыя ...нѣ безпокойныя партіи въ Россіи получатъ удовлетвореніе лучшихъ своихъ желаній и направятъ тогда свою дѣятельность къ развитію и осуществленію видовъ Вашего Величества; государство покроется новыми путями сообщенія, а отсюда развитіе народнаго благосостоянія и пріобрѣтеніе милліоновъ благодарныхъ сердецъ. А тогда, Государь, Ваше рѣшеніе будетъ имѣть столько сторонниковъ и фактовъ за себя, что никакія усилія ума человѣческаго не докажутъ, что Литва, Волынь и Подолія не принадлежатъ Россіи; тогда и Польша возстановится уже по волѣ Вашего Величества».

Состояніе здоровья фельдмаршала все ухудшалось. Вслѣдствіе этого кн. Барятинскій послалъ Государю ходатайство объ увольненіи отъ должности намѣстника, указывая себѣ преемника въ лицѣ великаго князя Михаила Николаевича. Увольненіе состоялось въ декабрѣ 1862 г., при чемъ кн. Барятинскому пожалованы были брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, при рескриптѣ, въ коемъ между прочимъ сказано: «Подвиги храброй Кавказской арміи, подъ вашимъ личнымъ предводительствомъ, и устройство Кавказскаго края, во время вашего управленія, останутся на всегда въ памяти потомства».

Въ послѣдующіе 16 лѣтъ князь не возвращается болѣе къ дѣламъ, хотя общественное мнѣніе не разъ въ трудныя минуты нашей государственной жизни вспоминало имя покорителя Кавказа. Личность князя далеко не представлялась современникамъ въ ея истинномъ свѣтѣ, тѣмъ не менѣе его имя пользовалось широкой популярностью, и его инстинктивно считали способнымъ на дѣйствія чрезвычайной важности. Однако болѣзнь лишила его возможности оправдать справедливость этихъ ожиданій.

Въ годъ увольненія отъ должности намѣстника кн. Барятинскій могъ, наконецъ, жениться на давно любимой имъ женщинѣ, Елизаветѣ Дмитріевнѣ Давыдовой, рожденной кн. Орбеліани. Этотъ бракъ былъ соединенъ со сложной романической исторіей, вызвавшей въ свое время не мало толковъ. Вѣнчаніе происходило въ Брюсселѣ, откуда новобрачные переѣхали въ южную Англію. Отсюда кн. Барятинскій велъ дѣятельную переписку съ Государемъ, извѣщая о своемъ здоровьѣ и сообщая разные свои взгляды по вопросамъ внѣшней политики. Когда закончилась война на Западномъ Кавказѣ, Государь удостоилъ кн. Барятинскаго рескриптомъ о его заслугахъ и пожаловалъ ему золотую шпагу, украшенную алмазами. Въ 1866 г. въ день празднованія серебряной свадьбы Государя, кн. Барятинскому при милостивомъ рескриптѣ была пожалована золотая, украшенная брилліантами табакерка съ изображеніями Ихъ Величествъ.

Въ этомъ году, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, въ разговорѣ съ В. А. Кокоревымъ фельдмаршалъ высказалъ свои соображенія относительно тогдашняго прусско-австрійскаго столкновенія. Кн. Барятинскій полагалъ, что разгромъ Австріи долженъ быть совершенъ соединенными силами Россіи и Пруссіи, чтобы раздѣлить ее на три части: изъ Венгріи образовать самостоятельное государство, славянскія земли отдать Россіи, а нѣмецкія Пруссіи. Для обсужденія этого плана собирался въ Царскомъ Селѣ, по Высочайшему повелѣнію, секретный комитетъ, который однако отвергъ предположенія кн. Барятинскаго.

Избранный въ 1868 г. московскимъ университетомъ въ почетные члены, кн. Барятинскій, пріѣхавъ въ Россію, временно проживалъ въ имѣніи графа Орлова-Давыдова серпуховскаго уѣзда въ кругу родственниковъ и хорошихъ знакомыхъ, а затѣмъ переселился въ свое имѣніе «Деревеньки», курской губ., принималъ участіе въ земскихъ дѣлахъ и знакомился съ положеніемъ крестьянъ. Результатомъ этого изученія крестьянскаго быта явилась записка, посланная княземъ А. Е. Тимашеву, въ которой князь отрицательно отнесся къ общинному землевладѣнію крестьянъ, отдавая полное предпочтеніе подворной системѣ, какъ ограждающей принципъ собственности. Тогда же фельдмаршалъ высказался по другому государственному вопросу, выступивъ противникомъ военно-административныхъ реформъ Д. А. Милютина, усматривая въ мнѣніяхъ военнаго министра бюрократическія начала, долженствующія нанести ущербъ духу арміи. «Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время» вызвало со стороны фельдмаршала рѣзкую критику, и борьба его съ военнымъ министромъ приняла очень острую форму. По поводу «Положенія» кн. Барятинскій, по желанію Государя, составилъ подробную записку, въ которой, доказывая, что «Положеніе» чрезмѣрно ограничиваетъ власть

главнокомандующаго разными бюрократическими формальностями, настаивалъ на пересмотрѣ «Положенія». Пересмотръ, однако, не состоялся, и лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти кн. Барятинскаго его мысли нашли осуществленіе въ новомъ «Положеніи» 1890 года.

Въ 1869 г. кн. Барятинскій жилъ въ Италіи, а въ 1870 г. при свиданіи съ Государемъ въ Эмсѣ удостоился пожалованія въ пожизненное пользованіе имѣнія Скерневицы близъ Варшавы. Въ 1871 г. фельдмаршалъ зачисленъ въ кирасирскій Его Величества полкъ, гдѣ онъ началъ службу, и въ томъ же году назначенъ шефомъ 2-го стрѣлковаго батальона. Самъ Государь зачислилъ себя въ кабардинскій имени кн. Барятинскаго полкъ. Во время путешествія по Кавказу Государь рескриптомъ благодарилъ князя за его заслуги. Въ томъ же году фельдмаршалъ представилъ Государю записку о колонизаціи Кавказа западно-европейскими горцами. «Предоставьте, писалъ онъ, полную независимость національности и культа, особенно для заселенія горъ и Закавказья. Пусть обращаютъ вниманіе лишь на полезныя качества колониста. Сѣверная часть Кавказа, само собою, должна быть заселена русскими, но западные горцы болѣе соотвѣтствуютъ Дагестану. Закавказье, объявленное porto franco, съ большою колонизаціей, снабженное банкомъ, гарантированнымъ правительствомъ, основаннымъ для успѣха хорошо-обдуманной системы орошенія, привлекло бы землевладѣльцевъ изъ всѣхъ странъ».

Въ 1873 г. кн. Барятинскій былъ назначенъ шефомъ прусскаго № 14 гусарскаго полка, причемъ Императоръ Вильгельмъ I обратился къ нему съ лестнымъ рескриптомъ. Еще ранѣе, въ предъидущемъ десятилѣтіи фельдмаршалу были пожалованы знаки Почетнаго Легіона, при собственноручномъ любезномъ письмѣ Наполеона III. Въ февралѣ 1874 г. Императоръ Австрійскій пожаловалъ кн. Барятинскому орденъ св. Стефана высшей степени. Члены Россійскаго Императорскаго Дома не переставали осыпать фельдмаршала знаками милостиваго вниманія, въ особенности же благосклонно къ нему относился въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III, тогда еще Наслѣдникъ-Цесаревичъ.

Въ 1877 г., при началѣ русско-турецкой войны, было одно время предположеніе, что заслуженный кавказскій герой станетъ во главѣ русскаго войска, но это не осуществилось. За то во время Берлинскаго конгресса кн. Барятинскій самъ обратился къ Государю съ предложеніемъ своихъ услугъ на случай могущей возникнуть европейской войны противъ нашего отечества. Государь отвѣтилъ ему по телеграфу, что съ удовольствіемъ готовъ воспользоваться его услугами, и пригласилъ его въ Петербургъ. Въ іюнѣ 1878 г. въ Зимнемъ дворцѣ кн. Барятинскій усиленно былъ занятъ разсмотрѣніемъ составленнаго плана военныхъ дѣйствій противъ Австріи и Англіи, но вопросъ разрѣшился мирно.

Злая болѣзнь потребовала вскорѣ новой поѣздки кн. Барятинскаго за границу, откуда онъ уже не возвращался на родину. Съ первыхъ чиселъ февраля 1879 г. состояніе его здоровья сильно ухудшилось, и онъ почти уже не покидалъ постели. Горный женевскій воздухъ не приносилъ желаннаго облегченія, и жизнь фельдмаршала на глазахъ всѣхъ присутствующихъ быстро угасала. Заниматься онъ почти не могъ, и въ настроеніи духа появилась тревога. Онъ сознавалъ, что дни его сочтены. Въ минуты облегченія, онъ настоятельно справлялся о здоровьи Государя, выражалъ глубокую скорбь по поводу покушеній анархистовъ на жизнь Его Величества и съ тревогою разсуждалъ, что будетъ съ женою послѣ его смерти; однако при свиданіи съ супругою, боясь ее разстроить, онъ не обнаруживалъ своихъ страданій и старался казаться спокойнымъ. Въ ночь съ 24 на 25 февраля онъ чувствовалъ себя особенно нехорошо. Днемъ 25 февраля ему сначала было нѣсколько легче, но затѣмъ послѣдовало быстрое паденіе силъ и обморочное состояніе. Послѣ одного сильнаго обморока онъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ всталъ на ноги, сказавъ: «Коли умирать, такъ на ногахъ», но сейчасъ же упалъ на кресло. Къ вечеру князь скончался въ жестокихъ страданіяхъ. Доктора, производившіе бальзамированіе его тѣла, констатировали прекращеніе кровообращенія вслѣдствіе ожиренія сердца.

Тѣло князя было привезено въ Россію и предано погребенію въ родовомъ склепѣ села Ивановскаго. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ присутствовалъ на похоронахъ князя; съ Кавказа явились депутаціи отъ горцевъ и кабардинскаго полка.

А. Л. Зиссерманъ, «Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій».—Его же, «Два-

«...пять лѣтъ на Кавказѣ».—Н. Ѳ. Дубровинъ, «Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ».—Д. И. Романовскій, «Кавказъ и Кавказская война».—Его же, «Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій и Кавказская война. Историческій очеркъ». (Русская Старина 1881 г. т. XXX).—Записки В. А. Инсарскаго (Русск. Старина 1894 и 1895 г.г.).—Р. Ѳадѣевъ, «Шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны».—Н. Н. Чичаговъ, «Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи».—И. И. Ореусъ, «Графъ Н. И. Евдокимовъ».—М. Я. Ольшевскій, «Дѣйствія русскихъ войскъ въ Малой Азіи въ 1853—1854 г.г.».—Н. С. Николаевъ, «Воспоминанія о князѣ А. И. Барятинскомъ» (Истор. Вѣстн. 1885 г. № 6).—К. А. Бороздинъ, «Закавказскія воспоминанія». — А. Фадѣевъ, «Воспоминанія».

Барятинскій, кн. *Анатолій Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1820 г., ум. 9 ноября 1881 г. Свою службу Барятинскій началъ въ 1837 г. юнкеромъ въ полевой конной артиллеріи; черезъ 8 лѣтъ перешелъ въ гвардейскую конную артиллерію; въ 1848 г. участвовалъ въ Венгерской кампаніи, командированный въ дѣйствующую армію состоять при третьемъ корпусѣ гр. Ридигера и наблюдать за исправнымъ доставленіемъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ для войска; состоя, затѣмъ, въ отрядѣ генерала Засса, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вайценомъ и Дебреченомъ. Въ началѣ 1854 г. Барятинскій находился въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ на Дунаѣ; затѣмъ 7 мѣсяцевъ провелъ на передовыхъ укрѣпленіяхъ Севастополя, участвуя во многихъ дѣлахъ, за которыя и былъ награжденъ чиномъ полковника. По окончаніи войны онъ былъ сдѣланъ командиромъ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго баталіона, а въ 1860 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры,—командиромъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка; въ 1866 г. произведенъ въ генералъ-адъютанты, и въ 1867 г. въ генералъ-лейтенанты.

«Русскій Инвалидъ», 1881 г., № 251.

Барятинскій, кн. *Василій Романовичъ*, внукъ Андрея Булгака. Въ 1618—1619 г.г. былъ воеводою въ Брянскѣ. Въ мартѣ 1621 г. назначенъ вторымъ воеводою въ большой полкъ, выставленный по обыкновенію въ Тулу для охраны границы отъ крымскихъ и нагайскихъ татаръ; осенью, съ отозваніемъ первыхъ воеводъ, ему поручено было главное начальство надъ этимъ полкомъ. Въ мартѣ 1623 г. назначенъ первымъ воеводой въ передовой полкъ, выставленный для той же цѣли въ Дѣдиловъ. Съ 1626 по 1628 былъ воеводой въ Калугѣ. Весною 1629 г. снова назначенъ вторымъ воеводой въ большой полкъ на южной окраинѣ. Въ 1634 г. собиралъ въ полки дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Ярославскомъ уѣздѣ.

Барятинскій, кн. *Владиміръ Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ, оберъ-шталмейстеръ двора Его Величества, въ должности президента придворной конюшенной конторы, род. въ 1817 г., ум. 3 іюля 1875 г. Окончивъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ, онъ въ 1837 г. началъ службу въ чинѣ корнета въ лейбъ-кирасирскомъ Е. В. Наслѣдника Цесаревича полку (нынѣ лейбъ-гвардіи кирасирскій Ея Величества), въ 1841 г. назначенъ адъютантомъ къ военному министру, а годъ спустя, переведенъ въ кавалергардскій полкъ. Въ 1846 г. князь Барятинскій, съ переименованіемъ въ чинъ надворнаго совѣтника и въ званіи камеръ-юнкера, былъ опредѣленъ къ статскимъ дѣламъ и причисленъ къ азіатскому департаменту; но годъ спустя снова вернулся на военную службу, получивъ назначеніе состоять при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ. 1855 г. отмѣченъ въ службѣ Барятинскаго назначеніемъ его 19 февраля флигель-адъютантомъ къ Государю и производствомъ въ полковники; въ 1860 г., съ оставленіемъ въ свитѣ, онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора; въ 1861 г. назначенъ командиромъ кавалергардскаго полка и въ 1866 г., одновременно съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ, опредѣленъ оберъ-шталмейстеромъ Высочайшаго Двора. Скончался князь Владиміръ Ивановичъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, имѣя кромѣ многихъ высшихъ степеней иностранныхъ орденовъ, знаки ордена св. Александра Невскаго. Посвятивъ большую часть своей дѣятельности службѣ при Дворѣ, онъ на ряду съ этимъ явился участникомъ двухъ войнъ: Кавказской 1842 г., сопутствуя отряду генералла Засса, и Восточной 1855 г., въ которой онъ временно находился при Крымской арміи.

«Иностр. газета» 1875 г. № 30. — «Голосъ» 1875 г. № 199.—«Русскій Міръ» 1875 г. № 105.—«Русскій Инвалидъ» 1875 г. № 159.

Барятинскій кн. *Григорій Петровичъ*. былъ воеводою въ казанскомъ пригородѣ Еранскѣ (1620) построилъ Алаторскую засѣку (1636 г.) и г. Тюмень, въ которомъ былъ воеводою въ 1639—1642 г.г., а затѣмъ былъ главнымъ судьею холопьяго приказа (1644) и новгородскимъ воеводою.

Барятинскій, кн. *Данило Аѳанасьевичъ*, бояринъ. Участвуя въ войнѣ за освобожденіе Малороссіи, онъ разбилъ въ 1662 г. поляковъ при Благовичахъ (могилевской губ.). Въ 1670 г., при усмиреніи Разинскаго бунта, отправленный для очистки волжскихъ городовъ отъ «воровъ», онъ въ продолженіи октября разбилъ ихъ «на восьми бояхъ», выручилъ Цивильскъ и Чебоксары, взялъ приступомъ Козьмодемьянскъ и разбилъ подъ нимъ вновь появившихся черемисъ и «воровъ». Въ 1673—1677 г.г. онъ былъ воеводою въ Томскѣ, гдѣ ему въ первый же годъ пришлось бороться съ измѣнниками киргизами и калмыками и при помощи томскихъ, тобольскихъ и другихъ городовъ людей удалось побить ихъ совершенно. Въ 1682 г. Д. А. былъ уже въ званіи окольничаго и товарищемъ воеводы казанскаго, а въ слѣдующемъ году изъ Уфы увѣдомлялъ кунгурскаго воеводу Краснова о набѣгѣ калмыковъ «подъ Уфимское Усолье». Въ 1686 г. онъ участвовалъ въ Крымскомъ походѣ; въ 1687 г. былъ на радѣ, избиравшей гетманомъ Мазепу. Впослѣдствіи Д. А. былъ начальникомъ владимірскаго суднаго приказа и при Петрѣ I возведенъ въ боярство. Д. А. отличался религіозностью и, вмѣстѣ съ братомъ Алексѣемъ, основалъ въ Брянскѣ въ 1694 г. Поликарповъ монастырь, упраздненный въ 1764 г.

Барятинскій, кн. *Иванъ Ивановичъ*, т. сов., дѣйств. камергеръ, посланникъ въ Мюнхенѣ, ум. въ 1830 г. Въ 1780 г. поступилъ на службу поручикомъ въ екатеринославскій гусарскій полкъ и опредѣленъ былъ адъютантомъ къ генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину. Въ 1790 г., получилъ званіе камеръ-юнкера, и перешелъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ. Опредѣлившись волонтеромъ въ 1794 г. въ польскую армію, участвовалъ съ отличіемъ въ штурмѣ и взятіи Праги войсками Суворова, за что получилъ орденъ св. Георгія 4 степени. При императорѣ Павлѣ Барятинскій, вслѣдствіе столкновенія съ Растопчинымъ, былъ удаленъ отъ двора. Императоръ Александръ I въ 1801 г. пожаловалъ его званіемъ дѣйствительнаго камергера. Въ томъ же году Барятинскій поступилъ на службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и былъ причисленъ къ миссіи въ Лондонѣ. Награжденный въ 1804 г. чиномъ тайнаго совѣтника, онъ 29 октября 1808 г. назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Мюнхенѣ. 10 іюля 1812 г., онъ былъ отозванъ въ Россію, вскорѣ оставилъ службу и удалился въ свое богатое имѣніе. Въ курской губ., и отчасти въ харьковской кн. И. И. владѣлъ 21000 душъ крестьянъ и здѣсь посвятилъ себя всецѣло занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ. Онъ ввелъ въ своемъ имѣніи, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. А. Инсарскій, образцовое устройство, примѣняя агрономическія познанія, пріобрѣтенныя заграницей, ввелъ различныя сельско-хозяйственныя улучшенія, организовалъ успѣшную осушку болотъ, и получилъ за это нѣсколько медалей отъ агрономическихъ обществъ. Въ селѣ Ивановскомъ онъ построилъ пользовавшійся въ свое время широкой извѣстностью великолѣпный дворецъ, назвавъ его «Марьино» въ честь своей второй жены граф. Марьи Ѳедоровны, рожденной Келлеръ (о ней см. выше). Въ біографіи его сына, фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго (см. выше) подробно изложены замѣчательные своею оригинальностью взгляды кн. И. И. на воспитаніе, которые онъ хотѣлъ примѣнить къ своему сыну. Эти взгляды характеризуютъ кн. И. И., какъ человѣка и мыслителя.

Послужной списокъ въ Спб. Главномъ Архивѣ министр. иностр. дѣлъ.—Воспоминанія В. А. Инсарскаго въ «Русской Старинѣ» 1874 г. т. IX. стр. 301—304.

Барятинскій, кн. *Иванъ Михайловичъ*, по прозванію *Чермный*. Впервые упоминается «на службѣ у наряду» въ 1567 г. Во время ливонской войны, въ 1575 г. былъ головою въ полку, стоявшемъ в Каширѣ. Въ 1580 г. назначенъ былъ вторымъ воеводою полка лѣвой руки; затѣмъ въ мартѣ 1581 г., состоя въ той же должности, участвовалъ въ удачномъ походѣ русскаго войска подъ Могилевъ, кончившемся побѣдой подъ Шкловомъ. Въ 1582 г. былъ вторымъ воеводою въ сторожевомъ полку войска, отправленнаго для усмиренія возстанія луговыхъ черемисъ. При назначеніи воеводъ въ полки въ октябрѣ 1584 г. кн. И. М. былъ назначенъ ниже М. А. Безнина и билъ на немъ челомъ государю объ отечествѣ. Въ февралѣ 1589 г. назначенъ былъ третьимъ воеводою въ большой полкъ, но вслѣдствіе возникшихъ мѣстническихъ споровъ, былъ отставленъ и посланъ воеводою въ Чебоксары. Въ 1590 г. кн. И. М. отправленъ былъ въ

званіи дворянина и намѣстника козельскаго, посломъ на съѣздъ съ датскими послами (гдѣ либо между Колой и Варде (Варгавъ) для «сыска старыхъ рубежей» въ Лапландіи между Россіей и Даніей. Наши послы «были уже отъ Колы близко, а замѣшкали затѣмъ, что одинъ посолъ князь Иванъ разболѣлся, а се на морѣ было нестроенье великое, вѣтры противные». Датскіе послы, не дождавшись русскихъ, уѣхали изъ Вардэ и съѣздъ не состоялся.

Разряди. кн. въ Симбирскомъ Сборникѣ с. 73, 85, 97.—Выписки изъ разряди. кн. у Карамзина, т. IX, прим. 553, 732.—Русск. Историч. Библіот. т. XVI (Русскіе акты Копенгаг. госуд. архива, Ю. Щербачева).—Акты А. Юшкова (Чт. М. Общ. Ист. и Др. Росс. 1898, кн. III).—По нѣкоторымъ соображеніямъ мы прерываемъ біографію кн. И. М. Чермнаго на 1590 г., относя послѣдующія извѣстія къ другому кн. Ивану Михайловичу Барятинскому, дѣйствовавшему до 30-хъ г.г. XVII в. (о немъ см. ниже).

Барятинскій, кн. *Иванъ Михайловичъ*, посолъ въ Даніи. Въ 1598 г. упоминается въ числѣ выборныхъ дѣтей боярскихъ изъ городовъ. Въ 1600—1601 г.г. былъ воеводою въ г. Березовѣ. Въ концѣ 1613 г. въ званіи дворянина и намѣстника брянскаго отправленъ посломъ, съ дьякомъ Гавр. Богдановымъ, къ датскому королю Христіану. Также, какъ другимъ посламъ, отправленнымъ въ это время на западъ и на востокъ, ему велѣно было разъяснить обстоятельства восшествія на престолъ царя Михаила Өедоровича, предложить королю Христьянусу быть «съ царскимъ величествомъ въ дружбѣ и сылкѣ», просить у него помощи деньгами и пушками и содѣйствія заключенію мира между Россіей и Швеціей. Датскій король, въ отвѣтъ на это, ограничился присылкою своего посла въ Москву (Ивера Винта) съ поздравленіями и съ выраженіемъ готовности быть съ царемъ «въ сосѣдственной, пріятельской дружбѣ и любви». Другихъ дипломатическихъ порученій кн. И. М. не давали. Въ 1618—1619 г.г. онъ былъ воеводой въ г. Путивлѣ; въ 1621 г. ему порученъ «разборъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Бѣлевѣ, Мценскѣ (а также въ Болховѣ, Карачевѣ, Орлѣ, Новосильскѣ). Въ 1622 г. подъ его начальствомъ посланъ былъ отрядъ дѣтей боярскихъ въ Серпуховъ, въ виду ожидавшагося нападенія нагайцевъ, «чтобы воинскіе люди Оки рѣки безвѣстно не перелѣзли». Въ 1624—1626 г.г. кн. И. М. былъ воеводою въ Великихъ Лукахъ, въ 1628—1629 г.г.—въ Вязьмѣ. 18 ноября 1632 г. ему ввѣрены были охрана и распоряженіе провіантомъ (хлѣбными и мясными запасами), собраннымъ изъ городовъ для войска, отправленнаго противъ поляковъ въ Смоленскъ. Рядъ царскихъ наказовъ, данныхъ ему за это время (18 ноября, 25 декабря 1632, 12 янв. 1633 г.), напечатанъ въ книгахъ разрядныхъ и въ актахъ археогр. экспедиціи.

Книги разрядныя, т. I и II (по указателю).—Русск. Историч. Библіот. т. II, №№ 69, 188; т. XVI, №№ 96, 99, 104.—Ср. выше біографію кн. Ив. Мих. Чермнаго.

Барятинскій, кн. *Иванъ Петровичъ*, сынъ *Петра Романовича*, бывшаго воеводою въ Калугѣ (1634 г.) и въ Туринскѣ (1643 - 1645 г.), род. въ 1615 г., ум. 1 іюля 1701 г. Въ 1632 г. завѣдывалъ вмѣстѣ съ Ивaномъ Огаревымъ въ Москвѣ «запасами», сбираемыми съ разныхъ городовъ для предстоящей войны съ Польшей. Будучи стольникомъ съ 1636 г., И. П. въ 1661 г. участвовалъ въ заключеніи Кардисскаго договора и, въ званіи окольничаго (съ 1663 г.) былъ отправленъ въ 1668 г. воеводою въ Якутскъ, откуда доносилъ московскому правительству о построеніи китайцами на Тугирскомъ волокѣ городка и о торговлѣ съ ними, о набѣгахъ въ 1668 г. монголовъ на Балаганскій, Верхоленскій и Илимскій остроги и о жемчугѣ, найденномъ имъ въ 1668 г. въ морѣ и въ рр. Чондонѣ, Охотѣ и Кухтыѣ. Болѣе чѣмъ двухлѣтняя дѣятельность И. П., какъ устроителя Якутской области, подчинившаго къ тому же подъ власть московскаго царя нѣсколько новыхъ инородческихъ племенъ, была вознаграждена въ 1678 г. возведеніемъ его въ бояре. Въ теченіе 1678—1680 г.г. онъ былъ воеводою въ Енисейскѣ и оттуда доносилъ о присылкѣ въ Енисейскъ пороха, о намѣреніи монголовъ и киргизовъ идти на Красноярскъ и Енисейскъ, о припискѣ прихожихъ людей въ казну и т. п. Въ 1682 г. имя И. П. встрѣчается въ грамотѣ объ уничтоженіи мѣстничества.—Отличаясь набожностью, И. П. въ послѣдніе годы часто дѣлалъ вклады въ Даниловъ монастырь, и наконецъ самъ въ 1697 г. постригся въ этомъ монастырѣ, подъ именемъ Ефрема, и здѣсь скончался. Родственники И. П. въ 1705 г. соорудили на мѣстѣ его погребенія церковь во имя преп. Евфимія (нынѣ не существующую).

Свирѣлинъ, «Кн. Ив. Петр. Барятинскій». (Чтен. М. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1859. кн. 2).

Барятинскій, кн. *Иванъ Сергѣевичъ*, генералъ-поручикъ, посланникъ въ Парижѣ, род. 27 февраля 1740 г., ум. 23 декабря 1811 г. Записанный въ малолѣтствѣ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ, въ 1758 г. произведенъ былъ въ поручики арміи, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и въ Цорндорфской битвѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. По возвращеніи въ Россію зачисленъ былъ капраломъ въ лейбъ-кампанскій корпусъ и состоялъ ординарцемъ при императрицѣ Елисаветѣ до ея кончины. 31 декабря 1761 г. назначенъ былъ флигель-адъютантомъ Петра III, съ производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго подполковника. По словамъ Екатерины II, Петръ III, задумавъ ее арестовать, поручилъ исполнить это своему флигель-адъютанту Барятинскому. «Испуганный Барятинскій медлилъ исполненіемъ этого порученія и поспѣшилъ сообщить о немъ дядѣ императора, принцу Голштинскому», который и уговорилъ Петра отмѣнить приказаніе. По вступленіи на престолъ Екатерина назначила Барятинскаго, въ 1763 г., состоять при малолѣтнемъ Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ. Барятинскій не принималъ участія въ воспитаніи Цесаревича, но постоянно проводилъ извѣстную часть дня вмѣстѣ съ нимъ, являясь веселымъ, но не серьезнымъ собесѣдникомъ; по словамъ Цесаревича, Барятинскій досаждалъ ему своими совѣтами: «позже ложиться спать, не пропускать ни одной комедіи, убираться въ пять буколь». Барятинскій впослѣдствіи пользовался расположеніемъ Наслѣдника, который, при посѣщеніи Парижа, остановился здѣсь въ домѣ кн. Барятинскаго и подарилъ ему свой портретъ съ надписью: Souvenir d'amitié. Въ 1779 г. Барятинскій былъ произведенъ въ генералъ-поручики; затѣмъ въ августѣ 1783 г. назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Парижъ, куда прибылъ 9 января слѣдующаго года. Онъ съ достоинствомъ занималъ этотъ постъ въ теченіе 12 лѣтъ; выдержки изъ его депешъ напечатаны Соловьевымъ въ обзорѣ дипломатическихъ сношеній русскаго двора. Въ эти годы политическіе интересы Россіи и Франціи совпадали во многихъ дѣлахъ. Въ 1776—1778 г.г. Франція удерживала Порту отъ разрыва съ Россіей; въ 1780 г. она весьма сочувственно отнеслась къ русской декларации о вооруженномъ нейтралитетѣ. Французскіе министры говорили Барятинскому о желательности тѣснаго сближенія Франціи съ Россіей; Верженъ утверждалъ, что вся нація чрезвычайно довольна дружбою между Россіей и Франціей. При окончаніи американской войны нашъ посланникъ содѣйствовалъ заключенію мира 3 сентября 1783 г. между Англіей, Испаніей и Франціей и получилъ украшенные бриліантами портреты королей этихъ трехъ державъ. Въ слѣдующемъ году, за переговоры по случаю присоединенія къ Россіи Крыма, Екатерина наградила его орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1786 г. Барятинскій возвратился въ Россію и испросилъ увольненіе отъ службы. Съ 8 января 1767 г. кн. И. С. былъ женатъ на *Екатеринѣ Петровнѣ*, урожденной принцессѣ Голштейнъ-Бекъ, дочери генералъ-фельдмаршала, остзейскаго генералъ-губернатора, принца Петра-Августа-Фридриха Голштейнъ-Бекъ. Она р. 23 февраля 1750 и ум. 28 ноября 1811 г. за мѣсяцъ до смерти своего супруга.

Соловьевъ, исторія Россіи кн. VI, приложеніе.—Д. Кобеко, «Царствованіе Павла Петровича», стр. 19, 75, 89, 222.—С. Порошинъ, «Записки», (прилож. къ «Русск. Стар.», 1881, т. XXX).—«Русскій Архивъ», 1878, т. II, с. 288.—Даты рожденія и смерти съ надгробія въ московскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Н. П.—С.

Барятинскій, кн. *Иванъ Ѳедоровичъ*, генералъ-аншефъ, главнокомандующій въ Малороссіи, ум. въ мартѣ 1738 г. При Петрѣ Великомъ служилъ въ арміи бригадиромъ; участвовалъ въ шведской войнѣ, командуя нѣкоторое время полкомъ, носившимъ по обычаю времени его имя; за отличіе въ сраженіи при Грейгамѣ, 27 іюля 1720 г. получилъ золотую медаль, выбитую въ память этого сраженія. Участвовалъ также въ персидскомъ походѣ Петра; въ октябрѣ 1723 г. отправленъ былъ съ отдѣльнымъ отрядомъ изъ Баку вверхъ по р. Курѣ и успѣшно завладѣлъ такъ называвшейся Салліанской провинціей. Въ царствованіе Екатерины I получилъ чинъ генералъ-маіора и состоялъ присутствующимъ въ московской конторѣ военной коллегіи. Быстрое возвышеніе его по службѣ началось послѣ воцаренія Анны Іоанновны и обусловлено было довольно дѣятельнымъ участіемъ его въ движеніи шляхетства противъ верховниковъ въ февралѣ 1730 г. Въ это время, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ его домѣ собиралась одна изъ шляхетскихъ партій, вмѣстѣ съ которой онъ подписалъ проектъ Татищева и кн. Черкасскаго. По уничтоженіи ограничи-

тельныхъ «пунктовъ», Анна Іоанновна, возстановляя Петровскій сенатъ 4 марта 1730 г., назначила кн. П. Ѳ. сенаторомъ, а 23 апрѣля того же года пожаловала ему чинъ генералъ-лейтенанта. 21 августа 1735 г., онъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, а также присутствующимъ въ московской сенатской конторѣ. Не прошло года, какъ ему поручено было отвѣтственное дѣло управленія Малороссіей, въ которой только что (1734 г.) учреждено было по смерти гетмана Апостола, «правленіе гетманскаго уряда», съ русскими людьми во главѣ. Будучи назначенъ командующимъ въ Малороссію 17 іюня 1736 г., Барятинскій, по какимъ-то соображеніямъ, черезъ мѣсяцъ отозванъ былъ въ Москву, и въ томъ же году, 30 декабря, ему снова велѣно было немедля отправиться въ Глуховъ, гдѣ тогда сосредоточено было управленіе Малороссіей, а вслѣдъ затѣмъ 9 февраля 1737 г. онъ награжденъ былъ чиномъ генералъ-аншефа. Правительство въ это время не особенно довѣряло спокойствію Малороссіи и поэтому всѣ дѣйствія Барятинскаго находились подъ близкимъ наблюденіемъ кабинетъ-министровъ, которые поручали ему обнадеживать малороссійскій народъ обѣщаніемъ милостей и наградъ, и были очень недовольны, когда Барятинскій арестовалъ черниговскаго архіерея за вызывающее отношеніе къ русскому капитану Кобылину. Много хлопотъ доставили Барятинскому крымскіе походы 1737 и 1738 г.г., для которыхъ онъ долженъ былъ комплектовать полки, доставлять провіантъ, перевозить артиллерію и нѣкоторое время командовать войсками, сосредоточенными на границѣ. Барятинскій былъ женатъ на дочери канцлера Головкина, *Настасьѣ Гавриловнѣ*, отъ которой имѣлъ сына *Сергѣя*, умершаго въ 1746 г. капитаномъ л.-гв. измайловскаго полка.

Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», т. VII, VIII, IX, XIII (по указат. 2 изд.).—П. Барановъ, „Опись высоч. указомъ и повел. въ сенатскомъ архивѣ", т. II (указат.).—«П. С. З.», №№ 5510, 7126.—Д. Корсаковъ, «Воцареніе Анны Іоанновны», стр. 197.—Н. Поповъ, «Татищевъ и его время», стр. 127.—Соловьевъ, «Ист. Росс.» кн. IV.—«Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ.», т. 11, 96, 104.

Н. П.-С.

Барятинскій, кн. *Михаилъ Петровичъ*, посолъ въ Персіи, ум. 15 декабря 1618 г. Въ 1615 г. кн. М. П., посланный за годъ передъ тѣмъ на воеводство въ Новгородъ Сѣверскій, былъ спѣшно вызванъ въ Москву и получилъ отвѣтственное порученіе отразить атамана Лисовскаго, осадившаго Ржевъ. Ему ввѣрено было полковое начальство надъ тѣми самыми ратными людьми, съ которыми кн. Д. М. Пожарскій успѣшно отбилъ отряды литовцевъ, и велѣно было идти «наспѣхъ, днемъ и ночью, безъ кошей, легкимъ дѣломъ и надъ польскими и литовскими людьми промышлять украдомъ, ночнымъ временемъ и всякими обычаи, сколько милосердый Богъ помочи учинитъ». Но кн. Барятинскій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, оказавшись неудачнымъ замѣстителемъ Пожарскаго; онъ шелъ въ походъ «мѣшкотно, идучи села и деревни разорялъ» и допустилъ Лисовскаго проникнуть внутрь Россіи. За такое «воровство и измѣну» Барятинскій въ томъ же 1615 г. былъ отрѣшенъ отъ полковаго начальства и посаженъ въ тюрьму въ Суздалѣ. Тюремное заключеніе не прекратило, однако, его служебной карьеры; въ 1616 г. ему дали годовое воеводство въ украинномъ городкѣ Торопцѣ, затѣмъ вызвали въ Москву и 18 мая 1618 г. поставили во главѣ посольства, отправленнаго въ Персію къ «кизилбашскому» шаху Аббасу. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ первые же годы по своемъ воцареніи отправилъ послѣдовательно двухъ посланниковъ въ Персію, дворянъ Тихонова и затѣмъ Леонтьева; на просьбу царя о денежной помощи, персидскій шахъ прислалъ въ 1617 г. серебра на 7000 р. Поощренный этимъ, Михаилъ Ѳедоровичъ поручилъ посольству кн. Барятинскаго просить шаха, чтобы онъ прислалъ еще «денежныя казны въ помочь, противъ недруга короля польскаго» и тѣмъ «показалъ къ великому государю совершенную свою сердечную, братственную дружбу и любовь». Барятинскій имѣлъ невысокій чинъ дворянина; его назвали на время посольства «намѣстникомъ болховскимъ», дали ему товарищей, дворянина И. П. Чичерина и дьяка М. Тюхина, толмача и отрядъ стрѣльцовъ. 23 мая посольство выѣхало изъ Москвы съ обстоятельнѣйшимъ наказомъ и черезъ три мѣсяца, послѣ бурнаго плаванія по Каспійскому морю, прибыло въ Шемаху. Послы приняты были шахомъ на торжественной аудіенціи въ г. Казбинѣ (на пути къ Тегерану) 4 ноября, очень дружелюбно, при чемъ кн. Барятинскій «правилъ поклонъ», говорилъ длинную рѣчь по наказу, а шахъ пилъ здоровье царя, ставъ на колѣни. Но черезъ день шахъ потребовалъ къ себѣ

младшаго члена посольства, дьяка Тюхина; Барятинскій послѣ долгаго сопротивленія отпустилъ дьяка «не смѣя шаха раскручинить». Шахъ принялъ дьяка запросто и «съ великимъ гнѣвомъ» изложилъ ему всѣ свои «досады» на царя; онъ жаловался на дурное обращеніе съ его послами въ Москвѣ, на притѣсненія персидскихъ купцовъ въ Астрахани и Казани и особенно на то, что астраханскій воевода отнялъ у его людей ястреба, купленнаго для шаха. Дьякъ Тюхинъ поплатился впослѣдствіи ссылкой въ Сибирь и тюремнымъ заключеніемъ за это свиданіе съ шахомъ. Барятинскій не успѣлъ дать свои объясненія на жалобы, заявленныя Тюхину, такъ какъ шахъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Казбина, велѣвъ посольству зимовать въ этомъ городѣ. Барятинскій здѣсь заболѣлъ и умеръ, завѣщавъ «тѣло его вывести на Русь». Товарищамъ его оказалось затруднительнымъ исполнить его волю, такъ какъ они никакъ не могли найти достаточнаго количества подводъ, чтобы отправить въ Москву 29 человѣкъ его дворни, и «рухлядь», которая была привезена на 16 верблюдахъ. Посольство довольно неудачно вело затѣмъ переговоры съ шахомъ, испытало много стѣсненій и только въ концѣ 1620 г. вернулось въ Россію.

Наказъ и статейный списокъ посольства Барятинскаго въ Памятн. диплом. и торговыхъ сношеній Моск. Руси съ Персіей, т. III, подъ ред. Н. И. Веселовскаго (Труды вост. отд. Имп. Русс. Археол. Общ. т. XXII. 1898).—Тоже въ неполномъ изданіи: Древн. Россійск. Вивліоѳика, т. V.—Книги разрядныя, т. I (по указат.).—Дворцовые разряды, т. I, с. 120, 148, 282, 311.—Соловьевъ, Исторія Россіи. кн. II, т. IX.

Н. П.-С.

Барятинскій, кн. *Никита Михайловичъ*, стольникъ. Въ 1631—1632 г.г. былъ воеводой на Тарѣ; въ 1636 г. начальствовалъ сторожевымъ полкомъ, выставленнымъ на Украйнѣ, въ гор. Кропивнѣ, «для береженья отъ прихода крымскихъ и нагайскихъ людей». Въ 1639—1643 г.г. былъ воеводою въ Мангазеѣ; отъ этого времени сохранилось сыскное дѣло о его злоупотребленіяхъ и раздорахъ съ дьякомъ Богданомъ Обобуровымъ. Сохранилась также челобитная кн. Н. М. къ царю 1633 г. съ жалобой на разбойниковъ, которые въ шуйскомъ уѣздѣ, напавъ ночью, «мучили его кн. Микиту и матерь его мучили и клюшницу его застрѣлили до смерти, а животовъ его и людскихъ, денегъ и платья и всякой рухляди поимали на 175 рублей».

Н. П. Оглоблинъ, Обозрѣніе столбцовъ и книгъ разряднаго приказа, М. 1895.—Русск. Истор. Библ., т. II, с. 573, 712.

Барятинскій, кн. *Никита Петровичъ*, воевода, ум. въ 1629 г. Въ 1598 г. былъ «стряпчимъ съ платьемъ». Въ 1614 г. во время военныхъ дѣйствій боярина кн. И. Н. Одоевскаго противъ Заруцкаго въ Астраханскомъ краѣ, охранялъ съ особымъ отрядомъ г. Алатырь. Въ февралѣ слѣдующаго года ему поручено было отразить шедшихъ съ юга на Рязань черкасъ, поставивъ засѣки около гор. Сапожка Ряжскаго. Но «князь Микита тѣмъ походомъ замышкалъ, съ людьми въ походъ скоро не собрался» и не остановилъ черкасъ; поэтому въ февр. 1616 г. его послали на менѣе отвѣтственную должность воеводы въ Воронежѣ. Вслѣдъ затѣмъ, однако, въ сентябрѣ 1616 г. ему снова дали важное порученіе охранять Псковъ отъ ожидавшагося нападенія нѣмецкихъ людей. Когда эта тревога оказалась ложной, Барятинскому велѣно было идти съ его полкомъ въ Дорогобужъ и отразить Гонсѣвскаго, шедшаго съ поляками и литовцами на Смоленскъ. Барятинскій дѣйствовалъ здѣсь такъ же мало успѣшно, какъ раньше подъ Рязанью. Гонсѣвскій въ ноябрѣ 1616 г. окружилъ его въ Дорогобужѣ, отрѣзалъ отступленіе на Смоленскъ, разбилъ отрядъ его племянника кн. Ѳедора Горбунца. На выручку осажденнымъ въ Дорогобужѣ, скоро «оскудѣвшимъ припасами и начинавшимъ ѣсть кобылятину», отправленъ былъ съ большимъ войскомъ бояринъ Ю. Сулешовъ, который и разбилъ Гонсѣвскаго. Барятинскому, какъ и другимъ воеводамъ, пожалованы были за эту побѣду «золотые». Въ 1618 г. кн. Н. П. назначенъ былъ въ товарищи къ кн. Катыреву-Ростовскому для охраны столицы отъ польскаго королевича Владислава. Послѣдніе годы жизни Барятинскій провелъ на воеводствахъ въ «сибирскихъ городахъ»: съ января 1623 г. онъ четыре года былъ воеводой на Верхотурьѣ, въ 1627 г. переведенъ былъ отсюда на Вятку, (въ гор. Хлыновъ, Котельничъ, Орловъ), и здѣсь умеръ.

Н. П.—С.

Барятинскій, кн. *Петръ Ивановичъ*, извѣстный по мѣстническимъ дѣламъ. На соборѣ 1566 г. участвовалъ въ чинѣ дворянина 2-й статьи и оставался въ этомъ чинѣ до конца жизни, какъ видно изъ с-

борнаго акта 1598 г. По матерьяльному своему положенію, какъ и по служебному, принадлежалъ къ среднему дворянству: въ 1562 и 1563 г.г. онъ ручался въ неотъѣздѣ князей Бѣльскаго и Воротынскаго въ 100 р., тогда какъ другіе поручники обязывались ...ю втрое и вчетверо большей пени. Въ 1571 г. былъ однимъ изъ головъ царскаго полка; въ слѣдующемъ году получилъ относительно болѣе видное назначеніе ...тымъ воеводою большого полка въ войскѣ, выставленномъ для охраны гор.Ругодива. Въ 1574 г. былъ товарищемъ воеводы въ Смоленскѣ, а въ 1575 г. снова былъ назначенъ головою въ одинъ изъ полковъ. Въ 1581 г. кн. П. И. былъ воеводою въ гор. Холмѣ и во время неожиданнаго ночного нападенія литовцевъ на этотъ городъ («въ ночь, скрадомъ») былъ взятъ въ плѣнъ. По возвращеніи въ Россію, онъ, между прочимъ, осматривалъ ратныхъ людей въ гор. Пронскѣ, Михайловѣ и Ряжскѣ. Несмотря на невысокое свое служебное положеніе, кн. Петръ Ивановичъ упорно отстаивалъ мѣстническую честь своего рода. Съ именемъ его связаны два мѣстническихъ дѣла, интересныхъ тѣмъ, что оба они кончились строгимъ наказаньемъ лица, жаловавшагося на невмѣстное назначеніе. Въ 1589 г. онъ отказался принять какое то назначеніе ниже князей В. Долгорукова и Л. Щербатова, при чемъ рѣзко отозвался о бояринѣ Шереметевѣ; за это государь, найдя его жалобы неосновательными, велѣлъ посадить его въ тюрьму; «и кн. Петръ, отмѣчаетъ разрядная книга, сидѣлъ въ тюрьмѣ три дня, а на службу не поѣхалъ». Несмотря на это, черезъ два года, получивъ вторій разъ назначеніе ниже того же кн. Долгорукова (вторымъ воеводой въ передовой полкъ), онъ снова билъ челомъ, что «ему меньше князя Володиміра быть невмѣстно». Въ этомъ челобитьѣ ему также было отказано и въ наказанье его «послали въ Сибирь», воеводой въ Тобольскъ. Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемся съ кн. П. П. въ Москвѣ, въ 1598 г., когда онъ подписывается подъ соборной грамотой объ избраніи царя Бориса Годунова и назначается воеводой въ войско, охранявшее Москву отъ крымцевъ; отъ этой должности онъ, однако, былъ отрѣшенъ тотчасъ по назначеніи, въ ожиданіи «инова дѣла, къ какому онъ пригодится». У кн. П. И. было пять сыновей: Ѳедоръ, Яковъ, Иванъ, Михаилъ и Никита, изъ которыхъ четверо играли видную роль въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Симбирскій Сборникъ Д. Валуева (разрядная кн.), с. 27, 41, 48, 53, 74, 113, 136.—Собр. госуд. грам. и догов., т. I, с. 481, 491, 552.—Карамзинъ, т. X, прим. 456. *Н. П—С.*

Барятинскій, кн. *Юрій Никитичъ*, бояринъ, сынъ Никиты Петровича, воевода при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ. Участвуя съ 1654 г. въ войнѣ съ Польшей, онъ 23 октября 1655 г. одержалъ побѣду надъ поляками (вмѣстѣ съ кн. С. Урусовымъ) на Бѣлыхъ Пескахъ, и затѣмъ въ д. Верховичахъ. Въ 1659 г., послѣ перехода Выговскаго на сторону польскаго короля, разбилъ полковника Япешко подъ Кіевомъ. Заключивъ послѣ Чудновскаго пораженія, въ октябрѣ 1660 г., довольно тяжелый для русскихъ миръ съ поляками, старшій воевода В. Б. Шереметевъ требовалъ признанія его и со стороны Ю. Н., стоявшаго въ это время подъ Кіевомъ; но Ю. Н., не находясь въ положеніи Шереметева и не думая, что съ переходомъ Юрія Хмѣльницкаго на сторону Польши Малороссія потеряна для Москвы, отвѣчалъ ему слѣдующее, «я повинуюсь указамъ царскаго величества: а не Шереметева; много въ Москвѣ Шереметевыхъ», и совершенно отказался отвести русскія войска изъ Переяславля. Нѣжина и Чернигова, какъ того требовали условія мира, заключеннаго Шереметевымъ. Изъ за этого отказа миръ не состоялся. Послѣ этого Ю. Н. участвовалъ въ цѣломъ рядѣ битвъ: подъ Васильковымъ (гдѣ между прочимъ взялъ буздыханъ, хранящійся понынѣ въ московской оружейной палатѣ), подъ Ригою, Смоленскомъ и др. Въ 1664 г., будучи въ званіи окольничаго, очистилъ отъ поляковъ и литовцевъ г. Брянскъ. Въ 1670 г. Ю. Н. участвовалъ въ усмиреніи бунта Степана Разина и разбилъ послѣдняго на голову подъ Симбирскомъ. Этой побѣдѣ Ю. Н. современники и потомки придавали громадное значеніе. Царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ его въ бояре; Костомаровъ говоритъ, что «Барятинскій, одержавъ побѣду подъ Симбирскомъ, спасъ русскій престолъ». Въ послѣдній разъ имя Ю. Н. упоминается въ грамотѣ 1682 г. объ уничтоженіи мѣстничества.

Н. И. Костомаровъ, «Бунтъ Стеньки Разина».

Барятинскій, кн. *Яковъ Петровичъ*, бояринъ, соратникъ М. В. Скопина-Шуйскаго, ум. въ 1610 г. Первоначально Я. П. былъ воеводою въ Сургутѣ (1601—1602),

гдѣ ему пришлось усмирять возставшихъ въ 1601 г. остяковъ. Въ 1604 г. находился въ числѣ защитниковъ Новгородъ-Сѣверска отъ Лжедимитрія; участвовалъ въ битвѣ на Пчельнѣ, и затѣмъ перешелъ въ составъ войска Скопина-Шуйскаго. По порученію послѣдняго, Я. П. ѣздилъ съ соболями и деньгами для войска къ Делагарди; затѣмъ, пробираясь съ войскомъ, набраннымъ имъ-же въ смоленскихъ уѣздахъ, къ Скопину-Шуйскому, онъ дорогою разбилъ литовскаго ротмистра Плюшку подъ Дорогобужемъ, взялъ Вязьму и Бѣлую и очистилъ Дорогобужъ отъ воровъ и литовцевъ. Послѣ этого слѣдуетъ его славное участіе въ извѣстномъ Калязинскомъ сраженіи и наконецъ въ несчастной Клушинской битвѣ 24 іюня 1610 г., въ которой онъ и былъ убитъ.

Барятинскій, кн. *Өедоръ Петровичъ*, по прозванію *Борецъ*. Служба его началась въ 1577 г., когда онъ былъ воеводою въ Иванѣ-Городѣ; затѣмъ онъ былъ въ Сибири, гдѣ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, Петромъ Ивановичемъ, построилъ въ 1595 г. Сургутъ, въ которомъ и былъ первымъ воеводою. Въ 1602 г. 13 іюня Ө. П. назначенъ посломъ на съѣздѣ съ датскими послами въ Лапландію, въ Лопь-Дикую межевать рубежи между Россіею и Даніею. Въ сентябрѣ онъ еще былъ въ Москвѣ, участвуя во встрѣчѣ датскаго королевича, но въ іюлѣ слѣд. года прибылъ въ Колу. Затѣмъ онъ былъ отправленъ къ крымскому хану Казы-Гирею, при которомъ долженъ былъ состоять русскимъ посломъ. Но эта его миссія продолжалась недолго: ханъ, разгнѣванный на него за то, что онъ не хотѣлъ принимать никакихъ мѣръ, чтобы остановить набѣги донскихъ казаковъ, выслалъ его изъ Крыма; послѣ чего Ө. П. проживалъ въ Москвѣ, исполняя разнаго рода небольшія порученія, напр., по встрѣчѣ королевича Густава, по пріему пословъ и т. п. Василій Ивановичъ Шуйскій, вскорѣ по вступленіи на престолъ, назначилъ его воеводою въ Ярославль. Послѣдній, въ 1607 г. принялъ сторону самозванца, но въ 1609 г. снова подчинился Шуйскому; между тѣмъ воевода Ө. П. перешсывавшійся съ царькомъ и дѣятельно способствовавшійся съ поляками и литовцами, не желалъ признавать Шуйскаго и въ 1609 г. бѣжалъ изъ Ярославля, а въ 1610 г., по сверженіи Василія Ивановича, мы видимъ его воеводою въ Новгородъ-Сѣверскомъ. Приверженцемъ самозванцевъ и поляковъ Ө. П. оставался вплоть до 1613 г., но принеся въ этомъ году повинную и присягу на вѣрность царю Михаилу Өедоровичу, служилъ ему вѣрно до самой смерти. Въ 1617 г. онъ ѣздилъ въ Стокгольмъ для ратификаціи столбовскаго договора; въ 1621 г. былъ отправленъ, въ званіи воеводы, въ Казань, для сбора войска по случаю начинавшейся войны съ поляками. Наконецъ въ 1635 г. посланъ воеводою въ сибирскій городъ Тару, гдѣ вѣроятно, и скончался. Въ столбцахъ сибирскаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства Юстиціи, имѣется любопытный документъ о производившемся въ 1636 — 1639 г.г. «сыскѣ» по поводу злоупотребленій и раздоровъ Ө. П. съ Григорьемъ Кафтыревымъ, гдѣ, между прочимъ Ө. П. обвиняетъ Кафтырева даже въ намѣреніи убить его.

Письма его къ гетману Яну Сапѣгѣ и челобитная къ самозванцу 1608 г.: Сборникъ князя Хилкова, Спб. 1879, с. 18—58, 21.—С. Платонови, «Очерки по ист. смуты», стр. 420.

Барятинскій, кн. *Өедоръ Юрьевичъ*, старшій сынъ Юрія Никитича; свѣдѣнія объ немъ начинаются съ 1658 г., когда онъ, участвуя въ войнѣ за освобожденіе Малороссіи, бытъ сотеннымъ головою и отказался изъ мѣстничества помогать князю Ю. А. Долгорукову противъ поляковъ. Въ 1678 г. былъ вторымъ воеводой большого полка, въ войскѣ, выставленномъ противъ крымскаго хана. Въ званіи стольника Ө. Ю. былъ въ 1681 г. пермскимъ воеводою; въ 1682 1683 г.г. воеводствовалъ въ Соликамскѣ; въ 1689 г. участвовалъ въ крымскомъ походѣ В. В. Голицына; въ 1692 г. онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ Шереметевымъ на помощь гетману Мазепѣ противъ Крымцевъ, но выказалъ, кажется, только свою «медлительность», на которую потомъ жаловался гетманъ; черезъ два года участвовалъ въ Кожуховскомъ походѣ; въ 1696 г. былъ воеводою въ Кіевѣ и принималъ участіе въ началѣ военныхъ дѣйствій противъ Карла XII.

Барятинскій, кн. *Өедоръ Сергѣевичъ*, оберъ-гофмаршалъ, род. 5 апрѣля 1742 г., ум. 4 іюня 1814 г., въ Москвѣ. Будучи гвардейскимъ офицеромъ, примкнулъ къ сторонникамъ Екатерины Алексѣевны и участвовалъ въ іюньскомъ переворотѣ 1762 г., за что въ день коронаціи императрицы былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и по ея личному распоряженію получилъ 24000 р. Дальнѣйшая его дѣятельность сосредоточивалась исключительно при дворѣ: въ 1778 г.

онъ былъ сдѣланъ гофмаршаломъ; сопровождалъ Екатерину въ двухъ ея путешествіяхъ: въ 1783 г. въ Финляндію (объ этомъ путешествіи составилъ даже подробное описаніе (въ рукописи) и въ 1787 г. на югъ Россіи. Въ 1796 г. онъ былъ произведенъ въ оберъ-гофмаршалы. Дозволивъ ему принять участіе въ похоронахъ Екатерины II, Павелъ I, по окончаніи ихъ, немедленно же выслалъ его въ его деревню, и кн. Ѳ. С. во все его царствованіе ни разу не появлялся въ Петербургѣ. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Хованской.

Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. VII, т. XXVI.

Басалаевъ, *Иванъ Никифоровичъ*, писатель, род. около 1795 г.; ум. въ 1825 г. Будучи еще воспитанникомъ ярославскаго Демидовскаго «высшихъ наукъ» училища, Басалаевъ напечаталъ два стихотворенія въ юбилейныхъ изданіяхъ училища: «Къ россійскимъ героямъ» (М., 1814 г.) и «Торжество Россіи» (М., 1816 г.). Оба они посвящены воспоминаніямъ борьбы въ отечественную войну, при чемъ послѣднее наполнено восхваленіями дѣйствій Александра I, «возвеличившаго» Россію. Языкъ, напыщенный и изобилуетъ архаизмами. Поэзіи мало. Впослѣдствіи, состоя преподавателемъ московскаго университета благороднаго пансіона, Басалаевъ написалъ два учебника: «Краткое начертаніе всеобщей исторіи для дѣтей» (М., 1818 г.) и «Начертаніе всеобщей исторіи» (М., 1822).

С. А. Венгеровъ, «Русскія книги», вып. XIII (Спб., 1897 г.).—Его же, «Словарь».

Басаргинъ, *Григорій Гавриловичъ*, вице-адмиралъ, ум. 6 августа 1853 г. Получилъ образованіе въ морскомъ корпусѣ, и въ 1805 г., въ званіи гардемарина, былъ посланъ въ Средиземное море на кораблѣ Уріилъ, въ эскадрѣ вице-адмирала Сенявина, въ которой и находился два года, участвуя при осадѣ крѣпости Тенедоса и въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Дарданеллахъ и у Аѳонской горы (при остр. Лемносѣ). Возвратился изъ Тріеста въ Петербургъ въ 1810 г., въ чинѣ мичмана. Съ 1813—1814 г. плавалъ у береговъ Англіи, Голландіи и Франціи, и участвовалъ при блокадѣ Флиссингена. Затѣмъ, въ чинѣ лейтенанта, былъ переведенъ въ каспійскую флотилію, и по 1822 г. ежегодно командовалъ транспортными судами въ Каспійскомъ морѣ. Съ 1823 по 1826 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта и въ качествѣ начальника экспедиціи, производилъ гидрографическія работы въ сѣверо-западной части Каспійскаго моря, съ описью рейдовъ: бакинскаго, сальянскаго, саранскаго, ленкоранскаго и апшеронскаго; также произвелъ опись Балаханскаго залива и рѣки Актамъ, впадающей въ этотъ заливъ. За эти гидрографическія работы онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. Эти работы дали матеріалъ для составленія морскихъ картъ «отъ Ленкорани до устья рѣки Куры» и «атласа Волжскихъ устьевъ и части западнаго берега Каспійскаго моря», изданныхъ въ 1831 г. гидрографическимъ департаментомъ морскаго министерства. За отличіе-же, оказанное при блокадѣ береговъ у Астрабадскаго залива, Басаргинъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степ. Пробывъ на Каспійскомъ морѣ 20 лѣтъ, Басаргинъ, въ чинѣ капитана 1 ранга, былъ переведенъ, въ 1837 г., въ балтійскій флотъ и командовалъ кораблемъ Эмгейтенъ въ Балтійскомъ морѣ. Съ 1842 г. чисто-морская дѣятельность Басаргина кончилась, и онъ былъ призванъ на административное поприще, назначенный командиромъ астраханскаго порта. Произведенный въ 1844 г. въ контръ-адмиралы, онъ по самый день своей кончины состоялъ главнымъ командиромъ порта и астраханскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1852 г. былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Имѣлъ ордена: св. Георгія 4 класса за 18 морскихъ кампаній, полученный еще въ чинѣ лейтенанта, св. Станислава 1 степ. и св. Анны 1 степ.

Общій Морской списокъ, Т. VI.—Морской Сборникъ 1853 г. № 12.

Басаргинъ, *Николай Васильевичъ*, род. ок. 1800 г., ум. въ 1861 г. Сынъ небогатого помѣщика московской губ., Басаргинъ провелъ дѣтство и юность до 17-ти лѣтъ въ деревнѣ у отца, человѣка пожилого, добраго, но считавшаго образованіе скорѣе роскошью, чѣмъ необходимостью. Пока еще жива была мать Николая Васильевича, Екатерина Карловна (рожденная Бланкъ, д. извѣстнаго архитектора Карла Ив. Бланкъ), юноша запасся кое какими, весьма впрочемъ скромными познаніями по части русскаго и французскаго языка, исторіи, географіи и ариѳметики, но по смерти матери (въ 1814 г.), какъ признается самъ Н. В. Басаргинъ—онъ «три лучшіе года юности билъ баклуши».

Принужденный самъ озаботиться, чтобы проложить себѣ путь въ жизни, онъ въ 1817 г. выпросилъ весьма скромную сумму денегъ у отца, отправился въ Москву и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ. Но, при первомъ же посѣщеніи аудиторіи, онъ такъ былъ возмущенъ «неприличнымъ поведеніемъ и дерзостью» нѣкоторыхъ слушателей, что сталъ подумывать о возвращеніи въ Богородскую деревню. Случайная встрѣча съ знакомымъ офицеромъ по квартирмейстерской части натолкнула Басаргина на новый планъ поступить въ Муравьевское училище для колоновожатыхъ. По испытанію, Басаргинъ попалъ въ IV классъ, гдѣ по лѣтамъ оказался старше всѣхъ совоспитанниковъ; благодаря настойчивости и упорному прилежанію, онъ скоро нагналъ сверстниковъ и въ половинѣ января 1819 г. былъ уже допущенъ къ офицерскому экзамену. Произведенный 10 марта 1819 г. прапорщикомъ въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части, Басаргинъ былъ на годъ оставленъ при корпусѣ преподавателемъ въ наиболѣе многолюдномъ 2-мъ отдѣленіи III класса, а весною 1820 г. былъ командированъ въ Тульчинъ въ штабъ 2-й арміи.

Вращаясь здѣсь въ кругу молодежи, принадлежавшей къ составу главной квартиры арміи, Басаргинъ былъ принятъ Бурцевымъ въ «Союзъ благоденствія». Въ 1820 г. большинство членовъ его еще безъ всякаго злого умысла собирались вмѣстѣ, разсуждали—правда, очень свободно—спорили, обмѣнивались задушевными помыслами и желаніями, но тайная цѣль союза пока оставалась извѣстною лишь немногимъ. Поѣздка въ Крымъ для поправленія здоровья, увеличеніе занятій по службѣ и недовѣріе къ Пестелю, одѣленному способностью привязывать къ себѣ людей, отшатнули отъ «Союза» Басаргина — такъ же, какъ Ивашева, Вольфа и др., и они съ половины 1821 по 1825 г. не принимали даже участія въ засѣданіяхъ общества. «Скажу болѣе, пишетъ Басаргинъ въ своей автобіографіи, самыя мысли мои относительно сокровенной цѣли «Союза Благоденствія».... измѣнились. Не переставая смотрѣть тѣми-же глазами на все, что было худо, негодовать на злоупотребленія, я нерѣдко спрашивалъ себя, будетъ ли лучше, если общество достигнетъ своей цѣли?... Я сознавался внутренно, что гораздо бы лучше было, если бы само правительство взяло иниціативу и шло впередъ, не задерживая, а поощряя успѣхи просвѣщенія и гражданственности». — Назначенный адъютантомъ къ Киселеву, бывшему тогда начальникомъ штаба II арміи, Басаргинъ былъ посланъ для заготовленія въ Бессарабіи почлеговъ Государю, возвращавшемуся чрезъ Австрію съ Веронскаго конгресса; послѣ Высочайшаго смотра около Тульчина Государь пригласилъ Киселева сопровождать его въ поселенныя войска украинскаго поселенія, а Киселевъ взялъ съ собою Басаргина, и, по просьбѣ ген. Дибича прикомандировалъ его на время смотра военныхъ поселеній къ этому генералу. Вернувшись изъ Вознесенска въ Тульчинъ, Басаргинъ уѣхалъ въ отпускъ въ Москву и Петербургъ, былъ зачисленъ въ лейбъ-гв. егерскій полкъ поручикомъ, а вскорѣ женился на княжнѣ Мещерской. Лѣтомъ 1824 г., Басаргинъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ главный штабъ 2-й арміи. На этой должности занятія его оказались опредѣленнѣе, и онъ могъ съ бо́льшимъ удобствомъ располагать своими досугами, которые посвящалъ горячо-любимой женѣ. Но въ августѣ 1825 г. жена его умерла; это такъ потрясло Басаргина, что у него отнялись ноги, и въ октябрѣ онъ, взявъ отпускъ, уѣхалъ во Владиміръ къ брату.

Возвращаясь въ декабрѣ 1825 г. въ Тульчинъ, онъ въ Могилевѣ узналъ о возмущеніи 14 декабря, а близъ Житоміра повстрѣчалъ капитана Майбороду — нѣкогда имъ же отрекомендованнаго Пестелю, въ качествѣ хорошаго фронтовика—которого фельдъегерь везъ въ Петербургъ, вслѣдствіе доноса, имъ поданнаго. Въ Тульчинѣ Басаргинъ узналъ, что и его имя значится въ доносѣ Майбороды; Киселевъ съ женою принялъ Басаргина ласково: Киселева уговаривала его во всемъ чистосердечно принести повинную, а самъ Киселевъ увѣрилъ его въ своемъ уваженіи, что-бы ни случилось. Также любезно былъ принятъ Басаргинъ дежурнымъ генераломъ, и такъ какъ изъ Петербурга никакихъ распоряженій не приходило, то онъ былъ допущенъ къ отправленію служебныхъ обязанностей. Найдя среди казенныхъ бумагъ никому не нужный паспортъ умершаго иностранца, Басаргинъ легко могъ уѣхать съ нимъ за границу, удаленную отъ Тульчина всего на 250 верстъ, но онъ не хотѣлъ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы товарищей и навлечь подозрѣніе на начальство,

всегда къ нему благоволившее. И впослѣдствіи, въ Петропавловской крѣпости, на предложеніе караульнаго унтеръ-офицера устроить побѣгъ, столковавшись съ какимъ нибудь изъ иностранныхъ судовъ, проходившихъ чрезъ кронштадтскую брандвахту до свѣту, Басаргинъ, какъ и Н. М. Муравьевъ, отвѣчалъ отказомъ. 8 января 1826 г. было наконецъ получено предписаніе военнаго министра арестовать Басаргина со многими другими и доставить въ Петербургъ. Допросы въ слѣдственной коммиссіи затянулись почти на полгода, которые Басаргину въ Петропавловской крѣпости дались очень тяжело тѣмъ болѣе, что непосредственнаго участія въ серьезныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ онъ и не принималъ вовсе. «Сознаюсь откровенно, пишетъ онъ, что въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль моего заключенія я такъ ослабъ нравственно, такъ упалъ духомъ, что до сихъ поръ благодарю Бога, что меня въ это время не звали въ комитетъ.... я легко бы сдѣлалъ такія показанія, которыя бы тревожили и теперь мою совѣсть. Эти двѣ недѣли мнѣ все представлялось, что я помѣшался или по крайней мѣрѣ долженъ скоро сойти съ ума». 12 іюля 1826 г. собранъ былъ весь второй разрядъ преступниковъ, къ которому былъ причисленъ и Басаргинъ, и въ торжественномъ засѣданіи верховнаго суда имъ былъ объявленъ приговоръ къ 20-ти лѣтней каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ. Послѣ Крещенія 1827 г. арестантовъ партіями начали разсылать къ мѣстамъ назначенія. Басаргинъ боялся, какъ бы не попасть по разстроенному здоровью куда нибудь въ крѣпость, но опасенія его не оправдались: вмѣстѣ съ фонъ-Визинымъ, Вольфомъ и Фроловымъ онъ чрезъ Тихвинъ, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и Екатеринбургъ привезенъ былъ въ Тобольскъ. Отсюда путь ссыльныхъ лежалъ на Томскъ, Красноярскъ и Иркутскъ въ Читу. Здоровье Басаргина, сильно пострадавшее отъ сырыхъ казематовъ Петропавловской крѣпости, въ дорогѣ стало замѣтно поправляться—движеніе и воздухъ столь благотворно подѣйствовали на него, харкавшаго кровью и плохо владѣвшаго ногами, что въ Тобольскѣ онъ совсѣмъ окрѣпъ и выздоровѣлъ. Вообще, чѣмъ дальше подвигались подневольные путешественники по Сибири, тѣмъ болѣе она выигрывала въ ихъ глазахъ. Мѣстность Читы и ея климатъ Басаргину показались безподобными, а растительность необычайною. Лѣтомъ 1830 г. декабристы были переведены на Петровскій чугунный заводъ въ 600 верстахъ отъ Читы; здѣсь Басаргинъ провелъ шесть лѣтъ.

Въ силу двухъ Высочайшихъ манифестовъ срокъ каторжныхъ работъ для декабристовъ былъ сокращенъ, и въ іюлѣ 1836 г. Басаргинъ покинулъ Петровскій острогъ, незадолго предъ тѣмъ перенеся воспаленіе въ мозгу. Необезпеченный въ средствахъ къ существованію, Басаргинъ, покидая Петровскій заводъ, не безъ страха взиралъ на будущее; обладая сильною волею, онъ на каторгѣ еще испытывалъ, можетъ ли онъ перенести самый строгій образъ жизни и самоограниченіе въ удовлетвореніи потребностей, и въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ питался однимъ черным хлѣбомъ, молокомъ и яйцами, отказавшись отъ чая, говядины, рыбы, куренія табаку и т. д. Впрочемъ этотъ искусъ оказался совершенно излишнимъ: братъ Басаргина, по выходѣ его съ каторги, обязался присылать по 400 р. ас., а одинъ изъ его родственниковъ, Барышниковъ, единовременно доставилъ ссыльному 4000 р. и ежегодно высылалъ по 1000 р., такъ что къ времени перехода на положеніе поселенца Басаргинъ могъ устроить свой образъ жизни, согласно своимъ желаніямъ и привычкамъ.

Подводя итогъ подъ этимъ періодомъ своего существованія Басаргинъ говоритъ: «Десятилѣтняя тюремная жизнь моя окончилась... Въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ (мнѣ было уже 36 лѣтъ) я много пріобрѣлъ въ разныхъ отношеніяхъ, могъ обсудить и провѣрить мои убѣжденія и окончательно утвердиться въ нихъ... Много прочелъ съ пользою и многому научился... Въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ нашихъ съ людьми мы могли обманываться, заблуждаться, принимать позолоту за чистый металъ, но все это не могло поколебать твердости нашихъ правилъ и убѣжденій... Стихія нравственная была болѣе или менѣе обезпечена отъ всякаго внѣшняго и новаго вліянія». За пріобрѣтеніе этой духовной мощи Басаргинъ благодаренъ правительству: «Размѣсти оно насъ по разнымъ заводамъ, лиши возможности поддерживать другъ друга, смѣшай съ простыми ссыльно-рабочими, подчини мѣстному начальству и общимъ заводскимъ правиламъ, легко могло бы случиться, что большая часть изъ насъ, будучи нравственно убиты своимъ положеніемъ, безъ всякихъ

матеріальныхъ средствъ, не имѣя сношенія съ родными и находясь еще въ такихъ лѣтахъ, когда не совсѣмъ образовался характеръ, когда нравственное основаніе не такъ прочно, потеряли бы сознаніе своего достоинства, не устояли бы въ своихъ правилахъ и погибли бы безвозвратно».

Водворенный затѣмъ на поселеніе въ Западной Сибири, Басаргинъ поселился въ Туринскѣ, съ Ивашевыми, Пущинымъ, Оболенскимъ и Анненковымъ. По смерти Ивашевыхъ, когда Анненковъ былъ переведенъ въ Тобольскъ, и Басаргинъ съ Пущинымъ въ 1841 г. покинули Туринскъ. Басаргинъ былъ переведенъ въ Киренскъ (гдѣ провелъ пять лѣтъ). Получивъ разрѣшеніе вступить въ гражданскую службу, Басаргинъ 1846—1848 г.г. провелъ въ Омскѣ, а затѣмъ, по собственной просьбѣ, окончательно перемѣщенъ въ Ялуторовскъ, гдѣ оставался вплоть до выѣзда въ Россію. О положеніи своемъ въ это время Басаргинъ говоритъ слѣдующее: «Можно положительно сказать, что наше долговременное пребываніе въ разныхъ мѣстахъ Сибири доставило въ отношеніи нравственнаго образованія сибирскихъ жителей нѣкоторую пользу и ввело въ общественныя отношенія нѣсколько новыхъ и полезныхъ идей»... «Я увѣренъ, что добрая молва о насъ сохранится надолго по всей Сибири и многіе скажутъ сердечное спасибо за ту пользу, которую пребываніе наше имъ доставило. Неудивительно послѣ этого, что всѣ искали нашего знакомства».

По воцареніи императора Александра II Басаргинъ получилъ окончательное помилованіе и, возвратившись въ Россію, поселился въ Богородскомъ родовомъ имѣньицѣ.—Дружно перенесенныя житейскія невзгоды воспитали въ декабристахъ истинно христіанскія вѣрованія и благородные нравственные идеалы. Вѣрный имъ, Басаргинъ въ самой старости, хотя и сознавалъ себя отставшимъ «отъ новаго во всемъ, что входитъ въ кругъ современнаго образованія», тѣмъ не менѣе питалъ горячее сочувствіе къ «успѣхамъ не мнимаго, а настоящаго просвѣщенія, основаннаго на справедливости». Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ онъ руководствовался тѣмъ принципомъ, что въ человѣческой природѣ не можетъ быть исключительнаго преобладанія зла надъ добромъ; поэтому на дурные поступки людей онъ взиралъ какъ на нравственныя болѣзни и вѣрилъ тому, что съ успѣхами просвѣщенія и гражданственности даже закоснѣлымъ преступникамъ, какъ людямъ нравственно больнымъ, перестанутъ преграждать пути къ выздоровленію, а изъ уголовныхъ законодательствъ постепенно исчезнетъ и средневѣковое правило возмездія.

Н. В. Басаргинъ, «Воспоминанія объ учебномъ заведеніи для колоновожатыхъ и объ учредителѣ его генералъ-маіорѣ Н. Н. Муравьевѣ», (въ «Русскомъ Архивѣ», 1868 г., кн. 4 и 5).—Н. В. Басаргинъ, «Автобіографическія Записки», (въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» Бартенева, кн. 1).—Словари: Венгерова, Брокгауза-Эфрона, Геннади.

Басенокъ, *Ѳедоръ Васильевичъ*, московскій воевода XV в., особенно извѣстный своею непоколебимою вѣрностію Василію Васильевичу Темному. Въ 1446 г., когда всѣ люди московскіе стали присягать Шемякѣ, одинъ только Басенокъ отказался отъ этой присяги, заявивъ, что не будетъ служить хищнику и вору. Шемяка приказалъ заковать его въ цѣпи; но Басенокъ сошелся съ своимъ приставомъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Коломну; здѣсь онъ нѣкоторое время скрывался у своихъ пріятелей, а потомъ, склонивъ на свою сторону многихъ служилыхъ людей, ушелъ съ ними въ Литву къ Василію Ярославичу, князю Боровскому, который ему и князю Семену Оболенскому отдалъ г. Брянскъ и нѣсколько другихъ мѣстечекъ. Здѣсь вмѣстѣ съ Васильемъ Ярославичемъ, княземъ Оболенскимъ и др. Басенокъ сталъ готовиться къ выступленію на защиту великаго князя и въ слѣдующемъ (1447) году появился съ значительными ратными силами въ предѣлахъ Московской Руси. Подъ Волоколамскомъ онъ соединился съ Василіемъ Васильевичемъ и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ Москву, затѣмъ въ 1449 г. онъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Оболенскимъ-Стригою отразилъ внезапный приступъ Шемяки на Кострому; въ 1450 г. онъ участвовалъ въ битвѣ подъ Галичемъ, гдѣ Шемяка былъ разбитъ на голову; наконецъ въ 1452 г. Басенокъ былъ вторымъ воеводою при взятіи Устюга, занятаго предъ тѣмъ Шемякою, и оттуда ходилъ къ Вологдѣ. Въ 1455 г., когда царевичъ Салтанъ съ татарами, прорвавшись за Оку, ограбилъ владѣнія великаго князя и съ большимъ полономъ пошелъ обратно, посланный въ погоню Басенокъ настигъ татаръ близъ Коломны, разбилъ ихъ и отнялъ полонъ. Въ 1456 г. Василій Васильевичъ пошелъ войною на новгородцевъ. Посланные имъ впередъ Басенокъ и князь Оболенскій-Стрига

быстро заняли неожидавшую нападенія Старую Русу, взяли тамъ множество плѣнныхъ и богатую добычу и съ ними отправили обратно значительную часть своего отряда, сами же съ 200 боярскихъ дѣтей и ратниковъ шли позади. На пути неожиданно на нихъ напалъ пятитысячный отрядъ новгородцевъ, предводимый княземъ Шуйскимъ-Суздальскимъ, но московскіе воеводы одержали полную побѣду и даже захватили въ плѣнъ новгородскаго посадника Михаила Тучу. Взятіе Старой Русы и эта побѣда привели къ весьма выгодному для Москвы Яжелобицкому договору съ Новгородомъ.— На близость Басенка къ Василію II указываетъ и подпись его, какъ свидѣтеля, подъ духовной грамотою великаго князя. По этой же духовной Басенокъ получилъ въ пожизненное владѣніе два села: Окуловское и Рѣпинское. Дальнѣйшихъ упоминаній о Басенкѣ не встрѣчается. Сынъ его *Никифоръ Θедоровичъ*, окольничій временъ Іоанна III (ум. въ 1503 г.), въ 1474 г. ѣздилъ въ послахъ къ хану Ахмату, которому такъ понравился своею щедростью въ раздачѣ подарковъ, что въ 1480 г. ханъ просилъ Іоанна Васильевича прислать его же, но просьба эта не была исполнена.—У Никифора Басенка былъ сынъ, называвшійся *Брехомъ* и имѣвшій помѣстье въ московскомъ уѣздѣ.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей (по указателю). — Карамзинъ. — Соловьевъ. — Словари: Плюшара, Толля, Березина, Старчевскаго, Клюшникова, Брокгауза и Ефрона. — А. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г.».

Басинъ, *Петръ Васильевичъ*, художникъ, профессоръ религіозной, историческої и портретной живописи, сынъ чиновника, род. 25 іюня 1793 г., ум. 4 іюля 1877 г. Первоначально Басинъ служилъ въ экспедиціи государственныхъ доходовъ, а въ 1813 г. поступилъ въ Академію художествъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ проф. Шебуева. Въ 1818 г. за картину на сюжетъ, имъ самимъ избранный: «Христосъ изгоняетъ торгующихъ изъ храма» назначенъ пенсіонеромъ въ Римъ съ содержаніемъ изъ суммъ Кабинета Его Величества. Отправившись въ Римъ въ 1819 г., Басинъ пробылъ тамъ 11 лѣтъ, копируя, главнымъ образомъ, картины Рафаэля и Доминикино. Въ 1830 г., по желанію Императора Николая I, онъ былъ вызванъ въ Россію для работъ въ строившемся въ то время Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ и находятся главныя его произведенія. По возвращеніи въ Россію, за картину «Сократъ, спасающій въ сраженіи при Потидеѣ Алкивіада», Басинъ былъ назначенъ академикомъ, а въ 1836 г. получилъ званіе профессора второй степени, уже безъ программнаго испытанія, какъ художникъ, пріобрѣтшій общую извѣстность. Въ 1846 г. получилъ званіе профессора первой степени, а въ 1856 г.—заслуженнаго; въ 1859 г., по случаю новаго устава Академіи Художествъ, Басину было поручено преподавать въ натурномъ классѣ. Въ 1869 г., по слабости зрѣнія, Басинъ оставилъ службу. Какъ талантливый художникъ, Басинъ проявилъ себя уже во время пребыванія въ Римѣ. Изъ его работъ этого періода надо отмѣтить во-первыхъ копіи, повліявшія въ извѣстной степени на его собственный стиль. Изъ произведеній Рафаэля имъ были скопированы нѣсколько фресокъ, находящихся въ Ватиканѣ, а именно: «Освобожденіе ап. Петра изъ темницы», «Больсенское чудо» и (позднѣе) «Аполлонъ и муза», а также изображеніе Сивиллъ въ церкви S-ta Maria della Pace, изображеніе, которое по степени совершенства ставится обыкновенно наряду съ извѣстными Сивиллами Микель-Анжело въ Сикстинской капеллѣ, но отличается отъ этихъ послѣднихъ болѣе мягкимъ, граціознымъ стилемъ. Изъ картинъ Доменикино имъ было скопировано «Пріобщеніе св. Іеронима» и нѣкоторыя изъ фресокъ въ церкви въ Grotta-ferrata, близъ Рима, относящихся къ жизни св. Нила. Копіи съ Ватиканскихъ фресокъ и «Пріобщеніе св. Іеронима» находятся въ настоящее время въ Академіи художествъ. Всѣ эти работы способствовали усвоенію Басинымъ стиля римской художественной школы, главн. обр., того періода, когда она начала уже превращаться въ ложно-классическій («академическій стиль»).—Этому способствовали также и работы Басина надъ копировкой античныхъ статуй въ Ватиканѣ и въ музеѣ Неаполя, который онъ посѣтилъ въ 1822 г. Ко времени пребыванія въ Италіи относятся и первыя самостоятельныя работы Басина. Сюжеты нѣкоторыхъ изъ нихъ—миѳологическіе, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія той школы, которую прошелъ въ это время художникъ; таковы его «Фавнъ и Нимфа» и «Марсій, обучающій игрѣ на флейтѣ молодого Олимпа».—Сюжеты другихъ навѣяны уже итальянскою современною жизнью, какъ напр.: «Фраскатанскія прач-

ки», «Землетрясеніе въ Рокка-ди-Папа въ 1829 г.», «Разбойникъ, похищающій дѣвушку отъ ея матери». Встрѣчаются и портреты (3 порт. —семейства полковника Лорера и портретъ Щедрина).

Въ Россіи Басинъ работалъ, главнымъ образомъ, въ церквахъ, дворцахъ и общественныхъ зданіяхъ. Изъ живописи въ Исаакіевскомъ соборѣ, ему принадлежатъ: «Нагорная проповѣдь», 2 плафона въ куполахъ боковыхъ предѣловъ: «Господь Саваоѳъ, несомый ангелами» и «Взятіе Богородицы на небо»; 4 пондатива въ одномъ изъ предѣловъ: ап. Іаковъ, братъ Господень, св. Іосифъ Аримаѳейскій, св. Никодимъ и св. Іосифъ обручникъ; полукруглыя картины въ сводахъ: Усѣкновеніе главы св. Екатерины, Убіеніе св. царевича Дмитрія, св. Георгій Побѣдоносецъ передъ Діоклетіаномъ, св. муч. Варвара; нѣсколько картинъ изъ жизни св. Александра Невскаго. Имъ же была закончена часть работъ Брюллова въ главномъ куполѣ собора. Въ Академіи художествъ (не считая картинъ въ музеѣ): 1) въ церкви —«Сошествіе св. Духа» (запрестольный образъ, лучшее произведеніе художника, занимающеее одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской живописи) и нѣсколько образовъ въ иконостасѣ; 2) въ библіотекѣ—плафонъ (работы 1832 и 1836 гг.). Въ Казанскомъ соборѣ—Введеніе во храмъ (1837—39 г.г.). Въ Зимнемъ дворцѣ: Воскресеніе Христово (въ церкви), портреты Кутузова и Дибича (въ Фельдмаршальской залѣ) и миѳологическія фигуры (въ Помпейской залѣ). Кромѣ того работы Басина находятся въ соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Петергофѣ, въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ, а отдѣльныя картины въ галлереяхъ: Академіи художествъ, Михайловскаго дворца (Музей имп. Александра III), московскаго публичнаго музея, а, изъ частныхъ галлерей—у Гагарина, Прянишникова и др. Въ позднѣйшіе годы своей дѣятельности Басинъ работалъ въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, гдѣ его работы доканчивалъ проф. Копелевъ. Изъ отдѣльныхъ картинъ Басина слѣдуетъ отмѣтить: «Бандитъ съ женою», «Этюдъ бѣгущей лошади», «Молнія», «Академическій чердакъ съ прачками, развѣшивающими на немъ бѣлье» и ландшафты (сравнительно мало): «Вечерній видъ въ пустынной мѣстности» и «Итальянскій ландшафтъ». Изъ портретовъ работы Басина извѣстны: Императрицы Елизаветы Алексѣевны, пѣвицы Степановой въ роли Семирамиды и многихъ другихъ его извѣстныхъ современниковъ.

Помимо художественныхъ произведеній Басина, заслуживаетъ вниманія и его профессорская дѣятельность. Онъ былъ нѣсколько разъ приглашаемъ въ качествѣ эксперта при покупкѣ художественныхъ произведеній, какъ напр., при покупкѣ коллекціи кн. Трубецкой для Эрмитажа и коллекціи скульптурныхъ произведеній ректора Академіи Демутъ-Малиновскаго послѣ его смерти для Академіи. Басинъ участвовалъ также въ покупкѣ для Эрмитажа въ 1850 г. произведеній изъ частной коллекціи нидерландскаго короля Вильгельма II, распродававшейся послѣ его смерти. По своимъ взглядамъ на прошлое русскаго искусства онъ являлся горячимъ сторонникомъ сохраненія памятниковъ русскаго зодчества, и ему между прочимъ обязаны своимъ сохраненіемъ 12 отдѣльныхъ крышъ на одномъ общемъ зданіи 12 петровскихъ коллегій (нынѣшнее зданіе университета), соотвѣтственно ихъ числу, которымъ грозила замѣна одною желѣзною крышею. Въ художественно-педагогической литературѣ Басинъ извѣстенъ переводомъ съ итальянскаго краткаго курса анатоміи проф. дель-Медико. Имя его зачастую встрѣчается наряду съ первоклассными русскими художниками первой половины нынѣшняго столѣтія: Бруни, Брюлловымъ, Тономъ, Уткинымъ и др. Въ 1838 г. гр. Анатолій Демидовъ выразилъ согласіе на продолженіе назначеннаго имъ художественнаго конкурса на тему: «изображеніе Петра Великаго въ моментъ когда онъ соображалъ одну изъ тѣхъ исполинскихъ и глубокихъ своихъ идей, которыми онъ возвелъ наше прекрасное отчечество на высшую степень славнаго его могущества». При этомъ Демидовъ указывалъ, что въ конкурсѣ могутъ принять участіе художники, не заявившіе до сихъ поръ о своемъ желаніи участвовать, и сожалѣлъ, что въ числѣ конкурентовъ онъ не встрѣчаетъ именъ К. Брюллова, Бруни и Басина.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худ.» и «Указатель» къ нему, состав. А. Е. Юндоловымъ.—«Біографическія свѣдѣнія о членахъ Академіи и вообще художникахъ, умершихъ въ 1875—78 г.г.» Спб. 1879 г.—Сомовъ, «Каталогъ галлереи Имп. Акад. Худ.».—Baedeker, «Italie Centrale».

М. П.

Басинъ, *Яковъ*, писатель, род. въ 1754 г., ум. въ 1804 г. въ Москвѣ, въ чинѣ отставнаго корнета; служилъ при московскомъ военномъ губернаторѣ гр. Салтыковѣ. Въ

некрологѣ его сказано, между прочимъ, что онъ «замѣчателенъ по странному характеру и образу жизни». Басинъ былъ и издателемъ и авторомъ; имъ составлены слѣдующія два сочиненія: 1) «Полевая фортификація», (М., 1798 г.) и 2) «Способъ, какъ въ три часа неумѣющій можетъ быть живописцемъ» (М., 1798 г.; 2-е изд. 1802 г. и 3-е изд. 1829 г.).

Словари: Снегирева, Геннади и Венгерова.— Некрологъ въ «Московскомъ Курьерѣ», 1805 г., ч. I, № 9.

Басистовъ, *Павелъ Ефимовичъ*, педагогъ, писатель, род. въ 1823 г., ум. 10 іюня 1882 г., въ Москвѣ. Сынъ мѣщанина, онъ воспитывался на философскомъ факультетѣ московскаго университета, который окончилъ въ 1843 г. съ золотою медалью за сочиненіе: «Объ историческомъ развитіи риторики у древнихъ народовъ, примѣнительно къ нынѣшнему ея состоянію». Педагогическую дѣятельность началъ сразу по окончаніи университета, поѣхавъ преподавателемъ русскаго языка въ тверскую гимназію; оттуда онъ былъ переведенъ въ Москву и здѣсь преподавалъ русскій яз. и русскую словесность въ первой классической гимназіи, Александровскомъ и Николаевскомъ институтахъ, второмъ кадетскомъ корпусѣ, мѣщанскомъ и театральномъ училищахъ. Въ 1857 г. онъ былъ отставленъ по распоряженію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцева, который причиною этой отставки выставлялъ, въ письмѣ къ кн. Е. П. Оболенскому, анонимную статью Басистова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1857, № 171). Въ ней Басистовъ говорилъ о неподготовленности и даже о непригодности педагоговъ и воспитателей изъ военныхъ. Прослуживъ нѣкоторое время на желѣзной дорогѣ, Басистовъ, по ходатайству графа Строгонова, снова вступилъ на педагогическое поприще и продолжалъ его до 1878 г. Послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ завѣдующимъ московскими думскими школами, членомъ училищнаго отдѣла, городской управы и училищнаго городскаго совѣта и предсѣдателемъ учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. Все написанное Басистовымъ относится преимущественно къ области критики и педагогики. Критическіе опыты его представляютъ мало цѣннаго, за то педагогическіе труды весьма существенны. Вотъ ихъ перечень: 1) «Система синтаксиса (М., 1848 г.; 2 изд. 1878 г.). 2) «Очеркъ жизни и сочиненій В. А. Жуковскаго, «чтеніе для юношества». (М. 1854 г. и 2-е изд. 1883 г.); 3) Рядъ рецензій на книги педагогическаго содержанія въ «Журналѣ для воспитанія» (1857—1860 г.); 4) «Регламентаризмъ и рутина въ дѣлѣ воспитанія» (въ «Воспитаніи», 1860 г., № 10); 5) «Христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка». Курсъ I—для чтенія и разсказа; курсъ II—для разборовъ и письменныхъ упражненій. (Первый курсъ съ 1862 г. выдержалъ до 1887 г.—*семнадцать* изданій, а второй съ 1868 по 1885 г.—*одиннадцать*); 6) «Замѣтка о практическомъ преподаваніи русскаго языка». (М. 1868 г.; 2-е изд. 1878 г.); 7) «Несторова лѣтопись». Съ примѣчаніями и словаремъ (М., 1869 г.; 2-е изд. 1874 г.;—въ послѣднее изданіе вошло и поученіе Владиміра Мономаха); 8) Разборъ книги Гаврилова «Темы для сочиненій» (въ «Учебно-воспитательной библіотекѣ», М., 1878 г., т. II). Кромѣ того Басистовъ писалъ разнаго рода публицистическія статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» второй половины 1850-хъ годовъ, извѣстно одно его стихотвореніе (въ «Пантеонѣ», 1851 г., кн. 1: «Давно ужъ мнѣ казались дики»..) и переводъ «Ифигеніи въ Тавридѣ» Еврипида.—Какъ педагогъ, Басистовъ принадлежитъ къ представителямъ направленія, возникшаго въ нашемъ воспитательномъ дѣлѣ подъ вліяніемъ освободительныхъ идей конца 1850-хъ и начала 1860-хъ г.г., и имя его можетъ быть поставлено на ряду съ именами Ушинскаго, Водовозова и Резенера. Изъ всѣхъ его педагогическихъ сочиненій наибольшее значеніе имѣла и имѣетъ «Христоматія». Въ ней онъ первый провелъ принципъ, ставшій потомъ всеобщимъ — черпать матеріалъ для чтенія дѣтей изъ классическихъ русскихъ авторовъ, изъ русской жизни и русскаго быта. Онъ былъ поборникомъ русскихъ началъ не только въ школѣ, но и вообще въ жизни и литературѣ, боролся совсѣмъ неискреннимъ, напыщеннымъ, всячески избѣгалъ прописной морали и имѣлъ сильное нравственное вліяніе на своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ, какъ видно изъ воспоминаній послѣднихъ, рисующихъ его человѣкомъ широко-образованнымъ, передовымъ въ лучшемъ смыслѣ слова, сердечнымъ и высокочестнымъ.

Некрологи въ газетахъ и журналахъ за 1882 г.: «Современныя извѣстія», № 161; «Московскія Вѣдомости», № 162; «Русскія Вѣдомости», № 161 и 300; «Свѣтъ», № 132; «Другъ Женщинъ», № 5 (ст. М. Скавронской); «Одесскій Вѣстникъ», № 136 (ст. Ю. Трачевской); «Записки Учителя», № 9 (ст. Ф. П.), и «Газета Гатцука», № 21.—Д. Д. Языковъ, «Писатели, умершіе въ 1882 г.» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1885 г., № 11).—«Историческая записка пятидесятилѣтія московской второй гимназіи» (М. 1885 г., стр. 255 и 289—290).—«Колоколъ» (1858 г., № 6).—С. А. Венгеровъ, «Русскія Книги», вып. XIII (Спб., 1897 г.).—Словари: Толля (Дополненіе), Березина, Клюшникова, Венгерова и Брокгауза и Ефрона.

В. Р—въ.

Баскаковъ, *Алексѣй Петровичъ*, административный дѣятель первой половины XVIII в., род. ранѣе 1686 г. (по родословной росписи, поданной въ разрядъ 4 іюня 1686 г. и хранящейся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, онъ значится старшимъ изъ трехъ сыновей стольника Петра Ермолаевича Баскакова); годъ смерти неизвѣстенъ. Баскаковъ служилъ въ л.-гв. семеновскомъ полку и, будучи въ чинѣ гвардіи капитана, былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ въ Св. Синодъ, 11 мая 1725 г. До этого времени Баскакову только разъ пришлось исполнить порученіе по духовному вѣдомству: 29 мая 1724 г. ему былъ данъ Высочайшій указъ о распредѣленіи монастырскихъ доходовъ на разнаго рода предметы и, между прочимъ, на устройство школъ и богадѣленъ. Преслѣдуя казенные интересы, онъ сильно сократилъ суммы, бывшія въ распоряженіи монастырей, а составленныя имъ правила относительно содержанія Чудова монастыря вызвали даже протестъ со стороны архимандрита и вслѣдствіе этого не были утверждены Синодомъ. Какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, Баскаковъ, подобно своему предшественнику Болтину, фактически пользовался малымъ значеніемъ. Коллегіальное синодское управленіе постоянно оставляло безъ послѣдствій его протесты и не исполняло его предложеній. Исключенія составляли только предложенія и порученія, которыя онъ передавалъ Синоду отъ Императорскаго кабинета и потомъ Верховнаго тайнаго совѣта, или отъ вліятельныхъ вельможъ-временщиковъ; но случаи такого посредничества были сравнительно рѣдки. И подчиненныя Синоду учрежденія, а также священники и архимандриты нерѣдко отказывались исполнять требованія Баскакова. Мало того, онъ находился и въ матеріальной зависимости отъ Синода, который опредѣлялъ размѣръ его жалованья (около 1000 р.) и сроки уплаты. Указомъ 14 іюля 1726 г. вмѣсто оберъ-прокурора назначался прокуроръ, а Баскаковъ переводился старшимъ членомъ во второй департаментъ Синода. Но Синодъ, усмотрѣвъ въ этомъ указѣ умаленіе собственнаго значенія, продолжалъ именовать Баскакова оберъ-прокуроромъ вплоть до 1730 г., когда онъ «за оплошку по должности прокурорской» (т. е. за допущеніе синодскаго постановленія объ излишнемъ сборѣ съ вѣнечныхъ памятей) былъ оштрафованъ на четверть своего годового жалованья и отставленъ отъ Синода. Послѣ этого Баскаковъ служилъ въ камеръ-коллегіи и ревизіонъ-коллегіи. Въ тоже время онъ участвовалъ въ производствѣ дѣла кн. Кантеміровъ и, вмѣстѣ съ многими другими, былъ признанъ виновнымъ въ злоупотребленіяхъ по нему. Въ 1740 г. онъ ѣздилъ по порученію правительства въ Украйну, гдѣ, между прочимъ, принималъ предохранительныя мѣры отъ заразы. Въ 1741 г. былъ президентомъ ревизіонъ-коллегіи, а съ 10 іюля того же года до 15 октября 1742 г. управлялъ смоленской губерніей. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Баскаковѣ не имѣется.

П. Барановъ, «Архивъ Правительствующаго Сената», 3 т. (Спб., 1872—1878 г.).—«Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. Синода», т. IV—VIII.—Благовидовъ, «Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX в.» (Казань, 1898 г.).

В. Рудаковъ.

Баскаковъ, *Василій Григорьевичъ*, депутатъ Екатерининской комисіи по составленію новаго уложенія, ст. сов., род. 18 декабря 1728 г., ум. 17 ноября 1772 г. Былъ сначала членомъ, затѣмъ вице-президентомъ «Канцеляріи опекунства иностранныхъ», учрежденной 22 іюля 1763 г. для устройства иностранныхъ колонистовъ. Въ 1766 г. президентъ этой канцеляріи гр. Григ. Григ. Орловъ передалъ ему для прочтенія и оцѣнки рукопись только что законченнаго Екатериной «Наказа». Въ письмѣ на имя гр. Орлова, Баскаковъ, не сочувствуя нѣкоторымъ либеральнымъ мнѣніямъ императрицы, изложилъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній на ея трудъ. Прочитавъ это письмо, Екатерина со многимъ не согласилась, но нашла нѣкоторыя поправки «безспорно» основательными и написала, между прочимъ, на поляхъ письма: *всѣ его примѣчанія умны.* Въ 1767 г. Баскаковъ былъ выбранъ депутатомъ отъ

своей канцеляріи и отъ дворянства гор. Ярославля (нынѣ заштатный, Костромской губ.), въ уѣздѣ котораго жило много его родственниковъ дворянъ Баскаковыхъ, участвовавшихъ въ выборахъ. На засѣданіяхъ большого собранія коммисіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ. Когда маршалъ коммисіи, Бибиковъ въ іюлѣ 1768 г. предложилъ голосовать проектъ о правахъ дворянства—безъ обсужденія, Баскаковъ первый рѣшительно воспротивился этому, заявивъ, что онъ намѣренъ сдѣлать замѣчанія почти на всѣ статьи проекта, и ему ни да, ни нѣтъ ни на одну изъ нихъ сказать не можетъ. По своему образу мыслей Баскаковъ является типичнымъ представителемъ того большинства въ комисіи, которое колебалось между крайними мнѣніями двухъ виднѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ депутатовъ, кн. Щербатова и Коробьина. Знакомыя, привычныя мысли въ изложенныхъ и сильныхъ рѣчахъ Щербатова казались болѣе убѣдительными,—но, находясь подъ сильнымъ давленіемъ просвѣтительныхъ идей, возвѣщенныхъ верховной властью, большинство не рѣшалось всецѣло стать на его сторону и совершенно отвергнуть не менѣе краснорѣчиваго защитника новыхъ идей, идей императрицы, Коробьина. Обыкновенно говорившій очень много на засѣданіяхъ, Баскаковъ уклонился подъ формальнымъ предлогомъ отъ обсужденія вопроса о «свободныхъ деревняхъ», вопроса, вызвавшаго наиболѣе оживленный споръ между названными представителями крайнихъ мнѣній. Не отвергая проектированной статьи о правѣ благородныхъ давать крѣпостнымъ людямъ свободу, онъ, однако, предлагалъ включить въ эту статью опредѣленіе о правѣ дворянъ на частную продажу крестьянъ. Точно также въ упомянутомъ выше письмѣ къ гр. Орлову, Баскаковъ не находилъ возможнымъ совершенно отмѣнить пытки, какъ предлагала императрица, но соглашаясь до извѣстной степени съ нею, совѣтовалъ отмѣнить ихъ, кромѣ необходимыхъ случаевъ, въ которыхъ причиною истязанія будетъ собственное человѣка упорство». Во время преній въ комисіи, онъ не ставилъ дворянства, какъ нѣкоторые депутаты, несравненно выше другихъ сословій, однако предлагалъ установить для дворянъ «особливые какіе ни есть благопристойные знаки, или отличности въ платьѣ». Замѣчанія его, записанныя въ протоколахъ большого собранія, интересны тѣмъ, что въ нихъ обнаруживается извѣстная его юридическая образованность; онъ подробно разъясняетъ необходимость выдѣлить изъ законодательныхъ проектовъ, выработанныхъ въ частныхъ комисіяхъ, общія положенія права и внести ихъ въ «предувѣдомленія», въ которыхъ точнѣе опредѣлить «основанія или принципіи законоположеній, какъ то что есть право общее, каждому гражданину принадлежащее, также что есть преимущество» и пр. Добиваясь точности и полноты законодательныхъ опредѣленій, предлагаетъ много редакціонныхъ поправокъ. Всѣ свои замѣчанія Баскаковъ излагалъ устно, а не въ запискахъ, какъ большинство депутатовъ; но онъ не отличался особымъ краснорѣчіемъ, и это обстоятельство, а также только что отмѣченное сухое содержаніе большей частей его рѣчей не обезпечили ему большого успѣха въ собраніи; впрочемъ, нѣкоторыя его замѣчанія встрѣчали одобреніе значительнаго числа депутатовъ; при баллотировкахъ въ подкомисіи онъ получилъ одинъ разъ 99 и другой разъ 141 избирательныхъ балловъ. Онъ состоялъ членомъ одной изъ подкомисій, духовно-гражданской, однако вошелъ въ ея составъ (27 мая 1768 г.) не по избранію, а по назначенію маршала.

«Сборникъ Импер Русск. Историч. Общества», т. 4, 32, 36, 43. (Историч. свѣд. о Екатерининской комисіи, ч. I, IV, V), т. 10 (Бумаги Импер. Екатерины; здѣсь письмо Б—ва съ замѣчаніями Екатерины).—Полн. Собр. Зак., № 11879.—Даты съ надгробія на Старомъ Лазаревскомъ кладб. Александро-Невской лавры.

Н. Ч.—С.

Баскаковъ, *Иванъ Абросимовичъ*, адмиралъ, ум. въ 1802 г. Воспитывался въ морскомъ корпусѣ и въ 1758 г. былъ выпущенъ въ мичмана; до штабъ-офицерскаго чина служилъ на судахъ балтійскаго флота, послѣ чего находился въ донской экспедиціи, командуя кораблемъ Новопавловскъ и плавая въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Въ первую турецкую войну, начальствуя отрядомъ изъ двухъ кораблей и 1 бота, принималъ дѣятельное участіе при истребленіи непріятельскихъ судовъ у Керченскаго пролива. Спеціально морская служба Баскакова кончилась въ 1780 г., когда онъ, командуя кораблемъ «Слава Россіи», и слѣдуя въ эскадрѣ контръ-адмирала Борисова изъ Кронштадта въ Средиземное море, потерпѣлъ крушеніе близъ Тулона, у острова Лажа-Лингеръ, окончившееся потерею ко-

рабля. Съ этого времени онъ продолжалъ службу въ береговыхъ должностяхъ, въ казначейской и интендантской экспедиціяхъ и въ званіи капитана надъ архангельскимъ портомъ, имѣя уже чинъ генералъ-маіорскій. Въ вице-адмиралы Баскаковъ произведенъ въ 1792 г., съ назначеніемъ въ должность генералъ-кригсъ-коммисара; въ 1798 г. былъ назначенъ присутствовать въ адмиралтействъ-коллегіи; въ 1799 г. произведенъ въ адмиралы; 14 ноября 1800 г. уволенъ отъ службы.

Общій морской списокъ. Томъ II.—Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства, томъ III.

Басмановъ, *Алексѣй Даниловичъ,* воевода временъ Іоанна IV, казненъ въ концѣ 1570 г. или въ самомъ началѣ 1571 г. Сынъ Даніила Андреевича Плещеева, прозваннаго Басманомъ и погибшаго послѣ несчастнаго сраженія подъ Оршею (1514 г.), въ литовскомъ плѣну, Басмановъ впервые упоминается подъ 1543 г. Онъ былъ тогда на сторонѣ Шуйскихъ и вмѣстѣ съ другими боярами, ихъ приверженцами, участвовалъ въ преслѣдованіи Ѳед. Сем. Воронцова. Въ 1552 г., пожалованный въ окольничіе, Басмановъ отличился при осадѣ Казани и особенно во время приступа. Черезъ три года послѣ этого онъ участвовалъ въ битвѣ съ крымцами на Судбищахъ, въ которой съ 7000 воиновъ въ теченіе полутора сутокъ выдерживалъ нападеніе 60-тысячнаго крымскаго войска. Въ 1556 г. Басмановъ получилъ боярское званіе и былъ назначенъ вторымъ намѣстникомъ въ Новгородѣ. Съ началомъ ливонской войны, Басмановъ покидаетъ Новгородъ и принимаетъ живое участіе въ этой войнѣ. Такъ, въ 1558 г. онъ взялъ приступомъ Нарву; въ 1559 г. находился при войскахъ, посланныхъ противъ крымскаго хана, и въ 1563 г. взялъ Полоцкъ, послѣ чего военныя дѣйствія были на время прекращены, и нѣкоторые русскіе отряды вернулись на родину. Въ числѣ вернувшихся былъ и Басмановъ. Проживая въ своемъ богатомъ помѣстьѣ на берегу р. Оки и узнавъ въ 1564 г. о нашествіи Девлетъ-Гирея, онъ быстро вооружилъ своихъ людей и вмѣстѣ съ сыномъ *Ѳеодоромъ* (съ 1566 г.—кравчій; впослѣдствіе одинъ изъ любимцевъ Іоанна) засѣлъ въ Рязани, на которую и наступалъ Девлетъ-Гирей. Не смотря на многочисленные и жестокіе приступы крымцевъ на ветхія стѣны города, Басмановъ, благодаря своей распорядительности и неустрашимости, спасъ Рязань и получилъ щедрую награду отъ царя. Этимъ заканчиваются ратные подвиги Басманова. Далѣе онъ играетъ роль, какъ царедворецъ. Умѣньемъ веселить царя и безграничнымъ, даже неразборчивымъ усердіемъ онъ пріобрѣлъ особое довѣріе Грознаго и нѣкоторое вліяніе на него, но нерѣдко употреблялъ свою силу во зло; такъ, онъ былъ однимъ изъ виновниковъ изгнанія митрополита Германа, рѣшившагося возвратить въ 1566 г. царя «на путь добродѣтели»; въ 1568 г. онъ объявилъ митрополиту Филиппу царскій указъ объ его низложеніи и былъ исполнителемъ этого указа. Вообще, Басмановъ принималъ участіе почти во всѣхъ темныхъ дѣлахъ опричнины, самый планъ которой принадлежалъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, «А. Д. Басманову съ товарищи». Но вскорѣ послѣ изгнанія митроп. Филиппа самъ Басмановъ сталъ жертвою подозрительности Іоанна Грознаго. Во время слѣдствія объ измѣнѣ новгородцевъ, послѣ разгрома 1570 г., Алексѣй и Ѳедоръ Басмановы были обвинены въ сношеніяхъ съ новгородцами и въ намѣреніи возвести на московскій престолъ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго. По словамъ Курбскаго и нѣкоторыхъ иностранцевъ, Іоаннъ казнилъ Басмановыхъ, заставивъ сына убить своего отца, и затѣмъ отдавъ Ѳеодора палачамъ.

Карамзинъ, «И. Г. Р.».—Соловьевъ, «И. Р.».—Словари: Бантышъ-Каменскаго, Плюшара, Старчевскаго, Березина, Толя, Клюшникова, Брокгауза-Ефрона.

Басмановъ, *Иванъ Ѳедоровичъ,* младшій сынъ Ѳедора Алексѣевича, ум. въ 1604 г. Онъ былъ воспитанъ въ семьѣ Голицыныхъ, вмѣстѣ съ братомъ Петромъ и одновременно съ нимъ получилъ освобожденіе отъ опалы. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ дворяниномъ при царскомъ дворѣ, онъ въ 1603 г. былъ возведенъ въ окольничіе, а въ 1604 г. получилъ начальство надъ отдѣльнымъ отрядомъ, отправленнымъ противъ разбойничьяго атамана Хлопка. Въ сраженіи подъ Москвой Хлопко былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, но самъ Басмановъ заплатилъ за побѣду жизнью. Тѣло его, по приказанію царя, было погребено въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Карамзинъ, «И. Г. Р.».—Соловьевъ, «И. Р.».—Словари: Бантышъ-Каменскаго, Плюшара, Старчевскаго, Березина, Толля, Клюшникова и Брокгауза и Ефрона.

Басмановъ, *Петръ Ѳедоровичъ,* сынъ Ѳедора Алексѣевича, извѣстный воевода начала XVII в., убитъ 17 мая 1606 г. Онъ

остался по смерти отца малолѣтнимъ; мать его вышла въ другой разъ замужъ за боярина кн. Василія Юрьевича Голицына, въ домѣ котораго Басмановъ получилъ воспитаніе, развившее его богатыя природныя способности, но не давшее твердыхъ нравственныхъ устоевъ. Освобожденный царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ отъ родовой опалы, онъ былъ пожалованъ въ стольники ок. 1590 г. Борисъ Годуновъ, оцѣнившій его дарованія, отправилъ его въ 1599 г., въ званіи воеводы, для постройки крѣпости Валуйки. Въ 1601 г. Басмановъ былъ пожалованъ въ окольничіе, а черезъ три года посланъ, вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ, противъ перваго Самозванца и, главнымъ образомъ, для защиты Чернигова. Но такъ какъ еще на пути они услышали о взятіи этого города Самозванцемъ, то рѣшили запереться въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, къ которому вскорѣ подступили и войска Лжедимитрія. Трубецкой растерялся, но Басмановъ, взявъ власть надъ городомъ въ свои руки, съумѣлъ побороть страхъ и шатаніе среди горожанъ и рати своей энергіей, распорядительностью и находчивостью. Приступы Лжедимитрія были отбиты, всѣ его льстивыя предложенія — отвергнуты, и городъ продержался до прибытія новаго московскаго ополченія. Тогда, удачною вылазкою (21 дек. 1604 г.), Басмановъ окончательно заставилъ Самозванца снять осаду. Царь Борисъ щедро наградилъ побѣдителя: вызванный въ Москву, онъ былъ встрѣченъ знатнѣйшими боярами, и для торжественнаго его въѣзда Борисъ выслалъ собственныя сани. Изъ царскихъ рукъ онъ получилъ золотое блюдо съ червонцами, множество серебряныхъ сосудовъ, богатое помѣстье, санъ думнаго боярина и деньгами 2 т. р. По смерти Бориса, Басмановъ получилъ главное начальство надъ войсками, и въ концѣ апрѣля выступилъ вновь противъ Лжедимитрія. Однако, уже 7 мая онъ переходитъ въ лагерь Самозванца, а за нимъ и его войско. Такимъ образомъ Самозванцу открывался свободный путь въ Москву. Во все время царствованія Лжедимитрія Басмановъ игралъ выдающуюся роль и былъ его единственнымъ вѣрнымъ защитникомъ до послѣдней минуты. Въ утро 17 мая 1606 г. онъ нѣсколько времени заграждалъ входъ во внутренніе покои Самозванца и тутъ же палъ подъ ударами дворянина Татищева. Обнаженные останки его вмѣстѣ съ трупомъ Лжедимитрія были выставлены на лобномъ мѣстѣ и только чрезъ нѣсколько дней преданы землѣ его сводными братомъ, Голицынымъ, у церкви Николы Мокраго.

Карамзинъ, «И. Г. Р.».—Соловьевъ, «И. Р.».—Словари: Бантышъ-Каменскаго, Плюшара, Старчевскаго, Березина, Толля, Клюшникова, Брокгауза—Ефрона.

Баснинъ, *Василій Николаевичъ*, купецъ, благотворитель, род. въ 1800 г., ум. 29 января 1876 г. Родоначальникъ Басниныхъ былъ холмогорскій крестьянинъ, переселившійся на р. Лену еще въ началѣ XVIII в. Дѣдъ В. Н. торговалъ по Ленѣ мукою, а отецъ былъ иркутскимъ откупщикомъ и завелъ торговлю чаемъ въ Кяхтѣ. Развитіе послѣдней всецѣло принадлежало В. Н., начавшему заниматься этимъ дѣломъ съ 12-ти-лѣтняго возраста. Кромѣ того Баснинъ обнаружилъ стремленіе къ образованію и занимался исторіей и естественными науками, особенно ботаникой; найденный имъ новый родъ нимфеа до сихъ поръ носитъ названіе Nymphea Basniniana. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ городскимъ головою въ Иркутскѣ, Баснинъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.—Въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс.» за 1875 г. напечатаны сообщенныя В. Н. Баснинымъ: 1) «Копіи съ бумагъ объ іеромонахѣ Арсеніи, бывшемъ митрополитѣ Ростовскимъ, находившемся въ заточеніи въ Нерчинскомъ Успенскомъ монастырѣ» (кн. I, стр. 131—143); 2) «Историческая записка о китайской границѣ, составленная совѣтникомъ Троицко-Савскаго пограничнаго правленія Сычевскимъ въ 1846 г.» (кн. 2, стр. 1—292); 3) «Восточная Сибирь, записка о командировкѣ на островъ Сахалинъ капитанъ-лейтенанта Подушкина» (ib., стр. 103—138); и 4) «О посольствѣ въ Китай гр. Головкина» (кн. 4, стр. 1—103).

Некрологи: въ «Иллюстрированной Газетѣ» (1876 г., № 16), въ «Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1876 г., № 27) и «Современной Россіи» (1876 г., стр. 391).

Баснинъ, *Павелъ Петровичъ*, купецъ-золотопромышленникъ, членъ-соревнователь Имп. Русс. Географическаго общества, ум. 4 апрѣля 1867 г. Уроженецъ г. Иркутска, воспитанникъ московскаго коммерческаго училища, Баснинъ по смерти своего отца, занимавшагося торговлею чаемъ, сдѣлался золотопромышленникомъ, но первое время терпѣлъ неудачи и потерялъ до 70.000 р.;

только впослѣдствіи, соединившись съ О. И. Катышевцевымъ, послѣ новыхъ значительныхъ затратъ (ок. 300.000 р.), ему удалось найти богатыя залежи золотаго песку на верховьяхъ рѣкъ Витима и Олекмы и на ихъ притокахъ. Въ 1866 г., напр., имъ было добыто чистаго золота до 55 пудовъ.—Въ 1866 г. была снаряжена отъ Географическаго общества на средства Баснина, Катышевцева и другихъ ленскихъ золотопромышленниковъ извѣстная Олекминская экспедиція, съ кн. Кропоткинымъ во главѣ, оказавшаяся одною изъ самыхъ плодотворныхъ и замѣчательныхъ по научнымъ результатамъ. Наконецъ, Баснину принадлежитъ брошюра «Объ оброчныхъ статьяхъ для устройства резиденціи подъ складъ продовольствій въ обезпеченіе пріисковъ»: (Спб., 1864 г.).

Некрологи въ «Голосѣ» (1867 г., № 101) и «Иллюстрированной Недѣлѣ» (1867 г., № 16).—П. П. Семеновъ, «Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», ч. I—III (Спб., 1896 г.).—С. А. Венгеровъ, «Русскія книги», вып. XIII (Спб., 1897 г.).

Басовъ, *Василій Александровичъ*, ординарный профессоръ московскаго университета, хирургъ, род. въ Орлѣ, 12 апрѣля 1812 г., ум. 30 декабря 1879 г. По окончаніи курса въ орловской гимназіи на 15 году отъ роду, Басовъ могъ поступить въ московскій университетъ только черезъ два года, когда было получено увольнительное свидѣтельство отъ мѣщанскаго общества. Окончивъ медицинскій факультетъ въ 1833 г. съ званіемъ лекаря, онъ въ 1834 г. получилъ званіе ветеринарнаго врача, въ 1835 г. медико-хирурга и наконецъ въ 1841 г. степень доктора медицины и хирургіи. Служба Басова въ университетѣ началась съ 1834 г., сначала въ качествѣ помощника прозектора, а потомъ прозектора. Въ 1843 г. онъ былъ посланъ заграницу на три года; по возвращеніи оттуда въ 1846 г. опредѣленъ адъюнктомъ хирургической клиники и преподавателемъ теоретической хирургіи съ офталміатріей; черезъ два года сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ той-же каѳедры и въ 1852 г.—ординарнымъ. Съ 1859 г. Басовъ состоялъ директоромъ хирургической клиники московскаго университета и занималъ эту должность почти до самой смерти. Кромѣ того онъ былъ репетиторомъ по каѳедрѣ физіологіи въ московской медико-хирургической академіи (1837—1840 г.), ординаторомъ въ московскомъ военномъ госпиталѣ (1848—1858 г.) и старшимъ врачемъ московской городской больницы (1850—1859 г.). Басовъ извѣстенъ былъ какъ лучшій хирургъ-практикъ и врачъ по преимуществу безк[illegible]ный. По свидѣтельству Л. Ѳ. Змѣ[illegible] онъ представлялъ собою врача, «близкаго къ евангельскому идеалу». Какъ научному дѣятелю, Басову принадлежитъ честь перваго примѣненія въ Россіи многихъ усовершенствованныхъ пріемовъ западной науки. Будучи еще прозекторомъ, онъ первый изъ московскихъ врачей сталъ дѣлать вивисекціи и онъ же въ началѣ 1850-хъ г.г. произвелъ первую въ Москвѣ трахеотомію въ горловой чахоткѣ врачу Иванову. Учено-литературные труды его состоятъ преимущественно изъ отдѣльныхъ сообщеній. Вотъ ихъ перечень: 1) «De anate tetropode commentatio» (въ «Bull. natural. de Mos.» и отд., М. 1840 г.). 2) «De lithiasi vesicae urinariae in genere et in specie; de extractione calculi per sectionem perinei» (М. 1841 г., докторская диссертація). 3) «Voie artificielle dans l'estomac des animaux» (въ «Bull. d. natur. Mos.», 1843 г. и тоже на русскомъ яз. въ «Запискахъ по части врачебныхъ наукъ», 1843 г., кн. 2, и отд. [illegible] 4) «Новый приборъ для леченія пере[illegible] задняго отростка локтевой кости» (въ «За-пискахъ по части врачеб. наукъ», 1843 г., кн. 2). 5) «О значеніи хирургіи въ кругу врачебныхъ наукъ» (въ «Военно-медицинскомъ журналѣ», 1848 г., ч. LI и отд.). 6) «Отрывки изъ воспоминаній путешественника: а) о Парижскомъ ботаническомъ садѣ, б) объ анатомическихъ собраніяхъ и искусственныхъ препаратахъ, и в) о медицинскомъ преподаваніи» (въ «Москвитянинѣ», 1851 г., № 4). 7) «О могуществѣ природы и спасительномъ соединеніи ея съ хирургіей при леченіи болѣзней». Рѣчь актовая 12 янв. 1851 г. (въ «Московскомъ врачебномъ журналѣ», 1851 г., отд. IV, стр. 76 и отд.; тоже на латинскомъ яз. въ рѣчахъ университета). 8) «О подвздошной жировой грыжѣ» (въ «Московскомъ врачебномъ журналѣ», 1851 г., отд. III стр. 5, и отд.). 9) «Бродячая внутренняя рожа. Смертельная отечная жаба» (ib., отд. III, стр. 13, и отд.). 10) «Необыкновенной величины слюнной защечный камень и о слюнныхъ камняхъ вообще» (ib., отд. III, стр. 103). 11) «Успѣшная трахеотомія вслѣдствіе язвъ гортани» (ib., 1852 г.). 12) «Американскій швовъ при зашиваніи пузыре-влагалищнаго свища, [illegible]

кровоизліяніи въ грудную клѣтку и т. п.» въ «Трудахъ II съѣзда естествоиспытателей и врачей», т. II).

«Словарь профессоровъ московскаго университета» (М. 1855 г., т. I; автобіографія).—Некрологи въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ», 1880 г., № 12, въ «Берегѣ», 1880 г., № 5 и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1880 г., № 3.—Словари: Березина, Толя, Брокгауза - Ефрона, Венгерова. — Венгеровъ, «Русскія книги», вып. XIII (Спб., 1897 г.). — Змѣевъ, «Врачи писатели» (Спб., 1886 г.).—Прот. Сергіевскій, «Рѣчь при погребеніи В. А. Басова» въ «Православномъ Обозрѣніи», 1880 г., № 1).

Басовъ, *Василій Петровичъ*, педагогъ, писатель, директоръ 5-й московской гимназіи, род. въ 1841 г., ум. 3 сентября 1887 г. въ Москвѣ. Образованіе Басовъ получилъ во 2-й московской классической гимназіи, и затѣмъ, въ московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1863 г. по историко-филологическому факультету, со степенью кандидата. Въ томъ же году, Басовъ поступилъ учителемъ древнихъ языковъ въ 1-ю московскую классическую гимназію и, затѣмъ, занялъ въ ней должность инспектора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1868 г. до 1870 г. Басовъ преподавалъ латинскій языкъ въ московскомъ университетѣ. Въ 1870 г. Басовъ былъ назначенъ директоромъ смоленской классической гимназіи, а въ 1876 г.—5-й московской; въ послѣдней должности Басовъ оставался до дня смерти. Погребенъ Басовъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Донскаго монастыря. Басовъ составилъ: 1) «Начальныя основанія греческой этимологіи», Москва, 1867 г.; и 2) «Таблицы правильныхъ греческихъ спряженій», Москва, 1867 г. Затѣмъ, имъ переведены съ нѣмецкаго: 1) «Латинская грамматика», Мадвига, Москва, 4 изданія: 1866—74 г.г.; 2) «Латинская хрестоматія», Якобса, Москва, 2 изданія: 1868 и 1870 г., и 3) «Упражненія въ синтаксисѣ простаго и сложнаго предложенія», Тишера, 2 вып., 4 изданія: Москва, 1869—1876 г.г. Кромѣ того, Басову принадлежитъ помѣщенная въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1870 г., кн. 7 и 8) статья: «Преподаваніе отечественнаго и классическихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ».

«Отчеты московскаго университета» за 1863, 68 и 69 г.г.—С. Гулевичъ, «Историческая записка о 50-ти-лѣтіи 2-й московской гимназіи», М. 1885 г., стр. 268.—«Истор. Вѣстн.» 1887 г., кн. 12, стр. 758.—«Москов. Вѣд.» 1887 г., №№ 244 и 246.—«Москов. Листокъ» 1887 г., № 249.—«Новое Время», № 4140.—Словарь Березина, III, 306.—Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писат., ум. въ 1887 г. («Библіограф. Записки» 1892 г., № 1).

Басовъ, *Емельянъ*, сержантъ нижнекамчатской команды, промышленникъ-путешественникъ, ум. въ 1754 г. Занимаясь ловлею по преимуществу бобровъ въ Беринговомъ морѣ, Басовъ первый изъ русскихъ проплылъ, вмѣстѣ съ московскимъ купцомъ Серебренниковымъ, въ 1743 г. до Берингова острова (въ группѣ Командорскихъ островов, открытыхъ Берингомъ). Путешествуя съ тою-же промышленною цѣлію въ 1744—1750 г.г. и по тому-же направленію, онъ каждый разъ возвращался съ богатою добычею и этимъ возбуждалъ соревнованіе въ другихъ сибирскихъ промышленникахъ, которые мало по малу открыли всѣ Алеутскіе острова. Именемъ Басова и его судна «Петръ», бывшаго съ нимъ въ путешествіи 1747 г., называются двѣ губы Мѣднаго острова: Басовская и Петровская.

Словари: Плюшара, Старчевскаго, Толля, Березина и Брокгауза - Ефрона.—А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. IV (Спб., 1892 г.).

Басовъ, *Павелъ Николаевичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1840 г., ум. въ 1889 г. Службу началъ въ 1858 г. въ артиллеріи, откуда, по окончаніи курса Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ 1864 г. переведенъ въ генеральный штабъ и послѣдовательно состоялъ при штабахъ военныхъ округовъ: финляндскаго, сибирскаго и одесскаго, причемъ въ одесскомъ округѣ завѣдывалъ передвиженіемъ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ; вслѣдъ затѣмъ получилъ въ командованіе 1-й желѣзно-дорожный баталіонъ, а за нимъ—самогитскій гренадерскій полкъ. Произведенный въ 1886 г. въ генералъ-маіоры, временно управлялъ закаспійскою желѣзною дорогою, въ 1889 г. назначенъ начальникомъ штаба 6-го армейскаго корпуса и въ этой должности скончался.

«Русскій Инвалидъ», 1889 г., № 262.

Бассевичъ, *Геннингъ Фридрихъ*, гр. тайн. сов. (von Bassewitz, Henning Friedrich) род. 6 ноября 1680 г., ум. 21 декабря 1748 г. (стар. стиль). Происходилъ изъ мекленбургскаго стариннаго дворянскаго рода; учился въ г. Ростокѣ и Лейденѣ. Въ началѣ служилъ при дворѣ мекленбургскаго герцога въ должности оберъ-шенка. Вмѣстѣ съ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Бассевичъ велъ весьма разгульную жизнь; его называли въ шутку grand-buveur. Этимъ

онъ возбудилъ вражду герцогини, а своими смѣлыми остротами создалъ себѣ много недруговъ среди придворныхъ. Написанная Бассевичемъ рѣзкая сатира на герцогиню и на дворъ герцога повела къ удаленію его изъ Мекленбурга. Бассевичъ отправился отсюда въ сосѣднее голштинское герцогство и за 13000 талеровъ купилъ себѣ въ 1710 г. должность управителя староствъ Гузумскаго и Швабштедтскаго, съ чиномъ статскаго совѣтника. Когда въ 1713 г. эти округа заняты были датчанами, онъ отправился въ Гамбургъ и поступилъ на службу къ герцогу регенту (администратору) Голштиніи, Христіану-Августу, который назначилъ его посланникомъ при прусскомъ дворѣ. Послѣ этого Бассевичъ въ теченіе ряда лѣтъ съ небольшимъ перерывомъ служилъ Шлезвигъ-Голштинскому герцогству и оказалъ ему большія услуги въ это, трудное для него, время. Въ продолженіе великой сѣверной войны Голштинія подвергалась нападеніямъ двухъ воюющихъ державъ, Даніи и Швеціи. Правители Голштиніи рѣшились искать спасенія въ тѣсномъ союзѣ съ могущественной Россіей; министръ Гёрцъ, однако, неудачно повелъ это дѣло и только его преемнику Бассевичу удалось добиться спасительнаго для Голштиніи союза съ Петромъ Великимъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ голштинцами въ началѣ 1714 г. По порученію Герца, Бассевичъ отправился въ Ригу, гдѣ въ то время находился Петръ Великій и вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Держась полученныхъ инструкцій, онъ вмѣстѣ съ Меншиковымъ выработалъ здѣсь проектъ союзнаго договора между Россіей и Голштиніей, который долженъ былъ быть скрѣпленъ бракомъ молодого герцога Карла-Фридриха со старшей русской царевной. Всѣ выгоды договора обезпечивались одной Голштиніи: отъ Петра требовали помочь герцогу вернуть утерянный имъ Шлезвигъ и наслѣдовать шведскій престолъ по смерти шведскаго короля; и для этого его приглашали отступиться отъ своего вѣрнаго союзника датскаго короля, а взамѣнъ предлагали голштинскаго герцога для малолѣтней русской царевны. Но Герцу и Бассевичу не удалось вовлечь Петра въ эту невыгодную сдѣлку; онъ разглядѣлъ тайные замыслы голштинцевъ, написалъ собственноручно рѣзкія возраженія на проектъ трактата и предложилъ посланнику Голштиніи немедленно удалиться изъ Петербурга, что́ тотъ и исполнилъ 20 апрѣля 1714 г. По возвращеніи въ Германію, у Бассевича вышло столкновеніе съ его начальникомъ Герцомъ; онъ вынужденъ былъ обратиться съ просьбою о заступничествѣ къ прусскому королю и поселился въ Мекленбургѣ. Только послѣ ареста Герца онъ отправился въ февралѣ 1719 г. въ Стокгольмъ къ молодому голшт. герцогу Карлу-Фридриху и здѣсь пріобрѣлъ его полное довѣріе: герцогъ, вступившій въ управленіе Голштиніей, вмѣстѣ съ Бассевичемъ вернулся въ Гамбургъ и сдѣлалъ его президентомъ тайнаго совѣта, а двухъ его родственниковъ членами совѣта. Бассевичъ теперь снова выдвинулъ прежній проектъ союза съ Россіей. Въ половинѣ 1720 г. онъ началъ объ этомъ переговоры съ русскимъ посланникомъ Ягужинскимъ, встрѣтившись съ нимъ въ Вѣнѣ. Нѣсколько [illegible] пенныя, голштинскія предложенія были сочувственно встрѣчены Петромъ и голштинскій герцогъ въ сопровожденіи Бассевича въ іюнѣ 1721 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Во время переговоровъ съ Швеціей о мирѣ Петръ сначала старался включить въ мирный трактатъ статьи въ пользу Голштиніи, но встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны шведовъ, отказался отъ этого требованія. Голштинцы были очень огорчены, и герцогъ остался жить при русскомъ дворѣ, добиваясь руки русской царевны. Въ декабрѣ 1722 г. Бассевичъ отправился въ Стокгольмъ чрезвычайнымъ посломъ герцога. Здѣсь при дѣятельной поддержкѣ русскаго посланника Бестужева, ему удалось провести на сеймѣ, въ началѣ 1723 г. постановленія, весьма выгодныя для его государя. Къ большому неудовольствію шведскаго короля, сеймъ постановилъ дать голштинскому герцогу титулъ королевскаго высочества и уплачивать ему ежегодно субсидію въ 25000 талеровъ (Jahrgeld). Тотъ же сеймъ, на которомъ, не безъ вліянія Бассевича, голштинская и патріотическая партіи значительно перевѣшивали партію королевскую, уполномочилъ сенатъ заключить договоръ съ Россіей (22 февраля 1724 г.), въ которомъ, между прочимъ, Швеція и Россія обязывались энергично домогаться возвращенія герцогу Шлезвига. Только послѣ заключенія этого договора, улучшившаго положеніе герцога, Петръ далъ свое [illegible] на бракъ его съ старшей своей дочерью Анной. 24 ноября послѣдовало обрученіе, а затѣмъ, уже по вступленіи на престолъ Екатерины I, совершено было 21 мая 1725 г.

...сочетаніе герцога съ цесаревной Анной Петровной. Благодарный герцогъ сдѣлалъ Бассевича своимъ первымъ министромъ; императрица пожаловала ему орденъ св. Андрея Первозваннаго. Герцогъ остался жить въ Петербургѣ, пользуясь расположеніемъ Екатерины I; онъ назначенъ былъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта и вліялъ на рѣшеніе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ Россіи. Этими успѣхами онъ обязанъ былъ своему министру Бассевичу, обладавшему энергіей, смѣлостью и въ особенности большою способностью къ интригѣ. Враги герцога говорили, что онъ совершенно неспособенъ къ самостоятельному дѣйствію и что имъ всецѣло руководитъ Бассевичъ. Предсмертная болѣзнь Екатерины I очень встревожила герцога. Онъ опасался, что новый государь не будетъ давать содержанія супругѣ его, Аннѣ Петровнѣ и не будетъ соблюдать трактатовъ, обезпечивавшихъ выгоды Голштиніи. «Гдѣ вы, мой любезный Бассевичъ, писалъ онъ своему министру, узнавъ объ этой болѣзни— если теперь вы намъ не поможете, то мы въ конецъ пропали». Бассевичъ въ эту критическую минуту дѣйствовалъ энергично; вмѣстѣ съ Меншиковымъ онъ наскоро составилъ завѣщаніе къ подписи императрицы и не упустилъ обезпечить въ этомъ актѣ интересы своего герцога. Въ неизданной запискѣ, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ, Бассевичъ такъ описываетъ свое участіе въ дѣлѣ составленія завѣщанія Екатерины I. «Въ то время я еще у князя Меншикова былъ не въ худомъ кредитѣ, представлялъ я ему какъ возможно со умиленіемъ, дабы онъ разсудилъ, что оныя обѣ принцессы (Анна и Елизавета) Петра Великаго суть дѣти, которому онъ свое счастіе приписать можетъ и къ тому его склонилъ, что на каждую принцессу по одному миліону денегъ выдать и наслѣдіи порядокъ учинить и трактаты съ герцогомъ конфирмовать опредѣлилъ, а напротивъ того, чтобъ о супружествѣ младаго монарха съ принцессою князя Меншикова въ томъ завѣщаніи утверждено было. И токмо того искали, какимъ бы способомъ оное произвесть въ дѣйство и кто оное завѣщаніе сочинять имѣетъ, въ которое дѣло никто мѣшаться не хотѣлъ, ибо отъ того честь и животъ потерять можно, если окажется, что то завѣщаніе не сама государыня сочинила. И я не могъ того стерпѣть, чтобъ его королевское высочество и обѣ принцессы въ крайнюю нищету пришли. Въ самой скорости помянутое завѣщаніе сочинилъ, прочее же въ его княжее разсужденіе оставилъ и при томъ я ему именемъ его королевскаго высочества обѣщалъ, что ему отъ каждой принцессы со всякаго миліона по сту тысячъ рублевъ дано будетъ». — По воцареніи Петра II Меншиковъ потребовалъ немедленнаго выѣзда голштинцевъ изъ Россіи; и не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти Екатерины, какъ голштинскіе министры Бассевичъ и Стамке должны были объявить формально верховному тайному совѣту, о намѣреніи герцога и его супруги выѣхать изъ Россіи. Герцогу дана была декларація за подписью императора и всѣхъ членовъ в. т. совѣта, которою подтверждались всѣ прежніе трактаты и секретные артикулы, уплачены были немедленно 200000 р. изъ обѣщаннаго герцогу миліона и дано было обязательство кромѣ уплаты этой суммы давать ежегодную субсидію въ 100.000 гульденовъ до окончанія Шлезвигскаго дѣла. Бассевичу, 18 іюля, пожалованъ чинъ тайнаго совѣтника. Вслѣдъ затѣмъ, 25 іюля 1727 г. герцогъ и герцогиня съ Бассевичемъ и свитою уѣхали изъ Петербурга. По возвращеніи въ Голштинію Бассевичъ въ томъ же 1727 г. былъ сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ и оберъ-гофмейстеромъ двора герцогини, а также управителемъ выдѣленныхъ ей округовъ Рейнбекъ и Триттау. Онъ сохранилъ и свой постъ перваго министра, но ненадолго. На конгрессѣ въ Суассонѣ въ 1728 г. Бассевичъ, въ качествѣ представителя герцога долженъ былъ добиваться возстановленія его правъ на Шлезвигъ и другія утраченныя имъ владѣнія. Онъ не только не достигъ благопріятнаго разрѣшенія этого вопроса, хотя истратилъ большія суммы на подкупы, но и допустилъ членовъ конгресса осмѣивать личныя слабости герцога. Враги Бассевича воспользовались этимъ, чтобы возстановить противъ него герцога. Въ 1730 г., какъ разъ въ то время, когда императоръ Карлъ VI произвелъ Бассевича въ чинъ тайнаго совѣтника, голштинскій герцогъ отставилъ его отъ всѣхъ должностей и арестовалъ въ Нейштадтѣ, съ цѣлью отнять бывшія у него важныя бумаги. Опальному министру удалось бѣжать при помощи жены въ Мекленбургъ, гдѣ онъ и поселился затѣмъ въ своихъ имѣньяхъ, и прожилъ здѣсь до своей смерти въ 1748 г.—Въ русской исторіи Бассевичъ

извѣстенъ не только какъ голштинскій министръ, имѣвшій вліяніе на внутреннія дѣла царствованія Екатерины I, но, главнымъ образомъ, какъ авторъ донесеній, являющихся важнымъ историческимъ источникомъ. Самъ онъ не составилъ систематическаго описанія дѣлъ своего времени; но въ архивахъ сохранилось множество донесеній его голштинскому двору и различныхъ записокъ. Цѣнныя извлеченія изъ этихъ бумагъ, въ формѣ связнаго разсказа, напечатаны пасторомъ Бюшингомъ въ 1775 г. въ IX т. его извѣстнаго «Магазина новой исторіи», подъ заглавіемъ: «Eclaircissements sur plusieurs faits relatifs au règne de Pierre le Grand, extraits en l'an 1761, à la réquisition d'un savant, des papiers du feu comte Henningue Frederic de Bassewitz Conseiller privé de LL. MM. Impériales Romaine et Russienne, chevalier de St. André». Русскій переводъ этого извлеченія помѣщенъ въ «Русскомъ Архивѣ», 1865 г., (№№ 1, 2, 5, 6) подъ заглавіемъ: «Записки графа Бассевича, служащія къ поясненію нѣкоторыхъ событій изъ временъ царствованія Петра Великаго». Записки эти заключаютъ въ себѣ важный матерьялъ для изученія хитросплетенной сѣти политическихъ отношеній времени Сѣверной войны и преимущественно отношеній Голштиніи къ Россіи; въ нихъ содержатся также довольно цѣнныя сообщенія о Петрѣ Великомъ и о нѣкоторыхъ внутреннихъ дѣлахъ его царствованія. Какъ большинство иностранцевъ мемуаристовъ, Бассевичъ даетъ восторженную оцѣнку Петра, хотя отмѣчаетъ и отрицательныя черты его личности. Цѣнность сообщеній Бассевича ослабляется сильнымъ самомнѣніемъ автора, нерѣдко преувеличивающаго личное свое вліяніе на ходъ описываемыхъ событій. Ихъ значенію, какъ историческаго источника, еще болѣе вредитъ то, что донесенія Бассевича напечатаны не въ подлинникѣ, а въ позднѣйшей переработкѣ.

Allgemeine Deutsche Biographie, B. II, Leipz. 1875, c. 127—129 (статья Fromm'a, по неизданнымъ источникамъ).—Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. IV, т. 17, 18, 19 (по указателю).—Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ. т. 15 (Мардефельдъ) т.т. 55, 56, 63, 69 (Проток. верх. тайн. сов.).—Н. Барановъ, Опись сенатск. арх., т. II.—Ф. Мартенсъ, Собр. трактат. и конвенцій, т. V, с. 213, 251.—Госуд. Архивъ, XI, № 69. (Современный переводъ показаній Бассевича въ какой-то «коммиссіи» заграницей ок. 1728 г.).

Н. Павловъ-Сильванскій.

Баташевы, семья горнозаводчиковъ. Родоначальникъ ея, *Иванъ Тимоѳеевичъ*, «Тульскія оружейныя слободы кузнецъ», ум. въ 1734 г. Въ 1700 г. онъ находился при постройкѣ липецкихъ чугуно-плавильныхъ заводовъ, а потомъ сталъ покупать въ окрестностяхъ Тулы земли и строить желѣзные заводы. Біографъ Баташевыхъ, П. Свиньинъ говоритъ о немъ, какъ о бывшемъ управителѣ Демидова, но изъ дѣлъ бергъ-коллегіи видно только, что Баташевъ пользовался покровительствомъ сильнаго уже въ то время царскаго любимца «Демидыча»; такъ до 1721 г. Баташевъ всѣ земли покупалъ на имя Никиты Демидова. Такимъ образомъ, въ періодъ съ 1711 г. по 1721 г. разновременно были куплены въ тульскомъ уѣздѣ по р. Тулицѣ небольшіе участки, и на нихъ строились заводы. Первый заводъ былъ построенъ въ 1716 г. въ стану Старомъ городищѣ, и можно предположить, что этотъ заводъ былъ передѣланъ изъ бывшей на томъ мѣстѣ «водяной мельницы». (т. е. желѣзодѣлательный заводъ, приводимый въ дѣйствіе водою), принадлежавшей Демидову. Вблизи перваго вскорѣ былъ построенъ второй заводъ, такъ что до 1721 г. за Баташевымъ числилось два завода, работавшіе весьма успѣшно: уже въ 1720 г. на Баташевскихъ заводахъ «сдѣлано желѣза» 3026 пудовъ. Вскорѣ отношенія между Баташевымъ и Демидовымъ значительно пошатнулись: въ 1722 г. Баташевъ жаловался князю Василію Волконскому, въ вѣдѣніи котораго были тульскіе заводы, что «не любя его (Баташева) Никита Демидовъ подымаетъ у себя плотины, и оттого потопляются его заводы и чинится многое помѣшательство, а ежели бъ помѣшательства не было, то бъ можно сдѣлать въ годъ желѣза 9000 или 10000 пудъ». Сообщая объ этомъ бергъ-коллегіи, князь Волконскій ставитъ на видъ, что Баташевъ, вопреки указамъ, никакими льготами со стороны правительства не пользуется и на тѣмъ заводамъ руду и уголья покупаетъ съ платежемъ пошлины». Въ томъ же году Баташевъ подалъ Петру за собственноручною подписью челобитную, въ которой просилъ «о владѣніи тѣхъ его заводовъ дать ему жалованную грамоту или привилегію и кромѣ того облегчить въ платежѣ десятинной платы, такъ какъ «не токмо что прибыли видѣть, но и убытку стало много число отъ потопу Никиты Демидова». Въ этой челобитной Баташевъ къ своему преж-

шему званію «Тульскія оружейныя слободы кузнецъ» прибавляетъ новое «желѣзныхъ заводовъ промышленникъ». Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Баташевъ построилъ новый заводъ въ медынскомъ уѣздѣ (на землѣ генерала Чернышева) и вскорѣ добился того, что одинъ Медынскій заводъ по производительности мало чѣмъ уступалъ двумъ тульскимъ.—По духовному завѣщанію Баташевъ тульскіе заводы отказалъ женѣ своей Акулинѣ Ивановой и младшему сыну *Родіону*, а медынскій заводъ назначилъ старшему сыну—***Александру***, который довелъ свой заводъ до полнаго упадка. По смерти Александра (1740 г.), его вдова уступила заводъ Родіону, который, такимъ образомъ, соединилъ опять въ однихъ рукахъ все дѣло отца. Между тѣмъ бергъ-коллегія, убѣдившись въ полной негодности Медынскаго завода, въ 1742 г. распорядилась запечатать заводскія домны. Въ 1753 г. Родіонъ снова началъ производство на Медынскомъ заводѣ, но опять не на долго, такъ какъ въ 1754 г. Сенатъ внесъ этотъ заводъ въ списокъ заводовъ, подлежащихъ уничтоженію, для охраненія лѣсовъ отъ истребленія.—По смерти Родіона Баташева (1754 г.) всѣ его предпріятія перешли въ руки сыновей его, *Андрея* (ум. въ 1799 г.) и *Ивана* (род. въ 1741 г., ум. 28 января 1821 г.). Повидимому, старшій братъ остался послѣ отца уже взрослымъ, такъ какъ сразу же является полновластнымъ хозяиномъ всѣхъ заводовъ, скрѣпляетъ своею подписью всѣ оффиціальные акты и по энергіи, съ которой онъ принимается за работу, оказывается лучшимъ выразителемъ начертаній своихъ предковъ. Имущество, доставшееся братьямъ, заключалось только въ небольшомъ капиталѣ, да въ тульскихъ заводахъ. Не чувствуя въ себѣ силы и не надѣясь на чью бы то ни было поддержку, Андрей до 1765 г. не поднимаетъ вопроса о вознагражденіи со стороны правительства за тѣ убытки, которые неизбѣжно были связаны съ закрытіемъ Медынскаго завода; вмѣсто этого онъ старается вознаградить себя новыми предпріятіями и пріискиваетъ руды съ цѣлью строить заводы. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ самостоятельной работы имъ сдѣлано девять заявокъ и на мѣстахъ пріисканныхъ рудъ построено два завода — въ 1755 г. Унженскій (въ владимірской губ. на землѣ кн. Долгорукаго) и въ 1758 г. Гусевскій (въ владимірской губ.). Въ устройствѣ послѣдняго завода принимаетъ уже участіе и младшій братъ. Изучая до сихъ поръ заводское дѣло подъ руководствомъ старшаго брата, Иванъ Родіоновичъ съ этого времени становится надежнымъ помощникомъ ему, и впослѣдствіи оказывается самымъ выдающимся представителемъ фамиліи Баташевыхъ.—Первая совмѣстная дѣятельность братьевъ выразилась въ пріобрѣтеніи земель и крестьянъ у тѣхъ помѣщиковъ, во владѣніяхъ которыхъ сдѣланы были заявки. Покупка земель и крестьянъ клонилась къ тому, чтобы путемъ залога вновь пріобрѣтаемой недвижимой собственности расширить оборотный капиталъ, а переводомъ изъ пріобрѣтаемыхъ мѣстностей крестьянъ на дѣйствующіе заводы увеличить число рабочихъ рукъ. Мѣра оказалась удачной: производство на двухъ новыхъ заводахъ, въ 3 года, съ 1762 по 1764 г. утроилось и возрасло до 122.885 пудовъ. Въ эти годы Баташевы стараются сбывать свое желѣзо «въ заморскій отпускъ» и держать въ столицѣ для своихъ торговыхъ операцій повѣренныхъ по дѣламъ. Въ 1765 г. братья стали ходатайствовать въ бергъ-коллегіи о вознагражденіи ихъ за убытки, понесенные ими въ 1754 г. вслѣдствіе закрытія Медынскаго завода. Бергъ-коллегія нашла возможнымъ уволить заводчиковъ «отъ платежа четырехкопѣечной десятины на 10 лѣтъ по другимъ заводамъ».—1766 г. въ дѣятельности Баташевыхъ ознаменованъ постройкой двухъ новыхъ заводовъ въ нижегородской губерніи—Выксунскаго и Велетменскаго, при чемъ Выксунскій въ первый же годъ работы далъ 4783 пуда чугуна. Въ 1770-мъ г. Иванъ и Андрей Родіоновичи пріобрѣли отъ заводчицы Даниловой (рожд. Демидовой) два завода—Верхотурецкій и Сементиновскій. Хотя заводы при покупкѣ были въ дѣйствіи, Баташевы просили бергъ-коллегію вновь пріобрѣтенные заводы дѣйствіемъ прекратить, а приписныхъ къ нимъ крестьянъ перевести на Гусевскій, Выксунскій и Велетменскій заводы. Коллегія согласилась. Самые заводы и принадлежащія къ нимъ земли Баташевы заложили за 30000 рублей «для лучшаго распространенія желѣзныхъ своихъ заводовъ».—Сильно нуждаясь въ то время въ военныхъ снарядахъ, правительство обратилось къ Баташевымъ съ запросомъ, не возьмутся ли они на своихъ заводахъ приготовлять пушки, бомбы и ядра. Такъ какъ Баташевы не пользовались субсидіями и не были обязаны правительству.

то адмиралтействъ - коллегія предложила, кромѣ уплаты всѣхъ расходовъ по заготовкѣ, выдавать награды 10%, а за нѣкоторые подряды и 20% съ затраченнаго капитала. Такого рода предложеніе показалось Баташевымъ выгоднымъ, и въ 1770 г. они уже раньше назначеннаго срока выполнили подрядъ, доставивъ въ адмиралтействъ-коллегію 154 пушки, не считая бомбъ и ядеръ. Впрочемъ первый опытъ оказался неудачнымъ, и во время пробы многія пушки разрывало. Тѣмъ не менѣе,—по ходатайству адмиралтействъ-коллегіи, «за усердную работу» весь родъ Баташевыхъ съ 1770 г. освобождается отъ подушнаго оклада, и братья Андрей да Иванъ Баташевы награждаются чиномъ титулярнаго совѣтника. Въ концѣ 1770 г. Баташевы получили разрѣшеніе «построить особливую фабрику съ плавильными въ ней печми» для болѣе тщательной обработки чугуна, а затѣмъ опять приступаютъ къ развѣдкамъ въ различныхъ мѣстностяхъ и въ 1772-мъ г. строятъ Плевскій заводъ въ 70-ти верстахъ отъ Выксунскаго, при чемъ бергъ-коллегія находила необходимымъ новый заводъ «отъ платежа десятины впредь на 10 лѣтъ уволить». Въ 1773 г. Баташевы обратились въ бергъ-коллегію съ просьбой разрѣшить имъ постройку завода на р. Желѣзницѣ въ 6-ти верстахъ отъ Выксунскаго завода. Просьбу свою они мотивировали тѣмъ, что правительство изъ года въ годъ возлагаетъ на нихъ все большія и большія надежды, и что литье пушекъ большого калибра на Выксунскомъ и другихъ заводахъ «отъ недостатка воды совсѣмъ невозможно». Новый Желѣзницкій заводъ первоначально предполагался для «высверливанія и точки отлитыхъ на Выксунскомъ заводѣ во флотъ пушекъ и военныхъ орудіевъ». Потребность въ такомъ заводѣ была большая, и бергъ-коллегія писала—«велѣть ту фабрику, если еще не начата, строеньемъ какъ наискорѣе окончить». Впослѣдствіи на Желѣзницкомъ заводѣ спеціальное «высверливаніе и точка военныхъ орудіевъ» прекратились, и тамъ также, какъ на остальныхъ заводахъ, происходила выплавка чугуна. Въ концѣ 70-хъ годовъ производительность Желѣзницкаго завода по выплавкѣ чугуна даже стояла выше, чѣмъ на Гусевскомъ. Одновременно съ Желѣзницкимъ былъ построенъ и Пристанскій заводъ на самомъ берегу р. Оки. Въ 1776 г. Баташевыми пріобрѣтенъ у кн. Рѣпниныхъ заводъ Еремшенскій (въ тамбовской губерніи). Затѣмъ, въ концѣ 70-хъ годовъ и въ началѣ 80-хъ Баташевы заводятъ свои собственные суда и на нихъ доставляютъ якоря и пушки къ вновь строившемуся тогда Архангельскому порту. Въ 1783 г. въ верховьѣ рѣчки Унжи, въ 50-ти верстахъ отъ Выксунскаго завода былъ построенъ Верхоунженскій, и этотъ заводъ является послѣднимъ, въ постройкѣ котораго участвовали оба брата. Въ началѣ 1783 г., по Высочайшему повелѣнію, весь родъ Баташевыхъ возводится въ дворянское достоинство, а въ концѣ того же года между братьями происходитъ раздѣлъ всего имущества. Поводомъ къ раздѣлу, какъ можно предполагать, послужило то обстоятельство, что Андрей Родіоновичъ пожелалъ обезпечить незаконно прижитыхъ имъ дѣтей на ряду съ законными. Послѣ смерти Андрея долго продолжались споры между законными и незаконными его наслѣдниками.

Между тѣмъ Иванъ Родіоновичъ продолжалъ работать на пользу заводскаго дѣла. Въ 1784 г. построилъ онъ на р. Снаведи, въ 23-хъ верстахъ отъ Выксунскаго, большой Снаведскій заводъ, черезъ два года Сынтульскій (рязанской губерніи) и въ теченіе слѣдующихъ 12-ти лѣтъ старался скупать возможно большее количество земли и крестьянъ. Такъ, въ 1791 г. онъ пріобрѣтаетъ у князя Долгорукаго тѣ мѣста, гдѣ были раньше построены многіе его заводы и въ томъ числѣ—Унженскій. Въ 1800-мъ г. имъ основанъ на р. Желѣзницѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Выксунскаго, Верхнежелѣзницкій заводъ для выдѣлки косъ, а въ 1803 г. на той же рѣчкѣ, на разстояніи $1^{1}/_{2}$ версты отъ Верхнежелѣзницкаго завода, онъ построилъ проволочную фабрику. Вообще въ періодъ съ 1800 г. по 1821 г. производство на заводахъ Ивана Баташева рѣзко мѣняетъ свой характеръ. Если раньше всѣ цѣли заводчика направлены были къ расширенію производства и увеличенію числа заводовъ, то теперь онъ стремится въ заводское производство внести возможно больше разнообразія. Количество ежегодно выплавляемаго чугуна значительно уменьшается, а заводы одинъ за другимъ передѣлываются въ фабрики для производства различныхъ желѣзныхъ предметовъ и преимущественно предметовъ первой необходимости. Снаведскій заводъ передѣлывается въ фабрику для отливки разной чугунной посуды, Велетменскій—для выдѣлки косъ, проволоки и гвоздей. На Выксунскомъ за-

гдѣ съ 1802 г. производится выдѣлка желѣзной посуды и нѣсколько позже устраиваются мастерскія для ручной обдѣлки кость; .. 1810-го г. на томъ же заводѣ выдѣлываются серпы, а въ 1818-мъ г. вводится производство суконныхъ машинъ. Въ 1819 г. даже строится собственная суконная фабрика. Интересно, что на Выксунскомъ заводѣ, скудномъ водою, въ 1815-мъ г., послѣ долгихъ неуспѣшныхъ опытовъ, построена наконецъ своими механиками паровая машина въ 12-ть лошадиныхъ силъ для приведенія въ движеніе доменныхъ мѣховъ.

На 70-мъ году жизни Иванъ Родіоновичъ отказался отъ личнаго завѣдыванія всѣми дѣлами, да едва ли его участіе тогда уже требовалось: штатъ прекрасныхъ служащихъ, строгая во всемъ отчетность и вообще образцовая постановка дѣла на Баташевскихъ заводахъ давали возможность главѣ предпріятія спокойно отдохнуть въ семьѣ внучки, бывшей замужемъ за Шепелевымъ. Баташевъ сдѣлалъ ее наслѣдницей всего своего имущества, заключавшагося, кромѣ заводовъ, въ 148.967 десятинахъ земли съ 12.528 душами крестьянъ. Говоря о фамиліи Баташевыхъ вообще,— слѣдуетъ упомянуть, что они вышли изъ той же школы тульскихъ кузнецовъ, какъ и Демидовы. Собственнымъ умомъ и энергіей, они подобно Демидовымъ, возвысились, и своимъ исключительнымъ трудолюбіемъ создали впослѣдствіи промышленность цѣлаго края.

Правда — мѣсто дѣятельности Баташевыхъ, именно средняя полоса Россіи, близость этого мѣста къ контролю центральныхъ учрежденій и, наконецъ, отсутствіе особаго покровительства со стороны высшихъ властей,—все это исключало возможность для Баташевыхъ пріобрѣсть ту роль, какою пользовались Демидовы на Уралѣ. Но попытки къ пріобрѣтенію такой роли не разъ проявлялись среди Баташевыхъ, и память народа до послѣдняго времени хранитъ много сказочныхъ, по своимъ ужасамъ, эпизодовъ изъ жизни этихъ дворянъ-кузнецовъ. Говорятъ, что Гусевскій заводъ могъ бы поспорить своими кровавыми воспоминаніями съ «историческою» башнею на Невьянскомъ заводѣ Демидовыхъ. При Андреѣ Родіоновичѣ весь Гусевскій заводъ, какъ гласитъ преданіе, изрытъ былъ подземными ходами, и въ одномъ изъ обширныхъ помѣщеній производилась постоянная чеканка монеты. Когда на заводъ прибыли правительственные агенты съ цѣлью провѣрить слухъ о «Баташевскомъ монетномъ дворѣ», то Андрей Родіоновичъ не задумался похоронить живыми работавшихъ въ подземельи, отдавъ приказаніе немедленно засыпать всѣ ходы и выходы. Исключительнымъ типомъ среди Баташевыхъ является Иванъ Родіоновичъ, который, если довѣрять сохранившимся о немъ свѣдѣніямъ, можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими людьми своего времени. Не говоря уже о выдающемся умѣ, энергіи и трудолюбіи, Иванъ Родіоновичъ отличался поразительной добротой, уваженіемъ къ чужой личности и рѣдкимъ для промышленниковъ XVIII вѣка умѣніемъ согласовать свои собственные интересы съ интересами ближнихъ. Онъ строилъ больницы и церкви (послѣднихъ около 15-ти), а своими заботами о бѣдныхъ снискалъ себѣ громкую извѣстность.

Дѣла бергъ-коллегіи изъ Архива Горнаго д-та.— П. Свиньинъ, «Заводы бывшіе Баташева, а нынѣ принадлежащіе Шепелеву». Спб. 1826.—Гамель, «Описаніе Тульскаго Оружейнаго завода».

Ив. Родкевичъ.

Батезатулъ, *Николай Михаиловичъ*, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ харьковской губерніи, род. въ 1824 г., ум. 7 января 1872 г. Началъ службу, по выходѣ изъ дворянскаго полка въ 1842 г., прапорщикомъ л. гв. въ литовскомъ полку, онъ три года спустя причислился къ военной академіи и съ успѣхомъ прошелъ курсъ послѣдней, получивъ при выпускѣ за отличіе чинъ поручика и серебряную медаль. Въ 1849 г. штабсъ-капитанъ Батезатулъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ и, состоя при штабѣ 7 пѣхотной дивизіи, а затѣмъ 1 армейскаго корпуса, принялъ участіе въ походѣ въ Австрію. Во время Восточной войны 1853—1856 гг. Батезатулъ отличился въ сраженіи подъ Ольтеницею, въ которомъ, между прочимъ, онъ былъ контуженъ ядромъ въ голову, участвовалъ въ операціяхъ на лѣвомъ берегу Дуная, въ переправѣ черезъ послѣдній у Браилова, въ занятіи Мачина и Гирсова, въ оборонахъ Силистріи и Севастополя, въ дѣйствіяхъ въ окрестностяхъ Евпаторіи. За эту кампанію онъ получилъ слѣдующія награды: золотую полусаблю съ надписью «за храбрость», ордена: св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ и св. Анны 2 степ. съ мечами, чинъ полковника, съ утвержденіемъ въ должности оберъ-квартир-

мейстера 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Переведенный въ половинѣ 1856 г. на ту-же должность въ 4 армейскій корпусъ, Батезатулъ два года спустя былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-го армейскаго корпуса, а въ 1861 г., по производствѣ въ чинъ генералъ-маіора,—генералъ-квартирмейстеромъ 1-ой арміи. Съ 1863 г. онъ состоялъ въ послѣдней должности при арміи на Кавказѣ, гдѣ въ слѣдующемъ, 1864 г. принялъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, и за отличія, оказанныя при покореніи Западнаго Кавказа, былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степ. съ мечами. Съ учрежденіемъ военныхъ округовъ, въ 1864 г. Батезатулъ назначенъ начальникомъ штаба казанскаго военнаго округа и оставался въ этой должности до исхода 1867 г., когда, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ въ годовой отпускъ заграницу. За время отпуска имъ былъ составленъ почтенный трудъ подъ заглавіемъ: «Стратегическіе очерки настоящаго положенія европейскихъ государствъ» («Воен. Сборн.» 1868 г.). По возвращеніи, Батезатулъ получилъ въ командованіе 7-ю пѣхотную дивизію и вскорѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, но слабое здоровье заставило его въ 1869 г. оставить службу. Зачисленный въ запасныя войска, онъ поселился въ своемъ родовомъ селѣ Титовкѣ бѣлгородскаго уѣзда, гдѣ и скончался.

«Рус. Инв.» 1872 г. № 27.—«Иллюстр. Газета» 1872 г. № 6.

Батенинъ, *Павелъ*, историческій живописецъ, род. въ 1791 г. въ купеческой семьѣ, въ 1804 г. принятъ въ Академію художествъ, въ 1806 г. за рисунокъ съ натуры получилъ первую серебряную медаль, а въ 1809 г. удостоенъ золотой медали за картину «Андромаха, оплакивающая Гектора». Батенинъ работалъ подъ руководствомъ проф. Угрюмова. Въ 1810 г. онъ окончилъ курсъ и былъ оставленъ при Академіи пенсіонеромъ. Первую золотую медаль онъ получилъ за картину на программу: «Представить отъѣздъ в. кн. Димитрія Донскаго на сраженіе съ приближающимся къ Москвѣ Мамаемъ».

Архивъ И. Ак. Худ., д. № 9 (1804).—Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Ак. Худ., I, и Указатель Юндолова.

Батенковъ (Батеньковъ), *Гавріилъ Степановичъ*, декабристъ, сынъ отставнаго оберъ-офицера, род. 25 марта 1793 г. въ г. Тобольскѣ (по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ въ Томскѣ), ум. въ октябрѣ 1863 г. Свѣдѣній объ его дѣтскомъ возрастѣ очень мало; въ автобіографическихъ запискахъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г. кн. II, онъ разсказываетъ о своихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, о своемъ развитіи, мало упоминая о фактахъ жизни. Родители воспитали въ немъ религіозное чувство, не покидавшее его всю жизнь; росъ онъ болѣзненнымъ ребенкомъ, былъ очень нервенъ и впечатлителенъ, чтенію и письму выучился самоучкой, безъ всякихъ усилій; первоначальное образованіе получилъ онъ въ тобольскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи, а затѣмъ, неизвѣстно кѣмъ и когда былъ привезенъ въ С.-Петербургъ для поступленія во 2-й кадетскій корпусъ. 21 мая 1812 г. онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 13-ю артиллерійскую бригаду, которая состояла въ корпусѣ ген.-лейт. барона Сакена; во время заграничныхъ походовъ отличался храбростью, участвовалъ въ занятіи Варшавы и Кракова, былъ въ дѣлѣ при г. Кренбау, въ 1814 г. участвовалъ въ сраженіи съ непріятелемъ при Шато - Бріеннѣ и Ла-Ротьерѣ и за отличіе получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ сраженіи при Монмиралѣ отличился «чрезмѣрною храбростью», какъ сказано въ оффиціальномъ донесеніи объ этой битвѣ, долго держался на позиціи и получилъ 10 штыковыхъ ранъ; его, еле живаго, подобрали на полѣ битвы французскіе офицеры и бережно перенесли въ городской госпиталь; товарищи считали его убитымъ и служили по немъ панихиды, а онъ, между тѣмъ, выздоровѣвъ, снова вернулся въ батарею и уже 15 марта опять участвовалъ въ битвѣ при Сенъ-Міэлѣ, состоя при корпусѣ прусскихъ войскъ, подъ командою принца Бирона Курляндскаго. Въ 1815 г. Батенковъ совершилъ заграничный походъ подъ начальствомъ Дохтурова, а осенью того-же года возвратился въ Россію, послѣ чего, въ началѣ 1816 г., вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника. Математическія способности дали ему возможность поступить въ только что основанное тогда вѣдомство путей сообщенія, но онъ не ужился съ сослуживцами и былъ отправленъ на службу въ Сибирь на мѣсто управляющаго 10-мъ округомъ. Еще находясь на службѣ въ строю, Батенковъ познакомился съ масонствомъ, былъ членомъ петербургской ложи «Избраннаго Михаила», а, пріѣхавъ въ Сибирь, былъ однимъ изъ

учредителей ложи «Восточнаго Свѣтила», основанной въ Томскѣ въ 1818 г.; участіе въ масонствѣ не мѣшало Батенкову ревностно заниматься своею службою; изъ его занятій болѣе важными были: укрѣпленіе береговъ р. Ангары и предначертаніе работъ на китайской границѣ, между прочимъ онъ взялся построить и дѣйствительно построилъ мостъ черезъ р. Ушайку за полъ-цѣны; это возстановило противъ него многихъ сослуживцевъ и ему приходилось опять оставлять службу, но въ 1819 г. пріѣхалъ на ревизію въ Сибирь Сперанскій. Онъ сразу оцѣнилъ опытнаго, даровитаго и трудолюбиваго инженера, приблизилъ его къ себѣ и предложилъ ему участіе въ работахъ по задуманному имъ преобразованію всѣхъ существующихъ въ Сибири учрежденій. Батенковъ принялъ участіе въ Сибирской ревизіи, результатомъ которой было раскрытіе вопіющихъ злоупотребленій; затѣмъ онъ оказался незамѣнимымъ сотрудникомъ Сперанскаго по собиранію статистическихъ матеріаловъ Сибири; имъ были представлены графу 7 записокъ: 1) О сухопутныхъ сообщеніяхъ, 2) Объ учрежденіи этаповъ, 3) О ссыльныхъ, 4) Объ инородцахъ, 5) О сибирскихъ казакахъ, 6) О занятіи киргизской степи Средней Орды, 7) О приведеніи въ извѣстность земель Сибири. Трактаты эти не были напечатаны, но они легли въ основу «Сибирскаго учрежденія» 1822 г. Кромѣ того Батенковъ занимался изысканіемъ пути около озера Байкала, а свободныя минуты посвящалъ учрежденной имъ, первой въ Сибири, ланкастерской школѣ и составлялъ для нея учебники. Уѣзжая изъ Сибири въ Петербургъ въ 1820 г. Сперанскій взялъ съ собою и Батенкова. Изъ Петербурга онъ ѣздилъ въ заграничный отпускъ, но былъ вызванъ графомъ до срока для составленія всеподданнѣйшаго отчета о сибирскихъ дѣлахъ. По образованіи въ 1821 г. «Сибирскаго комитета», Батенковъ, незадолго передъ тѣмъ произведенный въ маіоры, получилъ въ немъ мѣсто секретаря. Сперанскій давалъ ему много порученій и настолько сблизился съ нимъ, что онъ поселился у графа и сдѣлался своимъ человѣкомъ въ его домѣ. За труды свои въ Сибирскомъ комитетѣ Батенковъ получилъ единовременнаго пособія 10 т. рублей ассигнаціями. Когда предсѣдателемъ Сибирскаго комитета сдѣлался графъ Аракчеевъ, Батенковъ своими трудами и усидчивостью обратилъ на себя вниманіе графа, и послѣдній предложилъ ему поступить на службу по военнымъ поселеніямъ; Батенковъ согласился; ему дали 10 т. рублей ежегоднаго содержанія и чинъ подполковника. Но скоро, по наговору завистниковъ его блестящей служебной карьеры, онъ долженъ былъ въ 1825 г. оставить выгодную службу. Въ это время онъ завелъ знакомства съ членами тайнаго Общества—Рылѣевымъ, Александромъ Бестужевымъ и другими и не задолго до 14 декабря окончательно сошелся съ ними; непосредственнаго участія въ заговорѣ Батенковъ не принималъ и въ день бунта на Сенатской площади не былъ, тѣмъ не менѣе черезъ двѣ недѣли онъ былъ арестованъ и, по приговору Верховнаго уголовнаго суда, зачисленъ въ 3-й разрядъ государственныхъ преступниковъ, который долженъ былъ идти въ пожизненныя каторжныя работы; рѣшеніе это впослѣдствіи было измѣнено на 20-ти лѣтнюю каторгу, и затѣмъ опять было измѣнено на 20-ти лѣтнее одиночное заключеніе въ крѣпости. О причинѣ второго измѣненія первоначальнаго приговора существуетъ два разсказа,—одинъ, что Батенковъ родомъ былъ сибирякъ и его не хотѣли ссылать туда, гдѣ у него были связи, — другой, что будто-бы Батенковъ, боясь, чтобы смягченіе наказанія не послужило поводомъ къ обвиненію его въ предательствѣ товарищей, заявилъ, что онъ самъ составитъ новый заговоръ. Сначала онъ былъ помѣщенъ въ фортѣ Свартгольмѣ, на Аландскихъ островахъ и пробылъ тамъ $^1/_2$ года; здѣсь онъ написалъ стихотвореніе «Одичалый», рисующее тяжелое душевное настроеніе заключеннаго. Изъ Свартгольма онъ былъ переведенъ въ Петропавловскую крѣпость и заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ, въ которомъ и оставался 20 лѣтъ. Ему дозволено было читать и писать, выдавали книги преимущественно духовно - нравственнаго содержанія. Онъ занимался сличеніемъ переводовъ библіи на древнихъ и новыхъ языкахъ; нужныя для этого книги, по ходатайству коменданта, доставлялись ему изъ публичной библіотеки. Памятникомъ его пребыванія въ крѣпости осталась рукописная тетрадь въ двадцать листовъ, переполненная различными набросками и мыслями касательно политики, философіи, администраціи и пр. Одиночное заключеніе сильно повліяло на Батенкова, разсудокъ временами покидалъ его, онъ забылъ нѣ-

которыя слова, потерялъ счетъ времени. о многомъ совершенно утратилъ понятіе. Въ 1846 г. окончился срокъ заключенія Батенкова, и онъ былъ сосланъ на поселеніе въ Томскъ, гдѣ устроился въ домѣ чиновника Лучшева и, въ благодарность за пріютъ, училъ грамотѣ дѣтей, помогалъ въ различныхъ заботахъ по хозяйству. Старые друзья помогли Батенкову пріобрѣсти небольшой участокъ пригородной земли. Онъ выстроилъ тутъ избу, завелъ небольшое хозяйство и прожилъ здѣсь 10 лѣтъ, принятый радушно представителями лучшаго мѣстнаго общества; онъ любилъ читать французскія газеты, дѣлалъ изъ нихъ обширныя выписки въ русскомъ переводѣ, изучилъ древніе языки: еврейскій, греческій, латинскій и велъ переписку съ нѣкоторыми изъ друзей. Между прочимъ, къ нему очень былъ расположенъ графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Проѣзжая изъ Иркутска въ Петербургъ и обратно, онъ никогда не забывалъ навѣстить Батенкова, а нерѣдко прямо останавливался у него на хуторѣ, чтобы напиться чаю и перемѣнить лошадей. Пользуясь расположеніемъ Муравьева, Батенковъ успѣлъ устроить въ иркутскій институтъ и другія учебныя заведенія не мало сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей на казенный счетъ. Въ августѣ 1856 г. декабристамъ дозволено было выѣхать изъ Сибири, и Батенковъ отправился въ бѣлевскій уѣздъ тульской губерніи, въ имѣніе Петрищево, принадлежавшее другу его Елагину, а черезъ годъ, получивъ обратно съ процентами, по приказанію Государя, все имущество, отобранное у него въ 1825 г., купилъ домикъ въ Калугѣ, куда выписалъ изъ Сибири вдову одного изъ братьевъ Лучшевыхъ съ ея двумя малолѣтними сыновьями которыхъ опредѣлилъ въ калужскую гимназію. Въ 1859 г., когда декабристы получили разрѣшеніе жить въ обѣихъ столицахъ, Батенковъ побывалъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ. Скончался онъ въ Калугѣ отъ воспаленія легкихъ на 71 году жизни и похороненъ согласно его желанію, въ Петрищевѣ, рядомъ съ своимъ другомъ и боевымъ товарищемъ Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ.

Изъ писемъ Гавріила Степановича, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» за 1889 г. № 8, видно что онъ занимался переводомъ 28 книгъ византійской исторіи, полученныхъ имъ отъ Петра Кирѣевскаго. Въ той же книжкѣ «Русской Стар.» помѣщена характеристика графовъ Аракчеева и Сперанскаго, составленная Батенковымъ. Въ 20-хъ годахъ онъ помѣстилъ въ «Сынѣ Отечества» нѣсколько статей о Сибири, которыя были переведены на нѣмецкій языкъ. Для Ешевскаго Батенковъ написалъ воспоминанія о масонствѣ, помѣщенныя А. Н. Пыпинымъ въ «Вѣстн. Европы» 1872 г. № 7; для барона Корфа сообщалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Сперанскомъ. Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1881 г. помѣщена автобіографія Батенкова подъ названіемъ: «Данныя. Повѣсть собственной жизни»: одна половина записокъ посвящена воспоминаніямъ о дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, а другая касается дѣятельности графа Сперанскаго, о которомъ онъ отзывался съ большимъ уваженіемъ и любовью.

«Русскій Архивъ» 1871 г. и 1881.—«Русская Старина» 1887 и 1889 г.—Иллюстриров. Газета» 1863 г. № 319.—«Сибирскій Вѣстникъ» 1886 г. № 25.—Максимовъ, «Сибирь и Каторга» ч. III.—Гречъ, «Записки». — Словари: Андреевскаго и Венгерова.—Корфъ, «Жизнь гр. Сперанскаго».—Пыпинъ, «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I».—Алексѣй Ивановъ, «Одинъ изъ декабристовъ» (въ «Книжкахъ Недѣли», 18.., ноябрь)

Батищевъ. *Яковъ*, солдатъ-изобрѣтатель времени Петра Великаго. «За старость отца своего», былъ сначала взятъ въ военную службу и отправленъ въ Азовскій походъ, послѣ котораго, стоя на заставахъ на Украйнѣ, былъ захваченъ крымскими татарами въ плѣнъ и отведенъ въ Керчь, гдѣ пробылъ три года. Бѣжавъ съ товарищами изъ плѣна, явился въ Азовъ къ Е. Ѳ. Грибоѣдову, которымъ опредѣленъ былъ къ городовому строенію, а вслѣдъ затѣмъ зачисленъ солдатомъ въ одинъ изъ батальоновъ внутри Россіи. Въ 1711 г., явившись въ артиллерійскую канцелярію, Батищевъ представилъ модель изобрѣтенной имъ вододѣйствующей машины для обтирки и сверленія ружейныхъ и пистолетныхъ стволовъ, а также для отточки штыковъ. Установленныя впервые на Тульскомъ оружейномъ заводѣ, машины его дали блестящій результатъ; кромѣ очевиднаго превосходства въ техническомъ отношеніи передъ прежде существовавшей на заводѣ ручной работой, представилась значительная экономія — по его рублей съ тысячи выдѣлываемыхъ ружей. Три года спустя, имъ былъ представленъ новый проэктъ —особаго рода колеса подъ мортиры

ные и пушечные станки для перевозки орудій въ походахъ. За свои изобрѣтенія, Батищевъ въ маѣ того же года былъ произведенъ въ [сер]жанты понтонной роты, гдѣ впослѣдствіи дослужился и до офицерскихъ чиновъ.

Архивъ Артиллер. Музея. Дѣла Арсенал., св. № 11.—Гамель, «Описаніе Тульскаго оружейнаго завода».

Батіевскій, *Яковъ Яковлевичъ*, генералъ-маіоръ, сподвижникъ кавказскихъ героевъ, род. въ 1831 г., ум. въ іюнѣ 1889 г. Происходя изъ дворянъ тифлисской губерніи, онъ по окончаніи курса въ дворянскомъ полку, въ 1849 г., поступилъ прапорщикомъ въ 3-й кавказкій линейный баталіонъ, откуда въ слѣдующемъ году перешелъ въ нижегородскій драгунскій полкъ. Участникъ ряда экспедицій противъ горцевъ, подъ начальствомъ Козловскаго, князя Барятинскаго и Меллеръ-Закомельскаго, Батіевскій съ началомъ Восточной войны вступилъ въ составъ Александропольскаго отряда и съ нимъ находился въ дѣлахъ при Ахалцыхѣ, Кюрюкъ-Дара и во многихъ другихъ, послѣ чего съ іюля по ноябрь 1857 г., состоя при Дагестанскомъ отрядѣ, принялъ участіе въ экспедиціи для возведенія штабъ-квартиры дагестанскаго пѣхотнаго полка на мѣстѣ аула Старый-Буртунай, а по возвращеніи въ 1858 г. вступилъ въ командованіе 4 эскадрономъ нижегородскихъ драгунъ. Въ 1859 г. Батіевскій явился дѣятельнымъ участникомъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Шамиля и особенно отличился при взятіи аула Ведень. Въ 1860 г. онъ находился при Шапсугскомъ отрядѣ, дѣйствовавшемъ по Кубани; въ 1861 г.—сопутствовалъ въ экспедиціяхъ отрядамъ: Мало-Лабинскому и Верхне-Абадзехскому и въ годъ 1862—64 гг.— участвовалъ въ окончательномъ покореніи Восточнаго Кавказа, состоя при Верхне-Абадзехскомъ, а затѣмъ при Даховскомъ отрядахъ. Произведенный въ 1868 г. въ полковники, въ 1871 г. назначенъ командиромъ бывшаго резервнаго эскадрона тверскаго полка, а въ мартѣ 1873 г.—командиромъ 45 сѣверскаго драгунскаго полка, съ которымъ находясь въ Турецкую войну 1877—78 гг. въ составѣ кавказскаго корпуса, отличился въ сраженіи на Аладжинскихъ высотахъ, доставившемъ ему орденъ св. Георгія 4 ст. Въ іюлѣ 1878 г. Батіевскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и зачисленъ по армейской кавалеріи, съ назначеніемъ состоять при войскахъ кавказскаго военнаго округа. Вся его сорокалѣтняя служба протекла на Кавказѣ.

«Русскій Инвалидъ» 1889 г. № 143.

Батовъ, *Иванъ Андреевичъ*,—инструментальный мастеръ; род. въ 1767 г. близъ Москвы, въ семьѣ крѣпостныхъ крестьянъ гр. Шереметева, ум. 18 іюня 1841 г. На четырнадцатомъ году взятъ былъ своимъ дѣдомъ для обученія ткацкому ремеслу, но вскорѣ, по приказанію гр. Шереметева, желавшаго имѣть собственнаго мастера для надобности своего оркестра, отданъ былъ для обученія московскому скрипичному мастеру Владимірову. Благодаря трудолюбію и смѣтливости, Батовъ достигъ значительнаго совершенства въ производствѣ скрипичныхъ иструментовъ; віолончели его работы, надъ которыми онъ трудился съ особенной любовью, цѣнились очень высоко и заслужили лестные отзывы знатоковъ: такъ, извѣстный виртуозъ Бернгардъ Ромбергъ ставилъ віолончели Батова наряду съ издѣліями лучшихъ итальянскихъ мастеровъ. Новыхъ инструментовъ Батовъ сдѣлалъ немного: 41 скрипку, 3 альта, 6 віолончелей и (по просьбамъ любителей) 10 гитаръ; кромѣ того, Батовъ славился искусствомъ реставрировать старыя итальянскія скрипки. Новыя скрипки Батова продавались отъ 300 до 600 руб. Послѣ выставки 1829 г., на которой издѣлія Батова обратили на себя вниманіе, ему пожалована была большая серебряная медаль для ношенія на анненской лентѣ; въ 1814 г. Батовъ получилъ отъ Императора Александра I щедрую денежную награду за поднесенную скрипку. Кромѣ производства скрипичныхъ инструментовъ Батовъ учился у спб. мастера Гаука дѣлать фортепіано, но въ этой области особеннаго искусства не достигъ. Лишь подъ старость Батовъ получилъ съ семействомъ вольную отъ графа Шереметева. Сыновья Батова играли въ оркестрѣ императорскаго опернаго театра.

М. Р—ій, «Иванъ Андреевичъ Б.» (Сѣверн. Пчела, 1841, № 206—207).—Вл-ръ Б—шевъ, «Русскій Страдиварп» (ib., 1833, № 40).

Батуринъ, *Іосафатъ Андреевичъ*, подпоручикъ ширванскаго пѣхотнаго полка, ум. въ 1771 г. Батуринъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ и въ апрѣлѣ 1740 г. былъ выпущенъ въ армію прапорщикомъ; но вскорѣ же «за непристойныя противныя и не-

учтивыя слова» противъ своего полковника фонъ-Экина, а также за ложное сказываніе «слова и дѣла по первому пункту» за тѣмъ же полковникомъ и за прапорщикомъ княземъ Козловскимъ приговоренъ къ смертной казни. Военная коллегія смягчила этотъ приговоръ, лишивъ Батурина прапорщичьяго чина и выславъ его на три года въ Сибирь на казенныя работы. Изъ Сибири Батуринъ опять объявилъ за полковникомъ фонъ-Экинымъ и Козловскимъ «слово и дѣло», вслѣдствіе чего былъ вызванъ въ тайную канцелярію; обвиненіе его вторично оказалось ложнымъ, и тогда онъ обвинилъ фонъ-Экина въ разнаго рода «непорядкахъ и разгулахъ» предъ военной Коллегіей, гдѣ, между прочимъ, представилъ свои какіе то проекты и предложенія «для немалаго интереса» Сибири; послѣдніе оказались незаслуживающими вниманія. Между тѣмъ срокъ ссылки Батурина прошелъ, онъ вступилъ въ солдаты, согласно прежнему рѣшенію военной коллегіи, а въ 1749 г. былъ уже подпоручикомъ и состоялъ въ шуваловскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ окрестностяхъ Москвы. Въ это время, вслѣдствіе стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ тяглому сословію, въ Москвѣ было много недовольныхъ изъ среды крестьянъ и фабричныхъ, которые производили ежедневные разбои. Московская полиція справлялась съ ними очень плохо. Этою-то неурядицей и рѣшился воспользоваться Батуринъ для совершенія государственнаго переворота. Подговоривъ фабричныхъ, нѣкоторыхъ солдатъ и егерей великаго князя Петра Өедоровича, онъ при помощи ихъ хотѣлъ короновать цесаревича съ тѣмъ, чтобы послѣдній «имѣлъ одно только государственное правленіе и держалъ бы армію въ лучшемъ порядкѣ». Но, благодаря доносу, объ этомъ скоро узнали, и Батуринъ съ нѣкоторыми своими единомышленниками былъ препровожденъ въ преображенскій приказъ. По словамъ Екатерины II, Батуринъ хотѣлъ лишить жизни императрицу, поджечь дворецъ и, воспользовавшись общимъ смятеніемъ, возвести на престолъ Петра Өедоровича. Подлинные же документы этого дѣла словъ Екатерины не подтверждаютъ. Изъ нихъ видно, что были замыслы только на жизнь Разумовскаго, а Елизавету Петровну «оставляли при своей полной власти». Императрица Елизавета Петровна, прочтя экстрактъ изъ дѣла, по неизвѣстной причинѣ, не положила никакой конфирмаціи, «а за непослѣдованіемъ оной», какъ сказано въ дѣлѣ, Батуринъ былъ посланъ изъ тайной канцеляріи «къ крѣпкому содержанію» въ Шлиссельбургъ лишь въ 1753 г. За послѣдующіе 14 лѣтъ о Батуринѣ имѣется одно отрывочное свидѣтельство, изъ котораго видно, что онъ за что-то вновь былъ осужденъ сенатомъ на вѣчную ссылку въ Нерчинскъ, но по докладу тайнаго секретаря Д. В. Волкова Петру III оставленъ въ крѣпости по прежнему, «съ тѣмъ еще, чтобы ему давать и лучшее тамъ пропитаніе». Въ 1768 г. Батуринъ послалъ письмо Императрицѣ. Вслѣдствіе этого возбуждено было новое дѣло, и Батуринъ былъ сосланъ на Камчатку, въ Большерѣцкой острогъ «вѣчно», съ тѣмъ, чтобы «пропитаніе тамъ имѣлъ своею работою», и находился подъ весьма строгимъ присмотромъ. Однако, через годъ по прибытіи въ острогъ, въ 1771 г. Батуринъ принялъ дѣятельное участіе въ бунтѣ Беніовскаго, но въ августѣ того же года былъ убитъ на островѣ Формозѣ, при нападеніи шайки Беніовскаго на одно китайское селеніе. Екатерина II въ своихъ запискахъ характеризовала Батурина, какъ обремененнаго долгами игрока и человѣка, слывшаго негодяемъ, но обладавшаго весьма рѣшительнымъ характеромъ.

А. П. Барсуковъ, «Іосафатъ Батуринъ» (… «Древней и Новой Россіи», 1875 г., № 2). — Екатерина II, «Записки». Лондонъ 1859.

Батуринъ, *Сергѣй Герасимовичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1789 г., ум. 19 октября 1856 г. Службу началъ 15 лѣтъ актуаріусомъ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, откуда въ 1808 г. опредѣлился юнкеромъ … въ егерскій полкъ и через два года былъ произведенъ въ офицеры. Участвуя съ н… комъ въ походѣ 1812—1814 гг. нал… въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Люценомъ и Кульмомъ, гдѣ былъ раненъ, и при взятіи Парижа. Въ 1819 г. произведенъ въ полковники, въ 1827 г. въ генералъ-маіоры и 18 января 1831 г. получилъ въ командованіе 2-ю бригаду 3-й пѣхотной дивизіи, къ которой прибылъ только четыре мѣсяца спустя послѣ назначенія, находясь въ теченіе этого времени, по Высочайшему повелѣнію, въ губерніяхъ: тверской, въ г. Осташковѣ, и псковской, въ посадѣ Боровичи, начальникомъ карантина во время холеры. Принявъ командованіе брига-

дою, участвовалъ въ войнѣ 1831 г.; при взятіи Варшавы получилъ контузію въ лѣвую ногу и былъ раненъ ружейною пулею. 6 декабря 1836 г. назначенъ командующимъ 5-ю пѣхотною дивизіею, 18 апрѣля слѣдующаго года произведенъ въ генералъ-маіоры и 7 мая 1849 г. опредѣленъ въ Сенатъ. Сохраняя званіе сенатора, съ 21 іюня по 21 сентября 1849 г. онъ состоялъ въ должности коменданта Шлиссельбургской крѣпости, послѣ чего снова опредѣленъ въ Сенатъ. Скончался, состоя на службѣ.

Послужн. списокъ, хран. въ Правит. Сенатѣ.— Словари: Старчевскаго и Андреевскаго.

Батюшковъ, *Константинъ Николаевичъ*, род. въ Вологдѣ 18-го мая 1787 г., ум. тамъ-же 7-го іюля 1855 г.; происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Отецъ его, *Николай Львовичъ* († 1817), еще въ юношескихъ годахъ привлеченный къ слѣдствію по дѣлу своего дяди, *Ильи Андреевича*, который въ 1770 г. составилъ заговоръ съ цѣлью возвести на престолъ цесаревича Павла, былъ удаленъ изъ военной службы и поселился въ родовой деревнѣ своей — сельцѣ Даниловскомъ бѣжецкаго уѣзда. Спустя нѣкоторое время онъ былъ опредѣленъ прокуроромъ въ Вятку, но вскорѣ вышелъ въ отставку и окончательно водворился въ Даниловскомъ, гдѣ жилъ почти безвыѣздно, занимаясь хозяйствомъ, а въ послѣдніе годы жизни увлекся промышленными предпріятіями, разстроившими его состояніе. Николай Львовичъ былъ большой любитель французской литературы и философіи XVIII вѣка и собралъ въ Даниловскомъ значительную библіотеку. Константинъ Николаевичъ былъ младшимъ изъ дѣтей отца отъ перваго брака его съ Александрой Григорьевной Бердяевой. Во второмъ бракѣ Н. Л. былъ женатъ на Авдотьѣ Николаевнѣ Теглевой, отъ которой имѣлъ только одного сына Помпея. Константинъ Николаевичъ провелъ свое дѣтство въ Даниловскомъ; онъ рано лишился матери, которая сошла съ ума и умерла въ Петербургѣ въ 1795 г. Эта потеря сильно отразилась на дѣтской натурѣ поэта, лишенной съ нѣжнаго возраста материнской любви и заботъ. Около 1797 г. К. Н. былъ привезенъ отцомъ въ Петербургъ и отданъ въ частное учебное заведеніе О. П. Жакино, учителя французской словесности въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ. Пансіонъ былъ устроенъ на широкую ногу и предназначался для дѣтей богатыхъ родителей. Учебныя занятія велись почти исключительно на французскомъ языкѣ, и курсъ былъ почти элементарный, но, по тогдашнимъ понятіямъ, достаточный для дворянина. Пробывъ у Жакино около четырехъ лѣтъ, Батюшковъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, былъ переведенъ въ другое учебное заведеніе, содержавшееся учителемъ морского кадетскаго корпуса—И. А. Триполи. Но и этотъ пансіонъ, по своей программѣ, не стоялъ выше заведенія Жакино, и новостью для Батюшкова былъ здѣсь только итальянскій языкъ. Недостаточность получаемаго въ пансіонахъ образованія Батюшковъ пополнялъ самостоятельнымъ чтеніемъ; читалъ онъ очень много, главнымъ образомъ произведенія французской литературы XVII и XVIII вв. Наблюденіе за мальчикомъ во время пребыванія его въ пансіонахъ несъ на себѣ знакомый его отца П. А. Соколовъ, человѣкъ повидимому просвѣщенный: онъ сочувственно встрѣтилъ первый литературный трудъ К. Н. — переводъ на французскій языкъ слова митрополита Платона на коронованіе Александра I. По настоянію Соколова переводъ этотъ, исправленный Триполи, былъ тогда же напечатанъ и, по желанію К. Н., посвященъ его «благодѣтелю». На шестнадцатомъ году Батюшковъ былъ взятъ изъ пансіона Триполи. На этомъ бы и кончилось образованіе поэта, если бы не его страсть къ чтенію и, особенно, живое слово—совѣты и указанія Михаила Никитича Муравьева, родственника и пріятеля отца поэта, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ необыкновеннаго, съ высокимъ нравственнымъ характеромъ соединявшаго въ себѣ глубокій, свѣтлый умъ и разностороннее образованіе. Унего-то и поселился Батюшковъ въ 1802 г. Въ лицѣ супруги Михаила Никитича—Екатерины Ѳедоровны, доброй, умной и энергичной женщины, Батюшковъ нашелъ себѣ вторую мать. Въ концѣ того-же 1802 г. Батюшковъ былъ опредѣленъ на службу во вновь образованное министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ сперва состоялъ «въ числѣ дворянъ, положенныхъ при департаментѣ», а затѣмъ перешелъ письмоводителемъ въ канцелярію Муравьева по московскому университету. Хотя служба эта не была слишкомъ обременительна, тѣмъ не менѣе она сильно тяготила пылкаго юношу и ставила его въ дурныя отношенія къ ближайшему начальству. Но эти служебныя непріятности забывались въ домашнемъ кругу. Мягкій и доброжелатель-

ный Муравьевъ не могъ, конечно, не замѣтить дарованій своего племянника, уже въ то время обнаруживавшаго литературныя наклонности; знатокъ древнихъ языковъ и литературы, сознательно уважавшій классическое образованіе, Муравьевъ прежде всего постарался направить Батюшкова на изученіе классическихъ языковъ, съ цѣлью открыть ему доступъ къ знакомству съ древнею литературою въ подлинникѣ. Батюшковъ принялся за изученіе латинскаго языка и вскорѣ достигъ того, что могъ болѣе или менѣе свободно читать римскихъ авторовъ. Знакомство съ ихъ произведеніями навсегда уяснило Батюшкову, что истинный классицизмъ заключается прежде всего въ изяществѣ формы, въ отдѣлкѣ слога, въ совершенствѣ изложенія. Любимыми поэтами Батюшкова сдѣлались Горацій и Тибуллъ. Кромѣ развитія литературнаго вкуса, вліянію Муравьева слѣдуетъ также приписать и то, что Батюшковъ созналъ въ это время необходимость выработать себѣ нравственный идеалъ, разобраться въ той массѣ ученій и системъ, которыми былъ переполненъ умъ юноши, напитанный раннимъ безпорядочнымъ чтеніемъ. За то и Батюшковъ свою горячую любовь и признательность къ наставнику сохранилъ на всю жизнь; чувства его къ Муравьеву (умершему въ 1807 г.) высказаны въ его статьѣ «Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева».

По счастливому стеченію обстоятельствъ, Батюшковъ, въ числѣ своихъ сослуживцевъ по департаменту, встрѣтилъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, занимавшихся литературою; то были: даровитый, но рано умершій И. П. Пнинъ, Н. А. Радищевъ, Д. И. Языковъ, Н. И. Гнѣдичъ. Вращаясь въ ихъ кругу, Батюшковъ и самъ началъ пробовать свои силы въ литературѣ и писать стихи. Сверхъ того, въ домѣ своего дяди Муравьева онъ имѣлъ возможность встрѣчаться со многими замѣчательными людьми того времени, каковы: Державинъ, Н. А. Львовъ, В. В. Капнистъ, А. Н. Оленинъ, гр. А. С. Строгановъ, И. М. Муравьевъ - Апостолъ — родственникъ и другъ Мих. Никитича. Посѣщалъ Батюшковъ и свѣтскіе дома, какъ, напримѣръ, богатое семейство Ниловыхъ, у которыхъ, по выраженію самого Батюшкова, «время летѣло быстро и весело», и общество, собиравшееся вокругъ умной и дѣловитой А. П. Квашниной - Самариной. Здѣсь онъ встрѣчалъ утонченные умственные потребности и интересы, — и они-то дали его произведеніямъ тотъ характеръ, который отличаетъ ихъ отъ литературной дѣятельности прежнихъ поколѣній; здѣсь г[...]ствовала та «людскость», по его выраженію, та свѣтскость, urbanité, которой Батюшковъ придавалъ большое значеніе для развитія языка и изящной словесности. «Я думаю», писалъ онъ въ 1809 г. Гнѣдичу, «что вечеръ, проведенный у Самариной или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искусствѣ писать, чѣмъ чтеніе нашихъ варваровъ... Стихи твои будутъ читать женщины..., а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ». Ту же мысль онъ высказывалъ и позже, въ 1816 г., въ рѣчи «о легкой поэзіи», говоря, что писатели Екатеринина вѣка «въ лучшемъ обществѣ научились угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять всѣ условія и отношенія свѣтскія и говорить ясно, легко и пріятно». Это сужденіе, не совсѣмъ вѣрное въ историческомъ смыслѣ, цѣнно для насъ потому, что показываетъ, къ чему стремился самъ Батюшковъ. Такое стремленіе было новшествомъ въ то время, когда большинство писателей исключительно руководствовалось правилами школьной піитики; такимъ-же, если не большимъ отступленіемъ отъ рутины было правило, которое ставилъ себѣ Батюшковъ и котораго держался всю свою жизнь, — правило, чтобы писатель выражалъ въ своихъ произведеніяхъ лишь то, что чувствовалъ, что проживалъ своимъ сердцемъ: «Живи, какъ пишешь и пиши, какъ живешь: иначе всѣ отголоски твоей лиры будутъ фальшивы», говорилъ онъ. А между тѣмъ въ то время въ творчествѣ требовалось только строгое соблюденіе правилъ, установленныхъ господствовавшею теоріею, а оригинальность цѣнилась всего менѣе. Карамзинъ и Дмитріевъ, возстававшіе противъ прежняго направленія литературы и увлекавшіе читателей своимъ простымъ разговорнымъ языкомъ, только что выступали тогда на борьбу противъ приверженцевъ старой школы. Съ появленіемъ (1803 г.) книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ въ средѣ писателей образовались двѣ рѣзко противоположныя партіи, надолго раздѣлившія нашу литературу. Группа молодыхъ петербургскихъ литераторовъ, увлеченная ласкающимъ душу сентиментализмомъ Михайловича Карамзина, его живою и свободною рѣчью, невольно становилась на его сто-

ону. Эти петербургскіе послѣдователи Карамзина образовали (1801 г.) даже особое Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ», куда вошли многіе сослуживцы Батюшкова по департаменту народнаго просвѣщенія. Батюшковъ примкнулъ къ ихъ числу и хотя первое время не состоялъ въ числѣ оффиціальныхъ членовъ Общества, однако сотрудничалъ въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ», въ которомъ принимали участіе члены-карамзинисты. Въ этомъ изданіи особенно выдѣляется стихотвореніе Батюшкова на смерть всѣми оплаканнаго предсѣдателя Вольнаго Общества—И. П. Пнина († 1805). Съ потерей этого дѣятельнаго, благороднаго и независимаго по своимъ убѣжденіямъ человѣка, Общество стало приходить въ упадокъ. Многіе изъ членовъ постепенно отстранились отъ участія въ трудахъ его; равнымъ образомъ и Батюшковъ, не находя болѣе удовлетворенія въ дѣятельности Общества, прервалъ съ нимъ связи, а изъ членовъ его наиболѣе тѣсныя дружескія отношенія утвердились у К. Н. только съ Н. И. Гнѣдичемъ. Начало ихъ знакомства относится къ 1803 г., когда Гнѣдичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Противоположность характеровъ и обстоятельствъ жизни обоихъ не только не препятствовала ихъ сближенію, но, какъ часто бываетъ, крайности сошлись. Тогда какъ Батюшковъ, простодушный и безпечный, былъ живъ, общителенъ, скоро и горячо увлекался тѣми, съ кѣмъ сближался и легко поддавался чужому вліянію,—выросшій въ бѣдности Гнѣдичъ былъ замкнутъ, любилъ упорный трудъ и вообще отличался стойкостью въ характерѣ, убѣжденіяхъ и привязанностяхъ. Такимъ образомъ Батюшковъ нашелъ въ своемъ другѣ тѣ качества, отсутствіе которыхъ сознавалъ въ себѣ, и это-то было причиной его привязанности къ Гнѣдичу. Послѣдній сумѣлъ оцѣнить тонкій умъ и чуткое сердце нашего поэта, щадить его легко раздражавшееся самолюбіе и быть снисходительнымъ къ его прихотямъ и слабостямъ. Конечно, не обходилось и безъ огорченій и разочарованій съ той и съ другой стороны, безъ мелкихъ обидъ и недоразумѣній, но все-таки никогда не было между ними серьезнаго охлажденія: друзья высоко цѣнили одинъ другого и были увѣрены въ нравственномъ достоинствѣ другъ друга. Они были почти неразлучны, посѣщали одинъ общій кругъ знакомыхъ, предавались вмѣстѣ свѣтскимъ развлеченіямъ, сообщали одинъ другому свои литературныя мнѣнія, вмѣстѣ читали написанное ими самими и откровенно критиковали другъ друга. Оба пріятеля очень часто посѣщали въ это время домъ извѣстнаго археолога и любителя художествъ—А. Н. Оленина. Въ домѣ этого умнаго и просвѣщеннаго человѣка Батюшковъ встрѣчалъ всегда не только радушный пріемъ, но находилъ и благопріятную почву для своихъ умственныхъ и литературныхъ интересовъ: всѣ труженики на различныхъ поприщахъ науки и искусства стекались подъ гостепріимный кровъ Оленина и группировались около него, «какъ около старшаго друга», по выраженію С. Т. Аксакова. Радушію гостепріимнаго хозяина не уступала и его супруга—Елизавета Марковна, «образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ», какъ говорилъ о ней С. С. Уваровъ. По его же свидѣтельству, къ Оленину «обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появлявшіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ, словомъ—все, что могло питать любопытство людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовью къ просвѣщенію. Не взирая на грозныя событія, совершавшіяся тогда въ Европѣ, политика не составляла главнаго предмета разговора: она всегда уступала мѣсто литературѣ». Если принять въ соображеніе то, что въ Оленинскомъ кружкѣ узкій псевдоклассицизмъ не находилъ себѣ слишкомъ рьяныхъ приверженцевъ, и что тамъ сочувственно встрѣчалось всякое новое явленіе въ области искусства вообще и литературы въ частности,—то станетъ понятнымъ, почему Батюшковъ съ такимъ удовольствіемъ посѣщалъ домъ Оленина.

Въ 1805 г. Россія вынуждена была вступить въ борьбу съ Наполеономъ. Послѣ неудачной для насъ битвы подъ Аустерлицемъ, непродолжительный упадокъ духа въ русскомъ обществѣ смѣнился необычайнымъ воодушевленіемъ и жаждой новой войны; молодежь устремилась въ ряды войскъ или записывалась въ ополченіе. Молодымъ поэтомъ также овладѣло желаніе стать въ ряды защитниковъ отечества, но его отецъ не сочувствовалъ поступленію сына на военную службу и даже прямо запрещалъ ему это. Однако, въ началѣ 1807 г.

(13-го января), Батюшкову удалось принять хоть косвенное участіе въ общемъ дѣлѣ. А. Н. Оленинъ управлялъ тогда канцеляріею начальника 1-й области милиціи генерала Н. А. Татищева, и здѣсь-то Батюшковъ занялъ должность письмоводителя. Мѣсяцъ же спустя, предварительно написавъ отцу откровенное письмо съ просьбой о прощеніи его ослушанія, онъ окончательно рѣшилъ стать въ ряды ополченцевъ и былъ назначенъ (22-го февраля) сотеннымъ начальникомъ въ Петербургскомъ милиціонномъ батальонѣ, а черезъ десять дней послѣ того уже оставилъ Петербургъ. Во время этого похода Батюшковъ особенно сблизился съ молодымъ офицеромъ гвардейскаго егерскаго полка И. А. Петинымъ, личностью чрезвычайно свѣтлою и привлекательною. «Однѣ пристрастія, однѣ наклонности, та-же пылкость и та-же безпечность, которыя составляли мой характеръ въ первомъ періодѣ молодости, плѣняли меня въ моемъ товарищѣ. Привычка быть вмѣстѣ, переносить трудъ и безпокойства воинскія, раздѣлять опасности и удовольствія,—стѣснили нашъ союзъ. Часто и кошелекъ, и шалашъ, и мысли, и надежды у насъ были общіе», такъ вспоминалъ впослѣдствіи Батюшковъ о другѣ своей молодости. Въ концѣ мая 1807 г. Батюшковъ былъ уже заграницей: 24-го мая онъ участвовалъ въ сраженіи при Гутштадтѣ и 25-го—въ преслѣдованіи маршала Нея за рѣку Пассаргу, а 29-го былъ въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ. Здѣсь онъ былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ, такъ что его полумертваго вынесли изъ груды убитыхъ и раненыхъ. Онъ сильно страдалъ въ то время, какъ его везли къ русской границѣ— въ Юрбургъ, гдѣ судьба случайно столкнула его съ Петинымъ, также раненымъ. Изъ Юрбурга Батюшковъ перевезенъ былъ въ Ригу; онъ поправлялся медленно, и хотя, по увѣренію врачей, рана не внушала серьезныхъ опасеній, тѣмъ не менѣе имъ овладѣло сильное нервное разстройство, и онъ уже съ неудовольствіемъ вспоминалъ о войнѣ, на которую еще недавно такъ рвался. Выздоравливающій былъ помѣщенъ у богатаго рижскаго негоціанта Мюгеля, въ домѣ котораго прожилъ болѣе мѣсяца. Въ это время онъ познакомился съ семействомъ гр. Ю. М. Віельгорскаго, случайно оставшимся въ Ригѣ по пути за границу, и особенно сблизился съ гр. Михаиломъ, уже въ то время проявлявшимъ свои блестящія музыкальныя способности. Пребываніе Батюшкова въ Ригѣ пріобрѣло въ его жизни важное значеніе по совершенно исключительному событію: онъ влюбился въ дочь Мюгеля, которая и отвѣтила ему тѣмъ-же и Батюшковъ мечталъ уже о бракѣ съ любимою дѣвушкой; съ надеждой на возможность устройства своей будущности онъ, въ исходѣ іюля, покинулъ Ригу и отправился въ Даниловское, намѣреваясь, между прочимъ, уладить съ отцомъ вопросъ о своей женитьбѣ на дѣвицѣ Мюгель. Но здѣсь его ожидалъ рядъ внезапныхъ огорченій. Гнѣдичъ увѣдомилъ его о кончинѣ М. Н. Муравьева; отецъ встрѣтилъ сына не ласково: онъ самъ въ это время задумалъ жениться вторично. Въ семьѣ произошелъ разладъ, такъ что К. Н., вмѣстѣ со своими незамужними сестрами, поспѣшилъ переселиться въ имѣніе, доставшееся имъ отъ матери—с. Хантоново (череповецкаго уѣзда, новгородской губерніи). Такимъ образомъ всѣ надежды Батюшкова рухнули. Въ тяжкомъ настроеніи покинулъ онъ Хантоново и пріѣхалъ въ Петербургъ. Еще въ сентябрѣ 1807 г. онъ былъ переведенъ въ гвардейскій егерскій полкъ, въ которомъ служилъ его пріятель Петинъ. Въ Петербургѣ Батюшкова постигла тяжкая болѣзнь и положеніе его было опасно; въ это время его перевезъ къ себѣ Оленинъ и окружилъ поэта самыми нѣжными заботами; въ кругу этой семьи Батюшковъ нашелъ отраду для своей измученной послѣдними потрясеніями души. Оправившись отъ болѣзни лишь весною 1808 г., Батюшковъ вернулся къ дѣйствительной службѣ и въ маѣ былъ уже въ Финляндіи, куда направились наши войска въ виду начавшейся войны со Швеціей. Въ одномъ баталіонѣ съ Батюшковымъ находился Петинъ и еще двое его знакомыхъ; это небольшое общество заставляло его забывать о непріятностяхъ похода. Въ сентябрѣ 1808 г. гвардейскіе егеря находились на сѣверѣ Финляндіи и, по заключеніи перемирія со шведами, стояли у кирки Иденсальми. 29-го октября произошла здѣсь схватка, въ которой Батюшковъ находившійся въ резервѣ, не участвовалъ, а Петинъ былъ тяжело раненъ. Затѣмъ отрядъ, въ которомъ состоялъ Батюшковъ, двинулся на Улеаборгъ и Торнео. Въ декабрѣ егеря расположились въ г. Вазѣ и его окрестностяхъ и простояли здѣсь до марта 1809 г., когда вмѣстѣ съ отрядомъ двинулись по льду на Аландскіе острова, а по [illegible] ихъ вернулись въ концѣ марта на мате-

…ли. Батюшковъ участвовалъ во всѣхъ …лихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но затѣмъ до самаго конца Шведской войны ему уже не пришлось быть въ огнѣ: болѣе двухъ мѣсяцевъ онъ прожилъ въ мѣстечкѣ Надендалѣ, близъ Або, скучая въ одиночествѣ и страдая отъ суровости сѣвернаго климата; имъ начало овладѣвать уныніе, и его стало неудержимо тянуть на родину. Наконецъ, въ маѣ или въ іюнѣ 1809 г., ему удалось получить продолжительный отпускъ, и онъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Но и столица встрѣтила его нерадостно: между прочимъ, въ его отсутствіе умерла его замужняя сестра А. Н. Гревенсъ. Поэтому, не медля здѣсь, онъ въ іюлѣ отправился въ Хантоново, гдѣ жили его незамужнія сестры Александра и Варвара Николаевны. Батюшковъ засталъ хозяйство въ сильномъ упадкѣ, и хотя Александра Николаевна много хлопотала, однако оно давало очень мало дохода, такъ что Батюшковымъ порой приходилось очень трудно. Самъ поэтъ совсѣмъ не зналъ хозяйства и потому не вмѣшивался въ него: онъ только старался не отягощать крестьянъ непосильными оброками. Имѣнье находилось въ глухой мѣстности, сосѣдей было немного, а тѣ, которые были, совершенно не подходили къ умственному уровню К. Н. Немудрено, что онъ скоро началъ скучать, а съ наступленіемъ осенняго времени впалъ въ апатію; съ нимъ стали случаться даже галлюцинаціи. Но въ болѣе спокойныя минуты Батюшковъ охотно отдавался умственному труду. Произведенія французской словесности XVII и XVIII в.в., Горацій, Тибуллъ, Виргилій, Аріостъ и Тассъ — вотъ что было тогда предметомъ его изученія. Изъ французскихъ писателей особенно занималъ его Вольтеръ: онъ увлекалъ Батюшкова культурною силою своихъ сочиненій; любовь къ просвѣщенію, свобода мысли, уваженіе къ достоинству человѣка, къ благородному умственному труду и званію писателя, отвращеніе отъ педантизма, помрачающаго умъ и ожесточающаго сердце,—вотъ тѣ идеи, которыя Батюшковъ съ любовью встрѣчалъ въ сочиненіяхъ Фернейскаго мудреца. Деизмъ Вольтера также подѣйствовалъ на Батюшкова и привелъ его къ твердому убѣжденію въ существованіи одного общаго начала—Божества. Что касается собственно литературы, то и въ этомъ отношеніи Вольтеръ оказалъ на Батюшкова вліяніе, особенно какъ поэтъ-лирикъ. Подъ впечатлѣніями этихъ изученій развился и собственный литературный вкусъ Батюшкова; онъ понялъ всю грубость понятій, преобладавшихъ въ нашей литературѣ, и остроумно осмѣялъ бездарныхъ людей, старавшихся не по праву занять видное мѣсто на поприщѣ словесности, въ стихотвореніи: «Видѣніе на берегу Леты».

Къ концу 1809 г. деревенская жизнь стала казаться Батюшкову невыносимою. Чтобы разстаться съ нею, онъ сталъ подумывать о поступленіи вновь на дѣйствительную службу. Ему пришла мысль попытать счастье на дипломатическомъ поприщѣ. Какъ разъ въ это время онъ получилъ письмо отъ Е. Ѳ. Муравьевой, приглашавшей его пріѣхать къ ней въ Москву, и немедленно покинулъ деревню. Екатерина Ѳедоровна встрѣтила Батюшкова съ теплымъ участіемъ: сыновья ея готовились тогда къ поступленію въ университетъ, а потому Батюшкову приходилось встрѣчаться съ нѣкоторыми изъ московскихъ профессоровъ и другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, пользовавшихся ранѣе расположеніемъ М. Н. Муравьева; кромѣ того, въ домѣ Муравьевой постоянно бывалъ родственникъ и другъ ея мужа И. М. Муравьевъ-Апостолъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Батюшковъ пріобрѣлъ еще новыхъ знакомыхъ, и нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи сдѣлались ближайшими его друзьями; такъ, напримѣръ, Батюшковъ встрѣтился съ А. Ѳ. Воейковымъ, кн. И. М. Долгоруковымъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, А. М. и В. Л. Пушкиными и 17-лѣтнимъ юношей кн. П. А. Вяземскимъ. Съ двумя послѣдними К. Н. сошелся наиболѣе коротко. Тогда же познакомился онъ и съ Жуковскимъ. Въ маѣ 1810 г. Батюшковъ получилъ отставку изъ полка, и теперь, на полной свободѣ, время полетѣло для него быстро и пріятно: дружескія вечеринки, веселыя пирушки и мирныя бесѣды въ тѣсномъ кружкѣ лицъ, вполнѣ оцѣнившихъ характеръ и дарованія К. Н., смѣняли другъ друга. Въ это же время состоялось знакомство Батюшкова съ Карамзинымъ, часто бывавшимъ въ семействѣ Е. Ѳ. Муравьевой. Карамзинъ быстро оцѣнилъ достоинства К. Н.,—и послѣдній вскорѣ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ его дома. Въ концѣ мая или началѣ іюня пріѣхалъ въ Москву Гнѣдичъ; нѣсколько предубѣжденный противъ московскихъ литераторовъ, онъ старался убѣдить Батюшкова поселиться въ Петербургѣ, но Батюшковъ остался вѣренъ своимъ новымъ друзьямъ и, вмѣсто Петербур-

га, отправился въ с. Остафьево, подмосковную кн. Вяземскаго, гдѣ и провелъ три недѣли въ обществѣ Карамзиныхъ, Жуковскаго и самого хозяина. Рѣшивъ, что огласка, которую по словамъ Гнѣдича, «Видѣніе на берегахъ Леты» получило въ Петербургѣ, вооружила противъ него литературныхъ старовѣровъ и испортила для него петербургскія отношенія, и что поэтому теперь нельзя уже разсчитывать на тамошнія связи для устройства своей будущности, Батюшковъ, скрѣпя сердце, поѣхалъ въ свое Хантоново. Здѣсь онъ снова началъ испытывать всю тяжесть деревенскаго одиночества, которое, послѣ веселой и пріятной жизни въ кругу московскихъ друзей, казалось ему тѣмъ болѣе невыносимымъ. Одно утѣшеніе находилъ онъ, какъ и прежде, въ литературныхъ занятіяхъ и чтеніи; онъ съ особеннымъ жаромъ принялся за изученіе итальянскихъ поэтовъ, особенно—Касти и Петрарки. Въ декабрѣ 1810 г. К. Н. предпринялъ поѣздку въ Вологду, гдѣ сильно захворалъ, а затѣмъ направился снова въ Москву, куда и прибылъ въ началѣ февраля 1811 г. Онъ не замедлилъ повидаться со своими московскими пріятелями и убѣдился, что они такъ же любятъ его, какъ и раньше; къ прежнимъ знакомствамъ присоединились и новыя для Батюшкова лица, между прочимъ, Л. В. Давыдовъ, весельчакъ, братъ извѣстнаго Дениса, Д. П. Сѣверинъ, питомецъ Дмитріева, а также умный и пріятный старикъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій; въ числѣ новыхъ знакомыхъ Батюшкова была Е. Г. Пушкина, жена Алексѣя Михайловича, въ обществѣ которой Батюшковъ всегда охотно проводилъ время. Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля Батюшковъ снова уѣхалъ въ Хантоново. На этотъ разъ пребываніе въ деревнѣ было для него менѣе тягостно: онъ началъ заниматься хозяйствомъ, много читалъ, слѣдилъ за литературными новостями Москвы и Петербурга, задумывалъ новыя произведенія и хотя писалъ мало, но находился, очевидно, въ томъ творческомъ настроеніи, когда въ душѣ поэта зрѣютъ новые художественные замыслы. Кругъ его корреспондентовъ теперь также увеличился, такъ что онъ могъ находить удовлетвореніе и въ деревенской жизни. Проведя такимъ образомъ шесть мѣсяцевъ, онъ двинулся въ Петербургъ, куда настойчиво призывалъ его Гнѣдичъ, уговаривая своего друга позаботиться о своей дальнѣйшей судьбѣ. По пріѣздѣ Батюшковъ однако не сразу могъ пристроиться и только въ апрѣлѣ 1812 г. получилъ должность помощника хранителя манускриптовъ въ Публичной библіотекѣ, директоромъ которой былъ Оленинъ. Среди своихъ сослуживцевъ Батюшковъ встрѣтилъ людей, хорошо ему извѣстныхъ—С. С. Уварова, И. А. Крылова, А. И. Ермолаева, наконецъ тутъ же былъ и Гнѣдичъ. На дежурствѣ послѣдняго, по вечерамъ, въ библіотекѣ собирался кружокъ его пріятелей, проводившихъ время въ дружеской бесѣдѣ, и здѣсь Батюшковъ познакомился еще съ М. В. Милоновымъ, П. А. Никольскимъ, М. Е. Лобановымъ, П. С. Яковлевымъ и Н. И. Гречемъ. Къ тому же и служебные труды Батюшкова не были слишкомъ обременительны, такъ что время шло для него быстро и пріятно. Къ числу людей съ которыми онъ встрѣчался въ это время слѣдуетъ прибавить И. И. Дмитріева, занимавшаго тогда постъ министра юстиціи, А. И. Тургенева, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова, Д. П. Сѣверина. Дѣятельная переписка велась у него съ Жуковскимъ и Вяземскимъ, онъ снова сталъ посѣщать собранія Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, гдѣ признавались заслуги Карамзина и замѣчалось сочувствіе къ новымъ стремленіямъ въ словесности, и началъ помѣщать свои стихотворенія въ журналѣ Общества «С.-Петербургскій Вѣстникъ».

Между тѣмъ, близились событія, долженствовавшія произвести міровой переворотъ: деспотизмъ Наполеона поднималъ уже вопросъ о сохраненіи самостоятельности Россіи. Въ русскомъ обществѣ проснулось необычайное воодушевленіе, и молодежь, побуждаемая ходомъ событій, принимавшихъ все болѣе тревожный характеръ, устремилась въ армію. Князь Вяземскій, Жуковскій, Сѣверинъ вступали въ военную службу; Батюшковъ страстно желалъ послѣдовать ихъ примѣру, но болѣзнь и разныя хлопоты удерживали его отъ этого. Однако, взявъ отпускъ, онъ отправился въ Москву, къ Е. Ѳ. Муравьевой, положеніе которой его сильно тревожило въ виду приближенія французской арміи къ Москвѣ. Батюшковъ пріѣхалъ туда въ августѣ, за нѣсколько дней до Бородинской битвы. Муравьева рѣшила ѣхать съ семействомъ въ Нижній-Новгородъ, и К. Н. счелъ долгомъ сопровождать ее. Нижній, куда Батюшковъ прибылъ около 10-го сентября, сдѣлался, послѣ отдачи Москвы, настоя-

гимъ уголкомъ древней столицы. Здѣсь собирались, между прочимъ: И. М. Муравьевъ-Апостолъ, столь горячо возстававшій противъ царившей тогда галломаніи, Н. М. Дружининъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, В. Л. и А. М. Пушкины, наконецъ, Карамзины. Но только въ домѣ послѣдняго, да въ бесѣдахъ извѣстнаго патріота С. Н. Глинки, подъ дѣятельностью котораго прежде подпадывался Батюшковъ, онъ находилъ то сосредоточенное и грустное настроеніе, которое и ему самому внушали недавнія событія, въ остальномъ же обществѣ господствовалъ шумный разгулъ, перенесенный веселыми москвичами на берега Волги. Тутъ Батюшковъ окончательно рѣшилъ стать въ ряды войскъ. Прибывшій въ Нижній-Новгородъ для излѣченія генералъ Н. А. Бахметевъ, раненый подъ Бородинымъ, выразилъ готовность принять его къ себѣ въ адъютанты. Но прежде К. Н. былъ долженъ съѣздить въ Вологду для свиданія съ родными, и потомъ побывалъ въ разоренной французами Москвѣ. Только въ исходѣ февраля 1813 г. обстоятельства позволили Батюшкову двинуться въ Петербургъ. Въ Петербургѣ тогда преобладало бодрое настроеніе, вызванное сознаніемъ одержанныхъ успѣховъ. Батюшкову хотѣлось скорѣе попасть въ дѣйствующую армію, но болѣзнь Бахметева долго задерживала его; наконецъ, приказомъ 29-го марта 1813 г., онъ былъ зачисленъ въ рыльскій пѣхотный полкъ и назначенъ въ адъютанты къ Бахметеву. Чтобы убить время въ ожиданіи пріѣзда Бахметева, Батюшковъ принялся за чтеніе нѣмецкихъ книгъ, имѣя въ виду освѣжить въ памяти знаніе языка той страны, куда ему предстояло отправиться. Въ началѣ іюля прибылъ, наконецъ, Бахметевъ, но теперь выяснилось, что состояніе его здоровья не позволитъ ему принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; поэтому онъ далъ К. Н. разрѣшеніе ѣхать въ дѣйствующую армію безъ него. Тронувшись, въ исходѣ іюля, изъ Петербурга, Батюшковъ черезъ Вильну, Варшаву, Силезію и Прагу достигъ Дрездена, гдѣ находилась русская главная квартира. Съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Бахметева отправился онъ къ Н. Н. Раевскому, который и принялъ его къ себѣ въ адъютанты. Первое дѣло, въ которомъ пришлось принять участіе К. Н., была небольшая стычка подъ Доной, близъ Дрездена; затѣмъ онъ былъ въ бою близъ Теплица (15-го августа), наконецъ, 4-го октября—подъ Лейпцигомъ: здѣсь онъ находился подлѣ Раевскаго, когда послѣдній былъ раненъ, и тутъ же убитъ другъ Батюшкова Петинъ. За участіе въ этомъ сраженіи Батюшковъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени. Рана Раевскаго заставила его ѣхать въ Веймаръ, куда послѣдовалъ и Батюшковъ. Здѣсь и во Франкфуртѣ на-Майнѣ пробылъ онъ около двухъ мѣсяцевъ и почти каждый вечеръ посѣщалъ Н. И. Тургенева, находившагося тогда во Франкфуртѣ при бар. Штейнѣ, въ рукахъ котораго было сосредоточено управленіе землями, занятыми нашими войсками въ Германіи. Тутъ же, у Тургенева, Батюшковъ познакомился съ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Въ декабрѣ Батюшковъ съ Раевскимъ возвратился въ дѣйствующую армію: въ половинѣ января 1814 г. отрядъ Раевскаго блокировалъ крѣпость Бельфоръ въ южномъ Альзасѣ, затѣмъ перешелъ въ Шампань, участвовалъ въ битвѣ при Арсисъ-сюръ-Объ и въ дѣлѣ подъ стѣнами Парижа. 19-го марта 1814 г. императоръ Александръ съ союзниками въѣхалъ въ столицу Франціи; въ свитѣ государя былъ и Раевскій, а при немъ его адъютантъ. По окончаніи кампаніи К. Н., въ награду за свою службу, былъ переведенъ штабсъ-капитаномъ въ измайловскій полкъ, но оставленъ въ прежнемъ званіи адъютанта Бахметева.

Война заставила Батюшкова совершить большое и продолжительное путешествіе по западной Европѣ, имѣвшее для него огромное образовательное значеніе. Онъ съ интересомъ всматривался въ умственную жизнь запада, съ которою до этого былъ знакомъ преимущественно по «Письмамъ русскаго путешественника» Карамзина. Пребываніе его въ Германіи побудило его съ интересомъ отнестись къ этой странѣ, и особенно къ ея литературѣ, противъ которой онъ прежде былъ предубѣжденъ своимъ воспитаніемъ на французскій ладъ. Пребываніе въ Веймарѣ невольно заставило вспомнить о Гёте, о Виландѣ. Особенно полюбился ему теперь Шиллеръ со своимъ идеализмомъ. Онъ увлекался даже второстепенными нѣмецкими писателями и въ ихъ сочиненіяхъ отмѣчалъ идиллическія черты, которыя считалъ остаткомъ прежней патріархальности. Если Германія произвела на Батюшкова такое сильное впечатлѣніе, то тѣмъ большее дѣйствіе должно было оказать на него пребываніе во Франціи. Въ Парижѣ онъ любовался памятниками, посѣщалъ театры, музеи,

однимъ словомъ, старался узнать парижскую жизнь въ разныхъ ея проявленіяхъ. По пробывъ въ Парижѣ два мѣсяца и обогативъ себя запасомъ разнообразнѣйшихъ впечатлѣній, Батюшковъ все-таки почувствовалъ страстное желаніе возвратиться въ Россію. Для этого онъ избралъ дорогу моремъ, по пути посѣтилъ Лондонъ, гдѣ, впрочемъ, пробылъ очень недолго, и затѣмъ отплылъ къ берегамъ Швеціи. Проѣхавъ изъ Готенбурга сухимъ путемъ въ Стокгольмъ, Батюшковъ былъ обрадованъ здѣсь встрѣчей съ Д. Н. Блудовымъ, состоявшимъ въ то время совѣтникомъ русскаго посольства. Блудовъ въ это время также собирался ѣхать въ Петербургъ, а потому Батюшковъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ началѣ іюля, черезъ Финляндію. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ остановился у Е. Ѳ. Муравьевой. Его опять начала заботить мысль о ближайшемъ будущемъ. Военная служба въ мирное время была ему не по сердцу, и онъ желалъ перейти въ гражданскую, но хотѣлъ при этомъ извлечь извѣстныя выгоды изъ своего пребыванія въ арміи; такъ, онъ надѣялся получить орденъ св. Владиміра и при переводѣ въ гвардію повыситься на два чина, чтобы этимъ пріобрѣсти право на переходъ въ гражданскую службу надворнымъ совѣтникомъ. Съ большою тревогой ожидалъ онъ разрѣшенія своихъ надеждъ. Въ то же время по письмамъ изъ деревни онъ видѣлъ, что хозяйственныя дѣла все болѣе разстраиваются; все это огорчало его, такъ что черезъ два-три мѣсяца по возвращеніи въ Петербургъ хандра уже снова овладѣла имъ; патріотическій порывъ остылъ, и жизнь опять стала казаться ему скучнымъ и безполезнымъ бременемъ. Не мало раздражали его и литературные староверы, кичливость которыхъ и презрѣніе къ европейской образованности пошли еще дальше теперь, когда надъ Наполеономъ была одержана великая побѣда. Между тѣмъ Батюшковъ послѣ своего пребыванія за границей особенно ясно увидѣлъ, какъ далеки мы отъ запада по своему образованію, и какъ много мы должны учиться у него. Но въ то время, какъ общественные и литературные вопросы привлекли къ себѣ все вниманіе и дѣятельность Батюшкова, сердце его вторично было затронуто любовью, которая и на этотъ разъ доставила ему однѣ только горести. Онъ влюбился въ одну молодую дѣвушку Анну Ѳедоровну Фурманъ, воспитывавшуюся въ домѣ Олениныхъ. Она была ученицей Гильдича, и Батюшковъ зналъ ее съ давнихъ поръ, когда она была почти ребенкомъ. Во время своего пріѣзда въ Петербургъ въ 1812 г. К. Н. нашелъ ее уже девятнадцатилѣтнею русой красавицей, и еще передъ отъѣздомъ на войну былъ къ ней неравнодушенъ. Теперь же чувство вполнѣ овладѣло имъ, и онъ мечталъ уже о бракѣ, тѣмъ болѣе, что и Оленины, и Е. Ѳ. Муравьева вполнѣ одобряли его выборъ. Но въ Аннѣ Ѳедоровнѣ Батюшковъ не встрѣтилъ полнаго и горячаго отвѣта, а увидѣлъ скорѣе покорность любимой дѣвушки передъ рѣшеніемъ другихъ лицъ. Достаточно было К. Н. замѣтить это, чтобы онъ съ благородною гордостью оставилъ мысль, которую такъ лелѣялъ, и заталъ въ сердцѣ жестокій ударъ, посланный ему судьбою. Шесть тяжкихъ мѣсяцевъ провелъ онъ, однако, въ Петербургѣ и съ трудомъ перенесъ сильное нервное разстройство, которымъ разрѣшились его душевныя потрясенія, прежде чѣмъ могъ уѣхать (въ февралѣ 1815 г.) въ свое Хантоново, дѣла котораго приходили все въ большій упадокъ. Съѣздивъ въ Даниловское къ отцу, разстройство дѣлъ котораго произвело на него самое тяжкое впечатлѣніе, Батюшковъ вполнѣ отдался хлопотамъ по Хантонову. Срокъ отпуска приходилъ къ концу, а между тѣмъ Батюшковъ все не получалъ увольненія отъ службы. Поэтому, чтобы выяснить, наконецъ, свое положеніе, онъ рѣшилъ ѣхать къ Н. А. Бахметеву въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ находилась его штабъ-квартира, и въ іюлѣ 1815 г. былъ уже на мѣстѣ. Здѣсь сильно тяготило его отсутствіе людей, съ которыми онъ могъ бы чувствовать себя по душѣ; только въ обществѣ любезнаго и просвѣщеннаго графа К. Ф. Сенъ-При, подольскаго губернатора, Батюшковъ съ удовольствіемъ проводилъ время и пользовался его библіотекой. Чувство, съ которымъ онъ покинулъ Петербургъ, теперь, почти въ полномъ уединеніи, проснулось въ немъ съ новою силой и доводило его по временамъ почти до отчаянья. Послѣ ряда разочарованій и потрясеній онъ ясно увидѣлъ, насколько мечты его о жизненномъ счастіи далеки отъ осуществленія, и какъ жестоко онъ обманулся въ своемъ идеалѣ. Батюшковъ переживалъ тѣ-же чувства, какія нашли себѣ художественное изображеніе въ чувствахъ Гётева Вертера и, еще ярче, въ Шатобріановомъ Рене. Еще въ 1811 г. Батюшковъ признавался, что «любитъ этого

умалешнаго Шатобріана»; въ судьбѣ Рене онъ находилъ оправданіе и объясненіе своимъ собственнымъ слабостямъ; какъ и Рене, онъ въ молодости былъ непостояненъ и, подобно ему, объяснялъ свою неустойчивость тѣмъ, что всегда стремился къ совершенному, высшему благополучію: онъ создавалъ себѣ міръ несбыточныхъ мечтаній и грезъ, въ который углублялся, избѣгая житейской прозы. Но съ теченіемъ времени Батюшковъ сильно измѣнился: онъ понялъ, что всѣ эти мечты хороши и заманчивы лишь до тѣхъ поръ, пока не сталкиваются съ дѣйствительностью; теперь другое направленіе овладѣло прежде жизнерадостнымъ поэтомъ, и онъ началъ уже говорить, что «человѣкъ есть странникъ на землѣ», что «гробъ его жилище на вѣки», что «одна святая вѣра» можетъ напомнить человѣку о его высокомъ назначеніи. Такимъ образомъ теперь въ Батюшковѣ постепенно пробуждалось религіозное настроеніе. Только въ религіи видѣлъ онъ помощь для борьбы съ пылкою страстью, овладѣвшею всѣмъ существомъ его. Онъ находилъ теперь удовольствіе въ смиренномъ несеніи своего креста, говорилъ, что «добродѣтель есть отреченіе отъ самого себя»... Такъ совершился въ Батюшковѣ крутой переворотъ, измѣнившій все его міросозерцаніе. Измѣнился и взглядъ его на назначеніе писателя. «Вѣра и нравственность, на ней основанная», говоритъ онъ въ своей статьѣ «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи», «всего нужнѣе писателю. Закаленныя въ семъ свѣтильникѣ, мысли его становятся постояннѣе, важнѣе, сильнѣе, краснорѣчие убѣдительнѣе; воображеніе при свѣтѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и писатель поддержитъ достоинство человѣка на высочайшей степени. Какое бы поприще онъ ни протекалъ съ своею музою, онъ не унизится, не оскорбитъ стыдливости и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія и слезы благодарности — лучшая награда генію». Обращаясь отъ созданнаго идеала къ дѣйствительности, Батюшковъ до нѣкоторой степени находилъ воплощеніе этого идеала въ Жуковскомъ. Вотъ почему теперь онъ съ особымъ уваженіемъ и любовью началъ смотрѣть на своего друга. Въ тяжкія минуты сомнѣній онъ обращается именно къ нему, какъ къ человѣку и поэту, и въ немъ ищетъ себѣ нравственной поддержки: спрашиваетъ его совѣта, чѣмъ наполнить ему свою душевную пустоту и какъ принести пользу обществу. И Жуковскій, тоже пережившій не мало своимъ сердцемъ, не остался глухъ къ состоянію души Батюшкова: онъ постоянно ободрялъ его въ своихъ письмахъ, уговаривалъ и настойчиво побуждалъ трудиться, говорилъ ему о нравственномъ значеніи поэтическаго творчества, словомъ истощалъ всѣ усилія, чтобы поднять упавшій духъ своего друга. Эти увѣщанія не остались безплодными: Батюшковъ дѣйствительно обратился къ работѣ, и талантъ его воспрянулъ съ небывалою силой. Въ исходѣ 1815 г. онъ уже увѣдомлялъ Жуковскаго о своихъ новыхъ произведеніяхъ, говоря, что только въ творчествѣ онъ находитъ нѣкоторое утѣшеніе отъ душевной тоски. За то теперь, когда въ поэтѣ произошло обновленіе и мысль его заработала, ему почти невыносима стала жизнь въ глухомъ Каменцѣ; его невыразимо потянуло къ друзьямъ и потому онъ, рѣшивъ снова покинуть службу, передъ новымъ 1816 г. подалъ въ отставку и отправился въ Москву. Здѣсь онъ возобновилъ свои литературныя и свѣтскія знакомства и въ шумной суетѣ столичной жизни старался освѣжиться отъ впечатлѣній «тягостнѣйшаго», по его собственнымъ словамъ, года своей жизни. Однако теперь онъ уже иначе смотрѣлъ на развлеченія свѣта, чѣмъ прежде, когда придавалъ имъ столь важное для писателя воспитательное значеніе. Высокое призваніе писателя должно, по мнѣнію Батюшкова, освобождать его отъ «тяжелаго ярма должностей, часто ничтожныхъ и суетныхъ», связанныхъ съ свѣтскою жизнью. Онъ такъ и поступалъ: не прерывая сношеній съ людьми, онъ сталъ строже въ выборѣ тѣхъ, съ кѣмъ сходился, но за то еще тѣснѣе сближался съ лицами, которыя были ему дороги. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Батюшковъ захворалъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ волей-неволей долженъ былъ замкнуться въ тѣсномъ кругу близкихъ людей, принадлежащихъ преимущественно къ литературному міру: Карамзины, Пушкины, Вяземскіе, Дмитріевъ, переселившійся теперь на покой въ Москву, составляли наиболѣе ему близкій кружокъ, въ которомъ онъ охотнѣе всего появлялся, и въ которомъ всегда находилъ интересную и живую бесѣду, преимущественно по вопросамъ литературнымъ.

Встрѣчался онъ также съ Каченовскимъ, въ журналѣ котораго печаталъ свои произведенія; онъ даже сдѣлался членомъ университетскаго Общества любителей россійской словесности, и хотя заявилъ во вступительной рѣчи о неизмѣнности своихъ прежнихъ литературныхъ взглядовъ, однако сдѣлалъ это безъ присущей ему раньше горячности и запальчивости. Мирно потекла его московская жизнь; онъ совершенно спокойно принялъ извѣстіе, что при отставкѣ изъ военной службы ему не только не дали давно обѣщаннаго ордена, но не произвели и въ слѣдующій чинъ. Даже чувство любви къ А. Ѳ. Фурманъ тихо замирало въ его сердцѣ, и онъ спокойно могъ говорить о ней. Только въ концѣ декабря 1816 г. Батюшковъ рѣшился, наконецъ, покинуть Москву и отправился въ Хантоново. Здѣсь встрѣтилъ онъ прежнія хлопоты и огорченія, но и къ нимъ теперь относился спокойнѣе, безъ прежняго раздраженія. Задумавъ еще въ Москвѣ издать отдѣльною книгой собраніе своихъ произведеній, Батюшковъ въ деревнѣ дѣятельно продолжалъ преслѣдовать свою мысль. Одобреніе Жуковскаго и прочихъ друзей все болѣе укрѣпляли въ немъ сознаніе собственныхъ силъ. Вотъ почему Батюшковъ съ особеннымъ увлеченіемъ принялся теперь за работу и въ это время изъ-подъ пера его вышелъ цѣлый рядъ лучшихъ его поэтическихъ произведеній: всѣ они носятъ на себѣ печать его нравственнаго перерожденія: въ нихъ господствуетъ грустный, элегическій оттѣнокъ. Творческій трудъ переработки прежнихъ произведеній и созданія новыхъ доставлялъ ему истинное и глубокое наслажденіе. Въ январѣ 1817 г. уже приступлено было къ печатанію сборника сочиненій Батюшкова, и онъ рѣшилъ самъ ѣхать въ Петербургъ, хотя и боялся, что тамъ все невольно будетъ наводить его на воспоминанія о пережитыхъ огорченіяхъ. Проѣхавъ сперва въ Москву, гдѣ долженъ былъ хлопотать о залогѣ имѣнія, онъ получилъ здѣсь любезное письмо отъ Оленина, который звалъ его въ Петербургъ; обрадованный, что охлажденіе со стороны Алексѣя Николаевича, вызванное его отказомъ отъ женитьбы на А. Ѳ. Фурманъ прошло, Батюшковъ уже въ августѣ покинулъ Москву. Е. Ѳ. Муравьева, у которой онъ снова поселился, Карамзины, жившіе въ ея домѣ, и Оленины встрѣтили его съ прежней лаской и вниманіемъ. Старикъ Оленинъ вскорѣ (въ ноябрѣ 1817 г.) даже зачислилъ его снова на службу при Публичной библіотекѣ съ званіемъ почетнаго библіотекаря. Въ то-же время петербургскіе пріятели — Жуковскій, Тургеневъ, Блудовъ, Уваровъ, Дашковъ—поспѣшили ввести его въ свой кружокъ, еще въ 1815 г. образовавшійся подъ именемъ Арзамаса. Въ составъ этого дружескаго литературнаго общества Батюшковъ былъ включенъ еще при самомъ его основаніи и получилъ имя «Ахилла», но только 27-го августа 1817 г. онъ впервые попалъ въ засѣданіе «арзамасскихъ гусей». Направленію кружка, состоявшаго исключительно изъ литературныхъ послѣдователей Карамзина, Батюшковъ, конечно, вполнѣ сочувствовалъ; поэтому еще въ 1815 г., только что узнавъ объ основаніи Арзамаса, онъ выразилъ готовность прислать «свои маранья въ прозѣ», ибо надѣялся, что арзамасцы будутъ издавать свой журналъ. Но попытка такого рода осталась безъ осуществленія, и совѣщанія объ этомъ вопросѣ обнаружили даже, что во взглядахъ членовъ кружка далеко не было единства. Эта рознь и отсутствіе болѣе широкой и серьезной дѣятельности кружка вызывали упреки со стороны Батюшкова. Однако, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ съ удовольствіемъ посѣщалъ собранія Арзамаса. Между тѣмъ печатаніе «Опытовъ въ стихахъ и прозѣ» Батюшкова подвигалось впередъ, и по мѣрѣ приближенія времени выхода ихъ въ свѣтъ, самолюбивый поэтъ переживалъ все большія сомнѣнія въ успѣхѣ изданія. По собственнымъ его словамъ, онъ не боялся критики, боялся несправедливости, холоднаго презрѣнія; чувства эти были тѣмъ мучительнѣе, что самъ Батюшковъ по временамъ приходилъ къ гордому сознанію своихъ творческихъ силъ, но въ то-же время понималъ, что вкусъ русскихъ читателей еще не былъ достаточно воспитанъ для пониманія созданій свободнаго творчества, того рода лирики, въ которомъ онъ почти не имѣлъ русскихъ образцовъ; вотъ почему онъ опасался холоднаго и несправедливаго пріема, особенно зная нерасположеніе къ нему и къ его музѣ со стороны литераторовъ старой школы. И дѣйствительно, предчувствіе Батюшкова сбылось: «Опыты» не произвели сильнаго впечатлѣнія на читателей; правда, появилось нѣсколько отзывовъ о нихъ въ петербургскихъ журналахъ, но всѣ они были безсодержательны. Только статья С. С. Уварова, напечатан-

ная въ «Conservateur Impartial», газетѣ, выходившей въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ, могла болѣе удовлетворить нашего поэта: здѣсь Уваровъ, проводя параллель между Батюшковымъ и Жуковскимъ, поставилъ ихъ обоихъ во главѣ молодого поколѣнія русскихъ поэтовъ, говоря, между прочимъ, что въ лицѣ Батюшкова русская литература обладаетъ сильнымъ и самобытнымъ дарованіемъ.

На ряду съ хлопотами по изданію «Опытовъ» Батюшковъ былъ озабоченъ также и устройствомъ своего матеріальнаго положенія. Ѣдучи въ Петербургъ онъ намѣревался продать свою долю въ материнскомъ наслѣдствѣ, чтобы такимъ образомъ получить взможность уѣхать за границу или въ Крымъ для серьезнаго лѣченія. Онъ снова сталъ мечтать о поступленіи на дипломатическую службу, надѣясь получить назначеніе въ Италію, куда его давно уже тянуло. Однако дѣло съ продажей имѣнія не состоялось; между тѣмъ въ ноябрѣ 1817 г. Батюшковъ получилъ извѣстіе о кончинѣ отца и поспѣшилъ на родину, чтобы спасти его имѣніе отъ продажи съ публичнаго торга. Уладивъ это дѣло, онъ въ январѣ 1818 г. возвратился въ Петербургъ и принялся снова усиленно хлопотать о поступленіи въ дипломатическій корпусъ. Черезъ своего пріятеля Д. Н. Сѣверина онъ подалъ о себѣ докладную записку гр. И. А. Капо-Истріа, управлявшему въ то время Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но ходатайство его долго не получало удовлетворенія. Въ ожиданіи рѣшенія своей участи Батюшковъ, наконецъ, положилъ осуществить задуманную имъ поѣздку на югъ Россіи. Въ половинѣ мая онъ выѣхалъ изъ Петербурга, но предварительно остановился въ Москвѣ, чтобы помѣстить въ пансіонъ своего брата Помпея. Въ Москвѣ онъ получилъ письмо отъ А. И. Тургенева, убѣждавшаго своего друга подать прошеніе прямо на Высочайшее имя, съ просьбой объ опредѣленіи къ одной изъ нашихъ миссій въ Италіи. Батюшковъ не рѣшался на это, но пріѣхавшій изъ Бѣлева въ Москву Жуковскій настоялъ на томъ-же, и въ іюнѣ прошеніе было уже написано и послано къ Тургеневу, а К. Н. въ половинѣ іюня отправился въ Одессу, съ тѣмъ, чтобы пріѣхать въ Петербургъ по первому вызову. Въ Одессѣ Батюшковъ поселился у знакомаго ему по Каменцу графа К. Ф. Сенъ-При, теперь херсонскаго губернатора; графъ принялъ нашего поэта очень радушно, старался всячески развлекать его, и Батюшковъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя превосходно. Онъ совершилъ поѣздку къ развалинамъ древней Ольвіи, видъ которыхъ вызвалъ въ душѣ его цѣлый рой мыслей о старинѣ нашего отечества и побудилъ къ знакомству съ исторіей этого края. Послѣднему много содѣйствовала его встрѣча съ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, пріѣхавшимъ въ Одессу и занятымъ тогда мыслью объ ученомъ путешествіи по Тавридѣ. Въ то самое время, когда К. Н. предпринялъ лѣченье морскими купаньями и собирался ѣхать въ Евпаторію, онъ получилъ письмо отъ А. И. Тургенева, извѣщавшее о назначеніи его къ Неаполитанской миссіи. Однако теперь, когда завѣтная мечта осуществилась, нашъ поэтъ, никогда и ни въ чемъ не находившій себѣ удовлетворенія, отнесся къ извѣщенію Тургенева холодно; чувство разочарованія жизнью снова проснулось въ его душѣ, и онъ говорилъ, что и въ Италіи не найдетъ счастія: его нигдѣ нѣтъ, прибавлялъ онъ. Между тѣмъ представлялась необходимость устроить свои домашнія дѣла и приготовиться къ отъѣзду за границу. Въ концѣ августа Батюшковъ прибылъ въ Москву, а въ сентябрѣ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ занялся сборами къ отъѣзду. Въ концѣ ноября онъ покинулъ Петербургъ, въ началѣ 1819 г. былъ уже въ Венеціи, а къ карнавалу пріѣхалъ въ Римъ. Италія произвела на Батюшкова сильное впечатлѣніе; подавленный ея красотами, поглощенный созерцаніемъ памятниковъ старины и развалинъ древнихъ городовъ и особенно Рима, онъ, по собственнымъ словамъ, «сперва бродилъ, какъ угорѣлый, спѣшилъ все увидѣть, все проглотить». Лихорадка задержала его въ Римѣ около мѣсяца, и въ это время онъ сблизился съ академическими пансіонерами, посланными въ Италію для усовершенствованія въ искусствахъ. Оленинъ, бывшій тогда президентомъ Академіи художествъ, просилъ Батюшкова, чтобы онъ познакомился съ молодыми людьми и сообщилъ ему объ ихъ занятіяхъ и нуждахъ. Хотя такое порученіе и не могло понравиться академистамъ, однако они вскорѣ же искренно полюбили Батюшкова, который и въ свою очередь оцѣнилъ ихъ; особенно же отличалъ онъ молодого пейзажиста С. Ѳ. Щедрина. Исполнивъ, такимъ образомъ, желаніе Оленина и давъ ему самый лучшій отзывъ о молодыхъ худож-

никахъ. Батюшковъ не преминулъ, однако, указать на ничтожность назначеннаго имъ отъ казны пособія. Затѣмъ онъ двинулся къ мѣсту службы и въ концѣ февраля былъ въ Неаполѣ, который, подобно Риму, привелъ его въ восхищеніе: онъ исходилъ его окрестности, лазилъ на Везувій, посѣщалъ развалины Помпеи. Вскорѣ въ Неаполь пріѣхалъ и Щедринъ, которому в. князь Константинъ Павловичъ, въ бытность свою въ Римѣ, заказалъ написать два Неапольскихъ вида, а Батюшкову, съ которымъ онъ познакомился въ Римѣ, поручилъ указать художнику мѣста для картинъ. Щедринъ поселился въ одной квартирѣ съ К. Н. на самомъ морскомъ берегу. Въ концѣ іюля Батюшковъ переселился для купанья на островъ Искію, въ виду Неаполя, а въ сентябрѣ возвратился въ городъ, но помѣстился уже одинъ. Съ этого времени прежнее дѣятельное, доброе, а иногда и веселое настроеніе покидаетъ его, и онъ начинаетъ испытывать приступы унынія и хандры. Письма съ родины приходили рѣдко, да если и приходили, то не сообщали ему тѣхъ свѣдѣній, которыя наиболѣе его интересовали, свѣдѣній изъ области литературы. Свой досугъ Батюшковъ старался наполнять усиленнымъ изученіемъ итальянскаго языка: занимался онъ и исторіей той страны, въ которой жилъ, и сталъ даже составлять записки о древностяхъ Неаполя. Но онъ чувствовалъ недостатокъ въ живыхъ людяхъ: мѣстное общество не удовлетворяло его, а соотечественниковъ, ему симпатичныхъ, не было вовсе. Такимъ образомъ, едва проживъ въ Неаполѣ три-четыре мѣсяца, онъ уже сталъ тяготиться своею обстановкою и мечтать о возвращеніи въ Россію, въ свой дружескій кружокъ. Подавленное настроеніе духа и отсутствіе близкихъ людей, всегда такъ живительно дѣйствовавшихъ на Батюшкова, послужило причиной того, что онъ почти пересталъ писать, и хотя друзья въ рѣдкихъ письмахъ, приходившихъ изъ Россіи, старались ободрить его и совѣтовали приняться за работу, однако не достигали цѣли. Здоровье его также было болѣе чѣмъ неудовлетворительно; къ этому присоединились еще служебныя непріятности. Батюшковъ былъ причисленъ къ Неаполитанской миссіи въ качествѣ сверхштатнаго секретаря, но въ концѣ 1819 г. оказался почти единственнымъ чиновникомъ при нашемъ посланникѣ графѣ Штакельбергѣ, такъ что вся обязательная работа падала чуть-ли не на него одного: это привело къ ряду столкновеній его со Штакельбергомъ. Непріятное положеніе окончилось только тогда, когда во второй половинѣ 1820 г., послѣ вспыхнувшей въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій революціи, гр. Штакельбергъ выѣхалъ изъ Неаполя, а Батюшковъ, въ концѣ года, получилъ отпускъ въ Римъ. Здѣсь нашъ тогдашній посланникъ А. Я. Италинскій принялъ участіе въ К. Н., здоровье котораго все ухудшалось, и началъ хлопоты въ министерствѣ о причисленіи его къ римской миссіи. Переводъ этотъ вскорѣ состоялся и новая обстановка оказалась болѣе благопріятною для нашего поэта: добрякъ Италинскій относился къ нему очень снисходительно; онъ даже началъ ходатайствовать передъ тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде объ увольненіи К. Н. въ безсрочный отпускъ, съ сохраненіемъ содержанія, для излѣченія его тяжкой болѣзни. Въ апрѣлѣ 1821 г. Нессельроде докладывалъ Императору въ Лайбахѣ о ходатайствѣ Италинскаго, и на него послѣдовало согласіе, такъ что въ маѣ Батюшковъ могъ покинуть Италію, однако носилъ въ себѣ уже явные признаки глубокаго нравственнаго разстройства. Прежде всего онъ направился въ Теплицъ и тотчасъ по пріѣздѣ энергично, даже съ какимъ-то ожесточеніемъ, принялся лѣчиться минеральными водами. Здѣсь онъ встрѣтилъ Д. Н. Блудова, который сообщилъ ему литературныя новости; между послѣдними было двѣ очень для Батюшкова непріятныхъ: такъ, онъ узналъ, что А. Ѳ. Воейковъ еще въ 1820 г. напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» небольшое стихотвореніе его, написанное въ Неаполѣ на смерть малолѣтней дочери одной русской дамы, при томъ напечаталъ безъ спросу и съ искаженіями; другое непріятное извѣстіе состояло въ томъ, что въ «Сынѣ Отечества» появилось анонимное стихотвореніе (оно принадлежало П. А. Плетневу) «Б.....въ изъ Рима (Элегія)», въ которомъ, между прочимъ, говорилось, отъ имени самого Батюшкова, что онъ скучаетъ за границей, забылъ забавы прежнихъ лѣтъ и влачитъ дни безъ славы. Сообщенія Блудова крайне задѣли раздражительное самолюбіе Батюшкова. Онъ написалъ протестъ къ издателямъ журнала, выражалъ свое негодованіе, особенно на поступокъ Плетнева и объяснилъ его себѣ слѣдствіемъ лукаваго недоброжелательства, называлъ оскорбле-

ніемъ своей чести... Въ этой болѣзненной раздражительности уже явно сказались зачатки поврежденія его умственныхъ способностей. Зачатки психической болѣзни лежали въ самой природѣ Батюшкова и были имъ унаслѣдованы отъ родителей. Какъ извѣстно, мать его умерла въ сумашествіи; со стороны отца тоже были люди экзальтированные, наконецъ, его собственный душевный складъ, въ которомъ воображеніе, страстность натуры брали перевѣсъ надъ разсудкомъ, создавалъ благопріятную почву для развитія психическаго разстройства. Въ 1821 г. болѣзнь не проявлялась еще рѣзко, но уже сказывалась въ поведеніи поэта. Изъ Теплица, въ ноябрѣ 1821 г., Батюшковъ пріѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ увидался съ Жуковскимъ, который тщетно старался ободрить своего друга и разубѣдить его въ подозрѣніяхъ: онъ былъ увѣренъ, что его преслѣдуютъ какіе-то тайные враги. Онъ удалялся отъ людей и зиму 1821—1822 гг. провелъ въ Дрезденѣ среди полнаго уединенія. Рѣшивъ окончательно покинуть службу, Батюшковъ написалъ объ этомъ Италинскому, а послѣдній хлопоталъ передъ гр. Нессельроде объ увольненіи Батюшкова съ сохраненіемъ ему, въ видѣ пенсіи, получаемаго имъ содержанія. На это Нессельроде увѣдомилъ Батюшкова, что Императоръ выразилъ желаніе, чтобы поэтъ, оставаясь на службѣ, пользовался отпускомъ съ содержаніемъ и посвящалъ-бы себя литературнымъ трудамъ впредь до того времени, когда возстановленное здоровье дозволитъ ему снова возвратиться къ служебнымъ обязанностямъ. Глубоко тронутый этимъ Батюшковъ весною 1822 г. прибылъ въ Петербургъ и, получивъ разрѣшеніе гр. Нессельроде, уѣхалъ на кавказскія минеральныя воды, между тѣмъ какъ болѣзнь его постепенно все ухудшалась. Въ августѣ 1822 г. Батюшковъ переселился въ Крымъ и всю зиму 1822—1823 г. провелъ въ Симферополѣ. Здѣсь проявленія душевной болѣзни сказывались все возрастая, такъ что онъ даже неоднократно посягалъ на свою жизнь. Все это побудило петербургскихъ друзей подумать хорошенько о бѣдственномъ положеніи страдальца. Кн. Вяземскій убѣждалъ Жуковскаго ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Симферополь; но поѣздка ихъ не состоялась, а вмѣсто нихъ отправился въ Крымъ П. А. Шипиловъ, женатый на сестрѣ Батюшкова Елизаветѣ Николаевнѣ. Шипиловъ засталъ поэта уже почти безнадежнымъ; на всѣ его убѣжденія ѣхать въ Петербургъ Батюшковъ отвѣчалъ отказомъ. Приказаніе гр. Нессельроде также не подѣйствовало, и только таврическій губернаторъ Н. И. Перовскій сумѣлъ, при помощи доктора О. К. Мюльгаузена, уговорить его отправиться въ Петербургъ; въ дорогѣ больного сопровождалъ инспекторъ таврической врачебной управы — докторъ П. И. Ланнъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Батюшкова приняла на свое попеченіе Е. О. Муравьева, но онъ дичился людей, избѣгалъ всѣхъ, даже Е. О. и сестры своей Александры Николаевны. Жуковскій, Гнѣдичъ, Блудовъ, Тургеневъ и кн. Вяземскій навѣщали его, но онъ почти не выходилъ изъ своего мрачнаго настроенія, такъ что уже въ первой половинѣ 1824 г., по совѣту пользовавшаго больного врача Мюллера, положено было отправить К. Н. въ Зонненштейнъ, близъ гор. Пирны въ Саксоніи, гдѣ было заведеніе для душевно-больныхъ. Императоръ Александръ далъ на эту поѣздку 500 червонцевъ и приказалъ сохранить Батюшкову его прежнее содержаніе. Жуковскій поѣхалъ съ Батюшковымъ до Дерпта, гдѣ хотѣли-было помѣстить его для лѣченія, но здѣсь этого устроить не удалось, такъ что больной былъ отправленъ въ Зонненштейнъ и помѣщенъ въ частномъ психіатрическомъ заведеніи доктора Пирница. Здѣсь Батюшковъ провелъ четыре года, среди хорошаго ухода, окруженный нѣжными заботами сестры Александры Николаевны, послѣдовавшей за братомъ, и Е. Г. Пушкиной, жившей въ Дрезденѣ и навѣщавшей своего больного друга. Проѣздомъ черезъ Дрезденъ у Батюшкова были также А. И. и С. И. Тургеневы и Жуковскій, но тогда Батюшковъ уже не подавалъ никакихъ надеждъ на выздоровленіе; въ виду этого, въ половинѣ 1828 г., было рѣшено перевезти его обратно въ Россію. Въ дорогѣ больного сопровождалъ докторъ Ант. Дитрихъ, внимательно наблюдавшій за нимъ въ Зонненштейнѣ. Батюшковъ былъ привезенъ въ Москву и здѣсь провелъ болѣе полутора года, живя въ особомъ домикѣ въ Грузинахъ. Сестра его поселилась у Е. О. Муравьевой, снова переѣхавшей въ первопрестольную столицу, но въ 1829 г. и Анну Николаевну постигъ тотъ-же недугъ, которымъ страдалъ К. Н. Умный, добрый и заботливый докторъ Дитрихъ весною 1829 г. покинулъ Россію, оставивъ въ руководство врачамъ замѣчательную записку о болѣзни своего паціента. Въ 1833 г.

Батюшковъ, до того числившійся на службѣ, былъ окончательно уволенъ въ отставку, причемъ императоръ Николай назначилъ ему пенсію въ 2000 рублей. Въ томъ же году Батюшковъ былъ перевезенъ въ Вологду и помѣщенъ въ семьѣ своего племянника Г. А. Гревенса.

Съ переѣздомъ въ Вологду начинается послѣдній періодъ жизни Батюшкова, періодъ тоскіи, но почти безъ просвѣтленій, ибо только въ послѣднія десять лѣтъ жизни въ немъ стала замѣчаться нѣкоторая перемѣна къ лучшему, послѣ того какъ первоначальное острое разстройство смѣнилось болѣе спокойнымъ. Въ это время Батюшковъ даже началъ заниматься чтеніемъ, иногда вспоминалъ о своихъ друзьяхъ, большая часть которыхъ уже покоилась вѣчнымъ сномъ; иногда декламировалъ стихи или рисовалъ пейзажи, много ходилъ по полямъ и собиралъ цвѣты, чаще же просто гулялъ безъ всякой цѣли. Наконецъ 7-го іюля 1855 г. К. Н. окончилъ свои земныя страданія послѣ непродолжительной тифозной горячки, а 10-го іюля былъ преданъ землѣ на кладбищѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря, въ 5 верстахъ отъ Вологды.

Значеніе Батюшкова въ исторіи русской литературы и главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ много потрудился надъ обработкой нашей поэтической рѣчи и придалъ русскому стихотворному языку такую гибкость, упругость и гармонію, какихъ еще не знала до тѣхъ поръ русская поэзія. Совершенство Пушкинскаго стиха и богатство поэтическихъ выраженій и оборотовъ было въ значительной мѣрѣ подготовлено трудами Жуковскаго и Батюшкова, а по мнѣнію Бѣлинскаго, именно Батюшковъ былъ ближайшимъ, непосредственнымъ предшественникомъ и подготовителемъ стиха нашего величайшаго поэта, который и самъ сознавалъ это, называя Батюшкова своимъ учителемъ. Въ рукахъ Батюшкова русскій языкъ, дѣйствительно, является послушнымъ орудіемъ, и искусство владѣть имъ никому изъ современниковъ, кромѣ Крылова, не было доступно въ равной съ нимъ мѣрѣ. Такимъ образомъ красота и совершенство формы, правильность и чистота языка, художественность стиля составляютъ главное достоинство стихотвореній Батюшкова.

Въ искусствѣ Батюшковъ былъ чистымъ художникомъ. Онъ прежде всего старался быть искреннимъ и избѣгать всего натянутаго, надуманнаго, искусственнаго. Онъ понималъ, что чѣмъ искреннѣе будетъ его творчество, тѣмъ легче ему будетъ проложить путь къ сердцу человѣческому, и тѣмъ вѣрнѣе, слѣдовательно, достигнется высоко облагораживающее значеніе поэзіи.

Первый поэтическій опытъ Батюшкова относится къ 1802—1805 гг., когда онъ написалъ стихотвореніе «Мечта», въ которомъ, несмотря на нетвердость стиха и нестройность плана, замѣтны яркіе признаки дарованія. Стихотворенія перваго періода литературной дѣятельности Батюшкова проникнуты жизнерадостнымъ чувствомъ, съ сильнымъ оттѣнкомъ эпикуреизма, и тѣмъ свѣтлымъ настроеніемъ, которое онъ усвоилъ въ мирной домашней обстановкѣ и въ избранномъ свѣтскомъ кругу, когда житейскія заботы еще не тревожили его молодого сердца, и онъ всей душой предавался радостямъ жизни. Римскіе элегики, которыхъ онъ изучалъ въ это время, еще болѣе способствовали развитію того эпикурейскаго воззрѣнія на жизнь, которое мы дѣйствительно и встрѣчаемъ въ первыхъ стихотвореніяхъ поэта: таковы: «Посланіе къ стихамъ моимъ», «Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу», въ которомъ звучитъ упоеніе радостями бытія, и «Совѣтъ друзьямъ», гдѣ развивается мысль о прелестяхъ беззаботной, тихой жизни среди веселій, забавъ и наслажденій. Уже въ этихъ произведеніяхъ обнаруживается стремленіе Батюшкова сойти съ избитой дороги стараго піитическаго искусства, а матеріалъ почерпается единственно во внутреннемъ настроеніи; такимъ образомъ, интимная лирика сразу и уже навсегда становится исключительною областью творчества Батюшкова. Его стихотворенія носятъ на себѣ ясный отпечатокъ тѣхъ настроеній, которыя приходилось ему переживать. Такъ, когда въ 1807 г. Батюшковъ перенесъ нѣсколько тяжелыхъ потрясеній и впервые узналъ тяжелую сторону жизни, а въ душѣ его началъ возникать и постепенно рости разладъ между созданнымъ идеаломъ и дѣйствительностью,—слѣды этого разлада начинаютъ слышаться и въ его поэзіи. Къ 1808 г. относится участіе Батюшкова въ журналѣ «Драматическій Вѣстникъ», издававшемся кн. А. А. Шаховскимъ, при нѣкоторомъ содѣйствіи Оленина. Въ Оленинскомъ кружкѣ живо интересовались театромъ и съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ началу дѣятельности В. А. Озе-

сновъ. Батюшковъ былъ тоже однимъ изъ его почитателей. На страницахъ «Драматическаго Вѣстника» и было напечатано посвященное Озерову стихотвореніе К. Н.—басня «Пастухъ и Соловей» (1807 г.), которую Озеровъ «почиталъ истинно драгоцѣннымъ вѣнкомъ своихъ трудовъ»; въ ней Батюшковъ выражалъ Озерову свое сочувствіе и убѣждалъ его «не разставаться съ музами». Въ томъ-же журналѣ, какъ плодъ занятій Батюшкова италіанскимъ языкомъ вообще и Тассомъ въ особенности, появились отрывки изъ его перевода «Освобожденнаго Іерусалима», за который онъ принялся по совѣту В. В. Капниста. К. Н. знакомился тогда съ біографіей великого итальянскаго поэта: жизнь Тасса произвела на него сильное впечатлѣніе, а въ превратностяхъ судьбы пѣвца Іерусалима нашъ поэтъ, подъ впечатлѣніемъ первыхъ, имъ самимъ испытанныхъ горестей, находилъ какое-то загадочное сродство съ собою самимъ и съ своей жизнью, рано изломанной обстоятельствами. Съ этихъ поръ Тассъ сдѣлался любимѣйшимъ писателемъ Батюшкова; тогда же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, онъ написалъ свое посланіе «Къ Тассу», которое представляетъ собою первую попытку его воспроизвести печальный образъ своего возлюбленнаго поэта. Въ 1809 г., во время пребыванія въ деревнѣ, Батюшковъ, несмотря на мучившую его скуку, много занимался вопросами литературы; стараясь, между прочимъ, выяснить свое собственное положеніе среди литературныхъ партій, онъ убѣдился, что приверженцы старой школы могутъ внушать къ себѣ только презрѣніе; въ такомъ настроеніи онъ написалъ сатирическое стихотвореніе «Видѣніе на берегахъ Леты», надѣлавшее въ свое время большого шума въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ. Тогда же онъ занимался переводами и подражаніями и писалъ въ антологическомъ родѣ. Антологическое стихотвореніе и элегія мало по малу сдѣлались его любимою формою; но въ русской литературѣ онъ почти не находилъ образцовъ въ этомъ родѣ, и искалъ ихъ у Горація, Тибулла, Вольтера и Парни. Отъ Горація онъ усвоилъ себѣ тонъ умѣреннаго эпикуреизма, граціозной и остроумной непринужденности. Произведенія Тибулла научили Батюшкова облекать естественность и задушевность своихъ чувствъ въ стройную художественную форму. Вольтеръ повліялъ на него какъ поэтъ, обладавшій способностью писать непринужденно, остроумно, игриво и изящно; Парни далъ ему образцы для живого изображенія страсти. Къ числу иностранныхъ поэтовъ, къ которымъ обращался Батюшковъ въ то время, слѣдуетъ прибавить еще Петрарку и Касти, изъ которыхъ онъ по большей части бралъ такія стихотворенія, которыя по своему содержанію наиболѣе соотвѣтствовали его собственному душевному настроенію. Конецъ 1810 года и 1811 г. были чуть-ли не самыми свѣтлыми въ жизни Батюшкова, когда онъ незамѣтно и пріятно проводилъ время среди своихъ московскихъ друзей, а затѣмъ жилъ въ деревнѣ, сохраняя душевную бодрость, которою запасся въ Москвѣ. Сообразно съ настроеніемъ и стихотворенія его за этотъ періодъ отличаются жизнерадостностью; таковы піесы: «Веселый часъ», «Ложный страхъ» и особенно посланіе къ Жуковскому и кн. Вяземскому, подъ заглавіемъ «Мои пенаты». Здѣсь Батюшковъ описываетъ наслажденія поэта въ уединенной сельской жизни и высказываетъ готовность покинуть шумное веселіе пировъ и примириться съ своей скромной долей подъ охраною «отеческихъ пенатовъ», лишь-бы его не оставляли друзья и вдохновеніе. Гроза 1812 г. вызвала въ Батюшковѣ восторженное патріотическое одушевленіе; подъ впечатлѣніемъ посѣщенія разоренной Москвы изъ-подъ пера его вылилось посланіе «Д. В. Дашкову», въ которомъ описываются всѣ ужасы, представившіеся его глазамъ въ опустошенной и разграбленной столицѣ. Съ возвращеніемъ изъ заграничнаго похода тихая грусть, недовольство окружающимъ и разныя сомнѣнія сильнѣе прежняго стали тревожить его. Смерть Петина, убитаго подъ Лейпцигомъ, произвела на Батюшкова тяжелое впечатлѣніе, и въ одну изъ минутъ грустнаго раздумья о потерѣ близкаго человѣка онъ написалъ элегію «Тѣнь друга», исполненную глубокаго сосредоточеннаго чувства, въ которомъ слышатся слезы и по своей промчавшейся молодости. Этимъ стихотвореніемъ начинается рядъ тѣхъ скорбныхъ пѣсенъ, въ которыхъ поэтъ раскрылъ намъ свое душевное состояніе послѣ возвращенія въ отечество. Исторія несчастной любви еще болѣе способствовала развитію въ Батюшковѣ грустнаго настроенія, такъ что вскорѣ разочарованіе жизнью во вкусѣ Шатобріана и горькое сознаніе недостижимости счастія на землѣ окончательно овладѣли его душой и въ наиболѣе

тяжелыя минуты заставляли его обращаться къ религіи (стих. «Надежда»). Этимъ-то тяжелымъ минутамъ мы обязаны лучшими созданіями музы Батюшкова—любовными элегіями. Къ тому же времени относятся «Пѣснь Гаральда Смѣлаго», «Мщеніе», «Гезіодъ и Омиръ соперники» и «Умирающій Тассъ», которыя вмѣстѣ съ нѣсколько болѣе ранними піесами, каковы: «Переходъ черезъ Рейнъ», «Плѣнный» и «На развалинахъ замка въ Швеціи», представляютъ образцы такъ называемой исторической элегіи, сдѣлавшейся теперь для Батюшкова любимою поэтическою формой. Образцы ея онъ нашелъ у своихъ современниковъ—француза Мильвуа и нѣмца Маттисона; изъ перваго Батюшковъ перевелъ «Combat d'Homère et d'Hésiode», а второму подражалъ въ піесѣ «На развалинахъ замка въ Швеціи». Въ переложенной Батюшковымъ «Пѣснѣ Гаральда Смѣлаго», древнемъ памятникѣ поэтическаго творчества скандинавовъ, звучатъ тѣ-же черты сѣверной поэзіи. Живя въ это время въ деревнѣ, Батюшковъ съ особеннымъ усердіемъ снова занялся изученіемъ біографіи и сочиненій Тасса, и плодомъ этихъ занятій явилась элегія «Умирающій Тассъ», которую онъ самъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ; онъ внесъ въ образъ страдальца Тасса свои собственныя чувства и вылилъ этотъ образъ по своему собственному подобію. Отыскивая въ судьбѣ италіанскаго поэта параллели съ превратностями собственной жизни, онъ выразилъ въ этомъ произведеніи трагизмъ собственнаго положенія послѣ того, какъ онъ извѣрился въ возможности счастія. Послѣдніе годы сознательной жизни Батюшкова дали мало въ количественномъ отношеніи; однако такія стихотворенія, какъ «Вакханка», «Бесѣдка музъ», «Н. М. Карамзину», переводы изъ греческой антологіи, изъ Байрона и подражанія древнимъ обличаютъ и силу его дарованія, и мастерство его какъ художника. Послѣдніе стихи, написанные имъ за границей,—«Изреченіе Мельхиседека»—проникнуты горькою, безысходною скорбью; съ этимъ воплемъ души поэтъ уже навсегда сошелъ съ литературнаго поприща.

Что касается прозы Батюшкова, то она отличается чистымъ, правильнымъ, благозвучнымъ и образнымъ языкомъ. Изъ раннихъ прозаическихъ статей его наиболѣе замѣчательна «Прогулка по Москвѣ» (1810 г.); въ ней Батюшковъ въ живой изящной рѣчи передаетъ своему другу впечатлѣнія, вынесенныя изъ перваго знакомства съ первопрестольной столицей, которая поразила его какъ внѣшнимъ видомъ своимъ, такъ и характеромъ населенія. Изъ болѣе позднихъ наибольшаго вниманія заслуживають «Письмо о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева» (1814) и «Прогулка въ Академію Художествъ» (1814), написанныя въ ту пору, когда Батюшковъ, вернувшись изъ заграничнаго похода, горячо ратовалъ за необходимость просвѣщенія и, съ цѣлью послужить общему дѣлу, задался мыслью содѣйствовать развитію вкуса публики и напомнить соотечественникамъ, что русская словесность не лишена образцовыхъ сочиненій, а русскія пластическія искусства обладаютъ замѣчательными произведеніями. Въ 1816 г. имъ написана статья «Вечеръ у Кантеміра», въ которой разбирается вопросъ объ отношеніи Россіи къ европейскому просвѣщенію. Устами Кантеміра Батюшковъ доказываетъ, что Россія со времени Петра Великаго сдѣлала огромные успѣхи и выражаетъ твердую увѣренность, что именно Петровская реформа послужила и въ будущемъ послужитъ исходною точкою для дальнѣйшаго развитія Россіи. Написанная въ томъ же году, по поводу вступленія въ члены Московскаго Общества любителей россійской словесности, «Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» имѣла цѣлью защитить интимную лирику — излюбленный родъ поэзіи самого автора и доказать, что и легкая поэзія приноситъ свою долю пользы въ общемъ развитіи языка и образованности, и что «у всѣхъ народовъ, и древнихъ, и новѣйшихъ легкая поэзія, которую можно назвать прелестною роскошью словесности, имѣла отличное мѣсто на Парнассѣ». Тѣ же достоинства, которыя составляютъ отличительныя черты прозы Батюшкова, то-есть, чистота, блескъ и образность языка— наблюдаются и въ письмахъ Батюшкова къ его друзьямъ, а нѣкоторыя изъ этихъ писемъ представляютъ собою вполнѣ законченныя литературныя произведенія.

Собранія сочиненій Батюшкова были изданы нѣсколько разъ: «Опыты въ стихахъ и прозѣ». С.-Пб. 1817 г., 2 ч. 8⁰; «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ». С.-Пб. 1834 г., 2 ч. 8⁰; «Сочиненія». С.-Пб. 1850, 2 ч. 12⁰, изд. Смирдинымъ въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ»; наконецъ «Сочиненія», изданныя П. Н. Батюшковымъ подъ ред. Л. Н. Майкова, со статьей

жизни и сочиненіяхъ Батюшкова и примѣчаніями, составленными имъ-же и В. И. итовымъ, 3 т., С.-Пб. 1885—1887; одноменно съ большимъ вышло общедоступное изданіе въ 1 т., съ краткою біографической статьею.

Л. Н. Майковъ, «Батюшковъ, его жизнь и сочиненія». Изд. 2-е. С.-Пб. 1896.—Его-же, Характеристика Батюшкова, какъ поэта—«Историко-литературные очерки». С.-Пб. 1895, стр. 69—85.—Его-же: «Пушкинъ о Батюшковѣ».—М. А. Венатиновъ, Празднество въ Павловскѣ 27-го іюля 1814 г.—Неизданные стихи Б.—Р. Архивъ 1887 г., т. II, стр. 341.—Поэтъ Б. объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ — Р. Архивъ 1891 г., т. I, стр. 330. — О портретахъ Б. — Истор. Вѣстникъ 1891 г., іюнь, стр. 773 — 776. — Замѣтки о Б.— Р. Архивъ 1892 г., т. III, стр. 240.—Л. Н. Майковъ: Два письма Б.—Р. Старина 1893 г., мартъ. стр. 525—528. — Н. А. Шляпкинъ, Берлинскіе матеріалы для исторіи русской литературы.— Р. Старина. 1893 г., апрѣль, стр. 51—53.

Л. Н. Майковъ.

Батюшковъ, *Левъ Павловичъ*, генералъ-лейтенантъ, ум. 30 марта 1878 г. По окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, вышелъ въ 1829 г. на службу л. гв. въ преображенскій полкъ, откуда пять лѣтъ спустя поступилъ въ Императорскую военную академію. Въ 1837 г. поручикомъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ, съ опредѣленіемъ въ департаментъ послѣдняго; въ 1844 г. назначенъ здѣсь-же начальникомъ 2-го (военно-ученаго) отдѣленія, въ каковой должности оставался около 20 лѣтъ; въ 1859 г. произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1863 г., съ отчисленіемъ отъ должности начальника отдѣленія, былъ назначенъ состоять при вновь организованномъ главномъ управленіи генеральнаго штаба для особыхъ порученій и ученыхъ занятій. Впослѣдствіи Батюшковъ состоялъ членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба, членомъ комитета по перевозкѣ войскъ и предсѣдателемъ особой комиссіи по распредѣленію пособій. Въ 1868 г. онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а въ 1874 г.—орденъ св. Владиміра 2-й степени.

«Русскій Инвалидъ» 1878 г. № 78.

Батюшковъ, *Павелъ Львовичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, изъ дворянъ тверской губ., род. въ 1765 г., ум. въ 1848 г. Въ службу вступилъ въ 17.. г. л. гв. въ семеновскій полкъ рядовымъ; въ 1789 г., находясь съ полкомъ на гребной флотиліи въ Финскомъ заливѣ, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ. Въ 1798 г. назначенъ военнымъ совѣтникомъ въ инспекторскую экспедицію; въ 1801 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, два года спустя опредѣленъ членомъ военной коллегіи, а, по преобразованіи послѣдней въ военное министерство, былъ зачисленъ, съ переименованіемъ въ гражданскій чинъ, 20 сентября 1821 г., въ Сенатъ и 16 апрѣля 1841 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Послужной списокъ.

Бауеръ, *Василій Васильевичъ*, ординарный профессоръ по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ с.-петербургскомъ университетѣ, род. 13 декабря 1833 г., въ Петербургѣ, ум. 6 ноября 1884 г. тамъ-же. Получивъ первоначальное образованіе въ 3-й с.-петербургской гимназіи, въ 1851 г. поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, гдѣ въ 1855 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата по историко-филологическому факультету и съ серебряною медалью за конкурсное сочиненіе: «Описавъ въ общихъ чертахъ, новѣйшія открытія въ Малой Азіи и въ Ниневіи, представить состояніе ассирійско-фригійской образованности и указать ея вліяніе на древнюю Грецію». Въ университетѣ Бауэръ работалъ преимущественно подъ руководствомъ проф. Куторги. Государственную службу Бауэръ началъ въ коммерческомъ судѣ, но скоро ее оставилъ: въ 1858 г. защитилъ магистерскую диссертацію «Объ афинской гегемоніи» и уѣхалъ за границу съ сыновьями в. к. Маріи Николаевны, Евгеніемъ и Сергіемъ Максимиліановичами; къ этой поѣздкѣ ему была присоединена оффиціальная командировка для усовершенствованія въ избранной имъ спеціальности. За границей онъ посѣтилъ Берлинъ, Гейдельбергъ, Мюнхенъ, Боннъ, Лондонъ, Оксфордъ и Парижъ и занимался исторіей подъ руководствомъ Гейссера, Дройзена и Ранке. По возвращеніи изъ за границы, Бауэръ былъ причисленъ къ ученому комитету министерства народнаго просвѣщенія для составленія университетскаго устава и назначенъ преподавателемъ въ университетѣ всеобщей исторіи; въ 1863 г., по защитѣ диссертаціи «Эпоха древней тиранніи въ Греціи», получилъ степень доктора и утвержденъ штатнымъ доцентомъ; въ 1864 г. избранъ въ экстраординарные профессора, а въ 1866 г. въ ординарные по каѳедрѣ всеобщей исторіи; въ 1865 г. Бауэръ былъ приглашенъ заниматься съ Наслѣдникомъ Престола (впослѣдствіи Императоромъ Александромъ III) и съ в. к. Вла-

диміромъ Александровичемъ. Кромѣ университета, Бауеръ читалъ лекціи въ теченіе 20 лѣтъ (съ 1864 г.) и въ Александровскомъ лицеѣ, гдѣ состоялъ членомъ совѣта и имѣлъ званіе ординарнаго профессора, а также, нѣкоторое время, и на высшихъ женскихъ курсахъ, учрежденныхъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ своей профессуры, Бауеръ читалъ лекціи по древней исторіи, и, кромѣ общихъ курсовъ, имѣлъ спеціальные: «О первыхъ книгахъ Тита Ливія» и «Объ Аристотелевомъ сочиненіи о государствѣ», а съ 1869 г. онъ перешелъ на преподаваніе новой исторіи, при чемъ въ особенности останавливался на разборѣ исторіи реформаціоннаго періода, обращая вниманіе преимущественно на Германію, какъ на страну, гдѣ реформація встрѣтила раньше и лучше подготовленную почву, чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ XVI вѣка.—Главная заслуга Бауера, какъ профессора, заключается въ томъ, что онъ, выработавъ серьезный и систематическій курсъ новой исторіи, впервые поставилъ у насъ этотъ отдѣлъ преподаванія на прочную почву. Обладая всѣми качествами хорошаго лектора, Бауеръ всегда старался обращать большее вниманіе на внутреннюю, философскую сторону историческихъ событій, на причинную ихъ связь, чѣмъ на внѣшнія событія, изложенію которыхъ онъ удѣлялъ только самое необходимое мѣсто въ своихъ лекціяхъ. Похороненъ Бауеръ на Смоленскомъ кладбищѣ. По смерти его, одинъ изъ его слушателей, гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, издалъ въ 1886—88 гг. «Лекціи по новой исторіи проф. В. В. Бауера» въ двухъ томахъ, въ которые вошли: Исторія германо-романскаго міра въ XV и XVI ст., Вѣкъ Людовика XIV, Исторія Западной Европы въ XVIII ст. (до-революціонная эпоха) и нѣсколько другихъ статей. Кромѣ выше названныхъ диссертацій, Бауеръ напечаталъ: 1) О преподаваніи исторіи въ германскихъ университетахъ («Ж. М. Н. Пр.» 1861 г. кн. 12); 2) Разборъ сочиненія Поссельта о Лефортѣ («Ж. М. Н. Пр.» 1867 г.); 3) Разборъ историко-филологическихъ изслѣдованій Люгебиля (Ibid. 1869 г.); 4) Beiträge zu den Aufenthaltsorten Kaiser Maximilians (въ «Forschungen zur Deutschen Geschichte», 1869 г.); 5) Сношенія Россіи съ императорами Св. Римской Имперіи въ концѣ XV и нач. XVI в. («Ж. М. Н. Пр.» 1870 г.); 6) Матеріалы къ исторіографіи XVI в. Слейданъ и его комментаріи («Ж. М. Н. Пр.» 1874); 7) Статья о книгѣ Губера Der Iesuiten-Orden («Сб. Гос. Зн.» В. П. Безобразова); 8) Статья о книгѣ Легреля: «Louis XIV et Strassburg» («Ж. М. Н. Пр.» 1885 г.) 9) Реформація Фридриха III (въ первомъ томѣ «Лекцій»).

В. В Григорьевъ, «Имп. Спб. Универс. въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія».—В. Г. Васильевскій, Некрологъ въ «Ж. М. Н. Пр.» 1884 г. № 12.—Мусинъ-Пушкинъ, ibid. 1885, февраль.—«Краткій очеркъ Исторіи Импер. Алекс. Лицея за 1861—86 г.».—«Памятная книжка Алекс. Лицея на 1886 г.».—Д. Д. Языковъ, «Писатели, умершіе въ 1884 г.».—«Газета Гатцука» 1884 г. № 40.—«Свѣтъ» 1884 г. № 246.—Словари: Березина, Венгерова, Андреевскаго.

Бауеръ (Бауръ), *Өедоръ Васильевичъ*, (Фридрихъ Вильгельмъ) род. 24 декабря 1731 г., въ графствѣ Генау, ум. 11 февраля 1783 г. въ С.-Петербургѣ. Дѣтство провелъ Бауеръ въ Биберѣ, гдѣ отецъ его, происходившій отъ шведской дворянской фамиліи, былъ лѣсничимъ. Молодой Бауеръ, получивъ хорошее образованіе, первоначально посвятилъ себя горной и соляной части; но въ 1757 г., когда возгорѣлась война между Англіею и Франціею, поступилъ волонтеромъ въ гессенское войско и, обративъ на себя вниманіе герцога Кумберландскаго, сдѣлался его спутникомъ въ походахъ въ Германіи. Въ качествѣ дивизіоннаго квартирмейстера, онъ проявилъ храбрость и знаніе дѣла въ сраженіи при Гастенбекѣ. Въ 1758 г.. подъ начальствомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, участвовалъ во взятіи крѣпости Миндена и въ сраженіяхъ при Эрсфельдѣ, Мерсѣ и Бергенѣ, а въ 1760 г., по рекомендаціи герцога, былъ принятъ Фридрихомъ Великимъ въ прусскую службу съ чиномъ инженеръ-маіора и съ званіемъ генералъ-квартирмейстера; при этомъ Бауеръ получилъ начальство надъ однимъ пѣхотнымъ баталіономъ и надъ фельдъегерскимъ корпусомъ и принималъ дѣятельное участіе въ походѣ подъ Дилленбургъ, въ битвѣ при Марбургѣ, въ осадѣ Цигенгайна и въ сраженіяхъ при Филлингсгаузенѣ, Вильгельмсталѣ и при Іоганнисбергѣ. Въ 1763 г. Бауеръ начальствовалъ надъ прусскими войсками, остававшимися въ Вестфаліи на военномъ положеніи; по заключеніи же мира вышелъ, въ чинѣ полковника, въ отставку и поселился въ Бокенгеймѣ, близъ Франкфурта на Майнѣ; здѣсь онъ обработалъ

планы сраженій и позицій изъ походовъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Въ 1769 г., при началѣ войны между Россіею и Турціею, Императрица Екатерина II пригласила Бауера на русскую службу и назначила его въ армію графа Румянцева, съ чиномъ генералъ-маіора и званіемъ генералъ-квартирмейстера. Въ компанію 1770 г. Бауеръ былъ уже близкимъ сотрудникомъ Румянцева и однимъ изъ видныхъ участниковъ въ дѣлахъ при Кагулѣ, Ларгѣ и Измаилѣ. Эти битвы доставили ему ордена св. Анны 1 степени, св. Георгія 2 степени и землю въ Ингерманландіи. Эти награды сопровождались самыми лестными письмами Екатерины II къ Бауеру. Вообще во время этой войны Бауеръ оказалъ вліяніе на улучшеніе боевого порядка въ нашей арміи и на увеличеніе ея подвижности. Въ концѣ 1770 г. онъ прибылъ въ Петербургъ и здѣсь занялся преобразованіемъ генеральнаго штаба. Послѣ того Бауеръ выступаетъ какъ дѣятельный и искусный инженеръ, исполняющій всевозможныя работы. Такъ именнымъ указомъ, даннымъ 15 февраля 1791 г. Сенату, Екатерина II повелѣла отдать Старорусскій солеваренный заводъ въ управленіе Бауера на основаніи «пунктовъ», поданныхъ послѣднимъ Государынѣ. Въ силу этого указа Бауеру предоставлялась полная свобода дѣйствій по строительной и хозяйственой частямъ, причемъ онъ зависѣлъ единственно и непосредственно отъ Высочайшихъ повелѣній. При этомъ Бауеръ долженъ былъ Старорусскій заводъ привести, въ теченіе 7 лѣтъ, «по примѣру находящихся въ нѣмецкой землѣ соляныхъ варницъ», въ такое состояніе, чтобы онъ давалъ ежегодно 300,000 пуд. соли. Кромѣ жалованья, Бауеру за устройство завода выдавалась награда въ 2 коп. съ пуда вываренной соли. Энергично взявшись за дѣло Бауеръ построилъ въ Руссѣ 15 градиръ и 14 варницъ, но несмотря на это выварка соли достигала всего 150,000 пуд. въ годъ, что происходило, отчасти, отъ малой крѣпости разсола и дороговизны дровъ. На р. Полисти устроена была плотина съ четырьмя водяными колесами. Затѣмъ Бауеру поручено было: углубленіе р. Фонтанки и устройство на ней набережной (1780), расчистка Невскихъ пороговъ и составленіе соображеній объ устройствѣ Новгородскаго (Сиверсова) канала между Волховомъ и Мстою, въ обходъ оз. Ильменя; постройка каменныхъ гаваней въ Кронштадтѣ и Ригѣ (1782), осмотръ Ладожскаго канала въ цѣляхъ его исправленія (1782); укрѣпленіе городовъ Рогачева, Толочина, Будилова, Динабурга, Динамюнде, Пернова, Ревеля и исправленіе укрѣпленій Нарвы и Ревеля; изысканіе сообщеній между Днѣпромъ и Зап. Двиною и улучшеніе судоходства на р. Ловати до Невеля. Кромѣ того, въ вѣдѣніи Бауера состояли: коммиссія строенія Екатерининскаго канала, городового вала и постройка Большого театра въ Петербургѣ, управленіе водяныхъ работъ въ Москвѣ (водопроводовъ); постройка московскаго арсенала и городской верфи въ Петербургѣ и, наконецъ, мощеніе петербургскихъ улицъ. Для производства гидротехническихъ работъ Бауеру подчиненъ былъ особый «гидравлическій корпусъ» (съ 1782). Дѣятельность Бауера не прекратилась даже во время его долгой предсмертной болѣзни: такъ напримѣръ, въ январѣ 1783 г. онъ представилъ Императрицѣ проектъ «инструкціи о дорогахъ», изъ которой впослѣдствіи были выработаны «генеральныя правила для строенія въ Россіи дорогъ». Крупной заслугой Бауера является изданіе первой хорошей карты Молдавіи, части Валахіи и вообще театра войнѣ между Россіею и Турціею, въ прошедшемъ столѣтіи. Въ 1773 г. Бауеръ былъ произведенъ въ генералъ-поручики, въ 1777 г. пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, а въ 1780 г. произведенъ въ генералъ-инженеры. Въ началѣ 1783 г. Екатерина II поручила его главному начальству артиллерійскій и инженерный (нынѣ второй) кадетскій корпусъ, и пожаловала ему орденъ Св. Владиміра 1 степени, но и назначеніе и награда, уже застали его на смертномъ одрѣ. Бауеръ состоялъ шефомъ павлоградскаго гусарскаго полка, который потомъ и носилъ его имя. Императрица Екатерина II всегда относилась къ Бауеру съ большимъ благоволеніемъ и высоко цѣнила его разностороннюю кипучую дѣятельность. Это видно напримѣръ изъ письма Императрицы къ Гримму отъ 15 ноября 1782 г.: «Hier il (т. е. Бауеръ) s'est cru mourant et m'a fait une lettre à fendre une roche et me voila en pleurs à sangloter de la crainte de perdre ce serviteur fidèle et rempli de talents et de génie...». Письма Екатерины II къ самому Бауеру во время его болѣзни полны самаго теплаго участія и глубокаго уваженія.

Военный энциклопедическій лексиконъ 1853 г. изд. 2. Т. II.—Полное собр. законовъ №№ 13.564, 14.968, 15.279, 15.302, 15.332, 15.349, 15.668 и 16.346. — Сборникъ Ист. Общ. Т. Т. 10, 23, 42.—Северинъ, «Продолженіе Записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ Россійскаго Госуд.». 1804, стр. 47. — Глиноецкій, «Исторія Русск. Ген. Штаба».—Словари: Плюшара и Брокгауза-Эфрона.

Баузе, *Θеодоръ Григорьевичъ*,— профессоръ и ректоръ московскаго университета, род. въ 1752 г. въ саксонскомъ городѣ Триплисѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ, ум. въ Москвѣ 25 мая 1812 г. Образованіе Баузе получилъ въ Лейпцигѣ — въ «Томасовой школѣ» и въ университетѣ на юридическомъ факультетѣ. Въ Петербургъ прибылъ въ 1773 г. въ надеждѣ устроить свою судьбу въ Россіи, былъ сначала здѣсь частнымъ учителемъ, а въ 1775 г. поступилъ учителемъ въ нѣмецкое училище при киркѣ св. Петра, преподавалъ исторію, географію и латинскій языкъ, съ окладомъ жалованья 350 р. въ годъ за 24 учебн. часа въ недѣлю. Въ 1780 г. онъ предпринялъ на собственныя средства путешествіе по Германіи главнымъ образомъ съ цѣлью расширить свои педагогическія познанія. Чрезъ годъ послѣ этого путешествія Академія наукъ избрала его своимъ корреспондентомъ, а Вольное экономическое общество приняло его въ число своихъ членовъ. Въ 1782 г. московскій университетъ пригласилъ его на каѳедру права, на мѣсто умершаго Дилтея. Баузе былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ московскаго университета,—трудолюбивый и любознательный, онъ съ полнымъ усердіемъ относился къ своему предмету. Съ перваго-же года, по отзыву университета, онъ «показалъ учащимся тонкость, изобиліе и красоту своего ученія». В. Н. Каразинъ при основаніи Харьковскаго университета имѣлъ въ виду Баузе на профессорскую каѳедру. Впослѣдствіи, въ 1809 г., онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ этого университета. Какъ старѣйшій профессоръ, онъ назначенъ былъ членомъ учрежденнаго въ 1802 г. комитета по разсмотрѣнію устава Академіи наукъ и московскаго университета. Баузе профессорствовалъ 25 лѣтъ до 1811 г. (съ 1783 по 1786 г. онъ находился въ Германіи) и съ 1807 г. состоялъ ректоромъ университета. Баузе былъ не только отличнымъ профессоромъ обладавшимъ даромъ слова и широтою взгляда на свой предметъ, но и трудолюбивымъ ученымъ. Печатныхъ трудовъ онъ оставилъ немного,—нѣсколько рѣчей и стиховъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (на русскомъ яз. извѣстно только одно его печатное (въ 2 стр.) произведеніе «О горячкѣ вольности», изд. 1793 г. М.), большая часть его трудовъ оставлена имъ въ рукописяхъ и составляетъ обширный запасъ извлеченій изъ рукописей по политической экономіи, исторіи литературы, нумизматикѣ, дипломатіи и римскому праву. По словамъ митр. Евгенія «много сочиненій его осталось неизданными, однакожъ у любителей наукъ находятся въ спискахъ... Всѣ его записки въ такомъ порядкѣ, что всякимъ свѣдущимъ въ сихъ предметахъ могутъ быть употреблены и изданы». Изъ печатныхъ его произведеній особенно заслуживаетъ вниманія его рѣчь (напис. въ 1796 г.) «De Russia ante hoc saeculum», въ которой авторъ пытается доказать, что Россія до Петра В. не чужда была культурности и, хотя была слаба въ книжномъ просвѣщеніи, но не лишена была другихъ факторовъ культуры (торговли, промышленности и проч.), а главное—стремленія къ просвѣщенію. Въ свое время это небольшое сочиненіе, необладающее впрочемъ достаточными доводами и нечуждое историческихъ погрѣшностей, имѣло большой успѣхъ по оригинальности основной мысли, получившей такую широкую разработку впослѣдствіи. Переводъ ея, безъ обозначенія имени автора и переводчика, подъ заглавіемъ: «Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ времени Рюрика до Петра В.» появился въ Вѣстникѣ Европы, 1811 г. № 8. Статья эта, приписанная Каченовскому, вызвала большія похвалы. За нѣсколько времени до этого Шредеръ напечаталъ переводъ этой статьи съ нѣмецкаго и, увидѣвъ ее въ «Вѣст. Евр.» публично упрекалъ Каченовскаго въ плагіатѣ. Тогда Каченовскій указалъ имя дѣйствительнаго ея автора.

Баузе съ увлеченіемъ занимался собираніемъ русскихъ древностей и въ теченіе 30 лѣтъ составилъ богатыя коллекціи древнихъ славянскихъ и русскихъ рукописей и русскихъ монетъ. По словамъ К. Θ. Калайдовича (слушавшаго лекціи Баузе), это собраніе древностей было единственнымъ въ своемъ родѣ. По смерти Баузе Московское общество ист. и древ. рос. желало пріобрѣсти его коллекціи оцѣненныя въ 10,000 руб., но покупка не состоялась.

Въ 1812 г. эти цѣнныя для науки коллекціи погибли въ пожарѣ, часть ихъ разобрана была разными лицами (каталогъ рукописей напечатанъ въ «Чтеп. Общ. ист. и древ.» 1862 г. № 2, стр. 1—76). Въ послѣдніе годы своей жизни Баузе, по совѣту М. Н. Муравьева, обратилъ свою дѣятельность на исторію русской словесности.

Словари: профес. Москов. Униперс., Митр-та Евгенія, Березина, Плюшара, Венгерова, Андреевскаго. — «Всеобщ. библіот. Рос.», Прпб II, стр. 433—434.—«Библіографич. листы», Кеппена II, стр. 80, 83, 223. — «Русская Старина», 1875 г. т. XIV, 272. — «Русскій Архивъ», 1866 г., стр. 753 — 755 (воспоминанія Пр. М. Снигирева). — Калайдовичъ, К. Ѳ., «Извѣстія о древн. слав.-русск.», стр. 14—18.—Тихонравовъ, Н. С., «Сочиненія», М. 1897, т. III, вып. 1.

Бауманъ, *Александръ Егоровичъ*, скульпторъ, уроженецъ Ревеля, сынъ купца; учился въ Академіи художествъ въ 1866 г., но, по слабости здоровья, принужденъ былъ уѣхать за границу, гдѣ съ 1867 по 1872 г. былъ ученикомъ саксонской королевской академіи и работалъ (съ 1868 г.) подъ руководствомъ скульптора Шиллинга. Дрезденская академія художествъ присудила Бауману въ 1870 г. малую серебряную медаль за представленную на тамошнія выставки группу «Пастухъ съ собакой», а въ 1871 г.—малую золотую медаль за группу въ человѣческій ростъ: «Танкредъ креститъ умирающую Клоринду». Наша Академія художествъ признала Баумана классныѵмъ художникомъ 1-й степени за представленную имъ въ совѣтъ Академіи группу на сюжетъ изъ поэмы «Освобожденный Іерусалимъ» (1873 г.). Изъ работъ Баумана извѣстны еще: 1) Надгробный памятникъ (1887 г.) и 2) Бюстъ сына г. Гальнбекъ (мрамор., 1889).

Архивъ И. А. Худ., Д. 102 (1866 г.).—Булгаковъ, «Наши художники» (1889 г.).

Е. Т.

Бауманъ, *Генрихъ*, лифляндскій дѣятель, род. 28 апрѣля 1716 г., ум. 7-го ноября 1790 г.; съ 1734 по 1738 г. слушалъ лекціи въ Іенѣ, въ 1741 г. сталъ пасторомъ въ Лезернѣ въ Лифляндіи, въ 1760 г. перешелъ проповѣдникомъ въ Венденъ и съ 1771 г. былъ пробстомъ перваго венденскаго округа. Онъ былъ очень плодовитымъ писателемъ, по большая часть сочиненій его осталась въ рукописяхъ. Напечатаны: «Nachricht von des rigisch. Synd. D. G. Welling traurigem Ende im J. 1586» (Hupels, Nord. Misc. XIII — XIV) и рядъ мелкихъ статей въ Müller'а «Samml. russ. Gesch.». «Livl. Jahrbücher» Гадебуша и др. Имъ была приготовлена къ изданію исторія реформаціи на латинскомъ языкѣ. Часть его рукописей перешла въ собственность курляндскаго провинціальнаго музея.

F. E. Schroeder, «Rede am Sarge etc. Heinrich Baumann (Рига, 1790). — Словарь Рекке и Напирскаго (I, 1827).

Бауманъ, *Николай* (Бовманъ), «Датскія земли полковникъ и инженеръ и гранатный мастеръ», въ 1657 г., по приглашенію кн. Д. Мышецкаго, русскаго посла къ датскому двору, поступилъ на русскую службу и за отличіе въ войнѣ съ Польшею особенно при осадѣ Конотопа, въ 1659 г., за то, что «съ непріятели татары и черкасы бился не щадя головы своея», произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Нуждаясь въ иноземцахъ, знающихъ ратное дѣло, московское правительство оказывало ему разныя милости и, наконецъ, въ 1668 г. онъ получилъ полный генеральскій чинъ, за отличіе во время военныхъ дѣйствій въ Литвѣ въ 1664 г.: «подъ литовскими городами на приступахъ и на полевыхъ бояхъ многихъ непріятелей побилъ и всякіе промыслы чинилъ». Въ 1671 г. Бауманъ самъ оставилъ русскую службу, вслѣдствіе разныхъ непріятныхъ для него дѣйствій по религіознымъ дѣламъ со стороны нѣмцевъ, населявшихъ Нѣмецкую слободу. Но чрезъ 2 года, въ 1673 г. онъ опять хотѣлъ поступить на службу въ Москву, гдѣ, очевидно, его положеніе было выгоднѣе, чѣмъ на родинѣ, и объ этомъ своемъ желаніи написалъ А. С. Матвѣеву чрезъ нашего посла Украинцева. Свою попытку онъ повторилъ еще въ 1679 г. въ письмѣ изъ Гамбурга къ царю Ѳеодору Алексѣевичу. Но просьба его не достигла цѣли.

Дм. Цвѣтаевъ, «Генералъ Николай Бауманъ и его дѣло».

Баумбахъ, *Іоаннъ Христофоръ*, лифляндскій дѣятель, род. въ Митавѣ 31 мая 1742 г., ум. 19 августа 1801 г., сынъ портного, обучался сначала въ Митавѣ, потомъ въ университетахъ въ Ростокѣ и Гельштедтѣ, въ 1762 г. вернулся въ Курляндію, обучался здѣсь латинскому языку у пастора І. Ф. К. Розенбергера, въ 1763 г. сталъ латышскимъ діакономъ (Diakonus), въ 1769 г. былъ назначенъ нѣмецкимъ проповѣдникомъ въ Дробинъ и въ 1771 г. сталъ пробстомъ въ Гребинѣ. Онъ ока-

залъ большія услуги литературной разработкѣ латышскаго языка и самимъ латышамъ. Изъ многочисленныхъ его латышскихъ изданій слѣдуетъ назвать: «Wezza Leejes Wihra Iahnu Dseefma ete» (1775), «Jauna un masa Latweefschu Dseefmu Grahmata» (1779), «Kristiga Zilweka Laika Kaweschana etc» (1780), «Masa Bihbele» (1800) и др. Имъ напечатанъ еще рядъ рѣчей о мѣстныхъ дѣятеляхъ: д-рѣ Я. Макепрангѣ (1783), Фр. Г. фонъ-Мирбахѣ (1783), Агн. Шарл. Мирбахъ (1797), обербургграфѣ О. Ф. фонъ-Зассъ (1798), М. Е. ф. Веттебергъ (1798).

C. F. Laumitz, «Iohann Christoph Baumbach. Ein biographisches Denkmal» (Митава, 1801). — Словарь Рекке и Напирскаго (I, 1827).

Баумгартенъ, *Александръ Карловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1815 г., ум. 4 мая 1883 г. отъ апоплексическаго удара. Происходилъ отъ древней фамиліи ливонскихъ рыцарей. Отецъ его *Карлъ Ивановичъ*, извѣстный дѣятель на поприщѣ гражданскаго управленія, еще въ турецкой войнѣ 1809 г. состоялъ на военной службѣ, командуя полкомъ, но вскорѣ перешелъ на гражданскую и былъ назначенъ градоначальникомъ города Тарнополя (нынѣ въ Австрійской Галиціи); въ 1816 г. переведенъ губернаторомъ въ Кострому; въ 1831 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника, причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и былъ избранъ членомъ комитета, учрежденнаго для борьбы съ холерою, одною изъ жертвъ которой палъ самъ.—За заслуги отца, Александръ Карловичъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1833 г. былъ выпущенъ л. гв. въ измайловскій полкъ; въ 1836 г. поступилъ въ военную академію и въ числѣ отличнѣйшихъ былъ, по окончаніи курса, въ 1838 г. зачисленъ въ генеральный штабъ, на Кавказъ. Здѣсь, состоя при начальникѣ войскъ лѣваго фланга Кавказской линіи генералѣ Галафѣевѣ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ экспедиціи и получилъ за отличіе орденъ св. Анны 4 степ. съ надписью «за храбрость». Въ 1840 г. возвращенъ въ С.-Петербургъ и назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи; въ 1844 г. былъ уже въ чинѣ капитана и въ 1847 г. опредѣленъ старшимъ адъютантомъ штаба главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Венгерская кампанія снова увлекла Баумгартена въ дѣйствующую армію, въ которую онъ перечислился въ чинѣ полковника въ черниговскій пѣхотный полкъ графа Дибича. Въ октябрѣ 1849 г. онъ былъ назначенъ командиромъ тобольскаго пѣхотнаго полка и отличился съ нимъ въ сраженіяхъ при д. Передъ, на правомъ берегу р. Ваагъ, подъ Коморномъ и близъ кр. Темешвара. Въ Восточную войну 1853–1856 г. Баумгартенъ оперировалъ со своимъ полкомъ въ предѣлахъ Малой Валахіи и прославился геройскимъ отраженіемъ 18 тысячъ турокъ при Четати, за что былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степ.; вскорѣ онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 10 пѣхотной дивизіи, вошедшей въ составъ севастопольскаго гарнизона. По окончаніи войны Баумгартенъ былъ зачисленъ по военно-учебному вѣдомству, а 21 ноября 1858 г. назначенъ начальникомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и немало поработалъ, за трехлѣтнее пребываніе въ этой должности, надъ кореннымъ преобразованіемъ академіи. Въ 1861 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и зачисленъ членомъ въ военный совѣтъ, гдѣ состоялъ предсѣдателемъ главнаго госпитальнаго и членомъ главнаго военно-учебнаго комитетовъ. 17 апрѣля 1874 г. Баумгартенъ былъ опредѣленъ генералъ-адъютантомъ и, годъ спустя, получилъ чинъ генерала отъ инфантеріи. Послѣднее время онъ несъ обязанности предсѣдателя общества «Краснаго Креста».

«Сборн. Извѣстій о войнѣ 1855 г.».—«Русск. Инвал.» 1883 г. № 119.—«Новое Время», 1883 г.

Баумгартенъ, *Евгеній Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 21 апрѣля 1817 г., ум. 16 сентября 1880 г. По окончаніи курса пажескаго корпуса, въ 1834 г., въ чинѣ прапорщика выпущенъ л. гв. въ конную артиллерію, откуда, четыре года спустя, поступилъ въ Императорскую военную академію, гдѣ оставался до исхода 1840 г. Зачисленный вслѣдъ затѣмъ въ генеральный штабъ, принялъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ на Кавказѣ и получилъ за отличіе ордена: св. Анны 4 степ. и 3 ст. съ бантомъ. По возвращеніи съ Кавказа, состоялъ два года адъюнктъ-профессоромъ военной академіи, въ 1853 г. былъ назначенъ инспекторомъ Александровскаго института въ Москвѣ; въ 1862 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и 1 мая 1864 г. опредѣленъ на

ванія Петербурга онъ выстроилъ домъ въ теперешней Большой Посадской ул. Бахмютовъ пользовался расположеніемъ Государя, бывавшаго у него запросто. Погребенъ въ крѣпости.

Богдановъ, «Описаніе С.-Петербурга» 1799 г.— Петровъ, «Исторія С.-Петербурга». — Словари: Плюшара, Военно-энциклопедическій, Толя, Брокгауза-Ефрона.

Баховъ, *Аванасій*, устюжскій купецъ XVIII ст., замѣчательный своими отважными путешествіями по Сѣверному ледовитому океану, ум. въ 1762 г. Въ 1747 г. онъ вмѣстѣ съ якутскимъ купцомъ Новиковымъ (оба были повѣренными Сольвычегодскаго купца Жилкина) построилъ въ устьѣ р. Анадыра небольшое судно и на немъ, отправился въ море на промыселъ за бобрами. У Берингова острова судно сорвано было бурей съ якоря и разбилось. Прозимовавъ на островѣ, Баховъ выстроилъ небольшое судно, воспользовавшись остатками судна капитана Беринга, и весной 1748 г. плавалъ къ сѣверо-востоку отъ Берингова острова у американскихъ береговъ (тогда еще неизвѣстныхъ въ этой части); прозимовавъ на островѣ Мѣдномъ, въ 1749 г. онъ возвратился на Камчатку съ небольшимъ грузомъ. Здѣсь большерѣцкая канцелярія отобрала отъ Бахова его суденышко въ казну за употребленіе казеннаго матеріала изъ судна экспедиціи капитана Беринга и запретила впредь приставать къ Берингову острову и заниматься тамъ промыслами. Это запрещеніе вскорѣ было нарушено, а судно, спустя 7 лѣтъ, было отдано купцу Жилкину. Баховъ послѣ этого плаванія отправлялся еще на поиски мамонтовой кости у сѣверныхъ береговъ Сибири. Около 1757 г. онъ, вмѣстѣ съ купцомъ Шалагуровымъ и 75 человѣками, спустился внизъ по р. Ленѣ съ намѣреніемъ добраться до Чукотскаго носа. Прозимовъ въ устьѣ р. Лены, они 20 іюля 1758 г. отправились къ р. Янѣ, куда прибыли въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Пробывъ здѣсь два года, они двинулись далѣе, въ іюлѣ 1760 г. достигли р. Индигирки, а въ сентябрѣ дошли до р. Колымы, проплывъ 760 верстъ. Здѣсь они оставались два года. Въ 1762 г. Шалагуровъ, неполадивши съ Баховымъ, самъ отправился къ Шелагскому мысу, но полярные льды заставили его возвратиться въ Колымское устье, гдѣ онъ нашелъ Бахова мертвымъ.

«Сѣверный Архивъ» 1828 г. ч. III, стр. 22 — 23.—Словари: Березина, Плюшара, Толя, Старчевскаго, Андреевскаго.

Бахтеяровъ, *Еналей*, письменный голова. По указу царя Михаила Ѳедоровича, онъ посланъ изъ Москвы на службу въ Сибирь въ 1638 г. Въ 1640 г. Еналею было поручено досмотрѣть соляные росолные ключи» въ прибрежьяхъ рѣки Илима, и выяснить, «можно ли на томъ мѣстѣ варницъ устроить». Объ этой поѣздкѣ сохранилась «Доѣздная память» Еналея, изъ которой видно что Бахтеяровъ опредѣлилъ размѣры, положеніе и происхожденіе соляныхъ источниковъ, а также взялъ «росолу соляного для опыту», но вопроса о возможности устроить варницы онъ не рѣшилъ, такъ какъ съ нимъ не было «соляного мастера». Въ этомъ же году онъ посылается на Витимъ «для ясачнаго сбору и для пріиска новыхъ землицъ, руды серебряной, и мѣдной, и свинцовой, и хлѣбной пашни». Кромѣ того ему поручено было узнать, какіе люди живутъ по Витиму и по Шилкѣ, а также найти «проходъ въ Китайское государство» и сдѣлать чертежъ его и роспись по разспросамъ иноземцевъ. Въ 1643 г. Еналей вмѣстѣ съ другими лицами былъ посаженъ въ тюрьму воеводой Якутскаго острога, Петромъ Головинымъ, безъ всякой вины, по личной злобѣ воеводы. Объ этомъ случайно узнали въ Енисейскѣ и донесли въ Москву. Назначенное, по волѣ царя, разслѣдованіе выяснило невинность Еналея, и 20 іюня 1645 г. онъ былъ освобожденъ. Онъ упоминается какъ письменный голова еще въ 1649 г.

Акты Историческіе. — Дополненія къ Актамъ Историческимъ.—Хмыровъ и Скальковскій, «Металлы и металлическія издѣлія и минералы въ древней Руси».

Бахтеяровъ-Ростовскій, кн. *Владиміръ Ивановичъ*, ум. въ 1617 г. Въ 1580 г. онъ былъ назначенъ воеводою въ Колы-Русу вмѣстѣ съ Иваномъ Крюкомъ Колычевымъ, который завелъ съ нимъ мѣстническій споръ. Въ 1582 г. онъ былъ воеводой въ Новгородѣ, а въ 1586 г. назначенъ въ большой полкъ московской рати, въ Брянскъ. Въ Новгородъ онъ возвратился въ 1593 г. воеводой большого полка, вмѣстѣ съ княземъ Лукой Осиповичемъ Щербатымъ, который передъ тѣмъ искалъ на немъ своего отечества. Въ 1596 г., по указу царя, онъ отправился въ Тюмень съ отпущенными изъ казны хлѣбными запа-

сами и деньгами, а въ 1598 г. въ памятникахъ именуется тюменскимъ воеводой. Въ 1599 г., будучи воеводой терскимъ, онъ бился съ турками на Кавказѣ. Въ одной изъ стычекъ онъ попалъ въ плѣнъ, но въ слѣдующемъ же году былъ отпущенъ султаномъ на свободу и вернулся въ отечество. Въ этомъ же году онъ велъ мѣстническое дѣло съ кн. Вас. Ив. Буйносовымъ-Ростовскимъ. Въ 1610 г., когда тушинскій самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, изъ Тушина въ Москву пріѣхалъ кн. Бахтеяровъ, котораго царь Василій 2 февраля пожаловалъ боярствомъ; тогда же упоминается о томъ, что въ Тушино онъ пріѣхалъ изъ Астрахани. Въ этомъ же году въ актахъ находимъ извѣстіе о томъ, какъ 29 октября, ночью, послѣ смерти Тушинскаго вора, кн. Бахтеяровъ былъ посланъ изъ тушинскихъ табаровъ въ Москву съ повинною отъ всѣхъ русскихъ людей, перешедшихъ на сторону Самозванца. Онъ первый привезъ извѣстіе о смерти Лжедимитрія II-го и о распаденіи его рати. Въ 1611 г. его подпись встрѣчается въ числѣ другихъ подъ двумя грамотами московской боярской думы—Шеину въ Смоленскъ и Филарету объ ускореніи пріѣзда королевича Владислава въ Москву. Въ 1613 г. онъ ѣздилъ въ Кострому въ посольствѣ къ Михаилу Ѳеодоровичу, послѣ чего былъ назначенъ воеводой въ Нижній Новгородъ. Въ актахъ сохранилась царская грамота къ нему отъ 1613 г. Вѣроятно, онъ оставался тамъ воеводой до смерти, потому что еще подъ 1616 г., въ іюлѣ, онъ именуется нижегородскимъ воеводой. Въ 1615 г. онъ имѣлъ сношенія съ воеводами ярославскими, получая отъ нихъ вѣсти о дѣйствіяхъ Лисовскаго, и сообщая имъ то, что было извѣстно ему. Фамилія Бахтеяровыхъ угасла въ XVII в. Предки Вл. Ив. происходили отъ кн. Дмитрія Ѳедоровича Ростовскаго, по прозвищу Пріимокъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей—Ѳедора бездѣтнаго, и Димитрія, у котораго было 7 сыновей. Одинъ изъ нихъ, князь *Ѳедоръ Дмитріевичъ*, прозванный Бахтеяромъ, постригся передъ кончиною (ум. ранѣе 1550 г.) съ именемъ Ѳеодосія. У него было три сына—*Василій*, бояринъ, ум. 1609 г., и *Михаилъ* — бездѣтные, а старшій *Иванъ*, по прозвищу Нѣмой, воевода въ Василь-городѣ, ум. въ 1587 г.— отецъ Владиміра Ивановича. Единственный сынъ Вл. Ив. *Петръ*, соратникъ Ляпунова, умеръ рано (5 сент. 1618 г.) безъ потомства. Послѣдніе изъ рода Бахтеярова уже не писались князьями, а лишь дворянами московскими.

Р. Ист. Библ.—А. Эксп.—А. Ист.—Лихачевъ, «Разрядные дьяки». — «Родосл. кн.» Петрова.— «Родосл. кн.» Долгорукаго. — Симбирскій сборникъ.—Соловьевъ, «Ист.».

Бахтинъ, *Иванъ Ивановичъ*, общественный дѣятель и писатель, сынъ орловскаго дворянина, л.-гв. преображенскаго полка сержанта Ивана Родіоновича Бахтина, род. въ 1754 г., ум. 14 апрѣля 1818 г. Службу онъ началъ въ артиллеріи штыкъ-юнкеромъ въ 1772 г.; вышелъ изъ военной службы въ отставку съ чиномъ поручика въ 1776 г.: черезъ 6 лѣтъ вновь поступилъ на службу уже въ судебное вѣдомство, въ которомъ занималъ должности: стряпчаго тобольскаго надворнаго суда, пермскаго губернаторскаго стряпчаго, прокурора пермскаго верховнаго земскаго суда, а съ 1788 г. по 1 мая 1794 г.—тобольскаго губернскаго прокурора; дальнѣйшая служба его была въ должностяхъ: совѣтника новгородской казенной палаты, совѣтника калужскаго и тульскаго губернскихъ правленій; съ 28 февр. 1797 г. Бахтинъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ экспедицію для свидѣтельства государственныхъ счетовъ; съ 1802 г., въ чинѣ статскаго совѣтника, состоя въ департаментѣ министерства финансовъ сдѣлался извѣстенъ Императору Александру I и получалъ отъ него порученія для производства секретныхъ слѣдствій по злоупотребленіямъ администраціи и помѣщиковъ; съ 1803 по 1814 г. (1 окт.) былъ слободско-украинскимъ гражданскимъ губернаторомъ; отъ этой должности онъ былъ уволенъ за болѣзнью съ производствомъ губернаторскаго жалованья изъ государств. казначейства. Послѣдняя служба Бахтина,—съ 29 февраля 1816 г. по день смерти была въ должности управляющаго государственною экспедиціею для ревизіи счетовъ.

За время бытности слободско-украинскимъ губернаторомъ И. И. Бахтинъ былъ избранъ въ почетные члены харьковскаго университета (30 іюня 1809 г.) и во «внѣшніе» члены харьковскаго общества наукъ, (въ 1814 г.), а 16 февраля 1815 г. получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена Филотехническаго общества. По словамъ автора исторіи харьковскаго университета, Д. Багалѣя, Бахтинъ прославился, между прочимъ, «чрезмѣрнымъ содѣйствіемъ от-

крытію харьковскаго университета и неизмѣннымъ сочувствіемъ къ нему во все время своего губернаторства. Будучи еще тобольскимъ прокуроромъ, Бахтинъ принялъ живое участіе въ основаніи ежемѣсячнаго журнала «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену», предпринятаго тобольскимъ главнымъ народнымъ училищемъ въ 1789 г., и помѣстилъ въ немъ—за 1789 г.: «Къ господамъ издателямъ» (письмо, 1789 г., 4 сент.); «Сонъ», стихотвореніе; «Стансы»; «Епиграммы»; «Господинъ и крестьянка», сказка; «Завистникъ», притча; «Отрывки изъ разговоровъ Вольтера о человѣкѣ», стихотвореніе; «Ученый и служанка», притча; «Юзбекъ», подражаніе французскому; «Ты далъ мнѣ жизнью наслаждаться», молитва. За 1790 г.—«Сатира на жестокости нѣкоторыхъ дворянъ къ ихъ подданымъ»; «Возраженіе на стихи на смерть», принадлежащія Натальѣ Сумароковой; «Проповѣдь о ростовщикахъ», притча; «Различіе слова гулять»; «Стихи къ подаренному портрету Д. И. П.». За 1791 г. — «Змѣя любимецъ», басня и «Филиса или четыре степени любви». Кромѣ этихъ произведеній Бахтинъ напечаталъ еще около того же времени: «Лежалъ нашъ Доримонъ», эпитафію въ журналѣ «Лекарство отъ скуки и заботъ» (1786 г., ч. I); «Во всякомъ случаѣ»... эпиграмму (ib.); нѣсколько мадригаловъ (ib.) и «О умѣреніи во всемъ», переводъ изъ Вольтера въ «Библіотекѣ ученой, экономической...» П. П. Сумарокова (1793 г., ч. II). Всѣ эти произведенія Бахтинъ въ 1816 г. издалъ отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: «И я авторъ, или разныя мелкія стихотворенія»; историки литературы признаютъ за ней нѣкоторый литературный талантъ, а эпиграммы считаютъ даже довольно острыми. Что же касается другихъ его произведеній: «Вдохновенныя идеи» (Спб., 1816 г., 23 стр.) и «Ревнивый», драма въ 3 д. (Спб., 1816 г., 96 стр.), то они имѣютъ меньшее значеніе. Въ первомъ авторъ разсказываетъ о бывшихъ у него въ разное время чудесныхъ предчувствіяхъ, благодаря которымъ онъ «постепенно изъ величайшаго вольнодумца, каковымъ былъ въ молодости, сталъ христіаниномъ». Драма написана по всѣмъ правиламъ трехъ единствъ и представляетъ собою малохарактерное подражаніе французскимъ образцамъ. Съ нею, между прочимъ, связано письмо Бахтина къ издателю «Вѣстника Европы», въ которомъ онъ сѣтуетъ на издателя за сопоставленіе «губернатора и автора драмъ» въ замѣткѣ, помѣщенной по поводу представленія названной драмы въ харьковскомъ театрѣ.

Формулярный списокъ.—«Вѣстникъ Европы», 1811 г., ч. 56 (письмо Бахтина).—«Русская Старина», 1870 г., т. I. стр. 451—454, т. III, стр. 335—366 и 1875 г. № 10, стр. 278—279.—Словари: Геннади, Брокгауза и Ефрона и Венгерова.—Его же, «Русскія книги», вып. XIII (Спб., 1897 г.).—Д. Багалей, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», вып. I и II (Харьковъ, 1894—96 гг.).—А. Неустроевъ, «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.» (Спб., 1875 г.).—Его же, «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ» (Спб., 1898 г.).

Н. Селифонтовъ.

Бахтинъ, *Михаилъ Петровичъ*, род. 6 ноября 1786 г., вѣроятно, въ селѣ Барышкѣ, орловской губерніи, брянскаго уѣзда, ум. 27 января 1838 г. Поступивъ на военную службу, онъ оставался на ней до чина полковника. Въ 1835 г., уже будучи въ отставкѣ, Бахтинъ пожертвовалъ свое благопріобрѣтенное состояніе, простиравшееся до полутора милліона въ процентныхъ бумагахъ, на учрежденіе въ г. Орлѣ кадетскаго корпуса, которому предоставлялъ по смерти своей, принадлежащіе ему 2,700 душъ крестьянъ въ орловской и курской губерніяхъ со всѣми землями и угодьями. За это Бахтинъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора съ оставленіемъ внѣ службы и пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-ой степ. Въ память М. П. Бахтина, по повелѣнію Имератора Николая I, была выбита медаль съ изображеніемъ жертвователя и надписью: «За благотвореніе юношеству. 1836 г.». Медаль описана въ собраніи русскихъ медалей, изданномъ археографическою коммиссіею, выпускъ V, № 64.

Journal de S.-Pétersbourg, 1835, № 51.—Н. Мельницкій, «Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи», т. II, ч. IV, стр. 52—53.—«Извѣстія Импер. Русск. Археологич. Общества», т. IX, 1880 г.—«Медали, въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ», Ю. Б. Иверсена, т. I, стр. 24.—Военный Энциклопед. Лексиконъ, т. III, стр. 535.

Н. Селифонтовъ.

Бахтинъ, *Николай Ивановичъ*, д. т. с., статсъ-секретарь, членъ Государственнаго совѣта, видный дѣятель въ эпоху реформъ Александра II, родился въ Тулѣ 3 января 1796 г., ум. 26 марта 1869 г. Бахтинъ

былъ третій сынъ Ивана Ивановича Бахтина, воспитывался въ харьковской гимназіи, и по окончаніи ея въ 1812 г., поступилъ на службу канцеляристомъ въ харьковское губернское правленіе; съ переѣздомъ отца въ 1815 г. въ Петербургъ, опредѣлился въ экспедицію для ревизіи счетовъ, гдѣ отецъ его состоялъ управляющимъ; черезъ годъ перешелъ въ канцелярію статсъ-секретаря по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ и оставался тамъ до 1823 г. Не смотря на служебныя занятія, Бахтинъ успѣвалъ посѣщать университетъ и въ 1822 г. сдалъ экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента. Въ 1823- 1824 г. онъ служилъ въ капитулѣ орденовъ; въ 1825 - 26 г. въ провіантскомъ департаментѣ военнаго министерства, и въ 1827—34 г. въ морскомъ министерствѣ. Состоя при главномъ начальникѣ морского штаба, генералъ-адъютантѣ князѣ Меншиковѣ, Бахтинъ участвовалъ съ нимъ въ 1828 г. въ морскомъ походѣ изъ Севастополя къ крѣпости Анапѣ, въ сраженіи подъ Анапою, въ походѣ отъ Анапы къ Варнѣ и при атакѣ ея русскимъ флотомъ. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ назначенъ въ 1831 г. правителемъ дѣлъ комитета для образованія флота и завѣдующимъ дѣлами по части финляндскаго генералъ-губернаторства при кн. Меншиковѣ, и въ 1833 г. редактировалъ «Сводъ морскихъ постановленій». Въ 1834 1843 г. онъ былъ управляющимъ дѣлами комитета министровъ и дѣятельнымъ членомъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

Съ 1843 до 1853 г. Бахтинъ былъ государственнымъ секретаремъ и, наконецъ, съ 1853 г. до смерти—членомъ Государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи. Къ этому послѣднему періоду и относится его наиболѣе вліятельная дѣятельность. Участвуя въ работахъ департаментовъ государственной экономіи, законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, онъ много потрудился при разсмотрѣніи проекта новаго устава гражданскаго судопроизводства и былъ все время защитникомъ судебной реформы; затѣмъ въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія (съ 1861 г.), онъ съ свойственной ему энергіей поддерживалъ полное и обезпеченное землею освобожденіе крестьянъ; работалъ онъ также въ комиссіи по уничтоженію откуповъ и въ особой комиссіи по пересмотру рекрутскаго устава. Состоя въ послѣдней предсѣдателемъ съ 1862 г., онъ много содѣйствовалъ выработкѣ различныхъ облегченій, введенныхъ только впослѣдствіи при рекрутскихъ наборахъ, и руководилъ составленіемъ новыхъ положеній объ отставныхъ солдатахъ.

Состоя въ дружественныхъ отношеніяхъ съ П. Катенинымъ, Бахтинъ издалъ въ 1832 г. (Спб.) «Сочиненія и переводы П. Катенина». Кромѣ того въ періодъ времени съ 1821—1828 гг. онъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей критическаго содержанія по исторіи русской литературы подъ псевдонимомъ «М. И.» въ журналахъ: «Сынъ Отечества», «Вѣстникъ Европы» и «Атеней»; ему же принадлежитъ статья въ журналѣ «Le Mercure du dix-neuvieme siècle», подъ заглавіемъ: Quelques notes d'un Russe, présentement à Paris, sur l' Anthologie russe de M. Dupré de St.-Maure, (стр. 505—521, псевдон. L. N.) и глава VIII въ «Atlas Ethnographique du globe» par Adrien Balbi, Paris 1826, Introduction. Tome premier, pag. 321—357: Coup d'oeil sur l'histoire de la langue slave, et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie. Послѣдній трудъ Бахтина вызвалъ рѣзкую рецензію со стороны Полеваго въ «Московскомъ телеграфѣ».

Послужной списокъ.—Словари: Толля, Березина Брокгауза и Ефрона. — Некрологи: въ «Голосѣ» (1869 г. №№ 87 и 90), «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1869 г., № 87), «Сѣверной Пчелѣ» (1869 г., № 14), «Всемірной Иллюстраціи» (1869 г., т. I, №№ 16 и 17) и «Иллюстрированной Газетѣ» (1869 г., № 15).

Бахтуринъ, *Константинъ Александровичъ*, поэтъ и драматургъ, род. въ 1809 г., ум. 19 января 1841 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, Александръ Николаевичъ, написавшій нѣсколько статей по судоходству, въ 20-хъ годахъ былъ правителемъ канцеляріи совѣта путей сообщенія. По отзыву В. И. Панаева, это былъ человѣкъ съ бюрократическими способностями, довольно образованный и съ добрѣйшимъ сердцемъ. Работа кипѣла въ его рукахъ, но къ сожалѣнію, онъ, вслѣдствіе горькой домашней жизни, злоупотреблялъ виномъ; эту пагубную страсть унаслѣдовалъ и сынъ, выросшій въ ненормальной семейной атмосферѣ. Службу поэтъ началъ въ армейскихъ уланахъ. Въ это время онъ познакомился съ гр. М. Д. Бутурлинымъ, который упоминаетъ о немъ въ своихъ «За-

пiесахъ», какъ о «горькомъ пьяницѣ, но не безталантливомъ поэтѣ». Нѣкоторые товарищи «обходились съ нимъ почти какъ съ шутомъ, ставили за ширмы и заставляли декламировать оттуда стихи». Дослужившись до чина поручика, Бахтуринъ вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Изъ этого періода его жизни кое-какія данныя узнаемъ изъ «Воспоминаній о Пушкинѣ и Пащокинѣ Н. И. Куликова». Послѣдній характеризуетъ Бахтурина, какъ отчаяннаго лжеца извѣстнаго всему Петербургу. Журналы и альманахи 30-хъ годовъ охотно помѣщали стихотворенія Бахтурина. Въ 1837 г. онъ издалъ свои стихи отдѣльнымъ томикомъ, куда вошла бойко написанная сказка «Нилъ-Царевичъ». Еще раньше поэтъ выпустилъ отдѣльной же книжкой «Вступленіе на престолъ Александра Тверского. Истор. пов. въ стихахъ. М. 1833 г.» Бахтурину принадлежитъ нѣсколько пародій на поэмы и баллады лучшихъ тогдашнихъ поэтовъ. Въ этихъ пародіяхъ выводятся современные литераторы. Особенно извѣстна пародія на балладу Жуковскаго «Смальгольмскій баронъ»—«Баронъ Брамбеусъ». Ему же принадлежитъ «С.-Петербургская мелочная лавка», пьеска, съ остроуміемъ изображающая лавку, гдѣ сходятся для сплетенъ. Пьеса богата жизнью и движеніемъ и обнаруживаетъ хорошее знакомство автора съ языкомъ и бытомъ мелкаго купечества. Кромѣ того Бахтуринъ написалъ нѣсколько драмъ («Кузьма Рощинъ» въ «Реперт.» за 1839 г., «Пятнадцать лѣтъ разлуки», «Бальный въ Рязани», «Красное покрывало», «Шестнадцать лѣтъ или зажигатели», «Замокъ Нейгаузенъ» и др.). Двѣ первыхъ имѣли большой успѣхъ въ Александринскомъ театрѣ, и имя Бахтурина стало довольно популярнымъ. Многіе артисты заказывали ему пьесы для своего бенефиса, такъ какъ онъ считался мастеромъ составлять эффектныя афиши, и въ его пьесахъ видѣли разнообразіе дѣйствія. Во всѣхъ драмахъ Бахтурина замѣтенъ избытокъ лиризма, мало движенія, и онѣ не производятъ глубокаго впечатлѣнія. Чтобы возбудить вниманіе зрителей, авторъ принужденъ постоянно прибѣгать къ театральнымъ эффектамъ. Между тѣмъ, ему нельзя отказать въ талантѣ. Въ его небольшихъ драматическихъ пьесахъ есть все, чего не хватаетъ большимъ драмамъ. Умѣя хорошо развернуть характеръ дѣйствующихъ лицъ въ 2-хъ—3-хъ сценахъ, Бахтуринъ не могъ развить сложной темы въ цѣлой драмѣ. Ему не хватало психологическаго анализа. Этотъ недостатокъ съ особой рельефностью обнаружился въ его лирическихъ произведеніяхъ. Стихъ гладокъ, часто видно неподдѣльное чувство («Буря», «Ночь», «Демонъ сомнѣнья», «Страданія» и др.), но въ цѣломъ лирика Бахтурина бѣдна содержаніемъ и оставляетъ неопредѣленное впечатлѣніе. Поэтъ оплакиваетъ дни, когда передъ нимъ «леталъ украдкой какой-то дивный идеалъ», но онъ утопилъ свое «я» въ нѣгѣ упоеній, въ порокахъ, его сердце оскудѣло, и нѣтъ въ немъ мѣста «для шопота свѣтлыхъ думъ».

Причиной такого паденія поэтъ выставляетъ несчастную любовь, но вмѣсто этой причины, излюбленной всѣми поэтами того времени, правильнѣе будетъ искать корень зла, исказившаго жизнь Бахтурина, въ полномъ безволіи, явившемся, повидимому, слѣдствіемъ унаслѣдованнаго отъ отца порока. Этотъ порокъ и свелъ поэта въ могилу.

«Репертуаръ» 1839, ч. II, «Отчетъ» 16—18: ibid. 1840, т. I, кн. III, стр. 20; ibid. 1841, т. I смѣсь, стр. 14. — «Сѣв. Пчела» 1837. № 170; ibid. 1841, № 25.—«Р. Арх.» 1869_1—351; ibid. 1897_2—375.—«Р. Стар.» 1870, т. I, изд. втор. 339; ibid. 1871, т. III, 367, 368; ibid. 1879, XXIV, 348; ibid. 1880, XXIX, 996, 997; ibid. 1892. LXXIII, 506.—«Русск. Вѣстн.» 1841, т. I, кн. 3. стр. 778.—«Отеч. зап.» 1841, т. 15 Рец.—«Вѣстн. Евр.» 1867, III; 262 — 263. — Гербель. «Русск. поэты» (Здѣсь Б. невѣрно назв. Конст. Петров.)— Словари: Геннади и Венгерова.—Татьяна Пассекъ, «Изъ дальныхъ лѣтъ» т. I, бракъ.—«Воспоминанія Головачевой-Панаевой» стр. 54, 55.

Бахъ, *Николай Романовичъ* (или Генриховичъ), сынъ скульптора Роберта Ивановича Баха, академикъ скульптуры, род. 27 января 1853 г. въ Петербургѣ, ум. въ іюнѣ 1885 г. Учился первоначально подъ руководствомъ своего отца скульптора; общее образованіе получилъ въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра (1864—1870), а въ 1870 г. поступилъ въ Академію худ., значительно уже подготовленный, и окончилъ въ ней курсъ въ 1879 г. съ званіемъ класснаго художника первой степени, которое присуждено было ему за програму «Весна» (аллегорія изъ поэмы Шиллера). Въ 1880 г. ему, по Высочайшему повелѣнію, заказанъ былъ бюстъ графа П. Е. Ферзена. Въ 1882 г., на званіе академика, Бахъ принялся за програму «Смерть Олега» (Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ Пушкина),

и въ 1884 г. признанъ академикомъ. Его работы барельефъ «Св. Ольги», представляющій цѣлую группу, находится въ Сергіевскомъ монастырѣ (по Балтійск. ж. дорогѣ). Бахъ служилъ въ обществѣ поощренія художниковъ. За годъ до своей смерти онъ уѣхалъ на Уралъ, на кыштымскіе и каслійскіе заводы, наблюдать за рисовальной школой и за художественными отливками. По отзывамъ знавшихъ его, Бахъ былъ вообще талантливый человѣкъ сразу въ нѣсколькихъ областяхъ искусства; напримѣръ, онъ написалъ массу акварелей на мотивы изъ Лермонтова, Тургенева и друг. писателей; очень недурно игралъ на рояли; но къ скульптурѣ относился небрежно, отдавался ей не всецѣло, а порывами, и потому-то онъ создалъ, по мнѣнію знатоковъ, всего лишь одно крупное произведеніе, именно статую «Ипѳія», которая была на выставкѣ 1885 г. (а въ настоящее время находится въ мастерской его брата). Изъ его статуй извѣстны еще: 1) Давидъ, 2) Прометей и 3) Психея.

Архивъ Имп. Ак. Худ. Д. 132 (1870).—Булгаковъ, Наши художники (1889).—Энцикл. Словарь Гарбеля.—Всемірная Иллюстр. 1885 г., іюнь (портретъ и кратк. некрологъ). *Е. Т.*

Бацетичъ, *Ѳ. М.*, писатель о Сербіи, обрусѣвшій сербъ, родился въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ монастырѣ Банѣ, въ Старой Сербіи; въ сороковыхъ годахъ учился въ Бѣлградѣ. Бацетичъ помѣстилъ въ «Бесѣдѣ» 1871 г. (№№ 5 и 10) «Очерки Старой Сербіи» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1875 г. (№№ 10 и 11) «Изъ путевыхъ записокъ.—Сербія и Турція». Эти статьи вошли въ изданную въ 1876 г. Московскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, книгу: «Старая Сербія, ея прошлое и настоящее». Въ 1882 г., также въ Москвѣ, издана его книга: «Народъ и княжеская власть въ Сербіи». Въ сочиненіяхъ Бацетича заключается множество разсказовъ о событіяхъ новѣйшей сербской исторіи, большей части которыхъ авторъ былъ очевидцемъ.

Венгеровъ, Словарь, II, 271.

Башаруловъ, *Максимъ Петровичъ*, колл. ассес., секретарь 1-го кадетскаго корпуса, затѣмъ — чиновникъ 5-го класса, род. въ 1765 г., ум. 10 іюня 1827 г. Изъ подъ его пера вышло двѣ книжки: 1) «Дикая Европеянка, или исправленіе преступленія одного добродѣтелью другого», Спб. 1804(5) (нѣтъ въ Публичной библіотекѣ). 2) «Аксіома для всякаго чина, состоянія, пола и возраста, необходимая и преполезная» Спб. 1804. Изъ предисловія къ послѣдней книжкѣ можно заключить, что авторъ участвовалъ въ турецкихъ походахъ Суворова. «Аксіома» представляетъ краткое руководство къ добыванію календарныхъ свѣдѣній: изъясненіе вруцѣ-лѣта, о кругахъ лунныхъ и т. п. Въ видѣ иллюстраціи приводятся примѣры изъ тогдашнихъ выдающихся событій.

Шторхъ, «Системат. обозр. литературы въ Россіи съ 1801—1806 гг.», ч. I, стр. 240.—Словари Геннади и Венгерова.

Башиловъ, *Александръ Александровичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, автобіографъ; род. въ г. Глуховѣ 31 августа 1777 г., ум. въ Москвѣ 31 декабря 1847 г. Отецъ его, ***Александръ Феодоровичъ*** въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, служа въ малороссійской коллегіи, занималъ должность начальника колоній, затѣмъ, въ 1780 г. состоялъ директоромъ экономіи въ курскомъ намѣстничествѣ, 16 сентября 1781 г. назначенъ былъ поручикомъ правителя кіевскаго намѣстничества, 1 августа 1783 г. пожалованъ въ статскіе, а 2 сентября 1793 г.—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 20 октября 1793 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 3-го департамента Сената, 19 декабря 1796 г. пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ къ присутствованію въ Сенатѣ, въ департаментѣ тяжебныхъ дѣлъ, а 7 октября слѣдующаго года былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ.—Александръ Александровичъ 15 лѣтъ отъ роду поступилъ въ пажескій корпусъ, гдѣ вскорѣ выдѣлился изъ среды товарищей и былъ опредѣленъ ко Двору. Здѣсь, состоя личнымъ пажемъ Императрицы Екатерины и затѣмъ любимымъ камеръ-пажемъ преемника ея, Павла Петровича, Башиловъ оставался до 1798 г., когда, въ день рожденія великаго князя Михаила Павловича, былъ опредѣленъ поручикомъ въ л.-гв. преображенскій полкъ и пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта Его Величества. Въ августѣ 1799 г. онъ былъ командированъ съ секретными и весьма важными депешами въ Вѣну, къ нашему посланнику А. К. Разумовскому, оттуда ему было поручено проѣхать въ Италію для сообщенія Суворову пожалованнаго Императоромъ титула князя Италійскаго и для передачи сардинскому королю кредитива на сумму 300,000 рублей. На возвратномъ пути Ра-

зумовскій довѣрилъ Башилову доставленіе въ Россію присланныхъ изъ Мальты мощей Св. Іоанна Іерусалимскаго. Прибывъ съ ними въ Гатчину въ октябрѣ того же года, Башиловъ получилъ изъ собственныхъ рукъ государя алмазный крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ январѣ 1801 г., уже въ чинѣ полковника, Башиловъ, въ званіи кавалера посольства С. А. Колычева, выѣхалъ въ Парижъ, откуда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вернулся съ дипломатическими депешами въ Петербургъ и вскорѣ затѣмъ перешелъ на службу въ строевыя войска, вступивъ въ февралѣ 1802 г. въ ряды Навагинскаго мушкатерскаго полка. По домашнимъ обстоятельствамъ, Башиловъ въ ноябрѣ 1803 г. былъ уволенъ въ отставку, но черезъ три года снова опредѣленъ на службу и назначенъ командиромъ тамбовскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ участвовалъ въ походахъ противъ французовъ 1807 г. и 1809 г. Въ іюнѣ 1809 г. онъ получилъ начальство надъ бригадою 18-й пѣхотной дивизіи, 14-го іюня 1810 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; въ томъ же году, за участіе во многихъ сраженіяхъ и за отличіе въ битвѣ подъ Шумлою, награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Въ числѣ знаковъ отличія за воинскіе подвиги Башиловъ имѣлъ также орденъ св. Георгія 4 ст., полученный имъ за участіе во многихъ дѣлахъ противъ французовъ въ Отечественной войнѣ 1812 г. 2-го мая 1813 г., по разстроенному здоровью, онъ снова оставилъ службу и оставался въ отставкѣ до 1825 г., когда въ апрѣлѣ, съ переименованіемъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ перечисленъ въ распоряженіе московскаго военнаго губернатора, а съ началомъ турецкой войны 1828 г. опредѣленъ на должность начальника подвижного магазина 2-й арміи. Послѣднимъ назначеніемъ Башилова было зачисленіе его 1-го января 1830 г. въ Сенатъ, съ одновременнымъ производствомъ въ чинъ тайнаго совѣтника; кромѣ того, временно, съ апрѣля 1831 г. по мартъ 1832 г., онъ состоялъ въ должности директора комиссіи строеній въ Москвѣ. Незадолго до своей кончины Башиловъ составилъ обширныя автобіографическія записки (на 40 листахъ), рукопись которыхъ хранилась сначала въ древнехранилищѣ М. П. Погодина, а затѣмъ поступила въ Императорскую Публичную библіотеку; нѣкоторые отрывки изъ нея, «Записки о временахъ Екатерины II и Павла I», были напечатаны въ альманахѣ, изданномъ М. П. Погодинымъ: «На новый годъ читателямъ Москвитянина» (Москва, 1850 г.), а также въ журналѣ «Заря» за 1871 г.

Свѣдѣнія объ отцѣ: Высочайшіе указы изъ сенатскаго архива и Губернскій служебникъ кн. Туркестанова, изд. 1869 г., стр. 94—95.—О сынѣ: Формулярный списокъ, хранящійся въ с.-петербургскомъ архивѣ Сената.—«Заря» 1871 г. № 12 стр. 192—223.—«Древняя и Новая Россія» 1878 г. т. I стр. 346.—Вѣдом. С.-Петерб. Полиціи 1848 г. № 9.

Башиловъ, *Михаилъ*, художникъ-любитель, жанристъ. Въ 1854 г. онъ выставилъ картину и получилъ за нее вторую сереб. медаль. Въ 1866 г. онъ экспонировалъ на выставкѣ картину «Крестьянинъ въ бѣдѣ», которая находилась и на всероссійской выставкѣ въ Москвѣ 1882 г.

Петровъ, Мат. для исторіи Имп. Ак. Худ. III, 227.—Булгаковъ, Наши Художники (1889), т. I.—Энцикл. Словарь Гарбеля (1890).

Башиловъ, *Семенъ*, издатель памятниковъ старины, род. въ 1740 г. въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, при которой отецъ его состоялъ приказнымъ, ум. 11 іюля 1770 г. Башиловъ учился въ троицкой семинаріи, а въ 1757 г. поступилъ въ московскій университетъ. Въ 1762 г., по окончаніи курса, онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ математики въ троицкую семинарію, а въ 1764 г. назначенъ инспекторомъ тѣхъ студентовъ московской духовной академіи и троицкой семинаріи, которыхъ предположено было отправить въ Англію. Съ этими студентами Башиловъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но развившаяся у него чахотка заставила его отказаться отъ путешествія въ Англію. Въ 1766 г. Башилова назначили переводчикомъ при Академіи наукъ, что и сблизило его съ Шлецеромъ. Въ 1769 г. Башиловъ переведенъ «сочинителемъ» въ комиссію составленія новаго уложенія, а въ слѣдующемъ году его опредѣлили секретаремъ въ Сенатъ; но въ томъ же году Башиловъ умеръ. Главная заслуга Башилова состоитъ въ томъ, что онъ первый изъ русскихъ ученыхъ понялъ значеніе критическаго изученія памятниковъ русской старины. Подъ руководствомъ Шлецера, Башиловъ издалъ въ 1768 г. до тѣхъ поръ ненапечатанный Судебникъ царя Ивана Васильевича. Въ 1767 г. онъ напечаталъ 1-ю часть Никоновскаго временника, при содѣйствіи Шлецера, а въ 1868 г.—2-ю часть

при помощи Полѣнова. Съ введенія книгопечатанія въ Россіи, это былъ первый примѣръ ученаго изданія русскаго временника. Кромѣ того Башиловъ много занимался переводами. Между прочимъ, въ журналѣ «И то и сіо», выходившемъ въ 1769 г., Башиловъ помѣстилъ переводъ изъ Сенеки «О Провидѣніи». Въ этомъ же журналѣ помѣщена часть переписки Башилова съ разными лицами, а въ «Вѣстн. Европы» за 1812 г. напечатаны письма Башилова къ его учителю, академику Шлецеру.

Словари: Новикова, М. Евгенія, Снегирева (ст. Евгенія), Плюшара (ст. Языкова), Ник. Греча.—«Опытъ», Смирнова.—«Ист. Троицк. Семин.» (стр. 106—108 и 502).—Геннади «Словарь».—Его же, «Книжн. рѣдкости» стр. 33 и «Списокъ русск. аноним. кн.» стр. 44.—Шлецеръ, «Несторъ».—«Вѣстн. Европы» за 1812 г., часть 61-я, № 4.—Неустроевъ, Историч. розысканіе...

Башкинъ, *Матвѣй Семеновичъ*, сынъ боярскій, неизвѣстно откуда родомъ, по мнѣнію Н. И. Костомарова, «судя по фамиліи, татарскаго происхожденія», а по предположенію митр. Макарія, «человѣкъ, если не знатный, то богатый или достаточный». Въ великій постъ 1553 г. Башкинъ пришелъ на исповѣдь къ священнику московскаго Благовѣщенскаго собора, Симеону, и, по словамъ послѣдняго, высказалъ ему нѣкоторыя свои недоумѣнія по вопросамъ нравственности. «Бога ради пользуй меня душевно, говорилъ Башкинъ Симеону,—ибо надобно не только читать написанное въ Евангельскихъ бесѣдахъ, но и выполнять на дѣлѣ; все начало отъ васъ, и потому вамъ, священникамъ, слѣдуетъ насъ учить; въ Евангеліи же сказано: Научитеся отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть. Но какая нужда человѣку быть смирнымъ, кроткимъ и тихимъ? Это все ваша обязанность: сперва исполняйте сами, а потомъ и учите». Въ другой разъ Башкинъ пригласилъ Симеона къ себѣ и, цитируя апостольскій текстъ: «весь законъ въ словеси скончевается: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себѣ; аще себе грызете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдени будете», — говорилъ: «а мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ братіею нарицаетъ, а у насъ на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя; а я благодарю Бога моего, у меня что было кабалъ и полныхъ, то я всѣ изодралъ, да держу своихъ людей добровольно: добро ему, и онъ живетъ; а не добро, — и онъ куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, хорошо бы посѣщать насъ почаще и наставлять, какъ намъ жить, и какъ людей у себя держать, не изнуряя ихъ. Объ этомъ я видѣлъ въ правилахъ, и мнѣ это показалось хорошимъ». Послѣ этого разговора Башкинъ показывалъ Симеону Апостолъ, «по мѣстомъ извощенъ до трети», и предлагалъ ему другіе «недоумѣнные» вопросы, которые представились Симеону «развратными», такъ что онъ отказался отъ ихъ разрѣшенія. Тогда Башкинъ просилъ его посовѣтоваться съ знаменитымъ Сильвестромъ: «онъ тебѣ скажетъ, и ты тѣмъ пользуй душу мою; а тебѣ, я знаю, некогда объ этомъ думать въ суетѣ мірской: ни въ день, ни въ ночи покоя не знаешь». Когда наступилъ Петровъ постъ, Симеонъ повѣдалъ Сильвестру о своемъ «необычномъ» духовномъ сынѣ, который, по всей вѣроятности, бесѣдовалъ о своихъ недоумѣніяхъ и съ другими лицами, вызывая ихъ смущеніе своимъ не совсѣмъ заурядным любопытствомъ по отношенію къ вопросамъ церковной нравственности: по крайней мѣрѣ, Сильвестръ уже зналъ о немъ и замѣтилъ Симеону: «каковъ тотъ сынъ духовный будетъ, слово про него недобро носится», а затѣмъ пожелалъ узнать, что у него въ Апостолѣ воскомъ «мѣчено». Когда царь, ходившій на богомолье въ Кирилловъ монастырь, возвратился въ Москву, Сильвестръ сказалъ ему о Башкинѣ и его недоумѣніяхъ, а Симеонъ «Апостолъ государю отнесъ». Кромѣ Сильвестра и Симеона царю докладывалъ о Башкинѣ и протопопъ Андрей, а [illegible] Алексѣя Адашева дошли слуги, что у Башкина есть единомышленники, впадающіе въ еретичество, которое напоминало секту жидовствующихъ: «испражняютъ владыку нашего Христа, нещуютъ Сына Божія быти и преславныя дѣйства таинства, и о литургіи, и о причастіи, и о церкви, и о всѣхъ православныхъ въ вѣрѣ христіанской». Не входя пока въ разсмотрѣніе дѣла, такъ какъ получено было извѣстіе о предполагаемомъ набѣгѣ крымцевъ, царь выѣхалъ 6 іюля въ Коломну, а Башкина приказалъ арестовать, посадить у себя въ подклѣть и поручилъ его двумъ іосифовскимъ старцамъ, Герасиму Ленкову и Филоѳею Полеву. Башкинъ отрицалъ свое еретичество, но, находясь въ заключеніи, забо-

лѣлъ, «богопустнымъ гнѣвомъ обличенъ бысть. бѣсу преданъ и языкъ извѣся, нелотребная и нестройная глаголаше на многіе часы». Потомъ онъ «въ разумъ пріиде» и слышалъ будто бы голосъ: «нынѣ ы исповѣдуешь меня Богородицею, а враговъ моихъ, своихъ единомышленниковъ, ганшь». Это видѣніе побудило его къ сознанію сперва передъ духовникомъ, а затѣмъ и передъ высшей духовной властью, по приказанію которой онъ «своею рукою списа и свое еретичество и свои единомышленники о всемъ подлинно». Башкинъ призналь своими единомышленниками Григорія и Ивана Борисовыхъ и какихъ-то Игнатія и Ѳому, указалъ, что свое ученіе принялъ отъ аптекаря Матѳея, родомъ литвина, и отъ Андрея Хотѣева — латынниковъ, и что заволжскіе старцы не только «не хулили его злобы», но и утверждали въ ней. По извѣстію Курбскаго, вольномыслie Башкина шло не отъ латынниковъ, но отъ «люторскихъ ерессей», хотя это извѣстіе ничѣмъ не подтверждено. Бесѣды съ заволжскими старцами у Башкина бывали, но трудно рѣшительно утверждать, чтобы старцы поддерживали еретичество Башкина: вѣроятно, въ силу своей широкой вѣротерпимости, они не препятствовали Башкину толковать о религіи, искать разрѣшенія нравственныхъ вопросовъ, но противъ догматическихъ его заблужденій они и сами возставали, тѣмъ болѣе, что для нихъ и самое еретичество этой «горячей головы», какъ называетъ Башкина новѣйшій изслѣдователь, г. Калугинъ, представлялось скорѣе ребячествомъ. Такъ можно заключать изъ дѣла о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи. Кирилловскій игуменъ Симеонъ писалъ царю: когда онъ объявилъ Артемію, что Башкинъ уличенъ въ ереси, то Артемій отвѣчалъ на это: Не знаю, что за ересь такая! сожгли Курицына да Рукаваго, и теперь не знаютъ, за что ихъ сожгли». Артемій сказалъ на это на соборѣ: «Не помню, такъ ли я про новгородскихъ еретиковъ говорилъ; я новгородскихъ еретиковъ не помню, и самъ не знаю, за что ихъ сожгли; если я говорилъ, что незнаю, за что ихъ сожгли и кто ихъ судилъ, то я говорилъ это про себя; не сказалъ я: они того не знаютъ». Митрополитъ, обратившись на соборѣ къ Артемію, говорилъ ему: «Матвѣй Башкинъ ереси проповѣдывалъ, Сына Единороднаго отъ Отца раздѣлилъ, называлъ Сына не равнымъ Отцу, говорилъ: сдѣлаю грубость Сыну и въ страшное пришествіе Отецъ можетъ избавить меня отъ муки; а сдѣлаю грубость Отцу, то Сынъ не избавитъ; молился Матвѣй одному Богу Отцу, а Сына и Св. Духа оставилъ; теперь Матвѣй во всемъ этомъ кается, дѣла всѣ свои на соборѣ обнажилъ». Артемій отвѣчалъ митрополиту: «Это Матвѣй по ребячески поступалъ, и самъ не знаетъ, что дѣлалъ своимъ самосмышленіемъ: въ Писаніи этого не обрѣтается, и въ ересяхъ не написано». Митрополитъ говорилъ: «Прежніе еретики не каялися,—и святители ихъ проклинали, а цари ихъ осуждали, и заточали, и казнямъ предавали». Артемій отвѣчалъ: «За мною посылали еретиковъ судить, и мнѣ такъ не судить, что казни ихъ предать, да теперь еретиковъ нѣтъ и никто не споритъ». Митрополитъ говорилъ ему: «Написалъ Матвѣй молитву къ Единому началу, Бога Отца одного написалъ, а Сына и Св. Духа оставилъ». Артемій отвѣчалъ: «Что ему досталось еще время, вѣдь есть молитва готовая Манасіина къ Вседержителю». Митрополитъ сказалъ на это: «То было до Христова пришествія, а кто теперь такъ напишетъ къ Единому Началу, тотъ еретикъ». Артемій отвѣчалъ: «Манасіина молитва въ большомъ ефимонѣ написана, и говорятъ ее». Изъ приведеннаго разговора ясно видно, что «либеральничанье» (какъ выражается митр. Макарій) Артемія, а съ нимъ и другихъ заволжскихъ старцевъ, было только въ снисходительномъ взглядѣ ихъ на «ребяческое самосмышленіе» Башкина и въ болѣе свободномъ отношеніи къ буквѣ «Божественнаго писанія», чѣмъ это было обычно въ средѣ тогдашняго, преимущественно осифлянскаго духовенства. Башкинъ представлялся, вѣроятно, Артемію и старцамъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно былъ только человѣкомъ, ищущимъ правильнаго пониманія нравственныхъ христіанскихъ наставленій, а вмѣстѣ и догматики, но не утверждающимъ завѣдомо еретическое ученіе. Однако на соборѣ, открывшемся въ октябрѣ того же 1553 г., собранномъ послѣ того, какъ «многими глаголы вниде въ слухи» царя о злыхъ ученіяхъ Башкина, еретичество его и его единомышленниковъ было формулировано такъ: 1) не признаютъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, а нѣкоторые и другихъ поучаютъ на это нечестіе; 2) тѣло и кровь Христову считаютъ простымъ хлѣ-

бомъ и винномъ; 3) святую, соборную апостольскую Церковь отрицаютъ, говоря, что собраніе вѣрныхъ только церковь, а эти созданныя—ничто; 4) изображеніе Христа, Богоматери и всѣхъ святыхъ называютъ идолами; 5) покаяніе ни во что полагаютъ, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается; 6) Отеческія преданія и житія святыхъ баснословіемъ называютъ; на семь вселенскихъ соборовъ гордость возлагаютъ, говоря: все это они для себя писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ; однимъ словомъ, все Священное Писаніе баснословіемъ называютъ, Апостолъ и Евангеліе неправильно излагаютъ. За неимѣніемъ подлинныхъ показаній Башкина нѣтъ никакой возможности судить, на сколько правильна эта формулировка его взглядовъ, но всетаки можно съ большой вѣроятностью предполагать (хотя бы по аналогіи съ судомъ надъ Артеміемъ), что въ этомъ изложеніи, сдѣланномъ обличителями Башкина, есть значительная доля преувеличеній и казуистическихъ толкованій, которымъ подверглись слова увлекавшагося вольнодумца. За свое еретичество Башкинъ былъ осужденъ соборомъ къ ссылкѣ въ Волоколамскій монастырь, куда и прибылъ 22 декабря 1553 г. Дальнѣйшая судьба Башкина неизвѣстна.

А. А. Э. т. I, № 239. — А. И. т. I, № 161. — Никонов. лѣтоп. VII.—Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. (Чт. Общ. Ист. и Др. при М. ун. 1847 и отдѣльно).—Макарій, «Ист. рус. церкви», т. VI, стр. 251 и сл.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», II, ст. 442 и сл. — Костомаровъ, «Ист. монографіи», т. I, стр. 387 и сл.—Его же, «Рус. ист. въ жизнеоп.» I, стр. 440.—Калугинъ, «Зиновій, инокъ Отенскій».—Емельяновъ, «О происхожденіи ученія Б. и Косого» (Тр. Кіев. Дух. Акад. 1862. № 3).—Пыпинъ, «Ист. рус. литер.», т. II, стр. 159.

А. Бороздинъ.

Башкирцева, *Марія Константиновна,* род. близъ Полтавы 11 ноября 1860 г., ум. 31 октября 1884 г. Дѣтство ея протекло при ненормальныхъ условіяхъ: послѣ двухлѣтняго супружества родители разъѣхались, и мать съ дочерью поселилась у своего отца, Бабанина, очень богатаго помѣщика, человѣка весьма образованнаго и не лишеннаго поэтическаго дарованія. Въ 1870 г. Бабанинъ съ дочерьми и съ внучками переселился на постоянное жительство за границу, въ сопровожденіи цѣлаго домашняго штата и, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ, Баденъ-Баденѣ и Женевѣ, выбралъ для постояннаго пребыванія Ниццу. Отсюда вся семья часто предпринимала поѣздки по Европѣ и подолгу живала въ Парижѣ. Башкирцева рано сдѣлалась искусной музыкантшей, играя на фортепьяно, органѣ, арфѣ, мандолинѣ и гитарѣ; съ 1870 г. она начинаетъ учиться рисованію подъ руководствомъ Бенза, а 16-ти лѣтъ отъ роду «въ какихъ нибудь 35 минутъ набрасываетъ съ натуры эскизы портретовъ отца и брата». Съ февраля 1874 г., она изучаетъ латинскій языкъ, а потомъ и греческій, читаетъ классиковъ и собирается держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. «Я погружаюсь, отмѣчаетъ она подъ 1876 г., въ серьезное чтеніе и съ отчаяніемъ вижу, какъ мало знаю... у меня лихорадочная потребность учиться, а руководить мною некому»... Въ 1876 г. у Башкирцевой обнаруживается голосъ, по отзыву пр. Фаччіо, «въ 3 октавы безъ двухъ нотъ», а строгій профессоръ Вартель предсказываетъ ей «артистическій успѣхъ, если она надъ собою поработаетъ». Это открытіе привело Башкирцеву въ восторгъ, она считала себя способною быть «пѣвицею и художницею», такъ какъ у нее «гигантское воображеніе» и ей нельзя примириться съ мыслью, что ея «бѣдная молодая жизнь ограничится столовою и домашними сплетнями».

Послѣ платоническаго романа съ 23-хъ лѣтнимъ графомъ Антонелли, племянникомъ всесильнаго при Піѣ IX кардинала, Башкирцева въ 1876 г., осенью, отправилась въ Малороссію. И здѣсь Башкирцева лихорадочно расширяетъ свои знанія, на этотъ разъ по сельскому хозяйству, но спеціально для того, чтобы «удивить кого нибудь разговоромъ о посѣвѣ ячменя или качествѣ ржи, рядомъ со стихомъ Шекспира и тирадою изъ философіи Платона». Весною 1877 г. Башкирцева предпринимаетъ вмѣстѣ съ матерью путешествіе по Италіи, знакомится съ художникомъ Гордиджіани, который ее поощряетъ въ занятіяхъ живописью и предсказываетъ ей блестящую будущность. Но избалованная дѣвушка ни на чемъ не можетъ успокоиться: «Чтеніе, рисованіе, музыка—тоска! кромѣ всѣхъ этихъ занятій и развлеченій надо имѣть нѣчто живое, а я скучаю». Отъ искусства она отказаться не можетъ, такъ какъ тогда ея жизнь будетъ пуста, а съ другой стороны ей кажется, что искусство само по себѣ пустякъ и «только средство добиться славы

и успѣха». «Будь у меня все это, я не сдѣлала бы ничего». И вотъ она даетъ себѣ еще годъ, во время котораго собирается работать надъ собою еще усиленнѣе, тѣмъ прежде. Въ октябрѣ 1877 г. она поступаетъ въ мастерскую художника Родольфа Жуліана, которая по справедливости пользовалась репутаціею самой серьезной школы для женщинъ.

Жуліанъ съ самаго начала угадалъ крупный талантъ своей ученицы. И дѣйствительно, уже въ январѣ 1879 г., на конкурсѣ въ школѣ, Лефевръ, Бугеро, Буланже и Роберъ Флери присуждаютъ Башкирцевой медаль, а въ 1880 г. она, подъ именемъ **Marie Constantin Russ** представила на художественную выставку (**Salon**) портретъ «молодой женщины, читающей «**Question de divorce**» Ал. Дюма». Въ 1881 г. подъ именемъ «**Andrey**» ею выставлена картина «Мастерская Жуліана»; эту картину парижская печать отмѣтила, какъ произведеніе полное жизни, бойко написанное и удачное по колоритности. Въ 1883 г. Башкирцева на выставкѣ выступила уже подъ собственнымъ именемъ съ женскимъ портретомъ «Парижанки», писаннымъ пастелью; въ рисункѣ вполнѣ сказалась яркая и оригинальная индивидуальность художницы. Тогда же ею была выставлена жанровая картина масляными красками «Жанъ и Жакъ», изображающая двухъ парижскихъ школьниковъ; за эту картину Башкирцева получила похвальный отзывъ. Въ мартѣ 1884 г. на женской художественной выставкѣ «**Union des femmes**» Башкирцева дала картину, названную «**Trois rires**». Въ этомъ этюдѣ, очень бойко написанномъ, проявилась незаурядная наблюдательность и богатство красокъ. На этой же выставкѣ фигурировалъ изящный пейзажъ «Осень», приковывавшій зрителя своею прочувствованною меланхоличностью. Этотъ же пейзажъ былъ Башкирцевою потомъ выставленъ въ Салонѣ, вмѣстѣ съ жанромъ «**Meeting**». Эти картины доставили художницѣ широкую извѣстность въ мірѣ французскихъ художниковъ, въ средѣ которыхъ Башкирцева нашла горячаго поклонника въ лицѣ Жюля Бастьенъ-Лепажа. Заговорили о ней и газеты, сначала французскія, а затѣмъ и русскія. Но эта извѣстность не удовлетворила Башкирцеву, которая предъявила слишкомъ высокія требованія къ современному искусству вообще и къ собственному творчеству въ частности. «На дняхъ, читаемъ мы въ «Дневникѣ», Тони (Роберъ Флери) принужденъ былъ согласиться со мною въ томъ, что нужно быть великимъ художникомъ, чтобы копировать природу, — вѣдь только великій художникъ можетъ ее понять и передать. Идеальная сторона должна заключаться въ выборѣ сюжета; выполненіе же должно быть въ полномъ смыслѣ тѣмъ, что невѣжды именуютъ натурализмомъ... Я терзаюсь... ничего не дѣлаю. Говорятъ, будто эти мученья доказываютъ, что я—не ничтожество... къ сожалѣнію, нѣтъ! Они доказываютъ, что я умна и все понимаю... Дураки думаютъ, будто для того, чтобы быть современнымъ или реалистомъ, достаточно писать первую попавшуюся вещь, не аранжируя ее. Хорошо, не аранжируйте, но выбирайте и схватывайте—въ этомъ все... Что привлекаетъ меня въ живописи — это жизнь, современность, подвижность вещей, которыя видишь. Но какъ все это выразить?... Великимъ можетъ быть лишь тотъ, кто откроетъ новый свой путь, и станетъ передавать особенныя свои впечатлѣнія, свою индивидуальность; мое искусство еще не существуетъ»... «Я всегда любила форму больше всего... живопись мнѣ кажется жалкою по сравненію съ скульптурою... На своемъ вѣку я сдѣлала двѣ группы и два—три бюста; все это заброшено на полдорогѣ, потому что, работая одна, безъ руководителя, я могу привязаться единственно къ вещи, которая дѣйствительно интересуетъ меня, куда я вкладываю свою жизнь, свою душу»... Слишкомъ нервная и напряженная жизнь истощила силы Башкирцевой и подорвала ея здоровье: въ 1878 г. она утратила голосъ, съ 1880 г. стала глохнуть и сѣдѣть, а съ 1881 г. у нее быстро начала развиваться чахотка. Она сознавала свое положеніе, и близость неотвратимой смерти пробудила въ ея душѣ новыя, дотолѣ дремавшія настроенія: «Мнѣ кажется, пишетъ она, никто не любитъ всего такъ, какъ я люблю—искусство, музыку, живопись, книги, свѣтъ и пр. пр. Все представляется мнѣ со своихъ интересныхъ и прекрасныхъ сторонъ: я хотѣла бы все видѣть, все имѣть, все обнять, слиться со всѣмъ»—и съ горечью прибавляетъ: «Я нахожу, что съ моей стороны было глупо не заняться единственною вещью, дающею счастье, заставляющею забывать всѣ горести — любовью». Несмотря на окончательно разстроенное здоровье, Башкирцева осенью 1884 г. за-

думала картину «Скамья на загородныхъ Парижскихъ бульварахъ» для выставки 1885 г. и, зарисовывая для нея этюды, на смерть простудилась. Послѣ ея смерти, въ 1885 г. французское общество женщинъ художницъ устроило выставку ея произведеній; на ряду съ извѣстными уже ея картинами тутъ появились и новыя вещи: почти законченная—по ея собственному отзыву, капитальнѣйшая ея картина «Святыя жены послѣ погребенія Христа», (картина эта идетъ въ разрѣзъ со всѣми академическими традиціями) и еще около 150 картинъ, эскизовъ, рисунковъ и скульптурныхъ этюдовъ; все это дало публикѣ возможность всесторонне ознакомиться съ энергичнымъ, мужественнымъ талантомъ покойной; ея произведенія дышатъ наблюдательностью, глубокою человѣчностью и свободною индивидуальностью творчества: «Митингъ» и «Портретъ натурщицы» Башкирцевой пріобрѣтены Французскимъ правительствомъ и помѣщены въ Люксембургскій музей; два портрета пастелью поступили въ провинціальные музеи—въ Ажанѣ и Неракѣ. Въ 1887 г., по иниціативѣ и на средства голландскихъ художниковъ, состоялась выставка произведеній Башкирцевой въ Амстердамѣ.—Башкирцева была членомъ Парижскаго кружка русскихъ художниковъ (Cercle des artistes russes), и, согласно посмертной ея волѣ, въ Парижѣ учреждена премія «имени Маріи Башкирцевой» въ 500 фр., которая выдается ежегодно, по отдѣлу живописи, экспоненту—мущинѣ или женщинѣ,—заслуживающему поощренія по своему положенію.

Послѣ Башкирцевой осталась обширная автобіографія, которой она приписываетъ значеніе «интереснаго человѣческаго документа», но хотя писательница и увѣряетъ, будто ея исповѣдь—«точная, абсолютная, строгая правда», она, быть можетъ безсознательно, не прочь порисоваться, и дневники ея не чужды мысли рано или поздно предстать на судъ публики. Изъ многочисленныхъ ея тетрадей Андрэ Терье сдѣлалъ выборку, которая подъ названіемъ «Journal de Marie Baschkirtseff» напечатана въ Парижѣ въ Bibliothèque Charpentier въ 1887 г. на французскомъ языкѣ (въ 2-хъ т.), а затѣмъ появилась въ русскомъ переводѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»; скоро «Дневникъ» вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Лучшія страницы дневника—послѣдняя часть, гдѣ Башкирцева, сознавая приближеніе смерти, пишетъ просто и искренне и производитъ на читателя потрясающее впечатлѣніе. «Дневникъ Башкирцевой» вызвалъ цѣлый рядъ восторженныхъ отзывовъ въ европейской и американской прессѣ, а Гладстонъ, въ статьѣ (помѣщенной зимою 1890 г. въ Журналѣ «Nineteenth Century») признаетъ произведеніе русской художницы одною изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ всего столѣтія по искренности, художественной наблюдательности и выпуклости изображенія борьбы художницы съ соблазнами свѣтскаго тщеславія.

Larousse, Gr. dictionnaire universel, II supplement p. 485. — M. Baschkirtseff, «Journal». — Брокгаузъ и Ефронъ, Энциклопедическій словарь.

Башмаковъ, *Иванъ Ивановичъ,* писатель, выступавшій иногда подъ псевдонимомъ Ивана Ваненко. Годъ рожденія его не извѣстенъ, ум. въ апрѣлѣ 1865 г. Перечень написаннаго имъ довольно великъ. Наиболѣе крупныя произведенія: «Чудакъ, или человѣкъ, какихъ мало». Романъ въ 3-хъ частяхъ (М. 1835 г.); «Сказки русскія» (М., 1838 г.); «Приключенія съ моими знакомыми» Повѣсти Ивана Ваненко. 2 части. (М. 1839 г.); «Русскія пѣсни» (М. 1841 г.); «Звѣздочка. Разныя сочиненія». 2 части (М. 1842 г.); «Тысяча и одна минута. Собраніе русскихъ сказокъ». 4 части. (М., 1843 г.); «Народныя русскія сказки и побасенки для дѣтей меньшаго возраста». 2 ч. (М., 1847 и 1849 г.); «Вѣтка. Собраніе русскихъ пѣсенъ». 2 ч. (М. 1853 г.); «Святая Русь и враги ея» (М. 1855 г.); «Осада Севастополя» (М. 1855 г.); «Тысячелѣтіе Россіи» (Спб., 1862 г.); «Сѣрое горе. Преданіе, разсказанное Иваномъ Ваненко». 3 части (М., 1863); «Нянины сказки, разсказываемыя дѣтямъ перваго возраста». 3 ч. (М., 1863 г.), и др. Кромѣ того Башмаковъ съ псевданимомъ А. Б-ш-м-въ издалъ: «Русская Азбука, съ присоединеніемъ Азбуки Церковно-Славянской, молитвъ и примѣровъ для чтенія и для заученія дѣтямъ наизусть». (М., 1848 г.); «Азбука русскаго языка, составленная по лучшей методѣ». (М., 1853 г. и 1858 г.); «Азбука русскаго слова, излагающая легкій способъ выучиться читать и понимать читаемое, съ примѣрами для чтенія и для заученія наизусть» (3 изданія: М., 1853 г., 1862 г. и 1868 г.); «Корзинка цвѣтовъ для дѣтей. Полная русская азбука». (М. 1859 г., 2-е изд.);

«Басни и баснописцы русскіе. Сводъ 144-хъ басенъ русскихъ писателей, начиная съ перваго русскаго стихотворца». (2 изданія, М. 1854 г. и 1858 г.).– В. Г. Бѣлинскій находилъ въ произведеніяхъ Башмакова талантъ и юморъ, но высказывалъ сожалѣніе, что онъ исключительно привязанъ къ простонароднымъ розсказнямъ.

Венгеровъ, Критико-біографическій словарь.

Башмаковъ, *Михаилъ Ивановичъ*, горный чиновникъ, род. въ 1737 г., ум. въ 1775 г. Въ 1751 г. Башмаковъ поступилъ въ военную службу, черезъ шесть лѣтъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1763 г., въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ, успѣлъ получить три чина. Затѣмъ въ служебной дѣятельности Башмакова слѣдуетъ перерывъ, и только съ 1768 г. онъ выступаетъ на поприщѣ гражданской службы. Пробывъ нѣкоторое время при канцеляріи строенія Императорскихъ дворовъ и садовъ, капитанъ Башмаковъ опредѣленъ ассесоромъ въ екатеринбургскую канцелярію главнаго заводовъ правленія. Первые годы службы Башмакова въ екатеринбургской канцеляріи —главномъ уральскомъ горномъ учрежденіи того времени—совпадаютъ съ тяжелой эпохой въ исторіи крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ горнымъ заводамъ. Въ особую заслугу Башмакову слѣдуетъ поставить то обстоятельство, что онъ одинъ, среди представителей мѣстной власти, считавшей своею обязанностью отстаивать интересы заводчиковъ, видѣлъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Отстаивая свои взгляды и доказывая необходимость предоставленія значительныхъ льготъ крестьянамъ, Башмаковъ не разъ входилъ въ пререканія съ ближайшимъ своимъ начальствомъ и даже получилъ однажды выговоръ за это отъ бергъ-коллегіи въ слѣдующихъ интересныхъ выраженіяхъ: «Въ предосужденіе господину ассесору Башмакову, съ соболѣзнованіемъ коллегія принужденною себя находитъ сказать, что хотя ревностное восхищеніе къ справедливости и вождемъ жару его было, но имѣя дѣло съ народомъ легкомысленнымъ, каковы заводскіе крестьяне, термины его объясненіевъ болѣе-бъ должны быть уважены (взвѣшены), чтобъ не сдѣлать чрезъ самую истину разврата и повода къ дальнѣйшему ихъ легкомыслію, въ чемъ коллегія на него, яко на усерднаго, а притомъ и разумнаго члена, впредь надѣется».

Вскорѣ начались серьезныя волненія, которыя застали Башмакова въ Екатеринбургѣ при производствѣ опытовъ надъ золотосодержащими песками. Это было въ 1773 г., когда слухи о Пугачевѣ увлекли заводскихъ крестьянъ, и многіе заводы либо прекращали свое дѣйствіе за недостаткомъ рабочихъ рукъ, либо ставились жертвой разгрома и пожаровъ. Въ Екатеринбургѣ стали готовиться къ встрѣчѣ надвигающейся грозы: формировались изъ рабочихъ и крестьянъ казачьи команды, и учреждались пикеты и разъѣзды, а горные чиновники, и въ числѣ ихъ Башмаковъ, были посланы въ селенія екатеринбургскаго вѣдомства и на ближайшія заводы для того, чтобы, насколько возможно, способствовать успокоенію крестьянъ. Но Башмаковъ сознавалъ необходимость, наряду съ увѣщаніемъ, примѣнять и болѣе энергичныя мѣры къ защитѣ ввѣренныхъ ему пунктовъ, и потому приступилъ къ строенію небольшихъ укрѣпленій, составлялъ команды изъ крестьянъ, татаръ и башкирцевъ и наскоро обучалъ ихъ. Башмаковъ вскорѣ достигъ прекрасныхъ результатовъ. Къ нему издалека обращались жители различныхъ селъ и городовъ за помощью, и онъ всегда считалъ своею обязанностью помочь тѣмъ, кто искалъ его поддержки. Узнавъ, что приближеніе бунтовщиковъ къ Кунгуру заставило воеводу, прокурора, членовъ горнаго начальства и всѣхъ чиновниковъ скрыться, и что жители Кунгура въ безвыходномъ положеніи и рѣшаются сдать городъ безъ сопротивленія, Башмаковъ послалъ къ кунгурцамъ шихмейстера Солнопекова, давъ ему полъ-пуда пороху и приказалъ, насколько возможно, распространять слухъ о своихъ значительныхъ боевыхъ средствахъ. Башмаковъ велѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорить, что изъ Юговскаго завода вскорѣ прибудетъ большой отрядъ и что, кромѣ того, можно ожидать помощь отъ правительственныхъ войскъ. Башмаковъ снабдилъ также Солнопекова предписаніемъ, въ силу котораго послѣдній долженъ былъ взять на себя управленіе городомъ, а кунгурцамъ послалъ требованіе во всемъ безпрекословно подчиняться новому управителю. Это заставило жителей Кунгура пріободриться, и они дали обѣщаніе защищать свой городъ до послѣдней капли крови. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слухъ, который, по требованію Башмакова, распускалъ Солнопековъ,—долгое время держалъ въ страхѣ бунтовщиковъ, и они не рѣшались

завладѣть почти беззащитнымъ городомъ. Когда генералъ-аншефъ Бибиковъ узналъ о дѣятельности Башмакова, то послалъ къ нему ордеръ, въ которомъ хвалилъ Башмакова, обѣщалъ въ скоромъ времени донести о немъ Императрицѣ и приказывалъ набирать возможно большее число надежныхъ ополченцовъ. Получивъ этотъ ордеръ 6 января 1774 г., Башмаковъ немедленно сталъ увеличивать свои команды рабочими и приписными къ заводамъ крестьянами и 13-го января уже имѣлъ возможность, подъ предводительствомъ гиттенфервальтера Никонова, выслать 170 человѣкъ съ 108 ружьями и тремя пушками къ Аннинскому заводу, гдѣ засѣли башкирцы и вмѣстѣ съ заводскими крестьянами предполагали двинуться или на Юговскіе заводы или на Кунгуръ. Мятежники узнали о движеніи Никонова и бѣжали на Тулву, но Никоновъ захватилъ нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ, участвовавшихъ въ подстрекательствѣ и предоставилъ ихъ въ руки Башмакова. Послѣдній, въ силу полномочій отъ Бибикова, приговорилъ главнаго виновника Антона Голубина къ казни, 11 человѣкъ къ наказанію кнутомъ, а 36 человѣкъ плетьми. Остальные были приведены къ присягѣ на вѣрность Императрицѣ и должны были выдать сабли, копья и топоры. Эта мѣра оказалась настолько дѣйствительною, что жители Аннинскаго завода впослѣдствіи больше не пытались присоединиться къ бунтовщикамъ и навсегда оставались вѣрными присягѣ. Но къ такого рода крутымъ мѣрамъ Башмаковъ прибѣгалъ рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ умъ и тактъ подсказывали Башмакову необходимость примѣнять лишь миролюбивыя средства, которыя приносили самыя желательныя результаты. Исключительно этими средствами Башмаковъ имѣлъ возможность удержать отъ волненій жителей Юговскаго завода въ то время, какъ ближайшія къ заводу селенія охвачены были мятежемъ и только этимъ средствомъ онъ успѣлъ оградить отъ нападенія сѣверные заводы (въ нынѣшнихъ соликамскомъ и пермскомъ уѣздахъ) и соляные промысла, а также поддержать спокойствіе по всему побережью Камы отъ Ягошихинскаго завода (нынѣ г. Пермь) до села Бѣляевскаго (сѣвернѣе Осы). Башмаковъ всегда умѣлъ прекрасно воспользоваться даже незначительными средствами для борьбы съ непріятелемъ, а изъ лицъ, вовсе неподготовленныхъ къ военному дѣлу, создавалъ опасныхъ для врага предводителей.

Чупинъ, Сборникъ статей, касающихся Пермской губ., вып. I. Пермь 1882 г.—Дѣла Архива Горнаго Департамента.

Башмаковъ, *Флегонтъ Мироновичъ*, потомокъ старинной дворянской фамиліи симбирской губ., род. въ 1780 г., ум. въ Тобольскѣ 21 сентября 1859 г. Въ службу вступилъ въ 1791 г. сержантомъ во 2-й фузелерный полкъ, откуда черезъ три года перешелъ въ артиллерію, въ рядахъ которой участвовалъ во многихъ войнахъ. Въ походѣ 1799 г. Суворова въ Италію особенно отличился въ дѣлахъ при Лоди, Нови, Требіи и Мантуѣ; участвовалъ также въ кампаніяхъ: турецкой, шведской, польской и французской. По заключеніи мира оставался съ ротою во Франціи при корпусѣ Воронцова и возвратился въ Россію только въ 1818 г. Дальнѣйшую службу Башмаковъ, въ чинѣ полковника, несъ на Кавказѣ, состоя въ распоряженіи князя Цицiанова, но въ 1823 г., за растрату казенныхъ суммъ, былъ разжалованъ въ рядовые; замѣшанный, вслѣдъ затѣмъ, въ 1825 г. въ декабрьское дѣло, по участію въ возстаніи черниговскаго пѣхотнаго полка, былъ въ 1826 г. сосланъ въ Сибирь. Здѣсь, въ крайней бѣдности, онъ прожилъ 30 лѣтъ, до самой смерти.

Послужной списокъ (Архивъ Артил. Музея).—«Московскія вѣдомости» 1860 г. №№ 46, 124 и 176.—«Записки декабриста», Розена. Лейпцигъ 1870 г. стр. 286.—А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ западной Сибири. М. 1895, стр. 51—56. *Д. С—въ.*

Башуцкій, *Александръ Даниловичъ*, сенаторъ, род. въ 1793 г., ум. 8 февраля 1877 г. По выпускѣ изъ пажескаго корпуса съ чиномъ коллегіи юнкера, Башуцкій въ 1809 г. опредѣленъ былъ къ главному командиру Черноморскаго флота, маркизу де-Траверсе для исполненія разныхъ порученій, черезъ два года былъ прикомандированъ къ департаменту морскаго министерства, а въ 1812 г. переведенъ въ военно-ученый комитетъ военнаго министерства столоначальникомъ; затѣмъ, 8 октября 1815 г. онъ былъ опредѣленъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства правителемъ канцеляріи, а 20 марта 1816 г. утвержденъ секретаремъ въ канцелярію вице-директора. 29 марта 1825 г. Башуцкій переходитъ на службу въ министерство юстиціи чинов-

никомъ особыхъ порученій при министрѣ и откомандированъ къ оберъ-прокурору 1-го департамента Правительствующаго Сената. 24 марта 1833 г. Башуцкій назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго, а 22-го января 1835 г. повелѣно ему исправлять должность статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. 31 декабря того-же года Башуцкій произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 1 января 1843 г.—въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. 10 октября 1843 г. повелѣно ему присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ I отдѣленіи 3-го департамента, въ 1846 г. перемѣщенъ въ II отдѣленіе того-же департамента, а въ 1848 г.—въ 4-й департаментъ, въ которомъ 26 марта 1860 г. назначенъ первоприсутствующимъ сенаторомъ. 1 января 1863 г. Башуцкій произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, 16 апрѣля 1866 г. повелѣно ему быть первоприсутствующимъ сенаторомъ въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ и общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената; съ 28 іюня по 5 октября 1866 г. онъ присутствовалъ въ Верховномъ уголовномъ судѣ, учрежденномъ надъ государственными преступниками, Каракозовымъ и другими. 7 ноября 1868 г. Башуцкій, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ должности первоприсутствующаго, съ повелѣніемъ ему присутствовать въ общемъ собраніи 1-хъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи. Въ теченіе своего 60-лѣтняго служенія Башуцкій неоднократно удостаивался денежныхъ и почетныхъ наградъ. Старшій изъ пожалованныхъ ему орденовъ—св. Владиміра 1-й степени, полученъ былъ имъ 7 ноября 1868 г., въ воздаяніе 25-ти лѣтняго служенія въ званіи сенатора.—Погребенъ Башуцкій въ С.-Петербургѣ, въ Воскресенскомъ женскомъ монастырѣ.

Формулярный списокъ.

Башуцкій, *Александръ Павловичъ*, литераторъ, сынъ извѣстнаго въ свое время петербургскаго коменданта, родился 30 марта 1803 г., ум. 26 марта 1876 г. О дѣтскихъ годахъ его нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ отданъ въ пажескій корпусъ. Извѣстно, что онъ былъ очень рѣзвымъ ребенкомъ, склоннымъ къ разнымъ проказамъ, правда, невиннаго свойства. Какъ сыну человѣка, близко стоявшаго ко Двору, и воспитаннику пажескаго корпуса, ему приходилось часто бывать во дворцѣ и, какъ онъ самъ говорилъ, даже играть съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Въ 1822 г. Башуцкій кончилъ пажескій корпусъ и вышелъ въ л. гв. измайловскій полкъ прапорщикомъ. Въ 1825 г. онъ состоялъ адъютантомъ при петербургскомъ генералъ-губернаторѣ гр. Милорадовичѣ. 14 декабря онъ все время сопуствовалъ Милорадовичу и присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ графа. Впослѣдствіи Башуцкій три раза составлялъ подробное описаніе всего, что произошло съ Милорадовичемъ съ момента его ухода изъ Зимняго дворца, вплоть до смерти утромъ 15 декабря, но его рукописи постоянно зачитывались пріятелями, и ни одна не была напечатана. Отрывки, насколько сохранились въ памяти, были потомъ помѣщены въ «Р. Ст.» за 1880 г. въ запискахъ друга его, кн. Н. С. Голицына. Башуцкій состоялъ адъютантомъ и при двухъ послѣдующихъ петербургскихъ генералъ-губернаторахъ—Голенищевѣ-Кутузовѣ и Эссенѣ. Въ 1831 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны, вскорѣ оставилъ военную службу и поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ; впослѣдствіи онъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, дѣйств. ст. совѣтникомъ и камергеромъ. Находясь на военной службѣ Башуцкій велъ свѣтскую, разсѣянную жизнь, участвовалъ въ домашнихъ спектакляхъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, а иногда въ антрактахъ между дѣйствіями, одѣвшись индѣйскимъ фокусникомъ, въ полумаскѣ, потѣшалъ публику разнаго рода фокусами, въ которыхъ онъ былъ большой искусникъ. Онъ слылъ также за очень хорошаго разсказчика анекдотовъ изъ придворной жизни. Какъ передаетъ кн. Голицынъ, въ это же время онъ и нѣкоторые его товарищи надѣвали на себя порой фризовыя шинели и вмѣстѣ отправлялись въ своего рода этнографическія экспедиціи, для изученія простонародныхъ нравовъ—въ кабаки на окраинахъ города. Усѣвшись въ уголку и потребовавъ для вида водки или пива, они наблюдали, а потомъ записывали происходившія тамъ сцены. На литературное по-

прище Башуцкій выступилъ въ 1834 г. Онъ предпринялъ на очень широкихъ началахъ изданіе «Панорамы С.-Петербурга». Въ 3-хъ частяхъ текста авторъ, на основаніи дворцовыхъ и др. архивовъ, въ добросовѣстно составленномъ сжатомъ очеркѣ даетъ множество историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о столицѣ. Нѣкоторыя главы, написанныя въ беллетристической формѣ, составляютъ какъ бы отрывки изъ историческаго романа. Что же касается приложеній къ этому изданію, въ видѣ обѣщанныхъ двѣнадцати отдѣльныхъ тетрадей видовъ и плановъ, гравированныхъ на стали, то выпущена была лишь одна тетрадка всего съ 8 гравированными видами, съ посвященіемъ императору Николаю I и нѣсколькими планами. Произошло это оттого, что рисунки были заказаны за границей и по пути въ Россію погибли, вмѣстѣ съ потонувшимъ кораблемъ, на которомъ они были отправлены. Это несчастіе остановило изданіе и подорвало средства автора: расходы по изданію простирались до 165 тысячъ руб. ассигн., и должно было продать больше 2400 экземпляровъ, чтобы воротить издержки. Число же подписчиковъ было всего 467. Съ 1835 — 1839 г. Башуцкій издавалъ «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній», пользовавшійся значительнымъ успѣхомъ у публики. И. И. Панаевъ, встрѣчавшійся съ Башуцкимъ въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, даетъ такую его характеристику. Дѣятельность Башуцкаго была изумительна: онъ занимался службой, литературой, составлялъ различные промышленные проекты и въ тоже время выѣзжалъ въ свѣтъ и былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ и краснорѣчивыхъ собесѣдниковъ. Онъ затѣвалъ все въ роскошныхъ, широкихъ размѣрахъ, разсчитывая на десятки и сотни тысячъ, но его литературныя и др. затѣи никогда почти не удавались и не приносили ему ничего кромѣ убытка. Аккуратность Башуцкаго и внѣшній порядокъ въ его кабинетѣ были изумительны: картины и ящики съ различными надписями, письменный столъ съ безчисленными кипами бумагъ подъ красивыми прессъ-папье... и все это такъ изящно и такъ мастерски разложено и разставлено. Въ комнатахъ его каждая самая незначительная вещица была поставлена такъ, что производила эффектъ. Самъ хозяинъ всегда былъ одѣтъ съ удивительной аккуратностью: ни на галстухѣ, ни на манишкѣ ни малѣйшей складочки, точно какъ будто на немъ все было подклеено; парикъ прекрасно расчесанъ и распомаженъ. Говорилъ Башуцкій съ большимъ искусствомъ: плавный разговоръ его такъ и лился и журчалъ; въ разговорѣ его можно было слышать—гдѣ запятая, гдѣ тире, гдѣ точка съ запятой и т. д... У него было пять-шесть разсказовъ и въ числѣ ихъ знаменитый разсказъ о смерти Милорадовича. Когда Башуцкій развивалъ свои проэкты разныхъ коммерческихъ предпріятій (а они рождались у него чуть не ежедневно), его слушали, пораженные его логикою, но особенно краснорѣчіемъ, готовы были отдать на эти предпріятія послѣдній грошъ. Можно было принять его за человѣка самаго практическаго, а между тѣмъ трудно было найти человѣка болѣе его увлекавшагося. Это— милый фантазеръ, облекавшій свои фантазіи въ нарядныя фразы, которыми онъ сначала только любуется, не вѣря имъ, но которыми онъ потомъ самъ увлекается до такой степени, что принимаетъ ихъ серіозно.

Съ 1835 по 1842 г., съ небольшими промежутками, Башуцкій помѣщалъ въ разныхъ журналахъ статьи, касающіяся разныхъ вопросовъ текущей жизни; въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатаны: Вторая морская выставка россійскихъ произведеній въ 1835 г.; отд. брош. 1836 г.; Новости въ Спб.; отд. брош. въ 1838 г. и др.; въ 1838—1839 г., до конца выхода журнала, онъ состоялъ редакторомъ-издателемъ «Дѣтскаго журнала для образованія понятія сердца и права, для изученія искусствъ и рукодѣлій, разнообразнаго дѣтскаго чтенія и забавы милыхъ русскихъ дѣтей»; писалъ правоучительныя письма къ дѣтямъ и родителямъ; сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1839 и 1841 г. («Паровыя машины, желѣзныя дороги и оборотные банки», «Возобновленіе Зимняго дворца»; вышла отд. брош. 1839 г. Интересная статья: «Исторія автоматовъ и андроидъ» и др.), въ «Литерат. приб. къ Русскому Инвалиду» за 1839 г. (Незнач. статья о Кубѣ), «Сынѣ Отеч.» (Полевого), «Спб. Вѣдомостяхъ», «Пантеонѣ» (подъ псевдонимомъ Новомлинскаго помѣщалъ повѣсти и стихотворенія: «Грѣшница», «Колыб. пѣсня» и др.), участвовалъ въ «Библ. для чтенія» 1840 г. («Петерб. типы»), «Молодикѣ» 1844 г. Въ 1840 г. Башуцкій выпустилъ въ 2-хъ книжкахъ одно изъ самыхъ

гдныхъ своихъ произведеній «Очерки изъ ...рфеля ученика натурнаго класса. Тет...дь первая—Мѣщанинъ. Посвящ. Грыцку ...сновьяненко Башуцкимъ». Это сочиненіе вызвало восторженные отзывы «Маяка» и (...в. Пчелы». Книга написана несомнѣнно ...мнымъ человѣкомъ, изобилуетъ практиче...скими истинами, размышленіями, богата ...строумными замѣтками, но художествен...ныя достоинства ея третьестепенны. Здѣсь въ видѣ романа изложены долговременныя и внимательныя наблюденія человѣка, ко...рый проходя по разнымъ ступенямъ ...бщественной лѣстницы, постигъ мишур...ность содержанія великосвѣтской жизни, не могъ удовлетвориться такими цѣлями, какъ «блестѣть и наслаждаться», но не ...нашелъ удовлетворительнаго выхода изъ внутреннихъ противорѣчій. Не смотря на ...рый демократизмъ нѣкоторыхъ страницъ, книга носитъ далеко не демократическій характеръ. Желаніе автора вести читателя къ нравственной цѣли приводитъ только къ ...омленію. Въ 1841 г. Башуцкій взялся ... литературно-художественное предпрія...ті—изданіе альманаха «Наши. списанные ...ъ натуры русскими» изд. Я. А. Исакова, (Сб. «Это первое у насъ, писалъ онъ въ ...ступленіи, истинно роскошное, вполнѣ русское по содержанію и выполненію изда...ніе, открывающее дорогу другимъ, дока...жетъ, что мы можемъ издавать велико...лѣпно безъ пособія иностранцевъ». Ба...шуцкій задался цѣлью представить типы ...ъ жизни разныхъ мѣстъ Россіи, но вмѣсто типовъ, и пожалуй, къ луч...шему,—получилось описаніе разныхъ инди...видовъ и изображеніе ихъ въ хорошо испол...ненныхъ гравюрахъ. Тутъ, что ни лицо, то—повѣсть, иногда трогательная, иногда ...абавная, но мало характерная для ...бщаго типа сословія, означеннаго въ ...главіи статьи («Водовозъ», «Армейскій ...фицеръ», «Барышня», «Знахарь», «Гробо...вой мастеръ»). «Гробовой мастеръ» и «Водовозъ» принадлежали перу самого Башуцкаго. Обычнымъ недостаткомъ этихъ разсказовъ, какъ и всего, что писалъ Башуцкій, служатъ излишнія разсужденія ...втора изъ области практической фило...софіи. По свидѣтельству А. Н. Никитенка, «Водовозъ» надѣлалъ много шуму: демо...кратическое направленіе ея не подле...житъ сомнѣнію. Въ ней между про...чимъ сказано, что народъ нашъ тер...питъ притѣсненія, и добродѣтель его со...стоитъ въ томъ, что онъ не шевелится. Государь очень недоволенъ». Результатомъ шума было требованіе Башуцкаго къ гр. Бенкендорфу, который по особому повелѣнію сдѣлалъ автору выговоръ «за возстановленіе низшихъ классовъ противъ высшихъ, аристократіи». Говорятъ, будто бы Башуцкій отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ въ виду аристократіи по той простой причинѣ, что ея у насъ нѣтъ, а есть только чиновники. Во всякомъ случаѣ, изданіе «Наши» скоро прекратилось. Въ 1842 г. Башуцкій перевелъ съ французскаго первую часть монографіи де-Шампаньи «Кесари» (вышла отд. книжкой). Съ половины 1847 г. «Иллюстрація» перешла отъ Кукольникова въ руки Крылова, а редакторомъ сталъ Башуцкій. И это изданіе онъ захотѣлъ поставить на широкую ногу. Онъ завелъ граверную мастерскую, гдѣ работало семь лучшихъ граверовъ на деревѣ (въ томъ числѣ и Сѣряковъ, будущій академикъ) и семь учениковъ подъ надзоромъ барона Клодта. Принявшись за дѣло со свойственной ему горячностью и желая придать изданію русско-народный характеръ, Башуцкій заказалъ статьи и доски, изображающія состояніе нашей строительной промышленности, но съ первыхъ же шаговъ не встрѣтилъ сочувствія въ тогдашней цензурѣ. Это не могло, конечно, способствовать правильному ходу изданія. Въ 1848 г. «Иллюстрація» пошла плохо: подписчиковъ стало мало, сотрудникамъ перестали исправно платить, и они поуходили. Въ теченіе почти всего 48-го года Башуцкому приходилось самому наполнять всѣ отдѣлы «Иллюстраціи» и при этомъ постоянно нуждаться въ деньгахъ. Между тѣмъ издатель Крыловъ совсѣмъ разорился. Въ 1849 г. «Иллюстрація» прекратила свое существованіе, хотя Башуцкому удалось ввести нѣкоторыя улучшенія: журналъ сталъ печататься на лучшей бумагѣ и пополнился хорошими гравюрами. Въ апрѣлѣ Башуцкій представилъ еще въ Академію наукъ оттиски съ нѣкоторыхъ досокъ, чтобы обратить вниманіе на свое граверное заведеніе. Но вскорѣ у него вышла какая то крупная непріятность по службѣ, онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ послушники Троицко-Сергіевской пустыни, что близъ Стрѣльны, потомъ перешелъ въ Черменецкій монастырь. Пробывъ здѣсь недѣлю, онъ отправился въ Кіевъ, гдѣ тоже не поладилъ. Его жена, Марія

Андреевна, (род. 16 декабря 1810 г., ум. 8 іюня 1882 г.) тоже поступила въ Тихвинскій монастырь. Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ Башуцкій вмѣстѣ со своимъ другомъ кн. Голицынымъ состоялъ въ числѣ учредителей и членовъ совѣта «Перваго миссіонерскаго общества» (1865—69), частнымъ образомъ принималъ участіе въ крещеніи евреевъ, рисовалъ образа («Икона тысячелѣтія Россіи»), составлялъ назидательныя брошюры. Со времени возникновенія «Домашней Бесѣды» принималъ въ ней дѣятельное участіе. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Башуцкаго видѣлъ Сѣряковъ «въ полумонашескомъ платьѣ, въ черной фуражкѣ съ козырькомъ, въ очкахъ и съ длинной сѣдой бородой». Въ 1872 г. Башуцкій помѣстилъ статью въ «Сборникѣ литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру I». Тихомирова. Подъ конецъ жизни онъ увлекся гомеопатіей и занимался безплатнымъ леченіемъ бѣднаго люда, стекавшагося къ нему громадными толпами. Похороненъ Башуцкій на Волковомъ кладбищѣ на Широкихъ мосткахъ. Природа одарила Башуцкаго недюжинными способностями, разносторонними талантами, жаждой кипучей дѣятельности, но на его долю выпало быть во всемъ диллетантомъ, постоянно бросаться изъ стороны въ сторону, его преслѣдовали постоянныя неудачи, за что бы онъ ни взялся. Всю жизнь онъ провелъ, выражаясь словами героя «Мѣщанина», въ борьбѣ съ собственной силой, собственной добродѣтелью, собственной волей, разумомъ и, въ предѣлахъ земного существованія, не успѣлъ достичь вѣчнаго, къ чему такъ сильно стремился.

«Р. Арх.» 1867, 1872, 1873, 1875, кн. 2 и 3, 1878, кн. 1, 1879, кн. 2, 1882, кн. 3, 1885, кн. 2, 1886, кн. 2, 1888, кн. 1 и 2, 1890, кн. 1.—«Р. Стар.» 1870, т. I, 1871, IV, 1873, VIII, 1874, IX, 1875, X, 1880, XXIX, 1881, XXX, 1887, LIII,1 889, LXII, LXIV, 1890, LXVI, LXVIII, 1892, LXXV, 1894, LXXXI.—«Истор. Вѣст.» 1883, XII, 403, XIV, 466; 1886, XXIII, 57; 1894, LVII, 49.—«Сѣв. пч.» 1835, окт.; 1836 №№ 221, 222; 1838, №№ 193 и 194; 1840, № 73; 1842, № 79—81, 259.—«Отеч. Зап.» 1839, т. I, III, IV; 1841, т. XV, XVI.—«Дѣтск. журн.» 1838, 1839.—«Библ. для чт.» 1840, т. 42.—«Библіограф. зап.» 1892, II, № 6 (спис. псевдон.).—«Пам. нов. р. ист.» изд. Кашперова. 1872 т. II. — «Маякъ» 1840, ч. IV, 176—194, ч. V, 1.—«Литер. приб. къ Русск. Инв.» 1839 г.—«Литерат. газ.» 1840 № 33.—«Москвитянинъ» 1842, ч. II № 3 стр. 186.—«Современникъ» 1840, 19; 1842, 26 (разб. н. кн.).—«Иллюстрація» 1845—48.—«Наши» 1841. — «Молодикъ» 1844, ч. II. — «Матеріалы для ист. Пажеск. корпуса» гр. Милорадовича, стр. 174.—«Сб. литер. произв., относящ. къ Петру I». Сост. Н. Тихоміровъ. Истор. отдѣл.—«Литерат. воспом.» И. И. Панаева стр. 50, 131—133, 268, 271, 272.—«Воспом. Головачевой-Панаевой» стр. 95.—Словари: Венгерова, Брокгауза.—«Період. печать» Лисовскаго.—Некрол.: «Газета Гатцука» 1876, № 16; «Голосъ» 1876, № 114; «Домашн. бесѣда» 1876, № 17; «Современность» 1876, № 39.

Ш. В.

Башуцкій, *Павелъ Яковлевичъ*, генералъ адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, с.-петербургскій комендантъ, сенаторъ; род. 17-го августа 1771 г., ум. 11-го января 1836 г. Предки Башуцкаго происходятъ изъ древней польской шляхетской фамиліи Баховскихъ; одинъ изъ нихъ — Иванъ Баховскій въ 1709 г. выѣхалъ въ Россію и при опредѣленіи на службу въ казачьи полки назвалъ себя Башуцкимъ. Службу Павелъ Яковлевичъ началъ морякомъ, вступивъ въ 1786 г. каптенармусомъ въ 3 флотскій батальонъ, и, оставаясь во флотѣ до 1796 г., участвовалъ въ войнѣ противъ шведовъ 1790 г., находясь въ сраженіяхъ 23 и 24 мая при Сескарѣ и при пораженіи 22 іюня адмираломъ Чичаговымъ шведскаго флота у Выборга. Въ исходѣ 1796 г. Башуцкій былъ переведенъ въ сухопутныя войска съ чиномъ поручика и зачисленъ л. гв. въ измайловскій полкъ; въ 1799 г. онъ уже произведенъ въ полковники, 28 августа 1803 г. въ генералъ-маіоры и три мѣсяца спустя опредѣленъ с.-петербургскимъ комендантомъ. Состоя въ этой должности, онъ въ 1805 г. принялъ командованіе надъ оставшимися въ Петербургѣ баталіонами нѣсколькихъ полковъ; въ 1807 г. начальствовалъ бригадою изъ л. г. семеновскаго и измайловскаго полковъ въ фридландскомъ сраженіи, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени и въ 1811 г. получилъ начальство надъ 25 пѣхотною дивизіею. Съ началомъ Отечественной войны на Башуцкаго было возложено обученіе всего с.-петербургскаго ополченія и сформированіе запасныхъ баталіоновъ для полковъ дѣйствующей арміи; въ февралѣ 1813 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса резервной арміи, и, преодолѣвъ множество затрудненій по устройству и вооруженію порученныхъ ему 41 баталіоновъ, выступилъ 12 іюля за границу, въ герцогство Варшавское. Главною дѣятельностью Башуцкаго въ період кампаніи было снабженіе дѣйствующей

арміи свѣжими, хорошо обученными нижними чинами и дальнѣйшее формированіе командуемаго имъ корпуса. Сдавъ въ мартѣ 1814 г. послѣдній генералъ-лейтенанту Вельяминову, онъ вернулся въ Петербургъ и снова вступилъ на должность коменданта; «за полное усердіе и преданность», обнаруженныя 14 декабря 1825 г., пожалованъ въ генералъ-адъютанты; 6 декабря 1826 г. назначенъ сенаторомъ; въ іюнѣ 1832 г. назначенъ членомъ генералъ-аудиторіата и 6 декабря 1833 г. уволенъ отъ должности с.-петербургскаго коменданта, съ оставленіемъ въ другихъ должностяхъ.

Общ. Герб. т. 8 № 131. — Послужной списокъ, хранящ. въ Архивѣ Правит. Сената. — «Русск. Стар.» 1874 г. IX, 640, 641.

Бёберъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей масонства въ Россіи. Вступилъ въ масонскій орденъ въ 1776 г., участвовалъ на всеобщемъ масонскомъ конвентѣ въ Вильгельмсбадѣ въ 1783 г. 9 ноября 1778 г. Бёберомъ была основана ложа Трехъ Сѣкиръ въ Ревелѣ по шведской системѣ, закрывшаяся 29 ноября 1785 г.; кромѣ того онъ былъ великимъ секретаремъ Провинціальной или Національной ложи. Бёберу принадлежала выдающаяся роль въ реставраціи масонства въ Россіи, подвергшагося крутымъ стѣсненіямъ со стороны правительства подъ вліяніемъ французской революціи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ дѣло представляется въ такомъ видѣ, будто Бёберъ исхлопоталъ аудіенцію у Императора Александра I и съумѣлъ такъ доказательно защитить масонство, что Императоръ разрѣшилъ свободное существованіе масонства и даже самъ пожелалъ быть принятымъ въ орденъ. Самъ Бёберъ въ своей запискѣ о масонствѣ въ Россіи (напечат. въ «Allgemeines Handbuch der Freimaurerei», Leipz., b. III, 612—615) разсказываетъ, что имъ была представлена Имп. Александру записка о масонствѣ, которая имѣла результатомъ оффиціальное признаніе масонскихъ ложъ въ Россіи (въ авг. 1810 г.). Во всякомъ случаѣ выдающееся участіе Бёбера въ этомъ дѣлѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ изъ оффиціальныхъ источниковъ извѣстно, что гражданская власть вела свои сношенія съ масонами чрезъ Бёбера (ему, напр., возвращены были всѣ разсматривавшіеся министромъ полиціи акты управляющихъ ложами). Съ 1810 г. Бёберъ является гросмейстеромъ Директоріальной ложи Владиміра къ Порядку; въ 1814 г. онъ оставилъ это званіе вслѣдствіе несогласій, возникшихъ среди масоновъ изъ-за вопроса о высшихъ степеняхъ, столь развитыхъ въ шведской системѣ, представителемъ которой былъ Бёберъ, имѣвшій высшую степень «викарія Соломона». Кромѣ того Бёберъ управлялъ, въ качествѣ мастера стула, ложей «Александра къ Коронованному Пеликану» и былъ (до 1815 г.) гросмейстеромъ Провинціальной ложи. Въ дѣлахъ масонства Бёберъ всегда игралъ руководящую роль; его имя пользовалось широкой извѣстностью, такъ что заграничные масоны направляли корреспонденцію по дѣламъ ордена преимущественно на его имя. Бёберъ имѣлъ чинъ дѣйств. ст. совѣтника.

Пыпинъ, А. Н., «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I». Спб. 1871.—Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. «Вѣстникъ Евр.», 1872 г., январь, февр. и іюль.—«Хронологическій указатель русскихъ ложъ». Спб. 1873.

Бебутовъ, князь *Василій Іосифовичъ*, генералъ отъ инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта, род. въ Тифлисѣ въ 1791 г., ум. 10 марта 1858 г. тамъ-же. Родъ князей Бебутовыхъ принадлежитъ къ старѣйшимъ въ Арменіи; впослѣдствіи Бебутовы переселились въ Грузію и занимали здѣсь важныя должности наслѣдственныхъ правителей Тифлиса (меликовъ) и егермейстеровъ (мискарбашей) грузинскихъ царей. Прадѣдъ князя Василія Іосифовича, *Ашхаръ-Бекъ*, меликъ Тифлиса, умерщвленъ турками за преданность царю Теймуразу II; дѣдъ, *Василій* (иначе Меликъ-Ага) получилъ за участіе въ походѣ персіянъ въ Индію званіе мискарбаша и былъ въ царствованіе Ираклія тифлисскимъ меликомъ; отецъ-же князя, *Іосифъ* — сначала казначей (моларетъ-ухуцесъ) при грузинскомъ царевичѣ Іулонѣ, впослѣдствіи за участіе въ походѣ главнокомандующаго войсками въ Грузіи князя Цаціанова противъ бакинскаго владѣтеля Гусейнъ-Кули-Хана, въ 1805 г. награжденъ чиномъ полковника русской службы.

По указанію князя Цаціанова, князь Василій Іосифовичъ въ 1807 г. былъ опредѣленъ въ петербургскій 1-й кадетскій корпусъ, окончивъ который съ блистательнымъ успѣхомъ, вышелъ въ 1809 г. прапорщикомъ въ херсонскій гренадерскій полкъ, расположенный въ Грузіи. Состоя адъютантомъ генерала Тормасова, онъ при-

нялъ участіе, во время турецкой кампаніи, въ сраженіи подъ Ахалцыхомъ (1810 г.) и въ рядѣ дѣлъ противъ горцевъ (въ 1812 г.). Въ томъ-же году князь Бебутовъ, въ качествѣ адъютанта маркиза Паулуччи, находился при преслѣдованіи войскъ Макдональда отъ Риги къ Мемелю и при занятіи Мемеля (15 декабря); въ награду за отличія 9 января 1813 г. онъ переведенъ л. гв. въ семеновскій полкъ, а черезъ три дня получилъ орденъ св. Анны 3 степ. съ бантомъ. Въ 1816 г. Бебутовъ снова вернулся на Кавказъ, 22 мая былъ назначенъ адъютантомъ при новомъ начальникѣ края, А. П. Ермоловѣ, въ 1817 г. сопровождалъ его при чрезвычайномъ посольствѣ въ Тегеранъ, гдѣ былъ пожалованъ орденомъ Льва и Солнца 2-й степ., и, по возвращеніи, произведенный 14 марта 1819 г. въ капитаны, въ томъ-же году находился въ двухъ дагестанскихъ экспедиціяхъ, подъ личнымъ предводительствомъ самого Ермолова, и въ 1820 г. — при покореніи Кази-Кумыхскаго ханства, когда за штурмъ Хозреха, 12 іюня, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ. 4-го января 1821 г. Бебутовъ былъ зачисленъ въ списки л. гв. московскаго полка; 16-го апрѣля переведенъ въ 7 карабинерный полкъ, съ производствомъ въ полковники, а 23 іюля назначенъ командиромъ мингрельскаго егерскаго полка, во главѣ котораго оставался до 25 сентября 1825 г., когда получилъ въ командованіе 2 бригаду 22 пѣхотной дивизіи съ назначеніемъ одновременно на должность управляющаго Имеретіею. Произведенный передъ открытіемъ Турецкой кампаніи въ генералъ-маіоры (25 марта 1828 г.) съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 22 пѣхотной дивизіи, князь Бебутовъ привелъ 24 іюля изъ Грузіи въ лагерь подъ Ахалкалаками значительное подкрѣпленіе, двинулся съ войсками къ Ахалцыху, 9 августа способствовалъ пораженію 30-ти-тысячнаго турецкаго корпуса подъ этою крѣпостью и 15 августа явился однимъ изъ главныхъ участниковъ взятія Ахалцыха штурмомъ, за что получилъ золотую съ брилліантами шпагу; съ 17 августа Бебутовъ состоялъ начальникомъ мѣстнаго пашалыка. Это назначеніе Бебутова было весьма важнымъ: Ахалцыхъ, лежащій у окраины Аджарскихъ горъ, могъ подвергаться безпрестаннымъ нападеніямъ мятежныхъ племенъ; жители пашалыка, служившаго въ продолженіи многихъ вѣковъ притономъ разбойниковъ, громившихъ Закавказье, были ненадежны; но князю Бебутову, благодаря хорошему знакомству съ мѣстнымъ бытомъ, удалось водворить спокойствіе въ новозавоеванномъ краѣ. Въ 1829 г. Ахалцыхъ подвергся нападенію турокъ, произведшихъ при содѣйствіи Ахметъ-бека Аджарскаго отчаянный штурмъ на крѣпость, и только благодаря энергіи Бебутова и храбрости войскъ штурмъ былъ отбитъ; столь же мужественно выдержалъ гарнизонъ осаду, пока не подошелъ на помощь отрядъ генерала Муравьева. Осада была снята, и, преслѣдуя разбѣжавшагося непріятеля, Бебутовъ успѣлъ захватить два орудія и два знамени, затѣмъ, отрядивъ противъ Ахметъ-бека генерала Бурцова, нанесъ непріятелю 30 апрѣля полное пораженіе при Цурцкабѣ. Наградою за Ахалцыхъ князю Бебутову былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1 степ. и особая благодарность главнокомандующаго графа Паскевича. 13-го февраля 1830 г. Бебутовъ былъ назначенъ начальникомъ вновь завоеванной Армянской области, управляя которой въ теченіе восьми лѣтъ, устроилъ администрацію, установилъ правильное распредѣленіе податей и казенныхъ доходовъ и вообще успѣлъ прочно примѣнить Высочайше утвержденныя 23 іюня 1833 г. временныя правила для управленія означенною областью. Бебутовымъ завершено, между прочимъ, окончательное разграниченіе нашихъ владѣній съ Персіею, за что онъ получилъ орденъ Льва и Солнца 1-й степ.; произведенъ первый посѣвъ (4 декабря 1830 г.) доставленной въ Эривань изъ Дербента марены, окончена и освящена 18 декабря 1832 г. церковь Покрова Божіей Матери въ Эривани и 22 февраля 1837 г., на основаніи Высочайшаго повелѣнія 11 марта 1836 г., открытъ армяно-григоріанскій Синодъ въ Эчміадзинѣ. 4 апрѣля 1838 г. князь Бебутовъ былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія Закавказскаго края, 2 мая 1840 г.—состоящимъ при главномъ штабѣ дѣйствующей арміи и 19 апрѣля 1842 г.—комендантомъ крѣпости Замостье; 10 октября 1843 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, 5 декабря того-же года зачисленъ состоящимъ при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, и 13 февраля 1844 г. опредѣленъ на постъ командующаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагс-

станѣ. Въ 1845 г. Бебутовъ принялъ участіе въ походѣ противъ мюридовъ и принесъ значительную пользу дѣлу; очистивъ Анди и Гумбетъ, онъ устроилъ тамъ магазинъ и снабжалъ войска экспедиціи продовольствіемъ; при обратномъ движеніи, когда горцы, одушевленные успѣхомъ, неотступно преслѣдовали обозъ его арріергарда, онъ не потерялъ ни одной повозки. За эти заслуги онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 степ.

Осенью 1846 г. Шамиль, пользуясь роспускомъ русскихъ войскъ по квартирамъ, вторгнулся въ даргинскій округъ, но князь Бебутовъ не далъ ему времени ни развить возстаніе, ни укрѣпиться въ занятой мѣстности: 13 октября онъ взялъ штурмомъ передавшійся Шамилю аулъ Аймяки, а 15 числа разбилъ на голову самого Шамиля у селенія Кутиши. Скопище Шамиля, доходившее при началѣ дѣла до 20-ти тысячъ, обратилось въ бѣгство, при чемъ Шамиль потерялъ 1200 убитыми и ранеными, 300 плѣнными, горное орудіе, зарядные ящики и сѣкиру—эмблему своей власти. На поле сраженія явились къ Бебутову депутаты отъ деревень даргинскаго округа съ изъявленіемъ покорности, и къ ночи не осталось въ округѣ ни одного мюрида. Съ такою-же энергіею были разсѣяны непріятельскія скопища у урочищъ Цухедаръ и Худжалъ-Махи. За свой подвигъ Бебутовъ получилъ орденъ св. Георгія 3 степ. (5 ноября 1846 г.). Въ 1847 г. князь Бебутовъ, во главѣ дагестанскаго отряда, участвовалъ въ обложеніи и въ приступѣ къ укрѣпленному селенію Гергебиль; 12 октября ему пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла; 8-го ноября онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта главнаго управленія и начальникомъ гражданскаго управленія Закавказскаго края и 30 августа 1849 г. получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ октябрѣ 1850 г. Бебутовъ сопровождалъ, за болѣзнію князя Воронцова, путешествовавшаго по краю Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. 2 сентября 1851 г. ему были пожалованы брилліантовые знаки къ ордену св. Александра Невскаго, а 22 августа 1852 г.—знакъ отличія за XL лѣтъ службы и ежегодная аренда въ 2000 рублей на 12-ти лѣтній срокъ.

19 сентября 1853 г. князю Бебутову поручено было начальство надъ особымъ корпусомъ, сосредоточеннымъ на турецкой границѣ отъ Ахалкалакъ до Эривани включительно. Съ началомъ войны, князь Бебутовъ, перейдя Арпачай съ 7000 пѣхоты и 2800 кавалеріи, при 32 орудіяхъ, разбилъ 19 ноября подъ Башкадыкларомъ на голову тридцатишеститысячный корпусъ Рейсъ-Ахмета-паши, при чемъ взялъ 24 орудія, 10 зарядныхъ ящиковъ, знамя, 10 знаковъ, весь лагерь и запасы. За это блистательное дѣло, разгромившее Анатолійскую армію, князь Бебутовъ 6-го декабря 1853 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 2-й степени. Вѣнцомъ-же славы князя Бебутова послужила кровопролитная битва 24 іюля 1854 г. при селеніи Кюрюкъ-Дара, гдѣ съ 18-ти-тысячнымъ отрядомъ онъ нанесъ рѣшительное пораженіе 60-ти тысячамъ турокъ, бывшихъ подъ начальствомъ мушира Зарифа-Мустафы паши. У обращеннаго въ бѣгство непріятеля взято 15 орудій, 16 зарядныхъ ящиковъ, 2 знамени, 4 штандарта, 20 значковъ и болѣе 2000 плѣнныхъ. Подвигъ этотъ прославился въ солдатскихъ и народныхъ пѣсняхъ, а Императоръ Николай I, получивъ донесеніе, по разсказамъ кавказцевъ, выразился такъ: «князь Бебутовъ хочетъ удивить меня побѣдой; удивлю же я его наградой». За Кюрюкъ-Дарское сраженіе Бебутовъ 9 августа 1854 г. получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, — въ чинѣ генералъ-лейтенанта—награда почти безпримѣрная. Съ назначеніемъ 29 ноября того-же 1854 г. Н. Н. Муравьева намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ, князю Бебутову было поручено управленіе гражданскою частью и войсками, не вошедшими въ составъ дѣйствующаго корпуса. Произведенный въ 1856 г. въ генералы отъ инфантеріи онъ до самой смерти (отъ рака въ желудкѣ) безвыѣздно проживалъ въ Тифлисѣ. За мѣсяцъ до кончины — 8 февраля онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Въ лицѣ князя Бебутова, отличавшагося, кромѣ ратной доблести, широкимъ образованіемъ и начитанностью, край понесъ тяжелую утрату. Въ послѣднее время онъ состоялъ, между прочимъ, вице-президентомъ Кавказскаго общества сельскаго хозяйства и предсѣдательствующимъ въ мѣстномъ отдѣлѣ Русскаго географическаго общества.

«Русскій Инвалидъ»: 1853 г. № 265, 1854 г. №№ 177 и 184, 1858 г. № 72.—«Кавказъ» 1858 г. № 23.—«Русская Старина» 1872 г. т. V, 1873 г. т. VII и VIII. — «Историческій Атласъ Россіи Н. И. Павлищева» ч. 1 (лѣтопись) Вильна 1873 г.—

«Русскій Вѣстн.» 1876 г. томы 122 и 126.—«Худ. Лист.» В. Тимма, 1854 г. № 8.—Н. Ѳ. Дубровинъ «Восточная война 1853—1856 гг.» Спб. 1878 г.—А. Х. Гейротъ, «Описаніе Восточной войны 1853—1856 гг.» Спб. 1872 г. — Богдановичъ, «Восточная война 1853—1856 гг.» Спб. изд. 1877 г.—Путиловъ, «Сборникъ свѣдѣній о настоящей войнѣ» Спб. 1855 г. — Малышевъ, «Русская Патріотическая Библіотека» (Георгіевскіе кавалеры) 1867—1873 г. т. II, № 7 — 10. — Чтеніе для солдатъ 1857 г., кн. 3. — Отчетъ Географическаго Общества за 1858 г. стр. 3.—Словари: Толя, Березина, Леера, Андреевскаго и Клюшникова.

Бебутовъ, князь *Давидъ Іосифовичъ*, генералъ-лейтенантъ, младшій братъ Василія Іосифовича, род. 11 января 1793 г. въ Тифлисѣ, ум. 11 марта 1867 г. Получивъ образованіе въ тифлисскомъ благородномъ училищѣ, князь Давидъ Іосифовичъ поступилъ, въ 1811 г., юнкеромъ въ нарвскій драгунскій полкъ, дѣйствовавшій тогда противъ кахетинскихъ горцевъ. Произведенный 4 декабря 1812 г. въ офицеры, онъ совершилъ съ полкомъ, шесть мѣсяцевъ спустя, походъ къ Брестъ-Литовску, въ 1814 г.—къ Кракову. Въ 1820 г. онъ уже командовалъ эскадрономъ. Переведенный въ отдѣльный кавказскій корпусъ, Бебутовъ подъ начальствомъ Ренненкампфа, принялъ участіе въ экспедиціяхъ 1830 г.—противъ джаробѣлаканскихъ лезгинъ и противъ горныхъ осетинъ со стороны Карталиніи. Заслуги Бебутова были оцѣнены графомъ Паскевичемъ, временный преемникъ котораго на Кавказѣ, Н. П. Панкратьевъ, поручилъ ему наблюдать за исполненіемъ мѣропріятій учрежденнаго послѣ Адріанопольскаго мира комитета для переселенія христіанъ изъ Турціи. Окончивъ это порученіе съ полнымъ успѣхомъ, Бебутовъ оказался въ слѣдующихъ 1831 и 1832 гг. однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей въ экспедиціяхъ генераловъ Розена и Вельяминова противъ главы мюридовъ Кази-Муллы. Выступивъ къ укрѣпленію Чумкескенту, занятому Кази-Муллою, онъ взялъ этотъ пунктъ приступомъ (1 декабря 1831 г.), за что награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, а затѣмъ, 17 октября 1832 г., командуя 2-мъ конно-мусульманскимъ полкомъ, казаками и грузинской милиціею, отличился на штурмѣ Гимровъ, гдѣ Кази-Мулла, засѣвшій съ 3000 горцевъ, поплатился жизнію. Въ 1833 г. Бебутовъ исправлялъ должность коменданта Ново-Закатальской крѣпости, и предсѣдателя джаробѣлаканской области, а въ 1834 г. ему было поручено Паскевичемъ сформировать и отвести въ Царство Польское конно-мусульманскій полкъ. 2 марта 1835 г. полкъ прибылъ въ Варшаву, гдѣ и состоялъ подъ начальствомъ князя Бебутова, до кончины Паскевича. Бебутовъ много содѣйствовалъ формированію и отличной выправкѣ этого полка, довелъ джигитовку и наѣздничество до совершенства, и, между прочимъ, составилъ для него извлеченіе изъ кавалерійскаго устава, съ переводомъ командныхъ словъ на простонародный татарскій языкъ. Награжденный съ 1835 по 1838 г. чиномъ полковника, орденами Анны и Станислава второй степени, Владиміра 3 степ. и Прусскаго Краснаго Орла, князь Бебутовъ, въ февралѣ 1846 г., выступилъ съ своимъ полкомъ къ Кракову, въ подкрѣпленіе дѣйствовавшаго противъ поляковъ отряда графа Ридигера. 19-го февраля онъ вошелъ въ городъ, а затѣмъ, совмѣстно съ княземъ Барятинскимъ, преслѣдовалъ инсургентовъ до Прусской границы, гдѣ мятежники и положили оружіе. 17-го мая того-же года Бебутовъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ командиромъ полка, а въ слѣдующемъ году награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степени. Въ періодъ венгерской кампаніи 1849 г. Бебутовъ явился участникомъ сраженій подъ Войцехомъ и Дебречиномъ, получивъ за отличіе въ первомъ дѣлѣ орденъ св. Анны 1 степ. и за второе—орденъ св. Георгія 3-го класса, и св. Владиміра 2-й степ.; полку-же пожаловано георгіевское знамя. Въ апрѣлѣ 1854 г. князю Бебутову Высочайше повелѣно состоять при князѣ Паскевичѣ, назначенномъ главнокомандующимъ Дунайскою арміей. Прибывъ въ Калaрамъ съ сотнею мусульманъ, сотнею линейныхъ казаковъ и полусотнею горцевъ, онъ не замедлилъ принять участіе въ главныхъ дѣлахъ подъ Силистріею: 22 мая, при отраженіи турокъ изъ Арабскаго форта, а 28 мая при усиленной рекогносцировкѣ Паскевича. Съ отрядомъ изъ 10 баталіоновъ, одной кавалерійской бригады, казачьяго полка и трехъ батарей, Бебутовъ дѣйствовалъ затѣмъ весьма успѣшно, препятствуя непріятелю доставлять подкрѣпленія Силистріи; затѣмъ во главѣ Ольтеницкаго отряда, наблюдалъ за непріятелемъ въ Туртукаѣ, содержа разъѣзды отъ д. Грака до оз. Мастищи, и истребилъ 300 перевозныхъ лодокъ на Дунаѣ. Награжденный за дунайскую кампанію золотою саблею съ брилліантами, Бе-

бутовъ возвратился въ Варшаву и состоялъ по прежнему при Паскевичѣ, командуя своимъ мусульманскимъ полкомъ. По возвращеніи, со смертію Паскевича, мусульманскаго полка на Кавказъ, Бебутовъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ состоящимъ при главнокомандующемъ 1-й арміею, а въ 1861 г. опредѣленъ на постъ варшавскаго коменданта. Рѣдкая способность Бебутова пользоваться строгостью лишь въ неизбѣжныхъ случаяхъ и съ полною безпристрастностью расположила къ нему сердца поляковъ. Въ должности коменданта онъ оставался до самой кончины. Княземъ Бебутовымъ оставлены, между прочимъ, автобіографическія записки, обработанныя для печати однимъ изъ сотрудниковъ «Военнаго Сборника».

«Генералъ-лейтенантъ кн. Д. О. Бебутовъ» оттиски изъ «Воен. Сб.» 1867 г. №№ 6 и 7.—«Иллюст. Газ.» 1867 г. № 29.—«Варш. Дневникъ» 1867 г.

Беггровъ, *Карлъ Петровичъ* (Charles Beggrof) ученый литографъ, изъ Риги, гдѣ и получилъ образованіе; род. въ 1799 г., ум. 12 февраля 1875 г. Съ 1825 г. онъ поступилъ на службу при художественныхъ заведеніяхъ главнаго управленія путей сообщенія въ званіи ученаго литографа и исполнялъ какія-то работы въ Зимнемъ дворцѣ. Въ 1831 г. онъ представилъ въ Академію художествъ разныя свои работы, и ему задали программу: «написать перспективный видъ съ натуры Михайловскаго дворца, украшенный фигурами». Исполнивъ эту программу, Беггровъ получилъ званіе академика (12 октября 1832 г.). Въ 1832 г. онъ издалъ своей работы литографированный портретъ Императора Николая I, ѣдущаго верхомъ. Съ 1834 г. Беггровъ началъ издавать собраніе гравированныхъ видовъ С.-Петербурга. Къ 1839 г. ихъ было уже до 56. Императоръ Николай I, которому они были поднесены авторомъ, удостоилъ ихъ Высочайшаго одобренія. Замѣтивъ, что его гравюры перепечатываются въ ущербъ ему и безъ его вѣдома, Беггровъ пожаловался въ Академію художествъ, гдѣ и нашелъ защиту своихъ авторскихъ правъ. Изъ литографій Беггрова извѣстны слѣдующія: 1) Собака, выбѣжавшая изъ воротъ, бросается на жеребчика. 2) Album Litographique (pour l'année 1820). Три выпуска (всего 18 рисунковъ) представляютъ пейзажи, между прочимъ виды Павловска. 3) Виды С.-Петербурга и его окрестностей (1822 г.); тутъ изъ 44 листовъ Беггровымъ литографировано 28 листовъ. 4) Видъ Главнаго штаба. 5) Три листа морскихъ сраженій. 6) Народы, живущіе между Каспійскимъ и Чернымъ морями; 30 раскрашенныхъ литографій, вышедшихъ въ трехъ тетрадяхъ. 7) Императоръ Александръ II младенцемъ, въ гусарской формѣ. 8) И. А. Дмитревскій. 9) Виды Тифлиса и Ревеля. 10) Виды С.-Петербурга и его окрестностей (всего 22 вида). У Беггрова былъ братъ, который имѣлъ магазинъ картинъ, гравюръ и другихъ художественныхъ изданій; онъ былъ коммиссіонеромъ Академіи художествъ и между прочимъ издалъ первоначальный курсъ рисованія подъ заглавіемъ: «Собраніе постепенныхъ правилъ рисованія, въ трехъ тетрадяхъ въ листъ» (литографіи, около 1845—1850 г.).

Архивъ И. Ак. Худ. Д. 174 (1831), Д. 119 (1832), Д. 60 (1834) Д. 45 (1839) и Д. 18 (1853).—Петровъ, матеріалы для исторіи Имп. Ак. Худ., II, 257, 280, 282 и 290.—Вс. Иллюстр. 1875, 171 (Изв. о смерти).—Ровинскій, Словарь рус. граверовъ (1895). *Е. Т.*

Бегеръ, *Федоръ Федоровичъ*, оберъ-бергъ-мейстеръ, членъ пермскаго горнаго начальства, род. въ 1754 г., ум. въ мартѣ 1813 г. Сынъ саксонскаго горнорабочаго, онъ прибылъ въ Россію въ 1779 г. и нѣкоторое время снискивалъ пропитаніе случайными заработками, въ качествѣ химика и механика. Въ 1783 г., по ходатайству саксонскаго посланника Саксенъ-фонъ-Дерстела, опредѣленъ инспекторомъ петербургскаго воспитательнаго дома. Пробывъ въ этой должности около 4-хъ лѣтъ, Бегеръ въ 1787 г. переѣхалъ на службу въ Нерчинскій заводъ, но въ 1796 г. снова возвратился въ Петербургъ, гдѣ немедленно воспользовался предложеніемъ бергъ-коллегіи привести въ порядокъ коллекцію минераловъ, собранную Банковской горной экспедиціей. Строго систематизированная коллекція сдана Бегеромъ черезъ годъ въ незадолго передъ тѣмъ основанное горное училище (нынѣ горный институтъ), а самъ Бегеръ за образцовое выполненіе возложеннаго на него порученія вскорѣ назначенъ первымъ членомъ Гороблагодатскаго горнаго начальства; въ 1802 г. онъ на ту же должность переведенъ въ г. Пермь. Съ 1804 г. Бегеръ находился въ отставкѣ.

Дѣла Архива Горнаго Департамента.

Бегеръ, *Федоръ Федоровичъ*, сынъ предъ-

идущаго, горный инженеръ, генералъ-лейтенантъ, членъ горнаго Совѣта и горнаго ученаго комитета, род. въ 1791 г, ум. въ 1861 г. Окончивъ курсъ горнаго училища въ 1809 г., онъ началъ службу на Богословскихъ горныхъ заводахъ на Уралѣ, въ 1819 г. перешелъ на Пермскіе заводы, гдѣ въ 1826 г. былъ управляющимъ этими заводами, а въ 1827 г. назначенъ начальникомъ Богословскихъ заводовъ. Во время управленія его, открыли въ этомъ округѣ богатыя золотыя розсыпи, что дало Бегеру репутацію знатока золотаго дѣла и хорошаго администратора. Въ 1829 г. Бегеръ былъ сдѣланъ начальникомъ Колывановоскресенскихъ заводовъ (нынѣшніе Алтайскіе заводы), гдѣ въ слѣдующемъ-же году были открыты золотыя розсыпи. За эти открытія Бегеръ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени и тѣмъ-же орденомъ съ императорскою короною и получилъ Высочайшую благодарность. Въ 1836 г. Бегеръ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника, съ намѣреніемъ заняться золотопромышленностью, но въ мартѣ 1838 г. былъ снова приглашенъ на службу, причемъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ и томскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Впрочемъ, въ декабрѣ того же года Бегеръ оставилъ Алтай и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто члена совѣта корпуса горныхъ инженеровъ, а въ 1843 г. сдѣланъ директоромъ горнаго департамента; на этомъ посту онъ оставался до 1849 г., когда былъ произведенъ въ генералъ - лейтенанты. Бегеръ былъ также членомъ мануфактурнаго совѣта. Высшій орденъ, полученный Бегеромъ былъ Бѣлаго орла (въ 1859 г.). Оставивъ должность директора горнаго департамента, Бегеръ снова пожелалъ заняться золотопромышленностью; во уваженіе его опытности въ этомъ дѣлѣ и другихъ заслугъ, ему было разрѣшено заниматься поисками золота, не оставляя службы въ высшемъ горномъ управленіи. Въ 1860 г. онъ дѣлалъ розыски въ сѣверо-восточной части повѣнецкаго уѣзда олонецкой губ. и въ сосѣдней части кемскаго уѣзда архангельской губ., но поиски эти не увѣнчались успѣхомъ. Во время управленія Алтайскими заводами Бегеръ составилъ для горнаго института коллекцію мѣстныхъ горныхъ породъ, рудъ и заводскихъ рудниковъ.

Архивъ Горнаго Департамента.

Бедринскій, *Ермолай Ивановичъ*, протоіерей, род. въ 1779 г., ум. въ 1833 г. въ Гагѣ. По окончаніи курса наукъ въ петербургской духовной академіи, куда поступилъ изъ харьковскаго коллегіума, Бедринскій въ 1804 г. опредѣлился учителемъ еврейскаго языка въ с.-петербургскую духовную семинарію, въ которой пробылъ до 1807 г., преподавая потомъ священную исторію и «поэзію». Послѣ этого онъ былъ священникомъ при русскихъ посольскихъ церквахъ: въ Парижѣ (до 1813 г.), Брюсселѣ (до 1816 г.) и наконецъ въ Гагѣ. Былъ духовникомъ королевы Анны Павловны.

«Историко-Статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи». Вып. V (Спб., 1876 г.).— Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи» (Спб., 1857 г.).

Бедринскій, *Иванъ Ивановичъ*, священникъ, род. 1769, ум. 18 февраля 1831 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ. Онъ былъ сыномъ священника и учился въ Александроневской семинаріи. По окончаніи курса онъ нѣкоторое время состоялъ учителемъ латинскаго языка въ той же семинаріи и инспекторомъ. Въ 1791 г., по посвященіи въ діаконы, Бедринскій былъ назначенъ въ Смольный монастырь, а черезъ годъ переведенъ въ церковь Вознесенія Господня, гдѣ черезъ два года (1794) посвященъ въ санъ священника. Съ 1796 по 1800 г. онъ состоялъ увѣщателемъ подсудимыхъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ 1809 г. произведенъ въ протоіереи Воскресенской церкви и въ то же время опредѣленъ законоучителемъ пансіонеровъ, обучавшихся въ іезуитскомъ училищѣ, гдѣ пробылъ до средины 1811 г., когда его назначили благочиннымъ Воскресенской церви, цензоромъ надъ проповѣдниками и членомъ: цензурнаго комитета при Спб. духовной академіи, ея конференціи и оспеннаго комитета гор. Петербурга съ уѣздомъ. Въ 1814 г. Бедринскій переведенъ съ сохраненіемъ вышеозначенныхъ должностей протоіереемъ въ Казанскій соборъ съ предоставленіемъ въ его вѣдѣніе, по званію благочиннаго, и Казанскаго собора. Здѣсь онъ оставался до самой смерти. За ревностное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей Бедринскій получилъ слѣдующія награды: золотые часы, бархатъ на рясу и матеріи на подрясникъ (1802—1803 г.), бархатную фіолетовую камилавку (1804), наперстный крестъ (1809), палицу

(1815), орденъ св. Анны 2-й ст. (1817), бриліантовые знаки этого ордена (1824), митру (1825). За катехизическія поученія и переводы иностранныхъ книгъ на русскій языкъ Бедринскій въ 1806 г. былъ избранъ въ члены Россійской академіи, по предложенію ея президента А. А. Нортова,— «общимъ согласіемъ всѣхъ присутствующихъ членовъ» и въ члены Спб. вольнаго общества любителей россійской словесности. Имъ переведены: съ латинскаго—«Трактатъ о Свящ. Писаніи изъ богословской системы Ѳеофана Прокоповича; съ французскаго: 1) Вопль истины противъ соблазна міра. 1803. 2) Политика, изъ Св. Писанія почерпнутая, соч. Боссюэта. Спб. 1802. 3) Величіе души, соч. Каракчіоли. Спб. 1803. 4) Церковная исторія 3 ч. М. 1794. 2-е изд. съ примѣчаніями Бедринскаго. 1830—36. Катехизическія поученія Бедринскаго остаются въ рукописи; въ печати появилось только «Слово въ св. и великій пятокъ, говоренное въ Спб. Казанскомъ соборѣ протоіереемъ онаго и кавалеромъ І. Бедринскимъ 12 апр. 1818 г.». (отд. брош.).

«Историко-статист. свѣд. о Спб. епархіи» кн. I, стр. 151—152, кн. II, стр. 254.—«Истор. Спб. духовн. акад.». Чистовича, стр. 90. — «Обзоръ русск. духовной литературы», ч. II, стр. 438.— «Ист. русской Академіи» Сухомлинова, вып. 7, стр. 461. — «Словарь» Геннади.—«Необходимое дополнит. прилож. къ Наст. словарю Ф. Толя».

Ш. В.

Бедряга, *Марія Евграфовна*, писательница. См. **Извѣкова**.

Бедряга 1-й, *Михаилъ Григорьевичъ*, полковникъ, род. въ 1780 г. Происходя изъ дворянъ воронежской губ., онъ получилъ домашнее воспитаніе и тринадцати лѣтъ поступилъ на службу кадетомъ въ ахтырскій гусарскій полкъ. Произведенный въ началѣ 1794 г. въ корнеты, онъ принялъ участіе въ походѣ въ Польшу и получилъ боевое крещеніе 20-го марта подъ мѣстечкомъ Скальмержемъ. Затѣмъ, 24-го марта онъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Рословицемъ, 21-го мая при м. Мстецовѣ, 28-го сентября въ сраженіи при Мацеовицахъ, 15-го октября—подъ Кобылкою и 24-го октября — при штурмѣ и взятіи Праги. Боевая школа, пройденная подъ руководствомъ Суворова, не замедлила принести блестящіе результаты и выработала изъ Бедряги лихого кавалериста и храбраго и опытнаго воина. По окончаніи Польской войны онъ продолжалъ службу въ томъ же полку и къ началу 1807 г., будучи уже штабсъ-ротмистромъ, командовалъ 1-мъ эскадрономъ полка. По свидѣтельству современниковъ, ахтырскій гусарскій полкъ гордился Бедрягами (кромѣ Михаила Григорьевича въ томъ же полку служили его младшіе братья Николай и Сергѣй), такъ какъ и въ мирное, и въ военное время всѣ они считались отличнѣйшими офицерами. Михаилъ Григорьевичъ довелъ свой эскадронъ до такого блестящаго состоянія, что многіе генералы и штабъ-офицеры, привлекаемые молвою, пріѣзжали изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ смотрѣть его. Обладая рыцарски-честной натурой, онъ съумѣлъ привить и своимъ подчиненнымъ нижнимъ чинамъ духъ свой и любовь къ чести. Если кто-нибудь изъ нихъ бывалъ изобличенъ въ неблаговидномъ поступкѣ, то весь эскадронъ, какъ-бы стыдясь имѣть такого товарища, чуждался его. Строгій по отношенію къ себѣ, Бедряга былъ строгъ и къ своимъ подчиненнымъ, но такъ какъ строгость его никогда не переступала границъ благоразумія и справедливости, то онъ не только не заставлялъ роптать своихъ солдатъ, но наоборотъ поселялъ въ нихъ глубокое уваженіе, искреннюю любовь и почти дѣтскую привязанность къ себѣ. Эскадронъ его, даже и въ быстрыхъ переходахъ войны, щеголялъ чистотою и исправностью. Въ разгарѣ боя гусары его, какъ на смотровомъ ученьѣ, хранили глубокое молчаніе, строились въ примѣрномъ порядкѣ, подъ картечью стояли неподвижно и какъ-бы прикованные, не сводя глазъ съ своего начальника, вселявшаго въ нихъ отвагу своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ и храбростью. Въ январѣ 1807 г. ахтырскій полкъ находился въ авангардѣ войскъ корпуса генерала Эссена и производилъ разъѣзды до береговъ рѣкъ: Буга и Нарева, при чемъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ стычкахъ съ французами. 4-го мая полкъ участвовалъ въ сраженіи подъ Пултускомъ и за отличіе, оказанное въ этомъ сраженіи, Бедряга былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени на саблю, съ надписью «за храбрость». По окончаніи войны Бедряга, по повелѣнію Наслѣдника Цесаревича, былъ командированъ на мызу Стрѣльну, для изученія порядка службы, и пробылъ въ этой команди-

ровкѣ годъ. Въ 1809 г., въ чинѣ ротмистра, въ рядахъ полка, онъ участвовалъ въ походѣ въ Галицію, а въ Отечественную войну Бедряга, участвуя въ цѣломъ рядѣ сраженій, былъ всегда однимъ изъ первыхъ, вступавшихъ въ бой, и послѣднимъ, уходившимъ съ поля сраженія. 28-го іюня онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Миромъ, 30-го—при Романовкѣ, 11-го іюля—при Салтановкѣ и 24-го августа—при д. Семеновкѣ. 26-го августа, въ сраженіи подъ Бородинымъ онъ, сраженный пулею въ голову, упалъ съ лошади. Нѣсколько гусаровъ подскочили къ нему, чтобы подать помощь. Вслѣдствіе сильной боли и потери крови, лишившись возможности говорить, но думая только о томъ, чтобы не отвлечь своихъ гусаръ отъ боя, онъ молча, жестами, отклонилъ ихъ услуги, указывая на непріятеля. Получивъ за Бородино двѣ награды: чинъ маіора и орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, Бедряга, черезъ два года, какъ образцовый штабъ-офицеръ, былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ конно-егерскій полкъ, въ которомъ дослужился до чина подполковника. Тѣмъ не менѣе, рана, причиняя ему постоянныя страданія, принудила его въ 1824 г. выйти въ отставку. Награжденный, при отставкѣ, чиномъ полковника, мундиромъ и пенсіею онъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, въ селѣ Бѣлогорьѣ (воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда). «Эта тяжелая рана, лишивъ его возможности продолжать службу для коей онъ, можно сказать родился, лишила отечество одного изъ отличнѣйшихъ сыновъ его, армію—храбраго и искуснаго воина, офицеровъ—рѣдкаго умомъ и способностями товарища, подчиненныхъ—примѣрнаго начальника». Таковъ отзывъ о Бедрягѣ К. Ѳ. Рылѣева, знавшаго его очень близко. Другой современникъ Бедряги, Денисъ Давыдовъ свидѣтельствуетъ о немъ какъ объ офицерѣ высокой храбрости и дарованій, столько же достойномъ уваженія на полѣ брани, какъ и въ мирномъ уединеніи. Дѣйствительно, Бедряга не былъ педантомъ-служакою, какихъ много было тогда въ нашей арміи. Это типъ просвѣщеннаго, опытнаго и гуманнаго начальника, и при томъ истиннаго рыцаря.

Михайловскій-Данилевскій, Описаніе второй войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ.—М. Богдановичъ, Исторія, Отечественной войны 1812 года.—Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева. Спб. 1874 г.

Г. Мокринскій.

Безакъ, *Александръ Павловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи, сынъ Павла Христіановича, род. въ 1801 г., ум. 30-го декабря 1868 г. Начавъ образованіе въ пансіонѣ для малолѣтнихъ при московскомъ университетѣ, Безакъ закончилъ его въ Царскосельскомъ лицеѣ, откуда въ 1819 г. былъ выпущенъ, съ серебряною медалью, прапорщикомъ въ 1-ю гвардейскую артиллерійскую бригаду и не замедлилъ проявить свое знаніе артиллерійскаго дѣла и боевые таланты въ турецкую кампанію 1828—1829 г.г. Находясь при осадѣ Варны въ ротѣ конгреговыхъ ракетъ, а затѣмъ въ отрядѣ генералъ-адъютанта Бистрома, онъ участвовалъ 16 сентября 1828 г. въ отбитіи штурма на наши укрѣпленія, а 18-го числа того же мѣсяца въ сраженіи при Куртэпэ, дѣйствуя 4-мя орудіями легкой № 2 роты 11-й артиллерійской бригады. Съ открытіемъ польской кампаніи 1831 г., Безакъ поступилъ въ штабъ артиллеріи дѣйствующей арміи и, участвуя во всѣхъ дѣлахъ, особенно отличился подъ Ваврομъ, Гроховымъ, Остроленкой и при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій и городскаго вала. За первые два дѣла, гдѣ смерть грозила Безаку со всѣхъ сторонъ, онъ произведенъ въ полковники; за Остроленское сраженіе, во время котораго Безакъ ввелъ первыя орудія въ городъ, облегчивъ войскамъ переходъ черезъ мостъ, удостоенъ ордена св. Владиміра 3 ст., а за штурмъ варшавскій—арендой. Съ окончаніемъ кампаніи 1831 г., Безакъ назначенъ начальникомъ штаба артиллеріи дѣйствующей арміи; согласно его проектамъ, учрежденъ западный артиллерійскій округъ, устроены арсеналы въ Варшавѣ, Новогеоргіевскѣ, усовершенствована полевая артиллерія. Въ 1837 г. Безакъ сопровождалъ по Россіи инспектора прусской артиллеріи принца Августа; въ 1841 г., по случаю болѣзни начальника штаба генералъ-фельдцейхмейстера князя Долгорукова, исправлялъ, въ чинѣ генералъ-маіора, временно его должность, а въ 1843 г. былъ вызванъ въ Берлинъ для нахожденія въ свитѣ Его Величества. Въ февралѣ 1846 г. Паскевичъ командировалъ Безака въ помощь генералу Панютину, которому предписывалось занять Краковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнено въ обязанность не предпринимать ничего безъ согласія командируемаго. Вслѣдствіе энергическихъ распоряженій Безака, Краковъ 19 февраля былъ

взятъ, а на другой день мятежники, предводимые князьями Бебутовымъ и Барятинскимъ, положили оружіе у прусской границы. Зачисленный за успѣхъ возложеннаго на него порученія въ свиту Его Величества, Безакъ въ октябрѣ 1848 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ назначенъ на постъ начальника штаба Его Высочества генералъ-фельдцейхмейстера великаго князя Михаила Павловича, уважавшаго Безака за отличныя способности и прямоту характера. По кончинѣ великаго князя Безакъ былъ, въ званіи генералъ-адъютанта (19 сентября 1849 г.), опредѣленъ начальникомъ штаба инспектора всей артиллеріи. Къ числу главныхъ заслугъ Безака на этихъ постахъ относятся: учрежденіе запасныхъ батарей, артиллерійскихъ депо, преобразованіе арсеналовъ, заводовъ, введеніе болѣе однообразныхъ патроновъ, облегченной 12-ти-фунтовой пушки, улучшеніе выковки ствольнаго желѣза, изысканіе удобнѣйшихъ способовъ доставки сѣры и селитры, замѣна двухмѣсячнаго срока травяннаго довольствія лошадей однимъ мѣсячнымъ и изданныя подъ его наблюденіемъ (въ 1853 г.): руководство для артиллерійской службы, служившее много лѣтъ настольной книгой для артиллериста, и правила упражненій полевой артиллеріи. При неутомимой дѣятельности Безака, управлявшаго во время Крымской войны и артиллерійскимъ департаментомъ, требованія исполнялись безостановочно: ручного оружія роздано до полутора милліона, а число запряженныхъ орудій дошло до 2400. Заслуги Безака были награждены орденами: св. Владиміра 2 ст., Бѣлаго Орла и св. Александра Невскаго и табакеркой съ портретомъ Государя. При назначеніи 27 марта 1856 г. командиромъ 3 армейскаго корпуса, Безакъ былъ осчастливенъ словами Императора, который, обнимая его, сказалъ: «Я долженъ отдать вамъ справедливость: вы умѣли выбирать людей». Въ сентябрѣ 1859 г. Безакъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи, а 29 іюля 1860 г. прибылъ въ Оренбургъ, облеченный въ званія командующаго отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ и оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора. По иниціативѣ Безака состоялось положеніе объ устройствѣ степи оренбургскаго вѣдомства и Сыръ-Дарьинской линіи (1 декабря 1861 г.), упраздненіе особаго башкирскаго войска, размежеваніе башкирскихъ земель, успѣшное примѣненіе крестьянской реформы и поселеніе киргизъ въ районѣ новой линіи Оренбургскаго казачьяго войска; имъ же былъ возбужденъ вопросъ и о раздѣленіи оренбургской губерніи на двѣ. Тогда же возникли Джулекское и Бишмазарское укрѣпленія и ставки на Средней и Нижней Эмбѣ для султановъ-правителей средней и западной части киргизской орды. Въ сентябрѣ 1861 г. войсками, подчиненными Безаку, былъ взятъ Яны-Курганъ, а затѣмъ, подъ его главнымъ руководствомъ предпринята въ 1863 г. экспедиція противъ высылавшихся туркестанскимъ бекомъ (Мурзою Давлетомъ) коканскихъ шаекъ, для нападенія на нашихъ киргизъ и на бухарскіе караваны. Результатомъ этой экспедиціи было взятіе нашими войсками въ 1864 г. Ауліэта, Азрета (Туркестана) и Чемкента. Вообще пятилѣтнее управленіе Безака оренбургскимъ краемъ, какъ упомянуто въ Высочайшемъ на его имя рескриптѣ 28 октября 1866 г. (этотъ рескриптъ сопровождался орденомъ св. Андрея Первозваннаго) — «ознаменовано распространеніемъ въ этомъ краѣ гражданственности, устройствомъ мѣстной администраціи, водвореніемъ порядка въ степи и подготовленіемъ успѣха принятыхъ впослѣдствіи мѣръ къ соединенію степныхъ линій оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ». 19 января 1865 г. генералъ-адъютантъ Безакъ назначенъ командующимъ войсками кіевскаго военнаго округа и генералъ-губернаторомъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта (въ этомъ званіи онъ состоялъ съ 1 января 1863 г.). Тутъ на долю его выпала трудная задача переустройства обширнаго края, въ которомъ высшіе слои населенія уклонились отъ настоящей своей русской національности; упорную борьбу пришлось генералъ-губернатору вести съ враждебными элементами. Закрывъ по окончаніи большей части политическихъ дѣлъ, нѣсколько военно-слѣдственныхъ и судныхъ коммисій, Безакъ приступилъ къ осуществленію въ краѣ крестьянской реформы на прочныхъ началахъ. Задавшись этою цѣлію, онъ увеличилъ число мировыхъ посредниковъ изъ благонадежныхъ русскихъ дѣятелей, вызвалъ опытныхъ землемѣровъ для отвода крестьянамъ надѣловъ и принялъ самыя энергическія мѣры къ составленію выкупныхъ актовъ и къ

примѣненію закона о продажѣ польскими помѣщиками имѣній только лицамъ русскаго происхожденія. Вслѣдствіе этихъ мѣръ, выкупная операція къ 1870 г. окончилась; у крестьянъ оказалось 4 милліона десятинъ, а русское крупное землевладѣніе увеличилось на 40%. Объѣзжая ежегодно край, Безакъ обращалъ тщательное вниманіе на его экономическія условія; не упустилъ онъ изъ вида и бытъ однодворцевъ, а для разрѣшенія вопроса о чиншевикахъ, предполагалъ переселить ихъ въ Крымъ на свободныя казенныя земли, къ чему и приступилъ, но этого дѣла онъ не успѣлъ довести до конца. При Безакѣ уничтожено во всѣхъ ввѣренныхъ ему губерніяхъ право такъ называемой пропинаціи, усилено свекло-сахарное производство, открыто нѣсколько кредитныхъ учрежденій, улучшены богадѣльни, тюрьмы, хлѣбные запасы, урегулирована отчетность въ сборахъ, увеличенъ личный составъ русскихъ чиновниковъ, дано имъ надлежащее обезпеченіе, и, наконецъ, городъ Кіевъ обязанъ Безаку соединеніемъ желѣзнымъ путемъ съ Москвою, Одессой и австрійской границею. Въ виду неблагонадежности польскаго духовенства, начальникъ края содѣйствовалъ закрытію нѣсколькихъ костеловъ и монастырей, равно упраздненію въ 1866 г. каменецкой епархіи, взамѣнъ которой учреждена православная викарная каѳедра въ Каменцѣ, съ наименованіемъ викарія епископомъ Балтскимъ. Озабочиваясь въ то же время о возстановленіи ветхихъ и постройкѣ новыхъ православныхъ церквей, Безакъ испросилъ черезъ комитетъ министровъ, послѣдовавшее 15 февраля 1866 г. Высочайшее соизволеніе, на ассигнованіе въ его распоряженіе ежегодной суммы изъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній для пособія православному духовенству. Изъ этой суммы назначено жалованья: городскимъ священникамъ по 400, а сельскимъ—по 300 р. въ годъ. Народное образованіе въ русскомъ духѣ составляло тоже предметъ не малыхъ заботъ Безака. Учрежденъ надзоръ за преподаваніемъ въ католическихъ семинаріяхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, не исключая и Закона Божія, многіе польскіе пансіоны, оказавшіеся неблагонадежными въ политическомъ отношеніи, закрыты. Къ числу принятыхъ Безакомъ мѣръ для доставленія русскому языку господства въ краѣ, относится, между прочимъ, и запрещеніе Бердичевскаго календаря, издававшагося на польскомъ языкѣ. Неустанная дѣятельность сломила здоровье Александра Павловича. Въ концѣ 1868 г. онъ выѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, гдѣ и скончался. Прахъ его перевезенъ въ Кіевъ и погребенъ около церкви Рождества Христова на дальнихъ пещерахъ.

«Фамильный Архивъ Безакъ».—«Москов. Вѣд.» 1866 г. № 26.— «Русск. Инв.» 1869 г. № 3.— «Всемірн. Иллюстр.» 1872 г. № 203.—Историческое описаніе «Подолія», П. Н. Батюшкова.

Безакъ, *Павелъ Христіановичъ*, род. 28 сентября 1769 г. въ С.-Петербургѣ, ум. тамъ же 10 іюля 1831 г. отъ холеры. Отецъ Безака, Хр. Хр. (о немъ см. ниже) далъ сыну тщательное образованіе. Безакъ посѣщалъ курсы кадетскаго корпуса, зналъ древніе и новые языки, занимался математикою и любилъ литературу. Въ молодости онъ перевелъ: 1) Флоріана, Новыя повѣсти, съ фр., Спб. 1792, 8°; 2) Георги, Описаніе Петербурга, съ нѣм., 3 ч., Спб. 1794 г. Кромѣ того, переводилъ проповѣди пастора Линдля и помогалъ А. М. Брискорну въ изданіи толкованій на Новый Завѣтъ Госнера. Въ 1795 г. Безакъ поступилъ на службу секретаремъ въ Правительствующій Сенатъ; здѣсь своими способностями и краснорѣчивымъ и яснымъ изложеніемъ мыслей онъ заслужилъ репутацію хорошаго докладчика. Въ 1797 г. онъ, объявляя съ герольдами, какъ секретарь Сената, о предстоящей коронаціи Императора Павла, обратилъ на себя вниманіе послѣдняго громкимъ и выразительнымъ чтеніемъ церемоніала и удостоился быть записаннымъ въ памятную книжку Императора. Изъ Сената, Безакъ назначенъ, въ 1800 г., правителемъ дѣлъ канцеляріи генералъ-прокурора (Беклешова). Въ 1802 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Кіевѣ, гдѣ ему подаренъ былъ Беклешовымъ домъ. Въ 1806 г. дворянство кіевской губ. выбрало Безака предводителемъ милиціи; въ томъ же году главнокомандующій арміею, фельдмаршалъ князь Прозоровскій назначилъ его правителемъ дѣлъ своей канцеляріи; въ этой должности Безакъ оставался и при Багратіонѣ, смѣнившемъ Прозоровскаго. Затѣмъ, когда на мѣсто Багратіона главнокомандующимъ арміею былъ назначенъ графъ Каменскій, Безакъ вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ. Здѣсь его, какъ человѣка

способнаго, приблизилъ къ себѣ Сперанскій. Послѣ ссылки Сперанскаго Безакъ окончательно отказался отъ государственной службы и занялся торговыми предпріятіями, на которыхъ очень разбогатѣлъ. Въ 1824 г. онъ былъ избранъ въ число попечителей для изслѣдованія бѣдствій, причиненныхъ наводненіемъ 7-го ноября, и за успѣшное выполненіе порученнаго дѣла награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. Безакъ былъ женатъ на Сусаннѣ Яковлевнѣ Рашетъ, дочери знаменитаго скульптора.

«Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 286 («Записки Н. Греча»).—«Сынъ Отечества» 1865 г., № 275.—Словари: Геннади и Венгерова.—Срв. библіографію къ біографіи Христіана Безака.

Безакъ, *Христіанъ Христіановичъ*, инспекторъ и профессоръ философскихъ, политическихъ и историческихъ наукъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ въ С.-Петербургѣ, род. въ Лузаціи 21 августа 1727 г., ум. 15 іюля 1800 г. Онъ происходилъ изъ стараго славянскаго рода, носившаго первоначально фамилію Безацкихъ и измѣнившаго славянское окончаніе на нѣмецкое во время реформаціи. Безакъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ, выдержалъ экзаменъ на магистра философіи и состоялъ доцентомъ въ помянутомъ университетѣ. Въ русскую службу вступилъ въ 1760 г., по приглашенію Ив. Мих. Греча, инспектора сухопутнаго кадетскаго корпуса. Прибывъ въ Петербургъ 17-го сентября 1760 г.,—въ день похоронъ Греча,—Безакъ начальствомъ корпуса опредѣленъ на его мѣсто, инспекторомъ корпуса и профессоромъ философскихъ, политическихъ и историческихъ наукъ; въ этой должности онъ пробылъ почти 40 лѣтъ. Безакъ изучилъ русскій языкъ настолько, что впослѣдствіи написалъ книгу «Краткое введеніе въ бытописаніе Всероссійской Имперіи» (Петербургъ, 1775 г., 8°) и, затѣмъ, разсужденіе «Наставленіе объ изящныхъ дѣйствіяхъ просвѣщеннаго разума» (Петербургъ, 1789 г.). При И. И. Бецкомъ и при гр. Ангальтѣ, Безакъ принималъ дѣятельное участіе въ преобразованіи учебной части корпуса. Хр. Хр. имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника; его знала лично и уважала Императрица Екатерина II, и онъ былъ однимъ изъ первопожалованныхъ кавалеровъ ордена св. Владиміра. Кромѣ помянутыхъ сочиненій, Безакъ напечаталъ брошюру на нѣмецкомъ языкѣ: Philosophische Aufsätze, заключающую два трактата: 1) Was ist Lehrmethode? и 2) Ueber Syntesis und Analysis.

«Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 243 (Записки Н. Греча).—Словари: Венгерова, Плюшара, Геннади, Толля, Андреевскаго, Старчевскаго, Клюшникова.—Въ словарѣ митрополита Евгенія помѣщены біографическія свѣдѣнія о Петрѣ Безакѣ, стат. совѣтникѣ, профессорѣ философіи при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, въ дѣйствительности никогда не существовавшемъ; часть свѣдѣній, указанныхъ у митр. Евгенія, относится къ Христіану Безаку; другая — къ его сыну Павлу Безаку (см. пред. біогр.).—Въ метрикахъ лютер. церкви св. Екатерины значится Безакъ, Готлибъ Христіанъ, колл. совѣтн., заслуженный профессоръ географіи и статистики при шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, род. въ августѣ 1729 г. и умершій 4 іюня 1800 года. Эти данныя близко подходятъ къ изложеннымъ даннымъ о Христіанѣ Безакѣ.

Безбардисъ, *Каспаръ Эрнстъ*, латышско-русскій патріотъ, писатель, сынъ крестьянина, жившаго близъ Риги, на рѣкѣ Болдераа, род. 26 ноября 1806 г., ум. въ Москвѣ 31 августа 1886 г. Отецъ Безбардиса — морякъ, постарался дать сыну образованіе въ гимназіи; затѣмъ, въ 1823 — 1826 гг. Безбардисъ слушалъ лекціи въ дерптскомъ университетѣ по философіи и богословію. Въ 1828 г. онъ получилъ мѣсто преподавателя, а потомъ инспектора въ феллинскомъ училищѣ; въ 1853 г., по разстроенному здоровью, оставилъ службу и поселился въ Ригѣ. Около этого времени среди латышей началось руссофильское движеніе, встрѣченное крайне враждебно нѣмецкимъ дворянствомъ прибалтійскихъ губерній. Къ партіи латышей-патріотовъ примкнулъ и Безбардисъ, и въ 1-мъ нумерѣ латышской газеты «Peterburgas Awises», издававшейся въ Петербургѣ въ 1862 г. помѣстилъ статью «Тысячелѣтіе Россійскаго Государства», въ которой высказывались нескрываемыя симпатіи латышскаго патріота къ русскому государству и народу. Еще рѣзче выразились эти симпатіи въ составленномъ Безбардисомъ и, по его почину, поднесенномъ латышами въ 1863 г., по случаю польскаго мятежа, вѣрноподданническомъ адресѣ Императору Александру II. Въ томъ-же году, Безбардисъ былъ признанъ «вреднымъ человѣкомъ для Прибалтійскаго края» и водворенъ на жительство въ гор. Клинъ, московской губ. Но вскорѣ интрига была раскрыта, и Безбардисъ возвратился на родину, получилъ мѣсто учителя еврей-

скаго языка въ рижской духовной семинаріи, а потомъ преподавателя латышскаго языка въ Александровской гимназіи въ Ригѣ. Вмѣстѣ съ назначеніемъ на послѣднюю должность, Безбардису разрѣшено издавать въ Ригѣ, на латышскомъ языкѣ, политическую, научную и литературную газету, подъ названіемъ «Pasaule un daba» («Міръ и природа»). Послѣдніе годы Безбардисъ провелъ въ Москвѣ. Безбардисъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи латышской литературы; онъ напечаталъ нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій по латышскому языку, въ которыхъ доказывалъ, единство происхожденія и родство латышей съ славянами. Ту же конечную цѣль имѣли и его изслѣдованія о скиѳахъ Геродота. Затѣмъ, онъ составилъ для латышей первый учебникъ геометріи; писалъ статьи на латышскомъ языкѣ о философіи Канта и Гегеля, перевелъ на латышскій языкъ «Германію» Тацита и «Пѣснь о колоколѣ» Шиллера. Труды Безбардиса показали, что латышскій языкъ, при всей его бѣдности, пригоденъ для точнаго и яснаго изложенія отвлеченныхъ идей великихъ мыслителей и для передачи произведеній литературы высоко-культурныхъ народовъ. Публицистическая дѣятельность Безбардиса въ значительной степени содѣйствовала подъему племеннаго самосознанія среди латышей, чѣмъ положена была преграда ихъ онѣмеченію, съ которымъ Безбардисъ боролся всю жизнь.

Д. Д. Языковъ, вып. VI, стр. 23.—«Москов. Вѣдом.» 1886 г., № 257 статья Ѳ. Трейланда (приведены выдержки изъ адреса, поднесеннаго латышами Александру II).—«День», 1865 г. № 49 (В. Ламанскаго: «Безбардисъ и нѣмцы»,—излагается исторія водворенія Безбардиса въ гор. Клину и, вообще, его борьбы съ прибалтійскими нѣмцами). — Словарь Березина (здѣсь сказано, что Безбардисъ замышлялъ переселеніе латышей во внутреннія губерніи Россіи, которое по разнымъ причинамъ, не удалось).—A. Hasselblatt, Album academicum der Universität Dorpat. Dorpat. 1889, S. 129.

Безбородко, свѣтлѣйшій князь *Александръ Андреевичъ*, графъ Священной Римской имперіи, род. въ г. Глуховѣ, 14 марта 1747 г., ум. 6 апрѣля 1799 г. Безбородко получилъ воспитаніе въ семьѣ, подъ руководствомъ отца, Андрея Яковлевича (см. ниже) который самъ училъ его грамотѣ по часослову и псалтири. Существуетъ преданіе, что онъ довершилъ свое образованіе въ кіевской духовной академіи. Въ 1765 г. онъ поступилъ на службу, въ званіи бунчуковаго товарища и былъ причисленъ къ канцеляріи графа П. А. Румянцева, незадолго передъ тѣмъ назначеннаго президентомъ малороссійской коллегіи и генералъ-губернаторомъ Малороссіи. При началѣ первой турецкой войны, Румянцевъ, получивъ начальство надъ второй арміею, взялъ съ собою Безбородко, который командовалъ сперва малороссійскимъ нѣжинскимъ полкомъ, а потомъ полками лубенскимъ, миргородскимъ и компанейскимъ. По переводѣ Румянцева въ первую армію, Безбородко послѣдовалъ за нимъ и принималъ участіе въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ и въ штурмѣ Силистрійскихъ укрѣпленій. Румянцевъ ввѣрилъ ему управленіе одною изъ трехъ экспедицій своей походной канцеляріи и «многія секретныя и публичныя дѣла въ коммиссіи». За заслуги его во время войны онъ былъ произведенъ изъ коллежскихъ ассесоровъ въ полковники «на состоящую въ малороссійскомъ кіевскомъ полку вакансію». По заключеніи Кайнарджійскаго мира, фельдмаршалъ обратилъ вниманіе Императрицы Екатерины на своего молодого сотрудника и отрекомендовалъ его, какъ способнаго, опытнаго и трудолюбиваго дѣльца. Въ 1775 г. состоялось назначеніе Безбородко въ качествѣ секретаря Ея Величества «у принятія челобитень». Въ этой должности онъ имѣлъ возможность, такъ сказать на глазахъ Императрицы, проявить свои блестящія способности, быструю сообразительность, необыкновенную память, прекрасный дѣловой слогъ, краткій, точный и выразительный. Прилежно работая надъ восполненіемъ пробѣловъ своего образованія, онъ принялся за изученіе иностранныхъ языковъ, и въ короткое время успѣлъ усвоить ихъ, въ особенности французскій. Къ этому времени относятся и историческіе труды его: Картина о россійскихъ съ татарами войнахъ и дѣлахъ, Лѣтопись Малыя Россіи и Хронологическая таблица замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II. Дѣятельность его не ограничивалась пріемомъ прошеній на Высочайшее имя, а обнимала всѣ отрасли государственной службы. Большая часть именныхъ указовъ и повелѣній Императрицы выходила изъ подъ его талантливаго пера. Онъ сталъ любимымъ докладчикомъ Государыни, оцѣнившей его достоинства, по дѣламъ всѣхъ вѣдомствъ, и не даромъ Екатерина назы-

вала его своимъ фактотумомъ. Заслуги его щедро награждались. Въ 1779 г. Безбородко произведенъ въ бригадиры и пожаловано ему 1200 душъ крестьянъ въ полоцкой губерніи. Въ слѣдующемъ, 1780 г., онъ сопровождалъ Императрицу въ путешествіи ея по Бѣлоруссіи, ознаменованномъ, какъ извѣстно, первымъ свиданіемъ ея съ Іосифомъ II. При этомъ на него возложено было веденіе «дневной записки» путешествія, а также составленіе инструкціи для обревизованія присутственныхъ мѣстъ по пути слѣдованія Государыни. Въ Могилевѣ и въ Смоленскѣ Іосифъ удостоивалъ секретаря Императрицы частыми и продолжительными бесѣдами о дѣлахъ, преимущественно внѣшнихъ. Съ того-же времени начала привлекать къ этимъ дѣламъ Безбородку и сама Екатерина. Еще ранѣе онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ мысли Государыни о вооруженномъ нейтралитетѣ. Теперь ему было поручено производство дѣла о высылкѣ въ Данію находившихся еще подъ стражею въ Россіи членовъ брауншвейгской фамиліи. По возвращеніе въ С.-Петербургъ онъ представилъ ея величеству «меморіалъ по дѣламъ политическимъ», которому С. М. Соловьевъ придаетъ важное дипломатическое значеніе, утверждая, «что въ авторѣ высказался тонкій и дальновидный дипломатъ, и что записка эта была почти слово въ слово переслана въ Вѣну въ формѣ предложенія нашего Двора». Записка заключала въ себѣ первый планъ раздѣла турецкихъ земель между Россіею и Австріею. За нею послѣдовала вторая записка: Сокращенныя историческія извѣстія о Молдавіи. Труды эти, безъ сомнѣнія, вызвали состоявшееся въ концѣ 1780 г. причисленіе Безбородки къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ «полномочнаго для всѣхъ негоціацій» и съ одновременнымъ производствомъ въ генералъ-маіоры, а годъ спустя, ему было повелѣно присутствовать въ коллегіи по секретной экспедиціи. Тогда-же отъ иностранной коллегіи былъ отдѣленъ почтовый департаментъ, и главное начальство надъ нимъ ввѣрено Безбородкѣ, сохранившему при этомъ и прежнюю должность свою секретаря Императрицы.

Съ этой поры, имя Безбородко, является тѣсно связаннымъ со всѣми дѣйствіями русскаго двора во вторую половину царствованія Императрицы Екатерины. Въ дѣлахъ внѣшнихъ онъ является дѣятельнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ сотрудникомъ и совѣтникомъ великой Государыни, какимъ до того былъ во внутреннихъ дѣлахъ. Хотя по смерти Панина первое мѣсто въ иностранной коллегіи съ званіемъ вице-канцлера и занялъ Остерманъ, а произведенный въ тайные совѣтники Безбородко назначенъ былъ лишь на должность втораго въ ней члена, но именно онъ сталъ ея душою и главнымъ въ ней дѣйствующимъ лицомъ. Между тѣмъ, какъ на долю Остермана выпадало наружное представительство и личныя сношенія съ пребывающими въ Петербургѣ иностранными министрами, Безбородко былъ единственнымъ докладчикомъ Императрицы по внѣшнимъ дѣламъ и передавалъ коллегіи ея повелѣнія и указанія. Онъ-же писалъ важнѣйшія наставленія нашимъ представителямъ при чужеземныхъ дворахъ, заключалъ и подписывалъ договоры, словомъ, по единогласному свидѣтельству современниковъ, русскихъ и иностранцевъ, исполнялъ въ дѣйствительности обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, пользуясь притомъ неизмѣнною благосклонностью и полнымъ довѣріемъ Императрицы. Онъ вполнѣ усвоилъ ея политическіе взгляды и всегда являлся вѣрнымъ ихъ истолкователемъ и исполнителемъ. При его участіи приведены къ благополучному исходу переговоры, сопровождавшіе присоединеніе къ Россіи Таврическаго полуострова, и едва-ли не ему принадлежитъ первая мысль объ этомъ пріобрѣтеніи. Понявъ, какъ самъ онъ выражался, «что намѣреніе Государыни о греческой монархіи серіозно», онъ заявилъ себя ревностнымъ сторонникомъ «греческаго проекта» и тѣснаго союза съ австрійскимъ домомъ, какъ средства наиболѣе пригоднаго для достиженія намѣченной цѣли. Екатерина высоко цѣнила обнаруженныя имъ блестящія дипломатическія способности и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приближала его къ себѣ. Онъ неотлучно находился при Государынѣ въ Петербургѣ какъ и въ Царскомъ Селѣ, и сопутствовалъ ей въ поѣздкахъ, предпринятыхъ ею въ 1783 г. въ Фридрихсгамъ, для свиданія съ королемъ шведскимъ Густавомъ III, а въ 1785 г.—въ Вышній Волочекъ, для осмотра строившагося канала и въ Сестрорѣцкъ, для обозрѣванія оружейнаго завода. По обыкновенію своему, Екатерина осыпала богатыми и блестящими отличіями умнаго и вѣрнаго слугу. Она

пожаловала ему Владимірскую и Александровскую ленты и 5000 душъ крестьянъ въ Малороссіи, а 12 (23) октября 1785 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщала ему о возведеніи его въ графское Римской имперіи достоинство: «Труды и рвеніе привлекаютъ отличіе. Императоръ даетъ тебѣ графское достоинство. Будешь comes! Не уменьшится усердіе мое къ тебѣ. Сіе говоритъ Императрица. Екатерина-же дружески тебѣ совѣтуетъ и проситъ не лѣниться и не спѣсивиться за симъ». Въ свою очередь, извѣщая горячо любимую старушку-мать свою о полученной наградѣ, Безбородко писалъ, «что письмо (Императрицы) для него лестнѣе и драгоцѣннѣе сего графства и всякой почести или награды».

Въ апрѣлѣ 1786 г. Екатерина собственноручнымъ рескриптомъ повелѣла Безбородкѣ «присутствовать въ Совѣтѣ». Назначеніе это еще болѣе возвысило вліяніе и значеніе графа Александра Андреевича. Онъ сразу занялъ въ Совѣтѣ положеніе исключительное. До него воля Государыни объявлялась Совѣту, а протоколы засѣданій его докладывались ея величеству разными лицами. Съ 1787 г. обязанность эту исправляетъ онъ одинъ. Онъ-же является и докладчикомъ Совѣту всѣхъ дѣлъ первостепенной важности. Таково было положеніе, занимаемое графомъ Безбородко при дворѣ и въ правительствѣ, когда онъ, уже возведенный въ званіе гофмейстера, былъ приглашенъ сопровождать Государыню въ ея «историческомъ» путешествіи по Южной Россіи, «въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ». Всѣмъ нашимъ посламъ и посланникамъ предписано было на все время путешествія отправлять свои донесенія на его имя. Въ Каневѣ онъ, по приказанію Екатерины, велъ переговоры съ выѣхавшимъ на встрѣчу ея величеству польскимъ королемъ Станиславомъ Августомъ, а въ Новыхъ Кайданахъ, при встрѣчѣ императора Іосифа, занималъ мѣсто въ каретѣ самой Императрицы. О дѣятельности его во время путешествія землякъ и близкій другъ его, П. В. Завадовскій писалъ графу С. Р. Воронцову: «Князь Потемкинъ верховный въ дѣлахъ. графъ Александръ Андреевичъ по немъ и въ услугахъ его; я называю двѣ силы, все двигающія». Благоволеніе свое къ ближайшему сотруднику Екатерина выразила милостями его родственникамъ, представленнымъ ей въ разныхъ мѣстностяхъ Украйны, а также тѣмъ, что неоднократно останавливалась въ имѣніяхъ его, по прибытіи-же въ Москву подарила ему купленный въ казну у наслѣдниковъ Бестужева великолѣпный домъ бывшаго великаго канцлера «на рѣкѣ Яузѣ, противъ Екатерининскаго дворца и возлѣ дворца именуемаго Лефортовскимъ».

Войны вторая турецкая и шведская увеличили бремя трудовъ, лежавшихъ на Безбородкѣ. Онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Императрицы при соображеніи мѣръ для борьбы съ вторженіемъ въ наши предѣлы короля Густава III; составилъ для совѣта записки о веденіи военныхъ дѣйствій, велъ обширную переписку съ начальниками воинскихъ силъ нашихъ. князeмъ Потемкинымъ на югѣ и адмираломъ Грейгомъ на сѣверѣ. Положеніе Россіи было крайне затруднительно вслѣдствіе слабости союзной намъ Австріи, двусмысленнаго поведенія Франціи и явной враждебности дворовъ лондонскаго и берлинскаго. Сношенія съ иностранными кабинетами Безбородко соображалъ такъ, «чтобы каждому по разнымъ его отношеніямъ отвѣтствовать». Между тѣмъ, дѣятельность его стѣсняли и тормозили происки его недоброжелателей при дворѣ, «вынуждавшіе его заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветныхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ». Во главѣ противниковъ Безбородко стоялъ графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ. Но навѣты его не могли поколебать довѣрія Екатерины къ ея министру. «Государыня»—разсказываетъ самъ Безбородко—«видѣла съ нами, что Рибопьеръ, его (Мамонова) искренній, продалъ и его, и насъ пруссакамъ, и что Келлеръ (прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ) чрезъ него дѣйствовалъ на изгнаніе насъ изъ министерства. Расшифрованныя депеши прусскія служили намъ самымъ лучшимъ аттестатомъ, что насъ купить нельзя; они тѣмъ наполнены были, что и мы однѣхъ мыслей съ Государынею, а ей тутъ-то всѣ брани и непристойности приписаны».

Всѣ усилія Безбородки были направлены къ прекращенію тягостныхъ войнъ и къ заключенію «честнаго» мира, коему онъ старался проложить «вѣрную стезю». Уполномоченный для веденія мирныхъ переговоровъ съ Швеціею, баронъ Игельстромъ

носился преимущественно съ графомъ Александромъ Андреевичемъ, ему посылалъ свои донесенія и отъ него-же получалъ инструкціи. Миръ съ Густавомъ III заключенъ былъ въ Верельской долинѣ, 3 (14) августа 1790 г., на условіяхъ, проектированныхъ Безбородкою. Наградою ему было пожалованіе чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Черезъ годъ подписаны были въ Галацѣ «прелиминарные мирные артикулы» между Россіею и Турціею. Заключеніе мира возложено было императрицею на Потемкина, отправившагося въ Яссы, гдѣ долженъ былъ открыться конгресъ. Тѣмъ временемъ Безбородкѣ приходилось защищаться отъ новыхъ, лично противъ него направленныхъ интригъ берлинскаго двора. По этому поводу онъ жаловался въ письмѣ къ другу своему, графу С. Р. Воронцову: «Болѣе двухъ лѣтъ мы держали въ Берлинѣ Алопеуса. Онъ намъ не пособилъ ничѣмъ и вмѣсто нашего эмиссара, кажется, служитъ агентомъ Пруссіи. —Все случившееся прежде вы сами знаете, но вотъ новое доказательство его надежности! Алопеусъ прислалъ къ ея величеству письмо герцогини Курляндской, которая сообщаетъ за конфиденцію планъ, ей предлагаемый, выдать дочь свою за принца второго Оранскаго avec une succession éventuelle du duché de Courlande и требуетъ на то согласія Государыни. Чухонецъ (Алопеусъ) видно присовѣтовалъ герцогинѣ и меня интересовать преласковымъ ея письмомъ, которое онъ же препроводилъ съ своимъ. Государыня даетъ ей отвѣтъ, отъ всѣхъ беспристрастныхъ одобряемый и который большому мужу, Пруссіею обладающему, не полюбится. Я учтиво ея свѣтлости отвѣчаю, ссылаяся на письмо Государыни, а Алопеусу дѣлаю свой комментарь, за который его протекторъ весьма на меня гнѣвается. Ваше сіятельство представить не можете какую конфузію, коммеражъ и неприятности сей мой старшій товарищъ (Остерманъ) въ дѣлѣ мѣшаетъ. Если-бы я въ дѣлѣ не рѣшился дождаться только мира и потомъ или вовсе отъ службы отстать или, покрайней мѣрѣ, какъ Салтыкъ говаривалъ: изъ гусаръ въ карабинеры на рекреацію, т. е. быть оберъ-гофмейстеромъ и титулярнымъ министромъ въ Совѣтѣ, или лучше сказать почту читать; то бы уже отъ одного сего убрался отъ иностраннаго департамента. Утѣшеніемъ мнѣ служитъ, что Государыня сама видитъ изъ сокровенныхъ особливо каналовъ, что чужеземцы многое знаютъ отъ какихъ либо у него невѣрныхъ людей и жалуются, что члены моей канцеляріи дики, неприступны и въ особой сферѣ обращаются».

Внезапная кончина Потемкина грозила прервать въ самомъ началѣ переговоры о мирѣ съ Турціею. По полученіи о томъ извѣстія въ Петербургѣ, Совѣтъ былъ собранъ въ чрезвычайное засѣданіе, и Безбородко доложилъ ему, «что осмѣлился представить Ея Величеству готовность свою отправиться въ Яссы для руководства и произведенія мирныхъ переговоровъ въ дѣйство чрезъ уполномоченныхъ покойнаго фельдмаршала, которое представленіе Ея Величество изволила признать за благо». Напутствуя его, Императрица писала ему: «Да управитъ Всевышній путь вашъ и да поможетъ вамъ свершить подвигъ вашъ ко благодарности нашей и на добро отечеству». Безбородко вполнѣ оправдалъ надежды и пожеланія Екатерины. Онъ прибылъ въ Яссы 4 ноября 1791 г., а уже 29 декабря (9 января 1792) мирный договоръ былъ подписанъ, благодаря проявленной русскимъ главнымъ уполномоченнымъ твердости, въ соединеніи съ замѣчательною дипломатическою ловкостью и искусствомъ. По Ясскому миру подтверждались всѣ условія Кайнарджійскаго трактата и сверхъ того уступался Россіи съ крѣпостью Очаковомъ край между Бугомъ и Днѣстромъ, на побережьи котораго воздвиглась Одесса. «Труды и искусство» — такъ благодарила государыня графа Александра Андреевича — «какое вы оказали руководствуя сею негоціаціею, благополучнымъ успѣхомъ увѣнчанною, а равно и усердіе полномочныхъ нашихъ суть такія дѣянія, коими вы оправдали въ полной мѣрѣ нашу къ себѣ довѣренность, явили отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее къ себѣ наше благоволеніе, котораго несумнѣнные доводы на дѣлѣ увидите». Вмѣстѣ съ симъ Императрица пожаловала Безбородкѣ орденъ св. Андрея и 50 тысячъ рублей деньгами.

Но по возвращенія въ Петербургъ, Безбородко не нашелъ уже своего прежняго положенія при Дворѣ. Въ его отсутствіе мѣсто его, какъ ежедневнаго докладчика Императрицы по всѣмъ важнѣйшимъ дѣ-

ламъ, занялъ П. А. Зубовъ, вслѣдствіи чего онъ въ продолженіи всего 1792 г. находился «въ весьма непріятной роли, которую составляетъ въ публикѣ». Это побудило его въ половинѣ 1893 г. представить Екатеринѣ «къ собственному Ея Императорскаго Величества прочтенію» записку, въ которой, напомнивъ о своихъ заслугахъ и о послѣдней, самой важной изъ нихъ,—заключеніи Ясскаго мира, онъ жаловался на уменьшеніе къ нему расположенія Государыни. «Не могу скрыть предъ Вашимъ Величествомъ — писалъ онъ—пользуясь дозволеніемъ Вашимъ быть предъ вами откровеннымъ, что вдругъ нашелся я въ сферѣ дѣлъ толь тѣсно ограниченной, что я предаюся на собственное Ваше правосудіе: сходствуетъ ли она и съ степенью отъ Васъ мнѣ пожалованною и съ довѣренностью каковою я прежде удостоенъ былъ?» Императрица поспѣшила успокоить своего министра, завѣривъ его, что всѣ дѣла ему открыты по прежнему, но присовокупивъ однако: «что я сама пишу, въ томъ отчетомъ не обязана». Утѣшеніемъ Безбородкѣ должны были служить новыя блестящія отличія, пожалованныя ему въ день празднованія Ясскаго мира, 2 сентября 1793 г.: похвальная грамота, масличная вѣтвь изъ брилліантовъ, для ношенія на шляпѣ, стоимостью въ 25.000 рублей и обширныя помѣстья.

Вскорѣ послѣ того, и вѣроятно не безъ участія Императрицы, произошло между Зубовымъ и Безбородко не только примиреніе, но и сближеніе, послѣдствіемъ чего были новыя Высочайшія милости послѣднему. При бракосочетаніи великаго князя Александра Павловича съ принцессою баденскою Елизаветою, Безбородко назначенъ служить шаферомъ невѣстѣ, тогда какъ шаферомъ у жениха былъ братъ его, великій князь Константинъ. Недѣлю спустя графъ Александръ Андреевичъ произведенъ въ оберъ-гофмейстеры. Тогда же онъ снова вступилъ въ завѣдываніе дипломатическими дѣлами и сохранилъ его до самой кончины Государыни. При его участіи приняты всѣ мѣры къ усмиренію смуты въ Польшѣ, и подъ его руководствомъ ведены переговоры, приведшіе къ упраздненію самостоятельности Рѣчи Посполитой и къ третьему ея раздѣлу. За этотъ послѣдній крупный успѣхъ Екатерининской политики Безбородко получилъ 50 тысячъ рублей единовременно и пожизненную пенсію въ 10 тысячъ рублей.

Труды, понесенные графомъ Александромъ Андреевичемъ на дипломатическомъ поприщѣ, какъ они ни велики и почтенны, далеко еще не исчерпываютъ по истинѣ изумительную дѣятельность этого государственнаго человѣка. Онъ привлекался ко всѣмъ наиболѣе важнымъ дѣламъ и по внутреннему управленію Имперіи. Въ качествѣ главнаго директора почтъ, онъ произвелъ въ почтовой части существенныя преобразованія и улучшенія, придавъ ей значеніе финансовой регаліи, исправивъ пути сообщенія, устроивъ почты ямскую, легкую и тяжелую. Въ разное время мы видимъ его засѣдающимъ въ комитетахъ, учрежденныхъ для приведенія въ порядокъ финансовъ, разработывающимъ вопросы объ учрежденіи заемнаго и ассигнаціонныхъ банковъ, о водяныхъ коммуникаціяхъ, о переселеніи ногайскихъ ордъ, о возсоединеніи уніатовъ въ Западномъ краѣ, о завѣдываніи императорскими театрами, о мѣрахъ противъ неурожаевъ и многіе другіе. Къ этому слѣдуетъ прибавить многосложныя занятія его по отправленію должности секретаря Императрицы, должности, которую онъ сохранилъ за собою до конца ея жизни. Онъ самъ писалъ къ отцу своему по этому поводу: «Меня вся публика и Дворъ видятъ яко перваго ея секретаря, потому что черезъ мои руки идутъ дѣла Сената, Синода, иностранной коллегіи, не выключая и секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ». Вполнѣ справедливо поэтому замѣчаетъ Н. Г. Устряловъ, «что рѣдкое изъ внутреннихъ учрежденій въ Имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородки». По исходящимъ книгамъ его канцеляріи видно, что число актовъ, подписанныхъ Государынею, доходитъ до 14.572, а 9.651 писемъ подписаны Безбородкою съ объявленіемъ Высочайшей воли. Изъ нихъ 894 акта вошли въ Полное собраніе законовъ. Всѣ манифесты Императрицы съ 1776 по 1792 г. составлены Безбородкою, его же рукою писано 387 Именныхъ указовъ Правительствующему Сенату. Изъ его канцеляріи исходили указы и рескрипты разнымъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ, а также безчисленныя письма Безбородки съ объявленіемъ воли Государыни. Наконецъ, чрезъ него же вос-

хидили на разсмотрѣніе Императрицы важнѣйшія уголовныя и тяжебныя дѣла. Послѣ этого, всѣмъ понятными становятся слова одного изъ писемъ Екатерины къ своему неутомимому сотруднику: «тысячу и одну вещь я имѣю съ тобою переговорить ежедневно». Необходимо упомянуть и о почетныхъ должностяхъ и званіяхъ, которыя занималъ Безбородко: благотворителя с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, члена Россійской академіи и почетнаго любителя Академіи художествъ.

6-го ноября 1796 г. скончалась Екатерина. Императоръ Павелъ возложилъ на Безбородку, вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ, графомъ Самойловымъ, и въ присутствіи великихъ князей Александра и Константина, разборку и запечатаніе государственною печатью всѣхъ бумагъ, находившихся въ кабинетѣ покойной Императрицы. Графъ Александръ Андреевичъ исполнилъ это порученіе къ полному удовольствію Государя, выразившаго ему свое благоволеніе производствомъ его въ первый классъ. При этомъ Павелъ сказалъ своему любимцу Ѳ. В. Ростопчину; «этотъ человѣкъ для меня даръ Божій». Милости и вниманіе новаго Монарха не могли однако уменьшить скорби Безбородки объ утратѣ его благодѣтельницы, скорби неутѣшной и единогласно засвидѣтельствованной современниками.

Хотя вице-канцлеру графу Остерману и было пожаловано званіе канцлера, но Безбородко съ первыхъ дней царствованія Павла сохранилъ первенствующее значеніе въ иностранной коллегіи. Онъ былъ назначенъ, совмѣстно съ княземъ Куракинымъ, уполномоченнымъ по заключенію договора съ Мальтійскимъ орденомъ,—дѣлу, близко принимаемому къ сердцу Государемъ, за что въ первый день новаго 1797 г. Павелъ пожаловалъ ему брилліантовый крестъ и звѣзду андреевскаго ордена, тѣ самые, которые онъ самъ носилъ со дня первой своей свадьбы. Но награды, дарованныя Безбородкѣ въ день коронованія Императора, на время пребыванія въ Москвѣ поселившагося съ Императрицею въ его домѣ, превзошли и числомъ, и значеніемъ всѣ милости, когда либо полученныя имъ отъ Екатерины. Безбородко былъ возведенъ въ княжеское Россійской Имперіи достоинство, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, получилъ драгоцѣнный перстень и богато украшенный брилліантами портретъ Государя, а также 10 тысячъ душъ крестьянъ въ орловской губерніи, 6 тысячъ душъ по собственному выбору и 30 тысячъ десятинъ въ губерніи воронежской. Щедроты Павла распространились и на близкихъ родственниковъ Безбородки. Родъ его включенъ въ число русскихъ графскихъ родовъ, мать его произведена въ статсъ-дамы и пожалована кавалерственною дамою ордена св. Екатерины большаго креста. Московскій домъ, въ которомъ останавливался Государь, пріобрѣтенъ въ казну за 670000 рублей, а въ замѣнъ подарено ему пустопорожнее мѣсто на Лузѣ, у Николы въ Воробинѣ. Наконецъ, вскорѣ послѣ коронаціи князь Безбородко, по увольненіи Остермана въ отставку, возведенъ въ высшее званіе въ Имперіи: государственнаго канцлера. Одинъ изъ всѣхъ министровъ Екатерины, Безбородко до конца дней своихъ сохранилъ постоянную милость и расположеніе ея преемника. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ онъ оставался единственнымъ главою нашего дипломатическаго вѣдомства. Политическою программою его въ этотъ періодъ его дѣятельности было—миръ со всѣми державами, не исключая и революціонной Франціи. «Для сего» писалъ онъ 2-го іюля 1797 г. другу своему, графу А. Р. Воронцову,—я настоялъ, чтобы, посылая графа Панина въ Берлинъ, снабдить его полною мочью и самымъ проектомъ трактата съ республикою французскою, тѣмъ паче, что и вновь Берлинскій дворъ того постоянно требуетъ по желанію самихъ французовъ. Сіе секретно и сдѣлано; авось-либо Богъ дастъ мнѣ подъ конецъ министерства еще миромъ отвратить бурю, которая теперь была бы гораздо посильнѣе». Частью уклоненіе Императора Павла съ этого мирнаго пути, частью же тяжкіе тѣлесные недуги побудили князя Александра Андреевича «искать спасенія въ покоѣ моральномъ и физическомъ». Съ этою цѣлью, въ концѣ 1798 г., онъ обратился къ одному изъ ближайшихъ къ Государю лицъ, князю П. В. Лопухину, съ письмомъ, въ которомъ просилъ исходатайствовать ему за болѣзнью увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ. Но Императоръ Павелъ не согласился на это и лишь разрѣшилъ отпускъ за границу для леченія. Отпускомъ этимъ Безбородкѣ не пришлось воспользоваться. Болѣзнь его въ началѣ весны приняла опасный оборотъ. Разбитый параличемъ, онъ умеръ въ Петербургѣ на рукахъ любимаго племянника,

графа В. П. Кочубея и вѣрнаго друга, графа П. В. Завадовскаго: похороненъ онъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Князь Александръ Андреевичъ Безбородко среди современниковъ своихъ представляется крупною и характерною личностью. Отличительною чертою его блестящей карьеры было то, что успѣхами своими онъ обязанъ былъ не столь обычному въ ту эпоху фаворитизму, а исключительно государственнымъ трудамъ своимъ, по достоинству оцѣненнымъ Императрицею. Его блестящія дарованія были всецѣло посвящены служенію Россіи, служенію, ознаменованному крупными результатами. Какъ то часто бываетъ у сильныхъ натуръ, готовый работать безъ устали Безбородко былъ не прочь и повеселиться. Щедро награжденный Императрицею онъ жилъ на широкую ногу, любилъ пиры и веселье, и, не будучи женатъ, слылъ за великаго поклонника женской красоты. При необыкновенныхъ его способностяхъ, изумительной памяти, такой родъ жизни не наносилъ ущерба его обширной государственной дѣятельности. Но не одною роскошью и хлѣбосольствомъ поражалъ Безбородко современниковъ: онъ отличался художественнымъ вкусомъ и составленная имъ коллекція картинъ и художественныхъ предметовъ, пріобрѣтенныхъ въ особенности во время революціоннаго разгрома Франціи, считалась богатѣйшею и тогда едва ли не единственною въ Россіи. Къ его чести служатъ хорошія отношенія его къ лучшимъ людямъ своего времени. Не говоря уже о неизмѣнно благосклонномъ расположеніи къ нему Екатерины, онъ въ молодости съумѣлъ заслужить покровительство графа П. А. Румянцова, а въ зрѣломъ возрастѣ заручиться поддержкою всемогущаго Потемкина. Тѣсная дружба связывала его съ братьями Воронцовыми, графами Александромъ и Семеномъ Романовичами, съ которыми онъ во все продолженіе своей жизни поддерживалъ дѣятельную переписку. Представители тогдашней литературы, Державинъ и Хемницеръ, фонъ-Визинъ и Капнистъ, Новиковъ и Радищевъ, находили въ немъ просвѣщеннаго мецената и, въ случаѣ надобности, ходатая за нихъ передъ престоломъ. Онъ былъ также въ отношеніи къ своимъ родителямъ и роднымъ примѣрно-почтительный сынъ, любящій братъ и задушевный родственникъ, а любовь свою къ Малороссіи, посреди которой онъ родился, распространялъ на всѣхъ земляковъ своихъ, уроженцевъ этого края. Но прежде всего, онъ былъ русскимъ человѣкомъ въ полномъ и самомъ возвышенномъ значеніи этого слова, безпредѣльно преданнымъ своимъ Государямъ, пламенно любившимъ отечество, ревностнымъ къ его величію и славѣ. Онъ гордился тѣмъ, «что»—какъ онъ любилъ выражаться—«при насъ ни одна пушка въ Европѣ безъ позволенія нашего выпалить не смѣла».

Григоровичъ, «Канцлеръ А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени».—Сборникъ И. Р. И. О.—Архивъ кн. Воронцова.—Историческіе журналы: «Русскій Архивъ» и «Русская Старина».—«Лицей кн. Безбородко».

Безбородко, *Андрей Яковлевичъ*—сынъ небогатаго значковаго товарища, род. 4 іюля 1711 г., ум. 2 марта 1780 г. Въ 1730 г. онъ началъ службу въ малороссійской генеральной канцеляріи, въ сентябрѣ 1733 г. назначенъ былъ старшимъ войсковымъ канцеляристомъ, съ 1739 г. за смертью ген. писаря Турковскаго исправлялъ его должность, а затѣмъ указомъ отъ 20 февраля 1741 г. сдѣланъ малороссійскимъ генеральнымъ писаремъ. Благодаря всегдашнимъ лестнымъ отзывамъ о его служебномъ усердіи и прилежаніи, ему пожалованы были 27 ноября 1736 г. три деревни «на пропитаніе» — Стольное, Пнехдани и Богдани. Быстрыми служебными успѣхами Безбородко обязанъ былъ главнымъ образомъ своей вкрадчивости, ловкости, умѣнью приноровиться къ характеру послѣдовательно смѣнявшихся правителей, охотно передававшихъ въ его руки все бремя управленія краемъ, вслѣдствіе чего Безбородко вѣдалъ даже секретныя дѣла относительно тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ. Будучи человѣкомъ небезпримѣрной честности, Безбородко обратилъ въ выгодный для себя промыселъ назначеніе на должности низшей войсковой старшины, всецѣло зависѣвшей отъ него: онъ устранилъ выборное начало и сталъ опредѣлять старшинъ за деньги, требуя по 70—100 р. за сотничьи уряды. Не довольствуясь наличнымъ количествомъ должностей, Безбородко уговорилъ Румянцева раздѣлить сотни пополамъ для увеличенія урядовъ, а затѣмъ сталъ раздавать за плату универсалы на право полученія перваго открывшагося мѣста (такъ назыв. «вакансовые» уряды); при этомъ Без-

родко увеличилъ число канцеляристовъ (до 200), охотно принимая людей «посполитой породы», щедро оплачивавшихъ получаемое ими званіе. 5 ноября 1742 г. яготинскій сотникъ Купчинскій послалъ въ С.-Петербургъ доносъ на Безбородко, обвиняя его во взяточничествѣ и въ лицепріятіи къ родственникамъ; по доносу назначено было слѣдствіе, Безбородко же былъ отстраненъ отъ должности. Дѣло велось крайне медленно: первый допросъ сдѣланъ былъ лишь въ мартѣ 1743 г., а потомъ слѣдствіе пріостановилось на нѣсколько лѣтъ. Несмотря на приведенныя Купчинскимъ доказательства, дѣло закончилось (въ 1751 г.) въ пользу Безбородки, который снова опредѣленъ былъ въ генеральную канцелярію, Купчинскій же лишенъ былъ уряда и 100 ударовъ кіемъ взялъ». Въ 1762 г. Безбородко вышелъ въ отставку съ званіемъ генеральнаго судьи и поселился въ с. Стольномъ, гдѣ прожилъ до глубокой старости, занимаясь хозяйствомъ. Жена его *Евдокія Яковлевна*, дочь генеральнаго судьи Забѣло, род. въ г. Борзнѣ 4 августа 1716 г., ум. 5 іюля 1803 г.

Григоровичъ, Н. И., Канцлеръ князь Безбородко. «Русск. Арх.», 1874 г., кн. I.—Лазаревскій, А., Очерки Малороссійскихъ фамилій. «Русск. Арх.», 1875 г., кн. III.— Онъ же, Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII в. «Русск. Арх.», 1873 г., кн. III.—Дневныя записки малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича. М. 1859.

Безбородко, графъ *Илья Андреевичъ*, дѣйств. тайн. совѣтникъ, сенаторъ, младшій братъ канцлера, род. въ родовомъ имѣніи с. Стольномъ, близъ Глухова 16 февраля 1756 г., ум. въ Петербургѣ 3 іюня 1815 г. Можно думать, что первоначальнымъ образованіемъ его руководилъ самъ отецъ, но систематическаго образованія онъ не получилъ и на шестнадцатомъ году уже поступилъ на военную службу сержантомъ и, въ томъ же году назначенный адъютантомъ, состоялъ ординарцемъ при главнокомандующемъ въ турецкую войну гр. Румянцевѣ. Уже выдвинувшійся въ это время Александръ Андреевичъ оказалъ брату протекцію, да и во всю свою жизнь онъ постоянно заботился объ Ильѣ Андреевичѣ и не отдѣлялъ его интересовъ отъ своихъ собственныхъ. Поэтому онъ очень быстро подвигался по службѣ и получалъ разныя отличія. Во время первой турецкой кампаніи И. А. пришлось участвовать въ сраженіяхъ при оз. Карасу, при Силистріи и отличиться храбростью. 15 апрѣля 1776 г. онъ былъ опредѣленъ генералъ-штабъ-квартирмейстеромъ въ штабъ гр. Румянцева. Въ 1776 г., онъ поѣхалъ за границу съ больной сестрою своей, Ульяною. По этому случаю старшій братъ писалъ: «Лишнее дѣло было бы увѣрять, колико полезно ему это путешествіе. Не смотря, что онъ не имѣлъ способовъ успѣть въ наукахъ, онъ одаренъ только хорошимъ и проницательнымъ разумомъ, что зрѣніе странъ и мѣстъ толь различныхъ будетъ для него лучшею школою». Въ 1779 г. Илья Андреевичъ, по ходатайству брата, былъ переведенъ въ л.-гв. семеновскій полкъ поручикомъ, а 1-го янв. 1784 г., былъ уволенъ отъ воинской службы для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ, съ чиномъ полковника и назначенъ членомъ провіантской комиссіи; 11-го марта того же года произведенъ въ бригадиры, имѣя всего 29 лѣтъ отъ роду. 3 декабря 1784 г. пожалованъ Іосифомъ II въ графы Римской Имперіи, вмѣстѣ со своимъ братомъ. Состоя членомъ провіантской комиссіи, онъ получилъ въ 1785 г. Владимірскій крестъ 3-й ст., а 21 апрѣля 1787 г. онъ уже генералъ-маіоръ, членъ военной коллегіи, бываетъ при Дворѣ и въ высшихъ аристократическихъ кружкахъ. Въ письмѣ кн. Безбородко къ гр. Кочубею въ Лондонъ читаемъ: «Въ дома, гдѣ бываетъ кн. Потемкинъ, принимаютъ съ большимъ разборомъ, а нашу братью—молодежь исключаютъ. Илья Андреевичъ одинъ изъ васъ въ чести и всегда приглашается». Когда возгорѣлась вторая турецкая война, Безбородко съ разрѣшенія Императрицы оставилъ канцелярскія занятія и поступилъ въ дѣйствующую армію. Особенно онъ отличился, сражаясь подъ знаменами Суворова, при взятіи Измаила (1791 г.). Командуя четвертой и пятой колоннами лѣваго фланга, на долю котораго выпалъ самый отважный и опасный подвигъ, Безбородко проявилъ выдающуюся храбрость и былъ тяжело раненъ въ руку. За этотъ подвигъ Илья Андреевичъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. и св. Анны 1-го класса, а въ день празднованія мира (1793 г.) получилъ золотую шпагу, украшенную бриллiантами, съ надписью «за храбрость». Назначенный приставомъ къ турецкому послу (1793 г.), Илья Андреевичъ переживаетъ большія непріятности, которыя были вызваны неудовольствіемъ Екатерины II, заподозрѣвшей Безбородку въ

пользованіи казенными деньгами. И здѣсь ему на выручку явился братъ Александръ, горячо защищавшій передъ Императрицей честность Ильи, который не только не воспользовался ничѣмъ изъ отпущенныхъ суммъ, но даже много потратился изъ собственныхъ денегъ. Когда въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе, Безбородко отправился туда и совершилъ весь польскій походъ, до самой Варшавы, подъ личнымъ начальствомъ Суворова. Какъ и въ войнахъ съ турками, онъ не щадилъ своей жизни, бросаясь въ самыя опасныя мѣста битвъ, и за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-поручики (1 янв. 1795 г.). Послѣ разгрома Польши Безбородко былъ назначенъ приставомъ при Станиславѣ-Августѣ, поселенномъ въ Гроднѣ. На его обязанности лежало вести ежедневную запись всего, что дѣлалось вокругъ Станислава-Августа, наблюдать за каждымъ его шагомъ, контролировать переписку и обо всемъ каждый мѣсяцъ доносить ген.-губернатору. Въ должности пристава Безбородко пробылъ ровно два года, т. е. все время пребыванія короля польскаго въ Гроднѣ до поѣздки въ Петербургъ (1795—97 г.). Въ день коронаціи Павла I. (5 апрѣля 1797 г.) Илья Андреевичъ былъ пожалованъ въ графы Россійской Имперіи, получилъ орденъ св. Александра Невскаго и 1350 душъ крестьянъ въ Литвѣ. Указомъ отъ 27 февр. 1798 г. гр. Безбородко произведенъ въ дѣйств. тайн. сов. и назначенъ присутствовать въ сенатѣ (въ 3-мъ департаментѣ), но уже 4 сент. 1800 г. онъ былъ совсѣмъ уволенъ отъ службы. По смерти въ 1799 г. кн. Безбородко, не оставившаго послѣ себя наслѣдниковъ, все его огромное состояніе досталось Ильѣ Андреевичу безъ всякой сколько-нибудь оформленной духовной, безъ всякихъ облеченныхъ въ законную форму распоряженій. Въ бумагахъ умершаго была найдена только одна записка, въ которой онъ изъявлялъ желаніе, чтобы по его смерти вносимо было въ Воспитательный домъ, «въ пользу богоугодныхъ заведеній въ продолженіи первыхъ пяти лѣтъ по 10 тыс. руб., а по истеченіи этого времени, въ теченіе восьми лѣтъ по 20 тыс. руб.». Свято чтя волю покойнаго, Илья Андреевичъ однако не могъ немедленно привести ее въ исполненіе, за устройствомъ нѣсколько растроенныхъ имѣній умершаго брата. Лишь 9 мая 1805 г. онъ подалъ Александру I всеподданнѣйшую докладную записку, въ которой, находя, что попеченіемъ правительства основано въ Малороссіи достаточно пристанищъ для бѣдныхъ, испрашивалъ разрѣшеніе, очевидно, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей того времени, устроить въ Нѣжинѣ «гимназію высшихъ наукъ имени кн. Безбородко» (съ 1834 г. Лицей, а теперь Историко-филологическій институтъ), думая этимъ лучше всего почтить память покойнаго на его родинѣ, гдѣ была насущная потребность въ высшемъ учебномъ заведеніи. Назначенная кн. Безбородко для взносовъ въ теченіе 13 лѣтъ сумма должна была достичь до 210 тыс. руб. Въ свою очередь Илья Андреевичъ отдалъ въ полное распоряженіе учебнаго заведенія нѣсколько принадлежавшихъ ему въ городѣ десятинъ земли съ садомъ и назначалъ на вѣчныя времена изъ собственныхъ доходовъ (кромѣ упомянутаго капитала) по 15 тыс. руб. ежегодно, обезпечивъ платежъ тремя тыс. крестьянъ. Безусловно одобривъ такое пожертвованіе, цѣль котораго состояла въ стремленіи поднять культуру обширнаго края, Александръ I приказалъ: 1) училищу именоваться гимназіей высшихъ наукъ кн. Безбородко; 2) поставить въ залѣ собранія этого заведенія бюсты обоихъ учредителей съ надписью, что это сдѣлано «отъ Него въ память имъ». Кромѣ того, гр. Безбородко получилъ въ благодарность отъ Императора орденъ св. Владимира 1-й ст. Вслѣдъ за утвержденіемъ была предпринята постройка самаго зданія, въ которомъ должно было помѣститься новое заведеніе, причемъ Илья Андр. далеко не ограничился расходованіемъ суммъ, упомянутыхъ въ докладной запискѣ. Въ исполненіе же воли покойнаго брата, Безбородко возобновилъ Думницкій монастырь, находящійся неподалеку отъ ихъ родового имѣнія Стольнаго и пришедшій одно время въ крайній упадокъ. Въ обезпеченіе содержанія этого монастыря, Илья Андр. внесъ въ московскій воспитательный домъ 22 тыс. руб., чтобы проценты съ этого капитала шли на монастырь. И теперь еще въ настоятельскихъ кельяхъ можно видѣть хорошо исполненныя портреты малороссійскаго генеральнаго судьи Андрея Яковлевича, кн. Алекс. Андр. и гр. Ильи Андр. съ супругой и двумя дочерьми. Послѣдніе годы своей жизни гр. Безбородко состоялъ въ званіи петербургскаго предводителя дворянства. Графъ Безбородко умеръ среди

приготовленій къ открытію гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ въ храмѣ св. Духа. Жена его *Анна Андреевна*, урожд. Ширяева, кавалерственная дама ордена св. Екатерины меньшаго креста (род. 9 сент. 1765 г., ум. 27 іюня 1824 г.), похоронена рядомъ съ нимъ. Огромное имѣніе гр. Безбородко, за смертью сына Андрея, бывшаго камергеромъ и умершаго еще въ юношескихъ лѣтахъ, перешло къ двумъ его дочерямъ, изъ которыхъ одна, Любовь Ильинична была въ замужествѣ за адмираломъ гр. Григоріемъ Григорьевичемъ Кушелевымъ. Фамилія Безбородко, въ виду прекращенія потомства по мужской линіи, по указу Императора Александра I, перешла къ старшему въ родѣ гр. Кушелевыхъ, начиная съ сына старшей дочери Ильи Андр., Александра Григорьевича Кушелева. Не обладая гибкимъ, проницательнымъ государственнымъ умомъ своего знаменитаго брата, гр. Безбородко былъ только храбрымъ солдатомъ и хорошимъ семьяниномъ, человѣкомъ честнымъ, чуждымъ тщеславія и исполненнымъ желанія добра людямъ.

«Русск. Арх.» 1865 г.; 1875, I; 1876, I, III; 1877, I, III; 1878, II; 1884, III; 1890, III; 1897, III.—«Русск. Стар.» 1876, XV; 1878, XXII; 1887, LIV; 1888, LX. «Древн. и нов. Россія» 1876, I, III.—«Осмнадц. вѣкъ» 1869, IV.—«Арх. кн. Воронцова» XII, XIII, XIV, XX, XXII, XXXVII.— «Лицей кн. Безбородко».— Григоровичъ, «Канцлеръ А. А. Безбородко въ связи съ событ. его вр.».—Словари: Толя, Гарбеля, Бантышъ-Каменскаго, Брокгауза. — Формулярный списокъ.

Безднинъ (Безнинъ), *Михаилъ Андреевичъ*, ум. въ 1586 г.: происходилъ изъ рода бояръ Нащокиныхъ; имя его первый разъ упоминается на встрѣчѣ литовскаго посланника въ 1563 г. Съ 1573 г. онъ становится думнымъ дворяниномъ; въ 1578—79 г.г. былъ воеводой въ Корѣлѣ. Въ 1580 г. онъ былъ воеводой въ большомъ полку, когда Стефанъ Баторій стоялъ подъ Великими Луками. Въ 1583 г., по заключеніи мира съ поляками, Безнинъ былъ посланъ вмѣстѣ съ другими воеводами на съѣздъ съ польскими уполномоченными въ Смоленскъ, для размѣна плѣнныхъ. Позднѣе, при царѣ Ѳеодорѣ, Безнинъ, въ качествѣ великаго посла, былъ отправленъ къ Баторію.

Лихачевъ, «Разрядные дьяки».— «Симбирскій Сборникъ».

Беззубцевы ведутъ свой родъ отъ потомка Андрея Ивановича Кобылы и третьяго сына Ѳедора Кошки—*Александра Ѳедоровича*, прозвищемъ Беззубца; въ памятникахъ онъ именуется бояриномъ, жилъ въ XV вѣкѣ. Его дѣти носятъ уже фамилію Беззубцевыхъ. Изъ его сыновей извѣстенъ Константинъ Александровичъ (см. отдѣльно). Сынъ его *Михаилъ Константиновичъ* Беззубцевъ ум. въ 1511 г. Въ походѣ противъ Вятки 1489 г. онъ былъ въ правой рукѣ воеводой. Въ 1499 г. воеводой въ судовой рати онъ ходилъ въ Казань на татаръ, которые бѣжали, услышавъ о силѣ, идущей на нихъ. Битвъ не было, и воеводы вернулись на Москву. Въ 1510 г. Михаилъ Константиновичъ упоминается въ памятникахъ какъ окольничій. *Иванъ Ивановичъ* Беззубцевъ ум. въ 1547 г.; въ 1543—44 г.г. онъ былъ окольничимъ. Братъ его, *Ѳедоръ Ивановичъ* (ум. въ 1534 г.) былъ бояриномъ Василія III и въ 1524 г. упоминается, какъ окольничій. Извѣстно, что онъ былъ намѣстникомъ на Бѣлой, а въ 1534 г. былъ отправленъ посломъ въ Казань, гдѣ и умеръ. Въ одной изъ грамотъ Михаила Ѳеодоровича (1662 г.) упоминается о землѣ, дарованной женою Ѳедора Беззубцева Волоколамскому монастырю.

П. С. Р. Лѣтописей.—Акты Арх. Эксп.—Ист. Акты.—Р. Ист. Бибд.—«Разрядные дьяки», Лихачева.

Беззубцевъ, *Дмитрій*, атаманъ Донскихъ казаковъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ мятежниковъ въ царствованіе Шуйскаго. Имя его встрѣчаемъ въ памятникахъ подъ 1606 г., когда возставшіе жители Тулы подъ предводительствомъ Истомы Пашкова двинулись на Москву. Въ числѣ нихъ былъ и Беззубцевъ, взятый въ плѣнъ вмѣстѣ съ Пашковымъ воеводами Шуйскаго. Вскорѣ онъ бѣжалъ изъ московскаго плѣна, и въ 1609 г. мы встрѣчаемъ его уже въ числѣ приверженцевъ Тушинскаго вора. Гетманомъ Тушинскаго самозванца, Рожинскимъ онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ другими осаждать Коломну и выдержалъ нѣсколько битвъ съ Ляпуновымъ. Въ слѣдующемъ, 1610 г., Беззубцевъ розгромилъ вмѣстѣ съ серпуховскими горожанами и своими казаками польскаго дворянина Млоцкаго, который былъ на службѣ самозванца, но въ силу политическихъ симпатій направлялъ дѣло въ пользу Сигизмунда, а не Тушинскаго вора.

Акты Истор.—Русск. Ист. Библ., т. I и XIII

Беззубцевъ, *Константинъ Александровичъ*, сынъ Александра Ѳедоровича Беззубца. Былъ воеводой при двухъ великихъ князьяхъ—Василіи II и Иванѣ III. Въ 1449 г., будучи коломенскимъ воеводой, Беззубцевъ вмѣстѣ съ служилымъ татарскимъ царевичемъ Касимомъ выигрываетъ большую битву у татаръ на рѣкѣ Битюгѣ, подъ Рязанью. Въ 1469 г. по приказанію Ивана III былъ снаряженъ большой походъ подъ Казань противъ татаръ. Главнымъ воеводой надъ судовой ратью былъ назначенъ Беззубцевъ. Когда войско дошло до Нижняго Новгорода, пришла воеводѣ царская грамота, по которой онъ самъ долженъ былъ оставаться въ Нижнемъ, а войско отпустить подъ Казань. Немного спустя, Беззубцевъ, по приказанію великаго князя, снова соединяется съ войскомъ на Прыховомъ островѣ, гдѣ они и остаются около семи недѣль, выжидая помощи со стороны вятчанъ. Но вслѣдствіе отказа вятчанъ идти противъ татаръ, а также и потому, что припасы истощались, а изъ Москвы не было никакихъ приказаній,—воевода принужденъ былъ отступить и вернулся изъ похода безъ какихъ-либо результатовъ, но съ большой потерей войска.

П. Собр. Р. Лѣтописей.—«Ист. Р.» Соловьева.

Безкорниловичъ, *Михаилъ Осиповичъ*, род. 29 сент. 1796 г., ум. 7 янв. 1856 г., генералъ-майоръ генеральнаго штаба. Ему принадлежитъ составленіе книги «Историч. свѣдѣнія о достопримѣчательнѣйшихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, съ присовокупленіемъ и др. свѣдѣній, къ ней же относящихся». Спб. 1855. Какъ видно изъ предисловія, авторъ «издавая книгу, имѣлъ двоякую цѣль: 1) ознакомить читателей съ Бѣлоруссіей и 2) доставить матеріалы тому, кто приметъ на себя трудъ составить о ней подробное описаніе». Книга состоитъ изъ 140 отдѣльныхъ статей, содержащихъ въ себѣ историческія и статистическія данныя о городахъ, селеніяхъ и мѣстечкахъ Бѣлорусскаго края. Видно, что составитель положилъ не мало труда, благодаря личному знакомству съ краемъ даетъ много подробностей, уясняющихъ отношенія разныхъ мѣстныхъ словъ населенія, но вслѣдствіе отсутствія какой бы то ни было системы въ изложеніи и критическаго отношенія къ матеріалу книга Безкорниловича имѣетъ значеніе лишь какъ справочное изданіе для изслѣдователя Бѣлоруссіи, давая ему возможность скорѣе оріентироваться въ мало до сихъ поръ изслѣдованной области.

«Рус. Стар.» 1887, LIII, 638.—«Отеч. Зап.» 1855, № 12.—«С.-Пет. Вѣд.» 1855, № 260.—«Сѣв. Пчела» 1856, № 33.—«Рус. Инвал.» 1856, № 18.—«Современникъ» 1856, № 1.—Словари: Гарбеля и Венгерова. *Ш. В.*

Безминъ, *Иванъ*, «живописный мастеръ» при Московской Оружейной палатѣ, временъ ц. Алексѣя Михаиловича. Учился сначала у Лопуцкаго, который былъ скорѣе авантюристомъ, чѣмъ живописцемъ, и ничему не научилъ его. Потомъ съ 1667 г. Безминъ учился у Даніеля Вухтерса рисованью на глазъ. Еще у Лопуцкаго Безминъ, вмѣстѣ съ Ермолинымъ, товарищемъ по ученію, выполнилъ (1666 г.) одну споръ изъ «Тріумфа» имп. Максимиліана, съ гравюры, давъ своему произведенію названіе: «Цесари римскіе на коняхъ». Въ 1669 г. Безминъ, подъ руководствомъ Вухтерса, написалъ «Образъ Товіи Милостиваго». Потомъ онъ изображалъ иконы на знаменахъ и писалъ, вмѣстѣ съ Ермолинымъ, «притчи» на изразцахъ для печей въ парадныхъ царскихъ свѣтлицахъ. Кромѣ того онъ много трудился, вмѣстѣ съ Никифоромъ Бовыкинымъ, надъ изготовленіемъ игрушекъ для царевича Петра. Въ 1673 г. онъ дѣлалъ для него двѣ кисти золотыя и ворвотки (подвижные шарики на шнуркахъ), обнизанные жемчугомъ. Въ 1674 г. Безминъ писалъ пять знаменъ маленькихъ по разнымъ тафтамъ, въ обѣ стороны, солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды. Въ 1675 г. онъ дѣлалъ бабу деревянную, потѣшную, въ хоромы къ царевичу. Въ томъ же году Безминъ золотилъ запасныя «потѣхи» царевичу: булавы, буздыханы, ножи, шестоперы, чеканы и пр. Въ 1685 г. онъ дѣлалъ налой точеный, столярскій, за что получилъ награды къ Свѣтлому Христову воскресенію—10 руб. За свое искусство Безминъ былъ пожалованъ въ дворяне.

Петровъ, Рус. пансіонеры Петра Вел. (Вѣст. Из. Иск. 1883, I, 69).—«Русск. Арх.» 1875, III.

Безнина, *Анна Александровна*, рожденная княжна Трубесска, жена дѣйств. тайн. сов. (иностранной службы), писательница, ум. 19 янв. 1806 г. Вмѣстѣ со своей сестрой Елизаветой она завѣдывала критикою въ «Журналѣ для Милыхъ» 1804 г. Макарова и едва ли не первая напечатала нѣсколько политиче-

ихъ выходокъ противъ «Вѣстника Европы». Въ 1805 или 1806 г. она задумывала было издавать отъ имени своей сестры журналъ подъ названіемъ «Амуръ» (который уже и былъ объявленъ въ «Моск. Вѣд.»). но ея кончина и другія обстоятельства заставили сестру ея оставить Москву и Россію, и изданіе не состоялось. Некрологъ ея утверждаетъ, что она участвовала и въ другихъ журналахъ того времени, а Шторхъ и Аделунгъ отзываются въ своемъ трудѣ о Безниной, какъ объ извѣстной писательницѣ». Однако намъ извѣстны только три ея статьи въ «Журн. для Милыхъ». Другихъ ея произведеній въ журналахъ нѣтъ, хотя это и противорѣчитъ дружному показанію современниковъ.

«Московск. Курьеръ» 1805, ч. I, стр. 88—89.— «Дамскій Журн.» 1830 г., 32, стр. 113.—«Моск. Вѣдом.» 1857, № 130.—«Молва» 1857, стр. 375.— Шторхъ и Аделунгъ, «Системат. обозрѣніе литературы въ Россіи съ 1801—1806 г.» подъ рубр. «Росс. писатели», ч. I, стр. 240.

Ш. В.

Безносиковъ, *Константинъ Степановичъ*, генералъ-маіоръ, ум. 11-го ноября 1876 г. Его служебная дѣятельность связана съ нашими среднеазіятскими владѣніями и Сибирью. Безносиковъ сталъ извѣстенъ послѣ того, какъ, будучи офицеромъ для порученій при сибирскомъ генералъ-губернаторѣ, усмирилъ въ 1843 г. раскольничій бунтъ въ енисейской губерніи. Затѣмъ, онъ первый проплылъ по Амуру и описалъ его, за что получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени. Позже, командированный для изысканій по проведенію желѣзно-дорожнаго пути въ Среднюю Азію, Безносиковъ проявилъ незаурядную дѣятельность, рѣдкую твердость характера и честное отношеніе къ дѣлу. Задавшись идеей о проложеніи рельсоваго пути отъ Оренбурга, онъ прошелъ пять направленій и самъ составилъ планъ пройденнаго. но, убѣдившись въ ошибочности своего проекта, онъ нашелъ въ себѣ достаточно твердости, чтобы публично сознаться въ своемъ заблужденіи. Онъ открыто заявилъ въ Обществѣ для содѣйствія торговли и промышленности, что предположеніе его о пути отъ Оренбурга къ Ташкенту оказалось нецѣлесообразнымъ, и доказалъ это на основаніи представленныхъ имъ-же картъ и цифръ. Болѣе удобнымъ нашелъ онъ проложить среднеазіятскую желѣзную дорогу большою вѣтвью отъ великаго Сибирскаго желѣзнаго пути въ южномъ направленіи, отъ Екатеринбурга на Троицкъ и къ Ташкенту. Смерть застала его за началомъ новыхъ обширныхъ изысканій.

«Русскій Архивъ» 1878 г. № 12 стр. 511 — 513.—«Голосъ» 1876 г. № 313. — «Иллюстр. газета» 1876 г. № 46.

Безобразовы, дворянскій родъ. По сказаніямъ родословныхъ книгъ, при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ выѣхалъ изъ Прусской земли въ Москву *Христофоръ*, прозваніемъ Безобразъ, который принялъ православную вѣру съ именемъ Михаила; онъ то и былъ родоначальникомъ Безобразовыхъ. Сынъ его *Александръ* имѣлъ двухъ сыновей—*Ивана* и *Василія*, отъ которыхъ и пошли двѣ вѣтви рода Безобразовыхъ. У Василія былъ сынъ, *Юрій Васильевичъ*, который въ 1507 г. былъ судьею въ Москвѣ; можно предполагать, что это тотъ самый Юрій Безобразовъ, который въ 1494 г. былъ съ княземъ Ряполовскимъ посломъ въ Литвѣ. Очень многіе изъ представителей этого многочисленнаго рода служили въ воеводахъ и были ближними людьми при русскихъ царяхъ.

Род. кн. Петрова.—Род. кн. Кн. Долгорукаго.

Безобразова, *Елизавета Дмитріевна*, писательница, рожденная Маслова, супруга академика Владиміра Павловича Безобразова, род. 3-го марта 1836 г. (по словарямъ Венгерова и Андреевскаго 1834 г.), ум. 6 сентября 1881 г. Получивъ домашнее образованіе, она провела большую часть дѣтства заграницей, а въ 1852 г. вышла замужъ за В. П., служившаго тогда въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ м-ва финансовъ, директоромъ коего былъ отецъ Елизаветы Дмитріевны. Считая свое образованіе весьма недостаточнымъ, она занялась его довершеніемъ; прекрасное знаніе европейскихъ языковъ дало ей возможность ознакомиться въ подлинникахъ съ сочиненіями по разнымъ отраслямъ знанія, но преимущественно она читала книги экономическія, а также сочиненія по философіи, исторіи и литературѣ. Природная скромность и нежеланіе выставлять на показъ свое литературное дарованіе заставляли Безобразову писать въ иностранныхъ журналахъ и скрывать свое имя подъ разными псевдонимами. Литературная ея дѣятельность началась въ 1869 г., когда она

помѣстила первую свою статью объ И. С. Тургеневѣ въ итальянскомъ журналѣ «Rivista Europea», затѣмъ она была сотрудницей многихъ иностранныхъ журналовъ. Десять лѣтъ она писала корреспонденціи о Россіи въ «Journal des Débats» подъ иниціалами T. S. (Tatiane Swetow, Татьяна Свѣтова); сотрудничала Безобразова также въ «Nouvelle Revue», «Revue Suisse», Contemporary Review», «Journal des Economistes». Въ одной изъ книжекъ этого послѣдняго журнала (1873 г. octobre) напечатана ея статья, интересная по новизнѣ мыслей: «L'émancipation de la femme considérée dans ses rapports avec le socialisme et l'economie politique»; разобравъ ученія соціалистовъ и экономистовъ объ эмансипаціи женщинъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что вопросъ о свободѣ женщины, есть вопросъ экономическій. Съ 17 апрѣля 1876 г., Елизавета Дмитріевна помѣщала ежемѣсячно два раза фельетоны въ «Journal de S.-Pétersbourg», подъ заглавіемъ «Chronique». Почти всѣ статьи ея посвящены Россіи и отличаются замѣчательно вѣрнымъ взглядомъ на вещи, точными свѣдѣніями, блестящимъ изложеніемъ. Въ этихъ разнообразныхъ по своему содержанію фельетонахъ Безобразова давала вѣрную характеристику русскаго общества, знакомила читателей съ новыми книгами, касалась общественныхъ вопросовъ, полемизировала съ представителями періодической печати. Послѣдній ея фельетонъ, помѣщенный уже по смерти ея въ «Nouvelle Revue», былъ посвященъ женскимъ типамъ въ русской литературѣ. На русскомъ языкѣ Безобразова, подъ псевдонимомъ «Е. Васильевская» издала только одну дѣтскую книгу: «Отдыхъ», выдержавшую два изданія въ 1874 и 1884 гг.; книга эта, состоящая изъ двухъ разсказовъ, одного оригинальнаго и другого переводнаго съ англійскаго (извѣстной писательницы миссъ Мартино), очень сочувственно была встрѣчена читающей публикой и прессой, какъ прекрасное чтеніе для дѣтей, какъ изданіе выдающееся въ дѣтской литературѣ по занимательности изложенія и прекрасному языку; кромѣ того, съ двумя своими подругами (Е. А. Богушевичъ и С. А. Никитенко) Безобразова въ 70-хъ годахъ издавала переводные романы подъ общимъ заглавіемъ: «Для легкаго чтенія». Умерла она въ Царскомъ Селѣ отъ чахотки, вернувшись съ зачатками этой болѣзни изъ Ниццы, куда она ѣздила для поправленія здоровья одной изъ своихъ дочерей.

П. Д. Ахшарумовъ, въ «Истор. Вѣстн.» 1881 г. № 12.—Кн. Голицынъ, Словарь русскихъ писательницъ. — Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск. писателей.—Словари: Андреевскаго, Венгерова.

Безобразовъ, *Александръ Михайловичъ*, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и писатель, род. 23 декабря 1783 г., ум. 19 апрѣля 1871 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома, подъ руководствомъ матери, потомъ проходилъ курсъ наукъ въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ и наконецъ высшій курсъ наукъ продолжалъ подъ руководствомъ профессоровъ бывшаго педагогическаго института. Въ 1785 г. онъ былъ зачисленъ лейбъ гвардіи въ семеновскій полкъ сержантомъ. 4 декабря 1798 г. получилъ чинъ подпоручика, а 28 ноября 1800 г. вышелъ въ отставку. 13 августа 1801 г. Безобразовъ былъ опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ, а 10 іюля 1804 г. поступилъ въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Во время военныхъ дѣйствій противъ французовъ въ 1807 г. онъ принялъ участіе въ ополченіи, подъ начальствомъ графа Татищева, занимался образованіемъ баталіона новгородскихъ стрѣлковъ, начальствовалъ надъ нимъ, исправляя должность маіора, и присоединился съ нимъ къ арміи Беннигсена, но въ сраженіяхъ участія не принималъ. Въ награду за труды по ополченію Безобразовъ былъ въ 1808 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ. 1 января 1809 г. Безобразовъ былъ пожалованъ въ камергеры 5-го класса Высочайшаго двора. Въ 1811 г. возложена была на него должность директора генералъ-интендантскаго управленія при 2-й дѣйствующей арміи. 27 февраля 1815 г. Безобразовъ былъ назначенъ тамбовскимъ губернаторомъ. 5 августа 1816 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 19 іюля 1819 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Служа въ Тамбовѣ, Безобразовъ обратилъ вниманіе на крайне плачевное состояніе тюремъ въ его губерніи и въ самомъ губернскомъ городѣ, «вслѣдствіи чего, какъ говоритъ оффиціальный документъ, содержаніе арестантовъ сопряжено было съ изнуреніемъ человѣчества». Между тѣмъ, въ виду страшнаго напря-

ленія финансовъ, вызваннаго войнами, запрещено было входить съ представленіями о производствѣ построекъ по гражданскому вѣдомству. Въ виду этого, Безобразовъ пожертвовалъ на переустройство тюремъ значительную сумму изъ собственныхъ средствъ и своимъ примѣромъ вызвалъ большой приливъ пожертвованій отъ мѣстнаго дворянства и купечества. На образовавшіяся такимъ образомъ средства, безъ всякаго участія казны, удалось построить новые тюремные замки въ Лебедяни, Темниковѣ, Спаскѣ, Кирсановѣ, Борисоглѣбскѣ и въ самомъ Тамбовѣ. 16-го февраля 1820 г. Безобразовъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Ярославль, 30 марта 1822 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени большаго креста, а затѣмъ, во время посѣщенія ярославской губерніи Императоромъ Александромъ Павловичемъ, 23 августа 1823 г. произведенъ въ тайные совѣтники. 18 февраля 1824 г., когда Демидовское училище высшихъ наукъ было изъято изъ вѣдѣнія московскаго учебнаго округа, Безобразовъ назначенъ былъ попечителемъ его. Во время коронаціи Императора Николая I Безобразовъ былъ вызванъ въ Москву, участвовалъ въ торжествѣ, какъ ассистентъ при малой коронѣ, и въ самый день коронаціи, 23 августа 1826 г. пожалованъ былъ брилліантовыми знаками ордена св. Анны 1-й степени. 23 ноября 1826 г. онъ былъ назначенъ с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а 2 сентября 1827 г. повелѣно ему присутствовать въ 2 отдѣленіи 5-го департамента Правительствующаго Сената, съ оставленіемъ въ должности губернатора, отъ которой онъ, впрочемъ, отказался 27 января 1829 г. 31 декабря 1834 г. Безобразовъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, въ 1837 и 1838 гг. былъ первоприсутствующимъ во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента сената, въ 1839 г.— въ 4-мъ департаментѣ, а съ 1840 г. по 1864 г.—въ межевомъ департаментѣ. 31-го декабря 1839 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, 16-го апрѣля 1841 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ 1 декабря 1842 г. былъ предсѣдателемъ центральнаго комитета для составленія правилъ по полюбовному и понудительному спеціальному межеванію, который, подъ руководствомъ его, составилъ правила по сему предмету; въ 1849 г. былъ членомъ въ думѣ для разсмотрѣнія представленныхъ къ знаку отличія безпорочной службы; 1 января 1853 г. пожалованы ему брилліантовые знаки ордена Св. Александра Невскаго, а 4 января 1855 г. объявлена Монаршая благодарность за пожертвованіе на военныя потребности всего получаемаго имъ жалованья и столовыхъ денегъ на все продолженіе войны. 23 декабря 1864 г. повелѣно ему присутствовать въ общемъ собраніи первыхъ 3-хъ департаментовъ Сената и департамента герольдіи, а 1 января 1865 онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1-й степени.

Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей Александровскаго царствованія, Безобразовъ сочувственно относился къ культурнымъ начинаніямъ, возникшимъ у насъ послѣ войнъ съ Наполеономъ. Такъ, будучи тамбовскимъ губернаторомъ, онъ много содѣйствовалъ открытію въ Тамбовѣ отдѣленія Библейскаго общества и въ 1816 г. былъ избранъ президентомъ его, а послѣ переѣзда въ Ярославль единодушно былъ выбранъ вице-президентомъ здѣшняго отдѣленія того-же общества (20 ноября 1820 г.). Кромѣ того онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Императорскаго Человѣколюбиваго общества, въ которомъ съ 21 февраля 1818 г. былъ членомъ комитета по ученой части. Въ 1828 г. онъ, въ короткое время, упорядочилъ Обуховскую больницу и въ томъ же году дважды удостоился Высочайшей признательности за попеченія объ усиленіи доходовъ приказа общественнаго призрѣнія. Не чуждъ былъ Безобразовъ и литературѣ. Онъ напечаталъ: 1) Краткое обозрѣніе знаменитаго похода русскихъ войскъ противъ французовъ 1812 г. (Спб. 1813); 2) Краткое обозрѣніе подвиговъ россійскаго дворянства на полѣ брани и на поприщѣ гражданскомъ (Спб. 1813); 3) Рѣчь, говоренная при открытіи тамбовскаго отдѣленія Россійскаго Библейскаго общества («Сынъ Отечества» 1817 г., XLII, 87—95). — 14 декабря 1821 г. Безобразовъ былъ избранъ въ почетные члены московскаго университета, а 17 апрѣля 1858 г.— въ почетные члены Академіи наукъ.

Формулярный списокъ.—Словарь Венгерова.

Безобразовъ, *Андрей Ильичъ*, род. въ 1614 г., ум. 8 января 1690 г. Служить онъ началъ съ 1642 г., съ 1670 по 1681 г. занимался переписью суздальскаго

уѣзда, а въ 1689 г., въ послѣдніе дни правленія царевны Софьи, онъ, противъ желанія и несмотря на усиленныя просьбы о томъ, чтобъ его оставили на прежнемъ мѣстѣ, былъ назначенъ воеводой въ Терки. Отправляясь въ дальній путь, уже при новыхъ государяхъ, онъ обратился къ волшебникамъ и заставлялъ ихъ ворожить на снисканіе милостей новаго правительства. Въ пути ему пришлось зазимовать въ Нижнемъ Новгородѣ, а въ это время въ Москвѣ были изловлены колдуны, которые показали на воеводу Безобразова, что онъ прибѣгалъ къ ихъ помощи. Его воротили, допрашивали, пытали и, наконецъ, приговорили къ смертной казни. Люди его были жестоко наказаны, а жену Безобразова сослали въ Тихвинскій монастырь.

Двор. Род. Петрова.

Безобразовъ, *Владиміръ Матвѣевичъ*, въ 1558 г. былъ 7-мъ головой въ большомъ полку въ зимнемъ лифляндскомъ походѣ, а въ 1567 г. служилъ въ Орлѣ вторымъ воеводою. Въ 1573 г. во время лифляндскаго похода изъ Новгорода онъ находился при государѣ и за свои заслуги былъ жалованъ въ 1576 г. грамотой, по которой ему было позволено писаться съ «вичемъ».

Петровъ, «Двор. Род. кн.».

Безобразовъ, *Владиміръ Павловичъ*, т. с., сенаторъ, экономистъ, род. въ Владимірѣ на Клязьмѣ 3 января 1828 г., ум. 29 августа 1889 г. въ своемъ имѣніи, въ дмитровскомъ уѣздѣ, московской губ. Отецъ его, Павелъ Николаевичъ, дворянинъ тверской губ., былъ управляющимъ удѣльною конторою въ Москвѣ. Получивъ дома первоначальную подготовку, Безобразовъ поступилъ въ дворянскій институтъ въ Москвѣ, а затѣмъ, за отличіе, былъ переведенъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Царскосельскій лицей, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1847 г. съ правомъ на чинъ IX-го класса и съ серебряною медалью. 17 іюня того же года онъ поступилъ на службу въ государственную канцелярію, а 8 ноября 1849 г. перешелъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ разныхъ сборовъ и податей министерства финансовъ. 23 ноября 1850 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ при директорѣ этого департамента Масловѣ, на дочери котораго, Елизаветѣ Дмитріевнѣ женился 5 сентября 1852 г. 15 ноября того же года Безобразовъ получилъ мѣсто начальника отдѣленія, 25 апрѣля 1854 г. вышелъ въ отставку, но уже 16 мая вновь поступилъ на службу, причислившись къ министерству государственныхъ имуществъ. 15 мая 1855 г. онъ назначенъ былъ исправлять должность начальника отдѣленія въ канцеляріи министра государственныхъ имуществъ, а 6 января 1857 г. былъ уволенъ отъ этой должности, съ причисленіемъ къ министерству. Въ апрѣлѣ 1858 г. ему поручена была редакція журнала этого министерства, а въ слѣдующемъ году онъ вошелъ въ составъ образованной при министерствѣ финансовъ коммисіи о земскихъ банкахъ и объ улучшеніи системы податей и сборовъ. 3 апрѣля 1860 г. онъ переходитъ въ военное вѣдомство, въ число чиновниковъ для усиленія с.-петербургской провіантской дистанціи, а 22 апрѣля 1860 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ, съ оставленіемъ въ провіантскомъ вѣдомствѣ, въ которомъ онъ продолжалъ служить до 25 мая 1862 г., при чемъ съ 22 сентября 1860 г. занималъ постъ помощника оберъ-провіантмейстера с.-петербургской и псковской губ. Въ тоже время Безобразовъ исполнялъ различныя порученія по министерству финансовъ. Такъ, 24 мая 1860 г. онъ былъ командированъ въ разныя губерніи для собранія свѣдѣній объ отношеніи землевладѣльцевъ къ учрежденію земскихъ банковъ и о финансовыхъ оборотахъ приказовъ общественнаго призрѣнія; 3 іюня 1861 г. онъ получилъ новую командировку для изученія вопроса объ учрежденіи на новыхъ основаніяхъ должностей губернскихъ механиковъ, а 15 мая 1862 г. посланъ былъ въ разныя губерніи для собранія на мѣстѣ статистическихъ свѣдѣній о промышленности и торговлѣ. 17 апрѣля 1863 г. Безобразовъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 6 марта 1864 г. назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ, съ оставленіемъ въ должности чиновника для особыхъ порученій при томъ же министрѣ. Какъ выдающійся экономистъ, Безобразовъ безпрестанно былъ отправляемъ въ командировки для обслѣдованія и изученія на мѣстѣ различныхъ экономическихъ нуждъ и вопросовъ. 14 апрѣля 1864 г. онъ былъ посланъ на нижегородскую ярмарку и московскую сельско-хозяйственную выставку для собранія свѣдѣній о промышленности и торговлѣ; 22 мая

1865 г. отправленъ былъ на четыре мѣсяца за границу для ознакомленія съ практикою акціонерныхъ поземельныхъ банковъ, 30 мая 1867 г.—на Уралъ для хозяйственнаго обозрѣнія казеннаго горнаго промысла, 7 іюня 1868 г.—опять за границу для изученія вопросовъ объ изготовленіи предметовъ для государственной обороны, 1 іюня 1869 г.—въ центральныя губерніи для обозрѣнія центровъ мануфактурной промышленности. Обширныя и разнообразныя свѣдѣнія, собираемыя Безобразовымъ во время командировокъ, служили матеріаломъ для его научныхъ трудовъ, которые вскорѣ составили ему репутацію выдающагося ученаго, и въ декабрѣ 1864 г. Академія наукъ избрала его въ число адъюнктовъ по статистикѣ, а 26 марта 1865 г., за труды по Императорскому Русскому географическому обществу, Безобразовъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Среди командировокъ и научныхъ работъ онъ находилъ время принимать участіе и въ возникавшемъ мѣстномъ самоуправленіи: въ 1865 г. онъ былъ избранъ въ гласные по дмитровскому уѣзду московской губ., а 23 ноября 1868 г.—въ гласные московскаго губернскаго земскаго собранія. Въ тоже время начинается и педагогическая дѣятельность Безобразова: 3 декабря 1868 г. онъ былъ приглашенъ для преподаванія финансоваго права и политической экономіи въ Александровскій лицей, въ которомъ оставался до декабря 1878 г. Усиленные труды Безобразова за это время были награждены орденами: св. Станислава 1-й ст. (10 ноября 1866 г.) и св. Анны 1-й ст. (1 января 1871 г.); кромѣ того, въ 1867 г. онъ былъ избранъ въ почетные граждане Вознесенскаго посада. 11 мая 1873 г. Безобразовъ былъ отчисленъ изъ штата чиновниковъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ и оставленъ только членомъ совѣта, а 1 декабря 1874 г. произведенъ въ тайные совѣтники. Къ этому времени относится новый рядъ командировокъ Безобразова: 4 іюля 1875 г. онъ посланъ за границу на четыре мѣсяца для ознакомленія съ главнѣйшими иностранными университетами, 10 іюня 1879 г. на нижегородскую ярмарку и въ центральныя губерніи для собранія свѣдѣній о положеніи фабричнаго и заводскаго производства и торговли; для продолженія этой сложной работы онъ командировался и въ послѣдующіе годы (14 іюня 1880 г. и 15 мая 1881 г.); наконецъ, 7 іюня 1882 г. его командировали въ Москву на Всероссійскую выставку, для составленія корреспонденцій о ней и для собранія свѣдѣній, необходимыхъ для изготовленія отчета. 14 октября 1880 г. Безобразовъ былъ избранъ вновь въ московскіе губернскіе гласные. 1 января 1879 г. онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й ст., а 1 января 1882 г. Бѣлаго Орла. 1 января 1885 г. Безобразовъ былъ назначенъ сенаторомъ и присутствовалъ въ департаментѣ герольдіи. 1 января 1889 г. онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Умеръ Безобразовъ неожиданно, отъ гангрены, погребенъ онъ въ Дмитровскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

Европейски образованный, съ обширнѣйшими познаніями въ области государственнаго хозяйства, одаренный проницательнымъ умомъ, Безобразовъ въ тоже время не замыкался въ узкія рамки кабинетной или канцелярской работы, а постоянно искалъ почвы для своихъ научныхъ и практическихъ построеній въ живой дѣйствительности, которую онъ зорко и прилежно наблюдалъ во время своихъ многочисленныхъ странствованій по Россіи и Европѣ. Съ качествами выдающагося работника онъ сочеталъ деликатное умѣнье обращаться съ людьми разнообразныхъ общественныхъ положеній и убѣжденій. Всецѣло по его инціативѣ возникли такъ называемые «экономическіе обѣды», на которыхъ разъ въ мѣсяцъ, въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ собирались представители финансоваго и административнаго міровъ; и за столомъ, и послѣ стола происходили оживленные дебаты на заранѣе объявленную тему, и тонъ этихъ дебатовъ былъ настолько серьезенъ и содержателенъ, что часто застольная бесѣда превращалась въ чреватое практическими послѣдствіями совѣщаніе по основнымъ вопросамъ русской финансовой и экономической политики.

Печатные труды Безобразова весьма многочисленны. Отдѣльныхъ книгъ, выпущенныхъ въ свѣтъ за его подписью, насчитывается до 24, а журнальныхъ и газетныхъ статей—до 90, причемъ въ этотъ счетъ не входятъ мелкія его замѣтки и фельетоны, разбросанные безъ подписи въ «Голосѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Новостяхъ», а также многочисленныя его мнѣнія и докладныя записки, представляв-

шіяся имъ въ государственныя учрежденія и носившія часто характеръ весьма солидныхъ работъ, но въ публику не проникавшія. Кромѣ того, Безобразовъ редактировалъ: въ 1857 и 1858 гг. «Вѣстникъ Имп. Геогр. Общества», въ 1858 г.—«Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи», издаваемый статистическимъ отдѣленіемъ тогоже общества, въ 1858 и 1859 гг.—«Журналъ Мин. Гос. Имуществъ». Въ 1874—1880 гг. онъ издалъ 8 томовъ «Сборника Государственныхъ знаній», въ которомъ принимали участіе лучшіе русскіе ученые-юристы. Самостоятельные труды Безобразова могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) публицистическія сочиненія и статьи, 2) спеціальныя изслѣдованія по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, предпринятыя большею частію по порученію тѣхъ правительственныхъ учрежденій, въ которыхъ служилъ Безобразовъ, и основанныя часто на матеріалѣ, собранномъ имъ во время командировокъ. Самыя цѣнныя сочиненія первой категоріи посвящены крестьянскому вопросу и организаціи мѣстнаго самоуправленія. Таковы статьи: «Аристократія и интересы дворянства» («Русскій Вѣстникъ», 1859 г., № 1, 11, 17, 21) и «Земскія учрежденія и самоуправленіе» (въ томъ же журналѣ, 1874 г. и отдѣльной брошюрой; есть нѣмецкій переводъ). Главныя статьи этой категоріи были собраны Безобразовымъ въ 1882 г. и изданы отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Государство и общество» (сюда вошли и обѣ упомянутыя статьи). Вторая группа сочиненій Безобразова представляетъ рядъ выдающихся трудовъ, отличающихся обиліемъ матеріала и добросовѣстной, обстоятельной разработкой его. Сюда принадлежатъ: «Поземельный кредитъ и организація его въ Европѣ» (Спб. 1861), «Государственные доходы. Теоретическія и практическія изслѣдованія» (1-й вып. Спб. 1868; 2-й вып. Спб. 1872; есть французскій переводъ), «Уральское горное хозяйство и вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ» (Спб. 1869), «Народное хозяйство Россіи. Московская (центральная) промышленная область» (Ч. I. Спб. 1882; Ч. II. Спб. 1885; есть французскій переводъ), «Отчетъ о Всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. въ Москвѣ» (6 томовъ, изданныхъ подъ редакціей Безобразова. Спб. 1883—1884; послѣдній томъ, общее обозрѣніе выставки, принадлежитъ самому редактору; одновременно изданъ и французскій переводъ).

Формулярный списокъ.—Словари: Губернатиса, Венгерова (полный перечень всего, написаннаго Безобразовымъ и обстоятельная характеристика его взглядовъ Л. З. Слонимскаго) и Андреевскаго.—Некрологъ В. В. Чуйко, въ «Наблюдателѣ», 1889 г., № 11.

Безобразовъ, *Елизаръ Владиміровичъ*, сынъ Владиміра Матвѣевича, воевода. Въ 1577 г. въ лифляндскомъ государевомъ походѣ онъ былъ сотникомъ, а въ 1598 г. былъ посланъ въ Серпуховъ для сбора перевозныхъ черезъ Оку судовъ. Въ 1607 г. онъ былъ снова посланъ изъ Мещевска съ отрядомъ для развѣдокъ о движеніи казацкихъ и польскихъ шаекъ; ему было, кромѣ того, поручено воспрепятствовать противникамъ царя Василія укрѣпиться въ Брянскѣ. Въ 1609 г. Безобразовъ числился сотникомъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго и былъ посланъ изъ Новгорода съ извѣстіемъ о приходѣ шведскаго вспомогательнаго войска; потомъ онъ не разъ былъ посылаемъ съ отрядами изъ Калязина и Александровской слободы съ вѣстями къ царю.

Росс. Род. кн. Петрова.

Безобразовъ, *Иванъ Романовичъ*, по прозвищу Ажечка, или Осѣчка, ум. въ 1629 г. Въ историческихъ актахъ онъ называется дворяниномъ и упоминается съ званіемъ ловчаго. Въ 1605 г. онъ служилъ вторымъ головою въ Осколѣ и въ этомъ же году былъ посланъ Лжедимитріемъ, которому на него указали Шуйскіе,—въ Польшу, къ Сигизмунду III, съ благодарственнымъ письмомъ послѣ совершеннаго въ Краковѣ обряда обрученія Самозванца съ Мариной Мнишекъ. Бояре же отъ себя дали ему еще тайное порученіе, которое онъ сообщилъ бывшему польскому послу къ Лжедимитрію—Гонсѣвскому. Оно состояло въ жалобѣ бояръ на короля за то, что онъ далъ имъ въ цари Лжедимитрія и во-вторыхъ въ ихъ намѣреніи свергнуть его и на престолъ возвести королевича Владислава. Въ 1611 г. Иванъ Безобразовъ ѣдетъ подъ Смоленскъ къ Владиславу съ грамотой московской боярской думы, въ которой бояре торопятъ королевича идти и занять въ Москвѣ царскій престолъ. Съ 1615 по 1617 гг. Безобразовъ воеводствуетъ въ Угличѣ, съ 1618 по 1622 г.—въ Ярославлѣ, слѣдующіе три года до 1625 г.—въ Сургутѣ, а съ 1627 по 1629 г.—въ Шацкѣ. Въ 1618 г.,

передъ воеводствомъ въ Ярославлѣ, Иванъ Безобразовъ былъ нѣкоторое время приставомъ у касимовскаго царя, а, воротясь изъ Сургута, находился на второй свадьбѣ царя Михаила Өеодоровича,—онъ шелъ двадцать пятымъ за санями царицы.

Акты Ист.—Русск. Ист. Библ.—Двор. род. кн. Петрова.—Ист. Гос. Р. Соловьева.

Безобразовъ, *Илья Кузьмичъ*, старшій сынъ Козьмы Осиповича, дворянинъ московскій. Его имя и брата его Василія упоминается на второй свадьбѣ царя Михаила Өеодоровича въ 1625 г., и въ этомъ же году онъ ѣдетъ на Михайловъ провѣрить по спискамъ явку дворянъ въ полки, такъ какъ до государя дошли слухи о томъ, что ихъ мало идетъ на службу. Въ 1648 г. Илья Безобразовъ значится воеводой на Холмогорахъ, а въ 1660 г.—вторымъ астраханскимъ воеводой. Въ 1661—62 г.г. онъ былъ судьей разбойнаго приказа, въ 1665 г. управлялъ патріаршимъ разрядомъ и, кажется, былъ патріаршимъ дворецкимъ. Имя его въ послѣдній разъ встрѣчается въ 1668 г. Онъ имѣлъ двухъ сыновей, Андрея и Өеодора; оба были стольниками царя Алексѣя Михайловича.

Двор. Род. Петрова.

Безобразовъ, *Козьма-Авраамъ Осиповичъ*, ум. въ 1610 г., братъ Истомы. Это былъ человѣкъ ловкій и тактичный, который умѣлъ оставаться у царскаго престола при цѣломъ рядѣ царей. Козьма Осиповичъ былъ думнымъ дворяниномъ и въ 1576 г. былъ жалованъ отъ Ивана Грознаго грамотами на помѣстья за вѣрную службу. Въ 1581 г. онъ былъ сдѣланъ стряпчимъ съ ключемъ и сопровождалъ Грознаго въ шведскомъ походѣ изъ Новгорода. Въ 1594 и 1596 г.г. онъ былъ посылаемъ дѣлать засѣки въ качествѣ второго воеводы. Въ первый годъ царствованія Бориса Өеодоровича Козьма Безобразовъ находился въ Серпуховѣ при государѣ и съ этого времени онъ уже не оставлялъ двора. Безобразовъ удержался и при Лжедимитріи; на его свадьбѣ онъ состоялъ 19-мъ въ свадебномъ поѣздѣ и былъ четвертымъ при охраненіи брачнаго подклѣта. При Василіи Шуйскомъ онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ царя, который въ 1607 г. пожаловалъ его въ постельничьи и во все время своего царствованія щедро надѣлялъ его вотчинами.

Акты Арх. Эксп.—Двор. Род. Петрова.

Безобразовъ, *Николай Александровичъ*, писатель, магистръ с.-петербургскаго университета, камергеръ, род. 17 окт. 1816 г., ум. 15 октября 1867 г. Окончивъ въ 1835 г. курсъ въ петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, Безобразовъ черезъ три года (1838) въ этомъ же университетѣ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «О началахъ внѣшняго государственнаго права» Спб., 1838, на степень магистра государственныхъ законовъ. Охватившее русское общество въ 50-хъ и 60-хъ годахъ общественное движеніе захватило и его и побудило къ публицистической дѣятельности. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ брошюръ по крестьянскому и вотчинному вопросамъ: 1) Обсужденіе вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ (литограф.); 2) Взглядъ на сельское управленіе. 1853; 3) Отвѣтъ «Русск. Вѣстн.» по такъ называемому крестьянскому вопросу (Оттискъ изъ «Сѣв. Пч.» 1858 г., № 137); 4) Объ усовершенствованіи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства. Берлинъ. 1858; 5) Двѣ записки по вотчинному вопросу съ предисловіемъ и заключеніемъ. Берлинъ. 1859; 6) По вотчинному вопросу мнѣніе и развязка. Берлинъ. 1860; 7) Предложенія дворянству. Берлинъ. 1862; 8) О свободномъ трудѣ при помѣстномъ устройствѣ. Спб. 1863 (сначала напечатана въ «Трудахъ Вольн. Эк. Общ.» 1863, т. III); 9) О старомъ и новомъ порядкѣ и объ устроенномъ трудѣ (travail organisé) въ примѣненіи къ нашимъ помѣстнымъ отношеніямъ. Берлинъ. 1863 (съ нѣкоторыми пропусками 2-е изд. Спб. 1863); 10) За твердость закона. Спб. 1865; 11) Письмо изъ страны далекой съ утръ-томбною сенсаціею. Спб. 1862 (въ этой юмористической брошюрѣ осмѣивается страсть къ иностраннымъ словамъ); 12) Des fumeurs dans nos rues. Pet. 1861; 13) О наслѣдной власти. Отвѣтъ «Спб. Вѣд.» съ отв. и «Русс. Инв.» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1862, № 94) и 14) De l'expropriation des biens privés pour cause d'utilité publique (объ этой брош. объявл. на обложкѣ «Предл. дворянству»). Принадлежа къ группѣ охранителей неприкосновенными старыхъ порядковъ, Безобразовъ передъ освобожденіемъ крестьянъ боялся слова «свобода» по отношенію къ крестьянамъ, полагалъ, что для улаженія «вотчиннаго вопроса» вполнѣ достаточно

ввести въ законы вмѣсто названія «крѣпостныхъ» названіе «людей, въ помѣщичьемъ вѣдомствѣ состоящихъ», и совершенно былъ увѣренъ, что съ освобожденіемъ настанетъ крупный переворотъ, который потрясетъ весь государственный организмъ. «Въ помѣстномъ бытѣ, утверждалъ онъ, есть много благихъ сторонъ, отвергать которые было бы поруганіемъ премудрости Божіей, какъ будто допустившей огромной отрасли человѣчества тысячелѣтствовать въ безразсудствѣ». Когда же, послѣ совершенія акта освобожденія, опасенія не оправдались, Безобразовъ, нѣсколько измѣнилъ свои взгляды и сталъ говорить, что только «варваръ» можетъ мечтать о возвратѣ къ старому положенію вещей. Въ 1863 г. онъ основалъ газету «Вѣсть», которая, не принося дохода отъ подписки, могла существовать лишь благодаря щедрымъ взносамъ своихъ учредителей. На своихъ единомышленниковъ Безобразовъ имѣлъ огромное вліяніе, о чемъ можно судить хотя бы потому, что его «Предложеніе дворянству» въ 1862 г. было принято московскимъ дворянствомъ значительнымъ числомъ голосовъ. Въ этой брошюрѣ онъ указывалъ, какъ на результатъ реформъ, на распространеніе въ обществѣ вредныхъ конституціонныхъ стремленій и въ то же время требовалъ созыва дворянскаго земскаго собора. Какъ сторонники, такъ и противники Безобразова, единогласно свидѣтельствуютъ объ его безкорыстіи и честности, такъ что всѣ его крайнія требованія были прямымъ результатомъ лишь стойкости убѣжденій. Послѣдніе двѣнадцать лѣтъ жизни Безобразовъ состоялъ предводителемъ дворянства петербургскаго уѣзда. Умеръ онъ скоропостижно въ Царскомъ селѣ и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

«Русск. Вѣст.» 1858, № 10 и № 13. — «Соврем.» 1863, № 1—2.—«Нар. Бог.» 1863, № 53 и № 225 (А. Жоховъ).—«Вѣсть» 1863, № 15 и № 18 (А. З. и П. Кл.), ibid. 1867, № 119.—«Моск. Вѣд.» 1867, № 228.—«Всем. Илл.» 1867, т. XI, 210.—Словари: Геннади, Венгерова, Гарбеля.

Безобразовъ, *Сергѣй Димитріевичъ,* генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи; происходя изъ дворянъ владимірской губерніи, род. въ 1809 г., ум. 6 декабря 1879 г., въ С.-Петербургѣ. Получивъ домашнее образованіе, Безобразовъ поступилъ на службу на 16 году отъ роду, юнкеромъ въ кавалергардскій Ея Величества полкъ, откуда, годъ спустя, переведенъ л.-гв. въ подольскій кирасирскій (нынѣ Его Величества) полкъ. Произведенный здѣсь въ 1828 г. въ корнеты, Безобразовъ въ 1830 г. былъ опредѣленъ адъютантомъ къ Цесаревичу Константину Павловичу и, находясь въ Польшѣ, принялъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія; здѣсь, за отличіе въ сраженіяхъ и за распорядительность и мужество при выполненіи различныхъ порученій, онъ въ іюнѣ 1831 г. былъ пожалованъ въ званіе флигель-адъютанта, въ августѣ того-же года награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», а въ декабрѣ — польскимъ знакомъ отличія за военное достоинство 4 степени. Въ 1834 г. ротмистръ Безобразовъ явился участникомъ экспедиціи противъ кавказскихъ горцевъ, причемъ въ августѣ того-же года, командуя авангардомъ отряда генерала Вельяминова, имѣлъ неоднократныя стычки съ непріятелемъ за Кубанью; въ февралѣ 1835 г., съ отрядомъ генерала Засса вступилъ въ землю непокорныхъ убыховъ, а въ іюлѣ начальствуя всею кавалеріею въ отрядѣ Вельяминова, во многомъ содѣйствовалъ экспедиціи послѣдняго по устройству укрѣпленной линіи отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона до Геленджика. Произведенный за отличіе въ чинъ полковника, онъ былъ причисленъ къ штабу отдѣльнаго кавказскаго корпуса, а въ декабрѣ 1835 г. назначенъ командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка. Принимая во главѣ послѣдняго участіе въ экспедиціяхъ противъ джаро-бѣлаканцевъ, лезгинъ и черкесовъ, онъ, между прочимъ, управлялъ временно джаро - бѣлаканскою областью. Въ маѣ 1841 г. онъ былъ зачисленъ по кавалеріи, съ назначеніемъ состоять при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ. Въ іюлѣ того-же года Безобразовъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, годъ командовалъ войсками лѣваго фланга кавказской линіи, въ январѣ 1847 г. назначенъ командиромъ л.-гв. уланскаго полка, а семь мѣсяцевъ спустя, получилъ кавалергардскій Ея Величества полкъ. Въ періодъ его командованія послѣднимъ, состоялись два крупныя событія въ исторіи полка: пожалованіе 20 апрѣля 1849 г. литавровъ, нѣкогда принадлежавшихъ кавалергардіи, сформированной Петромъ Великимъ и учрежденіе 1 іюня 1851 г. при полку заведенія для призрѣнія сиротъ изъ дочерей нижнихъ

чиновъ этого полка. Въ 1851 г. Безобразовъ былъ назначенъ командиромъ 1 бригады гвардейской кирасирской дивизіи, въ 1852 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1854 г. получилъ въ командованіе 7 кавалерійскую дивизію, въ 1860 г. пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта и въ 1861 г. назначенъ командующимъ 4 армейскимъ корпусомъ. Произведенный въ генералы отъ кавалеріи, Безобразовъ въ 1864 г. былъ зачисленъ членомъ въ Александровскій комитетъ о раненыхъ. Высшимъ знакомъ отличія онъ имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами.

«Рус. Инв.» 1879 г. № 272. — «Всем. Иллюстр.» 1879 г. т. XXII, стр. 522.

Безобразовъ, *Тимофей Никифоровичъ*, подписался подъ грамотою объ избраніи Бориса Годунова въ цари въ 1598 г., съ 1630 по 1633 г. служилъ воеводой въ Уржумѣ, а въ 1638 г.—въ Ефремовѣ, гдѣ строилъ крѣпость. Его сынъ, *Василій Тимофеевичъ*, извѣстенъ какъ составитель переписныхъ книгъ по Бѣлеву, Ельцу, Каширѣ, Лебедяни, Серпухову и Москвѣ съ 1677 по 1681 г.

Акты Ист.—Двор. Род. кн. Петрова.

Безобразовъ, *Харитонъ-Истома Осиповичъ*, думный дворянинъ. Въ теченіе своей службы онъ занималъ разнообразныя должности и пользовался довѣріемъ царя. Когда, въ 1577 г. царь Іоаннъ Васильевичъ отправлялся въ Лифляндскій походъ, а царевича Ивана Ивановича оставилъ въ Новгородѣ, то при царевичѣ остался и Истома Безобразовъ. Въ 1582 г. онъ уже былъ царскимъ постельничимъ, и въ этой должности остался при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Въ 1586 г. онъ сопровождалъ царя въ Новгородскій походъ, будучи восьмымъ въ его свитѣ. Въ 1589 г. онъ былъ еще повышенъ, получивъ чинъ «постельничаго съ путемъ», и съ этихъ поръ былъ приглашаемъ къ столу государеву. Въ слѣдующемъ 1590 г. Истома Безобразовъ былъ назначенъ намѣстникомъ трети Московской и въ этомъ же году сопровождалъ царя Ѳеодора въ Нарвскій походъ. Въ 1598 г. его имя встрѣчается въ спискѣ лицъ, участвовавшихъ въ Серпуховскомъ походѣ царя Бориса Ѳеодоровича. Истома Осиповичъ былъ женатъ; имя его жены—Екатерина извѣстно изъ вкладной грамоты въ Успенскій Тихвинскій монастырь «на поминъ души». Дѣтей у нихъ не было.

Акты Арх. Экс.—Акты Истор.—Двор. Род. кн. Петрова.

Безобразовъ, *Яковъ Ивановичъ*, старшій сынъ Ивана Романовича. Его имя встрѣчается въ памятникахъ впервые подъ 1629 г., гдѣ онъ именуется стольникомъ, а въ послѣдній разъ упоминается въ 1687 г. Въ 1632—33 г.г. онъ пожертвовалъ хлѣбъ на продовольствіе войска подъ Смоленскомъ. Въ 1652 г. упоминается, что онъ ѣздилъ съ государемъ въ Дѣвичій монастырь. Въ 1667—68 г.г., во время бунта Стеньки Разина, онъ служилъ въ Астрахани вторымъ воеводой. Въ 1667 г. онъ былъ посланъ подъ Яицкій городокъ противъ казаковъ Стеньки Разина, но его дѣйствія не увѣнчались успѣхомъ.

Дворцовые разряды. — Акты. Ист. — Р. Ист. Библ. — Двор. Род. Петрова. — Ист. Россіи Соловьева.

Безпаловъ, *Василій Осиповичъ*, ассесоръ екатеринбургской канцеляріи главнаго заводовъ правленія, род. въ 1752 г. Сынъ мѣщанина-малоросса, Безпаловъ 16 лѣтъ поступилъ въ московскій университетъ и, пробывъ въ немъ около 6 лѣтъ, перешелъ въ 1774 г. въ петербургское горное училище, изъ котораго выпущенъ въ 1777 г. съ чиномъ шихтмейстера. Въ этомъ же году Безпаловъ опредѣленъ на Екатеринбургскіе золотые промысла смотрителемъ - сначала Пышминской золотопромывальни, а затѣмъ Березовскихъ рудниковъ. Вскорѣ послѣ того Безпаловъ назначенъ управителемъ всего Пышминскаго завода. Состоя въ этой должности, Безпаловъ былъ командированъ, по предписанію бергъ-коллегіи, на лѣсоустроительныя работы—«для описанія и раздѣленія на годовыя дѣлянки» дачъ Екатеринбургскихъ и Верхъ-Исетскихъ заводовъ. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время управителемъ Кушвинскаго завода, Безпаловъ перешелъ въ 1782 г. на должность земскаго исправника кунгурскаго и осинскаго округовъ. Въ 1788 г., однако, онъ снова поступилъ въ «управленіе екатеринбургской о изысканіи цвѣтныхъ каменьевъ и мраморныхъ пріисковъ экспедиціи», а въ 1797 г. вновь опредѣленъ къ екатеринбургскимъ золотымъ промысламъ—сначала смотрителемъ, затѣмъ управителемъ и наконецъ — присутствующимъ въ экспедиціи золотыхъ промысловъ. Добыча золота на промыслахъ, благодаря стара-

ніямъ Безпалова, значительно увеличилась, сравнительно съ предшествовавшими годами, и это обстоятельство дало возможность Безпалову около 1799 г. получить должность ассесора канцеляріи главнаго заводовъ правленія.

Дѣла Архива Горнаго Департамента.

Безпаловъ, *Николай Александровичъ*, проф. строительнаго искусства, род. въ 1810 г., ум. 3 апрѣля 1878 г. Въ 1824 г. онъ поступилъ воспитанникомъ въ военно-строительное училище, въ 1827 г. произведенъ въ прапорщики и переведенъ въ институтъ корпуса инженеровъ, въ 1830 г. поручикомъ назначенъ въ депо картъ главнаго управленія, а въ 1837 г. сдѣланъ завѣдующимъ депо и въ 1842 г., сверхъ сего,—начальникомъ чертежной. Императоръ Николай обратилъ особое вниманіе на исполненную Безпаловымъ гидрографическую карту Россіи и пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 4 степени. Одновременно съ занятіями по депо Безпаловъ состоялъ преподавателемъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ кондукторской школѣ путей сообщенія онъ преподавалъ до самаго закрытія ея въ 1843 г. Съ 1839 г. по 1863 г. онъ преподавалъ въ технологическомъ институтѣ сначала техническое черченіе, а потомъ строительное искусство. Въ корпусѣ горныхъ инженеровъ онъ обучалъ черченію машинъ и составленію проектовъ по механикѣ (1839—1845). Въ с.-петербургскомъ университетѣ онъ обучалъ студентовъ разряда реальныхъ наукъ черченію и рисованію, приноровленнымъ къ искусствамъ и ремесламъ (1841 — 1847). Въ 1848 г. Безпаловъ началъ курсы строительнаго искусства и составленія проектовъ сооруженій въ строительномъ училищѣ и, утвержденный профессоромъ этихъ предметовъ въ 1852 г., оставался въ этой должности до кончины. Въ 1859 г. Безпаловъ былъ утвержденъ профессоромъ института путей сообщенія по составленію проектовъ по воднымъ путямъ (преподаваніе въ институтѣ онъ началъ съ 1850 г.), а съ преобразованіемъ института онъ получилъ каѳедру черченія. Въ 1854 г. Безпаловъ былъ назначенъ членомъ статистическаго комитета, въ 1859 г. участвовалъ въ коммиссіи по распространенію зданій с.-петербургскаго технологическаго института, съ 1863 г. состоялъ членомъ общаго присутствія департамента проектовъ и смѣтъ и членомъ коммиссіи по пересоставленію урочнаго положенія на строительныя работы. Въ 1865 г. онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ при ученомъ комитетѣ, а въ 1868 г.—членомъ этого комитета, и въ этомъ званіи оставался до упраздненія комитета въ 1871 г., когда былъ причисленъ къ министерству сверхштатнымъ инженеромъ. Въ 1877 г. Безпаловъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Послѣ его кончины бывшіе его слушатели учредили въ память его въ строительномъ училищѣ золотую и серебряную медали, которыя ежегодно выдаются оканчивающимъ курсъ за лучшіе проекты по строительному искусству.—Безпаловъ помѣстилъ рядъ статей въ «Журналѣ главнаго управленія путей сообщенія»: Оросительные каналы (1855 г., отд. изд. Спб. 1855); Дренажныя трубы; Водостоки (1856 г., отд. изд., ч. I. Спб. 1857); Парижскіе выгребы (1859 г.); Изслѣдованія по улучшенію устройства, очистки и вентиляціи отхожихъ мѣстъ; Вентиляція госпиталей и публичныхъ зданій (1860 г.); Снабженіе Лондона водой; Лондонская пожарная команда (1861 г.); Результаты трехъ системъ отопленія въ спб. технологическомъ институтѣ; Осушеніе болотъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга; Стоимость водоснабженія (1862 г.); Морской каналъ черезъ Голштинскій перешеекъ, между морями Балтійскимъ и Нѣмецкимъ (1868 г.).—Отдѣльно изданная книга: Элементарный способъ исчисленія сопротивленія матеріаловъ и устойчивости сооруженій. Спб. 1855 г.—Кромѣ того Безпалову принадлежитъ много критическихъ статей о французскихъ и нѣмецкихъ техническихъ сочиненіяхъ, а въ библіотекѣ института хранится нѣсколько его рукописей и собственныхъ чертежей.

С. Жирковъ, Біографіи русскихъ инженеровъ.— Венгеровъ, Словарь.

Безпалый, *Иванъ*, ум. въ 1718 г. Изъ старшинъ уманскаго полка онъ, въ ноябрѣ 1658 г., казацкой партіей, желавшей оставаться вѣрной союзу съ Москвой, избранъ былъ подъ Варвою наказнымъ гетманомъ и утвержденъ кн. Ромодановскимъ въ этомъ званіи. Имѣя въ своемъ распоряженіи отрядъ казацкаго войска «зъ розныхъ полковъ собравшагося д[…] килкохъ тысячъ», Безпалый довольно энергично началъ преслѣдовать Выговскаго, сжегъ по пути Лубны, Пирятинъ, Чорнухи и др. города и въ декабрѣ имѣлъ стычку

съ преданнымъ Выговскому полковникомъ Скоробогатенкомъ. Не полагаясь однако слишкомъ на свои силы, Безпалый предпочелъ примкнуть съ своимъ отрядомъ къ русскимъ войскамъ, находившимся подъ начальствомъ Ромодановскаго и Трубецкаго, и вмѣстѣ съ ними принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1658—59 гг. (подъ Лохвицей, Конотопомъ и пр.). Сношенія Безпалаго съ московскимъ правительствомъ преимущественно касались присылки боевыхъ снарядовъ, а также «изъ казны денегъ и изъ житницъ хлѣбныхъ запасовъ на прокормъ всему войску», которое, по выраженію его «вельми бѣдно и нужно, отъ непріятелей безъ остатку разорено». На Переяславской радѣ 1659 г. Безпалый добровольно сложилъ съ себя гетманское званіе и сдѣланъ былъ войсковымъ судьей; по словамъ Величко, Безпалый былъ тогда уже «въ подейшлихъ и зешедшихъ жизни лѣтехъ».

Лѣтописи: Величко, Грабянки, Самовидца.—Лѣтописецъ или описаніе краткое знатнѣйшихъ дѣйствъ и случаевъ... (Сборн. лѣтоп. Кіевъ, 1881). — Краткая лѣтоп. Малыя Россіи, изд. Рубаномъ. Спб. 1777.—Акты Южн. и Зап. Росс., т. VII. Спб. 1872.—Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, т. I. 1822 г.

Безродный, *Василій Кириловичъ*, д. т. с., сенаторъ, род. 12 апрѣля 1768 г., ум. 4 сентября 1847 г. Службу Безродный началъ подканцеляристомъ въ новороссійской губернской канцеляріи въ 1780 г.; пробывъ затѣмъ около 10 лѣтъ въ палатахъ уголовной и казенной екатеринославскаго намѣстничества, онъ 13 сентября 1790 г. опредѣлился въ главную провіантскую коммиссію соединенной арміи на югѣ и продолжалъ состоять по провіантской части до 1816 г., причемъ былъ оберъ-провіантмейстеромъ и правителемъ канцеляріи при генералъ - провіантмейстерѣ Обольяниновѣ (съ 1797 г.), управляющимъ кіевскою провіантскою коммиссіею (съ 1801 г.), устроителемъ виленскаго провіантскаго коммиссаріатства (1802 г.) и завѣдующимъ всею продовольственною частью нашихъ войскъ во время войнъ въ 1805—1814 гг. 22 октября 1803 г. онъ получилъ чинъ генералъ-маіора, 25 декабря 1812 г.—орденъ св. Анны 1-й степени, 7 іюля 1814 г.—орденъ св. Владиміра 3-й степени, а 1 сентября 1815 г.—тъ-же орденъ 2-й степени. Съ 1816 до 1825 г. Безродный занималъ постъ директора канцеляріи главнокомандующаго первой арміей, 25 іюля 1825 г. былъ сдѣланъ сенаторомъ, съ повелѣніемъ присутствовать въ 3-мъ отдѣленіи 3-го департамента, и черезъ два года посланъ ревизовать Западную Сибирь. Во время этой ревизіи онъ, по словамъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго, особенно проявилъ свое пристрастіе, грубость и даже жестокость; слова Бантыша подтверждаются занесеннымъ въ формуляръ Безроднаго (1833 г.) выговоромъ «за неосновательныя донесенія» по этой ревизіи. Кромѣ того, онъ не свободенъ и отъ обвиненій въ растратѣ казенныхъ денегъ: во время его управленія кіевской провіантской коммиссіей за нимъ оказался недочетъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, за что онъ и подпалъ подъ слѣдствіе. Вообще, по словамъ Бантыша-Каменскаго, Безродный своей успѣшной карьерой обязанъ, главнымъ образомъ, умѣнью ладить съ сильными людьми. За сибирскую ревизію Безродный получилъ брилліантовые знаки ордена св. Анны 1-й степени (10 октября 1828 г.). 31 декабря того же года онъ былъ назначенъ членомъ Коммиссіи прошеній; 22 марта 1829 г. повелѣно ему присутствовать въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ Сената; въ 1829 г. онъ былъ посланъ въ дѣйствовавшую противъ турокъ армію для завѣдыванія интендантской частью; по возвращеніи въ Петербургъ, 25 марта 1830 г. онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ 1-мъ департаментѣ Сената, а съ 1 іюля 1831 г.—въ четвертомъ. Съ 1832 г. по 1839 г. Безродный былъ первоприсутствующимъ въ 3-мъ отдѣленіи 5-го департамента, послѣ уничтоженія этого отдѣленія - во 2-мъ отдѣленіи (1839—1842 гг.), и наконецъ, съ 1843 по 1847 г.—въ 1-мъ отдѣленіи того-же департамента. Кромѣ того онъ неоднократно временно присутствовалъ въ 1-мъ департаментѣ по питейнымъ дѣламъ и нѣсколько разъ, во время отсутствія предсѣдателя коммиссіи прошеній, исполнялъ его должность. 1 января 1833 г. онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, 16 апрѣля 1841 г. произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники, а 8 апрѣля 1843 г. получилъ брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго.

Формулярный списокъ. — «Записки Д. Н. Бантыша-Каменскаго. Шемякинъ судъ въ XIX столѣтіи» (въ «Русской Старинѣ, за 18 3 г., т. VII. № 6).

Безродный, *Василій Петровичъ*, медальеръ, род. въ 1783 г., ум. послѣ 1859 г.: воспитывался онъ въ Академіи художествъ, въ 1801 г. получилъ вторую серебряную медаль за лѣпленіе съ натуры. Въ 1803 г., находясь въ медальерномъ классѣ, Безродный получаетъ программу изъ эпической поэмы «Владиміръ», пѣснь первая, стр. 7 и 8 (убіеніе варяга съ сыномъ во времена св. Владиміра) и за исполненіе этой программы получаетъ вторую золотую медаль. Въ этомъ же году онъ кончилъ Академію съ аттестатомъ первой степени. Въ 1807 г. Безродный поступилъ на монетный дворъ медальеромъ, гдѣ занимался преимущественно копированіемъ. Между прочимъ, онъ приготовилъ медаль, которая была пожалована экипажу, сопровождавшему адмирала Крузенштерна во время его путешествія вокругъ свѣта. Безродный копировалъ также лицевую сторону медали въ память Потемкина и лицевую сторону медали въ память бракосочетанія вел. князя Александра Павловича. Въ 1857 г. Безродный былъ уже въ отставкѣ, съ чиномъ коллежскаго совѣтника.

Архивъ И. А. Х., личное дѣло о сынѣ Безроднаго.—Петровъ, Мат. для исторіи И. А. Худ., I, 424, 429, 441, 450, 451, 452.—Иверсенъ, Словарь медальеровъ.

Безрядовъ, *Спиридонъ*, русско-татарско-калмыцкій толмачъ. Въ 1674 г. ѣздилъ изъ Тобольска съ стрѣлецкимъ головою Иваномъ Аршинскимъ, къ калмыцкому Дундуку-тайшѣ съ государевымъ жалованьемъ (объ этомъ посольствѣ сохранился подробный разсказъ самихъ участниковъ). Не доходя за день до улуса Дундука, Иванъ Аршинскій послалъ Безрядова впередъ къ тайшѣ. Дундукъ принялъ пословъ весьма ласково, но на десятый день послѣ ихъ пріѣзда, мстя за безчестіе его посламъ въ Москвѣ, схватилъ Безрядова съ товарищами, связалъ и ограбилъ до нага. Два дня возилъ ихъ тайша связанными и, «перевезя за Ишимъ рѣку, отпустилъ отъ себя пѣшихъ и нагихъ». Сохранился еще списокъ съ челобитной Спирьки Безрядова царю Θеодору Алексѣевичу и актъ о допросѣ его въ енисейской приказной избѣ, по дѣлу Николая Спафарія. Изъ этихъ источниковъ узнаемъ, что Безрядовъ въ 1676 г. ѣздилъ въ Китай съ Спафаріемъ, «въ толмачишкахъ», а затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, донесъ о различныхъ беззаконіяхъ, учиненныхъ Спафаріемъ во время посольства.

Дополн. къ Акт. Ист.

Безсоновъ (Безносовъ), *Андрей Васильевичъ*, дворцовый дьякъ при Іоаннѣ Грозномъ, котораго царь долго держалъ въ милости и которому давалъ важныя порученія, ум. въ 1570 г. Въ 1550 г. онъ сопровождалъ Ивана Грознаго въ казанскомъ походѣ. Въ періодъ 1552—1555 г.г. его имя постоянно упоминается при пріемахъ пословъ, а въ 1554 г. онъ принимаетъ участіе въ свадьбѣ царя Симеона Казанскаго. Въ 1560 г. царь Іоаннъ поручилъ ему отвезти въ монастырь князя Дмитрія Курлятева, главнаго единомышленника Сильвестра. До 1563 г. Безсоновъ числится дьякомъ въ казенномъ приказѣ, а съ 1563 г. до смерти въ посольскомъ приказѣ. Въ 1564 г. Безсоновъ велъ переговоры съ послами магистра нѣмецкаго ордена, Вольфганга. Въ слѣдующемъ же году, когда Иванъ IV удалился въ Александровскую слободу, Безсоновъ постоянно возилъ къ нему дѣла и грамоты изъ Москвы, и ему же царь поручилъ «велегласно» прочесть на площади въ Москвѣ народу свою царскую грамоту, присланную изъ Александровской слободы. Въ 1566 г. Безсоновъ присутствовалъ на земскомъ соборѣ. Но вскорѣ и онъ сдѣлался жертвою подозрительности Іоанна: въ 1570 г. онъ былъ обвиненъ, вмѣстѣ съ Висковатымъ и многими другими, въ измѣнѣ и въ тайныхъ сношеніяхъ съ новгородскимъ архіепископомъ и новгородскими дьяками и приговоренъ къ смертной казни. Однако существуетъ грамота въ Казань, князю Петру Андреевичу Булгакову, писанная на Москвѣ 4 августа 1574 г. и скрѣпленная дьякомъ Андреемъ Васильевымъ, такъ что вопросъ, былъ ли казненъ Андрей Безсоновъ вмѣстѣ съ Висковатымъ, остается открытымъ. Этого Безсонова часто смѣшиваютъ съ *другимъ Безсоновымъ*, также Андреемъ Васильевичемъ, который въ концѣ 1549 г. былъ разряднымъ дьякомъ въ Новгородѣ и 5 сентября 1568 г. давалъ подводы священникамъ, ѣхавшимъ изъ Новгорода въ Москву.

П. С. Р. Лѣтописей. — Дворцовые разряды. — Русск. Ист. Библ. — «Разрядные дьяки» Лиха-

чева. — Росс. Род. книга кн. Долгорукаго. — Род. книга Бобринскаго.

Безсоновъ, *Инокентій Платоновичъ*, архитекторъ, сынъ подпоручика, род. въ 1816 г., воспитывался (съ 1812 г.) въ Академіи художествъ, которую окончилъ въ 1836 г. съ званіемъ художника по части архитектуры, причемъ получилъ 2-ю сереб. медаль за архитектурныя композиціи. Въ октябрѣ 1837 г. Безсоновъ опредѣлился архитекторомъ казанскаго учебнаго округа и служилъ въ Казани, гдѣ произвелъ много всякаго рода построекъ. Лучшимъ его произведеніемъ считается соборный храмъ въ гор. Спасскѣ (казанской губ.). 28 февраля 1844 г. попечитель казанскаго учебнаго округа, поставляя на видъ многія постройки, возведенныя Безсоновымъ въ Казани, и отдавая должную дань его искусству, проситъ Академію удостоить Безсонова званіемъ академика. Просьба была уважена. 23 ноября 1849 г. Безсоновъ проситъ Академію задать ему программу на званіе профессора архитектуры. Казанскій губернаторъ также ходатайствуетъ за него предъ Академіею, хвалитъ его искусство, способности и перечисляетъ его послѣднія работы (1847—1855 г.г.). Въ эти годы Безсоновъ состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ губернатора и произвелъ слѣдующія постройки: 1) зданіе каменнаго театра (по Высочайше утвержд. проекту). 2) возобновилъ послѣ пожара большое каменное 3-хъ этажное зданіе квартиры вице-губернатора; 3) возвелъ 4-хъ этажное каменное зданіе (пристройка къ гостиному двору); 4) построилъ или перестроилъ послѣ пожара многіе частные дома въ Казани. Принявъ во вниманіе эти работы Безсонова, Академія рѣшила задать ему програму на званіе профессора архитектуры. Но почему то это не осуществилось и дальнѣйшихъ свѣдѣній о Безсоновѣ не имѣется.

Архивъ И. А. Х., Д. 73 (1837), Д. 61 (1836) и Д. 46 (1837).— Петровъ, Матеріалы для ист. И. А. Х. II, 197, 333, 346; III, 14, 115, 116.
Е. Тарасовъ.

Безсоновъ, *Степанъ Артемьевичъ*, академикъ исторической живописи, сынъ петербургскаго мѣщанина, род. въ 1776 г., ум. въ 1847 г. Онъ поступилъ въ Академію художествъ въ 1789 г., и оставался въ ней до 1794 г. Выпущенный изъ нея со 2-ю золотою медалью за картину «Жертвоприношеніе Ноя», Безсоновъ поступилъ на службу въ медицинское вѣдомство, въ школу на Аптекарскомъ островѣ, учителемъ рисовальнаго класса (въ маѣ 1797 г). Въ 1809 г. ему объявлено Монаршее благоволеніе за труды и усердіе; въ 1815 г. онъ сдѣланъ смотрителемъ этой школы и оставался имъ до 1821 г., когда подалъ въ отставку. Но его художественная дѣятельность гораздо важнѣе, чѣмъ педагогическая. Вскорѣ по выпускѣ изъ Академіи Безсоновъ рисовалъ картины въ строившемся тогда Михайловскомъ замкѣ и удостоился за это (въ 1800 г.) золотой табакерки отъ Императора Павла I. При постройкѣ Казанскаго собора Безсоновъ написалъ образъ Тайной вечери, за что удостоился Монаршаго благоволенія и званія академика (въ сентябрѣ 1811 г.). Въ 1819 г., по приглашенію вице-президента Академіи, Оленина, онъ работалъ въ Академіи по фальшивому мрамору и нарисовалъ генія, изображающаго три художества, а также двѣ фигуры, изображающія Славу и Аполлона (по эскизамъ проф. Шебуева и Егорова). Все это сдѣлано было даромъ, изъ любви къ Академіи. Безсоновъ вообще, повидимому, отличался добрымъ сердцемъ; напр. онъ окончилъ работу трехъ запрестольныхъ образовъ (въ Казанскомъ соборѣ) по смерти академика Яненко, и деньги (7.000 руб.), слѣдуемыя за эту работу, уступилъ въ пользу семейства Яненко. Во дворцѣ Царскаго Села Безсоновъ написалъ, по собственному рисунку, большой плафонъ въ картинномъ залѣ, удостоенный Высочайшаго одобренія. Кромѣ того Безсоновъ писалъ много иконостасовъ. Въ концѣ жизни, обремененный годами и большой семьей, Безсоновъ бѣдствовалъ и принужденъ былъ (въ 1843 г.) ходатайствовать о пенсіи, которую и получилъ.

Архивъ И. Ак. Худ., Д. През. 39 (1819). Д. 74 (1843), Д. 61 (1836), Д. 46 (1837) и Д. 30 (1809).— Петровъ, Матеріалы для ист. И. А. Худ., I, 169, 365, 563; II, 15. *Е. Тарасовъ.*

Безсоновъ, *Тимофей*, дьякъ, въ 1660 г. упоминается какъ дьякъ казанскаго дворца. Въ 1664 г. онъ присутствуетъ на встрѣчѣ «князя Чарлуса Говорта», англійскаго посла, въ 1668 г. онъ былъ дьякомъ во владимірскомъ судномъ приказѣ, а въ 1671 г. назначенъ дьякомъ иноземскаго приказа. Въ 1672 г. имя Тимофея Безсонова упоминается въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ воеводу князя Юрія Петро-

вича Трубецкаго въ Кіевъ. Можно думать, что этотъ же Тимофей Безсоновъ встрѣчается въ актахъ подъ 1685 г. въ званіи церковнаго старосты церкви Василія Великаго и Николая Чудотворца въ устюжскомъ уѣздѣ.

Р. Ист. Библіотека. — Дворцовые Разряды. — Росс. Род. книга кн. Долгорукаго.

Бейдеманъ, *Александръ Егоровичъ*, академикъ, профессоръ исторической живописи, род. 17 августа 1816 г. въ С.-Петербургѣ, въ семействѣ негоціанта, разстроившаго свои дѣла поставками на армію во время турецкой войны 1828—1829 г.г., ум. 27 февраля 1869 г. Учился Бейдеманъ въ Ларинской гимназіи и по окончаніи ея, въ началѣ 40-хъ годовъ, сталъ посѣщать классы Академіи художествъ. Въ 1844 г. онъ работаетъ по классу живописи у проф. А. Т. Маркова. Около этого времени онъ составилъ слѣдующія композиціи: «Скорбь Ахиллеса по убитомъ Патроклѣ», «Обращеніе Савла», «Смерть Сократа». Въ 1845 г. онъ пишетъ эскизы на темы изъ отечественной исторіи, напр.: «Приготовленія къ убійству св. Бориса (1015)», «Святополкъ Окаянный въ изступленіи», «Смерть Святополка Окаяннаго» и изъ библейской исторіи—«Воскрешеніе Лазаря». Всѣ эти эскизы носятъ на себѣ вліяніе брюлловской школы, проявляя нѣкоторую эффектность и театральность. Отъ 1846 г. извѣстны слѣдующіе эскизы Бейдемана: «Мать Моисея», «Моисей, взятый изъ воды», «Сократъ застаетъ Алкивіада во время оргіи» (на обратной сторонѣ этого послѣдняго нарисованъ эскизъ 1847 г.: «Побіеніе камнями св. Стефана»). Къ 1847 г. относятся: «Умовеніе ногъ», «Жезлъ, обращенный въ змія», «Несеніе Христа во гробъ», «Предательство Далилы», «Іоаннъ Предтеча отрокъ въ пустыни», «Крещеніе Ольги», «Клятва Брута надъ тѣломъ Лукреціи». За послѣднюю композицію Брюлловъ велѣлъ передать Бейдеману его профессорскій поцѣлуй. Въ 1848 г. Бейдеманъ исполнилъ 4 эскиза: «Христосъ у Марѳы и Маріи», «Воскрешеніе дочери Іаира», «Дочь Кимона кормитъ грудью отца въ темницѣ» и «Эсфирь передъ Артаксерксомъ». Отъ 1849 г. имѣется всего одинъ эскизъ: «Освобожденіе преступнаго отца по просьбѣ сына Петромъ I». Въ это время Бейдеманъ занятъ былъ рисунками для «Ералаша» Неваховича, гдѣ имъ помѣщено очень много юмористическихъ композицій, иногда не вполнѣ цѣломудреннаго характера, и потому-то онъ не такъ аккуратно компоновалъ академическіе эскизы. Игривое направленіе кисти молодаго художника за этотъ періодъ выразилось въ слѣдующихъ сценахъ: «Подсматриваніе купальщицъ пейзажистами» и «Явился неудачный селадонъ» (карикатуры на товарищей). Впрочемъ, скоро Бейдеманъ подчинился вліянію Ѳедотова и создалъ такія вещи, какъ сцены изъ «Носа» Гоголя и «Исчезновеніе холеры». Онъ съ усердіемъ изучалъ технику кладки красокъ и въ 1851 г., за портретъ съ натуры, получилъ первую серебряную медаль. Послѣ этого Бейдеманъ является экспонентомъ на четырехъ академическихъ выставкахъ, въ качествѣ конкурента на золотыя медали. Вторую золотую медаль онъ получилъ при второмъ конкурированіи. Ему пришлось состязаться съ Кабановымъ и Бронниковымъ. За исполненіе картины по эскизу «Бѣгство въ Египетъ» Бейдеманъ получилъ 2-ю золотую медаль (27 сентября 1853 г.). Теперь оставалось добиться 1-й золотой медали, чтобы имѣть право на командировку въ Римъ, которой жаждалъ Бейдеманъ. Ему пришлось состязаться съ Ильинскимъ на тему «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся» и т. д. Простая случайность помѣшала Бейдеману одержать верхъ. Пришлось снова конкурировать, на этотъ разъ съ Флавицкимъ (будущимъ авторомъ «Таракановой»), который и одержалъ верхъ. Это было въ концѣ 1855 г., когда Бейдеману исполнилось 30 лѣтъ, и по академическимъ законамъ нельзя было конкурировать далѣе. Бейдеманъ разстался съ Академіей, не добившись своей цѣли. Къ этой эпохѣ относятся слѣдующіе эскизы акварелью и масляными красками: «Воскрешеніе сына вдовы Наинской», «Христосъ 12-ти лѣтъ бесѣдуетъ въ храмѣ съ учителями», «Явленіе воскресшаго Спасителя апостолу Ѳомѣ», «Входъ во Іерусалимъ», «Отреченіе апостола Петра», «Распятіе посреди разбойниковъ», «Явленіе Христа при Тиверіадскомъ озерѣ», «Христосъ благословляетъ дѣтей», «Нагорная проповѣдь», «Денарій», «Схожденіе съ Ѳавора», «Страшный судъ», «Обрѣзаніе», «Примиреніе Іакова съ Исаакомъ», «Явленіе ангела Агари», «Троица», «Потопъ». Повидимому, сюда слѣдуетъ отнести и композицію «Діана, несомая зефирами» (аква-

рель) и «Обращеніе поэта къ богинѣ ночи» (въ карандашѣ). Всѣ эти эскизы показываютъ, что природа щедро надѣлила Бейдемана даромъ фантазіи и колорита. Въ 1856 г. онъ женился, но и семья не отвлекла его отъ завѣтной мысли попасть за границу, чтобы дать своему таланту дальнѣйшее развитіе. Не смотря на скудныя средства, онъ въ 1857 г. поѣхалъ за границу (на три года), надѣясь найти тамъ подходящую работу. Надежда не обманула его. Побывавъ въ Германіи и Италіи, онъ получилъ въ Парижѣ заказы для строившейся тамъ православной церкви. Лѣтомъ 1860 г. онъ окончилъ порученныя ему въ Парижѣ работы и возвратился въ С.-Петербургъ, куда привезъ съ собой нѣсколько начатыхъ картинъ и множество этюдовъ (между ними: виды Баваріи, южной Италіи и окрестностей Рима, Валгалла и др.). Изъ начатыхъ за границей картинъ можно указать на «Гулянье», «Свиданіе на террасѣ», «Мотальщица», «Дѣвочка, утоляющая жажду изъ родника въ лѣсу», «Шествіе со святыми дарами въ Италіи», «Явленіе младенца Іисуса св. Антонію Падуанскому», «На могилѣ матери», «Саворъ» и этюды «живописныхъ костюмовъ поселянъ обоего пола». Въ Петербургѣ Бейдеманъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ скомпоновалъ и написалъ картину «Руфь на нивѣ Вооза», за которую на общемъ собраніи Академіи художествъ признали его академикомъ исторической живописи (2 сентября 1860 г.). Друзья и почитатели его таланта скоро доставили ему работы и выхлопотали должность наставника въ рисовальной школѣ общества поощренія художниковъ. Кромѣ того Бейдеманъ получилъ приглашеніе давать уроки рисованія великимъ князьямъ Алексѣю Александровичу и Сергѣю Александровичу. Осенью 1861 г., по смерти П. А. Воинова, открылся конкурсъ на соисканіе должности адъюнктъ-профессора Академіи художествъ. Для конкурсной работы Бейдеманъ, въ особо отведенномъ кабинетѣ, исполнилъ картонъ «Смерть дѣтей Ніобеи, пораженныхъ стрѣлами дѣтей Латоны, за презрѣніе, оказанное ихъ матери». Судьи конкурса признали композицію Бейдемана лучшею, и художникъ получилъ должность адъюнктъ-профессора наставника (6 ноября 1861 г.). Въ концѣ того же года, онъ былъ посланъ въ Крымъ, въ Ливадію, для работъ въ тамошней церкви. Но обязанности преподавателя не отвлекали его отъ серьезныхъ работъ въ области искусства, и въ эти 6 лѣтъ, послѣдніе годы его жизни, исполнено имъ много солидныхъ работъ. Онъ занялся религіозною живописью, писалъ оригиналы для мозаики въ Исаакіевскій соборъ и образа по частнымъ заказамъ, расписывалъ церкви во дворцахъ, въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, а также въ Крыму (Ливадія). Ему принадлежитъ оригиналъ образа Спасителя для усыпальницы князя Пожарскаго, сдѣланнаго мозаикой, образовъ пророчицъ Анны и Елизаветы. Бейдеманъ расписывалъ церкви: на Михайловской дачѣ (великаго князя Михаила Николаевича), въ инженерномъ управленіи и въ Александровской больницѣ. По его рисункамъ сдѣланъ и иконостасъ для военно-чертежной школы въ С.-Петербургѣ. Простая случайность — паденіе на голову гипсоваго отливка, плохо прикрѣпленнаго надъ дверями,—прервали кипучую дѣятельность даровитаго художника въ самомъ разгарѣ. Друзья его, профессора Боголюбовъ, Монигетти, Черкасовъ и Петровъ, сдѣлали въ томъ же году посмертную выставку произведеній Бейдемана, устроивъ изъ нихъ безпроигрышную лотерею въ пользу семьи художника. Въ Академіи художествъ есть альбомъ, подаренный императоромъ Александромъ II, въ которомъ заключается 150 рисунковъ-образовъ, написанныхъ или проектированныхъ Бейдеманомъ. Извѣстна также его акварельная картина «Апоѳеозъ освобожденія крестьянъ». Отъ Бейдемана остались офорты, упоминаемые у Ровинскаго (51): «Казачій судъ въ Черноморьѣ» и «Три разговаривающіе жида». Оба листа — изъ «Живописной Украины» (прил. къ журналу «Основа» 1861 г.).

Особое дѣло въ Архивѣ Имп. Ак. Худ. и кромѣ того: Д. 130 (1860). Д. 77 (1863). Д. 22 (1866) и Д. 52 (1866).—Петровъ, Матер. для истр. И. А. Х., III, 165, 171, 184, 195, 204, 214, 236, 252, 355, 214, 236, 252, 355, 386 и 391.—Ровинскій, Словарь рус. граверовъ (1895).—Брокгаузъ и Эфронъ, Энцикл. Словарь. *Е. Тарасовъ.*

Бейеръ, *Андрей Венедиктовичъ.* См. **Беэръ.**

Бейеръ, *Фридрихъ Карлъ,* врачъ, род. въ 1792 г., въ Берингенѣ. Привезенъ въ Ревель своимъ отцемъ, аптекаремъ; посѣщалъ съ 1808 г. Императорскую медико-хирургическую академію въ Петербургѣ, а съ 1809 до 1812 г.—медицинскій факультетъ въ Дерптѣ. Былъ врачемъ л.-гв.

гренадерскаго полка, затѣмъ ординаторомъ и главнымъ врачемъ ревельскаго военнаго госпиталя.

Recke и Napiersky, изд. 1827 года и изд. 1859 г.

Бейне, *Августъ - Карлъ Андреевичъ*, профессоръ архитектуры при И. А. Худ., род. въ 1816 г., ум. 5 ноября 1858 г. въ Петербургѣ. Отецъ его приглашенъ былъ въ Россію (1807 г.) во вновь устроенный Ижевскій оружейный заводъ мастеромъ иностраннаго замочнаго дѣла. Мальчикъ Бейне образованіе получилъ въ Петропавловскомъ нѣмецкомъ училищѣ въ Петербургѣ. Въ 1829 г., непринятый въ Академію по молодости, Бейне посѣщалъ ее въ качествѣ посторонняго ученика и выказалъ значительные успѣхи. Въ 1835 г. онъ получилъ вторую серебряную медаль за архитектурныя композиціи и 26 ноября того же года, окончивъ курсъ, получилъ званіе свободнаго художника. Въ 1836 г. Бейне получилъ вторую золотую медаль за исполненіе программы: «Сочинить проектъ училища правовѣдѣнія». Съ этого же года Бейне состоялъ помощникомъ архитектора Брюллова при перестройкѣ въ Зимнемъ дворцѣ столовой въ помпейскомъ вкусѣ и оставался въ этой должности до 1840 г. Въ 1838 г. за пейзажъ съ натуры (акварелью) Бейне получилъ первую серебряную медаль, а въ сентябрѣ 1839 г.—первую золотую и оставленъ при Академіи за программу казармъ гвардейскаго полка. Въ теченіе двухъ лѣтъ передъ отправленіемъ за границу (1839—1841) Бейне преподавалъ въ Академіи въ случаяхъ отсутствія профессора архитектуры (Тона). Въ 1840 г. онъ перешелъ въ русское подданство и въ слѣдующемъ, 1841 г. былъ командированъ за границу для усовершенствованія по архитектурѣ. Онъ изучалъ архитектуру главнымъ образомъ въ Италіи и кромѣ того посѣтилъ Испанію, Францію, Германію и Англію, а въ 1847 г. также совершилъ путешествіе въ Сирію и Египетъ, гдѣ осматривалъ развалины храмовъ Бальбека, Дамаска, Іерусалима и Каира. Гостя у патріарха іерусалимскаго, Бейне снялъ для него планы Виѳлеемскаго собора и примыкающихъ къ нему монастырей. Когда оканчивался срокъ командировки, Бейне получилъ заказъ (по Высочайшему повелѣнію)—сдѣлать рисунокъ плафона del Sasso въ Palazzo Vecchio, и вслѣдствіе этого, а также для поправленія здоровья срокъ его командировки былъ продолженъ на годъ, и Бейне вернулся въ Россію въ 1849 г. За представленные имъ рисунки и этюды Бейне получилъ званіе академика, а отъ Государя—большой брилліантовый перстень. Около 1850 г. онъ снова былъ командированъ за границу для срисовки плафона и участвовалъ въ устройствѣ русскаго отдѣла лондонской всемірной выставки, за что получилъ бронзовую медаль, серебряную вазу въ подарокъ и письмо отъ принца Альберта. Въ апрѣлѣ 1852 г. онъ возвратился въ Россію и причисленъ къ Кабинету Его Величества архитекторомъ. Въ 1855 г. Бейне былъ опредѣленъ исправляющимъ должность профессора перспективы (при Академіи худ.). Въ 1857 г., по смерти Тона, проф. архитектуры, Бейне былъ назначенъ на его мѣсто (13 декабря). Онъ имѣлъ серебряную медаль за возобновленіе Зимняго дворца и бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 гг.

Архивъ Им. Ак. Худ. Д. 124 (1829), Д. 110 (1835), Д., 63 (1840), Д. 44 (1841), Д. 93 (1847), Д. 45 (1852), Д. 81 (1855), Д. 112 (1857), Д. 142 (1857), Д. 24 (1858), Д. 85 (1858), Д. 143 (1859) и Д. 26 (1860).—Петровъ, Матер. для ист. А. И. Х., II, 324, 344, 347, 374, 389, 401; III, 49, 68, 69, 94, 102, 175, 197, 212, 256, 296, 302, 319.

Е. Тарасовъ.

Бейтлеръ, *Вильгельмъ Готлибъ Фридрихъ*, докторъ правъ, профессоръ математики въ митавской гимназіи, род. 14 февраля 1745 г. въ Швабіи, въ гор. Рейтлингенѣ, ум. 12 сентября 1811 г. Послѣ общаго образованія, Бейтлеръ слушалъ лекціи правовѣдѣнія и математики въ тюбингенскомъ университетѣ. Получивъ въ 1767 г. степень доктора правъ, онъ занялся адвокатурой при виртембергскомъ гофгерихтѣ; вскорѣ отправился въ Польшу, по приглашенію графини Скаржевской, которую обучалъ математикѣ и астрономіи. Въ 1774 г. Бейтлеръ получилъ мѣсто профессора математики въ митавской гимназіи; въ 1778 г. назначенъ астрономомъ при тамошней обсерваторіи; въ 1795 г. избранъ членомъ петербургской Академіи наукъ. Въ 1803 г., въ награду 30 лѣтней службы, получилъ чинъ надворнаго совѣтника.

Плюшаръ V, 191. — Дополн. къ слов. Толля, 1876.—«Сѣв. Почта», № 81, 1811 г.

Бекаревичъ, *Михаилъ Григорьевичъ*, докторъ медицины, происходилъ изъ духовенства, род. въ 1833 г. въ могилевской

губерніи. До 1854 г. воспитывался въ могилевской семинаріи, послѣ чего поступилъ въ медико-хирургическую академію, курсъ которой окончилъ въ 1859 г. Степень доктора медицины получилъ въ Петербургѣ въ 1867 г. До 1880 г. былъ военнымъ врачемъ. Въ медицинскихъ спискахъ не значится. Работы его: 1) Сифилитическія гуммозныя опухоли. (В. Мед. Журн. 1867 г. 36 стр.); 2) Перевязка подключичныхъ артерій. (В. Мед. Журн. 1870 г.).

Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели. — Венгеровъ, Русскія Книги.

Бекетовъ, *Николай Андреевичъ*, ординарный профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и дипломаціи, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, род. 22 мая 1790 г., въ орловской губ., ум. 8 августа 1829 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ на казенный счетъ въ гимназіи московскаго университета, поступивъ туда въ 1799 г.; затѣмъ, въ 1805 г., вступилъ въ число студентовъ университета, гдѣ за два сочиненія былъ награжденъ серебряной и золотой медалями. Въ университетѣ изучалъ, главнымъ образомъ, право, политику, исторію и статистику. 30 іюня 1808 г. Бекетовъ получилъ степень кандидата, чрезъ 2 года степень магистра, а 22 мая 1812 г. степень доктора словесныхъ наукъ и философіи. Служебная его дѣятельность начинается съ 1808 г. Съ этого года по 1813 г. онъ преподавалъ въ академической гимназіи и университетѣ латинскій синтаксисъ, реторику, греческій и французскій языки, также читалъ потомъ лекціи для чиновниковъ, обязанныхъ службою, и былъ секретаремъ комитета испытаній. Въ 1818 г. Бекетовъ былъ отправленъ для обозрѣнія училищъ смоленской и калужской губерніи; съ 1814 г. до половины 1816 г. управлялъ канцеляріей попечителя московскаго учебнаго округа. 13 августа 1815 г. Бекетовъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ исторіи, географіи и статистики и, кромѣ того, преподавалъ въ университетѣ историческія науки вмѣстѣ съ отечественной исторіею. Въ 1819 г. онъ произведенъ въ надворные совѣтники и въ 1825 г.—въ коллежскіе. Кромѣ университета, Бекетовъ преподавалъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, въ архитекторскомъ училищѣ экспедиціи кремлевскаго строенія и состоялъ членомъ обществъ исторіи и древностей россійскихъ, медико-физическаго и любителей россійской словесности. По выбытіи профессора Шлёцера изъ московскаго университета въ Боннъ, Бекетовъ получилъ 9 іюля 1826 г. званіе ординарнаго профессора политической экономіи и дипломаціи. Сверхъ преподаванія этихъ предметовъ, Бекетовъ состоялъ въ это время членомъ училищнаго комитета и временнаго комитета для провѣрки учебныхъ кабинетовъ университета. Каѳедру политической экономіи и дипломаціи онъ занималъ до самой смерти. Что касается сочиненій Бекетова, то въ автобіографіи его, напечатанной имъ при русскомъ переводѣ Рихтеровой исторіи медицины, онъ упоминаетъ о слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ: «Историческое разсмотрѣніе царствованія Бориса Годунова», 1810; «Dissertatio de migratione gentium» (pro gradu magistri), 1811; «De genio ac indole Slavorum, Russiae hodiernae terras occupantium», 1811; «Разборъ сатиръ Горація, Ювенала и Персія», 1811; «Разсужденіе о заслугахъ Карла Великаго для современниковъ», 1811; «De statuum Europae equilibrio, e memoria rerum potissimum demonstrando, dissertatio inauguralis pro gradu doctoris publice depensa». (Это сочиненіе не могло быть напечатано по причинѣ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ). Изъ сочиненій же, изданныхъ имъ въ свѣтъ, извѣстны: «Слово о содѣйствіи Россіи благу Европы», произнесенное въ торжественномъ годовомъ университетскомъ собраніи 6 іюля 1817 г. «О древнѣйшихъ торговыхъ связяхъ Россійскихъ Славянъ съ другими народами и пути чрезъ Россію въ Грецію» (въ 2 ч. «Чтеній Общ. Истор. и Древн. Россійск.» 1824). Изъ переводовъ Бекетова извѣстны: Рихтера, «Исторія медицины въ Россіи», 2 и 3 части (первая часть, начатая Озеровымъ, только докончена Бекетовымъ); Вольтера, «Исторія царствованія Петра Великаго»; Клопштока, «Мессіада» въ прозѣ, 4 ч. Москва, 1820 г.; неоконченною печатаніемъ осталась «Хронологія» по Гегевишу. Кромѣ того, имъ читано было въ медико-физическомъ обществѣ въ 1819 г. разсужденіе: «О связи статистики съ науками физическими и объ основаніи оной».

Автобіографія въ переводѣ Рихтеровой исторіи.—«Москов. Вѣдомости» 1829 г. № 56 (некрологъ). — Біографическій словарь профессоровъ московскаго университета I, 90 (Вернадскаго).

Геннади, Березинъ, Клюшниковъ, Андреевскій, Венгеровъ. — «Русская Старина», т. XX, стр. 208—211.

Бекетовъ, *Никита Аѳанасьевичъ*, генералъ-поручикъ, род. 8 сентября 1729 г., ум. 9 іюля 1794 г. Дворянинъ по происхожденію, сынъ полковника, онъ тринадцати лѣтъ былъ отданъ въ сухопутный кадетскій корпусъ. Здѣсь, во время одного изъ кадетскихъ спектаклей, Императрица Елизавета обратила вниманіе на красиваго юношу, пожаловала его въ сержанты и не позабыла его и впослѣдствіи. Вскорѣ затѣмъ Бекетовъ былъ произведенъ въ подпоручики, а въ 1751 г. былъ выпущенъ изъ корпуса въ армію премьеръ-маіоромъ, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ къ графу Разумовскому. Разумовскій полюбилъ Бекетова, приблизилъ его къ себѣ и исходатайствовалъ ему чинъ полковника, а Императрица пожаловала его богатыми помѣстьями. Но быстрое возвышеніе Бекетова возбудило въ придворныхъ сферахъ подозрительное отношеніе и непріязнь; его рѣшили удалить отъ Двора. Кто-то предложилъ ему какое-то косметическое средство для бѣлизны кожи, изуродовавшее Бекетову лице, а одна статсъ-дама, пользовавшаяся довѣріемъ и любовью Императрицы Елизаветы, посовѣтовала ей удалить Бекетова, какъ человѣка сквернаго поведенія, что и было исполнено подъ благовиднымъ предлогомъ; Бекетовъ отправился въ армію и вскорѣ по своемъ пріѣздѣ принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ. 19 августа 1757 года, въ сраженіи при Гросъ-Егерндорфѣ онъ принялъ боевое крещеніе и вскорѣ послѣ этого былъ назначенъ командиромъ 4-го гренадерскаго полка. 11 января 1758 г. Бекетовъ во главѣ своего полка участвовалъ при занятіи г. Кенигсберга, съ 4 по 13 августа, въ составѣ войскъ главной арміи, находился при осадѣ кр. Кюстрина, а 14 августа участвовалъ въ сраженіи при Цорндорфѣ, когда 4-й гренадерскій полкъ, расположенный во 2-й линіи на правомъ флангѣ арміи Фермора, былъ почти весь уничтоженъ фланговыми аттаками прусской кавалеріи, подъ начальствомъ Зейдлица. 10 офицеровъ было убито, 18 ранено, а командиръ полка, Бекетовъ былъ захваченъ въ плѣнъ, изъ котораго освободился спустя два года. По возвращеніи изъ плѣна онъ былъ произведенъ въ бригадиры, а въ 1762 г.—въ генералъ-маіоры. Въ 1763 г. Бекетовъ былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ, и съ этого времени начинается его мирная и весьма плодотворная дѣятельность. Управляя астраханскою губерніею, онъ основалъ въ ней нѣсколько нѣмецкихъ колоній, между прочимъ и извѣстную Сарептскую. Для защиты жителей отъ киргизскихъ набѣговъ онъ построилъ Енотаевскую крѣпость. Главныя же заботы его были направлены на развитіе земледѣлія, которымъ мало занимались въ томъ краю. Для этого онъ переселилъ туда часть своихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній и построилъ въ степяхъ селенія. Затѣмъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на разведеніе лучшихъ сортовъ виноградныхъ лозъ и выдѣлку хорошихъ винъ, для чего выписывалъ изъ заграницы искусныхъ винодѣлателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился о разведеніи шелководства, и усилилъ торговыя сношенія съ Персіей, поднялъ и улучшилъ рыбные промыслы и установилъ новыя правила для взиманія съ нихъ податей, благодаря чему доходы съ этихъ промысловъ, поступавшіе въ государственную казну раньше только съ одной астраханской губерніи, стали поступать почти со всей Имперіи, составивъ такимъ образомъ одну изъ видныхъ статей бюджета. За свои труды Бекетовъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени, чиномъ генералъ-поручика и званіемъ сенатора (21 апрѣля 1773 г.). Въ 1771 г. четыреста тысячъ калмыковъ, кочевавшихъ въ астраханской губерніи, со всѣмъ своимъ имуществомъ и стадами ушли въ Китай, не смотря на всѣ старанія Бекетова воспрепятствовать этому. Нѣсколько разъ заблаговременно увѣдомлялъ онъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдѣніи которой находились калмыки, чтобы она приняла мѣры противъ переселенія калмыковъ, но донесенія его не были уважены. Въ 1780 г. Бекетовъ вышелъ въ отставку и поселился въ собственномъ помѣстьѣ Отрадѣ, саратовской губерніи (между Царицынымъ и Сарептою), близъ минеральныхъ водъ, имъ-же открытыхъ. Четырнадцать лѣтъ прожилъ онъ на покоѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Тѣло его было погребено, въ силу духовнаго завѣщанія, въ другомъ его помѣстьи, Черепаха, около Астрахани.

Въ молодости Бекетовъ занимался по-

зіей и писалъ стихи, преимущественно пѣсни; нѣкоторыя изъ нихъ были помѣщены въ собраніи пѣсенъ, изданномъ въ Москвѣ въ 1780 — 1781 годахъ. Кромѣ стихотвореній онъ написалъ трагедію въ стихахъ «Никаноръ» (по другимъ извѣстіямъ «Эдипъ»); содержаніе ея взято изъ Ассирійской исторіи, но она не была напечатана и сгорѣла въ пожарѣ, уничтожившемъ его домъ въ помѣстьѣ Отрада.

Д. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли».—Масловскій, «Русская армія въ Семилѣтнюю войну». Москва, 1888 г.—Журналъ военныхъ дѣйствій съ 1757—1761 гг. С.-Петербургъ, 1762 г.—Словарь Венгерова.—Рукописные матеріалы Баранова.

Г. М.

Бекетовъ, *Платонъ Петровичъ*, иконографъ и издатель, почетный членъ московскаго университета и обществъ: испытателей природы и любителей россійской словесности, род. 11 ноября 1761 г. въ Симбирскѣ, ум. 6 января 1836 г. въ Москвѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ частныхъ пансіонахъ, сначала въ Симбирскѣ, а потомъ въ Казани, гдѣ обучался вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, баснописцемъ Дмитріевымъ. Послѣ Пугачевскаго бунта, Бекетовъ продолжалъ образованіе въ Москвѣ, въ пансіонѣ Шадена, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, которому приходился родственникомъ, хотя и дальнимъ. По окончаніи образованія, Бекетовъ поступилъ въ военную службу, въ гвардію, откуда вышелъ въ отставку съ чиномъ премьеръ-маіора. Въ 1798 г. онъ поселился въ Москвѣ и занялся литературой—главнымъ образомъ, собираніемъ и изданіемъ портретовъ и книгъ. Къ литературѣ Бекетовъ чувствовалъ влеченіе съ дѣтства. Уже въ 1780 г. въ «С.-Петерб. Вѣстн.», появились его переводы: 1) Иль пенсеро или мысли Мильтоновы (съ французскаго) и 2) Размышленія одного человѣка, которыя можно почесть предсказаніемъ. Тамъ же напечатаны въ 1780 г. и его стихи къ портрету Вольтера. Нѣсколько стихотвореній его помѣщено въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», въ 1794 г. Въ 1801 г. Бекетовъ завелъ собственную типографію, въ которой печатались, между прочимъ, сочиненія Богдановича, Гнѣдича, Жуковскаго, Василія Пушкина, Хераскова, Радищева, тщательно редактированныя Бекетовымъ. Въ то же время онъ былъ однимъ изъ издателей «Друга Просвѣщенія», который печатался въ его типографіи. Задумавъ издать собраніе «Портретовъ знаменитыхъ Россіянъ», Бекетовъ добылъ нѣсколько сотенъ подлинныхъ живописныхъ и гравированныхъ портретовъ и для гравированія образовалъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей школу пунктирныхъ мастеровъ, которые, подъ его руководствомъ, награвировали болѣе 300 досокъ. Въ 1801 г. онъ выпустилъ, съ текстомъ Карамзина, «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» 4 тетради въ листъ, по 5 портретовъ въ каждой; сюда вошли портреты: Бояна, Нестора, Никона, Артамона Матвѣева, царевны Софіи Алексѣевны, Ѳеофана Прокоповича, Симеона Полоцкаго, кн. Кантемира, Ломоносова и др. Затѣмъ, въ 1821—1824 г.г. Бекетовъ издалъ первую часть «Собранія портретовъ, россіянъ знаменитыхъ по своимъ дѣяніямъ воинскимъ и гражданскимъ, по учености, сочиненіямъ, дарованіямъ, или коихъ имена по чему другому сдѣлались извѣстными свѣту, въ хронологическомъ порядкѣ, съ приложеніемъ ихъ краткихъ жизнеописаній». Изданіе предполагалось въ пяти частяхъ, но не имѣло успѣха, и потому издатель ограничился выпускомъ только одной части. Послѣ его смерти награвированныя мѣдныя доски были куплены братьями И. В. и П. В. Кирѣевскими, которые въ 1844 г. издали: 1) «Изображенія людей знаменитыхъ или чѣмъ нибудь замѣчательныхъ, принадлежащихъ по рожденію или заслугамъ Малороссіи» (42 портрета) и 2) «Портреты именитыхъ мужей Россійской церкви». Кромѣ того, въ 1810 г. Бекетовъ издалъ «Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 г., февраля 5, при бракосочетаніи Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною, изъ рода Стрѣшневыхъ» (62 рис.). Въ 1811 г. Бекетовъ былъ избранъ предсѣдателемъ основаннаго въ томъ году московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и занималъ это мѣсто до 1823 г. Онъ обогатилъ библіотеку общества старинными рукописями, книгами и монетами. Въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ» общества помѣщены его сочиненія: «О серебрѣ Ярославлѣ» (II, стр. 124—134), «Мнѣніе о генеалогическомъ древѣ г. Шагубатова» (III, стр. 119—123) и три рѣчи, въ разное время произнесенныя имъ въ качествѣ предсѣдателя и посвященныхъ текущимъ дѣламъ общества (I, 1—24. II, 106—108 и III, 109—112). Погребенъ Бекетовъ въ Новоспас-

скомъ монастырѣ. Послѣ него осталось много древнихъ рукописей, книгъ и автографовъ.

Словари: Венгерова, Толя, Березина, Геннади, Андреевскаго, Клюшникова, Старчевскаго, митр. Евгенія, Снегирева и Ровинскаго (Словарь гравир. портр. и Словарь граверовъ). — «Истор. Вѣстн.», 1884 г., кн. 6, стр. 499.—Роспись Смирдина, №№ 2683, 2904 и 6120. — Венгеровъ (а за нимъ и Андреевскій) показалъ Бекетова родившимся въ 1776 г., и самъ же обнаружилъ невѣрность такого указанія, говоря, что Б., «*мальчикомъ* въ 1780 г.» напечаталъ переводъ: Иль пенсеро или мысли Мильтоновы. У Березина и Старчевскаго бытность Бекетова предсѣдателемъ общества исторіи и древностей россійскихъ опредѣлена съ 1810 по 1820 г. Но уставъ помянутаго общества утвержденъ 21 января 1811 г., и первое засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Бекетова, состоялось 13 марта 1811 г. («Труды» I, 1—24). Изъ «Трудовъ» общества видно, что въ 1823 г., Бекетовъ состоялъ предсѣдателемъ общества и оставилъ въ этомъ году предсѣдательство по болѣзни.

Бекетовъ, *Ѳедоръ Андреевичъ*, профессоръ ярославскаго Демидовскаго лицея, род. въ 1787 г., былъ сынъ оберъ-офицера, первоначальное образованіе получилъ въ бывшей при московскомъ университетѣ гимназіи, въ 1806 г. поступилъ въ число студентовъ московскаго университета, который и окончилъ въ 1810 г. со степенью кандидата. Въ 1815 г., по выдержаніи экзамена, получилъ степень магистра этико-политическихъ наукъ. Въ теченіе 1809—1813 г. состоялъ преподавателемъ въ гимназіи при университетѣ, а съ 1814 до 1817 г., по назначенію совѣта университета, «слушалъ въ ономъ вновь лекціи естественнаго, народнаго и римскаго правъ для чиновниковъ службою обязанныхъ». Въ 1817 г. Бекетовъ былъ назначенъ профессоромъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ по каѳедрѣ политической экономіи и науки финансовъ, гдѣ и оставался до выхода въ отставку въ 1837 г. Изъ произведеній Бекетова напечатаны только три его небольшія «Разсужденія», произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ училища: «Объ основаніяхъ, постепенномъ ходѣ и пользѣ экономіи политической» (М. 1818 г.), «О существенныхъ свойствахъ и принадлежностяхъ экономіи политической» (М. 1826 г.) и «О вліяніи богатствъ въ отношеніи къ народонаселенію, согласно съ началами экономіи политической» (М. 1833 г.).

Головщиковъ, «В. Г. Демидовъ и основанное имъ въ Ярославлѣ училище высшихъ наукъ». (Яр., 1890 г.).—Отчетъ Демидовскаго лицея за 1837 г.—Словари Геннади и Венгерова.

Бекишевъ (Бѣгишевъ), *Аѳанасій*, купеческій депутатъ отъ города Тары въ Екатерининской коммиссіи 1768 года. Это былъ дѣятельный и энергичный депутатъ, почти во всѣхъ засѣданіяхъ высказывавшій самостоятельныя мнѣнія, всегда отмѣченныя знаніемъ дѣла. Онъ баллотировался въ коммиссію «о порядкѣ государства въ силѣ общаго права», и въ комиссію «объ обязательствахъ». Онъ высказывался за учрежденіе въ городахъ словесныхъ судовъ, въ составъ которыхъ избирались бы по одному человѣку изъ людей всѣхъ званій, живущихъ въ городѣ, и подробно выяснялъ полезность такихъ судовъ. При обсужденіи крестьянскихъ наказовъ Бекишевъ всегда отстаивалъ интересы крестьянъ: онъ высказывался за приведеніе въ точную извѣстность пашенной и сѣнокосной крестьянской земли и за прибавленіе оной, если ея окажется недостаточное количество, за освобожденіе отъ повинностей неспособныхъ къ работѣ, за перемѣну сбора провіанта въ пользу казны на обычный денежный крестьянскій окладъ, если крестьянамъ окажется тяжело нести этотъ сборъ, за отмѣненіе сбора съ мельницъ, кузницъ и т. п. промысловъ, если по точномъ освидѣтельствованіи окажется, что крестьяне платятъ «съ пуста» и т. п. Онъ считалъ нужнымъ изслѣдовать, «подлинно ли священники съ крестьянъ лишнее берутъ», и предлагалъ съ виновными поступить по строгости законовъ, а остальнымъ внушить, чтобъ они поступали законно съ прихожанами. По поводу безпорядковъ, существующихъ въ дѣлахъ, относящихся до ремесленниковъ, Бекишевъ подалъ подробную докладную записку, въ которой излагалъ по пунктамъ свой взглядъ на то, какъ упорядочить цеховое устройство, и выяснялъ причины безпорядковъ. По вопросу о «званіи благородныхъ» Бекишевъ примкнулъ къ мнѣнію, разумѣвшему подъ благородными и получившихъ это званіе по рожденію своему, и получившихъ дворянство за заслуги. Не отрицая права помѣщиковъ продавать произведенія собственныхъ деревень, Бекишевъ былъ противъ того, чтобы дворяне скупали продукты у другихъ, и стоялъ за предпочтительность продажи ихъ россійскому купечеству, а не иностранному.

Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общества.

Бекенштейнъ, *Іоганнъ-Симонъ*, докторъ правъ, академикъ по каѳедрѣ право-

вѣдѣнія. До переселенія въ Россію онъ жилъ въ родномъ городѣ, Данцигѣ и былъ тогда doctor legens при кенигсбергскомъ университетѣ. При первоначальномъ замѣщеніи каѳедръ исторіи языковъ и правовѣдѣнія въ нашей Академіи наукъ встрѣтилось гораздо больше затрудненій, чѣмъ по каѳедрамъ естественныхъ наукъ. Только въ 1725 г., когда изъ Данцига прибылъ Байеръ, при его посредствѣ, завязалась переписка о вызовѣ Бекенштейна изъ Германіи. 3 декабря 1725 г. былъ заключенъ контрактъ съ нимъ, а 24 іюня слѣдующаго года онъ прибылъ въ Петербургъ. Въ силу контракта, Бекенштейна назначили профессоромъ правовѣдѣнія, срокомъ на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 800 руб. въ годъ при казенной квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи. Какъ видно изъ отчета о занятіяхъ членовъ Академіи въ первый годъ ея существованія, Бекенштейнъ читалъ лекціи по правовѣдѣнію и составилъ «исторію права публичнаго». Онъ собирался писать «диссертаціи или разсужденія академическія», но вмѣсто этого, по распоряженію барона Остермана, написалъ и представилъ на его усмотрѣніе «Толкованіе и призначеніе на россійское Уложеніе». Во второй половинѣ 1727 г., Бекенштейнъ занялся составленіемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя начаты были въ этомъ году академикомъ Гроссомъ. Человѣкъ прямодушный и нѣсколько желчный, Бекенштейнъ не могъ примириться съ неустановившимися порядками нашей юной Академіи, гдѣ въ то время канцелярскіе вопросы преобладали надъ интересами науки. Бекенштейну, подобно Байеру, приходилось, кромѣ того, не мало переносить оскорбленій и даже притѣсненій со стороны академическаго библіотекаря Шумахера. Положеніе его сдѣлалось въ особенности затруднительнымъ съ октября 1731 г., когда по ходатайству его бывшаго ученика, вице-президента департамента эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ Кайзерлинга, Бекенштейна назначили участвующимъ въ этомъ департаментѣ. Здѣсь ему поручили судъ надъ бывшимъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи Фикомъ, оказавшимся причастнымъ къ извѣстной попыткѣ верховниковъ ограничить самодержавіе. Бекенштейнъ употребилъ всѣ старанія, чтобы устранить себя отъ этого политическаго дѣла, ссылаясь на незнаніе русскаго языка и на свое иноземное происхожденіе. Въ тоже время, чтобы доказать искренность приведенныхъ имъ поводовъ и свой монархическій образъ мыслей Бекенштейнъ выступилъ въ Академіи, въ 1831 г., съ восторженною рѣчью, которая является апологіей самодержавія и полна неодобрительныхъ намековъ, обращенныхъ къ тѣмъ лицамъ, которыя пытались ввести въ Россію олигархію. Эта блестящая рѣчь, о которой даже Шумахеръ отозвался лестно, была издана въ томъ же году подъ заглавіемъ: «Sermo panegyricus in solemni Academiae Scientiarum Imperialis Conventu die V Mai anni MDCCXXXI publice recitatus». Petropoli typis Academiae Scientiarum. Бекенштейнъ былъ уволенъ изъ Академіи, по прошенію, въ маѣ 1735 г. и въ іюнѣ того же года назначенъ почетнымъ членомъ ея, съ жалованіемъ 100 руб.; въ концѣ того же года Бекенштейнъ покинулъ Россію и поселился въ Кенигсбергѣ. Въ представленіи Шумахера о почетныхъ членахъ Академіи, писанномъ въ маѣ 1744 г., о Бекенштейнѣ болѣе не упоминается, а потому, надобно думать, что онъ тогда уже скончался. Изъ трудовъ Бекенштейна, до прибытія его въ Россію, извѣстна только одна капитальная статья — «De Helena Menelai» въ изданіи Ллиенталя Selecti litterarii. Въ Петербургѣ напечатаны, въ 1727 г. его привѣтственные стихи, на нѣмецкомъ языкѣ, Петру II, по случаю обрученія его съ княжною Меншиковою. Эти стихи были поднесены отъ имени Академіи и съ заглавіемъ: «Unserem Grossen Kayser Petro II auf den glückseeligen Tag dessen Verlobnisses» St.-Petersburg den 25 May 1727. Кромѣ упомянутой выше академической рѣчи, Бекенштейнъ издалъ въ 1731 г., для обученія молодаго императора геральдикѣ, «Kurtze Einleitung zur Wappen-Kunst und zur Art des Blasonierens, in deutlichen Exempeln gezeigt und in drei Sprachen, deutsch, französisch und lateinisch erkläret». Кромѣ того онъ работалъ также и по части русской геральдики. Въ сентябрѣ 1734 г., военная коллегія требовала отъ Академіи, чтобы Бекенштейнъ сочинилъ новые гербы для знаменъ слободскихъ полковъ: сумскаго, ахтырскаго, харьковскаго, изюмскаго и острогожскаго. Бекенштейнъ представилъ по этому поводу «мнѣніе о учиненіи новыхъ гербовъ въ слободскіе полки по состоянію тамошнихъ мѣстъ». Изъ этого архивнаго документа видно, что Бекенштейномъ уже ранѣе составлены были

подобные гербы для знаменъ морскихъ полковъ. Въ 1734 г., по порученію президента Академіи барона Корфа, онъ составилъ изображеніе для академической печати: на ней былъ представленъ русскій двуглавый орелъ въ золотомъ полѣ; на груди его красный щитъ съ изображеніемъ Минервы съ копьемъ въ правой рукѣ, а лѣвая покоится на щитѣ съ надписью: Sic tuta perennat. Баронъ Корфъ предложилъ только поставить вмѣсто sic—hic. 4-го января 1735 г. эта печать была утверждена Императрицею. Послѣднею работою Бекенштейна въ Академіи была представленная имъ въ 1735 г. статья «De horoscopo».

Adelung's Fortsetzung zu Iöcher I, 1582. — Рукопись Мюллера «Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg».—Словари: Геннади и Венгерова.—Пекарскій, Ист. Ак. Наукъ т. I, 197 — 210.—Брокгаузъ и Ефронъ т. III (Бекенштейнъ ошибочно названъ Бекштейномъ).

Беккерсъ, *Людвигъ Андреевичъ*, докторъ медицины, хирургъ, профессоръ медико-хирургической академіи по каѳедрѣ хирургической клиники, род. въ Москвѣ въ 1832 г., ум. 17 марта 1862 г. Первоначальное образованіе Беккерсъ получилъ въ московскомъ частномъ пансіонѣ Эннеса, затѣмъ поступилъ въ число студентовъ медико-хирургической академіи, откуда перешелъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1854 г. съ правомъ на степень доктора медицины, по защищеніи диссертаціи. Будучи студентомъ, Беккерсъ занимался преимущественно анатоміею и между товарищами пользовался славою отличнаго препаратора; профессора же смотрѣли на него, какъ на будущаго хирурга. По окончаніи курса, Беккерсъ поступилъ въ военно-медицинскую службу, во 2-й петербургскій военно-сухопутный госпиталь и здѣсь обратилъ на себя вниманіе Н. И. Пирогова, который взялъ его съ собою, въ 1854 г., въ Севастополь. Въ теченіе 6-ти мѣсячнаго пребыванія въ Севастополѣ, Беккерсъ сдѣлалъ до 400 большихъ операцій. Въ 1855 г., по возвращеніи въ Петербургъ, Беккерсъ былъ откомандированъ въ военный ораніенбаумскій госпиталь; въ августѣ того же года, по Высочайшей волѣ, сопровождалъ Н. И. Пирогова при вторичной командировкѣ послѣдняго въ Крымъ, гдѣ пробылъ до января 1856 года. Пробывъ недолгое время въ Петербургѣ, онъ снова отправился въ Крымъ, въ качествѣ члена комитета о раненыхъ подъ предсѣдательствомъ кн. Долгорукова. По закрытіи комитета, былъ приглашенъ кн. Васильчиковымъ въ слѣдственную коммиссію, для раскрытія злоупотребленій госпитальныхъ чиновниковъ во время крымской кампаніи. По окончаніи слѣдствія, въ 1857 г. Беккерсъ, на средства Ея Величества, посланъ былъ на три года въ научную командировку за границу; по возвращеніи, защитилъ диссертацію на степень доктора медицины, на тему: «Насильственное выпрямленіе анкилоза колѣна», и назначенъ адъюнктъ-профессоромъ медико-хирургической академіи; въ 1860 г., за смертью профессора Рклицкаго, къ Беккерсу перешло завѣдываніе всею хирургическою клиникою академіи. Беккерсъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, отравившись синеродистымъ каліемъ. Смерть Беккерса вызвала много толковъ. Выставляли разныя причины, сводившіяся къ самолюбію и другимъ мелкимъ побужденіямъ. Но, по утвержденію товарищей Беккерса, профессоровъ И. Сѣченова, С. Боткина и П. Хлѣбникова, «ни одна изъ этихъ мелкихъ причинъ не могла заставить Беккерса забыть тѣ обязанности, которыя налагалъ на него его талантъ, передъ академіей и обществомъ». Что же касается истинной причины его смерти, то она осталась неразъясненною, такъ какъ «въ жизни частнаго человѣка часто бываютъ событія, которыя послѣ смерти остаются достояніемъ только его близкихъ».

«Медиц. Вѣстн.» 1862 г., № 14. — Словари: Венгерова, Геннади и Андреевскаго.

Беккеръ, *Василій Васильевичъ*, профессоръ университета св. Владиміра, сынъ саксонскаго подданнаго, учителя ревельской гимназіи, род. 23 ноября 1811 г. въ Ревелѣ, ум. 28 марта 1874 г. въ С.-Петербургѣ. По окончаніи курса въ ревельской гимназіи, онъ поступилъ (въ 1830 г.) на медицинскій факультетъ дерптскаго университета; въ 1833 г. получилъ степень лѣкаря, а въ 1836 г. защитилъ докторскую диссертацію—De iritidis diagnosi recte constituenda (Дерптъ, 1836 г., 16°, 52 стр.). 4 февраля 1837 г. Беккеръ поступилъ на службу врачемъ при алатырской удѣльной конторѣ. Состоя въ этой должности, онъ получилъ изъ кабинета Его Величества въ 1840 г. золотые часы, а въ 1842 г.—брилліантовый перстень. Въ 1843 г. Беккеръ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ кіевскаго университета по каѳедрѣ

общей терапіи, врачебнаго веществословія и рецептуры, въ 1845 г.—ординарнымъ профессоромъ по фармакологіи и общей терапіи. Кромѣ того, въ 1844—45 академическомъ году онъ читалъ курсъ теоретической хирургіи съ офтальміатріей. Въ 1858 г. Беккеръ былъ опредѣленъ консультантомъ при больницѣ института благородныхъ дѣвицъ, въ Кіевѣ и въ томъ же году былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу. 21 декабря 1859 г., Беккеръ вышелъ въ отставку и поселился въ Дрезденѣ; затѣмъ, вновь вернулся въ Россію и въ 1867 г. получилъ мѣсто начальника медицинской части въ Царствѣ Польскомъ; въ 1870 г., за упраздненіемъ этой должности, назначенъ медицинскимъ инспекторомъ гражданскихъ больницъ города Варшавы. За время службы Беккеръ получилъ слѣдующія награды: въ 1852 г. чинъ статскаго совѣтника, въ 1854 г.—орденъ св. Анны 2-й ст. и въ 1858 г.—св. Станислава 2-й ст. съ короною. Кромѣ докторской диссертаціи, послѣ Беккера печатныхъ трудовъ не осталось. В. В. родной братъ П. В. Беккера, изслѣдователя понтійскихъ древностей.

Словарь профессоровъ университета св. Владиміра.—Рекке и Напирскій.—Словари: Андреевскаго и Венгерова. — Album Academicum des Kaiserlichen Universität. Dorpat. 1890, № 2774.

Беккеръ, *Павелъ Васильевичъ*, профессоръ и директоръ Ришельевскаго лицея, археологъ, род. въ Ревелѣ 8 мая 1808 г., ум. 8 апрѣля 1881 г. Сынъ саксонскаго подданнаго, воспитанникъ ревельской гимназіи, гдѣ его отецъ былъ старшимъ учителемъ, и дерптскаго университета, Беккеръ, по окончаніи послѣдняго въ 1829 г., отправился въ Лейпцигъ и тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ усердно занимался въ университетѣ, слушая, между прочимъ, лекціи греческой словесности у Германа. Послѣ того онъ также около двухъ лѣтъ изучалъ римскую словесность и латинскій языкъ въ берлинскомъ университетѣ. Въ 1834 г. Беккеръ былъ удостоенъ іенскимъ университетомъ степени доктора классической филологіи. Послѣ дальнѣйшихъ двухлѣтнихъ занятій за границей классической археологіей, онъ вернулся въ Россію и въ 1837 г. былъ назначенъ адъюнктомъ латинской и греческой словесности въ Ришельевскомъ лицеѣ. Послѣ закрытія каѳедры греческой словесности его сдѣлали исправляющимъ должность профессора римской словесности (6 января 1838 г.) и наконецъ, по выдержаніи магистерскаго экзамена и защитѣ диссертаціи въ университетѣ св. Владиміра, профессоромъ, въ каковомъ званіи онъ оставался до 1857 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ Беккеръ въ 1840—41 г.г. и въ 1853—54 г.г. преподавалъ латинскій языкъ въ гимназическихъ классахъ Ришельевскаго лицея, а съ 10 сентября 1848 г. до конца 1852 г. занималъ должность директора одесской второй гимназіи. Завѣдуя долгое время лицейской библіотекой, онъ много сдѣлалъ для ея обогащенія и приведенія въ лучшій порядокъ. Съ 4 августа 1838 г. по 1839 г. онъ исправлялъ должность инспектора лицея и съ 1857 по 18 іюня 1862 г. состоялъ его директоромъ. Въ 1862 г. онъ былъ уволенъ отъ должности директора лицея и причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, а въ 1863 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Дрезденѣ, гдѣ и скончался. Будучи знатокомъ своего предмета и относясь къ нему съ особенною любовью, Беккеръ считался однимъ изъ лучшихъ педагоговъ своего времени. Зимою 1856 г. онъ, съ разрѣшенія попечителя Н. И. Пирогова, безплатно преподавалъ два раза въ недѣлю для желающихъ учениковъ двухъ старшихъ классовъ одесскихъ гимназій уроки латинскаго языка. Эти необязательные уроки однако же посѣщались почти всѣми учениками, которые въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ успѣвали больше, чѣмъ въ теченіе академическаго года при обычномъ гимназическомъ преподаваніи. Въ лицеѣ Беккеръ читалъ для юристовъ институціи Юстиніана и римскія государственныя древности, тѣ и другія на латинскомъ языкѣ, что безъ сомнѣнія, вліяло на краткость и даже сухость курса, но русскимъ языкомъ Беккеръ владѣлъ плохо. Какъ ученый, Беккеръ составилъ себѣ почетное имя въ области классической археологіи; большинство его научныхъ трудовъ касается древностей Новороссійскаго края. Свои сочиненія онъ писалъ по преимуществу на нѣмецкомъ языкѣ и обнаруживалъ въ нихъ знаніе дѣла и рѣдкую добросовѣстность. Наиболѣе цѣнными изъ нихъ, могущими послужить хорошимъ дополненіемъ къ «Черноморью» Бруна, считаются слѣдующія: «Beiträge zur genauen Kenntniss Tomi's und Nachbarstädte» (Лейпцигъ, 1853 г. Здѣсь устанавливается мѣсто

ссылки Овидія Назона возлѣ города Кюстенджи); «Гражданскій бытъ Тиритовъ при римскихъ императорахъ» (Одесса, 1848 г.); «Тирасъ и Тириты». Изложеніе надписи, представляющей два рескрипта, данные римскими императорами на имя Тиритовъ. (Од. 1849 г.); «Берегъ Понта Евксинскаго отъ Истра до Борисѳена въ отношеніи къ древнимъ колоніямъ». Съ 61 картой (Од., 1851 г. Сочиненіе это удостоено почетнаго отзыва Академіи наукъ); «Матеріалы для древностей г. Томи и сосѣднихъ ему приморскихъ городовъ Понта Эвксинскаго» (Од. 1859 г.); «Новая коллекція надписей на ручкахъ древнихъ сосудовъ, найденныхъ въ Южной Россіи» (Од., 1868 г.); «О надписяхъ на ручкахъ греческихъ амфоръ изъ собранія П. К. Суручана» (Од. 1879 г.); (всѣ почти сочиненія Беккера на русскомъ языкѣ печатались въ «Запискахъ» Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, членомъ котораго онъ состоялъ очень долгое время). «Die Herakleatische Halbinsel in archeologischer Beziehung» (Leipzig, 1856 г.); «Ueber zweite Sammlung unedirten Henkelinschriften aus dem südlich. Russland» (Leipzig, 1869 г.) и «Ueber dritte Sammlung... (Leipzig, 1878 г.). Кромѣ того назовемъ еще слѣдующіе труды Беккера: «Опытъ объясненія неизданной монеты, относящейся къ Виоинскому городу Тію» (Од. 1852 г.); «Керчь и Тамань въ 1852 г.» (М., 1852 г., первоначально въ «Пропилеяхъ» Леонтьева, т. III); «Замѣчанія о неизданныхъ греческихъ надписяхъ, собранныхъ въ южной Россіи» (Од. 1862 г.); «Oratio de causis quibusdam, cur in Russia litterae latinae ordini juris studiosorum necessariae sunt («Торжественный актъ Ришельевскаго лицея 1842 г.»); «Neue Anschlusse über zwei olbiosche Inschriften» («Mélanges graeco-romains», v. I, 1854 г.); «Das Alterthum und Alterthümer der Schlangeninsel» (Од., 1856 г.), и др. Слѣдуетъ еще упомянуть учебный «Гимназическій курсъ латинскаго языка» (Од. 1844 и 1845 г.) Беккера, который былъ значительно лучше тогдашнихъ одобренныхъ учебниковъ, но, какъ не согласованный строго съ программой министерства, успѣха не имѣлъ.

Михневичъ, «Пятидесятилѣтіе Ришельевскаго лицея» (Од. 1857 г.).—Некрологъ въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Росс.» т. XII.—Ст. В. Яковлева въ «Критико-біографическомъ Словарѣ» С. А Венгерова.—«Ришельевскій лицей и Императорскій Новороссійскій университетъ. Сборникъ, изданный бывшими воспитанниками лицея и университета». Ч. I. (Од., 1898 г.).

Беккеръ, *Фридрихъ Эрнстъ Теодоръ*, докторъ медицины, род. въ Кандау въ 1793 г., ум. 4 іюля 1828 г. Учился въ Дерптѣ, Берлинѣ и Геттингенѣ; въ послѣднемъ получилъ степень доктора медицины. Въ 1818 г. Беккеръ вернулся въ Россію и въ 1825 г. поступилъ врачемъ въ митавскій госпиталь. Съ 1827 г. онъ былъ окружнымъ врачемъ въ Баускѣ. Умеръ въ Якобштадтѣ, куда отправился на рекрутскій наборъ. Диссертація его на докторскую степень: «De A. C. Celsi medicinae libro tertio» Goetting. 1816.

«Recke и Napiersky».

Беккеръ, *Христофоръ Ивановичъ*, докторъ, съ 1668 г. на русской службѣ, на которую былъ опредѣленъ изъ Амстердама полномочными посланниками Петра I, генералъ-адмираломъ Лефортомъ и Головинымъ. Былъ назначенъ на царскую службу въ качествѣ врача для посольства. Вмѣстѣ съ посланниками пріѣхалъ въ Петербургъ черезъ Смоленскъ; былъ въ свитѣ Императора въ г. Воронежѣ. Беккеръ состоялъ на русской службѣ очень непродолжительное время и уже въ слѣдующемъ году былъ отпущенъ въ Германію приказомъ Петра I, безъ охранной грамоты.

Рихтеръ «Исторія медицины въ Россіи».

Беккеръ, *Яковъ* (Iakob Friedriech), докторъ медицины, род. въ Митавѣ, образованіе получилъ въ Кенигсбергѣ, степени доктора медицины удостоенъ тамъ же, въ 1744 г., за диссертацію: «De speciali sanguinis in cerebro circulatione» Regiom. 1744.

Recke и Napiersky.

Беклемишевы, дворянскій родъ, ведущій себя «изъ Прусъ». Представители его никогда не поднимались высоко въ московской служилой средѣ и обыкновенно именуются дѣтьми боярскими. Изъ лицъ этой фамиліи наиболѣе извѣстны: Никита Васильевичъ и сынъ его, Иванъ Берсень (ихъ біографіи см. отдѣльно); *Семенъ Васильевичъ*, алексинскій воевода 1472 г.: во время нашествія Ахмата, Іоаннъ приказалъ ему оставить Алексинъ, такъ какъ не было возможности держаться; но воевода не захотѣлъ удалиться безъ посула отъ жителей; они давали ему пять рублей, а онъ требовалъ шестаго, «для жены»; однако начатый татарами приступъ заставилъ вое-

воду бѣжать за Оку; *Иванъ Васильевичъ*, воевода Іоанна Грознаго, который въ казанскомъ походѣ 1544 г. былъ первымъ воеводой второго большого полка, въ шведскомъ походѣ 1549 г. опять первымъ воеводой 6-го ертаульнаго полка, а въ полоцкомъ походѣ 1551 г. первымъ воеводой 6-го большого полка; *Игнатій-Истома Игнатьевичъ* былъ убитъ при взятіи Казани 2-го октября 1552 г. Его имя вписано въ синодикъ московскаго Успенскаго собора на вѣчное поминовеніе; *Михаилъ Петровичъ*, въ 1678 г. былъ стряпчимъ въ Шацкѣ, а въ 1687 г. былъ переведенъ въ Туруханскъ воеводой. Затѣмъ извѣстны три брата: *Василій Михайловичъ*, по прозванію Одинецъ, ум. въ 1660 г.; въ 1645—1648 гг. онъ былъ воеводой въ Теркахъ, въ 1651 г. вторымъ судьей во Владимірскомъ судномъ приказѣ; въ 1656 г. воеводой на Бѣлой, а въ 1659 г. переведенъ воеводой же въ Тобольскъ, гдѣ и умеръ; *Никифоръ Михайловичъ*, патріаршій бояринъ; въ 1656 г. въ походѣ царя Алексѣя Михайловича на свѣйскаго короля подъ Ригу онъ шелъ «головой у обозу»; нѣкоторое время потомъ онъ былъ астраханскимъ воеводой, а въ 1674 г. мы встрѣчаемъ его снова въ Москвѣ, гдѣ онъ велъ подъ узду осла, на которомъ ѣхалъ преосвященный Іоакимъ новгородскій во время крестнаго хода въ Вербное воскресенье. Въ 1688 г. онъ именуется патріаршимъ бояриномъ при патріархѣ Іоасафѣ; *Алексѣй Михайловичъ*, ум. въ 1670 г.; съ 1664 г. по 1667 г. онъ былъ туринскимъ воеводой, въ 1668 г. переведенъ воеводой въ Тюмень, гдѣ и умеръ. *Матвѣй Алексѣевичъ*, сынъ послѣдняго, подъ 1670 г. упоминается, какъ туринскій воевода. *Семенъ Назаровичъ*, черноярскій воевода 1667 г. въ бунтъ Стеньки Разина сдѣлался жертвой жестокости казаковъ: «воровскіе казаки воеводу, Семена Беклемишева, ограбили безъ отстатку, руку ему, Семену, чеканомъ порубили и плетьми били», о чемъ онъ самъ передавалъ, когда израненный и избитый, добрался до Астрахани.

Въ XVII ст. весьма много Беклемишевыхъ служило въ стольникахъ, стряпчихъ, дьякахъ; въ числѣ владѣльцевъ населенными имѣніями значится въ 1699 г. Беклемишевыхъ 41 человѣкъ. Изъ рода Беклемишевыхъ происходили и матери двухъ знаменитыхъ русскихъ дѣятелей: отецъ князя Д. М. Пожарскаго, князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, былъ женатъ на Евфросиніи Ѳеодоровнѣ Беклемишевой, въ инокиняхъ Евдокіи; также и отецъ князя М. И. Голенищева-Кутузова, Илларіонъ Михаиловичъ, былъ женатъ на Беклемишевой.

«Дворцовые разряды»—Акты Арх. Эксп.—Акты Ист. — Доп. къ Акт. Ист. — Род. книга Бобринскаго.—«Двор. роды» Петрова.—«Росс. род. книга» кн. Долгорукаго.

Беклемишевъ, *Берсень-Иванъ Никитичъ*, сынъ Никиты Васильевича Беклемишева, ум. въ 1525 г. Въ разрядныхъ книгахъ онъ именуется «сыномъ боярскимъ», однако онъ участвовалъ въ великокняжеской думѣ и былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей и дипломатовъ при Иванѣ III и Василіи III. За свѣтлый умъ, за всегда удачные совѣты, за точное и быстрое исполненіе порученій, Иванъ III питалъ къ нему особенное расположеніе; къ тому же Иванъ Никитичъ былъ сыномъ его любимаго дьяка. Положеніе Берсеня было такъ высоко и прочно, что къ его заступничеству неразъ прибѣгали опальные, какъ напримѣръ кн. Василій Михайловичъ Верейскій. Въ 1490 г. Берсень былъ приставомъ при германскомъ послѣ Делаторѣ, пріѣзжавшемъ въ Москву отъ императора Максимиліана, который искалъ союза съ Іоанномъ III противъ польскаго короля и добивался руки его дочери. Въ 1492 г. Берсень самъ ѣздилъ посломъ въ Польшу къ королю Казиміру IV. Посольство это, однако, не удалось, такъ какъ по пріѣздѣ въ Варшаву Берсень узналъ, что Казиміръ умеръ, а потому разсудилъ вернуться назадъ и «не правити ни у кого посольства». Въ 1503 г. Берсень снова отправляется посломъ въ Крымъ къ хану Менгли-Гирею. При Василіи III Берсень постепенно утратилъ свое высокое положеніе. Еще въ 1514 г., въ числѣ прочихъ бояръ, Берсень встрѣчаетъ Камалу, посла турецкаго султана Селима I, у дверей большой палаты и даже провожаетъ его къ царю, т. е. занимаетъ одну изъ высшихъ и почетныхъ ступеней придворной іерархіи. Но уже вскорѣ послѣ этого, во время Литовской войны, произошло открытое столкновеніе в. князя съ Берсенемъ, который, по привычкѣ громко высказывать свое мнѣніе и давать совѣты, позволилъ себѣ по какому-то обстоятельству относительно Смоленска противорѣчить Василію III. «Поди прочь, смердъ,

ненадобенъ ми еси», отвѣтилъ ему в. князь, и съ этихъ поръ добрыя отношенія между в. княземъ и Берсенемъ уже не возобновлялись. Сторонникъ старины, «дѣдины», Берсень еще со времени женитьбы Ивана III на Софіи Палеологъ часто выражалъ сожалѣніе о томъ, что на Руси завелись новые порядки: «какъ пришли сюды Грекове, ино и земля наша замѣшалася», говорилъ онъ, а про Софію утверждалъ: «какова бы ни была, а къ нашему нестроенью пришла». Великаго князя Василія онъ осуждалъ за строгость и за приверженность къ Греціи: «перемѣнилъ князь Василій старые обычаи» — «старыхъ не почитаетъ». «Нынѣ государь, запершись, самъ-третей всѣ дѣла у постели рѣшаетъ», твердилъ онъ. Всѣ эти осужденія царя и недовольство Берсеня на «переставливанье обычаевъ» были сообщены Максимомъ Грекомъ, который въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія попалъ подъ судъ. Берсеня привлекли къ отвѣтственности, такъ какъ на допросѣ Максимъ Грекъ показалъ на него, будто онъ говорилъ дерзкія слова противъ государя по поводу его развода съ Соломоніей Сабуровой и осуждалъ митрополита Даніила, разрѣшившаго этотъ разводъ. На очной ставкѣ съ Максимомъ Грекомъ Берсень отказался отъ своихъ словъ. Однако, когда Максимъ Грекъ напомнилъ подлинныя рѣчи Берсеня, «что царь упрямъ и встрѣчи не любитъ», напомнилъ, что онъ это заказывалъ «никому не сказывать», — Берсень повинился и былъ приговоренъ къ смертной казни. Зимою 1525 года Берсень былъ обезглавленъ на Москвѣ-рѣкѣ.

Акты Арх. Эксп. — «Дворцовые разряды». — «Разрядные дьяки» Лихачева. — «Род. кн. Петрова». — «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи» Бантышъ-Каменскаго. — «Сборникъ князя М. А. Оболенскаго».—Соловьевъ, Ист. Россіи.—Карамзинъ.

Беклемишевъ, *Никита Васильевичъ*, сынъ боярскій. Въ 1472 г. великій князь посылалъ его за царевичемъ Муртазой, сыномъ казанскаго царя, звать его на службу къ великому князю, послѣ чего царевичъ и явился въ Москву. Въ 1474 г. Беклемишевъ былъ отправленъ посломъ въ Крымскую орду къ хану Менгли-Гирею, для заключенія союза. Въ памятникахъ подъ этимъ годомъ онъ именуется бояриномъ, тогда какъ вездѣ до того только «сыномъ боярскимъ». Очевидно, бояринъ, въ данномъ случаѣ, лишь посольскій титулъ. Въ 1475 г. Никита Беклемишевъ, въ качествѣ дьяка, сопровождалъ Ивана III въ Новгородъ. Вообще, въ разрядныхъ рукописяхъ подъ этимъ годомъ имя дьяка Беклемишева постоянно встрѣчается при перечисленіи лицъ, сопровождающихъ Ивана Васильевича во время его отлучекъ изъ Москвы. Очевидно, что Никита Беклемишевъ былъ въ милости у этого государя.

Лѣтописи. — «Дворцовые разряды». — Доп. къ Акт. Ист.—«Разрядные дьяки» Лихачева.

Беклемишевъ, *Николай Васильевичъ*, драматическій писатель, род. въ 1817 г., ум. 8 мая 1866 г. въ Спа. Въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ имъ напечатаны нѣсколько статеекъ о театрѣ въ «Литературной газетѣ» и въ «Пантеонѣ»; двѣ его драмы «Жизнь за жизнь» и «Майко» приняты были на московской сценѣ, первая шла въ бенефисъ П. С. Мочалова, другая въ бенефисъ П. И. Орловой (напечатана въ Спб. 1847); оставилъ послѣ себя дневникъ, интересный для исторіи московскаго театра; былъ очень друженъ съ Мочаловымъ, который чрезвычайно къ нему привязался; года за два до смерти онъ собирался обратить свою обширную библіотеку въ народную читальню, но не успѣлъ этого исполнить. Погребенъ въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Хроника С.-Петербургскихъ театровъ. XXXIX.— Антрактъ 1867 г. № 8. — Словари: Геннади, Березина, Клюшникова, Венгерова.

Беклемишевъ, *Петръ Ивановичъ*, русскій дворянинъ, въ началѣ XVIII столѣтія, при Петрѣ I, жившій за границею, въ Голландіи и Венеціи. Въ 1710 г. Беклемишевъ въ Амстердамѣ напечаталъ переводъ съ греческаго на «словено-россійскій діалектъ» похвальнаго слова Петру I, которое сочинилъ нѣкто «Анастасій Михайловичъ Наузензнусь, македонянинъ». Переводъ назывался: «Өеатръ іли зерцало монарховъ» и, кромѣ похвалъ Петру и Меншикову, содержалъ замѣчанія о тогдашнемъ состояніи Греціи и ея значеніи въ развитіи просвѣщенія. Авторъ, какъ видно изъ сочиненія,—грекъ, учившійся въ Германіи медицинѣ. У Пекарскаго есть догадка, что переводчикъ долго жилъ за границей и даже получилъ тамъ воспитаніе. Въ 1717 г. Беклемишевъ находился въ Венеціи и состоялъ агентомъ при тайномъ совѣтникѣ Саввѣ Рагузинскомъ, пред-

ставителѣ русскаго двора по торговымъ сношеніямъ съ Италіею. Въ 1717 г. Рагузинскому поручено опредѣлить на службу бывшихъ въ Венеціи молодыхъ русскихъ, въ числѣ которыхъ находился Ив. Ив. Неплюевъ, оставившій послѣ себя записки. Неплюевъ называетъ Беклемишева агентомъ, и послѣдній опредѣлилъ его съ товарищами на службу на галерный венеціанскій флотъ.

Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ, томъ I, стр. 253, т. II, стр. 235.—Записки И. И. Неплюева («Русскій Архивъ» 1871 г. № 4—5, стр. 588, 589, 593, 594—598, 601—603, 605).—Словари: Венгерова, Плюшара, Старчевскаго, Толля, Березина (у Березина сказано, что Беклемишевъ состоялъ русскимъ агентомъ при заключеніи торговыхъ сношеній съ итальянскими владѣніями (1716—1720 г.г.).

Беклешовъ, *Александръ Андреевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ и генералъ-прокуроръ, род. 1 марта 1745 г., ум. 24 іюля 1808 г., въ Ригѣ. Онъ происходилъ изъ древней дворянской фамиліи и былъ сыномъ флота капитанъ-лейтенанта Андрея Богдановича Беклешова и супруги его Анны Юрьевны, рожденной Голенищевой-Кутузовой. Опредѣленный въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ кадетомъ 21 августа 1757 г., онъ 19 марта 1762 г. былъ произведенъ въ сержанты, а по окончаніи полнаго курса, 20 апрѣля 1764 г., въ подпоручики и, какъ отличнѣйшій изъ сверстниковъ, оставленъ въ корпусѣ при воспитаніи юношества, въ должности корпуснаго адъютанта. 1 февраля 1767 г. Беклешовъ былъ произведенъ въ корпусные поручики и арміи капитаны, а съ 1766 г. присутствовалъ въ правленіи корпуса. Усердіемъ и способностями онъ обратилъ на себя вниманіе начальства и сдѣлался извѣстнымъ графу А. Г. Орлову, по ходатайству котораго, 14 сентября 1769 г., былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ поручикомъ и съ дессантными войсками отправленъ на флотѣ въ Архипелагъ. Участвуя въ турецкой кампаніи и отличаясь распорядительностью и храбростью, Беклешовъ въ 1770 г. находился при осадѣ крѣпости Модона, при Чесменской битвѣ, при обложеніи острова Лемноса и въ жаркомъ бою при осадѣ крѣпости Петри. За участіе въ Чесменскомъ бою Беклешовъ былъ произведенъ въ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручики. Въ 1771 г. онъ участвовалъ въ высадкѣ войскъ на Негропонтъ и въ аттакѣ Митилене. 24 ноября 1773 г. Беклешовъ былъ произведенъ отъ арміи въ полковники и получилъ начальство надъ пѣхотнымъ полкомъ, съ которымъ и возвратился въ Россію, по заключеніи мира. Затѣмъ 1 января 1774 г. онъ былъ произведенъ въ бригадиры, а 5 мая 1779 г. въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ финляндскую дивизію, командиромъ шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка. 13 мая 1783 г. онъ былъ назначенъ членомъ военной коллегіи, а 8 декабря 1783 г., по личному выбору Императрицы, опредѣленъ правителемъ рижскаго намѣстничества. Графъ Ю. Ю. Браунъ, бывшій въ то время намѣстникомъ Прибалтійскаго края, нашелъ въ Беклешовѣ лучшаго помощника въ трудахъ по примѣненію на практикѣ новаго законоположенія о губерніяхъ (1775 г.), городоваго положенія и жалованной грамоты дворянству (1785 г.). Кромѣ того Беклешовъ обращалъ особое вниманіе на школы и на преподаваніе русскаго языка. Въ награду за труды по организаціи рижскаго намѣстничества, въ 1784 г. Беклешовъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. большаго креста, а 14 апрѣля 1789 г. произведенъ въ генералъ-поручики. 24 ноября 1790 г. онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ орловскимъ и курскимъ. Занимая этотъ постъ, Беклешовъ строго наблюдалъ за правосудіемъ, правильностію веденія дѣлъ и безкорыстіемъ служащихъ. Попеченіями его устроены были запасные хлѣбные магазины, улучшены заведенія вѣдомства приказа общественнаго призрѣнія и окончены разныя публичныя зданія въ Орлѣ и Курскѣ. Дѣятельность его была награждена 28 іюня 1796 г., орденомъ св. Александра Невскаго. По вступленіи на престолъ Императора Павла I, Высочайшимъ указомъ 2 декабря 1796 г. повелѣно ему было вступить въ управленіе малороссійскою губерніею и приступить къ немедленному устройству ея на основаніи указа отъ 30 ноября 1796 г., на слѣдующій день онъ былъ зачисленъ въ военный списокъ генералъ-лейтенантомъ и назначенъ шефомъ владимірскаго мушкетерскаго полка, и еще черезъ день, 4 декабря 1796 г., опредѣленъ каменецъ-подольскимъ военнымъ губернаторомъ, съ порученіемъ ему управленія губерніями волынскою и подольскою 27 января 1797 г.

поручена его вѣдѣнію екатеринославская дивизія, съ присоединеніемъ и каменецкаго гарнизона. Въ день коронованія Императора Павла I, 5 апрѣля 1797 г. было пожаловано Беклешову 1.000 душъ крестьянъ, а 10 апрѣля того же года онъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. За кратковременное управленіе Юго-Западнымъ краемъ Беклешовъ успѣлъ обезпечить мѣстныя школы доходомъ съ іоезуитскихъ имѣній и ввести русскій языкъ въ дѣлопроизводство высшихъ мѣстныхъ учрежденій. Въ февралѣ 1798 г. произошли безпорядки въ корпусѣ принца Конде, квартировавшемъ въ подольской губерніи. Государь прогнѣвался на Беклешова, наблюденію котораго этотъ корпусъ былъ порученъ, и 14 марта 1798 г. переименовалъ генерала Беклешова въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ назначеніемъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 4-мъ департаментѣ. Къ недоразумѣнію съ Конде присоединились еще и другія мелкія причины, вызвавшія охлажденіе Павла къ Беклешову. Въ письмѣ кн. А. А. Безбородки, отъ 26 мая 1798 г., читаемъ по этому поводу: «Сей достойный человѣкъ пользовался кредитомъ не малое время. Большимъ усердіемъ потерялъ его. Причли ему въ вину, будто бы онъ хочетъ учить и вразумлять. Приписали въ непристойность, что онъ, доставляя вѣдомость о бѣжавшихъ, взялъ эпохою къ тому введеніе устава о бѣглыхъ. Жаль, что его потеряли. Онъ кромѣ военной службы былъ бы лучшій генералъ-прокуроръ и на многое годился бы». Опала, постигшая Беклешова, была не продолжительна: 13 іюня 1798 г. онъ назначенъ генералъ-губернаторомъ кіевскимъ и малороссійскимъ, съ завѣдываніемъ и гражданскою частью въ этихъ губерніяхъ, а на слѣдующій день вновь былъ переименованъ изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ въ генералы отъ инфантеріи; 24 октября того же года онъ назначенъ шефомъ кіевскаго драгунскаго полка и инспекторомъ украинской дивизіи по инфантеріи. Въ слѣдующемъ году, во время объѣзда ввѣреннаго ему края, Беклешовъ получилъ Высочайшее повелѣніе отъ 6 іюня, о немедленномъ прибытіи въ С.-Петербургъ. Это повелѣніе не успѣло еще дойти до него, когда Высочайшимъ приказомъ 7 іюня 1799 г. онъ уже былъ зачисленъ въ свиту Его Величества. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Беклешовъ встрѣтилъ очень ласковый пріемъ у Императора, 25 іюня былъ назначенъ къ присутствованію въ Императорскомъ совѣтѣ, черезъ два дня повелѣно ему, по прежнему, присутствовать въ Сенатѣ, а 7 іюля онъ опредѣленъ генералъ-прокуроромъ на мѣсто князя П. В. Лопухина и на слѣдующій день пожалованъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго 1 августа 1799 г. повелѣно Беклешову присутствовать въ коммисіи, учрежденной для снабженія припасами Императорской резиденціи. Но и на этотъ разъ милости Императора къ Беклешову продолжались недолго: 8 февраля 1800 г. онъ вынужденъ былъ подать прошеніе о полномъ увольненіи отъ службы. Сохранились свѣдѣнія, что назначенію Беклешова въ генералъ-прокуроры способствовалъ гр. П. А. Паленъ, свергнулъ же его вновь вошедшій въ силу любимецъ Государя, раздраженный независимой манерой Беклешова относиться къ «случайнымъ» людямъ. Новый Императоръ немедленно же по вступленіи на престолъ вызвалъ Беклешова въ Петербургъ и 16 марта 1801 г. вторично назначилъ его генералъ-прокуроромъ вмѣсто уволеннаго П. Х. Обольянинова. 30 марта 1801 г. Беклешовъ привлеченъ въ составъ учрежденнаго на особыхъ началахъ непремѣннаго совѣта при Императорѣ, а въ день коронованія Александра I, пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Но и въ новое царствованіе Беклешовъ недолго оставался въ должности генералъ-прокурора. Не раздѣляя проводимыхъ окружающими Императора мыслей, о необходимости коренной реформы государственнаго строя въ западно-европейскомъ духѣ, Беклешовъ рѣзко возражалъ противъ проекта учрежденія министерствъ и его иниціаторовъ, а, когда этотъ проектъ въ принципѣ былъ принятъ, онъ попросилъ о сложеніи съ него званія генералъ-прокурора, и 8 сентября 1802 г. былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, съ производствомъ ему полнаго жалованья. Однако Императоръ, искренне расположенный къ Беклешову, 30 апрѣля 1804 г. назначилъ его московскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частію въ губерніи, 1 мая того же года повелѣно ему присутствовать въ московскомъ 5-мъ департаментѣ Сената, 3 мая подтверждено сохраненіе за нимъ прежняго званія члена Государственнаго Совѣта, а 29 января 1805 г. онъ былъ

перемѣщенъ въ 6-й уголовный департаментъ Сената. Разстроенное здоровье заставило Беклешова просить совершеннаго увольненія отъ дѣлъ, и 3 августа 1806 г. онъ былъ уволенъ отъ званія московскаго военнаго губернатора, съ оставленіемъ присутствующимъ въ Сенатѣ, и при этомъ былъ пожалованъ брилліантовыми знаками ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ 1806 г. Беклешовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ второю областью государственной милиціи, въ составъ которой вошли губерніи: эстляндская, лифляндская, курляндская и псковская. Онъ дѣятельно трудился надъ образованіемъ земскаго войска того края, которое было быстро собрано имъ и организовано. Въ награду за это онъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст. По распущеніи милиціи повелѣно ему (23 марта 1808 г.), присутствовать во II отдѣленіи 6-го департамента Сената. Но Беклешовъ не успѣлъ вернуться изъ Остзейскаго края и былъ погребенъ въ Ригѣ, на Покровскомъ кладбищѣ. По свидѣтельству современниковъ, А. А. Беклешовъ былъ человѣкъ свѣтлаго ума, весьма свѣдущій въ государственномъ управленіи, былъ безукоризненно честенъ и правдивъ, но очень не сдержанъ въ словахъ и отзывахъ своихъ; не умѣя укрощать пылкаго своего нрава, онъ былъ тяжелъ и не всегда пріятенъ въ служебныхъ сношеніяхъ, хотя гнѣвъ его не бывалъ продолжителенъ; онъ любилъ науки и бесѣды съ учеными людьми. Находившійся при немъ М. М. Сперанскій, оцѣняя тогдашнихъ генералъ-прокуроровъ сказалъ: «Беклешовъ былъ ихъ всѣхъ умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе,—ему ничего не удавалось; всѣхъ ихъ менѣе имѣлъ способностей Обольяниновъ, и ему все съ рукъ сходило».

Формулярный списокъ.—Высочайшіе Указы Сенатскаго Архива.—Журналы засѣданій Сената.—Рукописный словарь Казадаева.—Бартеневъ, Девятнадцатый вѣкъ, II, 272.—Архивъ кн. Воронцова, XIII.—Россійскій гербовникъ, IV, 80.—Родословная книга, изд. «Русск Стар.».—Туркестановъ, кн., Губернскій Служебникъ.—Списки Карабанова.—П. Ивановъ, Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи.—Иконниковъ, А. А. Беклешовъ.—Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго.—Шильдеръ, Имп. Александръ I.—Словари: Плюшара, Старчевскаго, Андреевскаго, Бантыша-Каменскаго.

Беклешовъ, *Николай Андреевичъ*, сенаторъ, братъ предъидущаго, род. 5 декабря 1741 г., ум. 6 іюня 1822 г., въ С.-Петербургѣ. Въ 1756 г. онъ былъ опредѣленъ кадетомъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, по окончаніи котораго былъ произведенъ въ офицеры и въ 1764 г. назначенъ адъютантомъ при корпусѣ, а въ 1768 г. перешелъ въ армію капитаномъ. Въ 1769 г. онъ участвовалъ въ турецкомъ походѣ и былъ въ сраженіи при взятіи Хотина, а въ 1770 г. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ секундъ-маіора. Въ 1778 г., при открытіи псковскаго намѣстничества, онъ былъ избранъ засѣдателемъ въ верхній земскій судъ, въ 1780 г. былъ опредѣленъ въ тотъ же судъ прокуроромъ, съ чиномъ коллежскаго ассесора, и въ 1783 г.—совѣтникомъ въ псковское намѣстническое правленіе. Высочайшимъ указомъ 17 октября 1783 г. Беклешовъ назначенъ вторымъ предсѣдателемъ псковскаго верхняго земскаго суда, а 30 января 1794 г.—предсѣдателемъ псковской палаты гражданскаго суда. 28 февраля слѣдующаго года онъ опредѣленъ поручикомъ правителя псковскаго намѣстничества, т. е. вице-губернаторомъ. Произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Беклешовъ былъ назначенъ 5 сентября 1798 г. псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ, 9 іюля 1800 г. пожалованъ въ тайные совѣтники, а 26 декабря 1800 г. уволенъ отъ службы съ пенсіономъ. Высочайшимъ указомъ 15 декабря 1803 г. Беклешовъ назначенъ къ присутствованію въ Сенатѣ, во 2-мъ департаментѣ. Въ 1810 г. перемѣщенъ въ I отдѣленіе 5-го департамента, въ которомъ оставался до самой смерти. Кромѣ того, 29 августа 1816 г. повелѣно ему присутствовать въ комитетѣ, особо учрежденномъ при Сенатѣ для уравненія по всему государству земскихъ повинностей. Погребенъ Беклешовъ въ Александроневской лаврѣ.

Высочайшіе указы и дѣла Сенатскаго Архива.—Родословная книга, изд. «Русск. Стар.».—Туркестановъ, кн., Губернскій служебникъ.—Словарь Старчевскаго.—С.-Петербургскій некрополь.

Беклешовъ, *Сергѣй Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ псковской губ., род. въ 1752 г., ум. 3 октября 1803 г. Одиннадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ отданъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, откуда въ 1773 г. былъ выпущенъ подпоручикомъ въ шлиссельбургскій пѣхотный полкъ и въ рядахъ его принялъ участіе въ войнѣ съ турками, причемъ въ 1775 г.

находился въ Архипелагской экспедиціи. Съ 1778 по 1785 г. Беклешовъ состоялъ въ штабѣ графа Брюса, сначала въ должности флигель-адъютанта, а потомъ генералъ-адъютанта, а съ 1785 по 1791 г., въ чинѣ подполковника, служилъ въ невскомъ пѣхотномъ полку, причемъ принималъ участіе въ шведской войнѣ (1789 и 1790 г.г.). Произведенный въ 1791 г. въ полковники, онъ былъ назначенъ командиромъ курскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ принялъ участіе въ польской войнѣ 1794 г. и 26 мая, въ составѣ отряда генерала Денисова, участвовалъ въ бою подъ Щекоцинами. За отличіе въ этомъ сраженіи Беклешовъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». При Мацеіовицахъ Беклешовъ съ своимъ полкомъ принималъ дѣятельное участіе въ бою и за отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. Затѣмъ онъ участвовалъ во взятіи Праги, въ составѣ 5-й колонны — генералъ-маіора Тормасова, штурмовавшей восточный фронтъ. Въ реляціи объ этомъ штурмѣ Суворовъ, перечисляя наиболѣе отличившихся, указывалъ и на полковника Беклешова, командовавшаго двумя баталіонами и резервомъ 5-й колонны. Наградою Беклешову былъ орденъ св. Георгія 4-го класса. Въ 1797 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ комендантомъ крѣпости Кронштадта, а въ слѣдующемъ году былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ назначеніемъ въ государственную иностранную коллегію. Затѣмъ, оставаясь въ той же коллегіи, онъ былъ назначенъ членомъ главнаго почтоваго управленія. Въ началѣ 1799 г. онъ былъ переименованъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ членомъ военной коллегіи. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ комендантомъ г. Фридрихсгама и шефомъ мѣстнаго гарнизоннаго полка, а черезъ два года послѣ этого былъ переведенъ военнымъ губернаторомъ г. Архангельска и шефомъ архангелогородскаго гарнизоннаго полка. Въ январѣ 1803 г. Беклешовъ былъ назначенъ николаевскимъ военнымъ губернаторомъ и инспекторомъ крымской инспекціи; въ этой должности онъ и скончался.

Н. Орловъ, Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 г. С.-Петербургъ. 1894 г. *Г. М.*

Бекманъ, *Елизаръ Романъ Рейнгольдъ*, ливонецъ родомъ, служилъ въ Россіи въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ при сношеніи съ иностранными государствами. Первый разъ посланъ онъ былъ въ апрѣлѣ 1582 г. въ Англію, въ качествѣ переводчика при послѣ Өедорѣ Андреевичѣ Писемскомъ. Затѣмъ, въ 1584 г., послѣ недоразумѣній съ англійскимъ посломъ Боусомъ въ Москвѣ, Бекманъ снова былъ отправленъ «въ легкихъ гончикахъ» въ Англію, чтобы уладить торговыя сношенія и свезти королевѣ жалобу на Боуса. Бекмана ждалъ въ Лондонѣ неласковый пріемъ. Королева приняла его только черезъ семь недѣль послѣ его пріѣзда и дала ему грамоту, въ которой выражено негодованіе по поводу тѣхъ непріятностей, которыя терпѣлъ въ Россіи ея посолъ. Въ 1588 г. Бекманъ снова ѣдетъ въ Англію; на этотъ разъ ему было поручено разобрать дѣло англичанина Антона Мерша, который, въ бытность свою въ Россіи, задолжалъ Годунову, боярамъ и гостямъ болѣе 20 тысячъ рублей, все «въ общій счетъ гостей англійскихъ», а тѣ отказывались платить этотъ долгъ за него. Въ 1600 г. Бекманъ посылался царемъ Борисомъ въ Любекъ для пріисканія доктора, рудознатцевъ, суконниковъ, часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ царскую службу, а кстати и для того, чтобъ развѣдать, «гдѣ польскій король, и есть ли война съ турками и есть ли послы польскіе къ Борису».

Р. Ист. Библіотека.—«Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи» Бантышъ-Каменскаго. — «Исторія Россіи» Соловьева.

Бекманъ, *Іоаннъ*, профессоръ физики и естествознанія въ Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ, род. 4 іюня 1739 г. въ Гойѣ (Hoha), ум. 3 февраля 1811 г. Его отецъ состоялъ въ должности сборщика податей и почтмейстера въ Гойѣ и, кромѣ того, владѣя небольшимъ участкомъ земли, занимался земледѣліемъ. Бекманъ еще въ дѣтствѣ чувствовалъ влеченіе къ сельскому хозяйству; тѣмъ не менѣе, поступивъ въ 1759 г. въ геттингенскій университетъ, изучалъ богословіе, съ цѣлью сдѣлаться проповѣдникомъ. Природныя наклонности, однако, взяли верхъ, и, оставивъ богословіе, Бекманъ занялся естественными науками. Въ 1763 г., по предложенію извѣстнаго географа Бюшинга, бывшаго въ то время пасторомъ лютеранской Петропавловской церкви въ Петербургѣ и директоромъ Петропавловскаго училища, Бекманъ занялъ мѣсто профессора физики и естественной исторіи въ этомъ училищѣ.

Но въ 1765 г., отказавшись отъ мѣста, Бекманъ отправился въ Швецію, для осмотра рудниковъ и горнопромышленныхъ работъ. Въ Упсалѣ онъ познакомился съ Линнеемъ. Въ 1766 г., по рекомендаціи Бюшинга, Бекманъ былъ избранъ профессоромъ физики въ Геттингенѣ. Занимая профессорскую каѳедру въ теченіе 45 лѣтъ, онъ неустанно трудился на поприщѣ науки, въ особенности надъ примѣненіемъ естественныхъ наукъ къ сельскому хозяйству. Благодаря его трудамъ, агрономія получила научный характеръ; онъ же создалъ технологію, которой далъ и названіе. Лекціи его привлекали множество слушателей. Онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: Grundsätze der deutschen Landwirthschaft; Physikal-ökonom. Bibliothek; Anleitung zur Technologie; Beiträge zur Geschichte der Erfindungen; Anleitung zur Handlungswissenschaft.

Словари: Плюшара, Березина, Толля, Клюшникова, Андреевскаго.

Бекманъ, *Фридрихъ Карловичъ*, профессоръ варшавскаго университета, род. 27 января 1818 г. въ Курляндіи, ум. въ Лодзи 21 іюня 1885 г. Въ 1841—43 г. изучалъ фармацію въ Дерптскомъ университетѣ; въ 1851 г. назначенъ лаборантомъ, а въ 1855 г., по выдержаніи экзамена на степень магистра, ученымъ аптекаремъ при томъ же университетѣ и оставался въ этой должности до 1866 г.; временно исправлялъ должность профессора фармаціи (1863—64). Въ 1866—69 г. былъ учителемъ и инспекторомъ нѣмецкаго реальнаго училища въ Лодзи, а въ 1871 г. утвержденъ профессоромъ фармаціи въ варшавскомъ университетѣ. Выйдя въ отставку въ 1883 г., Бекманъ жилъ затѣмъ въ Лодзи.

Album academicum des Kais. Universit. Dorpat. 1890, № 4273.

Бековичъ-Черкасскій, см. **Черкасскій.**

Бектабековъ, кн. *Александръ Евсѣевичъ*, генералъ-маіоръ, военный писатель, род. 10 мая 1819 г., ум. 29 января 1876 г. въ Тифлисѣ. Въ Грузіи первые Бектабековы встрѣчаются въ наслѣдственной должности «дивановъ»—судей; въ первые же годы присоединенія края къ Россіи князь *Иванъ* Бектабековъ былъ первымъ губернскимъ казначеемъ по назначенію правительства, а отецъ Александра Евсѣевича состоялъ въ должности засѣдателя лорійскаго уѣзднаго суда. Воспитаніе князь Бектабековъ получилъ въ Россіи, куда былъ отправленъ въ молодыхъ лѣтахъ и, по окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1840 г. вступилъ на службу прапорщикомъ въ армію. Вслѣдъ за временнымъ прикомандированіемъ, въ 1842 г. онъ былъ окончательно переведенъ въ кавказскій саперный батальонъ и въ рядахъ его началъ свою боевую службу. Въ 1849 г. онъ является горячимъ участникомъ дагестанскаго похода князя Аргутинскаго-Долгорукаго, гдѣ за отличіе при взятіи аула Чохъ, получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; въ 1851 г. онъ находился въ составѣ отряда, дѣйствовавшаго на лезгинской кордонной линіи и при заложеніи Эллисуйскаго укрѣпленія, а два года спустя—въ экспедиціи кадорскаго отряда князя Меликова. Въ турецкой войнѣ князь Бектабековъ, состоя при александропольскомъ отрядѣ, участвовалъ во многихъ стычкахъ съ непріятелемъ и съ особеннымъ отличіемъ дѣйствовалъ въ бояхъ при Башъ-Кадыкларѣ, Кюрукъ-Дара и при блокадѣ и взятіи Карса; въ періодъ 1858 г. по 1864 г. онъ находился въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ и, послѣ ряда наградъ и отличій, въ 1869 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ по запаснымъ войскамъ. Кромѣ боевыхъ заслугъ, служба князя Бектабекова на Кавказѣ отмѣчена отличнымъ выполненіемъ многихъ важныхъ порученій, возлагавшихся на него въ разное время. Съ 1846 г. по 1856 г. онъ былъ назначенъ на разработку Михайловскаго каменноугольнаго рудника, близъ сел. Тквибули; вслѣдъ затѣмъ былъ командированъ на поиски золота во всей имперіи, причемъ успѣшно прошелъ тогда еще мало доступную Сванетію и мног. др. Послѣднее время князь Бектабековъ принималъ дѣятельное участіе въ періодической печати, помѣстивъ много интересныхъ статей въ спеціальныхъ военныхъ и инженерномъ журналахъ, а также въ газетѣ «Кавказъ». Со дня вступленія на службу онъ велъ обширныя «Записки».

«Кавказъ» 1876 г. № 17.

Бекъ, *Александръ Христіановичъ*, тайн. сов., камергеръ, род. въ 1810 г., ум. 30 октября 1878 г. Образованіе Бекъ получилъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и еще студентомъ зачисленъ былъ въ кол-

легію иностранныхъ дѣлъ. Съ 1842 г. по 1850 г. онъ состоялъ старшимъ секретаремъ миссіи въ Гагѣ. Въ 1850 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса; въ 1853 г. получилъ званіе камергера. Съ 26 мая 1854 г. по 1856 г. Бекъ былъ директоромъ департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ іюнѣ 1856 г. онъ долженъ былъ отправиться на два года за границу для леченія тяжкой болѣзни. Затѣмъ съ 1868 г. онъ состоялъ непремѣннымъ членомъ совѣта министерства. Въ послѣдній годъ жизни, 7 февраля 1878 г. Бекъ былъ назначенъ директоромъ государственнаго архива и спб. главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, но черезъ 8 мѣсяцевъ скончался отъ разрыва сердца. Бекъ состоялъ членомъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Онъ издалъ «Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 г.г.» (изъ дѣлъ нидерландскаго государственнаго архива) въ XXV т. Сборника Императ. русскаго историч. общества, и напечаталъ «Инструкцію, данную Екатериной II фонъ-Ребиндеру» въ III т. того же Сборника.

Послужной списокъ въ Архивѣ мин-ства иностранныхъ дѣлъ. *Н. П.— С.*

Бекъ, *Иванъ Александровичъ*, поэтъ, камеръ-юнкеръ, надв. сов., род. 25 декабря 1807 г., ум. 23 апрѣля 1842 г. Въ 1827 г. онъ, находясь въ Дрезденѣ, сблизился съ А. И. Тургеневымъ, который нашелъ въ его юныхъ произведеніяхъ «истинный талантъ и какой-то вкусъ, тѣмъ же талантомъ угаданный». «Онъ испытываетъ свои силы въ переводѣ Виргилія и образуетъ вкусъ свой по древнимъ и новымъ классикамъ», прибавляетъ Тургеневъ. Кромѣ того онъ обнаруживалъ способности къ живописи и музыкѣ. Позже Бекъ состоялъ при нашей миссіи въ Голландіи, одновременно съ кн. Павломъ Вяземскимъ, который вскорѣ послѣ смерти поэта женился на его вдовѣ, Маріи Аркадіевнѣ, рожденной Столыпиной. Изъ произведеній Бека въ печать попало весьма немного вещей, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Литер. Приб. къ Русск. Инвалиду», «Библіотекѣ для Чтенія», «Современникѣ» и «Утренней Зарѣ» за 1836—1841 г.г. Почти всѣ эти стихотворенія воспѣваютъ любовь, которая иногда рисуется поэту, какъ залогъ нашего безсмертія. Кромѣ того Беку принадлежитъ очень хорошій переводъ отрывковъ изъ Фауста, напечатанный въ «Современникѣ» за 1837 г., т. 6, и по странному недоразумѣнію приписанный издателями Э. Губеру.

Словарь Венгерова.

Бекъ, *Иванъ Филипповичъ*, лейбъ-медикъ, тайн. сов., докторъ медицины и хирургіи, род. въ Ригѣ 20 мая 1735 г., ум. 2 сентября 1811 г. Обучался Бекъ въ Килѣ словеснымъ наукамъ, затѣмъ отправился въ Берлинъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изучалъ врачебное искусство. Изъ Берлина онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ 1755 г. былъ опредѣленъ на службу въ с.-петербургскій сухопутный госпиталь, безъ жалованья. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ слушалъ лекціи въ лѣкарской школѣ, находившейся при этомъ госпиталѣ и былъ произведенъ сначала въ подлѣкари, а въ 1757 г. въ лѣкари. Окончивъ курсъ школы, Бекъ опредѣлился на службу въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь; въ 1758 г. онъ прикомандировался къ обсерваціонному корпусу, при которомъ служилъ въ теченіе всей Семилѣтней войны и былъ въ сраженіяхъ у Цорндорфа, Пальцига и Франкфурта. 6 марта 1761 г. онъ былъ опредѣленъ на службу при главной артиллеріи, а въ концѣ того же года назначенъ гофъ-хирургомъ при Высочайшемъ дворѣ. Въ 1773 г., по смерти Фуссадье, бывшаго лейбъ-хирургомъ при Наслѣдникѣ престола, Бекъ былъ назначенъ на его мѣсто. Въ 1781 г. онъ былъ признанъ докторомъ медицины, безъ диссертаціи: государственная медицинская коллегія удостоила его этой степени «въ уваженіе долговременной практики и особливыхъ познаній». 11 ноября 1786 г. онъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ при великихъ князьяхъ и княжнахъ, а 12 ноября 1796 г.—штабъ-медикомъ при Императорѣ Павлѣ; при этомъ онъ былъ произведенъ въ дѣйст. ст. совѣтники, и въ томъ же году ему пожаловано большое помѣстье въ московской губерніи (1.500 душъ крестьянъ). Въ 1803 г. онъ представилъ описаніе купленнаго имъ секретнаго рецепта противъ плоской глисты и получилъ за это отъ Государя драгоцѣнную золотую табакерку; чуть ли не за то же Бекъ былъ избранъ членомъ медицинскаго совѣта и московскаго медико-физическаго общества; кромѣ того онъ, на основаніи устава медико-хирургической акаде-

мія, былъ также непремѣннымъ почетнымъ членомъ ея.

Всеобщій журн. врач. науки, изд. И. М.-Х. Ак. 1812 г. № 11, стр. 115—123. *К.*

Бекъ, *Христіанъ Андреевичъ*, тайн. совѣт., род. въ 1770 г., ум. въ 1853 г. Родомъ изъ нѣмецкаго княжества Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, сынъ «придворнаго агента», Бекъ въ молодыхъ годахъ попалъ въ Курляндію и по присоединеніи ея къ Россіи, въ 1795 г. вступилъ въ русскую службу. Въ Курляндію онъ опредѣлился стряпчимъ казенныхъ дѣлъ въ губернскій магистратъ, но на слѣдующій же годъ переѣхалъ въ Петербургъ, причислился къ герольдіи, черезъ годъ, въ 1797 г., перешелъ въ канцелярію петербургскаго военнаго губернатора, наконецъ въ 1801 г. поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, уже въ чинѣ статскаго совѣтника, и быстро пошелъ впередъ. Въ коллегіи онъ состоялъ «при особливой должности», какъ осторожно сказано въ его формулярѣ, а именно завѣдывалъ составленіемъ шифровъ для секретной корреспонденціи и дешифровкой иностранныхъ депешъ. Искусство Бека очень цѣнили въ коллегіи; въ 1809 г. ему пожаловали въ аренду 4 мызы въ Лифляндіи, а 1 января 1811 г. наградили чиномъ д. ст. совѣтника. 25 марта 1812 г., черезъ недѣлю послѣ ссылки Сперанскаго, Бекъ былъ внезапно арестованъ и заключенъ въ петербургскую крѣпость по обвиненію въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сперанскимъ. Сношенія эти заключались въ слѣдующемъ. Въ январѣ 1811 г., перелюстровавъ одну шифрованную депешу прусскаго посланника, Бекъ открылъ въ ней, къ своему удивленію, такое сообщеніе: «извѣстно, что государь имѣетъ, помимо вѣдома канцлера, секретную переписку съ графомъ Нессельроде (въ Парижѣ), чрезъ Сперанскаго, а также съ однимъ чиновникомъ въ Вѣнѣ». Начальникъ Бека, Жерве, передалъ эту дешифровку Сперанскому, помимо канцлера. Затѣмъ, согласно секретно объявленной Сперанскимъ Высочайшей волѣ, Бекъ всѣ дешифровки депешъ иностранныхъ агентовъ, какія ему удавалось сдѣлать, представилъ секретно Государю; въ тоже время Жерве передалъ копіи съ дешифрованныхъ депешъ Сперанскому, тайно отъ государя и отъ канцлера. Когда Бекъ былъ арестованъ, государь сказалъ графу Нессельроде: «je vois bien qu'il n'y a dans tout cela rien de criminel; je laisserai tomber cette affaire et ferai sortir Beck». Однако Бекъ, больной и пораженный незаслуженнымъ несчастіемъ до того, что впалъ во временное умопомѣшательство, оставленъ былъ въ крѣпости и дѣло его передано было секретному комитету. Этотъ комитетъ постановилъ: «Бека, въ исполненіе Высочайшей воли, изъ подъ караула освободить, взявъ съ него строгую подписку, чтобы онъ жилъ смирно и ни въ какія сплетни не вмѣшивался; полиціи же имѣть за поведеніемъ его надзоръ...» Только въ іюлѣ 1812 г., протомившись въ заключеніи болѣе трехъ мѣсяцевъ, Бекъ былъ освобожденъ. Онъ вернулся къ прежнимъ своимъ служебнымъ занятіямъ. Въ слѣдующемъ же году, 8 апрѣля, исполнено было его желаніе, о которомъ онъ говорилъ раньше Сперанскому: вмѣсто аренды мызъ ему даны были деньги по 1.500 руб. въ годъ, на 12 лѣтъ. Затѣмъ, въ 1821 г. Беку выдано было 45.000 руб. заимообразно на 5 лѣтъ безъ платежа процентовъ. Какъ часто дѣлалось въ то время, черезъ пять лѣтъ возвратъ этого займа въ казну былъ отсроченъ еще на пять лѣтъ. Въ 1828 г. Бекъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Затѣмъ, въ послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Послужной списокъ въ с.-пб. главномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ.—Н. К. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, т. III, глава IV. *Н. П.-С.*

Бекю, *Августъ Людвиговичъ* (Becu), профессоръ виленскаго университета по каѳедрѣ патологіи, терапіи и гигіены, род. въ Гроднѣ 3 мая 1771 г., ум. въ 1824 г. въ Вильнѣ. Предки Бекю эмигрировали изъ Франціи въ царствованіе Людовика XIV въ Померанію и затѣмъ—въ Литву. Отецъ Бекю пріобрѣлъ дворянскія права при Станиславѣ-Августѣ. Августъ Бекю первоначальное воспитаніе получилъ въ Гроднѣ, и затѣмъ изучалъ философскія и врачебныя науки въ Вильнѣ, гдѣ получилъ въ 1789 г. степень доктора философіи, а въ 1793 г.—степень доктора медицины; въ томъ же году Бекю былъ назначенъ адъюнктомъ. Въ 1804 г. онъ былъ посланъ виленскимъ университетомъ въ Шотландію для изученія прививокъ оспы и, по возвращеніи, первый началъ прививать оспу въ Литвѣ. Съ 1797 г. Бекю читалъ въ виленскомъ университетѣ «materiam medicam», патологію и терапію. Въ 1802 г.

онъ занялъ въ университетѣ каѳедру патологіи, гигіены и медицинской полиціи. Съ 1807 г. до 1812 г. Бекю былъ членомъ школьной коммиссіи, а въ 1819 г. исполнялъ должность попечителя и ревизора школъ. При этихъ занятіяхъ Бекю пріобрѣлъ себѣ много враговъ среди патріотической молодежи. Взгляды, высказанные имъ во время извѣстнаго процесса тайныхъ обществъ виленскаго университета, возбудили къ нему ненависть со стороны польскихъ патріотовъ. Мицкевичъ, бывшій въ числѣ обвиненныхъ. впослѣдствіе изобразилъ въ третьей части своихъ «Dziad'овъ» судебное слѣдствіе, произведенное Новосильцевымъ надъ молодежью, и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ вывелъ на сцену «доктора» т. е. Бекю, котораго за его непатріотическое поведеніе убиваетъ молнія. Бекю дѣйствительно былъ убитъ молніей въ Вильнѣ. За репутацію Бекю вступился другой знаменитый польскій поэтъ, Словацкій, которому Бекю приходился отчимомъ. Бекю былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Сочиненія его: 1) O wakcynie czili tak zwanei ospie krowiey. Вильно 1803: 2) Rozprawa doskonalości szpitalów. Вильно 1807; 3) O porządném utrzymywaniu szpitalów. Вильно 1807; 4) Postrzczenie mleka zielonego. Pamiętn. Tow. Lek. Wil. 1818, I; 5) O hygienie wieku młodzienczego. Dzienn. Wil. 1815, I: 6) Hygiena dla panien na pensyjach. Тамъ же; 7) O łączeniu medycyny z chirurgią. Вильно 1817; 8) Wiadomosć o towarzystwach biblijnych etc. Вильно 1821.

Козьминскій, Słownik lekarzów polskich.—Encyklopedya powszechna.—Словарь Брокгауза и Эфрона.—Dzienn. Wil., 1824, II, 481; 1825, II, 221.—Kuryer Lit., 1824, № 122.

Белау (Белуа, Бѣлоусовъ), *Іоганнъ*, профессоръ дерптскаго университета, лейбъ-медикъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича, род. въ Ростокѣ и въ 1628 г. получилъ въ ростокскомъ университетѣ степень доктора медицины. Въ 1633 г. его имя значится въ спискѣ медицинскихъ профессоровъ новоучрежденнаго дерптскаго университета; здѣсь его два раза выбирали на должность ректора и кромѣ того онъ состоялъ главнымъ докторомъ (medicus ordinarius) города Дерпта. Въ 1639 г. каѳедра его уже была занята Брауномъ. Съ этого времени до поступленія на царскую службу Белау жилъ въ Ригѣ. Въ этомъ городѣ съ нимъ познакомился уволенный тогда отъ службы, бывшій лейбъ-медикъ, Венделинъ Сибелистъ, и въ письмѣ къ Ѳедору Ивановичу Шереметеву рекомендовалъ его на свое мѣсто. 29 октября 1642 г. это письмо было передано Шереметеву датскимъ коммисаромъ Петромъ Марцелломъ. 3 ноября Шереметевъ доложилъ царю о рекомендаціи Сибелиста и о желаніи Белау поступить на русскую службу; тогда же Белау былъ приглашенъ, и ему была послана охранная грамота. Пріѣхавъ въ Новгородъ съ женой, дочерью и шестью служителями, Белау засталъ тамъ назначенныхъ ему проводниковъ и получилъ казну на путевыя издержки отъ Новгорода до Москвы. 9 апрѣля 1643 г. онъ былъ лично представленъ царю въ столовой залѣ хранителемъ печати и думнымъ дьякомъ Ѳед. Ѳед. Лихаревымъ. Белау былъ милостиво принятъ, щедро одаренъ бархатомъ, атласомъ, сукномъ, соболями и деньгами. Находясь на службѣ, докторъ Белау заслужилъ благоволеніе и довѣріе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Въ 1652 г. онъ, взявъ отпускъ, уѣхалъ на родину, и пограничнымъ воеводамъ былъ данъ письменный приказъ, безъ задержанія пропустить его въ Москву, при его возвращеніи изъ Германіи. Въ знакъ особаго отличія, приставу Ларіону Нелединскому было повелѣно сопровождать его до границы. Белау со всѣмъ семействомъ благополучно прибылъ въ Любекъ и рѣшилъ навсегда остаться въ Германіи. Однако, пользуясь благоволеніемъ царя, онъ постоянно дѣлалъ видъ, что стремится въ Россію и откладывалъ свой пріѣздъ подъ всевозможными предлогами. Въ тоже время онъ сбывалъ въ Россію за очень большія деньги различныя шарлатанскія средства. Такъ, напримѣръ, онъ предлагалъ прислать царю для украшенія трона единорога (инрога), который могъ служить предметомъ роскоши и въ тоже время имѣлъ цѣлебное дѣйствіе. За этого инрога онъ просилъ 8.000 руб.; сверхъ того, онъ уступалъ за полсорока хорошихъ соболей маленькій кусочекъ рога, который рекомендовалъ, какъ несомнѣнное предохранительное средство противъ чумныхъ болѣзней, оспы и кроваваго поноса. Въ отвѣтѣ, посланномъ ему Милославскимъ 5 іюля 1653 г., бояринъ поручалъ ему прислать упомянутый кусочекъ драгоцѣннаго рога вмѣстѣ съ другими аптекарскими товарами. И позже Белау продавалъ различныя мнимо-цѣлебные кам-

ни. Увѣренный въ скоромъ возвращеніи Белау, царь послалъ ему сорокъ наилучшихъ соболей и обѣщалъ вознагражденіе за всѣ издержки по прибытіи въ Москву. Въ 1654 г. ему было поручено привезти съ собой опытнаго и знающаго аптекаря и трехъ хирурговъ на царскую службу. Послано было еще нѣсколько соболей и 200 рублей въ подарокъ Белау, но онъ не ѣхалъ, извиняясь семейными дѣлами, и продолжалъ свои купеческіе обороты. Много разъ возобновлялись приглашенія Белау, и посылались ему подарки, но одинаково безуспѣшно.

Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи».—Рекке и Напирскій. *К.*

Белау (Бѣловъ), *Яковъ Фридрихъ*, (Jacob Friedrich Below), профессоръ дерптскаго университета, род. въ Стокгольмѣ въ 1669 г., ум. въ Москвѣ въ 1716 г. Удостоенный въ 1691 г. утрехтскимъ университетомъ степени доктора медицины, Белау былъ назначенъ профессоромъ анатоміи въ Дерптъ (1695), а затѣмъ въ Лундъ (1698), гдѣ онъ въ 1705 г. занималъ должность ректора университета. Отправленный королемъ Карломъ XII въ войско, онъ былъ взятъ русскими въ плѣнъ при Полтавѣ и привезенъ въ Москву, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занимался частною практикой, упорно отказываясь поступить на русскую службу. Белау написалъ нѣсколько трактатовъ на латинскомъ языкѣ, изъ которыхъ извѣстны слѣдующіе: Dissertatio inauguralis med. de vermibus intestinorum, Ultrajecti. 1691.—Dissert. de natura, arte et remediis in morborum cura necessariis, Upsal. 1695.—Circuli anatomico-physiologici minoris segmentum primum, seu dissert. prima de oeconomia corporis animalis, Dorp. 1698.

Müllers Sammlung russischer Geschichte IX, стр. 220.—H. M. Richter, Gesch. der Medicin in Russland, II, 104.—Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon, von Recke und Napiersky, томъ 1-й.

Белендорфъ, *Германъ Леопольдъ*, (Hermann Leopold von Böhlendorff), профессоръ дерптскаго университета, род. въ Митавѣ 1 января 1773 г., ум. 17 апрѣля 1828 г. Онъ изучалъ богословіе въ Іенѣ и Галле. Вернувшись въ Курляндію, былъ съ 1796—1802 г. пасторомъ въ Митавѣ. Получивъ въ 1801 г. докторскій дипломъ отъ виттенбергскаго университета, онъ былъ назначенъ въ 1802 г. профессоромъ практическаго богословія въ новооткрытомъ дерптскомъ университетѣ, а въ 1805 г. удостоенъ степени доктора богословія. Въ 1823 г. Белендорфъ вышелъ въ отставку и остался на жительство въ Дерптѣ. Его печатные труды: Sendschreiben an Iohannes mit dem Beynahmen der Unversöhnliche, von Iohannes dem Eiferer, aus den Elisäischen Gefilden, Mitau 1794.—Prolegomena quaedam ad theologiam popularem et practicam,. Mitau 1803.—Ueber Luthers Persönlichkeit, Mittau 1817.—Ueber das zweckmässige Verfahren bey Vergleichung der Hebräischen Sagengeschichte mit den Mythen anderer Völker, Rede gehalten am 15 Sept. 1808.

Allgem. Schritfsteller-und Gelehrten-Lexicon, von Recke und Napiersky, I, 208, Nachträge I, 68.

Беленъ-де-Баллю, *Яковъ Яковлевичъ* (Belin de Ballu), профессоръ харьковскаго университета и петербургскаго педагогическаго института, сынъ французскаго адвоката, род. въ 1753 г. во Франціи, ум. въ С.-Петербургѣ 16 іюня 1815 г. На родинѣ онъ занималъ мѣсто совѣтника при монетномъ дворѣ; переводомъ Лукіана, изданнымъ въ Парижѣ въ 1788 г., подъ заглавіемъ: «Oeuvres de Lucien, traduites du grec, avec des notes historiques», par I. I. Belin de Ballu, въ 4 частяхъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность въ ученомъ мірѣ и былъ выбранъ въ члены парижской академіи изящной словесности (Académie de belles lettres). Въ декабрѣ 1803 г. Беленъ-де-Баллю приглашенъ профессоромъ въ харьковскій университетъ, гдѣ до 1811 г. занималъ каѳедру греческой, латинской и французской словесности, а въ октябрѣ 1811 г. онъ былъ переведенъ профессоромъ въ петербургскій педагогическій институтъ; въ 1812 г. Беленъ-де-Баллю былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, но вскорѣ умеръ отъ паралича. Въ бытность въ Харьковѣ, Беленъ-де-Баллю въ изданномъ въ 1807 г., на латинскомъ языкѣ, обозрѣніи публичныхъ чтеній харьковскаго университета, помѣстилъ описаніе греческихъ рукописей, принадлежащихъ университетской библіотекѣ, которою онъ завѣдывалъ, подъ заглавіемъ: «Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, qui reperiuntur in bibliotheka universitatis Imperialis, quae Charkoviae floret». 30 августа 1807 г., въ торжественномъ собраніи университета, онъ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь о воспитаніи общественномъ и домашнемъ («Discours sur l'édu-

cation publique, comparée à l'éducation privée»), которая, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, напечатана въ собраніи произнесенныхъ въ тотъ день рѣчей (Харьковъ, 1807 г.; переведена Наумовымъ, М. 1807 г.). Сочиненія, изданныя Беленомъ-де-Баллю во Франціи, перечислены у Guerard «France littéraire», I, 259.

Словари: Геннади, Плюшара, Старчевскаго, Венгерова, Энциклопед. лексиконъ (ст. Кеппена).—«Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г., т. 159, № 1, стр. 57—106, и № 2. стр. 197—247 (ст. Лавровскаго).—«Чтенія въ Общ. древн. росс.» 1869 г., кн. 2, стр. 51.

Белецкій-Носенко, *Павелъ Павловичъ*, писатель, уроженецъ полтавской губ., прилукскаго уѣзда, происходилъ изъ родовитой дворянской семьи, ум. послѣ 1855 г. Воспитывался онъ въ одномъ изъ столичныхъ пансіоновъ, затѣмъ поступилъ въ военную службу, былъ въ войскѣ при осадѣ Очакова, въ 1794 г. участвовалъ въ штурмѣ Праги и получилъ установленный за этотъ штурмъ крестъ. Около 1798 г. Белецкій-Носенко оставилъ военную службу и навсегда поселился въ Прилукахъ, гдѣ былъ сперва штатнымъ смотрителемъ двухкласснаго училища, а потомъ почетнымъ смотрителемъ, каковое званіе несъ до 1840 г. Довольно долгое время Белецкій-Носенко содержалъ въ Прилукахъ частный пансіонъ (существовавшій еще въ 1831 г.), въ которомъ ввелъ очень раціональные пріемы воспитанія и обученія. Съ 1812 г. Белецкій-Носенко завязываетъ сношенія съ различными учеными обществами, посылая имъ свои разсужденія на объявленныя этими обществами темы и задачи; въ этомъ направленіи имъ было проявлено много усердія, хотя и безполезнаго, потому что въ большинствѣ случаевъ разсужденія эти возвращаемы были автору за непригодностью ихъ. Наиболѣе прочныя связи установились у Белецкаго-Носенко съ Обществомъ наукъ при харьковскомъ университетѣ и съ Вольно-экономическимъ обществомъ, членомъ коихъ онъ состоялъ. Сочиненія Белецкаго-Носенко (свыше 60 названій) очень разнообразны по содержанію: въ числѣ ихъ есть трактаты по вопросамъ эстетическимъ, экономическимъ, философскимъ, медицинскимъ, сельскохозяйственнымъ и мн. др., но всѣ они совершенно лишены оригинальности. Въ экономическихъ трактатахъ Белецкій-Носенко является защитникомъ пользы для государства крѣпостнаго права, при чемъ этотъ выводъ опирается у него не столько на разумныхъ доказательствахъ, сколько на лиризмѣ. Большаго вниманія заслуживаютъ произведенія Белецкаго, писанныя на малорусскомъ языкѣ. Таковы: «Горпинида чи вхопленная Прозерпина, жартливая поэма въ трехъ писняхъ» - написана въ подражаніе «Энеидѣ» Котляревскаго и представляетъ собою вольное переложеніе съ русскаго «Похищенія Прозерпины» Котельницкаго, пересыпанное вставочными жанровыми картинками въ чисто-малороссійскомъ духѣ. Подъ вліяніемъ исторіи Карамзина, а также романовъ Вальтеръ-Скотта, Белецкимъ написаны: «Зиновій Богданъ Хмельницкій, историч. карт. событій, нравовъ и обычаевъ XVII в. въ Малороссіи» (1829 г.) и «Иванъ Золотаренко», драмат. разск. въ 1 д. (1839 г.). Кромѣ того Белецкій-Носенко перевелъ и передѣлалъ съ нѣмецкаго на малороссійскій языкъ нѣсколько балладъ и романсовъ. Важнѣйшими по значенію изъ трудовъ его являются «Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ, ихъ свадебные обряды съ народными пѣснями» (1839—40 г.), заключающіе свѣдѣнія о многихъ обычаяхъ, обрядахъ и суевѣріяхъ, теперь исчезнувшихъ; «Словарь малороссійскаго или юго-восточнаго русск. яз.» (1841—42 г.) теперь представляется устарѣвшимъ. Заслуживаютъ упоминанія: «Сказки на малороссійскомъ языкѣ», «Басни, передѣланныя на малороссійскій языкъ съ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ баснописцевъ, также и собственнаго своего сочиненія, въ 4 частяхъ»; «Пасѣчникъ или опытное пчеловодство въ южной полосѣ Россіи», «Существенныя свойства поэзіи и реторики», «Логика», «Начальное основаніе римскаго права», «Полный переводъ литовскаго статута» и «Словарь герменевтическій, лингвистико-историческій, географическій, съ изъясненіемъ истиннаго смысла словъ застарѣлыхъ, вышедшихъ изъ употребленія, находящихся въ лѣтописяхъ россійскихъ».

Петровъ Н. И., «Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.». Кіевъ, 1884.—«Москвитянинъ», 1855 г., № 8 (перечень сочиненій Б.-Носенко).

Беллеръ, *Александръ Ивановичъ*, глухонѣмой, учитель рисованія въ институтѣ глухонѣмыхъ, род. 5 августа 1804 г., ум. въ 1880 г. Учился въ открывшемся тогда петербургскомъ училищѣ глухонѣмыхъ и обратилъ на себя вниманіе Императрицы

Маріи Θеодоровны, учредительницы училища. Принцъ П. Г. Ольденбургскій, принимавшій участіе въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, обратилъ особое вниманіе на Беллера и далъ ему средства изучить историческую живопись въ Академіи художествъ. Беллеръ учился у академика Венеціанова, оказалъ очень большія способности въ живописи и 28 декабря 1832 г. удостоенъ былъ званія рисовальнаго учителя. Въ сентябрѣ 1833 г., за исполненіе программы по живописи перспективной, Беллеръ признанъ свободнымъ (неклассным) художникомъ, и въ этомъ же году поступилъ репетиторомъ въ училище глухонѣмыхъ, которому отдалъ всѣ свои силы, прослуживъ въ немъ 31 годъ. Въ 1864 г. онъ вышелъ въ отставку. Для церкви глухонѣмыхъ Беллеръ нарисовалъ 12 образовъ двунадесяти праздникамъ. Столько же образовъ подарилъ онъ церкви въ Лохвицѣ, полтавской губерніи, и такіе же образа нарисовалъ онъ и для Обуховской больницы. Когда онъ былъ еще въ Академіи художествъ, одна его картина была поднесена Императору Николаю I, который подарилъ за это художнику золотые часы. Жанровыя картины Беллера были довольно извѣстны и нравились оригинальностью сюжета и реальностью.

Архивъ П. А. Х., Д. 144 (1832) и Д. 122 (1833).—Петровъ, «Матер. для исторіи И. А. Х.», II, 292, 305.—«Голосъ», 1880, № 57.

Белли (Белле), *Генрихъ (Григорій Григорьевичъ)*, контръ-адмиралъ, служившій, въ теченіи трехъ царствованій, въ черноморскомъ флотѣ, со времени учрежденія послѣдняго, ум. 2 іюня 1826 г. въ Николаевѣ. Принятый изъ англійской службы на русскую въ 1783 г. мичманомъ, съ назначеніемъ въ донскую флотилію, возобновленную при началѣ первой войны съ Турціей (1769 г.), Белли пожалованъ былъ тогда же лейтенантомъ, и командовалъ ежегодно военными судами на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Во время второй турецкой войны Белли, командуя шхуною Побѣдославъ-Дунайскій и репетичнымъ судномъ Полоцкъ, участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при островѣ Θедониси (3 іюля 1788 г.), въ Керченскомъ проливѣ (8 іюля 1790 г.), у Гаджибея 28 и 29 августа 1790 г. и у мыса Каліакріи 31 іюля 1791 г. За отличіе, оказанное въ послѣднемъ сраженіи, Белли былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. Потомъ, командуя фрегатомъ Счастливый, онъ участвовалъ въ экспедиціи Ушакова 1798 г. въ Архипелагѣ, для освобожденія Іонических острововъ изъ-подъ власти французовъ. Въ эту экспедицію Белли былъ при овладѣніи островами Чериго и Занте и при блокадѣ крѣпости Корфу, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени. Произведенный тогда же въ капитаны 2-го ранга, Белли въ 1799 г. получилъ въ командованіе десантный отрядъ съ артиллеріей, и, высадившись на итальянскій берегъ въ заливѣ Манфредоніи, для подавленія республиканской партіи, овладѣлъ съ боя городомъ Фоджіо 11 мая и потомъ двинулся далѣе сухимъ путемъ прямо къ Неаполю, возстановляя вездѣ королевскую власть. Получая съ нашихъ судовъ подкрѣпленія для своего отряда, Белли побѣдоносно подошелъ къ столицѣ, вытѣснилъ изъ нея французскій отрядъ, укрывавшійся въ крѣпости Сант-Эльми, и овладѣлъ Неаполемъ 3 іюня. За взятіе Фоджіо, Белли пожалованъ былъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и пенсіей по 300 руб. въ годъ, а за взятіе Неаполя награжденъ орденомъ св. Анны 1 степ.—единственный примѣръ такой высокой награды штабъ офицеру. При назначеніи этой награды, Государь сказалъ: «Белли хотѣлъ удивить меня, и я удивлю его». Неаполитанскій король пожаловалъ ему орденъ св. Фердинанда 2 степ. и значительную пенсію. Въ рескриптѣ Суворову, Государь писалъ: «Сдѣланное Белли въ Неаполѣ доказываетъ, что русскіе люди на войнѣ всѣхъ прочихъ бить будутъ, да и тѣхъ, кто съ ними, тому же научатъ». Продолжая затѣмъ на своемъ фрегатѣ крейсерство, Белли овладѣлъ крѣпостями Кастель-нуово и Капуей 17 іюля, потомъ возвратился къ Неаполю и оставался въ немъ два года; затѣмъ, командуя наемнымъ судномъ, онъ перешелъ въ Севастополь. Въ 1803 г. Белли былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга, а въ слѣдующемъ году, командуя кораблемъ Азія, вторично перешелъ въ Архипелагъ и крейсеровалъ въ Средиземномъ морѣ; со времени же прихода въ Архипелагъ изъ Кронштадта эскадры подъ флагомъ вице-адмирала Сенявина, Белли принялъ участіе въ очищеніи отъ французовъ приморскихъ пунктовъ въ Адріатикѣ. Въ 1806 г. онъ овладѣлъ провинціей Бокко-ди Катарро, городомъ и крѣпостью Курцало 30 марта и островомъ Лисса; потомъ уча-

ствовалъ при блокадѣ острова Патраса и, принявъ въ командованіе взятый въ плѣнъ въ Аѳонскомъ сраженіи корабль Сед-эль-Бахръ, привелъ его изъ Корфу въ Тріестъ, откуда, въ чинѣ капитанъ-командора, по случаю начавшейся войны съ Англіей, былъ отозванъ берегомъ въ Россію и до 1812 г. проживалъ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и Саратовѣ. Въ 1812—1826 гг. Белли продолжалъ службу въ черноморскомъ флотѣ и, большею частію, состоялъ въ Севастополѣ, командуя сперва корабельнымъ экипажемъ, а съ производствомъ въ чинъ контръ-адмирала въ 1816 г., онъ получилъ въ команду 3-ю флотскою дивизію при томъ же портѣ.

Общ. морс. списокъ, т. III.—Веселаго, Краткая исторія русскаго флота.

Беллингсгаузенъ, баронъ *Иванъ Ѳедоровичъ*, колл. совѣтн., род. въ 1759 г. въ Лифляндіи, ум. 27 октября 1820 г.; служилъ переводчикомъ въ лифляндскомъ оберландгерихтѣ, потомъ въ ревельской таможнѣ и въ коммиссіи составленія законовъ, гдѣ былъ редакторомъ. Въ 1812 г. издавалъ въ Петербургѣ «Журналъ Правовѣдѣнія», причемъ обѣщалъ помѣщать: «историко-юридическія изслѣдованія, или иногда, вмѣсто оныхъ, изложеніе разныхъ римскихъ законовъ и сличеніе оныхъ съ россійскими; выписки изъ достопамятнѣйшихъ старыхъ и новыхъ законовъ и постановленій, судебные казусы, извлеченія изъ лучшихъ сочиненій по сей части, съ примѣненіемъ оныхъ къ россійскимъ законамъ», но, по недостатку подписчиковъ, дѣло остановилось. Затѣмъ, Беллингсгаузенъ перевелъ на нѣмецкій языкъ: 1) Надгробную рѣчь свящ. Я. Полонскаго при погребеніи П. С. Бѣгичева (Рига, 1790 г.); 2) Оду Хераскова на коронованіе Павла I (Рига, 1797 г.) и издалъ: 1) Repertorium russischer Gesetze und Ukasen (Рига, 1792 г.) и 2) Journal der ältern und neuern russischer Litteratur (Ревель, 1802).

Роспись Смирдина, № 2077.—Словари: Геннади, Венгерова, Рекке и Напирскаго.

Беллингсгаузенъ, *Петръ* (Freyherr v. Bellingsghausen), докторъ, родомъ изъ Лифляндіи, медицину изучалъ въ Лейпцигѣ, тамъ-же въ 1786 г. получилъ степень доктора медицины, за диссертацію «de Solidis, morborum causis. Lipsiae, 1786». Вскорѣ послѣ этого онъ пріѣхалъ въ Россію и жилъ въ Петербургѣ.

Recke und Napiersky.

Беллингсгаузенъ, *Ѳаддѣй Ѳаддѣевичъ*, адмиралъ, главный командиръ Кронштадтскаго порта, род. 18 августа 1779 г., ум. 13 января 1852 г. По окончаніи курса наукъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ 1797 г., Беллингсгаузенъ былъ произведенъ въ мичмана и въ 1803 г. отправился въ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ Надежда, подъ командою Крузенштерна. Плаваніе это имѣло большое вліяніе на морское образованіе Беллингсгаузена, съ особеннымъ усердіемъ занимавшагося составленіемъ картъ. Въ 1812 г. онъ переведенъ въ черноморскій флотъ и назначенъ командиромъ фрегата Минерва. Плавая на этомъ фрегатѣ 3 года у Кавказскихъ береговъ, Беллингсгаузенъ обратилъ вниманіе на невѣрное изображеніе этихъ береговъ на нашихъ морскихъ картахъ и, произведя рядъ астрономическихъ наблюденій, опредѣлилъ широты и долготы главнѣйшихъ пунктовъ восточнаго берега Чернаго моря. Въ 1819 г. Беллингсгаузену поручена была экспедиція, снаряженная для открытій въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и состоявшая изъ шлюповъ Востокъ и Мирный, изъ которыхъ первымъ командовалъ онъ самъ, а вторымъ—знаменитый впослѣдствіи М. П. Лазаревъ. Эта экспедиція и сдѣланныя ею открытія поставили имя Беллингсгаузена наряду съ замѣчательнѣйшими дѣятелями въ области географическихъ изслѣдованій. До того времени существовало мнѣніе о невозможности проникнуть къ южному полюсу далѣе черты, до которой достигъ Кукъ (67° 15′ ю. ш.); но экспедиція Беллингсгаузена, благодаря энергіи начальника и достойныхъ его сотрудниковъ, далеко перешла за этотъ предѣлъ и, обслѣдовавъ громадное пространство океана въ 214,000 квадр. нѣмецкихъ миль, открыла 29 острововъ, изъ которыхъ 19 въ жаркомъ поясѣ, 8 — въ умѣренномъ и два въ области южнаго полярнаго океана; эти послѣдніе наименованы Беллингсгаузеномъ островомъ Императора Петра I и берегомъ Императора Александра I. Экспедиція продолжалась съ 1819 по 1821 г.: въ теченіе этого времени шлюпы 4 раза пересѣкали южный полярный кругъ и доходили до широты 69° 48′. Указавъ своими открытіями присутствіе суши въ антарктическомъ океанѣ, Беллингсгаузенъ положилъ начало цѣлому ряду изслѣдованій американскихъ, англійскихъ и французскихъ, открывшихъ много земель въ широтахъ,

считавшихся до того недоступными человѣку. Во все время плаванія на судахъ царствовалъ порядокъ и дисциплина, не смотря на то, что тѣлесныхъ наказаній вовсе не существовало. Наградою Беллингсгаузену за эту экспедицію былъ чинъ капитанъ-командора, орденъ св. Владиміра 3 степени, пенсія въ 1200 рублей и аренда въ Курляндіи. Описаніе путешествія напечатано въ 1831 г. на казенный счетъ, подъ заглавіемъ: «Двукратныя изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и плаваніе вокругъ свѣта въ продолженіи 1819, 20 и 21 годовъ, совершенное на шлюпахъ Востокъ и Мирный подъ начальствомъ капитана Беллингсгаузена». По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія Беллингсгаузенъ 2 года командовалъ 15 флотскимъ экипажемъ и 3 года занималъ должность дежурнаго генерала и генералъ-цейхмейстера морской артиллеріи. Въ 1826 г., командуя отрядомъ судовъ гвардейскаго экипажа (корабль Царь Константинъ и фрегатъ Елена), онъ плавалъ 9 мѣсяцевъ въ Средиземномъ морѣ, гдѣ и произведенъ въ контръ-адмиралы, а по возвращеніи изъ плаванія назначенъ командиромъ гвардейскаго экипажа, съ которымъ совершилъ въ 1828 г. сухопутный походъ въ Турцію и участвовалъ въ покореніи крѣпости Варны, имѣя флагъ на кораблѣ Парменъ. По возвращеніи изъ Чернаго моря Беллингсгаузенъ, въ чинѣ вице-адмирала, командовалъ 2 флотскою дивизіею, а въ 1839 г. назначенъ главнымъ комадиромъ Кронштадтскаго порта и военнымъ губернаторомъ города Кронштадта; въ этихъ должностяхъ Беллингсгаузенъ пробылъ до самой кончины. Въ 13-ти лѣтнее управленіе Беллингсгаузена въ Кронштадтѣ выстроены вновь или перестроены многія портовыя зданія и сооруженія, какъ наприм. форты, доки, госпиталь, пароходный заводъ; городъ украсился скверами, устроены фонтаны и пароходная пристань, расширенъ лѣтній садъ. Заботливость адмирала о нижнихъ чинахъ выразилась устройствомъ госпитальныхъ бараковъ въ Ораніенбаумѣ и разведеніемъ за городомъ экипажныхъ огородовъ, составляющихъ до настоящаго времени большое подспорье въ матросскомъ хозяйствѣ. Дѣятельная служба Беллингсгаузена въ званіи главнаго командира удостоилась многихъ Высочайшихъ наградъ: въ 1842 г. онъ получилъ бриллiантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, въ 1843 г.—чинъ адмирала, въ 1846 г.—орденъ св. Владиміра 1 степ., а въ 1847 г., по случаю 50 лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, назначенъ состоять при Особѣ Его Величества, и ему пожаловано на эполеты вензелевое изображеніе Имени Государя Императора. Въ память заслугъ покойнаго адмирала, въ разведенномъ имъ Екатерининскомъ скверѣ въ Кронштадтѣ, на собранныя по подпискѣ деньги, сооруженъ ему монументъ. Кромѣ описанія путешествія, изъ трудовъ Беллингсгаузена напечатано сочиненіе: «О прицѣливаніи артиллерійскихъ орудій на морѣ», Спб. 1839 г.

Формулярный списокъ въ архивѣ Морскаго Министерства.—Жизнеописаніе въ «Сѣв. Пчелѣ» 1853 г. №№ 91, 92.—Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. 1853 г. кн. 2.—Морск. Сборн. 1853 г., № 7 (некрологъ), 1855 г. № 6.—Записки Гидрограф. Д-та ч. IX.—Кроншт. Вѣстн. 1868 г. №№ 48, 51, 64

Н. Коргуевъ.

Белль, *Джонъ*, шотландскій врачъ, род. въ 1691 г., ум. въ 1780 г. Въ 1714 г. онъ пріѣхалъ въ Россію, въ 1715—1718 гг. въ качествѣ врача, сопровождалъ посольство Петра I въ Персію, а вскорѣ послѣ возвращенія изъ Персіи отправился въ Китай черезъ Татарію и Монголію, тоже сопровождая посольство. Это путешествіе продолжалось отъ 1719 г. до 1722 г. Въ 1722 г. онъ сопровождалъ Петра Великаго въ его походѣ въ Дербентъ и состоялъ при главной квартирѣ Императора. Въ 1737 г. Белль былъ въ Константинополѣ, а въ 1747 г. возвратился въ Шотландію, гдѣ и оставался до конца жизни. Белль напечаталъ интересное описаніе своихъ путешествій, которое замѣчательно по простотѣ и внушаетъ полное довѣріе. Сочиненіе это озаглавлено: «Travels from St.-Petersburgh to diverse parts of Asia», Glasgow, 1765 г. въ 2-хъ т. 4°; второе изданіе — въ Лондонѣ (2 т. 12°). Въ 1766 г. трудъ Белля изданъ во французскомъ переводѣ, отличающемся крайней небрежностью, а въ 1776 г. переведенъ Поповымъ съ французскаго на русскій языкъ и изданъ въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Беллевы путешествія черезъ Россію въ разныя азіатскія земли» (3 части).

Michaud, «Biographie univers., ancienne et moderne».—Словарь Толля.

Белуа, *Іоганнъ*, докторъ. См. **Белау.**

Бельгардъ, *Карлъ Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1807 г., ум. въ 1868 г. По окончаніи курса въ пажескомъ корпусѣ, въ 1826 г., Бельгардъ

вступилъ на службу прапорщикомъ л.-гв. въ финляндскій полкъ и, два года спустя, во время турецкой войны, находился при осадѣ крѣпости Варны. Въ 1842 г., въ чинѣ подполковника, онъ былъ назначенъ командиромъ своднаго учебнаго баталіона въ Тифлисѣ. Оставаясь на Кавказѣ, Бельгардъ принялъ участіе въ рядѣ экспедицій противъ горцевъ, въ томъ числѣ: въ 1844 г. при подавленіи мятежа въ Элисѣ; въ 1845 г. въ экспедиціи противъ лезгинъ, гдѣ оказалъ особенное отличіе при взятіи заваловъ Гек-Пердивани, и въ экспедиціи 1847 и 1848 гг. противъ бывшаго элисуйскаго Даніель-султана, по окончаніи которой, за отличіе, произведенъ въ генералъ-маіоры. Назначенный въ 1850 г. исправляющимъ должность начальника джаро-бѣлаканской области и всей лезгинской кордонной линіи и начальникомъ лезгинскаго отряда, Бельгардъ выступилъ съ послѣднимъ въ новую экспедицію противъ лезгинскихъ скопищъ, которыя и разсѣялъ послѣ многихъ жаркихъ схватокъ. Съ началомъ турецкой войны, онъ получилъ въ командованіе маловалахскій отрядъ, дѣйствовавшій въ Дунайскихъ княжествахъ, и съ нимъ участвовалъ въ сраженіяхъ при с. Четати и подъ Калафатомъ, при дальнѣйшемъ-же развитіи Крымской кампаніи, былъ назначенъ начальникомъ 6 пѣхотной дивизіи и командовалъ осадными войсками подъ Силистріею. Въ 1855 г. Бельгардъ участвовалъ въ битвѣ на Черной рѣчкѣ и въ разное время находился въ Севастополѣ. Назначенный въ 1858 г., по производствѣ въ генералъ-лейтенанты, начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Бельгардъ, два года спустя, былъ уволенъ, по прошенію, въ отставку, но въ концѣ 1863 г. снова поступилъ на службу и явился участникомъ подавленія мятежа въ Польшѣ, гдѣ состоялъ начальникомъ калишскаго военнаго отдѣла.

«Иллюстр. Газета» 1868 г. № 23. — «Списки генераламъ» на 1868 г. *Д. С-въ.*

Белявскій (Бѣлявскій), *Францъ Осиповичъ*, докторъ, ум. 22 декабря 1859 г. въ Москвѣ. Происходя изъ польской семьи, Белявскій медицинское образованіе получилъ въ Петербургѣ въ медико-хирургической академіи, курсъ которой окончилъ въ 1824 г., послѣ чего былъ посланъ на службу въ Тобольскъ. Съ 1828 г. онъ былъ врачемъ Екатерининской богадѣльни въ Москвѣ. Впослѣдствіе занималъ мѣсто въ Москвѣ по вѣдомству женскихъ учебныхъ заведеній и имѣлъ электро-гальваническую поликлинику. Въ началѣ 30-хъ годовъ онъ совершилъ путешествіе въ Соловецкій монастырь. Его работы: «Поѣздка къ Ледовитому морю 1833 г.»; «Описаніе минеральныхъ водъ естественныхъ и искусственныхъ, составленное изъ сочиненій лучшихъ новѣйшихъ писателей, для врачующихъ и врачующихся», 2 части; «О гальвано-магнитномъ леченіи: болѣзни, излечиваемыя посредствомъ гальвано-магнитныхъ токовъ», 1846 г.; «О гальвано-магнитномъ леченіи болѣзни, посредствомъ гидро - электрическихъ токовъ. а) Продолженіе къ монографіи объ электро-гальвано-магнитномъ леченіи. II отдѣлъ. 1853. б) Гальванизмъ въ примѣненіи къ медицинск. практикѣ. 1859 г.».

Венгеровъ, Словарь.

Бемъ, (Behm, Karl Friedrich), докторъ, род. въ Гапсалѣ 10 января 1756 г., ум. послѣ 1817 г. въ Москвѣ. Съ 17-ти лѣтняго возраста онъ посвятилъ себя медицинѣ и въ качествѣ вольнослушателя посѣщалъ петербургскую, кронштадскую и ревельскую госпитальныя школы. Въ 1778 г. Бемъ былъ назначенъ врачемъ въ черноморскій флотъ, служилъ въ Таганрогѣ и Крыму хирургомъ и въ теченіе всего 1783 г. завѣдывалъ чумными госпиталями въ Херсонѣ; въ 1785 г., послѣ различныхъ морскихъ кампаній, онъ былъ назначенъ штабсъ-хирургомъ. Въ 1786 г. Бемъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Москвѣ вольнопрактикующимъ врачемъ до 1790 г.; послѣ этого онъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ посѣщалъ нѣсколько университетовъ, а въ 1792 г. въ Іенѣ получилъ степень доктора медицины; затѣмъ онъ вернулся въ Москву и занимался практикой. Въ 1806 г. онъ былъ приглашенъ въ качествѣ консультанта, въ одну изъ больницъ для бѣдныхъ и занималъ эту должность 12 лѣтъ. Бемъ состоялъ членомъ Императорскаго медико-физическаго и естественно-историческаго общества въ Москвѣ. Въ 1817 г. онъ вышелъ въ отставку съ пенсіей. Бемъ былъ коллежскимъ совѣтникомъ и имѣлъ орденъ Владиміра 4-й степени.

Рекке и Напирскій, изд. 1827 г. и дополненіе въ изд. 1859 г.

Бемъ, *Магнусъ Карлъ* (Матвѣй Карповичъ), предсѣдатель рижскаго губернскаго

магистрата, ум. въ 1806 г. Происходя изъ лифляндскихъ дворянъ, онъ поступилъ на военную службу и, принявъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, попалъ въ плѣнъ къ пруссакамъ. По возвращеніи изъ плѣна, онъ продолжалъ служить въ арміи, а 30 апрѣля 1772 г. былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры и, какъ честный и энергичный офицеръ, назначенъ начальникомъ Камчатки, гдѣ, благодаря бунту и побѣгу Беніовскаго, обнаружились серьезные безпорядки. Прибывъ на мѣсто служенія, Бемъ усердно принялся за дѣло, хотя ему приходилось самому приглядывать за каждою мелочью, такъ какъ на всемъ полуостровѣ, кромѣ него, былъ только одинъ офицеръ, жившій въ Нижне-Камчатскѣ. Не смотря на это, Бемъ въ шесть лѣтъ своего управленія Камчаткою успѣлъ исправить и укрѣпить баттареями Петропавловскую гавань, возобновить на всей Камчаткѣ пришедшія въ полный упадокъ казенныя зданія и вновь выстроить Тагильскую крѣпостцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ улучшилъ матеріальное положеніе и усилилъ дисциплину среди мѣстныхъ военныхъ отрядовъ. Чтобы понизить стоимость соли на полуостровѣ, Бемъ отыскалъ соляныя копи, устроилъ солевареніе и добывалъ ежегодно до 700 пуд. соли; затѣмъ, онъ попробовалъ эксплоатировать найденную еще до него желѣзную руду и устроилъ близъ Маклова небольшой желѣзный заводъ; по неумѣлости рабочихъ, желѣзо получалось довольно плохое, однако, съ прибавкою стараго, годилось для мелкихъ подѣлокъ. Обратилъ Бемъ вниманіе и на хлѣбопашество; благодаря его неустаннымъ заботамъ, удалось обработать довольно значительную площадь, но суровость климата принудила преемниковъ Бема отказаться отъ земледѣлія. Сельское хозяйство затруднялось еще отсутствіемъ рабочаго скота на Камчаткѣ. Бемъ, съ большими затрудненіями, выписалъ лошадей и коровъ изъ Якутска, а затѣмъ завелъ скотный дворъ близъ Верхне-Камчатска. Наконецъ, Бемъ привелъ въ порядокъ всѣ запущенныя дѣла по администраціи, добился правильности въ поступленіи ясака съ инородцевъ и ввелъ строгую отчетность въ производство ссудъ мѣстнымъ купцамъ изъ казенныхъ денегъ. Необходимость лично надзирать за всѣмъ вынуждала Бема постоянно посѣщать разные пункты полуострова, причемъ, вслѣдствіе жесткаго климата и отсутствія хорошихъ дорогъ, ему часто приходилось сотни верстъ проходить пѣшкомъ въ мятель и стужу. Здоровье его не выдержало такой жизни, и въ 1776 г. онъ сталъ просить увольненія отъ должности начальника Камчатки. Просьба Бема была удовлетворена лишь въ 1779 г. Преемнику своему онъ сдалъ наличный капиталъ до 40,000 руб. и все управленіе въ полномъ порядкѣ. Во время пребыванія Бема въ Камчаткѣ, въ 1776 г., въ Петропавловскую гавань заходила экспедиція Кука, и за гостепріимство, оказанное англійскимъ морякамъ, Бемъ получилъ впослѣдствіи отъ британскаго правительства драгоцѣнную вазу. — Пріѣхавъ въ Петербургъ, Бемъ представилъ въ кунстъ-камеру Академіи наукъ нѣкоторые замѣчательные предметы, вывезенные имъ изъ Камчатки, и за это получилъ золотую табакерку и 300 червонцевъ; кромѣ того онъ былъ награжденъ помѣстьемъ въ Лифляндіи и назначенъ казначеемъ иностранной коллегіи. Нѣсколько позже, онъ, по собственному желанію, былъ опредѣленъ предсѣдателемъ рижскаго губернскаго магистрата и получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Въ 1792 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, а въ 1795 г.—чиномъ коллежскаго совѣтника.

Рукописный словарь Казадаева.—Словарь Плюшара.

Бемъ, *Францъ*, скрипачъ-виртуозъ, въ теченіе тридцати лѣтъ былъ концертмейстеромъ Императорскихъ театровъ въ Спб. Его учениками были Верстовскій и А. Ѳ. Львовъ. Ум. въ февралѣ 1846 г.

Литерат. прибавл. къ Нувеллисту, 1846, № 3.—Московск. Вѣд., 1846, № 25.

Бенаки, *Либеранъ Панаіотовичъ*, генеральный консулъ, дѣйств. ст. сов., род. въ 1751 г., ум. около 1820 г. Родомъ грекъ, «изъ морейскихъ приматовъ», вступилъ въ русскую службу въ 1771 г. волонтеромъ во флотъ, дѣйствовавшій противъ турокъ въ Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ гр. Орлова-Чесменскаго. Въ 1783 г., въ чинѣ маіора, назначенъ генеральнымъ консуломъ въ гор. Корфу и занималъ эту должность въ теченіе 27 лѣтъ съ небольшимъ перерывомъ (въ нѣсколько мѣсяцевъ въ 1800 г.). Въ 1810 г. переведенъ генеральнымъ консуломъ въ Пулію, и въ слѣдующемъ году на ту же должность въ

Эпиръ. Въ 1815 г. причисленъ къ миссіи въ Неаполѣ.

Послужной списокъ въ Спб. главномъ архивѣ министерства иностр. дѣлъ.

Бенардосъ, *Пантелеймонъ Егоровичъ,* генералъ-маіоръ. Грекъ по происхожденію, род. въ 1763 г. въ Мореѣ, ум. послѣ 1816 г. Получивъ первоначально домашнее воспитаніе, Бенардосъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ въ греческую гимназію, учрежденную при артиллерійскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1781 г. прапорщикомъ въ шлиссельбургскій пѣхотный полкъ и прослужилъ въ этомъ полку пять лѣтъ, а затѣмъ, въ чинѣ подпоручика, былъ переведенъ въ 1-й баталіонъ екатеринославскаго егерскаго корпуса. Въ 1788 г., въ чинѣ капитана, онъ находился на гребной флотиліи и участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ съ турками у Очакова, а затѣмъ въ сухопутныхъ дѣйствіяхъ при обложеніи этой крѣпости. Въ слѣдующемъ году ему пришлось принять участіе въ сраженіи при Каушанахъ и при взятіи Аккермана и Бендеръ. Въ 1790 г. Бенардосъ участвовалъ при взятіи Измаила и за отличіе, оказанное имъ при штурмѣ этой крѣпости, былъ награжденъ чиномъ секундъ-маіора и похвальнымъ листомъ. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ переведенъ въ кіевскій гренадерскій полкъ и въ рядахъ его принялъ участіе въ польской войнѣ, причемъ въ 1792 г. находился въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріятелемъ. 6 апрѣля 1794 г., во время возстанія въ Варшавѣ, Бенардосъ былъ въ Прагѣ, завѣдуя корпуснымъ лазаретомъ. Узнавъ о происшедшемъ, онъ немедленно направился съ ввѣреннымъ ему лазаретомъ въ Пруссію и, переправясь черезъ рѣку Наревъ, прибылъ въ Плоцкъ, гдѣ принялъ всѣ мѣры предосторожности относительно польскихъ повстанцевъ, наводнявшихъ окрестности этого мѣстечка. За своевременную распорядительность и энергію, проявленную при этомъ, Бенардосъ получилъ благодарность генерала Ферзена. Въ 1802 г., въ чинѣ полковника, онъ былъ переведенъ въ нижегородскій пѣхотный полкъ, а въ началѣ 1806 г. былъ назначенъ командиромъ владимірскаго полка, съ которымъ и принялъ участіе въ войнахъ съ Франціей. 11 декабря 1806 г. онъ сражался при Голыминѣ и за отличіе былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». 27-го января 1807 г., при Прейсишъ-Эйлау, владимірскій полкъ былъ однимъ изъ наиболѣе отличившихся, а Бенардосъ получилъ въ награду орденъ св. Анны 2-го класса. 24 мая онъ, подъ командою Дохтурова, сражался при Ломитенѣ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-го класса. Дѣятельное участіе принималъ Бенардосъ также въ сраженіяхъ при Гейльсбергѣ и Фридландѣ, причемъ подъ Фридландомъ былъ раненъ ружейною пулею въ лѣвую ногу, а за отличіе, оказанное въ этихъ сраженіяхъ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-го класса, украшеннымъ брилліантами. Въ концѣ 1807 г. Бенардосъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ владимірскаго пѣхотнаго полка. Въ 1812 г. Бенардосъ съ своимъ полкомъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Брестъ-Литовскомъ и при Кобринѣ; особенно отличился полкъ 31 іюля, въ сраженіи при Городечнѣ, за которое получилъ георгіевскія трубы, а шефу былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1-го класса. 16 ноября Бенардосъ участвовалъ въ сраженіи при Стаховѣ, а затѣмъ въ безостановочномъ преслѣдованіи остатковъ французской арміи до города Вильны. Въ 1813 г. Бенардосъ находился при осадѣ Торна и за отличіе получилъ Высочайшее благоволеніе, затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Кенигсвартѣ и Бауценѣ, а въ 1814 г. при Бріеннѣ и Ла-Ротьерѣ, причемъ въ послѣднемъ сраженіи былъ раненъ. 1 сентября 1814 г. Бенардосъ былъ зачисленъ по арміи, а черезъ два года послѣ этого, по прошенію, за ранами, былъ уволенъ въ отставку. Помимо перечисленныхъ орденовъ онъ еще имѣлъ орденъ св. Георгія 4-го класса, пожалованный ему за двадцатипятилѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ.

Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе второй войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ». С.-Петербургъ, 1846 г.— М. Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны 1812 года». С.-Петербургъ, 1859 г.

Беневоленскій, *Андрей Игнатьевичъ*—сынъ причетника владимірской епархіи, род. 1808 г., ум. въ Уфѣ въ 1880 г. Учился Беневоленскій во владимірской семинаріи и с.-петербургской духовной академіи, которую окончилъ въ 1831 г. со степенью магистра, и затѣмъ былъ назначенъ профессоромъ церковной исторіи

и нѣмецкаго яз. въ уфимскую семинарію. Съ 1840 г. онъ преподавалъ въ той же семинаріи библейскую и церковную исторію, литургику, каноническое право и русскую церковную исторію. 16 сентября 1844 г. Беневоленскій былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ казанской духовной академіи по каѳедрѣ церковной исторіи. Это былъ свѣдущій и любознательный преподаватель, хорошо знакомый съ западно-европейской богословской литературой, которую онъ усердно изучалъ, имѣвшій при томъ весьма широкіе научные взгляды. Стремленіе поставить преподаваніе богословскихъ предметовъ на строго-научную и объективную почву вызвало неудовольствіе на Беневоленскаго со стороны академическаго начальства, и послѣдствіемъ явилось косвенное гоненіе на него въ формѣ частаго перемѣщенія съ каѳедры на каѳедру. Такъ, въ 1851 г. ему было поручено преподаваніе греческаго языка, съ 1853 по 1856 г. онъ былъ профессоромъ по каѳедрѣ священной герменевтики, въ 1856—57 г. преподавалъ библейскую исторію, патрологію и нѣмецкій языкъ. Кромѣ того съ 1844 по 1846 г. онъ долженъ былъ нести вовсе несоотвѣтствующую его характеру должность помощника инспектора; съ 1853 г. Беневоленскій состоялъ членомъ внѣшняго правленія академіи, а 26 апрѣля 1857 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника и поселился въ Уфѣ, гдѣ у него былъ домъ и небольшое помѣстье. Всѣ усилія его пріискать себѣ другое мѣсто остались напрасны. Литературныхъ трудовъ послѣ него не осталось, кромѣ напечатаннаго въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1855 г. перевода посланія св. Игнатія Богоносца къ Ефесянамъ.

Знаменскій, П., «Исторія Казанской дух. акад.» т. II. Казань. 1892.

Беневоленскій, *Иванъ*, докторъ медицины; происходя изъ духовнаго званія, онъ учился на собственный счетъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета, курсъ котораго окончилъ въ 1827 г. лекаремъ; съ 1830 до 1831 г. онъ служилъ въ штатѣ московской полиціи (безъ жалованья), а съ 1832 до 1834 г. — на хрустальной фабрикѣ Бахметева въ городищенскомъ уѣздѣ, пензенской губерніи (съ правами службы). Степень доктора медицины Беневоленскій получилъ 30-го мая 1834 г., за диссертацію «De apoplexia». Съ 1836 г. онъ служилъ уѣзднымъ врачемъ въ Мценскѣ, орловской губерніи, гдѣ и умеръ 18 февраля 1839 г. По другимъ извѣстіямъ онъ служилъ съ 1839 г. въ Орлѣ и умеръ тамъ въ 1844 г.

Змѣевъ, «Р. вр. писат.».

Беневоленскій, *Павелъ Игнатьевичъ*, старшій братъ Андрея, ум. 24 апрѣля 1865 г. Питомецъ владимірской семинаріи, магистръ V курса московской духовной академіи, которую окончилъ въ 1826 г.; онъ состоялъ преподавателемъ Виѳанской духовной семинаріи, откуда въ 1830 г. назначенъ былъ бакалавромъ московской духовной академіи по каѳедрѣ логики и опытной психологіи. Въ 1834 г. оставилъ службу въ академіи, принялъ священный санъ и назначенъ былъ священникомъ въ Москвѣ при церкви Новаго Воскресенія (что на Остоженкѣ), гдѣ прослужилъ 15 лѣтъ, потомъ переведенъ былъ на Арбатъ къ церкви Николы Явленнаго. Состоялъ благочиннымъ, членомъ нѣсколькихъ комитетовъ и цензоромъ журнала «Душеполезное чтеніе». Въ 1864 г. получилъ званіе внѣшняго дѣйствит. члена конференціи московской духовной академіи. Погребенъ въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Смирновъ, С., «Исторія Московск. дух. акад. до ея преобразованія» М. 1879.—П. М. «Воспоминанія о протоіереѣ Павлѣ Игнатьевичѣ Б.» (Душеполезн. чт., 1865, VII).

Бенедиктовъ, *Владиміръ Григорьевичъ*, поэтъ, род. 5 ноября 1807 г. въ С.-Петербургѣ, ум. 14 апрѣля 1873 г. тамъ-же. Дѣтство свое провелъ въ Петрозаводскѣ, олонецкой губ., гдѣ его отецъ служилъ совѣтникомъ правленія. Въ 1817 г. девятилѣтній Бенедиктовъ поступаетъ въ олонецкую губернскую гимназію и черезъ четыре года оканчиваетъ въ ней полный курсъ, ибо въ гимназіяхъ того времени было всего четыре класса. Здѣсь, подъ вліяніемъ учителя словесности Яковскаго, писавшаго стихи и заставлявшаго учениковъ произносить ихъ при разныхъ гимназическихъ торжествахъ, въ мальчикѣ впервые пробудилась страсть къ стихотворству. По окончаніи курса гимназіи, Бенедиктовъ продолжалъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, куда по экзамену былъ принятъ въ 1821 г. Во время пребыванія въ корпусѣ, Бенедиктовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами,

упражнялся въ писаніи стиховъ въ кадетскихъ журналахъ и альманахахъ. Окончивъ курсъ въ корпусѣ 25 іюня 1827 г. первымъ ученикомъ, Бенедиктовъ поступилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ. Черезъ три года онъ былъ произведенъ въ поручики, а въ январѣ 1831 г. выступилъ въ походъ для усмиренія польскаго возстанія и, принимая участіе вмѣстѣ съ полкомъ во всѣхъ дѣлахъ, получилъ «за храбрость» орденъ св. Анны 4-й степени. По возвращеніи изъ похода въ Петербургъ, Бенедиктовъ оставилъ военную службу и опредѣлился въ канцелярію министра финансовъ (Канкрина), съ переименованіемъ въ коллежскіе секретари. Начавъ съ исправляющаго должность помощника столоначальника, Бенедиктовъ въ 1834 г. былъ сдѣланъ столоначальникомъ, въ 1837 г.—старшимъ секретаремъ общей канцеляріи министра финансовъ, въ 1843 г.—директоромъ правленія экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Въ 1850 г. Бенедиктовъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1847 и 1856 гг. получилъ ордена св. Анны 2-й степени и св. Владиміра 3-й степени. Наконецъ, въ 1856-же году Бенедиктовъ былъ назначенъ членомъ правленія государственнаго банка. Прослуживъ по министерству финансовъ около 30-ти лѣтъ, при двухъ министрахъ, графѣ Канкринѣ и Ѳ. П. Вронченко, Бенедиктовъ 31 октября 1860 г. вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ, по 2.500 рублей въ годъ. Первымъ печатнымъ литературнымъ произведеніемъ Бенедиктова былъ небольшой сборникъ его стихотвореній, изданный авторомъ въ началѣ 1835 г. въ Петербургѣ и встрѣченный довольно единодушными похвалами журналовъ и публики. Но Полевой и, особенно, Бѣлинскій не признали Бенедиктова крупнымъ поэтомъ. Деньги на изданіе далъ поэту г. Каргофъ, жена котораго посвятила Бенедиктову нѣсколько весьма сочувственныхъ страницъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Г-жа Каргофъ разсказываетъ, что Бенедиктовъ имѣлъ «огромный успѣхъ, но не продолжительный». Слава молодаго поэта прогремѣла на первыхъ порахъ по всему Петербургу, о чемъ свидѣтельствуетъ и И. И. Панаевъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ». «Появленіе стихотвореній Бенедиктова», — пишетъ онъ,— «произвело страшный гвалтъ и шумъ не только въ литературномъ, но и въ чиновничьемъ мірѣ... О статьяхъ Полеваго и Бѣлинскаго отзывались съ негодованіемъ, и были очень довольны статьею профессора Шевырева, провозгласившаго Бенедиктова поэтомъ мысли. Жуковскій, говорятъ, до того былъ пораженъ, что нѣсколько дней сряду не разставался съ книжкою и, гуляя по царскосельскому саду, оглашалъ воздухъ Бенедиктовскими звуками. Одинъ Пушкинъ остался хладнокровенъ. Прочитавъ Бенедиктова, на вопросы, какого онъ мнѣнія о новомъ поэтѣ, отвѣчалъ, что у него есть превосходное сравненіе «неба съ опрокинутой чашей». Холодный отзывъ Пушкина вполнѣ гармонировалъ со слѣдующимъ справедливымъ отзывомъ Бѣлинскаго: «Я, право, не вижу,— говорилъ критикъ, — почти никакого достоинства въ описательныхъ картинахъ г. Бенедиктова, потому что вижу въ нихъ одно усиліе воображенія, а не внутреннюю полноту жизни, все оживляющей собою. Въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова все недосказано, все не полно, потому что... его талантъ... не имѣетъ... силы фантазіи, посредствомъ котораго всякое чувство высказывается полно и вѣрно. У него нельзя отнять таланта стихотворческаго, но онъ не поэтъ. Читая его стихотворенія, очень ясно видишь, какъ они дѣланы. Если г. Бенедиктовъ будетъ продолжать свои занятія по стихотворной части, то онъ со временемъ выпишется, овладѣетъ поэзіею выраженія, выработаетъ свой стихъ.... но едва ли когда-нибудь будетъ поэтомъ». Въ это время содержаніемъ стихотвореній Бенедиктова служитъ воспѣваніе могучихъ страстей, которыя, однако, были чужды его дюжинной натурѣ; поэтому, за отсутствіемъ искренняго чувства, поэтъ постоянно поднимается на ходули и впадаетъ въ неестественныя преувеличенія. Но публика не замѣчала этой фальши, увлекалась звучнымъ стихомъ и раскупала книжку на расхватъ, такъ что въ самомъ непродолжительномъ времени понадобилось новое изданіе ея. Начиная съ 1836 г., стихотворенія Бенедиктова все чаще и чаще появляются на страницахъ «Библіотеки для чтенія», «Современника» и «Сына Отечества». Въ концѣ 1838 г. вышелъ въ свѣтъ второй томъ стихотвореній поэта, встрѣченный похвалами Сенковскаго («Библ. для Чтенія», 1839, № 2) и раскупленный публикой такъ же быстро, какъ и первый, въ

количествѣ 3.000 экземпляровъ. Съ 1839 г. стихотворенія Бенедиктова появляются на границахъ все большаго количества журналовъ. Въ 1842 г. вторая часть появилась вторымъ изданіемъ, вызвавъ снова строгую оцѣнку Бѣлинскаго. Послѣ этого Бенедиктовъ замолкъ на десять лѣтъ и возобновилъ свою поэтическую дѣятельность, лишь въ 1855 г. Произведенія этого втораго періода отличаются отъ первыхъ опытовъ какъ формой, такъ и внутреннимъ содержаніемъ. Общественное движеніе, начавшееся послѣ Крымской кампаніи, захватило и Бенедиктова: гражданскіе мотивы становятся главною темою его стихотвореній, но отсутствіе истиннаго поэтическаго дара часто сказывается и тутъ холодной риторикой и извѣстною узкостью мысли. Въ 1856 г. стихотворенія Бенедиктова появились въ трехъ томахъ; къ послѣднему изданію, въ видѣ дополненія, была издана въ 1857 г. небольшая книжка, подъ заглавіемъ: «Новыя стихотворенія В. Бенедиктова». Съ 1855 по 1860 г. Бенедиктовъ печатался въ журналахъ: «Библ. для Чтенія», «Пантеонѣ», «Сынѣ Отечества», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ», «Вѣкѣ», даже въ «Искрѣ» и нѣкоторыхъ другихъ. Самое позднее изъ напечатанныхъ стихотвореній Бенедиктова появилось въ «Литературной библіотекѣ» 1860 г., № 2. Не прекращая поэтической дѣятельности, какъ переводной, такъ и оригинальной, Бенедиктовъ съ этого времени, однако, своихъ стихотвореній больше не печаталъ. Похороненъ Бенедиктовъ на кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря. Посмертное изданіе стихотвореній Бенедиктова, въ 3-хъ томахъ, подъ редакціею Я. П. Полонскаго, съ біографіею, написанною послѣднимъ, и портретомъ автора, издано М. О. Вольфомъ въ 1883 г.

«Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» Н. В. Гербеля, изд. 3-е, 1888 г., стр. 337—339.—Біографія В. Г. Бенедиктова, написанная Я. П. Полонскимъ для собранія сочиненій, изд. 1883 г.—«Всемірн. Иллюстрація» 1873 г., № 230.—«Бирж. Вѣд.» 1873 г., № 104.—«Моск. Вѣд.» 1873 г. № 105.—«Русск. Старина» 1873 г., т. 8. — «Иллюстр. Газета» 1866 г. т. 17, № 2. — «Рус. Архивъ» 1875 г., № 12, стр. 461—468.—Портретная галлерея русскихъ дѣятелей А. Мюнстера т. 2 Спб. 1869 г. — «Иллюстр. недѣля» 1873 г., № 16. — Сочиненія Бѣлинскаго т. I, стр. 256 — 275 и т. VI, стр. 477—481. — Сочиненія Добролюбова т. I, стр. 477—491. — «Литературныя воспоминанія» Панаева, стр. 94, изд. 1876 г.—«Жизнь прожать, не поле перейти», воспоминанія Карновича, «Русскій Вѣстникъ», 1881, № 9 — 11; 1882—№ 5; 1883—№ 6; 1884—№ 5. О Бенедиктовѣ говорится въ № 9 за 1881 г.

Бенедиктовъ, *Козьма Ѳомичъ*, врачъ, происходилъ изъ духовенства, род. въ 1807 г., ум., по свѣдѣніямъ Змѣева, въ 1848 г.; по другимъ источникамъ—значительно позже. Воспитывался онъ въ семинаріи, затѣмъ поступилъ въ московское отдѣленіе медико-хирургической академіи, окончилъ академическій курсъ въ 1827 г., служилъ уѣзднымъ врачемъ въ Царевококшайскѣ и Чистополѣ. Составленный имъ лѣчебникъ былъ неблагосклонно встрѣченъ спеціальной критикой. Напечаталъ слѣдующія сочиненія въ «Другѣ Здравія»: Смертоносные припадки отъ употребленія малосольной свинины (1838); Сборъ для цѣлительной горькой настойки (1840); О лѣченіи чесотки, парши и глазного воспаленія одними наружными средствами (1840 и 1841): Болѣзнь колѣннаго сустава (1842, 2); Шалфей съ бузиной въ скоротечныхъ болѣзняхъ (1842, 20); Наблюденіе о перемѣнѣ кормилицъ (1844 и 1847); Молоко, какъ пища и лѣкарство въ водянкахъ (1847, 5); Простонародное лѣченіе сифилиса (1847, 20); О холерѣ въ медико-полицейск. отнош. (1848, 39); Треніе живота въ приращеніяхъ послѣда (1850, 14); Отдѣльною книгою издалъ: «Будьте здоровы и лѣчитесь сами, когда нѣтъ врача или самоучитель сельскаго лѣченія», двѣ части, 1866 г.

Змѣевъ, Р. вр. пис.—Венгеровъ, Русскія книги.

Бенедиктовъ, *Михаилъ Степановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, совѣтникъ владимірской палаты гражданскаго и уголовнаго суда, изъ духовнаго званія, род. въ 1753 г. въ смоленской губерніи, ум. 8 мая 1838 г. Обучался онъ въ духовной семинаріи, а затѣмъ былъ учителемъ ярославской семинаріи, откуда поступилъ въ число студентовъ московскаго университета и здѣсь окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ 1782 г. Бенедиктовъ поступилъ на службу къ тульскому намѣстнику Кречетникову, потомъ—къ владимірскому, генералъ-поручику Заборовскому. Въ бытность въ 1788 и 1789 гг. Заборовскаго по особымъ порученіямъ въ Италіи, Бенедиктовъ состоялъ при немъ въ должности старшаго адъютанта, причемъ посѣтилъ Римъ, Неаполь и Флоренцію. По возвращеніи въ Россію, онъ, въ 1791 г., поступилъ совѣтникомъ во владимірскую палату уголовнаго суда,

гдѣ и служилъ въ теченіе 43 лѣтъ, сначала въ должности совѣтника, а потомъ предсѣдателя. Бенедиктовъ былъ образованный и начитанный человѣкъ, зналъ языки латинскій, французскій и итальянскій; за обширность знаній, во Владимірѣ его называли владимірскимъ Гете. Послѣ его смерти въ бумагахъ его найдено было много переводовъ иностранныхъ писателей, преимущественно философскаго содержанія. При жизни Бенедиктова, его переводъ сочиненія доктора Мейера —О нравственномъ оцѣненіи дѣйствій въ уголовномъ законодательствѣ — былъ представленъ Императору Николаю Павловичу; переводчикъ удостоился пожалованія брилліантовымъ перстнемъ, но не дожилъ до полученія награды. Въ росписи Смирдина (№ 9055), подъ именемъ Бенедиктова указанъ переводъ: Непорочныя забавы, или невинное препровожденіе праздиаго времени. Москва, 1783 г., 8°. — Собранная Бенедиктовымъ библіотека, послѣ его смерти, послужила основаніемъ владимірской публичной библіотеки.

Словарь Геннади.—Владимірскія Губ. Вѣдомости (литературное прибавленіе), 1838 г., № 7 (перепечатано въ № 10 за 1859 г. Влад. губ. Вѣд.); въ статьѣ приведенъ перечень его рукописныхъ переводовъ.—Роспись Смирдина, № 9055.

Бенезе, *Генрихъ Генриховичъ*, главный врачъ морского калинкинскаго госпиталя, начальникъ медицинской части петербургскаго порта, ум. 18 января 1885 г. Въ 1870-хъ годахъ у него было въ Петербургѣ собственное водолѣчебное заведеніе. Въ литературѣ извѣстенъ сочиненіемъ: «Раціональная гимнастика, какъ средство сохранять здоровье и исцѣлять нѣкоторые хроническіе недуги», Спб., 1870 г.

Венгеровъ, Русскія книги.

Бенескриптовъ, *Евграфъ А.*, священникъ, магистръ богословія, уроженецъ тульской губ., сынъ священника, род. въ 1810 г., ум. 26 марта 1863 г. Въ 1835 г. онъ окончилъ курсъ петербургской духовной академіи, со степенью магистра, и оставленъ при академіи баккалавромъ нѣмецкаго языка. 24 августа 1842 г. съ класса нѣмецкаго языка перемѣщенъ въ богословскій и преподавалъ обличительное богословіе. 1 мая 1849 г. рукоположенъ во священника къ Скорбященской церкви, въ Петербургѣ, причемъ обязался платить семейству своего предмѣстника, протоіерея Смирнова, 300 руб. ежегоднаго пособія. Былъ награжденъ: въ 1851 г. набедренникомъ, въ 1852 г.—скуфьею и въ 1857 г.—камилавкою. Сочиненія его: Грамматическій курсъ нѣмецкаго языка, 2 ч. изд. 1847 г. и 1850 г.; Объ источникахъ христіанской религіи, 1845 г.; О молитвѣ Господней, 1847 г.; Сказаніе о св. чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы всѣхъ скорбящихъ Радости, 1859 г.; О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ и сектахъ протестанскихъ, 2 вып., 1861 г.

Словарь Геннади.—Н. Георгіевскій, Историч. Опис. Скорбящ. церкви, стр. 35. — Чистовичъ, Исторія Петерб. духовн. академіи. 344.

Бензенгръ, *Василій Николаевичъ*, врачъ-антропологъ, род. 3 апрѣля 1815 г. въ кіевской губерніи (въ г. Васильковѣ), ум. въ Москвѣ, въ 1893 г. Въ 1817 г. онъ былъ привезенъ въ село Никольское, рязанской губерніи, и тамъ воспитывался до 12-ти-лѣтняго возраста. Въ 1828 г. Бензенгръ былъ помѣщенъ въ 3-й классъ московской губернской гимназіи (нынѣ I-я), причемъ жилъ, въ качествѣ пансіонера, сначала у директора, а затѣмъ у учителей этой гимназіи. Выйдя изъ 5-го класса гимназіи, онъ готовился подъ руководствомъ проф. П. И. Оболенскаго къ поступленію въ московское отдѣленіе медико-хирургической академіи, куда зачисленъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ августѣ 1833 г. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1838 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія, Бензенгръ въ томъ-же году опредѣлился на службу въ 3-ю конно-артиллерійскую бригаду. Въ 1843 г. онъ вышелъ изъ военнаго вѣдомства и поступилъ городовымъ врачемъ въ Саратовъ. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ должность врача дѣтскаго пріюта и званіе почетнаго члена саратовскаго губернскаго попечительства, а въ 1849 г. перемѣщенъ на должность старшаго врача заведеній приказа общественнаго призрѣнія; въ этой должности онъ состоялъ до 1850 г., а въ 1851 г. уволенъ отъ службы. Въ 1855 г. Бензенгръ былъ опредѣленъ въ должность оператора оренбургской врачебной управы, но осенью слѣдующаго года снова вышелъ изъ службы (по домашнимъ обстоятельствамъ) и на этотъ разъ уже окончательно. Съ 1-го октября 1859 г. онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и прожилъ остальные 34 года своей жизни, оставаясь вольно-практикующимъ врачемъ. Всѣ годы, не занятые службой, Бензенгръ провелъ большею частью за-границей и, кромѣ того,

пользовался всѣми отпусками для поѣздокъ туда же. Такимъ образомъ онъ изъѣздилъ всю Европу, причемъ особенно долго живалъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Поселившись въ Москвѣ, Бензенгръ принималъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ Общества русскихъ врачей, Общества любителей естествознанія, въ которомъ состоялъ почетнымъ членомъ, и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Въ 1883 г., когда исполнилось пятидесятилѣтіе его врачебной и научной дѣятельности, Московское общество любителей естествознанія, въ которомъ онъ состоялъ съ 1877 г. товарищемъ предсѣдателя, съ особою благодарностью отмѣтило его заслуги въ области антропологіи, разработкѣ которой онъ много содѣйствовалъ своими трудами.—Полный списокъ трудовъ Бензенгра, приведенный у Венгерова, содержитъ 53 номера; большинство ихъ касается антропологическихъ вопросовъ и представляетъ сообщенія въ засѣданіяхъ Московскаго общества любителей естествознанія, въ протоколахъ котораго они и помѣщены (1863 — 1883 гг.). Кромѣ того нѣсколько статей напечатано имъ въ «Московской Медицинской газетѣ» (1863 — 1874 гг.), въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ» (1862 г.), въ «Трудахъ 3-го съѣзда врачей московскаго земства», въ журналѣ «Коннозаводство» (1884 г.), въ протоколахъ статистическаго отдѣленія Юридическаго общества (1884 г.). Отдѣльно изданы: «Бесѣды о гигіенѣ, преимущественно дѣтскаго возраста», публичная лекція, читанная въ политехническомъ музеѣ въ 1874 г.; Историческій очеркъ дѣятельности Антропологическаго Отдѣла (1878 г.); переводъ «Инструкцій для изученія сравнительной психологіи, состав. Мантегацца, Гиліоли и Летурно (2 тома, 1877 и 1879 гг.).

Венгеровъ, Словарь.—Его-же, Русскія Книги.

Бенигсенъ. См. **Беннигсенъ**.

Бениславскій, *Янъ*, дѣятель римско-католической церкви въ Россіи, род. въ 1735 г. въ Инфлянтахъ, въ молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, въ 1768 г. принялъ священный санъ. Послѣ закрытія ордена, по назначенію эдукаціонной коммиссіи, нѣкоторое время былъ ректоромъ брестскихъ школъ. Переселившись затѣмъ въ Россію, Бениславскій чрезъ своего родственника Михельсона (извѣстнаго усмирителя Пугачева) познакомился съ Потемкинымъ и съумѣлъ совершенно очаровать его, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти полное довѣріе, такъ что Потемкинъ совѣтовался съ нимъ обо всѣхъ мѣропріятіяхъ, касавшихся католичества въ Россіи. Этимъ обстоятельствомъ съ обычнымъ искусствомъ съумѣли воспользоваться іезуиты для выгодъ своего ордена. При посредствѣ Бениславскаго, явившагося въ этомъ случаѣ послушнымъ орудіемъ іезуитовъ, проведенъ былъ проэктъ объ учрежденіи въ Россіи должности римско-католическаго архіепископа, каковымъ назначенъ былъ Сестренцевичъ; на должность же коадъютора назначенъ былъ (1782 г.) Бениславскій, чѣмъ имѣлось въ виду парализовать преимущества, данныя неугодному іезуитамъ Сестренцевичу. Въ 1783 году Бениславскій посланъ былъ русскимъ правительствомъ въ Римъ для переговоровъ съ папой объ утвержденіи римско-католическаго архіепископства въ Россіи, а также объ оставленіи іезуитовъ въ Бѣлоруссіи на прежнихъ основаніяхъ. Предъ отправленіемъ въ Римъ Бениславскій имѣлъ аудіенцію у Екатерины II, которая сказала ему: «Помните, что я поручила вамъ важнѣйшее дѣло для моего государства». 1-го марта 1783 г. Бениславскій прибылъ въ Римъ и на третій день по пріѣздѣ принятъ былъ въ торжественной аудіенціи папою. Утвердивъ Сестренцевича и Бениславскаго въ должностяхъ архіепископа и коадъютора, папа рѣшительно отказался признать каноническое существованіе іезуитскаго ордена въ Бѣлоруссіи. Впрочемъ, по возвращеніи въ Россію Бениславскій утверждалъ, будто бы папа словесно призналъ законнымъ существованіе ордена въ Бѣлоруссіи и не выдалъ письменнаго документа лишь вслѣдствіе протеста бурбонскихъ дворовъ; впослѣдствіи Бениславскій не постѣснялся это ложное показаніе свое подтвердить письменно и даже присягою. 8-го февраля 1784 г. Бениславскій хиротонисанъ былъ нунціемъ Аркетти въ санъ епископа Гадаринскаго, а вскорѣ затѣмъ (19 марта) уѣхалъ съ Потемкинымъ въ Крымъ, гдѣ предполагалъ заняться устройствомъ церковныхъ дѣлъ въ виду наплыва колонизаторовъ изъ-заграницы. При учрежденіи шести римско-католическихъ епископій въ Россіи Бениславскій назначенъ суффраганомъ полоцкимъ; при этомъ на него возложена была обязанность цензировать книги, печатавшіяся въ полоцкой типогра-

фіи, но въ 1800 г. Бениславскій былъ отрѣшенъ отъ должности цензора за напечатаніе въ календарѣ на 1800 г. статьи, наполненной похвалами англійскому флоту (что было нарушеніемъ изданнаго тогда для журналистики приказа — отзываться съ норицаніями обо всемъ, что касается Англіи). Назначенный въ 1801 г. предсѣдателемъ римско-католической коллегіи, Бениславскій отдалъ всего себя въ распоряженіе іезуитовъ и направлялъ всѣ дѣла по ихъ указаніямъ. Бениславскимъ написаны два сочиненія: «Institutiones logicae seu brevis tractatus de cultura ingenii» (Wilno, 1774 и «Rozmyślania dla księży swieckich o powinnościach chrzesciańskich z listów i Ewangelii wzięte (2 т., Polock, 1779, Warsz. 1859).

Въ запискѣ Сестренцевича, поданной имъ императору Александру I (заглавіе см. ниже), содержатся очень нелестные отзывы о Бениславскомъ—особенно относительно поведенія его въ Римѣ, гдѣ онъ будто бы «многіе благочестія своего оказалъ знаки нахальными и безстыдными поступками». Вообще, Бениславскій былъ типичнымъ іезуитомъ. На его долю выпала роль исполнителя довольно сложныхъ плановъ, направленныхъ къ поддержкѣ ордена въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ его жизни, и эту роль Бениславскій выполнилъ съ успѣхомъ, не разбирая, конечно, средствъ. Онъ снискалъ расположеніе Сестренцевича, чѣмъ воспользовался исключительно для цѣлей ордена и митрополитъ разгадалъ его лишь тогда, когда власть фактически оказалась изъятою изъ его рукъ: отсюда объясняются упреки въ неблагодарности, разсыпанные въ запискѣ Сестренцевича.

«Encyklоped. powszechna» Olgelbrand'a, t. III.—Морошкинъ «Іезуиты въ Россіи» (Спб., 1867—70).—Толстой, «Римскій католицизмъ въ Россіи» (т. II).—«Изображеніе происшествій въ духовенствѣ Западнаго послѣдованія, въ Россіи пребывающемъ, отъ того времени, какъ поручено оное епископу, а нынѣ митрополиту Сестренцевичу Богушу» (Русскій Архивъ, 1870 года).

Беницкій (Беннтцкій), *Александръ Петровичъ*, беллетристъ и критикъ, род. въ 1780 г., ум. 30 ноября 1809 г. Воспитаніе онъ получилъ въ пансіонѣ проф. Шадена, гдѣ выдѣлялся изъ среды товарищей быстротою соображенія и остроуміемъ и еще въ ученическихъ сочиненіяхъ обнаружилъ задатки талантливаго писателя. На шестнадцатомъ году онъ кончилъ пансіонъ и вынесъ изъ него очень основательное знакомство съ французскимъ и нѣмецкимъ языками. Въ 1799 г. онъ поступилъ на военную службу въ иваново-гусарскій полкъ унтеръ-офицеромъ, въ томъ же году былъ переведенъ въ ахтырскій полкъ корнетомъ, а въ 1803 г. произведенъ въ поручики и въ этомъ чинѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по полученіи его, вышелъ въ отставку по болѣзни. Поступивъ вскорѣ въ коммиссію составленія законовъ, онъ оставался здѣсь до самой смерти. Свое литературное поприще Беницкій началъ въ «Сѣв. Вѣстн.» за 1805 г., гдѣ помѣстилъ: «Комала, пѣснь Оссіана». Въ томъ же году въ «Журн. россійской словесности» подъ полной фамиліей—Беницкій, а по большей части подъ псевдонимами А. Бе. и Бу-ки появилось нѣсколько его лирическихъ стихотвореній—«Гробница друга»(№ 3), «Къ Амуру» (№ 5), «Развалины» (№ 7) и др.,—эпитафій, надписей, эпиграммъ, басенъ, сказка въ стихахъ «Вдова» (№ 7) и двѣ статьи въ прозѣ «Перстень, восточная повѣсть», и «Камоэнсъ, творецъ Лузіады», изъ «Taschenbuch der Reisen» Циммермана (№ 7). Въ 1807 г. Беницкій издалъ сборникъ «Талія, или собраніе разныхъ новыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Книжка I», при участіи Н. И. Гнѣдича, С. С. Боброва, П. Г. Политковскаго, В. В. Попугаева, К. Н. Батюшкова, И. И. Дмитріева, А. Х. Востокова и др. Вторая книжка сборника была напечатана, но по какимъ-то обстоятельствамъ не появилась въ свѣтъ. Перу издателя въ этомъ сборникѣ принадлежитъ цѣлый рядъ стихотвореній, нѣсколько эпиграммъ, надписей, 13 басенъ, четыре повѣсти. Произведенія Беницкаго здѣсь или безъ подписи, или подъ псевдонимомъ—ъ—и. Въ 1809 г., въ компаніи со своимъ другомъ А. Е. Измайловымъ, Беницкій издавалъ ежемѣсячный журналъ «Цвѣтникъ», пользовавшійся большимъ успѣхомъ у публики. Беницкій принималъ въ этомъ журналѣ живое участіе, и ему принадлежитъ здѣсь цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ произведеній, подписанныхъ буквой Б. Усиленные труды разстроили и безъ того слабое здоровье Беницкаго; у него обнаружилась злая чахотка, пришлось писать гораздо меньше, и журналъ сталъ падать, а черезъ годъ совсѣмъ прекратилъ свое существованіе. Вотъ что писалъ Гнѣдичу одинъ изъ пріятелей Беницкаго, поэтъ

Батюшковъ, во время послѣднихъ дней жизни своего друга: «Больно жаль Бѣницкаго! Жильбертъ (франц. сатирикъ второй половины 18-го в.) въ немъ воскресъ и умеръ. Большія дарованія, рѣдкій, свѣтлый умъ!». «Я читалъ нынѣ «Умнаго и дурака» въ «Таліи». Онъ какъ бы предвидѣлъ свой конецъ. Все, что ни написано, сильно, даже ужасно, слишкомъ сильно напитано желчью»... Изъ посмертныхъ произведеній Беницкаго заслуживаютъ вниманія: стихотвореніе «Печаль», переводъ изъ Шиллера, «Мысли объ употребленіи въ искусствѣ обыкновеннаго и низкаго» (Цвѣтникъ 1810, № 1); шуточное стихотвореніе «Изъясненіе въ любви портного», напечатанное въ «Благонамѣренномъ» за 1820 г., № III съ сочувственной замѣткою А. Е. Измайлова о покойномъ. Какъ сообщаетъ тотъ же Измайловъ, переводъ комедіи Коцебу «Портной Фипсъ», изданный въ 1808 г., принадлежитъ не Г. Г. Политковскому, какъ это печаталось на афишахъ, а Беницкому. Къ тому же времени относится и стихотвореніе «Къ-ѣ-ѣ-й», помѣщенное въ «Драматич. Вѣстн.» съ подписью А. Бе (1808 г., ч. III, № 68, стр. 120). Друзья покойнаго, въ рукахъ которыхъ находилось много ненапечатанныхъ отрывковъ, заслуживавшихъ вниманіе публики, въ началѣ двадцатыхъ годовъ намѣревались предпринять хорошее полное изданіе оригинальныхъ и переводныхъ его произведеній, но намѣреніе это не осуществилось. Въ теченіе своей плодотворной, но крайне непродолжительной жизни Беницкій оставался неизмѣнно вѣренъ самому себѣ. Во всѣхъ его произведеніяхъ проводится, часто въ высшей степени желчно, одна мысль—о ненормальномъ отношеніи общественныхъ группъ и защита интересовъ «униженныхъ и оскорбленныхъ». Всего ярче сказался сатирическій талантъ Беницкаго въ его сказкахъ и повѣстяхъ, особенно восточныхъ («На другой день»), гдѣ, подъ формой описанія, повидимому совершенно чуждыхъ, нравовъ и обычаевъ, крылось желаніе вскрыть недостатки русскаго общества. Такъ же удачна и другая его повѣсть: «Ибрагимъ, или великодушный». Несправедливость людскихъ отношеній доводитъ иногда Беницкаго до злобы и мизантропіи, которыя ярче всего сказались въ юмористическомъ разсказѣ «Пипинька, чижикъ прекрасной Эльмины», въ которомъ передается, какъ бѣдная и скромная птичка попалась въ когти ястреба. Въ этомъ разсказѣ читаемъ: «Пипинька болѣе достоинъ вѣнка безсмертія, нежели герои, прославившіе имена свои убійствами и кровопролитіемъ, сдѣлавшіеся незабвенными въ лѣтописяхъ міра опустошеніемъ земель и искорененіемъ народовъ... Увы, сей случай напоминаетъ мнѣ, что въ обществѣ людей разбойникъ, убившій невиннаго, добраго человѣка, лишается только жизни же, и то въ политическомъ разумѣ. Уравненіе преступленія съ наказаніемъ кажется мнѣ труднѣе, чѣмъ найти философскій камень, квадратуру круга, perpetuum mobile. Напослѣдокъ ястребъ не только извинительнѣе убійцы, но онъ даже невиненъ, ибо нападаетъ на жизнь чижиковъ и др. по врожденному побужденію. Иначе онъ самъ долженъ будетъ умереть съ голоду. Но человѣкъ по какому побужденію убиваетъ человѣка же? Изъ корысти, изъ честолюбія, изъ мести. Благородное существо, какихъ гнусныхъ недостатковъ не имѣешь ты!»... Современные читатели и критики находили въ произведеніяхъ Беницкаго здравыя понятія, интересный сюжетъ, живой, остроумный разсказъ и чистый, хорошій языкъ. Даже теперь ихъ можно читать съ удовольствіемъ, какъ сочиненія несомнѣнно даровитаго человѣка. Такъ, «Бедуинъ» помѣщенъ въ христоматіи Галахова въ числѣ избранныхъ произведеній литературы.—Въ своихъ критическихъ статьяхъ Беницкій явился сторонникомъ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій и борцомъ за карамзинскую реформу.

«Цвѣтникъ», 1809 г. 4, № 11, стр. 264—68.—«Благонамѣренный» 1820, № 3, стр. 192, 1821, № 3, приб. стр. 16. — «Рус. Арх.». 1867, 1079, 1450, 1896, т. I, 422.—«Ист. Вѣстн.» 1881, т. V, 674.—Гречъ, «Опытъ исторіи русск. литературы» Спб. 1822, стр. 327.—Галаховъ, «Ист. русск. словесности древней и новой» т. II, ч. IV, ром. и пов. спб. 1875; «Ист. христом.», т. II, стр. 136.—Батюшковъ, сочиненія, подъ ред. Л. Н. Майкова.—Словари: Снегирева, Плюшара, Ефрона, Гарбеля, Венгерова. *Ш. В.*

Беніовскій, графъ *Морицъ-Августъ*, род. въ 1741 г. въ Вербовѣ (въ Венгріи), ум. 23 мая 1786 г. на Мадагаскарѣ. Сынъ австрійскаго генерала, онъ, въ чинѣ поручика, участвовалъ юношею въ Семилѣтней войнѣ, сражаясь въ рядахъ австрійцевъ, а въ 1756 г. былъ приглашенъ своимъ дядею въ Литву. Здѣсь онъ пробылъ недолго: узнавъ, что двоюродные братья завладѣли его имѣніемъ въ Венгріи,

онъ воротился на родину и, собравъ вооруженную банду, отбилъ имѣніе. За самоуправство, онъ былъ австрійскимъ правительствомъ лишенъ имущества и бѣжалъ въ Польшу, а оттуда въ Гамбургъ, гдѣ отлично изучилъ навигацію и предпринималъ путешествія въ разныя мѣста; вообще, Беніовскій былъ весьма образованный человѣкъ. Въ 1767 г. онъ поступилъ на службу къ польскимъ конфедератамъ съ чиномъ полковника, но скоро выдѣлился энергіей и храбростью и въ 1768 г. былъ уже генераломъ и начальникомъ артиллеріи. Въ томъ же году онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими и отпущенъ на честное слово, что не помѣшало ему въ маѣ 1769 г. вторично попасть въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда его сослали въ Казань, вмѣстѣ съ его неразлучнымъ другомъ и помощникомъ, шведомъ Винбладомъ. Беніовскій бѣжалъ изъ Казани въ Петербургъ, но здѣсь его выдалъ хозяинъ корабля, на которомъ онъ хотѣлъ укрыться за границу, и онъ, въ декабрѣ 1769 г., былъ сосланъ въ Камчатку, вмѣстѣ съ Винбладомъ, поручикомъ Пановымъ, капитаномъ Степановымъ и полковникомъ Батуринымъ. Всѣ эти лица впослѣдствіи были дѣятельнѣйшими помощниками Беніовскаго. Въ Большерѣцкѣ Беніовскій сразу же овладѣлъ полнымъ довѣріемъ начальника Камчатки, капитана Нилова, подружился съ умнымъ и смѣлымъ ссыльнымъ капитаномъ гвардіи Петромъ Хрущевымъ и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ составилъ планъ заговора съ цѣлью побѣга на какую-нибудь группу острововъ Великаго океана. Для привлеченія къ заговору простыхъ казаковъ, Беніовскій распустилъ слухъ, что онъ и его спутники страдаютъ за великаго князя Павла Петровича. Въ Большерѣцкѣ началось глухое волненіе, но Ниловъ не обращалъ вниманія на предупрежденія и даже отпустилъ Беніовскаго устраивать проектированную имъ новую колонію на Камчаткѣ. Вскорѣ число единомышленниковъ Беніовскаго возникло до 70 человѣкъ, и въ апрѣлѣ 1771 г. онъ поднялъ открытый бунтъ. Ниловъ былъ убитъ, жители Большерѣцка приведены къ присягѣ Императору Павлу, казенное имущество разграблено. Назвавъ свою банду «собранной кампаніей для имени его императорскаго величества Павла Петровича» и поднявъ на казенномъ галіотѣ св. Петра флагъ Императора, Беніовскій 30 апрѣля вышелъ въ море изъ Чекалинской гавани. Передъ отъѣздомъ «компанія» составила объявленіе для отсылки черезъ Большерѣцкую канцелярію въ Сенатъ; здѣсь излагалось, что Павелъ незаконно лишенъ престола, порицалась война съ Польшею, введеніе монополіи на соль и вино, обременительность податей для народа, стѣсненіе свободы депутатовъ, собранныхъ для составленія новаго уложенія и т. п. Это посланіе возбудило въ Петербургѣ большую тревогу.—Посѣтивъ по дорогѣ Курильскіе острова, Танао-Симу и Формозу, Беніовскій 12 сентября вышелъ на берегъ въ Макао и здѣсь пробылъ до слѣдующаго года. Убѣдившись, что ихъ обманули именемъ Павла, сообщники Беніовскаго взбунтовались противъ него, но онъ съумѣлъ привлечь на свою сторону губернатора Макао, и недовольные, посидѣвъ въ португальской тюрьмѣ, смирились. Свой галіотъ Беніовскій продалъ губернатору, а въ началѣ 1772 г. съ остаткомъ русскихъ (многіе перемерли отъ лихорадки въ Макао) двинулся изъ Кантона на французскихъ фрегатахъ и въ мартѣ высадился на островѣ св. Маврикія (Иль-де-Франсъ), откуда часть русскихъ уѣхала въ Францію и затѣмъ вернулась въ Россію, а онъ самъ съ остальными спутниками прибылъ въ 1773 г. въ Парижъ и предложилъ французскому правительству покорить Формозу. Но въ Парижѣ сочли болѣе цѣлесообразнымъ заняться заселеніемъ Мадагаскара. Предложеніе было Беніовскимъ принято; въ іюнѣ 1774 г. онъ отправился на Мадагаскаръ и завелъ тамъ колонію, но упорное сопротивленіе туземцевъ, пререканія съ губернаторомъ Иль-де-Франса, которому подчинялся Мадагаскаръ, наконецъ, недовѣріе къ нему французскаго правительства заставили его покинуть Мадагаскаръ. Беніовскій вернулся въ Европу, вновь поступилъ на австрійскую службу и въ 1778 г. участвовалъ въ сраженіи съ пруссаками при Гальбершвертѣ. Въ 1781 г. мы видимъ его уже въ Америкѣ, въ Балтиморѣ. Здѣсь онъ сблизился съ однимъ богатымъ торговымъ домомъ и съ его помощью задумалъ новую экспедицію на Мадагаскаръ. Заручившись содѣйствіемъ здѣсь, а потомъ въ Лондонѣ, онъ въ 1785 г. высадился на мадагаскарскомъ берегу и поднялъ туземцевъ противъ французовъ, но въ слѣдующемъ же году, раненый въ стычкѣ пулею въ грудь, умеръ.

Беніовскій оставилъ любопытныя автобіографическія записки, изданныя сначала по французски (Парижъ, 1791), а затѣмъ пріобрѣвшія большую популярность, благодаря занимательности изложенія, и переведенныя на многіе европейскіе языки. Но этими записками слѣдуетъ пользоваться очень осторожно, потому что тщеславіе и фантазія часто заставляли Беніовскаго подробно разсказывать о событіяхъ, никогда не случившихся съ нимъ въ дѣйствительности. Драматизмъ многихъ разсказовъ Беніовскаго сдѣлалъ его судьбу однимъ изъ излюбленныхъ сюжетовъ для историческихъ компиляцій и литературныхъ произведеній (лучшія—драма Коцебу и поэма Словацкаго).

Записки Беніовскаго.—Берхъ, Побѣгъ гр. Беніовскаго («Сынъ Отечества», 1821, №№ 27 и 28).—Записки канцеляриста Рюмина о приключеніяхъ его съ Беніовскимъ («Сѣверный Архивъ», 1822, №№ 5—7).—Записки о бунтѣ, произведенномъ Беніовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ» («Русскій Архивъ», 1865, № 4).—Сгибневъ, Бунтъ Беньевскаго («Русская Старина», 1876, №№ 3 и 4).—Максимовъ, Сибирь и Каторга. — Андріевичъ, Исторія Сибири.—Словари: Плюшара, Зедделера, Андреевскаго.

Бенкгаузенъ, *Яковъ Георгъ*, докторъ мед., род. въ Дерптѣ 3 мая 1765 г. Образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ ректора дерптскаго университета L. Ewers'а, а въ 1782 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ учился медицинѣ и хирургіи въ сухопутномъ и морскомъ госпиталяхъ. Съ 1783 г. учился въ Геттингенѣ, а съ 1785 г.—въ Іенѣ, гдѣ получилъ въ 1786 г. степень доктора медицины за диссертацію «De suturis siccis et cruentis». Съ 1787 г. до 1794 г. Бенкгаузенъ былъ докторомъ ярославскаго намѣстничества и инспекторомъ врачебной управы.

Recke u. Napiersky.

Бенкендорфъ, графъ *Александръ Христофоровичъ*, генералъ отъ кавалеріи, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта; старшій сынъ Христіана Ивановича, род. въ 1783 г., ум. 23 сентября 1844 г. Службу онъ началъ на 15-омъ году (1798 г.), вступивъ унтеръ-офицеромъ л.-гв. въ семеновскій полкъ, гдѣ въ томъ же году 31-го декабря произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ флигель - адъютантомъ къ Императору Павлу. Въ 1803 г. онъ поступилъ въ дѣйствовавшій въ Грузіи отрядъ князя Цицiанова и съ отличіемъ участвовалъ при взятіи форштата крѣпости Ганджи и 1 января слѣдующаго года—въ сраженіи съ лезгинами; за выказанную въ этихъ дѣлахъ храбрость, онъ былъ награжденъ орденами св. Анны и св. Владиміра 4-й ст. Въ 1804 г. онъ былъ командированъ на островъ Корфу, гдѣ формировалъ, подъ начальствомъ генерала Анрепа, легіонъ изъ 600 суліотовъ и 400 албанцевъ. Въ войну съ французами 1806 — 1807 гг. Бенкендорфъ, состоя при дежурномъ генералѣ графѣ Толстомъ, участвовалъ въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, за которое награжденъ орденомъ св. Анны 2 степ. и чиномъ капитана, а черезъ 2 недѣли произведенъ въ полковники. По заключеніи Тильзитскаго мира онъ находился при посольствѣ графа Толстого въ Парижѣ. Въ 1809 г. Бенкендорфъ отправился охотникомъ въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ и, во всю кампанію находясь въ авангардѣ, становился всегда во главѣ самыхъ рискованныхъ и трудныхъ порученій. Особеннымъ отличіемъ, доставившимъ Бенкендорфу орденъ св. Георгія 4 степ., были его дѣйствія подъ Рущукомъ, гдѣ стремительною атакою чугуевскихъ уланъ, онъ опрокинулъ угрожавшій тылу нашего лѣваго фланга значительный отрядъ турокъ. Въ 1812 г., Бенкендорфъ командовалъ авангардомъ войскъ генерала Винценгероде и въ первомъ сраженіи при Велижѣ (27 іюля), за блистательную атаку противъ непріятеля, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Вслѣдъ затѣмъ, на него было возложено опасное порученіе—открыть коммуникаціи главной арміи съ корпусомъ графа Витгенштейна. Отправившись съ 80-ю казаками, Бенкендорфъ успѣлъ, проходя въ тылу и между отрядами французскихъ войскъ, захватить болѣе 500 плѣнныхъ. Съ началомъ отступленія нашихъ силъ, Бенкендорфъ принялъ начальство надъ арріергардомъ въ отрядѣ генерала Винценгероде, а отъ Звенигорода до Спасска командовалъ всѣмъ отрядомъ. Присоединивъ къ своимъ силамъ два казачьихъ полка, онъ произвелъ смѣлое и искусное движеніе на Волоколамскъ, напалъ на непріятельскія партіи, разбилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ болѣе 8000 человѣкъ. Состоя по занятіи Москвы комендантомъ столицы, онъ успѣлъ захватить 3000 французовъ и отбить 30 орудій; при преслѣдованіи же Наполеоновской арміи до Нѣмана, находясь въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Кутузова, взялъ въ плѣнъ трехъ французскихъ генераловъ и болѣе 6000 разныхъ чиновъ. Въ

1813 г. Бенкендорфу былъ ввѣренъ отдѣльный летучій отрядъ. Дѣйствуя между Берлиномъ и Франкфуртомъ на Одерѣ, онъ разбилъ въ Темпельбергѣ сильную непріятельскую партію, за что получилъ орденъ св. Георгія 3 степ., принудилъ вслѣдъ затѣмъ къ капитуляціи г. Фюрштенвальдъ, занялъ, вмѣстѣ съ отрядами генераловъ Чернышева и Тетенборна, Берлинъ и, безпрерывно сражаясь отъ Ютербока до Дрездена, взялъ въ плѣнъ до 6000 французовъ. Отъ Дрездена, остановленный корпусомъ маршала Даву, отступилъ къ Гавельсбергу, переправился черезъ Эльбу и захватилъ въ плѣнъ непріятельскій постъ въ Вербенѣ. Занятіе Люнебурга, подъ начальствомъ генерала Дернберга, доставило Бенкендорфу орденъ св. Анны 1 степени. Дальнѣйшія дѣйствія его въ кампаніи отмѣчены участіемъ въ сраженіи при Гросберенѣ, преслѣдованіемъ и вытѣсненіемъ изъ Ютербока французскихъ войскъ, и трехдневнымъ прикрытіемъ корпуса графа Воронцова противъ непріятельскихъ движеній. Послѣдній подвигъ доставилъ ему золотую съ брилліантами шпагу. Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ корпуса Винценгероде, послѣ чего, при движеніи послѣдняго на Кассель, съ отдѣльнымъ отрядомъ былъ отправленъ въ Голландію. Здѣсь, въ самый короткій срокъ, Бенкендорфъ успѣлъ очистить отъ непріятеля Утрехтъ и Амстердамъ, заставилъ сдаться крѣпости Гавель, Мюнденъ и Гельдерскую батаррею и занялъ Роттердамъ, Дортрехтъ, Госувотъ, крѣпости Гертрюденбергъ, Бреду, Вильгельмштадтъ, взявъ болѣе ста орудій и много плѣнныхъ. Вслѣдъ затѣмъ Бенкендорфъ устремился въ Бельгію и съ боя занялъ города Лювенъ и Мехельнъ и въ Дюссельдорфѣ снова присоединился къ Винценгероде. Эти подвиги доставили Бенкендорфу ордена: св. Владиміра 2 степени, большой крестъ Шведскаго Меча и прусскій — «Pour le mérite», отъ нидерландскаго короля шпагу, съ надписью «Амстердамъ и Бреда» и отъ великобританскаго регента — золотую саблю съ надписью «за подвиги 1813 г.». Въ 1814 г., по переправѣ черезъ Рейнъ, Бенкендорфъ участвовалъ въ сраженіи подъ Краономъ, гдѣ командовалъ всею кавалеріею корпуса графа Воронцова и затѣмъ въ битвахъ подъ Лаономъ и Сентъ-Дизье, послѣ чего начальствовалъ арьергардомъ корпуса при движеніи его до Шалона. Награжденный брилліантовыми знаками ордена св. Анны 1 степени, Бенкендорфъ возвратился въ Россію и здѣсь 9 апрѣля 1816 г. былъ назначенъ начальникомъ 2 драгунской дивизіи, а въ 1819 г. — начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса. 22 іюля того-же года онъ былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, 20 сентября 1821 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и 1 декабря назначенъ начальникомъ 1-й кирасирской дивизіи. Въ этомъ же году Бенкендорфъ представилъ Александру Павловичу подробную докладную записку, въ которой обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла изложилъ собранныя имъ, по собственному почину, свѣдѣнія объ организаціи, цѣляхъ и составѣ тайнаго «Союза благоденствія». Указывая главныхъ дѣятелей этого союза, Бенкендорфъ высказывался за необходимость теперь-же, пока зло еще не розрослось, положить ему предѣлъ, устранивъ главныхъ распространителей смѣлыхъ плановъ. Императоръ счелъ за благо оставить докладъ Бенкендорфа безъ послѣдствій, но событія, свершившіяся четыре года спустя, доказали прозорливость Бенкендорфа, и новый Государь, 25 іюля 1826 г. опредѣлилъ его на должность шефа жандармовъ, командующаго Императорскою Главною Квартирою и главнаго начальника III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а 6 декабря пожалованъ въ званіе сенатора. Въ 1828 г. онъ сопровождалъ Государя въ турецкомъ походѣ и находился при осадѣ Браилова, при переправѣ черезъ Дунай, въ сраженіи близъ Сатунова, при покореніи Исакчи, въ сраженіи при Шумлѣ, гдѣ командовалъ двумя каре, составлявшими прикрытіе Особы Государя и затѣмъ при осадѣ и взятіи крѣпости Варны. По окончаніи кампаніи, награжденный орденомъ св. Владиміра 1 степени, Бенкендорфъ 21 апрѣля 1829 г. произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, а 8 февраля назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; 10 ноября 1832 г. Бенкендорфъ возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство и 22 апрѣля 1834 г. пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Съ 1828 г. Бенкендорфъ неоднократно сопровождалъ Императора Николая Павловича въ путешествіяхъ по Россіи, въ Варшаву и заграницу; въ 1841 г. онъ былъ командированъ въ Лифляндію для усмиренія происходившихъ

тамъ среди крестьянъ безпорядковъ и въ 1842 г.—въ г. Ригу, для присутствованія при открытіи дворянскихъ засѣданій о постановленіи правилъ насчетъ крестьянъ. Графъ Бенкендорфъ былъ женатъ на *Елизаветѣ Андреевнѣ* Захаржевской (въ первомъ бракѣ за П. Г. Бибиковымъ, съ 12 декабря 1824 г. кавалерственная дама ордена св. Екатерины, съ 25 марта 1839 г.—статсъ дама, ум. въ январѣ 1858 г.), но дѣтей мужского пола не имѣлъ, и графское достоинство было передано племяннику его, Константину Константиновичу Бенкендорфу. Личность графа А. Х. Бенкендорфа особенно памятна Россіи и петербургскому обществу по дѣятельности его въ званіи шефа жандармовъ и главнаго начальника III Отдѣленія. Нѣкоторые изъ современниковъ связывали съ воспоминаніемъ о немъ разсказы о строгости бывшаго руководителя сыскною частью, но число защитниковъ добраго имени Бенкендорфа и его человѣколюбія было всегда гораздо значительнѣе. Лучшею оцѣнкою его дѣятельности служатъ слова Императора Николая Павловича, высказанныя имъ у постели умирающаго графа: «Въ теченіе 11 лѣтъ онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а примирилъ со многими». Ближайшимъ попеченіямъ Бенкендорфа былъ, между прочимъ, порученъ Государемъ А. С. Пушкинъ, который, однако, горько жаловался на эту опеку.—Графомъ А. Х. Бенкендорфомъ оставлены записки, отрывокъ изъ которыхъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1865 г. (№ 2); его же перу принадлежатъ статьи, помѣщенныя въ Военномъ Журналѣ Гвардейскаго Штаба: «Описаніе военныхъ дѣйствій отряда, находившагося подъ начальствомъ барона Винценгероде въ 1812 г.» и «Дѣйствія отряда г.-м. Бенкендорфа въ Голландіи».

К. Бороздинъ, «Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ».—Послужные списки, хранящіеся въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ.—«Русскій Инвалидъ» 1823 г. № 198; 1837 г. № 308.—«Сѣверн. Пчела» 1844 г. № 218.—«Отеч. Записки» 1824 г. ч. XX, стр. 351.—«Журн. для чтенія воспит. Военно-Учебн. Завед.» т. IX, стр. 98; XVIII, стр. 373; XX, стр. 335, 436. — «Истор. Вѣстн.» 1887 г. т. XXX стр. 165 и послѣд. — «Рус. Стар.» 1871 г. т. III, 1874 г. т. IX и X, 1881 г. т. XXXI.—«Рус. Арх.» 1866, 1872, 1874 гг.—«Чтенія Имп. Об. истор. и древн. рос.» 1871 г., т. I, стр. 197 — 199. — Шильдеръ, «Имп. Александръ I».—«Опытъ библ. для воен. людей» В. Соца. Спб. 1826 г. 2-е изд. стр. 352.—Словари: Старчевскаго, Зеделера, Березина, Геннади, Андреевскаго и Леера.

Бенкендорфъ, *Иванъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ и оберъ-комендантъ Ревеля, род. въ 1720 г., ум. 18 ноября 1775 г. Онъ происходилъ изъ стариннаго франконскаго дворянскаго рода, который въ XVI в. переселился въ Лифляндію; отецъ его былъ рижскимъ бургграфомъ. Записанный на пятомъ году отъ роду пажемъ ко Двору, Бенкендорфъ въ 1741 г. былъ выпущенъ на службу поручикомъ въ армію и въ слѣдующемъ году участвуя въ походѣ противъ Швеціи, находился въ дѣлахъ: при взятіи засѣки въ Вербюнахъ и Фридрихсгама, при переправѣ черезъ рѣку Кюмень и при взятіи Борго и Гельсингфорса; подъ начальствомъ фельдмаршала Ласси, на галерахъ, участвовалъ также во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ до занятія Аландскихъ острововъ. Въ 1752 г. онъ былъ въ чинѣ премьеръ-маіора смоленскаго полка, а три года спустя, произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ муромскій полкъ. Во время Семилѣтней войны Бенкендорфъ съ отличіемъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ при взятіи Мемеля, подъ Гросъ-Эгерсдорфомъ и при Цорндорфѣ, гдѣ былъ серьезно раненъ и получилъ за отличіе чинъ бригадира (1 января 1759 г.); затѣмъ онъ находился въ битвѣ подъ Кунерсдорфомъ и до окончанія войны участвовалъ со своею бригадою въ авангардныхъ дѣлахъ и въ летучихъ отрядахъ при взятіи Берлина, Швейдница и др. 2 апрѣля 1762 г. Бенкендорфъ получилъ чинъ генералъ-маіора и былъ назначенъ шефомъ куринскаго пѣхотнаго полка, а 1 января 1771 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вскорѣ затѣмъ опредѣленъ на должность ревельскаго оберъ-коменданта. Въ 1772 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степ. Бенкендорфъ состоялъ въ бракѣ съ *Софіею Елизаветою* (Софіею Ивановною, ум. отъ апоплексическаго удара въ сентябрѣ 1783 г.) Левенштернъ, опредѣленной въ 1777 г. ко Двору, для воспитанія новорожденнаго великаго князя Александра Павловича. Отъ этого брака родились четыре сына, изъ которыхъ старшимъ былъ Христофоръ (его біографію см. отдѣльно).

К. Бороздинъ, «Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ». — Словари: Березина и Андреевскаго. — Шильдеръ, «Ал. I».

Бенкендофъ, графъ *Константинъ Константиновичъ*, род. въ 1817 г., ум. 16 января 1858 г.; воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, а затѣмъ служилъ въ конной гвардіи; въ 1742 — 46 гг. былъ на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ, командовалъ здѣсь пѣхотнымъ апшеронскимъ полкомъ и издалъ сочиненіе о взятіи Дарго. Возвратившись съ Кавказа, Бенкендорфъ былъ назначенъ въ 1847 г. военнымъ агентомъ въ Берлинѣ, а въ 1856—1858 гг. былъ чрезвычайнымъ посланникомъ при виртембергскомъ Дворѣ.

Бороздинъ, «Опытъ родосл. Бенкендорфовъ».

Бенкендорфъ, *Константинъ Христофоровичъ*, генералъ-адъютантъ, младшій сынъ Христофора Ивановича, род. въ 1785 г., ум. въ августѣ 1828 г. Предназначенный родителями къ дипломатической карьерѣ, онъ на 13-мъ году отъ роду поступилъ юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и съ 1803 г., пожалованный званіемъ камеръ-юнкера Двора Его Величества, былъ опредѣленъ на службу при посольствахъ, сначала въ Берлинѣ и другихъ германскихъ городахъ, а затѣмъ въ Неаполѣ, гдѣ исправлялъ должность секретаря посольства; въ 1812 г. онъ произведенъ въ камергеры. Съ началомъ Отечественной войны, Бенкендорфъ вернулся въ Россію и въ сентябрѣ вступилъ въ ряды арміи, причислившись въ чинѣ маіора къ кавалеріи въ отрядъ барона Винценгероде. Участвуя во всѣхъ дѣлахъ отряда, онъ особенно отличился въ сраженіи подъ Смоленскомъ и при взятіи Вильны. Въ кампаніи 1813 г. онъ командовалъ небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ и съ особеннымъ мужествомъ дѣйствовалъ при Бельцигѣ, подъ Гамбургомъ, при взятіи Касселя, при Фульдѣ и Ганау. Въ 1814 г., перейдя въ виду непріятеля Рейнъ у Дюссельдорфа, Бенкендорфъ во главѣ особаго летучаго отряда стремительно наступалъ впередъ и, нападая на отступающаго непріятеля, тревожилъ его повсюду, разстраивалъ его движеніе и отрѣзывалъ сообщенія. Особенно отличился онъ при штурмѣ Суассона, подъ Бріенномъ, Краономъ и при взятіи Реймса. Кромѣ полученныхъ имъ въ эту кампанію орденовъ, Бенкендорфъ въ 1813 г. произведенъ въ подполковники, въ октябрѣ того-же года— въ полковники, годъ спустя—въ генералъ-маіоры и въ 1815 г. назначенъ командиромъ 2-й бригады 4 драгунской дивизіи. Болѣзнь заставила его, однако, оставить на время дѣйствительную службу; зачисленный по роду оружія въ 1816 г., онъ былъ уволенъ въ отпускъ за границу, гдѣ находился до 1819 г.; но, получивъ облегченіе, снова поступилъ на службу и съ 1820 г. по 1826 г. состоялъ чрезвычайнымъ посланникомъ при виртембергскомъ и баденскомъ дворахъ. Едва возгорѣлась война съ Персіей, Бенкендорфъ вернулся въ ряды дѣйствующей арміи. Вступивъ авангардомъ въ эриванскую область, онъ перешелъ горы Акзибюкъ и Безобдалъ, занялъ Эчміадзинъ, переправился черезъ Зангулъ въ виду конницы Гассанъ-Хана, и, приблизившись къ Эривани, разбилъ отважныхъ курдинскихъ наѣздниковъ. Изумляя непріятеля храбростью и быстротою движенія, Бенкендорфъ перешелъ, вслѣдъ затѣмъ, вплавь Араксъ и Абирань, напалъ на угрожавшую тылу нашей арміи отборную персидскую конницу, разбилъ ее на голову, и взялъ въ плѣнъ многихъ начальниковъ. Въ Джеванъ-Булакскомъ сраженіи, онъ мужественно выдержалъ первый натискъ непріятеля и тѣмъ много способствовалъ одержанію побѣды. За отличія въ дѣлахъ этой кампаніи, онъ получилъ званіе генералъ-адъютанта (14 октября 1726 г.), чинъ генералъ-лейтенанта, орденъ св. Владиміра 2 степени и золотую саблю съ бриллiантами и надписью: «за храбрость». При заключеніи мира графъ Паскевичъ-Эриванскій, въ знакъ особеннаго уваженія къ Бенкендорфу, поручилъ ему принять въ русскомъ станѣ Аббасъ-Мирзу. Климатъ и лишенія походнаго времени сильно разстроили здоровье Константина Христофоровича, но и это не могло удержать его отъ участія въ войнѣ съ Турціею 1828 г. Командуя летучимъ отрядомъ, онъ пробрался черезъ Балканы въ тылъ непріятельской арміи, занялъ Проводы, истребилъ турецкіе транспорты съ запасами и разогналъ охранявшіе ихъ отряды. Это было его послѣднимъ подвигомъ; въ августѣ того-же года онъ скончался. Останки Бенкендорфа, согласно его завѣщанію, были перевезены въ Штутгардъ и тамъ погребены рядомъ съ могилою жены его, Наталіи Давыдовны, рожденной графини Алопеусъ. Константинъ Христофоровичъ отличался рѣдкимъ по своему времени образованіемъ и большою начитанностью, чему значительно помогло знаніе въ совершенствѣ пяти языковъ. Въ литературѣ имя его извѣстно по напечатан-

вымъ въ Сѣверной пчелѣ «Письмамъ изъ Персіи».

«Московскія вѣдомости» 1828 г. № 80.—«Военный Журналъ» 1830 г. № 1 стр. 192 — 207. — «A la mémoire d'un compagnon d'armes». Stockholm 1829 г. — «Кавказцы» 1858 г. вып. 13 — 16. — Бантышъ-Каменскій, «Словарь дост. людей», I, стр. 121.—«Сѣверная Пчела» 1828 г. № 116.—«Журн. для чт. восп. воен. учебн. завед.» 1861 г. т. 150 и 151.—Словари: Плюшара, Зеддера, Березина, Андреевскаго.

Бенкендорфъ, *Павелъ Ермолаевичъ*, извѣстный дѣятель Прибалтійскаго края, внукъ Ивана Ивановича, род. въ 1786 г.; службу онъ началъ въ 1802 г. унтеръ-офицеромъ л.-гв. въ семеновскомъ полку, откуда, два года спустя, въ чинѣ подпоручика, былъ уволенъ отъ службы и въ 1806 г. назначенъ ротнымъ командиромъ эстляндской подвижной милиціи. Съ окончаніемъ Отечественной войны Бенкендорфъ былъ избранъ въ 1813 г. въ гакенрихтеры ландвирляндскаго дистрикта, въ 1818 г.— въ члены дворянскаго депутатскаго собранія и въ 1824 г. въ предводители дворянства. Пожалованный въ 1826 г. въ статскіе совѣтники, онъ былъ избранъ вслѣдъ затѣмъ въ эстляндскіе ландраты (1827 г.), а въ сентябрѣ 1833 г. опредѣленъ эстляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ и годъ спустя произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 11 октября 1840 г. онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степени.

К. Бороздинъ, «Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ».—Словари: Березина и Андреевскаго.

Бенкендорфъ, *Христофоръ Ивановичъ*, старшій сынъ Ревельскаго оберъ-коменданта Ивана Ивановича, генералъ отъ инфантеріи, род. 30 іюля 1749 г., ум. 10 іюня 1823 г. Рано вступивъ на военную службу, онъ въ 1762 г. былъ уже офицеромъ въ корпусѣ войскъ графа Чернышева и въ 1770 г. адъютантомъ генерала М. В. Берга, участвовалъ въ походѣ въ Крымскую степь и въ битвѣ подъ Перекопомъ, а въ слѣдующемъ году находился при корпусѣ генерала Боура, въ походѣ къ Дунаю: 24 ноября 1771 г., за отличіе въ сраженіи подъ Бухарестомъ, Бенкендорфъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры; затѣмъ, въ мартѣ 1772 г., онъ былъ опредѣленъ оберъ-квартирмейстеромъ, пять лѣтъ спустя переведенъ полковникомъ въ нарвскій пѣхотный полкъ и 5 февраля 1790 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ, произвелъ Бенкендорфа (12 ноября 1796 г.) въ генералъ-лейтенанты и назначилъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу; въ этой должности Бенкендорфъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и признательность ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; 5 апрѣля 1797 г. онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго, а 30 сентября 1798 г.—чиномъ генерала отъ инфантеріи. Вскорѣ, однако, по разстроенному здоровью, онъ оставилъ службу (13 сентября 1799 г.) и остатокъ дней своихъ провелъ въ помѣстьѣ графа Стенбока, Колкѣ, близъ Ревеля. Супруга его *Анна Юліана*, рожденная баронесса Шиллингъ фонъ-Канштадъ (род. въ 1759 г., ум. послѣ 1830 г.), была подругою дѣтства Императрицы Маріи Θеодоровны, съ которою вмѣстѣ пріѣхала въ Россію изъ Монбельяра. Отъ этого брака родились два сына, Александръ и Константинъ (ихъ біографіи см. выше).

К. Бороздинъ, «Опытъ родосл. Бенкендорфовъ». – Шильдеръ, «Александръ I».—Словари Березина и Андреевскаго.—Е. Шумигорскій, «Имп. Марія Θеодоровна».

Бенни, Артуръ, публицистъ, род. 27 ноября 1839 г. въ Царствѣ Польскомъ, въ мѣст. Томашовѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ, ум. 28 декабря 1867 г. въ Римѣ. Мать его была англичанка и, по окончаніи курса въ гимназіи, онъ былъ отправленъ для продолженія образованія въ Англію. Въ Лондонѣ Бенни познакомился съ кружкомъ русскихъ эмигрантовъ, группировавшихся вокругъ Герцена, и подъ его вліяніемъ увлекся подготовлявшимся тогда польскимъ возстаніемъ. Въ началѣ 1861 г. онъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ былъ центръ польской эмиграціи, а въ концѣ того же года переселился въ Петербургъ. Здѣсь радикальные кружки приняли его сначала восторженно, считая его лондонскимъ эмиссаромъ, но уже скоро обнаружилось, что этотъ образованный, европейски выдержанный и серьезный человѣкъ мало подходилъ къ грубоватой и малокультурной тогдашней кружковщинѣ. Психологическій разладъ не замедлилъ привести къ открытой враждѣ. Желая познакомиться съ Россіей, Бенни поѣхалъ въ Москву, Нижній Новгородъ и Орелъ; съ нимъ отправился нѣкій Ничипоренко, но по дорогѣ между спутниками возникло разногласіе, и Ничипоренко объявилъ Бенни

шпіономъ. Сплетня была подхвачена, и Бенни, вернувшись въ Петербургъ, долженъ былъ отказаться отъ сношеній съ кружками. Онъ принялъ участіе въ журналистикѣ и напечаталъ статью о мормонахъ въ «Русской Рѣчи», а затѣмъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», руководимой Н. С. Лѣсковымъ. Кромѣ того, онъ писалъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Эпохѣ»—въ журналахъ отнюдь не радикальнаго характера. Но уже въ 1864 г. онъ принужденъ былъ покинуть Петербургъ, по приговору Сената, такъ какъ далъ у себя пріютъ пріѣхавшему въ Россію эмигранту Кельсіеву. Онъ поселился въ Швейцаріи и писалъ корреспонденціи въ англійскихъ газетахъ, а затѣмъ, также въ качествѣ корреспондента, поѣхалъ въ Италію, къ гарибальдійскимъ отрядамъ. Въ сраженіи при Ментонѣ онъ былъ раненъ, попалъ въ плѣнъ и умеръ въ одномъ изъ римскихъ госпиталей, благодаря дурному уходу.—И. С. Тургеневъ и затѣмъ Лѣсковъ выступили печатно въ защиту памяти Бенни отъ разныхъ возводимыхъ на него клеветъ, и единогласныя свидѣтельства авторитетныхъ современниковъ рисуютъ нравственно-чистый образъ его, какъ горячаго энтузіаста, впитавшаго въ себя лучшіе соки западно-европейской общественности, но ошибшагося въ искренней надеждѣ примѣнить свои идеалы на почвѣ русской дѣйствительности.

Н. С. Лѣсковъ, «Загадочный человѣкъ».—Письма И. С. Тургенева въ «Спб. Вѣдом.» 1868, №№ 37 и 52.—Письмо брата Бенни, ibid., 1871, № 256.—Некрологъ въ «Иллюстр. Газ.», 1868, № 7.—Рецензіи на книгу Лѣскова, въ «Вѣстникѣ Европы», 1871, № 8, стр. 897 и въ «Спб. Вѣдом.», 1871, № 208.—А. Л. Волынскій, «Н. С. Лѣсковъ».—Словарь Венгерова.

Беннигсенъ, баронъ (впослѣдствіи графъ) *Леонтій Леонтьевичъ* (Левинъ Августъ Теофилъ), генералъ-отъ-кавалеріи, род. 10 февраля 1745 г. въ Брауншвейгѣ (а по другимъ извѣстіямъ—въ Бантельнѣ, близъ Ганновера), ум. 2 октября 1826 г. въ Ганноверѣ. Происходя изъ старшей линіи (Бантельнъ) стариннаго ганноверскаго дома, онъ въ 1755 г. поступилъ въ ганноверскую службу пажемъ, въ 1759 г. былъ произведенъ въ прапорщики пѣшей гвардіи, въ 1760 г.—въ поручики, въ 1763 г.—въ капитаны и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ послѣдней кампаніи Семилѣтней войны; въ 1768 г. онъ получилъ чинъ маіора. Смерть отца сдѣлала его обладателемъ богатаго родового помѣстья Бантельнъ; тогда онъ вышелъ въ отставку и женился, но вскорѣ опять поступилъ на службу и въ 1773 г. былъ произведенъ въ подполковники. Чувствуя призваніе къ военной дѣятельности и не находя удовлетворенія своимъ стремленіямъ въ Ганноверѣ, онъ 31 декабря 1773 г. перешелъ на русскую службу, не принимая, однако, русскаго подданства, и опредѣлился премьеръ-маіоромъ въ вятскій мушкатерскій полкъ, сверхъ комплекта. Въ слѣдующемъ году онъ былъ переведенъ въ комплектъ, въ нарвскій полкъ и принялъ дѣятельное участіе въ турецкой войнѣ, сражаясь сначала въ Малой Валахіи, въ корпусѣ гр. Каменскаго, потомъ за Дунаемъ, подъ личной командою Румянцева, и, наконецъ, подъ начальствомъ гр. Салтыкова сражался подъ Рущукомъ и въ передней цѣпи на Балканахъ. 12 декабря 1778 г. Беннигсенъ былъ произведенъ въ подполковники и опредѣленъ въ кіевскій легко-конный полкъ, съ которымъ вскорѣ былъ командированъ въ корпусъ, посланный на помощь Фридриху II. Въ 1783 г., когда русскія войска занимали Крымъ, Беннигсенъ былъ командированъ съ двумя эскадронами кіевскаго полка изъ Кіева въ Подолію для содержанія кордона по Днѣстру, отъ Каменецъ-Подольска до Могилева. Въ 1787 г. онъ получилъ чинъ полковника и назначенъ командиромъ изюмскаго легко-коннаго полка, а въ слѣдующемъ году, когда началась вторая турецкая война, онъ двинулся съ своимъ полкомъ въ Бессарабію и, въ составѣ екатеринославской арміи кн. Потемкина, принялъ участіе въ осадѣ и штурмѣ Очакова, въ сраженіи подъ Каушанами, въ взятіи Бендеръ и въ другихъ дѣлахъ. Эта кампанія составила Беннигсену репутацію хладнокровнаго и энергичнаго командира и положила начало его извѣстности. Въ кампанію 1790 г., когда Потемкинъ съ главными силами двинулся къ Киліи и Аккерману, Беннигсенъ былъ оставленъ съ своимъ полкомъ подъ Бендерами для поддержанія сообщенія между этимъ городомъ и Аккерманомъ. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ бригадиры. Въ 1792 г. командованію Беннигсена былъ порученъ летучій корпусъ, предназначенный прикрывать бѣлорусскія границы отъ польскихъ конфедератовъ и, въ случаѣ

надобности, подкрѣплять корпуса генераловъ Меллина и Ферзена, дѣйствовавшіе въ Литвѣ. Быстрое наступленіе нашихъ войскъ въ глубь Литвы совершенно обезопасило порученныя охранѣ Беннигсена границы, и онъ присоединился къ Меллину. Въ сраженіи при мѣстечкѣ Мирѣ, гдѣ поляки потерпѣли рѣшительное пораженіе, Беннигсенъ командовалъ нашимъ лѣвымъ крыломъ. Когда непріятельская кавалерія отступила по дорогѣ къ Слониму, онъ ударилъ на нее въ открытомъ полѣ, несмотря на сильный огонь, обратилъ ее въ бѣгство и гналъ болѣе 80 верстъ. За это дѣло Беннигсенъ 28 іюня того же года былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Затѣмъ онъ двинулся съ своимъ отрядомъ къ укрѣпленному замку Несвижу, обложилъ его и держалъ въ блокадѣ, пока не подоспѣлъ Ферзенъ, который и принудилъ Несвижъ къ сдачѣ. Послѣ этого Беннигсенъ, въ составѣ корпуса Ферзена, принималъ участіе въ битвахъ подъ Зельвою, Волковискомъ и въ генеральномъ сраженіи на р. Бугѣ. Особенно отличился онъ подъ Зельвою, гдѣ стремительной аттакою опрокинулъ польскій легко-конный полкъ принца Виртенберга и захватилъ много плѣнныхъ. Начало новой польской войны (1794 г.) заставило Беннигсена двинуться въ восточную часть Литвы. Съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ онъ между Ошмянами и Дисною, причемъ подъ Солами аттаковалъ сильный непріятельскій отрядъ, укрѣпившійся здѣсь, поразилъ его, многихъ взялъ въ плѣнъ и завладѣлъ всѣмъ обозомъ; впослѣдствіи (28 іюня 1794 г.) Суворовъ поздравилъ его за это дѣло генералъ-маіорскимъ чиномъ. Затѣмъ онъ двинулся къ Нѣману; здѣсь, у мѣстечка Олиты онъ узналъ, что на другомъ берегу сосредоточились значительныя польскія силы; ближайшею ночью онъ со всею своею конницею и съ баталіономъ егерей, которыхъ посадилъ на лошадей, переправился вплавь черезъ Нѣманъ и внезапнымъ напискомъ истребилъ польскій отрядъ; за это дѣло онъ получилъ (24 сентября 1794 г.) золотую, украшенную брилліантами шпагу, съ надписью: «за храбрость». Успѣхъ этотъ позволилъ ему подойти къ самому Ковну и занять его въ то время, когда еще Вильна находилась въ рукахъ поляковъ; двукратныя попытки непріятеля выбить Беннигсена изъ Ковна остались безуспѣшными. Когда Кноррингъ осадилъ Вильну, то въ его корпусѣ мы встрѣчаемъ и Беннигсена. Въ день рѣшительной атаки онъ съ шестью эскадронами изюмскаго полка ударилъ на польскую артиллерію и сбилъ ее съ позиціи, а затѣмъ обрушился на центръ пѣхоты, стоявшей на Погулянкѣ, и разсѣялъ ее, чѣмъ заставилъ поляковъ поспѣшно отступить и сдать Вильну; за этотъ подвигъ Беннигсенъ получилъ (15 сентября 1794 г.) орденъ св. Георгія 3-й степени. Въ послѣдній періодъ кампаніи Беннигсенъ имѣлъ еще двѣ счастливыя встрѣчи съ непріятелемъ—при Липишнахъ и Трабахъ. Эти дѣла награждены были (2 октября 1794 г.) орденомъ св. Владиміра 2-й степени большого креста, а затѣмъ Беннигсенъ получилъ еще 1,080 душъ въ слуцкомъ уѣздѣ минской губ. Конецъ военныхъ дѣйствій засталъ Беннигсена на верхнемъ Наревѣ. Здѣсь, у Бѣльска, встрѣтилъ онъ отправленнаго въ Гродно Станислава Августа и, согласно приказу Репнина, съ подобающими почестями проводилъ его до Бѣлостока. Кромѣ того, Репнинъ предписалъ ему на случай, если при королѣ окажется польская гвардія, обезоружить ее и распустить. Но эта предосторожность оказалась излишней. Вскорѣ затѣмъ сосредоточеніе прусскихъ войскъ близъ нашихъ границъ и дипломатическія недоразумѣнія возбудили опасенія Репнина, и онъ поручилъ Беннигсену старательно наблюдать за прусской арміей. Вслѣдствіе этого приказанія, Беннигсенъ остался у Бѣлостока, и мы находимъ его здѣсь, при Васильковѣ, еще въ іюнѣ 1795 г., когда Россія готовилась къ войнѣ съ Пруссіей; подъ его командой состояла бригада изъ ревельскаго пѣхотнаго баталіона, изюмскаго полка и шести полевыхъ орудій.

Польскіе походы выдвинули Беннигсена на видное мѣсто. О немъ заговорили, какъ объ «офицерѣ отличныхъ достоинствъ». Кромѣ того, во время послѣдней кампаніи онъ имѣлъ возможность познакомиться съ братомъ всесильнаго Платона Зубова, Валеріаномъ. Когда въ 1796 г. возгорѣлась война съ Персіей, то въ числѣ генераловъ, посланныхъ съ В. Зубовымъ, оказался и Беннигсенъ. 20 марта онъ былъ уже въ Кизлярѣ, а затѣмъ участвовалъ въ взятіи Дербента, командуя правымъ крыломъ нашей арміи; наградою ему былъ орденъ св. Анны 1-й степени (4 іюня 1796 г.). Назначеніе Беннигсена въ пер-

сидскій походъ указываетъ уже на нѣкоторую связь его съ Зубовыми; эта связь потомъ еще болѣе укрѣпилась и неосталась безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу его. По возвращеніи изъ Персіи Беннигсенъ продолжаетъ службу командиромъ и шефомъ ростовскаго драгунскаго полка, за исправность котораго удостоивается въ маѣ 1797 г. благоволенія Императора Павла. 14 февраля 1798 г. онъ произведенъ по старшинству въ генералъ-лейтенанты, а въ маѣ того-же года, на большихъ московскихъ маневрахъ, Императоръ вторично выразилъ ему свое благоволеніе «за хорошій порядокъ, усмотрѣнный имъ во время марша его полку изъ Торжка въ Москву». Но уже 23 сентября 1798 г. Императоръ пишетъ фельдмаршалу И. П. Салтыкову: «Имѣю я поводъ думать, что Беннигсенъ у насъ не весьма усерденъ, и *особенно лично ко мнѣ*, о чемъ прося приватно меня увѣдомить, есмь» и пр. Черезъ недѣлю послѣ этого письма Беннигсенъ уволенъ отъ службы по прошенію и поселяется въ своемъ имѣніи, въ минской губ. Опала Беннигсена совпадаетъ по времени съ опалою Зубовыхъ. Минскій губернаторъ Карнѣевъ сообщалъ о немъ своимъ родственникамъ какія-то «двусмысленныя свѣдѣнія», а Императоръ, видимо, сильно на него гнѣвался: когда Б. П. Ласси, подъ начальствомъ коего сосредоточивалась въ Гроднѣ армія для заграничнаго похода, попросилъ о назначеніи къ нему Беннигсена, Павелъ въ отвѣтномъ рескриптѣ приписалъ эту просьбу «наущеніямъ окружающихъ, которыхъ лучше удалить, нежели слушать». Немного спустя, Беннигсенъ былъ снова принятъ на службу, но посланъ на Кавказскую линію. Однако въ февралѣ 1801 г. мы снова находимъ его въ Петербургѣ. О томъ, какимъ способомъ онъ вернулся въ столицу, источники разногласятъ. По однимъ свѣдѣніямъ, фонъ-деръ-Паленъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, выпросилъ у Императора прощеніе ему, вмѣстѣ съ Зубовыми. По другимъ разсказамъ (записаннымъ со словъ самого Беннигсена), онъ пріѣхалъ въ Петербургъ тайно отъ Государя, но по приглашенію Палена, котораго онъ извѣстилъ о необходимости лично похлопотать въ Сенатѣ по поводу имущественной тяжбы. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ 1801 г. Беннигсенъ посѣщалъ многолюдные пиры у сестры Зубовыхъ, О. А. Жеребцовой, гдѣ собирались всѣ недовольные тогдашнимъ режимомъ—англійскій посланникъ лордъ Витвортъ, фонъ-деръ-Паленъ и др. Новое царствованіе не принесло Беннигсену тѣхъ выгодъ, которыхъ ожидалъ онъ съ своими друзьями. На другой день послѣ кончины Императора Павла Беннигсенъ былъ назначенъ начальствующимъ въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ лежалъ до выноса къ погребенію прахъ почившаго Государя. Затѣмъ онъ присутствовалъ на коронаціи молодого Императора въ Москвѣ, но вскорѣ долженъ былъ удалиться въ Вильну, назначенный виленскимъ военнымъ губернаторомъ и начальникомъ литовской артиллерійской инспекціи. 11 іюня 1802 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Почетная ссылка продолжалась до 1804 г., когда Беннигсенъ снова былъ вызванъ въ Петербургъ, и съ этого времени начинается новый періодъ въ его жизни; обстоятельства, довольно неожиданно, выдвинули его на высокій постъ, давшій ему европейскую извѣстность. Во время кампаніи 1805 г. командованію Беннигсена былъ порученъ одинъ изъ корпусовъ, подчиненныхъ главному начальству Михельсона и сосредоточенныхъ у Гродна и Брестъ-Литовска, для демонстраціи противъ Пруссіи, которая, казалось, склонялась къ союзу съ Наполеономъ. Послѣ Аустерлица Беннигсену было приказано двинуться черезъ Восточную Пруссію и Силезію на помощь Австріи (13-го ноября), но въ Бреславлѣ онъ получилъ извѣстіе о Прессбургскомъ мирѣ и распоряженіе вернуться въ Русскіе предѣлы. Въ 1806 г. Беннигсенъ командовалъ корпусомъ на турецкой границѣ, а въ началѣ сентября, по Высочайшему повелѣнію, принялъ начальство надъ корпусомъ, расположеннымъ вдоль Нѣмана, между Гродномъ и Юрбургомъ. 6 октября, при первой вѣсти объ объявленіи Наполеономъ войны Пруссіи, Императоръ приказалъ Беннигсену идти черезъ Варшаву въ Силезію и находиться въ полномъ распоряженіи прусскаго короля. Но съ самого же начала обнаружилось одно изъ пагубныхъ обстоятельствъ, приведшихъ впослѣдствіи эту войну къ роковой развязкѣ: когда Беннигсенъ готовился уже выступать, къ нему пріѣхали прусскіе коммиссары съ увѣдомленіемъ, что продовольствіе для русскихъ войскъ еще не готово, и раньше 17 октября имъ въ Пруссію входить нельзя. Тѣмъ време-

немъ пришли вѣсти о позорномъ разгромѣ пруссаковъ, и вся картина измѣнилась: корпусъ Беннигсена изъ вспомогательнаго превратился въ единственную боевую силу, стоявшую лицемъ къ лицу съ Наполеономъ, и сообразно съ тѣмъ и постъ самого Беннигсена пріобрѣталъ непредвидѣнное и весьма важное значеніе единственнаго защитника восточной Пруссіи и даже русскихъ границъ отъ непріятельскаго нашествія. Императоръ поспѣшилъ увѣдомить Беннигсена, чтобы онъ не переходилъ Вислу, а расположился на правомъ берегу ея, между Варшавою и Торномъ. «Удаленіе, писалъ Александръ, лишаетъ меня средствъ давать вамъ наставленія. Полагаюсь на ваши воинскія дарованія и усердіе къ службѣ Моей». Но, повидимому, Императоръ мало довѣрялъ случайному главнокомандующему, еще меньше прусскому королю, и потому онъ поспѣшилъ отправить на театръ войны своего довѣреннаго генералъ-адъютанта, гр. П. А. Толстого, которому предписалъ быть посредникомъ между королемъ и Беннигсеномъ и контролировать ихъ дѣйствія. «Вашей особенной обязанностью, писалъ ему Александръ, будетъ наблюдать съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы приказанія, передаваемыя черезъ ваше посредство Беннигсену, отнюдь не имѣли характера, могущаго поставить мои войска въ затруднительное положеніе и скомпрометировать достоинство и славу русскихъ армій». 22 октября Беннигсенъ перешелъ черезъ Нѣманъ у Гродна и къ 1 ноября расположился у Остроленки. Корпусъ его состоялъ изъ 4-хъ дивизій: гр. Остермана, Сакена, кн. Голицына и Седморацкаго, всего до 70.000 человѣкъ съ нестроевыми, и 276 орудій. Прусскій король, подчинилъ ему единственный остатокъ прусской арміи, 14.000-ый корпусъ Лестока, и просилъ его двинуться къ сѣверу, для защиты Старой Пруссіи. Но Беннигсенъ указалъ, что такимъ движеніемъ онъ открылъ бы непріятелю, приближавшемуся уже къ Варшавѣ, доступъ въ русскіе предѣлы. Король не протестовалъ и предоставилъ все на волю Беннигсена. Тогда онъ передвинулъ главную армію къ Пултуску, а авангарды выдвинулъ на Вислу: Седморацкаго въ Прагу, Барклая-де-Толли въ Плоцкъ, а Лестока въ Торнъ. Въ Пултускѣ Беннигсена посѣтилъ король, повторилъ ему изъявленія полнаго довѣрія и обѣщалъ съ своей стороны помочь всѣмъ, чѣмъ могъ. Но въ рукахъ короля не оставалось уже почти никакихъ средствъ, и русская армія, не имѣя достаточнаго провіанта, лишенная санитарной помощи, оказалась въ крайне стѣсненномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что польское населеніе относилось къ ней крайне враждебно и ничѣмъ помочь не желало. Въ серединѣ ноября французы заняли Варшаву, а Седморацкій, обманутый ложной вѣстью о переправѣ непріятеля черезъ Вислу выше Варшавы, очистилъ Прагу, и тѣмъ далъ французамъ возможность дѣйствительно переправить черезъ рѣку значительныя силы. Узнавъ о томъ, Беннигсенъ счелъ первую оборонительную линію потерянною и отступилъ къ Остроленкѣ, приказавъ отступить также Барклаю и Лестоку. Такъ безъ боя отданы были французамъ всѣ переправы черезъ Вислу, а французы поспѣшили занять очищенныя нами позиціи на правомъ берегу ея. Не получая извѣстій о дальнѣйшемъ наступленіи французовъ, Беннигсенъ вернулся въ Пултускъ и выдвинулъ авангарды на новую, уже менѣе надежную оборонительную линію, на Вкру и Нарѳвъ. Къ 4 декабря пришелъ въ Остроленку корпусъ Буксгевдена, назначенный въ резервъ Беннигсену, но не подчиненный ему. Между двумя корпусными командирами уже и раньше существовало нерасположеніе, а теперь оно еще болѣе обострилось, такъ какъ Буксгевденъ былъ старше Беннигсена по службѣ и обижался, что послѣднему дано болѣе видное назначеніе. И Беннигсенъ не былъ достаточно крупнымъ человѣкомъ, чтобы въ виду серьезнаго положенія уступить почетъ сопернику; онъ чуялъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ онъ можетъ выдвинуться на постъ главнокомандующаго и рѣшилъ помочь обстоятельствамъ въ этомъ направленіи, чего бы то ни стоило. Для примиренія враждующихъ генераловъ Императоръ приставилъ къ нимъ, въ качествѣ дежурнаго генерала, помянутаго гр. Толстого, съ спеціальной цѣлью согласовать распоряженія обоихъ командировъ и обо всемъ доносить самому Государю. Но, конечно, авторитета гр. Толстого не хватило на такую щекотливую задачу, и вражда Беннигсена и Буксгевдена продолжалась. Не поправилось дѣло и тогда, когда главнокомандующимъ всею заграничною арміею былъ назначенъ фельдмаршалъ Каменскій.

Сначала онъ рѣшилъ начать быстрое наступленіе и разослалъ части арміи по разнымъ дорогамъ къ Вкрѣ, Нареву и Бугу; Беннигсенъ былъ двинутъ къ Колозомбу и Сохочину. Но одной недѣли было достаточно, чтобы убѣдиться въ крайне грустномъ положеніи нашихъ войскъ; значительно уступая непріятелю въ числѣ, они, отъ недостатка провіанта, быстро дошли до голодухи, единогласно засвидѣтельствованной всѣми очевидцами похода; началось мародерство въ неслыханныхъ дотолѣ размѣрахъ, дисциплина упала; кромѣ того дожди, оттепели и заморозки сдѣлали дороги непроходимыми; истощенные отряды передвигались медленно, изнурялись отъ самыхъ незначительныхъ маршей, артиллерія вязла въ грязи, солдаты падали отъ утомленія. Перепуганный этой картиною, Каменскій приказалъ всей арміи, ни мало не медля, отступать къ русскимъ границамъ, а ночью съ 13 на 14 декабря бросилъ армію и уѣхалъ въ Гродно, перепутавъ всѣ движенія нашихъ отрядовъ до полнаго хаоса. Въ моментъ отъѣзда фельдмаршалъ призвалъ Беннигсена, успѣвшаго тѣмъ временемъ вернуться со своимъ корпусомъ въ Пултускъ, и вручилъ ему письменный приказъ немедленно «имѣть ретираду на нашу границу» и «съ полученія сего, состоять въ командѣ гр. Буксгевдена». Между тѣмъ Наполеонъ сломилъ наши авангарды на Вкрѣ и Наревѣ и быстро подвигался къ главнымъ силамъ. Въ тоже время онъ послалъ корпусъ Ланна занять Пултускъ и тѣмъ отрѣзать намъ путь отступленія. Понимая всю опасность этого маневра, Беннигсенъ рѣшилъ ослушаться Каменскаго и защищать Пултускъ, насколько возможно, давая время разбросаннымъ частямъ нашей арміи соединиться и произвести затѣмъ общее отступленіе. Посовѣтоваться съ Буксгевденомъ онъ не счелъ нужнымъ. Утромъ 14 декабря Ланнъ съ 30.000 французовъ подступилъ къ позиціямъ Беннигсена, располагавшаго 40.000 подъ ружьемъ. Послѣ упорнаго боя, длившагося до ночи, Ланнъ былъ отброшенъ, и только темнота помѣшала его преслѣдовать. Побѣда несомнѣнно досталась Беннигсену и имѣла важное значеніе, такъ какъ, если бы Ланнъ выполнилъ свою задачу, наша армія оказалась бы въ такомъ же критическомъ положеніи, какъ и прусская подъ Іеною. Но Беннигсенъ сильно преувеличилъ значеніе Пултусской побѣды въ донесеніи Государю, утверждая, что ему удалось разбить самого Наполеона, напавшаго съ превосходными силами. Донесеніе произвело въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе; о Беннигсенѣ заговорили какъ о достойномъ соперникѣ Наполеона; Государь пожаловалъ ему орденъ св. Георгія 2-й степени и 5.000 червонцевъ. Болѣе того. Послѣ отъѣзда отъ арміи Каменскаго, Александръ рѣшительно не зналъ, кого назначить главнокомандующимъ. Перебирая всѣхъ старшихъ генераловъ, онъ, совершенно справедливо, ни въ комъ изъ нихъ не видѣлъ необходимыхъ достоинствъ. Менѣе всего думалъ онъ о Беннигсенѣ. Наконецъ, былъ заготовленъ рескриптъ, отдававшій эту честь Буксгевдену, но какъ разъ въ этотъ день подоспѣло донесеніе Беннигсена о Пултусской побѣдѣ, рескриптъ былъ разорванъ и главнокомандующимъ назначенъ мнимый побѣдитель Наполеона. Пока это назначеніе дошло до арміи, картина дѣлъ успѣла сильно измѣниться. Въ полночь послѣ побѣды Беннигсенъ узналъ, что на правомъ его крылѣ, по дорогѣ изъ Голимина появились французы. Это была часть корпуса Даву, который вмѣстѣ съ Ожеро и Сультомъ разбилъ находившіяся у Голимина русскія войска кн. Голицына; непріятель заходилъ въ тылъ Беннигсену и грозилъ отрѣзать ему путь къ Остроленкѣ, который онъ только что защитилъ отъ Ланна. Тогда онъ поспѣшно отступилъ, черезъ два дня былъ въ Остроленкѣ и здѣсь переправился за Наревъ, при чемъ сжегъ мостъ, хотя зналъ, что Буксгевденъ съ половиною своего корпуса оставался на правомъ берегу Нарева. Беннигсенъ умышленно всѣми способами избѣгалъ соединенія съ Буксгевденомъ, ожидая, какъ рѣшится вопросъ о главномъ начальствѣ надъ дѣйствующею арміею. По пути къ Остроленкѣ онъ былъ въ 15 верстахъ отъ Макова, гдѣ находился его соперникъ, но не поѣхалъ туда. Буксгевденъ приказалъ бывшимъ за Наревомъ дивизіямъ Анрепа и Эссена 3-го соединиться съ нимъ, перейдя на правый берегъ по мосту подъ Остроленкой; Беннигсенъ уничтожилъ этотъ мостъ, и обѣ дивизіи были принуждены присоединиться къ нему. Во время дальнѣйшаго отступленія, Буксгевденъ предложилъ Беннигсену соединиться у Новогрода и получилъ согласіе, но и тутъ льдомъ разломало мостъ, и корпуса продолжали отступать по разнымъ

берегамъ до Тыкочина, гдѣ былъ прочный мостъ и наконецъ совершилось соединеніе арміи. «Отступленіе отъ Пултуска совершалось среди распутицы и ночныхъ морозовъ. Продовольствія не было. Солдаты доставали себѣ пищу, какъ могли. Голодъ породилъ небывалое въ русской арміи злодѣяніе—бродяжничество. Тысячи мародеровъ разбрелись во всѣ стороны, грабили селенія и почтовыя станціи, отчего замедлялось сообщеніе съ Россіею. Не успѣвъ ни въ одномъ изъ бывшихъ дѣлъ взять плѣнныхъ вооруженною рукою, французы ловили много нашихъ бродягъ. Особенно велики были безпорядки въ корпусѣ Беннигсена. Храбрый до геройства, онъ не радѣлъ о подчиненности и армейскомъ управленіи. Въ его главной квартирѣ пренебрегали гарнизонною службою. При занимаемыхъ имъ домахъ рѣдко ставили караулы. Въ Рожанѣ мародеры три раза врывались въ комнаты Беннигсена, даже въ кабинетъ его, и вмѣсто строгаго взысканія, онъ хладнокровно говорилъ: «Выгоните негодяевъ»! Но выгонять ихъ бывало часто некому... Беннигсенъ возлагалъ составленіе и разсылку повелѣній на перваго, кого встрѣчалъ. Отъ того не могло быть связи въ дѣлахъ и отчетности; во всѣхъ частяхъ запутанность управленія была невыразимая». Слабохарактерность Беннигсена, его неумѣніе внушить уваженіе къ себѣ засвидѣтельствованы многими современниками. Солдаты его не боялись, подчиненные генералы открыто противорѣчили и нарушали его приказанія, провіантскіе чиновники и поставщики безсовѣстно грабили армію. Чѣмъ дальше шла кампанія, тѣмъ сильнѣе развивалась дезорганизація. Въ маѣ 1807 г. Императоръ Александръ открыто говорилъ, что у Беннигсена «въ войскѣ очень плохая дисциплина, и что онъ ослабляетъ ее изъ личныхъ видовъ, думая тѣмъ заслужить больше любви», а черезъ мѣсяцъ онъ, узнавъ, что армія за двѣ трети не получила посланнаго ей жалованья, въ минуту гнѣва, обвинилъ главнокомандующаго въ стачкѣ съ поставщиками-грабителями.

Два дня простояла русская армія въ Тыкочинѣ, отдыхая послѣ труднаго марша. Довольный нашимъ отступленіемъ, Наполеонъ вернулся въ Варшаву, а армію свою размѣстилъ на зимнія квартиры, при чемъ корпусъ Бернадота сталъ у Эльбинга, а Нея—растянулся по р. Алле. Изолированность этихъ корпусовъ отъ главныхъ французскихъ силъ подала Буксгевдену мысль уничтожить ихъ неожиданнымъ наступленіемъ. 30 декабря армія наша выступила изъ Тыкочина къ Іоганисбургу, но на пути пришелъ указъ о назначеніи Беннигсена главнокомандующимъ, а Буксгевдена—Рижскимъ губернаторомъ, съ отозваніемъ отъ арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Беннигсенъ былъ удостоенъ слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 24 декабря: «Съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляю вамъ мою благодарность за Пултусское сраженіе. Высокія оказанныя вами въ сей день дарованія даютъ вамъ новое право на мою довѣренность, и я не могу доказать вамъ ее болѣе, какъ поручивъ вамъ главное предводительство надъ арміею, включая и корпусъ Эссена. Не сомнѣваюсь, что вы оправдаете мой выборъ, и явите новые случаи свидѣтельствовать вамъ мою признательность». Какія чувства скрывалъ Императоръ за лестными выраженіями рескрипта, лучше всего видно изъ письма, отправленнаго имъ черезъ недѣлю къ своему довѣренному при арміи, гр. Толстому: «Изъ моего письма вы могли бы видѣть, въ какомъ крайнемъ затрудненіи я находился; въ концѣ концовъ, и особенно подъ вліяніемъ извѣстія о побѣдѣ при Пултускѣ, составилось общее мнѣніе, что команду надо отдать Беннигсену; такъ и было сдѣлано. Въ послѣднемъ донесеніи вы изображаете Беннигсена такимъ слабымъ, что теперь я дрожу отъ выбора, который я сдѣлалъ, считая, что такъ лучше. Въ тоже время вы говорите мнѣ о необходимости послать начальника способнаго и умѣющаго внушить къ себѣ уваженіе, и однако вы ни слова не говорите о томъ, на кого же долженъ пасть выборъ! Позвольте васъ спросить, этого ли долженъ я былъ ожидать отъ васъ послѣ всего довѣрія, какимъ облекъ васъ?.. Затрудненіе, въ которомъ я нахожусь, трудно описать... И вотъ, я не вижу другого выхода, какъ держаться перваго рѣшенія и оставить команду Беннигсену, по крайней мѣрѣ до вашего отвѣта на это письмо, въ которомъ я требую отъ васъ искреннѣйшаго вашего мнѣнія». Въ тоже время, для приведенія въ порядокъ провіантской части, Александръ послалъ въ армію Попова. Такъ шатко было положеніе Беннигсена: Государь ему не довѣрялъ, армія его не любила. Только успѣшное веденіе войны

могло бы поддержать его, но и на это трудно было разсчитывать, такъ какъ на сторонѣ противника было все: и геній полководца, и численный перевѣсъ, и богатство всякихъ средствъ, и духъ арміи, воспламененной побѣдами.

Въ распоряженіи новаго главнокомандующаго было три корпуса: прежній его, Буксгевдена и Эссена 1-го, находившійся у Бреста, всего около 150.000 человѣкъ при 624 орудіяхъ. Кромѣ того ему былъ подчиненъ корпусъ Лестока, прикрывавшій восточную Пруссію, и резервная армія Римскаго-Корсакова, формировавшаяся у Гродна и Вильны. Ввѣряя армію Беннигсену, Государь особенно безпокоился за дисциплину и далъ ему право казнить смертью за всякіе безпорядки, особенно за бродяжничество. Не полагаясь на энергію главнокомандующаго, Александръ далъ ту же власть гр. Толстому и разрѣшилъ послѣднему распространить ее, въ случаѣ надобности, даже на дивизіонныхъ начальниковъ. 1 января 1807 г., въ Біалѣ Беннигсенъ вступилъ въ права главнокомандующаго, а Буксгевденъ, считая причиною своего удаленія наговоры его, вызвалъ его на дуэль, но Беннигсенъ отъ поединка отказался.

Не зная плана Буксгевдена, Беннигсенъ однако рѣшилъ произвести наступательное движеніе, чтобы не допустить Наполеона до занятія Кенигсберга и Пиллау. Защита Кенигсберга представлялась необходимой, такъ какъ съ одной стороны тамъ устраивались пруссаками значительные склады хлѣба и военныхъ запасовъ, а съ другой—паденіе этого города знаменовало бы полное уничтоженіе Пруссіи. Поручивъ корпусу Эссена защиту русской границы отъ Бреста до Гродна и оставивъ небольшія силы для защиты тыла арміи и ея сообщеній, Беннигсенъ двинулся къ Бишофштейну, гдѣ узналъ отъ плѣнныхъ объ изолированномъ положеніи Бернадотта и Нея. Тогда у него явился планъ стать между ними и разбить того или другого; съ этой цѣлью онъ двинулся черезъ Гейльсбергъ къ Либштату, гдѣ нашъ авангардъ натолкнулся на передовой отрядъ Бернадотта и уничтожилъ его. Но оказалось, что Бернадоттъ уже узналъ о движеніи русской арміи и поспѣшно двинулся черезъ Морунгенъ на соединеніе съ Неемъ. Замыселъ Беннигсена всѣми силами аттаковать Бернадотта въ Морунгенѣ не удался, такъ какъ маршалъ во время успѣлъ отступить изъ этого города къ Торну. Такъ планъ Беннигсена, уничтожить часть французской арміи, остался безуспѣшнымъ, вслѣдствіе недостаточной быстроты движеній, и только заставилъ Наполеона рѣшиться на новую кампанію въ самое неудобное время года. Не отваживаясь на дальнѣйшее наступленіе, Беннигсенъ расположилъ свои войска между Фрейштатомъ и Зебургомъ и ожидалъ дѣйствій Наполеона. Ознакомившись съ позиціями русской арміи, императоръ французовъ задумалъ обойти лѣвое крыло ея, отрѣзать такимъ образомъ ее отъ Россіи и, отбросивъ къ Вислѣ, уничтожить. Счастливый случай раскрылъ Беннигсену этотъ энергичный замыселъ: наши разъѣзды поймали двухъ курьеровъ, посланныхъ Наполеономъ къ Бернадотту съ операціоннымъ планомъ. Немедленно Беннигсенъ стянулъ всѣ свои силы, кромѣ корпуса Лестока, къ Янкову, противъ Алленштейна, въ которомъ сосредоточилъ Наполеонъ корпуса четырехъ маршаловъ и резервы, готовясь обрушиться съ ними на нашъ лѣвый флангъ. Такимъ движеніемъ Беннигсенъ разрушилъ планъ Наполеона, грозившій гибелью всей арміи, но Янковская позиція оставляла беззащитнымъ Кенигсбергъ, такъ какъ прямая дорога въ этотъ городъ изъ Алленштейна шла лѣвѣе Янкова. Это обстоятельство заставило Беннигсена, отразивъ частныя аттаки французовъ на его позицію (22 января), поспѣшно отступать на сѣверъ, чтобы перерѣзать путь изъ Алленштейна въ Кенигсбергъ. Поручивъ кн. Багратіону сильный арріергардъ, Беннигсенъ съ главными силами двинулся черезъ Ландсбергъ къ Прейсишъ-Эйлау, расположенному на Кенигсбергской дорогѣ. Туда же приказалъ онъ идти и Лестоку. Только геройская стойкость Багратіона дала возможность спокойно и безъ потерь произвести это отступленіе. 26 января Беннигсенъ, предупредивъ французовъ, былъ въ Прейсишъ-Эйлау. Недоставало только Лестока, которому Ней перерѣзалъ дорогу и тѣмъ заставилъ его сдѣлать большой крюкъ. Вечеромъ того же дня Беннигсенъ расположилъ свои силы въ боевомъ порядкѣ за Эйлау, между Шлодиттеномъ и Саусгартеномъ. Позиція была выбрана умѣло: высоты, по коимъ она располагалась, давали возможность упорной обороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ она прикрывала обѣ драгоцѣнныя

для насъ дороги—на Кенигсбергъ и въ Россію, такъ что, въ случаѣ неудачи, отступленіе было обезпечено. На слѣдующій день завязался кровопролитный бой, въ которомъ главныя усилія французовъ были направлены на наше лѣвое крыло. Не смотря на упорное сопротивленіе, эта часть арміи должна была отступать шагъ за шагомъ; къ вечеру наше расположеніе перегнулось уже почти подъ прямымъ угломъ, а напоръ непріятеля не только не ослабѣвалъ, но корпусъ Даву грозилъ даже обойти нашъ лѣвый флангъ. Мы уже были принуждены уступить дорогу, ведущую въ Россію, и дѣло казалось проиграннымъ. Въ эту критическую минуту командиры отдѣльныхъ частей тщетно искали главнокомандующаго—его не оказалось на полѣ сраженія. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Беннигсенъ, считая битву потерянной, упалъ духомъ и, предоставивъ развязку судьбѣ, удалился въ Шмодиттенъ, лежавшій въ тылу нашей арміи по Кенигсбергской дорогѣ. Самъ Беннигсенъ, наоборотъ, утверждаетъ, что онъ поѣхалъ въ Шмодиттенъ, чтобы поторопить на поле сраженія корпусъ Лестока, который къ вечеру подходилъ къ этому селенію, избѣжавъ преслѣдованія Нея. Какъ бы то ни было, наша армія болѣе часа была безъ главнаго предводителя и утратила единство дѣйствія. Лѣвое крыло наше собралось съ силами и отразило новую отчаянную атаку французовъ, и въ этотъ моментъ на помощь къ нему подоспѣлъ свѣжій корпусъ Лестока, дѣйствительно встрѣченный Беннигсеномъ въ Шмодиттенѣ и посланный имъ въ самый опасный пунктъ. Это подкрѣпленіе позволило намъ перейти въ наступленіе и скоро лѣвое крыло наше занимало снова позицію, съ которой первоначально должно было отступить. Тогда Беннигсенъ приказалъ атаковать французовъ нашему правому крылу, наименѣе пострадавшему, но неожиданное появленіе авангарда Нея около Шмодиттена заставило его отмѣнить это распоряженіе. Пока выяснилось, что тревога была ложной, спустилась ночь, и объ атакѣ нельзя было и думать. Беннигсенъ удержалъ свою позицію, и Эйлаускій бой былъ несомнѣнной стратегической побѣдою русскихъ, такъ какъ заставилъ Наполеона отказаться и отъ движенія на Кенигсбергъ и отъ захвата нашихъ сообщеній. Кромѣ того французы понесли громадныя потери, и армія ихъ была въ такомъ разстройствѣ, что, если бы Беннигсенъ рѣшился атаковать ее на слѣдующій день, то полная побѣда русскихъ была бы несомнѣнна. Такъ и требовали старшіе генералы, но Беннигсенъ, видя изнуреніе своей арміи, рѣшилъ отступить къ Кенигсбергу и тѣмъ далъ Наполеону возможность объявить сраженіе выиграннымъ. Впечатлѣніе отъ донесенія Беннигсена объ Эйлауской битвѣ среди русскихъ и пруссаковъ было громадно. Скептики удивлялись отступленію послѣ побѣды, но общій голосъ призналъ главнокомандующаго «побѣдителемъ непобѣдимаго», а Императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, 12.000 руб. пенсіи и писалъ 8 февраля: «C'est à vous, mon général, qu'a été reservée la gloire de vaincre celui qui ne l'a jamais été encore». Хотя Наполеонъ восемь дней простоялъ на Эйлаускомъ полѣ, прежде чѣмъ отступить за Пассаргу, однако онъ самъ ясно видѣлъ свое пораженіе; изнуреніе и потери въ рядахъ арміи побудили его предложить Беннигсену перемиріе, но главнокомандующій энергично отвергъ его и даже, по повелѣнію Александра, издалъ прокламацію, приглашавшую всѣхъ нѣмцевъ подняться противъ Наполеона. Тѣмъ не менѣе Беннигсенъ, видя дезорганизацію, убыль людей и недостатокъ провіанта и боевыхъ запасовъ въ русской арміи, ясно сталъ понимать, что всѣ достигнутые имъ успѣхи временны, и что окончательная побѣда непремѣнно останется за Наполеономъ. Эти соображенія побудили его просить увольненія отъ званія главнокомандующаго, причемъ онъ выражалъ готовность продолжать службу, подъ чьимъ угодно начальствомъ. Осторожный и даже робкій, онъ не хотѣлъ испытывать судьбу дальше, довольствуясь той громкой славой, которую успѣлъ уже стяжать. Причиной просьбы онъ выставлялъ нездоровье свое и невозможность поддержать свой авторитетъ, колеблемый неповиновеніемъ старшихъ генераловъ. Въ этомъ отношеніи положеніе Беннигсена было дѣйствительно ужасно: генералъ Кноррингъ, напримѣръ, присланный въ армію «для совѣтовъ», разъ до того разсорился съ нимъ, что оба схватились за эфесы, и ихъ едва удержали отъ дуэли. Но Императоръ отвергъ просьбу Беннигсена, а Кнорринга отозвалъ отъ арміи и, для водворенія порядка между генералами, послалъ въ главную квартиру Новосильцова. Тогда Беннигсенъ настой-

чиво сталъ просить значительныхъ подкрѣпленій, потому что русская армія все таяла и отъ битвъ, и отъ голодухи. Но и достаточныхъ подкрѣпленій не откуда было взять.

Послѣ отступленія Наполеона, Беннигсенъ 7 февраля двинулся съ отдохнувшей арміей къ Ландсбергу, а оттуда, черезъ десять дней,—къ Гейльсбергу, гдѣ и расположилъ войска на кантонниръ-квартирахъ, занявъ главною квартирою Бартенштейнъ; около того же времени онъ отправилъ небольшое подкрѣпленіе къ осажденному французами Данцигу. Долгое время арміи почти бездѣйствовали, собираясь съ силами. 5-го апрѣля прибылъ въ Бартенштейнъ Императоръ Александръ, котораго просилъ поспѣшить сюда самъ Беннигсенъ. Государь обошелся съ главнокомандующимъ весьма ласково и особымъ приказомъ по арміи еще разъ подтвердилъ свое довѣріе къ нему; въ томъ же приказѣ Александръ настойчиво требовалъ отъ арміи безусловнаго повиновенія Беннигсену, «подъ которымъ общее благо Европы столь ощутительно начинаетъ уже возникать», и опредѣленно уклонился отъ всякаго вмѣшательства въ распоряженія по арміи. Однако, вялость дѣйствій Беннигсена огорчала Императора. Затягиваніе войны было несомнѣнно выгодно Наполеону, который пользовался временемъ для усиленія средствъ своей арміи, въ то время какъ наше войско приходило все въ большее разстройство, благодаря полной неспособности Беннигсена къ сложной военной администраціи. Онъ только все жаловался на недостатокъ провіанта, лишающій его возможности дѣйствовать рѣшительно, но не могъ найти способа помочь этому горю. Будучи въ Бартенштейнѣ, Александръ задумалъ воспользоваться изолированнымъ положеніемъ передового французскаго корпуса, стоявшаго подъ начальствомъ Нея у Гутштата; его легко было окружить и истребить. Соотвѣтственныя передвиженія нашихъ войскъ уже начались, когда Беннигсенъ убѣдилъ Государя отказаться отъ этого превосходнаго плана, ссылаясь на извѣстіе о приближеніи къ Гутштату главныхъ силъ Наполеона. Это извѣстіе оказалось ложнымъ, но благопріятный моментъ былъ опять упущенъ, благодаря излишней осторожности главнокомандующаго. Болѣе мѣсяца послѣ отъѣзда Государя изъ главной квартиры стояла наша армія въ бездѣйствіи. Тѣмъ временемъ палъ Данцигъ, и къ Наполеону присоединился корпусъ, осаждавшій этотъ городъ. Лишь 24 мая Беннигсенъ рѣшился атаковать Нея, т. е. вернулся къ мысли, поданной Александромъ, но повелъ наступленіе такъ вяло, что далъ Нею возможность съ незначительной, сравнительно, потерею отступить и соединиться съ главною арміею. Неудачу Беннигсенъ свалилъ на Сакена. «Удостоясь командовать арміею», писалъ онъ Императору, «имѣю несчастіе, что подъ моимъ начальствомъ состоитъ Сакенъ, портившій всегда мои предпріятія чувствами, которыя я удерживаюсь обнаружить. Вѣроятно, если предпріятія 24 и 25 мая не имѣли всѣхъ успѣховъ, какіе должны были бы быть, то я приписываю сіе единственно генералу Сакену, въ препятствованіи или исполненіи въ противномъ смыслѣ приказаній моихъ, что можетъ засвидѣтельствовать вся армія». Сакена удалили отъ войска и отдали подъ судъ. Такъ Беннигсенъ выжилъ изъ арміи уже третьяго способнаго генерала. Оттѣснивъ Нея за Пассаргу, главнокомандующій не пошелъ далѣе, предоставляя инціативу серьезныхъ дѣйствій опять Наполеону. Къ слабости духа у него присоединилась еще болѣзнь, и 28 мая онъ снова просилъ у Императора отставки, но получилъ краткій отвѣтъ: «Я получилъ, мой генералъ, вашъ рапортъ. Ожидаю отъ васъ, что вы исполните то, чего требуютъ отъ васъ долгъ, честь и слава Россіи». Нехотя продолжалъ Беннигсенъ войну. Узнавъ о наступательномъ движеніи Наполеона, онъ хотѣлъ было принять бой у Гутштата, но раздумалъ и велѣлъ отступать къ Гейльсбергу, гдѣ заранѣе укрѣпилъ позицію. Наполеонъ атаковалъ его здѣсь 29 мая, но, уступая намъ въ числѣ, потерпѣлъ полную неудачу, и Беннигсену снова представлялся прекрасный случай рѣшительнымъ нападеніемъ превосходныхъ силъ нанести непріятелю чувствительный уронъ. Онъ не сдѣлалъ этого, удрученный болѣзнью, которая во время боя довела его до продолжительнаго обморока. Побѣда была несомнѣнно на нашей сторонѣ, но къ извѣстію о ней Александръ, наученный предшествовавшимъ горькимъ опытомъ, отнесся осторожно: «Только слѣдствія», сказалъ онъ, «могутъ показать намъ важность Гейльсбергскаго сраженія, и будемъ ли умѣть имъ воспользоваться». Слѣдствіемъ этой побѣды было новое отступленіе Бен-

нигсена и Фридландскій разгромъ. Чтобы выманить русскихъ изъ крѣпкой позиціи, Наполеонъ на слѣдующій день двинулся главными силами прямо къ сѣверу, на Кенигсбергъ, давая тѣмъ возможность Беннигсену ударить въ тылъ и флангъ своей арміи. Эта смѣлость привела Беннигсена въ полное недоумѣніе. Считая Кенигсбергъ почти потеряннымъ, онъ рѣшилъ отступить къ Велау на Прегелѣ, считая, что отсюда удобнѣе будетъ угрожать флангу и тылу французовъ. Однако, въ письмахъ Беннигсенъ продолжалъ относиться къ врагу пренебрежительно. «Что дѣлаютъ австрійцы», пишетъ онъ наканунѣ Фридланда гр. Н. А. Толстому,—«какой удобный случай представляется Австріи напасть на авантюриста Бонапарта, рискнувшаго снова зайти такъ далеко. Если они только захотятъ, этотъ человѣкъ будетъ скоро уничтоженъ». Но уже 2-го іюня, у Фридланда онъ позволилъ втянуть себя въ бой на крайне неудачной позиціи, и наша армія обратилась въ бѣгство. Въ предшествовавшихъ сраженіяхъ мы понесли гораздо большія потери, чѣмъ подъ Фридландомъ, но нравственное впечатлѣніе этого пораженія было ужасное. Самъ Беннигсенъ потерялъ послѣднее мужество, поспѣшно отступилъ за Нѣманъ и еще съ дороги писалъ Императору Александру, что дальнѣйшая война немыслима, что необходимо заключить, по крайней мѣрѣ, перемиріе. Императоръ послалъ въ отвѣтъ слѣдующій рескриптъ: «Ввѣривъ вамъ армію прекрасную, явившую столь много опытовъ храбрости, весьма удаленъ былъ я ожидать извѣстій, какія вы мнѣ нынѣ сообщили. Если у васъ, кромѣ перемирія, нѣтъ другого средства выйти изъ затруднительнаго положенія, то разрѣшаю вамъ на сіе, но съ условіемъ, чтобы вы договаривались отъ имени вашего... Вы можете посудить, сколь тяжко мнѣ рѣшиться на такой поступокъ». Беннигсенъ поспѣшилъ начать переговоры. Нѣсколько дней спустя, 9-го іюня, онъ, желая смягчить невыгодныя впечатлѣнія послѣдней недѣли, доносилъ Государю: «Фридландская неудача не уменьшила храбрости войскъ. Если обстоятельства востребуютъ, армія будетъ такъ же сражаться, какъ сражалась она всегда. Она уже забыла Фридландскую битву. Долгомъ поставляю увѣрить въ томъ Ваше Величество, дабы при возникшихъ переговорахъ не согласились на какія-либо излишнія требованія Бонапарта». Но было уже поздно. 13 іюня Беннигсенъ сопровождалъ Государя на Тильзитское свиданіе: послѣ разговора Императоровъ, онъ былъ представленъ Наполеону, который ему сказалъ: «Nous nous sommes déjà rencontrés, général, et je vous ai trouvé quelquefois méchant»,—и потомъ прибавилъ: «J'ai toujours admiré votre talent, votre prudence encore plus»; впослѣдствіи Беннигсенъ часто вспоминалъ эту двусмысленную фразу, считая ее за комплиментъ. На другой день по заключеніи мира онъ былъ отставленъ отъ командованія арміей, которая перешла подъ начальство Буксгевдена. Въ мрачныхъ краскахъ изображаетъ этотъ генералъ полное отсутствіе дисциплины и хозяйственное разстройство, оставшіяся ему въ наслѣдство послѣ предмѣстника. Всевозможныя обвиненія посыпались теперь со всѣхъ сторонъ на Беннигсена. Неудачу приписывали всецѣло его бездарности и безхарактерности; Императоръ говорилъ, что «не можетъ понять, какимъ образомъ о немъ сложилось въ столицахъ высокое мнѣніе; его нисколько не уважаютъ среди арміи; всѣ находятъ его вялымъ и лишеннымъ энергіи; онъ послѣ каждой битвы все только отступаетъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, и что побѣдами при Пултускѣ и Эйлау мы обязаны не ему и его мнимымъ талантамъ, а единственно доблести нашихъ войскъ». Но Беннигсенъ указывалъ на невозможность достичь хорошихъ результатовъ съ арміей, лишенной всѣхъ средствъ къ существованію, а также образованныхъ генераловъ и офицеровъ. «Французская армія кипитъ великими генералами, а у меня и посредственныхъ нѣтъ», говорилъ онъ,—и въ его словахъ было тоже много правды.

Зимою 1807—1808 г., вспоминаетъ А. П. Бутеневъ, вернулись въ С.-Петербургъ всѣ герои; «не показывался только Беннигсенъ. Послѣ кончины Императора Павла его больше не видѣли въ С.-Петербургѣ, также и по тѣмъ же поводамъ, какъ гр. Палена и кн. Зубова». Отношеніе Императора Александра къ нему было, дѣйствительно, неблагосклонно. Еще во время войны, до Фридланда, Государь сознавался кн. А. Б. Куракину, что считаетъ Беннигсена «весьма коварнымъ, и что ему очень непріятно съ нимъ видѣться вслѣдствіе воспоминаній о прошломъ», а послѣ Фридланда отзывы Императора доходили до крайней рѣзкости. Однако, война 1812 г. опять вызвала Бен-

нигсена изъ его польскихъ имѣній на арену историческихъ событій. Какъ одинъ изъ самыхъ старыхъ и опытныхъ генераловъ, онъ сопровождалъ Императора въ Вильну въ апрѣлѣ, когда вопросъ о новой войнѣ съ Наполеономъ былъ уже фактически рѣшенъ. 12 іюня онъ далъ въ честь Государя пышный балъ въ своемъ загородномъ замкѣ Закретѣ, и тутъ получено было извѣстіе о переходѣ французовъ черезъ Нѣманъ. Не имѣя опредѣленнаго званія, Беннигсенъ состоялъ при Александрѣ все время, пока Государь былъ при арміи, а послѣ его отъѣзда остался въ главной квартирѣ, причемъ Багратіону и Барклаю было особенно рекомендовано совѣтоваться съ нимъ обо всемъ. Когда неудовольствіе противъ Барклая сильно возросло, то въ числѣ кандидатовъ на постъ главнокомандующаго упоминался и Беннигсенъ, который тѣмъ временемъ настолько успѣлъ испортить свои отношенія съ Барклаемъ неустанной критикой распоряженій послѣдняго, что въ серединѣ августа долженъ былъ уѣхать отъ арміи и думалъ вернуться въ Петербургъ; но по дорогѣ, въ Торжкѣ, онъ встрѣтился съ новымъ главнокомандующимъ, Кутузовымъ, который объявилъ ему Высочайшее повелѣніе ѣхать обратно въ армію на постъ начальника главнаго штаба. Это назначеніе было сдѣлано противъ воли Кутузова и не удовлетворяло Беннигсена, не терявшаго надежды снова стать во главѣ русскихъ войскъ. Между главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба сразу же обнаружились крайне непріязненныя отношенія. Кутузовъ считалъ Беннигсена способнымъ умышленно подвести его, Беннигсенъ открыто относился къ Кутузову такъ же пренебрежительно, какъ прежде къ Барклаю. Во время Бородинскаго боя въ груди Беннигсена проснулась отвага храбраго генерала: онъ въ самые горячіе часы находился на баттареѣ Раевскаго, а затѣмъ, когда съ праваго фланга надо было перекинуть войска на помощь лѣвому, онъ лично повелъ главную колонну, среди дождя снарядовъ. За это сраженіе онъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степени большого креста. Послѣ боя Кутузовъ послалъ его выискать позицію для новаго боя подъ Москвою. Онъ остановился на пространствѣ между Филями и Воробьевыми горами. Позиція была явно негодная, но Беннигсенъ упорно ее отстаивалъ на военномъ совѣтѣ, разсчитывая, что если войска отступятъ безъ боя, то не онъ будетъ обвиненъ въ трусости, а за пораженіе будетъ отвѣчать Кутузовъ. 6-го октября, по настоянію и плану Беннигсена, былъ аттакованъ близъ Тарутина Мюратъ; хотя диспозиція не была выполнена, и французы не были совершенно отрѣзаны, какъ предполагалось, однако понесли весьма значительныя потери и отступили въ полномъ безпорядкѣ. Во время сраженія Беннигсенъ былъ контуженъ въ ногу. Нравственное значеніе этой побѣды, первой за всю кампанію, было весьма велико, и виновникъ ея получилъ брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и 100,000 руб. единовременно. Неполный успѣхъ своего плана Беннигсенъ приписывалъ недоброжелательству Кутузова, который, будто бы, въ самую нужную минуту остановилъ наступленіе; съ этого дня онъ уже болѣе не стѣснялся въ выраженіяхъ, порицая главнокомандующаго и доказывая полную его негодность. Не имѣя возможности лично сообщить свою критику Государю, Беннигсенъ сблизился съ англійскимъ военнымъ агентомъ при нашей арміи, сэромъ Робертомъ Вильсономъ, и этотъ генералъ, усердно корреспондировавшій съ Императоромъ и англійскимъ посломъ въ Петербургѣ Каскартомъ, наполнялъ свои письма выходками противъ Кутузова, почерпнутыми изъ разговоровъ съ Беннигсеномъ, а этого послѣдняго постоянно хвалилъ, какъ ученѣйшаго и талантливѣйшаго человѣка. Такимъ путемъ подогрѣвалось нерасположеніе Государя къ главнокомандующему, ясно выражавшееся въ рескриптахъ ему. И въ самой арміи Беннигсенъ позволялъ себѣ не только навязчивые совѣты Кутузову, но даже самовольныя распоряженія. Главнокомандующій не уступалъ ему въ рѣзкости. 28 октября Кутузовъ пишетъ женѣ: «О Беннигсенѣ говорить не хочется; онъ глупый и злой человѣкъ; увѣрили его такіе же простяки, которые при немъ, что онъ можетъ испортить меня у Государя и будетъ командовать всѣмъ». «Беннигсена почти къ себѣ не пускаю», пишетъ онъ черезъ два дня,— «и скоро отправлю». Дѣйствительно, оставлять Беннигсена при арміи было невозможно. Это поняли и въ Петербургѣ, и въ началѣ ноября Государь писалъ Кутузову: «Доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы имѣете справедливый поводъ быть недовольнымъ поведеніемъ генерала Беннигсена. Если сіи слухи основательны, то объявите ему

чтобы онъ отъѣхалъ отъ арміи и ожидалъ въ Владимірѣ отъ меня новаго назначенія». На это разрѣшеніе Кутузовъ 15 ноября, изъ Копысы, отвѣчалъ: «По случаю болѣзненныхъ припадковъ генерала Беннигсена и разнымъ другимъ обстоятельствамъ, предписалъ я ему отправиться въ Калугу и ожидать тамъ дальнѣйшаго назначенія отъ вашего величества, о чемъ счастіе имѣю донесть». До конца кампаніи Беннигсенъ уже не возвращался къ арміи, а жилъ въ Лугѣ, вмѣстѣ съ своею семьею, и лѣчился отъ тарутинской контузіи и отъ другихъ своихъ недуговъ.

По смерти Кутузова опять пронесся слухъ, что Беннигсенъ заступилъ его мѣсто, но въ концѣ мая 1813 г. онъ былъ поставленъ во главѣ всѣхъ войскъ, бывшихъ въ тылу дѣйствующей арміи, въ герцогствѣ Варшавскомъ и на Волыни. 10 іюня онъ получилъ приказаніе изъ части этихъ войскъ образовать армію, названную польскою (около 60,000 чел.), и съ нею идти въ Силезію. 27 августа Беннигсенъ переправился черезъ Одеръ въ Бреславлѣ, а скоро долженъ былъ двинуться въ Богемію, къ Теплицу, чтобы защищать путь въ Прагу, пока главная армія будетъ производить наступленіе въ Саксоніи. 15 октября Беннигсенъ былъ у Теплица, и здѣсь ему былъ данъ въ подкрѣпленіе еще австрійскій корпусъ гр. Коллоредо. Черезъ двѣ недѣли онъ получилъ приказаніе спѣшить къ Лейпцигу, гдѣ сосредоточивались всѣ силы союзниковъ для рѣшительнаго боя съ Наполеономъ. Но еще наканунѣ полученія этого приказа Беннигсенъ, дѣлая усиленную рекогносцировку по дорогамъ изъ Теплица въ Дрезденъ, занятый Сенъ-Сиромъ, отбросилъ слабый авангардъ этого маршала подъ Гисгюбелемъ, а на слѣдующій день атаковалъ главныя силы Сенъ-Сира и послѣ упорнаго боя, веденнаго на глазахъ прусскаго короля, оттѣснилъ французовъ въ Дрезденъ и обложилъ этотъ городъ 28 сентября. Оставивъ для блокады Сенъ-Сира гр. Толстого съ 25,000 чел., Беннигсенъ поспѣшилъ къ Лейпцигу, но плохія дороги задержали его, и онъ поспѣлъ на позиціи союзниковъ лишь 5 октября. Въ рѣшительномъ бою на слѣдующій день ему было поручено начальство надъ правымъ крыломъ, состоявшимъ изъ польской арміи, австрійскихъ корпусовъ Кленау и Бубны и прусской бригады Цирена, всего до 50,000 человѣкъ. Съ большой энергіей велъ онъ атаку на находившіяся противъ него французскія войска и заставилъ ихъ податься назадъ, чѣмъ облегчилъ пораженіе непріятельскаго лѣваго фланга, рѣшившее бой въ пользу союзниковъ. На слѣдующій день Беннигсенъ съ своимъ корпусомъ участвовалъ въ штурмѣ Лейпцига и въ тотъ же вечеръ былъ награжденъ графскимъ титуломъ. Во время преслѣдованія Наполеона отъ Лейпцига къ Эрфурту польская армія была подчинена главному начальству шведскаго наслѣднаго принца, но уже въ Растенбергѣ Беннигсенъ получилъ новое самостоятельное порученіе: Сенъ-Сиръ, прорвавшись черезъ корпусъ гр. Толстого, шелъ на соединеніе съ гарнизонами Торгау и Виттенберга, грозя сосредоточить въ тылу союзниковъ значительныя силы; Беннигсену приказано было разстроить замыслы Сенъ-Сира и наблюдать за крѣпостями по Эльбѣ, для чего подъ его начальство ставилась особая армія, составленная изъ части польской и корпусовъ гр. Толстого и гр. Тауэнница, всего болѣе 60,000 чел. Послѣ слабыхъ и неудачныхъ попытокъ прорваться, Сенъ-Сиръ сдалъ Дрезденъ, а Беннигсенъ, согласно Высочайшему повелѣнію, поручилъ наблюденіе за прочими крѣпостями по Эльбѣ Тауэнницу и двинулся къ Гамбургу, для совмѣстныхъ дѣйствій съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ противъ корпуса Даву и датчанъ. Блокадой Гамбурга онъ былъ занятъ до конца кампаніи. По словамъ Дохтурова, прежде весьма уважавшаго Беннигсена и теперь снова попавшаго подъ его начальство, блокада Гамбурга затянулась изъ-за нерѣшительности Беннигсена, который «весьма хочетъ быть фельдмаршаломъ и вѣрно бы на все пустился, но боится неудачи: въ то время сей чинъ отъ него еще болѣе удалится... Изъ него сдѣлался самый ловкій и льстивый придворный, онъ даже не смѣетъ писать Государю о самыхъ нужнѣйшихъ вещахъ, боясь его огорчить; а сверхъ сего слабъ до безконечности, управляемъ всѣми, кто его окружаетъ». По окончаніи кампаніи Беннигсенъ получилъ орденъ св. Георгія 1-й степени.

28 октября 1814 года русскимъ военнымъ силамъ дана была новая организація: онѣ были раздѣлены на двѣ арміи; главнокомандующимъ 2-й арміей, стоявшей въ Юго-Западномъ краѣ, былъ назначенъ Беннигсенъ; его главная квартира находилась въ Тульчинѣ. Въ 1816 г., когда обостри-

лись отношенія Цесаревича Константина къ полякамъ, Чарторыйскій сообщалъ Императору, что «Беннигсенъ не видѣлъ неудобства въ соединеніи русскихъ и польскихъ войскъ на Днѣстрѣ и, повидимому, даже желалъ соединить ихъ подъ своимъ командованіемъ», но этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Скоро неумѣнье Беннигсена управлять большими массами войскъ сказалось и во 2-й арміи: дисциплина пала, а въ интендантской части начались вопіющія злоупотребленія, вѣсти о которыхъ дошли до Петербурга. Командированный Императоромъ въ Тульчинъ П. Д. Киселевъ, разобравъ дѣла, доложилъ Государю, что Беннигсенъ старъ и слабъ, плохо знаетъ русскій языкъ и законы, а потому легко попадаетъ въ разставленныя ему ловкими людьми ловушки, и всѣ беззаконія по арміи скрѣпляются его подписью. Сознавая всѣ невыгоды своего положенія, Беннигсенъ самъ выражалъ Киселеву желаніе удалиться на покой. Тогда Александръ, осыпавъ главнокомандующаго всякими знаками вниманія и уваженія, 3 мая 1818 г. согласился на увольненіе Беннигсена отъ командованія арміею и разрѣшилъ ему удалиться въ Ганноверъ, гдѣ онъ и оставался до смерти въ своемъ родовомъ имѣніи. Въ послѣдніе годы жизни Беннигсенъ потерялъ зрѣніе.—Еще будучи въ Тульчинѣ, Беннигсенъ сталъ составлять свои мемуары о дѣлахъ военныхъ и политическихъ, въ которыхъ ему приходилось участвовать. Часть этихъ записокъ, пріобрѣтенная русскимъ правительствомъ за большія деньги отъ его вдовы, хранится въ настоящее время въ одномъ изъ дворцовыхъ архивовъ, другая—въ военно-ученомъ архивѣ, откуда они были извлечены Н. М. Майковымъ и печатаются въ настоящее время въ «Русской Старинѣ», начиная съ іюля 1899 г., подъ заглавіемъ: «Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года». Кромѣ того, Беннигсену принадлежитъ спеціально-военный трудъ: «Gedanken über einige Kentnisse, die einem Officier der leichten Kavalerie nötig sind» (было два изданія: Рига, 1794 и Вильна, 1805).

Лично отличаясь большою храбростью и полнымъ хладнокровіемъ, Беннигсенъ обнаруживалъ робость и нерѣшительность, когда командовалъ большими арміями. Обладая солидными теоретическими знаніями по военному дѣлу, онъ не всегда умѣлъ приложить ихъ на практикѣ. Опытнымъ глазомъ тонко подмѣчая недостатки въ военныхъ операціяхъ другихъ полководцевъ, онъ самъ способенъ былъ принять бой на невозможной позиціи подъ Фридландомъ. «Составляя умные планы», говоритъ одинъ изъ его современниковъ, «онъ искажалъ ихъ, измѣняя тогда, какъ все зависѣло отъ дружнаго мгновеннаго удара; онъ никогда не нападалъ на враговъ, какъ снѣгъ на голову. Какъ администраторъ, онъ былъ слабъ; не умѣлъ заставить себѣ повиноваться. Ему неизвѣстно было мудрое правило гр. Румянцева, что войну надобно начать съ брюха». Такія качества дѣлали его весьма полезнымъ подчиненнымъ генераломъ, но плохимъ главнокомандующимъ, а между тѣмъ онъ не умѣлъ мириться съ второю ролью и всегда стремился на высшій постъ, при чемъ не особенно былъ разборчивъ въ средствахъ для достиженія своей цѣли.

Формулярный списокъ изъ Общаго Архива Главнаго Штаба.—Рукописные Высочайшіе приказы за 1798 и 1802 гг. изъ того же Архива.—Н. Костомаровъ, «Послѣдніе годы рѣчи Посполитой», т. II.—Bernhardi, «Geschichte Russlands», 2-ter Th., 2-te Abth.—«Историческій Сборникъ» (Лондонъ, 1861).—Фонъ-Визинъ, Записки.—Михайловскій-Данилевскій, «Война 1806 и 1807 г.».—Его же, «Отечественная война».—Его же, «Война 1813 г.».—Сочиненія Д. В. Давыдова (Спб. 1893).—Заблоцкій-Десятовскій, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», т. 1.—Дѣянія Россійскихъ полководцевъ (Спб., 1822).—Шильдеръ, «Императоръ Александръ I».—Napoléon, «Mémoires pour servir a l'histoire de France, publiées par Montholon», t. II.—Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. тт. II, XVI, XLVII, LIV, LXX, LXXIII, LXXVII. LXXVIII, LXXXII, LXXXVIII, LXXXIX.—Архивъ кн. Воронцова.—Бартеневъ, «Осьмнадцатый вѣкъ».—Его же, «Девятнадцатый вѣкъ».—Историческіе журналы: «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ». Особенно любопытны статьи: Записки Ермолова (Р. А., 1867), Генералъ графъ Л. Л. Беннигсенъ (ib., 1868), Записки Саблукова (ib., 1869), Письма Жозефа де-Местра (ib., 1871), Письмо Чарторижскаго Александру I (ib., 1871, 898), Воспоминанія Лубяновскаго (ib., 1872), Записки Граббе (ib., 1873), Письма Дохтурова (ib., 1874), Память о 1812 г. (ib. 1874), Формуляръ Беннигсена (ib., 1874, тетрадь 3-я—точное воспроизведеніе хранящагося въ Архивѣ Главнаго Штаба, но и сей послѣдній несовсѣмъ точенъ и долженъ быть свѣренъ съ Высочайшими приказами), Москва въ 1812 г. (ib., 1875), Бумаги П. И. Бекетова (ib., 1880), Воспоминанія Бутенева (ib., 1881), Дневникъ графини Фоссъ (ib., 1885), Записки Н. К. Муравьева (ib., 1885), Письма Растопчина (ib., 1885), Письма Кутузова къ женѣ (Р. С., 1872), Выписки изъ «Спб. Вѣдомостей» (ib., 1874), Беннигсенъ и его записки (ib. 1876), Отечественная война 1812 г. (ib., 1877), Записки Беннигсена (ib., 1899).—Словари: Плюшара, Зедделера (буквальная перепечатка изъ Плюшара), Андреевскаго и др.

С. Адріановъ.

Бентковскій, *Феликсъ*, заслуженный историкъ и литераторъ польскій, профессоръ варшавскаго университета, род. въ 1781 г., ум. въ 1852 г. Получилъ образованіе въ Цюллихау близъ Франкфурта на Одерѣ, а затѣмъ въ Галле; по окончаніи курса остался въ Галле лекторомъ польскаго языка и литературы. Вернувшись на родину, былъ 14 лѣтъ учителемъ въ варшавскомъ лицеѣ, а затѣмъ профессоромъ университета по каѳедрѣ польской исторіи. Съ 1838 г. до смерти былъ начальникомъ варшавскаго главнаго архива. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: Wiadomość o najdawniejszych książkach, drukowanych w Polsce a w szczególności o tych, które Jan Haller w Krakowie wydał. Варш. 1812 г.; Historyja literatury w spisie dzieł drukiem ogłoszonych, 2 тома, 1814 г.; Wstęp do historyi, Варш. 1821 г.; Spis aktów dawnych w głównem archiwum Król. Pol., Варш. 1840 г.; кромѣ того, онъ издавалъ «Pamiętnik Warszawski» (1815—22 гг.).

Encyklopedya powszechna Orgelbranda.

Берардъ, *Іосифъ Іосифовичъ*, статскій совѣтникъ, воспитатель и преподаватель училища правовѣдѣнія, род. въ 1800 г. въ гор. Мецѣ, во Франціи, ум. 8 февраля 1883 г., въ Парижѣ. Образованіе онъ получилъ въ мецкомъ лицеѣ, въ 1823 г. прибылъ въ Россію и съ 21 ноября этого года занялъ мѣсто учителя французскаго языка въ благородномъ пансіонѣ при петербургскомъ университетѣ (теперь первая классическая гимназія). Одновременно съ этимъ, съ 1 апрѣля 1824 г. до 1 октября 1826 г., онъ преподавалъ французскій языкъ въ Императорскомъ сиротскомъ домѣ (впослѣдствіи Павловскій кадетскій корпусъ), 7 ноября 1835 г. Берардъ былъ опредѣленъ воспитателемъ и преподавателемъ французскаго языка въ училище правовѣдѣнія, а въ 1836 г. былъ приглашенъ преподавать французскій языкъ великимъ княжнамъ Маріи, Елизаветѣ и Екатеринѣ Михаиловнамъ и за успѣшное выполненіе обязанностей, по окончаніи преподаванія, въ 1840 г. Всемилостивѣйше былъ награжденъ бриліантовымъ перстнемъ. Вмѣстѣ съ должностью воспитателя и преподавателя, Берардъ исполнялъ въ училищѣ правовѣдѣнія обязанности инспектора классовъ въ 1838 и 1841 гг., библіотекаря въ 1841 г., члена хозяйственнаго правленія училища правовѣдѣнія съ 1842 г. и члена совѣта училища въ 1848—1851 гг. 10 февраля 1840 г. Берардъ перешелъ въ русское подданство. Въ 1847 г. онъ былъ назначенъ главнымъ воспитателемъ въ училищѣ правовѣдѣнія и, по этому званію, имѣлъ ближайшее наблюденіе во всѣхъ классахъ училища за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла. Кромѣ училища правовѣдѣнія, съ 1841 г. Берардъ преподавалъ французскій языкъ въ пажескомъ корпусѣ, а въ Маріинскомъ институтѣ — французскую словесность. 12 іюня 1851 г. Берардъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ во Францію. Вмѣстѣ съ И. Журданомъ, онъ, въ 1830 г. составилъ «Отрывки изъ прозаическихъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей для письменныхъ занятій переводами съ россійскаго языка на французскій и нѣмецкій» (въ 1840 г. вышли четвертымъ изданіемъ).

Дѣла Императорскаго училища Правовѣдѣнія (дѣло 1835 г., № 12).—Каталогъ Ольхина № 4085.

Берви, *Василій (Вильгельмъ) Ѳедоровичъ*, заслуженный ординарный профессоръ казанскаго университета, сынъ англійскаго консула въ Данцигѣ, род. въ 1793 (или 1795) г., ум. 20 марта 1859 г. Берви въ 1816 г. окончилъ курсъ въ с.-петербургской медико-хирургической академіи со степенью лѣкаря 1 отд. и поступилъ судовымъ врачемъ на одинъ изъ кораблей россійско-американской компаніи. 7 сентября 1816 г. онъ отплылъ изъ Кронштадта на принадлежавшемъ компаніи кораблѣ «Суворовъ», который черезъ Атлантическій океанъ, мимо мыса Горна, прибылъ въ Новоархангельскій портъ 22 іюля 1817 г. Здѣсь Берви перешелъ на корабль «Кутузовъ», объѣхалъ на немъ русскія колоніи и въ ноябрѣ 1818 г. отправился черезъ Китайское море и мимо мыса Доброй Надежды въ Европейскую Россію. 7 сентября 1819 г. онъ вернулся въ Кронштадтъ. Черезъ годъ Берви отправился на кораблѣ «Кутузовъ» прежнимъ путемъ въ Новоархангельскій портъ, гдѣ поступилъ на должность больничнаго врача и прослужилъ до мая 1823 г. Въ концѣ этого года онъ вернулся въ Россію (черезъ Охотскій портъ) и вышелъ въ отставку. Въ теченіе своихъ путешествій Берви велъ дневникъ, часть котораго впослѣдствіи напечаталъ подъ названіемъ «Отрывокъ изъ записокъ путешественника». Вернувшись въ Россію, Берви оставался въ теченіе 4-хъ лѣтъ безъ должности и большую часть времени провелъ въ Москвѣ, гдѣ поступилъ въ число членовъ общества естество-

испытателей и физико-медицинскаго общества. Выдержавъ при московскомъ отдѣленіи медико-хирургической академіи экзамены на степень доктора медицины, онъ напечаталъ въ 1826 г. диссертацію и 24 января 1827 г. получилъ степень доктора, послѣ чего назначенъ инспекторомъ медицинской управы. Въ 1828 г. онъ поступилъ на мѣсто акушера рязанской врачебной управы; но, прослуживъ около года, вышелъ въ отставку и вернулся въ Москву. Въ 1831 г. Берви выступилъ кандидатомъ на каѳедру физіологіи въ казанскомъ университетѣ. Каѳедра эта, соединенная по уставу 1804 г. съ каѳедрой анатоміи и судебной медицины, послѣ смерти профессора І. Брауна (1819 г.) оставалась вакантной уже въ теченіе 12 лѣтъ, но въ началѣ 1831 г. министръ народнаго просвѣщенія предписалъ казанскому университету немедленно принять мѣры къ замѣщенію ея путемъ конкурса. Еще до опубликованія программы конкурса врачебное отдѣленіе получило прошеніе Берви объ избраніи его на эту каѳедру, при которомъ Берви представилъ 8 дипломовъ и свидѣтельствъ о своихъ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, свидѣтельство о своихъ путешествіяхъ и рукопись «Разсужденіе о животной жизни, основанное на изслѣдованіяхъ сравнительной анатоміи». Врачебное отдѣленіе не одобрило этого сочиненія. Тогда Берви, уже ознакомившись съ опубликованной программой, составилъ три рукописныхъ конспекта—по анатоміи, физіологіи и судебной медицинѣ и направилъ ихъ въ казанскій университетъ вмѣстѣ съ печатной диссертаціей и новымъ прошеніемъ черезъ посредство московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Голицына, къ которому обратился за покровительствомъ, и, который, посылая бумаги Берви въ Казань, присоединилъ къ нимъ свою рекомендацію. Черезъ два мѣсяца пришла еще рекомендація министра народнаго просвѣщенія, князя Ливена, основанная на весьма хорошихъ отзывахъ многихъ извѣстныхъ лицъ, между прочимъ—лейбъ-медика Лодера. Тѣмъ не менѣе отзывъ казанскаго профессора Лентовскаго о трудахъ Берви былъ абсолютно неблагопріятенъ: конспектъ по физіологіи былъ найденъ совершенно недостаточнымъ, исполненнымъ противорѣчій, содержащимъ начала, кои, какъ начала матеріализма, допущены быть не могутъ. Къ отзыву присоединилось большинство профессоровъ, но, въ виду солидныхъ рекомендацій, совѣтъ университета препроводилъ все дѣло на усмотрѣніе попечителя, который представилъ его министру. По разсмотрѣніи дѣла въ петербургской медико-хирургической академіи, склонившейся на сторону Берви, онъ былъ утвержденъ 9 мая 1832 г. ординарнымъ профессоромъ по искомой имъ каѳедрѣ. Обладая хорошимъ общимъ образованіемъ, Берви не имѣлъ спеціальной подготовки. Поэтому съ введеніемъ устава 1835 г. чтеніе анатоміи и судебной медицины перешло къ другимъ профессорамъ, а Берви съ 1837 г. занималъ только каѳедру физіологіи и общей патологіи. Онъ много читалъ, но вовсе не владѣлъ методами научнаго изслѣдованія; передавая мнѣнія различныхъ ученыхъ по тому или другому вопросу, онъ не освѣщалъ ихъ научной критикой, которую замѣнялъ умозрительными разсужденіями. Время величайшаго напряженія силъ въ развитіи экспериментальнаго направленія физіологіи въ Западной Европѣ, конецъ 40-хъ и половина 50-хъ годовъ, прошло для Берви безплодно. Отождествляя это направленіе съ матеріализмомъ, онъ говорилъ съ каѳедры: «Изъ нравственнаго міра матеріализмъ вторгается въ святилище науки. Матеріалисты, вооруженные вѣсами, стеклами и ножемъ, воображаютъ открыть намъ тайны природы...» «Это для общаго блага страшное направленіе умовъ вмѣняетъ въ обязанность каждому содѣйствовать, по силѣ возможности, отраженію идеи матеріализма, превращающаго всю жизнь въ грубый сенсуализмъ. Вотъ что заставило меня присоединиться къ подвижникамъ, признающимъ въ жизни высшее назначеніе, нежели одну заботу о тѣлесномъ бытіи». Прикрывая такими фразами недостатокъ солидныхъ познаній и отсутствіе самостоятельнаго направленія, Берви становился все болѣе и болѣе метафизикомъ. Примѣромъ самостоятельно выработанныхъ имъ физіологическихъ опредѣленій можетъ служить слѣдующее: «Возбуждаемость не есть что-либо реально-существующее, извнѣ организму доставленное, придаточное, отъ органической массы отличное; она есть только подлежательное представленіе, т. е. идея, основанная на созерцаніи, какимъ образомъ внѣшняя природа приводитъ въ дѣйствіе органическое тѣло (лекція «О возбуждаемости, какъ явленіи органической жизни», читанная въ при-

сутствіи министра народнаго просвѣщенія). Между тѣмъ нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ уже примкнули къ новому направленію и производили новые физіологическіе опыты и изслѣдованія. Среди молодежи, учившейся въ казанскомъ университетѣ, явилось естественное недовольство положеніемъ каѳедры физіологіи, и это недовольство было выражено въ письмѣ къ Берви, подъ вліяніемъ котораго онъ черезъ нѣкоторое время вышелъ въ отставку (21 іюля 1858 г.). Въ теченіе профессорской дѣятельности Берви три раза былъ избираемъ въ деканы, а въ 1857 г. исправлялъ должность ректора. Выйдя въ отставку, Берви поселился въ своемъ небольшомъ имѣніи въ бугурусланскомъ уѣздѣ, самарской губерніи, гдѣ скоро и скончался. Берви былъ членомъ-корреспондентомъ комитета по ученой части Императорскаго Человѣколюбиваго общества (съ 1820 г.), членомъ-корреспондентомъ медико-хирургической академіи (съ 1820 г.), почетнымъ членомъ Общества испытателей природы въ Дрезденѣ (съ 1824 г.), дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Общества естествоиспытателей въ Москвѣ (съ 1825 г.) и дѣйствительнымъ членомъ Физико-Медицинскаго общества при московскомъ университетѣ (съ 1826 г.).—Печатные труды Берви: Dissert. inaug. med.-physiolog., de notione efficiantiae vitalis. Москва, 1826 г.; Отрывокъ изъ записокъ путешественника («Учен. записки Казанск. унив.», 1835—1837 г.); Основныя начала антропологіи (ibid. 1839 г.); Физіологически-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни (ibid. 1858 г.; эта статья Берви вызвала ѣдкую критику со стороны Добролюбова); О возбуждаемости, какъ явленіи органической жизни («Журн. М. Н. Пр.», LXXI, II, 29).

Словарь Венгерова (статья Ковалевскаго).—Формулярный списокъ.—Отчетъ И. Казанскаго университета и учебнаго округа за 17 лѣтъ. Казань. 1844 г.—«Моск. Вѣстн.», 1860 г., № 31 (воспоминанія Ордынскаго).—Словари: Андреевскаго, Геннади, доп. къ Толлю. *Н. Кульбинъ.*

Берггольцъ. См. **Берхгольцъ.**

Бергеръ, *Фердинандъ Георгіевичъ,* оперный пѣвецъ, ум. 8 сентября 1875 г., въ Харьковѣ; голосъ его—высокій басъ—не былъ выдающимся, но игра, особенно въ комическихъ роляхъ (донъ-Паскуале, докторъ Бартоло въ «Севильскомъ Цирульникѣ») была неподражаема. Организовавши въ 50-хъ г.г. итальянскую оперную труппу, Бергеръ посѣщалъ съ нею южные города (Кіевъ, Одессу, Полтаву), ставилъ спектакли при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и при бѣдной обстановкѣ, мужественно боролся съ равнодушіемъ публики и съ разными невзгодами. Въ августѣ 1867 г. Бергеръ, находившійся тогда временно не у дѣлъ, получилъ предложеніе отъ администраціи кіевскаго театра сформировать оперную труппу. Командированный съ этою цѣлью въ С.-Петербургъ и Москву, Бергеръ набралъ персоналъ въ 12 сюжетовъ и быстро организовалъ хоры и оркестръ. 27 октября того же года русская опера въ Кіевѣ была открыта «Аскольдовой Могилой» Верстовскаго; затѣмъ въ тотъ же сезонъ были поставлены «Жизнь за Царя» Глинки и «Русалка» Даргомыжскаго. Въ 1868 г. администраціей заключенъ былъ съ Бергеромъ контрактъ, согласно которому все руководительство театромъ отдавалось въ полное вѣдѣніе Бергера съ субсидіей отъ казны въ суммѣ 6,000 р. (впослѣдствіи субсидія была увеличена до 9,000 р., т. е. Бергеру была отдана вся сумма, отпущенная правительствомъ для поддержки русскихъ драматическихъ представленій въ городахъ Кіевѣ, Житомирѣ и Каменецъ-Подольскѣ). Благодаря энергіи и опытности Бергера, опера въ Кіевѣ была поставлена на надлежащую высоту. Онъ не щадилъ средствъ на наемъ хорошихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, а также на декораціи и костюмы. Кромѣ лучшихъ оперъ иностраннаго репертуара, при Бергерѣ впервые поставлены были въ Кіевѣ «Русланъ и Людмила» (1871 г.), «Рогнѣда» (1872 г.), «Юдиѳь» и др. русскія оперы. Особенное вниманіе Бергеръ обратилъ на оркестръ и хоръ, стоявшіе при немъ на довольно высокой ступени совершенства, какой уже не достигали при послѣдующихъ антрепренерахъ. Одновременно съ кіевской, Бергеръ содержалъ итальянскую оперу въ Одессѣ (на что имѣлъ разрѣшеніе согласно контракту). Это обстоятельство отразилось неблагопріятно на дѣлахъ кіевской оперы, такъ какъ одесская опера давала убытокъ, пополняемый Бергеромъ изъ доходовъ кіевской оперы, пользовавшейся большимъ успѣхомъ у публики. Съ окончаніемъ контракта на кіевскій театръ въ сезонъ 1873—74 г. Бергеръ переѣхалъ въ Харьковъ, собралъ здѣсь оперную труппу и давалъ спектакли въ сезонъ 1874—75 г. Умеръ Бергеръ въ бѣдности.

За нимъ должна быть признана та заслуга, что онъ первый пропагандировалъ русскую оперу въ провинціи и, благодаря своей добросовѣстности, поставилъ это дѣло вполнѣ прочно; ему, какъ піонеру, пришлось вынести на своихъ плечахъ немало трудностей, чѣмъ облегчился успѣхъ для его продолжателей.

В. А. Чечотт, Двадцатипятилѣтіе кіевской русской оперы (1867 — 1892). Кіевъ 1893. (Оттискъ изъ «Кіевлянина», №№ 152, 160 и 162).—Н. И. Николаевъ, Драматическій театръ въ г. Кіевѣ. Историческій очеркъ (1803—1893). Кіевъ. 1898.—«Иллюстрированная Недѣля». 1875, № 39.—«Харьковскія Губернск. Вѣдом.», 1875, № 196 и 223.—«Спб. Вѣдомости», 1875, № 262.—Литературное приложеніе къ Музыкальному Вѣстнику, 1871, № 12: Русская опера въ Кіевѣ (корреспонденція).—«Театральный и Музыкальный Вѣстникъ», 1858, № 47: письмо изъ Полтавы.

Бергманъ, *Александръ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1784 г., ум. 11 января 1849 г. Бергманъ происходилъ изъ дворянъ с.-петербургской губ. и, получивъ домашнее образованіе, въ 1802 г. поступилъ на службу подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, съ которымъ въ 1805 г. участвовалъ въ походѣ въ Австрію и сражался подъ Аустерлицемъ, а въ 1807 г. (въ чинѣ прапорщика) участвовалъ въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ. Въ 1812 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, будучи полковымъ адъютантомъ, Бергманъ состоялъ при кн. Багратіонѣ и за отличіе въ сраженіи при Бородинѣ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ этомъ-же сраженіи онъ былъ раненъ ружейною пулею въ лѣвую ляжку. Послѣ смерти Багратіона, онъ былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при Кутузовѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ и Красномъ, причемъ за отличіе, оказанное въ этихъ сраженіяхъ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ брилліантами. Вскорѣ послѣ сраженія подъ Краснымъ, Бергманъ былъ прикомандированъ къ корпусу графа Платова и получилъ въ свою команду отдѣльный отрядъ, съ которымъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ послѣдняго періода Отечественной войны. Въ сраженіи подъ г. Вильно онъ стремительно атаковалъ непріятельскую колонну и, почти уничтоживъ ее, отбилъ у французовъ двѣ пушки. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ чиномъ капитана. Съ открытіемъ кампаніи 1813 г. Бергманъ состоялъ въ распоряженіи начальника главнаго штаба, князя Волконскаго, и участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ и Кульмѣ. За Люценъ онъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость», а за Кульмъ—прусскимъ знакомъ желѣзнаго креста. Затѣмъ онъ былъ командированъ въ корпусъ Платова и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Альтенбургомъ и подъ Лейпцигомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему, какъ опытному партизану, давались порученія вполнѣ самостоятельныя, сопряженныя съ большою отвѣтственностью и опасностью. Такъ, онъ открылъ сообщеніе между главною арміею и арміею наслѣднаго принца шведскаго, за что былъ награжденъ шведскимъ орденомъ Меча. Послѣ этого онъ возстановилъ связь корпуса Платова съ баварскою арміею (былъ награжденъ баварскимъ орденомъ св. Макса), а на обратномъ пути заставилъ сдаться на капитуляцію крѣпость Кенигсгофенъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Въ 1814 г. въ составѣ корпуса Платова, Бергманъ участвовалъ въ сраженіяхъ: при Сезаннѣ, Фершампенуазѣ, Лаонѣ и Арсисѣ, причемъ въ послѣднемъ сраженіи отбилъ у французовъ одну пушку. Послѣднимъ его подвигомъ въ войну 1814 г. было отбитіе у непріятеля 405 офицеровъ испанской службы по дорогѣ отъ Парижа къ Лаону, между Немуромъ и Монтажи, причемъ конвоировавшіе испанцевъ—150 французовъ принуждены были сдаться ему въ плѣнъ. Помимо крупныхъ дѣлъ, Бергманъ часто безпокоилъ французовъ своими лихими партизанскими налетами, отбивалъ у нихъ всевозможные военные припасы и все время войны не терялъ противника изъ вида и доставлялъ въ главную квартиру арміи самыя точныя свѣдѣнія о расположеніи и силахъ непріятеля. За выдающуюся боевую службу въ кампаніи 1814 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и награжденъ орденами св. Владиміра 3-й степени, прусскимъ — Pour le mérite и австрійскимъ—св. Леопольда. Въ 1816 г. Бергманъ былъ назначенъ командиромъ пѣхотнаго короля прусскаго полка и командовалъ этимъ полкомъ семь лѣтъ, причемъ довелъ его до блестящаго состоянія. Произведенный въ 1823 г. въ генералъ-маіоры, вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ бригады, сначала въ 12-й пѣхотной дивизіи, а затѣмъ во 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Турецкая война

1828 г. снова вызвала Бергмана на боевое поприще. Назначенный командиромъ 2-й гвардейской пѣхотной бригады (семеновскій и гренадерскій полки), онъ прибылъ къ Варнѣ и принялъ дѣятельное участіе въ осадѣ и покореніи этой крѣпости, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени и Монаршимъ благоволеніемъ. Въ польской войнѣ 1831 г. на долю бригады Бергмана выпала самая отвѣтственная задача въ дѣлѣ 9-го мая, при м. Жолткахъ, гдѣ наши войска съ трудомъ удержали за собою переправу черезъ Наревъ. За это сраженіе Бергманъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени съ короною. Затѣмъ, 25 и 26 августа Бергманъ участвовалъ въ штурмѣ передовыхъ укрѣпленій г. Варшавы и за отличіе, оказанное имъ при этомъ, былъ награжденъ золотою шпагою, украшенною бриліантами съ надписью «за храбрость». 4-го октября 1831 г. Бергманъ былъ назначенъ командиромъ 5-й гвардейской пѣхотной бригады, а черезъ два года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1834 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 1-й гренадерской дивизіи, а въ 1836 г. членомъ генералъ-аудиторіата военнаго министерства и въ этой должности пробылъ до смерти. Кромѣ перечисленныхъ выше, Бергманъ имѣлъ еще ордена: св. Владиміра 2-й степени, Бѣлаго Орла и прусскій—Краснаго Орла.

Послужной списокъ.—Лукьяновичъ, Описаніе турецкой войны 1828 и 1829 годовъ. Спб., 1844 г. — Пузыревскій, Польско-Русская война 1831 года. Спб., 1890 г. *Г. М.*

Бергманъ, *Амвросій*, докторъ медицины, братъ Густава (см. ниже), род. 21 сентября 1740 г. въ Нейермюленѣ, около Риги, ум. въ Кіевѣ 19 марта 1784 г. Гимназическій курсъ Бергманъ окончилъ въ Веймарѣ, съ 1756 г. изучалъ медицину въ Іенѣ, а съ 1759 г.—въ Страсбургѣ, гдѣ избралъ спеціальностью акушерство; затѣмъ учился у Levret въ Парижѣ, отсюда отправился въ Лейпцигъ и здѣсь 8 октября 1762 г. получилъ степень доктора медицины. Послѣ возвращенія въ Россію онъ былъ военнымъ врачемъ въ крымской арміи и позже—дивизіоннымъ врачемъ тамъ-же.—Его диссертація: «De ruricolarum Livoniae statu sano et morboso». Lips. 1762.

Словари: Рекке и Напирскаго и Плюшара.

Бергманъ, *Балтазаръ*, писатель, братъ Амвросія и Густава, род. въ Нейермюленѣ 13 іюня 1736 г., ум. 17 февраля 1789 г. Онъ, вмѣстѣ съ братомъ Амвросіемъ, обучался въ Веймарѣ и Іенѣ; по возвращеніи на родину, онъ занялъ въ 1761 г. мѣсто церковнаго нотаріуса, въ 1762 г. назначенъ аудиторомъ Польманова кирасирскаго полка, а по смерти Императора Петра III, вышелъ въ отставку. Въ 1763 г. Бергманъ былъ секретаремъ при гр. Лестокѣ, а съ слѣдующаго года, удерживая должность при графѣ,—консулентомъ въ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. Въ 1773 г. онъ былъ опредѣленъ оберъ-фискаломъ въ Ригу, а въ 1783 г.—губернскимъ стряпчимъ, причемъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора. Въ 1786 г. Бергманъ пожалованъ въ надворные совѣтники, а въ 1787 г., вмѣстѣ съ братьями, возведенъ въ дворянское Римской имперіи достоинство.—Его сочиненія: Fata Livoniae (стихотвореніе, Vinariae, 1755; 2-е изд. — 1794); Diss. Philos. de expectatione casuum similium (1756); Лифляндскій календарь на 1785 г.; Лифляндскій и эстляндскій календарь на 1786 г.

Рекке и Напирскій.—Плюшаръ.

Бергманъ, *Веніаминъ*, писатель, адъюнктъ-пасторъ въ Руйенѣ, въ Лифляндіи, колл. асс., сынъ пастора Густава (см. ниже), род. 1772 г., ум. въ 1856 г. Изъ его произведеній на русскій языкъ переведена «Исторія Петра В.» (Спб., 1840, 6 т.т.), восполнившая существенный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Впрочемъ, критика уже тогда замѣтила, что, пользуясь всѣми источниками и матеріалами русскими и заграничными, но безъ достаточной критической провѣрки, Бергманъ внесъ въ свою книгу немало чужихъ ошибокъ. Кромѣ «Исторіи Петра В.», Бергманъ напечаталъ: Historische Schriften, erstes Bändchen, Leipzig 1805; Neue Anekdoten von Peter dem Grossen, gesammelt durch Iohann Golikow, Riga und Leipzig, 1802; Schicksale des Wassily Michailow unter den Kirgisen, Kalmücken und Chiwensern, Riga, 1804; Nomadische Streifereinen unter den Kalmücken, in den Iahren 1802 und 1803; Bd. I u. II, Riga, 1804; Bd. III u. IV, 1805 (описаніе путешествія самого Бергмана по Калмыцкой степи); Miscellen der russischen und mongolischen Litteratur, Riga, 1802; Taschenbuch für Freunde der deutschen Litteratur in Russland, für das Iahr. 1802 (Geschichte der Iohanniter-Ordens), Riga und Leipzig, 1802.

«Моск. Телегр.» 1833, ч. 50, стр. 378—412.—

«Литер. газ.» 1840, № 91, стр. 2080. — «Журн. М. Н. Пр.» 1840, т. 28, отд. 6, стр. 64—67.— «Отеч. Зап.» 1841, № 4, т. 15, 37—60; ib. № 6, т. 16, отд. 5, 1—18, ib. № 10, т. 18, отд. 6, 53.— Шторхъ «Системат. обозрѣніе литературы въ Россіи съ 1801—1806», ч. II, стр. 146.—Рекке и Напирскій.—Плюшаръ.

Бергманъ, *Густавъ*, ассесоръ лифляндской оберъ-консисторіи, почетный членъ московскаго общества естествоиспытателей, сынъ рижскаго купца, род. 21 марта 1749 г. въ Нейермюленѣ, близъ Риги, ум. 14 іюня 1823 г. До 15-ти лѣтъ Бергманъ обучался дома, въ 1763 г. поступилъ въ веймарскую гимназію, а съ 1767 по 1770 г. изучалъ въ лейпцигскомъ университетѣ богословіе. По возвращеніи на родину, Бергманъ въ 1771 г. получилъ мѣсто пастора въ Аррашѣ, близъ Вендена, въ 1780 г. перешелъ пасторомъ же въ Салисбургъ, а въ 1785 г.—въ Руйенъ. Въ 1807 г. Бергманъ опредѣленъ ассесоромъ въ лифляндскую оберъ-консисторію. Около этого же времени онъ получилъ приглашеніе занять мѣсто пастора Аннинской церкви, въ Петербургѣ, но отказался. По должности сельскаго пастора, вращаясь преимущественно среди крестьянскаго населенія, Бергманъ обратилъ вниманіе на значительную смертность крестьянскихъ дѣтей отъ оспы и занялся оспопрививаніемъ. Въ теченіе 30-ти лѣтъ имъ сдѣлано около 12.000 прививокъ, по особому, имъ самимъ изобрѣтенному способу, который былъ разсмотрѣнъ и одобренъ медицинскою коллегіею. За труды по оспопрививанію Бергманъ получилъ въ 1802 г. золотую медаль, съ надписью: «За полезное». Въ 1806 г. Бергмана избрало почетнымъ членомъ московское общество испытателей природы. Въ бытность въ Руйенѣ, Бергманъ имѣлъ свою типографію, въ которой, между прочимъ, напечаталъ много книгъ, ставшихъ теперь рѣдкими. Перечень этихъ книгъ приведенъ въ словарѣ Напирскаго; тамъ же указанъ перечень и собственныхъ сочиненій Бергмана, посвященныхъ исторіи Лифляндіи и летскому языку. Послѣ Бергмана остался въ рукописи исправленный имъ словарь летскаго языка. Въ 1787 г. Бергманъ былъ возведенъ въ дворянское Римской имперіи достоинство.

Словари: Рекке и Напирскаго, Плюшара, Старчевскаго.

Бергманъ, *Густавъ Амвросій Вильгельмъ*, род. въ Аррашѣ въ Лифляндіи 8 апрѣля 1774 г., ум. 17 ноября 1814 г. Онъ изучалъ медицину въ Іенѣ отъ 1794 г. до 1798 г., тамъ же получилъ степень доктора медицины; затѣмъ онъ вернулся въ Россію и отправился въ Пермь, гдѣ былъ вольнопрактикующимъ врачемъ. — Сочиненія его: Kleines ABC-Buch für Kinder, Ruien, 1788; Диссертація: Cogitata nonnulla circa hepatis usum physiologicum, pathologicum ac therapeuticum. Ienae 1798 г.

Рекке и Напирскій. *Н. К.*

Бергманъ, *Либорiусъ*, докторъ философіи, братъ Густава, род. 3 сентября 1754 г. въ Нейермюленѣ, близъ Риги, ум. 14 іюля 1823 г. Первоначальное образованіе получилъ въ рижскомъ училищѣ, потомъ въ рижскомъ лицеѣ; въ 1774 г. поступилъ въ лейпцигскій университетъ, гдѣ изучалъ богословіе. По окончаніи курса въ 1778 г., Бергманъ въ теченіе года путешествовалъ по Германіи, Швейцаріи, Англіи, Франціи и познакомился съ Лессингомъ, Клопштокомъ, Гернелемъ, Лафатеромъ и Кантомъ. Въ 1779 г., по возвращеніи на родину, поступилъ учителемъ въ домъ барона Будберга; въ слѣдующемъ году, 21 іюля, назначенъ діакономъ, въ 1781 г. — архидіакономъ, въ 1800 г.— пасторомъ и ассесоромъ консисторіи, и въ томъ же году—оберъ-пасторомъ рижской Петровской церкви и старшиною рижскаго городскаго духовнаго правленія. Не ограничиваясь служебною дѣятельностью, Бергманъ принималъ участіе во всѣхъ благотворительныхъ и общеполезныхъ предпріятіяхъ, состоялъ членомъ мѣстныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ и содѣйствовалъ учрежденію многихъ изъ нихъ. Въ 1794 г. онъ основалъ Николаевскій домъ трудолюбія, въ которомъ до 1800 г. былъ старшиною: въ 1803 г. учредилъ словесно-практическое общество гражданъ въ Ригѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ его директоромъ; въ 1816 г. имъ образованъ лифляндскій музей искусствъ. Затѣмъ, въ продолженіе своей долговременной дѣятельности онъ оказалъ немало заслугъ, какъ по званію церковнаго учителя — устными наставленіями и многочисленными богословскими сочиненіями, такъ и основательными изслѣдованіями по исторіи Лифляндіи. Лейпцигскій университетъ почтилъ Бергмана, въ день 25-ти-лѣтняго юбилея его службы, дипломомъ на званіе доктора философіи. Перечень многочисленныхъ сочиненій Бергмана приведенъ у Напирскаго.—

Въ 1787 г. Бергманъ былъ возведенъ въ дворянское Римской имперіи достоинство.

Словари: Рекке и Напирскаго, Плюшара, Старчевскаго.—«Вѣстн. Европы» 1806 г., ч. 30, № 21, стр. 3—24.

Бергманъ, *Θедоръ Θедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, происходилъ изъ лифляндскихъ дворянъ, ум. въ 1803 г. Бергманъ получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1762 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ и, прослуживъ въ немъ двадцать лѣтъ, получилъ чинъ полковника съ назначеніемъ командиромъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, а въ 1787 г. былъ произведенъ въ бригадиры. Во время второй турецкой войны онъ командовалъ тремя егерскими батальонами и тремя сотнями казаковъ кубанскаго корпуса. Въ началѣ августа 1788 г. Бергманъ былъ посланъ разсѣять значительныя скопленія горцевъ на лѣвомъ берегу р. Кубани. Къ отряду, бывшему подъ его командою, прибавили 6 легкихъ пушекъ. 21-го августа онъ переправился черезъ Кубань и въ 4 часа утра слѣдующаго дня, въ 20 верстахъ отъ Кубани, встрѣтилъ болѣе четырехъ тысячъ абазинцевъ и натухайцевъ. Егеря, свернувшись въ карре, три часа отражали атаки непріятеля, и горцы, видя безуспѣшность своихъ нападеній, засѣли въ засѣки. Тогда Бергманъ повелъ на нихъ атаку, и, послѣ упорнаго восьми-часового боя, обратилъ ихъ въ бѣгство. Предавъ огню 5 непріятельскихъ деревень (около 3000 домовъ), Бергманъ возвратился обратно за Кубань. Награжденный за эту экспедицію орденомъ св. Владиміра 3-й степени, онъ въ томъ-же году былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ началѣ 1789 г., по болѣзни генерала Талызина, Бергманъ командовалъ войсками кубанскаго корпуса. Въ польской войнѣ 1792 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ: при Вишнеполѣ, Любарѣ, Острогѣ и Дубнѣ, а въ слѣдующемъ году обезоружилъ конфедератовъ въ Могилевѣ и въ Барѣ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ томъ-же году онъ былъ назначенъ губернаторомъ брацлавской губерніи, которою управлялъ четыре года, и за это время основалъ много народныхъ училищъ и богоугодныхъ заведеній и обращалъ усиленное вниманіе на правильное судопроизводство. Труды его были награждены орденомъ св. Владиміра 2-й степени и 400 душами крестьянъ. Въ 1797 г. Бергманъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ шефомъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Въ томъ-же году онъ навлекъ на себя неудовольствіе Императора Павла тѣмъ, что представилъ полковаго квартирмейстера къ перемѣщенію во фронтъ, за что былъ отставленъ отъ службы.

Казадаевъ, Рукописный словарь.—«Кавказскій Сборникъ», т. XIX. Тифлисъ, 1898 г.

Г. М.

Бергхольцъ. См. **Берхгольцъ.**

Бергштрессеръ, *Карлъ Федоровичъ*, писатель по политической экономіи, дѣйств. ст. сов., ум. 7 марта 1874 г. въ Тамани. Въ 30-хъ годахъ онъ состоялъ главнымъ учителемъ олонецкой гимназіи. Изъ его сочиненій извѣстны: Опытъ описанія олонецкой губерніи (Спб. 1838 г.); Руководство къ разведенію, улучшенію, кормленію и откармливанію домашнихъ животныхъ съ 14 изобр. (Спб. 1841 г.); Богатство Россіи (Спб. 1858 г.); Регалія на-соль въ Россіи и др. государствахъ (Спб. 1858 г.): Источники народнаго богатства: Польза отъ воздѣлыванія полей паровыми снарядами (Спб. 1871 г.; брош.). Кромѣ того, онъ перевелъ книгу Шмальца «О разведеніи испанскихъ овецъ» (Спб., 1834 г., 2-е изд.—1838 г., 3-е изд.—1856 г.). Крестьянская реформа вызвала рядъ небольшихъ статей Бергштрессера въ «Трудахъ В. Э. Общ.» и «Экон. Указ.» (въ концѣ 50-хъ годовъ). За «Опытъ описанія олонецкой губерніи» автору былъ присужденъ Академіей наукъ почетный отзывъ. Давая обильный фактическій матеріалъ, Бергштрессеръ умѣлъ, трактуя о сухихъ предметахъ, привлечь читателей живымъ изложеніемъ и изяществомъ изданія.

Вороновъ, «Обозр. уч. зав. петерб. округа», 158.—Педе и Н. Н—въ «Роспись книгъ по сельскому хоз.».—«Библ. для чт.» 1835 г., т. IX.—«Соврем.» 1838 г., т. X.—«Сынъ Отеч.» 1838 г., т. IV.—«Литер. приб. къ Русск. Инв.» 1838 г., № 23.—8 прис. Демид. нагр. Рец. Кеппена.—«Лит. Газ.» 1841 г., № 11.—«Экон. указ.» 1858 г., № 100.

Бергъ, *Адольфъ Эмиліевичъ*, врачъ, ум. 13 іюня 1885 г. Окончивъ курсъ военно-медицинской академіи, Бергъ остался въ клиникѣ проф. М. И. Горвица, который очень высоко цѣнилъ его. Не смотря на слабое здоровье, онъ съ увлеченіемъ работалъ, изучая женскія болѣзни и акушерство и трудясь надъ подготовленіемъ дис-

сертаціи, но ранняя смерть помѣшала ему окончить ее. Бергъ напечаталъ много рефератовъ по своей спеціальности въ газетѣ Манассеина «Врачъ».

«Врачъ» 1885 г., № 29, стр. 486.

Бергъ, ***Григорій Максимовичъ*** (сынъ Максима Васильевича), генералъ-отъ-инфантеріи, род. 16 августа 1765 г. въ Луніи, лифляндскомъ имѣніи своего двоюроднаго дѣда по матери, фельдмаршала Миниха, ум. въ Ревелѣ, въ концѣ марта 1838 г. Воспріемниками его при крещеніи были Императрица Екатерина II и генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Григорій Орловъ. На тринадцатомъ году отъ роду, Бергъ былъ записанъ на службу сержантомъ, а десять лѣтъ спустя, въ 1788 г., уже въ чинѣ секундъ-маіора, выступилъ въ рядахъ невскаго пѣхотнаго полка въ финляндскій походъ. Здѣсь, въ слѣдующемъ году, командуя небольшимъ отрядомъ, онъ отличился въ сраженіяхъ при С.-Михелѣ и Пумалазундѣ; въ 1790 г. принялъ участіе въ дѣлѣ у Пардакоски, гдѣ былъ раненъ картечью въ лѣвую ногу на вылетъ, а по окончаніи войны, въ августѣ того же года былъ отправленъ съ донесеніемъ о заключеніи мира къ Императрицѣ. Въ 1794 г. подполковникъ Бергъ дѣйствовалъ въ польской войнѣ, участвуя, между прочимъ, въ пораженіи конфедератовъ подъ Вильною и при взятіи послѣдней. Переведенный вслѣдъ затѣмъ въ тамбовскій пѣхотный полкъ, онъ въ октябрѣ 1797 г. былъ пожалованъ чиномъ полковника, а 20 августа 1798 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ вновь сформированнаго имъ въ Костромѣ мушкатерскаго полка (впослѣдствіи украинскаго егерскаго). Въ концѣ 1800 г. Бергъ, по доносу, былъ обвиненъ въ растратѣ полковыхъ суммъ, 14 ноября устраненъ отъ командованія и зачисленъ по арміи; но не прошло и недѣли, какъ, совершенно оправданный, онъ снова получилъ полкъ, на этотъ разъ малороссійскій гренадерскій. Съ нимъ, въ составѣ арміи Кутузова, онъ лѣтомъ 1805 г. выступилъ въ Баварію; отступательный маршъ, предпринятый послѣ ульмскаго разгрома австрійцевъ, поставилъ Берга въ ряды аррьергардныхъ войскъ генерала Багратіона, и здѣсь онъ явился храбрымъ участникомъ двухъ кровопролитныхъ сраженій: у Амштетена 24 октября и мѣсяцъ спустя подъ Аустерлицемъ. Въ дѣлѣ подъ Амштетеномъ, доставившемъ Бергу Владимірскій крестъ 3 степени, онъ былъ раненъ ружейною пулею, которая, уже на излетѣ, ударила ему въ нижнюю губу, выбила два зуба и остановилась во рту; въ Аустерлицкомъ же сраженіи онъ получилъ двѣ контузіи въ лѣвую ногу, настолько сильныя, что упалъ почти замертво, благодаря чему былъ захваченъ французами. Любопытныя подробности этого случая, вырисовывающія рѣдкое мужество Берга, описаны имъ въ поданномъ Государю рапортѣ отъ 7 декабря 1805 г. (копія съ него находится въ тетрадяхъ выписокъ А. В. Висковатова, хранящихся у Г. Ѳ. Штендмана (тетрадь Б, № 2). Въ плѣну Бергъ находился недолго: въ январѣ 1806 г. онъ уже возвратился въ Россію, а осенью того же года снова выступилъ съ своими гренадерами въ походъ въ Турцію, но въ дѣлахъ съ непріятелемъ на этотъ разъ ему не пришлось участвовать. 26 октября 1806 г. онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Ревель, гдѣ и оставался до начала Отечественной войны. 23 марта 1812 г. Бергъ получилъ въ командованіе 5-ю пѣхотную дивизію, входившую въ составъ корпуса графа Витгенштейна, и явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ послѣдняго. Предводительствуя передовою линіею, принимая и нанося первые удары, онъ былъ главнымъ участникомъ сраженій: 18 и 19 іюля при сел. Клястицахъ и 20 числа подъ Головчицею, доставившихъ ему чинъ генералъ-лейтенанта; 30 іюля при р. Свольнѣ и 5 и 6 августа подъ Полоцкомъ, гдѣ получилъ новую контузію въ лѣвый бокъ и за отличія—орденъ св. Анны 1-й степени. Два мѣсяца спустя, участвуя въ преслѣдованіи арміи Наполеона, Бергъ 6 и 7 октября снова находился въ сраженіи подъ Полоцкомъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени, и, по овладѣніи городомъ, двинулся съ корпусомъ Витгенштейна далѣе; 19 октября онъ былъ свидѣтелемъ боя у м. Чашниковъ; 2 ноября, командуя въ дѣлѣ подъ Смольной лѣвымъ крыломъ войскъ, отбилъ рядъ атакъ маршала Виктора, принудилъ его къ рѣшительному отступленію; въ слѣдующей битвѣ 16 ноября у Студянки, а въ концѣ кампаніи 1812 г., перешелъ черезъ границу въ Сѣверную Пруссію. Въ войнѣ 1813 г. Бергъ участвовалъ сначала въ блокадѣ Данцига (съ 19 по 26 января), затѣмъ съ 8-тысячнымъ своимъ корпусомъ двинулся на соединеніе съ графомъ Вит-

геттингенскій университетъ. Тамъ, часто звершая поѣздки въ Гарцъ, Беренсъ положилъ основаніе своей замѣчательной коллекціи минераловъ. 16 августа 1770 г. онъ получилъ степень доктора медицины и вернулся въ Ригу. Въ 1771 г. онъ отправился въ Петербургъ и получилъ отъ медицинской коллегіи разрѣшеніе практиковать въ Россіи, послѣ чего поѣхалъ въ Москву къ своему брату, отставному маіору Адаму Беренсу, имѣвшему подъ Москвой пороховыя и бумажныя фабрики. Въ то время генералъ Де-Колонь безуспѣшно искалъ кандидата на вакантное мѣсто генералъ-штабъ-хирурга для сибирскаго корпуса; вскорѣ Беренсъ былъ по собственному желанію назначенъ на эту вакансію и въ 1773 г. отправился въ Томскъ, гдѣ ему были подчинены всѣ мѣстные лазареты. Тамъ онъ занимался практикой и, кромѣ того, не прекращалъ естественно-историческихъ изысканій. Вскорѣ послѣ пріѣзда Беренсъ перенесъ первую горячку. Поѣздки для осмотра подчиненныхъ ему лазаретовъ превращались въ большія ботаническія и минералогическія экскурсіи. Въ маѣ 1776 г. онъ отправился по иртышской линіи къ крѣпости Усть-Каменогорской, затѣмъ черезъ Алтай, къ рѣкѣ Бухтурмѣ и обратно въ Усть-Каменогорскую; послѣ этого, черезъ лежащія въ долинахъ Алтая крѣпости Тигерекъ и Чарышъ, доѣхалъ до Бійска и посѣтилъ Колывано-Воскресенскія горныя работы; оттуда онъ отправился въ Барнаулъ и въ августѣ вернулся въ Омскъ. Въ 1780 г. Беренсъ оставилъ свою должность въ Сибири, поѣхалъ въ Ригу, женился тамъ и затѣмъ отправился въ Москву, гдѣ занялся усовершенствованіемъ производства пороха и бумаги на фабрикахъ брата. Впослѣдствіи, въ сообществѣ съ другими лицами, онъ открылъ въ Москвѣ первую сахароварню. Въ 1784 г. Беренсъ вернулся въ Ригу, и здѣсь остался до смерти. Работы Беренса: Диссертація—De Dracone arbore Clusii, Goettingae, 1770; Geschichte der seit hundert und fünfzig Jahren in Riga einheimischen Familie Berens aus Rostok; Beiträgen zur neuesten Geschichte der Stadt Riga, Riga, 1812; Spuren der christlichen Religion in einigen Fabeln der alten Dichter (J. G. Lindners «Redenburg»), Riga, 1762; Ueber einen neuen Industrie-Zweig im südlichen Sibirien («Nordisch. Arch.», Kaffka, 1803, іюнь); Bemerkungen über die letzte Hauptgrenzfestung der sibirischen Linie gegen die chinesisch-sinugorische Wüste, welche Buchturma genannt wird (тамъ же, 1804, январь); Ueber die wichtige Kultur und den nützlichen diätetischen Gebrauch des Rhei rhapontici (тамъ же, декабрь); Zwei ökonomische Abhandlungen (тамъ же, 1805, мартъ); Fortsetzungen der physikalisch-ökonomischen Beobachtungen über den tatarisch-sibirischen Buchweizen (Poligonum tataricum L.) etc. (тамъ же, декабрь); Zweite Fortsetzung der Beobachtungen und Versuche über verschiedene neuere Pflanzen für die Medicin und Haushaltungs Kunst (Riga). Въ упомянутой исторіи его семейства Беренсъ далъ и свѣдѣнія о своей жизни.

Рекке и Напирскій 1827 и 1859 г.

Н. Кульбинъ.

Берентъ, *Андрей* (Berendt или Berent), дѣятель римско-католической церкви въ Россіи, род. въ 1734 г. въ Варміи, ум. 10 января 1805 г. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ прибылъ въ Вильну и здѣсь въ 1754 г. вступилъ въ орденъ іезуитовъ; затѣмъ послѣдовательно былъ учителемъ въ школахъ іезуитовъ—въ Новогрудкѣ (два года), въ Минскѣ, проф. философіи и математики въ Полоцкѣ и наконецъ, ректоромъ коллегіи въ Мстиславлѣ. Послѣ уничтоженія ордена остался въ Мстиславлѣ приходскимъ ксендзомъ. Тутъ онъ сдѣлался извѣстенъ Сестренцевичу, который перевелъ его въ Могилевъ, приблизилъ къ себѣ и назначилъ каноникомъ только что сформированнаго могилевскаго капитула. Впослѣдствіи Берентъ назначенъ былъ оффиціаломъ и фактически управлялъ епархіей. Послѣ возведенія Сестренцевича въ митрополиты, Берентъ назначенъ былъ въ 1797 г. генеральнымъ викаріемъ, а затѣмъ епископомъ-суффраганомъ могилевскимъ. За годъ до смерти по слабости силъ онъ оставилъ дѣла и поселился въ деревнѣ.

Encyklop. powsz. Orgelbrandt'a, t. III.—Stan. s. Santyr, «Wdzięczna pamięc okazana dla s. p. nominata bisk. Jędrzeja Berenta» («Dziejie dobroczynności kraj. i zagran.», 1821, II).

Берестовъ, *Егоръ Ивановичъ*, живописецъ, род. въ 1826 г., ум. 3 мая 1869 г. Былъ вольноприходящимъ ученикомъ Академіи худ., окончилъ курсъ по живописи исторической, причемъ получилъ вторую и первую серебряныя медали. На вторую золотую медаль Берестовъ конкурировалъ два раза (и оба раза неудачно) на слѣ-

дующія темы: 1) «Клоринда обращается къ вѣрѣ во Христа, и Танкредъ креститъ ее водою»; 2) «Периклъ во время славы посѣщаетъ давно забытаго имъ своего наставника Анаксагора». Въ 1856 г. Берестовъ удостоенъ званія художника. Умеръ отъ паралича сердца.

Архивъ И. А. Х., личное дѣло, № 32.—Петровъ, Матер. для ист. И. А. Худ., III.

Е. Т.

Бересфордъ, *Веніаминъ*, докторъ филологіи, лекторъ англійскаго и итальянскаго языковъ въ дерптскомъ университетѣ, род. въ 1750 г., ум. 29 апрѣля 1819 г. Онъ былъ первоначально священникомъ въ Англіи; въ дерптскомъ университетѣ читалъ съ 1803 по 1806 г. лекціи, затѣмъ переселился въ Германію и до самой смерти служилъ лекторомъ англійскаго языка въ Берлинскомъ университетѣ.

Рекке и Напирскій (тутъ есть и перечень его трудовъ, которые всѣ были напечатаны въ Берлинѣ и Лондонѣ).

Беретти, *Викентій Ивановичъ*, профессоръ архитектуры, ум. въ 1842 г. Сынъ бриліантовыхъ дѣлъ мастера въ Петербургѣ, Беретти обучался въ Академіи художествъ съ 1798 г. по архитектурному классу. 1 октября 1804 г. онъ окончилъ курсъ и получилъ аттестатъ первой степени. Черезъ нѣкоторое время Беретти занялъ мѣсто городского архитектора въ Петербургѣ и обнаружилъ кипучую дѣятельность. Въ 1809 г., за проектъ сухопутнаго корпуса, онъ избранъ былъ въ почетные члены Академіи, и ему задана программа сдѣлать планъ и фасадъ кадетскаго корпуса, со всѣми подробностями. За исполненіе ея Беретти получилъ званіе академика. Съ 1830 г. онъ также состоялъ членомъ комитета по постройкѣ Исаакіевскаго собора. Въ 1830 г. за свою архитекторскую дѣятельность, которая, дѣйствительно, поражаетъ обширностью и разнообразіемъ, Беретти получилъ благодарность отъ комитета городскихъ строеній. Въ 1831 г. онъ просился въ профессоры архитектуры при Академіи (на мѣсто умершаго проф. Гомзина), ставя на видъ, что онъ уже 23 года носитъ званіе академика и произвелъ многія весьма значительныя постройки. Совѣтъ Академіи назначилъ Беретти исправляющимъ должность профессора архитектуры, съ жалованьемъ по 2,500 руб., а въ качествѣ программы для возведенія его въ званіе профессора 2-й степени, потребовали у него проектъ казармы для цѣлаго полка, съ церковью и другими принадлежностями, или же проектъ ветеринарнаго училища на 300 человѣкъ, незадолго передъ тѣмъ сочиненный имъ по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ. Беретти представилъ въ Академію проектъ казармы, 30 сентября 1831 г. былъ баллотированъ въ профессора 2-й степени, а черезъ мѣсяцъ приступилъ къ исполненію профессорскихъ обязанностей, которыя онъ несъ до 1837 г. Въ 1833 г. Беретти опредѣленъ членомъ комитета о строеніяхъ и гидравлическихъ работахъ. Въ 1834 г., когда открылся конкурсъ на сочиненіе проекта для сооруженія кіевскаго университета, Беретти, одновременно съ профессорами Мельниковымъ и Брюлловымъ (архитекторомъ), принялся за составленіе проекта и занятъ былъ имъ зиму 1834—1835 г. Въ январѣ 1835 г. проектъ университета былъ готовъ, представленъ на разсмотрѣніе и получилъ Высочайшее одобреніе. Императоръ Николай I назначилъ Беретти архитекторомъ-строителемъ университета. Въ апрѣлѣ 1835 г. Беретти уѣхалъ въ Кіевъ на 4 мѣсяца, взявъ съ собою ученика своего, академиста Спарро, а профессорскія обязанности поручилъ профессору Мейеру. Съ этого времени Беретти нѣсколько разъ получалъ командировки и жилъ то въ Кіевѣ, то въ Петербургѣ, отчего страдали какъ академическое преподаваніе, такъ и строющійся университетъ; поэтому въ мартѣ 1837 г. Императоръ повелѣлъ назначить Беретти, какъ главному архитектору-строителю, постоянное мѣстопребываніе въ Кіевѣ, уволивъ его отъ профессорства въ Академіи художествъ. Съ этого года онъ поселился въ Кіевѣ окончательно и не покидалъ его до смерти.—Беретти составилъ много проектовъ и произвелъ много построекъ; наиболѣе замѣчательны изъ нихъ: сельдяной буянъ, со всѣми принадлежащими строеніями и бойнею на немъ; перестройка дома, занимаемаго с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ; рядъ сооруженій въ съѣзжихъ домахъ Адмиралтейской, Литейной, Рождественской, Васильевской, Петербургской, Выборгской частяхъ и въ домѣ, занимаемомъ оберъ-полицiймейстеромъ; каменный манежъ при жандармской казармѣ; около 10 мостовъ въ разныхъ частяхъ города; въ Чекушахъ каменный водочный и

сыропный заводъ (для купца Перца); въ Коломнѣ небольшую каменную оранжерею, обращенную потомъ въ католическую церковь; на Охтѣ небольшую каменную церковь (купцу Никонову); каменную суконную фабрику съ принадлежащими строеніями (Никонову); въ Шлиссельбургѣ и въ мызѣ Пеллѣ небольшія каменныя церкви; по Шпалерной улицѣ каменныя торговыя бани; въ Екатерингофѣ сахарный и уксусный заводъ (купцу Лодеру); университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Изъ проектовъ Беретти заслуживаютъ упоминанія: ветеринарное училище; пепиньеръ или школа на 200 малолѣтнихъ: фармацевтическая школа на 100 воспитанниковъ; проекты на перестройку медико-хирургической академіи и учебныхъ театровъ; 10 разныхъ церквей и монастырей: нѣсколько монументовъ (напр., св. Владиміру) и богоугодныхъ заведеній; казармы для пѣхотнаго полка въ Выборгской части; кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ (1835 г.); университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ.

Арх. И. Ак. Худ. Д. 49 (1798), Д. 20 (1804), Д. 6 (1809), Д. 30 (1809), Д. 33 (1830), Д. 197 (1831), Д. 32 (1833), Д. 120 (1830), Д. 56 (1834), Д. 35 (1837), Д. През. 7 (1835), Д. 105 (1834), Д. През. 45 (1835), Д. 34 (1836).

Е. Тарасовъ.

Берже, *Адольфъ Петровичъ*, изслѣдователь Кавказа, род. 28 іюля 1828 г., ум. 31 января 1886 г. Берже происходилъ изъ французскаго дворянскаго семейства, эмигрировавшаго въ Россію въ 1805 г. Первоначально онъ воспитывался въ пансіонѣ Цаппинтини и въ реформатской школѣ, а потомъ, по смерти отца (лектора французскаго языка въ с.-петербургскомъ университетѣ въ началѣ столѣтія) — въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ и въ с.-петербургскомъ университетѣ. По окончаніи университетскаго курса по факультету восточныхъ языковъ (1851 г.), Берже опредѣлился чиновникомъ въ канцелярію кавказскаго намѣстника, кн. М. С. Воронцова, гдѣ занималъ мѣсто младшаго и старшаго помощника чиновника по секретной части (до декабря 1858 г.), чиновника особыхъ порученій (до 1864 г.) и наконецъ—постъ предсѣдателя кавказской археографической коммиссіи (до 1886 г.). Въ 1853 и 1855 гг. Берже былъ отправленъ съ ученою цѣлью въ Персію; въ 1856—59 гг. состоялъ правителемъ кавказскаго отдѣла Географическаго общества; въ 1860 г. ѣздилъ съ ученою цѣлію въ Дагестанъ, а въ 1862 г. — въ Мингрелію. Въ археографической коммиссіи вся дѣятельность Берже сосредоточилась на изданіи «Актовъ» коммиссіи, которые и составляютъ главнѣйшій научный его трудъ. Всего имъ было издано десять томовъ «Актовъ» (въ 11 книгахъ in folio): въ каждомъ томѣ отъ 1,000 до 1,200 страницъ въ 2 столбца. Документы (за время отъ начала XVIII в. до 1855 г.) напечатаны на языкахъ: арабскомъ, армянскомъ, грузинскомъ и французскомъ, съ русскими переводами. При текстѣ ихъ объяснительныя примѣчанія, иногда довольно обширныя: къ каждому тому приложены портреты главнѣйшихъ дѣятелей кавказскихъ и нѣсколько портретовъ замѣчательныхъ кавказскихъ женщинъ. Каждый томъ начинается обширнымъ предисловіемъ редактора и заканчивается указателемъ личныхъ и географическихъ именъ: кромѣ того, прилагается къ каждому тому, начиная съ VI, біографическій словарь кавказскихъ дѣятелей. Кромѣ «Актовъ» Берже принадлежитъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ изданій и переводовъ и множество статей въ журналахъ и газетахъ. Изъ отдѣльныхъ изданій и переводовъ упомянемъ: 1) Матеріалы для описанія нагорнаго Дагестана (1859 г.): 2) Географическія широты и долготы главнѣйшихъ мѣстъ Закавказскаго края (1859 года): 3) Чечня и чеченцы (1859 г.): 4) Краткій каталогъ Тифлисской публичной библіотеки (1861 г.: продолженіе его вышло въ 1866 г.): 5) Исторія адыхейскаго народа, составленная по преданіямъ кабардинцевъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ (1861 г.). Нѣмецкій переводъ появился въ 1866 г., подъ заглавіемъ: «Die Sagen und Lieder des Tscherkessen Volks». 6) «Voyage en Mingrélie, exécuté en 1862 г.» (Paris, 1864 г.: оттискъ изъ «Revue de l'Algérie et des Colonies»). 7) «Dictionaire Persan-Français» (Leipzig, 1868 г.): 8) «Die Sänger des XVIII und XIX Jahrhunderts in aderbeidshanischer Mundart» (Leipzig. 1869 г.); 9) Кавказъ въ археологическомъ отношеніи (Тифлисъ, 1874 г.): 10) Этнографическое обозрѣніе Кавказа (Спб., 1879 г.): 11) Геологическій очеркъ Кавказскаго кряжа отъ Эльборуса до Бештау (1853 г.: переводъ соч. Абиха): 12) Карабагъ, переводъ съ персидскаго языка историческаго очерка Мирзы Джемалы (1855 г.): 13) О причинахъ, предшествовавшихъ занятію Герата, переводъ съ персидскаго языка (1857 г.). Изъ журнальныхъ статей Берже

лучшія напечатаны въ «Русской Старинѣ» (числомъ 22). Кромѣ того, онъ много писалъ еще въ газетѣ «Кавказъ», «Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества», «Трудахъ втораго Археологическаго съѣзда», «Запискахъ Общества любителей Кавказской Археологіи», которыя редактировалъ вмѣстѣ съ Бакрадзе, въ «Кавказскихъ Календаряхъ», которые также редактировалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1857—60 г., 1862—64 г.), «Географическомъ Словарѣ», изданномъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ, въ «Живописной Россіи» (обширная статья о Кавказѣ въ IX т., 1883 г.) и др. Многія изъ этихъ статей потомъ выходили отдѣльными оттисками.—Археологія, географія, этнографія, статистика и въ особенности исторія Кавказа были изучены Берже въ совершенствѣ. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія основаны, большею частью, на новыхъ наблюденіяхъ или на изученіи архивныхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ, отличаются точностью и стройностью изложенія. Не лишена также значенія дѣятельность Берже по изученію произведеній персидской литературы и персидскаго языка; особенно цѣненъ его персидско-французскій словарь. Кромѣ того, Берже доставилъ Академіи наукъ не мало новыхъ матеріаловъ для лингвистическихъ изслѣдованій по аварскому нарѣчію (послѣ путешествія по Дагестану), по языкамъ: чеченскому, осетинскому и удинскому. Какъ человѣкъ, Берже былъ, по словамъ А. Н. Островскаго, «замѣчательно остроумнымъ и весьма образованнымъ человѣкомъ, незамѣнимымъ собесѣдникомъ и первымъ лицомъ на Кавказѣ по своему обширному знакомству съ краемъ». Онъ былъ членомъ «Société Asiatique», «Société Orientale de France», Deutsche morgenländische Gesellschaft» и Одесскаго общества исторіи и древностей россійскихъ».

«Кавказъ», 1886 г., №№ 30—32.—«Русская Старина», 1886 г., № 3 (ст. М. И. Семевскаго); 1887 г., № 12 (ст. г. Гулака).—«Памяти А. П. Берже» (1886 г., брош.).—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI.—Словари: Брокгауза и С. А. Венгерова.

В. Рудаковъ.

Берзеновъ, *Николай Георгіевичъ*, писатель, сокрудникъ газеты «Кавказъ», сынъ грузинскаго священника, род. въ Ардонѣ, ум. 4 сентября 1874 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ духовномъ училищѣ во Владикавказѣ и, затѣмъ, на 18 году, окончилъ полный курсъ въ тифлисской духовной семинаріи. Въ семинаріи Берзеновъ читалъ много русскихъ книгъ, ознакомился съ русскою литературою и, благодаря этому, усовершенствовался въ русскомъ литературномъ языкѣ настолько, что его первые литературные опыты «Очерки изъ жизни Осетіи и Грузіи», напечатанные въ газетѣ «Кавказъ», въ 1850 г., доставили ему мѣсто постояннаго сотрудника въ «Кавказѣ». Здѣсь онъ печаталъ очерки нравовъ, представляющіе рядъ характеристикъ изъ жизни населенія Осетіи и Грузіи, и критическія статьи—обзоръ грузинскихъ періодическихъ изданій. Кромѣ того, ему принадлежатъ двѣ отдѣльныя монографіи: «О грузинской медицинѣ» и «Тифлисъ въ этнографическомъ отношеніи». Первый трудъ вызвалъ одобреніе знатока грузинскихъ древностей, академика Броссе. Въ «Кавказѣ» Берзеновъ сотрудничалъ до 1870 г., нерѣдко, притомъ, исполняя корректорскія и редакторскія обязанности по газетѣ. Съ 1870 г. онъ не участвовалъ въ газетѣ, отвлеченный занятіями въ кавказской археографической комиссіи, куда онъ поступилъ на службу.

Д. Бакрадзе, «Н. Г. Берзеновъ и его литературная дѣятельность». Тифлисъ, 1874 г. (перепечатано изъ № 97 «Тифл. Вѣстн.» за 1874 г.).—Словари: Березина и Клюшникова (222).

Берилова, *Настасья Парфеньевна*, артистка балетной труппы Императорскихъ театровъ, ученица балетмейстера Ланде, ум. отъ чахотки въ февралѣ 1804 г., 28 лѣтъ отъ роду. Принята на службу по дирекціи театровъ съ 1 сентября 1794 г., съ 1797 г. получала жалованья 1,050 руб., съ 1 января 1799 г.—1,300 руб. жалованья и 150 руб. квартирныхъ (высшій въ то время окладъ). Танцы ея отличались граціозностью («Берилова—воплощенная грація»—по отзыву Вигеля). Особенно прославилась Берилова въ пантомимѣ. Участвовала, между прочимъ, въ балетахъ «Оракулъ» и «Медея и Язонъ» (роль Креузы) и нерѣдко танцовала за мущинъ въ балетахъ послѣ изданія Императоромъ Павломъ распоряженія, чтобы мужчины не участвовали въ балетахъ.

Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб. 1892 г.—Балетоманъ, «Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ». Спб. 1882 года.

Берингъ (Behring), *Витусъ* (Иванъ Ивановичъ), капитанъ-командоръ, знаменитый мореплаватель, родомъ датчанинъ,

род. въ 1680 г. въ г. Горсенсѣ въ Ютландіи, ум. 8 декабря 1741 г. на островѣ, названномъ его именемъ. Въ 1704 г. Петръ Великій пригласилъ его на русскую службу, съ чиномъ мичмана, въ балтійскій флотъ. Въ 1707 г. онъ былъ сдѣланъ лейтенантомъ, а въ 1710 г. капитанъ-лейтенантомъ. Въ 1710 г. его перевели въ Азовское море, по случаю турецкой войны, и онъ оставался тамъ до 1712 г. Въ 1714—1716 г. Берингъ плавалъ опять въ Балтійскомъ морѣ: онъ привелъ въ Ревель изъ Копенгагена купленный тамъ корабль «Перлъ», а затѣмъ былъ въ Архангельскѣ, гдѣ принялъ подъ свое начальство 52-хъ-пушечный корабль «Салафіель» и привелъ его въ Кронштадтъ. За 1716—1723 гг. никакихъ извѣстій о Берингѣ нѣтъ. Въ 1723 г., по журналамъ адмиралтействъ-коллегіи, онъ подавалъ въ отставку, не получивъ чина капитана 1-го ранга, котораго онъ добивался. Въ 1724 г., по повелѣнію Петра, его снова приглашаютъ въ русскую службу съ чиномъ капитана 1-го ранга, и съ этихъ поръ онъ до самой смерти остается въ Россіи. Въ это время Петра занималъ вопросъ, соединяется ли Азія съ Америкой, и рѣшеніе этого вопроса было поручено имъ Берингу. Еще въ Голландіи, въ 1717 г. къ Императору обращались ученые съ просьбой снарядить экспедицію для изслѣдованія крайняго восточнаго берега Азіи, а черезъ нѣсколько лѣтъ и французская Академія наукъ поднимала тотъ же вопросъ. Тогда еще не знали, что казакъ Дежневъ уже объѣхалъ на простой кочѣ Чукотскій носъ, и только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Беринга нашли въ Якутскомъ архивѣ написанный со словъ Дежнева разсказъ объ этой поѣздкѣ.—23 декабря 1724 г. Петръ самъ написалъ инструкцію Берингу: «1) надлежитъ на Камчаткѣ или въ другомъ тамъ мѣстѣ сдѣлать одинъ или два бота съ палубами, 2) на оныхъ ботахъ возлѣ земли, которая идетъ на нордъ и по чаянію (понеже оной конца не знаютъ), кажется, та земля часть Америки, 3) для того искать, гдѣ оная сошлась съ Америкою: и чтобъ доѣхать до какого города европейскихъ владѣній или ежели увидятъ какой корабль европейскій, провѣдать отъ него, какъ оный кюстъ называютъ, и взять на письмѣ и самимъ побывать на берегу и взять подлинную вѣдомость и. поставя на карту, пріѣзжать сюда. Петръ». 11 февраля 1725 г. въ Вологдѣ собралась вся экспедиція, состоявшая изъ самаго Беринга, лейтенанта Чирикова, мичмана Чаплина, лейтенанта Шпанберга, нѣсколькихъ ученыхъ, между прочимъ, Штеллера и др. Всего подъ командой Беринга насчитывалось до 100 человѣкъ. 30 іюля 1727 г. экспедиція Беринга достигла Охотска, а черезъ годъ, перезимовавъ въ Нижнекамчатскѣ, 13 іюля 1728 г. вышла изъ устья Камчатки въ море. Открывъ островъ, названный впослѣдствіи его именемъ, Берингъ дошелъ до 67° 18′ с. ш. Видя, что берегъ исчезаетъ изъ виду съ обѣихъ сторонъ, Берингъ рѣшилъ, что Азія не можетъ соединяться съ Америкой, что и было подтверждено свидѣтельствами чукчей, утверждавшихъ, что берегъ идетъ дальше на западъ. На совѣтѣ команды было установлено возвращаться назадъ на зимовку въ Нижнекамчатскъ. Въ іюнѣ 1729 г. Берингъ съ частью экспедиціи снова выступилъ въ море, надѣясь къ востоку найти землю, но бури заставили его вернуться назадъ и собрать всю свою команду; изъ Охотска онъ на лошадяхъ пріѣхалъ въ Петербургъ и 4 августа 1730 г. былъ произведенъ въ капитанъ-командоры, съ наградой въ 1,000 рублей. Кромѣ плановъ и картъ экспедиціи, Берингъ представилъ еще два донесенія, въ которыхъ проектировалъ новую поѣздку для изслѣдованія сѣверо-восточнаго берега Азіи. Въ концѣ 1732 г. Императрица Анна Іоанновна велѣла Сенату разсмотрѣть предложенія Беринга; Сенатъ одобрилъ его проектъ, и была назначена вторая камчатская экспедиція, цѣлью которой было—моремъ проплыть въ Америку, изслѣдовать берега Ледовитаго океана отъ Двины до Чукотскаго носа и найти устья Амура для торговыхъ сношеній съ Японіей. Берингъ раздѣлилъ свою команду на нѣсколько отрядовъ. Первый изъ нихъ, подъ командой Муравьева и Павлова, а потомъ лейтенанта Малыгина, долженъ былъ обозрѣть берега отъ Двины до Оби. Въ 1734—35 гг. они смогли дойти только до Мутной губы, а въ 1737 г. достигли Оби. Второй отрядъ, подъ начальствомъ лейтенанта Прончищева, добрался до Таймыра въ 1736 г., а въ 1739 г., подъ начальствомъ Лаптева, прошелъ изъ Якутска до устья Индигирки, затѣмъ, перезимовавъ тутъ, достигъ до Колымы и, черезъ Анадырскій острогъ, вернулся въ Якутскъ въ 1740 г. Третій отрядъ, подъ начальствомъ самого Беринга, задался

цѣлью проплыть моремъ до Америки. Изъ Петербурга отрядъ двинулся въ 1733 г., но время отъ 1733 г. по 1738 г. прошло въ приготовленіяхъ и въ постройкѣ надлежащихъ судовъ. Въ 1738 г., подъ командой Шпанберга, была сдѣлана неудачная попытка дойти до Японіи; въ 1740 г. ее повторили съ бóльшимъ успѣхомъ. Съ дозволенія Беринга, Шпанбергъ въ этомъ же году поѣхалъ съ донесеніемъ въ Петербургъ, но на дорогѣ получилъ оттуда приказаніе повторить поѣздку, и въ 1741 г., построивъ новый шлюпъ, который оказался плохимъ, Шпанбергъ послѣ 2-хъ неудачныхъ попытокъ, вернулся въ Охотскъ. Между тѣмъ, Берингъ построилъ въ Охотскѣ суда «Петръ» и «Павелъ» и въ теченіе зимы 1740—41 г. обслѣдовалъ Петропавловскій портъ въ Авачинской губѣ, который снабдилъ магазинами и различными важнѣйшими постройками. 4 іюня 1741 г. Берингъ и Чириковъ, командуя на двухъ судахъ, вышли въ море. Буря раздѣлила ихъ другъ отъ друга, такъ что до Америки они дошли врозь. Чириковъ увидѣлъ Американскій материкъ 15 іюля подъ 56° и послалъ на него 15 лучшихъ своихъ людей, но они не вернулись, и что съ нимъ сталось—неизвѣстно. До 27 іюля Чириковъ ожидалъ ихъ, въ виду берега, но не дождавшись и боясь бурь, уѣхалъ назадъ въ Камчатку. Берингъ увидѣлъ Америку 18 іюля, а 20 въѣхалъ въ открытую имъ бухту Св. Иліи. Вслѣдъ затѣмъ онъ открылъ Шумагины острова, названные такъ по имени одного изъ матросовъ, похороненнаго тамъ, и островъ Туманный. Недостатокъ прѣсной воды развилъ среди экипажа цынготную болѣзнь, отъ которой страдалъ и самъ Берингъ. Не рѣшившись приставать къ скалистому и незнакомому берегу Америки, Берингъ рѣшилъ вернуться въ Камчатку, но ошибся въ опредѣленіи курса и долгое время, страдая отъ бури, экспедиція носилась по волнамъ. Команда была истощена до послѣдней степени, и только 4 ноября, при видѣ земли, появилось нѣкоторое оживленіе. 6 ноября море выбросило сильно попорченный корабль на берегъ острова, названнаго Беринговымъ. Больныхъ перевезли на берегъ, но многіе, не вынося дѣйствія свѣжаго воздуха послѣ духоты каютъ, умерли тотчасъ же. Самъ Берингъ не выдержалъ этихъ потрясеній и скоро умеръ. На его могилѣ поставили простой крестъ, который въ 1822 г. замѣнили памятникомъ. Въ 1743 г. оставшіеся въ живыхъ спутники Беринга вернулись въ Охотскъ, перестроивъ свой разбитый корабль въ ботъ.

Общій морской списокъ, т. I.—«Заслуги Петра В. по части распространенія географическихъ познаній» (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. III).—В. Н. Берхъ, «Первое морское путешествіе россіянъ»; его же «Жизнеописаніе Беринга» («Русскій Архивъ», 1823 г., кн. VI).—Соколовъ, «Берингъ и Чириковъ» («Сѣв. Пчела», 1849 г., № 98—99).—«Первая камчатская экспедиція» (Зап. гидрографическаго департамента, т. VIII, и «Отеч. Зап.», 1851 г., № 3).—Стренцель, «Русскія экспедиціи» («Кронштадт. Вѣстникъ», 1876 г., № 78—127).—Вахтинъ, «Первые труженики моря» (Спб. 1890 г.).—Андріевичъ, «Исторія Сибири».—Словари: Плюшара и Ефрона.

Берканъ (Iohann-Christian Berckhan), живописецъ, участвовавшій въ камчатской экспедиціи Миллера. Въ январѣ 1733 г. онъ былъ прикомандированъ къ экспедиціи вмѣстѣ съ рисовальнымъ мастеромъ Лурсеніусомъ. Его обязанностью было рисовать виды (проспекты) городовъ и мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ или какомъ-либо другомъ отношеніи, а также срисовывать всякія древности и рѣдкости. Въ этомъ послѣднемъ помогалъ ему Лурсеніусъ. Изъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ видно, что Берканъ оставался въ Новгородѣ для срисовыванія такъ называемыхъ Корсунскихъ воротъ и другихъ древностей. Окончивъ эту работу, онъ догналъ экспедицію въ Бронницахъ. Берканъ нарисовалъ общій видъ Новгорода, Твери, Казани, виды рѣки Волги и друг. Въ Сибири и на Камчаткѣ Берканъ находился большею частію при Гмелинѣ, которому срисовывалъ звѣрей, птицъ, рыбъ и пр. Работы было такъ много, что проф. Гмелинъ просилъ Академію наукъ (въ 1737 г.) прислать еще другого живописца, ссылаясь также и на то, что Берканъ часто хвораетъ. Академія исполнила просьбу и послала Ивана Корнильева Деккера. Въ 1741 г. Берканъ ѣздилъ съ адъюнктомъ Штеллеромъ на Японскіе острова. Вернувшись въ Сибирь, Берканъ только въ 1746 г. отправился изъ Соликамска въ Москву, гдѣ оставался зиму при Сибирскомъ приказѣ (съ 30 сентября 1746 г. по 17 марта 1747 г.), и оттуда въ Петербургъ. Академія, принявъ во вниманіе службу и труды Беркана въ камчатской экспедиціи, назначила его живописцемъ, на мѣсто умершей Гезель, въ кунсткамеру, «для рисованія и малеванія натуральныхъ вещей», съ жалованьемъ по

360 руб. въ годъ. На первыхъ же порахъ ему поручено было срисовать красками платья азіатскихъ народовъ, хранящіяся въ кунсткамерѣ. Изъ Сибири Берканъ привезъ съ собою 163 рисунка (75 травъ, 14 птицъ, 9 рис. грибовъ, 21 рис. рыбъ, 4 рисунка звѣрей, 5 проспектовъ, т. е. видовъ, 9 рис. птичьихъ яицъ, и кромѣ того 27 неоконченныхъ рисунковъ).

Матеріалы для ист. И. А. Наукъ, II—VIII.—«Вѣстн. Изящ. Иск.», 1887 г., II, 187, 189 (ст. Гаршина). *Е. Т.*

Беркманъ, *Янъ Карловичъ*, родомъ изъ Вильны, гдѣ получилъ и первоначальное образованіе, медицину изучалъ въ виленскомъ университетѣ; получивъ лѣкарское званіе, уѣхалъ за-границу для дальнѣйшихъ научныхъ занятій, степень доктора получилъ въ Берлинѣ въ 1814 г. Вернувшись на родину, онъ вторично держалъ докторскій экзаменъ и былъ признанъ въ степени доктора медицины въ 1817 г. Впослѣдствіи практиковалъ въ Петербургѣ. Ему принадлежитъ диссертація: «Descriptio febris castrensis», Berolini, 1814 г.

Бѣлинскій, Doktorowie med. promow. w Wilnie.—Pamietn. tow. lek., Варшава, 1886. *Н. К.*

Берковичъ, *Петръ Ивановичъ*, докторъ медицины. Съ 1765 г. онъ былъ ученикомъ въ московскомъ главномъ госпиталѣ, въ 1768 г.—подлѣкаремъ въ сумскомъ гусарскомъ полку; въ 1771 г. назначенъ лѣкаремъ въ брянскій пѣхотный полкъ, съ которымъ былъ въ двухъ турецкихъ кампаніяхъ, въ 1775 г. вышелъ въ отставку, а съ 1777 г. состоялъ врачемъ въ больницѣ московскаго воспитательнаго дома. 18 іюля 1793 г. Берковичъ получилъ отъ медицинской коллегіи степень доктора медицины (по экзамену, но безъ диссертаціи).

Змѣевъ. «Р. врачи-писатели.» *Н. К.*

Берковскій, *Александръ Богдановичъ*, докторъ медицины; происходилъ изъ мѣщанъ, въ 1827 г. поступилъ въ дерптскій университетъ, откуда въ 1832 г. назначенъ лѣкаремъ 2-го отдѣленія въ резервный баталіонъ тульскаго пѣхотнаго полка; въ 1833 г. онъ получилъ въ харьковскомъ университетѣ званіе акушера и затѣмъ служилъ въ различныхъ учрежденіяхъ до 1850 г., когда былъ назначенъ и. д. инспектора астраханской врачебной управы и профессоромъ астраханской семинаріи. Въ 1854 г. Берковскій получилъ въ казанскомъ университетѣ степень доктора медицины, а въ 1860 г. назначенъ инспекторомъ полтавской врачебной управы и въ 1863 г. уволенъ отъ этой должности. Онъ напечаталъ слѣдующіе труды: Хлопчатая бумага, какъ наружное противувоспалительное средство (В.-М. Журн., 1847 г.); De diagnosi morbi syphilitici (Diss., Казань, 1854 г.); Натуральная оспа въ астраханской губ. (M. Z. R. 1855 г.); О рыбномъ ядѣ (В.-М. Журн., 1857 г.); Паложеніе шва при разрывахъ промежности (М. Мед. Г., 1858 г.); Вылущеніе заушной железы (В.-Мед. Журн., 1859 г.); Зобъ въ Пермской губ. (M. Z. R., 1859 г.).

Змѣевъ, Р. Вр.-писатели. *Н. К.*

Берковскій, *Людвигъ Осиповичъ*, врачъ, род. въ Познани въ 1801 г., ум. въ 1860 г. Окончивъ гимназическій курсъ въ Познани, Берковскій слушалъ медицинскія лекціи въ Берлинѣ; въ 1828 г. онъ получилъ въ Іенѣ степень доктора философіи, а въ 1829 г. въ Лейпцигѣ—степень доктора медицины. Поселившись затѣмъ въ Польшѣ, Берковскій вторично получилъ степень доктора медицины въ Вильнѣ въ 1830 г., а въ 1831 г. занялъ каѳедру хирургіи въ варшавскомъ университетѣ; кромѣ хирургіи онъ занимался еще глазными болѣзнями и сифилидологіей, пользовался въ Польшѣ репутаціей замѣчательнаго оператора и обогатилъ музей университета гипсовыми и восковыми слѣпками. Ему принадлежитъ диссертація «Exhibens moschi historiam naturalem et medicam» (Lipsiae 1829 г.) и еще болѣе 20 трудовъ, главнымъ образомъ, на польскомъ языкѣ (перечислены у Козминскаго).

Козминскій, Slownik polsk. lekarz. — Бѣлинскій, Pamietnik towarzystwa lekarskiego. Варш. 1886. *Н. К.*

Берковъ, *Василій Ивановичъ*, корабельный мастеръ и начальникъ с.-петербургской городской верфи, родомъ голландецъ, получилъ спеціальное образованіе въ училищѣ корабельной архитектуры, откуда въ 1815 г. былъ выпущенъ съ званіемъ тиммермана и чиномъ 12 класса, съ откомандированіемъ на лодейно-польскую верфь, гдѣ по 1819 г. и находился при постройкѣ ластовыхъ судовъ. Потомъ, въ 1819—1823 гг. былъ при главномъ гребномъ портѣ въ должности помощника корабельнаго мастера; за это время онъ построилъ до 9-ти ластовыхъ судовъ и изготовилъ шлюпъ «Предпріятіе» для дальняго пла-

ванія. Затѣмъ, Берковъ былъ командированъ на р. Донъ, въ Казалинскую станицу, для изготовленія графу Кочубею судовъ, для его путешествія съ семействомъ въ Крымъ, и въ село Грузино, къ графу Аракчееву, для исправленія яхты «Волховъ» и буера. Въ 1825 г. Берковъ прикомандированъ къ с.-петербургской городской верфи для занятія должности корабельнаго мастера, а при образованіи корпуса корабельныхъ инженеровъ былъ переименованъ, въ 1826 г., въ подпоручики корпуса, съ назначеніемъ къ инспектору того же корпуса для веденія дѣлъ по практической и теоретической частямъ кораблестроенія. Уволенный въ 1828 г. отъ службы съ чиномъ поручика, Берковъ въ слѣдующемъ же году былъ назначенъ начальникомъ с.-петербургской городской верфи, откуда выбылъ только около 1840 г. Берковъ обладалъ хорошимъ знаніемъ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и голландскаго языковъ и извѣстенъ въ морской литературѣ какъ переводчикъ слѣдующихъ книгъ, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію: 1) Изслѣдованіе способовъ, принятыхъ для сохраненія судовъ въ англійскомъ флотѣ, отъ начала онаго до настоящаго времени. Поульса. 1832 г. 2) Правила построенія мореходныхъ и рѣчныхъ пароходовъ. 1835 г. 3) Собраніе статей, относящихся до корабельной архитектуры. 1836 г. 4) Начальныя правила, или теоретическія основы корабельной архитектуры. 1836 г. Кромѣ того, въ «Запискахъ Государств. Адмир. Департ.», 1827 г. имѣются его переводныя статьи: о морскомъ счисленіи, изъ Галла, и о магнетизмѣ, Барлова; ему же принадлежитъ переводъ, 4—7 частей книги «Всеобщая исторія о мореходствѣ» (1821—1826 г.г.).

Главный морской архивъ.—Русская морская библіографія.—Словари: Геннади и Венгерова.
С. Огородниковъ.

Беркутъ, *Николай Кононовичъ*, врачъ, ум. 15 іюня 1890 г. Онъ былъ сыномъ учителя, въ 1841 г. окончилъ курсъ медицинскаго факультета въ московскомъ университетѣ, провелъ всю жизнь въ Москвѣ, гдѣ былъ ассистентомъ университетской клиники до 1848 г., затѣмъ—старшимъ врачемъ московскихъ тюремныхъ больницъ (съ 1858 г.), членомъ попечительнаго совѣта и инспекторомъ московскихъ больницъ гражданскаго вѣдомства (съ 1876 г.). Онъ былъ однимъ изъ основателей и наиболѣе ревностныхъ и выдающихся дѣятелей московскаго общества русскихъ врачей, предсѣдателемъ котораго былъ до своей смерти. Ему принадлежитъ рядъ статей и замѣтокъ (числомъ 27), напечатанныхъ въ «Московской Медицинской Газетѣ» за 1858—76 гг.

Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели. — Венгеровъ, Словарь.
Н. К.

Берладникъ, прозвище, подъ которымъ извѣстенъ князь Иванъ Ростиславичъ, сынъ кн. Ростислава Владиміровича Перемышльскаго. Это прозвище дано ему по городу Берладу въ Молдавіи, служившему въ XII в. притономъ для всѣхъ бѣглецовъ изъ Руси, какъ князей, такъ и простыхъ людей. До 1144 г. Иванъ Ростиславичъ княжилъ въ Звенигородѣ; но въ этомъ году галичане, обиженные долгимъ отсутствіемъ своего князя Владиміра Владиміровича, охотившагося въ лѣсахъ, пригласили его въ Галичъ. Онъ не замедлилъ явиться туда; но, вслѣдствіе начавшейся неравной борьбы съ Владиміромъ Владиміровичемъ, долженъ былъ покинуть Галичъ и свой удѣлъ и бѣжалъ сначала «къ Дунаю» (въ Берладъ), а оттуда «полемъ» въ Кіевъ къ великому князю Всеволоду Ольговичу, непримиримому врагу галицкаго князя (1145 г.). Всеволодъ Ольговичъ принялъ его, но, вѣроятно, не надолго, такъ какъ въ слѣдующемъ году мы видимъ его въ рядахъ войскъ Святослава Ольговича, князя новгородъ-сѣверскаго, боровшагося въ то время съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Съ этого-то времени и начинается скитальческая жизнь Берладника, служившаго съ своею дружиною то у одного князя, то у другого и представляющаго собою первый примѣръ служилаго князя на Руси. Послѣ нападенія на Святослава Ольговича Изяслава, Берладникъ, взявъ съ него 200 гривенъ серебра и 12 гривенъ золота, перешелъ на службу къ Ростиславу Мстиславичу, князю смоленскому. Но и здѣсь его служба была непродолжительная. Въ томъ же 1146 г. онъ былъ схваченъ и переданъ Юрію Долгорукому, который хотѣлъ его, скованнаго, выдать Ярославу Галицкому и отправилъ даже подъ стражею въ Кіевъ, но, уступая просьбамъ митрополита и игуменовъ, рѣшилъ заточить въ Суздалѣ. Дорогою въ Суздаль Берладника перехватили люди Черниговскаго князя Изяслава Давидовича, и такимъ образомъ онъ на нѣсколько лѣтъ водворился въ Черниговѣ. Изяславъ Давидовичъ, очевидно, хо-

тѣлъ имѣть въ лицѣ его оплотъ противъ честолюбивыхъ стремленій Ярослава галицкаго и потому покровительствовалъ ему болѣе всѣхъ другихъ князей, до самой смерти. Около 1157 г. Ярославъ, все еще не оставляя своего желанія «добыть» Берладника, уговорилъ короля польскаго и князей русскихъ отправить къ Изяславу Давидовичу пословъ, съ просьбою выдать имъ Ивана Ростиславича, но Изяславъ отказалъ имъ въ этомъ, а Берладникъ уѣхалъ въ «поле» къ половцамъ, и съ ихъ помощію «сталъ» въ городахъ придунайскихъ. Собравъ около себя значительную шайку, онъ произвелъ нѣсколько грабежей среди галицкихъ рыболововъ и затѣмъ пошелъ на самаго Ярослава. Дойдя до мѣсточка Ушицы, Берладникъ встрѣтилъ сопротивленіе и послѣ непродолжительной осады, покинутый половцами, явился въ Кіевъ (1159 г.). Здѣсь Изяславъ Давидовичъ по-прежнему принялъ его и даже сталъ требовать отъ Ярослава для него удѣла, а когда тотъ отказалъ, пошелъ на него войною. Послѣдняя была гибельна, какъ для кіевскаго князя, такъ и для Берладника. Лишившись своего единственнаго защитника, онъ уѣхалъ въ Грецію и тамъ нашелъ себѣ смерть, отравленный, по преданію, ядомъ въ г. Ѳессалоникахъ.

Пол. С. Р. Лѣт.—Зубрицкій, «Исторія Галицко-Русскаго княжества» (Львовъ, 1852—55 г.).—Шараневичъ, «Исторія Галицко-Володимірской Руси (Львовъ. 1863 г.).

Берлинскій, *Максимъ Ѳедоровичъ*, первый кіевскій археологъ, род. 6 августа 1764 г., ум. 6 января 1848 г. Сынъ сельскаго священника курской губерніи, путивльскаго уѣзда, воспитанникъ кіевской духовной академіи и петербургской учительской гимназіи (впослѣдствіи педагогическій институтъ), Берлинскій, по окончаніи послѣдней, былъ назначенъ въ 1788 г. въ кіевское главное народное училище преподавателемъ естественной исторіи, политической исторіи и географіи и оставался здѣсь до 1834 г. Одновременно онъ въ теченіе десяти лѣтъ преподавалъ математическую географію и всемірную исторію въ институтскомъ классѣ духовной академіи. Съ образованіемъ кіевскаго университета Берлинскій былъ сдѣланъ инспекторомъ гимназіи и предсѣдателемъ университетскаго правленія, но пробылъ въ этихъ должностяхъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и послѣдніе годы доживалъ въ своемъ домѣ въ Липкахъ. близъ кіевскаго дворца. — Въ 1800 г., онъ напечаталъ въ Москвѣ свою «Краткую россійскую исторію для употребленія юношеству, начинающему обучаться исторіи, продолженную до исхода XVIII столѣтія», которая тогда же была принята, какъ лучшее руководство. Въ 1802 г. ему поручено было составить историческую записку о кіевскомъ главномъ народномъ училищѣ, въ которой, между прочимъ, сказано, что «сочинена также имъ пространная исторія г. Кіева съ топографическимъ его описаніемъ, собранная изъ разныхъ кіевскихъ книгохранилищъ и старинныхъ рукописей»: но этой первой научной работѣ Берлинскаго не пришлось увидать свѣта. Впервые стали появляться въ печати его историко-археологическія статейки лишь съ 1811 г., когда онъ въ журналѣ «Улей» напечаталъ: «О могилѣ Оскольдовой въ Кіевѣ» (№ 5), «Раздѣленіе Малороссіи на полки» (№ 3) и «О городѣ Кіевѣ» (№ 8). Послѣдующія, подобнаго рода, статьи онъ помѣщалъ въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» («О кіевской академіи», въ 1819 г., № 7 и «Объясненіе изображеній на медали, найденной подлѣ Чернигова въ 1821 г.», за 1822 г., № 1), въ «Украинскомъ журналѣ» («Описаніе найденныхъ недавно въ Кіевѣ разныхъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей», за 1824 г., № 2). въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ» Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ («О десятинной церкви въ Кіевѣ»—наиболѣе цѣнная статья, 1830 г., ч. V и «Извѣстіе о межигорской церкви», ib.), и, наконецъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» («О находкѣ серебряныхъ слитковъ въ развалинахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ», 1826 г., т. XXVIII). Но главная заслуга Берлинскаго заключается въ слѣдующихъ двухъ крупныхъ работахъ. Въ 1804 г. имъ было написано на основаніи архивныхъ матеріаловъ и лѣтописи Симоновскаго (тогда еще неизданной) «Историческое обозрѣніе Малороссіи», содержащее въ себѣ «происшествія и перемѣны, случившіяся въ сей странѣ отъ древнѣйшихъ временъ до начала XIX в.». Хотя на изданіе этого сочиненія тогда же было Высочайше пожаловано 500 рублей, но въ печати оно почему-то не появилось, и только много лѣтъ спустя были напечатаны изъ него главы 52—60, излагавшія событія въ Малороссіи «отъ крымскихъ походовъ Голицына

до посѣщенія Кіева Петромъ Великимъ послѣ Полтавской битвы», въ альманахѣ «Молодикъ» за 1844 г. Второй трудъ Берлинскаго, къ которому онъ приступилъ подъ вліяніемъ канцлера Н. П. Румянцева, носитъ слѣдующее заглавіе: «Краткое описаніе города Кіева, содержащее историческую перечень сего города, также показаніе достопамятностей и древностей онаго» (Кіевъ, 1820 г., 2 части). Это «описаніе» было первой печатной работой по исторической топографіи Кіева и особенно цѣнно по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ во второй части, о Печерскѣ, Старомъ Кіевѣ, Подолѣ и нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ въ историческомъ отношеніи окрестностяхъ Кіева. Оба труда отличаются сухимъ, но яснымъ и богатымъ фактическими данными изложеніемъ. Кромѣ того, ему еще принадлежатъ: «Наставленіе о собираніи и приготовленіи червеца или русской кошенили въ южныхъ губерніяхъ Россіи» (Спб., 1811 г.) и «Статистическое описаніе Бѣлецкаго уѣзда Могилевской губерніи» (Спб., 1838 г.). Въ ряду своихъ земляковъ историко-археологовъ Берлинскій занимаетъ средину между лѣтописцами, въ родѣ Рубана и Симоновскаго, и учеными изслѣдователями южно-русской старины первой половины XIX вѣка. За свои труды онъ былъ избранъ членомъ Московскаго Общества исторіи и древностей, Кіевскаго Комитета для изысканія древностей Кіева и Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ.

Максимовичъ, «Помника» (во «Временникѣ» Московскаго Общества исторіи и древностей», 1850 г., т. V).—Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь».—В. Щербина, «Первый кіевскій археологъ Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій» (въ «Кіевской Старинѣ» за 1896 г., № 12).—Серебренниковъ, «Кіевская Академія со второй половины XVIII вѣка» (Кіевъ, 1897 г.).—Иконниковъ, «Опытъ русской исторіографіи».

В. Р—въ.

Берлинъ, *Моисей Іосифовичъ*, писатель, род. въ 1821 г. въ Шкловѣ, ум. 13 марта 1888 г. въ С.-Петербургѣ. Получивъ домашнюю подготовку, Берлинъ поѣхалъ за границу и слушалъ лекціи на философскомъ и филологическомъ факультетахъ въ кенигсбергскомъ и боннскомъ университетахъ. Плодомъ этихъ занятій была книга на древне-еврейскомъ языкѣ, напечатанная въ 1845 г. въ Кенигсбергѣ подъ заглавіемъ «Ars logica», съ латинскимъ предисловіемъ проф. Фрейштадта. Вернувшись въ Россію, Берлинъ въ 1849 г. занялъ мѣсто учителя въ могилевскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ, а въ 1853 г. былъ назначенъ состоять при генералъ-губернаторѣ Бѣлорусскаго края. Въ 1856 г., когда это генералъ-губернаторство было упразднено, Берлинъ получилъ назначеніе «ученаго еврея» при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и оставался въ этой должности 10 лѣтъ. Въ то-же время его постоянно приглашали къ участію въ работахъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи при составленіи законовъ, касающихся евреевъ. Кромѣ того, Берлинъ, по приглашенію гр. М. А. Корфа, участвовалъ въ приведеніи въ порядокъ Императорской публичной библіотеки. Берлину принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) Переводъ книги Егошіи «Бѣдствія временъ», напечатанный въ «Трудахъ» Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ (1859 г., кн. I), которое выбрало Берлина за этотъ переводъ въ свои члены-корреспонденты; 2) «Очеркъ этнографіи еврейскаго населенія въ Россіи» (Спб. 1861): за этотъ трудъ Берлинъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго русскаго географическаго общества. Къ началу 60-хъ годовъ относится также полемика Берлина съ «Днемъ» по вопросамъ, связаннымъ съ положеніемъ евреевъ въ Россіи.

Некрологи: «Хроника Восхода», 1888, № 12 и «Новое Время», 1888 г.—Словарь Венгерова.

Бернаделли, артистъ балетной труппы Императорскихъ театровъ, ум. въ 1830 г. въ Москвѣ отъ холеры. До пріѣзда въ Россію онъ былъ на вѣнской сценѣ; дебютировалъ въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ 1818 г. въ комическомъ балетѣ Добервалия «Лиза и Коленъ или тщетная предосторожность» вмѣстѣ съ своей женой—тоже танцовщицей: вскорѣ послѣ дебюта они были переведены въ труппу московскаго театра, гдѣ впослѣдствіи Бернаделли былъ балетмейстеромъ. Сочинилъ волшебно-комическій балетъ «Волшебная флейта или танцовщики поневолѣ», поставленный въ С.-Петербургѣ 12 іюня 1822 г.

Араповъ, Лѣтопись русскаго театра. Спб., 1861 г.—Балетоманъ, Балетъ, его исторія. Спб., 1882 г.—«Дамскій Журналъ», 1830 г., ч. 32, № 41.

Бернардскій, *Евстафій*, граверъ на деревѣ (Bernardski), род. въ 1819 г., воспитывался на средства Общества поощренія художествъ и подавалъ большія на-

…жды. Въ 1841 г. для «Художественной газеты» награвировалъ памятникъ Щедрину, Фавна Рамазанова и памятникъ Сусанину, работы Демута Малиновскаго. Въ 1846 г. Бернардскій началъ издавать рисунки къ «Мертвымъ душамъ» Гоголя, своей работы, съ оригиналовъ художника Агина. Нуждаясь въ средствахъ, Бернардскій обращался въ Академію художествъ съ просьбой о пособіи, въ 1848 г. получилъ его и выпустилъ всего 72 рисунка. Старые экземпляры этого изданія рѣдки и продавались … 25 рублей. Въ 1892 г. Д. Д. Өедоровъ издалъ эти рисунки вновь, съ прибавленіемъ къ нимъ еще 28 нумеровъ, выгравированныхъ Бернардскимъ, но оставшихся неизданными, такъ какъ Бернардскій въ 1850 и въ 1855 г.г. обращался въ Академію художествъ за пособіемъ и не получилъ его.

Архивъ И. А. Х., Д. 125 (1850) и Д. 64 (1855), Д. 4 (1848) и Д. 44 (1848).—Ровинскій, Словарь рус. граверовъ (1895).—Петровъ, Мат. для ист. И. А. Худ., III, 89, 179, 184. *Е. Т.*

Бернардъ, *А.*, еврей, докторъ медицины. Медицину онъ изучалъ въ Лондонѣ (1789 г.), былъ окружнымъ врачемъ въ Шавляхъ, виленской губерніи, а впослѣдствіи инспекторомъ различныхъ литовскихъ военныхъ госпиталей; въ 1809 г. онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ слонимскаго военнаго госпиталя. Въ 1810 и 1811 г.г. Бернардъ практиковалъ въ Митавѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Москву; былъ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Работы его: Gründe für die Inokulation; dem Lithauischen Landvolke gewidmet. Mitau 1799.—Observations sur l'enterrement prématuré des Juifs à Mitau 1799; тоже на нѣмецкомъ языкѣ (Mitau 1802). Medicinisch-chirurgiche Beobachtungen in den Kriegshospitälern zu Kobrin und Slonim gesammelt. (въ 2-хъ частяхъ).—Behandlung eines epidemischen Wurmfiebers, das im Jahr 1796 in Curland herrschte; (въ Гуфеландовскомъ журналѣ для практ. мед. 1797).

Рекке и Напирскій. *Н. К.*

Бернардъ, *Матвѣй Ивановичъ*, композиторъ и піанистъ, основатель крупнѣйшей въ Россіи издательской музыкальной фирмы, род. въ 1794 г. въ Курляндіи, ум. 27 апрѣля 1871 г. въ С.-Петербургѣ. Бернардъ учился игрѣ на фортепіано у знаменитаго Джона Фильда и въ совершенствѣ усвоилъ себѣ достоинства его метода, такъ что считался впослѣдствіи лучшимъ фортепіаннымъ учителемъ. Дѣятельность онъ началъ въ Москвѣ, гдѣ занимался преподаваніемъ музыки, изрѣдка выступая и въ концертахъ; нѣкоторое время былъ капельмейстеромъ оркестра гр. Потоцкаго, затѣмъ съ 1822 г. поселился въ Петербургѣ и давалъ уроки музыки. Въ 1829 г. онъ открылъ скромный музыкальный магазинъ, постепенно расширившійся. Бернардъ написалъ множество романсовъ и фортепьянныхъ пьесъ; нѣкоторыя его композиціи получили извѣстность за границей и были награждены преміями и почетными отзывами иностранныхъ консерваторій. Имъ написана также опера «Ольга, дочь изгнанника», не имѣвшая впрочемъ успѣха и продержавшаяся недолго на сценѣ. Въ 1840 г. Бернардъ основалъ журналъ «Нувеллистъ», занявшій вполнѣ прочное положеніе (существуетъ и теперь). Въ послѣдніе годы жизни Бернардъ составлялъ и издавалъ музыкальныя пьесы для первоначальнаго обученія дѣтей ранняго возраста, напр. «L'enfant pianiste», «Птички пѣвчія», «Собраніе пѣсенокъ» и пр. Этими изданіями Бернардъ немало способствовалъ искорененію сухихъ, рутинныхъ пріемовъ, господствовавшихъ въ среднихъ семьяхъ при обученіи дѣтей игрѣ на фортепіано. Фирма Бернарда заслужила почетную славу своею добросовѣстностью и получила весьма широкую извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей. Въ музыкальномъ мірѣ Бернардъ пользовался симпатіями за свое теплое участіе къ судьбѣ артистовъ.

Иллюстрированная газета, 1871, № 20.—Музыкальный Свѣтъ, 1871, № 6. — Памяти Матвѣя Ивановича Бернарда (Литературное приб. къ Нувеллисту, 1871, іюнь).—Перепелицынъ, Музыкальный Словарь. М. 1884.—Словарь Венгерова.

Бернаскони, *Иванъ Петровичъ*, (Джіованни), академикъ архитектуры, родомъ итальянецъ изъ Лугано, род. въ 1770 г., ум. въ 1827 г. Пріѣхавъ въ Россію въ 1812 г. онъ представилъ планъ и фасады военныхъ казармъ для пѣхотнаго полка и получилъ отъ Академіи художествъ званіе «назначеннаго». По опредѣленію академическаго совѣта, проф. архитектуры Воронихинъ задалъ Бернаскони програму: «сочинить планъ зданія для помѣщенія губернской гимназіи». Но эта програма почему то не была исполнена, и Бернаскони получилъ званіе академика за проектъ соборной церкви (въ сентябрѣ 1814 г.).

Архивъ И. А. Х. Д. 20 (1812), Д. 44 (1814) и Д. 63 (1815).—Петровъ I, 19, 24, 59. *Е. Т.*

Бернаскони, *Іосифъ Ивановичъ*, свободный художникъ, род. въ 1796 г. въ Италіи, откуда пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1820 г. Онъ производилъ работы (по заказу) въ Царскомъ Селѣ, при исправленіи дворца послѣ пожара, и написалъ здѣсь для гостиной и кабинета Государыни Елизаветы Алексѣевны до 80 миѳологическихъ фигурокъ по коленкору «цвѣтными на клею колерами» (подражаніе прежде тамъ бывшимъ рисункамъ въ небольшихъ медальонахъ). Бернаскони работалъ и для опочивальни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ расписалъ цвѣтами (по бѣлому дереву) двери и мебель. Императору Александру I, который лично осматривалъ работы во дворцѣ, понравились рисунки Бернаскони, и въ началѣ 1825 г. онъ былъ опредѣленъ декораціоннымъ живописцемъ (съ жалов. въ 3 тыс. руб.). Но въ новое царствованіе, при сокращеніи расходовъ кабинета, Бернаскони былъ оставленъ за штатомъ и, мало кому извѣстный иностранецъ, безъ покровителей, сильно бѣдствовалъ, доходя до нищеты. Чтобы получить хотя мѣсто учителя рисованія въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, Бернаскони долженъ былъ имѣть свидѣтельство отъ Академіи художествъ на право преподаванія. Онъ хорошо умѣлъ копировать съ натуры живыя растенія, хорошо рисовалъ перомъ и карандашемъ. За представленныя имъ работы Академія выдала ему дипломъ неклассного художника (въ февр. 1833 г.), по рекомендаціи Стасова.

Архивъ И. А. Х. Д. 146 (1832).—Петровъ, II, 292, 305.—Гарбель, энц. слов. *Е. Г.*

Бернацкій, *Николай Николаевичъ*, докторъ медицины, род. въ 1833 г., ум. въ 1880 г., отъ чахотки. Въ 1858 г. онъ окончилъ курсъ медицинскаго факультета кіевскаго университета, а въ 1869 г. получилъ степень доктора медицины въ медико-хирургической академіи и затѣмъ служилъ военнымъ врачемъ. Его диссертація: «Къ ученію о меркуріальномъ слюнотеченіи». Спб. 1869.

Змѣевъ, Р. вр. пис.—Венгеровъ, Русскія книги. *Н. К.*

Бернгардъ, *Рудольфъ Богдановичъ*, проф. архитектуры, род. 20 мая 1819 г., на мызѣ Фаналь въ Эстляндіи, ум. 3 августа 1887 г. въ Ревелѣ. Сначала онъ поступилъ въ ревельскую гимназію, но 14 лѣтъ вышелъ изъ нея; тогда одинъ изъ учителей этой гимназіи, Панинъ, пораженный необыкновенными способностями Бернгарда къ математикѣ, безплатно занимался съ нимъ этимъ предметомъ. Съ раннихъ лѣтъ у Бернгарда явилось желаніе сдѣлаться архитекторомъ и, благодаря своей твердой волѣ, онъ добился цѣли, несмотря на всевозможныя препятствія. Чтобы заработать кусокъ хлѣба, Бернгардъ поступилъ писцомъ въ канцелярію эстляндскаго губернатора. Занятый днемъ службой, онъ по ночамъ учился рисованію и черченію. Въ 1839 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ему удалось поступить въ Академію художествъ; до начала 1843 г. онъ занимался въ классѣ Тона, а потомъ, въ числѣ другихъ стипендіатовъ, былъ переведенъ въ строительное училище. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1846 г., Бернгардъ получилъ мѣсто помощника архитектора чертежной правленія 1 округа путей сообщенія, а вскорѣ былъ назначенъ архитекторомъ перваго отдѣленія 1 округа. Въ 1854 г. онъ получилъ мѣсто руководителя въ 3 спеціальномъ классѣ института корпуса инженеровъ путей сообщенія, и оставался на немъ около 16 лѣтъ. Въ 1864 г. ему поручили изслѣдовать причины разрушенія церкви на Колтовской ул., на Петербургской сторонѣ. Этотъ случай натолкнулъ Бернгарда на занятія теоріей сводовъ въ связи съ разсчетомъ устойчивости церковныхъ сооруженій. Записка его о причинахъ разрушенія церкви на Колтовской ул. обратила на него вниманіе и доставила ему извѣстность въ техническомъ мірѣ. Совѣтъ строительнаго училища далъ ему званіе инженеръ-архитектора, а въ 1865 г. онъ получилъ каѳедру строительнаго искусства въ Академіи художествъ и былъ назначенъ архитекторомъ Академіи наукъ, строеній историко-филологическаго института и метеорологической обсерваторіи. Въ 1873 г. его назначили директоромъ строительнаго училища, преобразованнаго впослѣдствіи, при участіи Бернгарда, въ институтъ гражданскихъ инженеровъ. Бернгардъ разрабатывалъ новый уставъ института, приводилъ въ исполненіе измѣненія въ преподаваніи, сдѣлалъ планъ новаго зданія для него и выхлопоталъ средства на перестройку. Плохое матеріальное положеніе учащейся молодежи очень заботило Бернгарда и для улучшенія

что онъ устроилъ вспомогательную кассу, выдававшую безпроцентныя ссуды. Въ 1871 г. Бернгардъ получилъ званіе профессора за теорію сводовъ, введенную имъ въ программу академическаго курса. Въ 1872 г. Академія художествъ поручила ему осмотрѣть въ Римѣ куполъ св. Петра, трещины котораго вызывали всеобщее опасеніе. Отчетъ Бернгарда объ этой командировкѣ снова заставилъ заговорить о немъ весь техническій міръ. Бернгардъ часто дѣлалъ доклады о своихъ изслѣдованіяхъ по поводу несчастныхъ случаевъ въ строительномъ дѣлѣ въ с.-петербургскомъ обществѣ архитекторовъ, въ которомъ онъ былъ сначала товарищемъ предсѣдателя, а потомъ почетнымъ членомъ. Онъ былъ также членомъ техническаго строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, съ 1865 по 1878 г. Бернгардъ былъ гласнымъ петербургской городской думы, которая въ 1875 г. выбрала его членомъ Высочайше утвержденной коммиссіи для техническо-инспекторскаго надзора по постройкѣ черезъ Неву моста Императора Александра II. Въ 1886 г., утомленный непосильной работой, Бернгардъ вышелъ въ отставку въ чинѣ тайнаго совѣтника и уѣхалъ въ Ревель. Онъ надѣялся привести въ порядокъ и обработать множество ученыхъ матеріаловъ накопившихся у него за многолѣтнюю службу, но это не удалось ему. Нравственныя потрясенія и лихорадочная дѣятельность послѣднихъ лѣтъ окончательно подорвали его здоровье. Изъ построекъ, сдѣланныхъ Бернгардомъ, наиболѣе извѣстны: полицейскій домъ въ Коломенской части, сдѣланный по готовому проекту; казармы для жандармской дивизіи (1859—61): зданіе новаго газоваго завода общества столичнаго освѣщенія; заводскія сооруженія на Васильевскомъ остр. для общества газоваго освѣщенія зарѣчныхъ частей С.-Петербурга (1862 — 63); циркъ Гинне на Монетной площади; (1866 г.) паровая мельница у вокзала Варшавской жел. дор. (1868 - 69); домъ евангелическаго госпиталя (1870 г.); затѣмъ, вмѣстѣ съ проф. Рахау — домъ-особнякъ Э. М. Мейера на Англійской набережной; вмѣстѣ съ проф. Брюлловымъ—зданіе петровской полицейской части; вмѣстѣ съ инженеромъ Пятиловымъ — домъ военнаго министра на Садовой улицѣ; вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, гражданскимъ инженеромъ—газгольдеры для общества столичнаго освѣщенія (1884 г.). Этой послѣдней работой закончилась строительная дѣятельность Бернгарда. Планы нѣкоторыхъ его построекъ были помѣщены въ журналѣ «Зодчій» (1872—77 г.), въ которомъ Бернгардъ напечаталъ рядъ статей по техническимъ вопросамъ. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ статья: «Куполъ св. Петра въ Римѣ». (1876 г.). Кромѣ того, въ этомъ же журналѣ появились «Циркъ Гинне въ Петербургѣ» (1872 г., № 1): «Больница евангелическаго общества» (ibid.). «Употребленіе рельсовъ при постройкѣ сводовъ» (1873 г. № 1); «Обрушеніе арокъ и сводовъ въ локомотивномъ зданіи» (1874 г.): «Домъ особнякъ военнаго министра въ Петербургѣ» (1875 г., № 2).

Словари: Брокгауза и Венгерова. — Альбомъ М. И. Семевскаго.—«Зодчій», 1887 г., № 7—8.— Языковъ, писатели, умершіе въ 1887 г.

Е. А.

Берниковъ, *Александръ Сергѣевичъ*, т. с., сенаторъ, род. въ 1788 г., ум. 16 апрѣля 1841 г. Получивъ образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, Берниковъ 7 ноября 1806 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ и принялъ участіе въ походѣ 1807 г. въ Пруссію. За отличіе въ сраженіяхъ при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. (20 мая 1808 г.). Въ Отечественную войну онъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, участвовалъ въ отступленіи отъ Вильны до Бородина и въ сраженіи подъ Бородинымъ, за которое 19 декабря 1812 г. былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Затѣмъ, онъ сражался при Тарутинѣ и подъ Малымъ Ярославцемъ. Въ 1813—1814 гг. Берниковъ совершилъ съ прусскими войсками весь походъ отъ границы Россіи до Парижа, участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ (награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ), Лейпцигѣ и Парижѣ, а послѣ взятія французской столицы двинулся съ своимъ отрядомъ въ Шербургъ, откуда на русской эскадрѣ возвратился въ Кронштадтъ. 14 марта 1816 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, 6 сентября того-же года назначенъ баталіоннымъ командиромъ, а 13 января 1817 г.—полковымъ командиромъ херсонскаго гренадерскаго полка. 28 марта 1821 г. Берниковъ, по прошенію, былъ уволенъ отъ должности полковаго командира, съ повелѣніемъ состоять

по арміи, а 4 января 1822 г. перешелъ на гражданскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. 28 апрѣля того-же года онъ опредѣлился въ 4 департаментъ Сената, за оберъ-прокурорскій столъ, съ 13 августа 1827 г. по 16 іюля 1828 г. исправлялъ должность оберъ-прокурора по 4 департаменту Сената, въ 1830 г. участвовалъ въ коммиссіи, командированной въ олонецкую губ., для изслѣдованія о злоупотребленіяхъ, происходившихъ тамъ при вырубкѣ лѣсопромышленниками лѣсовъ въ казенныхъ дачахъ; 31 декабря 1830 г. былъ командированъ въ Екатеринбургъ, для производства доследованія по дѣлу объ управляющемъ заводами купца Расторгуева. За успѣшное исполненіе этого порученія Берниковъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. 6 декабря 1831 г. онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ II отдѣленія 3 департамента Правительствующаго Сената, а 11 декабря 1831 г. на него былъ возложенъ надзоръ за производствомъ дѣлъ по общему собранію 4, 5 и межеваго департаментовъ Сената. 31 марта 1833 г. Берниковъ получилъ орденъ св. Станислава 1 ст., а 31 декабря 1834 г. произведенъ въ тайные совѣтники. 1 января 1838 г. повелѣно ему присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ (во II отдѣленіи 5 департамента). 1 іюня 1842 г. онъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Скончался, состоя на службѣ.

Формулярный списокъ.

Бернулли, *Даніилъ*, членъ Академіи наукъ, математикъ и врачъ, род. 29 января 1700 г. въ Гронингенѣ, въ Швейцаріи, ум. 17 марта 1782 г. въ Базелѣ. Семья Бернулли происходитъ изъ Антверпена. Спасаясь отъ религіознаго гоненія герцога Альбы, Бернулли переселились въ Франкфуртъ на Майнѣ, а въ XVII в. переѣхали въ Базель. Въ трехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ этой семьи было восемь замѣчательныхъ математиковъ, изъ которыхъ трое были знамениты. Даніилъ Бернулли, сынъ Іогана и младшій братъ Николая, учился въ базельской гимназіи, и затѣмъ въ базельскомъ университетѣ на философскомъ факультетѣ, окончивъ который получилъ въ 1716 г. степень магистра. Математикой онъ занимался съ дѣтства подъ руководствомъ отца и брата и проявлялъ къ ней сильное влеченіе. Отецъ Даніила хотѣлъ сдѣлать его коммерсантомъ и дважды дѣлалъ неудачную попытку помѣстить его на должность прикащика, но Даніилъ добился возможности слѣдовать своему влеченію къ наукѣ. Выборъ его остановился на медицинѣ. Сначала онъ слушалъ лекціи по этому предмету въ Базелѣ, затѣмъ въ теченіе $1^1/_2$ лѣтъ—въ Гейдельбергѣ, послѣ чего учился въ Страсбургѣ. Въ 1720 г. онъ вернулся въ Базель, а въ 1721 г. держалъ медицинскій экзаменъ и написалъ диссертацію «De respiratione», въ которой стремился математическимъ путемъ разрѣшать физіологическіе вопросы. Съ 1723 г. онъ занимался практическою медициною въ Венеціи подъ руководствомъ Михелотти. Здѣсь онъ впервые напечаталъ въ 1724 г. одно изъ своихъ математическихъ сочиненій «Exercitationes quaedam mathematicae». Этотъ трудъ доставилъ автору почетную извѣстность. Въ концѣ 1724 г. онъ получилъ предложеніе занять постъ президента ученой академіи, открываемой въ Генуѣ, и въ то-же время былъ приглашенъ Вольфомъ занять кресло въ учреждаемой въ Петербургѣ Академіи наукъ и каѳедру профессора физіологіи. Бернулли отклонилъ первое предложеніе и принялъ второе. Этому рѣшенію много способствовало одновременное приглашеніе въ петербургскую Академію наукъ его брата Николая на каѳедру механики и математики. 27 октября 1725 г. оба брата прибыли въ Петербургъ. Здѣсь, въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ Даніилъ занимался физіологіей, основывая ея изученіе на математикѣ. Черезъ пять лѣтъ призваніе его къ математикѣ заговорило въ немъ настолько сильно, что по новому контракту онъ перешелъ на каѳедру чистой математики съ званіемъ «professoris matheseos sublimioris». Эту каѳедру онъ занималъ съ 1 сентября 1730 г. до отъѣзда изъ Россіи (21 іюня 1733 г.). Съ самаго пріѣзда братьевъ Бернулли въ Петербургъ противъ нихъ стали интриговать академики Германъ и Бильфингеръ. Столкновенія между ними скоро приняли самый острый характеръ. «Обвиняютъ меня, писалъ Даніилъ Бернулли къ Шумахеру 1 сентября 1729 г., прямо въ ложныхъ выводахъ, и это обвиненіе дѣлаетъ г. Бильфингеръ. Еще болѣе: онъ меня выдаетъ за преступника, сообщая свѣдѣнія de vita et moribus meis. Я могу только оплакивать мое несчастіе. Конечно, наши усилія совершенно различны;

г. Бильфингеръ старается лишь уничтожить меня, а я хочу только доказать мою невинность, не желая ему ни малѣйшаго зла». Вражда эта прекратилась только послѣ отъѣзда въ 1731 г. Германа и Бильфингера за-границу. Но къ тому времени обострились отношенія Бернулли съ Шумахеромъ. Съ другой стороны, петербургскій климатъ дурно вліялъ на здоровье Даніила Бернулли. Братъ его скончался въ Петербургѣ черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ своего пріѣзда. Всѣ эти обстоятельства заставили Даніила подумать объ отъѣздѣ на родину, и при составленіи второго контракта онъ выговорилъ себѣ право уѣхать изъ Россіи во всякое время, предупредивъ о томъ за 6 мѣсяцевъ. Такое предупрежденіе онъ сдѣлалъ 22 ноября 1731 г., но оставался послѣ этого въ Россіи еще полтора года, ведя переговоры объ условіяхъ его увольненія изъ Академіи. Бернулли просилъ уволить его съ званіемъ почетнаго члена Академіи, ежегодною пенсіею въ 200 р. и «титуломъ придворнаго совѣтника, которымъ и отъ другихъ монарховъ уже нѣкоторые профессора пожалованы, чиномъ и преимуществами здѣшнихъ совѣтниковъ государственныхъ коллегій, или другой какой чинъ, о которомъ я, яко старшій профессоръ, нѣкоторую надежду имѣть могу». Младшій братъ Даніила, Іоаннъ предлагалъ свои услуги для замѣны своего брата въ Академіи, но президентъ Академіи Блументростъ давалъ обоимъ неопредѣленные и уклончивые отвѣты; поэтому оба брата уѣхали изъ Петербурга 24 іюня 1733 г., не добившись ничего, и болѣе уже не возвращались въ Россію. Братья Бернулли отправились въ Парижъ, гдѣ встрѣтили самый дружескій пріемъ среди ученыхъ, и вернулись въ Базель въ концѣ 1733 г. Здѣсь Даніилъ занялъ предложенную ему уже ранѣе каѳедру анатоміи и ботаники и 18 декабря 1733 г. читалъ вступительную лекцію въ университетѣ. Въ 1750 г. освободилась каѳедра опытной физики и, перейдя на нее, Бернулли читалъ этотъ предметъ до смерти. Парижская Академія наукъ присудила Бернулли въ различное время десять премій за остроумныя и тонкія физико-математическія изслѣдованія на темы, предложенныя Академіей. Въ 1747 г. онъ былъ избранъ членомъ берлинской Академіи наукъ, а въ 1748 г. заступилъ мѣсто отца въ парижской Академіи въ качествѣ ея иностраннаго члена. Въ 1750 г. онъ былъ избранъ членомъ Лондонскаго Королевскаго общества. Въ послѣдующіе года то-же сдѣлали и многія другія ученыя общества. Сношенія Бернулли съ нашей Академіей наукъ не прерывались и послѣ отъѣзда его изъ Россіи: онъ присылалъ для академическихъ изданій свои мемуары, исполнялъ порученія Академіи и живо интересовался всѣми происходившими въ ней событіями, получая о нихъ постоянныя свѣдѣнія отъ Эйлера, который былъ приглашенъ въ Петербургъ по его рекомендаціи, и съ которымъ онъ находился въ постоянной переапискѣ до 1750 г.; въ 70-хъ годахъ его петербургскимъ корреспондентомъ былъ Николай Фуссъ. Такимъ образомъ Бернулли исполнялъ всѣ требованія, представляемыя регламентомъ Академіи къ отсутствующимъ членамъ ея для полученія пенсіи. Тѣмъ не менѣе пенсія ему не выдавалась до назначенія президентомъ Академіи барона Корфа, который выхлопоталъ ему пенсію (200 р.) съ начала 1735 г. По выходѣ барона Корфа изъ Академіи въ 1740 г. пенсія снова была прекращена и не смотря на то, что Даніилъ продолжалъ неуклонно исполнять свои обязанности, не выдавалась до 1767 г., когда ее вновь назначилъ директоръ Академіи графъ Орловъ. Съ этого времени пенсія уже не прекращалась до смерти Бернулли. Въ 1747 г., во время президентства въ Академіи графа Разумовскаго, Бернулли вновь приглашали въ Академію, причемъ ему предлагали выгодныя условія; въ этомъ дѣлѣ принималъ горячее участіе Эйлеръ, но Бернулли отказался отъ этого предложенія.

Важнѣйшія научныя изслѣдованія Даніила Бернулли относились къ чистой математикѣ, механикѣ, теоріи вѣроятностей и физіологіи. Главнѣйшимъ трудомъ его слѣдуетъ признать сочиненіе: Hydrodynamica, sive de viribus et motibus fluidorum. Argentorati 1738. Его статьи печатались въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: 1) Acta eruditorum Lipsiensia. 2) Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. 3) Novi commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae. 4) Histoire et mémoires de l'Académie Royale des sciences de Paris. 5) Histoire et mémoires de l'Académie Royale des sciences et des belles-lettres de Berlin. 6) Acta Helvetica physico-mathematico-anatomico-botanico-medica.

Полный перечень статей см. у Пекарскаго и въ критико-біографич. словарѣ Венгерова.

История Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. П. Пекарскаго, томъ I.—Allgem. Encyklopaedie von Ersch und Gruber IX, 206—208.—Peter Merian, Die Mathematiker Bernulli, Basel 1860.—Семейство математиковъ Бернулли, Ю. Ф. В. Москва 1875. — Meyers Konversations Lexicon, Leipzig 1874, Bd. 3.—Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи.—Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи.—Критико-біографич. словарь Венгерова.—Словари: Плюшара, Геннади, Толя, Березина, Клюшникова, Старчевскаго, Андреевскаго. *Н. Кульбинъ.*

Бернулли, *Иванъ*, братъ Даніила Бернулли, род. въ Базелѣ 18 мая 1710 г., ум. тамъ-же 18 іюля 1790 г. Въ молодости онъ изучалъ правовѣдѣніе въ базельскомъ университетѣ. 14-ти лѣтъ отъ роду получилъ степень магистра и 22-хъ лѣтъ—доктора правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ руководствомъ отца онъ занимался математикою и въ 1729 г., 19 лѣтъ отъ роду, представилъ въ петербургскую Академію наукъ разсужденіе о геометрическихъ рядахъ. При рѣшеніи математическихъ задачъ, предлагавшихся парижскою Академіею наукъ, Бернулли четыре раза получалъ преміи. Въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія Бернулли пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ цѣлью занять въ петербургской Академіи каѳедру чистой математики или юриспруденціи, но предложеніе его было отклонено Академіею. Въ 1743 г. Бернулли получилъ каѳедру элоквенціи въ базельскомъ университетѣ, а въ 1748 г., по смерти отца, каѳедру математики. Около этого времени петербургская Академія наукъ предлагала ему каѳедру механики, отъ которой онъ отказался, по разстроенному здоровью. Каѳедру математики въ Базелѣ Бернулли занималъ до смерти. Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ берлинской и парижской Академій наукъ.

«Семейство математиковъ Бернулли». Соч. Ю. Ф. В. Москва, 1875 г. — Словари: Плюшара, Березина, Толя.—Пекарскій, «Исторія Академіи наукъ», томъ I.

Бернулли, *Николай*, юристъ и математикъ, сынъ Іоганна Бернулли, род. 27 января 1695 г. въ Гренингенѣ или Базелѣ, ум. въ С.-Петербургѣ 29 іюля 1726 г. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ отличался живостью ума и выдающимися способностями, и на восьмомъ году говорилъ по голландски, по нѣмецки, по французски и по латыни. По окончаніи курса гимназіи въ Базелѣ, Бернулли поступилъ въ университетъ и въ 1711 г., шестнадцати лѣтъ отъ роду, получилъ степень магистра философіи. Занявшись, по желанію отца, изученіемъ правовѣдѣнія, въ 1715 г. Бернулли защитилъ диссертацію на степень лиценціанта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ руководствомъ отца Бернулли занимался математикою; въ январѣ 1716 г. ему удалось рѣшить предложенную Лейбницемъ задачу о прямоугольныхъ траекторіяхъ и тѣмъ снискать извѣстность среди математиковъ. Въ 1723 г., послѣ путешествія по Италіи и Франціи, Бернулли былъ назначенъ профессоромъ правъ въ Базелѣ. Въ октябрѣ 1725 г. онъ прибылъ, по приглашенію президента петербургской Академіи наукъ Блументроста, въ Петербургъ и занялъ въ Академіи каѳедру механики, но, послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, заболѣлъ и умеръ. Изъ сочиненій Бернулли напечатаны въ «Запискахъ Академіи наукъ»: 1) De motu corporum ex percussione (I, 121 — 126) и 2) Analysis aequationum quarundam differentialium (198—207).

Пекарскій, Исторія Академіи наукъ, т. I, стр. 95—98. — «Семейство математиковъ Бернулли», соч. Ю. Ф. В. Москва, 1875 г. — Словари: Плюшара, Толя, Березина, Геннади, Клюшникова, Старчевскаго, Андреевскаго. У Пекарскаго и у Геннади—перечень трудовъ Николая Бернулли.—Въ брошюрѣ «Сем. матем. Бернулли», Николай Бернулли показанъ родившимся не въ Базелѣ, а въ Гренингенѣ, что вѣроятнѣе, такъ какъ его отецъ, Іоганнъ Бернулли, въ 1695 г., какъ видно изъ помѣщенной въ означенной брошюрѣ родословной фамиліи Бернулли, занималъ каѳедру и, слѣдовательно, жилъ въ Гренингенѣ.

Бернулли, *Яковъ*, племянникъ Даніила Бернулли, профессоръ математики въ Петербургѣ, род. 27 октября 1759 г. въ Базелѣ, ум. 15 іюля 1789 г. въ С.-Петербургѣ. Окончивъ курсъ въ базельскомъ университетѣ, Бернулли 19 лѣтъ былъ лиценціантомъ. Работы его, помѣщенныя въ запискахъ берлинской и туринской Академіи наукъ, доставили ему извѣстность, и кн. Дашковъ, президентъ петербургской Академіи наукъ, пригласилъ его на мѣсто адъюнкта Академіи по каѳедрѣ математики. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ помѣстилъ въ «Запискахъ» Академіи 8 трактатовъ физико-математическаго содержанія. Бернулли былъ женатъ на внучкѣ знаменитаго Эйлера, но черезъ два мѣсяца послѣ брака, купаясь въ Невѣ, утонулъ.

«Семейство математиковъ Бернулли», соч. Ю. Ф. В., Москва. 1875 г. — Словари: Плюшара.

Геннади, Старчевскаго, Толя, Березина, Клюшникова, Андреевскаго.

Берицъ, *Францъ* (Bernz), граверъ на мѣди, ученикъ Еллигера и Вормана, род. и воспитывался въ Гамбургѣ, а затѣмъ переселился въ С.-Петербургъ и въ 1828 г. былъ принятъ ученикомъ въ рисовально-гравировальный классъ при Академіи наукъ. 28 декабря 1732 г. Берцъ поступилъ на академическую службу въ качествѣ подмастерья, съ обязательствомъ обучать рисованію учениковъ въ академической гимназіи. По смерти Эллингера Бернцъ одно время (1739 г.) состоялъ единственнымъ учителемъ гравированія при академической гимназіи, пока не назначили Тарсію. Въ 1743 г. Берицъ былъ отпущенъ въ Кронштадтъ на 4 недѣли, потомъ уволенъ совсѣмъ. На его мѣсто назначенъ былъ ученикъ изъ русскихъ, Яковъ Нечаевъ. Въ русской библіотекѣ Академіи наукъ находятся ученическія работы его въ особой тетради, вмѣстѣ съ работами Соколова, Качалова и др. Изъ работъ Берица извѣстны: 1) Виньетъ. С.-Петербургскій Петропавловскій соборъ въ кругу. 2) 9 ландшафтовъ, копированныхъ съ Переля, Свапевельдта и другихъ иностранныхъ мастеровъ; эти рисунки травлены крѣпкой водкой (съ большимъ вкусомъ). 3) Зима—грѣющіеся старики (въ азбуку Пресслера). 4) 6 ландшафтовъ съ Переля. 5) Самуилъ помазываетъ на царство Давида. 6) Валаамъ благословляетъ израильскій народъ. 7) Герольдъ съ жезломъ и два жетона (для коронаціи Императрицы Анны Іоанновны).

Матер. для ист. Импер. Ак. наукъ I, 651; II. 478, 502, 553, 626, 454—455; III, 520—521. 819; IV. 36, 233. 266, 510, 557, 710; V, 9, 298, 514, 685, 311, 707.—Ровинскій, Словарь русск. граверовъ (1895), 60. *Е. Т.*

Бернштейнъ, *Натанъ Осиповичъ*, физіологъ, род. въ 1836 г. въ еврейской семьѣ въ галиційскихъ Бродахъ, ум. 29 января 1891 г. въ Одессѣ. Первоначальное образованіе Бернштейнъ получилъ подъ руководствомъ матери, а послѣ переѣзда его семьи въ Познань, учился у своего дѣда, главнаго раввина познанской провинціи, Соломона Эйгера, пользовавшагося большой извѣстностью среди польскихъ и нѣмецкихъ евреевъ. Затѣмъ, когда его родители переселились въ Одессу, онъ поступилъ въ 4-й классъ 2-й одесской гимназіи, изъ которой въ 1853 г. перешелъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Въ 1857 г., за сочиненіе на заданную студентамъ тему: «Анатомія и физіологія легочно-желудочнаго нерва», Бернштейнъ получилъ золотую медаль, а по окончаніи курса, онъ въ 1858 г. выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и въ началѣ 1861 г., защитивъ диссертацію, удостоенъ докторской степени, послѣ чего вернулся въ Одессу, такъ какъ, будучи евреемъ, не имѣлъ права оставаться въ Москвѣ. Въ Одессѣ онъ поступилъ сверхштатнымъ ординаторомъ въ городскую больницу, и, кромѣ того, принималъ участіе въ редактированіи еврейской газеты «Сіонъ» до 1862 г., когда газета прекратила свое существованіе. Въ то же время Бернштейнъ энергично работалъ надъ различными физіологическими вопросами и произвелъ нѣсколько самостоятельныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій. Въ 1865 г. онъ былъ избранъ и назначенъ доцентомъ анатоміи и физіологіи въ только-что открытый новороссійскій университетъ. Съ 1871 г., когда каѳедру физіологіи занялъ профессоръ И. М. Сѣченовъ, Бернштейнъ читалъ только анатомію. Совѣтъ университета избралъ его экстраординарнымъ профессоромъ, но за неимѣніемъ у него степени доктора зоологіи, онъ не былъ утвержденъ въ этомъ званіи. Въ 1882 г. Бернштейнъ былъ уволенъ по болѣзни и въ томъ же году избранъ вторично въ званіе доцента, но министръ не утвердилъ его избранія. Кромѣ научной дѣятельности, которая доставила Бернштейну почетную извѣстность, онъ посвящалъ много времени общественнымъ дѣламъ, былъ гласнымъ думы, попечителемъ городской больницы, почетнымъ мировымъ судьей и попечителемъ одесской талмудъ-торы, а во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. онъ завѣдывалъ палатой лазарета Краснаго Креста. Кромѣ того, Бернштейнъ состоялъ въ обществѣ одесскихъ врачей, 8 лѣтъ былъ товарищемъ предсѣдателя и 14 лѣтъ предсѣдателемъ. Непосильная дѣятельность подорвала его здоровье, и въ 1881 г. онъ былъ вынужденъ уѣхать на полтора года въ Висбаденъ и Ниццу. Эта поѣздка отсрочила его смерть на 10 лѣтъ, но онъ уже не могъ работать съ прежней энергіей. Сочиненія Бернштейна: Замѣчательный случай литотритіи у женщины («Моск. Врач. Журн.», 1858 г.); Объ отправленіяхъ легочно-желудочнаго нерва (Диссертація, 1860 г.); О физич-

скомъ воспитаніи дѣтей («Сіонъ», 1861 г.); Случай острой желтой атрофіи печени («Современная Мед.», 1863 г.); Эпидемія возвратной горячки въ Одессѣ («Медицин. Вѣстн.», 1864 г.); Тифъ и возвратная горячка («Архивъ Судебн. Медиц. и Общей Гигіены»); La fièvre recurrente à Odessa («Gazette medicale de Paris», 1865); Руководство къ частной физіологіи. Вып. 1 и 2. (Одесса, 1868 г.; переработка лекцій); Zur Physiologie der Bauchspeichelabsonderung («Arbeiten a. d. physiol. Anstalt zu Leipzig» 1869 u. Berichte d. mathem.-phys. Classe d. R. S. Gesellschaft zu Leipzig. Bd. XXI); Der Austausch an Gasen zwischen arteriellem und venösem Blute (Тамъ же, 1870 г., т. XXII); Случай сифилитическаго пораженія мозга («Протоколы Общества Одесскихъ врачей», 1870 г.). Въ послѣднемъ органѣ Бернштейнъ помѣстилъ въ 1872—85 гг. еще 10 статей и замѣтокъ.

Словари: Венгерова и Впларе.—Венгеровъ, Русскія книги. *Н. К.*

Бероевъ, *Никита Лазаревичъ*, армянинъ, первоначальное образованіе получилъ въ астраханскомъ агабабовскомъ училищѣ, откуда въ 1823 г. поступилъ въ институтъ восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; окончивъ здѣсь курсъ съ званіемъ переводчика 10-го класса, онъ былъ зачисленъ на службу въ азіатскій департаментъ министерства. Въ 1844 г. Бероевъ былъ назначенъ преподавателемъ армянскаго языка въ петербургскомъ университетѣ, а въ 1849 г.—адъюнктомъ по каѳедрѣ армянскаго языка и словесности. Въ апрѣлѣ 1861 г. Бероевъ вышелъ въ отставку. Бероевымъ были изданы: «Начальныя основанія гайканскаго языка», Спб. 1850 г. (учебникъ, служившій ему руководствомъ при преподаваніи армянскаго книжнаго языка), и «Краткое начертаніе правилъ гайканскаго простонароднаго языка» (Mélanges Asiatiques, 1852 г., т. 1).—Съ 30-хъ годовъ онъ трудился, надъ русско-армяно-французскимъ словаремъ. Первую часть словаря, въ рукописи, которая осталась ненапечатанною, Бероевъ представилъ въ 1858 г. въ совѣтъ петербургскаго университета, который удостоилъ этотъ трудъ похвальнаго отзыва.

В. В. Григорьевъ, «Императорскій Спб. университетъ», стр. 118, 124, 267 и 268.—Словари: Клюшникова, Толя (дополненія) и Венгерова.—Труды 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ, 1876 г., т. I, стр. 241.

Берсеневъ, *Иванъ Архиповичъ* (Jean Bersenef), сынъ заводскаго солдата, род. въ 1762 г. въ Екатеринбургѣ, ум. 5 января 1789 г. въ Парижѣ. Президентъ Академіи художествъ И. И. Бецкій, услышавъ объ его необыкновенныхъ способностяхъ къ гравированію, вытребовалъ 17-лѣтняго Берсенева въ Академію. Здѣсь онъ быстро прошелъ всѣ рисовальные классы и, подъ руководствомъ весьма посредственнаго наставника, Ст. Ѳ. Иванова, принявшись копировать знаменитую гравюру Эделинга «Моисей» (съ Шампаня), произвелъ въ своемъ родѣ chef d'oeuvre, подражаніе со всею силою и прелестію оригинала. Будучи ученикомъ 5-го возраста, Берсеневъ за рисунокъ и лѣпку получилъ первую серебряную медаль (3 сентября 1782 г.), а 17 іюня 1785 г.—первую золотую за «Магдалину» (съ Ванъ-деръ-Верфа). Въ Академіи Берсеневъ сработалъ, кромѣ «Моисея», еще два эстампа, начавъ гравированіе съ гравюры же «Преображеніе» Рафаэля и «Апостола Андрея» съ картины Лосенко. Изъ ученика Берсеневъ вскорѣ сталъ руководителемъ товарищей и получилъ въ завѣдываніе почти весь гравировальный классъ, а послѣдніе два года, за увольненіемъ Ст. Иванова, онъ занимался скорѣе какъ наставникъ. Въ это время Берсеневъ выполнилъ портретъ княгини Евг. Ник. Орловой, рожденной Зиновьевой, жены кн. Гр. Гр. Орлова. Назначенный пансіонеромъ Императрицы, Берсеневъ былъ посланъ за границу, въ Парижъ, гдѣ съ 1788 г. учился гравированію у знаменитаго Бервика. Онъ награвировалъ у него для Орлеанской галлереи три листа. Чрезмѣрная усидчивость въ работѣ разстроила вообще некрѣпкое здоровье Берсенева, и онъ умеръ отъ чахотки въ Парижѣ, на рукахъ у скульптора Козловскаго, который такъ извѣщалъ Академію объ его смерти: «а какъ въ разсужденіи продолжительной его болѣзни не осталось чѣмъ и похоронить его, то и принужденъ я былъ всѣ расходы заплатить своими деньгами суммою 626 ливровъ». Доски, гравированныя для Орлеанской галлереи и оставшіяся послѣ Берсенева, взялъ Бервикъ, увѣряя, что онъ ранѣе заплатилъ за нихъ. Знаменитый граверъ Тардье показывалъ Іордану висѣвшую у него подъ стекломъ гравюру Берсенева: «Дьяволъ искушаетъ Спасителя»,—замѣчая, что это былъ бы великій граверъ. Французъ Коненъ тоже хвалилъ

эту гравюру, но хвалилъ за отличный рисунокъ, рѣзецъ же, по его мнѣнію, слишкомъ грубъ. На медали, выбитой по поводу празднованія 100-лѣтняго юбилея Академіи художествъ, находится имя Берсенева, какъ знаменитаго представителя русской гравюры. Изъ работъ Берсенева извѣстны слѣдующія: 1) Портретъ кн. Орловой; 2) гр. Н. М. Строганова; 3) Моисей со скрижалями; 4) Дьяволъ искушаетъ Спасителя (съ оригин. Тиціана); 5) Св. Іоаннъ Евангелистъ; 6) Св. Іеронимъ (всѣ три эти листа гравированы подъ надзоромъ Бервика); 7) Преображеніе Господне (докончена Масловскимъ и Уткинымъ); 8—9) Два поясныхъ изображенія Богоматери; 10) Марія Магдалина, и 11) Апостолъ Андрей (съ картины А. Лосенко, находящейся въ Имп. Ак. Худ.).

Архивъ И. А. Х. Д. 6 (1789) и Д. 3 (1791).—Ровинскій, Словарь рус. граверовъ (1895).—«Всемірная Иллюстрація», 1889 г. (т. 41), № 1051.—Ровинскій, Матеріалы для рус. иконографіи, вып. VII (1886).—Брокгаузъ, Энц. Словарь.—Петровъ, Мат. для ист. И. А. Худ., I, 142, 143, 144, 281, 282, 286, 292, 297, 298.

Е. Т.

Берсеневъ, *Михаилъ Владиміровичъ*, редакторъ «Вѣстника Ярославскаго Земства», род. въ 1821 г. въ г. Бѣлевѣ, тульской губ., ум. 8 мая 1874 г. Отецъ Берсенева, дворянинъ ярославской губ., служилъ городничимъ въ г. Пошехоньѣ. Въ 1838 г. Берсеневъ кончилъ курсъ въ ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ и, по влеченію, поступилъ фейерверкеромъ въ 17 артиллерійскую бригаду въ 1839 г., въ томъ же году былъ переименованъ юнкеромъ, а въ 1840 г., по выдержаніи экзамена, получилъ первый офицерскій чинъ. Въ 1846 г. онъ, по болѣзни, вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручика и занялся сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ родовомъ пошехонскомъ имѣніи. Въ 1855 г. онъ былъ избранъ мѣстнымъ дворянствомъ въ государственное ополченіе, въ дружину № 134, которая расположилась въ Ново-Георгіевской крѣпости; послѣ роспуска ополченія Берсеневъ былъ уволенъ отъ службы 26 декабря 1856 г. съ чиномъ поручика артиллеріи и въ томъ же году избранъ депутатомъ отъ пошехонскаго дворянства въ ярославское депутатское дворянское собраніе. Съ этого времени, онъ занялся общественною дѣятельностью и на этомъ поприщѣ заслужилъ уваженіе со стороны мѣстнаго населенія. Не отступая отъ обязанностей по службѣ, онъ принималъ участіе въ занятіяхъ ярославскаго губернскаго комитета для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ; съ 1865 г. онъ занималъ должность мироваго посредника, затѣмъ, съ начала 1869 г. по день своей смерти, Берсеневъ служилъ членомъ ярославской губернской земской управы и завѣдывалъ редакціей «Вѣстника Ярославскаго Земства» и земской типографіей.

«Голосъ», 1874 г., № 360.—«Вѣстникъ Ярославскаго Земства», 1874 г., № 22.

Бертонъ, артистъ французской труппы с.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ, род. въ 1820 г., ум. 17 января 1874 г. въ Пасси, близъ Парижа. Сценическую дѣятельность онъ началъ въ парижскихъ театрахъ Théâtre français и Vaudeville. Въ 1845 г. Бертонъ былъ приглашенъ въ С.-Петербургъ въ помощь Брессану и по отъѣздѣ послѣдняго (1846 г.) занялъ выдающееся положеніе въ труппѣ. Онъ создалъ рядъ ролей въ серьезныхъ пьесахъ (напр., Сюлливана, въ пьесѣ того же наименованія, Шабріера въ ком. Ожье «Gabrielle» и Фабриса въ ком. того же автора «L'aventurière») и съ неподдѣльнымъ комизмомъ исполнялъ роли въ водевиляхъ («Le chapeau de paille d'Italie», «La poésie des amours»). Въ 1853 г. Бертонъ нарушилъ контрактъ съ дирекціей и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ съ большимъ успѣхомъ выступалъ на сценѣ театра Gymnase dramatique. Чрезъ три года Бертонъ снова возвратился на сцену Михайловскаго театра, восторженно былъ принятъ публикой и игралъ здѣсь до 1860 г., когда, вслѣдствіе закулисныхъ столкновеній, окончательно покинулъ С.-Петербургъ. Отличаясь неуживчивымъ характеромъ, Бертонъ переходилъ изъ одного театра въ другой. Въ послѣдніе годы жизни Бертонъ создалъ нѣсколько ролей въ пьесахъ современнаго репертуара. Преимущественное амплуа Бертона—роли jeune premier. Это былъ талантъ нѣсколько неровный, но увлекательный; въ С.-Петербургѣ Бертонъ былъ любимцемъ публики.

«Иллюстрированная Недѣля», 1874 г., № 5.

Берхгольцъ (Бергголъцъ, Беркгольцъ) *Фридрихъ Вильгельмъ* (Friederich Wilhelm von Bergholtz), оберъ-камергеръ, авторъ извѣстнаго «Дневника», род. въ 1699 г., ум. въ концѣ 1765 г. въ Висмарѣ. Сынъ голштинскаго дворянина, генерала русской службы, участвовавшаго въ осадѣ Выборга

(1710 г.) и въ прутскомъ походѣ (1711 г.). Берхгольцъ дѣтство и раннюю юность провелъ въ Россіи; въ 1717 г., по смерти отца, онъ уѣхалъ въ Германію, служилъ недолгое время пажемъ при дворѣ герцога мекленбургскаго, а затѣмъ перешелъ на службу къ герцогу голштинскому Карлу-Фридриху гофъ-юнкеромъ; сопровождая герцога, онъ побывалъ въ Стокгольмѣ и въ Парижѣ. Въ іюнѣ 1721 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ за нѣсколько дней до пріѣзда сюда герцога Карла-Фридриха; состоя въ его свитѣ камеръ-юнкеромъ, онъ прожилъ въ Россіи шесть лѣтъ и вмѣстѣ съ герцогомъ въ іюлѣ 1727 г. уѣхалъ на родину, въ Голштинію. Черезъ 15 лѣтъ Берхгольцу снова пришлось посѣтить Россію. Онъ назначенъ былъ оберъ-камергеромъ молодого голштинскаго герцога Карла-Петра-Ульриха, впослѣдствіи Императора Петра III, и въ свитѣ его, 5 февраля 1742 г., пріѣхалъ въ Петербургъ. Герцогъ, прибывшій по желанію Императрицы Елисаветы Петровны, былъ встрѣченъ очень радушно, и сопровождавшіе его голштинцы получили большія награды; Берхгольцу 24 мая 1742 г. былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. 7 ноября 1742 г. герцогъ, во св. крещеніи великій князь Петръ Өеодоровичъ, объявленъ былъ наслѣдникомъ престола; оберъ-камергеръ Берхгольцъ, какъ и оберъ-гофмаршалъ Брюммеръ, сохранили свои должности; но вскорѣ пребываніе голштинцевъ при дворѣ русскаго великаго князя найдено было неудобнымъ. Въ 1746 г. старый любимый камердинеръ великаго князя былъ арестованъ, и вслѣдъ затѣмъ его оберъ-гофмаршалъ и оберъ-камергеръ, по настоянію канцлера Бестужева, должны были выйти въ отставку и уѣхать за границу. Берхгольцу при отставкѣ, 9 августа 1746 г. пожалованъ былъ Рейнбекскій амтъ въ Голштиніи, и назначена пенсія въ размѣрѣ получавшагося имъ жалованья (2,491 р. 50 к.). (Подробности объ отставкѣ Берхгольца см. *Брюммеръ* графъ Отто). Уѣхавъ изъ Россіи, Берхгольцъ поселился въ Висмарѣ, гдѣ и жилъ до своей смерти. Выдача пенсій, назначенныхъ ему и Брюммеру, была прекращена въ 1748 г. Но когда, по прошествіи четырехъ лѣтъ, Берхгольцъ обратился къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ съ просьбою о выдачѣ пенсіи за четыре года, то русское правительство удовлетворило его ходатайство и въ 1754 г. выслало Берхгольцу и наслѣдникамъ умершаго тѣмъ временемъ Брюммера 27,549 р. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Императрицѣ по этому дѣлу Берхгольцъ писалъ въ 1753 г., что, со времени своего отъѣзда изъ Россіи, онъ ведетъ печальную жизнь, будучи отягченъ долгами.—Во время перваго своего пребыванія въ Россіи, Берхгольцъ велъ въ 1721—1725 г. подробный дневникъ. Узнавъ объ этомъ, издатель извѣстнаго Magazin für die neue Historie und Geographie, Бюшингъ въ 1765 г. усиленно просилъ Берхгольца предоставить ему дневникъ для напечатанія, но авторъ далъ уклончивый отвѣтъ. Вскорѣ затѣмъ Берхгольцъ умеръ; Бюшингу удалось достать рукопись отъ наслѣдниковъ, и въ 1785—1788 г. онъ напечаталъ дневникъ, съ небольшими сокращеніями, въ т.т. 19—22 названнаго журнала, подъ заглавіемъ: «Fr. Wilhelm v. Bergholz's, grossfürstlichen Ober-Kammerhern Tagebuch, welches er in Russland von 1721 bis 1725 als Holsteinischer Kammer-junker, geführet hat». Замѣтки дневника начинаются 13 апрѣля 1721 г., въ день, когда авторъ получилъ приказаніе отъ герцога выѣхать изъ Парижа въ Россію, и кончаются 30 сентября 1725 г. Въ 1857—1860 г. изданъ былъ И. Аммономъ полный переводъ этого труда подъ названіемъ «Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца», въ 4-хъ частяхъ (2-ое изданіе 1859 — 1862 г.г.). Историкъ Устряловъ весьма высоко цѣнилъ трудъ Берхгольца: «Никакое историческое художественное изложеніе», говоритъ онъ, «не можетъ дать столь вѣрной идеи о тогдашнемъ времени, какъ простой безъискусственный, съ тѣмъ вмѣстѣ до мелочей отчетливый разсказъ Берхгольца. Дневникъ его... превосходитъ все, что ни писали иноземцы о Петрѣ Великомъ». Похвала эта представляется нѣсколько преувеличенной. Превосходя, дѣйствительно, многихъ современныхъ мемуаристовъ точностью и детальностью описаній, Берхгольцъ уступаетъ имъ въ другихъ отношеніяхъ: въ широтѣ и серьезности знакомства съ современной русской жизнью. Молодой камеръ-юнкеръ, авторъ дневника — наблюдатель отчетливый, безпристрастный, но въ тоже время и крайне мелочный. Главная цѣль его труда описаніе времяпровожденія голштинскаго герцога, при дворѣ котораго онъ состоялъ; основу дневника составляетъ камеръ-фурьерскій жур-

палъ; но Берхгольцъ не ограничился въ немъ замѣтками о выходахъ и пріемахъ герцога, но и подробнѣйшимъ образомъ описывалъ все то, что видѣлъ и слышалъ, сопутствуя своему государю. Поле зрѣнія его — главнымъ образомъ, придворная жизнь, и наблюденія его, поэтому, являются довольно случайными. Страна, народъ, реформа не интересуютъ его сами по себѣ и остаются, за немногими исключеніями, внѣ его узкаго кругозора. Серьезные, вдумчивые наблюдатели, какъ Веберъ или Фокеродтъ, пораженные значеніемъ петровской реформы—революціи, стремились понять ее и объяснить; Юстъ Юль, подавленный геніальной личностью Петра, пристально вглядывался въ него и далъ рядъ тонкихъ психологическихъ замѣчаній. Добросовѣстный же и узкій Берхгольцъ стремился прежде всего записать аккуратно, что дѣлалъ герцогъ, какъ онъ пилъ, какъ постился, болѣлъ и лечился, въ какомъ часу вышелъ изъ дому; и всѣ такія обыденныя мелочи онъ заносилъ въ дневникъ съ такою же обстоятельностью, съ какой описывалъ явленія оригинальныя и значительныя; Бюшингъ, издавая дневникъ, недаромъ счелъ необходимымъ извиниться передъ читателемъ за безразборчивую словоохотливость его автора и выпустилъ нѣкоторыя мѣста. Эти недостатки Берхгольца, какъ писателя и наблюдателя, придаютъ, однако, особую цѣнность его труду, какъ историческому источнику. Безхитростность описаній гарантируетъ ихъ вѣрность, мелочность—сохранила важныя детали. Въ четырехъ книгахъ дневника есть много драгоцѣнныхъ страницъ, которыхъ не обходитъ ни одинъ историкъ, изучающій Петровское время. Фотографическая точность описаній получаетъ громадное значеніе вездѣ, гдѣ предметомъ ихъ является Петръ и крупныя фигуры его помощниковъ. Къ сожалѣнію, Берхгольцъ видѣлъ Петра и Меньшиковыхъ, главнымъ образомъ, на ассамблеяхъ, маскарадахъ, во время вилитовъ, и описывалъ поэтому, преимущественно только «поступки и забавы Императора Петра I», подобно сержанту Канишу. Наибольшее значеніе въ дневникѣ имѣютъ описанія придворныхъ празднествъ, ассамблей, спусковъ кораблей, казней и т. п., дающія любопытныя черты нравовъ.

Государственный Архивъ, разр. XI, письма Берхгольца 1752—1754 г. (подпись: Bergholtz).—«Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца», предисловіе И. Аммона.—Устряловъ, Исторія царствов. Петра В., т. I, LXXIII.—Опись сенат. указ. и постан., т. III, №№ 8809, 9582, 10389, 10768.—Архивъ кн. Воронцова, т. III, с. 616—619, 636, 637.—Голиковъ, Дѣянія Петра В. (2-е изд.), т. IV, VI, XV (Бергольцъ генералъ).—Соловьевъ, т. IV. V.—Отрывки изъ дневника Берхгольца, до изданія Аммона, были напечатаны въ «Отеч. Зап.», 1843 г., № 26 (сентябрь и октябрь 1721 г.) и 1853 г., № 87 (1721 г., апр.—іюнь).

Н. Павловъ-Сильванскій.

Берхинъ, *Іона Борисовичъ*, историкъ, род. въ 1865 г., въ мѣст. Кричевѣ, могилевской губ., ум. въ августѣ 1889 г. въ Москвѣ. Рано потерявъ отца, онъ воспитывался до 14 лѣтъ у дѣда, который сообщилъ ему большія познанія въ древнееврейскомъ языкѣ и литературѣ. Затѣмъ Берхинъ поступилъ въ горыгорецкое земледѣльческое училище, по окончаніи котораго перешелъ въ минское реальное училище и уже на школьной скамьѣ написалъ нѣсколько статей по исторіи евреевъ. Для завершенія образованія Берхинъ поступилъ въ рижскій политехникумъ, но въ сентябрѣ 1888 г. былъ разбитъ параличемъ и для леченія поѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ.—Берхину принадлежатъ слѣдующія работы: 1) Историческая замѣтка (о саббатіанской сектѣ) — въ «Восходѣ», 1883 г., оп. 5—6; 2) Изъ давно минувшаго. I. Андрей Боголюбскій и евреи (ibid., кн. 11 — 12); II. Родъ Багратуни; III. Родъ Аматуни (ibid., кн. 11—12); 3) Еврейскій документъ о посольствѣ св. Владиміра для испытанія вѣры («Кіевская Старина», 1884 г., кн. 12); 4) Сожженіе людей въ Россіи XIII — XVIII вв. («Русская Старина», 1885 г., т. XLV); 5) Извѣстіе о евреяхъ въ Кіевѣ подъ 1018 г. «Восходъ», 1887 г., кн. 7—8); 6) Два врача еврея при Московскомъ дворѣ (ibid., 1888, кн. 3); 7) Что дѣлать съ пожертвованіемъ барона Гирша («Нед. Хрон. Восхода», 1888 г. № 9).

Некрологъ въ «Нед. Хрон. Восхода», 1889 г., № 33.—Словарь Венгерова.

Берхъ, *Амандусъ Борисовичъ*, генералъ-лейтенантъ, образованіе получилъ въ морскомъ корпусѣ, изъ котораго въ 1760 г. былъ выпущенъ въ мичмана. Въ этомъ чинѣ онъ участвовалъ въ кольбергской экспедиціи и дважды совершилъ переходъ Сѣвернымъ океаномъ между Кронштадтомъ и Архангельскомъ, а въ 1769 г., находясь въ эскадрѣ адмирала Спиридова, вышелъ изъ Кронштадта въ Архипелагъ, гдѣ на кораблѣ «Европа» участвовалъ въ чесмен-

скомъ сраженіи и при сожженіи турецкаго флота, потомъ на бомбардирскомъ кораблѣ «Громъ», въ 1771 г., былъ при бомбардированіи Негропонта и Митилино и крейсеровалъ въ Архипелагѣ, откуда берегомъ возвратился въ С.-Петербургъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Въ 1774 и 1775 гг. Берхъ командовалъ пинкомъ Св. Евстафій въ Балтійскомъ морѣ; въ 1779 г., въ чинѣ капитана 2 ранга, онъ командовалъ кораблемъ «Всеволодъ», который, находясь въ ревельской гавани, сгорѣлъ, вслѣдствіе чего Берхъ по суду получилъ выговоръ за слабое содержаніе караула; но это обстоятельство не повредило служебной дѣятельности Берха, и онъ въ томъ же году, командуя порученнымъ ему кораблемъ «Преслава», крейсеровалъ въ Сѣверномъ океанѣ у острова Кильдина въ эскадрѣ к.-а. Хметевскаго. Пользуясь репутаціей опытнаго моряка, Берхъ ежегодно потомъ командовалъ военными судами въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1781 г., командуя кораблемъ «Пантелеймонъ», совершилъ дальнее заграничное плаваніе въ Средиземное море и по возвращеніи получилъ чинъ капитана 1 ранга. Послѣднюю кампанію Берхъ сдѣлалъ въ 1788 г., когда началась война съ Швеціею, и онъ, командуя кораблемъ «Владиславъ», вышелъ съ флотомъ, подъ начальствомъ адмирала Грейга, изъ Кронштадта на встрѣчу непріятельскому флоту. Эта встрѣча состоялась при островѣ Гогландѣ, гдѣ произошло сраженіе, окончившееся нашею побѣдою. Въ разгарѣ боя корабль «Владиславъ» вышелъ за линію и попалъ въ средину непріятельскихъ судовъ, съ которыми продолжалъ биться, но былъ взятъ ими въ плѣнъ, съ совершенно избитымъ корпусомъ и рангоутомъ, поврежденнымъ рулемъ, сбитыми якорями и нѣсколькими разорванными отъ усиленной пальбы пушками. По возвращеніи изъ плѣна, Берхъ занималъ уже исключительно береговыя должности, сперва оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссара, затѣмъ главнаго командира рижскаго порта. Въ 1795 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1799 г. — въ генералъ-лейтенанты. 12 ноября 1800 г. Берхъ былъ уволенъ отъ службы.

Общій морской списокъ. Т. II.

С. О.

Берхъ, *Борисъ*, переводчикъ адмиралтействъ-коллегіи, род. въ 1706 г. ум. въ 1790 г. Сынъ флотскаго капитана, Берхъ состоялъ въ службѣ съ 1722 г. переводчикомъ при адмиралтействъ-коллегіи, а въ 1746 г. былъ сдѣланъ секретаремъ этой коллегіи, но въ то же время оставленъ и переводчикомъ; послѣднее званіе онъ сохранилъ и при назначеніи его въ 1764 г. секретаремъ въ штабѣ Его Императорскаго Величества. Изъ переводовъ Берха извѣстны: «Атласъ рѣки Дона, поднесенный Наслѣднику принцу Алексѣю Петровичу вице-адмираломъ Крейсомъ въ 1699 г.» (Переводъ исполненъ около 1750 г., но въ печати появился въ 1824 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», т. XX и XXI) и «Новый большой свѣтильникъ моря» (съ голландскаго, ок. 1765 г.).

А. Соколовъ, «Русская морская библіотека. 1701—1851 г.» (Спб., 1883 г.).

Берхъ, *Василій Николаевичъ*, историкъ, род. въ Москвѣ 18 мая 1781 г., ум. 21 декабря 1834 г. въ С.-Петербургѣ. Поступивъ въ морской кадетскій корпусъ, Берхъ въ 1797 г. былъ произведенъ въ гардемарины, а въ 1799 г. выпущенъ мичманомъ въ балтійскій флотъ и назначенъ въ эскадру, посланную въ помощь англичанамъ для освобожденія Голландіи отъ французовъ. Послѣ этой экспедиціи Берхъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Англіи и вполнѣ овладѣлъ англійскимъ языкомъ. Въ 1803 г. онъ получилъ предложеніе принять участіе въ первой русской кругосвѣтной экспедиціи на кораблѣ Нева, подъ командою капитана Лисянскаго. Страстно любя путешествія, Берхъ съ радостью принялъ это предложеніе. Вернувшись въ Россію въ 1806 г., онъ получилъ чинъ лейтенанта и пенсію по 800 руб. въ годъ. Въ 1808 году Берхъ представилъ составленную имъ карту русско-американскихъ владѣній и за этотъ трудъ былъ награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ. Въ 1809 г. болѣзнь заставила Берха отказаться отъ морской службы, и черезъ годъ онъ уѣхалъ въ Пермь совѣтникомъ казенной палаты. Вскорѣ послѣ кругосвѣтнаго плаванія Берхъ выступилъ на литературное поприще. Въ 1807 г. онъ издалъ переводъ англійской книги Вита «Жизнь и дѣянія лорда Вискона Нельсона», въ 1808 г. — «Путешествія по Сѣверной Америкѣ къ Ледовитому морю и Тихому океану, совершенныя господами Херномъ и Мякензіемъ» (переводъ съ англійскаго), а въ 1809 г. перевелъ «Коранъ, или жизнь, характеръ и чувства Лаврентія Стерна»; въ томъ же году Берхъ помѣстилъ рядъ мелкихъ ста-

тей и замѣтокъ въ «Сѣверномъ Меркуріи». Отъѣздъ въ Пермь прервалъ литературную дѣятельность Берха на восемь лѣтъ. За это время онъ, ничего не печатая, собиралъ историческіе матеріалы въ Пермскомъ краѣ, главнымъ образомъ въ Чердыни и Соликамскѣ, куда ѣздилъ изъ Перми съ ученою цѣлью; впослѣдствіи Берхъ опубликовалъ эти матеріалы въ книгѣ: «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей» (Спб., 1821). Еще живя въ Перми, Берхъ въ 1817 г. издалъ въ С.-Петербургѣ брошюру: «Описаніе несчастнаго кораблекрушенія фрегата Россійско-Американской компаніи Невы, послѣдовавшаго близь береговъ Ново-Архангельскаго порта», а затѣмъ помѣстилъ въ «Сынѣ Отечества» (1818—1820 гг.), «Благонамѣренномъ» (1818 г.) и «Вѣстникѣ Европы» (1820 г.) рядъ статей, преимущественно по исторіи географическихъ открытій. Литературная дѣятельность Берха стала особенно плодовитой съ 1821 г., когда онъ снова перешелъ на службу въ С.-Петербургъ, въ адмиралтейскій департаментъ, съ прежнимъ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Разбирая архивъ департамента, онъ нашелъ въ немъ богатѣйшій матеріалъ по исторіи флота и занялся научной разработкой этого матеріала, не оставляя въ тоже время работъ по исторіи географическихъ открытій. Въ теченіе 20-хъ годовъ Берхъ издалъ отдѣльными книгами, кромѣ помянутаго уже «Путешествія въ Чердынь и Соликамскъ», еще слѣдующіе труды: «Древнія государственныя грамоты, наказныя памяти и челобитныя» (изъ пермскихъ же архивовъ; Спб. 1821); «Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны» (2 ч., Спб., 1821—23): «Хронологическая исторія открытія Алеутскихъ острововъ или подвиги россійскаго купечества» (Спб. 1823); «Первое морское путешествіе Россіянъ» (Беринга; Спб. 1823); «Взглядъ на исторію Великобританскаго флота» (Спб. 1828); «Собраніе писемъ Императора Петра I къ разнымъ лицамъ, съ отвѣтами на оныя» (4 ч., Спб., 1829—30). Въ послѣдней книгѣ Берху принадлежатъ только примѣчанія и указатель, самыя же письма были собраны адмираломъ А. И. Нагаевымъ и изданы Берхомъ по копіямъ Нагаева, безъ свѣрки съ оригиналами и не безъ искаженій текста. Есть свѣдѣнія, что обиліе изданій Берха за 1821—1823 г.г. объясняется матеріальной и нравственной поддержкой, оказанной ему гр. Н. П. Румянцовымъ. Въ тоже время Берхъ продолжалъ сотрудничать въ различныхъ журналахъ, помѣщая географическія статьи въ «Сынѣ Отечества» (1821, 1822 и 1829 г.г.), «Сѣверномъ Архивѣ» (1822, 1823, 1825, 1826 г.г.), «Новостяхъ литературы» (1822 и 1823 г.г.), «Русскомъ Инвалидѣ» (1823 г.), «Запискахъ, изд. Адмиралтейскимъ Департаментомъ» (1824—1827 г.г.), «Московскомъ телеграфѣ» (1825, 1826, 1828 г.г.), «Горномъ Журналѣ» (1826, 1828 г.г.), «Сѣверной Пчелѣ» (1828 г.) и «Славянинѣ» (1828 и 1830 г.г.). Назначенный, по Высочайшему повелѣнію, въ 1828 г. къ продолженію исторіи русскаго флота, Берхъ въ послѣдніе годы жизни печаталъ «Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота» (4 ч., Спб., 1831, 33, 34 и 36 г.г.), основанныя на архивномъ матеріалѣ адмиралтейскаго департамента, и издалъ три книги по исторіи Россіи въ XVII в.: «Царствованіе царя Алексѣя Михаиловича» 2 ч., Спб. 1831 г. «Царствованіе царя Михаила Ѳедоровича и взглядъ на междуцарствіе» (2 ч., Спб., 1832) и «Царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича и исторія перваго стрѣлецкаго бунта» (2 ч., Спб., 1834). Послѣдніе три труда основаны на случайномъ матеріалѣ и далеки отъ полноты и точности истинно-научныхъ изслѣдованій; кромѣ того, стремленіе автора къ внѣшней занимательности изложенія не сопровождается яснымъ пониманіемъ эпохи и характера историческихъ дѣятелей. Въ журналахъ 30-хъ годовъ («Сынѣ Отечества» за 1831 г. и «Русскомъ Инвалидѣ» за 1831, 1832, 1834 и 1836 г.г.) помѣщено нѣсколько статей Берха, находящихся въ связи съ работами по «Жизнеописаніямъ адмираловъ». Въ общемъ, Берхъ напечаталъ въ разныхъ журналахъ за разные годы 81 статью, изъ коихъ нѣкоторыя выходили потомъ отдѣльными оттисками. Кромѣ того, послѣ него осталась въ рукописи «Исторія географическихъ открытій Россіянъ», отрывки изъ которой онъ помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ. Наконецъ, Берхъ принималъ участіе въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара. Берхъ былъ членомъ королевскаго Копенгагенскаго общества сѣверныхъ древностей, горнаго ученаго комитета, Вольнаго Общества лю-

бителей словесности, наукъ и художествъ и Вольнаго Общества любителей россійской словесности. Движеніе Берха по службѣ послѣ возвращенія въ Петербургъ было слѣдующее: въ 1823 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ адмиралтейскаго департамента, въ 1827 г. — почетнымъ членомъ ученаго комитета морского штаба, произведенъ въ подполковники корпуса флотскихъ штурмановъ и назначенъ начальникомъ отдѣленія въ гидрографическое депо, а 6 декабря 1830 г. произведенъ въ полковники. Кромѣ того онъ участвовалъ въ различныхъ коммиссіяхъ: о составленіи общаго тарифа (1822 г.), по разсмотрѣнію проектовъ о телеграфахъ и пр. За труды свои по исторіи флота и по XVII вѣку Берхъ неоднократно удостоивался Высочайшихъ цѣнныхъ подарковъ.

Словари: Плюшара, Зедделера, Снегирева, Толя, Клюшникова, Березина, Геннади, Ефрона, Венгерова (статья М. Мазаева и полный перечень всего, написаннаго Берхомъ).—Письма гр. Н. П. Румянцова къ В. Н. Берху, съ предисловіемъ М. И. Семевскаго и съ примѣчаніями Е. Е. Замысловскаго, въ «Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи», вып. 6. — Записки ученаго комитета главнаго морскаго штаба, ч. XII.— А. Соколовъ, въ «Запискахъ гидрографическаго деп-та», т. VIII—X.—Общій морской списокъ, т. VI.—Русская морская библіографія. *С. А.*

Берхъ, *Морицъ Борисовичъ*, адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта, главный командиръ черноморскаго флота, род. въ 1776 г., ум. въ 1860 г. Воспитывался Берхъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ мичманы въ 1797 г. Въ первые годы по выпускѣ изъ корпуса Берхъ плавалъ на судахъ балтійскаго флота у береговъ Англіи и Голландіи и на 6-мъ году службы, еще въ чинѣ мичмана, уже былъ сдѣланъ командиромъ тендера Дельфинъ, на которомъ плавалъ въ Финскомъ заливѣ, а потомъ на коммерческомъ судне ходилъ въ Лондонъ и Лиссабонъ. Въ 1806 г., на принадлежащемъ Россійско-Американской компаніи кораблѣ «Нева», Берхъ отправился изъ Кронштадта къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки и до 1809 г. состоялъ на службѣ Россійско-Американской компаніи, а по возвращеніи въ Кронштадтъ прослужилъ 7 лѣтъ въ балтійскомъ флотѣ, командуя разными судами. Въ 1817 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, Берхъ былъ назначенъ на должность директора черноморскихъ и азовскихъ маяковъ, исполняя которую былъ съ 1822 по 1824 г. начальникомъ экспедиціи по описи Чернаго моря и директоромъ флотскаго училища въ Севастополѣ. Произведенный въ 1824 г. въ капитаны 2 ранга, Берхъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ капитаномъ надъ Севастопольскимъ портомъ. Въ 1827 г., съ учрежденіемъ корпуса флотскихъ штурмановъ, Берхъ былъ переведенъ въ штурманскіе полковники, съ назначеніемъ инспекторомъ корпуса штурмановъ черноморскаго флота и съ утвержденіемъ въ должности директора черноморскихъ маяковъ. Въ 1829 г. Берхъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1838 г.— въ генералъ-лейтенанты. Кромѣ того, Берхъ съ 1831 г. предсѣдательствовалъ въ комитетѣ по устройству въ Севастополѣ доковъ, а съ 1832 г. управлялъ гидрографическимъ отдѣленіемъ штаба черноморскаго флота и портовъ. Въ 1849 г. Берхъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, а черезъ годъ опять возвратился на Черное море, уже въ качествѣ исправляющаго должность главнаго командира черноморскаго флота и съ переименованіемъ въ вице-адмиралы. Въ 1852 г. онъ произведенъ въ адмиралы.

Общій морской списокъ, ч. VI.

Н. К—въ.

Беръ, камеръ-музыкантъ, кларнетистъ опернаго оркестра Императорскихъ театровъ. Съ 1 мая 1783 г. онъ принятъ былъ на службу по дирекціи театровъ «для концертовъ и оперъ» съ жалованіемъ по 1,600 руб. въ годъ, при чемъ, по Высочайшему приказанію, съ нимъ заключенъ былъ контрактъ на три года. По истеченіи этого срока Беръ продолжалъ служить безъ контракта на прежнихъ основаніяхъ: въ 1790 г. онъ былъ назначенъ концертмейстеромъ и 23 октября того же года отправленъ былъ дирекціей за границу на два мѣсяца «для пріисканія въ Богеміи нужныхъ для наполненія оркестра музыкантовъ», о чемъ получилъ особую инструкцію. Съ 1 мая 1792 г. Беръ оставилъ службу.

Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб. 1892 г.

Бессель, *Александръ Васильевичъ*, математикъ, профессоръ новороссійскаго университета, род. въ С.-Петербургѣ въ 1839 г., ум. въ Одессѣ 3 мая 1870 г. По окончаніи въ 1861 г. курса въ петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету, Бессель былъ командированъ

весною 1862 г. за границу для спеціальнаго изученія прикладной математики; въ 1865 г., возвратившись изъ-за границы, онъ защитилъ диссертацію на степень магистра чистой математики, па тему «О приведеніи интеграловъ ирраціональныхъ функцій къ эллиптическимъ», и, вслѣдъ затѣмъ, былъ допущенъ къ преподаванію, на правахъ приватъ-доцента, теоріи эллиптическихъ функцій въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1867—68 г. Бессель вторично ѣздилъ за границу; съ 15 августа 1868 г. онъ снова читалъ лекціи въ университетѣ; въ декабрѣ того же года онъ защитилъ диссертацію на степень доктора чистой математики («Объ инваріантахъ простѣйшихъ системъ совокупныхъ бинарныхъ формъ»). Въ маѣ 1869 г. Бессель былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ новороссійскаго университета по каѳедрѣ сначала чистой математики, а потомъ—прикладной математики. Въ «Запискахъ Императорской Академіи Наукъ» Бессель помѣстилъ нѣсколько статей по своей спеціальности.

В. В. Григорьевъ, «Импер. Спб. университетъ».—Словари: Андреевскаго, Геннади, Брокгауза, Венгерова.—Маркевичъ, «Двадцатипятилѣтіе И. Новор. ун.»—Драшусовъ, «Бессель, жизнь и труды его» (въ «Ж. М. Н. Пр.», ч. LV, отд. V, стр. 1).

Бессеръ, *Викторъ Виллибальдовичъ*, профессоръ военно-медицинской академіи, сынъ проф. В. Г. Бессера, род. 24 марта 1825 г., въ г. Кременцѣ, волынской губ., ум. 15 апрѣля 1890 г. Воспитывался онъ въ Кіевѣ, сначала въ пансіонѣ Чекановскаго, курсъ котораго окончилъ съ похвальнымъ листомъ въ 1835 г., а затѣмъ, съ 1836 до 1841 г. обучался въ 1-й кіевской гимназіи. Въ 1841 г. Бессеръ поступилъ на «I отдѣленіе философскаго факультета», т. е. на историко-филологическій факультетъ кіевскаго университета, который окончилъ въ 1845 г. съ званіемъ кандидата. Не чувствуя призванія къ педагогической дѣятельности, Бессеръ черезъ годъ поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, причемъ, какъ кандидатъ филологическаго факультета, получилъ стипендію баронета Виллiе, предоставившую ему большія матеріальныя средства и преимущества въ научной карьерѣ. Въ университетѣ Бессеръ много работалъ у А. И. Полунина, І. В. Варвинскаго, Иноземцева, Басова и другихъ талантливыхъ профессоровъ, весною 1851 г. блестяще выдержалъ выпускныя испытанія и былъ удостоенъ степени «лѣкаря съ отличіемъ» (medicus cum eximia laude). По окончаніи курса Бессеръ поѣхалъ на казенный счетъ въ Аѳины, черезъ Кіевъ, Одессу, Константинополь и Смирну, а отсюда отправился въ Вѣну, медицинская школа которой пользовалась уже тогда громкой славой. Изъ Вѣны Бессеръ переѣхалъ въ Прагу, гдѣ учился у прославившагося распознаваніемъ болѣзней сердца Гамерника, который отличался крайнимъ скептицизмомъ по отношенію къ терапіи. Затѣмъ Бессеръ ознакомился съ берлинскими профессорами и съ новой вюрцбургской школой, представители которой сдѣлали крупныя открытія въ микроскопической анатоміи и общей патологіи. Особенно заинтересовался Бессеръ трудами Шлейдена и Шванна, создавшихъ ученіе о клѣткѣ, и Вирхова, разрабатывавшаго свою знаменитую целлюлярную патологію. Посѣтивъ Италію, Бессеръ нашелъ тамъ сильный упадокъ врачебныхъ наукъ. Изъ Италіи Бессеръ поѣхалъ во Францію, гдѣ увлекся открытіями французской школы клиницистовъ, оказавшихъ сильнѣйшее вліяніе на дальнѣйшее развитіе его научныхъ воззрѣній. Въ концѣ своего путешествія Бессеръ посѣтилъ Англію. Кромѣ того, онъ осмотрѣлъ и изучилъ выдающіеся по своему значенію курорты минеральныхъ водъ и собралъ матеріалъ для своей работы «Терапевтическое значеніе минеральныхъ водъ». Вернувшись въ Россію въ августѣ 1854 г., онъ напечаталъ въ «Московскомъ врачебномъ журналѣ» подробный отчетъ о своемъ заграничномъ путешествіи. Затѣмъ, зимой 1854—5 г. онъ сдалъ экзамены на степень доктора медицины и окончилъ свою работу (De therapeutica aquarum mineralium actione), которая послужила ему диссертаціей на степень доктора медицины. Весной того-же года онъ прочелъ пробную лекцію, въ которой представилъ общіе выводы и направленіе современной ему медицины. «Стремленіе современной медицины», говорилъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобы стать на ряду съ другими естественными науками, употребляя способы изслѣдованія, имъ свойственные, руководясь тѣми-же идеями и тѣмъ-же планомъ при своихъ наблюденіяхъ. Школа анатомо-патологическая больше всѣхъ другихъ приняла это стремленіе и принесла самую значительную пользу, изучая болѣзни, проявленіе ихъ и лѣченіе съ чисто раціональной точки зрѣ-

нія; труды ея будутъ угольнымъ камнемъ блестящаго будущаго». Очертивъ состояніе современныхъ ему медицинскихъ школъ, Бессеръ высказалъ мнѣніе, что въ нѣмецкихъ госпиталяхъ «больной—лишь объектъ, на которомъ учатся діагностикѣ. Но никому не придетъ въ голову, что этотъ больной тоже человѣкъ, одаренный тѣмъ-же чувствомъ, какъ мы... Въ госпиталяхъ Франціи и Англіи этотъ вопросъ находитъ другое рѣшеніе; болѣе практическій умъ западныхъ врачей понялъ, что госпитали должны быть устроены соотвѣтственно потребностямъ бѣдныхъ классовъ, которые нужно привлечь хорошимъ обхожденіемъ и христіанскою любовью». Въ сентябрѣ 1855 г. Бессеръ былъ назначенъ наставникомъ молодыхъ врачей въ 1-й сухопутный (нынѣ Николаевскій) военный госпиталь, съ правами профессоровъ университетовъ. Черезъ мѣсяцъ медицинскій департаментъ командировалъ его во 2-й сухопутной (нынѣ клиническій) госпиталь, гдѣ конференція академіи поручила Бессеру руководство студентами третьяго курса въ діагностикѣ и завѣдываніе пятью палатами во второмъ терапевтическомъ отдѣленіи госпиталя. Здекауэръ уступилъ Бессеру часть теоретическихъ лекцій по діагностикѣ и подѣлилъ съ нимъ и съ А. П. Бородинымъ студентовъ для обученія ихъ пріемамъ объективнаго медицинскаго изслѣдованія. Лѣтомъ 1857 г. Бессеръ былъ командированъ за границу для изученія госпиталей. Результатомъ поѣздки былъ его отчетъ «Объ отопленіи и провѣтриваніи госпиталей». Осенью 1859 г. Бессеру было временно поручено веденіе клиники командированнаго за границу профессора Мяновскаго на пятомъ курсѣ академіи. Въ тоже время Бессеръ продолжалъ чтеніе лекцій въ клиникѣ 3 курса. 17 декабря 1860 г. конференція академіи единогласно избрала Бессера профессоромъ на каѳедру общей патологіи, терапіи и діагностики (на мѣсто Здекауэра). Получивъ каѳедру въ академіи, Бессеръ продолжалъ руководить занятіями молодыхъ врачей. Профессорская дѣятельность Бессера совпала съ эпохою преобразованія академіи, и онъ выступилъ горячимъ защитникомъ развитія института доцентуръ, ожидая отъ него поднятія уровня знаній среди преподавателей. Преподаванію своему, весьма добросовѣстному, онъ придавалъ по возможности демонстративный характеръ и требовалъ отъ своихъ слушателей тщательнаго ознакомленія съ новѣйшими способами изслѣдованія болѣзней, но лабораторныхъ трудовъ въ клиникѣ Бессера почти не производилось, пока при каѳедрѣ его не появился вернувшійся изъ-за границы институтскій врачъ В. А. Манассеинъ, весьма энергично принявшійся за работу и привлекшій въ лабораторію клиники цѣлый рядъ новыхъ работниковъ, между которыми было много талантливыхъ и энергичныхъ (Бубновъ, Стольниковъ, Засѣцкій, Костюринъ, Тумасъ и мн. др.). Съ весны 1866 г. до весны 1875 г. помощникомъ Бессера по каѳедрѣ состоялъ Э. Э. Эйхвальдъ, которому Бессеръ передалъ чтеніе общей терапіи и отчасти діагностики и для этого уступилъ ему двѣ лекціи изъ 5, которыя читалъ въ первые годы своей дѣятельности. Съ 1875 г. мѣсто Эйхвальда заступилъ Манассеинъ, а затѣмъ Чудновскій, и Бессеръ продолжалъ читать только общую патологію и діагностику. Въ 1866 году при каѳедрѣ Бессера было устроено ушное отдѣленіе, въ которомъ работалъ д-ръ Насиловъ; отдѣленіе это существовало около 2 лѣтъ. Съ весны 1870 г. до выхода Бессера въ отставку при каѳедрѣ его состоялъ въ качествѣ ассистента д-ръ Чесноковъ. Въ 1877 г. окончился 25-лѣтній срокъ службы Бессера: соглашаясь остаться въ Академіи на добавочное пятилѣтіе, Бессеръ въ то-же время не желалъ подвергнуться баллотировкѣ, которая тѣмъ не менѣе состоялась; 16 декабря 1877 г. Бессеръ былъ забаллотированъ и уволенъ изъ академіи. Главный военно-медицинскій инспекторъ Козловъ предложилъ ему мѣсто клиническаго профессора въ тифлисскомъ военномъ госпиталѣ, но Бессеръ, крайне обиженный этимъ предложеніемъ, испросилъ для себя у военнаго министра Милютина назначеніе въ военно-медицинскій ученый комитетъ (безъ содержанія). По выходѣ въ отставку Бессеръ, кромѣ службы въ ученомъ комитетѣ, продолжалъ работать въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и много занимался частной практикой, которая была у него громадна. Еще при жизни онъ пожертвовалъ кіевскому университету 14,000 руб. на учрежденіе 2-хъ стипендій, а по завѣщанію оставилъ болѣе 100 тысячъ рублей на учрежденіе стипендій въ гимназіяхъ и университетахъ и кромѣ того обезпечилъ свою семью весьма значительными средствами. Бессеръ оста-

вилъ послѣ себя рядъ талантливыхъ учениковъ, какъ Манассеинъ, Суботинъ, Пасиловъ и мн. др. Печатные труды Бессера немногочислены. Кромѣ упомянутой выше диссертаціи и брошюры о госпиталяхъ, онъ помѣстилъ въ «Московскомъ врачебномъ журналѣ» рядъ отчетовъ о своихъ заграничныхъ наблюденіяхъ и напечаталъ статьи: Отчетъ о терапевт. отдѣленіи 2 в.-сухоп. с.-петерб. госпиталя («Прот. засѣд. общ. русск. врачей въ Спб.» 1857—1858 г.); Hauptbericht über die Cholera-Epidemie etc. redig. v. Dr. A. Martin. Критика («Библ. мед. наукъ изд. подъ ред. М. Хана», 1858 г.); Lehrbuch v. dr. H. Bamberger. Критика (тамъ-же, 1858 г.); Des dyspépsies, par le prof. Chomel. Критика (тамъ-же, 1859 г.); Нѣсколько словъ о выборѣ профессоровъ («Мед. вѣстн.», 1862 г.); Случай отравленія белладонною («Мед. вѣстн.», 1864 г.); Къ казуистикѣ бугорчатки («Мед. вѣстн.», 1869 г.).

Верекундовъ, «Истор. очеркъ каѳ. діагност. и общей терапіи въ И. В. М. Академіи».—Протоколы конфер. И. В. Мед. Акад. за различные года.—«Врачъ», 1890 г., № 16, стр. 380 (некрол.).—«Исторія И. В. М. Акад., составл. подъ ред. проф. Ивановскаго». Спб. 1898. — Словари: Венгерова и Брокгауза. *Н. Кульбинъ.*

Бессеръ, *Виллибальдъ Готлибовичъ*, докторъ медицины, ординарный профессоръ ботаники въ университетѣ св. Владиміра, род. въ г. Инспрукѣ 7 іюля 1784 г., ум. 11 октября 1842 г. Потерявъ въ дѣтствѣ родителей, Бессеръ воспитывался у своего родственника Шиверскаго, профессора львовскаго университета. По окончаніи гимназическаго курса въ львовской гимназіи, Бессеръ поступилъ въ краковскій университетъ, гдѣ особенно усердно занимался ботаникой и медициною. Въ 1807 г. онъ получилъ степень доктора медицины, а съ апрѣля 1808 г. назначенъ ассистентомъ при клиникѣ краковскаго университета. Съ 20 августа 1809 г. начинается дѣятельность Бессера въ Россіи—поступленіемъ его, въ качествѣ преподавателя ботаники и зоологіи, въ кременецкую гимназію, переименованную въ 1818 г. въ лицей; кромѣ того онъ принялъ на себя званіе директора ботаническаго сада той же гимназіи. Благодаря его стараніямъ, кременецкій ботаническій садъ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ лучшихъ въ Россіи. Здѣсь занятія Бессера продолжались до самаго закрытія лицея. Въ то же время онъ занимался составленіемъ гербарія, для чего предпринималъ поѣздки въ различныя мѣстности юго-западнаго края, а также описаніемъ флоры волынской, подольской, кіевской и др. губерній. Съ основаніемъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, 31 января 1834 г., Бессеръ назначенъ ординарнымъ профессоромъ ботаники при этомъ университетѣ, гдѣ прослужилъ до 1837 г., когда вышелъ въ отставку. Университетъ св. Владиміра еще при жизни Бессера купилъ его обширную библіотеку, а составленный имъ гербарій, заключавшій въ себѣ растенія всѣхъ странъ свѣта, университетъ пріобрѣлъ уже послѣ смерти Бессера. Кромѣ ботаники, Бессеръ занимался энтомологіей, о чемъ свидѣтельствуетъ оставленная имъ кіевскому университету коллекція насѣкомыхъ. Онъ производилъ также немало отдѣльныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ изученіе мало извѣстнаго рода artemisia, которому онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ. Рядъ статей по этому предмету напечатанъ въ запискахъ московскаго общества любителей естествознанія. Изъ многочисленныхъ сочиненій и монографій Бессера особеннаго вниманія заслуживаютъ: «Primitiae Florae Galiciae austriacae utriusque» (Viennae, 1899, 2 т.), «Enumeratio plantarum hucusque in Volhynia, Podolia, gub. Kiioviensi, Bessarabia cis-tyraica et circa Odessam collectarum» (Vilnae, 1822), «Przepisy do układania zielników (Вильна, 1827); «Aperçu de la géographie physique de Volhynie et de Podolie» (Kremieniez, 1823; на польскомъ языкѣ издана въ Вильнѣ въ 1828 г.), Nazwiska roślin Grekom starożytnym znanych, na język polski przetłumaczone» (Wilno, 1828); «Ueber die Flora des Baikals» (1834); «Enumeratio Artemisiarum» (Bull. de la Soc. de Nat. de Moscou I, IX, 1836). Кромѣ того, Бессеромъ изданы одиннадцать каталоговъ растеній кременецкаго сада.

Словари: Геннади, Старчевскаго, Андреевскаго, Булларе, Венгерова. — «Слов. проф. кіевск. ун.» Иконникова.—Шульгинъ, «Истор. унив. св. Владиміра».—Прибавленіе къ «Ж. М. Н. Пр.», 1843 г., XI, стр. 89. — Верекундовъ, «Историч. очеркъ каѳедры діагност. и общей терапіи».—«Изв. Имп. Общ. люб. естествозн.» т. III, лист. 25-й.

Бестужевъ (Марлинскій), *Александръ Александровичъ*, писатель, род. 23 октября 1797 г. ум. 7 іюля 1837 г. Дѣтство его, по словамъ брата, М. А. Бестужева, протекло въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Отецъ его былъ человѣкъ образованный, душою преданный наукѣ и просвѣщенію.

«Нашъ домъ, — разсказываетъ М. А. Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, —былъ богатымъ музеумомъ въ миніатюрѣ... Будучи вседнევно окружены столь разнообразными предметами, вызывавшими дѣтское любопытство, пользуясь во всякое время доступомъ къ отцу..., слушая его толки и разсужденія съ учеными, артистами и мастерами, мы невольно... всасывали всѣми порами нашего тѣла благотворные элементы окружающихъ насъ стихій... «Прилежный Саша» (т. е. Александръ Александровичъ), читалъ такъ много, съ такою жадностью, что отецъ часто бывалъ принужденъ на время отнимать у него ключи отъ шкафовъ... Тогда онъ промышлялъ себѣ книги контрабандой — какіе либо романы или сказки». 10-ти лѣтъ А. А. поступилъ въ горный корпусъ. По словамъ брата, А. А. былъ крайне впечатлительной, экзальтированной натурой. Въ корпусѣ онъ постоянно былъ первымъ или изъ первыхъ, хотя не любилъ математики и нѣмецкаго языка. Литературныя наклонности въ немъ сказались еще на ученической скамьѣ. Будучи въ корпусѣ, онъ велъ дневникъ. «Непонятно,—говоритъ братъ его,—какимъ образомъ, при однообразной корпусной обстановкѣ, онъ ежедневно находилъ столько силъ въ своей ребяческой головкѣ, чтобы наполнить цѣлыя страницы дневника, не повторяясь въ описаніяхъ происшествій обыденной жизни или въ изображеніи длинной галлереи портретовъ, смѣняя веселый тонъ на болѣе серьезный и даже иногда впадая въ сентиментальность». Особенно хороша была та часть дневника, въ которой Бестужевъ въ каррикатурѣ чертилъ портреты своихъ товарищей, учителей, офицеровъ и даже служителей. «Очарованный лѣсъ» былъ вторымъ произведеніемъ юнаго Бестужева. Это была пьеса въ 5 актовъ, составленная для домашняго кукольнаго театра. Въ этихъ двухъ раннихъ произведеніяхъ будущаго Марлинскаго, по словамъ его брата, сказались его недостатки и достоинства какъ писателя. «Недостатокъ цвѣтистаго слога, говоритъ М. А., былъ у него врожденный». Вообще Бестужевъ былъ мальчикомъ талантливымъ, но увлекающимся то тѣмъ, то другимъ. Послѣ первыхъ литературныхъ опытовъ, онъ началъ увлекаться театромъ. «Упражненія подъ руководствомъ художниковъ—разсказываетъ братъ,—такъ развили его декораторскій талантъ, что когда впослѣдствіи въ горномъ корпусѣ образовался театръ, Александръ былъ главнымъ декораторомъ и костюмеромъ. Братъ бралъ всегда роли самыя эффектныя». За увлеченіемъ театромъ послѣдовало увлеченіе морской службой, съ которой Бестужевъ познакомился, поживъ нѣсколько времени на кораблѣ у старшаго брата, Николая, тогда гардемарина. Бестужевъ вымолилъ у матери согласіе на оставленіе горнаго корпуса и началъ дѣятельно готовиться къ экзамену на гардемарина. Вскорѣ, однако, онъ оставилъ это намѣреніе, за трудностью высшей математики, и принялся было за изученіе артиллеріи и фортификаціи; въ концѣ же концовъ, онъ поступилъ юнкеромъ въ л.-гв. драгунскій полкъ, по предложенію генерала Чичерина. Черезъ годъ, въ 1818 г., онъ былъ произведенъ въ офицеры. Драгунскій полкъ стоялъ тогда въ Петергофѣ, и Бестужевъ жилъ въ Марли, почему первая его критическая статья (въ 1821 г. «Письмо къ издателямъ» «Сына отечества») появилась подъ псевдонимомъ Марлинскаго (Марли-небольшой, двухъ-этажный, каменный дворецъ въ Петергофѣ, при входѣ въ нижній садъ; онъ построенъ при Петрѣ II и названъ Марли, по примѣру такого же дворца, находящагося въ окрестностяхъ Парижа). Первымъ печатнымъ произведеніемъ Бестужева, помѣщеннымъ въ «Сынѣ Отечества» 1819 г., ч. 52, стр. 180—181, былъ «Отрывокъ изъ комедіи Оптимистъ». За нимъ послѣдовалъ рядъ переводовъ и оригинальныхъ статей по исторіи, промышленности, исторіи литературы; онѣ помѣщались главнымъ образомъ въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія». 15 ноября 1820 г. Бестужевъ, тогда уже поручикъ драгунскаго полка и адъютантъ при главноуправляющемъ вѣдомствомъ путей сообщенія Бетанкурѣ, былъ избранъ членомъ Общества любителей россійской словесности. Первымъ произведеніемъ Бестужева, обратившемъ на себя вниманіе публики и критики, была его «Поѣздка въ Ревель». Сначала это путешествіе печаталось въ «Соревнователѣ», а затѣмъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ. За нимъ послѣдовалъ рядъ критическихъ статеекъ въ томъ же журналѣ и въ «Сынѣ Отечества». Въ 1821 г. Бестужевъ былъ избранъ цензоромъ библіографіи Общества при журналѣ «Соревнователь» и оставался въ этомъ званіи до своей ссылки, т. е. въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Въ первой половинѣ 1822 г. Бестужевъ задумалъ, вмѣстѣ съ

К. Ѳ. Рылеевымъ, издавать альманахъ—типъ изданія, не появлявшійся у насъ со временъ карамзинскихъ «Аонидъ». Въ 1823 г. дѣйствительно вышла въ свѣтъ «Полярная звѣзда», встрѣченная единодушными похвалами журналовъ и имѣвшая среди публики огромный успѣхъ, что объясняется сотрудничествомъ въ ней лучшихъ тогдашнихъ силъ нашей литературы—А. С. Пушкина, Крылова, Жуковскаго, Дельвига, Баратынскаго, и др. Въ «Полярной звѣздѣ» 1823 г. особенно замѣчательна статья Бестужева: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», изъ-за которой возгорѣлась полемика. Имѣли успѣхъ среди публики также его повѣсти «Романъ и Ольга» и «Вечеръ на бивуакѣ». «Полярная звѣзда» продолжала выходить въ 1824 и 1825 гг., имѣя тотъ же шумный успѣхъ, какъ и раньше. Въ этомъ замѣчательномъ по своему времени альманахѣ Бестужевъ напечаталъ за 1824 и 1825 гг. «Взгляды на русскую литературу въ теченіе 1823 и 1824 гг.», цѣлый рядъ мелкихъ рецензій, поименованныхъ въ статьѣ о Бестужевѣ г. Семевскаго, нѣсколько беллетристическихъ произведеній, какъ «Замокъ Нейгаузенъ», «Романъ въ семи письмахъ», «Ревельскій турниръ» и др. Послѣднія произведенія имѣли меньшій успѣхъ, чѣмъ его обзоры литературы, интересовавшіе всѣхъ. Несмотря на кратковременность, критическая дѣятельность Бестужева оставила замѣтный слѣдъ въ исторіи русской литературы: Марлинскій у насъ первый представитель романтической критики, главнымъ дѣятелемъ которой позже былъ Полевой. Къ 1826 г. готовился четвертый томъ альманаха, подъ видоизмѣненнымъ заглавіемъ «Звѣздочка», но 14 декабря остановило его. Однако, уцѣлѣло нѣсколько напечатанныхъ листовъ и весь рукописный текстъ, и этотъ матеріалъ былъ изданъ П. А. Ефремовымъ въ «Русской Старинѣ», 1883 г., т. XXXIX. Въ 1825 г. Бестужевъ былъ адъютантомъ герцога Виртембергскаго и принадлежалъ къ тайному обществу. 14 декабря онъ привелъ баталіонъ московскаго полка на Сенатскую площадь и былъ здѣсь однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Когда мятежники были разсѣяны, Бестужевъ успѣлъ скрыться, но на слѣдующій день самъ явился на гауптвахту Зимняго дворца и повинился. Такъ какъ степень его соучастія была не такъ значительна, какъ двухъ его братьевъ, Николая и Михаила, причисленныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ 2 разряду, а Высочайшимъ указомъ сравненныхъ въ наказаніи съ преступниками 1 разряда, то онъ былъ сосланъ въ Якутскъ. Съ конца 1825 г., въ теченіе трехъ лѣтъ, сочиненія Бестужева не появляются въ печати. Но и въ Сибири онъ не оставлялъ литературныхъ занятій: при самомъ скудномъ выборѣ пособій, получаемыхъ изъ Петербурга, онъ изучалъ въ Якутскѣ иностранные языки, а также изучалъ край, нравы жителей; это дало содержаніе нѣсколькимъ этнографическимъ статьямъ его о Сибири, вошедшимъ въ собраніе его сочиненій (1832, ч. 1 и 4). Онъ видѣлся въ Якутскѣ и подружился съ ученымъ путешественникомъ докторомъ Эрманомъ. Писалъ Бестужевъ въ Сибири и стихи, напечатанные только послѣ его смерти (т. XII, изд. 1839 и 1843 гг.). Первымъ сочиненіемъ, появившимся въ печати послѣ 1825 г., была первая глава повѣсти въ стихахъ «Андрей, князь Переяславскій» (Москва, 1828). Осенью 1829 г., въ видѣ особенной милости, Бестужевъ былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ черноморскій № 10 батальонъ, съ выслугою. Стоя гарнизономъ въ Дербентѣ, онъ принялся за беллетристическую дѣятельность и первой, написанной имъ здѣсь повѣстью было «Испытаніе» (напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1830 г., безъ имени автора). Послѣдующія произведенія печатались въ томъ же журналѣ, а также въ «Московскомъ Телеграфѣ» и «Библіотекѣ для чтенія». Изъ нихъ особенно пользовались извѣстностью: «Страшное гаданье» (1831 г.), «Аммалатъ-Бекъ» (1832 г.), «Фрегатъ Надежда», (1833 г.) и «Мулла-Нуръ». Марлинскій имѣлъ огромный кругъ читателей, хотя критика, въ лицѣ Бѣлинскаго, не раздѣляла увлеченія публики, которой особенно нравились его картины кавказской природы и нравовъ, описанные хотя напыщенно и изысканно, но бойко и увлекательно. Бѣлинскій, признавая въ Марлинскомъ выдающійся талантъ, говорилъ, что онъ принадлежитъ «къ числу примѣчательныхъ и важныхъ въ литературномъ развитіи отрицательныхъ дѣятелей». Марлинскій былъ однимъ изъ яркихъ представителей романтическаго направленія въ русской литературѣ, господствовавшаго около 20 лѣтъ и уступившаго только реалистическому вліянію Пушкина и Гоголя.—На Кавказѣ Бестужевъ въ совершенствѣ изу-

чилъ татарскій языкъ и нѣсколько горскихъ нарѣчій. Въ стычкахъ съ горцами онъ выказывалъ чудеса храбрости, какъ въ дѣлахъ при Байбуртѣ, на мосту Чирчея, подъ стѣнами Дербента. За это онъ былъ произведенъ въ прапорщики и представленъ къ георгіевскому кресту, но не получилъ его, такъ какъ попалъ подъ судъ по обвиненію въ убійствѣ у него на квартирѣ (въ 1832 г.) его возлюбленной Ольги Нестерцовой, при весьма загадочныхъ обстоятельствахъ. Полагали, что убійство совершено Марлинскимъ изъ ревности; однако слѣдствіе, пристрастное скорѣе противъ Бестужева, чѣмъ въ его пользу, съ очевидностью доказало, что смерть Нестерцовой была просто несчастной случайностью. Послѣдніе четыре года своей жизни онъ охладѣлъ ко всему и почти перестал заниматься литературой. При взятіи мыса Адлера (Константиновскаго), Бестужевъ былъ въ отрядѣ генерала В. Д. Вальховскаго. Послѣдній неоднократно удерживалъ его отъ опасности, прося стоять въ кордонѣ. Но Бестужевъ, со свойственной ему отчаянной храбростью, слишкомъ углубился впередъ, былъ убитъ и изрубленъ горцами въ куски. — Первое собраніе сочиненій Бестужева вышло въ 8 томахъ въ 1832 — 1834 гг.; 2-е изданіе появилось тоже въ 8 томахъ въ 1835 - 1839 г.г.; 3-е (Глазунова), въ 9 ч., въ 1838 — 1839 гг. Полное собраніе сочиненій, ч. IX—XII (продолженіе 2 изданія), появилось въ 1838—1839 гг. Второе полное собраніе (а вообще изд. 4-е), въ 12 ч., вышло въ Петербургѣ, въ 1843 г. Переводы лучшихъ произведеній Марлинскаго сдѣланы на языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, датскій, шведскій, чешскій, грузинскій и польскій. Подробныя указанія о переводахъ приведены у Геннади. За послѣднее время лучшія произведенія Марлинскаго появились въ восьми томикахъ „Дешевой библіотеки» А. С. Суворина.

М. И. Семевскій, біографическая статья о Марлинскомъ и письма послѣдняго, въ «Отеч. Запискахъ», т. 130, 1860 г., № 5—7.—«Дѣтство и юность Марлинскаго», воспоминанія М. А. Бестужева въ «Русскомъ Словѣ» 1860 г. № 12.—«Энциклопедич. словарь» Березина, т. III, стр. 581—582.—«Куда дѣвался Марлинскій»? В. Савинова, «Семейный кругъ» 1858, № 1.—Знакомство съ Грибоѣдовымъ, «Отеч. Записки», т. 132, 1860, № 10.—«Нѣсколько словъ о смерти Бестужева», К. Давыдова въ «Моск. Вѣд.» 1861 г., № 24.—Письма его къ братьямъ Полевымъ (1831—1837), въ «Рус. Вѣстникѣ» 1861 г., т. 32.—Біогр. свѣд. въ «Руск. Старинѣ» 1870, т. I.—«Иллюстрирован. газета» 1870, № 15.—«Изъ записокъ Н. И. Греча» въ «Руск. Вѣст.» 1868 г., № 8.—По поводу убійства Ольги Нестерцовой см. «Новое Время» 1888 г., №№ 4749, 4752 и 4756.—Въ № 93 «Харьк. Губ. Вѣд.» отъ 10 апрѣля 1891 г. появилось письмо Бестужева къ генералу В. Д. Вальховскому съ просьбой о переводѣ въ кавалерію. Письмо помѣщается въ фельетонѣ подъ заглавіемъ «Изъ семейнаго архива «Каменки». — Изъ критическихъ статей о Марлинскомъ особенно важна статья Бѣлинскаго, т. III, 438 — 487. — Словари: Геннади. Андреевскаго, Венгерова.

С. Трубачевъ.

Бестужевъ, *Александръ Ѳедосьевичъ*, род. 24 ноября 1761 г., ум. 20 марта 1810 г., артиллеристъ екатерининскихъ временъ, отецъ романиста Бестужева-Марлинскаго и самъ писатель. Воспитаніе онъ получилъ въ существовавшей при артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ греческой гимназіи и по окончаніи былъ оставленъ корпуснымъ офицеромъ. Въ 1789 г., съ началомъ шведской кампаніи, Бестужевъ поступилъ на дѣйствительную службу въ артиллерію, участвовалъ въ битвѣ при островѣ Сескара, былъ опасно раненъ и выздоровѣлъ только благодаря заботливому уходу крѣпостного слуги Ѳедора да красивой и доброй дѣвушки, простой по происхожденію, Прасковьи Михайловны, на которой онъ по выздоровленіи женился. Выйдя въ отставку, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, но еще полный жизненныхъ силъ, Бестужевъ отдался литературной дѣятельности и сталъ издавать, вмѣстѣ съ Пнинымъ, «С.-Петербургскій Журналъ» (1798 г.). Въ этомъ журналѣ въ теченіе всего года печаталось его сочиненіе «О воспитаніи военномъ относительно благороднаго юношества». Въ 1803 г. оно вышло отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Опытъ военнаго воспитанія относительно благороднаго юношества, начертанный по расположенію знаменитаго итальянскаго законоискусника Фаланжери, писавшаго о наукѣ законодательства. Дополненный краткими разсужденіями и нужными примѣчаніями, къ предмету воспитанія касающимися», Спб. 1803. Потомъ Бестужевъ настолько значительно переработалъ эту книгу, что получилось почти новое сочиненіе, изданное въ 1807 г., подъ заглавіемъ: «Правила военнаго воспитанія относительно благороднаго юношества и наставленія для офицеровъ, военной службѣ себя посвятившихъ, дополненная нужными примѣрами». Кромѣ того Бестужеву приписы-

вается книга «Чтеніе, нравственность и правила честнаго человѣка», Спб. 1807. Почти одновременно съ изданіемъ журнала Бестужевъ занялъ мѣсто начальника канцеляріи при графѣ А. С. Строгановѣ, который цѣнилъ въ немъ образованіе, преданность наукѣ и просвѣщенію. Графъ Строгановъ доставилъ Бестужеву также мѣсто главноуправляющаго екатеринбургскою гранильною фабрикою, а потомъ и бронзовою. Бестужевъ поднялъ фабрику изъ ничтожества; съ одной стороны прекратилъ злоупотребленія, съ другой ввелъ строгую отчетность и нашелъ средства представлять ко двору произведенія вполнѣ изящныя, носящія печать изобрѣтательности и вкуса. Онъ вошелъ въ близкія сношенія съ лучшими профессорами Академіи художествъ, съ извѣстнымъ литейщикомъ Екимовымъ, устроилъ на разумныхъ началахъ бронзовую фабрику и образовалъ мастеровъ и техниковъ. Кромѣ того Бестужевъ, по собственному проекту, устроилъ первую у насъ фабрику холоднаго оружія. Имѣя сношенія со многими горными чиновниками, служащими въ Сибири, и любя науку во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, Бестужевъ тщательно занимался собираніемъ полной, систематически расположенной коллекціи минераловъ Россіи, пріобрѣталъ картины лучшихъ русскихъ художниковъ, эстампы граверовъ, модели пушекъ, крѣпостей и знаменитыхъ архитектурныхъ зданій.

Словари: Геннади и Венгерова (статья М. Мазаева).—С. М. Бородинъ, «Русская журналистика въ к. прошл. стол.».—Соцъ, «Военная библіотека», изд. 2, с. 311.—М. Семевскій, статья о Н. Бестужевѣ («Заря» 1869, VII). — «Рус. слово» 1860, XII. Статья «Дѣтство и юность» А. А. Б—ва (воспоминанія М. Б—ва). — «От. Зап.» 1860, V.— «Записки Греча».—«Рус. Вѣст. 1861 г., ч. III, с. 303 (письмо А. А. Бестужева).

Бестужевъ, *Михаилъ Александровичъ*, писатель, братъ Бестужева-Марлинскаго, род. 22 сентября 1800 г., ум. въ 1871 г. въ Москвѣ. Послѣ смерти отца (1810) онъ жилъ съ братомъ Николаемъ въ Кронштадтѣ, потомъ вмѣстѣ съ нимъ же переѣхалъ въ Петербургъ и въ 1812 г. опредѣлился въ морской корпусъ, изъ котораго въ 1817 г. вышелъ офицеромъ во флотъ, вынеся изъ школы весьма скудныя познанія. Къ этому времени относится сближеніе его съ другомъ его брата, морскимъ офицеромъ Торсономъ, который самъ обладалъ обширной образованностью и пріохотилъ своего новаго друга къ серьезнымъ занятіямъ иностранными языками, исторіей и морскимъ дѣломъ. Въ 1819 г. Бестужевъ былъ на $2^1/_2$ года командированъ въ Архангельскъ, а по возвращеніи въ Петербургъ продолжалъ работать вмѣстѣ съ Торсономъ. Въ 1822 г. Торсонъ, вслѣдствіе служебныхъ непріятностей оставилъ флотъ. Бестужевъ послѣдовалъ за нимъ, а въ 1825 г. поступилъ въ гвардію, по совѣту брата своего Александра, въ московскій полкъ (поручикомъ). Еще ранѣе онъ примкнулъ къ тайному обществу, членами котораго были и его братья, и Торсонъ. 14-е декабря застало его ротнымъ командиромъ. Съ солдатами Бестужевъ обходился гуманно и этимъ такъ привязалъ ихъ къ себѣ, что они 14 декабря пошли за нимъ на Исаакіевскую площадь. За участіе въ мятежѣ онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, потомъ сосланъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ въ Читу. Въ 1830 г. онъ, вмѣстѣ съ прочими декабристами, былъ переведенъ въ Петровскъ и здѣсь получилъ возможность продолжать занятія по самообразованію, прерванныя ссылкою. Въ 1839 г. Бестужева перевели въ Селенгинскъ, гдѣ онъ купилъ усадьбу и пробылъ до 1867 г. За долгую жизнь свою въ Сибири Бестужевъ перепробовалъ всѣ ремесла и занятія, а также училъ дѣтей ссыльныхъ. Обладая изобрѣтательнымъ умомъ, онъ всюду, куда ни попадалъ, являлся полезнымъ новаторомъ и былъ отличнымъ хозяиномъ; онъ придумалъ «сидѣйку», или «бестужевку», особый родъ тележекъ, отлично приспособленный къ мѣстнымъ дорогамъ, съ сидѣньемъ для двухъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ онъ отлично велъ свое хозяйство и сталъ образцомъ едва ли не для всей Сибири, гдѣ и до сихъ поръ хорошо извѣстенъ бестужевскій способъ уборки хлѣба, кладки печей и т. д. Въ 1867 г. Бестужевъ переселился въ Москву, гдѣ и оставался до самой смерти.—Литературная дѣятельность его незначительна, началась довольно поздно и вся состоитъ изъ воспоминаній о братьяхъ. Эти воспоминанія писаны по просьбѣ М. Семевскаго. Бестужеву принадлежатъ: 1) Записки декабриста въ «Рус. Ст.», 1870, I—II, 1881, т. 32, с. 591—658; 2) «Дѣтство и юность» А. А. Бестужева (1797—1818), въ «Рус. Словѣ», 1860, XII, 1—16; 3) Селенгинскъ («Вѣкъ», 1861, № 13); 4) Письма

его къ Завалишину напечатаны въ «Рус. Ст.», 1881, X, 401 и 412.

Воспоминанія М. А. Бестужева въ «Русской Старинѣ»; тамъ-же: «Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь» (1881, IX — X), «Декабристы въ Читѣ» (1881, X), «Записки несчастнаго» (1881, XII), Некрологъ (1871, т. IV), Замѣтка къ портрету (1882, V). — «Н. А. Бестужевъ» («Заря», 1869). — «Жены декабристовъ» («Ист. Вѣстн.», 1884, XII). — Словарь Венгерова (статья В. Боцяновскаго).

Бестужевъ, *Михаилъ Петровичъ*, тамбовскій вице-губернаторъ, род. 15 декабря 1835 г.; ум. 26 ноября 1886 г. Бестужевъ происходилъ изъ дворянъ симбирской губерніи, воспитывался въ московскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ и въ 1860 г. поступилъ на службу при канцеляріи симбирскаго губернатора; съ 1862 до 1870 г. онъ занималъ должность мирового посредника симбирскаго уѣзда и проявилъ при этомъ особенно дѣятельное участіе въ поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Состоя съ 1871 г. причисленнымъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Бестужевъ удачно выполнилъ возложенное на него порученіе— изслѣдовать на мѣстѣ пригодность о. Сахалина для поселенія въ немъ ссыльно-каторжныхъ. Пробывъ затѣмъ 6 лѣтъ вице-губернаторомъ въ Уфѣ, онъ былъ въ 1882 г. переведенъ въ Тамбовъ, гдѣ и скончался.

Формулярный списокъ о службѣ М. П. Бестужева и некрологъ въ «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1886 г., № 119.

Бестужевъ, *Николай Александровичъ*, капитанъ-лейтенантъ, братъ Бестужева-Марлинскаго, род. въ 1791 г., ум. 15 мая 1855 г. въ Селенгинскѣ. Получивъ блестящую домашнюю подготовку, онъ поступилъ въ морской корпусъ, изъ котораго вынесъ превосходное знаніе математики и новыхъ языковъ; кромѣ того, онъ бралъ уроки живописи въ Академіи художествъ и обнаружилъ недюжинный художественный талантъ. Въ 1809 г. Бестужевъ былъ выпущенъ въ мичмана, съ зачисленіемъ въ штатъ морского корпуса на вакансію подпоручика. Сперва на судахъ корпусной эскадры Бестужевъ плавалъ въ Финскомъ заливѣ, а въ 1814 г. разсчитывалъ попасть въ кругосвѣтное плаваніе, но эта надежда не исполнилась, и онъ остался въ Кронштадтѣ, гдѣ и прослужилъ 9 лѣтъ въ 14-мъ экипажѣ. Въ 1815 и 1817 г. (на кораблѣ «Не тронь меня») Бестужевъ участвовалъ въ экспедиціяхъ во Францію, Испанію и Голландію, а затѣмъ съ десантными войсками возвратился въ Кронштадтъ, и вскорѣ же, въ чинѣ лейтенанта, былъ назначенъ помощникомъ директора балтійскихъ маяковъ и начальникомъ морского музея. Въ этой должности онъ состоялъ по 1824 г., когда былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и, въ званіи исторіографа флота, совершилъ плаваніе отъ Кронштадта до Бреста и Гибралтара на фрегатѣ «Проворный». Въ 1826 г. служебная карьера, такъ блестяще начатая, оборвалась: 14 декабря 1825 г. Бестужевъ принялъ участіе въ бунтѣ и вывелъ на площадь гвардейскій экипажъ, за что былъ приговоренъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни, а по Высочайшей конфирмаціи, по лишеніи чиновъ и дворянства, сосланъ на вѣчно въ Сибирь, въ каторжную работу. Обрядъ разжалованія приведенъ былъ въ исполненіе на кронштадтскомъ рейдѣ, на кораблѣ «Князь Владиміръ». Природа щедро одарила Бестужева всевозможными способностями: талантливый педагогъ, писатель, художникъ, механикъ, прекрасный разсказчикъ и чтецъ, отважный морякъ, ученый изслѣдователь, онъ въ тоже время былъ душей всякаго общества и привлекалъ къ себѣ лучшихъ людей своего времени. Съ литературными кружками онъ сблизился особенно тѣсно въ 1817 г., когда на кораблѣ «Не тронь меня» познакомился съ Гречемъ. Тогда же заграничныя впечатлѣнія, а также сближеніе съ семьей генерала Жомини и съ генераломъ Огильви привили ему радикальные взгляды, поддержанные впослѣдствіи разговорами съ норвежскимъ лейтенантомъ Эриксономъ. Эти взгляды заставили Бестужева примкнуть къ тайному обществу, а энергичный и прямолинейный характеръ сдѣлалъ его однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ заговорщиковъ. Когда бунтовщики на Сенатской площади были разсѣяны, Бестужевъ бѣжалъ въ Кронштадтъ и, сбривъ себѣ баки и запасшись фальшивыми документами, явился на Толбухинъ маякъ, въ качествѣ назначеннаго въ штатъ маячной прислуги. Однако полиція скоро выслѣдила его. Проведя 1826—1827 г.г. вмѣстѣ съ другими заговорщиками въ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостяхъ, Бестужевъ въ концѣ 1827 г. былъ отправленъ на каторгу въ Читу, нѣсколько лѣтъ спустя переведенъ въ Петровскій острогъ, а въ 1840 г. по-

генштейномъ, 27 февраля вступилъ съ послѣднимъ въ Берлинъ, и, мѣсяцъ спустя, явился однимъ изъ главныхъ защитниковъ столицы пруссаковъ, участвуя въ пораженіи подъ Мокёрномъ (24 марта) войскъ вице-короля. За это дѣло Бергъ, едва ли не первый изъ русскихъ генераловъ въ эту войну, получилъ прусскій орденъ Краснаго Орла 1-й степени. Послѣ перехода Наполеона къ наступательнымъ дѣйствіямъ, Бергъ принялъ участіе въ сраженіяхъ: при Люценѣ, подъ Бауценомъ и въ арріергардномъ дѣлѣ подъ Рейхенбахомъ; въ первомъ, защищая селеніе Гроссъ-Гершенъ, онъ явилъ истинное мужество; напрасно Наполеонъ, овладѣвшій уже другими позиціями, пытался отнять Гроссъ-Гершенъ и направлялъ на этотъ пунктъ одни войска за другими, Бергъ неустрашимо встрѣчалъ ихъ и рѣшительно отбивалъ всѣ атаки. Селеніе до послѣдней минуты боя оставалось за союзными войсками и только при общемъ отступленіи ихъ за Эльстеръ было покинуто Бергомъ, вполнѣ заслужившимъ своимъ доблестнымъ подвигомъ пожалованный ему тотчасъ же послѣ битвы орденъ св. Георгія 3-го класса. Въ сраженіи подъ Рейхенбахомъ, Бергъ былъ снова раненъ въ лѣвую ногу, что понудило его вернуться для излеченія въ Россію. Щедро награжденный Государемъ, онъ возвратился къ отправленію комендантской должности въ Ревель, который и не покидалъ болѣе до конца своей жизни. 12 декабря 1823 г. Бергъ былъ пожалованъ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи, 17 декабря 1827 г. награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а 25 марта 1828 г., по смерти адмирала Спиридова, былъ назначенъ ревельскимъ военнымъ губернаторомъ. Потеря жены, урожденной Сиверсъ, и единственнаго сына Максима еще болѣе разстроила здоровье Берга; онъ вынужденъ былъ оставить службу и, съ рядомъ милостивѣйшихъ Высочайшихъ наградъ, 9 февраля 1832 г. былъ уволенъ въ отставку.

«Александръ I и его сподвижники», вып. 142.— Тетради выписокъ А. В. Висковатова изъ сочиненій XIX столѣтія.—«Столѣтній юбилей ордена св. Георгія». Спб. 1869 г.

Бергъ, *Густавъ Густавовичъ,* генералъ-аншефъ, изъ лифляндскихъ дворянъ, род. въ 1716 г., ум. въ 1778 г. Получивъ весьма солидное для своего времени образованіе въ германскихъ университетахъ, Бергъ поступилъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ, въ которомъ оставался до 1752 г., когда былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ одного изъ армейскихъ драгунскихъ полковъ; черезъ пять лѣтъ Бергъ былъ бригадиромъ. Въ началѣ Семилѣтней войны онъ находился при обложеніи кр. Кольберга и руководилъ постройкою осадныхъ батарей. 1 августа 1759 г. въ сраженіи при Кунерсдорфѣ, Бергъ первый изъ русскихъ генераловъ перешелъ въ наступленіе и вырвалъ побѣду изъ рукъ Фридриха Великаго. Поддержанный войсками Вильбуа и князя Волконскаго, онъ направился во флангъ пруссакамъ, отбилъ у нихъ наши батареи и заставилъ отступить ихъ за Кунгрудъ. Затѣмъ наши войска быстро очистили штыками Мюльбергъ и прочно утвердились на прежней позиціи. За этотъ подвигъ Бергъ, не задолго передъ тѣмъ произведенный въ генералъ-маіоры, былъ награжденъ орденомъ св. Анны. Но главную славу Бергъ пріобрѣлъ какъ лихой кавалерійскій генералъ, производившій смѣлые набѣги на пруссаковъ и тревожившій ихъ въ продолженіи всей кампаніи. Въ 1761 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ всей легкой кавалеріи, 22 іюня того же года, въ окрестностяхъ г. Брига, онъ разбилъ прусскихъ гусаръ, а 26 іюля одержалъ новую побѣду въ окрестностяхъ Бреславля. Въ мелкихъ авангардныхъ стычкахъ, предшествовавшихъ Вейсентинскому дѣлу, Бергъ блестящимъ образомъ проявилъ свои боевыя способности. Къ 4 октября онъ, съ своими главными силами, занялъ Наугардтъ и рѣшилъ атаковать прусскій отрядъ, высланный изъ Трептова на д. Вейсентинъ для возстановленія прерваннаго сообщенія съ Штетиномъ. Оставивъ въ Наугардтѣ 3 гренадерскихъ роты и 4 эскадрона, для обезпеченія своего тыла, Бергъ послалъ подполковника Текели, съ сербскими гусарами и двумя казачьими полками, для захвата тыла вейсентинскаго отряда, а самъ, съ двумя гренадерскими ротами, 8-ю орудіями, 6-ю эскадронами драгунъ и нѣсколькими полками казаковъ и гусаръ, направился на Вейсентинъ. На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, онъ наткнулся на передовые посты пруссаковъ, находившіеся за рѣкою, уничтожилъ мосты и, оставивъ прусскіе форпосты подъ наблюденіемъ небольшаго отряда, съ главными силами обошелъ прусскій авангардъ и двинулся прямо на Вейсентинъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, пруссаки очистили

деревню и заняли сильную позицію. Фронтъ ея былъ обезпеченъ запруженною болотистою рѣкою, фланги—болотами, а тылъ лѣсомъ. Послѣ упорнаго боя, пруссаки были приведены въ окончательное разстройство, и трофеями нашими были: 12 офицеровъ, 162 нижнихъ чина и 1 орудіе. Это дѣло было однимъ изъ самыхъ крупныхъ нашихъ успѣховъ въ кампанію 1761 г. Бергъ участвовалъ еще во многихъ авангардныхъ дѣлахъ, но главнымъ образомъ парализовалъ предпріятія пруссаковъ, дѣйствуя на операціонныя линіи непріятеля, чѣмъ весьма много содѣйствовалъ успѣшному исходу кампаніи 1761 г. По окончаніи войны Бергъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1762—1766 годахъ онъ участвовалъ въ комиссіи, собранной для составленія штатовъ и постановленій о сухопутномъ войскѣ. При началѣ турецкой войны, въ 1769 г. Бергу былъ ввѣренъ отдѣльный корпусъ, для дѣйствій въ Крыму. Разбивая многочисленныя татарскія скопища, Бергъ отбивалъ у нихъ много скота и за свои искусныя дѣйствія былъ пожалованъ пенсіею по 1,000 рублей серебромъ ежегодно. Въ слѣдующемъ году, при осадѣ Бендеръ, Бергъ, командуя легкими войсками, прикрывалъ осаду со стороны Очакова, а послѣ покоренія этой крѣпости оберегалъ границы отъ рѣки Днѣстра до Азовскаго моря и поддерживалъ войска, дѣйствовавшія противъ кубанцевъ. 29 іюня 1771 г., въ сраженіи подъ крѣпостью Кефою, Бергъ командовалъ войсками праваго крыла и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ одержанной побѣды. За турецкую войну онъ былъ награжденъ бриліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго, а въ 1773 г., по старшинству, былъ произведенъ въ генералъ-аншефы.

Казадаевъ, Рукописный словарь.—Масловскій, Русская армія въ Семилѣтнюю войну, выпускъ III, Москва, 1891 г.

Г. Мокринскій.

Бергъ, *Егоръ Александровичъ*, юристъ, род. въ 1746 г., ум. 22 іюня 1803 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ лифляндецъ, но мальчикомъ, въ 1704 г. подъ Нарвою былъ взятъ въ плѣнъ русскими, а потомъ принялъ православіе. Сынъ поступилъ на службу въ 1783 г. актуаріусомъ въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ, въ 1786 г. перешелъ коллежскимъ протоколистомъ въ московскую гражданскую палату, а изъ нея вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора. Онъ составилъ «Историческое описаніе россійскихъ гражданскихъ законовъ» въ 2 ч. Но эта книга не была напечатана, а важнѣйшія статьи изъ нея вошли въ «Указатель россійскихъ законовъ», издававшійся Львомъ Максимовичемъ въ 1803—1812 г.

Словари: митр. Евгенія и Венгерова.

Ш. В.

Бергъ, *Максимъ Васильевичъ* (Magnus Iohann), генералъ-аншефъ, сынъ лифляндскаго ландрата, ум. въ 1784 г. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы съ отличіемъ участвовалъ въ кампаніяхъ противъ шведовъ и пруссаковъ. Командуя въ Семилѣтнюю войну корпусомъ, онъ въ числѣ подчиненныхъ имѣлъ будущаго генералиссимуса А. В. Суворова; послѣдній не разъ называлъ Берга своимъ учителемъ. Въ дальнѣйшей службѣ Бергъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ князя Долгорукаго при покореніи Крыма и былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. М. В. Бергъ былъ женатъ на племянницѣ фельдмаршала Миниха, баронессѣ Элеонорѣ Елисаветѣ-Доротеѣ Минихъ.

«Александръ I и его сподвижники», вып. 142.—Словарь Андреевскаго.

Бергъ, *Николай Васильевичъ*, писатель, род. 24 марта 1823 г. въ Москвѣ, ум. 16 іюня 1884 г. въ Варшавѣ. Фамилія Берговъ происходитъ изъ Лифляндіи, но уже дѣдъ писателя, *Владиміръ*, былъ православнымъ, служилъ въ артиллеріи, совершилъ подъ начальствомъ Суворова нѣсколько кампаній, подъ Силистріей былъ раненъ и умеръ въ чинѣ штыкъ-юнкера. Отецъ Николая Васильевича, *Василій Владиміровичъ*, писалъ и печаталъ стихи и прозу, когда еще былъ холостымъ и служилъ въ Иркутскѣ, помѣщая свои произведенія въ «Вѣстникѣ Европы» (въ 1820-хъ годахъ, за подписью «Иркутскъ»). Особенно любилъ онъ Державина и заставлялъ сына заучивать его стихи. Первыя семь лѣтъ Николай Васильевичъ прожилъ въ Москвѣ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ родителями, уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ отецъ его получилъ должность предсѣдателя Тобольскаго губернскаго правленія (въ 1830 г.). Восьми лѣтъ мальчикъ началъ самъ писать стихи, зная множество отрывковъ изъ разныхъ одъ Державина. Въ началѣ 30-хъ годовъ отецъ Берга поселился въ тамбовской губерніи

въ своемъ имѣніи, и отдалъ сына въ тамбовскую гимназію, а по переѣздѣ въ 1838 г. въ Москву, перевелъ его въ 1-ю московскую гимназію, въ которой онъ и окончилъ курсъ въ 1843 г. и поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Въ московской гимназіи Бергъ особенно подружился съ школьнымъ товарищемъ, А. Н. Островскимъ, съ которымъ во всю жизнь сохранялъ самыя сердечныя отношенія. Будучи студентомъ, Бергъ напечаталъ свое первое стихотвореніе въ «Москвитянинѣ» (переводъ изъ шведскаго поэта Рунеберга: «Жалоба Дѣвы»). Первые стихотворные опыты его были одобрены М. П. Погодинымъ, который направилъ Берга на изученіе западно-европейской и славянской народной поэзіи. Затѣмъ, онъ началъ печатать въ другихъ журналахъ стихотворенія и переводы изъ Мицкевича, Байрона, Шиллера, Гёте, съ чешскаго, сербскаго, болгарскаго. Въ 1846 г. Бергъ перевелъ «Краледворскую рукопись» и напечаталъ ее въ «Московскомъ сборникѣ» Панова (этотъ переводъ перепечатанъ въ «Переводахъ и подражаніяхъ» 1860 г.), а въ 1847 г.—«Сербскія пѣсни». Переводъ «Краледворской рукописи» такъ понравился чехамъ, что они перепечатывали его въ Прагѣ нѣсколько разъ. Оставивъ университетъ, но не кончивъ его, Бергъ продолжалъ заниматься славянскими нарѣчіями, посвящая большую часть времени литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ нѣкоторое время, до 1849 г. состоялъ преподавателемъ въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія, а отсюда перешелъ на службу въ московскую контору государственнаго банка, гдѣ до 1853 года былъ сначала секретаремъ, а потомъ помощникомъ бухгалтера. Въ 1853 г. Бергъ перевелъ рядъ пьесъ съ 28-ми языковъ, начиная отъ санскритскаго, арабскаго, персидскаго и баскскаго и до французскаго и славянскихъ нарѣчій. Эти переводы вышли въ 1854 г., подъ заглавіемъ: «Пѣсни разныхъ народовъ». Оставивъ въ 1853 г. службу въ банкѣ, Бергъ превращается въ туриста. Наступившія военныя дѣйствія увлекли его въ южную армію, потомъ въ крымскую, въ Севастополь, гдѣ онъ служилъ сначала въ 4-мъ казначейскомъ отдѣленіи, завѣдуя наградами, а потомъ состоялъ переводчикомъ при штабѣ главнокомандующаго, участвовалъ въ сраженіи на Черной рѣчкѣ, живалъ и на бастіонахъ во время осады. Все это Бергъ описалъ въ «Запискахъ объ осадѣ Севастополя», съ приложеніемъ «Севастопольскаго альбома», которыя появились въ свѣтъ въ 1858 г. Послѣ сдачи Севастополя и перехода главнаго штаба крымской арміи въ Одессу, Бергъ оставилъ службу и до 1868 г. не служилъ нигдѣ, ведя жизнь туриста. Война 1859 г. между Италіей и Австріей увлекла Берга въ Ломбардію, гдѣ онъ находился при разныхъ штабахъ: французскомъ, итальянскомъ и подъ конецъ у Гарибальди, въ отрядѣ альпійскихъ стрѣлковъ, о чемъ написалъ рядъ корреспонденцій въ «Русскій Вѣстникъ» въ 1859 г. Движеніе въ 1860 г. въ Ливанскихъ горахъ между друзами и маронитами увлекло Берга на востокъ. Онъ жилъ въ Бейрутѣ, Дамаскѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, Саидъ, Александрію, Каиръ, пирамиды и на Хеопсовой оставилъ свою надпись, тогда еще первую на русскомъ языкѣ. Плодомъ этихъ странствованій было нѣсколько статей въ московскихъ и петербургскихъ изданіяхъ и книга «Путеводитель по Іерусалиму и его ближайшимъ окрестностямъ» (1863 г.). Во время этой поѣздки Бергъ изучалъ жизнь бедуиновъ, съ которыми скитался по пустынямъ. Въ 1861 г. онъ воротился въ Россію и перевелъ значительную часть «Пана Тадеуша» (напечатано въ «Отечествен. Запискахъ» 1862 г.). Послѣ этого Бергъ опять уѣхалъ на востокъ, жилъ снова въ Бейрутѣ, Дамаскѣ и Іерусалимѣ и напечаталъ объ этомъ путешествіи нѣсколько статей въ «Отечеств. Запискахъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Нашемъ Времени» и «Спб. Вѣдомостяхъ». Осенью 1862 г. Бергъ вернулся въ Россію, жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ и отсюда, въ самомъ началѣ 1863 г., когда только что вспыхнуло польское возстаніе, отправился въ Варшаву, потомъ въ Краковъ и Львовъ. Онъ велъ записки о движеніи поляковъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ и печаталъ ихъ въ «Спб. Вѣдом.» и въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1864 г.). Въ концѣ 1864 г. онъ получилъ приглашеніе намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, графа Ѳ. Ѳ. Берга, собрать матеріалъ для исторіи послѣдняго польскаго возстанія, что и было имъ исполнено. Любопытнѣйшіе матеріалы, собранные имъ, были только отчасти напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» (съ 1870 г.). и затѣмъ вышли въ 1873 г. отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862 гг.». Вторая и обширнѣйшая часть труда Берга о польской смутѣ

1863—1864 гг. напечатана въ «Русской Старинѣ» 1879 г., тт. XXIV—XXVI. Въ 1865 г. въ Варшавѣ вышли переводы Берга изъ Мицкевича, а нѣсколько раньше (въ 1860 г.) Гербелемъ изданы «Переводы и подражанія». Сюда вошли всѣ переводы Берга съ чешскаго, сербскаго, болгарскаго и польскаго, не вошедшіе въ книгу «Пѣсни разныхъ народовъ». Между 1865—1872 гг. Бергъ кончилъ переводъ «Пана Тадеуша». Съ 1868 г., со времени открытія главной школы въ Варшавѣ, Бергъ былъ приглашенъ туда въ качествѣ преподавателя русской грамматики студентамъ младшаго курса и до самой смерти оставался въ должности лектора русскаго языка при варшавскомъ университетѣ, возникшемъ впослѣдствіи изъ главной школы. Кромѣ того, съ 1874 по 1877 г. Бергъ редактировалъ газету «Варшавскій Дневникъ». Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ печаталъ свои работы въ «Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ». Изъ вещей, помѣщенныхъ въ первомъ журналѣ, наиболѣе любопытны біографическіе очерки: «Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ» (1881 г., т. XXXI), «Графъ М. Н. Муравьевъ-Виленскій» (1883 г. т. XXXVIII), «Князь М. Д. Горчаковъ» (1880 г., т. XXVII). Кромѣ того, весьма любопытны для характеристики нѣкоторыхъ нашихъ актеровъ и художниковъ (Садовскаго, Горбунова, Рамазанова и др.) «Московскія воспоминанія» Берга, напечатанныя въ «Русской Старинѣ» 1884 г., тт. XLII и XLIV; для біографіи же самого Берга весьма важны его «Посмертныя записки», которыя начали печататься въ 1890 г., книга 2-я, и продолжались въ 1891 г. Статьи Берга, помѣщавшіяся въ 1880—84 гг. въ «Историческомъ Вѣстникѣ», служатъ дополненіемъ къ исторіи польской смуты 60-хъ годовъ. Эти статьи поименованы въ «Систематическомъ указателѣ содержанія «Историческаго Вѣстника» за 1880—1889 гг., на стр. 14—15. Похороненъ Бергъ на Вольскомъ православномъ кладбищѣ въ Варшавѣ.

Кромѣ «Посмертныхъ записокъ», представляющихъ довольно полную автобіографію Н. В. Берга, и «Московскихъ воспоминаній», заключающихъ нѣкоторыя черты также автобіографическаго характера, важны слѣдующія статьи: «Svetozor» 1871 г., № 1.—«Современ. Извѣстія» 1884 г., № 171.—«Историч. Вѣстникъ» 1884 г., кн. 8-я, стр. 465—467.—«Русская Старина» 1884 г., кн. 10, стр. 72—74.—«Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» Гербеля, изд. 3-е, 1888 г. (въ помѣщенномъ въ этомъ сборникѣ біографическомъ очеркѣ Н. В. Берга встрѣчаются въ началѣ нѣкоторыя ошибки).—IV и V выпуски «Обзора жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей Д. Д. Языкова. Здѣсь, между прочимъ, приводится въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ литературныхъ работъ Берга.—Словарь Венгерова.

С. Трубачевъ.

Бергъ (фонъ), *Петръ Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, переводчикъ и стихотворецъ, изъ иностранцевъ; въ русской службѣ состоялъ съ 1772 г.; 17 мая 1798 г. произведенъ въ статскіе совѣтники; въ 1802 г. назначенъ вице-губернаторомъ литовской губ.; въ 1804— екатеринославскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; съ 1808 до 1812 г. состоялъ могилевскимъ губернаторомъ. Перевелъ съ французскаго повѣсть Фильдинга «Амалія» (Спб., 1772—1785 гг.) и написалъ двѣ оды: «Его Императорскому Величеству Александру I-му на случай новоизданныхъ Всевысочайшихъ милостивыхъ манифестовъ» (Владим., 1801 г.) и «Чувства россіянина при коронаціи Императора Александра I» (Москва, 1801 г.).

Словарь Геннади.—Роспись Смирдина, №№ 7882 и 8507.—Сопиковъ, №№ 7227 и 12598

Бергъ, графъ *Ѳедоръ Ѳедоровичъ* (Фридрихъ Вильгельмъ Рембертъ), генералъ-фельдмаршалъ, род. въ 1793 г. въ м. Шлоссъ-Загницѣ, лифляндской губ., ум. въ С.-Петербургѣ, 6 января 1874 г., похороненъ въ имѣніи Катенгофъ, лифляндской губ. По происхожденію Бергъ принадлежалъ къ небогатому лифляндскому дворянскому роду: онъ сначала не готовился къ военной службѣ и для окончанія образованія поступилъ въ дерптскій университетъ. Но событія 1812 г. оказали значительное вліяніе на послѣдующую судьбу Берга. Частью поддавшись общему увлеченію, частью желая примѣнить къ дѣлу свои природныя способности, Бергъ 19 лѣтъ зачислился юнкеромъ въ либавскій пѣхотный полкъ, входившій въ составъ рижскаго корпуса, который былъ предназначенъ для охраны сѣверо-западныхъ предѣловъ Россіи отъ вторженія непріятеля. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ своей служебной карьеры Бергъ выступаетъ, главнымъ образомъ, не какъ строевой, а какъ штабный офицеръ: благодаря своему образованію, онъ вскорѣ былъ прикомандированъ къ квартирмейстерской части. Въ то же время, однако, онъ отличился неразъ и въ строю и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ дѣлѣ при Да-

пенкирхенѣ, находясь въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Левиза, Бергъ выдвинулся, совершивъ смѣлый переходъ съ войскомъ въ бродъ черезъ Вислу. Командированный съ донесеніемъ объ этомъ дѣлѣ къ Императору Александру I, Бергъ лично отъ него получилъ чинъ поручика и въ то же время былъ переведенъ въ штабъ (свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части). При переходѣ русскихъ войскъ черезъ границу Бергъ находился въ партизанскихъ отрядахъ Гистенборна и Кутузова, дѣйствовавшихъ въ сѣверной Пруссіи, участвовалъ въ занятіи Кенигсберга и Берлина и здѣсь снова имѣлъ нѣсколько разъ случай проявить свои способности, выполняя трудныя порученія дипломатическаго характера: изъ Кенигсберга онъ былъ посланъ на о. Гельголандъ для закупки у англичанъ 10,000 ружей для гор. Гамбурга, при чемъ, надо замѣтить, что эта поѣздка по условіямъ военнаго времени была не изъ легкихъ; позднѣе Бергъ былъ командированъ въ Копенгагенъ для переговоровъ о союзѣ. Онъ принималъ также участіе въ походахъ 1813 и 1814 гг., сражался подъ Лейпцигомъ и во время преслѣдованія Наполеона дошелъ до Рейна. Въ 1814 г. Бергъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ, а послѣ заключенія мира совершилъ большое путешествіе по Швейцаріи, Италіи и Балканскому полуострову. Путешествіе это, какъ кажется, точно также помогло Бергу впослѣдствіи выдвинуться. Въ 1820 г. Бергъ временно покинулъ военную службу и въ чинѣ коллежскаго совѣтника перешелъ въ гражданскую; онъ служилъ по дипломатической части, при нашихъ посольствахъ въ Мюнхенѣ, Римѣ и Неаполѣ и здѣсь дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получилъ придворное званіе камергера.

Военно-статистическое описаніе Турціи, составленное Бергомъ во время его заграничнаго путешествія, обратило вниманіе Государя, и въ 1822 г. Бергъ получилъ довольно крупное и отвѣтственное порученіе. Въ это время Закаспійскій край былъ еще чрезвычайно мало обслѣдованъ, среди туземнаго населенія киргизъ-кайсацкой степи возникали постоянныя замѣшательства, появились многочисленныя разбойничьи шайки, наносившія ущербъ нашей азіатской торговлѣ; караванное сообщеніе съ востокомъ было почти совершенно прервано. Собрать болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о Закаспійскомъ краѣ и содѣйствовать упорядоченію тамошнихъ дѣлъ и было поручено Бергу. Съ этою цѣлью онъ получилъ три командировки и совершилъ въ 1823 и 1825 гг. двѣ экспедиціи въ степь. Экспедиціи эти, помимо многихъ отдѣльныхъ свѣдѣній экономическаго и географическаго характера, доставили довольно цѣнный научный матеріалъ: было составлено военно-топографическое описаніе пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями (Усть-Уртъ) и отъ Астрахани до Гурьева, и впервые было произведено барометрическое опредѣленіе высоты Аральскаго моря. Съ 1826 г. Бергъ служилъ въ посольствѣ въ Константинополѣ и здѣсь продолжалъ свои занятія по топографіи; война 1828—29 гг. вернула Берга къ военной службѣ: онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ второй арміи. Благодаря своимъ знаніямъ мѣстныхъ условій, Бергъ былъ очень полезенъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Онъ содѣйствовалъ, между прочимъ, своими указаніями успѣшному переходу нашихъ войскъ черезъ Дунай у Сатунова, принималъ участіе въ осадѣ Силистріи, вмѣстѣ съ Горчаковымъ велъ переговоры о сдачѣ этого города и участвовалъ во взятіи Адріанополя. Топографическія работы Берга во время войны не прерывались: въ 1828 г. имъ была произведена съемка сѣверо-восточной части Болгаріи, послужившая основою для военной карты; въ слѣдующемъ году онъ работалъ въ Румыніи и дополнилъ свои работы по съемкѣ Болгаріи. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Бергъ отправился во вторичный отпускъ за-границу, но узнавъ о вспыхнувшемъ польскомъ возстаніи 1831 г., самъ просилъ о зачисленіи его въ дѣйствующую армію. Участвуя въ этой войнѣ, Бергъ отличился въ сраженіяхъ при Нурѣ и Остроленкѣ и взялъ штурмомъ часть варшавскаго предмѣстья Воли. — Въ это же время онъ снова имѣлъ случай выказать свои дипломатическія способности. Во время взятія Воли онъ склонилъ къ сдачѣ г. Варшавы и арміи польскихъ военноначальниковъ Круковецкаго и Малаховскаго. Когда, нѣсколько времени спустя, перемиріе ими было нарушено, и въ Закрачимѣ было организовано новое революціонное правительство, Бергъ снова былъ посланъ для переговоровъ. Послѣ польской войны Бергъ продолжалъ военную службу; онъ особенно выдвигается съ 1843 г., когда былъ произведенъ въ чинъ

генерала-отъ-инфантеріи и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба.— Главнымъ штабомъ Бергъ управлялъ впродолженіи 20 лѣтъ, т. е. вплоть до того времени, когда былъ призванъ для умиротворенія Царства Польскаго въ 1863 г. Заслуги Берга во время его управленія штабомъ въ дѣлѣ топографіи и геодезіи несомнѣнны. По предложенію его въ 1849 г. былъ образованъ комитетъ (подъ его предсѣдательствомъ) для улучшенія тригонометрическихъ работъ. Этимъ комитетомъ было постановлено принять для вычисленія сѣти картъ способъ Гаусса, а для топографическихъ съемокъ—Мюфлинга. Одновременно съ этимъ 200-саженный масштабъ при съемкахъ былъ замѣненъ верстовымъ; это ускоряло работы безъ увеличенія расходовъ и дало возможность составить трехъ-верстную карту Россіи. Уже во время управленія Берга штабомъ такимъ способомъ было снято болѣе 1.000,000 кв. верстъ. Бергу принадлежитъ также честь ходатайства о продажѣ казенныхъ топографическихъ картъ, державшихся до того времени въ секретѣ; оно было удовлетворено въ 1857 г. При немъ же было положено начало примѣненія фотографіи къ топографическимъ работамъ, примѣненіе, получившее особенное развитіе при преемникѣ Берга, Ливенѣ. Для изученія этого дѣла одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба былъ командированъ въ Вѣну. Помощникомъ Берга былъ назначенный при немъ директоромъ топографическаго депо П. А. Тучковъ (позднѣе московскій генералъ-губернаторъ); при означенномъ депо было учреждено геодезическое отдѣленіе. Продолжались при Бергѣ и начатыя ранѣе при генеральномъ штабѣ статистическія работы по описанію отдѣльныхъ губерній. Помимо своей дѣятельности въ главномъ штабѣ, Бергъ принималъ участіе и въ работахъ Географическаго общества; онъ былъ въ числѣ его членовъ-учредителей, а съ 1870 г.—почетнымъ членомъ этого общества. Дѣятельность Берга по расширенію и усовершенствованію топографическихъ работъ штаба прерывалась на короткій срокъ въ 1848—49 гг., когда на него было возложено дипломатическое порученіе къ дворамъ Пруссіи и Австріи относительно дѣлъ польскихъ, и когда, во время Венгерской кампаніи, ему пришлось играть роль посредника между русскимъ главнокомандующимъ гр. Паскевичемъ и австрійскимъ ген. Гейсенау. Объ этой послѣдней миссіи Берга въ печати существуетъ лишь нѣсколько отрывочныхъ извѣстій, на основаніи которыхъ нельзя составить о ней полнаго и точнаго представленія. Несомнѣнно лишь недовольство Бергомъ Паскевича и обратно, и обвиненіе перваго въ недостаточномъ вниманіи къ русскимъ интересамъ. Въ началѣ Восточной войны, послѣ нарушенія союза съ морскими державами въ 1853 г., Бергъ былъ назначенъ командующимъ войсками въ Эстляндію, а потомъ въ Финляндію (а вскорѣ затѣмъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ). Въ первой онъ укрѣпилъ Ревель, что спасло его отъ англійскаго адмирала Непира; во второй защитилъ Свеаборгъ отъ Дундаса. За эти заслуги Бергъ былъ возведенъ въ графское достоинство великаго княжества Финляндіи. Въ 1863 г. онъ былъ призванъ на отвѣтственный постъ намѣстника Царства Польскаго. Вступая въ управленіе Царствомъ, Бергъ имѣлъ за плечами уже довольно долговременную военную практику. Однако, на военной службѣ онъ выказалъ болѣе всего дипломатическія способности и познанія военно-топографическаго характера; онъ былъ дипломатъ, географъ, и лишь послѣ этого боевой офицеръ. Съ другой стороны, Бергъ, хотя и состоялъ временно на гражданской службѣ, однако, лишь въ незначительной степени имѣлъ случай ознакомиться на практикѣ съ гражданской административной дѣятельностью. Когда ему приходилось выступать, какъ администратору (какъ, напримѣръ, во время его закаспійскихъ командировокъ), онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ тѣми исключительными условіями, когда административная власть принимаетъ военный оттѣнокъ. Лишь съ 1863 г. Бергъ впервые выступаетъ какъ администраторъ и при томъ на очень отвѣтственномъ посту.

Отзывы объ этомъ періодѣ дѣятельности Берга очень разнорѣчивы. Онъ прибылъ въ Варшаву въ то время, когда мятежъ уже распространился по всей странѣ, и политика примиренія маркиза Велепольскаго потерпѣла полную неудачу. Назначенный, одновременно съ назначеніемъ въ Вильну Муравьева, въ помощники къ великому князю Константину Николаевичу на мѣсто генералъ-адъютанта Рамзая, Бергъ замѣнилъ великаго князя въ должности намѣстника 4 іюля 1863 г., когда маркизъ Велепольскій покинулъ Царство и уѣхалъ

въ заграничный отпускъ. Первыя мѣропріятія Берга не отличались строгостью и въ общемъ были, какъ кажется, продолженіемъ предыдущей политики. Не отличались онѣ, однако, и выдержанностью и опредѣленностью. Строгія репрессивныя мѣры были приняты имъ лишь послѣ произведеннаго на него 19 сентября 1863 г. покушенія изъ оконъ дворца гр. Замойскаго. Послѣ этого событія Бергъ принимаетъ почти цѣликомъ виленскую программу Муравьева. Въ этихъ послѣднихъ мѣропріятіяхъ Бергъ исходилъ изъ того положенія, что Варшава является зеркаломъ Польши отражающимъ на себѣ рельефнѣе всего общественное настроеніе, вслѣдствіе чего къ Варшавѣ были примѣнены болѣе строгія мѣры, чѣмъ къ остальному Царству: такъ, жители Варшавы были обложены 8%-ною контрибуціею; жители Царства 3%-ною. Помимо общаго болѣе строгаго надзора надъ полиціей и администраціей вообще (главнымъ образомъ, желѣзнодорожнаго и таможеннаго вѣдомствъ), Бергомъ былъ принятъ рядъ мѣръ усиленной строгости. Таковы: сосредоточеніе въ рукахъ военно-уѣздныхъ начальниковъ военной и гражданской власти, увеличеніе случаевъ примѣненія военнаго полевого суда, введеніе публичной смертной казни, размѣщеніе на постой войска въ частныхъ домахъ, обезоруженіе жителей. Въ мѣропріятіяхъ Берга замѣтно стремленіе расширить число лицъ, отвѣтственныхъ за каждое отдѣльное преступленіе. Такъ, въ селеніяхъ была введена круговая порука жителей за ихъ отсутствующихъ односельчанъ; домовладѣльцы были признаны отвѣтственными за своихъ квартирантовъ, мастеровые на фабрикахъ судились по военнымъ законамъ за выдѣлку вещей, признанныхъ военною контрабандою; домохозяева и квартиранты отвѣчали за убійства и покушенія, совершенныя изъ ихъ помѣщеніяхъ. Особенными строгостями отличались мѣры Берга по отношенію къ рабочимъ безъ опредѣленныхъ занятій и къ католическому духовенству; послѣднее было обложено усиленною 12%-ною контрибуціею. Нѣкоторыя мѣропріятія обусловливались особенностями самаго характера мятежа. Таково устройство широкихъ просѣкъ въ лѣсахъ и запрещеніе ввоза изъ-за границы косъ, серповъ и дешевой теплой одежды. Таковъ общій характеръ репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ Бергомъ. Самъ онъ, повидимому, смотрѣлъ на нихъ, какъ на временныя, обусловленныя военнымъ положеніемъ края. Послѣ замиренія имъ было обращено вниманіе на развитіе мѣстной промышленности, и при Бергѣ же развилась въ Западномъ краѣ желѣзно-дорожная сѣть, получившая нѣсколько соединеній съ границею. Иные признавали его политику въ Царствѣ Польскомъ «либеральною». Но если Бергъ и придерживался либеральнаго направленія, то онъ все же не сходился съ тѣми дѣятелями, которые принимали либеральную программу на національной основѣ и желали руководствоваться «государственными интересами Россіи и пользою большинства населенія Польши». Онъ относился неприязненно къ Черкасскому, Ю. Самарину, Соловьеву и Кошелеву и изъ ихъ партіи питалъ личную симпатію къ одному Н. А. Милютину, расходясь и съ нимъ въ своихъ взглядахъ. Такъ, когда въ 1864 г., въ связи съ общими государственными реформами, предпринятыми въ то время, былъ возбужденъ вопросъ о реорганизаціи коммиссіи, которой былъ порученъ пересмотръ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, Н. А. Милютинъ рекомендовалъ составить эту коммиссію изъ русскихъ юристовъ (ученыхъ и практиковъ), тогда какъ Бергъ хотѣлъ ввести въ нее польскихъ юристовъ: Губе, Дутковскаго, Лонцкаго и др. Предложеніе Милютина восторжествовало. Такое положеніе, занятое Бергомъ среди различныхъ направленій и взглядовъ того времени по польскому вопросу, создавало сдержанное отношеніе къ его программѣ со стороны самыхъ противоположныхъ партій, чему способствовала и нѣкоторая неустойчивость и непослѣдовательность этой программы.

Въ 1865 г. Бергъ получилъ званіе генералъ-фельдмаршала, а въ 1866 г. оставилъ постъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ и съ тѣхъ поръ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта. Кромѣ того Бергъ былъ почетнымъ членомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и шефомъ полковъ: л.-гв. литовскаго, астраханскаго гренадерскаго, новоингерманландскаго и прусскаго пѣхотнаго № 52.

Н. В. Бергъ, «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» (1873 г.) и дополненія и объясненія къ нимъ въ «Русской Старинѣ» съ 1875 по 1884 гг., а также *Теобальдъ* «Апологія гр. Берга» («Рус Арх.» 1885 г., кн. III) —«Отчетъ Русскаго Географическаго Общества за 1874 г.».—Романовичъ-Словатинскій, «Жизнь и труды Иванишева

(«Древняя и новая Россія» за 1874 г.).—Некрологи Берга, помѣщенные въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ за 1874 г. и болѣе подробная статья о немъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1874 г., № 18.—Словарь Ефрона.

М. Поліевктовъ.

Бердниковъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, помощникъ хранителя Московскаго Румянцевскаго музея, ум. 7 января 1880 г. Онъ написалъ статью: «О символическихъ знакахъ и изображеніяхъ на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ» (въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1869 г., № 7 и 8), и составилъ «Каталогъ собранія рукописей Т. Ѳ. Большакова» (М., 1874—79 г.г.) и др. болѣе мелкія статьи.

Языковъ, Русск. пис., ум. въ 1880 г.

Бердъ, *Чарльзъ или Карлъ Николаевичъ*, бергауптманъ, извѣстный заводчикъ и первый строитель пароходовъ на Невѣ. Годъ рожденія его неизвѣстенъ, ум. 10 декабря 1843 г. Бердъ родился въ Шотландіи и техническое образованіе получилъ на извѣстномъ Корронскомъ пушечномъ заводѣ. Въ 1786 г. онъ прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ Гаскойномъ, который былъ приглашенъ для усовершенствованія Александровскаго пушечно-литейнаго завода въ Петрозаводскѣ, и у котораго онъ пробылъ помощникомъ три года. Въ 1792 г. Бердъ вступилъ въ товарищество съ петербургскимъ заводчикомъ Моргановъ. Благодаря своимъ знаніямъ и энергіи, онъ умѣло воспользовался усиленной стройкой Петербурга, и незначительное прежде производство завода Моргана развилъ до большихъ размѣровъ. Механическо - литейный заводъ его былъ первымъ въ Россіи; рядомъ съ нимъ онъ построилъ лѣсопильный заводъ, паровую мукомольню, корабельную верфь и др. За эти «усиленные и разнообразные труды на пользу мануфактурной промышленности» правительство въ 1811 г. пожаловало Берда чиномъ оберъ-гиттенфервальтера 8 класса. Въ 1815 г. онъ устроилъ новое пароходство на Невѣ и долгое время былъ единственнымъ хозяиномъ сообщенія по Невѣ съ ея рукавами и между Петербургомъ и Кронштадтомъ; кромѣ того онъ настроилъ множество транспортныхъ судовъ, на которыхъ безъ всякой конкурренціи буксировалъ товаръ изъ Кронштадта въ Петербургъ и обратно, и благодаря этому нажилъ громадное состояніе. Изъ дальнѣйшихъ предпріятій и сооруженій Берда наиболѣе замѣчательными были: устройство паровыхъ машинъ при с.-петербургскомъ арсеналѣ, за что ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 2 ст. (1817 г.); постройка висячихъ мостовъ въ Петербургѣ, исправленіе и устройство машинъ и станковъ въ С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ; сооруженіе памятника Александру I, за что пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. (1834 г.), и др. Сынъ Чарльза Берда, *Францъ Карловичъ Бердъ* (род. 28 февраля 1802 г., ум. въ 1864 г.) извѣстенъ такою же преданностью своему дѣлу, какъ и его отецъ; изъ многочисленныхъ его работъ наиболѣе замѣчательны барельефы Исаакіевскаго собора, разводная часть Николаевскаго моста (въ С.-Петербургѣ) и мн. др.

Дѣла архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. — «Воспоминанія» Ф. Ф. Вигеля (т. III, ч. V). — «Воспоминанія» Пржецлавскаго (въ «Русской Старинѣ», 1874 г., № 11). «Энциклопедическій справочный словарь» Граната (т. I; М., 1891 г.).

В. Р—въ.

Бередниковъ, *Яковъ Ивановичъ*, членъ Академіи наукъ и главный редакторъ археографической комиссіи, род. въ С.-Петербургѣ 7 октября 1793 г., ум. 28 сентября 1854 г. Дѣтство Бередниковъ провелъ въ городѣ Тихвинѣ, мѣстопребываніи своихъ родителей (купеческаго званія), учился въ тамошнемъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ перешелъ въ петербургскую, нынѣ вторую, гимназію, но, не кончивъ курса, долженъ былъ въ 1811 г., по разстройству здоровья, оставить ее и вернуться въ Тихвинъ. Въ 1813—15 г. онъ слушалъ лекціи, преимущественно по русской исторіи, въ казанскомъ, а въ 1815—19 г.—въ московскомъ университетахъ. Въ 1820—27 г. онъ служилъ чиновникомъ сперва въ новгородской казенной палатѣ, затѣмъ (съ 1825 г.) въ инспекторскомъ департаментѣ въ Петербургѣ, въ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора и снова въ новгородской казенной палатѣ. Въ 1827 г. Бередниковъ вышелъ въ отставку и поселился въ Тихвинѣ. Тутъ, наконецъ, онъ нашелъ занятія, заинтересовавшія его: онъ получилъ доступъ въ архивъ тихвинскаго монастыря и занялся разборомъ найденныхъ тамъ документовъ; такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ первыя знанія и навыкъ, необходимыя для его позднѣйшихъ занятій. Въ 1830 г. Бередниковъ былъ опредѣленъ

въ комитетъ правленія Академіи наукъ и прикомандированъ къ археографической экспедиціи, главою которой съ 1828 г. состоялъ П. М. Строевъ. Четыре года (1830—34) Бередниковъ, отчасти вмѣстѣ съ Строевымъ, отчасти одинъ, объѣздилъ большую часть Россіи, обозрѣвая архивы и библіотеки, собирая и списывая древніе акты. По окончаніи этой предварительной работы, онъ въ 1834 г. былъ назначенъ членомъ образованной въ этомъ году при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссіи для изданія собранныхъ археографической экспедиціей актовъ, а съ 1838 г. состоялъ при ней главнымъ редакторомъ. Помимо этой должности, Бередниковъ съ 1835 г. былъ опредѣленъ библіотекаремъ въ департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ 1841 г. избранъ въ адъюнкты Академіи наукъ, а въ 1847 г. получилъ званіе ординарнаго академика. Кромѣ занятій по археографической коммиссіи, Бередниковъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи Академіей россійскаго словаря, при чемъ самъ редактировалъ изданіе двухъ томовъ. Въ періодъ 1845—50 гг. онъ ревностно занимался собираніемъ матеріаловъ для «Областнаго великорусскаго словаря», который задумала издать Академія. Состоя редакторомъ археографической коммиссіи, Бередниковъ издалъ: 1) Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи археографической экспедиціей Императорской Академіей наукъ, 5 частей, Спб. 1836—1842.—2) Акты историческіе, собранные и изданные археографической коммиссіей. 5 том. Спб. 1841—1842.—3) Акты юридическіе и собраніе формъ стариннаго судопроизводства. Спб. 1838.—4) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современное сочиненіе Котошихина. Спб. 1840.—5) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томы I—VII. Спб. 1841—54 (изданіе VII тома только начато Бередниковымъ, а окончено А. Ѳ. Бычковымъ).—6) Дополненія къ актамъ историческимъ. Спб. 1846 — 1853. Кромѣ того Бередникову принадлежатъ статьи: О нѣкоторыхъ важныхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Императорской Академіи наукъ, «Журн. Мин. Н. П.», часть VII, стр. 116.—О вновь открытыхъ грамотахъ новгородскихъ святителей, «Журн. М. Н. П.», часть XIII, стр. 88.—О славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ германскихъ и французскихъ библіотекахъ, «Журналъ М. Н. П.» часть XLII, отд. II, стр. 73.

Плетневъ, Яковъ Ивановичъ Бередниковъ и ученые его труды. Спб. 1854.—Отчеты Императорской Академіи наукъ по отдѣлу русскаго языка и словесности за 1852—65 г.—Словари: Венгерова, Андреевскаго, Старчевскаго и Геннади.

Бережныхъ, *Илья Автономовичъ*, поручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ, ум. 23 января 1839 г. Онъ получилъ образованіе въ балтійскомъ штурманскомъ училищѣ, изъ котораго въ 1819 г. былъ выпущенъ съ званіемъ штурманскаго помощника. Въ 1820—1824 г., состоя въ экспедиціи для описи сѣверо-восточныхъ береговъ Сибири и для отысканія новыхъ земель, Бережныхъ участвовалъ въ изслѣдованіяхъ острововъ Ляховскихъ, Новой Сибири, Котельничаго и Ѳадѣева, при чемъ сѣверному мысу послѣдняго дано названіе «Бережныхъ». По окончаніи этой экспедиціи, онъ былъ произведенъ, за отличіе, въ штурманскіе помощники 14 класса, награжденъ прибавочнымъ жалованьемъ по 250 руб. въ годъ, и прибавкою трехъ лѣтъ службы. Съ 1825 г. по 1827 г. Бережныхъ начальствовалъ отрядомъ гидрографической экспедиціи на сѣверѣ Европейской Россіи и произвелъ опись береговъ Сѣвернаго океана отъ р. Печоры до Канина носа. Въ 1827 г., при учрежденіи корпуса флотскихъ штурмановъ, онъ былъ произведенъ въ подпоручики, а съ 1828 по 1831 г. совершилъ плаваніе изъ Кронштадта въ Средиземное море и, по возвращеніи изъ Архипелага, получилъ чинъ поручика. Дальнѣйшая служба Бережныхъ состояла въ ежегодныхъ плаваніяхъ въ Балтійскомъ морѣ, но недолго: труды, понесенные въ гидрографическихъ изслѣдованіяхъ, изнурили его здоровье и привели его къ ранней смерти.

Общій Морской списокъ. Т. VI.

С. О.

Березайскій, *Василій Семеновичъ*, педагогъ, писатель, род. въ 1762 г., ум. въ 1821 г. Онъ былъ преподавателемъ словесности и ариѳметики въ Смольномъ институтѣ. Литературную дѣятельность Березайскій началъ въ 1785 г., помѣстивъ въ «Растущемъ Виноградѣ» переводъ съ французскаго—«О врожденномъ побужденіи» (въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ). Здѣсь же впослѣдствіи онъ напечаталъ переводы съ французскаго: «Оды о возстановленіи Карла XII» (въ февральской книжкѣ 1787 г.)

и «Любопытнаго открытія города Геркуланума» (за 1789 г. и отд. Спб., 1789 г. и 2-е изд. 1795 г.). Кромѣ этихъ переводовъ Березайскому принадлежатъ еще: «Храмъ безсмертныя славы Императора Петра Великаго или обстоятельное описаніе побѣдъ его надъ Карломъ XII, королемъ шведскимъ» (переводъ съ французскаго, Спб., 1789 г.); «Анекдоты древнихъ пошехонцевъ» (Спб., 1798 г.; 2-е изд. 1821 г. и 3-е изд. 1863 г.), и «Ариѳметика, сочиненная для употребленія въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ» (Спб., 1818 г.). Вниманія заслуживаютъ «Анекдоты», такъ какъ благодаря имъ установился типъ «веселаго пошехонца», ставшій потомъ столь популярнымъ. Свои «анекдоты» Березайскій бралъ изъ народныхъ преданій и, съ своей стороны, только подвергалъ ихъ литературной обработкѣ. Судя по всѣмъ его произведеніямъ, онъ былъ весьма образованнымъ, начитаннымъ и нелишеннымъ литературныхъ способностей человѣкомъ. Языкъ его прозы всюду плавный и гладкій.

С. А. Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь писателей и ученыхъ», т. III, (Спб., 1892).
В. Р.

Березинъ, *Александръ Петровичъ,* купецъ 1-й гильдіи, городской голова въ С.-Петербургѣ, род. въ 1723 г. въ селѣ Еремейцевѣ, ярославскаго уѣзда, ум. 1 ноября 1799 г. Родители его были бѣдные крестьяне, и самъ онъ съ 8 лѣтъ былъ отданъ въ пастухи, но заработки были такъ плохи, что часто приходилось просить милостыню. Въ мальчикѣ рано пробудилась энергія, дѣловитость и практическій умъ. Когда ему исполнилось 15 лѣтъ, онъ отправился въ Петербургъ (1747 г.) и поступилъ въ услуженіе къ какому-то чиновнику, который обучилъ его грамотѣ и, умирая, просилъ знакомыхъ купцовъ пристроить его вѣрнаго слугу. Послѣ его смерти, Березинъ побывалъ на родинѣ, а потомъ поступилъ приказчикомъ въ мучную лавку. Безукоризненная честность помогла ему заслужить полное довѣріе хозяина, который сдѣлалъ Березина участникомъ въ барышахъ, и въ 1752 г. онъ имѣлъ уже деревянный домъ въ Петербургѣ и пивоварню, которая обогатила его еще болѣе; онъ записался въ купечество по 2-й гильдіи. Въ 1758 г. петербургское купечество выбрало его въ должность по соляному торгу. Въ 1760 г. Березинъ сдѣлался купцомъ 1-й гильдіи. Собственнымъ иждивеніемъ онъ выстроилъ на своей родинѣ двѣ церкви,—одну въ селѣ Мышкинѣ, другую около села Круглицъ, гдѣ онъ когда-то пасъ стадо и изъ кустарника слышалъ пророческій голосъ, предвѣщавшій ему богатство. Березинъ много заботился объ общественной пользѣ, и петербургское купечество выбрало его городскимъ головою; въ этомъ званіи онъ заслужилъ всеобщее уваженіе и признательность. Онъ былъ также ктиторомъ въ церкви Вознесенія, которую онъ отчасти на свои средства и окончилъ, и получилъ за это похвальный листъ отъ с.-петербургскаго митрополита Гавріила. Березинъ оказалъ услуги и народному образованію, построивъ народную школу. Отъ него осталась автобіографія, продиктованная имъ, или составленная отъ его лица какимъ-нибудь близкимъ человѣкомъ. Извлеченія изъ этой автобіографіи помѣщены въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., II, 226—235.

Автобіографія.—«Ярославскія Епарх. Вѣдом.» 1862 г.—Лѣствицынъ, «Поѣздка въ Угличъ» («Ярославскія Губ. Вѣдом.» 1867 г.).
Е. Тарасовъ.

Березинъ, *Алексѣй Сергѣевичъ,* ученый путешественникъ по Венгріи и Италіи, род. въ 1801 г. въ тамбовской губерніи, ум. въ 1824 г. въ Жирженти. Воспитаніе Березинъ получилъ въ пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ гренадерскій императора австрійскаго полкъ. Въ 1821 г. вышелъ въ отставку, съ цѣлью совершить путешествіе по Европѣ, къ которому приготовлялся полтора года, изучая физику, химію, исторію и занимаясь рисованіемъ. Первую зиму онъ провелъ въ Вѣнѣ, откуда отправился въ Венгрію, для осмотра тамошнихъ достопримѣчательностей. Отрывокъ изъ описанія его путешествія по Венгріи (отъ Землина до Ортовы) напечатанъ въ № 4 «Соревнователя просвѣщенія» за 1823 г. Въ 1824 г. Березинъ былъ въ Италіи, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ и Неаполѣ, осенью отправился въ Сицилію; здѣсь простудился и умеръ отъ горячки.

Геннади I, 80.—«Journal de St.-Pétersb.» 1825, № 6.—«Сѣверная Пчела», № 7.—Въ Біограф. Лист. Кеппена помѣщенъ (1825 г. № 15. стр. 239—242) списокъ собранныхъ Березинымъ рисунковъ и видовъ.

Березинъ, *Василій Дороѳеевичъ,* протоіерей, законоучитель морскаго училища, род. въ 1803 г., ум. 9 февраля 1872 г. По окончаніи

курса въ Петербургской духовной академіи въ 1827 г., Березинъ поступилъ священникомъ и законоучителемъ въ морской корпусъ. Кромѣ службы въ корпусѣ, Березинъ съ 1836 по 1856 гг. состоялъ законоучителемъ въ Ларинской гимназіи. Строго относясь къ исполненію обязанностей, налагаемыхъ священствомъ, Березинъ считалъ этотъ санъ верхомъ всѣхъ благъ. Какъ преподаватель, онъ сосредоточивалъ вниманіе учениковъ на сущности предмета, избѣгая всѣхъ несущественныхъ подробностей и предпочитая «явное пониманіе кажущемуся многознанію». Въ этомъ направленіи имъ составленъ былъ и учебникъ «Исторіи Ветхаго Завѣта», одно изъ первыхъ, по времени, руководствъ по закону Божію (выдержалъ 3 изданія Спб. 1844, 1846 и 1856). Въ 1838 г. Березинъ напечаталъ «Рѣчь при открытіи пансіона при Ларинской гимназіи». Кромѣ того, послѣ Березина осталось много неизданныхъ словъ и рѣчей на разные случаи корпусной жизни.—Объ его сынѣ, Евгеніи, см. ниже.

«Странникъ» 1872 г., кн. I, хроника, стр. 195.— Словари: Геннади и Венгерова.

Березинъ, *Евгеній Васильевичъ*, капитанъ 1 ранга, начальникъ гидрографической экспедиціи Балтійскаго моря, род. 13 января 1833 г., ум. 16 ноября 1886 г. Сынъ протоіерея морского корпуса, Березинъ высшее образованіе получилъ на камеральномъ факультетѣ с.-петербургскаго университета, а по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата, поступилъ въ 1854 г. на службу во флотъ съ производствомъ въ мичмана. Съ 1854 по 1856 г., во время Восточной войны, Березинъ находился сперва на кораблѣ Императрица Александра на кронштадтскомъ рейдѣ, а потомъ въ Кронштадтѣ на одной изъ береговыхъ батарей. Въ 1857—1860 г. онъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе на винтовыхъ судахъ: клиперѣ Пластунъ и корветѣ Новикъ, и по возвращеніи изъ плаванія былъ произведенъ въ лейтенанты; послѣ того, въ 1862—1872 г. Березинъ, командуя послѣдовательно винтовыми лодками: Лукъ. Марево и Прибой, плавалъ съ воспитанниками штурманскаго и морскаго училищъ для производства изслѣдованія финляндскихъ шхеръ, и въ этотъ промежутокъ времени, съ 1868 г. поступилъ въ штатъ офицеровъ морскаго училища преподавателемъ морской практики и военно-морской исторіи. Въ 1871 г. Березинъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣльной съемки по обслѣдованію фарватеровъ въ финляндскихъ шхерахъ. съ прикомандированіемъ къ гидрографическому департаменту морскаго министерства, а съ 1882 г., произведенный въ капитаны 1-го ранга, состоялъ начальникомъ гидрографической экспедиціи на Балтійскомъ морѣ. Онъ имѣлъ ордена: св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. При солидной научной подготовкѣ и служебной практикѣ, Березинъ пользовался въ средѣ моряковъ весьма почетною извѣстностью, какъ талантливый морской писатель, опытный преподаватель морскихъ наукъ и дѣятельный изслѣдователь финскихъ шхеръ. На него часто были возлагаемы порученія, требовавшія отличнаго знанія морского дѣла, какъ, напримѣръ, экспертиза въ коммерческомъ судѣ по дѣламъ о столкновеніяхъ военныхъ судовъ съ коммерческими, или двукратное участіе въ качествѣ представителя морскаго министерства при полевыхъ поѣздкахъ офицеровъ генеральнаго штаба по виленскому военному округу и по Финляндіи, или, наконецъ, въ трудахъ особаго отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, при составленіи проекта общаго плана промышленнаго образованія въ Россіи. Эти труды неоднократно удостоивались Высочайшей благодарности. Ни одинъ изъ вопросовъ, касавшихся морскаго дѣла, не проходилъ для Березина незамѣченнымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя статьи его, разсыпанныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ; наконецъ, лекціи и бесѣды, неоднократно читанныя имъ въ морскихъ обществахъ и собраніяхъ, всегда обращали на себя вниманіе обширностью разработки предмета и талантливостью изложенія. Въ послѣдніе два года Березинъ читалъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба лекціи: «О стратегическомъ значеніи прибрежій Финскаго залива и Балтійскаго моря» и «Объ организаціи морскихъ вооруженныхъ силъ».—Изъ сочиненій Березина заслуживаютъ особаго вниманія: Морская практика. 2 ч. 1875 г., съ атласомъ чертежей; Опытъ морской тактики. Историческая часть. 1870 г.; Морская походная книжка для воспитанниковъ Морскаго училища, 1868 г.; Краткая военно-морская исторія, 1871 г. (литографированное изданіе); Учебникъ физической геогра-

фіи для Морскаго кадетскаго корпуса (переводъ).—Изъ многочисленныхъ статей, помѣщенныхъ Березинымъ въ Морскомъ Сборникѣ, интересны: Послѣдняя арктическая экспедиція доктора Кэна (1856 г. № 2); Очеркъ русскихъ портовъ въ Татарскомъ заливѣ и въ Японскомъ морѣ (1861 г. № 1); Килеваніе клипера Пластунъ въ Монтевидео (1860 г. № 12); Очерки штурвальныхъ приводовъ (1869 г. № 3); О поворотливости винтовыхъ судовъ (1869 г. №№ 5 и 6); Очеркъ морскихъ спасательныхъ средствъ (1870 № 1); О современномъ значеніи второстепенныхъ флотовъ (1870 г. № 6).—Кромѣ того, отдѣльными изданіями вышли: Морс. Мореходное искусство. Богатство моря. Историческій очеркъ всемірной торговли и значеніе ея для цивилизаціи (переводъ). Спб. 1861 г.; Очеркъ военныхъ дальномѣровъ. Спб. 1878 г. Статья: О свидѣтельствахъ компетентности и рѣчныхъ училищахъ помѣщена въ «Журн. Мин. Путей Сообщ.» 1878 г. № 7.

Главн. Морской архивъ. — Словарь Венгерова (статья М. Меньшикова).—Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VI.—Некрологи: въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», 1886 г., № 138, «Новомъ Времени», № 3855, «Историч. Вѣстникѣ», 1887 г., № 1.

Березинъ, *Иванъ Григорьевичъ*, докторъ медицины, род. въ семьѣ бѣднаго сельскаго священника тверской губерніи въ 1837 г., ум. 11 августа 1866 г. въ Петербургѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ тверской семинаріи, а въ 1857 г. поступилъ въ медико-хирургическую академію, въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Убѣдившись, что для успѣшныхъ занятій въ академіи ему недостаетъ научной подготовки, онъ упорно трудился надъ пополненіемъ своего общаго образованія, обращая особенное вниманіе на французскій и нѣмецкій языки и на математику. Въ то же время и въ предметахъ медицинскаго курса онъ всегда былъ въ числѣ первыхъ. Отсутствіе всякой матеріальной поддержки со стороны семьи и необходимость самому заботиться о себѣ закалили энергію Березина, но тяжело отозвались на его здоровьѣ. Блестящимъ образомъ окончивъ курсъ академіи съ серебряной медалью, онъ участвовалъ въ конкурсѣ на оставленіе при академіи и избранъ былъ въ число 10-ти лучшихъ воспитанниковъ, ежегодно оставляемыхъ при академіи для научнаго усовершенствованія. Березинъ спеціализировался на каѳедрѣ физіологіи и сталъ заниматься въ лабораторіи профессора И. М. Сѣченова. Первый научный трудъ Березина былъ посвященъ изслѣдованію сфигмографа Марея и его клиническаго значенія. Окончивъ это математически-точное изслѣдованіе, въ которомъ выразились его строгій аналитическій умъ и хорошее знакомство съ физикой, Березинъ тяжело заболѣлъ и въ теченіе цѣлаго полугода не могъ продолжать своихъ научныхъ занятій. Выздоровѣвъ, онъ предпринялъ три новыхъ труда: изслѣдованіе законовъ диффузіи въ циркулирующихъ жидкостяхъ, изслѣдованіе дыханія рыбъ и изслѣдованіе магнитныхъ токовъ. Послѣдняя изъ этихъ работъ не могла быть окончена, вслѣдствіе техническихъ затрудненій. Первыя двѣ тоже не были закончены: Березину пришлось прекратить ихъ для того, чтобы своевременно представить диссертацію на степень доктора медицины. Темой для диссертаціи послужило изслѣдованіе термическихъ рефлексовъ. Эта работа увѣнчалась блестящимъ открытіемъ специфическихъ заднихъ корешковъ спинного мозга; работа была представлена въ качествѣ диссертаціи, подъ заглавіемъ: «Рефлексы отъ термическихъ вліяній на кожу лягушки». Получивъ степень доктора медицины, Березинъ исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе оставаться еще одинъ годъ въ прикомандированіи къ академіи для практическаго изученія химіи, но заболѣлъ холерой и черезъ 7 часовъ скончался на 30-мъ году жизни. Работы его: Сфигмографъ Марея и его клиническое значеніе («Медиц. Вѣстникъ» 1864 г., 41—45); Опытное доказательство того, что отражательныя нервныя волокна и сознательно чувствующія у лягушки различны (тамъ же, 1866 г. 6; нѣмецкій переводъ въ «Centralb. f. d. med. Wissensch.» 1866); Рефлексы отъ термическихъ вліяній на кожу лягушки. Дисс. Спб. 1866 г.; Блаженство мусульманина (къ физіологіи сумашествія) («Русскій Вѣстникъ» 1867 г., январь).

В. Іаникевичъ, некрологъ въ «Медиц. Вѣстн.» 1866 г., № 42.—Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели.
Н. Кульбинъ.

Березинъ, *Леонидъ Васильевичъ*, писатель и цензоръ, род. въ С.-Петербургѣ, ум. тамъ-же 17 декабря 1889 г. Окончивъ курсъ с.-петербургскаго университета съ степенью кандидата, Березинъ поступилъ на учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ, а въ іюнѣ 1859 г. былъ назначенъ «сту-

дентомъ» въ наше посольство при Портѣ. Въ 1861 г. онъ перешелъ на должность секретаря и драгомана при консульствѣ въ Битоли, въ іюлѣ 1862 г. посланъ вице-консуломъ въ Фіуме, а въ 1869 г. утвержденъ въ должности консула тамъ-же, но вскорѣ, по семейнымъ обстоятельствамъ, оставилъ службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и вернулся въ С.-Петербургъ. Здѣсь въ 1872 г. онъ былъ назначенъ младшимъ цензоромъ с.-петербургскаго почтамта, а въ 1833 г. — чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи по дѣламъ печати, съ оставленіемъ въ прежней должности. Умеръ Березинъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Во время службы въ Австріи Березинъ усердно собиралъ матеріалы по этнографіи и статистикѣ мѣстныхъ славянъ; плодомъ этихъ занятій была книга «Хорватія, Славонія и Далмація», изданная въ С.-Петербургѣ въ 2-хъ томахъ, въ 1879 г. Этотъ трудъ, доставившій автору ордена отъ австрійскаго, итальянскаго, сербскаго и черногорскаго правительствъ, основанъ, главнымъ образомъ, на печатныхъ источникахъ, изданныхъ въ Австріи, но въ этнографической части заключается много матеріала, почерпнутаго Березинымъ изъ непосредственнаго наблюденія народной жизни.

«Новое Время», 1889 г., № 4962. — Словарь Венгерова.

Березинъ, *Михаилъ Гавриловичъ*, архитекторъ-академикъ, братъ *Петра* Березина, ученика канцеляріи строенія Ея Величества домовъ, садовъ и спб. стеклянныхъ заводовъ, род. въ 1757 г. Въ 1767 г. онъ поступилъ въ Академію художествъ, въ 1774 г. получилъ первую серебряную медаль за архитектурную композицію, представляющую театръ. Въ 1775 г. ему задана программа: «По заданному положенію мѣста расположить домъ со всѣми его выгодами» и т. д. Въ сентябрѣ 1778 г. Березинъ получилъ первую золотую медаль, а въ 1785 г. — званіе академика. Неизвѣстно, когда онъ уѣхалъ на службу въ г. Архангельскъ, гдѣ въ 1806 г. онъ состоялъ уже архитекторомъ при адмиралтействѣ, и Академія художествъ рекомендовала его военному губернатору, какъ извѣстнаго своими постройками, весьма опытнаго архитектора.

Архивъ И. А. Худ. Д. 5 (1767).—Петровъ, Мат. для исторіи И. А. Худ. *Е. Т.*

Березниковъ, *Андрей Филипповичъ*, граверъ рѣзцомъ, ученикъ Клаубера, род. 21 мая 1771 г. въ С.-Петербургѣ, ум. въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія. Отецъ его былъ отставной ученикъ живописнаго художества Императорской шпалерной мануфактуры. Березниковъ воспитывался въ Академіи художествъ съ 1786 по 1793 г.; гравированію учился у Ст. Ѳад. Иванова. 5 сентября 1790 г. онъ получилъ первую серебряную медаль за гравированіе, а 21 октября 1794 г.—малую золотую. Изъ Академіи онъ былъ выпущенъ въ 1793 г. художникомъ первой степени, и потомъ служилъ въ депо картъ. Изъ работъ Березникова, кстати сказать—очень рѣдкихъ, извѣстны слѣдующія: 1) Великая Княгиня Александра Павловна: 2) Императоръ Александръ I-й; 3) Дмитрій Самозванецъ; 4—5) Іосифъ Аргутинскій (двѣ гравюры); 6) Великій Князь Константинъ Павловичъ; 7) Императоръ Павелъ I-й; 8) Mort de Prince Potemkin T.; 9) Ходжемцъ, переводчикъ съ армянскаго языка; 10) Авраамъ приноситъ Исаака въ жертву; 11) Милосердіе Самарянино; 12) Богоматерь со Христомъ и Іосифомъ; 13) Явися Аврааму Богъ у дуба Мамврійскаго; 14) Св. Екатерина обручается со Христомъ; 15) Кабакъ; 16) Четыре вида села Куракина (кн. Куракина); 17) Нагой человѣкъ на колѣняхъ молится Богу; 18) Красавица въ задумчивости; 19) Одна картушъ въ «Россійскомъ атласѣ изъ 43 картъ» (1800 г.); 20) Шесть досокъ въ большой листъ съ изображеніемъ восныхъ формъ; 21) Шесть листовъ чертежей, изображающихъ разныя военныя формы польскихъ гусаровъ и др.; 22) 44 листа, гравированныхъ въ очеркахъ въ изданіи: «Рисунки, изображающіе разныхъ видовъ одежду артиллерійскихъ служителей правленія инспектора графа Аракчеева» (1807 г.); 23) 33 номера въ книгѣ «Всеобщая картина Оттоманской имперіи» (т. I.); 24) 11 картинокъ къ книгѣ «Образованіе древнихъ народовъ» (1796 г.); 25) Cupid und Psyche къ книгѣ «Невѣдомые Теодоръ и Розалія» (М. 1832 г.).

Архивъ И. А. Худ. Д. 11 (1793).—Журналъ Акад. Худ. 1793 г. — Петровъ, Мат. для ист. И. А. Худ., I,151, 165, 305, 335.—Ровинскій, Словарь русскихъ граверовъ (1895).—Энц. словари: Брокгауза и Гарбеля.

Е. Тарасовъ.

Березовскій, *Максимъ Созонтовичъ*, композиторъ, род. въ 1745 г. въ г. Глуховѣ, черниговской губерніи, ум. въ мартѣ

1777 г.; учился онъ въ кіевской духовной академіи, но курса не кончилъ. Попавъ случайно въ С.-Петербургъ, Березовскій, обладавшій прекраснымъ голосомъ, опредѣленъ былъ въ придворную пѣвческую капеллу и сталъ изучать теорію музыки у Цопписа. Въ числѣ другихъ пѣвчихъ Березовскій неоднократно принималъ участіе въ представленіяхъ итальянской оперы. Отличная игра на скрипкѣ и незаурядная способность къ композиціи обратили на него общее вниманіе; въ 1765 г. онъ былъ отправленъ за счетъ правительства въ Италію для усовершенствованія и сталъ изучать музыку у извѣстнаго теоретика Мартини (въ Болоньи). Традиціи старой болонской школы оказали самое благотворное вліяніе на талантъ Березовскаго; композиціи его отличались такимъ вдохновеннымъ и въ то же время строгимъ стилемъ, что онъ удостоился рѣдкихъ для иностранца отличій со стороны итальянскаго музыкальнаго міра: онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ многихъ итальянскихъ музыкальныхъ академій, въ болонской академіи сверхъ того имя его было вырѣзано золотыми буквами на мраморной доскѣ, а болонское музыкальное общество удостоило его званія капельмейстера. Несмотря на пріобрѣтенную въ Италіи популярность, Березовскій постоянно мечталъ о возвращеніи на родину, по которой онъ сильно тосковалъ. Эту мечту Березовскому удалось осуществить лишь въ 1774 г.—послѣ девятилѣтняго пребыванія въ Италіи. Родина оказалась для него злой мачихой; неудачи преслѣдовали композитора одна за другой. По пріѣздѣ онъ былъ причисленъ къ придворной пѣвческой капеллѣ сверхъ штата; среди иностранцевъ, захватившихъ лучшія должности въ капеллѣ и державшихся тѣсно-сплоченнымъ кружкомъ, Березовскій почувствовалъ себя совершенно одинокимъ; положеніе его было довольно тяжелымъ и потому, что его сослуживцы, по чувству самосохраненія, относились къ нему съ открытымъ недоброжелательствомъ и всевозможными способами старались вредить ему. Нѣкоторымъ просвѣтомъ въ этомъ довольно безотрадномъ положеніи для Березовскаго явилось предложеніе Потемкина занять мѣсто директора въ музыкальной академіи, которую онъ предполагалъ основать въ Кременчугѣ, но объ этомъ проектѣ Потемкинъ вскорѣ позабылъ, равно какъ и о Березовскомъ. Всѣ эти огорченія, въ связи съ матеріальной нуждой довели Березовскаго до отчаянія; онъ заболѣлъ горячкою и въ припадкѣ болѣзни перерѣзалъ себѣ горло. Многочисленныя церковно-музыкальныя произведенія Березовскаго почти всѣ остаются въ рукописи. Придворною пѣвческою капеллою изданы только двѣ композиціи: «Вѣрую» (исполняющееся и доселѣ) и концертъ «Не отвержи мене во старости». Большою извѣстностью пользовались концерты Березовскаго—«Отрыгну сердце мое», «Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи», «Слава въ вышнихъ Богу», причастный и др.; затѣмъ Березовскимъ написана «Литургія», изъ которой и взято извѣстное «Вѣрую». Большинство композицій написано Березовскимъ въ Италіи, откуда онъ присылалъ ихъ въ С.-Петербургъ; здѣсь онѣ исполнялись придворною пѣвческою капеллою, а затѣмъ расходились въ спискахъ по всей Россіи и получали широкую извѣстность. Будучи поклонникомъ итальянскаго стиля церковной музыки, Березовскій тѣмъ не менѣе дѣлалъ далеко не безплодныя усилія къ согласованію музыкальнаго выраженія съ характеромъ текста. Въ этомъ отношеніи композиціи его представляютъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ произведеніями итальянцевъ, писавшихъ музыку для богослуженія православной церкви, гдѣ сплошь и рядомъ встрѣчаются даже неправильныя ударенія въ словахъ. Въ произведеніяхъ Березовскаго удачно сочетаются возвышенная простота церковнаго гимна и изящество. Изъ свѣтскихъ композицій Березовскаго сохранилось извѣстіе объ оперѣ «Демофонъ», представленной на сценѣ въ Ливорно и имѣвшей выдающійся успѣхъ.

А. Преображенскій, Словарь русскаго церковнаго пѣнія, 1896. — Саккетти, Очеркъ всеобщей исторіи музыки. 2 изд. 1891.—З. Дуровъ, Очеркъ исторіи музыки въ Россіи (въ книгѣ: Руководство къ изученію исторіи музыки Аррей фонъ-Доммеръ. Пер. Желябужской. 1884). — Разумовскій прот., Церковное пѣніе въ Россіи. 1867.

К. Храневичъ.

Березуйскій, князь, *Ѳедоръ Константиновичъ* (Красный), старшій сынъ Константина Юрьевича, внука Константина Ростиславича, князя смоленскаго, ум. въ 1387 г. Онъ извѣстенъ по участію въ походѣ московскаго князя на Смоленскъ въ 1340 г. Былъ женатъ на Евпраксіи, разведенной супругѣ Симеона Гордаго. Отъ него произошли дворянскіе роды: Травиныхъ и угасшій родъ Далматовыхъ-Карпо-

выхъ. Умеръ, принявъ схиму подъ именемъ Симеона.

П. С. Р. Л.—Словарь Плюшара.

Беренсъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, заслуженный профессоръ, писатель, изъ дворянъ новгородской губерніи, род. въ 1825 г., ум. 17 августа 1888 г. Получивъ домашнее образованіе, Беренсъ началъ службу въ 1842 г. юнкеромъ л.-гв. въ уланскомъ Его Величества полку, три года спустя произведенъ въ офицеры, а въ 1851 г. поступилъ въ академію генеральнаго штаба, которую окончилъ съ успѣхомъ въ 1853 г. Въ 1854 г. Беренсъ былъ переведенъ штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ, а въ 1855 г. удостоенъ званія адъюнкта академіи генеральнаго штаба по каѳедрѣ военной исторіи и стратегіи. Получивъ вслѣдъ затѣмъ командировку за границу, для ближайшаго изученія военной статистики и другихъ военныхъ наукъ, Беренсъ воспользовался своимъ пребываніемъ, между прочимъ, въ Алжиріи, и составилъ обширное военно-статистическое описаніе этой страны, подъ заглавіемъ «Кабилія въ 1857 г.» («Военный Сборникъ», 1858 г.). Въ 1857 г. Беренсъ былъ утвержденъ профессоромъ академіи по каѳедрѣ военной исторіи, въ 1868 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и въ 1870 г. получилъ почетное званіе заслуженнаго профессора. Не переставая заниматься разработкою преподаваемыхъ имъ наукъ, Беренсъ въ то же время принималъ дѣятельное участіе въ различныхъ операціяхъ главнаго интендантскаго управленія, гдѣ числился чиновникомъ для особыхъ порученій, и въ числѣ послѣднихъ занимался изслѣдованіемъ сплава провіанта по Волгѣ, состоялъ членомъ комитета для пересмотра дѣйствующихъ постановленій по снабженію войскъ провіантскимъ довольствіемъ и по внутреннему хозяйству въ войскахъ и мн. др. Въ 1864 г. онъ напечаталъ статью «О заготовкѣ провіанта для с.-петербургскихъ магазиновъ» («Военный Сборникъ», № 6), посвященную, какъ и рядъ другихъ мелкихъ замѣтокъ полемическаго характера, научной разработкѣ вопроса о войсковомъ довольствіи. Изъ другихъ печатныхъ трудовъ Беренса извѣстны: «Очеркъ современнаго состоянія теоріи стратегіи» («Военный Сборникъ», 1862 г.) и «Обзоръ извѣстій о Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 гг.» (Спб., 1877 г., 3 вып.). Въ 1875 г. Беренсъ былъ отчисленъ отъ академіи съ назначеніемъ членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба и въ этомъ званіи былъ произведенъ въ 1883 г. въ генералъ-лейтенанты.—Послѣднимъ трудомъ Беренса было изслѣдованіе: «Основныя начала стратегіи» («Военный Сборникъ», 1882, № 10).

«Рус. Инв.» 1888 г., № 180.—Глиноецкій, «Истор. Очеркъ Ник. Акад. Ген. Штаба», стр. 75 и 26. — Словари: Андреевскаго и Венгерова (статья А. Петрова).

Беренсъ (Baerens), *Бернгардъ Фридрихъ*, докторъ медицины, род. въ Ригѣ 4 августа 1795 г., ум. послѣ 1857 г. Учился Беренсъ въ рижской гимназіи, въ 1814 г. началъ свое медицинское образованіе въ Дерптѣ, продолжалъ его въ Геттингенѣ, гдѣ спеціализировался на глазныхъ болѣзняхъ, затѣмъ учился въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ (у Beer'а) и практиковалъ въ Тюбингенѣ, гдѣ въ 1819 г. получилъ степень доктора медицины. Въ 1820 г. онъ вернулся въ Ригу, гдѣ былъ вольнопрактикующимъ врачемъ; затѣмъ онъ былъ городскимъ и полицейскимъ врачемъ въ Ригѣ, тамъ же состоялъ членомъ попечительства о бѣдныхъ и директоромъ больницы для бѣдныхъ и былъ предсѣдателемъ мѣстнаго общества практическихъ врачей. Въ 1852 г. при 50-лѣтнемъ юбилеѣ «lit.-pract. Bürger-Verbindung'а», Беренсъ былъ избранъ почетнымъ членомъ этого общества. Въ 1857 г. онъ праздновалъ свой 25-лѣтній юбилей въ должности директора больницы для бѣдныхъ при многочисленныхъ выраженіяхъ сочувствія со стороны мѣстнаго общества.—Труды Беренса: «Beobachtungen und Erfahrungen über die epid. Cholera (Protoc.-Extr. d. Versamml. sämmtl. Aerzte Rigas, Riga, 1831; перепечатано въ Гамбургѣ въ 1831 г. и въ томъ же году вышло новое изданіе съ добавленіемъ въ Ригѣ и Дерптѣ; тогда же издано въ Кильѣ); Eine angeborne Halsfistel und Ophthalmie abdominalis (Mittheil. aus d. Arch. d. Gesellsch. pr. Aerzte in Riga, 1839); Geschichtliches aus der Cholera-Epidemie in Riga. (Beitr., z. Heilk. изд. рижск. общ. практ. врачей, 1851); Zur Erinnerung an Dr. O. G. Z. Girgensohn (тамъ же, 1853); изд. отдѣльно въ 1852 г.: Fälle v. Traumen des Auges (тамъ же, 1855 г.).

Рекке и Напирскій, изд. 1827 г. и изд. 1859 г. *Н. К—нъ.*

Беренсъ, *Викторъ Ивановичъ*, инженеръ-полковникъ, писатель, род. въ 1814 г., ум. 23 декабря 1884 г. Окончивъ курсъ

въ Николаевской инженерной академіи, онъ всецѣло посвятилъ свою дѣятельность преподаванію излюбленной имъ математики и успѣлъ заслужить широкую извѣстность. Въ послѣдніе годы жизни онъ занималъ каѳедру высшей математики въ инженерной академіи и состоялъ преподавателемъ математическихъ наукъ въ военномъ Константиновскомъ училищѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ писатель, Беренсъ извѣстенъ слѣдующими трудами: «Курсъ дифференціальнаго исчисленія», Спб., 1849 г., «Теорія численныхъ приближеній», Спб., 1857 г., «Дифференціальное исчисленіе», Спб., 1858 г., «Интегральное исчисленіе», Спб., 1863 г., «Замѣтка» по поводу рецензіи О. на сочиненіе «Интегральное исчисленіе» («Инжен. журн.», 1863 г., кн. 2-я), «Начальная геометрія для среднихъ учебыхъ заведеній», Спб., 1872 г. и 1884 г., «Курсъ математики и механики для военныхъ училищъ», Спб., 1880 г., «Элементарный курсъ исчисленія безконечно малыхъ», 1884 г., ч. 1-я. Работая надъ продолженіемъ послѣдняго труда, Беренсъ заболѣлъ воспаленіемъ мозга и черезъ нѣсколько дней скончался.

Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей», вып. IV, стр. 28. — «Новь», 1885 г., кн. 6, стр. 394.—Словарь Венгерова.

Беренсъ, *Евгеній Андреевичъ*, адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта, уроженецъ московской губерніи, род. въ 1809 г., ум. 18 сентября 1878 г. Получивъ образованіе въ морскомъ корпусѣ, Беренсъ въ 1826 г. былъ выпущенъ въ мичмана, и молодые годы провелъ въ неоднократныхъ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ. Первое кругосвѣтное плаваніе онъ совершилъ въ 1828—1830 г. на шлюпѣ «Кроткій» къ берегамъ Россійско-Американской компаніи, и, по возвращеніи въ Кронштадтъ, былъ произведенъ въ лейтенанты, награжденъ прибавочнымъ жалованьемъ по чину мичмана, и кампанія сочтена къ ордену св. Георгія вдвое.—Съ 1834—1836 г. Беренсъ вторично плавалъ на военномъ транспортѣ «Америка», въ должности старшаго офицера, къ берегамъ той же компаніи, и потомъ, поступивъ на службу этой компаніи, принялъ въ командованіе компанейскій корабль «Николай», съ которымъ и совершилъ третье кругосвѣтное плаваніе въ 1837—1839 г., послѣ чего, по 1855 г. включительно, командовалъ ежегодно военными судами въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1855 г. Беренсъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, а по окончаніи Восточной войны, въ теченіе 1856—1857 г., имѣя флагъ на винтовомъ кораблѣ «Выборгъ» плавалъ съ эскадрою въ Средиземномъ морѣ, послѣ чего получилъ назначеніе сначала младшимъ, а потомъ старшимъ флагманомъ балтійскаго пароваго флота; позже Беренсъ исправлялъ должность помощника главнаго командира Кронштадтскаго порта. При преобразованіи флота и организаціи командъ, Беренсъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Его Высочества, генералъ-адмирала, в. кн. Константина Николаевича, участвуя въ нижеслѣдующихъ комиссіяхъ: 1) по устройству кронштадтскихъ и петербургскихъ экипажескихъ магазиновъ и разсортированію въ нихъ портоваго и судоваго имущества; 2) по опредѣленію количества матеріаловъ и припасовъ для дѣйствія механизма на паровыхъ судахъ; 3) по составленію новаго положенія о количествѣ отпуска на суда новыхъ освѣтительныхъ матеріаловъ; 4) по опредѣленію запаса матеріаловъ и кораблестроительной части; 5) по упраздненію флотскихъ дивизій; 6) по составленію новаго положенія о столовыхъ и порціонныхъ деньгахъ командирамъ судовъ и 7) по пересмотру морскаго устава. Въ 1864 г. Беренсъ за отличіе былъ произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1866 г. назначенъ въ члены адмиралтействъ совѣта и въ 1874 г. произведенъ въ адмиралы. Имѣлъ ордена: св. Владиміра 2 степени и Бѣлаго Орла; кромѣ того—аренду въ 2,000 руб. на 12 лѣтъ. Изъ иностранныхъ орденовъ онъ имѣлъ: сардинскій орденъ Маврикія и Лазаря и португальскій—Башни и Меча со звѣздою.

Главный морской архивъ. Формулярный списокъ.

С. Огородниковъ.

Беренсъ, *Рейнгольдъ*, докторъ медицины и естествоиспытатель, род. въ Ригѣ 12 января 1745 г., ум. 28 октября 1823 г. Первоначальное образованіе получилъ въ рижской школѣ (Domschule), въ 1756 г. перешелъ въ лицей, а въ 1761 г.—опять въ Domschule. Послѣ этого Беренсъ отправился въ берлинскій университетъ, гдѣ одинъ изъ школьныхъ товарищей уговорилъ его посвятить себя медицинѣ. Беренсъ началъ усердно заниматься въ тамошнемъ медико-хирургическомъ институтѣ, а въ свободные часы—у Gleditsch'а и Gerhard'а. Осенью 1768 г. онъ перешелъ въ

речисленъ въ селенгинскіе поселенцы. Разнообразныя природныя дарованія позволили Бестужеву скрасить жизнь въ Сибири кипучею дѣятельностью. Еще до ссылки онъ изобрѣлъ особую спасательную лодку на полозьяхъ («бестужевку») и новый способъ оснастки военныхъ судовъ, усовершенствовалъ освѣщеніе на маякахъ и т. п. Въ Сибири нужда заставила его пользоваться всѣми его знаніями и способностями. При самыхъ жалкихъ техническихъ средствахъ, онъ писалъ акварелью портреты, исполнялъ на заказъ иконы, чинилъ водяныя мельницы, изобрѣлъ особую экономическую печь («бестужевскую»), занимался сапожнымъ и портняжнымъ мастерствомъ, дѣлалъ гробы, занимался сельскимъ хозяйствомъ и т. п. Бестужевъ ввелъ моду на браслеты изъ кандаловъ, которые самъ выковывалъ, а будучи еще въ тюрьмѣ, устроилъ хронометръ удивительной точности и совершенно оригинальной системы, секретъ которой унесъ съ собою въ могилу. Интересуясь естественными науками, онъ изобрѣлъ особый приборъ для записыванія землетрясеній и производилъ цѣнныя метеорологическія наблюденія.—Плодомъ литературнаго дарованія Бестужева были «Разсказы и повѣсти стараго моряка» (М. 1860 г.), въ составъ которыхъ вошла изданная имъ въ 1821 г. книга: «Записки о Голландіи 1817 г.», 5 морскихъ сценъ, Опытъ исторіи россійскаго флота и 4 разсказа. Кромѣ того, въ журналахъ 20-хъ годовъ Бестужевымъ были помѣщены: 1) Отвѣты на вопросы, предложенные въ 1-й книгѣ «Благонамѣреннаго» («Благонамѣренный», 1818 г., № 5); 2) Письмо къ издателю («Сынъ Отечества», 1820 г., № 44); 3) Обожатели огня, восточная повѣсть, изъ Т. Мура («Соревнователь», 1821 г., №№ 11 и 12); 4) Паризина, прозаич. переводъ изъ Байрона (ibid., 1822 г., № 3); 5) Сраженіе при Ганге-Уддѣ 1714 г. (ibid., 1823 г., № 12); 6) Гленфикласъ, изъ В. Скотта (ibid., 1822 г., № 5); 7) Объ удовольствіяхъ на морѣ («Полярная Звѣзда», 1824 г.); 8) Къ улетѣвшему генію («Новости литературы», 1825 г., № 12). Наконецъ, въ лондонской «Полярной Звѣздѣ» (1862 г., т. VII, вып. 2) напечатанъ отрывокъ изъ воспоминаній Бестужева о 14 декабря 1825 г.

Общій Морской Списокъ, т. VI.—С. В. Максимовъ, «Сибирь и каторга»; его-же, статья въ «Наблюдателѣ», 1883 г. — «Записки Греча».—Некрологи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г.—Словари Геннади и Венгерова (статья М. Меньшикова). *С. А.*

Бестужевъ, *Павелъ Александровичъ*, братъ Бестужева-Марлинскаго, род. въ 1808 г., ум. въ 1846 г. въ Москвѣ. Онъ воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ и въ 1825 г. былъ въ офицерскомъ классѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бунта 14 декабря онъ былъ арестованъ за то, что у него нашли томикъ «Полярной Звѣзды», и его сослали на Кавказъ, гдѣ онъ храбро велъ себя въ обѣихъ кампаніяхъ, персидской и турецкой; затѣмъ онъ вышелъ въ отставку съ аннинскимъ крестомъ за изобрѣтеніе прицѣла къ пушкамъ, который введенъ былъ во всей артиллеріи, подъ названіемъ «бестужевскаго прицѣла». Въ Петербургѣ, благодаря поддержкѣ в. князя Михаила Павловича, лично знавшаго и любившаго его, Бестужевъ три года занималъ должность старшаго адъютанта при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, послѣ чего вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву.

Переписка А. А. Бестужева въ «Русской Старинѣ» 1870 г.

Бестужевъ-Рюминъ, *Алексѣй Димитріевичъ*, надворный совѣтникъ, членъ вотчиннаго департамента, съ 1806 г. жилъ въ Москвѣ, числясь при герольдіи, а 2 мая 1812 г. опредѣленъ вторымъ членомъ вотчиннаго департамента московскаго присутствія Сената. Послѣ Бородинской битвы, когда всѣ правительственныя учрежденія покинули Москву, Бестужевъ рѣшился остаться въ столицѣ для охраненія архива вотчиннаго департамента, который не успѣли вывезти. Изгнанный французскими солдатами изъ помѣщенія архива, Бестужевъ подвергался крайнимъ лишеніямъ, а затѣмъ былъ захваченъ патрулями, приведенъ къ Наполеону и, какъ знающій французскій языкъ, принужденъ былъ сдѣлаться членомъ «муниципальнаго совѣта», учрежденнаго Наполеономъ для управленія Москвою. Этимъ положеніемъ Бестужевъ воспользовался для помощи русскому населенію, оставшемуся въ Москвѣ, и для охраненія своего архива отъ истребленія. Послѣ удаленія французовъ изъ столицы найдены были списки русскихъ, служившихъ Наполеону; такъ какъ въ этихъ спискахъ было имя Бестужева, то онъ былъ преданъ суду и, хотя былъ оправ-

данъ, по мѣсто въ вотчинномъ департаментѣ потерялъ. Онъ оставилъ любопытное «Краткое описаніе произшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 г.», напечатанное въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» (1859 г., кн. 2) и дополняемое его же докладною запискою на имя министра юстиціи И. И. Дмитріева отъ 27 февраля 1812 г. (напечатана тамъ-же).

Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1859, кн. 2.—Описаніе документовъ и бумагъ хранящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юст., кн. 6, стр. 16 и сл. — Французы въ Москвѣ 1812 г., А. Н. Попова, въ «Русск. Архивѣ», 1875 и 1876 г.— Словарь Ефрона.

Бестужевъ-Рюминъ, графъ *Алексѣй Петровичъ*, канцлеръ Императрицы Елизаветы и генералъ-фельдмаршалъ при Екатеринѣ II, младшій сынъ графа Петра Михаиловича, род. 22 мая 1693 г., ум. въ 1768 г. Въ 1707 г., по ходатайству отца, онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, получилъ разрѣшеніе поѣхать для науки за границу, на собственныя средства. Въ октябрѣ 1708 г. братья выѣхали изъ Архангельска, съ супругою русскаго посла при датскомъ дворѣ князя В. Л. Долгорукова, въ Копенгагенъ, гдѣ поступили въ датскую шляхетную академію. Въ 1710 г. моровое повѣтріе заставило ихъ переселиться въ Берлинъ и продолжать тамъ занятія въ Высшемъ коллегіумѣ. Младшій Бестужевъ оказалъ особые успѣхи въ изученіи языковъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго, а также общеобразовательныхъ наукъ. По окончаніи учебнаго курса, онъ совершилъ путешествіе по Европѣ. Въ 1712 г. Петръ Великій, прибывъ въ Берлинъ, повелѣлъ опредѣлить Бестужева на службу «дворяниномъ при посольствѣ» къ русскому полномочному министру въ Голландіи кн. Б. И. Куракину, котораго Бестужевъ сопровождалъ на утрехтскій конгрессъ. Проѣздомъ черезъ Ганноверъ, Бестужевъ имѣлъ случай стать извѣстнымъ ганноверскому курфюрсту Георгу-Людвигу и получилъ предложеніе вступить къ нему на службу. Съ разрѣшенія Петра I, Бестужевъ въ 1713 г. дѣйствительно поступилъ на службу курфюрста, сперва полковникомъ, а затѣмъ камеръ-юнкеромъ съ жалованьемъ по 1,000 талеровъ въ годъ. Въ 1714 г. Георгъ, вступившій на англійскій престолъ, взялъ Бестужева съ собой въ Лондонъ и немедленно отправилъ его къ Петру Великому, въ качествѣ англійскаго министра, съ нотификаціей о восшествіи на престолъ. Петръ, очень довольный такою ролью русскаго на иностранной службѣ, принялъ Бестужева по этикету, установленному для пріема иностранныхъ министровъ, далъ ему 1,000 руб. и обычный въ такихъ случаяхъ подарокъ. Затѣмъ Бестужевъ вернулся въ Лондонъ съ поздравительной грамотой Петра Георгу и новымъ рекомендательнымъ письмомъ отъ своего государя. Всего въ Англіи Бестужевъ пробылъ около четырехъ лѣтъ, съ большою пользой для образованія своего и подготовки къ предстоявшей ему политической роли. Сознаніе своей силы рано пробудило въ немъ честолюбивое желаніе выдвинуться возможно скорѣе, пользуясь разными «конъюнктурами». Склонность и способность къ интригѣ сказалась въ немъ въ 1717 г., когда онъ узналъ о бѣгствѣ царевича Алексѣя въ Вѣну. Видя въ царевичѣ будущаго властителя Россіи, Бестужевъ поспѣшилъ написать ему письмо, съ увѣреніемъ въ преданности и готовности служить «будущему царю и государю»; самый переходъ свой на чужестранную службу Бестужевъ ловко объяснялъ, при этомъ, желаніемъ удалиться изъ Россіи, такъ какъ обстоятельства не позволяли ему служить, какъ онъ хотѣлъ бы, царевичу Алексѣю. По счастью для Бестужева, царевичъ во время слѣдствія его не выдалъ, а письмо уничтожилъ: сохранился только нѣмецкій переводъ въ вѣнскомъ архивѣ. Въ концѣ того же 1717 г. Бестужевъ испросилъ у короля Георга I увольненіе отъ службы, такъ какъ отношенія между Петромъ и ганноверскимъ домомъ стали портиться. По прибытіи въ Россію, онъ былъ назначенъ оберъ-камеръ-юнкеромъ ко двору вдовствующей герцогини курляндской Анны Іоанновны, гдѣ прослужилъ, безъ жалованья, около двухъ лѣтъ. Въ 1721 г. началась его самостоятельная дипломатическая служба: онъ замѣнилъ кн. В. Л. Долгорукова въ качествѣ русскаго министра-резидента при дворѣ датскаго короля Фридриха VI. Здѣсь Бестужевъ попалъ въ самый разгаръ дипломатической борьбы Петра съ англійскимъ королемъ, который старался поднять противъ Россіи сѣверныя державы. Покровительство, какое Петръ оказывалъ голштинскому герцогу, ставило его во враждебныя отношенія къ Даніи, удержавшей за собою послѣ Сѣверной войны, по сепаратному договору со Швеціей въ 1720 г., Шлезвигъ. Бесту-

жеву поручено было добиться отъ Даніи признанія за Петромъ титула Императорскаго Величества, а за герцогомъ голштинскимъ—королевскаго высочества, и для русскихъ судовъ—освобожденія отъ зундскихъ пошлинъ; въ то же время онъ долженъ былъ слѣдить за враждебными происками Англіи и, по возможности, имъ противодѣйствовать. Бестужевъ доносилъ, что датскіе министры вполнѣ въ рукахъ ганноверскаго посланника и состоятъ у него на пенсіи, и просилъ 25,000 червонныхъ, чтобы перекупить ихъ на свою сторону. Безъ такихъ средствъ онъ успѣлъ привлечь къ себѣ только вліятельнаго при королѣ оберъ-секретаря военной коллегіи Габеля, который доставилъ ему возможность вести тайные переговоры лично съ датскимъ королемъ. Датское правительство соглашалось признать за Петромъ императорскій титулъ только въ обмѣнъ на гарантію Шлезвига или, по крайней мѣрѣ, при условіи удаленія изъ Россіи герцога голштинскаго. Бестужевъ, который вообще велъ дѣла очень самостоятельно, давая Петру совѣты и возражая на его предписанія, настаивалъ на необходимости держать Данію въ страхѣ при помощи герц. голштинскаго. Переговоры тянулись безъ результата. За это время получено было извѣстіе о заключеніи Ништадтскаго мира. Бестужевъ устроилъ 1 декабря 1721 г. великолѣпный праздникъ для иностранныхъ министровъ и знатныхъ особъ королевства и роздалъ гостямъ медаль въ память великаго событія. На медали былъ изображенъ бюстъ Петра Великаго съ надписью: «Exantlatis per quatuor et quod excurrit lustra plus quam Herculeis belli laboribus, pace Neostadii in Finlandia 30 Aug. S. V. 1721. gloriosissime, quod ipsa fatebitur invidia, sancita. exoptatam Arctoo orbi quietem donavit». Изъ-за такой надписи на королевскомъ монетномъ дворѣ отказались чеканить медаль, и Бестужеву пришлось заказывать ее въ Гамбургѣ. По краю медали была надпись: «haec moneta in memoriam pacis hujus distributa fuit ab A. Bestuschef apud regn. Dan. aulam h. t. Residente» (медаль эта, но безъ второй надписи, была снова отчеканена въ Петербургѣ въ 1763 г.). Петръ, находившійся тогда въ Дербентѣ, благодарилъ Бестужева собственноручнымъ письмомъ, а въ 1723 г. вручилъ ему, вызвавъ его къ себѣ въ Ревель, свой портретъ, украшенный бриллiантами. Бестужевъ всю жизнь дорожилъ этимъ подаркомъ и носилъ его на груди. Во время пребыванія въ Копенгагенѣ Бестужевъ, большой любитель химіи, изобрѣлъ цѣнныя «жизненныя капли» (tinctura tonico-nervina Bestuschefii), спиртоэфирный растворъ полуторахлористаго желѣза: помогавшій ему въ ихъ изготовленіи химикъ Лембке продалъ секретъ въ Гамбургѣ французскому бригадиру де-Ламотту, который представилъ капли французскому королю и получилъ за это большую награду. Во Франціи бестужевскія капли стали извѣстны подъ названіемъ «elexir d'or», или «elexir de Lamotte». Позднѣе, самъ Бестужевъ открылъ свой секретъ петербургскому аптекарю, а потомъ академику Академіи наукъ, Моделю, отъ котораго секретъ перешелъ къ аптекарю Дуропу; вдова Дуропа продала его за 3,000 руб. Императрицѣ Екатеринѣ II, по повелѣнію которой рецептъ былъ опубликованъ въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» за 1780 г.

Дипломатическая задача Бестужева была, отчасти, выполнена въ 1724 г. Датское правительство признало императорскій титулъ Петра; но, какъ пояснялъ Бестужевъ, оно дѣлало уступку только изъ страха. Заключеніе союза между Россіей и Швеціей заставило Данію опасаться не за Шлезвигъ только, но и за Норвегію; король даже заболѣлъ, получивъ такое извѣстіе. Петръ оцѣнилъ дипломатическую ловкость Бестужева и въ томъ же году, 7 мая, въ день коронованія Екатерины, пожаловалъ его въ дѣйствительные камергеры. Въ годъ смерти Петра Великаго Данія еще колебалась между англо-французскимъ союзомъ и Россіей. Но надежда на неизбѣжное ослабленіе Россіи послѣ кончины великаго государя привели датчанъ «въ добрый и веселый гуморъ»; англійскій флотъ появился въ датскихъ водахъ, и Бестужева всѣ стали «чуждаться, какъ зачумленнаго». И помимо натянутыхъ копенгагенскихъ отношеній, Бестужевъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Датскія дѣла его тяготили; тутъ негдѣ было развернуться его дарованіямъ, а въ Петербургѣ шла борьба партій, сулившая человѣку съ энергіей, большимъ честолюбіемъ и покладистой ловкостью—быстрое возвышеніе къ власти. У семьи Бестужевыхъ были давнія связи со дворомъ покойнаго царевича Алексѣя Петровича; теперь ихъ друзья: Веселовскіе, Абрамъ Ганнибалъ, Пашковы, Иелединскій, Черкасовъ—сплотились вокругъ сестры

Бестужева, кн. Аграфены Петровны Волконской, и воспитателя царевича Петра Алексѣевича, Сем. Аѳ. Маврина. Ихъ опорой былъ также австрійскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Рабутинъ, пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ. Бестужевъ мечталъ о возвышеніи съ его помощью; дѣйствительно, Рабутинъ старался доставить кн. Волконской званіе оберъ-гофмейстерины при царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а Бестужевъ просилъ ее выхлопотать отцу графскій титулъ. Себѣ онъ самъ оффиціально просилъ «за семилѣтніе свои при датскомъ дворѣ труды» полномочій чрезвычайнаго посланника и увеличеннаго содержанія. Но напрасно онъ былъ увѣренъ, что «награжденіе его чрезъ вѣнскій дворъ никогда отъ него не уйдетъ». У его партіи были сильные враги—Меншиковъ и голштинцы, а Рабутинъ умеръ въ 1727 г. Меншиковъ съ Остерманомъ во время овладѣли дворомъ царевича Петра. Друзья Бестужева подняли было интригу противъ нихъ, но она раскрылась, и у одного изъ нихъ, гр. Девьера нашли переписку, обнаружившую тайныя сношенія кружка. Кн. Волконская подверглась ссылкѣ въ деревню, Мавринъ и Ганнибалъ получили порученія въ Сибирь, весь кружокъ былъ уничтоженъ. Бестужевъ уцѣлѣлъ, хотя отецъ его попалъ подъ слѣдствіе, и братъ былъ смѣщенъ изъ Стокгольма. Ему пришлось оставаться въ Даніи безъ всякаго «награжденія». Политическая роль его оставалась безцвѣтной. По вступленіи на престолъ Петра II, герцогъ голштинскій уѣхалъ изъ Россіи, и датскій дворъ успокоился. Бестужевъ ждалъ перемѣны для кружка своего, когда палъ Меншиковъ. Но надежда и на этотъ разъ обманула: сила осталась въ рукахъ враждебнаго человѣка—Остермана. Попытка сосланныхъ вернуться привела лишь къ раскрытію ихъ новой интриги и къ новымъ карамъ, причемъ скомпрометированъ былъ и А. Бестужевъ, уличенный, что «искалъ себѣ помощи черезъ вѣнскій дворъ», и даже «сообщалъ чужестраннымъ министрамъ о внутреннихъ здѣшняго государства дѣлахъ». Однако, опала и на этотъ разъ его не коснулась, а въ февралѣ 1729 г. онъ даже получилъ денежную награду въ 5,000 р.—Насталъ 1730 годъ. Переходъ власти въ руки Анны Іоанновны подалъ Бестужеву новую надежду. Онъ сумѣлъ сохранить расположеніе бывшей герцогини курляндской, крестной матери трехъ его сыновей, и послѣ того, какъ отецъ его потерялъ ея милость. Бестужевъ поспѣшилъ написать ей привѣтствіе, напоминая, какъ она ему писала въ 1727 г., что отъ него «никакой противности себѣ не видала, кромѣ вѣрныхъ службъ», и жаловался, что, проживъ 10 лѣтъ въ Даніи при тяжелыхъ обстоятельствахъ, терпя притѣсненія изъ-за герцога голштинскаго и его претензій на Шлезвигъ, онъ уже 8 лѣтъ не получаетъ никакого повышенія. По голосу его не вняли. Весною 1731 г. ему велѣли сдать датскія дѣла курляндцу Бракелю, а самому ѣхать резидентомъ въ Гамбургъ. Впрочемъ, черезъ годъ онъ получилъ званіе чрезвычайнаго посланника при Нижне-Саксонскомъ округѣ. Здѣсь ему представился случай оказать Императрицѣ существенную услугу. По порученію ея, онъ ѣздилъ въ Киль для осмотра архива герцоговъ голштинскихъ и сумѣлъ извлечь оттуда документы, касавшіеся наслѣдія русскаго престола и, въ томъ числѣ, духовное завѣщаніе Императрицы Екатерины I, которымъ устанавливались права голштинскаго дома на русскій престолъ. Въ томъ же 1733 г. къ Бестужеву въ Гамбургъ явился бывшій камеръ-пажъ герцогини мекленбургской Екатерины Ивановны, Милашевичъ, съ доносомъ на смоленскаго губернатора князя Черкасскаго, который будто бы приводитъ многихъ смольнянъ на вѣрность голштинскому принцу. По этимъ дѣламъ Бестужевъ былъ именнымъ указомъ вызванъ въ Петербургъ, привезъ документы и доносчика и получилъ, кромѣ 2000 р., орденъ св. Александра Невскаго. Съ этой поры Биронъ, преслѣдовавшій его отца, сталъ смотрѣть на Бестужева, какъ на вѣрнаго и надежнаго человѣка. Въ 1735 г. онъ снова прибылъ въ Копенгагенъ, и бар. Бракель былъ отозванъ. Бестужевъ былъ назначенъ одновременно чрезвычайнымъ посланникомъ и въ Даніи, и въ Нижне-Саксонскомъ округѣ. Въ маѣ 1736 г. онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Около 4-хъ лѣтъ еще оставался Бестужевъ за границей, когда паденіе Волынскаго дало ему возможность занять высокое положеніе на родинѣ. Неспособный къ роли руководителя государственныхъ дѣлъ, полновластный временщикъ, курляндскій герцогъ Биронъ давно тяготился своей зависимостью въ дѣлахъ отъ гр. Остермана. Попытки возвысить въ

противовѣсъ ему, сперва Ягужинскаго, потомъ Ар. Волынскаго — кончились неудачами. Тогда выборъ Бирона остановился на Бестужевѣ, который сумѣлъ увѣрить Бирона въ чрезвычайной преданности его особѣ. Въ 1740 г. Бестужевъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и вызванъ въ Петербургъ. Герцогъ курляндскій нѣкоторое время еще колебался, вводить ли его въ Кабинетъ. Когда онъ явился въ столицу, никакого заявленія относительно плановъ, ради которыхъ его вызвали, не было сдѣлано. Шетарди объясняетъ это тѣмъ, что Бестужевъ пользовался репутаціей человѣка, подобнаго Волынскому, честолюбиваго, слѣдующаго своимъ влеченіямъ безъ удержу, такъ что многіе предсказывали ему столь же трагическій конецъ, какой выпалъ на долю его предшественника; но Биронъ не хотѣлъ мѣнять выбора, такъ какъ его проектъ сталъ извѣстенъ, какъ только былъ задуманъ. Иностранные министры были сильно озабочены вопросомъ, насколько сильно будетъ вліяніе Бестужева и въ какихъ именно дѣлахъ. 18-го августа 1740 г., въ день крестинъ царевича Іоанна Антоновича, Бестужевъ былъ объявленъ кабинетъ-министромъ, а вскорѣ (9 сентября) императрица возложила на него пожалованный ему королемъ польскимъ орденъ Бѣлаго Орла. Это обновленіе состава Кабинета было дѣломъ существенной важности, такъ какъ политическія дѣла Европы вступали въ новый фазисъ. Сближеніе Россіи съ Англіей, по поводу шведскихъ дѣлъ, предстояло оформить въ договорѣ, устанавливающемъ новую политическую систему. Но Остерманъ, не смотря на всѣ старанія англійскаго министра Финча, безъ конца тянулъ переговоры, явно уклоняясь отъ рѣшительнаго шага. Финчъ возлагалъ большія надежды на Бестужева, который въ Копенгагенѣ сблизился съ представителемъ Великобританіи при датскомъ дворѣ, Тидлеемъ, и, по сообщеніямъ послѣдняго, держался воззрѣній, благопріятныхъ для англо-русскаго союза. По пріѣздѣ Бестужева, въ іюлѣ 1740 г., Финчъ немедленно завязалъ съ нимъ личное знакомство, заручился его содѣйствіемъ, и одно изъ первыхъ дѣлъ Бестужева въ Кабинетѣ было настояніе на скорѣйшемъ рѣшеніи англійскаго вопроса. Изъ за этого у него сразу начались столкновенія съ Остерманомъ, который все таки добился, чтобы переговоры съ англичанами были поручены не всему Кабинету, а ему одному. Съ появленіемъ на свѣтъ Іоанна, положеніе Бирона, враждовавшаго съ его родителями, стало шаткимъ. Его вліянія не хватило на то, чтобы оттѣснить Бестужевымъ Остермана. Вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ останется власть, рѣзко сталъ на очередь, когда Императрица почувствовала себя совсѣмъ худо 5-го октября 1740 г. Исторія о томъ, какъ создалось регентство Бирона, не разъ передавалось въ исторической литературѣ; много свѣдѣній о ней въ разсказахъ и отрывкахъ современниковъ. Но послѣдніе весьма противорѣчивы, и едва ли вполнѣ справедливо мнѣніе, выдвигавшее на первый планъ въ этомъ дѣлѣ Бестужева. При существовавшихъ тогда отношеніяхъ надо было ожидать безпощадной борьбы партій. Анна Леопольдовна выдвигала свои материнскія права; принцъ Антонъ Брауншвейгскій плохо скрывалъ свое нежеланіе ей подчиняться и стремленіе стать во главѣ русскихъ военныхъ силъ; Минихъ былъ явнымъ соперникомъ принца и врагомъ державшаго всѣ политическія нити въ цѣпкихъ рукахъ Остермана; Бестужевъ съ друзьями, кн. Куракинымъ, Головкинымъ и др., ничего не боялся такъ, какъ усиленія Остермана, давняго гонителя Бестужевыхъ, но плохо ладилъ и съ кн. Черкасскимъ, опиравшимся на особый кружокъ. И ни одинъ изъ этихъ враждовавшихъ придворныхъ элементовъ не былъ достаточно силенъ, чтобы создать что либо похожее на прежнее правительство. Когда на очередь сталъ вопросъ о регентствѣ, вельможи скоро отказались отъ мысли о регентствѣ коллективномъ: опытъ Верховнаго Тайнаго Совѣта скомпрометтировалъ эту идею. Побѣда Брауншвейгъ-Люнебургской фамиліи ничего хорошаго не сулила никому, кромѣ Остермана; ничего хорошаго не сулила она Россіи, и Бестужевъ былъ, несомнѣнно, искрененъ, когда указывалъ, что вліяніе какъ принца Антона, такъ и отца Анны Леопольдовны, герцога мекленбургскаго, вовлечетъ Россію въ политическія комбинаціи, вредныя для ея интересовъ. Побѣда осталась за Бирономъ, ибо къ нему примкнули Минихъ, Бестужевъ, Черкасскій и почти всѣ другіе вельможи. Современники — и русскіе, и иностранцы—справедливо полагали, что безъ поддержки Миниха регентство не досталось бы Бирону. Цѣлью Миниха было от-

странить принца Антона отъ управленія военными силами и вообще отъ вліянія. Остермана, державшагося слишкомъ осторожно, не смѣли тронуть, и Бестужевъ, какъ Минихъ, крѣпко держался за Бирона, чувствуя, что борьба еще не кончена. Первыя проявленія недовольства регентствомъ въ гвардіи были обнаружены Бестужевымъ и подавлены. Когда же Минихъ, послѣ неудачной попытки склонить гвардію на сторону Бирона, сразу перемѣнилъ фронтъ, то сдѣлалъ все возможное, чтобы свалить всю вину за интриги въ пользу герцога на одного Бестужева. Въ ночь съ 8 на 9 ноября 1741 г. одновременно съ арестомъ Бирона, былъ схваченъ и Бестужевъ, подумавшій въ первую минуту, что эта бѣда идетъ отъ регента. Началось слѣдствіе о политическихъ преступникахъ, склонившихъ покойную Императрицу обойти право Анны Леопольдовны. Противъ Бестужева было то, что онъ писалъ проектъ указа о регентствѣ, что онъ много, больше другихъ, говорилъ на совѣщаніяхъ у регента, что онъ получилъ отъ Бирона въ награду конфискованный у Волынскаго домъ. Но въ обществѣ русскомъ смотрѣли иначе. По свидѣтельству англійскаго посланника Финча, «русскіе люди не могли помириться съ мыслью, что его выдѣлили изъ толпы лицъ, участвовавшихъ въ установленіи регентства герцога курляндскаго, и возложили на него отвѣтственность за дѣло, которое—по общему сознанію—онъ задумалъ не одинъ, котораго одинъ не могъ осуществить, точно также, какъ одинъ не могъ бы ему противиться; и его, какъ прочихъ русскихъ вельможъ и сановниковъ, причастныхъ къ дѣлу, несло потокомъ власти герцога, сильнаго совѣтомъ и поддержкой лица, которое готово теперь взвалить на Бестужева всю отвѣтственность». Бестужева, заключеннаго сперва въ Нарвской крѣпости, потомъ въ Копорьи, привезли въ Шлиссельбургскую крѣпость. Онъ совершенно потерялъ присутствіе духа, и первыя показанія его были полны рѣзкими и рѣшительными обвиненіями противъ Бирона, который возражалъ, что «считалъ бы себя недостойнымъ жизни, будь только обвиненія Бестужева истинны». Очная ставка ихъ привела къ тому, что Бестужевъ просилъ прощенія у герцога за клеветы, которыя возводилъ на него по наущенію Миниха, поддавшись его увѣренію, что только такимъ путемъ онъ спасетъ себя и семью свою. Дѣло сразу приняло иной оборотъ. Миниха удалили изъ слѣдственной коммиссіи, и Бестужевъ признался, что безъ этой перемѣны у него не хватило бы духу говорить правду. Слѣдствіе выяснило первенствующую роль самого Миниха въ дѣлѣ Бирона, но, по словамъ принца Брауншвейгскаго, зашли уже слишкомъ далеко, и постановить мягкій приговоръ было нельзя безъ компрометтирующаго новое правительство впечатлѣнія. 17 января 1741 г. коммисія приговорила Бестужева къ четвертованію. Въ апрѣлѣ ему объявили помилованіе, но лишили его орденовъ, чиновъ и должностей и отправили въ ссылку. Всѣ имѣнія и все имущество его было конфисковано, только изъ имѣнія въ бѣлозерскомъ уѣздѣ выдѣлили 372 души на пропитаніе его женѣ и дѣтямъ. Ему было, указомъ отъ 22 мая, велѣно безвыѣздно жить «смирно, ничего не предпринимая» въ отцовскихъ или жениныхъ деревняхъ. Ссылка Бестужева была, однако, непродолжительна. Въ октябрѣ 1741 г. онъ, для многихъ неожиданно, снова появился въ Петербургѣ. Онъ былъ, по прежнему, необходимъ врагамъ Остермана и принца Брауншвейгскаго. Эти лица, во главѣ которыхъ стояли, послѣ паденія Миниха, гр. Головкинъ и кн. Трубецкой, склонили, съ помощью новгородскаго архіепископа Амвросія Юшкевича, правительницу вернуть Бестужева. Остерманъ и принцъ Антонъ узнали о рѣшеніи Анны Леопольдовны много послѣ того, какъ сдѣланы были распоряженія о вызовѣ Бестужева въ Петербургъ, всего за нѣсколько дней до его пріѣзда. У иностранныхъ пословъ есть интересные отзывы о партіи, поддерживавшей Бестужева. Финчъ считаетъ ее русской національной и даже— съ явнымъ заблужденіемъ, общимъ у иностранцевъ того времени — стремящейся вернуть Россію къ до-петровской старинѣ; кромѣ того—это партія вельможъ, которые стремятся возвысить значеніе Сената, на утвержденіе котораго они послали уже подписанный правительницей проектъ шведской кампаніи, составленный Ласси. Финчъ видѣлъ въ этомъ попытку «водворить шведскій сенатъ и то ограниченное правленіе, какое, при началѣ прошлаго царствованія, пытались ввести Долгорукіе». Душею и тайнымъ руководителемъ этой партіи считался австрійскій посланникъ, маркизъ Ботта. Побѣда была не полной.

Бестужевъ вернулся, но не былъ возстановленъ въ чинахъ и въ должности кабинетъ-министра. Изъ-за этого еще болѣе обострился разладъ при дворѣ правительницы, разрѣшившійся переворотомъ 25 ноября. Переворотъ, передавшій верховную власть въ руки Елизаветы Петровны, носилъ характеръ русскаго національнаго движенія противъ господства иноземцевъ и могъ только упрочить положеніе Бестужева, единственнаго въ то время русскаго государственнаго человѣка, отличавшагося дарованіями и знаніемъ дѣла, хотя онъ и не принималъ участія въ подготовкѣ и осуществленіи этого событія. Составленіе манифеста, возвѣстившаго народу о восшествіи на престолъ Императрицы Елизаветы, было поручено ему, вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ и Бреверномъ. 30 ноября Бестужевъ получилъ «за его неповинное претерпѣніе» орденъ св. Андрея Первозваннаго и былъ возстановленъ въ чинѣ д. т. совѣтника. На первыхъ порахъ дѣйствовалъ по дѣламъ низвергнутаго правительства и для установленія новаго—совѣтъ изъ 11 сановниковъ. Когда же отъ экстренныхъ мѣръ перешли къ установленію правильнаго теченія правительственныхъ дѣлъ, стало очевиднымъ, что, по ссылкѣ Остермана, некому поручить веденіе иностранной политики, кромѣ Бестужева. Однако, Бестужеву пришлось проявить большую ловкость прежде чѣмъ ему удалось занять твердое положеніе при новомъ правительствѣ. Онъ, несомнѣнно, далеко не пользовался личной симпатіей Имп. Елизаветы и назначая его, указомъ отъ 12 декабря 1741 г., въ Сенатъ и на должность вицеканцлера, на мѣсто сосланнаго гр. Головкина, она слѣдовала скорѣе необходимости и настроенію окружающихъ. Ссылка Головкина не пошатнула положенія Бестужева, потому что онъ сумѣлъ сдѣлать орудіемъ своего возвышенія ту французскую партію, которая себѣ приписывала честь возведенія на престолъ Елизаветы и пользовалась сильнымъ вліяніемъ при дворѣ. Французскій посолъ Шетарди былъ за порученіе Бестужеву иностранныхъ дѣлъ, ибо считалъ его одного подходящимъ. Бестужевъ, по его отзыву, ловко пишетъ, свободно объясняется на иностранныхъ языкахъ, трудолюбивъ, хотя любитъ общество и веселую жизнь, разсѣивая этимъ посѣщающую его ипохондрію. За Бестужева былъ и Лестокъ. Императрица сохранила канцлерство за кн. Черкасскимъ, которымъ дорожила за честность и крайнюю осторожность въ дѣлахъ, хотя иностранные министры постоянно жаловались на его лѣнь и неспособность, усиленную еще тѣмъ, что онъ не владѣлъ иностранными языками. Сообразуясь съ обстоятельствами своего возвышенія, Бестужевъ былъ крайне осторожень и, казалось, отступилъ отъ своей прежней политической программы. Шетарди занялъ при дворѣ столь вліятельное положеніе, что «первый поклонъ отдавался Императрицѣ, а второй ему». Русскіе ему угождали, и онъ надѣялся подчинить своему вліянію всѣхъ нужныхъ людей, въ томъ числѣ и вице-канцлера. Бестужевъ поддерживалъ въ немъ увѣренность, будто готовъ поддержать проектъ франко-русскаго союза,—и это въ то время, когда Франція постоянно противодѣйствовала Россіи въ Восточномъ вопросѣ, въ шведскихъ, въ польскихъ и въ курляндскихъ дѣлахъ. Несмотря на предостереженіе изъ Парижа, Шетарди, строившій всю политику на личныхъ интригахъ, вѣрилъ въ подчиненіе Бестужева. Иллюзія эта продолжалась до апрѣля 1742 г., а между тѣмъ, Бестужевъ только выжидалъ возможности взять въ свои руки систематическое руководство дѣлами, независимо отъ тѣхъ или иныхъ придворныхъ вѣяній. Въ 1742 году это еще не удавалось. Смѣнившій Финча при петербургскомъ дворѣ, Кириллъ Вейчъ жаловался, что не можетъ быть и рѣчи о быстромъ и отчетливомъ веденіи дѣлъ съ русскимъ министерствомъ, такъ какъ Императрица избѣгаетъ занятій и докладовъ, увлекаясь придворными праздненствами, а управленіе дѣлами еще не могло установиться послѣ столькихъ колебаній и внезапныхъ перемѣнъ. Бестужевъ за это время получилъ въ знакъ милости Императрицы домъ въ Москвѣ, конфискованный у гр. Остермана. Указомъ 16 февраля 1742 г. ему велѣно было выдать заслуженное за прошлое время жалованье и назначено впредь по 6,000 р. въ годъ; въ мартѣ ему же поручено завѣдывать почтами во всемъ государствѣ. 25 апрѣля 1742 г., въ день коронаціи, по ходатайству Бестужева, отецъ его былъ пожалованъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Но всѣ эти милости не создавали для Бестужева прочнаго положенія. Его вліяніе на ходъ русской политики далеко не было такимъ, какого хотѣли его

англійскіе и австрійскіе друзья, какого требовали и самые интересы Россіи. Въ борьбѣ Франціи и Пруссіи съ одной стороны, Англіи и Австріи съ другой—за то, кто перетянетъ къ себѣ Россію—побѣда, казалось, должна была достаться первымъ, тѣмъ болѣе, что какъ Финчъ, такъ и маркизъ Ботта держались Бирона, а потомъ брауншвейгскаго дома и отнеслись враждебно къ стремленію выдвинуть права Елизаветы. Однако, правительство дочери великаго Петра, созданное національнымъ движеніемъ, могло держаться только политической системы, согласной съ интересами Россіи, т. е. противодѣйствовать усиленію французскаго и прусскаго вліяній, гибельныхъ для спокойствія Россіи со стороны Швеціи, Польши и прибалтійскихъ областей, а также въ Восточномъ вопросѣ. Борьба была необходима, а естественными союзниками въ ней являлись Австрія и Англія. Императрицѣ Елизаветѣ пришлось пожертвовать личными симпатіями интересамъ государства и принять программу, послѣдовательно, шагъ за шагомъ проводимую Бестужевымъ. Первый вопросъ въ которомъ Бестужеву, съ поддержкой другихъ членовъ конференцій, собиравшихся подъ предсѣдательствомъ канцлера для переговоровъ съ иностранными послами по важнѣйшимъ дѣламъ, удалось отстоять согласное съ его «системой» рѣшеніе, касался заключенія оборонительнаго союзнаго договора съ Англіей. Борьба, которую братья Бестужевы выдержали въ защиту этого дѣла, заставила Вейча просить у короля Георга для нихъ «осязательныхъ доказательствъ милостиваго расположенія Его Величества», и король разрѣшилъ предложить имъ пенсіи изъ англійской казны. Но такъ какъ вліяніе Бестужевыхъ оказывалось долго слишкомъ слабымъ, Вейчъ предлагалъ отложить это дѣло, ограничившись единовременными подарками. Таковы были обычаи дипломатическаго міра въ XVIII в.; при заключеніи трактатовъ, при мирныхъ переговорахъ, участниковъ этихъ дѣлъ всегда одаряли заинтересованныя стороны. Отъ оффиціальныхъ подарковъ до частныхъ былъ одинъ шагъ. Но Бестужевъ его не сдѣлалъ. Англійское правительство, ассигнуя Вейчу суммы для Бестужевыхъ, позднѣе выяснило, что они ни разу ничего не получили отъ Вейча. Его дружба съ англичанами и постоянная поддержка ихъ политики въ Петербургѣ создавались исключительно сознаніемъ выгодъ Россіи. Вейчъ самъ объяснялъ свою просьбу тѣмъ, что король не можетъ потребовать отъ Бестужевыхъ ничего, что бы не соотвѣтствовало ихъ собственнымъ взглядамъ и дѣйствительнымъ выгодамъ Имперіи. 11 декабря 1742 г. англо-русскій договоръ о признаніи за Елизаветой императорскаго титула, о взаимной поддержкѣ въ случаѣ войны и о возобновленіи торговаго соглашенія на 15 лѣтъ—былъ подписанъ. Одновременно велось и другое, еще болѣе важное дѣло: мирные переговоры со Швеціей. И тутъ дѣло началось не такъ, какъ того желали русскіе министры. Швецію противъ Россіи подняла Франція; но когда въ Россіи измѣнился режимъ, французы стремились прочно утвердить въ ней свое вліяніе, и однимъ изъ средствъ для этого было—взять въ свои руки шведское дѣло. Шведы выставили защиту правъ Елизаветы одной изъ цѣлей ихъ войны; теперь Елизавета была Императрицей, и военныя дѣйствія пріостановились. Спошенія со шведами начаты были помимо русскихъ министровъ, черезъ Шетарди, который завелъ переписку о мирѣ съ шведскимъ главнокомандующимъ, Левенгауптомъ. Императрицу Елизавету онъ убѣдилъ написать письмо французскому королю съ просьбой о посредничествѣ между нею и шведскимъ правительствомъ, и Лестокъ отнесъ повелѣніе объ отправкѣ такого письма завѣдующему дипломатической перепиской Бреверну—безъ вѣдома русскихъ министровъ. Бреверпъ оказался достаточно осторожнымъ и вмѣсто «посредничество» написалъ «добрыя услуги». Это дало возможность Бестужевымъ отрицать значеніе письма, какъ просьбы объ оффиціальномъ посредничествѣ. Въ Парижѣ очень хотѣли взять шведско-русское соглашеніе въ свои руки, но вовсе не одобрили предупредительность Шетарди, хлопотавшаго о мирѣ на условіяхъ, слишкомъ—по мнѣнію французскаго министра иностранныхъ дѣлъ—выгодныхъ для Россіи; подчиняя русскій дворъ, надо было сохранить и преданность Швеціи. Россію считали слабой и думали, что Швеція можетъ «получить отъ благодарности ея величества то, что прежде они думали получить только силою оружія», т. е. большую часть завоеванныхъ Петромъ Великимъ провинцій. Императрица Елизавета отвѣчала на это, что ни за что

не согласится такъ явно нарушить уваженіе къ памяти отца и къ интересамъ Россіи. Тогда Шетарди, разсчитывая на поддержку Бестужева, самъ настоялъ на передачѣ дѣла въ руки русскихъ министровъ. Бестужевъ первый заявилъ, что minimum русскихъ требованій—сохраненія условій Ништадтскаго мира, что онъ, Бестужевъ, заслужилъ бы смертную казнь за совѣтъ уступить хоть пядь русской земли, и что лучше, для славы государыни и народа, требовать продолженія войны. Единодушная поддержка мнѣнія Бестужева всѣми другими русскими министрами поставила Шетарди въ трудное положеніе. На конференціяхъ безусловно отвергнуто было посредничество Франціи, и категорически были опредѣлены возможныя условія мира. Весною 1742 г. возобновились военныя дѣйствія, о чемъ Бестужевъ не нашелъ даже нужнымъ предупредить Шетарди, къ великому негодованію послѣдняго. Послѣ лѣтней кампаніи 1742 г. завоевана была вся Финляндія. Шетарди былъ отозванъ, получивъ, однако, отъ Императрицы тысячъ на полтораста подарковъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось. Русскіе дипломаты могли теперь вести дѣло, не считаясь съ французами. Даже Лестокъ перешелъ на пенсію къ англичанамъ, продолжая впрочемъ, получать деньги и изъ Франціи. Вейчу удалось устроить между нимъ и Бестужевымъ примиреніе, по крайней мѣрѣ внѣшнее. Французскіе агенты прилагали теперь всѣ усилія, чтобы испортить русскимъ успѣхъ, поднявъ на нихъ Турцію, и погубить Бестужевыхъ, уличивъ ихъ въ какихъ нибудь проискахъ противъ Елизаветы, прежнихъ или новыхъ. Интриги оставались безплодны. Но положеніе Бестужевыхъ далеко не было такимъ самостоятельнымъ, какъ казалось со стороны. Помимо довѣрія Императрицы къ канцлеру кн. Черкасскому, который не хотѣлъ вполнѣ подчиняться руководству Бестужева, пришлось еще считаться съ новой силой — «голштинскимъ дворикомъ». Вызванный въ Россію въ февралѣ 1742 г. молодой герцогъ голштинскій былъ 7 ноября объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола. Интересы голштинскаго дома снова стали играть видную роль въ русской политикѣ, къ великому неудовольствію Бестужева. Они сказались, прежде всего, въ шведскихъ дѣлахъ, которыми Бестужевъ теперь руководилъ одинъ, опираясь на конференцію по иностраннымъ дѣламъ, такъ какъ кн. Черкасскій умеръ 4 ноября 1742 г. Онъ оставался до 15 іюля 1744 г. вице-канцлеромъ, такъ какъ Елизавета не желала дать ему канцлерство, хотя и не знала, кѣмъ его замѣнить. Противники Бестужева выдвинули было кандидатуру А. И. Румянцова, но Елизавета отвергла ее со словами: «можетъ быть, онъ добрый солдатъ, да худой министръ». Переговоры со шведами осложнились тѣмъ, что на очередь снова сталъ вопросъ о правахъ голштинскаго дома на шведскій престолъ. Гофмаршалъ двора великаго князя Петра Ѳедоровича, голштинецъ Брюммеръ, и Лестокъ возродили французско-голштинскую партію, а Императрица считала дѣломъ чести поддержать права родственной фамиліи. Кандидатура герцога-администратора Голштиніи, епископа любскаго, Адольфа-Фридриха, на шведскій престолъ должна была сдѣлать Россію уступчивѣе, доставить Швеціи болѣе выгодный миръ и ослабить значеніе Бестужева. Дѣйствительно, на мирный конгрессъ въ Або, который открылся въ январѣ 1743 г., русскіе уполномоченные были выбраны не по указанію Бестужева: поѣхали туда его соперникъ Румянцовъ и, по желанію Лестока—генералъ Люберасъ. По вопросу объ условіяхъ мира со шведами, вице-канцлеръ подалъ мнѣніе, въ которомъ совсѣмъ не упоминалось о герцогѣ голштинскомъ, а требовалось удовлетвореніе чести и выгодъ Россіи сохраненіемъ всѣхъ завоеваній въ Финляндіи, или-же, если это невозможно, выработка для Финляндіи такой формы правительства, которая, подъ гарантіей другихъ державъ, обезпечила бы Россію и Швецію отъ враждебныхъ столкновеній; наконецъ, какъ третій варьянтъ мирныхъ условій, Бестужевъ предлагалъ присоединеніе къ Россіи, по крайней мѣрѣ, Або или Гельсингфорса съ приличнымъ округомъ. Голштинцы грозили, что шведы выберутъ въ наслѣдники престола датскаго принца и тѣмъ упрочатъ опасный франко-датско-шведскій союзъ. Но Румянцовъ вошелъ въ виды Бестужева и писалъ ему, что лучше война, чѣмъ «безчестный и нерезонабельный миръ на основаніи Ништадтскаго». Вопросъ былъ поставленъ такъ: за выборъ епископа любскаго Россія уступитъ часть Финляндіи, а безъ того — ничего не отдастъ. Но изъ за вопроса о раздѣлѣ Финляндіи пошли новые споры. Бестужевъ

стоялъ на возможно большихъ пріобрѣтеніяхъ, видя въ окончательномъ ослабленіи Швеціи завѣтъ Петра Великаго. Другіе были уступчивѣе, подъ давленіемъ сильнаго желанія Императрицы видѣть герцога голштинскаго на шведскомъ престолѣ. Бурные споры въ конференціяхъ привели, наконецъ, къ Абовскому мирному и союзному договору, подписанному Императрицей 19 августа. Условія были значительно скромнѣе тѣхъ, какія считалъ нужными Бестужевъ; за то принцъ Адольфъ-Фридрихъ былъ признанъ наслѣдникомъ шведскаго престола, чему Бестужевъ никакой цѣны не придавалъ. Данія, опасаясь голштинскихъ заявленій, что теперь настало время вернуть Шлезвигъ, предприняла обширныя вооруженія. Пришлось отправить русскія войска въ Швецію, на случай нападенія датчанъ. Бестужевъ былъ противъ этого и негодовалъ, что «сіи скоропостижныя голштинскія угрозы впутать могутъ въ новую войну», которая будетъ «безъ всякой прибыли». Съ такимъ трудомъ оправдывались слова Вейча, что Бестужевы «надѣятся, предлагая Ея Величеству только одинъ шагъ за другимъ, незамѣтными ступенями довести ее до выполненія всего плана ихъ, который какъ нельзя болѣе удовлетворителенъ». Третій пунктъ этого плана касался австрійскихъ отношеній. Издавна опираясь въ личныхъ дѣлахъ на австрійскихъ дипломатовъ, Бестужевъ слѣдовалъ тутъ своей политической системѣ. Бестужевъ прилагалъ старанія къ возстановленію дружескихъ отношеній между Россіей и Австріей, но Императрица долго оставалась проникнутой антипатіей къ австрійскому дому. Кромѣ того, его планъ нарушался сближеніемъ англійскаго правительства съ Пруссіей, которое привело къ заключенію англо-прусскаго оборонительнаго союза. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, Мардефельдъ, сталъ, при содѣйствіи Вейча, домогаться заключенія такого же союза между Пруссіей и Россіей съ тѣмъ, чтобы Елизавета гарантировала Фридриху Великому его недавнія пріобрѣтенія въ Силезіи. Русско-прусскій договоръ былъ, дѣйствительно, подписанъ въ мартѣ 1743 г., но безъ гарантіи Силезіи, за то съ гарантіей финляндскихъ завоеваній Россіи. Однако, онъ не имѣлъ серіознаго политическаго значенія, несмотря на старанія Мардефельда закрѣпить его бракомъ Петра Ѳеодоровича съ сестрой Фридриха Великаго. Хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ. Между тѣмъ, Англія, въ виду опасныхъ для ганноверскихъ владѣній ея короля попытокъ Фридриха поссорить его съ имперскими князьями, старалась узнать мнѣніе Бестужева, можно-ли разсчитывать на помощь Россіи въ случаѣ военнаго столкновенія, и осталась довольна его настроеніемъ. Слѣдуетъ, при этомъ, указать, что англійскіе министры не вполнѣ понимали систему Бестужева, считая ея основной цѣлью—охрану европейскаго политическаго равновѣсія; это заставляло Вейча недоумѣвать передъ его холодностью и даже неприязнью къ голштинскому двору и его равнодушіемъ къ «великой задачѣ» возстановленія нарушеннаго Франціей равновѣсія политическихъ силъ въ Европѣ. «Великая задача» была въ рукахъ Бестужева лишь орудіемъ для служенія самостоятельнымъ интересамъ Россіи, какъ онъ ихъ понималъ. Пруссія была для Бестужева всегда страшнѣе Франціи и истинное его отношеніе къ Фридриху Великому сказалось, конечно, въ томъ, какъ постепенно падалъ втеченіе 1743 г. кредитъ прусскаго короля при русскомъ дворѣ, и какъ Императрица Елизавета все болѣе проникалась недовѣріемъ къ нему. Уже въ маѣ 1743 г. былъ двинутъ значительный отрядъ русской арміи для наблюденія за дѣйствіями Фридриха. Присоединеніе Россіи къ австро-прусскому Бреславскому трактату, состоявшееся 1 ноября 1743 г., также не улучшило отношеній къ Пруссіи, но послужило шагомъ къ большему сближенію съ Австріей. Марія-Терезія, съ своей стороны, поспѣшила еще лѣтомъ того-же года признать русскій императорскій титулъ. Но въ то время, какъ тянулись переговоры о Бреславскомъ трактатѣ (іюнь - ноябрь), разыгралось въ Петербургѣ дѣло, чуть было не уничтожившее возможности австро-русскаго соглашенія. Французскіе и голштинскіе агенты, пользуясь неудовольствіемъ Елизаветы на Бестужева за недружелюбное отношеніе къ голштинскому дому и желая поддержать страхомъ свой вѣсъ при Императрицѣ, съ начала года распускали слухи о какой-то интригѣ въ пользу Іоанна Антоновича, которую ведутъ Бестужевы. На этой почвѣ разыгралось Лопухинское дѣло, въ которое едва не былъ запутанъ братъ Бестужева. Младшаго Бестужева подозрѣніе не коснулось; онъ даже участвовалъ въ производ-

ствѣ слѣдствія и генеральномъ судѣ по дѣлу, въ которомъ одной изъ главныхъ подсудимыхъ была его невѣстка. По ненависть къ австрійскому посланнику, маркизу Ботта д'Адорно, котораго сумѣли представить главнымъ виновникомъ «заговора», на долго возстановила Елизавету противъ Австріи. Елизавета была сильно раздражена защитой Ботты со стороны вѣнскаго двора. Фридрихъ Прусскій поспѣшилъ воспользоваться ея настроеніемъ и угодить ей, потребовавъ отъ Маріи-Терезіи отзыва Ботты, переведеннаго было изъ Петербурга въ Берлинъ. Тщетно старался смягчить настроеніе Императрицы Бестужевъ, встревоженный тѣмъ, что неожиданная интрига врѣзалась въ его политическіе планы. Понятно, что расположеніе Елизаветы къ нему и къ его программѣ не могло увеличиться послѣ этихъ событій. Опору и поддержку Бестужевъ нашелъ, въ эту трудную минуту, со стороны М. Ил. Воронцова, вполнѣ раздѣлявшаго его политическіе взгляды и сильнаго вліяніемъ при дворѣ. Союзникъ былъ особенно нуженъ въ борьбѣ съ вернувшимся въ Россію Шетарди, который, по настоянію Елизаветы, явился въ ноябрѣ 1743 г. и, увѣренный въ успѣхѣ, открыто говорилъ о своей миссіи, покончить съ близостью Россіи, Англіи и Австріи и подчинить русскую политику своему вліянію. Но съ первыхъ же шаговъ его ждало разочарованіе. По настоянію Бестужева, Императрица не приняла его, какъ посла, такъ какъ въ его вѣрительныхъ грамотахъ не было императорскаго титула. Бывая во дворцѣ, какъ частное лицо, Шетарди скоро убѣдился, что всѣ окружающіе Елизавету противъ него, и что при дворѣ Воронцовъ, противникъ Франціи и Пруссіи, для него опаснѣе самого Бестужева. Тѣмъ не менѣе, онъ надѣялся, съ помощью голштинской партіи, провести у Императрицы тройственный союзъ Франціи, Россіи и Швеціи, ради утвержденія голштинскаго дома въ Швеціи, — наперекоръ проекту союза Россіи съ Австріей, Англіей и польскимъ королемъ, курфюрстомъ саксонскимъ Августомъ III, за который были русскіе министры. 1744-й г. долженъ былъ рѣшить, кто побѣдитъ—Шетарди или Бестужевъ. Въ январѣ этого года заключенъ былъ договоръ съ Августомъ III о возобновленіи на 15 лѣтъ оборонительнаго союза, заключеннаго въ 1733 г., съ обязательствомъ взаимной военной помощи; при этомъ король призналъ императорскій титулъ, и, какъ союзникъ Маріи-Терезіи, предлагалъ свое посредничество для того, чтобы уладить недоразумѣнія Елизаветы съ вѣнскимъ дворомъ изъ за маркиза Ботты. Но этотъ успѣхъ омрачился для Бестужева двумя брачными союзами. Въ январѣ 1744 г. рѣшенъ былъ, несмотря на энергичные протесты Бестужева, бракъ наслѣднаго принца шведскаго съ сестрой Фридриха Великаго, и состоялся бракъ англійской принцессы Луизы съ наслѣднымъ принцемъ датскимъ. Группировка державъ снова мѣнялась, и Бестужевъ чувствовалъ, что постепенно теряетъ свою обычную опору — Англію. На попытку Англіи, вызвать теперь соглашеніе между Россіей и Даніей, русское правительство отвѣчало требованіемъ, чтобы датчане формально отказались отъ всякихъ притязаній на Голштинію; тѣмъ дѣло и кончилось. Третій, и несравненно болѣе важный вопросъ касался женитьбы Петра Ѳедоровича. Прусскій бракъ не прошелъ; совсѣмъ безуспѣшнымъ было сватовство Шетарди въ пользу одной изъ французскихъ принцессъ. Противники Бестужева создали болѣе удачный проектъ женить Петра на принцессѣ Ангальтъ Цербстской. Въ февралѣ 1744 г. она съ матерью прибыла въ Россію. Въ принцессѣ-матери франко-прусско-голштинскій лагерь разсчитывалъ найти сильную союзницу, зная ея умъ и охоту вмѣшиваться въ дѣла политическія. Эта партія постаралась навязать Бестужеву въ конференцъ-министры, послѣ скоропостижной смерти его сотрудника Бреверна, А. Румянцова, но Бестужевъ провелъ на эту должность Воронцова. Благодаря нерасположенію Императрицы къ Бестужеву и ея симпатіи къ Воронцову, между вице-канцлеромъ и его помощникомъ установились отношенія не вполнѣ нормальныя. Бестужевъ наиболѣе важныя и щекотливыя дѣла докладывалъ черезъ Воронцова, не разъ проводилъ свои мнѣнія, выдавая ихъ за мнѣнія Воронцова, съ которыми онъ только вполнѣ согласенъ, обращался за всякимъ дѣломъ къ своему младшему сотруднику съ письмами, которыя подписывалъ: «всепослушнѣйшій и всепанобязательнѣйшій слуга». И въ годы, когда его личное положеніе было столь необезпеченнымъ, международныя отноше-

нія приводили его къ необходимости вести крайне напряженную борьбу ради спасенія той политической системы, которая, по глубокому его убѣжденію, одна только соотвѣтствовала достоинству и пользѣ Россіи. Фридрихъ Великій, видя несостоятельность союзниковъ своихъ, французовъ, ясно понималъ необходимость, ради побѣды надъ Австріей, привлечь на свою сторону Россію или, по крайней мѣрѣ, добиться ея нейтралитета. Его представитель Мардефельдъ, въ союзѣ съ Шетарди и, черезъ Лестока и Брюммера, съ голштинскимъ дворомъ,—должны были, по его инструкціямъ, напречь всѣ силы для низверженія Бестужева. Отъ этого, писалъ Фридрихъ Мардефельду, «зависитъ судьба Пруссіи и моего дома». Король прусскій старался угодить Елисаветѣ, удаливъ Ботту, предостерегая ее противъ брауншвейгской фамиліи и т. п. Шетарди развивалъ широко подкупы, стараясь подарками обезпечить себѣ содѣйствіе даже придворныхъ дамъ и пытаясь подкупить духовныхъ лицъ, членовъ Синода. Соперникъ супруга Маріи-Терезіи, императоръ Карлъ VII, сулилъ голштинскому дому всякія блага отъ его побѣды. Если бы врагамъ удалось возстановить Воронцова противъ Бестужева, паденіе вице-канцлера было бы неизбѣжнымъ. Они старались возбудить честолюбіе Воронцова, чтобы заставить его вытѣснить Бестужева; Фридрихъ пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла и свой портретъ, осыпанный брилліантами. Петръ Ѳедоровичъ внушалъ Воронцову, что Императрица считаетъ Бестужева врагомъ и себѣ, и голштинскому дому. Но Бестужевъ былъ на сторожѣ. Депеши, касавшіяся этой интриги, были перехвачены, шифрованные тексты разобраны съ помощью академика Гольдбаха, и Бестужевъ черезъ Воронцова представилъ ихъ Императрицѣ съ объяснительной запиской и примѣчаніями. Указывая на попытки Шетарди вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, на его интриги и подкупы, Бестужевъ требовалъ для него кары, высказывая весьма характерныя мысли о значеніи и положеніи иностраннаго посла: «Министръ иностранный есть яко представитель и дозволенный надзиратель поступковъ другаго двора, для увѣдомленія и предостереженія своего государя о томъ, что тотъ дворъ чинить или предпріять вознамѣревается; однимъ словомъ, министра никакъ лучше сравнять нельзя, какъ съ дозволеннымъ у себя шпіономъ, который, безъ публичнаго характера, когда гдѣ поймается, всякому наипослѣднѣйшему наказанію подверженъ»; но «публичный характеръ» спасаетъ его отъ этого и дѣлаетъ его неприкосновеннымъ, пока онъ пользуется привилегіями своими въ извѣстныхъ предѣлахъ. Шетарди-же далеко вышелъ за эти предѣлы: онъ виновенъ въ стремленіи свергнуть русское министерство и въ оскорбленіи Величества. Онъ позволялъ себѣ самые рѣзкіе отзывы о личности Императрицы, писалъ объ ея легкомысліи, тщеславіи, «слабости умственной» и «плачевномъ» поведеніи. Это было уже слишкомъ; Императрица вполнѣ стала на сторону своего вице-канцлера, который умолялъ ее или дать ему отставку, или защитить, ибо оставить его такъ, въ центрѣ вѣчныхъ интригъ—«несносно». 6 іюня 1744 г. на квартиру Шетарди явились генералъ Ушаковъ, князь Петръ Голицынъ, двое чиновниковъ и секретарь иностранной коллегіи и объявили ему повелѣніе Императрицы въ 24 часа выѣхать. Интрига была разрушена, и кредитъ Бестужева сразу повысился. 15 іюля 1744 г. онъ сталъ канцлеромъ, а Воронцовъ — вице-канцлеромъ и графомъ. Новый канцлеръ поспѣшилъ подать Императрицѣ челобитную съ изложеніемъ всей своей службы, во время которой, получая, дѣйствительно, небольшіе оклады, онъ, ради представительства, вошелъ въ долги, и просилъ, для поддержанія себя съ достоинствомъ въ «новопожалованномъ изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновъ характерѣ», отдать ему въ собственность казенныя арендныя земли въ Лифляндіи—замокъ Венденъ съ деревнями, какія принадлежали прежде шведскому канцлеру Оксенширнѣ, на сумму аренды въ 3,642 ефимка. Просьба его была удовлетворена въ декабрѣ 1744 г., и тогда же пожалованъ ему домъ въ Петербургѣ, бывшій гр. Остермана. Въ то же время попытки принцессы Цербстской, матери великой княгини Екатерины Алексѣевны, и Лестока влiять, по прежнему, на ходъ политики, привели къ тому, что первая была выслана изъ Россіи, а второму—внушено, чтобы онъ вмѣшивался въ дѣла медицинскія, а не канцелярскія. Нѣсколько позднѣе и Брюммеръ былъ удаленъ отъ великаго князя.

Теперь, казалось бы, руки у Бестужева были развязаны, какъ разъ въ такой моментъ, когда предстояло, въ полной мѣрѣ, примѣнить на дѣлѣ его политическую систему. Вниманіе европейской дипломатіи было сосредоточено на Пруссіи, быстрый ростъ которой грозилъ опасностью всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. Но, чтобы успѣшно бороться съ ней, надо было отдѣлаться отъ всякихъ побочныхъ вопросовъ, уклонявшихъ Россію отъ главнаго намѣченнаго пути. Съ трудомъ удалось Бестужеву убѣдить Императрицу сдѣлать заявленіе, что она «предастъ дѣло Ботты совершенному забвенію». Но отклонить Елизавету отъ излишняго, какъ ему казалось, покровительства принцамъ опекаемыхъ домовъ гессенъ-гомбургскаго и голштинскаго — ему не удалось; несмотря на желаніе отстоять права на Курляндію сосланнаго Бирона, Бестужеву пришлось отступить передъ желаніемъ Императрицы видѣть владѣтелемъ герцогства одного изъ покровительствуемыхъ ею нѣмецкихъ принцевъ. Но и главныя дѣла шли не совсѣмъ согласно желаніямъ Бестужева. Требованіе Фридриха Великаго о помощи, на основаніи оборонительнаго союза, было рѣшительно отвергнуто, на томъ основаніи, что король самъ нарушаетъ миръ, хотя никто на него не нападаетъ, нарушилъ и гарантированный Россіей бреславльскій трактатъ. Однако, вопреки мнѣнію канцлера, Россія медлила приступить къ варшавскому договору между морскими державами, Австріей и Саксоніей, который имѣлъ цѣлью сплотить возможно больше силъ для противодѣйствія Фридриху. Въ вопросѣ этомъ онъ встрѣтилъ неожиданнаго противника, графа Воронцова. Долгое время оставаясь защитникомъ и покровителемъ Бестужева и раздѣляя его «систему», Воронцовъ, повидимому тяготившійся своимъ подчиненнымъ положеніемъ, рѣшилъ идти своей дорогой. Измѣненія въ политическихъ отношеніяхъ державъ позволили ему создать свою «систему». Бестужевъ, несмотря на нѣкоторыя недоразумѣнія съ англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, продолжалъ считать Англію главной естественной союзницей Россіи. По его настоянію, Императрица, въ концѣ 1745 г., предложила Англіи взять на себя продолженіе борьбы съ Пруссіей, за субсидію въ 5—6 милліоновъ. Войска русскія уже стягивались въ Лифляндію. Но Англія, связанная ганноверскимъ договоромъ съ Пруссіей, отказала, тѣмъ болѣе, что и Марія Терезія примирилась съ Фридрихомъ въ Дрезденѣ. Англійскіе министры указывали, что вина за такой оборотъ дѣла падаетъ на само русское правительство, которому слѣдовало раньше, своевременно проявить энергію, теперь уже запоздалую. Канцлеръ, сильно раздраженный, намекалъ уже на возможность сближенія Россіи съ Франціей, разъ Англія ее покидаетъ. Но то, что Бестужевъ высказывалъ лишь сгоряча, для Воронцова стало серьезной задачей. Ища сближенія съ Франціей, онъ противился присоединенію Россіи къ варшавскому договору, противился войнѣ, предпочитая для Россіи роль посредницы между державами, пока не возникнетъ болѣе надежная международная комбинація. Началась долгая и тяжелая для Бестужева борьба его съ вице-канцлеромъ. Судьей въ ихъ полемикѣ была сама Императрица. Тщетно ссылался Бестужевъ на прежнія мнѣнія Воронцова, написанныя по его внушенію; борьба затягивалась и лишала теченіе дѣлъ той послѣдовательности, къ которой всегда стремился Бестужевъ. Во время поѣздки Воронцова за границу въ 1745 г., Бестужевъ былъ непріятно пораженъ дружескими пріемами, какіе тому оказывали въ Пруссіи и во Франціи, его сближеніемъ съ высланной изъ Россіи принцессой Ангальтъ-Цербстской. Елизавета была оскорблена, и Бестужевъ, доказавъ ей перехваченными депешами, что старая франко-прусская интрига теперь выбрала центромъ своимъ Воронцова, готовъ былъ торжествовать новую побѣду. Въ началѣ 1746 г. начаты были переговоры о союзѣ съ Австріей. 22 мая былъ подписанъ договоръ, которымъ обѣ державы обязывались защищать другъ друга въ случаѣ нападенія; исключены были случаи персидской войны Россіи, итальянскихъ и испанскихъ войнъ Австріи, чѣмъ ясно указывалась истинная цѣль соглашенія. Къ договору рѣшено пригласить Августа III и короля Георга. Черезъ мѣсяцъ заключенъ былъ и другой договоръ, объ оборонительномъ союзѣ съ Даніей. Эти дипломатическіе успѣхи сопровождались новою милостью Императрицы Бестужеву: ему пожалована конфискованная у графа Остермана приморская мыза «Каменный Носъ» въ Ингерманландіи. Обезпечивая Россію съ разныхъ сторонъ дружественными соглашеніями (въ слѣдующемъ 1747 г. была

заключена еще конвенція съ Портой), Бестужевъ враждебно относился ко всѣмъ проектамъ сближенія съ Франціей и рѣзко осуждалъ саксонское правительство за тайное соглашеніе съ версальскимъ дворомъ, хотя его задачей и было изолировать Фридриха Великаго. Въ Швеціи вліяніе Фридриха все усиливалось, къ великому огорченію канцлера и несмотря на дѣятельную дипломатическую борьбу, которую онъ велъ въ Стокгольмѣ. И въ Петербургѣ происки прусскаго короля давали себя чувствовать. Бестужевъ подозрѣвалъ участіе Воронцова въ дѣлѣ нѣкоего Фербера, который въ 1746 г. затѣялъ тайныя сношенія съ цѣлью довести дѣло до разрыва Франціи и Пруссіи, чтобы добиться сближенія послѣдней съ Россіей. Эта пустая интрига не имѣла значенія. Но прусскіе агенты въ Петербургѣ дѣйствительно разсчитывали на содѣйствіе Воронцова и Лестока. Настроеніе вице-канцлера сказалось въ началѣ 1747 г., когда возникло дѣло объ англійскихъ субсидіяхъ для содержанія значительнаго корпуса войскъ въ Курляндіи и Лифляндіи. Воронцовъ и тайные совѣтники коллегіи иностранныхъ дѣлъ представили рядъ придирчивыхъ возраженій на проектъ договора. Бестужевъ рѣзко защищался, жалуясь, что его сотрудники не нашли нужнымъ заранѣе объясняться съ нимъ о своихъ сомнѣніяхъ, а потомъ, въ послѣдній моментъ затягиваютъ дѣло спорами. Англо-русская конвенція тѣмъ не менѣе состоялась, и, кромѣ того, вспомогательный корпусъ былъ отправленъ на Рейнъ. Но постоянныя отдѣльныя побѣды надъ противниками не уничтожили утомительной вражды канцлера съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ. Онъ почти уничтожилъ ея значеніе, не бывалъ въ присутствіяхъ и велъ дѣла, насколько могъ, единолично. Можно думать, что Бестужевъ сознательно былъ противникомъ коллегіальнаго управленія. Онъ не разъ высказывался, напримѣръ, противъ правительственной роли Сената, отстаивая необходимость созданія кабинета изъ вѣрныхъ и надежныхъ министровъ; впрочемъ, случая подробнѣе высказаться по этому вопросу Бестужеву, повидимому, не представилось. Коллегія долго не стѣсняла его, но теперь во главѣ ея стоялъ Воронцовъ, и нареканія за самовластное рѣшеніе дѣлъ становились чувствительными. Въ концѣ 1748 г. Бестужеву удалось найти случай нанести противникамъ сильный ударъ. Прусскими депешами онъ доказалъ, что Лестокъ и Воронцовъ получаютъ пенсіи изъ прусской казны. Лестокъ былъ сосланъ, Воронцовъ остался невредимъ, но потерялъ на время вѣсъ и вліяніе. Моментъ полной побѣды Бестужева надъ соперниками совпалъ съ временемъ ахенскаго конгресса, прекратившаго европейскую войну. Миръ былъ заключенъ безъ участія Россіи, ея союзники помирились съ врагами, и, утомленные войной, измѣнили тонъ своихъ отношеній къ Россіи. Канцлеру пришлось убѣдиться, что въ шведскихъ дѣлахъ нечего разсчитывать на поддержку Англіи, хотя грозила опасность, что королевское правительство, примкнувшее къ Пруссіи, усилитъ власть свою; другіе союзники еще менѣе Англіи интересовались дѣлами сѣвера. Съ Австріей произошли недоразумѣнія изъ-за гоненія, поднятаго на православныхъ; съ Августомъ III—изъ-за усиленія французскаго вліянія. Англійскіе дипломаты торопили ратификацію конвенціи о помощи русскихъ войскъ за субсидію, въ случаѣ возобновленія войны съ Франціей, и уклонялись отъ категорическаго отвѣта на вопросъ, съ какими силами Англія разсчитываетъ принять участіе въ предстоящей борьбѣ противъ Фридриха II. Бестужевъ, однако, слишкомъ поздно замѣтилъ, что положеніе дѣлъ сильно измѣнилось, что дѣло идетъ къ сближенію между Англіей и Пруссіей, которое неизбѣжно броситъ Францію на сторону враговъ Фридриха. Сильный, пока его система была безошибочна, онъ сталъ терять почву подъ ногами. Его противники не замедлили воспользоваться обстоятельствами. Воронцовъ, какъ противникъ англійскаго союза, оказался теперь въ выгодномъ положеніи: союзъ оказывался ненадежнымъ. Къ нему примкнулъ и старшій братъ Бестужева, съ которымъ канцлеръ давно враждовалъ изъ-за личныхъ дѣлъ: Михаилъ не желалъ подчиняться младшему брату, какъ главѣ фамиліи; кромѣ того эта вражда осложнялась раздраженіемъ канцлера на то, что брата считаютъ его руководителемъ, и, наконецъ, перешла въ соперничество по дѣламъ политическимъ. Ближайшіе годы, послѣ ахенскаго мира, тянулись безъ крупныхъ событій. Но подготовлялась новая европейская борьба при новой группировкѣ державъ. Осенью 1755 года Англія начала переговоры съ Фридрихомъ II о союзѣ, который и былъ оформ-

ленъ 16-го января 1756 г., а 2-го мая Франція и Австрія подписали также союзный трактатъ. Воронцовъ дѣятельно трудился для присоединенія Россіи къ австро-французскому союзу и всячески тормозилъ дѣло о субсидіяхъ, которыя Бестужевъ все еще готовъ былъ принять отъ Англіи. Положеніе Бестужева въ 50-хъ годахъ стало тяжелѣе прежняго. Волей Императрицы теперь управлялъ И. И. Шуваловъ, такъ какъ, во время частыхъ ея недомоганій, онъ былъ главнымъ и даже единственнымъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ. А съ Шуваловымъ былъ близокъ Воронцовъ, и Бестужевъ, хотя и называлъ И. И. Шувалова своимъ «особливымъ пріятелемъ», однако, долженъ былъ чувствовать, что не его вліяніе преобладаетъ при дворѣ. И въ иностранной коллегіи дѣло дошло до того, что канцлеръ не могъ по усмотрѣнію перевести секретаря изъ одного посольства въ другое, а его предписанія просто не исполнялись. Понятно, что его хлопоты о ратификаціи «субсиднаго договора» съ Англіей не могли имѣть успѣха. Бестужевъ упорно продолжалъ настаивать, что критика этого «большаго и важнаго дѣла» вызвана только «завистью или и самою ненавистью». Въ январѣ 1757 г. канцлеръ подалъ Императрицѣ обширную записку, въ которой изложилъ всѣ успѣхи, достигнутые Россіей за время его управленія иностранными дѣлами и возвысившіе ее на одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ державъ, хотя нѣкоторые результаты и были испорчены интригами, вѣчно происходившими въ Петербургѣ; и нынѣ задержка въ размѣнѣ ратификаціями англійскаго договора портитъ удачно начатое дѣло. Утомленный оппозиціей, канцлеръ требовалъ передачи руководства внѣшней политикой коммисіи довѣренныхъ людей, чтобы уничтожить тайную борьбу. Въ Петербургѣ еще не знали объ англо-прусскомъ союзѣ и, когда при дальнѣйшихъ переговорахъ о конвенціи, англійскій посолъ Уильямсъ былъ вынужденъ сообщить о немъ, ударъ для канцлера оказался неожиданнымъ. Этотъ фактъ оправдывалъ его противниковъ и уничтожалъ то обаяніе необычайнаго политическаго искусства и зоркой предусмотрительности, которое одно заставляло Елизавету держаться Бестужева. По его же настоянію возникла, какъ постоянное учрежденіе, конференція для обсужденія важныхъ политическихъ дѣлъ и скорѣйшаго выполненія высочайшихъ повелѣній. Она состояла изъ 10 лицъ, считая в. кн. Петра Θеодоровича, и должна была собираться при дворѣ два раза въ недѣлю. Первое собраніе состоялось 14 марта, и къ 30-му марта она выработала программу, предписывавшую соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ о войнѣ противъ Фридриха, пока Англія занята борьбой съ французами. Для этого предполагалось сближеніе союзныхъ державъ съ Франціей и Польшей, укрѣпленіе мира съ шведами и турками. Цѣлью было ослабленіе Пруссіи, возвращеніе Силезіи подъ австрійскую власть, союзъ съ Австріей противъ турокъ, присоединеніе королевской Пруссіи къ Польшѣ, Курляндіи—къ Россіи и, наконецъ, исправленіе русско-польской границы. Руководство иностранной политикой Россіи ускользало изъ рукъ Бестужева. Возобновленіе дипломатическихъ сношеній, а затѣмъ и союзъ съ Франціей были ему не по сердцу. Когда воспитанникъ Бестужева въ политикѣ, Панинъ, за возраженіе противъ присланныхъ къ нему въ Парижъ инструкцій, получилъ рѣзкую отповѣдь, Бестужевъ съ горечью писалъ ему, чтобы онъ поменьше разсуждалъ, а доносилъ бы только объ исполненіи рескриптовъ, ибо теперь не выносятъ тѣхъ, кто «разсуждаетъ о старой системѣ и выхваляетъ тѣхъ, кто оной еще держится». Но канцлеръ не считалъ еще своего дѣла проиграннымъ. Оставшись одинокимъ въ правящихъ сферахъ, онъ искалъ новыхъ союзниковъ. Вражда къ Шуваловымъ и Воронцовымъ сблизила его съ в. кн. Екатериной Алексѣевной. Съ 1754 г. онъ старается оказывать ей поддержку и совѣтомъ, и дѣломъ. Осенью 1755 г. Петербургъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о плохомъ состояніи здоровья Императрицы; и въ слѣдующемъ году ей было не лучше. Ждали печальной развязки и толковали о престолонаслѣдіи. Въ восшествіи на престолъ Петра Θеодоровича Бестужевъ не могъ видѣть ничего хорошаго ни для Россіи, ни для себя. Бестужевъ, по разсказу Императрицы Екатерины II, составилъ тогда проектъ доставить ей участіе въ правленіи ея супруга съ тѣмъ, чтобы ему, Бестужеву, поручили три коллегіи—иностранныхъ дѣлъ, военную и адмиралтейскую. У него съ Екатериной Алексѣевной начались тогда переговоры черезъ гр. Поня-

товскаго, и проектъ нѣсколько разъ пересоставлялся. Она утверждаетъ, что не относилась къ дѣлу серіозно, но не хотѣла противорѣчить старику, упорному въ своихъ планахъ. Уильямсъ усиленно покровительствовалъ Понятовскому, котораго старались удалить изъ Петербурга. Этотъ англійскій посолъ готовилъ себѣ роль Шетарди. Бестужевъ, какъ и Уильямсъ, при такихъ обстоятельствахъ, боялся появленія въ Петербургѣ испытанныхъ интригановъ - дипломатовъ версальскаго двора. Но услуги предлагались Екатеринѣ и съ другой стороны — со стороны Шуваловыхъ. Другъ Бестужева, С. Ѳ. Апраксинъ, былъ хорошъ и съ Шуваловыми и старался сплотить новую партію, все увеличивавшуюся новыми лицами. Но партія эта въ новомъ составѣ потеряла характеръ анти-французской. И, повидимому, Екатерина больше разсчитывала на Шуваловыхъ, чѣмъ на Бестужева. Но 22-го октября произошла значительная перемѣна къ лучшему въ здоровьѣ Императрицы, и движеніе въ пользу Екатерины заглохло. Политическая жизнь Россіи пошла своимъ чередомъ, и Уильямсу пришлось покинуть ее, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ помѣшать франко-русскому союзу. При такихъ условіяхъ началось великое дѣло, издавна подготовленное Бестужевымъ,— Россія приняла дѣятельное участіе въ войнѣ съ Фридрихомъ Великимъ въ составѣ сильной коалиціи. Но цѣль была достигнута не имъ и не такъ, какъ онъ хотѣлъ. Канцлеръ не сумѣлъ овладѣть обстоятельствами, не сумѣлъ и смириться. Военныя дѣйствія были поручены его другу Апраксину. Отъ успѣха Апраксина зависѣла судьба канцлера, и онъ это отлично сознавалъ. Внушивъ передъ тѣмъ Апраксину антипатію къ дѣйствіямъ въ союзѣ съ французами, Бестужевъ теперь торопилъ его письмами своими и в. кн. Екатерины Алексѣевны. Медлительность, съ какой Апраксинъ открылъ военныя дѣйствія, нерѣшительность, съ какой онъ ихъ велъ,—вызывали общее негодованіе. Знаменитое отступленіе его послѣ побѣды, о которой онъ, въ добавокъ, долго не сообщалъ, привело Бестужева въ отчаяніе. «Я крайне сожалѣю,—писалъ онъ 13 сентября 1757 г.,—что армія вашего превосходительства почти во все лѣто недостатокъ въ провіантѣ имѣя, наконецъ, хотя и побѣду одержала, однакожъ принуждена, будучи побѣдительницею, ретироваться. Я собственному вашего превосходительства глубокому проницанію представляю, какое отъ того произойти можетъ безславіе, какъ арміи, такъ и вашему превосходительству, особливо - жъ когда вы непріятельскія земли совсѣмъ оставите». Кромѣ общаго всѣмъ русскимъ огорченія, это дѣло будило въ Бестужевѣ и личную тревогу. Пошли слухи, что отступленіе Апраксина — плодъ Бестужевской интриги по дѣлу о престолонаслѣдіи. Его поставили въ связь съ новой болѣзнью Елизаветы, хотя она захворала 8-го сентября, а донесеніе объ отступленіи было получено въ Петербургѣ еще 27-го августа. Защитникомъ Апраксина явился гр. П. И. Шуваловъ, главнымъ обвинителемъ его—Бестужевъ. Апраксинъ былъ смѣненъ, но этимъ не окончились его бѣды. Въ Нарвѣ его задержали и отобрали всю переписку: до Императрицы дошли слухи о его сношеніяхъ съ молодымъ дворомъ. Отправляя ему письма в. кн. Екатерины, Бестужевъ показывалъ ихъ бывшему въ Петербургѣ австрійскому генералу Буккову, чтобы убѣдить его въ сочувствіи какъ своемъ, такъ и Екатерины къ новой войнѣ. Но австрійскій дворъ не могъ простить Бестужеву его противодѣйствія коалиціи, и австрійскій посолъ Эстергази донесъ о перепискѣ Императрицѣ, придавъ ей характеръ интриги. Въ захваченной перепискѣ не было ничего предосудительнаго. Однако противники Бестужева рѣшили отдѣлаться отъ него. Самыми усердными оказались Эстергази и французскій посолъ Лопиталь. Послѣдній заявилъ Воронцову, что, если черезъ двѣ недѣли Бестужевъ будетъ еще канцлеромъ, то онъ прерветъ сношенія съ Воронцовымъ и будетъ впредь обращаться къ Бестужеву. Воронцовъ съ И. И. Шуваловымъ поддались настояніямъ и сумѣли довести дѣло — въ февралѣ 1758 г. — до ареста Бестужева и его бумагъ. Они лучше кого либо знали, что тамъ должны были найтись слѣды дворцовой интриги. Бестужевъ, однако, успѣлъ сжечь все компрометтирующее и сообщилъ объ этомъ Екатеринѣ; но переписка, начавшаяся такимъ образомъ, была перехвачена. Это дало слѣдственной коммиссіи, состоявшей изъ кн. Трубецкаго, Бутурлина и гр. А. Шувалова, матеріалъ, а гр. Бутурлинъ признавался: «Бестужевъ арестованъ, а мы теперь ищемъ причины, за что его арестовали». По усердіе слѣдователей, знавшихъ,

что ищутъ, ни къ чему не привело. Бестужевъ былъ, однако, обвиненъ за то, что старался возстановить Императрицу и молодой дворъ другъ противъ друга; не исполнялъ, по прихоти своей, высочайшихъ повелѣній и даже противился имъ; не донесъ о предосудительной медленности Апраксина, а постарался самъ исправить дѣло личнымъ вліяніемъ, дѣлая себя соправителемъ и впутавъ въ дѣла такую персону, которой участія въ нихъ имѣть не надлежало; и, наконецъ, будучи подъ арестомъ, завелъ тайную переписку. За всѣ эти вины коммиссія приговорила Бестужева къ смертной казни. Въ апрѣлѣ 1759 г. Императрица повелѣла сослать его въ имѣніе Горетово, какъ Бестужевъ его назвалъ по этому случаю, въ можайскій уѣздъ. Все недвижимое имущество осталось за нимъ. Съ тѣхъ поръ и до восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, Бестужевъ съ семьею прожилъ въ Горетовѣ. Его супруга, Анна Ивановна, урожденная Бёттигеръ, лютеранка, скончалась тутъ 25 декабря 1761 г. Изъ трехъ его сыновей — двое, Петръ, упоминаемый въ письмѣ отца отъ 1742 г., какъ совершеннолѣтній, и другой, имя котораго неизвѣстно, умерли до 1759 г. Ссылку свою Бестужевъ, по свидѣтельству знавшихъ его, снесъ съ твердостью. Его настроеніе сказалось въ изданной позднѣе, въ 1763 г., но составленной въ Горетовѣ, книгѣ: «Избранныя изъ Св. Писанія изрѣченія во утѣшеніе всякаго невинно претерпѣвающаго христіанина». Къ печатному изданію было составлено предисловіе ректоромъ московской духовной академіи Гавріиломъ Петровымъ, и приложенъ оправдывавшій Бестужева манифестъ Императрицы Екатерины. Гавріилъ перевелъ книгу на латинскій языкъ. Кромѣ того она была издана по-нѣмецки (въ 1763 г., въ Тип. Ак. Наукъ, въ томъ же году въ Гамбургѣ и въ 1764 г. — въ Стокгольмѣ), по-французски (1763 г., въ Спб.), и по-шведски (1764 г.—въ Стокгольмѣ). Кромѣ того, Бестужевъ тѣшилъ себя любимымъ медальернымъ искусствомъ. Въ память бѣды своей онъ отчеканилъ медаль съ портретомъ своимъ и надписью: «Alexius Comes A. Bestuschef Riumin, Imp. Russ. olim. cancelar., nunc. senior. exercit. dux. consil. actu. intim. et senat prim. J. G. W. f. (J. g. Wächter fecit)». На оборотѣ—двѣ скалы среди бушующихъ волнъ, съ одной стороны озаренныя солнцемъ, съ другой громимыя грозой—и надпись: «immobilis. in. mobili», а внизу: «Semper idem» и годъ 1757 (второй чеканъ 1762 г.).

Восшествіе на престолъ Петра III, принесшее свободу многимъ ссыльнымъ прошлаго царствованія, не могло улучшить положеніе Бестужева. Петръ III говорилъ про него: «Я подозрѣваю этого человѣка въ тайныхъ переговорахъ съ моей женой, какъ это было уже разъ обнаружено; въ этомъ подозрѣніи подкрѣпляетъ меня то, что покойная тетушка на смертномъ одрѣ говорила мнѣ весьма серьезно объ опасности, какую представляло бы возвращеніе его изъ ссылки». Но іюньскій переворотъ 1762 г. снова вернулъ Бестужеву высокое положеніе. 1 іюля курьеръ, съ указомъ бывшему канцлеру немедленно вернуться въ Петербургъ, былъ въ Москвѣ, а въ половинѣ іюля Бестужевъ былъ уже при дворѣ. Императрица приняла старика, замѣтно одряхлѣвшаго, самымъ дружескимъ образомъ. Но опредѣленнаго вліятельнаго положенія ему занять не пришлось, хотя Екатерина постоянно обращалась къ нему за совѣтомъ по разнымъ важнымъ вопросамъ. Бестужеву мало было милости; онъ просилъ торжественнаго оправданія и добился назначенія коммисіи для пересмотра его дѣла. 31 августа 1762 г. обнародованъ былъ манифестъ, который велѣно выставить въ публичныхъ мѣстахъ и даже прочесть въ храмахъ. Тутъ объявлялось, что Екатерина, изъ любви и почтенія къ Елизаветѣ и по долгу справедливости, считаетъ нужнымъ исправить невольную ошибку покойной Императрицы и оправдать Бестужева въ возведенныхъ на него преступленіяхъ. Ему возвращены, со старшинствомъ, прежніе чины и ордена и назначенъ пенсіонъ по 20,000 р. въ годъ. Манифестъ этотъ составленъ лично Императрицей и собственноручно ею написанъ. Она назначила Бестужева «первымъ Императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ императорскаго совѣта». Восхищенный Бестужевъ дважды предлагалъ Сенату и коммисіи о дворянствѣ поднести Екатеринѣ титулъ «матери отечества», что она отклонила. Привлекая Бестужева къ совѣтамъ по дѣламъ иностраннымъ, Императрица назначила его первоприсутствующимъ въ Сенатѣ и членомъ «коммисіи о русскомъ дворянствѣ», которой порученъ пересмотръ жалованной грамоты дворян-

ству. Во всякихъ обстоятельствахъ Бестужевъ игралъ роль «перваго сановника», но его действительное вліяніе было ничтожно. Новые люди смѣнили стараго государственнаго дѣятеля. Его попытки вмѣшаться въ дѣла важныя не имѣли успѣха. Онъ раздѣлялъ, со многими другими, надежду, что теперь восторжествуетъ его система, равно враждебная и Пруссіи, и Франціи. Но Панинъ, его счастливый соперникъ въ руководствѣ внѣшней политикой Екатерины, раздѣляя вражду Бестужева къ Франціи, иначе смотрѣлъ на прусскія отношенія. Между учителемъ и ученикомъ завязалась борьба, и Панинъ жаловался, что вліяніе Бестужева заставитъ его бросить дѣла и удалиться. Но такъ продолжалось не долго. Екатерина скоро охладѣла къ Бестужеву. Онъ вступился за Арсенія Мацѣевича, просилъ «о показаніи ему монаршаго и матерински̇го милосердія» и скорѣе кончить дѣло, избѣгая смущающей общество огласки. Императрица отвѣтила рѣзкимъ письмомъ. Старикъ униженно извинился. Въ 1763 г. онъ думалъ угодить, составивъ прошеніе о бракѣ Императрицы съ Гр. Орловымъ, но затѣя вызвала толки, кончившіеся непріятнымъ для Императрицы слѣдственнымъ дѣломъ о заговорѣ противъ Орловыхъ. Окончательное устраненіе Бестужева отъ дѣлъ было вызвано его противодѣйствіемъ Екатеринѣ и Панину по польскимъ дѣламъ: онъ стоялъ за права на престолъ саксонскаго дома. Однако, милости Императрицы къ Бестужеву продолжались. Въ концѣ 1763 г. ему пожалованъ голштинскій орденъ св. Анны 1-й степени, велѣно уплатить ему содержаніе за всѣ годы ссылки и вернуть все конфискованное имущество, уплативъ его долги изъ казны. Въ 1764 г., при раздѣленіи Сената на департаменты, Бестужевъ былъ зачисленъ въ первый департаментъ, но, за дряхлостью, уволенъ отъ присутствія. За два года передъ смертью онъ соорудилъ въ Москвѣ, у Арбатскихъ воротъ, храмъ во имя св. Бориса и Глѣба. Покровительствомъ его, вѣроятно подъ вліяніемъ жены, пользовалась и петербургская лютеранская церковь св. Петра и Павла. Еще въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны православное духовенство потребовало удаленія этой церкви съ Невскаго проспекта, думая соорудить на ея мѣстѣ соборъ Казанской Божьей Матери. Бестужевъ отстоялъ кирку и до конца дней своихъ ей покровительствовалъ. Кончину свою онъ заранѣе увѣковѣчилъ медалью; ея лицевая сторона та же, что у медали 1747 г., а на обратной—катафалкъ между четырмя пальмами; на немъ—урна съ гербомъ графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ, по обѣимъ сторонамъ аллегорическія фигуры: слѣва—Постоянство, опирающееся на колонку, вѣнчаетъ урну лаврами; справа—Вѣра, съ крестомъ въ рукѣ, возлагаетъ на нее пальмовую вѣтвь; сверху надпись: «tertio triumphat», а внизу: «post. duos. in. vita. de. inimicis. triumphos. de. morte. triumphat. nat. MDCXCIII den. MDCCL... aetat...». Послѣдніе годы Бестужева были омрачены его отношеніями къ сыну *Андрею*. Начавъ свою карьеру подъ покровительствомъ отца, младшій Бестужевъ былъ при Елизаветѣ камергеромъ и генералъ-поручикомъ. Порученія, какія ему случалось давать, и все поведеніе его вызывали издавна крайнее недовольство отца. Въ 1762 г. Екатерина II произвела его въ д. т. совѣтники съ увольненіемъ его отъ службы. Но отецъ этимъ не удовлетворился и обратился въ 1766 г. къ Императрицѣ съ просьбой наказать непокорнаго сына ссылкою въ монастырь. Екатерина сперва отказала, отвѣтивъ, что графъ Андрей не совершилъ такого преступленія, за которое не то что сослать на смиреніе, но и чиновъ лишить слѣдовало; но поведеніе его считала достаточнымъ основаніемъ къ разводу его съ женой. Однако, черезъ недѣлю Императрица измѣнила свое рѣшеніе и сослала Бестужева въ монастырь. Черезъ четыре мѣсяца отецъ его умеръ, и Императрица, по просьбѣ племянниковъ покойнаго, назначила опеку надъ имѣніями Бестужева «за развратною и неистовою жизнью» графа Андрея, которому повелѣно выдавать половину доходовъ; другая половина назначалась на уплату долговъ отца. Самого Бестужева освободили изъ монастыря, предписавъ ему жить «смирно и добропорядочно, гдѣ пожелаетъ, кромѣ своихъ деревень». Онъ былъ женатъ два раза: въ первомъ бракѣ на Евдокіи Даниловнѣ Разумовской, во второмъ—на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Долгоруковой (впослѣдствіи она вышла за графа Витгенштейна). Но умеръ Бестужевъ бездѣтнымъ въ 1768 г. Съ нимъ прекратился родъ графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ, такъ какъ и дядя его, Михаилъ, не оставилъ потомства.

Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ. т.т. I, III, V,

VII, XII, XXII, XXVI, LXVI, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXV, LXXXVI, XCI, XCII, XCVI, XCIX, C, CIII. — Письма русскихъ государей. IV. Переписка герц. Курл. А. Ив. М. 1862.—Büsching, Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle 1775—1779. Bde. I, II, IX.—Büsching, Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen. Halle 1786, IV Theil.—Zur Geschichte der Familie von Brevern, her. von G. von Brevern. Bd. III. Berlin 1883. (Приложенія).—Русскій Архивъ и Русская Старина (passim).—Д. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русск. земли, ч. I. М. 1836 г.—Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. — Соловьевъ, Исторія Россіи. Книги: IV, V, VI.—Чечулинъ, Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. Спб. 1896. — А. Терещенко, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Часть II. Канцлеры. Спб. 1837.—Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ. Спб. 1880—82.—Александренко, Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в. т. I. Варшава 1897.—Пекарскій, Маркизъ Шетарди въ Россіи.

А. Прѣсняковъ.

Бестужевъ-Рюминъ, *Михаилъ Алексѣевичъ*, журналистъ, род. около 1800 г., ум. 6 марта 1832 г., служилъ сначала въ арміи, былъ бригаднымъ и дивизіоннымъ адъютантомъ, потомъ перешелъ на гражданскую службу и, наконецъ, предался исключительно литературной дѣятельности, на поприщѣ которой выступилъ чуть не ребенкомъ. Въ 1816 г. имъ напечатано «Приношеніе новому 1816 году» (М. 1816). Отношеніе къ его военной службѣ имѣютъ: «Краткій памятникъ для полевыхъ офицеровъ» (Спб., 1818) и «Разсужденіе о пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ» (1822), равно какъ и «Пѣвецъ среди русскихъ воиновъ» (1823). Стихотворенія его печатались въ журналахъ съ 1819 г. Съ 1824 по 1831 г. имъ изданы альманахи: «Майскій листокъ», «Сиріусъ», «Сѣверная Звѣзда» и «Гирлянда». Въ 1830 г. Бестужевъ сталъ издавать литературную газету «Сѣверный Меркурій», выходившую очень неправильно (въ 1830 г. вышло 138 №№, вмѣсто обѣщанныхъ 156, въ 1831 г. только 75 №№, а въ 1832 г. всего 5 №№). Въ альманахахъ и въ этой газетѣ Бестужевымъ напечатано много критическихъ и полемическихъ статей, большею частію подъ псевдонимомъ Аристарха Завѣтнаго; самая большая изъ этихъ статей посвящена Веневитинову и его сочиненіямъ («Сѣв. Звѣзда», 1829 г. и «Сѣв. Пчела», 1829 г., №№ 22—24, 47, 49 и 50). Газета Бестужева поддерживалась болѣе всего любителями-литераторами, Николаемъ Александровичемъ Татищевымъ и Александромъ Николаевичемъ Глѣбовымъ; сотрудничали въ ней также: А. И. Подолинскій, А. Д. Илличевскій, баронъ Розенъ, Д. Шепелевъ и др. Изъ-за личной вражды Бестужева къ А. Ѳ. Воейкову между «Сѣвернымъ Меркуріемъ» и «Литературными Прибавленіями къ Русскому Инвалиду», издававшимися Воейковымъ, велась сильная полемика, обострившаяся до того, что Воейковъ началъ хлопотать о высылкѣ Бестужева изъ столицы. Литературное значеніе Бестужева очень не велико. Стихотворенія его частію представляютъ собою подражанія современнымъ ему романтическимъ корифеямъ, особенно Байрону, частью они содержанія сатирическаго и изобилуютъ экскурсами въ область современной литературы (особенно изданный отдѣльный діалогъ: «Мавра Власьевна Томская и Фролъ Савичъ Калугинъ», Спб., 1828 г.). Критическія и полемическія статьи Бестужева интересны лишь какъ образцы журнальной перебранки того времени; «Бориса Годунова» Пушкина Бестужевъ встрѣтилъ глумленіемъ, а въ Подолинскомъ видѣлъ серьезнаго соперника Пушкину.

Некрологъ въ «Гирляндѣ» 1832 г.—Статья М. Мазаева въ «Словарѣ» Венгерова.

Бестужевъ-Рюминъ, графъ *Михаилъ Петровичъ*, русскій посолъ при различныхъ дворахъ, старшій сынъ графа Петра Михайловича, род. въ 1688 г., ум. въ Парижѣ въ ночь съ 25 на 26 февраля 1760 г. Вмѣстѣ съ братомъ онъ поѣхалъ въ 1708 г. за границу, по желанію и на средства отца, учился въ копенгагенской академіи и въ то же время былъ прикомандированъ къ русскому послу въ Даніи, князю Долгорукову, въ качествѣ «дворянина при посольствѣ». Затѣмъ учился въ Берлинѣ и, совершивъ «вояжъ» по Европѣ, вернулся въ Россію. Во время прутскаго похода Бестужевъ служилъ волонтеромъ при арміи, а, по окончаніи военныхъ дѣйствій, ѣздилъ, какъ «дворянинъ при посольствѣ», съ барономъ Шафировымъ въ Константинополь, откуда былъ отправленъ курьеромъ къ Петру. Затѣмъ онъ, очень недолго, состоялъ при отцѣ въ Митавѣ, для помощи ему въ нѣмецкомъ языкѣ, и въ томъ же 1712 г. назначенъ камеръ-юнкеромъ къ кронъ-принцессѣ Софіи-Шарлоттѣ, при дворѣ которой и оставался завѣдующимъ конюшней до кончины принцессы въ 1715 г. Съ извѣстіемъ объ ея смерти Бестужевъ былъ посланъ къ вѣнскому двору и, удостоив-

шись аудіенціи у императора и императрицы, доставилъ ихъ отвѣтныя грамоты Петру въ Данцигъ. Здѣсь Петръ праздновалъ бракъ Екатерины Іоанновны съ герцогомъ мекленбургскимъ и оставилъ при ней Бестужева камеръ-юнкеромъ. Въ 1719 г. герцогиня Екатерина отказала ему отъ службы, угождая тѣмъ, какъ объяснялъ Бестужевъ-отецъ, царицѣ Прасковьѣ, возненавидѣвшей изъ-за отца и всю его семью. Въ мартѣ 1720 г. началась самостоятельная дипломатическая служба Бестужева: онъ былъ назначенъ русскимъ резидентомъ въ Лондонъ, на смѣну опальному Ѳедору Веселовскому. Въ это время между Петромъ и королемъ Георгомъ I шла дипломатическая борьба, такъ какъ Георгъ поддерживалъ противъ Россіи требованія Швеціи. Въ октябрѣ 1720 г. Бестужевъ подалъ англійскимъ министрамъ пространный меморіалъ, гдѣ указывалось, какъ коммерческія выгоды Англіи требуютъ дружбы съ Россіей, и насколько политика Георга идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительными интересами англійскаго народа. Королевскій совѣтъ, подъ предлогомъ, что Бестужевъ учинилъ дипломатическую безтактность, подавъ меморіалъ во время отсутствія короля изъ Англіи, предписалъ ему выѣхать изъ королевскихъ владѣній въ восьмидневный срокъ. Бестужевъ удалился въ Гагу, гдѣ пробылъ съ ноября 1720 г. по май 1721 г., пока не получилъ приказанія вернуться въ Россію. По заключеніи Ништадтскаго мира Бестужевъ былъ посланъ министромъ-резидентомъ въ Швецію (съ жалованьемъ въ 3,000 руб.). Въ Стокгольмѣ Бестужевъ пробылъ до 1726 г., дѣятельно участвуя въ рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ. Это положеніе заставило его постоянно вникать въ характеръ внутренняго строя государствъ, въ взаимныя отношенія партій и въ тѣ интересы, какими такія отношенія создаются. Немудрено, что позднѣе онъ выступаетъ на политическомъ поприщѣ, какъ человѣкъ съ глубоко продуманной системой и программой. Его донесенія изъ Швеціи показываютъ недюжинную наблюдательность, умѣнье вѣрно понять и людей, и политическія партіи, и находчиво пользоваться обстоятельствами для достиженія предначертанныхъ цѣлей. Первой задачей русской политики въ Швеціи было обезпечить Россіи на будущее время спокойствіе отъ этого стариннаго врага, а средствомъ для этого являлось утвержденіе въ Швеціи русскаго вліянія. Внутренняя борьба партій—монархической и олигархической—давала просторъ иностранному воздѣйствію. Власть короля Фридриха Гессенъ-Кассельскаго была совершенно ничтожна, но его стремленіе укрѣпить ее съ помощью крестьянства и упрочить наслѣдство шведскаго престола за своей кассельской родней—внушало опасенія шведскому государственному совѣту, органу самовластныхъ магнатовъ. Они искали опоры въ Россіи, и седьмымъ параграфомъ Ништадтскаго мира русскій Императоръ обязался поддерживать существующую въ Швеціи форму правленія. Бестужевъ сумѣлъ стать опорой этой партіи «патріотовъ», какъ они себя называли, или «колпаковъ», какъ звали ихъ противники. Онъ понималъ, что «пока нынѣшняя форма правленія существуетъ, ни малаго опасенія со стороны шведской не будетъ», потому что въ Швеціи «настоящая Польша стала: всякій себѣ господинъ, подчиненные начальниковъ своихъ не слушаютъ и никакого порядка нѣтъ». Поддерживая анархію въ Швеціи, русское правительство выдвинуло кандидатуру на шведскій престолъ (послѣ бездѣтнаго Фридриха)—герцога голштинскаго, нареченнаго жениха царевны Анны Петровны. Бестужевъ доносилъ, что было бы вполнѣ возможно немедленно добиться избранія герцога въ наслѣдники шведскаго престола, но для этого потребовалось бы много денегъ на подкупъ членовъ сейма. Пока онъ добился отъ сейма признанія за Петромъ титула императорскаго величества, а за герцогомъ, несмотря на протесты короля, королевскаго высочества, съ назначеніемъ ему пенсіи изъ шведской казны. 22 февраля 1724 г. Бестужевъ закрѣпилъ сближеніе съ господствовавшей шведской партіей заключеніемъ оборонительнаго союза между Россіей и Швеціей. За эти услуги Петръ наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго камергера и призналъ за нимъ полномочія чрезвычайнаго посланника, съ увеличеніемъ его содержанія до 5,000 руб. Въ секретныхъ артикулахъ союзнаго договора находилось соглашеніе о попыткѣ вернуть герцогу голштинскому захваченный Даніей Шлезвигъ. Въ то время Бестужевъ, какъ орудіе Петра Великаго, добросовѣстно служилъ интересамъ голштинскаго дома и дѣйствовалъ въ Стокгольмѣ за одно съ представителемъ герцога, Бассевичемъ. Однако, личныя отношенія

между ними были болѣе, чѣмъ натянутыя. Голштинскіе агенты хотѣли удалить Бестужева отъ шведскихъ дѣлъ, чуя въ немъ защитника не голштинскихъ, а русскихъ интересовъ. Смерть Петра Великаго развязала имъ руки. Зять Бассевича, Рейхель, обвиняя Бестужева во враждебномъ отношеніи къ себѣ, затѣялъ ссору и вызвалъ Бестужева на дуэль. Шведскіе вельможи постарались ихъ помирить. Но когда Бестужевъ испросилъ себѣ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ для личнаго участія въ переговорахъ со шведскими послами, Бассевичъ подалъ въ иностранную коллегію меморіалъ о томъ, чтобы Бестужева впредь не посылать въ Швецію, а герцогъ голштинскій докладывалъ о томъ же Императрицѣ. Дѣйствительно, Бестужева оставили въ Петербургѣ въ должности камергера, а въ маѣ 1726 г. отправили его чрезвычайнымъ посланникомъ въ Польшу. Тутъ ему пришлось дѣйствовать совмѣстно съ П. И. Ягужинскимъ, который былъ присланъ на сеймъ въ Гроднѣ, какъ полномочный министръ, со спеціальнымъ порученіемъ—не допускать утвержденія Морица Саксонскаго, избраннаго въ герцоги курляндскіе митавскимъ сеймомъ. Бестужеву дана была инструкція—хлопотать въ Польшѣ о признаніи герцогства Курляндскаго за Меншиковымъ, но несообразность подобной затѣи быстро выяснилась, и петербургское правительство отъ нея отказалось, предлагая то одного, то другого кандидата. Эти колебанія ставили русскихъ дипломатовъ въ затруднительное положеніе. Ягужинскій раздражался, велъ дѣла кое-какъ. Бестужевъ былъ на второмъ планѣ и только въ письмахъ къ сестрѣ, княгинѣ Волконской, жаловался, что напрасно чаялъ проку отъ Ягужинскаго, а «человѣкъ этотъ совсѣмъ плохъ». Бестужевъ особенно возмущался тѣмъ, что посольскія дѣла довѣряются секретарю изъ поляковъ, котораго прочатъ даже въ русскіе резиденты при польскомъ дворѣ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1727 г. Ягужинскій уѣхалъ, и дѣла польскія сосредоточились въ рукахъ Бестужева. Петръ II, вступивъ на престолъ, утвердилъ его въ званіи чрезвычайнаго посланника при польскомъ дворѣ. Не коснулась его и опала, постигшая его отца. Въ Польшѣ Бестужевъ слѣдилъ за всѣми перипетіями курляндскаго дѣла, которое привело къ оккупаціи Курляндіи русскими войсками. Существеннѣе была его роль въ поддержкѣ правъ православнаго населенія; хотя его представленія польскому правительству рѣдко имѣли успѣхъ, но бѣлоруссы видѣли въ немъ своего защитника и обращались въ Петербургъ за разрѣшеніемъ недоразумѣній по дѣламъ своей православной епархіи. Для утвержденія русскаго кандидата на бѣлорусской епископіи въ 1729 г. отправленъ къ польскому двору полномочный министръ князь С. Гр. Долгорукій, хотя Бестужевъ оставался еще въ Варшавѣ посланникомъ. Въ эту пору русскихъ дипломатовъ особенно тревожило сближеніе Пруссіи съ Саксоніей и вообще усиленіе прусскаго вліянія. Дѣла, стоявшія на очереди, были столь важны, что, по обычаю того времени, могли быть поручены только «знатнымъ персонамъ». Бестужевы-Рюмины, возвышенные Петромъ за даровитость и образованіе, долго не могли занять твердаго положенія въ эпоху господства знатныхъ и незнатныхъ вельможъ, подчинившихъ себѣ Екатерину I и Петра II. Съ ними, послѣ паденія ихъ отца, еще не считались и, пользуясь ихъ услугами, не ввѣряли имъ крупныхъ дѣлъ. Такъ было и съ Бестужевымъ въ Польшѣ и позднѣе, когда Императрица Анна Іоанновна перевела его въ 1730 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Берлинъ на смѣну князя С. Голицына. Иностранные представители были удивлены его смѣщеніемъ изъ Варшавы, такъ какъ онъ считался способнымъ дипломатомъ и хорошо знающимъ Польшу, и объясняли это тѣмъ, что въ Петербургѣ усилилось вліяніе вѣнскаго двора, а Бестужевъ считался недостаточно преданнымъ его интересамъ. Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Берлинъ и обмѣняться съ прусскими министрами ратификаціями возобновленнаго между Россіей и Пруссіей союзнаго договора и передать Фридриху-Вильгельму ходатайство Анны Іоанновны о примиреніи его съ сыномъ,—какъ Императрица нашла нужнымъ, ввиду важности «обращаемыхъ въ Европѣ дѣлъ», прислать въ Берлинъ «знатную персону»—Ягужинскаго, который прибылъ въ концѣ 1731 г. Бестужевъ былъ отозванъ и отправленъ опять къ шведскому двору. Многое тутъ измѣнилось за время его отсутствія. Отстранившая Бестужева отъ шведскихъ дѣлъ политическая партія, подкупленный шведскимъ правительствомъ Меншиковъ, наконецъ, поглощенные дворцовыми интригами представители придворныхъ партій—дискредитиро-

вали авторитетъ петербургскаго правительства. Русское вліяніе въ Швеціи было подорвано. Политика французскаго двора и ганноверскаго дома втянула Швецію въ новыя отношенія, и партія «колпаковъ» съ графомъ Горномъ во главѣ склонилась къ французскому союзу, не переставая, однако, брать деньги съ русскихъ агентовъ. Ко времени, когда Бестужевъ смѣнилъ въ Стокгольмѣ графа Головкина, положеніе нѣсколько измѣнилось къ лучшему. Англія и Голландія перешли отъ союза съ Франціей къ сближенію съ германскимъ императоромъ, Франція оказалась изолированной, и ея кредитъ въ Швеціи пошатнулся. Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны голштинская партія, стремившаяся подчинить русскую политику голштинскимъ интересамъ, потеряла значеніе. Оказались возможными новыя политическія комбинаціи въ балтійскомъ вопросѣ, и Бестужеву пришлось принять участіе въ ихъ созданіи. Миръ на сѣверѣ былъ необходимъ, чтобы развязать Россіи руки въ польскомъ и турецкомъ вопросѣ. Франція, желая парализовать Россію, манила шведовъ возстановленіемъ значенія Швеціи, какъ первоклассной державы, и работала надъ усиленіемъ партіи войны съ Россіей для возвращенія отнятыхъ Петромъ Великимъ областей. По смерти Августа II снова выдвинулась кандидатура на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, и шведское правительство склонилось на его сторону, подъ вліяніемъ Франціи. Обѣщая шведамъ большія субсидіи, Франція подкупила министровъ, сенаторовъ и другихъ нужныхъ людей. Бестужевъ на подкупы отвѣчалъ подкупами и сталъ упорно составлять заново дезорганизованную русскую партію. Швеція была, по счастью, слишкомъ ослаблена внутренней борьбой, лишена средствъ для энергическаго вмѣшательства въ польское дѣло, а помощь Франціи сводилась, въ сущности, къ обѣщаніямъ. Министерство было за Францію, но король, послѣ отказа русскаго правительства отъ защиты притязаній голштинскаго герцога, не скрывалъ расположенія къ Россіи. Правительство, въ цѣломъ, выжидало и колебалось. Когда на польскомъ престолѣ утвердился, при помощи русскихъ, Августъ III, авторитетъ Россіи поднялся. Англія оказалась на время надежною союзницей въ сѣверныхъ дѣлахъ; по смерти Георга I, она склонилась къ сближенію съ Россіей, такъ какъ интересы обоихъ государствъ требовали поддержанія мира на сѣверѣ. Она сулила Швеціи субсидіи больше французскихъ и подчинила своему вліянію партію гр. Горна. Но Бестужевъ сильно нападалъ на англійское министерство за то, что въ вопросѣ о субсидіяхъ оно не шло дальше словъ. Тѣмъ не менѣе, англо-русская партія въ Швеціи все усиливалась. Пробой ея значенія былъ вопросъ о возобновленіи шведско-русскаго союзнаго договора, срокъ которому истекалъ въ февралѣ 1736 г. Съ помощью англійскаго резидента при шведскомъ дворѣ Финча, при поддержкѣ короля и графа Горна, Бестужевъ успѣшно провелъ возобновленіе договора опять на 12 лѣтъ; въ августѣ 1735 г. онъ могъ уже прислать въ Петербургъ курьера съ документомъ, скрѣпленнымъ подписями какъ его, такъ и шведскихъ коммисаровъ. Кромѣ денежной награды въ 10,000 р., Императрица пожаловала ему чинъ тайнаго совѣтника и увеличила его содержаніе съ 6-ти на 10,000 р. въ годъ. Правительство поспѣшило напечатать договоръ, но противная гр. Горну партія скупала печатные экземпляры и уничтожала ихъ. Борьба партіи «шляпъ», сторонниковъ войны, и «колпаковъ», сторонниковъ мира съ Россіей, обострилась до крайней степени. Французское правительство удвоило свои усилія. Турція сулила шведамъ какія угодно суммы денегъ и обѣщала не складывать оружія, пока шведы не вернутъ себѣ завоеванныхъ Россіей провинцій. Партія «шляпъ» требовала чрезвычайнаго сейма, который пересмотрѣлъ бы вопросъ о внѣшней политикѣ Швеціи. Неудача этихъ стремленій заставила французовъ измѣнить тактику: они попытались посѣять недовѣріе между представителями Англіи и Россіи и усыпить ихъ бдительность. Бестужевъ, видя въ сближеніи съ французскимъ резидентомъ средство ослабить противную партію, попалъ въ эту ловушку. Тонъ донесеній Бестужева мѣняется. Онъ сообщаетъ въ Петербургъ о добромъ расположеніи версальскаго двора, которому онъ склоненъ вѣрить, несмотря на настойчивыя предостереженія англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ лорда Гаррингтона и посланниковъ—стокгольмскаго Финча и петербургскаго Рондо. Неожиданный шагъ англійскаго представителя въ Константинополѣ Карльсона, который сталъ обнадеживать Порту шведской по-

мощью, хотя онъ и былъ отвергнутъ и осужденъ въ Лондонѣ, внушилъ Бестужеву временное недовѣріе къ англичанамъ; онъ зорко слѣдитъ за сношеніями англичанъ со шведами и подозрѣваетъ интригу противъ Россіи. За это уклоненіе отъ разъ принятой программы пришлось поплатиться и Россіи, и Бестужеву. Въ 1738 г. на бурномъ сеймѣ взяла верхъ партія войны, руководимая гр. Гилленборгомъ. Французскій посолъ поспѣшилъ снять маску; теперь его цѣлью былъ тройственный союзъ Франціи, Даніи и Швеціи въ противовѣсъ англо-русскому соглашенію. Король и королева продолжали поддерживать министерство, но маршалъ сейма и секретная сеймовая коммисія вели свою политику. Предложеніе Франціи платить по 300,000 ефимковъ въ годъ, въ теченіе 3-хъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы Франція и Швеція вступали въ обязательства съ другими державами лишь по взаимному соглашенію, было принято. Возобновлены дружескія сношенія между Швеціей и Турціей. Агентомъ антирусской политики въ Турціи и Польшѣ вызвался быть маіоръ Синклеръ, котораго тайно послали съ деньгами на югъ. Бестужевъ, сообщая объ этомъ въ Петербургъ, предложилъ «анлевировать» Синклера, «а потомъ пустить слухъ, что на него напали гайдамаки или кто нибудь другой», увѣряя, что «такой поступокъ съ Синклеромъ будетъ пріятенъ королю и министерству», какъ ему сообщено «отъ знатнѣйшихъ персонъ». По приказанію Кабинета, фельдмаршалъ Минихъ послалъ въ Польшу двухъ офицеровъ съ нѣсколькими унтеръ-офицерами, перехватить Синклера на обратномъ пути изъ Константинополя. Дѣло разгласилось, Синклеръ былъ предупрежденъ и поѣхалъ черезъ Польшу съ конвоемъ въ Силезію. Здѣсь онъ считалъ себя безопаснымъ, но его догнали близъ Нейштеделя, обезоружили, и, обобравъ, убили въ лѣсу. Въ бумагахъ Синклера не оказалось ничего новаго и существеннаго. Петербургское правительство поспѣшило отречься отъ этого дѣла и отправить его участниковъ въ Сибирь. Взрывъ негодованія въ Стокгольмѣ подвергъ Бестужева серіозной опасности. Офицеры грозили ему участью Синклера. Тѣмъ временемъ партія Гилленборга окончательно взяла верхъ, и гр. Горнъ вышелъ изъ министерства. Дѣло Синклера еще болѣе помогло торжеству враговъ России. Готовились къ войнѣ, но время было упущено, и Россія успѣла заключить миръ съ Турціей. Бестужевъ продолжалъ еще видѣть дѣла въ розовомъ свѣтѣ, увѣряя, что до войны дѣло не дойдетъ, и продолжалъ тратить крупныя суммы для поддержанія партіи мира. По англійскій резидентъ прекратилъ выдачу денегъ, видя безнадежность положенія. Къ началу 1741 г. выяснилось, что войны не миновать. Въ Петербургѣ были недовольны Бестужевымъ за то, что онъ долго представлялъ дѣла въ болѣе благопріятномъ видѣ, чѣмъ слѣдовало. И самъ онъ, проживъ два года въ тревогѣ даже за жизнь свою, захворалъ, когда его тайныя сношенія въ Швеціи были открыты, и подкупленный имъ первый секретарь канцеляріи по иностраннымъ дѣламъ, баронъ Гильденштейнъ, былъ арестованъ при выходѣ изъ дома русскаго посланника. Всѣ важныя бумаги Бестужевъ сдалъ на храненіе голландскому министру, а компрометирующія — сжегъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и 27 іюля 1741 г. Бестужевъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе объ объявленіи войны и о томъ, что графъ Гилленборгъ гарантируетъ русскимъ возможность безопасно выѣхать изъ шведскихъ владѣній. Бестужевъ уѣхалъ въ Гамбургъ. Крушеніе русской политики въ Швеціи не уничтожило, однако, одного ея результата: сближенія съ Англіей. Въ томъ-же 1741 г. заключенъ былъ между Россіей и Англіей союзный оборонительный трактатъ; въ переговорахъ по этому дѣлу участвовалъ, по настоянію англичанъ, и М. Бестужевъ, ѣздившій изъ Гамбурга въ Ганноверъ для свиданія съ королемъ Георгомъ II. Въ октябрѣ 1741 г. Бестужевъ былъ отправленъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву, чтобы вести тамъ дѣла сообща съ барономъ Кейзерлингомъ. Въ этомъ званіи утвердила его и Елизавета Петровна по вступленіи на престолъ, но черезъ нѣсколько дней Бестужевъ получилъ, одинъ за другимъ, два именныхъ указа, немедленно ѣхать въ Петербургъ. Король польскій при отпускѣ далъ ему орденъ Бѣлаго Орла. Этотъ спѣшный вызовъ Бестужева въ Петербургъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ переворота, отдавшаго власть въ руки Императрицы Елизаветы Петровны. Формировалось новое правительство изъ русскихъ людей, взамѣнъ низвергнутыхъ нѣмцевъ, и Бестужевы-Рюмины должны были занять

въ немъ видное мѣсто, какъ представители воспитаннаго Петромъ Великимъ поколѣнія политическихъ дѣятелей. Людей, пригодныхъ не только по способностямъ, но и по подготовкѣ для того, чтобы стать во главѣ государственныхъ дѣлъ было немного, и иностранные министры сразу угадали предстоящую Бестужевымъ роль и объясняли ее не фаворомъ, которымъ тѣ никогда не пользовались, а тѣмъ, что замѣнить ихъ было некѣмъ. И не только по пригодности нужны были Бестужевы: возрожденіе національнаго направленія русской политики въ 40-хъ г.г. XVIII-го вѣка совпадало съ основными тенденціями ихъ. М. П. Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ опредѣленной програмой русской внѣшней политики. Англійскій полномочный министръ въ Петербургѣ Финчъ, хорошо знавшій Бестужева по прежней своей службѣ въ Стокгольмѣ, ожидалъ отъ него поддержки союза морскихъ державъ съ Россіей для ограниченія стремленій Франціи—къ политическому преобладанію въ Европѣ, и Пруссіи—къ усиленію на счетъ сосѣдей. Но для Бестужева эта программа не вытекала изъ заботы отъ отвлеченномъ принципѣ политическаго равновѣсія въ Европѣ; онъ былъ не теоретикъ, а практическій дѣятель, котораго долгое участіе въ шведскихъ дѣлахъ убѣдило въ важности для Россіи упомянутаго союза. По прибытіи ко двору, Бестужевъ занялъ видное положеніе. Въ мартѣ 1742 г. Императрица пожаловала его въ оберъ-гофмаршалы, а въ день коронаціи, 25 апрѣля 1742 г., онъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и возведенъ, вмѣстѣ съ отцемъ и братомъ, въ графское достоинство. Въ первые годы царствованія Елизаветы положеніе Бестужевыхъ было довольно шаткимъ. Ихъ политическіе друзья—англичане жаловались, что оба брата слишкомъ робки и не пользуются въ совѣтѣ государыни тѣмъ вліяніемъ, какого заслуживаютъ. Изъ придворныхъ партій на первыхъ порахъ наиболѣе сильной была та, которую поддерживалъ французскій посланникъ Шетарди и которую можно назвать французско-голштинской, та самая, съ которой упорно боролся Бестужевъ въ Швеціи; сильно было вліяніе и той группы, во главѣ которой стояли канцлеръ князь Черкасскій и генералъ-прокуроръ князь Трубецкой. Бестужевымъ то и дѣло приходилось стушевываться, хотя они не были одиноки при дворѣ; иностранные наблюдатели называли кн. Куракина, Голицыныхъ, Головкина и др. членами Бестужевской «партіи», а М. П.—ея душой. Вообще тѣ, чьи интересы были связаны съ исходомъ этой борьбы партій и кружковъ, придавали М. П., оффиціально скрывавшемуся за братомъ, вице-канцлеромъ, большое значеніе. Шетарди, наблюдатель вообще поверхностный и не сумѣвшій понять тонкой игры Алексѣя Бестужева-Рюмина, считалъ даже, что вице-канцлеръ «велъ дѣла, почти безпрекословно подчиняясь старшему брату Михаилу», который «гораздо сильнѣе» его. Лучше освѣдомленные и лучше понимавшіе Бестужевыхъ, англійскіе дипломаты не доходятъ до такого преувеличенія. Но и они, какъ Шетарди, полагаютъ, что политическая система Бестужевыхъ есть та самая, которую М. П. вывезъ изъ Швеціи. Шетарди боится той «aigreur», какую онъ пріобрѣлъ въ Швеціи, и на первыхъ порахъ обманываетъ себя надеждой склонить Бестужева на сторону Франціи личнымъ сближеніемъ съ нимъ, при помощи того мастерства въ обхожденіи съ людьми, какимъ владѣлъ этотъ блестящій интриганъ. Когда же А. П. сбросилъ маску дружбы съ Шетарди, надѣтую по необходимости, этотъ объяснилъ перемѣну личнымъ вліяніемъ Бестужева старшаго. Оберъ-гофмаршалъ постоянно принималъ участіе въ конференціяхъ по иностраннымъ дѣламъ, т. е. въ тѣхъ совѣщаніяхъ, изъ которыхъ позднѣе, въ 1756 г. выросло, по мысли вице-канцлера Бестужева, постоянное учрежденіе. Поэтому иностранцы называли его «министромъ кабинета», хотя такого учрежденія и не существовало; впрочемъ и на русскомъ оффиціальномъ языкѣ участниковъ такихъ совѣщаній съ иностранными дипломатами называли «конференцъ-министрами». Тутъ, по мѣрѣ силъ, онъ проводилъ свою анти-французскую систему, настаивая на устраненіи Франціи отъ посредничества между Россіей и Швеціей и на удержаніи за Россіей всей Финляндіи, съ уплатой даже шведамъ денегъ, по примѣру Петра Великаго. Признавая пользу отъ утвержденія на шведскомъ престолѣ новаго кандидата Россіи, дяди цесаревича Петра Ѳедоровича, Адольфа-Фридриха, герцога голштинскаго и епископа любскаго, Бестужевъ настаивалъ на преобладаніи русскихъ интересовъ надъ покровительствомъ голштинскому дому и требовалъ со-

храненія за Россіей, по крайней мѣрѣ, Гельсингфорса съ округомъ, если выберутъ Адольфа-Фридриха намѣстникомъ шведскаго престола; въ противномъ случаѣ, онъ считалъ необходимымъ образовать изъ Финляндіи особое герцогство для епископа любскаго подъ суверенитетомъ Россіи. Отпоръ русскихъ дипломатовъ, въ которомъ и М. Бестужевъ сыгралъ свою роль, подорвалъ вліяніе Шетарди. Преемникъ послѣдняго д'Аліонъ также считалъ М. Бестужева большой силой: «это такой человѣкъ, котораго поневолѣ надобно будетъ чрезъ непріятелей его погубить, или же онъ въ этомъ государствѣ сыграетъ важную игру», писалъ онъ въ Парижъ. И первый сильный ударъ враждебной Бестужевымъ интриги былъ направленъ именно въ М. П. Дѣло это было связано съ женитьбой Бестужева на графинѣ Аннѣ Гавриловнѣ Ягужинской, вдовѣ извѣстнаго П. И. Ягужинскаго, урожденной гр. Головкиной. Младшій братъ Бестужева былъ сильно противъ этого брака; но свадьба состоялась въ 1743 г. и вызвала охлажденіе между братьями. И, дѣйствительно, эта женитьба вовлекла Бестужева въ отношенія, едва его не погубившія. Жена его была своимъ человѣкомъ въ кружкѣ, который не могъ быть доволенъ паденіемъ Іоанна Антоновича и регентства Анны Леопольдовны, такъ какъ потерялъ при новомъ режимѣ всякое значеніе и надежду на возвышеніе. Это былъ кружокъ Лопухиныхъ и ихъ друзей, безпощадно и откровенно критиковавшій личное поведеніе Императрицы Елизаветы и мечтавшій вслухъ о возстановленіи правъ Іоанна. По доносу двухъ курляндцевъ, которыхъ секретарь саксонскаго посольства Пецольдъ, не безъ основанія, считалъ агентами Лестока, началось большое дѣло о «заговорѣ». Къ разслѣдованію этого дѣла Императрица Елизавета отнеслась очень горячо. Несмотря на всѣ старанія враговъ, Бестужева въ дѣло запутать не удалось, хотя онъ и подвергся временной опалѣ: ему велѣно было жить въ загородной усадьбѣ до окончанія слѣдствія, къ которому его не привлекали. Отсюда онъ часто писалъ гр. М. Ил. Воронцову, который по женѣ, рожденной Скавронской, двоюродной сестрѣ Императрицы Елизаветы, пользовался значительнымъ вліяніемъ при дворѣ. Бестужевъ настаивалъ на своей невинности, каялся въ необдуманной женитьбѣ и просилъ защиты отъ притѣсненій слѣдственной коммиссіи. Коммиссія эта, составленная изъ Лестока, ген. Ушакова и кн. Трубецкаго, конфисковала имущество Бестужевыхъ и даже велѣла Бестужеву очистить тотъ самый домъ, гдѣ ему велѣно было жить. Для графини Бестужевой дѣло кончилось ссылкой въ Сибирь съ потерей языка. Мужъ не особенно тужилъ: онъ только озаботился, чтобы признали его права на часть имущества жены и вознаградили его «за невинное терпѣніе» назначеніемъ на почетную должность. Среди петербургскихъ интригъ Бестужеву давно было не по себѣ; постоянный рискъ опалы еще больше сталъ тяготить его послѣ дѣла его жены. Онъ началъ хлопотать о назначеніи за границу, считая себя болѣе подходящимъ для дипломатической службы при иностранныхъ дворахъ. Защита Воронцова, гр. А. К. Разумовскаго и вліятельнаго духовника Императрицы, архіепископа Амвросія Юшкевича, спасла Бестужева отъ происковъ кн. Трубецкаго, сулившаго Бестужевымъ эшафотъ, Лестока и всей франко-голштинской партіи. Но въ Петербургѣ Бестужевъ не остался: онъ получилъ въ декабрѣ 1743 г. важное назначеніе—въ Берлинъ, въ центръ той политики, противодѣйствовать которой онъ считалъ дѣломъ настоятельной необходимости. Въ донесеніяхъ Императрицѣ и въ письмахъ къ брату Бестужевъ развивалъ свои взгляды на прусскую политику. Прусскій дворъ, по его убѣжденію, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ французскихъ интригахъ съ цѣлью отстранить Россію отъ стѣснительныхъ для его стремленій союзовъ, а для этого старался свергнуть «Бестужевское министерство». Высылка Шетарди сильно встревожила прусское правительство и усилила вѣсъ Россіи. Берлинскій дворъ съ трудомъ скрывалъ свои опасенія передъ энергичной русской политикой, «которая одна только можетъ удержать прусскаго короля отъ дальнѣйшихъ замысловъ». Бестужевъ настаивалъ на необходимости, ради «безопасности настоящей и будущей», воспрепятствовать дальнѣйшему усиленію Пруссіи; иначе Фридрихъ не только захватитъ польскую Пруссію, но получитъ крайне опасное для русскихъ интересовъ вліяніе въ Польшѣ и Швеціи. Необходимо не медля внушить ему большую осторожность сильными представленіями со стороны Бестужева, объявленіемъ, что Россія рѣшила помочь Маріи-Терезіи, и приказомъ готовить военныя силы. Развивая эту про-

грамму въ 1744 г. Бестужевъ добавляетъ: «мнѣ, mon cher frère, кажется необходимымъ, что, если у насъ еще никакой прямой системы не принято, то чтобы вы теперь, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, принявши самую полезную для Россіи систему, составили планъ и по нему поступали». Дальнѣйшій ходъ русской политики осуществилъ на дѣлѣ намѣченную Бестужевымъ программу, хотя братъ его, раздраженный доходившими до него отзывами, будто онъ слѣдуетъ внушеніямъ М. Бестужева, рѣзко заявлялъ, что всегда «собственнымъ своимъ умомъ министерство свое управлялъ». Отношенія между братьями не могли улучшиться при такомъ соревнованіи. Въ сентябрѣ 1744 г. Бестужевъ былъ переведенъ къ польско-саксонскому двору; его предмѣстникъ, бар. Кейзерлингъ, былъ переведенъ по настояніямъ Фридриха Великаго. Тутъ главной задачей Бестужева было, по прежнему, слѣдить за дѣйствіями Фридриха и, по возможности, имъ противодѣйствовать. Сообщая въ Петербургъ о томъ, какъ велико вліяніе Пруссіи въ Польшѣ «къ очевидному умаленію нашего прежняго здѣсь въ Польшѣ суперіоритета и кредита», Бестужевъ настаивалъ на необходимости поддержать противъ нея Австрію, ради спасенія русскихъ интересовъ. Отношенія усложнились со смертью имп. Карла VII: Бестужеву пришлось протестовать противъ кандидатуры на императорскій престолъ Августа III, склонять польско-саксонскій дворъ къ союзу съ Австріей и къ поддержкѣ правъ императора Франца. Не успѣвъ склонить Августа на свою сторону, Фридрихъ объявилъ Саксоніи войну. Бестужевъ съ тревогой слѣдилъ за его успѣхами, опасаясь, что не только Саксонія, но и Польша попадетъ во власть Фридриха, и «вмѣсто того, что Россія въ Польшѣ королей дѣлала, нынѣ пруссаки то дѣлать будутъ». Онъ всячески старался побудить петербургское правительство къ энергичнымъ дѣйствіямъ противъ Пруссіи. Но Австрія и Саксонія были принуждены къ миру раньше, чѣмъ эти старанія имѣли успѣхъ. Врагъ сталъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, и Бестужевъ, подробно разъясняя въ своихъ донесеніяхъ опасность, положенія съ горечью напоминалъ, что Петръ Великій всегда имѣлъ твердымъ правиломъ недопускать усиленія Пруссіи и Швеціи. 1747 и часть 1748 гг. прошли въ безплодной борьбѣ съ французскими и прусскими происками въ Польшѣ. Тратя много времени и усилій на безконечное дѣло о притѣсненіи диссидентовъ, Бестужевъ много хлопоталъ о присоединеніи Саксоніи къ австро-русскому союзу и о разрѣшеніи союзнымъ войскамъ проходить черезъ польскія земли. Создать себѣ прочную партію въ Польшѣ Россія, по мысли Бестужева, могла лишь поддерживая патріотическую и стремившуюся къ глубокимъ реформамъ государственнаго строя Польши партію Чарторыжскихъ, но добиться прочныхъ соглашеній съ польскими магнатами было невозможно въ ту пору смутъ. Однако, ему удалось добиться пропуска русскаго вспомогательнаго отряда. Въ декабрѣ 1748 г. Бестужевъ былъ отправленъ въ Вѣну, въ качествѣ чрезвычайнаго посла.

Эти тревожные политическіе годы были для Бестужева полны тревогъ и въ его личной жизни. Отношенія къ младшему брату становились все болѣе натянутыми. Въ письмахъ канцлера все чаще встрѣчались рѣзкіе отзывы о тѣхъ или иныхъ политическихъ соображеніяхъ старшаго брата. Наконецъ, въ 1747—48 гг. дѣло дошло почти до полнаго разрыва изъ-за желанія старшаго Бестужева вступить во второй бракъ. Въ Дрезденѣ онъ познакомился со вдовой королевскаго оберъ-шенка Гаугвица, рожд. Карловицъ, и просилъ у Императрицы разрѣшенія вступить съ нею въ бракъ. Первая жена его была жива, но Бестужевъ ссылался на то, что она приговорена къ смерти, помилована и сослана на вѣчную ссылку въ Сибирь, что съ ея имуществомъ поступили, какъ съ наслѣдствомъ послѣ умершей, и что, стало быть, онъ имѣетъ право считать бракъ расторгнутымъ. Съ мая 1747 г. Бестужевъ нѣсколько разъ писалъ брату объ этомъ и дѣлалъ попытки подать черезъ него прошеніе на Высочайшее имя. Отвѣта не было, а прошенія возвращались обратно. Получивъ приказъ ѣхать въ Вѣну, Бестужевъ и г-жа Гаугвицъ подали Императрицѣ прошеніе помимо младшаго Бестужева, черезъ Воронцова. Въ мартѣ 1749 г., не получая никакого отвѣта изъ Петербурга, Бестужевъ обвѣнчался безъ разрѣшенія и уѣхалъ съ женой въ Вѣну, отправивъ объ этомъ донесеніе Императрицѣ и письма брату, обоимъ Разумовскимъ, Воронцову и Апраксину. Вмѣсто отвѣта на просьбу санкціонировать его поступокъ, вызванный необходимостью отъѣзда, Бестужевъ полу-

чилъ указъ о томъ, чтобы жена его не смѣла играть роль супруги русскаго посла, не получала и не испрашивала бы аудіенцій при дворѣ. Оскорбленіе отъ «непримирительныхъ гонителей» вызвало сочувствіе императрицы Маріи-Терезіи, которая, узнавъ, что бракъ Бестужева все-таки признанъ законнымъ, приняла участіе въ его женѣ и сама пригласила ее на аудіенцію по этикету, установленному для супруги французскаго посла. Однако, несмотря на милость императрицы-королевы, отношенія Бестужева съ вѣнскимъ правительствомъ стали скоро очень натянутыми. Недоразумѣнія изъ-за того, что вѣнскій дворъ не оказывалъ Россіи требуемой поддержки въ шведскихъ дѣлахъ, еще могли быть коекакъ улажены. Болѣе острое столкновеніе вышло изъ-за вмѣшательства Бестужева въ судьбу сербскихъ православныхъ подданныхъ Маріи-Терезіи. Въ концѣ 1749 г. Бестужевъ получилъ изъ Москвы увѣдомленіе, что ко двору Императрицы Елизаветы явился изъ Трансильваніи протопопъ Николай Баломири съ прошеніемъ отъ православнаго духовенства и мірянъ трансильванскихъ о защитѣ. Марія-Терезія отмѣнила эдиктъ императора Леопольда о полной вѣротерпимости и издала декретъ въ пользу уніатской церкви. Уніатское и римско-католическое духовенство подняли усердное гоненіе на православныхъ, склоняя ихъ къ уніи насиліемъ и угрозами. Дѣлами православнаго населенія завѣдывалъ католикъ Коловратъ, и на гонителей управы не было; депутатовъ отъ православнаго населенія, осмѣлившихся явиться въ Вѣну, бросали въ подземные казематы. Бестужевъ живо принялъ къ сердцу это дѣло, находя, что издавъ свой декретъ императрица-королева поступила «безо всякаго къ нашему двору менажементу». Энергичныя представленія его въ защиту единовѣрцевъ раздражали противъ него вѣнскихъ министровъ. Дипломатическая борьба по этому вопросу была затруднительна, потому что вѣнское правительство оффиціально отрицало факты гоненій. Бестужева особенно возмущало положеніе 60,000 сербовъ, вызванныхъ въ Австрію изъ турецкихъ владѣній подъ гарантіей полной свободы вѣроисповѣданія; изъ этихъ поселенцевъ составилось отборное войско, оказавшее большія услуги австрійскому дому, а теперь они были отданы подъ власть венгерскаго правительства, которому Марія-Терезія подчинялась. Военныя поселенія сербовъ уничтожались, имъ предстояло либо выселиться, либо стать крестьянами, что, вмѣстѣ съ гоненіемъ за вѣру, многихъ заставило стремиться къ переходу на русскую службу. Бестужевъ охотно поддержалъ Ивана Хорвата и его отрядъ въ такомъ намѣреніи и настаивалъ на всякомъ содѣйствіи переселенцамъ, ссылаясь на то, что и Петръ Великій очень заботился, чтобы получить въ свое подданство хоть часть сербовъ «по ихъ особенной храбрости». За первыми переселенцами потянулись другіе. Вѣнское правительство, сперва почти охотно отпускавшее ихъ, быстро перемѣнило точку зрѣнія. Бестужевъ горячился и хлопоталъ о дальнѣйшемъ развитіи переселеній, пока не получилъ отъ брата-канцлера сухое разъясненіе, что беретъ на себя больше, чѣмъ ему поручено, и что «за такія бездѣлицы оба двора, естественно союзные, приводить въ малѣйшую холодность есть дѣло людей, если не злыхъ, то по крайней мѣрѣ, слѣпыхъ». Бестужевъ захворалъ отъ огорченія. Дольше оставлять его въ Вѣнѣ было невозможно, ибо вѣнскій дворъ жаловался, что Бестужевъ, пользуясь довѣріемъ сербовъ, подговаривалъ ихъ выселяться въ Россію. Онъ былъ отозванъ и отправился въ Дрезденъ, жестоко страдая подагрою и огорченный, что долженъ уѣхать, хотя «могъ бы оказать немалыя услуги въ сербскомъ дѣлѣ». Это дѣло пришлось передать въ руки, которыя онъ считалъ ненадежными: его смѣнилъ бар. Кейзерлингъ. Бестужевъ протестовалъ, ссылаясь на правило Петра Великаго, чтобы иноземцевъ министрами при иностранныхъ дворахъ не употреблять. Кейзерлингъ—курляндецъ, а его секретарь Битнеръ—прусскій подданный. Какъ бы то ни было, Бестужеву пришлось смириться. Съ лѣта 1752 г. до конца 1755 г. Бестужевъ прожилъ въ Дрезденѣ. При отзывѣ изъ Вѣны ему нанесли новое оскорбленіе: запретили его женѣ пріѣзжать въ Петербургъ. Это тѣмъ тяжелѣе поразило его, что она была при смерти больна: у нея развилась чахотка. Измученный болѣзнью, семейнымъ горемъ и служебными неудачами, Бестужевъ, тѣмъ не менѣе, горячо интересовался дѣлами. Онъ не считалъ своей дѣятельности законченной, потому что зналъ, насколько сила и вліяніе его брата пошатнулись за послѣдніе годы. Соперникъ канцлера, Воронцовъ, былъ давнимъ другомъ стар-

шаго Бестужева, и старый дипломатъ искалъ въ немъ новой опоры. Черезъ Воронцова онъ успѣлъ нѣсколько сблизиться и съ Шуваловыми; словомъ, онъ вполнѣ примкнулъ къ партіи, враждебной его брату канцлеру. И. И. Шуваловъ безраздѣльно руководилъ Императрицей, вице-канцлеръ Воронцовъ оттѣснилъ канцлера, который могъ провести свои мнѣнія только черезъ товарища, а Бестужевъ старшій старался занять позицію совѣтника при Воронцовѣ, какимъ былъ прежде при братѣ. Положеніе дѣлъ въ Европѣ сильно измѣнилось; англо-прусскій союзъ дѣлалъ прежнюю систему дружбы съ Англіей невозможной, и Бестужевъ, согласно со своими прежними стремленіями, привѣтствовалъ Воронцова, что тотъ «былъ достойнымъ инструментомъ примиренія нашего двора съ французскимъ». Предвидя, что для осуществленія нарождавшейся политической комбинаціи нужно будетъ безъ замедленія послать надежное лицо посломъ въ Парижъ, Бестужевъ предлагалъ себя. Его всегда тянуло въ центры наиболѣе горячихъ политическихъ отношеній, и онъ сѣтовалъ Воронцову, что «врали» хотятъ «отбоярить его въ Англію». Чтобы не потерять почвы подъ ногами, канцлеръ въ началѣ 1756 г. создалъ «чрезвычайную коммисію», для вѣданія дѣлами политическими и военными. Въ составъ конференціи (изъ 10 лицъ) вошелъ и прибывшій въ Петербургъ М. Бестужевъ и участвовалъ въ выработкѣ широкаго политическаго плана, на долго опредѣлившаго ходъ русской политики. Въ Петербургѣ братья Бестужевы старались быть корректными другъ съ другомъ; но сторонніе наблюдатели сразу чувствовали, что ихъ худой миръ немногимъ лучше доброй ссоры. И назначеніе старшаго Бестужева въ Парижъ состоялось вопреки желаніямъ брата. Въ декабрѣ 1756 г. Бестужевъ былъ уже въ Варшавѣ. Здѣсь данныя ему порученія задержали его на нѣсколько мѣсяцевъ. Бестужевъ былъ очень недоволенъ положеніемъ русскихъ дѣлъ въ Польшѣ; подборъ агентовъ находилъ неудачнымъ, а дѣйствія русскаго посла Гросса такими, что они усиливаютъ среди магнатовъ польскихъ не русскую, а французскую партію. Попытка поправить дѣло и поднять поляковъ на войну съ Пруссіей въ защиту ихъ короля Августа III—не удалась, хотя Бестужевъ старался объяснить полякамъ, что для нихъ усиленіе Фридриха II всего страшнѣе, ибо онъ ихъ первыхъ себѣ поработитъ. Бестужевъ уѣхалъ изъ Варшавы, сильно негодуя на поляковъ и проникшись недовѣріемъ къ партіи Чарторыжскихъ, которыхъ поддерживала Россія, отчасти по его почину, и особенно къ Понятовскому, который склонялся, по его мнѣнію, къ пруссакамъ и англичанамъ. Въ этихъ депешахъ и письмахъ стараго и больнаго дипломата видно, что онъ въ полной мѣрѣ сохранилъ ясность взгляда на положеніе политическихъ дѣлъ. По дорогѣ во Францію Бестужевъ послѣдній разъ видѣлъ жену; она скончалась въ томъ же году, едва доѣхавъ съ нимъ въ Парижъ. Здѣсь дипломатическая задача Бестужева состояла въ томъ, чтобы уладить русско-французскія недоразумѣнія, созданныя старымъ соперничествомъ по поводу польскихъ дѣлъ. Бестужеву удалось убѣдить французскаго министра иностранныхъ дѣлъ аббата Берни, что польскій вопросъ слишкомъ маловаженъ, сравнительно съ прусскимъ, чтобы выдвигать его на первый планъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Союзъ трехъ державъ, Россіи, Австріи и Франціи, былъ наконецъ закрѣпленъ. Изъ Парижа Бестужевъ слѣдилъ за ходомъ войны, постоянно переписываясь съ Воронцовымъ. Паденіе его брата нисколько его не затронуло. Онъ отмѣтилъ только, что оно не можетъ произвести ни малѣйшей перемѣны ни въ общемъ ходѣ дѣлъ, ни въ личной дружбѣ его съ Воронцовымъ, и тотчасъ сталъ заботиться, чтобы не пропали деньги, затраченныя имъ въ Парижѣ по частнымъ порученіямъ брата. Въ парижскихъ донесеніяхъ Бестужева не мало любопытныхъ наблюденій надъ внутреннимъ состояніемъ Франціи, но его дѣятельность сводилась только къ опроверженію нареканій французскаго правительства противъ русскихъ дѣйствій въ Пруссіи и къ тщетнымъ попыткамъ задержать развитіе недоразумѣній между обоими дворами, тщетнымъ потому, что недоразумѣнія создавались утомленіемъ Франціи и ея недовольствомъ русскими успѣхами, слишкомъ рѣзко подчеркивавшими неудачи Франціи на морѣ. Въ Парижѣ Бестужевъ и скончался, завѣщавъ перевезти свое тѣло въ Москву для погребенія рядомъ съ могилой отца.

Источники тѣ-же, что и для біографіи гр. Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина.

А. Прѣсняковъ.

Бестужевъ-Рюминъ, *Петръ Михайловичъ*, гофмейстеръ царевны Анны Іоанновны, первый графъ этой фамиліи, род. 28 іюля 1664 г., ум. въ 1743 г. О жизни и дѣятельности его до 1700 г. свѣдѣній нѣтъ. Въ 1700 г. онъ получилъ чинъ стольника и въ 1701 г. былъ воеводою въ Симбирскѣ. Петръ Великій лично зналъ Бестужева за человѣка дѣятельнаго и ловкаго, и это открыло ему путь къ возвышенію. Въ маѣ 1705 г. Бестужевъ былъ отправленъ въ Вѣну на смѣну русскаго министра при вѣнскомъ дворѣ князя П. А. Голицына, но уже въ октябрѣ того-же года ему велѣно было ѣхать въ Берлинъ, гдѣ онъ также пробылъ не долго. Отозванный въ Россію, Бестужевъ исполнялъ нѣкоторое время должность генералъ-кригсъ-цалмейстера, и былъ при арміи въ прутскомъ походѣ. Убѣдившись, послѣ такихъ опытовъ, въ дипломатическихъ и хозяйническихъ способностяхъ Бестужева, Петръ Великій 30 іюня 1712 г. назначилъ его оберъ-гофмейстеромъ и генералъ-коммисаромъ вдовствующей герцогини курляндской Анны Іоанновны, положеніе которой какъ политическое, такъ и матеріальное, было послѣ кончины ея молодаго супруга крайне затруднительно. Власть надъ Курляндіей перешла къ дядѣ ея мужа, престарѣлому герцогу Фердинанду, который, опираясь на курляндское дворянство и на поддержку польскаго короля, старался лишить силы брачный договоръ племянника, согласно которому Анна Іоанновна имѣла право на ежегодный доходъ съ Курляндіи въ 40,000 р. Бестужевъ былъ отправленъ въ Курляндію для управленія дѣлами Анны Іоанновны и для сбора причитающихся ей денегъ. Упорство оберъ-ратовъ и шляхты курляндской, находившихъ такой платежъ непосильнымъ, привело къ тому, что Бестужевъ, по повелѣнію Петра, сталъ самъ собирать всѣ герцогскіе денежные и хлѣбные доходы, посылая для экзекуцій русскихъ драгунъ съ двумя коммисарами изъ курляндцевъ. Въ 1713 г. оказалось, что крутыя мѣры не помогаютъ, и Петръ повелѣлъ пріостановить сборъ денегъ до новаго указа, а Бестужеву ѣхать въ Ригу и быть тамъ «для присматриванія политическихъ дѣлъ». Здѣсь Бестужевъ, между прочимъ, занимался розысканіемъ о родственникахъ Императрицы Екатерины, о чемъ давалъ ей отчеты въ письмахъ. Еще сложнѣе были политическія недоразумѣнія по вопросу о курляндскомъ наслѣдствѣ. Бездѣтный герцогъ не былъ склоненъ признать права Анны Іоанновны. На сеймахъ курляндскихъ земскихъ чиновъ шла ожесточенная борьба двухъ партій—русской и польской. Первая, опираясь на Россію, стремилась сохранить для Курляндіи самостоятельное герцогское управленіе; вторая стояла за сліяніе герцогства съ Польшей, обѣщая сохранить для курляндцевъ нѣмецкое управленіе. Вопросъ осложнялся еще стремленіемъ Пруссіи вмѣшаться въ курляндскія дѣла. Для поддержки русскаго вліянія, Петръ Великій повелѣлъ Аннѣ Іоанновнѣ ѣхать на житье въ Курляндію, на чемъ особенно настаивалъ Бестужевъ, вернувшійся въ 1716 г. въ Митаву съ инструкціей, какъ устроить дворъ и обезпечить доходы Анны Іоанновны. Въ декабрѣ 1717 г. Петръ заключилъ съ польскимъ королемъ Августомъ договоръ о бракѣ герцогини Анны съ герцогомъ саксенъ-вейзенфельдскимъ Іоанномъ и предписалъ Бестужеву хлопотать объ избраніи его въ герцоги курляндскіе. Но дѣло это немедленно разстроилось, ввиду непомѣрныхъ требованій, предъявленныхъ польскимъ королемъ, сюзереномъ Курляндіи, къ Іоанну. Въ маѣ 1718 г. возникъ, по договору съ королемъ прусскимъ, новый проектъ брака герцогини Анны съ маркграфомъ бранденбургъ-шведскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, племянникомъ прусскаго короля. Бестужевъ получилъ новую инструкцію: склонить курляндскіе чины къ воздѣйствію на Августа въ пользу этого кандидата. Но ни изъ этого плана, ни изъ другого, возникшаго въ 1723 г.,—выдать Анну Іоанновну за Карла, маркграфа бранденбургъ-шведскаго,—ничего не вышло и не могло выйти, такъ какъ цѣлью Польши и Пруссіи было, прежде всего, вырвать Курляндію изъ сферы русскаго вліянія. Тѣмъ временемъ, 17 апрѣля 1719 г. герцогиня Анна прибыла изъ Петербурга въ Митаву, но уже въ слѣдующемъ году ей пришлось удалиться въ Ригу и пребывать тамъ, пока въ Митавѣ не разрѣшится вопросъ о ея правахъ и претензіяхъ. Создать для Анны Іоанновны прочное положеніе въ Курляндіи и тѣмъ навсегда связать герцогство съ Россіей было миссіей Бестужева. Онъ энергично поддерживалъ сторонниковъ самостоятельности Курляндіи, противодѣйствуя польскимъ стремленіямъ, и въ то же время старался утвердить за

Анной Іоанновной права и привиллегіи, принадлежавшія прежде ея супругу. Съ этою цѣлью онъ предложилъ Петру Великому выкупить на имя герцогини Анны герцогскія земли, отданныя въ залогъ дворянамъ. Выкупъ состоялся, причемъ нужные для этой операціи 87,370 талеровъ были выданы изъ русской казны. Для возмѣщенія убытка, ихъ отдали въ аренду съ 1722 г., разсчитывая вернуть всю сумму въ шесть лѣтъ. Анна Іоанновна, сильно нуждавшаяся въ деньгахъ, просила, повидимому, тщетно, объ отдачѣ этихъ земель ей. Видя въ Аннѣ Іоанновнѣ лишь подставное лицо и представительницу иностранной власти, польскій коронный судъ присудилъ курляндскихъ дворянъ, взявшихъ отъ герцогини деньги на выкупъ земель, къ возврату всей суммы, такъ какъ по закону закладныя герцогскія земли не могли быть уступлены иностранцамъ. Но Петръ требовалъ отъ курляндцевъ признанія Анны Іоанновны ихъ государыней и не обращалъ вниманія на протесты герцога Фердинанда, жившаго въ Данцигѣ, и присылавшаго въ Петербургъ жалобы на Бестужева за то, что тотъ лишаетъ его принадлежащихъ ему доходовъ въ Курляндіи, причемъ онъ, герцогъ, вообще не можетъ вступить спокойно во владѣніе своими наслѣдственными землями. Вмѣсто отвѣта, Петръ во всемъ поддерживалъ Бестужева и по его жалобѣ, что курляндскіе ландраты не исполняютъ распоряженій герцогини, велѣлъ потребовать отъ нихъ, чтобы они «во всемъ ея волю, яко государыни своей, исполняли», а, въ случаѣ упорства, ввести въ Курляндію полкъ драгунъ. Такимъ образомъ, управленіе Курляндіей, въ значительной степени (при сохраненіи полнаго мѣстнаго самоуправленія), сосредоточивалось, въ сущности, въ рукахъ Бестужева. Въ 1720 г. Петръ, однако, предписалъ ему вѣдать только управленіе имѣніями Анны Іоанновны, не вступаясь во внутреннія дѣла и сборы курляндскаго герцогства, о прочихъ же курляндскихъ дѣлахъ доносить рижскому генералъ-губернатору Репнину, на котораго и возложенъ общій надзоръ за Курляндіей. Тѣмъ не менѣе, положеніе Бестужева при митавскомъ дворѣ оставалось властнымъ не только потому, что всѣ дѣла шли черезъ его руки, но и по личной привязанности къ нему Анны Іоанновны. Эта связь доставила ему много враговъ. Царица Прасковья не разъ хлопотала объ удаленіи Бестужева изъ Митавы. Ея братъ, Василій Салтыковъ рѣзко бранилъ племянницу и требовалъ, чтобы Бестужева замѣнили имъ или кѣмъ другимъ «его руки». Обѣ стороны обращались къ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, а та разъясняла царицѣ Прасковьѣ, что Бестужевъ опредѣленъ въ Курляндію для «многихъ Его Царскаго Величества нужнѣйшихъ дѣлъ», и что замѣнить его другимъ нельзя. Бестужевъ былъ важенъ, какъ надежный человѣкъ, парализовавшій стремленіе семьи герцогини воспользоваться ею для того, чтобы играть политическую роль. Свою благосклонность Анна Іоанновна доказывала также заботами о семьѣ Бестужева, хлопотала передъ Императрицей Екатериной о его сынѣ, Михаилѣ, и о его дочери, княгинѣ Волконской. Самому Бестужеву она тщетно старалась выпросить у Петра чинъ тайнаго совѣтника, ибо онъ «здеся служитъ, а чина никакова не імеетъ, что отъ здешнихъ людей ему подозрительно». Чинъ этотъ Бестужевъ получилъ только отъ Императрицы Екатерины I.

До кончины Петра зависимость Курляндіи отъ Россіи была установлена прочно. Но смерть великаго государя сдѣлала враговъ Россіи болѣе смѣлыми. Польша снова подняла вопросъ о правахъ своихъ на Курляндію, какъ на выморочный ленъ. Въ противовѣсъ этому требованію Бестужевъ, вмѣстѣ съ Анной Іоанновной, встрѣтили съ сочувствіемъ кандидатуру Морица, графа саксонскаго, въ герцоги курляндскіе и супруги герцогини. Курляндское дворянство было за него. Но въ Петербургѣ нашли избраніе племянника польскаго короля дѣломъ неподходящимъ, и Бестужеву разъяснили, что оно «противно интересамъ русскимъ и курляндскимъ». У петербургскаго правительства были свои кандидаты: двоюродный братъ герцога голштинскаго, молодой епископъ любскій, и князь Меншиковъ, еще въ 1711 г. хлопотавшій для себя о герцогствѣ курляндскомъ. Герцогиня Анна ходатайствовала о разрѣшеніи ей вступить въ бракъ съ Морицемъ, косвенно поддерживая настоянія курляндскаго сейма. Это дѣло навлекло на Бестужева немилость петербургскаго правительства: Меншиковъ былъ убѣжденъ, что это онъ разстраиваетъ его курляндскіе планы. Осенью 1726 г. Бестужева призывали въ Верховный Тайный Совѣтъ и допрашивали

о дѣйствіяхъ по дѣлу о курляндскомъ герцогѣ; но доказательствъ, чтобы онъ поступалъ вопреки инструкціямъ, не нашлось. Меншиковъ предполагалъ произвести слѣдствіе на мѣстѣ, въ Курляндіи, но сама Императрица вступилась въ дѣло, объявивъ, что слѣдствіе раздуетъ дѣло ко вреду русской политики. Весною 1727 г. надъ головой Бестужева собралась новая гроза. Императору Петру II былъ поданъ анонимный доносъ, на польскомъ языкѣ, съ жалобой на хищенія Бестужева, на самовластные поступки и распутный образъ жизни. Доносу не дали сразу хода; но Бестужева вызвали въ Петербургъ. Онъ долго медлилъ, Анна Іоанновна писала Меншикову, прося не отзывать Бестужева; но, по настойчивымъ требованіямъ изъ Петербурга, пришлось ѣхать. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ отъ него потребовали подробнаго отчета о суммахъ, истраченныхъ на выкупъ заложенныхъ герцогскихъ земель. И на этотъ разъ заступничество Анны Іоанновны выручило Бестужева; она неоднократно писала князю Меншикову, его женѣ и дочери, Остерману и другимъ лицамъ о возвращеніи Бестужева и добилась своего. Въ эту пору совершилось паденіе Меншикова, и, казалось, опасность для оберъ-гофмаршала миновала. Но его временное отсутствіе изъ Митавы лишило его фавора герцогини, и его мѣсто занялъ оберъ-камеръ-юнкеръ Эрнстъ Биронъ. Возвышенный покровительствомъ Бестужева, увлекавшагося сестрой Бирона, новый фаворитъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ покровителя-соперника. Борьба придворныхъ партій, въ которой приняла участіе вся семья Бестужевыхъ-Рюминыхъ, погубила карьеру П. М. Бестужева, какъ только онъ лишился покровительства Анны Іоанновны. Герцогиня съ Бирономъ прибыла въ Москву на коронацію Петра II, и кружокъ, душой котораго была дочь Бестужева, кн. Волконская, опасаясь, что въ нихъ найдетъ опору партія его враговъ, подняла интригу, чтобы ихъ дискредитировать и приблизиться ко двору. Тайная переписка кн. Волконской съ отцомъ и другими лицами была перехвачена, и опала постигла всѣхъ членовъ кружка, за то, что «искали при дворѣ для собственной своей пользы дѣлать интриги и тѣми интригами при дворѣ дѣлать безпокойство». Бестужевъ былъ арестованъ, бумаги его опечатаны, и на допросъ его препроводили въ Петербургъ подъ стражею. Курляндскій дворъ усердно старался погубить его. Анна Іоанновна писала Петру II о томъ, что Бестужевъ разорилъ ее, расхитилъ ея казну и документы на имѣнія, ввелъ ее въ великіе долги. Она отправила въ Петербургъ камеръ-юнкера Корфа для выясненія злоупотребленій и доказательства виновности Бестужева. Бестужевъ справедливо приписывалъ свои бѣды Бирону. Въ Петербургѣ была назначена коммисія, чтобы разобрать счеты Бестужева. Но дѣло затянулось, какъ ни торопила герцогиня Анна его рѣшеніе. Судьба Бестужева не была еще рѣшена, когда въ 1730 г. власть временно перешла въ руки Верховнаго Тайнаго Совѣта. Верховники, повидимому, чтобы удалить неудобнаго человѣка, назначили Бестужева губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ, и въ то же время выслали въ Курляндію еврея Майнца, котораго считали агентомъ Бестужева. Но онъ не успѣлъ еще вступить въ должность, какъ Анна Іоанновна «учинилась въ суверенствѣ», и въ 1731 г., одновременно съ первыми опалами на Долгорукихъ, повелѣла сослать бывшаго любимца своего на житье въ дальнія деревни, а дочь его, кн. Волконскую, заточить подъ крѣпкимъ карауломъ въ Тихвинскій дѣвичій монастырь. Ссылка Бестужева продолжалась до осени 1737 г., когда ему, «за вѣрную службу сыновей», позволено было жить свободно въ Москвѣ или въ деревняхъ. Императрица Елизавета Петровна пожаловала ему титулъ графа.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историч. Общества, т.т.: V, LV, LVI, LXIII, LXIX, LXXIX, LXXXVI, XCIV (passim).—Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. IV. Переписка герцогини курляндской Анны Іоанновны. М. 1862 г.—Записки Манштейна о Россіи. (Прил. къ «Рус. Стар.», 1875 г.).—Дм. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Часть I. М. 1836 г.—Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. Часть I. М. 1894 г. и часть III. М. 1897 г.—Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга IV (Изд. Т-ва «Общ. Польза»). Семевскій, Царица Прасковья. Спб. 1883 г.

А. Прѣсняковъ.

3руб

